ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ

Георга Вебера.

Переводъ со втораго изданія,

пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи спеціалистовъ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

РИМСКАЯ ИСТОРІЯ ДО КОНЦА РЕСПУБЛИКИ и ИСТОРІЯ АЛЕКСАНДРІЙСКО-ГРЕЧЕСКАГО МІРА.

Перевелъ Андреевъ.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

Цѣна 5 руб. 50 коп.

Москва.
Типографія В. В. Исленьева, Большая Кисловка, д. Архипова.
1886.

(См. 3-ю страницу обложки)

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ВСЕОБЩАЯ
ИСТОРІЯ
Георга Вебера.

Переводъ со втораго изданія,

пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи спеціалистовъ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

РИМСКАЯ ИСТОРІЯ ДО КОНЦА РЕСПУБЛИКИ и ИСТОРІЯ АЛЕКСАНДРІЙСКО-ГРЕЧЕСКАГО МІРА.

Перевелъ Андреевъ.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

Москва.
Типографія В. В. Исленьева, Большая Кисловка, д. Архипова.
1886.

РИМСКАЯ ИСТОРІЯ
ДО КОНЦА РЕСПУБЛИКИ
И
ИСТОРІЯ
АЛЕКСАНДРІЙСКО-ГРЕЧЕСКАГО МІРА.

ПАМЯТИ КАРЛА БЕРНГАРДА ШТАРКА.

Предисловіе.

Скоро будетъ 30 лѣтъ тому, какъ я познакомился съ другомъ, памяти котораго посвящаю эту часть моего труда. Я начиналъ тогда работу, третій томъ которой является теперь въ новомъ изданіи, и онъ постоянно съ живымъ участіемъ слѣдилъ за ходомъ ея. Потому кончина его—и кончина слишкомъ ранняя—была для меня тяжелой потерей. Не задолго передъ его смертью я сидѣлъ у постели больного и онъ, хотя очень страдалъ, спокойно говорилъ о приближающейся «эвѳанасіи»; я подалъ ему руку со словами: «мы шли путемъ жизни, какъ добрые товарищи»; онъ подтвердилъ это, пожавъ мою руку при своемъ сынѣ, который много лѣтъ былъ любимымъ моимъ ученикомъ.

Но не по одному только чувству дружбы я посвящаю памяти Штарка этотъ томъ. Многіе отдѣлы этой части моего труда относятся къ той области знанія, которой съ особеннымъ интересомъ занималось трудолюбіе ученыхъ изслѣдователей въ нашемъ столѣтіи; ихъ изысканіями много разъясненъ ходъ событій греко-римской исторіи, точнѣе прежняго опредѣлены многія стороны государственнаго быта и народной жизни тѣхъ временъ, вообще пролито много свѣта на весь древній міръ; но были высказываемы при этихъ изысканіяхъ очень сомнительныя гипотезы съ притязаніями на достовѣрность. Потому я находилъ надобнымъ слѣдовать примѣру человѣка, который въ своихъ археологическихъ работахъ шелъ съ осмотрительною критикою, опираясь на основательное изученіе источниковъ. Во мнѣ не было того, чтобъ я съ упрямымъ консерватизмомъ хотѣлъ идти избитыми путями устарѣлыхъ воззрѣній; со времени изслѣдованій Нибура, проложившихъ новую дорогу работамъ по римской исторіи, трудами его послѣдователей основныя черты этой исторіи опредѣлены съ достовѣрностью и точностью, такъ что поправки могутъ, вѣроятно, ка-

саться только подробностей. Но именно относительно подробностей, точная разработка которыхъ еще остается задачею позднѣйшихъ историковъ, я полагалъ, что наилучшимъ средствомъ избѣгать ошибокъ въ нихъ будетъ, если я поставлю себѣ задачей добросовѣстное изслѣдованіе, какъ дѣлалъ мой покойный другъ. Когда я первоначально писалъ эту часть моей всеобщей исторіи, я уже пользовался всѣми знаменитыми общими трудами по римской исторіи и наиболѣе важными изъ спеціальныхъ изслѣдованій; сравнивая ихъ съ источниками, я старался пріобрѣсти себѣ вѣрныя ясныя понятія; въ нынѣшнемъ новомъ изданіи я точно также воспользовался трудами, явившимися послѣ перваго изданія. При этомъ я никогда не терялъ изъ вида существенную цѣль моей работы: при изложеніи исторіи отдѣльныхъ народовъ и государствъ постоянно держаться всемірно-исторической точки зрѣнія и принимать, какъ историческую истину, только тѣ результаты изслѣдованій, которые представляются сообразными съ общимъ естественнымъ ходомъ развитія человѣчества. Этой точки зрѣнія держался я уже въ греческой исторіи, какъ и говорилъ въ предисловіи ко второму тому; въ римской исторіи я считалъ надобнымъ еще заботливѣе слѣдовать тому же правилу. Характеристической особенностью греческаго народа было развитіе индивидуальности, выработка чисто человѣческихъ элементовъ (совпадавшихъ, правда, съ національными греческими). Такой характеръ всегда ведетъ къ партикуляризму, къ специфическому патріотизму. Потому мы видимъ, что греческій народъ не могъ подняться на такую высоту государственной жизни, на которой объединялись бы части его въ обширное государственное цѣлое; греческія государства все больше и больше дробились, распадались до самаго своего поглощенія римскимъ государствомъ. Но греческій геній всегда оставался солью земли; поэтическія, философскія и художественныя созданія грековъ, возникавшія изъ человѣческой природы, имѣли цѣлью и результатомъ возвышеніе души, развитіе внутренней жизни индивидуальнаго человѣка; ихъ идеи и формы дѣйствовали подобно законамъ природы на весь культурный міръ. Совершенно иное мы видимъ въ римской исторіи. Узкая національная ограниченность первобытнаго времени, постепенно расширяясь, создаетъ величественное космополитское государство; движущій принципъ, основная завоевательная сила римскаго народа— государственная и юридическая мысль; «civis romanus» — высшее выраженіе человѣческой индивидуальности, по понятію римлянъ; въ гражданинѣ исчезаетъ личность, человѣкъ лишь атомъ во вселенной, онъ пріобрѣтаетъ значеніе лишь какъ членъ народа. Только

когда эллинизмъ присоединился къ романизму, общечеловѣческое образованіе соединилось съ государственной и юридической мыслью и общія идеи вѣка проникли въ римскую республику, получилъ и романизмъ ту многосторонность, ту всеодолѣвающую силу, благодаря которой онъ, болѣе чѣмъ на тысячу лѣтъ, опредѣлилъ характеръ жизни запада, римская культура, государственныя и юридическія формы римскаго государства получили господство надъ организмомъ жизни западныхъ народовъ. Этотъ процессъ, посредствомъ котораго Римъ, бывшій первоначально маленькой республикой поселянъ, возвысился силою воли и политической разсудительностью своихъ согражданъ, сталъ огромнымъ государствомъ и чрезъ усвоеніе греческой культуры пріобрѣлъ способность исполнить предназначенную ему судьбою миссію великаго италійско-греческаго государства, образуетъ содержаніе настоящаго тома. Во всемірной исторіи едва ли есть предметъ болѣе величественный; это разнообразная поразительная картина человѣческой и народной жизни; ничего, болѣе потрясающаго душу, не можетъ создать воображеніе. Это—всемірно историческая драма, вызывающая въ нашемъ сердцѣ всѣ человѣческіе аффекты.

Я добросовѣстно старался изобразить этотъ великій историческій процессъ достойнымъ фактическимъ изложеніемъ и желалъ пробудить въ читателѣ тѣ впечатлѣнія, какія имѣлъ самъ. Потому я смѣю выразить надежду, что этотъ томъ въ своемъ переработанномъ видѣ не будетъ сочтенъ совершенно недостойнымъ занять мѣсто въ ряду трудовъ, имѣющихъ своею цѣлью сдѣлать въ ясной сжатой формѣ историческое знаніе доступнымъ массѣ публики.

Гейдельбергъ. Февраль, 1883.

Георгъ Веберъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

961

Исторія Рима до Пуническихъ войнъ.

I. Очеркъ нашихъ свѣдѣній о древнѣйшихъ временахъ Италіи.

Литература предмета. (Обзоръ источниковъ: A. Schäfer, Abriss der Quellenkunde der griechischen und römischen Geschichte, 3 изданіе, Leipzig, 1881, 1882; K. Peter, Kritik der Quellen der ältesten römischen Geschichte, Halle. 1879). Въ изложеніи римской исторіи до Пуническихъ войнъ, авторъ, кромѣ источниковъ, о которыхъ будетъ подробно говорить въ своей книгѣ—Римской исторіи Ливія, рѣчей и трактатовъ Цицерона, Исторіи Діонисія Галикарнасскаго, Исторической библіотеки Діодора Сицилійскаго, Біографій Плутарха и проч.—пользовался въ особенности слѣдующими новыми трудами: По топографіи: Abeken, Mittelitalien vor den Zeiten römischer Herrschaft, Stuttg. u. Tübingen, 1843; Niebuhr, Vorträge über alte Länder-und Völkerkunde, herausgegeben von Isler, Berlin 1851; Iordan, Topographie der Stadt Rom im Alterthum, Leipzig, 1878; Beschreibung der Stadt Rom von Platner, Bunsen, Gerhard, Urlichs, 3 тома въ 6 частяхъ, Stuttg. und Tübingen 1830 — 1842; и книгою, о которой ужь было говорено: Handbuch der alten Geographie von Forbiger. — По религіи и древностямъ: Hartung, Religion der Römer. Erlangen 1836, 2 части; Preller, Römische Mythologie. Berl. 1856, 3-е изд., 1881. K. O. Müller, Die Etrusker, Breslau, 1828, 2 тома; въ новой переработкѣ издалъ этотъ трудъ Deecke (Stuttgart, 1877); L. Lange, Römische Alterthümer, 3 изданіе Berlin, 1876, 3 тома; Marquardt und Mommsen, Handbuch der römischeu Alterthümer 2-е изданіе (Leipz. 1871—1879, 7 томовъ; первые два тома этого изданія содержатъ въ себѣ Römisches Staatsrecht, Моммсена; Römische Forschungen von Mommsen, томъ 1, 2-е изд., 1864; Willems, Le droit public, 2 изд., Louvain, 1872; Soltau, Über die Entstehung und Zusammengang der altrömischen Volksversammlungen. Berl. 1880. — По исторіи: Niebuhr, Römische Geschichte, 3 изд., 3 тома, Berl. 1828—1832; его же: Vorträge über die römische Geschichte, herausgegeben von Isler, 3 изд., 3 тома. Berlin 1847 — 1851, и другіе Vorträge; Kortüm, Römische Geschichte, Heidelberg, 1843; Schwegler, Römische Geschichte, 3 части. Thübingen, 1853 — 1858; Mommsen, Römische Geschichte, 7-е изданіе, 3 тома, Leipz. 1881; Ihne, Römische Geschichte, 5 томовъ, Leipz. 1868—1879; Peter, Geschichte Roms, 4 изд., 3 тома, Halle, 1881.—4. По исторіи государственнаго устройства и права: Rubino, Untersuchungen über römische Verfassung und Geschichte, Kassel 1839; Göttling, Geschichte der römischen Staatsverfassung. Halle, 1840; Peter, Epochen der Verfassungsgeschichte der römischen Republik. Leipz. 1841; Ferd. Walter, Geschichte des römischen Rechts, 2 изд., 2 части. Bonn, 1845.—Монографіи о разныхъ періодахъ и разныхъ вопросахъ Брекера, Генца, Герлаха, Ине,Ниссена и другихъ.—Книги, о ко-

торыхъ мы уже говорили: Real-Encyclopedie der klassischen Alterthumswissenschaft von Pauly; Jahresberichte der Geschichtswissenschaft, годы 1878 и 1879, Berl. 1880—1881.—По хронологіи: Mommsen, Die römische Chronologie bis auf Cäsar, 2 изд., Berlin 1859; Die römischen Zeittafeln von Fischer. 3 изд., Berlin 1862; Fynes Clinton, Fasti Romani, 2 тома, Oxon 1845, 1850; Annales veterum regnorum et populorum, imprimis Romanorum, Цумпта, 3 изд. Berl. 1862.

Страна и племена ея населенія.

Италійская страна.

Италія раздѣляется на двѣ половины, существенно различныя между собою по характеру: сѣверная часть ея между Альпами и Апеннинами образуетъ равнину, а на югѣ отъ равнины тянется длинный полуостровъ, раздѣленный хребтами горъ на много долинъ и приморскихъ низменностей, замкнутость которыхъ благопріятствовала обособленности племенъ и развитію своеобразныхъ формъ жизни у нихъ.

1. Сѣверная Италія и Галлы.

Широкая равнина, образующая бассейнъ Пада (По) и имѣющая своими границами на сѣверѣ и западѣ Альпы, а на югѣ Апеннины, была съ глубокой древности открыта переселеніямъ иноземныхъ племенъ, потому что проходы чрезъ Альпы съ запада и сѣвера подымаются менѣе круто, чѣмъ съ италіанской страны, и доступъ черезъ нихъ въ Италію сравнительно легокъ. Новѣйшіе изслѣдователи доказываютъ, что въ доисторическія времена жилъ на этой равнинѣ народъ умбро-италійскаго племени, селенія котораго были построены на сваяхъ и который имѣлъ для своей обороны только каменное оружіе и только каменныя орудія для земледѣлія; очень возможно, что было такъ, но достовѣрнымъ образомъ это еще не разъяснено. Когда начинаются соприкосновенія римлянъ съ этою страною, дающія намъ первыя историческія свѣдѣнія о ней, то въ устьяхъ Пада жили венеты, по верховью этой рѣки (въ нынѣшнемъ Піемонтѣ) и по склонамъ хребта къ Тирренскому морю отъ Ниццы до Пизы лигурійскія племена; а почти всю остальную равнину занимали исключительно галлы или кельты, которые подъ властью римлянъ скоро приняли римскую одежду и потому стали называться галлами, носящими тогу, въ отличіе отъ живущихъ за Альпами галловъ, называвшихся носящими штаны. Галлы равнины Пада дѣлились на много племенъ и государствъ; долго оставались они вѣрны пастушескому образу жизни другихъ своихъ соплеменниковъ, питались мясомъ своихъ стадъ и жили съ ними въ дубовыхъ лѣсахъ; послѣ они стали жить въ городахъ, занимаясь ремеслами, или въ селахъ, воздѣлывая плодородныя нивы; но нерѣдко тѣснимые суровыми альпійскими племенами, дѣлавшими хищническіе набѣги на ихъ

страну, они вторгались въ южныя земли на востокъ и на западъ отъ Апеннинъ. Инсубры поселились на лѣвомъ берегу Пада отъ Сезіи до Адды и основали Медіоланъ (Миланъ); ценоманы водворились по Ольйо и Минчіо, раздвинулись дальше къ востоку до Адиджа и даже за эту рѣку и построили города Бриксію (Брешію) и Верону; послѣ того новыя толпы галловъ перешли Падъ и оттѣснили на югъ умбровъ и этрусковъ. Одно изъ этихъ галльскихъ племенъ, боіи, поселилось въ старомъ этрусскомъ городѣ Фельсинѣ, который послѣ того сталъ называться Бононіею (Болоньею). Послѣднимъ галльскимъ племенемъ, пришедшимъ изъ-за Альпъ въ Италію, были сеноны; они поселились по прибрежью Адріатическаго моря отъ Ариминія (Римини) почти до сиракузской колоніи Анкона (Анконы). Галлы долго оставались господами равнины съ богатыми пастбищами между Альпами и Апеннинами и по Адріатическому прибрежью; но ихъ колонизація была слабая, поверхностная, владычество ихъ не укоренялось прочнымъ образомъ, и они не были единственными жителями занятыхъ ими областей. Когда они стали вести осѣдлую жизнь, то научились отъ этрусковъ нѣкоторымъ простымъ ремесламъ и заимствовали у нихъ алфавитъ.

Характеръ кельтовъ.

Эти «носящіе тогу галлы» бассейна Пада были отраслями великаго кельтскаго народа, который, раздѣлившись на много племенъ, населялъ весь западъ Европы: Пиренейскій полуостровъ, обширную страну галловъ, бельговъ и гельветовъ, Британскіе острова, а по среднему Дунаю распространился до Гемуса; нѣкоторыя племена его перешли Босфоръ ѳракійскій и поселились въ Малой Азіи, гдѣ очень долго сохраняли родные обычаи и родное имя галатовъ. По ходу историческихъ событій, мы будемъ встрѣчаться съ разными галльскими племенами до времени присоединенія главной массы галловъ къ римскому государству. Кельты любили переселенія; у нихъ не было той привязанности къ родинѣ какъ у итальянскихъ и германскихъ племенъ. «Кельтская нація», говоритъ Моммсенъ, «получила отъ общей матери не такія качества, какъ ея итальянскія, германскія и греческія сестры. У нея были хорошія свойства, еще больше было блестящихъ свойствъ, но ей не доставало глубокаго нравственнаго и политическаго чувства, на которомъ основывается все хорошее и великое въ человѣческомъ развитіи. Свободный кельтъ считалъ, по словамъ Цицерона, унизительнымъ для себя воздѣлывать поле собственными руками». Въ старинныя времена у кельтовъ было, кажется, многочисленное сословіе свободныхъ земледѣльцевъ; но оно съ теченіемъ времени все уменьшалось и наконецъ остались только господа и принадлежащіе господамъ земледѣльцы; господа, называвшіеся всадниками, составляли націю, а масса народа жила въ подданствѣ у нихъ; сила аристократіи развилась до такой степени, что уничтожила царскую власть. Главнымъ недостаткомъ кельтовъ была неспособность ихъ соблюдать законный порядокъ, подчинять личный произволъ волѣ общества, устроить у себя прочныя учрежденія, сильное правительство, жить въ согласіи между собою и стремиться къ высокимъ политическимъ цѣлямъ. Изъ необузданнаго индивидуализма происходилъ у галловъ обычай биться на поединкахъ, неизвѣстный грекамъ и римлянамъ. «Какъ отдѣльный человѣкъ долженъ былъ отдаваться подъ покровительство вельможи, чтобы жить безопасно»: говоритъ Нибуръ, «такъ слабыя племена отдавались подъ покровительство сильныхъ. Правильныхъ отношеній между кельтскими племенами не было, и то изъ нихъ, которое пріобрѣтало власть надъ многими другими, пользовалось ею произвольно, пока по несносности его притѣсненій и по слѣпой враждѣ къ нему подвластныя племена отпадали

и собирались около новаго центра». Единственный порядокъ, которому подчинялись кельты, былъ военный; и военное дѣло было главнымъ ихъ занятіемъ. Они всегда были готовы идти на войну, или наемниками въ чужую службу, или подъ предводительствомъ смѣлаго аристократа, собиравшаго воиновъ для хищническаго набѣга. Греки и римляне признавали ихъ храбрость, и отвага ихъ была страшна; но у нихъ не было постоянства въ мысляхъ, имъ была ненавистна дисциплина, они ссорились между собой и потому не могли создавать прочныхъ государствъ; они потрясали чужія государства, но не умѣли основывать своихъ; по недостатку постоянства въ характерѣ, не выработали они себѣ и самостоятельной культуры.

2. Средняя и Южная Италія. Болѣе важное историческое значеніе имѣетъ другая половина Италіи, страна горъ и холмовъ, образуемая Апеннинскимъ хребтомъ. Отдѣляясь на лигурійскомъ прибрежьи отъ приморскихъ Альповъ, этотъ хребетъ входитъ большою дугою въ италійскій полуостровъ и тянется по длинѣ его съ сѣвера на югъ. Образуемыя имъ террасы, расходящіеся отъ него на востокъ и на западъ поперечные и продольные кряжи, долины и котловины между ними представляли прекрасныя мѣстности для замкнутыхъ поселеній пастушескихъ и земледѣльческихъ племенъ, а приморье, опоясывающее горную мѣстность съ трехъ сторонъ, и въ особенности чрезвычайно разнообразное прибрежье западнаго моря, представляло удобства для развитія городской жизни, дѣятельной промышленности и торговли. Апеннинскій хребетъ большею частью нагой известковый кряжъ со множествомъ ущелій и пещеръ; характеръ его вулканическій; вершины его до поздняго лѣта остаются покрыты снѣгомъ и льдомъ; съ него бѣгутъ источники всѣхъ рѣкъ Средней и Южной Италіи. Самой большей своей высоты Апеннины достигаютъ въ Абруццахъ, въ древней самнитской землѣ; далѣе къ югу хребетъ дѣлится на двѣ главныя вѣтви; одна болѣе плоская идетъ къ юго-востоку черезъ Апулію и древнюю Калабрію и кончается япигійскимъ мысомъ; другой отрогъ, болѣе крутой, идетъ на югъ черезъ землю бруттійцевъ, или бреттійцевъ (нынѣшнюю Калабрію), доходитъ своимъ концомъ до самаго моря и, перерываясь у Регія проваломъ, образующимъ проливъ, продолжается на прекрасномъ гористомъ островѣ Сициліи, примыкающей къ Италіи подобно тому, какъ Пелопоннесъ примыкаетъ къ Греціи. Главный широкій хребетъ Апеннинъ идетъ ближе къ восточному приморью, чѣмъ къ западному, потому рѣки, текущія въ Адріатическое и Іонійское море, вообще короче и менѣе обильны водой, чѣмъ текущія на западъ въ Тирренское море, между которыми первое мѣсто занимаетъ Тибръ («горная рѣка»). Равнинъ мало; нѣкоторыя изъ нихъ плодородны, какъ напримѣръ Кампанская, разстилающаяся у подошвы Везувія, и приморье между южными полуостровами, обильно орошенное водой; другія равнины—или сырыя низменности, покрытыя травою, какъ напримѣръ Помптинскія болота на югѣ отъ Анція и тосканскія мареммы, или скудныя водой плоскости, похожія на степи, какъ напримѣръ апулійская равнина и римская Кампанья.

Почва и растительность. Подобно Греціи, италійскій полуостровъ отличается здоровымъ, укрѣпляющимъ силы человѣка воздухомъ, чистымъ небомъ очаровательной синевы, величественными видами прекрасныхъ горъ, скалистыхъ морскихъ береговъ, и зеркальнымъ спокойствіемъ прибрежнаго моря. Какъ въ Средней Греціи и въ долинахъ Пелопоннеса, такъ и въ Этруріи, въ Кампаніи страну украшаютъ оливковое дерево, драгоцѣнное своими плодами, другія южныя фруктовыя деревья и кустарники (изъ которыхъ впрочемъ лишь нѣкоторые росли въ древней Италіи, другіе разведены только уже въ Средніе вѣка); роскошная растительность даетъ мѣстности живописный видъ. Италійскій полуостровъ не имѣетъ такого изобилія глубокихъ заливовъ, прекрасныхъ гаваней и такого множества острововъ по сосѣдству съ берегами, какъ Греція; потому италійцы не занялись мореплаваніемъ и торговлей такъ рано, какъ греки; но тѣмъ усерднѣе они воздѣлывали плодородныя равнины, распахивали ихъ плугомъ, разрыхляли мотыкой и получали изобильныя жатвы хлѣба; разводили по солнечнымъ сторонамъ холмовъ виноградники, превращали сокъ ихъ въ вино, выжимали превосходное масло изъ оливокъ, пасли на прохладныхъ сырыхъ низменностяхъ и на изобильныхъ травою склонахъ горъ стада овецъ, рогатаго скота и козъ, добывая себѣ отъ нихъ молоко, мясо и шерсть, а на излишекъ продуктовъ своего сельскаго хозяйства вымѣнивали у иностранцевъ другія вещи, какія были нужны имъ. Говорятъ, что самое имя «Италія» произведено отъ названія прекраснаго рогатаго скота, который видѣли греки въ давнія времена на горныхъ пастбищахъ; а поселившись на прибрежьяхъ, греки назвали южную часть полуострова Энотріею, «страною вина» (II, стран. 210). Въ густыхъ дубовыхъ и сосновыхъ лѣсахъ жили волки, кабаны; было множество другихъ животныхъ; это возбуждало италійцевъ заниматься охотой—веселымъ мужественнымъ дѣломъ, пріучавшимъ къ войнѣ; а въ рѣкахъ, озерахъ, по морскому берегу было много рыбы, черепокожныхъ животныхъ, раковинъ на пищу людямъ. Подобно Греціи, Италія была прекрасная страна, возбуждавшая человѣка къ дѣятельности, щедро награждавшая его трудъ, открывавшая безпокойнымъ людямъ пути въ даль, а спокойнымъ представлявшая удобства для пріобрѣтенія благосостоянія мирнымъ трудомъ у себя дома. Но греческій полуостровъ обращенъ на востокъ, а италійскій—на западъ; и изъ тѣхъ двухъ великихъ народовъ, которые были создателями цивилизаціи древняго міра, одинъ распространялся съ родины на востокъ, а другой на западъ.

Древнѣйшіе жители.

Филологи и историки вообще согласны въ томъ, что прекрасный италійскій полуостровъ, привлекательный для колонизаціи, былъ въ незапамятныя времена занятъ племенами индо-германскаго семейства и что они переселились туда не моремъ, а сухимъ путемъ съ сѣверо-востока. Но очень не одинаково рѣшаются вопросы о томъ, въ какихъ отношеніяхъ между собою находились тѣ племена, которыя въ первыхъ дошедшихъ до насъ неясныхъ извѣстіяхъ называются жителями италійскаго края: были ли всѣ они родственны между собою, или нѣтъ, сколько было разныхъ эпохъ переселенія, не было ли переселенцевъ другого происхожденія, не видоизмѣнились ли индоевропейскіе италійцы, смѣшавшись съ ними. Рѣшенія этихъ вопросовъ шатки, потому что единственнымъ критеріумомъ племеннаго родства или различія служитъ языкъ, а мы имѣемъ лишь скудные остатки до-римскихъ нарѣчій Италіи и остатки эти еще ждутъ дешиффровки.

Изученіе остатковъ до-римскихъ нарѣчій приводитъ Моммсена къ заключенію, что «изъ общаго материнаго лона народовъ и языковъ выдѣлилось племя, въ которомъ были соединены предки грековъ и италійцевъ; изъ этого выдѣлились потомъ италійцы и черезъ нѣсколько времени сами распались на два племени: восточное и западное, а послѣ того восточное италійское племя раздѣлилось на умбровъ и осковъ». Онъ находитъ, что въ языкѣ и въ обычаяхъ грековъ и римлянъ имѣютъ первобытную одинаковость всѣ слова, относящіяся къ матеріальной сторонѣ человѣческаго быта: «первыя задачи, какія земля представляетъ человѣку», говоритъ онъ, «были разрѣшены греками и италійцами еще въ то время, когда они составляли одинъ народъ». Но въ области нравственной жизни греки и италійцы рѣзко отличаются другъ отъ друга: «семейство, государство, религія, искусство у италійцевъ и у грековъ развились совершенно разнообразно, имѣютъ такой различный характеръ, что общая основа, на которой и въ этой области опираются оба народа, во многихъ случаяхъ закрыта національными особенностями и почти совершенно неуловима нашему взгляду».

Переселенія въ Италію.

Въ сказаніи о сикулахъ сохранилось темное воспоминаніе о томъ, что съ сѣвера приходили одинъ послѣ другого разные народы и тѣснили другъ друга на югъ: легенда говоритъ, что сикулы жили сначала въ Лаціумѣ, потомъ въ южной Италіи, наконецъ переправились черезъ проливъ на островъ Тринакрію, который и сталъ называться по ихъ имени Сициліею. Такое же воспоминаніе находится въ извѣстіи, что изъ ретійскихъ Альповъ пришелъ народъ, называвшійся разенами или ра́зами, прогналъ или поработилъ жившій между Арно и Тибромъ культурный народъ тирреновъ, бывшихъ сильными на морѣ, и, поселившись въ ихъ землѣ, сталъ называться этрусками или тусками (турсеннами). Нибуръ полагалъ, что тиррены, сикулы и другія загадочныя племена Средней Италіи были остатки первобытнаго пеласгійскаго населенія, занимавшаго нѣкогда всю Италію и Грецію, но въ историческія времена уцѣлѣвшаго лишь въ немногихъ мѣстностяхъ. Новыя изслѣдованія филологовъ и историковъ сильно поколебали это мнѣніе (II, 36 слѣд.). Но неоспоримо то, что этруски (разены), которыхъ по характеру ихъ языка, обычаевъ и самаго тѣлосложенія должно считать племенемъ не греко-италійскаго происхожденія, съ очень давняго времени жили въ сосѣдствѣ съ италійскими туземцами—умбрами, осками, сабеллами, занимавшимися скотоводствомъ и земледѣліемъ, и что,

Туземныя племена и пришельцы.

по различію своего характера отъ этихъ италійцевъ, этруски рано стали вести другой образъ жизни, построили города, пріобрѣли культуру, создали у себя государственную организацію; коренные туземцы Средней Италіи, называвшіеся въ противоположность этимъ переселенцамъ аборигинами (аборигенами) и считавшіеся народомъ родившимся въ тѣхъ мѣстахъ (автохтонами), не возвысились въ тѣ отдаленныя времена до такой культуры и только перешли отъ пастушескаго быта къ воздѣлыванію хлѣба, винограда и оливковаго дерева. Аборигнами называются по преимуществу латины, жители Лаціума „широкой земли“, т. е. равнины на югъ отъ Тибра. Потому должно считать ошибочнымъ прежнее мнѣніе, что латины были смѣшанный народъ, что латинскій языкъ составился изъ слiянія разныхъ элементовъ. Латины были племя, жившее въ своей странѣ съ незапамятныхъ временъ; ихъ языкъ былъ родственъ умбрійскому и оскскому и, быть можетъ, эти три языка слѣдуетъ называть только нарѣчіями одного языка. Такимъ образомъ всѣ народы Средней Италіи, хотя имѣли разныя названія и были географически разными племенами, должны считаться находившимися въ очень близкомъ родствѣ между собою по языку, имѣвшими въ сущности одинаковыя вѣрованія и нравы; по общей ихъ разницѣ отъ этрусковъ и отъ южно-италійскихъ грековъ, они составляли одинъ народъ. Страна между Тибромъ и Альбанскими горами, въ которой латины жили, воздѣлывая поля и выдерживая упорную борьбу съ восточными своими сосѣдами, сабинянами и сѣверными этрусками, образуетъ холмистую равнину, природа которой не роскошна: почва ея хорошо вознаграждаетъ усердный трудъ, но принуждаетъ людей много работать; поддерживаетъ въ нихъ свѣжесть силъ, не порождаетъ лѣности и не завлекаетъ въ чувственныя наслажденія роскошнымъ плодородіемъ. На юго-восточномъ прибрежьи Калабріи жило съ глубокой древности япигійское или мессапійское племя и рано приняло греческіе языкъ и обычаи. Мы не имѣемъ достовѣрныхъ свѣдѣній о томъ, какого происхожденія было оно. Но другіе италійскіе народы твердо сохраняли свою національность, а япиги очень легко эллинизировались; изъ этого факта и нѣкоторыхъ другихъ соображеній Моммсенъ дѣлаетъ выводъ, что они были по своему происхожденію ближе къ грекамъ, чѣмъ другіе италійцы.

Населеніе Лаціума.

Япиги.

Народы историческаго времени.

Между италійскими народами историческаго времени заслуживаютъ особеннаго вниманія тѣ три, изъ смѣшенія которыхъ произошла римская народность: этруски, сабиняне и латины; границы ихъ сходились въ той мѣстности, гдѣ возникъ Римъ.

1. Этруски.

1. Этруски, бывшіе до римлянъ могущественнѣйшимъ народомъ Италіи, жили въ богатой оливами и виноградомъ странѣ долинъ и склоновъ Апеннинъ, по приморью этой области, и отъ устья Пада до сѣвернаго берега Тибра. Они рано образовали федерацію, состоявшую изъ двѣнадцати независимыхъ городовъ; эти города были: на сѣверо-западѣ Кортона, Аррецій, Клузій и Перузія (у Тразименскаго озера); на юго-востокѣ Волатерры, Ветулоній (имѣвшій своею гаванью Теламонъ), Рузеллы и Вольсиніи; на югѣ Тарквиніи, Царе (Агилла), Вейи, Фалеріи (у горы Соракте, одиноко подымающейся на равнинѣ). Сначала во всѣхъ этихъ государствахъ были цари, но рано (еще до IV вѣка) царскій санъ былъ отмѣненъ, вся духовная и свѣтская власть стала принадлежать аристократіи. Союзнаго правительства въ

этрусской федераціи не было. Во время войны нѣкоторые города вѣроятно заключали между собой союзы по добровольному согласію. Развитію городовъ содѣйствовало то, что этруски занялись торговлей и промышленностью. Съ очень давняго времени финикійскіе, карѳагенскіе и греческіе торговые корабли плавали къ этрусскому берегу, имѣвшему хорошія гавани; Агилла, стоявшая близъ устья Тибра, была удобною пристанью для обмѣна товаровъ. Мы не имѣемъ положительныхъ извѣстій о томъ, что существовали какія нибудь иноземныя колоніи сѣвернѣе Везувія; но легенда о Демаратѣ свидѣтельствуетъ, что этруски съ ранняго времени находились въ сношеніяхъ съ торговымъ и промышленнымъ городомъ Коринѳомъ; она говоритъ, что коринѳянинъ Демаратъ поселился въ Тарквиніяхъ, что съ нимъ пріѣхали живописецъ Клефантъ и скульпторы Эвхейръ («искуснорукій») и Эвграммъ («искусный рисовальщикъ»), что онъ привезъ въ Тарквиніи алфавитъ. Письменные памятники и рисунки, дошедшіе до насъ отъ этрусковъ, также показываютъ греческое вліяніе на этотъ замѣчательный народъ. Языкъ ихъ не представляетъ никакихъ слѣдовъ родства ни съ греческимъ, ни съ италійскимъ; мы еще не научились понимать написанное на немъ, но достовѣрно видимъ, что онъ не принадлежалъ къ индо-германскому семейству. Алфавитъ этруски заимствовали у грековъ безъ сомнѣнія въ очень древнія времена и притомъ не черезъ посредство латинъ, а непосредственно отъ греческихъ колонистовъ Южной Италіи, какъ это видно по разницамъ формъ и значенія буквъ этрусскаго алфавита отъ латинскихъ. Найденныя у Тарквиній и Цере глиняныя урны и другіе сосуды съ черными рисунками также показываютъ связь этрусской живописи и пластики съ греческою: эти вазы поразительно похожи на греческія періода древняго стиля.

Искусство и промышленность этрусковъ.

Судя по формѣ этрусскихъ вазъ и по исключительной любви этрусскихъ художниковъ къ изображенію сценъ изъ греческихъ миѳовъ и сказаній о герояхъ, должно полагать, что школа искусства, процвѣтавшая въ южной Этруріи, была отраслью пелопоннесской школы. Но этруски не заимствовали у грековъ позднѣйшаго болѣе совершеннаго стиля, остались на всегда при старинномъ греческомъ; причиною этого могло быть то, что вліяніе грековъ на этрусскій берегъ послѣ уменьшилось. Оно ослабѣло, быть можетъ, потому, что этруски кромѣ честной морской торговли занимались и разбоемъ; ихъ пиратство сдѣлало тирренское имя ужасомъ грековъ; другою причиною ослабленія греческаго вліянія на этрусковъ было то, что у нихъ развилась собственная торговая дѣятельность: владѣя приморьемъ отъ Тарквиній и Цере до Капуи, до заливовъ и мысовъ у Везувія, очень удобныхъ для мореходства, этруски скоро сами стали вывозить въ чужія земли дорогіе продукты своей страны: желѣзо, добываемое на Ильвѣ (Эталіи, т. е. Эльбѣ), кампанійскую и волатеррскую мѣдь, популонійское серебро и доходившій до нихъ съ Балтійскаго моря янтарь; привозя товары сами на заграничные рынки, они имѣли больше прибыли, чѣмъ при торговлѣ чрезъ посредниковъ. Они стали стремиться вытѣснять грековъ

изъ сѣверозападной части средиземнаго моря. Такъ, напримѣръ, они въ союзѣ съ карѳагенянами прогнали фокеянъ съ Корсики (II, 218) и принудили жителей этого бѣднаго острова платить имъ дань его продуктами: смолою, воскомъ, медомъ. Кромѣ горшечнаго дѣла этруски славились литейнымъ искусствомъ и вообще металлическими работами; очень вѣроятно, что римляне заимствовали у нихъ свои инструменты военной музыки и уборы, какъ у нихъ заимствовали свои гаруспиціи, религіозные обряды, народные праздники, строительное искусство, правила межеванія. Древніе писатели говорятъ, что изъ Этруріи римляне взяли свои религіозно-драматическія игры, игры цирка, простонародные театры, на которыхъ актеры, танцовщики и шуты разъигрывали грубые фарсы; что такъ же изъ Этруріи они заимствовали гладіаторскій бой, пышныя процессіи возвращавшихся съ войны побѣдителей (тріумфы) и многіе другіе обычаи. Эти извѣстія древнихъ подтверждаются и новѣйшими изслѣдованіями. О развитіи строительнаго искусства у этрусковъ свидѣтельствуютъ остатки громадныхъ сооруженій, каковы, напримѣръ, колосальныя стѣны Волатерръ и другихъ городовъ, гробница Порсены въ Клузіѣ, развалины громадныхъ храмовъ, остатки огромныхъ насыпей, дорогъ, гробницъ и другихъ подземныхъ сооруженій со сводами, каналовъ (напримѣръ, такъ называемыхъ Филистинскихъ рвовъ). Самое имя „тиррены", въ старинной формѣ „тирсены", древніе писатели производятъ отъ того, что этруски строили на берегу моря высокія башни (τύρσεις), для отраженія непріятельскихъ высадокъ. Подобно циклопическимъ стѣнамъ въ Пелопоннесѣ, этрусскія сооруженія построены изъ большихъ глыбъ камня, иногда отесанныхъ, иногда неотесанныхъ и лежащихъ другъ на другѣ безъ цемента. — Развитію техническихъ искусствъ у этрусковъ благопріятствовало то, что въ ихъ землѣ было много хорошихъ матеріаловъ: мягкій известнякъ и туфъ легко было обрѣзывать для постройки прочныхъ стѣнъ; жирная пластическая глина хорошо принимала всѣ формы; изобиліе мѣди, желѣза, золота, серебра вело къ литейному дѣлу, къ чеканкѣ монеты, къ выдѣлкѣ всякихъ металлическихъ орудій и уборовъ. Главная разница между греческимъ и этрусскимъ искусствомъ состояла въ томъ, что у грековъ искусство стремилось къ идеалнымъ цѣлямъ и развивалось по законамъ красоты, а у этрусковъ оно служило только надобностямъ практической жизни и роскоши; оставаясь неподвижнымъ по своимъ идеаламъ, этрусское искусство старалось замѣнить совершенствованіе ихъ драгоцѣнностью матеріала и вычурностью стиля. Оно навсегда сохранило характеръ ремесленной работы.

Туземцы и завоеватели въ этрусскихъ государствахъ.

Этрусскій народъ образовался изъ смѣшенія разныхъ племенъ: пришельцы покорили прежнее населеніе и поставили его въ положеніе подвластнаго имъ сословія; это мы достовѣрно видимъ по многимъ фактамъ, сохранившимся и въ историческія времена. О разноплеменности населенія свидѣтельствуетъ въ особенности то, что у этрусковъ было сословіе подвластныхъ людей, какого не было у остальныхъ италійскихъ народовъ; подвластные люди были безъ сомнѣнія потомки прежняго населенія страны, покореннаго пришельцами. Этрусскими городами правила аристократія, бывшая и военнымъ и жреческимъ сословіемъ: она совершала религіозные обряды, начальствовала войскомъ, производила судъ; владѣлецъ помѣстья былъ на судѣ представителемъ подвластнаго ему простолюдина въ его тяжбѣ; про-

Этрусская жреческая аристократія.

столюдины были подчинены владѣльцамъ, землю которыхъ обрабатывали, платили своимъ господамъ подати или работали на нихъ. «Безъ этого порабощенія массы народа едва-ли можно было бы этрускамъ возвести свои громадныя сооруженія», говоритъ Нибуръ. О томъ, какихъ именно племенъ были сословія владѣльцевъ и подвластныхъ людей, ученые думаютъ неодинаково. Но по всей вѣроятности туземцы принадлежали къ умбрійскому племени, которое въ глубокой древности занимало очень широкое пространство, или находились въ близкомъ родствѣ съ нимъ. Кажется, особенно многочисленны оставались потомки этого прежняго населенія въ южныхъ частяхъ этрусской земли между Циминскимъ лѣсомъ и Тибромъ. Господствующее, такъ называемое этрусское племя, безъ сомнѣнія, пришло съ сѣвера изъ долины По. У древнихъ писателей было очень распространено мнѣніе, что этруски переселились въ Италію изъ Лидіи; но теперь доказано, что эта легенда произошла изъ недоразумѣнія. Аристократы, называвшіеся лукумонами, правили городами; общее собраніе ихъ, вѣроятно, рѣшало союзныя дѣла и, въ случаяхъ надобности, выбирало союзнаго правителя, который имѣлъ отличіями своего сана стулъ изъ слоновой кости, называвшійся курульнымъ, и тогу съ пурпурной оторочкой и котораго сопровождали двѣнадцать полицейскихъ служителей (ликторовъ), имѣвшихъ пуки палокъ съ вложенной въ нихъ сѣкирой (фаски, fasces). Но этотъ избираемый глава и верховный жрецъ союза имѣлъ довольно мало власти надъ городами и аристократами. Этруски любили давать внѣшній блескъ своимъ правителямъ, но не давали имъ самостоятельной власти. Двѣнадцать городовъ, составлявшіе союзъ, были равноправны, и независимость ихъ мало стѣснялась союзнымъ правителемъ. Даже для обороны страны они, вѣроятно, рѣдко соединялись. Рано вошелъ въ обыкновеніе у этрусковъ чуждый италійцамъ обычай посылать на войну наемныя войска.

Этрусская аристократія, бывшая съ тѣмъ вмѣстѣ жреческимъ сословіемъ оставляла своею монополіею тѣ астрономическія, физическія и другія свѣдѣнія, на которыхъ основывалось богослуженіе. Лукумоны совершали общественныя жертвоприношенія и гаданія по жертвеннымъ животнымъ (гаруспиціи), установляли годичный календарь, т. е. и времена праздниковъ, управляли военными и мирными общественными дѣлами. Они одни умѣли объяснять знаменія и узнавать по нимъ волю боговъ; они одни знали законы и обычаи, которые должно было соблюдать при основаніи городовъ, построеніи храмовъ, при межеваніи земли, при устройствѣ военнаго стана. Они распространили этрусскую цивилизацію по равнинѣ Пада, внесли ее въ горы, научили дикія горныя племена простѣйшимъ ремесламъ, дали имъ алфавитъ. Къ нимъ въ первыя времена Рима пріѣзжали, какъ говоритъ Ливій, знатные римскіе юноши учиться священнымъ знаніямъ. Истолкованіемъ воли боговъ могли заниматься у этрусковъ и женщины. У римлянъ было преданіе о прорицательницѣ Танаквилѣ, женѣ Тарквинія Старшаго; въ храмѣ Санка римляне сохраняли ея прялку.

Народный характеръ.

У этрусковъ не было свободнаго средняго сословія; олигархическое правленіе имѣло неизбѣжною своею принадлежностью смуты; потому въ этрусскихъ государствахъ рано начался упадокъ энергіи, имѣвшій результатомъ политическое безсиліе. Въ нихъ нѣкогда процвѣтали земледѣліе и промышленность, у нихъ было много и военныхъ и торговыхъ кораблей, они боролись съ греками и карѳагенянами за владычество въ западной части средиземнаго моря; но порабощеніе массы расслабляло этрусскія государства; горожане и поселяне не имѣли нравственной энергіи. Культура этрусковъ стояла на довольно высокой степени развитія; развалины ихъ сооруженій свидѣтельствуютъ о громадности и смѣлости ихъ архитектурныхъ и инженерныхъ работъ; ихъ разрисованныя вазы, мѣдныя статуи, красивая посуда, изящные уборы, ихъ монеты и рѣзные камни удивляютъ насъ прекрасной техникой; но этрусское искусство и вообще вся этрусская образованность не имѣли народнаго характера, были лишены творческой силы, потому не имѣли прочности, были чужды прогрессивнаго развитія, скоро пришли въ застой, подверглись оцѣпенѣлости ремесленной рутины. Знаніе не оказывало у этрусковъ благотворнаго, смягчающаго вліянія на общественную жизнь; оно оставалось привиллегіею господствующаго сословія, обособленнаго отъ народа правомъ первородства въ замкнутую касту, было неразрывно связано съ религіей и окружено ужасами мрачнаго суевѣрія. Этруски любили до излишества наслаждаться обильными дарами природы своей страны и рано предались роскоши. Два раза въ день они ѣли долго и много; это обжорство казалось странно и дурно грекамъ, умѣреннымъ въ ѣдѣ. Они любили изнѣженную музыку, искусные танцы, веселое пѣніе фесценнинскихъ народныхъ праздниковъ, ужасныя зрѣлища гладіаторскаго боя; ихъ домы были полны узорныхъ ковровъ, серебряной посуды, яркихъ картинъ, всяческихъ дорогихъ вещей; ихъ прислугу составляли цѣлыя толпы богато-одѣтыхъ рабовъ и рабынь. Ихъ искусство не имѣло греческаго идеализма и было чуждо развитія, въ ихъ образѣ жизни не было воздержности и простоты; у нихъ не было того строгаго семейнаго быта, какъ у остальныхъ италійскихъ племенъ; не было полнаго подчиненія жены и дѣтей волѣ домохозяина, не было строгаго чувства законности и справедливости.—Этруски основывали колоніи, знаменитѣйшими изъ которыхъ были: на сѣверѣ Фезулы, Флоренція, Писторія, Лука, Луна, Пиза; на югѣ Капуя и Нола. Встрѣчаются этрусскія названія и на южномъ берегу Тибра. Преданіе говоритъ, что на Целійскомъ холмѣ было этрусское населеніе, основанное пришельцемъ изъ Вольсиній, Целесомъ Вибеннoю, а по его смерти, имѣвшее своимъ правителемъ его вѣрнаго сподвижника, Мастарну; въ Римѣ, на прилегающей къ Палатинскому холму низменности, была часть города, называвшаяся этрусскою; это названіе показываетъ, что и тутъ была нѣкогда эт-

Умбры.

русская колонія. Нѣкоторые ученые полагали даже, что преданіе о царяхъ Тарквиніяхъ означаетъ періодъ владычества этрусковъ надъ Римомъ и что Мастарна тотъ царь, котораго римскія лѣтописи называютъ Сервіемъ Тулліемъ. Этрусскія колоніи сохраняли законы, обычаи, федеративное устройство своей родины.—Восточными сосѣдами этрусковъ были умбры, одно изъ первобытныхъ италійскихъ племенъ, нѣкогда занимавшее значительную часть Сѣверной Италіи, основавшее близъ устій Пада старинные торговые города Гадрію и Спину, но впослѣдствіи оттѣсненное этрусками и галлами къ югу въ апеннинскія горы и жившее уже на пространствѣ сравнительно необширномъ. Подобно этрускамъ, умбры составляли федерацію, города которой сохраняли почти полную независимость отъ союзной власти; столицею союза былъ повидимому городъ Амерія. Въ историческія времена могущество умбровъ оставалось лишь преданіемъ старины.

Игувійскія дощечки.

Въ развалинахъ храма умбрійскаго города Игувія (нынѣшняго Губбіо) найдены въ 1444 году семь мѣдныхъ дощечекъ съ надписями на умбрійскомъ языкѣ; на пяти изъ этихъ игувійскихъ дощечекъ, или таблицъ, надписи сдѣланы умбрійскимъ алфавитомъ, на двухъ другихъ латинскими буквами. Содержаніе текста составляютъ правила авгурій, жервоприношеній и моленій при процессіи, ходившей кругомъ города. Таблицы эти прочтены; изученіе текста ихъ показало, что умбрійскій языкъ не имѣетъ ничего общаго съ этрусскимъ, что напротивъ онъ и по фонетикѣ, и по грамматическимъ формамъ находится въ тѣснѣйшемъ родствѣ съ латинскимъ и оскскимъ, и что слѣдовательно умбры были соплеменники туземцевъ Средней Италіи.

2. Сабиняне и Сабеллы.

2. Важнѣйшимъ изъ туземныхъ племенъ Средней Италіи были сабиняне и происшедшіе отъ нихъ народы, называемые общимъ именемъ сабелловъ: самниты, пелигны, марсы и пр. Первобытной родиной сабинянъ была горная долина Амитерна, въ самой высокой части Апеннинъ, гдѣ на вершинахъ горъ, какъ говорили, никогда не исчезаетъ снѣгъ, а по склонамъ ихъ лѣтомъ пасутся апулійскія стада. Въ верховьѣ рѣки Атерна близъ Аквилы еще видны развалины мѣстечка Тестрины, не имѣвшаго укрѣпленій; по преданію, тамъ съ незапамятныхъ временъ вели патріархальную пастушескую жизнь предки сабелловъ. Изъ этой первобытной своей родины въ Абруцкихъ горахъ они разошлись по всѣмъ направленіямъ, и въ теченіи вѣковъ завоевали большую часть Средней и Южной Италіи.

Священная весна.

У италійскихъ туземцевъ и преимущественно у сабелловъ былъ особенный обычай, называвшійся „священной весной". Во время военныхъ бѣдствій или моровой болѣзни они давали обѣтъ посвятить подземнымъ богамъ и въ особенности Марсу всѣхъ новорожденныхъ, какіе будутъ у людей и у скота на слѣдующую весну. Животныя, родившіяся въ эту священную весну, были приносимы въ жертву, или выкупаемы своими хозяевами въ томъ же году; а мальчики и дѣвочки были, когда выростутъ, посылаемы за границу поселиться на какомъ-нибудь новомъ мѣстѣ; они уходили, какъ выселяется изъ прежняго улья молодой рой пчелъ. Вѣроятно

это было замѣною прежняго обычая, приносить въ жертву дѣтей. Переселяющіеся шли за посылаемыми отъ боговъ животными, которыя указывали имъ путь. Такъ пиценты (пикенты) получили по преданію свое имя отъ того, что ихъ велъ дятелъ (picus), гирпины получили свое названіе отъ волка, который велъ ихъ, а самнитскій городъ Бовіанъ—отъ быка (см. ниже); всѣ эти три животныя были посвящены Марсу.

Первымъ завоеваніемъ сабинянъ была горная долина, гдѣ стоялъ городъ Реате; оттуда они расселялись все дальше и дальше по долинѣ Тибра на юго-западъ, основали Куры, Крустумерій, Фидены, основали поселеніе на Квиринальскомъ холмѣ, вошедшее потомъ въ составъ города Рима. Сабиняне были богобоязненный народъ, вели суровый, воздержный образъ жизни, оставляли свои поселенія не укрѣпленными; они соблюдали строгую вѣрность наслѣдованному отъ отцовъ патріархальному быту, религіознымъ и нравственнымъ постановленіямъ старины, хранили чистоту семейныхъ нравовъ; они были храбры на войнѣ и всегда готовы къ ней, но у себя дома были миролюбивы, справедливы, послушны законамъ. Основаніемъ общественнаго устройства у нихъ была семья, которою съ неограниченною властью надъ женой, дѣтьми и слугами или рабами правилъ домохозяинъ. Изъ соединенія семействъ образовался родъ, соединеніе родовъ образовало общину; община имѣла свою особую область; члены общины собирались для рѣшенія тяжбъ, другихъ дѣлъ, для обороны отъ враговъ. Организаціи болѣе обширной, чѣмъ община, у сабинянъ, кажется, не было. Даже богослуженіе у нихъ вообще имѣло только родовой и общинный характеръ. Нерасположеніе сабинянъ соединяться въ государственные союзы болѣе обширные, чѣмъ община, было, вѣроятно, причиною того, что, отпуская своихъ переселенцевъ основывать новыя общины, они предоставляли имъ полную самостоятельность: сабинскія колоніи не были нисколько подчинены тѣмъ общинамъ, изъ которыхъ вышли.

Самниты въ Кампаніи.

Такимъ образомъ въ священную весну пошли на югъ самниты, завоевали земли по обѣ стороны Апеннинъ, основали мѣстечко, которое назвали въ честь быка, священнаго животнаго Марса, Бовіаномъ, и стали изъ этого центра дѣлать новыя завоеванія. Они покорили этрусковъ, жившихъ въ Капуѣ, славившейся богатствомъ, роскошью, гладіаторскими боями; взяли приступомъ греческій городъ Кумы и совершили въ немъ страшныя свирѣпости. Этотъ старинный городъ, колоніями котораго были Путеолы и Неаполь, славился нѣкогда торговлею, богатствомъ, могуществомъ; о его прежнемъ величіи свидѣтельствуютъ развалины огромныхъ зданій и подземныхъ сооруженій, какъ напримѣръ подземныя галереи со сводами, надъ которыми стоялъ храмъ Аполлона; знамениты были Кумы и Сивиллою, которая жила въ одной изъ пещеръ у подножія храма и возвѣщала темными предсказаніями будущее (II, 97, 207). Покоривъ Капую и Кумы, самниты овладѣли всею Кампаніею.—Къ сабинскому племени принадлежали и луканцы, воинственный земледѣльческій народъ, покорившій прежнихъ жителей южной Италіи энотровъ и хонійцевъ, отнявшій

Луканцы и бруттійцы.

у греческихъ городовъ южной Италіи владѣнія, принадлежавшія имъ вдали отъ береговъ, а потомъ, при развитіи изнѣженности у италійскихъ грековъ, покорившій и самые города ихъ на западномъ и на восточномъ прибрежьѣ: Пестъ, Туріи и пр. Столицею луканской федераціи былъ, кажется, городъ Консенція. Соплеменниками луканцевъ были бреттійцы или бруттійцы, которыхъ старинная легенда называетъ народомъ произошедшимъ отъ наемниковъ и бѣглыхъ рабовъ. Въ союзѣ съ бреттійцами луканцы дѣлали набѣги на приморскіе греческіе города. Но скоро оба эти народа въ своей прекрасной плодородной странѣ подъ вліяніемъ богатыхъ грековъ, любившихъ удобство и наслажденіе жизни, привыкли къ роскоши; прежніе суровые горцы изнѣжились и могущество ихъ быстро ослабѣло. Великолѣпные храмы, колоннады, изящные дома греческихъ городовъ, произведенія искусствъ, изящный образъ жизни грековъ, роскошная ихъ одежда, —все это изящество и великолѣпіе очень понравилось сабинскимъ пастухамъ и земледѣльцамъ, переселившимся на югъ. Но они приняли только внѣшнія формы цивилизованной жизни, потому она не принесла имъ пользы; они только предались чувственнымъ наслажденіямъ, усвоили себѣ только пороки грековъ. Прежняя, строгая нравственность, прежняя энергія исчезла у нихъ; они стали неспособны переносить труды и лишенія военной жизни; отвыкли отъ военнаго дѣла. Богатыя вещи, находимыя въ ихъ гробницахъ, представляютъ собой соединеніе греческаго искусства съ варварской роскошью; по этимъ золотымъ и янтарнымъ уборамъ, по великолѣпнымъ разрисованнымъ сосудамъ мы видимъ, что сабеллы на югѣ совершенно отстали отъ прежнихъ обычаевъ. Въ Кампаніи и въ бретійской землѣ они совершенно смѣшались съ греками по языку и обычаямъ.

Сабелльскія племена горныхъ областей.

Простота нравовъ, способность выносить лишенія, воинственность, утраченныя сабинскими племенами на югѣ, сохранились во всей своей силѣ у земледѣльческихъ племенъ, жившихъ въ долинахъ Апеннинoвъ. Они образовали федераціи, не имѣвшія сильной союзной власти, у нихъ не было столицъ, не было постояннаго федеральнаго правительства; но они были страшны всѣмъ сосѣдамъ своей храбростью и физической силой; они рѣшали свои дѣла въ общихъ собраніяхъ племени и на время войны избирали союзнаго полководца. Самнитскій народъ дѣлился на четыре племени; это были пентры на центральной террасѣ около Бовіана и Эзерніи, кавдійцы на границѣ Кампаніи по верховьямъ рѣкъ Вольтурна и Калора, гирпины около Эклана, и компсы въ юго-восточномъ углу самнитской земли между Луканіею и Апуліею, а на сѣверо-востокѣ френтаны, единственное самнитское племя, область котораго доходила до моря. Оставаясь пастухами и земледѣльцами, самниты вели воздержный образъ жизни и высшимъ благомъ своимъ считали свободу.—Между сабинянами и самнитами жили въ историческія времена четыре небольшіе народа сабелльскаго происхожденія, соединенные въ одну федерацію: воинственные марсы около Фуцинскаго озера, марруцины около Теате, пелигны, имѣвшіе укрѣпленныя мѣстечки Корфиній и Сульмонъ, и вестины, главнымъ мѣстечкомъ которыхъ была Пинна; дальше на сѣверъ по берегу Адріатическаго моря до Анконы и за Анконою поселилась другая отрасль сабелльскаго племени, пиценты; въ ихъ землѣ (Пиценъ) стояли довольно значительные города Фирмъ (Фермо) и Аскулъ (Асколи).

Нравы и образъ жизни сабелловъ.

У всѣхъ сабелльскихъ народовъ оставалось живое сознаніе ихъ родства между собою, общаго происхожденія отъ сабинянъ; у всѣхъ сохранялся патріархальный родовой бытъ, имѣвшій основными своими чертами полновластіе домохозяина надъ всѣми членами семейства, строгое соблюденіе святости брака, который былъ заключаемъ подъ охраною общинной власти, предоставленіе семейныхъ правъ исключительно законнымъ дѣтямъ свободнаго человѣка отъ дочери свободныхъ же людей. Прежнее населеніе покоренныхъ земель было поставлено побѣдителями въ зависимое положеніе, называвшееся кліэнтствомъ; кліэнты давали своему господину опредѣленную подать съ нивъ и стадъ, и за то онъ охранялъ ихъ имущественныя и другія права. Во время войны отцы семействъ съ своими родными и кліэнтами шли въ походъ подъ начальствомъ вождя, назначаемаго собраніемъ всѣхъ домохозяевъ и называвшагося императоромъ (военачальникомъ). Тѣ ссоры, которыхъ не могъ уладить судъ, нерѣдко рѣшались на поединкѣ копьемъ и мечомъ. У большинства сабелльскихъ племенъ не развилась и городская жизнь, какъ не развились федеративныя учрежденія. Они жили далеко отъ моря, потому торговли у нихъ было мало, а горныя высоты и укрѣпленія на нихъ замѣняли сабелламъ городскія стѣны въ дѣлѣ обороны отъ враговъ; потому сабинскіе и самнитскіе поселяне жили по склонамъ и въ долинахъ Апеннинoвъ разбросанными селеніями и отдѣльными дворами; каждый домохозяинъ строилъ себѣ домъ тамъ, гдѣ понравился ему лѣсъ, ручей, или лугъ.

Оски.

Противоположность сабелламъ въ этомъ отношеніи составляли родственныя имъ по языку и похожія на нихъ многими обычаями мелкія племена, жившія на югъ отъ Тибра по прекраснымъ склонамъ лѣсистаго хребта Альгида и по рѣкѣ Лирису, и называемыя обыкновенно осками или опиками, по имени одного изъ нихъ, у котораго это имя было племеннымъ названіемъ. Подобно сабелламъ, они жили въ союзѣ между собой; люди всѣхъ ихъ племенъ пользовались въ частныхъ сношеніяхъ равноправностью, браки между людьми разныхъ племенъ считались полноправными. Какъ сабеллы, они также собирались для рѣшенія общихъ дѣлъ; но жили не въ селеніяхъ безъ стѣнъ, а въ городахъ, укрѣпленныхъ стѣнами; были у нихъ и горныя крѣпости, были горы, обведенныя укрѣпленіями. Покровительницею всѣхъ ихъ была Діана; на Альгидѣ, покрытомъ дубовыми лѣсами, и въ священной рощѣ у Немскаго озера были знаменитые храмы этой богини луны и охоты, въ которыхъ служили ей кровавыми жертвами и ночными процессіями съ факелами.

Вольски.

Къ оскамъ принадлежали: вольски, жившіе на западномъ приморьѣ до Анксура (Террачины); главными городами ихъ были Анцій и Суэсса-Помеція близъ Помптинскихъ болотъ; рутулы около Ардеи; авзоны и сидицины между Лирисомъ и Вольтурномъ; у нихъ были города Калесъ и Теанъ; авзоны жили на сѣверъ, а сидицины на югъ отъ вольсковъ; эквы, жившіе на лѣвомъ берегу Аніана и на Альгидѣ; у нихъ въ прелестныхъ горныхъ мѣсностяхъ стояли города Тибуръ и Пренестъ; герники, привыч-

Эквы.

ные къ перенесенію военныхъ трудовъ, жившіе на югъ отъ эквовъ, имѣвшіе города Анагнію, Ферентинъ и нѣсколько другихъ; аврунки около Суэссы; было еще нѣсколько племенъ болѣе мелкихъ.

Нарѣчія всѣхъ сабелльскихъ народовъ были очень близки между собою; ихъ называютъ нарѣчіями оскскаго языка. Нѣкоторыя изъ нихъ почти вовсе неизвѣстны намъ, напримѣръ сабинское нарѣчіе, которое было очень рано вытѣснено изъ употребленія латинскимъ языкомъ; другія, какъ напримѣръ, пелингійское нѣсколько извѣстны намъ, но все таки-очень мало. Наибольшее число надписей сохранилось въ самнитской землѣ, въ Кампаніи, въ Луканіи. Алфавитъ оскскихъ нарѣчій заимствованъ изъ греческихъ городовъ Кампаніи, бывшихъ колоніями Халкиды; онъ ближе къ этрусскому алфавиту, нежели къ латинскому; и подобно этрускамъ, оски писали отъ правой руки къ лѣвой.

3. Латины.

3. Третьимъ племенемъ, имѣвшимъ очень важное значеніе въ составѣ римскаго населенія, были латины, энергическій народъ, жившій на югъ отъ Тибра и занимавшійся земледѣліемъ. Религіозныя учрежденія и культуру римляне заимствовали отчасти отъ этрусковъ; римскіе патриціи были отраслью сабинскихъ аристократовъ; но римскіе плебеи происходили главнымъ образомъ отъ латиновъ. Лаціумъ—прибрежная область, не имѣющая ни заливовъ, ни пристаней, вообще ровная, но не лишенная разнообразія. Кромѣ песчанаго берега, образованнаго отчасти наносомъ Тибра, по всему Лаціуму идутъ невысокіе, но часто довольно крутые туфовые холмы и глубокія разсѣлины; при постоянной смѣнѣ повышеній и углубленій образуются зимою стоячія воды, испаренія которыхъ лѣтомъ производятъ міазмы, порождающіе злокачественную лихорадку; Лаціумъ страдалъ отъ нея и въ древности, какъ страдаетъ теперь. Почва была плодородна; латины занимались земледѣліемъ, держали много скота, и у нихъ развились тѣ качества, какими отличаются усердные земледѣльцы: они были энергичны, серьезны, храбры; любили порядокъ; но ихъ умственный горизонтъ ограничивался дѣлами сельской жизни; кругъ ихъ понятій былъ узокъ, они не имѣли никакихъ идеальныхъ стремленій; ихъ мысли исключительно были заняты практическими соображеніями. Они любили веселиться на своихъ сельскихъ праздникахъ. Въ началѣ историческаго времени у латиновъ было тридцать городовъ, пользовавшихся политическою самостоятельностью, но соединенныхъ договорами въ союзъ. Метрополіею латинскихъ городовъ считалась Альбалонга, стоявшая на Альбанской горѣ, очень старинный городъ съ подземными сооруженіями; она имѣла большое вліяніе на союзныя дѣла, по крайней мѣрѣ въ военное время. Латинскій союзъ былъ послѣднимъ фазисомъ развитія латинскаго общественнаго быта. Селенія латиновъ, возникавшія изъ родовыхъ связей, соединялись въ маленькія общины; потомъ эти общины соединялись въ болѣе широкіе союзы; каждый союзъ строилъ для обороны отъ враговъ крѣпость на холмѣ (капитолій); наконецъ эти частные союзы соединились въ одну федерацію; но связь между ними была довольно слаба. Латины были свободный народъ; у нихъ не было привиллегированной аристократіи, простолюдины были полноправные граждане; кліентства у латиновъ не существовало. Языкъ былъ одинъ, одна была и религія, состоявшая въ служеніи природѣ; одинаковы были и праздники, имѣвшіе земледѣльческій характеръ, и гражданскія учрежденія во всѣхъ городахъ; потому латины чувствовали себя составляющими одинъ народъ; но каждый городъ имѣлъ свое особое независимое правительство; въ каждомъ городѣ былъ царь, правившій при содѣйствіи совѣта родоначальниковъ (сената) и собранія гражданъ. Альбалонга, основанная, по преданію, сыномъ Энея Юломъ и имѣвшая царями его потомковъ, была важнѣйшимъ городомъ Лаціума; другими важными городами были: Тускулъ, Ариція, Лаврентъ, Габіи и Лавиній, въ которомъ находилось общее всему союзу святилище Весты, богини очага, служившаго символомъ домашняго и городскаго союза; въ Лавиніѣ было и служеніе пенатамъ всѣхъ городовъ союза. Каждый годъ происходили союзныя собранія у священнаго ручья въ рощѣ Ферентины; на нихъ посылали депутатовъ всѣ города союза; ежегодно совершался на Альбанской горѣ союзный праздникъ въ честь «Юпитера Латинскаго» (Jupiter Latiaris); тутъ приносили жертву и послѣ жертвы пировали; на время праздника прекращались всякія ссоры между городами. Латинская федерація имѣла союзное правительство, союзный судъ для рѣшенія споровъ между городами; на время войны былъ выбираемъ союзный военачальникъ. Бракъ гражданина одного города съ дочерью гражданина другого города былъ полноправный или, какъ называлось это у римлянъ, между городами существовало право брака (connubium); гражданинъ каждаго города пользовался гражданскими правами во всякомъ другомъ городѣ, куда переселялся, и могъ пріобрѣтать въ немъ земельную собственность; торговля между всѣми городами была свободна. Все это дѣлало латинскій союзъ учрежденіемъ прочнымъ; но члены его сохраняли государственную независимость. Гражданинъ не могъ быть сдѣланъ рабомъ въ своемъ государствѣ. Если онъ въ наказаніе за преступленіе былъ лишаемъ свободы, то продавался ужь въ другой городъ: если же былъ лишаемъ гражданскихъ правъ, то долженъ былъ удалиться въ изгнаніе. Въ дѣлахъ съ иноземцами латины соблюдали обычаи международнаго права. Когда латинскій союзъ считалъ себя обиженнымъ, онъ посылалъ вѣстниковъ войны (феціаловъ) требовать удовлетворенія за обиду: если удовлетворенія не было дано, то, по прошествіи назначеннаго срока, обыкновенно, тридцатидневнаго, феціалы торжественно объявляли войну; черезъ феціаловъ заключались мирные договоры и другіе трактаты; вообще они были вѣстниками и представителями международнаго права.

Святилище на Палатинскомъ холмѣ.

Въ глубокой древности, когда главнымъ занятіемъ латиновъ было пастушество, одною изъ любимыхъ стоянокъ пастуховъ въ зимнее время и въ сырые весенніе дни было то мѣсто на Палатинскомъ холмѣ, гдѣ впослѣдствіи былъ основанъ городъ Римъ. Вѣроятно тутъ было и общее святилище жившихъ по сосѣдству пастуховъ, вѣроятно тутъ совершали они праздники въ честь Марса, Фавна и Фавны, Палесы и другихъ пастушескихъ божествъ; отъ имени Палесы произошло, вѣроятно, и названіе этого холма, «Палатинскій». Пастушескими богами Палатинской горы были также Руминъ и Румина, къ посвященному которымъ смоковничному дереву были, по преданію, принесены рѣкою близнецы Ромулъ и Ремъ.—Въ легендахъ о войнахъ царя Латина и его союзника, троянца Энея, съ царемъ рутульскаго города Ардеи Турномъ, съ разбойничавшимъ на морѣ царемъ этрусскаго города Церe (Агиллы) Мезенціемъ, и о смерти Энея въ битвѣ съ Мезенціемъ скрываются, быть можетъ, воспоминанія о войнахъ латинскаго союза съ этрусками изъ-за обладанія латинскимъ приморьемъ.

Латинскій праздникъ.

Во время латинскаго праздника (латинскихъ феерій) на Альбанской горѣ прекращались всякія военныя дѣйствія. «Во всемъ Лаціумѣ господствовалъ миръ и былъ праздникъ; прекращались всѣ работы; народъ собирался и веселился. Какъ во время Сатурналій, исчезала разница между господами и рабами; старики и молодые, надѣвъ маски, качались на качеляхъ, привязанныхъ къ деревьямъ рощи. Въ послѣднюю ночь праздника сожигались части животныхъ, предназначенныя для жертвоприношеній; высоко подымаясь, зарево пламени возвѣщало народу Лаціума окончаніе веселаго союзнаго торжества» (Швеглеръ).

---

2. Италійская религія.

Три религіи въ Италіи.

Тѣ три народа, которые были главными дѣятелями италійской культуры и о которыхъ мы говорили теперь, излагая ихъ національныя особенности,—этруски, сабиняне и латины создали вѣрованія и обряды, бывшіе основными элементами римской миѳологіи и религіозныхъ учрежденій римлянъ до преобразованія ихъ греческимъ вліяніемъ. Первоначальная религія италійскихъ народовъ, безъ сомнѣнія, была тѣмъ простодушнымъ боготвореніемъ природы, основные черты котораго находятся у всѣхъ народовъ индо-германскаго семейства. Но особенности характера италійскихъ племенъ и мѣстныя вліянія привели ихъ къ вѣрованіямъ и обрядамъ, существенно различнымъ отъ греческихъ. Греки, при своей воспріимчивой и живой фантазіи, при своемъ талантѣ художественнаго творчества, создали изъ первобытныхъ божествъ, бывшихъ символами силъ природы, обширный и разнообразный міръ боговъ, украшенный множествомъ поэтическихъ миѳовъ, и постоянно расширяли его заимствованіями изъ иноземныхъ религій; италійскія племена, болѣе расположенныя къ наблюденію фактовъ дѣйствительности, къ практической дѣятельности, чѣмъ къ идеальнымъ воззрѣніямъ и художественному творчеству, притомъ-же долго остававшіяся замкнутыми въ горахъ и долинахъ центральной полосы Средней Италіи, дали своей религіи такое направленіе, что она сдѣлалась ученіемъ о нравственныхъ обязанностяхъ и о формахъ богослуженія; они не выработали ни поэтическихъ образовъ, ни умозрительныхъ системъ, довольствуясь совершеніемъ священныхъ обрядовъ, молитвами, жертвоприношеніями для снисканія милости боговъ и смягченія гнѣва ихъ. Дѣятельность соображенія у италійцевъ была скована желѣзной дисциплиной нравственнаго ученія и религіозной формалистики. «Италійскія племена», говоритъ Марквартъ, «чтили въ своихъ богахъ абстрактныя силы природы, подъ властью которыхъ идетъ жизнь человѣка, и о которыхъ онъ ежеминутно долженъ помнить, милость и помощь которыхъ онъ можетъ пріобрѣсть точнымъ соблюденіемъ установленныхъ государствомъ внѣшнихъ правилъ богопочитанія». Сухое практическое направленіе италійской религіи, развитіе формалистики въ ней очень благопріятствовало возникновенію многочисленнаго жреческаго сословія; во всѣхъ италійскихъ государствахъ духовенство имѣло большую силу; но жрецы не были посредниками между богами и людьми: каждый италіецъ самъ излагалъ богамъ свою просьбу къ нимъ, жрецъ былъ только помощникомъ при исполненіи религіозныхъ обязанностей въ качествѣ спеціалиста, изучившаго формы обрядовъ, былъ истолкователемъ воли боговъ, объяснителемъ религіозныхъ законовъ. Въ Греціи жрецы были поэтами, занимались пѣніемъ, музыкою, слагали гимны, много содѣйствовали разработкѣ миѳовъ и эпической поэзіи; италійское духовенство ограничивалось исполненіемъ религіозныхъ обрядовъ, чтеніемъ молитвъ, принесеніемъ жертвъ, истолкованіемъ знаменій. «Чудеса природы и жизни», говоритъ Преллеръ, «повсюду въ Италіи служатъ основаніемъ для жертвоприношеній и прорицаній; жрецы и пророки повсюду пользуются ими для политическихъ цѣлей; но нигдѣ мы не видимъ поэтическаго стремленія сердца и воображенія погружаться въ мысли и чувства по поводу этихъ чудесъ, нигдѣ не видимъ оживотворенія религіи или исторіи идеальными поэтическими образами». Преобладаніе обрядности, подчиненіе религіи духовенству, отсутствіе поэтическаго и эпическаго таланта характеризовало, повидимому, всѣ италійскія племена; кажется, что всѣ они опасались профанировать свои понятія о богахъ миѳами; легенды о богахъ не развились ни у одного изъ нихъ.

Италійскія легенды.

«Боги италійцевъ—абстрактныя понятія, не дошедшія до того, чтобы стать живыми личностями», говоритъ Моммсенъ: «и наиболѣе далеки были они отъ этого въ первобытныя времена. Не будучи живыми образами, они не имѣли біографій; у нихъ не было ни любовныхъ приключеній, ни войнъ. Люди, даже наиболѣе прославляемые преданіемъ, оставались у италійцевъ простыми людьми, не были, какъ у грековъ, возводимы преданностью народной любви на степень существъ богоподобныхъ».—Италійцы имѣли привычку употреблять вмѣсто слова Deus, «богъ», слово Numen «божество», «божественная сила»; ужь и это самое показываетъ, что божественныя силы оставались въ ихъ мысляхъ абстрактными понятіями, не представлялись имъ личностями. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда италійцы говорили о божествахъ, какъ о личностяхъ, боги и богини ихъ являются только «отцами» и «матерями», символами родовыхъ и племенныхъ связей. Были въ давнюю старину у италійцевъ легенды и народныя пѣсни, показывающія, что италійскія племена имѣли нѣкоторое расположеніе къ поэтическому творчеству; та-

ковы, например, сабинскій миѳъ о Семонѣ Санкѣ, латинскій миѳъ о Геркулесѣ, богѣ огороженной земледѣльческой усадьбы и размноженія имущества; таковы латинскія легенды объ Эвандрѣ и о разбойникѣ Какусѣ, жившемъ на Палатинской горѣ; но такихъ разсказовъ было мало; и нѣкоторые изъ нихъ ужъ самыми названіями дѣйствующихъ лицъ обнаруживаютъ, что были взяты отъ грековъ; такъ, Эвандръ и Какусъ—греческія имена («Добрый человѣкъ» и «злой»); а вообще развитіе этихъ сказаній было задержано отчасти вліяніемъ жрецовъ и тѣмъ, что владычествующее сословіе въ Римѣ занято было исключительно практическими мыслями, государственными и военными интересами, отчасти ратпространеніемъ иноземной цивилизаціи. Такимъ образомъ, италійскіе миѳы остались невыработанными народныма сказками. Когда латины и впослѣдствіи римляне близко ознакомились съ греческими легендами, то перенесли въ Лаціумъ и въ Кампанію подвиги Геракла, Діомеда, бойцовъ Кастора и Поллукса, бывшихъ образцами храбрости, Одиссея (Улисса, какъ назвали его римляне), Энея, ввели этихъ героевъ въ римскія преданія, въ кругъ своихъ религіозныхъ представленій. Въ особенности пріятно было гордости знатныхъ римскихъ родовъ представлять римлянъ потомками троянцевъ; сказаніе о поселеніи Энея въ Лаврентѣ («Лавровомъ городѣ»), женитьбѣ его на Лавиніи, дочери царя Латина, который былъ сыномъ національнаго латинскаго бога Фавна, о томъ, что Эней былъ основателемъ города Лавинія, переселенцами изъ котораго была основана Альбалонга, — всѣ эти разсказы были первоначально лишь маловажными мѣстными легендами; разработанные честолюбіемъ римскихъ знатныхъ родовъ, фантазіею поэтовъ и миѳографовъ, они сдѣлались главнымъ содержаніемъ легендарной исторіи Лаціума и Рима.

Этрусская религія.

Чуждые старо-италійскимъ племенамъ по происхожденію, языку, образу жизни, характеру, культурѣ, этруски имѣли и религію существенно различную отъ ихъ вѣрованій и обрядовъ. Греческое вліяніе, проявляющееся во всей цивилизаціи этрусковъ и объясняемое торговыми сношеніями ихъ съ Греціей и съ италійскими колоніями грековъ, обнаруживается и въ этрусской религіи; очевидно, что этруски съ очень давняго времени поддались привлекательности греческой культуры и миѳологіи, распространеніе которыхъ у разныхъ народовъ объединяло разныя религіи, вносило космополитическій характеръ въ эстетическія представленія и въ поэзію ихъ.

У этрусковъ оставались свои собственныя божества, пользовавшіяся большимъ уваженіемъ въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ были предметами мѣстнаго культа. Таковы были въ Вольсиніяхъ богиня покровительница этрусской федераціи Вольтумна и Норція (Нортія), богиня времени и судьбы, въ храмѣ которой ежегодно былъ вбиваемъ въ перекладину гвоздь, для счета лѣтъ; въ Цере и въ приморскомъ городѣ Пиргахъ таковы были богъ лѣсовъ Сильванъ и доброжелательная „мать Матута“, богиня рождающагося дня и всякаго рожденія, съ тѣмъ вмѣстѣ покровительница кораблей, приводящая ихъ благополучно въ гавань. Но кромѣ этихъ туземныхъ божествъ, мы находимъ у этрусковъ множество греческихъ боговъ и героевъ; особенно чтили они Аполлона, Геракла и героевъ троянской войны. Этруски такъ уважали Дельфійскій храмъ, что въ священной оградѣ его была построена особенная сокровищница для ихъ приношеній. — Этрусскій царь боговъ, громовержецъ Тина, котораго римляне называли Юпитеромъ, соотвѣтствовалъ Зевсу; этрусская богиня Купра (Юнона), богиня цитадели города Веій, покровительница городовъ и женщинъ, соотвѣтствовала Герѣ, и служеніе ей сопровождалось такими же великолѣпными

играми и процессіями. Менерфа (Минерва) была, подобно Аѳинѣ Палладѣ, божественною силою разума, покровительницею ремеслъ, женскаго искусства прясть шерсть и ткать, изобрѣтательницею флейты, игрою на которой сопровождалось богослуженіе, и военной трубы; богиня небесныхъ высотъ, бросающая съ нихъ молнію, она была и богинею военнаго искусства. Аполлонъ (Аплу) былъ и у этрусковъ богомъ свѣта, исцѣлителемъ болѣзней, очистителемъ отъ грѣховъ. Вертумнъ, богъ плодовъ, измѣнявшій свой видъ соотвѣтственно временамъ года, правильную смѣну которыхъ производилъ вращеніемъ неба, былъ, подобно греческому Діонису, олицетвореніемъ хода годичныхъ перемѣнъ въ растительности и въ полевыхъ трудахъ; смѣна цвѣтовъ плодами и разнообразіе растительности выражается тѣмъ, что Вертумнъ принимаетъ разные виды и разныя эмблемы. Главный праздникъ его, называвшійся у римлянъ вертумналіями, происходилъ въ октябрѣ, по окончаніи сбора винограда и фруктовъ, и сопровождался народными играми, забавами и ярмаркою. Этруски заимствовали у грековъ, отъ этрусковъ заимствовали другіе италійскіе народы систему шести боговъ и шести богинь, которая была общепринятою и въ колоніяхъ грековъ, какъ въ самой Греціи (II, 41). Эти двѣнадцать божествъ образовали совѣтъ, и потому у римлянъ, заимствовавшихъ такое представленіе о нихъ отъ этрусковъ, назывались consentes „сосѣдающіе“; они правили ходомъ дѣлъ во вселенной, и каждое изъ нихъ завѣдывало человѣческими дѣлами въ одинъ изъ двѣнадцати мѣсяцевъ года. Но они были низшія божества; выше ихъ были другія божества, таинственныя силы судьбы, „покровенные боги“, неизвѣстные ни по именамъ, ни по числу, жившіе въ сокровеннѣйшей области неба и группировавшіеся около Юпитера, царя боговъ и правителя вселенной, вопрошавшаго ихъ; дѣятельность ихъ проявлялась человѣческому духу только при великихъ катастрофахъ.

Кромѣ этихъ «покровенныхъ» и низшихъ божествъ, которыя были самостоятельными личными существами, выдѣлившимися изъ безконечной божественной силы, этруски, другіе италійскіе народы и впослѣдствіи римляне, подобно грекамъ, имѣли неисчислимое множество духовъ, дѣятельность которыхъ, неопредѣленная по своему размѣру, поддерживала жизнь природы и людей. Это были духи покровители родовъ, общинъ, мѣстностей; для семейства, города, округа, находившихся подъ покровительствомъ извѣстныхъ духовъ, служеніе имъ имѣло величайшую важность. У этрусковъ, характеръ которыхъ былъ мрачный, склонный къ мучительнымъ мыслямъ, дѣятельность этихъ духовъ, и въ особенности страшная сторона ея, имѣла очень широкій размѣръ. Этрусская религія, равно далекая отъ яснаго раціонализма римской и отъ свѣтлаго гуманнаго пластицизма греческой, была, подобно характеру народа, мрачна и фантастична; въ ней важную роль играли символическія числа; въ ея догматахъ и обрядахъ было много жестокости. Этруски нерѣдко приносили рабовъ и военноплѣнныхъ въ жертву разгнѣваннымъ богамъ; этрусское царство мертвыхъ, гдѣ скитались души умершихъ (manes, какъ называли ихъ римляне) и владычествовали нѣмыя божества, Мантусъ и Манія, было міромъ ужаса и страданія; въ немъ мучили умершихъ

свирѣпыя существа, имѣвшія видъ женщинъ, называемыя у римлянъ фуріями; туда, на страданія отъ битья палками и укушенія змѣй, отводилъ души Харунъ, крылатый старикъ съ большимъ молоткомъ. Этруски были очень расположены къ таинственнымъ ученіямъ и обрядамъ; у нихъ сильно развились и отъ нихъ перешли къ римлянамъ государственныя гаданія (divinatio, какъ называлось это искусство у римлянъ): гаданія по полету птицъ (авгуріи), по блеску молніи (фульгуріи), по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ (гаруспиціи); искусство гаданія, основанное на суевѣріи и обманѣ, пріобрѣло такое уваженіе у римлянъ и вообще у италійцевъ, что они не предпринимали никакого важнаго государственнаго дѣла, не вопросивъ боговъ посредствомъ авгурій или гаруспицій; при неблагопріятныхъ знаменіяхъ были совершаемы обряды примиренія съ богами; необыкновенныя явленія природы (prodigia), счастливыя или несчастливыя предзнаменованія (omina) имѣли вліяніе на всякія рѣшенія. Эта особенность италійцевъ происходила отъ глубокой вѣры ихъ въ судьбу. Вѣрованіе въ оракулы, въ предзнаменованія, которыми боги даютъ совѣты и предостереженія, было въ италійской народной религіи и потомъ въ оффиціальной религіи Рима такъ сильно, какъ ни въ какой другой, и служеніе божествамъ судьбы, Фортунѣ и Року (Fatum) не было нигдѣ такъ распространено, какъ въ Италіи.

Авгуріи и ауспиціи.

Авгуріями назывались гаданія о будущемъ, о волѣ боговъ по полету или крику нѣкоторыхъ птицъ и въ особенности орловъ. Авгуръ («птицегадатель») становился на открытомъ мѣстѣ (templum), съ котораго было видно все небо, дѣлилъ кривымъ жезломъ (lituus) небо на части; полетъ птицъ съ однѣхъ частей предвѣщалъ счастье, съ другихъ—несчастье. Другой способъ узнавать по дѣйствіямъ птицъ, удачно ли будетъ задуманное дѣло, состоялъ въ томъ, что давали кормъ священнымъ курамъ, и смотрѣли, ѣдятъ ли онѣ; правила этого гаданія должны были въ Римѣ знать не только жрецы, но и всѣ патриціи, желавшіе занимать правительственныя должности. Фульгураторы наблюдали появленіе молніи (fulgur), посредствомъ которой боги тоже возвѣщали свою волю; если молнія была неблагопріятная, то совершались обряды, смягчавшіе гнѣвъ боговъ; — этруски считали молнію самымъ достовѣрнымъ изъ всѣхъ небесныхъ знаменій. Мѣсто, на которое упала молнія, было освящаемо; на немъ приносили въ жертву ягненка, дѣлали на немъ покрышку въ формѣ покрытаго сруба колодезя и обводили его стѣной. Чаще всего совершались гаданія посредствомъ гаруспицій; они состояли въ томъ, что производившій ихъ гадатель, гаруспексъ, разсматривалъ сердце, печень, другія внутреннія части жертвенныхъ животныхъ; правила этихъ гаданій были очень подробно разработаны этрусками. Искусству гаданій—ауспицій, какъ называли ихъ римляне, научилъ этрусковъ Тагесъ,

Тагесъ.

карликъ съ лицомъ ребенка и сѣдыми волосами, вышедшій изъ-подъ земли близъ Тарквиній на вспаханномъ полѣ; преподавъ лукумонамъ науку гаданій, онъ тотчасъ же умеръ. Тагесовы книги, содержащія въ себѣ ученіе о молніи, о гаданіяхъ, о правилахъ, которыя должно соблюдать при основаніи городовъ, о землемѣріи, были источникомъ всѣхъ этрусскихъ и римскихъ руководствъ къ искусству гаданія. У этрусковъ были школы, въ которыхъ учили искусству ауспицій лукумоны, хорошо знавшіе эту науку.

Божества италійцевъ.

Дольше, чѣмъ у этрусковъ, сохранилась чистою отъ иноземныхъ вліяній религія у другихъ италійскихъ народовъ. Латины и сабиняне первоначально полагали, что не должно изображать боговъ въ человѣческомъ видѣ. Ихъ божества были абстрактныя существа, не имѣвшія ни опредѣленныхъ формъ, ни миѳовъ; потому ихъ представленія о разныхъ богахъ часто перепутывались. Потомъ изъ Кумъ, изъ Тарента, изъ другихъ греческихъ колоній стали распространяться между италійскими туземцами греческія понятія; когда латины и сабеллы ознакомились съ греческими миѳами и пластикой, ихъ боги пріобрѣли болѣе реальный характеръ, ихъ представленія о разныхъ божествахъ стали опредѣленнѣе различаться одно отъ другого. У каждаго народа были свои особые боги и богослужебные обряды; но основныя религіозныя понятія и главныя божества были одинаковы у всѣхъ; такимъ образомъ одноплеменность латиновъ и сабелльскихъ народовъ, очевидная по близкому родству ихъ языковъ, проявляется и въ ихъ религіи. Какъ въ Греціи, при всей самостоятельности религіознаго развитія въ разныхъ областяхъ ея, высшія божества,— Зевсъ, Гера, Аѳина, Аполлонъ, Артемида и нѣкоторыя другія были чтимы всѣми племенами, такъ и въ Италіи были божества, общія всѣмъ племенамъ латино-сабелльскаго происхожденія. Таковы были, по перечисленію Преллера, Юпитеръ, Юнона и Минерва, высшія божества неба; богъ лѣсовъ, весны и войны Марсъ, свиту котораго составляли фавны, сильваны и богини, имѣвшія подобный имъ характеръ; у всѣхъ этихъ народовъ были одинаковыя божества воды, огня, солнца, луны, плодородія земли; всѣ они чтили души умершихъ; у всѣхъ было множество мѣстныхъ геніевъ,—были богини плодородія, богини судьбы, отъ которыхъ посредствомъ чародѣйственныхъ обрядовъ или въ пророческомъ экстазѣ получались предвѣщанія.

У всѣхъ италійцевъ различались два класса божественныхъ существъ: собственно «боги», divi или dii, личныя существа, и «духи», genii, божественныя силы, которыя получаютъ личное существованіе только отожествляясь съ людьми, народами, городами, мѣстностями или съ какими нибудь разрядами человѣческой дѣятельности.

Боги.

Боги были двухъ разрядовъ: небесные и земные. Небесные боги святы, доброжелательны, живутъ въ сіяющей области свѣта, выше всего земнаго, владычествуютъ надъ землею и помогаютъ людямъ. Къ числу ихъ принадлежатъ и божества огня: животворящій и созидающій Вулканъ, богиня домашняго очага Веста.—Земные боги дѣлятся на два разряда; одни живутъ на поверхности земли: въ лѣсахъ, на горахъ, на поляхъ, на прохладныхъ влажныхъ лугахъ, въ рѣкахъ, ручьяхъ, въ родникахъ; другіе живутъ въ нѣдрахъ земли, это боги таинственные, ихъ силою возрастаютъ посѣвы на нивахъ, въ ихъ царствѣ живутъ души умершихъ.—Море, играющее такую важную роль въ греческой миѳологіи, было областью чуждою италійскимъ племенамъ, занимавшимся лишь земледѣліемъ и пастушествомъ. Богъ моря, Нептунъ, у нихъ позднее заимствованіе отъ гре-

ковъ; это Посейдонъ, принятый ими въ число италійскихъ боговъ.— Обряды служенія богамъ разныхъ разрядовъ были различны. Служеніе подземнымъ богамъ имѣло характеръ мрачный, боязливый; обряды служенія небеснымъ богамъ были свѣтлые, радостные; а праздники добрыхъ къ людямъ боговъ полей, рѣкъ, ручьевъ, лѣсовъ, жатвы, сбора винограда были соединены съ грубыми простонародными веселостями; тутъ происходила «сытая пляска», satura, маскарадная пляска наѣвшихся и напившихся людей, наряженныхъ въ овечьи, въ козлиныя шкуры.

Духи. Личные боги италійцевъ были абстрактными существами, представленія о которыхъ не имѣли опредѣлительности; еще неопредѣленнѣе представленія италійцевъ о духахъ, занимавшихъ важное мѣсто въ ихъ религіи. Духи, «геніи», живутъ повсюду въ природѣ, вся человѣческая жизнь отъ рожденія до смерти идетъ подъ ихъ вліяніемъ; они участвуютъ во всѣхъ общественныхъ и частныхъ дѣлахъ; эти животворящія и хранительныя силы имѣютъ такую тѣсную связь съ явленіями, происходящими при ихъ участіи, что собственно лишь эта дѣятельность и придаетъ имъ личное существованіе; они личныя существа только потому, что они духи хранители людей, домовъ, фамилій, городовъ, народовъ, возникающихъ подъ ихъ животворною силою, живущихъ подъ ихъ невидимымъ управленіемъ. Италійцы чтили во всѣхъ явленіяхъ и существахъ духовный общій элементъ, говоритъ Моммсенъ; съ каждымъ предметомъ или существомъ—человѣкомъ ли, деревомъ ли, государствомъ ли, домашнею ли кладовою (въ которой живутъ пенаты) соединенъ духъ, который возникаетъ и умираетъ вмѣстѣ съ этимъ предметомъ или существомъ, духовный двойникъ матеріальнаго предмета, идеальное воспроизведеніе дѣйствительной человѣческой жизни въ области духовнаго существованія. Государство и родъ, каждое явленіе природы, каждая дѣятельность души, каждый человѣкъ, каждый предметъ, каждая мѣстность, даже каждый актъ юридической жизни—все имѣетъ въ себѣ божественный элементъ, все одушевлено божественною жизнью, и какъ міръ дѣйствительности — область возникновенія и исчезновенія, такъ возникаютъ и исчезаютъ существа божественнаго міра. Духъ покровитель, правящій какимъ нибудь дѣйствіемъ человѣка, живетъ лишь пока длится это дѣйствіе; духъ, хранитель человѣка, живетъ и умираетъ вмѣстѣ съ нимъ. Духи имѣютъ вѣчное существованіе только въ томъ смыслѣ, что постоянно повторяются одинаковыя дѣйствія, рождаются люди, подобные прежнимъ, потому постоянно рождаются и духи, одинаковые съ прежними. Основная мысль италійскаго вѣрованія въ духовъ, мысль, что всякое живое существо оживотворено особымъ духомъ,—примѣняется даже къ богамъ: какъ у всякаго человѣка, такъ и у всякаго божества есть особый духъ, составляющій какъ будто проявленіе этого божества въ данномъ мѣстѣ, служащій олицетвореніемъ его въ обрядахъ поклоненія ему.

Духи, животворящіе людей и хранящіе ихъ, назывались у римлянъ геніями. По италійскому вѣрованію, каждый человѣкъ имѣетъ своего генія, который находится при немъ во всю жизнь отъ самаго рожденія до самой смерти, какъ невидимый другъ и совѣтникъ, постоянно склоняющій его къ доброму, помогающій ему, сострадающій его горестямъ. Лары и пенаты были духи-покровители рода и дома, всякихъ зданій—площадей, улицъ, дорогъ; вообще это были души предковъ. Въ атріумѣ, семейномъ залѣ, гдѣ мужъ принималъ гостей, а жена, окруженная служанками, пряла, гдѣ и обѣдала вся семья, было надъ семейнымъ очагомъ, подъ закопченнымъ потолкомъ, священное мѣсто, на которомъ стояли ларъ и пенаты дома, маленькія деревянныя статуи простой работы. Съ этими семейными божествами были соединены всѣ дорогія семейныя воспоминанія; съ ними совѣтовались обо всѣхъ важныхъ дѣлахъ; они принимали участіе во всѣхъ семейныхъ событіяхъ; въ честь ихъ совершали обряды при рожденіи дѣтей, при свадьбѣ, при смерти кого нибудь въ семействѣ, при отъѣздѣ и при возвращеніи домохозяина и проч., имъ приносили дары, ихъ благодарили за все хорошее въ жизни семейства.—Противоположностью ларамъ, доброжелательнымъ духамъ умершихъ добрыхъ предковъ, были ларвы и лемуры, вредившіе людямъ духи злыхъ умершихъ. Мѣстные духи покровители города, области, племени назывались семонами и индигетами; это были божества земли; отношеніе италійцевъ къ нимъ нѣсколько напоминаетъ греческое почитаніе героевъ - покровителей.—Были духи полей и лѣсовъ, фавны и сильваны.—Съ ларами и пенатами имѣли родство manes; это были духи усопшихъ, жившіе въ нѣдрахъ земли на томъ мѣстѣ, гдѣ были положены ихъ тѣла; родственники угощали ихъ пищею и питьемъ.

Такимъ образомъ и у италійцевъ, какъ у грековъ, вселенная была наполнена божественными существами; но италійскія божества не имѣли отчетливыхъ личныхъ очертаній. Долго италійцы не хотѣли давать человѣческаго вида богамъ; еще дольше—геніямъ. Но, и не имѣя опредѣленныхъ образовъ, божественныя силы могущественно правили жизнью италійцевъ.

Старо-италійскій культъ. Въ древнѣйшія времена италійцы служили своимъ богамъ подъ открытымъ небомъ, не имѣя ни храмовъ, ни статуй. Нѣкогда они приносили человѣческія жертвы; но рано замѣнили ихъ символическими обрядами; по легендѣ, эту замѣну у римлянъ ввелъ Нума Помпилій. Богамъ неба италійцы молились на высотахъ горъ, въ священныхъ рощахъ, у источниковъ, подъ священными деревьями. Какъ и другіе народы давней старины, они были расположены чувствовать присутствіе божества въ такой обстановкѣ. Еще и римляне воздавали религіозное почтеніе священнымъ деревьямъ,—особенно дубамъ и смоковницамъ,—священнымъ рощамъ,—священнымъ животнымъ: волку, лошади, змѣямъ, многимъ птицамъ; по полету птицъ, они узнавали волю боговъ. Во времена Нумы Помпилія у сабинянъ и латиновъ были еще только священныя мѣста съ жертвенниками, сложенными изъ дерна, и съ простыми молитвенными залами, въ которыхъ находились аттрибуты или символы боговъ и деревянные столы, на которыхъ лежали дары, принесенные богамъ. Храмы стали строить

италійцы только, когда ознакомились съ греками и нѣсколько цивилизовались. Но и раньше того они очень строго требовали чистоты отъ молящихся, приносящихъ жертву, въ особенности отъ жрецовъ, надзирателей и служителей священныхъ мѣстъ, очень заботились о чистотѣ жертвенныхъ животныхъ. Омовенія, окропленія, окуриванія и другіе обряды очищенія (lustratio) составляли важную часть богослуженія у италійцевъ въ давнюю старину, получили еще больше значенія у римлянъ. Съ самой заботливой осторожностью старались римляне, при совершеніи священныхъ обрядовъ, избѣжать всякаго оскверненія, всякаго отступленія отъ правилъ; малѣйшая ошибка требовала особыхъ очищеній и повторенія обряда съ самаго начала.

Боги и богослуженіе сабинянъ.

На священныхъ мѣстахъ — на горѣ Соракте, въ городѣ Куресѣ, въ другихъ мѣстностяхъ—копьеносные сабиняне служили силѣ свѣта и огня, проявляющейся на звѣздной тверди небесной (Dium)—въ солнцѣ (Sol), лунѣ (Luna) и въ дѣйствіяхъ бога ночной грозы, Юпитера Суммана, а на землѣ въ дѣятельности бога огня, Вулкана. Сабинская горная страна повсюду выказывала слѣды могущества подземнаго огня; на горѣ Соракте, поднятой вулканическими силами, сабиняне наивными праздниками чтили таинственнаго бога свѣта и огня, и святые служители его, называвшіеся соранскими волками, босые пробѣгали черезъ огонь. Кромѣ того, сабиняне служили своимъ племеннымъ божествамъ; богу свѣта и прорицаній Семону Санку, отцу Саба, предка сабинскаго народа; богинѣ цвѣтовъ Феровіи,—покровительницѣ сабинскаго государственнаго союза; при святилищѣ ея близъ Анксура происходили собранія сабинскаго народа; тамъ и въ другомъ ея святилищѣ у подошвы Соракте собирались сабиняне весною на праздникъ покровительницы своей страны, приносили ей цвѣты и первые плоды нивъ, приводили туда освобождаемыхъ рабовъ и надѣвали на голову имъ шапку, знакъ свободнаго человѣка. Но въ особенности усердно служили сабиняне Марсу, богу войны и оплодотворенія, и богу копья, Квирину, представленіе о которомъ было близко къ представленію о Марсѣ.—Значеніе Марса, одинаково чтимаго и латинами, и умбрами, и сабелльскими племенами, было гораздо шире, чѣмъ кругъ дѣятельности греческаго Ареса, бывшаго исключительно богомъ битвъ. Марсъ былъ и богомъ государственной жизни; подъ его покровительствомъ воинственныя племена горъ средней Италіи шли селиться въ новыхъ мѣстахъ, основывали новыя государства. Богъ оплодотворенія природы, оживляющій весной лѣса и поля, съ тѣмъ вмѣстѣ богъ военной отваги, Марсъ былъ истиннымъ представителемъ главныхъ интересовъ воинственныхъ, земледѣльческихъ и пастушескихъ племенъ средней Италіи. Его священныя животныя, волкъ, дятелъ, рабочій волъ и боевой конь имѣютъ важное значеніе въ исторіи переселеній и въ религіи сабелльскихъ племенъ. Подъ его покровительствомъ шли сабинскіе юноши, посланные по обѣту священной весны (стр. 14) искать себѣ новаго поселенія; послѣдніе эмигранты этого долгаго ряда переселеній, мамертинцы, взяли себѣ названіе, произведенное отъ имени Марса (Mamers, Мамертъ). Покровитель всего сабинскаго быта, Марсъ былъ и богомъ брака, семейнаго союза; потому онъ былъ мужемъ богини любви и войны, Неріоны (называвшейся у римлянъ Virtus, „Доблесть“).

Служеніе Марсу въ Римѣ.

Первоначально чтили Марса подъ символами щита и копья, важнѣйшаго оборонительнаго и важнѣйшаго наступательнаго оружія. Потому въ Регіи, священномъ зданіи у по-

дошвы Палатинскаго холма, считавшемся, по преданію, дворцомъ Нумы Помпилія, стояли два копья; двѣнадцать священныхъ щитовъ (ancilia), одинъ изъ которыхъ упалъ съ неба, считались палладіумомъ Рима, залогомъ милости боговъ, и находились подъ охраной коллегіи салійскихъ жрецовъ (salii), избираемыхъ изъ самыхъ знатныхъ фамилій. Въ иды мѣсяца марта, то есть, около времени перваго весенняго полнолунія, римляне въ священной рощѣ за городскими воротами совершали въ честь Марса праздникъ, называвшійся Anna Perenna: народъ группами садился на траву и пировалъ,—однѣ группы подъ открытымъ небомъ, другія подъ шатрами, шалашами. Однимъ изъ обрядовъ служенія Марсу былъ военный плясъ или скачъ; потому и жрецы, хранившіе щиты Марса, назывались саліями, отъ слова salire, значившаго «скакать». По древнему обычаю, они на мартовскій праздникъ Марса ходили вокругъ города, исполняя военный плясъ съ пѣснями, въ которыхъ сохранялись воспоминанія о старинѣ. Марсъ былъ главнымъ послѣ Юпитера Капитолійскаго государственнымъ и національнымъ богомъ Рима. Когда войско выступало въ походъ, военачальникъ шелъ въ Регію, ударялъ въ священные щиты и въ копье Марса и призывалъ помощь его. Въ честь Марса римляне совершали весной и осенью много праздниковъ, съ жертвоприношеніями, процессіями, священными плясками вокругъ жертвенниковъ и съ разными старинными обрядами.

Боги латиновъ.

Марсъ былъ одинъ изъ главныхъ боговъ и у латиновъ; но этотъ народъ, у котораго преобладающее значеніе имѣли земледѣльческіе интересы, чтилъ въ немъ не столько бога войны, сколько бога природы. Дятелъ, picus, священная птица Марса, получилъ у латиновъ значеніе духа; этотъ духъ Пикъ, живущій подобно птицѣ дятлу, въ лѣсу, сталъ божествомъ прорицанія. По легендамъ города Лаврента, Пикъ является укротителемъ коня, охотникомъ и земледѣльцемъ.—Пикъ былъ сынъ Сатурна, отецъ Фавна; всѣ трое они были боги земледѣлія и полевыхъ плодовъ; такое же значеніе имѣлъ и Пилумнъ или Пикумнъ.

Сатурнъ.

Сатурнъ—исполненный жизненныхъ силъ, „насыщенный“ ими богъ земли, и въ частности богъ посѣва, былъ мужемъ Опы (Ops, „изобиліе плодовъ“); эта богиня, бывшая олицетвореніемъ плодородной земли, награждала трудъ человѣка изобиліемъ благъ земныхъ. Обыкновенный аттрибутъ Сатурна, серпъ или виноградническій ножъ, показывалъ, что онъ научилъ италійцевъ земледѣлію, садоводству, разведенію виноградниковъ и покровительствуетъ этимъ занятіямъ.

Золотой вѣкъ.

Когда италійцы ознакомились съ греческими богами, то имъ показалось, что старикъ Сатурнъ и его добрая жена Опа похожи на Крона и Рею; изъ этого возникъ миѳъ, что Сатурнъ или Кронъ, лишенный владычества Юпитеромъ или Зевсомъ, пріѣхалъ, послѣ долгихъ странствованій по морю, въ Лаціумъ, къ царю Янусу, научилъ латинскій народъ земледѣлію и другимъ благимъ искусствамъ, и что, благодаря этому, въ Лаціумѣ насталъ золотой вѣкъ, мысли о которомъ держались особенно сильно у людей трудящагося класса и порабощеннаго сословія. Золотой вѣкъ былъ періодомъ изобилія всѣхъ благъ, и всѣ наслаждались ими, потому что тогда все оставалось еще въ общемъ владѣніи; не было тогда никакихъ ссоръ, была полная свобода, всѣ люди были равны, не было ни рабства, ни подвластности какимъ либо хозяевамъ.

Фавнъ.

Сынъ или близкій родственникъ Пика, Фавнъ, былъ однимъ изъ древнѣйшихъ любимѣйшихъ боговъ италійцевъ. Добрый духъ горъ, пастбищъ, онъ давалъ прорицанія, оплодотворялъ поля, давалъ приплодъ скоту, дѣтей людямъ, былъ установителемъ добрыхъ и богобоязненныхъ нравовъ; онъ былъ царемъ италійцевъ, и многіе изъ древнихъ родовъ происходили отъ него. Пастухи чтили его подъ названіемъ Луперка („отгонятеля волковъ“); въ Римѣ у подошвы Палатинскаго холма было старинное святилище Луперка, при которомъ совершался простонародный праздникъ Луперкалій. Вѣрованіе въ Фавна и его многочисленныхъ дѣтей, которыя назывались

тоже фавнами, было такъ живо, что поселяне окрестностей Рима часто видѣли этихъ добрыхъ полевыхъ духовъ.

Фавнъ имѣлъ много качествъ. Иногда воображали его, какъ Сильвана, духомъ лѣсовъ, живущимъ въ пещерахъ и у журчащихъ источниковъ; онъ пугалъ людей крикомъ, слышавшимся изъ лѣса; пугалъ и спящихъ людей; онъ былъ богъ прорицанія, и голосомъ изъ лѣса или изъ пещеры открывалъ будущее спрашивавшимъ его; онъ былъ и богомъ оплодотворенія; Фавна, его жена, была тоже доброю богинею рожденія; кромѣ всего этого, онъ былъ древнѣйшій царь италійцевъ, научилъ ихъ житейскимъ искусствамъ и добрымъ нравамъ, за это они стали чтить его память, сдѣлали его богомъ-покровителемъ страны; въ честь его совершались подъ открытымъ небомъ, въ пещерахъ, въ рощахъ, у священныхъ деревьевъ веселые праздники съ пѣснями.

Служеніе Фавну и доброму духу лѣсовъ Сильвану охватывало всѣ интересы стариннаго быта латиновъ; эти боги были олицетвореніями основанія древнѣйшихъ поселеній въ горахъ и въ лѣсахъ, расчищаемыхъ сѣкирами колонистовъ, олицетвореніемъ старины, когда люди жили жизнью природы.

Янусъ.

Кромѣ Марса, Сатурна и Фавна, былъ еще одинъ очень важный богъ, Янусъ. Первоначально онъ былъ богъ свѣта и солнца, и назывался Діанъ, Dianus (богъ свѣта); его жена, Яна или Діана, первоначально была богинею луны; потомъ ее чтили на покрытомъ лѣсами Альгидѣ и въ рощѣ близъ Ариціи, какъ богиню охоты. Впослѣдствіи Янусъ сталъ богомъ смѣны временъ года, богомъ начала всякаго дѣла и конца его, богомъ всякихъ предѣловъ, границъ. Какъ богъ солнца, онъ былъ привратникомъ неба; утромъ онъ растворялъ ворота небеснаго свѣта, вечеромъ запиралъ ихъ; потому онъ сталъ и на землѣ богомъ всѣхъ пороговъ, воротъ, дверей (двери и были названы по его имени januae); сталъ богомъ дорогъ, богомъ всѣхъ дѣлъ, происходящихъ по дорогамъ, богомъ житейской дѣятельности. Когда италійцы начали дѣлать статуи боговъ, они дали изображенію Януса два лица,— это означало, что онъ стражъ воротъ востока и воротъ запада неба; изображали его иногда и съ четырьмя лицами, какъ бога четырехъ временъ года. Богъ начала отдѣловъ года, онъ былъ и богомъ начала мѣсяца; первыя числа мѣсяцевъ были посвящены ему; въ эти праздники начала мѣсяца приносили ему жертвы на двѣнадцати жертвенникахъ. Какъ богъ начала дня, онъ назывался Janus Matutinus, „Утренній Янусъ". Впослѣдствіи времени, когда привыкли начинать годъ съ января, стали полагать, что этотъ мѣсяцъ былъ посвященъ Янусу, какъ богу начала года; это ошибка: въ старину римскій годъ начинался съ марта.—Янусъ былъ и богомъ начала рѣкъ, истоковъ ихъ.

Храмъ Януса, стоявшій при входѣ на Форумъ и имѣвшій форму воротъ, оставался отворенъ во время войны,—то есть, пока не возвратились всѣ войска, ушедшія изъ города.—Подобно Сатурну, Янусъ былъ древній царь, представитель счастливаго времени, когда боги непрерывно жили между людьми. Въ царствованіе Януса люди были невинны и не знали никакихъ бѣдъ и тревогъ; отъ жертвенниковъ постоянно восходилъ дымъ жертвоприношеній; люди не опасались тогда другъ друга; потому Янусу были посвящены всѣ входы домовъ, чтобъ онъ давалъ имъ безопасность; онъ научилъ людей приносить жертвы и молитвы; потому при началѣ каждаго жертвоприношенія дѣлали воззваніе къ нему.—Когда онъ былъ царемъ, то жилъ на Яникулѣ.

Подобно Янусу и Сатурну очень важное мѣсто въ италійской религіи, занимала Веста, богиня горящаго на домашнемъ очагѣ огня и осѣдлаго

быта. Въ противоположность Фавну и богамъ охотнической и пастушеской жизни подъ шалашомъ безъ прочнаго очага, Веста была богиня домашней благоустроенной жизни, имѣвшей своимъ центромъ очагъ атріума, общаго семейнаго зала, вокругъ котораго были расположены другія комнаты. Въ атріумѣ очагъ съ огнемъ Весты и изображеніями Лара и пенатовъ образовалъ семейное святилище, у котораго ежедневно совершалось семейное моленіе и особое моленіе при каждомъ важномъ событіи; съ очагомъ были соединены всѣ дорогія семейству воспоминанія. Какъ въ маленькой домашней общинѣ земледѣльца, жившаго отдѣльною сельской усадьбою, очагъ съ доброжелательными богами семейства былъ священнѣйшимъ мѣстомъ, къ которому семейство было привязано всѣми добрыми чувствами души, такъ въ городѣ, въ государствѣ, развившемся изъ патріархальныхъ семейныхъ общинъ, священнымъ центромъ гражданскаго общества былъ храмъ Весты, съ очагомъ, на которомъ горѣлъ неугасаемый огонь, и съ пенатами города или государства. При всякомъ богослуженіи было воздаваемо почитаніе Вестѣ, богинѣ жертвеннаго огня; какъ въ началѣ моленія взывали къ Янусу, такъ въ концѣ взывали къ ней.

Весталки.

Въ Римѣ храмъ Весты, окруженный рощею, стоялъ у подошвы Палатинскаго холма, съ той стороны его, которая была обращена къ Форуму и „Священной Дорогѣ". Онъ былъ круглое зданіе очень старинной постройки. Подлѣ него находилась Регія, въ которой жили весталки, дѣвственныя хранительницы вѣчнаго огня, и начальникъ ихъ, верховный первосвященникъ, pontifex maximus. Весталки поступали на свою священную службу въ дѣтствѣ, обязаны были оставаться на ней тридцать лѣтъ; послѣ того, обыкновенно продолжали ее добровольно. Онѣ жили въ строжайшемъ цѣломудріи. Кромѣ присмотра за неугасаемымъ горѣніемъ огня на жертвенникѣ, онѣ поддерживали чистоту въ храмѣ и каждый день омывали священные сосуды свѣжею родниковою водою. Ихъ выбиралъ верховный первосвященникъ изъ числа дѣвочекъ самыхъ знатныхъ фамилій. За строгое воздержаніе свое онѣ находили вознагражденіе въ высокой почетности своего сана. Онѣ были „дочери римскаго народа". Когда встрѣчался весталкѣ преступникъ, осужденный на смерть, онъ освобождался отъ казни. Но за свои проступки онѣ подвергались строжайшимъ наказаніямъ. Та весталка, по небрежности которой угасъ вѣчный огонь, была наказываема жестокимъ сѣченіемъ. А если весталка нарушала цѣломудріе, то ее живую хоронили въ подземномъ склепѣ. Обольстителя сѣкли до смерти на площади народныхъ собраній.—Угасаніе огня на жертвенникѣ Весты было предзнаменованіемъ великаго бѣдствія государству. Огонь возобновляли, извлекая его изъ природы,—это долженъ былъ быть новый, чистый огонь; его нельзя было зажигать отъ какого нибудь огня, служившаго для житейскихъ дѣлъ.—Римскій праздникъ Весты былъ въ іюнѣ. Матроны шли тогда босыми ногами въ храмъ Весты, неся въ простыхъ блюдахъ приношеніе пищи на жертвенникъ ея. Это былъ самый главный изъ всѣхъ праздниковъ для мельниковъ и хлѣбопековъ; мельники украшали тогда вѣнками своихъ ословъ. Въ этотъ день праздновалось и воспоминаніе о той старинѣ, когда въ каждомъ домѣ пекли хлѣбъ на своемъ очагѣ, а не покупали его у торговцевъ.

Праздникъ Весты.

Фортуна.

Важное мѣсто въ религіи латиновъ занимала и Фортуна, богиня судьбы, волю которой узнавали посредствомъ бросанія жребіевъ. Знаменитыя древнія святилища ея были въ Пренесте и въ Анціѣ. Ее называли „первородная", Primigenia. Высочайшія божества неба и земли, Юпитеръ и Юнона, были дѣти ея, и она держала ихъ на своемъ материнскомъ лонѣ. Праздникъ ея въ Римѣ въ послѣдствіи времени совершался 24 іюня; это былъ по преимуществу праздникъ простолюдиновъ, бѣдныхъ людей, просившихъ

Ферентина и другія божества природы. богиню о томъ, чтобъ ихъ дѣла улучшились. Какъ у сабинянъ покровительницею племеннаго союза была Феронія, богиня весны, такъ и покровительницею земледѣльческаго латинскаго народа была милая богиня весны и цвѣтовъ, Ферентина; собранія латинскаго союза происходили въ ея священной рощѣ, у ея источника, въ прекрасной долинѣ близъ Альбалонги. Она была однимъ изъ многочисленныхъ божествъ растительной жизни, имѣвшихъ для пастушескихъ и земледѣльческихъ племенъ Италіи наибольшую важность послѣ небесныхъ боговъ. Подъ ихъ покровительствомъ находились посѣвъ, разцвѣтаніе, урожай; они охраняли землю общинъ, управляли ходомъ временъ года. Кромѣ тѣхъ, о которыхъ мы ужь говорили, такими божествами были: Флора, богиня цвѣтовъ, веселой юности, радостей жизни; въ честь ея совершался въ Римѣ около поры цвѣтенія хлѣбовъ веселый народный праздникъ, на которомъ много шутили и дурачились; Палеса была богинею пастуховъ Палатинскаго холма; римскіе поселяне совершали въ честь ея 21 апрѣля праздникъ Палилій, на которомъ просили ее благословить плодородіемъ ихъ стада и прыгали черезъ очистительное жертвенное пламя; Венера первоначально была богинею весны, весенняго оживленія растительности, и въ честь ея совершались сельскіе праздники земледѣльтескаго быта; впослѣдствіи, при знакомствѣ съ греческою миѳологіей, италійцы отожествили ее съ Афродитою, и она сдѣлалась богинею любви; тогда въ Кампаніи, гдѣ нравы были сладострастны, и въ Римѣ служеніе ей получило характеръ, соотвѣтственный новому ея значенію. Теллура (Tellus) была олицетвореніемъ материнскаго лона земли, воспринимающей посѣвъ и возвращающей его людямъ золотою жатвою пищи;— Консусъ былъ богъ посѣва и брака, въ честь котораго происходилъ 21 августа праздникъ консуалій передъ жертвенникомъ, сложеннымъ изъ земли. Богиня Дія, Dea Dia, была покровительницею земледѣльческаго округа города Рима, жрецы которой, Fratres Arvales („Полевые братья") совершали въ маѣ, при началѣ созрѣванія хлѣбовъ, знаменитый праздникъ благодаренія богинѣ и освященія жатвы; они пѣли старинныя пѣсни, въ которыхъ испрашивали изобилія, безопасности, мира нивамъ. Всѣ эти божества земли, земледѣлія, растительности были сходны по своему значенію, и представленія о нихъ часто сливались; праздники ихъ имѣли старинныя формы. Но земля, воспринимающая сѣмена посѣва, принимаетъ въ свои нѣдра и умершихъ; потому божества земледѣлія имѣли близкую связь съ божествами царства умершихъ, страшными божествами, гнѣвъ которыхъ римляне отвращали отъ себя и направляли на враговъ праздниками очищенія, тяжелыми обѣтами покаянія; бывали даже случаи, что римлянинъ обрекалъ себя на смерть для примиренія государства съ этими подземными божествами. Богини подземнаго царства всѣ были только особыми олицетвореніями представленія о „благой матери землѣ", Теллурѣ; мы ужь упоминали объ одной изъ этихъ богинь, Маніи; мы говорили, что въ древнѣйшія времена приносили въ жертву ей людей, вмѣсто которыхъ вѣшали потомъ у дверей дома куколъ и чучела; другія таинственныя богини подземнаго царства назывались Фуринами. Къ этимъ туземнымъ представленіямъ рано стали примѣшиваться греческія; италійцы заимствовали ихъ главнымъ образомъ изъ Кумъ, гдѣ, рядомъ съ культомъ свѣтлаго бога Аполлона и пророчицъ его, сивиллъ, было сильно развито служеніе подземнымъ божествамъ.

(На полях: Флора. Палеса. Венера. Теллура. Консусъ. Dea Dia. Служеніе божествамъ царства умершихъ.)

Характеръ окрестностей Кумъ. Характеръ окрестностей Кумъ таковъ, что поэты помѣщали тутъ входъ въ подземное царство: на сѣверѣ отъ Кумъ лежитъ Ахерузское озеро, а на югѣ окруженное лѣсомъ и скалами озеро Авернъ (Аорнъ); между ними множество страшныхъ ущелій; множество пещеръ, перепутывающихся своими развѣтвленіями; озера лежатъ въ мрачныхъ провалахъ скалъ; изъ-подъ земли рвутся горячіе родники, удушливыя испаренія; утесы приморья изломаны фантастическими углубленіями и выступами; море шумно бьется о нихъ; повсюду видны слѣды разрушительныхъ переворотовъ, видны кратеры угаснувшихъ вулкановъ; — вообще, мѣстность имѣетъ ужасающій характеръ. Греки находили здѣсь тѣ мѣста, ужасы которыхъ описываются въ Одиссеѣ. Они говорили, что Одиссей сошелъ въ подземное царство у Ахерузскаго озера; небольшіе скалистые острова у Мизенскаго мыса считали они островами Сиренъ; одинъ изъ мысовъ того берега называли они Цирценнымъ (Kirkeion, Circejum). — Кумы были центромъ служенія Аполлону, какъ богу прорицанія, органами котораго были сивиллы; оттуда вѣра въ сивиллъ распространилась по Лаціуму, перешла въ Римъ; вѣроятно, изъ Кумъ перешла въ Лаціумъ и легенда о переселеніи Энея въ Италію: первобытнымъ отечествомъ сивиллъ были ущелья горы Иды, въ которыхъ, какъ говоритъ преданіе, удержались по взятіи Трои остатки тевкровъ (II, 97).

Общіе италійскіе боги. Мы перечислили племенныя божества разныхъ италійскихъ народовъ; но религіи этихъ народовъ находились въ тѣсной связи между собою; въ Римѣ онѣ слились; но и раньше того, многія божества и обряды служенія имъ были общими для всѣхъ или почти всѣхъ племенъ Средней Италіи. По одинаковости своего происхожденія, образа жизни, степени умственнаго развитія, по сосѣдскимъ сношеніямъ между собою, племена Средней Италіи имѣли очень много общихъ понятій и обычаевъ; потому много общаго было и въ ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ и обрядахъ. Даже этруски, народъ иной національности и культуры, имѣли въ своей религіи элементы, одинаковые съ италійскими религіозными понятіями. Въ особенности служеніе Юпитеру, благому отцу, небесному богу, было общимъ у народовъ Италіи, какъ почитаніе Зевса Олимпійскаго у грековъ. Всѣ италійскіе народы молились отцу свѣта, верховному богу, живущему на небѣ и правящему всѣмъ на небѣ и землѣ, ниспосылающему съ неба свѣтъ солнца и дождь, дающему возростаніе нивамъ и виноградной лозѣ, проявляющему свое могущество въ молніи и громѣ, въ тучахъ грозы, источнику справедливости, хранителю общественнаго благоустройства и договоровъ, любящему правду и вѣрность обѣщаніямъ, покровителю пословъ и гостей; онъ давалъ побѣду (Jupiter Stator), потому доспѣхи убитыхъ вражескихъ военачальниковъ были приносимы въ даръ ему (Jovi Feretrio), какъ «богатѣйшая добыча» (spolia opima), и побѣдоносный римскій полководецъ, возвращаясь въ Римъ, направлялся торжественною процессіею въ Капитолій, прославлять его за побѣду; онъ былъ богъ, слышащій молитву благочестивыхъ и ниспосылающій помощь имъ.

(На полях: Юпитеръ.)

Юпитеръ Капитолійскій. Юпитеру, какъ покровителю латинскаго союза (Jupiter Latiaris), совершалось служеніе на Альбанской горѣ. Святилищемъ его въ Римѣ былъ капитолійскій храмъ; тамъ ежегодно, въ сентябрскія иды, высшій сановникъ Рима вбивалъ въ перекладину гвоздь, для счета годовъ и для обозначенія неколебимости воли небеснаго покровителя Рима. Онъ былъ царь Рима, „всеблагій, величайшій", Jupiter Optimus Maximus. Въ честь его совершал-

ся государственный праздникъ Рима, Ludi Romani, „Римскія игры". Эти состязанія въ бѣгѣ колесницъ, въ скачкѣ верхомъ, въ маневрахъ пѣшихъ бойцовъ, происходившія въ циркѣ, имѣли военный характеръ. Тріумфы возвращавшихся въ Римъ побѣдоносныхъ военачальниковъ были процессіями приношенія благодарности Юпитеру. Жрецъ его, flamen dialis, былъ выше всѣхъ другихъ римскихъ жрецовъ. Какъ всевидящій богъ дневнаго свѣта, Юпитеръ назывался Diespiter; подъ этимъ именемъ былъ онъ призываемъ въ свидѣтельство феціалами, военными вѣстниками, когда они, взявъ пукъ травы въ руку, требовали удовлетворенія, объявляли войну или заключали миръ. Какъ богъ солнца, онъ назывался у латиновъ и сабинянъ Vejovis; въ этомъ своемъ качествѣ, онъ бывалъ и гнѣвнымъ богомъ, посылалъ повальныя болѣзни. У римлянъ онъ былъ защитникомъ гонимыхъ; святилище его между двумя вершинами капитолійскаго холма служило священнымъ убѣжищемъ, азилемъ.

Diespiter.

Vejovis.

Юнона.

Женою Юпитера была Юнона, богиня небеснаго свѣта и вообще природы. Служеніе ей было особенно развито у этрусковъ; но ее чтили и другіе народы Италіи. Рожденіе дневнаго свѣта изъ мрака ночи было въ религіяхъ древняго міра символомъ рожденія человѣка; потому и въ Италіи богиня свѣта была также богинею рожденія; въ этомъ своемъ значеніи Юнона у римлянъ называлась Луциною.— Діана, богиня луны и охоты, была чтима въ Ариціи тоже, какъ богиня рожденія, и женщины обращались къ ней съ молитвою о томъ, чтобъ она дала имъ дѣтей.

Римскія матроны (матери семействъ) совершали въ мартовскія календы праздникъ въ честь Юноны, называвшійся матроналіями. Въ немъ участвовали только женщины безукоризненной репутаціи. Онъ имѣлъ семейный характеръ.—Какъ у каждаго мужчины былъ духъ покровитель, называвшійся геніемъ, такъ и у каждой женщины была покровительница, называвшаяся Юноною.—Въ латинскомъ городѣ Ланувіѣ было служеніе Юнонѣ хранительницѣ жизни рожениц и новорожденныхъ (Juno Sospita), богинѣ родовъ и кормленія младенцевъ. Въ Тибурѣ и въ Фалеріяхъ совершались праздники въ честь Юноны Квириты (Curitis или Quiritis), копьеносной Юнонѣ, покровительницѣ женщинъ, дающей дѣтей матерямъ, новыхъ воиновъ государству. У этрусковъ Юнона была богинею городскихъ укрѣпленій, царицею цитаделей, защитницею городовъ.

Элементы, соединявшіеся въ римской религіи.

Религіи разныхъ италійскихъ народовъ, ихъ божества, обряды и іерархическія учрежденія слились въ Римѣ. Латины, поселившіеся на Палатинскомъ холмѣ, поклонялись своимъ божествамъ земледѣльческаго пастушескаго быта, Фавну Луперку и Фавнѣ,—пастушеской богинѣ Палесѣ, царю золотого вѣка Сатурну, благой матери-землѣ, женѣ Сатурна, Опѣ, покровительницѣ римскихъ полей Деѣ Діи, богинѣ домашняго очага Вестѣ; когда съ палатинскимъ поселеніемъ соединилось бывшее на Квириналѣ поселеніе сабинянъ, соединенная община стала служить и небеснымъ богамъ: громовержцу, подателю побѣды Юпитеру, богу солнца и всякаго начала Янусу, богу войны и смерти Марсу, его товарищу Квирину, и богу вѣрности, свѣтлыхъ

дѣлъ правды Дію Фидію. Чтобъ укрѣпить это соединеніе латинскихъ и сабинскихъ божествъ и дать каждому римскому государству прочныя религіозныя учрежденія, возвышенные законы вѣры и нравственности, царь Нума, какъ говоритъ преданіе, учредилъ жреческія коллегіи, установилъ правила богослуженія, жертвоприношеній, очищеній, молитвъ и призываній боговъ (indigitamenta); обряды, введенные имъ, охватывали всю жизнь римскихъ гражданъ, пріучали ихъ помнить о невидимомъ присутствіи божества при всѣхъ дѣлахъ жизни, о необходимости божественной помощи при всякомъ предпріятіи; онъ сдѣлалъ служеніе Вестѣ священнымъ центромъ домашней и общественной жизни, далъ римскому государству тотъ строго религіозный характеръ, который сохраняло оно много вѣковъ, поставилъ основаніями государственной жизни обряды, совершаемые жрецами, гаданія о волѣ боговъ, точное соблюденіе богослужебныхъ формъ. «Государство находилось въ постоянныхъ сношеніяхъ съ богами», говоритъ Рубино: «всѣ общественныя дѣла производились по божественной волѣ; связь государства съ таинственными высшими силами поддерживалась непрерывно; надобно было вопрошать боговъ при каждомъ шагѣ, чтобъ они продолжали покровительствовать государству; Риму было необходимо съ самою боязливою заботливостью соблюдать условія, на которыхъ боги давали ему свою помощь; это былъ какъ будто договоръ между Римомъ и богами, и нарушить его правила было бы гибельно Риму».—Когда государство постигали бѣдствія, и нужно было ободрить народъ, былъ совершаемъ праздникъ угощенія боговъ, lectisternium, старинный италійскій обрядъ: жрецы клали изображенія божествъ на мягкія обѣденныя постели, подлѣ которыхъ ставили столы съ кушаньемъ; боги дѣлались гостями римскаго народа, примирялись съ нимъ и оказывали ему помощь.—При первыхъ четырехъ царяхъ Римъ имѣлъ характеръ патріархальнаго государства; Тарквиніи ввели въ староиталійскій бытъ Рима элементы высшей культуры, заимствованные у этрусковъ и грековъ; этимъ было подготовлено будущее величіе римскаго государства.

Римская религія во времена царей.

Въ новомъ государственномъ храмѣ, построенномъ на Капитолійскомъ холмѣ, стало совершаться служеніе Юпитеру, Юнонѣ и Минервѣ; эти божества, бывшія олицетвореніями верховнаго могущества, добродѣтелей женщины и разума, стали высшими божествами римской религіи. Пріобрѣтеніе книгъ сивиллы Кумской и учрежденіе коллегіи жрецовъ для храненія этихъ книгъ было важнымъ шагомъ къ преобразованію римскихъ вѣрованій въ духѣ греческой религіи; представленіе о сивиллахъ принадлежало культу Аполлона. Введеніе греческихъ и этрусскихъ вѣрованій и обрядовъ имѣло непосредственнымъ результатомъ то, что римское богослуженіе сдѣлалось великолѣпнымъ; римляне стали украшать храмы изображеніями боговъ; число жрецовъ и гадателей было увеличено; праздники получили блестящій характеръ, на нихъ были введены процессіи, игры, музыка.—При Тарквиніяхъ пріобрѣли широкое развитіе жреческія учреж-

денія, основанныя, по преданію, Нумою. Кромѣ жрецовъ, исполнявшихъ богослуженіе, у римлянъ были коллегіи сановниковъ, имѣвшихъ своею обязанностью надзоръ за отправленіемъ богослуженія; это были не собственно жрецы, а правители и судьи по религіознымъ дѣламъ. Важнѣйшимъ изъ этихъ учрежденій была коллегія понтифексовъ (первосвященниковъ), состоявшая сначала изъ четырехъ, потомъ изъ восьми членовъ и предсѣдателя, который назывался Pontifex Maximus. Понтифексы были первыми духовными сановниками римскаго государства. Они одни знали всѣ правила богослужебныхъ обрядовъ; при тѣсной зависимости формъ законодательства и правительственныхъ дѣйствій отъ религіозныхъ обрядовъ, коллегія понтифексовъ имѣла большое вліяніе на государственныя дѣла. Какъ у всѣхъ народовъ древняго міра, счетъ времени велся у римлянъ подъ преобладаніемъ надобности опредѣлять дни, когда должны быть совершаемы религіозные праздники; потому на обязанности понтифексовъ лежало устанновлять годичный календарь, объявлять о дняхъ новолуній и полнолуній, назначать дни праздниковъ, опредѣлять, въ какіе дни могутъ, въ какіе не могутъ быть производимы судебныя засѣданія. Коллегія понтифексовъ вела лѣтопись событій, которая долго оставалась единственною лѣтописью Рима; рѣшенія понтифексовъ положили начало и развитію римской юриспруденціи.—Гораздо тѣснѣе былъ кругъ дѣятельности коллегіи авгуровъ, состоявшей первоначально изъ четырехъ членовъ, потомъ изъ девяти (со времени Суллы изъ пятнадцати). Авгуры совершали авспиціи, гаданія собственно римскія. Этрусскія гаданія по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ, называвшіяся гаруспиціями, вошли въ употребленіе у римлянъ очень давно, но коллегія гаруспексовъ была учреждена только уже въ позднія времена. Охраненіемъ священныхъ законовъ международнаго права завѣдывала коллегія феціаловъ. Служеніемъ Марсу управляла коллегія двѣнадцати жрецовъ саліевъ (salii, „скачущіе“, т. е., плясуны). Арвальскіе братья (Fratres Arvales, „полевые“ земледѣльческіе „братья“) съ многочисленными помощниками совершали служеніе Деѣ Діи (Dea Dia), богинѣ нивъ земли города Рима. Храмъ этой богини, тожественной по своему значенію съ Теллурою, Церерою, Опою, Флорою, стоялъ въ священной рощѣ на правомъ берегу Тибра. Главный праздникъ ея былъ въ маѣ. До насъ дошли довольно многія изъ молитвъ, которыми арвальскіе братья просили Дею Дію дать хорошій урожай посѣву, дошли отрывки изъ дѣловыхъ актовъ ихъ коллегіи, въ которыхъ находятся списки праздниковъ ихъ богослуженія, правила ихъ обрядовъ, замѣтки о чудесахъ.—Жреческія коллегіи сами избирали новыхъ членовъ на вакантныя мѣста (пополнялись кооптаціею). Въ другихъ культахъ, управленіе дѣлами было поручено не коллегіи жрецовъ, а главному жрецу. Изъ этихъ жрецовъ самыми важными по своему сану были фламины („Возжигатели“), изъ нихъ особенно важны были три великіе фламина (flamines majores): главный жрецъ Юпитера (flamen Dialis), главный жрецъ Марса (flamen Martialis) и главный жрецъ Квирина (flamen Quirinalis); а изъ этихъ трехъ великихъ фламиновъ самымъ почетнымъ сановникомъ былъ flamen Dialis; жена его, называвшаяся Фламиникою, была главною жрицею Юноны. Онъ жилъ на Палатинскомъ холмѣ. Въ одеждѣ и въ образѣ жизни онъ долженъ былъ соблюдать множество строгихъ правилъ. Кромѣ трехъ великихъ фламиновъ, было двѣнадцать другихъ, бывшихъ жрецами второстепенныхъ божествъ; объ нихъ упоминается рѣдко, и кажется, что въ позднѣйшія времена республики ихъ санъ былъ уничтоженъ.

Понтифексы. Авгуры. Феціалы. Саліи. Арвальскіе братья. Фламины.

По изгнаніи Тарквинія произошелъ возвратъ къ патріархальному

быту, и возвысилось значеніе старинныхъ италійскихъ божествъ; но это удержалось не долго; скоро, подъ вліяніемъ торговыхъ и политическихъ сношеній съ иностранцами, началась борьба новыхъ тенденцій цивилизаціи съ теократическимъ и патріархальнымъ духомъ сабинской старины и учрежденій Нумы. Она кончилась побѣдою гражданской свободы, равноправности и религіознаго прогресса. Съ покореніемъ греческихъ городовъ Южной Италіи и Сициліи настаетъ для римской государственной религіи новый періодъ развитія. У римлянъ издавна былъ обычай включать въ число своихъ божествъ божества покоренныхъ народовъ въ благодарность за то, что они дозволили Риму завоевать ихъ области; это имѣло результатомъ введеніе множества новыхъ боговъ и культовъ въ римскую религію. Другою причиною преобразованія ея было то, что римскій народъ ознакомился съ греческимъ міромъ, и у знатныхъ римлянъ развилась любовь къ греческимъ искусствамъ, поэзіи, знаніямъ; это повело къ сліянію греческихъ религіозныхъ понятій съ римскими; прозаическая, строгая религіозность старины съ своими жреческими законами и формами богослуженія постепенно замѣнилась уступчивыми къ чувственнымъ вліяніямъ ученіями исказившейся греческой религіи; кончилось тѣмъ, что нравственная распущенность проникла въ римскій народъ и внесла въ его религію сладострастные обряды. Еще во вторую пуническую войну былъ введенъ въ Римъ сладострастный фригійскій культъ матери боговъ (II, 370); зараза распространялась очень быстро, какъ видимъ изъ того, что скоро стало необходимымъ принять и въ Римѣ и по всей Италіи строгія мѣры противъ разврата бакховыхъ таинствъ. Черезъ нѣсколько времени высшее сословіе стало держаться понятій греческой философіи, отрицавшей народныя вѣрованія; образованные люди стали все больше и больше пренебрегать старинными обрядами, такъ что они скоро сдѣлались только средствомъ дѣйствовать на мысли простонародья, продолжавшаго уважать ихъ; понятія высшихъ сословій о религіи совершенно разошлись съ народною вѣрою. Скоро упало и знаніе старинныхъ обрядовъ. Пока члены жреческой коллегіи сами выбирали себѣ товарищей на открывавшіяся въ ней мѣста, они выбирали людей знающихъ; но когда право кооптаціи было отмѣнено и назначеніе духовныхъ сановниковъ было предоставлено выбору народа, эти почетныя должности стали получать богатые честолюбивые люди, чуждые религіозныхъ знаній. Излагая политическую исторію Рима, мы будемъ подробнѣе говорить объ упадкѣ прежнихъ вѣрованій, потому что религія имѣетъ тѣсную связь съ законами, обычаями и понятіями народа, ея исторія составляетъ часть государственной исторіи его. Теперь остается намъ сказать еще объ одной особенности римской религіи: когда распространилось у римлянъ просвѣщеніе, они составили себѣ множество абстрактныхъ божествъ, аллегорическихъ

Государственная религія при республикѣ. Абстрактныя божества.

существъ, не имѣвшихъ никакой миѳологической опредѣленности; источникомъ ихъ было вѣрованіе, что все въ мірѣ проникнуто божественною силою; выдѣляя спеціальныя качества изъ общаго понятія объ этой божественной силѣ, римляне получали особенныя божества, служившія олицетвореніемъ отвлеченныхъ понятій.

Мы видѣли, что ужь и въ древнѣйшія времена были такія божества; напримѣръ Iuventus, («Молодость»), богиня храброй молодости; Fides, («Вѣрность»), богиня вѣрности римскаго государства даннымъ обѣщаніямъ, государственной добросовѣстности; Terminus («Предѣлъ»), богъ межей и межевыхъ знаковъ, охранитель поземельной собственности; Fortuna, богиня удачи; genii, духи-хранители отдѣльныхъ людей, семействъ, городовъ, областей, народовъ; разныя животворящія силы, которымъ молились по формуламъ, собраннымъ впослѣдствіи въ сборники, называвшіеся indigitamenta (руководства къ призываніямъ геніевъ). Но эти божества были созданіями наивной, живой вѣры въ божественныя силы, разлитыя по всей природѣ, движущія всѣми явленіями физической и душевной жизни; имъ молились въ духѣ стариннаго благочестія, обряды служенія имъ совершались по стариннымъ правиламъ. Другія абстрактныя божества были безъ сомнѣнія заимствованы у грековъ; напримѣръ, Pax (миръ) богиня мира (греческая Eirene); Беллона (греческая Enyo), жена Марса; Pallor и Pavor («блѣдность» и «страхъ»), спутники Марса (греческіе боги Deimos и Phobos); Викторія («Побѣда»; греческая богиня Nike), богиня побѣды. Но у грековъ было гораздо меньше склонности къ такому прозаическому олицетворенію абстрактныхъ понятій, чѣмъ у италійцевъ; и огромное большинство такихъ божествъ изобрѣтено самими римлянами. Чѣмъ больше утрачивали римляне свѣжесть наивнаго вѣрованія, тѣмъ прозаичнѣе становились эти изобрѣтенія, и наконецъ аллегорическія божества сдѣлались пустыми реторическими выраженіями на-половину политической, на-половину пантеистической религіозной фразеологіи. Были между прочимъ создаваемы и абстрактныя божества житейскихъ дѣятельностей, ремеслъ, профессій. Такъ, напримѣръ, изобрѣтенъ Меркурій, богъ торговли, покровитель купцовъ и рынковъ, и отожествленъ съ греческимъ Гермесомъ. По части медицины были изобрѣтены Salus («здоровье»), богиня здоровья; Carna богиня, дающая здоровье сердцу и другимъ внутреннимъ органамъ; Febris («Лихорадка»), богиня, охраняющая отъ лихорадки. Въ 291 году до Р. Х., при сильной эпидеміи, римляне привезли изъ Эпидавра Эскулапа (Асклепія) и соорудили ему въ Римѣ на островѣ Тибра прекрасный храмъ, при которомъ устроили лечебницу. Когда они стали чеканить серебряную монету, то создали Аргентина («бога серебра»), который, какъ и слѣдовало, былъ сыномъ бога болѣе старой, мѣдной монеты, Эскулапа. Они сдѣлали божествами Honos «честь», почетъ, Virtus, военную доблесть, Libertas, свободу, Spes, надежду, Felicitas, счастье и другія такія понятія; были сдѣланы у нихъ божествами и добродѣтели: Concordia, единодушіе; Pietas, любовь къ родителямъ, къ богамъ, къ отечеству; Pudicitia, женская скромность; Clementia, милосердіе, и т. д. Наконецъ, по льстивому внушенію грековъ, изобрѣтена богиня, служившая олицетвореніемъ города Рима, dea Roma, и установлено служеніе, построены храмы ей, дѣлались ея статуи, были учреждены игры въ честь ея.

II. Римъ во времена царей.

(По обыкновенной хронологіи 753—509 годы до Р. Х.)

1. Сказаніе о первыхъ четырехъ царяхъ.

Сказанія о происхожденіи Рима.

Римская легендарная исторія разсказываетъ о происхожденіи Рима такъ: царь Альбалонги Нумиторъ, потомокъ Энея и его сына Юла (II, 97.), былъ свергнутъ съ престола братомъ, Амуліемъ; дочь Нумитора Илія или Рея Сильвія была сдѣлана весталкою, для того, чтобы не могла она выйдти замужъ и имѣть дѣтей. Но однажды, пошедши за водой, дѣвственная жрица Весты была застигнута въ священной пещерѣ Марсомъ, который былъ у италійскихъ народовъ богомъ не только войны, но и оплодотворенія; когда она при разныхъ знаменіямъ и чудесахъ родила близнецовъ Ромула и Рема, Амулій велѣлъ утопить ее въ Тибрѣ. (Рея Сильвія значитъ «обвиненная» или «посвященная Богу» дѣвушка, или женщина изъ царской фамиліи Сильвіевъ). Богъ рѣки Тибра принялъ ее съ любовью, и она сдѣлалась его женою. Близнецы тоже были брошены въ рѣку; но Тибръ, бывшій тогда въ разливѣ, принесъ къ подошвѣ Палатинскаго холма колыбель, въ которой они были пущены на воду; колыбель остановилась у берега подъ руминальской смоковницей близъ священной пещеры Луперка. Тамъ волчица бога Марса кормила малютокъ своимъ молокомъ, пока нашелъ ихъ Фавстулъ, смотритель царскихъ стадъ; онъ отдалъ ихъ своей женѣ Аккѣ Лоренціи, и та выкормила ихъ. Близнецы росли пастухами и выросли такіе прекрасные и сильные, что всѣ товарищи слушались ихъ. По случаю ссоры между пастухами Амулія и Нумитора было узнано, кто они; услышавъ о своемъ происхожденіи, они возвратили своему дѣду Нумитору царскую власть въ Альбалонгѣ и рѣшили основать новый городъ на одномъ изъ семи холмовъ у Тибра въ той мѣстности, гдѣ были спасены и выросли между пастухами. Ихъ прежніе товарищи, пастухи сосѣдней мѣстности, присоединились къ нимъ. Но по вопросу о томъ, на какомъ холмѣ основать городъ и чьимъ именемъ назвать

его, произошелъ споръ между братьями; Ремъ хотѣлъ основать городъ на Авентинскомъ холмѣ, а Ромулъ—на Палатинскомъ. Наконецъ они согласились предоставить рѣшеніе богамъ, вопросить ихъ наблюденіемъ полета птицъ. Они пошли каждый на свой холмъ и, совершивъ священные обряды, молча ждали съ товарищами своими небесныхъ знаменій всю ночь. Когда солнце уже восходило на краю неба, Ремъ увидѣлъ шесть коршуновъ, и тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ Ромулъ увидѣлъ двѣнадцать коршуновъ; товарищи Ромула провозгласили, что дѣло рѣшено богами въ его пользу, и за нимъ было признано право основать городъ и дать ему имя. Онъ основалъ у лѣваго берега Тибра городъ на Палатинскомъ холмѣ, гдѣ издавна имѣли жилища латинскіе пастухи и гдѣ совершали они сельскіе праздники въ честь своихъ боговъ, дававшихъ землѣ плодородіе (стр. 19). По своему имени Ромулъ назвалъ новый городъ Roma.

Ромулъ 1—38 отъ основанія Рима, 753—716 до Р. Х.

Онъ провелъ борозду, обозначавшую границы города,—сама борозда показывала мѣсто, гдѣ будетъ ровъ, а возвышеніе, образуемое землею изъ борозды, показывало мѣсто, гдѣ будетъ валъ; провелъ и границу померія, священной полосы, которая по древнему обычаю должна была оставаться между строеніями города и его стѣною; освятилъ померій. Ремъ, раздраженный противъ брата, перепрыгнулъ въ насмѣшку надъ нимъ черезъ стѣну города, которая на первый разъ была построена очень невысокая; за это Ромулъ убилъ его и воскликнулъ: «такъ пусть будетъ со всякимъ, кто отважится перейдти чрезъ эти стѣны». Чтобы примирить съ собою тѣнь убитаго брата, Ромулъ установилъ праздникъ Лемурій въ честь усопшихъ.

Легенды о происхожденіи Рима имѣютъ тѣсную связь съ праздниками и богослуженіемъ римской старины; такъ, напримѣръ, днемъ основанія Рима считалось 21 апрѣля, день праздника Палилій, совершавшагося въ честь Палесы, богини-покровительницы городскаго округа Рима. Другая легенда говоритъ, что Ромулъ сдѣлалъ новооснованный городъ убѣжищемъ для изгнанниковъ и что это привлекло въ Римъ новыхъ поселенцевъ, людей, бѣжавшихъ, или изгнанныхъ изъ родины; это сказаніе возникло изъ того, что между двумя рощами, находившимися на Тарпейскомъ холмѣ, существовало убѣжище (азиль). Въ Римѣ былъ праздникъ луперкалій («волчій праздникъ»); его совершали у подошвы Палатинскаго холма; онъ имѣлъ сельскій характеръ патріархальной простоты и грубой шутливости; безъ сомнѣнія, онъ былъ остаткомъ тѣхъ временъ, когда пастухи, разбойники, дикіе звѣри и волны Тибра боролись между собою у колыбели будущаго великаго города.

Похищеніе сабинянокъ.

Римъ былъ основанъ одними только мужчинами, продолжаетъ легенда; сосѣднія племена не хотѣли отдавать дѣвушекъ за этихъ бѣглецовъ и съ насмѣшкой отвергали ихъ свадебныя предложенія; Ромулъ вздумалъ обманомъ и насиліемъ добыть своимъ сподвижникамъ женъ, которыхъ не давали имъ по доброму согласію. Онъ устроилъ праздникъ Консуалій (стр. 30) и пригласилъ на него сосѣдовъ. Они сошлись съ женами и дѣтьми; но въ то время, какъ они

беззаботно смотрѣли на военныя игры, римляне по данному Ромуломъ знаку бросились на нихъ и похитили дѣвушекъ. Отцы и матери убѣжали, возсылая богамъ жалобы на нарушеніе законовъ гостепріимства; сердились сначала и дѣвушки, но ласки мужей мало по-малу смягчили ихъ гнѣвъ. Оскорбленныя племена рѣшили отмстить римлянамъ. Жители трехъ латинскихъ городовъ, Ценины, Крустумерія и Антемнъ, пошли на Римъ, не дожидаясь сабинянъ. Римляне разбили ихъ порознь. Ромулъ убилъ ценинскаго царя Акрона, повѣсилъ его доспѣхи въ храмѣ Юпитера Феретрія и отпраздновалъ первый тріумфъ въ предзнаменованіе того, что Римъ будетъ побѣждать всѣхъ враговъ своихъ. Послѣ того пошли на Римъ сабиняне подъ предводительствомъ куресскаго царя Тита Тація. Посредствомъ хитрости они овладѣли крѣпостью Капитолійскаго холма: Тарпея, дочь начальника крѣпости, обольстилась золотыми уборами сабинянъ и отворила имъ ворота, условившись съ ними о наградѣ. Условіе было такое: они дадутъ ей «то, что носятъ на лѣвой рукѣ»; она понимала подъ этими словами золотые браслеты сабинянъ; но они вмѣстѣ съ этими уборами стали бросать на нее свои щиты, подъ тяжестью которыхъ она умерла; такъ она получила смерть за измѣну. Съ той поры утесъ, образующій западную сторону Капитолійскаго холма, сталъ называться Тарпейскою скалою; впослѣдствіи съ этой скалы были низвергаемы преступники. Сабиняне и римляне долго сражались съ перемѣннымъ счастіемъ на болотистой низменности между Капитолійскимъ и Палатинскимъ холмами, гдѣ впослѣдствіи былъ римскій форумъ. Наконецъ римляне были побѣждены, обратились въ бѣгство, но Ромулъ далъ обѣтъ построить храмъ Юпитеру Останавливателю (Jupiter Stator), и бѣгущіе римляне остановились. Битва на низменности закипѣла вновь, и побѣда колебалась, когда вдругъ отворились ворота Рима; похищенныя сабинянки съ распущенными волосами и въ разорванныхъ одеждахъ бросились между сражающимися, умоляя ихъ прекратить битву. Они заключили миръ и вѣчный союзъ, постановили, что римляне и сабиняне соединяются въ одно государство, что сабинскій царь Титъ Тацій будетъ править государствомъ и начальствовать войскомъ вмѣстѣ съ Ромуломъ, что всѣ храмы обоихъ народовъ будутъ общіе для нихъ и что римляне присоединятъ къ своему имени названіе квиритовъ (по мнѣнію римлянъ позднѣйшихъ временъ слово «квириты» происходило отъ имени города Куресъ). Такимъ образомъ женщины спасли Римъ. Въ воспоминаніе объ этомъ подвигѣ ихъ, о томъ, что онѣ примирили враждующіе народы, Ромулъ установилъ праздникъ Матроналій и далъ женщинамъ много почетныхъ правъ.

Куріи, на которыя дѣлились римскіе полноправные граждане, были названы имена-

ми похищенныхъ сабинянокъ, возведенныхъ такимъ образомъ въ санъ родоначальницъ римско-сабинскихъ патриціевъ; жены были освобождены отъ всякой домашней службы, кромѣ пряденія шерсти и тканья; Ромулъ сверхъ того постановилъ, что при встрѣчѣ съ матроной мужчина долженъ уступать ей дорогу; что оскорбившій женщину дѣломъ или неприличными словами подвергается наказанію; что если гражданинъ отсылаетъ отъ себя жену, невиновную ни въ нарушеніи вѣрности, ни въ намѣреніи отравить его, ни въ воровствѣ, то половина его имущества отдается женѣ, а другая храму Цереры. — Какъ въ другихъ эпизодахъ легенды объ основаніи Рима, такъ и въ разсказѣ о похищеніи сабинянокъ древніе религіозные обычаи похищенія невѣстъ и бракосочетанія произведены изъ вымышленнаго случая. На Квиринальскомъ и Капитолійскомъ холмахъ существовало сабинское поселеніе, а на Палатинскомъ холмѣ было поселеніе, называвшееся Римомъ; эти два поселенія слились въ одно. Разсказъ о похищеніи сабинянокъ проще всего объясняется, по замѣчанію Ине, обрядами римской свадьбы: «женихъ какъ будто силой уводилъ невѣсту изъ дома ея родныхъ; ее провожали въ новое жилище трое юношей; женихъ переносилъ ее черезъ порогъ; когда причесывали волоса ея, то дѣлали проборъ остріемъ копья. Римская дѣвушка выходила замужъ какъ будто по принужденію и дѣлала видъ, что она огорчена».

Историческое значеніе легенды объ основаніи Рима.

Въ легендарныхъ сказаніяхъ объ основаніи Рима, которыя развивались въ теченіи вѣковъ прежде, чѣмъ были записаны, прикрытъ поэзіею тотъ историческій фактъ, что латинское поселеніе, находившееся на Палатинскомъ холмѣ, вступило въ союзъ, а потомъ соединилось въ одну общину къ сабинскимъ поселеніемъ, находившимся на Квиринальскомъ и Капитолійскомъ холмахъ, что латины и сабиняне соединились въ одно государство на равныхъ правахъ. Объ этомъ фактѣ свидѣтельствуетъ и преданіе, что Ромулъ раздѣлилъ народъ на три трибы, т. е. на три племени; имена трибъ были: Рамны, Тиціи, Луцеры. Рамны, безъ сомнѣнія, были латины Палатинскаго поселенія, тиціи — сабиняне Тита Тація; но о томъ, кто были луцеры, ученые думаютъ неодинаково; по мнѣнію однихъ, это были этруски, имѣвшіе поселеніе на Целійскомъ холмѣ и соединившіеся съ латинами и сабинянами на равныхъ правахъ позже соединенія этихъ двухъ племенъ между собою; другіе полагаютъ, что на Целійскомъ холмѣ поселились латины изъ Альбалонги, такъ что луцеры были латины. Моммсенъ думаетъ, что въ древнѣйшемъ раздѣленіи народа на три трибы сохранился слѣдъ происхожденія Рима изъ слiянія трехъ поселеній, прежде бывшихъ, вѣроятно, независимыми; жители этихъ поселеній рамны, тиціи, луцеры имѣли прежде каждые свой особый округъ; такимъ образомъ Римъ произошелъ подобно тому, какъ возникли въ Аттикѣ Аѳины: жители разныхъ округовъ соединились въ одинъ городъ. Основной элементъ составляли, по мнѣнію Моммсена, сабиняне; къ нимъ, вѣроятно, присоединились переселенцы изъ другихъ сабелльскихъ племенъ; населеніе города на Палатинскомъ холмѣ было сабинское; впослѣдствіи съ „городомъ семи холмовъ“ соединилось поселеніе римлянъ, бывшее на Квириналѣ. Но остается темно, по мнѣнію Моммсена, кто были луцеры; достовѣрнымъ кажется то, что община, жившая на Целійскомъ холмѣ, первоначально находилась въ менѣе тѣсныхъ отношеніяхъ къ римлянамъ - сабинянамъ, чѣмъ находились они другъ къ другу; быть можетъ, она была сначала подчинена имъ и только уже впослѣдствіи получила политическую равноправность. Племена, изъ которыхъ составилась римская община, имѣли одинаковыя государственныя учрежденія, одинаковые обычаи, религіозныя понятія и обряды; они привыкли быть въ сосѣдскихъ отношеніяхъ между собою; вѣроятно заключали между собою договоры, что граждане одного поселенія могутъ пріобрѣтать въ другомъ собственность; вѣроятно брачные

союзы между ними были равноправные; конечно между ними былъ союзъ гостепріимства; все это должно было содѣйствовать тому, что они довольно скоро соединились въ одну общину. Сліяніе разныхъ племенъ въ одно неразрывное цѣлое легенда характеризуетъ разсказомъ о символическомъ обрядѣ: переселенцы, основывавшіе Римъ, принесли съ собою куски земли и первые плоды изъ родныхъ мѣстъ, выкопали яму и бросили ихъ туда въ знакъ того, что каждый будетъ имѣть теперь въ новомъ городѣ свою родную землю и переносить на него всѣ тѣ чувства привязанности, какія имѣлъ къ родинѣ. Яма эта называлась mundus. Новѣйшіе ученые считаютъ ошибочнымъ то мнѣніе, что первоначально были двѣ независимыя общины: римская на Палатинскомъ холмѣ и квиритская въ Куресѣ и что, когда куресская община вошла въ составъ римской, то имя ея жителей „квириты“ вытѣснило изъ богослужебнаго и юридическаго языка имя римлянъ, принадлежавшее Палатинской общинѣ. Теперь полагаютъ, что названіе „квириты“ значитъ „копьеносцы“ и что оно было почетнымъ именемъ военнаго сословія въ отличіе отъ всего состава римскаго населенія.

Смерть Ромула.

Время правленія двухъ царей было непродолжительно. Титъ Тацій, человѣкъ жестокій, былъ, на народномъ праздникѣ въ Лавиніѣ, убитъ жителями Лаврента, которыхъ обидѣлъ тѣмъ, что не позволилъ имъ мстить за кровь его родственникамъ, виновнымъ въ убійствѣ. Его похоронили въ лавровой рощѣ Авентинскаго холма. Ромулъ остался царемъ одинъ, и правилъ, какъ говоритъ легенда, справедливо и кротко; уважалъ мнѣнія сената, чтилъ боговъ и знаменія воли ихъ, устроилъ войско, составилъ отрядъ всадниковъ, смирилъ Фидены и побѣдилъ могущественный городъ Веіи, далъ Риму благоустройство, сдѣлалъ его сильнымъ государствомъ. Онъ царствовалъ со славою тридцать семь лѣтъ и внезапно исчезъ изъ среды людей. Во время смотра на Марсовомъ полѣ поднялась гроза; при грохотѣ грома и блескѣ молніи онъ былъ вознесенъ на колесницѣ Марсомъ на небо вести вѣчную блаженную жизнь съ безсмертными богами. Народъ, т. е. община римскихъ копьеносцевъ (квиритовъ), стала чтить его, какъ бога, подъ именемъ Квирина, по полученному отъ него самого повелѣнію. Такимъ образомъ служеніе Марсу стало основою единства двухъ племенъ, слившихся въ римскую общину.

Междуцарствіе 38 о. Р.—715 до Р. Х.

Нума Помпилій 39 о. Р.—714 —672 до Р. Х.

Упрочить основанное на военной силѣ государство гражданскимъ и религіознымъ благоустройствомъ было, говоритъ легенда, главною заботою второго царя, Нумы Помпилія, мудраго и благочестиваго сабинянина, уроженца Куреса, избраннаго народомъ послѣ довольно долгаго междуцарствія. Чтобы пріучить народъ къ мирному, законному порядку и къ почитанію боговъ, онъ избѣгалъ войны, такъ что храмъ Януса, стоявшій при входѣ на площадь народныхъ собраній, оставался запертъ во все продолженіе его царствованія (стр. 28); такое счастіе Римъ испыталъ до самаго правленія Августа только одинъ разъ, въ годы по окончаніи первой Пунической войны. Пользуясь мирнымъ временемъ, Нума установилъ обряды богослуженія и учредилъ кол-

легіи жрецовъ, чтобы смягчить духовной дисциплиной грубыхъ людей, которыхъ до той поры удерживали въ порядкѣ только военная дисциплина, и облагородить ихъ нравы. Онъ соединилъ латинскихъ и сабинскихъ боговъ въ одну религіозную систему, построилъ имъ храмы и жертвенники, укрѣпилъ религіозной связью государственный союзъ разныхъ племенъ, установилъ тѣ религіозные обряды, молитвы и заповѣди, которыя пріобрѣли такое важное значеніе въ государственной жизни Рима, организовалъ жреческое сословіе, распредѣливъ его на разряды, учредилъ коллегіи авгуровъ и религіозныя братства.

Богослужебныя учрежденія Нумы.

Обряды богослуженія, установленные Нумою, были просты сообразно простотѣ народнаго быта; но онъ хотѣлъ подчинить всѣ стороны жизни строгимъ религіознымъ правиламъ. Онъ заповѣдалъ молиться богамъ при начатіи всякаго дѣла; малѣйшая ошибка въ исполненіи предписанныхъ обрядовъ богослуженія требовала новыхъ обрядовъ для покрытія этой вины передъ богами. Мы уже говорили о тѣхъ божествахъ, служеніе которымъ было учреждено Нумою; это были: Веста, на очагѣ которой поддерживался священный огонь чистыми руками служившихъ ей дѣвушекъ, весталокъ; вѣчный огонь на очагѣ Весты былъ символомъ невидимаго пламени жизни государства; двулицый Янусъ, богъ всякаго начала; боги земледѣлія и поземельной собственности; сабинскій богъ войны и весны Марсъ и окружавшія его божества. Мы уже говорили и о жреческихъ коллегіяхъ, совершавшихъ богослуженіе и наблюдавшихъ за исполненіемъ обрядовъ подчиненными имъ священнослужителями (стр. 34 слѣд.)

Другія постановленія Нумы.

Законодательная дѣятельность Нумы не ограничивалась религіозными дѣлами; онъ заботился также о введеніи благоустройства въ гражданскую жизнь, въ хозяйственный бытъ народа. Онъ роздалъ бѣднымъ гражданамъ завоеванныя Ромуломъ земли и, чтобы пробудить чувство законности, упрочить порядокъ имущественныхъ отношеній, разграничилъ поземельныя владѣнія бороздами и межевыми камнями. Онъ старался о развитіи торговли и ремеслъ, соединилъ ремесленниковъ въ корпораціи, учредилъ собранія, жертвоприношенія, праздники каждой корпораціи, установилъ правила торговли на рынкѣ. Чтобы поднять уваженіе къ праву собственности, пріучить народъ къ честности въ торговыхъ и всякихъ другихъ дѣлахъ, онъ ввелъ служеніе богу межей, Термину, и богинѣ вѣрности, Фидесъ (Fides), построилъ храмы и установилъ праздники имъ.

Нимфа Эгерія.

Руководительницею Нумы въ этой благотворной законодательной дѣятельности была нимфа Эгерія, которая бесѣдовала съ нимъ по ночамъ въ своей священной рощѣ, открывала ему волю боговъ, и научила его смягчать громовержца Юпитера безкровными жертвами. Прежде Юпитеру приносили въ жертву людей; теперь онъ сталъ довольствоваться жертвами, которыя были символами человѣческихъ жертвоприношеній: вмѣсто людей стали приносить ему луковицы, волоса и сарделей. Простота богослуженія, установленнаго Нумою, видна особенно изъ того, что почти всѣ жертвы были безкровныя.

Значеніе легендъ о Ромулѣ и Нумѣ.

Правленіе миролюбиваго царя Нумы продолжалось сорокъ три года; народное сказаніе прославляетъ это время ненарушимаго спокойствія, благоустройства, тихаго счастія, какъ второй золотой вѣкъ, справедливость, богобоязненность и радость владычествовали тогда въ государствѣ. Когда скончался тихою смертью благочестивый царь, бывшій примѣромъ всѣхъ благодѣтелей, народъ печалился, какъ будто каждый лишился отца. Въ такомъ сіяніи передала легенда черты второго царя Рима потомству. Нума и Ромулъ—олицетворенія тѣхъ дѣятельностей, которыми положено было прочное основаніе будущему Риму: въ Ромулѣ олицетворено мужество, въ Нумѣ—уваженіе къ богамъ; эти два качества считались въ древности двумя коренными гражданскими добродѣтелями; они были необходимы для Рима; изъ нихъ развилось могущество этого города, самое имя котораго значитъ «сила» (Roma). Потому легенда и поставила въ началѣ исторіи Рима военнаго царя Ромула и мирнаго царя, установителя богобоязненности, Нуму, сдѣлала основателями государства представителей коренныхъ силъ его; она говоритъ, что Нума былъ ученикомъ Пиѳагора; она не обращаетъ вниманія на хронологическую невозможность этого и тѣмъ сама показываетъ, что Нуму слѣдуетъ считать не дѣйствительнымъ лицомъ, а только олицетвореніемъ религіозныхъ и нравственныхъ учрежденій.

Туллъ Гостилій 82—113 о. Р. 671—640 до Р. Х.

Послѣ междуцарствія третьимъ царемъ Рима сталъ храбрый латинскій воинъ Туллъ Гостилій, пошедшій путемъ Ромула и потому называемый въ легендѣ родственникомъ его. Латинскіе поселяне дѣлали набѣги на римскую землю, римляне на латинскую; изъ этого возникли неудовольствія, потомъ началась и война между Римомъ и Альбалонгою. Войска встрѣтились въ пяти миляхъ отъ Рима и готовились вступить въ битву, но вмѣсто того согласились, чтобы споръ былъ рѣшенъ поединкомъ трехъ братьевъ Горацiевъ съ тремя братьями Куріаціями. Храбростью и военной хитростью одного изъ Горацiевъ побѣда была доставлена Риму, и Альбалонга покорилась римлянамъ.

Легенда о боѣ Горацiевъ съ Куріаціями.

Войска стояли въ боевомъ порядкѣ, готовыя къ сраженію, говоритъ легенда, но, желая избѣжать излишняго кровопролитія, согласились, чтобы споръ былъ рѣшенъ поединкомъ: которая сторона побѣдитъ на поединкѣ, та будетъ господствовать надъ другой. И въ томъ и въ въ другомъ войскѣ находилось по три брата, которые были всѣ три близнецы; они были родственники между собою, были равны лѣтами и силой. Они были избраны рѣшить поединкомъ судьбу Альбалонги и Рима. Войска стояли зрителями поединка. Когда избранные воины сошлись, говоритъ Ливій, и заблистали мечи, всѣ вздрогнули; а пока не видно было, на какую сторону склонится побѣда, всѣ стояли, молча, затаивъ дыханіе. Начался рукопашный бой, показалась кровь; двое изъ римлянъ, одинъ послѣ другаго, упали мертвые, а всѣ три альбанца были ранены. Римлянинъ, который оставался живъ одинъ, не былъ раненъ и употребилъ хитрость. Чтобы раздѣлить своихъ противниковъ, онъ обратился въ бѣгство, разсчитывая, что они будутъ бѣжать за нимъ не съ равной быстротой, потому что раны ихъ были неодинаково

тяжелы. Такъ это и вышло. Оглянувшись черезъ нѣсколько времени, онъ увидалъ, что они бѣгутъ за нимъ на большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга, и что одинъ ужь недалеко отъ него. Онъ бросился на этого передняго очень быстро и убилъ его, прежде чѣмъ другіе подоспѣли; убивъ перваго, онъ бросился на второго, побѣдилъ и его; тогда уже почти не осталось сомнѣнія въ томъ, чѣмъ кончится бой. Третій, который отъ слабости едва могъ держать щитъ, не устоялъ противъ ободреннаго побѣдой римлянина, былъ убитъ, и смерть его рѣшила, что Альбалонга должна покориться Риму. Радостно пошло домой римское войско. Впереди шелъ Горацій, неся оружіе побѣжденныхъ противниковъ. Когда онъ подходилъ къ Риму, встрѣтила его у Капенскихъ воротъ сестра, дѣвушка, бывшая невѣстой одного изъ куріацievъ. Увидѣвъ на плечѣ брата пеструю военную одежду жениха, которую ткала для него сама, она стала рвать на себѣ волосы, произнося съ воплемъ имя своего жениха. Братъ вспыхнулъ досадой на то, что сестра плачетъ о его побѣдѣ, печалится при великой всеобщей радости; онъ выхватилъ мечъ и пронзилъ сестру со словами: «иди къ твоему жениху, забывшая отечество! такъ да погибнетъ каждая римлянка, которая будетъ печалиться о смерти врага!» Сенаторовъ и гражданъ привело въ ужасъ это дѣло, но убившій сестру оказалъ великую услугу родинѣ. Впрочемъ все-таки его предали суду. По закону слѣдовало его наказать смертью. Но старикъ отецъ со слезами просилъ не сдѣлать совершенно бездѣтнымъ его, который еще такъ недавно былъ богатъ прекрасными дѣтьми; сжалившись надъ отцомъ, народъ, къ которому Горацій обратился съ просьбой о пощадѣ, избавилъ его отъ смерти, но въ наказаніе за убійство осудилъ его пройдти съ закрытой головой подъ ярмо,—такъ называлось положенное на два стоячія копья третье копье.

Поединокъ Горацievъ съ Куріаціями былъ однимъ изъ любимыхъ преданій римлянъ. Старинные памятники въ самомъ городѣ и за городомъ служили подтвержденіемъ этому сказанію. Въ Римѣ было ярмо сестры (Sororium tigillum), памятникъ древнѣйшаго случая наказанія за убійство по суду народа; былъ столбъ Горація (pila Horatia), на которомъ побѣдитель повѣсилъ оружіе побѣжденныхъ; у Капенскихъ воротъ былъ надгробный памятникъ убитой сестры, — груда камней; на полѣ, гдѣ происходилъ поединокъ, были гробницы трехъ Куріацievъ и двухъ убитыхъ Горацievъ; былъ ровъ, называвшійся Клуиліевымъ и считавшійся рвомъ, который былъ проведенъ кругомъ альбанскаго стана.

Разрушеніе Альбалонги.

По договору, заключенному передъ поединкомъ, Альбалонга должна была теперь повиноваться Риму и граждане ея должны были ходить на войну вмѣстѣ съ римлянами подъ начальствомъ римскаго царя. Но имъ, гражданамъ стариннаго знаменитаго города, тяжело было находиться въ подчиненіи Риму, городу новому; ихъ царь Меттій Фуфецій хотѣлъ коварствомъ избавить Альбалонгу отъ обиднаго подчиненія Риму. Онъ внушилъ гражданамъ Фиденъ и Вейи идти войной на Римъ. Туллъ Гостилій пошелъ противъ нихъ; вмѣстѣ съ римлянами шли и альбанцы подъ начальствомъ своего царя. Когда началось сраженіе, Меттій Фуфецій отошелъ съ своимъ войскомъ на холмъ и смотрѣлъ, на чью сторону будетъ склоняться побѣда. Туллъ Гостилій не смутился и закричалъ римлянамъ, что Меттій пошелъ въ сторону по его приказанію, чтобы напасть сбоку на непріятеля. Благодаря этой находчивости царя, римляне не оробѣли и одержали побѣду. Непріятель обратился въ бѣгство и потерпѣлъ большой уронъ. Туллъ Гостилій совершилъ строгій судъ надъ невѣрными союзниками. Онъ

велѣлъ привязать Меттія Фуфеція къ лошадямъ и разорвать по поламъ, погнавъ ихъ въ разныя стороны, за то, что сердце его было предательски раздѣлено между союзниками и врагами. Альбанцамъ онъ велѣлъ покинуть родной городъ и переселиться въ Римъ. При звукѣ трубъ, римляне разрушили Альбалонгу, оставивъ только храмы. На томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ древній знаменитый городъ, остались теперь только храмы и груды развалинъ.

Легенда говоритъ, что альбанцы были поселены на Целійскомъ холмѣ, и что отъ переселенія ихъ число гражданъ Рима удвоилось, что поэтому Туллъ Гостилій увеличилъ вдвое число всадниковъ: прежде было три центуріи, т. е. 300 человѣкъ всадниковъ, теперь стало 600 человѣкъ. Многія знатныя альбанскія фамиліи были приняты въ число римскихъ патриціевъ, какъ напримѣръ: Юліи, Эмиліи, Квинкціи, Цециліи, Клеліи; число сенаторовъ увеличилось и, сообразно тому, Туллъ Гостилій построилъ для сената новое зданіе, Гостиліеву Курію.

Римъ становится главою латинскаго союза.

Туллъ потребовалъ, чтобы латины, признававшіе Альбалонгу главою своего союза, признали теперь Римъ получившимъ ея права. Латины не согласились признать Римъ главою своего союза, и Туллъ началъ войну съ ними; она длилась много лѣтъ и кончилась тѣмъ, что былъ заключенъ договоръ, по которому Римъ и латинскіе города вступили между собою въ союзъ; обѣ стороны должны были имѣть равныя права; римляне могли свободно селиться въ латинскихъ городахъ, латины въ Римѣ; браки между ними признавались полноправными. Въ пользу Рима кончилась и война съ сабинянами, возникшая изъ-за того, что на праздникѣ и ярмаркѣ въ рощѣ сабинской богини Фероніи были ограблены римскіе купцы. Но отъ продолжительныхъ войнъ нравы римлянъ огрубѣли, религіозныя постановленія Нумы пришли въ упадокъ; боги прогнѣвались, царь для смягченія ихъ сталъ совершать обрядъ, но не по должному порядку, и вмѣстѣ съ своимъ домомъ былъ сожженъ молніею. Царствованіе его длилось 32 года.

Анкъ Марцій 114—137 о. Р. 639—611 до Р. Х.

Анкъ Марцій, котораго легенда называетъ сыномъ дочери Нумы, пошелъ путемъ своего дѣда, возстановилъ религіозные обряды въ ихъ прежней чистотѣ и снова пріучилъ народъ къ благочестивой жизни, къ мирнымъ занятіямъ земледѣліемъ и скотоводствомъ. Но воинственные сосѣды нарушали миръ его царствованія. Латины, считая его миролюбіе слабостью, вошли въ римскія владѣнія и стали опустошать ихъ. Анкъ Марцій пошелъ на нихъ, завоевалъ нѣсколько латинскихъ городовъ; жителей этихъ городовъ онъ переселилъ въ Римъ на Авентинскій холмъ, который вмѣстѣ съ Мурційской долиной присоединенъ былъ тогда къ составу города. Счастливыми войнами со всѣми сосѣдами Анкъ Марцій расширилъ границы государства; на западѣ онѣ дошли до моря и онъ построилъ въ устьѣ Тибра гавань Остію. Въ Римѣ онъ построилъ черезъ Тибръ мостъ на сваяхъ,

укрѣпилъ холмъ Януса (Яникулъ), на сѣверномъ берегу рѣки, для охраненія свободы судоходства по ней. При увеличеніи числа жителей отъ новыхъ переселеній, общественный порядокъ сталъ подвергаться болѣе частымъ нарушеніямъ, чѣмъ прежде, и Анкъ Марцій построилъ темницу для обузданія беззаконій.

Историческіе факты.

Туллъ Гостилій походитъ на Ромула, Анкъ Марцій на Нуму; легенда выставляетъ на видъ это сходство, ставя третьяго царя въ родство съ первымъ, четвертаго со вторымъ; очевидно, что мы еще остаемся на почвѣ вымысла; но личности третьяго и четвертаго царей менѣе миѳичны, чѣмъ Ромулъ и Нума Помпилій. Кажется, что въ преданіяхъ о Туллѣ Гостиліѣ и Анкѣ Марціѣ единственными историческими фактами должно считать разрушеніе Альбалонги и увеличеніе числа жителей Рима новыми переселенцами. Многіе изъ ученыхъ сомнѣваются въ томъ, что Альбалонга была разрушена римлянами; они полагаютъ, что народъ, считавшій Альбалонгу своею метрополіею, не захотѣлъ бы поступить съ нею такъ; притомъ Римъ и не могъ имѣть такого могущества, чтобы побѣдить Альбалонгу. Нибуръ думаетъ, что этотъ городъ разрушили латины, возставшіе противъ его владычества надъ латинскимъ союзомъ, и что жители его бѣжали въ Римъ. Мы уже говорили, что вѣроятно изъ нихъ составилась третья триба старинная Рима, триба луцеровъ.

Преданіе говоритъ, что при Анкѣ Марціѣ возникло сословіе плебеевъ. Мы не имѣемъ причинъ сомнѣваться въ томъ, что Римъ завоевалъ тогда землю по лѣвому берегу Тибра до моря, сдѣлался важнымъ торговымъ центромъ, сталъ вести торговлю и на морѣ, что нѣкоторые изъ старинныхъ латинскихъ городовъ были тогда разрушены, что часть ихъ жителей была переселена въ Римъ, другая была оставлена на прежнихъ мѣстахъ въ положеніи римскихъ данниковъ. Отъ прилива новыхъ переселенцевъ городъ расширился. Темница была построена надъ вырубленными въ скалѣ Капитолійскаго холма подвалами, которые уцѣлѣли до сихъ поръ; сооруженіе этихъ подваловъ, приписываемое одними извѣстіями Анку Марцію, другими приписывается Сервію Туллію; въ послѣдствіи времени это подземное сооруженіе называлось водоемомъ Туллія (Tullianum), потому кажется, что римляне слѣдующихъ столѣтій считали строителемъ подваловъ Сервія Туллія.

---

2. Сказаніе о Тарквиніяхъ.

Происхожденіе Тарквиніевъ.

Въ царствованіе Анка Марція переселился изъ Тарквиній въ Римъ этрусскій вельможа Лукумонъ съ своею женою Танаквилою, которая имѣла даръ узнавать по этрусскимъ гаданіямъ будущее. Лукумонъ былъ сынъ коринѳянина Демарата, принадлежавшаго къ одному изъ семействъ коринѳской аристократіи Бакхіадовъ; подобно многимъ другимъ Бакхіадамъ, онъ бѣжалъ изъ родины отъ тиранна Кипсела (II, 268); онъ пріѣхалъ въ Тарквиніи, съ которыми Коринѳъ имѣлъ торговыя связи, привезъ съ собою огромныя богатства и женился на дѣвушкѣ этрусскаго племени. Его сынъ не могъ получить въ Тарквиніяхъ никакого правительственнаго сана, какъ человѣкъ иноземнаго происхожденія, потому рѣшился переселиться въ Римъ. Тутъ онъ нашелъ себѣ очень хорошій пріемъ, получилъ право гражданства и принялъ имя Луція Тарквинія. Онъ былъ человѣкъ храбрый, жилъ богато, былъ щедръ и уменъ; потому и царь, и народъ полюбили его. Умирая, Анкъ Марцій ввѣрилъ своихъ сыновей его заботѣ, но онъ сталъ искать царскаго сана для самого себя; сенатъ и граждане единогласно избрали его царемъ.

Тарквиній Старшій 138—175 о. Р.; 615—578 до Р. Х.

Этотъ Тарквиній, котораго римляне называютъ Старшимъ (собственно старымъ priscus), былъ энергическій государь. Латины, нарушивъ договоръ, заключенный съ Анкомъ Марціемъ, вторглись въ римскія владѣнія; Тарквиній пошелъ на нихъ, побѣдилъ ихъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и завоевалъ много городовъ или возставшихъ противъ Рима, или не бывшихъ прежде подвластными ему: Корникулъ, Апіолы, Камерію, Крустумерій, Медуллію, Номентъ, Коллацію, нѣсколько другихъ. Еще большею опасностью грозила Риму война съ сабинянами: эти храбрые горцы, перешедши Аніонъ, неожиданно подступили къ воротамъ Рима. Первое сраженіе съ ними осталось нерѣшительнымъ; но потомъ Тарквиній, пустивъ по рѣкѣ зажженные плоты, зажегъ мостъ черезъ нее; сабиняне смутились, видя, что путь отступленія отрѣзанъ, были разбиты, принуждены просить мира и признать надъ собою власть Рима. Счастливо воевалъ Тарквиній и съ этрусками; одержавъ надъ ними рѣшительную побѣду при Эретѣ, онъ принудилъ этрусскую федерацію признать его своимъ главою и дать ему аттрибуты этрусскаго царя. Такимъ образомъ, по римской легендѣ, Римъ при Тарквиніѣ Старшемъ былъ владыкою латинскаго союза, сабинскаго народа и этрусскаго союза. Очень дѣятельно Тарквиній Старшій заботился и о внутреннемъ благоустройствѣ государства. Онъ установилъ справедливыя отношенія между старыми и новыми гражданами. Авгуръ Аттъ Навій не допустилъ его удвоить, какъ онъ хотѣлъ, число трибъ; но онъ удвоилъ число родовъ и всадниковъ, изъ которыхъ состояли трибы и центуріи. Болѣе всего проявилъ онъ свое царственное величіе возведеніемъ громадныхъ сооруженій. Чтобъ осушить болотистыя низменности города, онъ построилъ подземные каналы для стока воды (клоаки); эти галереи— изумительная постройка необыкновенной прочности. Въ осушенной такимъ образомъ долинѣ между первоначальнымъ Римомъ Палатинскаго холма и Капитолійскимъ холмомъ онъ отдѣлилъ большой участокъ земли для площади народныхъ собраній и рынка (Forum и Comitium), построилъ кругомъ его колоннады, раздалъ мѣста желавшимъ построить лавки. Осушенный лугъ между Палатиномъ и Авентиномъ онъ выровнялъ и устроилъ на немъ циркъ: по окружности пространства, назначеннаго для игръ, онъ для каждой куріи опредѣлилъ мѣсто, на которомъ ея сенаторы и всадники сдѣлали себѣ под-

мостки, смотрѣть на игры. Послѣ того каждый годъ въ сентябрскія иды происходили въ этомъ циркѣ «римскія игры», великій «праздникъ города Рима»; сначала этотъ праздникъ занималъ только одинъ день, потомъ сталъ длиться четыре дня. Главную часть его составлялъ бѣгъ колесницъ; кромѣ того на немъ давались простонародные спектакли комическаго содержанія, были разныя другія развлеченія для народа: музыка, танцы. Послѣднимъ великимъ сооруженіемъ, которое предпринялъ Тарквиній, было построеніе храма Юпитера Капитолійскаго; но онъ успѣлъ возвести только фундаментъ. Сыновья Анка Марція, досадовавшіе на него за то, что онъ отнялъ у нихъ престолъ, подослали убійцъ, переодѣтыхъ пастухами, и Тарквиній былъ убитъ ударомъ сѣкиры.

Сервій Туллій 176—216 о. Р. 578—534.

Но сыновья Анка Марція обманулись въ разсчетѣ воспользоваться смертью Тарквинія. Сервій Туллій, который, по преданію, былъ царскій сынъ, родившійся въ рабствѣ, и котораго Тарквиній за его добродѣтели и дарованія сдѣлалъ своимъ зятемъ, получилъ престолъ, благодаря хладнокровію и сообразительности жены убитаго царя, Танаквилы; народъ радостно одобрилъ его выборъ. Счастіе чрезвычайно благопріятствовало ему, и легенда говоритъ, что богиня Фортуна любила его такъ, какъ никого изъ людей.—И такъ сыновья Анка Марція удалились въ изгнаніе въ городъ Суэссу Помецію, а сынъ рабыни сдѣлался царемъ. Въ молодости онъ превосходилъ всѣхъ своихъ сверстниковъ мужествомъ, но славу у современниковъ и потомства заслужилъ онъ не военными подвигами, а дѣлами мира. Онъ довершилъ многое изъ начатаго Тарквиніемъ Старшимъ.

Расширеніе города.

Онъ расширилъ и укрѣпилъ городъ, занимавшій до него пять холмовъ: Палатинскій, Капитолійскій, Квиринальскій, Целійскій, Авентинскій; онъ присоединилъ къ нимъ Эсквилинскій и Виминальскій холмы; все это пространство, и мостъ на сваяхъ, который велъ на островъ Тибра, и самый островъ онъ обвелъ валомъ и стѣною; такимъ образомъ онъ сдѣлался основателемъ «семихолмнаго города». Еще важнѣе было то, что онъ далъ государству новое устройство; эта реформа поставила его во мнѣніи потомковъ на ряду съ Нумою. Какъ Нума создалъ религіозное благоустройство, такъ онъ создалъ гражданскій порядокъ, положилъ основаніе свободѣ римскаго народа.

Реформа Сервія Туллія.

Сервій Туллій установилъ государственный порядокъ, по которому права гражданъ были приведены въ соразмѣрность съ возложенными на нихъ обязанностями; этотъ порядокъ давалъ удобную организацію военной службѣ, платежу податей и подачѣ голосовъ въ народномъ собраніи. Сервій Туллій раздѣлилъ городъ Римъ и его владѣнія на округи (regiones), а гражданъ распредѣлилъ по размѣру ихъ имущества на классы и центуріи. Эта новая организація разорвала прежнія племенныя и родовыя корпораціи, имѣвшія религіозный характеръ, и соединила всѣхъ гражданъ (патриціевъ) и плебеевъ въ одно государственное общество.

Любовь Сервія Туллія къ простолюдинамъ.

Кромѣ этихъ преобразованій, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, Сервій Туллій, какъ разсказываетъ легенда, сдѣлалъ многое другое для облегченія бѣднаго сословія: онъ заплатилъ изъ своего царскаго имущества долги бѣдныхъ людей, освободилъ должниковъ, находившихся въ рабствѣ у кредиторовъ, роздалъ неимѣвшимъ земли, издалъ законы, ограждавшіе бѣдныхъ и слабыхъ отъ притѣсненій.

Смерть Сервія Туллія.

Заботливостью о простолюдинахъ Сервій Туллій навлекъ на себя ненависть патриціевъ. Они задумали погубить его и нашли исполнителей своего злодѣйскаго умысла въ самомъ семействѣ царя. Легенда разсказываетъ о смерти Сервія Туллія и о переходѣ царской власти къ его зятю ужасающія подробности.

Легенда объ убійствѣ Сервія Туллія Тарквиніемъ.

Сыновья Тарквинія Старшаго Луцій и Арунсъ были женаты на дочеряхъ Сервія. Луцій, способный на преступленіе, но рѣшившійся на него не по внушенію собственной воли, былъ женатъ на старшей дочери Сервія, женщинѣ кроткой и богобоязненной; Арунсъ, человѣкъ честный и хорошій,—на младшей сестрѣ ея, женщинѣ безсовѣстной и свирѣпой. Младшая Туллія, досадуя на то, что старикъ отецъ живетъ слишкомъ долго, презирала мужа за недостатокъ честолюбія и полагала, что онъ не будетъ оспоривать власти у брата, когда Сервій умретъ; потому рѣшила погубить и отца и мужа. Она уговорилась съ Луціемъ, что онъ убьетъ жену, она—мужа, и тогда они вступятъ въ бракъ; такъ они и сдѣлали; они зажгли, какъ говорили римляне, свои свадебные факелы на кострахъ убитыхъ. Возбуждаемый честолюбивою женой, Луцій составилъ съ недовольными патриціями заговоръ низвергнуть Сервія. Во время жатвы, когда очень многіе граждане были въ своихъ помѣстьяхъ, или на своихъ участкахъ, Тарквиній явился въ сенатъ, надѣвъ на себя эмблемы царскаго сана и въ сопровожденіи вооруженныхъ людей. Услышавъ объ этомъ, царь безстрашно поспѣшилъ въ Курію. Ставъ у дверей вала, онъ обратился къ Тарквинію съ упреками; Тарквиній схватилъ слабаго старика и столкнулъ его внизъ по каменнымъ ступенямъ лѣстницы. Вѣрные друзья подняли окровавленнаго и разбитаго паденіемъ Сервія, повели его во дворецъ; но на дорогѣ слуги Тарквинія догнали ихъ, умертвили Сервія; тѣло его осталось на улицѣ. Туллія между тѣмъ съ нетерпѣніемъ ждала извѣстія отъ мужа; у нея не стало силы дожидаться, она поѣхала въ Курію и поздравила мужа съ царскимъ саномъ; даже ему была ужасна ея радость; онъ велѣлъ ей вернуться домой. На улицѣ, по которой ѣхала она, лежало тѣло отца. Мулы попятились назадъ, правившій ими слуга тянулъ поводья, чтобы они отступали дальше, но она велѣла ему гнать колесницу черезъ тѣло. Кровь брызнула на колесницу и на ея платье. Съ той поры эта улица называлась Проклятой.—Ночью немногіе вѣрные слуги унесли тѣло Сервія за городъ; Тарквиній, боясь ожесточенія народа, не рѣшился допустить, чтобы тѣло было несено обыкновеннымъ путемъ похоронныхъ процессій черезъ форумъ. По уничтоженіи царской власти, римскіе плебеи все продолжали праздновать день рожденія царя, любившаго народъ.

Тарквиній Гордый 219—224 о. Р. 534—509 до Р. Х. Деспотизмъ Тарквинія.

Такимъ образомъ Тарквиній, прозванный гордымъ (Superbus, «Надменнымъ»), злодѣйски взошелъ на принадлежавшій его отцу престолъ при содѣйствіи своихъ соумышленниковъ патриціевъ; онъ не спрашивалъ согласія народа или сената и удерживалъ за собою власть деспотическими мѣрами. Онъ отмѣнилъ всѣ права, данныя народу Сервіемъ; запрещалъ гражданамъ собираться на религіозные празд-

ники; отмѣнилъ равенство гражданъ, возстановилъ отдачу въ рабство за неуплату долговъ; облагалъ богатыхъ плебеевъ произвольной податью, а бѣдныхъ бралъ на работу, давая имъ лишь ничтожную плату и скудный прокормъ. Многіе въ отчаяніи лишали себя жизни; чтобы удержать отъ этого другихъ, Тарквиній велѣлъ распинать тѣла самоубійцъ на крестѣ; боязнь подвергнуться такому позору дѣйствительно удерживала гражданъ отъ самоубійства. Повсюду у Тарквинія были шпіоны, и народъ трепеталъ ихъ доносовъ.

Патриціи сначала радовались тому, что у плебеевъ отняты права, но скоро почувствовали и на себѣ тяжелую руку Тарквинія. Подобно греческимъ тираннамъ, онъ составилъ себѣ отрядъ тѣлохранителей и, опираясь на нихъ, сталъ владычествовать по произволу. Онъ начиналъ войну и заключалъ миръ, вступалъ въ союзы съ другими государствами, не спрашивая совѣтовъ сената, не предлагая дѣла на согласіе народа; онъ судилъ процессы самовластно и, пользуясь своимъ правомъ верховнаго судьи, казнилъ или изгонялъ враждебныхъ или подозрительныхъ ему сенаторовъ и другихъ патриціевъ. Имѣнія осужденныхъ онъ конфисковалъ; на мѣсто погибшихъ сенаторовъ онъ не назначалъ новыхъ.

Тарквиній покоряетъ Латиновъ и расширяетъ владычество Рима.

Тарквиній Гордый правилъ произвольно и жестоко, но далъ римскому государству такой блескъ, такое могущество, какихъ не имѣло оно прежде. Онъ пріобрѣлъ большое вліяніе на латинскій союзъ черезъ своего зятя Октавія Мамилія, господствовавшаго въ Тускулѣ, и заставилъ латиновъ признать надъ собою власть Рима. Турнъ Гердоній, отклонявшій латиновъ отъ вступленія въ союзъ съ Тарквиніемъ, былъ лживо обвиненъ имъ въ измѣнѣ родному городу Ариціи, былъ осужденъ своими согражданами на смерть и утопленъ въ Ферентинскомъ источникѣ. Городъ Габіи послѣ долгаго сопротивленія былъ покоренъ Тарквиніемъ при помощи предательства. Секстъ Тарквиній, младшій изъ сыновей царя, пріѣхалъ въ Габіи и сказалъ, что онъ ушелъ отъ отцовскихъ жестокостей, слѣды которыхъ показалъ на своемъ тѣлѣ; скоро онъ пріобрѣлъ довѣріе гражданъ; по совѣту отца, убилъ или изгналъ важнѣйшихъ людей города, роздалъ ихъ имущества простолюдинамъ, пріобрѣлъ себѣ этимъ усердныхъ приверженцевъ и, упрочивъ свою власть, отдалъ городъ отцу. Такимъ образомъ Лаціумъ былъ принужденъ покориться Риму, и римскій царь получилъ право завѣдывать праздникомъ латинскаго союза. Въ храмѣ Юпитера Латинскаго на Альбанской горѣ, когда совершался праздникъ латинскаго союза, приносилъ теперь въ жертву быка римскій царь отъ имени всѣхъ латиновъ и раздавалъ латинскимъ городамъ куски мяса этой жертвы.

Герники и нѣкоторые города вольсковъ тоже были принуждены покориться Риму. Взявъ богатый вольсскій городъ Суэссу Помецію, Тарквиній

продалъ въ рабство всѣхъ его жителей и десятую часть добычи употребилъ на построеніе Капитолійскаго храма. Судьба Суэссы Помеціи распространила ужасъ, и нѣкоторые другіе города вольсковъ подчинились Тарквинію. Отнявъ у нихъ часть земли, Тарквиній основалъ на ней двѣ колоніи, Сигнію и Цирцеи, которыя стали оплотами его власти.

Сооруженія Тарквинія.

Расширяя границы своего государства, Тарквиній дѣлалъ въ Римѣ громадныя сооруженія, чтобы этотъ городъ сталъ достойною столицею его царства. Онъ докончилъ сѣть подземныхъ водостоковъ, проложивъ главную галерею для спуска воды (Cloaca maxima); она была сложена изъ громадныхъ туфовыхъ камней безъ цемента и шла полукругомъ до самаго Тибра; онъ достроилъ, начатый отцомъ, храмъ на искусственно выровненной вершинѣ Тарпейскаго холма; народъ былъ принужденъ давать деньги на эту постройку, или самъ работать надъ ней. Старинные боги, жертвенники и священныя ограды, которые стояли тутъ со временъ Тація, должны были уступить свои мѣста подъ храмъ трехъ верховныхъ божествъ; спрошенные о томъ, согласны ли они на это, всѣ они кромѣ двухъ выразили согласіе благопріятными знаменіями; но богъ Терминъ и богиня молодости (Juventus) не согласились уйдти съ своихъ мѣстъ; потому ихъ святилища были оставлены среди сооруженій новаго храма, и отказъ ихъ былъ предзнаменованіемъ, что молодость римскаго государства не увянетъ и границы его не подвинутся назадъ, пока первосвященникъ съ весталками будетъ всходить для служенія богамъ на Капитолій.

Капитолій.

Названіе Капитолія, которое стали носить храмъ и самый холмъ, легенда производитъ отъ чудеснаго знаменія: когда копали рвы для фундамента храма, то нашли въ глубинѣ человѣческую голову, изъ которой еще текла кровь; это было предзнаменованіемъ, что Римъ будетъ главою Италіи и всего свѣта.

Храмъ былъ построенъ на высокомъ фундаментѣ въ этрусскомъ стилѣ. Его святилище имѣло три отдѣла; со стороны, обращенной къ форуму, онъ имѣлъ колоннаду. Онъ сдѣлался центромъ государственной и религіозной жизни Рима. Въ немъ хранились драгоцѣннѣйшія святыни и важнѣйшіе государственные документы; въ немъ происходили важнѣйшія торжества и совершались важнѣйшія государственныя дѣла. Въ подземномъ склепѣ его хранились сивиллинскія книги, пророчества сивиллы кумской, писанныя на греческомъ языкѣ; Тарквиній купилъ ихъ за дорогую цѣну у неизвѣстной старухи, которая во время торга два раза сожигала часть ихъ, такъ что уцѣлѣло меньше, чѣмъ погибло. Эти книги пророчествъ пользовались чрезвычайно важнымъ значеніемъ въ римской государственной жизни. Во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ жрецы и истолкователи, хранившіе ихъ, справлялись съ ними по повелѣнію сената; они должны были соблюдать строжайшее молчаніе о томъ, чтó прочли; за нарушеніе тайны они подвергались наказанію, установленному для отцеубійцъ и осквернителей храмовъ.

Счастіе благопріятствовало Тарквинію, но злодѣйство, которымъ

Изгнаніе Тарквиніевъ.

пріобрѣлъ онъ власть, требовало отмщенія, и блескъ царствованія не искупалъ страданій народа, угнетеннаго самовластіемъ Тарквинія. Казни и изгнанія сенаторовъ и другихъ гражданъ, тяжесть налоговъ, обременительность походовъ и работъ, къ которымъ принуждалъ онъ плебеевъ, порождали недовольство во всѣхъ сословіяхъ, и наконецъ злодѣйство, совершонное Секстомъ Тарквиніемъ, младшимъ сыномъ царя, произвело возстаніе: Секстъ Тарквиній обезчестилъ безукоризненную женщину Лукрецію, она убила себя, и народъ рѣшился изгнать все семейство злодѣевъ. Два родственника царя—Луцій Тарквиній Коллатинъ, мужъ Лукреціи, и его другъ Луцій Юній, считавшійся идіотомъ и потому названный Брутомъ (глупцомъ), поклялись надъ тѣломъ Лукреціи отмстить за нее, призвали въ Коллаціи и въ Римѣ народъ къ свободѣ, къ низверженію деспотизма. Царь, осаждавшій въ это время Ардею, сильную горную крѣпость рутуловъ, услышавъ о возстаніи, пошелъ съ войскомъ на Римъ; но ворота города были заперты, римляне не впустили его, народное собраніе объявило его лишеннымъ царской власти, и онъ вмѣстѣ съ сыновьями принужденъ былъ удалиться въ изгнаніе. Его родные и приверженцы послѣдовали за нимъ. «Не кровожадность», говоритъ Нибуръ, «и не алчность тиранновъ древности была самымъ ужаснымъ для ихъ подданныхъ качествомъ ихъ самовластія; ужаснѣе всего было то, что женщина, или дѣвушка, на которую обращалась ихъ беззаконная страсть, не могла спастись отъ безчестія ничѣмъ, кромѣ смерти». Тарквиніи переселились въ Цере. Тамъ найдена теперь ихъ гробница.

Легенда о Брутѣ и смерти Лукреціи.

Легенда разсказываетъ о низверженіи тиранна и объ изгнаніи царскаго рода слѣдующія подробности, прикрашивая факты вымысломъ: Тарквиній, встревоженный дурными снами и предзнаменованіями, послалъ своихъ сыновей Тита и Арунса въ Дельфы, вопросить оракула. Для развлеченія въ пути онъ далъ имъ двоюроднаго брата ихъ, Луція Юнія Брута, который считался дуракомъ, а на самомъ дѣлѣ только притворялся глупымъ для того, чтобы избѣжать подозрѣній свирѣпаго тиранна. Получивъ отвѣтъ оракула на вопросъ отца, дѣти Тарквинія вопросили Аполлона и о своей судьбѣ; оракулъ сказалъ имъ, что Римомъ править будетъ тотъ, кто при возвращеніи первый поцѣлуетъ свою мать. Братья согласились между собою поцѣловать свою мать въ одно время и царствовать вмѣстѣ. Когда корабль возвратился въ Италію, Брутъ, вышедши на берегъ, упалъ какъ будто случайно, и незамѣтно для другихъ поцѣловалъ землю, общую мать всѣхъ. Черезъ нѣсколько времени римляне осадили рутульскій городъ Ардею; осада была продолжительна, находившіеся въ станѣ сыновья царя и ихъ двоюродный братъ Тарквиній Коллатинъ, бывшій подъ властью Рима царемъ маленькаго города Коллаціи, однажды заспорили между собою о женщинахъ, добродѣтельны ли онѣ, и рѣшили поѣхать ночью посмотрѣть, что дѣлаютъ ихъ жены безъ мужей. Они поѣхали въ Римъ и нашли женъ царскихъ сыновей за роскошнымъ ужиномъ пирующихъ, увѣнчанныхъ цвѣтами и пьющихъ вино; изъ Рима они проѣхали въ Коллацію и нашли Лукрецію сидящей со своими служанками и прядущей вмѣстѣ съ ними шерсть. Она въ своей простой одеждѣ была такъ прекрасна, что возбудила сладострастное чувство въ Секстѣ Тарквиніѣ. Задумавъ гнусное дѣло, онъ на слѣдующій день пріѣхалъ въ Коллацію и по праву родства остановился въ домѣ своего двоюроднаго брата; Лукреція приняла его съ родственной привѣтливостью. Ночью, когда всѣ спали, онъ взялъ оружіе, вошелъ въ ея комнату и

угрозою убить ее и обвинить въ измѣнѣ мужу принудилъ ее отдаться ему. На слѣдующее утро она послала за отцомъ и мужемъ, сообщая имъ, что должна разсказать имъ объ ужасномъ дѣлѣ. Лукрецій пріѣхалъ съ Публіемъ Валеріемъ, который впослѣдствіи заслужилъ себѣ имя Попликолы, Коллатинъ съ Брутомъ. Лукреція разсказала о томъ, что Секстъ Тарквиній обезчестилъ ее; потребовала, чтобъ отецъ и мужъ отмстили за нее и вонзила въ грудь себѣ кинжалъ. Брутъ увидѣлъ, что теперь ему пришло время сбросить съ себя притворство, схватилъ окровавленный кинжалъ и, поднявъ его вверхъ, произнесъ клятву смертельной вражды къ злодѣямъ, царю и его сыновьямъ. Надъ тѣломъ Лукреціи былъ заключенъ союзъ мщенія. Отецъ, мужъ, Валерій и Брутъ вынесли тѣло на площадь народныхъ собраній; граждане Коллаціи прониклись негодованіемъ и объявили, что возстаютъ противъ царя и его сыновей. Взявъ оружіе, они пошли съ тѣломъ Лукреціи въ Римъ. Граждане Рима были также возмущены злодѣйствомъ. Брутъ, бывшій начальникомъ конницы, созвалъ по праву своего сана народное собраніе и пламенною рѣчью возбудилъ народъ къ мщенію. Патриціи и плебеи прониклись однимъ чувствомъ. Народное собраніе постановило, что царь лишается власти и вмѣстѣ съ своимъ родомъ изгоняется. Туллія бѣжала изъ Рима; народъ далъ ей свободу уйдти, предоставляя тѣнямъ убитыхъ мстить ей.

Историческіе факты.

Съ именемъ Тарквиніевъ соединены блестящіе военные подвиги, великія сооруженія для красоты или пользы города, но и мрачныя воспоминанія о деспотизмѣ и злодѣйствѣ. Въ ихъ дѣйствіяхъ замѣтенъ значительный прогрессъ государства, сравнительно съ прежнимъ состояніемъ, болѣе высокая образованность, болѣе обдуманная политика. Они дали царской власти неограниченную силу, окружили себя блескомъ, улучшили государственное устройство полезными преобразованіями, стремились уничтожить преграды, которыми были раздѣлены племена, объединить все населеніе государства; они возвели въ Римѣ удивительныя постройки, свидѣтельствовавшія потомкамъ о ихъ могуществѣ, дали римскому народу преобладаніе надъ сосѣдами, расширили государство далеко за прежніе его предѣлы. При нихъ Римъ сталъ главою латинскаго союза; торговый договоръ съ Карѳагеномъ, заключенный въ послѣдній годъ существованія царской власти, доказываетъ, что Римъ умѣлъ воспользоваться господствомъ надъ латинами, завелъ морскую торговлю и охранялъ интересы своихъ союзниковъ, словомъ, мы видимъ, что республика получила отъ Тарквиніевъ блестящее наслѣдство; но скоро онѣ утратила его.

Сближеніе съ греками.

Легенда характеризуетъ разницу трехъ послѣднихъ царей отъ прежнихъ, давая имъ этрусское происхожденіе. Но изслѣдованія нынѣшнихъ ученыхъ показали, что преданіе о коринѳско-этрусскомъ происхожденіи Тарквиніевъ не согласно съ фактами; очевидно и неправдоподобіе того, чтобы иностранецъ, переселившійся въ Римъ, могъ, при законныхъ наслѣдникахъ престола, получить санъ царя по свободному выбору римскаго народа, который никогда не допускалъ иностранцевъ до участія въ своемъ правленіи. Но какъ бы мы ни думали объ этрусско-греческомъ происхожденіи Тарквиніевъ, можно считать вѣроятнымъ, что при нихъ проникло въ Римъ сильное вліяніе греческихъ знаній и техническихъ искусствъ; что они, подобно греческимъ тираннамъ, современниками которыхъ были, желали

прославить свое имя величественными сооруженіями, введеніемъ блестящаго богослуженія, великолѣпныхъ праздниковъ и съ тѣмъ вмѣстѣ хотѣли улучшить положеніе низшаго сословія. Въ частности должно полагать, что послѣдній Тарквиній находился въ близкихъ сношеніяхъ съ Аристодемомъ, тиранномъ кумскимъ. Сближенію римлянъ съ греческими колоніями Южной Италіи должно, вѣроятно, приписывать бо́льшую часть тѣхъ нововведеній, которыя произведены были въ Римѣ при Тарквиніяхъ и оказали очень сильное вліяніе на ходъ развитія римскаго народа. Знакомство съ греческими понятіями возбудило въ римлянахъ и новыя политическія стремленія. Реформы Сервія Туллія имѣютъ совершенно тотъ-же характеръ, какъ законы Солона, введенные въ Аѳинахъ не задолго передъ тѣмъ. Тарквиній Гордый совершенно похожъ на греческихъ тиранновъ. Преданіе говоритъ, что при Тарквиніяхъ римляне научились писать, что Тарквиній Гордый ввелъ въ Римѣ культъ Аполлона, получилъ книги отъ жрицы и пророчицы Аполлона, сивиллы кумской; что онъ посылалъ въ Дельфы приношенія, отправлялъ туда пословъ; что при Тарквиніяхъ римляне начали изображать въ человѣческомъ видѣ боговъ, которыхъ прежде чтили только въ символахъ; что древнѣйшая статуя Діаны, вырѣзанная изъ дерева и поставленная на Авентинскомъ холмѣ, была сдѣлана при Сервіѣ Тулліѣ и что она была копіею со статуи Артемиды эфесской. Римская система мѣръ и вѣсовъ была основана на греческой. Древнѣйшія римскія сооруженія, какія мы знаемъ по остаткамъ гробницъ, воротъ, городскихъ стѣнъ, обнаруживаютъ вліяніе греческой архитектуры. Вѣроятно подъ вліяніемъ Греціи римляне перешли отъ старинныхъ италійскихъ деревянныхъ построекъ къ постройкамъ изъ камня. Эти и другіе факты и соображенія показываютъ, что Римъ и весь Лаціумъ во время Тарквиніевъ имѣлъ дѣятельныя сношенія съ греческими колоніями въ Южной Италіи, съ фокеянами Массиліи и Веліи (II, стр. 387 слѣд.), принялъ отъ нихъ многіе элементы культуры, религіозные обычаи и миѳы. Вѣроятно слишкомъ увлекаются скептицизмомъ тѣ ученые, которые въ легендахъ о греко-этрусскомъ происхожденіи Тарквиніевъ и о сношеніяхъ Рима съ греками видятъ только попытки римлянъ позднѣйшаго времени внести греческій элементъ въ римскую исторію.

Въ своемъ стремленіи улучшить положеніе простолюдиновъ и пріобрѣсти въ нихъ опору противъ аристократовъ, Тарквиніи также подражали греческимъ тираннамъ, своимъ современникамъ (II, 264 слѣд.). Тарквиній Старшій не могъ сокрушить въ Римѣ силу аристократіи, какъ сокрушили ее въ Коринѳѣ кипселиды; онъ долженъ былъ ограничиться тѣмъ, что ввелъ новыя фамиліи въ составъ прежнихъ племенныхъ трибъ, и эти новые патриціи остались на первое время не имѣющими такого почета, какъ прежніе; въ особенности не имѣли они, какъ должно думать, религіозныхъ правъ, соединенныхъ съ древнимъ происхожденіемъ. Съ введеніемъ новыхъ родовъ въ племенныя трибы было удвоено число всадниковъ и были назначены сто новыхъ сенаторовъ, такъ что сенатъ съ той поры состоялъ изъ 300 членовъ (по 100 членовъ отъ каждой трибы); было увеличено и число весталокъ: прежде было ихъ четыре, съ этой поры стало шесть.

Важнѣйшимъ нововведеніемъ Тарквиніевскаго времени была

Реформа Сервія Туллія.

Чтобы уравнять права прежнихъ и новыхъ гражданъ и тѣхъ поселенцевъ, которые не имѣли гражданскихъ правъ, чтобы соединить всѣ эти разряды жителей въ одно гражданское общество и дать лучшую огранизацію войску, Сервій Туллій распредѣлилъ, какъ говоритъ преданіе, римскій народъ на группы не по религіознымъ или родовымъ связямъ, а по мѣсту жительства и по размѣру имущества. Онъ раздѣлилъ городъ Римъ и его владѣнія на округи (regiones), которые назвалъ трибами, какъ назывались прежде племенныя группы. Извѣстія о числѣ трибъ, установленныхъ имъ, не одинаковы; но большинство древнихъ писателей говоритъ, что онъ раздѣлилъ государство на четыре городскія трибы и 26 сельскихъ. Трибы раздѣлялись на части менѣе крупныя, которыя въ городскихъ трибахъ назывались vici, а въ сельскихъ pagi. Каждый изъ этихъ мелкихъ участковъ, вѣроятно, имѣлъ общее святилище, и въ богослуженіи этого святилища участвовали, вѣроятно, не одни патриціи, но и плебеи. Жители каждаго округа образовали особую общину, имѣвшую своего правителя, который велъ списки жителей и ихъ поземельныхъ имуществъ, домовъ и другой ихъ собственности; по этимъ спискамъ производились наборъ войска и распредѣленіе налоговъ.

Въ составъ трибъ входили всѣ римскіе граждане, имѣвшіе земельную собственность. Прежде полагали, что распредѣленіе по трибамъ относилось только къ плебеямъ, а патриціи не принадлежали къ трибамъ. Это ошибка, поводомъ къ которой послужилъ тотъ фактъ, что впослѣдствіи, когда былъ учрежденъ санъ народныхъ трибуновъ, плебеи были созываемы трибунами въ народныя собранія, въ которыя не допускались патриціи (concilia plebis); въ этихъ собраніяхъ плебеи группировались по трибамъ. Но были другія собранія, которыя созывались патриційскими сановниками (comitia tributa); въ этихъ собраніяхъ участвовали всѣ граждане, плебеи и патриціи. Было также мнѣніе, что членами курій были только патриціи и что собраніе народа по куріямъ (comitia curiata) состояло изъ однихъ патриціевъ; относительно историческихъ временъ это мнѣніе ошибочно; только въ глубокой древности могло быть такъ. Трибы и куріи.

Распредѣленіе всѣхъ гражданъ по трибамъ ввело въ составъ государственной общины плебеевъ (plebs, plebes), между которыми прежде того не было государственной связи. Съ тѣмъ вмѣстѣ Сервій Туллій предоставилъ имъ политическія права, участіе въ законодательной и правительственной власти, установилъ размѣръ ихъ участія въ отправленіи военной службы и платежѣ налоговъ. Онъ раздѣлилъ всѣхъ гражданъ государства, патриціевъ и плебеевъ, по размѣру ихъ имущества (по ихъ «цензу») на пять классовъ, а классы подраздѣлилъ на центуріи, общее число которыхъ было 193; при этомъ распредѣленіи, права и обязанности каждаго были соразмѣрны его имуществу, и ни одинъ гражданинъ не былъ совершенно исключенъ отъ участія въ политическихъ правахъ. Патриціи были вообще бо-

гаче плебеевъ, потому ихъ положеніе было привилегированное, но за то они платили больше налоговъ, и обязанность военной службы лежала на нихъ въ большемъ размѣрѣ; небогатые люди имѣли меньше вліянія на политическія дѣла, но за то военная повинность и подати ложились на нихъ легче; притомъ, улучшая свое экономическое положеніе, они увеличивали и свои политическія права. Шестой классъ, состоявшій изъ людей, не имѣвшихъ земельной собственности, не пользовался политическимъ значеніемъ, потому что голоса въ народномъ собраніи собирались по центуріямъ, начиная съ высшаго класса, постепенно переходя ко второму классу и т. д.; и какъ скоро образовалось большинство, слѣдующія центуріи оставались не спрошенными; но за то люди, не имѣвшіе земельной собственности, были свободны отъ налоговъ и военной повинности. Они назывались capite censi (внесенные въ списокъ только по именамъ, а не для платежа налоговъ); одинъ изъ разрядовъ этого шестого класса составляли «пролетаріи», т. е. люди небогатые, но владѣвшіе имуществомъ достаточнымъ для воспитанія дѣтей.

По распредѣленію гражданъ на центуріи, политическое вліяніе совершенно сосредоточивалось въ рукахъ богатаго сословія. Первый классъ раздѣлялся на 80 центурій, кромѣ того изъ богатыхъ людей состояли 18 центурій всадниковъ; такимъ образомъ центуріи перваго класса вмѣстѣ съ центуріями всадниковъ образовали большинство голосовъ; и когда всѣ онѣ вотировали въ одномъ и томъ же смыслѣ, то очередь подачи голосовъ вовсе и не доходила до гражданъ остальныхъ классовъ. Къ первому классу принадлежали граждане, земельная собственность которыхъ была оцѣнена въ сумму не менѣе 100000 ассовъ, (нѣсколько болѣе 2000 рублей) или, по счету греческихъ историковъ, 100 минъ; 2, 3 и 4 классы имѣли каждый по 20 центурій, наименьшій цензъ былъ во второмъ классѣ 75000 ассовъ (75 минъ), въ третьемъ 50000 ассовъ (50 минъ), въ четвертомъ 25000 ассовъ (25 минъ). Пятый классъ состоялъ изъ гражданъ, чье земельное имущество простиралось отъ 11000 до 25000 ассовъ; онъ имѣлъ 30 центурій. При всемъ неравенствѣ политическаго вліянія гражданъ разныхъ классовъ, распредѣленіе ихъ по центуріямъ было важнымъ шагомъ къ соединенію патриціевъ и плебеевъ въ одно государственное общество, потому собранія народа по центуріямъ считались въ историческія времена истинными собраніями всего народа. Распредѣленіе гражданъ на центуріи, приписываемое Сервію Туллію, осталось навсегда основною формою политической дѣятельности римскаго народа. Но должно полагать, что съ теченіемъ времени были производимы сообразныя съ перемѣнами обстоятельствъ измѣненія въ числѣ трибъ, классовъ, центурій и въ цифрахъ ценза, по которымъ граждане дѣлились на классы.

Организаціи войска.

Главною цѣлью преобразованія, приписываемаго Сервію Туллію, было не соединеніе патриціевъ и плебеевъ въ одно политическое общество, а улучшеніе войска, увеличеніе числа его распространеніемъ обязанности военной службы на плебеевъ. Прежде воинами были только патриціи, выводившіе съ собою подвластныхъ имъ людей (кліентовъ); только на патриціяхъ лежала и обязанность давать взносъ (tributum) на надобности государства; теперь эти обязанности были распространены на всѣхъ „зажиточныхъ людей“ (locupletes); землевладѣльцы сдѣлались плательщиками налога (assidui); въ этомъ отношеніи было все равно, патриціи ли они, или плебеи. Военная повинность изъ личной сдѣлалась имущественной. Всѣ граждане первыхъ пяти классовъ были обязаны нести военную службу съ 18 до 60 лѣтъ; младшіе (до 46 лѣтъ) ходили въ походы, а люди старше 46 лѣтъ были обыкновенно оставляемы для защиты города. Граждане перваго класса были обязаны служить тяжеловооруженными воинами, и назывались по преимуществу обязанными къ военной службѣ (classici). Граждане слѣдующихъ четырехъ классовъ служили въ разныхъ разрядахъ пѣхоты, не имѣвшихъ полнаго тяжелаго вооруженія. Граждане двухъ послѣднихъ классовъ служили въ отрядахъ легкой пѣхоты, были мастеровыми и музыкантами при войскѣ, а нѣкоторые изъ нихъ шли съ войсками, какъ замѣстители, adcensi, безоружные velati; они пополняли убыль въ рядахъ войска отъ болѣзней и сраженій, получая вооруженіе занемогшихъ, или убитыхъ.

Всадники.

Общая численность пѣхоты во времена послѣднихъ царей обыкновенно составляла, вѣроятно, до 20000 человѣкъ. Плебеи могли быть въ пѣхотѣ начальниками мелкихъ и даже крупныхъ тактическихъ единицъ, центуріонами и военными трибунами. Изъ самыхъ знатныхъ и богатыхъ землевладѣльцевъ составлялась конница. По реформѣ, приписываемой Сервію Туллію, число ея было увеличено. Первоначально было 300 всадниковъ (по 10 отъ каждой куріи). Тарквиній Старшій удвоилъ ихъ число; по реформѣ Сервія Туллія считалось 18 центурій, т. е. 1800 человѣкъ. Они не получали жалованья, но лошадей и продовольствіе для лошадей давало имъ государство. Этотъ расходъ покрывался налогомъ, который должны были платить вдовы и незамужнія женщины, имѣвшія земельную собственность, сироты и бездѣтные старики, имѣвшіе ее.

Съ теченіемъ времени число всадниковъ подвергалось большимъ измѣненіямъ; и всегда былъ нуженъ для поступленія въ ихъ сословіе довольно большой имущественный цензъ. Тѣ всадники, которые растратили свое имущество, провинились чѣмъ нибудь на военной службѣ, или держали себя дурно въ частной жизни, были исключаемы изъ своего почетнаго сословія при смотрахъ. Впослѣдствіи старинныя всадническія фамиліи составили главный элементъ того всадническаго сословія, какое образовалось при развитіи римскаго могущества. Это позднѣйшее всадническое сословіе состояло изъ богатыхъ людей, которые соединялись въ коммерческія товарищества, брали на откупъ подати и налоги (такіе откупщики назывались publicani); другія товарищества всадниковъ брали на себя подряды, постройки и пр. Со времени Гракховъ всадникамъ была передана и обязанность судей. Но нести военную службу въ конницѣ они перестали съ той поры, какъ въ Римѣ сформировалось постоянное войско.

Латинскій союзъ.

Сервію Туллію легенда приписываетъ устройство внутреннихъ дѣлъ государства, распространеніе политическихъ правъ на плебеевъ, улучшеніе военной организаціи; о Тарквиніѣ Гордомъ она говоритъ, что онъ расширилъ границы государства, заключилъ союзы, увеличившіе могущество Рима, возвелъ громадныя сооруженія. При пяти первыхъ царяхъ городъ Римъ охватилъ всѣ семь холмовъ той мѣстности, на которой возникъ, покорилъ маленькія государства на Тибрѣ и Аніонѣ (города Антемны, Крустумерій, Корникулъ, Ценину, Камерію, Коллацію) и болѣе значительные города Фидены и Альбалонгу, сдѣлался главнымъ рынкомъ той части Италіи. Послѣдній царь принудилъ всѣ латинскіе города, въ томъ числѣ и Габіи, заключить съ Римомъ договоры, по которымъ они признали Римъ

главою латинскаго союза. Весь латинскій союзъ долженъ былъ принимать участіе во всѣхъ войнахъ Рима, и граждане любого города имѣли право селиться во всѣхъ другихъ городахъ союза. Но въ дѣлахъ, которыхъ не касались союзныя обязанности, каждый городъ сохранялъ свое независимое управленіе, и отрядами союзниковъ начальствовали собственные ихъ полководцы. Для разбора тяжбъ между гражданами разныхъ городовъ союза, или между римлянами и латинами былъ особенный судъ, состоявшій изъ латиновъ и римлянъ; члены этого суда назывались возстановителями правъ (recuperatores). Общимъ святилищемъ римлянъ и латиновъ былъ храмъ Діаны на Авентинскомъ холмѣ, богатомъ родниками и густыми рощами. Тамъ ежегодно собирались на союзный праздникъ латины и римляне. Съ праздникомъ была соединена ярмарка. Въ это же время происходили и засѣданія союзнаго суда. Союзный храмъ пользовался священнымъ правомъ убѣжища.

Договоръ съ Кароагеномъ (509).

По словамъ Полибія, римляне заключили съ кароагенянами торговый договоръ очень скоро по изгнаніи Тарквинія,—въ томъ же самомъ году. Но вѣроятно онъ былъ заключенъ нѣсколько позднѣе, во время войнъ римлянъ съ латинами и другими сосѣдами. Онъ постановлялъ, что римляне не должны плавать дальше „прекраснаго мыса“ (нынѣ называющагося мысомъ Бономъ); что если ихъ корабли будутъ занесены бурею или загнаны преслѣдованіемъ враговъ дальше этого мыса, то имѣютъ право дѣлать лишь тѣ закупки, какія нужны на продовольствіе и жертвоприношенія; кароагеняне съ своей стороны обязывались не строить крѣпостей въ латинской землѣ и не дѣлать никакого вреда латинскимъ городамъ, находящимся подъ властью Рима, и въ частности приморскимъ городамъ Лавренту, Ардеѣ, Анцію, Цирцеямъ, Анксуру. На этихъ условіяхъ римляне и кароагеняне установили дружбу между собою, отъ своего имени и отъ имени своихъ союзниковъ.

Общій выводъ.

Исторія римскихъ царей, кончающаяся изгнаніемъ Тарквинія, страдаетъ непримиримыми внутренними противорѣчіями и въ содержаніи своемъ, и въ хронологіи; это не оспоримо. Римскіе цари должны быть признаны миоическими лицами, представителями главныхъ фазисовъ развитія римскаго государства въ первыя времена его существованія; они лишь олицетворенія главныхъ фактовъ первоначальной римской исторіи тѣхъ временъ, когда соединялись въ одинъ городъ разныя поселенія на холмахъ римской мѣстности. Совершенно не вѣроятно то, что семь царей, которые вступали на престолъ уже возмужавшими людьми и изъ которыхъ только два умерли естественною смертью, царствовали всѣ по нѣскольку десятковъ лѣтъ, такъ что сумма ихъ царствованій составляла 240 лѣтъ, или 244 года. Сколько времени длился періодъ правленія царей, кто были они, въ какомъ порядкѣ шли факты, мы не можемъ опредѣлить съ достовѣрностью. Мы должны довольствоваться общими понятіями объ устройствѣ римскаго государства, какія можно извлечь изъ преданій о временахъ царей, или какія мы можемъ составить себѣ по событіямъ позднѣйшей эпохи. Въ слѣдующемъ отдѣлѣ мы дадимъ очеркъ этихъ свѣдѣній на основаніи трудовъ Нибура и новѣйшихъ ученыхъ. Кто были лица, давшія Риму его учрежденіе, мы не можемъ опредѣлить.

Имена царей, передаваемыя намъ легендою, служатъ въ ней только рамками, которыми объединяются факты извѣстнаго разряда; въ этихъ именахъ такъ же мало достовѣрности, какъ и въ поэтическихъ разсказахъ, которыми вымыселъ позднѣйшаго времени украсилъ событія, нанизанныя на эти имена. Блескъ временъ римскихъ царей, и въ особенности Тарквиніевъ, похожъ на отблескъ зари, въ которомъ сливаются очертанія предметовъ на краю горизонта.

Исторія царей, говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей, Ине, не основана ни на документахъ, ни даже на народномъ преданіи; она составлена во времена сравнительно позднія и составлена посредствомъ сознательныхъ вымысловъ искусственнымъ образомъ. Она—рядъ опытовъ дать историческое объясненіе тому, какъ возникли политическія учрежденія, религіозные и общественные обычаи, объяснить имена мѣстностей, построеніе храмовъ или другихъ зданій и придать опредѣлительность туманнымъ мыслямъ народа о старинѣ. Въ тѣ чуждыя критикѣ времена, не колеблясь, относили къ эпохѣ царей все, что казалось принадлежащимъ старинѣ, и легковѣріе помогало вымыслу. Ине доказываетъ, что „изгнаніе Тарквиніевъ не было только перемѣною формы правленія, превращеніемъ монархіи въ республику; оно обозначаетъ собою возстаніе латино-сабинскаго народа противъ этрусковъ, которые нѣсколько времени владычествовали надъ Лаціумомъ“.

---

3. Государственное и общественное устройство Рима во времена царей.

Мы видѣли, что у народовъ Средней Италіи, латиновъ и сабинянъ, основаніемъ государства была семья. Семьи соединялись въ родовой союзъ, изъ соединенія родовъ происходили государства. Римское государство при царяхъ и въ первое время республики тоже состояло изъ соединенія племенъ (tribus), которыя состояли въ свою очередь изъ соединенія родовъ, а роды изъ соединенія семействъ. Семейство составляли свободный мужчина и его полноправная жена, соединенная съ нимъ торжественнымъ обрядомъ, совершавшимся при посредствѣ жрецовъ и установлявшимъ между мужемъ и женою общеніе воды и огня; принадлежностью этого обряда была священная мука, посыпанная солью, и названіе брака означало сочетаніе посредствомъ муки (Confarreatio); всѣ члены семейства—жена, сыновья, дочери, дѣти сыновей и все имущество принадлежали главѣ семейства домохозяину, власть котораго надъ всѣми, живущими въ его домѣ, не только надъ дѣтьми, но и надъ женою была неограничена. Онъ былъ верховнымъ судьею членовъ своей домашней общины и могъ по произволу наказывать ихъ смертью.

Римское семейство.

Права дѣтей основывались не на рожденіи ихъ, а на томъ, что отецъ принималъ рѣшеніе воспитывать ихъ. Власть мужа и отца не была ограничена никакимъ закономъ; предѣлы ея злоупотребленію полагали только религія, которая могла подвергать злодѣя проклятію, и семейный совѣтъ, который впрочемъ могъ только смягчать домохозяина своими просьбами. По смерти домохозяина «опека» (tutela) надъ его вдовою переходила къ сыну, который становился опекуномъ и надъ незамужними сестрами. Женщина не только была лишена правъ собственности, но не имѣла и личной свободы; она не была членомъ общины, была только подданною домохозяина. Не имѣть наслѣдника считалось великимъ несчастьемъ, потому съ древнѣйшихъ временъ народная община давала домохозяину возможность отклонить это бѣдствіе усыновленіемъ (adoptio) чужого, которому предоставлялись всѣ права родного сына, но съ тѣмъ вмѣстѣ возлагались на него и всѣ сыновнія обязанности. Изъ соединенія семействъ возникали роды.

Семейство заключало въ себѣ только тѣхъ людей, которые знали свою связь съ общимъ предкомъ чрезъ всѣ степени своего происхожденія отъ него; родъ (gens) состоялъ и изъ такихъ лицъ, которыя знали только, что они происходятъ отъ одного предка, но не знали именъ того ряда людей, по которому произошли отъ него, и не могли опредѣлить степеней своего родства ни съ нимъ, ни между собою.

Роды и куріи. Родъ (gens) состоялъ изъ нѣсколькихъ семействъ, которыя первоначально были родственны между собою и, вѣроятно, жили рядомъ, но съ теченіемъ времени раздѣлились на разныя отрасли. Родъ имѣлъ своихъ особенныхъ родовыхъ боговъ, которымъ члены его приносили общія жертвы въ особенномъ родовомъ святилищѣ; онъ имѣлъ также общее родовое мѣсто погребенія умершихъ. Но онъ не имѣлъ судебной власти надъ своими членами; она принадлежала исключительно царю. Обиженный домохозяинъ долженъ былъ требовать у царя, чтобы обидѣвшій его былъ принужденъ уплатить вознагражденіе. Десять родовъ составляли курію. Она имѣла религіознаго главу, называвшагося куріономъ. Члены куріи составляли союзъ, подобный семейству обширнаго размѣра. У нихъ были взаимныя права и обязанности, общее богослуженіе, общіе обѣды на ихъ религіозныхъ праздникахъ; былъ домъ собраній, называвшійся куріею; въ этомъ домѣ былъ очагъ, служившій символомъ ихъ союза. Римскій народъ первоначально состоялъ изъ соединенія курій: каждый изъ трехъ отдѣловъ его, называвшихся трибами, дѣлился на десять курій, т. е. на сто родовъ. Военное устройство было основано на этой группировкѣ. Въ первоначальныя времена Рима каждая семья обязана была присылать въ войско одного пѣхотнаго воина и каждый родъ одного всадника. Такимъ образомъ римскій народъ является уже имѣющимъ опредѣленную твердую организацію въ тѣ времена, съ которыхъ начинаются наши свѣдѣнія о немъ.

Римскій родовой союзъ имѣетъ своею характеристическою особенностью родовое имя. Относительно именъ римско-италійскій обычай рѣзко отличается отъ греческаго. Въ Греціи называли человѣка только личнымъ его именемъ, а въ Римѣ съ очень давняго времени стало необходимо прибавлять къ личному имени фамилію рода, къ которому принадлежитъ человѣкъ (такія фамиліи, напримѣръ: Юлій, Корнелій Валерій, Фабій Клавдій и пр.); рано стали даже считать родовую фамилію главной частью имени человѣка и она стала называться «именемъ» (nomen), а личное имя человѣка сдѣлалось второстепенною прибавкою къ его фамиліи и стало называться praenomen «именемъ, предшествующимъ главному имени»; рано стали писать его сокращенно, напримѣръ: A. (Aulus), L. (Lucius) M. (Marcus) Q. (Quintus), P. (Publius) T. (Titus). То, что сокращенный способъ писать его вошелъ въ употребленіе очень рано, мы видимъ изъ обыкновенія писать C. вмѣсто Gajus и Cn. вмѣсто Gnaeus; такія сокращенія очевидно принадлежатъ времени, когда буква C. обозначала звукъ не K. а G. Къ этимъ двумъ необходимымъ частямъ имени лица (напримѣръ C. Marius, L. Mummius) не всегда, но очень часто прибавлялось третье названіе cognomen «прибавочное имя», которое часто бываетъ личнымъ названіемъ, но часто служитъ къ различенію отраслей обширнаго рода; таково, напримѣръ, въ родѣ Цециліевъ добавочное имя Метеллъ; таковы въ родѣ Корнеліевъ имена Сципіонъ, Лентулъ, Сулла.

Различенію людей по трибамъ и куріямъ, вѣроятно, соотвѣтствовало топографическое разграниченіе этихъ группъ; вѣроятно, каждая триба, каждая курія жила въ особой мѣстности, имѣла свой отдѣльный округъ; быть можетъ даже, раздѣленіе на роды имѣло первоначальнымъ своимъ основаніемъ топографическую раздѣльность этихъ группъ другъ отъ друга.

Кліенты. Кромѣ этихъ свободныхъ гражданъ, пользовавшихся совершенной равноправностью, имѣвшихъ право и обязанность быть воинами, носившихъ, какъ одежду свободнаго сословія, тогу, бѣлый шерстяной плащъ очень простого покроя — большой кусокъ ткани безъ всякихъ швовъ,—были въ Римѣ съ древнѣйшихъ временъ полусвободные люди, называвшіеся кліентами; они жили на земляхъ, принадлежавшихъ полноправнымъ гражданамъ; были подчинены собственникамъ этихъ земель, не имѣли политическихъ правъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ были и освобождены отъ всякихъ государственныхъ налоговъ или повинностей; на войну они ходили только, какъ воины, служащіе своимъ господамъ; они могли пріобрѣтать собственность, но не земельную. Они воздѣлывали поля гражданъ, какъ наслѣдственные арендаторы, или занимались ремеслами и мелкою торговлей; они были допущены къ участію въ религіозныхъ обрядахъ родовъ. Нѣкоторые изъ нихъ были потомки прежнихъ жителей страны, у которыхъ земля была отнята завоевавшимъ ихъ племенемъ, и которые были поставлены въ зависимость, но съ тѣмъ вмѣстѣ и подъ покровительство новыхъ землевладѣльцевъ; другіе были дѣти, родившіяся отъ неравныхъ браковъ, или отпущенные на волю рабы, или переселенцы изъ другихъ странъ, бѣдняки, ушедшіе съ родины искать себѣ средствъ къ жизни въ римскомъ государствѣ.

Отношенія кліентовъ къ тѣмъ гражданамъ, подъ покровительствомъ которыхъ они жили и которые назывались ихъ патронами, были освящены

религіею, основывались на обычаѣ, имѣли характеръ родственной связи; патронъ имѣлъ не только права, но и обязанности, кліэнтъ не только обязанности, но и права. Патронъ былъ представителемъ и защитникомъ своихъ кліэнтовъ на судѣ, обязанъ былъ охранять ихъ имущество и ихъ трудъ, помогать имъ совѣтами и дѣломъ; за это кліэнты были обязаны давать патрону денежное пособіе на выкупъ его изъ плѣна, на уплату штрафа, если онъ подвергался таковому по суду, на расходы по отправленію правительственной должности; давать приданое его дочерямъ, выходившимъ замужъ; должны были сопровождать его на войну и когда было нужно, то и въ другихъ случаяхъ составлять его свиту. Патронъ и кліэнтъ не могли вести тяжбы между собою, не могли быть свидѣтелями другъ противъ друга. Нарушеніе обязанностей относительно кліэнта навлекало на патрона проклятіе боговъ. Кліэнтами были и всѣ дѣти кліэнтовъ; патрономъ былъ только глава семейства.

Рабы и отпущенники.

Кромѣ кліэнтовъ къ семейству принадлежали рабы и отпущенники. Рабами становились военноплѣнные; становились и граждане, или кліэнты въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, напримѣръ за неуплату долговъ и за нѣкоторыя преступленія. Рабъ считался вещью; господинъ имѣлъ неограниченное право надъ его жизнью и смертью, надъ его силами и надъ всѣмъ, что заработаетъ онъ. Рабъ не могъ вступать въ бракъ съ дѣвушкой или женщиной свободнаго состоянія; онъ могъ жениться только на рабынѣ, при согласіи господина; его дѣти были рабами его господина. Когда рабъ получалъ свободу, онъ вступалъ въ сословіе отпущенниковъ, liberti; это не давало ему правъ свободно-рожденнаго человѣка (ingenuus). И въ частной жизни онъ не пользовался такимъ уваженіемъ, какъ свободно-рожденный. Если онъ былъ отпускаемъ на волю съ соблюденіемъ торжественнаго обряда освобожденія, то онъ получалъ довольно широкія права личной свободы и дѣлался кліэнтомъ своего господина, т. е. поступалъ въ его родъ, потому принималъ его родовое имя, а въ послѣднія столѣтія республики принималъ и его личное имя; онъ могъ носить тогу и заниматься ремесломъ, какъ самостоятельный хозяинъ. Но если онъ былъ освобожденъ безъ установленныхъ формальностей, права его были болѣе ограничены, и при его смерти имущество его переходило къ прежнему его господину.

Плебеи.

Полноправные граждане, принадлежавшіе къ племеннымъ трибамъ и куріямъ, составляли «народъ» (populus). Съ древнѣйшихъ временъ Рима было другое сословіе людей, принадлежавшихъ къ этимъ политическимъ союзамъ; оно называлось plebs. Мнѣнія ученыхъ о происхожденіи плебеевъ неодинаковы; неодинаково думаютъ ученые и о томъ, каковы были отношенія плебеевъ къ другимъ жителямъ государства, не имѣвшимъ политическихъ правъ. По мнѣнію Нибура и большинства историковъ, писавшихъ вскорѣ послѣ него, главную массу плебеевъ образовали жители сосѣднихъ съ Римомъ городовъ и мѣстностей, завоеванныхъ Римомъ, или подчинившихся ему по договорамъ. Они были приняты въ составъ населенія римскаго государ-

ства, сохранили личную свободу, сами, какъ самостоятельные люди, вели свои тяжбы; имъ была оставлена небольшая земельная собственность; но они не были приняты въ роды и куріи римлянъ, потому не имѣли гражданскихъ правъ, не участвовали въ народномъ собраніи, не могли занимать правительственныхъ должностей, не могли получать жреческаго сана, не имѣли участія въ пользованіи государственной землею. На нихъ лежали только обязанности гражданъ — военная повинность и поземельный налогъ,—но правами гражданъ они не пользовались, въ управленіи государствомъ не участвовали; не могли вступать въ брачные союзы съ семействами гражданъ: не были допускаемы къ участію ни въ государственномъ богослуженіи, ни въ какихъ изъ тѣхъ дѣлъ, которыя производились съ гаданіями о волѣ боговъ (съ ауспиціями); покровительство римскихъ законовъ простиралось на нихъ и они служили въ войскѣ,—только этимъ они и отличались отъ иностранцевъ. Огромное большинство плебеевъ были поселяне; между ними много людей, которые во времена независимости своихъ государствъ принадлежали къ знатному сословію и, вѣроятно, не вполнѣ лишились богатства, принадлежавшаго ихъ предкамъ; занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, большинство плебеевъ жило на своихъ участкахъ и бывало въ Римѣ лишь въ рыночные дни (nundinae). Такимъ образомъ они образовали сословіе совершенно различное и отъ кліэнтовъ и отпущенниковъ, и отъ полноправныхъ гражданъ, которые по отношенію къ нимъ составляли аристократическое сословіе и въ противоположность имъ назывались патриціями, какъ главы семейныхъ общинъ, patres «отцы». Въ рыночные дни, когда множество плебеевъ пріѣзжало въ Римъ, они сходились между собою и въ этихъ собраніяхъ разсуждали о своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ, о томъ, какъ управлять ими, установляли свои общинные налоги, выбирали своихъ областныхъ старшинъ; они собирались по трибамъ; это было началомъ, изъ котораго впослѣдствіи времени возникли комиціи трибъ.

Такимъ образомъ въ государствѣ существовало сословіе свободныхъ людей, не пользовавшихся политическими правами, не подвластныхъ землевладѣльцамъ, какъ кліэнты, но подвластныхъ собранію гражданъ или царю. Главнѣйшее значеніе реформы, приписываемой Сервію Туллію, состояло въ томъ, что она дала этому сословію нѣкоторое участіе въ политическихъ правахъ, опредѣлила ихъ обязанности относительно государства. По мнѣнію нѣкоторыхъ новѣйшихъ историковъ, сословіе плебеевъ составилось изъ кліэнтовъ и многочисленныхъ другихъ жителей государства, не пользовавшихся политическими правами; число такихъ людей при царяхъ постоянно увеличивалось переселеніемъ побѣжденныхъ въ Римъ и добровольными переселеніями иноземцевъ. Какъ во всѣхъ государствахъ древности, основанныхъ на завоеваніи, въ Римѣ съ самаго начала было два сословія: господствующее и покоренное; положеніе покоренныхъ было неодинаково; такъ, напримѣръ, въ Спартѣ было два разряда покорен-

ныхъ людей, періэки и плоты. Безъ сомнѣнія, былъ въ Римѣ, кромѣ господствующаго и подвластнаго сословія, третій средній между ними разрядъ людей, которые не принадлежали къ патриціямъ, но входили въ составъ курій, участвовали въ ихъ богослужебныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ и причислялись къ римскому народу (populus romanus). Подвластные люди, называвшіеся кліэнтами, вѣроятно, выходили постепенно изъ-подъ зависимости отъ землевладѣльцевъ и становились подданными не отдѣльныхъ лицъ, а государства, образуя общины въ сосѣднихъ мѣстечкахъ и принимая названіе плебеевъ; число ихъ постоянно увеличивалось покореніемъ новыхъ сосѣднихъ округовъ.

Царь. Верховная власть въ государствѣ принадлежала народу (populus), т. е. собранію полноправныхъ гражданъ, или патриціевъ, которое передавало управленіе дѣлами государства царю, или совѣту родоначальниковъ (Сенату), оставляя за собою только право рѣшенія нѣкоторыхъ особенно важныхъ дѣлъ. Царь, избранный и утвержденный должнымъ порядкомъ, получившій религіозное освященіе (inauguratio), и, по рѣшенію народа, въ комиціяхъ курій облеченный правительственною властью (imperium), вступалъ къ народу въ такое отношеніе, въ какомъ былъ домохозяинъ къ своему семейству. Онъ былъ правитель, военачальникъ и судья съ неограниченною властью; для исполненія своихъ обязанностей онъ могъ избирать себѣ помощниковъ или замѣстителей; но ихъ власть была несамостоятельная, а только порученная имъ отъ него; таковы были, напримѣръ, квесторы («слѣдователи», т. е. сановники, занимавшіеся изслѣдованіемъ и судомъ по дѣламъ объ убійствахъ). Принадлежностями царскаго сана были нѣкоторые внѣшніе знаки: когда онъ шелъ исполнять свои обязанности, передъ нимъ шли двѣнадцать служителей, называвшіеся ликторами; они несли фаски (fasces), связки розогъ съ воткнутыми въ нихъ сѣкирами, потому что царю принадлежала власть надъ жизнью и смертью гражданъ, какъ и надъ свободою ихъ; когда онъ совершалъ судъ на площади народныхъ собраній въ судебные дни (dies fasti), онъ сидѣлъ на стулѣ, который назывался курульнымъ (sella curulis); по своему жреческому сану онъ управлялъ богослуженіемъ, совершалъ государственныя гаданія на священномъ мѣстѣ, называвшемся templum, приносилъ жертвы, назначалъ жрецовъ и авгуровъ и установлялъ религіозныя учрежденія. Когда онъ удалялся изъ города, онъ могъ назначать намѣстника, управлявшаго городомъ въ его отсутствіе съ правами царской власти (praefectus urbi «градоначальникъ»). На содержаніе царя былъ назначенъ большой участокъ государственной земли. Другими источниками его правительственныхъ доходовъ были судебные штрафы, таможенныя пошлины и, кажется, подать съ жителей государства, не принадлежавшихъ къ числу гражданъ. Граждане были обязаны, по его приказу, безъ вознагражденія исполнять общественныя дѣла и воздѣлывать царскій участокъ земли. Когда царь умиралъ, то сенаторы (patres «отцы») собирались

и назначали правителя государства въ междуцарствіе (interrex) на пять дней; этотъ правитель назначалъ новаго царя, предлагая свой выборъ на утвержденіе сенату и народу; до утвержденія царя народомъ правительственная власть (imperium) и право вопрошать боговъ (право ауспицій) находились въ завѣдываніи самого народа. Такимъ образомъ благословеніе боговъ, при которомъ былъ основанъ Римъ, непрерывно переходило отъ перваго царя къ слѣдующимъ, и государственное единство сохранялось неизмѣннымъ при смѣнѣ царей. Царская власть была не самостоятельная, а порученная царю народомъ, и при смерти лица, которому была ввѣрена, она возвращалась къ народу. Наслѣдственное право на престолъ было неизвѣстно римлянамъ. Царь получалъ свою власть не отъ боговъ, а отъ народа, чей выборъ одобряли боги. Юридически власть царя была ограничена тѣмъ, что онъ только исполнялъ законы, а измѣнять ихъ не могъ. Всякое отступленіе отъ закона, если оно было сдѣлано царемъ не по рѣшенію народнаго собранія, было превышеніемъ власти, дѣломъ деспотизма, противозаконіемъ. Сенатъ первоначально былъ совѣтъ (consilium), членовъ котораго царь избиралъ по своей волѣ изъ родоначальниковъ; санъ сенатора былъ пожизненный. По обычаю и по фактической необходимости, царь долженъ былъ во всѣхъ важныхъ дѣлахъ испрашивать согласія сената. Сенаторы собирались на совѣщаніе по приглашенію царя; онъ или его намѣстникъ былъ предсѣдателемъ и управлялъ ходомъ совѣщаній. Сенатъ принималъ непрерывное участіе въ управленіи государствомъ, и всякое предложеніе, которое предполагалось внести въ народное собраніе, предварительно разсматривалось сенатомъ и поступало на рѣшеніе народнаго собранія лишь какъ мнѣніе, принятое сенатомъ (senatus consultum). Сенатъ былъ хранителемъ законнаго порядка, потому дозволялъ себѣ отмѣнять рѣшенія народнаго собранія, когда находилъ ихъ противными законамъ. Сенатъ.

Число сенаторовъ соотвѣтствовало числу родовъ, и когда чрезъ присоединеніе другихъ городовъ къ Риму увеличивалось число родовъ, то увеличивалось и число сенаторовъ. Оно при царяхъ дошло до трехъ сотъ. При этомъ, вѣроятно, соблюдалось правило, что отъ каждаго рода долженъ быть представитель въ сенатѣ и отъ каждаго рода только одинъ. Впослѣдствіи назначали сенаторовъ консулы, а по учрежденіи цензорства,— цензоры. Сенаторы были избираемы ими изъ людей безукоризненной жизни, принадлежавшихъ къ знатнымъ и богатымъ фамиліямъ.

Народному собранію (комиціямъ) принадлежала верховная власть; оно избирало, или утверждало избраннаго сенатомъ царя, установляло и отмѣняло законы, давало права гражданства, объявляло войну, заключало миръ, рѣшало дѣла тѣхъ осужденныхъ гражданъ, которые апеллировали отъ приговора судей или царя къ народу; эта апелля- Комиціи.

ція къ народу называлась провокаціею. Война считалась законно объявленной, только когда народныя комиціи, созванныя царемъ, соглашались съ нимъ и сенатомъ объявить ее; только такая война считалась справедливой, въ которой боги будутъ помогать Риму. Объявленіе войны производилось торжественнымъ образомъ посредствомъ особенныхъ сановниковъ, феціаловъ; они являлись къ народу, воевать съ которымъ рѣшилъ Римъ, и объявляли войну, держа въ рукахъ пучекъ чистой травы, какъ символъ родныхъ полей, и обожженный, омоченный въ крови жезлъ, какъ символъ военныхъ дѣйствій; обрядъ этого торжественнаго объявленія войны совершали феціалы по стариннымъ формамъ и въ старинныхъ выраженіяхъ.

Законы и судъ.

Освященный религіею государственный порядокъ охранялся законами, основанными на обычаѣ; исполненіемъ законовъ завѣдывалъ царь, какъ высшій представитель народа. Если преступленіе было нарушеніемъ общественнаго спокойствія и блага, царь начиналъ судъ по собственной обязанности; но если отъ преступленія страдало не общество, а только отдѣльное лицо, процессъ начинался лишь по жалобѣ обиженнаго. Изъ этой разницы развилось впослѣдствіи различеніе государственнаго права отъ частнаго. Преступленіями противъ государственнаго права были всѣ тѣ дѣла, которыми нарушалось общественное спокойствіе; напримѣръ измѣна, сопротивленіе власти, убійство гражданина, поджогъ, оскорбленіе чести женщины или дѣвушки, клятвопреступленіе, похищеніе хлѣба съ поля, совершонное ночью. По всѣмъ такимъ дѣламъ судьею былъ царь, или его намѣстникъ; онъ постановлялъ приговоръ по совѣщаніи съ приглашенными къ присутствію въ судѣ сенаторами. Виновные въ такихъ преступленіяхъ наказывались смертью; но осужденный на смерть имѣлъ право апелляціи къ народу (provocatio). Если преступникъ, котораго вели на казнь, встрѣчался на пути съ весталкой, эта встрѣча избавляла его отъ казни. Отъ заключенія въ тюрьму во время процесса обвиняемый могъ освобождаться подъ поручительство. Подвергать пыткѣ для вынужденія сознанія можно было только рабовъ. Виды смертной казни были различны: ложныхъ свидѣтелей низвергали со скалы Палатинскаго холма; поджигателей сожигали; похитившихъ хлѣбъ съ поля вѣшали, накинувъ имъ на голову покрывало. За менѣе важныя преступленія противъ общественнаго спокойствія виновные подвергались или денежному штрафу, или тѣлесному наказанію. Кровомщенія не существовало въ Римѣ. Человѣкъ, осквернившій государство умышленнымъ убійствомъ, наказывался смертью. За неумышленное убійство, вмѣсто казни убійцы, былъ приносимъ въ жертву очищенія баранъ. Когда кто подвергался личной, или имущественной обидѣ, то царь или его намѣстникъ начиналъ дѣло только по жалобѣ обиженнаго. За нарушеніе имущественныхъ правъ виновный подвергался денежному штрафу въ пользу обиженнаго; а если было нанесено человѣку увѣчье, то онъ могъ требовать, чтобы подвергнутъ былъ такому же увѣчью обидчикъ. Неисправный должникъ съ своими дѣтьми и всѣмъ имуществомъ отдавался въ полную власть кредитору, который могъ убить его, или продать въ рабство, или оставлялъ его рабомъ у себя.

Моммсенъ говоритъ: «Области государственнаго и частнаго права рѣзко и ясно разграничены въ римскомъ законѣ: преступленія противъ государства подвергаются суду по инціативѣ самой власти, и наказаніе за нихъ всегда смерть; дѣла о преступленіяхъ противъ согражданина, или гостя могутъ кончаться примиреніемъ съ обиженнымъ, или виновный подвергается уплатѣ въ его пользу, и никогда не подвергается стерти; высшее наказаніе за такія преступленія—лишеніе свободы».—Частное право одинаково защищало гражданина и кліента; но иноземецъ, не поступившій въ кліенты къ какому-нибудь гражданину, пользовался защитою законовъ только въ томъ случаѣ, если его отечество заключило особенный договоръ съ Римомъ; такъ, напримѣръ, латины пользовалась защитою законовъ въ Римѣ, (и римляне въ латинскомъ союзѣ), по договору между Римомъ и латинскимъ союзомъ.—Величіе Рима основано на томъ, что народъ римскій далъ себѣ законы, въ которыхъ строго и правдиво владычествовали вѣчные принципы свободы и порядка, собственности и повиновенія праву, и подчинялся этимъ законамъ.

Сельское хозяйство.

У всѣхъ италійскихъ народовъ сельское хозяйство было главнымъ занятіемъ, земледѣліе—основаніемъ государства. И въ Римѣ главную силу государства составляли поселяне - собственники. По законамъ Сервія Туллія, только замлевладѣльцы имѣли право и обязанности. Первоначально земля принадлежала, быть можетъ, всему роду, воздѣлывалась общею работою, и только уже продуктъ дѣлился между семействами; такъ можно полагать потому, что понятіе о частной собственности первоначально относилось не къ землевладѣнію, а къ «скоту» pecunia, или къ «рабамъ и скоту» familia pecuniaqne. Но во время царей пахотная земля была уже раздѣлена по участкамъ между семьями; распредѣленіе гражданъ на классы по законамъ Сервія Туллія основано на размѣрѣ личной поземельной собственности, средній доходъ отъ которой былъ впослѣдствіи оцѣненъ на деньги.

Мы не можемъ въ точности сказать, какую величину имѣлъ участокъ пахотной земли, считавшійся достаточнымъ для обезпеченности семейства. Моммсенъ полагаетъ, что эта величина была никакъ не меньше 20 югеровъ; въ законахъ о раздачѣ участковъ общественной земли въ частную собственность говорится иногда о двухъ югерахъ, но Моммсенъ полагаетъ, что въ этихъ случаяхъ рѣчь идетъ объ огородахъ, потому что такой незначительный участокъ не могъ быть достаточенъ для содержанія семейства даже и въ тѣ времена, когда люди питались кашицею и лепешками.

Общественная земля.

Но у римскаго государства оставались большія пространства земли, не розданной въ частную собственность («общественной земли» ager publicus), она была распахиваема, но больше оставалась пастбищемъ. У побѣжденныхъ городовъ и селеній ремляне всегда брали часть зем-

ли (обыкновенно третью часть), потому съ расширеніемъ границъ государства увеличивалось и количество общественной земли. Увеличивалось и число гражданъ, имѣвшихъ свое поземельное хозяйство: на завоеванныхъ земляхъ селились римляне; прежніе жители были принимаемы въ число гражданъ; приходили поселенцы изъ другихъ земель. Многіе народы были завоевателями подобно римлянамъ; но ни одинъ не успѣлъ пріобрѣтать себѣ въ прочное владѣніе завоеванную землю своимъ трудомъ, какъ римляне завоевывать вторично плугомъ завоеванное въ первый разъ копьемъ. Кромѣ хлѣбопашества римляне занимались воздѣлываніемъ винограда; очень рано стали воздѣлывать оливковыя плантаціи; смоковничное дерево упоминается уже въ легендѣ объ основаніи Рима. Религіозные обряды и праздники освящали сельскія занятія. Наслѣдственные участки можно было дѣлить; но по обычаю участокъ оставался во владѣніи того, кто былъ хозяиномъ дома. Продавать свою наслѣдственную землю считалось стыдомъ даже и въ позднія времена. Когда наслѣдственный участокъ становился недостаточенъ для прокормленія всѣхъ дѣтей, младшіе сыновья переселялись въ другія мѣстности. Крупные землевладѣльцы отдавали часть своей земли арендаторамъ подъ условіемъ платы извѣстной доли продукта; изъ этого возникло кліэнтство; права кліэнтовъ были ограждены священнымъ обычаемъ. Жены домохозяевъ, даже и богатыхъ людей, сами пряли съ своими служанками шерсть и ткали одежду. Ремесла были не многочислены; не многочислены и ремесленники; люди каждаго ремесла составляли особую корпорацію. Внутренняя торговля велась главнымъ образомъ на ярмаркахъ, соединенныхъ съ религіозными праздниками; таковы были, напримѣръ, ежегодныя ярмарки на Авентинскомъ холмѣ, въ Вольсиніяхъ при храмѣ Вольтумны и особенно въ Рощѣ Фероніи на горѣ Соракте. Средствомъ обмѣна служили первоначально рогатый скотъ и овцы (pecunia); позднѣе мѣдь по вѣсу. Но уже съ очень ранняго времени жители западнаго берега вели дѣятельную торговлю съ финикіянами и греками, привозившими туда уборы и разныя издѣлія изъ золота, другихъ металловъ, слоновой кости, стекла, глиняную посуду для жертвоприношеній и домашняго быта, полотно, пурпурныя ткани, выдѣланную кожу и бравшими въ обмѣнъ за нихъ необработанные продукты: мѣдь, серебро, желѣзо, хлѣбъ, сырыя кожи, корабельный лѣсъ. Въ частности Лаціумъ велъ очень дѣятельную торговлю съ греческими городами Сициліи и Кампаніи. По этимъ торговымъ сношеніямъ система мѣръ и вѣсовъ для предметовъ торга была принята греческая; между тѣмъ какъ земельныя мѣры и счетъ времени остались прежнія туземныя. Другимъ результатомъ торговли было то, что всѣ италійскіе народы усвоили себѣ греческій алфавитъ, начала пластическаго искусства и нѣкоторыя цифры. Изъ туземныхъ численныхъ знаковъ уцѣлѣли только I, V и X, бывшіе оче-

Наслѣдственная земельная собственность.

Ремесла и торговля.

Мѣры и вѣсъ.

Алфавитъ и цифры.

видно изображеніями протянутаго пальца, ладони и двухъ соединенныхъ ладоней. Игры цирка на великомъ праздникѣ города Рима — бѣгъ колесницъ, скачка, бѣгъ людей, борьба, кулачный бой, — процессіи съ пѣснями и танцами, занимавшія очень важное мѣсто въ римскомъ богослуженіи, были заимствованы римлянами, какъ должно думать, отчасти у этрусковъ, отчасти у грековъ. Но физическое воспитаніе латинскихъ юношей не получило художественнаго развитія, какъ было у грековъ. Римскій народъ имѣлъ очень мало любви къ прекрасному; греческія сѣмена искусства и поэзіи не дали всходовъ у него; на зеленыя поля Италіи упали очень лишь немногія капли изъ золотой чаши музъ.

Игры и искусство.

III. Римъ подъ владычествомъ патриціевъ.

(509—366 г. до Р. Х.).

1. Основаніе республики.

1. ПРЕДАНІЕ.

Новый порядокъ.

По изгнаніи царя, римляне рѣшили раздѣлить между разными сановниками принадлежавшія ему права власти: судебная и военачальническая власть была передана двумъ избираемымъ на годичный срокъ консуламъ (или, какъ они первоначально назывались, преторамъ); охраненіе государственнаго очага и богослужебныя обязанности были поручены «царю священнослуженія». Народъ въ собраніи по центуріямъ избралъ консулами освободителей государства Брута и Коллатина; они немедленно возстановили законы Сервія Туллія и пополнили сенатъ до законнаго числа трехсотъ членовъ принятіемъ въ него новыхъ сочленовъ изъ патриціевъ и плебеевъ. Но Тарквиній Коллатинъ сталъ подозрителенъ народу по своему родству съ изгнанной династіей; народное собраніе заставило его сложить санъ консула и удалиться изъ Рима. Онъ поселился въ Лавиніѣ; тамъ онъ и умеръ. Его мѣсто занялъ Публій Валерій, который потомъ заслужилъ себѣ почетное прозвище «уважающаго народъ» (Poplicola). По его избраніи въ консулы, народъ постановилъ, что весь родъ Тарквиніевъ на вѣки подвергается изгнанію.

Заговоръ.

Но молодая республика должна была выдержать трудную борьбу со внѣшними и внутренними врагами. Тарквиній прислалъ въ Римъ повѣренныхъ требовать, чтобы возвращены были имущества, принадлежащія царю и удалившимся съ нимъ многочисленнымъ друзьямъ и приверженцамъ его. Пока шли переговоры объ этомъ, послы склонили нѣсколькихъ знатныхъ римлянъ составить заговоръ съ цѣлью возстановленія царя; въ числѣ заговорщиковъ были два сына Брута. Заговоръ былъ открытъ доносомъ раба. Строгій Брутъ осудилъ преступниковъ на смерть и, по праву неограниченной власти отца, велѣлъ тотчасъ же казнить своихъ сыновей, не обнаруживъ при ихъ казни никакой печали на лицѣ. Потомъ были казнены и другіе заговорщики. Коварство пословъ заставило народъ отмѣнить уже принятое рѣшеніе объ исполненіи требованій Тарквинія. Движимое имущество Тарквиніевъ было отдано на разграбленіе толпѣ; земли ихъ были раздѣлены на участки и розданы плебеямъ. Большой клокъ земли между городомъ и рѣкою, принадлежавшій царю, былъ посвященъ Марсу и получилъ названіе Марсова поля (Campus Martius). Когда пришла жатва, снопы этого поля бросили въ рѣку, вода въ которой была тогда низкая; они остановились на мели и груда ихъ послужила основаніемъ острову, на которомъ черезъ два столѣтія былъ построенъ храмъ Эскулапа. Марсово поле перестали воздѣлывать, назначили его мѣстомъ военныхъ упражненій и народныхъ собраній, въ особенности собраній для выбора сановниковъ.

Война съ этрусками. Смерть Брута.

Увидѣвъ неудачу хитрости, Тарквиній обратился къ силѣ оружія. Этрусскіе города Веи и Тарквиніи приняли его сторону, и онъ пошелъ съ войскомъ на Римъ. Началась битва. Брутъ, начальствовавшій римскою конницей, и Арунсъ Тарквиній, начальствовавшій конницею отца, ринулись другъ на друга и оба упали съ коней: копье каждаго изъ нихъ пронзило противника. Ихъ смерть увеличила ожесточеніе воиновъ; жаркій бой длился до самой ночи, и только темнота вынудила войско прекратить сраженіе. Обѣ стороны приписывали себѣ побѣду; но въ полночь послышался изъ сосѣдней рощи голосъ лѣсного бога, объявившій, что побѣда принадлежитъ римлянамъ, потому что у этрусковъ пало однимъ человѣкомъ больше. Этрусками овладѣлъ паническій страхъ и они ночью ушли. Консулъ Валерій возвратился въ Римъ съ торжествомъ, и на слѣдующій день были сдѣланы торжественныя похороны Брута. Римскія матроны цѣлый годъ носили трауръ, какъ по отцѣ, по немъ, отмстившемъ за оскорбленіе женской чести; республика поставила между статуями царей бронзовую статую, изображавшую его съ обнаженнымъ мечомъ.

Валерій Попликола.

Валерій медлилъ созвать комиціи для выбора консула на мѣсто Брута и строилъ себѣ каменный, подобный цитадели домъ на высокомъ Велійскомъ холмѣ, гдѣ прежде былъ дворецъ Тулла Гостилія; это возбудило подозрѣніе, что онъ задумываетъ стать царемъ. Узнавъ о такой молвѣ, онъ сломалъ свой домъ и велѣлъ ликторамъ опускать фаски передъ собраніемъ курій въ знакъ того, что верховная власть принадлежитъ народу, что потому сановники подчинены народному собранію и не могутъ оставаться въ своей должности дольше срока, на который избраны. Онъ предложилъ народу принять законъ о провокаціи, дававшій каждому гражданину право апеллировать отъ приговоровъ сановниковъ къ народному собранію. По принятіи этого закона вошло въ обычай, что ликторы въ городѣ должны носить

свои фаски безъ сѣкиръ. За все это было дано Валерію названіе Попликолы (уважающаго народъ). По принятіи предложеннаго имъ закона онъ созвалъ собраніе народа для выбора другого консула, и товарищемъ ему былъ выбранъ Маркъ Горацій, на чью долю досталась честь совершить освященіе Капитолійскаго храма. Имя Марка Горація была написано на портикѣ храма, и въ сентябрьскія иды, въ день освященія храма, былъ послѣ того ежегодно вбиваемъ въ одну изъ перекладинъ храма гвоздь, для обозначенія счета лѣтъ.

Война съ Порсеною.

Тарквиній удалился къ Ларсу Порсенѣ, царю этрусскаго города Клузія, и просилъ его помощи. Порсена пошелъ на Римъ съ такимъ большимъ войскомъ, что римляне не могли выйдти въ поле на битву съ нимъ, и онъ занялъ Яникулъ, холмъ на правомъ берегу Тибра. Римскій отрядъ, стоявшій въ укрѣпленіи на этомъ холмѣ, бѣжалъ въ городъ черезъ мостъ; враги гнались за нимъ и проникли бы въ городъ вмѣстѣ съ бѣгущими, если бы не остановилъ ихъ Горацій Коклесъ, которому было ввѣрено охраненіе моста. Онъ былъ сильный воинъ и съ двумя товарищами отражалъ рвавшихся на мостъ враговъ, а за нимъ, по его приказанію, ломали мостъ. Когда уже едва было можно пройдти, онъ отослалъ своихъ товарищей и одинъ продолжалъ оборонять доступъ къ мосту, пока по треску упавшей настилки и радостному крику воиновъ, разломавшихъ мостъ, узналъ, что работа кончена. Тогда онъ воззвалъ къ отцу Тиберину (богу рѣки Тибра), чтобъ онъ принялъ его и его оружіе въ свою священную воду и защитилъ его; совершивъ молитву, онъ спрыгнулъ въ волны и переплылъ на римскій берегъ подъ стрѣлами враговъ. Послѣ, когда въ городѣ сталъ свирѣпствовать голодъ, каждый гражданинъ въ благодарность отдавалъ Горацію часть пищи, въ которой такъ сильно нуждался самъ; а республика, по окончаніи войны, поставила ему статую и подарила ему столько земли, сколько онъ могъ опахать плугомъ въ одинъ день. Такую же награду получилъ и Муцій Сцевола.

Горацій Коклесъ.

Муцій Сцевола.

Въ осажденномъ Римѣ начался сильный голодъ; Римъ не могъ долго сопротивляться; Муцій Сцевола, съ разрѣшенія сената, пошелъ убить этрусскаго царя, чтобы спасти родину. Онъ тайно проникъ въ станъ и, зная по-этрусски, вошелъ въ царскій шатеръ, но по ошибкѣ закололъ вмѣсто царя богато одѣтаго сановника. Порсена хотѣлъ узнать, нѣтъ ли у него сообщникомъ и, чтобы вынудить его къ сознанію, грозилъ ему пыткой; онъ положилъ правую руку на огонь жертвенника въ доказательство, что не боится ни мученій, ни смерти. Лишившись отъ огня правой руки, онъ получилъ за этотъ подвигъ прозваніе Сцеволы (лѣвша). Удивленный такимъ геройствомъ, Порсена отпустилъ Муція безнаказанно, и какъ будто въ благодарность за это онъ посовѣтовалъ царю поспѣшить заключеніемъ мира, сказавъ ему, что триста знатныхъ юношей поклялись спасти родину отъ

этрусскаго царя и что ему, Муцію, досталось по жребію идти первымъ. Эта угроза такъ испугала Порсену, что онъ заключилъ миръ. Не требуя возстановленія власти Тарквинія, онъ ушелъ съ Яникула, удовольствовавшись обѣщаніемъ римлянъ возвратить Веямъ семь округовъ и взявъ у римлянъ десять юношей и десять дѣвушекъ въ залогъ вѣрности условіямъ мира. Когда онъ пошелъ обратно, то Клелія, отважная дѣвушка, обманула стража и, вмѣстѣ съ другими дѣвушками-заложницами переплывъ Тибръ, благополучно возвратилась въ Римъ. По требованію Порсены римляне возвратили ему Клелію, но великодушный царь почтилъ ея смѣлость, возвратилъ ей свободу, позволилъ ей взять съ собою на родину и юношей, бывшихъ заложниками. Республика поставила Клеліи на верхнемъ концѣ священнаго пути статую, изображавшую ее сидящей на конѣ. Сынъ Порсены Арунсъ пошелъ съ отрядомъ войска на латинскій городъ Арицію; но другіе латины и тираннъ города Кумъ, Аристодемъ, пришли на помощь Ариціи, разбили Арунса, и самъ онъ былъ убитъ въ сраженіи. Бѣжавшіе этруски были гостепріимно приняты въ Римѣ. Многіе изъ нихъ не захотѣли возвратиться домой и поселились въ той мѣстности города Рима, которая послѣ этого стала называться этрусской частью.

Клелія.

Аппій Клавдій переселяется въ Римъ.

Около этого времени въ Римъ пришли еще другіе переселенцы. Сабинянинъ Аттъ Клавсъ, жившій въ городѣ Региллѣ, былъ вынужденъ политическими противниками покинуть родину и пришелъ въ Римъ съ своими кліэнтами; ихъ было такъ много, что число вооруженныхъ людей простиралось до 5000 человѣкъ. Ему была дана земля за рѣкою Аніономъ. Онъ принялъ въ Римѣ имя Аппія Клавдія; родъ Клавдіевъ произошелъ отъ него.

Война съ латинами.

Битва при Региллѣ 496.

Покинутый Порсеною Тарквиній пріѣхалъ къ своему зятю Октавію Мамилію, и Мамилій убѣдилъ латинскій союзъ начать войну съ Римомъ для возстановленія власти Тарквинія. Когда латины пошли на Римъ, римляне назначили диктатора—то былъ первый случай назначенія этого сановника. Диктаторъ одержалъ надъ латинами славную побѣду при озерѣ Региллѣ, на сѣверѣ отъ латинскихъ горъ, между Римомъ и Пренестомъ. По разсказу легенды объ этой битвѣ, она была рядъ поединковъ подобно битвамъ гомеровскихъ героевъ подъ Троею. Въ переднемъ ряду бился храбрый полководецъ Постумій; съ нимъ сразился старикъ Тарквиній, но раненный долженъ былъ покинуть поле битвы. Съ Октавіемъ Мамиліемъ вступилъ въ бой начальникъ римской конницы Титъ Эбуцій; они ранили другъ друга, но рана Эбуція была тяжела и онъ долженъ былъ покинуть битву, а Мамилій, превозмогая боль раны, повелъ въ бой римскихъ изгнанниковъ, которыми начальствовалъ Титъ Тарквиній. Маркъ Валерій, братъ Попликолы, былъ убитъ; два племянника хотѣли отнять его тѣло у враговъ, но и сами были убиты; римлянами овладѣвалъ страхъ, но пришелъ съ своею когортою Постумій и римляне стали побѣждать. Мамилій ободрялъ свое отступающее войско; Герминій, одинъ изъ тѣхъ двухъ воиновъ, которые помогали Горацію Коклесу не пускать этрусковъ на мостъ, убилъ Мамилія, но, снимая съ него доспѣхи, самъ былъ убитъ. Римскіе всадники сошли съ лошадей, двинулись въ бой пѣшіе и довершили побѣду. Враги обратились въ бѣгство; римскіе всадники снова сѣли на коней, преслѣдовали ихъ и взяли ихъ станъ. Диктаторъ

возвратился съ побѣдоноснымъ войскомъ въ Римъ и у родника Ютурны построилъ храмъ Діоскурамъ, чья помощь дала римлянамъ побѣду.

Смерть Тарквинія 495.

Пораженіе латинъ при Региллѣ уничтожило послѣднюю надежду старика Тарквинія. Онъ уѣхалъ къ тирану Аристодему въ Кумы и умеръ тамъ. Ушедшіе съ нимъ приверженцы его жили и умерли на чужбинѣ.

Историческіе факты.

Такъ разсказываетъ легенда о войнахъ, бывшихъ послѣдствіемъ изгнанія Тарквинія. Всѣ подробности ея свидѣтельствуютъ, что исторія этихъ лѣтъ еще остается на зыбкой почвѣ народнаго преданія, въ которомъ неразрывно переплетены истина и вымыселъ. Герои, участвующіе въ великомъ дѣлѣ освобожденія,—полумифическіе образы легенды, превышающіе размѣръ дѣйствительности. Всѣ они находятъ славную смерть въ битвахъ. Быть можетъ, въ основѣ преданія лежатъ и историческіе факты; изгнанная династія, быть можетъ, дѣлала попытки возвратить себѣ при помощи иноземцевъ утраченную власть, какъ дѣлали это изгнанные греческіе тиранны; но если это и было такъ, то исторія основанія республики все-таки остается облечена туманомъ вымысла, и чѣмъ ближе всматриваться въ эту легенду, тѣмъ сомнительнѣе становится она. Въ особенности прикрашена

Отношенія Порсены къ Риму.

преданіемъ война съ Порсеною; истина въ ней опутана поэтическимъ вымысломъ. Римляне хотѣли думать, что ихъ предки всегда поступали геройски, всегда побѣждали враговъ. Но какъ ни прославляетъ легенда эпоху основанія республики, какъ ни прикрашиваетъ войну съ Порсеной, мы имѣемъ извѣстія, свидѣтельствующія, что этрусскій царь овладѣлъ Римомъ и наложилъ на побѣжденныхъ тяжкія условія мира. Римляне должны были уступить ему часть своей земли, (по предположенію Нибура, десять трибъ, т. е. третью часть римской области); обязались не имѣть никакихъ желѣзныхъ орудій, кромѣ земледѣльческихъ; сенатъ послалъ этрусскому царю эмблемы царской власти надъ Римомъ: курульный стулъ, скипетръ, золотую корону и шитую золотомъ тогу; далъ ему, когда онъ уходилъ, заложниковъ вѣрности. Понятно, что, покоривъ Римъ себѣ, Порсена не возстановилъ надъ нимъ власть Тарквинія; онъ отступился отъ покровительства Тарквинію тѣмъ легче, что поссорился съ нимъ, какъ говорятъ нѣкоторыя извѣстія; а очень можетъ быть, что походъ Порсены и не имѣлъ никакого отношенія къ изгнанію Тарквинія, что только позднѣйшее преданіе поставило это нашествіе этрусковъ въ связь съ дѣломъ Тарквинія. Вообще этрусская война представляетъ много темнаго. Не подлежитъ сомнѣнію, что если римляне дѣйствительно были вынуждены признать надъ собою власть этрусскаго царя, то очень скоро свергли съ себя это иго; но какъ было дѣло, мы не знаемъ. Нибуръ полагаетъ, что побѣда при Ариціи освободила Римъ и Лаціумъ отъ владычества этрусковъ, которое было мимолетно. Есть мнѣніе, что походъ Порсены былъ результатомъ реакціи національнаго этрусскаго чувства противъ греческаго элемента, получившаго преобладаніе въ царствѣ Тарквиніевъ; есть другое мнѣніе, что этруски, тѣснимые галлами, пошли на югъ поселиться въ Кампаніи и что походъ Порсены былъ лишь передвиженіемъ переселенцевъ изъ Сѣверной Этруріи чрезъ римскую область. Мы не имѣемъ достаточныхъ матеріаловъ, чтобы рѣшить, какое изъ этихъ мнѣній справедливо. Достовѣрно только то, что Римъ при царяхъ пріобрѣлъ владычество надъ частью Этруріи и что при

республикѣ это владычество пало. Порсена въ легендѣ является владыкою всей Этруріи; быть можетъ „Порсена“ не личное имя, а этрусское названіе царя.

Отношенія римлянъ къ латинскому союзу.

Разсказъ о латинской войнѣ и о битвѣ при Региллѣ тоже носитъ на себѣ отпечатокъ народнаго преданія и не свободенъ даже отъ прикрасъ, придуманныхъ преднамѣренно и составленныхъ отчасти по описаніямъ битвъ у Гомера. Быть можетъ, что царь Тускула Мамилій пошелъ на Римъ для возстановленія власти своего тестя и что война между Тускуломъ и Римомъ—дѣйствительный фактъ. Но всякому вѣроятію противорѣчитъ мысль, что весь латинскій союзъ, принужденный Тарквиніемъ подчиниться Риму, захотѣлъ воевать для возстановленія этого царя. Слѣдуетъ полагать напротивъ того, что, по низверженіи Тарквинія, латины почти уничтоженнымъ договоръ, заключенный съ нимъ, и хотѣли, чтобы ихъ федерація стала снова независима отъ Рима. Вѣроятно не всѣ латинскіе города возстали, и латинскія войска бились частью противъ римлянъ, но частью—за нихъ. Если такъ, то битва при Региллѣ была побѣдою національныхъ элементовъ, римской республики и латиновъ, надъ этрусскою монархіею. Римскіе историки упоминаютъ также о войнѣ съ сабинянами, длившейся четыре года; она, вѣроятно, находилась въ связи съ латинскою войною. Только при такомъ предположеніи можно понять, что черезъ три года послѣ битвы при Региллѣ былъ заключенъ подъ вліяніемъ Спурія Кассія между римлянами и латинами союзъ на условіи взаимной равноправности; 493. этимъ договоромъ было установлено, что военная добыча должна быть по ровну дѣлима между римлянами и латинами, возстановлялась прежняя свобода селиться и пріобрѣтать собственность и торговать латинамъ въ Римѣ, римлянамъ въ Лаціумѣ (возстановлялся commercium); возстановлялась полноправность браковъ между ними (connubium); Римъ и латинскій союзъ должны были выставлять по два легіона на союзныя войны; командованіе этимъ союзнымъ войскомъ должны были имѣть поочередно римскій и латинскій преторы; назначеніе второстепенныхъ начальниковъ вполнѣ предоставлялось, кажется, ихъ волѣ. Такимъ образомъ республиканскій Римъ потерялъ владычество надъ латинами, пріобрѣтенное царями. Латинская федерація снова стала въ равноправныя отношенія къ Риму, какъ независимое государство.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того Спурій Кассій, заключившій договоръ съ латинами, принудилъ герниковъ, отложившихся отъ союза съ Римомъ по изгнаніи Тарквинія, возобновить союзъ на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ примирились съ Римомъ латины. 486. Но тѣснимые и побѣжденные эквами и вольсками герники и латины лѣтъ черезъ двадцать снова стали въ подчиненныя отношенія къ Риму, такъ что начальство надъ союзнымъ войскомъ было передано ими исключительно римскимъ военачальникамъ. Съ 465 г. Нѣкоторые изъ городовъ герниковъ и латинъ были покорены побѣдителями, остальные нуждались въ защитѣ Рима и принуждены были повиноваться ему. По взятіи Рима галлами герники и латины снова пріобрѣли на нѣкоторое время болѣе свободное положеніе; важнѣйшіе города ихъ, раздраженные прежними притѣсненіями и возроставшимъ самовластіемъ Рима, отложились отъ союза съ нимъ. Но когда въ Римѣ была установлена равноправность плебеевъ съ патриціями, могущество его стало увеличиваться; онъ принудилъ отпавшіе города снова вступить въ союзъ съ нимъ и подчинилъ ихъ себѣ крѣпче прежняго. Паденіе Лаціума дало просторъ расшириться могуществу Рима.

---

2. Характеръ римскихъ учрежденій въ первыя времена республики.

Римъ подъ владычествомъ патриціевъ.

Изгнаніе Тарквинія и уничтоженіе царской власти было общимъ дѣломъ всѣхъ гражданъ, и патриціевъ и плебеевъ; но выгоды отъ этой перемѣны достались исключительно знатнымъ фамиліямъ; сословію патриціевъ, которое совершенно обособилось отъ плебеевъ и сдѣлало своими привилегіями всѣ почести и политическія права. Единственною уступкою, какую получили отъ патриціевъ плебеи въ первыя времена республики, могло быть развѣ то, что для пополненія сената до цифры трехъ сотъ членовъ патриціи приняли въ сенатъ нѣкоторое количество важнѣйшихъ людей изъ плебеевъ; а быть можетъ, что даже и этого не сдѣлали они; быть можетъ, новые сенаторы были выбраны исключительно изъ патриціевъ. Эти новые члены сената были названы «сопричисленными» (conscripti) въ отличіе отъ прежнихъ, называвшихся «отцами» (patres); потому теперь, обращаясь къ сенаторамъ, ораторы называли ихъ patres et conscripti; впослѣдствіи формула получила упрощенный видъ: patres conscripti. Вся власть, принадлежавшая царю, перешла къ сословію патриціевъ; но права царя были раздѣлены между нѣсколькими сановниками, избираемыми на короткій срокъ; потому сановники были гораздо слабѣе царя. Эта перемѣна возвысила значеніе сената; онъ сохранилъ характеръ совѣта, созываемаго консулами, какъ назывались главные два сановника, избираемые на годъ; но какъ безсмѣнная корпорація членовъ, принадлежащихъ къ важнѣйшимъ фамиліямъ и сохраняющихъ свой санъ пожизненно, имѣлъ онъ фактическій перевѣсъ надъ сановниками, которые мѣнялись каждый годъ. Право назначенія сенаторовъ, принадлежавшее прежде царю, было предоставлено консуламъ; но они могли выбирать людей лишь изъ опредѣленнаго круга фамилій, и эти фамиліи, называвшіяся «сенаторскими», занимали преобладающее положеніе въ обществѣ. Сенатъ былъ охранителемъ законнаго порядка. Народному собранію могли быть предлагаемы только тѣ проекты законовъ, которые были одобрены сенатомъ; по одобреніи сената они назывались сенатусконсультами. Народныя собранія, на рѣшеніе которыхъ представлялись проэкты законовъ, происходили по центуріямъ; законнымъ мѣстомъ для нихъ была площадь, называвшаяся comitium. Всѣ рѣшенія центуріальныхъ комицій по принятію ли законовъ, по выборамъ ли сановниковъ, получали законную силу только по утвержденіи ихъ «отцами» (patres). Вопросъ о томъ, кого надобно понимать подъ названіемъ patres, ученые рѣшаютъ не одинаково. Нѣкоторые (Моммсенъ, Мадвигъ) полагаютъ, что эта «власть отцовъ» (patrum auctoritas) принадлежала сенату, собранію представителей сословія патриціевъ; другіе (Ни-

Сенатъ.

буръ, Ланге) думаютъ, что право утверждать законы и выборы принадлежало комиціямъ курій, въ которыхъ собирались всѣ патриціи. Но мнѣніе, что въ собраніяхъ курій участвовали только патриціи, вовсе безъ плебеевъ, не основано ни на какихъ положительныхъ извѣстіяхъ, потому едва-ли можно подъ названіемъ patres понимать собраніе курій. Сенатъ объявлялъ войну, заключалъ миръ, заключалъ другіе трактаты съ иноземными государствами, имѣлъ верховный контроль надъ администраціей и судопроизводствомъ, завѣдывалъ финансами, государственными землями, завѣдывалъ религіею. При содѣйствіи совѣтовъ сената и подъ надзоромъ его, текущими дѣлами управленія и судопроизводствомъ завѣдывали два сановника, первоначально называвшіеся преторами, а потомъ консулами; они были избираемы на одинъ годъ. Они созывали сенатъ, руководили его совѣщаніями, приглашали сенаторовъ подавать голоса; на войнѣ они были военачальниками съ неограниченною властью. Они избирались народомъ, но вступали въ отправленіе своей должности, лишь получивъ отъ собранія гражданъ по куріямъ утвержденіе въ санѣ и «власть» (imperium). У царя было 24 ликтора; они были раздѣлены между консулами, такъ что передъ каждымъ консуломъ шло 12 ликторовъ; царь имѣлъ пурпурную тогу; консулы имѣли тогу съ пурпурной каймой. Дѣйствія одного консула могли быть останавливаемы запрещеніемъ другого. Иногда патриціи вручали всю царскую власть сановнику, который назывался диктаторомъ («повелителемъ»); онъ имѣлъ 24 ликторовъ, фаски которыхъ были съ сѣкирами; это означало, что вся исполнительная власть принадлежитъ ему съ правомъ надъ жизнью и смертью. Но диктаторъ назначался только во времена большой опасности для государства и, по устраненіи ея, слагалъ съ себя санъ, дававшій ему неограниченную власть не только надъ войскомъ въ походѣ, но и надъ гражданами въ Римѣ, и подчинявшій ему всѣхъ сановниковъ. Диктаторъ былъ не «обыкновенный», а «чрезвычайный» сановникъ. Одинъ изъ консуловъ, по порученію сената, назначалъ въ ночной тишинѣ и при совершеніи религіозныхъ обрядовъ диктаторомъ того человѣка, который былъ выбранъ въ этотъ санъ сенатомъ. Срокъ власти диктатора не могъ превышать шести мѣсяцевъ. Диктаторъ назначалъ себѣ по собственному выбору помощника, который назывался начальникомъ конницы (magister equitum). Онъ былъ вполнѣ подчиненъ диктатору, но былъ выше всѣхъ другихъ сановниковъ. Отъ диктатора не было апелляціи къ народу. Диктатура была для патриціевъ средствомъ сдерживать стремленіе плебеевъ къ равноправности и подавлять волненіе гражданъ. Именами консуловъ обозначался годъ. Консулы совершали жертвоприношенія и молитвы отъ лица народа, и отъ его же имени вопрошали боговъ, при содѣйствіи авгуровъ. Кромѣ консуловъ, другими обыкновенными сановниками были квесторы, завѣдывавшіе подъ

Консулы.

Диктаторъ.

Квесторы. надзоромъ сената финансами. Первоначально было два квестора; съ расширеніемъ государства число ихъ увеличивалось соразмѣрно возростанію ихъ занятій. Первоначально они, вѣроятно, назначались консулами, но потомъ были избираемы народомъ. Срокъ ихъ сана былъ также годичный. Во времена царей квесторами назывались судьи по дѣламъ объ убійствахъ (стран. 64); повидимому этимъ уголовнымъ судьямъ было потомъ поручено и управленіе финансами; а впослѣдствіи времени оно стало исключительнымъ ихъ занятіемъ. Когда санъ консуловъ сталъ доступенъ и плебеямъ, патриціи отдѣлили, какъ мы увидимъ, судебную власть отъ обязанностей консуловъ и поручили ее новому сановнику, претору. Когда оба консула удалялись изъ Рима, ихъ намѣстникомъ въ Римѣ былъ «префектъ

Praefectus urbi города» (praefectus urbi). Такимъ образомъ судебная и военная власть царя была раздѣлена между консулами и квесторами, поставленными подъ надзоръ сената, а для исполненія религіозныхъ обязанностей царя была учреждена должность особеннаго духовнаго сановника, завѣдывавшаго всѣми дѣлами, относившимися къ государственной религіи, и между прочимъ охраненіемъ огня на очагѣ государства. Онъ назывался «царемъ священнослуженія» (rex sacrorum); за нимъ было

Царь священнослуженія. оставлено имя царя для того, чтобы сохранился прежній посредникъ между богами и народомъ. Но съ саномъ этого царя не могъ быть соединяемъ никакой другой санъ, потому онъ былъ безсильнѣйшимъ изъ всѣхъ римскихъ сановниковъ. Онъ назначался на всю жизнь, и жилъ въ домѣ, стоявшемъ на верхнемъ концѣ священнаго пути.

Положеніе патриціевъ. Патриціямъ принадлежало исключительное право занимать всѣ правительственныя должности (магистратуры); они одни могли быть и жрецами. Такимъ образомъ они командовали войсками, правили государствомъ, были судьями, совершали служеніе богамъ. Знаніе правилъ, по которымъ совершаются ауспиціи, было привилегіею патриціевъ и придавало имъ священный авторитетъ. Только они подробно знали обычное право, потому плебеи во всѣхъ процессахъ совершенно зависѣли отъ нихъ. Они занимались военными упражненіями; правила военнаго искусства передавались въ ихъ семействахъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, потому они одни были способны командовать войсками, и по закону одни имѣли право на это; они превосходили плебеевъ и образованностью, и знаніемъ общественныхъ дѣлъ, и умѣньемъ говорить въ многочисленныхъ собраніяхъ; потому естественно было, что они имѣли преобладаніе въ государствѣ. Прибавимъ, что они были богаче плебеевъ, какъ землевладѣльцы, что кромѣ своихъ земель они имѣли въ пользованіи общественныя земли; прибавимъ къ этому гордость знатностью происхожденія, силу, какую даетъ замкнутая организація сословія, всѣ члены котораго соединены общими интересами; прибавимъ, что патриціи

были уважаемы, какъ представители стариннаго римскаго быта, хранители преданій, наслѣдники славныхъ предковъ, и мы легко поймемъ то, что они совершенно владычествовали въ государствѣ болѣе столѣтія по основаніи республики. Переворотъ оставилъ неприкосновеннымъ то общественное устройство, какое было создано законами, приписываемыми Сервію Туллію; но фактически управленіе государствомъ перешло, при строгомъ соблюденіи законныхъ формъ, исключительно въ руки патриціевъ. Патриціи образовали большинство въ общихъ національныхъ собраніяхъ по центуріямъ, гдѣ, на основаніи предварительныхъ рѣшеній сената (сенатусконсультовъ), всѣ граждане, обязанные служить въ войскѣ, избирали консуловъ, другихъ сановниковъ и постановляли законы; по распредѣленію числа центурій между имущественными классами, богатое сословіе имѣло большинство голосовъ; а въ богатомъ сословіи преобладали патриціи; потому, когда они были согласны между собою, они рѣшали въ центуріальныхъ комиціяхъ всѣ вопросы какъ хотѣли; но и въ тѣхъ случаяхъ, когда, по разногласію между центуріями богатаго класса, рѣшеніе зависѣло отъ центурій слѣдующихъ классовъ; патриціи все-таки сохраняли ту выгоду, что сановниками могли быть назначаемы только люди ихъ сословія. Притомъ сановники, созывавшіе народъ въ центуріальныя комиціи и управлявшіе ихъ совѣщаніями, имѣли очень широкія права, такъ что легко могли отвратить всякое рѣшеніе, несогласное съ интересами господствующаго сословія. Кажется, что патриціи пользовались огромнымъ вліяніемъ и въ собраніяхъ народа по куріямъ, вручавшихъ своимъ рѣшеніемъ (такъ называемымъ lex curiata de imperio) правительственную власть сановникамъ, избраннымъ въ центуріальныхъ комиціяхъ. Владычеству сословія патриціевъ была выгодна краткость срока, на который избирались сановники, хотя государственнымъ дѣламъ и ходу войны она часто вредила. Были комиціи, въ которыхъ богатство не давало никакого перевѣса, всѣ голоса имѣли одинаковую важность; это были собранія плебеевъ по трибамъ; но патриціи старались пріобрѣтать въ нихъ большинство, посылая въ нихъ массу людей, преданныхъ интересамъ знатныхъ фамилій. Итакъ устройство римскаго государства было аристократическое, но въ аристократическихъ учрежденіяхъ лежали зародыши, изъ которыхъ въ послѣдствіи времени развились демократическое устройство, равноправность всѣхъ гражданъ и свобода ихъ. Верховная власть принадлежала собранію центурій; оно избирало сановниковъ, установляло законы; оно въ послѣдней инстанціи рѣшало дѣла о жизни и смерти гражданъ. Законъ, принятый въ первый годъ республики по предложенію Валерія Попликолы, далъ каждому, осужденному на казнь или на тяжелый имущественный штрафъ, право апеллировать къ собранію народа по центуріямъ (право провокаціи). Итакъ собраніе центурій было источникомъ всякой власти.

Національныя и сословныя собранія.

Въ этомъ его правѣ, еще не развившемся въ первыя времена республики и стѣсненномъ тогда многими ограниченіями, лежалъ зародышъ, изъ котораго развились демократическое правленіе и свобода.

Характеръ патриціевъ.

Мы будемъ видѣть, что патриціи упорно защищали свои привилегіи, старались по возможности увеличивать ихъ, выказывали эгоизмъ, сословное высокомѣріе, часто и безжалостность, стремились отнять у плебеевъ права, пріобрѣтенныя тяжелой борьбой, противились упорно и надменно всѣмъ ихъ требованіямъ; увидимъ, что молодые патриціи пытались разгонять собранія плебеевъ, издѣвались надъ ними, пытались мѣшать законной дѣятельности трибуновъ; но нельзя промолчать о хорошихъ качествахъ сословія патриціевъ: оно вѣрно охраняло государство, защищало родную землю и ни при какихъ бѣдствіяхъ не утрачивало вѣру въ спасеніе отечества; патриціи отличались военнымъ искусствомъ и храбростью, гражданскими доблестями, честностью, строгой нравственностью и простотою образа жизни, во многихъ случаяхъ проявляли возвышенность духа и всегда выказывали себя людьми твердыми, мужественными.

---

2. Бѣдствія плебеевъ, учрежденіе сана народныхъ трибуновъ и легенда о Коріоланѣ.

Угнетеніе плебеевъ патриціями.

Во время войнъ за свободу плебеи усердно помогали патриціямъ, и патриціи за то поступали съ ними доброжелательно, выказывали любезность къ нимъ. Чтобъ упрочить за собою преданность плебеевъ и внушить имъ любовь къ новому устройству государства, патриціи понизили цѣну соли, облегчили подати, во время неурожаевъ покупали на государственный счетъ хлѣбъ за границею, чтобы продавать его небогатымъ гражданамъ по дешевой цѣнѣ. По предложенію Валерія Попликолы были установлены нѣкоторые законы благопріятные плебеямъ; и по смерти его римскія женщины носили по немъ, какъ по Брутѣ, трауръ цѣлый годъ; похороны его были сдѣланы на
495. счетъ государства. Но когда смерть Тарквинія избавила патриціевъ отъ попытокъ возстановленія царской власти, они отбросили всякую снисходительность къ плебеямъ; не уважали право провокаціи, угнетали массу небогатыхъ гражданъ, безжалостно пользовались правами кредиторовъ относительно неисправныхъ должниковъ. Они не давали плебеямъ никакого доступа къ правительственнымъ должностямъ, оставляли всѣ почести своею привилегіей. «Плебеевъ отдѣляла отъ патриціевъ пропасть, чрезъ которую не было моста», говоритъ Ине: «Никакія заслуги относительно государства, никакія богатства не давали плебею надежды выйдти изъ массы подвластнаго сословія, получить участіе въ управленіи государствомъ. Бракъ между патриціями и плебеями былъ запрещенъ, подобно браку между свободными людьми и рабами. Плебей былъ устраненъ отъ всякихъ правительственныхъ должностей, отъ ауспицій, отъ знанія законовъ; онъ былъ недостоинъ жреческаго сана. На его долю доставалось только несеніе налоговъ и повинностей, въ особенности военной службы, которая становилась все тяжеле». Къ политической неравноправности присоединялось страданіе отъ бѣдности; а причиною бѣдности были строгость законовъ относительно неисправныхъ должниковъ и безжалостное примѣненіе этихъ законовъ патриціями. Суровость патриціевъ къ должникамъ была, какъ говоритъ преданіе, первымъ источникомъ борьбы за политическія права. Плебеи, какъ собственники мелкихъ участковъ земли, были обязаны платить поземельный налогъ (tributum) и служить въ войскѣ; а воины не получали жалованья и должны были пріобрѣтать оружіе на свой счетъ. Когда плебей уходилъ въ походъ, его сельское хозяйство разстроивалось; неурожаи и нашествія непріятелей разоряли мелкихъ земельныхъ собственниковъ; чтобы выпутаться хоть на время изъ бѣды, они принуждены были дѣлать займы у патриціевъ, крупныхъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ, подъ залогъ своихъ участковъ и своей личной свободы. Патриціи одни пользовались государственными землями, не платили за нихъ ни поземельнаго налога, ни даже установленной закономъ доли продукта (vectigal) или пастбищной пошлины; ихъ собственныя земли были и во время войны хорошо воздѣлываемы кліэнтами и рабами, на которыхъ не лежала военная повинность, бывшая почетнымъ правомъ гражданъ; военную добычу они брали себѣ, имъ доставались и всѣ другія выгоды отъ войны; словомъ, война, разорявшая плебеевъ, не разстроивала благосостоянія патриціевъ. Римъ издавна велъ выгодную торговлю хлѣбомъ и другими продуктами сельскаго хозяйства съ карѳагенянами и греками; масса этихъ товаровъ принадлежала патриціямъ, и они получали отъ торговли большія деньги. Такимъ образомъ скоро вся масса плебеевъ попала въ долговую подвластность (nexum) патриціямъ. Это было неизбѣжно по характеру законовъ о долгахъ. Проценты были высокіе, никакъ не меньше двѣнадцатой доли капитала въ годъ (т. е. болѣе восьми процентовъ); часто они были гораздо выше. Долгъ давался на одинъ годъ; если, по истеченіи года, должникъ не могъ уплатить всю взятую сумму съ процентами, то давалъ новое долговое обязательство, въ которомъ къ первоначальной суммѣ присоединялись неуплаченные проценты; это повторялось изъ года въ годъ, пока долгъ не возросталъ до явной невозможности уплатить его. Тогда должникъ былъ отдаваемъ въ работу кредитору, становился со всѣмъ своимъ имуществомъ и семействомъ собственностью его; кредиторъ могъ продать этого должника и его семейство въ рабство за границу, или оставлялъ его въ

Законы о должникахъ.

работѣ у себя, если не выкупали его друзья или родные. Положеніе должниковъ, попавшихъ въ работу, было ужасно; кредиторъ держалъ ихъ въ своей домашней темницѣ, откуда ихъ выводили только на работу; чтобы они не могли убѣжать, ихъ содержали закованными въ цѣпи. Но если кредиторъ и не бралъ должника къ себѣ на домъ въ работу, оставлялъ его на заложенной землѣ въ его домѣ; положеніе должника было всетаки бѣдственно: онъ только платилъ налогъ и работалъ, а все, что онъ пріобрѣталъ, кредиторъ бралъ себѣ въ зачетъ долга.

Но не только оставленный на заложенномъ участкѣ, даже и взятый въ работу кредиторомъ, неисправный должникъ сохранялъ свои гражданскія права. По старымъ латинскимъ и римскимъ законамъ, гражданинъ не могъ быть сдѣланъ рабомъ въ своемъ отечествѣ. Уплативъ долгъ, отданный въ работу должникъ (nexus) былъ возстановляемъ во всѣхъ своихъ политическихъ правахъ; даже и въ то время, когда онъ находился въ работѣ у кредитора, онъ сохранялъ право и обязанность служить въ войскѣ.

Тяжелыя послѣдствія законовъ о долгахъ проявились въ ужасномъ размѣрѣ довольно скоро по установленіи республики. Въ консульство Аппія Клавдія произошелъ случай, отъ котораго вспыхнулъ горючій

Отшествіе на священную гору. 494.

матеріалъ ожесточенія, накопившійся въ массѣ плебеевъ. Старикъ, вырвавшійся изъ долговой тюрьмы — такъ говоритъ преданіе — бѣжалъ по городу въ грязныхъ лохмотьяхъ, исхудавшій отъ голода, съ растрепанными волосами и криками просилъ защиты квиритовъ; онъ показалъ сбѣжавшейся толпѣ кровавые слѣды безчеловѣчныхъ побоевъ и разсказалъ, что онъ, бывшій въ двадцати восьми сраженіяхъ, былъ раззоренъ непріятельскимъ нашествіемъ: его домъ былъ разграбленъ и сожженъ. Голодъ, во время войны съ этрусками, принудилъ его продать все оставшееся у него имущество; потомъ онъ принужденъ былъ сдѣлать заемъ; отъ неуплаты процентовъ долгъ его возросъ въ нѣсколько разъ; тогда кредиторъ получилъ въ судѣ рѣшеніе, по которому взялъ въ работу его и двухъ его сыновей, заковалъ ихъ и держалъ въ цѣпяхъ. Многіе узнали въ исхудалыхъ чертахъ несчастнаго лицо знакомое имъ: это былъ храбрый центуріонъ; состраданіе, негодованіе произвело шумъ по всему городу; поднялось волненіе; отовсюду сбѣгались должники, отданные въ работу, сбѣгались другіе бѣдняки; масса требовала, чтобы устранено было всеобщее бѣдствіе. Въ то время была война съ вольсками, было время набирать войско; плебеи отказались поступать на службу. Товарищъ Аппія Клавдія, другой консулъ Публій Сервилій объявилъ, что отданные за долгъ въ работу освобождаются отъ нея, поступая въ войско, и что имущество ихъ и свобода ихъ дѣтей останутся неприкосновенны. Повѣривъ этому обѣщанію, всѣ должники, отданные въ работу, поступили въ войско, и Сервилій одержалъ блистательную

побѣду; непріятельскій станъ былъ взятъ, былъ завоеванъ главный городъ вольсковъ, Суэсса Помеція. Со славою и добычею возвратилось въ Римъ войско. Но Аппій Клавдій, не стѣсняясь обѣщаніемъ товарища, велѣлъ отвести въ темницы тѣхъ воиновъ, которые прежде были въ темницахъ за долги, велѣлъ возвратиться въ работу тѣмъ, которые были въ работѣ. Плебеи, въ негодованіи на то, что нарушается данное имъ обѣщаніе, взволновались, не допустили исполнить приказанія Аппія Клавдія. Черезъ нѣсколько времени патриціи увидѣли необходимость уступить плебеямъ, и былъ назначенъ диктаторомъ человѣкъ, пользовавшійся любовью простолюдиновъ, Маній Валерій; онъ успокоилъ плебеевъ, возобновивъ обѣщаніе Сервилія; вольски въ это время снова вторглись въ римскія владѣнія, пошли войной на Римъ и эквы, и сабиняне; повѣривъ обѣщанію Валерія, плебеи пошли съ нимъ на враговъ и снова побѣдили ихъ. Но когда войско возвратилось, сенатъ запретилъ исполнить обѣщаніе, данное диктаторомъ. Валерій, въ негодованіи, сложилъ съ себя санъ. Плебеи, еще стоявшіе въ это время станомъ за городскими стѣнами, отказали въ повиновеніи консуламъ, и подъ предводительствомъ своихъ военныхъ трибуновъ, войско, въ которомъ считалось 18000 человѣкъ, пошло на священную гору, находившуюся въ пяти римскихъ миляхъ отъ Рима у берега Аніона, на землѣ города Крустумерія; они рѣшили поселиться на этой горѣ, прервать всякія отношенія къ патриціямъ, основать свое особенное государство. Патриціи были испуганы этимъ и рѣшились на всѣ уступки, какія понадобятся для примиренія съ плебеями. Они послали человѣка, справедливаго, пользовавшагося любовью плебеевъ, Менепія Агриппу, въ станъ ушедшихъ на священную гору, чтобъ онъ убѣдилъ ихъ возвратиться. На ушедшихъ воиновъ подѣйствовала его рѣчь, въ которой онъ баснею о ссорѣ членовъ тѣла съ желудкомъ объяснилъ имъ, что раздоры между сословіями гибельны для всѣхъ сословій; еще больше подѣйствовало его обѣщаніе, что будетъ облегчено бѣдственное положеніе плебеевъ и будетъ учрежденъ санъ защитниковъ. Такимъ образомъ былъ заключенъ договоръ, по которому плебеямъ предоставлено было право имѣть своихъ особенныхъ сановниковъ, народныхъ трибуновъ, облеченныхъ властью защищать ихъ отъ консуловъ. Народные трибуны (tribuni plebis, «трибуны плебса», плебейскіе трибуны) были неподвластны консуламъ, были неприкосновенны по святости своего сана, имѣли право останавливать своимъ запрещеніемъ (veto) всякія рѣшенія сената, приговоры суда и распоряженія консуловъ, вредныя плебеямъ; и если это запрещеніе (intercessio) не будетъ уважено, то они могли останавливать взиманіе податей и наборъ войска. Народными трибунами могли быть только плебеи. Они избирались сначала въ комиціяхъ по куріямъ, а потомъ въ собраніяхъ однихъ только пле-

Учрежденіе сана народныхъ трибуновъ.

беевъ по трибамъ. (Это сословное собраніе плебеевъ называлось concilium). Число трибуновъ первоначально было, вѣроятно, два, какъ число консуловъ; но скоро было опредѣлено, что ихъ будетъ пять, а впослѣдствіи ихъ было десять. Помощниками народныхъ трибуновъ были два эдиля, которые имѣли надзоръ за рынкомъ, за общественными зданіями, за хлѣбными магазинами и т. д. Они должны были смотрѣть и за тѣмъ, чтобы плебеи не угнетались чрезмѣрными процентами и продажею необходимыхъ товаровъ по слишкомъ дорогой цѣнѣ. Санъ народныхъ трибуновъ былъ учрежденъ, какъ нѣчто параллельное сану консуловъ; плебейскіе эдили соотвѣтствовали до нѣкоторой степени тому, чѣмъ были у патриціевъ квесторы. Въ слѣдующемъ году умеръ возстановитель согласія между сословіями, Мененій Агриппа; онъ былъ бѣденъ, и похороны его были сдѣланы на счетъ казны.

Выборы народныхъ трибуновъ.

Преданіе говоритъ, что народные трибуны и плебейскіе эдили избирались первоначально въ собраніяхъ по куріямъ, а потомъ, по закону Публилія Волерона (съ 471 г. до Р. Х.), въ собраніяхъ по трибамъ. Ошибочное предположеніе, что въ собраніяхъ по куріямъ не участвовали плебеи (стран. 55), подало поводъ отвергать это преданіе, противъ котораго нѣтъ никакихъ основательныхъ сомнѣній, и замѣнять его догадками, составленными очень запутанно. Трибуны не были «магистратами» римскаго народа, были только представителями плебеевъ, какъ особаго сословія; потому, конечно, и собранія по куріямъ, въ которыхъ они избирались, были не собраніями всего римскаго народа «комиціями», а только сословными собраніями (concilia) плебеевъ, какъ и собранія по трибамъ, въ которыхъ потомъ избирались трибуны. Сословныя собранія плебеевъ были созываемы и по другимъ дѣламъ; рѣшенія, принимаемыя въ нихъ, были обязательны только для плебеевъ, не были общими государственными законами.

Положеніе трибуната и его вліяніе на государственную жизнь.

Такимъ образомъ учрежденъ былъ трибунатъ, получившій преобладающее вліяніе на развитіе римской государственной жизни. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, санъ народныхъ трибуновъ возникъ изъ сана прежнихъ старшинъ трибъ,—по мнѣнію другихъ, изъ должности военныхъ трибуновъ, высшей степени, какой могли достигать плебеи въ войскѣ; такъ ли, или иначе, но власть народныхъ трибуновъ съ самаго учрежденія этого сана была очень велика, и, пользуясь неприкосновенностью, какою были они облечены, трибуны постепенно увеличили свою силу въ государствѣ до громадныхъ размѣровъ. Неприкосновенность, которая была присвоена сану трибуновъ для огражденія ихъ отъ произвола сената и консуловъ и отъ насилій патриціевъ, скоро стала возбуждать ихъ дѣйствовать наступательно. Тотъ, кто оскорбилъ трибуна какимъ нибудь насиліемъ, подвергался религіозному проклятію, лишался покровительства законовъ и былъ обреченъ на смерть, а его имущество конфисковалось: (онъ становился, какъ это называлось у римлянъ, sacer). Подъ защитою этой своей привилегіи, трибуны захватывали себѣ все большія и большія права; и то, что съ начала было узурпаціею, со временемъ становилось признаннымъ правомъ. Сначала власть трибуновъ состояла только въ томъ, чтобы защищать отдѣльныхъ людей плебейскаго сословія отъ притѣсненій магистратовъ (это называлось auxilium, „помощь“); но скоро они пріобрѣли право требовать къ своему суду всякаго гражданина и налагать на него штрафъ; они требовали къ своему суду даже консуловъ, по окончаніи срока ихъ должности; кромѣ того трибуны пріобрѣли право останавливать административныя дѣла и ходъ судопроизводства своимъ протестомъ (intercessio), могли освобождать призываемыхъ къ военной службѣ отъ повиновенія призыву, воспрещать арестованіе подсудимаго, или должника, освобождать заключеннаго въ тюрьму. Но власть ихъ ограничивалась предѣлами города Рима. Чтобы плебеи всегда могли найдти своихъ защитниковъ готовыми помочь имъ, трибунамъ было запрещено проводить хотя бы одну ночь за стѣнами города, и двери дома трибуна должны были оставаться отворены день и ночь. Трибуны предсѣдательствовали въ собраніяхъ по трибамъ, и законъ Публилія Волерона (lex Publilia) ограждалъ эти собранія отъ попытокъ патриціевъ помѣшать имъ. 492. Трибуны имѣли право дѣлать собранію плебеевъ законодательныя предложенія, и когда такое предложеніе было принято, оно становилось „рѣшеніемъ плебса“ (plebiscitum); оно, собственно говоря, не имѣло силы закона, но дѣйствовать наперекоръ формально выраженной волѣ массы было трудно и опасно. Только распоряженій диктатора трибуны не могли останавливать (не имѣли права интерцессіи противъ диктатора); потому, по учрежденіи сана народныхъ трибуновъ, патриціи очень часто стали назначать диктаторовъ, чтобы уничтожать сопротивленія трибуновъ.—Сановники, совершенно безотвѣтственные, лично неприкосновенные, имѣвшіе право останавливать своимъ протестомъ судопроизводство и администрацію, воспрещать засѣданія сената и созваніе народнаго собранія, трибуны имѣли въ рукахъ власть опасную, это безспорно; но должно признать и то, что дѣятельность ихъ была главной двигательницею непрерывности и законности хода развитія римскихъ учрежденій, и что собственно трибунамъ республика была обязана своею прочностью. Трибуны были органами законной оппозиціи, ихъ задачею было требовать отмѣны злоупотребленій, требовать реформъ; исполняя это свое призваніе, они поддерживали политическую жизнь государства, предохраняли ее отъ застоя и дремоты. Для плебеевъ трибуны были то, что для патриціевъ консулы. При существованіи такихъ противоположныхъ одно другому государственныхъ учрежденій, римская государственная жизнь шла однако же спокойнымъ законнымъ порядкомъ,—это показываетъ намъ, какою силою здраваго политическаго смысла былъ одаренъ римскій народъ. Никогда ни въ какомъ другомъ государствѣ не было такого учрежденія, какъ трибунатъ, не было сановниковъ, обязанныхъ защищать народъ и облеченныхъ неприкосновенностью. Не имѣя никакой исполнительной власти, трибунатъ былъ однако же могущественнѣйшимъ изъ всѣхъ правительственныхъ учрежденій Рима. — Эдили были помощниками трибуновъ по нѣкоторымъ дѣламъ, составляли протоколы судебныхъ засѣданій и плебейскихъ собраній, завѣдывали полицейскимъ порядкомъ, наблюдали за правильностью торговли хлѣбомъ, распоряжались устройствомъ плебейскихъ праздниковъ, хранили документы по дѣламъ плебейскаго сословія и, быть можетъ, завѣдывали кассою его. Подобно трибунамъ, они были избираемы въ сословныхъ собраніяхъ плебеевъ; ихъ канцелярія находилась при храмѣ Цереры у Авентинскаго холма; вѣроятно отъ слова храмъ, aedes, и произошло названіе ихъ сана aediles—„сановники при храмѣ“. Первоначально были только два плебейскіе эдиля; впослѣдствіи былъ учрежденъ санъ „курульныхъ эдилей“, которые завѣдывали полицейскимъ порядкомъ не одной плебейской общины, а всего города Рима.

Обязанность эдилей.

Результаты перваго отшествія плебеевъ.

Итакъ непосредственнымъ результатомъ перваго отшествія плебеевъ было то, что вмѣсто одной государственной общины, состоявшей изъ патриціевъ, теперь государство составляли двѣ организованныя общины, патриційская и плебейская; это были, какъ будто, два разные народа, жившіе вмѣстѣ; между ними не было даже брачныхъ союзовъ, которые законъ признавалъ бы полноправ-

ными. Подобно патриціямъ, плебеи теперь имѣли своихъ сановниковъ, которыхъ избирали сами, свою особую администрацію, свой особый судъ, свое финансовое управленіе, свои особыя собранія, даже свои особые праздники. По предложенію трибуновъ, собраніе плебеевъ могло, принимая на себя судебную власть, объявлять виновнымъ всякаго патриція, который нарушалъ право плебеевъ, могло подвергать его денежному штрафу и изгнанію. При такихъ отношеніяхъ между патриціями и плебеями римское государство не распалось; напротивъ, договоръ, заключенный на священной горѣ, положилъ начало объединенію плебеевъ съ патриціями на основаніи политической равноправности,—это служитъ новымъ доказательствомъ великой политической разсудительности римскаго народа и патріотизма плебеевъ. „Патриціи", говоритъ Нибуръ, „были при всей политической образованности и жреческой мудрости представители неподвижности, которая не могла принести плодовъ культуры; а честные и энергичные плебеи, неутомимою борьбой пріобрѣтавшіе одно право за другимъ своему сословію, были орудіями развитія національной культуры". Сравнивая кровавыя междоусобія, свирѣпыя взаимныя преслѣдованія и угнетенія греческихъ аристократовъ и демократовъ съ мужественнымъ и полнымъ достоинства стремленіемъ плебеевъ производить требуемыя положеніемъ дѣлъ реформы безъ вооруженной борьбы, законнымъ путемъ естественнаго развитія существующихъ учрежденій, мы не можемъ не удивляться нравственной силѣ, любви къ порядку и законности обоихъ римскихъ сословій, и плебеевъ и патриціевъ. Римскіе граждане рѣдко забывали въ своихъ сословныхъ спорахъ держать себя благороднымъ образомъ.

Раздоры между патриціями и плебеями.

Годы, слѣдовавшіе за договоромъ, заключеннымъ на священной горѣ, были тяжелы для Рима. Раздоръ сословій не былъ устраненъ учрежденіемъ народныхъ трибуновъ; напротивъ, онъ часто усиливался до междоусобной войны: патриціи хотѣли ограничить права трибуновъ, или даже вовсе отмѣнить трибунатъ, а плебеи хотѣли упрочить власть его; трибуны подвергали суду тѣхъ магистратовъ, которые оставляли безъ вниманія ихъ протесты; плебеи осуждали этихъ сановниковъ; иногда плебеи даже отказывались идти въ походъ, или трибуны запрещали собирать войско. Преданіе говоритъ, что многіе патриціи удалились изъ Рима въ сосѣднія государства; другіе вступали въ заговоры съ непріятелями, или искали помощи противъ плебеевъ у аристократовъ латинскаго союза. Натурально было, что сосѣдніе народы, въ особенности воинственные вольски и эквы, пользовались этими раздорами, нападали на римлянъ

Война съ вольсками и Коріоланъ 493—491.

и союзниковъ ихъ, латиновъ и герниковъ. Важный приморскій городъ Анцій, имя котораго въ договорѣ съ карѳагенянами находится въ числѣ латинскихъ городовъ, попалъ подъ власть вольсковъ; они овладѣли и нѣкоторыми другими приморскими городами. Римляне по-
493. шли наконецъ войною на нихъ и осадили сильно укрѣпленный вольскій городъ Коріолы. Граждане его сдѣлали вылазку, а вольское войско шло на помощь городу. Но, благодаря храбрости молодого патриція Гаія Марція, римляне овладѣли Коріолами: обошедши городъ кругомъ, онъ вошелъ въ отворенныя ворота противоположной стороны его

и зажегъ тотъ край города. По взятіи Коріолъ, консулъ при собраніи всего войска похвалилъ Марція, далъ ему въ награду коня въ богатой сбруѣ; и въ память о его подвигѣ ему было дано прозваніе Коріолана («Коріольскаго»). Въ слѣдующемъ году въ Римѣ былъ голодъ. При враждебномъ настроеніи вольсковъ и тиранна кумскаго, Аристодема, не гдѣ было по сосѣдству купить хлѣба; голодъ усиливался, и бѣдствіе дошло до того, что Римъ походилъ на осажденный городъ. Наконецъ пришли корабли съ хлѣбомъ изъ Сициліи. Марцій Коріоланъ, раздраженный тѣмъ, что его не избрали консуломъ, предложилъ сенату сложить хлѣбъ въ государственные магазины и продавать по той дорогой цѣнѣ, какая стояла до прибытія кораблей; 491.
онъ говорилъ, что если плебеи хотятъ покупать хлѣбъ по дешевой цѣнѣ, то пусть они возвратятъ патриціямъ прежнія права и согласятся на уничтоженіе трибуната. Узнавъ объ этомъ, плебеи пришли въ страшное негодованіе; Коріоланъ былъ бы убитъ, еслибы трибуны не успокоили плебеевъ обѣщаніемъ подвергнуть его суду плебейскаго собранія по трибамъ, какъ человѣка, стремящагося нарушить договоръ, соблюдать который поклялись патриціи. Благодаря этому, Коріоланъ былъ оставленъ на свободѣ до дня суда. Патриціи старались смягчить гнѣвъ плебеевъ на него, рѣшили продавать хлѣбъ по дешевой цѣнѣ, напоминали плебеямъ о храбромъ подвигѣ Коріолана, просили пощадить его; но успѣху ихъ просьбѣ мѣшалъ онъ самъ своимъ высокомѣріемъ: онъ держалъ себя относительно плебеевъ дерзко, говорилъ объ нихъ съ обидными насмѣшками. Когда пришелъ день суда, онъ не явился въ собраніе плебеевъ, былъ осужденъ и долженъ былъ удалиться изъ Рима. Пылая желаніемъ мести, онъ уѣхалъ въ Анцій къ царю вольсковъ Аттію Туллію и уговорилъ его возобновить войну съ Римомъ, обѣщая ему свою помощь. Желанный предлогъ нашелся: Аттій Туллій хитростью достигъ того, что консулы позорно выгнали изъ Рима вольсковъ, пришедшихъ туда посмотрѣть на праздникъ. Началась война, вольски назначили своимъ главнокомандующимъ Коріолана. Онъ оправдалъ ихъ довѣріе: одерживалъ побѣду за побѣдой, бралъ городъ за городомъ. Вольски взяли городъ Цирцеи, въ которомъ были поселены римскіе колонисты; взяли латинскіе города Сатрикъ, Лонгулу, Полуску, Коріолы, Мугиллу; сдался грозному полководцу и Лавиній, священный городъ, который считали первобытною своею родиной латины и римляне; покоривъ весь Лаціумъ, Коріоланъ изъ Педа пошелъ на Римъ. Онъ расположился станомъ у Клуилійскаго рва, гдѣ была граница римскихъ владѣній, въ двухъ часахъ пути отъ Рима, и сталъ опустошать римскую землю. Положеніе римлянъ было бѣдственное: союзниковъ они не имѣли, и между ними самими шелъ раздоръ. Патриціи винили плебеевъ въ томъ, что они вынудили Коріонала сдѣлаться врагомъ отечества; плебеи винили патриціевъ въ томъ, что они по-

могаютъ Коріолану, измѣняютъ отечеству; дѣйствія Коріолана подтверждали это подозрѣніе: онъ велѣлъ опустошать только нивы и сельскія жилища плебеевъ, щадить владѣнія патриціевъ. Римляне рѣшились отмѣнить приговоръ противъ Коріолана, возвратить ему всѣ права; пять дружныхъ съ нимъ сенаторовъ были отправлены къ нему пригласить его возвратиться. Онъ сказалъ, что прекратитъ войну лишь подъ условіемъ, чтобы римляне отдали вольскамъ всю отнятую у нихъ землю и отозвали своихъ колонистовъ изъ этой области. Всѣ попытки римлянъ склонить его къ миру на менѣе тяжелыхъ условіяхъ остались напрасны. Ходили въ станъ Коріолана жрецы и авгуры въ священномъ облаченіи, но и ихъ просьбы остались напрасны. Приближался день, въ который Коріоланъ хотѣлъ начать приступъ. Мать Коріолана, старуха Ветурія, его жена Волумнія съ двумя дѣтьми его и римскія матроны пошли въ траурныхъ одеждахъ къ суровому военачальнику враговъ; ихъ просьбы и слезы тронули его сердце, и онъ согласился отступить. Онъ сказалъ, залившись слезами: «Мать, ты предпочла Римъ твоему сыну; ты больше не увидишь меня; пусть будутъ благодарны тебѣ римляне». Онъ возвратился съ вольскимъ войскомъ въ Анцій; по нѣкоторымъ извѣстіямъ, онъ дожилъ до глубокой старости, скорбя о печальной участи своей жить изгнанникомъ; по другимъ извѣстіямъ, Туллій, завидовавшій его вліянію, возбудилъ вольсковъ противъ него, и онъ былъ убитъ ими. На томъ мѣстѣ, гдѣ Коріоланъ, уступая просьбамъ матери, жены и римскихъ матронъ, далъ согласіе отступить отъ Рима, былъ построенъ, въ воспоминаніе о спасеніи родины женщинами, храмъ «женскаго счастья».

Разборъ легенды о Коріоланѣ.

Такова легенда о Коріоланѣ. Новые изслѣдователи неоспоримо доказали, что въ ней факты прикрашены вымысломъ. Нѣтъ никакого основанія сомнѣваться, что во времена ожесточенныхъ раздоровъ между патриціями и плебеями по установленіи трибуната, гордый патрицій, имя котораго было Коріоланъ, былъ принужденъ оскорбленными плебеями удалиться изъ Рима; мы уже говорили, что не мало было тогда патриціевъ, покидавшихъ родину по досадѣ на права, полученныя плебеями. Очень можетъ имѣть историческое основаніе и тотъ разсказъ, что этотъ патрицій дошелъ съ непріятельскимъ войскомъ до камня пятой мили отъ Рима и что просьбы римлянокъ убѣдили его отступить. Но союзъ его съ вольсками, быстрое завоеваніе латинскихъ городовъ и добровольное отступленіе побѣдоносныхъ вольсковъ—все это такъ неправдоподобно, что нельзя считать эти подробности соотвѣтствующими исторической истинѣ. Предпріимчивый, мстительный изгнанникъ Коріоланъ сдѣлалъ нападеніе на римскую область, вѣроятно, не какъ полководецъ вольсковъ, а какъ предводитель собравшихся къ нему римскихъ же изгнанниковъ и наемныхъ воиновъ; вѣроятно, этотъ набѣгъ былъ сдѣланъ въ такое время, когда римское войско ушло на помощь латинамъ противъ вольсковъ и эквовъ; благодаря тому, что Римъ остался безъ войска, онъ могъ подойдти близко къ городу, какъ
460. черезъ 30 лѣтъ послѣ того сабинянинъ Аппій Гердоній, при помощи дру-

гого римскаго патриція, Кезона Квинкція, занялъ съ отрядомъ изгнанниковъ и рабовъ Капитолій; римляне выгнали Гердонія оттуда только послѣ жаркаго боя при содѣйствіи подоспѣвшихъ на помощь къ нимъ тускуланцевъ. Число римскихъ эмигрантовъ и изгнанниковъ было велико по изгнаніи Тарквинія; оно много увеличилось во время раздоровъ между патриціями и плебеями; потому очень возможно, что эти изгнанники и эмигранты сдѣлали попытку овладѣть Римомъ, когда нашелся у нихъ предпріимчивый предводитель. Если у Коріолана сердце было такое мягкое, что въ рѣшительную минуту онъ поколебался, и нападеніе не удалось, то второе предпріятіе этого рода имѣло сначала удачу. Въ числѣ отважныхъ людей, съ которыми Гердоній овладѣлъ Капитоліемъ, могли быть дѣти или внуки тѣхъ эмигрантовъ и изгнанниковъ, которые вмѣстѣ съ Тарквиніями сражались противъ римлянъ у Регилла. Если такъ, то они нашли себѣ хоть по крайней мѣрѣ могилу на родинѣ.

Мнѣніе Нибура.

По мнѣнію Нибура, разсказъ народнаго преданія объ изгнаніи, мщеніи, отступленіи Коріолана отнесенъ лѣтописцами ко времени 20 или 30 годами болѣе раннему, чѣмъ событія, на основаніи которыхъ составилась эта легенда. Если когда-нибудь римскій изгнанникъ дѣйствительно ходилъ на Римъ въ союзѣ съ вольсками, то, по мнѣнію Нибура, это могло быть только развѣ во время большой войны съ вольсками въ 464 и слѣдующихъ годахъ; въ этой войнѣ вольски дѣйствительно овладѣли почти всѣми латинскими городами, и положеніе Рима было отчаянное; припоминая эти свои несчастія, римляне могли утѣшать себя мыслью, что вольски одерживали побѣды подъ предводительствомъ римлянина. Поводомъ къ тому, что исторія Коріолана отнесена лѣтописцами къ времени болѣе раннему, послужило обстоятельство, что въ ней упоминается о храмѣ «женскаго счастья» Fortuna muliebris: онъ былъ построенъ около 489 года. Но этотъ храмъ, стоявшій у камня четвертой мили, не имѣлъ, какъ теперь доказано, никакого отношенія къ походу Коріолана. Нибуръ полагаетъ, что если римляне находили тяжелымъ согласиться на какое-нибудь требованіе Коріолана, то они отвергали не требованіе о возвращеніи вольскамъ городовъ, завоеванныхъ прежде — эти земли они дѣйствительно возвратили черезъ 30 лѣтъ,—а требованіе Коріолана, чтобы возвращены были гражданскія права товарищамъ его, въ числѣ которыхъ находились преступники, бѣжавшіе должники, разбойники и разнаго рода отчаянные люди, сдѣлавшіеся въ изгнаніи буйными злодѣями. Нибуръ говоритъ: «Послѣ завоеванія иноземцами, самое великое несчастіе для свободнаго города было побѣдоносное возвращеніе изгнанниковъ, требовавшихъ, чтобъ имъ были отданы конфискованныя имущества. Много лѣтъ проживши въ нищетѣ изгнанія, почти всѣ они, конечно, сдѣлались разбойниками».

---

3. Аграрные законы; войны съ веіями и эквами. Децемвиры.

Общественная земля.

1. Тотъ Спурій Кассій, который заключилъ миръ съ латинами, предложилъ первый аграрный законъ и тѣмъ далъ первый толчекъ къ аграрной борьбѣ, имѣвшей сильное вліяніе на развитіе римскихъ учрежденій. Мы видѣли, что большія пространства римской пахотной и пастбищной земли не были розданы въ частную собственность, остались государственнымъ имуществомъ, «общественной землею»; количество ея съ теченіемъ времени значительно увеличилось но-

выми завоеваніями. Когда римляне покоряли область, то оставляли присоединяемымъ къ римскому государству прежнимъ жителямъ только часть ихъ земли; другую часть ея они роздавали мелкими участками селившимся тамъ римскимъ колонистамъ (колонамъ); это называлось раздачею земли по участкамъ (assignatio); но обѣ эти части составляли только меньшую половину присоединяемой области; большая половина ея оставалась неразмежеванною общественною землею (ager publicus), собственникомъ которой было государство, а владѣніе (possessio) и пользованіе (usus) этою землею патриціи считали исключительнымъ правомъ своего сословія. Причины того, что большая часть завоеванной земли оставлялась не розданной колонистамъ, могли быть различны: это было владѣніе непрочное, оно легко могло быть утрачено при неудачной войнѣ; еще легче могла эта земля сдѣлаться театромъ войны и быть опустошена; при тогдашнихъ способахъ измѣренія земли размежеваніе большихъ пространствъ на участки не могло производиться быстро; притомъ по римскому земельному устройству каждая триба, курія и даже каждый родъ имѣли свой особый замкнутый округъ; вѣроятно, эти и тому подобныя обстоятельства были причинами того, что у римлянъ установилось правило, оставлять большую часть завоеванной земли непроданной и нерозданной въ частную собственность, предоставлять ее до дальнѣйшихъ распоряженій только въ пользованіе желающимъ. Они брали ее въ свое пользованіе безъ всякаго государственнаго утвержденія простымъ «занятіемъ» (occupatio); но, вѣроятно, при этомъ соблюдался какой нибудь обычный порядокъ, или дѣлалось какое нибудь соглашеніе между патриціями. Такимъ образомъ это было фактическое владѣніе и пользованіе, но не юридическое право собственности; законнымъ собственникомъ оставалось государство, которое могло, когда захочетъ, взять обратно у владѣльца занятую имъ землю и дать ей какое угодно употребленіе; но противъ самовластнаго отнятія какимъ нибудь частнымъ лицомъ владѣлецъ былъ охраняемъ государственною властью; существовалъ законъ, воспрещавшій частнымъ лицамъ мѣшать владѣльцу общественной земли пользоваться ею, если она занята имъ правильно. Этотъ законъ, называвшійся поссессіональнымъ интердиктомъ, дѣлалъ владѣніе общественною землею очень прочнымъ, похожимъ на собственность. Владѣлецъ имѣлъ право продать занятую имъ общественную землю, передать ее по наслѣдству, отдать въ приданое, дарить ее, отдавать въ залогъ, или въ уплату долга, какъ свою собственную. Цѣнность этого владѣнія повышалась по мѣрѣ того, какъ становилось все невѣроятнѣе, что государство захочетъ воспользоваться своимъ правомъ собственности, возвратить эту землю въ свое распоряженіе. Вѣковое владѣніе общественною землею становилось такимъ прочнымъ, что пріобрѣтало почти такое же значеніе, какъ собственность, и если бы государство вдругъ захотѣло отмѣнить его, это было бы очень тяжелой суровостью. Земли, принадлежавшія владѣльцамъ только по праву занятія, такъ перепутались съ землями, принадлежавшими имъ по праву собственности, что почти невозможно было отдѣлить ихъ однѣ отъ другихъ; въ житейскомъ быту эти занятыя земли и считались собственностью владѣльцевъ. Патриціи отдавали занятую ими общественную землю подъ пашню или подъ пастбище своимъ кліэнтамъ или прежнему населенію той мѣстности и, получая съ нея такимъ образомъ доходъ, должны были платить государству налогъ за право пользованія (vectigal); онъ составлялъ съ пашни десятую долю продукта, съ виноградниковъ и садовъ пятую долю, а съ пастбищъ извѣстную плату по количеству скота. Эта подать образовала одинъ изъ главныхъ источниковъ государственнаго дохода. Но въ первое столѣтіе республики патриціи платили ее очень неисправно и наконецъ совершенно перестали платить. Правительственная власть находилась въ ихъ рукахъ, и некому было принуждать ихъ къ уплатѣ. Результатъ этого былъ очень тяжелъ для плебеевъ. Несправедливостью было уже и то самое, что имъ не предоставлялось участія въ пользованіи общественною землею, которая была пріобрѣтена главнымъ образомъ ими, потому что они составляли массу войска, что она куплена была цѣною ихъ крови; а то, что она стала свободна отъ платежей въ государственную казну, заставляло государство увеличивать налогъ съ земельной собственности (tributum); онъ сталъ очень великъ, и участки облагались имъ по своей полной цѣнности, сколько бы ни лежало на нихъ долговъ; потому онъ былъ очень тяжелъ для плебеевъ, земли которыхъ были обременены долгами, и трудность уплаты его увеличивала зависимость плебеевъ отъ патриціевъ, заимодавцевъ. А патриціи, по расчету своей выгоды, желали увеличивать количество общественной земли, потому раздача бѣднымъ плебеямъ участковъ во вновь пріобрѣтаемыхъ областяхъ становилась все рѣже. Пока длился такой порядокъ дѣлъ, положеніе плебеевъ не могло измѣниться къ лучшему; они могли быть выведены изъ своего бѣдственнаго положенія лишь аграрнымъ закономъ, который положилъ бы границы алчности патриціевъ, отнялъ бы у патриціевъ привилегію владѣть общественною землею, или уменьшилъ бы размѣръ ея и обязалъ бы владѣльцевъ платить подать за пользованіе ею; такой законъ былъ необходимъ для того, чтобы простолюдины избавились отъ чрезмѣрныхъ налоговъ, отъ бѣдности, отъ надобности дѣлать займы и чтобы плебеи стали дѣйствительно равноправны патриціямъ. Но каждый разъ, когда дѣлалось предложеніе установить аграрный законъ, оно встрѣчало самое упорное сопротивленіе со стороны патриціевъ. Аграрный вопросъ производилъ такіе ожесточенные споры въ Римѣ, какъ никакой другой. Когда подымалась рѣчь о раздачѣ участковъ изъ общественной земли, всѣ патриціи образовали одну плотную фа-

лангу для сохраненія существующаго порядка. Они были чрезвычайно раздражены, когда было сдѣлано первое предложеніе такого рода. Человѣкъ, сдѣлавшій его, самъ былъ патрицій, одинъ изъ самыхъ заслуженныхъ людей того времени, Спурій Кассій, три раза бывшій консуломъ и два раза удостоившійся тріумфа. Въ свое третье консульство онъ предложилъ постановить, что часть вновь завоеванной области должна быть роздана въ собственность плебеямъ и латинскимъ союзникамъ, остальная земля, пріобрѣтенная государствомъ, должна быть присоединена къ общественной землѣ, но за пользованіе ею долженъ быть уплачиваемъ налогъ. Патриціи старались, но не могли, помѣшать принятію этого закона. Они хотѣли, по крайней мѣрѣ, поступить съ предложившимъ непріятную имъ мѣру такъ, чтобъ его судьба навсегда отняла у другихъ мысль дѣлать подобное предложеніе. Когда срокъ консульства Кассія кончился, раздраженные патриціи обвинили этого знаменитаго гражданина въ злоумышленіи противъ отечества, въ томъ, что онъ задумалъ сдѣлаться царемъ; онъ былъ осужденъ, проклятъ и низвергнутъ съ Тарпейской скалы (по другому извѣстію, смертный приговоръ надъ нимъ былъ исполненъ самимъ отцомъ его). Имущество убитаго было конфисковано, домъ его разрушенъ, и было постановлено, что это мѣсто должно на вѣки оставаться пустымъ. Законъ Кассія погибъ вмѣстѣ съ нимъ, но тѣнь его стояла съ той поры неотступно передъ глазами богатыхъ, и боролась съ ними до той поры, пока въ этой борьбѣ погибла республика.

Позднѣйшая судьба закона Кассія. Въ слѣдующіе годы трибуны стали сильно требовать, чтобы законъ Кассія былъ приведенъ въ исполненіе, и воспрещали наборъ войска; но патриціи, въ главѣ которыхъ стояли тогда Клавдіи и Фабіи, постоянно находили средство одолѣть это требованіе; иногда они успѣвали склонить на свою сторону нѣсколькихъ трибуновъ, или хотя одного изъ нихъ, и тѣмъ разстроивали единодушіе трибуната, которое было необходимо для того, чтобы протестъ трибуновъ имѣлъ законную силу; иногда консулы переносили свой трибуналъ за городъ на разстояніе болѣе одной мили отъ городскихъ стѣнъ, а власть трибуновъ дѣйствовала только въ городѣ и на растояніи одной мили отъ него; за этой границей консулы не были стѣсняемы противорѣчіемъ трибуновъ и наказывали не являвшихся на военную службу плебеевъ опустошеніемъ ихъ нивъ, разрушеніемъ ихъ домовъ, захватомъ ихъ стадъ; иногда патриціи успѣвали отклонить плебеевъ отъ вниманія къ внутреннимъ вопросамъ, возбуждая войну. Наконецъ трибунъ Гней Генуцій объявилъ, что предаетъ консуловъ предшествовавшаго года суду трибъ за то, что они оставили безъ исполненія законъ Кассія. Но на разсвѣтѣ того дня, который былъ назначенъ Генуціемъ для собранія трибъ и суда надъ консулами, его нашли убитымъ въ его домѣ; судъ надъ консулами не состоялся. Напрасны были и усилія трибуновъ слѣдующихъ лѣтъ. Единственный результатъ, какого достигли они, состоялъ въ томъ, что патриціи согласились наконецъ на законъ, предложенный Ициліемъ и постановлявшій, что общественная земля на Авентинскомъ холмѣ должна быть отобрана у людей, пользовавшихся ею, и

Убійство трибуна Генуція 473.

456.

роздана живущимъ въ городѣ плебеямъ для постройки домовъ. Авентинскій холмъ сталъ послѣ того мѣстомъ собраній плебеевъ и прибѣжищемъ ихъ въ случаяхъ опасности.

Римскія колоніи.

Паллiативнымъ средствомъ противъ аграрныхъ реформъ стало впослѣдствіи служить для патриціевъ основаніе колоній. Римскія колоніи имѣли совершенно не тотъ характеръ, какъ греческія: это не были независимые города въ странахъ далекихъ отъ метрополіи; римляне основывали свои колоніи въ новопріобрѣтаемыхъ областяхъ или городахъ, раздавая третью долю завоеванной земли извѣстному количеству бѣдныхъ гражданъ; на нихъ возлагалась обязанность защищать новую область и отъ нападенія сосѣдовъ, и отъ умысловъ прежняго населенія, среди котораго жили колонисты и которое зачастую оставалось на долго враждебно новымъ колонистамъ и Риму, отнявшему у него часть земли. Такимъ образомъ римскія колоніи были аванпосты, которыми Римъ упрочивалъ и расширялъ свое владычество и мало по малу распространилъ на всю Италію свой языкъ и свою національность. Но жить среди враждебнаго населенія было опасно, и главнымъ назначеніемъ колоній было служить военными гарнизонами; потому плебеи вообще неохотно шли въ колоніи; часто надобно было набирать колонистовъ силой. Когда не являлось достаточнаго числа желающихъ идти въ новую колонію, то бросали жребій, кому должно будетъ идти въ нее. Чтобы колоніи сохраняли преданность Риму, за колонистами оставлялись политическія права римскихъ гражданъ; а силы ихъ находились въ распоряженіи Рима, потому что они и ихъ потомки были обязаны служить въ римскомъ войскѣ.

Древнѣйшая колонія была основана въ Фиденахъ; черезъ нѣсколько времени послѣ 494.
того основаны колоніи въ землѣ вольсковъ: Велитры, Кора, Норба и Анцій. Въ 492.
Анціѣ были поселены вмѣстѣ съ римлянами латины и герники, союзники римлянъ. 467.
Но эта колонія существовала недолго: черезъ 8 лѣтъ Анцій отдѣлился отъ союза съ 459.
Римомъ и прогналъ колонистовъ.

2. Раздоръ сословій до того ослабилъ Римъ, что враги отнимали у него область за областью. Съ сѣвера все смѣлѣе и смѣлѣе наступали на Римъ вейентяне; ихъ отряды доходили иногда до самыхъ воротъ Рима. Съ юга дѣлали опустошительные набѣги вольски и эквы. Плебеи, составлявшіе главную силу войска, не имѣли охоты жертвовать жизнью для увеличенія могущества своихъ угнетателей—1. Съ войною противъ этрусскаго города Веій неразрывно связано имя Фабіевъ. Этотъ очень знатный патрицiйскій родъ отличался особенною суровостью къ плебеямъ. Однажды семь лѣтъ сряду однимъ изъ консуловъ былъ кто-нибудь принадлежащій къ роду Фабіевъ. Нибуръ объяснялъ это предположеніемъ, что порядокъ избранія въ консулы

1. Война съ вейентянами и триста Фабіевъ.

485—478.

былъ измѣненъ, что только одинъ консулъ былъ назначаемъ цен-
туріальными комиціями, а другой сенатомъ и куріями; это лишь
предположеніе, не основанное ни на какихъ положительныхъ извѣ-
стіяхъ; но очевиденъ фактъ, что Фабіи въ это время имѣли чрез-
вычайно сильное вліяніе на государственныя дѣла и пользовались
имъ для угнетенія плебеевъ и устраненія предложеній объ аграрныхъ
законахъ. Съ этой цѣлью они преднамѣренно возбудили войну про-
тивъ вейентянъ, отвлекавшую плебеевъ отъ занятій внутренними
дѣлами государства, и всяческими средствами вынуждали плебеевъ по-
ступать въ войско, но этимъ навлекли на себя ненависть ихъ.
Однажды римская пѣхота въ сраженіи съ вейентянами перестала
481. биться; когда сраженіе казалось уже выиграннымъ, отдала изумлен-
ному непріятелю римскій станъ и отступила въ Римъ. Она сдѣлала
такъ для того, чтобы военачальникъ, ненавистный плебеямъ, Кезонъ
Фабій, не получилъ тріумфа. Фабіи увидѣли, что неудобно для воена-
чальника, когда войско ненавидитъ его; притомъ другія фамиліи пат-
риціевъ завидовали преобладанію ихъ рода; и они рѣшили прими-
риться съ плебеями. Плебеи отвѣчали на это усердной преданностью.
480. Маркъ Фабій одержалъ блистательную побѣду; въ благодарность за
усердіе войска онъ размѣстилъ раненныхъ для леченія по патрицій-
скимъ домамъ и больше всего помѣстилъ ихъ въ домахъ Фабіевъ;
и всѣ его однофамильцы ухаживали за раненными очень хорошо. А
въ слѣдующемъ году тотъ самый Кезонъ Фабій, который навлекъ
на себя особенную ненависть плебеевъ, предложилъ, чтобы былъ
приведенъ въ исполненіе законъ Кассія (Кезонъ Фабій былъ въ
этомъ году консуломъ). За перемѣну своей политики Фабіи подверг-
лись враждѣ патриціевъ; чтобы выйдти изъ этого тяжелаго положенія
и отклонить отъ себя упреки за возбужденіе войны съ вейентяна-
ми, они попросили себѣ у сената дозволеніе продолжать эту войну,
какъ свое фамильное дѣло безъ помощи отъ государства; сенатъ
479. охотно согласился и они, триста человѣкъ, пошли изъ Рима на вой-
ну, провожаемые благословеніями народа. Они прошли въ вейентскую
землю, заняли укрѣпленную позицію и стали дѣлать набѣги. Много
разъ они имѣли удачу и возвращались въ свое укрѣпленіе съ бога-
той добычей. Постоянная удача довела ихъ отвагу до неосмотри-
тельности, и этруски устроили противъ нихъ военную хитрость: вы-
гнали на сосѣднее поле стадо, чтобы заманить ихъ; Фабіи погнались
за стадомъ, оно, разсѣявшись, бѣжало; разсѣялись и Фабіи въ
погонѣ за нимъ. Вдругъ со всѣхъ сторонъ изъ лѣсовъ и ку-
старниковъ полетѣли на нихъ стрѣлы. Многіе были убиты; осталь-
ные собрались вмѣстѣ и геройски оборонялись отъ окружавшаго
ихъ врага, отступили на холмъ у рѣчки Кремеры, продолжали
477. тутъ обороняться непоколебимо и были убиты всѣ до послѣдняго
человѣка.

По другому преданію, они пошли въ Римъ на религіозный праздникъ, оставивъ свое укрѣпленіе подъ защитою кліэнтовъ; этруски неожиданно напали на нихъ на пути, и всѣ они были убиты. Остался только одинъ Фабій, который былъ ребенкомъ, потому и не былъ взятъ на войну. Онъ сталъ предкомъ Фабіевъ позднѣйшихъ временъ. Преданіе говоритъ, что во время этого боя стоялъ неподалеку съ войскомъ консулъ Меневій, но по ненависти къ роду, отступившемуся отъ своего сословія, не подалъ помощи подавляемымъ многочисленностью враговъ. День погибели трехъ сотъ Фабіевъ сталъ считаться у римлянъ несчастнымъ и никто не предпринималъ въ этотъ день ничего важнаго; римляне перестали ходить въ тѣ ворота, которыми вышли Фабіи на войну и которыми никто изъ нихъ не вернулся. Мененія не защитила отъ гнѣва плебеевъ услуга, которую оказалъ имъ на священной горѣ его отецъ; трибуны подвергли его суду трибъ и на него былъ наложенъ денежный штрафъ; онъ былъ такъ пристыженъ, говоритъ преданіе, что не являлся послѣ того на площадяхъ и улицахъ при народѣ, и умеръ отъ печали.

Войны римлянъ съ вольсками и эквами.

2. Самыми непримиримыми врагами римлянъ были воинственные
эквы и вольски. Въ римскихъ лѣтописяхъ тянется долгій, непре-
рывный рядъ извѣстій о подвигахъ и пораженіяхъ римлянъ, на ко-
торыхъ постоянно нападали эти сосѣды и которые сами, въ свою
очередь, ходили на ихъ укрѣпленные города. Въ этихъ войнахъ
врагамъ тоже помогалъ раздоръ между патриціями и плебеями. Какъ
въ войнѣ съ вейентянами Кезонъ Фабій, такъ въ одномъ изъ похо-
довъ противъ вольсковъ и эквовъ подвергся неудачѣ, по ненависти
своего войска, другой врагъ плебеевъ, Аппій Клавдій. Плебеи собра-
лись въ походъ, подъ его начальствомъ, неохотно, а когда онъ хо-
тѣлъ вести войско въ сраженіе, оно побѣжало, не дожидаясь врага; 470.
стало обороняться только, когда онъ напалъ на римскій станъ. Со
стыдомъ пошелъ на другой день консулъ въ Римъ. Но непреклонный
родъ Клавдіевъ не смягчился отъ горькаго опыта, какъ родъ Фабі-
евъ. Аппій Клавдій до самой смерти упорно боролся противъ всѣхъ
требованій плебеевъ, не пугаясь угрозъ трибуновъ; а сынъ его,
ставшій потомъ однимъ изъ децемвировъ, довелъ сословное высоко-
мѣріе и ненависть къ плебеямъ до страшныхъ беззаконій. Удачнѣе
сражался съ врагами Титъ Квинкцій Капитолинъ, сдѣлавшись кон-
суломъ черезъ два года послѣ Аппія Клавдія. Вмѣстѣ съ латинами 468.
и герниками, онъ покорилъ богатый городъ вольсковъ Анцій, и всѣ
три народа, участвовавшіе въ этой осадѣ, основали тамъ общую
колонію (стр. 93). Этотъ походъ былъ послѣдней удачей римлянъ
въ борьбѣ съ вольсками и эквами. Послѣ того началась для рим-
лянъ эпоха бѣдствій. Военныя несчастія, моровая болѣзнь, голодъ,
землетрясеніе и сословные раздоры соединились на пагубу Рима. Во
время эпидеміи, уносившей множество жертвъ изъ сословій, въ уста- 463.
новленный сенатомъ день молитвы о прекращеніи мора, когда жен-
щины, съ распущенными волосами, повергались во прахъ передъ бо-
гами, прося ихъ объ отвращеніи гнѣва, городъ волновался ожесто-
ченною борьбою партій.

Раздоръ между сословіями. Гердоній овладѣваетъ Капитоліемъ.

Законъ Публилія Волерона расширилъ права плебеевъ; съ той поры ихъ
требованія стали дѣлаться все сильнѣе и сильнѣе, увеличивалось и раз-
драженіе патриціевъ. Народныя собранія были такъ бурны, что обыкно-
венно расходились, не принявъ никакого рѣшенія. Въ числѣ патриціевъ,
дерзко мѣшавшихъ совѣщаніямъ, особенной отвагой отличался Кезонъ
Квинкцій, сынъ Луція Цинцинната. Гордый своею знатностью, не-
460. обыкновенною силой и блестящими военными подвигами, онъ постоянно
раздражалъ плебеевъ обидами и на словахъ, и на дѣлѣ. Наконецъ трибуны,
461. которымъ помѣшалъ онъ въ исполненіи ихъ обязанностей, предали его суду
трибъ за нарушеніе неприкосновенности ихъ сана; это преступленіе
наказывалось смертью. Онъ былъ оставленъ на порукахъ свободнымъ до
дня суда; подобно Коріолану, онъ бѣжалъ отъ суда и соединился съ вра-
гами родины. Безъ сомнѣнія онъ участвовалъ въ набѣгѣ сабинянина Ап-
460. пія Гердонія, который, какъ мы говорили, неожиданно вошелъ въ Капи-
толій съ отрядомъ рабовъ и римскихъ изгнанниковъ; вѣроятно, это было
сдѣлано по соглашенію съ молодыми патриціями. Цѣлью дѣла было про-
извести государственный переворотъ, возвратить гражданскія права изгнан-
никамъ и отнять у плебеевъ права, пріобрѣтенныя ими. Но римскіе со-
умышленники не присоединились къ Гердонію въ рѣшительную минуту, и
римляне успѣли одолѣть его, хотя съ большимъ трудомъ. Онъ, мужественно
сражаясь, былъ убитъ; многіе изъ изгнанниковъ убили сами себя въ
храмѣ; свободнымъ людямъ, взятымъ въ плѣнъ, римляне отрубили головы,
рабовъ распяли на крестѣ. Вѣроятно, тутъ былъ убитъ и Кезонъ Квинкцій,
хотя лѣтописцы не упоминаютъ о его смерти изъ уваженія къ его фа
миліи. Когда онъ бѣжалъ отъ суда, говоритъ легенда, отецъ его, Луцій
Цинциннатъ заплатилъ сумму, внесенную за него поручителями и состав-
лявшую 30,000 ассовъ, и отъ этого разорился, такъ что долго принужденъ
былъ жить въ бѣдной хижинѣ за Тибромъ.

Войны съ эквами у Альгида.

Этими смутами пользовались вольски и эквы. Въ своихъ опусто-
шительныхъ набѣгахъ они доходили иногда чуть не до самаго Рима;
обыкновенно они располагались станомъ на латинской горѣ Альгидѣ,
холодномъ дикомъ хребтѣ, идущемъ на востокѣ отъ Альбанскихъ
горъ и покрытомъ вѣчно зелеными дубовыми лѣсами; изъ стана на
459. Альгидѣ они ходили грабить римскія земли. Вольски снова овладѣли
Анціемъ, завоевавъ его, или склонивъ колонистовъ отступить отъ
союза съ Римомъ; а весь Лацуумъ, кромѣ нѣсколькихъ укрѣпленныхъ
городовъ, подпалъ подъ власть эквовъ. Потому должно считать вы-
мысломъ, или по крайней мѣрѣ баснословнымъ преувеличеніемъ пре-
даніе о великой побѣдѣ, одержанной тогда Луціемъ Квинкціемъ Цин-
458. циннатомъ. Въ слѣдующіе годы враги оказываются сильными по
прежнему и продолжаютъ свои завоеванія. Вѣроятно, въ основаніи
разсказа о побѣдѣ Цинцинната лежитъ историческій фактъ, но из-
устное преданіе придало ему чрезмѣрную важность. Какъ бы то ни
было, но эта легенда о великой побѣдѣ надъ эквами на Альгидѣ и
о доблестяхъ Цинцинната не можетъ быть пройдена молчаніемъ въ
исторіи Рима. Приводимъ ее по разсказу Нибура, слѣдующаго старин-
ному сказанію, передаваемому Ливіемъ.

Легенда о Цинциннатѣ.

Эквы заключили миръ; но Гракхъ Клелій привелъ ихъ на Альгидъ и они снова стали опустошать римскія земли. Въ ихъ станъ пришло римское посольство, жаловаться, что она поступаютъ несправедливо; эквы приняли пословъ съ презрѣніемъ; императоръ эквовъ сказалъ имъ, чтобъ они не надоѣдали ему; лучше пусть они разскажутъ свои жалобы дубу, подъ широкой тѣнью котораго былъ поставленъ его трибуналъ. Послы приняли его грубый отвѣтъ за счастливое предзнаменованіе: духъ, жившій въ священномъ деревѣ Юпитера, услышалъ отъ нихъ о несправедливости гордыхъ и о стонѣ угнетенныхъ.

Но божественное наказаніе гордымъ медлило. Минуцій, римскій военачальникъ, былъ разбитъ и окруженъ. Извѣстіе объ этомъ привезли пять всадниковъ, успѣвшихъ ускакать, прежде чѣмъ эквы докончили окопъ, которымъ окружали римскій станъ. Сенатъ немедленно назначилъ Луція Цинцинната диктаторомъ. Вѣстникъ сената былъ отправленъ къ нему на Ватиканское поле, гдѣ жилъ онъ, воздѣлывая свою землю, состоявшую изъ четырехъ югеровъ. Это было лѣтомъ, и человѣкъ, которому его народъ давалъ неограниченную власть, ходилъ за плугомъ раздѣтый по обычаю землепашцевъ: на немъ былъ только передникъ; онъ привыкъ работать на солнечномъ знoѣ. Вѣстникъ сказалъ ему, чтобы онъ одѣлся, потому что онъ долженъ услышать повелѣніе сената и народа. Рацилія, жена Цинцинната, подала ему тогу. У берега была готова лодка; на другомъ берегу встрѣтили Цинцинната родные, друзья и три сына; любимаго его сына Кезона не было тутъ: Кезонъ, удалившійся отъ суда, бѣдствовалъ въ изгнаніи.

На слѣдующій день до разсвѣта, диктаторъ былъ уже на форумѣ. Онъ назначилъ начальникомъ конницы Луція Тарквинія, такого-же знатнаго человѣка, какъ самъ онъ, такого же мужественнаго и бѣднаго. Онъ велѣлъ запереть всѣ лавки, прекратить всѣ судебныя дѣла, велѣлъ принимать военную присягу всѣмъ способнымъ идти въ походъ; приказалъ, чтобы ко времени заката солнца всѣ они были за воротами города, готовые къ походу, чтобы каждый имѣлъ при себѣ провіантъ на пять дней и двѣнадцать кольевъ; идущіе въ походъ, нарубивъ кольевъ и приведя въ порядокъ оружіе, отдыхали передъ походомъ; остающіеся въ городѣ приготовили имъ пищу. Вечеромъ войско выступило. На походѣ начальники напоминали легіонамъ, что ихъ соотечественники уже три дня окружены непріятелемъ; знаменоносцы и воины ободряли другъ друга идти съ удвоенной быстротой. Къ полночи они достигли Альгида и подошли къ непріятельскому стану, расположенному кругомъ римскаго. Диктаторъ велѣлъ своему войску растягиваться вокругъ непріятельскаго стана, пока оно сомкнется около него цѣльнымъ кругомъ; тогда остановиться, копать ровъ и набрасывать валъ, а на валѣ вколотить принесенные колья. Начавъ копать ровъ, воины крикнули военнымъ римскимъ крикомъ: этимъ подали они войску консула вѣсть, что пришла желанная помощь, это войско сдѣлало вылазку; эквы бились съ нимъ всю ночь до разсвѣта; а когда пришелъ разсвѣтъ, они увидѣли, что окружены совершенно готовымъ, крѣпкимъ окопомъ. Цинциннатъ повелъ свои когорты на станъ эквовъ снаружи, а Минуцій нападалъ на ихъ станъ извнутри; они совершенно оробѣли, стали просить пощады; диктаторъ велѣлъ заковать въ цѣпи Гракха Клелія и главныхъ его помощниковъ, а простымъ воинамъ далъ пощаду. Городъ Корбіонъ со всѣмъ тѣмъ, что находилось въ немъ, былъ предоставленъ римлянамъ въ выкупъ за ихъ жизнь. Они положили оружіе передъ побѣдителемъ; по обычаю, былъ оставленъ небольшой проходъ черезъ кольцо побѣдителей, окружавшее ихъ, въ проходѣ были поставлены два копья, а третье привязано въ верху поперекъ; эквы прошли подъ этимъ копьемъ. Станъ, лошади, вьючный скотъ, всѣ припасы, все имущество эквовъ, кромѣ туники, которая была на плечахъ,—все было оставлено въ добычу побѣдителямъ. Ни въ добычѣ, ни въ тріумфѣ не было дано участія Минуцію и его войску; они не роптали, напротивъ назвали возвратившагося въ Римъ диктатора своимъ патрономъ и поднесли ему золотой вѣнокъ въ цѣлый фунтъ вѣсомъ. Тріумфъ, не стоившій слезъ ни одной матери, былъ днемъ радости: передъ всѣми домами отъ Капенскихъ воротъ до форума стояли накрытые столы; возвращавшіеся воины, обремененные добычею, подкрѣпляли себя за ними угощеніемъ: а угощавшіе граждане вставали изъ-за столовъ, и шли вслѣдъ за войскомъ въ Капитолій, распѣвая вмѣстѣ съ воинами веселыя пѣсни.

Предложеніе Терентилія. 642.

3. Борьба изъ-за общественной земли еще длилась, когда патриціи увидѣли себя въ опасности лишиться и второй своей привилегіи, исключительнаго знанія законовъ: народный трибунъ Терентилій Арса предложилъ назначить коммиссію съ порученіемъ ей записать законы, т. е. составить письменный кодексъ законовъ, который будетъ общимъ для всѣхъ гражданъ, и которому должны будутъ слѣдовать консулы въ своихъ судебныхъ рѣшеніяхъ. До сихъ поръ судъ производился по обычному не писанному праву, по формамъ процесса, также не опредѣленнымъ письменными уставами; знаніе этого обычнаго права принадлежало только патриціямъ; потому только они и были способны къ отправленію обязанности судей; рѣшая тяжбы между патриціями и плебеями по законамъ, которыхъ не знали плебеи, они часто постановляли приговоры съ нарушеніемъ справедливости въ интересахъ патриціевъ; и въ уголовныхъ дѣлахъ они часто произносили приговоры произвольные, пристрастные. Плебеи не могли защищать себя передъ судомъ, нуждаясь въ томъ, чтобы ихъ адвокатами и совѣтниками были тѣ же патриціи. Желая выйдти изъ-подъ этой зависимости, узнать законы и формы судопроизводства, плебеи требовали теперь, чтобы обычное право было записано, обнародовано и чтобы ему были одинаково подчинены всѣ граждане. Но это предложеніе (rogatio) встрѣтило самое упорное сопротивленіе со стороны патриціевъ. Они видѣли въ немъ важное уменьшеніе своихъ привилегій и значительный шагъ къ слiянію ихъ сословія съ плебеями въ одно гражданское общество. Борьба партій по этому вопросу дошла до крайняго ожесточенія. Въ своихъ усиліяхъ отклонить рогацію Терентилія патриціи не отступали даже передъ измѣной родинѣ.

Осужденіе Вольсція. 458.

Съ борьбою по дѣлу о рогаціи Терентилія было связано нападеніе Гердонія на Капитолій при соучастіи изгнанника Кезона Квинкція. Плебей Вольсцій, показаніе котораго противъ Кезона Квинкція послужило главнымъ основаніемъ приговора, произнесеннаго надъ этимъ дерзкимъ патриціемъ, скоро сдѣлался жертвою мстительности патриціевъ. По требованію диктатора Квинкція Цинцинната, его показанія были объявлены ложными, онъ былъ осужденъ за фальшивую присягу, былъ изгнанъ и удалился въ Ланувій.

Но народные трибуны, число которыхъ въ это время было увеличено до десяти, постоянно возобновляли предложеніе Терентилія,
457. пользовались всякимъ законнымъ случаемъ, чтобы предавать суду трибъ и подвергать денежнымъ штрафамъ консуловъ и патриціевъ, сопротивлявшихся имъ, нѣсколько разъ останавливали своимъ протестомъ взиманіе налоговъ и наборъ войска; дѣйствовали единодушно и неутомимо, а плебеи каждый годъ вновь выбирали все тѣхъ же трибуновъ; такъ прошло пять лѣтъ, и патриціи наконецъ увидѣли себя въ невозможности продолжать сопротивленіе; рогація Терентилія была принята. Было постановлено, что центуріальныя комиціи выберутъ изъ патриціевъ и плебеевъ безразлично коммиссію десяти

человѣкъ, которой будетъ поручено написать законы и во время этой работы управлять государствомъ. Патриціи съумѣли повернуть дѣло такъ, что всѣ десять членовъ коммиссіи были выбраны изъ ихъ сословія.

Посольство въ Великую Грецію и въ Аѳины.

Преданіе говоритъ, что прежде, нежели назначена была коммиссія для составленія законовъ, были отправлены три посланника въ Великую Грецію и въ Аѳины, ознакомиться съ существующими тамъ законами и выбрать изъ нихъ тѣ, которые пригодны для Рима. Съ тѣмъ вмѣстѣ были положены границы произволу консуловъ въ назначеніи денежныхъ штрафовъ установленіемъ размѣра этихъ штрафовъ.

Первый годъ правленія децемвировъ. 451.

Когда были сдѣланы необходимыя приготовленія къ работѣ надъ составленіемъ законовъ, плебеи и патриціи согласились между собою, что и консулы и народные трибуны сложатъ съ себя власть, и управленіе государствомъ будетъ поручено десяти патриціямъ, которыхъ центуріальныя комиціи выберутъ для составленія и введенія законовъ. Было рѣшено, что эти правители будутъ имѣть неограниченную власть. Такимъ образомъ новые сановники, которые были названы децемвирами (десятью правителями), соединяли гражданскую и военную власть консуловъ съ властью трибуновъ; они были также судьями. Даже право провокаціи къ народу было отмѣнено на время ихъ правленія, какъ отмѣнялось оно на время диктатуры. Патриціи вознамѣрились убѣдить народъ, чтобы онъ навсегда отмѣнилъ санъ трибуновъ, въ покровительствѣ которыхъ плебеямъ не будетъ надобности при владычествѣ писанныхъ законовъ. А теперь замѣною покровительства трибуновъ и права апелляціи къ народу должно было служить данное каждому римлянину право апеллировать отъ рѣшенія, произносимаго предсѣдателемъ новоучреждаемой коммиссіи, къ суду общаго собранія ея. Предсѣдательствовали всѣ децемвиры поочередно, смѣняясь каждый день. Въ началѣ они исполняли свои обязанности превосходно: управленіе государствомъ они вели твердо и разсудительно, судъ совершали безпристрастно, справедливо; а законы, составленные ими на основаніи обычнаго права, показались такъ хороши, что были приняты безъ всякихъ перемѣнъ сенатомъ и народнымъ собраніемъ. По утвержденіи народомъ, эти законы были написаны на десяти мѣдныхъ доскахъ и поставлены на площади народныхъ собраній у ораторской трибуны передъ куріей, въ которой засѣдалъ сенатъ. Говорятъ, что при составленіи законовъ децемвирамъ помогалъ грекъ Гермодоръ, уроженецъ Эфеса, бѣжавшій изъ отечества.

Второй годъ правленія децемвировъ. 450.

Децемвиры правили государствомъ хорошо, раздоры партій прекратились при ихъ администраціи, потому римляне оставили за этою коммиссіею власть и на второй годъ, поручивъ ей дополнить собраніе законовъ; они желали, чтобъ это великое дѣло было докончено;

вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣли испытать, не будетъ ли предоставленіе власти въ руки одной коллегіи болѣе благопріятно сохраненію единодушія въ государствѣ, чѣмъ прежнее раздѣленіе власти между разными сановниками и коллегіями, не будутъ ли писанные законы достаточны сами по себѣ для сохраненія безпристрастія въ судѣ и не окажется ли поэтому излишнимъ для плебеевъ покровительство трибуновъ; чтобы коллегія децемвировъ дѣйствовала безпристрастно, въ число ихъ были избраны нѣсколько плебеевъ. Но децемвиры второго года стали держать себя совершенно не такъ, какъ въ первомъ году. Могущественный и даровитый Аппій Клавдій съумѣлъ сдѣлать такъ, что товарищами ему на второй годъ были выбраны большею частью люди ничтожные, совершенно подчинявшіеся его умственному превосходству, и онъ сталъ владычествовать надъ всею коллегіею децемвировъ. Онъ былъ проникнутъ надменностью, которой отличался весь родъ Клавдіевъ, и фамильная ненависть къ плебеямъ была чрезвычайно сильна въ немъ. Онъ хотѣлъ воспользоваться своимъ могуществомъ для порабощенія ихъ, отнять у нихъ или обратить въ пустую формальность всѣ права, которыя они пріобрѣли себѣ тяжелыми усиліями. Первые децемвиры установили правило, что ликторы съ фасками, въ которыхъ воткнуты сѣкиры, должны сопровождать только того изъ нихъ, кому принадлежитъ въ этотъ день предсѣдательство; теперь каждый децемвиръ являлся съ ликторами, такъ что въ городѣ было сто двадцать ликторовъ съ топорами въ фаскахъ. Рѣшеніямъ каждаго децемвира была дана безусловная сила, апеллировать противъ децемвира къ его товарищамъ запрещено. Римъ увидѣлъ себя подъ игомъ деспотизма, который съ особенною безпощадностью подавлялъ плебеевъ: уничтоженіе ихъ правъ и было цѣлью терроризма децемвировъ. Они подвергали денежнымъ штрафамъ, сажали въ темницу, изгоняли, казнили плебеевъ, высказывавшихъ недовольство, и, по окончаніи годичнаго срока, самовольно оставили за собою власть, хотя уже кончили дѣло, для исполненія котораго были выбраны: къ прежнему собранію законовъ было сдѣлано дополненіе, написанное на двухъ доскахъ (такимъ образомъ собраніе законовъ образовало двѣнадцать досокъ; почему оно и называется «законами двѣнадцати таблицъ» (т. е. досокъ). Патриціи допускали деспотизмъ децемвировъ отчасти потому, что онъ былъ направленъ не противъ нихъ, отчасти потому, что находили угнетеніе плебеевъ должнымъ наказаніемъ за стремленіе къ свободѣ.

Терроризмъ въ 449 г.

Сенаторы, умѣреннаго образа мыслей, Валерій и Горацій, напрасно предлагали сенату, чтобы онъ заставилъ децемвировъ сложить власть; большинству сенаторовъ не хотѣлось, чтобы возстановленъ былъ санъ трибуновъ. Бездѣйствіе патриціевъ усиливало надменность децемвировъ; они надѣялись совершенно подавить плебеевъ. Когда нѣкоторые изъ децемвировъ повели войско противъ

эквовъ, занимавшихъ Альгидъ, плебеи не хотѣли сражаться, обратились въ бѣгство; это пораженіе еще болѣе ожесточило децемвировъ противъ плебеевъ и въ особенности противъ тѣхъ, которые пользовались вліяніемъ на свое сословіе. Самымъ замѣтнымъ изъ этихъ людей былъ старый воинъ Сикцій Дентатъ, знаменитый своею храбростью, участвовавшій въ ста двадцати сраженіяхъ, имѣвшій сорокъ ранъ, получившій множество почетныхъ наградъ, въ томъ числѣ нѣсколько вѣнковъ за спасеніе гражданъ въ битвѣ (corona civica) и нѣсколько вѣнковъ за то, что первый взошелъ на стѣны, при штурмѣ непріятельскаго города (corona muralis). Онъ говорилъ очень рѣзко и грозилъ децемвирамъ. Чтобъ избавиться отъ него, децемвиры прибѣгли къ убійству. Въ войнѣ съ сабинянами они послали храбраго ветерана осмотрѣть окрестности и выбрать мѣсто для стана, а воинамъ, которые были посланы съ нимъ, велѣли, когда они придутъ въ какую-нибудь глухую мѣстность, убить его. Онъ дорого продалъ свою жизнь и умеръ, окруженный трупами своихъ убійцъ; тѣ изъ убійцъ, которые уцѣлѣли, сказали войску, что Сикцій Дентатъ и другіе погибшіе убиты, попавши въ непріятельскую засаду; но воины, нашедшіе тѣла ихъ, увидѣли, что оружіе не взято у нихъ, не сняты съ нихъ латы, а на далекое разстояніе кругомъ не было никакого слѣда непріятелей, потому лживость разсказа стала ясна.—Наконецъ страшное дѣло, произведенное сладострастіемъ Аппія Клавдія, довело до взрыва ненависть массы. Какъ деспотизмъ Тарквиніевъ палъ отъ преступнаго сладострастія Секста Тарквинія, такъ и тираннія децемвировъ пала отъ беззаконія, совершоннаго по сладострастію однимъ изъ нихъ. Гнусное оскорбленіе чести семейства было причиною освобожденія Рима и отъ царскаго деспотизма, и отъ угнетенія олигархіи. Аппій Клавдій желалъ овладѣть красивой дѣвушкой Виргиніей, дочерью уважаемаго плебея и невѣстою Луція Ицилія, принадлежавшаго къ знаменитому плебейскому роду и не за долго передъ тѣмъ бывшаго народнымъ трибуномъ. Обольщенія Аппія Клавдія были отвергнуты честною дѣвушкою, и онъ рѣшился захватить ее въ свою власть коварствомъ и насиліемъ. Онъ подговорилъ одного изъ своихъ кліэнтовъ сказать, что Виргинія — рабыня, бѣжавшая отъ него, и что жена Луція, Виргинія, не имѣвшая дѣтей, фальшиво назвала эту бѣглую рабыню своею дочерью. Кліэнтъ явился къ Аппію Клавдію съ просьбою, чтобы ему была отдана его рабыня. Отецъ ея былъ въ это время въ войскѣ, ушедшемъ противъ эквовъ. Кліэнтъ Аппія Клавдія захватилъ дѣвушку, когда она, посѣщавшая школу, шла съ служанкой черезъ форумъ. Женихъ, окруженный взволновавшейся толпой, съ трудомъ вытребовалъ, чтобы мнимая рабыня была оставлена подъ порукой въ домѣ матери до разбора дѣла. На другой день начался при большомъ стеченіи народа разборъ дѣла. Аппій Клавдій выслушалъ жалобу клі-

Убійство Сикція Дентата.

Виргинія.

энта, нашелъ ее основательной и рѣшилъ, что дѣвушка должна быть отдана ему. Но когда былъ произнесенъ этотъ приговоръ, отецъ дѣвушки, вызванный ночью изъ стана въ городъ, схватилъ въ одной изъ бывшихъ на форумѣ мясныхъ лавокъ ножъ и вонзилъ его въ грудь дочери, чтобы спасти ее отъ безчестія. Изумленный такимъ дѣломъ отца народъ толпился около тѣла дѣвушки. Аппій Клавдій велѣлъ схватить Ицилія и дядю Виргиніи, призывавшихъ народъ свергнуть иго рабства; но ликторы были отогнаны толпой, ихъ фаски были изломаны; Аппій Клавдій, закрывъ голову, бѣжалъ отъ раздраженнаго народа въ сосѣдній домъ. Взволновалось и войско, когда Виргиній въ сопровожденіи друзей явился въ станѣ на Альгидѣ и въ пламенныхъ словахъ разсказалъ о томъ, что произошло въ Римѣ. Воины отказали въ повиновеніи тѣмъ децемвирамъ, которые командовали войскомъ и, подъ предводительствомъ старшихъ второстепенныхъ начальниковъ (военныхъ трибуновъ), пошли къ Риму, стали на Авентинскомъ холмѣ; туда пришло къ нимъ другое, бывшее въ походѣ войско и вмѣстѣ они потребовали, чтобъ отнята была власть у децемвировъ и возстановлено было прежнее устройство правительства. Сенатъ и децемвиры медлили уступить требованію. Маркъ Дуилій, бывшій прежде народнымъ трибуномъ, посовѣтовалъ воинамъ поступить, какъ сдѣлали ихъ отцы, перейдти на священную гору и расположиться станомъ на этой мѣстности, гдѣ было положено основаніе свободѣ плебеевъ. Воины приняли этотъ совѣтъ и пошли стройнымъ боевымъ порядкомъ черезъ городъ. Ихъ семейства присоединялись къ нимъ; не оскорбляя своихъ враговъ, не касаясь вражескаго имущества, они ушли черезъ Коллинскія ворота. Эта твердость ихъ рѣшенія ужаснула патриціевъ, увидѣвшихъ, что Римъ останется пустымъ. Патриціи заставили децемвировъ сложить власть и послали въ станъ плебеевъ двухъ сенаторовъ, Валерія и Горація, пользовавшихся любовью народа; посламъ было дано порученіе узнать, на какихъ условіяхъ плебеи примирятся съ патриціями. Послы были встрѣчены дружески; Ицилій отъ имени всѣхъ ушедшихъ на священную гору потребовалъ, чтобы возстановленъ былъ трибунатъ, возстановлена провокація и, чтобы никто не былъ подвергнутъ наказанію за участіе въ возстаніи. Плебеи сначала хотѣли, чтобъ имъ были выданы децемвиры, но отказались отъ этого требованія, послушавшись пословъ, сказавшихъ имъ, что дѣла кроваваго мщенія никогда не ведутъ къ миру. Сенатъ радостно согласился на условія плебеевъ, очень умѣренныя. Власть децемвировъ была объявлена уничтоженной, ушедшіе вернулись въ городъ и въ собраніи на Авентинскомъ холмѣ, подъ предсѣдательствомъ верховнаго первосвященника, выбрали новыхъ народныхъ трибуновъ. Въ числѣ выбранныхъ находились Виргиній, его дядя Нумиторій, Ицилій и Маркъ Дуилій. Потомъ было возстановлено консульство; консулами были выбраны

Второе отшествіе на священную гору.

Возстановленіе прежняго порядка. Лѣто 449 года.

посредники между патриціями и плебеями, Валерій и Горацій; они довершили дѣло примиренія треми, принятыми по ихъ положенію, законами.

Законы Горація и Валерія.

Эти законы установляли: 1. Право апелляціи къ народному собранію (provocatio) отъ рѣшенія всѣхъ сановниковъ должно быть неприкосновеннымъ; оно примѣняется и къ рѣшеніямъ диктатора; сановники, при вступленіи въ должность, должны давать присягу, что будутъ уважать это право; кто нарушитъ его, подвергается смерти, а имущество преступника конфискуется. 2. Была снова подтверждена неприкосновенность народныхъ трибуновъ; были даны торжественнѣйшія клятвы, что санъ трибуновъ никогда не будетъ отмѣненъ, что ежегодно будутъ избираемы десять трибуновъ и не будетъ дѣлаемо никакихъ препятствій исполненію ихъ обязанностей. Прочность трибуната дала такую силу трибунамъ, что по необходимости было въ скоромъ времени предоставлено имъ право присутствовать въ засѣданіяхъ сената. Гордость патриціевъ не согласилась дать имъ мѣсто на скамьяхъ сенаторовъ; они сначала сидѣли на особенной скамьѣ у дверей сената. Но для всѣхъ рѣшеній его было необходимо согласіе трибуновъ. Народный трибунъ своимъ протестомъ отнималъ законную силу у всякаго рѣшенія сената или народнаго собранія. 3. Третій законъ Горація и Валерія постановлялъ: „то, что рѣшено плебеями въ ихъ собраніи по трибамъ, имѣетъ обязательную силу для всего народа“; такимъ образомъ „рѣшенія плебеевъ“ (плебисциты) получили теперь значеніе государственныхъ законовъ; но мы не знаемъ, нужно ли было, чтобъ они получали согласіе сената.

Есть примѣры того, что плебисциты имѣли силу законовъ безъ утвержденія сенатомъ, но есть примѣры и того, что они не имѣли ея, если сенатъ не утверждалъ ихъ. Вѣроятно, плебисциты не нуждались формальнымъ образомъ въ утвержденіи сената, но въ большей части случаевъ оно было нужно для того, чтобы они были примѣняемы къ дѣлу. Тѣ собранія по трибамъ, которыя созывались народными трибунами, назывались не comitia, а concilia, и въ нихъ участвовали только плебеи; а народными трибунами могли быть избираемы только плебеи; патриціи не могли получать этого сана. Но кромѣ тѣхъ собраній по трибамъ, въ которыхъ участвовали только плебеи, были другія собранія по трибамъ, которыя созывались патриційскими сановниками; эти сановники и управляли ходомъ ихъ совѣщаній; въ нихъ участвовали всѣ граждане, т. е. и патриціи. Кажется, что эти собранія по трибамъ были установлены только уже по низверженіи децемвировъ и что въ первый разъ такое собраніе было созвано для выборовъ квесторовъ, которыхъ прежде назначали консулы. Собственно лишь эти собранія всего народа назывались comitia tributa; но законы Горація и Валерія дѣлали незначительной въ практическомъ отношеніи разницу между этими собраніями и собраніями однихъ плебеевъ, потому впослѣдствіи сословныя собранія плебеевъ, созываемыя трибунами, часто носили тоже имя комицій, которое собственно не принадлежало имъ. Подготовленіемъ къ совѣщанію комицій служили предварительныя собранія conciones, созываемыя сановниками для разсужденій о государственныхъ дѣлахъ; въ нихъ разъяснялось народу значеніе тѣхъ предложеній, о которыхъ онъ будетъ подавать голоса въ комиціяхъ. Эти предварительныя собранія сдѣлались впослѣдствіи средствомъ для демагоговъ волновать народъ.

Conciones.

Итакъ плебисциты получили силу одинаковую съ рѣшеніями всего народа и законодательная дѣятельность стала все больше и больше сосредоточиваться въ собраніяхъ плебеевъ, въ которыхъ ходъ дѣла былъ менѣе

затрудненъ стѣснительными формальностями. Трибуны, предсѣдательствовавшіе въ этихъ собраніяхъ, имѣвшіе въ нихъ право предлагать законы, руководившіе ихъ совѣщаніями, фактически стали изъ представителей одного плебейскаго сословія представителями всего народа.

Судьба децемвировъ

Такимъ образомъ былъ возстановленъ миръ между сословіями, но децемвиры еще оставались свободны. Плебеи не могли допустить, чтобы смерть Виргиніи не была отмщена; правда настроеніе плебеевъ было очень мягкое, благодаря возстановленію ихъ правъ и новымъ примирительнымъ законамъ; но злодѣйство Аппія Клавдія не могло остаться безнаказаннымъ. Отецъ Виргиніи предалъ Аппія Клавдія суду. Напрасно Клавдій апеллировалъ къ народу, прибѣгая къ тому праву, которое отмѣнилъ, когда былъ правителемъ; Виргиній требовалъ, чтобы онъ былъ отведенъ въ темницу. Патриціи и кліэнты рода Клавдіевъ пришли въ траурныхъ одеждахъ просить народъ о пощадѣ виновному; но народъ и трибуны требовали, чтобы исполнены были законы. Аппій Клавдій былъ отведенъ въ ту темницу, которую съ надменною насмѣшкой называлъ «гостинницею для плебеевъ». Онъ не сталъ дожидаться дня, назначеннаго для разбора его дѣла и лишилъ себя жизни въ темницѣ. Въ темницѣ умеръ и Спурій Оппій, бывшій главнымъ помощникомъ его въ управленіи государствомъ. Остальные децемвиры были наказаны за свои преступленія изгнаніемъ и конфискаціею имуществъ. Мщеніе плебеевъ удовлетворилось этимъ. Они держали себя относительно патриціевъ очень примирительно. Но патриціи не могли забыть досаду за свое пораженіе. Валерій и Горацій одержали блистательныя побѣды надъ эквами и сабинянами; сенатъ отказалъ имъ въ тріумфѣ. Но по единодушному рѣшенію всѣхъ трибъ имъ дана была эта почесть наперекоръ отказу сената. — Плебеи могли быть довольны исходомъ великой борьбы. Законы двѣнадцати таблицъ были первымъ рѣшительнымъ шагомъ къ устройству государства на основаніи равноправности сословій. Эти законы остались неприкосновенны. Патриціи долго сохраняли за собою привилегію суда, но теперь судъ не могъ быть такъ пристрастенъ, какъ прежде. Союзники римлянъ, латины и герники, видѣли, что Римъ получилъ большую пользу отъ реформы. Они прислали депутатовъ поздравить римскій народъ съ возстановленіемъ согласія между гражданами и принесли вѣнецъ въ даръ Юпитеру Капитолійскому.

Законы двѣнадцати таблицъ.

Такъ было составлено первое собраніе законовъ для всего народа. Законы двѣнадцати таблицъ образовали основаніе римскаго права, разработка котораго въ научномъ духѣ — одна изъ главныхъ историческихъ заслугъ римскаго народа. Въ искусствѣ и поэзіи римляне остались далеко ниже другихъ цивилизованныхъ народовъ древняго міра, но они довели до очень высокаго развитія юриспруденцію и военное искусство. Законы двѣнадцати таблицъ преподавались въ школахъ, и римскіе юноши должны были заучивать ихъ наизустъ. Отъ нихъ и отъ комментаріевъ къ нимъ, написанныхъ впослѣдствіи, дошли до насъ только отрывки, такъ, что при всей учености и проница-

тельности новѣйшихъ изслѣдованій о нихъ, мы не имѣемъ полныхъ достовѣрныхъ свѣдѣній о ихъ содержаніи. Но кажется, что нѣкоторыя изъ правилъ обычнаго права были смягчены ими въ пользу плебеевъ, и что важнѣйшими смягченіями были слѣдующія: 1. Въ постановленіяхъ о семейномъ правѣ замѣтно стремленіе ограничить власть отца надъ дѣтьми, домохозяина надъ всѣми, живущими въ его домѣ; (первоначально въ Римѣ эта власть, какъ мы видѣли, была совершенно неограничена); замѣтно стремленіе сдѣлать семейство менѣе замкнутымъ отъ всякаго вліянія государственной власти, обратить государство изъ союза домохозяевъ въ общество, члены котораго всѣ граждане. Съ этой цѣлью была введена форма брака, менѣе прежней подчинявшая жену мужу,—такъ называемый бракъ по долгому сожительству (usus); было введено освобожденіе сыновей отъ подвластности отцу (emancipatio). Законъ о бракѣ по долгому сожительству постановлялъ: «женщина, прожившая годъ безъ перерыва въ супружествѣ съ мужемъ, поступаетъ по праву давняго сожительства подъ власть мужа («подъ руку» мужа, manus); если же она хочетъ оставаться не поступившей подъ власть мужа, то должна хоть на время прерывать сожительство и ежегодно проводить три ночи сряду внѣ мужнина дома». Такимъ образомъ была введена форма брака, менѣе строгая, чѣмъ прежній бракъ, по которому жена поступала «подъ руку» мужа. По новой формѣ брака только приданое жены переходило въ управленіе мужа, все другое имущество ея оставалось въ собственномъ ея управленіи. Такимъ же ослабленіемъ прежней неограниченной власти домохозяина былъ законъ объ эманципаціи, постановлявшій, что сынъ, три раза проданный отцомъ, освобождается отъ отцовской власти; по этому закону освобожденіе сына производилось посредствомъ трехъ фиктивныхъ актовъ продажи его. Такимъ образомъ уменьшалась строгая замкнутость прежняго патріархальнаго семейнаго и родоваго устройства, уменьшалась разница между патриційской и плебейской формами быта, подготовлялось сліяніе сословій. 2. По законамъ о долгахъ были сдѣланы нѣкоторыя смягченія въ пользу должника. Заимодавецъ сохранилъ право брать неисправнаго должника въ работу къ себѣ, держать его въ долговой темницѣ, продавать за границу, даже изувѣчивать и убивать его; но, по произнесеніи судебнаго приговора надъ неисправнымъ должникомъ, ему предоставлялись для уплаты долга три срока, каждый по тридцати дней, для пріисканія средствъ на уплату; только по истеченіи этихъ сроковъ онъ былъ отдаваемъ кредитору; кромѣ того былъ назначенъ наивысшій дозволительный размѣръ процентовъ (составлявшій, кажется, 10 на сто), и брать больше этого было запрещено подъ тяжелымъ наказаніемъ. 3. Въ законахъ объ обрядахъ видно стремленіе ограничить чрезмѣрные расходы на великолѣпіе похоронъ. Такъ, напримѣръ, было запрещено нанимать людей для натиранія трупа благовонными маслами, класть на костеръ больше одной перины и больше трехъ окаймленныхъ пурпурой покрывалъ, класть на костеръ золотыя вещи, употреблять на него обдѣланное дерево, окуривать его благовоніями, окроплять виномъ съ миррой, запрещено имѣть въ похоронной процессіи больше десяти флейтистовъ, нанимать плакальщицъ, дѣлать похоронный пиръ. 4. Прежде плебейское собраніе трибъ производило судъ надъ лицами, оскорбившими плебеевъ; если подсудимый былъ не плебей, а патриційм, это было незаконною узурпаціей плебеевъ; но во время смутъ, патриціи часто были принуждены подчиняться этому злоупотребленію. Законы двѣнадцати таблицъ прекратили его. Они постановили, что право уголовнаго суда принадлежитъ исключительно центуріальнымъ комиціямъ, въ которыхъ участвовали граждане обоихъ сословій. Такимъ образомъ плебейское собраніе по трибамъ было лишено права уголовнаго суда даже и надъ плебеями. Оно продолжало судить магистратовъ по обвиненію народныхъ трибуновъ, но могло наказывать только денежными штрафами. —

Царскіе законы.

Вскорѣ послѣ законовъ двѣнадцати таблицъ были обнародованы законы о религіозныхъ обрядахъ, называвшіеся «царскими». Это былъ сборникъ обычнаго религіознаго права, составленный, вѣроятно, коллегіею понтифексовъ; правиламъ его была дана форма постановленій, сдѣланныхъ царями.

---

4. Военные трибуны съ консульской властью. Взятіе Рима галлами.

Плебеи получаютъ право заключать полноправные браки съ патриціями. 445.

Законы двѣнадцати таблицъ значительно приблизили плебеевъ къ равноправности съ патриціями: но ея еще не было, пока оставались запрещены браки между людьми плебейскаго и патриційскаго сословій; дѣти отъ такихъ браковъ всѣ были плебеями, лишались патриційскихъ правъ, принадлежавшихъ отцу или матери. Допустивъ равноправность браковъ людей своего сословія съ нѣкоторыми иностранцами, напримѣръ съ латинами, патриціи отчасти по сословной гордости, отчасти по религіознымъ предразсудкамъ упорно отказывали въ равноправности браковъ плебеямъ. Было много патриціевъ, чьи дѣти были исключены изъ патриціанства, потому что имѣли своими матерями плебеянокъ: очень вѣроятно, что такого происхожденія были плебейскіе роды, одинаковые по фамиліи съ патриційскими, какъ, напримѣръ, тѣ Виргиніи, Генуціи, Сициніи, Юніи, Марціи, Куріаціи, Юліи, которые были плебеями. Но патриціи должны были отказаться и отъ этой привилегіи. Послѣ долгаго сопротивленія ихъ былъ наконецъ
445. принятъ законъ Канулея, постановлявшій, что браки между людьми плебейскаго и патриційскаго сословія признаются полноправными, и дѣти, рожденныя отъ этихъ браковъ, принадлежатъ къ сословію отца. (Эта полноправность браковъ называлась у римлянъ connubium). Едва сдѣлали патриціи эту уступку, народные трибуны предложили постановить, чтобы консулами могли быть избираемы и плебеи. Патриціи всѣми силами противились принятію рогаціи, отнимавшей у нихъ важнѣйшую изъ ихъ привилегій. Трибуны воспретили наборъ войска и остановили веденіе всѣхъ административныхъ и судебныхъ дѣлъ. Поставленные этимъ въ необходимость уступить, патриціи объявили, что они лучше хотятъ отмѣнить санъ консуловъ, чѣмъ допустить къ нему плебеевъ; и было рѣшено, что вмѣсто консуловъ будутъ назначены военные трибуны съ консульской властью. Санъ военныхъ трибуновъ былъ доступенъ плебеямъ; и было постановлено, что центуріальныя комиціи изберутъ на годичный срокъ военныхъ трибуновъ, облеченныхъ такою же военной и правительственной властью, какую имѣли консулы; эти военные трибуны могли быть избираемы изъ патриціевъ и плебеевъ. Число ихъ было сначала три, потомъ четыре; а впослѣдствіи ихъ избиралось иногда и шесть.

Учрежденіе военныхъ трибуновъ съ консульской властью. 443.

Патриціи фактически сохраняютъ преобладающее вліяніе.

Учрежденіе военныхъ трибуновъ съ консульской властью повидимому дало плебеямъ доступъ къ управленію государствомъ; но эта временная сдѣлка, продолжавшая существовать до принятія законовъ Лицинія, фактически оставляла за патриціями нѣкоторыя привилегіи; при благопріятныхъ обстоятельствахъ, они успѣвали замѣнять военныхъ трибуновъ консулами. Санъ консуловъ не былъ отмѣненъ; народъ ежегодно рѣшалъ — консулы, или военные трибуны будутъ назначены на слѣдующій годъ. Въ продолженіе 68 лѣтъ отъ принятія этой сдѣлки до отмѣны ея съ принятіемъ законовъ Лицинія, 47 разъ были назначаемы народные трибуны, 21 разъ—консулы. Замѣняя консуловъ военными трибунами, патриціи оставляли за собою привилегію на нѣкоторыя почести: военные трибуны не имѣли права торжествовать тріумфовъ. Очень вѣроятно, что когда въ этотъ санъ былъ избираемъ кто-нибудь изъ плебеевъ, то онъ не имѣлъ права совершать ауспицій и не могъ судить патриціевъ. Притомъ, имѣя очень сильное вліяніе въ центуріальныхъ собраніяхъ, патриціи могли разсчитывать, что въ военные трибуны съ консульской властью будутъ выбираться большею частью люди ихъ сословія: законъ постановлялъ только, что плебеи могутъ быть избираемы, но не говорилъ, что каждый разъ долженъ быть избираемъ кто-нибудь изъ плебеевъ. Опытъ показалъ, что этотъ разсчетъ патриціевъ былъ основателенъ. Фактически они еще сохраняли такое преобладаніе, что только черезъ 44 года по учрежденіи новаго сана въ первый разъ былъ выбранъ въ число военныхъ трибуновъ съ консульскою властью плебей. (Публій Лициній Кальвъ, въ 400 году до Р. Х.).

Учрежденіе сана цензоровъ 443.

Но хотя сдѣлка о замѣнѣ консуловъ военными трибунами представляла большія выгоды для патриціевъ, они всетаки видѣли въ ней уменьшеніе своихъ привилегій. Они хотѣли спасти какъ можно большую долю правительственной власти отъ возможности перехода въ руки плебеевъ; съ этою цѣлью они отдѣлили отъ прежнихъ консульскихъ обязанностей очень важную часть и поручили ее новымъ сановникамъ, цензорамъ, которые должны были назначаться исключительно изъ патриціевъ.

Обязанность цензоровъ.

Цензоровъ было два; ихъ избирали центуріальныя комиціи изъ патриціевъ; каждыя пять лѣтъ они должны были производить цензъ (имя ихъ сана и значитъ „производители ценза“) и совершать соединенный съ нимъ обрядъ очищенія (lustrum). Первоначально они сохраняли свой санъ въ продолженіи всѣхъ пяти лѣтъ до назначенія новыхъ цензоровъ для новаго люстра; но черезъ десять лѣтъ было постановлено, что ихъ должность продолжается только полтора года. Цензъ состоялъ въ томъ, что была производима перепись всѣхъ римскихъ гражданъ по сословіямъ и по размѣру имущества; при этомъ цензоры составляли списки членовъ сената и всадниковъ, опредѣляли величину поземельнаго налога и податей за пользованіе общественною землею. Со временемъ кругъ ихъ власти расширился: производя цензъ, распредѣляя гражданъ по классамъ и опредѣляя размѣръ налоговъ, они производили вмѣстѣ съ этимъ контроль надъ нравственностью гражданъ, подвергали гражданъ, поступавшихъ безнравствено, или несогласно съ государственнымъ благомъ, „цензорскому замѣчанію“ (nota); этимъ замѣчаніемъ они отнимали гражданскія, или сословныя права; они не были стѣснены въ этомъ никакими правилами; такимъ образомъ въ ихъ рукахъ была громадная дискреціонная власть, границы которой полагало только то, что одинъ цензоръ имѣлъ право интерцессіи (запрещенія) противъ произвольныхъ поступковъ другого, и слѣдующіе цензоры могли отмѣнять приговоры своихъ предшественниковъ; притомъ скоро установился обычай, требовавшій, чтобы цензоры, при исключеніи сенатора, или

всадника изъ ихъ сословія, присоединяли къ приговору письменное объясненіе причинъ. Управленіе государственными финансами и государственною собственностью было также поручено цензорамъ; они составляли годичныя смѣты государственныхъ расходовъ и доходовъ, завѣдывали сооруженіемъ храмовъ, дорогъ, мостовъ, каналовъ, другими общественными работами, заключали контракты съ подрядчиками и откупщиками и пр. Неудивительно, что, при такой обширности власти, санъ цензора сдѣлался съ теченіемъ времени самой почетной изъ всѣхъ магистратуръ; въ 265 году было даже постановлено, что никто не можетъ быть цензоромъ два раза. При составленіи годичныхъ смѣтъ помощниками цензоровъ были городскіе квесторы (стр. 109).

Смерть Спурія Мелія. 439.

Плебеи съ большой умѣренностью пользовались новыми своими правами: мы видѣли, что правительственная власть, и по замѣнѣ консуловъ военными трибунами, очень долго была поручаема исключительно патриціямъ. Но патриціи не хотѣли отвѣчать на эту уступчивость миролюбіемъ, они считали ее знакомъ робости, нерѣшительности и пользовались всякимъ случаемъ оттѣснять плебеевъ изъ пріобрѣтеннаго ими положенія, прибѣгали для этого и къ хитрости, и къ насилію, старались запугивать плебеевъ, унижать ихъ, вели выборы такъ, чтобы плебеи не могли пользоваться своими правами. Писанные законы были слабой защитой отъ насилія правителей. Черезъ нѣсколько лѣтъ, по учрежденіи сана военныхъ трибуновъ съ консульской властью, случился неурожай и начался сильный голодъ. Патриційскій сановникъ, на обязанности котораго лежала забота о продовольствіи (praefectus annonae), Минуцій, не могъ заготовить достаточно хлѣба; голодъ свирѣпствовалъ такъ, что многіе бѣдняки бросались въ рѣку. Богатый плебей Спурій Мелій рѣшился помочь бѣдствію: черезъ своихъ друзей за границею онъ сдѣлалъ большія покупки хлѣба и сталъ продавать его по дешевой цѣнѣ, а бѣднымъ людямъ давалъ даромъ. Это великодушіе доставило ему очень много приверженцевъ, и патриціи стали опасаться за свою власть. Вѣроятно, они полагали, что Спурій Мелій будетъ избранъ военнымъ трибуномъ. Они прибѣгли къ испытанному средству губить опасныхъ людей, взвели на Мелія подозрѣніе, что онъ хочетъ сдѣлаться царемъ, говорили, что въ его домѣ происходятъ тайныя сборища, заготовлены склады оружія, что онъ собираетъ вооруженныхъ наемниковъ, что народные трибуны подкуплены имъ, помогаютъ его замыслу, и что заговоръ готовъ вспыхнуть. Сенатъ поспѣшно назначилъ восьмидесятилѣтняго Квинкція Цинцинната диктаторомъ; Цинциннатъ выбралъ начальникомъ конницы Сервилія Агалу; Агала съ толпою молодыхъ патриціевъ неожиданно явился на форумѣ, бросился на Мелія и убилъ его. Сенатъ велѣлъ безденежно роздать народу хлѣбъ, находившійся въ складѣ Мелія, и разрушить его домъ. Граждане, грозившіеся отмстить за убійство Мелія, были тайно убиты. Мѣсто, на которомъ стоялъ его домъ, долго

оставалось незастроеннымъ, въ напоминаніе народу о его преступленіи.

Убійство Мелія осталось безнаказаннымъ; но негодованіе народа на Сервилія Агалу было такъ велико, что черезъ нѣсколько времени онъ нашелъ надобнымъ удалиться въ добровольное изгнаніе.—По другому извѣстію, Сервилій Агала убилъ Мелія съ согласія сената и патриціевъ. Если такъ, то имя Цинцинната можетъ быть очищено отъ того пятна, что онъ опозорилъ беззаконнымъ убійствомъ послѣдніе годы своей доблестной жизни.

Сила плебеевъ ростетъ.

Но ни кровавыя насилія, ни мелкія интриги, ни религіозныя уловки помѣшать непріятнымъ совѣщаніямъ комицій не вели патриціевъ къ желанной цѣли. Плебеи, все яснѣе замѣчая, что патриціи не хотятъ искренно примириться съ ними на основаніи законнаго порядка, что только силою можно вынудить ихъ къ уступчивости, начали дѣйствовать обдуманнѣе и настойчивѣе прежняго, такъ что съ половины четвертаго столѣтія по основаніи Рима они стали имѣть перевѣсъ въ центуріальныхъ комиціяхъ, и съ того времени въ числѣ военныхъ трибуновъ всегда бывали плебеи, а нерѣдко они составляли и большинство. Въ 333 году по основаніи Рима, плебеи послѣ долгой борьбы 421.
пріобрѣли довольно важную побѣду, вынудивъ патриціевъ согласиться, чтобы кромѣ прежнихъ двухъ городскихъ квесторовъ были назначаемы два военные квестора и чтобы въ этотъ санъ могли быть избираемы и плебеи. Правда, цѣлые одиннадцать лѣтъ послѣ того эта уступка патриціевъ оставалась неосуществлена фактически, но потомъ въ число квесторовъ постоянно избирались и плебеи. 410.

Квесторы.

Городскіе квесторы, бывшіе при царяхъ судьями по уголовнымъ дѣламъ (стр. 64), сдѣлались по установленіи республиканскаго правленія финансовыми сановниками; они завѣдывали государственной кассой и составляли смѣты доходовъ и расходовъ (по установленіи сана цензоровъ, какъ помощники ихъ). Военные квесторы сопровождали консуловъ въ походахъ, завѣдывали финансовыми дѣлами войска, распредѣленіемъ добычи, а по установленіи жалованья воинамъ и выдачей его.

Военные успѣхи римлянъ.

Политическая борьба, сопровождавшаяся разстройствомъ внутреннихъ дѣлъ, конечно нѣсколько мѣшала и военнымъ дѣйствіямъ римлянъ, но успѣхи въ ней возвышали энергію плебеевъ, возбуждали ихъ къ мужеству на войнѣ. Потому еще до окончанія раздоровъ между сословіями римскія войска стали уже одерживать верхъ надъ врагами. На площади народныхъ собраній плебеи ссорились съ патриціями, но въ битвахъ плебейская пѣхота и патриційская конница соперничали между собою храбростью. То одни, то въ союзѣ съ латинами и герниками римляне много разъ наносили пораженія своимъ старымъ врагамъ, эквамъ и вольскамъ и, отнимая у нихъ земли, упрочивали свои завоеванія основаніемъ военныхъ колоній. Эквы, еще въ 446 году доходившіе до стѣнъ Рима, опустошая все на своемъ пути, являются

1. Побѣды надъ эквами и вольсками.

на Альгидѣ въ 418 году въ послѣдній разъ. Съ этого времени театръ войны отодвигается все дальше на югъ, и вскорѣ вольски и эквы, выказывавшіе прежде такую отвагу въ нападеніяхъ на Римъ, начинаютъ просить у римлянъ мира, или перемирія, и часто пропускаютъ безъ нападеній на римскія владѣнія такія обстоятельства, которыя должны были бы благопріятствовать набѣгамъ. Очевидно, что они ослабѣвали, а военное могущество Рима много возрасло, когда плебеи пріобрѣли вліяніе на государственныя дѣла. Римляне стали давать жалованье войску во время похода, употребляя на это подати съ общественной земли, а когда этихъ денегъ было недостаточно, то установляли для покрытія военныхъ издержекъ налогъ со всѣхъ земель (tributum); многіе изъ бѣдныхъ плебеевъ стали находить теперь, что служба въ войскѣ выгоднѣе домашнихъ занятій; потому народные трибуны меньше прежняго задерживали наборъ войска, оно оставалось въ походѣ дольше, иногда проводило и зиму въ станѣ, устроивая себѣ хижины.

2. Побѣды надъ вейентянами и другими этрусками.

По мѣрѣ того, какъ уменьшалась трудность борьбы съ южными сосѣдами, римляне усиливали свои наступательныя дѣйствія противъ сѣверныхъ, между которыми особенно враждебны были римлянамъ вейентяне. Послѣ погибели Фабіевъ было между Римомъ и Веіями долгое перемиріе. Оно было нарушено тѣмъ, что подвластный римлянамъ этрусскій городъ Фидены возсталъ противъ нихъ, при содѣйствіи вейентскаго царя Толумнія, прогналъ римскихъ колонистовъ и убилъ римскихъ пословъ. Раздраженные римляне пошли противъ фиденцевъ и, пришедшихъ на помощь къ нимъ вейентянъ. Храбрый начальникъ конницы Корнелій Коссъ убилъ Толумнія и снятое съ него оружіе принесъ въ храмъ Юпитера Феретрія, какъ spolia opima «драгоцѣнную добычу». Черезъ два года послѣ того Фидены были покорены римлянами. Побѣдители казнили вождей возстанія, снова поселили въ Фиденахъ своихъ прогнанныхъ колонистовъ, а въ честь убитыхъ пословъ поставили на форумѣ статуи, которыя еще были цѣлы во время Цицерона. Черезъ десять лѣтъ Фидены снова возстали, и народъ убилъ поселенныхъ тамъ римлянъ. Взявъ городъ приступомъ, римляне разрушили его и продали жителей въ рабство. То мѣсто, гдѣ нѣкогда были Фидены, стало пустынею. По разрушеніи Фиденъ дошла очередь до вейентянъ, которымъ римляне хотѣли отмстить за много обидъ старыхъ и новыхъ. Какъ только кончилось перемиріе, заключенное съ ними, римляне объявили имъ войну и пошли къ Веіямъ. Вейентяне, далеко превосходившіе римлянъ богатствомъ, далеко уступали имъ воинственностью. Массу населенія вейентскаго государства составляли люди подвластные господамъ; тамъ не было свободнаго энергическаго сословія небогатыхъ поселянъ и горожанъ; простолюдины неохотно шли на войну; такое государство не могло долго удержаться противъ

(Margin notes: Возстаніе и взятіе Фиденъ. 438. 437. — 426. — Война съ вейентянами.)

римскаго оружія. Вейентяне, вѣроятно, разсчитывали на помощь всѣхъ другихъ этрусскихъ государствъ, потому что всѣмъ имъ угрожало одинаковою опасностью расширеніе римскихъ владѣній на правомъ берегу Тибра. Но только Капена, Фалеріи и Тарквинія подали Веіямъ помощь, и то слабую; остальные этрусскіе города не приняли участія въ войнѣ, одни по равнодушію къ общимъ интересамъ, по узкому эгоизму, а другіе потому, что имъ самимъ грозила опасность отъ галловъ, которые теперь въ первый разъ появились за Апеннинами и осадили старинный этрусскій городъ Мельпъ, стоявшій на сѣверной окраинѣ страны. Не получивъ никакой поддержки отъ большинства своихъ соплеменниковъ, вейентяне не могли идти въ поле на битву съ храброй римской пѣхотой; но они надѣялись на свои крѣпкія стѣны и заперлись въ нихъ. Дѣйствительно осада долго шла безуспѣшно. Вейентянамъ удалось счастливыми вылазками разрушить окопы, которыми обвели римляне городъ, и разогнать римское войско, жившее въ хижинахъ за этими окопами. Преданіе говоритъ, что римляне десять лѣтъ осаждали Веіи, какъ нѣкогда греки—Трою. Достичь успѣха было очень трудно; но убыль въ осаждающемъ войскѣ пополнялась волонтерами, которыхъ привлекало жалованье; прорытіе канала (emissarius), отводившаго воду изъ Альбанскаго озера, возбудило патріотическое усердіе въ плебеяхъ, земли которыхъ были избавлены этимъ каналомъ отъ наводненій; потому они охотно шли на службу, зажиточные даже поступали всадниками на свой собственный счетъ; благодаря этому, диктаторъ Фурій Камиллъ получилъ возможность изнурить вейентянъ частыми приступами, провелъ подкопъ, который выходилъ своимъ концомъ въ храмъ Юноны, стоявшій въ цитадели города, и нападеніемъ изъ этого подкопа одновременно съ приступомъ къ стѣнамъ города взялъ Веіи. Часть населенія была убита, другая продана въ рабство; боги Веій были приглашены переселиться въ Римъ; между воинами была раздѣлена громадная добыча. Какой восторгъ произвелъ этотъ успѣхъ въ Римѣ, мы можемъ судить потому, что до поздняго времени сохранялся обычай кончать городскія игры Рима сценой продажи вейентской добычи; въ концѣ этого представленія являлся увѣчный старикъ, одѣтый въ пурпурную мантію съ золотыми украшеніями, игравшій роль вейентскаго царя. За взятіемъ Веій слѣдовало покореніе Капены, Сутрія и Непета. Основавъ военныя колоніи въ этихъ городахъ, римляне обезпечили себѣ доступъ въ глубину Этруріи и ходили даже за Циминскій лѣсъ отмстить жителямъ Вольсиній, сдѣлавшимъ набѣгъ. Городъ Фалеріи, стоявшій на высокой крутой скалѣ, трудно было взять, потому римляне оставили его на время въ покоѣ, заключивъ съ нимъ договоръ на выгодныхъ для себя условіяхъ. Могущество Этруріи было теперь сломлено. «Быть можетъ, не фактъ, а поэтическій вымыселъ должно видѣть въ грустномъ преданіи, что два оплота этрусской націи, Мельпъ и

(Margin notes: Осада и взятіе Веій 407—396. — Дальнѣйшія завоеванія въ Этруріи. — 391.)

Веіи были взяты въ одинъ день», говоритъ Моммсенъ, «но глубокая историческая истина лежитъ въ этомъ преданіи, что въ одинъ и тотъ же день были взяты Мельпъ галлами, Веіи римлянами. Нападеніе враговъ съ юга и съ сѣвера и паденіе двухъ оплотовъ Этруріи было началомъ погибели великаго этрусскаго народа».

Легенда прикрасила вымысломъ исторію осады Веій, но основной фактъ не подлежитъ сомнѣнію: Веіи были около этого времени взяты; быть можетъ, дѣйствительно во время этой осады былъ прорубленъ и тотъ каналъ, отводившій воду Альбанскаго озера, съ проведеніемъ котораго легенда соединяетъ паденіе Веій. Изъ устья этого канала еще и теперь течетъ ручей, орошающій сухія поля римской Кампаньи.

Камиллъ, преданный суду, удаляется въ изгнаніе. 390.

Но покоритель Веій, Камиллъ, не долго наслаждался торжествомъ своей побѣды. Онъ былъ издавна ненавистенъ плебеямъ, какъ вождь патриціевъ, какъ самый крайній защитникъ привилегій. При своемъ великолѣпномъ тріумфѣ онъ оскорбилъ массу гражданъ надменностью. Онъ ѣхалъ подобно богу на богатой колесницѣ, запряженной четырьмя бѣлыми конями. Къ общимъ причинамъ неудовольствія присоединился ропотъ на нѣкоторыя изъ его распоряженій. Послѣ того какъ добыча была роздана, онъ потребовалъ, чтобы воины возвратили десятую часть полученнаго ими; эта десятая доля предназначена была, какъ говоритъ преданіе, на исполненіе обѣта, даннаго Камилломъ передъ взятіемъ Веій: онъ обѣщалъ тогда сдѣлать приношеніе въ Дельфійскій храмъ (въ Дельфійскій храмъ была пожертвована римлянами большая золотая чаша; она стояла въ той сокровищницѣ, которую построили для своихъ приношеній массилійцы, друзья римлянъ). Нѣкоторые ученые полагаютъ, что подъ десятою долею добычи, о которой говоритъ легенда, должно понимать десятую часть вейентской земли, которая была оставлена не розданной, чтобы доходы отъ нея шли на жалованье войску и другія военныя надобности. Камилла обвиняли также въ томъ, что онъ раздѣлилъ добычу несправедливо, взялъ слишкомъ много себѣ и слишкомъ много роздалъ патриціямъ, винили его и въ томъ, что онъ упорно противился предложенію, распредѣлить вейентскую землю равными участками между всѣми гражданами. Народные трибуны предали его суду; онъ добровольно удалился въ изгнаніе, и родина лишилась его въ такое время, когда особенно нуждалась въ его военныхъ талантахъ.

Кельты (галлы) въ Италіи.

Около этого времени перешла черезъ Апеннины и осадила этрусскій городъ Клузій новая масса тѣхъ галловъ, или кельтовъ, которые за полтора столѣтія передъ тѣмъ заняли долину Пада. Это нашествіе было однимъ изъ хищническихъ походовъ, какіе часто встрѣчаются въ исторіи кельтовъ, народа воинственнаго, любившаго передвиженія, не умѣвшаго спокойно жить на родинѣ (стран. 4 и 5). Пограничная этрусская крѣпость Мельпъ была взята этими галлами; теперь они двинулись дальше на югъ; они наводили ужасъ на жителей Средней Италіи; это впечатлѣніе отражается въ чертахъ, которыми описываютъ ихъ древніе историки. Они были высокаго роста; дикое выраженіе лица, длинные косматые волосы и большіе усы придавали имъ страшный видъ; ихъ стремительная отвага, ихъ многочисленность, шумъ множества трубъ и роговъ наводили трепетъ на войска, шедшія противъ нихъ. Но если противники не поддавались испугу, то и при малочисленности одолѣвали несмѣтныя толпы этихъ варваровъ, у которыхъ не было дисциплины, порядка и стойкости. Вооруженіе ихъ было плохо: лишь на немногихъ были латы; щиты ихъ вышиною во весь ростъ человѣка были узки, слабы и неудобны; они бросались на непріятеля съ широкими, тонкими, плохо закаленными мечами, которые часто при первомъ ударѣ о желѣзо зазубривались, портились. Они были тщеславны, любили золотые наряды, любили украшать оружіе золотомъ. Знатный галлъ, когда шелъ въ битву, непремѣнно имѣлъ золотые цѣнные браслеты на рукахъ и тяжелыя золотыя кольца на шеѣ; но иногда верхняя часть его тѣла была нагая: галлы часто сбрасывали съ себя свои пестрые клѣтчатые плащи яркихъ цвѣтовъ. Обыкновенно сражались они пѣшіе; но были у нихъ и конные отряды; за каждымъ свободнымъ коннымъ воиномъ слѣдовали двое слугъ тоже на коняхъ; галлы имѣли и военныя колесницы, которыми правили слуги, прикрывавшіе господина въ сраженіи своимъ тѣломъ. Многими чертами галлы напоминаютъ средневѣковыхъ рыцарей; такъ, напримѣръ, у нихъ былъ чуждый римлянамъ и грекамъ обычай биться между собою на поединкахъ и, подобно рыцарямъ, любили они буйно пировать; вина у нихъ не было, они пили пиво или медъ. Передъ сраженіемъ часто выступалъ впередъ боецъ, издѣвался надъ непріятелемъ словами и жестами и вызывалъ храбрѣйшаго биться съ нимъ одинъ на одинъ; но и въ мирное время они, надѣвъ блестящія латы, бились между собою на поединкахъ. Получивъ рану, галлъ удлиннялъ ея разрѣзъ, чтобы хвалиться длиннымъ рубцомъ. Въ завоеванныхъ земляхъ они истребляли населеніе, уничтожали города и нивы. Они отрѣзывали головы убитымъ врагамъ и привязывали ихъ за волоса къ гривамъ своихъ коней; черепа знатныхъ убитыхъ враговъ они прибивали гвоздями къ стѣнамъ дома и эти трофеи сохранялись потомками. Таковъ былъ врагъ, осадившій теперь стѣны Клузія.

Легенда говоритъ, что одинъ изъ гражданъ Клузія, семейная честь котораго была оскорблена знатнымъ развратникомъ, призвалъ для отмщенія галловъ изъ-за Альповъ: вьючнымъ путемъ черезъ горы онъ привезъ имъ мѣха съ виномъ и масломъ, корзины сушеныхъ смоквъ и возбуждалъ ихъ овладѣть страною, которая производитъ такія прекрасныя вещи, говорилъ имъ, что это легко, потому что жители ея народъ не воинственный; послушавшись его, галлы поднялись съ женами и дѣтьми и пошли черезъ горы на Клузій.

Осада Клузія. 390.

По разсказу римскихъ историковъ, жители Клузія попросили помощи у римлянъ. Сенатъ полагалъ, что достаточно будетъ отправить пословъ, что галлы, по ихъ требованію, отступятъ, и послалъ трехъ Фабіевъ объявить галламъ, что Клузій находится подъ покровительствомъ Рима, и потребовать, чтобы они отступили отъ него. Галлы сказали, что согласны примириться съ Клузіемъ, если жители его уступятъ имъ часть своей области, что они имѣютъ право на это, потому что земля принадлежитъ мечу храбрыхъ. Послы приняли этотъ отвѣтъ за насмѣшку и, вошедши въ Клузій, приняли участіе въ вылазкѣ осажденныхъ; одинъ изъ пословъ Квинтъ Фабій убилъ въ сраженіи знатнаго галла и былъ узнанъ, когда снималъ съ него вооруженіе. Полководецъ галловъ Бреннъ тотчасъ же велѣлъ трубить отступленіе, чтобы кровь пословъ не была пролита его народомъ, и рѣшилъ требовать отъ римлянъ удовлетворенія за то, что послы нарушили международное право. Онъ выбралъ изъ своихъ громадныхъ воиновъ трехъ самыхъ большихъ и послалъ ихъ въ Римъ требовать выдачи виновныхъ. Большинство сенаторовъ полагало, что требованіе справедливо, что должно исполнить его и очистить республику отъ соучастія въ нарушеніи международнаго права; но народъ, которому было предоставлено рѣшеніе дѣла, отказалъ чужеземцамъ въ справедливости, пожалѣвъ гражданъ. Онъ выбралъ всѣхъ трехъ обвиненныхъ военными трибунами съ консульской властью и объявилъ посламъ галловъ, что, пока римлянинъ занимаетъ этотъ санъ, онъ не подлежитъ никакому суду; а когда годъ пройдетъ, то, если гнѣвъ галловъ еще будетъ продолжаться, пусть они возобновятъ свое требованіе.

Пораженіе у Алліи 18 іюня 390.

Когда Бренну былъ переданъ этотъ отвѣтъ, похожій на насмѣшку, онъ тотчасъ же бросилъ осаду Клузія и пошелъ на Римъ. Несмѣтныя полчища пѣхоты и конницы покрывали поля. Ихъ дикій крикъ наполнялъ воздухъ; трепещущіе поселяне бѣжали въ города; но галлы шли мимо, не дѣлая никому вреда; они кричали стоявшимъ на стѣнахъ стражамъ, что идутъ на Римъ. Они уже перешли Тибръ, дошли до камня одиннадцатой мили отъ Рима, когда встрѣтило ихъ римское войско, при впаденіи маленькой рѣчки Алліи въ Тибръ. Громадные галлы съ мечами въ сильныхъ рукахъ, свирѣпо ринувшіеся въ битву, дотого ужаснули римлянъ, что ряды легіоновъ быстро разстроились. Пораженіе при Алліи было такое полное, что почти все римское войско было истреблено; лишь немногіе успѣли скрыться въ сосѣднемъ лѣсу, или перебраться за Тибръ и уйдти въ Веіи, стоявшіе пустыми. Многіе, бросаясь въ латахъ въ рѣку, бѣгущую въ Тибръ съ Крустумерійскихъ горъ между крутыми берегами, утонули въ ея быстрыхъ водахъ; другіе пали подъ дротиками галловъ. Въ походъ было послано все римское войско; по непонятной безпечности и неспособности военачальниковъ, не изготовившихъ укрѣпленна-

го стана, не оставившихъ резерва для прикрытія отступленія, все оно погибло, кромѣ немногихъ, успѣвшихъ убѣжать разрозненными толпами. Римъ оставался беззащитенъ противъ раздраженныхъ побѣдителей; если бы они тотчасъ же двинулись на него, то погибло бы римское государство; быть можетъ, всякое воспоминаніе о Римѣ исчезло бы безслѣдно. Но, по счастію, галлы, не знавшіе дисциплины, разсѣялись по окрестностямъ и провели два дня въ грабежѣ, пьянствѣ и убійствахъ. Это дало римлянаиъ время увезти изъ города, или спрятать священныя вещи, собрать въ Капитолій нѣсколько съѣстныхъ припасовъ, поставить тамъ гарнизонъ, вывести изъ города женщинъ, дѣтей, стариковъ, увезти наиболѣе цѣнное имущество. Длиннымъ рядомъ перешли бѣжавшіе черезъ мостъ на Яникулъ и разсѣялись по сосѣднимъ городамъ. Но нашлось нѣсколько стариковъ, которыхъ нельзя было уговорить уйдти; они хотѣли умереть искупительными жертвами за отечество. На третій день галлы явились предъ Коллинскими воротами; не встрѣчая сопротивленія, они вошли въ беззащитный городъ. Имъ было страшно, когда они шли по пустымъ улицамъ, на которыхъ царствовало молчаніе смерти. Дома были заперты, медленно и осторожно подвигались враги, пока дошли до форума. Вышедши на него, они увидѣли, что на крутой вышинѣ въ крѣпости стоятъ вооруженные люди, а на дальней сторонѣ форума они увидѣли восемьдесятъ стариковъ, сидящихъ на курульныхъ креслахъ; эти старики имѣли такой величественный видъ, что казались существами высшаго міра. Галлы сначала думали, не боги ли это сошли въ Римъ спасти его, или отмстить за него. Наконецъ одинъ галлъ подошелъ къ старикамъ и дотронулся до сѣдой бороды одного изъ нихъ; старикъ, бывшій консулъ Маній Папирій, гнѣвно ударилъ галла по головѣ своимъ жезломъ изъ слоновой кости. Варвары бросились на стариковъ и убили всѣхъ ихъ. Потомъ они разошлись по пустымъ улицамъ, разграбили и зажгли дома. Весь городъ обратился въ пепелъ, кромѣ каменныхъ храмовъ и нѣсколькихъ домовъ на Палатинскомъ холмѣ, которые оставили военачальники себѣ, чтобы жить въ нихъ. Но скоро галламъ пришлось пожалѣть, что они сожгли городъ. Они хотѣли взять приступомъ Капитолій, но оставшіеся въ немъ воины, числомъ около тысячи человѣкъ, храбро оборонялись, отбили нѣсколько приступовъ; галлы рѣшили принудить ихъ къ сдачѣ голодомъ. Но положеніе осаждающихъ стало тяжело. Осажденные имѣли воду, потому что на Тарпейской скалѣ былъ колодезь; имѣли и нѣкоторый запасъ съѣстныхъ припасовъ, а галлы на пустомъ пепелищѣ Рима скоро стали страдать отъ голода; въ ихъ войскѣ появились болѣзни. Зной лѣта и гибельный сѣвернымъ людямъ осенній воздухъ Рима произвели лихорадку, заразу, и галлы умирали толпами, какъ стада отъ мора. Мѣсто, на которомъ жгли они умершихъ, сохранило за собою названіе галльскаго кладби-

Галлы въ Римѣ. 390—389.

Осада Капитолія.

ща. Отряды галловъ ходили на югъ въ латинскую землю, грабили, опустошали ее, жгли селенія и города. Однажды ночью галлы хотѣли подняться къ Капитолію по крутой скалѣ, по которой наканунѣ ночью взлѣзъ отважный римлянинъ Понцій Коминій, принесшій своимъ соотечественникамъ извѣстіе, что скоро придутъ къ нимъ на помощь воины, собравшіеся въ Веіяхъ. Галламъ удалось взлѣзть на верхъ, но мужественный Маркъ Манлій, пробужденный крикомъ и шумомъ крыльевъ гусей, находившихся при храмѣ Юноны, прибѣжалъ и опрокинулъ внизъ галла, голова котораго была уже надъ террасою скалы; падая, этотъ галлъ опрокинулъ и тѣхъ, которые взлѣзали вслѣдъ за нимъ. Такимъ образомъ попытка галловъ кончилась неудачей. Начальнику стражи, небрежно исполнявшему свою обязанность, связали руки и столкнули его со скалы; а спасителю Капитолія каждый римлянинъ далъ по полуфунту хлѣба и по четверти кружки вина.—Галлы выказали большую твердость; семь мѣсяцевъ они стояли кругомъ Капитолія, надѣясь голодомъ принудить осажденныхъ сдаться. И дѣйствительно, голодъ въ Капитоліѣ дошелъ до того, что осажденные ѣли кожу щитовъ, ѣли подошвы; но хитростью они умѣли внушить галламъ мнѣніе, что имѣютъ съѣстные припасы въ изобиліи, а галлы въ это время получили извѣстіе, что венеты, пользуясь ихъ отсутствіемъ, напали на ихъ землю; потому они согласились уйдти, получивъ за это тысячу фунтовъ золота. Когда при взвѣшиваніи золота римляне жаловались, что галлы употребляютъ фальшивые вѣсы, Бреннъ положилъ на чашку къ гирямъ свой мечъ и перевязь меча и сказалъ: «горе побѣжденнымъ!» (Vae victis!) Римскіе историки прибавляютъ, что Камиллъ, изгнанный изъ Рима, но избранный въ санъ диктатора воинами, сабравшимися въ Веіяхъ, напалъ съ этимъ отрядомъ на удаляющихся враговъ, разбилъ ихъ и отнялъ у нихъ добычу; это должно считать вымысломъ римскаго тщеславія. И во всемъ разсказѣ объ осадѣ Рима очевидны слѣды римскихъ фамильныхъ легендъ, прославлявшихъ Камилла и другихъ патриціевъ. День битвы при Алліи (18 іюля) остался въ римскомъ календарѣ днемъ печали. По римскому преданію, это былъ тотъ же день, въ который погибли 300 Фабіевъ на Кремерѣ. Страшная катастрофа пораженія при Алліи, сожженіе Рима, преданіе о томъ мѣстѣ, гдѣ были зарыты святыни, и о томъ мѣстѣ, съ котораго Манлій опрокинулъ галла, все это переходило отъ поколѣнія къ поколѣнію въ изустныхъ разсказахъ, болѣе и болѣе прикрашиваемыхъ фантазіею. Лѣтописи, государственные документы, религіозные акты, вообще все, что было записаннаго въ Римѣ, погибло почти безъ всякаго остатка при сожженіи города галлами.

Договоръ и отступленіе галловъ.

Галлы нѣсколько разъ повторяли свои нашествія, но приходили уже не въ такомъ огромномъ числѣ. Они дѣлали набѣги на Лаціумъ, на Кампанію, но всегда были отражаемы римлянами, чье мужество закалялось въ этихъ сраженіяхъ. Такъ, напримѣръ, въ томъ году, когда вражда между патриціями и плебеями была прекращена законами Лицинія, они явились въ окрестностяхъ Альбы, но были разбиты Камилломъ, который былъ тогда диктаторомъ въ пятый разъ. Вошедшіе въ то время въ употребленіе у римлянъ желѣзные шлемы охраняли ихъ отъ ударовъ мечомъ сверху (Галлы были выше римлянъ ростомъ, потому наносили имъ удары по головѣ сверху). Черезъ шесть лѣтъ новое полчище галловъ стало станомъ у моста черезъ Аніонъ, всего въ одной милѣ отъ Рима. Съ этимъ нападеніемъ ихъ римское преданіе соединяетъ разсказъ о побѣдѣ Тита Манлія надъ галльскимъ великаномъ, ожерелье котораго доставило побѣдителю названіе Торквата.

Позднѣйшія нападенія галловъ. 367. 361.

Галлы и римляне,—такъ разсказываетъ Ливій (VII, 10)—стояли другъ противъ друга на берегахъ Аніона; мостъ раздѣлялъ ихъ; ни тѣ, ни другіе не ломали его, чтобы не показать страха; галлъ исполинскаго роста вышелъ на мостъ и сталъ вызывать храбрѣйшаго римлянина на поединокъ. Знатный юноша Титъ Манлій выпросилъ у военачальника позволеніе принять вызовъ; не надѣвая латъ, пошелъ биться съ самохвальствовавшимъ великаномъ, подступилъ къ нему такъ близко, что онъ не могъ дѣйствовать своимъ исполинскимъ оружіемъ, и вонзилъ въ него короткій испанскій мечъ; врагъ упалъ на землю мертвый; Манлій снялъ съ него залитое кровью ожерелье и надѣлъ на себя. Римляне, восхваляя побѣдителя, повели его къ диктатору. Въ безъискусственныхъ похвалахъ и шуткахъ воины называли Манлія «Торкватомъ» (Torquatus—человѣкъ въ ожерельи); это названіе вошло въ общее употребленіе и стало почетнымъ прибавленіемъ къ фамиліи Манлія и его потомковъ.

Манлій Торкватъ.

Галлы, не вступая въ битву, пошли въ Кампанію; въ слѣдующемъ году, когда они возвращались оттуда, ихъ разбилъ у Коллинскихъ воротъ диктаторъ Квинтъ Сервилій Агала. Послѣдній важный набѣгъ галловъ былъ въ 350 году. Римское преданіе и при этомъ случаѣ прославляетъ геройскій подвигъ одного изъ патриціевъ. 350.

Римляне, разсказываетъ Ливій, стояли въ своемъ станѣ подъ начальствомъ диктатора Луція Фурія Камилла. Къ стану подошелъ галлъ огромнаго роста въ богатомъ вооруженіи, ударилъ копьемъ о свой щитъ и закричалъ, что вызываетъ кого-нибудь изъ римлянъ биться съ нимъ. Молодой военный трибунъ Маркъ Валерій испросилъ у военачальника позволеніе сразиться съ нимъ и выступилъ къ нему на средину между войсками галловъ и римлянъ. Этотъ поединокъ былъ ознаменованъ покровительствомъ боговъ римлянину: въ ту минуту, какъ Валерій началъ бой, на шлемъ ему сѣлъ воронъ носомъ къ непріятелю. Валерій обрадовался, понявъ, что воронъ посланъ богами и произнесъ молитву: «Если кто изъ боговъ или богинь послалъ мнѣ этого крылатаго вѣстника, то да поможетъ милостиво мнѣ» и—о чудо! — воронъ не только не улетѣлъ, а при каждомъ наступленіи римлянина на галла взмахивалъ крыльями и билъ галла въ лицо клювомъ и когтями, такъ что галлъ, испуганный этой удивительной птицей, растерялся и былъ убитъ Валеріемъ. Воронъ поднялся на воздухъ, полетѣлъ на востокъ и исчезъ изъ глазъ. Оба войска до сихъ поръ стояли неподвижно и смотрѣли. Но когда Валерій сталъ снимать доспѣхи съ убитаго непріятеля, галлы не могли удержаться, бросились на него; бросились и римляне на помощь побѣдителю. Надъ тѣломъ галла началась схватка и, разростаясь, превратилась въ общую битву. Боги помогали римлянамъ, и галлы потерпѣли полное пораженіе. Маркъ Валерій, получившій послѣ этого названіе Корва (во́рона), былъ избранъ консуломъ.—Объ этомъ сраженіи съ галлами слышалъ Аристотель, когда жилъ въ Пеллѣ. Ему говорили, что побѣдителемъ галловъ и спасителемъ Рима былъ Луцій,— т. е. Камиллъ.

Валерій Корвъ. Кризисъ.

---

5. Борьба плебеевъ съ патриціями. Законы Лицинія.

Возстановленіе города Рима.

Когда галлы ушли, римскій народъ находился въ бѣдственномъ положеніи: жилища были сожжены, домашнія вещи и земледѣльческія орудія уничтожены, нивы опустошены, хлѣбъ съѣденъ, или уничтоженъ *). При видѣ покрытой пепломъ пустыни на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ городъ, римляне упали духомъ; въ народномъ собраніи совѣщались о вопросѣ, возобновлять ли Римъ, или переселиться въ Веіи, пустые дома въ которыхъ оставались цѣлы. Переселившись въ Веіи, римляне оторвались бы отъ всего своего прошлаго, утратили бы почву своихъ государственныхъ и религіозныхъ учрежденій. Съ трудомъ удалось сенату отклонить народъ отъ намѣренія, которое уничтожило бы всѣ преданія прошлаго; чтобы не возобновилась эта мысль, сенатъ отдалъ народу на сломъ всѣ зданія Веій, и мѣсто, гдѣ стоялъ этотъ городъ, было подвергнуто проклятію, обрекавшему его на вѣчное запустѣніе. Сенатъ сдѣлалъ и другое облегченіе дѣлу постройки домовъ. Каждому гражданину было позволено ломать камни и рубить лѣсъ, гдѣ онъ хочетъ, подъ условіемъ, что въ теченіи года онъ построитъ себѣ домъ; выборъ мѣста для постройки тоже былъ отданъ на волю каждаго. Потому городъ былъ построенъ безъ порядка, безъ плана; улицы вышли узкія, кривыя, дома получили бѣдный видъ и вообще были малы. Число гражданъ очень уменьшилось отъ множества убитыхъ и умершихъ; сенатъ пополнилъ его, давъ права гражданъ людямъ, которые прежде не имѣли ихъ. Такъ, напримѣръ, получили права гражданъ и часть своихъ прежнихъ земель тѣ жители Веій, Капены и Фалерій, которые во время послѣднихъ войнъ перешли на сторону римлянъ. Изъ нихъ были составлены четыре новыя трибы, такъ что число трибъ стало теперь 25. Въ этихъ мѣрахъ и въ другихъ заботахъ о возстановленіи государственнаго порядка выказалъ особенно много благотворной энергіи возвратившійся въ Римъ Камиллъ. Онъ ободрялъ упавшихъ духомъ гражданъ, защищалъ государство отъ многочисленныхъ враговъ, поднявшихся противъ изнуренныхъ римлянъ. Народъ въ своей благодарности называлъ его вторымъ основателемъ Рима.

*) Римляне долго помнили бѣдственное положеніе своихъ предковъ въ то время, какъ это показываетъ легенда, которой объясняли они старинный праздникъ «бѣгства народа»; она говорила, что, по сожженіи Рима галлами, напали на римлянъ жители сосѣднихъ городовъ и что они совершенно оробѣли; что напавшіе потребовали отъ нихъ въ жены себѣ знатныхъ дѣвушекъ и что позоръ насильственной отдачи дочерей былъ отвращенъ отъ римлянъ только хитростью служанки.

Новыя бѣдствія.

Массѣ римскаго народа пришлось снова испытывать тяжкія притѣсненія отъ патриціевъ. Едва были построены бѣдныя жилища, очищены и освящены храмы, возстановлено богослуженіе, Капитолій огражденъ отъ нападеній крѣпкими стѣнами на массивномъ фундаментѣ, какъ патриціи уже возобновили свои прежнія притязанія на исключительное господство въ государствѣ и стали примѣнять къ неисправнымъ должникамъ всю ту строгость, какая была допускаема законами Двѣнадцати таблицъ. Плебеи были раззорены нашествіемъ галловъ, истощили всѣ свои силы на возобновленіе домовъ, на то, чтобы обзавестись скотомъ, земледѣльческими орудіями, сѣменами для посѣва; и при томъ должны были платить подати для покрытія суммы, данной галламъ, расходовъ на постройку общественныхъ зданій, на жалованіе войску. Ихъ положеніе было чрезвычайно тяжело. Каждый день неисправные должники были, по рѣшенію суда, отводимы съ форума толпами въ долговыя темницы патриційскихъ домовъ; массы ихъ погибали тамъ отъ голода и горя. Этого не могъ равнодушно видѣть благородный Маркъ Манлій, спаситель Капитолія, человѣкъ, о которомъ лѣтописи говорятъ, что онъ не уступалъ никому въ Римѣ знатностью рода и храбростью, превосходилъ всѣхъ красотою лица, даромъ слова, силой характера и пользовался такимъ довѣріемъ народа, какъ никто другой.

Манлій.

При всѣхъ своихъ достоинствахъ и заслугахъ, Манлій былъ устраняемъ отъ почестей патриціями, не любившими этого сочлена своего сословія. Онъ былъ знаменитъ подвигами храбрости; онъ получилъ за нихъ много наградъ, получилъ два вѣнка за то, что первый взошелъ на стѣны осаждаемыхъ городовъ, восемь вѣнковъ за спасеніе жизни согражданъ; онъ имѣлъ 23 раны на груди. Но патриціи не допустили его ни разу быть избраннымъ въ курульный санъ, между тѣмъ какъ безпрестанно была поручаема правительственная власть его врагу, Камиллу, который не раздѣлялъ бѣдствій осады Капитолія и проклиналъ отечество, когда покидалъ его. Несправедливость патриціевъ раздражила Манлія. „Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ могучихъ духомъ людей, которыхъ природа предназначила быть первыми въ отечествѣ, и въ которыхъ она вложила неодолимую страсть исполнить это призваніе, но которымъ вражда пошлыхъ завистниковъ не дозволяетъ занять мѣсто, по праву принадлежащее имъ. Такимъ людямъ врождены чувство справедливости, любовь къ правдѣ, ко всему благородному, сострадательность, честная ненависть къ злу; ихъ возвышенныя качества могутъ обращаться на службу ихъ раздраженію, но никогда не умираютъ въ нихъ".

Онъ помогаетъ плебеямъ.

Этими словами описываетъ Нибуръ человѣка, ставшаго теперь защитникомъ плебеевъ. Однажды вели въ цѣпяхъ въ темницу храбраго центуріона, знаменитаго многими подвигами; Манлій выкупилъ его на свои деньги и возвратилъ семейству. Тотъ разсказалъ собравшимся плебеямъ о своихъ бѣдствіяхъ, въ которыхъ почти всѣ слушатели находили разсказъ о своихъ собственныхъ невзгодахъ, показалъ руб-

цы своихъ ранъ и клялся, что никогда не забудетъ спасителя, освободившаго его отъ мрака и страданій темницы, что его кровь и жизнь принадлежатъ Манлію. Слушатели были растроганы, Манлій проникся энтузіазмомъ, сказалъ, что продастъ свои земли, клялся, что пока у него будетъ полоса земли хоть въ одинъ футъ шириною, онъ не допуститъ, чтобы квириты были отводимы въ работу за долги. Онъ сталъ ораторомъ и покровителемъ плебеевъ. Въ его домѣ на Капитолійскомъ холмѣ начали собираться плебеи. Онъ винилъ патриціевъ въ томъ, что они обагатились выкупомъ, который назначено было дать галламъ *); онъ предлагалъ, чтобы уплата долговъ была облегчена вычетомъ процентовъ, которые уплачены; предлагалъ раздачу общественной земли. Его обвинили въ клеветѣ на правительство, въ возбужденіи плебеевъ къ мятежу и велѣли отвести въ темницу; но между плебеями началось волненіе, многіе изъ нихъ надѣли трауръ и пришли къ темницѣ; сенатъ нашелъ необходимымъ освободить Манлія, но рѣшилъ взвести на него обвиненіе въ заговорѣ противъ государства. Начался судъ. Но его заслуги возбуждали такое сочувствіе, что народное собраніе, площадь котораго была у подошвы спасеннаго имъ Капитолія, объявило его невиннымъ. На судъ явились около 400 гражданъ, засвидѣтельствовавшихъ, что онъ избавилъ ихъ отъ долговой темницы, давъ имъ деньги взаймы безъ процентовъ. Но раздраженные патриціи не отказались отъ мысли отмстить ему. Они созвали новое собраніе центурій въ Петелійской рощѣ, откуда не было видно Капитолія; оно признало Манлія виновнымъ въ умыслѣ сдѣлаться царемъ и осудило его на смерть. Онъ былъ низвергнутъ съ Тарпейской скалы, домъ его былъ разрушенъ. Юридическимъ убійствомъ патриція, измѣнившаго интересамъ своего сословія, патриціи хотѣли запугать людей, желающихъ реформъ. Плебеи плакали о своемъ благодѣтелѣ. Патриціи постановили, что никто изъ частныхъ людей не можетъ жить на Капитолійскомъ холмѣ; а родъ Манліевъ рѣшилъ, что никто въ немъ не будетъ получать имя Марка.

Смерть Манлія 383.

Кризисъ.

Патриціи воспользовались побѣдой въ интересахъ своего сословія. Они снова захватили правительственныя должности и на нѣсколько лѣтъ совершенно вытѣснили плебеевъ изъ сана военныхъ трибуновъ. Они не допустили новаго ценза для того, чтобы не переписать на имя кредиторовъ тѣ земли, которыя были взяты у неисправныхъ должниковъ; такимъ образомъ должники продолжали платить налогъ съ земель, отнятыхъ у нихъ. Патриціи установили новый налогъ, для построенія стѣнъ; онъ увеличилъ долги плебеевъ. „Бѣдствія плебеевъ дошли до крайней степени", говоритъ Нибуръ, „каждый день должники были отдаваемы въ работу

*) Вѣроятно, патриціи взяли золото для отдачи Бренну изъ Капитолійскаго храма и потомъ собрали налогами двойное количество золота, такъ что, возвративъ заемъ храму, удержали у себя еще столько же.

кредиторамъ и отводимы въ ихъ домашнія темницы; плебеи изнемогли подъ бременемъ нищеты и впали въ тупое терпѣніе; число свободныхъ людей замѣтно уменьшалось; тѣ, которые еще оставались свободными, стали по своимъ долгамъ въ зависимость отъ кредиторовъ. Римъ былъ готовъ превратиться въ жалкую олигархію". Эта характеристика совершенно соотвѣтствуетъ описанію бѣдствій того времени у Ливія: „Сила патриціевъ и нищета плебеевъ возростали съ каждымъ днемъ. У должниковъ не оставалось никакого имущества, потому, отдаваемые судомъ въ работу, они платили за долги своею честью и личной свободою. Не только бѣдные плебеи упали духомъ, но и богатые до такой степени утратили всякое довѣріе къ своимъ силамъ и правамъ, что никто изъ нихъ, даже и самый даровитый, самый опытный человѣкъ, не отваживался искать никакой выборной должности, не только выступать соперникомъ патриціевъ въ кандидатурѣ на санъ военнаго трибуна. Патриціи, казалось, навсегда захватили въ монополію магистратуры, соучастіе въ которыхъ они нѣсколько лѣтъ предоставляли плебеямъ". Въ этомъ бѣдственномъ положеніи римскаго государства явились спасителями отечества два гражданина, которые безъ насилія, законнымъ путемъ, совершили реформу, исцѣлившую старыя язвы, соединившую здоровыя силы на общую дѣятельность и направившую ихъ къ высокой патріотической цѣли.

Рогаціи Лицинія.

Въ 377 году отъ основанія Рима, соотвѣтствующемъ по счету лѣтъ до нашей эры тоже 377 году, два мужественные и даровитые народные трибуна—Гай Лициній Столонъ, человѣкъ старинной, богатой и уважаемой плебейской фамиліи, и Луцій Сексцій Латеранъ—предложили собранію трибъ проекты трехъ законовъ (три рогаціи), цѣлью которыхъ было разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, составлявшихъ причины раздора; эти рогаціи были: 1) постановить, что будутъ постоянно выбираемы консулы, одинъ изъ патриціевъ и одинъ изъ плебеевъ; увеличить до десяти число хранителей сивиллиныхъ книгъ и открыть доступъ въ этотъ санъ плебеямъ; 2) постановить, что никакой римскій гражданинъ не можетъ имѣть въ наслѣдственномъ пользованіи больше 500 югеровъ (около 100 десятинъ) пахатной и садовой общественной земли (ager publicus) и не можетъ выгонять на общественныя пастбища больше ста головъ крупнаго и пяти сотъ мелкаго скота; что остальная общественная земля должна, назначенною для того коммиссіей трехъ человѣкъ (назначенными для того тріумвирами), быть роздана участками по семи югеровъ въ собственность плебеямъ; что всѣ, пользующіеся общественною землею, должны отдавать государству, съ нивъ десятую долю хлѣба, отъ садовъ и виноградниковъ пятую долю плодовъ, опредѣленную плату съ каждой головы скота, пасущагося на общественной землѣ, и обязаны имѣть въ числѣ земледѣльческихъ работниковъ опредѣленную пропорцію свободныхъ работниковъ по найму и не больше, какъ опредѣленную пропорцію рабовъ; что подать съ общественной земли должна быть взимаема цензорами и употребляема на жалованье войску; 3) постановить, что изъ суммы долга вычитается

сумма уплаченныхъ процентовъ, а уплата остатка разсрочивается на три года.

Этими рогаціями Лицииій Столонъ и Секстій Латеранъ установляли на старинныхъ основаніяхъ государственнаго устройства, безъ нарушенія обычаевъ, законный порядокъ, которымъ устранялось произвольное владычество патриціевъ, ограждались права плебеевъ, прекращался ежегодно возникавшій до того времени раздоръ. Вторая рогація ихъ отнимала у олигархіи привилегію пользоваться общественнымъ имуществомъ, дѣлала его источникомъ благосостоянія для всѣхъ гражданъ. Третья рогація устраняла бѣдствія настоящей минуты, уничтожала результаты суровости кредиторовъ. Отмѣна привилегій, соціальная реформа, равенство гражданъ— это были три великія идеи, осуществленіе которыхъ составляло цѣль рогацій Лицинія.

Упорная борьба. 377—367. Десять лѣтъ патриціи всѣми силами, всѣми способами боролись противъ этихъ предложеній. Иногда они успѣвали склонить на свою сторону нѣкоторыхъ народныхъ трибуновъ, и эти трибуны своимъ запрещеніемъ останавливали въ комиціяхъ подачу голосовъ о рогаціяхъ Лицинія; когда всѣ трибуны поддерживали Лицинія, патриціи употребляли другія средства. Они назначили упорнаго защитника привилегій, старика Камилла, диктаторомъ, чтобы онъ увелъ гражданъ въ походъ, отвлекъ ихъ отъ внутреннихъ дѣлъ; когда всѣ средства сопротивленія были истощены, а плебеи продолжали избирать народными трибунами Лицинія и Секстія, патриціи пытались ослабить реформу, предлагая согласиться на рогаціи относительно общественной земли и долговъ, если плебеи откажутся отъ требованія доступа въ санъ консуловъ; но всѣ усилія сената и патриціевъ разбились о твердость и политическую проницательность Лицинія и Секстія, не соглашавшихся отказаться ни отъ одной изъ трехъ рогацій и внушавшихъ народу,который охотно удовольствовался бы полученіемъ земли и облегченіемъ долговъ,что необходимо держаться всѣхъ трехъ рогацій въ совокупности. Непоколебимые реформаторы употребляли противъ оппозиціи сената и патриціевъ всѣ законныя средства борьбы: предавали нарушавшихъ законъ противниковъ суду трибъ, воспрещали выборы сановниковъ, воспрещали наборъ войска. Наконецъ сенатъ покорился необходимости, и старикъ герой Камиллъ посовѣтовалъ своимъ товарищамъ патриціямъ прекратить раздоръ, дать государству единодушіе; непреклонные защитники привилегій патриціевъ все еще задерживали принятіе рогацій Лицинія, отказывая имъ въ утвержденіи «властью отцовъ» (стран. 76). Но и это послѣднее сопротивленіе было устранено грознымъ ропотомъ плебеевъ, собравшихся на Авентинскомъ холмѣ, центрѣ ихъ сословной силы. Товарищъ Лицинія Столона въ борьбѣ за реформу, Луцій Секстій, былъ первымъ консуломъ плебейской фамиліи; съ его выборомъ, рушилось привилегированное положеніе патриціевъ. Тѣ изъ нихъ, которые были разсудительны, при-

Принятіе законовъ Лицинія.

мирились съ необходимостью и старались приспособиться къ новому порядку дѣлъ. Упрямые защитники старыхъ привилегій дѣлали нѣсколько разъ попытку выбрать обоихъ консуловъ изъ патриціевъ наперекоръ закону; но это не удавалось. Чтобы сохранить хотя часть своей прежней монополіи веденія государственныхъ дѣлъ, патриціи успѣли установить новый санъ, претуру, отдѣливъ для нея очень важную долю прежней консульской власти. Новый сановникъ, преторъ, получилъ въ свое завѣдываніе судопроизводство; власть назначать судей была передана ему. Санъ претора былъ сдѣланъ привилегіею патриціевъ, и рѣшено было, что цензорами будутъ назначаться только патриціи; это служило для нихъ нѣкоторымъ вознагражденіемъ за утрату привилегіи на санъ консуловъ. Съ такою же цѣлью было установлено выбирать кромѣ двухъ плебейскихъ эдилей двухъ новыхъ сановниковъ, курульныхъ эдилей, которыми будутъ исключительно патриціи. Но всѣ эти попытки удержать часть прежней монополіи выдѣленіемъ нѣкоторыхъ отраслей правительственной власти для новыхъ патриційскихъ сановниковъ оказались напрасными: въ слѣдующія десятилѣтія новыя магистратуры, установленныя исключительно для патриціевъ, были одна за другою сдѣланы доступными для плебеевъ. Относительно курульныхъ эдилей это было рѣшено не больше какъ черезъ три года, по учрежденіи ихъ сана; былъ принятъ законъ (въ 390 году по основаніи Рима), что курульными эдилями будутъ назначаться поочередно въ одинъ годъ два патриція, а въ другой годъ два плебея; такое правило было принято лишь относительно этого сана. Потомъ плебеи получили доступъ къ диктатурѣ (398 по основаніи Рима) и къ цензурѣ (403 по основаніи Рима), первый изъ плебеевъ сталъ и диктаторомъ и цензоромъ Гай Марцій Рутилъ. Свою привилегію на санъ претора патриціи защищали съ особеннымъ упорствомъ, потому что этотъ сановникъ имѣлъ важное вліяніе на рѣшеніе тяжебныхъ дѣлъ; наконецъ они принуждены были отказаться и отъ этой монополіи. Въ 417 году по основаніи Рима былъ выбранъ преторомъ плебей Квинтъ Публилій Филонъ. Законы, принятые по его предложенію, уже давали плебеямъ больше, нежели требовала полная равноправность ихъ съ патриціями: было установлено, что однимъ изъ консуловъ и однимъ изъ цензоровъ долженъ быть назначаемъ плебей, а другой можетъ избираться безразлично изъ того или другого сословія. Но и въ этомъ случаѣ плебеи выказали благоразумную умѣренность и не отступали отъ нея до той поры, пока заглохли всѣ отголоски старой сословной вражды. Только уже черезъ 165 лѣтъ по принятіи закона Публилія списки (фасты) консуловъ носятъ отмѣтку: «оба въ первый разъ изъ плебса» (ambo primi de plebe); это было въ 582 году по основаніи Рима. Относительно цензуры первый такой случай былъ еще позже, въ 623 году по основаніи Рима. Только жреческія долж-

Санъ претора.

Постепенное уравненіе правъ сословій.

364 до Р. Х.

356 до Р. Х.

351 до Р. Х.

337 до Р. Х.

172 до Р. Х.

131 до Р. Х.

ности оставались нѣкоторое время привилегіею патриціевъ; тѣ изъ нихъ, которыя не имѣли политическаго значенія, и не сдѣлались предметомъ желанія плебеевъ, такъ, напримѣръ, три высшія фламина, царь священнослуженія, жрецы Саліи всегда были назначаемы исключительно изъ патриціевъ; но плебеи не оставили монополіею патриціевъ тѣ священныя должности, съ которыми было соединено большое вліяніе на политическія дѣла; таковы были должность понтифексовъ, завѣдывавшихъ администраціей и судомъ по религіознымъ
300 до Р. Х. дѣламъ, и должность авгуровъ, производившихъ ауспиціи. По закону Огульнія въ 454 году отъ основанія Рима число понтифексовъ было увеличено съ 4 до 8, число авгуровъ съ 4 до 9, и доступъ въ эти должности былъ открытъ плебеямъ. Такимъ образомъ плебеи сравнялись въ правахъ съ патриціями; правда, и послѣ того случались сословные споры, но это были совершенно напрасные отголоски старины, безъ всякой надобности тревожившіе жизнь римскаго народа. Правда, высокомѣрный родъ Клавдіевъ дѣлалъ иногда попытки оттѣснить плебеевъ отъ консульства, но эти усилія оставались напрасными хлопотами. Борьба сословій и примиреніе между ними были главною причиною развитія могущества Рима. Въ этой борьбѣ выработался римскій характеръ, а законы Лицинія превратили прежній родовой бытъ Рима въ живое государственное устройство, доставили прогрессу торжество надъ неподвижностью, и начался вѣкъ гражданскихъ доблестей, которыми старались превзойдти другъ друга плебеи и патриціи. Легенда о самопожертвованіи Марка Курція служитъ олицетвореніемъ патріотической преданности, какою была закрыта бездна раздора, раздѣлявшаго сословія. Сказаніе о Курціѣ говоритъ, что на форумѣ образовалась пропасть, которая могла замкнуться лишь, когда въ нее будетъ брошено драгоцѣннѣйшее достояніе Рима,
По легендѣ въ 362 до Р. Х. и Маркъ Курцій въ полномъ вооруженіи на конѣ бросился въ нее, потому что драгоцѣннѣе всего въ Римѣ готовность гражданъ мужественно жертвовать собою за отечество.

Эдилы. Курульные эдили, подобно плебейскимъ эдилямъ (стран. 85), завѣдывали полицейскимъ порядкомъ, но власть ихъ была обширнѣе. Они имѣли надзоръ за порядкомъ въ городѣ, за храмами, другими общественными зданіями, за рынкомъ, за правильностью торговли; налагали наказанія за проступки противъ благоустройства; кромѣ того имъ былъ порученъ надзоръ за нравственностью и благопристойностью, за должнымъ исполненіемъ религіозныхъ и нравственныхъ обычаевъ; они были обвинителями по дѣламъ о банкротствѣ. Впослѣдствіи имъ поручено было устройство игръ на великомъ городскомъ праздникѣ Рима; это давало имъ случай пріобрѣтать себѣ расположеніе народа большими личными пожертвованіями на великолѣпіе игръ и облегчать себѣ этимъ полученіе претуры и консульства. Преторъ первоначально былъ одинъ; онъ завѣдывалъ судопроизводствомъ въ Римѣ. Въ первую пуническую войну было постановлено избирать двухъ преторовъ; второму претору было поручено судопроизводство по дѣламъ иностранцевъ. Съ увеличеніемъ государства было увеличиваемо и число преторовъ: ихъ стали назначать 4, потомъ 6, послѣ того 12 и 16. Эдикты городскаго претора сдѣлались важнѣйшимъ элементомъ въ развитіи римскаго гражданскаго права.

Уменьшеніе власти сановниковъ. Власть сановниковъ уменьшилась съ принятіемъ законовъ Лицинія: когда всѣ граждане получили доступъ къ сану консуловъ, консулы конечно утратили значительную часть того величія, какое прежде имѣли во мнѣніи массы; притомъ власть, сосредоточивавшаяся прежде въ рукахъ консуловъ, раздробилась между разными сановниками; было постановлено, что одинъ человѣкъ не можетъ одновременно занимать два сана; и было принято за правило, что человѣкъ, занимавшій какой-нибудь санъ, не можетъ получить его вновь ранѣе какъ черезъ десять лѣтъ; въ случаяхъ надобности правда дѣлались отступленія отъ этого правила, и такіе случаи представлялись часто; но вообще было оно соблюдаемо. Та власть, которая была утрачена сановниками, перешла къ сенату. Его могу-
Власть Сената. щество очень много увеличилось, по принятіи законовъ Лицинія. Списки сенаторовъ, составляемые цензорами, заключали въ себѣ всѣхъ тѣхъ гражданъ, которыхъ общественное мнѣніе признавало достойными этой чести, всѣхъ тѣхъ, которые были избраны въ курульныя магистратуры, или отличились важными заслугами. Комиціи курій постепенно утрачивали значеніе и, когда онѣ обратились въ пустую формальность, выс-
339. шая правительственная власть сосредоточилась въ сенатѣ. Римскимъ государствомъ правилъ, собственно говоря, сенатъ. Правда, всѣ важные вопросы рѣшались комиціями центурій: эти комиціи объявляли войну, заключали миръ и всякіе другіе трактаты; но фактически эти рѣшенія были въ рукахъ сената, потому что предложенія, вносимыя въ комиціи центурій, проходили напередъ черезъ сенатъ и нуждались въ предварительномъ одобреніи его; притомъ ему принадлежало право оставлять за консулами и преторами управленіе порученными имъ внѣ города дѣлами по истеченіи года ихъ службы: сенатъ назначалъ ихъ проконсулами и пропреторами. Аристократія усердно поддерживала сенатъ и вообще доставляла его мнѣніямъ большинство голосовъ въ комиціяхъ центурій. Когда народные трибуны получили право присутствовать въ сенатѣ наравнѣ съ курульными сановниками, то интересъ ихъ также сталъ требовать, чтобы они поддерживали авторитетъ сената. Онъ пользовался своею властью вообще съ такимъ благоразуміемъ, что оправдывалъ довѣріе народа къ нему и выказывалъ себя достойнымъ своего высокаго положенія въ государствѣ. „Сенаторы", говоритъ Моммсенъ, „получали свой санъ не по праву рожденія, а въ сущности по свободному выбору народа; каждыя пять лѣтъ ихъ права сохранить этотъ санъ были подвергаемы строгому нравственному суду цензоровъ, вообще людей высокаго нравственнаго достоинства; санъ сенатора былъ пожизненный, не зависѣлъ отъ колеблющихся мнѣній массы; они составляли единодушную плотную корпорацію; со времени полученія политической равноправности плебеями, въ составъ этой корпораціи входили всѣ люди замѣчательныхъ политическихъ талантовъ и практической опытности; сенатъ съ неограниченной властью управлялъ финансами и внѣшними дѣлами; сановники были совершенно подчинены ему, потому что ихъ власть была кратковременная; притомъ, по устраненіи сословной вражды, интерцессія народныхъ трибуновъ, которая могла остановить всякое распоряженіе сановника, дѣйствовала въ интересахъ сената; такимъ образомъ римскій сенатъ былъ собраніемъ благороднѣйшихъ представителей націи; по своей послѣдовательности, политической мудрости, по своему единодушію и патріотизму, по своему могуществу и своей мужественной твердости онъ былъ такою политическою корпораціей, какой другой нѣтъ во всей исторіи человѣчества; онъ былъ истиннымъ „собраніемъ царей", умѣвшимъ соединять съ республиканской преданностью родинѣ деспотическую энергію. Никогда никакое государство не имѣло правительства, которое вело бы дѣла иностранной

политики съ такою твердостью, съ такимъ достоинствомъ, какъ римскій сенатъ въ хорошія времена Рима. Посредствомъ сената римскій народъ разрѣшилъ величайшую изъ всѣхъ общественныхъ задачъ — установилъ у себя мудрое и счастливое самоуправленіе". Въ сенатѣ выработалась политическая мудрость, передававшаяся по наслѣдству отъ одного поколѣнія членовъ его другому, подчинявшая личность цѣлому, отрекавшаяся отъ всякой тенденціи къ личнымъ прихотямъ, ставившая цѣлью всѣхъ дѣйствій величіе римскаго государства; съ основными правилами этой разсудительной политики свыкались сыновья сенаторовъ съ дѣтства: отцы брали ихъ съ собою въ залъ собраній сената, и они слушали тамъ рѣчи людей, занять мѣста которыхъ были предназначены.

Недостатки законовъ Лицинія.

Дѣла о долговыхъ законахъ и общественной землѣ были разрѣшены законами Лицинія менѣе удовлетворительно, чѣмъ вопросъ о политической равноправности. Самъ Лициній Столонъ былъ осужденъ за нарушеніе своего закона о размѣрѣ пользованія общественною землею; это можетъ служить доказательствомъ, что, и по принятіи его законовъ, алчность богатыхъ продолжала несправедливо захватывать общественную землю. Притомъ размѣръ пользованія, допущенный закономъ, былъ очень великъ, и не было учреждено постоянной коммиссіи для раздѣла тѣхъ земель, какія будутъ пріобрѣтаемы государствомъ впослѣдствіи времени; потому аграрный законъ Лицинія принесъ лишь временное облегченіе бѣдствіямъ плебеевъ; и зажиточные плебеи воспользовались имъ больше, чѣмъ бѣдные; прочнаго улучшенія быта онъ не доставилъ массѣ гражданъ. Въ 342 году, во время первой самнитской воны, произошло возстаніе легіоновъ, о характерѣ котораго мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній, но которое, кажется, повело къ принятію правила, что земли, вновь пріобрѣтаемыя государствомъ, должны были предоставляться для поселенія римскимъ гражданамъ безъ различія сословій.—Законъ о долгахъ тоже не доставилъ прочнаго облегченія бѣднѣвшей части плебеевъ. Деньги давались взаймы обыкновенно только на одинъ годъ, потому сумма уплаченныхъ процентовъ, вычитаемая изъ суммы долга по закону Лицинія, не могла быть велика; она едва ли могла превышать проценты за два года; а постановленіе, что весь остатокъ долга имѣетъ быть уплаченъ въ три года, вынуждало должниковъ дѣлать новые займы. Но положеніе должниковъ постепенно облегчалось тѣмъ, что величина процентовъ постоянно уменьшалась; притомъ было запрещено считать проценты на проценты; новымъ облегченіемъ былъ законъ Петелія, установленный въ 314 году: онъ воспретилъ отдачу въ работу за долги, и освободилъ всѣхъ тѣхъ должниковъ, уже отданныхъ въ работу, которые могли дать присягу, что имѣютъ средства уплатить долги; залогъ личности былъ уничтоженъ, признавался только залогъ имущества.

Хорошія последствія законовъ Лицинія.

Но, не смотря на свою неудовлетворительность, законы Лицинія безспорно положили основаніе величію римскаго государства. Вліяніемъ этихъ законовъ была увеличена сила сената; народные трибуны, занимавшіе, какъ мы знаемъ, важное положеніе въ государственномъ устройствѣ (стр. 83 и слѣд.) стали теперь, по уравненіи правъ плебеевъ съ патриціями, находить главное свое призваніе въ томъ, чтобы поддерживать сенатъ и охранять законы отъ произвола магистратовъ. Вліяніе средняго сословія стало замѣтнымъ образомъ возростать, и въ слѣдующія десятилѣтія всѣ патріоты ставили главною своею задачею производить въ законахъ объ устройствѣ комицій такія реформы, которыя дали бы среднему сословію преобладаніе надъ новой аристократіей, сформировавшейся изъ знатныхъ патриціевъ и знатныхъ плебеевъ, дали-бъ ему перевѣсъ и надъ массою бѣдныхъ, лишенныхъ политической самостоятельности гражданъ, число которыхъ постоянно возростало.

IV. Основаніе владычества Рима надъ Италіей.

(Съ 366 приблизительно до 270 г. до Р. Х.).

1. Покореніе южной Этруріи, Лаціума и Кампаніи. Первая самнитская война.

Побѣды римлянъ.

Старикъ Маркъ Фурій Камиллъ незадолго передъ смертью построилъ на равнинѣ у подошвы Капитолія храмъ богини согласія между гражданами, Конкордіи, памятникъ примиренія сословныхъ раздоровъ. Результаты согласія между сословіями скоро выказались побѣдами надъ вторгавшимися въ римскія владѣнія галлами (стр. 113.); вскорѣ послѣ того была совершенно покорена южная Этрурія. 1. Взятіе Рима галлами и потомъ раздоръ сословій внушили сосѣднимъ этрусскимъ городамъ, Тарквиніямъ, Цере и Фалеріямъ, надежду избавиться отъ угрожавшаго имъ подчиненія Риму. Счастіе сначала благопріятствовало имъ, они отразили пошедшее на нихъ римское войско; жители Тарквиній, богатаго и сильнаго города, увлеченные своей ненавистью къ римлянамъ, принесли въ жертву богамъ всѣхъ плѣнныхъ, 307 человѣкъ. Но за побѣдой скоро послѣдовало пораженіе. Первый плебейскій диктаторъ Гай Марцій Рутилъ (стр. 123) разбилъ этрусковъ, дошедшихъ до Тибра; взялъ ихъ станъ и привелъ въ Римъ 8000 плѣнныхъ; римляне предали смерти 358 человѣкъ, бывшихъ гражданами Тарквиній, въ отмщеніе за своихъ плѣнныхъ. Побѣжденные этруски просили мира; онъ былъ данъ имъ, но на тяжелыхъ условіяхъ.

364.

1. Побѣды надъ этрусками.

358.

Положеніе церитовъ.

Цериты должны были уступить половину своей земли, отказаться отъ союза съ другими этрусками и стать въ зависимость отъ Рима. Они получили, подобно жителямъ Фалерій, право римскаго гражданства, но безъ права голоса въ народномъ собраніи (civitas sine suffragio); они были лишены самоуправленія: судъ и взиманіе налоговъ производили у нихъ не собственные ихъ сановники, а римскіе правители; городомъ управлялъ уполномоченный римскаго претора, префектъ; у нихъ была отнята и вся-

кая самостоятельность во внѣшнихъ дѣлахъ; рѣшенія римлянъ относительно войны и мира были обязательны для нихъ; военная повинность и военная подать лежали на нихъ въ такомъ же размѣрѣ, какъ и на римлянахъ. Эти правила, которымъ были подчинены цериты, были потомъ примѣняемы къ другимъ городамъ съ разными видоизмѣненіями, такъ что отношенія, въ которыя поставлены были цериты, послужили основаніемъ для разныхъ формъ, какія послѣ приняло римское преобладаніе надъ латинами и другими италійскими племенами. На церитовъ были возложены всѣ обязанности римскихъ гражданъ, даны имъ были и нѣкоторыя, но не всѣ права гражданъ; они были первыми изъ „эраріевъ“ aerarii,— людей, пользовавшихся нѣкоторыми гражданскими правами, но не имѣвшихъ собственно политическихъ правъ; съ расширеніемъ римскихъ владѣній и съ увеличеніемъ числа иноземцевъ, поселявшихся въ Римѣ, количество людей, занимавшихъ это положеніе, постепенно возростало.

Удачная война съ этрусками возстановила на сѣверѣ прежнюю границу римскаго государства, которую охраняли укрѣпленныя военныя колоніи Сутрій и Непете (стр. 111); съ Тарквиніями и другими менѣе близкими къ Риму этрусскими городами были заключены договоры, надолго давшіе Риму спокойствіе со стороны Этруріи.

2. Побѣда надъ южными сосѣдями.

2. Не менѣе успѣшны были войны съ южными сосѣдами, побѣды надъ которыми доставили новую славу Камиллу. Латины и герники, по взятіи Рима галлами, отложились отъ союза съ нимъ; но римляне взяли Пренестъ и Тибуръ; отпавшіе союзники были принуждены возобновить союзъ на условіяхъ менѣе прежняго выгодныхъ; отношенія римлянъ къ латинскимъ городамъ были окончательно опредѣлены. Грубымъ отголоскомъ прежняго раздора между сословіями было то, что патриціи отказали въ тріумфѣ плебейскому диктатору и не скрывали своей радости, когда плебейскій консулъ Генуцій былъ убитъ въ сраженіи съ герниками.—Въ земляхъ вольсковъ и эквовъ были римскія военныя колоніи, сдѣлавшія для этихъ народовъ невозможнымъ дѣйствовать противъ римлянъ общими силами.

385, 383. Раньше того были основаны въ Помптинской области крѣпости Сатрикъ и Сеція, а земля роздана участками римскимъ гражданамъ; такимъ образомъ владычество Рима въ этой мѣстности было упрочено.

Новое устройство войска.

Въ этихъ войнахъ выказалось достоинство военныхъ реформъ, произведенныхъ старикомъ Камилломъ: онъ улучшилъ и вооруженіе римскаго войска и боевую организацію его. Прежде римляне ходили въ сраженіе сплошной массой; Камиллъ раздѣлилъ прежнія большія тактическія единицы на болѣе мелкія части, манипулы; онъ ввелъ раздѣленіе пѣхоты на три класса, образовавшіе три линіи боеваго порядка; первыя двѣ линіи составляли гастаты и принципы; они формировались обыкновенно въ четыре шеренги; у нихъ были дротики (pilum); древко дротика имѣло четыре съ половиною фута длины; желѣзный конецъ дротика былъ трехгранный, или четырехгранный. Третью линію составляли тріаріи, вооруженные большимъ копьемъ и мечемъ; они образовали главную силу войска. За тріаріями стояли двумя линіями легковооруженные воины и пращники.

Войско сохранило характеръ націи, идущей на войну. Но прежде воины распредѣлялись на классы по размѣру имущества (стр. 56), теперь это было замѣнено распредѣленіемъ по годамъ службы.

Капуя и кампанцы.

Сильные единодушіемъ, воинственнымъ соревнованіемъ между сословіями, увѣренные въ достоинствахъ новой организаціи войска, ободренные побѣдами, римляне отважились теперь на борьбу съ энергическими жителями горъ, самнитами, за владычество надъ Средней Италіей. Мы уже говорили (стран. 113), что, за нѣсколько времени до взятія Рима галлами, войско, составившееся изъ самнитскихъ волонтеровъ, овладѣло плодородною равниною Кампаніи, греческимъ городомъ Кумами и этрусской колоніей Капуею съ зависѣвшими отъ этихъ городовъ селеніями и мелкими городами (424—420). Въ богатой и роскошной Капуѣ самниты скоро привыкли къ изнѣженному образу жизни, усвоили себѣ иноземные обычаи, стали чужды своимъ горнымъ соплеменникамъ; въ горахъ самниты сохраняли простоту нравовъ и суровую воинственность предковъ; а переселенцы приняли греческіе обычаи и съ необузданной энергіей грубыхъ дикарей предались наслажденіямъ утонченнаго культурнаго быта. Увлекшись пороками, которыми издавна были извѣстны кампанцы, они утратили прежнюю воинственность. Самнитская аристократія въ Капуѣ продолжала любить военныя упражненія и отличалась блестящей храбростью; но подъ вліяніемъ греческой цивилизаціи она отдѣлилась своимъ образомъ жизни отъ массы простолюдиновъ. Подобно италійскимъ грекамъ, кампанскіе самниты, полюбившіе греческій образъ жизни, стали робѣть передъ суровыми горцами; а горныя самнитскія племена не упускали удобныхъ случаевъ пользоваться своимъ военнымъ перевѣсомъ надъ изнѣжившимися соплеменниками.

По разсказамъ историковъ, Капуя была большой многолюдный городъ, очень роскошный; на главной улицѣ ея были сплошь лавки; благовонія въ ней были дешевы; необузданная масса простолюдиновъ презирала слабое правительство, любила грубые гладіаторскіе бои, скандальныя комедіи, называвшіяся ателланскими; но любили капуанцы и греческое искусство и поэзію; толпы буйныхъ капуанскихъ наемниковъ шли на службу въ чужія государства; но въ самой Капуѣ не было хорошаго войска. Такой богатый и вмѣстѣ слабый городъ и его плодородная область были привлекательной добычей для грубыхъ воинственныхъ горцевъ.

343. Побѣды римлянъ въ Кампаніи. 342—341.

Въ 343 году самниты возобновили свои опустошительные набѣги на Кампанію. Спустившись съ горъ, они стали грабить сидициновъ, жившихъ около Теана, потомъ пошли съ Тифаты грабить Кампанскую равнину, жгли богатые сельскіе дома. Кампанцы, неспособные защитить себя, обратились съ просьбою о помощи къ римлянамъ. Римляне, какъ говоритъ преданіе, отказали имъ въ помощи, потому что не за долго передъ тѣмъ заключили миръ съ самнитами; но кампанцы сказали, что они отдаются подъ власть Рима; тогда римляне

потребовали отъ самнитовъ прекращенія войны съ народомъ, находящимся подъ покровительствомъ Рима. Самниты гордо отвергли это требованіе и послали въ Кампанію войско сильнѣе прежняго. Оба римскіе консула пошли на нихъ. Маркъ Валерій Корвъ съ однимъ войскомъ сталъ неподалеку отъ Кумъ у горы Гавра, которая теперь дика и пустынна, а тогда была покрыта виноградниками. Его пози-
342. ція была опасна, и онъ могъ спастись только одержавъ побѣду. Самниты напали на него; битва была ожесточенная, римляне и самниты сражались очень храбро: и тѣ и другіе рѣшились отдать побѣду врагу только вмѣстѣ съ жизнью. Наконецъ побѣдили римляне. Самниты отступили въ Суэссулу; они говорили, что глаза у римлянъ горѣли и щеки пылали лихорадочнымъ жаромъ. Другое римское войско, по неосмотрительности консула Авла Корнелія Косса, попало въ очень трудное положеніе, зашедши въ тѣснину между Сатикулой и Беневентомъ, но было спасено отъ погибели мужествомъ военнаго трибуна Публія Деція Муса, который съ отрядомъ отборныхъ воиновъ занялъ высоту, господствовавшую надъ всей тѣсниной и отразилъ нападенія самнитовъ. Сенатъ и войско наградили Деція и его храбрыхъ сподвижниковъ подарками и почестями. Потомъ оба римскія войска соединились, и Валерій Корвъ напалъ на самнитовъ, стоявшихъ у Суэссулы при входѣ въ Кавдійское ущелье. Послѣ прежней его побѣды, отступившіе въ Суэссулу самниты получили многочисленныя подкрѣпленія, но онъ напалъ на нихъ въ ихъ станѣ и нанесъ имъ страшное пораженіе; по словамъ римскихъ лѣтописцевъ, побѣдители взяли на полѣ битвы 40,000 щитовъ и захватили 170 знаменъ. Римскіе историки, прославляя войны съ самнитами и латинами, разсказываютъ много вымысловъ; но дѣйствительно этими войнами было положено основаніе владычеству римлянъ надъ Сред-
340. ней и Южной Италіей. Вскорѣ прежніе союзники римлянъ—латины, приняли положеніе, угрожавшее имъ войною; потому они заключили съ самнитами миръ, не требуя большихъ уступокъ, и вступили въ союзъ съ ними. Самниты заплатили годичное жалованье римскому войску и дали ему провіантъ на три мѣсяца; за это римляне обязались не мѣшать имъ покорить сидициновъ.

Маркъ Валерій Корвъ. «Маркъ Валерій Корвъ былъ лучшій полководецъ своего времени», говоритъ Нибуръ, «и воины были столько же расположены къ нему за его любезный характеръ, сколько довѣряли его таланту. Въ тѣхъ играхъ, которыми развлекались римскіе воины на досугѣ,—въ бѣгѣ, прыганьи, подниманіи тяжелыхъ жердей вертикально, онъ участвовалъ наравнѣ съ ними и выказывалъ себя мастеромъ; онъ любилъ шутить съ ними и не обижался ихъ шутками. Онъ былъ надеждою народа и въ войнѣ, и въ мирѣ; онъ своимъ посредничествомъ окончательно примирилъ патриціевъ и плебеевъ. Жизнь его была безпримѣрна по продолжительности и неизмѣнности счастія. На 29 году онъ побѣдилъ самнитовъ, а въ первый разъ консуломъ былъ выбранъ на 23 году; черезъ 46 лѣтъ онъ былъ выбранъ консуломъ въ шестой разъ, и выбранъ не потому только, что народъ любилъ его, а потому, что республика призывала стараго героя помочь ей въ очень

тяжеломъ положеніи дѣлъ. Пріятно для человѣка съ великой душой, когда его таланты бываютъ оцѣнены въ ранней молодости; но еще рѣже бываетъ, что такой человѣкъ постоянно сохраняетъ расположеніе народа цѣлую половину столѣтія и притомъ, какъ Валерій, сохраняетъ въ такую эпоху, которая гораздо богаче времени его молодости великими людьми. Онъ двадцать одинъ разъ былъ избираемъ въ курульные сановники и дожилъ до девяноста девяти лѣтъ. Онъ видѣлъ побѣду надъ Пирромъ, видѣлъ довершеніе начатаго имъ покоренія Италіи; правда, подъ конецъ жизни онъ уже не видѣлъ стольких великихъ людей въ Римѣ, какъ прежде, и не видѣлъ такой свѣжести силъ народа».

Условія союза латиновъ съ Римомъ давали ему слишкомъ много преимуществъ надъ ними (стран. 58, 73 сл.), потому латины были недовольны. Они не хотѣли, чтобы Римъ былъ главою союза, хотѣли полной равноправности съ нимъ, слиянія Рима и латинскихъ городовъ въ одно государство; они требовали, чтобъ одинъ консулъ былъ избираемъ изъ римлянъ, а другой изъ латиновъ, чтобы сенатъ состоялъ изъ равнаго числа римскихъ и латинскихъ членовъ и чтобы латинамъ вообще былъ данъ доступъ во всѣ правительственныя должности; чтобы всѣ латины были включены въ составъ римскихъ трибъ, и чтобы добыча и тѣ земли, какія будутъ завоеваны, дѣлились поровну между римлянами и латинами. Римляне съ негодованіемъ отвергли эти требованія, отнимавшія у нихъ преобладаніе надъ латинами, и возникла ожесточенная война. Риму остались вѣрны только его колоніи и городъ Лаврентъ; всѣ другіе латинскіе города были единодушны въ войнѣ противъ него; не измѣнилъ латинамъ даже Тускулъ, граждане котораго пользовались правами гражданства въ Римѣ. Кампанцы, которымъ римское владычество показалось тяжелымъ, приняли сторону латиновъ, хотя аристократы совѣтовали народу не дѣлать этого. Но самниты и другія сабелльскія племена остались въ дружбѣ съ римлянами, пропускали войска ихъ черезъ свои земли. Война была очень опасна для римлянъ, потому что латины, столько разъ бывшіе товарищами ихъ въ походахъ, хорошо знали ихъ тактику. Родственникамъ и друзьямъ приходилось теперь сражаться между собою, и война походила на междоусобіе. Потому, когда войска сошлись у Везувія, патриційскій консулъ Титъ Манлій Торкватъ считалъ необходимостью величайшую осторожность и подъ страхомъ смертной казни запретилъ отдѣльнымъ отрядамъ или воинамъ вступать въ бой; его храбрый сынъ при одномъ изъ движеній за станомъ нарушилъ это приказаніе: раздраженный насмѣшками тускульскаго военачальника, напалъ на непріятеля и побѣдилъ его. Суровый отецъ безжалостно велѣлъ ликтору исполнить смертный приговоръ надъ храбрымъ юношей. Воины почтили память его торжественными похоронами и съ пѣснями печали сожгли трофеи побѣды вмѣстѣ съ его тѣломъ. Вскорѣ послѣ того войска вступили въ битву. Побѣда долго колебалась. Плебейскій консулъ Публій Децій Мусъ, начальствовавшій лѣвымъ крыломъ, велѣлъ жрецу

Война съ латинами. 340—337.

Битва у Везувія 340.

совершить надъ нимъ обрядъ посвященія его въ искупительную жертву подземнымъ богамъ и, сѣвъ на коня, бросился въ густые ряды враговъ, смущенныхъ этимъ обрядомъ. Когда онъ палъ пронзенный стрѣлами и копьями, его войско прониклось увѣренностью въ побѣдѣ; латины не выдержали натиска римлянъ и послѣ долгаго упорнаго боя обратились въ бѣгство. Пораженіе было полное. По римскимъ извѣстіямъ спаслась едва четвертая часть латинскаго войска. На другой день тѣло Деція было найдено подъ грудой непріятельскихъ тѣлъ и почтено блистательными похоронами. Латины скоро собрали новое войско, но и оно было побѣждено страшной энергіей Манлія въ рѣшительной битвѣ у Трифана между Синуэссою и
339; 338. Минтурнами. Въ слѣдующіе два года римляне взяли нѣкоторые изъ латинскихъ городовъ, другіе заключили миръ съ ними; латинскій союзъ былъ подавленъ. Заключая договоры съ латинскими городами, римляне обезпечивали совершенное преобладаніе себѣ надъ ними и вносили въ договоры такія условія, которыми интересы латинскихъ городовъ разъединялись.

Латинскіе союзники.

Чтобы разъединить латинскіе города и тѣмъ ослабить ихъ, римляне отмѣнили конгрессы ихъ депутатовъ, уничтожили существовавшее съ незапамятныхъ временъ право гражданъ разныхъ латинскихъ городовъ вступать въ полноправные брачные союзы и право гражданина одного города пріобрѣтать собственность въ другомъ. Но между латинами и римлянами были по прежнему оставлены и полноправность брачныхъ союзовъ (connubium) и обоюдное право пріобрѣтенія собственности (commercium). Тибуръ, Пренестъ и нѣкоторые другіе города должны были уступить часть своихъ земель Риму. Нѣкоторые другіе, какъ, на примѣръ, Ариція, Ланувій, Номентъ, Педъ получили, такъ называемое, латинское право, то есть, за потерю своей самостоятельности они были вознаграждены полученіемъ права римскаго гражданства съ нѣкоторыми ограниченіями, сохранили независимость въ управленіи своими врутренними дѣлами, право избирать своихъ сановниковъ; ихъ граждане пріобрѣтали право голоса въ римскихъ комиціяхъ, если записывались въ число римскихъ гражданъ; для этихъ новыхъ гражданъ были учреждены двѣ новыя трибы. Остальные латинскіе города получили право такъ называемыхъ муниципій, т. е. самостоятельность управленія своими внутренними дѣлами, но съ обязанностью посылать свои отряды въ римское войско и платить подати, какія были налагаемы на нихъ римскими цензорами; муниципіи имѣли свои собственные законы, свои собственные суды, но ихъ суды были подчинены власти римскаго претора. — Земли, взятыя у латинскихъ городовъ, были розданы римскимъ гражданамъ. — Общимъ правиломъ римской политики относительно покоренныхъ областей и городовъ было предоставлять имъ нѣкоторую автономію, но удерживать за Римомъ верховную власть надъ важнѣйшими общественными дѣлами: вопросы о войнѣ и мирѣ рѣшалъ исключительно Римъ, войсками командовали римляне, законы и судопроизводство союзныхъ областей и городовъ находились подъ римскимъ контролемъ. Не во всѣхъ случаяхъ такія отношенія возникали изъ покоренія союзниковъ римскимъ оружіемъ; очень многіе италійскіе народы и города становились союзниками Рима по свободнымъ договорамъ.

Такимъ образомъ связи между латинскими городами были порваны и наиболѣе сильные изъ этихъ городовъ были ослаблены; латины перестали составлять одинъ народъ. По названію латинскій союзъ продолжалъ существовать, но это былъ теперь уже только союзъ для совершенія общихъ религіозныхъ празднествъ; общаго политическаго интереса у латиновъ не было. Римскіе колонисты въ Лаціумѣ постепенно сгладили національныя особенности его прежняго населенія, и оно пріобрѣло наконецъ совершенно римскій характеръ. — Вскорѣ послѣ латиновъ были подчинены Риму вольски, помогавшіе латинамъ въ войнѣ, были покорены эквы и герники; они также сдѣлались римскими союзниками (Socii); разнымъ городамъ ихъ были даны разныя права; но всѣ вообще они были подчинены власти Рима, должны были посылать свои отряды въ римское войско и платить налоги на покрытіе расходовъ по его содержанію; за это имъ была предоставлена самостоятельность въ управленіи ихъ внутренними дѣлами. Только приморскіе города Анцій и Анксуръ (Террачина) были принуждены непосредственно присоединиться къ составу римскаго государства и уступить часть своихъ земель римскимъ колонистамъ. Анцій былъ прежде знаменитъ морскимъ разбоемъ, и мѣдные носы его кораблей, взятыхъ римлянами, стали украшеніемъ ораторской трибуны (rostra) на римскомъ форумѣ; подлѣ этой трибуны была поставлена колонна въ честь консула Гая Менія, принудившаго вольсковъ покориться Риму.

Отношенія Кампаніи къ Риму.

Такимъ же образомъ поступилъ сенатъ и съ Кампаніею. У города Капуи, въ наказаніе за отпаденіе отъ союза съ Римомъ, была отнята Фалернская область до Вольтурна; кромѣ того Капуя была принуждена платить довольно большую подать кампанской аристократіи, которая осталась вѣрна Риму; гражданамъ Капуи, Фундъ, Формій, Комъ и нѣкоторыхъ другихъ городовъ Кампаніи были даны права церитовъ. Через нѣсколько времени въ такое же положеніе поставили римляне Привернъ, взявъ при-
ступомъ этотъ городъ, долго сопротивлявшійся римскому войску; Витру- 329.
вій Ваккъ, начальствовавшій въ Привернѣ, умеръ въ темницѣ. По всей Кампаніи было роздано много участковъ римскимъ гражданамъ, и были
основаны тамъ военныя колоніи Калесъ и Фрегеллы; все это упрочило 334, 328.
римскую власть надъ Кампаніей и обезпечило римскимъ войскамъ переправу черезъ Лирисъ.

Римская политика.

Такимъ образомъ Римъ принималъ вѣрныя мѣры для достиженія своей цѣли, опутывалъ неразрывной сѣтью колоній свои завоеванія, упрочивалъ разсчетливой политикой результаты, пріобрѣтаемые побѣдами. Племена Средней Италіи, не имѣвшія сильныхъ федеративныхъ связей, не могли устоять противъ этого государства, всѣ части котораго были соединены крѣпкими узами съ центромъ, и прочное правительство котораго постепенно вводило всѣ свои завоеванія въ связь государственнаго единства; не могло долго устоять противъ

римлянъ даже и энергическое самнитское племя при всей своей храбрости и многочисленности: оно было слабо сравнительно съ римлянами, потому что было раздроблено на безсвязныя мелкія общины. Кромѣ того, какъ мы увидимъ, силы самнитовъ отвлекались отъ борьбы съ Римомъ войнами съ греческими городами Южной Италіи. Римское правительство стремилось къ ясно сознанной цѣли, дѣйствовало послѣдовательно; борьба сословій развила въ римлянахъ политическія дарованія, пріучила ихъ зорко всматриваться въ положеніе дѣлъ; все это давало имъ перевѣсъ надъ другими народами Италіи. Римляне превосходно умѣли разъединять своихъ противниковъ, заглушать въ нихъ общіе интересы, пріобрѣтать себѣ приверженцевъ милостями и наградами, умѣли быть кротки съ покорными, суровы съ упорными, умѣли разрывать связи между городами, ссорить между собою гражданъ одного города, вмѣшиваться во внутреннія дѣла своихъ союзниковъ и противниковъ. Римскій сенатъ мастерски умѣлъ дѣйствовать на человѣческія страсти, чтобы дробить людей на разныя партіи, умѣлъ пользоваться влеченіемъ мелкихъ общинъ къ самостоятельности, чтобы разрушать федераціи; вмѣшиваясь во внутреннія дѣла городовъ, сенатъ обыкновенно поддерживалъ ту партію, которая была слабѣе, и, доставляя торжество ей, пріобрѣталъ надежныхъ приверженцевъ. Эта искусная политика вмѣстѣ съ мужествомъ войскъ доставила римлянамъ владычество надъ всей Средней Италіей и въ частности надъ самнитами, съ которыми римляне возобновили войну вскорѣ по окончаніи войны съ латинами. Эта борьба, прерываясь лишь недолгими перемиріями, длилась болѣе пятидесяти лѣтъ и кончилась покореніемъ самнитскаго народа мужественнаго, но раздробленнаго на мелкія племена, не умѣвшія дѣйствовать единодушно.

2. Вторая Самнитская война.

(327—304).

Греческіе города Южной Италіи.

Между тѣмъ какъ римляне разрушали латинскую федерацію, покоряли вольсковъ и подчиняли себѣ плодородныя поля и богатые города по Лирису и Вольтурну, прекраснѣйшую часть Италіи, самниты и ихъ южные соплеменники луканцы и бруттійцы воевали съ греческими городами приморья, желая покорить ихъ себѣ.—Эти города, бывшіе нѣкогда могущественными, славившіеся промышленностью, торговлей и образованностью, почти всѣ находились теперь въ упадкѣ. Позднѣе мы разскажемъ о войнахъ тиранна сиракузскаго Діонисія Старшаго, опустошительныя нападенія котораго такъ ослабили эти города, что они уже не могли отражать набѣги сосѣднихъ дикихъ горцевъ. Посидонія (Пестумъ) вынуждена была принять въ свои стѣ-

ны колонію варваровъ; другіе города лежали въ развалинахъ, или имѣли уже только малочисленное населеніе, состоявшее изъ иноземцевъ и немногихъ возвратившихся изъ рабства грековъ. Тѣ города, которые еще сохранили независимость, утратили свои прежнія обширныя владѣнія; стѣны ихъ еще стояли, но населеніе уменьшалось, и все большая и большая часть пространства, обведеннаго стѣнами, обращалась въ развалины. Только Тарентъ оставался богатымъ торговымъ городомъ и сохранялъ довольно значительныя военныя силы. Правда, войско его потерпѣло большое пораженіе отъ мессанійцевъ, и многіе знатные граждане погибли въ этой битвѣ, такъ что аристократія очень ослабѣла, но городъ оправился отъ этого бѣдствія. Воспользовавшись ослабленіемъ аристократіи, тарентинцы ввели у себя демократическое правленіе, и для того, чтобы пополнить понесенную убыль, приняли въ число гражданъ многихъ италійцевъ. Ихъ стада на пастбищахъ по Галезу были еще многочислены; гавань ихъ еще была наполнена торговыми кораблями; ихъ шерстяныя ткани еще приносили имъ большія богатства и они еще пировали по прежнему за роскошными столами; богатые купцы и привычные не думать о будущемъ моряки спѣшили наслаждаться мимолетной жизнью. Тарентъ.

Но опасные враги были близки къ Таренту. Богатства его прельщали бѣдныхъ и воинственныхъ пастуховъ и поселянъ сосѣднихъ горъ. Сабельскія племена дѣлали набѣги и въ случаяхъ успѣха пріобрѣтали такую богатую добычу, что стали стремиться завоевать Тарентъ; но граждане его находили помощь себѣ въ Греціи, гдѣ было много наемниковъ, готовыхъ рисковать жизнью за хорошее жалованье. Мы видѣли (II, 947), что около того времени, какъ македонская фаланга подавила при Херонеѣ греческую свободу, спартанскій царь Архидамъ былъ убитъ въ сраженіи съ луканцами; это было, какъ говорили греки, наказаніемъ ему за то, что въ его войскѣ находилось много фокейцевъ, ограбившихъ Дельфійскій храмъ (II, 917). Его мѣсто занялъ молосскій (эпирскій) царь Александръ, братъ македонской царицы Олимпіады, тотъ, при чьей свадьбѣ съ дочерью македонскаго царя Клеопатрою былъ убитъ Филиппъ (II, 949). Въ то время, когда Александръ Великій основывалъ громадную державу на развалинахъ персидскаго царства, этотъ родственникъ его, Александръ молосскій, предводитель греческихъ наемниковъ и войскъ италійскихъ греческихъ городовъ, велъ въ Южной Италіи войну съ такимъ успѣхомъ, что надѣялся основать на западѣ греческое царство не менѣе могущественное, чѣмъ азіатское царство македонскаго завоевателя. Онъ взялъ Консенцію, главный городъ сабелловъ, поселившихся въ Южной Италіи, одержалъ при Посидоніи славную побѣду надъ соединенными силами луканцевъ и самнитовъ, сталъ владычествовать отъ восточнаго берега Южной Италіи до западнаго и вступилъ съ римлянами въ переговоры о томъ, чтобы вмѣстѣ воевать противъ самнитовъ въ ихъ родной землѣ. Многіе луканцы поступили на его службу. Но его успѣхи возбудили опасенія тарентинцевъ, они стали на сторону своихъ прежнихъ враговъ. Александръ отнялъ у нихъ городъ Гераклею, возстановилъ разоренныя Туріи и старался соединить грековъ Южной Италіи на войну противъ Тарента. Но при переходѣ черезъ разлившуюся рѣчку близъ Пандосіи онъ былъ убитъ однимъ изъ служившихъ у него луканцевъ, и воины его разсѣялись, поступили на

Греческіе вожди наемниковъ въ Южной Италіи.

Архидамъ спартанскій. 338.

Александръ, царь молосскій. 332; 331.

331.

службу въ разныя войска греческихъ городовъ Италіи, или возвратились на родину.

Послы италійскихъ народовъ у Александра Великаго въ Вавилонѣ.

Говорятъ, что при блестящемъ дворѣ Александра македонскаго въ Вавилонѣ явились вмѣстѣ съ римскими и этрусскими посольствами послы луканцевъ и бруттійцевъ; если это такъ, то, быть можетъ, луканцы и бруттійцы отправили своихъ пословъ къ нему для того, чтобы отклонить отъ себя его гнѣвъ за смерть его родственника. Погибель Александра молосскаго дала симнитамъ и луканцамъ свободу вести войну съ греками и римлянами, а ранняя смерть Александра македонскаго на далекомъ востокѣ оставила не разрѣшеннымъ вопросъ о томъ, какой оборотъ получила бы исторія Италіи, если бы онъ имѣлъ время осуществить свои планы и, прошедши по Африкѣ, явился съ своею фалангою на Апеннинскомъ полуостровѣ. Ливій полагаетъ, что римляне побѣдили бы Александра.

Поводъ къ второй самнитской войнѣ.

Судьба избавила римлянъ отъ испытанія, могутъ ли они выдержать борьбу съ Македоніею, бывшею тогда на верху своего могущества; имъ пришлось воевать съ народомъ, не менѣе македонянъ храбрымъ, но не имѣвшимъ единства правленія, не руководимымъ одною великою волею, дѣйствующею по ясно сознанному, опредѣленному плану. Силы самнитовъ были раздроблены, и въ своей мужественной борьбѣ съ подавляющимъ могуществомъ Рима самниты не были энергически поддерживаемы ни своими соплеменниками, ни изнѣженными греками Южной Италіи. Во время войны съ Александромъ молосскимъ, самниты оставили безъ вниманія Кампанію и дали римлянамъ время упрочить свое владычество надъ нею. Римляне основали въ Кампаніи колоніи, роздали много земель римскимъ переселенцамъ. Но, когда смерть молосскаго царя обезпечила самнитовъ отъ опасности съ востока, они вздумали остановить расширеніе римской власти на западѣ. Римляне основали военную колонію Фрегеллы въ той части земли вольсковъ, которая была прежде завоевана самнитами; изъ этого возникла ссора у самнитовъ съ римлянами, и скоро произошелъ другой фактъ, сдѣлавшій неизбѣжнымъ возобновленіе войны: опасаясь постояннаго расширенія римскихъ владѣній, самниты и тарентинцы, заключившіе между собою теперь союзъ, поставили отрядъ войска въ единственномъ греческомъ городѣ, который еще сохранялъ независимость на западномъ берегу; это былъ городъ, составившійся изъ соединенія двухъ смежныхъ городовъ Палеополя или Партенопы и Неаполя («стараго города» и «новаго города»). За этими соединившимися городами осталось названіе Неаполя. Отрядъ былъ посланъ въ Неаполь, вѣроятно, по просьбѣ нѣкоторой части самихъ неаполитанцевъ, желавшихъ себѣ защиты отъ римскихъ замысловъ. Не
327. обращая вниманія на самнитско-тарентинскій гарнизонъ, римляне потребовали отъ неаполитанцевъ удовлетворенія за обиды римскимъ гражданамъ на фалернскомъ полѣ и на морѣ и, получивъ отказъ, послали на Неаполь войско. Оно осадило Неаполь; въ городѣ скоро начался раздоръ между жителями и гарнизономъ. (Римляне во время этой осады въ первый разъ продлили командованіе военачальнику

дольше срока, на который онъ былъ избранъ: власть консула была, по рѣшенію сената и народа, продолжена подъ названіемъ власти, замѣняющей консульскую). Неаполитанцы были недовольны тѣмъ, что страдаетъ ихъ торговля, были оскорбляемы гордостью самнитскаго гарнизона, и римляне нашли случай вступить съ ними въ тайные переговоры. 326. Неаполитанцы сдали ночью городъ римлянамъ и въ награду за свою покорность получили отъ римлянъ очень выгодныя условія союза: онъ былъ заключенъ на основаніи полной равноправности; неаполитанцы не были обязаны посылать войско въ помощь римлянамъ на сушѣ.—Еще важнѣе для римлянъ было то, что скоро въ союзъ съ ними вступили луканцы.

Луканцы, апулійцы и сабельскія племена вступаютъ въ союзъ съ Римомъ.

Александръ молосскій, воевавшій съ луканцами, имѣлъ въ своемъ войскѣ нѣсколько луканцевъ; это показываетъ, что между ними были ожесточенные раздоры. Смуты эти продолжались и результатомъ своимъ имѣли то, что по вліянію аристократіи былъ заключенъ луканцами союзъ съ Римомъ. Дружба самнитовъ съ тарентинцами мѣшала луканцамъ продолжать набѣги на тарентинскія земли; это и было причиною досады луканцевъ на самнитовъ и союза ихъ съ Римомъ. Римляне склонили къ союзу и сабелльскіе города на югѣ отъ Вольтурна: Нолу, Геркуланъ, Помпею, Нуцерію; они дѣйствовали тутъ такъ же, какъ въ Кампаніи и Луканіи, привлекая на свою сторону аристократовъ всяческими интригами. Мелкія племена, замкнуто жившія въ своихъ горахъ: марсы, пелигны, марруцины и самнитское племя френтановъ получили отъ римлянъ позволеніе пасти свои стада на сосѣднихъ горахъ Апуліи; за эту выгоду они вступили съ римлянами въ договоры, по которымъ обязались не помогать врагамъ Рима. Вестины были силою оружія принуждены вступить въ союзъ съ Римомъ. Апулійцы, давно страдавшіе отъ самнитскихъ набѣговъ, видѣли въ римлянахъ своихъ друзей.

Неудачный ходъ войны вынуждаетъ самнитовъ просить мира.

При такомъ положеніи дѣлъ война не могла не быть неудачной для самнитовъ. Они храбро защищали свои долины, ущелья, свои селенія и слабо укрѣпленные города; они отважно бились въ сраженіяхъ на открытомъ полѣ; но побѣда оставалась обыкновенно за римлянами, одушевленными увѣренностью въ своихъ силахъ, имѣвшими энергическихъ и вмѣстѣ осторожныхъ полководцевъ; пять лѣтъ неудачной войны изнурили самнитовъ; потерявъ надежду на успѣхъ, 322. самнитскій народъ рѣшилъ выдать римлянамъ своего храбрѣйшаго полководца Папія Брутула, горячаго патріота, упорнаго врага римлянъ; этимъ постыднымъ дѣломъ самниты надѣялись склонить римлянъ къ уступчивости. Папій Брутулъ лишилъ себя жизни; самниты послали въ Римъ его тѣло и возвратили римлянамъ всѣхъ плѣнниковъ. Но унизительныя просьбы не смягчили римлянъ: они соглашались на миръ только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы самниты признали надъ собою власть Рима и обязались давать ему свои войска. Сам-

ниты еще не пали такъ низко, чтобы отказаться отъ независимости, отречься отъ славнаго прошлаго, опозорить свое имя. Они собрали всѣ свои силы и назначили главнокомандующимъ храбраго воина, человѣка благородной души, Гавія Понція; они обратились къ тарентійцамъ и своимъ сабелльскимъ соплеменникамъ съ просьбой помочь имъ въ защитѣ общихъ интересовъ и приняли мѣры для того, чтобы придать болѣе твердую связь своей федераціи. Ихъ мужество не осталось безполезнымъ. Римлянамъ пришлось горько пожалѣть о своей неуступчивости. Римскіе консулы Спурій Постумій и Титъ Ветурій услышали, что самниты осадили апулійскій городъ Луцерію; они пошли оба на помощь осажденному городу. Весь обозъ они взяли съ собой. Ихъ путь лежалъ на Малуэнтъ (Беневентъ) черезъ Кавдійское ущелье. Прошедши тѣснииой между горъ на сырой лугъ, окруженный высокими крутыми холмами, покрытыми лѣсомъ, они внезапно увидѣли себя запертыми на этомъ лугу: передъ ними была крутизна, заваленная деревьями и камнями; на холмахъ стояли многочисленные враги, занявшіе въ тылу у нихъ ущелье, которымъ они прошли. Они были обмануты ложнымъ слухомъ и попали въ приготовленную для нихъ засаду. Римляне бились храбро, но это не могло принести пользы: на сторонѣ враговъ было слишкомъ большое преимущество. Римское войско находилось въ отчаянномъ положеніи; ему неизбѣжно предстояло одно изъ двухъ: или сдаться, или погибнуть отъ голода и непріятельскихъ стрѣлъ. Много храбрыхъ воиновъ, центуріоновъ и трибуновъ погибло въ неровномъ боѣ; консулы рѣшились просить пощады у врага. Говорятъ, что старикъ, отецъ Понція, совѣтовалъ сыну или отпустить римское войско безъ всякой обиды, чтобы подѣйствовать на римлянъ великодушіемъ, или истребить все ихъ войско до послѣдняго человѣка; разумѣется, этотъ разсказъ лишь преданіе, быть можетъ, и недостовѣрное. Понцій выбралъ средній путь. Онъ желалъ доставить своему народу миръ, но съ тѣмъ вмѣстѣ хотѣлъ, чтобы римляне испытали униженіе. Онъ потребовалъ, чтобы консулы и всѣ второстепенные начальники римскаго войска присягнули исполнить слѣдующія условія: римляне заключаютъ съ самнитами союзъ на основаніяхъ равноправности, уходятъ изъ своихъ колоній Калеса и Фрегеллъ, основаніе которыхъ было нарушеніемъ прежняго договора съ самнитами; въ обезпеченіе исполненія этихъ условій они оставляютъ у самнитовъ заложниками шестьсотъ всадниковъ. Вытребовавъ такія уступки, Понцій дозволилъ римскому войску уйдти, но уйдти лишь съ соблюденіемъ унизительной формальности: римскіе воины должны были отдать оружіе и все имущество, кромѣ необходимѣйшей одежды, и пройдти подъ ярмо. Униженные, опозоренные, возвратились римскіе воины въ Римъ. Народъ остановилъ всѣ административныя и судебныя дѣла, рѣшилъ, что пойдутъ въ походъ всѣ способные носить

Римляне заперты въ Кавдійскомъ ущельѣ. 321.

Римъ отказывается исполнить условія мира. 320.

оружіе; былъ назначенъ всеобщій трауръ: сенаторы сняли свои окаймленныя пурпуромъ тоги, всадники сняли золотыя кольца, женщины спрятали свои уборы, спрятали одежду свѣтлыхъ цвѣтовъ. Были отложены всѣ свадьбы, отмѣнены всякіе праздники до конца бѣдственнаго года. Правда, Римъ и долженъ былъ печалиться, но главную печаль его должно было бы составлять не то, что войско потерпѣло неудачу, а то, что правительство поступило безчестно, захотѣло коварствомъ изгладить тяжелыя послѣдствія неудачи. Сенатъ объявилъ, что договоръ, заключенный съ Понціемъ, не дѣйствителенъ, потому что не былъ утвержденъ народнымъ собраніемъ; что консулы превысили свою власть, нарушили законъ, что вина за ихъ противузаконное дѣло должна пасть исключительно на нихъ, и что поэтому они должны быть скованные отданы феціалами самнитамъ. По буквѣ закона, разсужденія сената были основательны, и рѣшеніе его избавило государство отъ постыднаго договора; но оно запятнало римское имя позоромъ, постыдность котораго еще ярче обрисовывается благородствомъ Понція. Понцій убѣдилъ самнитовъ не принимать выданныхъ имъ консуловъ: принявъ и наказавъ ихъ, самниты выказали бы согласіе съ мнѣніемъ римскаго сената, что договоръ обязателенъ только для людей, заключающихъ его; Понцій убѣдилъ самнитовъ пощадить и заложниковъ, которые по военному праву должны были быть казнены; эти шестьсотъ всадниковъ были безъ всякой обиды оставлены подъ стражею въ Луцеріи, которая сдалась самнитамъ послѣ кавдійскаго пораженія римлянъ.

Возобновленіе войны.

И римляне и самниты съ ожесточеніемъ возобновили войну. Самниты хотѣли наказать враговъ за коварство, а римляне горѣли желаніемъ возстановить свою военную славу и спасти заложниковъ, или отмстить за нихъ. Извѣстіе о кавдійской неучачѣ римлянъ произвело на римскихъ союзниковъ неодинаковыя впечатлѣнія, потому что чувства ихъ относительно римлянъ были неодинаковы: одни желали освободиться отъ союза и обрадовались, другіе, вѣрные римлянамъ, были опечалены.—Кромѣ Луцеріи были покорены самнитами Фрегеллы и Сатрикъ. Если бы Понцій не соблюдалъ мира, заключеннаго консулами въ Кавдійскомъ ущельѣ, если бы онъ тогда продолжалъ войну, то поднялись бы противъ Рима латины и вольски; Риму пришлось бы начинать свои завоеванія опять. Но вѣрность союзниковъ римлянамъ возстановилась, потому что храбрый римскій полководецъ Папирій Курсоръ скоро далъ войнѣ оборотъ, благопріятный для Рима. Папирій дѣйствовалъ быстро; нетерпѣливо желая возстановить честь римскаго оружія, прошелъ берегомъ Адріатическаго моря въ Апулію, соединился тамъ съ другимъ консуломъ, разбилъ самнитовъ подъ стѣнами Луцеріи, осадилъ эту важную горную крѣпость и голодомъ принудилъ ее сдаться.

Взятіе Луцеріи. 319.

По разсказу римскихъ историковъ, Папирій, при взятіи Луцеріи, освободивъ шестьсотъ всадниковъ, бывшихъ заложниками, отмстилъ и за Кавдійское униженіе, проведя подъ ярмо 7000 самнитскихъ воиновъ; онъ нашелъ въ Луцеріи и знамена, потерянныя римлянами. Френтаны, присоединившіеся къ своимъ соплеменникамъ передъ пораженіемъ ихъ при Луцеріи, были покорены и принуждены дать заложниковъ; а въ Луцеріи былъ поставленъ сильный гарнизонъ, обезпечивавшій покорность Апуліи. Скоро римляне взяли Сатрикъ и Сатикулу и жестоко наказали эти города за ихъ отпаденіе. Имя Сатрика исчезаетъ послѣ этого изъ исторіи; такъ тяжела была месть Рима ему.

Возстаніе западныхъ племенъ.

Въ слѣдующіе годы война шла главнымъ образомъ опять на западѣ. Кампанцы, сидицины и авзоны поняли наконецъ, что ихъ собственная судьба неразрывно связана съ судьбою самнитовъ, потому забыли прежнюю вражду къ нимъ и сблизились съ бывшими своими врагами. Нола и Нуцерія вступили съ самнитами въ союзъ; жители Соры, города, стоявшаго въ верховьи Лириса, прогнали римскій гарнизонъ; въ Капуѣ и у авзоновъ національная партія усиливалась. Диктаторъ Квинтъ Фабій Максимъ Рулліанъ, пошедшій подавить это
315. волненіе, былъ разбитъ у Лавтулъ (между Террачиною и Фунди); войско его разбѣжалось; Квинтъ Авлій, не хотѣвшій пережить этого стыда, бился одинъ съ побѣдителями, пока палъ. Волненіе распространилось по всему западному прибрежью; самнитская молодежь, выросшая подъ впечатлѣніями ожесточенной войны, пылала ненавистью къ Риму.

Энергическія дѣйствія римлянъ.

Но римляне съ удвоенной энергіей приняли мѣры противъ великой опасности, грозившей имъ. Они соединили свои разсѣянныя войска, дали самнитамъ вторую битву и одержали побѣду, подавили волненіе прибрежья, не давъ времени возстанію тамъ сдѣлаться всеобщимъ, покорили возставшіе города. Сора была сдана имъ измѣнниками; они отвели 225 гражданъ взятаго города въ цѣпяхъ въ Римъ и казнили ихъ. Съ авзонами римскіе полководцы поступили еще болѣе свирѣпо: всѣ тѣ, которые не были казнены, были отведены въ рабство. Въ Нуцеріи было казнено столько людей, что опросталось мѣсто для римской колоніи. Для похода на Капую былъ назначенъ диктаторъ Гай Меній; капуанцы пришли въ ужасъ, при его приближеніи; главные люди самнитской партіи сами лишили себя жизни, чтобы не быть выданными врагу. Римъ хотѣлъ показать подвластнымъ ему народамъ, что нѣтъ средины между безусловной покорностью и возстаніемъ; что если преданность становится небезгранична, то лишь выдачею главныхъ враговъ Рима народъ можетъ спастись отъ совершеннаго истребленія. Скоро и война съ самими самнитами получила рѣшительно благопріятный для римлянъ оборотъ. Самниты были разбиты при Кавдіѣ и оттѣснены въ свои горы, рим-
313. ляне пошли за ними и начали зимою осаду главнаго города ихъ, Бо-

віана, а другое римское войско покорило богатый городъ Нолу и крѣпость Фрегеллы, которая послѣ Кавдійскаго пораженія римлянъ отворила свои ворота самнитамъ. Двѣсти гражданъ самнитской партіи были отведены въ Римъ и казнены на форумѣ. Результатомъ второй самнитской войны было упроченіе владычества римлянъ надъ Кампаніею. Они послали своихъ колонистовъ въ опустѣвшія мѣста, основали военныя колоніи Интерамну, Казинъ, Суэссу-Аврунку и другія; поставили гарнизоны въ городахъ, имѣвшихъ стратегическую важность; и чтобы облегчить движенія войскъ, цензоръ Аппій Клавдій построилъ изъ Рима въ Капую большую военную дорогу, увѣковѣчившую его имя.

Настроеніе умовъ въ Италіи.

Все яснѣе обнаруживалось, что Римъ хочетъ покорить Италію; и для самыхъ близорукихъ было очевидно, что средства, которыми дѣйствуетъ онъ, даютъ ему вѣрную возможность достичь этой цѣли; разстроить планы его честолюбія, спасти Италію отъ угрожающаго ей порабощенія была одна только надежда: единодушное соединеніе на борьбу съ Римомъ всѣхъ государствъ и племенъ, еще сохранявшихъ свою независимость, забвеніе всѣхъ прежнихъ взаимныхъ неудовольствій. Было видно, что только въ томъ случаѣ, если всѣ города и области Италіи станутъ всѣми силами помогать самнитамъ, которые уже пятнадцать лѣтъ одни вели войну и вели ее такъ мужественно, будетъ сохранена свобода Италіи. Теперь всѣ понимали это, и въ нѣкоторыхъ государствахъ любовь къ родинѣ и свободѣ была такъ сильна, что они присоединились къ изнемогавшимъ самнитамъ. Но въ другихъ раздоръ партій, племенная вражда, или близорукое легкомысліе помѣшали рѣшительному патріотическому образу дѣйствій. Въ особенности неблагоразумно держали себя тарентинцы.

Колеблющаяся политика тарентинцевъ.

Они имѣли большой флотъ, легко могли увеличить свое войско, набравъ наемниковъ, потому могли бы пріобрѣсти рѣшительное вліяніе на ходъ войны; но они дѣйствовали такъ двусмысленно и неловко, что навлекли на себя ненависть римлянъ, не оказавъ поддержки самнитамъ. Издавна привыкнувъ имѣть самнитовъ и луканцевъ своими врагами, они и теперь не довѣряли имъ; при томъ же были робки, изнѣжены, эгоистичны, потому неспособны рѣшиться на такую политику, которая требовала жертвъ; поддавшись внушеніямъ демагоговъ, они приняли относительно Рима вызывающее положеніе и грозили войной; но римляне не испугались этого, а они не исполнили своихъ угрозъ, остались при нейтралитетѣ, чтобы продолжать веселиться. Больше энергіи выказали сѣверные сосѣды Рима. Этруски не возобновили кончившагося въ то время перемирія съ римлянами и осадили пограничный римскій городъ Сутрій. Это принудило римлянъ раздѣлить свои войска, потому и на сѣверѣ, и на югѣ они вели нѣсколько времени войну безуспѣшно. Въ самнитскихъ горахъ консулъ Марцій Рутилъ даже потерпѣлъ пораженіе, и самъ

Фабій Максимъ въ Этруріи, Папирій Курсоръ въ Самніѣ.

былъ раненъ. Но скоро ходъ дѣлъ измѣнился. Консулъ Квинтъ Фа-
бій Максимъ, не слушая предостереженій сената, совершилъ смѣлый
походъ черезъ Циминскій лѣсъ, по горамъ котораго не было дорогъ,
311. разбилъ этрусковъ у Вадимонскаго озера въ упорной битвѣ, о кото-
310. рой долго ходили между римлянами легенды, и принудилъ важные
309. города Перузію, Кортону, Аррецій заключить съ римлянами миръ;
одержалъ вторую побѣду при Перузіи; послѣ этого заключили миръ
308. и Тарквиніи, а вскорѣ потомъ и другіе этрусскіе города. Этрурія
издавна была любимымъ мѣстомъ подвиговъ фамиліи Фабіевъ.—Въ
то же время Папирій Курсоръ, котораго Фабій, смертельный врагъ
его, противъ воли назначилъ диктаторомъ, пошелъ въ Самній на по-
мощь римскому войску, попавшему тамъ въ трудное положеніе и раз-
308. билъ враговъ, одѣтыхъ въ пурпуру, имѣвшихъ оружіе, украшенное
золотомъ и серебромъ. Взятые имъ блестящіе щиты восхищали рим-
лянъ на его тріумфѣ и потомъ были вывѣшиваемы въ торжествен-
ныхъ случаяхъ на лавкахъ форума. Это была послѣдняя побѣда ста-
раго героя, бывшаго пять разъ консуломъ и два раза диктаторомъ,
человѣка исполинской силы и неумолимой строгости, котораго люби-
ли и боялись римскіе воины. Вскорѣ послѣ тріумфа онъ умеръ.

Покореніе умбровъ, герниковъ, эквовъ и пр.

Римляне имѣли въ этой войнѣ то счастіе, что враги ихъ не дѣй-
ствовали энергически всѣ въ одно время, а выступали на борьбу
другъ послѣ друга, давая римлянамъ время побѣждать ихъ поочеред-
но. Такъ умбры и нѣкоторыя мелкія сабелльскія племена взялись за
оружіе только теперь, когда силы самнитовъ были истощены. Къ
умбрамъ присоединились герники. Если бъ это было годомъ раньше,
римляне могли бы утратить свое могущество; но теперь оно уже
стало неодолимо, и появленіе новыхъ враговъ послужило только къ
308. увеличенію славы Рима. Умбры были разбиты въ верховьи Тибра;
марсы и пелигны были поражены Квинтомъ Фабіемъ Максимомъ при
Аллифахъ; 7000 ихъ были взяты въ плѣнъ и проданы въ рабство.
Уцѣлѣвшіе были такъ ослаблены, такъ оробѣли, что порознь другъ
отъ друга заключили съ Римомъ договоры, по которымъ были по-
ставлены въ положеніе союзниковъ; а нѣкоторымъ ихъ городамъ
были даны права муниципій. Съ плѣнными герниками римляне по-
ступили еще суровѣе: они были всѣ казнены. Ихъ народъ, боясь
римскихъ судей, взялся въ отчаяніи за оружіе; это возстаніе въ ты-
лу римскихъ войскъ, подало римлянамъ желанный поводъ совершен-
но подавить невѣрныхъ союзниковъ и въ отмщеніе за мимолетную
306. опасность отнять у герниковъ послѣдній остатокъ національной са-
мостоятельности. Только три города, не участвовавшіе въ возстаніи:
Алетрій, Верулы и Ферентинъ сохранили прежнія права; остальные
утратили часть своихъ земель и были присоединены къ римскому
государству на очень тяжелыхъ условіяхъ: они должны были испол-
нять всѣ обязанности римскихъ гражданъ, нести наравнѣ съ ними

военную службу и подати, не участвуя въ ихъ правахъ; судебная
власть въ этихъ городахъ была поручена римскимъ префектамъ, ко-
торыхъ назначалъ городской преторъ. Такой же участи подверглись
эквы, также раздражившіе римлянъ попыткою возстанія. Римляне въ
пятьдесятъ дней взяли сорокъ одинъ городъ эквовъ, и многіе изъ
этихъ городовъ были сожжены и разрушены; нѣкоторые изъ погиб-
шихъ городовъ были очень старые, обведенные циклопическими стѣ-
нами. Имя эквовъ стало послѣ этого только историческимъ воспоми-
наніемъ.

Самниты покоряются.

Эти побѣды рѣшили судьбу самнитовъ. Пока римляне заняты были
подавленіемъ возстаній своихъ союзниковъ, мужественные самниты
еще разъ собрали свои силы и взяли города Сору и Калацію; но те-
перь два консула вступили въ ихъ землю, одинъ съ запада, другой
съ востока, и подвигались впередъ, опустошая все: жгли селенія, 305.
истребляли хлѣбъ на поляхъ, вырубали фруктовыя деревья. Кон-
сулы соединились въ области пентровъ у Бовіана. Тутъ произошла
рѣшительная битва; римляне побѣдили въ ней. Самнитскій полково-
децъ Стацій Геллій былъ взятъ въ плѣнъ. Все самнитское войско
было или перебито, или взято въ плѣнъ, или разсѣяно. Римляне взяли
приступомъ Бовіанъ, главную крѣпость самнитовъ. Силы Самнія бы-
ли совершенно истощены. Самниты отправили посольство просить
мира; сенатъ охотно далъ его. Самнитская федерація сохранила са- 304.
мостоятельность, но лишь въ предѣлахъ тѣхъ земель, которыя не
были отняты у самнитовъ римлянами во время войны; самниты дол-
жны были отказаться отъ власти надъ луканцами, отъ союза съ дру-
гими сабелльскими племенами: марсами, пелигнами, марруцинами,
френтанами, вестинами, пицентами; эти племена возобновили преж-
ніе договоры съ Римомъ. Тарентъ остался независимымъ, но бога-
тые граждане были приверженцами Рима и желали союза съ нимъ.

Клеонимъ въ Южной Италіи 304.

Не задолго передъ концомъ самнитской войны тарентинцы снова призвали изъ Греціи
полководца наемныхъ войскъ, отразить набѣги луканцевъ и помогать самнитамъ; это
былъ спартанецъ Клеонимъ. Но онъ держалъ себя безсовѣстно: его наемники были буй-
ны, и онъ сталъ страшнѣе грекамъ, чѣмъ врагамъ. Онъ вступилъ въ союзъ съ лукан-
цами, взялъ приступомъ городъ Метапонтъ, вынудилъ гражданъ заплатить ему 600 та-
лантовъ и дать 200 дѣвушекъ. Тарентинцы ужаснулись своего защитника и, въ союзѣ
съ римлянами, принудили покинуть Италію этого грабителя, который готовился посту-
пить съ Салентомъ и съ греческими городами Сициліи такъ же, какъ съ Метапонтомъ.
Онъ уплылъ въ Коркиру и занялся морскимъ разбоемъ; Агаѳоклъ прогналъ его съ Кор-
киры; онъ вернулся на родину и, обезславленный тамъ семейнымъ стыдомъ, кончилъ
жизнь, измѣнивъ отечеству.

3. Покоренiе Самнiя и Этрурiи.

Упроченiе римскаго могущества. 304 298.

Миръ съ самнитами длился шесть лѣтъ; римляне чрезвычайно хорошо воспользовались этимъ временемъ для упроченiя и расширенiя своего владычества. Передъ концомъ войны возстанiе герниковъ и эквовъ дало имъ поводъ присоединить эти народы къ своему государству, взять въ свое распоряженiе всѣ ихъ силы, не давая присоединеннымъ участiя въ политическихъ правахъ; теперь, воспользовавшись отпаденiемъ нѣкоторыхъ вольсскихъ городовъ, они отняли у нихъ нѣсколько округовъ, которые присоединили къ своей общественной землѣ; послали новыхъ колонистовъ въ Арпинъ, Фрегеллы, Сору, въ нѣкоторые другiе города, построили укрѣпленiя, провели военныя дороги, такъ что вся земля вольсковъ была теперь соединена съ Римомъ крѣпкими связями. Точно также они неразрывно связали съ Римомъ тѣ области, которыя отдѣляли Самнiй отъ Этрурiи и Умбрiи: провели по этимъ мѣстностямъ военныя дороги и поставили по нимъ свои гарнизоны.

Римляне провели черезъ вѣрный имъ Окрикулъ новую дорогу въ городъ Неквинъ, стоявшiй при впаденiи Нара въ Тибръ; прежде этотъ городъ принадлежалъ умбрамъ, теперь онъ былъ сдѣланъ римскою военной колонiей и былъ названъ Нарнiей. Между Самнiемъ и Этрурiею на границѣ области марсовъ были основаны важныя военныя колонiи Карсеолы и Альба и соединены съ Римомъ военными дорогами; такимъ образомъ были перерѣзаны пути сообщенiй между Самнiемъ и Этрурiей. О томъ, какъ заботливо упрочили римляне свое владычество надъ Апулiей и Кампанiей, мы уже говорили выше.

Третья самнитская война.

Самниты съ тревогою смотрѣли на это расширенiе римскаго владычества, на основанiе укрѣпленныхъ колонiй, которыя, подобно военнымъ аванпостамъ, упрочивали покорность завоеванныхъ земель, и подготовляли пути къ новымъ завоеванiямъ; эти колонiи, очевидно, были предназначены разрѣзать Среднюю Италiю на двѣ половины. Самниты рѣшили попытать еще разъ счастье своего оружiя, прежде чѣмъ враги совершенно романизируютъ области, окружающiя Самнiй, и оторвутъ его отъ всякой связи съ Этрурiей и Кампанiей. Насильственныя дѣйствiя римлянъ и властолюбiе ихъ повсюду производили волненiе; оно проявлялось въ разныхъ мѣстахъ возстанiями; потому обстоятельства казались благопрiятными началу войны. Самниты не могли спокойно ждать, пока Римъ подавитъ всѣхъ противниковъ; кончитъ всѣ свои приготовленiя къ покоренiю ихъ родины и тогда принудитъ ихъ жить въ неукрѣпленныхъ селенiяхъ пастухами, которымъ запрещено будетъ спускаться съ своихъ горныхъ пастбищъ.

Самниты вступили въ переговоры съ луканцами, успѣли склонить ихъ къ отпаденiю отъ Рима; заключили съ ними союзъ; это послужило причиною третьей самнитской войны. Въ Луканiи была партiя, преданная Риму; она просила у римлянъ помощи, и они послали одно войско въ Луканiю, а другое въ Самнiй. Консулъ, пошедшiй противъ луканцевъ, Луцiй Корнелiй Сципiонъ Барбатъ, принудилъ ихъ просить 298.
мира и дать заложниковъ, какъ говоритъ объ этомъ въ громкихъ выраженiяхъ надпись на его гробницѣ, найденная въ прошломъ вѣкѣ. Такимъ образомъ война съ луканцами была кончена однимъ походомъ. Въ Самнiѣ были также одержаны побѣды Фабiемъ Максимомъ Руллiаномъ при Тифернѣ и Публiемъ Децiемъ Мусомъ при Малуэнтѣ. Но самниты дали неожиданный оборотъ войнѣ смѣлой экспедицiей: они 297.
послали храбраго Геллiя Эгнацiя съ большимъ войскомъ въ Этрурiю, возбудить къ возстанiю недовольныхъ Римомъ этрусковъ, призвать галловъ изъ Сѣверной Италiи и соединенными силами идти на римлянъ.

Этруски и умбры принимаютъ участiе въ войнѣ. 296.

Появленiе самнитовъ въ Этрурiи произвело всеобщее возстанiе, грозившее уничтожить всѣ результаты прежнихъ побѣдъ Рима. Этруски и умбры присоединились къ самнитамъ и призвали множество галльскихъ наемниковъ. Имя галловъ еще пугало римлянъ; они удвоили свои усилiя для борьбы съ многочисленными непрiятелями. Были взяты въ войско всѣ граждане, способные къ походамъ, въ томъ числѣ даже много пожилыхъ семейныхъ людей; были взяты отпущенники, были потребованы войска отъ союзниковъ. Благодаря этому, римляне послали противъ всѣхъ своихъ непрiятелей такiя сильныя войска, что повсюду восторжествовали. Одно изъ ихъ войскъ прикрыло Кампанiю и стало опустошать Самнiй; оно дѣйствовало такъ, что станъ его былъ охраняемъ не столько своими укрѣпленiями, сколько ужасомъ, съ какимъ все населенiе бѣжало далеко отъ него. Съ главнымъ войскомъ пошли въ Этрурiю величайшiе римскiе полководцы того времени: Фабiй Максимъ Руллiанъ и Децiй Мусъ; тылъ его прикрывали два резерва, поставленные одинъ у Фалерiй, другой близъ Рима, на Ватиканскомъ холмѣ. Передовой отрядъ римлянъ былъ разбитъ, и бѣжавшiе воины его принесли главному войску вѣсть, что непрiятельскiя силы сосредоточились въ Умбрiи; оно пошло туда, въ немъ считалось 60,000 воиновъ, и третью часть этого числа составляли римскiе граждане; оно имѣло многочисленную конницу. Одновременно съ этимъ Гней Фульвiй повелъ стоявшiй у Фалерiй отрядъ въ Этрурiю, чтобы заставить этрусковъ вернуться на защиту ихъ собственной страны. И дѣйствительно, значительная часть этрусковъ ушла изъ союзнаго войска до рѣшительной битвы.

Битва при Сентинѣ. 295.

Въ жаркiй лѣтнiй день 295 года было дано у восточной подошвы Апеннинновъ при Сентинѣ кровопролитное сраженiе, исходъ котораго долженъ былъ рѣшить судьбу Италiи. Одинъ изъ консуловъ, Квинтъ

Фабій, стоялъ на правомъ крылѣ противъ италійцевъ; другой, Публій Децій—на лѣвомъ противъ галловъ. Бой долго колебался. Самниты храбро держались противъ легіоновъ Фабія; Децій два раза отбилъ аттаку галльской конницы; но появленіе кельтскихъ военныхъ колесницъ произвело смущеніе, разстройство въ его рядахъ; бѣгство начинало дѣлаться всеобщимъ, предстояло тяжелое пораженіе: въ эти минуты Публій Децій, слѣдуя примѣру, данному его отцомъ въ битвѣ у Везувія, велѣлъ находившемуся при немъ великому первосвященнику посвятить его въ жертву подземнымъ богамъ. По совершеніи обряда онъ воскликнулъ: «Передо мною ужасъ и бѣгство, кровь и смерть, гнѣвъ небесныхъ и подземныхъ боговъ! отъ меня смертоносное проклятіе на знамена и оружіе враговъ! гдѣ паду я, да постигнетъ погибель галловъ и самнитовъ!»—Съ этими словами онъ далъ шпоры своему коню и поскакалъ въ густые ряды враговъ. Онъ былъ убитъ, и съ этой минуты ходъ битвы измѣнился. Галлы въ оцѣпенѣніи стояли около его тѣла, а римляне между тѣмъ собрались къ своимъ вождямъ; храбрѣйшіе ринулись по слѣдамъ Деція, отмстить за него, или умереть подлѣ его тѣла. Присланный въ удобную минуту Фабіемъ на помощь лѣвому крылу отрядъ подъ начальствомъ Луція Корнелія Сципіона довершилъ побѣду. Онъ напалъ на галловъ съ фланга, и натискъ Кампанской конницы обратилъ ихъ въ бѣгство; вскорѣ обратилось въ бѣгство и другое крыло непріятеля, состоявшее изъ самнитовъ и другихъ италійцевъ. Они спѣшили къ своему стану, но Фабій отрѣзалъ имъ путь; самнитскій военачальникъ Геллій Эгнацій палъ у воротъ стана, и римляне ворвались въ нихъ. На полѣ битвы лежало 9000 римлянъ; число убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ враговъ было втрое больше. Это пораженіе разрушило коалицію. Умбры, этруски и сенонскіе галлы купили себѣ миръ покорностью Риму; кельтскіе наемники разбѣжались. Только самниты выказали и теперь мужество: ихъ оставалось 5000 человѣкъ; они въ стройномъ порядкѣ ушли черезъ землю пелигновъ на родину. На тріумфѣ Фабія воины пѣли безъискусственныя пѣсни о его побѣдѣ и о томъ, какъ Децій принесъ себя въ жертву за отечество.

Пораженіе самнитовъ при Аквилоніи. 294.

Пораженіе при Сентинѣ сокрушило силу самнитовъ, но ихъ мужество и любовь къ свободѣ остались непреклонны. Когда римскія войска пошли изъ усмиренной Этруріи на югъ, они встрѣтили упорное сопротивленіе самнитскаго войска въ Кампаніи, хотя въ предыдущемъ году тамъ были построены римлянами двѣ приморскія крѣпости: Минтурны и Синуэсса. Римскій военачальникъ Маркъ Атилій былъ даже разбитъ самнитами. Но у нихъ не было союзниковъ. Тарентинцы покинули ихъ, не рѣшаясь посылать войско въ даль отъ своего города, которому угрожали луканцы и могущественный тираннъ Агаѳоклъ. Оставшись одни, самниты не могли долго устоять противъ римлянъ. Геройство ихъ осталось напраснымъ: неумолимая судьба рѣшила от-

дать ихъ подъ владычество Рима. Безуспѣшно осталось и то, что самниты искали наконецъ спасенія въ религіозномъ обрядѣ: собравъ войско на смотръ, они выбрали самыхъ храбрыхъ воиновъ, привели ихъ къ жертвеннику, облитому кровью жертвенныхъ животныхъ, и тамъ эти 16000 воиновъ въ бѣлой льняной одеждѣ дали клятву предпочитать смерть бѣгству, убивать каждаго бѣгущаго или отказывающаго сражаться. При Аквилоніи и этотъ священный отрядъ былъ пораженъ легіонами, съ которыми пошли на самнитовъ Папирій Курсоръ, сынъ знаменитаго полководца, и Спурій Карвилій. Послѣ того были взяты, ограблены и сожжены укрѣпленія, въ которыя самниты свезли свое имущество. Папирій украсилъ форумъ добычей, а Карвилій сдѣлалъ изъ взятой имъ бронзы колоссальную статую Юпитера Капитолійскаго; она была такъ громадна, что ее было видно съ Альбанской горы. Но даже и пораженіе при Аквилоніи не поколебало мужества самнитовъ: съ изумительнымъ геройствомъ они больше двухъ лѣтъ продолжали обороняться въ своихъ горахъ отъ многочисленныхъ римскихъ войскъ, и даже одерживали иногда побѣды. Наконецъ пошелъ противъ нихъ старикъ герой Фабій Максимъ и тогда настала развязка войны. Мы не знаемъ, гдѣ была дана послѣдняя битва, рѣшившая судьбу Самнія; но въ ней было убито 20000 самнитовъ и 6000 взятыхъ въ плѣнъ было уведено на продажу въ рабство. Въ числѣ плѣнныхъ находился главнокомандующій Гавій Понцій,—тотъ ли Понцій былъ это, который побѣдилъ при Кавдіѣ, или его сынъ, во всякомъ случаѣ низкимъ, недостойнымъ римскаго народа дѣломъ было то, что его заковали въ цѣпи, отвели въ Римъ и убили тамъ въ темницѣ. Теперь Самній совершенно изнемогъ; обезсиленные 37 лѣтнею войною, самниты заключили миръ съ консуломъ Маніемъ Куріемъ Дентатомъ, принудившимъ сабинянъ отказаться отъ задуманнаго возстанія и совершенно подчиниться Риму. Самниты признали надъ собою власть Рима, обязались давать свои отряды въ его войска. Римляне поступили съ ними снисходительно, чтобы не вызвать ихъ тяжелыми условіями мира къ возобновленію войны. Пользуясь наставшимъ послѣ того спокойствіемъ, римляне упрочили свое владычество надъ покоренными землями основаніемъ военныхъ колоній и установленіемъ точныхъ юридическихъ отношеній къ побѣжденнымъ.

Самній принужденъ покориться.

292.

291.

290.

Въ сабинской землѣ, изобиловавшей оливковымъ масломъ и виномъ, Реате, Нурсія и Амитернъ были подчинены правленію римскихъ префектовъ, было роздано много участковъ римскимъ колонистамъ; а дальше къ сѣверу на приморьѣ была основана крѣпость Гадрія. Въ Кампаніи были во время войны построены крѣпости Минтурны и Синуэсса; теперь поселеннымъ въ нихъ римскимъ колонистамъ было дано полное право римскаго гражданства, 289 (295). чтобы упрочить ихъ преданность Риму. Но въ особенности заботились римляне упрочить за собою восточное приморье. Они послали 20000 гражданъ колонистами въ апулійскій городъ Венузію, стоявшій на границѣ между

землями самнитовъ, луканцевъ и тарентинцевъ; такимъ образомъ этотъ городъ сталъ оплотомъ римскаго владычества въ той мѣстности.

Новая коалиція противъ Рима.

Римляне хорошо понимали, что нужны мѣры предосторожности. Любовь къ свободѣ и воинственность глубоко коренились въ характерѣ италійскихъ народовъ, и они не могли оставаться покорными Риму, пока чувствовали въ себѣ силу воспротивиться ему. Едва улеглась самнитская война, какъ уже стала угрожать Риму новая коалиція. Луканцы и бруттійцы, бывшіе во время войны на сторонѣ римлянъ, продолжали по заключеніи мира свои привычные набѣги на греческіе города. Граждане Турій, не имѣя силы отразить этихъ буй-
285. ныхъ дикарей, отдали свой городъ подъ покровительство Рима, и римляне запретили своимъ прежнимъ союзникамъ нападать на него. Но луканцы не захотѣли отказаться отъ грабежа, продолжали набѣги на турійскія земли, арестовали римскихъ пословъ, воспрещавшихъ имъ это, вступили въ сношенія съ враждебной Риму партіей въ Тарентѣ и въ Самніѣ, стали возбуждать къ войнѣ съ Римомъ этрусковъ, умбровъ и галловъ. Ихъ усилія составить новую коалицію всѣхъ италійскихъ племенъ противъ Рима имѣли нѣкоторый успѣхъ. Многіе города западной Этруріи уже и прежде думали возобновить при удобныхъ обстоятельствахъ войну. Надежда на то, что возстанетъ противъ Рима вся Южная Италія, внушила имъ отвагу. Они наняли множество сенонскихъ галловъ, склонили къ войнѣ умбровъ и выставили многочисленное войско; осадили вѣрный римлянамъ городъ Аррецій, нанесли пораженіе претору Луцію Цецилію Метеллу, который былъ посланъ на помощь Аррецію. Тутъ бы-
284. ло убито 13000 римскихъ воиновъ, въ числѣ убитыхъ находились самъ преторъ и семь военныхъ трибуновъ. Союзники были обязаны своею побѣдою галламъ. Римляне отправили посольство къ сенонамъ съ жалобою на то, что они, заключившіе послѣ битвы при Сентинѣ союзъ съ Римомъ, дозволили этрускамъ навербовать у нихъ много наемниковъ; вѣстники требовали, чтобы римскіе плѣнные были возвращены безъ выкупа. Варвары, опьяненные побѣдой и возбуждаемые царемъ Бритомаромъ, котораго отецъ былъ убитъ въ сраженіи
283. при Арреціѣ, убили римскихъ вѣстниковъ, не уваживъ ихъ жреческаго облаченія, и разрубили на куски ихъ тѣла. Такое оскорбленіе требовало мести. Консулъ Публій Долабелла повелъ войско черезъ земли сабинянъ и пицентовъ на сеноновъ, которые не ждали нападенія и отпустили храбрѣйшихъ своихъ воиновъ на службу въ чужія войска. Потому Долабелла легко овладѣлъ всею сенонскою областью; всѣ взрослые мущины были умерщвлены, женщины и дѣти проданы въ рабство, селенія сожжены, стада угнаны, нивы отустошены. Вѣроятно, многіе сеноны успѣли бѣжать и присоединились къ полчищамъ тѣхъ галловъ, которые пошли, какъ мы увидимъ, гра-

Истребленіе сеноновъ.

бить Грецію и потомъ поселились въ Малой Азіи. Бритомаръ, взятый въ плѣнъ, былъ оставленъ въ живыхъ для тріумфа. Въ Сенѣ, столицѣ сеноновъ, жители которой были истреблены, была основана римская колонія; колонисты снова воздѣлали опустѣвшія нивы. Вскорѣ послѣ того старинный городъ умбровъ Ариминъ былъ присоединенъ къ римскому государству и получилъ права латинскихъ союзниковъ. Такимъ образомъ были проложены пути распространенію римской народности на сѣверъ. Съ опасеніемъ и негодованіемъ смотрѣли тарентинцы на то, что римляне основали колонію у Адріатическаго моря; она угрожала ихъ торговлѣ.

Покореніе боіевъ и этрусковъ. 282.

Ужасная судьба сеноновъ раздражила ихъ соплеменниковъ, боіевъ, жившихъ между сѣвернымъ склономъ Апеннинов и Падомъ; всѣ ихъ воины взялись за оружіе и присоединились къ этрусскому войску; оно, теперь очень многочисленное, пошло на Римъ, отмстить за истребленіе сеноновъ. Казалось, возвращаются времена Бренна. Но при переходѣ черезъ Тибръ близъ Вадимонскаго озера римляне разбили враговъ на голову. Многіе изъ тѣхъ сеноновъ, которые успѣли спастись отъ римскаго меча, сами лишили себя жизни. Этруски и боіи раздробленными отрядами ушли домой. Всѣ боіи, способные носить оружіе, снова собрались оборонять свою землю; но, разбитые во второй разъ при Популоніи, они не стали искать новыхъ битвъ, послали просить мира у римлянъ и отпустили ихъ плѣнниковъ. Этруски послѣдовали примѣру боіевъ. Римляне согласились примириться, потому что хотѣли послать свои войка на югъ. Отпавшіе отъ римскаго союза этрусскіе города были наказаны отнятіемъ части земли и нѣкоторыхъ изъ прежнихъ правъ; но положеніе, въ какое были поставлены они, не было ни тяжело, ни унизительно. Паденіе Этруріи не ознаменовалось никакимъ славнымъ подвигомъ: не явилось у этрусковъ ни одного героя, не совершили они ничего отважнаго; олигархія не допускала этого. Покорившись римлянамъ, Этрурія оставалась два вѣка послушной имъ. Ея спокойствіе нарушалось лишь сословными раздорами, въ которыхъ римляне всегда принимали сторону аристократовъ. Эти раздоры только подавали Риму поводы упрочивать свое владычество. Такъ было, напримѣръ, въ 365 году до Р. Х. въ Вольсиніяхъ (см. ниже). Опасенія, возбуждаемыя галлами, и симпатіи аристократовъ удерживали Этрурію въ неизмѣнной преданности Риму.

Расширеніе римскаго владычества въ Южной Италіи. 282.

Энергическими мѣрами римляне одолѣли этрусковъ и галловъ, прежде чѣмъ ослабѣвшіе самниты успѣли приготовиться къ войнѣ и колеблющіеся тарентинцы на нее рѣшились. Благодаря этому, римскій гарнизонъ, находившійся въ Туріяхъ, могъ выдерживать борьбу съ луканцами и бруттійцами до той поры, когда по заключеніи мира на сѣверѣ римляне послали на помощь Туріямъ консула Гая Фабриція. Онъ быстро кончилъ войну. Войско луканцевъ и бруттій-

цевъ было разбито, ихъ военачальникъ Статилій былъ взятъ въ плѣнъ, и укрѣпленный лагерь ихъ разграбленъ. Слабые греческіе города Южной Италіи: Локры, Туріи, Кротонъ, Регій, видѣвшіе въ римлянахъ своихъ спасителей, заключили съ ними союзъ и приняли въ свои стѣны римскіе гарнизоны. Возвратясь въ Римъ, Фабрицій отдалъ въ государственную казну всю добычу, кромѣ той, которую роздалъ воинамъ: онъ и Курій Дентатъ принадлежали къ числу тѣхъ римлянъ, которые хотѣли не сами быть богаты, а только властвовать надъ богатыми.

---

4. Война съ Тарентомъ и Пирромъ.

Оскорбленіе римлянъ тарентинцами.

На югѣ отъ Кротона Лакинскій мысъ образуетъ западную границу Тарентскаго залива. По стариннымъ договорамъ съ Тарентомъ римляне не имѣли права посылать военные корабли дальше этого мыса. Однажды тарентинцы, созванные для совѣщанія о дѣлахъ въ театръ, лежавшій на высокомъ мѣстѣ, увидѣли, что по заливу идутъ десять римскихъ триремъ и становятся на якорь у берега. Народъ подумалъ, что аристократы хотятъ уничтожить демократическія учрежденія и призвали римлянъ на помощь себѣ. Забывая, что Тарентъ находится въ союзѣ съ Римомъ, возбужденный демагогомъ Филаресомъ народъ бросился въ гавань и напалъ на римскіе корабли; они не ожидали нападенія и были побѣждены. Пять успѣли уйдти, другіе были взяты или потоплены; начальникъ эскадры утонулъ; взятые въ плѣнъ были казнены или проданы въ рабство. Съ ними поступили, какъ съ морскими разбойниками. Въ довершеніе безразсудства и пренебреженія къ договору съ римлянами, тарентинцы напали на городъ Туріи, выгнали римскій гарнизонъ, изгнали важнѣйшихъ гражданъ и наложили на городъ тяжелую контрибуцію въ наказаніе за то, что онъ отдался варварамъ.

Поруганіе надъ римскимъ посольствомъ.

Сенатъ, при извѣстіи объ этихъ наглыхъ оскорбленіяхъ, выказалъ большую умѣренность; онъ желалъ бы уклониться отъ войны съ городомъ, сильно укрѣпленнымъ, который трудно было взять. Затянувшись, война могла произвести новую коалицію противъ Рима; потому требованія сената были мягки, на сколько позволяло достоинство республики. Условіями примиренія сенатъ ставилъ только освобожденіе плѣнныхъ, возстановленіе независимости Турій и выдачу людей, возбудившихъ народъ къ нарушенію мира. Но безразсудная толпа, владычествовавшая въ Тарентѣ, не послушалась своихъ руководителей, отвергла требованія сената и оскорбила римскихъ пословъ, пришедшихъ въ театръ, гдѣ было созвано народное собраніе выслушать ихъ требованіе. При каждой ошибкѣ Луція Постумія противъ правилъ греческаго языка собраніе хохотало надъ нимъ, а когда послы уходили изъ театра, пьяный тарентинецъ пошлымъ образомъ замочилъ одежду Постумія и народъ восхитился этой выходкой. Постумій воскликнулъ: «эта одежда будетъ омыта рѣками вашей крови!». Послы уѣхали изъ города.

Война съ Тарентомъ и Пирромъ.

Римское войско вошло въ тарентскую землю и безъ труда разбило тарентинцевъ. Консулъ Луцій Эмилій снова предложилъ миръ на прежнихъ условіяхъ, и безъ выкупа освободилъ знатныхъ плѣнниковъ, чтобъ они убѣдили своихъ согражданъ согласиться на эти справедливыя и легкія требованія. Но демагоги боялись мщенія римлянъ и убѣдили народъ, что лучше будетъ призвать иноземнаго военачальника, чѣмъ заключить съ Римомъ союзъ, который приведетъ къ рабству. Не смотря на сопротивленіе аристократовъ, уже были отправлены послы въ Эпиръ, пригласить на помощь царя Пирра. Потому-то римляне и выказывали такую снисходительность: имъ не хотѣлось, чтобъ явился въ Италію этотъ врагъ. Прежняя война едва была кончена, раны ея еще не зажили; въ разныхъ областяхъ государства еще происходили судорожныя движенія; они могли распространиться, произвести общее возстаніе побѣжденныхъ. Естественно было римлянамъ опасаться пріѣзда Пирра, называвшаго себя потомкомъ Ахиллеса и потому считавшаго своимъ наслѣдственнымъ призваніемъ войну съ потомками троянцевъ; его хорошо обученное войско легко могло быть увеличено наемниками, въ которыхъ не было тогда недостатка, и всѣ враги Рима могли присоединиться къ этому вождю, родственнику Александра Великаго, еще болѣе близкому родственнику того Александра, царя эпирскаго, который успѣшно воевалъ въ Италіи и былъ убитъ измѣнникомъ при Пандосіи (стр. 135); Пирръ считалъ себя призваннымъ продолжать дѣло, начатое этимъ Александромъ, и подражать примѣру Александра Великаго.

Характеръ Пирра.

Мы впослѣдствіи ознакомимся съ исторіею Пирра, царя эпирскаго, бывшаго то могущественнымъ государемъ, то бѣглецомъ; по своимъ подвигамъ онъ былъ замѣчательное лицо даже въ тѣ времена, богатыя удивительными военными событіями; наполовину герой, наполовину искатель приключеній, онъ величавой осанкой, красотою лица, силой характера, храбростью и чистотою нравовъ очаровывалъ всѣхъ, сближавшихся съ нимъ, возбуждалъ удивленіе и любовь въ современникѣ и потомкахъ. Отважный воинъ, искусный полководецъ, неутомимо воевавшій, онъ повсюду, куда приводила его измѣнчивая судьба, занималъ выдающееся положеніе, пріобрѣталъ довѣріе сподвижниковъ, любовь женщинъ, расположеніе народовъ. По своему происхожденію и по брачнымъ связямъ, онъ былъ въ родствѣ съ династіями преемниковъ Александра Великаго; македонскій народъ желалъ имѣть его царемъ; храбрые эпирцы были преданы ему съ

восторженною привязанностью; многочисленные наемники и вожди ихъ, скитавшіеся тогда повсюду, желали служить у него; словомъ, онъ казался предназначенъ играть на западѣ цивилизованнаго міра ту роль, какую нѣсколькими десятками лѣтъ раньше съ такой славою исполнилъ его великій родственникъ на востокѣ. Потому онъ съ большимъ удовольствіемъ принялъ приглашеніе тарентинцевъ сражаться за нихъ съ римлянами. Передъ его взглядомъ открывалась блестящая перспектива, онъ видѣлъ обширное поле для своихъ геройскихъ подвиговъ и завоеваній въ прекрасныхъ областяхъ Италіи и Сициліи. У него было опытное войско, восторженно преданное ему; онъ могъ убѣжденіемъ или силой привлечь на свою сторону греческіе города запада, повести ихъ воиновъ вмѣстѣ съ своими на борьбу противъ западныхъ варваровъ, побѣдить своею фалангою римлянъ на сушѣ, своимъ флотомъ карѳагенянъ на морѣ,—такъ мечталось его гордой душѣ. И дѣйствительно, со времени Александра Великаго не было человѣка, болѣе достойнаго такой роли, чѣмъ Пирръ, превосходившій всѣхъ своихъ современниковъ блестящей храбростью и безукоризненнымъ характеромъ. Однажды воины назвали его орломъ; онъ отвѣчалъ, что его крылья—ихъ оружіе. Но онъ умѣлъ только дѣлать завоеванія, сохранять ихъ онъ не умѣлъ; онъ думалъ о томъ, чтобы выигрывать битвы, а не о томъ, чтобы разсудительно пользоваться побѣдою. Ему были привлекательны далекія экспедиціи, рискованныя дѣла; мысли о нихъ отвлекали его отъ соображеній болѣе близкихъ, и онъ безпечно покидалъ пріобрѣтенное его побѣдами, чувствуя въ себѣ силу вновь завоевать то, что покидаетъ. Такимъ образомъ все, что создавалъ онъ, быстро разрушалось. Онъ былъ не похожъ на Александра, въ которомъ съ геройствомъ завоевателя соединялась геніальная проницательность разсудительнаго государственнаго человѣка. Безграничная отвага, любовь къ приключеніямъ вовлекала его въ предпріятія фантастическія, которыя не могли дать никакихъ прочныхъ результатовъ. Правда и то, что ему пришлось сражаться не съ такимъ народомъ, который, проигравъ нѣсколько битвъ, падаетъ духомъ. Въ его борьбѣ съ римлянами въ первый разъ выказалась глубокая разница между западомъ и востокомъ цивилизованнаго міра; это была неравная борьба фаланги наемниковъ и военнаго царя съ когортами, гражданами-воинами и сенатомъ, индивидуальнаго таланта съ національной энергіей. Это была первая война Рима съ греческимъ міромъ; ходъ ея былъ предзнаменованіемъ всего будущаго хода событій, предвѣстіемъ того, что Греція послѣ упорнаго сопротивленія будетъ подавлена желѣзною рукою Рима. Пирръ не былъ полнымъ представителемъ греческой національности; но и на его долю досталась часть симпатіи, съ какою люди сочувствуютъ падающему величію; и легенды потомства сдѣлали почти героическимъ лицомъ этого «орла», какъ называли его эпирскіе воины.

Пирръ въ Тарентѣ. 381.

Получивъ извѣстіе, что, наперекоръ всѣмъ усиліямъ преданной Риму и желавшей мира партіи, заключенъ договоръ между Пирромъ и Тарентомъ, что Пирръ готовится плыть въ Италію и что его полководецъ Милонъ съ 3000 войска уже прибылъ въ Тарентъ, Луцій Эмилій пошелъ черезъ Апулію назадъ въ Римъ. Только то, что при его войскѣ были тарентскіе плѣнники, спасло его: чтобы не подвергать ихъ казни, непріятель не преслѣдовалъ отступающихъ римлянъ. Слѣдующею весной приплылъ въ Тарентъ самъ Пирръ, которому было тогда 36 лѣтъ. Плаваніе было бурно и войско Пирра понесло на немъ много потерь. Онъ привезъ въ Тарентъ 20000 человѣкъ тяжело-вооруженной пѣхоты 3000 конницы, 2500 стрѣлковъ и пращниковъ и 20 слоновъ. Тарентинцы встрѣтили его съ радостью и охотно платили деньги на жалованье и продовольствіе войска. Но царь, досадуя на то, что не пришли отряды союзниковъ, которыхъ обѣщали ему тарентинцы, началъ дѣйствовать самовластно, сталъ на тарентинскія деньги собирать наемниковъ, взялъ въ войско тарентинтскихъ гражданъ способныхъ къ службѣ, принудилъ ихъ учиться военному дѣлу, заперъ театръ, запретилъ народныя собранія, обѣды цѣлыми обществами (сисситіи) и пиры, заперъ мѣста прогулокъ, поставилъ у воротъ стражу изъ своихъ эпирскихъ воиновъ и подъ разными предлогами отослалъ въ Эпиръ знатныхъ гражданъ, опасаясь, что они хотятъ составить заговоръ; эти его дѣйствія произвели неудовольствіе. Такого освободителя тарентинцы не желали и не ожидали. Многіе граждане бѣжали въ Римъ, спасаясь отъ непріятностей въ настоящемъ, отъ бѣдъ въ будущемъ.

Битва при Гераклеѣ. 280.

Римляне выказали не меньше энергіи, чѣмъ Пирръ. Они требовали у союзниковъ войскъ и денегъ, сами употребляли величайшія усилія на снаряженіе войска, чтобы послать много легіоновъ въ Южную Италію и однако же оставить сильные отряды въ другихъ мѣстностяхъ, возстанія которыхъ можно было опасаться. Они послали гарнизоны въ города, на вѣрность которыхъ не надѣялись; чтобы запугать ненадежныхъ союзниковъ, они казнили въ Пренестѣ нѣсколькихъ сенаторовъ, навлекшихъ на себя ихъ подозрѣніе. Большое войско, съ которымъ консулъ Публій Валерій Левинъ быстро пошелъ въ Южную Италію, не допустило луканцевъ и самнитовъ принять сторону Пирра. Левинъ и Пирръ встрѣтились на рѣкѣ Сирисѣ, близъ Гераклеи; тутъ произошла страшная битва; обѣ стороны сражались съ величайшимъ ожесточеніемъ; семь разъ воины Пирра подвигались впередъ и были оттѣсняемы. Римляне отбили аттаку ѳессалійской конницы; самъ Пирръ былъ сбитъ съ лошади. Быстро сталъ онъ передъ своей пѣхотой и повелъ фалангу на легіоны. Въ этомъ боѣ былъ убитъ эпирскій военачальникъ Мегаклъ, одѣтый въ шлемъ и военный плащъ Пирра; войско думало, что убитъ царь, и стало колебаться; но Пирръ прошелъ съ

280.

открытой головою по рядамъ воиновъ и одушевилъ ихъ новымъ мужествомъ. Побѣда все еще колебалась; наконецъ были пущены на римскую конницу слоны, остававшіеся въ дали отъ боя; ихъ неожиданное появленіе рѣшило битву. Римская конница въ ужасѣ отъ невиданныхъ чудовищъ обратилась въ бѣгство, увлекла за собою и пѣхоту; пораженіе римлянъ было полное; все ихъ войско было бъ истреблено, если бъ одинъ изъ слоновъ, раненный храбрымъ римскимъ воиномъ Гаемъ Минуціемъ, не обратился въ бѣшенствѣ противъ своихъ и не помѣшалъ преслѣдованію. Благодаря этому замѣшательству противниковъ, консулъ успѣлъ собрать бѣгущихъ и, подъ прикрытіемъ наступавшей ночи, увести ихъ въ крѣпость Венузію.

Уронъ римлянъ былъ великъ: 7000 ихъ воиновъ легли на полѣ битвы; но подлѣ нихъ лежали тѣла 4000 эпирцевъ и грековъ. „Съ такими воинами я завоевалъ бы весь свѣтъ", сказалъ Пирръ, обозрѣвая на слѣдующій день поле сраженія и видя, что убитые римляне пали стройными рядами, не отступая отъ тяжелаго натиска фаланги. Лучшіе военачальники Пирра были убиты въ этомъ сраженіи. Онъ велѣлъ съ почетомъ похоронить убитыхъ римлянъ и освободить отъ оковъ 2000 плѣнныхъ, твердо отказавшихся поступить на службу къ нему.

Отпаденіе народовъ Южной Италіи отъ Рима.

Пораженіе римлянъ при Гераклеѣ имѣло результатомъ отпаденіе народовъ Южной Италіи отъ союза съ Римомъ. Луканцы, бруттійцы и самниты присоединились къ Пирру; греческіе города сдались ему; локрійцы выдали ему римскій гарнизонъ. Только Регій не послѣдовалъ примѣру другихъ городовъ. Кампанскіе наемники, бывшіе на службѣ у регійцевъ, убили всѣхъ гражданъ, взяли себѣ ихъ дома и женъ и основали независимое разбойническое государство; въ союзѣ съ мамертинцами, своими соплеменниками, которые за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ завладѣли посредствомъ такого же злодѣйства на другомъ берегу пролива Мессаною, они стали грабить окрестныя области.

Киней въ Римѣ.

Пирръ хотѣлъ подъ первымъ впечатлѣніемъ побѣды заключить миръ съ римлянами, чтобы пріобрѣсти прочное положеніе въ Италіи и получить свободу для завоеванія Сициліи. Онъ послалъ съ предложеніемъ мира въ Римъ своего друга и совѣтника, ѳессалійца Кинея, искуснаго оратора, государственнаго человѣка и писателя. Пирръ предлагалъ римлянамъ союзъ, если они признаютъ независимость всѣхъ греческихъ городовъ Италіи, возвратятъ самнитамъ, луканцамъ, бруттійцамъ и апулійцамъ свободу и отнятыя у нихъ земли и города, въ томъ числѣ Луцерію и Венузію; онъ говорилъ, что, заключивъ миръ на этихъ условіяхъ, онъ удалится изъ Италіи, довольствуясь славою побѣды надъ храбрѣйшимъ изъ всѣхъ народовъ. Киней дѣйствовалъ въ Римѣ съ тѣмъ искусствомъ, которому былъ обязанъ многими успѣхами въ переговорахъ съ греками и восточными царями: онъ умѣлъ хвалить и льстить, ловко выставлялъ всю выгодность союза съ Пирромъ для римлянъ, всѣ невыгоды продолженія войны; превозносилъ великодушіе своего царя и съ такою-же горячностью восхвалялъ мудрость и честность римскаго сената. Сенатъ колебался; многіе говорили, что должно принять предложеніе, дающее Риму время оправиться отъ тяжелаго удара; но бывшій консулъ Аппій Клавдій, слѣпой старикъ, велѣлъ нести себя черезъ форумъ въ сенатъ и возсталъ противъ мира съ Пирромъ; его пламенныя слова одушевили сенаторовъ непреклонною энергіею ихъ отцовъ; онъ рѣзко осуждалъ малодушіе людей, которые хотятъ въ одинъ день отдать побѣдоносному врагу всѣ завоеванія, пріобрѣтенныя сорокапятилѣтнею борьбою; подъ впечатлѣніемъ его суровой рѣчи сенатъ велѣлъ Кинею немедленно выѣхать изъ Рима и передать царю отвѣтъ, что переговоры о заключеніи мира могутъ начаться, лишь когда онъ съ своимъ войскомъ удалится изъ Италіи. Это правило, высказанное теперь въ первый разъ, стало неизмѣннымъ основаніемъ римской политики. Киней, возвратясь къ царю, назвалъ сенатъ собраніемъ царей. Пирръ и его посланникъ, знавшіе только выродившихся грековъ, удивлялись мудрости и возвышенности мыслей сената, гражданской доблести, честности и простотѣ жизни римскихъ военачальниковъ—Фабриція, Курія Дентата, другихъ,—геройству легіоновъ.

Твердость римлянъ.

Уронъ, понесенный римскимъ войскомъ въ битвѣ при Гераклеѣ, былъ уже пополненъ молодыми гражданами, добровольно спѣшившими подъ знамена, когда Пирръ пошелъ въ Кампанію, взялъ неожиданнымъ нападеніемъ Фрегеллы и съ обремененнымъ добычею войскомъ пошелъ черезъ земли латиновъ и герниковъ на Римъ, надѣясь побудить къ возстанію этрусковъ. Онъ перешелъ Лирисъ, дошелъ до города Анагніи, находившагося лишь съ небольшимъ въ пятидесяти верстахъ отъ Рима. По словамъ Флора, онъ, взявъ Пренестъ, видѣлъ съ цитадели этого города холмы Рима. Онъ не встрѣчалъ сопротивленія. Но если онъ надѣялся, что латины присоединятся къ нему, то ошибся. Лишь очень немногіе изъ нихъ перешли на его сторону; за этимъ небольшимъ исключеніемъ латины остались вѣрны Риму и не впускали врага въ свои города. Левинъ вышелъ на встрѣчу Пирру съ новыми легіонами, а другой консулъ, Тиберій Корунканій, обезпечивъ вѣрность этрусковъ заключеніемъ новыхъ договоровъ съ ними, собралъ въ Римѣ другое большое войско. Пирръ увидѣлъ невозможность идти дальше: отряды римлянъ и ихъ союзниковъ угрожали его тылу и флангамъ; онъ съ богатой добычей вернулся въ Южную Италію дождаться весны въ союзной съ нимъ странѣ. Римское войско провело зиму въ Пиценѣ у города Фирма. Сенатъ велѣлъ разбитымъ у Гераклеи легіонамъ зимовать въ снѣгахъ горъ подъ шатрами и добывать себѣ пищу нападеніями на

враговъ; это было наказаніемъ за то, что они не устояли въ битвѣ.

Фабрицій въ станѣ Пирра.

Пирръ зимовалъ въ Тарентѣ; туда пріѣхали къ нему три римскіе посла, однимъ изъ которыхъ былъ храбрый и честный Гай Фабрицій Лусцинъ. Они были присланы для переговоровъ о выкупѣ или обмѣнѣ плѣнныхъ. Пирръ не принялъ предложеній пословъ, но отпустилъ всѣхъ плѣнныхъ домой на праздникъ Сатурналій, взявъ съ нихъ обѣщаніе, что они возвратятся, если не будетъ заключенъ миръ. И ни одинъ изъ нихъ не измѣнилъ данному слову. Впослѣдствіи у римлянъ было много разсказовъ о томъ, какъ Фабрицій, человѣкъ бѣдный, устоявъ противъ всѣхъ обольщеній царя, возбудилъ его удивленіе и честностью своей, и неустрашимостью. По разсказамъ римлянъ, Пирръ воскликнулъ, что скорѣе солнце совратится съ своего пути, чѣмъ Фабрицій со стези доблести.

Битва при Авскулѣ. 279.

Слѣдующею весной Пирръ съ войскомъ, въ которомъ кромѣ эпирцевъ и грековъ находились луканцы, бруттійцы и самниты и численность котораго простиралась до 70,000 человѣкъ, пошелъ въ Апулію прогнать оттуда войско римлянъ и ихъ союзниковъ, простиравшееся до такого же числа воиновъ, и взять Венузію. При Авскулѣ произошла битва, въ которой римляне сначала тѣснили Пирра, потому что его конница и слоны не могли дѣйствовать на крутизнахъ и болотахъ береговъ рѣки; но перемѣнивъ позицію, онъ возобновилъ сраженіе на удобной мѣстности и выигралъ битву. Побѣда была рѣшена и тутъ, какъ при Гераклеѣ, слонами и эпирскою фалангой, вооруженной длинными копьями (сариссами), отъ которыхъ не могли отбиваться римляне своими мечами. Число убитыхъ римлянъ было 6,000. Пирръ, по греческимъ извѣстіямъ, потерялъ 3,505 человѣкъ. Онъ по обыкновенію сражался въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ боя и былъ въ этомъ сраженіи раненъ дротикомъ въ руку. Поле битвы осталось за нимъ; но эта слава и была единственнымъ плодомъ кровопролитнаго сраженія. Римляне въ стройномъ порядкѣ отступили въ свой станъ; ихъ военная сила и вѣрность ихъ союзниковъ непоколебимо выдержали этотъ ударъ. Пирръ пріобрѣлъ при Авскулѣ только безплодные лавры. Лучшіе воины его были убиты. Онъ не могъ разсчитывать на италійскихъ и греческихъ союзниковъ своихъ, между которыми не было согласія. Онъ удерживалъ ихъ подъ своими знаменами только силой. Онъ былъ правъ, отвѣчая на поздравленія съ побѣдой: «Еще такая побѣда—и я погибъ». Онъ не могъ ожидать себѣ подкрѣпленій изъ Эпира и Македоніи: туда вторглись около этого времени галлы, опустошали все, истребляли выступавшіе противъ нихъ отряды. Онъ искалъ предлога, который позволилъ бы ему съ честью покинуть Италію, и желалъ заключить миръ съ римлянами.

Предлогъ покинуть Италію нашелся. Въ Сициліи господствовали между греческими городами и тираннами такіе раздоры, что карѳагеняне считали возможнымъ для себя овладѣть всѣмъ этимъ островомъ и осадили Сиракузы. Сиракузанцы обратились за помощью къ Пирру.

Пирръ удаляется въ Сицилію. 278.

Мы послѣ разскажемъ о бѣдственномъ положеніи сицилійскихъ грековъ, вынудившемъ ихъ призвать Пирра, хотя и должно было опасаться имъ его властолюбія: беззаконія и безпорядки дошли у нихъ до такой степени, что стали невыносимы. Пирру было очень пріятно приглашеніе стать защитникомъ греческой свободы отъ Карѳагенянъ. Оно давало ему почетный предлогъ покинуть Италію, и онъ въ своихъ мечтахъ уже видѣлъ себя владыкою всей западной части греческаго міра; какъ Тарентъ служилъ опорою власти его въ Южной Италіи, такъ опорою ея въ Сициліи будутъ, думалъ онъ, Сиракузы. Ему хотѣлось прежде всего примириться съ римлянами. Гай Фабрицій, бывшій въ томъ году консуломъ, прислалъ ему закованнаго въ цѣпи грека, который предлагалъ отравить его, если римляне дадутъ за это награду. Пирръ былъ такъ тронутъ этимъ благородствомъ, что отпустилъ римскихъ плѣнниковъ безъ выкупа и предложилъ римлянамъ миръ на условіяхъ очень выгодныхъ для нихъ. Римляне по прежнему отвѣчали, что вступятъ въ переговоры о мирѣ лишь по удаленіи его изъ Италіи. Онъ рѣшился уѣхать, не смотря на неудачу переговоровъ: ему надобно было спѣшить, чтобы Сиракузы не были принуждены покориться карѳагенянамъ. Тарентинцы и другіе италійскіе союзники умоляли его не покидать ихъ, но онъ былъ совершенно увлеченъ мечтами о побѣдахъ и завоеваніяхъ въ Сициліи. Онъ оставилъ въ Тарентѣ гарнизонъ подъ начальствомъ Милона, въ Локрахъ другой отрядъ, начальникомъ котораго назначилъ шестнадцатилѣтняго юношу Александра,—своего сына отъ дочери Агаѳокла, и ушелъ съ войскомъ и слонами на сиракузскихъ корабляхъ въ Сицилію.

Римъ покоряетъ возставшія противъ него государства. 278—279

Пирръ оставался въ Сициліи около трехъ лѣтъ. Послѣ мы разскажемъ о томъ, что сначала онъ одерживалъ тамъ побѣды, но что результаты ихъ были отняты у него неудачею при осадѣ Лилибея и отпаденіемъ сицилійцевъ; онъ былъ принужденъ съ остатками своего войска возвратиться въ Тарентъ. Римляне не вмѣшивались въ сицилійскія дѣла, хотя обратили свой прежній торговый трактатъ съ карѳагенянами (стран. 58) въ договоръ о союзѣ противъ общаго врага: взаимное недовѣріе мѣшало имъ и карѳагенянамъ помогать другъ другу. 279. Они воспользовались удаленіемъ Пирра изъ Италіи, чтобы покорить возставшихъ противъ нихъ союзниковъ. Городъ Гераклея, бывшій подъ властью Тарента, заключилъ миръ съ римлянами немедленно по отъѣздѣ Пирра. 277. Въ слѣдующемъ году оба консула пошли на самнитовъ, которые увели своихъ женъ и дѣтей, увезли все имущество въ неприступные горные лѣса и защищали свои укрѣпленія съ обыкновенной своей храбростью. При опрометчивомъ нападеніи на одно изъ этихъ укрѣпленій римляне даже по-

терпѣли пораженіе. Успѣшнѣе дѣйствовали они противъ луканцевъ и бруттійцевъ. Въ этихъ походахъ воины, бывшіе въ плѣну у Пирра, должны были служить въ наименѣе почетныхъ родахъ войска и ночевать за укрѣпленіями стана безъ защиты отъ враговъ и непогоды; прежній почетъ возвращаемъ былъ только тому, кто искупалъ стыдъ плѣна, убивъ двухъ непріятелей. Эта желѣзная дисциплина возвеличила Римъ. То былъ періодъ, когда у римлянъ владычествовали суровыя военныя доблести, когда граждане всѣхъ сословій вели строго нравственный, простой образъ жизни, когда слава и могущество отечества были высшимъ предметомъ желаній для всѣхъ, когда почести пріобрѣтались только геройскими подвигами.—Римляне возстановили свою власть и на восточномъ берегу. При нападеніи на Кротонъ, ихъ войско было отражено эпирскимъ гарнизономъ; но вскорѣ они взяли этотъ городъ военной хитростью. Локрійцы, возставшіе противъ римлянъ, купили себѣ прощеніе, выдавъ имъ эпирскій гарнизонъ.

И Кротонъ и Локры были совершенно обезсилены этой войною. На Кротонъ вскорѣ послѣ того напали разбойники, овладѣвшіе Регіемъ, и сожгли городъ. Немногіе уцѣлѣвшіе жители поселились въ маленькомъ уголкѣ погибшаго большого города и распахали остальную мѣстность его; это бѣдное селеніе существовало нѣсколько десятковъ лѣтъ, потомъ исчезло безъ слѣда. Локры были снова покорены возвратившимся въ Италію Пирромъ; онъ казнилъ множество гражданъ, наказалъ другихъ за измѣну тяжелой контрибуціей. Онъ ограбилъ богатый храмъ Прозерпины; но прогнѣванная богиня скоро низвела его въ свое мрачное царство.

Положеніе Пирра по его возвращеніи въ Италію.

Когда Пирръ возвратился через Локры въ Тарентъ, его орлиныя крылья были поломаны. Правда войско, съ которымъ явился онъ, еще было довольно многочислено: оно состояло изъ 20000 человѣкъ пѣхоты и 3000 конницы, но это были уже не прежніе его эпирскіе ветераны: они почти всѣ погибли, и греческіе наемники, или варвары, занявшіе ихъ мѣста, не имѣли преданности къ нему, покидали его знамена, когда у него не было денегъ на уплату жалованья. Были испорчены грабежемъ и развратомъ и тѣ немногіе изъ его прежнихъ воиновъ, которые уцѣлѣли: дисциплина у нихъ упала; ослабѣла и преданность царю отъ усвоенія понятій иноземцевъ, съ которыми они служили. Италійскіе народы встрѣтили его уже не такъ, какъ за пять лѣтъ передъ тѣмъ: они теперь не видѣли въ немъ защитника своей свободы; ихъ довѣріе къ нему исчезло, когда онъ покинулъ ихъ на мщеніе римлянъ, отправясь завоевать Сицилію. Онъ и самъ уже не былъ одушевленъ прежними гордыми надеждами. Изъ человѣка, мечтавшаго основать могущественное государство, онъ обратился въ искателя приключеній, онъ велъ теперь войну не для осуществленія обширныхъ плановъ, а просто на удачу, какъ проигравшійся игрокъ, чтобы забываться въ шумѣ сраженій.

Битва при Беневентѣ. 275.

Консулъ Маній Курій Дентатъ занялъ въ самнитской землѣ крѣпкую позицію на холмахъ. Пирръ успѣлъ завлечь его въ сраженіе, прежде чѣмъ пришелъ на соединеніе съ нимъ другой консулъ, находившійся въ Луканіи. Сраженіе началось, но отрядъ, посланный Пирромъ въ обходъ для того, чтобы напасть на римлянъ съ фланга, заблудился въ густомъ лѣсу и запоздалъ, а слоны разстроили фалангу: римляне бросали въ нихъ зажженныя стрѣлы, они испугались, взбѣсились, бросились на свое войско, воины бѣжали отъ нихъ; такимъ образомъ битва при городѣ, который назывался Малуэнтомъ, а послѣ того названъ былъ Беневентомъ, кончилась совершеннымъ пораженіемъ Пирра. Онъ съ немногими всадниками ускакалъ въ Тарентъ. Станомъ его овладѣли римляне, взявшіе тамъ богатую добычу; четыре слона, захваченные ими, послужили украшеніемъ тріумфа побѣдоноснаго консула. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ битвы Пирръ съ небольшимъ остаткомъ своего войска отплылъ изъ Тарента искать въ Греціи счастья, покинувшаго его въ Италіи. Но въ Тарентѣ остался его полководецъ Милонъ и держалъ городъ въ строгомъ подчиненіи: Пирръ хотѣлъ имѣть въ Италіи гавань на тотъ случай, если вздумаетъ вернуться туда, чтобы возобновить войну съ римлянами. На родинѣ Пирръ скоро завоевалъ отнятое у него врагами и задумалъ снова овладѣть Македоніей; но его могущество было теперь призрачное: судьба лишь обольщала его, и скоро онъ жалкимъ образомъ погибъ на безразсудномъ походѣ въ Пелопоннесъ: при нападеніи на Аргосъ, онъ былъ сбитъ съ коня брошеннымъ на него съ кровли большимъ камнемъ и убитъ непріятельскимъ воиномъ. Въ томъ же году Милонъ купилъ пропускъ себѣ и своему отряду на родину, сдавъ цитадель. Тарентинцы, обезсиленные раздорами, уже заключили въ это время миръ съ римлянами. Городъ сохранилъ самостоятельное управленіе, но долженъ былъ отдать римлянамъ свои военные корабли, оружіе, разрушить свои стѣны и платить побѣдителямъ дань. Ходъ переговоровъ былъ ускоренъ тѣмъ, что въ Тарентскомъ заливѣ появилась карѳагенская экскадра: римляне поспѣшили заключить миръ, чтобы не вмѣшались въ войну карѳагеняне. Въ слѣдующіе годы римляне покорили самнитовъ, луканцевъ и бруттійцевъ. Тѣ права, какія сохранили эти народы, были даромъ снисходительности Рима. Бруттійцы должны были уступить римлянамъ половину Сильскаго лѣса, доставлявшаго сосѣднимъ приморскимъ городамъ матеріалъ для кораблестроенія. Черезъ два года по заключеніи мира съ Тарентомъ отрядъ кампанцевъ, злодѣйски овладѣвшій Регіемъ, былъ наказанъ за измѣну римлянамъ, за убійство гражданъ Регія и раззореніе Кротона. Консулъ Генуцій, при содѣйствіи сиракузанцевъ, приславшихъ ему корабли и съѣстные припасы, осадилъ Регій. Разбойники, владѣвшіе имъ, отчаянно оборонялись, зная, что ихъ ждетъ неумолимое наказаніе. Наконецъ городъ былъ взятъ

Возвращеніе Пирра въ Грецію и смерть его.

272.

Тарентъ сдается римлянамъ.

Покореніе всей Южной Италіи.

270.

приступомъ. Тѣ изъ разбойниковъ, которые не были убиты при взятіи его, были отведены въ Римъ и тамъ на форумѣ высѣчены и казнены. Регій былъ возвращенъ тѣмъ изъ прежнихъ жителей, которые уцѣлѣли. Сообщники злодѣевъ, владѣвшихъ Регіемъ, мамертинцы владѣвшіе Мессаною, были спасены отъ погибели взаимнымъ недовѣріемъ между римлянами и карѳагенянами. Не смотря на союзъ, заключенный съ римлянами противъ Пирра, карѳагеняне тайно помогали тарентинцамъ; потому у римлянъ не было желанія избавить карѳагенскіе города въ Сициліи отъ грабежа мамертинцевъ.—Вся южная Италія была теперь покорена Риму; только между самнитами и пицентами еще оставались нѣкоторыя общины, пытавшіяся сопротивляться, но и въ этихъ горахъ
269. мечъ и висѣлица установили наконецъ тишину. Послѣдніе изъ бившихся съ римлянами воиновъ были казнены, или проданы въ рабство, какъ разбойники. Новыя колоніи Беневентъ и Эзернія держали въ повиновеніи недовольныхъ самнитовъ, Пестумъ и Коза луканцевъ, Ариминъ, Фирмъ и Castrum Novum галловъ. Большая дорога была продолжена изъ Капуи черезъ Беневентъ и Венузію въ приморскій городъ Брундизій, скоро ставшій соперникомъ Тарента въ торговлѣ.

---

5. Владычество Рима надъ Италіею.

Отношенія Рима къ покореннымъ народамъ.

Такимъ образомъ война была кончена, основано было владычество Рима надъ Италіей. Сенатъ уже предвидѣлъ неизбѣжность войны съ Карѳагеномъ за владычество на морѣ и принималъ мѣры къ тому, чтобъ эта борьба не застала Римъ неприготовленнымъ къ ней. Разъединяя италійскія племена различіемъ правъ, имъ предоставляемыхъ, римляне соединили всѣ ихъ въ одинъ военный союзъ подъ своимъ управленіемъ: всѣ они должны были давать римлянамъ войско и деньги на покрытіе военныхъ расходовъ; а греческіе города и вновь основанныя на морскихъ берегахъ колоніи были обязаны давать имъ военные корабли и матросовъ и охранять берега отъ нападеній съ моря; за это они были освобождены отъ присылки отрядовъ въ римское войско. Для охраненія береговъ и наблюденія за исправностью флота были назначены четыре сановника, называвшіеся квесторами флота. Они жили въ главнѣйшихъ приморскихъ городахъ. — Такимъ образомъ вся Италія отъ Рубикона до Мессанскаго пролива была окинута сѣтью подластныхъ Риму военныхъ поселеній и всѣ нити этой сѣти сходились въ Римѣ. Въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ подвластные ему города и племена пользовались нѣкоторою свободою: римляне мало стѣсняли ихъ администрацію, судопроизводство, предоставляли просторъ ихъ торговлѣ, допускали ихъ даже заключать договоры между собою; но совершенно господствовали надъ ними. Всѣ члены союза должны были помогать Риму въ его войнахъ; всѣ вопросы о войнѣ и мирѣ рѣшалъ онъ одинъ; союзныя государства не могли сами вести никакой войны, не могли заключать договоровъ съ народами, не принадлежащими къ союзу. Серебряная монета, на которую производились торговые расчеты между союзниками, была римская. Квесторы, завѣдывавшіе морскими дѣлами, собирали доходы съ общественныхъ земель въ областяхъ Южной Италіи, наблюдали за наборомъ войска въ нихъ, были посредниками между Римомъ и администраціею подвластныхъ городовъ и племенъ. Каждыя пять лѣтъ производилась по всей Италіи перепись населенія и оцѣнка имуществъ. Такимъ образомъ сенатъ имѣлъ точныя свѣдѣнія о военныхъ и финансовыхъ средствахъ союзниковъ. Римляне установляли отношенія подвластныхъ племенъ къ Риму и взаимныя ихъ отношенія, уменьшали, или увеличивали права того или другого народа, наблюдали за безопасностью путей сообщенія; сенатъ награждалъ вѣрныхъ союзниковъ увеличеніемъ правъ, наказывалъ уменьшеніемъ ихъ тѣ города или народы, которыми былъ недоволенъ. Владычество Рима надъ побѣжденными народами Италіи не было подавляющимъ военнымъ деспотизмомъ; союзники пользовались большею или меньшею самостоятельностью, размѣры которой опредѣлялись степенью ихъ преданности Риму и характеромъ ихъ обычаевъ. Нѣкоторые имѣли такъ много правъ, что были почти независимы, другіе такъ мало, что были подданными Рима; всѣ подробности этихъ разнообразныхъ отношеній опредѣлялись точными законами. Вѣрнѣйшимъ своимъ союзникамъ римляне предоставляли права римскихъ гражданъ. Эти права сначала казались для италійцевъ обременительною милостью, отъ которой они охотно отказались бы: военная служба и налоги, которые должны были нести римскіе граждане, были такъ тяжелы, что отнимали привлекательность у привилегій, соединенныхъ съ именемъ римскаго гражданина. Но когда Римъ сталъ владыкою Италіи, права римскихъ гражданъ сдѣлались такъ выгодны и заманчивы, что союзники усердно старались заслужить ихъ. Отношеніями, въ какихъ находился къ Риму городъ, округъ, или отдѣльный человѣкъ, опредѣлялась степень уваженія, какимъ пользовался онъ. Полноправные римскіе граждане образовали высшее сословіе населенія Италіи. Они были въ нѣкоторомъ смыслѣ аристократіею. Потому полное право римскаго гражданства давалось только

Римскіе граждане.

тѣмъ общинамъ, или отдѣльнымъ лицамъ, преданность которыхъ Римъ хотѣлъ наградить или упрочить. Оно было дано тѣмъ племенамъ и городамъ, которые доказали свою вѣрность Риму въ трудныя для него времена: сабинянамъ и большинству латиновъ и вольсковъ; оно также было дано приморскимъ колоніямъ, которыя надобно было

особеннымъ почетомъ удерживать въ преданности Риму, потому что онѣ имѣли много искушенiй мечтать о независимости; было дано оно и тѣмъ приморскимъ городамъ, отъ которыхъ римляне ожидали особенно важныхъ услугъ себѣ. Кромѣ того во всѣхъ другихъ округахъ и городахъ получали право римскихъ гражданъ отдѣльныя лица, пользовавшiяся по знатности или богатству особеннымъ влiянiемъ на своихъ соотечественниковъ; въ частности тѣ же люди, которыхъ въ латинскихъ городахъ избирали своими сановниками ихъ сограждане. Притомъ повсюду жили небольшими поселенiями или отдѣльными семействами римскiе колонисты. Соображая все это, мы видимъ, что число римскихъ гражданъ было велико. Они составляли почетнѣйшiй классъ общества. Ихъ личные интересы заставляли желать, чтобы могущество Рима возростало, потому что вмѣстѣ съ нимъ увеличивалась и почетность положенiя каждаго изъ нихъ. Люди, не принадлежавшiе къ этому классу, смотрѣли на него съ завистью, и онъ образовалъ плотную корпорацiю, которая дѣйствовала во всѣхъ важныхъ дѣлахъ единодушно, и общими силами поддерживала Римъ въ опасностяхъ. Римляне старались, чтобы во всѣхъ важныхъ городахъ сановниками были избираемы люди знатные и богатые, стремились повсюду дать правительству аристократическiй характеръ; потому высшiя сословiя повсюду были расположены къ Риму; прежнiя племенныя и федеративныя связи разрушались; воспоминанiя о старинѣ, о независимости, о великихъ войнахъ за племенную свободу остались только историческими преданiями, милыми, но маловажными сравнительно съ разсчетомъ выгодности настоящаго положенiя дѣлъ. Тога, нацiональная римская одежда, стала одеждою всѣхъ италiйцевъ; жители Апеннинскаго полуострова стали называть себя «людьми, носящими тогу» въ отличiе отъ грековъ и отъ кельтскихъ варваровъ. Чувство нацiональнаго единства нашло себѣ выраженiе въ одинаковости одежды.

Мы уже видѣли, что римляне вознаградили кампанскихъ аристократовъ, за ихъ вѣрность Риму, почетомъ и денежными выгодами. Точно такъ же теперь поступили они относительно аристократовъ этрусскаго города Вольсинiй; тамъ были сословные раздоры;
265. демократы одолѣли и установили равноправность всѣхъ гражданъ. Римляне вступились за аристократовъ (стран. 149). Вольсинiйцы не согласились возстановить аристократическое правленiе; римляне разрушили стѣны города, назначили аристократамъ новое мѣсто для поселенiя, а тѣхъ простолюдиновъ, которые уцѣлѣли, поставили въ прежнюю подвластность имъ.

Союзники и подданные.

Но вообще единственнымъ различiемъ римскихъ гражданъ отъ союзниковъ и подданныхъ были только почетныя права. Военная повинность и военные налоги лежали на римскихъ гражданахъ или въ такомъ же размѣрѣ, какъ на союзникахъ, или даже въ большемъ. Римскiй сенатъ соблюдалъ умѣренность въ примѣненiи своей власти

къ управленiю союзниками; это составляло главную причину прочности римскаго владычества. Римляне остерегались оскорблять нацiональныя чувства своихъ союзниковъ и подданныхъ, не облагали ихъ прямыми податями, оставляли имъ нѣкоторую независимость, не вмѣшивались въ ихъ управленiе и судопроизводство, довольствуясь тѣмъ, что они признавали власть римскаго народа, исполняли свои военныя обязанности, подчинялись рѣшенiямъ сената и комицiй по вопросамъ о войнѣ и мирѣ. Всѣ тѣ права союзниковъ, которыя не мѣшали верховной власти Рима, оставались неприкосновенными. Многiе жители латинскихъ городовъ поселились въ Римѣ, занимаясь тамъ ремеслами, мелкою торговлей, или добывая себѣ пропитанiе работой по найму. Они получали въ Римѣ права церитовъ (стран. 123). Ихъ называли эрарiями (людьми податными), потому что они платили личную подать въ размѣрѣ, установляемомъ цензорами. Подобно отпущенникамъ, они были люди, пользующiеся нѣкоторыми, но не всѣми правами римскихъ гражданъ. Число такихъ людей въ римскомъ государствѣ было очень велико; права ихъ подвергались многимъ измѣненiямъ. Аппiй Клавдiй, убѣдившiй сенаторовъ отвергнуть предложенiе Пирра, сдѣлалъ первую попытку дать поселившимся въ Римѣ латинамъ полное право римскаго гражданства. Онъ былъ чуждъ узкой аристократической тенденцiи своей фамилiи, стремился произвести политическiя, соцiальныя и культурныя преобразованiя. Онъ внесъ въ списки трибъ латиновъ, жившихъ въ Римѣ, то есть предоставилъ имъ право голоса въ народномъ собранiи. Это показалось опасно приверженцамъ старины; потому черезъ восемь лѣтъ его реформа была введена въ тѣсныя границы: цензоръ Квинтъ Фабiй Рулліанъ перенесъ имена новыхъ гражданъ изъ всѣхъ сельскихъ трибъ въ четыре городскiя трибы. Говорятъ, что онъ получилъ за это названiе Maximus (Великiй). Подавая голоса только въ четырехъ трибахъ, новые граждане оказывали мало влiянiя на рѣшенiя комицiй трибъ; огромное большинство голосовъ оставалось за прежними гражданами, распредѣленными по всѣмъ трибамъ (каждая триба составляла особую единицу, имѣвшую въ комицiяхъ одинъ голосъ).— Распредѣленiе союзниковъ на разные классы съ разными правами обезпечивало владычество Рима надъ ними. Но впослѣдствiи это неравенство правъ сдѣлалось источникомъ политическихъ волненiй, служило средствомъ интригъ для демагоговъ; раздоры между разными классами населенiя помѣшали развитiю средняго сословiя въ римскомъ государствѣ и стали причиной паденiя республиканскихъ учрежденiй.

1. Латинское право.

Послѣ полноправнаго римскаго гражданства высшимъ политическимъ положенiемъ было латинское право (jus Latii, Latium). Изъ тѣхъ старинныхъ городовъ Лацiума (prisci Latini), которымъ первоначально было дано это право, только Тибуръ, Пренестъ и немногiе другiе сохраняли въ третьемъ

столѣтіи положеніе, опредѣляемое латинскимъ правомъ; всѣ другіе одинъ за другимъ пріобрѣли полное право римскаго гражданства. Первый латинскій городъ, получившій право римскаго гражданства, былъ Тускулъ; оно было дано ему въ 381 году до Р. Х. Приморскія колоніи имѣли право римскаго гражданства (стр. 157). Всѣ другія колоніи Рима получали латинское право, были, какъ это называлось, „латинскія колоніи" (coloniae Latinae). Этими колоніями латинское право переносилось во множество мѣстностей по всѣмъ частямъ Италіи. Граждане ихъ, называвшіеся латинами, не были римскими гражданами, но браки людей латинскаго права съ римскими гражданами или гражданками были полноправные; латины могли пріобрѣтать земельную собственность въ римской области, римляне въ латинскихъ городахъ; или, по римскому выраженію, между римлянами и латинами были connubium и commercium. Граждане латинскаго города самостоятельно управляли своими общественными дѣлами. Человѣкъ латинскаго права, поселившись въ Римѣ и записавшись въ одну изъ римскихъ трибъ, получалъ право римскаго гражданства съ нѣкоторыми ограниченіями. Оно и въ этомъ ограниченномъ размѣрѣ давало большой почетъ; потому, безъ сомнѣнія, очень многіе латины записывались въ римскія трибы. Вѣроятно поэтому и было впослѣдствіи принято за правило не давать такой возможности пріобрѣтенія римскаго гражданства всѣмъ гражданамъ вновь основываемыхъ колоній; съ 268 года до Р. Х., когда была основана колонія въ Ариминѣ, римляне держались того правила, что граждане новыхъ колоній латинскаго права не пріобрѣтаютъ права римскаго гражданства, поселяясь въ Римѣ; пріобрѣтаютъ его только тѣ изъ нихъ, которые были избраны въ своемъ городѣ сановниками; они, записываясь въ римскія трибы, получали права римскихъ гражданъ безъ всякихъ ограниченій. Кажется, что новымъ латинскимъ колоніямъ не предоставлялась равноправность браковъ съ римскими гражданами или гражданками.

2. Союзники съ болѣе ограниченнымъ правомъ гражданства.

Менѣе высоко, но всетаки довольно почетно политическое положеніе тѣхъ городовъ, граждане которыхъ имѣли „римское гражданство безъ права голоса" (civitas sine suffragio). На нихъ лежали повинности и налоги римскихъ гражданъ, въ частности военная повинность и военный налогъ; потому они вносились въ списки ценза, но политическихъ правъ римскаго гражданства не имѣли. Они управляли своими городами самостоятельно; былъ у нихъ и свой судъ; но подъ вліяніемъ Рима въ сановники этихъ городовъ избирались только знатные и богатые граждане. Городское управленіе у нихъ было устроено по римскому образцу. Судъ у нихъ производился по ихъ мѣстнымъ обычаямъ; но сборники этихъ обычаевъ составлялись подъ надзоромъ римскаго правительства, которое отбрасывало изъ нихъ все, несогласное съ римскими законами. Судьями по уголовнымъ дѣламъ почти во всѣхъ такихъ городахъ были люди, назначаемые римскимъ городскимъ преторомъ; такой судья назывался префектомъ. Но въ нѣкоторыхъ городахъ право избранія уголовнаго судьи принадлежало самимъ гражданамъ. Воины этихъ городовъ не составляли особыхъ отрядовъ, а служили въ римскихъ легіонахъ.

3. Союзники италійскаго права.

Были наконецъ „союзники италійскаго права". Оно было очень разнообразно по различію условій, на которыхъ были заключены договоры о союзѣ этихъ городовъ съ Римомъ. Вообще союзники италійскаго права сохраняли свои прежнія правительственныя учрежденія; ихъ договоры между собою о взаимной полноправности браковъ и о взаимномъ правѣ пріобрѣтенія земельной собственности оставались ненарушенными; но ихъ отношенія къ Риму были очень не одинаковы. Многіе города герниковъ, Неаполь, Нола, Гераклея, многіе другіе города имѣли такія широкія политическія преимущества, что были почти равны городамъ латинскаго права; а другіе союзники италійскаго права, какъ, напримѣръ, сабелльскія племена, были поставлены въ очень стѣснительное подчиненіе Риму и обложены военною повинностью въ тяжеломъ размѣрѣ. Но сенатъ награждалъ этихъ союзниковъ за услуги Риму предоставленіемъ новыхъ правъ.

Гражданскія доблести и простота нравовъ римлянъ.

Такимъ образомъ Римъ упрочилъ свое владычество надъ Италіей. Онъ привязывалъ къ себѣ завоеванныя земли предоставленіемъ законныхъ правъ побѣжденнымъ. Только сто лѣтъ прошло съ той поры, какъ раздоръ сословій былъ прекращенъ примирительными законами Лицинія,—и какого могущества достигла республика въ эти сто лѣтъ! Жалкія уличныя драки за сохраненіе или отмѣну сословныхъ привилегій замѣнились великимъ состязаніемъ на поляхъ сраженій, въ которыхъ патриціи соперничали съ плебеями патріотическимъ усердіемъ и храбростью; эти войны кончились пріобрѣтеніемъ владычества надъ всѣмъ полуостровомъ. Наравнѣ съ военными доблестями римляне отличались тогда чистотою нравовъ и простотою образа жизни. Великіе полководцы Курій Дентатъ и Фабрицій Лусцинъ, плебейскіе герои, не имѣвшіе ни знатныхъ предковъ, ни кліэнтовъ, умерли такими бѣдняками, что сенатъ долженъ былъ дать приданое ихъ дочерямъ; а на похороны патрицiйскаго героя Квинта Фабія Максима были собраны деньги пожертвованіями народа. Черезъ два столѣтія римляне ходили смотрѣть, какъ на святыню, на скромный сельскій домъ въ сабинской области, гдѣ Курій Дентатъ самъ готовилъ себѣ на домашнемъ очагѣ скудный обѣдъ и отвергъ золото, принесенное самнитскими послами. Слава и величіе отечества были единственною цѣлью всеобщихъ усердныхъ стремленій; знатность рода сама по себѣ не давала человѣку важнаго политическаго значенія; суровая военная доблесть, строгая справедливость, неумолимая дисциплина, добровольное отреченіе отъ всего излишняго, безусловная преданность государственному интересу были качествами, пріобрѣтавшими человѣку уваженіе. Правда и то, что индивидуальность была подавляема непреклоннымъ, нравственно-полицейскимъ контролемъ общества. Въ древнемъ Римѣ не было мѣста развитію ни личной свободы, ни изящества. Тогдашній Римъ былъ не похожъ въ этомъ на Грецію. Римляне тогда еще не приняли греческаго обычая лежать на подушкахъ за роскошными столами, уставленными серебряной посудой; они ѣли, сидя на деревянныхъ лавкахъ; и еще въ 275 году цензоры вычеркнули Публія Корнелія Руфина изъ списка сенаторовъ за то, что онъ имѣлъ слишкомъ много серебряной столовой посуды; а эта посуда стоила меньше 250 рублей. Римскіе законы ревниво старались устранить изъ жизни всякую роскошь, потому что люди, привыкшіе къ удобствамъ и наслажденіямъ, боятся смерти, въ глаза которой смѣло долженъ былъ смотрѣть римлянинъ.

Подобно нравамъ римлянъ, были просты ихъ дома, утварь и посуда. Де-

Римскія сооруженія. Аппій Клавдій. ревянныя крыши долго оставались въ употребленіи; лишь въ позднія времена онѣ были замѣнены черепичными. Но съ глубокой древности римляне начали дѣлать сооруженія, громадностью своею соотвѣтствовавшія ихъ высокимъ понятіямъ о значеніи Рима. Киней говорилъ, что Римъ—храмъ; конечно, при этомъ не должно думать, что Римъ былъ тогда похожъ на великолѣпные греческіе города, въ немъ еще не было мраморныхъ зданій, но величіемъ нѣкоторыхъ своихъ сооруженій онъ не уступалъ греческимъ городамъ; таковы были римскіе водопроводы и мосты, набережная Рима, укрѣпленія города, военныя дороги; въ храмахъ, на форумѣ, въ колоннадахъ было много прекрасныхъ этрусскихъ бронзовыхъ изваяній, много великолѣпныхъ трофеевъ. Военныя дороги и водопроводы издавна были гордостью Рима. Аппіева дорога, „царица дорогъ", вымощенная камнемъ, имѣвшая по сторонамъ сложенныя изъ тесанныхъ камней пути для пѣшеходовъ, переходила мостами черезъ рѣки, прорѣзами черезъ горы, крѣпкими насыпями черезъ низменныя мѣста; она вела въ Капую и оттуда въ Брундизій. Фламиніева дорога шла черезъ Окрикулъ въ Ариминъ, соединяя съ Римомъ сѣверныя его владѣнія. Сосѣднія съ Римомъ области были изрѣзаны сѣтью дорогъ. Аппій Клавдій, строитель дороги въ Капую, бывшій въ 312 году цензоромъ и потомъ два раза консуломъ, проявлялъ во всѣхъ отрасляхъ государственной жизни такую реформаторскую энергію, что противники говорили о немъ, что онъ дѣйствуетъ подобно греческимъ тираннамъ. Ему Римъ былъ обязанъ составленіемъ юридическаго сборника, въ которомъ излагались формы судопроизводства; онъ составилъ и календарь, въ которомъ былъ данъ списокъ судебныхъ дней. Онъ построилъ и первый водопроводъ, который шелъ то подъ землею, то надъ землею и снабжалъ Римъ здоровою родниковою водою съ южныхъ горъ. Слѣдуя примѣру Аппія Клавдія, Курій Дентатъ употребилъ взятую въ битвѣ при Беневентѣ добычу на сооруженіе другого водопровода, который велъ въ Римъ отъ Тибура воду Аніона; а за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ онъ употребилъ добычу, взятую въ сабинской войнѣ, на проведеніе широкаго и глубокаго канала, дававшаго водѣ Велинскаго озера стокъ въ рѣку Неру; этотъ каналъ доставилъ удобство для поселенія гражданъ въ прекрасной и плодородной равнинѣ города Реате (нынѣшняго Ріэти); скромный участокъ земли въ этой долинѣ достался и самому Дентату.

Водостокъ, проведенный Дентатомъ, образуетъ теперь рѣку Велину; она падаетъ съ известковой скалы прекраснымъ Тернійскимъ каскадомъ, имѣющимъ 140 футовъ вышины. Природа создала водопады гораздо болѣе широкіе и глубокіе; но прекраснѣйшій изъ всѣхъ водопадовъ на землѣ—созданіе римлянина. Черезъ этотъ каналъ Дентатъ построилъ мостъ, объ одной аркѣ. Онъ былъ сооруженъ по-этрусски — изъ громадныхъ тесанныхъ камней безъ цемента. До сихъ поръ камни этой арки лежатъ такъ плотно, что нигдѣ нельзя всунуть между ними ножа.

Усиленіе греческаго вліянія на Римъ. Сенатъ очень заботливо старался поддержать у римлянъ старинные нравы, простой образъ жизни, любовь къ занятію земледѣліемъ, служеніе земледѣльческимъ богамъ; но война съ Тарентомъ ввела Римъ въ тѣсныя сношенія съ греческими городами, проложила греческому искусству и образованію широкій путь въ жизнь римскаго народа, дала побѣжденной въ сраженіяхъ греческой культурѣ прочную побѣду въ мысляхъ и въ бытѣ римлянъ.

Языкъ. Киней говорилъ въ сенатѣ, и сенаторы понимали его; римскій посланникъ говорилъ по-гречески въ собраніи тарентинскаго народа; потому должно думать, что для дѣтей знатныхъ фамилій считалось тогда надобнымъ знаніе греческаго языка; они предназначались сдѣлаться государственными людьми, а онъ былъ всемірнымъ языкомъ; на немъ велись переговоры между народами. Религіозныя понятія грековъ уже съ глубокой старины проникали въ Римъ (стр. 33); теперь греческія религіозныя представленія стали все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе сливаться съ римскою религіей. Легенда о троянскомъ происхожденіи римлянъ укоренялась въ ихъ понятіяхъ, и они привыкали считать героическій періодъ грековъ своей собственной стариной. Еще быстрѣе шло усвоеніе греческихъ обычаевъ. Превосходство греческаго образованія быстро измѣнило старинныя привычки римлянъ. Правда, земледѣліе осталось главнымъ занятіемъ римлянина, вѣрнаго своимъ національнымъ воспоминаніямъ; но число людей, занимающихся торговлею и промышленностью, усиливалось, и Римъ становился шумнымъ, похожимъ на греческіе торговые города. Правда, знатные римляне, подобно греческимъ аристократамъ, не занимались сами торговыми и промышленными предпріятіями, предоставляя ихъ иноземцамъ, кліентамъ, отпущенникамъ и рабамъ, но не пренебрегали брать часть выгодъ, пріобрѣтаемыхъ этими людьми подъ ихъ покровительствомъ.

Религіозныя понятія и миѳы.

Обычаи.

Промышленность.

357\.

Потому была установлена довольно большая пошлина за отпускъ раба на волю. Господинъ бралъ долю прибыли, получаемой отпущенникомъ, занимающимся торговлей или промышленностью, и часто эта доля была больше того, сколько доставлялъ ему трудъ раба. Такимъ образомъ отпускать рабовъ на волю было выгоднымъ дѣломъ, и по мѣрѣ увеличенія торговой и промышленной дѣятельности возростало число отпущенниковъ.

Архитектура и ваяніе. Еще сильнѣе проявилось греческое вліяніе въ архитектурѣ и ваяніи. Арки римскихъ воротъ, мостовъ и водопроводовъ принадлежатъ, быть можетъ, туземной италійской архитектурѣ; но очевидны слѣды греческаго вліянія въ стилѣ древнѣйшихъ римскихъ храмовъ, какъ, напримѣръ, авентинскаго храма Цереры и древнѣйшихъ гробницъ; очевидны они и въ бронзовыхъ статуяхъ, въ живописи и въ другихъ украшеніяхъ стѣнъ; а въ особенности очевидно вліяніе греческаго искусства въ чеканкѣ серебряныхъ монетъ, постепенно ограничившихъ употребленіе прежней мѣдной римской монеты ролью мелкихъ размѣнныхъ денегъ. „Ваяніе и живопись у римлянъ", говоритъ Моммсенъ, „не были туземныя, развившіяся подъ греческимъ вліяніемъ; они имѣли чисто греческое происхожденіе". До насъ дошло нѣсколько превосходныхъ произведеній искусства, принадлежащихъ довольно давнимъ временамъ Рима. Таковъ превосходный саркофагъ, въ которомъ покоился прахъ Луція Корнелія Сципіона Барбата, покорившаго самнитовъ и сражавшагося при Беневентѣ; стиль этого саркофага—благородный дорійскій; бронзовая волчица, стоявшая на форумѣ у Руминальской смоковницы—превосходное произведеніе искусства; однимъ изъ прекраснѣйшихъ произведеній античной рѣзьбы на металлѣ считается пренестинскій ящикъ. Фрески, которыми знатный римлянинъ Гай Фабій, получившій названіе живописца (pictor), украсилъ храмъ богини благоденствія (Salus) на Капитолійскомъ холмѣ, заслуживали похвалы и въ позднѣйшія времена, когда римляне сдѣлались опытными цѣнителями живописи. Они говорили, что эти фрески хороши и по рисунку, и по краскамъ. Мы знаемъ, что консулъ Спурій Карвилій сдѣлалъ изъ взятыхъ въ добычу самнитскихъ латъ колоссальную статую Юпитера Капитолійскаго, а изъ обрѣзковъ, полученныхъ при отдѣлкѣ рѣзцемъ этой литой статуи, отлилъ

свое изображеніе и поставилъ его у ногъ статуи Юпитера (стр. 142); это извѣстіе показываетъ, что литейное искусство въ Римѣ уже достигло тогда высокаго развитія.

Періодъ, исторію котораго мы разсказали, былъ эпохою быстраго развитія римской жизни: прежнія формы ея, прежнія привычки и понятія преобразовались подъ вліяніемъ греческой цивилизаціи; римляне становились образованнымъ народомъ и пріобрѣтали тѣмъ способность расширить свое владычество на греческій міръ. Не покидая старинныхъ нравовъ, они принимали обычаи греческой культуры; не переставая любить свою старину, они пріобрѣтали любовь къ новымъ формамъ жизни, къ новымъ понятіямъ. Таково было состояніе Рима, когда египетскій царь Птоломей Филадельфъ прислалъ въ Римъ по-
273. сольство, предлагая сенату и народу римскому дружбу и союзъ. Его посольство было блестящее; римляне, радостно принявъ его предложеніе, отправили въ Александрію съ отвѣтомъ свое посольство, тоже блестящее. Договоръ, заключенный тогда, имѣлъ только торговое значеніе; но мы видимъ, что египетскій царь уже признавалъ Римъ владыкою всего италійскаго полуострова; это должно было вести къ возникновенію политическихъ связей Рима съ государствами за предѣлами Италіи. Римъ вступалъ въ кругъ великихъ державъ политическаго міра, въ которомъ играли важныя роли Карѳагенъ и Египетъ, и который простирался отъ Геркулесовыхъ столбовъ до земель, лежащихъ за Индомъ. Въ слѣдующемъ отдѣлѣ мы увидимъ, какъ сформировалась система государствъ этого міра.

АЛЕКСАНДРІЙСКО-ГРЕЧЕСКІЙ МІРЪ.

I. Александръ Великій.

Литература: Жизнь и подвиги Александра были описаны многими его современниками и спутниками его походовъ; *Каллисѳенъ, Клитархъ, Гегесій, Онесикритъ,* и другіе разсказывали о его дѣлахъ реторическимъ языкомъ, съ преувеличеніями и примѣсью вымысловъ; правдивѣе писали *Птолемей, Неархъ,* бывшій начальникомъ флота Александра, *Аристобулъ* Кассандрійскій и нѣкоторые другіе. Всѣ эти біографіи и мемуары погибли. Но ими пользовались позднѣйшіе историки, жившіе во время римскаго владычества; о ихъ произведеніяхъ мы будемъ подробно говорить впослѣдствіи. Теперь замѣтимъ, что нѣкоторые изъ нихъ слѣдовали современникамъ Александра, писавшимъ о немъ въ реторическомъ тонѣ, таковы *Діодоръ, Курцій, Трогъ Помпей* (трудъ котораго дошелъ до насъ въ сокращеніи, сдѣланномъ *Юстиномъ*), отчасти и *Плутархъ;* ихъ разсказы не достовѣрны, потому что они безъ разбора передаютъ правду и вымыселъ, факты и сказки и, заботясь всего больше о занимательности, слишкомъ любятъ анекдоты. Отъ этихъ недостатковъ свободенъ *Арріанъ,* греческій писатель, уроженецъ Никомедіи, жившій во время Антониновъ. Избравъ себѣ образцомъ Ксенофонта и давъ своей исторіи походовъ Александра то же названіе, какое имѣетъ разсказъ Ксенофонта о походѣ грековъ съ Киромъ младшимъ, Anabasis, онъ писалъ съ любовью къ правдѣ и съ разсудительностью. Онъ слѣдовалъ главнымъ образомъ Птолемею и Аристобулу, разсказы которыхъ объ Александрѣ называетъ единственными достовѣрными; потому Александръ является у него въ самомъ выгодномъ свѣтѣ; онъ не повторяетъ ни одного изъ безчисленныхъ анекдотовъ и вымысловъ, которыми исказили исторію великаго царя Онесикритъ и другіе историческіе писатели. Но относительно рѣчей, которыя вставляетъ Адріанъ въ свой разсказъ, должно полагать, что, по примѣру прежнихъ великихъ историковъ, онъ считалъ полезнымъ характеризовать дѣйствующія лица и описывать положеніе дѣлъ въ извѣстное время рѣчами, которыя составлялъ по собственнымъ соображеніямъ. Продолженіемъ и пополненіемъ «Анабазиса» можно считать сочиненіе Арріана объ Индіи (Indica).—Драгоцѣнныя свѣдѣнія о странахъ и народахъ, покоренныхъ Александромъ, находятся у *Страбона.* Подобно Адріану, онъ въ своихъ разсказахъ объ Индіи слѣдовалъ главнымъ образомъ извѣстіямъ *Мегасѳена,* который по порученію Селевка Никатора ѣздилъ посломъ къ одному изъ индійскихъ царей. — Основательному разбору подвергъ всѣ извѣстія объ Александрѣ Сенъ-Круа (Saint-Croix, Examen critique des anciens historiens d'Alexandre le grand, 2 изд., Paris, 1804). Изъ новѣйшихъ нѣмецкихъ историковъ съ особенною любовью говоритъ о великомъ завоевателѣ Дройзенъ (Droysen, Geschichte Alexander's des grossen, 2 изд., Gotha, 1877), слѣдовавшій въ этомъ примѣру Шлоссера, (Schlosser, Universalhistorische Übersicht der Geschichte der alten Welt I, 3); въ «Приложеніяхъ» къ своей «Исторіи Александра» Дройзенъ даетъ, по примѣру *Иделера,* подробную хронологію послѣдней болѣзни Александра, и дѣлаетъ критическую оцѣнку матеріаловъ его исторіи. Менѣе выгодно судятъ объ Але-

ксандрѣ Флате (Flathe, Geschichte Macedoniens. Leipzig, 1832), *Нибуръ* въ Vorlesungen über die alte Geschichte и *Гротъ* въ 12-мъ томѣ своей «Исторіи Греціи». — Въ разсказѣ о времени діадоховъ авторъ пользовался, кромѣ книгъ, перечисленныхъ на 5-ой страницѣ 2-го тома и относящихся къ этому періоду біографій *Плутарха* и отдѣловъ исторіи *Полибія*, слѣдующими трудами: Mannert, Geschichte der unmittelbaren Nachfolger Alexander's. Leipzig, 1787; Droysen, Geschichte des Hellenismus, 2 тома; томъ 1: Geschichte der Diadochen; томъ 2: Geschichte der Epigonen; 2 изд., Gotha, 1877, 1878; Grauert, Historische und philologische Analecten (Geschichte Athens seit Alexander's Tod bis zum achäischen Bund). Münster, 1833; Brandstäter, Die Geschichte des ätolischen Landes, Volkes und Bundes. Berlin, 1844; Geschichte des achäischen Bundes von Helwing. Lemgo, 1829; Schorn, Geschichte Griechenlands von der Entstehung des ätolischen und achäischen Bundes bis auf die Zerstörung von Korinth. Bonn, 1833, Historische Studien von Gorlach, 2 тома. Hamburg, 1841; Basel, 1847; Bötticher, Geschichte der Karthager. Berlin, 1827; Meltzer, Geschichte der Karthager, 1879; Holm, Geschichte Siciliens im Alterthum, 2 тома. Leipzig, 1870, 1874; Bernays, Phokion. Berlin, 1881, — авторъ пользовался и нѣкоторыми другими монографіями.

1. Александръ и греки.

Воспитаніе и характеръ Александра.

При смерти Филиппа Александру было двадцать лѣтъ. Въ его характерѣ воинственность и неутомимая дѣятельность отца соединялись съ пылкою фантазіею и страстною горячностью матери; а превосходное воспитаніе съ ранней юности одушевило его благороднымъ стремленіемъ къ славѣ, направило его великія дарованія къ высокой цѣли. Леонидъ, храбрый македонскій вельможа, воспитатель его дѣтства, развилъ въ немъ военными упражненіями физическую силу и ловкость, сдѣлалъ его способнымъ выносить трудности походовъ; потомъ воспитаніе его было поручено Аристотелю; этотъ великій завоеватель въ области науки пробудилъ въ юношѣ возвышенныя чувства, научилъ его презирать чувственныя наслажденія, облагородилъ его пылкую душу, далъ его энергіи сдержанность. Былъ у Александра и другой воспитатель, акарнанецъ Лизимахъ, пріучавшій его къ роскоши, портившій его сердце лестью; но сначала было незамѣтно дурное вліяніе этихъ внушеній. Александръ съ дѣтства отличался между своими сверстниками ловкостью въ военныхъ играхъ. Извѣстенъ разсказъ, что онъ укротилъ дикаго ѳессалійскаго коня, Букефала, съ которымъ не могъ сладить никто, и что потомъ Букефалъ служилъ ему боевымъ конемъ; извѣстно, что онъ избралъ себѣ образцомъ Ахиллеса и хотѣлъ, подобно ему, превосходить всѣхъ мужествомъ. Онъ былъ прекрасный юноша, стройный, пылкій, желавшій совершать необычайные подвиги, любившій чудесное. «Его рѣзкія движенія, отъ которыхъ развѣвались его волоса», говоритъ Дройзенъ, «его сверкающій взглядъ, сила его голоса показывала въ немъ героя. Когда онъ былъ спокоенъ, онъ очаровывалъ кротостью выраженія въ лицѣ, нѣжнымъ румянцемъ, игравшимъ на его щекахъ, нѣгою взгляда, даже и тѣмъ, что голова его была нѣсколько наклонена въ-лѣво». Притворство, обманъ были чужды ему. Онъ былъ всегда правдивъ, прямодушенъ, любилъ отвѣчать довѣріемъ на довѣріе; онъ былъ царь, исполненный возвышенныхъ мыслей, и во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ былъ герой». Онъ любилъ друга своей юности, Гефестіона, какъ Ахиллесъ Патрокла; но не исполнилось его желаніе, чтобы нашелся поэтъ, который воспѣлъ бы его, какъ Гомеръ Ахиллеса.

Трудное положеніе государства.

Александръ говорилъ, что побѣды отца не оставляютъ ему мѣста дѣлать завоеванія, когда онъ будетъ царемъ; но, взошедши на престолъ, онъ скоро получилъ возможность удовлетворить своей жаждѣ подвиговъ. Положеніе государства было очень затруднительно. Всѣ народы, покоренные мечемъ храбраго Филиппа, и варвары и греки, возстали при извѣстіи о кровавомъ событіи на праздникѣ въ Эгахъ, надѣясь возвратить себѣ свободу при молодомъ наслѣдникѣ побѣдителя. Въ самой Македоніи подкупъ и политическій раздоръ колебали вѣрность народа и войска. Въ Аѳинахъ Демосѳенъ пришелъ въ народное собраніе въ бѣлой праздничной одеждѣ и съ вѣнкомъ на головѣ объявить о смерти Филиппа, называлъ молодого царя неопытнымъ простякомъ (margites); народъ, по предложенію Демосѳена, назначилъ вѣнокъ Павзанію, убійцѣ тиранна. Въ тяжко пострадавшихъ Ѳивахъ, въ Этоліи, во всѣхъ государствахъ Пелопоннеса возродились надежды на возвращеніе временъ славы и свободы, начались военныя приготовленія. Иллирійскія и ѳракійскія племена, покоренныя Филиппомъ, угрожали возстаніями; другія, оттѣсненныя имъ, готовились возобновить свои набѣги. Атталъ, начальствовавшій частью войска, находившагося въ Малой Азіи (II, 949), не признавалъ правъ Александра на престолъ, вошелъ въ сношенія съ греками, угрожалъ войною. Друзья Александра оробѣли, совѣтовали ему примирить враговъ уступками; но молодой герой отвергъ совѣты робкихъ; онъ считалъ единственнымъ спасеніемъ смѣлость и быстроту.

Возобновленіе коринѳскаго союза.

Онъ созвалъ, по македонскому обычаю, собраніе народа, сказалъ, что требуетъ отъ македонянъ только военной службы, слагаетъ съ нихъ всѣ другія повинности и налоги; народъ выразилъ свою вѣрность ему. Онъ быстро повелъ войско на югъ, перешелъ крутизны Оссы, занялъ Ѳессалію, не встрѣчая сопротивленія; созвалъ ѳессалійцевъ, напомнилъ имъ общность своего происхожденія съ ними, благодѣянія, какія оказалъ имъ Филиппъ; ихъ собраніе предоставило ему права, принадлежавшія отцу: власть военачальника, право призывать ѳессалійскую конницу на службу, собирать торговыя пошлины. Онъ пошелъ въ Термопилы; совѣтъ Амфиктіоновъ, наскоро собранный тамъ, призналъ его главнокомандующимъ войсками Греціи; онъ пошелъ въ беотійскую равнину, подступилъ къ Ѳивамъ. Его неожиданное появленіе испугало ѳиванцевъ, они отказались отъ мыслей о войнѣ. Испугались и аѳиняне; передъ тѣмъ временемъ они,

по предложенію Демосѳена, собрали войско и приняли мѣры для обороны Аѳинъ; теперь они поспѣшно послали Демада къ Александру предложить миръ, и были очень рады, что Александръ принялъ ихъ посольство ласково, согласился не мстить имъ, потребовалъ только, чтобъ они возобновили союзъ, который заключили съ его отцомъ въ Коринѳѣ. Снова былъ созванъ въ Коринѳѣ конгрессъ; всѣ греческія государства, кромѣ Спарты, прислали туда своихъ уполномоченныхъ. Конгрессъ возобновилъ договоръ, заключенный съ Филиппомъ (II, 948), и призналъ Александра полководцемъ Греціи, съ неограниченною властью для веденія войны съ персами. Александръ вполнѣ и очень быстро достигъ своей цѣли, не встрѣтивъ никакого сопротивленія въ Греціи. Атталъ былъ коварно убитъ, и Парменіонъ возстановилъ въ его войскѣ повиновеніе Александру.

Александръ у Діогена.

Художники, философы, образованные люди изъ всей Греціи собрались въ Коринѳъ посмотрѣть на Александра, толпились около него. Только Діогенъ синопскій спокойно оставался въ своей бочкѣ (II, 717). Александръ самъ пошелъ къ нему и предложилъ ему исполнить всякую его просьбу; Діогенъ попросилъ царя немножко подвинуться въ сторону, чтобъ не заслонять его отъ солнца. «Клянусь Зевсомъ, еслибъ я не былъ Александромъ, то желалъ бы быть Діогеномъ», сказалъ царь. Онъ понималъ, что ближе всего къ безграничному могуществу способность ни въ чемъ не нуждаться. Изъ Коринѳа Александръ проѣхалъ въ Дельфы. Онъ принуждалъ Пиѳію сѣсть на треножникъ, на которомъ давала она отвѣты отъ имени Аполлона; она воскликнула: «Ты непреодолимъ, сынъ мой!» Онъ сказалъ, что доволенъ этимъ отвѣтомъ. Изъ Дельфъ онъ возвратился въ Пеллу. Гротъ полагаетъ, что свиданіе Александра съ Діогеномъ и посѣщеніе Дельфъ происходили по взятіи Ѳивъ. Но мы не имѣемъ извѣстій, что Александръ снова былъ въ Коринѳѣ послѣ своего похода на Ѳивы.

Походъ Александра на Дунай. 335.

Между тѣмъ сѣверные народы, съ давнихъ поръ бывшіе врагами македонянъ, взялись за оружіе, чтобы свергнуть съ себя иго, наложенное на нихъ Филиппомъ. Александръ не могъ предпринять войну съ персами, не покоривъ этихъ враговъ. Потому весной онъ пошелъ въ Гемусъ и на нижній Дунай. Онъ двинулся съ своимъ прекраснымъ войскомъ изъ Амфиполя, перешелъ рѣку Нессъ въ ея верховьѣ, одолѣлъ ѳракійцевъ, занявшихъ проходы между Родопскими горами и Гемусомъ, спустился съ горъ въ землю трибалловъ, которые нанесли такъ много вреда Филиппу при его возвращеніи съ похода на Дунай (II, 938).

Побѣда надъ ѳракійцами.

Ѳракійцы думали разстроить ряды македонянъ быстрою аттакою своихъ боевыхъ колесницъ, за которыми слѣдовали ихъ легковооруженные пѣшіе воины; колесницы помчались съ горъ на фалангу; но при ихъ приближеніи она по командѣ Александра разступилась и колесницы большею частью пронеслись по интерваламъ ея отрядовъ; другія колесницы умѣли направиться на воиновъ, но воины легли на землю тѣсными группами, и положили надъ собою щиты плотною кровлею; колесницы проскакали по щитамъ, не сдѣлавъ вреда воинамъ; съ громкимъ крикомъ македоняне вскочили, бросились на ѳракійскую пѣхоту; ѳракійцы, по

Побѣда надъ трибаллами.

варварскому обычаю, шли въ бой безъ латъ; македоняне разогнали ихъ, овладѣли ихъ имуществомъ, послали ихъ женъ и дѣтей въ приморскіе города на продажу въ рабство. Трибаллы тоже были побѣждены. Но Александръ не могъ овладѣть дунайскимъ островомъ Певкою, на который ушли царь трибалловъ и значительная часть народа. Въ началѣ іюня онъ на пришедшихъ изъ Византіи корабляхъ, на рыбацкихъ лодкахъ и на мѣшкахъ изъ шкуръ, набитыхъ сѣномъ, переправился ночью черезъ Дунай; македоняне прошли по нивамъ, высокіе хлѣба которыхъ закрывали ихъ отъ непріятеля, и неожиданно напали на него съ тылу близъ главнаго города трибалловъ; непріятельское войско укрывалось въ густомъ лѣсу, но македонскіе стрѣлки и пращники выманили его оттуда на открытое мѣсто, и фаланга разбила его; трибаллы бѣжали въ глубину степей. Александръ сжегъ ихъ городъ, построенный изъ дерева, принесъ жертвы Зевсу и Гераклу и возвратился на южный берегъ. Запуганныя быстрыми успѣхами его, племена, жившія на нижнемъ Дунаѣ, прислали ему подарки и просили мира; онъ охотно далъ имъ его. Покорился и царь трибалловъ, обѣщался давать войско Александру. Говорятъ, что пришли въ станъ Александра люди высокаго роста, послы кельтовъ, жившихъ на сѣверъ отъ Адріатическаго моря, такъ далеко разнеслась его слава.

Покореніе иллирійцевъ.

Подчинивъ своей власти дикія и полудикія племена на Дунаѣ и тѣмъ упрочивъ спокойствіе сѣверной границы Македоніи, Александръ прошелъ черезъ Скопійскія ущелья и черезъ земли союзныхъ съ нимъ агріанъ и пеонійцевъ въ свое царство, и направился на западъ покорить горную страну отъ верховья Галіакмона до Лихнидскаго озера, которая ужь была завоевана Филиппомъ, но которою теперь снова овладѣли воинственные иллирійцы. Отважными нападеніями, въ которыхъ блистательно выказались его военные таланты, онъ тѣснилъ враговъ; не помогло имъ и то, что они принесли своимъ богамъ въ жертву трехъ мальчиковъ, трехъ дѣвушекъ и трехъ черныхъ барановъ; онъ выгналъ ихъ изъ горной крѣпости Пеліона и, принудивъ возвратить отнятыя ими земли, далъ имъ миръ на легкихъ для нихъ условіяхъ.

Попытки грековъ возстановить свою независимость.

Межъ тѣмъ какъ Александръ велъ на Дунаѣ и въ скалистой странѣ по Эригону опасную войну, о ходѣ которой достигали до Греціи лишь смутныя извѣстія, греки задумали разорвать договоръ, заключенный въ Коринѳѣ, и возстановить свою независимость. Деспотизмъ македонской партіи, владычествовавшей во всѣхъ греческихъ государствахъ, притѣснявшей и изгонявшей своихъ противниковъ, раздражалъ грековъ, и ораторы возбуждали народъ свергнуть иго. Повсюду жаловались на несправедливость суда, на беззаконія, на нарушенія условій коринѳскаго мира, на то, что македоняне захватываютъ греческіе, торговые корабли. Быть можетъ, впечатлѣніе, производимое рѣчами ораторовъ, было усиливаемо персидскимъ золотомъ, раздаваемымъ въ важнѣйшихъ городахъ. Повсюду проявлялось воинственное настроеніе; оно перешло въ открытое возстаніе, когда получено было ошибочное извѣстіе, что Александръ убитъ въ сра-

женіи съ трибаллами или иллирійцами. Молва была основана на томъ, что въ сраженіи при Пеліонѣ онъ по избытку отваги подвергалъ себя большимъ опасностямъ, получилъ раны въ шею и въ голову. Греки повѣрили тому, чего желали. А центрами военнаго движенія были Аѳины и Ѳивы. Вожди враждебной македонянамъ партіи въ Аѳинахъ, Демосѳенъ и Ликургъ (II, стран. 933), говорили, что настало время свергнуть иноземное иго, возстановить свободу народа, и совѣтовали жившимъ въ Аѳинахъ ѳиванскимъ изгнанникамъ освободить родину отъ постыднаго ярма, какъ освободили ее Пелопидъ и Меллонъ (II, стран. 856). Напрасно предостерегали аѳинянъ Демадъ и Фокіонъ.— Ѳиванцы еще больше аѳинянъ имѣли причинъ къ враждѣ противъ македонянъ: въ ихъ акрополѣ стоялъ македонскій гарнизонъ и тяжело подавлялъ ихъ свободу; многіе граждане были изгнаны, у другихъ было отнято имущество; всѣ глубоко негодовали на униженіе родины. Волненіе возросло, когда нѣкоторые изгнанники (Фениксъ, Протихъ), тайно возвратились съ деньгами и оружіемъ, полученными отъ Демосѳена и аѳинскихъ демократовъ, убили ночью двухъ вождей македонской партіи и утромъ стали призывать къ свободѣ собравшійся народъ. Они говорили, что часъ избавленія насталъ, пришло время совершить, по примѣру отцовъ, славные подвиги; что Александръ убитъ, что персидскій царь готовъ помогать ѳиванцамъ, что идутъ къ нимъ войска изъ государствъ средней Греціи и Пелопоннеса. Не дожидаясь вѣрныхъ извѣстій, ѳиванцы возстановили у себя демократическое правленіе, избрали беотарховъ, дали оружіе рабамъ и метекамъ, блокировали македонскій гарнизонъ въ Кадмеѣ, обвели ее двойною линіею окоповъ и отправили пословъ просить помощи другихъ государствъ. Власть македонянъ надъ Греціею поколебалась. Гарнизонъ

Паденіе Ѳивъ. Октябрь 335.

Кадмеи не могъ выдержать долгой осады; на Истмѣ стояли пелопоннесскія войска; аѳиняне готовились къ войнѣ. Ѳиванцы надѣялись, что Кадмея будетъ скоро взята, что возстановится свобода Греціи, что коринѳскій трактатъ, порабощавшій Грецію подъ обманчивыми словами о ея свободѣ, будетъ уничтоженъ. Но разнеслась молва, что македонское войско быстрыми переходами идетъ на Ѳивы, что оно ужь въ Онкестѣ, только въ нѣсколькихъ десяткахъ стадій отъ Ѳивъ. Сначала не хотѣли вѣрить этому извѣстію или полагали, что эти македоняне—лишь небольшой отрядъ, который ведетъ Антипатръ, остававшійся намѣстникомъ въ Македоніи; все еще вѣрили прежнему слуху, что Александръ убитъ. Но скоро увидѣли самого Александра подъ стѣнами Ѳивъ. Ему было достаточно тринадцати дней, чтобы съ 30,000 человѣкъ пѣхоты и 3,000 конницы пройдти изъ иллирійскихъ горъ долину Галіакмона, Термопилы и подступить къ Ѳивамъ. Первыми послѣдствіями его неожиданнаго появленія въ Беотіи было то, что союзники не пошли на помощь ѳиванцамъ, а враги ѳиванцевъ—фокейцы, платеяне, ѳеспійцы, орхомены, другіе—опасавшіеся

снова подвергнуться ихъ безпощадному мщенію, радостно присоединились къ македонскому войску. Александръ хотѣлъ мира съ греками, чтобы скорѣе идти на персовъ; онъ обѣщалъ ѳиванцамъ забвеніе ихъ непріязни, если они положатъ оружіе и выдадутъ ему двухъ главныхъ возбудителей войны. Ѳиванцы, разгорячаемые возвратившимися изгнанниками и своими новыми правителями, рѣшили побѣдить или умереть за свободу. Народное собраніе презрительно отвергло предложеніе Александра. Ѳиванское войско сдѣлало вылазку противъ македонянъ, окружившихъ Ѳивы. Такъ прошло нѣсколько дней; ѳиванцы дѣлали вылазки, македоняне отбивали ихъ. Наконецъ Пердикка, въ нетерпѣніи кончить дѣло, повелъ свой отрядъ на приступъ. Пердикка былъ раненъ; начальство принялъ Аминтъ, прорвался черезъ окопы, подступилъ къ воротамъ. Но ѳиванцы отбивались. Александръ повелъ на приступъ фалангу; въ то же время гарнизонъ Кадмеи сдѣлалъ вылазку, и осаждающіе ворвались въ городъ. Ѳиванцы геройски продолжали обороняться въ улицахъ, на площади народныхъ собраній; они не просили пощады; враги не брали въ плѣнъ, убивали всѣхъ, кого настигалъ мечъ, не щадили ни женщинъ, ни дѣтей, убивали ихъ и при жертвенникахъ боговъ. Только ночь положила конецъ грабежу и убійству. Говорятъ, что было убито 6,000 ѳиванскихъ гражданъ. На слѣдующій день Александръ созвалъ своихъ беотійскихъ и фокейскихъ союзниковъ, бившихся въ рядахъ македонянъ и проникнутыхъ жаждою мести ѳиванцамъ за прежнія страданія. Онъ предоставилъ ихъ собранію рѣшить судьбу Ѳивъ. Приговоръ былъ таковъ, какого слѣдовало ожидать отъ ихъ ненависти. Они постановили: сравнять съ землею Ѳивы, продать въ рабство все населеніе города, кромѣ жрецовъ и тѣхъ гражданъ, которые находились въ союзѣ гостепріимства съ македонянами, убить возвратившихся на родину ѳиванскихъ изгнанниковъ, раздѣлить ѳиванскую область между беотійскими врагами Ѳивъ. Въ обвиненіе ѳиванцамъ припоминали даже то, что ихъ предки были союзниками Ксеркса.—Весь городъ, кромѣ храмовъ, былъ разрушенъ до основанія; оставленъ былъ только акрополь, чтобы служить македонскою крѣпостью. Были проданы въ рабство, разсѣяны по всему свѣту ѳиванцы и ѳиванки; не было жалости ни къ полу, ни къ возрасту. Говорятъ, число проданныхъ въ рабство простиралось до 30,000 человѣкъ. Только потомки Пиндара были, по приказанію Александра, избавлены отъ этой судьбы; онъ велѣлъ оставить не разрушеннымъ и домъ Пиндара.— Македонскій гарнизонъ былъ поставленъ въ Кадмеѣ стеречь храмы и смотрѣть, чтобы пустыня кругомъ оставалась пустынею. Ѳиванская область была раздѣлена между возстановленными Орхоменомъ, Ѳеспіею и Платеею.

Вѣсть объ ужасной судьбѣ города, который еще такъ недавно былъ могущественнѣйшимъ въ цѣлой Греціи, подѣйствовала на всѣхъ

Возстановленіе македонскаго владычества.

грековъ какъ громовой ударъ. Аркадяне быстро отозвали свои войска съ Истма и осудили на смерть вождей партіи войны; элидяне, изгнавшіе приверженцевъ союза съ Македоніею, возвратили имъ права гражданъ; этоляне просили прощенія у Александра. Но особенно великъ былъ страхъ аѳинянъ, которые рѣшительнѣе всѣхъ другихъ грековъ приняли сторону ѳиванцевъ. Они отложили священную процессію въ Элевзинъ, время которой наступало, поспѣшно перевезли въ Аѳины все движимое имущество изъ селеній и мелкихъ городовъ, отправили въ станъ Александра десять человѣкъ приверженцевъ Македоніи, и во главѣ ихъ Демада, поздравить царя съ побѣдоноснымъ возвращеніемъ изъ похода на трибалловъ и иллирійцевъ и съ побѣдою надъ ѳиванцами. Александръ принялъ пословъ милостиво, согласился на ихъ просьбу о дозволеніи продолжать оказывать гостепріимство бѣжавшимъ въ Аѳины ѳиванцамъ, но потребовалъ, чтобъ ему были выданы десять аѳинскихъ гражданъ, возбуждавшихъ народъ къ войнѣ, въ томъ числѣ Демосѳенъ, Ликургъ и Гиперидъ. Послы возвратились. Аѳиняне отправили второе посольство, однимъ изъ членовъ котораго былъ Фокіонъ, просить, чтобъ Александръ предоставилъ самому аѳинскому народу судъ надъ виновниками приготовленій къ войнѣ. Царь отказался отъ своего требованія, удовлетворился тѣмъ, чтобъ изгнаны были полководцы Эфіальтъ и Харидемъ. Они уѣхали въ Азію, помогать персамъ въ приближавшейся войнѣ съ македонянами.

Александръ, вѣроятно, увидѣлъ, что если не отступится отъ своего требованія, то аѳиняне будутъ упорно вести войну. Въ нихъ еще не настолько заглохло чувство чести, чтобъ они согласились выдать на смерть патріотовъ, убѣжденіямъ которыхъ такъ часто слѣдовали въ часы одушевленія. Когда Фокіонъ совѣтовалъ аѳинянамъ покориться требованію Александра и, обращаясь къ тѣмъ государственнымъ людямъ, выдачи которыхъ требовалъ онъ, сказалъ, что они должны, подобно дочерямъ Эрехтея, добровольно пожертвовать своею жизнью для спасенія отечества, народъ прервалъ его рѣчь свистомъ. Демосѳенъ сказалъ аѳинянамъ, что они не должны поступать какъ овцы въ баснѣ, отдавшія волкамъ своихъ сторожевыхъ собакъ, говорилъ имъ о совѣсти и чести,—и его рѣчь была принята съ горячимъ одобреніемъ. — Еслибъ Александръ не уступилъ, то ему пришлось бы быть задержаннымъ въ Греціи войною, или въ тылу у него оставался бъ раздраженный народъ. Онъ уступилъ и не имѣлъ причины раскаяваться въ томъ. Приверженцы Македоніи—Фокіонъ, Демадъ, Пиѳей, Аристогитонъ, Гегемонъ и ихъ друзья—получили преобладаніе въ народномъ собраніи, стали править дѣлами; Аѳины, подобно всѣмъ другимъ греческимъ государствамъ (кромѣ Спарты), дали Александру войско въ походъ противъ персовъ. Александръ считалъ грековъ своими союзниками и подданными; потому, когда бралъ въ плѣнъ грековъ, служившихъ въ персидскомъ войскѣ, наказывалъ ихъ, какъ измѣнниковъ. Только тѣ изъ нихъ, которые поступили на службу къ персамъ до коринѳскаго договора, не были подводимы имъ подъ это правило и пользовались пощадою наравнѣ съ другими плѣнными. — Намѣстникомъ въ Македоніи Александръ назначилъ Антипатра, хорошаго полководца, искуснаго правителя, человѣка простыхъ нравовъ и сильнаго характера. Александръ поручилъ ему наблюдать за Греціею.

---

2. Завоеваніе персидскаго царства.

1. Состояніе персидскаго царства.

Нравственный и политическій упадокъ. Артаксерксъ Мнемонъ.

Во второмъ томѣ (стр. 426 и слѣдд.; 800 и слѣдд.) мы ознакомились съ исторіею персидскаго царства до правленія Артаксеркса II Мнемона, видѣли характеръ нравовъ и государственнаго быта персовъ въ тѣ времена. Это была мрачная картина, въ которой не находитъ ничего отраднаго взглядъ благороднаго человѣка. Но три десятилѣтія, прошедшія отъ смерти Артаксеркса Мнемона до погибели царства, были еще мрачнѣе прежнихъ временъ. Дворъ представлялъ собою зрѣлище отвратительныхъ восточныхъ злодѣйствъ; сладострастіе, развратъ, кровосмѣсительные браки въ царскомъ семействѣ становились все безстыднѣе; интриги царскихъ женъ и наложницъ, коварство сановниковъ, безчеловѣчная свирѣпость придворныхъ обычаевъ производили событія все болѣе и болѣе ужасныя; всяческіе пороки и страсти владычествовали необузданно, человѣческая испорченность проявлялась во всѣхъ своихъ формахъ. Въ государствѣ господствовало беззаконіе,—деспотизмъ вверху, анархія внизу;—угнетеніе и возстанія производили повсюду кровавыя дѣла. Удачные бунты давали на время свободу нѣкоторымъ изъ покоренныхъ персами государствъ или областей, и персидскій царь иногда долго не могъ подавить эти возстанія. Въ другихъ областяхъ самовластвовали, какъ хотѣли, сатрапы; вассалы или вожди воинственныхъ племенъ грабили и злодѣйствовали, иногда давая, иногда не давая дань персидскому царю. Персидское царство было агломератъ государствъ и областей, не соединенныхъ общими законами; оно не имѣло ни правильной администраціи, ни правильнаго суда; законы были попираемы, и неурядица неудержимо вела громадное царство къ погибели. Государственная религія утратила нравственное вліяніе; простые обряды служенія свѣту и огню по закону Зороастра замѣнились пышными обрядами жреческой формалистики маговъ, требовавшей роскошныхъ храмовъ, статуй, богатыхъ жертвоприношеній; прежняя народная вѣра, имѣвшая нравственный характеръ, превратилась въ мертвую обрядность, въ систему суевѣрныхъ правилъ, очищеній и волшебства (I, 374 слѣдд.). Персидское царство было гнилое зданіе, готовое развалиться отъ перваго сильнаго удара.

Во второмъ томѣ намъ уже приходилось нѣсколько разъ упоминать о возстаніяхъ при Артаксерксѣ Мнемонѣ и о поддержкѣ ихъ греческими наемниками. Отъ прибрежья Понта до Ливана и до Египта, повсюду вспыхивали то тамъ, то здѣсь возстанія. — На Кипрѣ храбрый Эвагоръ пріобрѣлъ себѣ и своему народу владычество надъ Саламиномъ; впрочемъ, принужденъ былъ признать надъ собою власть персидскаго царя (II, 844). — Каріецъ Мауссолъ (377 — 353), покровительствовавшій искусствамъ, но алчный и жестокій, основалъ царство почти независимое, хотя называлъ себя не царемъ, а сатрапомъ; онъ присоединилъ къ своему владѣнію греческій городъ Галикарнассъ, увеличилъ и украсилъ его.—Понтійскія племена сѣверовосточныхъ горъ и прибрежья Малой Азіи стали почти независимы отъ персидскаго царства; они имѣли своихъ царей изъ династіи Ахеменидовъ. Они долго отбивались и отъ греческихъ городовъ того приморья и отъ персовъ. Наконецъ сатрапу Фригіи Аріобарзану удалось покорить часть этихъ земель; онъ сталъ царемъ ихъ; его преемники, въ ряду которыхъ были употребительны только два имени: Митридатъ и Фарнакъ, ловко пользовались удобными обстоятельствами для расширенія своего царства, получившаго названіе понтійскаго.—Киликійцы, писидійцы, ликійцы и другія горныя племена Малой Азіи тоже освободились отъ ига персидскихъ сатраповъ.—Въ Каппадокіи произвелъ возстаніе сатрапъ Датамъ. Сынъ карійца и скиѳянки, онъ былъ храбрый воинъ, удачно сражался съ сатрапами, возстававшими противъ царя; за эти заслуги Артаксерксъ назначилъ его сатрапомъ Каппадокіи. Но потомъ коварные царедворцы раздражили царя противъ него; Артаксерксъ хотѣлъ убить его; онъ возмутился и держался два года (364—362); наконецъ былъ измѣннически убитъ.--Еще опаснѣе и обширнѣе были возстанія въ Египтѣ; долгое время персидскому царю лишь изрѣдка и мимолетно удавалось возстановлять свою власть надъ этою страною. Нектанебъ I, дѣйствовавшій въ союзѣ съ Эвагоромъ кипрскимъ (II, 844), прогналъ персовъ изъ Египта и царствовалъ лѣтъ восемь или десять (до 361 года), и возвеличилъ свое имя, по примѣру фараоновъ, сооруженіемъ храмовъ, другихъ памятниковъ, и надписями. Его сынъ и преемникъ Тахъ, на помошь которому отправился Агезилай (II, 895), продержался только два или три года. Интриги и предательства принудили его бѣжать (въ 358 году). Послѣ того, боролись за власть два претендента; побѣдилъ Нектанебъ II, сынъ „великаго Петамуна, начальника стрѣлковъ“ и дочери Нектанеба I; при помощи греческихъ наемниковъ онъ удержался царемъ въ Мемфисѣ двѣнадцать лѣтъ (до 346 года).

Киликія, Писидія, Ликія. Каппадокія; возстаніе Датама.

Возстаніе въ Египтѣ. Нектанебъ I. Тахъ, Нектанебъ II.

Смерть Артаксеркса.

Въ послѣдніе годы царствованія Артаксеркса, въ его семействѣ происходили раздоры, кончавшіеся злодѣйствами. Его старшій сынъ Дарій, уже назначенный наслѣдникомъ престола, ожесточился противъ отца за то, что царь удалилъ изъ его гарема красавицу Аспазію, іонійскую гречанку; въ своемъ раздраженіи Дарій хотѣлъ, при содѣйствіи коварнаго вельможи Тирибаза, убить отца; но заговоръ былъ открытъ; царь велѣлъ предать смерти Дарія и Тирибаза. Теперь должно было полагать, что престолъ достанется по смерти Артаксеркса или тому его сыну, котораго любилъ народъ за кротость и прямодушіе, Аріаспу, или даровитому и смѣлому Арсаму, котораго отецъ любилъ больше другихъ сыновей. Но третій сынъ Артаксеркса, Охъ, довелъ благороднаго Аріаспа своими интригами до такого отчаянія,

что онъ отравился, другого брата, Арсама, Охъ велѣлъ тайно убить. Печаль объ этомъ ускорила смерть отца, и Охъ достигъ цѣли своихъ злодѣяній. 359.

Артаксерксъ III Охъ. 359—338.

Кровожадный и сладострастный Охъ принялъ при восшествіи на престолъ имя Артаксеркса. Въ его правленіе громаднымъ вліяніемъ на дѣла пользовался эвнухъ Багой, уроженецъ Египта, безсовѣстнѣйшій злодѣй, завѣдывавшій дворцомъ и начальствовавшій войсками. Возстанія областей угрожали разрушеніемъ царству. Но Охъ и ужасный его помощникъ подавили мятежи при помощи многочисленныхъ греческихъ наемниковъ и ихъ отважныхъ предводителей.

Возстанія: 1. Въ Малой Азіи.

Въ Малой Азіи начальники греческихъ наемниковъ Менторъ Родосскій и его братъ Мемнонъ, искусные полководцы, но коварные и злые люди, играли роль, равно гибельную и для грековъ, и для варваровъ. Верховный правитель Малой Азіи (каранъ) Артабазъ, женившійся на ихъ сестрѣ, нѣсколько разъ возставалъ противъ царя, опираясь на ихъ наемниковъ; борьба шла съ перемѣннымъ счастьемъ; наконецъ Охъ далъ 300 талантовъ ѳиванцамъ, помогавшимъ Артабазу, они перестали поддерживать его (II, 920), и онъ бѣжалъ въ Македонію. Менторъ помирился съ царемъ, пріобрѣлъ его милость услугами при подавленіи другихъ мятежей. — Гермій, задушевный другъ Аристотеля (II, 741), ставшій независимымъ владѣтелемъ Атарнея, погибъ отъ коварства Ментора: онъ пригласилъ Гермія на свиданье и предательски арестовалъ его; взявъ его печать, Менторъ обманулъ ею атарнейцевъ, измѣннически овладѣлъ этимъ городомъ и сосѣдними мѣстечками, и возстановилъ надъ ними власть персидскаго царя. — Еще опаснѣе мятежа Артабаза было возстаніе Финикіи, принявшей, подобно Кипру, участіе въ возстаніи Египта. Въ первомъ томѣ (стран. 509 и слѣд.) мы сдѣлали краткій очеркъ положенія Финикіи подъ персидскимъ владычествомъ. Какъ важнѣйшій центръ торговли и мореплаванія персидскаго царства, Финикія находилась въ состояніи менѣе дурномъ, чѣмъ другія части его. Торговля и мореходство финикіянъ продолжали процвѣтать, промышленное трудолюбіе охраняло народъ отъ нравственнаго разслабленія, которое быстро вело къ упадку другія культурныя страны подъ персидскимъ игомъ. Въ Триполѣ было учреждено союзное правительство, состоявшее изъ депутацій Сидона, Тира и Арада; оно завѣдывало торговою администраціею Финикіи, имѣло и судебную власть въ дѣлахъ, рѣшеніе которыхъ было предоставлено ему персами. Но персидскій намѣстникъ, жившій въ Сидонѣ, притѣснялъ финикіянъ; ободренные возстаніемъ Египта и мятежами въ Малой Азіи, они возстали. По примѣру Сидона, въ которомъ поднялъ оружіе противъ персовъ туземный царь Теннъ, отказались отъ повиновенія персамъ и другіе финикійскіе города. Вся Финикія возстала. Сады и дворцы персидскаго царя были разрушены, персидскіе склады запасовъ сожжены, всѣ персы, попавшіе въ руки финикіянъ, убиты. Сидонъ заключилъ союзъ съ Нектанебомъ II, пригласилъ въ свою службу греческихъ наемниковъ и приготовился къ упорной оборонѣ противъ сильнаго войска, которое самъ царь повелъ изъ Вавилона въ Сирію. Были и въ этомъ войскѣ греческіе наемники. Сидоняне сами уничтожили свои корабли; они отказались отъ всякой мысли о бѣгствѣ, оставили единственнымъ средствомъ спасенія себѣ — храбрую оборону. Долго они отражали всѣ приступы врага, но силы ихъ истощились. Теннъ задумалъ купить прощеніе себѣ предательствомъ. Артаксерксъ послѣ нѣ-

2. Въ Финикіи.

Возстаніе и погибель Сидона. 351, 350.

нѣкотораго колебанія согласился обѣщать ему безнаказанность, и онъ впустилъ персовъ въ городъ. Ужасна была участь Сидона: за свое геройское сопротивленіе онъ былъ обреченъ на погибель. По приказанію жестокаго Артаксеркса и Багоя, персидскіе воины убивали всѣхъ, не давая пощады ни женщинамъ, ни дѣтямъ; одна часть населенія была истреблена ими; другая, чтобы не попадаться въ руки мучителей, зажгла городъ и добровольно погибла въ пламени. Немногіе уцѣлѣвшіе были проданы въ рабство. То, что не сгорѣло въ городѣ, было разграблено, и весь онъ былъ разрушенъ. Артаксерксъ нарушилъ обѣщаніе пощады, данное Тенну, велѣлъ убить и его. Такъ погибъ Сидонъ, бывшій нѣкогда „торжищемъ народовъ". Его судьба ужаснула другіе финикійскіе города. Они сдались персидскому царю. Іудеи тоже подверглись наказанію; вѣроятно, они участвовали въ возстаніи. Іерихонъ былъ разрушенъ; многіе іудеи были уведены въ плѣнъ. Кромѣ этого, мы знаемъ объ исторіи іудейскаго народа послѣ Неэміи только то, что въ первосвященническомъ семействѣ одинъ братъ убилъ другого въ храмѣ, во время священнослуженія.

Охъ и Багой свирѣпо наказываютъ египтянъ. 349.

Изъ Финикіи Артаксерксъ пошелъ въ Египетъ. Главную силу его войска составляли ѳиванскіе и аргосскіе наемники. Начальникомъ аргосскихъ наемниковъ былъ Никостратъ, человѣкъ исполинской силы, ходившій въ битву съ львиною шкурою на плечахъ и съ булавою, какъ Гераклъ. Въ египетскомъ войскѣ тоже служили греческіе наемники, аѳиняне и спартанцы. При всей храбрости ихъ, возстаніе было подавлено превосходствомъ числа и искусства враговъ; притомъ же, нѣкоторые наемники измѣннически передались персамъ. Нектанебъ былъ разбитъ при Пелузіѣ, у северовосточнаго рукава Нила, и бѣжалъ въ Эѳіопію, оставивъ Египетъ на произволъ свирѣпости Артаксеркса, раздраженнаго тѣмъ, что египтяне, пока дѣла ихъ шли удачно, язвительно осмѣивали его. Онъ превзошелъ Камбиза грабительствомъ и жестокостью. Своею рукою закололъ Аписа. Онъ разграбилъ храмы; взялъ изъ нихъ священныя книги, и египтяне принуждены были выкупить ихъ у него большими суммами. Онъ такъ свирѣпствовалъ, что въ народной рѣчи и въ лѣтописяхъ храмовъ ему дано прозваніе „кинжалъ". Возстановленное силою оружія и ужаса владычество персовъ было поддерживаемо въ Египтѣ и Финикіи тѣми же средствами; но раздраженное населеніе этихъ странъ ждало только случая, чтобы свергнуть съ себя тяжелое иго. Багой и его другъ Менторъ, который спасъ ему жизнь въ сраженіи съ греческими наемниками при Бубастѣ, усмиряли Египетъ съ желѣзной строгостью. Они дали другъ другу клятву дѣйствовать единодушно, чтобы вмѣстѣ править государствомъ. Услуги, оказанныя Артаксерксу въ войнѣ съ финикіянами и египтянами хитростью, мужествомъ и военнымъ искуствомъ Ментора, были такъ важны, что царь имѣлъ къ нему очень большое довѣріе и по его просьбѣ согласился простить его брата Мемнона и мужа его сестры, Артабаза. Возвратясь въ Персію, они стали вѣрно служить царю и возстановили власть его надъ тѣми изъ возмутившихся областей, которыя еще не были усмирены. Менторъ былъ сдѣланъ главнокомандующимъ сухопутныхъ и морскихъ силъ въ западной части персидскаго царства.

Погибель Артаксеркса-Оха и его сыновей.

Багой усердно помогалъ Оху въ войнѣ съ египтянами; но былъ раздраженъ поруганіемъ родныхъ храмовъ и убійствомъ Аписа. Онъ отмстилъ Оху и злодѣйствовалъ, пока не погибъ самъ. Діодоръ разсказываетъ объ этомъ такъ. Подкупленный Багоемъ, врачъ Артаксеркса отравилъ царя. Багой велѣлъ изрубить въ куски и бросить на кормъ

кошкамъ тѣло ненавистнаго деспота, возвелъ на престолъ Арсеса, младшаго сына Артаксеркса, а старшихъ братьевъ Арсеса умертвилъ. Арсесъ задумалъ убить убійцу своего отца и своихъ братьевъ, но Багой предупредилъ царя, убилъ и его самого и его сыновей. Этимъ убійствомъ была истреблена старшая линія царскаго рода, и царемъ сталъ Дарій Кодоманъ, дѣдъ котораго былъ братъ Артаксеркса Мнемона, а мать, Сисигамбида, была дочь Мнемона. Народъ радовался его воцаренію, потому что онъ славился кротостью, красотою и храбростью. На войнѣ съ кадусійцами, когда ихъ вождь, человѣкъ громаднаго роста, вызывалъ враговъ на поединокъ, Дарій одинъ изъ всѣхъ персовъ отважился принять вызовъ, и убилъ великана. Въ награду за это Охъ сдѣлалъ его сатрапомъ Арменіи, и въ цѣлой Персіи не было человѣка, пользующагося такою славою, какъ онъ. Багой помогъ ему получить престолъ, въ надеждѣ управлять государствомъ отъ его имени. Но увидѣвъ, что Дарій не слушается его, хотѣлъ отравить царя. Дарій, предувѣдомленный объ этомъ, принудилъ злодѣя выпить уготовленный для царя кубокъ съ ядомъ.—Свободный отъ пороковъ, которыми осквернена была жизнь прежнихъ царей, одаренный многими прекрасными качествами, Дарій сталъ править царствомъ милостиво и справедливо, насколько было возможно при разстройствѣ государственнаго быта. Многіе хорошіе греческіе воины поступали на службу къ персидскому царю по ненависти къ македонскому владычеству надъ родиною. Но время погибели персидскаго царства быстро приближалось. Дарій палъ жертвою дурного управленія своихъ предшественниковъ. Онъ не былъ способенъ спасти царство отъ грозы, готовившейся на западѣ; у него не было нужныхъ для этого военныхъ талантовъ и политической зоркости, у персидскихъ войскъ не было прежней храбрости и дисциплины. Давно было видно, что должно ожидать нападенія македонянъ. Филиппъ ясно высказалъ свое намѣреніе вести войско въ Азію, установивъ у себя въ царствѣ, рядомъ съ прежнимъ греческимъ счетомъ монеты на серебро, персидскій счетъ на золото. Но персы не предпринимали никакихъ мѣръ обороны, и были не готовы къ ней, когда Парменіонъ и Атталъ переправились съ передовымъ отрядомъ македонскаго войска въ Азію. Не воспользовались персы и смутами въ Македоніи по смерти Филиппа. Предпріимчивый Мемнонъ, сдѣлавшійся по смерти своего брата Ментора (около 336 года) начальникомъ войскъ въ Малой Азіи, совѣтовалъ перенести войну въ Европу; персы не послушались его, не приняли даже мѣръ помѣшать высадкѣ непріятеля, ограничились незначительными оборонительными дѣйствіями противъ Парменіона, принявшаго команду войсками въ Малой Азіи послѣ убійства Аттала, и полагали, что всякая опасность отвращена, потому что царемъ въ Македоніи сталъ неопытный юноша, а Мемнонъ оттѣснилъ Парменіона на берегъ Эолиды.

Арсесъ. 338–336.

Дарій Кодоманъ.

Демосеенъ обѣщалъ склонить аѳинянъ къ союзу съ персами, если Дарій дастъ имъ денежное пособіе. Сначала персы отвергли это предложеніе; только когда Александръ побѣдилъ ѳракіянъ и иллирійцевъ, они послали грекамъ денегъ на войну; мы видѣли, что эта поддержка ускорила приготовленія грековъ къ войнѣ (стран. 176). Противники Демосеена говорили, что онъ оставилъ себѣ 70 талантовъ изъ 300, присланныхъ Даріемъ въ Аѳины; но не могли ничѣмъ подтвердить это обвиненіе.

2. Малоазійскій походъ.

Приготовленія и цѣли.

Какъ въ своей войнѣ съ сѣверными сосѣдами и въ политикѣ относительно грековъ Александръ шелъ отцовской дорогой, исполнялъ планы Филиппа, такъ осуществлялъ онъ его намѣреніе и тѣмъ, что предпринялъ войну съ персами, къ которой всѣми силами готовился зимою по возвращеніи въ Македонію. Походъ на востокъ былъ тайною цѣлью всѣхъ честолюбивыхъ стремленій Филиппа. Еще привлекательнѣе была эта мысль пылкому Александру, съ дѣтства мечтавшему о фантастическихъ подвигахъ, горѣвшему нетерпѣніемъ завоевать страну, о которой поэзія и легенда разсказывали такія чудеса, видѣть дивное величіе ея природы, овладѣть ея сокровищами. А надъ этимъ очаровательнымъ для фантазіи Александра востокомъ владычествовали персы, о которыхъ исторія говорила ему, что ихъ трусливыя и нечестивыя полчища ограбили и разрушили греческіе храмы, что только побѣды при Саламинѣ и Платеѣ положили конецъ ихъ неистовствамъ въ Греціи. Александръ воображалъ себя грекомъ, и ему мечталось, что мщеніе персидскому царю составляетъ священную обязанность его. Когда, возбуждая грековъ къ войнѣ съ персами, онъ говорилъ, что хочетъ мстить за нашествіе Ксеркса, это не было притворствомъ; онъ высказывалъ мечту, которая вкоренилась въ его душѣ такъ, что стала искреннимъ чувствомъ. Онъ считалъ задачею своей жизни завоеваніе востока. Онъ воображалъ себя призваннымъ продолжать дѣло героевъ троянской войны, завершить побѣдою шедшую, какъ говорилъ Геродотъ, съ давнѣйшихъ временъ борьбу Европы съ Азіею.

Положеніе дѣлъ при началѣ войны. Весна, 334.

Собравъ союзниковъ, грековъ и варваровъ, и назначивъ твердаго характеромъ Антипатра правителемъ Македоніи, чтобъ онъ охранялъ границы государства и держалъ въ повиновеніи Грецію, Александръ блистательно отпраздновалъ со всѣмъ войскомъ въ Эгахъ торжество олимпійскихъ игръ и двинулся къ Геллеспонту.

Еще никогда не была предпринимаема съ такими малочисленными силами война противъ огромнаго государства. Македонское царство вмѣстѣ съ Греціею не равнялось по величинѣ пятидесятой части персидскаго. Войско, съ которымъ Александръ пошелъ на войну, состояло изъ 30.000 человѣкъ пѣхоты и 3.000 конницы. Флотъ и по числу кораблей, и по искусству моряковъ былъ слабѣе непріятельскаго, и съ юношескою дерзостью Александръ отказался отъ его содѣйствія, отпустилъ домой всѣ корабли,

кромѣ нѣсколькихъ транспортныхъ судовъ и десяти аѳинскихъ тріэръ. Въ казнѣ, по окончаніи военныхъ приготовленій, оставалось только семьдесять талантовъ. Съ царскимъ великодушіемъ Александръ роздалъ земли македонскихъ царей своимъ друзьямъ, освободилъ македонянъ отъ налоговъ. Но скудость матеріальныхъ средствъ пополнялась нравственными силами: царь-главнокомандующій былъ очень даровитъ, исполненъ энтузіазма и увѣренности въ побѣдѣ; его помощники: Пердикка, Кратеръ, Парменіонъ, Птолемей, Аминтъ, многіе другіе, были превосходные полководцы, воспитанники Филиппа, а секретарь Александра, Эвменъ, грекъ, уроженецъ города Кардіи, былъ талантливый государственный человѣкъ; тяжеловооруженная пѣхота, фаланга, была храброе, неодолимое войско (II, 907); македонская и ѳессалійская конница была превосходна и проникнута преданностью царю; варвары, пришедшіе подъ начальствомъ своихъ царей и старшинъ, были воинственны, служили усердно; все войско было одушевлено увѣренностью въ своихъ силахъ, возроставшею при каждой новой побѣдѣ. Средства на содержаніе войска Александръ надѣялся найдти въ плодородной, богатой съѣстными припасами непріятельской странѣ, а сокровища персидскаго царя и его сатраповъ возбуждали въ жадныхъ воинахъ стремленіе къ побѣдамъ.

Походъ къ Геллеспонту и по троянской области.

По окончаніи праздника въ Эгахъ, войско пошло большой дорогой черезъ Амфиполь въ Сестъ, гдѣ были собраны военныя и перевозочныя суда для переправы. Оно шло тѣмъ же путемъ, какъ шелъ Ксерксъ, только въ обратномъ направленіи. Главную силу войска составляла тяжеловооруженная македонская и греческая пѣхота. Фланги ея должна была прикрывать македонская и ѳессалійская конница; иллирійскіе и ѳракійскіе стрѣлки и другіе легковооруженные отряды были очень хороши для охраны похода и стана, для неожиданныхъ нападеній, для преслѣдованія разбитыхъ враговъ. Пѣшіе тѣлохранители, благородные македоняне, и конные тѣлохранители, «отрядъ товарищей» царя, состоявшій изъ болѣе знатныхъ молодыхъ македонянъ, образовали царскій военный конвой (II, стран. 907). Въ свитѣ Александра находились историки и ученые: Анаксименъ, Каллисѳенъ, Аристобулъ, другіе. Въ Элеунтѣ онъ принесъ жертву на могилѣ Протезилая, чтобы переправа была для него счастливѣе, чѣмъ для этого ахейскаго героя (II, стран. 85); потомъ, самъ ставъ при рулѣ своего корабля, и совершивъ богамъ моря возліяніе изъ золотой чаши, поплылъ къ бухтѣ, на берегу которой стояли гробницы Аякса, Ахиллеса и Патрокла. Когда корабль присталъ къ берегу, онъ съ высокаго борта бросилъ копье на азіатскую землю и выпрыгнулъ, въ полномъ вооруженіи, первый на берегъ. За его кораблемъ переплыли Геллеспонтъ и другіе; ихъ было до двухъ сотъ. Войско вышло на азіатскій берегъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ священный Иліонъ, Александръ принесъ жертву Палладѣ-Аѳинѣ и Зевсу-Хранителю, обмѣнялъ въ храмѣ Аѳины свое оружіе на старинное, которое по преданію принадлежало героямъ троянской войны (II, стран. 91) и почтилъ память героевъ торжественными играми. Онъ принесъ жертву

на гробницѣ Ахиллеса, котораго считалъ своимъ предкомъ и которому подражалъ, а Гефестіонъ принесъ жертву на гробницѣ Патрокла. Принесъ Александръ и жертву примиренія Пріаму, чтобы троянскій царь не гнѣвался на потомка Неоптолема, рукою котораго былъ убитъ (II, стран. 89, 913). Этими жертвоприношеніями и почестями гомеровскимъ героямъ Александръ выказывалъ свою любовь къ преданіямъ грековъ, которыя дѣйствительно любилъ; но онъ имѣлъ при этомъ и разсчетъ возбудить въ грекахъ влеченіе къ войнѣ съ азіатскими противниками; а македоняне были очарованы его отвагою и щедростью.

Битва у Граника. Конецъ мая 334.

Соединившись съ Парменіономъ, Александръ пошелъ берегомъ Геллеспонта черезъ Арисбу и Перкоту къ Лампсаку и Пріапу; оба эти города сдались послѣ непродолжительнаго сопротивленія; Александръ продолжалъ путь и дошелъ до рѣки Граника; на крутомъ восточномъ берегу стояла персидская конница, а за нею на высотахъ пѣхота, состоявшая изъ греческихъ наемниковъ. Мемнонъ Родосскій, человѣкъ умный и энергическій, напрасно убѣждалъ на военномъ совѣтѣ въ Зелеѣ другихъ персидскихъ военачальниковъ уклоняться отъ рѣшительныхъ сраженій, медленно отступать, опустошая земли, заманивать непріятеля въ глубину страны, изнурить его голодомъ, посылать флотъ для высадокъ въ тылу его; сатрапы по гордости отвергли совѣтъ грека, котораго ненавидѣли какъ чужеземца, вошедшаго въ милость у царя; они говорили, что честь персидскаго имени требуетъ битвы, что было бы постыдно для знаменитой персидской конницы отступать безъ сопротивленія. Они рѣшили ждать непріятеля на Граникѣ. Персидская конница храбро защищала свой берегъ; но македоняне перешли на него и, ободряемые примѣромъ царя, бившагося впереди всѣхъ, одержали блистательную побѣду надъ врагомъ, далеко превосходившимъ ихъ численностью. Александръ убилъ двухъ начальниковъ персидской конницы; одинъ изъ убитыхъ имъ былъ зять персидскаго царя, Митридатъ. Но и самъ Александръ былъ раненъ; лидійскій сатрапъ Спитридатъ уже занесъ саблю надъ его головою и черезъ мигъ онъ былъ бы убитъ,—но Клитъ, котораго называли чернымъ, сынъ Дропида, отсѣкъ руку Спитридата, и потомъ убилъ его. Македоняне опрокинули центръ персидской конницы, разсѣяли ее, потомъ двинулись на греческихъ наемниковъ, бездѣйственно стоявшихъ позади конницы; многихъ убили, и 2.000 взяли въ плѣнъ; Александръ велѣлъ заковать въ цѣпи этихъ плѣнниковъ и послалъ ихъ въ Македонію на тяжелую работу въ рудникахъ. Своихъ павшихъ воиновъ онъ почтилъ торжественными похоронами, освободилъ ихъ родителей и дѣтей отъ всякихъ налоговъ и повинностей. Онъ поручилъ Лизиппу сдѣлать бронзовыя статуи двадцати пяти убитыхъ въ этомъ сраженіи всадниковъ изъ отряда конныхъ тѣлохранителей («товарищей», hetairoi) и велѣлъ поставить эти статуи въ Діонѣ.

Изъ богатой добычи Александръ послалъ своей матери Олимпіадѣ нѣсколько золотыхъ кубковъ, а въ Аѳины, въ даръ Палладѣ, 300 персидскихъ доспѣховъ, велѣвъ сдѣлать надпись, что это приношеніе богинѣ сдѣлали «Александръ, сынъ Филиппа, и греки, кромѣ лакедемонянъ, побѣдившие варваровъ, живущихъ въ Азіи». Александръ жадно ловилъ всякій случай выставить себя грекомъ, а свою войну съ персами—мщеніемъ за разрушеніе греческихъ храмовъ и городовъ Ксерксомъ; большинство грековъ охотно соглашались съ этими его увѣреніями, дававшими греческому народу участіе въ его славѣ.

Покореніе Лидіи, Іоніи.

Плодомъ побѣды на Граникѣ было завоеваніе западныхъ областей Малой Азіи до Тавра. Парменіонъ довершилъ покореніе прибрежья Пропонтиды взятіемъ главнаго города Фригійской сатрапіи, Даскилея, а самъ Александръ пошелъ въ Лидію. Побѣда при Граникѣ произвела такое подавляющее впечатлѣніе, что при его появленіи передъ Сардами граждане и персидскій правитель Митринъ сдали ему этотъ городъ и цитадель, построенную на скалѣ почти неприступной. Огромныя сокровища, хранившіяся въ цитадели, достались Александру. Греческіе наемники, вѣрные обѣщанію, усердно служили персидскому царю и при дурномъ оборотѣ его дѣлъ, а персидскіе вельможи измѣняли, думая только о своихъ выгодахъ. Въ поощреніе другимъ, Александръ наградилъ правителя и горожанъ Сардъ за то, что они покорились безъ сопротивленія. Митрина онъ оставилъ при себѣ и оказывалъ почетъ ему, а лидянамъ возвратилъ право пользоваться національными ихъ законами. На томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ дворецъ Креза, онъ велѣлъ построить храмъ Зевса Олимпійскаго.—Его политика относительно лидянъ принесла ему пользу: повсюду его встрѣчали какъ освободителя отъ персидскаго ига, возстановителя народной свободы. Поручивъ управленіе Фригіею Каласу, и Лидіею брату Парменіона Асандру, онъ пошелъ въ Іонію; іонійцы, ненавидѣвшіе олигарховъ, которымъ отдана была персами власть надъ ихъ городами, встрѣчали его съ восторгомъ. Въ Эфесѣ народъ возсталъ противъ олигарховъ; нѣкоторые были выведены изъ храмовъ, гдѣ укрылись, и побиты камнями; другіе успѣли бѣжать на персидскіе корабли. Александръ, пришедши въ Эфесъ, прекратилъ убійства, возстановилъ демократическое правленіе, и велѣлъ, чтобы подати, которыя граждане платили персамъ, были отдаваемы Артемидѣ, великолѣпный храмъ которой сгорѣлъ въ ту ночь, когда онъ родился. Эти благопріятныя народу мѣры склонили къ нему всѣхъ малоазійскихъ грековъ. Почти всѣ ихъ города добровольно покорялись ему и съ радостью привѣтствовали героя, называвшаго себя грекомъ, возстановлявшаго у нихъ національные законы, возвращавшаго имъ демократическое правленіе, уменьшавшаго ихъ налоги и натуральныя повинности. Граждане Эфеса поставили въ своемъ храмѣ Артемиды его портретъ, написанный Апеллесомъ

(II, стран. 790); всѣ іонійцы учредили въ честь освободителя общій праздникъ съ играми въ посвященной ему рощѣ. Только въ Милетѣ и Галикарнассѣ онъ встрѣтилъ сопротивленіе со стороны стоявшихъ тамъ греческихъ наемниковъ персидскаго царя. Александръ осадилъ Милетъ съ суши, македонскій флотъ сталъ у острова Лады, при входѣ въ гавань, и отрѣзалъ городъ отъ всякой поддержки съ моря; Милетъ скоро былъ принужденъ сдаться. Упорнѣе была оборона Галикарнасса; защитою его управлялъ Мемнонъ, котораго персидскій царь назначилъ главнокомандующимъ всѣхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ западной Азіи; Мемнону помогали карійскій царь Оронтобатъ, персидскій вассалъ, и аѳинскій изгнанникъ Эфіальтъ (стран. 174), начальствовавшій отрядомъ греческихъ наемниковъ. Нѣсколько недѣль приступы македонянъ къ стѣнамъ смѣнялись вылазками осажденныхъ; греческіе наемники бились храбро; Эфіальтъ былъ убитъ; Мемнонъ продолжалъ защищаться; онъ жегъ осадныя машины македонянъ, бросая на нихъ горящія бревна и просмоленные канаты. Наконецъ въ стѣнѣ былъ пробитъ проломъ; гарнизонъ зажегъ ночью городъ и ушелъ. На разсвѣтѣ Александръ занялъ груды развалинъ, въ которыя превратилась роскошная столица Мауссола. Сестра Мауссола, старуха Ада, усыновившая Александра, была объявлена царицею Каріи, но греческіе города этой области получили свободу и демократическое управленіе.

Взятіе Галикарнасса.

Карія.

Тотъ Лигдамъ, противъ котораго сражался Геродотъ (II, 755), былъ послѣднимъ царемъ своей династіи. По его смерти сталъ царемъ Гекатомнъ, родоначальникъ новой династіи, имѣвшей своею столицею Миласу и скоро покорившей всю Карію. Эти цари признавали надъ собою на словахъ власть персидскаго царя, на дѣлѣ были независимы отъ него и только посылали ему войско и корабли, когда сами хотѣли. Сынъ Гекатомна Мауссолъ перенесъ свою резиденцію изъ Миласы, города, украшеннаго великолѣпными сооруженіями, стоявшаго далеко отъ моря, въ Галикарнассъ, задумавъ отнять у грековъ владычество на морѣ (II, 911). Онъ расширилъ этимъ приморскій городъ, заставивъ переселиться въ него населеніе шести сосѣднихъ городовъ, и богатства, добываемыя угнетеніями подданныхъ, употреблялъ на великолѣпныя сооруженія и на заказы скульпторамъ. Преемницею его была его жена, Артемизія II. Она назначила награду за лучшую рѣчь въ похвалу ему, и четыре великіе оратора Греціи написали рѣчи для полученія этой награды. Величайшіе художники Греціи были приглашены Артемизіею для сооруженія памятника Мауссолу (II, стр. 786). По смерти Артемизіи (въ 350 году) царемъ сталъ второй братъ Мауссола, Идріэй. Онъ покорилъ Хіосъ, Косъ, Родосъ. Ему наслѣдовала его сестра Ада, но у нея отнялъ царство младшій братъ, Пиксодаръ, такъ что у нея осталась только горная крѣпость Алинда. Пиксодаръ умеръ въ 335 году; ему наслѣдовалъ зять, персъ Оронтобатъ. Когда Александръ вступилъ въ Карію, Ада заключила съ нимъ союзъ, усыновила его и назначила своимъ наслѣдникомъ. Карійцы, и въ особенности греки карійскихъ городовъ, радостно покорились побѣдоносному царю, возвратившему имъ самостоятельность и освободившему ихъ отъ дани.

Одного лѣта было достаточно Александру, чтобъ освободить отъ персидскаго владычества весь западъ Малой Азіи, пріобрѣсти любовь азіатскихъ грековъ возстановленіемъ демократическаго правленія у

нихъ, расположить къ себѣ туземныя племена уменьшеніемъ налоговъ и улучшеніемъ администраціи, положить основаніе прочному законному порядку подъ охраною македонскихъ гарнизоновъ. Еще быстрѣе покорилъ Александръ южное прибрежье Малой Азіи. По богатымъ городамъ Ликіи, по прекрасной долинѣ Ксанѳа ужь разнеслось мнѣніе, что онъ—освободитель народовъ, и когда онъ пришелъ въ Ликію, она покорилась ему безъ сопротивленія *). Народъ, населявшій скалистую Памфилію, тоже встрѣтилъ его съ восторгомъ и поднесъ ему золотой вѣнокъ, когда онъ изъ города Фаселиды, родины пользовавшагося его расположеніемъ поэта Ѳеодекта, прошелъ опаснымъ узкимъ путемъ по скаламъ надъ бушующимъ морскимъ прибоемъ, по такъ называемой Памфилійской лѣстницѣ и, оттѣснивъ хищныхъ писидійцевъ въ ихъ горы, пришелъ въ греческій городъ Сибу на границѣ Памфиліи. Только на аспендійцевъ наложилъ онъ дань въ наказаніе за ихъ сопротивленіе. Изъ города Перги онъ пошелъ на сѣверъ труднымъ путемъ черезъ ущелье Термесса, велѣлъ проложить по этому ущелью дорогу для соединенія приморья съ долиною Меандра, взялъ приступомъ Салагассъ; гарнизонъ, занимавшій цитадель города Келенъ, сдался ему, и онъ прошелъ въ Великую Фригію; въ столицѣ ея, Гордіѣ, соединились съ его отрядомъ другіе отряды, прошедшіе изъ Сардъ и Галикарнасса; туда же пришли и тѣ воины, которые на зиму были отпущены въ Македонію къ своимъ семействамъ. Въ Гордіѣ Александръ разрубилъ мечомъ узелъ старинной колесницы, о которомъ было преданіе, что онъ завязанъ древнимъ царемъ Гордіемъ, и что тотъ, кто развяжетъ его, будетъ владыкою Азіи (II, 373), Во всѣхъ дѣйствіяхъ великаго царя проявлялась увѣренность, что онъ овладѣетъ востокомъ и всѣми его сокровищами.

Военныя дѣйствія зимою 334—333 год. Покореніе Ликіи, Памфиліи.

Александръ въ Гордіѣ.

Въ этой увѣренности онъ, по взятіи Милета, распустилъ македонско-греческій флотъ, состоявшій изъ 160 кораблей, оставивъ лишь нѣсколько тріэръ для сношеній моремъ между частями войска. Онъ хотѣлъ отнять у воиновъ возможность возвращенія моремъ на родину, чтобъ они думали только о завоеваніяхъ, считали побѣды единственнымъ спасеніемъ себѣ. Онъ полагалъ, что, овладѣвъ гаванями и всѣмъ прибрежьемъ, онъ уничтожитъ морскія силы непріятеля и безъ помощи своего флота, который слишкомъ малочисленъ для борьбы, и только мѣшаетъ единству его плана дѣйствій, а между тѣмъ требуетъ расходовъ и ослабляетъ его сухопутное войско, часть котораго служила на корабляхъ. Но отпустивъ флотъ, Александръ поставилъ се-

Александръ распускаетъ флотъ.

*) Ликійцы составляли федерацію; каждый изъ ихъ 23 городовъ посылалъ депутатовъ въ союзный совѣтъ; большіе города по три депутата, другіе по два или по одному. Этотъ конгрессъ выбиралъ союзнаго правителя (ликіарха), союзный совѣтъ и членовъ союзнаго суда, установлялъ налогъ, рѣшалъ вопросы о войнѣ и мирѣ. Своими внутренними дѣлами каждый городъ управлялъ самостоятельно.

бя въ очень рискованное положеніе, изъ котораго вывела его только счастливая случайность. Мемнонъ, храбрость и военные таланты котораго ужь не разъ тяжело испытывали на себѣ македоняне, хотѣлъ отрѣзать Александра отъ Европы, перенести войну въ Грецію, и тамъ, при помощи спартанцевъ и другихъ враговъ Александра, подрубить въ самомъ корнѣ могущество Македоніи. При содѣйствіи преданныхъ персамъ олигарховъ, онъ уже склонилъ Хіосъ и Лесбосъ возстать противъ Александра и вступилъ въ сношенія съ кикладскими островами; но занемогъ при осадѣ Митилены, и отъ этой болѣзни умеръ. Вскорѣ послѣ того погибъ Харидемъ, храбрый, но грубый начальникъ греческихъ наемниковъ въ персидской службѣ. На военномъ совѣтѣ онъ говорилъ, что персидское войско не можетъ выдерживать битвъ съ македонянами и совѣтовалъ Дарію разсчитывать исключительно на греческихъ наемниковъ; раздраженный царь схватилъ его за поясъ и велѣлъ своимъ тѣлохранителямъ увести и казнить его; уводимый на казнь, Харидемъ сказалъ царю: «Ты раскаешься и тогда оцѣнишь меня; мой мститель не далекъ».

Планы Мемнона и смерть его. 333.

Бездарные преемники Мемнона не умѣли привести къ успѣшному результату начатые имъ переговоры съ Аѳинами, Спартою и другими греческими государствами. Передъ битвою при Иссѣ Дарій призвалъ къ себѣ часть войска, бывшаго на флотѣ; а послѣ пораженія персовъ финикійскія и египетскія тріэры уплыли домой, и персидскій флотъ исчезъ съ Эгейскаго моря, не сдѣлавъ ничего важнаго. Острова радостно покорились Александру, чья побѣда освободила ихъ отъ ига олигарховъ и персовъ. Хіосцы выдали македонянамъ персидскую эскадру и ея начальника Фарнабаза. Послы спартанцевъ, аѳинянъ и ѳиванцевъ, ѣхавшіе въ Сузу, были взяты Александромъ въ плѣнъ. Въ числѣ ихъ находился сынъ аѳинскаго полководца Ификрата. Александръ обращался съ нимъ очень любезно и когда (вскорѣ послѣ плѣна) онъ умеръ, царь сдѣлалъ ему торжественныя похороны и послалъ его прахъ роднымъ. Но спартанскихъ пословъ онъ нѣсколько времени держалъ въ плѣну. — Вообще онъ выказывалъ большую любезость къ аѳинянамъ. Послѣ битвы на Граникѣ онъ послалъ даръ въ храмъ покровительницы Аѳинъ, Паллады; потомъ онъ возратилъ въ Аѳины статуи Гармодія и Аристогитона, увезенныя Ксерксомъ (II, 495); писалъ аѳинянамъ дружескія письма, посылалъ большіе подарки аѳинскимъ ученымъ и художникамъ, — Ѳеофрасту, Ксенократу, другимъ; этими знаками своей благосклонности онъ пріобрѣлъ расположеніе аѳинянъ, такъ что они не принимали участія въ замыслахъ другихъ грековъ противъ македонскаго владычества, поставили на площади народныхъ собраній бронзовую статую Демада, дали этому вождю македонской партіи почетное право обѣдать въ Пританеѣ, и во всемъ слѣдовали совѣтамъ его и другихъ сторонниковъ союза съ Александромъ.

Отношеніе грековъ къ Александру.

3. Побѣда при Иссѣ. Взятіе Тира. Основаніе Александріи.

Лѣтомъ Александръ пошелъ изъ Гордія черезъ Анкиру и верховье Галиса на юговостокъ, въ Киликію. Пафлагонію и южную Каппадокію онъ оставилъ подъ управленіемъ туземныхъ царей, добровольно покорившихся ему. Онъ шелъ черезъ Тіану въ Тарсъ; этотъ путь велъ по ущелью, называвшемуся Киликійскими воротами; природою и искусствомъ оно было укрѣплено такъ, что легко было бы персамъ, занимавшимъ его, остановить македонское войско; но они трусливо ушли, не сдѣлавъ почти никакой попытки сопротивляться. Александръ быстро прошелъ въ Тарсъ; но тамъ онъ тяжело занемогъ; причиною болѣзни было, какъ говорятъ, то, что онъ усталый отъ безсонныхъ ночей и дневного зноя, хотѣлъ освѣжиться выкупавшись въ свѣтломъ Киднѣ и простудился въ холодной водѣ этой горной рѣки. Онъ тревожно метался въ лихорадочномъ ознобѣ; но былъ спасенъ искусствомъ греческаго врача Филиппа акарнанскаго и своей вѣрою въ человѣческую честность.

Походъ въ Тарсу 333.

Старикъ Парменіонъ прислалъ царю письмо, въ которомъ передавалъ ему слухъ, что Филиппъ подкупленъ персами отравить его. Не поколебавшись въ довѣріи къ Филиппу, Александръ взялъ отъ него и началъ пить лекарство, подавая ему письмо Парменіона. Филиппъ, совѣсть котораго была чиста, ободрилъ и быстро излечилъ царя.

Выздоровѣвъ, Александръ поставилъ по Киликіи гарнизоны, оживилъ своимъ покровительствомъ національное чувство въ греческихъ городахъ приморья, и тѣмъ упрочилъ за собой владѣніе этою областью, которая была очень важна для него, потому что черезъ нее лежали пути въ глубину Малой Азіи и въ Сирію.

Покореніе Киликіи.

Онъ сдѣлалъ большой праздникъ съ гимнастическими играми и музыкальными состязаніями въ греческомъ городѣ Солахъ, чтобы пробудить національныя воспоминанія въ грекахъ этого города, которые, отъ долгой жизни между варварами, стали говорить такимъ испорченнымъ языкомъ, что названіе „солецизмъ“, сдѣлалось обозначеніемъ варварскихъ оборотовъ греческой рѣчи. Александръ возстановилъ демократическое правленіе и въ Солахъ и въ Маллѣ, котораго жители считали основателями своего города аргосскихъ Гераклидовъ, бывшихъ, по преданію, и предками Александра. — Греческая національность въ городахъ киликійскаго приморья, долго бывшая подавленною, пріобрѣла теперь новую силу; жители ихъ, забывавшіе среди варваровъ о своемъ греческомъ происхожденіи, стали гордиться имъ.

Изъ Малла Александръ пошелъ въ городъ Миріандръ. Путь лежалъ черезъ Киликійскія ворота, узкій проходъ по прибрежью залива, который назывался тогда исскимъ, по имени стоявшаго на немъ города Исса. Персидскій царь былъ уже близко. Онъ вышелъ изъ Вавилона, чтобы дать Александру битву на обширной Онхской (или Сохской) равнинѣ. Необозримою вереницею тянулись разнохарактерные полчища персидской конницы, тяжеловооруженной наемной греческой пѣхоты, племенъ восточнаго Ирана, племенъ Инда; за войскомъ ѣхали

Встрѣча съ персидскимъ войскомъ.

колесницы царскихъ женъ и царедворцевъ, сопровождаемыя толпами эвнуховъ и слугъ; это былъ, какъ мы знаемъ, громадный обозъ (II, 434 слѣдд.). Увѣренный въ побѣдѣ, Дарій не сталъ дожидаться противника на равнинѣ, какъ было сначала предположено, а двинулся черезъ Аманскія ворота въ Киликію. Пришедши въ Иссъ, персы умертвили оставленныхъ тамъ Александромъ больныхъ и раненыхъ и стали боевымъ порядкомъ близъ этого города на узкой ровной полосѣ приморья, пересѣкаемаго рѣчкой, которая тогда называлась Пинаромъ. Македоняне оробѣли, услыхавъ, что въ тылъ имъ зашелъ непріятель, въ двѣнадцать разъ превосходившій ихъ численностью. Но Александръ ободрилъ ихъ прекрасною рѣчью, въ которой напоминалъ имъ о прежнихъ подвигахъ, объяснялъ, какую богатую добычу доставитъ побѣда; они разгорѣлись боевымъ жаромъ и нетерпѣливо жаждали битвы. Ночью вернулись они по тѣсному приморскому проходу у Меріандра, и на слѣдующее утро произошла при Иссѣ битва, въ которой благодаря своей храбрости, дисциплинѣ и военному искусству македонско-греческое войско одержало блистательную побѣду.

Начало ноября 333.

Битва при Иссѣ.

Дройзенъ по Арріану (II, 8 — 12) разсказываетъ объ этой битвѣ такъ: „Когда фронтъ шедшихъ сомкнутыми рядами македонянъ приблизился къ персамъ на выстрѣлъ изъ лука, Александръ, при боевомъ крикѣ войска, ринулся съ конницею въ Пинаръ; не потерпѣвъ большого вреда отъ летѣвшихъ тучею непріятельскихъ стрѣлъ, конница выѣхала на противоположный берегъ и бросилась на центръ непріятельской линіи съ такою силою, что онъ послѣ недолгаго напраснаго сопротивленія разстроился и сталъ отступать. Александръ увидѣлъ боевую колесницу персидскаго царя и устремился на нее; начался ожесточенный бой между знатными персами, защищавшими своего царя, и македонскими всадниками, впереди которыхъ сражался ихъ царь; то тѣ, то другіе подавались впередъ; были убиты Арсамъ, Реомитръ, Атизій, египетскій сатрапъ Сабакъ; Александръ былъ раненъ въ ногу, это усилило ожесточеніе македонянъ; Дарій, испугавшись, повернулъ свою колесницу, помчался изъ боя; за нимъ послѣдовала ближайшая передняя часть войска, стоявшая на высотѣ; весь центръ обратился въ бѣгство“. Скоро было разстроено бѣгущими и правое крыло, гдѣ храбро и не безъ успѣха бились тяжеловооруженные греческіе наемники; принуждены были отступать и они; безпорядочныя толпы, охваченныя паническимъ страхомъ, тѣсня другъ друга, бѣжали къ горамъ.—Уронъ персовъ былъ громаденъ; поле битвы было покрыто убитыми и умирающими; ущелья горъ были завалены грудами труповъ, какъ стѣнами, заградившими бѣгущаго царя отъ преслѣдователей. Александръ, гнавшійся за нимъ, настигъ въ ущельѣ колесницу его, нашелъ брошенные въ ней щитъ его, лукъ, царскую мантію; но Дарій, пересѣвшій на быстраго коня, былъ ужь далеко; онъ бѣжалъ за Эвфратъ; только переправясь черезъ эту рѣку, онъ отдохнулъ отъ бѣгства.

Греческіе наемники. Александръ линкейстійскій.

Изъ греческихъ наемниковъ 12.000 человѣкъ ушли въ стройномъ порядкѣ въ Триполь, оттуда переправились на Кипръ; 8.000 изъ нихъ уѣхали въ Пелопоннесъ, а 4.000 отправились въ Египетъ съ македонскимъ вельможею Аминтомъ, который по враждѣ къ Александру служилъ персидскому царю; они раздражили египтянъ грабежомъ и были

истреблены ими. Аминтъ былъ соумышленникомъ заговора, который за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ составилъ линкестійскій вельможа Александръ, зять Антипатра, хотѣвшій убить царя. По словамъ Арріана, Дарій зналъ объ этомъ умыслѣ, помогалъ ему и велъ черезъ Аминта сношенія съ главою заговора; но это несообразно съ благороднымъ характеромъ Дарія.

Послѣдствія побѣды.

Послѣдствія побѣды при Иссѣ были чрезвычайно важны. Дарій бѣжалъ за Эфратъ, собирать новое войско въ восточныхъ провинціяхъ царства; остатки разбитаго войска разбѣжались въ разныя стороны. Александръ взялъ непріятельскій станъ. Онъ захватилъ въ немъ много знатныхъ персовъ, захватилъ дѣтей Дарія, мать его Сизигамбиду, его жену Статиру, считавшуюся первой красавицею во всей Персіи. Александръ выказалъ матери и женѣ Дарія все то уваженіе, на какое имѣли онѣ право по своему сану.—Парменіонъ овладѣлъ Дамаскомъ и находившеюся въ немъ военною кассою, драгоцѣнными вещами, которыя Дарій взялъ съ собою въ походъ: золотою и серебряною посудою, шитыми коврами; добыча была несмѣтная; въ Дамаскѣ былъ захваченъ и весь придворный штатъ, посланный туда Даріемъ передъ битвой.—Начальники персидскихъ гарнизоновъ всѣ сдавались безъ сопротивленія; они не хотѣли рисковать жизнью за царя, который бѣжалъ далеко отъ врага. Дарій былъ подавленъ своимъ бѣдствіемъ. Онъ просилъ мира, предлагая побѣдителю руку своей дочери, всю западную Азію до Эвфрата, громадный выкупъ за мать и жену. Но Александръ отвергъ это предложеніе; говорятъ, онъ гордо отвѣчалъ, что на небѣ нѣтъ двухъ солнцъ. Парменіонъ сказалъ ему: «Будь я Александръ, я на такихъ выгодныхъ условіяхъ отказался бъ отъ продолженія войны». Александръ отвѣчалъ: «И я тоже, будь я Парменіонъ». Онъ хотѣлъ стать владыкою всего востока, имѣть своими столицами Вавилонъ и Сузу. — Прежде чѣмъ идти за бѣжавшимъ противникомъ въ Ассирію и Персиду, онъ считалъ надобнымъ покорить Финикію и Египетъ, чтобъ не оставались у него въ тылу подъ властью персовъ эти страны, корабли и матросы которыхъ составляли главную силу персидскаго флота; онъ хотѣлъ сдѣлать ихъ базисомъ для дальнѣйшихъ своихъ операцій.

Александръ въ Финикіи.

Двадцать лѣтъ прошло съ той поры, какъ Охъ и его руководитель Багой, уничтоживъ Сидонъ и разрушивъ мемфисскіе храмы, возстановили персидское владычество надъ Финикіею и Египтомъ. При появленіи Александра въ этихъ странахъ обнаружилось, какую ненависть къ персамъ породила тамъ свирѣпость завоеванія. Едва македонское войско перешло Оронтъ, царь Арада пріѣхалъ къ Александру, поднесъ ему золотой вѣнецъ и призналъ его власть надъ своимъ царствомъ. Библосъ и небольшой городъ, возникшій на пепелищѣ Сидона, тоже выразили покорность Александру. Онъ возвратилъ сидонянамъ ихъ прежніе законы, и поставилъ царемъ въ Сидонѣ, какъ своего данника, потомка прежней династіи, жившаго въ

тяжкой бѣдности. Тиряне тоже отправили къ Александру пословъ съ подарками; но когда онъ выразилъ желаніе принести жертву въ храмѣ Геракла тирскаго (Мелькарта), своего предка, они отвѣчали, что онъ можетъ воздать почитаніе своему предку въ храмѣ Стараго Тира, на берегу; это храмъ не менѣе древній и знаменитый, чѣмъ тотъ, который находится на островѣ, въ Новомъ Тирѣ; пустить Александра въ городъ на островѣ они отказались, справедливо опасаясь, что онъ хочетъ войти туда за тѣмъ, чтобы ввести туда македонскій гарнизонъ. Они хотѣли остаться нейтральными въ войнѣ Александра съ персами. У нихъ былъ сильный флотъ, и они полагали, что при помощи его будутъ отбиваться отъ Александра, не имѣющаго кораблей, пока Дарій подойдетъ съ новымъ войскомъ. Они надѣялись получить тогда отъ персидскаго царя большія выгоды въ награду за то, что не соединились съ его врагомъ. Притомъ, замѣна персидскаго владычества македонско-греческимъ грозила погибелью финикійской торговлѣ.—Александръ не могъ оставить въ тылу у себя сильную крѣпость, не подвластную ему: это было бы слишкомъ опасно; при какой нибудь неудачѣ его на Эвфратѣ или въ Египтѣ, Тиръ возсталъ бы противъ него, послужилъ бы опорнымъ пунктомъ для персовъ, которые оттуда стали бы предпринимать походы на него и сноситься съ Греціею. Потому онъ рѣшился осадить Тиръ: Это была одна изъ самыхъ замѣчательныхъ осадъ въ исторіи древняго міра.

Ноябрь 333.

Осада и взятіе Тира. Ноября 333.—

Въ первомъ томѣ (стран. 503 и слѣд.) мы описывали положеніе Стараго Тира, стоявшаго на финикійскомъ берегу, и Новаго Тира, стоявшаго на островѣ. Александръ возвелъ плотину черезъ проливъ, которымъ отдѣлялся Новый Тиръ отъ берега; это была чрезвычайно трудная, громадная работа. На постройку плотины были употребляемы ливанскіе кедры и камни разрушенныхъ зданій Стараго Тира. Осажденные старались мѣшать работѣ, пуская на работающихъ стрѣлы, копья, камни со стѣнъ и съ кораблей; но прикрытые двумя деревянными башнями и подвижными навѣсами, рабочіе вели плотину все ближе и ближе къ скалистому берегу острова. Тиряне направили на ближайшій конецъ плотины зажженные корабли, наполненные горючими матеріалами; сильный сѣверозападный вѣтеръ благопріятствовалъ огню; башни, навѣсы, бревна и фашины — все вспыхнуло, и въ нѣсколько часовъ погибла бо́льшая часть того, что́ было сдѣлано долгою работою; погибло много людей; завѣдывавшіе сооруженіемъ плотины отчаялись въ успѣхѣ. Но не отчаялся Александръ. Онъ велѣлъ съ удвоеннымъ трудомъ возводить новую плотину, шире прежней; призвалъ корабли покорившихся ему финикійскихъ и кипрскихъ городовъ, призвалъ тріеры Родоса и греческихъ городовъ ликійскаго и киликійскаго прибрежья; совершилъ походъ противъ хищническихъ арабскихъ племенъ Ливана, взялъ нѣкоторыя изъ ихъ укрѣпленій, принудилъ всѣ эти племена покориться, и повелъ осаду Тира съ величайшею энергіею. Воины, поставленные на деревянныхъ башняхъ плотины, сгоняли защитниковъ со стѣнъ стрѣлами. Катапульты бросали на нихъ дротики, бревна, камни; съ башенъ перебрасывали на стѣны подъемные мосты, тараны пробивали стѣны; а флотъ совершенно окружилъ городъ съ моря. Но тиряне защищались отчаянно,

изобрѣтали искусныя, смѣлыя средства отражать нападенія. Они заперли узкіе входы въ гавани острова плотными рядами крѣпкихъ кораблей и цѣпями; набросали въ море груды камней, чтобы непріятельскіе корабли не могли подходить къ стѣнамъ; водолазы перерубали якорные канаты кораблей, на которыхъ стояли осадныя машины; смѣлыми нападеніями тиряне старалить разорвать линію блокады. Они зарѣзывали плѣнныхъ македонянъ на стѣнахъ въ жертву Молоху и бросали тѣла ихъ въ море. Семь мѣсяцевъ длилась осада, въ которой обѣ стороны выказывали чрезвычайную энергію и такое искусство въ сооруженіи машинъ, какому еще не было примѣровъ прежде ни у грековъ, ни у варваровъ. Наконецъ Тиръ палъ. Македоняне разбили его стѣны, разорвали цѣпи, запиравшія входы въ гавани, ворвались въ городъ, залили кровью, покрыли трупами его улицы и площади. Ужасна была свирѣпость побѣдителей, ожесточенныхъ смертью множества храбрыхъ товарищей. 8.000 тирянъ нашли себѣ смерть въ бою. Многіе вліятельные граждане были въ наказаніе за упорность обороны города распяты на крестѣ. Остальные жители—всѣ, кромѣ успѣвшихъ бѣжать,—были проданы въ рабство; число ихъ было болѣе 30.000 человѣкъ. Александръ принесъ благодарственную жертву въ храмѣ Геракла на высотѣ острова, отпраздновалъ побѣду бѣгомъ съ факелами и другими играми. Потомъ онъ пошелъ покорять южное прибрежье, оставивъ въ опустѣвшемъ городѣ небольшой гарнизонъ, удерживать въ повиновеніи тѣхъ тирянъ, которые спаслись бѣгствомъ отъ погибели и черезъ нѣсколько времени стали возвращаться на родной островъ. Торговля Тира перешла въ Грецію и въ Карѳагенъ.

Іюнь 332.

Покореніе Палестины. Взятіе Газы.

Паденіе Тира ужаснуло южную Сирію; жители ея не пытались обороняться. Безъ сопротивленія покорилась Самарія, снова имѣвшая теперь, какъ въ старину, свой особый храмъ на горѣ Гаризимѣ и особаго первосвященника; покорилась Іудея. Александръ выказывалъ кротость, и какъ говорятъ, принесъ жертву Іеговѣ въ іерусалимскомъ храмѣ. Только Газа, гарнизономъ которой начальствовалъ эвнухъ Батисъ, храбрый и сильный воинъ, послѣдовала примѣру Тира. Въ надеждѣ на безплодіе своихъ окрестностей, на свои крѣпкія стѣны и на храбрость арабскихъ наемниковъ, этотъ городъ, стоявшій на песчаной равнинѣ приморья, рѣшилъ отказать Александру въ покорности. Осада была трудна и продолжительна. Самъ Александръ былъ раненъ. Три приступа было отбито. Но громадныя осадныя работы и машины одолѣли городъ; при четвертомъ приступѣ онъ былъ взятъ. Ужасна была свирѣпость побѣдителей. Говорятъ, что они убили до десяти тысячъ варваровъ. Есть разсказъ—правда, недостовѣрный—что Александръ, подражая поступку Ахиллеса съ тѣломъ Гектора, привязалъ за ноги къ своей колесницѣ Батиса, и обвезъ его кругомъ стѣнъ города. Жители Газы подверглись той же участи, какъ тиряне. Въ городъ были переведены люди сосѣднихъ племенъ; Александръ поставилъ въ Газѣ македонскій гарнизонъ и она стала базисомъ для дальнѣйшихъ завоеваній.

Покореніе Тира и Газы досталось Александру тяжело; за то легко покорилъ онъ Египетъ. Македонянинъ Аминтъ, врагъ Александра,

Александръ овладѣваетъ Египтомъ.

назначенный правителемъ нижняго Египта на мѣсто сатрапа, убитаго при Иссѣ, хотѣлъ обороняться. Но египтяне не поддержали его, и онъ былъ быстро побѣжденъ; Александръ пошелъ изъ Пелузія въ Мемфисъ, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія. Богатые города Египта отворяли ему ворота, привѣтствовали его какъ избавителя отъ ненавистнаго владычества персовъ, которые ругались надъ ихъ богами, оскверняли ихъ храмы, были гонителями ихъ жрецовъ. Александръ держалъ себя относительно египтянъ милостиво, выказывалъ уваженіе къ ихъ религіознымъ и общественнымъ учрежденіямъ, къ ихъ богослуженію и обычаямъ; приносилъ жертвы египетскимъ богамъ, въ особенности Апису, уваженіемъ къ которому хотѣлъ онъ придать себѣ сходство съ фараонами: но на дворахъ египетскихъ храмовъ онъ устроивалъ греческія гимнастическія и музыкальныя игры, желая пріучить египтянъ къ обычаямъ иноземцевъ, уважающихъ египетскіе обычаи. Чтобы дѣло слiянія египетской національности съ греческою шло быстрѣе, онъ основалъ городъ Александрію у западнаго рукава Нила, на берегу моря, подлѣ острова Фароса, знакомаго предкамъ по пѣснямъ Гомера; это мѣстоположеніе было очень удобно для торговли, потому Александрія скоро стала центромъ ея, очень богатымъ городомъ, столицею греческой литературы, и получила всемірное значеніе въ исторіи цивилизаціи. Александръ выказалъ геніальную проницательность при выборѣ мѣста для основываемаго имъ торговаго города, въ которомъ былъ потомъ погребенъ его прахъ и который своимъ именемъ увѣковѣчивалъ память о немъ. Положивъ основаніе Александріи, царь съ небольшимъ отрядомъ отборнаго войска пошелъ по песчаной пустынѣ вдоль берега моря на западъ, въ Паретоній, пограничный городъ киринейцевъ, ласково принялъ ихъ пословъ и подарки, оттуда пошелъ на югъ въ оазисъ Сива, который лежитъ какъ зеленый островъ среди необозримой пустыни песчанаго моря,— послѣдній пріютъ жизни для умирающей природы, послѣдній роздыхъ для путника, направляющагося въ пустыню. Цѣлью похода было посѣщеніе знаменитаго своимъ оракуломъ храма Аммона, таинственнаго бога, котораго греки отожествляли съ Зевсомъ. Труденъ былъ путь по песчаной пустынѣ, въ которой не встрѣчалось ни одного дерева, ни одного мѣстечка зелени или родника для отдыха; проводники сбились съ дороги, воины шли по направленію, въ которомъ пролетѣло нѣсколько вороновъ; наконецъ отрядъ достигъ желаннаго оазиса и съ наслажденіемъ отдохнулъ въ густыхъ пальмовыхъ и оливковыхъ рощахъ, у чистаго родника, посвященнаго солнцу; воины восхищались прекрасными нивами и лугами, на которые падала освѣжительная роса. Жрецы любезно приняли царя и его спутниковъ; главный жрецъ, привѣтствуя его передъ храмомъ, назвалъ его сыномъ бога Аммона; это придало ему въ пылкомъ воображеніи жителей востока священный характеръ. Возникло сказаніе, что Зевсъ

Основаніе Александріи.

Походъ въ Аммоній.

Аммонъ въ видѣ дракона сошелъ къ Олимпіадѣ въ ночь ея брака и отъ него зачала она божественнаго сына, которому предназначено быть владыкою вселенной отъ востока до запада солнца.

Возвратясь въ Мемфисъ, Александръ нашелъ тамъ новыя войска, присланныя ему изъ Греціи и Македоніи; пріѣхали туда и посольства отъ совѣта коринескаго союза и разныхъ греческихъ городовъ, поздравить его съ побѣдами, поднести ему золотые вѣнки и другіе почетные дары. Тенедосъ, Хіосъ, Косъ, нѣкоторые другіе острова Эгейскаго моря сообщили ему черезъ Гегелоха, начальника македонскаго флота, что признали его власть. — Въ признательность за это онъ освободилъ грековъ, взятыхъ въ плѣнъ при Граникѣ и посланныхъ тогда въ цѣпяхъ въ Македонію (стр. 186).

4. Битва при Гавгамелахъ и ея послѣдствія. Смерть Дарія. Побѣда Антипатра при Мегалополѣ.

Александръ идетъ за Эвфратъ. Весна 331.

Распорядившись управленіемъ Египта, установивъ размѣръ налоговъ, назначивъ правителей — отчасти изъ египтянъ, отчасти изъ македонянъ и грековъ, — оставивъ надежные гарнизоны для охраненія страны, Александръ пошелъ съ новыми и старыми войсками обратнымъ путемъ черезъ Газу въ Тиръ; отпраздновавъ тамъ игры по греческому обычаю, онъ пошелъ въ Дамаскъ, оттуда по большой военной дорогѣ къ Эвфрату и перешелъ черезъ него у Тапсака по двумъ мостамъ. Персидская конница, стоявшая на восточномъ берегу, отступила не сопротивляясь и пошла на соединеніе съ большимъ войскомъ, которое Дарій собралъ изъ восточныхъ областей на вавилонской равнинѣ и съ которымъ онъ стоялъ теперь на лѣвомъ берегу Тигра, неподалеку отъ той мѣстности, гдѣ была нѣкогда Ниневія. Трагическая судьба преслѣдовала персидскаго царя. До восшествія его на престолъ, народъ уважалъ его за храбрость, добродѣтель, царственное благородство души; но его недолгое царствованіе представляло рядъ пораженій. Онъ былъ образцомъ почтительности къ матери, любви къ женѣ и дѣтямъ, и ему пришлось испытать то горе, что ихъ взялъ въ плѣнъ врагъ, отвергнувшій половину царства и громадныя сокровища, предложенныя имъ за ихъ освобожденіе, но возбуждавшій удивленіе его своимъ благородствомъ относительно ихъ и въ особенности относительно красавицы Статиры. Тронутый этимъ великодушіемъ, Дарій молился богу солнца, что если воля бога отнимаетъ у него царство, то пусть оно будетъ отдано Александру. Статира умерла въ Египтѣ отъ несчастныхъ родовъ.

Дарій и Александръ.

Войско Дарія.

Войско, готовившееся дать рѣшительную битву македонянамъ, могло внушить имъ опасеніе за побѣду. Дарій собралъ воиновъ изъ храбрѣйшихъ народовъ восточныхъ горныхъ областей царства. Тутъ были персы и мидяне, отважные кавказскіе горцы, искусные въ военномъ дѣлѣ бактрійцы, храбрые армяне, воины индійскихъ горъ. Были тутъ и вавилоняне. Всего нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ пѣ-

хоты, 40.000 человѣкъ конницы; при нихъ находилось 200 боевыхъ колесницъ. Подъ начальствомъ своихъ племенныхъ царей, своихъ вельможъ, эти воины шли на битву за свободу, національность, вѣру, отцовскіе законы. Тѣ немногія тысячи чужеземныхъ наемниковъ, которыя находились въ ихъ войскѣ, были соединены съ ними жаждою мщенія за общее пораженіе при Иссѣ. Европа и Азія готовились вступить въ бой, въ которомъ наградою за побѣду было владычество восточнымъ міромъ.

Битва при Арбелахъ и Гавгавелахъ. 1 окт. 331.

Александръ шелъ къ Тигру сѣверовосточной дорогой черезъ Низибиду, вдоль мигдонскихъ холмовъ; переправился черезъ быструю рѣку нѣсколько выше того мѣста, гдѣ стоитъ теперь Мосулъ и, внушивъ войску новую бодрость истолкованіемъ луннаго затмѣнія въ смыслѣ благопріятнаго предзнаменованія, пошелъ между предгорьями Гордіэйскаго хребта и стремительнымъ Тигромъ на обширную равнину, гдѣ, на заботливо выровненномъ полѣ, ужь нѣсколько дней стояли готовыя къ бою несмѣтныя полчища Дарія. Парменіонъ совѣтовалъ сдѣлать нападеніе на врага ночью; Александръ гордо отвѣчалъ, что не хочетъ украсть побѣду. Говорятъ, онъ былъ такъ увѣренъ въ ней, что, сдѣлавъ распоряженія относительно слѣдующаго дня, крѣпко проспалъ до утра. Его разбудили, онъ быстро двинулъ войска въ бой; это сраженіе при Арбелахъ и Гавгамелахъ было блистательною, полною побѣдою надъ войскомъ, болѣе чѣмъ въ двадцать разъ превосходившимъ своею численностью его войско. Дѣло было рѣшено отважнымъ, геніально задуманнымъ и геройски исполненнымъ маневромъ Александра: построивъ клиномъ стоявшую на правомъ крылѣ македонскую конницу, онъ внезапно бросился съ нею на непріятельскій центръ. Ряды персовъ были разорваны этою стремительною аттакою; Дарій, какъ при Иссѣ, упалъ духомъ, увидѣвъ разстройство своего войска, обратился въ бѣгство, и его полчища, стѣснившись въ безпорядкѣ, сами задавили себя своею массою. При поворотѣ колесницы Дарія, былъ убитъ персъ, правившій ею; разнесся слухъ, что это упалъ самъ Дарій, что онъ убитъ, и въ войскѣ его исчезъ всякій порядокъ. Говорятъ, что болѣе ста тысячъ воиновъ было убито въ сраженіи, въ бѣгствѣ и въ македонскомъ станѣ, которымъ персъ Мазей овладѣлъ при началѣ битвы и въ которомъ его отрядъ былъ застигнутъ побѣдителями.

Вступленіе Александра въ Вавилонъ.

Несчастный Дарій, спасенный отъ плѣна только тѣмъ, что густыя облака пыли закрывали его отъ погони, бѣжалъ съ небольшимъ остаткомъ разсѣявшагося войска на востокъ, черезъ мидійскіе горные проходы, въ Экбатану, покинувъ свои сокровища, походныя вещи, колесницу и щитъ въ Арбелахъ. Александръ, съ войскомъ, обогатившимся несмѣтной добычей, пошелъ на югъ, въ древнюю столицу великаго царства, Вавилонъ. Должно было ожидать, что Вавилонъ будетъ упорно защищаемъ персами; Александръ готовился къ

осадѣ. Но едва онъ приблизился, ворота громаднаго города отворились, вавилоняне вышли встрѣтить его; впереди шли жрецы, старшины, персидскіе сановники съ вѣнками изъ цвѣтовъ и дарами. Александръ вступилъ въ городъ торжественною процессіей, занялъ цитадель, овладѣлъ царскими сокровищами. Онъ и тутъ, какъ въ Египтѣ, принесъ жертвы богамъ страны, въ знакъ того, что подъ его властью обычаи, законы, религіи всѣхъ народовъ будутъ пользоваться одинаковою терпимостью и охраною.

Любовь Александра къ восточнымъ формамъ быта.

Съ такимъ намѣреніемъ, онъ окружалъ себя персидскими вельможами, привлекалъ ихъ къ себѣ почестями; это удавалось ему, и его обстановка пріобрѣтала все болѣе и болѣе восточный характеръ; онъ очаровывался пышными формами азіатскаго придворнаго быта, ему нравилось божественное величіе восточнаго деспота. Это было непріятно македонскимъ вельможамъ и военачальникамъ; несогласіе ихъ съ его тенденціею росло, и его досада на нихъ стала полынью въ чашѣ его радостей, червемъ, подтачивавшимъ корень его могущества. Персидскіе правители Лидіи, Египта, Вавилоніи были, въ награду за преданность, оставлены имъ въ ихъ должностяхъ; это заманивало другихъ подражать имъ; по мѣрѣ того, какъ померкала звѣзда Дарія, росла толпа обращавшихся къ восходящему солнцу. Съ изумленіемъ видѣлъ міръ ходъ событій, внезапно измѣнившій привычныя отношенія между народами. „Какъ много неожиданнаго, невѣроятнаго совершилось въ наши времена! — восклицалъ Эсхинъ: „Нашъ вѣкъ—необыкновенная эпоха, которой будутъ дивиться потомки".

Александръ въ Сузѣ и Персеполѣ.

Тридцать дней войско Александра пировало въ Вавилонѣ, вознаграждая себя наслажденіями въ этомъ городѣ нѣги и роскоши за труды и опасности походовъ. Потомъ, получивъ подкрѣпленія изъ родины, Александръ пошелъ въ Сузу; столица персидскаго царства, по примѣру Вавилона, сдалась безъ сопротивленія. Сокровища, которыя со временъ первыхъ царей накоплялись въ «золотоукрашенномъ замкѣ киссійцевъ», достались завоевателю и пошли въ оборотъ.

Кромѣ драгоцѣнныхъ камней, пурпурныхъ одеждъ, другихъ дорогихъ вещей, въ сузанской казнѣ персидскаго царя были 50.000 талантовъ золота и серебра. — Статуи Гармодія и Аристогитона, увезенныя Ксерксомъ, и хранившіяся въ Сузѣ, Александръ возвратилъ аѳинянамъ.

Изъ Сузы Александръ пошелъ въ Персеполь, священный городъ Ахеменидовъ, гдѣ былъ дворецъ персидскихъ царей и гробницы ихъ. Мы описывали горную страну, по которой совершилъ теперь Александръ трудный походъ въ зимнее время (I, 403 слѣд.). Пастушескія племена горъ требовали съ него за спокойный пропускъ плату, какую давали имъ персидскіе цари. Онъ побѣдилъ ихъ и принудилъ давать ему дань скотомъ. Дальше, были «Сузіанскіе проходы», узкій путь между неприступныхъ скалъ; поперекъ его была построена стѣна; его защищалъ храбрый сатрапъ Аріобарзанъ съ 40.000 персовъ.

Казалось, тутъ невозможно пробиться. Но съ неимовѣрною смѣлостью Александръ, взявъ отрядъ отважнѣйшихъ воиновъ, взобрался на скалы, покрытыя снѣгомъ, и неожиданно напалъ на персовъ въ ихъ станѣ, между тѣмъ какъ остальное войско дѣлало приступъ къ стѣнѣ. Аріобарзанъ съ немногими всадниками ушелъ по горнымъ дорогамъ въ Экбатану къ Дарію. Александръ съ быстрѣйшими отрядами конницы поспѣшилъ въ Персеполь и овладѣлъ сложенными тамъ несмѣтными сокровищами. Говорятъ, что понадобилось 10.000 паръ муловъ и 3.000 верблюдовъ на то, чтобы вывезти изъ кладовыхъ Персеполя и Пасаргадъ хранившіяся тамъ массы золота, серебра, дорогихъ одеждъ и другихъ драгоцѣнностей. Мы ужь описывали Персеполь (I, 404; II, 437 слѣд.). Этотъ городъ дворцовъ, пользовавшійся у народовъ Азіи большимъ уваженіемъ, какъ родина Ахеменидовъ, мѣсто коронаціи персидскихъ царей и погребенія ихъ, центръ царства, сдѣлался теперь добычею пламени. Александръ, въ опьяненіи пира, зажегъ кедровыя панели царскаго дворца, въ отмщеніе за то, что персидскій царь сжегъ Аѳины и многіе храмы Греціи; преданіе говоритъ, что мысль сжечь дворецъ внушила ему танцовщица Ѳаида. Это было послѣднимъ дѣломъ того мщенія, исполнителемъ котораго выставлялъ себя Александръ. Персеполь считался священною столицею персидскаго царства; погибель этого города означала, что начинается новая эпоха, новый порядокъ вещей, что владычество надъ востокомъ переходитъ отъ мидо-персидскаго народа къ македонско-греческому. Въ Персеполѣ Александръ заявилъ себя замѣстившимъ персидскихъ царей властелиномъ ихъ царства. Серебряная драхма аттической монетной системы, которую велѣлъ онъ чеканить съ его именемъ, стала монетою всего греческаго и восточнаго міра.

Сожженіе Персеполя.

Парменіонъ совѣтовалъ Александру не сожигать Персеполя; Александръ былъ на пирѣ не въ такомъ состояніи разсудка, чтобы послушаться. Тѣ жители Персеполя, которые не погибли въ пламени и не были умерщвлены, были проданы въ рабство. Эта жестокость объясняется тѣмъ, что македоняне, какъ говорятъ Діодоръ, Курцій и Юстинъ, нашли въ Персеполѣ 800 плѣнныхъ грековъ, у которыхъ были выколоты глаза или отрѣзаны уши, руки, или ноги, и которые томились годы въ своемъ бѣдственномъ плѣну; Александръ, растроганный до слезъ видомъ ихъ страданій, назначилъ имъ содержаніе, вполнѣ обезпечивавшее ихъ отъ нужды.

Походъ въ Мидію. 330.

Александръ покорилъ хищныя племена горъ той страны; поручилъ гражданское и финансовое управленіе Персидою передавшимся ему персидскимъ вельможамъ, которые не могли надѣяться прощенія отъ Дарія, потому должны были усердно служить новому царю; но для наблюденія за ними онъ оставилъ македонскихъ и греческихъ военачальниковъ съ гарнизонами. Кончивъ эти дѣла, онъ пошелъ въ Мидію, на Экбатану, гдѣ находился Дарій. Персидскій царь снова собралъ большое войско, состоявшее главнымъ образомъ изъ храб-

Май, 330.

рыхъ горныхъ племенъ, и вокругъ него еще было много туземныхъ царей. Но онъ потерялъ всякую надежду на побѣду, и при извѣстіи о приближеніи Александра бѣжалъ въ Раги съ вѣрнѣйшею частью войска и остатками своихъ сокровищъ. Александръ желалъ взять въ плѣнъ его, чтобы тѣмъ прекратить борьбу, и погнался за нимъ; онъ бѣжалъ черезъ Каспійскія ворота на сѣверовостокъ, въ Бактрію, отчизну иранцевъ. Но на этомъ печальномъ бѣгствѣ онъ сдѣлался жертвой измѣны. Ужь многіе сатрапы съ своими войсками отдѣлились отъ него, передались побѣдителю; а Бессъ, храбрый князь туранской земли, родственникъ его, составилъ съ нѣкоторыми другими вельможами преступный планъ отнять царскій санъ у государя, который, выказавъ себя оробѣвшимъ, всетаки думалъ продолжать борьбу. Въ Тарѣ, въ странѣ тапуровъ, заговорщики ночью ворвались въ шатеръ Дарія, оковали несчастнаго царя и пошли съ нимъ въ восточныя области, гдѣ Бессъ имѣлъ много приверженцевъ; они спѣшили уйдти отъ Александра дорогами по горамъ, затруднявшимъ преслѣдованіе. Немногіе, оставшіеся вѣрными Дарію, отдѣлились отъ войска заговорщиковъ; нѣкоторые изъ нихъ покорились Александру; нѣкоторые, какъ Артабазъ, его сыновья и греческіе наемники, ушли въ тапурскія горы.—Александръ, назначившій Гарпала хранителемъ громадныхъ сокровищъ, — простиравшихся до 180.000 талантовъ, положенныхъ въ Экбатанской цитадели, и оставившій начальникомъ войскъ въ Мидіи Парменіона, поспѣшилъ, услышавъ объ измѣнѣ Бесса, въ погоню за нимъ, взявъ съ собою тѣлохранителей и самые легкіе отряды пѣхоты. Не давая отдыха имъ и себѣ, онъ шелъ по слѣдамъ измѣнниковъ черезъ горы и безводныя пустыни; лошади и люди падали отъ изнуренія; Александръ оставлялъ ихъ на волю судьбы и съ желѣзною непреклонностью спѣшилъ дальше; желаніе захватить въ свою власть Дарія, разстроить замыселъ измѣнниковъ придавало ему силу неутомимо продолжать изнурительное преслѣдованіе. Вѣроятно, въ это время произошелъ тотъ извѣстный случай, что когда ему, томимому жаждой въ безводной мѣстности, принесли нѣсколько воды въ шлемѣ, онъ вылилъ ее на землю, не желая воспользоваться тѣмъ, чего нѣтъ у его товарищей. На равнинѣ Гекатомпила онъ сталъ нагонять бѣгущихъ. Былъ разсвѣтъ утра. Онъ поскакалъ съ своими спутниками на изумленныхъ враговъ. Бессъ и нѣкоторые изъ его соумышленниковъ убили Дарія, котораго везли скованнаго на колесницѣ, и умчались, разсѣявшись. Они опасались, что Дарій, взятый въ плѣнъ Александромъ, формально передастъ ему власть и тѣмъ ослабитъ сопротивленіе восточныхъ областей завоевателю. Когда македоняне прискакали къ царской колесницѣ, Дарій былъ уже мертвъ. Александръ покрылъ его своею пурпурною мантіей, слезами искренней жалости плакалъ о несчастной судьбѣ его, велѣлъ отвезти

Измѣнники берутъ въ плѣнъ Дарія.

Смерть Дарія 3 іюля 330.

его тѣло въ Персеполь, въ гробницу его предковъ. Сизигамбида похоронила тамъ сына.

Такъ умеръ Дарій Кодоманъ, послѣдній царь династіи Ахеменидовъ. Онъ погибъ не отъ противника, съ которымъ безуспѣшно боролся за свое царство, говоритъ Дройзенъ: потерянныя имъ битвы лишили его не только областей и могущества, но и довѣрія персидскаго народа, вѣрности вельможъ. Онъ бѣжалъ, окруженный измѣнниками; онъ умеръ въ цѣпяхъ, пронзенный кинжалами своихъ сатраповъ, своихъ родныхъ. За нимъ осталась та слава, что онъ не хотѣлъ купить себѣ жизнь цѣною тіары, не призналъ за преступленіемъ право на престолъ, умеръ царемъ. Судьба сдѣлала его жертвою искупленія за вины его предшественниковъ.

Александръ признанъ царемъ персидскимъ.

Великимъ счастьемъ для Александра было то, что Дарій умеръ и что смерть персидскаго царя произошла не по его волѣ; чистый отъ крови Дарія, онъ могъ провозгласить себя законнымъ преемникомъ его и мстителемъ за его смерть. Теперь исчезли узы вѣрности, которыми соединены были персы съ династіею Ахеменидовъ, и лучшіе изъ персидскихъ вельможъ поспѣшили признать Александра царемъ. Когда онъ остановился въ Задракартѣ, на южномъ берегу Каспійскаго моря, отдохнуть отъ похода по труднымъ дорогамъ Эльбурсскаго хребта между Гирканіей и Парѳіею, въ его станъ явилось много знатныхъ персовъ съ выраженіемъ готовности служить ему: въ числѣ ихъ были Артабазъ и его сыновья, Аріобарзанъ, Арсамъ. Александръ принялъ ихъ любезно и оставилъ ихъ въ должностяхъ, которыя занимали они при Даріѣ. Даже греческіе наемники покорились царю, который выказалъ и относительно ихъ великодушную кротость, съ какою въ эти дни счастія и геройскаго величія принималъ всѣхъ признававшихъ его власть. Нѣкоторые изъ наемниковъ вернулись на родину, другіе поступили на его службу.

Александръ и Антипатръ.

Кротость Александра распространилась и на пелопоннесскихъ грековъ, предпринявшихъ противъ македонянъ войну, которая могла бы принять гибельные для него размѣры, если бы счастье не помогло македонскому оружію и въ Европѣ, какъ въ Азіи. Александръ въ это время получилъ извѣстіе, что Антипатръ, оставленный намѣстникомъ въ Македоніи, одержалъ побѣду надъ спартанцами, что они, которые одни изъ всѣхъ грековъ не хотѣли присоединиться къ коринѳскому союзу, повергнуты къ его ногамъ. Гордясь своими подвигами, онъ не хотѣлъ оцѣнить важности побѣды Антипатра; притомъ властолюбивая Олимпіада подорвала своими обвиненіями его довѣріе къ намѣстнику. Онъ насмѣшливо назвалъ походъ Антипатра войною съ мышами въ Аркадіи. При нерасположеніи къ Антипатру, онъ охотно согласился простить спартанцевъ, отправившихъ къ нему пословъ съ просьбою о пощадѣ. Но подавленная Антипатромъ попытка борьбы подвергла бы владычество македонянъ большой опасности, еслибъ

и на этотъ разъ легкомысленныя несогласія между греками не помѣшали имъ дѣйствовать общими силами.

Побѣда Антипатра надъ спартанцами при Мегалополѣ. 330.

Послѣ пораженія персовъ при Граникѣ Мемнонъ пытался поднять греческія государства на войну противъ македонянъ, чтобы принудить Александра вернуться въ Европу. Смерть предпріимчиваго Мемнона разстроила планъ этой войны, которой особенно горячо желалъ спартанскій царь Агисъ II (или, по другому способу счета, Агисъ III), храбрый человѣкъ старыхъ дорійскихъ нравовъ и стремленій. Агисъ стыдился и скорбѣлъ, сравнивая настоящее унизительное положеніе своей родины съ ея славнымъ прошлымъ. Мужественный воинъ, плохо понимавшій причины паденія Греціи, онъ надѣялся вывести Спарту изъ ея униженія. Примѣръ самого Александра показывалъ, что энергическій полководецъ можетъ побѣдить могущественнаго врага. Разсказы возвратившихся греческихъ воиновъ о битвахъ въ Азіи, о сокровищахъ Востока возбуждали въ грекахъ влеченіе къ отважнымъ предпріятіямъ. Такимъ образомъ, около того времени, какъ Александръ сокрушилъ силы персидскаго царства при Арбелахъ, Агисъ принялъ смѣлое рѣшеніе уничтожить владычество македонянъ надъ Греціею и возвратить своей родинѣ гегемонію въ Пелопоннесѣ. У него были на персидскія деньги набраны наемники на Тенарѣ, гдѣ при храмѣ Посейдона находилось общее мѣсто вербовки всѣхъ грековъ, искавшихъ наняться въ военную службу; Агисъ присоединилъ къ этому наемному отряду лакедемонскія войска; къ нему пришли отряды ахейцевъ, элидянъ, аркадянъ, и у него образовалось войско, сила котораго простиралась до 20000 человѣкъ тяжеловооруженной пѣхоты и 2000 конницы. Онъ пошелъ съ нимъ въ Аркадію, на Мегалополь, который, по враждѣ къ Спартѣ, отказался принять участіе въ его предпріятіи, остался вѣренъ македонянамъ. Онъ осадилъ городъ. Обстоятельства казались благопріятны ему: во Ѳракіи было возстаніе, Этолія и Ѳессалія волновались; очень возможно было надѣяться, что въ Аѳинахъ восторжествуетъ патріотическая партія, Демосѳенъ прерветъ свое молчаніе и возобновитъ призывъ всѣхъ грековъ къ войнѣ. Но Антипатръ дѣйствовалъ очень искусно, и одолѣлъ. Благоразумной уступчивостью онъ быстро успокоилъ возставшихъ ѳракійцевъ, привелъ въ Пелопоннесъ 40000-ное войско и одержалъ побѣду надъ греками въ большой, кровопролитной битвѣ при Мегалополѣ. Агисъ и его воины съ геройствомъ старины сражались противъ врага, далеко превосходившаго ихъ числомъ. Агисъ, раненный въ ногу около ступни, былъ на щитѣ унесенъ изъ боя своими сподвижниками. Но враги настигли ихъ. Онъ велѣлъ остановиться, подать ему оружіе, выбралъ себѣ мѣсто, на которомъ умереть, сталъ на колѣна и бился противъ македонянъ, пока упалъ, смертельно пораженный въ грудь копьемъ. На полѣ битвы легло 5000 пелопоннесцевъ, болѣе 3000 македонянъ и греческихъ союзниковъ ихъ. Александръ, давая пелопоннес-

цамъ пощаду, подъ условіемъ, что Спарта присоединится къ македонско-греческому союзу и что она и бывшія въ союзѣ съ нею государства заплатятъ Мегалополю 120 талантовъ вознагражденія за военные убытки, говорилъ съ пренебреженіемъ объ этой войнѣ; но битва при Мегалополѣ доказала, что побѣждать грековъ не такъ легко, какъ персовъ; греческому военному искусству былъ самъ Александръ обязанъ своими блестящими побѣдами при Иссѣ и Арбелахъ. Антипатръ взялъ пятьдесятъ человѣкъ изъ важнѣйшихъ спартанскихъ гражданъ заложниками въ Македонію, чтобы обезпечить себя отъ новыхъ попытокъ возстанія.

Война съ македонянами, кончившаяся кровопролитной битвой при Мегалополѣ, была дѣломъ отважнымъ, но напраснымъ. Греки, разъединенные политическими раздорами, раздробленные на мелкія государства, не могли сохранить независимости; ихъ поглощеніе большимъ государствомъ было неотвратимо. Если рѣчь „о договорахъ съ Александромъ“, ошибочно приписываемая Демосѳену и принадлежащая, какъ теперь доказано, не ему, а какому-нибудь другому оратору его партіи, была произнесена, какъ полагаютъ, во время этой войны, то и въ Аѳинахъ противники македонянъ начинали пріобрѣтать вліяніе. Объ этомъ свидѣтельствуютъ и борьба, происходившая въ томъ году между Демосѳеномъ и Эсхиномъ по дѣлу о золотомъ вѣнкѣ, данномъ аѳинянами Демосѳену, и рѣчь Ликурга противъ Леократа, о которой мы будемъ говорить ниже.—Недавно найдена надпись, изъ которой видимъ, что около этого времени получилъ отъ аѳинянъ почетный подарокъ ѳракійскій царь Ребулъ, сынъ Севта, одержавшій побѣду надъ македонскимъ военачальникомъ въ понтійской области, Зопиріономъ.

5. Александръ въ восточномъ Иранѣ. (Погибель Филота, Клита, Каллисѳена).

Александръ въ Гирканіи, Парѳіи, Аріи.

Отважнымъ походомъ Александръ покорилъ воинственныхъ мардовъ и кадусійцевъ, жившихъ въ горахъ на югъ отъ Каспійскаго моря и никогда не признававшихъ надъ собою чужой власти; упрочивъ этимъ свое владычество надъ гирканскою сатрапіею, ея горными проходами, гаванями, прекрасными лѣсами, онъ выступилъ изъ Задракарты, гдѣ воины его отдохнули и достаточно насладились пирами, праздниками, играми, и вдоль сѣвернаго склона громаднаго хребта, отдѣляющаго Иранъ отъ Турана, пошелъ въ Бактрію, куда удалились Бессъ и его приверженцы; тамъ, надѣясь на защиту горъ и на преданность населенія, проникнутаго національнымъ чувствомъ, Бессъ принялъ титулъ и возложилъ на себя облаченіе персидскаго царя.—Въ бактрійскомъ походѣ македонское войско должно было преодолѣвать препятствія, противопоставляемыя физическимъ характеромъ страны, и сопротивленіе туземцевъ было тутъ упорнѣе, чѣмъ въ западныхъ областяхъ царства. Воинственныя племена Парѳіи и Аріи (I, 366)

сначала покорились Александру, потомъ вѣроломно истребили оставленный въ ихъ земляхъ отрядъ; разгнѣванный Александръ сурово наказалъ инсургентовъ: часть ихъ умертвилъ, другую продалъ въ рабство. Послушныхъ онъ вызывалъ своею кротостью къ довѣрію и преданности, теперь онъ хотѣлъ показать примѣръ строгости. Онъ основалъ городъ, предназначенный открыть западной торговлѣ и культурѣ путь въ эти отдаленныя области и упрочить покорность ихъ; основаніе городовъ онъ считалъ вѣрнѣйшимъ средствомъ упроченія своей власти. Мѣсто для новаго города, названнаго Александріею Арійскою, онъ выбралъ зоркимъ взглядомъ: тамъ сходились дороги изъ Гирканіи, Парѳіи, Маргіаны, Бактріи, Сеистанскаго оазиса и бассейна Кабула. Городъ давно утратилъ свое имя, но жители Герата еще помнятъ, что основателемъ его былъ Александръ.

Покореніе Дрангіаны, Арахозіи и паропамизскихъ племенъ.

Строгость, съ какою наказалъ Александръ арійцевъ, имѣла желанное дѣйствіе. Онъ прошелъ Дрангіану и Арахозію, не встрѣтивъ сопротивленія. Намъ ужь извѣстны народы этихъ странъ (I, 365 слѣд.): саранги, воинственное конное племя; мирные, трудолюбивые аріаспы («конные арійцы», которыхъ греки называли эвергетами, «благодѣтелями»), жившіе въ южномъ Сеистанѣ, «странѣ весны», цивилизованный и зажиточный народъ, имѣвшій благоустроенный государственный порядокъ. Оба эти племени покорились Александру. Въ Арахозіи онъ тоже основалъ городъ, и назвалъ его тоже Александріею; названіе Кандагара еще напоминаетъ первоначальную форму имени этого города, который скоро сталъ центромъ караванной торговли, по выгодности своего положенія для нея. Основывая города въ областяхъ далекаго востока, Александръ хотѣлъ открыть для торговли эти края, до того времени имѣвшіе мало сношеній съ другими землями, хотѣлъ ввести въ нихъ греческій языкъ, чтобъ изъ слiянія восточной культуры съ греческою возникла новая цивилизація, создать которую желалъ онъ.

Александръ окружаетъ себя восточною пышностью.

Мы ужь говорили, что Александръ, къ сильному неудовольствію своихъ македонскихъ сподвижниковъ, все больше и больше принималъ формы восточнаго царя въ своихъ отношеніяхъ къ покореннымъ народамъ, оставлялъ персидскихъ вельможъ въ должностяхъ, которыя занимали они при Даріѣ, поручалъ македонянамъ только финансовое управленіе и начальство надъ гарнизонами областей, старался примирять съ своимъ владычествомъ восточные народы, принимая ихъ обычаи и понятія. Это стремленіе его стало особенно ясно проявляться по смерти Дарія. Выставляя себя преемникомъ погибшаго царя, онъ хотѣлъ быть во всемъ похожъ на персидскихъ государей; потому дѣлалъ все больше и больше заимствованій изъ пышнаго церемоніала восточныхъ деспотовъ. Онъ принималъ азіатцевъ одѣтый въ мидійское царское облаченіе, съ царскою тіарою на головѣ. Ему нравилось, когда они преклоняли колѣна передъ нимъ,

воздавали ему восточныя утрированныя почести; онъ окружилъ себя персидскими жезлоносцами и другими придворными слугами; обстановка жизни его была то походная, простая, македонская, то персидская, придворная, ослѣпительно пышная. Онъ хотѣлъ, чтобы побѣжденные народы видѣли въ немъ не завоевателя, а законнаго царя. Онъ велѣлъ обучать отряды молодыхъ азіатцевъ военной службѣ по македонскому образцу и присоединилъ ихъ къ своему войску подъ названіемъ эпигоновъ. Его станъ сдѣлался подвижною столицею царства, подобно стану персидскихъ царей. Эта космополитская

Неудовольствіе македонянъ.

политика, превращавшая Александра въ персидскаго царя, возбуждала неудовольствіе въ македонскихъ военачальникахъ; въ своей надменности, они хотѣли быть повелителями завоеванныхъ странъ, владычествовать надъ побѣжденными, желали пользоваться неограниченными полномочіями сатраповъ и предаваться наслажденіямъ съ грубымъ произволомъ завоевателей. Лишь немногіе,—какъ, напримѣръ, Гефестіонъ и Кратеръ,—усвоили себѣ понятія Александра и держали себя сообразно съ его желаніемъ. Всѣ другіе обижались, обвиняли Александра въ неблагодарности; говорили, что за свою службу его честолюбію они вознаграждены тѣмъ, что плоды ихъ побѣды отданы въ руки побѣжденныхъ.

Смерть Филота и Парменіона.

Главою недовольныхъ былъ Парменіонъ; онъ всегда совѣтовалъ Александру воздерживаться отъ рискованныхъ дѣлъ; предостереженія его давно не нравились царю; въ сраженіи при Арбелахъ его нерѣшительность едва не помѣшала успѣху прекрасно обдуманнаго Александромъ плана битвы. Подобно отцу, громко высказывалъ свое недовольство сынъ Парменіона, Филотъ, человѣкъ храбрый, но горячій и гордый, бывшій начальникомъ отряда тѣлохранителей. Парменіонъ и Филотъ возбуждали въ воинахъ желаніе поскорѣе кончить войну, получить свою долю добычи, вернуться домой. Когда войско стояло станомъ у дрангіанскаго города Профтасіи, составился заговоръ убить Александра; Филотъ узналъ и не донесъ объ этомъ; только на третій день дошло свѣдѣніе о заговорѣ до Александра, и дошло не отъ Филота. Главный злоумышленникъ, Димнъ, убилъ себя. Александръ, по македонскому обычаю, созвалъ войско судить виновныхъ, разсказалъ о заговорѣ и предложилъ Филоту доказать свою невинность. Войско нашло недостаточнымъ то, что Филотъ говорилъ въ оправданіе себѣ. Онъ былъ подвергнутъ пыткѣ, наговорилъ очень много противъ себя и другихъ, былъ осужденъ войскомъ на смерть, выведенъ къ войску и по македонскому обычаю пронзенъ копьями. По изслѣдованію дѣла оказалось, что и отецъ Филота, Парменіонъ, имѣлъ такія же мысли, какъ Филотъ. Подъ начальствомъ Парменіона былъ оставленъ въ Экбатанѣ большой отрядъ, оберегать свезенныя туда царскія сокровища и охранять дорогу изъ Европы въ восточныя области. Александръ опасался, что Парменіонъ возстанетъ противъ

него, услышавъ о смерти сына, и отрѣжетъ войску путь возвращенія съ востока. Потому тотчасъ послѣ казни Филота царь отправилъ надежнаго гонца въ Мидію, съ приказаніемъ Клеандру и Мениду, помощникамъ Парменіона, убить его. Они исполнили приказаніе. Парменіонъ прогуливался по саду экбатанскаго дворца; они подошли къ нему, ничего не подозрѣвавшему, подали письмо къ нему отъ Александра; когда онъ сталъ читать, Клеандръ нанесъ ему смертельную рану; отрубленная голова Парменіона была послана Александру, а тѣло его погребли глубоко опечаленные его смертью воины.

Александру казалось, что онъ окруженъ злоумышленниками, какъ видимъ изъ того, что за смертью Филота послѣдовали другія казни; были подвергнуты суду даже нѣкоторые изъ очень важныхъ военачальниковъ,—Аминтъ, Симмій, Атталъ— но были оправданы по недостатку уликъ. Былъ тогда казненъ за свою прежнюю измѣну и зять Антипатра, линкестійскій вельможа Александръ; притомъ Олимпіада постоянно посылала сыну обвиненія противъ Антипатра; потому Антипатръ, опасаясь за свою жизнь, принялъ мѣры предосторожности и, между прочимъ, заключилъ тайный союзъ съ этолянами.

Александръ въ Бактріи.

Покоривъ Дрангіану и Арахозію, Александръ сталъ готовиться къ походу противъ Бесса, который, провозгласивъ себя царемъ подъ именемъ Артаксеркса, собралъ большое войско въ восточномъ Иранѣ, гдѣ національное чувство оставалось сильнѣе, чѣмъ въ Мидіи и Персидѣ, пріобрѣлъ себѣ поддержку туранскихъ царей.—Зимою Александръ основалъ городъ, названный Александріею на Кавказѣ (т. е. Индійскомъ Кавказѣ), поселилъ тамъ воиновъ, ставшихъ неспособными къ походамъ, и 7.000 еще крѣпкихъ. Весною онъ съ удивительною смѣлостью пошелъ въ Бактрію чрезвычайно труднымъ путемъ чрезъ покрытый снѣгами Индійскій Кавказъ (или Паропамизъ; Гиндукушъ). Четырнадцать дней войско шло по нагимъ скаламъ, гдѣ не находило дерева для разведенія огня; оказался недостатокъ и въ съѣстныхъ припасахъ, такъ что воины принуждены были рѣзать вьючный скотъ на пищу себѣ, питались корнями; войско было очень изнурено, когда пришло въ первый бактрійскій городъ, Драпсаку или Адрапсу. Давъ тутъ воинамъ отдохнуть, Александръ пошелъ по плодороднымъ равнинамъ въ главный городъ области, Бактру (Балхъ). Бессъ, думавшій, что переходъ черезъ Паропамизъ невозможенъ, былъ такъ испуганъ появленіемъ Александра въ Бактріи, что, не пытаясь сопротивляться, бѣжалъ съ надежнѣйшими своими войсками за Оксусъ (Аму), въ землю согдіанъ; тамъ онъ надѣялся укрыться въ Навтакѣ, подъ охраною горныхъ крѣпостей и пустыни, отдѣлявшей эту мѣстность отъ Бактріи; онъ призвалъ на помощь себѣ массагетовъ и скиѳскія орды. Но прежде чѣмъ собрались къ нему воинственныя племена

Казнь Бесса.

той страны, Александръ, неутомимо гнавшійся за нимъ, ужь перешелъ быстрый Оксусъ по летучему, на-скоро наведенному мосту, и приближался къ его убѣжищу. Бессъ хотѣлъ бѣжать дальше; но нѣкоторые изъ его вельможъ составили заговоръ, чтобы купить себѣ милость Александра, выдавъ его. Птолемей съ отрядомъ конницы поспѣшилъ, по порученію Александра, туда, гдѣ вспыхнулъ этотъ заговоръ, и неподалеку отъ города Мараканды (Самарканда) заговорщики отдали ему Бесса, закованнаго въ цѣпи. Александръ привезъ его въ цѣпяхъ въ Бактру и отдалъ на судъ собранія персидскихъ вельможъ. Они осудили его на смерть за убійство Дарія. Онъ былъ привезенъ въ Экбатану, подвергнутъ, по персидскому обычаю, истязаніямъ, изувѣченію и распятъ на крестѣ.

Александръ на Яксартѣ. 329.

Александръ не долго оставался въ Согдіанѣ. На походѣ черезъ Гиндукушъ и по степямъ Бактріи его конница потеряла много лошадей; пополнивъ эту убыль, онъ пошелъ по большой военной дорогѣ изъ Мараканды на сѣверовостокъ въ Кирополь, послѣдній городъ персидскаго царства на рѣкѣ, которую греки называли Яксартомъ (Сыръ-Дарья). Воинственныя племена той мѣстности ушли въ свои укрѣпленія на крутыхъ горахъ, и

упорно оборонились тамъ отъ македонянъ. Въ одномъ изъ нападеній на нихъ, Александръ былъ раненъ. Раздраженные сопротивленіемъ воины его съ изумительной отвагою врывались въ укрѣпленія враговъ, и свирѣпо истребляли ихъ; бѣжавшіе отъ меча побѣдителей бросались со скалъ въ пропасти. Уцѣлѣло только восемь тысячъ туземцевъ; они покорились Александру. Кирополь былъ самою большою и сильною изъ семи пограничныхъ крѣпостей, которыя въ очень давнія времена построены персами на окраинѣ степей для защиты Ирана отъ дикихъ туранцевъ, воинственныхъ племенъ, жившихъ въ низовьѣ Яксарта и называвшихся у грековъ общимъ именемъ скиѳовъ; эти племена съ глубокой древности нападали на Иранъ, и въ религіозныхъ книгахъ иранцевъ, въ старой поэзіи персовъ, очень много говорится объ ихъ набѣгахъ. Александръ видѣлъ важность крѣпостей, ограждавшихъ восточную культуру отъ вторженій туранскихъ ордъ; он поставилъ македонскіе гарнизоны въ эти укрѣпленія и построилъ для усиленія оборонительной линіи новую крѣпость на сѣверовостокѣ у послѣднихъ тѣснинъ Яксарта; онъ назвалъ этотъ укрѣпленный городъ «Крайнею Александріею», Alexandreia Eschate; теперь тутъ стоитъ Ходжентъ, одинъ изъ центровъ караванной торговли тѣхъ странъ. Дѣлать завоеваній за Яксартомъ Александръ не хотѣлъ. Степныя племена обѣщали ему соблюдать миръ; онъ воспользовался этими сношеніями съ ними, чтобы пріобрѣсти точныя свѣдѣнія о характерѣ ихъ страны, объ ихъ образѣ жизни и военныхъ обычаяхъ. Итакъ, кочевыя племена обширной туранской степи сохранили свою буйную

Восстанія въ Бактріи и Согдіанѣ.

независимость, остались по прежнему опасны своимъ сосѣдамъ. Когда Александръ былъ на Яксартѣ, къ нему пришло извѣстіе о возстаніи въ его тылу. Спитаменъ, служившій Бессу и выдавшій его Александру, не получилъ такой награды, какой надѣялся, и въ досадѣ рѣшился начать войну. Онъ распустилъ слухъ, что Александръ хочетъ истребить всѣхъ, помогавшихъ Бессу; испуганные этимъ бактрійскіе родоначальники и воины подняли возстаніе, призвали на помощь себѣ массагетовъ и саковъ, неожиданно напали на пограничныя крѣпости, истребили оставленные въ нихъ македонскіе гарнизоны. Положеніе Александра было очень опасно; при малѣйшей неудачѣ, онъ могъ погибнуть со всѣмъ своимъ войскомъ; только быстрота и рѣшительность могли спасти его. Онъ выказалъ удивительную энергію. Въ нѣсколько дней онъ взялъ всѣ семь крѣпостей, которыми овладѣли инсургенты; на приступахъ онъ подвергалъ свою жизнь величайшимъ опасностямъ. Онъ наказалъ инсургентовъ съ безпощадною строгостью: почти всѣ мужчины были умерщвлены; женщины, дѣти, имущество розданы воинамъ. Немногіе уцѣлѣвшіе инсургенты были отведены въ цѣпяхъ на Яксартъ и поселены съ македонскими ветеранами и греческими наемниками въ Александріи, основанной на этой рѣкѣ. Подавивъ возстаніе, Александръ перешелъ Яксартъ и прогналъ скиѳовъ, подступившихъ

Александръ въ Скиѳіи.

къ рѣкѣ и ругавшихся надъ македонянами. Раненный въ сраженіи и чрезвычайно изнуренный, онъ напился дурной воды въ солонцовой степи, и занемогъ. Его принесли въ станъ; болѣзнь была опасна; войско припоминало неблагопріятныя предзнаменованія, предвозвѣщавшія бѣду; но Александръ скоро выздоровѣлъ. Дикія племена степей, удивлявшіяся его геройству, снова обѣщали держать себя мирно и заключили союзъ съ нимъ; онъ производилъ на нихъ впечатлѣніе существа, одареннаго божественною силою.—

Подавленіе возстаній.

Теперь Александръ получилъ возможность идти противъ возставшихъ согдіанцевъ. Онъ поспѣшно пошелъ къ Мараканде, которую осаждалъ Спитаменъ, разбивъ отрядъ македонскаго и греческаго войска. Появленіе Александра ужаснуло враговъ; Спитаменъ съ своимъ коннымъ войскомъ ушелъ въ степь. Александръ преслѣдовалъ его до окраины пустыни, потомъ отмстилъ за убитыхъ инсургентами воиновъ разореніемъ согдіанскихъ городовъ и селеній. Туземцы скрывались отъ безпощаднаго врага въ лѣса и въ горныя

329–328.

укрѣпленія. Зиму Александръ провелъ въ Заріаспѣ (то есть, быть можетъ, въ Бактрѣ). Въ его великолѣпный станъ являлись послы близкихъ и дальнихъ народовъ; пришли туда къ нему новыя подкрѣпленія. Согдіанцы между тѣмъ вышли изъ своихъ убѣжищъ и кроваво отмстили оставленнымъ въ ихъ землѣ гарнизонамъ за ея опустошеніе. Въ началѣ весны Александръ вернулся въ Согдіану, взялъ и разрушилъ горныя укрѣпленія, построилъ нѣсколько городовъ для упроченія своей власти надъ враждебнымъ населеніемъ Согдіаны и Бактріаны. На чрезвычайно крутой скалѣ дикаго хребта, подымающа-

Взятіе согдіанской горной крѣпости. Женитьба Александра на Роксанѣ.

гося между Навтакою и Бактрою выше линіи вѣчныхъ снѣговъ, стояла согдіанская крѣпость, въ которую вела узкая тропинка по скалѣ; никакого другого доступа къ ней не давали отвѣстные утесы и глубокія пропасти. Многіе изъ возставшихъ противъ Александра вельможъ отвезли туда своихъ женъ, дочерей и свои сокровища. Когда Александръ потребовалъ отъ гарнизона покорности, ему съ насмѣшкою отвѣчали, чтобы прежде онъ нашелъ себѣ крылатыхъ воиновъ. Онъ назначилъ награду тѣмъ, кто взойдетъ на утесъ, подымавшійся надъ крѣпостью. Триста воиновъ, уроженцевъ горной части Македоніи, пошли ночью взбираться на утесъ; дѣло было чрезвычайно опасное; но они преодолѣли всѣ трудности, взошли на вершину, покрытую льдомъ и снѣгомъ. Утромъ, варвары съ изумленіемъ увидѣли враговъ на скалѣ надъ крѣпостью и, отчаявшись въ возможности сопротивляться, сдались, умоляя о пощадѣ. Александръ взялъ громадную добычу. Въ числѣ множества знатныхъ плѣнницъ находилась Роксана, дочь Оксіарта, одного изъ туземныхъ князей, дивная красавица. Александръ влюбился въ нее и рѣшилъ жениться на ней.

Умиротвореніе восточнаго Ирана.

Постепенно возстаніе было подавлено. Былъ побѣжденъ и отважный Спитаменъ; призвавъ массагетовъ, онъ неожиданно напалъ на македонянъ и нанесъ имъ большой уронъ; но снова былъ принужденъ бѣжать въ пустыню, и скоро былъ убитъ тамъ, по однимъ извѣстіямъ, своею красавицей женою, которую часто оскорблялъ; по другимъ, своими союзниками, скиѳами, которые надѣялись купить его головою прощеніе Александра. Зимою

328—327.

Александръ взялъ послѣднія горныя твердыни инсургентовъ, принудилъ ихъ князей покориться; теперь онъ могъ заняться приготовленіями къ новымъ предпріятіямъ: въ Бактріи и Согдіанѣ было водворено спокойствіе; племенные князья, которымъ онъ великодушно простилъ ихъ сопротивленіе, были ему преданы; утвѣрленные города, которые основалъ онъ въ продолженіе двухъ лѣтъ, проведенныхъ въ этихъ областяхъ, имѣли вѣрное ему македонское и греческое населеніе; и когда онъ великолѣпно отпраздновалъ въ Бактрѣ свою свадьбу съ Роксаною, туземцы стали гордиться тѣмъ, что дочь ихъ страны избрана могущественнѣйшимъ царемъ земли раздѣлять съ нимъ его престолъ;— все это ручалось ему за вѣрность восточнаго Ирана. По усмиреніи возстанія, прежнее благосостояніе начало возрождаться въ плодоносныхъ долинахъ прекрасныхъ горныхъ областей; родина старинной иранской энергіи и культуры, открытая теперь вліянію цивилизованныхъ государствъ запада, скоро вновь получила высокое значеніе въ исторіи развитія восточныхъ народовъ.

Убійство Клита. 328.

Но славу Александра омрачило въ Согдіанѣ черное дѣло—убійство Клита, спасителя его жизни въ сраженіи на Граникѣ, брата его кормилицы. На праздникѣ Діоскуровъ въ Маракандѣ пиръ длился до глубокой ночи. Александръ веселился въ кругу своихъ вельможъ. Греческіе софисты и льстецы превозносили его выше всякой мѣры; говорили, что онъ превзошелъ своими подвигами Діоскуровъ и Геракла, что онъ достоинъ пользоваться ужь и теперь, при жизни, божескими почестями. Клитъ, человѣкъ горячаго характера, давно досадовавшій на восточное и греческое боготвореніе Александра, сталъ порицать это льстивое преувеличеніе подвиговъ его, сталъ говорить, что слава ихъ принадлежитъ главнымъ образомъ мужеству македонскаго войска. Споръ разгоряченныхъ виномъ гостей становился все громче, слова Клита дѣлались все оскорбительнѣе. Опровергая льстецовъ, Клитъ сталъ доказывать, что дѣла, совершонныя Филиппомъ, гораздо важнѣе дѣлъ Александра; говорилъ, что счастливы Парменіонъ и его сыновья, счастливы воины, павшіе въ битвахъ, потому что смерть избавила ихъ отъ стыда видѣть македонянъ, наказываемыхъ лидійскими розгами, выпрашивающихъ у персовъ позволенія войдти къ царю; хвалился спасеніемъ жизни Александра при Граникѣ; закричалъ Александру: «Не приглашай къ твоему столу свободныхъ людей, приглашай варваровъ и рабовъ, цѣлующихъ подолъ одежды твоей, поклоняющихся твоему персидскому поясу!» Раздраженный Александръ вскочилъ, хотѣлъ схватить свое оружіе; македонскіе вельможи успѣли спрятать оружіе и вывели Клита, продолжавшаго кричать. Но черезъ нѣсколько минутъ Клитъ вошелъ другою дверью и сталъ опять говорить язвительныя порицанія; царь выхватилъ копье у одного изъ тѣлохранителей и бросилъ въ Клита; Клитъ

упалъ, обливаясь кровью. Древніе писатели сурово говорятъ объ этомъ несчастномъ порывѣ досады Александра, испорченнаго, по ихъ словамъ, счастьемъ и лестью. Но взвѣшивая обстоятельства дѣла, надобно признать, что убійство Клита извинительнѣе хладнокровнаго приказанія убить Парменіона.—Александръ въ отчаяніи бросился на тѣло Клита, провелъ въ своемъ шатрѣ трое сутокъ безъ пищи, безъ питья, безъ сна, рыдая о Клитѣ. Друзья едва могли успокоить его раскаяніе.

Дворъ Александра. Анаксархъ и Каллисѳенъ.

Удивительный ходъ событій производилъ такое сильное впечатлѣніе на фантазію, что окружающіе Александра какъ будто опьянѣли,—будто утратили власть надъ своими мыслями и поступками. Столкновенія разнообразнѣйшихъ интересовъ—говоритъ Дройзенъ—интриги тайныхъ соперничествъ, непрерывная вереница пировъ и битвъ, праздниковъ и тяжкихъ походовъ, роскоши и голода, строгой походной дисциплины и необузданнаго разгула на стоянкахъ, передвиженіе все дальше и дальше, все въ новыя и новыя страны, безъ заботы о будущемъ, съ мыслями только о томъ, чтобы спѣшить наслаждаться—все это придавало походному двору Александра характеръ фантастическаго авантюризма, соотвѣтствовавшій изумительному блеску его побѣдоносныхъ походовъ.—Изъ греческихъ софистовъ и ученыхъ, сопровождавшихъ Александра, особенно выдающіяся роли играли два человѣка, противоположные другъ другу по качествамъ, которыми пріобрѣли себѣ знаменитость, Анаксархъ и Каллисѳенъ. Софистъ Анаксархъ, уроженецъ Абдеры, старался заслужить милость Александра низкою лестью, раболѣпствомъ. Каллисѳенъ, уроженецъ Олинѳа, хотѣлъ блистать въ партіи недовольныхъ Александромъ.—Объ Анаксархѣ разсказываютъ, что онъ въ успокоеніе Александру послѣ убійства Клита, излагалъ ему доводы такого рода: „Развѣ ты не знаешь, царь, что богиня справедливости изображается подлѣ Зевса Кроніона потому, что хорошо и справедливо все, что̀ дѣлаетъ Зевсъ. Точно такъ же все, что̀ дѣлаетъ царь, должны считать справедливымъ и самъ онъ и всѣ".—Анаксархъ убѣдилъ Александра, чтобъ онъ требовалъ и отъ македонянъ тѣхъ почестей, какія по восточному этикету воздавали ему азіатцы, преклонявшіе колѣна передъ нимъ; примѣняя къ этому дѣлу раціоналистическія понятія современныхъ философовъ, Анаксархъ говорилъ: боги и герои, которымъ македоняне воздаютъ эти почести, были тоже люди, побѣдоносные полководцы, хорошіе законодатели; умершимъ людямъ воздаютъ же божескія почести,—слѣдуетъ оказывать такія почести и живому, который превосходитъ всѣхъ ихъ своими подвигами.

Каллисѳенъ. 360—328.

Чѣмъ больше нравились Александру льстивыя разужденія ловкаго софиста, тѣмъ рѣзче порицалъ ихъ Каллисѳенъ олинѳскій, сынъ сестры Аристотеля, воспитавшійся вмѣстѣ съ Александромъ, учившійся потомъ въ Аѳинахъ; онъ поѣхалъ въ Азію съ Александромъ, желая написать его исторію. Своими лекціями и пышнымъ, исполненнымъ реторическихъ преувеличеній описаніемъ первыхъ походовъ Александра онъ восхищалъ царя, полководцевъ и придворныхъ; ихъ похвалы развили въ немъ тщеславіе. Пока гордость Александра еще не переходила границъ разсудительности, еще не требовала божескихъ почестей, Каллисѳенъ, подобно другимъ приближеннымъ его, былъ угодливымъ льстецомъ. Но теперь — и въ особенности съ той поры, какъ Анаксархъ, умѣвшій говорить не хуже его, сталъ болѣе, чѣмъ онъ, нравиться Александру, онъ сдѣлался суровымъ нравственнымъ судьею, сталъ выказывать себя республиканцемъ, рѣзко отказался преклонить колѣна передъ Александромъ, прославлялъ прежнюю свободу, горько порицалъ измѣну греческимъ и македонскимъ обычаямъ. Это дало его противникамъ возможность взводить подозрѣнія на него.

Они говорили, что его надменность невыносима, что онъ имѣетъ такой гордый видъ, какъ будто хочетъ низвергнуть царя; говорили, что онъ опасенъ своимъ вліяніемъ на молодыхъ знатныхъ македонянъ, которые уважаютъ его слова какъ изреченія оракула, называютъ единственнымъ свободнымъ человѣкомъ между всѣми тысячами людей въ войскѣ. Однажды на пирѣ Александръ потребовалъ, чтобъ онъ сказалъ рѣчь въ похвалу македонянамъ. Онъ говорилъ съ обыкновеннымъ своимъ мастерствомъ, и вызвалъ общее удовольствіе. Александръ предложилъ ему говорить то, что̀ можно сказать и въ порицаніе македонянъ, и онъ живо описалъ бѣдствія, какимъ подвергли македоняне Грецію; это возбудило въ Александрѣ и македонскихъ вельможахъ такой гнѣвъ, что они воспользовались первымъ поводомъ избавиться отъ непріятнаго моралиста. Поводъ скоро представился. Македонянинъ Гермолай, оскорбленный на охотѣ Александромъ, составилъ съ нѣкоторыми изъ молодыхъ знатныхъ македонянъ заговоръ убить царя. Александръ былъ предупрежденъ объ опасности сиріянкою, игравшею роль предвѣщательницы, и заговоръ былъ раскрытъ. Виновные, отданные на судъ войску, были, по македонкому обычаю, побиты камнями. Каллисѳенъ, обвиненный въ знаніи объ ихъ умыслѣ, былъ закованъ въ цѣпи. Александръ возилъ его въ цѣпяхъ при войскѣ; на походѣ въ Индіи онъ погибъ; по однимъ извѣстіямъ, умеръ отъ болѣзни; по другимъ, былъ повѣшенъ.

---

3. Походъ въ Индію. Смерть Александра.

1. Походъ до Гифазиса.

Рѣшеніе Александра идти въ Индію.

Когда Александръ былъ въ Бактрѣ, къ нему явились послы изъ-за Инда, отъ царя Таксила (то есть, отъ царя города Таксилы, точнѣе: Такшасилы, Лагора). Таксилъ приглашалъ македонскаго царя идти на востокъ, обѣщалъ ему свою помощь для покоренія сосѣднихъ царей, въ особенности могущественнаго Пора (то есть, Пуру), владычествующаго за Гидаспомъ надъ страной, въ которой болѣе ста городовъ. Вскорѣ пріѣхалъ другой индійскій царь, котораго греки называютъ Сисикипромъ, бывшій въ сношеніяхъ съ Бессомъ, а теперь предлагавшій Александру свою службу. Жажда подвиговъ располагала Александра идти въ Индію, страну чудесъ, завоеваніемъ которой онъ желалъ превзойдти славу Кира и Дарія Гистаспа. Но были у него и другіе поводы предпринять этотъ походъ. Многіе македоняне роптали, что безграничная страсть царя къ завоеваніямъ не даетъ имъ пользоваться плодами ихъ побѣдъ; онъ расчитывалъ, что надежда на богатую добычу въ Индіи прекратитъ ихъ ропотъ; въ походѣ онъ отлагалъ персидскую пышность, возбуждавшую столько неудовольствія, дѣлилъ труды и лишенія съ простыми воинами, жилъ по македонскимъ обычаямъ среди своихъ сподвижниковъ; потому, въ походѣ неудовольствіе ихъ на него само собою исчезало. Притомъ,

въ войскѣ было много людей, желавшихъ, чтобъ онъ дѣлалъ новыя завоеванія: привлекаемые славою его побѣдъ, желаніемъ обогатиться, или страстью къ приключеніямъ, или любопытствомъ, разсказами о сокровищахъ и чудесахъ востока, въ станъ Александра непрерывно шли тысячи новыхъ воиновъ; для нихъ нужны были новые походы, новыя битвы и побѣды; они тоже хотѣли славы, завоеваній, добычи, наслажденій.

Въ концѣ весны 327 года Александръ съ войскомъ, въ которомъ было болѣе 100.000 воиновъ разныхъ племенъ, покинулъ Бактрію и Согдіану и черезъ горы Паропамиза, тѣмъ же путемъ, по которому съ такимъ трудомъ шелъ въ Бактрію, онъ двинулся къ рѣкѣ Кофену (Кабулу) и къ Инду. Войску понадобилось преодолѣть много тяжелыхъ затрудненій, противопоставляемыхъ природою и воинственными туземцами, прежде чѣмъ оно дошло до воротъ Гиндустана.

Миѳическія воспоминанія.

Однимъ изъ эпизодовъ этого похода было взятіе укрѣпленія, построеннаго на очень высокой скалѣ. Македоняне говорили, что туда не могли подыматься птицы и потому называли укрѣпленіе недостижимымъ для птицъ (Aornos); за взятіе его льстецы превознесли Александра выше Геракла. У нихъ все больше и больше входило въ привычку сравнивать Александра съ этимъ героемъ, который странствовалъ повсюду, побѣждая всѣхъ, и слѣды котораго греки находили во всѣхъ чужихъ земляхъ. Мы ужъ говорили, что богъ Кришна могъ напоминать имъ Геракла, носившаго на плечахъ львиную шкуру и бившагося булавой. Еще удобнѣе было сравнивать Александра съ Діонисомъ, который тоже прошелъ по всѣмъ странамъ, покоряя всѣ народы, и слѣды котораго греки тоже увидѣли въ Индѣ, въ землѣ ашваковъ (ассакеновъ;—I, 371; II, 70). Такимъ образомъ, походъ Александра въ Индію, ужъ и самъ по себѣ изумительный, былъ прикрашенъ миѳическими вымыслами и получилъ сказочный характеръ; Александръ, историческій дѣятель, сталъ сыномъ Зевса и былъ окруженъ божественнымъ сіяніемъ.

Покореніе страны между Гиндукушемъ и Индомъ.

Съ восточныхъ склоновъ горъ Александръ сошелъ въ покрытую цвѣтами землю паропамизцевъ, прошелъ черезъ столицу ихъ, Кабуру или Ортоспану, которую воины его назвали, для счастливаго предзнаменованія, Никеею («городомъ побѣды») и вдоль рѣки Кабула пошелъ къ Инду; въ его станъ явились царь Таксилы и второстепенные цари той страны; они пріѣхали пышною процессіею на богато наряженныхъ слонахъ; ихъ сопровождала многочисленная свита; они привезли драгоцѣнные подарки. Александръ увѣрилъ ихъ въ своей милости, обѣщалъ имъ защиту отъ царей, не признавшихъ его власти, велѣлъ Пердиккѣ и Гефестіону идти вмѣстѣ съ ними по правому берегу Кабула и навести мостъ черезъ Индъ, а самъ съ главнымъ войскомъ пошелъ къ Инду болѣе сѣвернымъ путемъ черезъ горную страну, которую населяли воинственныя племена, имѣвшія много укрѣпленій; богатыя стадами, они ссорились и мирились между собою по своей волѣ, не подчиняясь никому.

Населеніе этой страны ушло отъ новаго врага въ горы или въ укрѣпленные города; Александръ покорилъ нѣкоторыя племена силой оружія; другія добровольно подчинились ему. Царь Горидалы сжегъ свою столицу и ушелъ въ горы; Птолемей погнался за нимъ на высоты и убилъ его. Аригеи, храбрые горцы, ушли на скалы; македоняне напали на нихъ ночью при заревѣ костровъ и послѣ упорной обороны одолѣли ихъ, взяли 40.000 плѣнныхъ и захватили огромныя стада рогатаго скота; Александръ велѣлъ возстановить сожженный городъ аригеевъ, и созвалъ туда новыхъ жителей, поселилъ тамъ воиновъ, ставшихъ неспособными къ продолженію похода. Потомъ онъ вступилъ въ землю гуреевъ, прекрасную долину, которая своими виноградниками, рощами лавровъ и миндальныхъ деревьевъ, характеромъ горъ, покрытыхъ стадами скота, напоминала македонянамъ ихъ родину; потомъ черезъ землю нисейцевъ, которыхъ греки стали считать потомками спутниковъ Діониса, онъ прошелъ въ область ассакеновъ, храбраго горнаго народа. Очень большого труда стоило ему покореніе столицы ассакеновъ, Массаги (I, 331); при упорной оборонѣ ея, царь ассакеновъ былъ убитъ. Городъ принужденъ сдаться Александру, выдать царское семейство; ассакенскіе воины были взяты на службу въ македонское войско; но, по отвращенію къ иноземцамъ, они пытались уйдти и были умерщвлены македонянами.

Горидала. Аригеи. Гуреи. Нисейцы. Ассакены.

Взятіе Аорна.

Славу величайшей отваги Александръ пріобрѣлъ взятіемъ горнаго укрѣпленія Аорна. Оно стояло на скалѣ, одиноко подымающейся надъ равниною на высоту 1200 футовъ (теперь эта скала называется Рани Гатъ, „Царицына скала“). Въ крѣпости были родники, было много мѣста для разведенія овощей; она была снабжена большимъ запасомъ провіанта, и казалась неодолимой. Но овладѣть ею было важно, потому что она господствовала надъ мѣстностью, гдѣ Кабулъ впадаетъ въ Индъ, и трудность предпріятія была заманчива для честолюбія Александра. Туземцы показали ему тропинки, которыя вели на скалу. Пославъ Птолемея занять сосѣдній утесъ, Александръ вмѣстѣ съ нимъ сдѣлалъ нѣсколько приступовъ, но всѣ они были отбиты. Онъ рѣшился на изумительное дѣло, — велѣлъ сдѣлать насыпь черезъ глубокое и широкое ущелье, отдѣлявшее крѣпость отъ скалы, занятой Птолемеемъ. Индійцы смѣялись надъ этой работою; но Александръ доказалъ, что человѣческая сила можетъ преодолѣвать всякія препятствія. Скалы были соединены насыпью, и крѣпость была взята ночнымъ приступомъ. Покореніемъ ея Александръ обезпечилъ себѣ свободу движеній по рѣкѣ Кабулу до Инда. Гераклъ доходилъ только до Аорна и не овладѣлъ этою крѣпостью, говорили греки; взятіемъ ея Александръ превзошелъ его.

Переходъ черезъ Индъ. 326.

Овладѣвъ Аорномъ, Александръ пошелъ на крѣпость Дирту, въ которой братъ убитаго ассакенскаго царя собралъ много войска; покоривъ ее и соединившись съ отрядами Пердикки и Гефестіона, онъ сталъ готовиться къ переходу черезъ Индъ. Это было весною 326 года. Совершивъ молитвы и отпраздновавъ игры, войско переправилось черезъ эту широкую рѣку близъ мѣста, гдѣ нынѣ стоитъ городъ Аттокъ; часть войска перешла Индъ по мосту, построенному на судахъ; другая переплыла на лодкахъ. Александръ пошелъ въ столицу царя Таксила, который далъ македонянамъ богатые подарки: золото, серебро, боевыхъ слоновъ, стада скота для продовольствія. Сподвижники Александра дивились величественной природѣ прекрасной страны, растилавшейся передъ ними въ весеннемъ уборѣ у подошвы

покрытыхъ снѣгомъ горъ, восхищались роскошною растительностью; странны казались имъ индійскіе обычаи; дикое впечатлѣніе производили на нихъ индійскіе подвижники, которыхъ въ первый разъ увидѣли они въ столицѣ Таксила,—эти нагіе люди, проводившіе свою жизнь неподвижно подъ знойными лучами полуденнаго солнца и на холодѣ ясныхъ ночей, покрывавшихъ тѣло ихъ студеной росой (сравн. I, 335).—Почтительно встрѣченный Таксиломъ и его народомъ, Александръ вступилъ съ своимъ войскомъ торжественной процессіею—въ городъ Таксилу; тамъ онъ отпраздновалъ рядъ блестящихъ торжествъ. Многіе сосѣдніе цари явились туда къ нему съ подарками. Онъ принялъ ихъ милостиво, далъ подтвержденіе ихъ власти, наградилъ увеличеніемъ царствъ и подарками тѣхъ изъ нихъ, которые выказали особенное усердіе къ нему; больше всѣхъ наградилъ самого Таксила. Явились къ нему послы изъ Кашмира, съ далекаго сѣверозапада; это были знатнѣйшіе вельможи царства; ихъ царь, Абисаръ, до той поры бывшій союзникомъ Пора, прислалъ увѣреніе въ преданности Александру и богатые подарки ему: уборы изъ драгоцѣнныхъ камней, слоновую кость, тонкія ткани. Назначивъ македонянина Филиппа правителемъ земель между Индомъ и Гидаспомъ и начальникомъ войскъ, оставленныхъ въ этой области, и присоединивъ къ своему войску отряды новыхъ союзниковъ, Александръ пошелъ противъ Пора, могущественнѣйшаго изъ царей Пенджаба; Поръ съ большимъ войскомъ, при которомъ было 300 слоновъ и 300 военныхъ колесницъ, ждалъ его на восточномъ берегу Гидаспа. Ужь начался періодъ тропическихъ дождей; сильныя грозы затрудняли походъ; Гидаспъ разлился такъ, что имѣлъ въ ширину 1200 шаговъ. Но Александръ рѣшился переправиться черезъ него. Онъ велѣлъ разобрать на куски и перевезти лодки, которыя были на Индѣ; нѣсколько дней обманывалъ и утомлялъ непріятеля фальшивыми попытками переправы. За лѣсами высокаго берега, ночью, подъ проливнымъ дождемъ, лодки были снова сложены изъ привезенныхъ кусковъ и Александръ переплылъ разлившуюся рѣку въ виду врага; воины перешли въ бродъ небольшой рукавъ рѣки, отдѣлявшій ихъ отъ тѣнистаго луга, на которомъ стояло непріятельское войско, и напали на него; восемь часовъ длился упорный бой; слоны непріятеля дѣлали много вреда македонянамъ; наконецъ искусство и безстрашіе фаланги одержало полную побѣду.—Этотъ переходъ черезъ Гидаспъ и побѣда надъ многочисленнымъ, храбрымъ войскомъ, одушевленнымъ любовью къ свободѣ и національности, составляютъ одно изъ самыхъ славныхъ дѣлъ древней исторіи. Было убито 20.000 индійцевъ, въ томъ числѣ два сына Пора, одинъ изъ союзныхъ съ нимъ царей, всѣ главные начальники конницы и пѣхоты, всѣ правители слоновъ и военныхъ колесницъ; на полѣ битвы лежали 3.000 убитыхъ лошадей и болѣе ста слоновъ; около 80 слоновъ были

Александръ въ Таксилѣ.

Походъ противъ Пора.

Битва на Гидаспѣ. Іюль 326.

захвачены побѣдителями. Самъ Поръ былъ взятъ въ плѣнъ. Александръ поступилъ съ нимъ по-царски, милостиво: возвратилъ ему царство,—и возложилъ на возстановленнаго царя только обязанность повиноваться и давать войско ему.

Поръ.

«Когда войско Пора было окружено и совершенно разстроилось, онъ искалъ смерти въ битвѣ; его золотой панцырь и осмотрительность слона, на которомъ сидѣлъ онъ, долго охраняли его отъ ранъ; наконецъ стрѣла ранила его въ правое плечо; онъ лишился способности сражаться и, боясь быть взятъ въ плѣнъ живымъ, повернулъ слона, чтобъ удалиться изъ боя. Александръ во все продолженіе битвы видѣлъ высокаго сѣдаго индійскаго царя, сидящаго на богато убранномъ слонѣ; видѣлъ, что онъ постоянно приводитъ своихъ воиновъ въ порядокъ, ободряетъ ихъ, часто бросается самъ въ наиболѣе опасныя мѣста, въ густые ряды враговъ; исполненный удивленія къ его мужеству, Александръ, желая спасти его жизнь, помчался за нимъ, когда онъ обратился въ бѣгство; но старый вѣрный боевой конь Александра, Букефалъ, изнуренный жаркимъ боемъ, палъ подъ нимъ. Онъ послалъ царя Таксилы догнать бѣгущаго; Поръ, увидѣвъ своего стараго врага, повернулъ слона и, собравъ послѣднія силы, бросилъ въ него копье. Таксилъ, благодаря быстротѣ своего коня, увернулся отъ удара. Александръ послалъ другихъ индійцевъ, въ томъ числѣ царя Мероя, который прежде былъ другомъ Пора. Ослабѣвшій отъ потери крови и томимый жаждою Поръ спокойно выслушалъ Мероя, заставилъ своего слона опуститься на колѣна; слонъ своимъ хоботомъ осторожно снялъ его съ себя, поставилъ на землю; онъ выпилъ воды, нѣсколько отдохнулъ и попросилъ Мероя вести его къ македонскому царю. Александръ пошелъ къ нему на встрѣчу, съ восхищеніемъ смотрѣлъ на красоту старика, на благородство, съ какимъ онъ держалъ себя и теперь, побѣжденный. Говорятъ, что послѣ перваго привѣтствія Александръ спросилъ: «Какъ, по твоему желанію, долженъ я поступить съ тобою?»—Поръ отвѣчалъ ему: «По-царски». «Такъ я поступлю по моему желанію», сказалъ Александръ: «Требуй того, чего желаешь».—«Въ томъ моемъ словѣ ужь высказано все», отвѣчалъ Поръ. (Дройзенъ).

Послѣ битвы на Гидаспѣ Александръ далъ своему войску тридцать дней отдыха въ богатой, плодородной странѣ. Во время отдыха было совершено торжественное погребеніе убитыхъ, была отпразднована побѣда, были построены, на удобнѣйшихъ мѣстахъ переправы черезъ Гидаспъ, два города, предназначенные служить оплотами распространенія греческой культуры на отдаленный востокъ. Одинъ изъ этихъ городовъ былъ названъ Букефалою, въ память о вѣрномъ конѣ Александра, павшемъ тутъ; другой, Никея, долженъ былъ увѣковѣчивать именемъ память о великой побѣдѣ. Когда войско отдохнуло, Александръ, въ сопровожденіи Таксила и Пора, пошелъ въ богатую долину верховья Гидаспа, наказать царя Абисара, который держалъ себя двусмысленно. Многолюдные города, добровольно покорившіеся, Александръ присоединилъ къ царству Пора, а въ прекрасныхъ лѣсахъ той мѣстности онъ велѣлъ рубить деревья и сплавлять ихъ въ основанные имъ города для постройки флота. Потомъ онъ пошелъ дальше на востокъ, перешелъ широкій Акесинъ, шумно стремящійся между скалъ, построилъ на берегу его Александрію, вступилъ въ землю жившихъ за Гидраотомъ индійцевъ, у которыхъ не было царей (сравн. I, 332);

Александръ на Гидаспѣ.

Походъ къ Гифазису.

они очень храбро оборонялись, но онъ побѣдилъ ихъ, прогналъ отважныхъ катеевъ изъ ихъ стана, оградою котораго былъ кругъ телѣгъ, плотно поставленныхъ въ три ряда; они бѣжали въ свою столицу Санталу, защищенную крѣпкими стѣнами; — и упорно оборонялись, отбили нѣсколько приступовъ; онъ взялъ ее, разрушилъ стѣны и дома, часть жителей истребилъ, другую продалъ въ рабство. Ужаснувшись такой жестокости, остальное населеніе или бѣжало, или билось до смерти, не сдаваясь. Менѣе упорны были цари народовъ, жившихъ далѣе на востокъ. Когда Александръ приблизился къ столицѣ Сопита, владѣнія котораго простирались до истоковъ Гифазиса (Сетледжа; I, 220) и до соляныхъ копей, царь при громѣ музыки вышелъ къ нему съ многочисленною свитою въ свѣтлыхъ одеждахъ, въ уборахъ изъ жемчуга, драгоцѣнныхъ камней, золота, и купилъ милость великаго царя драгоцѣнными подарками, въ числѣ которыхъ находились пріученные къ охотѣ гепарды. Восточный сосѣдъ Сопита, Фегей, тоже покорился безъ сопротивленія.

Войско отказывается идти дальше.

Пришедши на Гифазисъ, Александръ услышалъ, что за пустынею, которая простирается на двѣнадцать дней пути на востокъ отъ этой рѣки, лежитъ плодородная богатая страна Великой рѣки (Ганга), что въ той странѣ живетъ трудолюбивый, образованный народъ, подъ управленіемъ царей и вельможъ, въ благоустроенныхъ царствахъ съ многолюдными городами. Александръ возгорѣлъ желаніемъ завоевать, присоединить къ своему царству и эту богатую, образованную сторону. Македоняне, ужь семьдесятъ дней страдавшіе отъ проливнаго дождя, сопровождавшагося ужасными грозами, съ огорченіемъ и негодованіемъ услышали, что царь хочетъ подвергнуть ихъ новымъ трудамъ и опасностямъ, вести ихъ на многочисленныхъ враговъ по страшной безлѣсной пустынѣ, гдѣ сыпучій песокъ раскаляется подъ солнечнымъ зноемъ, за паляшимъ зноемъ дня слѣдуетъ холодная, нездоровая ночь. Воины сходились и роптали на свою печальную судьбу, обрекшую ихъ вѣчно быть въ походахъ, терпѣть лишенія, сражаться; говорили, что ихъ оружіе притупилось, одежда обратилась въ лохмотья; что не увидятъ они родину, женъ, дѣтей, родителей, погибнутъ всѣ, если не остановятъ царя. Они дали другъ другу клятву не идти дальше. Напрасно Александръ возбуждалъ ихъ честолюбіе и алчность, напоминалъ имъ о прежнихъ подвигахъ, говорилъ, какое счастье ждетъ ихъ, когда они, завоевавъ весь свѣтъ, возвратятся на родину съ богатою добычею и великою славою. Воинамъ горько было противорѣчить царю; но они хотѣли возвратиться на родину, спокойно жить въ кругу родныхъ. Кенъ, одинъ изъ начальниковъ тѣлохранителей, передалъ царю требованіе войска и убѣждалъ его поступить разсудительно, покориться необходимости. Это было смѣлое дѣло стараго героя, и послѣднее его дѣло; вскорѣ онъ умеръ. Царь сдѣлалъ еще одну попытку: сказалъ войску, что пойдетъ дальше съ тѣми храбрыми, которые

добровольно послѣдуютъ за нимъ; а другіе пусть говорятъ на родинѣ, что покинули своего полководца въ непріятельской землѣ. Объявивъ это, онъ затворился въ шатрѣ, думая пристыдить воиновъ. Македоняне жалѣли о томъ, что царь досадуетъ на нихъ, но остались при своемъ рѣшеніи. Три дня провелъ Александръ, затворившись въ шатрѣ, какъ Ахиллесъ. Утромъ на четвертый день велѣлъ принести жертву; предзнаменованія при ней были неблагопріятны продолженію похода, и онъ объявилъ войску, что рѣшился идти назадъ. Это обрадовало воиновъ, по стану раздались крики восторга.

Александръ рѣшается идти назадъ.

2. Александръ на Гидаспѣ и на Индѣ.

Обратный походъ къ Гидаспу. Августъ 326.

Противъ воли отказался великій завоеватель отъ мысли идти на Гангъ, видѣть чудеса, привлекавшія его воображеніе, расширить границы своего царства до невѣдомаго моря на далекомъ востокѣ. Боги воспретили ему продолжать походъ. Быть можетъ, онъ ужь и понималъ теперь, что индійскій народъ, чуждающійся иноземцевъ и выработавшій себѣ совершенно своеобразную культуру, не такъ легко подчинится греческой цивилизаціи, какъ изнемогшее персидское царство. Онъ велѣлъ соорудить на берегу Гифазиса двѣнадцать высокихъ жертвенниковъ, въ обозначеніе того, какъ далеко на востокъ проникъ онъ, и закопать подъ ними оружіе и сосуды колосальнаго размѣра, чтобы возбудить въ людяхъ слѣдующихъ вѣковъ мысль, что онъ и его воины были великаны. Онъ принесъ жертву, устроилъ праздникъ съ военными играми, и пошелъ между зеленыхъ полей риса обратно къ Гидаспу. Покоренныя земли Индіи онъ присоединилъ къ своей державѣ какъ подвластныя царства. Онъ увеличилъ владѣнія Таксила и Пора, ставшихъ вѣрными слугами его, оставилъ другихъ покорившихся ему царей государями ихъ владѣній, опредѣлилъ обязанности ихъ, и съ частью войска поплылъ на новопостроенныхъ судахъ изъ Букефалы и Никеи внизъ по Гидаспу къ Инду, а Кратеръ и Гефестіонъ съ остальнымъ войскомъ пошли въ томъ же направленіи берегомъ. Начальникомъ флота былъ Неархъ; кормчимъ на кораблѣ Александра Онисикритъ. Плаваніе, начатое съ принесеніемъ обильныхъ жертвъ и возліяній богамъ, было сначала счастливо. Но при впаденіи Акесина въ Гидаспъ, стремительный токъ, образуемый встрѣчей этихъ быстрыхъ рѣкъ, разбилъ много судовъ о скалы. Большого труда стоило остальнымъ судамъ пройдти это опасное мѣсто.

Плаваніе по Гидаспу.

Походъ противъ малловъ.

Ниже, при сліяніи Гидаспа и Гидраота, около нынѣшняго города Мультана, жили воинственные маллы, а неподалеку оттуда ихъ постоянные враги, сурдаки или оксидраки (I, 333). Соединясь, эти два племени могли бъ оказать сильное сопротивленіе походу ма-

кедонянъ черезъ ихъ земли; но они не умѣли согласиться въ выборѣ общаго полководца; Александръ, совершивъ трудный переходъ черезъ пустыню, неожиданно напалъ на малловъ, собравшихся у города Агалассы, разбилъ ихъ, и послѣ нѣсколькихъ дней осады взялъ приступомъ Агалассу. Маллы отчаянно оборонялись, и раздраженные македоняне, одолѣвъ ихъ, безпощадно истребили всѣхъ.

Война приняла теперь свирѣпый характеръ, потому что племена этой части Индіи очень упорно защищали свою независимость, и тѣмъ раздражали македонянъ. Въ одномъ изъ городовъ, жители, храбро оборонявшіеся, сами зажгли свои дома, и бросали изъ горящихъ улицъ копья и бревна на враговъ, пока задохнулись отъ дыма или сгорѣли.—Вообще, индійцы этихъ областей укрывались въ лѣса и болота, не сдаваясь македонянамъ.

Жизнь Александра подвергается большой опасности.

Опустошая землю малловъ, Александръ дошелъ до ихъ столицы. Она была сильно укрѣплена. Македоняне взяли городъ приступомъ. Маллы ушли въ цитадель, стоявшую на высокомъ мѣстѣ, и осыпали македонянъ дождемъ стрѣлъ. Александръ взошелъ на стѣну первый изъ всѣхъ; воины лѣзли за нимъ, но лѣстницы подломились подъ тяжестью слишкомъ большого числа ихъ; только трое военачальниковъ успѣли взойдти на стѣну. Александръ бросился внизъ; двое изъ трехъ военачальниковъ, Певкестъ и Леоннатъ, спрыгнули къ нему; маллы стрѣляли, бросали въ нихъ копья. Александръ, въ блестящемъ вооруженіи, геройски сражался, поставивъ передъ собою щитъ и прислонившись къ стѣнѣ; онъ убилъ мечомъ военачальника малловъ и еще трехъ воиновъ; но непріятельская стрѣла пробила его латы, изъ груди его полилась кровь; онъ упалъ въ изнеможеніи; Певкестъ прикрывалъ его, упавшаго, священнымъ щитомъ, который взялъ онъ изъ Иліона; Леоннатъ прикрывалъ его съ другой стороны, смерть ихъ всѣхъ казалась неизбѣжна; но македоняне ворвались въ ворота, перелѣзли черезъ стѣны, пошли сомкнутыми рядами на индійцевъ; одни сражались, другіе положили лишившагося чувствъ Александра на его щитъ и унесли въ его шатеръ. Македоняне полагали, что онъ убитъ, и въ ярости безпощадно убивали всѣхъ, и женщинъ, и дѣтей. Но благодаря искусству врачей и заботливости сподвижниковъ, раненный царь скоро оправился. Черезъ семь дней онъ ужь могъ возвратиться къ своему главному войску, на Гидаспъ. Оно рыдало, услышавъ о его смерти, и встрѣтило его съ восторгомъ. Онъ отпраздновалъ свое спасеніе благодарственными жертвами и торжествами. Маллы и оксидраки отказались отъ сопротивленія. Ихъ вельможи явились съ подарками въ станъ Александра и объявили, что они покорятся и воины ихъ присоединятся къ его войску. Оба народа были присоединены къ сатрапіи Филиппа (стр. 214).

Флотъ и войско подвигались послѣ того, не встрѣчая сопротивленія, до впаденія Гидаспа въ Индъ. Изъ сосѣднихъ и дальнихъ зе-

Плаваніе по Инду. Февраль, 325.

мель приходили послы съ богатыми дарами: тонкими тканями, жемчугомъ, драгоцѣнными камнями, издѣльями изъ черепахи, укрощенными львами и тиграми, просили милости завоевателя. Основавъ на южной границѣ Пенджаба укрѣпленный городъ, который назвалъ Александріею, онъ продолжалъ путь въ области низовья Инда. Въ первомъ томѣ (стран. 331 и слѣд.) мы перечисляли народы, жившіе по плодороднымъ низменностямъ на востокѣ и въ прекрасной холмистой области на западѣ Инда, до его южнаго устья. Тутъ были густо населенныя браманскія государства съ богатыми городами, деревнями и обширной торговлей. Тропическій климатъ и влажный морской воздухъ производили роскошную растительность, щедро вознаграждавшую трудъ, такъ что вся эта страна была похожа на садъ. Пришедши въ городъ согдовъ, Александръ поселилъ въ немъ греческую колонію и назначилъ его столицею сатрапіи нижняго Инда; но напрасно ждалъ онъ, что цари той страны явятся къ нему: возбуждаемые надменными браманами, полные ненависти къ иноземцамъ, они отказали ему въ покорности. Александръ взялся за оружіе, чтобы смирить ихъ. Послѣ сильнаго сопротивленія онъ взялъ главный городъ престійцевъ; царь ихъ былъ тутъ убитъ. Александръ отдалъ на разграбленіе воинамъ богатыя селенія ихъ; они были принуждены покориться. Другіе цари, въ томъ числѣ могущественный Мусиканъ, ужаснулись, просили пощады, присылая богатые подарки; Александръ милостиво принялъ ихъ покорность. Но едва онъ ушелъ изъ той страны дальше внизъ по рѣкѣ, браманы подняли возстаніе; македоняне вернулись, взяли приступомъ Синдоману, столицу царя Самба, успѣвшаго бѣжать, умертвили жителей, а брамановъ, возбудившихъ народъ къ возстанію, предали особенно мучительной смерти – распяли ихъ на крестѣ. Не менѣе сурова была участь, которой подвергли они царство Мусикана. Города, взятые приступомъ, были разрушены, жители умерщвлены или проданы въ рабство; множество брамановъ и попавшійся въ плѣнъ царь были повѣшены на висѣлицахъ, поставленныхъ вдоль дорогъ. Лишь немногія крѣпости и города были оставлены неразрушенными для того, чтобы поставить въ нихъ македонскіе гарнизоны. Запуганный этимъ царь Патталы Мерисъ покорился Александру. Побѣдитель дружелюбно увѣрялъ индійцевъ, что оставитъ неприкосновенными ихъ религію и обычаи; этимъ онъ постепенно разсѣялъ вражду поклонниковъ Брамы и пріобрѣлъ ихъ расположеніе.

Мусиканъ и другіе цари принуждены покориться.

Александръ в Патталѣ.

Македоняне сильно укрѣпили Патталу, стоявшую при началѣ дельты Инда, устроили въ ней гавань, соорудили верфи, чтобъ она была центромъ торговли Индіи съ другими землями. Геній Александра былъ направленъ не къ тому только, чтобы дѣлать завоеванія. Онъ хотѣлъ соединить Азію и Африку съ Европой торговыми связями, внести греческую культуру, энергію и греческое благоустройство въ

невѣдомыя до той поры страны далекаго востока. Счастье неизмѣнно служило македонскому герою, и онъ не зналъ никакихъ неудачъ; привыкнувъ сокрушать могучею рукой всякое сопротивленіе, онъ полагалъ, что можетъ соединить дѣло завоеванія съ заботами о мирномъ развитіи покоренныхъ народовъ, вознаградить ихъ за утрату независимости и національности водвореніемъ у нихъ искусственной космополитской цивилизаціи, вовлеченіемъ ихъ въ связи всемірной торговли. Онъ не понималъ, что народамъ дальняго востока небесныя блага дороже земныхъ; онъ мѣрялъ индійцевъ масштабомъ греческаго просвѣщенія, между тѣмъ какъ ихъ пылкая фантазія презирала всѣ политическія соображенія, всѣ правила практическаго разсудка. Но хотя то, что создавалъ онъ въ Индіи, не имѣло прочнаго основанія и потому быстро рушилось, нельзя не удивляться обширности ума, который среди битвъ и трудностей, чрезвычайно тяжелыхъ походовъ пріискивалъ вѣрныя средства соединить завоеванныя страны въ одно цѣлое мудрой политикой, могуществомъ греческой образованности и обширной торговлей. Остановившись довольно долго на отдыхъ въ Патталѣ, Александръ сдѣлалъ очень хорошія распоряженія относительно устройства индійскихъ дѣлъ и озаботился соединить земли по Инду съ Персіей новыми торговыми путями. Цари, добровольно и недобровольно покорившіеся побѣдителю, были оставлены имъ на престолахъ подъ условіемъ исполнять обязанности, не очень обременительныя, и преданность ихъ интересамъ македонскаго владычества была укрѣплена расширеніемъ ихъ владѣній; взаимное недовѣріе между ними было надежнѣйшимъ залогомъ ихъ вѣрности. Притомъ города, основанные Александромъ, и поставленные въ нихъ гарнизоны съ вѣрными и энергическими начальниками представляли собою центры дѣйствій для подавленія возстаній противъ македонской власти; дороги, проложенныя Александромъ чрезъ горные проходы на западѣ отъ Инда, давали возможность быстро присылать подкрѣпленія изъ персидскихъ областей. Устройство путей сообщенія между Индіей и Персіей было одною изъ главныхъ заботъ Александра. Онъ самъ пошелъ въ обратный путь новою дорогой, пославъ Кратера съ отрядомъ войска другой дорогой черезъ Арахозію и Дрангіану въ Бактрію; онъ спустился съ флотомъ по правому (западному) рукаву Инда, чтобъ изслѣдовать устья этой рѣки и сосѣднее прибрежье: онъ хотѣлъ найдти морской путь отъ дельты Инда въ Персидскій заливъ. Флотъ Александра потерпѣлъ много вреда въ плаваніи по Инду: много судовъ было разбито стремительностью приливовъ и отливовъ, которые бываютъ очень сильны на этой широкой рѣкѣ въ ея дельтѣ. Оставивъ бо́льшую часть флота у одного изъ острововъ, Александръ съ лучшими кораблями поплылъ въ океанъ; низкій безлѣсный берегъ скоро исчезъ изъ глазъ. Александръ принесъ быка въ жертву отцу своему Аммону и греческимъ морскимъ божествамъ,

Изслѣдованіе устій Инда.

совершилъ возліяніе имъ изъ золотой чаши и бросилъ ее въ море, молясь богамъ о благополучномъ плаваніи, потомъ возвратился со всѣмъ флотомъ въ Патталу. Давъ морякамъ нѣсколько отдохнуть, онъ поплылъ по лѣвому (восточному) рукаву рѣки и сдѣлалъ съ отрядомъ войска три перехода по болотистому берегу моря отчасти для того, чтобы выкопать колодези, которые бы доставляли воду морякамъ. Потомъ онъ воротился въ Патталу и занялся приготовленіями къ обратному пути.

Александръ отправляетъ въ Бактрію и Персію Кратера.

Александръ спѣшилъ возвратиться, получивъ извѣстіе о безпорядкахъ на западѣ. Отрядъ изъ нѣсколькихъ тысячъ греческихъ наемниковъ, стоявшій въ Бактріи, самовольно покинулъ службу и пошелъ на родину; бактрійскій намѣстникъ остановилъ и жестоко наказалъ его; но намѣреніе греческихъ наемниковъ было уже само по себѣ очень опаснымъ проявленіемъ упадка дисциплины. Въ Арахозіи и Дрангіанѣ появились отряды инсургентовъ, собранные туземными вельможами; они могли также сдѣлаться опасными. Въ самой Персіи грабежи и всяческія притѣсненія македонскихъ намѣстниковъ возбудили сильный ропотъ. Александръ послалъ Кратера подавить эти безпорядки и прислать съѣстныхъ припасовъ въ гедрозійскую пустыню, черезъ которую хотѣлъ идти самъ. Кратеру было дано 40.000 человѣкъ войска и 200 слоновъ, но въ числѣ воиновъ было много раненыхъ и вообще неспособныхъ къ службѣ. Кратеръ долженъ былъ идти черезъ проходъ, который теперь называется Боланскимъ, потомъ черезъ Арахозію и Дрангіану въ Караманію (I, 364 и слѣд.).

3. Обратный путь изъ Индіи.

Александръ дѣлитъ войско.

Походъ Александра въ Индію былъ очень смѣлымъ предпріятіемъ, но обратный путь его изъ Индіи былъ самымъ отважнымъ изъ всѣхъ его дѣлъ. Не довольствуясь тою славою, что завоевалъ на далекомъ востокѣ страны, о которыхъ греки до той поры знали только по баснословнымъ слухамъ, онъ хотѣлъ сдѣлать эту окраину извѣстнаго тогда міра доступною греческой культурѣ и торговлѣ, хотѣлъ, чтобы тамъ водворилось западное образованіе и благоустройство. Для этого необходимо было проложить пути между Индіей и Персіей, Индомъ и Эвфратомъ, покорить лежавшія между Индіей и Персіей земли, въ которыхъ жили хищныя племена, обезпечить караваны отъ ихъ нападеній. Сѣверный путь былъ безопасенъ, пока восточный Иранъ будетъ оставаться подъ македонскимъ владычествомъ; средній путь долженъ былъ проложить Кратеръ; но важнѣе всего, въ глазахъ Александра, были пути по южному прибрежью и по морю; чтобы проложить эти пути между Индомъ и Эвфратомъ, онъ рѣшилъ идти съ главнымъ войскомъ по возможности близко къ морскому берегу черезъ тѣ области, которыя называются теперь Мекраномъ и Белуджистаномъ, а Неарху велѣлъ плыть вдоль берега отъ устья Инда въ Персидскій заливъ. Неархъ, уроженецъ Крита, хорошій полководецъ,

пріобрѣлъ большое довѣріе Александра своей неизмѣнной преданностью ему и былъ назначенъ начальникомъ флота. На флотъ, назначенный плыть въ Персидскій заливъ, былъ посаженъ небольшой отрядъ войска. Александръ двинулся ранѣе отплытія флота, чтобы заготовлять припасы для него и удерживать туземцевъ отъ нападеній на корабли, когда они будутъ останавливаться у берега.

Александръ идетъ черезъ Гедрозію.

Александръ, безъ сомнѣнія, зналъ, что путь, избираемый имъ, очень труденъ, но, вѣроятно, считалъ его менѣе ужаснымъ, чѣмъ каковъ онъ въ дѣйствительности. Старинныя легенды говорили, что этими мѣстами шла Семирамида, и что изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ ея воиновъ только двадцать человѣкъ дошли до Вавилона, всѣ остальные погибли на пути. Было преданіе, что такой же судьбѣ подверглось войско Кира. Очень можетъ быть, что именно эти разсказы очаровали фантастическій умъ Александра, что ему, гордому своимъ геройствомъ, склонному къ рискованнымъ приключеніямъ, привлекательна была мысль совершить походъ, неудавшійся величайшему завоевателю и величайшей завоевательницѣ старыхъ временъ. Его отвага до сихъ поръ преодолѣвала всѣ препятствія; ему воображалось, что и теперь онъ достигнетъ успѣха, снова изумитъ міръ удивительнымъ дѣломъ. Такимъ образомъ, въ концѣ августа 325 года онъ двинулся въ роковой путь изъ Патталы въ Персію черезъ ужасную пустыню Гедрозіи.

Покореніе оритовъ и арабитовъ.

На западѣ Инда отъ рѣки Кабула до моря тянется хребетъ, подымающійся нагими скалами до облаковъ и образующій стѣну, которой отдѣляется Индія, страна роскошной растительности, отъ степей и утесовъ Аріаны; это—хребетъ, называющійся теперь Брагуйскимъ. Прошедши черезъ него ущельемъ Гайдерабадскаго прохода, войско вступило въ долину Арабиды (Пуралли) послѣдней рѣки, по берегамъ которой разстилались заботливо воздѣланныя поля и стояли селенія арабитовъ и оритовъ, племенъ, пользовавшихся свободой. Они были побѣждены; жители нѣкоторыхъ селеній, надѣясь на свои отравленныя стрѣлы, пытались противиться македонянамъ; они были умерщвлены, или проданы въ рабство, селенія ихъ сожжены; но милостивъ Александръ былъ къ тѣмъ, которые покорялись ему, и бѣжавшіе отъ него въ горы возвращались, увѣренные въ пощадѣ. Въ ихъ городѣ Рамбакіи онъ поселилъ отрядъ своего войска и назначилъ этотъ городъ столицею новой сатрапіи, которую назвалъ оритской. Съ сѣвера и запада эта страна окаймлена высокими хребтами, черезъ которые ведутъ лишь немногіе дикіе проходы,—одни въ келатскую страну горъ и степей, бѣдную пустыню, другіе въ ужасную пустыню приморья, покрытую раскаленнымъ красноватымъ пескомъ, въ которомъ тонетъ нога, такъ что и люди, и животныя падаютъ въ изнуреніи. На берегу моря, образующаго край этой пустыни, стояли лишь немногія жалкія рыбацкія хижины, сложенныя изъ рыбьихъ костей и морской травы;

отупѣвшіе отъ нищеты жители этихъ хижинъ влачили бѣдственное существованіе.

Походъ по пустынѣ. Августъ 325.

Въ эту приморскую равнину сыпучаго песка спустилось съ горъ македонское войско. Сначала попадались хоть изрѣдка въ нагой пустынѣ группы пальмъ, тѣнь которыхъ давала небольшое прикрытіе отъ солнечнаго зноя; попадались цвѣтущіе тамариски, кусты мирры и нарта, благовонные листья котораго служили воинамъ постелью, и котораго драгоцѣнный сокъ собирали, увозили вьюками на своихъ верблюдахъ слѣдовавшіе за войскомъ финикійскіе купцы; но когда войско вступило въ песчаную пустыню Гедрозіи, всякая растительность исчезла. По цѣлымъ днямъ войско не видѣло тамъ никакого слѣда человѣческой жизни. Новѣйшіе путешественники говорятъ, что совершенное безплодіе этой пустыни, лишенной воды, меньше мучитъ людей, чѣмъ жгучее солнце, раскаленная песчаная пыль, отъ которой дѣлается воспаленіе въ глазахъ и стѣсняется дыханіе, а по ночамъ рѣзкій холодъ; вдалекѣ завываютъ голодные хищные звѣри; нѣтъ нигдѣ пріюта, нѣтъ ни лоскутка земли, покрытаго травой; нѣтъ нигдѣ воды, нѣтъ никакихъ слѣдовъ пути.—Войско шло по ночамъ, блуждая въ темнотѣ, идти днемъ было невозможно отъ зноя, днемъ воины старались отдохнуть. Они думали только о спасеніи своей жизни, дисциплина между ними исчезла; они равнодушно бросали добычу, золото, серебро, драгоцѣнные камни, великолѣпные ковры, и были рады, если могли купить за эти сокровища у финикійскаго торговца нѣсколько вина, или пищи. «Рѣзали лошадей, верблюдовъ, муловъ», говоритъ Дройзенъ, «ѣли ихъ мясо; выпрягали воловъ изъ телѣгъ, на которыхъ везли больныхъ, и торопливо шли дальше, покидая этихъ несчастныхъ на мученія ужасной смерти; воинъ, въ утомленіи отстававшій отъ войска, не находилъ на другое утро слѣдовъ его; а если и случалось, что находилъ, то не могъ нагнать его; въ ужасномъ томленіи онъ умиралъ отъ полуденнаго зноя, или бродилъ между насыпанныхъ вѣтромъ холмовъ песка, медленно умирая отъ голода и жажды». Покидая падающихъ товарищей, воины шли дальше; подъ тяжестью бѣдствій заглохли въ нихъ всѣ человѣческія чувства. Когда они доходили до родника или рѣчки, они жадно пили, и излишество выпитой въ безуміи воды причиняло имъ смерть. Шестьдесятъ дней продолжался этотъ ужасный походъ изъ земли оритовъ до Пуры, столицы Гедрозіи. Въ жалкомъ состояніи пришли въ Пуру завоеватели вселенной. Три четверти огромнаго войска погибли. Храбрые воины, уцѣлѣвшіе въ столькихъ битвахъ отъ мечей и копій, на столькихъ приступахъ отъ стрѣлъ врага, безпомощно умерли въ ужасной пустынѣ отъ мученій голода и жажды, отъ солнечнаго зноя, отъ ослѣпляющей песчаной пыли, отъ утомительности пути по песку, отъ ночной стужи. Только жалкій остатокъ ихъ дошелъ до оазиса, на которомъ стоитъ Пура; это были люди,

Войско приходитъ въ Пуру.

до такой степени исхудавшіе отъ голода, что знакомые не узнавали ихъ. Въ Пурѣ Александръ остановился на восемь дней, чтобы воины отдохнули, оправились въ богатомъ оазисѣ, и чтобы могли присоединиться къ войску отставшіе отъ него. Отовсюду были свезены съѣстные припасы, и войско уже безъ всякихъ лишеній продолжало путь въ плодородную Караманію, гдѣ по условію съ Александромъ должны были присоединиться къ нему Кратеръ и Неархъ. Кратеръ скоро пришелъ въ станъ Александра. Его войско прошло свой путь, не подвергаясь никакимъ лишеніямъ. Походъ былъ такъ легокъ, что уцѣлѣли даже и слоны. Кратеръ быстро подавилъ возстаніе въ Аріанѣ и, услышавъ о бѣдствіяхъ войска Александра, поспѣшилъ на помощь къ нему, ведя съ собою въ цѣпяхъ главныхъ инсургентовъ. Дольше пришлось ждать Неарха. Александръ уже опасался, что флотъ погибъ въ невѣдомомъ морѣ отъ бурь или другихъ бѣдъ, или на негостепріимномъ берегу отъ недостатка воды и пищи; онъ очень тревожился и скорбѣлъ; посылалъ много отрядовъ искать извѣстій о флотѣ, но они возвращались, не узнавъ ничего. Велика была радость Александра, когда нетерпѣливо ожидаемый Неархъ явился въ его станъ, находившійся въ пяти переходахъ отъ моря и сообщилъ ему отрадную вѣсть, что флотъ благополучно присталъ къ берегу Караманіи, въ устьѣ рѣки Анамиса, въ мѣстности, изобилующей нивами, пальмовыми рощами и виноградниками. Это отрадное извѣстіе подѣйствовало на Александра такъ сильно, что онъ залился слезами, когда всѣ кругомъ него шумно радовались. Дивясь, слушали военачальники разсказы Неарха объ удивительныхъ вещахъ и страшныхъ опасностяхъ, какія извѣдали онъ и его спутники на своемъ плаваніи, длившемся восемьдесятъ дней: о скалахъ и рифахъ, между которыми они плыли, о буряхъ, грозившихъ разбить ихъ корабли, о голодѣ, какой терпѣли они у безплоднаго берега, на которомъ живутъ ихтіофаги (рыбоѣды) и на которомъ нельзя было найдти никакой пищи, а утолять жажду приходилось солонцеватой водою изъ ямъ, выкопанныхъ на берегу, о китахъ, и другихъ морскихъ чудовищахъ, о волшебныхъ островахъ, у которыхъ ловятъ жемчугъ. Слушателямъ казалось, что разсказы Неарха переносятъ ихъ въ міръ чудесъ Одиссеи. Семидневный праздникъ съ гимнастическими играми, пышными процессіями, музыкальными состязаніями и шумными пирами былъ заключеніемъ индійскаго похода, на которомъ македоняне одержали столько побѣдъ и подверглись столькимъ бѣдствіямъ. Какъ безмѣрны были страданія и лишенія, перенесенныя ими, такъ безмѣрны были теперь ихъ восторги и наслажденія на роскошныхъ пирахъ, пріятность которыхъ увеличивалась богатыми подарками, данными отъ щедраго царя въ награду вѣрнымъ его сподвижникамъ.

Прибытіе Неарха.

4. Александръ въ Сузѣ и въ Вавилонѣ.

Походъ въ Сузу.

По окончаніи праздниковъ, Неархъ продолжалъ свое плаваніе вдоль берега (Periplus) по восточной сторонѣ Персидскаго залива до устья Паситигра, а Гефестіонъ съ большей половиною войска, слонами и обозомъ пошелъ этимъ плоскимъ, но плодороднымъ берегомъ въ Сузу, куда двинулся и Александръ съ македонской конницей и легкой пѣхотой другимъ путемъ черезъ Персеполь и Пасаргады. Непріятны были новости, узнанныя Александромъ въ этихъ городахъ. Онъ съ печалью и негодованіемъ увидѣлъ въ Пасаргадахъ, что гробница Кира взломана и ограблена во время индійскаго похода (II, 391). Еще больше печалился и негодовалъ онъ, слыша жалобы на беззаконія, грабежи, поруганіе женской чести и всяческія злодѣйства, которымъ предавались въ его отсутствіе правители и военачальники, македоняне и персы. Буйная игра войны, разрушавшая весь привычный порядокъ, возбуждала необузданныя страсти и люди увлекались дерзкими замыслами, неукротимыми желаніями, фантастическими надеждами. Многіе сатрапы дозволяли себѣ всяческія беззаконія въ надеждѣ, что Александръ погибнетъ на походѣ въ Индію или на обратномъ пути. Было много данныхъ, которыя показывали, что вожди наемниковъ и восточные вельможи задумывали возстать противъ царя и основать независимыя государства. Александръ видѣлъ необходимость предать преступниковъ безпощадному наказанію.

Наказаніе преступныхъ намѣстниковъ и другихъ начальниковъ.

Клеандръ, Ситалькъ и Агатонъ, предводители греческихъ наемниковъ, охотно принявшіе на себя порученіе убить Перменіона, полагали, что, оказавъ Александру эту услугу, они могутъ многое позволять себѣ безнаказанно; они въ Мидіи притѣсняли населеніе, грабили храмы, совершали всяческія беззаконія; они были казнены вмѣстѣ съ множествомъ наемниковъ, бывшихъ соучастниками ихъ преступленій. Казненъ былъ Аспастъ, сатрапъ Караманіи. Обвинялся въ притѣсненіяхъ и грабительствѣ Орсинъ, сатрапъ Персиды, происходившій отъ ахеменидовъ; его небрежности или соучастію приписывали также то, что были взломаны и ограблены гробницы персидскихъ царей въ Персеполѣ и Пасаргадахъ; онъ думалъ смягчить гнѣвъ Александра смиреніемъ и богатыми подарками; но напрасно: онъ былъ наказанъ позорною смертью; Александръ велѣлъ повѣсить его; прекрасную его сатрапію получилъ Певкестъ, одинъ изъ начальниковъ отряда тѣлохранителей, спаситель жизни Александра при взятіи города малловъ, подобно своему царю полюбившій одежду и персидскій образъ жизни персовъ. Мидянинъ Баріаксъ, задумавшій стать царемъ, тоже былъ наказанъ смертью. Преступнаго намѣстника паретакенской области, Оксатра, Александръ убилъ своей рукой; отецъ Оксатра, Абулидъ, умеръ въ темницѣ, отъ которой не избавился богатыми подарками Александру.

Бѣгство Гарпала въ Аѳины.

Безпристрастный и безпощадный судъ царя ужасалъ всѣхъ тѣхъ сановниковъ, совѣсть которыхъ была нечиста. Братъ индійскаго на-

мѣстника, Филиппа, убитаго въ предыдущемъ году возставшими индійцами, казначей Гарпалъ, желая избѣжать заслуженнаго наказанія, ушелъ изъ Экбатаны въ Грецію, взявъ 5000 талантовъ и, для охраненія этой громадной суммы, отрядъ изъ 6000 греческихъ наемниковъ.

При жизни царя Филиппа Гарпалъ былъ вѣрнымъ приверженцемъ Олимпіады и ея сына; по признательности къ нему за это Александръ постоянно оказывалъ ему большой почетъ. Снисходительно простилъ ему даже то, что онъ около времени битвы при Иссѣ, похитивъ значительную сумму изъ царской казны, бѣжалъ въ Мегару. Онъ былъ хромъ, потому не могъ участвовать въ походной жизни, и Александръ назначилъ его завѣдующимъ казною, хранившеюся въ Экбатанѣ. Когда царь ушелъ въ Индію, Гарпалъ сталъ чрезвычайно расточительно расходовать царскую казну на роскошное сладострастіе; онъ заставлялъ оказывать царскія почести своимъ любовницамъ азіаткамъ и гречанкамъ; конечно, онъ не могъ послѣ этого явиться для отчета къ разгнѣванному царю. Тридцать тріэръ перевезли его сокровища и конвой на мысъ Суній. Раньше того онъ уже дарилъ аѳинскому народу много хлѣба и въ благодарность за то получилъ право аѳинскаго гражданства; вѣроятно, онъ пріобрѣлъ подарками расположеніе многихъ вліятельныхъ людей въ Аѳинахъ; потому онъ разсчитывалъ найдти тамъ благосклонный пріемъ; но онъ ошибся. Неразсудительные люди патріотической партіи склоняли, кажется, народъ къ тому, чтобы воспользоваться громадной денежной поддержкой, какую можетъ оказать Гарпалъ, и начать войну противъ Александра. Но македонская партія успѣла отклонить аѳинянъ отъ такого безразсудства, и успѣла тѣмъ легче, что ей помогалъ въ этомъ Демосѳенъ, противодѣйствовавшій опрометчивому намѣренію своихъ политическихъ друзей. Мы видѣли, что онъ совѣтовалъ аѳинянамъ не нарушать Филократова мира при неблагопріятныхъ войнѣ обстоятельствахъ, терпѣливо выносить этотъ тяжелый для нихъ миръ и всѣми силами готовиться къ войнѣ, чтобы начать ее, когда явится возможность успѣха. Такъ и теперь онъ показалъ, что далеко превосходитъ большинство своихъ политическихъ друзей проницательностью взгляда, разсудительностью, силою терпѣнія, твердостью характера. Итакъ аѳиняне не впустили въ Пирей тріэры и наемниковъ Гарпала; только, когда онъ отослалъ ихъ къ мысу Тенару, они дозволили войдти въ Пирей тріэрѣ, на которой былъ онъ съ личной своей свитой. Антипатръ и Олимпіада потребовали отъ аѳинянъ, чтобы они выдали имъ Гарпала; того же требовалъ начальникъ македонскаго флота Филоксенъ. Теперь Демосѳенъ воспротивился предложенію македонской партіи исполнить эти требованія и, по его совѣту, народъ рѣшилъ держать Гарпала подъ стражей, а привезенныя Гарпаломъ деньги хранить въ Акрополѣ, до полученія отъ Александра отвѣта о томъ, какъ поступить съ ними. Такимъ образомъ, проницательное и патріотическое мнѣніе Демосѳена восторжествовало въ народномъ собраніи; но онъ навлекъ на себя вражду обѣихъ партій, и онѣ скоро нашли случай отмстить ему, какъ мы увидимъ.

Свадебные пиры въ Сузѣ.

Когда войско и моряки собрались въ Сузѣ, начался рядъ праздниковъ баснословныхъ по своему великолѣпію, такихъ, какихъ еще никогда не бывало. Стремясь осуществить свою мысль о сліяніи западнаго міра съ восточнымъ, Александръ устроилъ громадный праздникъ свадебъ европейцевъ съ азіатскими дѣвушками. Это былъ праздникъ женитьбы его самого, его полководцевъ и тѣлохранителей и множества другихъ воиновъ. Онъ женился на дочери Дарія Статирѣ, или Барсинѣ, его полководцы и вельможи женились на дочеряхъ персидскихъ князей и вельможъ. За пиромъ этихъ свадьбъ, опраздновaннымъ въ великолѣпно убранномъ царскомъ шатрѣ по персидски, была отпразднована женитьба болѣе чѣмъ десяти тысячъ македонскихъ воиновъ тоже на азіатскихъ дѣвушкахъ. Царь далъ всѣмъ невѣстамъ хорошее приданое, уплатилъ долги, въ которые вошли почти всѣ македонскіе воины своимъ мотовствомъ, и щедро роздалъ подарки, привезенные ему посольствами со всѣхъ концовъ государства. Брачный праздникъ длился пять дней; они были наполнены пирами, зрѣлищами и всяческими развлеченіями. «Станъ былъ полонъ шумнаго веселья», говоритъ Дройзенъ: «въ одномъ мѣстѣ играли и пѣли арфисты и рапсоды изъ Іоніи и Великой Греціи, въ другомъ показывали свое искусство индійскіе фокусники и акробаты, въ третьемъ маги и наѣздники изъ персидскихъ земель, въ другихъ мѣстахъ греческія танцовщицы, флейтисты, труппы актеровъ». До насъ дошли отрывки данной тогда сатирической драмы, предметъ которой—бѣгство хромого казначея Гарпала. Видѣла празднующая толпа зрѣлище и совершенно иного рода: старикъ, индійскій подвижникъ Сфинъ (или Каланъ), послѣдовавшій за македонскимъ войскомъ въ Персію и пользовавшійся большимъ уваженіемъ Александра и его полководцевъ за свою мудрость и благочестіе, сдѣлался тогда въ первый разъ во всю жизнь боленъ и, не желая, чтобы спокойствіе его души нарушалось болѣзнью, добровольно кончилъ жизнь въ пламени костра.

Пополненіе войска азіатцами.

По мѣрѣ того какъ Александръ и его приближенные принимали восточныя формы жизни и обнаруживался его планъ уравненія и сліянія побѣжденныхъ съ побѣдителями, усиливалось неудовольствіе македонянъ, гордое національное чувство старыхъ его солдатъ раздражалось. Они привыкли видѣть царя, его полководцевъ и сановниковъ, одѣтыхъ въ мидійское платье, украшенныхъ восточными эмблемами власти, женились на азіаткахъ, которыхъ впрочемъ считали не женами, а только наложницами; но не могли скрыть своего негодованія, когда Александръ ввелъ въ составъ своего войска молодыхъ туземцевъ, вооруженныхъ и обученныхъ по-македонски. Такихъ юношей, набранныхъ изъ разныхъ азіатскихъ племенъ, было уже 30000 человѣкъ; эти крѣпкіе молодые люди были обучены хорошо и оказались смѣлыми, искусными воинами. Черезъ нѣсколько времени Александръ причислилъ къ почетному отряду конницы знатныхъ молодыхъ людей, выбранныхъ изъ конныхъ войскъ Ирана, арійскихъ земель и Парѳіи; въ свитѣ царя появились молодые азіатскіе вельможи, вооруженные по-македонски. Старые воины Александра видѣли, что царь хочетъ пріобрѣсти себѣ возможность обходиться безъ нихъ, обезпечить себя отъ повторенія такихъ случаевъ непослушанія, какъ на Гифазисѣ, собираетъ войско, съ которымъ удобнѣе будетъ ему предпринимать новые рискованные походы. Македонскіе воины потеряли довѣріе къ Александру, прониклись мрачнымъ неудовольствіемъ на него. Они хотѣли отдыха, желали спокойно на-

Неудовольствіе македонянъ.

слаждаться пріобрѣтенными богатствами и видѣли, что неутомимый умъ царя занятъ новыми планами; гордость ихъ оскорблялась тѣмъ, что они принуждены раздѣлять военныя почести съ побѣжденными варварами, что царь отнимаетъ у нихъ плоды ихъ побѣдъ. Они говорили, что онъ разлюбилъ своихъ прежнихъ воиновъ, хочетъ избавиться отъ нихъ. Неудовольствіе возрасло, когда Александръ заставилъ воиновъ производить тяжелыя работы на Тигрѣ.

Александръ изслѣдуетъ бассейнъ Эвфрата.

Гефестіонъ съ главными силами пошелъ изъ Сузы на вавилонскую равнину, а самъ царь поплылъ съ конницею и легкой пѣхотой на корабляхъ Неарха къ Персидскому заливу, чтобъ изслѣдовать устья Эвфрата, создать новые пути на востокъ, возстановить и улучшить прежнія сообщенія по рѣкамъ и морю. Онъ осмотрѣлъ низовье Эвфрата, назначилъ мѣсто для основанія новаго города на морскомъ берегу и поплылъ вверхъ по Тигру на соединеніе съ Гефестіономъ. Для облегченія судоходства онъ велѣлъ прорѣзать плотины, возведенныя персами, очистить отъ ила и песка засорившіеся каналы и искусственныя озера, поправить испортившіеся шлюзы и прибрежныя насыпи.

Мятежъ воиновъ въ Опидѣ.

Послѣ этихъ полезныхъ, но тяжелыхъ работъ, Александръ собралъ всѣ войска въ станъ, устроенный близъ Опиды на берегу Тигра въ богатой мѣстности Ассиріи. Тутъ обнаружилось, до какой степени усилилось неудовольствіе войска. Александръ объявилъ ему, что съ почетомъ отпускаетъ на родину старыхъ воиновъ, которые по преклонности лѣтъ и по ранамъ стали неспособны къ службѣ и желаютъ отдыха, оставляетъ лишь тѣхъ, которые сами того захотятъ; онъ объявилъ это въ собраніи всего войска, думая, что его слова будутъ приняты съ восторгомъ; но поднялся шумъ; воины кричали, что онъ хочетъ избавиться отъ прежнихъ сподвижниковъ, замѣнить ихъ варварскимъ войскомъ; что, изнуривъ ихъ, онъ теперь съ презрѣніемъ прогоняетъ ихъ старыми и дряхлыми на родину. Они требовали, чтобы онъ отпустилъ всѣхъ македонянъ; пусть онъ идетъ въ походъ безъ нихъ съ своимъ божественнымъ отцомъ Аммономъ, кричали они. Раздраженный этой дерзостью Александръ сбѣжалъ съ трибуны, ринулся въ толпу. Военачальники и тѣлохранители бросились вслѣдъ за нимъ, онъ арестовалъ тринадцать человѣкъ, показавшихся ему зачинщиками мятежа; ихъ повели изъ толпы, онъ закричалъ вслѣдъ, чтобъ ихъ вели на смерть, и они были

Энергическія мѣры Александра.

утоплены въ Тигрѣ. Толпа замолчала; при глубокой тишинѣ Александръ взошелъ опять на трибуну и сказалъ воинамъ грозную рѣчь, содержаніе которой передаетъ намъ Арріанъ. Онъ началъ такъ:

«Я возобновляю рѣчь не съ тою цѣлью, чтобы помѣшать вамъ уйдти на родину; для меня все равно, уйдете ли вы или нѣтъ; я только хочу сказать вамъ, чѣмъ вы были прежде, и чѣмъ сдѣлалъ васъ я». Онъ описалъ то, что сдѣлалъ для македонянъ отецъ его Филиппъ; говорилъ, что до Филиппа они были бѣдные пастухи, одѣ-

тые въ шкуры животныхъ, съ трудомъ оборонявшіеся отъ нападеній иллирійцевъ и ѳракіянъ, а Филиппъ сдѣлалъ ихъ владыками Греціи и всѣхъ земель до Геллеспонта; потомъ онъ напомнилъ имъ о своихъ подвигахъ, о томъ, какія богатства и почести доставилъ онъ имъ своими побѣдами, о томъ, что онъ дѣлилъ съ простыми воинами всѣ лишенія и труды, о ранахъ, рубцами которыхъ покрыто все его тѣло, о ночахъ, которыя проводилъ онъ безъ сна, чтобъ они могли спать спокойно, о подаркахъ и почестяхъ, которыми награждалъ онъ храбрыхъ, оставшихся живыми, о статуяхъ и гробницахъ, которыми почтилъ онъ память павшихъ. Онъ кончилъ словами: «Идите-же и, возвратясь на родину, скажите, что вы покинули на Тигрѣ вашего царя Александра, побѣдителя персовъ, мидянъ и индійцевъ, сражавшагося вмѣстѣ съ вами на Гидаспѣ, дѣлившаго съ вами страданія похода черезъ пустыню, что вы отдали его охраненію побѣжденныхъ азіатцевъ; я полагаю, что такое извѣстіе дастъ вамъ славу и любовь у боговъ и людей. Идите!» Сказавъ это, онъ быстро сошелъ съ трибуны и удалился изъ стана въ городъ; онъ взялъ съ собою только своихъ тѣлохранителей. Два дня пробылъ онъ въ городѣ, не допуская къ себѣ никого изъ остальныхъ воиновъ. Войско въ станѣ не знало, что думать, что дѣлать; у него не было руководителей, и оно не могло принять никакого рѣшенія. Наконецъ македоняне услышали, что царь хочетъ совершенно ввѣриться азіатскимъ воинамъ, дать ихъ отрядамъ тѣ названія, которыя принадлежали македонскимъ отрядамъ, что онъ уже сдѣлалъ азіатцевъ своими тѣлохранителями, объявилъ знатныхъ персидскихъ военачальниковъ своими родственниками, далъ имъ право всегда свободно входить къ нему и здороваться съ нимъ по-македонски, что онъ не допускаетъ къ себѣ македонянъ, что онъ велѣлъ мятежникамъ уйдти изъ стана,—эти извѣстія сломили ихъ упорство. Ими овладѣло горькое раскаяніе; они предались шумной скорби, пошли толпами къ жилищу царя, бросили на землю свое оружіе въ знакъ смиренія, стали просить, чтобы царь простилъ ихъ, позволилъ имъ увидѣть себя; говорили, что покоряются всякому наказанію, выдадутъ главныхъ возмутителей, не отойдутъ отъ дворца, будутъ оставаться тутъ день и ночь, пока царь проститъ ихъ. Дѣйствительно они оставались у дворца двое сутокъ, продолжая просить прощенія. Александръ наконецъ вышелъ и, увидѣвъ своихъ ветerановъ повергнувшимися передъ нимъ на землю, залился слезами и примирился съ ними. Обнявъ и поцѣловавъ одного изъ начальниковъ, онъ сказалъ, что объявляетъ всѣхъ македонянъ своими родственниками; воины въ восторгѣ снова схватили оружіе и съ пѣснями пошли въ станъ. Александръ далъ пиръ, на который было приглашено девять тысячъ воиновъ; совершивъ возліяніе богамъ, онъ просилъ, чтобы они были милостивы къ нему и войску, дали единодушіе государству, согласіе

Раскаяніе и смиреніе воиновъ.

македонянамъ и персамъ; это былъ пиръ примиренія, означавшій, что Александръ не хочетъ помнить мятежа воиновъ. Македоняне перестали противиться желанію царя, чтобы побѣдители соединились съ побѣжденными, и восторжествовала политика, стремившаяся объединить греческій міръ съ азіатскимъ.

Кратеръ ведетъ ветерановъ на родину.

Послѣ пира примиренія, Александръ отпустилъ ветерановъ. Онъ далъ имъ въ опидскомъ станѣ богатые подарки, обѣщалъ заботиться о дѣтяхъ, которыхъ они оставляютъ въ Персіи, и о дѣтяхъ ихъ павшихъ товарищей, воспитать мальчиковъ храбрыми воинами подобными отцамъ, обезпечить имъ самимъ средства жизни, далъ имъ право занимать почетныя мѣста на всѣхъ праздникахъ, поблагодарилъ ихъ за вѣрность и преданность и со слезами отпустилъ ихъ. Они пошли на родину, 10000 человѣкъ, подъ начальствомъ храбраго Кратера и одного изъ начальниковъ фаланги, Полисперхона. Кратера Александръ назначилъ правителемъ Македоніи на мѣсто Антипатра, постоянно ссорившагося съ Олимпіадою.

Заботы Александра объ устройствѣ царства.

Александръ усердно занялся исполненіемъ своего плана устроить космополитское государство, въ которомъ всѣ народы пользовались бы политической равноправностью, дать этому государству правильную просвѣщенную администрацію и доставить владычество въ немъ греческимъ обычаямъ, языку и образованію. Ему казалось, что для достиженія этой цѣли необходимо заботиться объ удобствахъ сношеній между разными частями государства и ввести повсюду одинаковыя учрежденія, установить законный порядокъ подъ неограниченною властью царя. Эти заботы и были важнѣйшимъ дѣломъ послѣднихъ лѣтъ его жизни. Изъ опидскаго стана онъ пошелъ въ Мидію, чтобы доставить безопасность торговымъ дорогамъ черезъ горы, въ которыхъ коссеи и другія хищныя горныя племена нападали на караваны. Онъ посѣтилъ прославленный легендами Багистанъ, гдѣ по преданію были нѣкогда сады Семирамиды и гдѣ находились высѣченные на скалѣ знаменитые рисунки и надписи Дарія (I, 402, II, 412, 413); онъ съ удовольствіемъ обозрѣлъ прекрасную нисейскую долину, гдѣ паслись прекрасные конскіе табуны персидскихъ царей, прожилъ нѣсколько времени въ великолѣпномъ дворцѣ огромной, богатой Экбатаны. Осенью въ Экбатанѣ онъ совершилъ великій праздникъ Діониса; это было блестящее торжество: Александръ принесъ богатыя жертвы, устроилъ гимнастическія и музыкальныя игры неслыханнаго великолѣпія, съ роскошными пирами. Говорятъ, что собралось туда 3000 греческихъ художниковъ; стеченіе народа было несмѣтное, множество зрителей съѣхалось изъ всѣхъ областей царства. Александру пришлось участвовать въ приготовленныхъ имъ играхъ и пирахъ, хотя сердце его было печально: его вѣрный другъ Гефестіонъ, котораго съ дѣтства любилъ онъ, какъ Ахиллесъ Патрокла, занемогъ среди веселостей и пировъ, которымъ предался слиш-

Александръ въ Экбатанѣ. Смерть Гефестіона 324.

комъ страстно. Онъ умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ. Смерть его была чрезвычайно тяжелымъ ударомъ для царя. Три дня сидѣлъ онъ у тѣла друга, не принимая пищи и питья, то рыдалъ, то молчалъ въ изнеможеніи печали. Праздники прекратились, войско и народъ плакали о благороднѣйшемъ изъ македонянъ; маги угасили въ храмахъ священный огонь, какъ это дѣлалось въ случаѣ смерти государя. Когда мысли Александра нѣсколько успокоились, онъ занялся устройствомъ процессіи, которая должна была сопровождать тѣло Гефестіона въ Вавилонъ. Онъ положилъ на гробъ локонъ своихъ волосъ; знатные македоняне, подъ начальствомъ Пердикки, повезли тѣло въ древнюю великую столицу, гдѣ должно было совершиться погребеніе.

Походъ на коссеевъ. Зима 324—323.

Чтобы развлечь себя новою дѣятельностью, Александръ пошелъ зимою на хищный горный народъ коссеевъ. Они оборонялись очень храбро, но онъ сжегъ шатры ихъ стоянокъ, взялъ ихъ укрѣпленія; тысячи ихъ были убиты, или уведены въ плѣнъ; остальные покорились и были принуждены вести мирную жизнь, заниматься земледѣліемъ. Но печаль не покидала душу царя. Съ той поры, какъ смерть отняла у него друга, котораго онъ любилъ какъ самого себя, сила его души была сломлена, энергія ослабѣла. Въ началѣ новаго года онъ пошелъ въ Вавилонъ, который хотѣлъ сдѣлать столицею своего царства, центромъ цивилизованнаго міра; туда пріѣхали посольства отъ множества народовъ: послы изъ Азіи, изъ Греціи, изъ Ливіи, Эѳіопіи, изъ далекой Италіи; они принесли подарки и поздравленія владыкѣ земель и морей, нѣкоторые просили его рѣшить споры ихъ между собою. Говорятъ, что были тутъ послы даже римлянъ и карѳагенянъ (стран. 136). Мысль, что слава его подвиговъ проникла до самыхъ далекихъ народовъ, доставила нѣкоторое утѣшеніе больному сердцу Александра. Особенно многочисленны были послы изъ Греціи: одни были присланы воздать ему божескія почести по рѣшенію, принятому почти всѣми греческими государствами, другіе—просить отмѣны его распоряженія, повелѣвавшаго греческимъ государствамъ, чтобъ они дозволили возвратиться изгнаннымъ имъ гражданамъ. Александръ принялъ греческихъ пословъ послѣ всѣхъ другихъ; этимъ онъ показалъ, что его прежняя любовь къ грекамъ охладѣла; въ особенности недоволенъ былъ онъ аѳинянами, за то что они дали пріютъ измѣннику Гарпалу.

Александръ въ Вавилонѣ 323.

Его политика относительно грековъ.

Александръ принуждаетъ грековъ воздавать ему божескія почести.

Желая возвысить величіе царскаго сана и находя надобнымъ ввести одинаковыя монархическія учрежденія во всей своей державѣ, Александръ, исполненный мысли о своемъ божественномъ призваніи, издалъ въ предыдущемъ году постановленіе, чтобы греческія государства воздавали ему божескія почести. Это было первымъ шагомъ къ тому, чтобъ отнять у ослабѣвшихъ грековъ ихъ демократическія учрежденія, отжившія свое время, и сдѣлать Грецію областью великаго царства. Александръ хотѣлъ поставить грековъ въ такія же отношенія къ нему, въ какихъ были поко-

ренные народы Азіи. Онъ хотѣлъ, чтобъ и греки признавали его своимъ царемъ. Аѳиняне понимали, что требованіе божескихъ почестей имѣетъ этотъ смыслъ; когда Демадъ предложилъ народному собранію исполнить волю Александра, другіе ораторы, въ особенности Пиѳей и Ликургъ возстали противъ этого; аѳинянамъ не нравилось требованіе, налагавшее на нихъ печать формальнаго порабощенія. Но самъ Демосѳенъ посовѣтовалъ народу не отказывать могущественнѣйшему царю въ исполненіи его желанія, и народъ согласился. Примѣръ аѳинянъ оказалъ рѣшительное вліяніе на остальную Грецію. Даже въ Спартѣ было принято постановленіе, высказанное въ лаконической формѣ: „если Александръ хочетъ быть богомъ, то пусть будетъ богомъ". Сообразно этимъ рѣшеніямъ были отправлены въ Вавилонъ послы воздать почести новому божеству. Такую же цѣль имѣло повелѣніе Александра, чтобы всѣ греческія государства дозволили возвратиться своимъ изгнанникамъ, возстановили ихъ политическія права, отдали имъ конфискованныя имущества. Въ новой всемірной монархіи, основанной на принципѣ равноправности всѣхъ гражданъ, должны были утратить значеніе прежніе раздоры партій; потому не оставалось надобности, чтобы множество греческихъ гражданъ продолжали считаться безпріютными изгнанниками и служить орудіемъ для интригантовъ. Думая такъ, Александръ повелѣлъ на олимпійскомъ праздникѣ, на который сошлось до 20,000 изгнанниковъ изъ всѣхъ греческихъ областей, провозгласить, что дозволяется возвратиться на родину всѣмъ изгнанникамъ, кромѣ виновныхъ въ оскорбленіи святости храмовъ и въ убійствѣ. Почти всѣ греческія государства покорились этому приказанію и возвратили своихъ изгнанниковъ; воспротивились только этоляне и аѳиняне; этоляне потому, что не хотѣли возвратить землю жившимъ на Ахелоѣ эніадамъ, которыхъ они за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ прогнали; аѳиняне—потому, что возвращеніе изгнанниковъ означало для нихъ потерю острова Самоса, который они въ 360 году завоевали и отдали своимъ клерухамъ. Теперь эти аттическіе поселенцы были бы должны безъ всякаго вознагражденія возвратить прежнимъ собственникамъ землю, которой владѣли уже 36 лѣтъ. Аѳинское посольство было отправлено просить Александра, чтобъ онъ отмѣнилъ свое распоряженіе, но не добилось успѣха.

Александръ повелѣваетъ греческимъ государствамъ дозволить изгнанникамъ возвратиться. 324.

Новые планы Александра.

Воспоминаніе о смерти Гефестіона продолжало печалить Александра и ослаблять его энергію, но всетаки въ его душѣ возникали новые громадные планы. Греческіе художники, поѣхавшіе съ нимъ изъ Экбатаны въ Вавилонъ, стали строить великолѣпное сооруженіе, предназначенное служить костромъ для торжественнаго сожженія тѣла Гефестіона, а между тѣмъ Александръ велѣлъ рубить въ горахъ Гирканіи лѣсъ для построенія флота на Каспійскомъ морѣ и въ то же время задумывалъ походъ въ Аравію, покореніемъ которой надѣялся дать безопасность морской торговлѣ. Онъ хотѣлъ увеличить флотъ Неарха финикійскими кораблями, и Неархъ, направляясь по берегу Персидскаго залива, помогалъ бы его войску идти по восточному берегу Аравіи. Онъ спустился по Эвфрату, обозрѣлъ работы для поправки насыпей вдоль Палаконскаго канала, сдѣлалъ распоряженія объ основаніи новаго города въ низовьѣ Эвфрата, и въ маѣ возвратился въ Вавилонъ отдать послѣднюю почесть умершему другу. Неблагопріятныя предзнаменованія и пророчества предвѣщали бѣд-

ствіе. Халдеи предсказывали Александру погибель, если онъ войдетъ въ Вавилонъ съ восточной стороны рѣки; но ему было неизбѣжно войдти въ городъ съ этой стороны. Порывъ вѣтра сорвалъ съ его головы царскую діадему и унесъ ее въ прибрежные камыши, гдѣ была старинная царская гробница; матросъ, нашедшій діадему, повязалъ ее на голову себѣ, чтобъ она не мѣшала ему плыть. — Вавилонъ былъ наполненъ разноплеменными воинами, моряками, корабельными плотниками, художниками. Царь сдѣлалъ смотръ своему войску, увеличенному новыми отрядами и получившему новую организацію, и занимался приготовленіями къ неслыханно - великолѣпному торжеству сожженія тѣла Гефестіона. Изъ разныхъ сортовъ дорогого дерева былъ построенъ костеръ, подымавшійся пятью уступами на высоту двухъ сотъ футовъ; онъ былъ украшенъ золотомъ, пурпурными тканями, картинами, статуями. Александръ употребилъ на костеръ 10.000 талантовъ, его друзья и вельможи пожертвовали еще 2.000 талантовъ на это удивительное сооруженіе. При пѣніи похоронныхъ гимновъ были принесены жертвы въ честь умершаго; пламя охватило костеръ, и во славу Гефестіона, возведеннаго въ санъ героя, были совершены игры; блестящее похоронное торжество заключилось роскошнымъ пиромъ, устроеннымъ для всего войска. Въ слѣдующіе дни были новыя игры, длившіяся до поздней ночи; онѣ привели въ лихорадочное состояніе разстроенные нервы царя. Онъ чувствовалъ себя уже нездоровымъ, когда ѳессаліецъ Медій пригласилъ его на пиръ въ дружескомъ кругу. Чтобы не огорчить вѣрнаго сподвижника, онъ принялъ приглашеніе и послѣ этого пира болѣзнь усилилась. Былъ уже назначенъ день для выступленія въ походъ, но пришлось отсрочить его. Четвертаго іюня царь велѣлъ перевезти себя на другую сторону рѣки во дворецъ Небукаднезара, стоявшій на высокомъ мѣстѣ и окруженный садомъ (I, 476 слѣд.); онъ надѣялся скорѣе выздоровѣть тамъ, въ чистомъ воздухѣ; думалъ, что прохлада тѣнистыхъ аллей и свѣжесть ручьевъ исцѣлятъ его лихорадочный жаръ. Но жизненныя силы его были истощены, онъ склонялся къ гробу; онъ томился еще нѣсколько дней и наконецъ его великая душа, омраченная бредомъ горячки, покинула землю. Александръ Великій умеръ 11-го іюня 323 года; когда онъ скончался, ему было 32 года и 8 мѣсяцевъ. Онъ былъ герой и завоеватель, какого другого не представляетъ исторія человѣчества. Быстрота соображенія, стратегическая проницательность, рѣшительность и увѣренность въ побѣдѣ соединялись въ немъ съ личной храбростью и неутомимой дѣятельностью, таланты великаго полководца и правителя съ блестящей отвагой воина; его личность очаровываетъ возвышеннымъ энтузіазмомъ, благородною любовью къ знанію и окружена ореоломъ непрерывнаго счастія и молодости. Правда, въ его жизни и характерѣ есть много пятенъ, показывающихъ, что и геніальные, благородные люди легко

Торжество сожженія тѣла Гефестіона.

Болѣзнь и смерть Александра. Іюнь, 323.

Его характеръ.

подвергаются головокруженію на высотѣ счастія и могущества. Были и въ древности и въ новое время писатели, усердно выставлявшие на видъ эту дурную сторону его, любившие говорить о кровавыхъ дѣлахъ его гнѣва и мщенія, о дурныхъ поступкахъ, въ которые онъ былъ завлекаемъ своею страстью къ вину, самообожаніемъ, развиваемымъ въ немъ льстецами, раздражительностью характера. Но эти темныя черты бросаются въ глаза такъ рѣзко потому, что вся его фигура озарена сіяніемъ, окружена поэтическимъ ореоломъ. Онъ былъ такимъ дивнымъ явленіемъ, величіе его было такъ ослѣпительно, что скоро исторія его стала предметомъ легенды и поэзіи, вымыслы закрыли истинныя его очертанія, народная фантазія послѣдующихъ вѣковъ овладѣла его фигурою и прикрасила его подвиги поэтическими вымыслами. Въ его натурѣ лежала любовь къ приключеніямъ, располагавшая его считать близкимъ, легкимъ далекое, трудное; для него было заманчиво все необыкновенное, удивительное; онъ восхищался міромъ гомеровскихъ героевъ, хотѣлъ воскресить этотъ міръ, перенести его изъ области поэзіи въ дѣйствительность. Онъ очаровывалъ своею молодостью, его недолгая жизнь была непрерывнымъ рядомъ отважныхъ предпріятій, геройскихъ подвиговъ, у него было врожденное влеченіе къ великимъ дѣламъ, — все это внушало и современникамъ и потомкамъ изумленіе; онъ пронесся быстро, какъ метеоръ, и тѣмъ ярче было сіяніе, которымъ окружило его воображеніе потомства. Уже во время Діадоховъ исторія его жизни получила характеръ романа. Персидская поэзія прославляетъ великаго Искандера, и не желая, чтобы побѣдитель былъ чужимъ завоевателемъ, восточная легенда сдѣлала его потомкомъ Ахеменидовъ, царемъ Персіи по праву наслѣдства.

Александръ, какъ герой народныхъ легендъ и поэзіи.

5. Новый фазисъ исторіи человѣчества.

Результаты походовъ Александра.

Ранняя смерть Александра разрушила его планъ основать всемірное царство, въ которомъ народы чтили бы государя какъ бога, жили бы подъ одними законами, пользовались бы одинакокыми правами; но великія завоеванія македонско-греческаго войска на востокѣ создали новый періодъ культуры. Историческая жизнь получила болѣе широкій размѣръ; торговыя и другія сношенія между народами пріобрѣли небывалую живость и обширность; культура и наука проложили себѣ новые пути, создали новыя явленія; греческій языкъ, греческая цивилизація стали основаніемъ новой образованности, сдѣлались органами общечеловѣческой цивилизаціи. Правда, эти результаты вполнѣ развились только уже во времена Діадоховъ, наслѣдниковъ Александра, но начало ихъ развитію было положено македонскимъ завоевателемъ, который первый изъ всѣхъ царей получилъ въ исторіи человѣчества имя великаго.

Матеріальные интересы.

Мы видѣли, что Александръ считалъ средствами для основанія всемірнаго государства и для введенія въ немъ одной цивилизаціи развитіе матеріальныхъ интересовъ и распространеніе греческой культуры. Въ своей заботливости о матеріальныхъ интересахъ, онъ прокладывалъ новые торговые пути караванной и морской торговли, старался облегчить сношенія между народами, возвратилъ людямъ массу золота и серебра, бездѣйственно лежавшихъ въ казнохранилищахъ Персеполя, Сузы и Экбатаны и пущенныхъ теперь въ оборотъ македонянами и греками, ввелъ правильные налоги, благоустроенную администрацію взамѣнъ натуральныхъ повинностей и произвола сатраповъ персидскаго времени; возводилъ громадныя сооруженія религіознаго и житейскаго характера, устроивалъ великолѣпные праздники, оживлялъ этимъ искусство и промышленность. Для распространенія греческой культуры онъ основывалъ въ восточныхъ областяхъ новые города, въ которыхъ жили македоняне и греки вмѣстѣ съ туземцами; покровительствовалъ греческимъ художникамъ, техникамъ и ученымъ, привлекалъ ихъ на свою службу, щедро вознаграждалъ деньгами и почестями, содѣйствовалъ научнымъ изслѣдованіямъ, заботился о приложеніи ихъ результатовъ къ практической жизни, о ея улучшеніи умственной и художественной дѣятельностью. Мы видѣли, съ какой энергіей Александръ изслѣдовалъ устья Инда и Эвфрата, какъ прекрасно понималъ онъ важность открытія морского пути изъ Персидскаго залива къ дельтѣ Инда, какъ усердно старался пролагать пути на востокъ и на западъ отъ Каспійскаго моря, какъ заботился о возстановленіи старыхъ каналовъ въ Месопотаміи; мы видѣли, что и въ тяжелые дни, когда лихорадка пожирала его жизненныя силы, онъ былъ занятъ планомъ открыть для торговли путь въ невѣдомую Аравію; видѣли, какъ заботился пролагать караванные пути черезъ горы и пустыни; видѣли, что онъ не жалѣлъ трудовъ, не боялся опасностей и потерь для того, чтобы обуздать хищныя племена, мѣшавшія торговлѣ, что почти всѣ тѣ города, которые основывалъ онъ на востокѣ отъ Каспійскаго моря, у Гиндукуша и на Индѣ, имѣли главнымъ своимъ назначеніемъ служить центрами торговли, облегчать сношенія странъ дальняго востока съ культурными государствами запада.

Основаніе городовъ, сближеніе народовъ.

Результаты дѣятельности Александра.

Правда, не все то, что создавалъ Александръ, было хорошо и прочно. Расслабѣвшая греческая культура не имѣла въ себѣ столько жизненныхъ силъ, чтобъ обновить варварскія племена, въ страны которыхъ была переносима, и въ македонскомъ войскѣ было мало людей, способныхъ стать распространителями благородныхъ элементовъ цивилизаціи. Овладѣвъ богатствами Азіи, предавшись наслажденіямъ, возгордившись побѣдами, славой и могуществомъ, македоняне утратили патріархальную простоту нравовъ, бывшую не дальше, какъ за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ предметомъ насмѣшекъ аѳин-

скихъ ораторовъ, но не пріобрѣли образованности, какая была бы нужна для исполненія великой задачи, предстоявшей имъ, для основанія прочныхъ государствъ. Эта задача была разрѣшена при Діадохахъ переселеніемъ грековъ въ Азію. Но мысль о томъ уже была въ творческой душѣ Александра, дѣло было начато имъ; его недолгая жизнь, прошедшая въ непрерывныхъ походахъ и битвахъ, конечно, была недостаточна для того, чтобы дать прочную будущность созданіямъ его быстрыхъ завоеваній; но нельзя осуждать его за то, что основанное имъ не успѣло развиться при немъ. При немъ «элементы жизни народовъ были», по выраженію одного изъ древнихъ писателей, «смѣшаны какъ бы въ чашѣ любви; народы вмѣстѣ пили изъ этой чаши, забывая о старой враждѣ и о своемъ безсиліи». Въ противоположность восточнымъ городамъ, бывшимъ только многолюдными поселеніями, центрами торговли и промышленности, города, основанные Александромъ, имѣли самостоятельное управленіе своими дѣлами, политическую жизнь, правильную свободную организацію. Искусства и науки получили при Александрѣ значительное развитіе.

Науки и искусства.

Военное дѣло преобразовалось; употребленіе слоновъ, начавшееся послѣ индійскаго похода, не составляло прогресса: оно придавало маневрамъ восточную неуклюжесть; но осады городовъ, при которыхъ строились подвижныя башни и метательныя машины, наведеніе мостовъ черезъ быстрыя рѣки, измѣреніе разстояній между городами, составленіе ландкартъ, все это много содѣйствовало развитію математики, механики, инженернаго искусства, архитектуры; мы знаемъ, что Аристотель, благодаря щедрой поддержкѣ своего воспитанника, имѣлъ средства вести ботаническія и зоологическія изслѣдованія въ размѣрѣ гораздо большемъ прежняго и подвинулъ ихъ до очень значительной высоты; огромное количество новыхъ матеріаловъ по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія, доставленное походами Александра, дало Аристотелю и его ученикамъ возможность совершить великія эмпирическія изысканія. Географія и этнографія были чрезвычайно обогащены походами Александра и снаряженными имъ экспедиціями для изслѣдованія неизвѣстныхъ мѣстностей. Онъ сдѣлалъ для развитія искусства и науки все то, что можетъ быть сдѣлано царской щедростью. Не его была вина въ томъ, что онъ не нашелъ достойнаго историка своихъ подвиговъ, не нашелъ и поэта, который воспѣлъ бы ихъ, какъ воспѣлъ Гомеръ дѣла его предка, Ахиллеса, бывшаго идеаломъ его; онъ усердно старался щедрыми дарами возбуждать художниковъ, поэтовъ и историковъ къ созданію безсмертныхъ произведеній, и жизнь его представляла богатый матеріалъ для такихъ созданій; но реторическое направленіе того времени не благопріятствовало оживленію ослабѣвшей творческой силы; льстивые историческіе разсказы, лживые и неправдоподобные, скоро подверглись заслуженному презрѣнію и не дошли до потомства, хотя въ нихъ

и могло быть очень много фактовъ, знакомившихъ съ исторіею и тогдашнимъ состояніемъ азіатскихъ народовъ; поэзія тоже не принесла золотыхъ плодовъ, хотя и пользовалась милостями Александра; истинная поэзія живетъ у боговъ и дается избранникамъ ихъ волею; человѣкъ не можетъ низвести ее изъ олимпійской отчизны на землю никакими подарками. Только живопись и скульптура имѣли новый цвѣтущій періодъ, благодаря покровительству Александра; они сохраняли, какъ мы видѣли, прежнее техническое совершенство, но не имѣли творческой силы и идеальности прежняго времени (II, 785). Греческое искусство обогатилось азіатской роскошью, стало придавать стройной красотѣ фигуръ громадные размѣры и облекать величественную серьезность своихъ изваяній великолѣпіемъ восточныхъ прикрасъ. Такъ былъ созданъ Колоссъ Родосскій (II, 787); такъ въ головѣ Динократа составился гигантскій планъ изсѣчь изъ Аѳонской горы статую Александра, у которой на одной рукѣ стоялъ бы городъ съ 10000 жителей, а съ другой руки падала бы въ море большими каскадами горная рѣка. Дѣйствительные подвиги Александра были такъ величественны, съ такой силой переносили воображеніе въ область чудеснаго, что искусство и поэзія въ своемъ стремленіи поровняться съ дѣйстнительностью легко могли получать утрированный характеръ.

Измѣненіе характера религіи.

Замѣтимъ еще одно послѣдствіе походовъ Александра, проявившееся съ полной силою въ послѣдующія времена. Сліяніе религіозныхъ представленій, миѳовъ и обрядовъ разныхъ народовъ подорвало язычество; невѣріе и суевѣріе, раціонализмъ и мисцитизмъ, пренебреженіе къ обрядамъ и заботливое соблюденіе ихъ шли рядомъ, и совѣсть людей смущалась этими неразрѣшимыми противорѣчіями. У однихъ религія замѣнилась снисходительной моралью, учившей наслаждаться, или строгой нравственностью, предписывавшей не дѣлать несправедливаго; другіе въ своей ученой гордости совершенно не чувствовали надобности ни въ какой религіи; третьи предавались постамъ и самоистязаніямъ, или заглушали голосъ своей совѣсти шумными оргіями. Люди стали видѣть, что понятія о богахъ у всѣхъ народовъ существенно одинаковы при всемъ различіи именъ аттрибутовъ и обрядовъ служенія; что ходъ религіознаго развитія вездѣ былъ въ сущности одинаковъ; это колебало прежнюю дѣтскую вѣру въ національныхъ боговъ, въ ихъ исключительное могущество, и порождало убѣжденіе, что времена племенныхъ и національныхъ божествъ миновали, что человѣчеству нужна общая религія, обнимающая всѣ народы. Огонь, согрѣвавшій сердца, угасъ, и люди искали новаго свѣта, который озарилъ бы мракъ, охватившій и душу и внѣшній міръ.

II. Время Діадоховъ; основаніе новыхъ государствъ.

1. Регентство Пердикки.

Вопросъ о наслѣдствѣ престола.

Борьба Пердикки и Мелеагра.

Когда разнеслось извѣстіе о смерти Александра, раздались рыданія во дворцѣ, на обширныхъ дворахъ его, на улицахъ Вавилона. И войско, и народъ всю ночь плакали, отчасти изъ печали о незамѣнимой утратѣ, отчасти по предчувствію бѣдствій. Александръ умеръ, не оставивъ наслѣдника, способнаго править государствомъ: его жена Роксана еще не имѣла дѣтей и была теперь беременна; правда былъ у него сынъ, Гераклъ, рожденный до его женитьбы на Роксанѣ Барсиною, которая прежде была жена Мемнона и попалась въ плѣнъ по смерти мужа; но этотъ сынъ былъ еще ребенкомъ. Братъ Александра по отцу, сынъ одной изъ любовницъ Филиппа, Арридей, находившійся теперь въ Вавилонѣ, былъ человѣкъ больной, слабоумный; вредило ему и то, что мать его была ѳессалійская танцовщица. Александръ не сдѣлалъ никакого распоряженія о наслѣдствѣ престола; единственнымъ проявленіемъ его воли было то, что въ одну изъ минутъ сознанія, которымъ перемежалось его безпамятство, онъ отдалъ перстень съ своею печатью Пердиккѣ, старшему изъ военачальниковъ тѣлохранителей, стоявшему у его постели.

Былъ очень распространенъ разсказъ, будто бы существовало завѣщаніе Александра, будто бы онъ отдалъ его на сохраненіе родосцамъ, и оно было уничтожено его полководцами; это—вымыселъ точно такъ же, какъ и разсказъ, будто бы Александръ былъ отравленъ сыномъ Антипатра, Іолломъ. Вымыселъ и то, будто бы на вопросъ, кому отдаетъ царство, Александръ отвѣчалъ: «достойнѣйшему». Вымыселъ позднѣйшихъ временъ и то, будто бы онъ сказалъ, что на похоронахъ его будутъ вмѣсто военныхъ игръ настоящія сраженія; впрочемъ легко было предвидѣть, что будетъ такъ.

Утромъ послѣ смерти Александра начальники тѣлохранителей, другіе полководцы и совѣтники царя собрались во дворцѣ рѣшить вопросъ объ управленіи государствомъ; ихъ мнѣнія были различны;

всѣ напослѣдокъ согласились, что править государствомъ будетъ Пердикка, пока достигнетъ совершеннолѣтія сынъ Роксаны, если дитя, которое родится у ней, будетъ сынъ; но споры, предшествовавшіе этому рѣшенію, принятому главнымъ образомъ по вліянію начальниковъ тѣлохранителей, показывали, что оно не можетъ быть приведено въ исполненіе безъ борьбы: честолюбивый, холодный и разсчетливый Пердикка имѣлъ много враговъ. Сильнѣе другихъ возсталъ противъ него Мелеагръ, одинъ изъ главныхъ начальниковъ пѣхоты, человѣкъ пылкаго характера, досадовавшій на то, что начальники тѣлохранителей держатъ себя надменно; онъ привлекъ на свою сторону пѣхоту, въ которой преобладали демократическіе элементы, и объявилъ законнымъ наслѣдникомъ престола Арридея (или по полному имени Филиппа Арридея), не смотря на то, что это былъ человѣкъ слабоумный. Военачальники еще продолжали свое совѣщаніе, когда Мелеагръ вошелъ съ войскомъ во дворецъ и провозгласилъ царемъ Филиппа Арридея, который, испугавшись шума, спрятался въ своихъ комнатахъ; Мелеагръ вывелъ его, надѣлъ на него пурпуру и діадему Александра. Воины фаланги, слѣдовавшіе за Мелеагромъ, кричали такъ буйно, что Пердикка съ тѣлохранителями и 600 вѣрныхъ ему воиновъ удалились въ ту комнату, гдѣ умеръ Александръ. Воины фаланги шли за нимъ и выломали дверь. У тѣла Александра началась схватка: звенѣли мечи, падали раненные и убитые; тѣлохранители были побѣждены. Пердикка и Леоннатъ вывели ихъ изъ города, расположились станомъ у стѣнъ, начали войну противъ Мелеагра, оставшагося въ городѣ, не пропускали туда съѣстныхъ припасовъ; тамъ начался недостатокъ въ нихъ. Наконецъ разсудительные люди обѣихъ партій сошлись на совѣщаніе и заключили миръ; было условлено, что Филиппъ Арридей будетъ имѣть царскій санъ, что сынъ, который родится у Роксаны, будетъ тоже царемъ вмѣстѣ съ нимъ, а правителями государства будутъ вмѣстѣ Пердикка и Мелеагръ.

Смерть Мелеагра.

Это примиреніе было ненатурально и не могло быть прочнымъ. Пердикка, превосходившій своего соправителя отвагой и умомъ, опуталъ своими сѣтями слабоумнаго Филиппа Арридея и при его содѣйствіи скоро избавился отъ соперника. На смотрѣ войска, устроенномъ по поводу торжественнаго жертвоприношенія, молитвы при которомъ очистили бы воиновъ отъ грѣха междоусобія, Пердикка велѣлъ взять изъ рядовъ триста человѣкъ энергичнѣйшихъ приверженцевъ Мелеагра и бросить ихъ на растоптаніе подъ ноги слоновъ; Мелеагръ бѣжалъ на ступени жертвенника и былъ убитъ тамъ по приказанію Пердикки. Такимъ образомъ этотъ честолюбивый и предпріимчивый человѣкъ, происходившій отъ царей Ористиды, захватилъ въ свои руки правленіе; чтобы примирить съ своею властью другихъ полководцевъ, смотрѣвшихъ на него съ недовѣріемъ и завистью, онъ отъ имени царя сдѣлалъ новое распредѣленіе намѣстничествъ и дру-

гихъ важныхъ должностей. Онъ надѣялся этимъ удовлетворить честолюбцевъ и предотвратить мятежи.

Распредѣленіе намѣстничествъ и другихъ правительственныхъ должностей.

Пердикка оставилъ за собою, какъ за правителемъ государства, неограниченную власть; въ его рукахъ была государственная печать; онъ былъ главнокомандующимъ всѣхъ войскъ. Онъ долженъ былъ постоянно находиться при царяхъ (Филиппѣ Арридеѣ и сынѣ Александра). Ближайшимъ его помощникомъ былъ Селевкъ, сынъ Антіоха, одинъ изъ главныхъ начальниковъ конницы (хиліархъ), человѣкъ твердаго характера и необыкновенной физической силы. Селевкъ былъ еще молодъ—ему было съ небольшимъ 30 лѣтъ. Онъ особенно отличился въ битвѣ на Гидаспѣ. Любезностью своего характера онъ пріобрѣлъ себѣ любовь и довѣріе, былъ человѣкъ проницательный и осторожный. — Начальникомъ тѣлохранителей былъ назначенъ сынъ Антипатра Кассандръ, не задолго передъ смертью Александра пріѣхавшій къ нему съ порученіями отъ отца, человѣкъ вѣрный старымъ обычаямъ и прямодушный, говорившій правду даже Александру. — Въ распредѣленіи намѣстничествъ было сдѣлано довольно много перемѣнъ. Антигонъ, сынъ Филиппа изъ династіи элимійскихъ царей, бывшій правителемъ Великой Фригіи, получилъ, кромѣ того, управленіе Киликіей и Памфиліей, хищные горцы которыхъ постоянно грозили набѣгами. Талантливый и алчный секретарь Александра, Эвменъ, грекъ, уроженецъ херсонесскаго города Кардіи, былъ назначенъ сатрапомъ Пафлагоніи, Каппадокіи и Понта до Трапезунта, горныхъ странъ, еще остававшихся во власти храбраго царя Аріарата, у котораго надобно было отнять ихъ. Армянская сатрапія была дана Неоптолему, чьи предки производили себя отъ эакидовъ. Карія по смерти старухи царицы Ады (стр. 188) отдана была въ управленіе Асандру, брату Парменіона. Малая Фригія, важная область, черезъ которую шла большая военная дорога отъ Геллеспонта въ глубину Азіи, была дана одному изъ начальниковъ тѣлохранителей, Леоннату. Малую Мидію получилъ другой начальникъ тѣлохранителей Пиѳонъ, честолюбивый и безпокойный человѣкъ, очень сурово подавившій возстаніе грековъ, поселенныхъ въ городахъ, основанныхъ Александромъ на далекомъ востокѣ. Персъ Атропатъ, дочь котораго была женою Пердикки, сохранилъ въ своемъ управленіи сѣверную горную область прекрасной долины Аракса и оставилъ ее въ наслѣдство своему потомству, какъ независимое государство; по его имени эта часть Мидіи стала называться Атропатеною. Намѣстникомъ Персиды остался Певкестъ, спаситель жизни Александра при нападеніи на городъ малловъ. Въ областяхъ по Инду остались намѣстниками тѣ, кого назначилъ Александръ.—Плодородный Египетъ, составлявшій самую богатую область царства, былъ данъ одному изъ начальниковъ тѣлохранителей, Птолемею, сыну Лага, человѣку очень разсудительному. Онъ казнилъ одного изъ сановниковъ, управлявшихъ Египтомъ, Клеомена, навлекшаго на себя ненависть египтянъ своею алчностью, и, овладѣвъ 8000 талантовъ, которые успѣлъ награбить онъ, употребилъ эти деньги на увеличеніе своего войска, на украшеніе и укрѣпленіе новой столицы Египта, Александріи, которая при немъ скоро стала центромъ всемірной торговли. Кирена и Барка, терзаемыя раздорами и подвергавшіяся грабительскимъ нападеніямъ Тимброна, начальника лакедемонскихъ наемниковъ, который убилъ Гарпала, просили помощи Птолемея и покорились его власти. Въ Европѣ Ѳракія была сдѣлана отдѣльнымъ намѣстничествомъ и отдана одному изъ начальниковъ тѣлохранителей, Лизимаху; Македонія, сосѣднія съ ней области и Греція были оставлены подъ управленіемъ Антипатра; помощникомъ его былъ назначенъ Кратеръ.

1. Пердикка. 2. Селевкъ. 3. Кассандръ. 4. Антигонъ. 5. Эвменъ. 6. Асандръ. 7. Леоннатъ. 8. Пиѳонъ. 9. Певкестъ. 10. Птолемей. 11. Лизимахъ. 12. Антипатръ. 13. Кратеръ.

Погибель династіи персидскихъ царей.

Тѣло Александра еще лежало непогребенное въ вавилонскомъ дворцѣ, а уже стали совершаться свирѣпыя дѣла необузданнаго честолюбія. Мы видѣли, что Пердикка запятналъ свое имя варварскимъ кровопролитіемъ; совершила кровавое дѣло и красавица Роксана, увлеченная ревностью. Она заманила въ Вавилонъ дочь Дарія Статиру, на которой женился Александръ въ Сузѣ; Роксана увѣрила ее, что ей безопаснѣе всего будетъ жить подъ защитою Пердикки и войска. Статира пріѣхала съ своей сестрою Дрипетидою, вдовою Гефестіона. Онѣ были послѣднія лица династіи Дарія. Обѣ онѣ были предательски убиты и тѣла ихъ были брошены въ колодезь. Сизигамбида, мать Дарія, не дожила до этого горя. При извѣстіи о смерти Александра, который выказывалъ ей сыновнее уваженіе, она разорвала на себѣ одежду, закрыла себѣ голову, молча легла на коверъ, перестала ѣсть и пить и на пятый день умерла. Вскорѣ послѣ того Роксана родила сына, котораго войско съ восторгомъ провозгласило царемъ Александромъ.

Погребеніе Александра.

Теперь было совершено торжество погребенія его отца. Приготовленіями къ этой великолѣпной церемоніи занимались тѣ 3000 греческихъ художниковъ, которые были созваны для приготовленій къ похоронамъ Гефестіона. По совершеніи торжества, прахъ Александра былъ отправленъ на великолѣпной колесницѣ въ Эги, древнюю столицу Македоніи, гдѣ были погребены его предки; но Птолемей, правитель Египта, убѣдилъ завѣдывавшаго этой процессіею сановника передать ему гробъ Александра, сказавъ, что положитъ прахъ царя въ храмѣ Зевса - Аммона. По предвѣщанію одного изъ тогдашнихъ прорицателей, боги хотѣли дать благословеніе той странѣ, гдѣ будетъ похороненъ прахъ Александра. Птолемей желалъ доставить Египту это счастье; привезъ гробъ въ Мемфисъ, оттуда въ Александрію, гдѣ построилъ великолѣпную гробницу. Такимъ образомъ городъ, называвшійся именемъ своего основателя, получилъ во мнѣніи народовъ востока религіозное значеніе, сдѣлавшись мѣстомъ, гдѣ покоится богъ покровитель, дающій благословеніе египетскому царству.

Весна 321.

Новый раздоръ.

При всей своей ловкости и энергіи Пердикка былъ не въ состояніи поддержать единство государства: связи между разными странами порвались со смертью Александра. Страсти, которыя были обуздываемы и соединяемы для общаго дѣйствованія могуществомъ царя, разыгрались теперь; властолюбіе стало единственной пружиной поступковъ намѣстниковъ, и начались кровавыя междоусобія, длившіяся нѣсколько десятковъ лѣтъ и породившія множество злодѣйствъ, ужасающихъ воображеніе.

Пердикка и Эвменъ въ Каппадокіи.

Едва были распредѣлены намѣстничества, у честолюбивыхъ полководцевъ возникло стремленіе выйдти изъ подъ власти Пердикки. Онъ велѣлъ намѣстникамъ Малой и Великой Фригіи, Леоннату и Антигону, помочь Эвмену въ завоеваніи Каппадокіи и Пафлагоніи, правителемъ которыхъ тотъ былъ назначенъ. Но Леоннатъ отправился въ Македонію, чтобы жениться тамъ на сестрѣ Александра, Клеопатрѣ, надѣясь, что этотъ бракъ сдѣлаетъ его важнѣйшимъ человѣкомъ въ государствѣ; Антигонъ былъ занятъ войною съ хищными писидійцами, побѣдилъ этихъ воинственныхъ горцевъ и осадилъ ихъ крѣпость Исавру. Доведенные до невозможности продолжать оборону, они зажгли городъ, зарѣзали своихъ женъ и дѣтей и погибли сами въ пламени. Такимъ образомъ ни

Леоннатъ, ни Антигонъ не исполнили приказанія Пердикки, и онъ одинъ долженъ былъ
помогать Эвмену. Каппадокійцы были побѣждены въ кровопролитной битвѣ; ихъ царь,
старикъ Аріаратъ, и его родственники были распяты на крестѣ. Завоевавъ Каппадокію
и Пафлагонію, Пердикка вмѣстѣ съ Эвменомъ пошелъ на Антигона наказать его за
ослушаніе; онъ бѣжалъ въ Грецію, просить помощи у Антипатра и Кратера, началь-
ствовавшаго отпущенными на родину ветеранами.. Теперь Антипатръ и Кратеръ были
въ Этоліи; Кратеръ ходилъ по ущельямъ и покрытымъ снѣгами горамъ этой страны,
Зима 322—321. усмиряя воинственныхъ жителей ея, участвовавшихъ въ ламійской войнѣ. Разскажемъ
объ этой войнѣ и сдѣлаемъ общій обзоръ событій, происходившихъ въ Греціи.

---

2. Греція подъ владычествомъ Македоніи до смерти Демосѳена.

1. Борьба партій въ Аѳинахъ. Процессъ по поводу золотого вѣнка, даннаго Демосѳену.

Рѣчь Ликурга противъ Леократа.

Около того времени, когда Агисъ былъ смертельно раненъ въ сраженіи съ Антипатромъ у Мегалополя (стр. 203 и слѣд.), въ Аѳинахъ были рѣшены два процесса, имѣвшіе политическое значеніе. Ораторъ Ликургъ, человѣкъ патріотическаго образа мыслей и благороднаго характера, подвергъ обвиненію Леократа, гражданина, который, послѣ битвы при Херонеѣ, забылъ обязанности чести, покинулъ родину, взявъ съ собой свое имущество, и занялся въ Родосѣ и Мегарѣ торговлей, а теперь возвратился въ Аѳины; Ликургъ обвинялъ его въ измѣнѣ отечеству, и если бъ онъ былъ признанъ виновнымъ, то былъ бы наказанъ смертью.

Мы уже упоминали объ этой обвинительной рѣчи Ликурга (II, 775). Она не отличается изяществомъ, но имѣетъ то достоинство, что проникнута уваженіемъ къ павшимъ за свободу Греціи и напоминаетъ гражданамъ объ ихъ обязанности непоколебимо служить благу отечества. Обвиняемый не былъ осужденъ; только половина судей подала голосъ за обвиненіе; но ужь и этотъ результатъ показываетъ, что рѣчь Ликурга произвела сильное впечатлѣніе. Леократъ подвергся всеобщему презрѣнію, какъ гражданинъ, забывшій свои обязанности.

Процессъ о вѣнкѣ, данномъ Демосѳену. 330.

Гораздо важнѣе былъ процессъ о вѣнкѣ, данномъ Демосѳену. Незадолго передъ смертью Филиппа Македонскаго Ктезифонтъ предложилъ правительственному совѣту и народному собранію наградить Демосѳена за его безкорыстную патріотическую дѣятельность, дать ему, при стеченіи гражданъ на праздникѣ Великихъ Діонисій, золотой вѣнокъ, и публично выразить благодарность ему народа. Это была самая почетная награда, какую могъ получить аѳинянинъ. Когда въ театрѣ, передъ началомъ спектакля, гражданинъ былъ приглашаемъ

выйдти на орхестру и при всемъ собраніи гражданъ, съѣхавшихся на праздникъ иностранныхъ депутацій и гостей, ему подносили отъ имени аѳинскаго народа золотой вѣнокъ, провозглашая его заслужившимъ благодарность отечества, слава его разносилась по всей Греціи и увѣковѣчивалась тѣмъ, что вѣнокъ вѣшали въ храмѣ Аѳины-Паллады съ надписью, возвѣщавшей потомству имя гражданина, получившаго эту награду, и заслуги его передъ народомъ. Ктезифонтъ предлагалъ дать Демосѳену на праздникѣ Великихъ Діонисій золотой вѣнокъ «за его доблесть и мужество, и за то, что онъ постоянно приносилъ народу пользу словомъ и дѣломъ»; правительственный совѣтъ одобрилъ это предложеніе, и съ одобренія совѣта (probuleuma) оно было внесено въ народное собраніе. Въ собраніи противился ему Эсхинъ, произнесшій противъ Ктезифонта обвинительную рѣчь, въ которой говорилъ, что предложеніе противозаконно, несообразно съ истиной и вредно государству. По причинамъ, остающимся совершенно неизвѣстными намъ, прошло шесть лѣтъ, прежде чѣмъ это обвиненіе было передано на разсмотрѣніе народнаго суда (геліэи). Много десятковъ лѣтъ не было процесса, который возбуждалъ бы такой сильный интересъ. Когда пришелъ день суда, весь городъ волновался ожиданіемъ, чѣмъ рѣшится дѣло, и множество иноземцевъ съѣхались въ Аѳины слушать судебныя рѣчи. Два величайшіе оратора того времени выступали въ этомъ процессѣ одинъ, противъ другого, и рѣшеніе народнаго суда должно было показать, продолжаетъ ли аѳинскій народъ и теперь, когда восторжествовало македонское оружіе и сіяетъ ослѣпительной славой имя Александра, считать защитника греческой свободы, представителя проиграннаго дѣла достойнымъ вѣнка; вопросъ шелъ о томъ, которая изъ двухъ партій служила благу родины: партія ли приверженцевъ союза съ Македоніею, или та, которая боролась противъ этого союза. Обѣ партіи сгруппировались вокругъ своихъ вождей, какъ передъ битвой.

Предложеніе Ктезифонта.

Рѣчь Эсхина противъ Ктезифонта.

Эсхинъ въ началѣ своей рѣчи доказываетъ, что предложеніе Ктезифонта противорѣчитъ обычаю и закону, потому что оно было сдѣлано раньше, нежели Демосѳенъ отдалъ отчетъ въ исполненіи возложенныхъ на него обязанностей и потому что гражданинъ, котораго народъ награждаетъ вѣнкомъ, долженъ получать эту награду не въ театрѣ, а въ правительственномъ совѣтѣ, или на Пниксѣ въ народномъ собраніи. Отъ этихъ аргументовъ онъ переходитъ къ сущности дѣла, къ тому, что Демосѳенъ совершенно не достоинъ такой награды.

Эсхинъ говоритъ, что Демосѳенъ не заслуживаетъ награды по своему личному характеру; Эсхинъ выставляетъ его человѣкомъ безчестнымъ и безсовѣстнымъ; не заслуживаетъ награды Демосѳенъ и по своей общественной дѣятельности, будучи виновникомъ всѣхъ бѣдствій, какимъ подвергалась Греція отъ начала царствованія Филиппа до настоящаго времени; Эсхинъ говоритъ, что Демосѳенъ подвергалъ родину этимъ бѣдствіямъ преднамѣренно, по своему корыстолюбію и по другимъ эгоистическимъ мотивамъ. Когда

гдѣ можно получить деньги, то Демосѳенъ всегда тутъ, говоритъ Эсхинъ, но поступать мужественно онъ неспособенъ. Если по случайному стеченію обстоятельствъ произойдетъ что нибудь хорошее, Демосѳенъ приписываетъ это себѣ; когда приближается опасность, онъ прячется, а когда возстановляется спокойствіе, онъ требуетъ себѣ похвалъ и золотыхъ вѣнковъ. Аѳинскій народъ не украситъ золотымъ вѣнкомъ, наградою за гражданскую доблесть, человѣка, дѣдъ котораго былъ измѣнникъ родинѣ, бѣжалъ и женился на скиѳянкѣ, и который самъ навлекъ на себя презрѣніе своими пороками, мотовствомъ, мошенничествомъ, всякими низостями, который по трусости и алчности измѣнилъ родинѣ и союзникамъ; этого труса, бѣжавшаго изъ битвы, этого измѣнника, подкупленнаго персами, должно выгнать изъ Аѳинъ, вмѣсто того, чтобы награждать его публичнымъ провозглашеніемъ благодарности и золотымъ вѣнкомъ; награда ему заставила бы героевъ, бившихся при Мараѳонѣ и Платеѣ, стонать въ гробахъ.

Рѣчь Демосѳена въ защиту того, что онъ достоинъ вѣнка.

Эсхинъ требовалъ, чтобы судьи заставили Ктезифонта самого защищать свое предложеніе, не дозволяли ему выставить своимъ защитникомъ Демосѳена; судьи отвергли это требованіе, находя, что должно предоставить свободу защиты Демосѳену, на котораго нападаетъ Эсхинъ. Такимъ образомъ Демосѳенъ получилъ возможность оправдать свою дѣятельность въ рѣчи „о вѣнкѣ“; это была надгробная рѣчь свободѣ Аѳинъ и Греціи. Онъ выставилъ въ самомъ блистательномъ свѣтѣ свою политическую дѣятельность, свой образъ мыслей, свои поступки въ трудныя для родины времена, оправдалъ передъ современниками и потомствомъ свою борьбу противъ Македоніи, побѣдоносно опровергъ всѣ клеветы, всѣ порицанія, сорвалъ маску благонамѣренности съ измѣны, безпощадно раскрылъ лживость коварныхъ обвиненій и уничтожилъ ихъ. Рѣчь, которую сказалъ онъ тогда въ защиту себѣ, составляетъ памятникъ его славы; въ ней вполнѣ выразились и геніальность его ума, и возвышенность его характера, искренность его любви къ родинѣ, чистота его жизни. Читая эту рѣчь, мы видимъ человѣка, всѣ дѣйствія котораго имѣли цѣлью благо родины, свободу Греціи, вся жизнь котораго была исполненіемъ долга чести. Эта возвышенная рѣчь, проникнутая искреннимъ одушевленіемъ, произвела на судей такое впечатлѣніе, что въ пользу его противника не набралось и пятой части голосовъ судей. Такимъ образомъ Ктезифонтъ былъ оправданъ, была подтверждена справедливость награды, данной Демосѳену, Эсхинъ былъ осужденъ заплатить 1000 драхмъ штрафа, какъ постановлялъ законъ, и былъ объявленъ не имѣющимъ права возобновлять обвиненія подобнаго рода. Гордость Эсхина не вынесла такого униженія. Онъ не захотѣлъ заплатить штрафъ, покинулъ Аѳины, уѣхалъ въ Азію, прожилъ нѣсколько времени въ Эфесѣ, потомъ поселился на Родосѣ и умеръ въ глубокой старости на Самосѣ (между 322—318 годами).

Исходъ процесса.

Содержаніе рѣчи Демосѳена о вѣнкѣ.

Демосѳенъ начинаетъ рѣчь замѣчаніемъ, что онъ находится въ положеніи, гораздо менѣе выгодномъ, чѣмъ Эсхинъ; обвиненія обыкновенно выслушиваются съ удовольствіемъ, а онъ для защиты своей чести принужденъ оправдывать себя и свою политическую дѣятельность,—это легко можетъ навлечь на него упрекъ въ самолюбіи, тщеславіи. Но, говоритъ онъ, если бы онъ дѣйствительно былъ такъ виноватъ передъ государствомъ, какъ утверждаетъ Эсхинъ, то отказъ въ публичной похвалѣ и наградѣ былъ бы слишкомъ легкимъ наказаніемъ для него; Эсхинъ долженъ былъ бы требовать наказанія ему, какъ измѣннику, и долженъ былъ бы сдѣлать это давно, а Эсхинъ не дѣлалъ и не дѣлаетъ этого и тѣмъ самымъ показываетъ лживость своихъ обвиненій. Чтобы вполнѣ раскрыть ее, Демосѳенъ описываетъ свою политическую дѣятельность со времени своего посольства къ Филиппу и своихъ дѣйствій, во время заключенія Филократова мира (II. 929 слѣд.), до разрушенія Ѳивъ Александромъ, и объясняетъ свою политику

относительно Александра по взятіи Ѳивъ. Онъ доказываетъ, что во всѣхъ бѣдствіяхъ, какимъ подверглись фокейцы и беотійцы, виновна только безчестная продажность Эсхина и другихъ людей македонской партіи; за это теперь Эсхинъ имѣетъ землю въ Беотіи и называется другомъ Филиппа и Александра; на дѣлѣ онъ былъ только наемнымъ прислужникомъ ихъ. Доказывая справедливость словъ Ктезифонта, что «Демосѳенъ постоянно приносилъ народу пользу словомъ и дѣломъ», онъ напоминаетъ слушателямъ о своей борьбѣ противъ Филиппа, во время осады Олинѳа, Перинѳа и Византіи, о томъ, какъ по взятіи Византіи онъ продолжалъ защищать честь отечества до пораженія при Херонеѣ. «Каждый человѣкъ умираетъ», говоритъ Демосѳенъ, «умираетъ и тотъ, кто прячется отъ всякаго участія въ дѣлахъ родины; но честные люди обязаны мужественно держать себя, какъ требуетъ гражданская доблесть, и твердо выносить судьбу, какой подвергнетъ ихъ воля божества»; онъ напоминаетъ выгоды, какія доставилъ народу его законъ о тріэрархіяхъ, установившій справедливое распредѣленіе повинности по снаряженію кораблей справедливымъ образомъ, между тѣмъ какъ прежде богатые почти вовсе не несли этихъ расходовъ (II, 861 и 924). Опровергнувъ возраженія Эсхина, относившіяся къ тому, что предложеніе Ктезифонта было сдѣлано раньше отдачи Демосѳеномъ отчета, и къ тому, что обычай воспрещаетъ давать награды въ театрѣ, а не на Пниксѣ, Демосѳенъ переходитъ къ опроверженію клеветы Эсхина. Онъ яркими красками изображаетъ пошлую обстановку, въ которой выросъ Эсхинъ, низкія правила этого человѣка, продавшагося врагамъ родины; противопоставляетъ гибельнымъ его дѣйствіямъ, возбудившимъ Амфиктіоновъ къ объявленію войны Амфиссѣ, свою дѣятельность по занятіи Элатеи Филиппомъ; говоритъ, что хотя Филиппъ и побѣдилъ, но полилика, принятая аѳинянами по совѣту его (Демосѳена), принесла честь имъ, а Эсхинъ изъ бѣдствія грековъ извлекъ себѣ почести и богатство; онъ называетъ аѳинскихъ приверженцевъ Македоніи низкими льстецами, безсовѣстными людьми, продавшими свободу родины, сначала Филиппу, потомъ Александру, ставящими свое благо въ удовлетвореніи страсти къ пошлымъ наслажденіямъ, погубившими свободу, потоптавшими высшее благо предковъ,—то, что аѳинскій народъ не былъ подвластенъ царямъ. Онъ обращаетъ на самого Эсхина обвиненіе въ продажности, которому подвергалъ его этотъ клеветникъ. «Ты спрашиваешь меня, Эсхинъ, за какія услуги родинѣ считаю я себя достойнымъ награды? На это я скажу тебѣ, что между тѣмъ какъ вліятельнѣйшіе государственные люди Греціи, начиная съ тебя, продавались Филиппу, потомъ Александру, ни любезности, ни огромныя обѣщанія, ни надежда, ни страхъ, никакіе другіе соблазны и опасности не могли отклонить меня отъ того, что считалъ я справедливымъ и полезнымъ для родины; скажу тебѣ, что я никогда не взвѣшивалъ, какъ вы, на какой сторонѣ будетъ для меня выгода, не склонялся на ту сторону, на которой былъ перевѣсъ личной пользы, давалъ мои совѣты народу по прямому, справедливому, неподкупному убѣжденію и, руководя важнѣйшими государственными дѣлами, всегда шелъ путемъ честнаго убѣжденія: за это я считаю себя достойнымъ награды. Съ самаго начала я избралъ въ моей политической жизни прямую правую дорогу служенія чести, могуществу и славѣ родины, рѣшилъ жить для блага отечества». Такимъ образомъ цѣлью рѣчи о вѣнкѣ было не одно только то, чтобы изобличить коварство Эсхина, доказать, что онъ и его политическіе друзья—измѣнники, продавшіеся иноземцу на пагубу отечества; доказывая это, Демосѳенъ съ тѣмъ вмѣстѣ оправдывалъ свою политическую дѣятельность, укрѣплялъ въ своихъ согражданахъ убѣжденіе, что, принося жертвы дѣлу свободы Греціи, они исполняли обязанность чести; Демосѳенъ воздавалъ патріотизму ту славу, какой заслуживаетъ это чувство. Рѣчь о вѣнкѣ—послѣдняя изъ дошедшихъ до насъ рѣчей Демосѳена, она—завѣщаніе его, прекраснѣйшій памятникъ ему.

Отношенія Аѳинъ къ Александру.

Мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, какъ шла историческая жизнь Греціи въ слѣдующія шесть лѣтъ. Великія событія, происходившія на востокѣ, вѣроятно, отвлекали вниманіе историковъ отъ мелкихъ

дѣлъ греческихъ государствъ, отъ борьбы партій въ нихъ. Но по возвращеніи Александра изъ Индіи произошло нѣсколько фактовъ, разстроившихъ прежнее согласіе между Аѳинами и Македоніей. Гарпалъ, похитившій деньги изъ казны Александра, нашелъ себѣ пріютъ въ Аѳинахъ (стр. 231 и слѣд.); когда было сдѣлано въ народномъ собраніи предложеніе воздавать Александру божескія почести, многіе ораторы говорили вещи непріятныя Александру, и старикъ Ликургъ сказалъ: «хорошъ былъ бы этотъ богъ, служа которому надобно было бъ очищаться отъ оскверненія не тогда, когда входишь въ храмъ, а когда выходишь изъ него». Конечно, это должно было раздражать Александра, гордившагося своими побѣдами; а въ аѳинянахъ было возбуждено неудовольствіе его вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла греческихъ государствъ, его требованіемъ, чтобы греки дозволили возвратиться изгнанникамъ (стр. 231 и слѣд.). Быть можетъ еще при жизни Александра дѣло дошло бы до войны между Аѳинами и Македоніею, если бы въ Аѳинахъ не восторжествовали тогда враги Демосѳена, если бы по дѣлу о Гарпалѣ къ нимъ не присоединились прежніе политическіе друзья его и если бъ эта коалиція не принудила оратора бѣжать изъ Аѳинъ.

Процессъ о подкупахъ Гарпала. 324.

По предложенію Демосѳена, аѳиняне, какъ мы видѣли (стр. 232), рѣшили арестовать Гарпала, положить въ казначейство при храмѣ Паллады привезенныя имъ деньги и хранить ихъ тамъ, для возвращенія Александру. Но скоро Гарпалу удалось, при содѣйствіи подкупленныхъ имъ людей, бѣжать изъ-подъ стражи; онъ уѣхалъ въ Критъ и черезъ нѣсколько времени тамъ убилъ его спартанецъ Ѳимбронъ. Его деньги, хранившіяся въ аѳинскомъ казначействѣ, оказались составляющими только 350 талантовъ; между тѣмъ какъ самъ онъ говорилъ, что привезъ въ Аѳины 700 талантовъ. Это произвело въ Аѳинахъ большой шумъ; возникло всеобщее убѣжденіе, что часть денегъ онъ успѣлъ употребить на подкупы; Демосѳенъ, желая разъяснить дѣло, предложилъ, чтобъ Ареопагу было поручено произвесть слѣдствіе и сообщить народному собранію, были ли произведены подкупы, и если были, то какіе граждане были подкуплены. Ареопагъ тянулъ слѣдствіе полгода и наконецъ представилъ списокъ гражданъ, противъ которыхъ существуютъ сильныя подозрѣнія, что они были подкуплены Гарпаломъ; Ареопагъ отмѣчалъ и суммы, какія получили они; но это былъ простой списокъ именъ и цифръ безъ всякихъ разъясненій того, на чемъ основаны подозрѣнія. Рядомъ съ Филокломъ, Демадомъ, Аристогитономъ находился въ этомъ спискѣ и Демосѳенъ; онъ, по увѣренію Ареопага, получилъ отъ Гарпала 20 талантовъ.

Демосѳенъ преданъ суду и объявленъ виновнымъ.

Народное собраніе назначило коммиссію изъ десяти лицъ, для веденія процесса противъ обвиненныхъ. Въ числѣ десяти обвинителей находились Гиперидъ, Пиѳей и Стратоклъ. Главной цѣлью всего этого дѣла было повредить Демосѳену, противъ котораго македонская партія соединилась съ его прежними политическими друзьями. Приверженцы Македоніи желали угодить Александру, гнѣвъ котораго Демосѳенъ навлекъ на Аѳины тѣмъ, что помѣшалъ выдачѣ Гарпала, а потомъ не могъ предотвратить его бѣгства изъ-подъ ареста. Прежніе политическіе друзья Демосѳена говорили, что онъ перешелъ на сторону македонянъ, потому что онъ совѣтовалъ признать Александра заслужившимъ божескихъ почестей и часто видѣлся на олимпійскомъ праздникѣ съ македонскимъ посланникомъ, который привезъ повелѣніе Александра возвратить изгнанниковъ. Пиѳей, сынъ мельника, человѣкъ недостаточнаго образованія, но умѣвшій говорить рѣзко въ простонародномъ вкусѣ, выступилъ обвинителемъ противъ Демосѳена; кромѣ Пиѳея говорили противъ Демосѳена Стратоклъ, какой-то

неизвѣстный гражданинъ, для котораго коринѳянинъ Динархъ написалъ рѣчь дошедшую до насъ (II, 775), и наконецъ прежній политическій другъ Демосѳена, Гиперидъ, отъ рѣчи котораго дошли до насъ нѣкоторые отрывки. Говорятъ, что Гиперидъ выразился объ этой своей рѣчи: «мои слова горьки, но они не куплены». О томъ, виновенъ или нѣтъ былъ Демосѳенъ, неодинаково судятъ древніе историки, неодинаково судятъ и новые. Нибуръ, Гротъ и Шеферъ считаютъ обвиненіе клеветою завистниковъ и враговъ Демосѳена. Образъ дѣйствія Ареопага не возбуждаетъ довѣрія къ себѣ: онъ долго медлилъ, наконецъ высказалъ обвиненіе, не приводя никакихъ основаній для своихъ подозрѣній,—это не похоже на добросовѣстное, безпристрастное веденіе слѣдствія; и въ самомъ процессѣ обвинители не приводили никакихъ положительныхъ уликъ, замѣняли ихъ неопредѣленными подозрѣніями и пошлыми ругательствами (особенно такова рѣчь Динарха); потому, вѣроятно, слѣдуетъ думать, что обвиненіе было клеветой. У позднѣйшихъ греческихъ историковъ разсказываются подробности о подкупѣ Демосѳена Гарпаломъ, но это безъ сомнѣнія вымыслы: во первыхъ, характеръ этихъ подробностей чисто анекдотическій, а во вторыхъ, обвинители не высказываютъ ничего подобнаго. Но судьямъ не нужно было доказательствъ; они признали виновнымъ государственнаго человѣка, рѣчи котораго такъ часто одушевляли народъ; онъ былъ осужденъ заплатить 50 талантовъ штрафа; не могъ взнести такой огромной суммы и былъ посаженъ въ темницу. Ему скоро удалось бѣжать и слѣдующіе годы онъ жилъ на Эгинѣ и въ Трезенѣ, глубоко огорченный неблагодарностью своихъ согражданъ. Однажды онъ сказалъ своимъ молодымъ друзьямъ, что если бы зналъ, сколько горя приноситъ политическая дѣятельность, сколько заботъ, зависти, клеветъ ожидаютъ государственнаго человѣка, то скорѣе умеръ бы, чѣмъ рѣшился бъ избрать себѣ эту карьеру. Стратегъ Филоклъ, не смотря на свои заслуги, тоже былъ объявленъ подкупленнымъ измѣнникомъ и осужденъ на изгнаніе за то, что допустилъ Гарпала выйдти на берегъ въ Пиреѣ, которымъ тогда командовалъ. Но съ Демадомъ поступили снисходительно, вѣроятно, потому, что онъ пользовался покровительствомъ Александра; а пошлый интригантъ Аристогитонъ отдѣлался незначительнымъ штрафомъ.

Такой исходъ процесса о подкупахъ Гарпала доставилъ приверженцамъ Македоніи полное владычество въ Аѳинахъ. Были устроены великолѣпныя торжества въ честь Александра, какъ бога, и въ честь Гефестіона, какъ героя. Пиѳей, ставшій изъ-за денегъ приверженцемъ Македоніи, обогатился и роскошничалъ. Клевета не пощадила даже умершаго Ликурга: онъ былъ обвиненъ въ похищеніи государственныхъ денегъ, и его сыновья были отведены въ темницу; Гиперидъ убѣдилъ народъ освободить ихъ: «Что скажутъ люди, которые будутъ проходить мимо гробницы Ликурга?» говорилъ онъ судьямъ: «Они скажутъ: этотъ человѣкъ жилъ честно и, управляя государственными финансами, построилъ театръ, Одеонъ, верфи, тріэры; а нашъ городъ оскорбилъ его честь и бросилъ въ темницу его дѣтей». Эти слова подѣйствовали: дѣти Ликурга были освобождены, и клевета на него умолкла.

2. Ламійская война и смерть Демосѳена.

Военный энтузіазмъ аѳинянъ. 323.

Демосѳенъ не долго оставался въ изгнаніи. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по его осужденіи, пришло извѣстіе о смерти Александра. Греки сначала не вѣрили, потому что нѣсколько разъ были обманы-

ваемы подобными слухами. «Александръ не умеръ!» воскликнулъ Демадъ: «Еслибъ онъ умеръ, то по всему свѣту распространился бы запахъ трупа». Но когда достовѣрность извѣстія стала несомнѣнна, аѳинянами овладѣло воинственное настроеніе: они хотѣли освободиться отъ македонскаго ига. Хотѣли этого и другіе греки. Волненіе вспыхнуло прежде всего въ Малой Азіи: Эфесъ, Родосъ и Хіосъ прогнали македонскіе гарнизоны и возстановили у себя прежнее правленіе. Въ Аѳинахъ воинственный шумъ поднялся еще громче. Гиперидъ, оставшійся, по удаленіи Демосѳена, главнымъ ораторомъ патріотической партіи, говорилъ, что война не избѣжна, что вопросъ идетъ только о томъ, примутъ ли въ ней участіе аѳиняне; если примутъ, то пріобрѣтутъ славу, а если будутъ бездѣйственно смотрѣть на войну, то постыдятъ имя Аѳинъ; медлить долѣе было бы трусостью, разсудокъ велитъ дѣйствовать, и боги помогаютъ храбрымъ. Приверженцы Македоніи, богатые граждане, и безусловные друзья мира, напрасно старались ослабить дѣйствіе такихъ рѣчей и удержать аѳинянъ отъ опрометчиваго рѣшенія; гордости народа льстила мысль, что аѳиняне должны показать всѣмъ грекамъ примѣръ патріотизма, руководить войною за свободу. Фокіонъ насмѣхался надъ воинственнымъ настроеніемъ, прочности котораго не вѣрилъ; на вопросъ Гиперида, когда же онъ посовѣтуетъ аѳинянамъ взяться за оружіе, онъ отвѣчалъ: «Когда увижу, что молодые граждане охотно идутъ въ походъ; богатые платятъ военные налоги, правители не расхищаютъ государственныхъ денегъ»; онъ сравнивалъ съ кипарисами рѣчи Леосѳена, храбраго и опытнаго аѳинскаго полководца, пользовавшагося уваженіемъ народа и поддерживавшаго теперь совѣты Гиперида: кипарисы ростутъ высоко, но не приносятъ плодовъ, говорилъ Фокіонъ.

Аѳиняне рѣшаютъ начать войну.

Партія войны восторжествовала. Правда, разсудительнѣе было бы послушаться благоразумныхъ предостереженій Фокіона и подождать, какъ пойдутъ дѣла въ Македоніи, какъ будетъ поступать войско Александра, «громадное тѣло циклопа, лишившееся своего глаза»; но воинственное воодушевленіе народа, стремящагося освободиться, не всегда повинуется правиламъ благоразумія; а вожди партіи войны надѣялись на мужество гражданъ, на готовность ихъ къ жертвамъ, на прекрасное состояніе аѳинскаго флота, запасы оружія и денегъ, на единодушіе Греціи, всѣ государства которой волновались, на военные таланты Леосѳена, который уже собралъ на Тенарѣ войско, состоявшее изъ 8000 греческихъ наемниковъ. Такимъ образомъ аѳиняне рѣшили начать войну противъ Македоніи для возстановленія свободы Греціи и пригласить всѣ греческія государства присоединиться къ нимъ; они говорили, что какъ во время персидскихъ войнъ, такъ и теперь граждане Аѳинъ должны показать примѣръ готовности жертвовать имуществомъ и жизнью для спасенія Греціи. Это былъ послѣдній порывъ патріотическаго энтузіазма одряхлѣвшей Греціи,

послѣдняя борьба ея за національную независимость и свободныя учрежденія. Правда, Спарта, Коринѳъ, Аркадія, Беотія и нѣкоторыя другія государства не приняли участія въ войнѣ за свободу, одни по безсилію, другіе по эгоистическому разсчету, или по зависти къ Аѳинамъ; но число государствъ, присоединившихся къ аѳинянамъ, было такъ велико, что со времени персидскихъ войнъ греки не выводили въ поле такого многочисленнаго войска. И какъ бы желая опровергнуть дѣломъ насмѣшки противника войны, Фокіона, показать всему міру, что мужество еще не умерло въ аѳинскихъ гражданахъ, народное собраніе постановило, что всѣ аѳиняне до 40 лѣтняго возраста должны поступить въ войско, что три филы останутся на защиту Аттики, остальныя семь филъ должны быть готовы къ выступленію въ походъ. Было снаряжено болѣе 200 военныхъ кораблей, были набраны въ службу наемники, было рѣшено обратить на военные расходы хранящіяся въ Акрополѣ деньги Гарпала. Такимъ образомъ коринѳскій союзъ рушился; онъ долженъ былъ замѣниться союзомъ для борьбы за свободу подъ гегемоніею Аѳинъ. Вліяніе македонской партіи въ Аѳинахъ пало. Пиѳей былъ подвергнутъ суду и бѣжалъ изъ темницы къ Антипатру, который, давъ ему въ товарищи кривого интриганта, Каллимедонта, прозваннаго ракомъ, послалъ его въ Пелопоннесъ дѣйствовать тамъ въ пользу Македоніи. Демадъ былъ нѣсколько разъ осужденъ за противозаконныя предложенія и наконецъ — лишенъ политическихъ правъ. Даже Аристотель увидѣлъ, что ему грозитъ опасность быть обвиненнымъ въ атеизмѣ и нашелъ надобнымъ удалиться въ Халкиду (II, 741). Демосѳенъ по собственному влеченію присоединился къ аѳинскимъ посламъ, отправленнымъ въ Пелопоннесъ, и убѣждалъ пелопоннесскія государства вступить въ союзъ съ аѳинянами. Услышавъ объ этомъ, аѳинскій народъ пригласилъ его возвратиться въ отечество и за нимъ былъ посланъ въ Эгину военный корабль. Чтобы покончить съ формальной стороны дѣло о наложенномъ на него штрафѣ, ему поручили соорудить и украсить жертвенникъ Зевса-спасителя для торжественнаго служенія въ концѣ того года и выдали ему на это 50 талантовъ изъ государственной казны. Демосѳенъ пріѣхалъ въ Пирей съ такимъ же торжествомъ, какъ нѣкогда Алкивіадъ: на встрѣчу ему тоже вышли архонты, жрецы и граждане. Но разница была въ томъ, что совѣсть этого возвращающагося изгнанника была чиста. То былъ прекраснѣйшій день его жизни.

Демосѳенъ приглашенъ возвратиться въ Аѳины.

Война въ Ѳессаліи. 323.

Война приняла сначала благопріятный для грековъ оборотъ. Леосѳенъ съ наемнымъ войскомъ поплылъ изъ Тенара въ Этолію и пошелъ черезъ Среднюю Грецію съ присоединившимися къ нему этолянами, фокейцами и дорійцами въ Термопилы. Занявъ ихъ, онъ отрѣзалъ отъ Антипатра беотійцевъ, оставшихся союзниками македонянъ, и оттуда двинулся назадъ въ Беотію, въ которую съ другой

стороны вступило войско, состоявшее изъ аѳинскихъ гражданъ. Когда оба войска соединились, у Леосѳена было 30000 тяжело вооруженныхъ воиновъ. Онъ разбилъ при Платеѣ беотійцевъ и македонскій гарнизонъ Кадмеи, потомъ пошелъ опять на сѣверъ на встрѣчу македонскому войску. Разбивъ Антипатра при Гераклеѣ у горы Эты, Леосѳенъ вступилъ въ Ѳессалію. И греки, и македоняне очень усердно старались привлечь на свою сторону ѳессалійцевъ, потому что очень важно было имѣть содѣйствіе ихъ превосходной конницы. Ѳессалійцы приняли сторону грековъ, потому что также хотѣли освободиться отъ македонскаго ига. Одинъ изъ сильнѣйшихъ князей ѳессалійскихъ, Менонъ фарсальскій, привелъ свою конницу къ Леосѳену; его примѣръ увлекъ другихъ ѳессалійцевъ: всѣ они и ихъ сосѣди этейцы, фтіотійцы, малійцы и другія мелкія племена возстали противъ македонянъ и присоединились къ общему греческому дѣлу. У Антипатра

Ламійская война.

оставалось теперь только 13000 человѣкъ пѣхоты и 600 всадниковъ; онъ не могъ держаться въ открытомъ полѣ противъ враговъ, далеко превосходившихъ его численностью, и ушелъ въ укрѣпленный городъ Ламію (нынѣшній Зейтунъ) обороняться тамъ до прибытія войскъ изъ Азіи. Все зависѣло теперь отъ того, возьмутъ ли греки Ламію; потому эта послѣдняя война Греціи за свободу называется ламійской. Леосѳенъ хотѣлъ взять городъ приступомъ, но мѣстоположеніе Ламіи было удобно для обороны, македоняне были осторожны и защищались храбро; всѣ нападенія грековъ были отбиты; Леосѳенъ рѣшилъ ограничиться блокадою крѣпости, надѣясь голодомъ вынудить македонянъ сдаться. Дѣйствительно, македонское войско, отрѣзанное возстаніемъ ѳессалійцевъ и линіею греческихъ окоповъ отъ всякихъ сообщеній съ родиной и флотомъ, скоро стало терпѣть такой недостатокъ, что Антипатръ попросилъ мира; но Леосѳенъ требовалъ, чтобъ онъ сдался безъ всякихъ условій. Старикъ, одержавшій много побѣдъ, не могъ согласиться на такое униженіе, и блокада продолжалась. Черезъ нѣсколько времени дѣло получило новый оборотъ. Этоляне, составлявшіе значительную часть греческаго войска, ушли, сказавъ, что имъ необходимо вернуться на родину; ихъ было 7000 человѣкъ. Антипатръ сдѣлалъ вылазку, чтобы прорвать линію окоповъ, возведенныхъ кругомъ крѣпости; въ этой схваткѣ Леосѳенъ былъ тяжело раненъ ударомъ камня въ голову; черезъ три дня онъ умеръ. Смерть

Смерть Леосѳена.

искуснаго полководца отняла довѣріе къ своимъ силамъ у войска, созданнаго имъ. Аѳиняне были чрезвычайно опечалены. Невѣста Леосѳена, дочь ареопагита Демотіона, лишила себя жизни, чтобы не быть принужденной выйдти за другого жениха. На торжествѣ въ честь Леосѳена и другихъ убитыхъ гражданъ Гиперидъ, вмѣстѣ съ Леосѳеномъ склонявшій аѳинянъ къ войнѣ, сказалъ надгробную рѣчь, довольно большіе отрывки которой недавно найдены.

Надгробная рѣчь Гиперида.

Эта надгробная рѣчь Гиперида пользовалась въ древности очень большой славой. Давно былъ извѣстенъ отрывокъ ея, заключающій въ себѣ слова утѣшенія родственникамъ убитыхъ: «Павшіе на войнѣ пріобрѣли вмѣсто смертной старости славу, которая вѣчно останется юной, и полное блаженство. Тѣ изъ нихъ, которые умерли бездѣтными, будутъ имѣть безсмертными дѣтьми похвалы грековъ, а тѣ, которые имѣли дѣтей, оставили ихъ подъ покровительствомъ родины: она будетъ заботиться объ нихъ съ любовью. И если смерть прекращаетъ наше существованіе, то они теперь освобождены отъ болѣзней и всѣхъ бѣдствій человѣческой жизни, а если есть сознательная жизнь въ царствѣ умершихъ и есть тамъ божественная справедливость, какъ мы вѣримъ, то они, защищавшіе поруганную честь боговъ, пріобрѣли отъ божества высочайшее блаженство». Грустное сочувствіе возбуждаютъ въ насъ, говоритъ Шеферъ, слова Гиперида, озаряющія въ послѣдніе дни свободы Аѳинъ печаль о Леосѳенѣ отрадной надеждой на будущее. Рѣчь его не свободна отъ пышныхъ фразъ, отъ антитезъ, разсчитанныхъ на эффектъ, но она талантлива и жива, во многихъ мѣстахъ изящна, въ другихъ сильна.

Прибытіе и смерть Леонната.

Мѣсто Леосѳена занялъ Антифилъ, человѣкъ храбрый и даровитый, но не имѣвшій большой военной опытности, не пользовавшійся такимъ уваженіемъ, какое было необходимо для того, чтобы въ войскѣ могла удержаться строгая дисциплина. По удаленіи этолянъ, недоставало войска для охраненія всего круга окоповъ; пользуясь этимъ, Антипатръ разрушилъ часть ихъ и, тревожа осаждающихъ вылазками, удержался до той поры, какъ Леоннатъ, правитель Малой Фригіи сосѣдней съ Геллеспонтомъ, сталъ подходить съ большимъ войскомъ на помощь ему. Человѣкъ отважный, физически сильный, мастеръ въ военной гимнастикѣ, очень честолюбивый, Леоннатъ пошелъ на призывъ Антипатра не столько потому, что хотѣлъ быть послушенъ приказанію правителя Македоніи, сколько по разсчету занять первое мѣсто въ македонскомъ царствѣ; онъ тѣмъ больше могъ надѣяться захватить власть въ Македоніи, что сестра Александра Клеопатра, бывшая за мужемъ за царемъ Эпирскимъ, а теперь вдова, предлагала ему свою руку и престолъ. При извѣстіи о приближеніи Леонната, греческіе военачальники рѣшили снять осаду съ Ламіи, сжечь свой станъ и частоколъ окоповъ блокады, идти на встрѣчу Леоннату, дать ему битву до соединенія съ Антипатромъ. Не теряя времени, они исполнили это, и не подалеку на сѣверъ отъ Ламіи произошла жаркая битва, въ которой Леоннатъ, вѣрный товарищъ Александра на всѣхъ походахъ, былъ побѣжденъ ѳессалійскою конницею Менона и самъ былъ убитъ. Но эта побѣда не принесла грекамъ ничего, кромѣ

Силы Антипатра увеличиваются.

славы. Антипатръ соединился съ пѣхотою Леонната, не участвовавшей въ битвѣ, въ которой дралась только конница, и занявшей по смерти своего вождя крѣпкую позицію на горахъ между лѣсами; соединившись съ пѣхотою Леонната, Антипатръ ушелъ горными дорогами на низовье Пенея: онъ надѣялся соединиться тамъ съ конными отрядами и хотѣлъ призвать къ себѣ ветерановъ, которыхъ велъ изъ Азіи въ Македонію Кратеръ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ разсчитывалъ, затягивая войну, уменьшить силы противниковъ: онъ зналъ, что аѳинянамъ

трудно будетъ долго удержать въ своихъ рядахъ отряды союзниковъ, полагалъ, что нѣкоторыя государства отзовутъ свои войска; эта надежда была тѣмъ вѣрнѣе, что македонскій флотъ, владычествуя на морѣ, дѣлалъ въ разныхъ мѣстахъ высадки, наносившія много вреда прибрежнымъ жителямъ. Была сдѣлана высадка даже въ Аттику: Микіонъ съ сильнымъ отрядомъ македонянъ и наемниковъ вышелъ на берегъ у города Рамнунта и опустошилъ ту мѣстность, пока былъ прогнанъ Фокіономъ, посланнымъ на него съ отрядомъ аѳинскихъ гражданъ.

Битва при Краннонѣ 5 августа 322. (7-е Метагитніона въ 3-й годъ 114 олимпіады).

Скоро оказалось, что расчеты Антипатра были правильны: аѳинскіе союзники стали охладѣвать къ войнѣ; нѣкоторые отряды ихъ уходили изъ Ѳессаліи, какъ будто война уже кончена; оставшіеся держали себя неосторожно; приписывая слишкомъ много важности своимъ побѣдамъ, они стали пренебрегать силами Антипатра; возникли несогласія, мѣшавшія энергическому продолженію войны. Соединившись съ ветеранами и дождавшись другихъ подкрѣпленій, Антипатръ перешелъ отъ обороны къ наступленію; у него было теперь 40000 гоплитовъ, 3000 человѣкъ легковооруженной пѣхоты и 5000 конницы, а у Антифила только 25000 гоплитовъ и 3500 человѣкъ конницы. Но храбрый греческій военачальникъ не уклонялся отъ битвы. Она произошла на равнинѣ близъ Краннона, на югѣ отъ Пенея, въ день битвы при Херонеѣ. Ѳессалійская конница, стоявшая впереди пѣхоты, доказала и теперь свое боевое превосходство: послѣ жаркой схватки она опрокинула македонскую конницу и погналась за нею. Но умчалась далеко, греческая пѣхота лишилась ея помощи; фаланга, двинутая Антипатромъ на греческихъ гоплитовъ, оттѣснила ихъ напоромъ своей массы изъ ихъ позиціи. Они отступили однако въ стройномъ порядкѣ и заняли новую позицію на горахъ. Тамъ присоединилась къ нимъ конница, которая, возвратясь изъ погони на поле битвы, нашла его пустымъ. Число убитыхъ и раненыхъ было на обѣихъ сторонахъ не велико, и если бы греки остались единодушны, то равновѣсіе силъ легко могло бы быть возстановлено. Но въ войскѣ союзниковъ владычествовали нерѣшительность и раздоры. Антифилъ и Менонъ напрасно говорили, что должно энергически продолжать войну, призвать на подкрѣпленіе новыя силы; военачальники другихъ союзниковъ думали только о частныхъ интересахъ своихъ государствъ, и на военномъ совѣтѣ было рѣшено предложить Антипатру миръ отъ имени греческаго союза. Но расчетливый Антипатръ отказался вступить въ переговоры съ греческимъ союзомъ; онъ отвѣчалъ, что каждое государство должно вести переговоры съ нимъ отдѣльно. Чтобъ увеличить раздоры между греками и запугать робкихъ, онъ быстро пошелъ впередъ и бралъ въ Ѳессаліи городъ за городомъ; союзное войско отступало дальше и дальше. Наконецъ былъ взятъ македонянами и Фарсалъ, городъ Менона, бывшій цент-

Союзники расходятся.

ромъ ѳессалійскаго возстанія. Извѣстіе объ этомъ ударѣ потрясло грековъ; союзное войско разошлось. Антипатръ отправилъ всюду пословъ, обѣщая пощаду тѣмъ государствамъ, которыя положатъ оружіе. Почти всѣ союзники аѳинянъ выразили покорность ему и передали управленіе своими дѣлами приверженцамъ Македоніи. Аѳиняне и этоляне остались одни противъ врага, далеко превосходившаго ихъ силами. Антипатръ быстро прошелъ чрезъ Термопилы въ Беотію, занялъ Кадмею и угрожалъ вторгнуться въ Аттику. Аѳиняне упали духомъ. Народное собраніе возвратило Демаду политическія права, просило его совѣта. Онъ предложилъ отправить къ Антипатру пословъ съ неограниченными полномочіями. Фокіонъ поддержалъ это предложеніе. Оно было принято.

Суровость Антипатра къ аѳинянамъ.

Антипатръ и Кратеръ гордо приняли въ Кадмеѣ аѳинскихъ пословъ, въ числѣ которыхъ находились Фокіонъ, Демадъ и Димитрій Фалерскій. Полководцы побѣдителей сидѣли на золотыхъ стульяхъ, одѣтые въ пурпуру, и потребовали, чтобы выданы были всѣ ораторы, возбуждавшіе къ войнѣ, въ особенности Демосѳенъ и Гиперидъ, и чтобы Аѳины сдались безъ всякихъ условій; они говорили, что сами аѳиняне во время осады Ламіи требовали отъ Антипатра безусловной сдачи. Послы не рѣшились собственною властью принять такое унизительное требованіе и вернулись въ Аѳины предоставить его на рѣшеніе народнаго собранія. Въ аѳинскомъ народѣ еще не совершенно умерло чувство чести; Демохаръ, племянникъ Демосѳена, подобно ему одушевленный патріотизмомъ, пришелъ въ народное собраніе, опоясанный мечомъ, и убѣждалъ народъ продолжать борьбу за свободу. Но собраніе приняло требованія побѣдителя и отправило къ Антипатру тѣхъ же пословъ, присоединивъ къ нимъ уважаемаго всѣми философа, Ксенократа, бывшаго тогда главою Академіи; они должны были объявить, что аѳинскій народъ покоряется. Демосѳенъ, Гиперидъ и другіе вожди патріотической партіи покинули родину. Аѳиняне надѣялись, что по просьбѣ Ксенократа, человѣка уважаемаго всѣми, суровыя требованія будутъ смягчены. Надежда была напрасна: Антипатръ принялъ Ксенократа съ грубымъ презрѣніемъ и рѣзко велѣлъ ему замолчать. Аѳины не были подвергнуты такой судьбѣ, какой подвергъ Александръ Ѳивы: Антипатръ не уничтожилъ аѳинскаго государства, но оставилъ ему существованіе на такихъ условіяхъ, которыя отнимали у него самостоятельность и уничтожали демократическое правленіе.

Тяжелыя условія мира.

У аѳинянъ былъ отнятъ пограничный городъ Оропъ; по приказанію царскаго двора, Самосъ былъ возвращенъ прежнимъ жителямъ; аѳинскіе поселенцы были прогнаны съ него; на Аѳины была наложена контрибуція. Въ аѳинской гавани Мунихіи былъ поставленъ македонскій гарнизонъ. Но еще печальнѣе для массы аѳинскаго народа было то, что участіе въ политическихъ правахъ было сдѣлано привилегіею гражданъ, имѣющихъ

собственность цѣною не менѣе 2000 драхмъ (около 485 руб.). У кого не было такого имущества, тотъ лишался всѣхъ политическихъ правъ, въ томъ числѣ и права на пособіе отъ государства въ случаѣ нищеты. Фокіонъ напрасно старался склонить Антипатра къ смягченію нѣкоторыхъ требованій; по внушенію злого интриганта Каллимедонта, Антипатръ не согласился сдѣлать никакихъ уступокъ, и аѳинскій народъ покорился всему. Только безстрашный Ксенократъ—не гражданинъ, а метекъ—съ негодованіемъ сказалъ, что условія мира хороши, если Антипатръ считаетъ аѳинянъ рабами, но жестоки, если онъ считаетъ ихъ свободными людьми.

Уничтоженіе демократическаго управленія.

Когда аѳинское народное собраніе рѣшило покориться необходимости, были приняты мѣры для исполненія суровыхъ приказаній Антипатра. Въ день праздника Великихъ Элевзинскихъ таинствъ македонскій гарнизонъ вступилъ въ Мунихію. Прежде это былъ день торжественной процессіи, шедшей въ Элевзинъ, день гордыхъ воспоминаній и радости; теперь это былъ день печали. Тринадцать лѣтъ тому назадъ тоже въ этотъ день были опечалены аѳиняне извѣстіемъ о паденіи Ѳивъ. — Подъ охраною македонскаго отряда новое правительство, составленное изъ олигарховъ и приверженцевъ Македоніи, стало исполнять другія условія мира. Это правительство, главными людьми въ которомъ были Демадъ и Фокіонъ, опредѣлило, кто изъ гражданъ удовлетворяетъ условію зажиточности, отъ которой зависятъ политическія права. Только 9.000 гражданъ сохранили ихъ. 12.000 гражданъ, оказавшихся неимѣющими состоянія въ 2.000 драхмъ, были лишены правъ гражданства; если они хотѣли оставаться на родинѣ, имъ предстояло влачить бѣдственную жизнь въ униженіи. Нѣкоторые изъ нихъ предпочли скитаться безпріютными въ другихъ областяхъ Греціи; многіе согласились переселиться во Ѳракію, гдѣ Антипатръ обѣщалъ дать имъ землю: небогатые люди были усерднѣйшими приверженцами демократіи, потому Антипатръ желалъ, чтобы они удалились изъ Аѳинъ. Бѣжавшіе воины военной партіи—Демосѳенъ, Гиперидъ, Аристоникъ и другіе были преданы суду, какъ виновники ссоры съ Македоніею; они не явились на судъ и были заочно осуждены на смерть; этотъ приговоръ отдавалъ ихъ на произволъ мщенія враговъ; Антипатръ и его агенты озаботились привести приговоръ въ исполненіе.

16 сентября (20 Боэдроміона).

Ораторы патріотической партіи осуждены на смерть и убиты.

Уроженецъ города Турій, Архій, бывшій прежде актеромъ и преподавателемъ риторики, а теперь названный „разыскивателемъ изгнанниковъ", взялъ отрядъ воиновъ, отправился въ Эгину, гдѣ искали себѣ убѣжища въ храмѣ Эака Гиперидъ, Аристоникъ, Гимерей (братъ Димитрія Фалерскаго) и другіе осужденные на смерть. Онъ силою вывелъ ихъ изъ храма и отправилъ въ Клеоны, гдѣ расположился станомъ Антипатръ. Всѣ они были тамъ преданы мучительной смерти. Гипериду, какъ говорятъ, отрѣзали языкъ, прежде чѣмъ убить его. Тѣла ихъ были оставлены безъ погребенія. Но тѣло Гиперида было тайнымъ образомъ сожжено уважавшими его память, и прахъ его былъ перенесенъ въ семейную гробницу.—Де-

(5 октября, 9 Піанепсіона на 322).

мосѳенъ, по пріѣздѣ на Эгину, отдѣлился отъ своихъ товарищей, уѣхалъ на островъ Калаврію, лежащій у берега Арголиды, и ушелъ въ знаменитый храмъ Посейдона, стоявшій на этомъ островѣ. Архій успѣлъ развѣдать, куда скрылся онъ, пріѣхалъ на Калаврію, окружилъ храмъ своими воинами и, не желая силою вывести Демосѳена изъ храма, считавшагося очень священнымъ, сталъ убѣждать его, чтобъ онъ добровольно отдался во власть Антипатра, который не сдѣлаетъ ему никакого вреда. Демосѳенъ отвѣчалъ: „Никогда не могъ ты растрогать меня, какъ актеръ; не тронешь меня и теперь своими обѣщаніями; я боюсь милости Антипатра больше, чѣмъ мученій и смерти; она могла бы заставить думать, что я былъ подкупленъ македонянами, продалъ имъ свободу Греціи. Счастье перешло на сторону врага, я не перейду; не покрою Аѳины стыдомъ, не откажусь отъ прекраснѣйшаго савана,—отъ свободы. Смерть—вѣрное прибѣжище; она охраняетъ отъ униженія". Сказавъ это, онъ вошелъ въ святилище храма, взялъ письменную досчечку, приложилъ стиль къ губамъ, какъ дѣлалъ это, когда обдумывалъ выраженія при письмѣ, и всосалъ ядъ, находившійся въ стилѣ. Потомъ онъ завернулся въ свою мантію и наклонилъ голову. Почувствовавъ, что ядъ начинаетъ дѣйствовать, онъ громко произнесъ, обращаясь къ Архію: „Теперь ты можешь сыграть роль Креона, выбросить мое тѣло и оставить его непогребеннымъ"; колеблющимися шагами онъ пошелъ къ жертвеннику, подошедши упалъ, вздохнулъ со стономъ и умеръ. Такъ скончался Демосѳенъ: ораторъ и человѣкъ дѣла, умеръ свободнымъ грекомъ, на 62 году жизни.

Смерть Демосѳена.

16 Піанепсіона 3 года, 114 Олимпіады. 12 октября 322.

Калаврійцы соорудили ему гробницу въ оградѣ храма. Послѣ, когда аѳиняне избавились отъ македонскаго ига, его прахъ былъ перенесенъ на родину, которую такъ горячо любилъ онъ; ему была поставлена бронзовая статуя на площади народныхъ собраній и было опредѣлено, что старшій изъ его потомковъ имѣетъ почетное право обѣдать въ Пританеѣ. Такая же почесть была оказана памяти вѣрнаго его сподвижника Ликурга.— Наказаніемъ Архію было всеобщее презрѣніе и греки видѣли справедливое воздаяніе судьбы въ томъ, что богатство, полученное имъ въ награду за убійства, не спасло его отъ нищеты. — На статуѣ Демосѳена была сдѣлана надпись: «Имѣй ты, Демосѳенъ, столько же силы, сколько мудрости, никогда македонскій мечъ не владычествовалъ бы надъ греками». Статуя изображала Демосѳена въ спокойной простой позѣ; на его высокомъ челѣ, въ тонкихъ чертахъ лица, добраго и серьезнаго, выражалась твердость характера великаго греческаго государственнаго человѣка и проницательность ума его.

Конецъ жизни Демосѳена совпадаетъ съ погибелью свободы и независимости Греціи. Какъ въ Аѳинахъ, такъ и въ другихъ греческихъ государствахъ, было установлено олигархическое управленіе; власть была передана зажиточному классу, желавшему тишины. Опираясь на македонскіе гарнизоны, поставленные въ акрополяхъ, олигархи подавляли желѣзною рукой всякое стремленіе къ свободѣ, изгоняли, бросали въ темницы, убивали демократовъ, опасныхъ для существующаго порядка; думая только о своихъ сословныхъ интересахъ, о личной безопасности и наслажденіи, а не о благѣ и чести отечества, они отвращались отъ мысли о національномъ единствѣ и самостоятельности; потому Греція все больше и больше подчинялась македонскому игу. Только этоляне, долго не принимавшіе участія въ политической жизни Греціи, выказали въ послѣднее время отважныя

Владычество аристократовъ въ Греціи.

Мужество Этолянъ. стремленія; они остались не испорчены изнѣженностью, ослабившею другихъ грековъ, и оборонялись въ своихъ горахъ отъ македонскихъ войскъ, далеко превосходившихъ численностью ихъ отряды; изгнанники изъ другихъ государствъ Греціи находили убѣжище у нихъ. Напрасно Антипатръ и Кратеръ опустошали ихъ землю, надѣясь, что раззореніе и голодъ принудятъ храбрыхъ горцевъ покориться. Почти всѣ ихъ города и селенія были завоеваны македонянами, но они продолжали держаться въ неприступныхъ горныхъ укрѣпленіяхъ и на высокихъ скалахъ. Многочисленность и искусство македонянъ одолѣли бъ ихъ, но междоусобія, начавшіяся въ Азіи, заставили Антипатра и Кратера обратить свои мысли на востокъ и заключить съ этолянами перемиріе, отложивъ до болѣе удобнаго времени мысль переселить ихъ изъ родныхъ горъ въ глубину Азіи. Но Антипатру и Кратеру не суждено было дожить до такой поры. Весна 321.

3. Смерть Пердикки и Антипатра. 321—319.

Честолюбивые планы Пердикки. Покоривъ Грецію, Антипатръ былъ на высотѣ могущества. Онъ совершенно вовлекъ въ свои интересы храбраго Кратера, оказывая ему почетъ и выдавъ за него свою красавицу дочь, Филу; самъ Пердикка нашелъ надобнымъ упрочить его расположеніе къ себѣ, и потому попросилъ руки другой его дочери, Никеи. Антипатръ согласился, но оба они были такъ властолюбивы, что, и сдѣлавшись родственниками, не могли остаться въ дружбѣ между собой. У Пердикки явилась новая честолюбивая мысль: онъ задумалъ жениться на вдовѣ, царицѣ Клеопатрѣ, чтобы, породнившись съ династіею македонскихъ царей, облегчить себѣ захватъ царской власти; онъ сталъ думать объ этомъ потому, что неожиданное дѣло ослабило его вліяніе на слабоумнаго Филиппа Арридея.

Кинана и Эвридика. Кинана, дочь Филиппа и дочери иллирійскаго царя, женщина горячаго характера, отважная до безразсудства, бывшая женою Аминта, убитаго Александромъ (II, 906), имѣла отъ него дочь Эвридику (или по другому имени Адею). Эта дѣвушка походила на мать красотою, гордостью, властолюбіемъ. Поссорившись съ Антипатромъ, Кинана вздумала привезти свою дочь къ царю Филиппу Арридею и женить его на ней. Взявъ небольшой отрядъ войска на Стримонѣ, она отправилась черезъ Геллеспонтъ въ Вавилонъ. Пердикка, послалъ войско остановить Кинану; но македоняне отказались сражаться съ дочерью Филиппа и шумно потребовали, чтобъ Эвридика была сдѣлана женою царя; Пердикка долженъ былъ уступить этому требованію, но передъ свадьбою Эвридики подослалъ убійцъ, избавившихъ его отъ ея матери.

Союзъ противъ Пердикки. Узнавъ, что Антипатръ дружески принялъ бѣжавшаго къ нему Антигона (стр. 247), Пердикка прогналъ отъ себя дочь Антипатра

Никею, на которой былъ женатъ, и вошелъ въ сношенія съ Олимпіадой и Клеопатрой. Но, прежде чѣмъ устроилась его женитьба на Клеопатрѣ, онъ былъ убитъ. Антипатръ, назначивъ своимъ намѣстникомъ въ Македоніи своего стараго друга, Полисперхона, и взявъ съ собою Кратера, повелъ въ Азію сильное войско, чтобы при помощи Птолемея, намѣстника египетскаго, возстановить власть Антигона надъ отнятой у этого полководца областью и обуздать властолюбіе Пердикки. Услышавъ, что Антипатръ и Кратеръ приближаются къ Геллеспонту, Пердикка рѣшилъ дѣйствовать противъ своихъ враговъ оружіемъ при помощи Эвмена, котораго назначилъ правителемъ всѣхъ областей Малой Азіи на сѣверѣ Тавра. Эвменъ разбилъ незахотѣвшаго повиноваться Пердиккѣ гордаго правителя Арменіи, Неоптолема, происходившаго изъ династіи Эакидовъ, овладѣлъ Арменіею и пошелъ противъ войска, шедшаго изъ Европы; а Пердикка въ это время двинулся въ Египетъ. Антипатръ и Кратеръ старались переманить на свою сторону Эвмена, храбрость и искусство котораго были страшны имъ; онъ отвѣчалъ, что скорѣе погибнетъ, чѣмъ измѣнитъ своему благодѣтелю, который теперь подвергается несправедливому нападенію. Неоптолемъ, бѣжавшій къ Кратеру, убѣдилъ его идти на Эвмена, говоря, что какъ только увидятъ его македонскіе воины Эвмена, то перейдутъ на его сторону. Войска сошлись въ Малой Азіи; произошла ожесточенная битва. Храбрый Кратеръ получилъ въ ней смертельную рану; Неоптолемъ въ отчаянной рукопашной схваткѣ съ болѣе сильнымъ противникомъ упалъ на землю и былъ убитъ. Эвменъ, получившій нѣсколько ранъ, плакалъ о Кратерѣ, своемъ прежнемъ сподвижникѣ, любимцѣ войска; и когда Кратеръ умеръ на его рукахъ, онъ сдѣлалъ ему великолѣпныя похороны и послалъ его прахъ роднымъ. Македонская фаланга, окруженная превосходною каппадокійскою конницей, положила оружіе подъ условіемъ, что ей будетъ позволено вернуться на родину; но, нарушивъ данное обѣщаніе, пошла въ Киликію къ Антипатру и Антигону. Туда направился и Эвменъ, думая соединиться съ Пердиккою; но прежде чѣмъ онъ дошелъ до ущелья, называвшагося сирійскими воротами, Пердикка уже погибъ.

Эвменъ побѣждаетъ Неоптолема и Кратера 321.

Іюнь 321.

Македонское войско неохотно пошло съ Пердиккою въ Египетъ, потому что очень многіе любили Птолемея за его храбрость и добрый, благородный характеръ. Нежеланіе сражаться съ Птолемеемъ выказалось уже въ Дамаскѣ: Пердикка созвалъ тамъ военный судъ и предложилъ объявить Птолемея виновнымъ въ неповиновеніи царю; судъ отвергъ это предложеніе, но Пердикка продолжалъ походъ черезъ Сирію къ Дельтѣ, надѣясь, что чувство военной чести и успѣшныя сраженія заглушатъ въ его войскѣ расположеніе къ Птолемею. Его надежда на успѣхъ не оправдалась. Болота Дельты, рукава Нила дѣлали движенія войска трудными; слоны и лошади очень страдали.

Походъ Пердикки въ Египетъ и смерть его. Лѣто 321 г.

Приступы къ Пелузію и къ другой крѣпости на восточномъ рукавѣ Нила были неудачны. Птолемей, храбрый и осмотрительный полководецъ, отражалъ всѣ нападенія. Пердикка хотѣлъ перейдти Нилъ противъ Мемфиса; тутъ на широкой рѣкѣ былъ островъ; Пердикка перевелъ на него войско въ бродъ; но воины растоптали дно, бродъ углубился отъ этого, многіе были уносимы водой и пришлось отказаться отъ попытки переправы; 2000 воиновъ утонули, или были пожраны крокодилами. Птолемей стоялъ съ войскомъ на другомъ берегу, но вмѣсто того, чтобы воспользоваться бѣдствіемъ враговъ для нападенія на нихъ, онъ заботливо спасалъ уносимыхъ водою. Послѣ этого войско Пердикки рѣшительно возмутилось; развитію неудовольствія содѣйствовало то, что оказался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ; при опасности погибнуть отъ голода, ропотъ перешелъ въ открытый бунтъ. Возстаніе вспыхнуло ночью; нѣкоторые изъ военачальниковъ, и впереди всѣхъ начальникъ конницы Селевкъ, ворвались въ шатеръ Пердикки; онъ храбро сопротивлялся и палъ покрытый ранами.

«Такъ погибъ Пердикка въ третій годъ своего регентства», говоритъ Дройзенъ: «великая мысль сохранить единство государства, ввѣреннаго его управленію, дѣлала бы его достойнымъ болѣе счастливой судьбы, еслибъ онъ былъ преданъ ей искренно и дѣйствовалъ разсудительно. Но онъ руководился эгоистическимъ намѣреніемъ, и успѣхи, въ началѣ пріобрѣтенные имъ, завлекли его въ несправедливые, коварные и деспотическіе поступки; это погубило его. Онъ не имѣлъ такихъ дарованій, какія были нужны для управленія громаднымъ государствомъ Александра; тотъ шагъ, которымъ онъ надѣялся достичь цѣли, сталъ его паденіемъ».

Передача регентства Антипатру. Осень 321.

Утромъ явился въ станъ Пердикки Птолемей; выказалъ почтительность къ обоимъ царямъ и къ царицѣ Эвридикѣ, которыхъ Пердикка взялъ съ собою въ походъ, ласково бесѣдовалъ съ военачальниками и прислалъ съѣстные припасы войску. Оно въ восторгѣ провозгласило его правителемъ государства; но онъ поблагодарилъ за эту честь и посовѣтовалъ назначить регентами двухъ второстепенныхъ военачальниковъ: Пиѳона, который первый подалъ примѣръ возстанія противъ Пердикки, и Арридея, сопровождавшаго въ Египетъ тѣло Александра. Предложеніе Птолемея было принято, Пиѳонъ и Арридей были назначены регентами. Сестра Пердикки, Аталанта, жена Аттала, начальника флота, была убита; былъ постановленъ смертный приговоръ противъ Эвмена и многихъ другихъ преданныхъ Пердиккѣ военачальниковъ. Пиѳонъ и Арридей повели свое войско въ Сирію на соединеніе съ Антипатромъ и Антигономъ. Когда войска собрались въ Трипарадизѣ (на истокахъ Оронта), произошли новые раздоры, произведенные интригами царицы Эвридики; была опасность, что фаланга вступитъ въ сраженіе съ конницею, начнутся грабежи и опустошенія; наконецъ управленіе государствомъ было поручено Анти-

патру, но власть его надъ правителями важнѣйшихъ областей была ограничена (Пиѳону и Арридею управленіе было поручено съ полномочіями, гораздо меньшими тѣхъ, какія принадлежали Пердиккѣ; на тѣхъ же условіяхъ оно было передано теперь Антипатру). Единство государства стало пустымъ призракомъ; правители областей начали считать себя полновластными господами ихъ.

Новое распредѣленіе намѣстничествъ въ Трипарадизѣ

Назначивъ Антипатра правителемъ государства, побѣдители распредѣлили между собою области и правительственныя должности, принадлежавшія Пердиккѣ и Эвмену. Селевкъ получилъ вавилонское намѣстничество, Антигону было поручено покорить области Малой Азіи, занятыя преданными Пердиккѣ военачальниками, Эвменомъ, Алкетомъ и Атталомъ, и исполнить надъ ними приговоръ войска; завоевавъ ихъ области, онъ долженъ былъ отдать геллеспонтскую Фригію Арридею, а Каппадокію — Никанору; для этой войны была ему дана часть войска, признававшаго власть новаго правителя. Антипатръ оставилъ за собою непосредственное управленіе Македоніею и Греціею и возвратился въ Европу, взявъ съ собою царя Филиппа Арридея и его жену Эвридику, царя Александра, которому тогда было два съ половиною года, и его мать Роксану, часть войска и боевыхъ слоновъ. На должность начальника конницы (хиліарха), отъ которой отказался Селевкъ, Антипатръ назначилъ своего сына, Кассандра, высомѣрнаго и горячаго человѣка; Кассандръ остался въ Азіи при Антигонѣ и скоро поссорился съ нимъ.

Походы Антигона. 1. Противъ Эвмена 320.

При всей храбрости Антигона, ему едва ли удалось бы побѣдить партію Пердикки, если бы не произошло въ ней распаденіе: Алкетъ, братъ Пердикки, и Атталъ, мужъ его сестры, отдѣлились отъ Эвмена, считая унизительнымъ для македонскихъ военачальниковъ подчиняться греку. Они пошли въ горы южнаго прибрежья Малой Азіи. Антигонъ получилъ черезъ это возможность тѣснить Эвмена, принудилъ его отступить въ глубину Малой Азіи, завелъ интриги въ его войскѣ, оно поколебалось въ своей вѣрности; Эвменъ далъ битву; 8.000 человѣкъ изъ его воиновъ было убито въ ней, Антигонъ овладѣлъ его станомъ; послѣ этого сраженія Эвменъ не могъ продолжать дѣйствій въ открытомъ полѣ, распустилъ свое войско и съ нѣсколькими сотнями надежныхъ воиновъ ушелъ въ крѣпость Нору, стоявшую на крутой скалѣ между Иконіемъ и Мазакою. Стѣны Норы были толсты; она была снабжена запасами хлѣба и соли на нѣсколько лѣтъ, имѣла достаточно воды; одолѣть ее было трудно. Антигонъ пытался склонить Эвмена на свою сторону, имѣлъ личное свиданіе съ нимъ, но Эвменъ не согласился отступиться отъ защиты дѣла царской династіи и не довѣрялъ преданности ей Антигона. Антигонъ оставилъ часть войска держать Нору въ блокадѣ, а самъ съ главными силами пошелъ на югъ противъ другихъ полководцевъ партіи Пердикки, отдѣлившихся отъ Эвмена и нашедшихъ поддержку у храбрыхъ писидійцевъ. Онъ напалъ на нихъ неожиданно у Кретополя (иначе Созо-

2. Противъ Аттала, Алкета и пр. поля), разбилъ ихъ, взялъ въ плѣнъ Аттала, Полемона, Докима, нѣсколько другихъ военачальниковъ. Алкетъ успѣлъ бѣжать въ Термессъ, но черезъ нѣсколько времени погибъ отъ измѣны; съ нимъ прекратился гордый родъ царей Орестиды, къ которому принадлежалъ Пердикка. Антигонъ былъ теперь могущественнѣйшимъ человѣкомъ въ Азіи; вскорѣ умеръ восьмидесятилѣтній старикъ Антипатръ, передъ смертью велѣвшій убить безсовѣстнаго интриганта Демада. По смерти Антипатра, судьба царства Александрова находилась въ рукахъ Антигона.

Въ началѣ 319 г.

Смерть Демада.

По окончаніи ламійской войны, Демадъ пользовался большою силою въ Аѳинахъ; граждане были гораздо болѣе расположены къ нему, чѣмъ къ суровому Фокіону. Они послали его въ Пеллу, просить Антигона о томъ, чтобы македонскій гарнизонъ былъ выведенъ изъ Мунихіи. Они уже нѣсколько разъ просили объ этомъ, но безуспѣшно. Осторожный Фокіонъ отказался ѣхать въ Пеллу съ этимъ порученіемъ; Демадъ поѣхалъ и сталъ говорить Антигону твердымъ тономъ, напоминая ему о прежнемъ обѣщаніи вывести гарнизонъ изъ Мунихіи. Антигонъ уже и прежде сердился на Демада, потому что въ бумагахъ Пердикки были найдены его письма, въ которыхъ онъ выражалъ желаніе, чтобы Пердикка освободилъ Грецію отъ „старой гнилой нитки“, которою она связана, — т. е. отъ Антипатра. Въ услугахъ Демада Антипатру теперь не было надобности, и раздраженный его рѣзкими словами онъ, не обращая вниманія на его санъ посла, велѣлъ схватить и казнить его, вмѣстѣ съ нимъ и его сына. Приказаніе было исполнено свирѣпымъ образомъ. Сначала убили передъ глазами Демада его сына, потомъ и его. Продажный человѣкъ, слуга македонянъ, Демадъ жертвовалъ и собственною честью и благомъ родины для пріобрѣтенія денегъ, почестей и наслажденій. Но его казнь была несправедливостью со стороны Антипатра, пользовавшагося легкомысліемъ и алчностью этого измѣнника.

4. Союзъ Кассандра съ Антигономъ и Птолемеемъ.

Союзъ Кассандра съ Антигономъ и Птолемеемъ.

Умирая, Антипатръ назначилъ на свое мѣсто правителемъ государства старика Полисперхона, который вмѣстѣ съ Кратеромъ привелъ въ Македонію ветерановъ, уволенныхъ отъ службы Александромъ. Сынъ Антипатра Кассандръ долженъ былъ, по распоряженію отца, оставаться начальникомъ конницы (холіархомъ). Онъ не хотѣлъ довольствоваться этой второстепенной должностью; человѣкъ высокомѣрный, онъ надѣялся занять мѣсто отца. Онъ удалился отъ дѣлъ, показывая видъ, будто опечаленъ отцовской смертью, а между тѣмъ послалъ въ Грецію и Азію агентовъ, интриговать въ его пользу противъ Полисперхона. Онъ вошелъ въ сношенія съ олигархами, господствовавшими въ греческихъ государствахъ, доставилъ своему приверженцу Никанору начальство надъ гарнизономъ, стоявшимъ въ Мунихіи, возбуждалъ Антигона и Птолемея противъ Полисперхона, называя его расположеннымъ въ пользу Эвмена. Чтобы дѣйствовать сво-

боднѣе, онъ, воспользовавшись охотой на кабановъ, бѣжалъ изъ Македоніи въ Азію; вступилъ въ личные переговоры съ Антигономъ и Птолемеемъ и заключилъ союзъ съ этими могущественнѣйшими изъ полководцевъ Александра.

По условіямъ союза, Кассандръ долженъ былъ получить управленіе Македоніею и Греціею, Антигонъ—неограниченную власть въ Азіи, Птолемей получилъ право удержать за собою Сирію, которой ужь овладѣлъ. Для упроченія союза между Антигономъ и Кассандромъ было рѣшено выдать сестру Кассандра, вдову Кратера, Филу, за Димитрія сына Антигона.

Полисперхонъ принялъ мѣры обороны противъ полководцевъ, заключившихъ противъ него союзъ между собою: онъ вступилъ въ сношенія съ Олимпіадою, съ греческими демократами и съ Эвменомъ, который, окруженный непріятелемъ въ крѣпости Норѣ, всю зиму держался тамъ.

Полисперхонъ вступаетъ въ союзъ съ Эвменомъ и греческими демократами.

По смерти своего брата и зятя, молосскаго царя Александра (стр. 135); Олимпіада жила въ Эпирѣ; Полисперхонъ вызвалъ ее въ Македонію завѣдывать воспитаніемъ ея внука, Александра; отъ имени царей онъ объявилъ, что въ греческихъ государствахъ возстановляется демократическое правленіе, что всѣмъ изгнанникамъ, кромѣ убійцъ и виновниковъ въ оскорбленіи религіи, дозволяется воротиться на родину, и возстановляются ихъ гражданскія права; онъ возвратилъ аѳинянамъ Самосъ, послалъ войско и денегъ Эвмену, который ушелъ съ своимъ небольшимъ отрядомъ изъ Норы въ Киликію. На пути присоединилось къ нему много воиновъ. Теперь онъ могъ дѣйствовать по уполномоченію отъ законной власти. Онъ былъ вѣрнѣйшимъ защитникомъ царской династіи. Полисперхонъ, очень хорошій полководецъ, человѣкъ грубыхъ, простыхъ военныхъ нравовъ, любившій пировать съ товарищами по оружію и на пирахъ пускавшійся иногда плясать, при всемъ своемъ военномъ искусствѣ, не имѣлъ тѣхъ правительственныхъ талантовъ, какіе были бы нужны, чтобы поддержать единство распадавшагося государства.

Полисперхонъ назначилъ Эвмена намѣстникомъ Азіи. Македоняне были не расположены повиноваться греку, но тѣмъ не менѣе онъ съумѣлъ привлечь на свою сторону отрядъ конныхъ тѣлохранителей (агему гипаспистовъ, или, какъ теперь называлась она по своимъ серебрянымъ щитамъ, агему аргираспидовъ); повиновался ему и гордый начальникъ этого отряда Антигенъ. Онъ ставилъ среди стана великолѣпный царскій шатеръ Александра, какъ будто дѣлая обожаемаго македонянами героя начальникомъ войска, вѣрнаго его дѣтямъ. Въ этомъ шатрѣ собирался военный совѣтъ, и передъ началомъ своихъ совѣщаній полководцы совершали изъ золотыхъ чашъ возліяніе благовоній на жертвенникъ Александра, чтобы духъ его просвѣтлялъ и направлялъ ихъ мысли. Македонянамъ пріятно было вѣрить, что Александръ присутствуетъ въ ихъ станѣ, ходитъ по

Эвменъ становится могущественнымъ.

немъ въ ночной тишинѣ, ведетъ ихъ на побѣды. Эвменъ отдавалъ приказанія отъ имени Александра и царскаго семейства; этимъ онъ держалъ аргираспидовъ въ повиновеніи; сокровища, ввѣренныя ихъ охранѣ, онъ употреблялъ на увеличеніе своего войска. Всѣ попытки Антигона и Птолемея склонить воиновъ его къ мятежу оставались напрасны. Благодаря своему мужеству и военному искусству, онъ успѣшно боролся съ врагами; напрасно они старались отклонить его отъ вѣрности царскому роду; онъ отвергалъ ихъ предложенія съ непреклонной твердостью. Онъ хорошо понималъ, что его собственная судьба неразрывно связана съ судьбою дѣтей Александра.

---

1. Борьба партій въ Греціи. Смерть Фокіона.

Перемѣна въ положеніи греческихъ партій.

Союзъ Кассандра съ Антигономъ и Птолемеемъ произвелъ новыя войны и въ Европѣ и въ Азіи. Вся Греція была взволнована объявленіемъ Полисперхона, что греческіе города получаютъ право возвратить своихъ изгнанныхъ македонянами гражданъ, возстановить демократическое правленіе и приглашаются помогать царскому правительству въ его борьбѣ съ врагами. Демократы, столько лѣтъ страдавшіе отъ преслѣдованій олигарховъ, приверженцевъ Македоніи, жадно воспользовались возможностью отмстить своимъ врагамъ. Изгнанники и эмигранты тысячами возвращались въ родные города и подвергали гоненію аристократовъ, которымъ вручили власть Антипатръ и Кассандръ, и борьба съ которыми дозволялась теперь отъ имени царей, служила даже доказательствомъ преданности царямъ. Въ Аргосѣ и въ большей части другихъ греческихъ городовъ олигархическія правительства были низвергнуты, вожди олигархической партіи казнены или изгнаны, имущества ихъ конфискованы. Съ особеннымъ ожесточеніемъ вспыхнула борьба партій въ Аѳинахъ. Приверженцы мира и зажиточные граждане, вождемъ которыхъ былъ Фокіонъ, старались поддержать существующія учрежденія; демократическая партія, силы которой возросли съ возвращеніемъ изгнанниковъ и эмигрантовъ, требовала возстановленія прежняго свободнаго устройства.

Аѳинскія дѣла.

Пока македонскій гарнизонъ оставался въ Мунихіи, демократы не отваживались дѣйствовать силой. Борьба шла только въ народномъ собраніи; партіи старались отнять одна у другой большинство на выборахъ и при вотированіи законовъ. Демократы настойчиво требовали, чтобы македонскій гарнизонъ удалился изъ Мунихіи; но Никаноръ, начальникъ этого отряда, преданный Кассандру, хотѣлъ сохранить для него обладаніе крѣпостью, дававшею господство надъ Аѳинами; онъ старался выиграть время, обманывая аѳинянъ успокоительными обѣщаніями; онъ надѣялся, что скоро возвратится изъ Азіи Кассандръ, приведетъ войско на выручку ему. Фокіонъ, находившійся въ хорошихъ отношеніяхъ съ Никаноромъ и считавшій присутствіе македонскаго гарнизона въ Мунихіи необходимымъ для поддержанія спокойствія въ Аѳинахъ, не допускалъ нападенія на Мунихію, и говорилъ, что если Никаноръ обманетъ его довѣріе, то онъ лучше хочетъ терпѣть отъ несправедливости, чѣмъ самъ дѣлать ее. Но Плутархъ, передавая эти слова Фокіона, справедливо замѣчаетъ: такой образъ мыслей можно назвать благороднымъ и великодушнымъ, когда дѣло идетъ только о личныхъ интересахъ человѣка, высказывающаго подобныя правила; но кто подвергаетъ такимъ образомъ риску благо родины, о томъ я не знаю, не нарушаетъ ли онъ,—въ особенности, когда онъ военачальникъ и правитель—болѣе высокій и священный законъ справедливости, предписывающій охранять права своихъ согражданъ. — Въ сердцѣ Фокіона владычествовали симпатія къ македонянамъ и космополитизмъ.

Никаноръ занимаетъ Пирей.

Такимъ образомъ тянулись споры, и наконецъ однажды утромъ аѳиняне были поражены извѣстіемъ, что ночью Никаноръ захватилъ Пирей и заперъ входъ въ гавань. Городъ взволновался. Изумленіе, негодованіе, опасеніе измѣны сливались въ чувство раздраженія противъ иноземцевъ и согражданъ, враждебныхъ свободѣ; ожесточеніе народа было такъ сильно, что даже и приверженцы македонянъ нашли надобнымъ присоединиться къ массѣ, говорившей, что гарнизонъ долженъ удалиться. Фокіонъ во главѣ посольства отправился къ Никанору и потребовалъ, чтобъ онъ вывелъ своихъ воиновъ изъ Пирея, занять который не имѣлъ права. Никаноръ отвѣчалъ, что надобно спросить рѣшенія Кассандра, и остался въ Пиреѣ. Онъ не повиновался даже приказанію Олимпіады очистить Пирей. Аѳиняне стали просить Полисперхона, чтобъ онъ прислалъ войско на помощь имъ противъ Никанора. Осторожный старикъ долго колебался; наконецъ послалъ своего сына, Александра, съ отрядомъ войска въ Аттику принудить Никанора къ повиновенію; вслѣдъ за сыномъ хотѣлъ прійдти самъ онъ съ войскомъ болѣе многочисленнымъ. Сопровождаемый толпами бѣдныхъ гражданъ, которые были изгнаны изъ отечества, какъ не имѣющіе ценза, установленнаго Антипатромъ, отрядъ Александра вступилъ въ Аѳины.

Фокіонъ и другіе олигархи лишены должностей и преданы суду.

Демократическая партія, ободренная прибытіемъ Александра и подкрѣпленная возвратившимися изгнанниками, отставила отъ должностей Фокіона и другихъ олигарховъ, выбрала новыхъ правителей и стратеговъ изъ числа людей, пользовавшихся ея довѣріемъ и предала главныхъ олигарховъ суду, какъ измѣнниковъ отечеству. Трое изъ обвиненныхъ успѣли бѣжать; остальные, въ томъ числѣ Фокіонъ, Пиѳоклъ, Гегемонъ, просили защиты у Александра; онъ охотно принялъ ихъ подъ свое покровительство. Демократы обманулись въ своей надеждѣ, что дѣло будетъ скоро рѣшено

въ ихъ пользу. Они полагали, что Александръ призоветъ аѳинскихъ гражданъ взяться за оружіе и пойдетъ съ ними противъ Никанора; онъ вмѣсто того вступилъ съ Никаноромъ въ переговоры, надѣясь убѣдить его сдать Пирей, и желая самъ овладѣть этою важною гаванью. Никаноръ твердо отказался сдать ему Пирей. Александръ расположился станомъ передъ этой крѣпостью, но не нападалъ на Никанора; только объявилъ, что возстановляется независимость Аѳинъ, и волненіе въ городѣ съ каждымъ днемъ возростало.

Полисперхонъ вступаетъ въ Фокиду.

Съ наступленіемъ весны Полисперхонъ, взявъ съ собою царя Филиппа Арридея, пошелъ съ сильнымъ войскомъ въ Грецію, принудить олигарховъ къ исполненію декрета, обнародованнаго имъ отъ имени царей. Онъ медленно шелъ черезъ Ѳессалію въ Фокиду. Греки съ изумленіемъ смотрѣли на иноземныхъ воиновъ и на слоновъ, которыхъ велъ онъ. Онъ расположился станомъ у Фаригъ, близъ фокидскаго города Троніона. Туда отправился къ нему Фокіонъ съ своими политическими друзьями; Александръ далъ Фокіону рекомендательное письмо къ отцу; платеянинъ Солонъ и коринѳянинъ Динархъ, пользовавшіеся расположеніемъ Полисперхона, сопровождали Фокіона. Въ то же время аѳинскій народъ отправилъ къ Полисперхону посольство, главою котораго былъ Гагнонидъ; аѳинскіе послы обвиняли Фокіона и его друзей въ измѣнѣ, просили, чтобы въ Аѳинахъ было, сообразно декрету Полисперхона, возстановлено демократическое правленіе и возвращены были аѳинянамъ Пирей и Мунихія. Жалкое зрѣлище представляли вожди аѳинскихъ партій, обвинявшіе другъ друга передъ судомъ иноземца, возбуждавшіе насмѣшки слушателей своею перебранкою. Царь сидѣлъ подъ золотымъ балдахиномъ, подлѣ него Полисперхонъ, кругомъ стояли друзья Полисперхона и вельможи, съ любопытствомъ слушавшіе взаимныя обвиненія аѳинянъ. Послы аѳинскаго народа обвиняли Фокіона и его товарищей въ томъ, что они измѣннически отдали Пирей Никанору. Фокіонъ и Гегемонъ отвергали эти обвиненія, оправдывали свои дѣйствія; но Полисперхонъ грубо кричалъ на нихъ, и когда они кончили свои оправдательныя рѣчи, объявилъ, что они виноваты, но что рѣшеніе ихъ участи онъ предоставитъ аѳинскому народу. Велѣвъ заковать ихъ въ цѣпи, онъ отослалъ ихъ въ Аѳины.

Фокіонъ и его друзья обвинены въ измѣнѣ.

Въ началѣ мая македонянинъ Клитъ съ отрядомъ воиновъ привелъ Фокіона и его товарищей черезъ священныя ворота и Керамикъ въ театръ, куда было созвано народное собраніе для произнесенія приговора надъ ними. Большинство собранія, вѣроятно, составляли бѣдные граждане и возвратившіеся изгнанники, считавшіе Фокіона и его товарищей виновниками униженій и страданій, какимъ подвергались; говорятъ, что были въ собраніи гражданъ и люди, не имѣвшіе права участвовать въ немъ, иноземцы и рабы. Гагнонидъ повторилъ передъ собраніемъ обвиненіе Фокіона и его товарищей въ измѣнѣ и

Фокіонъ и его товарищи передъ судомъ народнаго собранія 318.

прочелъ письмо Полисперхона, сообщавшаго аѳинскому народу, что призналъ ихъ виновными. Фокіонъ сталъ говорить въ свою защиту; но при первыхъ же его словахъ поднялся такой крикъ, что его голоса нельзя было разслышать. Толпа кричала: «побить камнями олигарховъ, враговъ народа!». Нѣсколько разъ Фокіонъ пытался продолжать рѣчь въ свою защиту, но его не слушали; наконецъ онъ сказалъ: «Я признаю себя виновнымъ и готовъ подвергнуться смерти за мои политическія ошибки; но аѳиняне, хотите вы предать смерти этихъ людей, не виновныхъ ни въ чемъ?»—«За то, что они твои друзья!» закричалъ народъ въ отвѣтъ ему. Онъ закрылъ голову и лицо плащомъ и замолчалъ. Началась подача голосовъ; народъ шумно всталъ съ мѣстъ; на многихъ гражданахъ были надѣты вѣнки, будто это праздникъ для нихъ; почти единогласно были осуждены на смерть Фокіонъ, другіе обвиняемые, находившіеся тутъ, и тѣ, которые успѣли бѣжать. Нѣкоторые говорили, что осужденныхъ надобно не просто подвергнуть смерти, а усилить ихъ страданія истязаніями; народъ съ негодованіемъ отвергъ это.

Смерть осужденныхъ.

Фокіонъ и другіе осужденные: Никоклъ, Тудиппъ, Гегемонъ, Пиѳоклъ, были поведены въ темницу; толпа на пути преслѣдовала ихъ насмѣшками и бранью. Но всадники, совершавшіе тогда свой годичный праздникъ въ честь Зевса, были растроганы, увидѣвъ 85 лѣтняго старика Фокіона, съ обычнымъ спокойствіемъ идущаго впереди другихъ осужденныхъ, на лицѣ которыхъ выражалось отчаяніе; они стали въ два ряда передъ темницей, и въ знакъ печали сняли вѣнки съ головъ. Фокіонъ сохранилъ спокойствіе и въ темницѣ. На вопросъ, не велитъ ли онъ передать что нибудь отъ его имени сыну, онъ отвѣчалъ: «Скажите ему, что я прошу его не мстить аѳинянамъ за мою смерть». Сказавъ это, онъ выпилъ чашу яда, поданную ему; выпили ядъ и его товарищи. Ихъ тѣла были выброшены за границу аттической земли и оставлены безъ погребенія на съѣденіе птицамъ и собакамъ. Но жена Фокіона взяла тѣло мужа, и въ мегарской области сожгла его, по обычаю, на кострѣ, велѣла насыпать надгробный холмъ и, спрятавъ пепелъ мужа подъ своей одеждой, принесла его ночью въ Аѳины и похоронила у своего домашняго очага.— Такъ кончилъ жизнь честный, добродѣтельный гражданинъ, который всегда желалъ блага родинѣ и единственнымъ упрекомъ противъ котораго могло быть только одно: онъ дѣйствовалъ по убѣжденію, что время политическаго величія миновало для Аѳинъ, и аѳинскій народъ можетъ быть счастливъ, лишь терпѣливо подчиняясь власти македонянъ. Подобно Сократу, Фокіонъ былъ жертвою демократической реакціи; трагизмъ его погибели состоялъ въ томъ, что онъ былъ отданъ въ руки своихъ враговъ правителемъ того государства, которому такъ усердно служилъ всю жизнь.

Возстановленіе чести имени Фокіона.

Погребая пепелъ мужа, вѣрная жена Фокіона молилась богамъ, чтобъ этотъ пепелъ былъ перенесенъ въ семейную гробницу, когда аѳиняне раскаятся; это желаніе скоро исполнилось. Народъ поставилъ въ честь Фокіона бронзовую статую, и его прахъ былъ торжественно погребенъ на счетъ государства. А Гагнонидъ былъ осужденъ на смерть, и другіе два обвинителя Фокіона только бѣгствомъ спаслись тогда отъ смерти; но потомъ они были убиты сыномъ Фокіона.

Кассандръ занимаетъ Пирей.

Войско Полисперхона еще стояло въ Фокидѣ, когда приплылъ въ Пирей Кассандръ съ 35 тріэрами и 4000 воиновъ, данными ему Антигономъ. Полисперхонъ поспѣшно пошелъ прогнать его; но Кассандръ, поддерживаемый Никаноромъ, воротившимся въ Мунихію, оборонялся такъ искусно и успѣшно, что Полисперхонъ, сдѣлавъ нѣсколько неудачныхъ приступовъ, снялъ осаду по невозможности продовольствовать свое войско въ Аттикѣ и ушелъ въ Пелопоннесъ, оставивъ своего сына Александра съ небольшимъ отрядомъ, охранять Аѳины и Аттику отъ нападеній Кассандра.

Полисперхонъ осаждаетъ Мегалополь 317.

При появленіи Полисперхона въ Пелопоннесѣ, почти всѣ города возстали противъ аристократовъ, которымъ Антипатръ отдалъ владычество надъ ними. Переворотъ былъ кровавый: демократы мстили олигархамъ за преслѣдованія, которымъ подвергались отъ нихъ. Только Мегалополь захотѣлъ сохранить свои аристократическія учрежденія и отказался повиноваться Полисперхону, требовавшему изгнанія прежнихъ правителей.

Полисперхонъ осадилъ Мегалополь, билъ его стѣны таранами, подвозилъ къ стѣнамъ построенныя на колесахъ башни, водилъ слоновъ на приступъ, но всѣ его усилія остались напрасны. На помощь гражданамъ пришли въ Мегалополь поселяне; были приняты въ число воиновъ иностранцы и рабы; такимъ образомъ осажденный городъ имѣлъ 15000 человѣкъ войска. Защитою руководилъ Датидъ, даровитый и храбрый военачальникъ; осажденные мужественно и успѣшно отбивали всѣ приступы и наносили осаждающимъ большой уронъ. Слоны, поведенные на приступъ, попали въ прикрытыя землею ямы, въ которыя были положены доски съ гвоздями остріемъ вверхъ.

Кассандръ овладѣваетъ Греціею.

Потерявъ надежду взять Мегалополь и узнавъ, что македонскій флотъ разбитъ у Византіи Антигономъ, Полисперхонъ отступилъ въ Македонію, покинувъ грековъ на произволъ судьбы. Они стали устроивать свои дѣла сообразно обстоятельствамъ и перевѣсу той или другой партіи. Лишь немногіе города сохранили демократическое правленіе; почти повсюду снова захватили власть аристократы и вступили въ союзъ съ Кассандромъ. Аѳиняне тоже увидѣли невозможность продолжать сопротивленіе ему. Онъ овладѣлъ Эгиною и Саламиномъ; аѳиняне заключили съ нимъ договоръ, по которому аѳинское государство сохранило свою независимость и свои доходы, но политическія права были предоставлены только тѣмъ гражданамъ, которые владѣли имуществомъ не менѣе какъ въ 1000 драхмъ (около

250 рублей), а управленіе государствомъ было поручено человѣку, избранному гражданами и утвержденному Кассандромъ. Въ санъ правителя былъ избранъ Димитрій, уроженецъ аттическаго мѣстечка Фалера, ловкій человѣкъ мягкаго, привѣтливаго характера и большой учености, искусный ораторъ и хорошій писатель, другъ Фокіона. Когда приверженцы Македоніи подверглись гоненію въ Аѳинахъ, онъ успѣлъ бѣжать, а теперь былъ посредникомъ въ переговорахъ аѳинянъ съ Кассандромъ. Саламинъ, Мунихія и пограничная аттическая крѣпость Панактъ остались заняты войсками Кассандра. Скоро онъ сталъ владыкою и въ Средней Греціи и въ Пелопоннесѣ; вліяніе Полисперхона быстро ослабѣвало. Никаноръ, возбудившій своею гордостью и честолюбіемъ недовѣріе въ Кассандрѣ, былъ преданъ военному суду и казненъ.

Аѳины подъ управленіемъ Димитрія Фалерскаго 317—307.

Димитрій Фалерскій управлялъ Аѳинами какъ намѣстникъ Кассандра цѣлыя десять лѣтъ. Аѳиняне хвалили его управленіе, при которомъ возродилось ихъ благосостояніе, процвѣтали торговля и промышленность, и восхищалъ аѳинскую публику своими комедіями Менандръ (II, 589). Но въ борьбѣ съ демократами, онъ принималъ мѣры, подавлявшія патріотизмъ и свободу, порождавшія низкое раболѣпіе. Чтобы сдержать опрометчивость народнаго собранія въ изданіи новыхъ законовъ, онъ расширилъ власть того комитета, которому было поручено охраненіе существующихъ законовъ и члены котораго назывались nomophylakes (II, 545). Шпіоны Димитрія проникали въ дома, подслушивали разговоры въ семейномъ кругу. Но аѳиняне покорялись необходимости и, утративъ свободу, искали утѣшенія себѣ въ искусствахъ, праздникахъ, наслажденіяхъ.

---

2. Погибель македонской династіи.

Олимпіада и Эвридика въ Македоніи.

Захвативъ преобладаніе въ Греціи, Кассандръ пошелъ въ Македонію, гдѣ властолюбіе и мстительность Олимпіады произвели раздоръ. Эвменъ не совѣтовалъ Олимпіадѣ ѣхать въ Македонію, куда приглашалъ ее Полисперхонъ руководить воспитаніемъ ея внука, царя Александра. Нѣсколько времени она колебалась, наконецъ приняла приглашеніе и, въ сопровожденіи эпирскаго отряда, отправилась въ Македонію. Но едва перешла границу, она была встрѣчена у Лихнидскаго озера Эвридикою, которая вела войско противъ нея. Эвридика убѣдила своего слабоумнаго мужа Филиппа Арридея объявить Полисперхона лишеннымъ регентства и назначить регентомъ Кассандра. Она не хотѣла допустить возвращенія Олимпіады въ Македонію. Войска сошлись у Эвеи. Но македоняне войска Эвридики объявили, что не хотятъ сражаться противъ матери Александра и передались Олимпіадѣ. Филиппъ Арридей и его придворные были взяты въ плѣнъ;

Смерть Филиппа-Аррид ея и Эвридики.

Эвридика бѣжала, но была настигнута и арестована. Олимпіада была въ восторгѣ отъ того, что можетъ отмстить своимъ врагамъ. Ей припоминались всѣ обиды и гоненія, какія терпѣли она и ея приверженцы отъ Антипатра, Кассандра и Эвридики. Ея страстная душа жаждала ужаснаго мщенія. Она велѣла посадить Аррид ея и Эвридику въ очень тѣсную комнату и заложить дверь, оставивъ только маленькое отверстіе, чтобы подавать имъ черезъ него нѣсколько пищи; она хотѣла уморить ихъ голодомъ, но такъ, чтобы они мучились долго. Ихъ страданія пробудили жалость даже въ грубыхъ воинахъ, войско стало роптать на жестокость Олимпіады; тогда она отправила въ темницу на скалѣ ѳракійскихъ стрѣлковъ, убить изнуреннаго голодомъ Аррид ея, а Эвридикѣ послала мечъ, веревку, и ядъ съ насмѣшливымъ приглашеніемъ выбрать одинъ изъ этихъ подарковъ. Эвридика произнесла просьбу къ богамъ, чтобы Олимпіада получила такіе же подарки, покрыла своею мантіею тѣло убитаго мужа и, не сказавъ ни слова печали о своей судьбѣ, развязала свой поясъ и удавилась имъ. Олимпіада обратила теперь свою ярость на приверженцевъ Эвридики; убила брата Кассандра, убила сто человѣкъ его приверженцевъ, принадлежавшихъ къ знатнѣйшимъ македонскимъ семействамъ. Македоняне, радостно встрѣтившіе Олимпіаду при ея возвращеніи, съ негодованіемъ отворотились отъ кровожадной женщины.

Кассандръ въ Македоніи. Осень 317.

Услышавъ объ этихъ злодѣйствахъ, Кассандръ рѣшилъ отмстить за нихъ. Термопилы были заняты этолянами, которые не пропустили бы его. Онъ переплылъ моремъ въ Ѳессалію и, разгоняя непріятельскіе отряды, прошелъ въ Македонію. Олимпіада съ царемъ-ребенкомъ Александромъ, Роксаною и вѣрнѣйшими своими приверженцами бѣжала въ Пидну. Кассандръ осадилъ этотъ городъ. Олимпіада просила Полисперхона и своего племянника, эпирскаго царя Эакида, прійдти на помощь ей, но македоняне присоединились къ войску Кассандра въ такомъ числѣ, что онъ могъ отразить враговъ, не снимая осады съ Пидны.

Возстаніе эпирцевъ (Пирръ).

Эпирскіе воины съ большимъ неудовольствіемъ выступили въ походъ, потому что время было зимнее, приходилось много страдать отъ непогоды; они скоро вернулись домой, подняли мятежъ, низвергли, а потомъ и убили Эакида, перебили, или принудили бѣжать его друзей. Единственный сынъ Эакида, Пирръ, бывшій тогда двухлѣтнимъ ребенкомъ, былъ спасенъ людьми, преданными погибшему царю. Они съ большими опасностями отвезли ребенка къ тавлантскому царю Главкію, который принялъ его подъ свою защиту и далъ ему хорошее воспитаніе. У древнихъ писателей есть много подробностей о тѣхъ опасностяхъ, преодолѣвать которыя пришлось эпирцамъ, спасавшимъ Пирра; есть, между прочимъ, разсказъ о томъ, какъ они пришли къ рѣчкѣ, которая была въ разливѣ, и бросили стоявшимъ на другомъ берегу людямъ кусокъ древесной коры, нацарапавъ на немъ имя ребенка, съ которымъ они бѣгутъ.

Отступленіе эпирцевъ и смерть Эакида отняли у Олимпіады главнѣйшаго ея защитника. Полисперхонъ не могъ дойдти до Пидны, потому что воины толпами покидали его. Положеніе Олимпіады и ея приверженцевъ скоро стало безнадежнымъ. Въ Пиднѣ свирѣпствовалъ такой голодъ, что жители и воины умирали сотнями; многіе пожирали тѣла умершихъ; воздухъ въ городѣ былъ зараженъ тлѣніемъ труповъ. Но старуха не хотѣла и слышать о переговорахъ съ Кассандромъ. Она все еще полагала, что македоняне возстанутъ противъ него въ защиту царскаго рода. Всю зиму она оборонялась въ Пиднѣ. Наконецъ вѣстникъ, присланный Полисперхономъ, убѣдилъ ее бѣжать къ морю, гдѣ найдетъ она корабль. Но Кассандръ, узнавъ о планѣ бѣгства, принудилъ ее сдаться, обѣщавъ пощадить ея жизнь. Пидна сдалась вмѣстѣ съ Олимпіадою; все царское семейство попало во власть Кассандра. Онъ былъ теперь владыкою Македоніи. Но онъ полагалъ, что его могущество непрочно, пока остается жива Олимпіада, мать Александра. Онъ собралъ войско для суда надъ нею; родственники ста убитыхъ ею вельможъ пришли одѣтые въ трауръ и требовали, чтобы войско осудило ее на смерть. Ей не было дозволено оправдываться, и войско произнесло приговоръ, какого желалъ Кассандръ. Онъ коварно убѣждалъ ее бѣжать, потому что въ дорогѣ было легче убить ее; но она не согласилась бѣжать и требовала, чтобы дозволено было ей оправдываться. Кассандръ послалъ 200 воиновъ убить ее. Олимпіада, надѣвъ пурпуру и діадему, пошла на встрѣчу имъ, опираясь на двухъ женщинъ. Воины не рѣшились поднять рукъ на мать Александра. Тогда Кассандръ поручилъ исполненіе приговора тѣмъ родственникамъ убитыхъ ею, которые требовали отъ войска осужденія ея на смерть, и на которыхъ лежала обязанность кровомщенія. Они побили ее камнями. Царица стояла передъ ними съ твердымъ взглядомъ, не плакала, не стонала, поражаемая камнями, и, упавъ на землю, умирая, оправляла свои сѣдые волосы, оправляла одежду.

Взятіе Пидны. Смерть Олимпіады. Весна 316.

Владычество Кассандра надъ Македоніею.

Бездушный честолюбецъ желалъ бы убить и царицу Роксану и ея шестилѣтняго сына Александра; но онъ опасался негодованія македонянъ и удовольствовался тѣмъ, что держалъ ихъ въ Амфиполѣ подъ строгимъ арестомъ, отнялъ у нихъ всѣ знаки царскаго сана, не допускалъ къ нимъ никого. Убитыхъ Олимпіадою царицу Эвридику, ея мужа Аррид ея и ея мать Кинану, убитую Пердиккой, онъ похоронилъ съ почестями въ царской гробницѣ въ Эгахъ и устроилъ великолѣпное похоронное торжество съ гимнастическими играми. Потомъ онъ женился на дочери Филиппа, Ѳессалоникѣ, съ рукою которой пріобрѣталъ онъ, какъ ему казалось, право стать македонскимъ царемъ.

Основаніе Ѳессалоники и Кассандріи.

Въ честь своей жены онъ построилъ городъ на берегу залива, гдѣ была хорошая гавань; онъ далъ этому городу ея имя, которое стало и названіемъ залива. Свое имя онъ, человѣкъ образованный, покровитель

искусства и науки, увѣковѣчилъ построеніемъ города Кассандріи на Палленскомъ мысѣ; въ новый городъ собрались уцѣлѣвшіе жители Потидеи, Олинѳа и другихъ разрушенныхъ греческихъ городовъ Халкидики. Кассандръ держалъ себя совершенно по царски; не доставало ему только имени царя. Ему, какъ будто, казалось, что для достиженія этой цѣли его честолюбія надобно вредить самой памяти прежняго царскаго рода: онъ старался по возможности ослаблять воспоминанія о Филиппѣ и Александрѣ. Не столько по желанію пріобрѣсти расположеніе грековъ, сколько въ оскорбленіе памяти Александра, онъ велѣлъ возстановить Ѳивы; онъ хотѣлъ показать этимъ, что непріязнь между Македоніею и свободною Греціею должны исчезнуть вмѣстѣ съ македонскою династіею, которая произвела ее своими дѣйствіями. Греки европейскихъ городовъ и азіатскихъ колоній съ радостью узнали объ этомъ распоряженіи Кассандра и помогли возстановленію Ѳивъ денежными пожертвованіями и другими пособіями. Въ особенности аѳиняне усердно помогали возвращавшимся ѳиванцамъ возстановлять разрушенный городъ, считая своею обязанностью отблагодарить ихъ за то, что ѳиванцы помогали возстановленію Длинныхъ стѣнъ во времена Конона (II, 835). Даже въ беотійскихъ городахъ, бывшихъ враждебными Ѳивамъ, заглохла прежняя непріязнь, и они помогали возстановленію города, нѣкогда владычествовавшаго надъ ними. Тѣ ѳиванцы, которые уцѣлѣли, возвратились на родину.

Возстановленіе Ѳивъ.

---

3. Побѣды и смерть Эвмена.

Могущество Эвмена.

Между тѣмъ на далекомъ востокѣ, въ областяхъ за Тигромъ, совершались великіе подвиги. Эвменъ, превосходившій умомъ и военнымъ искусствомъ всѣхъ полководцевъ Александра, былъ силенъ своею преданностью памяти Александра, шатеръ и жертвенникъ котораго были святынею его стана, мѣстомъ собраній военнаго совѣта; но былъ ненавистенъ македонянамъ, какъ иностранецъ; и какъ человѣкъ, служившій у Александра не полководцемъ, а секретаремъ, не воинъ, а «писецъ», онъ казался надменнымъ македонскимъ воинамъ человѣкомъ низкой профессіи. Войско Эвмена состояло изъ очень разнородныхъ элементовъ, но главную силу его составляли аргираспиды. Онъ пошелъ изъ Киликіи черезъ Сирію къ Сузѣ и Персеполю на соединеніе съ намѣстникомъ Персиды, Певкестомъ, съ правителями областей, лежащихъ далѣе на востокъ: Аріи, Бактріи, Караманіи, Арахозіи, Паропамиза, съ Эвдемомъ, убившимъ индійскаго царя Пора и захватившимъ въ свою власть его царство. Эвменъ хотѣлъ, при ихъ содѣйствіи, защищать права царской династіи противъ измѣнившихъ царямъ Арридею и Александру Селевка, правителя Вавилоніи, и Пиѳона, правителя Мидіи, союзниковъ Антигона. Пришедши въ области, лежащія за Тигромъ, онъ съ удивительнымъ искусствомъ склонилъ ихъ правителей, думавшихъ только о личной

выгодѣ, признать его главнокомандующимъ, дѣйствовать единодушно; кротостью и привѣтливостью, а когда было необходимо, и строгостью, онъ поддерживалъ въ этихъ эгоистахъ усердіе къ общему дѣлу.

Война Эвмена съ Антигономъ.

На одномъ изъ притоковъ Паситигра, Копратѣ, Эвменъ разбилъ Антигона и его союзниковъ и принудилъ ихъ къ трудному отступленію черезъ землю воинственныхъ коссеевъ въ Мидію; на этомъ походѣ они потерпѣли большой уронъ. Довѣріе воиновъ къ искусству Эвмена было такъ велико, что однажды, когда онъ въ Паретакенѣ заболѣлъ, войско не хотѣло сражаться, пока онъ не велѣлъ принести себя на носилкахъ и не разстановилъ воиновъ въ боевой порядокъ; Антигонъ, увидѣвъ, что онъ дѣлаетъ распоряженія, отказался отъ битвы, которую хотѣлъ начать, — такъ высоко ставилъ искусство Эвмена онъ, хотя и самъ былъ хорошій полководецъ. Онъ хотѣлъ уйдти въ Сузіану, но Эвменъ, обманувъ его военною хитростью, опередилъ его на пути. Антигонъ усиленными переходами нагналъ его, и на равнинѣ Габіены (въ нынѣшнемъ Луристанѣ) произошла большая битва; Антигонъ далеко превосходилъ Эвмена числомъ войска, но Эвменъ велъ битву такъ искусно, что она длилась цѣлый день; аргираспиды, старые герои, прорвали непріятельскій центръ, но при наступленіи ночи побѣда все еще оставалась не рѣшенной. Антигонъ возвратился въ Мидію, войска Эвмена разошлись по разнымъ областямъ, и, какъ будто всякая опасность миновала, необузданно предавались удовольствіямъ, забыли осторожность. Узнавъ объ этомъ, Антигонъ пошелъ зимою черезъ обширную соляную пустыню, чтобы неожиданно напасть на разрозненные отряды непріятельскаго войска и истребить ихъ по-рознь. Это былъ замѣчательный походъ, чрезвычайно трудный. Антигонъ съумѣлъ сдѣлать его очень успѣшно и уже подошелъ на четыре перехода къ стану ближайшаго непріятельскаго отряда; но холодъ такъ усилился, что воины Антигона зажгли ночью костры, и непріятель узналъ объ ихъ приближеніи. Рѣшительность и находчивость Эвмена спасли этотъ отрядъ: призвать другіе отряды на помощь уже не было времени; но Эвменъ велѣлъ разложить костры на обширномъ пространствѣ; Антигонъ подумалъ, что станъ Эвмена очень великъ, предположилъ поэтому, что онъ успѣлъ собрать всѣ свои войска; и, какъ говорятъ древніе писатели, Эвменъ задержалъ своего противника этой хитростью столько времени, что дѣйствительно успѣлъ собрать всѣ свои отряды. Антигонъ въ сильной досадѣ повелъ войска назадъ, дать въ богатыхъ мидійскихъ селеніяхъ отдыхъ воинамъ отъ трудностей неудачнаго зимняго похода.

Твердость характера Эвмена и великіе военные таланты его.

Эвменъ блистательно доказалъ находчивость своего ума, превосходство своего генія; войско удивлялось ему и рѣшительно требовало, чтобы исключительно ему было предоставлено управленіе военными дѣйствіями. Это пробудило новую зависть въ другихъ военачальникахъ и намѣстникахъ, и составился заговоръ, въ которомъ приняли участіе даже начальники аргираспидовъ, Антигенъ и Тевтамъ. «Я живу здѣсь, какъ между дикими звѣрями», сказалъ Эвменъ, услышавъ о предательскихъ замыслахъ военачальниковъ, забывшихъ честь и совѣсть. Ему было бы легко примириться съ Антигономъ и, въ награду за свое отступничество отъ дѣла, не представлявшаго

теперь надежды на успѣхъ, получить почести и обширную власть: Антигонъ далъ бы ему въ управленіе самыя важныя области; но онъ благородно оставался до самой смерти вѣренъ покинутой всѣми царской династіи; его твердость въ правилахъ чести заслуживаетъ тѣмъ большаго уваженія, что другіе полководцы Александра совершенно заглушили въ себѣ голосъ совѣсти, выказывали самый пошлый эгоизмъ.

Эвменъ отданъ заговорщиками Антигону и убитъ. 316.

Заговорщики должны были отсрочить исполненіе своего замысла, потому что Антигонъ снова шелъ на нихъ отмстить за стыдъ своей неудачи. Войска встрѣтились на песчаной равнинѣ. Эвменъ составилъ планъ битвы съ обыкновеннымъ своимъ мастерствомъ; аргираспиды бились геройски; но между тѣмъ какъ они плотными рядами двинулись на непріятельскій центръ, опрокинули и преслѣдовали его, конница Певкеста на лѣвомъ крылѣ была оттѣснена непріятелемъ и Антигонъ послалъ отрядъ своей конницы овладѣть станомъ Эвмена въ тылу его войска. Жены и дѣти аргираспидовъ, весь обозъ, все имущество воиновъ Эвмена, всѣ богатства военачальниковъ были захвачены непріятелемъ. Аргираспиды, возвращаясь вечеромъ изъ боя, были очень раздражены тѣмъ, что Певкестъ и его конница сражались такъ плохо; они хотѣли возобновить сраженіе на слѣдующій день и довершить побѣду. Но, приблизившись къ своему стану, узнавъ, что ихъ семейства взяты въ плѣнъ, что захвачено и все ихъ имущество, они тайно отправили пословъ къ Антигону; онъ обѣщалъ возвратить имъ ихъ семейства и имущества, если они выдадутъ ему Эвмена, и они отступились отъ полководца, подъ начальствомъ котораго одержали столько побѣдъ. Они связали Эвмена. Онъ просилъ ихъ, чтобы они сами убили его, или развязали ему руки, дали ему свободу убить себя; но и это послѣднее его желаніе не было исполнено вѣроломными воинами; они выдали его Антигону.

Антигонъ созвалъ военный совѣтъ для рѣшенія, какъ поступить съ Эвменомъ; онъ былъ расположенъ оставить Эвмену жизнь; сынъ Антигона Димитрій, выказавшій свою храбрость въ двухъ послѣднихъ битвахъ, просилъ отца пощадить Эвмена; въ томъ же смыслѣ говорилъ Неархъ, человѣкъ благороднаго характера. Но другіе военачальники опасались, что Антигонъ будетъ оказывать Эвмену больше уваженія, нежели имъ; аргираспиды, чуствуя себя виновными передъ Эвменомъ, ожесточенно требовали его смерти. Антигонъ нашелъ надобнымъ уступить требованію ихъ и военачальниковъ. На третій день Эвменъ былъ убитъ въ темницѣ. Антигонъ сдѣлалъ ему почетные похороны и послалъ его прахъ въ серебряной урнѣ роднымъ его.

Такъ кончилъ на 45 году жизни Эвменъ свою дѣятельность, обильную славными подвигами. Онъ не былъ побѣжденъ врагомъ; его погубило черное предательство завистливыхъ товарищей и воиновъ, которые никогда не могли простить ему его греческаго происхожденія,

его счастія и умственнаго превосходства. Послѣдній сильный защитникъ царской династіи умеръ около того времени, когда Олимпіада пала подъ ударами камней, бросаемыхъ въ нее македонскими вельможами. Трагическая судьба губила родъ Филиппа и Александра и увлекала въ погибель всѣхъ друзей династіи.

Погибель сподвижниковъ Эвмена.

Антигонъ былъ теперь владыкою Азіи. Когда аргираспиды арестовали Эвмена, Певкестъ съ своею конницею передался непріятелю; многіе другіе военачальники послѣдовали его примѣру, и войско Эвмена разсѣялось. Тѣ изъ его военачальниковъ, которые не передались Антигону, бѣжали. Антигонъ, начальникъ аргираспидовъ, Эвменъ, правитель Индіи, нѣкоторые другіе сподвижники Эвмена были убиты Антигономъ. Пиѳонъ возбудилъ противъ себя недовѣріе въ прежнихъ товарищахъ и былъ убитъ въ Экбатанѣ ихъ агентами. Мелеагръ, бродившій по Мидіи съ отрядомъ бѣглыхъ воиновъ, былъ убитъ въ сраженіи. Казалось, что судьба хочетъ истребить всѣхъ замѣчательныхъ людей прежняго времени, уничтожить свидѣтелей подвиговъ Александра.

---

5. Борьба за преобладаніе въ государствѣ Александра. Основаніе новыхъ царствъ.

1. Война Антигона и Димитрія съ Птолемеемъ и Селевкомъ.

Могущество Антигона.

По смерти Эвмена ходъ событій принимаетъ новое направленіе. Династія Александра погибла, царство его должно было разрушиться. Борьба пошла теперь изъ-за раздѣла областей; полководцы Александра хотѣли сдѣлаться царями, прежніе союзники перессорились, возникли новые союзы. Послѣ побѣды надъ Эвменомъ Антигонъ очень возгордился; счастье такъ удивительно помогало ему, что онъ считалъ все возможнымъ для себя; онъ держалъ себя, какъ владыка всей Азіи, принималъ мѣры, чтобы дѣйствительно стать самовластнымъ господиномъ ея. Въ Персеполѣ, древней столицѣ персидскихъ царей, онъ сдѣлалъ распоряженія о томъ, кто изъ прежнихъ намѣстниковъ восточныхъ областей сохраняетъ свой санъ, роздалъ другія области другимъ намѣстникамъ; пошелъ въ Сузу, овладѣлъ сокровищами, хранившимися въ казначействѣ персидскихъ царей; они составляли 15000 талантовъ. Дань съ восточныхъ областей царства отъ Эвфрата до Инда и Яксарта доставляла ему 10000 талантовъ ежегоднаго дохода. Эти богатства онъ употреблялъ главнымъ образомъ на увеличеніе войска, набиралъ наемниковъ, завелъ сильный флотъ. Когда онъ съ войскомъ, численность котораго съ каждымъ днемъ возростала, пошелъ изъ Экбатаны черезъ Персеполь и Сузу въ Вавилонъ, онъ держалъ себя совершенно какъ царь. Селевкъ, его союзникъ, встрѣтилъ его съ богатыми подарками на границѣ своей сатрапіи. Анти-

гонъ выказалъ, что считаетъ Селевка уже не союзникомъ, а подчиненнымъ и очевидно хотѣлъ присвоить себѣ верховную власть надъ всей Азіей. Селевкъ, не желая подчиняться ему и опасаясь за свою жизнь, бѣжалъ изъ Вавилоніи, успѣвъ взять съ собою только 50 всадниковъ, и направился въ Египетъ къ Птолемею. Антигонъ былъ радъ, что онъ бѣжалъ, отдалъ его сатрапію одному изъ усердныхъ своихъ приверженцевъ и воротился въ западную Азію, гдѣ должна была начаться борьба изъ-за владычества надъ частями царства Александра. Но предсказаніе халдейскихъ астрологовъ, что владыкою Азіи будетъ Селевкъ, смущало Антигона. Онъ жалѣлъ, что далъ честолюбивому сопернику время убѣжать.

Характеръ Антигона.

Антигонъ не былъ великимъ человѣкомъ, какъ Александръ. Онъ не имѣлъ геніальныхъ способностей и былъ возвеличенъ только благопріятствомъ счастія. Но онъ имѣлъ качества, нужныя для того, чтобы управлять дѣлами, былъ храбрый воинъ, очень опытный и осмотрительный полководецъ, человѣкъ сильнаго и твердаго характера, дѣйствовалъ всегда по обдуманному плану, умѣлъ привязывать къ себѣ воиновъ: строгость, съ какою охранялъ онъ дисциплину, держала войско въ послушаніи ему, военные таланты его внушали довѣріе воинамъ, а простота его жизни сближала его съ ними; онъ обращался съ ними по-пріятельски, умѣлъ награждать и наказывать; все это возбуждало въ нихъ любовь къ нему. Онъ жилъ скромно, бережливо, наблюдалъ за порядкомъ въ своемъ хозяйствѣ; потому личные расходы его были не велики, но онъ былъ очень щедръ въ своихъ сподвижникамъ, доходилъ до расточительности въ наградахъ имъ. Жадностью къ деньгамъ онъ не уступалъ никому изъ полководцевъ Александра и получалъ огромные доходы; его казна была всегда полна, такъ что онъ имѣлъ средства привлекать къ себѣ жадныхъ воиновъ и подкупать людей, въ чьихъ услугахъ нуждался. Господствующей страстью его было властолюбіе; человѣкъ умный, разсчетливый, очень опытный, онъ вообще умѣлъ находить вѣрные пути къ достиженію цѣли. Онъ не совѣстился прибѣгать къ обману, дѣйствовать свирѣпо: въ тѣ времена вообще не было мѣста уваженію къ законности; эгоизмъ заглушалъ всѣ благородныя чувства. При томъ Антигонъ внушалъ почтеніе къ себѣ знатностью своего рода, былъ человѣкъ образованный. Ему было теперь болѣе 70 л., но онъ еще оставался бодръ и силенъ; живость его ума проявлялась въ остроумной шутливости, очень нравившейся воинамъ: они съ удовольствіемъ пересказывали другъ другу остроумныя выходки старика, любившаго шутить передъ битвой. Увѣренный въ своемъ превосходствѣ, онъ допускалъ свободу въ разговорахъ съ нимъ, не сердился на колкости, не могъ выносить только того, когда съ насмѣшкой упоминали о томъ, что онъ кривъ. Ѳеокритъ самосскій поплатился мучительной смертью въ темницѣ за то, что сравнилъ его съ циклопомъ. Справедливо называли благородной чертой его характера искреннюю любовь къ сыну, Димитрію, получившему въ послѣдствіи названіе Поліоркета (покорителя городовъ). Ихъ натуры были совершенно различны: пылкій, опрометчивый, расточительный Димитрій, любившій роскошь и блескъ, былъ прямой противоположностью разсудительному, разсчетливому, осторожному Антигону, человѣку скромнаго образа жизни; но они были искренно привязаны другъ къ другу; взаимная преданность ихъ была неизмѣнна, и окруженный царскимъ великолѣпіемъ Антигонъ держалъ себя относительно храбраго сына, какъ самый простой

Его отношенія къ сыну.

человѣкъ, чуждый всякой гордости. Отважный молодой красавецъ Димитрій напоминалъ Александра и смѣлостью, и блестящими военными талантами. Онъ былъ любимцемъ войска. Ни одинъ воинъ не имѣлъ никакихъ неудовольствій противъ него; все дурное, на что роптали воины, они приписывали Антигону; Димитрій, по ихъ мнѣнію, былъ всегда готовъ сдѣлать для нихъ все.

Союзъ противъ Антигона.

Антигонъ провелъ зиму въ Киликіи. Его прежніе союзники составили въ это время коалицію противъ него, потому что всѣ опасались его властолюбія. Первые вошли въ соглашеніе между собою Селевкъ и Птолемей; скоро присоединились къ ихъ союзу Асандръ, братъ Парменіона, правитель Каріи, Лизимахъ, правитель Ѳракіи, Кассанръ, владычествовавшій въ Македоніи. Всѣ они увеличили первоначальныя свои владѣнія завоеваніемъ сосѣднихъ областей и опасались теперь, что Антигонъ потребуетъ у нихъ возврата этихъ завоеваній. При общности интересовъ и опасеній имъ легко было согласиться между собою.

Переговоры съ Антигономъ.

Условившись между собою, союзники потребовали у Антигона, чтобъ онъ раздѣлилъ съ ними сокровища, набранныя въ восточной Азіи, чтобы вся Сирія со включеніемъ въ нее и Финикіи была предоставлена Птолемею, геллеспонтская Фригія—Лизимаху, Ликія и Каппадокія—Асандру; чтобы Вавилонія была возвращена Селевку; чтобъ Антигонъ призналъ Кассандра правителемъ Македоніи и другихъ земель, которыми тотъ овладѣлъ; на этихъ условіяхъ они соглашались признать Антигона верховнымъ правителемъ восточныхъ областей и оказывать ему поддержку. Антигонъ отвергъ эти предложенія и требовалъ, чтобы Птолемей отказался отъ Сиріи и Финикіи, чтобы Кассандръ освободилъ молодого царя Александра и его мать и возвратилъ свободу греческимъ государствамъ, и чтобы всѣ намѣстники подчинились рѣшенію войска Антигона, которое назначило его правителемъ всего государства.

Походъ Антигона въ Сирію. Весна 315.

Не дожидаясь отвѣта, характеръ котораго легко было предвидѣть, Антигонъ съ многочисленнымъ войскомъ немедленно вступилъ въ Сирію, взялъ силой нѣкоторые изъ финикійскихъ городовъ, другіе покорились безъ сопротивленія, и онъ сталъ строить корабли на ихъ верфяхъ. Онъ велъ снаряженіе флота очень энергично. На Ливанѣ рубили кедры, везли ихъ въ портовые города; тамъ корабельные мастера дѣятельно строили тріэры и мелкія суда. А между тѣмъ Антигонъ покорилъ всю Сирію, призвалъ родосскіе и кипрскіе корабли, велѣлъ имъ блокировать Тиръ, вновь возникшій изъ развалинъ; пятнадцать мѣсяцевъ длилась осада, и наконецъ Тиръ былъ взятъ. Племянникъ Антигона Птолемей и другіе военачальники его сражались съ врагами въ Малой Азіи, на Геллеспонтѣ и въ Греціи.

Новая великая война.

Война, возгорѣвшаяся теперь, имѣла своимъ театромъ громадное пространство земель; много въ ней было совершено великихъ подвиговъ, произошло много потрясающихъ катастрофъ. Отъ восточнаго

берега Тигра до Эпирскихъ горъ и до Коркиры, отъ Гемуса и Дуная до финиковыхъ рощъ Кирены бились войска, были разрушаемы города, нивы были вытаптываемы слонами и лошадьми, лилась кровь по землѣ ручьями. Это былъ желѣзный вѣкъ; повсюду владычествовала сила оружія, гражданскія доблести и семейное счастіе исчезли изъ жизни людей. Птолемей хотѣлъ сохранить владычество на морѣ и покорить свергнувшую съ себя иго Египта часть Кипра; въ Пелопоннесѣ шло ожесточенное междоусобіе, возбужденное и поддерживаемое полководцами воевавшихъ между собою правителей: военачальники Антигона призывали грековъ къ свободѣ, военачальники Кассандра помогали олигархамъ; тѣ и другіе употребляли лозунги прежнихъ политическихъ партій для пріобрѣтенія союзниковъ; но ихъ льстивыя рѣчи были только обманомъ; цѣль у Антигона и Кассандра была одна и та же— пріобрѣтеніе владычества въ Греціи; несчастная страна была игрушкой иноземныхъ военачальниковъ и греческихъ грабителей, набиравшихъ отряды наемниковъ; то было печальное время убійствъ и грабежа; города горѣли, бѣжавшіе въ храмы не находили въ нихъ спасенія себѣ, обѣщанія давались и нарушались по надобностямъ минуты.

1. Война въ Греціи.

Аргосъ. 314.

Одинъ изъ полководцевъ Кассандра, овладѣвъ Аргосомъ, велѣлъ зажечь домъ правительственнаго совѣта, куда укрылись главные противники Кассандра; 500 человѣкъ ихъ сгорѣли тамъ. Полисперхонъ и его сынъ Александръ были сначала за Антигона и помогали его полководцу Аристодему. Но Кассандръ переманилъ Александра на свою сторону, обѣщавъ сдѣлать его правителемъ Пелопоннеса, и сынъ сталъ сражаться противъ отца. Но въ томъ же году Александръ былъ убитъ сикіонцами. Его жена, красавица Кратесиполида, женщина смѣлаго характера, распяла на крестѣ 30 сикіонскихъ гражданъ въ отмщеніе за смерть мужа, овладѣла Сикіономъ и убѣдила своего тестя Полисперхона поддерживать ее.—Буйные отряды нѣсколько разъ грабили городъ Элиду

Элида.

грабили и оскверняли олимпійскія святилища. — Скоро была вовлечена въ междоусобіе

Средняя Греція 313.

и Средняя Греція: этоляне сражались за Антигона, акарнанцы за Кассандра, беотійцы, фокейцы и локрійцы, поддерживаемые Птолемеемъ, бились противъ македонянъ, надѣясь возстановить свою независимость; на Эвбеѣ войска Антигона и Кассандра сражались за обладаніе этимъ островомъ, то защищали, то осаждали эвбейскія крѣпости. Даже

Аѳины.

правитель Аѳинъ, Димитрій Фалерскій, вступилъ въ переговоры съ Антигономъ, который выставлялъ себя защитникомъ греческой свободы.

Война въ Малой Азіи въ Сиріи.

Междоусобія въ Греціи еще продолжались, когда неожиданный оборотъ дѣлъ въ Азіи привелъ на нѣкоторое время къ прекращенію войны. Покоривъ Тиръ, Антигонъ съ частью войска пошелъ въ Малую Азію на помощь своему племяннику Птолемею, оставивъ Димитрія защищать Сирію, быстро побѣдилъ правителя Каріи, Асандра, и хотѣлъ идти на Лизимаха, который воевалъ съ ѳракійскими племенами у Гемуса и съ возставшими городами понтійскаго прибрежья, иногда одолѣвая противниковъ, иногда подвергаясь неудачамъ; Антигонъ уже дѣлалъ приготовленія къ переправѣ черезъ Геллеспонтъ,

Сраженіе при Газѣ, Лѣто 312 года.

когда получилъ извѣстіе, что его сынъ разбитъ въ сраженіи при Газѣ. Птолемей Египетскій, усмиривъ возставшихъ противъ него киренейцевъ и назначивъ правителемъ ихъ Офелла, пошелъ завоевать отнятыя у него Антигономъ сирійскія области; Димитрій, жаждавшій славы, вступилъ въ битву съ искуснымъ полководцемъ и потерпѣлъ пораженіе.

Успѣхи противниковъ Антигона.

Юноша, прекрасный, какъ Ахиллесъ, высокаго роста, въ блестящемъ вооруженіи, привѣтливо ободряя войска, сіяя надеждой на побѣду и отвагой, повелъ Димитрій своихъ воиновъ; они бились храбро; планъ сраженія былъ составленъ Димитріемъ хорошо, потому что онъ былъ даровитый полководецъ; но всетаки битва при Газѣ кончилась полнымъ пораженіемъ его. Съ остатками войска онъ ушелъ въ Киликію, а Птолемей покорилъ Финикію, Палестину и Сирію.—Въ одной изъ египетскихъ надписей говорится объ этомъ походѣ: „Сатрапъ (т. е. Птолемей) ринулся на враговъ съ отважной силой, какъ коршунъ на птицъ; взявъ ихъ, онъ привелъ въ Египетъ ихъ князей, коней ихъ, корабли ихъ и привезъ всѣ ихъ сокровища“.—Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Димитрій возстановилъ свою славу: быстро пополнивъ свое войско въ Малой Азіи, онъ неожиданно напалъ на египтянъ у Міунта и разбилъ ихъ. Антигонъ, вернувшись въ Сирію и соединясь съ Димитріемъ, проникъ до самой границы Египта; но въ это время произошелъ въ Вавилоніи переворотъ, результатомъ котораго было то, что Антигонъ не рѣшился идти въ Дельту, мѣстность которой представляетъ очень большія затрудненія для наступательныхъ дѣйствій. Димитрій сдѣлалъ нѣсколько походовъ на арабскія племена, кочевавшія въ пустынѣ между Мертвымъ моремъ и Арабскимъ заливомъ; эти номады, называвшіеся набатеями, пріобрѣли большія богатства, отчасти грабежами, отчасти торговлею, предметами которой были верблюды, ладанъ, другія благовонія и асфальтъ. Сдѣлавъ нѣсколько нападеній на нихъ, Димитрій пошелъ въ Вавилонію, которой овладѣлъ Селевкъ.

Селевкъ овладѣваетъ Вавилоніею. 312.

Послѣ побѣды при Газѣ, Селевкъ выпросилъ у Птолемея небольшой отрядъ войска, чтобъ идти на завоеваніе своего намѣстничества, отнятаго у него Антигономъ; Селевкъ разсчитывалъ на любовь вавилонянъ, былъ увѣренъ, что при его появленіи они присоединятся къ нему и свергнутъ съ себя ненавистную власть его врага; успѣхъ былъ тѣмъ вѣроятнѣе, что вавилонскій намѣстникъ Антигона былъ убитъ въ сраженіи при Газѣ, а вавилоняне дѣйствительно любили Селевка, который правилъ ими справедливо и милостиво; но всетаки намѣреніе Селевка казалось Птолемею замысломъ слишкомъ рискованнымъ, и онъ далъ ему только 800 человѣкъ пѣхоты и 200 всадниковъ. Къ этому небольшому отряду присоединилось нѣсколько сотъ человѣкъ усердныхъ приверженцевъ Селевка и отважныхъ наемниковъ. Эти воины оробѣли, когда, перешедши сирійскую пустыню, приблизились къ Эвфрату; но смѣлый полководецъ съумѣлъ ободрить ихъ; онъ говорилъ имъ, что при отважныхъ предпріятіяхъ искусство и храбрость важнѣе многочисленности войска, что мужествен-

нымъ людямъ покоряется вселенная, какъ показываетъ примѣръ Александра. Еще сильнѣе такихъ рѣчей дѣйствовала на воиновъ его собственная увѣренность въ успѣхѣ и любезная привѣтливость, пріобрѣтавшая ему любовь его сподвижниковъ. Всѣ были готовы побѣдить, или умереть съ нимъ. Онъ убѣдилъ гарнизонъ месопотамской крѣпости Карръ отворить ему ворота и поступить на службу къ нему. Это увеличило шансы успѣха: силы Селевка возросли, а примѣръ гарнизона Карръ долженъ былъ подѣйствовать на другія войска, стоявшія въ Вавилоніи. Народъ принималъ Селевка съ восторгомъ; всѣ другъ передъ другомъ выказывали привязанность къ правителю, славившемуся справедливостью и кротостью. Онъ взялъ приступомъ цитадель Вавилона и освободилъ свое семейство, находившееся тамъ подъ стражей, освободилъ и семейства сановниковъ, служившія Антигону заложниками вѣрности правителей. Сатрапъ Никаноръ выступилъ противъ Селевка съ большимъ войскомъ, но былъ побѣжденъ его искусствомъ и храбростью; войско Никанора обратилось въ бѣгство; Сузіана, Мидія и Персія покорились Селевку. Восточный Иранъ, недовольный прежними правителями, также подчинился его власти. Успѣхи Селевка казались такъ замѣчательны современникамъ и потомству,
1 октября 312 года. что 312 годъ сталъ считаться новою хронологическою эпохою, которая называется «эрою селевкидовъ». Димитрій быстро пошелъ на Вавилонъ отнять у Селевка его завоеванія, но искусство Селевка, преданность и храбрость его войскъ восторжествовали. Антигонъ поспѣшилъ примириться съ другими своими противниками, чтобъ обратить всѣ свои силы на Селевка.

Миръ. 311. Такимъ образомъ въ 311 году былъ заключенъ миръ на слѣдующихъ условіяхъ: до совершеннолѣтія царя Александра правителемъ Азіи будетъ Антигонъ; Птолемей будетъ править Египтомъ и другими находящимися подъ его властью землями; Лизимахъ—Ѳракіею; Кассандръ—Македоніею; греческимъ городамъ возвращается независимость (autonomia). О Селевкѣ въ этомъ договорѣ не упоминалось; прежніе союзники пожертвовали имъ для своихъ выгодъ, отдали его на произволъ мщенія Антигона.

Кассандръ убиваетъ Роксану и Александра. Условія этого мира дѣлили царство Александра Великаго на части, соотвѣтствовавшія естественной групировкѣ областей; очевидно было, что оно распадается, и правителямъ, надѣявшимся основать независимыя государства, надобно было уничтожить македонскую династію, имѣвшую право на обладаніе всѣми землями, принадлежавшими Александру. Эти честолюбцы желали принять титулъ царей, но право царскаго рода было грознымъ призракомъ, смущавшимъ ихъ. Въ македонскомъ народѣ еще не угасла привычная преданность царской династіи; въ немъ еще оставалось уваженіе и состраданіе къ сыну Александра Великаго. При благопріятномъ случаѣ македоняне могли сгрупироваться около него и возвратить ему отцовское наслѣд-

ство; какой-нибудь честолюбивый полководецъ могъ выступить его защитникомъ, чтобъ отнять у другихъ все, что они противозаконно захватили; потому жестокій Кассандръ поступилъ сообразно съ желаніемъ другихъ правителей и, быть можетъ, по тайному порученію ихъ, рѣшившись убить Александра; вскорѣ, по заключеніи мира, онъ послалъ въ Амфиполь приказаніе Главкію, подъ стражей котораго находились Роксана и Александръ, убить ихъ и тайно закопать тѣла ихъ въ землю. Порученіе было исполнено: Александръ и его мать красавица, которую называли «перломъ востока», были тайно убиты.

Положеніе правителей, захватившихъ власть, было еще такъ неопредѣленно, что миръ между ними не могъ быть проченъ; они и заключали его безъ искренняго намѣренія примириться. Четыре года они удерживались отъ прямыхъ нападеній другъ на друга; но и въ Европѣ и въ Азіи было въ это время много кровавыхъ дѣлъ войны и мщенія. Поводы къ этимъ событіямъ были не одинаковы, но истинной причиной ихъ было честолюбіе полководцевъ, ставшихъ владыками частей царства. Иногда цѣлью войны они выставляли свободу, національную независимость, но это были только лживыя слова, которыми прикрывался эгоистическій мотивъ.

Особенно легко было подымать ссоры въ Греціи, государствамъ Смерть послѣдняго сына Александра. 309. которой должна была, по сбивчивымъ словамъ договора между Антигономъ и его противниками, быть возвращена независимость. При извѣстіи о томъ, что убиты Александръ и Роксана, старикъ Полисперхонъ вызвалъ изъ Пергама въ Пелопоннесъ Геракла, сына Александра Великаго отъ знатной персіянки Барсины, вдовы Мемнона (стр. 238). Гераклу было тогда семнадцать лѣтъ. Полисперхонъ хотѣлъ объявить его царемъ, чтобы дѣйствовать его именемъ противъ Кассандра. Дѣло пошло сначала хорошо. Отовсюду сходились къ Полисперхону воины; однихъ привлекала надежда на награды и на добычу, другіе шли по преданности царскому роду, или потому, что ненавидѣли Кассандра. Скоро у Полисперхона собралось 20.000 человѣкъ войска, главную силу котораго составляли храбрые этоляне. Положеніе Кассандра становилось опасно, потому что въ Македоніи народъ и войско начинали выказывать симпатію къ сыну Александра. Но Кассандръ съумѣлъ отвратить отъ себя бѣду: деньгами и обѣщаніями онъ склонилъ безхарактернаго Полисперхона стать убійцею Геракла. На праздникѣ, устроенномъ въ маленькомъ эпирскомъ городѣ Трампіяхъ, молодому царю былъ поданъ кубокъ съ отравлен- 309.
нымъ виномъ. Юноша умеръ. Въ награду вѣроломному убійцѣ Кассандръ далъ владѣніе между Этоліею и Эпиромъ и старикъ спокойно дожилъ тамъ свои дряхлые годы.

Кассандръ торопился избавиться отъ Геракла, потому что ожидалъ другой опасности

Замыслы Птолемея.

себѣ отъ возобновленія ссоры между Антигономъ и Птолемеемъ. Кипрскій царь Никоклъ
вступилъ въ тайныя сношенія съ Антигономъ; Птолемей принудилъ его и его братьевъ
310. къ самоубійству и привелъ въ такой ужасъ городъ Пафосъ, что царица Аксіотея, женщина твердаго характера, зажгла дворецъ; она, ея дочери и родственники погибли въ
пламени; она хотѣла, чтобы никто изъ династіи не подвергся униженію. Предотвративъ
возстаніе Кипра, Птолемей сталъ нападать на греческіе города Малой Азіи; онъ говорилъ, что хочетъ возстановить ихъ независимость, прогнавъ изъ нихъ войска Антигона.
На самомъ дѣлѣ онъ хотѣлъ только ослабить своего противника. Племянникъ Антигона,
называвшійся тоже Птолемеемъ, измѣнилъ своему дядѣ, хотѣлъ основать себѣ независимое царство, то выставляя себя защитникомъ греческой свободы, то помогая иногда
Кассандру, иногда Птолемею египетскому. Птолемей египетскій отравилъ его и потомъ
309. сталъ сватать сестру Александра Великаго, вдову эпирскаго царя Александра, Клеопатру,
которая уже давно—болѣе 14 лѣтъ—жила въ Сардахъ; онъ надѣялся возвысить свое
308. значеніе этимъ бракомъ; но во время сватовства, Клеопатра была убита своими служанками, безъ сомнѣнія подкупленными на это дѣло Антигономъ, который для того,
чтобы снять съ себя подозрѣніе, наказалъ смертью этихъ служановъ и велѣлъ похоронить Клеопатру съ царскими почестями. Птолемей сталъ разыгрывать роль защитника
греческой свободы, но при первомъ удобномъ случаѣ овладѣлъ Сикіономъ и Коринѳомъ,
а потомъ помирился съ Кассандромъ. Около того же времени Агаѳоклъ сиракузскій
убилъ, какъ мы разскажемъ послѣ, намѣстника киренскаго, Офелла, возмутившагося
противъ Птолемея, который послѣ этого возстановилъ свою власть надъ Киренеею.

2. ПОЛОЖЕНІЕ ГРЕЦІИ. ИСПОРЧЕННОСТЬ НРАВОВЪ ГРЕКОВЪ.

Неустройства въ Греціи. Испорченность нравовъ грековъ.

Грецiя, политически раздробленная и нравственно испорченная, но все еще оставшаяся передовою страною по развитію образованности, отчизною искусствъ, была въ эти годы войнъ между полководцами Александра жертвою ужаснѣйшихъ насилій и безпорядковъ. Всѣ полководцы, враждовавшіе между собою, стремились овладѣть ею, и пылкіе греки, увлекаясь политическими ссорами, страдали отъ иноземныхъ войскъ и собственныхъ раздоровъ. Какъ вся кровь въ тѣлѣ проходитъ черезъ сердце, такъ всѣ войны того времени наводняли войсками Грецію, и въ ней отражаются всѣ безпорядочныя волненія той эпохи буйнаго кровопролитія и деморализаціи.

«Иноземные полководцы приходятъ въ Грецію, грабятъ, уходятъ, вмѣсто нихъ являются другіе, наказываютъ, снова грабятъ, даютъ партіямъ просторъ ожесточенно мстить одна другой. Тиранны, называющіеся и не называющіеся этимъ именемъ, искатели приключеній, жаждущіе власти, добычи, наслажденій,—толпы наемниковъ, идущія на службу ко всякому желающему, — иноземные гарнизоны, презирающіе обычай и законъ, не щадящіе ни собственности, ни семейной чести, — изгнанники, возвращенные на родину силою оружія и поставленные правителями ея, — измѣнники, обогатившіеся и роскошествующіе, — обѣднѣвшая масса, развращенная, равнодушная къ религіи и къ отечеству, — молодежь, привыкшая къ буйству въ чужой службѣ по найму, истощившая свои силы въ объятіяхъ продажныхъ женщинъ, наученная модной философіей презирать все, — распаденіе всѣхъ общественныхъ связей, буйство, судорожная экзальтація, за которой слѣдуетъ тупая апатія; — такова печальная картина, представляемая Греціей того времени» говоритъ Дройзенъ. Жители европейской Греціи завидовали азіатскимъ колоніямъ Родосу, Кизику, Византіи, находившимся, правда, подъ игомъ македонскихъ полководцевъ, но пользовавшимся безопасностью подъ ихъ защитой, обогащавшимся торговлею и промышленностью, между тѣмъ какъ въ европейской Греціи положеніе дѣлъ было такое бѣдственное и безнадежное, что тысячи людей удалялись оттуда въ Ливію, къ Офеллу, чтобы найти себѣ на чужбинѣ спокойствіе и забыть въ новой странѣ родину.

Этоляне.

Только этоляне, установившіе у себя союзное правительство, защищали противъ македонскихъ войскъ свою независимость въ горахъ родины; но они сами были грубые дикари, думавшіе единственно о войнѣ и грабительствѣ. Спарта тоже сохраняла нѣкоторую независимость, но не потому, что была сильна, а напротивъ потому, что была безсильна и никто не обращалъ на нее вниманія. Число полноправныхъ гражданъ въ Спартѣ никогда не было велико (II, 796); теперь оно уменьшилось до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ; Спарта сохраняла учрежденія Ликурга, но они давно стали пустой формой, и спартанскіе граждане надѣялись теперь уже не столько на свою храбрость, сколько на крѣпкія стѣны, которыми нѣсколько лѣтъ тому назадъ они обвели свой городъ. Молодые люди, недовольные тѣмъ, что не имѣютъ политическаго значенія на родинѣ, уходили наемниками на службу въ чужія войска; даже цари отправлялись съ отрядами наемниковъ на службу въ другія государства, тяготясь тѣмъ, что на родинѣ подчинены эфорамъ. Тенарскій мысъ Лаконіи былъ центромъ, куда сходились люди, готовые служить каждому, кто дастъ жалованье.—Важнѣе Спарты были Аѳины, которыми теперь уже десять лѣтъ управлялъ почти съ неограниченной властью Димитрій Фалерскій, какъ намѣстникъ Кассандра.

Спарта.

Аѳины.

Димитрій Фалерскій и его вліяніе на жизнь аѳинянъ.

Мы уже говорили о Димитріи Фалерскомъ, умѣвшемъ своей модной образованностью, гибкостью своего характера, изворотливостью ума, любезностью обращенія пріобрѣсти любовь и македонскихъ военачальниковъ, и аѳинскаго народа (стр. 267). Получая пособія отъ Кассандра и Птолемея, онъ привелъ въ порядокъ аѳинскіе финансы, увеличилъ доходы государства до 1,200 талантовъ, суммы огромной для маленькой Аттики, которая пользовалась при немъ такимъ благосостояніемъ, что населеніе государства, имѣвшаго только 40 квадратныхъ миль, простиралось до 21,000 гражданъ, 10,000 иноземцевъ и 400,000 рабовъ. Но если развивалось благосостояніе во время десятилѣтняго мира, которымъ пользовалась Аттика, то нравственность аѳинянъ падала: любовь къ свободѣ исчезала, забывались всѣ благородныя стремленія, усиливалась потребность въ житейскихъ удобствахъ, жажда наслажденій; люди беззавѣтно предавались легкомысленнымъ развлеченіямъ, пировали, щеголяли, развратничали. Аѳины пріобрѣли ту репутацію, какая издавна принадлежала Коринѳу, стали городомъ сладострастія, центромъ, куда съѣзжались гетеры, столицею моды, свѣтской ловкости. Самъ Димитрій подавалъ соблазнительный примѣръ роскоши, щегольства, сладострастной жизни. Сынъ бѣднаго отпущенника, питавшійся въ молодости только оливками и сыромъ, онъ теперь превосходилъ всѣхъ своихъ современниковъ изысканностью блюдъ на пирахъ, мотовствомъ денегъ на благовонныя масла и куренія, великолѣпную мебель и посуду, на роскошные ковры, на дорогія кушанья и вина; тщеславный и сладострастный, онъ очень заботился объ изяществѣ своей одежды, о прическѣ волосъ, натиралъ тѣло дорогими ароматными маслами, содержалъ прекраснѣйшихъ ге-

теръ, обольщалъ женъ и дочерей гражданъ. Ученикъ Θеофраста, человѣкъ высокаго научнаго и политическаго образованія, онъ былъ покровителемъ философовъ, поэтовъ, и художниковъ, старался объ усовершенствованіи музыки, театра, очаровывалъ любезностью обращенія, аттическимъ остроуміемъ. Его многочисленные ученые труды разнообразнаго содержанія свидѣтельствуютъ, что онъ былъ человѣкъ обширныхъ знаній. Но и слогъ его, какъ образъ его жизни, былъ лишенъ энергіи, изысканъ. Своей привѣтливостью, роскошью, изяществомъ онъ въ свое управленіе Аθинами пріобрѣлъ такое расположеніе гражданъ, что они другъ передъ другомъ угождали, льстили ему, и народъ поставилъ 360 статуй въ честь его. Но подъ внѣшней преданностью раболѣпной толпы скрывалась зависть къ человѣку, вышедшему изъ ничтожества и съ каждымъ годомъ становившемуся все болѣе высокомѣрнымъ, роскошнымъ, развратнымъ.

Димитрій, сынъ Антигона, освобождаетъ Аθины и возстановляетъ демократическое правленіе. 307.

Владычество Димитрія Фалерскаго надъ Аθинами было уничтожено Димитріемъ, сыномъ Антигона. Весною 307 года этотъ смѣлый военачальникъ пришелъ къ Пирею съ большимъ флотомъ и войскомъ, съ осадными машинами и обильнымъ запасомъ денегъ: отецъ послалъ его освободить Аθины отъ македонскаго гарнизона и возстановить въ нихъ демократическое правленіе. Аθиняне съ восторгомъ привѣтствовали молодого военачальника, который, какъ Алкивіадъ, былъ красивъ лицомъ, храбръ, любезенъ и даровитъ, любилъ искусство, любилъ наслажденія, роскошничалъ и развратничалъ, былъ на половину герой, на половину искатель приключеній, стремившійся къ необыкновеннымъ, фантастическимъ подвигамъ; съ дѣтства онъ любилъ Аθины,—центръ образованности, умѣнья жить изящно и весело. Онъ быстро овладѣлъ Пиреемъ, прогналъ македонянъ изъ Мегары, взялъ Мунихію и разрушилъ ея укрѣпленія. Македонскій гарнизонъ былъ взятъ въ плѣнъ, и многіе изъ воиновъ поступили на службу къ побѣдителю. Димитрій Фалерскій выпросилъ себѣ позволеніе уѣхать въ Θивы, оттуда черезъ нѣсколько времени переселился въ Египетъ. Въ концѣ лѣта побѣдитель торжественно вошелъ въ Аθины, привѣтствуемый восхищеннымъ народомъ.

Отношенія Димитрія Поліоркета къ аθинянамъ.

Аθиняне съ восторгомъ слушали слова „освободителя“, возвѣщавшаго съ ораторской трибуны въ народномъ собраніи, что возстановляется демократическое правленіе, обѣщавшаго возвратить аθинянамъ островъ Имбросъ, сдѣлавшаго распоряженіе о раздачѣ хлѣба въ подарокъ гражданамъ. Въ порывѣ признательности и лести народное собраніе перешло всѣ границы разсудительности; безхарактерные ораторы соперничали другъ съ другомъ въ низкопоклонствѣ, желая отличиться усердіемъ, обратить на себя вниманіе. Димитрію они дѣлали предложенія, подрывавшія чувства чести, превращавшія раболѣпство въ добродѣтель.

Всѣ статуи, незадолго передъ тѣмъ поставленныя аθинянами въ честь Димитрія Фалерскаго, были низвергнуты, и бронза ихъ пошла переплавленная на другое употребленіе; многіе изъ приверженцевъ его были изгнаны. По предложенію Стратокла, народъ рѣшилъ поставить подлѣ статуй Гармодія и Аристогитона, въ честь Антигона и Димитрія,

двѣ позолоченныя колесницы, запряженныя четырьмя конями, и на одной изъ нихъ статую Антигона, а на другой Димитрія; поднести тому и другому по золотому вѣнку, цѣною въ 200 талантовъ; воздвигнуть имъ, какъ «спасителямъ», жертвенникъ и совершать въ честь ихъ ежегодное торжество съ процессіями, играми, жертвоприношеніями; воткать ихъ изображенія въ мантію (peplos) Паллады - Аθины; учредить двѣ новыя филы, Антигонскую и Димитріевскую (Antigonis и Demetrias), назначить жреца для совершенія обрядовъ въ честь освободителей. Плутархъ говоритъ, что годы послѣ того отмѣчались именами этихъ жрецовъ, какъ прежде именами архонтовъ; но это вымыслъ, лишенный всякаго основанія: государственные акты изъ временъ, когда владычествовалъ въ Аθинахъ Димитрій Поліоркетъ, отмѣчены годами по именамъ архонтовъ-эпонимовъ какъ и прежде.

Въ увлеченіи признательностью и раболѣпствомъ, аθиняне забывали разницу между религіей и политикой; они дали Антигону и Димитрію эпитеты и аттрибуты высочайшихъ боговъ, учредили въ честь ихъ религіозные праздники. Легкомысленная толпа была въ восторгѣ отъ „спасителя и царя“, очаровавшаго народъ прекраснѣйшими обѣщаніями, художниковъ и философовъ блестящими разговорами и пирами, веселившагося съ молодыми знатными гражданами въ кругу гетеръ и танцовщицъ; толпа не думала о томъ, что прославляемый ею освободитель убиваетъ своимъ безстыднымъ развратомъ послѣдніе остатки честности и скромности въ Аθинахъ. Лишь въ немногихъ гражданахъ, группировавшихся около историка и оратора Демохара, сына сестры Демосθена, еще не угасли благородныя чувства прежнихъ временъ и память о величіи Аθинъ. Цѣлые мѣсяцы Димитрій пировалъ, развратничалъ и наслаждался поклоненіемъ аθинскаго народа, восхищеніе котораго было увеличено тѣмъ, что Димитрій женился на вдовѣ Офелла, красавицѣ Эвридикѣ, происходившей изъ рода Мильтіада; этимъ бракомъ освободитель роднился съ великимъ прошлымъ Аθинъ.

Димитрій побѣждаетъ египетскій флотъ у Саламина Кипрскаго Весна 306 г.

Антигонъ отозвалъ сына изъ Аθинъ къ берегамъ Малой Азіи, гдѣ вспыхнула давно готовившаяся война съ Птолемеемъ. Правитель Египта собиралъ войско, вступалъ въ сношенія съ греческими городами въ Европѣ и Азіи; это внушало опасеніе Антигону, видѣвшему, что хитрый Птолемей задумываетъ воспротивиться его властолюбію. По приказанію отца, Димитрій поспѣшно поплылъ къ Кипру, главный городъ котораго Саламинъ занялъ братъ Птолемея Менелай. Димитрій побѣдоносно прошелъ по восточной части острова, преслѣдовалъ разбитаго врага до стѣнъ Саламина и осадилъ эту крѣпость. Даровитый и энергичный, онъ повелъ осаду такъ искусно, дѣлалъ такія работы и машины, что ему было дано имя Поліоркета «покорителя городовъ».

Гелеполь.

Изъ машинъ, которыя построилъ онъ при осадѣ Саламина, особенно знаменитъ гелеполь («машина берущая городъ»). Это было сооруженіе подобное башнѣ, имѣвшее 75 футовъ длины и ширины по основанію и 150 футовъ вышины; оно стояло на четырехъ массивныхъ колесахъ или каткахъ, имѣло девять этажей, на которыхъ были поставлены машины, бросавшія камни и дротики, а въ нижнемъ этажѣ былъ повѣшенъ таранъ.

Димитрій нѣсколько дней нападалъ на городъ, не щадя никакихъ

усилій; но храбрый гарнизонъ упорно оборонялся, и когда нападенія уже начали обѣщать успѣхъ, осажденнымъ удалось зажечь нѣкоторыя изъ машинъ Димитрія. Онъ построилъ новыя и снова сталъ сильно тѣснить городъ. Птолемей пришелъ на помощь осажденнымъ съ флотомъ, состоявшимъ изъ 140 кораблей, и далъ непріятелю битву близъ небольшаго города Левколлы между Саламиномъ и мысомъ Педаліемъ. Флотъ Димитрія имѣлъ только 108 кораблей, но они были гораздо больше обыкновенныхъ; своими огромными кораблями, имѣвшими по пяти, по шести и семи рядовъ веселъ, онъ разбилъ правое крыло непріятеля, потомъ центръ и одержалъ полную побѣду.

Димитрій потопилъ 80 египетскихъ кораблей; 40 взялъ въ плѣнъ; число плѣнниковъ простиралось до 8000; добыча была громадна. Въ числѣ женщинъ, попавшихъ въ плѣнъ, находилась флейтистка Ламія, красавица; она стала любовницей Димитрія.—Птолемей, стоявшій на лѣвомъ крылѣ, соперничалъ съ своимъ противникомъ отвагой и въ началѣ сраженія имѣлъ успѣхъ. Онъ уплылъ въ Египетъ съ 8 кораблями. Саламинъ принужденъ былъ сдаться, и Димитрій покорилъ весь Кипръ.

Антигонъ и Димитрій принимаютъ титулъ царей.

Антигонъ въ это время строилъ на верховьѣ Оронта городъ, который хотѣлъ сдѣлать своей столицею и назвалъ Антигоніею. Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ извѣстій отъ сына. Одинъ изъ военачальниковъ Димитрія, милетянинъ Аристодемъ, явился къ нему и сказалъ: «Здравствуй, царь Антигонъ! Птолемей побѣжденъ, Кипръ — нашъ, 16800 человѣкъ взято въ плѣнъ». Народъ и войско радостно закричали, привѣтствуя Антигона титуломъ царя. Друзья возложили на его голову царскую діадему и повели его во дворецъ при радостныхъ крикахъ народа. Антигонъ послалъ побѣдоносному сыну діадему и письмо съ надписью «царю Димитрію».

Новые цари.

Такимъ образомъ послѣ долгаго лицемѣрія былъ сдѣланъ послѣдній шагъ, разорвавшій формальнымъ образомъ государство Александра на разныя независимыя царства. Другіе властители не замедлили послѣдовать примѣру Антигона. Войско и народъ привѣтствовали возвратившагося въ Египетъ Птолемея титуломъ царя, и онъ возложилъ на себя діадему, показывая тѣмъ, что мужество его осталось непоколебимо послѣ пораженія.
Птолемей.
Вавилоняне уже давно воздавали Селевку царскія почести, теперь и онъ принялъ титулъ царя.
Селевкъ.
Тоже сдѣлалъ и Лизимахъ, правитель Ѳракіи, за три года передъ тѣмъ основавшій на Херсонесѣ новую столицу, которую назвалъ Лизимахіей и въ которую перевелъ бо̀льшую часть населенія Кардіи.
Лизимахъ.
Кассандръ.
Кассандръ тоже принялъ титулъ царя, но послѣ нѣкотораго колебанія. Вообще всѣмъ неограниченнымъ властителямъ государствъ понравилось послѣ этого называть себя царями. Возникновеніе царскаго титула въ греческомъ мірѣ означаетъ собою начало новаго періода въ развитіи политическихъ понятій.
Агаѳоклъ. Діонисій гераклейскій.
Даже Агаѳоклъ, тиранъ сиракузскій, и хитрый Діонисій, тиранъ гераклейскій, послѣдовали модѣ и приняли эмблемы царскаго сана, льстившія тщеславію и любви къ роскоши. Какъ трагическій актеръ, мѣняя роль перемѣняетъ поступь, голосъ и жесты, говоритъ Плутархъ, такъ и

новые цари скоро приняли надменныя манеры азіатскихъ деспотовъ и окружили себя пышнымъ церемоніаломъ восточныхъ дворовъ.

---

6. Родосъ. Аѳины. Ипсосъ.

Неудачное нападеніе на Египетъ. 306.

Возлагая на себя царскую діадему, Антигонъ надѣялся соединить подъ своимъ скипетромъ все государство Александра. Изъ прежней царской династіи уже не оставалось никого, а другихъ полководцевъ, своихъ соперниковъ, Антигонъ послѣ побѣды своего сына разсчитывалъ быстро одолѣть. Потому для него было очень непріятно, что они послѣдовали его примѣру: онъ воображалъ, что будетъ царемъ одинъ, а явились такіе же цари въ Африкѣ и въ Европѣ. Съ ними необходимо было ему вести войну. Онъ сталъ усиленно готовиться къ походу въ Египетъ. Онъ думалъ, что когда побѣдитъ Птолемея, то другіе соперники не долго удержатся противъ него. Но его нападеніе на Египетъ кончилось такой же неудачей, какъ походъ Пердикки. Осеннія бури разбили его флотъ; попытки Димитрія высадиться въ устьяхъ Нила не удались; воины цѣлыми толпами уходили къ Птолемею, обѣщавшему имъ щедрое жалованье. Антигонъ и его сынъ возвратились въ Сирію, потерявъ много кораблей и войска. Принявъ царскій титулъ, Антигонъ какъ будто утратилъ ту желѣзную твердость воли, которая прежде доставляла ему торжество надъ врагомъ.

1. Осада Родоса Димитріемъ.

305.

Антигонъ и Димитрій хотѣли поправить неудачу нападенія на Египетъ, давъ на слѣдующій годъ новое направленіе войнѣ. Они задумали уничтожить египетскій флотъ и морскую тоговлю Александріи. Для этого имъ было необходимо содѣйствіе Родоса, бывшаго тогда первымъ государствомъ по обширности своей торговли.

Родосское торговое государство.

Родосцы, въ годъ смерти Александра прогнавшіе македонскій гарнизонъ и возстановившіе свое прежнее аристократическое правленіе, чрезвычайно ловко умѣли лавировать между воевавшими полководцами и сохранить среди всеобщей борьбы нейтральное положеніе. По своимъ торговымъ интересамъ они всего болѣе дорожили дружбою съ Египтомъ, изъ котораго вывозили товары юга, продаваемые ими съ громадной выгодой въ Греціи и на западѣ; но они старались держаться въ хорошихъ отношеніяхъ и съ другими полководцами Александра; въ частности желали сохранить расположеніе Антигона и Димитрія, поставили имъ статуи у себя, оказывали имъ другіе знаки почтенія. Этой разсчетливой политикой родосскіе купцы умѣли уклоняться отъ всякихъ столкновеній, извлекая себѣ выгоду

изъ всеобщихъ военныхъ тревогъ. Они сдѣлали большія сооруженія, улучшившія ихъ гавани; у нихъ былъ большой военный и огромный торговый флотъ; ихъ магазины были полны товаровъ; они построили роскошные дома себѣ и великолѣпныя общественныя зданія, украсили свой городъ прекрасными произведеніями искусствъ,—все это свидѣтельствовало о благосостояніи, о военномъ и торговомъ могуществѣ города ихъ, въ которомъ поселилось много купцовъ и капиталистовъ изъ другихъ греческихъ городовъ, нашло себѣ пріютъ страдавшее искусство, нашли убѣжище себѣ тысячи изгнанниковъ.

Димитрій осаждаетъ городъ Родосъ.

Антигонъ и Димитрій уже владѣли Кипромъ; получивъ содѣйствіе родосскаго флота, они могли бы прогнать съ моря египетскіе корабли и вести войну противъ Птолемея успѣшнѣе прежняго. Потому Антигонъ потребовалъ отъ родосцевъ, чтобъ они прекратили всякія сношенія съ Египтомъ и вступили въ союзъ съ нимъ. Они отказались; Антигонъ и Димитрій послали своихъ крейсеровъ захватывать ихъ купеческія суда; они стали отражать силу силой; Димитрій пошелъ къ Родосу съ 200 военныхъ кораблей и множествомъ мелкихъ судовъ; на его флотѣ было 40,000 человѣкъ войска, множество метательныхъ машинъ и тарановъ. Родосское правительство старалось смягчить его гнѣвъ уступчивостью, но теперь онъ потребовалъ слишкомъ многаго: онъ хотѣлъ, чтобы родосцы дали ему въ заложники 100 человѣкъ изъ вліятельнѣйшихъ своихъ гражданъ и открыли его флоту обѣ свои гавани. Они увидѣли, что онъ хочетъ овладѣть ихъ городомъ, и рѣшили обороняться, на сколько достанетъ силъ.

Мужество родосцевъ.

Съ мужественнымъ спокойствіемъ и удивительнымъ искусствомъ родосцы приготовились къ оборонѣ противъ отважнѣйшаго изъ тогдашнихъ завоевателей, явившагося передъ ихъ островомъ съ громаднымъ флотомъ и войскомъ, съ богатыми запасами всѣхъ тогдашнихъ орудій осады, знаменитаго своими военными дарованіями и геніальными изобрѣтеніями новыхъ военныхъ машинъ. Всѣ граждане, способные носить оружіе, стали въ ряды бойцовъ; ихъ было 6000 человѣкъ; къ нимъ присоединились 1000 человѣкъ другихъ грековъ, жившихъ въ Родосѣ; граждане вооружили способныхъ къ военной службѣ рабовъ, внушивъ имъ усердіе обѣщаніемъ свободы и гражданскихъ правъ; обѣщали содержать на государственный счетъ семейства тѣхъ воиновъ, которые будутъ убиты въ борьбѣ за свободу родины. Эти обѣщанія сильно поддерживали мужество сражающихся. Богатые люди жертвовали деньги; ремесленники изготовляли оружіе и военныя машины, поправляли стѣны, строили башни и корабли; помогали работѣ всѣ; даже женщины носили камни и обрѣзывали свои длинные волосы, чтобы свивать изъ нихъ тетивы для луковъ.

Ходъ осады Родоса.

Эта единодушная, геройская готовность на жертвы имуществомъ и жизнью для защиты родины восторжествовала надъ превосходствомъ силъ врага. Не смотря на всѣ свои изобрѣтенія, искусный полководецъ потерпѣлъ неудачу; напрасно онъ придумывалъ удивительныя машины, строилъ громадныя башни; напрасно его тараны

били стѣны, его катапульты и другія метательныя машины, поставленныя на корабляхъ и на берегу, бросали огромные камни и колоссальныя стрѣлы съ такою силою, которая изумляла весь греческій міръ,—родосцы выдержали осаду, длившуюся цѣлый годъ, отбили всѣ нападенія съ суши и съ моря.

Съ удивительной храбростью родосцы оттѣснили непріятелей, сдѣлавшихъ проломъ въ стѣнѣ, топили и жгли корабли съ машинами; Димитрій хотѣлъ проникнуть въ городъ черезъ подкопъ, но осажденные, узнавъ отъ дезертира объ этой подземной работѣ, повели свои работы противъ нея, и она осталась безполезной. Димитрій построилъ громадный гелеполь, подвижную башню, квадратное основаніе которой имѣло по 50 локтей въ длину и ширину, а вышина простиралась до 100 локтей; при помощи этого гелеполя осаждающіе проломали стѣну, но за нею встрѣтили вторую, которую родосцы успѣли построить позади пролома. Черезъ нѣсколько времени они построили третью стѣну и провели передъ нею глубокій ровъ. Птолемей, Лизимахъ и Кассандръ прислали на помощь осажденнымъ корабли, войска и съѣстные припасы. Чѣмъ труднѣе было взять городъ, тѣмъ упорнѣй добивался этого Димитрій, чтобы сохранить пріобрѣтенную прежними подвигами славу. Онъ сдѣлалъ новый—третій—общій приступъ, который былъ сильнѣе прежнихъ, и отряду его войска удалось овладѣть театромъ, находившимся въ верхней части города; но родосцы вытѣснили этотъ отрядъ и, хотя потерпѣли большой уронъ, отбили приступъ.

Миръ. Лѣто 304 г.

Димитрій отчаялся въ успѣхѣ; притомъ аѳиняне и этоляне просили его помощи противъ Кассандра; при посредничествѣ этихъ государствъ онъ заключилъ миръ съ родосцами: они сохранили свою независимость, всѣ свои доходы, но дали Димитрію 100 заложниковъ и обязались помогать Антигону и ему противъ всѣхъ ихъ враговъ, кромѣ Птолемея.

Такимъ образомъ Родосъ вышелъ изъ тяжелой борьбы, сохранивъ свои силы и получивъ новую увѣренность въ нихъ, заслуживъ удивленіе современниковъ и потомства своимъ геройскимъ патріотизмомъ. Торговля и промышленность его стали развиваться быстрѣе прежняго и дали гражданамъ возможность исполнить свои обѣщанія относительно рабовъ и относительно семействъ убитыхъ воиновъ, поправить стѣны, возстановить разрушенныя части города и театръ прекраснѣе прежняго. Изъ мѣдныхъ частей брошеннаго Димитріемъ гелеполя они сдѣлали знаменитую огромную статую, называвшуюся Колоссомъ родосскимъ (II, 787).

Цвѣтущее состояніе Родоса.

Чтобы выказать свою благодарность и украсить городъ художественными произведеніями родосцы поставили статуи царямъ Кассандру и Лизимаху, а Птолемею, по совѣту оракула Аммона, они дали названіе „бога спасителя“, посвятили ему рощу, построили въ ней колоннады и пѣли пѣсни въ славу ему. Прискорбно видѣть, что народъ, съ такимъ геройствомъ защищавшій свою свободу, унизилъ себя пошлой лестью и содѣйствовалъ развитію обычая чтить царей еще при ихъ жизни, какъ боговъ.—Родосцы и впослѣдствіи

умѣли защищать свою независимость отъ внѣшнихъ враговъ, и аристократическое правительство ихъ было прочно, такъ что ихъ жизнь шла спокойно. Они славились, какъ богатый и благоразумный торговый народъ, безпощадно преслѣдовали морскихъ разбойниковъ, выработали торговые законы, считавшіеся образцовыми, и во время ожесточенныхъ войнъ между другими государствами продолжали держаться миролюбивой политики. Заключивъ торговые союзы съ нѣкоторыми приморскими греческими городами, они составили изъ нихъ коммерческую федерацію, дѣлами которой руководили. Въ 227 году островъ подвергся ужасному землетрясенію, отъ котораго городъ очень много пострадалъ (тогда упалъ и разбился Колоссъ родосскій). Но городъ скоро оправился отъ этого бѣдствія; возстановленію его помогли цари египетскій и пергамскій.

2. Димитрій въ Греціи.

Кассандръ вытѣсненъ изъ Греціи. 304.

Кассандръ между тѣмъ возстановлялъ свое пошатнувшееся владычество надъ Греціей. Въ союзѣ съ Полисперхономъ, покорившимъ почти весь Пелопоннесъ, онъ снова подчинялъ греческія государства македонской власти, оплотомъ которой сдѣлалъ эвбейскій городъ Халкиду. Аристократы и люди чуждые патріотизма помогали ему. Демократическія государства, въ особенности аѳиняне, опасавшіеся нападенія Кассандра, и этоляне обратились къ Димитрію съ просьбою о помощи. Онъ послѣдовалъ ихъ приглашенію. Выставляя себя освободителемъ Греціи, онъ съ большимъ флотомъ и войскомъ напалъ на Халкиду, принудилъ Кассандра отступить, овладѣлъ Халкидою. Къ нему присоединилось много македонянъ и грековъ; онъ пошелъ побѣдоносно по Средней Греціи, заключилъ союзъ съ Беотіею и снова явился въ Аѳины.

Второй пріѣздъ Димитрія въ Аѳины.

Съ пріѣздомъ Димитрія въ Аѳины возобновились тѣ гнусныя сцены низкой лести и безстыднаго разврата, какими ознаменовалась прежняя его жизнь въ этомъ городѣ (стран. 282 и слѣд.). Аѳиняне предоставили божественному освободителю храмъ своей дѣвственной богини и, поселившись тамъ, онъ осквернялъ святилище своимъ развратомъ; аѳиняне спокойно терпѣли это. Однажды народное собраніе приняло рѣшеніе, полагавшее преграду его самовластнымъ распоряженіямъ; онъ разсердился и, чтобы смягчить его гнѣвъ, рабольпный ораторъ Стратоклъ предложилъ народному собранію постановить, что „всѣ повелѣнія царя Димитрія должны быть признаваемы за сообразныя съ обязанностями относительно боговъ и за справедливыя относительно людей". Граждане, хотѣвшіе мѣшать этимъ пошлымъ беззаконіямъ, были изгоняемы, какъ Демохаръ, или бѣжали отъ погибели.

Димитрій въ Пелопоннесѣ. 303.

Димитрій провелъ зиму въ Аѳинахъ, а весною отправился въ Пелопоннесъ, чтобы насладиться и тамъ славою освободителя. Въ Аргосѣ на праздникѣ Геры онъ устроилъ торжество своей новой женитьбы: онъ вступилъ въ бракъ съ Деидаміею, сестрою молодого эпирскаго царя Пирра (который за четыре года передъ тѣмъ возвратился подъ защитою своего воспитателя Главкія на родину и вскорѣ послѣ того сталъ преемникомъ своего дяди, царя Алькета, убитаго во время народнаго мятежа (стран. 268). Начальникъ египетскаго войска, стоявшаго въ Сикіонѣ, принужденъ былъ сдать этотъ городъ Димитрію; онъ убѣдилъ жителей переселиться на холмъ, гдѣ стоялъ Акрополь, и разрушить дома города, находившагося внизу. Избавясь отъ египетскаго гарнизона, Сикіонъ, благодаря дѣятельной промышленности своихъ жителей, скоро снова сталъ пользоваться благосостояніемъ; граждане его рѣшили воздавать своему освободителю тѣ почести, какія оказывались героямъ, и учредили ежегодныя игры въ честь его. Потомъ Димитрій овладѣлъ Коринѳомъ, прогналъ изъ Акрокоринѳа македонскій гарнизонъ и объявилъ Коринѳъ свободнымъ государствомъ. Онъ освободилъ и ахейскіе города, находившіеся подъ властью Полисперхона; Стромбихъ, начальствовавшій войсками въ Эгіонѣ, упорно сопротивлялся Димитрію и за это былъ распятъ на крестѣ; тому же наказанію были подвергнуты еще 80 человѣкъ, взятые въ плѣнъ вмѣстѣ съ нимъ. Вся Аркадія, кромѣ Мантинеи, безъ сопротивленія покорилась Димитрію. Достигнувъ такихъ блестящихъ успѣховъ, онъ созвалъ въ Коринѳъ конгрессъ уполномоченныхъ греческихъ государствъ; этотъ конгрессъ прославлялъ его, какъ освободителя Греціи, и назначилъ полководцемъ войскъ греческой федераціи съ неограниченною властью надъ всѣми военными силами.

Третій пріѣздъ Димитрія въ Аѳины.

Димитрій хотѣлъ напасть на Кассандра въ самой Македоніи, но раньше того попировать въ Аѳинахъ. Аѳиняне встрѣтили его съ такими почестями, какія воздавались только главнѣйшимъ богамъ: совершали процессіи въ честь Димитрія, приносили жертвы, дѣлали возліянія въ славу его, пѣли гимны, въ которыхъ называли его „истиннымъ богомъ, сыномъ Посейдона и Афродиты, прекраснымъ и улыбающимся". Одинъ изъ этихъ гимновъ, называющій Димитрія солнцемъ среди звѣздъ, дошелъ до насъ, какъ памятникъ упадка чести аѳинянъ. Димитрій пожелалъ быть посвященъ въ элевзинскія таинства; чтобъ удовлетворить этому желанію, элевзинскій праздникъ былъ совершонъ не въ то время, какъ слѣдовало по закону, и правила обрядовъ были нарушены. Димитрій снова поселился въ храмѣ Паллады, пировалъ и развратничалъ тамъ съ своей флейтисткой Ламіей, съ Лееной, другими гетерами и толпой льстецовъ. Аѳиняне посвятили храмъ Ламіи-Афродитѣ, поставили жертвенники любимцамъ Димитрія, приносили жертвы, совершали возліянія въ честь ихъ. Ему самому наконецъ стала омерзительна низкая лесть аѳинянъ.

3. Антигонъ и Димитрій при Ипсосѣ.

Союзъ четырехъ царей противъ Антигона. 302.

Въ то время, какъ Димитрій пировалъ въ Аѳинахъ, Кассандръ искалъ себѣ союзниковъ. На его просьбы о мирѣ Антигонъ отвѣчалъ, что требуетъ безусловной покорности. Этимъ отвѣтомъ Антигонъ

разоблачилъ тайну своего замысла. Онъ хотѣлъ быть преемникомъ
Александра, владычествовать надъ всѣмъ его государствомъ. Это
угрожало равной опасностью всѣмъ царямъ; потому Кассандръ легко
убѣдилъ Лизимаха, Птолемея и Селевка вступить съ нимъ въ союзъ
противъ Антигона и Димитрія.

1. Кассандръ. Кассандръ пошелъ черезъ Отрисъ на Димитрія, который переправился съ Эвбеи въ
Ѳессалію съ войскомъ, состоявшимъ изъ 56.000 человѣкъ, въ числѣ которыхъ было
25.000 греческихъ наемниковъ; Кассандръ не впустилъ его въ Македонію. Лизимахъ,
2. Лизимахъ. расширившій свое государство до Дуная и женитьбою на вдовѣ Діонисія, бывшаго ца-
ремъ Гераклеи въ землѣ маріандинцевъ, получившій въ свое владѣніе этотъ важный го-
родъ, переправился съ ѳракійскими и македонскими войсками черезъ Геллеспонтъ, поко-
рилъ Малую Фригію, овладѣлъ посредствомъ подкупа городомъ Синнадою, въ которомъ
находились казна и склады оружія Антигона, и призвалъ къ возстанію противъ него
жителей Великой Фригіи и горцевъ Ликіи, Памфиліи, Ликаоніи; а македонскій полково-
децъ Препелай покорилъ между тѣмъ Эолиду и Іонію, взялъ Эфесъ, занялъ Сарды, под-
нялъ противъ македонянъ всю Лидію. Антигонъ, пировавшій въ своей сирійской столицѣ
Антигоніи, услышавъ объ этихъ успѣхахъ враговъ, поспѣшно повелъ свое войско черезъ
Киликійскіе проходы въ Каппадокію, быстро возстановилъ свою власть во Фригіи и
Ликаоніи и пошелъ на Лизимаха. Но Лизимахъ уклонился отъ битвы съ противникомъ,
превосходившимъ его силами, расположился въ укрѣпленномъ станѣ близъ Дорилея; по-
томъ ушелъ на зимнія квартиры въ мѣстность близъ Гераклеи на богатой виѳинской
3. Селевкъ. равнинѣ. Онъ дожидался прибытія Селевка и Птолемея. Селевкъ, упрочивъ свое влады-
чество надъ Вавилоніею и восточными областями, уступилъ Сандракотту, царю Пали-
ботры (I, 333), владѣтелю обширнаго царства на Гангѣ, сатрапію, состоявшую изъ зе-
мель за Индомъ, и страну паропамизадовъ, пріобрѣлъ тѣмъ дружбу этого царя, получилъ
отъ него 500 слоновъ и пошелъ съ большимъ войскомъ на западъ, чтобы соединиться
съ Лизимахомъ и дать битву Антигону. Сандракоттъ (Чандрагупта), дѣдъ буддистскаго
царя Асоки (I, 289 и 296) былъ прославляемъ индійцами, какъ освободитель страны
4. Птолемей. отъ владычества иноземцевъ. Птолемей тоже съ большимъ войскомъ пошелъ въ Сирію
и Финикію, но обманутый ложнымъ извѣстіемъ о побѣдѣ надъ Антигономъ, возвратился
въ Египетъ.

Битва при Услышавъ о приближеніи Селевка, Антигонъ вызвалъ къ себѣ сына;
Ипсосѣ. онъ писалъ Димитрію, что отовсюду идутъ враги, какъ воробьи сле-
Августъ 301 г. таются на ниву, и пора бросить въ нихъ камнемъ. Димитрій заклю-
чилъ съ Кассандромъ миръ на томъ условіи, что греческіе города
сохраняютъ свободу, поплылъ въ Малую Азію, взялъ Эфесъ, имѣлъ
удачное сраженіе съ Лизимахомъ у Лампсака и пришелъ къ отцу.
Пирръ находился въ его войскѣ. Селевкъ зимовалъ въ Каппадокіи
въ укрѣпленномъ станѣ, потомъ соединился съ Лизимахомъ на рѣкѣ
Галисѣ; Кассандръ прислалъ имъ нѣсколько войска, и они пошли на
Антигона. Числомъ пѣхоты и конницы противники были почти рав-
ны: у Антигона было 70.000, а у его враговъ 64.000 человѣкъ пѣ-
хоты; у него 10.000, у нихъ 10 500 человѣкъ конницы; но у Се-
левка было болѣе 400 слоновъ, у Антигона только 75. Рѣшительная
Августъ 301. битва произошла во Фригіи у деревни Ипсоса близъ города Синнады;
Селевкъ и Лизимахъ одержали побѣду, благодаря, главнымъ обра-

зомъ, тому, что у Селевка было много слоновъ: конница, которою
командовалъ Димитрій, была оттѣснена слонами отъ пѣхоты, этимъ
и была рѣшена побѣда. Антигонъ, которому тогда было 81 годъ,
былъ убитъ въ сраженіи. Димитрій съ 5.000 человѣкъ пѣхоты и
4.000 конницы бѣжалъ въ Эфесъ, посадилъ этотъ остатокъ войска
на корабли, думая плыть въ Аѳины и продолжать войну на морѣ.
Но къ его глубокому огорченію аѳиняне на извѣщеніе о томъ, что
онъ хочетъ плыть въ Пирей, отвѣчали, что они не примутъ его. Не-
благодарность гражданъ, которые прежде такъ безпредѣльно льстили
ему, чей городъ онъ хотѣлъ сдѣлать центромъ новаго греческа-
го царства и всегда такъ любилъ, возбудила въ немъ печаль и
негодованіе. Нѣсколько времени онъ плавалъ у Геллеспонта и по
Эгейскому морю, не находя себѣ прочнаго убѣжища. Братъ его жены
Пирръ дѣлилъ съ нимъ опасности этой скитальческой жизни, но че-
резъ нѣсколько времени пріобрѣлъ благосклонность египетскаго царя,
у котораго и поселился. Во время его отсутствія молоссы отказали
ему въ повиновеніи и передали царскую власть Неоптолему, племян-
нику Олимпіады. Побѣдители раздѣлили между собою владѣнія Анти-
гона и громадную добычу.

Всѣ земли на сѣверѣ отъ Тавра, т. е. почти всю Малую Азію, въ томъ числѣ бо- Раздѣлъ владѣ-
гатые берега Пропонтиды и Эгейскаго моря получилъ Лизимахъ, царство котораго стало
теперь простираться отъ Дуная и Гемуса до Киликіи. Обширныя страны отъ Тавра до ній Антигона.
Инда въ томъ числѣ Сирію и Финикію взялъ Селевкъ. Границы двухъ этихъ царствъ 1. Лизимахъ.
сходились въ Великой Фригіи; чтобы предотвратить непріязненныя столкновенія между 2. Селевкъ.
собою, Селевкъ и Лизимахъ учредили рядъ зависимыхъ государствъ съ туземными ца-
рями: Понтъ (царемъ котораго былъ Митридатъ), Арменію, Каппадокію; а Киликію от-
дали Плистарху, брату Кассандра. Допустивъ существованіе туземныхъ династій въ Ма-
лой Азіи, македонскіе завоеватели сдѣлали восточнымъ народамъ первую уступку для
примиренія ихъ съ собою. Птолемей надѣялся получить Палестину и Финикію, но его 3. Птолемей.
двусмысленный образъ дѣйствій раздражилъ противъ него союзниковъ; они не дали ему
ничего; онъ сталъ жаловаться; они обѣщали отдать ему Кипръ, когда этотъ островъ
будетъ отнятъ у Димитрія. Кассандру было предоставлено право снова покорить и при- 4. Кассандръ.
соединить къ своему царству Среднюю Грецію и Пелопоннесъ. При несогласіи между
греческими государствами и недостаткѣ твердости у грековъ, покорить ихъ было не
трудно. Скоро подпала подъ власть македонскаго царя вся Грепія, кромѣ Коринѳа и
Мегары, гдѣ стояли гарнизоны Димитрія. Но когда Димитрій возобновилъ войну, онъ
сталъ тѣснить войска Кассандра.—Битвою при Ипсосѣ и договоромъ о раздѣлѣ земель
Антигона была уничтожена и самая мысль о единствѣ царства, основаннаго Алексан-
дромъ, и начался новый порядокъ отношеній между государствами греческаго міра.

---

7. Походы Димитрія. Судьба непосредственныхъ преемниковъ Александра.

Новые союзы.

Единодушіе побѣдителей было непродолжительно. Лизимахъ, не довѣряя Селевку, царство котораго простиралось отъ Средиземнаго моря до Инда и Яксарта, хотѣлъ обезпечить себя отъ его нападенія союзомъ съ Птолемеемъ и женился на дочери египетскаго царя Арсиноѣ. Встревоженный союзомъ ихъ, Селевкъ сблизился съ прежнимъ своимъ противникомъ Димитріемъ, еще имѣвшимъ большой флотъ и много наемниковъ, и женился на его прекрасной дочери, Стратоникѣ.
300. Свадьба была отпразднована съ большимъ великолѣпіемъ въ новой столицѣ Селевка, Антіохіи на Оронтѣ, построенной на мѣстѣ разрушенной Антигоніи. Черезъ нѣсколько времени предпріимчивый Димитрій поплылъ въ Грецію, чтобы возстановить свою власть въ Аѳинахъ и Пелопоннесѣ. Въ Аѳинахъ владычествовалъ тиранъ Лахаръ, злодѣй, но храбрый человѣкъ; онъ упорно оборонялся; Димитрій
Димитрій въ Греціи. 297.
295. голодомъ принудилъ Аѳины сдаться, побѣдилъ спартанцевъ въ долинѣ Эврота и уже надѣялся подчинить себѣ всю Грецію, когда счастье отдало въ его руки Македонію. Онъ великодушно простилъ аѳинянамъ ихъ измѣну, облегчилъ голодъ ихъ присылкою хлѣба имъ въ подарокъ, но, отправляясь въ Македонію, оставилъ гарнизоны въ ихъ пристаняхъ и на холмѣ Музъ у Аѳинъ.

Анархія въ Македоніи по смерти Кассандра.

Кассандръ умеръ отъ водяной въ 297 году; его больной сынъ Филиппъ послѣдовалъ за отцомъ въ гробъ, процарствовавъ только четыре мѣсяца. Въ Македоніи начались большія смуты, и династія Кассандра скоро погибла. Младшіе сыновья его, Антипатръ и Александръ, враждовали между собою изъ-за престола. Ѳессалоника, жена Кассандра, благопріятствовала Александру; Антипатръ убилъ за это мать. Онъ просилъ помощи у своего тестя Лизимаха; Александръ просилъ помощи у Димитрія, но Димитрій былъ занятъ войною въ Греціи, и Александръ обратился къ Пирру, который не задолго передъ тѣмъ, овладѣлъ отцовскимъ царствомъ и убилъ на праздникѣ своего противника, Неоптолема. Пирръ убѣдилъ Антипатра и Александра примириться;—они условились раздѣлить между собою царство. Но едва заключенъ былъ этотъ договоръ, явился въ Діонѣ Димитрій, разсудившій теперь исполнить просьбу Александра и пришедшій съ войскомъ изъ Пелопоннеса черезъ Аттику и Беотію. Александръ, по приглашенію котораго пришелъ онъ, пріѣхалъ къ нему въ Діонъ и упрашивалъ его удалиться. Онъ обидѣлся, но вернулся въ Ѳессалію; Александръ съ своими приверженцами сопровождалъ его до Ларисcы. Тамъ досада Димитрія и подозрительность Александра произвели рядъ интригъ. Александръ задумалъ убить страшнаго покровителя; но Димитрій, узнавъ объ этомъ, убилъ его на пирѣ, сказалъ ловкую рѣчь македонянамъ, сопровождавшимъ его, и былъ провозглашенъ царемъ Македонскимъ. Узнавъ объ этомъ, Антипатръ бѣжалъ къ Лизимаху; тѣмъ легче было Димитрію овладѣть царствомъ. Македоняне, по ненависти къ жестокой династіи Кассандра, съ восторгомъ привѣтствовали знаменитаго полководца; они надѣялись, что будутъ наслаждаться миромъ при немъ, и что современемъ будетъ хорошимъ царемъ его сынъ Антигонъ, матерью котораго была Фила, женщина благороднаго характера. Самъ Димитрій былъ человѣкъ очень любезный; его кротость и привѣтливость представляли рѣзкій контрастъ суровости Кассандра, и онъ скоро сдѣлался любимцемъ македонянъ.

Царствованіе Димитрія въ Македоніи 294–287.

Димитрій былъ мастеръ дѣлать завоеванія, но не умѣлъ сохранять пріобрѣтенное. А это умѣнье было бы очень нужно ему теперь, потому что его царству грозили со всѣхъ сторонъ предпріимчивые враги. Отъ могущественнѣйшаго противника, Лизимаха, котораго возбуждалъ къ войнѣ бѣжавшій зять его, Антипатръ, Димитрій скоро избавился на довольно долгое время: предпринявъ походъ противъ четовъ, Лизимахъ на сѣверѣ отъ нижняго Дуная былъ взятъ ими 292.
въ плѣнъ со всѣмъ своимъ войскомъ. Но тѣмъ опаснѣе былъ западный сосѣдъ Македоніи, храбрый царь эпирскій Пирръ, съ характеромъ котораго мы ознакомились (стр. 151 и слѣд.); онъ тогда расширилъ границы своего небольшого наслѣдственнаго царства, покоривъ земли отъ Ахелоя до Керавнійскаго хребта.

Пирръ эпирскій.

Пирръ былъ прежде другомъ Димитрія, женатаго на его сестрѣ Деидаміи, но послѣ битвы при Ипсосѣ пріобрѣлъ расположеніе Птолемея, который отдалъ за него свою дочь отъ Береники, Антигону, далъ ему денегъ и войско для покоренія отцовскаго царства. Теперь Пирръ былъ соперникомъ Димитрія, думая самъ овладѣть Македоніею и Греціею. Онъ былъ совершенно похожъ на Димитрія храбростью, любовью къ войнѣ, любезностью, великодушіемъ, искреннимъ расположеніемъ къ своимъ друзьямъ и сподвижникамъ, щедростью, склонностью къ опрометчивымъ предпріятіямъ; но былъ свободенъ отъ его любви къ пирамъ, склонности къ сладострастію, отъ его надменности; не бросался, какъ Димитрій, прямо изъ походныхъ опасностей въ разгульные пиры, не вдавался въ изнѣженность. У него было то преимущество надъ Димитріемъ, что онъ имѣлъ прочную опору для своихъ рискованныхъ предпріятій: онъ былъ царемъ народа воинственнаго, способнаго переносить всѣ трудности походовъ, чуждаго греческой изнѣженности, жившаго по стариннымъ обычаямъ въ простотѣ, умѣвшаго защищать свою свободу, свои привычныя права отъ насилія. Отношенія между царемъ и народомъ въ Эпирѣ основывались на договорѣ, условія котораго царь былъ обязанъ соблюдать. Каждый годъ эпирскій народъ собирался у селенія Пассарона; царь давалъ торжественную клятву править по закону, и народъ, въ замѣнъ его присяги, обѣщалъ быть вѣрнымъ ему. Населеніе Эпира состояло изъ разныхъ племенъ; важнѣйшимъ изъ нихъ были молоссы. Жители Эпира не усвоили себѣ греческой культуры; но Пирръ, хорошій администраторъ, соединилъ ихъ въ одно государство, столица котораго Амбракія сдѣлалась однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ городовъ тогдашней Греціи.

Димитрій въ Греціи. 293–291.

Овладѣвъ Македоніею, Димитрій, подобно Кассандру, хотѣлъ завоевать Грецію. Онъ испыталъ непостоянство грековъ, потому уже не имѣлъ охоты играть роль ихъ освободителя. Лахаръ, бывшій тираннъ аѳинскій, и отважный предводитель наемниковъ, потомокъ спартанскихъ царей, Клеонимъ, овладѣли Ѳивами и не хотѣли повиноваться Димитрію. Раздраженный этимъ, онъ пошелъ въ Беотію, покорилъ всѣ города этой области и поставилъ въ ней гарнизоны. Но онъ и теперь не измѣнилъ своему врожденному добродушію и наказалъ только 14 человѣкъ наиболѣе виновныхъ, остальныхъ простилъ. Не выказалъ онъ жестокости и въ наказаніи аѳинянъ, которые хотѣли напасть ночью на его гарнизоны, стоявшіе въ ихъ гаваняхъ, и, прогнавъ македонянъ, возстановить свою независимость. На-

чальникъ гарнизоновъ былъ храбрый и даровитый человѣкъ; попытка аѳинянъ не удалась; Димитрій удовольствовался тѣмъ, что заставилъ аѳинянъ возвратить гражданскія права изгнаннымъ приверженцамъ Димитрія Фалерскаго и Ѳеофраста; это упрочило преобладаніе македонско-аристократической партіи въ Аѳинахъ.

Неудачная война съ Пирромъ. 289.

Менѣе счастливъ былъ Димитрій въ борьбѣ съ Пирромъ, который при помощи воинственныхъ этолянъ разбилъ македонское войско, одолѣлъ на поединкѣ македонскаго военачальника Пантавха, человѣка исполинской силы, и сдѣлалъ удачный походъ къ Эдессѣ. Эпирскій царь пріобрѣлъ себѣ большую славу, а Димитрій, снова предавшійся разгульной жизни, погрязшій въ сладострастіи, утратилъ свою прежнюю репутацію.

Азіатскій деспотизмъ Димитрія.

Въ то время какъ Пирръ одержалъ блестящую побѣду, Димитрій праздновалъ на Коркирѣ свою свадьбу съ его женою Ланоссой, дочерью Агаѳокла, бросившей мужа; потомъ, возвратясь въ Македонію, Димитрій продолжалъ пировать и роскошничать. Его дворъ превосходилъ блескомъ всѣ другіе. Македоняне, и знатные и простолюдины, привыкли обращаться съ своими царями за-просто, имѣть свободный доступъ къ нимъ; Димитрій окружилъ себя церемоніаломъ персидскихъ царей; получить доступъ къ нему было очень трудно. Его высокомѣріе оскорбляло подданныхъ. Просители рѣдко допускались къ нему; аѳинское посольство два года ждало при его дворѣ чести къ нему явиться; онъ отбрасывалъ, унижалъ всѣ привычки, которыми дорожили македоняне. Въ царствѣ владычествовало сильное неудовольствіе; всѣ желали, чтобы прекратилось оскверненіе македонскаго престола азіатскимъ деспотомъ. Ненависть увеличилась, когда Димитрій обременилъ Македонію и Грецію невыносимыми налогами и повинностями, собирая деньги и войско для завоеванія азіатскихъ земель.

Приготовленіе Димитрія къ войнѣ. 288.

Димитрій хотѣлъ завоевать царство, которымъ владѣлъ его отецъ. Его приговленія къ войнѣ имѣли, по словамъ Плутарха, такіе громадные размѣры, что Греція еще не видывала ничего подобнаго. Димитрій собралъ войско, состоявшее изъ 98000 человѣкъ пѣхоты и 12000 конницы; на всѣхъ верфяхъ строились корабли и онъ сформировалъ себѣ флотъ, состоявшій изъ 500 кораблей, въ числѣ которыхъ были колоссальные, имѣвшіе по 15 и по 16 рядовъ веселъ; для флота нужно было 100000 человѣкъ гребцовъ. Если и предположимъ, что въ этихъ цифрахъ есть преувеличенія, все таки видно, что размѣръ приготовленій былъ обширенъ до безразсудства, что Димитрій совершенно истощилъ свои средства еще до начатія войны. Наборъ такой массы воиновъ и гребцовъ, говоритъ Дройзенъ, долженъ былъ страшно изнурить Македонію и Грецію, хотя большинство этой массы людей составляли наемники, иноземцы, бродяги, привлеченные жалованьемъ.

Димитрій прогнанъ изъ Македоніи.

Весна 287 г.

Громадныя приготовленія Димитрія грозили равной опасностью противникамъ его Лизимаху, Птолемею, Селевку, и услышавъ о нихъ, эти цари возобновили между собою союзъ, къ которому скоро присоединился и Пирръ. Прежде чѣмъ Димитрій успѣлъ кончить свои сборы, на него напали съ трехъ сторонъ. Съ востока вошелъ въ Македонію Лизимахъ; съ запада Пирръ дошелъ до города Берреи въ Нижней Македоніи, съ юга приплылъ къ берегамъ Греціи египетскій

флотъ, чтобы прогнать стоявшаго тамъ съ войскомъ Антигона Гоната, сына Димитрія. Димитрій двинулся сначала на Лизимаха, потомъ обратился на своего опаснѣйшаго противника, Пирра, но недовольство македонскаго народа перешло въ явное возстаніе. Воины, обвязавъ шлемы дубовыми вѣтвями, уходили цѣлыми отрядами въ непріятельскій станъ и объявляли Пирру, что хотятъ служить ему. Скоро все войско Димитрія возмутилось, разграбило и разорвало въ куски великолѣпный шатеръ царя; онъ бѣжалъ въ Кассандрію, оттуда съ небольшимъ остаткомъ вѣрныхъ воиновъ поплылъ въ Грецію, къ сыну. Фила не хотѣла пережить позоръ мужа, такъ много обижавшаго ее, она отравилась. Радостно привѣтствуемый народомъ, Пирръ занялъ Македонію, но восточная часть ея за рѣкою Нестомъ была отдана Лизимаху.

Зять Лизимаха Антипатръ надѣялся получить отцовское царство, но ошибся: алчность Лизимаха была сильнѣе родственнаго чувства. Антипатръ и его жена стали упрекать Лизимаха; онъ велѣлъ убить зятя и заперъ дочь въ темницу на всю жизнь. Въ слѣдующемъ году ему удалось присоединить къ своему царству всю Македонію.

Аѳины освобождаются.

Эти событія возбудили въ Греціи нѣкоторыя попытки къ возстановленію независимости. Въ особенности аѳиняне, вождемъ которыхъ былъ благородный патріотъ Олимпіодоръ, сдѣлали мужественное усиліе подняться изъ униженія. Старики и молодые граждане храбро пошли на холмъ Музъ, взяли его приступомъ, принудили македонскій гарнизонъ Пирея и Мунихіи уйдти, разбили непріятельскія войска въ сраженіи при Элевзинѣ. Геройская смерть Леокрита, который первый взошелъ на стѣну, одушевила его согражданъ удвоеннымъ мужествомъ, святое пламя прежнихъ подвиговъ снова вспыхнуло на нѣсколько времени. Скоро Димитрій съ большимъ войскомъ вступилъ въ Аттику и осадилъ Аѳины; но при извѣстіи, что приближается призванный на помощь аѳинянами Пирръ, онъ, послушавшись совѣтовъ философа Кратеса, снялъ осаду.

Димитрій въ Малой Азіи 295.

Димитрій примирился съ аѳинянами такъ охотно потому, что въ его пылкомъ воображеніи уже составился планъ новаго смѣлаго похода. Въ немъ замѣчательно было то, что среди величайшихъ бѣдствій онъ воодушевлялся отважными замыслами. Такъ теперь онъ вздумалъ попытаться возвратить себѣ въ Азіи все то, что потерялъ въ Европѣ. Оставивъ своего сына Антигона Гоната защищать Коринѳъ и тѣ пелопоннескіе города, которые еще не были отняты врагами, онъ поплылъ въ Азію. Въ Милетѣ онъ великолѣпно отпраздновалъ новую свадьбу, женившись на дочери египетскаго царя, потомъ пошелъ въ Карію, въ Лидію, мечталъ уже о завоеваніи Фригіи, Арменіи, объ основаніи новаго царства, когда постигла его бѣда, положившая конецъ его походамъ. Храбрый сынъ Лизимаха Агатоклъ шелъ на него съ большимъ войскомъ. Онъ долго уклонялся отъ врага смѣлыми передвиженіями, въ которыхъ блистательно вы-

казывались изобрѣтательность его ума и превосходство его стратегическаго таланта; но войско его уменьшалось отъ сраженій, трудныхъ переходовъ, отъ голода, болѣзней; многіе уходили изъ-подъ его знаменъ и наконецъ у него осталось такъ мало воиновъ, что онъ принужденъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Торопливо прошелъ онъ черезъ Киликійскія ущелья въ Тарсъ, но Агаѳоклъ занялъ всѣ дороги оттуда; увидѣвъ себя въ отчаянномъ положеніи, онъ обратился къ великодушію Селевка. Проникнувшись состраданіемъ къ нему, Селевкъ велѣлъ снабдить всѣмъ необходимымъ воиновъ его и просилъ Агаѳокла вернуться, говоря, что теперь Димитрій не опасенъ. Но Димитрій еще не отказался отъ надеждъ; ему мечталось, что онъ можетъ завоевать Киликію, которая нѣкогда принадлежала его отцу. Кода зима миновала, онъ сталъ дѣлать отчаянные набѣги, въ которыхъ буйные воины его грабили, рѣзали, совершали всякія злодѣйства. Онъ прошелъ до Исса и, едва оправившись отъ тяжелой

Димитрій взятъ въ плѣнъ 286.

болѣзни, напалъ ночью на Селевка, занимавшаго проходы чрезъ Аманскій хребетъ. Но Селевкъ былъ извѣщенъ объ его намѣреніи и приготовился встрѣтить его. Воины Димитрія увидѣли себя въ безнадежномъ положеніи; Селевкъ пригласилъ ихъ поступить на службу къ нему и они, покинувъ Димитрія, перешли къ Селевку. Димитрій съ нѣсколькими воинами, оставшимися при немъ, ушелъ въ горный лѣсъ; но всѣ выходы изъ лѣса были заняты и онъ сдался Селевку.

Димитрій въ Апамеѣ. 286—283.

Селевкъ назначилъ плѣнному царю мѣстомъ жительства городъ Апамею на верхнемъ Оронтѣ, дозволилъ ему поѣздки по окрестностямъ, опредѣлилъ ему богатое содержаніе, доставилъ ему возможность наслаждаться всякими удовольствіями, но поставилъ по всей линіи границъ апамейскаго округа стражу; мѣстность была удобна для строгаго охраненія и Димитрію не возможно было ни бѣжать, ни попытаться поднять возстаніе. Онъ роскошно прожилъ три года въ Апамеѣ; сначала разгонялъ скуку верховой ѣздой, охотой, гимнастическими упражненіями; потомъ проводилъ время въ пирахъ, въ игрѣ въ кости, въ развратѣ; излишества подорвали его желѣзное здоровье. Доживъ до 54 лѣтъ, этотъ искатель приключеній нашелъ, наконецъ, въ гробѣ спокойствіе, которое было чуждо его жизни.

283.

Прахъ его былъ отвезенъ въ золотой урнѣ торжественной процессіею въ Коринѳъ къ его любимому сыну Антигону, который похоронилъ его въ ѳессалійскомъ городѣ Деметріадѣ.

Характеръ Димитрія.

Димитрій Поліоркетъ былъ самымъ вѣрнымъ выраженіемъ характера той эпохи, соединявшей греческую образованность съ военной грубостью нравовъ: онъ то переносилъ величайшія опасности и лишенія, то растрачивалъ свои силы въ роскошныхъ пирахъ и развратѣ; онъ составилъ себѣ имя хорошаго математика изобрѣтеніемъ военныхъ машинъ и выказывалъ такую любовь къ искусству, что при осадѣ Родоса не хотѣлъ разрушать сѣверное предмѣстье города, чтобы не погибла находившаяся тамъ знаменитая картина Протогена. Въ Димитріѣ соединялись храбрость и строгость воина, очаровательная свѣтскость образованнаго грека съ необузданнымъ сладострастіемъ азіатца.

Птолемей Керавнъ 285.

Въ томъ же году, какъ Димитрій, умеръ и Птолемей Сотеръ («Спаситель») на 84

году жизни; за два года передъ тѣмъ онъ передалъ правленіе любимому своему сыну Птолемею Филадельфу (братолюбивому), родившемуся отъ второй его жены, Береники; передача правленія сопровождалась праздникомъ неслыханнаго великолѣпія. Старшій сынъ Птолемея, матерью котораго была Эвридика, называвшійся подобно отцу Птолемеемъ и прозванный за свою вспыльчивость Керавномъ (молніею), былъ оскорбленъ тѣмъ, что отецъ предпочелъ ему младшаго брата, и уѣхалъ изъ Египта, задумывая отмстить.

Смерть Лизимаха.

Онъ отправился къ Лизимаху, чье царство по присоединеніи Македоніи простиралось тогда отъ рубежа Илиріи черезъ Гераклею понтійскую до Тавра въ Азію. Сынъ бѣднаго ѳессалійца, не одаренный ни особеннымъ умомъ, ни силою характера, Лизимахъ возвысился до такого могущества только храбростью и удачей. Онъ былъ алченъ и жестокъ, думалъ только о деньгахъ и завоеваніяхъ. Въ увлеченіи этой страстью онъ утратилъ любовь подданныхъ и расположеніе своего семейства. Ближайшіе къ нему люди отравили своими раздорами конецъ его жизни, подвергли и его самого и все его семейство страданію и погибели. По политическимъ расчетамъ, онъ развелся съ Амастридою гераклейскою, племянницею Дарія, женщиною благородною, и женился на дочери египетскаго царя Арсиноѣ, гордой, властолюбивой интригантке. Арсиноя стала вредить старшему сыну Лизимаха отъ прежней его жены, одрисской царевны, храброму и благородному Агаѳоклу; она хотѣла погубить пасынка, чтобы доставить царство своему сыну. Говорятъ, что у нея была и другая причина ненависти къ Агаѳоклу. Онъ былъ красавецъ, и она хотѣла сдѣлать его своимъ любовникомъ, но онъ отвергъ ея любовь; притомъ она ненавидѣла его жену Лизандру, дочь ея отца отъ другой жены. Когда пріѣхалъ къ двору Лизимаха горячій и злой Птолемей Керавнъ, братъ ея по отцу (но не по матери), она вмѣстѣ съ нимъ увѣрила подозрительнаго старика Лизимаха, что Агаѳоклъ вошелъ въ тайное соглашеніе съ Селевкомъ и хочетъ убить отца, чтобы завладѣть его царствомъ. Лизимахъ поддался коварству, и его благородный сынъ сталъ жертвою мщенія злобной Арсинои. Агаѳокла хотѣли отравить за царскимъ обѣдомъ, но онъ остерегся, дѣло не удалось; тогда его бросили въ темницу, и Птолемей Керавнъ убилъ его тамъ. Жена Агаѳокла съ дѣтьми, братъ его по отцу и по матери Александръ и друзья его въ негодованіи покинули дворъ Лизимаха, отдались подъ защиту Селевка и просили его отмстить за Агаѳокла. Скоро бѣжалъ къ Селевку и Птолемей Керавнъ, потому что дружескія отношенія между ѳракійскимъ и египетскимъ дворами были упрочены новой свадьбой, и онъ потерялъ надежду, что Лизимахъ поможетъ ему завоевать Египетъ. Возникли ссоры между Селевкомъ и Лизимахомъ. Приверженцы Агаѳокла возбуждали Селевка къ войнѣ; въ малоазійскихъ владѣніяхъ Лизимаха господствовало желаніе перейдти изъ подъ его власти подъ власть Селевка. Благодаря тому, Селевкъ былъ увѣренъ въ побѣдѣ и началъ войну въ отмщеніе за Агаѳокла.

Онъ былъ радостно встрѣченъ въ Лидіи, въ Іоніи, побѣдоносно прошелъ въ Геллеспонскую Фригію. Тамъ въ мѣстности, называвшейся Корупедіемъ (равниною Кора), произошла рѣшительная битва. Старикъ Лизимахъ былъ убитъ однимъ изъ уроженцевъ Гераклеи; войско его сдалось Селевку, или разбѣжалось. Тѣло Лизимаха было найдено лишь черезъ нѣсколько дней послѣ сраженія: оно было указано вѣрной собакою его. Сынъ Лизимаха Александръ положилъ его прахъ въ Лизимахіи въ царской гробницѣ. Арсиноя съ дѣтьми еще до сраженія бѣжала въ Эфесъ. Увидѣвъ себя въ опасности тамъ, она, одѣвшись въ нищенское платье, сѣла на корабль и уплыла въ Кассандрію.

Лѣто 281 г.

Смерть Селевка 280.

Такимъ образомъ изъ всѣхъ тѣхъ полководцевъ Александра, которые сдѣлались царями, оставался теперь въ живыхъ только Селевкъ. Онъ далеко превосходилъ умомъ и талантами царей новаго поколѣнія. Счастье вознесло его на высоту могущества: подъ его властью соединились теперь два сильныя царства. За двѣнадцать лѣтъ передъ тѣмъ онъ уступилъ своему сыну отъ перваго брака, Антіоху, свою вторую жену, красавицу Стратонику, дочь Димитрія Поліоркета; Антіохъ былъ влюбленъ въ нее и занемогъ отъ любви. Сдѣлавъ ее женою его, Селевкъ отдалъ ему въ управленіе восточныя области своего царства; теперь отдалъ ему и Сирію и завоеванныя въ Малой Азіи области до самаго Геллеспонта; Ѳракію хотѣлъ отдать законнымъ наслѣдникамъ, дѣтямъ Агаѳокла, а самъ хотѣлъ править Македоніею. Онъ чувствовалъ тоску по родинѣ, покинутой имъ въ малолѣтствѣ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ; онъ хотѣлъ дожить свою старость тамъ, гдѣ прошла его юность, желая быть хранителемъ мира между царями новаго поколѣнія, руководить ихъ своими совѣтами, какъ отецъ, отдохнуть и умереть на родинѣ. Но судьба не дала ему спокойной естественной смерти. Ему было сказано оракуломъ, чтобъ онъ не подходилъ къ Аргосу. Онъ не понялъ этого предостереженія или не обратилъ на него вниманія. Переправясь черезъ Геллеспонтъ, онъ осматривалъ старинный жертвенникъ, который по преданію былъ сооруженъ аргонавтами и потому назывался Аргосомъ; у этого жертвенника Птолемей Керавнъ коварно убилъ его, подкравшись къ нему сзади. То были времена беззаконій, всѣ благородныя чувства были до такой степени подавлены, всѣ понятія о правахъ до такой степени помрачены, что гнусный убійца безъ особеннаго труда склонилъ войско и народъ признать его царемъ Ѳракіи и Македоніи.

Весна 280.

Птолемей Керавнъ овладѣваетъ Македоніею.

Успѣхъ наглаго узурпатора былъ облегченъ всеобщей анархіей и неудовольствіемъ ѳракійскихъ и македонскихъ войскъ противъ Селевка; подарки, обѣщанія и страхъ противорѣчить совершившемуся факту доставили торжество дерзкому замыслу. Пирръ, задумавшій плыть въ Италію, пренебрегъ изъ-за этого фантастическаго плана случаемъ покорить Македонію и принялъ отъ хищника предложенный ему вспомогательный отрядъ. Птолемей

Филадельфъ помогалъ своему брату одолѣть соперника, Антигона Гоната, владѣвшаго Коринѳомъ: египетскій царь желалъ охранить себя отъ возвращенія отважнаго злодѣя въ Египетъ, упрочивъ его царство въ Европѣ. Сынъ Селевка Антіохъ трусливо призналъ убійцу своего отца законнымъ государемъ. Но, пока вдова Лизимаха Арсиноя жила съ своими дѣтьми въ Кассандріи, Птолемей Керавнъ считалъ свою власть непрочной. Потому онъ принудилъ свою сестру по отцу вступить съ нимъ въ бракъ; по торжественномъ въѣздѣ Арсинои въ разукрашенную для ея встрѣчи столицу, новый мужъ велѣлъ убить ея сыновей въ ея объятіяхъ. Съ ужасомъ бѣжала Арсиноя отъ злодѣя; она удалилась въ Самоѳракію, оттуда пріѣхала въ Египетъ и вступила въ бракъ съ Птолемеемъ Филадельфомъ, своимъ братомъ и по отцу и по матери.

---

8. Галлы въ Македоніи, Греціи, Малой Азіи.

Смерть Птолемея Керавна въ сраженіи съ галлами. 280.

Птолемей Керавнъ напоминалъ молнію не только демонической силой характера, но и тѣмъ, что быстро являлся и исчезалъ. Едва онъ утвердилъ на своей головѣ добытую преступленіями корону Македоніи, явились на границѣ его царства огромныя полчища пришельцевъ, угрожавшихъ опустошить страну, если имъ не дадутъ выкупа, какого они требуютъ. Это были толпы кельтовъ или галловъ, народа, главная масса котораго жила, какъ мы знаемъ, между Рейномъ, Атлантическимъ океаномъ и Пиренеями, а нѣкоторыя племена поселились въ долинѣ По, жили и на средней части Дуная, на Иллирскомъ прибрежьи, какъ мы видимъ, по множеству названій старинныхъ городовъ, по оружію и нарядамъ, находимымъ въ гробницахъ, по монетамъ, представляющимъ грубое подражаніе македонскимъ.

Мы говорили (стр. 175), что послы кельтовъ приходили къ Александру на Дунай и хвалились ему, что ихъ народъ не боится ничего, кромѣ паденія неба на землю; черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того кельты стали предпринимать походы на востокъ; это были только нашествія съ цѣлью грабежа; подобно грозѣ, опустошивъ пройденную ими землю, хищники удалялись; ободряемые успѣхами, они стали ходить все дальше и дальше. Кассандръ прогналъ ихъ отъ Гемуса; черезъ нѣсколько лѣтъ болѣе многочисленныя полчища ихъ, подъ предводительствомъ Камбавла („Могучаго"), явились во Ѳракіи; Лизимахъ пошелъ отразить ихъ; они вернулись на родину съ богатой добычей. Тамъ жадно слушали ихъ разсказы о сокровищахъ земель на юго-востокѣ, о множествѣ золота въ храмахъ, о драгоцѣнной посудѣ въ домахъ, о прекрасныхъ женщинахъ. Анархія во Ѳракіи и Македоніи по смерти Лизимаха и Селевка, недовольство народа свирѣпымъ Птолемеемъ Керавномъ манили варваровъ къ новымъ нашествіямъ.

Осенью 280 года безчисленныя полчища кельтовъ перешли Дунай,

и, раздѣлившись на три войска, наводнили земли на югѣ. Керетрій («славный») пошелъ опустошать землю ѳракійцевъ и трибалловъ, Бреннъ («вождь») Акихорій повелъ свое войско на пеонійцевъ, а Больгій пошелъ на иллирійцевъ и македонянъ. Птолемей Керавнъ, болѣе искусный убійца, чѣмъ полководецъ, высокомѣрно отвергъ и мирныя предложенія галловъ, и помощь, которую предлагали ему дарданы. Гордясь тѣмъ, что ему служатъ воины, завоевавшіе востокъ, онъ воображалъ, что можетъ разбить галловъ, хотя у него было мало войска, и далъ битву врагу, далеко превосходившему его числомъ. Стремительнымъ натискомъ варвары разорвали ряды македонянъ; много ихъ было убито, другіе разбѣжались. Слонъ, на которомъ сидѣлъ Птолемей, былъ раненъ, взбѣсился, сбросилъ его, и онъ былъ убитъ. Галлы взоткнули на копье его голову и носили, какъ трофей. Не встрѣчая сопротивленія, они разошлись по всей странѣ, грабили, жгли селенія, истребляли народъ. Спасеніе отъ нихъ люди находили только за стѣнами укрѣпленныхъ городовъ. Цѣлые мѣсяцы длилось это опустошеніе; наконецъ знатный македонянинъ Сосѳенъ собралъ войско и принудилъ враговъ отступить. Они ушли на родину съ богатою добычей. Скоро вернулись и два другія войска, но съ добычей, гораздо менѣе богатой. Они хотѣли тоже обогатиться. Бреннъ собралъ войско многочисленнѣе прежняго и слѣдующей весной повелъ на югъ 200.000 пѣшихъ и конныхъ воиновъ; въ числѣ ихъ, безъ сомнѣнія, были и сеноны, не задолго передъ тѣмъ прогнанные римлянами изъ Италіи. На 2000 телѣгахъ ѣхали женщины, дѣти, старики, за воинами шло множество невооруженныхъ людей, потому что это нашествіе было не просто походомъ для грабежа: галлы хотѣли переселиться въ новыя земли.

Новое нашествіе галловъ.

Въ особенности, кажется, имѣли эту цѣль 20,000 галловъ, которые подъ предводительствомъ Леонорія и Лутарія отдѣлились отъ главнаго войска въ землѣ дардановъ, пошли на востокъ и опустошили Ѳракію и прибрежье Геллеспонта.

Храброе сопротивленіе грековъ въ Термопилахъ. 279.

Сосѳенъ хотѣлъ отразить полчища Бренна отъ Македоніи, но былъ подавленъ превосходствомъ числа и убитъ. Галлы снова разошлись по Македоніи, не встрѣчая сопротивленія, грабили и жгли храмы и селенія. Мимо укрѣпленныхъ городовъ они шли, не останавливаясь осаждать ихъ, прошли Ѳессалію и приблизились къ Термопиламъ, желая прорваться въ Грецію и овладѣть сокровищами Дельфійскаго храма, молва о которыхъ дошла до нихъ. Страхъ и чувство чести придали храбрость населенію Средней Греціи. Въ Термопилахъ собралось болѣе 20000 человѣкъ тяжеловооруженной пѣхоты и 1500 конницы. Главнокомандующимъ былъ аѳинянинъ Каллиппъ, хотя аѳинянъ тутъ было только 1000 гоплитовъ и 500 всадниковъ, между тѣмъ какъ ѳиванцевъ было 10,000 человѣкъ, этолянъ 7000. Пелопоннесцы, опасаясь нападенія спартанцевъ, не рѣшились идти въ Среднюю Грецію и ограничились приготовленіями къ оборонѣ Истма.

Поддерживаемое аѳинскимъ флотомъ греческое войско искусно и мужественно отражало галловъ. Какъ во времена Ксеркса, варвары падали массами отъ оружія гоплитовъ.

Галлы въ Этоліи.

Чтобъ уменьшить число воиновъ, защищающихъ Термопилы, Бреннъ употребилъ хитрость: онъ послалъ другою дорогою отрядъ войска въ Этолію. Галлы ходили по долинамъ этольскихъ горъ, опустошали ихъ огнемъ и мечомъ, свирѣпо истребляли народъ, оставшійся беззащитнымъ. Узнавъ объ этомъ, этоляне ушли отъ Термопилъ спасать свои семейства отъ варваровъ. Когда воины пришли, то и старики, женщины, дѣти взялись за оружіе; ахейцы изъ города Патръ прислали помощь этолянамъ; греки стали нападать на грабителей и прогнали ихъ съ большимъ урономъ въ Ѳессалію. Лишь немногіе успѣли соединиться съ главнымъ войскомъ, продолжавшимъ сражаться съ греками у Термопилъ. Всѣ нападенія галловъ оставались напрасны. Но эніанцы, желая избавиться отъ варваровъ, грабившихъ ихъ область, показали Бренну ту тропинку, по которой прошли нѣкогда персы черезъ хребетъ Эты; въ туманный день отрядъ галловъ взошелъ на гору, прогналъ стоявшихъ тамъ фокейцевъ, спустился по ущельямъ и зашелъ въ тылъ грекамъ. Тогда греки сѣли на аѳинскіе корабли, стоявшіе въ сосѣднемъ заливѣ, и уплыли.

Бреннъ переходитъ Эту.

Пораженіе галловъ близъ Дельфъ.

Галлы свободно прошли черезъ Термопилы и стали опустошать сосѣднія области, раздѣлившись на два войска. Съ однимъ изъ нихъ Бреннъ пошелъ къ Дельфамъ, куда манили его сокровища храма. Но знаменитое святилище и теперь, какъ во время Ксеркса, было спасено богами отъ ярости варваровъ. По разсказамъ грековъ, 4000 гоплитовъ заняли выгодныя позиціи на высотахъ и крутизнахъ, стали скатывать на варваровъ огромные камни, пускать въ нихъ стрѣлы и дротики, потомъ бросались на нихъ съ копьями и мечами, а въ то же время поднялась вьюга, разразилась гроза, варварами овладѣлъ страхъ, они смѣшались; Бреннъ и многіе другіе были убиты, остальные бѣжали, преслѣдуемые греками, которыхъ воодушевляла вѣра, что самъ Аполлонъ защищаетъ свое святилище и поражаетъ варваровъ.

Дальнѣйшая судьба галловъ (галаты въ Малой Азіи).

Потерявъ много людей и значительную часть обоза, галлы были оттѣснены опять за Термопилы, пошли черезъ Ѳессалію и Македонію въ землю дардановъ. Тутъ ихъ войско, въ которомъ оставалось еще до 100000 человѣкъ, раздѣлилось на двѣ части. Одна подъ начальствомъ Батаната пошла въ Иллирію, другая по пути прежняго нашествія во Ѳракію и къ берегамъ Геллеспонта, соединилась съ другими галлами, ушедшими туда раньше, ограбила Лизимахію и Херсонесъ ѳракійскій, взяла контрибуцію съ богатой Византіи, потомъ раздѣлилась на разные отряды: одни поселились во Ѳракіи, другіе, привлекаемые богатствомъ азіатскаго берега, переправились черезъ Геллеспонтъ. Поселившіеся во Ѳракіи основали подъ управленіемъ Комонторія царство Тиле въ странѣ одрисовъ; оно обнимало часть разрушившагося ѳракійскаго царства; галлы въ немъ владычествовали надъ гетами и трибаллами; брали большую дань съ Византіи, съ другихъ

греческихъ городовъ на берегу Чернаго моря и Пропонтиды, распространяли своими набѣгами ужасъ до греческаго торговаго города Ольвіи. Многіе ѳракійскіе вельможи покинули родину, поступили на службу къ Селевкидамъ и Птолемеямъ. Изнѣженность грековъ облегчала побѣды и грабежи кельтамъ. Въ дошедшемъ до насъ отрывкѣ одного изъ писателей того времени говорится о византійцахъ, что они «любятъ роскошничать и пить, безвыходно проводятъ время въ гостинницахъ, уступаютъ своихъ женъ пріѣзжимъ и даже и во снѣ не слышали военной трубы». Другой отрядъ галловъ подъ начальствомъ Лутарія и Леонорія поступилъ на службу къ виѳинскому владѣтелю Никомеду, долго велъ бродячую жизнь и наконецъ поселился между Виѳиніею и Каппадокіею въ странѣ, которая получила имя Галатіи.

Такимъ образомъ мало по малу затихла гроза, произведенная нашествіемъ галловъ. Нѣкоторые отряды ихъ поступили на службу къ разнымъ царямъ и тиранамъ. При помощи гальскихъ наемниковъ захватилъ владычество надъ македонскимъ городомъ Кассандріею коварный и свирѣпый Аполлодоръ, деспотизмъ котораго превосходилъ всякую мѣру. Птолемей Филадельфъ имѣлъ въ своихъ войскахъ гальскихъ наемниковъ; они дошли въ своемъ хищничествѣ и буйствѣ до того, что онъ велѣлъ утопить ихъ въ Нилѣ.

Самостоятельную жизнь долго вели только тѣ галлы, которые поселились между Виѳиніей и Каппадокіей и которыхъ греки называютъ галатами. Они нѣсколько столѣтій играли довольно замѣтную роль въ исторіи. Греческіе владѣтели Малой Азіи въ войнахъ между собою пользовались ими, какъ наемниками; это давало имъ удобство упрочиться въ занятой ими землѣ и постепенно расширить ее. Галатія дѣлилась по тремъ племенамъ народа на три области: въ одной жили трокмеры, въ другой тектосаги, въ третьей толистобои; столицами областей были Анкира, Пессинунтъ и Тавія; каждая область дѣлилась на четыре округа, которые назывались тетрархіями; военнымъ правителемъ тетрархіи былъ Тетрархъ, а гражданскимъ управленіемъ завѣдывалъ судья (дикастъ). Уголовныя дѣла судило собраніе 300 человѣкъ, сходившееся въ «дубовой рощѣ» (Dryaineton). Галаты грабили сосѣднія земли, служили наемниками у греческихъ царей Азіи. Въ своихъ набѣгахъ они доходили до Эфеса, Милета, до границъ Каріи. Грубые, но храбрые варвары, они были ужасомъ изнѣженнаго малоазійскаго населенія. Даже Селевкиды не могли одолѣть ихъ и временами платили имъ дань, чтобъ избавиться отъ ихъ грабительствъ.

III. Новая система государствъ.

1. Египетское царство.

Египетское царство, основною частью котораго была защищенная пустынями долина Нила и къ которому на западѣ отъ Нила принадлежали греческій Пентаполь (Киренаика) и сосѣднія части Африки, на востокѣ временами Палестина, Финикія, изобиловавшій кедровыми лѣсами Ливанъ, Келесирія, Антиливанъ и часть остальной Сиріи до Дамаска и дальше, нерѣдко и владычествующій надъ моремъ островъ Кипръ, достигло при первыхъ Птолемеяхъ (или Лагидахъ) очень высокаго матеріальнаго благосостоянія. Уже первый лагидъ, Птолемей Сотеръ («Спаситель») положилъ основаніе всему тому, на чемъ опиралось величіе Египта: сформировалъ большое войско и сильный флотъ, устроилъ строго опредѣленный порядокъ въ администраціи, финансахъ и судопроизводствѣ подъ неограниченный властью царя, оказывалъ покровительство ученой дѣятельности, имѣвшей впослѣдствіи своимъ центромъ знаменитый Музей, соединенное съ царскимъ дворцомъ громадное зданіе, въ которомъ помѣщалось огромная библіотека и жили ученые и поэты.—Сынъ и наслѣдникъ Птолемея Сотера, Птолемей Филадельфъ развилъ и упрочилъ начатое отцомъ. Онъ расширилъ государство: ходилъ далеко въ Эѳіопію (въ 264—258 годахъ), содѣйствовалъ уничтоженію владычества жрецовъ въ Мероэ (I, 186), ввелъ это государство въ связь съ міромъ греческой культуры; покорилъ троглодитскій (абиссинскій) берегъ, покорилъ сабеевъ и гомеритовъ южной Аравіи. Онъ открылъ для египетскихъ купцовъ путь къ торговлѣ съ сѣверо-западомъ, заключивъ по удаленіи Пирра изъ Италіи союзъ съ Римомъ; это дало восточнымъ товарамъ свободный доступъ въ италійскія гавани (стран. 168). Онъ окружилъ себя великолѣпнымъ дворомъ, неслыханно роскошнымъ, украсилъ свою столицу, сдѣлалъ ее центромъ всѣхъ тѣхъ умственныхъ и матеріальныхъ наслажденій, какія могутъ быть доставлены богатствомъ и образованностью.

Объемъ царства Птолемеевъ. Цвѣтущее состояніе его.

Птолемей, сынъ Лага или Сотеръ. Умеръ въ 283 году.

При Птолемеѣ Филадельфѣ сумма денегъ, лежавшая въ царской казнѣ, простиралась до 270.000 египетскихъ талантовъ (болѣе 825 милліоновъ рублей); доходы возросли до 14.800 талантовъ (болѣе 16.500,000 рублей); богатство Египта было такъ велико, что даже Карѳагенъ дѣлалъ займы въ Александріи. Войско и флотъ были огромны. Птолемей Филадельфъ имѣлъ 200.000 человѣкъ пѣхоты, 40.000 конницы, 300 слоновъ, 2.000 боевыхъ колесницъ, 1.500 военныхъ кораблей, 800 яхтъ, роскошно украшенныхъ золотомъ и серебромъ, 2.000 мелкихъ судовъ, и запасъ оружія на 300.000 воиновъ. По всему государству стояли гарнизоны, державшіе все въ покорности царю. Ѳеокритъ, восхваляя Птолемея Филадельфа, говорилъ: «Прекрасный царь Птолемей владычествуетъ надъ богатымъ Египтомъ, въ которомъ много городовъ; служатъ ему часть Аравіи и Финикія; повелѣваетъ онъ Сиріею, Ливіею и эѳіопскою землею; его велѣніямъ повинуются памфилійцы, копьеносные киликіяне, ликійцы, воинственные карійцы, кикладскіе острова,—потому что могущественъ его флотъ, и покорны его власти всѣ берега и моря и шумныя рѣки. Много у него конныхъ и пѣшихъ воиновъ, одѣтыхъ въ блестящія латы. Но мирно, въ спокойной безопасности трудится народъ, потому что не приходятъ къ Нилу непріятельскіе воины съ дикимъ крикомъ грабить селенія, не выпрыгиваютъ изъ кораблей враги на берегъ Египта тревожить стада. Птолемей, искусный воинъ, охраняетъ обширныя поля; храбрый царь, онъ заботливо оберегаетъ владѣнія, наслѣдованныя отъ отца, и увеличиваетъ ихъ своими пріобрѣтеніями».

Отношенія къ Селевкидамъ. 258—248.

Птолемей Филадельфъ любилъ заботы о внутреннихъ дѣлахъ царства больше, чѣмъ войну, но не пропускалъ удобныхъ случаевъ увеличивать свои владѣнія. Онъ отнялъ у второго царя династіи Селевкидовъ Финикію и Палестину, изъ-за которыхъ было много войнъ между египетскими и сирійскими царями, овладѣлъ землями южнаго прибрежья Малой Азіи: Киликіею, Памфиліею, Ликіею и Каріею, и для упроченія своего господства надъ ними основалъ новые города (Беренику, Филадельфію и Арсиною въ Ликіи), старался обезпечить свои завоеванія отъ нападеній договорами и брачными связями.

248.

Въ залогъ мира съ сирійскимъ царемъ Антіохомъ II онъ отдалъ за него свою дочь, красавицу Беренику. Она была отправлена въ Антіохію съ блестящею свитою. По любви къ Береникѣ, Антіохъ прогналъ отъ себя прежнюю жену, Лаодику, и ея дѣтей. Но когда онъ въ слѣдующемъ году поѣхалъ въ Малую Азію, Лаодика съумѣла снова сблизиться съ нимъ; она хотѣла мстить; отравила въ Эфесѣ царя, доставила престолъ своему сыну Селевку II, названному Каллиникомъ («побѣдоноснымъ»), и потомъ безчеловѣчно умертвила ненавистную Беренику и всѣхъ ея приверженцевъ. Подкупленный Лаодикою тѣлохранитель убилъ малютку, сына Береники; мать, въ ярости отчаянія, бросила въ убійцу камень и убила его; и сама была убита, по приказанію Лаодики, въ Дафнійскомъ святилищѣ. Извѣстіе объ ужасной смерти дочери ускорило смерть Филадельфа.

Птолемей Эвергетъ. 247—221.

Преемникъ Филадельфа, Птолемей III, во всемъ державшійся политики отца, пошелъ въ Сирію отмстить за сестру. Незадолго передъ тѣмъ онъ женился на Береникѣ, царицѣ Киренской, убившей измѣнявшаго ей перваго мужа, Димитрія Прекраснаго, сына Димитрія Поліоркета. При началѣ войны, она обѣщала принести свои прекрасные волоса въ даръ богамъ, если ея мужъ возвратится съ побѣдою.

Мужъ возвратился; она отрѣзала свои волоса и принесла ихъ въ храмъ. Они исчезли; астрономъ Кононъ объявилъ, что они перенесены богами на небо, и далъ одному изъ созвѣздій названіе «волосъ Береники».

Война Птолемея Эвергета съ Сиріею. 246—243.

Мы очень мало знаемъ и о войнѣ Птолемея III съ Сиріею,—третьей сирійской войнѣ, какъ о первыхъ двухъ. Она длилась три года и поколебала слабое сирійское царство. Птолемей раздвинулъ границы своихъ владѣній далеко на сѣверъ и востокъ, проложилъ новые пути египетской торговлѣ. Адульская надпись, въ которой онъ, по примѣру фараоновъ, хвастливо перечисляетъ свои подвиги, говоритъ: „Великій Птолемей пошелъ въ Азію съ пѣшимъ и коннымъ войскомъ, съ флотомъ, съ троглодитскими и эѳіопскими слонами, которыхъ отецъ его и онъ поймали въ этихъ странахъ и обучили въ Египтѣ военной службѣ. Покоривъ своими войсками и слонами всѣ земли до Эвфрата, Киликію, Памфилію, Іонію, Геллеспонтъ и Ѳракію и царей ихъ, онъ перешелъ Эвфратъ, завоевалъ Месопотамію, Вавилонію, Сузіану, Персиду, Мидію и остальную землю до Бактріаны; и повелѣвъ разыскать всѣ святыни, увезенныя изъ Египта персами, и вмѣстѣ съ другими сокровищами отвезти въ Египетъ, онъ послалъ свои войска по каналамъ...“ (по каналамъ низовья Эвфрата и Тигра). Это походъ, о которомъ у пророка Даніила говорится: „Возстанетъ отрасль отъ корня ея“—убитой дочери южнаго царя, т. е., Береники—„прійдетъ къ войску и войдетъ въ укрѣпленія царя сѣвернаго, и будетъ дѣйствовать въ нихъ, и усилится; даже и боговъ ихъ, истуканы ихъ съ драгоцѣнными сосудами ихъ, серебряными и золотыми, увезетъ въ плѣнъ въ Египетъ“ (Дан. XI, 7, 8). Добыча, взятая Птолемеемъ, была дѣйствительно громадна: 40,000 талантовъ серебра, 2.500 драгоцѣнныхъ изваяній и сосудовъ. Въ благодарность за то, что онъ возвратилъ въ египетскіе храмы священныя вещи, взятыя изъ нихъ Камбизомъ и Охомъ, египтяне дали ему названіе „благодѣтеля“ (въ греческомъ переводѣ, „эвергета“), бывшее эпитетомъ бога Озириса.—Сирійскій царь, силы котораго были ослаблены раздорами въ государствѣ, заключилъ перемиріе на десять лѣтъ, согласившись оставить во власти побѣдителя Финикію, Палестину и южный берегъ Малой Азіи. Египетъ при Эвергетѣ былъ, по выраженію Полибія, „подобенъ крѣпкому тѣлу съ широко раскинутыми руками“.—При Птолемеѣ Филопаторѣ или Трифонѣ („Гулякѣ“), жестокомъ и развратномъ, начинается упадокъ египетскаго царства. Продолжительная война съ Антіохомъ III, царемъ сирійскимъ, разорила государство и, хотя египтяне одержали побѣду при Рафіи (смотр. ниже), кончилась тѣмъ, что Филопаторъ утратилъ свои владѣнія по Ливану и въ Малой Азіи. Кромѣ того, римляне пріобрѣли поводъ вмѣшаться во внутреннія дѣла Египта. По смерти Филопатора вліяніе римлянъ усилилось: они взяли на себя опеку надъ его малолѣтнимъ преемникомъ, Птолемеемъ Эпифаномъ, и слѣдующіе египетскіе цари находились въ полной зависимости отъ римлянъ. Плодородный Египетъ былъ важенъ для нихъ тѣмъ, что они получали оттуда много хлѣба.

239. (при словах «ослаблены раздорами въ государствѣ»)

Птолемей Филопаторъ. 221—204.

Птолемей Эпифанъ. 204—181.

При трехъ первыхъ Птолемеяхъ Египетъ былъ могущественнымъ государствомъ, и новая столица его, Александрія, стала центромъ искусствъ, богатымъ городомъ, превзошла своимъ великолѣпіемъ столицы фараоновъ, Мемфисъ и Ѳивы. Торговля и промышленность процвѣтали въ Египтѣ. Много содѣйствовало этому выгодное положеніе страны. Египетъ велъ торговлю съ Аравіею, Индіею; былъ

исправленъ, сдѣланъ снова судоходнымъ каналъ Нехо (I, 195); египетскіе караваны ходили черезъ пустыню къ народамъ юга и запада, египетскій флотъ очистилъ Средиземное море отъ разбойниковъ, и много египетскихъ торговыхъ кораблей плавало по немъ; на берегу Чермнаго моря были основаны города и факторіи; важная въ торговомъ отношеніи Финикія, Палестина, южный берегъ Малой Азіи, многіе острова, въ томъ числѣ Самосъ и Киклады, были присоединены къ царству Птолемеевъ; даже во Ѳракіи были завоеваны портовые города (Эносъ, Маронея, Лизимахія). Главными дѣятелями культуры и промышленности въ Египтѣ были греки, расселившіеся по всей странѣ, особенно въ городахъ; подъ ихъ вліяніемъ, туземцы покинули прежнюю свою упорную неподвижность быта, приняли участіе въ новыхъ видахъ дѣятельности. Но первые Птолемеи проводили преобразованія очень осторожно, чтобы не возбудить неудовольствія въ народѣ, исполненномъ предразсудковъ, привязанномъ къ старинѣ. Они не дѣлали крутыхъ реформъ, оказывали уваженіе къ египетскимъ жрецамъ, храмамъ, законамъ; оставляли неприкосновенными іерархическое устройство, дѣленіе на касты, туземное богослуженіе, сохранили раздѣленіе Египта на области (номы), введенное, по преданію, Сезострисомъ и находившееся въ тѣсной связи съ аграрнымъ устройствомъ густо-населенной страны. Религія при Птолемеяхъ была сліяніемъ греческихъ элементовъ съ туземными. Основаніемъ ея было служеніе Серапису и Изидѣ, получившее великолѣпныя формы; въ это служеніе былъ перенесенъ греческій культъ подземныхъ божествъ (I, 149). — Александрія стала центромъ космополитской литературы, принимавшей въ себя элементы цивилизаціи всѣхъ культурныхъ народовъ, распространявшей ихъ по всему цивилизованному міру и, такимъ образомъ, вырабатывавшей изъ всѣхъ прежнихъ національныхъ культуръ одну, общую всѣмъ цивилизованнымъ народамъ. — Греческій языкъ сталъ въ Египтѣ языкомъ двора, администраціи и судопроизводства.

---

2. Царство Селевкидовъ.

Селевкъ Никаторъ умеръ въ 280.

Антіохъ I (Сотеръ) 280—261.

Когда Селевкъ Никаторъ («Побѣдитель») былъ предательски убитъ близъ Лизимахіи (стран. 298), его сынъ Антіохъ, ужъ много лѣтъ управлявшій восточными областями царства, сталъ править и областями между Эвфратомъ и Средиземнымъ моремъ. Но хотя обѣ половины государства и соединились теперь подъ однимъ управленіемъ, оставалась между ними существенная разница: въ Иранѣ глубоко вкоренились мидо-персидская культура, религія и обычаи; онъ не поддавался вліянію греческой цивилизаціи; а страны на западѣ отъ Тигра довольно легко принимали греческую образованность; потому эта половина государства считалась главною частью его. Въ Сиріи, въ Месопотаміи, многія мѣстности получили греческія названія, было основано много македонско-греческихъ городовъ, такъ что эти земли казались македонянамъ родными. Въ Сиріи Селевкъ Никаторъ основалъ на рѣкѣ Оронтѣ блестящую столицу своего царства, Антіохію. Громадностью и великолѣпіемъ соперничала съ нею основанная Селевкомъ на Тигрѣ Селевкія, въ которой сынъ похоронилъ его тѣло и построилъ храмъ для воздаванія божескихъ почестей ему. Эти и другіе многочисленные города, основанные Селевкомъ и Антіохомъ въ западной половинѣ царства, распространяли по ней греческій языкъ, культуру и обычаи.

Восточная и западная половины царства.

Изъ городовъ, основанныхъ Селевкомъ, шестнадцать получили отъ него названіе „Антіохія", по имени его отца, девять—названіе „Селевкія", по его собственному имени; три—названіе „Апамея" и тоже три—„Стратоникея", по именамъ его женъ; другіе города назвалъ онъ именами македонскихъ или греческихъ городовъ, а нѣкоторымъ далъ имена въ честь Александра или въ память своихъ побѣдъ. Чтобы легче поддерживать порядокъ въ своемъ обширномъ государствѣ, состоявшемъ изъ областей многихъ разныхъ народовъ, Селевкъ раздѣлилъ его на сатрапіи меньшаго объема, чѣмъ были прежнія персидскія, и оставилъ за правителями ихъ только гражданскую власть, поручивъ начальство надъ войсками другимъ сановникамъ. Число сатрапій въ его царствѣ простиралось до 72. Селевкиды менѣе лагидовъ покровительствовали наукѣ и литературѣ. Ихъ владычество имѣло по преимуществу военный характеръ.

Роскошь и упадокъ энергіи.

При всей заботѣ Селевкидовъ доставить греческимъ языку и культурѣ преобладаніе въ царствѣ, они не успѣли придать ему такое единство, какое имѣлъ Египетъ; они основали множество городовъ съ греческимъ населеніемъ, проводили торговыя дороги; но народы разныхъ областей царства остались чужды другъ другу и греческой культурѣ. Ихъ національныя особенности скоро проявили свою силу, потому что могущество Селевкидовъ уменьшалось. Династія Селевка усвоила себѣ восточную роскошь, впала въ азіатскую изнѣженность; налоги были высоки, торговая дѣятельность была велика, и потому Селевкиды получали очень большіе доходы, имѣли полную возможность роскошничать. Дворъ увлекался чувственными наслажденіями, сталъ центромъ пороковъ; дурной примѣръ его портилъ, разслаблялъ населеніе. Нигдѣ раболѣпство не проявлялось въ такихъ унизительныхъ формахъ, какъ въ сирійско-вавилонскомъ царствѣ; нигдѣ подданные не вдавались въ такую постыдную льстивость. Они не только строили храмы, оказывали божескія почести своимъ царямъ; одного изъ нихъ они прямо назвали «богомъ». Это былъ сынъ Антіоха I Сотера («спасителя»), убитаго въ неудачномъ сраженіи съ галатами

Антіохъ II при Эфесѣ, Антіохъ II, буйный развратникъ: слово «богъ» (theos)
Θеосъ. было сдѣлано добавочнымъ его именемъ. Исторію царства Селевки-
261—247. довъ составляютъ злодѣйства женщинъ царской семьи и придворныхъ, факты нравственной испорченности, войны съ Египтомъ, съ малоазійскими народами, походы для усмиренія мятежей въ восточныхъ областяхъ. Это было повтореніе исторіи персидскаго царства, съ тѣми же надменными претензіями и съ тѣмъ же безсиліемъ. Народы, составлявшіе царство, не имѣли внутренней связи между собою; въ немъ не было самостоятельности мѣстнаго управленія, потому не было привязанности къ центральному правительству; единство государства поддерживалось только мечомъ, которымъ было основано; и когда военная сила завоевателей ослабѣла, царство должно было сдѣлаться добычею мужественныхъ враговъ; это было тѣмъ неизбѣжнѣе, что организація туземныхъ войскъ была плоха. Вассальные государи, за которыми была оставлена власть въ далекихъ областяхъ царства, перестали повиноваться сирійскому царю. Мы ужь говорили, что Сандракоттъ (Чандрагупта) пріобрѣлъ себѣ славу освободителя Индіи отъ греческаго владычества (I, 296; III 289).

Селевкъ II. Царство казалось ужь погибающимъ при четвертомъ царѣ, Селевкѣ II,
247—227. которому мать, Лаодика, доставила престолъ, отравивъ своего мужа, Антіоха II. Едва Селевкъ нѣсколько оправился отъ ударовъ, нанесенныхъ ему Птолемеемъ Эвергетомъ, три года воевавшимъ въ отмщеніе за смерть Береники, возсталъ противъ него, при содѣйствіи Митридата, царя понтійскаго, младшій братъ, Антіохъ, прозванный за свою алчность
Возстаніе Антіоха Гіэракса. Гіэраксомъ (ястребомъ). Въ ужасной битвѣ при Анкирѣ (въ 241 году) галатскіе наемники Антіоха совершенно разбили войско Селевка; Антіохъ завладѣлъ значительной частью Малой Азіи, но долженъ былъ платить дань галатамъ, которые послѣ этой побѣды стали безнаказанно грабить сосѣднія области. Черезъ нѣсколько времени Селевкъ примирился съ братомъ, уступивъ ему захваченныя имъ малоазійскія области, и тогда, мало
Около 239. по малу покоривъ другія возставшія или завоеванныя врагами области, возстановилъ спокойствіе въ государствѣ. И Селевкъ II и Антіохъ Гіэраксъ были люди храбрые, энергичные; въ ихъ семействѣ съ давнихъ поръ совершались кровавыя дѣла, они выросли въ привычкѣ къ злодѣйствамъ и, одинаково свирѣпые, враждовали между собою всю жизнь.
228. Антіохъ умеръ изгнанникомъ во Θракіи, подъ ударами кельтскихъ убійцъ; въ слѣдующемъ году былъ убитъ и Селевкъ II, въ неудачномъ сраженіи
227. съ Атталомъ I, царемъ пергамскимъ, побѣдителемъ галатовъ.

Селевкъ III. Сынъ и наслѣдникъ Селевка II, Селевкъ III Керавнъ (молнія),
227—222. продолжалъ войну съ Атталомъ и черезъ четыре года былъ убитъ въ сраженіи Никаноромъ и галатскимъ военачальникомъ Апатуріемъ.
Антіохъ III. Сирійское войско признало царемъ его младшаго брата, Антіоха III.
222—187. Новый царь воевалъ на востокѣ, а войну въ Малой Азіи поручилъ своему дядѣ по матери, Ахею. Оба они дѣйствовали успѣшно. Антіохъ пошелъ въ Мидію и Персію, разбилъ возмутившихся намѣстни-

ковъ, Молона и Александра; они лишили себя жизни; онъ принудилъ 220.
пареянъ, бактрійцевъ и индійцевъ признать его верховную власть. Ахей оттѣснилъ Аттала; онъ заперся въ своей столицѣ; Ахей завоевалъ нѣкоторые греческіе города западнаго берега Малой Азіи; другіе покорились ему. Возгордившись своими успѣхами, онъ захотѣлъ стать независимымъ царемъ въ Малой Азіи. Силы Антіоха были заняты новою войною съ Египтомъ, начатой имъ въ надеждѣ овладѣть Финикіею и Палестиною; потому онъ нѣсколько времени не могъ ничего предпринять противъ Ахея. Но разбитый при Рафіи (на фили- 217.
стимскомъ прибрежьѣ), онъ принужденъ былъ отказаться отъ притязаній на приморскія области Сиріи, изъ-за которыхъ шла война, и по заключеніи мира съ Птолемеемъ Филопаторомъ пошелъ на Ахея. Покинутый значительною частью своихъ войскъ, Ахей укрылся въ цитадель Сардъ; Антіохъ осадилъ эту сильную крѣпость; какъ прежде Киру, такъ теперь и ему она была сдана измѣною; Ахей бѣжалъ, Смерть Ахея.
но попался въ плѣнъ и былъ преданъ племянникомъ мучительной 215.
смерти. Возстановивъ свою власть надъ малоазійскими областями, Антіохъ, получившій отъ своихъ придворныхъ историковъ названіе великаго, задумалъ покорить всѣ тѣ страны, которыя принадлежали къ царству основателя его династіи; велъ нѣсколько лѣтъ войну въ
восточномъ Иранѣ и въ Индіи, принудилъ отпавшія отъ сирійскаго 212—205.
царства земли снова признать надъ собою его власть; конечно, это были завоеванія очень непрочныя; но онъ взялъ много добычи въ государствахъ Пенджаба, снова покорившихся на словахъ сирійскому царству, вывелъ оттуда 150 военныхъ слоновъ, вывезъ много золота; на обратномъ пути упрочилъ колебавшуюся власть сирійскаго царства надъ Арахозіею, Дрангіаною, Караманіей. Его предшественники вывезли изъ Ирана громадныя массы сокровищъ, собранныхъ персидскими царями; но эти богатства были такъ велики, что еще оставалось много и на его долю: онъ нашелъ въ одномъ изъ храмовъ колонны, обложенныя золотыми листами, золотыя и серебряныя плиты; ихъ было столько, что количество монеты съ его изображеніемъ, вычеканенной изъ этого золота и серебра, простиралось до 4.000 талантовъ.

Около того времени, какъ Антіохъ воротился съ востока, умеръ Птолемей IV Трифонъ; сынъ его, Птолемей V Эпифанъ былъ еще ребенкомъ, Антіохъ отнимаетъ у египетскаго царя Іудею и Финикію.
и въ Египтѣ начались смуты, ослабившія царство. Это возбудило въ предпріимчивомъ Антіохѣ надежду овладѣть Финикіею и Палестиною. Филиппъ, царь Македонскій, желалъ завоевать египетскія владѣнія въ Малой Азіи, Θракіи, принадлежавшіе Египту острова. Заключивъ союзъ съ нимъ, Антіохъ пошелъ въ Іудею, разбилъ у горы Панія, въ верховьѣ Іордана, египетское войско, которымъ командовалъ начальникъ наемниковъ этолянинъ Скопасъ; послѣ этой побѣды, Антіохъ покорилъ весь берегъ южной Сиріи и овладѣлъ крѣпостью Газою. Іерусалимъ и вся Іудея радостно привѣтствовали побѣдителя. Сирійское владычество надъ Іудеею было сначала

милостиво; но потомъ стало тяжелѣе египетскаго. Опекуны малолѣтняго Птолемея поспѣшили заключить миръ, чтобы спасти отъ сирійскаго нашествія Египетъ, отказались отъ завоеванныхъ Антіохомъ земель, обручили Птолемея съ его дочерью Клеопатрою.—Филиппъ отнялъ у Египта владѣнія въ Малой Азіи, во Ѳракіи, на морѣ; но, разбитый римлянами при Киноскефалахъ, лишился всѣхъ этихъ завоеваній.

Война съ римлянами. Послѣдніе годы правленія Антіоха.

Вмѣсто того, чтобы помогать своему союзнику въ войнѣ съ римлянами, Антіохъ захотѣлъ воспользоваться тѣмъ, что македонскія войска удалились съ востока, заявилъ притязанія на всѣ земли къ западу отъ Тавра и по берегамъ Геллеспонта, которыми нѣкогда овладѣлъ его предокъ Селевкъ, побѣдивъ Лизимаха (стран. 296). Онъ напалъ на греческіе города Малоазійскаго прибрежья, на царство пергамское, Виѳинію, Каппадокію, Понтъ, Арменію; онъ даже перешелъ Геллеспонтъ, овладѣлъ Лизимахіею, которая была ужь возстановлена послѣ своего раззоренія, овладѣлъ другими городами Херсонеса Ѳракійскаго; войска его угрожали Лампсаку, Византіи, Гераклеѣ. Богатый торговый островъ Родосъ, опасаясь быть завоеванъ имъ, отдался подъ покровительство римлянъ; примѣру Родоса послѣдовали другіе города и цари, независимость которыхъ подвергалась той же опасности. Римляне отправляли нѣсколько разъ пословъ къ Антіоху, требуя, чтобъ онъ прекратилъ войну противъ ихъ союзниковъ и возвратилъ независимость всѣмъ завоеваннымъ въ Азіи и въ Европѣ греческимъ городамъ. Антіохъ гордо отказывался исполнить требованія римлянъ, говорилъ, что какъ онъ не вмѣшивается въ дѣла Италіи и другихъ западныхъ странъ, такъ и римляне не должны мѣшать его дѣйствіямъ въ Азіи и Ѳракіи, что ихъ требованія не справедливы и оскорбительны для него. Переговоры длились нѣсколько лѣтъ; но столкновеніе было неизбѣжно. Римляне послали наконецъ войско, и битва при Магнезіи навсегда сокрушила могущество Селевкидовъ. Антіохъ не пытался продолжать войну. Черезъ три года онъ для пополненія своей опустѣвшей казны хотѣлъ ограбить храмъ Баала въ Элимаидѣ (на югѣ отъ Каспійскаго моря) и былъ убитъ раздраженными туземцами. При его преемникахъ, сирійское царство было уже совершенно безсильно, и черезъ сто двадцать лѣтъ по его смерти римляне взяли подъ свою прямую власть послѣдній остатокъ государства Селевкидовъ.

196.

---

3. Второстепенныя азіатскія государства.

Пороки сирійскаго двора, войны между претендентами на престолъ рано стали колебать царство; притомъ, оно не имѣло естественныхъ

границъ, и народы, подвластные Селевкидамъ, считали ихъ чужими себѣ; потому вскорѣ по основаніи царства началось его распаденіе. Въ половинѣ III вѣка національно-религіозное движеніе оторвало отъ греко-македонскаго царства Селевкидовъ почти всѣ страны, лежавшія на востокъ отъ Тигра.—Народъ западной Мидіи, иначе Антропатены (Адербиджана, то есть «Огненной Земли»), подъ вліяніемъ національнаго чувства поднялся противъ Селевкидовъ, возстановилъ староперсидскую религію и основалъ независимое царство, ставшее оплотомъ иранской народности и религіи противъ подавленія ихъ греческою культурой. Почерпая свою силу въ патріотизмѣ народа, мидійскіе цари пользовались смутами въ царствѣ Селевкидовъ и расширяли свои владѣнія. Успѣхъ мидійскаго возстанія ободрилъ народы восточнаго Ирана. Намѣстникъ Бактріи Діодотъ (или Ѳеодотъ) отложился отъ сирійскаго царя и основалъ независимое государство; при его преемникахъ Діодотѣ II и Эвтидемѣ оно достигло цвѣтущаго благосостоянія, такъ что въ немъ считалось до тысячи городовъ. Около того времени, какъ произошло возстаніе Діодота, вторглась въ Парѳію орда скиѳскихъ номадовъ, принадлежавшая къ племени даевъ; вождь этихъ номадовъ, Арсакъ, основалъ парѳянское царство и сдѣлалъ своею столицею Гекатомпилъ. Искусные наѣздники, парѳяне слились въ одинъ народъ съ номадами Арсака, и скоро границы парѳянскаго царства расширились до Каспійскаго моря на западѣ, до Инда на востокѣ. Въ Парѳіи, какъ и въ Бактріи, въ Атропатенѣ, народъ много столѣтій оставался вѣренъ старо-персидской религіи Зороастра, нѣсколько видоизмѣненной вліяніемъ греческой философіи. Такія же возстанія произошли въ Аріи, распространились до границъ Индіи, а на сѣверѣ Малой Азіи стали независимыми царствами Пергамъ и Виѳинія.

Независимыя царства. 1. въ Мидіи и восточномъ Иранѣ.

254.

Парѳяне.

Лизимахъ назначилъ Филетера хранителемъ своей казны, положенной въ цитадели города Пергама. Сынъ пафлагонской танцовщицы, уроженки понтійскаго города Тіэя (или Тія), этотъ казначей, ловко пользуясь обстоятельствами, сдѣлался по смерти Лизимаха владѣтелемъ Пергама; онъ всегда переходилъ на сторону сильнѣйшаго изъ царей, воевавшихъ между собою въ тѣхъ мѣстахъ, оказывалъ услуги ему, такимъ образомъ успѣлъ удержаться и даже расширить свое владѣніе. Онъ дожилъ до 80 лѣтъ; ему наслѣдовалъ сынъ его брата, Эвменъ, и при помощи галльскихъ наемниковъ расширилъ свои владѣнія, отнявъ у Селевкидовъ сосѣдніе округи. Еще больше пріобрѣтеній сдѣлалъ наслѣдовавшій Эвмену двоюродный братъ его, Атталъ I, ловко и смѣло воспользовавшійся междоусобіемъ Селевкидовъ. Онъ помогалъ Селевку II (Каллинику) въ его войнѣ съ братомъ Антіохомъ Гіераксомъ, за котораго сражались галаты. Временами, они тѣснили Аттала, опустошали его владѣнія, доходили до самыхъ стѣнъ Пергама. Но онъ одержалъ надъ ними рядъ блестящихъ побѣдъ близъ Пергама и въ сѣверной части Фригіи. Побѣдивъ этихъ страшныхъ малоазійскихъ варваровъ, онъ принялъ титулъ царя. Во время войны Антіоха III съ Ахеемъ (стр. 309), онъ держался стороны сирійскаго царя; но когда

2. Въ Малой Азіи. 1. Пергамское царство.

Эвменъ I. 263—241. Атталъ I. 241—197.

205. Антіохъ вступилъ въ союзъ съ Филиппомъ Македонскимъ, онъ оградилъ
себя отъ ихъ нападеній союзомъ съ Римомъ. Съ той поры пергамскіе цари
были преданнѣйшими союзниками римлянъ, угождали и льстили имъ, въ
награду за что получали области, отнимаемыя римлянами у ихъ сосѣдей.—
Подобно Птолемеямъ, они были покровители искусствъ и наукъ, щедростью
привлекали къ своему двору художниковъ и ученыхъ. Въ Пергамѣ былъ
изобрѣтенъ пергаментъ; его изготовляли тогда изъ козьихъ и ослиныхъ
шкуръ. Атталъ сдѣлалъ свою столицу великолѣпнымъ городомъ, соперни-
чествовавшимъ съ Александріею множествомъ произведеній искусствъ и
богатствомъ библіотеки. Много живописцевъ, ваятелей, ученыхъ посели-
лось тогда въ Пергамѣ. Тамъ процвѣтала та дѣятельность искусствъ, ко-
торая вызывается щедростью государей, служитъ къ украшенію богатой
житейской обстановки; техника этихъ произведеній очень хороша; но твор-
ческой геніальности мало въ пергамской скульптурѣ, живописи и поэзіи.
Развалины храма Асклепія, виднѣющіеся изъ-подъ земли карнизы, метопы,
каннелированныя колонны, капители которыхъ богато украшены фигурами
листьевъ аканта, свидѣтельствуютъ о великолѣпіи Пергама.—Сынъ и пре-
Эвменъ II. емникъ Аттала, Эвменъ II, во всемъ слѣдовалъ политикѣ отца. Онъ былъ
197—159. союзникомъ римлянъ въ войнѣ съ Антіохомъ, и былъ щедро награжденъ
ими послѣ битвы при Магнезіи. Они отдали ему бо́льшую часть земель
Малой Азіи, отнятыхъ у Антіоха: Херсонесъ Ѳракійскій, Лизимахію; кромѣ
того, заставили Антіоха заплатить ему огромную контрибуцію; она доста-
вила ему средства на украшеніе Пергама новыми произведеніями искусствъ
и на увеличеніе пергамской библіотеки. Вѣроятно при немъ былъ соору-
женъ громадный жертвенникъ Зевса, покрытый рельефами, значительная
часть которыхъ недавно отрыта изъ-подъ развалинъ и перевезена въ Бер-
линъ (особенно много сохранилось изъ тѣхъ рельефовъ, которые шли по
нижней части жертвенника; на нихъ изображена война боговъ съ гиган-
тами). Въ послѣдніе годы правленія Эвмена, благосклонность римлянъ къ
Атталъ II. нему уменьшилась; но къ его брату и преемнику Атталу II они были очень
159—138. милостивы, и онъ выказывалъ величайшую преданность имъ. Послѣ него
взошелъ на престолъ сынъ Эвмена, Атталъ III, человѣкъ капризный до
странности и жестокій. Съ нимъ прекратилась династія. Онъ, вѣроятно по
вліянію пергамскихъ приверженцевъ Рима, завѣщалъ римскому государству
свое государство и все свое личное имущество. Изъ этого возникли боль-
2. Галаты. шія смуты.—2. О государствѣ, основанномъ въ Малой Азіи галатами, мы
3. Виѳинія. уже говорили (стран. 301).—3. Виѳинія принадлежала къ царству Лизи-
маха; по его смерти она стала особымъ государствомъ, первымъ царемъ
котораго былъ Зипетъ. Въ Виѳинскомъ царствѣ, какъ и въ Пергамскомъ,
Никомедъ I. стали господствовать греческіе обычаи. Сынъ Зипета Никомедъ I основалъ
281—246. великолѣпную столицу, которую назвалъ по своему имени Никомедіею
(Никомидіею). При помощи галатовъ (стран. 302) онъ удержался противъ
сирійскихъ царей. Онъ переселялъ въ свое царство грековъ, заботясь о
томъ, чтобы сдѣлать виѳинцевъ цивилизованнымъ народомъ. Его преемникъ
Прузій I. Зилъ былъ убитъ на пирѣ галатами. Сынъ Зила, Прузій I Хромой, держалъ
232—186. себя двусмысленно во время войнъ римлянъ съ Филиппомъ Македонскимъ
и съ Антіохомъ, такъ что не умѣлъ пріобрѣсти признательности ни отъ
римлянъ, ни отъ ихъ противниковъ. Сынъ и преемникъ его, Прузій II
Прузій II. Охотникъ, былъ раболѣпнымъ льстецомъ римлянъ и по ихъ требованію
186—149. согласился выдать имъ жившаго подъ его защитою Ганнибала. Ненавиди-
мый и презираемый всѣми, онъ былъ убитъ въ храмѣ Зевса въ Никомидіи
Никомедъ II. по приказанію своего сына, Никомеда II Эпифана; при этомъ Никомедѣ и
149—92. при его сынѣ Никомедѣ III виѳинское царство находилось въ совершенномъ
подчиненіи римлянамъ, а по смерти Никомеда III было обращено въ рим-

скую область. — Виѳинскіе цари, подобно пергамскимъ, заботились о рас- Никомедъ III
пространеніи греческой культуры въ своемъ государствѣ. Пруза и Никея Филопаторъ.
были такими же великолѣпными городами, какъ Никомидія. 91—76

---

4. Іудея при Асмонеяхъ и религіозное распаденіе народа израильскаго.

(Къ источникомъ, перечисленнымъ нами на 485-ой страницѣ I-го тома, присоединяются для этого періода исторіи народа іудейскаго двѣ первыя *Книги Маккавейскія*. Изъ новѣйшихъ историческихъ трудовъ назовемъ: Reuss, Geschichte der heiligen Sehriften Alten Testaments. Braunschweig, 1881; — Wellhausen, Die Pharisäer und die Sadducäer. Greifswald, 1874;—Lucius, Der Essenismus. Strassburg, 1881;—Holtzmann, Judenthum und Christenthum. Leipzig, 1867).

1. Владычество Птолемеевъ. Іудейско-эллинистическая религіозная литература.

Финикія, Іудея и другія области, получившія теперь общее имя Іудея подъ владычествомъ Птолемеевъ.
Палестины, долго были предметомъ войнъ между Птолемеями и Селевкидами; та и другая династія дорожили этою страной, какъ путемъ изъ Азіи въ Африку. По географическому положенію, она составляла часть Сиріи; но была необходима для Птолемеевъ по ихъ политическимъ расчетамъ: она давала имъ доступъ къ собственной Сиріи и Эвфрату. По смерти Антигона Палестина сто лѣтъ оставалась египетскимъ владѣніемъ. Три первые Птолемея держали ее въ повиновеніи при помощи воинственныхъ арабскихъ племенъ, жившихъ на восточной границѣ ея, но оставляли неприкосновенными прежнія учрежденія іудейскаго народа; онъ сохранялъ свое теократическое правительство, продолжалъ жить по закону Моисееву и по своимъ обычаямъ. Египетскіе цари отдавали на откупъ мѣстнымъ аристократамъ сборъ податей и судебныхъ штрафовъ, и получали съ первосвященника двадцать талантовъ серебра годичной дани; довольствуясь исправною уплатою этихъ суммъ, они предоставляли іудеямъ религіозную и гражданскую свободу; дѣлами страны управлялъ первосвященникъ, при содѣйствіи верховнаго совѣта семидесяти, Синедріона (Санхедрина). Санъ первосвященника былъ наслѣдственнымъ въ родѣ Садока по линіи первородства; Синедріонъ состоялъ изъ священниковъ, старшинъ и знатоковъ закона. Вмѣстѣ съ первосвященникомъ онъ наблюдалъ за чистотою вѣроученія и нравственности, завѣдывалъ богослуженіемъ и администраціею и былъ верховнымъ судилищемъ страны. Жертвоприношенія и праздники совершались по прежнему. Единственными

государственными доходами были подати въ пользу храма и жертвенныя приношенія. Много іудеевъ поселилось въ Александріи, Антіохіи, другихъ новыхъ азіатскихъ и африканскихъ городахъ; они получили тамъ права, равныя съ греческими и македонскими жителями, разбогатѣли, занимали правительственныя должности, вели прибыльную торговлю. Въ большихъ городахъ по берегамъ Средиземнаго моря особенно развились ихъ врожденныя торговыя способности, проявленію которыхъ на родинѣ мѣшала отдаленность ея отъ путей всемірной торговли.

Греческие города въ Ханаанѣ.

И на прибрежьѣ Палестины, и вдали отъ моря возникло въ александрійскій періодъ много греческихъ городовъ, изъ которыхъ греческій языкъ, обычаи, учрежденія распространялись въ туземномъ населеніи, большею частью это были прежніе опустѣвшіе города, возстановленные греческими колонистами. Такъ напримѣръ, еще Пердикка основалъ греческую колонію въ опустѣвшей Самаріи. На сѣверной границѣ Данъ сталъ греческимъ городомъ, который назывался Панеемъ (Paneas или Paneion), а при римлянахъ сталъ называться Цезареею (или Кесаріею) Филипповою (Caesarea Philippi). Пелла и Діонъ, стоявшіе на востокѣ отъ Іордана, уже самыми именами показываютъ свое македонское происхожденіе. Древній Раббатъ-Аммонъ сталъ при Птолемеѣ II Филадельфіею, Ара-Моавъ сталъ Ареополемъ. Въ южной Финикіи была у хорошей гавани основана Птолемаида, и скоро сдѣлалась большимъ торговымъ городомъ. Еще южнѣе возникъ городъ, называвшійся Башнею (фортомъ) Стратона; впослѣдствіи сдѣлался онъ знаменитымъ подъ новымъ именемъ Кесаріи (или Цезареи, Caesarea). Газа тоже была возстановлена и населена греческими колонистами. Такимъ образомъ, весь Ханаанъ былъ охваченъ греко-македонскими населеніями, и греческая культура, идя изъ окраинъ въ центръ его, проникала въ самый Іерусалимъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, іудеи переселялись за границу, или добровольно уходили съ родины по влеченію выгоды, или были уводимы завоевателями; такъ и теперь отчасти добровольно, отчасти по принужденію очень много ихъ переселилось въ новые торговые города чужихъ земель.

Іудейскія общины въ чужихъ земляхъ.

Кромѣ того, что въ греческихъ городахъ Палестины и Сиріи были іудейскія колоніи, образовались іудейскія общины въ Малой Азіи на островахъ между Азіею и Европою: въ Эфесѣ, Пергамѣ, Милетѣ, Сардахъ, Лаодикеѣ, Адрамиттіѣ (Гадруметѣ), Галикарнассѣ, на Кипрѣ, Критѣ, Эвбеѣ, Косѣ и въ другихъ мѣстахъ; въ Александріи іудеи составляли двѣ пятыхъ части населенія; въ богатой Киренѣ и въ другихъ городахъ Пентаполя жили іудеи; держась своей вѣры, своихъ національныхъ законовъ и обычаевъ, они не смѣшивались съ язычниками, но пользовались такими же гражданскими правами, какъ греки, и были уважаемы за свое богатство. Они повсюду составляли особыя общины, имѣли своихъ правителей и судей, своихъ учителей и проповѣдниковъ, собирались на богослуженіе въ синагогахъ, подобныхъ палестинскимъ молитвеннымъ домамъ.—Въ войскахъ полководцевъ Александра были іудеи и самаритяне.—Но гдѣ бы ни жили іудеи, они оставались соединены религіозными узами съ родною страной и іерусалимскимъ храмомъ, изъ котораго „исходилъ законъ истиннаго Бога". Тѣ жертвы, какихъ требовалъ законъ Моисеевъ, могли быть приносимы только въ іерусалимскомъ храмѣ; и всѣ іудеи должны были платить подать въ этотъ храмъ. Изъ дани и даровъ, получаемыхъ Сіонскимъ храмомъ Іеговы отъ іудеевъ, жившихъ въ чужихъ странахъ, накоплялись

Ихъ отношенія къ іерусалимскому храму.

въ немъ громадныя сокровища, такъ что первосвященникъ Симонъ имѣлъ средства возстановить разрушенныя стѣны Іерусалима, поправить сооруженія, поддерживавшія фундаментъ храма, сдѣлать для храма новый большой бассейнъ. Внукъ Сираха прославляетъ этого первосвященника: „Какъ величественъ былъ онъ среди народа, при выходѣ изъ завѣсы храма! Какъ утренняя звѣзда среди облаковъ, какъ луна, полная во дняхъ, какъ солнце, сіяющее надъ храмомъ Всевышняго, и какъ радуга, сіяющая въ величественныхъ облакахъ, какъ цвѣтъ розъ въ весеннiе дни, какъ лиліи при источникахъ водъ... Когда онъ принималъ жертвенныя части изъ рукъ священниковъ, стоя у огня жертвенника, вокругъ его былъ вѣнецъ братьевъ, какъ отрасли кедра на Ливанѣ, и они окружали его, какъ финиковыя вѣтви". (Сирахъ, L, 5—14).

Но при сынѣ Симона, Оніи, сирійцы подвергли храмъ оскверненію, а при сынѣ Оніи, называвшемся тоже Оніею, возникъ въ Египтѣ другой центръ іудейскаго богослуженія: сирійское гоненіе на іудеевъ, вѣрныхъ своей религіи, затруднило посѣщеніе Іерусалима; потому въ одномъ изъ городовъ Дельты, Леонтополѣ, былъ построенъ храмъ Іеговы и нѣсколько времени пользовался у египетскихъ израильтянъ почти такимъ же уваженіемъ, какъ іерусалимскій.

Греческій переводъ Священнаго Писанія.

Греческій языкъ сильно распространился между іудеями, особенно въ Египтѣ; это произвело литературу, писанную на томъ нарѣчіи греческаго языка, которое сложилось у іудеевъ. Первою литературною надобностью ихъ было перевести священныя книги съ еврейскаго языка на греческій. Преданіе говоритъ, что удовлетворенію этой надобности помогъ Птолемей Филадельфъ, любознательный и заботившійся объ увеличеніи александрійской библіотеки; что онъ, по внушенію Димитрія Фалерскаго (стран. 281), поручилъ коммиссіи, составленной изъ еврейскихъ, по преданію, семидесяти двухъ ученыхъ,—перевести Пятикнижіе Моисеево на греческій языкъ. Достовѣрно то, что прежде всего было переведено Пятикнижіе, а потомъ, въ послѣднія столѣтія до нашей эры, были постепенно переведены остальныя книги Ветхаго Завѣта разными переводчиками, труды которыхъ имѣютъ очень неодинаковое ученое и стилистическое достоинство. Такимъ образомъ составился такъ называемый Переводъ Семидесяти, пользовавшійся у египетскихъ евреевъ величайшимъ уваженіемъ; онъ имѣлъ для нихъ значеніе, равное съ подлинникомъ, и входилъ все больше и больше въ употребленіе, по мѣрѣ того, какъ уменьшалось между ними число людей хорошо знающихъ еврейскій языкъ. Проявляется въ этомъ переводѣ и желаніе сдѣлать старинныя еврейскія священныя книги доступными для пониманія образованныхъ грековъ, разсѣять ихъ предубѣжденія аллегорическимъ истолкованіемъ выраженій, которыя могли бы казаться грекамъ несоотвѣтсвующими философскимъ ученіямъ о богѣ, какъ существѣ духовномъ. Были даже дѣлаемы попытки излагать нѣкоторыя части Священнаго Писанія въ формахъ старинной греческой поэзіи. Явились пророчества Сивиллъ, написанныя эпическимъ размѣромъ; во второй половинѣ II вѣка до нашей эры были составлены цѣлыя книги этихъ пророчествъ.

Въ Іудеѣ литература скоро стала ограничиваться сухою школьною ученостью, богословскими и юридическими трудами возникающаго раввинизма; въ Египтѣ дольше сохранялась свободная литературная дѣятельность. Кромѣ каноническихъ книгъ Ветхаго Завѣта, были въ Египтѣ переведены на греческій языкъ и лучшія произведенія позднѣйшей палестинской литературы. Тѣ новѣйшія книги Ветхаго Завѣта, которыя называются апокрифическими, сохранились только въ греческомъ переводѣ, хотя онѣ были вѣроятно всѣ или почти всѣ написаны на еврейско-арамейскомъ нарѣчіи; о нѣкоторыхъ изъ нихъ это даже достовѣрно,—именно, о тѣхъ, которыя занимаютъ первыя пять мѣстъ въ слѣдующемъ перечисленіи апокрифовъ. Погибель подлинниковъ ихъ также объясняется тѣмъ, что знаніе еврейскаго языка очень слабѣло между іудеями, жившими въ чужихъ земляхъ.

Апокрифы.

Книга Іисуса Сираха.

Мы ужь говорили (I, 830) о Притчахъ Іисуса, сына Сирахова, переведенныхъ на греческій языкъ въ Александріи внукомъ автора въ 38 году царствованія Птолемея IX Эвергета II Фискона (въ 133 году до Р. Х.); этотъ сборникъ близокъ по своему достоинству къ Притчамъ Соломоновымъ.—

Книга Товіи.

Книга Товіи (или Товита), семейная исторія, разсказанная въ легкихъ очеркахъ и не лишенная поэтической граціозности, имѣетъ религіозно-дидактическую цѣль; она доказываетъ, что добрыя чувства и вѣрное исполненіе заповѣдей закона доставляютъ человѣку покровительство божіе и счастливую жизнь въ обиліи земныхъ благъ, потому что твердое упованіе, благочестіе, молитва, добрыя дѣла всегда получаютъ отъ Бога свою награду.—

Книга Варуха.

Книга Варуха—хорошій позднѣйшій отголосокъ прежняго тона пророческихъ книгъ. Авторомъ ея названъ Варухъ, писецъ Іереміи, живущій въ Вавилонѣ. Бо́льшую часть приписаннаго ему произведенія составляетъ молитва іудея, находящагося въ плѣненіи вавилонскомъ, и увѣщаніе сотоварищамъ его бѣдствія, которымъ онъ обѣщаетъ скорое избавленіе отъ плѣна; посланіе Іереміи, образующее 6-ую главу книги Варуха убѣждаетъ уведенныхъ въ плѣнъ вавилонскій іудеевъ не впадать въ идолопоклонство.—

Книга Юдиѳи.

Книга Юдиѳи была написана тоже на арамейскомъ языкѣ. Это повѣсть, въ которой подъ покровомъ старинныхъ именъ изображается положеніе іудеевъ подъ игомъ Селевкидовъ; разсказъ имѣетъ цѣлью возбудить въ оробѣвшихъ іудеяхъ патріотизмъ и мужество. Спасти свой народъ можетъ даже женщина, если она непорочна и проникнута упованіемъ на Бога. Такъ въ старину спасла Израиль Юдиѳь, убившая непріятельскаго военачальника и возвратившаяся къ своимъ согражданамъ съ отрубленною его головою.—

Первая книга Маккавейская.

Къ числу прекраснѣйшихъ произведеній этихъ временъ принадлежатъ книги Маккавейскія, въ особенности первая книга, написанная вскорѣ по смерти Іоанна Гиркана и одушевленная религіознымъ энтузіазмомъ той эпохи. Этотъ безъискусственный и живой разсказъ о борьбѣ за вѣру, вождями въ которой были священникъ Маттаѳія и его сыновья, напоминаетъ своимъ характеромъ старыя лѣтописи царства Израильскаго. Онъ проникнутъ гордымъ сознаніемъ, что іудеи—избранный народъ Божій; это чувство—вѣрный отголосокъ убѣжденія, давшаго предкамъ автора мужество вести войну съ могущественнымъ врагомъ. Первая книга Маккавейская переведена на греческій языкъ вѣроятно вскорѣ послѣ того, какъ была написана.—

Вторая книга Маккавейская.

Менѣе высоко достоинство второй книги Маккавейской, написанной на греческомъ языкѣ лѣтъ черезъ сто, или больше, послѣ первой; авторъ ея былъ іудей эллинскаго образованія, жившій, вѣроятно, въ Египтѣ; главнымъ его источникомъ былъ болѣе обширный трудъ Іасона Киренскаго, не дошедшій до насъ. Книга начинается двумя письмами отъ палестинскихъ іудеевъ, объясняющихъ живущимъ въ чужихъ земляхъ іудеямъ великое религіозное значеніе священнѣйшаго, знаменитаго по всѣмъ землямъ іерусалимскаго храма и праздника его освященія.

По обычаю прагматическихъ историковъ того времени, авторъ часто перерываетъ разсказъ размышленіями. Твердо вѣруя въ воскресеніе мертвыхъ и страшный судъ, онъ считаетъ возвышеннѣйшей обязанностью іудея геройскую борьбу за истинную вѣру и храмъ іерусалимскій; разсказъ его не доведенъ до конца войны, не доходитъ даже и до времени смерти Іуды Маккавея. Рядомъ съ этимъ великимъ вождемъ народа, авторъ выставляетъ въ примѣръ мужественной борьбы за вѣру нѣсколькихъ людей, не занимавшихъ важнаго общественнаго положенія; ихъ личности очерчены у него очень живо и ярко. Разсказъ написанъ реторическимъ языкомъ, наполненъ возвышенными словами, изысканными украшеніями, многосложными періодами; часто это выходитъ неудачно, по неумѣнью автора писать такимъ слогомъ. Наибольшую историческую цѣну имѣетъ начало разсказа, въ которомъ подробнѣе, чѣмъ въ первой книгѣ, изложено возникновеніе возстанія Маккавеевъ.

Третья и четвертая книга Маккавейскія.

Книга называемая Третьею Маккавейскою, разсказывая цвѣтистымъ языкомъ чудесное событіе, происшедшее въ Александріи, имѣетъ цѣлью доказать, что египетскіе іудеи всегда были вѣрными подданными, и объяснить, почему Птолемеи дали имъ большія права; она написана во времена римской имперіи въ опроверженіе господствовавшихъ тогда предубѣжденій противъ іудеевъ; по своему слишкомъ позднему происхожденію, она не вошла въ число священныхъ книгъ римско-католической церкви. Не вошла въ число ихъ и такъ называемая Четвертая книга Маккавейская, написанная реторическимъ слогомъ и отчасти въ духѣ платоновой философіи; она самыми яркими красками изображаетъ непоколебимость, съ какою вѣрные истинному Богу іудеи выносили мученія во времена сирійскаго преслѣдованія, и славу, увѣнчавшую этихъ страдальцевъ, примѣръ которыхъ долженъ возбуждать вѣрующихъ къ такому же терпѣливому и побѣдоносному перенесенію страданій; быть можетъ, она написана христіаниномъ для ободренія гонимыхъ христіанъ.

Сравнивая безъискуственность разсказа въ Первой книгѣ съ реторичностью его въ слѣдующихъ книгахъ Маккавейскихъ, мы видимъ разницу между палестинскою и позднѣйшею эллинистическою исторіографіею іудеевъ; сравненіе Книги Эноха съ Книгою Премудрости Соломоновой показываетъ намъ такое же различіе въ догматикѣ и морали этихъ двухъ культуръ іудейскаго народа.

Книга Эноха и Книга юбилеевъ.

Книга Эноха и соединенная съ нею въ одно цѣлое такъ называемая „Малая Книга бытія“, или Книга Юбилеевъ, принадлежатъ къ числу произведеній чисто раввинской теологіи и апокалиптики: онѣ сохранились въ эѳіопскомъ (абиссинскомъ) переводѣ; авторомъ Книги Премудрости Соломоновой былъ іудей, вѣрный своей религіи, но получившій греческое образованіе, знакомый съ философіей Платона и стоиковъ; онъ писалъ съ цѣлью внести въ греческую литературу прекраснѣйшія изъ истинъ израильскаго правоученія.

Книга Премудрости Соломоновой.

Книга Премудрости Соломоновой, небольшая по объему, распадается на три существенно различныя части. Въ шести первыхъ главахъ авторъ обращается непосредственно къ царямъ и властителямъ земли, краснорѣчиво говоритъ о тщетѣ міра и о вѣчныхъ благахъ, доказываетъ, что, подобно всѣмъ другимъ истиннымъ благамъ, безсмертіе и владычество пріобрѣтаются только познаніемъ Бога и мудростью. По окончаніи этого сборника правилъ мудрости, связанныхъ между собою легко и хорошо, авторъ выводитъ говорящимъ Соломона, который, ссылаясь на собственный примѣръ, показываетъ, что должно искать мудрости и ради ея самой, и ради пользы, приносимой ею. По чрезвычайно высокому тону восхваленія мудрости замѣтно, что авторъ представляетъ ее себѣ не какъ человѣческое качество, а какъ самостоятельное божественное существо, посредствующее между Богомъ и міромъ; мудрость у него нѣчто подобное логосу іудейскаго

философа Филона, жившаго въ Александріи въ началѣ нашей эры. Съ 10-ой главы идетъ новый отдѣлъ, въ которомъ историческими примѣрами доказывается, что мудрость научала и охраняла всѣхъ благочестивыхъ людей народа Божія; потомъ рѣзко изобли-чается глупость идолослуженія, и въ заключеніе авторъ доказываетъ справедливость Божію примѣромъ того, какъ страдалъ въ Египтѣ и былъ спасенъ Моисеемъ народъ израильскій.

Авторъ книги Премудрости Соломоновой—первый, сколько мы знаемъ, іудейскій писатель, высказывающій мысль, что душа безсмертна; эту мысль онъ заимствовалъ изъ греческой философіи, откуда взялъ и ученіе о четырехъ основныхъ добродѣтеляхъ. Нѣкоторыя другія мысли у него напоминаютъ ученіе Новаго Завѣта; потому многіе предполагали, что онъ былъ христіанинъ. Но болѣе вѣроятности имѣетъ мнѣніе, что онъ былъ іудей возвышеннаго образа мыслей, писавшій въ Египтѣ и для египетскихъ іудеевъ; что подъ именемъ безбожныхъ фараоновъ онъ описывалъ позднѣйшихъ Птолемеевъ, и что его слова объ избавленіи отъ рабства египетскаго имѣютъ смыслъ предвѣщанія о близкомъ пришествіи Мессіи.—Этимъ

Апокрифическія прибавленія къ книгѣ Даніила.

же временамъ принадлежатъ апокрифическія прибавленія къ книгѣ пророка Даніила: небольшіе разсказы о Сусаннѣ, о Ваалѣ и драконѣ, молитвы Азаріи и Трехъ отроковъ; той же эпохѣ принадлежатъ Молитва Манассіи и Письмо Аристея, разсказывающее легенду о происхожденіи перевода Семидесяти Толковниковъ.

Угнетеніе іудеевъ Птолемеемъ Филопаторомъ.

Іудеи и самаритяне усердно старались усвоить себѣ греческую культуру и сблизиться съ господствующею націею; но невозможно было имъ перейдти глубокую пропасть, отдѣлявшую ихъ отъ язычниковъ, не отказываясь отъ своего убѣжденія, что они, какъ избранный народъ Божій, предназначены владычествовать надъ міромъ. Они заботились сохранить благосклонность египетскихъ царей, смягчать непримиримыя противорѣчія іудейства греческому язычеству; но чѣмъ чаще становились соприкосновенія, тѣмъ яснѣе обнаруживалась противоположность; возникло недовѣріе, и породило смертельную ненависть между властителями и подвластными. Эта перемѣна мыслей и чувствъ проявилась во всей своей рѣзкости при развратномъ и жестокомъ Птолемеѣ IV Филопаторѣ, покинувшемъ систему умѣренности и мягкости, которой держались его предшественники; онъ нарушилъ прежнія хорошія отношенія Египта къ Іудеѣ: увеличилъ налоги, бросилъ въ темницы многихъ вліятельныхъ іудеевъ, какъ злоумышленниковъ, и, раздраженный ропотомъ народа, оскорблялъ его религіозныя чувства насмѣшками надъ его богослуженіемъ, вошелъ въ святилище храма, наперекоръ закону Моисееву, воспрещавшему это. Іудеи возненавидѣли египетское владычество и обратили свои симпатіи на Селевкидовъ, ужь давно желавшихъ завоевать Палестину, важную для нихъ по своему географическому положенію. Благодаря сочувствію населенія, Антіохъ III послѣ побѣды при Паніѣ (стран. 309)

Антіохъ овладѣваетъ Іудеею.

легко овладѣлъ Іудеею. Въ Іерусалимѣ образовалась партія, желавшая, чтобъ іудеи вышли изъ своей прежней отчужденности отъ другихъ народовъ и приняли греческую цивилизацію. У іудеевъ начали

входить въ употребленіе греческія имена; іудеи, надѣвшіе греческое платье, слѣдовавшіе греческимъ обычаямъ, составили особый классъ, пользовавшійся благосклонностью Селевкидовъ. Антіохъ сначала поступалъ съ іудеями кротко и милостиво, чтобъ упрочить ихъ расположеніе. Но это было не надолго. Онъ формальною грамотою освободилъ священниковъ и служителей храма отъ податей, принялъ на счетъ казны расходы по жертвоприношеніямъ и по содержанію храма, предоставилъ жителямъ Іерусалима на три года свободу отъ всѣхъ податей; но впослѣдствіи сталъ больше Птолемея Филопатора угнетать іудеевъ налогами и притѣсненіями, особенно послѣ своей войны съ римлянами: купивъ миръ обѣщаніемъ уплатить громадную контрибуцію, онъ для уплаты ея сталъ брать сокровища изъ всѣхъ храмовъ своего царства; не пощадилъ и храма іерусалимскаго. При слѣдующемъ царѣ, Селевкѣ IV Филопаторѣ, іудей Симонъ, надзиратель храма, враждовавшій съ первосвященникомъ Оніею (сыномъ Симона, о которомъ мы говорили) внушилъ сборщику налоговъ Геліодору мысль осмотрѣть сокровищницу храма; по іудейскому преданію, Богъ совершилъ чудо, не допустившее Геліодора войдти въ храмъ. Положеніе дѣлъ ухудшилось при братѣ и преемникѣ Селевка, Антіохѣ, хитромъ и энергичномъ человѣкѣ, который оффиціально носилъ почетное названіе «Эпифана» (свѣтлаго, славнаго) и котораго народъ за его свирѣпости прозвалъ «Эпиманомъ», «безумнымъ». Долго проживъ заложникомъ въ Римѣ, онъ научился тамъ коварному искусству ослаблять народы, возбуждая въ нихъ борьбу партій, и сдѣлавшись царемъ, примѣнилъ это искусство къ дѣлу, въ надеждѣ возвысить падающее могущество своей династіи. Онъ сталъ покровительствовать въ Іудеѣ приверженцамъ греческихъ обычаевъ, давалъ санъ первосвященника только людямъ, обѣщавшимъ поддерживать его замыселъ или покупавшимъ его благосклонность.

Селевкъ IV Филопаторъ 187—176.

Антіохъ Эпифанъ. 176—164.

Религіозное гоненіе въ Іудеѣ.

Братъ Оніи, Іисусъ, отнялъ у него санъ первосвященника, купивъ себѣ эту должность, перемѣнилъ свое имя, назвавъ себя Іасономъ, ввелъ въ Іерусалимѣ греческія игры, устроилъ гимназіи; еще усерднѣе вводилъ греческіе обычаи Менелай, по однимъ извѣстіямъ братъ Іасона, по другимъ человѣкъ изъ колѣна Веніаминова, купившій себѣ лестью и большими 173.
деньгами санъ первосвященника (Іасонъ бѣжалъ за Іорданъ и послѣ множества приключеній умеръ бѣдственною смертью въ Лаконіи. Онія былъ убитъ въ Дафнійскомъ храмѣ у Антіохіи людьми, подкупленными Менелаемъ). Сынъ Оніи, послѣдній представитель законнаго первосвященническаго рода Садока, бѣжалъ, какъ мы уже говорили, въ Египетъ (стран. 315). Новый первосвященникъ и его братъ Лизимахъ раздражили народъ грабительствомъ и всяческими беззаконіями; произошелъ мятежъ, Лизимахъ былъ убитъ, Менелай брошенъ въ темницу. Прогнѣванный этимъ самоуправствомъ Антіохъ, возвращаясь съ побѣдоноснаго похода противъ египтянъ, вошелъ въ Іерусалимъ, освободилъ Менелая, взялъ, при усерд- 169.
номъ содѣйствіи его и другихъ іудеевъ эллинской партіи, 1,800 талантовъ серебра изъ сокровищницы храма, и увелъ съ собою много арестованныхъ.

Ободренный этимъ успѣхомъ, сирійскій царь задумалъ уничтожить служеніе Іеговѣ и другія іудейскія особенности, ввести въ Іудеѣ греческіе обычаи и богослуженіе, чтобъ она стала похожа на другія области его царства. Его полководецъ Аполлоній, воспользовавшись днемъ субботнимъ, овладѣлъ городомъ Давидовымъ, продалъ въ рабство многихъ вѣрныхъ поклонниковъ Іеговы, многіе другіе бѣжали; Антіохъ велѣлъ уничтожить во всей Палестинѣ прежніе религіозные обычаи; запретилъ обрѣзаніе, соблюденіе субботы и всѣхъ другихъ установленій закона Моисеева,— велѣлъ посвятить Зевсу храмы Іерусалимскій и Гаризимскій, принуждать жителей къ участію въ языческихъ праздникахъ и другихъ обрядахъ. Партія, преданная эллинизму, усердно помогала агентамъ Антіоха, остальное населеніе было запугано; повелѣнія царя были приведены въ исполненіе. Непокорявшіеся подвергались гоненію; мальчиковъ, надъ которыми родные совершали обрядъ обрѣзанія, отнимали у матерей; священныя книги разъискивали и сожигали; повсюду неистовствовалъ наглый, жестокій деспотизмъ. Въ храмѣ іерусалимскомъ было уничтожено служеніе Іеговѣ, и водворилась „мерзость запустѣнія"; на великомъ жертвенникѣ передъ храмомъ былъ поставленъ жертвенникъ Зевса; іудеи были вынуждаемы приносить жертвы на немъ, вынуждаемы даже ѣсть свиное мясо. Возгорѣлась ревность вѣрныхъ служителей Іеговы; они безтрепетно отказывались совершать языческіе обряды и геройски выносили мученія, шли на смерть; погибло много іудеевъ, запечатлѣвшихъ своею кровью преданность Іеговѣ. Антіохъ хвалился, что навсегда уничтожилъ іудейскую религію. Но дѣло, которое иногда удавалось безнаказанно исполнить царямъ іудейскимъ, подавлявшимъ сопротивленіе священниковъ и пророковъ, не удалось царю сирійскому, владыкѣ несравненно болѣе могущественному: сопротивленіе народа сокрушило его власть надъ Іудеею. Жестокое преслѣдованіе только укрѣпляло усердныхъ служителей Іеговы въ ихъ преданности богу, и даже у людей, желавшихъ введенія греческой культуры,
Хасидеи.
пробудилась любовь къ національной религіи. Центромъ національно-религіознаго движенія служило тайное общество хасидеевъ (или хасидовъ, Chasidim, „благочестивыхъ"); къ нему примыкали бѣжавшіе отъ преслѣдованія въ лѣса и пустыни. Этому времени страданій за вѣру принадлежатъ нѣкоторые псалмы (I, 818) и Книга Даніила (I, 830), пламенными словами убѣждающая іудеевъ соблюдать вѣрность Богу и обѣщающая скорое избавленіе вѣрнымъ служителямъ его.

2. Маккавеи.

Маттаѳія возстаетъ противъ идолослуженія. 176.

Въ числѣ бѣжавшихъ изъ Іерусалима вѣрныхъ Богу, находился священникъ Маттаѳія, происходившій отъ знатнаго рода Асмонеевъ. Онъ съ пятью сыновьями удалился въ Модаимъ, маленькій городъ на западѣ отъ Іерусалима. Городское начальство велѣло совершать жертву на языческомъ жертвенникѣ; онъ твердо отказался; когда другой іудей подошелъ принести жертву, Маттаѳія убилъ его, разрушилъ жертвенникъ и бѣжалъ съ сыновьями въ пустыню, призывая всѣхъ вѣрныхъ Богу слѣдовать за нимъ. Скоро собралось къ нему много людей. Но въ субботу, когда іудеи по заповѣди закона не могли сражаться, сирійцы напали на нихъ и убили до тысячи человѣкъ. По предложенію своего вождя, возвысившагося духомъ надъ

буквою закона, уцѣлѣвшіе сподвижники его постановили рѣшеніе защищать свою жизнь и въ день субботній. Скоро возстаніе распространилось по всей Іудеи: народъ разрушалъ языческіе жертвенники, и во многихъ мѣстностяхъ прогналъ отступившихъ отъ вѣры. Число воиновъ божіихъ возростало съ каждымъ днемъ. По смерти Маттаѳіи вождемъ ихъ сталъ третій изъ его сыновей, Іуда, названный Маккавеемъ («молотомъ»),—человѣкъ, одушевленный твердымъ упованіемъ на Бога; его энтузіазмъ увлекъ много людей, до той поры не рѣшавшихся взяться за оружіе. Сирійскій полководецъ Аполлоній, вступившій изъ Самаріи въ Іудею, былъ разбитъ Іудою и самъ палъ въ битвѣ; Іуда взялъ и съ той поры носилъ его мечъ. Страшно разгнѣванный пораженіемъ сирійскаго отряда, Антіохъ послалъ большое войско истребить непокорныхъ. Оно стало на холмѣ близъ Эмауса; съ нимъ пришли финикійскіе торговцы рабами, чтобъ покупать плѣнныхъ. Многіе іудеи, изъ страха, присоединились къ сирійцамъ. Но какъ ни велика была опасность, воины Іеговы не пали духомъ. Въ Массифѣ, древнемъ священномъ городѣ, они испросили себѣ постомъ, молитвою и покаяніемъ помощь Господа; Іуда повелъ ихъ на враговъ; сирійцы передъ тѣмъ послали отрядъ въ горы искать іудейскихъ инсургентовъ; Іуда быстрымъ нападеніемъ разбилъ главное войско, сжегъ его станъ, и во второй битвѣ поразилъ ходившій въ горы отрядъ. Сирійцы были прогнаны къ морю; іудеи взяли громадную добычу. Велика была слава Іуды Маккавея. Въ слѣдующемъ году Лизій, родственникъ царя, пришелъ отмстить за эти пораженія; сила войска его простиралась, говорятъ, до 60000 человѣкъ пѣхоты и 5000 конницы. Онъ вступилъ въ южную Іудею; но у Веѳсура, близъ Хеврона, былъ разбитъ Іудою, у котораго число воиновъ было въ шесть разъ меньше. Враги бѣжали. Іуда вступилъ въ Іерусалимъ, очистилъ храмъ, дворъ котораго поросъ травою и кустарникомъ. Древнее служеніе Іеговѣ было возстановлено. На мѣстѣ оскверненнаго жертвенника былъ сооруженъ новый изъ неотесанныхъ камней, привезенныхъ изъ разныхъ мѣстъ Іудеи.

Іуда Маккавей одерживаетъ побѣды надъ сирійцами. 166, 165.

Война въ Галаадѣ и въ Галилеѣ.

Успѣхи іудеевъ возбудили зависть и опасеніе въ сосѣднихъ языческихъ народахъ. Аммонитяне, жившіе за Iорданомъ, соединились съ арабскими племенами и стали сильно тѣснить галаадскихъ іудеевъ, а на галилейскихъ нападали враги съ приморья. Іуда пошелъ за Іорданъ, избавилъ отъ нападеній галаадскихъ іудеевъ, а братъ его Симонъ — галилейскихъ. Многія семейства, не хотѣвшія жить между непріязненныхъ сосѣдей, переселились въ Іудею. Эта область, защищенная горами и укрѣпленіями, стала твердынею священной войны.

Побѣды и пораженія іудеевъ. Антіохъ V Эвпаторъ. 164–162.

Въ слѣдующемъ году Антіохъ Эпифанъ внезапно умеръ на походѣ противъ парѳянъ, которыхъ думалъ покорить. Ему наслѣдовалъ девятилѣтній сынъ, Антіохъ V Эвпаторъ, до совершеннолѣтія котораго государствомъ долженъ былъ править Филиппъ. Но Лизій, въ чьей власти

находился ребенокъ-царь, тоже захотѣлъ стать правителемъ государства; желая кончить войну съ іудеями раньше, нежели Филиппъ возвратится въ Антіохію, онъ снова пошелъ въ Іудею съ громаднымъ войскомъ. Іуда и его храбрые сподвижники вступили въ битву, сражались геройски; младшій братъ Іуды, Элеазаръ, пожертвовалъ жизнью, чтобъ убить слона, на которомъ, какъ полагалъ онъ, сидитъ молодой царь; все осталось напрасно: іудеи были подавлены многочисленностью враговъ; побѣдители осадили гору Храма, которую Іуда обвелъ укрѣпленіями. Скоро и осажденные и осаждающіе стали терпѣть недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ; услышавъ, что Филиппъ пришелъ въ Антіохію, Лизій желалъ поскорѣе прекратить войну, и былъ заключенъ миръ: іудеи сдали гору Храма сирійцамъ, Лизій предоставилъ имъ свободу богослуженія и обѣщалъ царское покровительство Храму. Вернувшись въ Сирію, Лизій побѣдилъ Филиппа, но не достигъ цѣли своего честолюбія: сынъ Селевка Филопатора, Димитрій, жившій заложникомъ въ Римѣ, пріѣхалъ въ Антіохію; сирійцы встрѣтили его съ восторгомъ — провозгласили царемъ; онъ велѣлъ убить и своего двоюроднаго брата, Эвпатора, и Лизія, правившаго государствомъ отъ имени ребенка. Партія іудеевъ, расположенная къ греческимъ обычаямъ, желала стать въ хорошія отношенія съ новымъ царемъ; ея главою былъ первосвященникъ Алькимъ (Эліакимъ), преемникъ Менелая, убитаго по приказанію Лизія; онъ надѣялся при покровительствѣ царя удержаться на своемъ мѣстѣ; это казалось тѣмъ возможнѣе, что онъ былъ изъ священническаго рода. Многіе усердные приверженцы старины были удовлетворены данною имъ свободою богослуженія и держали себя тѣмъ покорнѣе, что царскій уполномоченный, пріѣхавшій въ Іерусалимъ для возстановленія порядка, казнилъ, по согласію съ Алькимомъ, шестьдесятъ горячихъ хасидеевъ. Но Іуда и его братья отвергали обманчивый миръ, не признавали новаго первосвященника, возбуждали народъ противиться отступникамъ, принявшимъ греческіе обычаи. По просьбѣ Алькима, сирійскій царь велѣлъ своему полководцу Никанору занять Іерусалимъ и гору Храма. Но Іуда и его приверженцы не положили оружія. Никаноръ пошелъ подавить ихъ; они одержали надъ нимъ побѣду на томъ мѣстѣ, гдѣ выиграли первую битву. Никаноръ былъ убитъ, войско его было разсѣяно. Первосвященникъ бѣжалъ въ Антіохію. Но въ слѣдующемъ году пришелъ къ Іерусалиму съ новымъ войскомъ Бакхидъ. Іуда повелъ въ битву своихъ малочисленныхъ воиновъ; сраженіе произошло при Элеасѣ; іудеи цѣлый день мужественно бились; но ихъ безстрашный вождь былъ убитъ, и они обратились въ бѣгство. Іонаѳанъ и Симонъ успѣли унести тѣло брата. Алькимъ, подъ охраною сирійцевъ, возвратился съ торжествомъ въ Іерусалимъ. И «настала великая скорбь» во всемъ Израилѣ.

Новая война при Димитріѣ Филопаторѣ 162—153.

Мартъ 161.

Смерть Іуды Маккавея 160.

Приверженцы Маккавеевъ подверглись преслѣдованію; жизнь каждаго вѣрнаго служителя Іеговы находилась въ опасности.

Скоро былъ убитъ и старшій изъ братьевъ Іуды, Іоаннъ, въ сраженіи съ арабами, напавшими на іудеевъ за Іорданомъ. Но младшій изъ Маккавеевъ, Іонаѳанъ, избранный вождемъ войска, отмстилъ за его смерть и, занявъ укрѣпленіе въ южной части пустыни, дѣлалъ удачные набѣги на враговъ. Черезъ нѣсколько времени Алькимъ умеръ внезапною смертью; тогда Бакхидъ, утомленный войною и тѣснимый Іонаѳаномъ, заключилъ миръ и ушелъ съ своимъ войскомъ. Только въ цитадели Іерусалима остался сирійскій гарнизонъ, которому были даны іудеями заложники. Такъ кончилась война. Іонаѳанъ поселился въ Михмасѣ, сталъ править Іудеею и искоренять въ ней языческое богослуженіе.

Смерть Іоанна. Побѣды Іонаѳана.

Въ такомъ положеніи были іудейскія дѣла, когда Александръ Баласъ, выдававшій себя за сына Антіоха Эпифана, поднялъ, при помощи египтянъ, возстаніе противъ Димитрія и овладѣлъ Птолемаидою; Римляне, заключившіе раньше того союзъ съ іудеями и не признавшіе Димитрія законнымъ царемъ Сиріи, покровительствовали Александру. Оба соперника старались пріобрѣсти помощь іудеевъ, одинъ передъ другимъ давали имъ обѣщанія своихъ милостей. Іонаѳанъ хорошо съумѣлъ воспользоваться этими обстоятельствами. Онъ заключилъ союзъ съ Александромъ, который прислалъ ему пурпурную мантію и золотой вѣнецъ, назначилъ его первосвященникомъ и назвалъ своимъ другомъ. Димитрій былъ убитъ въ сраженіи, Александръ овладѣлъ всею Сиріею и продолжалъ быть очень благосклоннымъ къ Іонаѳану; при своей женитьбѣ на дочери Птолемея Филопатора, пригласилъ его въ Птолемаиду на торжество свадьбы и на этомъ великолѣпномъ праздникѣ оказывалъ ему при всемъ народѣ большой почетъ, далъ ему санъ военачальника и князя. Черезъ шесть лѣтъ послѣ того, какъ Александръ овладѣлъ царствомъ, Димитрій Никаторъ, старшій сынъ убитаго имъ царя Димитрія, бѣжавшій при смерти отца въ Критъ, высадился на финикійскомъ берегу, и пріобрѣлъ столько сторонниковъ, что Александръ долженъ былъ бѣжать изъ своей столицы, Птолемаиды, въ сѣверную часть государства. Но Іонаѳанъ остался вѣренъ ему, въ упорномъ сраженіи разбилъ войско Димитрія, овладѣлъ Асдодомъ и Аскалономъ, разрушилъ тамъ всѣ языческія святилища и въ томъ числѣ асдодскій храмъ Дагона. Въ благодарность за вѣрность, Александръ отдалъ ему округъ Филистимскаго города Экрона. Но египетскій царь прислалъ помощь Димитрію, Александръ бѣжалъ въ Аравію и былъ тамъ вѣроломно убитъ. Іудеѣ грозили опасности; но Іонаѳанъ, такой же искусный дипломатъ, какъ и храбрый воинъ, съумѣлъ отвратить ихъ. Онъ отправилъ къ Димитрію посольство съ богатыми подарками; Димитрій утвердилъ его въ санѣ первосвященника, предоставилъ ему управленіе

Іонаѳанъ, князь и первосвященникъ въ царствованія Александра Баласа (154 148) и Димитрія II Никатора (148—145).

148.

146.

Іудеею и полученіе всѣхъ доходовъ страны, съ обязанностью платить 300 талантовъ дани въ царскую казну. Такимъ образомъ, Іонаѳанъ сохранилъ свое владычество надъ Іудеею и упрочилъ его во время начавшихся въ Сиріи новыхъ междоусобій; а братъ его Симонъ правилъ приморьемъ.

Плѣнъ и смерть Іонаѳана. 144.

Желая упрочить свое положеніе новыми союзами, Іонаѳанъ отправилъ посольства къ римлянамъ и спартанцамъ (такъ, по крайней мѣрѣ, говорится въ 1-ой книгѣ Маккавейской), но сирійцы коварно взяли въ плѣнъ его, съ сыновьями и отрядомъ, состоявшимъ изъ 1,000 человѣкъ, и убили всѣхъ ихъ. Это сдѣлалъ хитрый сиріецъ Трифонъ, хотѣвшій возвести на престолъ юношу, сына Александра Баласа, чтобы править его именемъ. При всей своей осторожности, Іонаѳанъ дался въ обманъ Трифону. Вскорѣ послѣ того Трифонъ убилъ и юношу, чьимъ слугою называлъ себя.

Трифонъ и сынъ Александра Баласа. 145—142.

Счастливое правленіе Симона. 143.

По смерти Іонаѳана, іудеи выбрали своимъ начальникомъ Симона, единственнаго оставшагося въ живыхъ брата Іуды. Это былъ человѣкъ осторожный; онъ вступилъ въ переговоры съ Димитріемъ, получилъ отъ него утвержденіе въ санѣ первосвященника и титулъ царскаго друга. Сдѣлавшись правителемъ Іудеи, Симонъ успѣлъ овладѣть тѣми крѣпостями, которыя еще оставались въ рукахъ приверженцевъ язычества; въ 144 году, онъ вынудилъ голодомъ сдаться гарнизонъ іерусалимской цитадели. Теперь можно было считать дѣло освобожденія Іудеи законченнымъ. Симонъ овладѣлъ и Газою, овладѣлъ портовымъ городомъ Іоппою (Іоппіею). Со стороны сирійскаго царства не угрожали іудейскому народу серьезныя опасности: оно было совершенно разстроено, и царь (Димитрій) находился въ плѣну у парѳянъ. Симонъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ спокойно правилъ страною съ властью первосвященника и князя; его правленіе было мудрое и справедливое; онъ повсюду возстановилъ національное богослуженіе, заботился о благѣ и безопасности народа. Онъ чеканилъ монету съ своимъ именемъ.—Черезъ нѣсколько времени братъ плѣннаго царя, Антіохъ VII, принудилъ узурпатора Трифона бѣжать и сталъ царемъ. Трифонъ соединился съ морскими разбойниками, господствовавшими тогда у сирійскаго берега; потомъ былъ убитъ въ своемъ родномъ городѣ, Апамеѣ. — Антіохъ потребовалъ, чтобы Симонъ платилъ дань, отъ которой онъ былъ освобожденъ Димитріемъ. Симонъ не согласился, и Антіохъ пошелъ войною на Іудею. Сынъ Симона Іоаннъ, посланный отцомъ противъ сирійцевъ, разбилъ ихъ у Асдода. Свобода Іудеи была теперь упрочена. Собраніе народа іудейскаго дало Симону титулъ первосвященника и князя, предоставило ему право назначать всѣхъ сановниковъ и поручило навсегда управленіе храмомъ. Грамота объ этомъ постановленіи народа была положена на сохраненіе въ храмѣ. Симонъ вступилъ въ союзъ съ Римомъ, покровительствовалъ земледѣлію и торговлѣ, соблюдалъ справедливость и богобоязненность.

Антіохъ Сидетъ. 141—128. 139.

Симонъ поставилъ въ своемъ родномъ городѣ Модеинѣ памятники отцу и четыремъ братьямъ, убитымъ въ борьбѣ за свободу отечества; это были каменныя пирамиды, такія высокія, что ихъ было видно съ моря. Онъ и монеты его, красиво отчеканенныя, свидѣтельствуютъ, что искусства не были чужды іудейскому народу «въ годы освобожденія Сіона». Симонъ заботился о благѣ народа, и покоилась земля іудейская во всѣ дни Симона; іудеи спокойно воздѣлывали землю свою, и земля давала произведенія свои и деревья въ поляхъ давали плодъ свой. Старцы, сидя на улицахъ, всѣ совѣщались о пользахъ общественныхъ, и юноши облекались въ пышныя и воинскія одежды. Городамъ доставлялъ онъ съѣстные припасы и дѣлалъ ихъ мѣстами укрѣпленными, такъ что славное имя его произносилось до конца земли. Онъ возстановилъ миръ въ странѣ и радовался Израиль великою радостью. И сидѣлъ каждый подъ виноградомъ своимъ и подъ смоковницею своею, и никто не страшилъ ихъ. И не осталось никого на землѣ, кто воевалъ бы противъ нихъ, и цари смирились въ тѣ дни. Онъ подкрѣплялъ всѣхъ бѣдныхъ въ народѣ своемъ, требовалъ исполненія закона и истреблялъ всякаго беззаконника и злодѣя. Украсилъ святилище и умножилъ священную утварь» (I книга Маккав. XIV, 4 — 15).

Смерть Симона. Іоаннъ Гирканъ. 135–107.

Іудеи сравнивали правленіе Симона съ царствованіемъ Давида. Но онъ не скончался спокойно, какъ Давидъ. Зять его, Птолемей, котораго назначилъ онъ правителемъ іерихонской равнины, хотѣлъ захватить власть, пригласилъ Симона и его сыновей Маттаѳію и Іуду на пиръ и убилъ ихъ. Но преступленіе не принесло пользы злодѣю. Сынъ Симона Іоаннъ Гирканъ умертвилъ убійцъ, посланныхъ Птолемеемъ, принялъ власть въ Іерусалимѣ, сталъ первосвященникомъ и княземъ, осадилъ и послѣ долгой осады взялъ Іерихонъ. Осада длилась, какъ говоритъ Іосифъ, много времени потому, что каждый разъ, когда Гирканъ подступалъ къ городу, Птолемей велѣлъ выводить на стѣну и мучить мать и братьевъ его, и грозилъ сбросить ихъ со стѣны, если онъ не отойдетъ. Мать Гиркана просила сына не обращать вниманія на угрозы, говорила, что охотно умретъ для того, чтобы злодѣй получилъ заслуженное наказаніе; но сынъ, видя мученія матери, каждый разъ отступалъ отъ стѣнъ. Убивъ мать и двухъ братьевъ Гиркана, Птолемей бѣжалъ за Іорданъ. Новый правитель Іудеи заключилъ съ царемъ сирійскимъ (Антіохомъ) договоръ, по которому обязался платить дань и помогать Антіоху войскомъ, за это былъ утвержденъ царемъ въ отцовскомъ санѣ. Дань была не обременительная. Взявъ сокровища изъ гробницы Давида, Гирканъ набралъ въ службу наемниковъ и съ этимъ войскомъ довершилъ освобожденіе страны, даже расширилъ границы своего государства: покорилъ Самарію и Галилею, разрушилъ храмъ на горѣ Гаризимѣ, служеніе въ которомъ было, по понятіямъ іудеевъ, беззаконіемъ, принудилъ идумеевъ (эдомитянъ) или принять іудейскій законъ и обрѣзаться, или покинуть родину.

130.

Второй періодъ царствованія Димитрія II. 128—126.

Антіохъ былъ убитъ въ войнѣ съ парѳянами. Братъ его Димитрій отпущенный парѳянами изъ плѣна, снова сталъ царемъ. Для огражденія себя отъ опасности со стороны возвратившагося Димитрія, Іоаннъ вступилъ въ

союзъ съ римлянами, и они, по своей неизмѣнной политической системѣ, охраняли маленькое іудейское государство, пока разсудили, что пришло время присоединить его къ своимъ владѣніямъ вмѣстѣ съ болѣе обширнымъ государствомъ, отъ котораго они охраняли его.

Состояніе Іудеи при Іоаннѣ Гирканѣ.

Благодаря союзу Іоанна Гиркана съ римлянами, іудейскій народъ передъ утратою своей независимости прожилъ нѣсколько времени счастливо. Правленіе Гиркана, длившееся почти тридцать лѣтъ, было періодомъ мира и благостоянія, іудеи пользовались независимостью, никто не мѣшалъ имъ жить по ихъ законамъ. Спокойствіе ихъ теократическаго государства нарушалось только взаимною враждою партій и раздорами, какіе вызываемы были религіозною гордостью іудеевъ, оскорблявшею самаритянъ и галилеянъ.

Религіозные раздоры.

Когда возстановлено было служеніе Іеговѣ и прекратились преслѣдованія отъ язычниковъ, прежнее дѣленіе народа на партіи эллинистовъ, принимавшихъ греческіе обычаи, и вѣрныхъ старинѣ хасидеевъ замѣнилось дѣленіемъ на саддукеевъ и фарисеевъ, имѣвшихъ нѣкоторое, но не очень близкое родство съ прежними партіями; борьбою этихъ новыхъ партій характеризуется время, предшествовавшее возникновенію христіанства. 1. До появленія Помпея въ Іудеѣ правленіе находилось почти постоянно въ рукахъ саддукеевъ; это были люди знатнаго и богатаго сословія, чуждые слишкомъ узкой національной исключительности, желавшіе привести іудейскія понятія и обычаи въ нѣкоторое согласіе съ греческими. Находясь въ постоянныхъ соприкосновеніяхъ съ греческою культурою и римскимъ могуществомъ, они выработали себѣ правила политическаго благоразумія и желали оградить государство отъ бѣдъ построеніемъ крѣпостей, организаціею хорошаго войска и союзами; фарисеи, надѣявшіеся на чудесное покровительство Божіе, видѣли въ всемъ этомъ измѣну и безбожіе. Еще болѣе важнымъ проявленіе безбожія считали фарисеи то, что саддукеи, довольные настоящимъ, игнорировали надежды на пришествіе Мессіи, не признавали и ученія о воскресеніи мертвыхъ, составлявшаго необходимую часть вѣрованія въ царство Мессіи, отвѣчали на вопросы о будущемъ холодною ссылкою на Пятикнижіе Моисеево, чуждое фантастическихъ ученій фарисейской теологіи. Потому легко было считать ихъ отрицающими воскресеніе мертвыхъ, существованіе ангеловъ, всѣ надежды іудейскаге народа на великое будущее. А на самомъ дѣлѣ, они вовсе не были ни богословскою, ни философскою школою; они были просто члены или приверженцы жреческой аристократіи, и старинной, главою которой былъ родъ Садока, и новой, которая группировалась около Асмонеевъ, замѣстившихъ родъ Садока. Потому-то и назывались они саддукеями, т. е. „садокитами"; это была партія духовныхъ аристократовъ; іерархическая правительственная партія, владычествовавшая въ Синедріонѣ, собраніи духовныхъ сановниковъ. Противники саддукеевъ, фарисеи, болѣе ихъ близкіе къ массѣ народа, стремились подчинить всю народную жизнь формамъ левитской чистоты. Они господствовали въ синагогахъ и школахъ большихъ и мелкихъ городовъ, между тѣмъ какъ центромъ саддукейства былъ іерусалимскій храмъ. Духовная аристократія находила стѣснительными для себя утрированныя религіозныя правила, исполненіе которыхъ фарисеи ставили необходимымъ условіемъ спасенія, отрицала обязательность этой многосложной

1. Саддукеи.

формалистики, держась только обрядовъ, установленныхъ Пятикнижіемъ, храненіе которыхъ называла своимъ призваніемъ.

2. Фарисеи.

Различіе между притязаніями духовныхъ сановниковъ и преобладавшимъ въ народѣ духомъ фарисейства имѣло и религіозный и политическій характеръ. Но, съ исторической точки зрѣнія, сущность дѣла состоитъ въ томъ, что садокиты (саддукеи) были приверженцы Іоанна Гиркана и его династіи, а фарисеи („перушимъ", т. е. „отдѣлившіеся") устранялись („отдѣлялись") отъ всякаго соприкосновенія съ язычествомъ, стремились точнымъ соблюденіемъ религіозныхъ обычаевъ охранить израильскій бытъ отъ иноземныхъ вліяній. Такимъ образомъ, фарисейство было не какой-нибудь особою школой или партіей возникшею послѣ побѣды надъ угнетавшими іудейскую религію сирійцами, а продуктомъ того настроенія, которое все сильнѣе и сильнѣе овладѣвало чувствами іудейскаго народа при Асмонеяхъ и при династіи Ирода. Въ среднемъ сословіи, въ женщинахъ, въ молодежи, во всей массѣ народа постоянно росла преданность фарисейству. Оно, въ противоположность саддукейству, строго держалось старины; наслѣдованныя отъ нея религіозныя обыкновенія были всѣ возведены фарисействомъ въ необходимыя заповѣди „праведности", оно создало изъ нихъ крѣпкую формалистику, регламентировавшую весь бытъ народа, каждое движеніе человѣка съ утра до ночи, отъ колыбели до могилы; изъ обычаевъ старины не отбрасывалось ничего, въ нихъ все только вносились пополненія. Вышедши изъ рядовъ хасидеевъ („благочестивыхъ"), фарисеи строго держались закона Моисеева; но въ своей мелочной заботливости о соблюденіи буквы его составили произвольнымъ и натянутымъ истолкованіемъ его опредѣленій массу мелочныхъ правилъ, исполненію которыхъ придавали большую важность. Руководясь принципомъ „ограждайте законъ", они видѣли въ ограниченіи, стѣсненіи свободы дѣйствій залогъ благочестія. Вознагражденіемъ за неудобства тяжелой формалистики, которой обременяли себя и другихъ учители фарисейства, представители стремленій іудейскаго народа, служили для нихъ блестящія мысли о будущей жизни, о воскресеніи мертвыхъ и владычествѣ на землѣ; яркими картинами этого блаженства они разгорячали фантазію народа. Опутывая всю жизнь церемоніаломъ омовеній, очищеній, постовъ, подаяній милостыни, молитвъ, жертвоприношеній, фарисеи полагали, что остаются вѣрны духу мучениковъ, пострадавшихъ за вѣру во времена маккавейскихъ войнъ, и что Богъ, съ которымъ они вели формальный расчетъ своихъ дѣлъ служенія ему, исполнитъ ради ихъ заслугъ свои обѣщанія послать іудейскому народу Мессію, который дастъ ему владычество на землѣ. Всѣмъ извѣстно изъ Евангелій, до какихъ крайностей доходило фарисейство. По разсчетамъ властолюбія, по сознательнымъ или безсознательнымъ влеченіямъ эгоизма, фарисеи сдѣлали благочестіе техническимъ искусствомъ, ремесломъ, и, какъ спеціалисты этого ремесла, владычествовали надъ мыслями народа. Они носили на себѣ знаки отличія отъ простыхъ людей, напримѣръ на рукахъ и на шеѣ свернутые маленькими свитками лоскутки, на которыхъ были написаны заповѣди закона, и старались привлекать къ себѣ народъ благочестивою внѣшностью.—Кромѣ саддукеевъ и фарисеевъ была, какъ мы знаемъ изъ Іосифа, третья партія, эссеи, составлявшіе аскетическій орденъ, существованіе котораго извѣстно достовѣрнымъ образомъ со временъ Іонаѳана Маккавея. Они стремились достичь высшей святости строгимъ воздержаніемъ отъ удовольствій, имѣли тайное ученіе объ ангелахъ, соблюдали особыя заповѣди, важнѣйшими изъ которыхъ были: воспрещеніе клятвъ и кровавыхъ жертвъ, предпочтеніе безбрачія браку, чрезвычайная умѣренность въ пищѣ и строгая забота о чистотѣ тѣла. Эти правила быть можетъ заимствованы были изъ восточныхъ вѣро-

3. Эссеи.

ученій,—именно, быть можетъ, изъ парсизма, или непосредственно, или черезъ посредство неопиѳагоризма; но быть можетъ они сформировались и самостоятельнымъ образомъ: когда во время сирійскаго гоненія на іудейскую вѣру первосвященники уклонились отъ закона Моисеева и національное богослуженіе въ храмѣ прекратилось, то людямъ строгаго благочестія могло показаться, что оффиціальная церковь безвозвратно погибла, и что надобно искать другого пути къ возсоединенію съ Богомъ. Такъ могло казаться хасидеямъ, съ названіемъ которыхъ имѣетъ этимологическую связь имя эссеевъ. Но каково бы ни было происхожденіе ихъ секты, наилучшими средствами служить Богу и пріобрѣтать душевное спасеніе они считали удаленіемъ отъ міра и его наслажденій, обузданіе всѣхъ страстей и похотей, воздержаніе, подвиги покаянія, молитву и поученія. Они жили группами въ уединенныхъ мѣстахъ на западной сторонѣ Мертваго моря, занимаясь земледѣліемъ, скотоводствомъ и непредосудительными для строгой нравственности ремеслами. Нѣкоторые изъ нихъ совершенно отрекались отъ личной собственности, отдавали все свое имущество и все пріобрѣтаемое работою въ общую кассу на общее пользованіе. Они раздѣлялись на разныя степени, но всѣ носили одинаковую одежду. Лишь немногіе изъ нихъ дозволяли себѣ брачное сожительство. Они приносили пользу другимъ людямъ, ухаживая за больными, давая содержаніе бѣднымъ.—Родственны Эссеямъ были терапевты, египетскіе іудеи, составлявшіе общество, очень похожее на христіанскіе монашескіе ордена; они вели созерцательную жизнь вдали отъ міра; мы знаемъ о нихъ только по трактату „О созерцательной жизни", который былъ приписываемъ Филону, но теперь признанъ произведеніемъ гораздо болѣе поздняго времени, изображающимъ не факты, а только идеалы.

3. Погибель династіи Асмонеевъ. Иродъ Великій.

Правленія Аристобула и Александра Іаннея 107—79.

Маккавеи проявили великую силу характера во времена бѣдствій; но счастье разслабило ихъ родъ. Умирая, Іоаннъ Гирканъ передалъ свою княжескую власть женѣ, а санъ первосвященника по наслѣдственному праву своему старшему сыну Аристобулу. Но Аристобулъ тотчасъ же по смерти отца велѣлъ отвести мать въ темницу и, какъ говорятъ, уморилъ ее тамъ голодомъ, а самъ принялъ титулъ царя, чтобы сравняться съ государями грековъ, обычаи которыхъ онъ любилъ. Своихъ трехъ братьевъ онъ тоже держалъ въ темницѣ, а четвертый братъ, Антигонъ, былъ по придворной интригѣ убитъ передъ его глазами. Въ слѣдующемъ году онъ умеръ, и царемъ сталъ содержавшійся въ темницѣ братъ его Александръ Іанней, человѣкъ грубыхъ нравовъ, думавшій только о женщинахъ, винѣ и войнѣ; онъ началъ свое правленіе тѣмъ, что убилъ одного изъ братьевъ. Храбрый воинъ, хотя и не особенно искусный полководецъ, онъ расширилъ границы своего царства: покорилъ на югѣ Рафію, Антедонъ, Газу и (на юго-востокѣ отъ Озера Галилейскаго) богатый торговый городъ Гадару. Въ дѣлахъ внутренняго управленія онъ опирался на священническую аристократію, и раздражалъ фарисеевъ своимъ пренебреженіемъ къ нимъ, своею любовью къ иноземнымъ обычаямъ.

Народъ, сочувствовавшій фарисеямъ, сталъ роптать. Однажды, во время праздника кущей, когда Іанней по сану первосвященника приносилъ жертву, въ него стали бросать камнями; въ ярости, онъ велѣлъ своимъ наемникамъ хватать и убивать народъ; было убито 6000 человѣкъ. Черезъ нѣсколько времени ему пришлось поплатиться за эту свирѣпость. На походѣ противъ арабовъ, его войско, состоявшее изъ буйныхъ наемниковъ, попало въ засаду и почти все было истреблено; онъ вернулся въ Іерусалимъ бѣглецомъ; фарисеи подняли возстаніе противъ него, собрали войско, попросили помощи у сирійскаго царя; Александръ Іанней былъ разбитъ и долго скитался по лѣсамъ и горамъ; но потомъ нѣкоторые изъ непріятельскихъ наемниковъ передались ему, онъ набралъ еще наемниковъ, побѣдилъ инсургентовъ и вошелъ въ Іерусалимъ. Пируя тамъ, онъ велѣлъ распять на крестѣ восемьсотъ человѣкъ своихъ противниковъ и зарѣзать передъ ихъ глазами ихъ женъ и дѣтей. Онъ такъ запугалъ народъ своей свирѣпостью, что послѣ того не встрѣчалъ сопротивленія и могъ снова предаться своей страсти къ завоеваніямъ. Его походы за Іорданъ были такъ удачны, что при его смерти іудейское царство имѣло почти такой же объемъ, какъ при Давидѣ.

Александра и Гирканъ. 79—70.

Умирая, Іанней передалъ свѣтскую власть своей женѣ, Александрѣ, умной и смѣлой женщинѣ, а санъ первосвященника сыну, Гиркану. Онъ совѣтовалъ женѣ покровительствовать фарисеямъ; она пріобрѣла ихъ расположеніе и, благодаря тому, правила государствомъ спокойно. Она сохранила подъ своею властью области, завоеванныя мужемъ, держала войско изъ иноземныхъ наемниковъ; это стоило большихъ расходовъ, но казна ея была полна. Едва умерла она, младшій сынъ ея, Аристобулъ, сталъ во главѣ саддукеевъ, подвергавшихся при ней преслѣдованіямъ, поднялъ мятежъ противъ старшаго брата, разбилъ его войско; побѣжденный Гирканъ принужденъ былъ передать ему и царскую власть и санъ первосвященника. Но черезъ нѣсколько времени, слѣдуя совѣтамъ хитраго и отважнаго идумеянина Антипатра, бѣжалъ изъ Іерусалима, нашелъ поддержку себѣ у нѣкоторыхъ арабскихъ князей и началъ войну съ Аристобуломъ. Оба брата просили римлянъ рѣшить, кому изъ нихъ быть царемъ. Династія Асмонеевъ отжила свой вѣкъ и клонилась къ паденію. Аристобулъ подарилъ Помпею золотой кустъ, изображавшій виноградную лозу, но не смягчилъ его этимъ. Онъ потребовалъ, чтобъ ему были сданы всѣ крѣпости и самый Іерусалимъ. Аристобулъ медлилъ повиноваться, готовился къ войнѣ; Помпей арестовалъ его, осадилъ и послѣ трехмѣсячной осады взялъ Іерусалимъ; назначилъ Гиркана первосвященникомъ и правителемъ государства, но не позволилъ ему носить титулъ царя, обязалъ его платить дань римлянамъ, разрушилъ стѣны Іерусалима, разрушилъ важнѣйшія изъ другихъ крѣпостей и уменьшилъ объемъ іудейскаго государства: Самарію сдѣлалъ особымъ государствомъ, Галилею присоединилъ къ сирійской провинціи. Онъ полюбопытствовалъ осмотрѣть храмъ, вошелъ во святое святыхъ, но не взялъ ничего изъ сокровищъ храма. Оскверненный посѣщеніемъ язычника, храмъ былъ очищенъ, и богослуженіе въ немъ было возобновлено.

Возстаніе Аристобула противъ Гиркана. 70.

Вмѣшательство римлянъ.

63.

Аристобула и его дѣтей Помпей взялъ въ Римъ, для украшенія своего тріумфа; и отвелъ въ Римъ много плѣнныхъ іудеевъ; они образовали основный элементъ іудейской общины въ Римѣ. Черезъ нѣсколько времени удалось бѣжать старшему сыну Аристобула, Александру, потомъ и ему самому. Они возвратились въ Палестину, начали новую войну, были взяты въ плѣнъ; Александръ былъ казненъ въ Антіохіи; Аристобулъ вѣроятно былъ отравленъ въ Римѣ, но похороненъ въ Іерусалимѣ съ царскими почестями.— Около этого времени были написаны такъ называемые Псалмы Соломоновы, дошедшіе до насъ на греческомъ языкѣ; эти 18 псалмовъ—отголоски прежнихъ, одинаковые съ ними по содержанію.

Антипатръ идумеянинъ.

Во время этихъ событій оказывалъ большія услуги римлянамъ хитрый и храбрый Антипатръ, по происхожденію идумеянинъ; онъ умѣлъ входить въ милость ко всѣмъ римскимъ полководцамъ, отъ Помпея до Цезаря. Римляне наконецъ поручили ему управленіе Іудеею, Самаріею и Галилеею, такъ что за Гирканомъ остался только санъ первосвященника. Римляне предоставили іудеямъ право жить по національнымъ законамъ, освободили ихъ отъ военной службы, и брали дань съ нихъ въ умѣренномъ, необременительномъ размѣрѣ. Народъ іудейскій былъ обязанъ этимъ отчасти Антипатру, потому любилъ его, такъ что онъ пользовался почти царскимъ

Начало политической дѣятельности Ирода.

уваженіемъ, хотя и не назывался царемъ. Своего смѣлаго и честолюбиваго сына, Ирода, онъ назначилъ своимъ намѣстникомъ въ Галилеѣ. Въ ущельяхъ и пещерахъ галилейскихъ горъ держались шайки разбойниковъ, которые скорѣе были недовольные патріоты, чѣмъ грабители по ремеслу. Иродъ преслѣдовалъ, одолѣлъ и жестоко наказалъ ихъ; это навлекло на него ненависть Синедріона. Но первосвященникъ былъ такъ расположенъ къ энергическому молодому человѣку, что обѣщалъ выдать за него свою внуку Маріамну. Фарисеи опасались его властолюбія, негодовали на него за то, что онъ казнилъ разбойниковъ самъ, а не отдалъ ихъ на судъ Синедріона, которому по закону принадлежало исключительное право постановлять смертные приговоры, вообще были сильно недовольны самовластіемъ, съ какимъ дѣйствовалъ онъ, увѣренный въ покровительствѣ римлянъ. Они обвинили его передъ Синедріономъ въ нарушеніи закона; но онъ явился на судъ съ отрядомъ войска, и Синедріонъ не осмѣлился объявить его виновнымъ. Однако жъ онъ уѣхалъ изъ Іудеи въ Дамаскъ. Это было по смерти Цезаря; Кассій собиралъ въ Сиріи деньги на войну съ противниками, и потребовалъ отъ Іудеи 700 талантовъ серебра. Иродъ быстро взнесъ свою долю этой суммы, и тѣмъ пріобрѣлъ расположеніе Кассія.
43. Вскорѣ послѣ того умеръ Антипатръ, отравленный однимъ изъ своихъ приближенныхъ; Иродъ сталъ хлопотать о томъ, чтобы занять мѣсто отца. Когда послѣ битвы при Филиппахъ пріѣхалъ въ Сирію Антоній, Иродъ умѣлъ поддѣлаться къ нему и, наперекоръ жалобамъ іудеевъ, пріобрѣлъ такую благосклонность его, что онъ назначилъ его тетрархомъ (областнымъ правителемъ) Іудеи, а многихъ изъ его обвинителей велѣлъ казнить. Но

Иродъ прогнанъ Антигономъ.

прежде, чѣмъ упрочилъ Иродъ свою власть, ему пришлось выдержать опасную борьбу. Антигонъ, племянникъ первосвященника Гиркана, хотѣлъ стать правителемъ государства, деньгами и обѣщаніями призвалъ парѳянъ, при ихъ помощи овладѣлъ Іерусалимомъ, отрѣзалъ уши своему дядѣ, чтобы сдѣлать его неспособнымъ занимать санъ первосвященника, посадилъ въ темницу Фазаила, брата Ирода; плѣнникъ въ отчаяніи убилъ себя. Усердные къ вѣрѣ іудеи, ненавидѣли идумейскую династію, какъ иноплеменную, хотя она и приняла законъ Моисеевъ; потому они съ радостью признали власть Антигона. Иродъ бѣжалъ въ Египетъ, оттуда поѣхалъ въ Римъ; Антоній и Октавіанъ признали его царемъ іудейскимъ, онъ съ большимъ

При помощи римлянъ Иродъ овладѣваетъ Іудеею.

войскомъ высадился въ Птолемаидѣ и началъ войну съ Антигономъ, который былъ объявленъ врагомъ римскаго народа. Война длилась три года; она была свирѣпая: фанатизмъ іудеевъ соперничалъ съ яростью буйныхъ наемниковъ Ирода въ дѣлахъ убійства и разрушенія. Иродъ былъ чело-
39. вѣкъ энергическій, храбрый, и воевалъ успѣшно, покорилъ всю Іудею; но еще сопротивлялся Іерусалимъ, въ которомъ масса народа, фанатизированная фарисеями, и многіе знатные люди твердо стояли за Антигона, потомка Асмонеевъ. Въ городѣ владычествовалъ ужасный голодъ, но жи-
37. тели съ презрѣніемъ отвергли требованія, чтобъ они сдались. Наконецъ городъ былъ взятъ приступомъ; буйные воины Ирода неистовствовали, не щадя ни пола, ни возраста. Съ трудомъ успѣлъ Иродъ спасти храмъ отъ оскверненія и грабежа. Антигонъ трусливо сдался въ плѣнъ и былъ по

Казнь Антигона.

приказанію Антонія преданъ въ Антіохіи позорной казни. Онъ былъ послѣдній государь изъ геройскаго рода Маккавеевъ. Иродъ взошелъ на престолъ Давидовъ и подъ покровительствомъ римлянъ правилъ Іудеею

Царствованіе Ирода. 37—4 до Р. Х.

34 года. Римляне неизмѣнно оставались покровителями его: онъ былъ человѣкъ энергическій; имѣлъ много даровитыхъ и вѣрныхъ помощниковъ, однимъ изъ которыхъ былъ ораторъ и историкъ Николай Дамасскій, еврей, хорошо знакомый съ греческою философіею и литературою, искусный государственный человѣкъ и усердный защитникъ дѣйствій Ирода. Главною страстью Ирода было властолюбіе; но онъ заботился о развитіи матеріальнаго благосостоянія народа и умѣлъ поддерживать спокойствіе въ го-

Характеръ Ирода и политика его.

сударствѣ. Онъ далъ іудейскому царству такой блескъ, какого не имѣло оно со времени Давида, и получилъ названіе великаго. Онъ покровительствовалъ торговлѣ и промышленности, украсилъ Іерусалимъ великолѣпными зданіями, основывалъ города; на югѣ отъ Кармила, гдѣ стояло приморское укрѣпленіе, называвшееся Башнею Стратона, онъ устроилъ прекрасную гавань и портовой городъ, который назвалъ въ честь Цезаря Августа Кесаріею (Цезареею). Но никакими заботами о торговлѣ и промышленности не могъ онъ преодолѣть глубокое чувство ненависти; всѣ хорошія качества его омрачались пороками и страстями, все больше и больше вовлекавшими его въ злодѣйства. Онъ выказывалъ наружное уваженіе къ религіи, не преслѣдовалъ фарисеевъ и всячески старался смягчить вражду іудеевъ къ нему, иноплеменнику. Но хотя онъ и выставлялъ себя держащимся іудейской религіи, въ душѣ онъ былъ чуждъ и ей и народу. Не имѣя довѣрія къ іудеямъ, онъ полагался только на свое наемное войско, состоявшее изъ разноплеменныхъ иноземцевъ, и на крѣпости, которыя строилъ въ разныхъ мѣстностяхъ государства; наемники и постройка крѣпостей требовали большихъ расходовъ, и онъ обременялъ народъ тяжелыми налогами, добывалъ деньги и злодѣйствами. Такъ, напримѣръ, онъ казнилъ 45 богатыхъ приверженцевъ Антигона и конфисковалъ ихъ имущество. Опасаясь рода Асмонеевъ, онъ истребилъ всѣхъ,

Погибель рода Асмонеевъ.

происходившихъ отъ этой династіи. Братъ его жены, Аристобулъ, былъ по наслѣдственному праву первосвященникомъ; народъ шумно выразилъ свою симпатію этому представителю знаменитаго имени Асмонеевъ; Иродъ ве-
35. лѣлъ убить его въ банѣ. Нѣсколько позднѣе, около времени битвы при Акціумѣ (Актіѣ), былъ по его приказанію убитъ бывшій первосвященникъ Гирканъ, дѣдъ его жены, освобожденный имъ изъ Парѳянскаго плѣна. Онъ велѣлъ осудить на смерть и казнилъ свою жену, красавицу Маріамну,
29. отъ которой имѣлъ пятерыхъ дѣтей; предлогомъ послужило то, что она, какъ говорила сестра Ирода, Саломея, была не вѣрна мужу. Она умерла съ царскою гордостью. Но казнивъ ее, злодѣй, страстно ее любившій, раскаялся въ этомъ; горе его было такъ велико, что онъ очень опасно занемогъ. Выздоровѣвъ, онъ сталъ опасаться ея матери, Александры; убилъ и

8 до Р. Х. Александру. Побочный сынъ его, Антипатръ, возбудилъ въ немъ подозрѣнія противъ его законныхъ сыновей, Александра и Аристобула; онъ убилъ и ихъ, чтобъ они не отмстили ему за мать. Они были убиты въ Самаріи, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ праздновалъ свою свадьбу съ ихъ матерью. Чтобы смягчить ненависть народа къ нему за его злодѣйства, онъ построилъ новый храмъ, желая заслужить такую же славу, какъ Соломонъ.

Построеніе храма. 20.

Когда былъ сложенъ фундаментъ новаго храма, обученные каменной работѣ священники, облаченные въ священныя ризы, стали строить стѣны изъ большихъ камней бѣлаго мрамора. Храмъ имѣлъ 100 локтей въ длину и 120 въ вышину. Восточный входъ закрывали, какъ въ скиніи Моисеевой (I, 583), пестрыя завѣсы, по которымъ были вышиты пурпурные цвѣты и другія фигуры. Все было устроено по образцу храма Соломонова. Новое было только то, что за этими завѣсами было поставлено золотое изображеніе большого куста виноградной лозы, эмблема благословенной богомъ страны, одно изъ чудесъ искусства по драгоцѣнности. Храмъ окружали великолѣпныя колоннады; особенно красива была южная, образуемая 162 коринфскими колоннами. Передъ восточною стороною храма стоялъ большой жертвенникъ. На террасѣ, бывшей нѣсколькими ступенями ниже храма, Иродъ построилъ обнесенный зданіями дворъ для народа; на этотъ дворъ вели съ террасы храма трое сѣверныхъ и трое южныхъ воротъ, а восточныя ворота, самыя огромныя и великолѣпныя, вели на передній дворъ и на особый дворъ для женщинъ. Надписи надъ воротами передняго двора воспрещали подъ страхомъ смертной казни входъ въ него иноплеменникамъ. Кругомъ его Иродъ повѣсилъ трофеи своихъ побѣдъ, какъ приношенія храму. Онъ соперничалъ съ Соломономъ и построеніемъ великолѣпнаго дворца, и сооруженіемъ другихъ построекъ.

Послѣдніе годы царствованія Ирода и смерть его.

Но не смотря на построеніе великолѣпнаго храма, онъ становился все ненавистнѣе народу своими злодѣйствами и господствовавшимъ при его дворѣ развратомъ; съ годами, онъ дѣлался все болѣе свирѣпымъ; въ послѣдніе годы его царствованія ядъ и палачи играли большую роль при безбожномъ дворѣ іерусалимскомъ. Народъ съ нетерпѣніемъ ждалъ смерти Ирода; въ особенности горячо желали ея гонимые имъ фарисеи.

4 годъ до Р. Х. За пять дней до смерти Иродъ велѣлъ казнить своего старшаго сына, Антипатра, который, перессоривъ царское семейство и погубивъ братьевъ своими клеветами, задумалъ убить отца, но вмѣсто того, чтобы овладѣть престоломъ, попалъ въ темницу и былъ убитъ.

Іудея подъ римскимъ управленіемъ.

По смерти Ирода іудейское царство быстро стало разрушаться. Онъ раздѣлилъ его на четыре части между своими сыновьями и родственниками, постановивъ, что сынъ его Архелай, которому онъ отдалъ Іерусалимъ, долженъ быть старшимъ надъ остальными государями. Ненависть народа къ его династіи была такъ сильна, что постоянно происходили мятежи, и народъ сталъ считать присоединеніе страны къ сирійской провинціи спасеніемъ себѣ. Пятьдесятъ депутатовъ, избранныхъ народомъ, представили правителю Сиріи Квинктилію Вару просьбу, чтобъ онъ ходатайствовалъ у Августа о принятіи Іудеи подъ непосредственное управленіе Рима. Императоръ согласился. Изъ уваженія къ памяти Ирода, онъ оставлялъ нѣсколько лѣтъ Архелая владѣтелемъ Іерусалима; но жалобы іудеевъ на жестокости Архелая усиливались; послѣ десятилѣтняго правленія, Августъ
7 годъ по Р. Х. сослалъ его въ Галлію; тамъ онъ и умеръ. Такимъ образомъ, Іудея стала римскою областью. Но народъ божій сохранилъ свою вѣру, свои законы, сберегалъ и подъ чуждою властью свои вѣчныя надежды, свои національныя особенности.

4. Македонія и Греція.

1. Антигонъ Гонатъ становится царемъ македонскимъ.

Первые годы правленія Антигона Гоната.

Македонія, воины которой покорили Азію, находилась теперь въ изнеможеніи: такъ ослабѣла она отъ растраты силъ на завоеванія, отъ междоусобій и отъ тяжелыхъ ударовъ, нанесенныхъ ей нашествіемъ кельтовъ; храбрѣйшая часть населенія погибла, страна обѣднѣла, нравы испортились, народъ потерялъ уваженіе къ законамъ; прежнее свободное сословіе земледѣльцевъ-собственниковъ попало въ зависимость отъ крупныхъ землевладѣльцевъ; національная жизнь замерла. Толпы наймитовъ и разбойники бродили повсюду, готовые служить каждому искателю приключеній. Таково было положеніе дѣлъ, когда сынъ Димитрія Поліоркета Антигонъ Гонатъ занялъ опустѣвшій македонскій престолъ; человѣкъ благоразумный, онъ старался возстановить въ своемъ царствѣ порядокъ, поднять упавшій духъ народа; взялъ въ свою службу буйныя шайки, грабившія страну, доставилъ этимъ населенію безопасность жизни и собственности и обратилъ сформированное изъ наемниковъ войско на защиту Македоніи противъ Пирра и грековъ, на войну съ безчеловѣчнымъ тиранномъ Кассандрійскимъ Аполлодоромъ (стр. 302), низвергъ его и пріобрѣлъ на Геллеспонтѣ границу, которую было удобно защищать отъ нападенія Антіоха. Но черезъ нѣсколько лѣтъ онъ подвергся опасности потерять наслѣдственное царство. Въ 274 году Пирръ возвратился изъ Италіи въ Эпиръ и задумалъ вознаградить себя за неудачу на западѣ нападеніемъ на Македонію. Предлогомъ къ войнѣ полужило то, что Антигонъ не далъ ему помощи, которой онъ просилъ. Антигонъ ждалъ его въ горныхъ проходахъ на верховьѣ Аоя съ войскомъ, состоявшимъ изъ кельтскихъ наемниковъ и македонянъ. Пирръ подъѣхалъ къ македонской фалангѣ и, протягивая руки, сталъ называть по именамъ ея начальниковъ; македоняне передались ему, Антигонъ проигралъ битву и съ остатками войска бѣжалъ въ Ѳессалонику собрать новое войско въ греческихъ городахъ приморья. Пирръ послалъ съ гордыми надписями подарки изъ взятой у галловъ и македонянъ добычи въ додонскій храмъ Зевса и въ итонскій храмъ Паллады (въ Ѳессаліи). Алчные кельтскіе наемники взломали гробницы македонскихъ царей въ Эгахъ (Эдессѣ), ограбили ихъ и буйство это осталось безнаказаннымъ. Все пріобрѣтенное отвагой Пирръ утратилъ по своей безразсудной любви къ новымъ предпріятіямъ. Благоразумный Антигонъ спокойно готовился на Геллеспонтѣ къ возобновленію войны при удобныхъ обстоятельствахъ, а Пирръ въ это время, поддавшись убѣжденіямъ Клеонима, претендента на санъ

Пирръ овладѣваетъ Македоніею. 274.

Пирръ въ Пелопоннесѣ. 272.

спартанскаго царя, пошелъ въ Пелопоннесъ. Онъ подступилъ къ стѣнамъ Спарты, олигархическому правительству которой хотѣлъ мстить Клеонимъ за обиду очень давнюю: въ 309 году оно назначило царемъ по смерти его отца не его, а его племянника Арея; хотѣлъ онъ отмстить и сыну Арея, публично хвалившемуся тѣмъ, что онъ любовникъ красавицы жены Клеонима. Пирръ осадилъ Спарту, но спартанцы показали себя достойными славы своихъ предковъ. Они мужественно отражали нападенія своихъ враговъ, одушевляемые смѣлостью женщинъ и дѣвушекъ, подававшихъ сражающимся копья, срѣлы, пищу, питье, ухаживавшихъ за ранеными, помогавшихъ поправлять укрѣпленія. Напрасно Пирръ ободрялъ своихъ воиновъ, разъѣзжая на конѣ передъ ними; раненный конь сбросилъ его, онъ принужденъ былъ начать отступленіе; спартанцы тѣснили отступающихъ, и храбрый сынъ Пирра, Птолемей, былъ убитъ. Въ ярости бросился Пирръ на спартанцевъ и заглушилъ свою скорбь, убивъ много непріятелей. Онъ пошелъ къ Аргосу; тамъ ждалъ его Антигонъ, занявшій своими войсками холмы близъ города. Пирръ ворвался ночью въ городъ, но утромъ враги, превосходившіе его числомъ, принудили его отступить.

Смерть Пирра при нападеніи на Аргосъ.

Воины столпились у городскихъ воротъ; шелъ жаркій рукопашный бой. Старуха, стоявшая на кровлѣ своего дома увидѣла, что страшный Пирръ нападаетъ на ея сына; въ отчаяніи она бросила на Пирра черепицу съ такою силою, что онъ, уже нѣсколько ослабѣвшій отъ раны, упалъ на землю, лишась чувствъ; одинъ изъ военачальниковъ Антигона отрубилъ ему голову. Окровавленную, принесли ее Антигону, онъ закрылъ лицо и заплакалъ. По смерти Пирра войско его разсѣялось; многіе поступили на службу къ побѣдителю, многіе ушли искать службы у другихъ царей, остальные скитались шайками по Греціи, добывая себѣ деньги грабежомъ и растрачивая въ буйныхъ пирушкахъ награбленное. Царемъ въ Эпирѣ сталъ сынъ Пирра, Александръ *); онъ, упрочивъ свою власть, искусно пользовался обстоятельствами, чтобы покорить разрозненную несогласіями

Состояніе Греціи.

Грецію. Въ большинствѣ греческихъ городовъ правленіемъ овладѣла аристократическая партія, преданная македонскому царю; въ другихъ захватили владычество тиранны при помощи наемныхъ войскъ; всѣ

*) По смерти Александра (около 358 г.) династія Пирра скоро погибла. Сыновья Александра, Пирръ и Птолемей, оставшіеся послѣ отца несовершеннолѣтними, умерли, каждый послѣ немногихъ лѣтъ правленія; Птолемей умеръ отъ руки убійцы на походѣ. Ихъ родственница Деидамія была убита въ Амбракіи въ храмѣ Артемиды; она была послѣдняя представительница рода эакидовъ. Царство страдало отъ раздоровъ, и племена, соединенныя въ немъ, распались. Молоссы, хаоны и ѳеспроты соединились черезъ нѣсколько времени въ федерацію, дѣлами которой управляли три стратега, избираемые на одинъ годъ; другія эпирскія племена стали жить подъ управленіемъ наслѣдственныхъ князей. На Акарнанію нападали македоняне и хищные этоляне; акарнанцы обратились наконецъ къ римлянамъ съ просьбою о защитѣ, и римляне вступились за нихъ.

отдались подъ покровительство Антигона Гоната, который поставилъ свои гарнизоны въ акрополяхъ и крѣпостяхъ, чтобы не допустить нигдѣ возстановленія демократіи. Главными оплотами македонскаго владычества надъ Греціей были ѳессалійская крѣпость Деметріада, эвбейская крѣпость Халкида, и Коринѳъ: тамъ были войска, всегда готовыя идти на помощь олигархамъ и тираннамъ.

Пелопоннесъ.

Въ особенности Пелопоннесъ былъ добычею тиранновъ, алчныхъ, развратныхъ и жестокихъ: возростающей испорченностью нравовъ и робостью, опираясь на грубыхъ наемниковъ и продажныхъ приверженцевъ, они уничтожали послѣдніе остатки свободы, законности, патріотизма; безъ всякаго стыда попирали ногами нравственность, семейную честь, все благородное. Такіе тиранны захватили въ свою власть богатый, знаменитый своими художниками Сикіонъ, Флиунтъ, Мегалополь, Элиду, другіе города, повсюду свирѣпствуя и злодѣйствуя. Почти всѣ они были очень образованные люди, знакомые съ модною философіею, покровители искусствъ. Олигархи, прежде бывшіе непримиримыми врагами тиранновъ, теперь не рѣдко вступали съ ними въ союзъ по ненависти къ демократіи, по общей преданности македонскому царю.

Аристотимъ, тираннъ элидскій. 268.

Самымъ гнуснымъ образомъ проявлялась тираннія въ Элидѣ, которая подъ охраною религіознаго мира много столѣтій жила спокойно и счастливо по старымъ обычаямъ, скромно и честно пользуясь прочнымъ благосостояніемъ. Аристотимъ, при помощи отряда наемниковъ, сталъ владыкою этого государства и правилъ террористически: грабилъ, свирѣпствовалъ, ругался надъ гражданами, развратничалъ. Всѣ темницы наполнились узниками; 800 гражданъ бѣжали къ этолянамъ; Аристотимъ бросилъ въ темницы ихъ женъ, чтобы онѣ служили ему заложницами въ обезпеченіе отъ умысловъ мужей, и конфисковалъ ихъ имущества. Начальникъ наемниковъ Аристотима убилъ сопротивлявшуюся его гнуснымъ требованіямъ благородную дѣвушку въ объятіяхъ ея отца, Гелланика, и остался безнаказаннымъ. Аристотимъ велѣлъ арестованнымъ женамъ бѣжавшихъ послать мужьямъ совѣтъ, чтобъ они не предпринимали враждебныхъ дѣйствій противъ него. Мегисто, жена одного изъ бѣжавшихъ, отказалась повиноваться требованію; тираннъ грозилъ, что замучитъ ея ребенка и исполнилъ бы угрозу, еслибъ не удержалъ его одинъ изъ его приверженцевъ Килонъ. Наконецъ чаша терпѣнія переполнилась. Гелланикъ составилъ заговоръ, къ которому присоединился и Килонъ; Аристотимъ, подозрѣвая, что готовится возстаніе, просилъ помощи у македонянъ, занимавшихъ Коринѳъ; но прежде чѣмъ пришелъ македонскій отрядъ, возстаніе вспыхнуло. Тираннъ бѣжалъ въ храмъ Зевса и былъ убитъ тамъ. Его свирѣпое владычество длилось полгода. Въ Элидѣ были возстановлены прежнія учрежденія, и она присоединилась къ этольскому союзу. Жена и двѣ красавицы дочери Аристотима сами лишили себя жизни.

Хремонидова война въ Аттикѣ 266—263.

Примѣръ элидянъ, вѣроятно, нашелъ бы подражателей себѣ въ гражданахъ другихъ пелопоннесскихъ государствъ, если бы побѣда македонянъ въ Хремонидовой войнѣ, начатой аѳинянами противъ нихъ, не упрочила ихъ владычества надъ Греціею. Эта война была послѣднею попыткою аѳинянъ возстановить свою свободу, и они сражались съ мужествомъ, напоминавшимъ подвиги ихъ предковъ. Отвага и твердость, одушевлявшія аѳинянъ, безъ сомнѣнія были отчасти результатомъ вліянія философской школы, которую основалъ

тогда Зенонъ. Антигонъ Гонатъ имѣлъ гарнизоны на Саламинѣ и въ гаваняхъ Аттики; но ему казалось, что этого мало. Пославъ новые отряды на подкрѣпленіе войскъ, стоявшихъ въ Піреѣ и Мунихіи, онъ хотѣлъ поставить гарнизонъ и въ укрѣпленіи на холмѣ Музъ, владычествовавшемъ надъ городомъ Аѳинами. Эта попытка совершенно захватить подъ свою власть городъ была нарушеніемъ прежнихъ договоровъ Антигона съ аѳинянами и возбудила сопротивленіе гражданъ. Хремонидъ и его братъ Главконъ, дѣти Этеокла, уроженцы эѳалидскаго дема, стали вождями возстанія. Они вступили въ переговоры съ пелопоннесцами и съ Птолемеемъ Филадельфомъ, имѣвшимъ большое расположеніе къ нимъ. По предложенію Хремонида, аѳиняне заключили союзъ съ лакедемонянами при содѣйствіи царя Арея, съ элидянами, ахейцами, критянами, съ аркадскими городами Тегеей, Мантинеей, Орхоменомъ, Кефеями и Фигаліею. Антигонъ пришелъ съ сильнымъ войскомъ, осадилъ Аѳины съ суши и съ моря; но аѳиняне храбро защищались и ждали помощи отъ союзниковъ. Птолемей послалъ Патрокла съ большимъ флотомъ къ берегамъ Аттики; Патроклъ занялъ крѣпкую позицію между Лавріемъ и Суніемъ. Спартанскій царь Арей сталъ съ войскомъ на Истмѣ. Кельтскіе наемники Антигона, стоявшіе въ Мегарѣ, возмутились. Положеніе Антигона было опасно, но онъ одолѣлъ враговъ. Боясь оставить въ тылу у себя македонскій гарнизонъ Акрокоринѳа, Арей не пошелъ дальше Истма; онъ бездѣйственно стоялъ тамъ, пока Антигонъ подавилъ возстаніе въ Мегарѣ и двинулся прямо на него. Извѣстія о событіяхъ того времени скудны; они дошли до насъ только изъ немногихъ отрывочныхъ замѣтокъ; мы видимъ изъ нихъ, что Арей былъ убитъ въ сраженіи на Истмѣ, потому должно думать, что Антигонъ принудилъ спартанцевъ отступить. Знаемъ также, что македонскій флотъ одержалъ при Косѣ побѣду надъ эскадрою Патрокла, что вторженіе эпирскаго царя Александра въ Македонію было отражено Антигономъ и его братомъ Димитріемъ Прекраснымъ. Одержавъ эти побѣды, Антигонъ сильнѣе прежняго сталъ нападать на Аѳины; но аѳиняне съ непоколебимымъ мужествомъ оборонялись три года. Лишившись всякой надежды на помощь и мучимые голодомъ, они сдались наконецъ Антигону; онъ поставилъ гарнизоны въ приморскихъ крѣпостяхъ, въ горныхъ укрѣпленіяхъ Аттики; изнуренные аѳиняне принуждены были повиноваться и платить дань ему.

Покореніе Аѳинъ.

Часть длинныхъ стѣнъ была разрушена; чрезъ нѣсколько лѣтъ были разрушены укрѣпленія и на холмѣ Музъ. Аттика была опустошена. Храмъ Посейдона въ Колонѣ и священная роща храма были сожжены. Главконъ и Хремонидъ бѣжали въ Египетъ. Несчастный исходъ послѣдней войны за свободу нанесъ Аѳинамъ смертельный ударъ. Онѣ потеряли всякое политическое значеніе, хотя много вѣковъ послѣ того оставались центромъ образованности и учености. Старинная легенда говоритъ, что поэтъ Филемонъ, столѣтній старикъ, видѣлъ Музъ, уходящими изъ города, въ которомъ не осталось достойнаго жилища для нихъ, дописалъ свою послѣднюю драму, закрылъ лицо и заснулъ вѣчнымъ сномъ. Паденіе Аѳинъ упрочило колебавшееся владычество македонянъ надъ Пелопоннесомъ. Въ большей части городовъ захватили власть надъ ними начальники гарнизоновъ, правили произвольно и жестоко, опираясь на наемниковъ и на македонскія войска, стоявшія въ Коринѳѣ, Трезенѣ и другихъ мѣстностяхъ.

2. Союзы этольскій и ахейскій.

Упадокъ греческихъ культурныхъ государствъ.

Прежніе культурные города и федеративныя государства Греціи во время войнъ діадоховъ все болѣе и болѣе поглощались македонскимъ царствомъ. Въ крѣпостяхъ стояли иноземные гарнизоны, подавлявшіе всякое патріотическое движеніе. Взаимная вражда партій заглушала любовь къ свободѣ и національной независимости; философскій космополитизмъ притуплялъ прежнюю энергію народнаго чувства. Пошлыя удовольствія, спектакли, праздники, умственные интересы отвлекали людей отъ серьезной заботы о благѣ государства. Исторія Полибія и отрывки другихъ тогдашнихъ писателей изображаютъ намъ печальную картину политическаго и нравственнаго распаденія Греціи. Въ Спартѣ учрежденія Ликурга потеряли всякую жизненность, превратились въ узкую олигархію; служба въ наемникахъ у иноземцевъ стала спартанскимъ ремесломъ. Въ Аѳинахъ интересы государства и законнаго порядка, военное дѣло, заботы о благѣ родины были оттѣснены на второй планъ художественными и литературными интересами, ученой дѣятельностью, философскими изслѣдованіями. Ѳивы снова были главою возстановленной Беотійской федераціи, имѣвшей довольно большое войско; но нравы ѳиванцевъ были испорчены и грубы. До насъ дошелъ отрывокъ, въ которомъ историкъ и философъ Дикеархъ изображаетъ ѳиванскіе нравы во времена діадоховъ; изъ этого отрывка и замѣчаній, встрѣчающихся у Полибія, мы видимъ, что ѳиванцы проводили время въ пирахъ, пренебрегали и общественными и домашними дѣлами, доказывали своею грубостью и надменностью справедливость издавна существовавшаго мнѣнія, что беотійцы народъ необразованный и умственно слабый, а прекрасныя женщины и дѣвушки Ѳивъ забыли прежнюю строгость нравовъ и преданность родинѣ, стали жить легкомысленно по обычаямъ Сикіона и Коринѳа, хотя продолжали, по старинному, складывать свои русые волоса на верху головы и закрывать верхнюю половину лица бѣлымъ вуалемъ. Такимъ образомъ тѣ государства, которыя прежде имѣли преобладающее значеніе въ исторіи Греціи падали все ниже и ниже, и на первый планъ исторической дѣятельности выступили два народа, которые до той поры мало участвовали въ умственной жизни Греціи, оставались почти чужды событіямъ ея исторіи; это были этоляне и ахейцы.

1. Этоляне. Много столѣтій этоляне жили въ своихъ горахъ неукрѣпленными мѣстечками, селеніями и разбросанными домами въ сельской простотѣ, почти не обращая на себя вниманія другихъ грековъ, оставаясь чужды ихъ образованности, но также и овладѣвавшей ими изнѣженности. Этолія, границами которой были на западѣ быстрый Ахелой, а на востокѣ Эвенъ, имѣла только на южномъ приморьѣ плодородныя равнины, удобныя для земледѣлія; остальное пространство было гористое, допускавшее только охоту и скотоводство. Этоляне вели суровый образъ жизни, сохраняли старинную воинственность и грубую свободу тѣхъ временъ, когда человѣку принадлежало все, что пріобрѣталъ его мечъ, когда разбой на сушѣ и на морѣ считался честнымъ промысломъ. Неукротимо-отважные этоляне предпринимали хищническіе набѣги подъ предводительствомъ своихъ родоначальниковъ и знатныхъ людей, плавали грабить даже далекіе берега Италіи, Малой Азіи, ходили наемниками въ иноземную службу; а тѣ, кто оставался дома, добывали себѣ земледѣліемъ, скотоводствомъ и охотою достаточныя средства на удовлетвореніе очень ограниченныхъ потребностей своей грубой, простой жизни.

Оружіе было у этолянъ украшеніемъ свободнаго человѣка, который почти никогда не снималъ его. Вооруженные пращею и дротикомъ, этоляне были страшны всѣмъ врагамъ своею физическою силою, ловкостью и необузданной отвагой. Принадлежностями національнаго костюма ихъ были кавсія—бѣлая шляпа съ широкими полями, короткій хитонъ, оставлявшій правую руку свободной, и высокіе критскіе котурны; взбираясь на крутизны, они снимали обувь съ правой ноги, чтобъ ею держаться крѣпче. По умственному развитію они далеко отстали отъ другихъ грековъ, которые поэтому чуждались грубыхъ, гордыхъ, хвастливыхъ горцевъ и презирали ихъ. Но впослѣдствіи времени явилась и у нихъ любовь и способность къ искусствамъ, и когда они стали могущественны, они богато украсили колоннадами, храмами, картинами, статуями Термъ, гдѣ сходилось народное собраніе ихъ. Это было неукрѣпленное мѣстечко, окруженное горами и плодородными холмами. Тутъ совершали они праздникъ своего союза, сопровождавшійся съѣздомъ купцовъ, гимнастическими играми, пирами; тутъ они совѣщались о своихъ дѣлахъ, пируя: они всегда готовы были рисковать жизнью, но и любили пользоваться ею съ буйнымъ разгуломъ.

Этольскій союзъ. Этольскіе мѣстечки и округи издавна имѣли демократическое управленіе и находились между собою въ федеративной связи, довольно слабой и мало стѣснявшей независимость общинъ; только въ македонское время, когда могущество другихъ греческихъ государствъ было разрушено войнами и энергія ихъ ослаблена привычкою къ удобствамъ жизни, племенные союзы этолянъ соединились въ общій этольскій союзъ, не столько для упроченія законнаго порядка, сколько для защиты отъ мести сосѣдей за хищническіе набѣги; въ грубомъ народѣ могли находиться задатки способности образовать сильную федерацію, но ему не доставало любви къ порядку, уваженія

къ закону, привычки къ повиновенію. Новая федеративная связь дала единство и систематичность нападеніямъ этолянъ на сосѣдей, и они расширили свои границы на западъ, покоривъ эніадовъ, и на востокъ —овладѣвъ Навпактомъ. Съ того времени этоляне стали принимать участіе во всѣхъ важныхъ войнахъ. Мужественно оборонялись они отъ македонскаго властолюбія, храбро сражались, помогая другимъ грекамъ защищать независимость въ смутныя времена упадка ихъ энергіи, всѣми силами старались отвратить отъ Греціи порабощеніе. Они защищали греческую свободу противъ Антипатра и Кассандра (стран. 256); они составляли главную силу войска, остановившаго въ Термопилахъ буйное нашествіе кельтовъ и разбившаго въ дельфійской области хищныя орды Бренна; защита дельфійскаго святилища, глубоко уважаемаго всѣми греками и Амфиктіонскаго союза, находившагося при этомъ святилищѣ, сблизила этолянъ съ другими греками, возвысила ихъ репутацію; но прежнее устройство Амфиктіонскаго союза (II, 119 и слѣд.) было совершенно разрушено вліяніемъ, какое пріобрѣли теперь въ Дельфахъ этоляне: они присвоивали себѣ все больше и больше голосовъ въ совѣтѣ Амфиктіоновъ, такъ что наконецъ составили большинство въ немъ, и совѣщанія Амфиктіоновъ стали пустой формальностью; дельфійская амфиктіонія сдѣлалась орудіемъ этольской политики.

Устройство этольскаго союза. Верховная власть по управленію дѣлами этольскаго союза принадлежала панетолію, „собранію всѣхъ этолянъ“, сходившемуся во время осенняго равноденствія въ Термѣ; каждый свободный этолянинъ могъ приходить въ это собраніе и пользовался правомъ голоса въ немъ, въ случаяхъ надобности панетолійское собраніе было созываемо въ другихъ мѣстахъ и въ другое время. Оно рѣшало дѣла о мирѣ и войнѣ, заключало союзы и другіе договоры, отправляло и принимало пословъ. Совѣщаніями его руководилъ главный сановникъ союза, называвшійся стратегомъ (полководцемъ); онъ былъ избираемъ на годъ. Ему было поручено исполнять рѣшенія союзнаго собранія, созывать войско; въ походахъ онъ былъ главнокомандующимъ. Онъ получалъ значительную часть добычи, но не имѣлъ права голоса въ совѣщаніяхъ о войнѣ и мирѣ (вѣроятно для того, чтобы совѣщанія велись безпристрастно). Союзная власть была не настолько сильна, чтобы мѣшать племеннымъ родоначальникамъ самовластно предпринимать набѣги съ людьми, добровольно присоединявшимися къ нимъ; не имѣла она силы мѣшать и междоусобіямъ округовъ или общинъ. Помощникомъ стратега былъ гиппархъ (начальникъ конницы) должность котораго важна была потому, что у этолянъ сформировалась хорошая конница съ той поры, какъ они овладѣли нѣкоторыми городами Ѳессаліи.—Высшей административной и судебной властью по дѣламъ всего союза и округовъ его былъ комитетъ апоклетовъ, называвшихся иначе синедрами (созасѣдающими); они были избираемы тоже на одинъ годъ, нѣкоторые панетолійскимъ собраніемъ, другіе племенными округами изъ числа мѣстныхъ аристократовъ. Подъ предсѣдательствомъ стратега апоклеты завѣдывали текущими дѣлами союза, рѣшали процессы, разбирали ссоры между округами, охраняли права союза и составляющихъ его общинъ противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ назначали они особые комитеты,

Стратегъ и гиппархъ.

Апоклеты.

Grammateus. въ которыхъ иногда бывало до 30 членовъ. Послѣ стратега и гиппарха важнѣйшимъ союзнымъ сановникомъ былъ секретарь (grammateus, „писецъ"), обязанностью котораго было составлять государственные акты и вести переписку союза. Онъ былъ обыкновенно избираемъ по жребію изъ нѣсколькихъ кандидатовъ, одобренныхъ союзнымъ собраніемъ. Всѣ члены союза имѣли право гражданства во всемъ союзѣ, или, какъ это называлось, симполитію, т. е. каждый могъ селиться во всякой общинѣ, принадлежащей къ союзу, пріобрѣтать въ ней земельную собственность, заключать полноправный бракъ съ дочерью гражданина другой общины, участвовать въ собраніяхъ гражданъ общины, гдѣ селился, подавать голосъ въ нихъ, быть избираемъ въ ней на всякія должности. Этими правами пользовались не только этоляне, но и другіе греки, добровольно или не добровольно становившіеся членами союза, какъ напримѣръ жители нѣкоторыхъ округовъ и городовъ Ѳессаліи, Фокиды, Локриды, Мессеніи и пр. Элидяне, по низверженіи тиранніи Аристотима, заключили договоръ съ этольскимъ союзомъ; они и онъ обязаны были помогать другъ другу въ случаяхъ надобности, но Элида осталась особымъ государствомъ. Кефалленія напротивъ того была подчинена этольскому союзу, платила дань ему, и процессы кефалленскихъ гражданъ были рѣшаемы этольскимъ судомъ.

Союзныя права.

2. Ахейцы. Совершенно иной характеръ имѣлъ образовавшійся въ царствованіе Антигона Гоната ахейскій союзъ, послѣдняя свѣжая вѣтвь, выросшая на изсыхавшемъ деревѣ греческой свободы.

Ахаія въ прежнія времена. Съ древнѣйшихъ временъ 12 городовъ Ахаіи находились между собою въ союзѣ, связь между членами котораго была впрочемъ очень слаба. Собранія ахейскаго союза происходили при храмѣ Зевса Амарійскаго, находившемся въ области города Гелики. Это былъ одинъ изъ тѣхъ союзовъ для общаго богослуженія, основаніемъ которыхъ было племенное родство; въ Греціи существовало много такихъ союзовъ, связью между членами которыхъ было общее служеніе племеннымъ богамъ по старинному обычаю. Политическая самостоятельность членовъ этихъ союзовъ не была ограничиваема ни чѣмъ. Ахаія не имѣла важнаго вліянія на общій ходъ военныхъ и политическихъ дѣлъ въ Греціи, но она славилась хорошей нравственностью своихъ гражданъ, согласіемъ, порядкомъ, мягкимъ характеромъ правленія, сохранявшаго старинныя формы. Колоніи, основанныя ахейцами въ Южной Италіи—Кротонъ, Сибарисъ, другіе города, свидѣтельствовали своимъ богатствомъ и блескомъ о даровитости и энергіи ахейскаго племени. Остальная Греція такъ уважала честность простыхъ и трудолюбивыхъ жителей маленькой приморской области, что главныя государства Греціи послѣ битвы при Левктрѣ отдали на ихъ рѣшеніе свои споры. Македонскіе цари разрушили ахейскую федерацію. Они коварно

Разрушеніе и возобновленіе ахейскаго союза.

поссорили ахейскіе города одни съ другими и, пользуясь ихъ раздорами, послали въ нихъ свои гарнизоны, подавили ихъ свободу. Но въ ахейцахъ остались воспоминанія о прежнихъ счастливыхъ временахъ; воспользовавшись упадкомъ могущества Македоніи отъ нашествія кельтовъ, четыре

280. ахейскіе города Дима, Патры, Тритея и Фары прогнали македонскіе гарнизоны, вступили между собою въ союзъ, обѣщались помогать другъ другу противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ и повиноваться рѣшеніямъ союзнаго правительства. Черезъ пять лѣтъ послѣ того присоединился къ союзу

275. Эгій; послѣ погибели Гелики (II, 11, 867), священный округъ храма Зевса

Амарійскаго сталъ принадлежать этому городу, потому онъ занялъ первое мѣсто въ союзѣ. Вскорѣ присоединились къ союзу: Бура, граждане которой убили владычествовавшаго надъ ними тиранна, Керинея, тираннъ которой, боясь такой же судьбы, самъ отказался отъ власти, Пеллена, Леонтій, Эгира.

Ахейцы не хотѣли, чтобъ ихъ города, имѣвшіе демократическое правленіе, утратили свою независимость, но они соединились въ плотную федерацію, давъ значительную власть союзному правительству. Союзные города избирали комитетъ десяти завѣдующихъ народными дѣлами (десяти даміурговъ); членами этого комитета были также союзный военачальникъ (стратегъ) и государственный секретарь (grammateus); комитетъ завѣдывалъ внѣшними и внутренними дѣлами союза. Сначала было два стратега, но потомъ ахейцы стали назначать только одного, и съ той поры стратегъ былъ главнымъ правителемъ союза. Онъ былъ избираемъ на годъ, но можно было избирать прежняго стратега и на слѣдующій годъ. Этотъ сановникъ имѣлъ большую власть по всѣмъ дѣламъ и военнымъ и гражданскимъ. Когда рѣшили назначить одного стратега, то на первый годъ въ этотъ санъ избрали Марга керинейскаго. Государственный секретарь велъ сообразно рѣшеніямъ даміурговъ переписку съ другими государствами, завѣдывалъ дѣлами внутренняго управленія и судопроизводства. Устройство ахейскаго союза. 255.

Возстановленный ахейскій союзъ имѣлъ лишь узкое областное значеніе, пока Аратъ сикіонскій не присоединилъ къ нему свой родной городъ; подъ вліяніемъ Арата, союзъ проникся стремленіемъ избавить Грецію отъ униженія, въ какомъ находилась она при своей разрозненности, пробудить въ грекахъ патріотизмъ, соединить ихъ, возстановить могущество Греціи. Аратъ сикіонскій.

Сикіонъ сохранилъ свой блескъ и подъ македонскимъ владычествомъ. Область его была покрыта садами, нивами, зажиточными селеніями; прекрасная гавань Сикіона была наполнена торговыми судами; великолѣпныя зданія и множество произведеній искусства свидѣтельствовали о богатствѣ и образованности гражданъ. Но раздоры, коварно возбуждаемые македонянами, подрывали основанія этого счастливаго положенія дѣлъ. Изъ раздоровъ возникло междоусобіе, и Сикіонъ подпалъ подъ владычество тиранна. Клиній, знатный и богатый гражданинъ, твердый патріотъ, былъ убитъ въ борьбѣ противъ тиранна Абантида. Большой опасности подвергался и его сынъ, семилѣтній ребенокъ, Аратъ, но былъ увезенъ въ Аргосъ; тамъ онъ выросъ у друзей своего отца, сталъ крѣпкимъ юношей, искуснымъ въ гимнастическихъ упражненіяхъ. Между тѣмъ его родной городъ переходилъ изъ-подъ власти одного тиранна подъ власть другого, лучшіе граждане его были казнены или изгнаны; наконецъ тиранномъ сталъ свирѣпый и развратный Никоклъ. Аратъ прожилъ въ Аргосѣ тринадцать лѣтъ въ обществѣ богатыхъ и образованныхъ друзей своего отца и многихъ сикіонскихъ гражданъ, бѣжавшихъ въ Аргосъ отъ преслѣдованій тиранна. Сикіонскіе эмигранты съ надеждой смотрѣли на сильнаго, ловкаго юношу, смѣлаго и осмотрительнаго, горѣвшаго желаніемъ освободить родину и отмстить за убійство отца. Онъ хитро умѣлъ обмануть шпіоновъ тиранна, показывая видъ, будто проводитъ время въ легкомысленныхъ удовольствіяхъ.

Владычество тиранновъ въ Сикіонѣ. 264. Аратъ въ Аргосѣ.

Когда Арату показалось, что настало удобное время для попытки осво-

Освобожденіе Сикіона и присоединеніе его къ ахейскому союзу.

бодить родной городъ, онъ пошелъ изъ Аргоса съ нѣсколькими эмигрантами и отрядомъ наемниковъ. Ночью они перелѣзли через стѣну, обезоружили застигнутыхъ въ расплохъ тѣлохранителей тиранна и при наступленіи утра стали призывать гражданъ къ свободѣ. Никоклъ бѣжалъ; дворецъ его разграбили и сожгли, остальныя богатства его конфисковали. Такимъ образомъ безъ всякаго кровопролития освободился Сикіонъ. Но городу грозили новыя смуты: изгнанники, число которыхъ простиралось до 600 человѣкъ, воротившись, потребовали, чтобъ имъ были возвращены ихъ имущества, составлявшія очень большую сумму и давно перешедшія въ другія руки. Чтобъ имѣть опору противъ раздоровъ, Аратъ убѣдилъ сикіонцевъ присоединиться къ ахейскому союзу на равныхъ съ другими членами правахъ; они согласились, хотя были дорійцы. Аратъ поѣхалъ въ
251. Александрію и выпросилъ у расположеннаго къ нему Птолемея большую сумму для того, чтобы раздать ее возвратившимся эмигрантамъ; благодаря тому, раздоры прекратились.

Аратъ избранъ стратегомъ.

Аратъ пріобрѣлъ большую славу своими осторожными и успѣшными дѣлами на пользу родины; при томъ онъ оказалъ ахейскому союзу большую услугу, присоединивъ къ нему важный торговый городъ; это проложило молодому государственному человѣку дорогу къ высшимъ союзнымъ должностямъ; но онъ скромно предпочелъ начать свою службу съ самыхъ первыхъ ступеней: онъ сначала только поступилъ въ ахейскую конницу. Но черезъ шесть лѣтъ, онъ уже былъ
245. избранъ стратегомъ и потомъ до самой его смерти былъ избираемъ въ этотъ санъ каждый годъ, когда желалъ. Человѣкъ свѣтлаго ума, получившій образованіе въ духѣ тогдашней патріотической философіи, Аратъ направилъ свою дѣятельность къ той высокой цѣли, чтобы соединить весь Пелопоннесъ подъ гегемоніею ахейцевъ. Онъ поставилъ основнымъ принципомъ федераціи равноправность всѣхъ членовъ союза и не хотѣлъ стѣснять самостоятельность ихъ въ управленіи внутренними дѣлами. Всѣмъ гражданамъ союза безъ различія по имуществу и сословію была открыта дорога ко всѣмъ союзнымъ должностямъ; тѣмъ изъ присоединявшихся государствъ, учрежденія которыхъ были неодинаковы съ ахейскими, предоставлялась свобода сохранить прежнюю форму правленія. Устройство ахейскаго союза, постепенно выработавшееся подъ вліяніемъ Арата, сохранило характеръ умѣренной демократіи; союзъ остерегался вмѣшиваться во внутреннія дѣла составлявшихъ его государствъ, оставлялъ неприкосновенными ихъ привычки, правительственныя учрежденія и религіозныя особенности, щадилъ самолюбіе и предразсудки, но стремился осуществить идею національнаго единства и поставилъ ее подъ покровительство религіи; союзное правительство приводило въ исполненіе волю народнаго собранія; была введена система одинаковыхъ мѣръ и вѣса, чеканилась одинаковая монета, были установлены об-

Устройство ахейскаго союза.

щіе торговые законы. Божествами покровителями союза были Зевсъ Собиратель и Деметра Всеахейская, древняя таинственная богиня города Эгія, имѣвшая на головѣ побѣдный вѣнокъ; этимъ божествамъ были даны новые аллегорическіе эпитеты «Собиратель» и «Всеахейская», въ руку Зевса было вложено поднятое копье, Деметра была украшена вѣнкомъ побѣды. Верховный жрецъ совершалъ служеніе этимъ божествамъ союза; на союзной монетѣ были ихъ изображенія. Въ рощѣ при храмѣ Зевса сходилось народное собраніе союза, приносило жертвы, молитвы и совѣщалось о дѣлахъ.

1. Союзное собраніе.

Верховная власть по выработавшимся при Аратѣ учрежденіямъ ахейскаго союза принадлежала собранію ахейскаго народа; оно сходилось два раза въ годъ весною и осенью на прежнемъ мѣстѣ у храма Зевса близъ Эгія. Въ немъ могли участвовать, могли говорить рѣчи, имѣли право голоса всѣ свободные граждане, достигшіе 30 лѣтняго возраста. Голосъ подавался вѣроятно каждымъ гражданиномъ; нѣкоторые ученые полагаютъ, что каждый городъ, каждое мѣстечко, имѣли по одному голосу, каково бы ни было число гражданъ той или другой общины; но едва ли это было такъ. Совѣщаніями руководили союзные сановники; по правиламъ, опредѣленнымъ съ точностью, собраніе рѣшало дѣла о войнѣ и мирѣ, союзахъ и договорахъ, налогахъ, повинностяхъ, и вообще всѣ дѣла, рѣшеніе которыхъ принадлежитъ верховной власти; оно судило обвиняемыхъ въ измѣнѣ и разбирало споры между членами союза. Весною, въ началѣ гражданскаго года, собраніе назначало сановниковъ союза (стратега и секретаря) и союзный совѣтъ (bule), который, въ соединеніи съ даміургами, образовалъ союзное правительство, завѣдывавшее дѣлами союза подъ контролемъ собранія, исполнявшее его рѣшенія, руководившее его совѣщаніями и подготовлявшее матеріалъ для нихъ. Въ случаяхъ, нетерпѣвшихъ промедленія, совѣтъ, вмѣстѣ съ стратегомъ, дѣйствовалъ собственной властью, не дожидаясь собранія, но долженъ былъ отдавать ему отчетъ въ этихъ распоряженіяхъ. Для рѣшенія споровъ между членами союза существовалъ судъ, членовъ котораго также назначало собраніе. Въ народномъ собраніи и въ совѣтѣ предсѣдательствовалъ стратегъ. Онъ своею подписью и приложеніемъ государственной печати скрѣплялъ акты, въ которыхъ излагались рѣшенія собранія. Ему принадлежала исполнительная власть по военнымъ и гражданскимъ дѣламъ. Онъ наблюдалъ за союзною кассою, собиралъ подати, контингенты войскъ и кораблей, даваемыхъ членами союза, начальствовалъ войскомъ и флотомъ; во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ онъ долженъ былъ отдавать отчетъ. Помощниками его на войнѣ были начальникъ конницы (гиппархъ) и начальникъ флота (наварх); впрочемъ флотъ ахейскаго союза былъ не великъ, потому должность наварха не имѣла важнаго значенія. По управленію внутренними дѣлами помощникомъ стратега былъ государственный секретарь (grammateus).

2. Союзный совѣтъ и даміурги.

3. Стратегъ.

4. Государственный секретарь.

Характеръ Арата.

Прекрасное устройство ахейскаго союза выработалось подъ вліяніемъ Арата. Онъ былъ душею союза; многое въ позднѣйшей жизни его заслуживаетъ порицанія, но заботы его о хорошемъ союзномъ устройствѣ достойны полнаго уваженія; въ этой своей дѣятельности онъ дѣйствовалъ, какъ просвѣщенный патріотъ. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ историческихъ дѣятелей, характеръ которыхъ друзья изображаютъ въ очень выгодномъ свѣтѣ, враги въ очень дурномъ. Онъ оставилъ записки о своей жизни, въ которыхъ оправдывалъ свои поступки и мотивы, старался опровергнуть порицанія ихъ; существенное содержаніе этихъ записокъ передано намъ Плутархомъ въ его біографіи. Но, вопреки всѣмъ его оправданіямъ, на немъ лежитъ много обвиненій и нѣкоторыя его ошибки были очень важны. „У Арата было не греческое, а только ахейское сердце“, говоритъ Шорнъ:

„какъ человѣкъ, онъ отличался многими прекрасными, привлекательными качествами; какъ гражданинъ, онъ заслуживаетъ уваженія своею сильною любовью къ отечеству, которому посвятилъ свою жизнь, о благѣ котораго заботился съ вѣрной преданностью и удивительной неутомимостью. Онъ все принесъ въ жертву отечеству: имущество, вражду, дружбу, даже свою неугасимую ненависть къ тираннамъ, одушевлявшую его съ дѣтства; не пожертвовалъ для отечества только своимъ честолюбіемъ, которое дѣлаетъ подозрительнымъ самый патріотизмъ его. Онъ хотѣлъ одинъ блистать на ахейскомъ горизонтѣ; онъ ревниво подавлялъ всѣхъ стремившихся пріобрѣсти вліяніе на дѣла союза“, умъ его былъ находчивый, характеръ чрезвычайно гибкій, но его понятія были узки, онъ былъ больше дипломатъ, чѣмъ государственный человѣкъ, любилъ достигать цѣлей искусными переговорами, а не отважной политикой, ставилъ свою славу въ пріобрѣтеніи мелкихъ выгодъ своему государству, а не въ осуществленіи великихъ національныхъ идей. Человѣкъ практическій, разсчетливый, сухой, чуждый энтузіатма, онъ избѣгалъ и опасался всякихъ крутыхъ реформъ, смѣлыхъ

Аратъ какъ государственный человѣкъ и полководецъ.

рѣшеній. Ненавидя неограниченную демократію и беззаконный произволъ тиранновъ, онъ считалъ единственною хорошею формою правленія умѣренную демократію, господство зажиточнаго и образованнаго сословія, спокойное владычество законнаго порядка. Потому онъ ненавидѣлъ этольскій союзъ, государство грубыхъ поселянъ, хищныхъ, непокорныхъ закону, дравшихся даже между собою; ненавидѣлъ и революціонные замыслы спартанскихъ царей Агиса и Клеомена; своею борьбою съ этолянами и Клеоменомъ онъ отдалъ Грецію подъ власть общаго національнаго врага, царя македонскаго. Военные таланты его были не велики; правда, онъ хорошо умѣлъ дѣлать засады, ловко устроивалъ неожиданныя нападенія на врага и дѣйствовалъ въ нихъ смѣло; но собственно военачальническихъ талантовъ онъ не имѣлъ и въ серьезныхъ битвахъ былъ не рѣшителенъ, робокъ, терялъ самообладаніе, присутствіе духа. Отважно смотрѣть въ лицо смерти онъ не могъ; потому предпочиталъ кривые пути обмана, хитрости мужественному, прямому нападенію. Какъ хищный звѣрь прячется, чтобы неожиданно броситься на добычу, такъ и онъ мастерски умѣлъ подготовлять дипломатическими интригами и военными хитростями случаи застигнуть врага въ расплохъ, и когда это удавалось, онъ бросался на него съ отважной рѣшимостью и подавлялъ его. У него была твердая воля; съ дорійскимъ упрямствомъ онъ никогда не отказывался отъ своихъ замысловъ; очень гибко приспособлялся къ обстоятельствамъ, дѣлалъ уступки, шелъ изворотливыми путями хитрой политики, запутанныхъ переговоровъ, но неизмѣнно держался того, что задумалъ; никакія затрудненія и неудачи не одолѣвали его твердой воли.

Аратъ присоединяетъ Коринѳъ къ ахейскому союзу.

243. Избранный стратегомъ во второй разъ, Аратъ смѣлымъ и успѣшнымъ освобожденіемъ Коринѳа возвысилъ славу, которую пріобрѣлъ освобожденіемъ Сикіона, но наполовину утратилъ, бывши стратегомъ въ первый разъ: онъ потерпѣлъ тогда неудачи въ походѣ на этолянъ. Теперь ему удалось хитростью и смѣлостью освободить отъ македонскаго гарнизона неприступную цитадель Коринѳа, Акрокоринѳъ. Опираясь на копье, блѣдный, утомленный, онъ отдалъ гражданамъ Коринѳа ключи крѣпости, долго остававшіеся въ рукахъ македонянъ, и убѣждалъ ихъ присоединиться къ ахейскому союзу. Они согласились. Этимъ подвигомъ, при которомъ благородно рисковалъ своимъ

имуществомъ, Аратъ пріобрѣлъ въ ахейскомъ союзѣ всеобщее довѣріе, такъ что управленіе дѣлами было поручено ему, и союзное правительство слѣдовало его совѣтамъ даже въ тѣ годы, когда по закону онъ не могъ быть стратегомъ. Вскорѣ по освобожденіи Коринѳа, бывшаго однимъ изъ главныхъ оплотовъ македонскаго владычества надъ Греціей, граждане Трезена, Эпидавра, Клеонъ, Мегары, прогнали македонскіе гарнизоны и присоединились къ ахейскому союзу.

Отношенія ахейскаго союза къ македонянамъ и этолянамъ.

Возростаніе могущества ахейскаго союза возбудило зависть въ другихъ государствахъ, а македоняне хотѣли возвратить подъ свою власть освободившіеся города. Антигонъ заключилъ съ этолянами договоръ для общаго нападенія на ахейскій союзъ; они условились раздѣлить завоеванія, какія сдѣлаютъ. Но Аратъ поставилъ ахейскій союзъ подъ покровительство египетскаго царя и, надѣясь на его помощь, дѣйствовалъ быстро: отразилъ этолянъ, прежде чѣмъ соединилось съ ними македонское войско, и отклонилъ Антигона отъ продолженія войны, обѣщавшись не нападать на владѣнія, остававшіяся у македонянъ въ Пелопоннесѣ. Вскорѣ послѣ того старикъ Антигонъ Гонатъ умеръ. Его сынъ и наслѣдникъ Димитрій II былъ нѣсколько времени занятъ дѣлами на сѣверѣ: дарданы напали на Македонію.

242. 241.

Димитрій II. 239—229.

Могущество ахейскаго союза.

Аратъ воспользовался благопріятными обстоятельствами и расширилъ границы ахейскаго союза. Онъ заключилъ союзъ съ этолянами и, обезпечивъ себя этимъ отъ нападеній съ сѣвера, принудилъ или склонилъ большую часть пелопоннесскихъ государствъ присоединиться къ ахейскому союзу. Лидіадъ, молодой образованный человѣкъ, бывшій тиранномъ въ Мегалополѣ, отказался отъ своей произвольной власти; Мегалополь, имѣвшій обширную богатую область, сталъ членомъ ахейскаго союза. Лишась поддержки македонянъ, и другіе пелопоннесскіе тиранны не могли удержаться противъ ахейскихъ войскъ: добровольно или недобровольно они отказались отъ власти. Когда Димитрій II умеръ послѣ десятилѣтняго царствованія, оставивъ малолѣтняго сына Филиппа III, и регентомъ Македоніи сталъ Антигонъ Досонъ, сынъ Димитрія Прекраснаго (стран. 304), къ ахейскому союзу принадлежали Герміона, Флiунтъ, большая часть Аркадіи, богатый островъ Эгина; послѣ долгой борьбы съ тремя смѣнявшими другъ друга тираннами, ахейцы освободили Аргосъ; онъ также присоединился къ ихъ федераціи; при помощи Арата аѳиняне освободились отъ македонскихъ гарнизоновъ; они не присоединились къ ахейской федераціи, но вступили въ союзъ съ ней. Мантинея, Тегея, Орхоменъ и Элида находились подъ властью этолянъ, которые покорили также часть Ѳессаліи. Спарта, въ которой произошло тогда преобразованіе, давшее ей новыя силы, стремилась пріобрѣсти то положеніе, какое занимала въ славныя времена старины. Это произвело гибельную войну, истощившую послѣднія силы Греціи въ такую

пору, когда римляне уже начинали вмѣшиваться въ раздоры ея государствъ.

3. Спарта при Агисѣ и Клеоменѣ.

Состояніе Спарты.

Разстройство спартанскихъ учрежденій, о которомъ говорили мы во второмъ томѣ (II, 795), становилось все хуже и хуже, такъ что законы Ликурга сдѣлались призракомъ, государственное устройство пустой формой; вся политическая и общественная жизнь получила лживый характеръ. Старинныя учрежденія служили только поддержкою натянутыхъ, насильственныхъ отношеній. Изъ 700 спартанцевъ, бывшихъ въ половинѣ третьяго вѣка до нашей эры полноправными гражданами, огромное большинство не имѣло никакой земельной собственности; вся она сосредоточилась во владѣніи 100 богатыхъ семействъ. Господствующее сословіе, состоявшее прежде изъ 9000 равноправныхъ гражданъ, почти равныхъ между собою и по размѣру имущества, превратилось въ малочисленную олигархію, члены которой занимали всѣ мѣста въ герусіи; она сдѣлала народное собраніе безсильною тѣнью, а эфоровъ послушными орудіями своей эгоистической политики; эфоратъ, бывшій хранителемъ закона, «щитомъ народа», сталъ теперь «обоюдоострымъ мечомъ», которымъ господствующая аристократія держала царей въ подчиненіи себѣ и усмиряла толпу бѣдняковъ; всякое стремленіе къ лучшему было подавляемо въ зародышѣ, всѣ государственныя дѣла велись въ интересахъ своекорыстной олигархіи знатныхъ богачей. Царская власть издавна была ослаблена взаимною враждою двухъ царскихъ династій; цари должны были присоединяться къ олигархамъ и безусловно исполнять ихъ волю, иначе были устраняемы силой, или интригами. Масса гражданъ обѣднѣла и, задолжавъ богатымъ, находилась въ тяжелой зависимости отъ нихъ; она голодала, они предавались роскоши. Положеніе періэковъ, пріобрѣтавшихъ благосостояніе промышленностью и торговлей и даже положеніе илотовъ, имѣвшихъ по крайней мѣрѣ пропитаніе, было гораздо лучше бѣдственной жизни обнищавшихъ дорійцевъ, которые находились въ рабской зависимости отъ своихъ кредиторовъ, и которымъ всѣ промыслы были воспрещены закономъ и обычаемъ. Нравы спартанцевъ испортились, не совсѣмъ исчезла у нихъ только прежняя храбрость. Гимнастическія школы стояли пустыми; общественные обѣды прекратились, потому что обѣднѣвшіе не могли дѣлать взносовъ, а богатые не имѣли охоты ѣсть грубую невкусную пищу. Прежняя простота и умѣренность замѣнилась въ богатомъ сословіи роскошными пирами, дорогою посудою, мягкими коврами. Властолюбивыя женщины и богатыя наслѣдницы, въ рукахъ которыхъ находилась значительная часть земельной собственности, забыли семейныя добродѣтели и презирали скромность.

Агисъ IV; его характеръ и его время.

Порывъ благороднаго патріотизма, охватившій дряхлѣвшую Грецію проникъ и въ Спарту; въ ней составился кружокъ людей, одушевленныхъ любовью къ свободѣ, добродѣтели, благородными стремленіями къ высокимъ цѣлямъ, которыя ставила человѣку тогдашняя философія. Главою этого кружка былъ молодой царь Агисъ IV, сынъ Эвдамида, изъ династіи Эврипонтидовъ (иначе Проклидовъ). Выросшій въ роскоши, богатствѣ двадцатилѣтній юноша, сдѣлавшись царемъ, отказался отъ изнѣженныхъ привычекъ, сталъ держаться старинной спартанской простоты въ одеждѣ, въ пищѣ, во всемъ образѣ жизни, по старинному, усердно заниматься суровыми гимнастическими упражненіями. Онъ взялъ примѣромъ подражанія себѣ своего предка Агезилая. Агисъ восхищался величіемъ стариннаго спартанскаго государства, проникся восторженнымъ уваженіемъ къ старинному быту, который былъ идеализированъ его пылкимъ воображеніемъ; онъ считалъ возвращеніе къ старинному братскому равенству единственнымъ исходомъ изъ печальнаго настоящаго положенія, при которомъ дорійское государство состояло изъ небольшого числа богатыхъ землевладѣльцевъ, окруженныхъ толпою порабощенныхъ бѣдняковъ. Онъ думалъ, что только возстановленіе законовъ Ликурга, возвеличившихъ старую Спарту можетъ дать ей силу необходимую для того, чтобы защитить свою независимость отъ ахейскаго союза. Примѣръ Арата, съ которымъ онъ былъ друженъ, оживлялъ его энергію, а его энтузіазмъ увлекъ довольно многихъ другихъ богатыхъ молодыхъ людей. Въ Спартѣ явилось нѣчто давно невиданное: простой плащъ изъ грубой ткани вытѣснилъ модную щегольскую одежду; возобновились скромные общественные обѣды; богатые молодые граждане стали заниматься гимнастикой, какъ въ старину. Мать Агиса, Агезистрата, и бабушка его, Архидамія, послѣ нѣкотораго колебанія, одобрили замыселъ молодого реформатора, склонили многихъ вліятельныхъ женщинъ въ пользу преобразованія, а эти стали склонять въ его пользу своихъ мужей. Въ Спартѣ начали говорить, что необходимо возвратиться къ учрежденіямъ и обычаямъ предковъ; возстановленіе законовъ Ликурга, идеализированныхъ фантазіею, должно было исцѣлить всѣ недуги государства, дать возрожденіе отечеству; энтузіасты ошибались только въ одномъ: они не понимали силы эгоизма, пошлыхъ влеченій. Человѣкъ прямодушный, Агисъ вѣрилъ въ искренность сочувствія людей даровитыхъ и вліятельныхъ, но менѣе благородныхъ, менѣе готовыхъ на пожертвованія, чѣмъ самъ онъ. Важнѣйшіе изъ такихъ людей были Лизандръ, потомокъ знаменитаго Лизандра, походившій на него честолюбіемъ, коварствомъ, притворствомъ, но не имѣвшій его смѣлости и энергіи; предпріимчивый Мандроклидъ, желавшій переворота; жадный и обремененный долгами Агезилай, дядя Агиса, и пылкій сынъ Агезилая, Гиппомедонтъ, даровитый полководецъ.

Предложенія Агиса 242.

Надѣясь на содѣйствіе этихъ вліятельныхъ людей, ободряемый восторженною привязанностью молодежи, видѣвшей въ немъ возстановителя славной старины, и преданностью обѣднѣвшихъ гражданъ, надѣявшихся, что онъ избавитъ ихъ отъ нищеты и униженія, Агисъ предложилъ герусіи планъ реформы, состоявшій въ томъ, чтобы всѣ долги были уничтожены, а земельная собственность снова раздѣлена на участки; нѣкоторые округи, большею частью лежавшіе по Эвроту, Агисъ предлагалъ раздѣлить на 4500 участковъ и роздать ихъ спартанскимъ гражданамъ, число которыхъ будетъ увеличено до

этой цифры принятіемъ въ сословіе полноправныхъ гражданъ иностранцевъ и періэковъ, того достойныхъ; остальную землю Агисъ предлагалъ раздѣлить на 15000 участковъ и роздать ихъ періэкамъ, которые будутъ обязаны служить тяжело вооруженными воинами. Онъ предлагалъ возстановить старинный спартанскій образъ жизни и раздѣлить спартанцевъ на группы, члены которыхъ будутъ вмѣстѣ обѣдать и заниматься военными упражненіями; эти группы будутъ называться по старинному фитидіями.

Сопротивленіе проекту Агиса.

Герусія раздѣлилась на двѣ партіи почти равныя; послѣ многихъ споровъ проектъ Агиса былъ отвергнутъ большинствомъ одного голоса. Эфоры, однимъ изъ которыхъ былъ Лизандръ, внесли отвергнутое герусіей предложеніе въ народное собраніе. Землевладѣльцы противились; но Агезилай и другіе краснорѣчиво доказывали необходимость предлагаемой Агисомъ реформы, ссылаясь на древнія пророчества; Агисъ объявилъ, что отдаетъ отечеству все свое имущество,—обширныя земли и 600 талантовъ деньгами, сказалъ отъ имени своей матери и бабушки, имѣвшихъ тоже огромное богатство, что и онѣ отдаютъ все отечеству, сдѣлалъ такія же обѣщанія отъ имени своихъ друзей; народное собраніе съ восторгомъ приняло предложенную имъ реформу. Но очень сильно было сопротивленіе враговъ преобразованія, главою которыхъ былъ другой царь, человѣкъ уже пожилой, Леонидъ II, сынъ Клеонима изъ династіи Эврисѳенидовъ (или Агіадовъ), разбогатѣвшій въ службѣ по найму иноземнымъ царямъ, привыкшій къ роскоши при дворахъ антіохійскомъ и александрійскомъ. Этотъ гордый человѣкъ упорно противился всякому измѣненію существующаго порядка. По старинному закону рѣшенія народа имѣли силу только тогда, когда вносились въ собраніе по предварительномъ одобреніи (probuleuma) герусіи; потому реформа не могла быть произведена безъ перемѣны состава этого совѣта. Лизандръ потребовалъ низложенія Леонида, который женился въ Азіи на иностранкѣ и прижилъ съ нею двухъ дѣтей; эта женитьба лишала его права быть царемъ. Леонидъ не явился на судъ враждебныхъ ему эфоровъ и бѣжалъ къ жертвеннику храма Паллады Мѣднодомной; за нимъ послѣдовала туда преданная ему дочь Хилонида. Леонидъ былъ лишенъ царскаго сана, царемъ на его мѣсто былъ сдѣланъ его родственникъ Клеомбротъ, мужъ Хилониды. Но олигархи не отказались отъ надежды одолѣть Агиса; по истеченіи года, при выборѣ новыхъ эфоровъ, противникамъ его удалось устроить такъ, что всѣ эфоры были выбраны изъ людей ихъ партіи. Новые эфоры начали противъ Лизандра и Мандроклида процессъ по обвиненію въ нарушеніи закона. Обвиняемые убѣдили царей употребить насильственныя мѣры, чтобъ спасти ихъ. Агисъ и находившійся подъ его вліяніемъ Клеомбротъ объявили, что эфоры могутъ противиться дѣйствіямъ царей только при ихъ несогласіи, а когда цари согласны, то эфоры должны повиноваться имъ, и рѣшили низложить эфоровъ за ихъ неповиновеніе, освободили изъ темницъ неисправныхъ должниковъ, пошли съ вооруженными своими приверженцами на площадь народныхъ собраній, прогнали эфоровъ и назначили новыхъ, однимъ изъ которыхъ былъ Агезилай. Леонидъ съ дочерью и многими приверженцами бѣжалъ въ Тегею.

Низложеніе Леонида.

Агисъ силой низлагаетъ эфоровъ. 241.

Уничтоженіе долговыхъ актовъ.

Между тѣмъ этоляне сдѣлали опустошительный набѣгъ на Пелопоннесъ, ограбили храмъ Посейдона на Тенарскомъ мысѣ и ушли съ

громадною добычею и множествомъ плѣнныхъ или, какъ выразился съ горькою шуткою одинъ изъ стариковъ спартанцевъ, «облегчили Лаконію». Агисъ рѣшился ускорить исполненіе реформы, чтобъ идти на враговъ съ преобразованнымъ войскомъ, но сдѣлался жертвою гнуснаго обмана. Дядя его Агезилай имѣлъ большія помѣстья, но и очень много долговъ, потому не желалъ раздѣла земель, а уничтоженія долговъ желалъ и воспользовался довѣріемъ своего прямодушнаго племянника сообразно разсчету своей выгоды. Онъ убѣдилъ Агиса, что произвести всю реформу вдругъ было бы опасно, что надобно сначала уничтожить долговые акты; освобожденные отъ долговъ землевладѣльцы сдѣлаются друзьями реформы и согласятся на раздѣлъ земель. Лизандръ одобрилъ этотъ совѣтъ, и Агисъ довѣрчиво послушался. Всѣ долговые акты были принесены на площадь народныхъ собраній и сожжены. «Никогда не видѣлъ я огня свѣтлѣе и чище этого», сказалъ Агезилай съ торжествующей насмѣшкой. Теперь Агисъ напрасно требовалъ раздѣла земель; Агезилай, освободивъ свои помѣстья отъ долговъ, постоянно находилъ предлоги замедлять это дѣло. Агисъ ушелъ съ войскомъ на соединеніе съ ахейцами для отраженія этолянъ, предпринявшихъ новый набѣгъ. Пользуясь отсутствіемъ царя и преданныхъ ему воиновъ, коварный Агезилай повелъ дѣла сообразно своей выгодѣ.

Коварство Агезилая.

Агезилай круто отказалъ въ раздѣлѣ земель массѣ бѣдняковъ, требовавшей его; вставилъ въ годъ добавочный мѣсяцъ, потому что это было выгодно по его денежнымъ разсчетамъ, и вообще принималъ деспотическія мѣры; окруженный тѣлохранителями, онъ произвольно собиралъ налоги; презрительно обращался съ добродушнымъ царемъ Клеомбротомъ; и по всему было очевидно, что онъ хочетъ оставить за собою санъ эфора на слѣдующій годъ.

Реакція.

Наглое самовластіе Агезилая навлекло ненависть на всю партію реформы; олигархи ловко воспользовались этимъ. Они условились съ находившимся въ Тегеѣ изгнанниками низвергнуть Агиса; успѣхъ казался тѣмъ вѣроятнѣе, что Агисъ дѣйствовалъ противъ этолянъ неудачно, ему мѣшала робость Арата; онъ вернулся, упавшій духомъ; притомъ отъ природы онъ былъ нерасположенъ къ суровымъ мѣрамъ, и мягкость его характера облегчала интриги заговорщиковъ. Когда все было подготовлено, Леонидъ съ вооруженными изгнанниками и наемниками пришелъ изъ Тегеи въ Спарту. Народъ, обманутый въ своихъ ожиданіяхъ раздѣла земель, не оказалъ ему сопротивленія, и олигархи захватили власть въ свои руки. Агезилай бѣжалъ при содѣйствіи своего сына Гиппомедонта, пользовавшагося уваженіемъ даже и у противниковъ; коварный Лизандръ тоже бѣжалъ; цари искали спасенія себѣ въ святилищахъ: Клеомбротъ въ храмѣ Посейдона, Агисъ у жертвенника Паллады Мѣднодомной. Просьба добродѣтельной

Хилониды за мужа спасла Клеомброта отъ мщенія ея отца; ему было дозволено удалиться въ изгнаніе; жена съ дѣтьми сопровождала его. Но Агисъ испыталъ на себѣ мщеніе олигарховъ во всей его силѣ. Амфаръ, одинъ изъ новыхъ эфоровъ, назначенныхъ Леонидомъ, вкрался въ довѣріе молодого царя и выманилъ его изъ священнаго убѣжища. Вооруженные люди схватили его и отвели въ темницу. Онъ былъ преданъ суду трибунала, состоявшаго изъ эфоровъ и нѣсколькихъ враждебныхъ ему членовъ герусіи; его обвиняли въ нарушеніи законовъ. Онъ благородно сказалъ на судѣ, что никто не возбуждалъ его къ сдѣланному имъ, что онъ дѣйствовалъ по собственному влеченію и не раскаивается, а считаетъ прекраснѣйшимъ дѣломъ своей жизни, то въ чемъ его обвиняютъ. Этого было достаточно; онъ былъ осужденъ на смерть. Вооруженные служители суда получили приказаніе отвести его въ «комнату смерти» и удавить; но они не рѣшались подойдти къ нему; не рѣшились поднять на него руку и наемные воины. Амфаръ и Демохаръ съ яростными восклицаніями схватили Агиса и сами повели его въ комнату смерти, опасаясь, чтобъ онъ не былъ освобожденъ. Дѣйствительно, вооруженныя толпы народа подъ предводительствомъ Агезистраты и Архидаміи уже приближались при свѣтѣ факеловъ къ зданію суда; онѣ требовали, чтобъ Агисъ былъ освобожденъ, чтобъ ему было дозволено оправдываться передъ народнымъ собраніемъ, кричали, что только оно имѣетъ право судить его, грозили выломать двери темницы. Надобно было торопиться убить его. Служители, которымъ было приказано исполнить приговоръ, колебались; одинъ изъ нихъ рыдалъ. Агисъ сказалъ ему: «не плачь; меня подвергаютъ смерти несправедливо и противозаконно; но я счастливѣе моихъ убійцъ». Онъ самъ подставилъ шею подъ петлю. Когда онъ умеръ, Амфаръ пошелъ къ дверямъ, успокоилъ толпу обѣщаніемъ, что Агису не будетъ сдѣлано никакого вреда; народъ сталъ расходиться; мать и бабушка выразили желаніе увидѣться съ Агисомъ, Амфаръ велѣлъ впустить ихъ въ темницу. Двери темницы затворились за ними; Амфаръ повелъ старуху Архидамію въ комнату смерти и велѣлъ удавить ее; потомъ вошла Агезистрата, не предчувствуя ничего. Ужасенъ былъ видъ, представившійся ея взгляду, но она выдержала его съ спартанской твердостью духа. Безъ слезъ, безъ жалобъ она при помощи палачей сняла петлю съ шеи матери, положила ея тѣло подлѣ тѣла сына, закрыла ей глаза, прикрыла ея лицо, потомъ поцѣловала Агиса и сказала: «твоя кротость, сынъ мой, погубила тебя и насъ!» Услышавъ эти слова Амфаръ, стоявшій у двери, закричалъ: «Если ты раздѣляешь мысли твоего сына, то должна раздѣлить и судьбу его!» Агезистрата сама положила себѣ на шею петлю, говоря: «Да послужитъ это на благо Спартѣ!».

Агисъ осужденъ на смерть.

Смерть Агиса 241.

Его мать и бабушка подвергаются той же участи.

Такъ кончилось трагическое событіе. Со времени вступленія дорійцевъ въ Пелопоннесъ, говоритъ Плутархъ, не было совершено дѣла болѣе жестокаго и беззаконнаго, чѣмъ это. Олигархія одержала полную побѣду; это было ясно видно потому, что возобновились всѣ пороки и притѣсненія, исчезавшіе на два года. Народъ робко подчинился деспотамъ, наложившимъ на него прежнія цѣпи, и затаилъ въ своей груди озлобленіе на убійцъ благороднаго царскаго семейства. Пять лѣтъ суровый Леонидъ оставался одинъ царемъ. Чтобы пріобрѣсти своему роду богатое наслѣдство династіи Проклидовъ, онъ принудилъ вдову Агиса, красавицу Агіатиду, выйдти за его сына, Клеомена, бывшаго тогда еще юношей. Противъ воли должна была благородная спартанка повиноваться требованію деспота. Но юноша оказался достоинъ быть мужемъ вдовы Агиса. Тотъ энтузіазмъ, какимъ воодушевились молодые люди при началѣ дѣятельности Агиса, проникъ теперь въ сердце Клеомена. Онъ по душѣ былъ болѣе родственъ своей благородной и образованной матери, Кратесиклеѣ, раздѣлявшей патріотическія стремленія партизановъ реформы, чѣмъ суровому эгоисту отцу, отъ котораго наслѣдовалъ только энергію характера. Жена укрѣпила въ Клеоменѣ влеченія, бывшія у него съ дѣтства. Воспоминанія объ Агисѣ, о его намѣреніяхъ и надеждахъ были первыми узами, соединившими сердца мужа и жены, вступившихъ въ бракъ по принужденію. Рѣзкость разницы между роскошною жизнью немногихъ богачей и нищетою массы, униженной ими, постыдность настоящаго и шаткость его возбуждали въ Клеоменѣ восторженную любовь къ древней Спартѣ Ликурга, къ ея военной славѣ, суровому воинственному быту, гражданскому равенству, о которомъ говорили народныя преданія. Стоическая философія, преданность которой умѣлъ внушать своимъ ученикамъ жившій въ Спартѣ, Сферъ, ученикъ Зенона, породила въ душѣ Клеомена и его пылкихъ друзей стремленіе къ благороднымъ дѣламъ патріотизма. Подобно Агису, Клеоменъ пылалъ желаніемъ пріобрѣсти высокую славу, говоритъ Плутархъ, и подобно ему любилъ простую суровую жизнь, но не имѣлъ его кротости; напротивъ, былъ человѣкъ горячаго характера, неудержимо стремившійся къ тому, что считалъ хорошимъ.

Владычество олигарховъ.

Клеоменъ воодушевляется мыслями Агиса

Сдѣлавшись царемъ по смерти отца, Клеоменъ задумалъ пріобрѣсти себѣ славу, избавивъ отечество отъ внутреннихъ бѣдствій, и возстановивъ побѣдами его могущество. Но наученный трагическою смертью Агиса, онъ принялся за дѣло очень осторожно и умѣлъ скрывать свой замыселъ, по привычкѣ утаивать мысли отъ отца, державшагося совершенно иныхъ понятій. Человѣкъ очень пылкій, онъ имѣлъ такую силу характера, что сдерживалъ свои порывы и при всей своей отважности дѣйствовалъ очень осмотрительно. Прежде всего онъ хотѣлъ вывесть спартанскихъ царей изъ униженнаго положенія, въ какое были они поставлены властолюбіемъ эфоровъ и подозрительнымъ контролемъ олигарховъ. Для этого ему было необходимо пріобрѣсти военную славу: онъ могъ произвесть преобразованіе только при содѣйствіи войска, соединеннаго съ нимъ одинаковостью интересовъ.

Царствованіе Клеомена III. 236—222.

Поводъ къ войнѣ скоро нашелся. Съ позволенія эфоровъ онъ неожиданно напалъ на аркадскіе города Мантинею, Тегею и Орхоменъ, нахо-

Война Клеомена съ ахейцами. 228—227.

дившіеся въ союзѣ съ этолянами, и овладѣлъ ими, при содѣйствіи той партіи гражданъ ихъ, которая желала союза со Спартой. Этоляне не пытались оторвать эти отдаленные города отъ союза съ лакедемонянами, справедливо разсчитывая, что ахейцы не потерпятъ приближенія лакедемонянъ къ ихъ границамъ, и что изъ этого скоро возникнетъ война, которой можно будетъ воспользоваться этольскому союзу. Этотъ разсчетъ оказался вѣренъ. Аратъ сталъ дѣлать набѣги и вести интриги, чтобы заставить Мантинею, Тегею и Орхоменъ присоединиться къ ахейскому союзу, къ которому они прежде принадлежали. Эти нападенія и заговоры дали Клеомену поводъ занять небольшой городъ Белемину, который стоялъ въ горахъ на границѣ Лаконіи съ Мегалополемъ и изъ-за котораго давно шелъ споръ между этими государствами; въ то же время Клеоменъ построилъ укрѣпленія въ Атенейскомъ проходѣ черезъ горы. Аратъ хотѣлъ утомить Клеомена военными хитростями, неожиданными нападеніями, надѣялся оттѣснить его этой своей обыкновенной тактикою. Но Клеоменъ выказалъ себя полководцемъ болѣе искуснымъ, чѣмъ ожидалъ Аратъ. Онъ одержалъ при Левктрѣ близъ Мегалополя побѣду, въ которой былъ убитъ Лидіадъ, пользовавшійся наибольшимъ, послѣ Арата, вліяніемъ на военныя и гражданскія дѣла ахейскаго союза. Клеоменъ одержалъ новую побѣду у Ликейскаго хребта и вообще выказывалъ отвагу и твердость. Но Спарта, при тогдашнемъ своемъ устройствѣ, все-таки не могла долго устоять противъ ахейскаго союза, имѣвшаго войско гораздо болѣе многочисленное, и ахейцы отняли у спартанцевъ Мантинею. Чтобъ одолѣть ахейскій союзъ, Клеомену было необходимо пріобрѣсти неограниченную власть въ управленіи войною и увеличить свое войско.

Клеоменъ производитъ насильственный переворотъ и увеличиваетъ власть царей. 226.

Клеоменъ рѣшился произвесть военной силой преобразованіе спартанскихъ учрежденій, исполнить то, о чемъ напрасно думалъ Агисъ. Съ приверженцами своими и преданнымъ ему отрядомъ наемниковъ онъ быстро пришелъ въ Спарту; эфоры въ это время сидѣли за обѣдомъ, онъ неожиданно напалъ на нихъ, велѣлъ убить ихъ, изгналъ 80 человѣкъ вліятельнѣйшихъ олигарховъ, созвалъ народное собраніе, и, по его предложенію, оно приняло законы, которыми возстановлялись учрежденія Ликурга, уничтожались всѣ долговыя обязательства и постановлялось, что вся удобная земля дѣлится на равные участки, что число гражданъ увеличивается до 4.000 дарованіемъ гражданскихъ правъ достойнымъ того иноземцамъ и періэкамъ. Ободренный этимъ успѣхомъ, Клеоменъ продолжалъ преобразованіе. Онъ уничтожилъ герусію (по крайней мѣрѣ такъ говоритъ Павзаній) и замѣнилъ это старинное учрежденіе коллегіею патрономовъ, которыхъ выбралъ изъ числа своихъ приверженцевъ; онъ уничтожилъ санъ эфоровъ; права, принадлежавшія эфорамъ и герусіи, онъ не передалъ народному собранію, а присвоилъ царямъ; прежнія ограниченія царской власти были отмѣнены, и верховенство въ государствѣ стало фактически принадлежать одному Клеомену, сосредоточилось и по формѣ въ одной его династіи.

Малолѣтній сынъ Агиса Эвридамидъ умеръ внезапной смертью; братъ Агиса, возвратившійся изъ изгнанія, былъ убитъ на улицѣ; подозрѣніе въ

этомъ убійствѣ падало на Клеомена. Чтобъ оставалось по формѣ два царя, Клеоменъ далъ царскій титулъ своему брату Эвклиду, человѣку ничтожному; на самомъ дѣлѣ вся власть осталась въ его рукахъ; онъ сдѣлался военнымъ царемъ съ неограниченною властью, такимъ, какъ другіе тогдашніе цари.

Ставъ неограниченнымъ повелителемъ государства, Клеоменъ сохранилъ прежнюю простоту образа жизни. Онъ не окружилъ себя дворомъ, подобнымъ египетскому и сирійскому, чуждался всякой пышности, продолжалъ одѣваться и обѣдать очень скромно по старинному обычаю; уваженіе къ себѣ онъ внушалъ не великолѣпіемъ обстановки, а своими талантами, и привлекалъ къ себѣ привѣтливостью. Простота, любезность, прямодушіе его въ разговорахъ съ людьми имѣли такую же непреодолимую привлекательность, какъ неодолимы были въ битвахъ его талантъ полководца и отвага.

Военный энтузіазмъ спартанцевъ.

Реформы, произведенныя Клеоменомъ, внесли воодушевленіе въ обновленное имъ государство, возродилось старинное спартанское мужество, граждане прониклись отвагой; избавленные отъ нищеты и порабощенія, получившіе благосостояніе и почетное положеніе, они горѣли желаніемъ доказать признательность своему благодѣтелю, «молодому льву». Клеоменъ измѣнилъ вооруженіе спартанскихъ гоплитовъ, давъ имъ вмѣсто прежняго копья болѣе длинное македонское, называвшееся сариссою. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ измѣнилъ и тактическое построеніе тяжело вооруженной пѣхоты: прежде она образовала отряды, называвшіеся морами, Клеоменъ ввелъ македонскій, болѣе плотный строй по образцу фаланги. Воинственное настроеніе, охватившее гражданъ, внушало ему надежду уничтожить могущество ахейскаго союза и возвратить Спартѣ прежнюю гегемонію въ Пелопоннесѣ.

Положеніе партій въ пелопоннесскихъ государствахъ.

Кромѣ этого патріотическаго честолюбія, были у Клеомена и другія побужденія къ войнѣ: она давала ему возможность направить на борьбу съ другими государствами ту жажду дѣятельности, которая порождается революціями; обѣщая уничтоженіе долговъ и раздѣлъ земель, онъ разсчитывалъ привлечь на свою сторону бѣдняковъ въ ахейскихъ городахъ, произвести раздоръ между богатыми землевладѣльцами и массою городскихъ и сельскихъ работниковъ. Молва о соціальномъ преобразованіи, совершившемся въ Спартѣ, быстро разнеслась по Пелопоннесу и повсюду возбуждала въ среднемъ и низшемъ сословіяхъ желаніе, чтобъ имущественныя отношенія были уравнены, большія помѣстья раздѣлены на мелкіе участки и розданы всей массѣ гражданъ. Военное могущество, данное Спартѣ соціальной реформой, дѣлало эти требованія массы населенія въ другихъ государствахъ Пелопоннеса опасными для господствующаго сословія. Повсюду возникла партія, расположенная къ союзу съ Спартой, дѣйствовавшая въ пользу этого монархически-демократическаго государства, при покровительствѣ котораго будетъ введено соціальное равенство, видѣвшая въ Клеоменѣ освободителя отъ нищеты и угнетенія, считавшая возстановленіе спартанской гегемоніи началомъ новой эры счастія и славы.

Клеоменъ побѣждаетъ ахейцевъ. 224.

Война, возобновившаяся при такомъ настроеніи умовъ, получила
ходъ, благопріятный Клеомену, чьимъ успѣхамъ много помогало
то, что Аратъ возбуждалъ противъ себя неудовольствіе мелочностью
и нерѣшительностью своихъ дѣйствій въ походахъ, своимъ аристо-
кратическимъ упрямствомъ, своею ненавистью къ демократіи и къ
соціальнымъ реформамъ. Клеоменъ побѣдоносно прошелъ по Аркадіи.
по Ахаіѣ, при содѣйствіи своихъ приверженцевъ въ Мантинеѣ отвлекъ
этотъ городъ отъ союза съ ахейцами и одержалъ надъ ними полную
побѣду при Гекатомбеѣ близъ Димы. Положеніе ахейцевъ сдѣлалось

Неудача переговоровъ о мирѣ.

такъ дурно, что они вступили въ переговоры съ нимъ. Онъ далъ
имъ перемиріе и предлагалъ освободить ихъ плѣнныхъ и возвратить
завоеванные города подъ условіемъ, что они признаютъ гегемонію
Спарты. Было назначено время съѣзда для совѣщаній о подробно-
стяхъ, но пришлось отлагать этотъ съѣздъ, по неожиданной болѣз-
ни царя, потомъ разстроилъ его Аратъ, чья мелочная душа была
исполнена зависти и ненависти къ Клеомену. Чтобы помѣшать со-
единенію ахейскаго союза со Спартою въ одну федерацію, онъ вос-
пользовался тѣмъ, что оскорбленный его интригами Клеоменъ возоб-
новилъ войну. Аратъ вступилъ въ переговоры съ македонскимъ ца-
ремъ. Такимъ образомъ мелочное честолюбіе Арата устранило воз-
можность соединенія пелопоннесскихъ государствъ подъ гегемоніею
Спарты, обновленія Греціи подъ управленіемъ благороднаго царя искус-
наго военачальника, который возстановилъ бы могущество грековъ.

Колебанія Арата.

Антигонъ требовалъ, чтобъ ему былъ отданъ Акрокориноъ; Аратъ сна-
чала не соглашался на это; но Клеоменъ побѣдоносно прошелъ по Аркадіи,
Ахаіѣ, Арголидѣ; при содѣйствіи массы населенія, желавшей уничтоженія
долговъ и раздѣла земель и, при помощи враговъ Арата, Клеоменъ поко-
рялъ городъ за городомъ. Аратъ убѣдился, что волнуемый раздорами
ахейскій союзъ не имѣетъ силъ обороняться противъ побѣдителя и рѣ-
шился уступить требованію Антигона. Клеоменъ склонилъ къ союзу съ
Спартою Пеллену и многіе важные города Ахаіи и Аркадіи; при содѣйствіи
Аристомаха, бывшаго прежде тиранномъ въ Аргосѣ онъ овладѣлъ этимъ
городомъ; послѣ того покорились ему и сосѣдніе съ Аргосомъ города
Флiунтъ, Клеоны, Эпидавръ, Трезенъ, Герміона. Птолемей, прежній по-
кровитель Арата, не помогалъ ему, потому что былъ расположенъ къ Кле-
омену; этоляне радовались бѣдствіямъ своихъ прежнихъ союзниковъ, ахей-
цевъ, Аратъ не могъ отъ нихъ ждать помощи; напрасно просилъ онъ
ея у мегарянъ, аѳинянъ, беотійцевъ; онъ повсюду получилъ отказъ, и
ему оставался одинъ выборъ: или уступить первенство ненавистному про-
тивнику, который замѣнилъ бы равноправность городовъ ахейскаго союза
подчиненіемъ ихъ военному монарху, разрушилъ бы права собственности,
раздробилъ бы помѣстья богатыхъ гражданъ на участки для раздачи бѣд-
някамъ, или вступить въ союзъ съ врагомъ греческой свободы и вновь
подчинить Пелопоннесъ македонскому владычеству.

Аратъ рѣшился на союзъ съ Македоніею и спѣшилъ заключить
формальный договоръ; даже его родной городъ Сикіонъ уже коле-

Аратъ ставитъ ахейскій союзъ подъ покровительство Македоніи.

бался и былъ удержанъ отъ союза съ лакедемонянами только его личнымъ присутствіемъ; уже Кориноъ былъ въ рукахъ врага и только въ Акрокориноѣ оставался ахейскій гарнизонъ. Аратъ созвалъ въ Сикіонъ уполномоченныхъ союза: ихъ явилось туда мало; они выбрали его стратегомъ съ неограниченною властью и съ одобренія ахейскаго народнаго собранія, созваннаго въ Эгіѣ, на которое пришло мало народа, онъ сдѣлалъ роковой шагъ, отнявшій самостоятельность у ахейскаго союза, превратившій его самого въ слугу македонскаго царя. «Не я управляю дѣлами, они управляютъ мною» отвѣчалъ онъ посламъ Клеомена, сдѣлавшимъ послѣднюю попытку примиренія; этими словами онъ высказалъ ту горькую правду, что онъ плыветъ, куда дуетъ вѣтеръ, и самъ произнесъ приговоръ надъ собою. Онъ обратился къ Антигону Досону съ просьбой о защитѣ, отдалъ македонянамъ въ залогъ вѣрности Акрокориноъ,—ключъ Пелопоннеса, отдалъ въ службу имъ ахейскій гарнизонъ этой цитадели поставилъ ахейскій союзъ подъ покровительство Македоніи; этимъ постыднымъ дѣломъ онъ положилъ черное пятно на себя. Освобожденіе цитадели Кориноа отъ македонскаго гарнизона было главнымъ основаніемъ славы Арата; теперь онъ отдалъ эту цитадель врагу. Самое печальное въ жизни государственнаго человѣка то, когда онъ отрекается отъ результатовъ знаменитѣйшаго изъ своихъ дѣлъ; къ сожалѣнію примѣры тому не рѣдки въ исторіи.

Сынъ Арата былъ главою посольства, отправленнаго въ Македонію съ просьбою о помощи и предназначеннаго оставаться тамъ въ залогъ вѣрности ахейской федераціи Антигону. Вопль негодованія пронесся по всему Пелопоннесу, при извѣстіи о союзѣ съ македонянами. Арата называли измѣнникомъ. Въ Кориноѣ истребили его движимое имущество и отдали его домъ Клеомену.

Антигонъ Досонъ идетъ въ Пелопоннесъ. 223.

Антигонъ не замедлилъ исполнить просьбу. Этоляне заняли Термопилы, потому онъ не могъ идти сухимъ путемъ и поплылъ въ Мегару съ войскомъ, состоявшимъ изъ 20000 человѣкъ пѣхоты и 1400 конницы. Въ Пагахъ его торжественно встрѣтили Аратъ и ахейскіе даміурги. Онъ пошелъ на окопы, за которыми стоялъ Клеоменъ на Истмѣ. Долго македоняне безуспѣшно нападали на эти укрѣпленія; подвоза съѣстныхъ припасовъ не было, и войско Антигона стало терпѣть голодъ. Его положеніе сдѣлалось затруднительнымъ. Но друзья Арата произвели возстаніе въ Аргосѣ; ахейскіе и македонскіе отряды пришли на помощь имъ; спартанскій гарнизонъ былъ прогнанъ изъ Аргоса. Это дало войнѣ оборотъ благопріятный Антигону. Чтобы не быть отрѣзаннымъ отъ Спарты, Клеоменъ покинулъ окопы, пошелъ съ Истма черезъ Мантинею въ Лаконію. Антигонъ занялъ Кориноъ; города Арголиды и Ахаіи, вступившіе въ союзъ съ лакедемонянами, покорились македонскому царю; онъ разрушилъ укрѣпленія, построенныя спартанцами на границѣ Аркадіи съ Лаконіей.

Аристомахъ Аргосскій былъ подвергнутъ истязаніямъ и потомъ утопленъ. Судьба его показывала, какой участи должны ждать себѣ противники Антигона, если не смирятся. Они спѣшили отвратить отъ себя погибель, покидая союзъ съ лакедемонянами и выказывая раболѣпную преданность македонскому царю. Перемѣна въ настроеніи бывшихъ союзниковъ Клеомена произошла тѣмъ легче, что они еще не добились ожидаемаго уничтоженія долговъ и раздѣла земель. Пелопоннесскіе города, передававшіеся Антигону, соперничали между собой въ раболѣпномъ подобострастіи, строили храмы ему, какъ богу, учреждали религіозные праздники въ честь его.

Семейное горе Клеомена.

Въ Тегеѣ Клеоменъ получилъ извѣстіе, что умерла жена его Агіатида; онъ очень любилъ ее; такимъ образомъ судьба отнимала у него одну за другой всѣ его надежды и радости. Онъ поспѣшилъ въ Спарту искать отрады въ свиданіи съ матерью и дѣтьми. Но и они скоро были отняты у него, Птолемей Эвергетъ, у котораго просилъ онъ помощи, требовалъ, чтобъ онъ прислалъ мать и дѣтей въ залогъ своей вѣрности; Клеоменъ отправилъ ихъ въ Александрію, какъ ни тяжело ему было это. «Благодарю боговъ», сказала мать, «что мое слабое тѣло еще можетъ быть полезнымъ родинѣ». Видя, что сынъ плачетъ, она воскликнула: «Спартанскій царь долженъ имѣть мужественное сердце. Прости мой сынъ!..» Съ этими словами она радостно взошла на корабль и поплыла въ Александрію.

Разрушеніе Мантинеи и Мегалополя.

Слѣдующею весной Антигонъ, назначенный военачальникомъ ахейскаго союза, двинулся съ ахейскимъ и своимъ войскомъ въ Аркадію и взялъ Тегею, Орхоменъ; взялъ и Мантинею; она два раза отлагалась онъ ахейскаго союза и за это подверглась безпощадному мщенію побѣдителей. Древніе писатели яркими красками изображаютъ погибель ея. Знатнѣйшіе граждане были казнены, остальные проданы въ рабство или отведены въ цѣпяхъ въ Македонію; женъ отнимали у мужей, дѣтей отъ родителей и гнали въ рабство. Самое имя разграбленной Мантинеи должно быть исчезнуть. Аратъ поселилъ въ опустѣвшемъ городѣ новыхъ жителей и назвалъ его Антигоніею. Въ отмщеніе за Мантинею Клеоменъ пошелъ на Мегалополь и послѣ упорной обороны городъ былъ взятъ, быть можетъ, при содѣйствіи соумышленниковъ Клеомена между гражданами. Большая часть жителей успѣла уйдти въ Мессену, успѣла взять съ собою и часть имущества. Клеоменъ предлагалъ возвратить городъ и уцѣлѣвшую собственность ушедшимъ жителямъ, если они обѣщаются быть его союзниками. По совѣту своего храбраго согражданина Филопемена, въ то время еще молодого человѣка (ему было 30 лѣтъ), они остались вѣрны ахейскому союзу. Клеоменъ разрушилъ Мегалополь, ненавистный спартанцамъ оплотъ независимости Аркадіи. Всѣ дорогія вещи, произведенія искусствъ, товары были вывезены въ Спарту, стѣны города и общественныя зданія его сравнены съ землей. Услышавъ объ этомъ, Аратъ закрылъ лицо и заплакалъ. Не встрѣчая сопротивленія со стороны осторожнаго Антигона, Клеоменъ прошелъ Арголиду и, опустошивъ ее, вернулся въ Лаконію.

Битва при Селласіи. Лѣто 221 г.

Обстоятельства были таковы, что и Клеоменъ и Антигонъ должны были желать рѣшительной битвы. Македоніи угрожало нашествіе сѣ-

верныхъ варваровъ; Антигону было надобно вернуться туда. У Клеомена не было денегъ на то, чтобы долго выдерживать войну: Птолемей, начавъ войну съ Сиріей, пересталъ посылать ему деньги и совѣтовалъ заключить миръ, а средства обѣднѣвшей Лаконіи были недостаточны для покрытія военныхъ издержекъ. Клеоменъ усилилъ свое войско періэками и илотами; поддержать надежду въ воинахъ можно было только скорой побѣдой. Клеоменъ укрѣпилъ всѣ проходы въ Лаконію засѣками и окопами и соединилъ всѣ свои силы въ одномъ изъ нихъ близъ города Селласіи, на сѣверо-востокѣ отъ Спарты. Занявъ крѣпкую позицію, онъ съ войскомъ, простиравшимся до 20000 человѣкъ, ожидалъ тутъ противника, шедшаго черезъ Тегею къ Селласіи съ 28000 человѣкъ пѣхоты и 12000 конницы; главнокомандующій македонско-греческаго союза велъ македонянъ, ахейцевъ, беотійцевъ, эпирцевъ, греческихъ и варварскихъ наемниковъ.

Ходъ битвы.

Клеоменъ съ лучшими войсками стоялъ на террасѣ Олимпа, подъемъ на которую былъ очень крутъ; это былъ правый флангъ его позиціи. Другой спартанскій царь, братъ Клеомена Эвклидъ, стоялъ съ легкой пѣхотой на укрѣпленномъ холмѣ Эвасѣ; это былъ лѣвый флангъ. Въ центрѣ, на дорогѣ, которая вела по долинѣ Эна въ Спарту, стояла конница и часть пѣхоты. Клеоменъ расположилъ войско такъ хорошо, что Антигонъ не отважился немедленно начать нападеніе. Остановившись за рѣчкою Горгиломъ, онъ внимательно осмотрѣлъ мѣстность. Наконецъ онъ повелъ войско въ бой. Лѣвое крыло спартанцевъ послѣ упорной обороны было опрокинуто искуснымъ нападеніемъ Филопемена. Непріятель взошелъ на Эвасъ, Эвклидъ былъ убитъ, воины его, или тоже погибли, или въ безпорядкѣ бѣжали съ холма. Скоро конница Антигона опрокинула и центръ. Увидѣвъ это, Клеоменъ, удачно отбивавшій на лѣвомъ крылѣ нападенія враговъ, увлекся горячностью своего характера, рѣшился на маневръ, который въ случаѣ неудачи губилъ отборную часть войска. Онъ отозвалъ изъ сраженія легкую пѣхоту, вышелъ изъ окоповъ и повелъ свою тяжеловооруженную пѣхоту плотными рядами на медленно приближавшихся македонянъ. Бой на террасѣ былъ ожесточенный; побѣда долго колебалась. Спартанцы, то были оттѣсняемы, то сами тѣснили непріятеля. Наконецъ Антигонъ повелъ всю массу своей тяжеловооруженной пѣхоты въ рѣшительную атаку; ускореннымъ шагомъ, плотный четыреугольникъ фаланги налегъ тяжестью 10000 человѣкъ на ряды враговъ; спартанцы не выдержали этого натиска, ряды ихъ разстроились; почти всѣ они легли на мѣстѣ боя; лишь немногіе спаслись бѣгствомъ; говорятъ, что изъ 6000 тяжело вооруженныхъ спартанцевъ осталось въ живыхъ только 200; изъ всего войска Клеомена только 4000 человѣкъ.

Спарта присоединена къ македонско-греческому союзу.

Съ небольшимъ отрядомъ Клеоменъ ушелъ съ поля битвы въ Спарту. Тамъ, оперевшись головою о колонну, онъ нѣсколько отдохнулъ, потомъ присовѣтовалъ своимъ согражданамъ покориться побѣдителю и, не останавливаясь въ городѣ, поспѣшилъ въ Гитій, гдѣ въ гавани стояли корабли, готовые къ отплытію въ Александрію. Онъ съ своими друзьями покинулъ родину, которой уже не суждено

было ему увидѣть. Антигонъ, отдавъ своимъ воинамъ на разграбленіе Селласію, занялъ Спарту и поступилъ съ нею милостиво. Онъ отмѣнилъ нововведенія Клеомена, возстановилъ аристократическія учрежденія, санъ эфоровъ и герусію, дозволилъ возвратиться изгнанникамъ, остановилъ исполненіе законовъ объ отмѣнѣ долговъ и раздѣлѣ земли, заставилъ Спарту присоединиться къ македонско-греческому союзу, то есть подчинилъ ее своей власти. Послѣ бѣгства Клеомена въ Спартѣ не осталось царей; Антигонъ не возстановилъ ихъ сана и поручилъ военную власть въ Лаконіи своему уполномоченному, беотійцу Брахиллу.

Смерть Антигона 221.

Упрочивъ господство Македоніи надъ Греціею трактатами и тѣмъ, что поставилъ македонскіе гарнизоны во многихъ крѣпостяхъ, Антигонъ отпраздновалъ въ Аргосѣ немейскія игры; посольства греческихъ городовъ соперничали между собою на этомъ торжествѣ въ оказываніи всяческихъ мірскихъ и религіозныхъ почестей побѣдителю, поступавшему съ покоренною Греціею осторожно и милостиво. Изъ Аргоса онъ возвратился въ Македонію, пошелъ на иллирійцевъ, хотя чувствовалъ себя уже больнымъ, одержалъ побѣду надъ ними, прогналъ ихъ изъ Македоніи. Это былъ послѣдній его подвигъ. Командуя въ битвѣ, онъ очень утомился, а между тѣмъ долженъ былъ громко кричать, отдавая приказанія; у него пошла кровь горломъ, и вскорѣ послѣ этой побѣды онъ умеръ. Македоніей сталъ править, при помощи государственнаго совѣта, 17 лѣтній племянникъ его, вмѣсто котораго управлялъ государствомъ онъ, какъ добросовѣстный опекунъ. Этотъ племянникъ Антигона, Филиппъ III (или по другому счету V), сынъ Димитрія II, былъ честолюбивый юноша горячаго характера, даровитый отъ природы, но слишкомъ поддававшійся чужимъ внушеніямъ и не имѣвшій расположенія къ грекамъ. Вскорѣ послѣ смерти Антигона погибъ вдали отъ родины трагическою, но не безславною смертью Клеоменъ.

Царь Филиппъ III становится правителемъ.

Отношенія Клеомена къ Птолемею III (умершему осенью 221 г.) и Птолемею IV.

Птолемей Эвергетъ принялъ Клеомена холодно, но при ближайшемъ знакомствѣ съ этимъ даровитымъ человѣкомъ, почувствовалъ уваженіе и довѣріе къ нему, потому былъ не чуждъ намѣренія дать ему войско, чтобъ онъ прогналъ македонянъ изъ Лаконіи, и тѣмъ возстановить вліяніе египетскаго царства на пелопоннесскія дѣла. Этотъ планъ былъ уже близокъ къ исполненію, когда Эвергетъ умеръ. Его преемникъ Птолемей IV, давшій себѣ названіе Филопатора (Отцелюбиваго), но прозванный въ народѣ за свой развратъ и пьянство Трифономъ (гулякой), пошелъ другимъ путемъ. Думая только объ удовольствіяхъ, онъ совершенно отдался подъ управленіе хитрыхъ женщинъ и любимцевъ, между которыми вліятельнѣйшимъ былъ коварный, честолюбивый и алчный Созибій. Захвативъ государственныя дѣла въ свои руки, Созибій умертвилъ ближайшихъ родныхъ царя: его мать Беренику, женщину твердаго характера, его брата Магаса, его дядю Лизимаха. По ихъ смерти, при александрійскомъ дворѣ исчезла всякая забота о серьезныхъ дѣлахъ. Царь и окружающіе его только пировали и развратничали. Напрасно Клеоменъ говорилъ, что надобно воспользоваться смертью Антигона, и просилъ, чтобъ ему дали войско плыть въ Грецію; его не слушали. Онъ рѣзко порицалъ пустую и развратную жизнь двора; отказавъ ему въ помощи, запретили ему даже выѣздъ изъ Александріи; чтобъ избавиться отъ его упрековъ, Созибій велѣлъ запереть его и его товарищей въ одномъ изъ дворцовъ и стеречь ихъ тамъ. Однажды, воспользовавшись отъѣздомъ царя на праздникъ въ Канопъ, Клеоменъ напоилъ своихъ стражей и съ 12 спартанцами, въ рукахъ у которыхъ были кинжалы, ушелъ изъ дворца и пошелъ по улицамъ Александріи, призывая народъ къ свободѣ. Народъ смотрѣлъ на него съ изумленіемъ. Онъ и его спутники убили двухъ сановниковъ, которые хотѣли остановить ихъ, разогнали свиту этихъ сановниковъ. Но народъ только смотрѣлъ и дивился; никто не присоединялся къ Клеомену и его спутникамъ. Они пошли къ цитадели, чтобъ освободить преступниковъ изъ темницы; но ворота цитадели были заперты; Клеоменъ и его товарищи въ отчаяніи сами закололись своими кинжалами. Рядомъ съ Клеоменомъ убилъ себя младшій и самый любимый спутникъ его Пантей. Такъ кончилъ свою жизнь Клеоменъ, о которомъ Полибій говоритъ, что онъ былъ человѣкъ истинно достойный царскаго сана, даровитый и доблестный; его погубило увлеченіе безвозвратнымъ величіемъ старины, любовь къ учрежденіямъ, существованіе которыхъ было не возможно при тогдашней испорченности нравовъ. Его благородная мать Кратесиклея, двое его дѣтей и жены его товарищей были убиты по приказанію Птолемея, раздраженнаго попыткой произвести возстаніе. Жена Пантея, красавица, любившая мужа, оправила одежду убитыхъ, оправила одежду на себѣ и мужественно приняла смерть отъ руки убійцы. — Съ Клеоменомъ прекратился родъ спартанскихъ царей, говоритъ Ранке: онъ, послѣдній изъ нихъ, былъ достойнымъ потомкомъ національнаго героя, отъ котораго они производили свой родъ. Потомкамъ героевъ уже не было мѣста на свѣтѣ. Эфоры назначили въ Спартѣ царемъ человѣка, не принадлежавшаго къ царскому роду; онъ заплатилъ каждому изъ нихъ за свое назначеніе по таланту серебра: дурное—продажно, говоритъ Полибій.

Смерть Клеомена и его товарищей. Весна 219 г.

---

6. Кареагенъ и Сицилія.

1. Кареагенъ.

Морская торговля финикіянъ.

Въ первомъ томѣ нашего труда мы ознакомились съ разными направленіями дѣятельности финикіянъ; мы видѣли, что они владычествовали на Средиземномъ морѣ раньше, нежели развилась греческая торговля; что предпріимчивые купцы Тира и Сидона основали поселенія на всѣхъ берегахъ и островахъ этого моря, ловили пурпурныя раковины, разработывали рудники въ мѣстностяхъ богатыхъ металлами, вели чрезвычайно выгодную мѣновую торговлю съ полудикими туземными племенами; что богатства Испаніи и Африки были привозимы на «еарсисскихъ корабляхъ» въ великолѣпные торговые города Финикіи, что тиряне подъ покровительствомъ Мелькарта, «царя» ихъ

«города», основывали факторіи и города въ удобныхъ для торговли мѣстахъ Средиземнаго прибрежья. Мы видѣли также, что по внутреннимъ раздорамъ (I, 505 и слѣд.) часть богатыхъ гражданъ покинула Тиръ и основала на мысѣ африканскаго берега противъ Сициліи Кареагенъ, «Новый городъ»; что благодаря плодородію окрестностей, выгодному для торговли положенію, предпріимчивости, образованности и дѣловой опытности своихъ жителей, этотъ городъ скоро достигъ большого могущества, сталъ гораздо богаче и сильнѣе Тира. Въ первое время главною заботою кареагенянъ было упрочить свою власть надъ окрестными областями. Сначала они были принуждены давать дань или подарки царямъ сосѣднихъ земледѣльческихъ и пастушескихъ племенъ, чтобы хищные туземцы воздерживались отъ нападеній на нихъ. Но скоро они, отчасти умственнымъ превосходствомъ и ловкой политикой, отчасти силой оружія и основаніемъ колоній въ земляхъ этихъ племенъ, успѣли подчинить ихъ себѣ. Кареагеняне привязывали къ себѣ нумидійскихъ царей почестями, подарками, другими средствами, между прочимъ тѣмъ, что выдавали за нихъ дѣвушекъ изъ своихъ знатныхъ фамилій. Основывая свои торговыя колоніи, кареагеняне достигали тѣхъ же выгодъ, какъ римляне основаніемъ военныхъ колоній: они избавляли столицу отъ безпокойныхъ бѣдняковъ, давали этимъ бѣднякамъ благосостояніе, распространяли свой языкъ, свои религіозныя и гражданскія учрежденія, свою національность и тѣмъ упрочивали свое владычество надъ обширными областями. Переселенцы изъ Финикіи усиливали ханаанскій элементъ въ сѣверной Африкѣ, такъ что ливофиникіяне, народъ, происшедшій отъ смѣшенія колонистовъ съ туземцами, сталъ преобладающимъ не только въ приморскихъ областяхъ Зевгитаны и Бизакіи, но и на большое разстояніе отъ моря. Финикійскіе языкъ и цивилизація проникли далеко въ глубину Ливіи; при дворахъ царей кочевыхъ племенъ говорили и писали по финикійски. Ливофиникіяне, жившіе по всей странѣ въ селеніяхъ и мелкихъ неукрѣпленныхъ городахъ, были очень полезны гражданамъ торговыхъ городовъ приморья. Получая большой доходъ отъ земледѣлія, они платили Кареагену значительную поземельную подать, снабжали торговые города съѣстными припасами, разными другими товарами; удерживали отъ набѣговъ пастушескія нумидійскія племена, кочевавшія на изобильныхъ пастбищахъ по склонамъ Атласа, пріучали ихъ къ земледѣльческому, осѣдлому образу жизни; составляли основную массу кареагенскихъ войскъ и главный элементъ поселенцевъ при основаніи колоній за моремъ; были носильщиками и работниками на кареагенской пристани, матросами и воинами на кареагенскихъ корабляхъ. Наемныя войска кареагенянъ набирались большею частью изъ ливофиникійскихъ поселянъ, людей крѣпкихъ, привычныхъ выносить труды и лишенія. Конницу финикіянамъ доставляли нумидійскія племена, кочевавшія

Расширеніе кареагенскаго владычества въ Африкѣ.

Ливофиникійцы.

по окраинамъ пустыни. Кареагенскіе граждане составляли священный отрядъ, окружавшій военачальниковъ. Ливофиникійская пѣхота съ нумидійской конницей и съ небольшимъ числомъ кареагенянъ образовала храброе войско, хорошо сражавшееся подъ начальствомъ кареагенскихъ полководцевъ и въ Африкѣ, и на морѣ, и въ чужихъ земляхъ. Но алчные торговцы Кареагена притѣсняли земледѣльческое и пастушеское населеніе Африки, навлекали на себя его ненависть, которая часто проявлялась опасными возстаніями, сопровождавшимися свирѣпою отместкой. Достигнувъ большого могущества, Кареагенъ легко пріобрѣлъ владычество надъ тѣми финикійскими колоніями, которыя были основаны раньше его: Гиппонъ, Гадруметъ, Большая Лептида, Малая Лептида, Оапсъ и другіе города того прибрежья (I, 524) были вынуждены признать надъ собою власть Кареагена и платить ему дань; нѣкоторые изъ нихъ подчинились добровольно, другіе были покорены силой; только Утика сохранила нѣкоторую самостоятельность. Подвластные Кареагену финикійскіе города Африки давали ему войско и платили подати, размѣръ которыхъ вообще былъ значителенъ; взамѣнъ того граждане ихъ могли пріобрѣтать земельную собственность въ кареагенскихъ владѣніяхъ, браки ихъ съ кареагенскими семействами были полноправными, и сами они пользовались покровительствомъ кареагенскихъ законовъ.

Покоряя сосѣднія области, кареагеняне предпринимали далекія плаванія, вели торговыя дѣла въ широкомъ размѣрѣ. До насъ дошелъ греческій переводъ отчета объ экспедиціи Ганнона, смѣлаго кареагенскаго моряка, который написалъ на финикійскомъ языкѣ разсказъ о своихъ открытіяхъ и отдалъ его на сохраненіе въ храмъ Баала. Онъ съ 60 кораблями и большимъ числомъ переселенцевъ пустился за Геркулесовы столбы, плылъ вдоль западнаго берега Африки, обогнулъ «Южный Мысъ» и основалъ за нимъ пять поселеній, самое южное изъ которыхъ находилось на островѣ Кернѣ (I, 524). Кареагеняне вели тамъ выгодную торговлю, вымѣнивая у гладковолосыхъ негровъ того прибрежья слоновую кость, леопардовыя и львиныя шкуры за наряды и красивую посуду. Говорятъ, что кареагенянамъ былъ извѣстенъ островъ Мадера, что они думали переселиться туда въ томъ случаѣ, если враги одолѣютъ ихъ на родинѣ. Около того же времени, какъ совершилъ свое плаваніе Ганнонъ, другая торговая экспедиція кареагенянъ, слѣдуя примѣру тирянъ, пошла вдоль западнаго берега Испаніи и Галліи къ Оловяннымъ островамъ и проникла до берега Ирландіи (I, 527). Черезъ посредство пастушескихъ племенъ кареагеняне вели дѣятельную торговлю съ центральной Африкой. Въ нынѣшнемъ Феззанѣ сходились караванные пути изъ египетскихъ Оивъ, южныхъ пустынь и Кареагена; тамъ кареагеняне вымѣнивали золотой песокъ, драгоцѣнные камни и негровъ невольниковъ на финики, пальмовое вино и соль. — Послѣ долгой

Мореходство и торговыя поселенія кареагенянъ.

борьбы съ киренскими греками карѳагеняне условились о томъ, гдѣ должна быть граница между ихъ владѣніями; она была проведена черезъ пустыню и опредѣлена очень выгодно для карѳагенянъ, благодаря самопожертвованію Филеновъ, согласившихся умереть для пользы родины.

Филены.

Условіе состояло въ томъ, что одновременно выйдутъ изъ Кирены и Карѳагена послы на встрѣчу другъ другу, и что гдѣ они сойдутся, тамъ и будетъ граница. Карѳагенскими послами были два брата Филены. Они шли очень поспѣшно и прошли гораздо дальше, чѣмъ предполагали киренцы. Киренскіе послы, разсердившись и опасаясь подвергнуться наказанію на родинѣ, стали обвинять ихъ въ обманѣ и наконецъ предложили имъ на выборъ или быть заживо похороненными на томъ мѣстѣ, о которомъ они утверждали, что тутъ должна быть граница, или дозволить отодвинуть ее дальше отъ Кирены; киренскіе послы вызывались сами быть похороненными на томъ мѣстѣ, гдѣ хотѣли назначить границу. Филены пожертвовали жизнью для родины и были похоронены на томъ мѣстѣ, до котораго дошли. Оно и сдѣлалось границею. Карѳагеняне поставили на ихъ могилахъ «жертвенники Филеновъ» и соорудили памятники въ честь ихъ.

Владѣнія карѳагенянъ за моремъ.

Карѳагенскія владѣнія не ограничивались африканскими землями. Когда ниневійскіе и вавилонскіе цари стали нападать на Финикію и могущество ея упало, а потомъ персы покорили ее и принудили финикійскихъ моряковъ заниматься вмѣсто торговли службою на военныхъ корабляхъ (I, 509, 534 слѣд.), Карѳагенъ, считая себя наслѣдникомъ Тира, гражданами котораго былъ основанъ, присвоилъ себѣ владычество надъ финикійскими колоніями за моремъ. Мы видѣли (I, 517 и слѣд., 521 слѣд.), что владычество Тира въ Испаніи простиралось очень далеко, что граждане его добывали тамъ драгоцѣнные металлы, вывозили оттуда шерсть, рыбу, ловили у испанскихъ береговъ пурпурныя раковины, что ѳарсисскіе корабли, нагруженные серебромъ, составляли гордость Тира, дивили народы, сосѣдніе съ Финикіей; всѣ испанскія владѣнія Тира, имѣвшія своимъ центромъ богатый Гадесъ, подчинились Карѳагену или добровольно, или по принужденію; подчинились и финикійскія колоніи на Балеарскихъ и Питіузскихъ островахъ. Богатство этихъ факторій и сокровища испанскихъ рудниковъ пошли теперь въ Карѳагенъ; колоніи Тира въ южной Испаніи стали, подобно африканскимъ, платить дань и давать войско Карѳагену. Покорились ему и финикійскія колоніи на италійскихъ островахъ. Между 550 и 450 годами начальники карѳагенскихъ флотовъ и войскъ Магонъ, его сыновья (Газдрубалъ, Гамилькаръ) и внуки покорили Карѳагену всѣ колоніи и факторіи Тира въ Сардиніи, Корсикѣ, Сициліи, на Мальтѣ и многія туземныя племена этихъ острововъ. Старинная финикійская колонія, на островѣ Сардиніи, Каралисъ (Кальяри), была увеличена новыми поселенцами; ливійскіе колонисты стали воздѣлывать плодородныя прибрежныя части острова, туземцы ушли въ горы центральной части отъ рабства. Съ Корсики карѳагеняне вывозили медъ и воскъ; на Эльбѣ

(Эталіи), богатой желѣзною рудой, стали добывать желѣзо. Когда 536.
фокеяне, бѣжавшіе отъ персовъ, хотѣли поселиться на Корсикѣ, карѳагеняне, соединившись съ этрусками, прогнали ихъ (II, 387). Карѳагеняне всѣми силами старались не допускать своихъ опасныхъ соперниковъ, грековъ, селиться на прибрежьяхъ западной части Средиземнаго моря и по возможности стѣснять тѣ ихъ колоніи, которыя
уже были основаны тамъ. Для этого они заключили съ Римомъ и 509.
Лаціумомъ торговый договоръ, о которомъ мы уже упоминали; ихъ эскадры ходили отъ испанскихъ острововъ нападать на Массалію; одновременно съ нашествіемъ Ксеркса на Грецію, Гамилькаръ приплылъ съ громаднымъ войскомъ въ Сицилію; эта экспедиція кончилась, какъ мы знаемъ, пораженіемъ его при Гимерѣ (II, 513 слѣд.).
Карѳагеняне имѣли подъ своею властью старыя финикійскія колоніи 480.
въ Сициліи: Мотію, Солунтъ и Панормъ, основали тамъ Лилибей; этотъ прекрасный островъ, богатый хлѣбомъ, виномъ и оливковымъ масломъ, имѣющій такое выгодное для торговли положеніе, они считали чрезвычайно важнымъ для своей торговой и колонизаціонной дѣятельности. Въ слѣдующемъ отдѣлѣ мы увидимъ, какъ упорно боролись они полтора столѣтія съ греками за владычество надъ Сициліей; но прочнымъ образомъ они владѣли только западною частью ея до рѣки Галика; остальныя прибрежныя области удержали за собою греки, а въ горахъ центральной части продолжали пасти свои стада туземцы: элимы, сиканы, сикелы, и служили наемниками то въ карѳагенскихъ, то въ греческихъ войскахъ. На сосѣднихъ съ Сициліею, Липарскихъ, Эгатскихъ, другихъ мелкихъ островахъ и на Мальтѣ, были у карѳагенянъ пристани и склады товаровъ.

Могущество Карѳагена.

Такимъ образомъ изъ тирской факторіи Карѳагенъ сдѣлался столицею обширнаго государства, городомъ такимъ богатымъ, что едва ли прежде бывали другіе торговые города равные ему могуществомъ. Отъ Тингиса до большой Сирты всѣ города и племена сѣверной Африки повиновались ему: одни платили дань, другіе давали войско, или воздѣлывали нивы карѳагенскихъ гражданъ. Владѣя множествомъ городовъ, пристаней и укрѣпленій по всѣмъ берегамъ и островамъ западной части Средиземнаго моря, карѳагеняне считали ее своей собственностью и оставляли тамъ мало простора этрусской и греческой торговлѣ. Умѣя пользоваться продуктами тѣхъ странъ, пріобрѣтая изъ нихъ громадныя богатства, они пользовались и силами туземцевъ для своихъ войнъ. Почти всѣ западныя племена служили подъ карѳагенскими знаменами. Подлѣ отрядовъ карѳагенскихъ гражданъ, блиставшихъ богатымъ вооруженіемъ, ходила въ битвы ливійская пѣхота съ длинными копьями. Нумидійскіе всадники, одѣтые въ шкуры, скакали на маленькихъ горячихъ лошадяхъ и бились дротиками; испанскіе и галльскіе наемники въ пестрыхъ національныхъ костюмахъ, легко вооруженные лигурійцы и кампанцы помогали имъ;

страшные балеарскіе пращники бросали своими ремнями свинцовыя пули съ такою силой, что это походило на дѣйствіе ружейныхъ выстрѣловъ. Доходы Карѳагена были громадны. Малая Лептида платила ему ежегодно 365 талантовъ (болѣе 500.000 рублей); изъ этого можно видѣть, что сумма дани, со всѣхъ областей государства, достигала колосальной цифры; кромѣ того, большіе доходы доставляли рудники, таможенныя пошлины, поземельный налогъ съ поселянъ. Государственные доходы были такъ велики, что карѳагенскимъ гражданамъ не было надобности платить никакихъ налоговъ. Они пользовались цвѣтущимъ состояніемъ. Кромѣ доходовъ отъ обширной торговли, отъ фабрикъ, они получали денежную плату, или часть продукта съ помѣстій своихъ, лежавшихъ въ чрезвычайно плодородной странѣ, занимали выгодныя должности сборщиковъ податей и правителей въ подвластныхъ Карѳагену городахъ и округахъ. Описанія Карѳагена и его окрестностей у Полибія, Діодора и другихъ древнихъ писателей показываютъ, что богатство карѳагенянъ было очень велико. Въ этихъ описаніяхъ говорится, что карѳагенская область была покрыта садами и плантаціями, потому что вездѣ въ ней были проведены каналы, дававшіе достаточное орошеніе. Непрерывными рядами тянулись загородные дома, свидѣтельствовавшіе своимъ великолѣпіемъ о богатствѣ владѣльцевъ. Жилища карѳагенянъ были наполнены всяческими вещами, нужными для удобства и наслажденія. Пользуясь продолжительнымъ миромъ, карѳагеняне собрали огромные запасы ихъ. Повсюду въ карѳагенской области было множество виноградниковъ, оливковыхъ рощъ, фруктовыхъ садовъ. По прекраснымъ лугамъ паслись стада рогатаго скота, овецъ и козъ; на низменныхъ мѣстностяхъ находились огромные конскіе заводы. На нивахъ роскошно росъ хлѣбъ; особенно было много пшеницы и ячменя. Безчисленные города и мѣстечки благодатной карѳагенской области были окружены виноградниками, гранатовыми, смоковничными, всякими другими фруктовыми садами. Повсюду было видно благосостояніе, потому что знатные карѳагеняне любили жить въ своихъ помѣстьяхъ и соперничали между собою заботами объ ихъ благоустройствѣ. Земледѣліе находилось у карѳагенянъ въ цвѣтущемъ состояніи; они имѣли агрономическія сочиненія такія хорошія, что римляне впослѣдствіи перевели эти книги на свой языкъ и римское правительство рекомендовало ихъ италіянскимъ сельскимъ хозяевамъ. Какъ общій видъ страны свидѣтельствовалъ о богатствѣ карѳагенянъ, такъ обширность и красота столицы, громадность ея укрѣпленій, великолѣпіе общественныхъ зданій, показывали могущество государства, мудрость и щедрость его правительства.

Цвѣтущее состояніе карѳагенской области.

Мѣстоположеніе Карѳагена.

Карѳагенъ стоялъ на мысѣ, соединявшемся съ материкомъ только узкимъ перешейкомъ; это мѣстоположеніе было очень выгодно для морской торговли и съ тѣмъ вмѣстѣ удобно для обороны. Берегъ былъ крутой, потому съ моря городъ былъ обведенъ только одной стѣной, но съ материковой стороны онъ былъ защищенъ тройнымъ рядомъ стѣнъ, имѣвшихъ по 30 локтей въ вышину и укрѣпленныхъ башнями. Между стѣнами находились жилища для воиновъ, склады съѣстныхъ припасовъ, конюшни для конницы, сараи для боевыхъ слоновъ. Гавань со стороны открытаго моря была назначена для торговыхъ кораблей, а другая, называвшаяся Котономъ, по имени острова, находившагося въ ней, служила для военныхъ кораблей. На островѣ были арсеналы. Близъ военной гавани находилась площадь народныхъ собраній. Съ площади широкая, застроенная высокими домами, главная улица города вела въ цитадель, называвшуюся Бирсой: изъ Бирсы подъемъ въ 60 ступеней велъ на вершину холма, на которомъ стоялъ богатый, знаменитый храмъ Эскулапа (Эсмуна).

Теперь мы должны расказать о государственномъ устройствѣ Карѳагена, на сколько оно извѣстно намъ по скуднымъ отрывочнымъ извѣстіямъ.

Государственное устройство.

Аристотель говоритъ, что въ государственномъ устройствѣ Карѳагена были соединены аристократическіе и демократическіе элементы, но аристократическіе преобладали; онъ находитъ очень хорошимъ то, что государствомъ управляли у карѳагенянъ знатные роды, но народъ не былъ совершенно устраненъ отъ участія въ управленіи. Изъ этого мы видимъ, что Карѳагенъ сохранилъ въ общихъ чертахъ тѣ учрежденія, какія существовали въ Тирѣ и принадлежали всѣмъ финикійскимъ городамъ (I, 511 и слѣд.). Знатные роды сохраняли въ своихъ рукахъ всю правительственную власть, но были обязаны своимъ вліятельнымъ положеніемъ не одной своей знатности, а также и богатству; личныя заслуги ихъ членовъ тоже имѣли большое значеніе. Правительственный совѣтъ, который греки называютъ герусіей, а римляне—сенатомъ, состоялъ изъ аристократовъ; число его членовъ было 300; ему принадлежала наибольшая власть надъ государственными дѣлами; комитетомъ его былъ другой совѣтъ, состоявшій или изъ 10 или изъ 30 членовъ. Въ сенатѣ предсѣдательствовали два сановника, называвшіеся суфетами (судьями); древніе писатели сравниваютъ ихъ, то съ спартанскими царями, то съ римскими консулами; потому нѣкоторые ученые думаютъ, что ихъ санъ былъ пожизненный, а другіе, что они были избираемы на годъ. Второе мнѣніе надобно считать вѣроятнѣйшимъ: годичные выборы болѣе соотвѣтствуютъ характеру аристократической республики, чѣмъ пожизненность сана. Текущими дѣлами вѣроятно завѣдывалъ совѣтъ десяти (или тридцати) сенаторовъ при участіи суфетовъ; римскіе писатели называютъ членовъ этого совѣта principes; важныя дѣла были конечно рѣшаемы общимъ собраніемъ сената. Тѣ вопросы, рѣшеніе которыхъ превышало власть сената, или по которымъ суфеты и сенатъ не могли согласиться между собою, были отдаваемы на рѣшеніе народнаго собранія, которому, кажется, принадлежала и власть утверждать или отвергать выборы сановниковъ и военачальниковъ, дѣлаемые сенатомъ. Но вообще говоря, народное собраніе имѣло мало

вліянія. Предсѣдатели сената, суфеты, предсѣдательствовали и въ судѣ. Были-ли суфеты главнокомандующими по самому своему сану, или получали власть главнокомандующихъ только по особому назначенію, мы не знаемъ; могли-ли оба они отправляться въ походъ, или одинъ изъ нихъ долженъ былъ оставаться въ городѣ для завѣдыванія административными и судебными дѣлами мы также не знаемъ. Военная власть главнокомандующаго была неограниченная; но при заключеніи договоровъ онъ долженъ былъ подчиняться мнѣнію комитета сенаторовъ, сопровождавшаго войско. Для охраненія государства отъ властолюбія полководцевъ аристократія съ давняго времени учредила «Совѣтъ Ста», бывшій хранителемъ существующаго порядка, имѣвшій право подвергать своему суду военачальниковъ и наказывать всякія злоумышленія.

Происхожденіе и характеръ совѣта Ста.

Въ аристократическихъ государствахъ всегда бываетъ нѣсколько фамилій, пользующихся очень большимъ вліяніемъ на государственныя дѣла по своему громадному богатству. Если какая-нибудь изъ этихъ фамилій пріобрѣтаетъ особенную славу своими заслугами, имѣетъ великихъ полководцевъ, передающихъ свою военную опытность дѣтямъ, то она получаетъ такое преобладаніе въ государствѣ, что въ ней легко могутъ возникать мысли о подчиненіи родины своему владычеству. Въ первой половинѣ VI вѣка военачальникъ Мальхусъ (Мальхъ), наказанный изгнаніемъ за неудачу въ войнѣ на островѣ Сардиніи, пошелъ съ войскомъ въ Карѳагенъ и распялъ на крестѣ десять сенаторовъ, враждебныхъ ему. Сенатъ успѣлъ одолѣть этого честолюбца, но можно было опасаться другихъ такихъ попытокъ. Опасность стала особенно велика съ той поры, какъ пріобрѣла громадное вліяніе фамилія Магона, основателя могущества карѳагенянъ на морѣ, перваго полководца, сдѣлавшаго большія завоеванія за предѣлами Африки; его дарованія были наслѣдственными въ трехъ поколѣніяхъ его потомства. Для охраненія государства отъ честолюбія военачальниковъ сенатъ выбралъ изъ своей среды совѣтъ Ста, которому было поручено подвергать разсмотрѣнію дѣйствія военачальниковъ по ихъ возвращеніи съ войны и удерживать ихъ въ повиновеніи законамъ. Таково было происхожденіе грозной коллегіи, называвшейся совѣтомъ Ста. Она была учреждена, какъ мы видимъ, для охраненія республиканскаго порядка, но впослѣдствіи стала политической инквизиціей, передъ деспотическою властью которой должно было преклоняться все. Аристотель сравниваетъ совѣтъ Ста съ спартанскими эфорами. Этотъ совѣтъ не довольствовался тѣмъ, чтобъ обуздывать злоумышленія военачальниковъ и другихъ честолюбцевъ, онъ присвоилъ себѣ право наблюдать за образомъ жизни гражданъ. Военачальниковъ, потерпѣвшихъ неудачу, онъ наказывалъ съ такой безпощадной жестокостью, что многіе сами лишали себя жизни, предпочитая это его свирѣпому суду. Притомъ совѣтъ Ста и поступалъ очень пристрастно. „Въ Карѳагенѣ", говоритъ Ливій (XXXIII, 46) „комитетъ судей (т. е. совѣтъ Ста), избираемыхъ на всю жизнь, дѣйствуетъ самовластно. Имущество, честь, жизнь каждаго находится въ ихъ рукахъ. Кто имѣетъ своимъ врагомъ одного изъ нихъ,—имѣетъ врагами всѣхъ ихъ, а когда судьи враждебны человѣку, то не будетъ недостатка въ обвинителяхъ". Члены совѣта Ста присвоили своему сану пожизненность и упрочили свою силу тѣмъ, что сами избирали товарищей себѣ на вакантныя

мѣста. Ганнибалъ, при содѣйствіи демократической партіи, проникнутой патріотизмомъ и стремившейся преобразовать государство, отнялъ пожизненность сана у членовъ совѣта Ста и ввелъ ежегодные выборы членовъ его; эта реформа была важнымъ шагомъ къ замѣнѣ олигархическаго правленія демократическимъ.

Религія.

Какъ въ государственномъ устройствѣ карѳагеняне сохранили у себя порядокъ, какой существовалъ въ Тирѣ, такъ и въ религіи они держались финикійскихъ вѣрованій и обрядовъ, хотя заимствовали у другихъ народовъ нѣкоторыя божества и формы культа, родственныя съ привычными имъ. Финикійскія божества природы, бывшія олицетвореніями силъ ея, навсегда остались господствующими божествами карѳагенянъ. Тирскій Мелькартъ сохранилъ и у карѳагенянъ значеніе верховнаго племеннаго бога, какъ видимъ между прочимъ уже изъ того, что они постоянно отправляли посольства и дары въ его тирскій храмъ. Въ представленіи о немъ олицетворялись странствованія народа, занимавшагося морской торговлей; онъ былъ въ символическомъ союзѣ съ Астартой-Дидоной, покровительницей Карѳагена; служеніе ему было связью, соединявшею всѣ финикійскія поселенія; потому онъ имѣлъ высокое значеніе для карѳагенянъ, и культъ его былъ самымъ важнымъ у нихъ. Мы уже видѣли (I, 538 и слѣд.), что они сохраняли во всемъ его ужасѣ страшное служеніе богу солнца и огня Молоху, жертвоприношенія которому получили такое трагическое развитіе. Въ національномъ характерѣ финикіянъ глубоко коренились контрасты сладострастія и печали, изнѣженной преданности наслажденіямъ и способности къ чрезвычайнымъ усиліямъ, готовности на самоистязаніе, мужественной энергіи и вялаго отчаянія, высокомѣрія и раболѣпства, любви къ изысканнымъ удовольствіямъ и грубой свирѣпости; эти контрасты выражались въ служеніи Астартѣ и Молоху; потому карѳагеняне любили его до такой степени, что сладострастные обряды и человѣческія жертвоприношенія Молоху оставались у нихъ въ полной силѣ, когда въ самомъ Тирѣ этотъ развратъ и это безчеловѣчіе уже были уничтожены вліяніемъ персовъ и грековъ и развитіемъ гуманности.

„Сурово и мрачно было религіозное міровоззрѣніе карѳагенянъ", говоритъ Бёттихеръ: „съ тоскою на душѣ, но съ принужденною улыбкой въ угожденіе божеству мать приносила свое любимое дитя въ жертву страшному идолу; таковъ былъ и весь характеръ жизни народа. Какъ религія карѳагенянъ была жестокою и раболѣпною, такъ и сами они были угрюмы, рабски послушны правительству, жестоки съ подданными и чужеземцами, надменны въ гнѣвѣ, робки въ страхѣ. Гнусныя жертвоприношенія Молоху заглушали въ нихъ всѣ человѣческія чувства; потому неудивительно, что они съ холодной жестокостью безпощадно мучили и убивали побѣжденныхъ непріятелей, не щадили въ своемъ фанатизмѣ ни храмовъ, ни гробницъ непріятельской земли". На островѣ Сардиніи тоже были приносимы съ принужденнымъ смѣхомъ въ жертву богу военноплѣнные и старики (отъ

этого смѣха нѣкоторые производятъ выраженіе сардоническій смѣхъ). Лучше было бы для карѳагенянъ не вѣрить ни въ какихъ боговъ, чѣмъ вѣрить въ такихъ, говоритъ Плутархъ, въ негодованіи на эти религіозные ужасы.

Богослужебные обряды у карѳагенянъ были такъ же неразрывно соединены со всѣми дѣлами политической и военной жизни, какъ у римлянъ. Военачальники приносили жертвы передъ сраженіемъ и во время самаго сраженія; при войскѣ находились истолкователи воли боговъ, которой надобно было повиноваться; трофеи побѣдъ были приносимы въ храмы; при основаніи новой колоніи прежде всего сооружали храмъ божества, которое будетъ покровителемъ ея; при заключеніи договоровъ призывались въ свидѣтели высшія божества, и въ особенности божества огня, земли, воздуха, воды, луговъ и рѣкъ; въ честь людей, оказавшихъ великія услуги отечеству воздвигались жертвенники и храмы; такъ напримѣръ, Гамилькаръ, принесшій себя въ битвѣ при Гимерѣ въ жертву богу огня, братья Филены, Алетъ, открывшій серебряную руду въ Новомъ Карѳагенѣ, чтились, какъ герои, и были поставлены храмы и жертвенники имъ. Какъ въ Тирѣ, такъ и въ Карѳагенѣ верховный жрецъ былъ послѣ главныхъ правителей государства первымъ сановникомъ.

Характеръ карѳагенянъ.

Обозрѣвая учрежденія и нравы карѳагенянъ, мы видимъ, что они довели до крайняго развитія черты общаго характера семитическаго племени и въ особенности финикійской отрасли его. У всѣхъ семитовъ рѣзко проявляется эгоизмъ: онъ выказывается и въ ихъ склонности къ пріобрѣтенію прибыли торговлей и промышленностью и въ ихъ раздробленности на мелкія замкнутыя государства, роды и семейства. Онъ благопріятствовалъ развитію энергіи и мѣшалъ возникновенію восточнаго деспотизма, при которомъ личность поглощается всеобщимъ порабощеніемъ; но онъ направлялъ мысли исключительно на заботы о реальной жизни, отклонялъ отъ всякихъ идеальныхъ и гуманныхъ стремленій, часто заставлялъ жертвовать благомъ общества для выгодъ партіи, или для личныхъ интересовъ. У карѳагенянъ было много качествъ, достойныхъ высокаго уваженія; отважная предпріимчивость привела ихъ къ великимъ открытіямъ, нашла торговые пути въ далекія невѣдомыя страны; ихъ практическій умъ усовершенствовалъ изобрѣтенія, сдѣланныя въ Финикіи, содѣйствовалъ тѣмъ развитію человѣческой культуры; ихъ патріотизмъ былъ такъ силенъ, что они охотно приносили все въ жертву благу родины; ихъ войска были устроены прекрасно; ихъ флоты владычествовали на западныхъ моряхъ; ихъ корабли превосходили всѣ другіе величиною и быстротой; ихъ государственная жизнь была благоустроеннѣе и прочнѣе, чѣмъ въ большей части другихъ республикъ древняго міра; города и селенія ихъ были богаты. Но съ этими почтенными качествами соединялись у нихъ большіе недостатки и пороки. Завистливо они старались всяческими средствами, и силой, и хитростью, устранить другіе народы отъ участія въ ихъ торговлѣ и, злоупотребляя своею силою на морѣ, нерѣдко занимались пиратствомъ; они были до безжалостности суровы къ своимъ подданнымъ, не давали

имъ извлекать никакой выгоды изъ побѣдъ, одержанныхъ при ихъ содѣйствіи, не заботились привязывать ихъ къ себѣ хорошими, справедливыми отношеніями; они были свирѣпы къ своимъ рабамъ, безчисленное множество которыхъ работало на ихъ корабляхъ, въ ихъ рудникахъ, въ ихъ торговыхъ и промышленныхъ занятіяхъ; они были суровы и неблагодарны относительно своихъ наемныхъ войскъ. Государственная жизнь ихъ страдала аристократическимъ непотизмомъ, соединеніемъ нѣсколькихъ должностей въ однѣхъ рукахъ, продажностью сановниковъ, пренебреженіемъ къ общему благу изъ-за выгодъ партіи. Богатство и врожденная склонность къ чувственнымъ наслажденіямъ произвели у нихъ такую роскошь и безнравственность, что всѣ народы древняго міра порицали ихъ развратъ; развиваемый ихъ религіозными обрядами, онъ доходилъ у нихъ до гнусностей. Одаренные сильнымъ умомъ, они употребляли свои способности не столько на разработку науки, на литературную и художественную дѣятельность, сколько на придумываніе хитростей, на пріобрѣтеніе себѣ выгодъ обманомъ. Они такъ эгоистически пользовались во вредъ другимъ врожденною всѣмъ семитическимъ народамъ проницательностью и гибкостью ума, что выраженіе «пуническая», т. е. карѳагенская «добросовѣстность» вошло въ поговорку, для обозначенія безсовѣстнаго коварства; къ идеальнымъ цѣлямъ они не стремились, не цѣнили высшихъ умственныхъ дѣятельностей; не создали культуры, какъ греки, не создали законнаго государственнаго порядка, какъ римляне, не создали астрономіи, какъ вавилоняне и египтяне; даже въ техническихъ искусствахъ они, кажется, не только не превзошли тирянъ, но и не сравнялись съ ними. Быть можетъ, ихъ литература не была такъ ничтожна, какъ это кажется при погибели всѣхъ ея произведеній; быть можетъ, они имѣли хорошія книги, уничтоженныя страшными военными бурями, опустошившими карѳагенскую страну; но самый тотъ фактъ, что погибла вся карѳагенская литература, доказываетъ, что она не имѣла большого внутренняго достоинства; иначе не исчезла бы вся она почти безъ слѣда въ такія времена, которыя далеко не были лишены умственныхъ интересовъ, сохранилось бы отъ нея больше, чѣмъ отчетъ объ экспедиціи Ганнона въ греческомъ переводѣ, трактатъ Магона о сельскомъ хозяйствѣ и неопредѣленныя извѣстія о томъ, что римляне отдали своимъ союзникамъ, туземнымъ царямъ, карѳагенскія книги историческаго содержанія и нѣкоторыя другія литературныя произведенія. Область поэзіи была чужда карѳагенянамъ, философія была для нихъ невѣдомою тайной; искусство у нихъ служило только роскоши и блеску. Заботясь исключительно о реальной жизни, они не знали высшихъ стремленій, не знали душевнаго спокойствія и счастія, какое доставляетъ любовь къ идеальнымъ благамъ, не знали вѣчно-юнаго царства фантазіи, неразрушаемаго никакими ударами судьбы.

2. Завоеванія кареагенянъ въ Сициліи.

Кареагеняне стремятся овладѣть Сициліей.

Кареагеняне рано начали стремиться къ пріобрѣтенію владычества на западной части Средиземнаго моря. Для этого имъ необходимо было овладѣть Сициліею, и они употребляли всевозможныя усилія завоевать этотъ островъ, помѣшать развитію греческой колонизаціи на немъ. Первая попытка ихъ покорить сицилійскихъ грековъ кончилась пораженіемъ ихъ при Гимерѣ. Конечно, они желали отмстить за него, но греки послѣ персидскихъ войнъ пріобрѣли такое могущество на морѣ, что думать о завоеваніяхъ въ Сициліи было невозможно для кареагенянъ, и въ слѣдующія 70 лѣтъ они не дѣлали попытокъ расширить свои владѣнія въ Сициліи; они вели въ это время войны съ туземными племенами Африки и упрочили свое владычество надъ ними. Но едва былъ нанесенъ аѳинскому могуществу на морѣ смертельный ударъ въ сиракузской гавани, надежды кареагенянъ возродились, и сиракузанцы скоро почувствовали на своемъ тѣлѣ ту рану, которую нанесли своимъ соплеменникамъ. Тотъ несчастный споръ между Селинунтомъ и Эгестою, который послужилъ главнымъ поводомъ къ экспедиціи аѳинянъ противъ Сиракузъ (II, 636), подалъ и кареагенянамъ желанный случай къ возобновленію попытки овладѣть Сициліей. Ганнибалъ, сынъ Гискона, наказаннаго вѣчнымъ изгнаніемъ за то, что отецъ его, Гамилькаръ, проигралъ битву при Гимерѣ, горѣлъ желаніемъ возстановить честь своей фамиліи и отечества, омыть кровью стыдъ пораженія.

Кареагеняне берутъ и разрушаютъ Селинунтъ 408.

Эгестяне, которыхъ послѣ погибели аѳинскаго войска подъ Сиракузами снова стали тѣснить селинунтцы, попросили помощи у кареагенянъ. Ганнибалъ, бывшій тогда суфетомъ, приплылъ съ несмѣтнымъ войскомъ къ сѣверо-западному берегу Сициліи и пошелъ на Селинунтъ. Сиракузанцы, помощи которыхъ просили селинунтцы, медлили подать ее, отчасти потому, что были заняты своими внутреннимъ раздорами, отчасти по досадѣ на селинунтцевъ за то, что они передъ тѣмъ отказались отдать на ихъ судъ свой споръ съ эгестянами. Несчастный городъ оборонялся очень упорно; но силы врага были громадны, и послѣ девяти-дневнаго непрерывнаго приступа, кареагеняне ворвались въ городъ; граждане продолжали отчаянную борьбу на улицахъ и въ домахъ; женщины, дѣти и старики поддерживали ихъ мужество горячими словами, носили имъ пищу, подавали оружіе, бросали съ кровель камни, черепицы, всякія тяжелыя вещи на враговъ; но разъяренные, жаждавшіе грабежа варвары подавили ихъ своею многочисленностью. На улицахъ лежало 16000 труповъ мущинъ, женщинъ, дѣтей; 5000 человѣкъ было взято въ плѣнъ и отведено въ рабство. Грубые кареагенскіе наемники неистово свирѣпствовали: рѣзали трупы и навѣшивали на себя куски ихъ, какъ нарядъ; забравъ изъ домовъ и храмовъ всѣ цѣнныя вещи, они зажгли прекрасный городъ. Немногіе граждане, успѣвшіе бѣжать, получили черезъ нѣсколько времени позволеніе поселиться въ развалинахъ его. Населеніе возобновленнаго Селинунта оставалось малочисленно и платило дань Кареагену.

Разрушеніе Гимеры.

Отъ дымящихся развалинъ Селинунта, Ганнибалъ повелъ своихъ свирѣпыхъ наемниковъ на Гимеру, которая и была главною цѣлью его похода. Онъ поставилъ 40.000 человѣкъ на горѣ, подымавшейся близъ города; остальное войско вело подкопы подъ стѣны и штурмовало ихъ. Въ Гимерѣ былъ отрядъ сиракузанцевъ подъ начальствомъ Діокла; прислали помощь и другіе греки; при содѣйствіи этихъ подкрѣпленій, гимеряне оборонялись такъ же мужественно, какъ селинунтцы; внезапной вылазкой они даже прогнали осаждающихъ на гору, нанесли имъ большой уронъ; но Ганнибалъ привелъ въ бой свѣжія войска, отразилъ гимерянъ, и на отступленіи они потеряли 3.000 храбрѣйшихъ своихъ согражданъ. Эта неудача поколебала ихъ надежды и они впали въ совершенное уныніе, когда Діоклъ объявилъ, что уходитъ, опасаясь нападенія кареагенскаго флота на Сиракузы. Часть жителей ушла съ нимъ; другіе, въ особенности старики, дѣти и женщины, сѣли на сиракузскіе корабли и уплыли въ Мессену. Но было много мужественныхъ гражданъ, рѣшившихся оставаться въ городѣ и обороняться, пока сиракузскія тріэры воротятся и возьмутъ ихъ. Имъ не удалось дождаться спасенія. Они геройски оборонялись, но врагъ былъ слишкомъ многочисленъ. Въ ту минуту, когда вдали показались возвращавшіяся сиракузскія тріэры, стѣны рухнули отъ ударовъ тарановъ, и кареагенскіе воины ворвались въ городъ. Счастливы были тѣ, которые умерли отъ мечей и копій въ бою: ихъ смерть была скорая; всѣхъ плѣнныхъ гражданъ—ихъ было до 3.000 человѣкъ—свирѣпый Ганнибалъ велѣлъ вести на то мѣсто, гдѣ умеръ его дѣдъ, Гамилькаръ, и они были тамъ преданы мучительной смерти; дѣтей и женщинъ онъ роздалъ своимъ воинамъ; разграбленный городъ былъ разрушенъ весь до основанія, не были пощажены даже храмы. Чтобы ненавистное имя Гимеры исчезло изъ памяти людей, кареагеняне черезъ нѣсколько времени основали на опустѣвшемъ мѣстѣ ея новое поселеніе, которое назвали Термами. Со славою и богатою добычею возвратился Ганнибалъ въ Кареагенъ и былъ встрѣченъ тамъ съ восторгомъ и награжденъ почестями.

Гермократъ.

Діоклъ такъ спѣшилъ уйдти въ Сиракузы, что даже не озаботился похоронить своихъ убитыхъ воиновъ. Раздраженные такимъ нарушеніемъ обязанности относительно умершихъ, сиракузанцы осудили его на изгнаніе. Этого особенно горячо домогались приверженцы Гермократа, надѣявшіеся, что по изгнаніи Діокла народъ пригласитъ вождя ихъ партіи возвратиться. Они ошиблись. Напрасно друзья Гермократа превозносили его патріотизмъ и энергію; его заслуги были дѣйствительно велики: онъ возстановилъ разрушенный Селинунтъ, задерживалъ успѣхи Ганнибала нападеніями на сѣверозападную часть острова, принадлежавшую кареагенянамъ; онъ собралъ кости своихъ соотечественниковъ, убитыхъ при защитѣ Гимеры и прислалъ ихъ для погребенія въ Сиракузы; но число враговъ его было такъ велико, что народное собраніе отвергло предложеніе пригласить его возвратиться. Тогда онъ на перекоръ запрещенію, вошелъ съ отрядомъ войска въ Сиракузы, но, какъ мы говорили (II, 658), погибъ при этой попыткѣ и очень много повредилъ ею своей партіи.

Осада и разрушеніе Акраганта 406.

Взятіе Селинунта и Гимеры внушило кареагенянамъ новыя надежды. Покоривъ или разрушивъ западные греческіе города, они могли, казалось имъ, одолѣть и могущественныя Сиракузы, овладѣть всею Сициліею и достичь полнаго владычества на Средиземномъ морѣ. Греческія государства истощали свои силы въ братоубійственной войнѣ, и кареагеняне могли надѣяться достичь успѣха. Черезъ два года по разрушеніи Гимеры, они послали въ Сицилію Ганнибала и Гимилькона съ разноплеменнымъ войскомъ, состоявшимъ изъ 120000 человѣкъ пѣхоты и конницы. Число военныхъ кораблей, снаряженныхъ для этой экспедиціи, было очень велико, а число транспортныхъ болѣе тысячи. Кареагеняне хотѣли теперь овладѣть богатымъ торговымъ городомъ Акрагантомъ (Агригентомъ), о великолѣпіи котораго свидѣтельствуютъ намъ колосальныя колонны храма Зевса. Окруженный виноградниками и оливковыми рощами, Акрагантъ славился своею роскошью. Онъ имѣлъ 200000 жителей; изъ этого числа 20000 были граждане. Кареагеняне осадили этотъ могущественный городъ. Осада сначала шла безуспѣшно. Акрагантскіе наемники, въ числѣ которыхъ находилось 1500 лакедемонянъ подъ начальствомъ Дексиппа, бились храбро; въ кареагенскомъ войскѣ появились болѣзни, отъ которыхъ погибало много людей. Старикъ Ганнибалъ умеръ. Чтобы смягчить гнѣвъ боговъ, Гимильконъ принесъ въ жертву мальчика; это оказалось безполезно: сиракузское войско, посланное подъ начальствомъ Дафнея на помощь Акраганту, разбило иберійцевъ, выставленныхъ противъ него, и вошло въ городъ. Но вслѣдъ за тѣмъ дѣла приняли другой оборотъ. Граждане говорили, что должно сдѣлать вылазку, пользуясь уныніемъ враговъ, потерпѣвшихъ пораженіе; военачальники не исполнили желанія народа. Онъ приписалъ это измѣнѣ и побилъ камнями четырехъ человѣкъ изъ числа военачальниковъ. Между защитниками города возникли ссоры. Черезъ нѣсколько времени Гимилькону удалось захватить корабли, которые везли изъ Сиракузъ съѣстные припасы осажденнымъ. Въ многолюдномъ городѣ скоро оказался такой недостатокъ въ нихъ, что жители рѣшились эмигрировать; иначе они скоро погибли бы отъ голода, или непріятельскаго оружія. Въ холодную зимнюю ночь они исполнили свое рѣшеніе. Невыразима была печаль уходившихъ: они покидали свои богатые дома, въ которыхъ прежде жили такъ весело и счастливо; теперь ихъ ожидала нищета. Они пошли въ Гелу. Многіе предпочли бѣгству смерть. Больные, увѣчные, дряхлые, не имѣвшіе силъ идти, тоже должны были остаться. На другой день всѣ они были убиты свирѣпыми врагами, вошедшими въ городъ и алчно искавшими покинутыхъ сокровищъ въ домахъ и храмахъ.

Геллій, самый богатый изъ гражданъ Акраганта, остался въ городѣ. Онъ искалъ убѣжища въ храмѣ. Видя, что и тамъ не будетъ ему спасенія,

онъ предпочелъ смерть оскорбленіямъ и зажегъ храмъ. Лучшія изъ произведеній искусствъ, въ томъ числѣ быкъ Фаларида, были отправлены Гимилькономъ въ Кареагенъ, остальныя проданы. Ушедшіе акрагантцы черезъ нѣсколько времени поселились въ Леонтинахъ. Опустѣвшій Акрагантъ былъ сдѣланъ станомъ кареагенскаго войска.

Мѣстоположеніе Акраганта.

Акрагантъ. Во второмъ томѣ (стр. 209) мы говорили объ основаніи Акраганта «прекраснѣйшаго изъ всѣхъ городовъ». Онъ стоялъ на грядѣ холмовъ, разорванной ущельями и долинами. На самомъ высокомъ холмѣ, въ сѣверозападной части гряды, стоялъ акрополь, подступы къ которому были очень круты. Въ акрополѣ находился храмъ Аѳины и Зевса Атаберійскаго. Весь городъ былъ обведенъ крѣпкою стѣною, часть которой была вырублена въ скалѣ; кромѣ того защитой городу служили съ востока и запада двѣ рѣчки, соединявшіяся нѣсколько ниже. Великолѣпнѣйшимъ зданіемъ въ Акрагантѣ былъ храмъ Зевса Олимпійскаго, постройка котораго еще не была кончена, когда онъ погибъ. Онъ считался самымъ огромнымъ зданіемъ въ цѣлой Сициліи. Длиною онъ былъ въ 340 футовъ, шириною въ 60, вышиною надъ поломъ въ 120. Колонны были такъ громадны, что въ каннелюрахъ ихъ могъ помѣститься человѣкъ. Промежутки колоннъ были застроены стѣною; храмъ украшали превосходные рельефы, изображавшіе сцены изъ войны боговъ съ гигантами и троянской войны. Граждане Акраганта любили искусства; въ городѣ было множество картинъ и статуй. Особенно богаты ими были великолѣпныя гробницы на югѣ города. Акрагантъ славился своими лошадьми, которымъ владѣльцы ихъ даже ставили памятники. Когда акрагантецъ Эксенетъ одержалъ побѣду въ состязаніи колесницъ на олимпійскихъ играхъ, то при возвращеніи въ Акрагантъ его сопровождала процессія, въ которой находилось 300 колесницъ, запряженныхъ каждая парой бѣлыхъ лошадей. Это было въ 408 году; черезъ два года, Акрагантъ былъ взятъ кареагенянами. — О богатствѣ и роскоши акрагантскихъ гражданъ Діодоръ говоритъ: съ дѣтства они привыкали къ роскоши, нося одежды изъ очень тонкой ткани, золотые уборы; въ особенности гребни и флаконы для духовъ были у нихъ золотые или серебряные. Геллій, считавшійся самымъ богатымъ человѣкомъ въ Акрагантѣ, имѣлъ въ домѣ много комнатъ для гостей и ставилъ у воротъ рабовъ, которые приглашали иноземцевъ остановиться у него. Однажды отрядъ сиракузской конницы, состоящій изъ 500 человѣкъ, застигнутый грозою и промокшій подъ дождемъ, попросилъ у него пріюта; онъ не только принялъ и угостилъ ихъ всѣхъ, но далъ изъ своихъ запасовъ каждому одежду. Въ его винномъ погребѣ было 300 бочекъ высѣченныхъ изъ камня, и всѣ были полны вина. Знаменитъ былъ пиръ, сдѣланный другимъ акрагантскимъ гражданиномъ, Антисееномъ, по случаю замужества дочери. Онъ разставилъ столы по улицамъ и угощалъ всѣхъ гражданъ передъ ихъ домами, великолѣпно иллюминовалъ весь городъ, и на свадебной процессіи невѣсту сопровождали болѣе 800 экипажей, въ которыхъ сидѣли гости. Объ изнѣженности образа жизни акрагантцевъ свидѣтельствуетъ установленное народнымъ собраніемъ правило, воспрещавшее стоявшему на стражѣ воину имѣть на своей постели болѣе одного нижняго матраса, одного верхняго матраса, одного одѣяла и двухъ подушекъ. За городомъ находилось искусственно вырытое озеро, имѣвшее семь стадій въ окружности и 20 локтей въ глубину; въ немъ откармливалась рыба для общественныхъ пировъ.

Храмъ Зевса Олимпійскаго.

Лошади.

Богатство и роскошь.

3. Владычество Діонисія въ Сиракузахъ (406--367).

Діонисій пріобрѣтаетъ вліятельное положеніе въ Сиракузахъ.

Вѣсть о паденіи Акраганта произвела потрясающее дѣйствіе на сицилійскихъ грековъ; многіе отправляли женъ, дѣтей, имущество въ города Южной Италіи; другіе искали пріюта въ Сиракузахъ, куда пришли и многіе граждане Акраганта подъ охраной возвращавшагося войска. Когда сошлось въ Сиракузахъ народное собраніе, въ немъ

господствовало унылое молчаніе; наконецъ всталъ Діонисій, сынъ бѣднаго погонщика муловъ, служившій секретаремъ при войскѣ, ходившемъ на помощь Акраганту. Онъ сталъ обвинять военачальниковъ въ измѣнѣ и неспособности, предлагалъ отнять у нихъ должности и наказать ихъ. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ отважныхъ предводителей партіи Гермократа, задумавшей воспользоваться уныніемъ народа и захватить правленіе въ свои руки. Діонисію помогали вліятельные и богатые люди, какъ напримѣръ Гиппаринъ, знатный, но промотавшійся гражданинъ и историкъ Филистъ (II, 766). Но господствующая партія сохранила перевѣсъ въ народномъ собраніи, оно отвергло предложенія Діонисія, и онъ былъ подвергнутъ денежному штрафу, какъ возбудитель несогласій. Филистъ, человѣкъ богатый, ободрилъ Діонисія, заплатилъ за него штрафъ, обѣщался платить и слѣдующіе штрафы, если онъ подвергнется имъ. Діонисій возобновилъ обвиненіе, постоянно возбуждалъ простолюдиновъ противъ аристократовъ, начальствовавшихъ войсками, говорилъ, что они подкуплены врагомъ, измѣнили грекамъ, и наконецъ, онъ достигъ своей цѣли: военачальники были отрѣшены отъ должности; на ихъ мѣста были выбраны Діонисій и другіе люди той же партіи. Ловкими интригами онъ скоро съумѣлъ пріобрѣсти такое вліяніе на народъ, что сталъ гораздо сильнѣе своихъ товарищей, и народное собраніе постоянно принимало его предложенія; въ особенности упрочилось его вліяніе, когда народъ по его предложенію дозволилъ возвратиться всѣмъ изгнанникамъ. Граждане, находившіеся въ изгнаніи вмѣстѣ съ Гермократомъ и вернувшіеся теперь въ Сиракузы, видѣли въ немъ возстановителя своихъ правъ и всѣми силами поддерживали его. Не прошло года, и Діонисій сталъ владыкою Сиракузъ.

Діонисій становится тиранномъ 406 г.

Вскорѣ по назначеніи Діонисія однимъ изъ военачальниковъ, жители Гелы, опасаясь нападенія карѳагенянъ, просили помощи у сиракузанцевъ. Діонисій, посланный въ Гелу съ 2000 гоплитовъ и 400 всадниковъ, помогъ тамъ демократамъ овладѣть правленіемъ; имущества низвергнутыхъ олигарховъ были конфискованы. Діонисій, взявъ ихъ, уплатилъ жалованье своему войску и набралъ наемниковъ. Оказалось, что Гелѣ не угрожаетъ опасность со стороны карѳагенянъ; Діонисій возвратился въ Сиракузы, обвинилъ другихъ военачальниковъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ Гимилькономъ; его партія поддержала это обвиненіе; всѣ они были отставлены отъ должности, и народное собраніе сдѣлало единственнымъ военачальникомъ Діонисія. Подъ тѣмъ предлогомъ, что и государству и ему угрожаютъ злоумышленія; онъ окружилъ себя тѣлохранителями и увеличилъ число наемниковъ. Власть сосредоточилась въ его рукахъ, и онъ занялъ отрядомъ надежныхъ воиновъ цитадель, находившуюся на островѣ Ортигіи. Захвативъ ее, онъ сдѣлался тиранномъ и сталъ владычествовать надъ Сиракузами, опираясь на наемниковъ, преданность которыхъ пріобрѣлъ онъ, удвоивъ имъ жалованье, и при поддержкѣ приверженцевъ Гермократа, на дочери котораго онъ женился.

Между тѣмъ наступила весна; Гимильконъ двинулся на Гелу и осадилъ ее. Граждане храбро оборонялись; Діонисій пошелъ на помощь имъ, но его нападеніе на карѳагенскій станъ было отбито, и онъ принужденъ былъ уйдти ночью отъ карѳагенянъ, какъ прежде ушелъ ночью Дафней изъ Акраганта. Повторились тѣ же сцены, какъ тогда. Несчастные жители Гелы и Камарины ушли съ отступающимъ Діонисіемъ, оставивъ на произволъ врага свои дома и имущества; утромъ карѳагеняне ворвались въ покинутый городъ, безпощадно перебили оставшихся тамъ больныхъ и дряхлыхъ людей и взяли богатую добычу. Взятіе Гелы карѳагенянами 405

Постыдная неудача похода должна была, казалось бы, низвергнуть Діонисія. Его обвиняли въ трусости, въ измѣнѣ; сиракузская конница ушла отъ него, поспѣшила въ Сиракузы, овладѣла цитаделью, разграбила домъ Діонисія; женѣ его при этомъ были нанесены такіе побои, что скоро она умерла. Но Діонисій ночью ворвался съ своими наемниками въ Сиракузы, овладѣлъ Ахрадиною, занялъ площадь народныхъ собраній и легко подавилъ возставшихъ противъ него. Многіе изъ нихъ были убиты въ схваткѣ, другіе бѣжали. Захвативъ ихъ огромныя богатства, Діонисій пріобрѣлъ средства упрочить свою власть пуще прежняго. Діонисій подавляетъ возстаніе сиракузскихъ всадниковъ.

Упроченію его тираніи помогло то, что въ карѳагенскомъ войскѣ появилась повальная болѣзнь, отъ которой умерло очень много воиновъ. Карѳагенскій военачальникъ предложилъ Діонисію миръ, дозволяя бѣжавшимъ жителямъ Гелы и Камарины возвратиться съ свои опустѣвшіе города и спокойно жить тамъ подъ условіемъ платежа дани Карѳагену, другія завоеванія онъ хотѣлъ удержать подъ прямымъ управленіемъ карѳагенянъ, признавалъ независимость остальныхъ греческихъ городовъ, признавалъ Діонисія владѣтелемъ Сиракузъ. Тираннъ съ радостью принялъ эти условія, не заботясь о томъ, что они оставляютъ подъ владычествомъ Карѳагена всѣ греческіе города южнаго берега Сициліи отъ мыса Пахинунта до Лилибея. Такимъ образомъ въ тотъ годъ, когда Лизандръ уничтожилъ при Эгоспотамѣ аѳинскій флотъ и свободу Греціи (II, 684), Діонисій уничтожилъ свободу греческихъ колоній Сициліи. Естественно было, что Лизандръ и Діонисій стали союзниками. Миръ съ Карѳагеномъ.

Примирившись съ карѳагенянами, Діонисій занялся упроченіемъ своего владычества: обвелъ островъ Ортигію новою стѣною съ башнями, построилъ сильную цитадель у Малой гавани Сиракузъ, поселилъ на Ортигіи своихъ наемниковъ; роздалъ начальникамъ ихъ и другимъ своимъ приверженцамъ лучшія изъ земель, которыя отнялъ у своихъ противниковъ, обложилъ гражданъ тяжелою податью. Но въ сиракузанцахъ еще не совсѣмъ умерла любовь къ свободѣ. Когда Діонисій, кончивъ постройку своихъ укрѣпленій, пошелъ на сикельскія племена, жившія въ центральной части острова и осадилъ городъ Эрбессъ, отряды войска, состоявшіе изъ гражданъ, возмутились, убили начальствовавшаго ими Дорика, призвали изгнан- Укрѣпленіе острова Ортигія 404. Подавленіе возстанія сиракузанцевъ 403.

ныхъ всадниковъ, державшихся въ ущельяхъ Этны и объявили, что хотятъ быть свободны, какъ были ихъ отцы. Діонисій съ наемниками поспѣшно ушелъ въ Сиракузы и скрылся за стѣнами цитадели. Инсургенты пошли за нимъ и осадили Ортигію; къ нимъ присоединились другіе граждане; но Діонисій успѣлъ одолѣть. Сначала онъ хотѣлъ бѣжать, но друзья ободрили его, онъ вступилъ въ переговоры съ осаждающими и удерживалъ ихъ этимъ отъ нападеній, а между тѣмъ призвалъ на помощь себѣ кампанскихъ наемниковъ, находившихся на службѣ у кареагенянъ. Между противниками его начались несогласія, усердіе ихъ къ веденію осады охладѣло. Когда кампанскіе наемники пришли, Діонисій внезапно сдѣлалъ вылазку; часть осаждающихъ бѣжала, другая принуждена была сдаться. Діонисій выказывалъ кротость; но мало было людей, вѣрившихъ ему: около 7000 гражданъ ушли изъ Сиракузъ въ прежнее убѣжище изгнанниковъ у Этны.

Покореніе Катаны и Наксоса 401.

Діонисій считалъ свое владычество упроченнымъ, такъ что отважился снова уйдти въ походъ. Но для большей безопасности онъ передъ выступленьемъ на войну отобралъ у гражданъ оружіе, употребивъ для этого хитрость: дѣло было во время жатвы, граждане занимались работами на нивахъ, Діонисій въ ихъ отсутствіе велѣлъ обыскать ихъ дома и захватить оружіе. Онъ пошелъ на сиракузскихъ изгнанниковъ, разсѣялъ ихъ, потомъ, при помощи измѣны, овладѣлъ городами Катаною и Наксосомъ. Онъ поступилъ съ ними не менѣе жестоко, чѣмъ кареагенскіе полководцы съ другими городами: отдалъ ихъ на разграбленіе войску, разрушилъ дома и стѣны, а жителей продалъ въ рабство. На ихъ развалинахъ онъ поселилъ отряды наемниковъ, не умѣвшихъ трудиться и пріобрѣсти благосостояніе; мѣстности, въ которыхъ прежніе трудолюбивые жители создали себѣ изобиліе, остались опустошенными. Граждане Леонтинъ избѣжали гибели, покорившись Діонисію безъ сопротивленія. Онъ переселилъ ихъ въ Сиракузы.

Діонисій укрѣпляетъ Сиракузы 400.

Ободренный этими успѣхами, Діонисій рѣшился начать войну съ кареагенянами, чье возростающее могущество угрожало ему опасностью въ Сициліи. Чтобы обезпечить себя противъ несчастныхъ случайностей войны, онъ построилъ огромныя стѣны, шедшія по сѣверной сторонѣ Сиракузъ отъ Трогильской гавани до Эвріальскаго форта, то есть охватывавшія и тѣ части Сиракузъ, которыя назывались Тихе и Эпиполь. Это было первое дѣло Діонисія, имѣвшее національный характеръ, служившее не только его властолюбію, но вмѣстѣ благу и безопасности родины; потому народъ усердно помогалъ работѣ и отчасти примирился съ Діонисіемъ, сталъ прощать ему коварство, которымъ достигъ онъ владычества. Тираннъ чувствовалъ себя въ такой безопасности, что ходилъ между работниками безъ тѣлохранителей, какъ простой гражданинъ.

Надъ построеніемъ стѣнъ работали 60,000 поселянъ подъ руководствомъ множества каменщиковъ и подъ управленіемъ искусныхъ архитекторовъ. Работа шла чрезвычайно быстро: стѣна, имѣвшая въ длину 30 стадій, сложенная изъ тесаннаго камня, снабженная башнями была построена въ 20 дней. Діонисій ободрялъ усердіе работниковъ личнымъ своимъ присутствіемъ и наградами. Съ такою же энергіей заготовлялъ онъ оружіе, военныя машины и строилъ большіе военные корабли. Весь городъ походилъ на одну огромную мастерскую; кузнецовъ, оружейниковъ, машинистовъ было очень много, они работали усердно, и цитадель наполнилась громаднымъ количествомъ мечей, стрѣлъ, щитовъ, шлемовъ, латъ.

Діонисій увеличиваетъ количество войска и кораблей.

Въ то же время въ Большой гавани кипѣла такая дѣятельность, какой никогда не видывали сиракузанцы. Діонисій привезъ изъ Южной Италіи и съ Этны огромное количество сосноваго лѣса и сталъ строить 200 большихъ военныхъ кораблей, 160 обширныхъ сараевъ для нихъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ шла починка прежнихъ кораблей. Какъ въ построеніи машинъ хотѣлъ онъ превзойти всѣ, какія строились прежде у грековъ и кареагенянъ, и сооружалъ катапульты огромной силы, такъ и корабли онъ строилъ огромнѣе прежнихъ греческихъ, имѣвшихъ только по три ряда гребцовъ: его новые корабли имѣли по четыре и по пяти рядовъ. Сообразно обширности этихъ приготовленій онъ увеличивалъ число воиновъ и матросовъ: щедрое жалованье, предлагаемое имъ, привлекало къ нему наемниковъ отовсюду; храбрые люди сходились къ нему со всей Сициліи, плыли изъ Италіи, изъ Пелопоннеса.

Суровыя средства для полученія денегъ.

Мы не имѣемъ точныхъ извѣстій о томъ, откуда Діонисій добывалъ деньги для такихъ обширныхъ работъ. Но по случайнымъ замѣткамъ и по анекдотамъ мы видимъ, что онъ обременилъ гражданъ очень тяжелыми налогами и не церемонился брать сокровища ихъ храмовъ. По словамъ Аристотеля, онъ въ пять лѣтъ взялъ столько налоговъ, что сумма ихъ равнялась всей стоимости имущества гражданъ; т. е. онъ бралъ въ годъ 20 процентовъ стоимости имущества. Говорятъ, что онъ снялъ со статуи Зевса золотую мантію и вмѣсто нея надѣлъ на Зевса шерстяную, замѣтивъ при этомъ, что золотая лѣтомъ тяжела, зимою холодна, а шерстяная хороша и зимой и лѣтомъ. Онъ снялъ золотую бороду статуи Асклепія, говоря, что не годится сыну имѣть такую большую бороду, когда отецъ (Аполлонъ) совсѣмъ безъ бороды. Онъ объявилъ, что во снѣ получилъ повелѣніе, по которому сиракузскія женщины должны пожертвовать свои золотые и серебрянные уборы Деметрѣ, покровительницѣ хлѣбородной Сициліи; сиракузанки принуждены были повиноваться божественной волѣ, и Діонисій взялъ всѣ эти вещи изъ храма, давъ жрицѣ взамѣнъ ихъ долговое обязательство.

Діонисій пріобрѣтаетъ союзниковъ и укрѣпляетъ дружбу съ ними родствомъ черезъ свадьбы.

Діонисій желалъ, чтобъ его война съ кареагенянами имѣла характеръ національный борьбы и старался пріобрѣсти себѣ храбрыхъ союзниковъ. Мессана дала ему отрядъ конницы. Но граждане Регія отвергли его предложеніе о союзѣ, хотя онъ старался подѣйствовать на ихъ самолюбіе, выражая желаніе жениться на дѣвушкѣ изъ ихъ города; они съ насмѣшкой отвѣчали, что у нихъ есть лишь одна невѣста, достойная разрушителя городовъ Наксоса и Катаны,—дочь палача. Въ Локрахъ его сватовство было принято благосклоннѣй: за него была выдана Дорида, дочь знатнаго гражданина. Но въ то же время онъ взялъ себѣ и другую жену, сиракузанку Аристомаху, дочь Гиппарина, сестру Діона. Въ то самое время, какъ Дорида приплыла на великолѣпномъ кораблѣ въ Малую гавань, Аристомаха ѣхала въ цитадель на великолѣпной колесницѣ, запряженной четырьмя бѣлыми конями. Двойная свадьба была отпразднована блестящимъ пиромъ, которымъ Діонисій угостилъ и воиновъ и гражданъ. Онъ оказывалъ одинаковый почетъ обѣимъ женамъ и ловко заставлялъ ихъ скрывать чувство соперничества. Одну жену бралъ онъ съ собою въ походъ, а другая встрѣчала его при возвращеніи въ Сиракузы.

Война съ кареагенянами. 397—396.

Кончивъ свои приготовленія, Діонисій объявилъ войну кареагенянамъ. Онъ выбралъ для этого очень благопріятное время. По заключеніи мира кареагеняне распустили почти всѣхъ наемниковъ, оставивъ только гарнизоны въ крѣпостяхъ. Эпидемическая болѣзнь страшно опустошила Кареагенъ съ его областью, и народъ упалъ духомъ. Сицилійскіе греки горѣли желаніемъ отмстить кареагенянамъ за разрушеніе ихъ городовъ. Отовсюду сходились къ Діонисію воины, такъ что онъ повелъ на войну 80000 гоплитовъ и 3000 всадниковъ. Война началась тѣмъ, что по всѣмъ греческимъ городамъ Сициліи были перебиты кареагенскіе купцы, захвачены ихъ корабли и товары. Войско двигалось по южному приморью, рядомъ съ нимъ шелъ флотъ, состоявшій изъ 200 военныхъ кораблей и огромнаго числа транспортовъ. Греки, бѣжавшіе отъ кареагенянъ изъ Гелы, Акраганта, Селинунта и Гимеры, страшно мстили имъ теперь за свое бѣдствіе; жалость была чувствомъ невѣдомымъ. Главною цѣлью похода была Мотія, крѣпость, стоявшая между Эриксомъ и Лилибеемъ и бывшая складочнымъ мѣстомъ кареагенскихъ товаровъ. Она была построена на маленькомъ островѣ, соединявшемся съ берегомъ плотиной. Мы видѣли (I, 517), что финикіяне очень любили выбирать такія мѣста для своихъ колоній. Жители Мотіи мужественно оборонялись. Они не могли ожидать пощады отъ раздраженныхъ грековъ. Имъ была только одна возможность спасенія—побѣда. Отчаяннымъ сопротивленіемъ они доказали, что рѣшились жить или умереть свободными людьми.

Осада Мотіи.

Мужественная оборона города.

Діонисій блокировалъ Мотію съ моря, опустошилъ ея окрестности, а его искусные инженеры возобновили плотину, разрушенную гражданами. Когда она была построена, Діонисій подвезъ къ стѣнамъ свои башни на колесахъ и другія осадныя машины. Гимильконъ пытался освободить городъ, но это не удалось ему. Осаждающіе укрѣпили свою позицію такъ сильно, что отбили его нападенія. Но мужество осажденныхъ оставалось непоколебимо. Тараны и катапульты сдѣлали проломъ въ стѣнѣ; граждане продолжали съ отчаяннымъ мужествомъ обороняться за баррикадами и въ своихъ высокихъ домахъ. Греки подвозили къ домамъ свои подвижныя башни и перебрасывали съ нихъ мосты на дома. На этихъ мостахъ начинался смертельный бой. Ночной приступъ кончился взятіемъ города; побѣдители свирѣпствовали, убивали, грабили. Тѣхъ жителей, которые уцѣлѣли отъ ярости воиновъ, Діонисій продалъ въ рабство, а грековъ, найденныхъ между оборонявшимися, онъ велѣлъ распять на крестѣ. Все въ городѣ онъ отдалъ на разграбленіе войску.

Взятіе Мотіи.

Побѣда переходитъ на сторону кареагенянъ 395.

Но въ слѣдующемъ году городъ, взятіе котораго стоило огромныхъ потерь, былъ отнятъ у Діонисія кареагенянами. Гимильконъ съ большимъ войскомъ приплылъ въ Эриксъ, пошелъ оттуда вдоль сѣвернаго берега, взялъ Мессану и въ отмщеніе за Мотію разрушилъ ее. Но большая часть жителей успѣли бѣжать въ горы. Кареагеняне

отважились напасть даже на восточный берегъ острова. Гимильконъ пошелъ съ войскомъ мимо Этны, а Магонъ, основавъ неподалеку отъ Наксоса Тавроменій, поплылъ къ Катанѣ. У этого города произошло кровопролитное морское сраженіе; не смотря на храбрость сиракузанцевъ, оно кончилось побѣдой кареагенянъ, и Діонисій былъ принужденъ возвратиться въ Сиракузы. Едва онъ вступилъ въ цитадель, какъ Магонъ съ сильнымъ флотомъ вошелъ въ Большую Гавань, а Гимильконъ раскинулъ свой станъ у храма Зевса Олимпійскаго и возвелъ сильные окопы у Даскона и Племмирія. Сиракузы были теперь въ такой же опасности, какъ 20 лѣтъ тому назадъ, когда подошелъ къ нимъ флотъ Никія. Гимильконъ 30 дней опустошалъ окрестности города, взялъ предмѣстье Сиракузъ Ахрадину, разрушилъ храмъ Деметры и Керы, окружилъ городъ съ суши и съ моря. Но и на этотъ разъ счастье войны было на сторонѣ сиракузанцевъ. Осада Гимилькона оставалась безуспѣшна, потому что городъ, защищенный новой стѣною съ сѣвера и запада, могъ получать съѣстные припасы сухимъ путемъ. Когда настала осень, то отъ сырой погоды и отъ испареній болотистаго прибрежья появилась въ кареагенскомъ станѣ эпидемія, унесшая больше жертвъ, чѣмъ самое сильное пораженіе. Разъ, въ отсутствіе Діонисія, сиракузанцы одержали побѣду на морѣ; это ободрило ихъ, и отважнѣйшіе изъ гражданъ стали говорить, что должно возстановить свободу, низвергнуть тиранна, виновника всѣхъ бѣдствій. Только помощь Фаракида, начальствовавшаго лакедемонскимъ отрядомъ, находившимся въ Сиракузахъ, спасла Діонисія. Сдѣлавъ черезъ нѣсколько времени вылазку, онъ отдалъ на истребленіе кареагенянамъ тотъ отрядъ гражданъ, непріязни котораго опасался; при этой вылазкѣ, онъ успѣлъ зажечь кареагенскую эскадру, стоявшую въ Дасконской бухтѣ, а сиракузскій флотъ въ то же время одержалъ новую побѣду надъ кареагенскимъ; казалось, что и кареагеняне подвергнутся такой же участи, какъ аеиняне. Народъ съ восторгомъ смотрѣлъ со стѣны на пораженіе враговъ, которыхъ боги наказывали за разрушеніе храмовъ. Но Діонисій не хотѣлъ длить войну. Онъ заключилъ съ Гимилькономъ тайное соглашеніе, и взявъ съ него 300 талантовъ, дозволилъ ему посадить войско на уцѣлѣвшіе корабли и уплыть. Многіе изъ наемниковъ, были покинуты кареагенянами. Діонисій взялъ въ свою службу лучшихъ изъ нихъ, а другихъ продалъ въ рабство. Гимильконъ не хотѣлъ пережить позоръ своей неудачи. Въ траурной одеждѣ вошелъ онъ въ Кареагенъ, былъ встрѣченъ стономъ и проклятіями согражданъ, заперся въ своемъ домѣ, пересталъ принимать пищу и добровольно умеръ отъ голода. Ливійскія племена, раздраженныя погибелью своихъ воиновъ подъ Сиракузами, возстали, и кареагенянамъ лишь послѣ тяжелой борьбы удалось усмирить ихъ.

Осада Сиракузъ.

Пораженіе кареагенянъ.

Смерть Гимилькона 394.

Слѣдующіе четыре года Діонисій употребилъ на упроченіе и рас-

Діонисій упрочиваетъ и расширяетъ свое владычество 394–390.

ширеніе своего владычества. Онъ переселилъ въ Сиракузы гражданъ изъ другихъ завоеванныхъ имъ городовъ, увеличилъ свое войско новыми наемниками, дѣлалъ походы на непокорные ему города; почти не встрѣчая сопротивленія со стороны карѳагенянъ, возстановилъ Мессану, перевезъ въ нее жителей изъ другихъ городовъ; послѣ долгой упорной борьбы овладѣлъ Тавроменіемъ и обезпечилъ за собою власть надъ нимъ, поселивъ въ немъ отслужившихъ свой срокъ наемниковъ, которымъ далъ права гражданъ. Упрочивъ свое владычество въ Сициліи, онъ обратилъ оружіе на греческіе города Южной

390–389.

Италіи. Разрушивъ Кавлонію и Гиппоній (Вибо), онъ отдалъ ихъ земли локрійцамъ, своимъ союзникамъ; вступилъ въ союзъ съ луканцами, которые въ страшной битвѣ нанесли пораженіе гражданамъ Турій, потерявшимъ тутъ 10000 человѣкъ убитыми, и навсегда сокрушили могущество этого знаменитаго города. У Кротона встрѣтило Діонисія соединенное войско городовъ Южной Италіи подъ начальствомъ сиракузскаго изгнанника Гелориса; онъ взялъ въ плѣнъ это войско и овладѣлъ Кротономъ, крѣпкою цитаделью этого города и сокровищами, находившимися въ храмѣ Геры. Съ плѣнными поступилъ онъ очень милостиво, освободилъ ихъ безъ выкупа; но овладѣвъ Регіемъ, выказалъ безчеловѣчную жестокость.

Взятіе Регія.

Діонисій нѣсколько разъ нападалъ на Регій, граждане котораго оскорбили его, съ насмѣшкой отвергнувъ его желаніе жениться на дѣвушкѣ изъ ихъ города. Они храбро защищались и успѣвали отражать нападенія. Наконецъ Діонисію удалось овладѣть городомъ послѣ одиннадцати-мѣсячной осады. Ослабленные голодомъ и болѣзнями, граждане сдались ему. Въ городѣ лежали грудами тѣла умершихъ; оставалось только 6000 гражданъ; блѣдные, изнуренные, они едва могли ходить. Діонисій потребовалъ отъ каждаго мину серебра въ выкупъ. Тѣ, которые не могли заплатить, были проданы въ рабство. Но для Фитона, начальствовавшаго гражданами во время осады, такое наказаніе было бы, по мнѣнію Діонисія, слишкомъ легко; тираннъ подвергъ его мученіямъ, напоминающимъ страданія героевъ въ греческихъ трагедіяхъ.

Смерть Фитона.

Діонисій велѣлъ привязать Фитона къ самой высокой изъ осадныхъ машинъ, а сына его бросить въ море. «Онъ однимъ днемъ счастливѣе меня», воскликнулъ Фитонъ, когда ему сказали о смерти сына. Его повели по улицамъ города и на этомъ пути бичевали, подвергали всяческимъ поруганіямъ; впереди шелъ глашатай, возвѣщавшій, что Діонисій наказываетъ Фитона за то, что онъ убѣдилъ своихъ согражданъ сопротивляться; Фитонъ, человѣкъ уважаемый всѣми, выносилъ мученія и обиды съ непоколебимымъ мужествомъ и гордо отвѣчалъ, что подвергается страданію за то, что не хотѣлъ измѣнить своимъ согражданамъ; мщеніе боговъ постигнетъ его мучителя, говорилъ онъ. Даже наемники Діонисія жалѣли Фитона, роптали на жестокость его наказанія; но ихъ ропотъ только заставилъ Діонисія велѣть, чтобы Фитонъ и его родные были брошены въ море. Поэты разсказывали судьбу Фитона въ пѣсняхъ, исполненныхъ сочувствія къ нему.—Область опустѣвшаго Регія Діонисій отдалъ тоже, кажется, локрійцамъ.—Въ храмѣ Геры Лакинійской взялъ драгоцѣнный плащъ богини и продалъ его карѳагенянамъ за 120 талантовъ.

Діонисій на верху могущества.

Діонисій сдѣлалъ очень много завоеваній въ Южной Италіи. Въ союзѣ съ галлами, которые не задолго передъ тѣмъ сожгли Римъ (стр. 115), онъ предпринималъ далекія сухопутныя и морскія экспедиціи, грабилъ греческіе и этрусскіе храмы (въ Агиллѣ онъ взялъ въ храмѣ столько сокровищъ, что сумма ихъ составляла 1000 талантовъ), основывалъ на берегахъ Адріатическаго моря военныя колоніи. Такъ напримѣръ, онъ основалъ сиракузскую колонію въ Анконѣ; другая колонія, Гадрія, стала такимъ важнымъ городомъ, что ея именемъ было названо то море; на иллирскомъ берегу Діонисій основалъ Лиссъ, основалъ колонію на островѣ Фаросѣ. Алькетъ, союзникъ Діонисія, отнялъ у молоссовъ ту часть эпирскаго берега, которая находится противъ острова Коркиры. Діонисій хотѣлъ пріобрѣсти вліяніе и на Грецію. Съ этой цѣлью онъ посылалъ своихъ галльскихъ и испанскихъ наемниковъ на помощь спартанцамъ. Онъ отправилъ на олимпійскія игры блестящее посольство и великолѣпныя колесницы, чтобы дать всѣмъ грекамъ выгодное понятіе о его богатствѣ и образованности и сравняться въ ихъ мнѣніи съ прежними сицилійскими тираннами, Ѳерономъ и Гелономъ. 384.

Блестящее посольство, отправленное Діонисіемъ на олимпійскія игры.

Главою посольства, отправленнаго Діонисіемъ на олимпійскія игры, былъ братъ его Ѳеоридъ. Оно было такъ блистательно, что возбудило удивленіе грековъ; одежда пословъ и ихъ свиты была великолѣпна, шатры ихъ тоже; блестящія золотомъ колесницы, запряженныя превосходными конями, были лучше всѣхъ другихъ; были наняты превосходные хоры, актеры и пѣвцы для трагедій, написанныхъ Діонисіемъ, желавшимъ пріобрѣсти у грековъ славу поэта; но греки знали, какъ жестоко поступалъ Діонисій съ сицилійскими и южно-италійскими городами, и ненавидѣли его; ораторъ Лизій произнесъ въ Олимпіи сильную рѣчь противъ поработителя грековъ; потому народъ, собравшійся въ Олимпіи, выказалъ вражду противъ Діонисія. Его колесницамъ не было дано награды, а хоры его трагедій были осмѣяны и освистаны. Тѣ дѣйствительныя трагедіи, которыя разыгралъ онъ въ Регіѣ и Кавлоніи, конечно, могли производить болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ написанныя имъ, которыя, подражая слогу Эсхила, наполнялъ онъ высокопарными словами. Извѣстіе о томъ, что его трагедіи освистаны, привело его въ ярость; онъ сталъ подозрѣвать всѣхъ, даже своихъ друзей, въ злоумышленіяхъ противъ него, бросилъ въ темницы, изгналъ, или казнилъ многихъ изъ своихъ приближенныхъ.

Озлобленіе Діонисія на поэтовъ и философовъ. Филистъ.

Даже Филистъ вѣрный совѣтникъ его, который поддержалъ его мужество во время осады цитадели сиракузянцами и которому онъ былъ тогда обязанъ своимъ спасеніемъ, былъ принужденъ удалиться въ изгнаніе. Филистъ отправился въ Гадрію; памятникомъ его дѣятельности тамъ остался каналъ, проведенный въ низменности устій рѣки По: остатки этого канала назывались впослѣдствіи «рвами Филиста». Только по смерти Діонисія, Филистъ возвратился въ Сиракузы (II, 766). Діонисій такъ высоко цѣнилъ свой поэтическій талантъ, льстецы такъ избаловали его, что стыдъ, которому подвергся онъ въ Олимпіи, чрезвычайно раздражилъ его. Онъ не терпѣлъ порицанія своихъ поэтическихъ произведеній и за невыгодный отзывъ объ одномъ изъ нихъ послалъ на работы въ каменоломняхъ, жившаго при его дворѣ поэта Филоксена; послѣ, когда Діонисій,

Филоксенъ.

простивъ его, опять спросилъ его мнѣніе о другомъ своемъ произведеніи, онъ уклонился отъ опасности двусмысленнымъ отвѣтомъ, который можно было принять за похвалу. Изъ произведеній самого Филоксена особенно знаменита была пьеса «Циклопъ», написанная имъ въ каменоломняхъ и заключавшая въ себѣ косвенныя насмѣшки надъ Діонисіемъ. Отъ деспотизма Діонисія пострадалъ и другой, гораздо болѣе извѣстный пи-

Платонъ.

сатель, философъ Платонъ, приглашенный Діонисіемъ въ Сиракузы по совѣту поклонника пиѳагорейской философіи Діона, на сестрѣ котораго былъ женатъ тираннъ. Разговоры Платона о томъ, что истинное счастіе состоитъ въ справедливости, мудрости и добродѣтели, что несправедливый человѣкъ несчастенъ, и что потому тиранны несчастнѣйшіе изъ людей—пришлись не по вкусу Діонисія, и онъ отдалъ Платона спартанцу Поллису, чтобы тотъ продалъ его въ рабство (II, 721).

Послѣдніе годы правленія Діонисія.

У насъ нѣтъ точныхъ извѣстій о событіяхъ правленія Діонисія послѣ его экспедицій въ южную Италію; мы знаемъ только, что онъ сдѣлалъ большія постройки для украшенія и укрѣпленія Сиракузъ;
383. что онъ воевалъ съ карѳагенянами и заключилъ съ ними миръ, по которому уступилъ имъ западную часть Сициліи до рѣки Галика; знаемъ, наконецъ, что онъ былъ чрезвычайно обрадованъ любезностью, какую оказали ему аѳиняне, давъ на драматическихъ состязаніяхъ ленейскаго праздника первую награду его трагедіи «Избавленіе Гек-
367. тора». Говорятъ, что эта радость и была причиной его смерти: въ восторгѣ онъ далъ своимъ друзьямъ великолѣпный пиръ и пилъ на немъ такъ много, что сдѣлался боленъ и скоро умеръ отчасти отъ излишне выпитаго вина, отчасти отъ чрезмѣрнаго волненія души. Но кажется, что смерть была ускорена ядомъ, который далъ ему старшій сынъ, опасавшійся, что отецъ, по внушенію Діона, отдастъ часть своихъ владѣній сыновьямъ отъ другой жены, сестры Діона Аристомахи.

Характеръ Діонисія.

Не многіе изъ греческихъ тиранновъ пріобрѣтали такую знаменитость, какъ Діонисій. И дѣйствительно мы должны признать, что онъ былъ ловокъ и энергиченъ, былъ мастеръ своего дѣла: сынъ ничтожнаго бѣдняка, онъ умѣлъ, преодолѣвъ безчисленныя затрудненія и опасности, захватить владычество надъ городомъ, жители котораго любили свободу и были храбры, удержалъ за собою власть 38 лѣтъ и передалъ ее сыну. Правда, онъ былъ не совѣстливъ въ выборѣ средствъ, безпощадно губилъ враговъ; деньги, на которыхъ была основана возможность держать много наемниковъ, онъ умѣлъ находить вездѣ, гдѣ бы ни лежали онѣ: силой или хитростью онъ завладѣвалъ ими; онъ грабилъ храмы, снималъ со статуй боговъ драгоцѣнныя украшенія и сопровождалъ этотъ грабежъ насмѣшками; обременительными налогами онъ довелъ гражданъ до обѣдненія; отъ его смертоносной подозрительности не были безопасны даже друзья и родные. Говорятъ, что онъ опасался бритвы цирюльника, опасался даже дозволить дочерямъ подходить къ нему съ бритвою и научилъ ихъ обжигать его густые волосы на головѣ и на бородѣ тлѣющими краями орѣховой скорлупы; говорятъ, что тѣлохранители не допускали къ нему никого безъ обыска, не спрятано ли подъ одеждой оружіе; что онъ произносилъ рѣчи народу съ башни, а на ночь уходилъ въ комнату, къ которой нельзя было никому подойдти; есть разсказъ, что однажды, когда онъ для игры въ мячъ снялъ оружіе и передалъ одному изъ своихъ любимцевъ, а другой, шутя, сказалъ: „вотъ однако же ты ввѣряешь ему свою жизнь", то онъ велѣлъ убить ихъ обоихъ, одного за слова, показывавшія способъ убить его, а другого—за улыбку при этихъ словахъ. Говорятъ, что онъ казнилъ драматурга Антифона за сказанную въ разговорѣ шутку, что

лучше всѣхъ металловъ мѣдь, изъ которой отлиты статуи Гармодія и Аристогитона, убившихъ тиранна. Въ Сиракузахъ и теперь показываютъ вырубленный въ скалѣ надъ каменоломнями гротъ, называемый „ухомъ Діонисія": оттуда онъ подсматривалъ движенія и подслушивалъ слова несчастныхъ, которыхъ, по доносамъ своихъ шпіоновъ, запиралъ въ каменоломни, находившіяся на глубинѣ 70 или 80 футовъ въ провалахъ скалъ. Состояніе его души, одержимой мрачной подозрительностью, мѣтко характеризуется разсказомъ о томъ, какъ онъ объяснилъ одному изъ своихъ придворныхъ, Дамоклу, свое счастіе, повѣсивъ надъ его головою мечъ на конскомъ волосѣ. Анекдотъ, пересказанный въ балладѣ Шиллера, говоритъ, что Діонисій былъ глубоко растроганъ вѣрной дружбой, соединявшей двухъ пиѳагорейцевъ (Дамона и Финтія или, по другимъ разсказамъ, Мера и Селинунтія) и просилъ ихъ принять его третьимъ другомъ въ ихъ сердечный союзъ; если это не выдумка, то едва ли Діонисій могъ ожидать согласія на свою просьбу. Но если бы, основываясь на разсказахъ о подозрительности Діонисія, мы предположили, что онъ былъ робокъ, ошиблись бы; онъ былъ человѣкъ храбрый. Въ битвахъ, на приступахъ онъ отважно смотрѣлъ въ лицо смерти; онъ сражался мужественно, какъ видимъ уже изъ того, что онъ два раза былъ опасно раненъ. Его чрезмѣрная осторожность въ сношеніяхъ съ людьми происходила лишь отъ того, что онъ не хотѣлъ погибнуть отъ предательства. Должно полагать, что онъ былъ не чуждъ благородныхъ чувствъ; иначе не могли бы такъ долго сохранять преданность ему благородный Діонъ и разсудительный Филистъ. Въ семейной жизни онъ былъ, говорятъ, человѣкъ добрый; были у него и другія хорошія качества: онъ велъ скромную жизнь, не былъ развратникомъ; при всей своей алчности онъ не былъ скупъ и часто выказывалъ щедрость. У него была одна необузданная страсть—властолюбіе; его тщеславію нравилось, чтобы греческіе философы и поэты прославляли его. Умъ его былъ очень дѣятеленъ, какъ видимъ изъ того, что, при всѣхъ заботахъ, онъ находилъ досугъ писать драмы; древніе писатели говорятъ, что онъ написалъ 43 трагедіи. Онъ взялъ себѣ за образецъ Эсхила, письменную досчечку котораго пріобрѣлъ и хранилъ, какъ святыню; но онъ подражалъ Эсхилу только въ выборѣ предметовъ и громкихъ словъ; въ его душѣ не было ни любви къ свободѣ, ни глубокой религіозности великаго аѳинскаго поэта.

4. Діонисій младшій и Тимолеонъ.

Діонисій II.

Старшій сынъ Діонисія, матерью котораго была локріянка Дорида и который назывался тоже Діонисіемъ, былъ человѣкъ даровитый и отъ природы способный имѣть благородныя чувства; но недовѣрчивый отецъ устранялъ его отъ всякихъ серьезныхъ дѣлъ и не заботился о его воспитаніи; онъ рано привыкъ проводить жизнь въ пошлыхъ удовольствіяхъ и поддаваться всѣмъ своимъ прихотямъ. Діонъ, родственникъ молодого человѣка, чрезвычайно уважавшій Платона и старавшійся слѣдовать его философіи, хотѣлъ внушить впечатлительному юношѣ благородныя стремленія. Когда Діонисій II при содѣйствіи войска занялъ мѣсто умершаго отца и кончилъ пиры, которыми сопровождались великолѣпные его похороны, Діонъ убѣдилъ своего

племянника пригласить Платона изъ тихаго сада Академіи къ сиракузскому двору.

Платонъ при сиракузскомъ дворѣ.

Во второмъ томѣ (стран. 722) мы говорили о мотивахъ, побудившихъ Платона принять приглашеніе Діонисія Младшаго, наперекоръ прежнему опыту, который могъ показать ему, что дворы тирановъ не представляютъ удобнаго мѣста для построенія идеальныхъ государственныхъ зданій. По началу можно было ожидать блестящихъ результатовъ. Діонисій выказывалъ любознательность, возбуждавшую прекраснѣйшія надежды на него. Комнаты дворца были усыпаны пескомъ, чтобы можно было чертить на нихъ геометрическія фигуры; Діонъ хлопоталъ о введеніи законнаго порядка, мечталъ о созданіи свободнаго государства подъ управленіемъ просвѣщеннаго властителя, который устроитъ все на философскихъ основаніяхъ, такъ что будутъ осуществлены благотворные политическіе идеалы Платона. Но мы уже видѣли, что эти мечты скоро разсѣялись. Гордые своею мудростью и добродѣтелью, Діонъ и Платонъ держали себя такъ, что показались надменными и придворнымъ и самому Діонисію, оскорбляли ихъ тщеславіе. Платонъ скоро убѣдился, что идеальная философія не можетъ вложить добродѣтели въ душу тиранна, что изъ-подъ добродѣтельной маски проглядываетъ грязный порокъ. Противники Діона, люди практичные, главою которыхъ былъ возвратившійся въ Сиракузы Филистъ, находили, что неограниченная власть тиранна гораздо болѣе сообразна съ условіями дѣйствительности, чѣмъ философское государство, основанное на мечтахъ; мысли этой партіи соотвѣтствовали характеру властолюбиваго и развратнаго Діонисія и она одержала полную побѣду. Друзья Филиста убѣдили Діонисія, что Діонъ задумываетъ низвергнуть его, чтобы передать власть дѣтямъ своей сестры, Аристомахи, и Діонисій изгналъ Діона; Платонъ былъ принужденъ удалиться. Черезъ пять лѣтъ отношенія Діонисія къ Платону сдѣлались опять любезными, такъ что Платонъ рѣшился въ третій разъ поѣхать въ Сиракузы, но снова увидѣлъ, что наука и самовластіе тиранна не примиримы между собою.

Діонисій и Діонъ.

Первымъ послѣдствіемъ изгнанія Діона и отъѣзда Платона было то, что Діонисій далъ полную волю своимъ пошлымъ склонностямъ. Прежде онъ боялся суровости Діона, стыдился благородной, нравственной строгости Платона, теперь отбросилъ всякую совѣстливость, неудержимо предался пьянству, обжорству, разврату и деспотическимъ прихотямъ. Онъ конфисковалъ имущество Діона и принудилъ его жену Арету выйти замужъ за одного изъ начальниковъ наемныхъ войскъ. На десятый годъ своего изгнанія Діонъ увидѣлъ, что можетъ освободить Сиракузы отъ тиранна. Надѣясь на ненависть и презрѣніе народа къ Діонисію, онъ съ небольшимъ отрядомъ подошелъ къ Сиракузамъ, приглашая гражданъ свергнуть Діонисія. Они отворили ворота, и Діонъ, при радостныхъ крикахъ народа, вошелъ въ городъ, украшенный по праздничному для его встрѣчи. Діонисій и Филистъ хотѣли отразить Діона, но были побѣждены. Филистъ былъ взятъ въ плѣнъ; народъ такъ ненавидѣлъ его за приверженность къ тиранніи, что всячески оскорблялъ 78-лѣтняго старика, потомъ ему отрубили голову и таскали по улицамъ его обезображенное тѣло. Но Діонъ не могъ

Война Діона съ Діонисіемъ. 357—355.

взять ортигійскую цитадель. Діонисій уѣхалъ изъ Сиракузъ въ Локры, но его сынъ Аполлократъ искусно и храбро оборонялся въ цитадели и успѣвалъ отражать нападенія, благодаря тому, что между гражданами не было единодушія.

Несогласія между сиракузанцами.

Діонъ держалъ себѣ высокомѣрно, и многіе ненавидѣли его за это: родство его съ Діонисіемъ Старшимъ навлекало на него подозрѣніе. Тайные приверженцы распускали клеветы, усиливавшія неудовольствіе. Гераклидъ, одинъ изъ изгнанниковъ, возвратившихся съ Діономъ въ Сиракузы, пріобрѣлъ себѣ много приверженцевъ между бѣдными гражданами, обѣщая раздѣлъ имуществъ и нападая на аристократическія убѣжденія Діона, и говорилъ, что Діонъ возсталъ противъ Діонисія только для того, чтобы захватить власть въ свои руки и возстановить аристократическое правленіе. Масса вѣрила Гераклиду. Народное собраніе назначило новыхъ военачальниковъ, въ числѣ которыхъ находились Гераклидъ и Ѳеодотъ, и отказало въ уплатѣ жалованья наемникамъ Діона. Обиженный Діонъ съ своими приверженцами удалился въ Леонтины и нашелъ тамъ дружескій пріемъ. Сиракузанцы со дня на день ждали сдачи цитадели, гарнизонъ которой былъ не великъ и терпѣлъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Но вскорѣ по отъѣздѣ Діона, отважный приверженецъ Діонисія, Нипсій, приплылъ изъ Локръ съ войскомъ и съѣстными припасами, вошелъ въ цитадель и сталъ дѣлать оттуда нападенія на части города, отдѣленныя одна отъ другой стѣнами; овладѣлъ Неаполемъ, Тихе и Ахрадиною; его буйные наемники рѣзали людей, грабили, жгли дома. Эти бѣдствія принудили сиракузанцевъ раскаяться въ томъ, что они оскорбили пословъ Діона; они отправили въ Леонтины вѣстниковъ, просить его, чтобъ онъ простилъ ихъ и возвратился. Искренній патріотъ, онъ великодушно простилъ гражданамъ ихъ прежнюю несправедливость и поспѣшилъ на помощь имъ. Его прибытіе спасло Сиракузы. Собравъ воиновъ, онъ оттѣснилъ въ Ортигію разсѣявшихся для грабежа наемниковъ Діонисія и поправилъ разрушенныя ими осадныя работы, а сиракузанцы между тѣмъ гасили зажженные наемниками дома, очищали городъ отъ труповъ и крови. Нѣкоторые изъ враждебныхъ Діону военачальниковъ бѣжали. Гераклидъ и Ѳеодотъ просили у него пощады; онъ не только пощадилъ ихъ, но великодушно оставилъ за ними ихъ должности, не желая пятнать свою честь мщеніемъ.

Діонъ удаляется въ Леонтины.

Возвращеніе Діона.

Но онъ былъ плохо вознагражденъ за свое великодушіе. Принявъ начальство надъ флотомъ, Гераклидъ возобновилъ свои интриги. Отъ прежняго плана раздѣлить дома и земли между бѣдными гражданами онъ былъ принужденъ отказаться, но продолжалъ вредить Діону клеветой. Аполлократъ, увидѣвъ невозможность продолжать оборону, уплылъ на пяти тріэрахъ съ родными, друзьями, деньгами и дорогими вещами. Діонъ, занявъ покинутую имъ цитадель, не передалъ ее гражданамъ, оставилъ подъ непосредственнымъ своимъ начальствомъ и не вводилъ обѣщаннаго демократическаго правленія, а продолжалъ дѣйствовать во всемъ собственной властью, такъ что это было похоже на тираннію. Такимъ образомъ клеветы на него получали видъ правды, и многіе вѣрили имъ. Въ своемъ образѣ жизни онъ оставался вѣренъ своимъ философскимъ правиламъ, чуждался

Смерть Діона.

всякой роскоши, жилъ не во дворцѣ, а въ скромномъ домѣ, стоявшемъ не въ цитадели, а въ самомъ городѣ. Но онъ не возстановлялъ демократическихъ учрежденій; у него былъ другой планъ: онъ хотѣлъ устроить государство по идеямъ пиѳагорейской или платоновой философіи; это было бы нѣчто въ родѣ аристократической монархіи, въ которой строго соблюдались бы законы. Гераклидъ требовалъ, чтобы цитадель была разрушена и было возстановлено демократическое правленіе. Раскаявшись въ своемъ прежнемъ великодушіи, Діонъ велѣлъ убить его. Но, совершивъ это дурное дѣло, онъ скоро погибъ самъ. Его довѣріемъ пользовался аѳинянинъ Каллиппъ, человѣкъ честолюбивый, обманывавшій его увѣреніями въ своей преданности. На праздникъ Деметры Каллиппъ велѣлъ отряду подкупленныхъ наемни-
353. ковъ убить Діона въ его домѣ; Діонъ ничего не подозрѣвалъ, наемники ворвались въ домъ; онъ оборонялся, но былъ убитъ. Онъ палъ жертвой своей ошибочной политики, поставившей его въ фальшивое положеніе. Родственникъ тиранновъ, онъ имѣлъ династическія склонности; его философскія убѣжденія были не практичны; аристократическое правленіе, о которомъ онъ мечталъ, противорѣчило его собственнымъ привычкамъ къ самовластію. Его сестра Аристомаха и его жена Арета, возвратившаяся къ нему отъ другого мужа, за котораго была выдана насильно, были брошены въ темницу; черезъ годъ, по интригамъ Гикета, бывшаго прежде другомъ Діона, ихъ посадили на корабль, вывезли въ море и утопили.

Новые тиранны въ Сиракузахъ 353—350.

Каллиппъ, называвшій себя убійцею тиранна, захватилъ власть при содѣйствіи подкупленныхъ наемниковъ, и поддерживалъ ее свирѣпыми мѣрами. Гиппаринъ, сынъ Діонисія Старшаго и Аристомахи, прогналъ его изъ цитадели и сталъ тиранномъ самъ. Черезъ два года онъ былъ убитъ пьяный, и его мѣсто занялъ его братъ Нисей, тоже пьяница и развратникъ.

Діонисій овладѣваетъ Сиракузами 346.

Опираясь на буйныхъ наемниковъ, Нисей владычествовалъ надъ Сиракузами, Діонисій рѣшился наконецъ воспользоваться разстроеннымъ состояніемъ Сиракузъ, приплылъ къ Ортигіи, овладѣлъ цитаделью. Въ Локрахъ онъ велъ такую развратную жизнь и такъ свирѣпствовалъ въ городѣ, который держали въ порабощеніи его наемники, что когда онъ уплылъ оттуда въ Сиракузы, граждане страшно отмстили за свои страданія отъ него семейству его, остававшемуся въ Локрахъ; но онъ былъ не такой человѣкъ, чтобъ уроки опыта могли исправить его. Овладѣвая Сиракузами, онъ хотѣлъ мстить за десятилѣтнее изгнаніе; при томъ ему нужно было много денегъ на жалованье наемникамъ и на удовлетвореніе своей страсти къ попойкамъ и разврату; потому онъ обременилъ гражданъ тяжелыми налогами и вообще угнеталъ ихъ.

Платонъ не дожилъ до той поры, когда Діонисій снова сталъ тиранномъ въ Сиракузахъ. При жизни Діона, онъ всячески старался устроить примиреніе между народомъ и Діонисіемъ, хлопоталъ о томъ, чтобы тираннъ отказался отъ произвола, ввелъ въ управленіе государствомъ законный порядокъ, о которомъ мечталъ и Діонъ, потомъ онъ поддерживалъ Діона. Погибель друга и разрушеніе политическихъ надеждъ омрачили послѣдніе годы жизни Платона.

Діонисій переходилъ всякую мѣру благоразумія въ своемъ деспотизмѣ, потому не могъ удержаться долго. Онъ страшно угнеталъ Сиракузы; онъ окружилъ себя наемниками, шпіонами, раболѣпными прислужниками и развратниками, и, продлись его владычество, Сиракузы были бы совершенно раззорены. Въ другихъ городахъ Сициліи вожди наемниковъ захватили власть и поступали такъ же, какъ онъ. Ихъ буйныя ватаги, большею частью иноземцы, грозили погибелью греческой цивилизаціи и самой народности. Карѳагеняне выжидали удобнаго случая начать войну и покорить всю Сицилію. Спасеніемъ было то, что у нѣкоторыхъ патріотическихъ гражданъ Сиракузъ явилась мысль обратиться за помощью въ Коринѳъ, чьей колоніею были Сиракузы. Эти патріоты просили коринѳянъ прислать отрядъ войска съ искуснымъ военачальникомъ. Коринѳяне согласились и назначили начальникомъ отправляемаго отряда знатнаго, храбраго, честнаго гражданина, горячаго друга свободы, Тимолеона.

Сиракузанцы просятъ помощи у коринѳянъ 344.

Тимолеонъ.

Выборъ полководца былъ превосходенъ. Тимолеонъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Тимофаномъ, отличился во многихъ походахъ и однажды въ войнѣ съ Аргосомъ спасъ брата отъ смерти съ большой опасностью собственной жизни. Но желанія братьевъ были различны. Тимолеонъ хотѣлъ жить свободнымъ гражданиномъ въ благоустроенномъ свободномъ государствѣ, а Тимофанъ былъ честолюбецъ, стремившійся сдѣлаться тиранномъ. Коринѳяне взяли на службу 400 наемниковъ для безопасности отъ неожиданныхъ нападеній и поручили начальство надъ ними Тимофану. Онъ занялъ акрополь, убилъ или изгналъ вліятельнѣйшихъ гражданъ и сталъ тиранномъ. Тимолеонъ упрашивалъ его отказаться отъ незаконной власти. Тимофанъ смѣялся, называя эти совѣты глупостью. Тимолеонъ взялъ съ собою жреца Орѳагора и Эсхила, близкаго родственника Тимофану по женѣ, и пошелъ въ акрополь сдѣлать послѣднюю попытку, Тимофанъ отвѣчалъ на просьбы угрозами; Орѳагоръ и Эсхилъ выхватили кинжалы. Тимолеонъ закрылъ лицо, они убили тиранна, онъ стоялъ и плакалъ. Коринѳяне приняли извѣстіе о смерти тиранна съ радостью и возстановили прежнія учрежденія. Но многіе порицали Тимолеона, и въ особенности мать его Демариста была такъ возмущена братоубійствомъ, что произнесла материнское проклятіе Тимолеону и никогда послѣ того не согласилась видѣться съ нимъ. Онъ былъ человѣкъ религіозный; проклятіе матери подѣйствовало на него такъ тяжело, что онъ былъ постоянно печаленъ, удалился отъ политическихъ и военныхъ дѣлъ, отъ общества, жилъ въ сельскомъ уединеніи; въ первое время онъ даже хотѣлъ уморить себя голодомъ, и друзья съ трудомъ удержали его отъ этого своими просьбами.

Двадцать лѣтъ провелъ Тимолеонъ въ душевныхъ страданіяхъ,

Тимолеонъ плыветъ въ Сиракузы.

когда сиракузанцы обратились къ коринѳянамъ съ просьбою о помощи. При совѣщаніи народнаго собранія о томъ, кого назначить полководцемъ, неизвѣстный голосъ произнесъ полузабытое имя Тимолеона; народъ почелъ это божественнымъ указаніемъ и послѣдовалъ ему. Тимолеонъ радостно принялъ назначеніе, дававшее ему возможность заглушить свою душевную боль новою дѣятельностью, опять сталъ бодръ и энергиченъ. Онъ пошелъ съ эскадрой, состоявшей только изъ семи тріэръ; коркиряне и левкадяне дали ему еще три; у него было 1000 гоплитовъ, большею частью волонтеровъ. Гикетъ, бывшій тогда тиранномъ въ Леонтинахъ, заключилъ передъ тѣмъ временемъ договоръ съ карѳагенянами о раздѣлѣ сиракузскаго государства и овладѣлъ частью Сиракузъ (Неаполемъ и Ахрадиною). Онъ хотѣлъ не допустить Тимолеона до Сициліи. Флотъ его союзниковъ, карѳагенянъ, вступилъ въ Мессанскій проливъ, чтобы прогнать коринѳскую эскадру. Но Тимолеонъ обманулъ карѳагенянъ, прошелъ благополучно проливъ и высадилъ свое войско у Тавроменія, гдѣ помогъ ему Андромахъ (отецъ историка Тимея). Перевѣсъ силъ на сторонѣ карѳагенянъ былъ громаденъ; Гикетъ и почти всѣ другіе сицилійскіе тиранны находились въ союзѣ съ ними. Нужно было Тимолеону имѣть великую твердость души, чтобы не отчаяться въ успѣхѣ. Но боги помогли храбрымъ. Услышавъ, что Гикетъ занялъ маленькій сикельскій городъ Адранъ, Тимолеонъ пошелъ на него, хотя имѣлъ только 1200 воиновъ, а у Гикета было 5000; неожиданнымъ нападеніемъ онъ разбилъ Гикета и овладѣлъ непріятельскимъ станомъ. Ободренные его побѣдой, нѣкоторые города вступили въ союзъ съ нимъ; присоединился къ нему и Мамеркъ, тираннъ Катанскій. Гикетъ и карѳагеняне стали усиленно нападать на Ортигію (гдѣ оборонялся Діонисій), чтобъ овладѣть ею до прибытія Тимолеона. Увидѣвъ съ высоты цитадели коринѳскую эскадру, Діонисій послалъ сказать Тимолеону, что если ему будетъ обѣщана безопасность и будетъ позволено взять съ собою свое имущество, то онъ сдастъ цитадель коринѳянамъ. Тираннъ съ своими сокровищами и нѣсколькими близкими людьми сѣлъ на тріэру и уплылъ, между тѣмъ, какъ коринѳяне вступали въ цитадель Ортигіи и заняли ея арсеналы. Наемники Діонисія съ радостью поступили на службу къ Тимолеону. Первое извѣстіе о занятіи Ортигіи Тимолеономъ привезъ въ Коринѳъ самъ Діонисій; велико было удивленіе коринѳянъ, когда онъ явился къ нимъ и объявилъ, что пріѣхалъ жить подъ ихъ защитой. Это была послѣдняя блестящая побѣда свободной Греціи надъ тиранніей. Она прославила Коринѳъ. Изъ всей Греціи съѣзжались туда люди, посмотрѣть на низложеннаго тиранна, слухами о которомъ была полна Греція. Коринѳяне послали въ подкрѣпленіе отрядъ, состоявшій изъ 200 гоплитовъ и 200 всадниковъ.

Договоръ съ Діонисіемъ.

Жизнь Діонисія въ Коринѳѣ.

Діонисій въ Коринѳѣ навлекъ на себя всеобщее презрѣніе пошлостью своей жизни. Съ толпою пьяницъ онъ ходилъ по гостинницамъ дурной репутаціи, проводилъ время съ гетерами, училъ пѣвицъ пѣть его стихи. Промотавъ свои богатства, онъ, какъ говорятъ, кормился тѣмъ, что училъ дѣтей, а потомъ просилъ милостыню; „Діонисій въ Коринѳѣ“—это выраженіе вошло въ поговорку, для обозначенія непрочности счастія.

Тимолеонъ освобождаетъ Сиракузы.

Черезъ 50 дней по своемъ пріѣздѣ въ Сицилію, Тимолеонъ уже занималъ цитадель Сиракузъ, — это, конечно, было удивительнымъ счастіемъ, казалось очевиднымъ доказательствомъ помощи боговъ; но еще болѣе изумились коринѳяне, когда вскорѣ послѣ того получили извѣстіе, что Тимолеонъ овладѣлъ и остальными частями Сиракузъ, которыя были заняты сильнымъ карѳагенскимъ войскомъ подъ начальствомъ Магона, многочисленными наемниками Гикета и были охраняемы карѳагенскимъ флотомъ, стоявшимъ въ Большой гавани. Магонъ не довѣрялъ Гикету и его греческимъ наемникамъ; подозрѣніе усилилось послѣ удачной вылазки, сдѣланной Тимолеономъ; притомъ Магонъ видѣлъ, что воины Тимолеона и наемники Гикета дружески разговариваютъ между собою; онъ сталъ думать, что Гикетъ и его наемники готовы измѣнить карѳагенянамъ, внезапно посадилъ свое войско на корабли и уплылъ въ Африку. Гикетъ, оставшись одинъ, нашелъ невозможнымъ удержаться въ Сиракузахъ и ушелъ въ Леонтины. Такимъ образомъ Тимолеонъ овладѣлъ всѣмъ городомъ, не встрѣтивъ сопротивленія; ни одинъ коринѳянинъ не былъ раненъ при этомъ. Греки были правы, приписывая удивительные успѣхи Тимолеона покровительству боговъ, которые спасли его и отъ кинжаловъ убійцъ, подосланныхъ Гикетомъ. Коринѳянинъ Телеклидъ говорилъ Тимолеону при его отъѣздѣ: если твое новое предпріятіе будетъ удачно, тебя будутъ называть уже не убійцей брата, а убійцей тиранна. Это сбылось. Вся Греція прославляла Тимолеона, освободителя Сиракузъ. Онъ оправдалъ данное ему имя освободителя. Ему очень легко было бы сдѣлаться тиранномъ, и нашлись люди, совѣтовавшіе ему удержать въ своихъ рукахъ неограниченную власть. Сиракузанцы, которыхъ онъ освободилъ отъ Діонисія и карѳагенянъ, были бы благодарны ему, удѣли онъ имъ хоть маленькую долю свободы, владычествуя надъ ними. Но у него было болѣе благородства въ душѣ, чѣмъ у Діона. Твердый приверженецъ демократическихъ учрежденій, онъ отвергъ совѣты захватить власть, и чтобы доказать сиракузанцамъ свою искреннюю преданность свободѣ, велѣлъ глашатаямъ объявить: «Кто изъ сиракузанцевъ желаетъ, можетъ идти съ ломомъ въ Ортигію разрушать укрѣпленія цитадели». Граждане, считавшіе разрушеніе цитадели ручательствомъ за избавленіе города отъ тиранніи, радостно пошли ломать цитадель, и скоро превратились въ развалины ея укрѣпленія, дворецъ тиранновъ и великолѣпная гробница Діонисія Старшаго. Тимолеонъ велѣлъ срыть

Разрушеніе цитадели.

все до основанія и на выровненномъ мѣстѣ построить зданія судилищъ, въ знакъ того, что отнынѣ владычествовать въ Сиракузахъ будетъ не произволъ, а законъ. Все это упрочило довѣріе къ нему; множество изгнанниковъ возвратились по его приглашенію на родину, гдѣ свободно и счастливо жили ихъ отцы. Свирѣпости тиранновъ такъ обезлюдили сицилійскіе города, что, по словамъ Плутарха, на площади народныхъ собраній въ Сиракузахъ росла трава, паслись лошади, а въ опустѣвшіе дома другихъ городовъ забѣгали дикіе звѣри.

Возстановленіе демократіи.

Не одни только изгнанники и эмигранты ѣхали на родину: изъ всей Греціи, изъ греческихъ городовъ Южной Италіи переселялись въ Сицилію колонисты; коринѳяне сдѣлались во второй разъ основателями Сиракузъ. Они объявили, что будутъ на своихъ корабляхъ даромъ перевозить желающихъ ѣхать въ Сицилію; это привлекло множество энергическихъ людей. Положеніе падающей Греціи было печально, и греки радостно шли туда, гдѣ надѣялись жить счастливѣе. Продажа земель и домовъ новымъ колонистамъ доставила сиракузскому правительству средства облегчить положеніе обѣднѣвшихъ гражданъ. Въ первое время, по освобожденіи Сиракузъ, правительство терпѣло такой недостатокъ въ деньгахъ, что принуждено было продавать произведенія искусствъ. Великое дѣло освобожденія, совершенное Тимолеономъ, было увѣнчано возстановленіемъ демократическаго правленія и законовъ Діокла съ измѣненіями, соотвѣтствовавшими обстоятельствамъ времени. Народное собраніе снова стало верховною властью; оно избирало воеводъ и другихъ сановниковъ, ему они отдавали отчетъ и, по окончаніи ими службы, оно награждало или наказывало ихъ. Высшимъ сановникомъ былъ верховный жрецъ Зевса Олимпійскаго, избираемый по жребію изъ трехъ фамилій. Выборы были годичные, и годъ обозначался именемъ этого жреца. Кромѣ своихъ богослужебныхъ обязанностей, онъ, вѣроятно, имѣлъ право нравственнаго контроля надъ образомъ жизни гражданъ, и авторитетъ его былъ консервативнымъ элементомъ государственнаго устройства, сдерживавшимъ непостоянство мыслей народа.

Побѣда Тимолеона надъ карѳагенянами у Кримиса. 340.

Освободивъ Сиракузы и возстановивъ свободныя учрежденія въ нихъ, Тимолеонъ принудилъ Гикета Леонтинскаго и другихъ тиранновъ отказаться отъ власти и возстановилъ подавленную ими свободу городовъ. Сицилійскіе греки одушевились патріотизмомъ и мужествомъ, стали нападать на карѳагенянъ, освободили отъ ихъ власти Энтеллу. Могущество карѳагенянъ колебалось въ Сициліи; карѳагенское правительство рѣшилось возстановить его, снова пославъ сильное войско на этотъ островъ. Магонъ, при своемъ возвращеніи въ Карѳагенъ, былъ встрѣченъ съ такимъ негодованіемъ, что убилъ себя, чтобъ избѣжать распятія на крестѣ; это постыдное наказаніе было исполнено надъ его тѣломъ. Газдрубалъ и Гамилькаръ поплыли въ Сицилію съ войскомъ, состоявшимъ изъ 70.000 человѣкъ, въ числѣ которыхъ находилось 10.000 карѳагенскихъ гражданъ въ великолѣпномъ вооруженіи. Войско высадилось на западномъ берегу Си-

циліи. Тимолеонъ встрѣтилъ его у горной рѣчки Кримиса, впадающей въ море неподалеку отъ Селинунта. Число греческихъ воиновъ было въ шесть разъ меньше числа карѳагенянъ, и они смутились, увидѣвъ непріятельскія полчища, подвигавшіяся къ рѣкѣ; Трасій, одинъ изъ людей, начальствовавшихъ фокейскими наемниками, грабителями Дельфійскаго храма (II, 916), сталъ такъ рѣзко выражать свои опасенія, что Тимолеонъ велѣлъ ему и его отряду вернуться въ Сиракузы. Остальному войску онъ сталъ напоминать, что много разъ греки побѣждали изнѣженныхъ карѳагенянъ, и оно воодушевилось отвагой. Взявъ щитъ и обнаживъ мечъ, онъ сталъ впереди войска, повелъ его на карѳагенянъ, переходившихъ рѣку и бросился на нихъ, когда они еще не успѣли привести въ порядокъ свои разстроенные переправой ряды. Карѳагенскіе граждане мужественно сопротивлялись; но и на этотъ разъ боги послали помощь Тимолеону: во время сраженія разразилась ужасная гроза, бурный вѣтеръ несъ въ лицо карѳагенянамъ пыль, градъ, дождь и чрезвычайно затруднялъ имъ оборону, а греки мало страдали отъ грозы и вѣтра, бывшаго въ тылу у нихъ. Скоро все карѳагенское войско обратилось въ бѣгство, бѣжалъ и священный отрядъ. Успѣвавшіе спастись отъ оружія грековъ, тонули въ разлившейся рѣкѣ, уцѣлѣли только тѣ, кто попалъ въ плѣнъ грекамъ.

Добыча.

Въ непріятельскомъ станѣ греки взяли несмѣтную добычу: множество коней, военныхъ колесницъ, золотыхъ и серебряныхъ чашъ, другихъ драгоцѣнныхъ вещей и богато украшеннаго оружія. Тимолеонъ предоставилъ своимъ воинамъ эту добычу и роздалъ имъ бо̀льшую часть плѣнныхъ; 1000 латъ искусной работы и 10000 щитовъ образовали трофей, поставленный войскомъ у шатра Тимолеона. Прекраснѣйшіе изъ нихъ Тимолеонъ послалъ въ Коринѳъ; 5000 плѣнныхъ были проданы въ пользу государственной казны.

Отчаяніе карѳагенянъ.

Пораженіе у Кримиса было тяжелымъ ударомъ для карѳагенянъ. Убитыхъ наемниковъ легко было замѣнить новыми, но было убито множество знатныхъ гражданъ; вліятельнѣйшія карѳагенскія фамиліи потеряли своихъ родныхъ. Карѳагеняне до такой степени упали духомъ, что не сдѣлали никакой попытки продолжать войну. Напрасно просили ихъ помощи Гикетъ Леонтинскій, Мамеркъ Катанскій и другіе тиранны. Карѳагеняне предоставили ихъ на волю судьбы.

Низверженіе тиранновъ.

Гикетъ, побѣжденный Тимолеономъ на рѣкѣ Дамиріѣ, былъ выданъ ему собственными своими воинами и, какъ измѣнникъ, казненъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Эвполемомъ и своимъ полководцемъ Эвтимомъ, атлетомъ исполинской силы. Сиракузянцы убили его жену и дочь въ отмщеніе за семейство Діона. Тимолеонъ не помѣшалъ этому низкому дѣлу толпы. Скоро погибъ и Мамеркъ. Побѣжденный и взятый въ плѣнъ, онъ былъ приведенъ въ Сиракузы и казненъ, какъ разбойникъ. Гиппонъ, тираннъ мессанскій, былъ убитъ своими согражданами въ театрѣ.

Миръ съ карѳагенянами 339.

Освободивъ остальные греческіе города, находившіеся въ порабощеніи у тиранновъ и наемниковъ, Тимолеонъ заключилъ съ карѳагенянами миръ, по которому западная часть острова до рѣки Лика (или Галика) осталась за ними, съ условіемъ, что они дозволятъ переселиться оттуда въ Сиракузы тѣмъ грекамъ, которые пожелаютъ этого, и что не будутъ поддерживать никакихъ тиранновъ въ остальной части Сициліи. Заключеніемъ мира съ карѳагенянами кончилась военная дѣятельность Тимолеона, началась для сицилійскихъ грековъ новая эпоха счастія. Надобно было упрочить законами свободу, пріобрѣтенную мечомъ. Чтобы ничѣмъ не стѣснять граждан въ дѣлѣ установленія свободныхъ учрежденій, Тимолеонъ сложилъ съ себя власть полководца; это былъ подвигъ болѣе великій, чѣмъ побѣда у Кримиса. Онъ прожилъ три года простымъ гражданиномъ, въ подаренномъ ему сиракузанцами прекрасномъ помѣстьи, куда онъ вызвалъ изъ Коринѳа свою семью; благодарные сограждане высоко уважали его за гражданскую доблесть, вѣрность честнымъ убѣжденіямъ и скромную семейную жизнь.

Тимолеонъ слагаетъ съ себя власть.

Новая эпоха цвѣтущаго состоянія Сициліи.

Благородный примѣръ честности и патріотизма, поданный Тимолеономъ, возбуждалъ къ подражанію, и освободитель Сиракузъ, хотя прожилъ недолго, но уже видѣлъ возрожденіе благосостоянія греческихъ городовъ Сициліи подъ вліяніемъ возродившейся свободы. Изъ Греціи, побѣжденной въ эти годы Филиппомъ македонскимъ, пріѣхало множество переселенцевъ въ Сицилію; ѣхали переселенцы въ эту единственную свободную и мирную греческую страну и изъ греческихъ городовъ Южной Италіи, порабощаемыхъ буйными варварами луканцами. Скоро Сиракузы снова стали очень многолюднымъ и богатымъ городомъ; въ Акрагантѣ, Гелѣ, Камаринѣ поселились греческіе колонисты, возстановили жилища, стали снова воздѣлывать поля и сады. Подъ покровительствомъ благоустройства и свободы трудъ на благословенномъ островѣ сталъ давать щедрое вознагражденіе; развились земледѣліе, торговля и промышленность; возродились счастіе и любовь къ искусству; возникли храмы, жертвенники, статуи, колоннады и другія зданія, свидѣтельствовавшія о возрожденіи благосостоянія, благочестія, изящнаго вкуса.

Смерть Тимолеона 336.

При установленіи государственныхъ учрежденій, сиракузанцы постоянно спрашивали совѣтовъ Тимолеона и слѣдовали имъ. Когда старикъ, въ послѣдніе годы жизни уже слѣпой, пріѣзжалъ на колесницѣ въ народное собраніе высказать свое мнѣніе о государственныхъ дѣлахъ, его встрѣчали выраженіями благодарности и радости. Когда онъ умеръ, всѣ сиракузанцы были опечалены, и великолѣпные похороны его показывали уваженіе сиракузскаго народа къ благородному благодѣтелю, свободному отъ всякаго тщеславія, считавшему себя только орудіемъ боговъ и приносившему въ домашнемъ маленькомъ храмѣ жертвы «божественному духу» и «внушенію» этого духа (automatia), помощи котораго онъ былъ обязанъ успѣхомъ своихъ

предпріятій, какъ онъ говорилъ. На площади народныхъ собраній былъ воздвигнутъ великолѣпный памятникъ ему, напоминавшій своимъ именемъ (Timoleonteion) потомству о великомъ гражданинѣ освободителѣ. Подлѣ этого памятника были построены колоннада и гимнастическая школа.—Свои важнѣйшія побѣды Тимолеонъ одерживалъ въ день своего рожденія; это обстоятельство укрѣпляло его вѣру въ покровительство боговъ ему.

Похороны Тимолеона.

Когда гробъ былъ поставленъ на костеръ (говоритъ Плутархъ въ концѣ біографіи Тимолеона) глашатай Димитрій, имѣвшій громкій голосъ, возвѣстилъ: «Сиракузскій народъ погребаетъ коринѳянина Тимолеона, сына Тимодемова, на общественный счетъ, расходуя на то 200 минъ (т. е. болѣе 5000 руб.) и будетъ чтить его память во вѣки состязаніями въ пѣніи, въ скачкѣ верхомъ и въ бѣгѣ колесницъ и гимнастическими играми; потому что онъ прогналъ тиранновъ, побѣдилъ варваровъ, возстановилъ разрушенные города и возвратилъ сицилійскимъ грекамъ свободу и законный порядокъ».

5. Времена Агаѳокла.

Новая борьба партій.

Единодушіе, возстановленное въ освобожденныхъ Сиракузахъ патріотизмомъ Тимолеона, держалось не долго. Люди, соединившіеся для борьбы противъ общихъ бѣдствій, имѣли очень рѣзкую разницу между собою по происхожденію, степени просвѣщенія и образу жизни, потому прочное примиреніе не могло скоро установиться между ними. Возобновилась борьба между аристократическою или олигархическою партіею, состоявшею изъ старыхъ гражданъ, богатыхъ людей, землевладѣльцевъ, и демократами, поддерживаемыми массою новыхъ гражданъ, бѣдняковъ, не имѣвшихъ земельной собственности. Политическіе клубы (гетеріи) разгорячали страсти, вырабатывали программы своихъ партій, руководили ихъ дѣйствіями; изъ этого необходимо должны были возникнуть междоусобія. Вскорѣ по смерти Тимолеона, аристократическая партія овладѣла правленіемъ въ Сиракузахъ и поставила гражданскія права въ зависимость отъ происхожденія и имущественнаго ценза. Это дало возможность появиться новымъ тираннамъ; а толпы наемниковъ, необходимыхъ сиракузанцамъ для войны съ карѳагенянами и туземцами южной Италіи, готовы были служить каждому предпріимчивому военачальнику, желавшему силою захватить владычество надъ гражданами, чуждавшимися военнаго дѣла, привыкшими жить въ удобной обстановкѣ и предаваться чувственнымъ наслажденіямъ.

Агаѳоклъ пріобрѣтаетъ вліяніе.

Однимъ изъ колонистовъ, поселившихся по приглашенію Тимолеона въ освобожденныхъ Сиракузахъ, былъ уроженецъ Регія, жившій нѣсколько лѣтъ въ подвластномъ карѳагенянамъ городѣ Термахъ, человѣкъ бѣдный. Сынъ его Агаѳоклъ, красивый и сильный юноша, занимался ремесломъ горшечника, но пріобрѣлъ расположеніе богатаго сиракузскаго гражданина Дамаса, сопровождалъ его въ походѣ

на Акрагантъ, выказалъ тутъ умъ и храбрость и былъ сдѣланъ начальникомъ небольшаго отряда. Вскорѣ послѣ того Дамасъ умеръ, Агаѳоклъ женился на его вдовѣ, пріобрѣлъ женитьбою большое состояніе и родственныя связи въ кругу аристократовъ; честолюбивый и энергическій, онъ сталъ пріобрѣтать вліяніе, навлекъ на себя подозрѣніе главныхъ людей олигархической партіи, Сосистрата и Гераклида, державшихъ при помощи наемниковъ массу народа въ повиновеніи себѣ, хотѣлъ низвергнуть ихъ, потерпѣлъ неудачу, бѣжалъ съ своими приверженцами изъ Сиракузъ; его осудили на смерть, какъ мятежника, послали вооруженныхъ людей отъискать и убить его. Онъ съ своими товарищами уѣхалъ въ южную Италію, сталъ тамъ вождемъ наемниковъ, пріобрѣлъ на службѣ Кротону и Таренту репутацію искуснаго полководца. Между тѣмъ олигархія въ Сиракузахъ была низвергнута, вожди ея были изгнаны. Агаѳоклъ вернулся въ родной городъ, сталъ интриговать, терпѣлъ неудачи въ своихъ замыслахъ, но успѣлъ заслужить довѣріе демократовъ; ловко воспользовавшись раздорами партій, которыя дробились на разные враждебные между собою отдѣлы, и, давъ клятву не предпринимать ничего во вредъ правамъ народа, онъ былъ назначенъ «военачальникомъ и охранителемъ спокойствія» до возстановленія согласія между гражданами. Онъ принялъ на службу къ себѣ множество безсовѣстныхъ, отчаянныхъ людей, скитавшихся безпріютными, освободилъ преступниковъ, содержавшихся на работѣ въ каменоломняхъ, и тоже принялъ ихъ на службу, набралъ воиновъ изъ другихъ наглыхъ бѣдняковъ. Кончивъ эти приготовленія къ задуманному дѣлу, онъ созвалъ наиболѣе богатыхъ и вліятельныхъ гражданъ на совѣщаніе о государственныхъ дѣлахъ; по данному имъ знаку, его разбойническіе отряды бросились на нихъ и умертвили ихъ всѣхъ,—потомъ пошли убивать членовъ аристократическаго клуба Шестисотъ, и убили всѣхъ, не успѣвшихъ спастись бѣгствомъ.

Агаѳоклъ становится тираномъ 317.

Убійства.

Два дня и двѣ ночи длились въ несчастномъ городѣ неистовыя свирѣпости. Разбойники Агаѳокла врывались въ дома богатыхъ гражданъ, убивали мужчинъ, насиловали дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ, грабили. Было убито до 4000 приверженцевъ прежняго правительства, ихъ родственниковъ и всякихъ другихъ богатыхъ людей, чье имущество привлекало разбойниковъ; бѣжавшіе въ храмы были выводимы оттуда и убиваемы По окончаніи убійствъ было изгнано тоже до 4000 гражданъ; ихъ имущество было подѣлено между Агаѳокломъ и его шайкой. „Такія злодѣйства", говоритъ Діодоръ, „совершили въ мирное время, въ родномъ городѣ, греки надъ греками, родные надъ родными, глухіе къ голосу природы, религіи, презирая совѣсть и боговъ".

Послѣ этого кровопролитія Агаѳоклъ сталъ владыкою Сиракузъ. Онъ былъ такъ увѣренъ въ повиновеніи безсильной или же участвовавшей въ его злодѣйствѣ массы, что осмѣлился разъиграть роль бла-

Народное собраніе предоставляетъ Агаѳоклу неограниченную власть.

городнаго друга народа, прикрыть свое властолюбіе маскою демократическихъ намѣреній и скромности. Онъ объявилъ въ собраніи гражданъ, что, освободивъ ихъ отъ враговъ и предателей, онъ возвращаетъ имъ верховную власть, желаетъ сложить съ себя бремя управленія, сойдти въ ряды простыхъ гражданъ, и проситъ собраніе передать власть военачальника кому-нибудь другому. Онъ не ошибался въ расчетѣ. Едва онъ кончилъ рѣчь, всѣ, обогатившіеся убійствомъ и грабежомъ, закричали, что онъ долженъ не покидать ихъ, принять на себя управленіе государствомъ. Онъ долго отказывался; его упрашивали; наконецъ собраніе провозгласило его военачальникомъ и правителемъ съ неограниченною властью; онъ покорился всеобщему желанію народа.

Политика Агаѳокла и образъ жизни его

Первымъ дѣломъ его по захватѣ владычества было облегчить положеніе бѣдныхъ гражданъ: онъ роздалъ имъ конфискованныя земли, уничтожилъ долговыя обязательства, сдѣлалъ другія распоряженія, полезныя для бѣдняковъ. Онъ отличался отъ прежнихъ тиранновъ простотою образа жизни и нѣкоторыми хорошими качествами. Чуждый корыстолюбія, онъ употреблялъ государственные доходы не на свое обогащеніе, а на усиленіе флота и войска, на пріобрѣтеніе запасовъ оружія, привелъ въ порядокъ финансы. Онъ сохранилъ свои простонародныя привычки, жилъ скромно, не окружалъ себя царскимъ дворомъ, не держалъ тѣлохранителей, и всѣ желающіе имѣли свободный доступъ къ нему. Говорятъ, что на обѣдѣ у него подлѣ золотой и серебряной посуды всегда стояла глиняная, въ напоминаніе о томъ, что онъ былъ горшечникомъ. Его простонародная шутливость нравилась массѣ, и онъ забавлялъ своихъ собесѣдниковъ мимическимъ искусствомъ, съ какимъ умѣлъ передразнивать людей.

Война съ Акрагантомъ и съ изгнанниками.

Изгнанные или бѣжавшіе сиракузскіе аристократы были ожесточенными врагами Агаѳокла; они соединились съ аристократами Гелы и Мессаны, поселившимися въ Акрагантѣ, и при тайной помощи карѳагенянъ дѣлали изъ Акраганта набѣги на сиракузскія владѣнія. Но между ними были раздоры, вредившіе успѣху ихъ дѣйствій. Они призвали спартанскаго царя Акромата съ отрядомъ наемниковъ. Онъ опозорилъ имя Спарты своею алчностью и развратомъ; предательски убилъ за обѣдомъ важнѣйшаго изъ изгнанниковъ, Сосистрата; навлекъ на себя такую ненависть войска, что оно хотѣло побить его камнями, и онъ едва спасся, бѣжавъ ночью. Союзники сиракузскихъ изгнанниковъ потеряли надежду побѣдить тиранна, искуснаго полководца; они прекратили войну, заключили при посредничествѣ Гамилькара миръ, по которому Селинунтъ, Гераклея и Гимера возвратились подъ владычество карѳагенянъ, а другіе греческіе города Сициліи подчинились гегемоніи Сиракузъ. 314.

Война Агаѳокла съ карѳагенянами. 312—306.

Карѳагенское правительство было очень недовольно этимъ миромъ, сдѣлало Гамилькару выговоръ за то, что онъ не умѣлъ воспользоваться благопріятными обстоятельствами, и стало готовиться къ воз-

обновленію войны, надѣясь покорить враждующихъ между собою сицилійскихъ грековъ. Сиракузскіе изгнанники продолжали, подъ предводительствомъ Динократа, войну съ Агаѳокломъ. Это благопріятствовало намѣренію карѳагенянъ. Сильный флотъ перевезъ ихъ разноплеменное войско въ Сицилію. У Агаѳокла, кромѣ сиракузскихъ гражданъ, было 10.000 наемниковъ; онъ имѣлъ болѣе 3,000 человѣкъ конницы. Но врагъ далеко превосходилъ его силами. При всемъ своемъ искусствѣ, онъ былъ разбитъ въ сраженіи у Гимеры

310. (или у Экнома); и принужденъ поспѣшно отступить въ Сиракузы; карѳагеняне покорили принадлежавшие ему города Гелу, Камарину, Леонтины, Тавроменій и осадили Сиракузы съ моря и суши. Каза-

Осада Сиракузъ.

лось, что приближается часъ наказанія злодѣю, который когда покорялъ Гелу и другіе города, совершалъ въ нихъ такія же свирѣпости, какими установилъ свое владычество надъ Сиракузами. Покинутый греческими союзниками, ненавидимый всѣми друзьями свободы, закона и порядка, онъ, казалось, долженъ былъ погибнуть: въ Сиракузахъ уже начинался голодъ. Но Агаѳоклъ задумалъ дѣло, безпримѣрное по отчаянной отвагѣ. Съ безжалостностью греческаго тиранна, онъ подготовилъ экспедицію, о цѣли которой никому не говорилъ. Онъ хотѣлъ напасть на карѳагенянъ въ ихъ собственной странѣ, межъ тѣмъ какъ ихъ военныя силы заняты осадою Сиракузъ. Мы приведемъ разсказъ Діодора о томъ, какъ снарядилъ онъ шестьдесятъ кораблей, съ которыми неожиданно ушелъ изъ Сиракузской гавани для нападенія на Карѳагенъ, остававшійся безъ войскъ.

Грабительство, коварство и жестокость Агаѳокла.

Агаѳоклъ назначилъ своего брата, Антандра, главнокомандующимъ въ Сиракузахъ, оставилъ ему часть войска, а для своей экспедиціи отобралъ самыхъ лучшихъ воиновъ, раздѣлилъ ихъ на отряды, велѣлъ имъ взять оружіе, всадникамъ велѣлъ взять также сѣдла и узды, чтобъ они могли сѣсть на коней, когда захватятъ табуны (онъ не бралъ съ собою лошадей). А чтобы сиракузанцы не возстали противъ него по его отъѣздѣ, онъ раздѣлилъ воиновъ, родственныхъ между собою, братьевъ отъ братьевъ, отцовъ отъ сыновей: однихъ оставилъ въ Сиракузахъ, другихъ взялъ съ собою. Чтобы восполнить недостатокъ въ деньгахъ, онъ отнялъ деньги сиротъ у ихъ опекуновъ, говоря, что лучше опекуновъ съумѣетъ пустить эти деньги въ выгодный оборотъ и возвратитъ сиротамъ съ прибылью, когда они достигнутъ совершеннолѣтія; сдѣлалъ займы у купцовъ, взялъ драгоцѣнныя вещи изъ храмовъ, отнялъ у женщинъ дорогіе уборы. Замѣтивъ, что богатые люди негодуютъ на эти насилія, онъ въ народномъ собраніи сказалъ, что очень жалѣетъ о бѣдствіяхъ предстоящей осады и посовѣтовалъ удалиться изъ города всѣмъ, не желающимъ переносить эти страданія, позволилъ имъ взять съ собою все имущество. Богатые и враждебные ему граждане пошли изъ города; онъ отправилъ своихъ наемниковъ въ погоню за ними и велѣлъ умертвить всѣхъ ихъ. — Онъ освободилъ и взялъ въ службу рабовъ, способныхъ сражаться.

Кончивъ приготовленія, Агаѳоклъ выждалъ время, когда карѳа-

Агаѳоклъ выходитъ на берегъ Африки. 310.

генскія тріэры ушли изъ гавани ловить суда, везшія хлѣбъ осажденному городу, и поспѣшно отплылъ. Враги не догадывались о его намѣреніи, стали готовиться къ сраженію; потому корабли Агаѳокла успѣли уйдти нѣсколько впередъ отъ нихъ; усиленно дѣйствуя веслами, греки совсѣмъ ушли отъ погнавшихся за ними карѳагенянъ и черезъ семь дней пристали къ африканскому берегу въ мѣстности, гдѣ были каменоломни, близъ города Аспида (иначе, Клупеи). Войско вышло на берегъ въ виду непріятеля, вытащило корабли на землю; устроивъ на холмѣ укрѣпленный станъ, остатки котораго долго были замѣтны, Агаѳоклъ увѣнчалъ свое рискованное дѣло поступкомъ, полнымъ отчаянной отваги.

Онъ сжигаетъ свои корабли.

Однажды утромъ онъ явился передъ войскомъ въ жреческомъ облаченіи, объявилъ изумленнымъ воинамъ, что далъ обѣтъ принести корабли въ жертву богинямъ - покровительницамъ Сиракузъ, Деметрѣ и Корѣ, взялъ изъ руки служителя факелъ и зажегъ свой корабль, велѣвъ другимъ слѣдовать его примѣру. Запылало пламя; трубачи заиграли боевой гимнъ и воины подняли радостный крикъ, давая богинямъ обѣты новыхъ жертвъ при возвращеніи на родину. Мостъ, соединявшій войско съ Сициліею, былъ теперь уничтоженъ; единственнымъ спасеніемъ была побѣда. Но энтузіазмъ, съ какимъ воины смотрѣли на сожженіе кораблей, смѣнился уныніемъ при раздумьѣ объ опасностяхъ, которыя ожидаютъ ихъ въ неизвѣстной странѣ. Трудно было надѣяться, что 15.000 разноплеменныхъ наемниковъ, — грековъ, кельтовъ, италійцевъ — не имѣющихъ никакого общаго интереса, соединенныхъ въ одно войско только жаждою жалованья и добычи и страстью къ буйной жизни, одолѣютъ могущественное карѳагенское государство.

Побѣдоносный походъ.

Чтобъ отвлечь воиновъ отъ унылыхъ мыслей, оживить ихъ надежды, Агаѳоклъ, не теряя времени, повелъ ихъ въ богатую бизакійскую область (I, 522). Въ нихъ возродилось мужество, когда они увидѣли эту плодородную, прекрасно воздѣланную землю: — ея сады, виноградники, роскошные сельскіе дома землевладѣльцевъ, богатыя села, стада рогатаго скота, овецъ, табуны лошадей разожгли въ нихъ жажду побѣдъ, обѣщавшихъ богатую добычу. Пользуясь воодушевленіемъ воиновъ, Агаѳоклъ быстро напалъ на ближайшій карѳагенскій городъ, — взялъ его приступомъ и отдалъ на разграбленіе войску, потомъ — разрушилъ до основанія; той же судьбѣ подвергся слѣдующій городъ, называвшійся Бѣлымъ Тунесомъ. Карѳагеняне послали на врага 40.000-ное войско, состоявшее большею частью изъ карѳагенскихъ гражданъ и очень хорошее. Начальниками его были назначены Ганнонъ и Бомилькаръ, люди враждебные одинъ другому: ихъ семейства издавна принадлежали къ противоположнымъ партіямъ. Карѳагенское правительство опасалось, что если сдѣлать главнокомандующимъ одного изъ нихъ, онъ захватитъ владычество надъ государствомъ; потому и назначило начальниками ихъ обоихъ, чтобъ они наблюдали другъ

за другомъ. Оно надѣялось такимъ образомъ отразить внѣшняго врага, не подвергаясь опасности отъ честолюбія своихъ полководцевъ. Но ходъ войны показалъ, что хитрый разсчетъ былъ дуренъ. Когда войска вступили въ бой, карѳагенскіе начальники мѣшали одинъ другому, и сраженіе было проиграно. Ганнонъ, командовшій той частью войска, въ которой находился священный отрядъ, былъ убитъ; Бомилькаръ повелъ свою часть войска назадъ, думая не о побѣдѣ надъ врагомъ отечества, а лишь о томъ, чтобы захватить власть надъ государствомъ. Карѳагенъ былъ въ величайшей опасности: главнокомандующій задумалъ низвергнуть правительство, а побѣдоносный врагъ возбуждалъ порабощенныхъ туземцевъ къ возстанію и шелъ впередъ; одни города онъ бралъ приступомъ, другіе сдавались ему; до 200 городовъ подпали подъ его власть, въ томъ числѣ Адруметъ, Тунесъ, Тапсъ, Неаполь; онъ подступалъ къ Карѳагену.— Сенатъ замѣчалъ намѣренія Бомилькара; но по затруднительности обстоятельствъ не могъ наказать его, потому благоразумно заботился отвратить опасность его мятежа назначеніемъ другихъ военачальниковъ и призывомъ войскъ изъ Сициліи.

Опасное положеніе Карѳагена.

Чтобы внушить мужество народу, сенатъ возбудилъ фанатизмъ. Правительство объявило, что бѣдствія ниспосланы на государство гнѣвомъ боговъ, оскорбленныхъ тѣмъ, что не были приносимы должныя жертвы имъ; принесли въ жертву Молоху 200 мальчиковъ изъ числа дѣтей знатнѣйшихъ семействъ (I, 544) и послали въ Тиръ, въ храмъ Мелькарта, дары, которыхъ давно не посылали: золотыя изображенія боговъ и другія дорогія приношенія (I, 540).

Пораженіе карѳагенскаго войска подъ Сиракузами.

Но бѣдствія карѳагенянъ не прекратились. Ночное нападеніе на Сиракузы, предпринятое Гамилькаромъ, кончилось тяжелымъ пораженіемъ; сиракузанцы, бросившись съ Эвріала на карѳагенянъ, нанесли имъ громадный уронъ, и самъ Гамилькаръ былъ взятъ въ плѣнъ: Такъ исполнилось предсказаніе жреца, что онъ завтра будетъ обѣдать въ Сиракузахъ. Раздраженные сиракузанцы мучили Гамилькара, ругались надъ нимъ и послали его отрубленную голову Агаѳоклу, какъ трофей своей побѣды. Разбитое войско разстроилось, отступило, и Сиракузы освободились отъ осады.

Вскорѣ Агаѳоклъ одержалъ въ Нумидійскихъ горахъ вторую побѣду надъ карѳагенскимъ войскомъ, далеко превосходившимъ его численностью. Тысяча человѣкъ грековъ, служившихъ въ карѳагенскомъ войскѣ, заняли послѣ битвы крѣпость; Агаѳоклъ обѣщалъ имъ пощаду; они, повѣривъ, сдались; Агаѳоклъ велѣлъ убить ихъ.

Положеніе Агаѳокла. 308.

Вся Карѳагенская область была теперь во власти Агаѳокла. Оставалось только взять самый Карѳагенъ. Но Агаѳоклъ не отваживался напасть на него, потому что малѣйшая неудача могла произвести

мятежъ въ войскѣ тиранна. Конница его уже поднимала мятежъ противъ его сына Архагата, начальствующаго ею, и только самъ онъ своею находчивостью и смѣлостью усмирилъ бунтъ. Войско повиновалось ему лишь пока онъ одерживалъ побѣды, и готово было разсѣяться, или передаться карѳагенянамъ при неудачномъ оборотѣ войны. Потому онъ хотѣлъ пріобрѣсти себѣ воиновъ, болѣе надежныхъ, и придумалъ для этого планъ, который могъ быть изобрѣтенъ и исполненъ только такимъ хитрымъ и отважнымъ злодѣемъ, какъ онъ. Полководецъ Птолемея Офеллъ, назначенный правителемъ Кирены, отложился отъ Египта (стр. 276). Гордясь тѣмъ, что его жена, Эвридика, происходитъ отъ побѣдителя при Мараѳонѣ, Мильтіада, онъ, человѣкъ болѣе храбрый и честолюбивый, чѣмъ благоразумный, желалъ расширить свои владѣнія. Ему хотѣлось пріобрѣсти такое могущество, чтобы можно было, по примѣру другихъ полководцевъ Александра, принять титулъ царя. Агаѳоклъ отправилъ къ нему хитраго сиракузанца Орѳона и обольстилъ его надеждою на завоеваніе Карѳагена.

Агаѳоклъ приглашаетъ Офелла Киренскаго соединиться съ нимъ.

Агаѳоклъ передалъ черезъ Орѳона Офеллу, что если онъ приведетъ свое войско къ нему, то Карѳагенъ не устоитъ противъ ихъ соединенныхъ силъ, Агаѳоклъ оставитъ въ его власти и этотъ огромный, богатый городъ, и всю карѳагенскую область. Агаѳоклъ говорилъ, что предпринялъ походъ въ Африку лишь для обороны Сиракузъ отъ нападенія карѳагенянъ, и не хочетъ пріобрѣтать владѣній въ Африкѣ; для него довольно Сициліи, а если ему захочется увеличить свои владѣнія, то удобнѣе для него сдѣлать завоеванія въ Южной Италіи.

Офеллъ идетъ въ карѳагенскую область.

Офеллъ слѣпо попался въ разставленную ему сѣть. Въ тѣ времена изумительныхъ удачъ авантюристовъ казалось возможнымъ все. Не обдумавъ положенія дѣлъ, не собравъ свѣдѣній о пути, которымъ поведетъ войско, не потребовавъ отъ Агаѳокла никакого залога вѣрности союзу, Офеллъ пошелъ на западъ съ хорошимъ войскомъ, состоявшимъ изъ 10.000 человѣкъ пѣхоты, 600 всадниковъ и 100 военныхъ колесницъ, при которыхъ было болѣе 300 человѣкъ, умѣвшихъ управлять ими въ битвѣ. Слухи о богатствахъ Ливіи привлекли къ участію въ походѣ много волонтеровъ изъ Аѳинъ и другихъ греческихъ городовъ. За войскомъ слѣдовали громадныя толпы народа, въ томъ числѣ множество семейныхъ людей съ женами, дѣтьми, всѣмъ имуществомъ, такъ что походъ казался не столько военнымъ, сколько переселенческимъ движеніемъ. Всѣ мечтали о карѳагенской добычѣ, объ участкахъ земли, самой плодородной въ цѣломъ свѣтѣ. Но радужныя надежды скоро разсѣялись. Путь черезъ пустыню Большой Сирты, длившійся два мѣсяца, былъ труденъ, исполненъ лишеній и опасностей. Жажда, голодъ, изнуреніе въ безводной, знойной, песчаной равнинѣ, ядовитыя змѣи, хищные звѣри отняли у

Офеллъ коварно убитъ. 307.

многихъ жизнь или здоровье. Наконецъ войско пришло въ кареагенскую область; Агаѳоклъ принялъ его любезно. Но черезъ нѣсколько дней, когда значительная часть киренскихъ воиновъ ушла собирать съѣстные припасы, онъ напалъ на станъ Офелла подъ тѣмъ предлогомъ, будто узналъ, что его союзникъ злоумышляетъ противъ него. Офеллъ и преданные ему люди стали обороняться и были убиты, остальные воины обезоружены, и, льстивыми обѣщаніями, угрозами, убѣждены поступить на службу Агаѳокла. Наемникамъ было все равно, кому служить, лишь бы получать жалованье и добычу. Людей, неспособныхъ сражаться, Агаѳоклъ отправилъ на транспортныхъ судахъ въ Сицилію; но лишь немногіе доплыли туда; большинство было утоплено бурями. Удача коварства внушила Агаѳоклу такія высокія надежды, что по примѣру полководцевъ Александра (стран. 283), онъ принялъ титулъ царя; онъ былъ увѣренъ, что скоро овладѣетъ сѣверной Африкой.

Бомилькаръ.

Знай Агаѳоклъ о намѣреніи Бомилькара захватить владычество надъ Кареагеномъ, онъ вѣроятно вошелъ бы въ соглашеніе съ нимъ, и дѣйствуя за одно, они достигли бы своихъ цѣлей. Но, къ счастію для Кареагена, замыселъ Бомилькара оставался неизвѣстенъ Агаѳоклу, и благоразумный, твердый сенатъ кареагенскій одолѣлъ ихъ обоихъ. Около того времени, какъ убитъ былъ Офеллъ, Бомилькаръ съ своими приверженцами и отрядомъ наемниковъ напалъ на Кареагенъ, былъ побѣжденъ и поплатился за свое преступленіе позорною смертью на крестѣ. Вскорѣ послѣ того и Агаѳоклъ утратилъ свои завоеванія; злодѣйства его остались безполезны для него. Но много тысячъ виновныхъ и невинныхъ людей погибло черезъ него и Бомилькара.

Агаѳоклъ въ Утикѣ и въ Сиракузахъ.

Счастье долго благопріятствовало отважному тирану. Утика оборонялась противъ него. Онъ привязалъ къ осаднымъ машинамъ 300 человѣкъ гражданъ ея, захваченныхъ имъ въ плѣнъ, и сталъ подвигать машины къ стѣнамъ; осажденные должны были прекратить оборону, или поражать согражданъ своими стрѣлами. Взявъ городъ, онъ залилъ улицы и дома кровью, не пощадивъ и бѣжавшихъ въ храмы. Потомъ съ 2.000 воиновъ онъ сѣлъ на мелкія суда, какія нашлись, и уплылъ въ Сицилію, чтобы поддержать свое колебавшееся владычество надъ Сиракузами. Счастье все еще оставалось вѣрно ему. Онъ разбилъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ изгнанниковъ, которымъ помогали Акрагантъ и нѣкоторые другіе города, свергнувшіе его иго. А своихъ противниковъ въ Сиракузахъ онъ предательски убилъ.

Побѣдивъ своихъ враговъ на сушѣ и на морѣ, говоритъ Діодоръ (XX, 63), Агаѳоклъ принесъ жертвы богамъ и сталъ давать роскошные пиры друзьямъ своимъ. На этихъ попойкахъ онъ держалъ себя совершенно за-просто, дозволялъ всѣмъ говорить съ полною свободой даже и о немъ самомъ; онъ вывѣдывалъ этимъ способомъ мысли пирующихъ. Отъ природы онъ былъ шутникъ, умѣлъ ловко передразнивать людей; даже когда говорилъ въ народномъ собраніи, онъ подсмѣивался надъ другими, бывшими тутъ, подражалъ ихъ голосу и жестамъ, такъ что народъ часто хохоталъ, будто видѣлъ передъ собою комедіанта. И когда на пиру вино дѣлало людей откровенными, онъ узнавалъ, кто не расположенъ къ его владычеству. Этихъ людей онъ потомъ пригласилъ на особый пиръ; вмѣстѣ съ ними пригласилъ еще человѣкъ 500 тѣхъ сиракузянцевъ, которые держали себя самостоятельнѣе другихъ; созвавъ ихъ, онъ далъ надежнѣйшимъ изъ своихъ наемниковъ приказаніе окружить и перебить ихъ всѣхъ.

Бѣдственное положеніе войска въ Африкѣ 306.

Покончивъ эти дѣла, Агаѳоклъ возвратился съ новыми войсками въ Африку, гдѣ война приняла между тѣмъ дурной оборотъ. Архагатъ сдѣлалъ нѣсколько набѣговъ на нумидійцевъ, и ободренный успѣхами своего помощника Эвмаха, раздѣлилъ войско на разные отряды. Кареагенскіе полководцы Ганнонъ и Гимильконъ стали нападать на нихъ, и они были разбиваемы по одиночкѣ. Агаѳоклъ нашелъ оставленное въ Африкѣ войско очень уменьшившимся въ числѣ и загнаннымъ въ станъ у Тунеса; положеніе грековъ было очень опасно. Пріѣздъ Агаѳокла ободрилъ упавшихъ духомъ воиновъ, и онъ рѣшился, пользуясь этимъ настроеніемъ, немедленно дать битву. Но враги далеко превосходили его числомъ и занимали выгодную позицію; греки были отбиты, загнаны опять въ станъ и погибли бы, еслибъ не спасла ихъ случайность: кареагеняне ночью приносили людей въ жертву Молоху; вѣтеръ раздулъ огонь, вспыхнулъ пожаръ; въ то же время наемники Агаѳокла, охваченные паническимъ страхомъ, подняли сильный шумъ, испугавшій враговъ, и въ смятеніи кареагеняне потерпѣли отъ пожара такой уронъ, какъ если бы проиграли битву.

Смятеніе ночью въ станѣ кареагенянъ.

Въ ночь послѣ побѣды, говоритъ Діодоръ (XX, 65) кареагеняне стали приносить красивѣйшихъ плѣнниковъ богамъ въ жертву признательности; огонь, пожиравшій тѣла жертвъ, сильно разгорѣлся; внезапный порывъ вѣтра перебросилъ пламя на священный шатеръ, стоявшій близъ жертвенника, охватилъ сосѣдніе шатры военачальниковъ; поднялось смятеніе: одни гасили огонь, другіе спасали оружіе и дорогія вещи. Но у воиновъ вмѣсто шатровъ были шалаши, сплетенные изъ тростника и соломы; потому огонь распространялся такъ быстро, что всякая борьба съ нимъ оставалась напрасна. Скоро запылалъ весь станъ; многіе были застигнуты огнемъ въ тѣсныхъ проходахъ между шалашами и сгорѣли. Во время всеобщаго смятенія, часовые донесли, что приближается непріятельское войско; ужасъ охватилъ всѣхъ, воины бѣжали, давили другъ друга, принимали своихъ за враговъ, сражались между собою, многіе были убиты въ этой свалкѣ; многіе другіе, потерявъ разсудокъ, бросались съ утесовъ. Погибло около 5000 челов. Остальные бѣжали въ городъ; ихъ сначала не впускали въ ворота, думая, что это сицилійцы подступаютъ къ стѣнамъ. — Но сицилійцы сами были въ такомъ замѣшательствѣ, что не могли воспользоваться смятеніемъ враговъ. То движеніе, которое было принято кареагенянами за атаку, имѣло совершенно иной характеръ: 5000 африканцевъ, находившихся на службѣ Агаѳокла, смекнувъ, что положеніе грековъ очень дурно, хотѣли передаться кареагенянамъ и пошли къ ихъ стану; но замѣтивъ, что онъ загорѣлся и что въ ихъ войскѣ безпорядокъ, эти африканцы покинули свое намѣреніе и пошли назадъ въ станъ Агаѳокла. Греческіе часовые, замѣтивъ приближеніе ихъ отряда, приняли его за непріятельское войско; въ греческомъ станѣ разнесся крикъ, что кареагеняне дѣлаютъ нападеніе; оно показалось тѣмъ вѣроятнѣе, что видно было зарево

кароагенскаго стана и слышался съ той стороны страшный шумъ; греки тоже были охвачены паническимъ страхомъ, потеряли разсудокъ, схватили оружіе и бросились на приближавшихся африканцевъ; произошла и тутъ безпорядочная драка, и было убито болѣе 4000 человѣкъ, прежде чѣмъ сражающіеся разобрали въ чемъ дѣло.

Агаѳоклъ покидаетъ свое войско.

Потерпѣвъ пораженіе, Агаѳоклъ не захотѣлъ оставаться въ Африкѣ. Съ нѣсколькими надежными спутниками онъ поспѣшно пошелъ къ морю, чтобъ уплыть въ Сицилію, оставляя на произволъ судьбы войско и своихъ сыновей, Архагата и Гераклида. Его намѣреніе было узнано, войско послало погоню за нимъ; онъ былъ настигнутъ и отданъ подъ стражу. Но, оставшись безъ главнокомандующаго, воины не стали соблюдать дисциплины; начались безпорядки; стражи освободили Агаѳокла и онъ успѣлъ бѣжать, торопливо добрался до моря, съ немногими товарищами сѣлъ на корабль, отплылъ въ Сицилію. Раздраженное его измѣною войско убило обоихъ его сыновей

Судьба его войска.

и выбрало новыхъ военачальниковъ; они заключили съ кароагенянами договоръ, по которому за 300 талантовъ вознагражденія греки сдали Кароагену всѣ города, какіе еще оставались заняты ими; многіе воины поступили на службу къ кароагенянамъ, другихъ они обѣщали поселить въ сицилійскомъ городѣ Солунтѣ. Нѣкоторые отряды, надѣясь получить помощь отъ Агаѳокла, не хотѣли подчиниться этому договору; кароагеняне одолѣли ихъ, начальниковъ распяли на крестѣ, простыхъ воиновъ оковали и заставили воздѣлывать опустошенныя ими нивы.

Агаѳоклъ совершаетъ новыя злодѣйства.

Возвратившись въ Сицилію, Агаѳоклъ сталъ снова злодѣйствовать. Братъ его Антандръ, остававшійся въ Сиракузахъ, убилъ, по его приказанію, всѣхъ родныхъ тѣхъ воиновъ, которыхъ онъ покинулъ въ Африкѣ; не были пощажены ни женщины, ни дѣти; тѣла убитыхъ были оставлены безъ погребенія на берегу, имущество ихъ конфисковано. А самъ Агаѳоклъ между тѣмъ свирѣпствовалъ въ Эгестѣ. Онъ обложилъ гражданъ невыносимо тяжелыми поборами; они стали роптать; онъ сказалъ, что они измѣнники, велѣлъ вывесть бѣдныхъ за городъ и убить, а богатыхъ бросилъ въ темницы и подвергалъ пыткамъ, убивалъ мучительною смертью, вынуждая отдавать ему все имущество. Многіе сами лишили себя жизни, чтобъ избавиться отъ мученій. Дѣвушекъ и мальчиковъ онъ велѣлъ отвезти въ Италію и продалъ ихъ бруттійцамъ; опустошенный городъ отдалъ предателямъ, услугами которыхъ пользовался, и переименовалъ его въ Дикеополь («Городъ справедливости»). Ужаснувшись участи, постигшей Эгесту, другіе города, поддерживавшіе изгнанниковъ, покорились требованіямъ Агаѳокла, и онъ пошелъ на Дипократа, подъ начальствомъ котораго собрались всѣ изгнанники, враждебные и деспотизму и демократіи. У Дипократа было 20.000 человѣкъ пѣхоты и 3000 конницы.

Дипократъ и изгнанники покоряются Агаѳоклу 305.

Чтобы выиграть время, подготовиться къ походу и перессорить противниковъ, Агаѳоклъ вступилъ въ переговоры съ Дипократомъ, говорилъ, что готовъ отказаться отъ владычества надъ Сиракузами, если ему будутъ уступлены два другіе приморскіе города; своими обѣщаніями онъ удержалъ противниковъ въ бездѣйствіи, пока примирился съ кароагенянами, получилъ отъ нихъ деньги и съѣстные припасы и поколебалъ довѣріе изгнанниковъ къ Дипократу клеветами на него. Надѣясь на дѣйствіе своихъ интригъ, онъ пошелъ съ небольшимъ войскомъ на Дипократа и далъ битву непріятелю, въ четыре раза превосходившему его числомъ. Враги его сражались храбро, пока не оказались измѣнники въ ихъ рядахъ: 2000 человѣкъ передались Агаѳоклу; смущенные этимъ изгнанники смѣшались, и Агаѳоклъ воспользовался минутою: онъ вошелъ въ средину сражающихся, сталъ убѣждать прекратить кровопролитіе, обѣщалъ возвращеніе на родину и безопасность жизни всѣмъ противникамъ, которые положатъ оружіе. Отрядъ изгнанниковъ, стоявшій на холмѣ, повѣрилъ его обѣщаніямъ; ихъ было отъ 4000 до 7000 тысячъ человѣкъ; едва они положили оружіе, стрѣлки Агаѳокла окружили ихъ и издали перебили стрѣлами. Дипократъ, ослабленный измѣною однихъ, недовѣріемъ другихъ, заключилъ договоръ съ Агаѳокломъ и сталъ изъ врага другомъ и помощникомъ его. Соединивъ свои силы, они покорили всѣ тѣ греческіе города, которые еще оставались независимыми, и вся та часть Сициліи, которая не была подъ властью кароагенянъ, стала принадлежать Агаѳоклу.

Послѣднія войны Агаѳокла и смерть его. 300—289.

Послѣ того Агаѳоклъ далъ на нѣкоторое время отдыхъ сиракузанцамъ и другимъ подвластнымъ ему грекамъ. Они были изнурены, упали духомъ; онъ могъ держать себя мягче прежняго, не опасаясь возстаній. Но самъ онъ не былъ способенъ жить мирно. Онъ и въ старости оставался искателемъ приключеній. Третьею женою его была Ѳеоксена, падчерица Птолемея I; этимъ бракомъ онъ породнился съ полководцами, раздѣлившими между собою царство Александра; онъ и по характеру походилъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ. Онъ предпринималъ разныя сухопутныя и морскія экспедиціи, съ цѣлью грабежа. Ограбилъ Липарскіе острова; одержалъ блистательную морскую (300.) побѣду надъ македонскимъ царемъ Кассандромъ, овладѣлъ Коркирою и далъ этотъ богатый островъ въ приданое своей дочери Ланассѣ, (299.) на которой женился Пирръ, царь Эпирскій. Онъ покорилъ Кротонъ и ограбилъ бруттійцевъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ сталъ готовиться къ новому походу; быть можетъ, онъ хотѣлъ отправиться на помощь Димитрію Поліоркету, за котораго вышла гордая, смѣлая Ланасса, бросивъ Пирра (стран. 294); быть можетъ, онъ хотѣлъ возобновить войну съ кароагенянами. Но дни его были уже сочтены; старому злодѣю пришлось умереть съ горькимъ сознаніемъ, что «посѣявшій беззаконіе пожнетъ гибель».

Сынъ того Архагата, котораго отецъ покинулъ на погибель въ Африкѣ, сталъ убійцею дѣда при содѣйствіи одного изъ несчастныхъ гражданъ Эгесты, которыхъ такъ безпощадно истреблялъ злодѣй. Сынъ Архагата, называвшійся тоже Архагатомъ, озлобился на дѣда за то, что онъ хотѣлъ

сдѣлать своимъ наслѣдникомъ своего младшаго сына; Архагатъ на пирѣ
убилъ этого своего дядю, опьянѣвшаго, и подговорилъ раба, эгестинца
Менона, отравить Агаѳокла медленно дѣйствующимъ ядомъ. Менонъ подалъ
Агаѳоклу отравленную зубочистку. Отравившись ею, тираннъ ужасно
страдалъ, но сохранялъ полное сознаніе. Въ своихъ предсмертныхъ муче-
289. ніяхъ онъ велѣлъ сжечь живымъ Оксиѳемида, посла, пріѣхавшаго къ нему
отъ Димитрія Поліоркета.

Смуты и новые тиранны въ Сициліи. Такъ умеръ 72-лѣтній старикъ Агаѳоклъ. Его смерть избавила
Сиракузы и другіе греческіе города Сициліи отъ кровожаднаго дес-
пота; но по его смерти начались такія бѣдствія, что греки скоро
стали сожалѣть о временахъ правленія этого злодѣя, который въ по-
слѣдніе годы поддерживалъ спокойствіе, охранялъ Сицилію отъ меж-
доусобій. Смуты, перевороты, грабежи буйныхъ наемниковъ, отряды
которыхъ ходили по всей Сициліи, всяческія насилія образовали
непрерывный рядъ ужасовъ, губившихъ прекрасный островъ. По-
явились новые тиранны, захватившіе при помощи наемниковъ господ-
ство одинъ въ одномъ, другой въ другомъ городѣ, и поддерживав-
шіе свое шаткое владычество грабежомъ и убійствомъ.

Менонъ убилъ Архагата, чтобы стать тиранномъ въ Сиракузахъ, но
власть была отнята у него Гикетомъ; черезъ нѣсколько лѣтъ Тиніонъ (или
280. Теніонъ) и Состратъ стали тираннами на мѣсто Гикета. Въ Тавроменіѣ
сталъ тиранномъ Тиндаріонъ, въ Акрагантѣ Финтій, въ Леонтинахъ Герак-
лидъ. Финтій переселилъ жителей Гелы въ новый городъ, которому хотѣлъ
дать свое имя. Повсюду владычествовало свирѣпое буйство. Закону, сво-
бодѣ, спокойствію не было пріюта нигдѣ въ Сициліи.

Мамертинцы овладѣваютъ Мессаною. 282. Бѣдствія стали еще тяжеле, когда въ восточной части острова
возникло новое разбойническое государство. Отпущенный по смерти
Агаѳокла изъ сиракузской службы отрядъ кампанскихъ наемниковъ,
называвшихся мамертинцами (народомъ Марса), овладѣлъ на своемъ
пути домой городомъ Мессаною, въ которомъ былъ дружелюбно при-
нятъ; наемники убили сопротивлявшихся имъ гражданъ, остальныхъ
прогнали, поселились въ ихъ домахъ, присвоили себѣ все ихъ иму-
щество, взяли въ жены себѣ ихъ женъ и дочерей. Пользуясь не-
урядицею, господствовавшею въ греческихъ городахъ, храбрые хищ-
ники стали дѣлать разбойническіе набѣги по Сициліи, переправлялись
и черезъ проливъ, грабили южную Италію, опустошали все и сво-
зили добычу въ свой городъ. Въ довершеніе бѣдствій, карѳагеняне
осадили съ моря и съ суши Сиракузы, гдѣ тогда боролись три
Пирръ въ Сициліи. 278—276. партіи. Вожди двухъ сильнѣйшихъ партій, Тиніонъ и Состратъ
(овладѣвшій Акрагантомъ), примирились между собою и пригласили
находившагося тогда въ южной Италіи Пирра защитить сицилійскихъ
грековъ отъ карѳагенянъ (стран. 157). Мамертинцы и карѳагеняне
старались не допустить его переправиться въ Сицилію; но это не

удалось имъ. Онъ счастливо приплылъ съ войскомъ и слонами въ
Катану, освободилъ отъ осады — Сиракузы, въ которыхъ радостно
встрѣтили его, какъ зятя Агаѳокла; тиранны и республиканскія
правительства другихъ греческихъ городовъ присоединились къ нему
на борьбу съ національнымъ врагомъ. Разноплеменные карѳагенскіе
наемники не могли устоять противъ искуснаго полководца и его
храбрыхъ воиновъ, силы которыхъ были увеличены войсками сици-
лійскихъ грековъ. Скоро вся западная (карѳагенская) часть острова
была покорена имъ: онъ овладѣлъ Панормомъ, взялъ приступомъ
горную крѣпость Эриксъ и осадилъ укрѣпленный приморскій городъ
Лилибей, гдѣ были главные склады карѳагенскихъ товаровъ. Кар-
ѳагеняне готовы были уступить ему всѣ завоеванные города, если онъ
оставитъ имъ Лилибей; онъ требовалъ, чтобъ они совершенно уда-
лились изъ Сициліи; на это они не согласились; онъ продолжалъ
осаду Лилибея; но всѣ его усилія взять эту крѣпость оставались
напрасны, и послѣ двухмѣсячной осады онъ отступилъ, задумавъ,
по примѣру Агаѳокла, перенести войну въ Африку. Онъ сдѣлалъ
громадныя приготовленія къ этой безразсудной экспедиціи, собралъ
до 200 военныхъ кораблей, бралъ съ сицилійскихъ грековъ тяжелые
налоги, насильственно забиралъ ихъ въ военную службу, казнилъ
сопротивлявшихся (въ томъ числѣ Тиніона), попиралъ всѣ законы.
Греки быстро охладѣли къ мысли о соединеніи всей Сициліи въ одно
государство, символомъ котораго была новая монета съ надписью
«царь Пирръ». Состратъ, смертельно оскорбленный Пирромъ, пере-
сталъ повиноваться ему; примѣру Сострата послѣдовали другіе тиранны
и большинство республиканскихъ городовъ. Нѣкоторые изъ нихъ Пирръ возвращается въ Италію 276.
вступили въ союзъ съ карѳагенянами, другіе съ мамертинцами; всѣ
желали прогнать Пирра изъ Сициліи. Съ одними своими эпирскими
воинами онъ не могъ выдержать борьбы противъ враговъ, подымав-
шихся на него со всѣхъ сторонъ, и отплылъ въ южную Италію;
карѳагенскій флотъ погнался за нимъ, и потопилъ у него близъ
Мессанскаго пролива 70 кораблей. На сухомъ пути, задерживали его
отступленіе мамертинцы, занявшіе одинъ изъ горныхъ проходовъ.
Силы ихъ простирались до 10.000 человѣкъ; пробиться черезъ ущелья
было трудно; но Пирръ, хоть и раненный, навелъ на враговъ страхъ
своимъ выраженіемъ ужасающей отваги на окровавленномъ лицѣ и
страшною силою руки; говорятъ, что онъ ударомъ меча разрубилъ
по-поламъ начальника мамертинской конницы, человѣка исполинскаго
роста. Одолѣвъ всѣ препятствія, Пирръ вернулся черезъ Локры въ
Тарентъ. Онъ явился въ Сициліи какъ метеоръ, ослѣпившій своимъ
блескомъ и быстро исчезнувшій, говоритъ Гольмъ.

По удаленіи Пирра, въ Сициліи возобновились прежнія бѣдствія. Съ
востока ходили по ней мамертинцы, опустошая все на пути своихъ Бѣдственное положеніе Сициліи.
набѣговъ, съ запада возобновили нападенія карѳагеняне, мстили гре-

камъ, дѣлали завоеванія. Въ Сиракузахъ и въ другихъ греческихъ городахъ необузданнѣе прежняго буйствовали наемники. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ въ страданіяхъ отъ междоусобія партій, отъ нашествій карѳагенянъ и отъ грабежа мамертинскихъ разбойниковъ; греческіе города то подвергались смутамъ анархіи, то подпадали подъ иго деспотовъ, опиравшихся на наемниковъ. Наконецъ сиракузанцы назначили начальникомъ своихъ войскъ опытнаго полководца Гіерона; человѣкъ знатнаго происхожденія—потомокъ Гелона (II, 287)—онъ производилъ выгодное впечатлѣніе своею прекрасною наружностью, былъ одаренъ замѣчательнымъ умомъ и благороднымъ характеромъ.

Гіеронъ, главнокомандующій войсками Сиракузъ. 274.

Гіеронъ, бывшій тогда въ цвѣтѣ лѣтъ, оправдалъ репутацію даровитаго и храбраго полководца, которую пріобрѣлъ, начальствуя сиракузскимъ отрядомъ въ войскѣ Пирра. Главнокомандующимъ назначили его не граждане, а воины; граждане только утвердили ихъ выборъ, потому что не могли противиться рѣшенію войска. Но скоро своею привѣтливостью, кротостью, справедливостью онъ пріобрѣлъ любовь и довѣріе народа, такъ что власть его стала прочною. При содѣйствіи вліятельнаго гражданина Лептина, на дочери котораго женился, онъ съ успѣхомъ занялся приведеніемъ въ порядокъ внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлъ государства.

Онъ избавляетъ государство отъ наемниковъ.

Онъ считалъ необходимымъ избавить государство отъ буйныхъ наемниковъ Агаѳокла. Съ этимъ намѣреніемъ онъ предпринялъ походъ противъ мамертинцевъ, и когда дѣло дошло до сраженія, онъ расположилъ войско такъ, что наемники, поставленные отдѣльно отъ гражданъ, должны были подвергнуться первому нападенію непріятеля. Онъ вполнѣ достигъ своей цѣли. Мамертинцы бросились на наемниковъ и истребили почти всѣхъ ихъ; а онъ съ остальнымъ войскомъ отступилъ безъ потерь и вернулся въ Сиракузы.

Онъ возобновляетъ войну съ мамертинцами 270, 269.

Въ слѣдующіе годы Гіеронъ сформировалъ хорошее войско изъ сиракузскихъ гражданъ и войско изъ наемниковъ, покорныхъ дисциплинѣ и преданныхъ ему. Кончивъ эти приготовленія, онъ снова пошелъ на мамертинцевъ, которые, гордясь своими успѣхами, все дальше и дальше ходили грабить; нанесъ имъ, благодаря храбрости своего войска и своему искусству, рѣшительное пораженіе близъ
266. Милъ, и взялъ бы Мессану, если бы не вмѣшался въ дѣло карѳагенскій военачальникъ Ганнибалъ, во время сраженія при Милахъ крейсировавшій у Липарскихъ острововъ и убѣдившій мамертинцевъ пустить въ цитадель Мессаны карѳагенскій отрядъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ этого Гіеронъ, которому сиракузанцы въ награду за побѣды дали санъ царя, осадилъ Мессану и такъ сильно тѣснилъ ее, что мамертинцы увидѣли невозможность отбиться отъ него; они знали, что если онъ возьметъ ее, то казнитъ ихъ за разбои,—и стали искать защитниковъ себѣ. Нѣкоторые хотѣли отдаться подъ покровительство

карѳагенянъ, гарнизонъ которыхъ въ мессанской цитадели Ганнонъ усилилъ новымъ отрядомъ; но большинство разсудило, что лучше будетъ просить помощи у римлянъ, которые сильнѣе карѳагенянъ и незадолго передъ тѣмъ довершили завоеваніе Южной Италіи взятіемъ города Регія, захваченнаго отрядомъ воиновъ, превратившихся въ разбойниковъ.

7. Культура и литература александрійскаго періода.

Характеръ александрійской культуры.

По завоеваніи персидскаго царства Александромъ измѣнились не только политическія отношенія грековъ къ востоку, но и понятія стремленія, формы быта ихъ, характеръ искусства и науки. Вѣкъ Александра и его преемниковъ рѣзко отличается отъ временъ свободы грековъ и по своей умственной, какъ и по государственной жизни. Правда, основные элементы, изъ которыхъ выросла новая культура, были даны греческою цивилизацією, созданіями греческихъ искусствъ и науки; правда, греческій языкъ остался органомъ всей ученой и литературной дѣятельности; но перенесеніе на чуждую почву, смѣшеніе съ иноземными ингредіентами видоизмѣнило эти коренныя силы. Расширившись по огромному пространству, сдѣлавшись предметомъ покровительства царей, греческая народность получила космополитскій характеръ, стала «эллинистической» и пріобрѣла роскошное развитіе въ новооснованныхъ столицахъ. Среди разноплеменнаго туземнаго населенія новыхъ громадныхъ городовъ греческій языкъ скоро утратилъ чистоту, принялъ въ себя новыя слова для обозначенія новыхъ понятій, новыя формы выраженій, приспособленныя къ измѣнившемуся быту; точно такъ же подверглись большимъ преобразованіямъ религія, наука, искуство. Мы видѣли (стран. 236 слѣд.), что преобразованіе военнаго дѣла, основаніе новыхъ городовъ, проложеніе новыхъ путей сообщенія, развитіе торговли и промышленности, другія дѣла, требовавшія примѣненія научныхъ свѣдѣній къ житейскимъ надобностямъ, дали сильное развитіе практическимъ отраслямъ знаній. Подобно этому, и всѣ области умственной дѣятельности расширились, обогатились результатами новыхъ изысканій; прежнія понятія были преобразованы согласно измѣнившимся условіямъ жизни или были вытѣснены новыми. Ученые изслѣдовали далекія страны и давнія времена, чудеса природы, движенія небесныхъ тѣлъ. Космополитическія связи соединили народы и государства. Когда Родосъ пострадалъ отъ сильнаго землетрясенія, цари и города наперерывъ другъ передъ другомъ присылали пособія ему. Прежняя національная замкнутость повсюду утратила свое владычество, народы перестали чуждаться другъ друга, упорство въ сохраненіи старинныхъ національныхъ особенностей перестало считаться

нравственной обязанностью, замѣнилось любовью къ новой культурѣ, произведенія которой привлекали къ себѣ или богатствомъ содержанія, пышнымъ выказываніемъ учености и темнаго глубокомыслія, или блескомъ технической отдѣлки, красивостью формы, реторическимъ краснорѣчіемъ. Литературная дѣятельность, подобно военному ремеслу, стала занятіемъ особаго класса людей, которые, устраняясь отъ участія въ практической жизни, брали матеріалы для своихъ произведеній изъ всѣхъ областей знанія и передавали ихъ массѣ публики въ поэтической или реторической обработкѣ, съ особенною любовью выбирая изъ громаднаго запаса свѣдѣній чудесное, странное, темное. Такимъ образомъ сословіе ученыхъ писателей создало космополитскую литературу, въ которой восточная мудрость, наперекоръ своему существенному различію отъ греческихъ понятій, сливалась съ ними въ одно цѣлое, нѣсколько подобное своимъ характеромъ романтизму.— Политическія и юридическія учрежденія патріархальныхъ восточныхъ государствъ были не примѣнимы къ новымъ условіямъ быта; строгое раздѣленіе людей по національностямъ тоже было невозможно въ новыхъ государствахъ; сила фактовъ вела къ замѣнѣ этой старины космополитическими понятіями и законами. Въ религіи прежніе вѣрованія и обряды были тоже измѣнены смѣшеніемъ греческихъ воззрѣній и обычаевъ съ иноземными; противорѣчащія другъ другу понятія и миѳы были спутаны; развилось отважное отрицаніе, вѣрованіе въ боговъ слыло суевѣріемъ, представленія о нихъ считались выдумками, народная религія замѣнялась системами метафизики и нравственной философіи. Искусство служило житейскимъ надобностямъ; духъ вѣка стремился не къ сооруженію величественныхъ храмовъ, а къ построенію великолѣпныхъ дворцовъ, памятниковъ, къ украшенію городовъ; главнымъ предназначеніемъ пластики сдѣлалось создавать изображенія людей, а не боговъ; тогдашній вкусъ требовалъ произведеній, удивляющихъ своею колосальностью или изысканностью отдѣлки, богатствомъ украшеній.—Не повторяя того, что уже было говорено нами о характерѣ искусства въ александрійскую эпоху (II, 785 и слѣд., III, 238), мы сдѣлаемъ обзоръ произведеній культуры и литературы этого періода по четыремъ главнымъ разрядамъ ихъ; разскажемъ, какими путями шла тогда поэзія, какъ пользовались науки результатами новыхъ фактовъ и изслѣдованій, какъ видоизмѣнились политическія и религіозныя понятія, какъ были переработаны и приспособлены къ тогдашнимъ условіямъ жизни прежнія философскія системы.

1. Поэзія.

1. Вредное вліяніе новыхъ условій быта сильнѣе всего выказалось въ поэзіи, въ которой изображеніе душевной жизни было затемнено, искажено изысканностью и претензіями на ученость. Отчужденная отъ жизни, она стала игрушкою, но не для дѣтей, а для взрослыхъ; она походила на дѣтскую забаву отсутствіемъ серьезной мысли, но рѣдко умѣла походить на

нее невинною веселостью. Желаніе удалиться мыслями отъ роскошной, скованной условными формами, дѣйствительной жизни повело къ развитію буколической поэзіи, изображавшей своими идилліями простой, близкій къ природѣ, невинный бытъ пастуховъ и земледѣльцевъ; любовь къ поэзіи этого рода составляетъ исключительную принадлежность такихъ періодовъ, когда жизнь образованнаго общества бываетъ слишкомъ искусственна; прельщенные своими утонченными наслажденіями, люди временами ищутъ отдыха своему утомленному свѣтскими удовольствіями воображенію, и находятъ его въ мысляхъ о простой жизни. Пластицизмъ прежней греческой поэзіи замѣняется въ идилліяхъ александрійской эпохи длинными описаніями природы, безсознательная геніальность творчества—изысканнымъ стремленіемъ къ оригинальности содержанія и формы, аффектированною простотою. Важнѣйшій изъ идиллическихъ поэтовъ и даровитѣйшій изъ всѣхъ поэтовъ александрійскаго періода—Ѳеокритъ сиракузскій. О жизни его мы знаемъ то, что онъ провелъ молодость на островѣ Косѣ въ обществѣ поэтовъ Филета и Асклепіада, потомъ жилъ въ Сиракузахъ и въ Александріи пользуясь милостью Гіерона и Птолемея Филадельфа, которыхъ прославлялъ историческо-эпическими стихотвореніями. Онъ писалъ на дорійскомъ нарѣчіи пьесы, многія изъ которыхъ имѣютъ разговорную форму; мѣстами въ нихъ есть искусственность, прикрашенность, но вообще ихъ справедливо хвалятъ за граціозность. Его идилліи — картинки народной жизни, написанныя по образцу мимовъ Софрона (II, 578), но въ художественной формѣ, для образованныхъ читателей. Это маленькія драмы, въ которыхъ изображается бытъ сицилійскихъ пастуховъ, рыболововъ и вообще передаются сцены изъ жизни простолюдиновъ; обыкновенно содержаніе ихъ имѣетъ эротическій мотивъ. Эти идилліи, изображающія скромную тихую жизнь низшихъ сословій показываютъ, что, не смотря на свирѣпыя междоусобія, дорійскіе поселяне еще оставались вѣрны старинной простотѣ нравовъ и сохраняли энергію характера. „Невозможно, говоритъ Бернгарди, не удивляться изяществу вкуса и геніальности человѣка, который въ эпоху изысканности и книжной учености оставался чуткимъ къ голосу природы и умѣлъ такъ вѣрно, такъ ясно передавать чувства простолюдиновъ и простолюдинокъ". По своей вѣрности природѣ, Ѳеокритъ сталъ образцомъ для буколическихъ поэтовъ всѣхъ вѣковъ, у него мы постоянно видимъ истинный народный бытъ низшаго сельскаго и городскаго сословія. У его учениковъ и подражателей, Біона Смирнскаго и Моска Сиракузскаго, мы не находимъ той живой свѣжести, какою проникнуты почти всѣ его идилліи. Оба они страдаютъ болтливой сантиментальностью и риторической изысканностью. Изъ произведеній Біона самое знаменитое—„Пѣсня плача" объ Адонисѣ, которую быть можетъ дѣйствительно пѣли на праздникахъ этого божества (I, 544); изъ произведеній Моска, у котораго меньше энергіи, чѣмъ у Біона самое лучшее — маленькій идиллическій эпосъ „Европа".

Идиллія.

Ѳеокритъ. Около 270 года.

Біонъ и Мосхъ.

Послѣ идиллической поэзіи наибольшимъ поэтическимъ достоинствомъ отличалась драма; не трагедія, возвышенность и серьезность которой была не во вкусѣ той эпохи, а новая комедія, съ характеромъ которой мы уже ознакомились во второмъ томѣ нашей книги (стр. 588); мы уже говорили, что эти комедіи, основанныя на изображеніи типовъ и на интригѣ, превосходно писали аѳинянинъ Менандръ, сынъ полководца Діопита, и Филемонъ, уроженецъ киликійскаго города Солъ, начавшій свою дѣятельность нѣсколько раньше Менандра. Они вѣрно изображали дѣйствительную жизнь, но ни идеальности, ни энергической сатиры у нихъ нѣтъ. Они и Дифилъ служили образцами для римскихъ драматурговъ, писавшихъ комедіи, мы

Драматическая поэзія.

Комедія.

Менандръ и Филемонъ.

Дифилъ.

уже говорили, что собственно по этимъ римскимъ пьесамъ мы судимъ о ихъ произведеніяхъ, потому что отъ ихъ комедій до насъ дошли только незначительные отрывки. Какъ въ жизни, такъ и въ искусствѣ они были поклонниками легкихъ нравовъ, чувственныхъ наслажденій, истинными дѣтьми своего вѣка, космополитскія понятія котораго отражаются въ ихъ афоризмахъ. Ихъ пьесы были источниками позднѣйшихъ греческихъ и римскихъ комедій, имѣющихъ главными своими достоинствами замысловатость интриги и вѣрное изображеніе типичныхъ характеровъ.

Пародія и силлы. Ринтонъ. Тимонъ около 280 года.

То были времена изысканности, изящное общество любило пикантность и насмѣшку; въ удовлетвореніе этому вкусу возникла веселая трагедія (hilarotragoidia) или «пародія»; очень большимъ успѣхомъ пользовались драматическія пародіи Ринтона тарентскаго, нравившіяся контрастомъ серьезныхъ и смѣшныхъ сценъ. Скептикъ Тимонъ флiунтскій писалъ «силлы», эпиграммы, въ которыхъ осмѣивалъ современную философію и ученость. Его сужденія о слабыхъ сторонахъ мыслителей часто бываютъ вѣрны, но они горьки и въ нихъ слышится презрѣніе къ человѣчеству; мѣткость и оригинальность выраженій придаетъ нѣкоторую граціозность его суровымъ порицаніямъ.

Трагедія.

Комедія того времени, хотя и страдала недостаткомъ идеальности, не имѣла истинной художественности, но заслуживаетъ похвалъ замысловатостью интриги, вѣрнымъ изображеніемъ нравовъ, страстей, характеровъ, ясностью своей житейской философіи, основанной на изученіи жизни; трагедіи александрійскаго времени были лишены всякихъ поэтическихъ достоинствъ и остались безъ вліянія на современниковъ и потомство. Число поэтовъ, писавшихъ трагедіи, было очень велико, и ученые александрійскіе судьи поэзіи, составляя списки замѣчательныхъ авторовъ, передали намъ имена важнѣйшихъ изъ трагиковъ того періода; это Созиѳей, Филискъ коркирскій, Гомеръ Младшій, Эантидъ, Александръ Этольскій, Діонисіадъ и Ликофронъ; эти поэты образовали „плеяду трагиковъ“; но ихъ произведенія погибли почти безъ всякаго слѣда. До насъ дошла только одна пьеса Ликофрона, уроженца эвбейскаго города Халкиды, филолога (грамматика), историка и археолога, жившаго во времена Птолемея Филадельфа. Его уцѣлѣвшая пьеса „Кассандра“ или „Александра“, написанная шестистопными ямбами, наполненная ученостью, представляетъ собою замѣчательный примѣръ неестественности и хорошо характеризуетъ ту эпоху, лишенную поэтическаго чувства. Это монологъ изъ трагедіи, излагающій въ формѣ видѣнія Кассандры судьбу героевъ и героинь троянской войны и потомковъ ихъ до Александра Великаго.

Плеяда трагиковъ.

Ликофронъ. Темный около 280 года.

«Кассандра».

Троянская пророчица Кассандра, запертая не вѣрящимъ ей отцомъ Пріамомъ въ башню, съ которой видны лѣсъ и море, передаетъ своимъ изумленнымъ и ужаснувшимся стражамъ рядъ видѣній, въ которыхъ открывается и прошедшее и будущее. Она начинаетъ похищеніемъ Іо и Европы, плаваніемъ Аргонавтовъ, войнами амазонокъ, предвозвѣщаетъ погибель Трои, судьбу героевъ троянской войны и потомковъ ихъ до Александра. Авторъ хотѣлъ дать поэтическій обзоръ великихъ войнъ Азіи съ Европою и нравственную оцѣнку этихъ событій. Взявъ центромъ изложенія троянскую войну, онъ прибавляетъ къ ней предыдущія и послѣдующія событія, разсматриваетъ въ чемъ были справедливы, въ чемъ несправедливы Европа или Азія; ходъ столкновеній доведенъ до Александра Великаго и его преемниковъ и до времени пріобрѣтенія Римомъ владычества на западѣ; авторъ приходитъ къ заключенію, что взаимныя вины Европы и Азіи теперь уравновѣшены, и настало время державамъ мирно раздѣлять между собою владычество надъ вселенною. Рѣчь Кассандры переполнена миѳологической ученостью, содержитъ въ себѣ множество историческихъ и географическихъ свѣдѣній; но за исключеніемъ нѣсколькихъ удачныхъ картинъ вовсе лишена поэтическаго достоинства; языкъ ея изысканъ, напыщенъ, тяжелъ. И по формѣ и по содержанію въ этой пьесѣ такъ много непонятнаго, что еще въ древности понадобилось писать къ ней ученыя объясненія, по которымъ составленъ впослѣдствіи комментарій византійскаго грамматика Цецеса; Ликофронъ, получившій названіе «темнаго», поставилъ себѣ задачею соединить внѣшней рамкой матеріалы самые разнохарактерные, замѣнять собственныя имена намеками на качества или факты, не высказывать ни одного понятія прямыми словами, подстановлять взамѣнъ простыхъ выраженій натянутыя перифразы и выраженія загадочнаго смысла. «Кассандра» замѣчательный примѣръ тогдашняго литературнаго вкуса, любившаго фантастически соединять матеріалы, заимствованные изъ разныхъ эпохъ и разныхъ странъ, считавшаго поэзіею натянутость, странность, неестественность.

Лирическая поэзія.

Много писали въ александрійскую эпоху и всякихъ другихъ поэтическихъ произведеній, но вообще они не лучше драмъ того періода. Сильнѣе всего проявляются дурныя стороны тогдашняго быта въ лирической поэзіи, страдающей претензіями на ученость, изысканностью формы, льстивымъ прославленіемъ царей и ихъ приближенныхъ. Эти качества той эпохи стѣсняли свободу душевной жизни, источникъ лирическаго вдохновенія, заглушали творчество, изображающее внутренній миръ человѣка. Мы постоянно видимъ у тогдашнихъ поэтовъ желаніе выказать передъ образованной публикой свою ученость, свое умѣнье преодолѣвать техническія трудности; увлекаясь этими стремленіями, они то становятся темны, непонятны, то впадаютъ въ пустую игру размѣромъ стиховъ и поэтическими формами, то облекаютъ одеждою поэзіи непригодныя для нея темы. Вообще поэтическія произведенія писали тогда ученые, трудившіеся и надъ другими отдѣлами литературы. Между лирическими поэтами александрійскаго періода первое мѣсто занимаетъ Каллимахъ, потомокъ знатнаго киренскаго рода, завѣдывавшій при Птолемеѣ Эвергетѣ александрійскою библіотекой и музеемъ. Онъ писалъ очень много; говорятъ, что число книгъ написанныхъ имъ простиралось до 880; изъ нихъ дошло до насъ пять или шесть гимновъ, около 60 эпиграммъ и нѣсколько мелкихъ отрывковъ; все остальное погибло; погибли напримѣръ его элегіи, въ которыхъ онъ, какъ мы видимъ изъ подражаній Катулла и другихъ римскихъ поэтовъ, разсказывалъ страданія и радости своей жизни; погибли его написанныя элегическимъ размѣромъ объясненія миѳовъ (Αἴτια) открытыя ему, какъ онъ говоритъ, въ сновидѣніи; это было нѣчто въ родѣ миѳической антологіи, или энциклопедіи греческихъ древностей и народныхъ сказаній; особенно подробно передавались тутъ легенды о происхожденіи городовъ, богослужебныхъ обрядовъ и священныхъ игръ; погибли его ученыя книги объ александрійской библіотекѣ, ставшія основаніемъ исторіи греческой литературы. „Гимны Каллимаха“, говоритъ Вернгарди, „были священныя пѣсни, написанныя для богослуженія новыхъ эллинистическихъ культовъ въ Египтѣ; составленныя миѳологомъ по ремеслу, они сухи, бѣдны поэтическими мыслями, бѣдны религіознымъ чувствомъ, переполнены реторическими прикрасами и книжной ученостью; лишь изрѣдка попадаются въ нихъ картинныя мѣста, гораздо больше въ нихъ напыщенности; они имѣютъ лишь техническое достоинство, состоящее въ томъ, что въ нихъ попадаютъ удачныя, смѣлыя, или новыя выраженія и что повѣствовательные эпизоды разсказаны ловко“. Религіозное назначеніе гимновъ должно было бы заставлять автора возвышаться надъ мелкими житейскими разсчетами; но онъ ловитъ всякій случай восхвалять династію Птолемеевъ и внушать народу священную обязанность повиновенія власти, установленной

Каллимахъ около 250 года.

богами. Сила у него равнозначительна праву; царь соединенъ тѣснѣйшимъ союзомъ съ богами. Желаніе заслужить милость двора, пріобрѣсти почести и богатство проглядываетъ даже и въ молитвахъ Каллимаха. Отъ произведеній другихъ поэтовъ, писавшихъ элегіи—Филета Косскаго, Гермесіанакса Колофонскаго, Фанокла—уцѣлѣли только незначительные отрывки. Гермесіанаксъ въ своихъ эротическихъ пѣсняхъ, посвященныхъ Леонтіи, изображалъ могущество любви длинно и монотонно, но не безъ искренняго чувства.

Эпосъ.

Точно такъ же мало достоинства имѣетъ эпическая поэзія александрійскаго времени. Она не изображала дѣйствительной жизни, хотя походы Александра Великаго и войны его преемниковъ представляли богатый матеріалъ для эпоса; слѣдуя духу своего времени, эпическіе поэты занимались давней стариной, умирающимъ міромъ миѳовъ. Такъ, напримѣръ, Аполлоній, родившійся въ Александріи, но долго жившій на Родосѣ и потому называемый Родосскимъ, избралъ предметомъ своей эпопеи плаваніе аргонавтовъ; эта тема вполнѣ удовлетворяла вкусу того времени, любившаго старину и чудеса; прилежно собравъ сокровища миѳологическо-антикварской учености, Аполлоній передалъ ихъ образованной публикѣ изящнымъ языкомъ. Его поэма „Аргонавты"—подражаніе Гомеру, болѣе отличающееся трудолюбіемъ и ученостью, чѣмъ вкусомъ и талантомъ. Заботливо собравъ матеріалъ и прилежно соединивъ отрывочные разсказы народныхъ легендъ въ одно цѣлое, расположенное по внимательно обдуманному плану, Аполлоній пересказываетъ легенды объ Аргонавтахъ правильнымъ языкомъ въ стройномъ спокойномъ порядкѣ. Его стихъ безукоризненно вѣренъ школьнымъ условіямъ правильности; онъ умѣетъ наглядно передавать многочисленныя приключенія Аргонавтовъ, иногда оживляетъ разсказъ удачными описаніями и сравненіями; но у него нѣтъ ни творческой фантазіи, ни поэтическаго одушевленія, онъ не увлекаетъ читателя, не умѣетъ и обрисовывать характеры. Онъ былъ ученикомъ Каллимаха; но впослѣдствіи они поссорились и писали другъ на друга желчныя эпиграммы. Въ старости Аполлоній, какъ знаменитый поэтъ, получилъ выгодную и высокую должность управляющаго александрійской библіотекой, въ которой онъ былъ преемникомъ великаго ученаго, Эратосѳена.

Аполлоній Родосскій около 230 года.

Поэма и гимны Орфея.

Вѣроятно, въ Александріи, но гораздо позднѣе времени Аполлонія Родосскаго, была написана поэма о плаваніи Аргонавтовъ, выдающая себя за произведеніе миѳическаго жреца-поэта Орфея. Въ этой поэмѣ, состоящей изъ 1384 гекзаметровъ, Орфей наперекоръ обычаю старинныхъ эпосовъ, разсказываетъ о важнѣйшихъ событіяхъ плаванія Аргонавтовъ Музею, выставляя себя на первое мѣсто: его глубокая мудрость и его дивное пѣніе играютъ главную роль въ ходѣ событій и, благодаря ему, Аргонавты избавляются отъ опасностей. Тонъ разсказа холоденъ. Въ поэмѣ преобладаетъ мистицизмъ и теософія. Знаменитое имя Орфея выбрано для того, чтобы придать авторитетъ этому мистическому ученію. Приключенія Аргонавтовъ служатъ для автора поводомъ доказывать силу священнаго пѣнія, важность таинственныхъ знаній о божественномъ мірѣ, спасительное могущество мистическихъ жертвоприношеній и очищеній, возникновеніе которыхъ объясняется фантастической космогоніей. Поэма объ Аргонавтахъ, называющая себя произведеніемъ Орфея, принадлежитъ, кажется, тому времени, когда распространеніе христіанства уже грозило погибелью языческимъ религіямъ, и приверженцы ихъ искали поддержки себѣ въ таинственныхъ ученіяхъ, приписываемыхъ Орфею, старались оживить ослабѣвающее язычество почитаніемъ древнихъ чудотворцевъ, теургическими обрядами, напоминаніями о первобытной невинности и безъискусственной жизни людей, возбужденіемъ благоговѣнія къ загадочнымъ силамъ духовнаго міра. Быть можетъ тому же времени принадлежатъ и гимны Орфея, молитвы божествамъ неба и земли, въ особенности низшимъ божествамъ и духамъ. Вѣроятно, къ той же эпохѣ относится теургическій эпосъ „О камняхъ" (Lithica), разсказывающій о чудесныхъ силахъ камней и въ частности магнита.

Ріанъ около 230 г. Эвфоріонъ род. около 275 г.

Другими знаменитыми эпическими поэтами александрійскаго вѣка были Ріанъ Критскій, знатокъ поэмъ Гомера, написавшій эпическую исторію второй мессенской войны, и Эвфоріонъ, уроженецъ эвбейскаго города Халкиды, бывшій библіотекаремъ въ Антіохіи и написавшій, кромѣ многихъ другихъ произведеній, эпопею, называвшуюся „Мопсопіею"; въ ней излагались старинныя аттическія легенды; разсказъ былъ тяжелъ, лишенъ всякаго поэтическаго достоинства и хорошъ былъ только богатствомъ антикварской учености, вѣрной передачей малоизвѣстныхъ миѳовъ.—Ріанъ передавалъ народныя сказанія съ исторической вѣрностью, излагалъ подвиги Аристомена такъ привлекательно, что Павзаній заимствовалъ свой разсказъ о второй мессенской войнѣ, по всей вѣроятности, изъ поэмы Ріана (II, 193 и слѣд.).

Дидактическая поэзія.

При любви къ учености, естественно развилась въ александрійскую эпоху дидактическая поэзія. Произведенія этого рода принадлежатъ къ числу самыхъ лучшихъ литературныхъ памятниковъ того времени. Съ очень давняго времени греки излагали житейскую философію или научныя системы въ поэтической формѣ; таковы поэмы Гезіода и стихотворныя произведенія мудрецовъ и старинныхъ философовъ Греціи (II, 144 слѣд., 356 слѣд.); тѣмъ больше склонности сообщать своимъ современникамъ результаты своихъ размышленій и ученыхъ изслѣдованій въ поэтической формѣ имѣли греки александрійскаго періода. Особенно нравилось имъ писать поэмы объ астрономіи, которая, по сближеніи грековъ съ египтянами и вавилонянами, сильнѣе прежняго заинтересовала ихъ любознательность и представляла практическій интересъ по своимъ примѣненіямъ къ мореплаванію, земледѣлію и разнымъ другимъ житейскимъ дѣламъ. Сообщая привлекательнымъ и поучительнымъ разсказомъ свѣдѣнія о небѣ, поэзія, какъ будто, приближала его къ землѣ. Эту задачу хорошо исполнилъ Аратъ. Онъ былъ знатный человѣкъ, уроженецъ киликійскаго города Солъ, много путешествовалъ, былъ друженъ съ философомъ Зенономъ, со многими поэтами и учеными; благодаря тому, и самъ пріобрѣлъ обширныя свѣдѣнія; по желанію македонскаго царя Антигона Гоната, имѣвшаго большое расположеніе къ нему, онъ написалъ дидактическую поэму, состоящую изъ двухъ частей; одна называлась „Явленія" (Phainomena), въ ней онъ слѣдовалъ астроному Эвдоксу; другая, въ которой онъ слѣдовалъ Ѳеофрасту, называлась „Небесныя примѣты" (Diosemeia); изложеніе возвышенно и просто, но лишено поэтическаго одушевленія и рѣдко украшено миѳическими разсказами, языкъ чистъ, мѣстами имѣетъ старинный характеръ: въ разсказъ вставлено много афоризмовъ, общій характеръ произведенія научный и благочестивый, неиспорченный суевѣріемъ; Аратъ объясняетъ, что въ таинствахъ неба проявляется всемогущество и благость Божія къ людямъ; его поэма такъ нравилась, что считалась у грековъ классическимъ произведеніемъ, была объясняема комментаріями и нѣсколько разъ переведена на латинскій языкъ. Дидактическая поэзія пользовалась такою любовью въ александрійскомъ періодѣ, что излагались стихами предметы, которые, повидимому, не допускаютъ поэтической формы. Такъ, напримѣръ, врачъ Никандръ Колофонскій, происходившій отъ старинаго жреческаго рода и жившій въ Пергамѣ при Атталѣ III, написалъ стихами нѣсколько медицинскихъ трактатовъ, изъ которыхъ два дошли до насъ: „О противоядіяхъ" (Alexipharmaka) и „О лекарствахъ противъ укушенія животныхъ"

Аратъ около 271 г.

Никандръ около 140 г.

(Theriaka); не имѣя ни поэтическаго таланта, ни стилистическаго искусства
Никандръ не умѣлъ оживить сухой предметъ занимательнымъ изложеніемъ.
Его дидактическія поэмы объ основаніи городовъ, о земледѣліи и его
„Метаморфозы“ извѣстны намъ въ подлинникѣ лишь по незначительнымъ
отрывкамъ, но мы знаемъ, что римскіе поэты, особенно Овидій, пользова-
лись богатымъ матеріаломъ, собраннымъ въ нихъ.

2. Науки. 2. Господствовавшее въ александрійскую эпоху настроеніе умовъ не
допускало поэтическаго творчества, но благопріятствовало ученымъ из-
слѣдованіямъ и развитію такъ называемыхъ точныхъ, или реальныхъ
наукъ. Цари пергамскіе, египетскіе, сирійскіе, Антигонъ македонскій и
другіе были очень щедрыми покровителями ученыхъ, литераторовъ и ху-
дожниковъ, употребляли большія суммы на составленіе библіотекъ, осно-
ваніе школъ и ученыхъ учрежденій, на поддержку ученыхъ экспедицій и
другихъ изслѣдованій; любознательность грековъ получила сильное разви-
тіе отъ ближайшаго знакомства съ востокомъ; благодаря тому, науки прі-
обрѣли высокое развитіе, и образованный міръ обогатился множествомъ
новыхъ знаній. Литературная, или ученая извѣстность была самымъ вѣр-
нымъ путемъ къ почестямъ и богатству; потому люди высшихъ сословій
старались давать своимъ сыновьямъ ученое образованіе; знаніе граммати-
ки, археологіи, реторики, діалектики, музыки, математики, считалось не-
обходимостью для свободнаго человѣка. Потому повсюду возникали школы,
старавшіяся прославиться пріобрѣтеніемъ знаменитыхъ преподавателей и
Реторика. привлекать учениковъ. Реторика, бывшая важнѣйшею частью школьнаго
преподаванія во времена свободы Греціи, оставалась основаніемъ высшаго
преподаванія и въ эллинистическое время. На Родосѣ, въ Эфесѣ, въ дру-
гихъ городахъ, были школы реторики, соперничествовавшія съ аѳинскими,
и азіатское краснорѣчіе считалось самымъ превосходнымъ по цвѣтисто-
сти языка, по богатству афоризмовъ и сравненій. Александрія была цент-
Грамматика и критика. ромъ грамматики, то есть археологіи, критическаго объясненія, писателей
прежнихъ вѣковъ. Люди изумительной начитанности, какъ напримѣръ
Аростофанъ, Эратосѳенъ, Аристархъ, жившіе въ Александріи, распредѣ-
ляли произведенія греческихъ писателей по классамъ, составляли списки
(каноны) образцовыхъ авторовъ, очищали текстъ ихъ отъ ошибокъ и вста-
вокъ (интерполяцій), разъясняли темныя мѣста примѣчаніями (глоссами),
писали комментаріи. Богатыя пособія для такихъ трудовъ доставляла имъ
громадная александрійская библіотека, часть которой помѣщалась въ
Брухіѣ, въ одномъ изъ зданій царскаго дворца, другая въ великолѣпныхъ
залахъ храма Сераписа. Матеріальную возможность заниматься учеными
трудами давалъ имъ построенный и содержимый щедростью Птолемеевъ
музей, въ которомъ ученые по всѣмъ отраслямъ знаній жили на царскій
Эратосѳенъ. 276—191. счетъ, обезпеченные отъ всякой нужды. Эратосѳенъ Киренскій одинъ изъ
величайшихъ ученыхъ всѣхъ временъ по обширности и многосторонности
знаній, первый получилъ имя „Филолога“ имѣвшее въ древности болѣе
широкій смыслъ, чѣмъ нынѣ и обозначавшее человѣка обширной учености.
Аристофанъ родился около 265 г. умеръ около 190. Аристархъ около 160. Онъ и Аристофанъ Византійскій были главными распорядителями але-
ксандрійской библіотеки. Аристархъ Самоѳракійскій, ученикъ Аристофана,
выказалъ при очищеніи старинныхъ произведеній греческой поэзіи и въ
частности пѣсенъ Гомера такую проницательность и осмотрительность,
что имя его стало служить почетнымъ названіемъ хорошаго критика.
Благодаря неутомимой дѣятельности этихъ людей, знаніе старинного гре-
ческаго языка и пониманіе написанныхъ на немъ безсмертныхъ произве-
деній сохранилось у потомковъ.

Исторія. Менѣе хороши были историческія произведенія александрійскаго періо-

да. Эта отрасль науки можетъ процвѣтать только въ свободныхъ госу-
дарствахъ; а здѣсь она утратила прежнюю энергію и простоту, впала въ
реторическую искуственность; историки той эпохи любили цвѣтистый
слогъ, пышныя фразы и больше, чѣмъ объ истинѣ, заботились о томъ,
чтобы нравиться своимъ современникамъ. Но всетаки очень жаль, что
историческія произведенія александрійскаго періода погибли; они извѣст-
ны намъ лишь по извлеченіямъ и отзывамъ позднѣйшихъ историковъ.
Важнѣйшими историографами александрійскаго періода были: Эфоръ, трудъ
котораго былъ первою всеобщею исторіею, Теопомпъ и Филархъ, напи-
савшіе исторію Греціи своего времени и Тимей, написавшій исторію Си-
циліи, своей родины. Даже люди восточныхъ народовъ писали исторію
своихъ странъ на греческомъ языкѣ; такъ напримѣръ: вавилонскій жрецъ
Берозъ около 265 года до Р. Х. написалъ древнюю исторію вавилонянъ, Берозъ.
ассиріянъ и мидянъ по памятникамъ, легендамъ и священнымъ книгамъ
ихъ, а его современникъ Манеѳонъ—исторію Египта, которую соста- Манеѳонъ.
вилъ, какъ онъ говоритъ, по древнимъ государственнымъ актамъ, архи-
вамъ храмовъ и памятникамъ и отъ которой уцѣлѣли лишь небольшія из-
влеченія, въ томъ числѣ списки тридцати династій египетскихъ царей (I, 72).

Важнѣйшіе историки начала македонскаго періода Ѳеопомпъ Хіосскій и Эфоръ, уро- Ѳеопомпъ около 360. Эфоръ около 340.
женецъ города Кимы (въ Эолидѣ), старшіе современники Филиппа и Александра полу-
чили ученое образованіе въ школѣ реторики, основанной Исократомъ на Хіосѣ, и при-
мѣнили къ исторіографіи правила ораторскаго краснорѣчія. Поэтому историческая про-
стота разсказа замѣнена у нихъ реторической пышностью, которая часто переходитъ
въ пустое многословіе. Ѳеопомпу, по выраженію Исократа, нужна была узда, а Эфору
были нужны шпоры. Ѳеопомпъ, взявшій образцомъ для себя Геродота, написалъ гре-
ческую исторію (Hellenika), съ того времени, на которомъ останавливается Ѳукидидъ
до битвы у Книда (410 — 394), и обширную исторію времени Филиппа, наполненную
множествомъ эпизодовъ, уклоняющихся отъ главнаго предмета; это было произведеніе,
представлявшее картину жизни той эпохи; онъ подготовился къ нему обширными пу-
тешествіями; оно имѣло возвышенный нравственный характеръ, но подвергалось пори-
цаніямъ за то, что въ немъ было много баснословныхъ разсказовъ, преувеличенныхъ и
слишкомъ суровыхъ сужденій. Эфоръ, человѣкъ спокойнаго характера, избралъ предме-
томъ своего разсказа времена менѣе близкія и написалъ первую всеобщую исторію,
отъ осады Трои до Священной войны (345); обширными изслѣдованіями онъ собралъ
огромный запасъ географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній; но, по отзывамъ древ-
нихъ писателей, онъ безъ достаточной критики вносилъ въ свой трудъ баснословные
разсказы по любви къ чудесному, а по склонности къ реторическимъ прикрасамъ впа-
далъ въ преувеличеніе; позднѣйшіе писатели—Діодоръ, Страбонъ, Плутархъ, другіе,
очень много пользовались его трудомъ. Историки Александра, сопровождавшіе его въ
походъ, Анаксименъ Лампсакскій и Каллисѳенъ Олинѳскій, тоже любили реторическую Анаксименъ и Каллисѳенъ около 330.
декламацію, вымышленныя рѣчи, длинныя описанія сраженій, составленныя безъ знанія
военнаго дѣла, и другія прикрасы пустого краснорѣчія замѣняли у нихъ историческую
вѣрность и правильное сужденіе о вещахъ. Тѣ же недостатки портили трудъ Клитарха, Клитархъ.
который также описывалъ походы Александра и своимъ напыщеннымъ краснорѣчіемъ
вошелъ въ поговорку у древнихъ писателей. Изъ всей толпы историковъ Александра
достовѣрностью отличались, кажется, только Птолемей, сынъ Лага, начальникъ флота
Неархъ и архитекторъ Аристобулъ Кассандрійскій. Исторія Греціи, написанная совре-
менникомъ Арата, Филархомъ, уроженцемъ Аѳинъ или Навкрата, состоявшая изъ 28 Филархъ около 230.
книгъ и разсказывавшая событія отъ похода Пирра въ Пелопоннесъ до смерти Клеоме-
на (272—221), отличалась богатствомъ трагическихъ фактовъ и живымъ драматиче-
скимъ изложеніемъ. Филархъ былъ пристрастенъ къ своему главному герою Клеомену
и любилъ писать эффектно; но и при этихъ недостаткахъ онъ былъ однимъ изъ послѣд-

Гіеронимъ Кардійскій около 292; Тимей умеръ около 260.

нихъ хорошихъ историковъ греческихъ событій. Произведенія всѣхъ этихъ историковъ
и Динона Колофонскаго, написавшаго исторію великихъ монархій Азіи и описывавшаго
чудеса Индіи, погибли. Изъ нихъ дошли до насъ лишь небольшіе отрывки; но грече-
скіе историки римскаго времени пользовались большею частью ихъ трудами. Погибъ и
трудъ Гіеронима Кардійскаго, который былъ другомъ и спутникомъ Эвмена; погибли
труды Тимея и Дуриса Самосскаго, любившаго разсказывать анекдотическія мелочи;
погибли произведенія такъ называемыхъ историковъ Аттики. — Гіеронимъ Кардійскій,
котораго Димитрій Поліоркетъ назначилъ военнымъ правителемъ Беотіи (въ 292 году),
и дѣятельность котораго продолжалась при Антигонѣ Гонатѣ, писалъ исторію своего
времени; его трудъ служилъ кажется главнымъ источникомъ для Діодора Сицилійскаго.
Тимей, родившійся въ Тавроменіи и принадлежавшій къ богатому семейству, былъ
изгнанъ изъ родины Агаѳокломъ, прожилъ 50 лѣтъ въ Аѳинахъ и возвратился въ оте-
чество лишь не задолго передъ смертью. Во время своего изгнанія онъ написалъ по-
дробную исторію Сициліи въ лѣтописной формѣ, и исторію походовъ Пирра. Онъ былъ
человѣкъ ученый, заботливо пользовался при составленіи своего труда пособіями,
какія даютъ историку географія и хронологія, распредѣлялъ матеріалъ по хорошему
порядку; но кажется, что его сужденія часто бывали неосновательны. Полибій, исто-
рія котораго начинается тѣмъ временемъ, на которомъ останавливается Тимей, даетъ
дурные отзывы о немъ. Въ разсказахъ о старинныхъ событіяхъ у него недоставало
критики и точности, въ разсказахъ о новыхъ онъ слишкомъ сурово судилъ о людяхъ
(потому его называли Эпитимеемъ «Порицателемъ»); слогъ его мѣстами былъ холоденъ
и сухъ, мѣстами реториченъ и напыщенъ. По негодованію на Агаѳокла за свое изгна-
ніе, онъ въ противоположность Каллію, наемному панегиристу тиранна, разсказывалъ
только дурное объ этомъ «мальчишкѣ, служившемъ у горшечника до 18 лѣтъ и по-
томъ изъ дыма и грязи своей мастерской пришедшемъ въ Сиракузы»; Тимей не цѣнилъ
отвагу и умъ Агаѳокла и останавливался только на его свирѣпостяхъ, вѣроломствахъ,
всяческихъ другихъ преступленіяхъ и на неудачахъ; но превозносилъ Тимолеона, осво-
бодителя Сициліи. Гіеронимъ Кардійскій былъ первый греческій историкъ, подробно
говорившій о Римѣ; Тимей передавалъ только легенду о поселеніи троянцевъ въ Лаці-
умѣ и сообщалъ не многія другія мелкія замѣтки о древнѣйшихъ временахъ Италіи. Въ
V вѣкѣ Гелланикъ (II, 361), въ IV ораторъ Андротіонъ ученикъ Исократа, писали
уже исторію Аѳинъ и Аттики; но особенно много такихъ трудовъ, называвшихся Атти-
дами, было написано въ III вѣкѣ. Изложеніе въ нихъ было строго лѣтописное (въ
историческія времена по годамъ архонтовъ); языкъ былъ кажется безъискуственный,
сухой; но по крайней мѣрѣ одинъ изъ этихъ историковъ Аттики, важнѣйшій изъ нихъ,
Филохоръ (около 280 г.), писалъ очень добросовѣстно, основываясь на внимательныхъ
изысканіяхъ, такъ что должно очень жалѣть о погибели его Аттиды, бывшей достовѣр-
нымъ источникомъ для исторіи Аѳинъ. Менѣе велико, повидимому, было достоинство
Аттидъ, написанныхъ Демономъ и Истромъ (ученикомъ Каллимаха).

Историческіе труды александрійскаго времени были гораздо ниже преж-
нихъ, но вспомогательныя науки исторіи, въ особенности хронологія и
географія, получили сильное развитіе. Работы Эратосѳена по этимъ отра-
слямъ знанія составляютъ самую лучшую часть его ученой дѣятельности.
Онъ опирался въ нихъ на математическія изслѣдованія. Онъ написалъ
ученый трактатъ о математической, физической и политической географіи;
опираясь на измѣренія и на геометрическія съемки, онъ опредѣлилъ вели-
чину окружности земного шара, который считалъ неподвижнымъ. Описы-
вая разныя страны, онъ, вѣроятно, пользовался статистическо-географиче-
скимъ трудомъ Дикіарха (II, 754). Этотъ философъ, другъ Ѳеофраста, со-
ставилъ географическія карты и въ объясненіе ихъ написалъ трактатъ о
„греческой землѣ"; въ немъ онъ говорилъ о географическомъ характерѣ
греческихъ странъ, о рѣкахъ, горахъ, моряхъ, описывалъ города, правы

учрежденія, излагалъ и тѣ новыя географическія свѣдѣнія, какія не задолго передъ тѣмъ были доставлены экспедиціями въ малоизвѣстныя страны. Около половины IV вѣка была составлена книга, называвшаяся «Перипломъ" (Плаваніемъ вдоль береговъ) и описывавшая европейскіе, азіатскіе, африканскіе берега Средиземнаго моря; неизвѣстный составитель этой книги называлъ авторомъ ея Скилакса Каріандскаго, который за 160 лѣтъ передъ тѣмъ изслѣдовалъ по порученію Дарія страну Инда (II, 424). Около того же времени Пиѳей Массилійскій совершилъ плаваніе вдоль западнаго и сѣвернаго берега Европы отъ Гадеса до Туле и плаваніе къ устью Танаиса, и результаты своихъ изслѣдованій изложилъ въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ, въ которыхъ впрочемъ истина была перемѣшана съ вымыслами, такъ что эти разсказы считались въ древности недостовѣрными.—Географическій трудъ Эратосѳена погибъ; но Страбонъ въ своей географіи приводитъ данныя изъ него. Точно также составили эпоху изслѣдованія Эратосѳена и въ хронологіи греческой исторіи. Изъ прежнихъ попытокъ опредѣлить эту хронологію уцѣлѣлъ любопытный памятникъ, называемый Паросскою мраморною хроникою; это таблица важнѣйшихъ событій греческой исторіи, начиная съ Кекропса; событія расположены по порядку времени, и при каждомъ изъ нихъ отмѣчено, за сколько лѣтъ было оно до года сотвѣтствующаго по нашему счету 364 году до Р. Х. Но всѣ такія попытки были очень неудовлетворительны сравнительно съ хронологическою таблицею, составленною Эратосѳеномъ. Она стала основаніемъ всѣхъ слѣдующихъ хронологическихъ разсчетовъ греческихъ и христіанско-византійскихъ ученыхъ. Такъ напримѣръ, по разсчету Эратосѳена опредѣляется эпохою взятія Трои 1184 годъ до Р. Х. Черезъ столѣтіе послѣ Эратосѳена грамматикъ Аполлодоръ Аѳинскій сдѣлалъ выборъ важнѣйшихъ данныхъ ихъ хронологическаго труда Эратосѳена и далъ этому краткому извлеченію, называющемуся „хроникою", стихотворную форму, вѣроятно, для того, чтобы легче было заучивать хронологическія данныя наизусть. Краткая хроника Аполлодора вытѣснила изъ употребленія хронологическій трудъ Эратосѳена, такъ что позднѣйшіе писатели рѣдко цитируютъ его, и онъ извѣстенъ намъ лишь по немногимъ отрывкамъ.

Естествознаніе. Математика. Астрономія.

Аристотель и Ѳеофрастъ ввели въ кругъ философскаго преподаванія естествознаніе, и послѣ того зоологія, ботаника, астрономія, математика получили большое развитіе; усердно занимались греки александрійскаго періода и примѣненіемъ этихъ знаній къ техническимъ искусствамъ. Математика и астрономія интересовали дѣятельный умъ грековъ уже и въ цвѣтущія времена свободы Греціи; но онѣ тогда разработывались главнымъ образомъ лишь для надобностей практической жизни: для счета времени, для распредѣленія года на части, для установленія богослужебнаго календаря. Незадолго передъ началомъ Пелопоннесской войны аѳинянинъ Метонъ (II, 703) установилъ 19-лѣтній циклъ уравненія луннаго года съ солнечнымъ. Этотъ циклъ долго оставался въ употребленіи. Въ александрійское время греки, ознакомившись съ трудами вавилонянъ и египтянъ, стали заниматься усерднѣе прежняго астрономіею и математикою, на которой основана она. При Птолемеѣ I Эвклидъ составилъ первый систематическій трактатъ о геометріи; его трудъ сталъ основаніемъ для дальнѣйшей разработки математики и много помогъ усовершенствованію кораблестроенія и другихъ техническихъ искусствъ. Эвдоксъ Книдскій былъ основателемъ научной астрономіи; его „Зеркало" и „Небесныя явленія" послужили источниками, по которымъ Аратъ составилъ свои астрономическія поэмы; Эратосѳенъ также занимался астрономіею и математическою географіею; но въ особенности много сдѣлалъ для развитія этихъ наукъ

Эвклидъ около 290.

Эвдоксъ около 266.

Гиппархъ около 150. глубокомысленный изслѣдователь Гиппархъ, уроженецъ виѳинскаго города Никеи, создатель плоской и сферической тригонометріи, величайшій астрономъ древности. Развитію статики, механики, другихъ отдѣловъ математики и физики оказалъ чрезвычайно важныя услуги Архимедъ, уроженецъ Сиракузъ. Архимедъ 287—212. Разсказъ, будто бы онъ, посредствомъ зажигательныхъ стеколъ, сжегъ римскіе корабли, признанъ теперь вымысломъ; недостовѣренъ и анекдотъ, будто бы онъ сказалъ царю Гіерону: „Дай мнѣ точку опоры и я сдвинусъ съ мѣста землю"; но эти выдумки свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ пользовался чрезвычайно высокимъ уваженіемъ; свидѣтельствуетъ объ этомъ и названіе архимедова винта, данное безконечному винту. Онъ дѣйствительно сдѣлалъ великія изобрѣтенія. Однимъ изъ нихъ были „желѣзныя руки", схватывавшія осадныя машины, людей, цѣлые корабли, приподымавшія ихъ и бросавшія внизъ; онѣ приводили римлянъ въ ужасъ и удивленіе. Высокое развитіе получила и медицина, которую вывелъ изъ таинственнаго мрака жреческой корпораціи на свѣтъ науки Гиппократъ, происходившій отъ рода Асклепіадовъ, жрецовъ, занимавшихся медициною на островѣ Косѣ, человѣкъ, получившій философское образованіе, расширившій свои знанія путешествіями и опытами (460—372 до Р. Х.). Теперь развились вспомогательныя науки медицины: ботаника, основателемъ которой былъ Діоскоридъ, и анатомія, разработанная трудами александрійскихъ ученыхъ. Герофилъ, врачъ Птолемея I, и его преемникъ Эрасистратъ были основателями научной медицины; о нихъ говорятъ, будто они дѣлали анатомическія изслѣдованія не только на трупахъ, но и на живыхъ людяхъ. На островахъ Косѣ, Книдѣ и въ другихъ мѣстахъ возникли медицинскія школы, въ которыхъ врачебное искусство преподавалось по ихъ системѣ.

3. Политическія понятія.

3. Подобно тому, какъ измѣнился въ александрійскій вѣкъ характеръ искусства и науки, получили новое направленіе государственная и юридическая жизнь грековъ, ихъ религіозное и философское міровоззрѣніе. По примѣру Аристотеля, ученики его и другіе мыслители, какъ напримѣръ Гераклидъ, уроженецъ Гераклеи Понтійской, писали трактаты о государственномъ устройствѣ, разъясняли понятія о государствѣ, законѣ, справедливости, объ отношеніяхъ между людьми, живущими въ благоустроенномъ государствѣ и о международномъ правѣ. По прежнимъ строгимъ понятіямъ о государствѣ, о верховной власти народа, личность человѣка исчезала въ представленіи о гражданинѣ; только полноправный гражданинъ государства пользовался покровительствомъ его законовъ; иноземецъ и вообще всякій человѣкъ, не принадлежавшій къ замкнутому сословію гражданъ, считался неимѣющимъ никакихъ правъ, даже врагомъ; эти суровыя понятія государственной замкнутости стали теперь смягчаться. Права личности стали пользоваться бо́льшимъ уваженіемъ; сознаніе человѣческихъ правъ ослабляло прежнія гражданскія чувства, прежнюю безусловную преданность государству; замкнутыя демократическія государства, ограничивавшіяся тѣсными предѣлами городского округа, замѣнились федераціями, имѣвшими союзное правительство и стѣснявшими демократическую автономію, которую прежде такъ упорно защищали мелкія республики. Обширныя монархіи, на которыя распалось царство Александра Великаго, захватили подъ свое владычество многія изъ прежнихъ греческихъ республикъ; греки привыкали къ мысли быть жителями большихъ государствъ, жертвовать замкнутостью городской независимости для того, чтобы пользоваться государственнымъ единствомъ. Времена демократіи миновали, настала монархическій вѣкъ. Ослабѣло даже чувство національности; сліяніе греческой культуры съ восточной

сгладило прежнюю рѣзкую разницу грековъ отъ варваровъ, замѣнило прежнія узкія греческія воззрѣнія космополитскими понятіями, которыя съ особеннымъ усердіемъ были развиваемы философіею циниковъ и стоиковъ. Естественными центрами этихъ космополитскихъ идей были большіе торговые города, имѣвшіе разноплеменное населеніе и одинаковые между собою по образу жизни, по характеру образованія, по стремленію къ богатству и наслажденію.

4. Религіозное и философское міровоззрѣніе.

4. Въ религіозныхъ понятіяхъ мы видимъ такую же перемѣну, какъ въ политическихъ. Изъ круга образованныхъ людей давно исчезла дѣтская вѣра старины, представлявшей себѣ боговъ подобными человѣку существами, которыя имѣютъ личныя сношенія съ людьми и правятъ ходомъ всѣхъ человѣческихъ дѣлъ; это наивное вѣрованіе давно стало считаться у образованныхъ людей суевѣріемъ. Философскія системы, отвергавшія реальность отдѣльныхъ предметовъ и приписывавшія дѣйствительное существованіе только единому основному принципу всего, остающемуся неизмѣннымъ во всѣхъ измѣненіяхъ видимаго міра, поколебали основу политеизма; но эти философскія выводы оставались непонятны массѣ, не удовлетворяли потребности человѣка въ религіи; и совѣсть людей смущалась. Потому понятно, что правительства греческихъ республикъ находили надобнымъ для общественнаго блага охранять народную религію, изгоняли или даже казнили нѣкоторыхъ философовъ, какъ атеистовъ. Но стремленіе къ изслѣдованію истины не могло быть остановлено насиліемъ. Когда понятіе о правахъ личности, объ индивидуальной свободѣ одолѣло стѣснительныя формы старинныхъ политическихъ идей, философское міровоззрѣніе стало колебать простонародный политеизмъ, и древнее язычество склонилось къ упадку. Въ массу народа проникла мысль, что господствующая религія обманчива, сомнѣніе подтачивало, какъ червь, корни политеизма, внѣшнія поддержки, на которыя опирался онъ, не могли удержать его отъ паденія.

Скептицизмъ Пиррона.

Философская школа, основанная Пирррономъ, современникомъ Александра, усиливала смущеніе мыслей массы, до которой доходили слухи объ этой новой философіи, говорившей, что человѣку невозможно знать истину о предметахъ, ставившей основнымъ принципомъ своимъ сомнѣніе, провозглашавшей безотрадное ученіе, что человѣческій умъ не можетъ ничего знать съ достовѣрностью, что всѣ человѣческія понятія основаны лишь на соглашеніи между людьми говорить такъ, а не иначе, что мудрецъ долженъ, для сохраненія своего душевнаго спокойствія, воздержаться отъ всякихъ рѣшительныхъ сужденій. Пирронъ, основатель этой системы, называемой скептицизмомъ, лично былъ почтенный человѣкъ строго-нравственнаго образа жизни, держалъ себя такъ, какъ слѣдовало по его ученію держать себя безстрастному мудрецу, обладающему душевнымъ спокойствіемъ. Заимствовавъ коренныя мысли своей системы изъ ученія мегарской школы (II, 719), онъ, подобно ей, ставилъ высшимъ благомъ, истинной цѣлью человѣческой жизни добродѣтель. Онъ доказывалъ только, что человѣческій умъ не можетъ достигать достовѣрнаго знанія истины; но нѣкоторые изъ его учениковъ отрицали не только несомнѣнность нашихъ общихъ сужденій о вещахъ, но и достовѣрность чувственныхъ впечатлѣній, отвергали почти всѣ философскія понятія и отрицали своимъ самоубійственнымъ скептицизмомъ достовѣрность даже и собственнаго своего сомнѣнія. Утверждая, что совершенно ничего достовѣрнаго не знаютъ, они разсуждали о своемъ незнаніи истины не съ грустью, а съ надменнымъ удовольствіемъ. Пирронизмъ сильно подрывалъ политеистическую вѣру народа; но еще болѣе опасный ударъ ей былъ нанесенъ Эвгемеромъ

Эвгемеризмъ.

мессанскимъ, послѣдователемъ киренейской философіи (II, 716). Человѣкъ ученый, даровитый, имѣвшій большую житейскую опытность, онъ, подобно Пиррону, былъ спутникомъ походовъ Александра Великаго, потомъ былъ начальникомъ экспедиціи, посланной царемъ македонскимъ Кассандромъ для изслѣдованія индійскаго моря. Возвратившись, онъ употребилъ свои обширныя ученыя и житейскія знанія на разрушеніе обветшавшей народной вѣры и написалъ трактатъ, который назвалъ „Священной исторіей"; онъ доказывалъ въ немъ, что божества греческой религіи были простые люди; это онъ подтверждалъ вымышленными надписями и другими документами, которые онъ, по его словамъ, нашелъ въ храмѣ открытаго имъ счастливаго острова Панхеи. По разъясненіямъ Эвгемера, весь міръ греческихъ божествъ оказывался созданіемъ лжи, невѣжества, легковѣрія; это отнимало у политеизма всякое возвышенное значеніе, у народной вѣры божественный ореолъ, низводило языческую религію на степень пустой шарлатанской формалистики, уничтожало связь греческихъ вѣрованій съ нравственностью. Трактатъ Эвгемера былъ написанъ простымъ языкомъ, изложеніе было легкое; легенды о богахъ и героихъ и живыя описанія роскошной индійской природы дѣлали чтеніе „Священной исторіи" занимательнымъ; она очень понравилась тогдашней публикѣ, любившей странное, пикантное; и хотя было очевидно, что разсказы о Панхеѣ и найденныя на ней надписи—вымыслы, хотя Эратосѳенъ и другіе добросовѣстные ученые опровергали эти выдумки, мысли Эвгемера получили широкое распространеніе въ образованныхъ кругахъ. Невѣріе овладѣвало давно предрасположеннымъ къ нему греческимъ обществомъ, стало черезъ нѣсколько времени овладѣвать и римскимъ. Въ слѣдующемъ столѣтіи знаменитый поэтъ Энній перевелъ „Священную исторію" на латинскій языкъ. Плутархъ проклинаетъ Эвгемера, какъ разрушителя вѣры, христіанскіе отцы церкви прославляютъ его, какъ разрушителя язычества. Ученіе Эвгемера, превращавшее олимпъ народной вѣры въ жилище людей, благопріятствовало стремленію царей пользоваться божескими почестями, и вѣроятно нравилось имъ; если такъ, это должно было содѣйствовать его распространенію.

«Священная Исторія» Эвгемера.

Передаемъ по Герлаху (Historische Studien) и по Кортюму содержаніе «Священной исторіи» Эвгемера. Это нѣчто въ родѣ историческо-философскаго романа. Эвгемеръ говоритъ, что въ своемъ плаваніи по Индійскому Океану онъ открылъ на юго-востокѣ отъ счастливой Аравіи группу острововъ, прекрасныхъ, изобилующихъ всякими благами, богатыхъ произведеніями искусствъ; главный изъ этихъ острововъ Панхея (Цейлонъ?). Жители Панхеи очень образованный народъ; нѣкоторые изъ предковъ этого народа были переселенцы съ Крита. Населеніе дѣлится на сословія жрецовъ, воиновъ и земледѣльцевъ; художники и ремесленники принадлежатъ къ сословію жрецовъ, пастухи къ сословію земледѣльцевъ. Государствомъ правятъ жрецы, отличающіеся отъ другихъ сословій одеждою; они завѣдуютъ общественнымъ имуществомъ; они и судьи, они и администраторы. Они живутъ въ священномъ округѣ, въ центрѣ котораго подымается высокая гора, называющаяся Престоломъ Урана или Олимпомъ Трифилійскимъ. Тамъ стоитъ и главный храмъ, изумительно громадный и великолѣпный, украшенный барельефами и статуями. Самая удивительная вещь въ немъ—золотая колонна; она покрыта панхейскими или іероглифическими надписями, объясняющими, что такое божества; эти надписи говорятъ, что Уранъ, Кронъ и въ особенности Зевсъ были завоеватели; что Зевсъ первой женой своей имѣлъ свою сестру Геру, отъ которой родились у него куреты; отъ второй жены Деметры родилась у него Персефона; отъ третьей, Ѳемиды, Аѳина; что онъ завоевалъ много странъ, заключилъ союзъ гостепріимства съ Беломъ вавилонскимъ, соорудилъ на островѣ Панхеѣ жертвенникъ своему дѣду Урану, царствовалъ долго и счастливо, и что наконецъ жрецы и народъ стали воздавать ему божескія почести. Главнымъ мѣстопребываніемъ его было гора Олимпъ на островѣ Панхеѣ; тамъ онъ, когда былъ царемъ, особенно любилъ жить, тамъ творилъ судъ и любезно принималъ всѣхъ сдѣлавшихъ какія нибудь полезныя изобрѣтенія. Онъ пять разъ побѣдоносно прошелъ съ войскомъ по всей землѣ и повсюду ставилъ памятники своихъ побѣдъ; по страху, по раболѣпству и отчасти по легковѣрію, народы, послѣ нѣкотораго сопротивленія, поддались хитрости жрецовъ, говорившихъ, что онъ верховный богъ и стали боготворить этого счастливаго завоевателя; таково же происхожденіе божескихъ почестей, оказываемыхъ другимъ небожителямъ: всѣ они люди, которыхъ народы стали обожать, или какъ завоевателей, или за какія-нибудь ихъ заслуги. Народы не хотѣли помнить, что эти божества были людьми и что, напримѣръ, на Критѣ существуетъ гробница Зевса, ясно показывающая, что онъ былъ человѣкъ. Жреческое сословіе, владычествующее на Панхеѣ, правитъ народомъ мудро и кротко. Кромѣ жилищъ и маленькихъ садовъ при нихъ, тамъ нѣтъ частной собственности. Продукты труда земледѣльцевъ, пастуховъ и пр. отдаются правительству и потомъ распредѣляются жрецами между жителями, соразмѣрно надобностямъ каждаго.

Философія.

Господствующая религія не удовлетворяла людей, поэтому они искали душевнаго спокойствія и нравственной опоры въ философіи. Такимъ образомъ время упадка вѣрованій было цвѣтущимъ періодомъ философіи. Великихъ новыхъ философскихъ системъ этотъ вѣкъ не произвелъ, но философія распространилась тогда въ обществѣ, ею интересовались всѣ образованные люди. Философы выработали правила жизни для всѣхъ сословій, для всѣхъ профессій; философскія системы служили основаніями общественной жизни и литературы. Попытки Арата и Клеомена оживить государственный бытъ Греціи реформами, низвергнуть тиранновъ, возстановить свободу—произошли изъ философскихъ ученій; изъ нихъ произошли и космополитскія понятія того времени. Основатели новыхъ философскихъ школъ стремились провести въ жизнь результаты своихъ размышленій, дать своимъ идеямъ практическое примѣненіе. Нѣкоторые изъ этихъ философовъ были послѣдователями великихъ мыслителей прежняго времени. Важнѣйшими философскими школами были: Перипатетическая, развивавшая систему Аристотеля (II, 753); академическая, послѣдователи которой назывались платониками, но преобразовывали ученіе Платона, такъ что различаются три періода платонизма: первая, вторая и третья академіи (II, 739); еще вліятельнѣе были эпикурейская школа, основанная на ученіи Аристиппа, и стоическая, бывшая облагороженнымъ ученіемъ циниковъ (II, 717). Эпикуръ, основатель школы, названной его именемъ, родился на Самосѣ, въ семействѣ, переселившемся туда изъ Аттики, получилъ образованіе въ Аѳинахъ, преподавалъ свою философію отчасти въ этой столицѣ наукъ, отчасти въ разныхъ городахъ Малой Азіи. Основатель стоической школы Зенонъ, уроженецъ кипрскаго города Китія, сначала занимался торговлею, потомъ, оставивъ ее, поселился въ Аѳинахъ, посѣщалъ тамъ школы разныхъ философовъ, нашелъ ихъ ученія неудовлетворительными и составилъ свою систему, цѣлью которой было рѣшеніе вопросовъ о высшихъ цѣляхъ жизни. Онъ думалъ не о томъ, чтобъ открывать новыя отвлеченныя истины; главнымъ желаніемъ его было установить правила нравственной жизни на здравыхъ понятіяхъ объ устройствѣ міра. Ученія Эпикура и Зенона были противоположны по своему характеру: Эпикуръ допускалъ человѣка свободно пользоваться внѣшними благами, училъ благоразумному наслажденію жизнью; Зенонъ требовалъ, чтобы мудрецъ стремился къ душевному спокойствію („безстрастію", Apathia) и трудился надъ развитіемъ въ себѣ способности къ отреченію отъ внѣшнихъ благъ („занимался аскетикою"); но оба они

Эпикуръ 324 — 270.

Зенонъ 336 — 264.

желали доставить человѣческой душѣ свободу отъ житейскихъ тревогъ,
оба считали твердую преданность истинѣ отрадой человѣка, источникомъ
нравственнаго мужества. Школы, основанныя ими, имѣли могущественное
вліяніе на мысли людей во всѣ послѣдующіе вѣка.

Эпикуреизмъ.

Нравственное ученіе, которое Эпикуръ излагалъ въ своемъ домѣ, стоявшемъ въ прекра-
сномъ саду близъ Аѳинъ, было видоизмѣненіемъ киренейской этики; но Эпикуръ далъ ему бо-
лѣе прочное теоретическое основаніе тѣмъ, что заимствовалъ ученіе о природѣ изъ системы
Демокрита (II, 348), почти безъ всякаго измѣненія. Его философія, дѣлившаяся на логику
(канонику), физику и этику, учила, что познаніе истины основывается на чувственныхъ
воспріятіяхъ, на впечатлѣніяхъ, производимыхъ внѣшнимъ міромъ; что нѣтъ ничего суще-
ствующаго отдѣльно отъ матеріи, а всѣ матеріальные предметы состоитъ изъ случайнаго сое-
диненія атомовъ, носящихся въ пространствѣ; изъ атомовъ состоитъ и душа человѣка, со-
стоятъ и боги; различіе между предметами происходитъ отъ различія атомовъ, изъ ко-
торыхъ состоятъ они; душа и боги состоятъ изъ атомовъ очень тонкаго вещества, ко-
торое можно сравнить съ теплымъ дыханіемъ. Цѣль жизни и у боговъ, и у людей—счастіе.
Счастіе боговъ состоитъ въ томъ, что они свободны отъ заботы о вселенной: она не соз-
дана ими, они не правятъ ею; они живутъ въ пространствахъ между разными мірами и не
имѣютъ никакого вліянія ни на природу, ни на жизнь людей. Счастіе человѣка состоитъ
въ свободѣ отъ всякихъ непріятныхъ ощущеній, нарушающихъ душевное довольство.
У Эпикура, человѣка нравственнаго и добраго, это ученіе имѣло благородный харак-
теръ; но впослѣдствіи оно превратилось въ философію чувственнаго наслажденія. Осно-
ватель школы ставилъ счастье въ душевномъ довольствѣ мудреца, отдавалъ предпочте-
ніе надъ чувственными наслажденіями умственнымъ, какъ болѣе прочнымъ и болѣе
чистымъ; его ученики скоро переступили границу между прочнымъ нравственнымъ
удовольствіемъ душевнаго спокойствія и чувственными наслажденіями, ихъ испорчен-
ный эпикуреизмъ ставилъ цѣлью жизни эти наслажденія.—Характеръ самого Эпикура
былъ, какъ мы сказали, безукоризненъ, его нравы были чисты. Онъ любилъ прово-
дить время въ обществѣ учениковъ и друзей; они обѣдали въ его саду; но эти обѣды
были скромны, и тѣ небольшіе расходы, какихъ требовали они, были покрываемы
взносами участвующихъ; древніе писатели хвалятъ согласіе между собесѣдниками
Эпикура въ его саду, добродушіе и кротость этого дружескаго общества философовъ.—

Стоицизмъ.

Противоположность эпикуреизму, выродившемуся въ изнѣженность, представляетъ су-
ровый стоицизмъ, возобновленный цинизмъ въ облагороженной формѣ. Зенонъ, препо-
дававшій свое ученіе въ Аѳинахъ, оставался въ жизни вѣренъ его правиламъ, испол-
нялъ ихъ съ непоколебимою твердостью воли до смерти, которую въ глубокой старости
добровольно далъ себѣ, отказавшись отъ пищи. Онъ былъ слабаго тѣлосложенія, но
пріучилъ себя удивительно легко выносить всякіе труды и лишенія; нравы его были
чисты, онъ былъ воздерженъ, владѣлъ своими страстями, высказывалъ свои мысли
коротко и опредѣлительно; характеръ его былъ строгій, нѣсколько мрачный. Онъ пре-
подавалъ свое ученіе въ Разрисованной Стоѣ (Stoa Poikile), потому оно получило
названіе стоическаго. Основаніемъ системы Зенона служило, какъ мы говорили, ученіе
циниковъ; но, кромѣ того, въ ней замѣтно вліяніе мегарской школы: Зенонъ былъ слу-
шателемъ Стильпона (II, 719). Стоицизмъ такъ же, какъ эпикуреизмъ, имѣетъ
своею цѣлью доставить человѣку счастіе, состоящее въ мудрой умѣренности; но цѣль
эта достигается въ немъ путями, противоположными эпикурейскимъ. По ученію стоиковъ,
счастіе человѣка состоитъ въ томъ, чтобъ онъ былъ подобенъ богамъ; онъ достигаетъ
этого познаніемъ истины о божественныхъ и человѣческихъ дѣлахъ, правильнымъ
сужденіемъ о добрѣ и злѣ, жизнью сообразною природѣ, владычествомъ надъ стра-
стями, подавленіемъ въ себѣ влеченій, противныхъ разуму, пріобрѣтеніемъ привычки
сообразовать свою волю съ природою и разумомъ. Мудрый долженъ переносить все
въ жизни съ непоколебимымъ равнодушіемъ, потому что радость и горе, счастье и
бѣдствія предопредѣлены вѣчной необходимостью природы (Heimarmene, Fatum), а воз-

ставать противъ неизбѣжнаго, противно природѣ. При самомъ возникновеніи міра было уже положено на вѣчныя времена основаніе всему, что будетъ происходить, такъ что все въ мірѣ совершается по необходимости, и въ немъ нѣтъ мѣста случаю. Самоубійство, по ученію стоиковъ, дѣло не заслуживающее порицанія. Въ ученіи о вселенной (физикѣ) они говорили, что первобытная матерія (эѳиръ) и первобытный разумъ (огонь) существовали при началѣ вселенной въ соединеніи и это ихъ соединеніе—движущій, оживляющій, создающій законъ природы (Зевсъ); это существо, состоящее изъ эѳира и огня, одаренное разумомъ и волей, создало изъ самого себя вселенную, которой оно движетъ и правитъ; вселенная нѣкогда сгоритъ и тѣмъ возвратится въ первобытное существо, изъ котораго произошла. Подобно вселенной, и части ея, въ особенности небесныя тѣла, имѣютъ божественную природу; но всѣ онѣ подчинены закону необходимости. Душа человѣка—огненное дыханіе, истеченіе души вселенной; она имѣетъ, кромѣ пяти внѣшнихъ чувствъ, способность размноженія, даръ слова и разумъ, который долженъ управлять другими силами души.

Ученіе Зенона получило широкое распространеніе, вліяніе его замѣтно въ политическихъ событіяхъ того времени. Ученикъ Зенона Сферъ Босфорскій, жившій въ Спартѣ, возбудилъ въ душѣ Клеомена энтузіазмъ къ старинной спартанской строгости нравовъ (стр. 351); соотечественникъ и другъ Зенона Персей Китійскій пользовался уваженіемъ царя македонскаго Антигона Гоната. Но участіе стоиковъ въ политическихъ дѣлахъ помѣшало ихъ единодушію: одинъ изъ даровитѣйшихъ учениковъ Зенона—Діонисій Гераклейскій покинулъ его систему и сталъ послѣдователемъ киренейской философіи; другой даровитый ученикъ, Аристонъ Хіосскій, разошелся съ Зенономъ по многимъ важнымъ вопросамъ, находя его ученіе слишкомъ суровымъ. Вѣренъ Зенону оставался

Клеантъ 331—232.

Клеантъ, уроженецъ троадскаго города Асса, получившій названіе «водоноса», потому что зарабатывалъ себѣ деньги ночью тяжелымъ физическимъ трудомъ, посвящая день изученію философіи; онъ твердо держался системы Зенона и горячо защищалъ ее отъ противниковъ; но умъ его былъ тяжелый; онъ не могъ привлекать къ себѣ послѣдователей. Ученикъ Клеанта Хризиппъ, уроженецъ города Солъ, называется вторымъ основателемъ стоической школы. И, дѣйствительно, онъ поддержалъ ее. Человѣкъ твер-

Хризиппъ 274—207.

даго характера, одаренный сильнымъ умомъ, большимъ діалектическимъ талантомъ, часто доводившимъ его до натяжекъ въ аргументахъ, онъ обладалъ обширной ученостью, былъ ловокъ и дѣятеленъ; благодаря этимъ качествамъ, онъ соединилъ подъ своимъ руководствомъ распадавшуюся школу Зенона и подробно разработалъ систему стоической философіи. Онъ писалъ очень много; говорятъ, что число его сочиненій простиралось до 750. Они были написаны торопливо, потому изложеніе въ нихъ было небрежное: древніе писатели говорятъ, что языкъ ихъ былъ неправиленъ, слогъ растянутъ, много было въ нихъ повтореній, лишнихъ цитатъ, много эпизодовъ, уклонявшихся отъ главнаго предмета. Но, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, сочиненія Хризиппа легли въ основаніе всѣхъ позднѣйшихъ ученыхъ трудовъ стоической школы.

Общій выводъ.

Въ продолженіе вѣка, начинающагося походомъ Александра въ Азію, совершился великій культурный переворотъ: греческій языкъ сталъ всемірнымъ языкомъ; но у людей, которые теперь говорили имъ, уже не было греческой простоты нравовъ, они были чужды духу прежней Греціи. Блестящія столицы стали центрами модной образованности; она имѣла дворскій характеръ, стремилась къ роскоши, къ наслажденіямъ; люди всѣми силами старались разнообразить и украшать обстановку своей жизни. Торговля получила небывалое развитіе: въ гаваняхъ Александріи и Родоса, на рынкахъ Антіохіи, Эфеса и Византіи Европа, Азія и Африка обмѣнивались своими товарами; громадные корабли плавали по морямъ во всѣхъ направленіяхъ. Повсюду

возникли богатые, торговые города; ихъ дома были украшены великолѣпно; на мраморныхъ столахъ блистала золотая и серебряная посуда; люди возлежали за обѣдомъ на мягкихъ ложахъ, ходили по прекраснымъ коврамъ, одѣвались великолѣпно, натирали тѣло благовоніями; повсюду была такая роскошь, такое богатство удовольствій, какъ теперь въ Лондонѣ, Парижѣ, Гамбургѣ, Нью-Іоркѣ. Но блестящій александрійскій вѣкъ не былъ счастливъ. Другъ человѣчества печально смотрѣлъ на нравственный упадокъ людей, и величайшій изъ поэтовъ того времени, Ѳеокритъ, искалъ отрады себѣ въ мысляхъ о пастухахъ и поселянахъ, противопоставлялъ пошлой жизни въ богатыхъ дворцахъ счастье скромной бѣдности, веселье простыхъ людей; подъ блестящей оболочкой скрывалось тлѣніе; среди роскоши въ душѣ людей было отчаяніе, бушевали страсти, совершались злодѣйства, самоубійства. Эти люди были больны и душой, и тѣломъ; они утратили благородныя стремленія, между ними владычествовалъ раздоръ, они не имѣли общей связи. Воинъ, морякъ, торговецъ, промышленникъ, администраторъ, судья,—каждый шелъ своей дорогой, не заботясь о другихъ, каждый думалъ только о своихъ выгодахъ и наслажденіяхъ, пріобрѣталъ только тѣ знанія, которыя вели его къ желанной цѣли. Гармоническое развитіе души и тѣла, единственное прочное основаніе истинной человѣческой образованности, было чуждо людямъ того вѣка, и если прежде личность была поглощаема государствомъ, то теперь она хотѣла пользоваться государствомъ для своихъ цѣлей. Религія превратилась въ мертвую массу баснословія и суевѣрныхъ обрядовъ, невѣріе разъѣдало ее. Критика дошла до того, что отрицала существованіе боговъ, называла ихъ людьми, которые въ старину пріобрѣли признательность своихъ современниковъ полезными изобрѣтеніями и за то были удостоены божескихъ почестей. Богослуженіе превратилось въ машинальное исполненіе обрядовъ, не согрѣвало душу, не давало нравственной поддержки людямъ въ затрудненіяхъ и бѣдствіяхъ жизни. Не было заботы о томъ, чтобы питать въ душѣ священный пламень; люди искали спасенія себѣ въ оргіастическихъ культахъ, въ таинствахъ, въ волшебствѣ и прорицаніи, въ космополитскомъ сліяніи разныхъ религій. Военное дѣло было предоставлено особому сословію воиновъ; мечъ былъ не въ рукахъ гражданина, а въ рукахъ наемника, и служилъ не на защиту отечества и свободы, а былъ только орудіемъ царей и военачальниковъ для завоеванія чужихъ земель; военная служба уже не была почетной обязанностью свободнаго гражданина, стала ремесломъ особаго сословія людей, вознаграждавшихъ себя за трудности и опасности своего промысла буйствомъ и развратомъ. Повсюду толпились греческіе наемники, готовые служить всякому, кто обѣщалъ жалованье и добычу. Поэзія, дающая духовную пищу здоровымъ народамъ, изсохла на каменистой почвѣ матеріальныхъ интересовъ, которыми жили

люди того алчнаго вѣка. Въ тихихъ залахъ великолѣпнаго зданія въ Александріи, еще оставалось нѣсколько ученыхъ людей, заботливо охранявшихъ священный огонь, чтобы не совершенно покинули землю музы; они собирали, объясняли созданія вдохновенныхъ писателей прежняго времени; ихъ трудолюбію мы обязаны сохраненіемъ сокровищъ греческой литературы, изученіемъ которыхъ облагородился духъ людей слѣдующихъ вѣковъ, развилось пониманіе красоты формъ, оживилась творческая фантазія. Но лишь немногіе изъ современниковъ этихъ ученыхъ, умѣли цѣнить идеальныя блага; взоры толпы были устремлены на землю, она обольщалась пустымъ блескомъ, не понимала тихаго счастья живущаго въ душѣ, не отнимаемаго никакими внѣшними бѣдствіями, не знала нетлѣнныхъ благъ.

[illegible]

ВОЗРОСТАНІЕ МОГУЩЕСТВА РИМА.

Дополненіе къ обзору литературы. Наше изложеніе основано на источникахъ. Важнѣйшіе изъ нихъ будутъ характеризованы въ нашемъ разсказѣ; это: Ливій (Римская Исторія), Полибій (Всеобщая Исторія), Плутархъ (Біографія), Саллюстій (Югуртинская война, Мятежъ Катилины), Аппіанъ (Римская Исторія), Діонъ Кассій (Римская Исторія); будутъ характеризованы нами и второстепенные источники: Юстинъ, Веллій Патеркулъ, Флоръ, византійскій историкъ Зонара. Изъ новыхъ писателей, кромѣ перечисленныхъ на стран. 3 и 167, пособіемъ намъ служили въ особенности слѣдующіе: 1) Для временъ пуническихъ войнъ: Haltaus (Geschichte Roms vom ersten punischen Krieg bis zum Ende des punischen Söldnerkriegs. Leipz. 1846) и Rud. Micke (Geschichte des zweiten punischen Kriegs. Breslau—1851); Keller (Der zweite punische Krieg. und seine Quellen. Marburg 1875); Zielinski (Die letzten Jahre des zweiten punischen Kriegs Leipz. 1880); Finlay (History of Greece under the Romans. London 1857.—Есть нѣмецкій переводъ, Leipzg, 1861); Hertzberg (Die Geschichte Griechenlands unter der Herrschaft der Römer. Halle 1866). Для времени Гракховъ: Nitzsch (Die Gracchen und ihre nächsten Vorgänger. Berl. 1847; и монографія о Полибіѣ); статьи Герлаха, относящіяся къ этому періоду, въ собраніи его изслѣдованій (Gerlach, Historische Studien. Томъ I, Hamburg und Gotha 1841; томъ II, Basel 1848).—3) Для времени междоусобій въ I вѣкѣ до Р. X.: Zachariä (L. Cornelius Sulla als Ordner des römischen Freistaats. Heidelb. 1834) и книга написанная съ противоположной точки зрѣнія: Lau, L. Cornelius Sulla, eine Biographie. Hamburg 1855; Drumann (Geschichte Roms in seinem Übergang von der republikanischen zur monarchischen Verfassung. 6 томовъ. Königsberg 1834 — 1844); George Lonq (The decline of the Roman republic. 5 томовъ. Lond. 1864 и слѣд.); Kiene (Der römische Bundesgenossenkrieg. Leipz 1845); Hoek (Römische Geschichte vom Vertall der Republik bis zur Vollendung der Monarchie unter Konstantin. Braunschweig. 1841. Томъ I, 1 und 2 Abtheilung). 4) Для исторіи литературы: Bähr (Grundriss der römischen Literatur. Karlsruhe 1842 и слѣд., 2 изданіе); Bernhardy (Geschichte der römischen Literatur, 5 Bearbeitung. Halle 1872); Teuffel (Geschichte der römischen Literatur, 4 изданіе. Leipz. 1881).

I. Расширеніе римскаго владычества на сосѣдніе съ Италіею острова и на область рѣки По.

1. Первая пуническая война.

(264—241).

Важны были тѣ часы, когда римскій сенатъ совѣщался о просьбѣ мамертинцевъ, искавшихъ помощи Рима (стр. 407). Заманчивъ былъ представлявшійся случай овладѣть богатой, плодородной Сициліей и не было опасности встрѣтить твердое сопротивленіе отъ сицилійскихъ 265.

Мамертинцы просятъ помощи у римлянъ.

грековъ, ссорившихся между собою; но были важныя соображенія, отклонявшія римлянъ отъ вмѣшательства въ сицилійскія дѣла, отъ перехода за естественныя границы государства. Честные граждане, въ груди которыхъ не заглохла совѣсть, находили постыднымъ, чтобы Римъ, незадолго передъ тѣмъ подвергшій справедливому наказанію шайку разбойниковъ, овладѣвшихъ Регіемъ, принялъ на себя защиту ихъ соплеменниковъ, такихъ же разбойниковъ, спасъ ихъ отъ справедливаго мщенія Гіерона; осторожные государственные люди опасались покинуть политику отцовъ, возвеличившую Римъ и начать войну за моремъ, чего не дѣлали предки. Имъ казалось, что исходъ этой войны не вѣренъ, потому, что въ ней побѣда будетъ рѣшена не битвами на сухомъ пути, а морскими сраженіями. Всѣмъ, даже и самымъ близорукимъ людямъ было ясно, что, пославъ свои войска въ Сицилію, римляне должны будутъ вступить въ борьбу съ Карѳагеномъ, чьи флоты владычествуютъ на морѣ; въ распоряженіи у римлянъ были тогда только корабли покоренныхъ греческихъ городовъ Южной Италіи, малочисленные и слабые сравнительно съ громадными морскими силами Карѳагена. Непріятно было и нарушать дружбу съ государствомъ, съ которымъ римляне вступили въ союзъ во время войны съ Пирромъ. Эти и тому подобныя соображенія заставили римскій сенатъ отвергнуть просьбу мамертинцевъ; но консулы Аппій Клавдій и Маркъ Фульвій, желавшіе войны, перенесли дѣло на рѣшеніе народнаго собранія. Народъ не зналъ, какъ могущественъ Карѳагенъ, не умѣлъ сообразить, какъ опасна, тяжела, продолжительна будетъ война и рѣшилъ принять подъ покровительство Рима мамертинцевъ, имѣющихъ право на это по своему италійскому происхожденію, и послать имъ помощь, о которой просятъ они. Этимъ была снята съ сената отвѣтственность за войну, и онъ теперь безъ колебанія заключилъ договоръ съ мамертинцами. «Это былъ одинъ изъ тѣхъ моментовъ», говоритъ Моммсенъ, «когда разсчетъ исчезаетъ, и народъ, вѣря въ свое счастье, отважно принимаетъ руку, протягивающуюся изъ мрака будущаго, чтобъ она вела его невѣдомо ему самому куда». Политическая нравственность была принесена въ жертву выгодѣ.

Римъ принимаетъ просьбу мамертинцевъ

Карѳагеняне хотятъ удержать римлянъ отъ посылки войска въ Сицилію.

И въ Римѣ и въ Карѳагенѣ хотѣли удержаться отъ перваго рѣшительнаго шага къ военному столкновенію. Карѳагеняне хотѣли отнять у римскаго сената всякій поводъ къ войнѣ, чтобъ онъ не могъ выставить ихъ виновными въ нападеніи на римлянъ, зачинщиками войны, какъ онъ это хотѣлъ сдѣлать. Они дали полное удовлетвореніе жалобамъ римскаго посольства, пріѣхавшаго въ Карѳагенъ съ обвиненіями противъ начальника карѳагенскаго флота, который, по словамъ римлянъ, держалъ себя во время тарентинской войны двусмысленно; чтобы не было римлянамъ никакого предлога вмѣшиваться въ войну Гіерона съ мамертинцами, Ганнонъ, начальствовавшій карѳагенскими

войсками въ мессанской цитадели и флотомъ, охранявшимъ проливъ, убѣдилъ воюющихъ примириться. Гіеронъ снялъ осаду съ Мессаны, и Риму не отъ кого было защищать мамертинцевъ, которые сами послали сказать, что теперь уже не нуждаются въ римской помощи. Послы передали это Гаію Клавдію, римскому военачальнику, пришедшему съ передовымъ отрядомъ въ Регій. Онъ понималъ, что это сдѣлано по внушенію карѳагенянъ, былъ увѣренъ, что не всѣ мамертинцы одобряютъ посольство и желаютъ войны, однако сталъ готовиться къ переправѣ. Ганнонъ хотѣлъ помѣшать ей, сталъ захватывать римскіе корабли, но возвратилъ ихъ «друзьямъ Карѳагена». Клавдій не испугался его намѣренія противиться переправѣ, его клятвы, что онъ не допуститъ римлянъ умыть руки въ морѣ. Изслѣдовавъ теченіе моря въ проливѣ, Клавдій посадилъ войско на корабли и приплылъ въ мессанскую гавань. Высадивъ свое войско, онъ тотчасъ созвалъ народное собраніе мамертинцевъ; Ганнонъ былъ приглашенъ присутствовать въ этомъ собраніи и явился туда, чтобъ отнять у Клавдія всякій поводъ къ военнымъ дѣйствіямъ. Послѣ долгихъ напрасныхъ переговоровъ, римляне схватили и арестовали Ганнона. Онъ былъ такъ малодушенъ, что купилъ себѣ освобожденіе сдачею цитадели римлянамъ. Онъ вывелъ изъ нея гарнизонъ; Клавдій занялъ ее своимъ войскомъ. Карѳагеняне распяли Ганнона на крестѣ, умертвили всѣхъ италійцевъ, бывшихъ у нихъ въ службѣ, и вступили въ союзъ съ Гіерономъ; соединенныя войска ихъ и его пошли отнять у римлянъ Мессану, а флотъ ихъ старался помѣшать переправѣ консула Аппія Клавдія Кавдекса, пришедшаго въ Регій съ главными силами войска. Это не удалось имъ. Аппій Клавдій темной ночью переплылъ проливъ, соединился съ мессанскимъ отрядомъ, напалъ всѣми силами на враговъ, стоявшихъ порознь, и разбилъ оба ихъ войска по одиночкѣ. Уронъ ихъ былъ такъ великъ, что они отступили отъ Мессаны. Римскіе отряды подходили къ самымъ Сиракузамъ и производили рекогносцировки. Сиракузанцы неохотно соединились съ карѳагенянами, своими давними врагами, отъ которыхъ столько терпѣли въ прежнія времена; но успѣшно сопротивлялись римлянамъ, такъ что при наступленіи зимы Аппій Клавдій долженъ былъ уйдти въ Мессану. Въ слѣдующемъ году переправились въ Сицилію оба римскіе консула съ большими силами; одинъ изъ нихъ Маркъ Валерій Максимъ одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ сиракузанцами и карѳагенянами; Гіеронъ, уступая желанію народа, заключилъ миръ и союзъ съ римлянами.— Валерій Максимъ получилъ за свои побѣды названіе Мессаллы («мессанскаго»).

Римляне овладѣваютъ Мессаной. 264.

Побѣда римлянъ надъ карѳагенянами и сицилійцами у Мессаны.

263.

Сиракузы и другіе города вступаютъ въ союзъ съ римлянами.

Союзъ съ римлянами доставилъ Гіерону спокойное царствованіе, а Сиракузамъ, такъ долго терпѣвшимъ столько бѣдствій, довольно продолжительное благосостояніе. Потому память Гіерона осталась священна сира-

кузанцамъ. Римляне постоянно оказывали уваженіе царю, который своимъ союзомъ съ нимъ проложилъ имъ путь къ покоренію Сициліи, помогалъ имъ во время войны съѣстными припасами, оказывалъ другія услуги, оставался неизмѣнно вѣренъ имъ и при ихъ неудачахъ. Примѣру Сиракузъ послѣдовали другіе города: они столько страдали отъ жестокости карѳагенянъ, что съ радостью перешли на сторону римлянъ. Даже Сегеста (Эгеста), постоянно бывшая въ союзѣ съ карѳагенянами, вступила теперь въ союзъ съ римлянами. Съ ними заключили договоры 67 городовъ и они, опираясь на Мессану и Сиракузы, владычествовали надъ всѣмъ восточнымъ берегомъ Сициліи, могли безъ труда и опасности перевозить свои войска на этотъ островъ и продовольствовать ихъ тамъ. Побѣда, одержанная Валеріемъ у Мессаны была, кажется, не особенно важна, но онъ изобразилъ ее на одной изъ стѣнъ сената.

Взятіе Агригента 262. Карѳагеняне видѣли себя въ необходимости увеличить свои силы въ Сициліи, чтобы не быть совершенно вытѣсненными оттуда. На третій годъ войны, Ганнибалъ занялъ большимъ разноплеменнымъ войскомъ городъ Акрагантъ (Агригентъ), часть котораго была возстановлена изъ развалинъ, а огромныя стѣны его давали крѣпкую защиту. Римляне осадили Агригентъ; но другой карѳагенскій военачальникъ, Ганнонъ, владычествовалъ своимъ флотомъ на морѣ и не пропускалъ къ римлянамъ подвоза припасовъ. Осада длилась 5 мѣсяцевъ. Лѣтніе жары произвели въ римскомъ станѣ эпидемическую лихорадку, отъ которой умерло много воиновъ; потомъ начались сырые, холодные осенніе дни; подвозъ съѣстныхъ припасовъ становился все труднѣе; римляне, подобно осажденнымъ, сильно страдали отъ голода. Карѳагеняне рѣшились дѣйствовать наступательно. Ганнонъ высадилъ свои войска у Гераклеи и далъ римлянамъ рядъ сраженій, а Ганнибалъ сдѣлалъ сильную вылазку. Съ обѣихъ сторонъ сражались очень мужественно. Карѳагеняне были многочисленнѣе, ихъ нумидійская конница была лучше римской; но римская пѣхота наконецъ одолѣла послѣ ожесточенной битвы. Вечеромъ легіоны были такъ утомлены, что не могли преслѣдовать непріятеля; ночью карѳагеняне сѣли на корабли и уплыли. На другой день римляне взяли Агригентъ, разграбили его и продали уцѣлѣвшихъ жителей въ рабство. Взятіе этой сильной крѣпости доставило римлянамъ рѣшительный перевѣсъ въ Сициліи; почти всѣ города, находившіеся вдали отъ моря, сдались имъ. Но тѣмъ упорнѣе Гамилькаръ, ставшій на мѣсто Ганнона главнокомандующимъ флота и войска, защищалъ приморскія крѣпости, изобильно снабженныя съѣстными припасами.

Римляне строятъ флотъ 261. Чтобы одолѣть карѳагенянъ было необходимо побѣдить ихъ на морѣ. Побѣды на сушѣ оставались безполезны, пока на морѣ владычествовалъ карѳагенскій флотъ, захватывалъ военные корабли и купеческія суда греческихъ союзниковъ Рима, дѣлалъ высадки. въ Италіи, бралъ и грабилъ приморскіе города, въ которыхъ не было войскъ, уничтожалъ морскую торговлю Италіи и Сициліи. Римляне

имѣли только мелкія суда, безсильныя противъ огромныхъ карѳагенскихъ кораблей и при всѣхъ ихъ побѣдахъ на сушѣ выгода войны оставалась на сторонѣ карѳагенянъ; потому сенатъ рѣшилъ построить корабли по образцу разбившейся у бруттійскаго берега карѳагенской квинкверемы (военнаго корабля съ пятью рядами гребцовъ). Работа была поведена такъ энергично, что черезъ 60 дней у римлянъ былъ готовъ къ отплытію флотъ, состоявшій изъ 130 кораблей. Этрусскіе и греческіе портовые города вѣроятно помогали ихъ снаряженію. Но это были корабли, тяжелые на ходу, плохо слушавшіеся руля; а экипажи кораблей, составленные изъ италійскихъ союзниковъ и римскихъ гражданъ низшихъ имущественныхъ классовъ, были неопытны въ морскомъ дѣлѣ; потому быстрые карѳагенскіе корабли, управляемые искусными матросами, имѣли большое превосходство надъ римскими и легко могли пробивать ихъ желѣзными таранами своихъ носовъ. Чтобъ отнять у карѳагенскихъ кораблей ихъ преимущество, римляне сдѣлали изобрѣтеніе, превратившее морскую битву въ нѣчто подобное сухопутному сраженію. На передней части корабля они устроили абордажный мостъ; прикрѣпленный сильнымъ винтомъ къ крѣпкой мачтѣ, онъ могъ быть быстро опускаемъ впередъ и на обѣ стороны; падая на непріятельскій корабль, онъ вонзался въ его дерево острымъ крюкомъ и держалъ его. Онъ былъ снабженъ перилами, и римскіе воины бросались по немъ по два въ рядъ на непріятельскій корабль, на палубѣ котораго начинался рукопашный бой; въ немъ римскіе воины легко одолѣвали карѳагенскихъ наемниковъ.

Но начало военныхъ дѣйствій на морѣ было неудачно для римлянъ. Консулъ Гней Корнелій Сципіонъ съ частью новаго флота поплылъ овладѣть островомъ Липарою; карѳагеняне заманили его въ засаду и взяли въ плѣнъ со всей эскадрой. Но другой консулъ, Гай Дуилій загладилъ эту неудачу товарища. Онъ съ главной частью флота неожиданно напалъ на карѳагенскіе корабли, крейсировавшіе у итальянскаго берега, взялъ въ плѣнъ многіе изъ нихъ, а потомъ близъ Милъ на сѣверо-востокѣ отъ Мессаны совершенно разбилъ флотъ Ганнибала. Абордажный мостъ оказался очень полезнымъ для римлянъ. Они потопили, или взяли почти цѣлую половину непріятельскаго флота, около 50 большихъ кораблей, въ томъ числѣ корабль самого Ганнибала, имѣвшій семь рядовъ гребцовъ и отнятый карѳагенянами у Пирра. Память объ этой первой своей побѣдѣ на морѣ римляне увѣковѣчили колонной изъ паросскаго мрамора, украшенной фигурами носовъ (rostra) военныхъ кораблей и потому называвшеюся Columna rostrata. До сихъ поръ уцѣлѣло очень древнее воспроизведеніе этой колонны. Побѣдителя наградили римляне почестями. Ему было дано право имѣть при себѣ факельщика и флейтиста, когда онъ идетъ по городу ночью. Но тріумфъ Дуилія и гордое чувство побѣды были единственными результатами выигранной имъ

Сраженіе при Милахъ. 261. 260. Успѣхи карѳагенянъ.

битвы. Гамилькаръ удачно защищалъ Панормъ и новую морскую крѣпость Дрепанъ, въ которую онъ перевелъ жителей Эрикса. Римляне не одерживали никакихъ успѣховъ; нѣкоторые города Сициліи вступили въ союзъ съ кароагенянами; попытки римлянъ прогнать кароагенянъ съ Корсики и Сардиніи, овладѣть ихъ пристанями и факторіями на этихъ островахъ были неудачны, хотя надгробная надпись, уцѣлѣвшая въ родовой гробницѣ Сципіоновъ, и называетъ консула Корнелія Сципіона завоевателемъ Корсики, покорителемъ города Алеріи. По скуднымъ извѣстіямъ о тѣхъ годахъ войны, мы видимъ, что было много смѣлыхъ походовъ, упорныхъ сраженій, приступовъ, вылазокъ, что война велась ожесточенная; но всѣ ужасы ея не вели ни къ чему рѣшительному и только усиливали взаимную ненависть
257. противниковъ. У Тиндарскаго мыса произошло второе большое морское сраженіе. Оно было не рѣшительное. Обѣ стороны присвоивали себѣ побѣду въ немъ.

Римляне посылаютъ войско въ Африку. 256.

Римляне рѣшились дать войнѣ новый оборотъ, перенести ее по примѣру Агаоокла въ Африку и сокрушить силы Кароагена подъ его стѣнами. Весною осьмаго года войны римскій флотъ, состоявшій изъ 330 военныхъ кораблей, на каждомъ изъ которыхъ было по 300 человѣкъ экипажа, проплылъ чрезъ Мессанскій проливъ къ южному берегу Сициліи; тамъ сѣло на корабли отборное римское войско, состоявшее изъ 40000 человѣкъ, и флотъ пошелъ къ берегу Ливіи. Кароагеняне выслали противъ него флотъ, состоявшій изъ 350 квинкверемъ, экипажи которыхъ были многочисленнѣе римскихъ. Близъ Экнома произошла ужасная битва, какой другой не бывало на морѣ въ древности. Римскій флотъ, которому и тутъ принесли большую пользу пугавшіе кароагенянъ абордажные мосты, разорвалъ непріятельскую линію и подошелъ къ африканскому берегу. Войско, которымъ начальствовали консулы Маркъ Атилій Регулъ и Луцій Манлій Вульсонъ, высадилось у Клупеи, не встрѣчая сопротивленія, и расположилось укрѣпленнымъ станомъ подъ прикрытіемъ холма, вытащивъ корабли на берегъ. Удачные походы по плодородной области внушили римлянамъ такую увѣренность въ побѣдѣ, что сенатъ отозвалъ консула Манлія въ Италію съ большею частью флота; онъ привезъ 20000 плѣнныхъ; они были проданы въ Римѣ въ рабство. Регулъ, оставшійся съ 15000 человѣкъ пѣхоты, 500 конницы и съ 40 кораблями надѣялся одолѣть кароагенянъ. Есть разсказъ, показывающій, какъ сильно было возбуждено воображеніе римлянъ этимъ походомъ по неизвѣстной имъ странѣ: говорятъ, что огромная змѣя остановила войско Регула и что римляне убили ее, бросая громадные камни изъ баллистъ. Счастіе долго оставалось вѣрно Регулу. Прикрываемый холмами и лѣсами, мѣшавшими дѣйствію кароагенскихъ слоновъ и конницы, онъ шелъ по прибрежью, покоряя и опустошая все на пути; туземныя племена и города,

Походъ Регула на Кароагенъ и битва при Тунесѣ 255. 255.

угнетаемые кароагенянами, помогали ему, желая освободиться отъ тяжелаго ига; онъ устроилъ укрѣпленный станъ у Тунесской гавани и подступилъ къ воротамъ Кароагена, которые, какъ онъ сообщалъ сенату, были замкнуты ужасомъ. Кароагеняне просили мира. Онъ потребовалъ, чтобъ они отказались отъ Сициліи, отъ Сардиніи, вступили съ римлянами въ союзъ на такихъ условіяхъ, которыя подчиняли ихъ Риму; однимъ изъ условій было, что они могутъ вести войну на морѣ не иначе, какъ съ позволенія римлянъ. Они рѣшились отчаянно обороняться, подкрѣпили свои войска нумидійской конницей, греческими наемниками и назначили главнокомандующимъ искуснаго вождя наемниковъ, спартанца Ксантиппа. Онъ ввелъ строгую дисциплину, усердно занялся обученіемъ воиновъ, одушевилъ ихъ отвагой и, по наступленіи весны, повелъ вмѣстѣ съ Гамилькаромъ Баркою войско на римлянъ. Они занимали невыгодную позицію на обширной низменности у Тунеса. Ксантиппъ далъ имъ битву; римская пѣхота сражалась храбро, но была наконецъ подавлена многочисленной непріятельской конницей и боевыми слонами. Пораженіе было полное; изъ большого прекраснаго войска только 2000 человѣкъ успѣли уйдти въ Клупею, остальные—30000 тяжеловооруженныхъ воиновъ—легли на полѣ битвы; 500 и въ томъ числѣ самъ Регулъ были взяты въ плѣнъ.

Извѣстіе объ этомъ пораженіи произвело въ Римѣ потрясающее впечатлѣніе. Весь флотъ былъ немедленно посланъ къ африканскому берегу и спасъ гарнизонъ Клупеи, тѣснимой кароагенянами; римляне не такъ упали духомъ, чтобъ покинуть Клупею; они одержали блестящую побѣду на морѣ у Гермейскаго мыса; говорятъ, что кароагеняне потеряли въ ней болѣе ста военныхъ кораблей; но римляне все таки отказались отъ мысли о войнѣ въ Африкѣ. Кароагеняне теперь подвергли суровому наказанію города и туземныя племена, измѣнившіе имъ, взяли контрибуцію въ 1000 талантовъ серебра и 20000 головъ рогатаго скота, распяли на крестѣ городскихъ правителей и нумидійскихъ родоначальниковъ; говорятъ, что число распятыхъ простиралось до 3000 человѣкъ.—Ксантиппъ и его лакедемоняне испытали на себѣ неблагодарность кароагенянъ; быть можетъ, они, хвалясь тѣмъ, что спасли Кароагенъ, стали держать себя надменно; какъ бы то ни было кароагеняне отпустили ихъ, не доплативъ имъ жалованья; есть преданіе, будто бы кароагеняне коварно погубили Ксантиппа на морѣ; этотъ разсказъ едва-ли справедливъ; но мы ничего не знаемъ о дальнѣйшей судьбѣ Ксантиппа.

Новыя побѣды кароагенянъ 254—253.

Послѣ пораженія при Тунесѣ, римляне испытали новыя несчастія. Прекрасный флотъ ихъ, состоявшій изъ 330 кораблей, потерпѣлъ у южнаго берега Сициліи крушеніе, по безрасудству римскихъ начальниковъ, которые не послушались предостереженій опытныхъ кормчихъ: бурями нанесло корабли на скалы, и почти половина флота погибла; весь берегъ былъ покрытъ обломками кораблей и трупами. Въ слѣдующемъ году консулы, взявъ городъ Панормъ на сѣверномъ 254.

берегу Сицилiи, хотѣли снова перенести войну въ Африку, но потеряли много кораблей разбившихся о подводныя скалы Малой Сирты,
253. а на обратномъ пути потеряли отъ бури 150 кораблей, большею частью новыхъ; въ этомъ бѣдствiи опять было виновато безрасудство начальниковъ. Римляне пришли въ унынiе, рѣшили не держать на морѣ больше 60 кораблей и ограничить дѣйствiя флота обороною береговъ. И въ сухопутной войнѣ они уклонялись отъ большихъ сраженiй, боясь теперь слоновъ, которыми была рѣшена побѣда карѳагенянъ
Успѣхи римлянъ 252. при Тунесѣ. Дѣйствуя отдѣльными отрядами, римляне покорили весь сѣверный берегъ Сицилiи, овладѣли островомъ Липарою. Послѣ того они отважились дать большое сраженiе, и консулъ Луцiй Цецилiй Метеллъ одержалъ надъ Газдрубаломъ блестящую побѣду подъ стѣнами
251. Панорма, который, по взятiи Агригента римлянами, сталъ главнымъ оплотомъ дѣйствiй карѳагенскихъ войскъ въ Сицилiи. У Газдрубала было много слоновъ; 120 этихъ страшныхъ римлянамъ животныхъ было взято въ плѣнъ; они были проведены по городу при трiумфѣ Метелла и потомъ убиты на играхъ въ циркѣ. Римляне ободрились
250. и рѣшили возобновить войну на морѣ; они снарядили флотъ, состо-
249. явшiй изъ 200 кораблей, взяли Эриксъ, осадили сильныя карѳагенскiя крѣпости Лилибей и Дрепанъ. Чтобы спасти эти города, карѳагеняне предлагали миръ на выгодныхъ для римлянъ условiяхъ; но сенатъ требовалъ, чтобъ они совершенно удалились изъ Сицилiи; на это не согласились карѳагеняне. Съ переговорами о мирѣ соединено преданiе о смерти находившагося въ плѣну у карѳагенянъ бывшаго консула Атилiя Регула и въ одной изъ патрiотическихъ одъ Горацiя пересказывается эта легенда.

Смерть Регула. По римскому преданiю, карѳагеняне, отправляя въ Римъ пословъ съ предложенiями о мирѣ и, въ случаѣ неудачи переговоровъ о немъ, съ предложенiемъ обмѣна плѣнныхъ, отправили вмѣстѣ съ этими послами и Регула, взявъ съ него клятву, что если римляне не согласятся обмѣнять плѣнныхъ, то онъ возвратится въ Карѳагенъ. Онъ совѣтовалъ сенату не мириться и не соглашаться на обмѣнъ плѣнныхъ, доказывая, что эти предложенiя не выгодны для Рима, отвергъ всѣ просьбы согражданъ и родныхъ, убѣждавшихъ его остаться въ Римѣ и, вѣрный своему слову, возвратился въ Карѳагенъ, гдѣ былъ преданъ мучительной смерти. Этотъ разсказъ по всей вѣроятности вымыселъ позднѣйшаго времени, порожденный ненавистью къ карѳагенянамъ и понравившiйся риторамъ, которымъ онъ представлялъ прекрасную тэму для того, чтобъ изображать яркими красками жестокость карѳагенянъ и вѣрность старинныхъ римлянъ данному обѣщанiю. Достовѣрно мы знаемъ о смерти Регула только то, что онъ умеръ въ Карѳагенѣ. Продолженiемъ легенды о мучительной смерти Регула служитъ разсказъ Дiодора, заимствованный имъ вѣроятно у Филина, историка пристрастнаго, и тоже недостовѣрный: по этому разсказу, семейство Атилiевъ, слыша о томъ, что карѳагеняне поступили съ Регуломъ жестоко, стало мстить за него двумъ знатнымъ карѳагенянамъ, Бостару и Гамилькару, которые были въ Римѣ плѣнниками или заложниками. Атилiи, и въ особенности жена Регула, мучили этихъ карѳагенянъ; невольники, жалѣя о нихъ, донесли объ этомъ безчеловѣчiи народнымъ трибунамъ, и трибуны освободили несчастныхъ отъ мученiй.

Осада Лилибея. 250–249.

Осада Лилибея римлянами замѣчательна тѣмъ, что они тутъ въ первый разъ примѣнили къ дѣлу правила осаднаго искусства, которымъ научились у грековъ. Они провели на сухомъ пути отъ моря до моря линiю сильныхъ укрѣпленiй, а флотъ ихъ блокировалъ гавань и завалилъ входъ въ нее; но, наперекоръ строгой блокадѣ, карѳагенскiе моряки, хорошо знакомые съ мѣстностью и очень искусные, успѣвали провозить въ городъ съѣстные припасы, отряды войска и поддерживать сношенiя осажденной крѣпости съ Дрепаномъ. Римляне били стѣны таранами и другими осадными машинами, но изобрѣтательный Гимильконъ успѣшно противодѣйствовалъ всѣмъ ихъ усилiямъ. Ночной пожаръ истребилъ осадныя машины римлянъ; осторожность и проницательность Гимилькона разстроила надежду римлянъ, что подкупленные ими греческiе наемники впустятъ ихъ въ крѣпость; они отказались отъ продолженiя приступовъ и ограничились блокадой, разсчитывая голодомъ принудить карѳагенянъ сдать крѣпость; но сами они страдали отъ блокады почти столько же, сколько осажденные. Новый консулъ Аппiй Клавдiй, сынъ Клавдiя Слѣпого, располагая сильнымъ флотомъ, рѣшился снять осаду съ Лилибея и ночью плыть къ

Пораженiе при Дрепанѣ. 249.

Дрепану, надѣясь застигнуть врасплохъ и уничтожить стоявшiй тамъ карѳагенскiй флотъ. Гаданiя были не благопрiятны; куры не хотѣли клевать (стр. 22); онъ велѣлъ бросить клѣтку съ ними въ море, сказавъ „если не хотятъ ѣсть, то пусть напьются“. Наперекоръ дурному предзнаменованiю, онъ вступилъ въ сраженiе, но оно было гибельно для римлянъ. Адгербалъ, начальникъ карѳагенскаго флота, успѣлъ вывесть свои корабли въ открытое море и сталъ тѣснить римлянъ, плывшихъ вдоль берега; не имѣя простора маневрировать, они были окружены карѳагенянами и потерпѣли полное пораженiе. Адгербалъ взялъ въ плѣнъ или потопилъ 93 римскiе корабля; съ остальными 30 кораблями консулъ уплылъ въ Лилибей; у него не было теперь средствъ продолжать блокаду съ моря. Въ довершенiе бѣдствiй, транспортные корабли, на которыхъ другой консулъ Луцiй Юнiй Пуллъ повезъ изъ Сиракузъ съѣстные припасы войску, осаждавшему Лилибей, разбились о скалы опаснаго южнаго берега между Гелою и Камариной. Въ этомъ было виновато неблагоразумiе Пулла. Виновные консулы, лишенные сенатомъ начальства надъ военными силами, оба вскорѣ

Погибель транспортныхъ судовъ.

послѣ того умерли, или удалившись въ изгнанiе, или лишивъ себя жизни сами, чтобъ избѣгнуть ожидавшаго ихъ наказанiя. Есть разсказъ, что сестра Аппiя, когда года черезъ три послѣ того толпа мѣшала ея проѣзду, сказала, что хорошо было бы, если-бъ ея братъ воскресъ и проигралъ еще битву: тогда на римскихъ улицахъ было бы не такъ тѣсно.

Упадокъ энергiи римлянъ.

Такимъ образомъ на шестнадцатый годъ войны римляне были дальше отъ цѣли, чѣмъ при началѣ ея; они потерпѣли громадныя потери войска, кораблей; всѣ средства ихъ были истощены; остановка морской торговли разорила ихъ союзниковъ. Если бы карѳагеняне энергично воспользовались тогда выгодными для себя обстоятельствами и не пожалѣли жертвъ для побѣды, то, безъ сомнѣнiя, они сохранили бы за собой владычество на морѣ и въ Сицилiи. Въ Римѣ былъ большой упадокъ духа; на морѣ вели войну только крейсеры; на сушѣ римскiя войска ограничивались оборонительными дѣйствiями; и опять, какъ послѣ пораженiя при Тунесѣ, уклонялись отъ большихъ битвъ, дѣйствовали только мелкими отрядами. Но и карѳагеняне или были изнурены, или думали, что опасность миновала и занялись тор-

говлей больше, чѣмъ войной; какъ бы то ни было, но и они не предпринимали ничего важнаго. Такимъ образомъ война вяло тянулась пять или шесть лѣтъ безъ всякихъ замѣчательныхъ дѣйствій съ той или съ другой стороны. Она возгорѣлась съ новой силой, когда карѳагенскимъ главнокомандующимъ сдѣлался Гамилькаръ, который за его отвагу былъ названъ Барка, «молнія». Ему было тогда лѣтъ 30. Въ надеждѣ на могущественную демократическую партію, главою которой былъ, онъ сталъ дѣйствовать очень рѣшительно; возстановилъ въ войскѣ дисциплину строгимъ наказаніемъ мятежныхъ наемниковъ и организовалъ партизанскую войну; онъ отнялъ у римлянъ гору Эриксъ съ построенною на ней крѣпостью и, не смотря на отчаянную оборону кельтскихъ наемниковъ, взялъ стоявшій на вершинѣ скалы храмъ Афродиты (т. е. Ашеры); эта горная крѣпость стала оплотомъ для его походовъ; изъ Дрепана были доставляемы въ Эриксъ съѣстные припасы; Гамилькаръ расположился тамъ, дѣлалъ оттуда набѣги; со скалы Иркты близъ Панорма онъ слѣдилъ за всѣми движеніями римлянъ, его отряды ходили по всей западной части Сициліи; онъ дѣлалъ высадки на берега южной Италіи. Римляне блокировали Эриксъ, но были не въ силахъ помѣшать экспедиціямъ Гамилькара. Онъ могъ успѣшно дѣйствовать такимъ образомъ, лишь пока сохранялъ свободныя сообщенія съ Дрепаномъ и пока римскій флотъ не отрѣзалъ подвоза ему съѣстныхъ припасовъ. Чтобы не лишиться всякой пользы отъ своихъ прежнихъ усилій, римляне должны были опять снарядить себѣ флотъ. Построеніе его служитъ блистательнымъ свидѣтельствомъ патріотизма и энергіи римскихъ гражданъ. Государство пригласило ихъ дѣлать пожертвованія, объявляя, что уплатитъ имъ лишь въ случаѣ побѣды; и граждане добровольно пожертвовали столько денегъ, что было построено 200 кораблей. Съ экипажемъ, состоявшимъ изъ 60000 гребцовъ и матросовъ, флотъ поплылъ къ берегамъ Сициліи; имъ командовалъ консулъ Гай Лутацій Катулъ. Карѳагенскіе крейсеры скрылись при его приближеніи; не встрѣчая непріятеля, онъ блокировалъ съ моря Иркту и Дрепанъ, отрѣзалъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ въ эти крѣпости. Карѳагеняне собрали всѣ свои военные корабли и слѣдующею весною послали подъ конвоемъ этого флота транспортныя суда съ съѣстными припасами въ осажденныя крѣпости, гарнизоны которыхъ уже сильно страдали отъ голода. Римляне встрѣтили карѳагенскій флотъ у острова Эгузы и принудили его къ битвѣ. Римскія квинкверемы, имѣвшія многочисленныхъ и хорошихъ гребцовъ, были сильнѣе карѳагенскихъ кораблей, потопили, или взяли въ плѣнъ ихъ и транспортныя суда. Консулъ былъ раненъ въ битвѣ, преторъ Публій Валерій Фальтонъ, принявшій начальство надъ флотомъ, побѣдоносно возвратился въ лилибейскую гавань, ведя съ собою 70 захваченныхъ кораблей. Карѳагеняне, по своему свирѣпому правилу, распяли на крестѣ побѣжденнаго

248—243.

Гамилькаръ Барка.

Римляне снаряжаютъ новый флотъ.

Побѣда Катула у Эгатскихъ острововъ 242.

начальника флота. Но продолжать войну уже не могли и дали Гамилькару неограниченное полномочіе заключить миръ съ римлянами. Ихъ казна была истощена, заемъ сдѣланный ими въ Александріи (стр. 304), не могъ пополнить ее; флотъ ихъ былъ уничтоженъ; потому необходимо было кончить войну. Но и римляне желали ея прекращенія, потому что и они были изнурены, нуждались въ отдыхѣ. Такимъ образомъ Гамилькаръ и Лутацій Катулъ скоро пришли къ соглашенію между собою относительно условій мира.

Миръ.

Гамилькаръ согласился уступить Сицилію и сосѣдніе съ нею мелкіе острова, заплатить контрибуцію, освободить римскихъ плѣнныхъ безъ выкупа; Катулъ призналъ независимость Карѳагена; карѳагеняне обѣщались не вести войны противъ государствъ, союзныхъ съ Римомъ, и не отвлекать ихъ отъ римскаго союза; такое же обѣщаніе дали римляне относительно союзниковъ Карѳагена. Катулъ сначала требовалъ, чтобы карѳагенскія войска въ Сициліи положили оружіе и чтобы Гимилькаръ выдалъ римскихъ дезертировъ; но онъ рѣшительно отказался принять эти унизительныя условія, и Катулъ отступился отъ нихъ. Карѳагенскимъ воинамъ было позволено свободно удалиться, заплативъ по 18 денаріевъ (около 4-хъ рублей) выкупа. Въ Римѣ колебались утвердить этотъ договоръ; многіе находили, что условія его не представляютъ достаточнаго вознагражденія за жертвы, какихъ стоила война; они напоминали, что требованія Регула были болѣе обширны. Но желаніе мира превозмогло. Опасно было возбуждать къ отчаянной оборонѣ такого искуснаго и твердаго военачальника, какъ Гамилькаръ. Только военная контрибуція была увеличена съ 2000 эвбейскихъ талантовъ до 3200; часть ея карѳагеняне должны были заплатить немедленно, остальную сумму ежегодными взносами въ продолженіе 10 лѣтъ. Непобѣжденный полководецъ побѣжденнаго народа сошелъ съ горъ, которыя такъ долго защищалъ, и сдалъ новымъ господамъ острова крѣпости, которыми карѳагеняне и финикіяне владѣли не меньше, если не больше 400 лѣтъ, и стѣны которыхъ устояли противъ всѣхъ приступовъ грековъ.

Такъ кончилась война, длившаяся 24 года, ознаменованная столькими катастрофами; болѣе 1000 карѳагенскихъ и римскихъ военныхъ кораблей погибло въ ней, разбившись о скалы, или пошедши ко дну отъ ударовъ непріятельскихъ кораблей. Ни въ какой другой морской войнѣ древняго міра не сражались такіе многочисленные флоты большихъ кораблей о четырехъ и пяти рядахъ гребцовъ. Римлянамъ эта война стоила громадныхъ усилій; результаты не соотвѣтствовали огромности жертвъ, главнымъ образомъ потому, что римскій народъ не любилъ войны на морѣ, боялся ея; другой причиною было то, что управленіе военными дѣйствіями у римлянъ слишкомъ часто переходило изъ рукъ въ руки. Уже въ сухопутной войнѣ, въ которой каждый римлянинъ съ молоду пріобрѣталъ опытность, часто оказывалъ вредное вліяніе тотъ обычай, что главнокомандующіе перемѣнялись каждый годъ съ назначеніемъ новыхъ консуловъ; въ морской войнѣ, требовавшей гораздо большей опытности, это

Результаты войны.

правило имѣло гибельныя слѣдствія. «Первая пуническая война показываетъ, что римляне и карѳагеняне были похожи другъ на друга отвагою, силой ума и характера и въ особенности непреклоннымъ стремленіемъ къ владычеству», говоритъ Полибій: «римскіе воины были гораздо лучше карѳагенскихъ; но между всѣми военачальниками, безспорно, первый и по уму, и по мужеству былъ Гамилькаръ Барка».

Сицилія превращена въ римскую провинцію.

Сицилія, господами которой сдѣлались теперь римляне, не была присоединена къ римскому военному союзу, какъ покоренныя римлянами италійскія государства; она была сдѣлана «провинціею», областью, платящею подати Риму; это былъ первый примѣръ новыхъ отношеній Рима къ зависимымъ отъ него странамъ; число владѣній, пріобрѣтаемыхъ Римомъ за предѣлами Италіи, скоро стало быстро увеличиваться, и всѣ они обращались въ провинціи, какъ теперь была обращена Сицилія.

Основное значеніе слова провинція не разъяснено съ достовѣрностью. По мнѣнію однихъ оно имѣетъ смыслъ «побѣжденная страна» «(Провинціи названы такъ потому, что римскій народъ побѣдилъ ихъ», quod Ropulus Romanus eas provicit id est ante vicit); по мнѣнію Нибура, это слово происходитъ отъ proventus (доходъ) и означаетъ область, съ которой государство получаетъ доходы. Въ классическія времена римскаго языка обыкновенное значеніе слова provincia—«кругъ вѣдомства» или «кругъ власти» сановника. Обращая покоренную область въ провинцію, покорившій ее полководецъ давалъ ей административную организацію, которая была представляема имъ на одобреніе сената. Подобно тому, какъ раздробляли римляне покоряемыя ими италійскія племена и федераціи городовъ, раздробляли они и населеніе провинцій, давая разнымъ городамъ и округамъ разныя права, сообразно тому, какъ держалъ себя тотъ или другой изъ нихъ относительно Рима.

Сицилія по окончаніи первой пунической войны. Сиракузы подъ управленіемъ Гіерона.

Сиракузы съ принадлежащими имъ городами Тавроменіемъ, Мегарою, Леонтинами и пр. остались подъ властью Гіерона, бывшаго вѣрнымъ союзникомъ Рима во время войны и оказавшаго имъ большія услуги. Правда, онъ оставался независимымъ государемъ лишь по милости римлянъ къ нему и выказывалъ свою признательность къ нимъ за это богатыми подарками; но при кроткомъ и мудромъ правленіи этого благороднаго, добраго государя маленькое царство его пользовалось благосостояніемъ при всей непрочности своего существованія. Примѣръ Гіерона показывалъ, что, и подъ верховнымъ владычествомъ римлянъ, самостоятельное правительство можетъ дѣлать много пользы своему народу. Другіе большіе города Сициліи, Панормъ, Лилибей, Агригентъ, римляне взяли подъ прямое свое управленіе, но предоставили имъ неодинаковую долю самостоятельности во внутреннихъ дѣлахъ, смотря по разницѣ ихъ прежняго усердія къ Риму. Мессана, Сегеста, Панормъ, Кенторипа и нѣкоторые другіе города, выказавшіе особенную преданность Риму, получили привилегіи относительно налоговъ и разныя юридическія преимущества. Такъ напримѣръ граждане Кенторипы могли пріобрѣтать земельную собственность и гражданскія права во всѣхъ городахъ восточной Сициліи. Вообще всѣ города сохранили въ цѣлости свои округи, т. е. земельная собственность гражданъ ихъ осталась неприкосновенной; нѣкоторые даже полу-

Положеніе городовъ, подвластныхъ Риму.

чили прибавку къ своимъ областямъ изъ числа земель, отнятыхъ римлянами у карѳагенскаго государства или у низложенныхъ мелкихъ владѣтелей. Земля въ Сициліи была не нужна римлянамъ, потому что сенатъ не хотѣлъ основывать римскихъ колоній за предѣлами Италіи. Въ исключительномъ положеніи остались мамертинцы: при началѣ войны, они были приняты въ число италійскихъ союзниковъ Рима и сохранили эти права.— Области, дѣлавшіяся римскими провинціями, сначала вообще выигрывали отъ этой перемѣны,—ихъ благосостояніе возростало. Правда, города ихъ лишались политичекkой независимости, не могли собственной властью вести войну и заключать союзы между собою или съ другими государствами; правда, имъ было запрещено имѣть наемныя войска и дозволялось формировать изъ своихъ гражданъ отряды войска лишь въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ это было необходимо для поддержанія внутренняго порядка и для обороны стѣнъ города; правда, что во всѣхъ политическихъ дѣлахъ они были подчинены Риму; заключали торговые договоры, чеканили монету только съ разрѣшенія Рима; но за эти политическія потери они находили вознагражденіе себѣ въ томъ, что пользовались миромъ, были охраняемы отъ безпорядковъ, и сенатъ былъ такъ благоразуменъ, что предоставлялъ имъ—по крайней мѣрѣ на видъ—самостоятельность въ управленіи внутренними дѣлами. Богослужебные обычаи сицилійскихъ городовъ оставались неприкосновенны, никогда не подвергались ни малѣйшему стѣсненію отъ римлянъ; остались неприкосновенными и административныя ихъ учрежденія; они сохранили свою государственную собственность; граждане ихъ продолжали рѣшать свои дѣла въ народныхъ собраніяхъ; сохранили свои прежніе законы; у нихъ былъ свой независимый судъ, рѣшавшій тяжбы между жителями города. Сенатъ дозволялъ имъ сохранять прежнюю монету, продолжать чеканку ея. Римская монета лишь постепенно входила въ употребленіе у провинціаловъ и лишь когда она стала привычна имъ, сенатъ прекратилъ чеканку монеты провинціальными городами.—Но скоро вмѣстѣ съ свободой погибло и благосостояніе греческихъ городовъ. Прежняя дѣятельная политическая жизнь угасала. Политическія бури, такъ долго волновавшія Сицилію, замѣнились тяжелой какъ свинецъ тишиною рабства, монотонность котораго нарушалась только тѣмъ, что иногда слишкомъ жестокая суровость правителя вынуждала стонъ у терпѣливаго потомства гордыхъ свободныхъ предковъ. То, что римское владычество избавило греческіе города отъ наемниковъ, воспретило имъ войны между собою было, конечно, не столько стѣсненіемъ ихъ свободы, сколько благодѣяніемъ. Буйство наемниковъ и чрезмѣрная склонность гражданъ къ междоусобіямъ были причинами порабощенія Сициліи, облегченіемъ для сицилійцевъ было и то, что римляне не требовали отъ нихъ войскъ для своихъ походовъ; но, переставъ заниматься военнымъ дѣломъ, сицилійскіе греки утратили мужество и любовь къ свободѣ. Подъ вліяніемъ римлянъ, управленіе городами перешло въ руки богатыхъ гражданъ, людей съ консервативными стремленіями; изгнанные аристократы возвратились и усилили своей поддержкой консервативную партію; переселенцы пріѣхавшіе жить въ Сициліи подъ охраною Рима были тоже консерваторы, и аристократическая партія пріобрѣла такое могущество, что демократическія учрежденія повсюду были уничтожены. Аристократическія правительства городовъ были неизмѣнно преданы римлянамъ; и чтобы не могъ развиться національный патріотизмъ, сенатъ держалъ города въ строгой разрозненности, заботливо возбуждалъ вражду и зависть между ними, давая однимъ изъ нихъ больше правъ, другимъ меньше. Вообще говоря, гражданинъ одного города не могъ пріобрѣтать ни земельной

Погибель патріотизма и національныхъ интересовъ.

собственности, ни гражданскихъ правъ въ другомъ; кажется, что и бракъ гражданина одного города съ дѣвушкою изъ другого города не былъ полноправнымъ. Но римскіе граждане имѣли право пріобрѣтать земельную собственность повсюду въ Сициліи; это повело къ развитію спекуляцій, и впослѣдствіи времени почти вся тамошняя земля перешла въ руки римскихъ гражданъ. Сицилійскіе греки были свободны отъ службы въ римскихъ войскахъ за границами Сициліи и обязаны были служить на родинѣ лишь въ томъ случаѣ, когда острову угрожало нападеніе. Но они давали римлянамъ подать: съ хлѣба, вина, масла и всѣхъ вообще сельскихъ продуктовъ десятую долю, со всѣхъ ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ таможенную пошлину, составлявшую пять процентовъ. Эти налоги для большей части сицилійскихъ городовъ и округовъ не были ни новостью, ни обремененіемъ: кароагеняне и тиранны, а иногда и республиканскія правительства городовъ, владычествовавшихъ надъ другими, брали такія же подати, а часто гораздо больше; потому Цицеронъ былъ правъ, говоря, что Римъ принялъ сицилійскіе города подъ свое покровительство на тѣхъ же условіяхъ, при какихъ находились они подъ властью своихъ собственныхъ правителей. Но разница состояла въ томъ, что эти налоги подъ владычествомъ Рима сдѣлались постоянными, а прежде они вообще были только временнымъ притѣсненіемъ, считались незаконными и были отмѣняемы гражданами, какъ скоро городу удавалось возстановить свою свободу; а теперь они были возведены въ систему, сдѣланы законнымъ учрежденіемъ, и взиманіе ихъ служило источникомъ множества несправедливостей и притѣсненій. Притомъ Римъ недолго довольствовался этими первоначальными налогами. Къ десятинной подати, взимавшейся съ земледѣльческихъ продуктовъ и отдававшейся на откупъ, и къ таможеннымъ пошлинамъ прибавились новые налоги. Римляне отдавали въ аренду конфискованныя общественныя земли, брали подать за право пасти скотъ на общественныхъ земляхъ; брали налоги съ рудниковъ, съ соли и пр. Впослѣдствіи города были прямо обязаны посылать въ Римъ опредѣленныя суммы дани, сообразно своимъ средствамъ.

Налоги.

Взиманіе налоговъ, поступавшихъ въ римскую казну, производилось въ провинціяхъ особенными сановниками, квесторами, отдававшими въ этихъ деньгахъ отчетъ сенату. Всѣми другими административными дѣлами завѣдывалъ присылаемый изъ Рима правитель. Когда римляне овладѣли Сициліей, то стали назначать не двухъ преторовъ, какъ прежде, а трехъ; третій былъ правителемъ новой провинціи; онъ былъ и верховнымъ судьею въ ней. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда римляне овладѣли Сардиніей, прибавился четвертый преторъ для управленія ею. Послѣ второй пунической войны прибавилось еще два претора, для управленія Испаніей, раздѣленной на двѣ провинціи. Съ половины II вѣка до Р. Х. число провинцій стало быстро увеличиваться; тогда римляне уже не увеличивали число ежегодно избираемыхъ сановниковъ для управленія увеличившимся числомъ провинцій, а приняли другую систему: сановники въ тотъ годъ службы занимались дѣлами собственно римскими, на который были избраны, а по окончаніи этого года были посылаемы управлять провинціями, какъ „замѣстители консуловъ“ или „преторовъ“ (проконсулы и пропреторы). Наконецъ Сулла совершенно отдѣлилъ управленіе провинціями отъ должности „обыкновенныхъ“ римскихъ сановниковъ, такъ что съ того времени только прежнія провинціи были управляемы пропреторами, а правителями новыхъ назначались ужь особые сановники. Распоряженія правителя должны были исполняться безъ всякаго противорѣчія, и можно было только жаловаться въ Римѣ на его несправедливости.

Римскіе сановники въ провинціяхъ.

Онъ судилъ всѣ процессы по государственному и международному праву, всѣ тяжбы между римскими гражданами въ провинціи, между римскими гражданами и туземцами, между жителями разныхъ городовъ. Онъ производилъ судъ по римскимъ законамъ, которые такимъ образомъ получили силу во всѣхъ римскихъ владѣніяхъ; это стало одною изъ сильнѣйшихъ причинъ романизаціи провинцій. Тѣ дѣла, которыя были рѣшаемы мѣстными судами, производились по мѣстнымъ законамъ, такъ что въ судѣ сохранились остатки прежней политической самостоятельности областей и городовъ; сохранялись они и въ томъ, что города сами управляли своими внутренними дѣлами. Но вся военная власть сосредоточивалась въ рукахъ римскаго правителя. Городскія управленія имѣли право жаловаться въ Римѣ на несправедливости римскихъ правителей.

---

2. Войны Рима съ Иллирійцами и Галлами.

Завоеваніе Сициліи было важнымъ шагомъ къ установленію римскаго владычества на Тирренскомъ морѣ; но это господство оставалось не вполнѣ прочно, пока кароагеняне продолжали владѣть Сардиніей. Ихъ колоніи и крѣпости на берегахъ этого острова были пунктами, изъ которыхъ они могли мѣшать италійской торговлѣ и которые при удобномъ случаѣ могли пригодиться имъ для возобновленія войны. Римляне стали жалѣть, что при заключеніи мира не вытребовали у кароагенянъ Сардинію. Та партія, которая своими патріотическими пожертвованіями снарядила при концѣ войны многочисленный флотъ и тѣмъ рѣшила побѣду, горячо порицала неудовлетворительность условій мира, не обезпечивающихъ Римъ отъ нападеній Кароагена и не дающихъ достаточнаго вознагражденія за громадныя жертвы, какихъ стоила война. Но неожиданно римлянамъ представился случай поправить этотъ недосмотръ, и гордая республика не посовѣстилась воспользоваться затруднительными обстоятельствами Кароагенскаго государства, чтобъ отнять у него Сардинію, а кстати и Корсику, находясь въ мирѣ съ нимъ.

Настроеніе умовъ въ Римѣ.

Гамилькаръ лучше всѣхъ другихъ кароагенскихъ полководцевъ умѣлъ пріобрѣтать любовь наемниковъ и сдерживать буйство этихъ бродячихъ воиновъ; но въ послѣднее время войны у него не было денегъ на уплату жалованья имъ; онъ просилъ у кароагенскаго правительства присылки денегъ на это; оно отвѣчало, чтобъ онъ перевезъ свои войска въ Африку, тамъ будетъ выплачено имъ жалованье. Гамилькаръ, хорошо зная склонность своихъ воиновъ къ мятежамъ, сталъ отправлять ихъ въ Африку небольшими отрядами, чтобы правительство имѣло время распускать ихъ, не давая имъ соединиться въ одно войско, или, если оно не будетъ распускать ихъ, то могло

Война кароагенянъ съ наемниками. 240—237.

бы размѣстить ихъ далеко одинъ отъ другого. Но въ Карѳагенѣ имѣла большую силу, партія враждебная Гамилькару и его роду; вождемъ ея былъ Ганнонъ. Подъ ея вліяніемъ, карѳагенское правительство пренебрегло предусмотрительными совѣтами Гамилькара. Оно медлило выдавать жалованье наемникамъ и распускать ихъ; всѣ ихъ отряды собрались въ карѳагенской области; тогда оно стало распускать ихъ, давая имъ меньше жалованья, чѣмъ сколько они заслужили. Это былъ мелочной разсчетъ скупыхъ торговцевъ; они воображали вѣроятно, что контракты съ наемниками, заключенные Гамилькаромъ, утратили силу теперь, когда онъ сложилъ съ себя должность главнокомандующаго. Безразсудная скупость дорого обошлась карѳагенянамъ. Раздраженные наемники стали волноваться; праздная жизнь развила между ними наглость, уронила дисциплину, и недовольство перешло въ мятежъ. Они расположились у Тунеса укрѣпленнымъ станомъ и грозили войной; ихъ было 20000 человѣкъ. Теперь сенаторы вызывались удовлетворить всѣ ихъ требованія; но увидѣвъ, что карѳагенское правительство боится ихъ, наемники увеличили сво притязанія. Не довольствуясь тѣмъ, чтобъ имъ было выдано жалованье за послѣдніе годы, они стали считать всѣ свои убытки и всѣ прежнія недоплаты жалованья и требовали разсчета по самымъ высокимъ цѣнамъ. Они выбрали своими начальниками двухъ зачинщиковъ мятежа, имѣвшихъ личныя причины мѣшать соглашенію; однимъ изъ этихъ начальниковъ былъ Спендій, человѣкъ исполинской силы и отчаянной смѣлости, уроженецъ Кампаніи, римскій дезертиръ, котораго римляне казнили бы, если бъ удалось имъ настоять на выдачѣ его у карѳагенянъ; другой былъ африканецъ Мато, знавшій по опыту, что карѳагеняне никогда не прощаютъ виновныхъ передъ ними и впослѣдствіи отмстятъ за мятежъ ему и его соплеменникамъ. Большинство мятежниковъ принадлежало къ африканскимъ племенамъ, которыя были свирѣпо наказаны карѳагенянами за то, что перешли на сторону Регула (стр. 434 и слѣд.).

Карѳагеняне, говоритъ Полибій, навлекли на себя это несчастіе прежнею суровостью: они брали у поселянъ половину жатвы, удвоили подати съ городовъ и хвалили тѣхъ областныхъ правителей, которые особенно сурово притѣсняли народъ и вынуждали его платить очень много. Къ числу такихъ принадлежалъ и Ганнонъ, которому теперь карѳагеняне поручили вести переговоры съ наемниками. „Потому“ продолжаетъ Полибій, и не нужно было никакихъ особыхъ убѣжденій, почти не нужно было и приглашеній туземнымъ племенамъ, чтобъ они приняли участіе въ возстаніи; даже женщины и дѣвушки, у многихъ изъ которыхъ были уводимы мужья, отцы и братья, помогали возстанію и давали свои наряды на жалованье воинамъ“.

Вскорѣ вожди инсургентовъ имѣли войско, состоящее изъ 70000 африканцевъ. Они осадили Утику, и отряды ихъ доходили до самаго

Карѳагена. Ганнонъ повелъ противъ многочисленнаго врага войско составленное изъ гражданъ, изъ наемниковъ, оставшихся вѣрными, и изъ новыхъ; онъ сначала одержалъ нѣкоторые успѣхи, но черезъ нѣсколько дней потерпѣлъ сильное пораженіе: инсургенты неожиданно бросились на него съ холма, покрытаго лѣсомъ, и воины Ганнона, понесши большой уронъ, бѣжали въ Карѳагенъ. Правительство обратилось къ помощи Гамилькара Барки, назначило его главнокомандующимъ и не ошиблось въ своихъ надеждахъ. Благодаря своему военному таланту и знанію мѣстности, онъ побѣдилъ Спендія и Мато въ двухъ большихъ битвахъ, хотя ихъ войско было многочисленнѣе; репутація его побудила лучшихъ изъ инсургентовъ, одерживавшихъ вмѣстѣ съ нимъ побѣды, перейдти подъ его знамена; онъ поступалъ съ плѣнными кротко, а это внушало африканцамъ надежду, что онъ проститъ ихъ, если они положатъ оружіе.

Назначеніе Гамилькара Барки главнокомандующимъ.

Такъ Наравасъ, храбрый молодой нумидіецъ, знатнаго рода, привлеченный славою Гамилькара, пришелъ съ отрядомъ ста соплеменниковъ къ стану карѳагенянъ и подалъ знакъ, что желаетъ говорить съ начальникомъ. Осторожный Гамилькаръ выказалъ недовѣріе; нумидіецъ снялъ съ себя оружіе, передалъ коня своимъ спутникамъ и пошелъ въ станъ; онъ сказалъ, что расположенъ къ карѳагенянамъ, желаетъ вступить въ союзъ дружбы съ Гамилькаромъ, будетъ вѣрно помогать ему совѣтомъ и дѣломъ. Гамилькаръ съ радостью принялъ отважнаго и прямодушнаго воина и обѣщалъ въ награду его вѣрности карѳагенянамъ отдать за него свою дочь

Но вожди возстанія хотѣли сдѣлать примиреніе невозможнымъ. Спендій, Мато и галлъ Автаритъ, получившій сильное вліяніе на дѣла, распустили ложные слухи о жестокостяхъ Гамилькара и возбудили этимъ инсургентовъ къ новымъ свирѣпостямъ; 700 плѣнныхъ карѳагенянъ, въ томъ числѣ одинъ изъ важныхъ начальниковъ, Гисконъ, были выведены инсургентами изъ стана, подвергнуты мученіямъ; имъ перешибли кости, бросили ихъ еще дышущихъ въ яму и закопали. Послѣ того инсургенты поклялись распинать на крестѣ всѣхъ карѳагенянъ, которыхъ возьмутъ въ плѣнъ, а союзникамъ карѳагенянъ отрубать руки и посылать ихъ изувѣченныхъ въ Карѳагенъ. Положеніе государства было очень опасно. Разъяренные инсургенты стояли у воротъ самого Карѳагена, угрожая истребить все его населеніе; пришло извѣстіе, что наемники, бывшіе въ Сардиніи, послѣдовали примѣру африканскихъ, предали мучительной смерти всѣхъ карѳагенянъ, бывшихъ на этомъ островѣ, овладѣли сардинскими крѣпостями. Въ довершеніе бѣдствій Утика, всегда бывшая вѣрной Карѳагену, возстала, всѣ карѳагеняне, находившіеся тамъ, были убиты, городъ вступилъ въ союзъ съ инсургентами. Передался имъ и городъ Гиппонъ. Ободренный этимъ, Спендій осадилъ Карѳагенъ.

Гамилькаръ спасъ родину. Сенатъ въ отчаяніи далъ ему неограниченную власть въ управленіи военными дѣлами. Онъ принялъ мѣры

Гамилькаръ подавляетъ возстаніе.

чрезвычайно благоразумныя: отрѣзалъ всѣ пути подвоза съѣстныхъ припасовъ къ инсургентамъ, и у нихъ начался такой голодъ, что они стали рѣзать и ѣсть плѣнныхъ и рабовъ. Когда отъ главнаго войска ихъ отдѣлялись отряды, онъ нападалъ на эти толпы, истреблялъ ихъ, бросалъ плѣнныхъ на растоптаніе слонамъ въ наказаніе за ихъ свирѣпости. Прогнавъ инсургентовъ изъ окрестностей Карѳагена, онъ пошелъ на ихъ укрѣпленный станъ у Тунеса. Передъ окопами своего стана, онъ поставилъ крестъ и распялъ на немъ взятаго въ плѣнъ Спендія, чтобъ инсургенты видѣли, какая судьба ожидаетъ ихъ. О прощеніи, о пощадѣ теперь не было и рѣчи. Мато сдѣлалъ удачную вылазку, снялъ съ креста тѣло своего товарища и, въ отмщеніе за него, распялъ 30 знатныхъ карѳагенянъ; но это была послѣдняя удача инсургентовъ. Въ ужасной битвѣ почти все войско ихъ было истреблено. Мато съ немногими уцѣлѣвшими былъ взятъ въ плѣнъ; его отвели въ Карѳагенъ и страшными, продолжительными истязаніями замучили до смерти. Теперь оставалось только покорить и наказать возставшие города; жители ихъ знали, что не найдутъ пощады и сопротивлялись отчаянно; но не видя ни откуда помощи, они
237 были покорены, и карѳагенское ярмо снова легло на нихъ. Такъ кончилась эта война, длившаяся три года и четыре мѣсяца и бывшая, по словамъ Полибія, самой ужасной, безпощадной изъ всѣхъ извѣстныхъ ему дотого.

Римляне овладѣваютъ Сардиніей и Корсикой. 239—237

Теперь карѳагеняне могли бы покорить Сардинію; но инсургенты, не имѣя силы обороняться противъ туземцевъ, остававшихся непокоренными въ горахъ, и противъ карѳагенянъ, уже давно обратились къ римлянамъ съ просьбою о защитѣ, отдавая имъ прибрежные города. Великій побѣдоносный римскій народъ не погнушался войдти въ
239 дружбу съ мятежными разбойниками и поживиться отъ нихъ добычею, не нашелъ въ себѣ силы отказаться отъ прибыли для сохраненія справедливости и чести. Подавивъ африканское возстаніе, карѳагеняне требовали возвращенія Сардиніи; но римляне, которые уже овладѣли
237 всѣми колоніями ихъ на этомъ островѣ, и Корсикою, принадлежавшею нѣкогда этрускамъ, не захотѣли отдать своихъ завоеваній и стали грозить изнуренному Карѳагену войной, выставляя поводомъ къ ней вымышленныя обиды римскимъ купцамъ отъ карѳагенянъ. Говорятъ, они послали въ Карѳагенъ копье и жезлъ феціала съ объявленіемъ, что карѳагеняне должны сдѣлать выборъ. Не имѣя силы воевать съ римлянами, карѳагеняне должны были отказаться отъ Сардиніи и заплатить 1200 талантовъ въ вознагражденіе римлянамъ за ихъ расходы по приготовленіямъ къ войнѣ. Такимъ образомъ римляне пріобрѣли Сардинію и Корсику. Эти острова стали второю провинціею римскаго государства. Полудикіе жители центральныхъ частей новопріобрѣтенныхъ острововъ упорно оборонялись; римскіе рынки наполнились продаваемыми въ рабство сардинскими и корсиканскими

плѣнниками. Но очень долго римлянамъ не удавалось вполнѣ покорить горцевъ.

Карѳагеняне покоряютъ Утику и другіе африканскіе города.

Граждане Утики, осажденной Гамилькаромъ, просили римлянъ защитить ихъ отъ мести карѳагенянъ; но римляне въ то время еще не хотѣли пріобрѣтать владѣній въ Африкѣ, и просьба была отвергнута. Такимъ образомъ карѳагенянамъ была предоставлена свобода покорять возставшіе африканскіе города и туземцевъ; ливійскія племена упали духомъ, и карѳагеняне не только покорили всѣхъ своихъ прежнихъ подданныхъ, но и расширили свои владѣнія въ Африкѣ. Гамилькаръ покорилъ даже Тевесту, „Стовратный городъ"; тамъ были поселены новые жители, подданные Карѳагена. Это было для карѳагенянъ нѣкоторымъ вознагражденіемъ за потерю въ Европѣ

Война римлянъ съ иллирійцами 229.

Вскорѣ послѣ того, какъ римляне овладѣли Сардиніей и Корсикой, имъ представился удобный случай сдѣлать завоеванія на востокѣ. По восточному прибрежью Адріатическаго моря, покрытому горами, между которыми лежатъ котловины углубленій и тянутся извилистыя ущелья горныхъ рѣкъ, жили иллирійцы, хищное племя; пользуясь раздробленностью и слабостью греческихъ государствъ, эти разбойники плавали на своихъ быстрыхъ парусныхъ судахъ, называвшихся либурнами, грабить острова и прибрежные города Адріатическаго и Іонійскаго морей. Македоняне втайнѣ побуждали ихъ дѣйствовать смѣлѣе; ободряло ихъ и то, что они вообще встрѣчали мало сопротивленія; они стали грабить даже берега Пелопоннеса, овладѣли нѣсколькими греческими городами, между прочимъ, Диррахіемъ (Эпидамномъ) и Аполлоніею, овладѣли даже островомъ Коркирою. Богатая добыча, съ какою возвращались на родину отважные морскіе разбойники, возбуждала все больше и больше охоты къ этому ремеслу во всемъ ихъ племени. Они овладѣли Феникою, самымъ богатымъ изъ торговыхъ городовъ Эпира, и послѣ того всѣ прибрежныя мѣста были въ постоянной опасности отъ ихъ разбоевъ; морская торговля упала; эпирцы и акарнанцы, убѣдившись въ своемъ безсиліи оборонятьсс отъ иллирскихъ пиратовъ, купили себѣ безопасность заключеніемъ договоровъ съ ними; они захватывали даже италійскія суда. Жители италійскаго прибрежья умоляли римлянъ о защитѣ, и римляне рѣшили наконецъ обуздать эти разбои. Гай Корунканій и братъ его Луцій были отправлены послами въ столицу иллирійцевъ Скодру (Скутари) къ царицѣ Тевтѣ, которая по смерти мужа, Агрона, управляла государствомъ отъ имени малолѣтняго сына, Пинна. Выслушавъ жалобы пословъ на разбои, царица не выказала желанія запретить своимъ подданнымъ выгодное ремесло; она рѣзко отвѣчала, что въ ея землѣ нѣтъ закона, запрещающаго морской разбой, и что она не имѣетъ возможности остановить своихъ подданныхъ, предпринимающихъ набѣги безъ ея вѣдома. Младшій Корунканій сказалъ ей на это, что римляне имѣютъ

обычай наказывать злодѣевъ и помогать обижаемымъ и при помощи
боговъ заставятъ иллирійцевъ улучшить свои законы. Раздраженная
его гордыми словами, Тевта велѣла убить его на обратномъ пути и
отказалась выдать римлянамъ убійцъ. Но скоро пришлось ей сми-
риться: весною явился у восточнаго берега римскій флотъ съ силь-
229. нымъ отрядомъ войска, овладѣлъ Коркирою, принялъ въ союзъ съ
Римомъ греческіе города Аполлонію и Диррахій; при содѣйствіи при-
брежнаго населенія, озлобленнаго на разбойниковъ, римляне сильно
тѣснили иллирійцевъ, либурны которыхъ не могли противиться рим-
скимъ военнымъ кораблямъ. Тевта была вынуждена покориться тя-
желымъ и унизительнымъ условіямъ мира, поставленнымъ консулами.

Условія мира.

Иллирійцы должны были возвратить независимость всѣмъ покореннымъ ими греческимъ городамъ; ихъ царство было ограничено первоначальными своими предѣлами; иллирскимъ кораблямъ, если на нихъ есть вооруженные люди, было запрещено плавать на югъ далѣе Лисса. Хитрый и отважный Димитрій Фаросскій, служившій Тевтѣ и перешедшій на сторону римлянъ, былъ сдѣланъ владѣтелемъ нѣкоторыхъ городовъ на иллирскомъ берегу и нѣсколькихъ прибрежныхъ острововъ; черезъ него римляне могли всегда имѣть свѣдѣнія о замыслахъ иллирійцевъ, а иллирское царство было подчинено Риму и обязано платить ему дань.

Присоединеніе Коркиры, Аполлоніи, Диррахія къ римскому государству.

Такимъ образомъ римляне прекратили морскіе разбои на Адріатическомъ морѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ пріобрѣли себѣ владѣнія, которыя могли служить базисами для покоренія восточныхъ странъ: они приняли въ свой союзъ островъ Коркиру, греческіе прибрежные города Аполлонію и Диррахій и нѣсколько мелкихъ атинтанскихъ и партинскихъ общинъ; они подчинили этихъ союзниковъ контролю особыхъ сановниковъ, не находя свои новыя пріобрѣтенія достаточно обширными для того, чтобы образовать изъ нихъ провинцію. Греческіе города, поставленные ими въ это подчиненное положеніе, много страдали отъ иллирскихъ разбоевъ и не находили защиты себѣ ни у непріязненнаго имъ, македонскаго царя, ни у греческихъ государствъ, слабыхъ и ссорившихся между собою; потому римляне показались имъ освободителями, спасителями, и они охотно отказались отъ своей шаткой независимости, нашедши въ подчиненіи Риму безопасность. Даже въ самой Греціи хвалили римлянъ за то, что они приняли подъ свою защиту греческія колоніи западнаго берега; коринѳяне и аѳиняне спѣшили выразить свое сочувствіе римлянамъ, допустили ихъ къ участію—коринѳяне въ истмійскихъ играхъ, аѳиняне въ элевзинскихъ таинствахъ и тѣмъ, какъ будто, признали ихъ принадлежащими къ греческому міру.

Римляне на Адріатическомъ морѣ.

Между Римомъ и Греціею возникли дружескія отношенія, имѣвшія своимъ основаніемъ общую непріязнь къ Македоніи. Римляне усердно желали казаться охранителями порядка и безопасности на восточномъ морѣ; они доказали это строгостью, съ какою черезъ

нѣсколько лѣтъ поступили относительно Димитрія Фаросскаго, возобновившаго морской
разбой и задумавшаго искать покровительства македонянъ, чтобъ отложиться отъ Рима.
Консулъ Луцій Эмилій Павелъ разрушилъ его столицу и выгналъ его изъ владѣній,
данныхъ ему римлянами. Димитрій бѣжалъ къ македонскому царю и, пылая желаньемъ 219.
отмстить римлянамъ, сталъ возбуждать Филиппа противъ нихъ; его совѣты имѣли ги-
бельное вліяніе на дѣйствія македонскаго царя. Далматы (или дельматы), составлявшіе
федерацію, центромъ которой былъ довольно большой городъ, Дельмій, получили по
изгнаніи Димитрія, свободу, какою пользовались прежде. Но черезъ нѣсколько десятковъ
лѣтъ римляне, въ наказаніе за ихъ разбои на сухомъ пути и на морѣ, отняли у нихъ
независимость. Нравы далматовъ были суровы, какъ ихъ горы, и очень долго они (155).
оставались полудикимъ народомъ: когда ихъ сосѣди уже давно достигли высокой циви-
лизаціи, они все еще не употребляли монеты, не имѣли личной земельной собствен-
ности, и общины ихъ производили черезъ каждыя 8 лѣтъ передѣлы своихъ земель ме-
жду домохозяевами.—Чтобы навсегда искоренить разбои на Адріатическомъ морѣ, рим-
ляне черезъ нѣсколько времени по окончаніи второй пунической войны основали въ
сѣверовосточномъ углу Италіи крѣпость Аквилею («Водяной городъ»). Истрійцы хотѣли 182.
помѣшать этому, но были побѣждены послѣ двухлѣтней борьбы, и римляне разрушили 178—177.
ихъ укрѣпленія.

Война съ галлами 226—222.

Римляне теперь еще не могли расширить своего владычества на востокѣ; прежде, чѣмъ дѣлать дальнѣйшія завоеванія тамъ, они должны были побѣдить враговъ болѣе близкихъ, борьба съ которыми была очень опасна. Въ римскихъ лѣтописяхъ говорится, что въ это время былъ во второй разъ съ начала существованія Рима затворенъ храмъ Януса, т. е. настало время, когда не было у римлянъ никакой войны (стр. 28). Если это извѣстіе вѣрно, то храмъ Януса оставался затворенъ не долго, потому что черезъ два года послѣ покоренія иллирійцевъ римляне уже вели войну съ галлами; это была страшная война, и побѣда въ ней потребовала отъ Рима великихъ усилій. Кельтскія племена, жившія на югѣ отъ По, могущественные, храбрые бои, восточные и западные сосѣди ихъ лингоны и анары, съ тревогою смотрѣли на расширеніе границъ римскаго государства, замѣчали, что сенатъ неизмѣнно держится завоевательной системы; по истребленіи сеноновъ (стр. 148 слѣд.), они первые должны были стать жертвами римскаго властолюбія. Римляне основывали одну военную колонію за другою на восточномъ берегу Италіи, раздавали тамъ земли своимъ колонистамъ; это было прямою опасностью для галловъ, и они рѣшились остановить расширеніе римскихъ владѣній, пока еще не совершенно опутала ихъ сѣтью своихъ колоній могущественная республика, построившая по сосѣдству съ ихъ землями сильныя крѣпости Сену, Ариминъ и Равенну, пока не перерѣзала она своими военными и земледѣльческими поселеніями ихъ области, не отняла возможности общаго дѣйствія у ихъ племенъ. Если бы бои успѣли соединить кельтскія племена равнины По и заальпійскихъ галловъ на борьбу съ Римомъ, для него могли бы снова настать времена Бренна. Боіямъ отчасти и удалось пріобрѣсти союзниковъ между своими заальпійскими соплеменниками.

Гезаты, храбрые и хищные воины, пришли изъ альпійскихъ долинъ и съ верховья Роны на помощь своимъ южнымъ соплеменникамъ, въ надеждѣ обогатиться добычею въ Италіи; ихъ было 50,000 человѣкъ пѣхоты и 20,000 конницы. Это были люди исполинскаго роста, страшной силы; подъ начальствомъ отважныхъ вождей, они перешли равнину По, оставили отрядъ для наблюденія за ценоманами и венетами, союзниками римлянъ, и для обезпеченія себѣ свободнаго пути къ возврату на родину, перешли Апеннины и расположились станомъ у Клузія, какъ нѣкогда галлы Бренна. Этрусское и сабинское ополченіе хотѣло остановить ихъ въ тѣснинахъ Апеннинъ; но галлы обманули его и разбили при Фезулахъ; 6,000 италійскихъ воиновъ легли на полѣ битвы; галлы ходили по богатой и плодородной области, не встрѣчая сопротивленія, грабили и опустошали. Римлянами овладѣлъ страхъ. Припоминалось древнее пророчество, что землею, на которой стоитъ Римъ, будутъ нѣкогда владѣть галлы; масса населенія была въ такомъ ужасѣ, что сенатъ для успокоенія умовъ велѣлъ зарыть живыми въ землю на форумѣ галла и галльскую женщину; этимъ было исполнено пророчество, по истолкованію сената. Всѣ италійскія племена одинаково трепетали варваровъ; потому союзники Рима съ величайшей готовностью послали контингенты въ римское войско: дѣло шло теперь не о томъ, долженъ ли Римъ господствовать надъ ними; всѣмъ надобно было защищать свое имущество, свою жизнь.

Битва при Теламонѣ. 225.

Когда кончены были сборы, консулъ Луцій Эмилій Папъ повелъ многочисленное войско въ Этрурію, а другой консулъ Гай Атилій Регулъ приплылъ въ Италію съ войскомъ, бывшимъ въ Сардиніи. Не вдалекѣ отъ моря, у Теламона, близъ устья рѣки Умброна (Омброне), легіоны Регула неожиданно встрѣтились съ отрядами галловъ, возвращавшимися на родину съ добычей и выбравшихъ приморскую дорогу, какъ самую удобную. Битва была неизбѣжна; и римляне, и галлы приготовились къ ней. Римская пѣхота плотными рядами пошла на врага приморьемъ, а консулъ съ конницею пошелъ дальше отъ моря, чтобы напасть на галловъ съ фланга и чтобы сообщить извѣстіе другому консулу, стоявшему по сосѣдству. Сдѣлать нападеніе съ фланга не удалось ему: галльская конница пошла на встрѣчу римской и дала ей битву, отдѣльную отъ сраженія, происходившаго между главными силами обѣихъ сторонъ у моря; въ этой битвѣ конницы съ конницею было убито много храбрыхъ римлянъ, въ числѣ ихъ и самъ консулъ. Галлы взоткнули на копье его голову, какъ прежде ихъ соплеменники голову Птолемея Керавна (стр. 300), и носили передъ собою этотъ трофей. Но послать извѣстіе другому римскому войску Регулъ успѣлъ, и этимъ была рѣшена побѣда. Сраженіе конницы еще продолжалось, и римская пѣхота еще только начинала сраженіе съ галльскою, бросая издали дротики, когда явился консулъ Эмилій Папъ, римляне напали на кельтовъ съ двухъ сторонъ, галлы не оробѣли, сформировались въ два огромные отряда и мужественно бились противъ обоихъ римскихъ войскъ; ужасно было ихъ дикое боевое пѣніе, громко раздавались звуки ихъ литавръ и роговъ; вооруженіе римлянъ было гораздо лучше галльскаго и давало имъ

большое преимущество: галлы, сбросивъ съ себя плащи, шли въ легкой одеждѣ и съ маленькими щитами на ряды одѣтыхъ въ желѣзо римлянъ; но, при всемъ превосходствѣ римскаго вооруженія, побѣда долго колебалась; наконецъ римская конница, побѣдивъ галльскую, напала на пѣхоту съ фланга; этимъ была рѣшена битва. Пораженіе галловъ было ужасно. Только конница ихъ успѣла ускакать; пѣхота, окруженная со всѣхъ сторонъ, вся была перебита, или взята въ плѣнъ. На полѣ битвы легло 40,000 крѣпкихъ красивыхъ исполиновъ, украшенныхъ золотыми ожерельями и браслетами, 10,000 человѣкъ было поведено въ рабство, въ томъ числѣ царь Конколитанъ; другой царь, Анерестъ, съ нѣсколькими спутниками успѣлъ уйдти въ убѣжище, гдѣ не тотчасъ могли найдти его римляне и тамъ убилъ себя.

Завоеваніе равнины По. 224—223.

Римляне быстро воспользовались побѣдою при Теламонѣ, пошли на сѣверъ дѣлать завоеванія; имъ помогало несогласіе между галльскими племенами, неумѣнье ихъ дѣйствовать заодно. Въ слѣдующіе два года были покорены боіи, лингоны и анары; вся земля до южнаго берега По была присоединена къ римскому государству. Потомъ консулъ Гай Фламиній пошелъ покорять племена галловъ на сѣверномъ берегу этой рѣки. Но тамъ римляне встрѣтили сильное сопротивленіе. Фламиній былъ назначенъ консуломъ, потому что пользовался любовью простолюдиновъ; онъ пріобрѣлъ ее тѣмъ, что, бывши народнымъ трибуномъ, провелъ на перекоръ сопротивленію сената законъ о раздачѣ Пиценской области римскимъ колонистамъ. Въ благодарность за то, народъ выбралъ его теперь консуломъ; но онъ не выказалъ талантовъ полководца. Первое нападеніе римлянъ на инсубровъ было отбито. Потомъ вмѣстѣ съ ценоманами римляне напали на инсубровъ съ востока, но этотъ воинственный народъ собралъ всѣ свои силы для рѣшительной битвы; 50,000 воиновъ, окруживъ свое золотое знамя, называвшееся неподвижнымъ, встрѣтили римлянъ на одномъ изъ притоковъ По (быть можетъ на Ольйо); римляне были въ опасности подвергнуться пораженію; только спокойная храбрость воиновъ, превосходство вооруженія и тактики спасли ихъ отъ погибели; при всей неспособности своихъ полководцевъ они одержали побѣду. Инсубры просили мира. Но сенатъ потребовалъ, чтобъ они покорились безъ всякихъ условій. Они рѣшились продолжать войну, наняли 30000 гезатовъ и приготовились къ отчаянному сопротивленію. Слѣдующею весною римляне осадили Ацерры, городъ инсубровъ, стоявшій на Аддѣ. Чтобы заставить римлянъ снять осаду, галлы перешли По и осадили римскую крѣпость Кластидій. Но подъ стѣнами ея были совершенно разбиты консуломъ Маркомъ Марцелломъ, который своею рукою убилъ гезатскаго царя Виридомара и потомъ положилъ въ храмѣ Зевса Капитолійскаго доспѣхи его, какъ spolia opima, (доспѣхи, снятые съ непріятельскаго военачальника убившимъ его римскимъ военачальникомъ). — Послѣ этого второго пораженія инсубры уже не могли держаться противъ

232.

Побѣда Марцелла при Кластидіѣ. 222.

римлянъ: силы ихъ были истощены. Гней Сципіонъ взялъ приступомъ главные города ихъ Медіоланъ и Комъ, принудилъ ихъ князей покориться, завоевалъ всю землю между По и Альпами. Итакъ теперь вся Италія до сѣверной границы своей была подвластна Риму. Сенатъ уже дѣлалъ распоряженія о томъ, чтобы занять войсками альпійскіе проходы для огражденія Италіи отъ нашествій галловъ; хотѣлъ отнять апеннинскія долины у лигуровъ и другихъ воинственныхъ горцевъ, хотѣлъ подчинить волѣ римскаго народа Истрію; уже были сдѣланы распоряженія объ основаніи военныхъ колоній (Плаценціи, Кремоны, Мутины) на южномъ берегу По, о раздачѣ этой плодородной земли италійскимъ колонистамъ; сенатъ хотѣлъ оттѣснить за По галльскія племена, расширить до этой рѣки римскую культуру, римское военное устройство; хотѣлъ соединить новыя пріобрѣтенія съ Римомъ продолженіемъ Фламиніевой дороги до Фана и Аримина, проведеніемъ новыхъ дорогъ—Эмиліевой, Кассіевой, другихъ; но наступили событія, которыя на долго остановили исполненіе этихъ намѣреній сената, поколебали римское государство въ его основаніяхъ, подвергли Римъ опасности потерять все, пріобрѣтенное великими усиліями нѣсколькихъ столѣтій.

---

3. Кареагеняне въ Испаніи. Начало дѣятельности Ганнибала.

Межъ тѣмъ, какъ римляне округляли свое государство на западѣ и востокѣ и основывали колоніи на По, кареагеняне расширяли свои владѣнія на Пиренейскомъ полуостровѣ, желая вознаградить себя за потерю островов Средиземнаго моря покореніемъ плодородныхъ долинъ нынѣшней Андалузіи и богатыхъ серебряной рудою горныхъ областей восточной и западной Испаніи.

Кареагенскія партіи.

Великій патріотъ Гамилькаръ Барка, оказавшій очень важныя услуги родинѣ, встрѣчалъ сопротивленіе всѣмъ своимъ намѣреніямъ со стороны ненавидѣвшей его аристократической партіи. Благодаря его уму и энергіи, было подавлено грозное возстаніе наемниковъ, и однако же онъ былъ принужденъ раздѣлять начальство надъ войсками съ вождемъ своихъ противниковъ, бездарнымъ Ганнономъ, котораго аристократы называли Великимъ. Противники Гамилькара старались омрачить блескъ его побѣдъ обвиненіемъ, что собственно онъ произвелъ возстаніе наемниковъ и лийцевъ, сдѣлавъ сицилійскимъ своимъ воинамъ денежныя обѣщанія самовольно, безъ разрѣшенія сената. Отважный патріотъ, страстно желавшій величія и славы родины, Гамилькаръ былъ главою партіи войны, которая находила въ низшемъ и среднемъ сословіяхъ больше сочувствія себѣ, чѣмъ въ кругу знатныхъ фамилій. Гамилькаръ считалъ важнѣйшею задачею Кареагена борьбу съ Римомъ, который, неохотно заключивъ миръ, фактически нарушилъ его занятіемъ Сардиніи и Корсики и, безъ сомнѣнія

возобновитъ войну при первомъ удобномъ случаѣ. Гамилькаръ считалъ единственнымъ спасеніемъ для Кареагена энергическое сопротивленіе этому государству, дѣйствующему по обдуманной системѣ и держащему войска постоянно готовыми къ нападенію. Иного образа мыслей держалась аристократическая партія, руководимая Ганнономъ. Эти консерваторы думали только о выгодѣ и наслажденіи; предусмотрительности у нихъ не было. Могущественные своими семейными связями и привилегіями, они присвоили себѣ всѣ выгодныя должности и были такъ эгоистичны, что изъ-за богатства и почестей пренебрегали опасностями, грозящими государству, не хотѣли признавать неудовлетворительности существующаго порядка. Они говорили, что Кареагенъ и безъ Сициліи, безъ Сардиніи остается богатъ и силенъ, и что для сохраненія мира съ римлянами можно жертвовать многимъ; надѣялись пріобрѣсти даже дружбу римлянъ уступчивостью. По ихъ словамъ, Ливія представляла довольно простора для завоеваній, и не было надобности дѣлать себѣ вредъ въ настоящемъ для предотвращенія опасностей въ будущемъ, о которыхъ говорятъ ихъ противники; быть можетъ эти опасности лишь призраки разгоряченнаго воображенія. Такихъ мыслей держалась аристократія, правившая государствомъ и заботившаяся болѣе всего о томъ, чтобы жить въ мирѣ съ римлянами, не подавать имъ поводовъ къ неудовольствіямъ и войнѣ. Тѣ, понятно, хвалили эту вѣрность и преданность имъ.

При владычествѣ партіи, державшейся такого образа мыслей, патріотизму Гамилькара не было простора дѣйствовать на родинѣ. Гамилькаръ былъ тогда еще молодъ: ему было съ небольшимъ 30 лѣтъ; онъ не хотѣлъ тратить лучшіе годы своей жизни на борьбу съ мелочными интригами аристократіи, чуждой возвышенныхъ стремленій, рѣшился искать себѣ новаго поприща для пріобрѣтенія славы и доставить родинѣ возможность съ честью вести войну противъ Рима, когда возникнетъ новое столкновеніе съ нимъ. При содѣйствіи демократической партіи, онъ получилъ начальство надъ кареагенскими войсками съ неограниченнымъ полномочіемъ на неопредѣленное время; отнять у него эту диктаторскую власть могло только рѣшеніе народнаго собранія. Такое полномочіе было противузаконно; но аристократы, правившіе государствомъ, согласились исполнить желаніе Гамилькара, чтобъ удалить изъ Кареагена опаснаго противника. Они полагали, что всегда могутъ принудить его отказаться отъ этого сана, не давая ему денегъ, необходимыхъ для веденія войны; но Гамилькаръ съумѣлъ сдѣлаться независимымъ отъ нихъ въ этомъ отношеніи. Онъ зналъ по опыту, что необходимо выдавать наемникамъ ихъ жалованье безъ задержки, и рѣшилъ вести войну въ такой странѣ, гдѣ онъ будетъ самою войною пріобрѣтать средства на содержаніе войска, не встрѣтитъ сильныхъ войскъ большаго благоустроеннаго государства, будетъ имѣть дѣло съ мелкими племенами, враждебными между собой, и князьками, завидующими другъ другу; старинная финикійская колонія Гадесъ и другія приморскія крѣпости могли тамъ служить опорными пунктами для походовъ. Онъ поплылъ черезъ Гибралтарскій проливъ

Гамилькаръ отправляется въ Испанію. 236

въ Испанію съ большимъ войскомъ, взявъ много слоновъ; его сопровождали зять его Газдрубалъ и три сына: Ганнибалъ, Газдрубалъ и Магонъ, которыхъ онъ называлъ «молодыми львами» и воспитывалъ при себѣ въ станѣ, готовя ихъ быть наслѣдниками своихъ мыслей и своей ненависти. Восемь лѣтъ былъ онъ главнокомандующимъ въ Испаніи, дѣйствуя тамъ съ неограниченною властью, будто независимый государь. Онъ покорилъ города и племена по Бетису (Гвадалквивиру) и по Анасу (Гвадіанѣ), дѣлалъ завоеванія въ горныхъ областяхъ средины и запада полуострова, заставилъ испанцевъ уважать Карѳагенъ и бояться его. Мы не имѣемъ достовѣрныхъ извѣстій о политическихъ и военныхъ дѣлахъ Гамилькара въ Испаніи; но Катонъ Старшій, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ бывшій въ Испаніи, съ высокими похвалами говорилъ о дѣятельности Гамилькара тамъ, хотя ненавидѣлъ карѳагенянъ такъ же сильно, какъ Гамилькаръ Барка и его сыновья ненавидѣли римлянъ. Туземныя племена полуострова, кельтиберы и лузитане въ центрѣ и на западѣ его, кантабры и баски на сѣверѣ, при всей своей храбрости, при всемъ умѣньи вести партизанскую войну, не могли устоять противъ карѳагенскихъ войскъ и противъ талантовъ ихъ вождей, потому что враждовали между собой, были раздѣлены племенной ненавистью. Они покорились врагу, нападавшему на нихъ съ многочисленнымъ войскомъ; но ихъ покорность была вынужденная; расположенія ихъ не умѣли пріобрѣсти карѳагеняне.

Расширеніе карѳагенскихъ владѣній въ Испаніи.

228 Гамилькаръ въ цвѣтѣ лѣтъ былъ убитъ на сраженіи съ однимъ изъ горныхъ племенъ; его мѣсто занялъ, по выбору войска и по сильному вліянію его фамиліи въ Карѳагенѣ, зять его Газдрубалъ. Новый главнокомандующій расширилъ владѣнія Карѳагена до Эбро, не столько силою оружія, сколько искусными переговорами съ туземными князьями, которыхъ привлекалъ къ себѣ любезностью. Желая дать крѣпкій оплотъ владычеству Карѳагена, онъ построилъ на югѣ восточнаго берега въ одной изъ прекраснѣйшихъ мѣстностей земного шара городъ Новый Карѳагенъ (Картагену) очень сильную крѣпость съ цитаделью и съ превосходной гаванью, которую онъ тоже сильно укрѣпилъ. Домъ его въ цитадели назывался дворцомъ, потому что карѳагенскіе главнокомандующіе въ Испаніи держали себя царями.— Такимъ образомъ, благодаря военнымъ талантамъ Гамилькара и политическому искусству Газдрубала, было основано въ Испаніи принадлежащее Карѳагену государство, охватывавшее прекраснѣйшія и плодороднѣйшія области южнаго и восточнаго береговъ полуострова, богатое изобиліемъ земледѣльческихъ продуктовъ, имѣвшее громадные доходы отъ рудниковъ и торговли; по берегамъ моря и вдали отъ него было множество городовъ, платившихъ дань Карѳагену; большая часть доходовъ употреблялась на содержаніе войска и флота, но и за этимъ вычетомъ карѳагенское правительство получало изъ испанскихъ владѣній такія огромныя суммы, что мало по малу примирилось съ политикою Гамилькара Барки и его фамиліи. Изобильные серебряные рудники близъ новаго Карѳагена давали большіе доходы; для карѳагенской торговли открылись обширныя, плодородныя области. Кромѣ того, много денегъ изъ сбереженій испанской казны тайно переходило въ руки карѳагенскихъ вельможъ, расположеніе которыхъ полководцы покупали этими подарками. Когда Газдрубалъ былъ измѣннически убитъ въ своемъ домѣ служившимъ ему галломъ, войско 229.
передало санъ главнокомандующаго старшему изъ сыновей Гамилькара, Ганнибалу, имѣвшему теперь 28 лѣтъ и давшему при отъѣздѣ съ отцомъ изъ Африки, по внушенію его, клятву вѣчной ненависти къ римлянамъ. Карѳагенскій сенатъ утвердилъ выборъ войска.

Отношенія къ Риму.

Римляне давно смотрѣли съ недовѣріемъ и завистью на успѣхи карѳагенскаго оружія въ Испаніи, но были заняты войнами въ самой Италіи, потому не рѣшались вмѣшиваться въ дѣла незнакомой имъ, далекой страны; прямой надобности интересоваться ею они не имѣли. Быть можетъ, сенатъ полагалъ, что, дѣлая завоеванія въ Испаніи, Гамилькаръ думалъ о возобновленіи войны съ Римомъ, что цѣль усилій его и Газдрубала состоитъ въ сформированіи опытнаго, надежнаго войска и въ пріобрѣтеніи денежныхъ средствъ для борьбы съ побѣдителями родины; но какъ бы то ни было сенатъ показывалъ видъ, будто вѣритъ словамъ карѳагенскихъ полководцевъ, что они желаютъ только доставить своему изнуренному отечеству деньги для уплаты контрибуціи Риму. Наконецъ греческіе города испанскаго и галльскаго приморья, торговлю которыхъ стѣсняло могущественное соперничество карѳагенянъ и которые начинали опасаться за свою свободу, стали жаловаться Риму; и сенатъ нашелъ невозможнымъ далѣе оставаться равнодушнымъ зрителемъ. Но онъ не выказалъ никакого подозрѣнія, чтобы не подать карѳагенскимъ полководцамъ повода къ вмѣшательству въ галльскую войну, которая и безъ того была тяжела для римлянъ. Онъ удовольствовался обѣщаніемъ Газдрубала не водить войскъ за Эбро; это обязательство было принято за достаточное обезпеченіе свободы греческихъ городовъ на сѣверѣ отъ Эбро. То былъ не трактатъ съ карѳагенскимъ правительствомъ, а только договоръ съ Газдрубаломъ, за которымъ сенатъ, какъ будто, признавалъ этимъ самостоятельную власть. Римляне теперь имѣли очень тѣсныя отношенія съ Греціею, потому считали себя обязанными защищать греческія колоніи въ Испаніи. Старинная дружба съ Массаліею дѣйствительно возлагала на нихъ обязанность защищать этотъ городъ и сосѣднія съ нимъ греческія колоніи. Но скоро они распространили кругъ своего покровительства: приняли въ союзъ съ Римомъ греческую колонію Эмпоріи (II, 218), приняли и закинѳскую колонію Сагунтъ (нынѣшній городъ Мурвіэдро близъ Валенсіи), хотя эта колонія находилась на югъ отъ Эбро. 226

Въ такомъ положеніи были испанскія дѣла, когда главноко-

Замыселъ Ганнибала.

мандующимъ сдѣлался Ганнибалъ и, вѣрный своей клятвѣ, наслѣдовавшій отвагу своего отца, рѣшился возобновить борьбу съ Римомъ, отъ которой заботливо уклонялся осторожный Газдрубалъ. Ганнибалу давно было ясно, что шаткій миръ съ Римомъ не можетъ продержаться долго; его проницательный умъ понималъ, что за совершеннымъ покореніемъ галловъ Сѣверной Италіи скоро послѣдуетъ вмѣшательство римлянъ въ испанскія дѣла. Нельзя было въ бездѣйствіи ждать, пока храбрѣйшіе галльскіе воины погибнутъ въ битвахъ и соплеменники ихъ покорятся игу Рима. Надобно было остановить римлянъ теперь, или навсегда отказаться отъ надежды, остановить ихъ стремленіе къ владычеству надъ всѣми народами. Карѳагенское войско въ Испаніи было многочисленно, искусно и храбро, было предано Ганнибалу и его роду. Римъ покупалъ свои побѣды и завоеванія кровью своихъ гражданъ; испанская война стоила мало крови Карѳагену; у Ганнибала было много денегъ въ войсковой кассѣ, много военныхъ запасовъ, потому онъ могъ легко пополнять новыми наемниками убыль, какую будутъ производить битвы въ рядахъ воиновъ его, могъ всегда сохранять войско многочисленнымъ. Людей, готовыхъ сражаться для полученія жалованья и добычи, было достаточно въ Испаніи. Во многихъ изъ государствъ, принужденныхъ вступить въ союзъ съ Римомъ, еще были живы воспоминанія о прежней независимости; горькое чувство національнаго униженія еще оставалось во многихъ италійцахъ. Ганнибалъ могъ разсчитывать, что если ему удастся поднять противъ Рима всѣ недовольные города, всѣ покоренные народы, соединить на войну съ римлянами всѣхъ ихъ враговъ отъ Альпъ до Сицилійскаго пролива и въ Сициліи, если всѣ эти враждебныя Риму силы присоединятся къ многочисленному карѳагенскому войску, подъ его отважнымъ управленіемъ, то Римъ, при всей своей энергіи, не устоитъ противъ столькихъ враговъ. Мысль, что Карѳагенъ займетъ тогда мѣсто Рима не могла пугать италійскія племена. Отдаленный торговый городъ, въ которомъ нѣтъ единодушія между гражданами, сельскіе подданные котораго недовольны его управленіемъ, не могъ быть страшенъ пастухамъ и поселянамъ, живущимъ вдали отъ моря. Эти соображенія привели Ганнибала къ рѣшимости немедленно начать съ Римомъ войну, которая во всякомъ случаѣ неизбѣжно должна была раньше или позже начаться. Онъ не хотѣлъ ждать, пока владычество Рима надъ всей Италіей упрочится и всѣ племена ея примирятся съ подчиненіемъ своимъ Риму. Самъ ли Ганнибалъ пришелъ къ этой мысли, или она была получена по наслѣдству отъ отца, но онъ дѣйствовалъ въ духѣ отцовской отваги.

Характеръ Ганнибала.

Еще никогда такой врагъ съ такимъ сильнымъ войскомъ не заставалъ своимъ нападеніемъ Римъ въ такой неготовности къ борьбѣ. У римлянъ было много искусныхъ военачальниковъ, но ни одинъ изъ нихъ не равнялся Ганнибалу военными талантами, находчивостью ума, быстротой и вѣрностью взгляда; онъ выросъ въ станѣ, былъ воспитанникомъ своего великаго отца, былъ подлѣ него, когда онъ получилъ смертельную рану; въ этой школѣ Ганнибалъ пріобрѣлъ всѣ доблести храбраго воина, всю опытность искуснаго полководца. Ни одинъ изъ его товарищей по оружію не превосходилъ его быстротою бѣга, никто не умѣлъ ѣздить верхомъ и фехтовать лучше его; крѣпкое, стройное тѣло его могло выносить всѣ труды и лишенія. Въ тѣ годы, когда главнокомандующимъ былъ мужъ его сестры, Газдрубалъ, онъ, начальствуя конницею, превосходилъ всѣхъ военачальниковъ храбростью и предпріимчивостью, и своею привѣтливостью и своей спокойной твердостью пріобрѣлъ любовь и уваженіе войска.

Сужденіе Ливія о Ганнибалѣ.

Старымъ воинамъ, говоритъ Ливій, казалось, что въ Ганнибалѣ они видятъ его отца такимъ, какимъ былъ Гамилькаръ въ молодости: у него была та же живость взгляда, тотъ же огонь въ глазахъ, тѣ же черты лица. Но скоро сходство съ отцомъ стало наименьшимъ изъ правъ его на любовь воиновъ. Никогда не было человѣка, болѣе способнаго къ исполненію противоположныхъ обязанностей повиновенія и начальствованія; потому онъ былъ одинаково дорогъ и главнокомандующему и войску; не было человѣка, которому Газдрубалъ такъ охотно поручалъ бы начальство въ предпріятіяхъ, требовавшихъ отваги; не было начальника, подъ командою котораго воины были бы такъ смѣлы, которому они такъ довѣряли бы. Съ величайшей отвагой шелъ онъ въ опасность, держалъ себя въ ней съ величайшимъ спокойствіемъ; никакія трудности похода не утомляли его тѣла, не колебали его мужества. Одинаково легко переносилъ онъ зной и холодъ; онъ ѣлъ и пилъ не для удовольствія, а лишь по требованію природы. Время сна опредѣлялось у него не разницею дня и ночи; когда оставалось ему время отъ дѣлъ, тогда онъ спалъ, и чтобы заснуть ему не было нужно ни мягкой постели, ни тишины. Часто видѣли его спящимъ подъ короткимъ военнымъ плащомъ на голой землѣ между часовыми. По одеждѣ онъ не отличался отъ другихъ воиновъ; но оружіе и конь были у него замѣчательно хороши. Онъ лучше всѣхъ воиновъ ѣздилъ верхомъ, неутомимѣе всѣхъ ходилъ пѣшкомъ. Впереди всѣхъ шелъ онъ въ битву и выходилъ изъ нея послѣдній. Съ этими превосходными качествами соединялись въ немъ очень дурныя: безчеловѣчная жестокость и такое вѣроломство, какое было рѣдко даже между карѳагенянами; онъ презиралъ правдивость; для него не было ничего священнаго; онъ ставилъ ни во что боговъ, клятвы, совѣсть. Одаренный такими достоинствами, обладая такими пороками, онъ три года служилъ подъ начальствомъ Газдрубала, внимательно изучая все то, что нужно дѣлать и знать человѣку, желающему стать великимъ полководцемъ.

Въ томъ, что говоритъ Ливій о дурныхъ качествахъ Ганнибала есть преувеличеніе, порожденное римской ненавистью къ нему. Полибій говоритъ, что Ганнибалъ вовсе не былъ жестокъ. Нибуръ (въ лекціяхъ, изданныхъ по его смерти) замѣчаетъ, что жестокости, какія приписываются Ганнибалу, почти всѣ были совершены не имъ, а начальниками отрядовъ его войска и, быть можетъ, перенесены на него по недоразумѣнію, произведенному одинаковостью именъ: былъ другой Ганнибалъ, котораго греки называютъ Ганнибаломъ Мономахомъ. Жестокости, какія дѣйствительно дѣлалъ карѳагенскій главнокомандующій, не превосходили размѣра, обыкновеннаго у самихъ римлянъ, у но-

торыхъ, какъ и у всѣхъ другихъ народовъ древняго міра, главной цѣлью войны считалось уничтоженіе враговъ. То же должно сказать и о вѣроломствѣ Ганнибала; онъ никогда не измѣнялъ своему обѣщанію, никогда не нарушалъ истины, никогда не дѣлалъ ничего не сообразнаго съ благородствомъ его характера, хотя бы вѣрность правиламъ чести и была для него очень не выгодна.

Военные таланты Ганнибала.

Ганнибалъ провелъ бо́льшую часть своей жизни на войнѣ, но онъ былъ не лишенъ образованія и любилъ искусство. Въ свободные часы онъ любилъ разговаривать съ греками, изъ которыхъ особеннымъ его довѣріемъ пользовался спартанецъ Сосилъ. Онъ былъ человѣкъ чрезвычайно привлекательнаго характера; всѣ, сближавшіеся съ нимъ, любили его. Часто его положеніе бывало очень трудно; онъ требовалъ отъ воиновъ большихъ усилій и соблюденія строгой дисциплины; его разноплеменное войско служило только изъ-за жалованья и по надеждѣ на добычу, состояло изъ людей буйныхъ; и однако же никогда не бывало мятежа въ этомъ войскѣ, никогда ни одинъ воинъ не оказывалъ ослушанія ему. Хитрость и скрытность—обыкновенныя черты финикійскаго характера—были и у Ганнибала; многими изъ своихъ успѣховъ онъ былъ обязанъ засадамъ и другимъ военнымъ обманамъ. Онъ чрезвычайно хорошо умѣлъ понимать характеры своихъ противниковъ и пользоваться ихъ слабостями; умѣлъ черезъ шпіоновъ узнавать обо всемъ, что дѣлалось въ непріятельскомъ станѣ; Полибій и Ливій говорятъ даже, что онъ иногда самъ, переодѣвшись, надѣвъ парикъ и фальшивую бороду, ходилъ развѣдывать о непріятелѣ. Онъ горячо любилъ родину, величіе и счастіе которой было цѣлью всѣхъ его желаній и дѣлъ.

Таковъ былъ человѣкъ, сдѣлавшійся теперь главнокомандующимъ карѳагенскаго войска, командуя которымъ умерли его отецъ и мужъ его сестры. Это былъ государственный человѣкъ великихъ дарованій, имѣвшій характеристическія черты своего народа: разсчетливость, разсудительность, хитрость; полководецъ осторожный и съ тѣмъ вмѣстѣ предпріимчивый, предусмотрительный, дѣятельный, одаренный силою владычествовать надъ людьми; смертельный врагъ римлянъ, ненависть къ которымъ равнялась въ немъ преданности родинѣ. Войско обрадовалось и стало ждать великихъ предпріятій, когда пришло извѣстіе, что карѳагенскій сенатъ утвердилъ выборъ Ганнибала въ главнокомандующіе. Зная сильный характеръ и патріотизмъ Ганнибала, можно было съ увѣренностью думать, что онъ не удовольствуется такими походами, какими прославились его предмѣстники. И дѣйствительно, его предпріятія скоро показали, что онъ твердо рѣшился начать войну съ римлянами. Сдѣлавъ нѣсколько удачныхъ походовъ на туземныя племена, пробудивъ этими успѣхами и взятой у враговъ богатой добычей жажду подвиговъ въ своихъ воинахъ, Ганнибалъ пошелъ на Сагунтъ. Предлогомъ къ войнѣ ему послужилъ споръ сагунтянъ съ турдетанами, союзниками Карѳагена, о границѣ ихъ владѣній. Онъ окружилъ городъ войсками и повелъ осаду очень сильно. Сагунтяне обратились къ римлянамъ съ просьбою о помощи и очень храбро оборонялись отъ врага, далеко превосходившаго ихъ силами.

Осада и разрушеніе Сагунта 219.

Римляне были тогда заняты войною съ Димитріемъ Фаросскимъ и покореніемъ галловъ Сѣверной Италіи, потому имъ было неудобно начинать войну съ Карѳагеномъ. Вмѣсто того, чтобы послать войско на помощь своимъ союзникамъ, они отправили посольство къ Ганнибалу. Онъ не принялъ римскихъ пословъ, сказавъ, что они должны обратиться съ своими требованіями къ карѳагенскому сенату. Онъ зналъ, что друзья его фамиліи и купленные имъ приверженцы на столько сильны въ сенатѣ, что его дѣйствія будутъ одобрены тамъ. Онъ представилъ карѳагенскому сенату дѣло въ такомъ видѣ, что зачинщиками спора были сагунтяне, что они обижали союзниковъ Карѳагена. Отославъ римскихъ пословъ, онъ усиленно повелъ осаду города, оборонявшагося съ мужествомъ отчаянія. Какъ ни крѣпки были стѣны Сагунта, какъ ни храбры были его граждане, на осьмой мѣсяцъ осады стѣны рушились подъ ударами тарановъ, и воины Ганнибала ворвались въ городъ. Пощады не было. Сагунтяне и не просили ея. Передъ тѣмъ, какъ непріятель ворвался въ городъ, знатные сагунтяне снесли все золото и серебро изъ казны и своихъ домовъ на площадь, положили на огромный костеръ и въ пламени, пожиравшемъ ихъ богатства, искали смерти себѣ. Геройская рѣшимость ихъ послужила примѣромъ для другихъ: граждане съ своими семействами заперлись въ домахъ, зажгли ихъ и погибли въ пламени; тѣ, которые не убили сами себя, умерли съ оружіемъ въ рукахъ. Сагунтъ, богатый торговый городъ, обратился въ груду развалинъ. Но хотя главная масса богатствъ его сгорѣла, добыча все-таки осталась такъ велика, что насытила или разгорячила алчность воиновъ и доставила Ганнибалу средства купить себѣ новыхъ приверженцевъ въ Карѳагенѣ.

Римское посольство въ карѳагенскомъ сенатѣ.

Ему были нужны сильные защитники въ карѳагенскомъ сенатѣ: пріѣздъ римскихъ пословъ и полученное вслѣдъ затѣмъ извѣстіе о взятіи Сагунта произвели волненіе въ умахъ. Бурно было то засѣданіе карѳагенскаго сената, въ которомъ римскіе послы изложили жалобу на нарушеніе мира Ганнибаломъ и потребовали выдачи самовластнаго полководца и его совѣтниковъ. Ганнонъ и другіе приверженцы мира убѣждали сенатъ удовлетворить римлянъ, выдать имъ или по крайней мѣрѣ удалить изъ войска виновниковъ войны. Но большинство сенаторовъ находили это унизительнымъ для народной чести; сторонники Ганнибала оправдывали его дѣйствія, говорили, что война начата не имъ, а сагунтянами и что ничего враждебнаго Риму не было сдѣлано Ганнибаломъ. Послы были отпущены съ отказомъ. Но явилось въ Карѳагенъ второе посольство съ короткимъ вопросомъ: съ разрѣшенія ли, или безъ разрѣшенія правительства началъ Ганнибалъ войну противъ Сагунта, — и съ короткимъ порученіемъ: во второмъ случаѣ потребовать выдачи Ганнибала, а въ первомъ—объявить войну. Сенатъ хотѣлъ уклониться отъ прямого отвѣта оговорками; ораторъ посольства, Квинтъ Фабій, собралъ въ

руку складками край своей тоги и сказалъ: «я держу въ рукѣ миръ и войну; выбирайте!». Сенаторы воскликнули: пусть онъ даетъ имъ, что хочетъ; онъ распустилъ складки тоги и сказалъ: «получайте же войну!». Это было послѣднее слово переговоровъ, и началась война, къ которой уже готовились и Ганнибалъ и римскій сенатъ,—колоссальная борьба интересовъ и расъ, которая должна была рѣшить, западная ли греко-римская, или восточная финикійско-семитическая культура будетъ править ходомъ человѣческаго развитія въ Европѣ.

II. Войны Рима за владычество надъ государствами Средиземнаго моря.

1. Вторая пуническая война.

(218–202).

1. Походъ Ганнибала съ Эбро на По.

Зимою Ганнибалъ дѣлалъ въ Новомъ Карѳагенѣ приготовленія къ походу. Онъ хотѣлъ напасть на римлянъ не съ моря, не въ Сициліи, не въ южной Италіи, а въ странѣ рѣки По, надѣясь, что кельты, населяющіе ее, присоединятся къ нему. Его послы и лазутчики отправились въ землю галловъ на обѣихъ сторонахъ Альпъ, развѣдали пути, разузнали настроеніе живущихъ по нимъ племенъ, заключили договоры. Боіи и инсубры обѣщались дать хорошихъ проводниковъ, убѣдить своихъ соплеменниковъ, чтобы они дружески приняли карѳагенское войско и доставляли ему продовольствіе, съѣстные припасы, присоединить къ нему своихъ воиновъ. На защиту родины Ганнибалъ послалъ въ Африку испанскія войска, которыя должны были служить и заложниками вѣрности своихъ соотечественниковъ; а большинство его собственныхъ воиновъ составляли ливофиникійцы. Всѣ расходы войны, жалованье и содержаніе войска онъ принялъ на себя, чтобы не возбуждать неудовольствіе въ карѳагенскомъ правительствѣ требованіемъ денегъ; онъ просилъ только, чтобъ оно послало крейсировать у западнаго берега Италіи флотъ, который поддерживалъ бы дѣйствующее въ Италіи войско высадками и опустошеніемъ прибрежья. На первое время Ганнибалъ имѣлъ достаточно запасовъ и денегъ, а дальнѣйшіе свои расходы онъ разсчитывалъ покрывать добычею, какую будетъ пріобрѣтать въ Италіи.

Приготовленія къ походу. 219—218.

Его предмѣстники и самъ онъ вели этимъ способомъ войну въ Испаніи на средства, собираемыя въ непріятельской землѣ. Чтобы войско охотнѣе шло за нимъ, онъ передъ походомъ отпустилъ своихъ испанскихъ воиновъ побывать дома, и пріобрѣлъ ихъ любовь, выказавъ такое довѣріе къ нимъ; усердіе африканскихъ воиновъ онъ увеличилъ обѣщаніемъ дать имъ права карѳагенскихъ гражданъ, когда, побѣдивъ непріятеля, возвратится съ ними на родину. Онъ съѣздилъ въ Гадесъ, въ храмъ Геракла тирскаго, испросить милость національнаго бога, по слѣдамъ котораго хотѣлъ вести свое войско.

Энтузіазмъ войска.

Ганнибалъ не ошибся въ расчетѣ. Когда въ началѣ весны войско собралось, оно было проникнуто бодрымъ настроеніемъ. Онъ сказалъ воинамъ пламенную рѣчь, въ которой описывалъ обиды, нанесенныя Карѳагену римлянами, требовавшими отъ правительства выдачи его и военачальниковъ, составлявшихъ его совѣтъ; говорилъ, что римляне хотятъ унизить, покорить Карѳагенъ; изобразилъ плодородіе, богатство страны, въ которую поведетъ онъ своихъ воиновъ, говорилъ имъ, что галлы примутъ ихъ дружески, станутъ союзниками ихъ. Воины одушевились отвагою и горѣли нетерпѣніемъ идти въ битвы.

Покореніе страны между Эбро и Пиренеями 218.

Въ началѣ весны 536 года отъ основанія Рима Ганнибалъ пошелъ изъ Картагены къ Эбро съ войскомъ, состоявшимъ изъ 90.000 человѣкъ пѣхоты, 12.000 конницы; при немъ было 37 боевыхъ слоновъ. Онъ перешелъ Эбро, не встрѣтивъ сопротивленія. Города и племена между Эбро и Пиренеями отказались покориться, надѣясь на римскую помощь. Онъ сталъ покорять ихъ. Подобно сагунтянамъ они храбро оборонялись и точно также были оставлены римлянами безъ помощи; Ганнибалъ одолѣлъ ихъ. Римляне не ждали, что онъ начнетъ войну такъ скоро; занятые другими дѣлами, они оставляли безъ вниманія Испанію и были застигнуты походомъ Ганнибала въ-расплохъ. Это погубило ихъ испанскихъ союзниковъ. Покоривъ землю между Эбро и Пиренеями, Ганнибалъ перешелъ этотъ хребетъ, не встрѣчая большихъ затрудненій. Испанскіе воины, которыхъ отпускалъ онъ побывать дома, оправдали его довѣріе, возвратились къ нему; то, что онъ не усомнился въ ихъ вѣрности, произвело хорошее впечатлѣніе на туземцевъ; это оказалось полезно ему. Онъ желалъ, чтобы испанцы были расположены къ нему, охотно шли на его службу. Часть войска онъ оставилъ для охраненія новопокоренной земли и переходовъ черезъ Пиренеи. Братъ его Газдрубалъ держалъ въ повиновеніи южную часть Испаніи, располагая другимъ многочисленнымъ войскомъ. Оставивъ много войска на югѣ, потерявъ много людей въ кровопролитныхъ битвахъ между Эбро и Пиренеями, оставивъ и тамъ часть войска, Ганнибалъ перешелъ хребетъ, имѣя уже только 50000 человѣкъ пѣхоты, 9000 конницы и 37 слоновъ. Но воины, которыхъ перевелъ онъ черезъ Пиренеи, были старые, опытные въ бою, привычные переносить трудности походовъ, одержавшіе подъ его начальствомъ много побѣдъ, и восторженно преданные ему.

Ганнибалъ переходитъ Рону.

Ганнибалъ шелъ за Пиренеями вдоль моря, по большой военной дорогѣ, которая вела черезъ Норбанъ и Немавсъ (Нимъ) къ Ронѣ; онъ не встрѣчалъ сопротивленія: нѣкоторыя изъ туземныхъ племенъ уже раньше того заключили договоръ съ нимъ; другихъ онъ склонилъ на свою сторону деньгами или страхомъ. Только ужь при переправѣ черезъ Рону пришлось ему сразиться. Консулъ Публій Корнелій Сципіонъ, думавшій сначала, что Ганнибалъ пойдетъ въ Италію моремъ, поплылъ на встрѣчу ему вдоль лигурійскаго берега; но, получивъ извѣстіе, что Ганнибалъ идетъ сухимъ путемъ, высадился въ Массаліи, городѣ союзномъ съ Римомъ. Онъ хотѣлъ, при содѣйствіи кельтскихъ наемниковъ, находившихся въ службѣ у массалійцевъ, остановить Ганнибала на Ронѣ. Если бъ ему удалось это, война вѣроятно приняла бы другой оборотъ. Но прежде, чѣмъ римская пѣхота была готова къ битвѣ, Ганнибалъ ужь пришелъ на западный берегъ рѣки; на другомъ берегу, собрались галлы; Ганнибалъ, благодаря своей находчивости, успѣлъ перейдти рѣку въ виду непріятеля: онъ скупилъ всѣ лодки у прибрежныхъ жителей, велѣлъ воинамъ рубить лѣсъ и строить плоты; когда все было готово, онъ послалъ ночью Ганнона, сына Бомилькара, съ отрядомъ войска и съ хорошими проводниками вверхъ по рѣкѣ до мѣстности, гдѣ былъ на ней островъ, облегчавшій переправу. Бомилькаръ переплылъ тамъ рѣку на мѣхахъ и плотахъ, и другимъ берегомъ пошелъ внизъ, подошелъ къ мѣсту, гдѣ стояли галлы, и подалъ Ганнибалу сигналъ огнемъ. Ганнибалъ велѣлъ войску начинать переправу. Галлы съ дикимъ крикомъ бросились къ берегу, отражать карѳагенянъ и вдругъ увидѣли, что станъ ихъ горитъ. Ганнибалъ и Ганнонъ напали на нихъ съ двухъ сторонъ; въ смятеніи не могли они ни помѣшать переправѣ, ни отбить нападенія съ тыла и послѣ не долгаго сопротивленія разбѣжались. Нѣкоторые изъ нихъ прибѣжали въ Массалію. Консулъ, находившійся въ этомъ городѣ, не хотѣлъ вѣрить принесенному ими извѣстію; но отрядъ римской конницы, посланный на рекогносцировку, возвратился послѣ сильной схватки съ нумидійской конницею и подтвердилъ справедливость ихъ словъ. Сципіонъ поспѣшно пошелъ со всѣмъ своимъ войскомъ къ мѣсту переправы; но пришедши туда узналъ, что уже три дня тому назадъ ушелъ отъ рѣки и послѣдній отрядъ конницы, занимавшійся переправою слоновъ. Консулу оставалось только вернуться въ Массалію и называть трусами карѳагенянъ, ушедшихъ отъ битвы. Взявъ съ собою часть войска, онъ и поплылъ изъ Массаліи въ Италію, а его братъ Гней Сципіонъ съ главными силами поплылъ въ Испанію, отнять ее у Газдрубала.

Сципіонъ напрасно пытается остановить Ганнибала.

Настроеніе кареагенскаго войска.

Перешедши Рону, Ганнибалъ сдѣлалъ смотръ войску и открылъ ему свое намѣреніе. Мысли о предстоящихъ опасностяхъ, о трудностяхъ похода, о битвахъ съ римлянами могли пугать воиновъ; но робость ихъ исчезла, когда приведенный къ нимъ Ганнибаломъ галльскій князь Магилъ обѣщалъ имъ черезъ переводчиковъ, что проведетъ ихъ черезъ горы короткими, безопасными дорогами, расхваливалъ имъ красоту и плодородіе Италіи, увѣрилъ ихъ, что его соотечественники, живущіе въ равнинѣ Пада, горячо желаютъ сражаться вмѣстѣ съ ними противъ римлянъ. Послѣ сталъ говорить Ганнибалъ, напомнилъ воинамъ славные ихъ подвиги, объяснилъ имъ несомнѣнность успѣха, богатство ожидающей ихъ добычи, кончилъ рѣчь словами, что они должны показать себя храбрыми людьми, достойными своей славы,— и воины забыли всякій страхъ: поднялся восторженный крикъ, свидѣтельствовавшій, что они прониклись энтузіазмомъ, пойдутъ съ полною довѣрія преданностью за своимъ великимъ вождемъ. Собравъ запасы продовольствія, Ганнибалъ пошелъ восточнымъ берегомъ Роны на сѣверъ, въ богатую, многолюдную землю аллоброговъ, которая называлась «островомъ», потому что съ сѣвера и запада границу ея образовала Рона, съ юга Изера, а съ востока стѣна скалистаго хребта. У аллоброговъ два брата спорили изъ-за царской власти; рѣшеніе было предоставлено Ганнибалу; онъ высказался въ пользу старшаго брата, имѣвшаго на своей сторонѣ большинство народа, и принудилъ младшаго покориться своему приговору. Старшій братъ въ благодарность за эту услугу пополнилъ запасы продовольствія кареагенянъ, далъ имъ одежду, оружіе, обувь и конвоировалъ ихъ по пути до подошвы Альпъ, которой достигли они на шестнадцатый день послѣ своей переправы черезъ Рону.

Ганнибалъ въ землѣ аллоброговъ.

Переходъ черезъ Альпы.

Было много изслѣдованій о томъ, какимъ путемъ Ганнибалъ совершилъ свой знаменитый переходъ черезъ Альпы. Извѣстія Полибія и Ливія объ этомъ несогласны между собою; потому рѣшеніе вопроса было у разныхъ ученыхъ не одинаково. Вѣроятнѣе всего, что Ганнибалъ пошелъ изъ «острова» аллоброговъ черезъ Малый Сенъ-Бернардскій проходъ, по которому издавна ходили въ область рѣки По кельты и свѣдѣнія о которомъ, безъ сомнѣнія, были доставлены Ганнибалу заранѣе галльскими лазутчиками его. Подымаясь на горы, онъ долженъ былъ пробиваться черезъ отряды горцевъ аллоброгскаго племени, занявшихъ проходъ черезъ первую, очень крутую цѣпь Альпъ. Это было трудно. Его изобрѣтательный умъ устранилъ препятствіе. Галлы уходили ночевать въ свои селенія; воспользовавшись этимъ, онъ занялъ высоты надъ проходомъ; отрядъ, овладѣвшій ими, прогналъ галловъ и очистилъ путь войску. Галлы, зная мѣстность, напали на войско сзади, когда оно стало спускаться съ горы; на узкихъ тропинкахъ по краямъ пропастей началась безпорядочная схватка, въ которой кареагеняне потерпѣли много вреда. Лошади всадниковъ и

вьючный скотъ, пугаемые раздающимся по горамъ боевымъ крикомъ галловъ, ранимые ихъ стрѣлами, дротиками, бѣсились, опрокидывали людей цѣлыми массами въ пропасти, падали сами. Но Ганнибалъ съ легкою пѣхотою взошелъ на крутизны, напалъ съ нихъ на враговъ; галлы бѣжали, и войско спокойно спустилось въ долину. Ганнибалъ отдалъ воинамъ на разграбленіе сосѣдній городъ противившихся его походу горцевъ. Войско отдохнуло въ прекрасной долинѣ Шамбери, пополнило убыль въ обозѣ захваченными у горцевъ лошадьми и другимъ скотомъ, потомъ три дня шло вверхъ по Изерѣ, не встрѣчая сопротивленія. На четвертый день оно пришло въ землю центроновъ (въ нынѣшней Тарантезѣ, Tarantaise). Жители встрѣтили кареагенянъ съ вѣнками и вѣтвями, обѣщали дать имъ съѣстные припасы и проводниковъ, дали заложниковъ въ обезпеченіе своей дружбы. Но это былъ обманъ: они только хотѣли, чтобъ Ганнибалъ не принималъ мѣръ предосторожности; они задумали неожиданно напасть на обозъ и разграбить его. Когда черезъ два дня войско, слѣдуя за данными ему проводниками, вошло въ тѣснину, оно увидѣло вооруженныхъ людей на высотахъ по обѣ стороны пути; варвары стали скатывать со скалъ огромные камни на кареагенянъ, нападали на нихъ съ высотъ; войско терпѣло большой уронъ. Но Ганнибалъ не былъ обманутъ коварною дружескою встрѣчею; онъ шелъ осторожно; конница, слоны, обозъ у него были посланы впередъ, а самъ онъ съ пѣхотою шелъ сзади. Занявъ Бѣлую гору, — мѣловую скалу, подымавшуюся отдѣльнымъ утесомъ надъ тѣсниною, — онъ держался на широкой верхней террасѣ, отражалъ враговъ, прикрывалъ путь остального войска. Благодаря его осторожности, войско спаслось отъ погибели; но все таки потеряло много людей и часть обоза. Уронъ былъ бы еще больше, если бы не было при войскѣ слоновъ: видъ этихъ животныхъ ужасалъ галловъ, такъ что они не смѣли приближаться къ нимъ. На девятый день войско дошло до самаго верха прохода. Тутъ оно остановилось на два дня, отдыхая отъ тяжелаго подъема, поджидая отсталыхъ и заблудившихся, собирая разбѣжавшійся вьючный скотъ. Воины упали духомъ, раздумывая о трудностяхъ и опасностяхъ, которыя ожидаютъ ихъ впереди; даже ливійскими ветеранами овладѣло уныніе среди покрытыхъ снѣгомъ горъ. Замѣтивъ это, Ганнибалъ собралъ воиновъ, показалъ на разстилавшіяся внизу передъ ними прекрасныя поля, сталъ говорить имъ о богатствѣ страны, въ которую идутъ они, о томъ, что ея жители будутъ ихъ союзниками; пламенная рѣчь его воодушевила ихъ мужествомъ. Оно было нужно имъ: спускаться съ горъ было такъ же трудно, какъ подыматься на нихъ. Отъ нападеній горцевъ войско теперь мало терпѣло; но спускъ былъ опасенъ и самъ по себѣ, а наступившія осеннія непогоды увеличивали затруднительность его. Глубокія массы снѣга покрывали тропинки; каждый шагъ былъ тя-

Борьба съ центронами.

Войско на верху прохода.

Походъ съ горъ.

желъ и невѣренъ; а, поскользнувшись, человѣкъ падалъ въ пропасть, потому что не было ни камня, ни куста, чтобъ схватиться и удержаться. Совершенное отчаяніе овладѣло утомленными воинами, когда они на второй день пришли къ тѣснинѣ между отдѣльными утесами, заваленной снѣгомъ, отъ прежнихъ лѣтъ покрывшимся гладкою ледяною корою, по которой легъ рыхлый новый снѣгъ. Спускъ по этой скользкой корѣ былъ крутъ; ни вьючный скотъ, ни слоны не могли пройти тутъ; Ганнибалъ хотѣлъ обойдти тѣснину по горамъ; но онѣ тоже были завалены такимъ глубокимъ снѣгомъ, что пройдти по нимъ оказалось невозможно. Ганнибалъ велѣлъ войску расположиться станомъ передъ входомъ въ тѣснину; воины принялись поочередно прочищать дорогу по снѣгу и скаламъ; работа была громадная, изнурительная. На третій день провели черезъ тѣснину вьючный скотъ, лошадей, ослабѣвшихъ отъ голода слоновъ и пустили ихъ пастись на лугу долины, въ которую спускалась тѣснина. Послѣ того войско безъ затрудненій прошло по расширяющейся долинѣ рѣки Доры Бальтеи на равнину, кельтское населеніе которой радостно встрѣтило карѳагенянъ, какъ друзей и освободителей; они отдохнули въ богатыхъ селеніяхъ, изобильныхъ всяческимъ продовольствіемъ. Римскихъ войскъ по сосѣдству не было, и карѳагеняне отдыхали четырнадцать дней, не тревожимые никѣмъ.

Состояніе войска по переходѣ черезъ Альпы.

Такимъ образомъ Ганнибалъ достигъ цѣли своего смѣлаго похода. Битвы, переправы черезъ рѣки, ужасныя трудности похода отняли у него много воиновъ, говоритъ Полибій; много ихъ, еще больше коней и вьючнаго скота упало въ альпійскія пропасти; но съ непоколебимой смѣлостью Ганнибалъ, черезъ пять мѣсяцевъ по выступленіи изъ Новаго Карѳагена, послѣ пятнадцатидневнаго похода по горамъ, вступилъ въ землю инсубровъ. По свидѣтельству надписи, сдѣланной имъ на колоннѣ въ Лациніѣ, у него оставалось тогда только 20.000 человѣкъ пѣхоты и 6.000 конницы. Итакъ послѣ перехода черезъ Рону карѳагенское войско уменьшилось болѣе, чѣмъ на половину. Въ какомъ бѣдственномъ состояніи находилось оно, мы тоже знаемъ изъ Полибія: „Оно было совершенно изнурено труднымъ переходомъ черезъ дикія горы, холодомъ, лишеніемъ всякихъ удобствъ", говоритъ онъ: „многіе даже потеряли разсудокъ отъ страданій и истощенія силъ: въ горахъ было невозможно доставать пищу для такого множества людей, а большая часть запасовъ, которые везли они съ собою, погибла вмѣстѣ съ вьючнымъ скотомъ".

2. Битвы на Требіи, на Тицинѣ, у Тразименскаго озера, при Каннахъ.

Ганнибалъ въ сѣверной Италіи.

Въ Римѣ считали невозможнымъ, чтобы Ганнибалъ дошелъ до сѣверной Италіи; потому въ ней почти вовсе не было войскъ; оба консульскія войска были далеко: одно въ Италіи, другое въ Сициліи. Ганнибалъ не встрѣтилъ бы со стороны римлянъ никакого сопротивленія въ своемъ вступленіи въ землю тавриновъ, если бы не было послано нѣсколько войска по другому случаю: боіи, раздраженные основаніемъ римскихъ колоній Плаценціи и Кремоны (стран. 452), подняли возстаніе преждевременно; инсубры присоединились къ нимъ; римляне были принуждены отправить два легіона на защиту колонистовъ и на подавленіе опаснаго мятежа. Послѣ трудной борьбы, эти легіоны усмирили возстаніе; но, ослабленные большими потерями, не могли идти противъ Ганнибала и оставались вдали отъ него. Такимъ образомъ, онъ имѣлъ время возстановить порядокъ въ своемъ изнуренномъ, разстроенномъ войскѣ, снабдить его продовольствіемъ, пріобрѣсти лошадей, заключить союзъ съ инсубрами и другими галлами сѣверной Италіи. Тавринцы, постоянно враждовавшіе съ инсубрами, отказались вступить въ союзъ съ Ганнибаломъ, по недовѣрію къ нему за дружбу съ ихъ врагами. Онъ подступилъ къ ихъ главному городу (получившему впослѣдствіи названіе Augusta Taurinorum; нынѣшнему Турину), взялъ его послѣ трехдневной осады и велѣлъ умертвить всѣхъ, противившихся ему. Ужаснувшись такой суровости, остальныя галльскія и лигурійскія племена западной части сѣверной Италіи покорились его волѣ. Жившія дальше на востокѣ племена галловъ охотно присоединились бы къ карѳагенянамъ; но консулъ Публій Корнелій Сципіонъ, уже перешелъ По и шелъ вверхъ по рѣкѣ на Ганнибала; это принуждало ихъ держать себя смирно. Войска встрѣтились между Тициномъ (Тичино) и Сезіею. Оба полководца сказали войскамъ рѣчи, возбуждая въ нихъ мужество. Ганнибалъ напомнилъ своимъ воинамъ, что побѣда дастъ имъ добычу, славу, избавитъ ихъ отъ недостатка, а пораженіе опозоритъ ихъ и сдѣлаетъ на всю жизнь рабами. Сципіонъ напомнилъ римлянамъ о прежнихъ побѣдахъ надъ карѳагенянами, предсказывалъ имъ неизбѣжную погибель враговъ, заведенныхъ въ безвыходное положеніе безразсудною отвагою неопытнаго молодаго начальника. Предсказаніе было опровергнуто развязкою сраженія, происшедшаго на слѣдующій день у Тицина. Оно началось схваткою конницы. Римская конница билась храбро; но нумидійскіе всадники, отличавшіеся быстротою движеній, опрокинули стоявшую впереди легкую пѣхоту римлянъ и, разсѣявъ ее, напали на конницу съ-тыла и разорвали ея ряды; она обратилась въ бѣгство и потерпѣла большой уронъ. Самъ консулъ, храбрый воинъ, получилъ тяжелую рану и былъ спасенъ отъ смерти только любовью и мужествомъ своего семнадцатилѣтняго сына. Онъ нашелъ неудобнымъ посылать въ бой тяжелую пѣхоту, по невыгодности своей позиціи между рѣкою и Альпами, ночью снялъ станъ и перевелъ все войско на южный берегъ По. Ганнибалъ, ожидавшій возобновленія битвы, двинулся къ стану враговъ и къ рѣкѣ, но нашелъ станъ покинутымъ; а часть моста черезъ По была сломана, и Ганнибалъ не могъ преслѣдовать римлянъ. Но отрядъ изъ 600 человѣкъ, оставленный ломать мостъ,

Битва на Тицинѣ.

попалъ въ плѣнъ. Ганнибалъ навелъ мостъ на лодкахъ, перешелъ По и двинулся по южному берегу на непріятеля, ставшаго у Плаценціи.

Римское войско на Требіи.

Отрядъ галловъ, находившихся въ римскомъ войскѣ, ушелъ изъ ихъ стана, убивъ караульныхъ и принесъ ихъ головы Ганнибалу. Эта измѣна заставила римлянъ уйти съ равнины и стать на гористомъ берегу Требіи, гдѣ карѳагенская конница была менѣе опасна имъ. Нумидійцы занялись грабежомъ покинутаго ими стана, потомъ сожгли его. Благодаря этой остановкѣ непріятельской конницы, Сципіонъ имѣлъ время дойдти до горъ, куда и пошелъ. Расположившись станомъ между По, Апеннинами и выступившей изъ береговъ Требіею, онъ могъ въ этой крѣпкой позиціи безопасно дожидаться, пока прійдетъ къ нему другой консулъ, Тиберій Семпроній, возвратившійся въ Италію изъ Сициліи. При началѣ войны, карѳагеняне сдѣлали высадку у Лилибея; Семпроній, соединившись съ Гіерономъ, отразилъ ихъ нападеніе и хотѣлъ плыть въ Африку. Но при извѣстіи о вступленіи Ганнибала въ Италію, онъ поплылъ съ западнаго берега Сициліи въ Ариминъ и, безъ большого труда пробившись черезъ область возставшихъ боіевъ, пришелъ къ Сципіону.

Положеніе карѳагенскаго войска.

По соединеніи консуловъ, силы римскаго войска простирались до 40,000 человѣкъ; числомъ оно не уступало непріятельскому; но нумидійская конница была, вѣроятно, сильнѣе римской. При трудности продовольствовать войско въ чужой землѣ, положеніе Ганнибала становилось труднѣе съ каждымъ днемъ; союзники его, инсубры и боіи, не могли присоединиться къ нему: ихъ задерживали нападенія ценомановъ, оставшихся вѣрными римлянамъ; многія другія галльскія общины были раздражены его требованіями съѣстныхъ припасовъ отъ нихъ, и вступили въ тайныя сношенія съ римлянами. Ганнибалъ былъ бы принужденъ покинуть свой станъ, уйдти въ другую мѣстность, если бы крѣпость Кластидій не была измѣннически сдана ему начальникомъ ея, уроженцемъ Брундизія; гарнизонъ ея былъ взятъ въ плѣнъ; запасы продовольствія, заготовленные къ ней римлянами, достались Ганнибалу.

Тиберій Семпроній

Итакъ, положеніе Ганнибала было дурно; но его вывела изъ затрудненія опрометчивость консула Семпронія. Сципіонъ лѣчился отъ раны; Семпроній оставался главнокомандующимъ одинъ; честолюбивый, ослѣпленный безразсудною самоувѣренностью, онъ рѣшился дать битву. Опытный и даровитый полководецъ, раненый Сципіонъ напрасно удерживалъ его отъ этого, доказывая ему, что надобно уклоняться отъ рѣшительнаго сраженія, потому что при бездѣйствіи положеніе Ганнибала становится все хуже и хуже по недостатку продовольствія и по ненадежности галльскихъ его союзниковъ. Семпроній желалъ тріумфа; онъ не хотѣлъ ждать, пока выздоровѣетъ товарищъ и станетъ участникомъ въ славѣ побѣды, еще меньше могъ онъ допустить, чтобы дѣло замедлялось до назначенія новыхъ консуловъ и часть побѣды досталась имъ. Мелкія стычки съ карѳагенскими отрядами, кончавшіяся удачно, увеличили его самоувѣренность, и онъ

принялъ битву, предложенную ему Ганнибаломъ. Она произошла въ холодный декабрьскій день; шелъ густой снѣгъ и проливной дождь; ручьи и рѣчки разлились. Семпроній повелъ войско черезъ Требію, не давъ воинамъ времени позавтракать; вода въ рѣкѣ такъ поднялась, что достигала по грудь воинамъ; уже этимъ самымъ, дѣло было рѣшено: идти по грязи подъ дождемъ было утомительно, переходъ черезъ рѣку былъ труденъ; пока римляне подошли, измученные голодомъ и стужею, Ганнибалъ имѣлъ время разстановить самымъ выгоднымъ образомъ своихъ воиновъ, хорошо подкрѣпившихъ свои силы завтракомъ подъ шатрами, согрѣвшихся у огней.

Битва на Требіи. 218.

Перевѣсъ, доставленный этими обстоятельствами карѳагенянамъ, обнаружился тотчасъ же, какъ сошлись переднія линіи войскъ, состоящія изъ легкой пѣхоты: римская легкая пѣхота скоро была принуждена отступить, потому что отсырѣвшія тетивы ея луковъ не годились для стрѣльбы; римская конница, находившаяся по флангамъ, тоже была скоро побѣждена. Но тяжелая римская пѣхота выказала обыкновенную свою храбрость, карѳагеняне и союзники ихъ галлы едва ли устояли бы противъ ея желѣзныхъ рядовъ, если бъ она не подверглась нападеніямъ съ фланговъ и съ тыла; нумидійская конница, опрокинувъ на обоихъ флангахъ римскую, бросилась на тяжелую пѣхоту, а храбрый братъ Ганнибала, Магонъ, скрывавшійся съ 2000 отборной пѣхоты и конницы за прибрежнымъ кустарникомъ, неожиданно и стремительно напалъ на нее съ-тыла. Ряды легіоновъ разстроились. Оба крыла, тѣснимыя легкою пѣхотою, конницею и слонами Ганнибала, обратились въ бѣгство; преслѣдуемые врагами, воины этихъ отрядовъ бѣжали за рѣку въ станъ: многіе утонули многіе были растоптаны слонами, убиты копьями и мечами карѳагенянъ. Но 10.000 человѣкъ лучшаго римскаго войска, составлявшіе центръ, пробились сквозь ряды враговъ и въ стройномъ порядкѣ ушли въ Плаценцію. Ночью, подъ проливнымъ дождемъ и вьюгою, Сципіонъ привелъ въ эту крѣпость и бѣжавшихъ въ станъ. Непріятель слабо преслѣдовалъ его, потому что и самъ потерпѣлъ большой уронъ; особенно много убито было галловъ; а слоны Ганнибала всѣ, кромѣ одного, погибли отъ холода.

Итакъ, по безразсудной торопливости Семпронія, храброе войско было разбито; укрывшись въ Плаценціи и Кремонѣ, оно было заперто въ этихъ крѣпостяхъ: всѣ галльскія племена возстали противъ Рима, и войско было отрѣзано отъ сообщеній съ нимъ. Оно спасло свою военную честь, но его положеніе было отчаянное; возставшіе галлы присоединились къ Ганнибалу въ огромномъ числѣ; говорятъ, къ нему пришло 60.000 человѣкъ галльской пѣхоты и 4.000 конницы. Запасы продовольствія въ крѣпостяхъ были малы; подвозъ припасовъ былъ возможенъ только по рѣкѣ, былъ затруднителенъ и скуденъ. А Ганнибалу доставляли все въ изобиліи кельтскіе его союзники; войско его расположилось въ хорошихъ шатрахъ, провело холодное и нездоровое зимнее время спокойно и удобно. Онъ обдумывалъ планы дѣйствій, готовился къ походу на весну, а зимою далъ отдох-

нуть войску, не предпринималъ серьезной осады римскихъ крѣпостей на берегу По, довольствуясь мелкими нападеніями, которыя дѣлалъ только для того, чтобы войско не изнѣжилось совершеннымъ бездѣйствіемъ. Благодаря этому, Семпроній успѣлъ съ небольшимъ отрядомъ пройдти черезъ землю возставшихъ галловъ въ Римъ, чтобъ исполнить тамъ свои обязанности по завѣдыванію выборами новыхъ сановниковъ, а потомъ воротился въ Плаценцію, съ удивительнымъ счастіемъ избѣжавъ плѣна.

Мѣстность битвы на Требіи.

Ученые много спорили о томъ, на правомъ (восточномъ) или на лѣвомъ (западномъ) берегу Требіи происходила битва, на той ли сторонѣ рѣки стоялъ римскій станъ, на которомъ стоитъ Піаченца (Плаценція), или на противоположномъ. Рѣшить это трудно, потому что извѣстія древнихъ писателей не достаточно опредѣлительны. Изъ разсказа Полибія не видно, на которомъ берегу была битва; по Ливію, она была на правомъ берегу, такъ что 10.000 римлянъ ушли въ Плаценцію, не переходя рѣки, (въ свой станъ, бывшій на другомъ берегу, они не пытались пройдти). Но Моммсенъ полагаетъ, что битва была на лѣвомъ берегу. Если такъ, то должно думать, что эти римляне шли тѣмъ же берегомъ внизъ по Требіи до ея впаденія въ По, но перешли ее тамъ (быть можетъ, по мосту); а римскій станъ былъ по этому предположенію на правомъ берегу и бѣжавшія въ него толпы пѣхоты и конница были приведены Сципіономъ прямой дорогою въ Плаценцію, оттуда въ Кремону.—Плаценція стояла на правомъ берегу; если битва была на лѣвомъ, то бѣжавшія части войска перешли Требію три раза (1, идя въ битву; 2, убѣгая съ поля битвы въ станъ; 3, идя изъ стана въ Плаценцію).

Предусмотрительность Ганнибала.

Ганнибалу было хорошо извѣстна твердость характера римлянъ, которые, какъ замѣчаетъ Полибій, выказывали себя наиболѣе страшными тогда, когда имъ грозила серьезная опасность. Потому побѣдитель далъ своему войску отдыхъ лишь пока зимнія непогоды принуждали его къ бездѣйствію. Консулы, выбранные на 537 годъ отъ основанія Рима, выступили въ походъ съ новыми войсками, соединились съ остатками войска, разбитаго въ прошломъ году, и стерегли проходы изъ сѣверной Италіи въ среднюю. Гней Сервилій сталъ въ Аримінѣ, Гай Фламиній въ Арреціѣ. Какъ прошло зимнее время, Ганнибалъ началъ дѣйствія, имѣвшія цѣлью перенести войну въ окрестности Рима. Карѳагенское правительство не прощало ему того, что онъ предпринялъ походъ самовластно, безъ разрѣшенія, потому присылало ему очень мало денегъ, и онъ былъ принужденъ содержать свое войско почти исключительно добровольными пожертвованіями своихъ союзниковъ галловъ или реквизиціями съ нихъ; это заставляло его идти въ непріятельскую землю, чтобы союзники не утомились расходами на войну и не охладѣли; они и безъ того были ненадежны, по непостоянству своего характера. Передъ выступленіемъ въ среднюю Италію онъ заботился подготовить тамъ возстаніе, которое облегчило бы ему войну, какъ возстаніе галловъ помогло его успѣхамъ въ сѣверной Италіи. Римскихъ гражданъ, взятыхъ въ плѣнъ при Требіи, онъ держалъ въ оковахъ и кормилъ плохо; а съ

Ганнибалъ хочетъ возстановить противъ римлянъ ихъ союзниковъ.

ихъ плѣнными союзниками поступалъ очень милостиво; расположивъ этихъ плѣнниковъ къ себѣ хорошимъ обращеніемъ съ ними, онъ призвалъ ихъ и сказалъ имъ, что ведетъ войну не противъ Италіи, а противъ Рима, хочетъ освободить италійскіе народы отъ римскаго ига, возвратить имъ прежнюю независимость и отнятыя у нихъ римлянами земли, что поэтому они и онъ, имѣя общіе интересы, должны помогать другъ другу; онъ отпустилъ всѣхъ ихъ безъ выкупа, чтобъ они расположили въ его пользу всѣхъ соплеменниковъ, склонили ихъ къ союзу съ нимъ, обѣщалъ скоро прійдти въ ихъ земли. Онъ надѣялся, что этими внушеніями онъ подниметъ италійцевъ противъ Рима и одолѣетъ римлянъ, покинутыхъ своими союзниками. Онъ полагалъ, что его появленіе въ средней Италіи произведетъ всеобщее возстаніе италійскихъ племенъ.

Переходъ черезъ Апеннины. Фламиній.

Въ началѣ весны онъ пошелъ въ среднюю Италію самымъ прямымъ, но самымъ труднымъ путемъ; римляне не предполагали, что онъ пойдетъ этою дорогою, и римскихъ войскъ на ней не было. Онъ ѣхалъ на единственномъ уцѣлѣвшемъ у него слонѣ. Черезъ Апеннины войско его перешло безъ особенныхъ затрудненій; но путь по низменностямъ долины Арно былъ очень тяжелъ: весенній разливъ рѣкъ превратилъ эти сырыя мѣста въ такое болото, что нигдѣ нельзя было найти мѣста, чтобы раскинуть станъ, и войско шло четыре дня и три ночи безъ отдыха и сна. Воины могли ложиться только на трупахъ павшихъ вьючныхъ животныхъ и на ихъ возвышавшихся надъ грязью вьюкахъ. Въ особенности много пострадали въ этомъ переходѣ галлы, которые были не такъ привычны къ трудностямъ военной жизни, какъ испанскіе и африканскіе воины, а шли позади ихъ, по глубоко взмѣшонной ими грязи. Галлы даже хотѣли вернуться домой; но Магонъ, шедшій съ конницею въ аррьергардѣ, не пустилъ ихъ. Въ войскѣ появились заразительныя болѣзни, отъ которыхъ умерло много воиновъ и лошадей. Самъ Ганнибалъ занемогъ воспаленіемъ въ глазахъ и лишился одного изъ нихъ, по невозможности леченія при такихъ обстоятельствахъ. У Фезулъ войско наконецъ вышло изъ болота, могло раскинуть станъ и отдохнуть. Но отдыхъ былъ не продолжителенъ: Ганнибалъ, разузнавшій о характерѣ консула, стоявшаго по сосѣдству, о составѣ его войска и о занимаемой имъ мѣстности, рѣшилъ дать Фламинію битву, прежде чѣмъ прійдетъ къ нему изъ Аримина другой консулъ. Римъ не могъ бы найти военачальника, болѣе неспособнаго къ борьбѣ съ великимъ карѳагенскимъ полководцемъ, чѣмъ Фламиній, одинъ изъ вождей партіи плебеевъ, возведенный въ консулы любовью къ нему простолюдиновъ, искавшій себѣ славы въ томъ, чтобы противодѣйствовать сенату и ослаблять вліяніе аристократовъ (нобилей) на дѣла. Въ галльской войнѣ онъ одержалъ нѣсколько побѣдъ, которыми былъ обязанъ не своему таланту, а храбрости воиновъ, и послѣ того

Фламиній.

воображалъ себя великимъ полководцемъ; это убѣжденіе его раздѣляли и простолюдины, по своей преданности ему; въ его станѣ находилось теперь множество волонтеровъ, желавшихъ быть участниками несомнѣнной побѣды, а еще больше того пріобрѣсти долю въ добычѣ; они впередъ запаслись оковами, которыя надѣнутъ на всѣхъ плѣнниковъ. Полибій, писавшій подъ вліяніемъ нобилей и въ особенности фамиліи Сципіоновъ, быть можетъ слишкомъ рѣзко выставляетъ дурныя стороны характера Фламинія, но вся политическая жизнь его показываетъ, что онъ былъ человѣкъ самодовольный, упрямый, заискивавшій расположенія плебеевъ. Проницательный Ганнибалъ, знатокъ людей, быстро понялъ, что полководецъ такого характера жадно схватится за случай одержать побѣду безъ содѣйствія товарища, человѣка враждебной ему партіи. На этомъ и построилъ Ганнибалъ свой планъ. Онъ сталъ посылать отряды галловъ и нумидійской конницы къ самому стану Фламинія; они грабили и опустошали окрестности, будто выказывая тѣмъ увѣренность, что до прибытія другого консула Фламиній не посмѣетъ выйдти изъ стана; а самъ Ганнибалъ, оставивъ римскій станъ въ сторонѣ, медленно пошелъ на югъ, къ Тразименскому озеру. Фламиній, раздраженный опустошеніемъ земли римскихъ союзниковъ и презрѣніемъ непріятеля, быстро пошелъ за нимъ. Напрасно благоразумные совѣтники говорили консулу, чтобы онъ былъ остороженъ, дождался товарища; онъ мечталъ, что и одинъ можетъ побѣдить Ганнибала, выгнать его изъ Италіи.

Военная хитрость Ганнибала.

Битва у Тразименскаго озера. Май 217.

Онъ настигъ своего противника близъ Кортоны, у Тразименскаго озера и, опасаясь, чтобъ Ганнибалъ опять не ушелъ отъ него, тотчасъ же сталъ готовиться къ битвѣ на слѣдующій день. Но Ганнибалъ, подробно разузнавшій мѣстность и хорошо разсчитавшій все, разстановилъ ночью свои войска такъ искусно, что пораженіе римлянъ было уже рѣшено до начала битвы.

Ганнибалъ выбралъ мѣстомъ битвы долину, боковыя стороны которой были крутыя горы; входомъ она примыкала къ озеру, выходъ изъ нея былъ перерѣзанъ утесистымъ холмомъ. Тяжеловооруженную пѣхоту онъ поставилъ на этомъ холмѣ, а конницу, которою начальствовалъ Магонъ, и легкую пѣхоту—за горами и на самыхъ горахъ. На разсвѣтѣ Фламиній двинулся въ бой и вступилъ въ долину, кругомъ которой высоты были всѣ заняты непріятелемъ. Въ долинѣ былъ густой утренній туманъ, и римляне не видѣли, что на высотахъ стоятъ враги, быстро шли впередъ, пока передніе ряды ихъ подошли къ холму, занятому тяжелою карѳагенскою пѣхотою. Ганнибалъ подалъ сигналъ атаки; войска, стоявшія въ засадѣ, бросились со всѣхъ сторонъ на изумленные легіоны, а конница Ганнибала заняла входъ въ долину. Римляне еще не успѣли и стать въ боевой порядокъ, а долина ужь была покрыта ихъ убитыми и раненными.

Но и въ этомъ отчаянномъ положеніи римскіе воины выказали обыкновенное свое стойкое мужество. Три часа они геройски отбивались. Въ тѣсной долинѣ громко повторялись эхомъ горъ стукъ оружія и боевой крикъ. Ожесточеніе боя было такое, что сражающіеся не замѣтили землетрясенія, прозошедшаго въ это утро въ той части Италіи, превратившаго во многихъ сосѣднихъ городахъ цѣлыя улицы въ развалины; это произошло, какъ будто сама природа хотѣла приготовить могильные рвы для падавшихъ въ битвѣ. Наконецъ Фламиній, сражавшійся очень храбро, упалъ пронзенный копьемъ галльскаго всадника; войско его обратилось въ бѣгство. Но убѣжать было некуда. Единственное открытое бѣгущимъ мѣсто было озеро; они бросались въ него толпами; одни пытались уплыть, но тонули отъ тяжести латъ; другіе заходили въ воду по самую шею; гнавшіеся за ними всадники убивали ихъ или своими лошадьми опрокидывали, топили, топтали; нѣкоторые протягивали руки, умоляя о пощадѣ, и, видя, что пощады нѣтъ никому, убивали другъ друга. Только авангардъ, состоявшій изъ 8,000 человѣкъ, ушелъ на одну изъ горъ, пробившись сквозь непріятельскія линіи; увидѣвъ съ высоты, что все остальное войско погибло въ долинѣ, этотъ отрядъ пошелъ стройными рядами въ сосѣднее этрусское селеніе. Но Магарбалъ, начальникъ конницы Ганнибала, окружилъ тамъ ушедшихъ и обѣщалъ имъ свободный пропускъ, если они положатъ оружіе. Они сдались, но Ганнибалъ объявилъ, что у Магарбала не было права давать имъ такое обѣщаніе, и велѣлъ оковать ихъ.—Такимъ образомъ, все римское войско было уничтожено: 15,000 воиновъ легли въ битвѣ, или утонули въ озерѣ; въ числѣ убитыхъ находился и консулъ; другіе 15,000 были взяты въ суровый карѳагенскій плѣнъ. И какъ будто мало было этого бѣдствія, погибли и 4,000 всадниковъ, которыхъ другой консулъ, при извѣстіи о движеніи Ганнибала на югъ, пошедшій на помощь Фламинію, послалъ впередъ пѣхоты на поддержку ему: они были окружены Магарбаломъ, убиты или взяты въ плѣнъ.—На сторонѣ Ганнибала было только 1,500 убитыхъ; это были большею частью галлы.

Ужасъ въ Римѣ.

Побѣда при Тразименскомъ озерѣ отдала во власть Ганнибала Этрурію и открыла ему свободный путь къ Риму. Въ Римѣ считали возможнымъ, что онъ подступитъ къ городу. Ужасъ охватилъ римлянъ при извѣстіи о тразименскомъ пораженіи. Жены и матери воиновъ Фламинія стояли у воротъ города, съ плачемъ спрашивая извѣстій о своихъ близкихъ у немногихъ товарищей ихъ, которые успѣли убѣжать. Сенатъ, непрерывно засѣдавшій въ эти дни съ разсвѣта до ночи, велѣлъ сломать мосты черезъ Тибръ, поправить стѣны и башни Рима, снаряжать корабли. Были сформированы два новые легіона, сформированы резервы, былъ назначенъ, какъ дѣлалось въ трудныя времена старины, диктаторъ. Но одинъ изъ консуловъ былъ убитъ, другой находился далеко отъ Рима; потому, диктаторъ былъ назначенъ не консуломъ, какъ требовалъ обычай,

а избранъ народомъ. Народное собраніе дало санъ диктатора Квинту Фабію Максиму.

Ганнибалъ идетъ въ Южную Италію.

Но Ганнибалъ не подступилъ къ Риму. Онъ всегда дѣйствовалъ не такъ, какъ сдѣлалъ бы на его мѣстѣ человѣкъ, не имѣющій необыкновенныхъ дарованій, и любилъ изумлять враговъ неожиданностями. Важнѣе всего казалось ему то, чтобы разрушить италійскій союзъ; онъ полагалъ, что если ему удастся склонить латинскія и сабелльскія племена къ отпаденію отъ римлянъ, то могущество Рима исчезнетъ. Потому онъ и теперь, какъ послѣ битвы на Требіи, отдѣлилъ плѣнныхъ италійцевъ отъ римскихъ гражданъ и отпустилъ ихъ безъ выкупа, чтобъ они убѣждали своихъ соплеменниковъ перейдти на сторону освободителя Италіи, какъ онъ называлъ себя. Но италійцы того времени уже сознавали, что владычество Рима доставляетъ имъ большія выгоды и остались даже въ дни несчастія вѣрны побѣдителямъ своихъ отцовъ. Общность исторической жизни пробудила италійско-римское національное чувство, заглушавшее узкій партикуляризмъ. Италійскія племена понимали, что независимость Италіи можетъ быть спасена только твердымъ сохраненіемъ союза съ Римомъ.—Ганнибалъ подошелъ къ Сполезію и сдѣлалъ приступъ; но былъ отбитъ съ урономъ, пошелъ по Умбріи, по Пицену къ восточному берегу, опустошая все на своемъ пути, занялъ плодородныя и здоровыя приморскія долины, населенныя мелкими сабелльскими племенами,—и остановился тутъ, чтобы возбуждать сосѣднія области къ возстанію противъ Рима; утомленнымъ воинамъ его былъ нуженъ отдыхъ; давъ его имъ, онъ на досугѣ училъ ихъ сражаться римскимъ оружіемъ, взятымъ на поляхъ битвъ, училъ ихъ и римскимъ маневрамъ. Онъ убѣждалъ молодыхъ людей поступить въ его войско; сопротивлявшихся ему безпощадно истреблялъ. Долго онъ не имѣлъ сообщеній съ Карѳагеномъ; теперь они возстановились; извѣстія о его побѣдахъ произвели въ Карѳагенѣ восторгъ.

Фабій Максимъ Кунктаторъ.

Обучивъ свое войско новымъ военнымъ пріемамъ, давъ ему отдохнуть и увеличивъ его воинами новыхъ своихъ союзниковъ, Ганнибалъ пошелъ въ Апулію, возбуждать племена южной Италіи къ возстанію, и сдѣлалъ центромъ всѣхъ операцій мѣстность между городами Луцеріею и Арпами. Въ Римѣ вздохнули свободнѣе, услышавъ, что сабеллы и латины остаются вѣрны римскому союзу, отвергаютъ обольщенія Ганнибала, запираютъ отъ него ворота своихъ городовъ. Призвавъ легіоны изъ Аримина и соединивъ ихъ съ новыми войсками, диктаторъ пошелъ въ Апулію защищать отъ Ганнибала южно-италійскихъ союзниковъ и поддерживать ихъ вѣрность Риму. Онъ расположился станомъ у Эки, неподалеку отъ Карѳагенянъ. Ганнибалъ пытался хитростями вовлечь его въ битву. Фабій былъ не похожъ на опрометчиваго Фламинія. Старикъ истинно римскаго характера, онъ былъ осмотрителенъ; за его осторожность его назвали кунктаторомъ

(медлителемъ). Въ борьбѣ съ такимъ противникомъ, какъ Ганнибалъ, это качество было драгоцѣннѣйшимъ стратегическимъ талантомъ. Фабій былъ противникъ Фламинія и демократической партіи, держался старины, защищалъ авторитетъ сената, аристократію, выказывалъ благоговѣніе къ богамъ, уважалъ знаменія ихъ воли, которыми пренебрегалъ Фламиній, считавшій священныя гаданія суевѣріемъ. Фабій былъ такъ счастливъ, что въ годы пораженій римскихъ войскъ онъ одинъ сохранилъ незапятнанной честь римскаго оружія; это и послужило главнымъ основаніемъ великой славы его въ потомствѣ. Полибій и Ливій, разсказы которыхъ составляютъ главные источники нашихъ свѣдѣній о второй пунической войнѣ, были противники демократіи; потому они безусловно осуждаютъ Фламинія и превозносятъ Фабія. Энній говоритъ о немъ, что онъ всегда думалъ исключительно о благѣ государства и презиралъ болтовню толпы. И справедливы-ль, или нѣтъ, похвалы характеру Фабія, безспорно то, что онъ въ тяжелое время послѣ Тразименской битвы спасъ римское государство своею осторожною системою веденія войны. Онъ уклонялся отъ рѣшительныхъ битвъ, но неотступно слѣдилъ за непріятельскимъ войскомъ и, при всякомъ удобномъ случаѣ, наносилъ ему вредъ.

Ганнибалъ и Фабій.

Римскія войска роптали, что должны бездѣйственно смотрѣть, какъ карѳагеняне грабятъ и опустошаютъ Фалернскую область, берега Вольтурна, прекраснѣйшую часть Италіи, жгутъ тамъ сельскіе дома римскихъ гражданъ, какъ отряды быстрой конницы Магарбала разъѣзжаютъ по средней Италіи, грабятъ, жгутъ селенія и разбросанные по полямъ дома земледѣльцевъ. Но диктаторъ продолжалъ держаться своей системы; ни маневры Ганнибала, ни ропотъ легіоновъ не могли принудить его спускаться въ долины съ крѣпкихъ позицій на горахъ. Противъ ожиданія Ганнибала, кампанцы оставались вѣрны римлянамъ. Онъ черезъ нѣсколько времени нашелъ надобнымъ уйдти изъ ихъ земли. У Казилина (нынѣшней Капуи) Фабій занялъ высоты, господствовавшія надъ ущельемъ, по которому надобно было идти карѳагенянамъ, занялъ и выходъ изъ него. Ганнибалъ увидѣлъ себя въ очень затруднительномъ положеніи. Но военная хитрость, придуманная его находчивымъ умомъ, выручила его изъ опасности. Онъ велѣлъ ночью гнать на горы быковъ, привязавъ къ ихъ рогамъ зажженные факелы; римляне подумали, что карѳагеняне идутъ въ атаку. Фабій поспѣшно отозвалъ на горы отрядъ, преграждавшій выходъ изъ тѣснины; Ганнибалъ вывелъ изъ нея главное войско, потомъ и отряды легкой пѣхоты, охранявшіе его отступленіе. Въ Римѣ было много враговъ у осторожнаго старика Фабія, и этотъ случай далъ имъ матеріалъ для насмѣшекъ надъ нимъ. Черезъ нѣсколько времени народъ пересталъ слушать ихъ, но теперь онъ порицалъ Фабія. Ганнибалъ, сдѣлавъ большой обходъ, вернулся съ богатою добычею въ окрестности Луцеріи. Римское войско, шедшее за нимъ, расположилось тамъ

станомъ противъ его стана. Это было время жатвы. Ганнибалъ, не имѣя союзниковъ, у которыхъ могъ бы размѣститься на зимнія квартиры, долженъ былъ самъ запастись хлѣбомъ и фуражемъ на зиму, посылалъ отряды по сѣверной Апуліи собирать запасы и отвозить ихъ въ покинутый жителями городъ Геруній. Фабій мало мѣшалъ ему. Но, когда диктаторъ уѣхалъ на нѣсколько времени въ Римъ для исполненія религіознаго обряда, его помощникъ, Маркъ Минуцій, горячій молодой человѣкъ, оставшись безъ него начальникомъ войска, передвинулъ свой станъ такъ близко къ непріятельскому, что Ганнибалъ былъ принужденъ держать войско въ сборѣ и прекратить заготовку запасовъ на зиму. Однажды, въ небольшой стычкѣ, Минуцій нанесъ нѣкоторый уронъ карѳагенянамъ. Войско проникло самоувѣренностью и стало больше прежняго порицать осторожную систему дѣйствій диктатора, принуждающаго легіоны съ оружіемъ въ рукахъ бездѣйственно смотрѣть на опустошеніе страны союзниковъ Рима. Когда извѣстіе о побѣдѣ Минуція пришло съ преувеличеніями въ Римъ, гдѣ народъ уже давно былъ недоволенъ упрямымъ старикомъ, ропотъ противъ его системы войны усилился. Въ народномъ собраніи начались шумныя сцены; землевладѣльцы, помѣстья которыхъ были опустошены, обвиняли диктатора въ заговорѣ съ Ганнибаломъ, который хитро подводилъ его подъ подозрѣніе, щадя его помѣстья. Воины, бывшіе въ городѣ, осуждали его бездѣятельность, робость, прославляли Минуція. При ихъ содѣйствіи, политическіе противники Фабія, вождемъ которыхъ былъ преторъ одного изъ прежнихъ лѣтъ, Теренцій Варронъ, убѣдили народъ предоставить Минуцію власть, равную диктаторской. Это было дѣло беспримѣрное. Непосредственнымъ слѣдствіемъ безразсуднаго рѣшенія было то, что Минуцій, взявъ половину войска, отошелъ отъ Фабія, потому что планы ихъ дѣйствій были совершенно разные. Ганнибалъ съ обыкновеннымъ своимъ мастерствомъ воспользовался этимъ. Онъ заманилъ въ засаду самоувѣреннаго Минуція, горѣвшаго нетерпѣніемъ прославить себя новыми побѣдами; Ганнибалъ завелъ его въ такое опасное положеніе, что онъ подвергся бы судьбѣ Фламинія, если бы Фабій не успѣлъ прійдти на помощь ему. Послѣ этого, порицатели Фабія замолчали. Обѣ половины войска были снова соединены, Минуцій былъ снова подчиненъ диктатору. Но Ганнибалъ достигъ своей цѣли: собравъ обильные запасы, карѳагенское войско спокойно провело зиму въ герунійскомъ укрѣпленномъ станѣ.

Минуцій.

Недовольство римлянъ Фабіемъ.

Теренцій Варронъ и Эмилій, консулы 216 года.

Горькіе опыты двухъ лѣтъ не могли убѣдить враждовавшія между собою римскія партіи въ необходимости отложить раздоръ. Демократы питали недовѣріе къ сенату и успѣли назначить однимъ изъ консуловъ на слѣдующій годъ своего вождя, Марка Теренція Варрона, человѣка бездарнаго, который пріобрѣлъ расположеніе народа исключительно своею оппозиціею сенату и аристократіи. Но сенату удалось провести на выборахъ въ консулы и своего кандидата, Луція Эмилія Павла, опытнаго полководца, человѣка такихъ же правилъ, какъ Фабій. Зимою были приняты очень энергическія мѣры къ увеличенію военныхъ силъ, такъ что при наступленіи весны двинулось въ походъ войско, равнаго которому числомъ еще никогда не видывалъ Римъ. Благодаря усердію союзниковъ и ненависти италійцевъ къ карѳагенянамъ, римляне могли дать консуламъ вдвое больше войска, чѣмъ сколько было въ прошломъ году, и, кромѣ того, послать легіонъ подъ начальствомъ претора Луція Постумія въ сѣверную Италію, чтобы находившіеся у Ганнибала галльскіе отряды были принуждены вернуться для защиты родины. Сенатъ своими дѣйствіями доказывалъ, что старая римская твердость духа остается непоколебима. Выгнать врага изъ Италіи можно было только рѣшительною побѣдою; потому сенатъ рѣшилъ отступить отъ осторожной системы Фабія и снова дать битву. Съ такой инструкціей консулы были посланы лѣтомъ въ Апулію, гдѣ находился Ганнибалъ. Взявъ крѣпость Канны, главное складочное мѣсто римскихъ военныхъ запасовъ, онъ владычествовалъ надъ всею равниною Канузія; консуламъ было велѣно дать ему битву.

Сила войска.

Когда новые легіоны консуловъ соединились съ прежними легіонами, которыми начальствовали Гней Сервилій и Маркъ Регулъ, консулы прошлаго года, теперь бывшіе проконсулами, сила войска стала громадна; она простиралась до 80,000 человѣкъ пѣхоты и 6,000 конницы; въ пѣхотѣ половина, въ конницѣ третья часть воиновъ были римскіе граждане. У Ганнибала было только 40,000 человѣкъ пѣхоты; эта разница нѣсколько уравновѣшивалась тѣмъ, что онъ имѣлъ 10,000 человѣкъ конницы, и она была не только многочисленнѣе, но и лучше римской; важнѣе же всего было то, что онъ дѣйствовалъ по твердому, ясному плану, а у римлянъ консулы командовали войскомъ поочередно, посуточно.

Несогласіе между консулами.

Къ несчастію для римлянъ, консулы были несогласны между собою ни въ чемъ. Эмилій Павелъ, выказавшій себя въ иллирскую войну хорошимъ полководцемъ, не хотѣлъ давать рѣшительной битвы въ окрестностяхъ Каннъ, потому что это была равнина, удобная для дѣйствій карѳагенской конницы; Теренцій Варронъ говорилъ, что должно немедленно принять предлагаемую Ганнибаломъ битву, что римскимъ воинамъ наскучило ходить безъ всякой пользы съ мѣста на мѣсто, что они горятъ желаніемъ возстановить свою честь. Эмилій и другіе военачальники, совѣтовавшіе отложить битву, должны были противъ воли повиноваться, когда Варронъ въ день своей очереди повелъ войско черезъ маленькую, неглубокую рѣчку Авфидъ, на битву съ карѳагенянами. Ганнибалъ былъ очень радъ этому. Онъ не могъ бы долго держаться въ своей позиціи; и нигдѣ не могъ бы найдти мѣстности, болѣе удобной для его конницы. Онъ тотчасъ же повелъ войско черезъ рѣчку на равнину. Правое крыло римлянъ, на

Битва при Каннахъ (2 августа по старому), въ іюнѣ по исправленному римскому календарю 216 года.

которомъ стоялъ Эмилій съ римскими всадниками, и лѣвое крыло карѳагенянъ, которымъ командовалъ начальникъ конницы Газдрубалъ, примыкало къ рѣкѣ. На лѣвомъ крылѣ римлянъ, стоявшемъ на равнинѣ вдали отъ рѣки, былъ Варронъ съ конницею римскихъ союзниковъ; противъ него Ганнибалъ поставилъ Ганнона съ легкою нумидійскою конницею. Карѳагенскимъ центромъ командовалъ самъ Ганнибалъ, римскимъ—проконсулъ Сервилій.

Построивъ карѳагенское войско въ боевой порядокъ прямою линіею, Ганнибалъ выдвинулъ впередъ испанскую и галльскую легкую пѣхоту, стоявшую въ центрѣ, такъ что она образовала дугу, выдающуюся впередъ, подобно очертанію полумѣсяца,—читаемъ мы у Полибія, очень живо описывающаго битву при Каннахъ. Въ своей національной одеждѣ, съ національнымъ своимъ вооруженіемъ, эти испанцы и галлы производили странное и страшное впечатлѣніе. На-право и на-лѣво отъ нихъ, нѣсколько позади, стояла африканская пѣхота, вооруженная по-римски. Битва началась на флангахъ. На томъ, который былъ со стороны равнины, италійская и нумидійская конница бились, не уступая другъ другу; на томъ который былъ у рѣки, тяжелая карѳагенская конница опрокинула римскую, которая была гораздо слабѣе числомъ, истребила почти всю ее; лишь немногіе римскіе всадники ускакали вверхъ по рѣкѣ и разсѣялись по равнинѣ. Эмилій, раненный, поспѣшилъ къ центру, гдѣ легіоны опрокинули испанцевъ и галловъ, стоявшихъ полукругомъ впереди, и стройными рядами тѣсня ихъ, поровнялись съ линіею стоявшей на-право и на-лѣво африканской пѣхоты; она по командѣ Ганнибала, повернулась и съ-права и съ-лѣва фронтомъ къ центру, двинулась съ обѣихъ сторонъ на римлянъ, шедшихъ впередъ по срединѣ; они остановились, должны были обороняться отъ напора враговъ съ-права и съ-лѣва, были такъ стиснуты, что не могли развернуть рядовъ, давили другъ друга; Эмилій на конѣ ринулся въ самый жаркій бой, пролагая себѣ дорогу мечомъ, ободряя своихъ; все было напрасно: Газдрубалъ, уничтоживъ римскую конницу, помчался на помощь нумидійцамъ, италійская конница была обращена въ бѣгство соединенною атакою его и ихъ; предоставивъ нумидійцамъ преслѣдовать бѣгущую италійскую конницу, онъ бросился на римскую пѣхоту съ-тыла, и битва была рѣшена. Римляне, окруженные со всѣхъ сторонъ, держались нѣсколько времени; но передніе ряды ихъ падали одинъ за другимъ въ отчаянной оборонѣ, кругъ нападающихъ сжимался; и всѣ эти римляне умерли геройской смертью; тутъ были убиты и вѣрный слуга родины, консулъ Эмилій Павелъ, и проконсулъ Сервилій, честные воины показывавшіе войску въ часъ погибели примѣръ истинно римскаго мужества. Сильный южный вѣтеръ, которымъ Ганнибалъ съумѣлъ воспользоваться при выборѣ направленія своей боевой линіи, какъ моряки направляются по вѣтру, несъ въ лицо римлянамъ тучи пыли, мѣшалъ имъ биться, а карѳагенянамъ не было отъ него неудобства.

Пораженіе римлянъ

Пораженіе при Каннахъ было ужасно. Карѳагеняне потеряли только 6.000 человѣкъ, изъ которыхъ двѣ трети были кельты, а потеря римлянъ простиралась до 70.000 человѣкъ, въ числѣ которыхъ находились 80 человѣкъ сенаторскаго сана и почти всѣ военачальники. Не уцѣлѣли и тѣ 10.000 человѣкъ, которые были оставлены для

охраненія римскаго стана: Ганнибалъ напалъ на нихъ, они были убиты или взяты въ плѣнъ. Лишь немногіе римскіе воины успѣли убѣжать въ Канузій. Бѣжавшіе всадники были настигаемы нумидійцами и почти всѣ истреблены; спаслось лишь нѣсколько сотъ человѣкъ. Въ числѣ немногихъ уцѣлѣвшихъ находился Варронъ, неблагоразуміемъ своимъ подвергнувшій отечество этому страшному несчастію. Съ 70 всадниками онъ ускакалъ въ Венузію и имѣлъ позоръ воротиться живымъ въ Римъ. Тамъ тоскливо ждали извѣстія объ исходѣ битвы, испрашивали милости боговъ пожертвованіями, обѣтами, молитвами, очищали Римъ и римскій народъ обрядами покаянія отъ грѣха и оскверненія; но молва о дурныхъ предвѣщаніяхъ и неблагопріятныхъ знаменіяхъ выдавала боязнь, охватившую всѣ сердца. Какъ въ галльскую войну (стран. 450), зарыли на форумѣ живыхъ людей для примиренія гнѣва боговъ: галла и галльскую женщину, грека и гречанку. Но самыя страшныя предчувствія были превзойдены тѣмъ, что совершилось. Почти въ каждомъ семействѣ былъ плачъ объ убитомъ; и память о пораженіи при Каннахъ была, какъ день пораженія при Алліи (стран. 114), увѣковѣчена черной отмѣткою этого дня покаянія и молитвы въ римскомъ календарѣ. — Говорятъ, Ганнибалъ послалъ Карѳагену въ знакъ своей побѣды нѣсколько большихъ сосудовъ, наполненныхъ золотыми кольцами, снятыми съ рукъ убитыхъ всадниковъ и сенаторовъ. И какъ будто судьба предопредѣлила Риму погибнуть въ этомъ году: легіонъ, посланный въ Галлію, попалъ въ засаду и былъ совершенно истребленъ; тутъ убитъ былъ и одинъ изъ консуловъ, выбранныхъ для слѣдующаго года, Луцій Постумій; онъ начальствовалъ этимъ легіономъ. Черепъ его сталъ жертвенною чашею галльскаго первосвященника.

Послѣдствія пораженія, проявившіяся: 1) въ Италіи и Сициліи.

Послѣ битвы при Каннахъ, Ганнибалъ казался близкимъ къ цѣли, которой хотѣлъ достичь, предпринимая походъ въ Италію. Онъ не послѣдовалъ примѣру галловъ послѣ битвы при Алліи, не пошелъ на Римъ, какъ совѣтовали ему. Онъ былъ правъ, опасаясь идти въ Среднюю Италію: онъ встрѣтилъ бы тамъ отчаянное сопротивленіе, и конница его была бы безполезна въ приступѣ къ стѣнамъ Рима. Но онъ такъ искусно воспользовался своею побѣдою, что поколебалъ римское государство въ самыхъ основаніяхъ его, довелъ римлянъ до такого положенія, что имъ пришлось снова завоевывать пріобрѣтенное побѣдами нѣсколькихъ вѣковъ и отнятое у нихъ теперь въ два года. «Послѣ пораженія при Каннахъ, римляне», говоритъ Полибій, «почти совершенно утратили вѣру въ сохраненіе владычества надъ Италіею; они боялись даже за самый Римъ и ожидали появленія Ганнибала у его воротъ». Въ Сициліи и южной Италіи извѣстіе объ этомъ пораженіи произвело сильный переворотъ. Гіеронимъ, молодой царь сиракузскій, внукъ и преемникъ Гіерона, отложился, по совѣту своихъ честолюбивыхъ придворныхъ, отъ союза

съ римлянами, которымъ дѣдъ его былъ вѣренъ въ продолженіе цѣлой половины вѣка, заключилъ съ карѳагенянами договоръ, по которому онъ обѣщались предоставить ему всю Сицилію, и присоединилъ свой флотъ къ карѳагенскому. Бруттійцы почти всѣ перешли на сторону Ганнибала, перешли и почти всѣ луканцы, почти всѣ самниты; гирпины, салернскіе пиценты, апулійскій городъ Арпы, мессапійскій городъ Уксентъ, многіе другіе города южной Италіи тоже отложились отъ Рима; и наконецъ капуанскимъ демократамъ удалось, одолѣвъ сопротивленіе кампанскихъ всадниковъ (аристократовъ), склонить свой городъ къ заключенію договора съ Ганнибаломъ. Децій Магій, усерднѣйшій защитникъ вѣрности римскому союзу, былъ отвезенъ въ цѣпяхъ въ Карѳагенъ. Съ отпаденіемъ Капуи, важнаго города, соединеннаго съ Римомъ самыми крѣпкими юридическими связями, вся южная Италія была, повидимому, потеряна для Рима; вѣрны ему остались только римскія военныя колоніи, крѣпости съ гарнизонами завоевателей среди побѣжденныхъ племенъ, и приморскіе греческіе города: Неаполь, Кумы, Туріи, Метапонтъ, Тарентъ и другіе; только они остались опорами для будущаго возсозданія разрушенной федераціи.

Вѣрность греческихъ городовъ и латиновъ Риму.

Греческіе города остались вѣрны Риму отчасти потому, что покровительство его доставляло имъ много выгодъ; еще болѣе потому, что боялись римскихъ гарнизоновъ, занимавшихъ ихъ цитадели и ненавидѣли карѳагенянъ, національныхъ враговъ и торговыхъ соперниковъ. Неаполь мужественно отразилъ приступъ, которымъ управлялъ самъ Ганнибалъ; Кротонъ и Локры тоже храбро оборонялись, и соединенныя силы карѳагенянъ и бруттійцевъ съ трудомъ вынудили ихъ сдаться. Еще крѣпче и искреннѣе сохраняли вѣрность Риму латины и сосѣднія племена; они составляли такой оплотъ Рима, который, какъ циклопическую стѣну, можно было разрушать лишь камень по камню. Въ маленькомъ городѣ Казалинѣ небольшой отрядъ пренестинцевъ, мучимый голодомъ, геройски оборонялся до совершеннаго изнуренія силъ.

2. Вліяніе битвы при Каннахъ на Карѳагенъ и Македонію.

Не менѣе важно было вліяніе битвы при Каннахъ на отношенія Карѳагена и Македоніи къ Ганнибалу. Карѳагеняне до этой побѣды его ограничивались тѣмъ, что посылали эскадры для прикрытія африканскаго берега и для угрозы италійскимъ и сицилійскимъ берегамъ; теперь противники Ганнибала принуждены были на нѣкоторое время замолчать, и правительство послало ему деньги, 4.000 человѣкъ нумидійской конницы и 40 слоновъ. — Чрезвычайно важное значеніе могъ пріобрѣсти союзъ, заключенный между Ганнибаломъ и царемъ Македонскимъ, при посредничествѣ прогнаннаго римлянами далматскаго князя Димитрія Фаросскаго (стран. 448); Филиппъ хотѣлъ отнять у римлянъ ихъ иллирскія и эпирскія владѣнія, эпирскія взять себѣ, иллирскія отдать Димитрію, обѣщался сдѣлать высадку на восточный

берегъ Италіи. — Только въ одной странѣ счастье не покинуло римлянъ — въ Испаніи.

Война въ Испаніи. 218.

Гней Сципіонъ, пустившійся въ Испанію (стран. 464), вышелъ на берегъ въ Эмпоріяхъ, овладѣлъ приморьемъ между Пиренеями и Эбро, двинулся въ глубину сѣверной Испаніи, оттѣснилъ Ганнона, одержалъ побѣду надъ карѳагенскимъ флотомъ въ устьѣ Эбро; его братъ Публій приплылъ на подкрѣпленіе ему съ 8.000 человѣкъ; соединившись, они перешли Эбро, дошли до окрестностей Сагунта. Въ слѣдующемъ году Газдрубалъ, получивъ новыя войска изъ Африки, хотѣлъ идти черезъ Пиренеи и Альпы въ Италію, 217.
куда звалъ его братъ; Сципіоны остановили его на Эбро и около времени битвы при Каннахъ нанесли ему пораженіе; это разрушило планъ соединенія карѳагенскихъ силъ въ Италіи. Сципіоны съумѣли пріобрѣсти расположеніе кельтиберскихъ князей; при помощи этихъ союзниковъ и вѣрныхъ Риму массалійцевъ, они владычествовали надъ проходами черезъ Пиренеи, надъ приморьемъ сѣверной Испаніи и Галліи.

3. Патріотизмъ римлянъ; устраненіе погибели.

Патріотическій энтузіазмъ римлянъ.

Пораженіе при Каннахъ было возрожденіемъ римлянъ. Роскошь и развратъ богатой Капуи и прекрасной Кампаніи, гдѣ Ганнибалъ расположился на зимнія квартиры, разслабили его грубыхъ воиновъ; интриги его завистливыхъ противниковъ въ Карѳагенѣ, постоянно говорившихъ о надобности заключить миръ, задерживали отправленіе подкрѣпленій къ нему; а въ Римѣ патріоты дѣятельно заботились между тѣмъ прекратить вражду между сенатомъ и народнымъ собраніемъ, аристократіею и массою гражданъ, устранить этотъ раздоръ, бывшій причиною всѣхъ бѣдствій. Сенатъ удержался отъ выраженія заслуженнаго порицанія безразсудному виновнику пораженія при Каннахъ и, при возвращеніи его въ Римъ, объявилъ ему благодарность за то, что онъ «не отчаялся въ спасеніи отечества». Эта благодарность сената была торжественнымъ проявленіемъ примиренія между партіями; народное собраніе фактически предоставило управленіе войною сенату, пополненому принятіемъ новыхъ членовъ; оно стало утверждать всѣ его рѣшенія. Сильные водворившимся между ними единодушіемъ, римляне съ необыкновенной дѣятельностью занялись формированіемъ новаго войска: всѣ граждане, до очень молодыхъ юношей, были призваны къ оружію; приняты въ войско граждане, находившіеся подъ стражей за неуплату долговъ, и преступники; выкупали и зачисляли въ войско даже рабовъ; не доставало оружія, римляне взяли оружіе, хранившееся въ храмахъ и поспѣшно готовили новое; были запрещены столпленія народа у воротъ, гдѣ люди наводили другъ на друга уныніе жалобами и стонами; трауръ по убитымъ былъ ограниченъ тридцатидневнымъ срокомъ, чтобы «не было долгаго перерыва въ радостномъ служеніи богамъ», присутствовать на которомъ не могли люди въ траурной одеждѣ. Недостатокъ денегъ въ казнѣ былъ пополненъ увеличеніемъ

налоговъ и патріотическими пожертвованіями. Скоро въ Римѣ было получено извѣстіе, что нѣсколько тысячъ воиновъ, разрозненными полками ушедшихъ отъ пораженія, собралось въ Канузіѣ подъ начальствомъ военныхъ трибуновъ Аппія Клавдія и Публія Сципіона Младшаго (сына бывшаго консула); что эти храбрые трибуны успѣли отклонить молодыхъ аристократовъ отъ пагубнаго намѣренія удалиться за Адріатическое море подъ начальствомъ Луція Метелла и принудили ихъ остаться на родинѣ, нуждавшейся въ защитникахъ. Сенатъ сформировалъ изъ бѣглецовъ два легіона, но, по старинному обычаю, велѣлъ имъ служить безъ жалованья и оставаться лишенными военныхъ почестей, пока они загладятъ стыдъ своего бѣгства подвигами храбрости. Предложеніе Ганнибала освободить плѣнныхъ воиновъ за выкупъ было отвергнуто, по предложенію сенатора Тита Манлія Торквата, человѣка старинныхъ суровыхъ правилъ; карѳагенскіе послы не были впущены въ Римъ. О заключеніи мира не можетъ быть рѣчи, говорили римляне; и у гражданъ, и у союзниковъ должна быть одна мысль: спасеніе Рима можетъ быть пріобрѣтено только побѣдой. Никогда энергія римлянъ не выказывалась величественнѣе, никогда патріотизмъ ихъ не проявлялся блистательнѣе, чѣмъ въ эти дни тяжкаго испытанія. Старикъ Фабій Максимъ и его политическіе друзья ободряли, успокоивали гражданъ; народъ безъ ропота услышалъ, что сенатъ подъ благовиднымъ предлогомъ вызвалъ въ Римъ бездарнаго консула Теренція Варрона и поручилъ командованіе новыми легіонами опытному воину, претору Марку Клавдію Марцеллу. Всѣ сословія были единодушны въ мысли, что надобно бороться съ врагомъ, не щадя никакихъ усилій; всѣ мелочныя ссоры партій исчезли въ убѣжденіи о необходимости энергическихъ мѣръ. Римъ какъ-будто пробудился отъ тяжелаго сна.

Положеніе Ганнибала становится дурно.

Скоро проявились и результаты патріотическаго энтузіазма римлянъ. Правда, Марцеллъ, пошедши съ новымъ, сильнымъ войскомъ изъ Апуліи въ Кампанію, нашелъ уже во власти Ганнибала значительную часть ея: Капуя отпала отъ союза съ Римомъ; Нуцерія, Казилинъ, нѣкоторые другіе города были взяты приступомъ или голодомъ и вынуждены сдаться Ганнибалу; но появленіе Марцелла ободрило римскую партію тѣхъ городовъ, которые еще держались противъ Ганнибала: они стали храбро отражать его нападенія, отвергали его выгодныя предложенія. Успѣшное сраженіе Марцелла съ Ганнибаломъ подъ стѣнами Нолы спасло этотъ городъ, разрушило надежду Ганнибала овладѣть гаванями Кампаніи и вступить въ прямыя сношенія съ Карѳагеномъ. Скоро онъ былъ принужденъ уйдти изъ Кампаніи въ Апулію, чтобъ задержать успѣхи храбраго консула Семпронія Гракха, дѣйствовавшаго тамъ и въ Самніѣ. Отпаденіе южной Италіи отъ Рима не принесло Ганнибалу такой выгоды, какую доставляло ему въ сѣверной Италіи содѣйствіе галловъ: они присылали въ его

войско свои отряды, а жители южной Италіи не имѣли охоты, отказавшись отъ службы въ римскихъ войскахъ, поступать на службу въ карѳагенскія; Капуя даже поставила формальнымъ условіемъ своего союза съ Ганнибаломъ то, что никто изъ гражданъ Кампаніи не долженъ быть принуждаемъ идти на войну. Союзъ съ жителями южной Италіи былъ для Ганнибала не столько выгодой, сколько обремененіемъ. Повсюду тамъ были римскія военныя колоніи, служившія опорами дѣйствіямъ римскихъ войскъ; чтобы защитить своихъ новыхъ союзниковъ отъ римлянъ, онъ былъ принужденъ перейти отъ наступательной войны, доставившей ему блистательные успѣхи, къ войнѣ оборонительной, и долженъ былъ раздроблять свои войска.

Южная Италія.

Овладѣвъ южной Италіей, Ганнибалъ имѣлъ бы выгоду отъ этого только въ томъ случаѣ, еслибъ италійскія племена и греческіе города энергически помогали ему и если бъ ему присылались подкрѣпленія изъ Карѳагена, Сициліи, Македоніи. Но силы южныхъ италійцевъ были разстроены раздорами; притомъ эти племена и города были заняты обороною самихъ себя противъ римлянъ и ихъ приверженцевъ; кромѣ того они не были расположены къ карѳагенянамъ и не вѣрили, что Ганнибалъ одолѣетъ римлянъ. — Въ Карѳагенѣ партія, враждебная Ганнибалу, имѣла больше вліянія, чѣмъ онъ, и продолжала обольщаться пустой надеждой, что можетъ купить миръ у римлянъ уступчивостью; она говорила, что посылать подкрѣпленія Ганнибалу не нужно, потому что онъ одержалъ блестящія побѣды; она хотѣла ограничиваться посылкою подкрѣпленій въ Испанію. Но войска, находившіяся въ Испаніи, оставались безполезны для Ганнибала, потому что Сципіоны занимали горные проходы и тѣснили Газдрубала: они двинулись на югъ Испаніи, одержали блестящія побѣды у Иллитургиса на рѣкѣ Бетисѣ и у города Интибили; Газдрубалъ съ трудомъ держался противъ нихъ, не могъ и думать о томъ, чтобъ идти на соединеніе съ братомъ. Напрасно было и ожиданіе Ганнибала, что поможетъ ему Филиппъ Македонскій. Союзъ Ганнибала съ македонскимъ царемъ дѣйствительно угрожалъ Риму большой опасностью; но Филиппъ дѣйствовалъ нерѣшительно, пропустилъ благопріятное время для нападенія на восточный берегъ Италіи, началъ войну только уже тогда, когда римляне оправились и пріобрѣли себѣ союзниковъ въ Греціи; борьба съ этими союзниками Рима задерживала Филиппа до той поры, когда римляне, одолѣвъ карѳагенянъ, послали войско противъ него; обо всемъ этомъ мы подробнѣе разскажемъ послѣ.

Карѳагенъ.

Испанія.

Македонія.

И такъ положеніе Ганнибала было невыгодно. Сенатъ руководилъ военными дѣйствіями очень хорошо; устранивъ слишкомъ частую смѣну главнокомандующихъ, онъ оставилъ даровитыхъ полководцевъ военачальниками, по окончаніи годичнаго срока консульскаго сана назначая ихъ проконсулами; подъ управленіемъ сената военныя дѣйствія велись благоразумно, безъ опрометчивости и безъ робости; римскіе военачальники принимали битвы только подлѣ своихъ укрѣпленныхъ становъ подъ стѣнами крѣпостей, такъ что въ случаѣ неудачи не терпѣли большого урона; граждане и союзники были

одушевлены патріотизмомъ и не щадили усилій; все это скоро дало войнѣ оборотъ, благопріятный для Рима.

Успѣхи римлянъ. Въ первое время главною заботою римлянъ было отнять у Ганнибала возможность полученія подкрѣпленій, изолировать его въ Италіи и не давать войску его отдыха. Фабій Максимъ съ новыми легіонами охранялъ тѣ города Кампаніи, которые остались вѣрны римлянамъ или были (какъ напримѣръ Казилинъ) отняты ими у Ганнибала. Легіоны, сформированные изъ рабовъ, храбро бились подъ начальствомъ отважнаго Семпронія Гракха у Беневента, и воины ихъ были награждены за свои подвиги освобожденіемъ; Титъ Манлій, Торкватъ поплылъ въ Сардинію и въ рѣшительной битвѣ истребилъ карѳагенское войско, посланное овладѣть этимъ островомъ, а Маркъ Марцеллъ переправился въ Сицилію съ легіонами, сформированными изъ воиновъ, бѣжавшихъ отъ карѳагенянъ при Каннахъ и желавшихъ возстановить свою утраченную честь.

Терроризмъ въ Сиракузахъ. Тщеславный и легкомысленный Гіеронимъ поступалъ деспотически, подобно прежнимъ тираннамъ; скоро составился противъ него республиканскій заговоръ и одинъ изъ его тѣлохранителей убилъ его въ Леонтинахъ на улицѣ. Сиракузское правительство и зажиточные граждане желали оставаться вѣрны союзу съ римлянами, зная по примѣрамъ старины, чего должны ожидать Сиракузы отъ карѳагенянъ, если они побѣдятъ. Но въ несчастномъ городѣ, по убійствѣ Гіеронима, поднялись ожесточенные раздоры, такъ что граждане не могли принять единодушнаго и окончательнаго рѣшенія. Честолюбивые вожди наемниковъ хотѣли захватить власть, и начались кровавыя междоусобія, въ которыхъ былъ истребленъ весь родъ Гіерона. Буйные наемники, въ числѣ которыхъ было много римскихъ дезертировъ, съ угрозами требовали продолженія войны противъ Рима и убили вліятельнѣйшихъ приверженцевъ римскаго союза. При такомъ положеніи дѣлъ хитрый агентъ Ганнибала Гиппократъ, при содѣйствіи своего брата Эпикида, захватилъ власть и, подкрѣпляемый карѳагенскимъ войскомъ, съ которымъ Гимильконъ высадился въ Сициліи и занялъ Агригентъ, удержалъ Сиракузы въ союзѣ съ карѳагенянами. Гиппократъ и Эпикидъ взволновали массу заманчивымъ обѣщаніемъ свободы, преувеличенными описаніями жестокости, съ какою римляне взявъ Леонтины, наказали этотъ городъ за отпаденіе отъ союза съ ними; опасеніе подвергнуться такой же судьбѣ удерживало сиракузанцевъ отъ мысли примириться съ римлянами. Демократическая партія, преданная карѳагенянамъ, получила рѣшительный перевѣсъ; наемники находились подъ вліяніемъ римскихъ дезертировъ; аристократы, расположенные къ союзу съ Римомъ, были истребляемы. Такимъ образомъ, когда Марцеллъ подступилъ къ Сиракузамъ, то граждане ихъ находились подъ владычествомъ деспотовъ, принуждавшихъ городъ противиться римлянамъ.

Осада и взятіе Сиракузъ. 214—212. Если Марцеллъ надѣялся быстро взять Сиракузы энергическими нападеніями съ моря и съ суши, то онъ ошибался. Стѣны города были крѣпки, осажденные защищались храбро; изобрѣтательность Архимеда (стран. 418) помогала защитѣ родного города изобрѣтеніемъ новыхъ машинъ; всѣ приступы римлянъ были отбиваемы; Марцеллъ перестал нападать на стѣны и ограничился блокадою города съ моря и съ суши. Карѳагеняне дѣлали большія усилія освободить Сиракузы и возстановить свое владычество надъ Сициліею. Гимильконъ двинулся изъ Агригента къ Сиракузамъ, соединился съ Гиппократомъ, искуснымъ и отважнымъ полководцемъ, и они дѣлали общія нападенія на римское войско; Бомилькаръ приплылъ съ сильнымъ флотомъ и пытался разорвать линію блокады на морѣ; Эпикидъ дѣлалъ вылазки изъ города. Положеніе римлянъ становилось опаснымъ. Многіе города вступили въ союзъ съ карѳагенянами. Граждане Энны задумывали сдѣлать тоже; начальникъ гарнизона, стоявшаго тамъ, подавилъ заговоръ свирѣпыми мѣрами; воины его рѣзали безоружныхъ гражданъ; эта жестокость возбудила такое раздраженіе по всей Сициліи, что произвела дѣйствіе, противоположное намѣренію, съ какимъ была совершена: сопротивленіе римлянамъ въ Сициліи возросло. Но изумительная энергія, выказанная въ эти годы римскимъ народомъ преодолѣла все. Римскій флотъ прогналъ карѳагенскую эскадру изъ большой гавани Сиракузъ. На праздникъ, когда внимательность карауловъ поослабла, Марцеллъ овладѣлъ прибрежною частью внѣшней стѣны Сиракузъ и расположилъ свои войска въ захваченныхъ предмѣстьяхъ. Гимильконъ и Гиппократъ пришли на помощь тѣснимому городу и расположились станомъ на болотистыхъ низменностяхъ Анапа и у храма Зевса Олимпійскаго, гдѣ за 200 лѣтъ передъ тѣмъ потерпѣло страшныя бѣдствія аѳинское войско. Лѣтніе жары и осеннія непогоды произвели въ войскѣ Гимилькона и Гиппократа эпидемическія болѣзни; воины умирали массами, умерли и оба полководца. Судьба губила защитниковъ Сиракузъ: тѣ лихорадки, которыя при прежнихъ осадахъ такъ часто истребляли непріятельскія войска, ослабили теперь пришедшихъ на выручку города африканцевъ до такой степени, что немногіе, уцѣлѣвшіе отъ заразы, разсѣялись по разнымъ городамъ. Масса сиракузскихъ гражданъ желала бы вступить въ переговоры съ Марцелломъ, но римскіе дезертиры и находившіеся подъ ихъ вліяніемъ наемники убивали всѣхъ, кого подозрѣвали въ намѣреніи покориться римлянамъ и упорно оборонялись. Осада длилась два года. Наконецъ одинъ изъ иноземныхъ начальниковъ войска измѣнически сдалъ римлянамъ Ортигію; послѣ этого жители Ахрадины отворили римлянамъ ворота своей части города. Но они не избавили тѣмъ Сиракузы отъ жестокаго мщенія: Марцеллъ не хотѣлъ принять въ соображеніе того, что граждане были угнетены наемниками и дезертирами, сопротивлялись римлянамъ по принужденію; Сиракузы подверглись всѣмъ неистовствамъ, какія совершаются побѣдителями, взявшими городъ приступомъ. Римляне грабили и рѣзали; Архимедъ былъ убитъ надъ своими геометрическими чертежами; прекраснѣйшія произведенія искусствъ были увезены въ Римъ; богатство и велико-

лѣпіе Сиракузъ навсегда погибло. Много свирѣпостей совершило ожесточеніе, говоритъ Ливій, много ихъ совершила алчность. Чтобы не быть взятыми въ рабство, граждане толпами разбѣжались по лѣсамъ и другимъ пустымъ мѣстностямъ; и почти всѣ, бѣжавшіе туда, погибли отъ голода. Жалобы сиракузанцевъ сенату остались напрасны; имущество, расхищенное воинами, не было возвращено имъ. Сиракузы лишились независимости, были обязаны платить римлянамъ дань; царскія земли были конфискованы; сиракузскимъ гражданамъ было запрещено жить на островѣ Ортигіи, господствующемъ надъ гаванью.

Покореніе Сициліи. Взятіемъ Сиракузъ война въ Сициліи не кончилась. Ганнонъ и Эпикидъ стояли въ Агригентѣ съ карѳагенскимъ войскомъ; Ганнибалъ прислалъ имъ отрядъ нумидійской конницы подъ начальствомъ Муттина, Ливофиникійца, уроженца города Гиппона. Этотъ отважный и даровитый военачальникъ съ быстрыми своими всадниками велъ въ горахъ партизанскую войну такъ удачно, что города центральной части, боявшіеся жестокости римлянъ, стали помогать ему, и слава его имени разнеслась по всей Сициліи. При его содѣйствіи карѳагеняне упорно бились съ римлянами даже въ открытомъ полѣ. Но Ганнонъ, завидуя славѣ своего подчиненнаго, нашелъ случай удалить его, передалъ начальство надъ конницею своему сыну и когда послѣ этого вступилъ съ Марцелломъ
210. въ новое сраженіе (при Гимерѣ), то былъ совершенно разбитъ, и карѳагеняне скоро были вытѣснены изъ Сициліи. Нумидійцы, презиравшіе своего новаго начальника, вступили въ переговоры съ римскимъ полководцемъ Маркомъ Валеріемъ Левиномъ и сдали ему Агригентъ. Ганнонъ успѣлъ уплыть на лодкѣ и бѣжалъ въ Африку. Карѳагенскій гарнизонъ былъ умерщвленъ римлянами, жители Агригента были проданы въ рабство, и греческій городъ, нѣкогда богатый и великолѣпный, былъ обращенъ въ римскую военную колонію. Теперь вся Сицилія стала повиноваться римлянамъ. Но ея благосостояніе, образованность, свобода погибли отъ ужасныхъ военныхъ бѣдствій. Римляне принуждены были удалить съ этого острова наемниковъ, ставшихъ разбойниками; иначе они совершенно опустошили бы островъ.

Война въ Испаніи. Въ тѣ годы, когда Марцеллъ возстановлялъ римское владычество надъ Сициліей, въ Испаніи шла война, ознаменовавшаяся рѣзкими перемѣнами счастья. Мы видѣли, что Гней Сципіонъ и братъ его Публій отчасти силою оружія, отчасти умѣньемъ привлечь на свою сторону кельтскихъ горцевъ, успѣли овладѣть проходами черезъ Пиренеи, долинами этихъ горъ, прекрасной долиной Эбро, сдѣлать обширныя завоеванія въ плодородной равнинѣ Гвадалькивира. Испанскія племена, любившія воевать, враждовавшія между собою, непостоянныя въ своихъ мысляхъ, служили и римлянамъ, и карѳагенянамъ, но были и для тѣхъ и для другихъ ненадежными помощниками; все зависѣло отъ личныхъ качествъ полководцевъ. Тотъ, который умѣлъ пріобрѣсти любовь и уваженіе туземныхъ родоначальниковъ, импонировать имъ или своими талантами, или побѣдами, имѣлъ въ своемъ войскѣ множество испанцевъ. Но еще больше, чѣмъ любовь или вражда, руководили дѣйствіями туземцевъ—страхъ, подарки, надежда на добычу; они были довольно мало пригодны для большихъ битвъ,

дѣйствовали хорошо только въ партизанской войнѣ при оборонѣ крѣпостей и горъ, при неожиданныхъ нападеніяхъ.

Римляне возстановили разрушенный Ганнибаломъ Сагунтъ, и эта крѣпость стала служить базисомъ ихъ операцій. Ихъ успѣхамъ на Эбро и въ плодородныхъ южныхъ равнинахъ много помогли затрудненія, какія съумѣли они устроить карѳагенянамъ въ Африкѣ: они возбудили тамъ къ войнѣ съ карѳагенянами Сифакса, царя массасиловъ, владычествовавшаго надъ западной частью Нумидіи и своею столицею имѣвшаго городъ Сигу. Къ нему пріѣхали римляне, обучили его ливійцевъ своему военному искусству, помогали ему своими совѣтами, и онъ сталъ для карѳагенянъ опаснымъ врагомъ. Нѣсколько времени онъ дѣйствовалъ удачно, возмутилъ сосѣднія племена, угнетаемыя карѳагенянами; карѳагенскій сенатъ увидѣлъ себя въ необходимости призвать въ Африку Газдрубала Барку, бывшаго главнокомандующимъ въ Испаніи. Римляне воспользовались отъѣздомъ этого искуснаго полководца, расширили свои завоеванія, привлекли на свою сторону многихъ туземцевъ. Газдрубалъ въ союзѣ съ приверженцемъ карѳагенянъ, Масиниссою, сыномъ массильскаго царя Гулы, имѣвшаго своею столицею Цирту и владычествовавшаго въ восточной Нумидіи, побѣдилъ Сифакса, принудилъ его примириться съ карѳагенянами; карѳагенское правительство съ обыкновенною своею жестокостью наказало возмутившихся подданныхъ. Газдрубалъ, въ сопровожденіи Масиниссы, возвратился въ Испанію, взявъ изъ Африки подкрѣпленія. Съ его возвращеніемъ дѣла въ Испаніи приняли другой оборотъ. Сифаксъ и Масинисса. 213—212.

У карѳагенянъ было теперь больше войска, чѣмъ у римлянъ. Сципіоны хотѣли дѣйствовать противъ непріятеля въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ одновременно, раздѣлили свои войска и набирали туземцевъ; то и другое оказалось гибельно для нихъ. Публій Сципіонъ былъ разбитъ въ сраженіи съ Магономъ и Газдрубаломъ, сыномъ Гискона; побѣда была рѣшена нумидійскою конницею Масиниссы; самъ Публій Сципіонъ былъ убитъ. Газдрубалъ Барка, дѣйствовавшій противъ Гнея Сципіона, подкупилъ его кельтиберскихъ наемниковъ; они ушли. Газдрубалъ сталъ сильно тѣснить Гнея Сципіона, онъ отступилъ на холмъ, былъ окруженъ карѳагенянами; нумидійская конница аттаковала его. На холмѣ не было лѣса, римлянамъ нечѣмъ было прикрыться, кромѣ вьюковъ, изъ которыхъ они сдѣлали нѣчто подобное маленькому валу. Они потерпѣли полное пораженіе. Гней Сципіонъ исчезъ, такъ что не было вѣрныхъ свѣдѣній о томъ, гдѣ и какъ былъ онъ убитъ. Ливій говоритъ, что онъ былъ образцомъ римской справедливости и что смерть его возбудила всеобщее сожалѣніе. Воины его были убиты или взяты въ плѣнъ; лишь небольшой отрядъ ушелъ за Эбро подъ начальствомъ храбраго центуріона Луція Марція. Черезъ нѣсколько времени пришли къ этому отряду остатки войска Публія Сципіона; ими начальствовалъ легатъ Титъ Фонтей; пришли туда и гарнизоны, стоявшіе въ крѣпостяхъ. Въ тридцать дней были уничтожены римскія войска, одержавшія столь- Погибель Сципіоновъ 212.

ко побѣдъ; вся Испанія до самаго Эбро была теперь опять во власти карѳагенянъ; можно было думать, что они перейдутъ эту рѣку, займутъ проходы черезъ Пиренеи, вступятъ въ прямыя сношенія съ Ганнибаломъ, но эта опасность была отвращена благоразуміемъ уцѣлѣвшихъ римскихъ воиновъ, которые съумѣли оцѣнить таланты Марція и выбрали его своимъ главнокомандующимъ; притомъ карѳагенскіе военачальники враждовали между собою и пропустили время; когда они сдѣлали наконецъ попытку перейдти Эбро, они съ большимъ урономъ были отражены Марціемъ. Такимъ образомъ остатки римскаго войска удержали за собою линію Эбро до прибытія Гаія Клавдія Нерона, который привелъ новое войско и возобновилъ наступательныя дѣйствія. Перешедши Эбро, Неронъ такъ стѣснилъ карѳагенянъ въ горныхъ лѣсахъ мѣстности, называвшейся Черными Скалами, что имъ пришлось бы сдаться, если бы Газдрубалъ, завязавъ переговоры и затянувъ ихъ надолго, не воспользовался оплошностью римлянъ и не увелъ ночью свои войска, нарушивъ данное римлянамъ обѣщаніе не уходить.

Публій Корнелій Сципіонъ.

Клавдій Неронъ былъ храбрый воинъ, но, при своемъ суровомъ характерѣ, не умѣлъ внушить туземцамъ расположенія къ себѣ, потому былъ не способенъ возстановить владычество римлянъ въ Испаніи. Сенатъ рѣшился послать туда другого военачальника, который умѣлъ бы и сражаться съ непріятелемъ и привлечь на свою сторону туземныя племена и князей ихъ. Римлянамъ было очень важно удерживать главныя силы карѳагенянъ вдали отъ Италіи, чтобы Ганнибалъ не получалъ подкрѣпленій. При важности и трудности задачи, предстоявшей новому военачальнику, сенатъ предоставилъ выборъ его самому народу. Центуріи собрались, но не явился никто желающій просить себѣ должность главнокомандующаго въ Испаніи. Эта обязанность была до того трудна, что пугала самыхъ честолюбивыхъ людей: два искусные полководца погибли въ Испаніи; было ясно, что одолѣть тамъ карѳагенянъ—дѣло очень тяжелое. При отсутствіи другихъ кандидатовъ выступилъ Публій Корнелій Сципіонъ, сынъ Публія Сципіона, убитаго въ Испаніи, и попросилъ народъ послать его туда, чтобъ онъ могъ исполнить обязанность мщенія за смерть отца и дяди. Наружность молодого человѣка производила хорошее впечатлѣніе; смѣлость его внушила довѣріе народу; это была одна изъ такихъ минутъ, когда народъ съ вѣрностью инстинктивнаго влеченія дѣлаетъ удачный выборъ. Собраніе восторженнымъ крикомъ выразило свое согласіе на просьбу Сципіона, и сенатъ одобрилъ этотъ выборъ, хотя нарушеніемъ всѣхъ обычаевъ было посылать проконсуломъ молодого человѣка, которому было не больше 27 лѣтъ и
211. который не занималъ должностей выше военнаго трибуна и магистратуръ выше эдильства. Правда, что уже въ битвѣ на Тицинѣ, гдѣ онъ спасъ жизнь отца, и послѣ битвы при Каннахъ, когда онъ удер-

жалъ молодыхъ аристократовъ отъ намѣренія бѣжать за море, онъ выказалъ, что одаренъ благородной отвагой и высокимъ патріотизмомъ. Человѣкъ необыкновенныхъ способностей и склонный дѣйствовать самовластно, онъ любилъ поступать наперекоръ обычаямъ; какъ теперь, при началѣ своей политической дѣятельности, онъ вызвался принять званіе котораго по обычнымъ правиламъ нельзя было дать ему и произвелъ увлекающее впечатлѣніе на народъ увѣренностью въ своихъ силахъ; такъ и во всю свою жизнь онъ поступалъ своеобразно, достигалъ успѣховъ главнымъ образомъ благодаря оригинальности, неожиданности своихъ дѣйствій. Сознавая свои таланты, гордый своими гражданскими доблестями, своею преданностью родинѣ, онъ считалъ ненужнымъ для себя считаться съ законами и установленными обычаемъ формами, которыя, по его мнѣнію, обязательны лишь для людей менѣе даровитыхъ и менѣе чистыхъ душою. У него была привычка передъ началомъ всякаго важнаго дѣла приходить въ капитолійскій храмъ и наединѣ молиться тамъ; изъ этого возникла у народа вѣра, что онъ получаетъ непосредственныя внушенія отъ Юпитера. И дѣйствительно его личность производила такое сильное впечатлѣніе, что легко вѣрилось въ непосредственныя сношенія его съ божествомъ; онъ самъ былъ убѣжденъ въ томъ, что онъ—орудіе боговъ, ихъ посланникъ. Увѣренность въ себѣ давала его дѣйствіямъ твердость, внушавшую другимъ довѣріе къ нему и облегчавшую его успѣхи; сознаніе своихъ великихъ качествъ, благородный образъ мыслей, греческая образованность и врожденное чувство достоинства удерживали его отъ зависти къ чужимъ заслугамъ, дѣлали снисходительнымъ къ чужимъ ошибкамъ придавали его обращенію съ людьми непреодолимую привлекательность. Онъ былъ герой, человѣкъ высокаго образованія, талантливый правитель, былъ любезенъ со всѣми знатными и незнатными и съ тѣмъ вмѣстѣ былъ истинный римлянинъ по характеру и образу мыслей; понятно, что одаренный такими качествами, онъ, пріобрѣталъ преданность воиновъ, привязанность народовъ, странами которыхъ правилъ, и любовь женщинъ. Теперь онъ былъ еще юношею, еще не могъ быть предметомъ зависти, возбуждалъ только надежду и восхищеніе.

Взятіе Новаго Карѳагена 210.

Получивъ довольно много войска, много военныхъ запасовъ и денегъ, новый проконсулъ посадилъ своихъ воиновъ на 30 квинкверемъ и поплылъ вдоль этрурскаго и галльскаго прибрежья въ Эмпоріи; его сопровождали Маркъ Юній Силанъ, который долженъ былъ занять мѣсто Гаія Нерона и помогать молодому полководцу совѣтами своей военной опытности, и Гаій Лелій, задушевный другъ новаго главнокомандующаго, назначенный начальникомъ флота. Первымъ же своимъ предпріятіемъ Сципіонъ выказалъ великій военный талантъ. Принявъ въ Тарраконѣ начальство надъ испанскими войсками, онъ сказалъ воинамъ любезную рѣчь, въ которой похвалилъ

ихъ за храбрость и воспламенялъ къ новымъ подвигамъ, а Марцію высказалъ признательность и довѣріе. Узнавъ о томъ, что карѳагенскіе военачальники расположились въ трехъ мѣстностяхъ далеко одинъ отъ другого—у Сагунта, въ верховьи Бетиса и близъ Гадеса, онъ рѣшилъ воспользоваться раздробленностью и отдаленностью другъ отъ друга непріятельскихъ силъ и сдѣлать неожиданное нападеніе на укрѣпленный городъ Новый Карѳагенъ, главный оплотъ карѳагенскаго владычества надъ Испаніею. Самъ онъ пошелъ съ войскомъ по прибрежью и осадилъ Новый Карѳагенъ съ суши, а Лелій блокировалъ эту крѣпость съ моря. Магонъ, начальствовавшій войсками въ осажденномъ городѣ, защищался храбро, при содѣйствіи гражданъ, и отбилъ приступъ. Но въ то время, какъ все вниманіе осажденныхъ было занято этимъ приступомъ, часть римскаго войска, бывшаго на корабляхъ, пересѣла въ лодки и поплыла къ южной сторонѣ крѣпости, гдѣ, какъ узналъ Сципіонъ отъ рыбаковъ, море становится во время отлива очень мелко. Пользуясь временемъ отлива римскіе воины подошли по болоту къ стѣнѣ, остававшейся безъ войска. Не встрѣчая сопротивленія, они овладѣли ею и заняли нижній городъ. Магонъ увидѣлъ невозможность продолжать сопротивленіе и, не желая подвергать горожанъ и свое войско напрасной погибели, сдалъ цитадель.

Великодушная политика Сципіона.

Овладѣвъ Новымъ Карѳагеномъ, римляне нашли въ немъ громадные запасы продовольствія, оружія, военныхъ машинъ, золотыхъ и серебряныхъ вещей, 600 талантовъ денегъ, захватили множество военныхъ кораблей и транспортныхъ судовъ, взяли въ плѣнъ 10,000 человѣкъ карѳагенянъ, въ томъ числѣ 18 карѳагенскихъ сенаторовъ, людей очень знатныхъ. Попали во власть римлянъ и заложники вѣрности испанскихъ племенъ, находившіеся въ этой крѣпости. Кромѣ заложниковъ были и заложницы, женщины и дѣвушки испанскихъ княжескихъ семействъ. Плѣнныхъ карѳагенскихъ сенаторовъ Лелій отвезъ въ Римъ, а испанскихъ заложниковъ и заложницъ Сципіонъ отпустилъ домой съ богатыми подарками, давъ имъ конвой для охраненія ихъ на пути. Онъ поручилъ имъ убѣждать родныхъ и согражданъ вступить въ союзъ съ Римомъ. Древніе историки съ романическими подробностями разсказываютъ о томъ, что Сципіонъ, хотя и былъ очень не равнодушенъ къ женской красотѣ, возвратилъ жениху, испанскому князю, плѣнную испанскую дѣвушку удивительной красоты, и богатый выкупъ, предложенный за нее родителями, далъ въ приданое ей;—этотъ разсказъ имѣлъ цѣлью показать, что Сципіонъ не уступалъ благородствомъ души Александру (стр. 193).—Молва о благородствѣ и великодушіи римскаго военачальника разнеслась по всей Испаніи, пріобрѣла ему много приверженцевъ и союзниковъ. Жителямъ Новаго Карѳагена онъ возвратилъ свободу и имущество, чтобъ они подъ римскимъ владычествомъ жили по прежнему, занимаясь прежними своими дѣлами. Другихъ плѣнниковъ онъ взялъ на работу для войска и флота. Такъ 2000 ремесленниковъ были назначены работать для римскаго войска и за усердіе была обѣщана имъ свобода по окончаніи войны; сильныхъ молодыхъ людей, свободныхъ и рабовъ, Сципіонъ сдѣлалъ гребцами. На верфяхъ и въ мастерскихъ началась дѣятельная работа, въ городѣ и на пристани скоро возобновилась прежняя бодрая дѣятельность.

Значеніе взятія Новаго Карѳагена.

Взятіемъ карѳагенской столицы Испаніи, гавань которой была превосходна и по сосѣдству которой находились богатые рудники, была рѣшена судьба всего полуострова. Князья испанскихъ племенъ отложились отъ карѳагенянъ и стали заключать договоры о союзѣ съ Римомъ. Газдрубалъ Барка, готовившійся идти въ Италію, получилъ извѣстіе о взятіи Новаго Карѳагена лишь тогда, когда Сципіонъ съ войскомъ и флотомъ уже возвратился въ Тарраконъ. Отважное предпріятіе Сципіона вполнѣ удалось; онъ далеко превзошелъ всѣ надежды римскаго народа. Когда Лелій прибылъ въ Римъ съ извѣстіемъ о взятіи Новаго Карѳагена и знатными плѣнниками, сенатъ и народъ высказали чрезвычайную радость. Сенатъ оставилъ Сципіона въ должности главнокомандующаго на неопредѣленное время; всѣ ждали, что новый полководецъ доставитъ Риму полное торжество надъ Карѳагеномъ. Сципіонъ былъ восходящею звѣздою необычайнаго блеска.

Энергическія мѣры къ веденію войны въ Италіи.

Между тѣмъ и въ самой Италіи дѣла приняли такой оборотъ, что римляне могли съ нѣкоторымъ довѣріемъ смотрѣть на будущее. Удивительная энергія, выказанная сенатомъ послѣ пораженія при Каннахъ, не ослабѣвала и въ слѣдующіе годы. Всѣ граждане съ 18 до 46 лѣтъ, способные носить оружіе, были призываемы на службу. Римляне требовали огромныхъ контингентовъ и отъ своихъ союзниковъ. Военныя силы, послѣ пораженія при Каннахъ, были доведены до громаднаго размѣра: въ слѣдующемъ году у римлянъ было въ походахъ 18 легіоновъ; 150 военныхъ кораблей охраняли Италію и острова. Благодаря такимъ усиліямъ, они могли энергически продолжать войну въ Италіи, и въ то-же время успѣшно бороться съ карѳагенянами въ Сициліи, въ Испаніи, на берегахъ Адріатическаго и Іонійскаго морей, отнимая тѣмъ у своего великаго противника возможность получать подкрѣпленія. Имъ необходимо было не щадить усилій, чтобы одолѣть своего побѣдителя въ Италіи, передать потомству свое государство не уменьшившимся. Но, конечно, народъ тяжко

Тяжелое положеніе Италіи.

страдалъ отъ этихъ усилій. Многія цвѣтущія селенія обратились въ вертепы нищихъ и въ пріюты разбойниковъ, многія богатыя помѣстья стали пустынями. Нивы мало воздѣлывались по недостатку работниковъ даже и въ тѣхъ мѣстахъ, которыхъ не опустошала война: пахать и убирать хлѣбъ приходилось дѣтямъ, старикамъ, женщинамъ, невольникамъ, потому что свободные мущины крѣпкихъ лѣтъ всѣ были въ войскахъ, старавшихся отнять у Ганнибала возставшія области южной Италіи, Бруттій, Луканію, Самній, или охранявшихъ берегъ рѣки По отъ кельтскихъ инсургентовъ; надобно было стоять войскамъ и въ альпійскихъ проходахъ, чтобы не ворвалось черезъ нихъ въ Италію новое карѳагенское войско; надобно было посылать войска и въ Сицилію и на иллирскій берегъ для усмиренія и наказанія союзниковъ, измѣнившихъ Риму; надобно было бороться съ врагомъ на Пиренейскомъ полуостровѣ. Много воиновъ нужно было Риму, такъ что наборы войска изнуряли населеніе. Тяжелы были и налоги: всѣ деньги изъ государственныхъ кассъ были израсходованы на войну;

поселяне и промышленники изнемогали подъ тяжестью податей. Римъ пересталъ уплачивать жалованье воинамъ; онъ чеканилъ низкопробную золотую и серебряную монету; она подрывала кредитъ, разстроивала торговлю. У богатыхъ людей государство требовало займовъ, требовало въ кредитъ поставокъ всего, надобнаго для войны, взяло деньги сиротъ у ихъ опекуновъ. Какъ ни велики были пожертвованія, дѣлаемыя патріотическими гражданами на военныя надобности, какъ ни многочисленны были воины, центуріоны и высшіе начальники, отказывавшіеся отъ жалованья, чтобы облегчить государственные расходы; но громадныя издержки на войну истощали всѣ средства государства; въ городахъ былъ голодъ, доводившій жителей до отчаянія. Велики были жертвы, какимъ подвергала судьба Римъ въ тѣ времена, подготовляя этими страданіями всемірное владычество его.

Неудачныя сраженія 213. Въ довершеніе бѣдствій римскія войска подвергались въ тѣ годы тяжелымъ пораженіямъ. Правда, римлянамъ удалось отнять у кареагенянъ города Казилинъ и Арпы, но вскорѣ послѣ этого, когда Марцеллъ еще стоялъ подъ Сиракузами, граждане Тарента отложились
212. отъ Рима въ негодованіи за то, что римляне наказали смертью ихъ заложниковъ, пытавшихся бѣжать. Римскій военачальникъ Ливій, по беззаботности котораго кареагенянамъ удалось овладѣть городомъ, удержался въ цитадели при помощи войскъ, призванныхъ изъ Метапонта; но Метапонтъ, Туріи, Гераклея послѣдовали примѣру Тарента; Ганнибалъ овладѣлъ всѣмъ прибрежьемъ, блокировалъ тарентскую цитадель съ моря и съ суши; была даже опасность, что македонскій царь пришлетъ войско въ Италію на помощь ему; но, къ счастью для Рима, Филиппъ не сдѣлалъ этого, запутавшись въ мелкія войны съ союзниками Рима въ Греціи. Въ Кампаніи храбрый Тиберій Гракхъ погибъ, обманутый измѣнившимъ римлянамъ луканцемъ; по его смерти разсѣялось войско его, состоявшее почти исключительно изъ освобожденныхъ рабовъ. Въ Луканіи былъ разбитъ Ганнибаломъ Маркъ Центеній Пенула, выказавшій храбрость во второстепенныхъ военныхъ должностяхъ, но не съумѣвшій исполнить опрометчиво ввѣренную ему сенатомъ обязанность начальника особаго войска; самъ онъ былъ убитъ, было убито и большинство войска его, состоявшаго наполовину изъ волонтеровъ. Въ Апуліи неосмотрительный и надменный преторъ Гней Фульвій Флаккъ попался при Гердоніи въ засаду, и почти все войско его погибло; онъ успѣлъ уйдти только съ 2000 человѣкъ пѣхоты и 200 всадниками.

Осада Капуи. 211. Но въ слѣдующемъ году война получила оборотъ болѣе благопріятный для римлянъ. Они сдѣлали величайшія усилія, чтобы выставить многочисленныя войска. Брали въ службу даже пожилыхъ людей, которые, по своимъ лѣтамъ, были уже свободны отъ военной повинности, и у нихъ было теперь 23 легіона. Ганнибалъ находился на восточномъ берегу; пользуясь этимъ, римляне осадили

Капую, въ которой террористически владычествовали демократы, опираясь на кареагенскій гарнизонъ. Римляне отрѣзали городъ отъ всѣхъ сообщеній, и скоро въ немъ оказался недостатокъ съѣстныхъ припасовъ. Капуанскіе вѣстники, пробравшись черезъ окопы, которыми римляне окружили городъ, успѣли пройдти къ Ганнибалу съ просьбой о помощи. Онъ былъ тогда въ Тарентѣ. Немедленно пошелъ онъ со всѣмъ своимъ войскомъ, при которомъ было 33 слона, и сталъ на горѣ Тифатѣ, надѣясь, что римляне побоятся продолжать осаду и уйдутъ отъ Капуи. Но они спокойно остались въ своихъ окопахъ; кареагенскія легкая пѣхота и конница нападали на эти укрѣпленія безуспѣшно, а сдѣлать серьезный приступъ Ганнибалъ не рѣшился. Пославъ нумидійскаго всадника сообщить капуанцамъ о своемъ планѣ дѣйствій и передать просьбу, чтобы они мужественно защищались, Ганнибалъ ночью, разложивъ костры, ушелъ со всѣмъ войскомъ изъ стана и двинулся къ Риму, надѣясь, что, испуганные его появленіемъ у стѣнъ города, римляне отзовутъ свои легіоны отъ Капуи на защиту самаго Рима. Древніе писатели не одинаково говорятъ о томъ, какимъ путемъ шелъ онъ; вѣроятно онъ шелъ по Латинской дорогѣ между римскими укрѣпленіями черезъ Теанъ, Фрегеллы, Анагнію, перешелъ рѣку Аніонъ близъ Тибура. Онъ раскинулъ свой станъ въ виду Рима. Ужасъ охватилъ населеніе города. Матроны съ распущенными волосами толпились въ храмахъ, молясь богамъ; старики взялись за оружіе; всѣ, способные сражаться, вступили въ ряды войска. Но опасность скоро миновала. Проконсулъ Квинтъ Фульвій привелъ въ Римъ по Аппіевой дорогѣ отрядъ, состоявшій изъ 15000 человѣкъ пѣхоты и 1000 конницы; соединившись съ двумя легіонами, находившимися въ городѣ, эти силы были достаточны для отраженія приступа, еслибы Ганнибалъ отважился сдѣлать нападеніе. Въ Римѣ ждали приступа, и страхъ еще оставался великъ: выраженіе «Ганнибалъ у воротъ Рима» долго служило обозначеніемъ величайшей опасности; но никакихъ серьезныхъ военныхъ дѣйствій не было предпринято ни съ той, ни съ другой стороны. Древніе писатели говорятъ, что войска два раза готовились вступить въ битву, но оба раза начиналась такая гроза, съ градомъ и проливнымъ дождемъ, что битва становилась невозможной. Римляне видѣли въ этомъ чудесную помощь боговъ, и на томъ мѣстѣ передъ Капенскими воротами, до котораго доходилъ Ганнибалъ они воздвигли жертвенникъ «Богу—Возвратителю вспять, Охранителю» (Deus Rediculus Tutanus). Простоявъ нѣсколько дней близъ Рима, Ганнибалъ ушелъ. Опустошенныя окрестности долго показывали, какъ близко подступалъ онъ къ Риму. Консулъ Публій Гальба пошелъ за нимъ и, по неосторожности, потерпѣлъ пораженіе; кареагеняне разграбили его станъ. Но Капую уже нельзя было спасти. Тѣснимая осаждающими, ослабленная раздорами партій, она

Ганнибалъ подступаетъ къ Риму.

Взятіе Капуи.

страдала отъ голода, и онъ принудилъ ее сдаться римлянамъ безъ всякихъ условій. Пощады не могло быть: римляне горѣли мщеніемъ; 28 членовъ городскаго совѣта, приверженцы карѳагенянъ, умертвили сами себя. Суровый проконсулъ Квинтъ Фульвій Флаккъ велѣлъ бить розгами и казнить на площадяхъ городовъ Теана и Калеса 53 человѣка правителей и военачальниковъ Капуи; граждане ея были сдѣланы рабами и отведены на работу въ нездоровыхъ мѣстностяхъ; имущество ихъ было отдано новымъ поселенцамъ, которыхъ прислалъ Римъ. Сокровища Капуи были отвезены въ Римъ, у города было отнято самостоятельное управленіе; столицею Кампаніи сталъ править римскій префектъ. Съ такою-же суровостью были наказаны Ателла и Калація. Въ Ателлѣ жили оски. Теперь этотъ городъ сталъ латинскимъ селеніемъ и, подобно мѣстечку южной Этруріи, Фесценнію, Ателла сдѣлалась предметомъ насмѣшекъ римлянъ; простонародныя шутовскія комедіи стали называться у римлянъ ателланскими. Взятіе Капуи дало римлянамъ рѣшительный перевѣсъ надъ Ганнибаломъ.

Война получаетъ оборотъ, совершенно благопріятный для римлянъ.

Города и племена, вступившія въ союзъ съ нимъ, потеряли довѣріе къ его силѣ, стали колебаться въ усердіи къ нему, не оказывали ему помощи, такъ что онъ былъ принужденъ или ставить у нихъ свои гарнизоны и тѣмъ ослаблять свое малочисленное войско или удерживать ихъ въ повиновеніи безпощадными наказаніями за измѣну. Наоборотъ римскіе союзники въ Средней Италіи, начинавшіе колебаться въ своей вѣрности Риму, утомленные наборами и поставками, какихъ требовала война, увидѣли теперь, что Римъ одолѣетъ Ганнибала; ихъ преданность упрочилась надеждою на вознагражденіе послѣ побѣды, и они снова стали готовы не щадить своихъ усилій
210. на содѣйствіе римлянамъ. Слѣдующій годъ прошелъ безъ важныхъ результатовъ для римлянъ: они то выигрывали, то проигрывали мелкія сраженія; Ганнибалъ, благодаря своему стратегическому генію, одержалъ вторую побѣду при апулійскомъ городѣ Гердоніи; тутъ были убиты проконсулъ Гней Фульвій и 11 военныхъ трибуновъ, погибло почти все войско Фульвія, и лишь немногіе успѣли бѣжать къ Марцеллу въ Луканію. Но въ слѣдующемъ году римляне пріобрѣли очень важный успѣхъ: они взяли Тарентъ, въ цитадели котораго все еще держался римскій гарнизонъ, отразившій всѣ нападенія Ганнибала. Фабій Максимъ, «Щитъ Рима», взялъ городъ Тарентъ при

Взятіе Тарента. 208.

помощи измѣнниковъ; 3000 жителей, уцѣлѣвшихъ отъ меча римлянъ, были проданы въ рабство; 70,000 фунтовъ золота и серебра были взяты въ добычу и поступили въ государственную казну Рима. Статуи «гнѣвныхъ на Тарентъ» боговъ Фабій, строгій послѣдователь старинныхъ римскихъ обычаевъ, оставилъ въ покоренномъ имъ городѣ.—Взятіе Тарента было послѣднимъ подвигомъ старика, пять разъ бывшаго консуломъ; черезъ нѣсколько лѣтъ онъ умеръ въ твердой увѣренности, что Римъ восторжествуетъ. По взятіи Тарента,

сенатъ и народъ римскій наградили его высшею почестью, какую могъ получить римскій гражданинъ: они дали ему сплетенный изъ простой травы вѣнокъ за спасеніе войска.—Консулами слѣдующаго года были выбраны Маркъ Марцеллъ, «мечъ Рима», и Титъ Квинкцій Криспинъ.

Смерть Марцелла. 208.

Марцеллъ, 60-лѣтній герой, вся жизнь котораго была посвящена служенію божествамъ, чести и храбрости, которымъ онъ построилъ общій великолѣпный храмъ у Капенскихъ воротъ, надѣялся умереть, заслуживъ имя освободителя Италіи отъ Ганнибала, но судьба оставила эту славу на долю другого полководца, молодого. Отправившись съ другимъ консуломъ, съ своимъ сыномъ и небольшимъ отрядомъ конницы обозрѣвать мѣстность близъ Венузіи, Марцеллъ попалъ въ засаду: скрывавшійся въ лѣсу отрядъ нумидійской конницы неожиданно напалъ на него, и онъ былъ убитъ, храбро обороняясь. Криспинъ успѣлъ уйдти, но скоро умеръ отъ тяжелыхъ ранъ, полученныхъ въ неравной борьбѣ. Ганнибалъ съ почетомъ предалъ сожженію тѣло Марцелла и послалъ въ серебряной урнѣ пепелъ его сыну. Около того времени, какъ нашелъ себѣ неожиданную смерть величайшій изъ римскихъ полководцевъ, Ганнибалъ получилъ радостное извѣстіе, что храбрый братъ его Газдрубалъ готовится перейдти съ испанскимъ войскомъ Альпы, чтобы, соединившись съ нимъ, нанести рѣшительный ударъ Риму.

Дѣйствія Сципіона въ Испаніи и въ Африкѣ.

Мы видѣли, что Публій Сципіонъ, взявъ Новый Карѳагенъ, быстро возстановилъ могущество римлянъ въ Испаніи, пріобрѣлъ своею кротостью и любезностью расположеніе туземныхъ князей и родоначальниковъ, склонилъ ихъ отложиться отъ карѳагенянъ, помогать римлянамъ, искусными своими дѣйствіями быстро одолѣлъ карѳагенянъ и на Эбро и въ плодородныхъ долинахъ Бетиса. Отмстивъ своими побѣдами за смерть отца и дяди, онъ устроилъ въ память ихъ похоронныя игры, на которыхъ испанскіе воины по своему обычаю добровольно бились между собою на смерть. Карѳагенскіе полководцы, ссорившіеся между собою, не могли согласиться дѣйствовать заодно, а порознь не могли устоять противъ Сципіона.
Даровитѣйшій изъ нихъ Газдрубалъ Барка былъ разбитъ въ сраженіи при 208.
Бекулѣ (Байленѣ?) и потерпѣлъ тутъ большой уронъ убитыми и плѣнными. По его пораженіи, другіе карѳагенскіе военачальники не могли держаться противъ римлянъ въ открытомъ полѣ: Газдрубалъ, сынъ Гискона, ушелъ въ Лузитанію, Магонъ уплылъ на Балеарскіе острова; только Масинисса съ легкой конницей дѣлалъ набѣги по равнинамъ на югѣ и востокѣ полуострова. Надѣясь на свое счастіе, Сципіонъ, какъ говорятъ, поплылъ въ Африку съ небольшимъ конвоемъ на двухъ квинкверемахъ: Сифаксъ приглашалъ его къ себѣ, и онъ надѣялся склонить нумидійскаго царя къ переходу со стороны карѳагенянъ на сторону римлянъ. Въ одно время съ нимъ былъ въ гостяхъ у Сифакса Газдрубалъ, сынъ Гискона, и за обѣдомъ возлежалъ на одномъ ложѣ съ нимъ. Прекрасная наружность и любезныя манеры Сципіона произвели на всѣхъ самое выгодное впечатлѣніе. Онъ уже тогда думалъ перенести войну противъ карѳагенянъ въ Африку. Съ намѣреніемъ подготовить это онъ и предпринялъ рискованную поѣздку, которая могла бы кончиться взятіемъ его въ плѣнъ; но онъ надѣялся,

что Сифаксъ не измѣнитъ правиламъ гостепріимства. Съ цѣлью подготовить себѣ' союзниковъ въ Африкѣ Сципіонъ старался войдти въ сношенія и съ Масиниссою, безъ выкупа отославъ его племянника Массиву, взятаго въ плѣнъ римлянами. Въ дѣйствіяхъ Сципіона вообще есть романическій элементъ; его исторія похожа на эпосъ.

Газдрубалъ переходитъ Альпы.

Но отважныя дѣйствія Сципіона навлекли на его родину большую опасность. Газдрубалъ, потерпѣвъ пораженіе при Бекулѣ, все таки нашелъ возможность исполнить свое намѣреніе—идти въ Италію. Быстрымъ походомъ къ сѣверу онъ успѣлъ достигнуть Пиренеевъ; проходы черезъ нихъ Сципіонъ оставилъ безъ охраны войсками; перешедши Пиренеи, Газдрубалъ проложилъ себѣ деньгами свободный путь черезъ Галлію; племена, жившія въ альпійскихъ горахъ, не противились ему, зная теперь, что карѳагеняне идутъ черезъ ихъ долины не съ враждебною для нихъ цѣлью; они даже помогали Газдрубалу; онъ перешелъ Альпы тѣмъ же путемъ, которымъ прошелъ черезъ нихъ за 10 лѣтъ передъ тѣмъ Ганнибалъ. Римляне изумились услышавъ о приближеніи Газдрубала, и сначала досадовали на Сципіона за то, что онъ, увлекшись отважными походами, оставилъ безъ охраны пиренейскія ущелья, въ которыхъ прежніе римскіе полководцы успѣвали удержаться и въ самыя бѣдственныя времена. Газдрубалъ явился на берегахъ По неожиданно для римлянъ и сталъ подымать галльскія племена противъ нихъ прежде, чѣмъ они приняли мѣры обороны. Фабій тогда уже умеръ, Марцеллъ былъ убитъ; многія мѣстности Этруріи, земли марсовъ, Лаціума, другихъ областей отказывались посылать войска и платить налоги римлянамъ, а въ Италіи находились теперь уже два карѳагенскія войска. Газдрубалъ былъ искусный полководецъ, и римляне видѣли себя въ большой опасности. Виноватъ въ томъ былъ Сципіонъ. Но боги закрыли лаврами ошибку своего любимца.

Покореніе Испаніи Сципіономъ

Удаленіе Газдрубала изъ Испаніи отдало весь восточный берегъ ея во власть римлянъ. Въ слѣдующемъ году приплылъ изъ Африки съ новымъ войскомъ Ганнонъ, чтобы вмѣстѣ съ остававшимися въ ней двумя другими полководцами возвратить карѳагенянамъ потерянныя владѣнія, но въ Ан-
207. далузіи былъ разбитъ Маркомъ Силаномъ и самъ былъ взятъ въ плѣнъ. Карѳагенъ сдѣлалъ новое усиліе; но войско его, состоявшее большею частью изъ испанцевъ, простиравшееся до 70,000 человѣкъ пѣхоты, 4,000 конницы, имѣвшее 32 слона, было совершенно разбито и разсѣяно Сципіономъ во второй очень упорной битвѣ при Бекулѣ; лишь небольшой остатокъ подъ начальствомъ Газдрубала, сына Гискона, успѣлъ уйдти въ Гадесъ. Теперь у римлянъ не было соперниковъ на пиренейскомъ полуостровѣ, и Сципіонъ имѣлъ досугъ покорить силой или склонить къ союзу съ Римомъ всѣ города и племена, какія еще держались стороны Карѳагена. Владычество римлянъ въ Испаніи снова поколебалось, когда туземцы, воспользовавшись болѣзнью Сципіона и мятежомъ одного изъ его отрядовъ, раздраженнаго промедленіемъ въ выдачѣ жалованья, подняли возстаніе, распространившееся по всѣмъ частямъ страны; они хотѣли прогнать

новыхъ своихъ владыкъ и возстановить прежнюю свою независимость; но и эта опасность миновала. Сципіонъ выздоровѣлъ, осторожно и твердо усмирилъ свой мятежный отрядъ и подавилъ возстаніе туземцевъ въ самомъ
зародышѣ. Вскорѣ послѣ того сдался ему Гадесъ, бывшій первымъ владѣ- 206.
ніемъ финикіянъ и остававшійся теперь послѣднимъ владѣніемъ карѳагенянъ въ Испаніи. Побѣдоносный полководецъ поѣхалъ въ Римъ отдать отчетъ о своихъ славныхъ подвигахъ и сложить съ себя власть, данную ему государствомъ, которому онъ покорилъ теперь обширную страну. Испанскіе князья предлагали ему стать царемъ ихъ; онъ отказался отъ этого: онъ хотѣлъ оставаться только полководцемъ Рима, хотя любилъ держать себя, какъ царь.

Пораженіе и смерть Газдрубала.

Между тѣмъ и въ Италіи миновала опасность, которой угрожалъ ей переходъ Газдрубала черезъ Альпы. Въ Римѣ были очень испуганы извѣстіемъ, что карѳагенскій полководецъ, войско котораго увеличилось присоединившимися къ нему галлами и лигурами, идетъ по долинѣ По къ берегу Адріатическаго моря, съ очевиднымъ намѣреніемъ продолжать путь на югъ черезъ недовольныя Римомъ, расположенныя къ возстанію этрусскія и умбрійскія земли на соединеніе съ братомъ, который пошелъ изъ окрестностей Регія черезъ бруттійскія земли на сѣверъ и хотя потерпѣлъ большой уронъ въ неудачномъ сраженіи при Грументѣ, но прошелъ въ Апулію и расположился станомъ у Венузіи, а потомъ сталъ у Канузія, ожидая брата. Римляне хорошо понимали громадность опасности и приняли противъ нея мѣры съ большимъ благоразуміемъ и энергіей. Они пригласили волонтеровъ поступать на службу, призвали къ оружію людей, по закону освобожденныхъ отъ военной повинности, и увеличили число своихъ войскъ до 23 легіоновъ; такимъ образомъ они могли послать одного консула противъ Ганнибала, другого противъ Газдрубала и однако-же оставить войско для охраненія столицы и продолжать войну въ разныхъ другихъ мѣстахъ. Сенатъ хотѣлъ не допустить соединенія Ганнибала съ Газдрубаломъ; это удалось, благодаря счастливой случайности. Въ руки римлянъ попались гонцы, отправленные Газдрубаломъ къ брату съ письмами, въ которыхъ, извѣщая, что пришелъ въ Италію, онъ просилъ его идти къ Нарніи, куда обѣщался придти къ нему по Фламиніевой дорогѣ. Получивъ изъ перехваченныхъ писемъ эти свѣдѣнія, консулъ Гай Клавдій Неронъ, шедшій за Ганнибаломъ и расположившійся станомъ противъ его стана въ Апуліи, рѣшился на отважное дѣло. Онъ былъ убѣжденъ, что Ганнибалъ будетъ неподвижно стоять въ своемъ станѣ, дожидаясь брата и ночью ушелъ съ 7,000 отборныхъ воиновъ, велѣвъ остальному войску держаться въ станѣ и наблюдать за Ганнибаломъ, а самъ ускоренными переходами пошелъ на сѣверъ къ другому консулу, Марку Ливію (Салинатору), стоявшему въ Умбріи близъ военной колоніи Сены Галльской и слѣдившему за Газдрубаломъ. Подошедши къ стану Ливія, онъ для вступленія въ него подождалъ ночи, желая,

чтобы Газдрубалъ не замѣтилъ прибытія подкрѣпленій къ Ливію; воины Нерона были распредѣлены по шатрамъ Ливія; такъ что видъ стана остался прежній. Но, при всѣхъ предосторожностяхъ римскихъ консуловъ, проницательный Газдрубалъ утромъ сталъ догадываться, что къ Ливію пришли новыя войска; а когда вечеромъ сигналъ зари былъ данъ трубою въ римскомъ станѣ два раза, Газдрубалъ понялъ, что пришелъ Неронъ: по своимъ войнамъ съ римлянами въ Испаніи онъ зналъ, что когда вечерній сигналъ трубою подается два раза, это значитъ, что въ станѣ находятся два военачальника равнаго сана. Изъ того, что къ Ливію пришелъ Неронъ, Газдрубалъ вывелъ заключеніе, что Ганнибалъ разбитъ, рѣшился ночью отступить и ждать точныхъ свѣдѣній. Эта мысль погубила его. На разсвѣтѣ консулы пошли за нимъ и нашли разстроившееся во время ночнаго похода войско его на высокомъ и крутомъ берегу рѣчки Метавра; оно искало брода черезъ глубокое русло. Первый настигъ карѳагенянъ Неронъ съ конницей, потомъ пришелъ преторъ Луцій Порцій съ легкой пѣхотой, наконецъ и Ливій съ массою легіоновъ; Газдрубалу невозможно было продолжать отступленіе, онъ долженъ былъ принять битву при условіяхъ, чрезвычайно невыгодныхъ.

Битва у Метавра (при Сенѣ).
207

И Ливій, и Полибій, изъ XI книги котораго сохранился отрывокъ, разсказывающій о битвѣ у Метавра, хвалятъ выказанныя въ ней искусство и мужество Газдрубала. На лѣвомъ крылѣ противъ Нерона онъ поставилъ галловъ, которыхъ, какъ онъ думалъ, римляне считаютъ наиболѣе страшными врагами. Самъ онъ съ испанцами, старыми опытными воинами, на которыхъ особенно полагался, сталъ на правомъ крылѣ противъ Ливія. Лигуры стояли въ центрѣ, за линіею слоновъ. Битва была ожесточенная, побѣда долго колебалась и начинала, повидимому, склоняться на сторону Газдрубала, когда Неронъ, который не могъ дойдти до галловъ, имѣя на пути холмъ, мѣшавшій аттакѣ, сдѣлалъ неожиданный маневръ, доставившій побѣду римлянамъ. Утомившись бездѣйственно смотрѣть на битву, онъ взялъ часть своей пѣхоты, повелъ ее сзади остальнаго римскаго войска и внезапно напалъ на непріятеля съ фланга. Пораженіе карѳагенянъ было полное. Рѣка не давала имъ уйдти, и все ихъ войско было уничтожено; 36,000 ихъ легли на полѣ битвы, 5400 были взяты въ плѣнъ. Газдрубалъ, державшій себя геройски, не хотѣлъ пережить погибели храбрыхъ своихъ воиновъ. Увидѣвъ, что сраженіе совершенно потеряно, онъ бросился на конѣ въ ряды непріятеля и нашелъ, подобно своему отцу Гамилькару, славную смерть. Только одинъ отрядъ, состоявшій изъ лигуровъ и галловъ, ушелъ въ безпорядкѣ, безъ начальниковъ и знаменъ. Легко было бы истребить его, пославъ за нимъ конницу; но Ливій далъ этимъ бѣглецамъ уйдти, чтобъ они разсказали своимъ соплеменникамъ о пораженіи Газдрубала и храбрости римлянъ. Побѣда была куплена дорого: 8000 римлянъ и союзниковъ заплатили за нее жизнью; но она освободила Италію отъ опасности такой-же грозной, какъ та, какой подвергался Римъ, послѣ битвы при Каннахъ.

Битвою у Метавра была рѣшена судьба войны. Когда возвратив-

шійся Неронъ послалъ двухъ плѣнныхъ африканцевъ бросить у стана Ганнибала голову Газдрубала и разсказать о пораженіи войска его, Ганнибалъ печально воскликнулъ, что онъ видитъ въ судьбѣ Газдрубала предвѣстіе участи Карѳагена *). Поступокъ Нерона не дѣлаетъ чести римлянамъ: Ганнибалъ никогда не ругался надъ убитыми,—съ почетомъ похоронилъ Эмилія Павла, Гракха и Марцелла. Глубоко пораженный, онъ отступилъ въ Бруттій, гавани котораго оставались единственными путями сношеній его съ Карѳагеномъ. Въ Римѣ былъ безпредѣльный восторгъ. Три дня продолжался праздникъ благодарности богамъ, а потомъ римскій народъ сталъ возвращаться къ такому образу жизни, какъ въ мирныя времена. Число войска было уменьшено, чтобы латинскіе и римскіе поселяне занялись опять воздѣлкою своихъ заброшенныхъ нивъ. Съ тѣхъ союзниковъ, чья вѣрность Риму колебалась въ прежніе тяжелые годы, римляне стали теперь строго взыскивать недоимки податей.

Магонъ въ Лигуріи.

Карѳагеняне начали опасаться, что война кончится гибелью для нихъ, что римляне могутъ перевезти войска въ Африку; потому, карѳагенское правительство рѣшилось послать помощь Ганнибалу: младшій братъ его Магонъ получилъ приказаніе плыть въ Италію съ остаткомъ испанскихъ войскъ и военными запасами. Но время для такихъ экспедицій прошло: Магонъ поплылъ изъ Минорки, вышелъ на лигурійскій берегъ, разрушилъ Генуую; нѣсколько галльскихъ и лигурійскихъ отрядовъ присоединились къ нему; 205
но онъ не могъ соединиться съ Ганнибаломъ, не могъ и самъ удержаться противъ римлянъ.

4. Ганнибалъ и Сципіонъ Африканскій.

Величіе военныхъ талантовъ Ганнибала

Во времена несчастія Ганнибалъ выказалъ все величіе своихъ военныхъ талантовъ. Не получая почти никакой помощи отъ Карѳагена, имѣя въ Италіи лишь очень немногихъ союзниковъ,—только тѣ немногіе города, которые, какъ Кротонъ, были удерживаемы на его сторонѣ поставленными у нихъ его гарнизонами, или страхомъ римской мести, — онъ съ небольшимъ остаткомъ своего войска держался нѣсколько лѣтъ въ южномъ концѣ Италіи. Римляне покорили греческіе города восточнаго берега: Туріи, Локры, Регій и съ неумолимой строгостью наказали ихъ за мятежъ; римскіе граждане и союзники поселились въ опустѣвшихъ домахъ, раздѣлили между собою земли и, при содѣйствіи гарнизоновъ, эти колонисты отрѣзали Ганнибала отъ сообщеній съ моремъ. Но онъ все таки умѣлъ удерживать своихъ воиновъ подъ знаменами, пополнять убыль въ своихъ

*) Горацій, Оды IV, 4—, изображаетъ Ганнибала говорящимъ: «Не буду посылать тебѣ, Карѳагенъ, извѣстій о побѣдахъ; погибла наша надежда, слава нашего племени, со смертью Газдрубала».

чтобы Газдрубалъ не замѣтилъ прибытія подкрѣпленій къ Ливію; воины Нерона были распредѣлены по шатрамъ Ливія; такъ что видъ стана остался прежній. Но, при всѣхъ предосторожностяхъ римскихъ консуловъ, проницательный Газдрубалъ утромъ сталъ догадываться, что къ Ливію пришли новыя войска; а когда вечеромъ сигналъ зари былъ данъ трубою въ римскомъ станѣ два раза, Газдрубалъ понялъ, что пришелъ Неронъ: по своимъ войнамъ съ римлянами въ Испаніи онъ зналъ, что когда вечерній сигналъ трубою подается два раза, это значитъ, что въ станѣ находятся два военачальника равнаго сана. Изъ того, что къ Ливію пришелъ Неронъ, Газдрубалъ вывелъ заключеніе, что Ганнибалъ разбитъ, рѣшился ночью отступить и ждать точныхъ свѣдѣній. Эта мысль погубила его. На разсвѣтѣ консулы пошли за нимъ и нашли разстроившееся во время ночнаго похода войско его на высокомъ и крутомъ берегу рѣчки Метавра; оно искало брода черезъ глубокое русло. Первый настигъ карѳагенянъ Неронъ съ конницей, потомъ пришелъ преторъ Луцій Порцій съ легкой пѣхотой, наконецъ и Ливій съ массою легіоновъ; Газдрубалу невозможно было продолжать отступленіе, онъ долженъ былъ принять битву при условіяхъ, чрезвычайно невыгодныхъ.

Битва у Метавра (при Сенѣ). 207

И Ливій, и Полибій, изъ XI книги котораго сохранился отрывокъ, разсказывающій о битвѣ у Метавра, хвалятъ выказанныя въ ней искусство и мужество Газдрубала. На лѣвомъ крылѣ противъ Нерона онъ поставилъ галловъ, которыхъ, какъ онъ думалъ, римляне считаютъ наиболѣе страшными врагами. Самъ онъ съ испанцами, старыми опытными воинами, на которыхъ особенно полагался, сталъ на правомъ крылѣ противъ Ливія. Лигуры стояли въ центрѣ, за линіею слоновъ. Битва была ожесточенная, побѣда долго колебалась и начинала, повидимому, склоняться на сторону Газдрубала, когда Неронъ, который не могъ дойдти до галловъ, имѣя на пути холмъ, мѣшавшій аттакѣ, сдѣлалъ неожиданный маневръ, доставившій побѣду римлянамъ. Утомившись бездѣйственно смотрѣть на битву, онъ взялъ часть своей пѣхоты, повелъ ее сзади остальнаго римскаго войска и внезапно напалъ на непріятеля съ фланга. Пораженіе карѳагенянъ было полное. Рѣка не давала имъ уйдти, и все ихъ войско было уничтожено; 36,000 ихъ легли на полѣ битвы, 5400 были взяты въ плѣнъ. Газдрубалъ, державшій себя геройски, не хотѣлъ пережить погибели храбрыхъ своихъ воиновъ. Увидѣвъ, что сраженіе совершенно потеряно, онъ бросился на конѣ въ ряды непріятеля и нашелъ, подобно своему отцу Гамилькару, славную смерть. Только одинъ отрядъ, состоявшій изъ лигуровъ и галловъ, ушелъ въ безпорядкѣ, безъ начальниковъ и знаменъ. Легко было бы истребить его, пославъ за нимъ конницу; но Ливій далъ этимъ бѣглецамъ уйдти, чтобъ они разсказали своимъ соплеменникамъ о пораженіи Газдрубала и храбрости римлянъ. Побѣда была куплена дорого: 8000 римлянъ и союзниковъ заплатили за нее жизнью; но она освободила Италію отъ опасности такой-же грозной, какъ та, какой подвергался Римъ, послѣ битвы при Каннахъ.

Битвою у Метавра была рѣшена судьба войны. Когда возвратив-

шійся Неронъ послалъ двухъ плѣнныхъ африканцевъ бросить у стана Ганнибала голову Газдрубала и разсказать о пораженіи войска его, Ганнибалъ печально воскликнулъ, что онъ видитъ въ судьбѣ Газдрубала предвѣстіе участи Карѳагена *). Поступокъ Нерона не дѣлаетъ чести римлянамъ: Ганнибалъ никогда не ругался надъ убитыми,—съ почетомъ похоронилъ Эмилія Павла, Гракха и Марцелла. Глубоко пораженный, онъ отступилъ въ Бруттій, гавани котораго оставались единственными путями сношеній его съ Карѳагеномъ. Въ Римѣ былъ безпредѣльный восторгъ. Три дня продолжался праздникъ благодарности богамъ, а потомъ римскій народъ сталъ возвращаться къ такому образу жизни, какъ въ мирныя времена. Число войска было уменьшено, чтобы латинскіе и римскіе поселяне занялись опять воздѣлкою своихъ заброшенныхъ нивъ. Съ тѣхъ союзниковъ, чья вѣрность Риму колебалась въ прежніе тяжелые годы, римляне стали теперь строго взыскивать недоимки податей.

Магонъ въ Лигуріи. 205

Карѳагеняне начали опасаться, что война кончится гибелью для нихъ, что римляне могутъ перевезти войска въ Африку; потому, карѳагенское правительство рѣшилось послать помощь Ганнибалу: младшій братъ его Магонъ получилъ приказаніе плыть въ Италію съ остаткомъ испанскихъ войскъ и военными запасами. Но время для такихъ экспедицій прошло: Магонъ поплылъ изъ Минорки, вышелъ на лигурійскій берегъ, разрушилъ Геную; нѣсколько галльскихъ и лигурійскихъ отрядовъ присоединились къ нему; но онъ не могъ соединиться съ Ганнибаломъ, не могъ и самъ удержаться противъ римлянъ.

4. Ганнибалъ и Сципіонъ Африканскій.

Величіе военныхъ талантовъ Ганнибала

Во времена несчастія Ганнибалъ выказалъ все величіе своихъ военныхъ талантовъ. Не получая почти никакой помощи отъ Карѳагена, имѣя въ Италіи лишь очень немногихъ союзниковъ,— только тѣ немногіе города, которые, какъ Кротонъ, были удерживаемы на его сторонѣ поставленными у нихъ его гарнизонами, или страхомъ римской мести, — онъ съ небольшимъ остаткомъ своего войска держался нѣсколько лѣтъ въ южномъ концѣ Италіи. Римляне покорили греческіе города восточнаго берега: Туріи, Локры, Регій и съ неумолимой строгостью наказали ихъ за мятежъ; римскіе граждане и союзники поселились въ опустѣвшихъ домахъ, раздѣлили между собою земли и, при содѣйствіи гарнизоновъ, эти колонисты отрѣзали Ганнибала отъ сообщеній съ моремъ. Но онъ все таки умѣлъ удерживать своихъ воиновъ подъ знаменами, пополнять убыль въ своихъ

*) Горацій, Оды IV, 4—, изображаетъ Ганнибала говорящимъ: «Не буду посылать тебѣ, Карѳагенъ, извѣстій о побѣдахъ; погибла наша надежда, слава нашего племени, со смертью Газдрубала».

рядахъ, находить продовольствіе для войска въ бруттійской области, гдѣ между горами довольно мало плодородныхъ мѣстъ. Невозможно не удивляться изобрѣтательности ума и стратегическому таланту полководца, поддерживавшаго при такихъ обстоятельствахъ дисциплину въ войскѣ, часть котораго составляли буйные бродяги, умѣвшаго предотвращать или подавлять въ зародышѣ мятежи. Римляне заняли Самній и Луканію, кроваво наказали населеніе этихъ областей за измѣну, но не отваживались напасть на африканскаго льва въ его горномъ убѣжищѣ; какъ прежде Гамилькаръ, отецъ его, сошелъ непобѣжденный съ сицилійскихъ горъ, когда карѳагенское правительство отдало Сицилію римлянамъ, такъ и Ганнибалъ покинулъ Италію непобѣжденный, когда отечество призвало его на свою защиту.

Между тѣмъ Публій Сципіонъ, довершивъ покореніе Испаніи, прогналъ карѳагенянъ изъ послѣдняго оплота ихъ, Гадеса, покорилъ силою или склонилъ любезностью къ повиновенію испанскіе народы и ихъ князей, хотѣвшихъ удержаться независимыми, устроилъ свиданіе съ энергическимъ царемъ нумидійскимъ Масиниссою, заключилъ съ нимъ тайный союзъ и обезпечилъ тѣмъ поддержку себѣ въ Африкѣ, куда задумалъ перенести войну.

Сципіонъ и Масинисса.

Масинисса былъ благодаренъ Сципіону за освобожденіе своего племянника и ужь давно чувствовалъ глубокое уваженіе къ великодушному римскому полководцу; а теперь, по романическимъ разсказамъ о жизни Сципіона, Масиннисса былъ тяжко оскорбленъ Газдрубаломъ, и эта обида окончательно возстановила его противъ Карѳагена. Знатный и богатый карѳагенскій полководецъ обѣщалъ получившему воспитаніе въ Карѳагенѣ Масиниссѣ руку своей дочери Софонисбы, красавицы, умной и очень образованной дѣвушки. Этимъ обрученіемъ онъ хотѣлъ крѣпче привязать Масиниссу къ Карѳагену; но въ то время, какъ женихъ сражался въ Испаніи за Карѳагенъ, Сифаксъ, увидѣвшій красавицу Софонисбу въ домѣ ея отца, страстно влюбился въ нее и попросилъ ея руки; Газдрубалъ купилъ начинавшую колебаться вѣрность Сифакса, отдавъ за него дочь. Мало того, что Газдрубалъ глубоко оскорбилъ Масиниссу, отнявъ у него невѣсту, онъ нанесъ ему вторую смертельную рану, принявъ, по смерти Гулы, сторону другого претендента, которому и помогъ овладѣть царствомъ. Масинисса, энергичный человѣкъ, исполинской силы и желѣзнаго здоровья, храбрый воинъ, искусный полководецъ, воротился въ Африку прогнать узурпатора изъ своего наслѣдственнаго владѣнія; но Сифаксъ и Газдрубалъ побѣдили его; онъ съ своими приверженцами ушелъ въ горы и мстилъ врагамъ опустошительными набѣгами на сосѣднія земли.

Положеніе Сципіона въ Римѣ. 205.

Возвратившись въ Римъ, Сципіонъ получилъ отъ народа въ награду за свои подвиги санъ консула на 549-й годъ отъ основанія Рима. Тотчасъ по вступленіи въ должность онъ сталъ хлопотать объ осуществленіи своего плана перенести войну въ Африку, чтобъ одолѣть непріятеля въ его собственной землѣ; но сенатъ выказалъ сопротивленіе этому намѣренію. Карѳагеняне дѣлали сильныя приготовленія къ войнѣ, послали подкрѣпленія Магону и Ганнибалу; сенату казалось, что экспедиція — дѣло слишкомъ рискованное; что раньше, нежели посылать войско туда, надобно вытѣснить враговъ

изъ Италіи. Сенаторы помнили, въ какую опасность былъ поставленъ Римъ за два года передъ тѣмъ отважными предпріятіями Сципіона; многіе подозрительно смотрѣли на гордаго честолюбца, ставившаго свою волю выше обычая и закона; сенаторы стариннаго образа мыслей и стариннаго образа жизни, какъ напримѣръ Фабій Максимъ, порицали Сципіона за пристрастіе къ греческимъ обычаямъ и къ новымъ, заимствованнымъ у грековъ понятіямъ; люди, любящіе осторожность на войнѣ, осуждали его пристрастіе къ необыкновеннымъ предпріятіямъ; приверженцы старинной римской дисциплины осуждали его за то, что онъ не поддерживаетъ ее въ войскѣ, слишкомъ снисходительно смотритъ на безпорядки въ немъ, такъ что воины доходятъ въ буйствѣ до преступленій. Когда Локры были сданы измѣной римлянамъ, легатъ Племиній, посланный туда Сципіономъ съ отрядомъ войска, дозволилъ себѣ и воинамъ такія ужасныя злодѣйства, что сенатъ, чьей защиты просили несчастные граждане, нашелъ необходимымъ строго наказать виновныхъ. Но сенаторы, хотя и не одобрявшіе замыселъ Сципіона, опасались раздражить человѣка, любимаго народомъ, не хотѣли, чтобы онъ, наперекоръ сенату, обратился къ народному собранію съ просьбой послать его въ Африку. Потому сенатъ согласился, чтобы Сципіонъ дѣлалъ въ Сициліи приготовленія къ экспедиціи въ Африку на слѣдующій годъ, когда онъ будетъ отправленъ туда, какъ проконсулъ; ему было дозволено созывать волонтеровъ изъ всей Италіи и были отданы въ распоряженіе ему остатки войска, разбитаго при Каннахъ,—тѣ воины, бѣжавшіе съ битвы, у которыхъ были отняты почетныя военныя права и съ которыми до сихъ поръ поступали презрительно; сооруженіе кораблей и военныхъ машинъ было облегчено для Сципіона тѣмъ, что сенатъ обѣщалъ прощеніе гражданамъ Арреція и другихъ этрусскихъ городовъ, выказавшихъ сочувствіе Ганнибалу въ первое время войны, если они загладятъ свои поступки добровольными пожертвованіями на снаряженіе экспедиціи. Изъ всего было ясно, что осторожный сенатъ не самъ снаряжаетъ эту экспедицію, а только дозволяетъ ее и не расположенъ жертвовать ни людьми, ни деньгами на это рискованное предпріятіе. Но имя Сципіона давало ему громадную силу. Когда онъ пригласилъ волонтеровъ плыть въ Сицилію, туда отовсюду собралось множество желающихъ участвовать въ экспедиціи, а работа по снаряженію флота была ведена такъ усердно, что въ продолженіи 40 дней у Сципіона набралось надобное ему количество военныхъ кораблей и транспортныхъ судовъ. Ветераны, уцѣлѣвшіе отъ пораженія при Каннахъ, горѣли желаніемъ возстановить свою военную честь. Какъ только позволила погода, войско сѣло на корабли въ Лилибеѣ и, при стеченіи безчисленнаго множества зрителей, флотъ поплылъ въ Африку. Охраняемый божествами моря и земли, благоволеніе которыхъ призывалъ Сципіонъ,

Приготовленія къ африканской экспедиціи въ Сициліи.

Экспедиція въ Африку. Весна 204.

принося жертвы имъ, флотъ благополучно прибылъ къ Африкѣ, и войско высадилось близъ Утики. Флотомъ начальствовалъ Гаій Лелій, квесторомъ при войскѣ былъ Маркъ Порцій Катонъ, сражавшійся подъ начальствомъ старика Фабія при Тарентѣ, бывшій съ Клавдіемъ Нерономъ въ битвѣ у Метавра. Узнавъ о томъ, что Сципіонъ вышелъ на берегъ, Масинисса пришелъ къ нему съ 200 отважныхъ всадниковъ. Отрядъ его былъ малъ, но своимъ талантомъ и знаніемъ мѣстности Масинисса оказалъ римлянамъ важныя услуги. Непріятель приготовился къ оборонѣ: карѳагеняне снарядили сильный флотъ, многочисленное войско; набрали наемниковъ, взяли рабовъ на службу, наловили много слоновъ, назначили главнокомандующимъ опытнаго испанскаго полководца Газдрубала, сына Гискона. Но, пользуясь совѣтами Масиниссы, римляне одержали побѣду въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, и Сципіонъ подступилъ къ Утикѣ; осадивъ ее, онъ встрѣтилъ упорное сопротивленіе: стѣны были крѣпки, граждане оборонялись мужественно; послѣ 40 дневной осады онъ принужденъ былъ отступить. Онъ надѣялся помѣстить своихъ воиновъ на зиму въ этомъ городѣ; потерпѣвъ неудачу, онъ расположился зимнимъ станомъ на скалистомъ мысѣ, вдающемся въ море на востокѣ отъ Утики; это мѣсто сохранило еще во времена Цезаря названіе «Корнеліева стана». Сифаксъ пришелъ къ Газдрубалу съ 50.000 челов. пѣхоты и 10.000 конницы; такое многочисленное вспомогательное войско дало бы перевѣсъ карѳагенянамъ, если бы Сифаксъ былъ добросовѣстнымъ союзникомъ. Но онъ не хотѣлъ дѣлать римлянъ непримиримыми врагами себѣ и сталъ играть роль посредника, въ надеждѣ сдѣлаться рѣшителемъ событій, извлечь себѣ большія выгоды. Онъ ошибся: Сципіонъ разгадалъ его хитрость и перехитрилъ его. Римскій полководецъ велъ переговоры, пока нашелъ случай исполнить искусно составленный планъ. Мы видѣли въ исторіи Агаѳокла (стран. 401), что карѳагеняне и нумидійцы устроивали свои станы очень неосторожно: воины дѣлали себѣ жилища изъ матеріала, какой попадался подъ руки, и располагали ихъ безъ всякаго порядка: это были шалаши изъ хвороста, крытые тростникомъ, шатры, плетеные изъ соломы, простые тростниковые навѣсы. Сципіонъ послалъ ночью зажечь непріятельскій станъ; воины въ безпорядкѣ бѣжали изъ пламени, быстро охватившаго всѣ ихъ жилища и римскіе когорты убивали ихъ, бѣгущихъ безъ оружія. Сифаксъ и Газдрубалъ съ частью конницы успѣли уйдти, пополнили убыль новымъ наборомъ, черезъ нѣсколько времени приплыли къ нимъ изъ Испаніи многочисленные кельтиберскіе отряды; Филиппъ Македонскій тайно прислалъ имъ нѣсколько войскъ. Они собрали такія силы, что предложили непріятелю битву. Сципіонъ принялъ ее. Она произошла въ пяти переходахъ отъ Утики, была кровопролитна; испанскія войска сражались храбро, но римляне одержали побѣду. Бѣжавшій Сифаксъ

Сожженіе карѳагенскаго стана.

Битва при Утикѣ.

былъ настигнутъ Масиниссою и въ оковахъ приведенъ къ Сципіону. Онъ былъ отвезенъ въ Римъ и скоро умеръ тамъ. Его столица Цирта сдалась безъ сопротивленія. Софонисба, находившаяся въ этомъ городѣ, надѣялась спастись отъ мщенія римлянъ бракомъ съ Масиниссой, но она ошиблась. Сифаксъ злобно выставилъ ее виновницей своего отпаденія отъ союза съ Римомъ. По его словамъ, онъ не могъ устоять противъ ея обольстительныхъ рѣчей, не устоитъ противъ нихъ и Масинисса. Вѣря этому, Сципіонъ потребовалъ отъ Масиниссы ея выдачи; она гордо предпочла выпить кубокъ съ ядомъ, поданный ей Масиниссою. Этой жертвой Масинисса купилъ себѣ довѣріе и покровительство Сципіона. Римскій полководецъ возвратилъ ему царство и оказывалъ разныя почести.

Софонисба.

Послѣ такихъ ударовъ карѳагенянамъ было необходимо или заключить миръ на условіяхъ, какія предпишетъ побѣдитель, или вызвавъ Магона и Ганнибала изъ Италіи, собрать послѣднія силы для отчаянной борьбы. Аристократическая партія, начавшая говорить теперь громче прежняго, требовала мира; ея вліяніе было такъ велико, что правительство вступило съ римлянами въ переговоры о перемиріи и мирѣ. Римскій сенатъ предоставилъ дѣло рѣшенію Сципіона; онъ потребовалъ, чтобы карѳагеняне уступили римлянамъ всѣ владѣнія за предѣлами Африки, отдали всѣ военные корабли, кромѣ 20, предоставили Масиниссѣ, кромѣ его царства, и царство Сифакса, заплатили римлянамъ огромную сумму въ вознагражденіе за военные расходы. Карѳагенское правительство тотчасъ-же приняло эти условія и отправило въ Римъ пословъ получить утвержденіе ихъ отъ сената. Но партія, поддерживавшая Ганнибала и его фамилію, имѣла перевѣсъ въ массѣ народа; она полагала, что честь родины и ея собственное вліяніе требуютъ не заключать мира безъ согласія Ганнибала; хотѣла чтобы онъ и его братъ были вызваны изъ Италіи; она говорила, что сами римляне показали примѣръ возможности преодолѣть всѣ бѣдствія непоколебимымъ патріотизмомъ; что Карѳагенъ не долженъ униженно просить пощады у враговъ, когда Ганнибалъ и Магонъ еще стоятъ не побѣжденные въ Италіи; что Ганнибалъ на родинѣ будетъ сражаться за нее съ такой-же геніальностью, какъ у Тразименскаго озера и при Каннахъ. Опираясь на народъ, эта партія вынудила правительство исполнить ея требованіе. Прежде, чѣмъ воротились послы, которымъ римскій сенатъ далъ уклончивый отвѣтъ, Магонъ и Ганнибалъ получили приказаніе возвратиться на родину. Магонъ передъ тѣмъ временемъ былъ разбитъ въ землѣ инсубровъ и оттѣсненъ на лигурійскій берегъ; онъ немедленно послѣдовалъ призыву, выводившему его изъ безнадежнаго положенія, но на переѣздѣ въ Африку умеръ отъ раны, полученной имъ въ несчастномъ сраженіи, въ которомъ онъ бился геройски. Ганнибалъ съ негодованіемъ и слезами покинулъ страну, побѣды въ которой про-

Переговоры.

Карѳагеняне вызываютъ въ Африку Ганнибала и Магона.

славили его. Онъ въ послѣднее время стоялъ въ Кротонѣ, все еще надѣясь, что Филиппъ Македонскій пришлетъ ему помощь. Съ карѳагенскими и италійскими воинами онъ сѣлъ теперь на корабли, приготовленные для него, и поплылъ въ отечество, котораго не видѣлъ съ дѣтства. Онъ взялъ съ собой только лучшихъ воиновъ, другихъ, вѣроятно, оставилъ гарнизонами въ немногихъ городахъ, еще не отнятыхъ у него римлянами и ожидавшихъ теперь подвергнуться мщенію ихъ. Очень жаль, что погибли мѣдныя доски, на которыхъ онъ перечислялъ главныя событія войны и которыя поставилъ на лацинійскомъ мысѣ у Кротона; быть можетъ, онѣ сняли бы многія пятна съ его имени. Такъ, напримѣръ, римскіе писатели говорятъ, будто передъ отъѣздомъ онъ велѣлъ убить въ храмѣ Юноны Лацинійской тѣхъ италійскихъ воиновъ, которые не захотѣли ѣхать съ нимъ. Когда Ганнибалъ вышелъ на берегъ у Лептиды, партія войны въ Карѳагенѣ одушевилась новой надеждой; Газдрубалъ, сынъ Гискона, совѣтовавшій помириться съ римлянами, былъ удаленъ отъ начальства надъ войскомъ и заочно осужденъ на смерть по обвиненію въ томъ, что дурно велъ войну и входилъ въ измѣнническія сношенія съ непріятелемъ; перемиріе было нарушено захватомъ нѣсколькихъ римскихъ кораблей и оскорбленіемъ римскихъ пословъ. Раздраженный этимъ Сципіонъ двинулся изъ своего тунесскаго стана и пошелъ, опустошая страну, къ Гадрумету, гдѣ Ганнибалъ собралъ новыя войска и заключилъ договоръ съ туземными князьями, чтобы получить отъ нихъ лошадей и отряды конницы. Сципіонъ въ своемъ гнѣвѣ разрушалъ селенія и захватывалъ въ плѣнъ жителей. Ганнибалъ, вызвавъ къ себѣ отрядъ волонтеровъ, сформированныхъ Газдрубаломъ и другія разбросанныя по разнымъ мѣстамъ войска, увеличивъ свои силы войсками привлеченныхъ славой его имени и надеждой на добычу ливійскихъ князей, въ томъ числѣ Вермины, сына Сифакса, и сдѣлавъ походъ въ царство Масиниссы, пошелъ на встрѣчу Сципіону, чтобы рѣшить на африканской землѣ судьбу войны, которую началъ въ Испаніи и такъ успѣшно велъ въ Италіи. Мы не можемъ съ точностью опредѣлить ту мѣстность, на которой сошлись войска. Передъ битвой Ганнибалъ пригласилъ Сципіона лично переговорить съ нимъ; в свиданіи на одномъ изъ холмовъ между войсками онъ убѣждалъ Сципіона заключить миръ на условіяхъ менѣе тяжелыхъ для Карѳагена, чѣмъ прежнія требованія, говорилъ ему о надобности быть умѣреннымъ, ссылаясь въ примѣръ на перемѣны счастія, какія испыталъ самъ. Древніе писатели, любящіе реторику, краснорѣчиво описываютъ это свиданіе полководцевъ, въ чьихъ рукахъ находилось тогда рѣшеніе судьбы могущественнѣйшихъ государствъ того времени и которые готовились теперь къ первой борьбѣ между собою. Нѣсколько времени они молча смотрѣли другъ на друга, проникнутые взаимнымъ уваженіемъ. Желаніе Ганнибала

Сципіонъ и Ганнибалъ.

примириться осталось напраснымъ, потому что къ прежнимъ своимъ требованіямъ Сципіонъ прибавилъ новыя въ наказаніе карѳагенянамъ за нарушенія перемирія и оскорбленіе пословъ. Свиданіе кончилось рѣшеніемъ сразиться, и произошло кровавое сраженіе, называемое обыкновенно битвою при Замѣ; Ганнибалъ расположилъ войско искусно, старые воины его бились очень храбро, но битва кончилась пораженіемъ карѳагенянъ.

Битва при Замѣ 203.

На флангахъ стояла конница и на обоихъ флангахъ бой скоро кончился въ пользу римлянъ, потому что, по присоединеніи къ нимъ Масиниссы, ихъ конница была сильнѣе, а слоны, поставленные Ганнибаломъ передъ фронтомъ конницы, остались безполезны: Сципіонъ расположилъ свои войска такъ, что они попали въ интервалы между отрядами, бросились въ сторону, разстроили свою конницу и помогли римлянамъ обратить ее въ бѣгство. Но битва между пѣхотою, стоявшею на обѣихъ сторонахъ тремя линіями, долго оставалась нерѣшительной; первая линія и на той и на другой сторонѣ разстроилась въ ожесточенной схваткѣ, начинала разстроивать своимъ безпорядкомъ вторую линію и у римлянъ, и у карѳагенянъ. Но Сципіонъ быстро собралъ своихъ воиновъ первой линіи и поставилъ ихъ между второю линіею, шедшею въ бой и третьей; а въ разноплеменномъ войскѣ Ганнибала вторая линія, состоявшая изъ карѳагенскихъ гражданъ, пришла въ разстройство и билась такъ нерѣшительно, что лигурійскіе и галльскіе наемники, составлявшіе первую линію заподозрили карѳагенянъ въ измѣнѣ и начали сражаться съ ними; Ганнибалъ развелъ обѣ первыя линіи по флангамъ и сосредоточилъ въ центрѣ своихъ италійскихъ ветерановъ, составлявшихъ третью линію. Бой возобновился съ ожесточеніемъ; на обѣихъ сторонахъ было много воиновъ, сражавшихся между собою при Каннахъ. Римскіе ветераны хотѣли отмстить теперь за свое пораженіе и возстановить свою военную честь; ветераны Ганнибала хотѣли доказать имъ, что въ 14 лѣтъ, которыя прошли со времени битвы при Каннахъ, они еще не утратили силы. Но ихъ было меньше, чѣмъ римлянъ; а когда римская и нумидійская конница, гнавшаяся за карѳагенской, вернулась на поле битвы, они были окружены со всѣхъ сторонъ врагами и подавлены превосходствомъ числа.

Теперь бой скоро кончился. Большинство карѳагенскихъ воиновъ легло на полѣ битвы. Тѣ, которые бѣжали, были растоптаны непріятельской конницей или взяты въ плѣнъ. Ганнибалъ съ нѣсколькими всадниками ускакалъ въ Гадруметъ; собравъ тамъ остатки войска, онъ поѣхалъ въ Карѳагенъ, самъ объявить тамъ, что битва проиграна,—проиграна и война. Конечно, сердце его обливалось кровью, когда онъ, побѣжденный, вступилъ послѣ 36-лѣтняго отсутствія въ родной городъ, которому теперь предстояло подвергнуться судьбѣ, какой хотѣлъ подвергнуть онъ Римъ. Терзаемый раздорами партій, лихорадочными тревогами массы населенія, Карѳагенъ не могъ долго выдержать осаду. Толпа подозрѣвала повсюду измѣну; ея раздраженіе было такъ ужасно, что Газдрубалъ, тайно возвратившійся въ городъ и узнанный народомъ, бѣжалъ отъ ярости его въ свою фа-

мильную гробницу и отравился; толпа потащила его тѣло по улицамъ, отрубила голову трупа, воткнула на шестъ и носила по городу. Положеніе дѣлъ было отчаянное, и Ганнибалъ посовѣтовалъ своимъ соотечественникамъ примириться съ римлянами, какова бы ни была суровость изъ требованій. 30 сенаторовъ были отправлены въ Тунесъ, въ станъ Сципіона; главою посольства былъ Ганнонъ. Карѳагеняне просили пощады; Сципіонъ далъ имъ пощаду; правда, на условіяхъ, которыя были еще суровѣе прежнихъ его требованій. Карѳагеняне должны были отказаться отъ Испаніи, отъ всѣхъ острововъ Средиземнаго моря, оставить у себя только 10 триремъ, всѣ другіе свои военные корабли отдать римлянамъ, предоставить Масиниссѣ все Нумидійское царство и всѣ владѣнія, какія когда нибудь принадлежали его предкамъ въ Карѳагенскомъ государствѣ; не набирать войска, не вести войны ни въ Африкѣ, ни въ другихъ странахъ безъ разрѣшенія римлянъ и въ продолженіе 50 лѣтъ платить римлянамъ ежегодно по 200 талантовъ (около 400,000 рублей). Не имѣя силы продолжать войну, Карѳагенъ покорился этимъ условіямъ мира, которыя, если не по формѣ, то на дѣлѣ лишали государство независимости, дѣлали его данникомъ Рима, отнимали у него всякую свободу дѣйствій, давали ему могущественнаго сосѣда, интересы котораго были тожественны съ римскими. Въ Римѣ сначала многіе не хотѣли утверждать условій мира, данныхъ Карѳагену Сципіономъ; раздавались уже и тогда голоса, говорившіе, что для безопасности Рима необходимо разрушить Карѳагенъ; но болѣе умѣренное мнѣніе наконецъ восторжествовало. Миръ былъ утвержденъ римскимъ народомъ. Сципіонъ сжегъ карѳагенскій флотъ, поставилъ царемъ надъ всею Нумидіею своего сподвижника Масиниссу, принялъ его въ число друзей рода Сципіоновъ и возвратился въ Римъ. Вермина, сынъ Сифакса, униженно просилъ милости римлянъ и въ слѣдующемъ году они дали ему маленькую долю царства его отца.

Миръ.

Сципіонъ и Ганнибалъ по заключеніи мира.

Сципіонъ не захотѣлъ разрушить Карѳагенъ, удовольствовался тѣмъ, что сдѣлалъ его беззащитнымъ торговымъ городомъ, усмирилъ гордость вельможъ его, — это показываетъ, что онъ былъ человѣкъ благородный и одаренный проницательнымъ политическимъ умомъ. Его душѣ была чужда мысль, что для величія его родины необходимо превратить въ развалины столицу культурнаго государства, бывшую соперницей Рима. Великую честь Ганнибалу дѣлаетъ то, что онъ, подавляя въ себѣ наслѣдственную ненавистъ къ Риму, совѣтовалъ заключить миръ и, хотя предвидѣлъ, что этотъ миръ лишитъ вліянія на дѣла его партію и его самого, но убѣдилъ роптавшій народъ покориться необходимости. Горячій патріотъ, онъ желчно осмѣивалъ своекорыстіе и близорукую политику торговыхъ вельможъ, думавшихъ только о золотѣ. Ливій говоритъ, что, когда былъ отправляемъ въ Римъ первый взносъ контрибуціи, карѳагенскіе сенаторы плакали; Ганнибалъ засмѣялся; одинъ изъ сенаторовъ сказалъ, что не слѣдуетъ смѣяться ему, виновнику бѣдствія. Онъ отвѣчалъ: „Вы должны были бы плакать тогда, когда у васъ брали оружіе, жгли ваши корабли, запретили вамъ воевать, потому что тою раною былъ нанесенъ смертельный ударъ“.

5. Положеніе дѣлъ послѣ второй пунической войны.

Слѣдствія второй пунической войны 1. Въ Италіи.

Кончивъ дѣла въ Африкѣ, Сципіонъ черезъ Лилибей возвратился въ Римъ. По многолюднымъ городамъ Италіи съ восторгомъ встрѣчали побѣдителя, которому дано было названіе Африканскаго; радостенъ былъ Римъ, когда Сципіонъ, при стеченіи народа, совершалъ тріумфальное шествіе по украшеннымъ улицамъ въ Капитолій принести благодарность Юпитеру, направлявшему его руку къ побѣдамъ; воины его получили богатыя награды и возвратились къ своимъ семействамъ вести обезпеченную жизнь въ свобожденномъ отечествѣ или разошлись по Апуліи и Самнію основывать новыя хозяйства на данныхъ имъ участкахъ земли. Римскіе и латинскіе граждане, дожившіе до конца гигантской борьбы, могли съ гордостью вспоминать прошедшее, смѣло смотрѣть на будущее. Твердость въ счастьи и несчастьи, преданность государству, не щадящая никакихъ жертвъ, восторжествовала надъ всѣми опасностями, всѣми бѣдствіями. Римляне въ этой войнѣ вторично завоевали Италію, и мѣры, принятыя теперь ими, показывали, что они считаютъ себя полными господами ея. Сенатъ наказалъ тѣ города и племена, которыя измѣнили Риму или держали себя двусмысленно: у нихъ были отняты прежнія права, они были совершенно подчинены римскому управленію. Такъ напримѣръ были наказаны многіе города и сельскія общины этрусковъ, апулійцевъ, луканцевъ, самнитовъ, другихъ племенъ; у нихъ была отнята часть ихъ земель и роздана участками римскимъ колонистамъ или оставлена государственнымъ имуществомъ, которымъ пользовались въ особенности богатые граждане Рима; изъ союзниковъ эти города и племена сдѣлались подданными; сенатъ послалъ коммиссаровъ разыскивать и наказывать людей, виновныхъ въ измѣнѣ, передать управленіе общинными дѣлами въ руки людей, преданныхъ Риму. Въ приморскихъ греческихъ городахъ были поселены римскіе и латинскіе колонисты; права этихъ городовъ были уменьшены, греческая національность въ нихъ ослабѣла, они быстро стали клониться къ упадку. Особенно сурово было наказаніе кампанцевъ и бруттійцевъ, которые были самыми вѣрными союзниками Ганнибала. По взятіи Капуи, плодородная область этого города была обращена въ римскую общественную землю, и государство, раздѣливъ ее на мелкіе участки, стало отдавать ихъ въ аренду. Бруттійцы были лишены права поступать въ число воиновъ, сдѣланы поселянами, лишенными политическихъ правъ. Ихъ судьба была такъ тяжела, что земледѣліе въ ихъ области замѣнилось скотоводствомъ, свободные поселяне обнищали, исчезли; ихъ мѣсто было занято рабами. Сурова была и судьба пицен-

товъ, жившихъ по Силару: главный городъ ихъ былъ разрушенъ, жители его были переведены жить въ селеніяхъ и для надзора за ними построена крѣпость Салернъ. Кампанія сдѣлалась любимымъ мѣстомъ лѣтней жизни знатныхъ римлянъ, построившихъ себѣ сельскіе дома у прекраснаго залива, гдѣ стоялъ городъ Баіи; приморскій городъ Путеолы близъ того мѣста, гдѣ стояли Кумы, сдѣлался центромъ торговли восточными предметами роскоши, сирійскими туалетными маслами и египетскимъ полотномъ. Но торжество римлянъ было куплено дорого: много храбрыхъ гражданъ легло на поляхъ битвъ, во многихъ домахъ угасъ священный огонь на очагѣ; число римскихъ гражданъ уменьшилось почти на четвертую долю; послѣ пораженія при Каннахъ оставались въ живыхъ только 123 сенатора, и составъ сената съ трудомъ былъ пополненъ назначеніемъ новыхъ. Семнадцатилѣтняя война раззорила Италію, испортила нравы ея населенія; около 400 городовъ было сожжено или разрушено; сельскіе дома были разграблены и сожжены, нивы опустошены; долгая походная жизнь пріучила людей къ буйству; прежняя простота сельскихъ нравовъ была уничтожена долгими стоянками въ богатыхъ, роскошныхъ непріятельскихъ городахъ. Многія изъ бѣдствій, нанесенныхъ войною, изгладились съ теченіемъ времени: нивы снова были воздѣланы, покрылись обильными жатвами, вмѣсто упавшихъ греческихъ городовъ развились римскія колоніи, по приморью и вдали отъ моря. Оскудѣвшая государственная казна быстро наполнилась контрибуціями и конфискаціями. Но нѣкоторыя изъ гибельныхъ слѣдствій войны никогда не исцѣлились, переходили, какъ наслѣдственная болѣзнь, отъ поколѣнія къ поколѣнію: общины, лишенныя своихъ правъ, утратили любовь къ родинѣ; трудовая жизнь земледѣльца стала казаться тяжела новому поколѣнію; поселяне покидали земледѣліе, предпочитали бѣдному быту пастуховъ и землепашцевъ бродячую жизнь воина, торговца, откупщика. Земледѣліе падало, вытѣснялось скотоводствомъ; пастухами были не граждане, а рабы; Италія перестала производить хлѣбъ въ достаточномъ для себя количествѣ, должна была питаться хлѣбомъ, привозимымъ изъ Египта и Сициліи; этотъ иноземный хлѣбъ, сложенный въ государственные магазины, правительство продавало гражданамъ по дешевой цѣнѣ. Италійскій поселянинъ не имѣлъ интереса добывать изъ своей земли тяжелымъ трудомъ то, что легче и дешевле могъ получить отъ государства. Новое поколѣніе пристрастилось къ военной службѣ, опасности и лишенія которой вознаграждались наслажденіями, почестями, добычею. Мысли италійцевъ носились далеко отъ родины; сельское хозяйство на мелкихъ участкахъ исчезло; тихая, скромная домашняя жизнь скоро стала лишь воспоминаніемъ старины.

2. Въ Испаніи. Упроченіе римскаго владычества надъ италійскими племенами было не единственнымъ и не самымъ важнымъ послѣдствіемъ второй пу-

нической войны: она дала новое направленіе римской политикѣ. До нея честолюбіе Рима ограничивалось стремленіемъ покорить Италію и сосѣдніе острова; послѣ побѣды надъ Карѳагеномъ это желаніе получило размѣръ, гораздо болѣе широкій, хотя вѣроятно еще не казалось тогда возможно римлянамъ думать о покореніи всѣхъ извѣстныхъ имъ народовъ, какъ стали они думать въ слѣдующемъ столѣтіи. Они овладѣли Испаніей, о чемъ и не мечтали до войны; прогнали оттуда финикійскихъ и карѳагенскихъ колонистовъ, силою оружія или договорами покорили себѣ туземцевъ и приняли мѣры къ сохраненію того, что дала имъ храбрость и неожиданная удача. Испанія была присоединена къ римскому государству и раздѣлена на двѣ провинціи; одна провинція охватывала земли по рѣкѣ Эбро (нынѣшнія Аррагонію и Каталонію); другая была составлена изъ прежнихъ карѳагенскихъ владѣній (нынѣшнихъ Андалузіи, Гранады, Мурсіи, Валенсіи); прежде у римлянъ было двѣ провинціи, теперь ихъ стало четыре. Туземцы долго не давали римлянамъ спокойно пользоваться господствомъ въ Испаніи; то одно племя, то другое подымало мятежъ; римлянамъ приходилось нѣсколько разъ вновь завоевывать горныя области, имѣвшія воинственное населеніе; но Испанія, благодаря плодородію южныхъ частей ея, изобилію золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ, о которыхъ слышалъ даже Іуда Маккавей (1 кн. Мак. VIII, 3), была драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ для Рима, получавшаго дань съ племенъ ея и бравшаго въ свою службу храбрыхъ испанскихъ юношей.

Приморскія колоніи грековъ и финикіянъ, какъ напримѣръ, Эмпоріи (II, 218), Тарраконъ, Сагунтъ, Новый Карѳагенъ, Малака, Гадесъ, скоро и охотно подчинились римлянамъ, покровительство которыхъ ограждало ихъ отъ нападеній хищныхъ туземцевъ; кельтиберскія племена центральной Испаніи ненавидѣли римское иго, но, враждуя между собою, не могли поднять общаго возстанія, и римляне одолѣвали ихъ порознь. Тѣ племена, которыя уже достигли нѣкоторой цивилизаціи, какъ напримѣръ турдетаны, жившіе около нынѣшней Севильи, скоро приняли римскую культуру и занялись земледѣліемъ, горнымъ дѣломъ, городской промышленностью. Турдетаны усвоили себѣ римскіе обычаи, законы, языкъ, хотя имѣли свой старинный сборникъ законовъ, написанный стихами, имѣли старыя пѣсни, другія изустныя преданія о старинѣ. Дольше противились римскому вліянію храбрыя племена центральныхъ, западныхъ и сѣверныхъ горъ, считавшія по обычаю старины храбрость и физическую силу важнѣйшими достоинствами человѣка и бившіяся, подобно галламъ, на поединкахъ. Красивая дѣвушка у нихъ сама предлагала храброму юношѣ жениться на ней, и мать, отпуская сына на войну, ободряла его разсказами о подвигахъ предковъ. Вообще эти племена проводили время въ дракахъ между собою, а когда не было драки съ сосѣдями, храбрецы шли грабить дальнія земли или уходили на службу иноземцамъ. Въ одиночномъ бою они мужественно сражались своими короткими мечами, которые впослѣдствіи ввели у себя римляне; натискъ ихъ густыхъ колоннъ былъ ужасенъ, но они не могли отбиться отъ римскаго владычества. Они искусно вели партизанскую войну, издавна привычную имъ, но въ
правильныхъ сраженіяхъ не могли устоять противъ римской пѣхоты. Через четыре 197
года по заключеніи мира съ Карѳагеномъ, когда римскіе легіоны сражались въ Маке-

донін, обѣ испанскія провинціи возстали противъ римлянъ и очень тѣснили остававшіяся въ Испаніи римскія войска. Но консулъ Маркъ Порцій Катонъ разбилъ инсургентовъ въ кровопролитной битвѣ между Эмпоріями и Тарракономъ, снова покорилъ
195 Испанію, отобралъ оружіе у всѣхъ возмутившихся племенъ, увелъ огромныя толпы
испанцевъ на невольничій рынокъ и тѣмъ надолго упрочилъ въ Испаніи спокойствіе. Оно велѣлъ срыть въ одинъ день стѣны всѣхъ городовъ отъ Пиреней до Гвадалквивира и принялъ такія мѣры, что это приказаніе дѣйствительно было исполнено. По его выраженію, онъ покорилъ въ Испаніи больше городовъ, чѣмъ сколько дней прожилъ тамъ. Возстанія покоренныхъ племенъ, набѣги лузитанцевъ, жившихъ въ нынѣшней Португаліи, и другихъ горцевъ принуждали римлянъ постоянно держать на пиренейскомъ полуостровѣ четыре легіона (около 40000 человѣкъ, большинство которыхъ составляли латинскіе союзники). Располагая такимъ многочисленнымъ войскомъ даровитые полководцы, какъ напримѣръ преторъ Гай Кальпурній и въ особенности Тиберій Гракхъ,
185 человѣкъ храбрый, умный и добрый, постепенно усмирили испанцевъ. Гракхъ сталъ
основывать въ горныхъ областяхъ города и раздавать земли земледѣльцамъ, пріучая
179—178 населеніе къ осѣдлой жизни, старался завлекать князей и ихъ ближайшихъ товарищей
на службу въ римскія войска; это приносило большую пользу римскому владычеству, и слѣдующіе правители поступали по примѣру, поданному Гракхомъ. Римляне охотно заключали съ испанскими племенами договоры на легкихъ для нихъ условіяхъ, брали съ нихъ подати въ размѣрѣ не обременительномъ, давали испанскимъ городамъ большія права, напримѣръ даже право чеканить монету; этою благоразумною политикой были мало по малу превращены возстанія, и римское владычество упрочилось. Гракха очень хвалили и въ Римѣ, и въ Испаніи; его тріумфъ былъ блистателенъ, какъ говоритъ Аппіанъ.

3. Въ сѣверной Италіи.

Еще больше, чѣмъ о покореніи Испаніи, римляне заботились объ упроченіи своего владычества въ сѣверной Италіи, населенной кельтами, и о латинизированіи ихъ. Они начали это дѣло передъ второю пуническою войною; она остановила его. Теперь у сената были благовидные мотивы довершить покореніе кельтовъ, которые радостно приняли Ганнибала. Инсубры, бои, лигуры сражались въ войскахъ его, Газдрубала, Магона; по отъѣздѣ Магона въ Африку въ сѣверной Италіи остался кароагенскій отрядъ, подъ начальствомъ Гамилькара, и возбуждалъ кельтовъ продолжать войну. Все это давало достаточное оправданіе отправленію римскихъ войскъ противъ галловъ. Общая опасность соединила ихъ племена. Даже ценоманы, издавна бывшіе союзниками римлянъ, увлеклись національнымъ порывомъ, приняли участіе въ борьбѣ за свободу. Большое галльское войско, главную часть котораго составляли инсубры и бои, пошло на границу отра-
200. жать римскіе легіоны. Галлы осадили римскія укрѣпленныя колоніи,
Плаценцію и Кремону. Плаценцію они взяли, и только 2,000 человѣкъ изъ ея населенія успѣли спастись. Подъ стѣнами Кремоны была дана кровопролитная битва, въ которой римское военное искусство одолѣло нестройныя толпы галловъ и былъ убитъ Гамиль-
199. каръ. Но это пораженіе не поколебало мужества галловъ. То самое
войско, которое побѣдило подъ Кремоной, было въ слѣдующемъ году почти совершенно истреблено инсубрами, воспользовавшимися неосторожностью римскаго военачальника. Но инсубры и бои поссо-

рились; ценоманы постыдно измѣнили своимъ соплеменникамъ въ битвѣ на Минціѣ и этимъ предательствомъ купили себѣ прощеніе у римлянъ. Послѣ того римляне стали одолѣвать другихъ галловъ. Главный городъ инсубровъ, Комъ, былъ взятъ римлянами; изнуренные инсубры заключили миръ съ побѣдителями. Римляне оставили 196.
имъ ихъ независимое управленіе, старые законы, прежнее раздѣленіе страны по племенамъ, подъ тѣмъ условіемъ, что они будутъ вѣрны Риму и будутъ охранять альпійскіе проходы отъ вторженія хищныхъ сѣверныхъ племенъ. Ценоманы также сохранили свое независимое управленіе. Такимъ образомъ населеніе страны между По и Альпами удержало болѣе самостоятельности, чѣмъ племена къ югу отъ По; оно не было присоединено къ римскому государству; было даже постановлено, что никто изъ галловъ, живущихъ за рѣкою По, не можетъ становиться римскимъ гражданиномъ. Кажется, транспаданскіе галлы не были обязаны давать войско римлянамъ и не платили дани Риму. Ихъ обязанностью было охраненіе альпійскихъ проходовъ; они были для римлянъ гарнизономъ, стерегущимъ естественную границу Италіи. Но вліяніе римской культуры, римскаго языка было такъ сильно, что скоро и за рѣкою По совершенно исчезла кельтская народность; галлы и тамъ, надѣвъ тогу, усвоили себѣ римскіе обычаи и языкъ. Такимъ образомъ Альпы стали не только географическимъ оплотомъ, но и національной границею. Римляне чрезвычайно заботились о томъ, чтобы черезъ проходы этихъ горъ не проникали въ Италію варварскія племена.—Иначе поступили римляне съ кельтами на югъ отъ По, въ особенности съ храбрыми боіями, старыми своими врагами. Въ Римѣ было рѣшено истребить боіевъ, какъ были истреблены сеноны (стр. 148 и слѣд.). Угадывая это намѣреніе, боіи оборонялись съ мужествомъ отчаянія, и римлянамъ было трудно исполнить свой планъ. Не разъ римскіе легіоны видѣли себя въ очень большой опасности; не разъ угрожало новое разрушеніе возстановленной Плаценціи. Но наконецъ въ долгой, ожесточенной битвѣ при 193.
Мутинѣ погибли всѣ воины боіевъ, такъ что побѣдоносные военачальники въ своемъ отчетѣ сенату говорили: «отъ народа боіевъ остаются только старики и дѣти». У побѣжденныхъ была отнята половина земли. Въ завоеванной области были основаны военныя колоніи: Мутина, Бононія, Парма; вліяніе этихъ городовъ на остатки туземнаго населенія было такъ сильно, что черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ потомки боіевъ слились въ одинъ народъ съ побѣдителями и самое имя ихъ племени стало лишь историческимъ воспоминаніемъ. Точно также поступили римляне на западѣ съ хищными лигурами, между Арно и Макрою: вся эта земля была очищена отъ туземнаго населенія; часть его была истреблена, другая переселена въ южную Италію. Бѣдные горцы просили не разлучать ихъ съ родиной, съ домами, въ которыхъ они родились, съ гробницами ихъ отцовъ;

эта мольба не была услышана. Они были отведены съ женами, дѣтьми, имуществомъ въ Самній. Былъ основанъ приморскій городъ Лỳна, была проведена Эмиліева дорога, были проложены другія дороги, и по новопріобрѣтенной области скоро распространилась римская культура.

Большая торговая и военная дорога шла по морскому берегу отъ Пизы черезъ Геную до подошвы приморскихъ Альпъ, отъ которыхъ массалійцы проложили дорогу черезъ южную Галлію въ Испанію. Походы римлянъ на бѣдныя, воинственныя племена лигурійскихъ горъ, долинъ и скалъ имѣли главною цѣлью обезпеченіе этой приморской дороги отъ хищническихъ набѣговъ. Съ лигурами и съ дикими горными племенами Корсики
177. и Сардиніи римляне должны были постоянно воевать даже и послѣ того, какъ Тиберій
Гракхъ разбилъ въ большой битвѣ сардинскихъ горцевъ и послалъ на продажу въ рабство такое множество ихъ, что вошло въ поговорку выраженіе: «дешево, какъ сардинецъ». Привыкши къ необузданной свободѣ и непрерывнымъ дракамъ, они ежеминутно были готовы возстать и часто доставляли римскимъ полководцамъ случаи удостоиваться тріумфовъ, надъ которыми однако-же римляне смѣялись, по ничтожности побѣжденныхъ
154. враговъ. Лигуры, жившіе въ горахъ надъ Никеею (Ниццею) и Антиполемъ (Антибомъ),
были, послѣ множества сраженій, въ которыхъ римляне иногда теряли много людей,
143. принуждены дать заложниковъ массалійцамъ и платить имъ дань. Черезъ 11 лѣтъ были
покорены римлянами и воинственные салассы, жившіе на Дорѣ Бальтіи. Они были принуждены отдать римлянамъ находившіеся въ ихъ землѣ золотые рудники и розсыпи, которые стали разработываться въ пользу римской казны. Для охраны западнаго прохода черезъ Альпы, римляне впослѣдствіи основали колонію Эпоредію (Иврею).

Патріотическая дѣятельность Ганнибала.

Межъ тѣмъ какъ Римъ употреблялъ первые годы послѣ мира съ Карѳагеномъ на упроченіе своего владычества надъ Италіей, на полное покореніе испанскаго полуострова, Сардиніи, Корсики, господство надъ которыми отдавало въ его власть весь западъ Средиземнаго моря; межъ тѣмъ какъ онъ, вмѣшиваясь въ раздоры грековъ съ македонянами, подготовлялъ расширеніе своихъ владѣній на Востокѣ, не бездѣйствовали и карѳагеняне; они старались реформами и приведеніемъ финансовъ въ порядокъ исцѣлить глубокія раны, нанесенныя войною и отчасти успѣли въ этомъ, хотя дѣло очень затруднялось раздорами партій въ Карѳагенѣ и нападеніями внѣшнихъ враговъ. Мы опять встрѣчаемся тутъ съ Ганнибаломъ. Печальный исходъ войны отдалъ управленіе Карѳагеномъ въ руки аристократовъ, желавшихъ мира, преданныхъ римлянамъ; но патріотическая партія, опиравшаяся на народъ и группировавшаяся около фамиліи Гамилькара Барки, оставалась могущественна, пока во главѣ ея стоялъ Ганнибалъ. Онъ былъ сдѣланъ суфетомъ и предсѣдателемъ Совѣта Ста. Какъ прежде, начальствуя войскомъ, онъ стремился возстановить могущество отчизны, такъ теперь, посвятивъ себя внутреннимъ дѣламъ государства, онъ старался улучшить состояніе родины реформами. Онъ преобразовалъ, какъ мы уже говорили, Совѣтъ Ста (стран. 366 и слѣд.), привелъ въ порядокъ государственное хозяйство; ему удалось низвергнуть безчестную, своекорыстную олигархію

и основать демократическія учрежденія, подъ охраною которыхъ водворился въ государствѣ порядокъ; онъ управлялъ дѣлами справедливо, строго соблюдалъ законы, увеличилъ доходы государства, ввелъ бережливость въ расходы, и, благодаря тому, Карѳагенъ могъ своевременно выплачивать римлянамъ контрибуцію, не обременяя гражданъ чрезмѣрными налогами; финансы пришли въ такое хорошее положеніе, что черезъ десять лѣтъ по заключеніи мира, карѳагеняне могли предложить римлянамъ немедленную уплату всей остальной суммы контрибуціи. Но римляне отвергли это предложеніе, потому что для нихъ держать Карѳагенъ въ постоянной зависимости отъ себя было важнѣе, чѣмъ немедленно получить деньги.

Ганнибалъ удаляется изъ Карѳагена.

Реформы, введенныя Ганнибаломъ, уменьшили вліяніе аристократіи на государственныя дѣла и доходы ея отъ правительственныхъ должностей; они негодовали на то, что побѣжденный противникъ ставитъ границы ея алчности и властолюбію. Чтобъ отмстить ему, она не погнушалась самыми постыдными средствами. Она обвинила Ганнибала въ томъ, что онъ употреблялъ въ свою личную пользу власть главнокомандующаго; это обвиненіе было найдено ложнымъ; тогда аристократы стали винить Ганнибала передъ римскимъ сенатомъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ врагами Рима, въ замыслѣ воспользоваться готовящеюся у римлянъ войною съ Антіохомъ; когда римскіе легіоны уйдутъ въ Сирію, онъ сдѣлаетъ высадку въ Италію и возобновитъ войну. Этими обвиненіями, въ основаніи которыхъ могла лежать нѣкоторая доля правды, олигархи, желавшіе только матеріальнаго благосостоянія и сохраненія за Карѳагеномъ независимости во внутреннихъ дѣлахъ, подъ покровительствомъ Рима, достигли своей цѣли. Напрасно Сципіонъ говорилъ, что для римскаго народа унизительно слушать доносы и вмѣшиваться во внутреннія дѣла Карѳагена; сенатъ отправилъ въ Африку трехъ пословъ разобрать ссору Масиниссы съ карѳагенянами изъ-за пограничной области и жаловаться карѳагенскому правительству на враждебные Риму замыслы Ганнибала. Обвиняемый скоро увидѣлъ, что римляне хотятъ, чтобы онъ былъ выданъ имъ, и избавилъ свою родину отъ стыда— отдать величайшаго своего гражданина на жертву мщенія непримиримыхъ враговъ. Онъ тайно уѣхалъ изъ Карѳагена, думая на востокѣ возобновить войну противъ Рима, въ вѣчной ненависти къ которому поклялся, когда былъ еще ребенкомъ. Онъ поплылъ въ Тиръ, оттуда въ Эфесъ, гдѣ находился тогда Антіохъ III, готовясь къ войнѣ съ римлянами. На родинѣ онъ былъ заочно приговоренъ къ смерти, какъ измѣнникъ, имущество его было конфисковано, домъ его былъ разрушенъ.

Антіохъ любезно принялъ знаменитаго изгнанника, и Ганнибалъ всѣми силами заботился о достиженіи цѣли, къ которой стремился всю жизнь. Еслибъ Антіохъ слѣдовалъ

благоразумнымъ совѣтамъ его и еслибъ карѳагенскіе олигархи не узнали и не раскрыли римлянамъ сношеній его съ карѳагенскими патріотами, то сирійская война, поддерживаемая карѳагенскими высадками, могла бы получить оборотъ опасный для римлянъ.

Отношенія Карѳагена къ Риму и къ Масиниссѣ.

Аристократическая партія, преданная Риму и по отъѣздѣ Ганнибала захватившая въ свои руки всю власть, очень заботливо уклонялась отъ всего, что могло подать римлянамъ поводъ къ неудовольствію; но все таки ей не удалось поставить Карѳагенъ въ хорошія отношенія къ римлянамъ, пріобрѣсти довѣріе ихъ. Они продолжали считать карѳагенянъ друзьями, соумышленниками Ганнибала; охотно вѣрили слухамъ о тайныхъ сношеніяхъ карѳагенянъ съ Антіохомъ; въ сенатѣ говорились рѣчи, враждебныя Карѳагену. Торговцы римскаго государства видѣли въ побѣжденныхъ карѳагенянахъ опасныхъ соперниковъ, конкуренцію съ которыми не могли они выдерживать, не имѣя такой коммерческой опытности и такихъ обширныхъ связей съ заграничнымъ торговымъ міромъ. Потому нумидійцы и другія ливійскія племена безнаказанно давали волю своей старой ненависти къ Карѳагену, дѣлали набѣги на его владѣнія, захватывали города и округи, издавна принадлежавшіе карѳагенянамъ, которые не могли обороняться отъ нихъ безъ разрѣшенія Рима и не получали этого разрѣшенія. Хитрый, энергическій Масинисса, сохранявшій физическія и нравственныя силы до 90 лѣтъ, ловко умѣлъ пользоваться нерасположеніемъ римлянъ къ Карѳагену. Сколько бъ онъ ни расширялъ свое царство захватомъ карѳагенскихъ владѣній, не могъ онъ пріобрѣсти такого могущества, чтобъ сдѣлаться опаснымъ для римлянъ или хоть перестать нуждаться въ ихъ покровительствѣ; потому они охотно дозволяли ему обижать карѳагенянъ и отнимать у нихъ пограничныя земли. Собственно для того они и запретили карѳагенянамъ вести войну безъ ихъ разрѣшенія, чтобы сосѣди тѣснили карѳагенское государство, мѣшали возстановленію его силъ. Неопредѣленность границъ благопріятствовала честолюбію Масиниссы. Онъ постепенно захватилъ землю въ дали отъ моря до пустыни, занялъ богатую долину по верховью Баграда и городъ Вакку; захватилъ на востокѣ ту часть прибрежья, гдѣ стоялъ старый финикійскій городъ Большая Лептида; онъ овладѣлъ торговымъ городомъ Эмпоріею и сосѣднимъ округомъ, захватилъ землю до границъ Кирены. Карѳагеняне жаловались римлянамъ, но пользы не было: римляне выслушивали ихъ пословъ, иногда посылали Масиниссѣ запрещенія отнимать земли у карѳагенянъ, но онъ не обращалъ на это вниманія, зная, что римляне считаютъ собственнымъ пріобрѣтеніемъ все, что отниметъ онъ у карѳагенянъ. Когда въ 157 году карѳагеняне возобновили свои жалобы, отправлено было въ Африку посольство для изслѣдованія дѣла; главою посольства былъ Катонъ. Карѳагеняне, утомленные пристрастіемъ пословъ, отказались продолжать объясненія

съ ними, говоря, что справедливость карѳагенскаго дѣла очевидна. Катонъ былъ глубоко обиженъ этимъ и, воротясь въ Римъ, сталъ раздражать непріязнь сената противъ карѳагенянъ разсказами о ихъ гордости, о возростаніи могущества ихъ. Масинисса, вѣроятно, мечталъ временами о томъ, что овладѣетъ и самымъ Карѳагеномъ, сдѣлаетъ его своею столицею; между карѳагенянами были люди, благопріятствовавшіе его замысламъ, готовые признать его своимъ повелителемъ, чтобъ избавиться отъ его вражды. Онъ усердно старался распространить финикійскій языкъ, карѳагенскую культуру между осѣдлымъ и кочевымъ туземнымъ населеніемъ, обуздывалъ хищничество номадовъ, пріучалъ ихъ къ земледѣлію, къ осѣдлой жизни, строилъ селенія, города; ему хотѣлось, чтобы государство, къ которому присоединитъ онъ Карѳагенъ, стало до нѣкоторой степени образованнымъ; онъ надѣялся, что Нумидія будетъ играть важную роль. Но судьба рѣшила иначе. Дѣла шли къ тому, что не останется на Средиземномъ морѣ никакихъ государствъ, кромѣ римскаго. Прежде, чѣмъ могли развиться въ Нумидіи зародыши самостоятельнаго существованія, она была поглощена римскимъ государствомъ.

---

2. Покореніе Македоніи и Греціи.

1. Македонско-греческій миръ во время второй пунической войны, и отношенія къ нему Рима.

(221—200).

Македонія и Греція при началѣ правленія Филиппа V-го.

Когда Филиппъ V взялъ въ свои руки правленіе государствомъ (стр. 358), состояніе Македоніи было цвѣтущее: финансы находились въ порядкѣ, судъ былъ справедливый, промышленность и торговля развивались, войско было хорошо обучено и храбро. Ахейскій союзъ (стр. 340, слѣд.) и остальной Пелопоннесъ, кромѣ Элиды и Мессеніи, большая часть государствъ Средней Греціи, Ѳессалія признавали надъ собою владычество македонскаго царя. Македонское государство находилось въ очень хорошемъ положеніи, было могущественно. Греки, которыхъ такъ усердно старался расположить къ себѣ Антигонъ Досонъ, пріобрѣли искреннимъ союзомъ съ Македоніею внѣшній и внутренній миръ и безопасность; оживленіе земледѣлія и промышленности снова дало имъ нѣкоторое благосостояніе. Если бы благоразумное правленіе Антигона было продолжительнѣе, греки могли бы привыкнуть мирно жить подъ покровительствомъ Македоніи, непріязнь между ними и македонянами сгладилась бы, упрочилась бы хорошая федера-

Характеръ и планы Филиппа V.

тивная связь между этими двумя народами. Но молодой царь, поддававшійся впечатлѣніямъ минуты и чужимъ вліяніямъ, хотя и былъ любезенъ въ обращеніи съ людьми, хотя былъ даровитый полководецъ, не имѣлъ тѣхъ качествъ, какія были нужны для того, чтобы разрозненные между собою долгими ссорами греки, привыкли мирно жить, подчиняясь законному порядку, уважая чужія права. Онъ, очевидно, хотѣлъ расширить македонское царство, совершенно поработить грековъ; это раздражило ихъ, ревниво охранявшихъ свою свободу, возбудило ихъ къ явному или тайному сопротивленію и запутало его во множество мелкихъ войнъ, ослаблявшихъ государство и не доставлявшихъ никакой пользы царю. Въ своихъ хлопотахъ покорить Грецію силою и коварствомъ, онъ пропустилъ удобный случай усмирить хищныхъ этолянъ (стр. 338 слѣд.), прекратить ихъ грабежи и далъ римлянамъ время одолѣть опаснѣйшаго врага, освободившись отъ котораго, они покорили Македонію и Грецію. При самомъ началѣ правленія Филиппа вспыхнула гибельная союзническая война, четыре года опустошавшая Пелопоннесъ, раздражившая до звѣрскаго ожесточенія взаимную ненависть между греческими государствами и партіями, отнявшая у изнуреннаго народа послѣдній остатокъ нравственныхъ и физическихъ силъ, подготовившая покореніе его римлянами.

Союзническая война. 221—217

Нападеніе этолянъ на Мессенію.

По согласію съ Доримахомъ, этольскимъ правителемъ небольшаго аркадскаго города Фигаліи, нѣкоторые изъ этольскихъ родоначальниковъ собрали волонтеровъ и сдѣлали вторженіе въ Мессенію, на богатыхъ лугахъ которой паслось много скота. Мессенцы не особенно любили воевать и не участвовали въ войнѣ Клеомена съ ахейцами; прилежно воздѣлывая свою плодородную землю, они пріобрѣли себѣ благосостояніе, но, не выказывая усердія помогать своимъ союзникамъ этолянамъ въ ихъ набѣгахъ навлекли на себя ихъ подозрѣніе и вражду. Они принудили Доримаха уплатить имъ вознагражденіе за убытки, какіе потерпѣли отъ устроеннаго имъ хищническаго набѣга. Въ отмщеніе за то, онъ сказалъ въ собраніи этольскаго народа, что мессенцы ненадежные союзники этолянъ, имѣютъ тайныя сношенія съ ахейцами и македонянами, что надобно наказать ихъ за измѣну, что нападеніе на нихъ доставитъ этолянамъ большую добычу. Ни союзное правительство, ни народное собраніе этолянъ не согласились объявить войну мессенцамъ. Но Скопасъ, родственникъ этольскаго стратега Аристона, человѣка слабаго нравственно и физически и поддававшагося его вліянію, собралъ отрядъ хищниковъ, перешелъ черезъ землю ахейскаго союза, вторгся въ Мессенію, не ожидавшую нападенія, грабилъ, рѣзалъ и опустошалъ. Мессенцы обратились съ просьбой о помощи къ ахейскому народному собранію, совѣщанія котораго происходили тогда, и выразили желаніе быть принятыми въ ахейскій союзъ. Ахейцы согласились на ихъ просьбу и поручили Арату выгнать изъ Пелопоннеса этольскихъ хищниковъ; но, по нерѣшительности и неспособности Арата, войско его было разбито у аркадскаго города Кафій, и этоляне съ богатой добычей ушли черезъ пелленскую и сикіонскую области и черезъ Истмъ на родину. Ихъ удача возбудила другихъ къ подражанію. Въ слѣдующемъ году пришелъ въ Пелопоннесъ новый отрядъ этольскихъ хищниковъ, взялъ принадлежавшій къ ахейскому союзу аркадскій городъ Кинету, при содѣйствіи кинет-

Мессенцы присоединяются къ ахейскому союзу.

скихъ изгнанниковъ, разграбилъ этотъ городъ, сжегъ его, ограбилъ храмъ Артемиды въ Лусахъ, обогатился найденными тамъ сокровищами; робкій Аратъ не рѣшился напасть на этихъ разбойниковъ, и они безпрепятственно ушли на родину. Пелопоннесцы обратились къ Филиппу съ просьбой о защитѣ отъ этолянъ. Онъ пришелъ съ сильнымъ войскомъ на Истмъ; конгрессъ ахейскихъ уполномоченныхъ, созванный имъ въ Коринѳѣ, рѣшилъ принять мессенцевъ въ союзъ и назначилъ сколько денегъ и сколько войска должны дать члены союза македонскому царю для войны съ этолянами; было рѣшено разрушить этольскій союзъ, возвратить самостоятельность городамъ, завоеваннымъ этолянами, и передать въ завѣдываніе Амфиктіоновъ Дельфійскій храмъ, отнятый у нихъ этолянами.

Объявленіе войны этолянамъ. 220.

Это было началомъ пагубной войны, снова раздѣлившей на два непріятельскіе стана Грецію, едва начинавшую объединяться. Цѣлью войны было только удовлетвореніе ненависти, уничтоженіе противниковъ; она была ведена свирѣпо и кончилась совершеннымъ обезсиленіемъ всѣхъ участвовавшихъ въ ней государствъ, развитіемъ всѣхъ дурныхъ страстей, заглушившихъ патріотизмъ, уваженіе къ религіи, нравственное чувство. Этоляне не испугались рѣшеній коринѳскаго конгресса и приготовились мужественно обороняться. Они выбрали стратегомъ Скопаса, водившаго хищниковъ въ грабительскій набѣгъ, и тѣмъ выразили свое одобреніе его дѣйствіямъ; угрозами и обѣщаніями они убѣдили эпирцевъ и акарнанцевъ не принимать участія въ войнѣ противъ нихъ, возобновили союзъ съ Элидою, возбудили въ спартанцахъ прежнюю гордость и ожесточеніе противъ ахейцевъ; партія, поддерживавшая Клеомена, ободрилась, подняла возстаніе; эфоры были убиты на пирѣ религіознаго праздника, олигархи изгнаны, мятежники захватили правленіе въ свои руки и заключили союзъ съ этолянами.

Этоляне вступаютъ въ союзъ съ лакедемонянами.

Царскій санъ былъ возстановленъ, и назначены были, какъ слѣдовало по обычаю, два царя; изъ династіи Эврипонтидовъ сдѣланъ царемъ внукъ Клеомброта, Агезиполь, бывшій въ то время еще несовершеннолѣтнимъ; законный наслѣдникъ царскаго сана изъ династіи Проклидовъ былъ устраненъ: богачъ Ликургъ подкупомъ пріобрѣлъ себѣ царскій санъ (стран. 359) и тотчасъ же началъ войну: овладѣлъ городами, которые были послѣ битвы при Селласіи отняты у спартанцевъ и отданы аргосцамъ, занялъ проходы въ Аркадію. Черезъ два года Хилонъ, по всей вѣроятности, Гераклидъ, оттѣсненный отъ престола Ликургомъ, убилъ эфоровъ, продавшихъ Ликургу царскій санъ, и пытался произвести реформы въ духѣ отмѣненныхъ преобразованій Клеомена, но противники одолѣли его, и онъ бѣжалъ въ Ахаію.

Возстановленіе царскаго сана въ Спартѣ. 219.

Въ то время, какъ на западѣ начиналась колосальная борьба между Римомъ и Карѳагеномъ, а на востокѣ Сирійское и Египетское царства вели между собою тоже правильную войну, греческія государства тратили послѣдніе остатки своихъ силъ въ жалкой междоусобицѣ, уничтожавшей въ нихъ послѣдніе слѣды чести и гражданской доблести,—это служитъ печальнымъ доказательствомъ глубокаго

Характеръ и послѣдствія союзнической войны.

нравственнаго паденія греческаго народа; невозможно иначе назвать состояніе націи, исторія которой говоритъ только о хищническихъ набѣгахъ, дракахъ по низкимъ мотивамъ, дѣлахъ коварства, предательства, поруганія надъ святынями. Патріотизмъ и политическій смыслъ грековъ былъ совершенно заглушенъ взаимнымъ ожесточеніемъ партій и эгоизмомъ, такъ что напримѣръ безнаказаннымъ осталось рѣшеніе ахейскихъ городовъ Димы, Тритеи и Фаръ не взносить налоговъ въ союзную казну, а набрать себѣ особыхъ наемниковъ. Государства, принадлежащія къ тому или другому союзу, сохраняли вѣрность, или измѣняли ему по разсчетамъ мимолетныхъ выгодъ; вѣроломство не считалось стыдомъ; уваженіе къ религіи исчезло, храмы подвергались грабежу: этоляне ограбили древній, пользовавшійся очень большимъ уваженіемъ Додонскій храмъ, взяли изъ него всѣ драгоцѣнности, а священныя вещи, неимѣвшія денежной цѣны, разбили; въ Діонѣ они предали поруганію статуи боговъ и низвергли ихъ, сожгли храмъ, а драгоцѣнности изъ него увезли; македонско-греческое войско опустошило огнемъ и мечемъ область Элиду, въ которую религія воспрещала вступать войскамъ, ограбило богатые города ея, ограбило даже олимпійскіе храмы; въ отмщеніе за разрушеніе Діонскаго храма буйное войско Филиппа два дня грабило и опустошало столицу этольскаго союза Термъ, разбило статуи боговъ, унесло оружіе и драгоцѣнности изъ храмовъ, разрушило и сожгло храмы, общественныя зданія, жилища частныхъ людей, и грабители писали насмѣшливые стихи на стѣнахъ. Вообще грекамъ не доставало талантливыхъ людей твердыхъ и энергичныхъ; войско ахейскаго союза ослабѣвало по бездарности Арата, становившагося все безпечнѣе; интриги партій парализовали всю общественную дѣятельность; политическія и военныя дѣла подпадали подъ вліяніе иноземныхъ проходимцевъ.

Такъ, напримѣръ, ахейцы приняли на службу иллирійца Скердиманда, занимавшагося разбоемъ и на сушѣ, и на морѣ; совѣтникомъ Филиппа сталъ человѣкъ, получившій самое гибельное вліяніе на его планы и дѣйствія, иллирскій князь Димитрій Фаросскій: прогнанный римлянами изъ своего владѣнія (стр. 449), онъ пріѣхалъ къ молодому царю, пріобрѣлъ его довѣріе, возбудилъ въ немъ недовѣріе къ Арату и, по разсчетамъ своей личной мстительности, старался расширить размѣры войны.

Было бы несообразно съ характеромъ нашего разсказа подробно излагать ходъ союзнической войны, охватившей всю Среднюю Грецію и Пелопоннесъ отъ границъ Македоніи и Ѳессаліи до южнаго берега Лаконіи, свирѣпствовавшую и на Коринѳскомъ заливѣ, на Іонійскомъ морѣ. Повсюду мы видимъ въ ней одни и тѣ-же печальныя явленія; они повторяются и въ опустошительныхъ походахъ, какіе дѣлали этольскіе военачальники Скопасъ и Доримахъ, грабившіе Ѳессалію, Эпиръ, Акарнанію, и въ походѣ Филиппа съ македонско-греческимъ войскомъ къ Ахелою, на Термъ, въ опустошеніи пелопоннескихъ государствъ, союзныхъ съ этолянами, въ опустошеніи южной Лаконіи до Тенарскаго мыса; — повсюду мы видимъ ту самоубійственную свирѣпость, которая погубила благородныя силы греческой націи во времена ея могущества и благосостоянія, а теперь безжалостно заглушала послѣдніе остатки патріотизма и чувства законности.

Навпактскій миръ. 217.

Празднуя въ 217 году въ Аргосѣ немейскія игры, восхищаясь удачами своихъ походовъ на лакедемонянъ и этолянъ, Филиппъ получилъ извѣстіе о побѣдѣ Ганнибала у Тразименскаго озера. Онъ сообщилъ эту вѣсть Димитрію Фаросскому, и Димитрій далъ новый совѣтъ молодому честолюбцу, не задолго передъ тѣмъ свергнувшему съ себя контроль недобросовѣстныхъ опекуновъ и взявшему правленіе государствомъ исключительно въ свои руки; Димитрій посовѣтовалъ ему заключить миръ съ этолянами и вмѣшаться въ войну, которая началась въ Италіи. Она, по словамъ Димитрія, представляла Филиппу удобный случай овладѣть западомъ, какъ Александръ овладѣлъ востокомъ. Царь, желавшій прославить себя побѣдами и расширить свое государство, слушалъ съ удовольствіемъ льстивыя рѣчи своекорыстнаго совѣтника, который желалъ воспользоваться его войсками, чтобы возвратить себѣ отнятое римлянами владѣніе. При посредничествѣ Родоса и Хіоса, торговля которыхъ страдала отъ войны и отъ усиливавшихся на морѣ разбоевъ, и при содѣйствіи египетскаго царя былъ созванъ въ Навпактѣ конгрессъ депутатовъ всѣхъ греческихъ государствъ, и гибельная война была прекращена миромъ, постановившимъ, что каждое государство сохраняетъ тѣ владѣнія, какія имѣетъ въ настоящее время. Но этотъ миръ не имѣлъ прочной основы и былъ непродолжителенъ, потому что былъ результатомъ не успокоенія взаимной вражды между греками, а минутнаго порыва, возбужденнаго благородной рѣчью Агелая Навпактскаго, доказывавшаго, что при настоящемъ положеніи дѣлъ единственное спасеніе для Греціи — союзъ съ Македоніею. Рѣчь патріота пробудила въ грекахъ сознаніе, что если война продлится, то всѣ они подпадутъ подъ общее иго, что независимость Греціи можетъ быть сохранена только тѣснымъ союзомъ между всѣми греческими государствами. Но это былъ минутный порывъ патріотизма; онъ не далъ грекамъ твердой воли единодушно дѣйствовать для общаго блага, не пробудилъ въ душѣ Филиппа любви къ грекамъ, преданности ко благу ихъ.

Отношенія Филиппа къ римлянамъ.

Въ характерѣ Филиппа произошла около этого времени даже перемѣна къ худшему: прежде имѣлъ большое вліяніе на царя осторожный Аратъ; теперь, когда хитрый Димитрій Фаросскій отклонилъ Филиппа отъ Арата и втерся въ довѣріе къ нему, прежнее любезное прямодушіе царя стало замѣняться коварствомъ. Мы видѣли, что онъ вступилъ въ союзъ съ Ганнибаломъ противъ Рима, но вмѣсто того, чтобы вести войну серьезнымъ образомъ, поддержать дѣйствія Ганнибала въ Италіи немедленной высадкой на восточномъ берегу ея, онъ ограничивался мелкими сухопутными и морскими экспедиціями противъ государствъ иллирскаго берега, находившихся подъ покро-

вительствомъ Рима. Сознаніе несправедливости своего дѣла, боязнь римскаго могущества, смутное предчувствіе побѣды Рима парализовали его. Онъ дѣйствовалъ нерѣшительно, робко; боязливость овладѣла и воинами его: при видѣ нѣсколькихъ римскихъ кораблей македонскій флотъ, охваченный паническимъ страхомъ, торопливо ушелъ отъ нихъ. Напрасно Ганнибалъ послѣ битвы при Каннахъ просилъ Филиппа исполнить обѣщаніе, ободрялъ его; онъ не отважился идти съ своими маленькими кораблями на встрѣчу римскимъ квинкверемамъ, ходившимъ изъ Брундизія по Адріатическому морю, и не сдѣлалъ высадки въ Италіи. Своимъ бездѣйствіемъ онъ далъ римлянамъ время оправиться отъ пораженій; они разбили и разсѣяли македонскій флотъ у Аполлоніи; царь былъ принужденъ вести остатки своего побѣжденнаго, растерявшаго оружіе войска назадъ въ Македонію трудными сухопутными дорогами; римляне возбудили въ Греціи противниковъ ему; это было тѣмъ легче, что Филиппъ своей вѣроломной и притѣснительной политикой раздражалъ грековъ. Будучи приглашенъ, какъ глава союза, рѣшить споръ между олигархами и демократами въ Мессеніи, онъ, по коварному совѣту Димитрія, возстановлялъ ихъ другъ противъ друга, довелъ ихъ вражду до междоусобія, чтобы, пользуясь имъ, овладѣть крѣпостью Итомою. Онъ бездѣйственно допустилъ мессенскихъ демократовъ убить около 200 человѣкъ аристократической партіи, раздѣлить между собою ихъ имущество и уже готовился ввести македонскій гарнизонъ въ Итому; но вмѣшательство Арата разстроило этотъ его замыселъ.

Смерть Арата. 213.

Раздраженный сопротивленіемъ человѣка, который прежде былъ очень уступчивъ, Филиппъ, какъ говорятъ Полибій и Плутархъ, отравилъ Арата медленно дѣйствующимъ ядомъ, отъ котораго онъ умеръ, когда былъ въ 17-й разъ стратегомъ ахейскаго союза. Ему было 60 лѣтъ. Передъ смертью онъ имѣлъ печаль видѣть, что развратникъ Филиппъ подарками и льстивыми словами соблазнилъ жену его сына, и чтобъ избѣжать мщенія оскорбленнаго мужа, отравилъ его такимъ питьемъ, отъ котораго онъ сошелъ съ ума. «Такъ награждаютъ цари своихъ друзей!» сказалъ умирающій Аратъ. Ахейскій народъ сохранилъ благодарное воспоминаніе о человѣкѣ, нѣкогда оказавшемъ великія услуги ему.—При раздраженіи грековъ противъ Филиппа, искуснымъ римскимъ посламъ не трудно было, задаривая вліятельныхъ людей, составить въ Греціи союзъ противъ македонянъ; при нѣкоторой поддержкѣ отъ римлянъ, союзники вели съ Филиппомъ войну, задерживавшую его силы въ Греціи, пока Римъ боролся съ Карѳагеномъ. Одолѣвъ карѳагенянъ, римляне обратили свое оружіе на Филиппа.

Разузнавъ о положеніи дѣлъ въ Греціи, римляне прежде всего озаботились привлечь на свою сторону этолянъ, уже давно тяготившихся миромъ, желавшихъ возобновить свое привычное занятіе грабежемъ. Подкупивъ

Союзъ римлянъ съ этолянами и другими греческими государствами. 211.

Скопаса и Доримаха, пользовавшихся сильнымъ вліяніемъ на этолянъ, Маркъ Валерій Левинъ заключилъ съ этольскимъ народомъ союзъ, по которому римляне предоставили этолянамъ завоевать Акарнанію, чего они давно желали; эта область и всѣ другія завоеванія, какія сдѣлаютъ этоляне въ Греціи, должны были принадлежать имъ; въ ихъ владѣніи должны были остаться города и крѣпости, которыми овладѣютъ они, при содѣйствіи римлянъ; но движимое имущество, взятое въ добычу, и плѣнники должны были принадлежать римлянамъ; этоляне и римляне обязывались не заключать мира съ Филиппомъ отдѣльно другъ отъ друга. Къ этому союзу, дѣлающему мало чести римлянамъ, скоро присоединились старые враги македонянъ, спартанцы, владычество надъ которыми, по смерти царя Ликурга, захватилъ начальникъ наемниковъ Маханидъ, уничтожившій санъ эфоровъ и послѣдніе остатки законнаго порядка; присоединились также мессенцы и элидяне, сильно пострадавшіе отъ жестокости Филиппа, Атталъ царь пергамскій, иллирскіе князья Скердиландъ и Плевратъ.

Союзники Филиппа.

На сторонѣ Филиппа были всѣ тѣ греческія государства, въ которыхъ еще не совсѣмъ угасла любовь къ свободѣ. Сильнѣйшею опорою его въ Греціи была ахейская федерація, на дѣла которой пріобрѣлъ тогда большое вліяніе Филопеменъ мегалопольскій, великій полководецъ, проницательный государственный человѣкъ, направившій къ благородной цѣли послѣдніе остатки народныхъ силъ; союзниками Филиппа были также акарнанцы, честный и мужественный народъ, отданный римлянами на произволъ ненависти этолянъ. Кромѣ того, македонянамъ помогали беотійцы, фокейцы, эпирцы, эвбеяне и Прузій, царь виѳинскій.

Молодость Филопемена.

Филопеменъ, сынъ Кравгиса, происходилъ отъ знатной мегалопольской фамиліи. Онъ родился въ 253 году, былъ въ молодости слушателемъ Экдема и Демофана, учениковъ Аркезилая, философія которыхъ соединяла идеальное направленіе съ практическимъ; потомъ онъ усердно занимался изученіемъ военнаго дѣла. Гимнастическими упражненіями онъ сдѣлалъ себя способнымъ выносить всѣ трудности походовъ, горячо любилъ охоту и самъ воздѣлывалъ свою ниву, доходами съ которой жилъ. Кажется, онъ былъ искусный и бережливый сельскій хозяинъ; по крайней мѣрѣ мы знаемъ, что онъ говорилъ: «Кто небрежно ведетъ свое домашнее хозяйство, тотъ не можетъ хорошо управлять дѣлами государства». Онъ прилежно читалъ Гомера, разсказы о дѣлахъ знаменитыхъ полководцевъ, книги о военномъ искусствѣ, которому посвятилъ себя. Въ войнѣ съ Клеоменомъ онъ пріобрѣлъ извѣстность смѣлыми походами, и главнымъ образомъ ему было обязано македонско-ахейское войско побѣдою при Селласіи. Антигонъ Досонъ предлагалъ ему быть начальникомъ въ македонскомъ войскѣ, но онъ отказался и поѣхалъ на Критъ, чтобы пріобрѣсти больше военной опытности въ междоусобной войнѣ, которая велась тамъ. Въ концѣ союзнической войны, онъ возвратился на родину и занялся улучшеніемъ организаціи ахейскаго войска.

Отношенія римлянъ къ грекамъ.

Такимъ образомъ въ греческомъ мірѣ вспыхнула новая пагубная война въ то время, когда римляне, взявъ Сиракузы и Капую, получили твердую надежду одолѣть Ганнибала. Эта греческая война безъ большихъ усилій съ ихъ стороны принесла имъ очень много выгоды и подготовила для нихъ покореніе Македоніи и Греціи. Помогая грекамъ, они удерживали Филиппа отъ высадки въ Италію, ослабляли его войско и флотъ сраженіями, на которыя сами почти не тратили своихъ силъ; они придавали своему вмѣшательству въ греческія дѣла такой видъ, какъ будто они защищаютъ справедливость и свободу,

охраняютъ слабыхъ отъ македонскаго угнетенія. Въ договорѣ съ этолянами они добровольно отказывались отъ всякихъ завоеваній въ Греціи: они говорили, что возьмутъ только движимую добычу, но не хотятъ брать себѣ ни клочка земли въ Греціи.

Военныя дѣйствія Филиппа.

Въ этой войнѣ были совершаемы смѣлые подвиги, но вообще она ограничивалась мелкими сухопутными и морскими экспедиціями для грабежа, осадами городовъ, небольшими стычками, неимѣющими значенія для всеобщей исторіи; важна она только тѣмъ, что Филиппъ и Филопеменъ выказали себя въ ней искусными полководцами; къ сожалѣнію, таланты ихъ
210. не служили никакой возвышенной цѣли. Война началась вторженіемъ этолянъ въ Акарнанію; но акарнанцы, отославъ женщинъ, дѣтей и стариковъ въ Эпиръ, стали на границѣ. Этоляне отказались отъ надежды завоевать и ограбить ихъ страну; но при содѣйствіи римлянъ взяли локрійскій городъ Антикиру. Добыча и плѣнные достались на долю римлянъ; городъ этоляне удержали за собой. Филиппъ дѣйствовалъ въ этой войнѣ энергичнѣе прежняго; у него было много враговъ; онъ долженъ былъ, побѣдивъ однихъ, спѣшить на сраженіе съ другими, но тѣмъ блистательнѣе выказывались его таланты. Ему приходилось то отражать нападеніе Аттала и римлянъ на Эвбею, то защищать Македонію отъ иллирійцевъ, то помогать своимъ греческимъ союзникамъ въ борьбѣ ихъ съ лакедемонянами и этолянами. Онъ быстро ходилъ по Греціи. Непріятель часто удалялся по одному извѣстію о его приближеніи; онъ всегда усердно помогалъ своимъ союзникамъ. На конгрессахъ онъ выказывалъ проницательный умъ и большой ораторскій талантъ; своею любезностью онъ привлекалъ къ себѣ людей, когда не отталкивалъ ихъ отъ себя своимъ развратомъ. Онъ старался пріобрѣсти дружбу Филопемена, въ 207 году избраннаго въ первый разъ стратегомъ ахейскаго союза, слушался его совѣтовъ, какъ прежде, пока не подчинился гибельному вліянію Димитрія Фаросскаго, слушался совѣтовъ Арата. Благодаря содѣйствію Филопемена Филиппу въ тѣ годы войны, когда римляне, занятые борьбою съ карѳагенянами, не могли посылать много войска въ Грецію, побѣда склонялась на сторону македонянъ и ахейцевъ. Филиппъ успѣлъ пріобрѣсти новаго союзника Прузія виѳинскаго, нападеніе котораго на Пергамъ принудило Аттала возвратиться въ Малую Азію. По удаленіи Аттала, Филиппъ обратилъ всѣ свои силы противъ этолянъ, во второй разъ взялъ и ограбилъ столицу ихъ,
206. Термъ, и очень сильно тѣснилъ ихъ. Филопеменъ улучшилъ ахейское войско: ахейская конница, состоявшая изъ зажиточныхъ гражданъ, до сихъ поръ мало участвовала въ походахъ и больше служила для украшенія процессій и праздниковъ, чѣмъ для битвъ; онъ обучилъ ее военному дѣлу, и она стала

Характеръ Филопемена и его походы.

хорошимъ войскомъ; онъ далъ македонскую организацію и македонское вооруженіе ахейской пѣхотѣ, пріучилъ воиновъ къ соблюденію строгой дисциплины; удачными сраженіями съ этолянами и элидянами поднялъ духъ ахейскихъ гражданъ: молодые люди покинули изнѣженныя привычки, стали охотно переносить трудности походовъ, бодро шли въ бой, надѣясь на искусство своего полководца. Своимъ примѣромъ онъ производилъ хорошее вліяніе на нравы. Онъ велъ простой образъ жизни, былъ воздерженъ, трудолюбивъ, не считалъ униженіемъ для себя черную работу, былъ честенъ, прямодушенъ, правдивъ. Избравъ себѣ образцомъ Эпаминонда, онъ не равнялся этому великому человѣку спокойной силой самообладанія и былъ вспыльчивъ; но походилъ на него своими талантами; онъ былъ хорошій ораторъ, рѣчи его отличались сжатостью, силой, ясностью, логич-

ностью; онъ желалъ сдѣлать свое отечество независимымъ отъ иноземцевъ; какъ полководецъ, онъ выказывалъ непоколебимое мужество, стратегическую проницательность, умѣлъ пользоваться всѣми выгодами мѣстности и вовлекать врага въ ошибки искусными маневрами; онъ былъ увѣренъ въ своихъ силахъ, это было видно даже по его походкѣ, по его манерѣ держать себя; и онъ умѣлъ внушать народу и войску довѣріе къ себѣ, твердую надежду на побѣду. Дамофантъ, главнокомандующій элидянъ, былъ

Филопеменъ побѣждаетъ и убиваетъ Маханида при Мантинеѣ 206.

разбитъ имъ у Лариса, и онъ обратился на спартанскаго тиранна Маханида, который съ превосходнымъ своимъ наемнымъ войскомъ грабилъ ахейскія земли. Въ битвѣ при Мантинеѣ Филопеменъ нанесъ ему полное пораженіе; 4000 храбрыхъ воиновъ Маханида легли на полѣ сраженія; былъ убитъ и самъ Маханидъ копьемъ Филопемена при переходѣ черезъ рвы; остальные наемники тиранна разсѣялись, или были взяты въ плѣнъ. Греки, собравшіеся на немейскихъ играхъ, восторженно привѣтствовали извѣстіе объ этомъ славномъ подвигѣ. Побѣды македонянъ и ахейцевъ заставили изнуренныхъ войною этолянъ желать мира; онъ и былъ заключенъ

Миръ 205.

въ слѣдующемъ году при посредничествѣ родосцевъ и хіосцевъ. Римляне хотѣли разстроить переговоры о немъ, но это не удалось; этоляне поняли, что если война будетъ длиться, то всѣ греки будутъ порабощены римлянами, и не возобновили войны. Вскорѣ послѣ того при посредничествѣ эпирцевъ и римляне заключили миръ съ Македоніею, чтобъ имѣть свои
силы совершенно свободными для окончанія войны съ Карѳагеномъ. 204.
Филиппъ удержалъ за собою Ѳессалію, Эвбею и Коринѳскую цитадель, но долженъ былъ уступить римлянамъ часть Иллиріи и обѣщалъ не воевать съ друзьями и союзниками Рима, въ число которыхъ не были однако же включены этоляне.

Коварство и злодѣйство Филиппа.

Заключая миръ, Филиппъ и римляне хотѣли только обратить свои войска на другія войны; искренняго примиренія между ними не было. Филиппъ, окруженный союзниками Рима, бросился въ новыя предпріятія, которыя неизбѣжно должны были навлечь на себя непріязнь римлянъ, а между тѣмъ не воспользовался временемъ мира съ ними, чтобъ увеличить свое войско. Онъ съ очевидной тревогой смотрѣлъ на могущественную республику, которая, какъ грозный призракъ, охватывала его своими руками; а между тѣмъ подавалъ римлянамъ справедливые поводы возобновить при первомъ удобномъ случаѣ войну съ нимъ и казаться защитниками противъ него свободы. Съ непонятнымъ ослѣпленіемъ онъ, по заключеніи мира, поступалъ такъ, что повсюду возбуждалъ ненависть къ себѣ, и его сосѣди рады были соединиться съ римлянами на войну съ нимъ.

Примѣрами его безразсудства служатъ факты въ родѣ того, что онъ захватилъ нѣкоторыя мѣстности Иллиріи, находившіяся подъ покровительствомъ Рима, и передъ концомъ второй пунической войны послалъ на помощь карѳагенянамъ 4,000 человѣкъ войска; эти македоняне сражались съ римлянами при Замѣ. Онъ покровительствовалъ критскимъ морскимъ разбойникамъ, надѣясь, при ихъ содѣйствіи, пріобрѣсти владычество на морѣ; этимъ онъ возбуждалъ противъ себя негодованіе всѣхъ торговыхъ городовъ восточной части Средиземнаго моря. Онъ заключилъ съ Антіохомъ III безчестный договоръ о раздѣлѣ владѣній египетскаго царя Пто-

лемея Эпифана, бывшаго въ то время ребенкомъ: Антіохъ бралъ себѣ Египетъ и Кипръ, а Филиппъ Кирену, Іонію и Киклады; этотъ замыселъ далъ римлянамъ поводъ взять подъ свое покровительство малолѣтняго египетскаго царя. Филиппъ отнялъ у этолянъ находившіеся подъ ихъ покровительствомъ города Лизимахію и Халкедонъ; свирѣпо разрушилъ виѳинскій городъ Кіосъ, пользовавшійся независимостью; покорилъ Самосъ и Киклады, посылалъ свой флотъ противъ хіосцевъ и хотѣлъ возбудить на Хіосѣ возстаніе рабовъ, обѣщая освободить ихъ и отдать имъ женъ ихъ господъ; но произвести этотъ мятежъ не удалось ему. Какъ прежде слѣдовалъ онъ совѣтамъ Димитрія Фаросскаго, такъ теперь любимцами его были отчаянные злодѣи Гераклидъ Тарентскій и вождь наемниковъ этолянинъ Дикеархъ. Гераклидъ пріѣхалъ въ Родосъ, принявъ на себя роль человѣка, бѣжавшаго отъ преслѣдованій Филиппа, и сжегъ родосскій флотъ. Дикеархъ доводилъ свою безстыдную наглость до того, что въ захватываемыхъ имъ городахъ сооружалъ жертвенники нечестію (Asebeia) и беззаконію (Paranomia) и приносилъ жертвы этимъ своимъ любимымъ божествамъ. Выведенные изъ терпѣнія морскимъ разбоемъ Филиппа ро-
202. досцы, византійцы, другія государства и Атталъ Пергамскій, соединили свои флоты, разбили Филиппа въ морской битвѣ у Хіоса и принудили его къ отступленію. Онъ страшно опустошилъ Пергамскую область, разрушенные храмы которой долго оставались памятниками его злодѣйствъ, и осадилъ лежавшій на Геллеспонтѣ торговый городъ Абидосъ. Граждане храбро оборонялись; но, не получая помощи отъ союзниковъ, они предлагали отдать ему свой городъ подъ условіемъ, что онъ дозволитъ имъ эмигрировать; но, онъ требовалъ, чтобъ они сдались ему безъ всякихъ условій. Абидосцы поклялись обороняться до послѣднихъ силъ, умереть, но не сдаваться, и сдержали клятву. Способные сражаться почти всѣ погибли, отражая приступы; остальные граждане убили своихъ женъ и дѣтей, убили сами себя. Говорятъ, что, услышавъ объ этомъ ихъ рѣшеніи, Филиппъ насмѣшливо сказалъ, что даетъ имъ „три дня свободы вѣшаться и рѣзаться". Онъ надѣялся упрочить свое владычество свирѣпостью; потому, когда аѳиняне поссорились съ его союзниками акарнанцами, онъ опустошилъ Аттику огнемъ и мечомъ, не щадя ни храмовъ, ни изображеній боговъ.

Погибель Абидоса.

Межъ тѣмъ, какъ Филиппъ своими свирѣпостями увеличивалъ число своихъ враговъ и вызывалъ вмѣшательство римлянъ въ греческія дѣла, принуждалъ Родосъ, Пергамъ и другія государства искать защиты себѣ отъ него у римлянъ, порвалась и послѣдняя связь, соединявшая Грецію съ Македоніей: ахейскій союзъ поссорился съ Филиппомъ. Вскорѣ по смерти Маханида захватилъ владычество надъ Спартой безчеловѣчный злодѣй Набисъ; былъ ли онъ спартанецъ, или нѣтъ, мы не знаемъ. Онъ владычествовалъ, какъ атаманъ шайки разбойниковъ; ненавидя знатныхъ спартанцевъ, богатство и наслѣдственная военная слава которыхъ казались ему опасными для его необузданнаго военнаго деспотизма, онъ хотѣлъ истребить всѣхъ ихъ. Однихъ онъ убивалъ, другіе бѣжали. Ихъ женъ и дочерей онъ отдавалъ въ жены своимъ воинамъ, которыхъ набиралъ изъ самыхъ буйныхъ иноземныхъ наемниковъ, изъ безсовѣстныхъ людей между періэками и освобожденныхъ илотовъ; съ этими разбойниками онъ дѣ-

Набисъ овладѣваетъ Спартою.

лился конфискованными имуществами убитыхъ и бѣжавшихъ. Опираясь на свою шайку убійцъ, онъ безпощадно истреблялъ всѣхъ, выдававшихся изъ толпы знатностью, богатствомъ, личными достоинствами, бросалъ ихъ въ темницы, подвергалъ пыткамъ, казнилъ; знатные спартанцы не были безопасны отъ кинжаловъ его убійцъ даже и въ чужихъ государствахъ. Онъ сдѣлалъ Спарту притономъ разбойниковъ; за ея крѣпкими стѣнами находилъ пріютъ себѣ всякій храбрый злодѣй. Эти наемники Набиса, хорошо обученные, жили между собою въ разбойническомъ равенствѣ и готовы были безусловно исполнять всякое приказаніе тиранна. Но онъ притворялся человѣкомъ благочестивымъ и старался доказать это массѣ народа великолѣпіемъ религіозныхъ праздниковъ. Въ гавани укрѣпленнаго города Гитія онъ держалъ эскадру, корабли которой, вмѣстѣ съ критскими морскими разбойниками, грабили острова и прибрежные города; а самъ онъ съ ордою своихъ разбойниковъ дѣлалъ набѣги на сосѣднія области, обольщая простолюдиновъ обѣщаніемъ уничтожить долги и роздать земли. Противъ этого свирѣпаго тиранна обратилъ оружіе ахейскаго союза Филопеменъ, какъ Аратъ противъ Клеомена. Набисъ неожиданно напалъ ночью на городъ Мессену. Филопеменъ пригласилъ желающихъ идти съ нимъ противъ спартанскаго тиранна. Слава его имени привлекла къ нему много волонтеровъ. Онъ пошелъ съ ними въ Мессенію, прогналъ тиранна, заманилъ его на отступленіи въ засаду, разбилъ его войско и сталъ дѣлать походы въ Лаконію. Обрадованное этими успѣхами народное собраніе ахейскаго союза назначило Филопемена стратегомъ на слѣдующій годъ. Но Филиппъ, завидуя вліянію и славѣ 201—200.
Филопемена, хотѣлъ избавиться отъ него убійствомъ, какъ избавился отъ его предмѣстника, Арата. Только благодаря счастливой случайности, Филопеменъ избѣжалъ смерти. Понятно, что, когда возобновилась война между римлянами и Филиппомъ, онъ убѣдилъ ахейцевъ остаться нейтральными.

Походъ Филопемена противъ Набиса 202.

Филиппъ хочетъ убить Филопемена.

2. Вторая македонская война и освобожденіе Греціи.

Римляне черезъ своихъ агентовъ и приверженцевъ хорошо знали настроеніе умовъ въ Греціи, и когда они въ 200 году возобновили войну съ Македоніей, ихъ искусные посланники уже давно съумѣли привлечь большинство грековъ на ихъ сторону. Конечно, слѣдуетъ полагать, что истинной причиной ихъ войны, было желаніе подчинить себѣ богатыя и образованныя восточныя земли и уничтожить вліяніе Македоніи на Грецію. Но Филиппъ самъ подалъ имъ справедливые поводы къ войнѣ; онъ нападалъ на римскихъ союзниковъ, отказывался вознаградить находившіяся подъ покровительствомъ Рима государства за свой грабежъ, послалъ войско на помощь карѳагеня-

Причины войны.

намъ. Римъ не могъ спокойно смотрѣть на то, что честолюбивый, враждебный ему царь расширяетъ свои владѣнія, отнимая земли у царей египетскаго и пергамскаго, союзниковъ Рима, грабитъ родосцевъ; Римъ не могъ отлагать войну, пока онъ овладѣетъ Киреною и будетъ оттуда угрожать своимъ флотомъ Италіи, пока онъ покоритъ всѣ торговыя республики на востокѣ. Эти причины достаточно оправдывали войну Рима противъ Македоніи. Восточныя государства

Безуспѣшность войны въ первые два года. 200—199

сами пролагали римлянамъ путь къ ихъ покоренію. Но въ первые два года римляне вели войну вяло и безъ плана, вѣроятно потому, что римскій народъ былъ не расположенъ къ ней по отдаленности ея театра и былъ утомленъ долгою борьбою съ карѳагенянами, такъ что въ составѣ римскаго войска было мало римскихъ гражданъ. Консулы Публій Сульпицій Гальба и Публій Виллій ограничились тѣмъ, что заняли иллиро-эпирскій берегъ между Аполлоніею и Диррахіемъ и дѣлали оттуда небольшіе походы въ долины Аоя и Апса. Встрѣчая храброе сопротивленіе македонянъ, дѣйствіями которыхъ управлялъ самъ Филиппъ и которые заняли укрѣпленныя позиціи въ ущельяхъ, по дорогѣ изъ Антигоніи, римскіе военачальники не могли пробиться въ Ѳессалію и Македонію. Незначительны были и успѣхи римскаго флота. Бывшія на немъ войска взяли приступомъ и разрушили Халкиду, важнѣйшую македонскую крѣпость на Эвбеѣ, складочное мѣсто военныхъ запасовъ Филиппа; но онъ отмстилъ за это опустошеніемъ окрестностей Аѳинъ (аѳиняне были союзниками римлянъ).

Консулъ Титъ Квинкцій Фламининъ въ Греціи 198.

На третій годъ войны, когда главнокомандующимъ сдѣлался Титъ Квинкцій Фламининъ, дѣла быстро приняли другой оборотъ. Фамилія Квинкціевъ была старинная и знатная; она вела свое происхожденіе изъ Альбалонги. Титу Квинкцію Фламинину было еще только 30 лѣтъ, когда онъ сталъ консуломъ, но онъ былъ уже опытный воинъ. Человѣкъ энергическій, краснорѣчивый, любезный въ обращеніи, искусный дипломатъ, прекрасно владѣвшій греческимъ языкомъ, онъ любилъ грековъ, ихъ обычаи, литературу, искусство; имѣлъ всѣ качества, нужныя для того, чтобы привлечь грековъ къ римлянамъ. Онъ умѣлъ внушить грекамъ убѣжденіе, что онъ другъ ихъ и тѣмъ склонилъ ихъ къ союзу съ Римомъ; онъ искусно велъ войну и скоро стѣснилъ непріятеля; своей осторожностью и твердостью онъ преодолѣвалъ всѣ затрудненія. При содѣйствіи эпирцевъ,

Побѣды Фламинина.

перешедшихъ на сторону римлянъ и показывавшихъ дороги имъ, римскій отрядъ взошелъ по горной тропинкѣ на крутизны, владычествовавшія надъ македонскимъ станомъ. Римляне напали съ двухъ сторонъ, и Филиппъ долженъ былъ съ большимъ урономъ отступить въ Темпейское ущелье. Скоро вся Ѳессалія была занята римлянами и союзниками ихъ, между которыми особенно отличались храбростью хищные этоляне. Не останавливаясь долго въ Ѳессаліи, Фламининъ вступилъ въ Фокиду, взялъ, не смотря на храбрую оборону, крѣпость

Элатею, занялъ всю Фокиду, Локриду и Беотію; а римскій флотъ, къ которому присоединились родосскій и пергамскій, крейсировалъ между тѣмъ у береговъ Пелопоннеса и далъ возможность ахейцамъ покинуть нейтралитетъ. На бурномъ собраніи ахейскаго народа въ Сикіонѣ было рѣшено заключить союзъ съ Римомъ. Послѣ того римляне осадили съ суши и съ моря Коринѳъ; но не могли взять этого сильно укрѣпленнаго города, храбро обороняемаго македонскимъ войскомъ. Зимою послы Филиппа просили у Рима мира; но сенатъ требовалъ, чтобы Филиппъ отказался отъ всѣхъ своихъ владѣній, кромѣ Македоніи; онъ рѣшился продолжать войну. Онъ принудилъ поступить на службу не только людей крѣпкихъ лѣтъ, но и стариковъ и 16-ти лѣтнихъ юношей; такимъ образомъ онъ довелъ свое войско до 26000 человѣкъ; онъ послалъ подкрѣпленіе въ Коринѳъ, склонялъ вступить въ союзъ съ нимъ спартанскаго тиранна Набиса, который по заключеніи союза между ахейцами и римлянами, сталъ ссориться съ Фламининомъ. Набисъ потребовалъ, чтобы Филиппъ отдалъ ему Аргосъ, обѣщая за это свою помощь; занявъ Аргосъ, онъ вынудилъ пытками богатыхъ гражданъ отдать ему всѣ золотыя, серебряныя, всякія другія дорогія вещи, возбудилъ простолюдиновъ противъ зажиточнаго сословія уничтоженіемъ долговъ и раздѣломъ земли, вообще сталъ свирѣпствовать и въ Аргосѣ, какъ въ Спартѣ; но, обманувъ Филиппа, остался союзникомъ Фламинина, даже послалъ ему отрядъ войска, когда онъ лѣтомъ пошелъ въ Ѳессалію, гдѣ ждалъ его Филиппъ. Оба войска были почти равны числомъ. Только конницы у римлянъ было больше, чѣмъ у Филиппа. Послѣ нѣсколькихъ стычекъ въ окрестностяхъ Феръ и у Бебскаго озера, въ которыхъ этольская конница одержала блистательные успѣхи, македоняне пошли на западъ, къ Скотуссѣ, чтобы пополнить недостатокъ провіанта, собравъ созрѣвшій хлѣбъ на равнинѣ около этого города. Туда пошелъ другой дорогой и Фламининъ и остановился на Фарсальской равнинѣ. Войска раздѣляла гряда холмовъ, называвшихся Киноскефалами «собачьими головами», по своимъ страннымъ очертаніямъ казавшимся имѣющими нѣкоторое сходство съ головами животныхъ. Ни римляне, ни македоняне не знали о присутствіи непріятеля. Римскій отрядъ въ дождливый день неожиданно натолкнулся на македонскій отрядъ, занимавшій эти холмы. Началась схватка; при всей храбрости римлянъ и этольской конницы, македоняне побѣдили въ этой схваткѣ. Узнавъ о близости непріятеля, Фламининъ рѣшилъ кончить войну однимъ ударомъ.

198—197.

Новыя усилія Филиппа.

Битва при Киноскефалахъ. 197.

Фламининъ повелъ всѣ свои силы въ боевомъ порядкѣ на холмы. Мѣстность была неудобна для фаланги, потому Филиппъ колебался принять битву; но воины и низшіе начальники, гордясь побѣдой, желали сражаться, и онъ, уступая ихъ шумному требованію, поставилъ тяжелую пѣхоту въ

боевой порядокъ. Правое крыло быстро двинулось на приближавшіеся легіоны; эта часть римской пѣхоты не выдержала натиска плотной массы, вооруженной длинными копьями, ряды ея были разорваны; она отступила. Но лѣвое крыло македонянъ шло разрозненными отрядами, и прежде чѣмъ они сформировались плотнымъ фронтомъ, Фламининъ разстроилъ ихъ искусной атакой, въ которой главную роль играли слоны; они были уничтожены. Пока шла тутъ битва, одинъ изъ низшихъ римскихъ военачальниковъ, взявъ 20 манипуловъ, напалъ съ тыла на правое македонское крыло, которое, преслѣдуя опрокинутую имъ часть римскаго войска, ушло впередъ. Этимъ неожиданнымъ нападеніемъ была рѣшена битва. Римляне страшно истребляли толпившихся въ безпорядкѣ воиновъ фаланги. Напрасно македоняне подымали свои сарисы вертикально; римляне не знали, что это служитъ знакомъ, что они сдаются, и безпощадно убивали ихъ; 8,000 македонянъ легло на полѣ битвы, 5,000 было взято въ плѣнъ. Съ остаткомъ войска царь бѣжалъ въ Темпейскую долину; на дорогѣ въ Лариссѣ онъ сжегъ свою переписку, чтобы не компрометировать своихъ тайныхъ друзей. Онъ заключилъ перемиріе и ушелъ въ Македонію. Узнавъ о битвѣ при Киноскефалахъ покорились римлянамъ акарнанцы, послѣдніе союзники Филиппа.

Положеніе партіи. Миръ.

Судьба Македоніи была во власти римлянъ; они могли уничтожить царство Александра Великаго, и были голоса, требовавшіе этого. Въ особенности этоляне, храбрость которыхъ очень много помогла побѣдѣ, требовали себѣ обширныхъ областей и очень обидѣлись, когда Фламининъ, хорошо знавшій взаимную ненависть между греками, не исполнилъ ихъ желаній. Онъ чувствовалъ состраданіе къ Филиппу, а самохвальство этолянъ, говорившихъ, что битву при Киноскефалахъ выиграли они, оскорбляло его національную гордость Онъ не хотѣлъ дѣлать распоряженій въ угоду ненависти Этольскаго союза, не захотѣлъ уничтожить македонское царство, бывшее оплотомъ греческой цивилизаціи противъ кельтовъ и ѳракійцевъ. При томъ Филиппъ, доведенный до отчаянія, могъ бы не пожалѣть уступокъ сирійскому царю, чтобы пріобрѣсти его помощь. Беотійцы такъ ненавидѣли римлянъ, что за освобожденіе своихъ плѣнниковъ благодарили не Фламинина, а Филиппа, и близъ Копайскаго озера ограбили и убили 500 человѣкъ римскихъ воиновъ, шедшихъ небольшими партіями по этой мѣстности. Изъ этого Фламининъ могъ видѣть, что не долженъ разсчитывать на вѣрность и признательность грековъ. Потому онъ согласился на просьбу Филиппа продлить перемиріе, взявъ у царя заложниковъ и въ томъ числѣ его сына, Димитрія; Филиппъ обѣщался заплатить 1000 талантовъ контрибуціи. Партія, желавшая мира, одержала верхъ въ Римѣ. Сенатъ и народъ римскій послали десять уполномоченныхъ, вмѣстѣ съ которыми Фламининъ постановилъ слѣдующія условія мира: Филиппъ отказывается отъ всѣхъ своихъ владѣній во Ѳракіи, Малой Азіи, Греціи, отъ принадлежавшихъ ему острововъ Эгейскаго моря, признаетъ независимость грековъ, отдаетъ римлянамъ всѣ свои военные корабли, кромѣ пяти

триремъ, не долженъ держать болѣе 5000 войска, не можетъ имѣть боевыхъ слоновъ, не долженъ безъ позволенія сената вести войну за границами своего государства. Но Македонію римляне оставили за нимъ всю, кромѣ области Орестиды, возставшей противъ него, помогавшей римлянамъ и объявленной теперь независимымъ государствомъ. Гордость Филиппа давно была сломлена; онъ покорился повелѣніямъ сената, принялъ условія мира и заключилъ съ римлянами союзъ. Итакъ Македонія вышла изъ войны уменьшенная въ объемѣ, ослабленная, обѣднѣвшая и терзаемая внутренними раздорами.

Объявленіе свободы Греціи на истмійскихъ играхъ 196.

Желая привлечь къ себѣ греческія государства великодушіемъ, Римъ принялъ на себя роль освободителя. Сенатъ рѣшилъ не брать никакихъ земель въ Греціи, предоставить свободу греческимъ государствамъ, находившимся подъ властью Филиппа, поручить Фламинину и находившимся при немъ десяти уполномоченнымъ торжественное провозглашеніе свободы Греціи. Фламининъ, любившій греческую цивилизацію, покровительствовавшій греческому искусству, съ радостью исполнилъ это почетное порученіе. На истмійскія игры близъ Коринѳа собралось множество народа изъ всѣхъ частей греческаго міра порадоваться послѣ долгаго перерыва возобновленію національнаго торжества и услышать отъ побѣдителей рѣшеніе судьбы греческаго міра. При глубокой тишинѣ собравшейся массы, римскій глашатай прочелъ постановленіе сената, что коринѳяне, фокейцы, локрійцы, эвбеяне, ѳессалійцы и другія греческія племена получаютъ свободу жить по своимъ законамъ, что у нихъ не будетъ стоять никакихъ чужихъ гарнизоновъ и они не будутъ платить никому дань. Народомъ овладѣлъ восторгъ, онъ потребовалъ, чтобы постановленіе сената было прочтено еще разъ. Забыты были игры; греки въ пламенныхъ выраженіяхъ прославляли великодушіе римскаго народа, превозносили до небесъ Фламинина, освободителя Греціи, толпа тѣснилась къ нему; одни пробивались, чтобы поближе видѣть его, другіе хватали его руку, хватали полы его одежды, надѣли на него вѣнокъ, осыпали его цвѣтами; онъ едва вырвался изъ толпы, въ восторгѣ душившей его.

Новое устройство греческихъ дѣлъ. Ѳессалія, Этолія.

Послѣ того, Фламининъ и римскіе уполномоченные занялись подробностями относительно устройства Греціи. Ѳессалія была раздѣлена на четыре независимыя другъ отъ друга государства; это были: Магнезія, Перребія, Долопія и Ѳессаліотида; большая часть Фтіотиды была присоединена къ Ѳессаліотидѣ. Этоляне получили Амбракію, Фокиду и Локриду, но должны были отказаться отъ ѳессалійскихъ городовъ, которыми владѣли прежде. Къ ахейскому союзу были присоединены македонскія владѣнія въ Пелопоннесѣ, важнѣйшимъ изъ которыхъ былъ Коринѳъ. Аѳиняне въ вознагражденіе за бѣдствія, испытанныя отъ Филиппа и въ награду за похвалы, которыми превозносили римлянъ, получили острова Паросъ, Скиросъ, Имбросъ. Къ Акарнаніи была присоединена Левкада. Эпирцы образовали федерацію подъ надзоромъ Рима. Беотія также образовала федерацію. Иллирскій царь Плевратъ получилъ нѣсколько округовъ на сѣверо-восточной границѣ Македоніи. Атаманскій князь Аминандръ сохранилъ тѣ маленькія крѣпости,

Ахейцы, аѳиняне, акарнанцы, эпирцы, беотійцы, иллирійцы, атаманцы.

какими овладѣлъ во время войны. Эгина была оставлена принадлежащей пергамскому царю, который за нѣсколько времени передъ тѣмъ овладѣлъ ею.

Неудовольствіе этолянъ.

Эти постановленія не соотвѣтствовали ожиданіямъ грековъ, и потому энтузіазмъ скоро смѣнился недовольствомъ. Въ особенности раздражены были этоляне. Они жаловались на неблагодарность римлянъ, не захотѣвшихъ оцѣнить ихъ заслугъ, и говорили, что Римъ хочетъ овладѣть Греціею. Эта мысль стала казаться правдоподобной другимъ грекамъ, въ особенности, когда они увидѣли, что Фламининъ не выводитъ римскихъ гарнизоновъ изъ Деметріады, Халкиды и Акрокоринѳа, тѣхъ трехъ крѣпостей, македонскіе гарнизоны которыхъ держали въ порабощеніи Грецію. Греки стали говорить: «Римляне сняли оковы съ ногъ Греціи, но наложили цѣпь на шею ей». Неудовольствіе возросло, когда Фламининъ принялся за трудное дѣло разбора запутанныхъ отношеній между государствами, ссорившимися между собою и между ожесточенно боровшимися въ каждомъ государствѣ партіями.

Упорство Набиса.

Онъ хотѣлъ прекратить войну ахейскаго союза съ спартанскимъ тиранномъ Набисомъ; но напрасно требовалъ онъ отъ наглаго разбойника, чтобы Аргосъ былъ возвращенъ ахейцамъ: Набисъ упорно отказывался вывесть свое войско изъ этого города; тираннъ разсчитывалъ на раздраженіе этолянъ, на многочисленность своего наемнаго войска, на крѣпкія стѣны Спарты и на то, что сирійскій царь пошлетъ войско въ Грецію. По предложенію Фламинина, на конгрессѣ въ Коринѳѣ была объявлена война Набису отъ имени всѣхъ греческихъ государствъ. Въ Пелопоннесъ двинулось войско, состоявшее изъ римскаго и греческихъ отрядовъ; къ нему присоединился изгнанный спартанскій царь Агезиполь съ другими лакедемонскими эмигрантами; оно осадило Спарту, а римскій флотъ съ родосской и пергамской эскадрами высадилъ другіе отряды на лаконскій берегъ.

Война съ Набисомъ 195.

Но хотя союзники далеко превосходили Набиса своими силами, они одолѣли его не такъ быстро, какъ ожидали. Онъ собралъ изъ жителей Лаконіи и наемниковъ войско, простиравшееся до 15.000 человѣкъ, упрочилъ свое владычество надъ Спартой, убивъ или бросивъ въ темницы всѣхъ подозрительныхъ ему гражданъ, и удачно защищалъ крѣпкія стѣны и окопы Спарты. Но союзное войско заняло Амиклы, опустошило плодородную долину Эврота; флотъ склонилъ къ возстанію противъ тиранна Гитій, другіе приморскіе города;

Набисъ принужденъ покориться.

и Набисъ упалъ духомъ. Онъ попросилъ у Фламинина свиданія и мира. Фламининъ хотѣлъ только ослабить прежняго союзника, низвергнуть его не хотѣлъ и предложилъ ему условія очень легкія: отказаться отъ Аргоса и другихъ владѣній за границами Лаконіи, отказаться отъ приморскихъ городовъ, возвратить отнятыя имущества ихъ владѣльцамъ, отпустить наемниковъ, отдать военные корабли, уплатить контрибуцію, не вести войны и не заключать договоровъ безъ дозволенія Рима.

Спартанское народное собраніе, состоявшее изъ наемниковъ Набиса и людей, которымъ онъ далъ права гражданъ, отвергло эти условія, опасаясь по заключеніи мира подвергнуться наказанію за злодѣйства, въ какихъ былъ виноватъ каждый изъ этихъ людей, и принудило Набиса продолжать войну. Разбивъ подъ стѣнами Спарты войско Набиса, союзники ворвались въ городъ; но разбойники зажгли дома и вытѣснили ворвавшихся. Наконецъ упорство обороняющихся было сломлено. Набисъ и народъ были принуждены принять условія, поставленныя Фламининомъ. Набисъ остался владѣтелемъ Спарты къ большой досадѣ ахейцевъ, надѣявшихся, что ненавистный тираннъ будетъ низвергнутъ и весь Пелопоннесъ будетъ присоединенъ къ ихъ союзу. Спартанскіе эмигранты были поселены въ приморскихъ городахъ; ихъ семейства были отпущены къ нимъ Набисомъ, и они образовали особое государство «свободныхъ лаконцевъ» (элевтеролаконовъ). Оно присоединилось къ ахейскому союзу. Римляне оставили Набиса владѣльцемъ Спарты собственно затѣмъ, чтобъ ахейскій союзъ имѣлъ въ немъ противника.

Фламининъ опредѣляетъ отношенія между греческими государствами 195—194.

Фламининъ, человѣкъ благородный и великодушный, старался устроить дѣла греческихъ государствъ со всею той справедливостью, какая была возможна при глубокой враждѣ между ними и раздорахъ партій; распустивъ войска и флотъ союзниковъ, онъ пріѣхалъ въ Аргосъ на немейскія игры, насладился тамъ выраженіями искренней и не искренней признательности грековъ, потомъ отправился въ фокидскій городъ Элатею, и тамъ въ продолженіе зимы по возможности старался примирить между собою грековъ, улучшить ихъ администрацію и судопроизводство, возстановить благосостояніе обѣднѣвшихъ городовъ, сдержать необузданность демократіи.

Беотійцы.

Беотійцы явно выказывали ненависть къ римлянамъ, избрали правителемъ своей федераціи Брахилла, приверженца Македоніи; когда онъ былъ убитъ съ согласія Фламинина сторонниками дружбы съ Римомъ, они подвергли преслѣдованію убившихъ его; мы уже говорили, что они предательски убили 500 римскихъ воиновъ; Фламининъ наложилъ на нихъ за это большой денежный штрафъ; они униженно умоляли о прощеніи; ахейцы и аѳиняне просили за нихъ, онъ уменьшилъ штрафъ до небольшой суммы и великодушно терпѣлъ то, что они съ ребяческимъ упорствомъ оставляли правленіе въ рукахъ людей, враждебныхъ Риму.

Ѳессалія.

—Онъ заботился о томъ, чтобы въ Ѳессаліи, другихъ государствахъ, освобожденныхъ отъ македонскаго владычества, правителями и судьями были назначены честные зажиточные люди; старался уменьшить раздробленность Греціи, благопріятствуя образованію федерацій съ союзнымъ правительствомъ; возвратилъ греческимъ городамъ тѣ имущества, которыя по военному праву подлежали конфискаціи, заботился о возстановленіи благосостоянія греческихъ государствъ, надѣясь укрѣпить этимъ ихъ привязанность къ Риму.

Римскія войска оставляютъ Грецію 419.

Весною 194 года Фламининъ кончилъ свои заботы о примиреніи греческихъ государствъ и рѣшился удалиться съ римскими войсками изъ Греціи, чтобы доказать неосновательность подозрѣній, будто бы

34*

Римъ обманываетъ Грецію, обѣщавъ ей свободу. Онъ созвалъ въ Коринѳъ уполномоченныхъ всѣхъ греческихъ государствъ, съ отцовской заботливостью убѣждалъ ихъ сохранять миръ между собою и вѣрность римлянамъ, пользоваться своею свободою благоразумно, умѣренно и просилъ въ единственную награду себѣ, чтобъ освобождены были римскіе граждане, проданные въ рабство карѳагенянами во вторую пуническую войну. Собраніе выразило свое сочувствіе его рѣчи восторженными криками, прославляло его, какъ освободителя Греціи, назначило почетный конвой ему. Фламининъ вывелъ римскіе гарнизоны изъ Акрокоринѳа, Деметріады, Халкиды, другихъ крѣпостей и возвратился въ отечество со всѣми своими войсками и съ освобожденными римскими плѣнниками, на выкупъ которыхъ одни ахейцы израсходовали 100 талантовъ. «Титъ, великій полководецъ потомковъ Энея, давшій свободу сынамъ Эллады», какъ называла его греческая надпись на одномъ изъ приношеній грековъ Дельфійскому храму, получилъ въ Римѣ тріумфъ. Великолѣпная тріумфальная процессія длилась три дня; въ ней были несены множество драгоцѣнныхъ трофеевъ, статуй, золотыхъ вѣнковъ, данныхъ Фламинину греческими городами, громадныя суммы золота и серебра; передъ колесницею тріумфатора шли знатные плѣнники и заложники, въ томъ числѣ Димитрій, сынъ царя македонскаго, и Арсамъ, сынъ Набиса. Побѣда надъ карѳагенянами внушила римлянамъ возвышенное настроеніе чувства, и они радовались, что возвратили свободу странѣ, которая была отчизною ихъ образованности. Но къ ихъ возвышенному чувству примѣшивался и политическій разсчетъ. Любовь къ Греціи была у сената, безъ сомнѣнія, менѣе сильна, чѣмъ стремленіе къ владычеству надъ всѣми сосѣдями; и сами греки скоро подали своимъ покровителямъ поводъ отнять у нихъ данную имъ великодушно свободу.

Этоляне и Набисъ. 194—192.

Едва римляне вывели свои войска изъ Греціи, этоляне дали волю своей досадѣ на нихъ, стали громко поносить ихъ, возбуждать Филиппа и Антіоха къ новой войнѣ съ Римомъ, обѣщая по своему привычному самохвальству вывести въ поле на помощь имъ большое войско. Поддавшись заманчивымъ словамъ этолянъ, Набисъ пошелъ на приморье покорить свободныхъ лаконцевъ. Онъ осадилъ и взялъ Гитій. Филопеменъ, бывшій тогда стратегомъ ахейскаго союза, повелъ войско въ Лаконію, 30 дней опустошалъ спартанскую область, и Набисъ былъ бы принужденъ безусловно покориться ахейцамъ, если бы Фламининъ, пріѣхавшій посломъ въ Грецію, не вмѣшался въ дѣло; по его желанію, ахейцы заключили съ Набисомъ перемиріе на неопредѣленное время; но вскорѣ послѣ того произошла неожиданная развязка. Этоляне, получивъ тайное извѣщеніе о томъ, что Антіохъ думаетъ привести войско въ Грецію, хотѣли до его прибытія овладѣть важнѣйшими крѣпостями, чтобы сдѣлаться господами Греціи. Имъ удалось хитростью захватить Деметріаду, теперь представился имъ случай овладѣть Спартой. Набисъ просилъ ихъ помощи; они послали въ Лаконію отважнаго военачальника Алексамена съ 1000 человѣкъ пѣхоты и отрядомъ конницы и вѣроятно дали ему тайное приказаніе убить

Набиса, который, по своему вѣроломству, можетъ измѣнить имъ, примирившись съ римлянами. На смотрѣ войска Алексаменъ велѣлъ своимъ воинамъ убить Набиса. Это было исполнено прежде, чѣмъ успѣли подбѣжать его тѣлохранители. Но вмѣсто того, чтобъ овладѣть укрѣпленіями Спарты, пользуясь первымъ временемъ смятенія, этоляне по своей обыкновенной алчности бросились грабить дворецъ Набиса и городъ. Спартанцы собрались, напали на грабителей, убили почти всѣхъ ихъ, въ томъ числѣ и Алексамена. Лишь немногіе успѣли убѣжать въ Тегею и въ Мегалополь. Тамъ схватили ихъ и продали въ рабство. Въ Спартѣ началась страшная анархія. Спартанцы, привыкшіе держать себя, какъ разбойники, подняли кровопролитныя драки между собой. Но скоро подошелъ съ отрядомъ войска Филопеменъ и усмирилъ междоусобіе: вытребовалъ, чтобы буйные наемники удалились, возстановилъ прежнія спартанскія учрежденія, поручилъ управленіе эфорамъ и убѣдилъ спартанцевъ присоединиться къ ахейскому союзу. Но въ слѣдующемъ году спартанцы, считавшіе унизительнымъ для себя подчиненіе союзу и досадовавшіе на то, что при независимости лаконскаго приморья они имѣютъ мало доходовъ, отложились отъ ахейцевъ. Это было время сирійской войны. Римляне хотѣли послать войско для наказанія спартанцевъ, но Филопеменъ успѣлъ прійдти раньше, и, убѣдивъ спартанцевъ снова присоединиться къ ахейскому союзу, спасъ ихъ отъ мщенія римлянъ. Спартанцы предлагали ему въ благодарность подарокъ изъ проданнаго имущества Набиса, но онъ отказался отъ награды. Душѣ этого скромнаго и честнаго человѣка была чужда алчность, господствующій порокъ его времени.

Филопеменъ присоединяетъ Спарту къ ахейскому союзу. 192—191.

3. Сирійско-этольская война. Смерть Филопемена, Ганнибала и Сципіона.

Антіохъ и этоляне.

Римскія войска еще оставались въ Греціи, когда сирійскій царь Антіохъ III, получившій отъ своихъ льстецовъ названіе Великаго, сталъ держать себя такъ, что римляне увидѣли неизбѣжность столкновенія съ нимъ (стр. 310 и слѣд.). Онъ отнялъ Палестину и Финикію у египетскаго царя, находившагося подъ покровительствомъ Рима; началъ войну съ Родосомъ и царемъ пергамскимъ, вѣрными союзниками римлянъ; возстановивъ Лизимахію и поставивъ тамъ гарнизонъ, онъ обнаружилъ намѣреніе овладѣть Ѳракіею; изъ Ѳракіи онъ могъ легко посылать помощь македонянамъ и грекамъ въ случаѣ ихъ возстанія противъ римлянъ; онъ съ почетомъ принялъ въ Эфесѣ Ганнибала, смертельнаго врага римлянъ; онъ не соглашался дать греческимъ городамъ береговъ Малой Азіи и Ѳракіи независимость, обѣщанную имъ римлянами. При такомъ положеніи дѣлъ было неблагоразумно отозвать всѣ римскія войска изъ Греціи; оставить тамъ часть ихъ было тѣмъ необходимѣе, что этоляне ждали только перваго удобнаго случая снова начать свои хищническіе походы по Греціи. Этольскіе послы отправились къ Антіоху возбуждать его противъ надменнаго Рима. Они, и въ особенности страстный ненавистникъ римлянъ, Ѳоантъ, самыми яркими красками описывали неудо-

вольствіе противъ римлянъ, господствовавшее въ Македоніи и Греціи. Ганнибалъ поддерживалъ ихъ совѣты.

Они говорили, что если Антіохъ пошлетъ въ Грецію войско, хотя бы не очень большое, то поднимется тамъ всеобщее возстаніе, что греки видятъ въ немъ своего избавителя отъ римскаго ига; что храброе этольское войско, побѣдившее македонянъ при Киноскефалахъ, присоединится къ сирійскому. Ганнибалъ тоже совѣтовалъ начать войну. Онъ говорилъ, что въ Испаніи сильное возстаніе, въ Сициліи и въ южной Италіи большое волненіе, что значительная часть римскихъ войскъ занята войною съ галлами (стр. 512); что легко будетъ возбудить къ войнѣ Карѳагенъ, что Филиппъ Македонскій несомнѣнно будетъ помогать Антіоху, что при первой побѣдѣ сирійскаго царя, подымется всеобщая война противъ Рима. Онъ просилъ царя дать ему эскадру; онъ хотѣлъ плыть по берегамъ Средиземнаго моря, возбуждая всѣ государства къ войнѣ.

Антіохъ долго колебался, но этоляне дали рѣшительный оборотъ дѣлу: они были раздражены тѣмъ, что римляне отняли у нихъ взятую ими крѣпость Деметріаду, и этольское народное собраніе рѣшилось начать войну съ Римомъ. Узнавъ объ этомъ, отважился на войну и Антіохъ. Онъ посадилъ на корабли 10000 человѣкъ пѣхоты, 500 всадниковъ, 6 слоновъ, поплылъ въ Пагасскій заливъ, высадился и овладѣлъ Деметріадой. Но напрасно Ганнибалъ совѣтовалъ царю за-

Антіохъ на Эвбеѣ 192.

ключить союзъ съ Филиппомъ, отправить пословъ къ карѳагенянамъ и южно-италійскимъ грекамъ съ призывомъ къ возстанію противъ римлянъ, дать широкій размѣръ войнѣ; тщеславный Антіохъ опасался, что станутъ говорить, будто онъ слушается Ганнибала, и дѣйствовалъ по своему. Въ Ламіи пріѣхали къ нему уполномоченные этолянъ, объявили, что онъ назначенъ главнокомандующимъ этольскаго союза; онъ занялъ Халкиду и другіе эвбейскіе города; магнеты, атаманскій царь Аминандръ, беотійцы, элидяне, мессенцы вступили въ союзъ съ нимъ, но вмѣсто того, чтобы пріобрѣсти помощь Филиппа и вести дѣло быстро, онъ провелъ зимніе мѣсяцы въ без-

192—191.

дѣйствіи на Эвбеѣ, великолѣпно празднуя свою свадьбу, тратя время на пиры, а войско его между тѣмъ деморализовалось, забывало дисциплину; онъ оскорбилъ македонскаго царя, торжественно похоронивъ кости воиновъ, убитыхъ при Киноскефалахъ; это такъ обидѣло Филиппа, въ которомъ пустая гордость и личные капризы были сильнѣе политическихъ разсчетовъ, что онъ прервалъ переговоры съ Антіохомъ и послалъ свое войско въ распоряженіе храбраго консула Манія Ацилія Глабріона, высадившагося весною у Аполлоніи. Теперь

Побѣда римлянъ при Термопилахъ.

обнаружилось, какъ плохо приготовился къ борьбѣ съ римлянами Антіохъ и какъ мало согласія между нимъ и этолянами. Они обманывали другъ друга. Этоляне ждали, что Антіохъ привезетъ въ Грецію громадное войско, а сами обѣщали, что греки съ восторгомъ пріймутъ его; вмѣсто того онъ приплылъ въ Грецію лишь съ нѣсколькими тысячами плохихъ воиновъ, и вовсе не сбылось увѣреніе

этолянъ, что всѣ греки присоединятся къ нему, своему освободителю: въ его станъ пришло лишь нѣсколько отрядовъ наемниковъ; ахейцы, аѳиняне, византійцы приняли сторону Рима; римляне имѣли союзниковъ и въ Азіи: родоссцевъ, Эвмена пергамскаго, Прузія виѳинскаго. Не трудно было предвидѣть, чѣмъ кончится походъ. Антіохъ занялъ Термопилы и укрѣпилъ этотъ проходъ окопами; римское войско быстро пришло въ Ѳессалію, соединилось съ македонскимъ, пошло черезъ Ларису и Фарсалъ на Антіоха. Маркъ Порцій Катонъ, научившійся въ Испаніи вести войну въ горахъ, находился въ римскомъ войскѣ. Хотя нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ консуломъ, онъ не почелъ униженіемъ для себя служить теперь простымъ военнымъ трибуномъ. Онъ взялъ приступомъ гору Каллидромъ, на которой стоялъ этольскій отрядъ и, спустившись оттуда, напалъ на флангъ непріятеля, котораго Глабріонъ аттаковалъ съ фронта; сирійское войско совершенно разстроилось и почти все было истреблено. Римляне настигали бѣжавшихъ, убивали ихъ или захватывали въ плѣнъ. Антіохъ съ небольшимъ отрядомъ, едва ускользнувъ отъ плѣна, уплылъ въ Халкиду и оттуда поспѣшно возвратился въ Эфесъ.

Этоляне просятъ мира.

Этимъ однимъ сраженіемъ и было покончена сирійско-этольская война; римляне теперь были полными господами Греціи. Халкида сдалась Глабріону, Деметріада Филиппу; беотійцы, элидяне, мессенцы покорились или самимъ римлянамъ, или ахейцамъ. Этоляне тоже просили мира, но требованія Глабріона были такъ суровы, что они предпочли обороняться; римляне осадили Навпактъ, занятый этольскимъ войскомъ; онъ два мѣсяца защищался. Фламининъ, постоянно старавшійся спасать грековъ отъ бѣдствій, какія навлекали они на себя своимъ безразсудствомъ, и защищавшій ихъ отъ суровости своихъ товарищей, убѣдилъ этольскій союзъ и Глабріона заключить на неопредѣленное время перемиріе, предоставивъ сенату опредѣленіе условій мира. Римлянамъ угрожала новая война; потому политическое благоразуміе требовало не доводить этолянъ до отчаянія. Фламининъ самъ поѣхалъ съ ихъ посольствомъ въ Римъ и привезъ туда отрадныя извѣстія, что легіоны побѣдили сирійско-этольское войско въ Греціи и что флотъ Антіоха, при всемъ искусствѣ финикіянъ, кораблями которыхъ начальствовали Ганнибалъ и Аполлоній, побѣжденъ близъ устья Эвримедона римско-родосскимъ флотомъ и что такимъ образомъ римляне могутъ, не встрѣчая сопротивленія, перевести свои войска въ Азію.

Война въ Азіи. 190.

Въ Римѣ тогда уже было рѣшено напасть на Антіоха въ его собственномъ царствѣ. Но честь начальствовать этимъ походомъ была предоставлена не Ацилію Глабріону, человѣку незнатнаго рода, а знаменитой фамиліи Сципіоновъ. Главнокомандующимъ по имени былъ сдѣланъ Луцій Корнелій Сципіонъ, консулъ того года. Но онъ былъ человѣкъ не даровитый и въ дѣйствительности главнокомандующимъ былъ поѣхавшій вмѣстѣ съ нимъ братъ его, Сципіонъ Африканскій, желавшій побѣдить Ганнибала и въ Азіи; 5.000 ветерановъ второй пунической войны поступили въ войско волонтерами, чтобы пріобрѣ-

сти новую славу подъ побѣдоносными знаменами своего любимаго полководца. Филиппъ провожалъ римское войско черезъ Македонію и оно безъ затрудненій перешло по Ѳракіи къ Геллеспонту. Римско-родосскій флотъ одержалъ вторую большую побѣду надъ сирійскимъ у мыса Міоннеса, близъ Колофона, передъ глазами Антіоха и его войска.

Конецъ августа 190.

Извѣстіе объ этой побѣдѣ было радостно принято римскими войсками, какъ счастливое предзнаменованіе, и увеличило ихъ отвагу. Быстрые успѣхи враговъ такъ напугали Антіоха, что онъ вывелъ свои войска изъ укрѣпленій Херсонеса Ѳракійскаго, не пытаясь сопротивляться, и отступилъ въ Лидію, отдавая Геллеспонтъ во власть римлянъ.

Битва при Магнезіи. Осень 190.

Когда римляне переправились на азіатскій берегъ, царь вступилъ съ ними въ переговоры. Но римскій военачальникъ потребовалъ, чтобъ онъ уступилъ всю Малую Азію до Тавра и уплатилъ Риму военныя издержки. Антіохъ нашелъ это не совмѣстнымъ съ своею честью, и война продолжалась. Сирійскому царю слѣдовало бы отступить во внутрь страны, въ горы, призвать къ себѣ Ганнибала, который послѣ очень храброй обороны былъ побѣжденъ въ морскомъ сраженіи и запертъ въ Сидской гавани, утомлять римлянъ войною въ неудобной для ихъ походовъ мѣстности; вмѣсто того онъ собралъ въ долинѣ Герма свое огромное, разноплеменное войско, разнохарактерное по вооруженію, не умѣвшее маневрировать и встрѣтилъ съ нимъ легіоны, шедшіе черезъ Иліонъ на югъ. Тамъ въ дождливый день поздней осени произошла на равнинѣ рѣки Фригія близъ Магнезіи при Сипилѣ рѣшительная битва.

Въ сирійскомъ войскѣ считалось болѣе 70000 человѣкъ и 50 боевыхъ слоновъ индійской расы; конницы было 12.000 человѣкъ; у римлянъ вмѣстѣ съ пергамскимъ войскомъ и македонскими волонтерами было вдвое меньше войска; но воины были такъ увѣрены въ побѣдѣ, что просили консула и военнаго трибуна Гнея Домиція дать битву, не дожидаясь выздоровленія Публія Сципіона, который остался больной въ Элеѣ.—Въ первой линіи у Антіоха стояли легкія войска: пельтасты, стрѣлки, пращники, арабы на дромедарахъ и военныя колесницы; за ними въ центрѣ стояла фаланга, вооруженная по македонски; въ ней было 16000 человѣкъ; но по тѣснотѣ мѣста ряды ея были поставлены не въ такомъ порядкѣ, какъ слѣдовало; этимъ тяжесть ея натиска была ослаблена; по сторонамъ фаланги стояла кельтская и каппадокійская пѣхота, а на флангахъ пѣхоты тяжелая конница. Первая линія сирійцевъ была быстро разстроена горячей аттакой легкихъ войскъ Эвмена и римской конницы; разстройство распространилось и на пѣхоту второй линіи, стоявшую по бокамъ фаланги, такъ что осталась на позиціи только она. Отборные воины, составлявшіе ее, держались твердо плотными рядами; всѣ нападенія непріятеля разбивались о ея длинныя сариссы. Но стрѣлки и пращники наносили много вреда, поражая издали эту густую неприкрытую массу; слоны, стоявшіе подлѣ фаланги, испугались, бросились въ ея ряды; она разстроилась, и все войско обратилось въ бѣгство; мечи и копья побѣдителей истребляли бѣгущихъ на полѣ битвы и потомъ, при взятіи стана; уцѣлѣли только тѣ, которые были взяты въ плѣнъ или разсѣялись въ бѣгствѣ. Число убитыхъ простиралось, какъ говорятъ, въ сирійскомъ войскѣ до 50.000, а въ римскомъ было только 300.

Миръ.

Антіохъ съ нѣсколькими всадниками бѣжалъ въ Сарды, совершенно упалъ духомъ и просилъ мира. Римляне дали ему его на условіяхъ, высказанныхъ еще до битвы. Онъ долженъ былъ уступить всю Малую Азію до Тавра и Галиса, всѣ свои европейскія владѣнія, заплатить огромную контрибуцію, обязался не вести ни сухопутной, ни морской войны на западѣ безъ разрѣшенія римлянъ и дать имъ 20 заложниковъ. Едвали когда другое большое государство рушилось такъ быстро и постыдно, какъ царство Селевкидовъ. Въ слѣдующемъ году новый римскій главнокомандующій Гней Манлій Вульсонъ собственной властью, безъ порученія сената, пошелъ вверхъ по Меандру, бралъ громадныя контрибуціи съ государей и городовъ и въ упорномъ сраженіи у Олимна разбилъ галатовъ, покорилъ ихъ землю до Галиса. Но при заключеніи мира, подробно опредѣлявшаго положеніе Малой Азіи, римляне оставили галатамъ независимость, взявъ съ нихъ обѣщаніе прекратить хищническіе походы. Манлій возвратился въ Римъ съ богатой добычей и, при поддержкѣ вліятельныхъ друзей, выпросилъ себѣ тріумфъ, хотя многіе порицали его несправедливый походъ на народъ, не присоединявшійся къ врагамъ Рима.

Походъ на галатовъ. 189.

Постановленія римлянъ относительно Малоазійскихъ земель.

Относительно земель и городовъ Малой Азіи были сдѣланы въ окончательномъ мирномъ трактатѣ слѣдующія постановленія: всѣ греческіе города, за исключеніемъ принадлежащихъ царю пергамскому, будутъ независимы и освобождаются отъ всякой дани; такимъ образомъ получили свободу многіе издавна знаменитые города: Иліонъ и Дарданъ, изъ которыхъ, по преданію, вышли предки римлянъ, Эней и его спутники; Смирна, Милетъ, Клазомены, Колофонъ, островъ Хіосъ и пр. Родосцамъ и Эвмену пергамскому въ награду за ихъ усердіе къ римлянамъ и въ вознагражденіе за военные убытки были даны новыя владѣнія и разныя другія выгоды; Родосъ получилъ Карію, Ликію и нѣкоторыя другія земли на югѣ отъ Меандра, и было подтверждено право безпошлинной торговли, которымъ пользовался онъ прежде; Эвмену были отданы земли на сѣверѣ отъ Меандра: Лидія съ Сардами и Эфесомъ, Великая и Малая Фригія, Мизія, Ликаонія, часть Каріи, часть Киликіи; Херсонесъ Ѳракійскій съ Лизимахіей; кромѣ того ему была отдана часть контрибуціи, наложенной на Антіоха, были отданы лѣса, принадлежавшіе сирійскому царю, были подчинены многіе греческіе города съ правомъ брать дань съ нихъ. Пергамское царство получило столько земель, что могло служить римлянамъ для обуздыванія Македоніи и Сиріи.—Эти распоряженія римлянъ были, повидимому, безкорыстны, великодушны; но, основывая мелкія, безсильныя государства, непріязненныя другъ другу, римляне руководились разсчетомъ своихъ выгодъ, хотѣли сдѣлать, чтобы ссорящіеся азіатцы постоянно нуждались въ посредничествѣ Рима; этимъ обезпечивалось его владычество надъ ними. Многія изъ постановленій трактата были преднамѣренно высказаны такъ неопредѣленно и двусмысленно, что подавали поводъ къ безконечнымъ спорамъ, и Римъ сталъ верховнымъ судьею дѣлъ въ Азіи.

Мотивы римской политики относительно Азіи.

Покореніе этолянъ. 189.

Межъ тѣмъ, какъ римляне устроивали дѣла на востокѣ такимъ способомъ, что полагали основаніе своему владычеству надъ нимъ, дѣла въ Греціи получили такой оборотъ, что и она стала гораздо болѣе прежняго подчинена римской власти. Сенатъ требовалъ, чтобы этоляне или покорились Риму безусловно, или заплатили контрибу-

цію, превышавшую ихъ средства; они не исполнили ни того, ни другого и, пользуясь тѣмъ, что римскія войска ушли въ Азію на войну съ Антіохомъ, возстановили власть прогнаннаго атаманскаго царя и подняли въ нѣкоторыхъ округахъ Ѳессаліи агитацію противъ Филиппа. Римляне послали на непокорныхъ хищниковъ консула Марка Фульвія Нобиліора съ довольно большимъ войскомъ. Этоляне оборонялись храбро. Но македоняне вступили съ сѣверо-востока въ ихъ долины, остававшіяся беззащитными съ той стороны; ахейцы и иллирійцы опустошили приморскую полосу Этоліи; римляне осадили Амбракію, и послѣ геройской обороны она сдалась; этоляне принуждены были снова просить мира; сенатъ и народъ римскій дали имъ его.

Этоляне должны были заплатить 500 эвбейскихъ талантовъ контрибуціи, отдать статуи и картины, которыми Пирръ украсилъ Амбракію, свою столицу, освободить всѣхъ плѣнныхъ безъ выкупа, выдать дезертировъ, признать верховную власть римскаго народа и дать 40 заложниковъ. Амбракія была объявлена независимымъ городомъ; Кефалленію, непокорное населеніе которой было продано въ рабство, и Закинѳъ римляне взяли себѣ; другія области и города, завоеванныя этолянами, были отданы ахейцамъ и акарнанцамъ.

Этотъ миръ, заключенію котораго содѣйствовалъ аѳинскій уполномоченный Леонъ своимъ пышнымъ краснорѣчіемъ, нанесъ смертельный ударъ этольскому союзу. Обѣднѣвшіе этоляне стали ссориться между собою, и храброе, но буйное племя этихъ горцевъ и поселянъ стало утрачивать свои силы.

Озлобленіе Филиппа на римлянъ.

Два государства, усердно помогавшія римлянамъ въ сирійской и этольской войнахъ и оказавшія имъ важныя услуги, ахейскій союзъ и Македонія, получили отъ побѣдителей не такія большія награды, какъ ожидали. Сенатъ освободилъ Филиппа отъ уплаты той части контрибуціи, которая еще не была внесена и возвратилъ ему заложниковъ; но не далъ въ награду ему земель, какъ надѣялся онъ; это было тѣмъ обиднѣе Филиппу, что Эвменъ получилъ очень много. Очевидно было, что римляне не довѣряютъ Филиппу, не хотятъ возстановленія могущества Македоніи. Этимъ объяснялась и щедрость ихъ относительно пергамскаго царя. Заслужить упрекъ въ неблагодарности римляне не боялись, тѣмъ болѣе, что знали истинный мотивъ усердія, выказаннаго Филиппомъ: онъ помогалъ имъ не по любви къ Риму, а по ненависти къ своему бывшему сопернику, по злобѣ на Антіоха. Чувствуя себя обиженнымъ, Филиппъ негодовалъ; это могло бы произвести новую войну, если бы не предотвратилъ ссору благородный сынъ Филиппа, Димитрій, который, живши въ Римѣ, пріобрѣлъ любовь и довѣріе сената и народа римскаго и былъ въ дружбѣ съ Фламининомъ. Но въ гордой душѣ раздражительнаго Филиппа оставалась злоба, высказывавшаяся безнаказанной бранью противъ римлянъ на конгрессахъ и увеличивавшаяся съ года на годъ отъ новыхъ обидъ: сенатъ охотно принималъ всѣ жалобы на Фи-

Ахейскій союзъ.

липпа и подвергалъ его униженіямъ. Филиппъ дѣйствительно имѣлъ причины сердиться на римлянъ; но ахейцы были недовольны Римомъ только потому, что приписывали слишкомъ много важности себѣ и досадовали на то, что римляне мѣшаютъ имъ воевать съ другими греками, не даютъ имъ насильственно присоединять другія государства къ ихъ союзу. Они успѣли принудить къ этому элидянъ и мессенцевъ, но теперь сердились на римлянъ за то, что имъ, по окончаніи этольской войны, не были отданы Закинѳъ и нѣкоторые города Средней Греціи. Но чѣмъ яснѣе высказывалось властолюбіе ахейцевъ, ихъ желаніе присоединить къ своему союзу весь Пелопоннесъ и заставить всѣ его государства принять одинаковыя съ ними учрежденія, тѣмъ сильнѣе развивались у другихъ пелопоннесцевъ привычная племенная зависть, духъ партикуляризма, любовь къ мѣстной независимости. Посольства городовъ, насильственно присоединенныхъ къ ахейскому союзу, непрерывно упрашивали сенатъ освободить ихъ отъ принадлежности къ ненавистной федераціи. По всему было видно, что греческій народъ сталъ неспособенъ управлять своими дѣлами: раздоры такъ расшатали всѣ основы государственной жизни и порядка, что жизнь и собственность не имѣли никакой безопасности. Соціальная борьба бѣдняковъ, обремененныхъ долгами, противъ богатыхъ колебала общество; разбои увеличивались въ ужасающемъ размѣрѣ; римляне, получая отовсюду изъ Греціи просьбы о рѣшеніи ссоръ, принуждены были вмѣшиваться въ ея внутреннія дѣла. Это сдѣлало ихъ фактическими повелителями Греціи задолго до ея покоренія силою оружія. Ахейцы, по всей вѣроятности, понимали, что въ сущности римляне уже господа въ Греціи; но чѣмъ яснѣе было это, тѣмъ ревнивѣе старались правители Ахейскаго союза сохранить видъ независимости государства, прикрывая гордыми рѣчами о чести и патріотизмѣ безсиліе своей федераціи. Изъ этой фальшивой политики возникали жалкіе споры, пустыя битвы на словахъ, бросающія печальную тѣнь на вечеръ исторической жизни грековъ; слишкомъ поздніе ростки федеративнаго устройства чахли, и потеря національной независимости могла наконецъ показаться спасеніемъ для Греціи. Демократическое правленіе стало средствомъ для насилій, гибельнымъ мечомъ въ слабыхъ рукахъ, наносившимъ раны самимъ грекамъ; уничтоженіе его только прекратило самоубійственные удары. Но Ахейскому союзу принадлежитъ та слава, что онъ былъ послѣднею поддержкою ослабѣвшей государственной жизни грековъ, придалъ своимъ энтузіазмомъ благородный блескъ послѣдней борьбѣ за свободу и выказалъ высокое величіе духа грековъ въ самомъ ихъ паденіи.

Нападеніе ахейцевъ на Спарту. 188.

Ахейскому союзу приходилось много терпѣть отъ Спарты, которая не имѣла силъ сохранить свою свободу и не хотѣла подчиниться чужой вла-

сти. Спартанцы тяготились тѣмъ, что они отрѣзаны отъ моря, лишились морской торговли; они напали ночью на приморскій городъ Ласъ, но были отбиты поселившимися тамъ лаконскими эмигрантами. Ласъ находился подъ покровительствомъ ахейскаго союза; ахейцы потребовали, чтобъ имъ были выданы зачинщики нападенія, нарушившаго миръ Спарты съ Ахейскимъ союзомъ. Но вмѣсто того, чтобъ исполнить это требованіе, спартанцы, находившіеся подъ владычествомъ разбойниковъ и усвоившіе себѣ ихъ нравы, убили 30 своихъ согражданъ, совѣтовавшихъ примириться съ ахейцами и отдали себя подъ покровительство Рима. Сенатъ потребовалъ, чтобъ ахейцы и спартанцы передали свою ссору на его судъ. Но между ахейскими послами возникло несогласіе. Діофанъ хотѣлъ предоставить дѣло на рѣшеніе римлянъ, Ликортъ, отецъ Полибія, другъ Филопемена, говорилъ о чести союза, о томъ, что ахейцы имѣли право дѣйствовать самостоятельно. Рѣшеніе сената было такъ двусмысленно, что обѣ стороны толковали его въ свою пользу. Филопеменъ, избранный тогда въ шестой разъ стратегомъ, пошелъ съ сильнымъ войскомъ въ Лаконію и осадилъ Спарту. Въ городѣ начался голодъ; Филопеменъ возобновилъ требованіе, чтобы выданы были виновные въ нападеніи на Ласъ, которыхъ онъ перечислялъ по именамъ; онъ обѣщалъ, что они будутъ преданы правильному суду. Наиболѣе виновные раньше того бѣжали изъ Спарты; остальные, вѣря обѣщанію Филопемена, человѣка честнаго, пошли въ сопровожденіи вліятельныхъ гражданъ въ ахейскій станъ. Но едва дошли они до аванпоста, лакедемонскіе изгнанники, стоявшіе тамъ, бросились на своихъ безоружныхъ противниковъ и убили 17 человѣкъ изъ нихъ; ахейцы не мѣшали этому нарушенію международнаго права; Филопеменъ оставилъ гнусное убійство безнаказаннымъ, а на другой день созвалъ военный судъ, совѣщаніе котораго было лишь призракомъ процесса; этотъ пристрастный судъ приговорилъ къ смерти остальныхъ 63 человѣкъ обвиненныхъ, находившихся въ ахейскомъ станѣ, произнесенъ былъ смертный приговоръ и надъ бѣжавшими. По приказанію Филопемена, приговоръ немедленно исполненъ надъ всѣми бывшими теперь въ рукахъ ахейцевъ. Это юридическое убійство было приступомъ къ преобразованію спартанскихъ учрежденій: спартанскіе законы были отмѣнены; были введены тѣ учрежденія, какія существовали въ государствахъ ахейскаго союза, и Спарта была присоединена къ нему. Этимъ ахейцы надѣялись навсегда прекратить хищничество спартанцевъ, отъ котораго страдали. Филопеменъ вошелъ въ городъ, велѣлъ трепещущимъ его жителямъ разрушать стѣны Спарты, отпустить наемниковъ, возвратить имущество и гражданскія права изгнанникамъ и эмигрантамъ, заставилъ спартанцевъ отмѣнить законы Ликурга и принять ахейскія учрежденія. Илоты, которыхъ Набисъ принялъ въ число гражданъ, были принуждены удалиться изъ Лаконіи. Ихъ повели толпами и размѣстили по ахейскимъ городамъ; а 3000 ихъ, пытавшіеся спрятаться, были разысканы и проданы въ рабство. На деньги, вырученныя отъ ихъ продажи, Филопеменъ построилъ въ своемъ родномъ городѣ Мегалополѣ колоннаду, на мѣстѣ прежней, разрушенной спартанцами. Белеминскій округъ, отнятый спартанцами у Мегалополя, онъ возвратилъ своей родинѣ.

Весна. 188.

Вмѣшательство римлянъ въ распрю между ахейцами и Спартой.

Насильственно присоединеніе Спарты, у которой были отняты ея старинныя учрежденія, увеличило силы ахейскаго союза; Спарта подчинилась теперь ахейскимъ законамъ и спартанское войско вошло въ составъ ахейскаго. Но это дѣло было ведено съ нарушеніемъ всякой справедливости: у массы людей, получившихъ въ недавнее время

гражданскія права, были у всѣхъ безъ разбора отняты и эти права и имущество, и они были принуждены удалиться изъ родины. Пострадавшіе обратились въ Римъ съ жалобами на ахейцевъ. Сенатъ разбиралъ эти жалобы, оправданія ахейцевъ, объявлялъ выговоры, порицанія, отправлялъ въ Пелопоннесъ посла за посломъ. Ахейцы сначала говорили, что они—независимое государство, что Римъ не имѣетъ права вмѣшиваться въ ихъ дѣла. Ликортъ однажды, при римскомъ посланникѣ Аппіѣ Клавдіѣ, сказалъ въ собраніи ахейскаго народа: «что сказали бы римляне, еслибъ ахейцы потребовали у нихъ отчета въ томъ, какъ поступили они съ кампанцами?» Народное собраніе приняло эти слова съ громкимъ одобреніемъ. Но Аппій Клавдій коротко объявилъ ему, что гораздо лучше оно сдѣлаетъ, если теперь же добровольно исполнитъ то къ чему послѣ будетъ принуждено; и ахейцы малодушно уступили. Они подчинились рѣшенію Рима, который, въ наказаніе имъ за юридическое убійство спартанцевъ, отнялъ у нихъ право уголовнаго суда въ Спартѣ, отмѣнилъ смертные приговоры противъ бѣжавшихъ спартанцевъ и приговоры, которыми другіе спартанцы были изгнаны. Но присоединеніе Спарты къ ахейскому союзу, сенатъ оставилъ неприкосновеннымъ. Раздоры и насилія продолжались въ Спартѣ, и наконецъ она, совершенно изнуренная, безъ сопротивленія подчинилась насильственно введеннымъ въ ней учрежденіямъ. 183.

Война ахейцевъ съ мессенцами.

До этого не дожилъ Филопеменъ. Мессенцы, подобно лакедемонянамъ, желали отложиться отъ ахейскаго союза: мессенскіе аристократы были враждебны демократической федераціи, признававшей равенство правъ всѣхъ гражданъ и раздражали массу противъ нея. Главою этой партіи былъ Динократъ, человѣкъ ловкій, отважный, честолюбивый, но преданный пьянству и разврату, потому часто дѣйствовавшій необдуманно. Бывши посланникомъ въ Римѣ, онъ льстилъ сенаторамъ и успѣлъ пріобрѣсти расположеніе многихъ изъ нихъ, между прочимъ Фламинина. Надѣясь на покровительство римлянъ, онъ, при содѣйствіи другихъ аристократовъ, низвергъ слабое демократическое правительство города Мессены и объявилъ Мессенію независимой отъ Ахейскаго союза. При извѣстіи объ этомъ, 70-лѣтній Филопеменъ, лежавшій больнымъ въ Аргосѣ, послалъ противъ инсургентовъ своего друга Ликорта съ отрядомъ войска; но прежде чѣмъ Ликортъ могъ овладѣть горными проходами, занятыми со стороны мессенцевъ, самъ Филопеменъ, еще не совершенно выздоровѣвшій, пошелъ въ Мессенію съ отрядомъ конницы, состоявшимъ большею частью изъ волонтеровъ. Онъ неосторожно зашелъ далеко въ Мессенію, спѣша спасти вѣрный союзу приморскій городъ Корону. Близъ города Мессены, въ тѣсной долинѣ, неожиданно напалъ на него въ знойный день Динократъ; онъ сначала оттѣснялъ враговъ, но къ нимъ пришло на помощь 500 человѣкъ мессенскихъ гражданъ, и ахейцы

Смерть Филопемена. 183.

были принуждены отступить. Филопеменъ, заботясь о томъ, чтобы спасти своихъ молодыхъ воиновъ, прикрывалъ съ юношеской отвагой отступленіе; но, сражавшiеся подлѣ Филопемена двинулись впередъ; его конь, испуганный стрѣлами, поскользнулся на каменистой почвѣ и упалъ; оглушенный паденіемъ, при которомъ сильно поранилъ голову, старикъ долго лежалъ безъ сознанія, такъ что враги считали его мертвымъ; опомнившись, онъ поднялъ голову, они бросились на него, надѣли на него цѣпи и повели его въ Мессену. Тамъ народъ толпился у воротъ и по улицамъ, любопытствуя увидѣть плѣннаго героя. Сначала мессенцы радовались, что побѣдили его; но скоро взяло верхъ въ нихъ состраданіе къ его несчастью. Народъ припоминалъ его прежнія услуги мессенскому народу, сталъ желать, чтобы онъ былъ освобожденъ, явилось даже желаніе примириться съ ахейцами. Но Динократъ и его сторонники не хотѣли этого. При наступленіи ночи они перевели Филопемена изъ зданія правительственнаго совѣта въ подземную темницу, велѣли крѣпко стеречь ее; собралось тайное засѣданіе судей и приговорило Филопемена къ смерти. Около полуночи въ комнату, выдолбленную въ скалѣ, слабо освѣщаемую лампой, вошелъ съ кубкомъ яда, рабъ, посланный Динократомъ. Филопеменъ лежалъ на землѣ въ глубокомъ раздумьѣ. При видѣ вошедшаго, онъ съ трудомъ приподнялся и спросилъ о Ликортѣ и своемъ отрядѣ. «Они спаслись» — отвѣчалъ рабъ. «Итакъ не все погибло», сказалъ Филопеменъ, выпилъ ядъ и, послѣ недолгой агоніи, скончался.

Характеръ Филопемена и его заслуги передъ родиной.

Такъ умеръ благородный Филопеменъ, сильный охранитель Ахейскаго союза. Онъ былъ доблестный человѣкъ, патріотъ энергическаго характера; храбрость полководца соединялась въ немъ съ политическимъ искусствомъ государственнаго человѣка: въ продолженіе своей сорокалѣтней политической дѣятельности онъ неутомимо заботился объ упроченіи Ахейскаго союза и огражденіи его независимости; онъ былъ послѣдней крѣпкой опорой колеблющагося зданія греческой свободы. Характеръ его былъ не безупреченъ, горячность увлекала его иногда къ опрометчивымъ поступкамъ; упрямый и самовластный, онъ иногда нарушалъ законы; но эти недостатки вознаграждались съ избыткомъ хорошими его качествами. Простота его образа жизни, правдивость, прямодушіе напоминали великихъ людей старины, Аристида и Эпаминонда.

Мщеніе за Филопемена и похороны его.

Извѣстіе о смерти Филопемена глубоко опечалило ахейцевъ и возбудило ихъ мщеніе. Римляне старались примирить раздоръ, но ахейцы считали усмиреніе инсургентовъ обязанностью чести. Ликортъ повелъ ахейское войско въ Мессенію, опустошилъ ее, осадилъ городъ Мессену. Динократъ и его сторонники, въ тайнѣ поддерживаемые римлянами, цѣлый годъ отражали приступы. Наконецъ городъ принужденъ былъ сдаться на произволъ ахейцевъ; Динократъ и многіе изъ
182. его приверженцевъ умертвили себя, другіе виновные были наказаны смертью или изгнаніемъ. Мессенія была вновь присоединена къ ахейскому союзу; ахейцы совершили великолѣпные похороны Филопемену. По сожженіи останковъ его, прахъ его въ богато украшенной урнѣ былъ торжественною процессіей, въ которой участвовало множество людей, перенесенъ изъ Мессены въ родной его городъ Мегалополь и погребенъ тамъ. Въ честь Филопемена были воздвигнуты статуи, и долго совершались ежегодныя торжества въ память «послѣдняго грека». Однимъ изъ тѣхъ, которые несли урну, былъ сынъ Ликорта, Полибій, написавшій исторію событій того времени.

Римская партія въ Ахаіи.

Подавленіемъ Спарты и Мессеніи была сохранена цѣлость Ахейскаго союза. Но множество изгнанниковъ и эмигрантовъ, разсѣявшихся по Греціи, непрерывно просили римлянъ возвратить имъ собственность и гражданскія права; потому Греція не могла достичь спокойствія и прочнаго порядка. Даже въ Ахейскомъ союзѣ были люди, находившіе надобнымъ вмѣшательство римлянъ для подавленія внутреннихъ смутъ и разрѣшенія вопроса объ изгнанникахъ. Главою партіи, считавшей вмѣшательство римлянъ необходимымъ для спасенія Греціи, былъ Калликратъ, человѣкъ даровитый, краснорѣчивый, но алчный и безсовѣстный. Онъ и его друзья полагали, что только подъ владычествомъ римлянъ въ Греціи можетъ установиться сносный порядокъ, и вели интриги противъ патріотовъ, защитниковъ національной независимости. Назначенный однимъ изъ пословъ въ Римъ, Калликратъ говорилъ тамъ о необходимости римскаго вмѣшательства. Противники обвинили его въ измѣнѣ, но, по рекомендаціи сената, ахейское народное собраніе 179.
назначило его стратегомъ на слѣдующій годъ. Онъ горячо доказывалъ, что греки должны подчиниться римлянамъ, что повиновеніе волѣ сената необходимо. 178.

Смерть Ганнибала и Сципіона 183.

Въ томъ году, когда Филопеменъ выпилъ ядъ въ мессенской подземной темницѣ, на востокѣ умеръ въ изгнаніи великій противникъ Рима Ганнибалъ, а въ южной Италіи Сципіонъ Африканскій, тоже въ изгнаніи, хотя и добровольномъ. При заключеніи мира съ римлянами, Антіохъ принужденъ былъ обѣщаться выдать Ганнибала. Карѳагенскій полководецъ бѣгствомъ освободилъ его отъ исполненія этого постыднаго обѣщанія. Ганнибалъ уѣхалъ въ Критъ, оттуда къ Прузію, царю виѳинскому, и, при войнѣ съ Эвменомъ пергамскимъ, оказалъ ему большія услуги. Но Фламининъ, пріѣхавшій посломъ въ Азію, потребовалъ выдачи Ганнибала, и Прузій не отважился навлечь на себя гнѣвъ Рима отказомъ. Ганнибалъ жилъ тогда въ уединенномъ укрѣпленіи. Увидѣвъ укрѣпленіе окруженнымъ воинами, онъ принялъ ядъ, чтобы не быть отданнымъ въ руки ненавистныхъ враговъ. Онъ давно былъ готовъ къ этому, потому что «зналъ римлянъ и вѣрность царей слову», какъ сказалъ онъ самъ. Пятьдесятъ лѣтъ онъ боролся противъ Рима, вѣрный данной въ дѣтствѣ у отцовскаго жертвенника клятвѣ вѣчной ненависти къ Риму. Около того времени, когда несчастный герой одиноко умеръ, покинутый всѣми, его великій побѣдитель Публій Сципіонъ умеръ въ своемъ помѣстьѣ въ южной Италіи, опечаленный неблагодарностью согражданъ, не цѣнившихъ его заслугъ по достоинству. Жизнь его шла необыкновеннымъ путемъ. Онъ не любилъ ходить дорогою закона и обычая; потому въ спо-

койныя времена часто встрѣчалъ сопротивленіе себѣ. Онъ умѣлъ твердымъ шагомъ идти къ побѣдѣ, но его нога поскользнулась на обманчивой почвѣ интригъ политической борьбы. Онъ подвергся подозрѣніямъ, клеветамъ, которыми противники хотѣли унизить героя, омрачить ореолъ его славы. Онъ предосудительнымъ способомъ доставилъ своему бездарному брату назначеніе главнокомандующимъ въ войнѣ съ Антіохомъ, чтобы самому начальствовать въ этой войнѣ подъ прикрытіемъ имени брата; это подало его противникамъ, главою которыхъ былъ Катонъ, желанный случай начать борьбу съ нимъ; подготовкою къ нападенію на него, было нападеніе на его брата, не пользовавшагося ни любовью, ни уваженіемъ народа. Два народные трибуна, имена которыхъ были одинаковы—и тотъ и другой назывался Квинтъ Петиллій — вѣроятно двоюродные братья между собою, предложили въ 187 году до Р. Хр. сенату, потребовать у Луція Сципіона отчета въ контрибуціи, уплаченной Антіохомъ, и въ добычѣ, взятой на войнѣ съ нимъ. Обвиненіе имѣло цѣлью повредить Публію. Онъ вступился за брата, опираясь на то, что военачальникъ не обязанъ представлять отчета въ деньгахъ; это было совершенно справедливо: таковъ былъ римскій законъ. Но обвинители продолжали требовать отчета у Луція. Публій велѣлъ принести денежные документы и разорвалъ ихъ передъ глазами сенаторовъ съ гордымъ вопросомъ, «какимъ образомъ требуютъ у него отчета въ 3000 талантовъ, не спрашивая, кѣмъ доставлены римской казнѣ 15,000 талантовъ, которыя уплатилъ Антіохъ, кѣмъ доставлено Риму владычество надъ Испаніей, Африкой и Малой Азіей. Трибуны отказались отъ своего требованія. Но по всей вѣроятности цѣль противниковъ была достигнута; подозрѣніе въ народѣ было возбуждено. Въ 184 году до Р. Хр. трибунъ Маркъ Невій обвинилъ Публія Сципіона передъ народомъ въ томъ что онъ, подкупленный Антіохомъ, заключилъ миръ на слишкомъ снисходительныхъ условіяхъ. Публію удалось испытать то наслажденіе, что народъ выказалъ прежнюю любовь къ нему: день рѣшенія процесса пришелся въ годовщину битвы при Замѣ. Публій пригласилъ народъ идти съ нимъ въ храмъ Юпитера Капитолійскаго, принести богу благодарность за побѣду, одержанную подъ его начальствомъ, и народъ съ криками восторга пошелъ за нимъ въ Капитолій. Но это не остановило процесса; Сципіонъ принужденъ былъ выпросить себѣ у сената посольство для того, чтобы рѣшеніе дѣла было отсрочено. Когда онъ уѣхалъ изъ Рима, трибунъ Гай Минуцій Авгурій внесъ въ народное собраніе обвиненіе противъ его брата, Луція, который, по словамъ Авгурія, взялъ деньги съ Антіоха. Трибунъ требовалъ, чтобы Луцій былъ подвергнутъ огромному денежному штрафу. Луцій былъ осужденъ и отказался представить поручителей въ томъ, что уплатитъ штрафъ. Минуцій велѣлъ вести его въ темницу, но это запретилъ другой трибунъ, Тиберій

Семпроній Гракхъ, хотя былъ личнымъ врагомъ Сципіоновъ. Авторитетъ Сципіоновъ былъ подорванъ; Публій лишился того почти царскаго значенія, какимъ пользовался. Глубоко обиженный, онъ уѣхалъ въ свою виллу, близъ Литерна въ Кампаніи, и умеръ тамъ черезъ годъ послѣ процесса своего брата, на 51 году жизни, въ 183 году до Р. Хр. Такіе люди, какъ онъ, говоритъ Моммсенъ,—люди, въ которыхъ чистое золото перемѣшано съ мишурой, нуждаются въ блескѣ молодости и въ удачѣ, чтобы очаровывать массу; когда молодость прошла, удачи кончились, сердце такого человѣка изнемогаетъ подъ тяжестью разочарованій.

У Публія Сципіона было два сына, но старшій изъ нихъ опозорилъ отцовское имя пошлой жизнью, а второй, ставшій довольно извѣстнымъ ораторомъ и, подобно всѣмъ роднымъ, хорошо знавшій греческую литературу, былъ человѣкъ слабаго здоровья и умеръ бездѣтный. Такъ исчезъ родъ Публія Сципіона и, какъ блестящій метеоръ гаснетъ во мракѣ ночи, такъ за славной жизнью великаго отца слѣдовала незначительность дѣтей, превращеніе его рода. Чтобы не погибло имя Сципіоновъ, бездѣтный Публій, сынъ побѣдителя при Замѣ, усыновилъ своего двоюроднаго брата, бывшаго вторымъ сыномъ Луція Эмилія Павла, на сестрѣ котораго былъ женатъ отецъ усыновителя.

4. Война съ Персеемъ.

Возростаніе неприязни между Римомъ и Филиппомъ.

Какъ относительно Карѳагена и Греціи, такъ и относительно Македоніи римляне держались коварной политики, не допускавшей окрѣпнуть побѣжденныя, но еще не уничтоженныя ими государства. Филиппъ, выказавшій себя въ несчастіи болѣе достойнымъ уваженія, чѣмъ во времена могущества, заботливо старался въ годы мира исцѣлить раны своего государства и упрочить свою власть надъ областями и городами, полученными отъ римлянъ за помощь имъ.

Онъ старался поднять упавшее благосостояніе государства, вывесть массу населенія изъ нищеты и долговъ бережливостью въ государственныхъ расходахъ, покровительствомъ горному дѣлу, торговлѣ, промышленности; основывалъ города и селенія, покровительствовалъ женитьбамъ, желая увеличить уменьшившееся населеніе Македоніи, сблизился съ македонскою аристократіей, чтобы пробудить въ ней патріотизмъ и воинственность.

Видя, что Македонія начинаетъ оправляться отъ бѣдствій, римляне прониклись недовѣріемъ къ Филиппу. Воспользовавшись жалобами Эвмена пергамскаго и ѳессалійцевъ на то, что Филиппъ захватываетъ пограничныя земли и дозволяетъ себѣ другія нарушенія договоровъ, они вмѣшались въ македонскія дѣла.

Въ Грецію было отправлено посольство, главою котораго былъ Квинтъ Цецилій Метеллъ; оно пригласило Филиппа и его обвинителей на конгрессъ въ Темпейскую долину. На конгрессѣ поднялись жаркіе споры. Ѳессалійцы

говорили, что надобно сильнѣе натянуть узду непослушнаго коня, что римляне должны охранить данную имъ и всѣмъ грекамъ свободу; Филиппъ сравнивалъ своихъ обвинителей съ освобожденными рабами, которые мстятъ своимъ прежнимъ господамъ ругательствами, и кончилъ свою рѣчь словами о перемѣнчивости счастья. Раздраженные этой косвенной угрозой, послы рѣшили, что онъ долженъ вывесть свои войска изъ занятыхъ имъ частей Ѳессаліи и ограничиться прежними предѣлами своего государства. На второмъ конгрессѣ въ Ѳессалоникѣ было постановлено такое-же рѣшеніе относительно ѳракійскихъ городовъ въ пользу Эвмена. Ободренные этимъ, всѣ сосѣди Македоніи выступили съ жалобами на Филиппа: они винили его въ томъ, что онъ нарушалъ договоры, постановлялъ несправедливыя рѣшенія по торговымъ и другимъ дѣламъ, дозволялъ своимъ подданнымъ угонять скотъ, похищать рабовъ у нихъ, что онъ помогалъ Прузію въ войнѣ съ Эвменомъ, что онъ захватывалъ города, крѣпости, цѣлые округи. Сенатъ постановилъ произвести слѣдствіе по этимъ новымъ жалобамъ. Три дня производилось слѣдствіе; сынъ Филиппа, Димитрій, любимый римлянами, защищалъ отца; рѣшеніе было новой обидой Филиппу: оно подтвердило прежнее приказаніе ему возвратить захваченныя ѳессалійскія и ѳракійскія мѣстности, и сенатъ ясно высказалъ, что прощаетъ Филиппа только изъ уваженія къ Димитрію.

Такой рѣзкій приговоръ глубоко оскорбилъ гордаго царя. Съ озлобленіемъ вывелъ онъ свои войска изъ ѳессалійскихъ городовъ, чтобы римляне не послали противъ него войска; но единственной мыслью его съ той поры стало мщеніе; онъ хотѣлъ свергнуть съ себя тяжкое иго новою войной. Съ величайшей осторожностью, скрытностью, притворствомъ онъ сталъ готовиться къ ней: запасалъ оружіе, увеличивалъ число войска наборами и вербованіемъ наемниковъ, пріучалъ воиновъ къ сраженіямъ мелкими походами на одрисовъ и ѳракійцевъ; съ неумолимой суровостью переселилъ въ глубину Македоніи изъ приморскихъ городовъ грековъ, которымъ не довѣрялъ; возбуждалъ къ вторженію въ Италію дикія племена, жившія по Дунаю, въ частности бастарновъ, жившихъ въ низовьѣ этой рѣки.

Убійство Димитрія и смерть Филиппа.

Межъ тѣмъ, какъ Филиппъ готовился къ войнѣ, старшій сынъ его Персей, раздѣлявшій ненависть отца къ Риму, возбудилъ въ немъ подозрѣніе, что младшій сынъ его, Димитрій, находится въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ римлянами. Персей былъ сынъ Филиппа не отъ законнаго брака, но былъ назначенъ наслѣдникомъ престола. Онъ опасался, что младшій братъ, любимецъ римлянъ и македонскаго народа, отниметъ у него наслѣдство и съумѣлъ клеветою ожесточить отца противъ Димитрія такъ, что Димитрій увидѣлъ свою жизнь въ опасности и хотѣлъ бѣжать въ Римъ, чтобы спастись отъ погибели; Персей подложнымъ письмомъ отъ Фламинина къ Димитрію, которому Фламининъ дѣйствительно покровительствовалъ, такъ испугалъ и раздражилъ отца, что Филиппъ согласился на убійство оклеветаннаго сына. Подосланные люди убили Димитрія въ городѣ Ге-
181 раклеѣ, въ Линкестидской области. Ему былъ данъ ядъ на жертвен-

номъ обѣдѣ. Когда отрава начала дѣйствовать, убійцы набросили одѣяло на Димитрія, чтобы не слышно было его болѣзненныхъ стоновъ, и задушили. Черезъ нѣсколько времени Филиппъ узналъ, что былъ обманутъ; раскаяніе и горе стали терзать его сердце; преступная совѣсть рисовала его глазамъ тѣнь убитаго сына; онъ хотѣлъ лишить престола братоубійцу; но смерть прекратила его душевныя
мученія и мысли о будущемъ. Онъ умеръ на 59 году жизни въ Де- 179
метріадѣ, проклиная Персея.

Персей.

Обремененный отцовскимъ проклятіемъ, Персей взошелъ на македонскій престолъ, не встрѣчая затрудненій отъ римлянъ. Македоняне съ довѣріемъ и любовью привѣтствовали его воцареніе. Въ его характерѣ были темныя пятна, но онъ былъ человѣкъ не бездарный, имѣвшій и нѣкоторыя изъ качествъ, необходимыхъ царю; отъ отца онъ наслѣдовалъ глубокую ненависть къ Риму, большое честолюбіе, склонность къ самовластію и неразборчивость на средства для достиженія цѣли; но не имѣлъ ни военныхъ талантовъ, ни храбрости, ни любезности отца; взамѣнъ того, онъ не былъ такъ раздражителенъ и развратенъ. Красивый мужчина, ловкій въ гимнастикѣ, умѣвшій хорошо владѣть оружіемъ, опытный въ житейскихъ дѣлахъ, привыкшій повелѣвать, онъ могъ успѣшно воевать съ мелкими, слабыми врагами; но въ рѣшительныя минуты у него не доставало твердости характера, презрѣнія къ смерти, увѣренности въ своихъ силахъ; онъ не былъ способенъ вести великое, отважное предпріятіе неотступно, до истощенія всѣхъ средствъ, у него не было тѣхъ царственныхъ качествъ, которыми колеблющееся счастье упрочивается въ дни бѣдствій. Образъ его жизни былъ правильный, умѣренный; надъ нимъ не владычествовали, не вводили его въ бѣды женщины, пьянство и обжорство; но ему были чужды чувства любви и дружбы. Говорятъ, что въ порывѣ ярости онъ своей рукой убилъ жену, а во время бѣдствія неблагодарно отдалъ въ жертву врагамъ преданнѣйшаго своего слугу. Одаренный дипломатическимъ искуствомъ, онъ ловко и твердо велъ переговоры и съ неутомимымъ упорствомъ старался осуществить обширные, тонко обдуманные замыслы; но ему не доставало политической проницательности, и онъ не умѣлъ во время понимать важность рѣшительныхъ минутъ. Искусный и бережливый хозяинъ, получая большіе доходы отъ налоговъ, пошлинъ, разработки рудниковъ, съ государственныхъ земель, онъ накоплялъ груды сокровищъ; но такъ любилъ эти массы золота, серебра, дорогихъ камней, всякихъ драгоцѣнностей, что, когда пришло время съ пользой израсходовать богатства, скупость взяла въ немъ верхъ надъ разсудкомъ. Никакихъ возвышенныхъ цѣлей у него не было; онъ зналъ македонянъ и грековъ только уже во времена ихъ униженія и, презирая ихъ, не вѣрилъ, что они способны къ патріотическому одушевленію.

При своемъ вступленіи на престолъ, Персей нашелъ македонское

Первое время правленія Персея.

царство благоустроеннымъ. Войско было очень хорошо, казна и арсеналы были полны; земледѣліе, промышленность, горное дѣло, торговля были въ хорошемъ состояніи, границы государства крѣпко ограждены. Въ первые годы правленія Персей усердно старался поддержать свое царство въ этомъ хорошемъ положеніи, привлечь къ себѣ и къ своей династіи народъ милостью, пріобрѣсти союзниковъ.

Персей объявилъ Амнистію; множество изгнанниковъ возвратилось на родину; онъ отдалъ имъ конфискованныя имущества. Онъ освободилъ людей, брошенныхъ въ темницы по политическимъ дѣламъ и находившихся въ заключеніи за неуплату долговъ; онъ облегчилъ бѣдный классъ, простивъ недоимки податей. Заботливостью о хорошемъ судопроизводствѣ, онъ внушалъ довѣріе къ себѣ; порядокъ въ администраціи помогалъ народу пріобрѣтать благосостояніе. Персей искалъ себѣ союзниковъ, вступилъ въ родство съ царями сирійскимъ и виѳинскимъ: женился на дочери Селевка IV, Филопатора, Лаодикѣ, отдалъ сестру за Прузія II. Въ союзѣ съ храбрымъ одрисскимъ царемъ Котисомъ, владѣнія котораго простирались отъ Гебра, бывшаго границею Македоніи, на востокъ до моря, онъ прогналъ друга римлянъ, Абруполя, царя ѳракійскаго племени сагеевъ; вошелъ въ тайныя сношенія съ иллирскимъ царемъ Гентіемъ, сыномъ Плеврата, владѣвшимъ нынѣшнею Далмаціею и сѣверною Албаніею; послы Гентія, притворно поддерживавшаго дружбу съ Римомъ, служили Персею шпіонами. Онъ хотѣлъ осуществить смѣлый замыселъ Филиппа, думавшаго возбудить дикихъ бастарновъ (кажется германское племя) противъ дардановъ, старыхъ враговъ Македоніи, жившихъ въ нынѣшней Сербіи и, по истребленіи дардановъ, склонить бастарновъ къ нападенію на сѣверную Италію. Но это не удалось: дарданы и сосѣди ихъ отчаянно оборонялись, бастарны были обращены въ бѣгство и почти всѣ погибли при переходѣ черезъ Дунай, ледъ котораго подломился подъ ними. Персей отправилъ посланника и въ Карѳагенъ.

Персей старается вовлечь грековъ въ союзъ.

Но больше всего онъ старался о томъ, чтобы привлечь на свою сторону грековъ. Когда родосскій флотъ привезъ изъ Сиріи его невѣсту Лаодику, онъ купилъ себѣ дружбу могущественнаго родосскаго государства почестями и подаркомъ большаго количества корабельнаго лѣса. Онъ издалъ законъ, дозволявшій греческимъ гражданамъ, изгнаннымъ изъ своихъ государствъ по политическимъ дѣламъ или бѣжавшимъ отъ долговъ, спокойно жить въ его царствѣ до полученія права возвратиться на родину. Толпы изгнанниковъ и эмигрантовъ собрались въ Македонію и черезъ своихъ родныхъ и друзей стали возбуждать согражданъ къ союзу съ Персеемъ противъ Рима. Результатомъ этого было то, что въ Греціи поднялись вооруженныя возстанія бѣдныхъ, жаждавшихъ раздѣла имуществъ и уничтоженія долговъ, эти смуты разрушили послѣдніе остатки законности, порядка и общественной безопасности въ Греціи. — Подъ предлогомъ совершить религіозное празднество, Персей пришелъ съ войскомъ въ Дельфы, чтобы показать грекамъ огромность своихъ военныхъ силъ и тѣмъ внушить имъ надежду на него, одушевить ихъ мужествомъ и увѣренностью, что македонская фаланга освободитъ ихъ отъ римскаго владычества.

Предательское нападеніе на Эвмена въ Дельфахъ.

Римляне хорошо знали интриги Персея. Онъ безумно полагалъ, что можетъ склонить къ союзу противъ Рима Эвмена, царя пергамскаго; греки въ пергамскомъ царствѣ уже начинали волноваться, высказывать вражду къ римлянамъ; Эвменъ поѣхалъ въ Римъ и въ тайномъ засѣданіи сената объяснилъ намѣренія Персея. Выслушавъ это сообщеніе, сенатъ увидѣлъ, что необходимо начать войну; осыпанный почестями, Эвменъ поѣхалъ домой. Приплывъ въ Коринѳскій заливъ, онъ отправился принести жертвы въ дельфійскій храмъ. На узкой

дорогѣ онъ подвергся нападенію убійцъ, подосланныхъ, какъ говорили, Персеемъ. Тяжело раненный ударомъ камня, онъ едва успѣлъ спастись и торопливо уплылъ въ Эгину.

Нерѣшительность Персея.

При владычествовавшемъ въ Греціи и на всемъ востокѣ броженіи умовъ, македонская война могла бы принять громадный размѣръ, еслибъ нашелся геніальный человѣкъ, умѣющій соединить всѣхъ недовольныхъ римскимъ владычествомъ. Но когда пришелъ часъ рѣшенія, Персей самъ испугался того, что надѣлалъ; его вялость и нерѣшительность отнимала всякую возможность общаго энергическаго возстанія. Когда война была уже объявлена, онъ завелъ съ римлянами переговоры черезъ своего знакомца, Марція Филиппа, и этимъ далъ непріятелю время безопасно послать моремъ свои легіоны, отклонить царей сирійскаго и виѳинскаго отъ всякой помощи родственнику ихъ, возбудить въ Греціи такіе раздоры, что, занятые своими дѣлами, греки не могли дать ему важной поддержки.

Настроеніе умовъ и отношенія партій въ Греціи.

Во всѣхъ греческихъ городахъ патріоты были душою на македонской сторонѣ, всѣ умные люди считали побѣду Персея единственнымъ спасеніемъ для греческаго народа отъ подавляющей силы Рима; но греческія государства были такъ изнурены и запуганы, что не могли отважиться на рѣшительную борьбу. Почти всѣ они по слабости или робости избрали малодушную политику бездѣйственнаго ожиданія, нейтралитета; но они не могли удержать своихъ гражданъ отъ проявленія симпатіи къ Македоніи: каждый успѣхъ македонскаго оружія производилъ въ Греціи радость, какъ побѣда національнаго дѣла; эту радость старались, но не могли утаить греки; потому они своимъ нейтралитетомъ не заслужили признательности римлянъ. Беотійскій союзъ распался: Коронея и Галіартъ приняли сторону Персея, другіе города не хотѣли того. Кромѣ этихъ двухъ беотійскихъ городовъ, за Персея сражались только воинственные эпирцы, нѣкоторые этольскіе округи, а изъ иноземцевъ служилъ ему по найму буйный и пьяный иллирскій царь Гентій и помогалъ храбрый царь одрисскій, Котисъ. Ахейцы, дѣлами которыхъ управлялъ получившій власть по вліянію римлянъ Калликратъ, большинство беотійскихъ городовъ, большинство этольскихъ общинъ, византійцы, родосцы нашли благоразумнымъ держаться нейтралитета, хотя съ глубокимъ сочувствіемъ, но бездѣйственно смотрѣли на то, какъ одолѣваютъ иноземцы Персея, не имѣющаго сильныхъ союзниковъ, располагающаго почти только однѣми силами Македоніи.

Два первые года войны. 171—170.

Уклониться отъ союза съ Персеемъ греки были отчасти принуждены его собственной нерѣшительностью и безхарактерностью. Положеніе дѣлъ требовало, чтобы война была ведена съ безтрепетной отвагой, которая увлекла бы колеблющихся, ободрила бы робкихъ; необходимо было дѣйствовать наступательно; вмѣсто того Персей по своей скупости и по внушенію своихъ недальновидныхъ совѣтниковъ, ограничивался полумѣрами, дѣйствовалъ слабо, безъ опредѣленнаго плана. Когда римскіе легіоны уже шли на него, онъ пытался отвратить грозу униженной уступчивостью; разумѣется, это была

напрасная надежда. Но при всемъ томъ въ первые годы войны, по бездарности и вялости римскихъ военачальниковъ, Публія Лицинія Красса и Авла Гостилія, македонскія войска, пользуясь своимъ знакомствомъ съ ѳессалійскими горами, между которыми шли военныя дѣйствія, оставались большею частью побѣдителями. Крассъ былъ разбитъ въ сраженіи конницы у подошвы Оссы; Гостилій два раза былъ отбитъ въ пограничныхъ горахъ съ большимъ урономъ. Дисциплина римскаго войска была въ упадкѣ, воины безчестили римское имя притѣсненіями, грабежомъ, злодѣйствами, а начальники ихъ отталкивали отъ себя грековъ подозрительностью и суровостью.

Такъ напримѣръ были разрушены принявшіе сторону Персея беотійскіе города Коронея и Галіартъ и жители ихъ были проданы въ рабство; римляне буйствовали въ Тисбѣ, Халкидѣ, Абдерѣ, угнетали ихъ поборами, отослали изъ Этоліи вліятельнѣйшихъ гражданъ заложниками въ Римъ, возбуждали такую ожесточенную борьбу между партіями, что нѣкоторые города совершенно опустѣли.

Еслибъ македоняне имѣли энергическаго главнокомандующаго, то, при такомъ положеніи дѣлъ, могли бъ истребить римское войско, поднять возстаніе во всей Греціи, образовать могущественную коалицію; но Римъ былъ такъ счастливъ, что, когда онъ дѣлалъ ошибки, то его противники всегда дѣлали ошибки, еще болѣе важныя. Кельты, собравшись въ числѣ 20000 человѣкъ пѣхоты и конницы, хотѣли идти на помощь Персею; но онъ нашелъ, что ихъ слишкомъ много и что они просятъ слишкомъ большого жалованья; поскупившись тутъ, онъ также пожалѣлъ посылать деньги въ Грецію и въ Иллирію, чтобы возбудить тамъ охоту къ войнѣ. — Третій римскій главнокомандующій Марцій Филиппъ, имя котораго уже встрѣчалось намъ, хитрый дипломатъ, но бездарный полководецъ, попалъ въ очень большую опасность при опрометчивой попыткѣ пройдти черезъ горы изъ Ѳессаліи въ Македонію; близъ Олимпа войско его едва не было окружено и спаслось отъ погибели только благодаря тому, что Персей, быть можетъ, опасавшійся измѣны въ собственномъ войскѣ, поспѣшно пошелъ въ Пидну, чтобъ отвезти оттуда въ безопасное мѣсто

Эмилій Павелъ 169—168.

свои сокровища. Война тянулась нерѣшительно до той поры, когда главнокомандующимъ сдѣлался Луцій Эмилій Павелъ, сынъ консула, убитаго при Каннахъ, человѣкъ знатнаго рода, несомнѣнной честности, строгій къ себѣ и другимъ, искусный полководецъ, знатокъ греческихъ языка и литературы и, не смотря на свои 60 лѣтъ, еще крѣпкій, дѣятельный, онъ имѣлъ всѣ качества, нужныя для побѣды въ этой войнѣ. Строгостью и ласковостью онъ возстановилъ въ войскѣ дисциплину, провелъ его изъ Энипея двумя отрядами черезъ Камбунскія ущелья, черезъ которыя напрасно пытались пройдти прежніе военачальники, и направился на Пидну, центральный пунктъ не-

пріятельскихъ позицій. Персей нѣсколько времени колебался, принять-ли рѣшительную битву или отступить и продолжать войну по прежней осторожной системѣ. Военный совѣтъ высказался въ пользу битвы, находя, что мѣстоположеніе выгодно для македонянъ, войско хорошо подготовлено къ ней, и бой за независимость передъ глазами царя воодушевитъ воиновъ храбростью, какой не даетъ робкая уклончивость. Персей послѣдовалъ этому мнѣнію и принялъ битву. Она произошла послѣ луннаго затменія, которое предсказалъ и объяснилъ войску военный трибунъ Гай Сульпицій Галлъ, первый римлянинъ, умѣвшій дѣлать астрономическія вычисленія и считавшійся чудомъ учености. Ужасно было столкновеніе легіоновъ съ фалангой. Старикъ Эмилій, безъ латъ и шлема ходилъ по рядамъ, ободряя воиновъ; ободрялъ своихъ воиновъ и Персей.

Битва при Пиднѣ 4 сентября 168 г.

Легіоны попятнулись подъ тяжелымъ натискомъ фаланги; но, быстро подвигаясь по неровной почвѣ, ряды ея сдѣлались менѣе плотны, и римляне, построившись въ формѣ клина, вломились въ интервалъ, а другія когорты зашли съ боковъ и въ тылъ фаланги, такъ что бросились на нее со всѣхъ сторонъ. Въ смертельномъ бою погибла знаменитая фаланга, погибло съ ней и царство Александра. На полѣ битвы легло 20.000 македонянъ, въ томъ числѣ 3.000 отборныхъ воиновъ фаланги, не хотѣвшихъ пережить ея пораженіе; 10.000 македонянъ были взяты на морскомъ берегу, къ которому приплылъ флотъ претора Октавія. Семнадцатилѣтній сынъ римскаго главнокомандующаго, Сципіонъ Эмиліанъ, будущій знаменитый полководецъ, такъ горячо преслѣдовалъ съ отрядомъ конницы бѣгущихъ враговъ, что только уже въ полночь вернулся въ станъ, гдѣ отецъ безпокоился, не погибъ ли онъ.

Судьба Персея.

Персей съ отрядомъ конницы бѣжалъ, когда бой еще длился. У него не достало мужества искать геройской смерти на полѣ битвы, ставшемъ могилою македонскаго царства и войска; онъ бѣжалъ въ Пеллу, оттуда съ немногими спутниками и съ сокровищами, простиравшимися до 6000 талантовъ (около 9000000 рублей) уплылъ на островъ Самоѳракію, считавшійся священнымъ убѣжищемъ. Но религіозная неприкосновенность острова не послужила ему защитою; попытка бѣжать во Ѳракію къ царю Котису не удалась, и онъ долженъ былъ сдаться безъ всякихъ условій начальнику римскаго флота Гнею Октавію, который отвезъ его съ дѣтьми и сокровищами къ Эмилію Павлу въ Амфиполь. Римскій главнокомандующій, окруженный другими начальниками войска, принялъ съ аристократической учтивостью плѣнника, возбуждавшаго жалость своимъ униженнымъ видомъ. Эмилій ободрилъ Персея словами о томъ, что римскій народъ милостивъ и сказалъ своей свитѣ: «Только тотъ человѣкъ достоинъ называться мужчиной, чья душа не превозносится въ счастьи и не падаетъ въ несчастьи». Въ слѣдующемъ году римскій 167.
народъ видѣлъ послѣдняго преемника Александра идущимъ въ око-

вахъ съ женою и дѣтьми по улицамъ Рима передъ тріумфальной колесницей великаго гражданина Эмилія Павла; подлѣ Персея шелъ союзникъ его, царь иллирійскихъ морскихъ разбойниковъ Гентій, землею, флотомъ и крѣпостью котораго, Скодрою, преторъ Луцій Аницій овладѣлъ въ продолженіе 30 дней. Персей напрасно молилъ Эмилія избавить его отъ стыда идти въ тріумфѣ. «Въ твоей власти освободить себя», отвѣчалъ ему Эмилій. У Персея не достало мужества исполнить этотъ совѣтъ, и онъ купилъ себѣ униженіемъ нѣсколько лѣтъ жалкой жизни въ темницѣ; онъ умеръ подъ стражей въ Альбѣ у Фуцинскаго озера. Его младшій сынъ Александръ, искусный рѣзчикъ по камню и токарь, провелъ жизнь въ этомъ маленькомъ итальянскомъ городѣ, служа писцомъ. Македонія еще не была теперь обращена въ римскую провинцію. По постановленію сената Эмилій Павелъ и посланные помогать ему десять коммиссаровъ раздѣлили ее на четыре республики, утратившія всякую національную самостоятельность.

Новое устройство Македоніи.

Македонія утратила свое монархическое устройство, съ которымъ была соединена жизнь народа съ древнѣйшихъ временъ; по рѣшенію сената, оно было замѣнено республиканскими учрежденіями, составленными по образцу греческихъ федерацій. Страна была раздѣлена на четыре независимыя республики, имѣвшія своими столицами Амфиполь, Ѳессалонику, Пеллу и Пелагонію. Связи между этими четырьмя республиками были уничтожены: гражданинъ одной не могъ вступать въ полноправный бракъ съ дочерью гражданина другой, не могъ пріобрѣтать въ другой ни гражданскихъ правъ, ни земельной собственности. Всѣ сановники Персея и взрослые сыновья ихъ, всѣ князья и вельможи были отосланы въ Италію и поселены тамъ въ разныхъ городахъ, на свободѣ, подъ надзоромъ. Управленіе дѣлами было поручено сановникамъ, которыхъ народъ избиралъ изъ людей зажиточнаго сословія. Надъ рудниками римляне установили строгій надзоръ; золотые и серебряные рудники были закрыты; дозволено было разработывать только мѣдные и желѣзные. Вывозъ корабельнаго лѣса изъ Македоніи былъ запрещенъ. Македонскимъ республикамъ было дозволено содержать лишь небольшіе отряды для охраненія границъ противъ сѣверныхъ варваровъ; сверхъ опредѣленнаго числа воиновъ этой стражи, македоняне не могли держать никакихъ вооруженныхъ силъ. Крѣпость Деметріада была срыта. Половину поземельнаго налога, какой платили македоняне царямъ, они должны были посылать въ Римъ; это составляло 100 талантовъ (около 150,000 руб.) въ годъ.

Упадокъ жизни въ Македоніи.

Римляне вполнѣ достигли своей цѣли, состоявшей въ томъ, чтобы македонскій народъ совершенно ослабѣлъ и чтобы общественная жизнь его была разстроена уничтоженіемъ привычнаго устройства. Не имѣя связи между собою, лишенная своихъ образованныхъ гражданъ, лишенная возможности разработывать богатство своей земли, македонскія республики впали въ невѣжество и нищету, такъ что свобода и самоуправленіе стали для нихъ тягостью. Постановленіе сената о раздѣленіи Македоніи на четыре республики, нанесло смертельный ударъ македонскому народу; послѣ недолгой агоніи, сопровождавшейся двумя конвульсіями, вызванными появленіемъ царей, македоняне ис-

чезли изъ исторіи, возвратились въ состояніе безвѣстныхъ пастуховъ и хлѣбопашцевъ, изъ котораго были вызваны Филиппомъ и Александромъ на завоеваніе міра.

Такова-же была судьба иллирскаго царства Гентія; оно было раздроблено на три республики, изъ состава которыхъ были выдѣлены города, сдѣланные особыми государствами; народъ сталъ платить дань римлянамъ. Корабли, на которыхъ иллирцы плавали разбойничать, были отняты у нихъ, и Адріатическое море надолго освободилось отъ морскаго разбоя.

5. Послѣдняя борьба Македоніи и Греціи за независимость и покореніе ихъ римлянами.

Римляне подвергаютъ униженіямъ Эвмена и Прузія.

Теперь пришла очередь разсчитаться съ Греціей и азіатскими государствами, принявшими греческую культуру. Римляне хотѣли упрочить свое владычество надъ ними такъ твердо, чтобы сопротивленіе стало на вѣки невозможнымъ. Сенату пріятно было бы раздробить и пергамское царство, какъ Македонію. По ея подавленіи уже не было надобности въ томъ, чтобъ у нея былъ сильный сосѣдъ, который наблюдалъ бы за ея покорностью Риму, а тайныя сношенія Эвмена съ Персеемъ во время войны возбудили подозрѣніе и неудовольствіе въ Римѣ. Римляне пытались произвесть раздоръ въ Пергамской династіи и отдать часть царства брату Эвмена, Атталу; но Атталъ не захотѣлъ участвовать въ интригѣ, а Эвменъ, человѣкъ осторожный, не подалъ никакого явнаго предлога римлянамъ наказать его; потому сенатъ ограничился пока косвенными выраженіями своей немилости къ нему. Онъ хотѣлъ лично оправдаться передъ сенатомъ, поѣхалъ въ Римъ, но, когда вышелъ на берегъ въ Брундизіи, ему было объявлено, что сенатъ рѣшилъ не допускать царей пріѣзжать въ Римъ. Онъ вернулся, смиренно сказавъ, что воля Рима—верховный законъ для него. Римъ высказалъ свою немилость и царю виѳинскому; сенатъ потребовалъ у него отчета въ томъ, почему онъ держалъ себя нейтрально. Онъ поспѣшилъ въ Римъ и раболѣпной покорностью смягчилъ гнѣвъ грозныхъ покровителей. Вошедши въ сенатъ, онъ упалъ лицомъ на землю въ знакъ своего благоговѣнія передъ «богами спасителями», т. е. передъ сенаторами. За эту низость ему было дано прощеніе, и онъ такъ разжалобилъ римлянъ, что они подарили ему флотъ, отнятый у Персея, брата его жены. — Межъ тѣмъ, какъ римляне были заняты войною въ Македоніи и Греціи, возобновилась война между Сиріею и Египтомъ за ливанское приморье, котораго требовалъ себѣ Птолемей Филометоръ подъ тѣмъ выдуманнымъ предлогомъ, что оно должно было достаться въ наслѣдство его матери Клеопатрѣ, дочери сирійскаго царя. Но дядя его Антіохъ Эпифанъ разбилъ его въ сраженіи на границѣ Сиріи съ Египтомъ;

171. ему пришлось отказаться отъ мысли о завоеванiяхъ; Антiохъ вошелъ въ Египетъ, взялъ въ плѣнъ царя, овладѣлъ Александрiею и хотѣлъ поставить Египетъ въ зависимость отъ Сирiи. Но римляне побѣдили Персея, и тогда приплылъ въ Александрiю римскiй посолъ Попилiй Ленатъ съ повелѣнiемъ сената сирiйскому царю, чтобъ онъ возвратилъ Птолемею всѣ завоеванiя и въ назначенный срокъ удалился изъ Египта. Антiохъ просилъ времени подумать, посовѣтоваться. Попилiй очертилъ своею тростью кругъ около царя и сказалъ, что онъ долженъ дать рѣшительный отвѣтъ, прежде чѣмъ выйдетъ изъ этого круга. Совершенно оробѣвъ, Эпифанъ сказалъ, что исполнитъ волю сената и пошелъ назадъ въ Антiохiю. Онъ вступилъ въ свою столицу пышной процессiей, какъ побѣдитель Египта. — Цари египетскiй и сирiйскiй были послѣ того лишь клiентами Рима.

Антiохъ Эпифанъ и Попилiй Ленатъ.

Наказанiе Родоса.

Суровѣе были наказаны родосцы за то, что предпочли свои торговые интересы выгодамъ Рима. При началѣ войны съ Персеемъ, они имѣли благоразумiе остаться нейтральными, не допустили приверженцевъ Македонiи вовлечь ихъ въ союзъ съ Персеемъ; но ихъ сочувствiе нацiональному дѣлу не осталось тайной для Рима; а послѣ неудачъ, какiя потерпѣли римляне въ первые годы войны, они явно выказали свои мысли. Родосскiе послы неожиданно явились въ сенатѣ и въ римскомъ станѣ у Энипея съ предложенiемъ посредничества и съ объявленiемъ, что Родосъ обратитъ свое оружiе противъ той стороны, которая отвергнетъ предлагаемыя ими условiя мира. Посламъ былъ данъ рѣзкiй отказъ разсуждать съ ними. Вскорѣ послѣ того произошла битва при Пиднѣ, и родосцы съ ужасомъ поняли въ какое положенiе поставили они себя своей опрометчивостью. Они наказали смертью или изгнанiемъ виновныхъ въ ихъ безразсудномъ поступкѣ и отправили въ Римъ пословъ, которые явились въ сенатъ въ траурной одеждѣ и на колѣнахъ просили о прощенiи. Заступничество Катона отвратило отъ родосцевъ то, чего они опасались: сенатъ не объявилъ имъ войны. Они выразили свою благодарность поднесенiемъ массивнаго золотаго вѣнка.

Но такъ дешево не удалось имъ отдѣлаться. Сенатъ отнялъ у нихъ владѣнiя на материкѣ Малой Азiи, поставилъ подъ покровительство Рима федеративную ликiйскую республику, которую страшно угнетали налогами родосцы; ликiйская федерацiя, существовавшая съ незапамятныхъ временъ, имѣвшая представительное союзное правленiе, хорошiе законы, хорошiе нравы, ожила, стала оправляться. Объявивъ свободу беспошлинной торговли на Делосѣ, сенатъ нанесъ тяжелый ударъ родосской торговлѣ. Таможенныя пошлины родосской гавани, дававшiя 1,000,000 драхмъ (около 250,000 руб.) въ годъ, скоро упали до 150,000 драхмъ (менѣе 40,000 рублей). Родосское государство стало ослабѣвать, утратило свое богатство.

Наказанiе Грецiи.

Еще быстрѣе шла къ утратѣ независимости Грецiя, и необузданная борьба партiй усердно помогла мщенiю римлянъ совершить кровавое дѣло порабощенiя Грецiи. Первые подверглись мщенiю союзники Персея—эпирцы и этоляне. По тайному порученiю сената Эмилiй Павелъ отдалъ въ одинъ день на разграбленiе 70 эпирскихъ городовъ и мѣстечекъ и продалъ въ рабство ихъ населенiе, 150000 человѣкъ. Въ Этолiи на союзномъ собранiи Ликискъ велѣлъ римскимъ воинамъ схватить и убить 550 важнѣйшихъ людей патрiотической партiи, какъ приверженцевъ Персея; другiе были брошены въ темницу, или отправлены въ Италiю, какъ заложники; этольскiй союзъ былъ уничтоженъ. Потомъ во всѣхъ греческихъ городахъ начались процессы надъ измѣнниками. Служившiе въ войскѣ Персея были казнены, обвиняемые въ сношенiяхъ съ нимъ были отправляемы на судъ въ Римъ и оставляемы въ Италiи жить гдѣ-нибудь въ ссылкѣ. Этой судьбѣ подверглись болѣе 1000 человѣкъ знатныхъ ахейцевъ, главныхъ людей патрiотической партiи. Они были отправлены на судъ въ Римъ, ихъ разослали по разнымъ городамъ Италiи, и они прожили семнадцать лѣтъ въ ссылкѣ. Печаль, тоска по родинѣ, самоубiйство и при попыткахъ бѣжать казнь быстро уменьшали ихъ число и черезъ 17 лѣтъ ихъ оставалось только 300 человѣкъ. Въ числѣ ихъ находился Полибiй, сынъ Ликорта, человѣкъ высокой образованности, убѣдившiйся въ Римѣ, что римскiй народъ предназначенъ владычествовать надъ вселенной и что тѣ государства, которыя противятся этой неизбѣжной судьбѣ, только навлекаютъ на себя погибель. Гнусная дѣятельность доносчиковъ и судей, подобныхъ палачамъ, охватила всѣ города Грецiи, всѣ острова до Коса и Лесбоса. Римляне не имѣли надобности убивать сами: достаточно было дать волю свирѣпымъ вождямъ партiй: этолянинъ Ликискъ, эпирецъ Харопсъ, беотiецъ Мнасиппъ, ахеецъ Калликратъ съ удовольствiемъ взяли на себя роль преслѣдователей и убiйцъ, избавили римскихъ полководцевъ и государственныхъ людей отъ непрiятной должности палачей и тюремщиковъ. Когда Полибiй, прожившiй много лѣтъ въ Римѣ, получивъ вмѣстѣ съ товарищами своей ссылки дозволенiе возвратиться на родину, хотѣлъ просить сенатъ, чтобъ ему и его товарищамъ были формально возвращены прежнiя права, Катонъ, которому онъ сообщилъ свое намѣренiе, сказалъ, что это кажется ему похожимъ на то, какъ еслибъ Одиссей возвратился въ пещеру Полифема попросить у циклопа шапку и поясъ.

Нравственный упадокъ грековъ.

Съ теченiемъ времени преслѣдованiя, разумѣется, прекратились. Кровожадные приверженцы римскаго владычества умирали,—одни естественной смертью, другiе, какъ напримѣръ Ликискъ, насильственной, и мало по малу перемерли всѣ; но страна опустѣла, число населенiя очень уменьшилось, люди деморализировались, чувство чести исчезло. Бывали случаи, что обѣднѣвшiя государства грабили слабые города, какъ напримѣръ аѳиняне Оропъ. Первые сановники Ахейскаго Союза Мехалькидъ и Калликратъ позорили себя расхищенiемъ денегъ и взяточничествомъ. Жизнь не пред-

ставляла возвышенныхъ цѣлей; при непрочности общественнаго быта люди высшихъ сословій все больше и больше боялись вступать въ бракъ. По всѣмъ этимъ фактамъ было видно, что греческій народъ скоро исчезнетъ.

Раздоры въ ахейскомъ союзѣ. 149.

Въ 151 году ахейцы, оставшіеся еще живыми въ итальянской ссылкѣ (между прочимъ и Полибій) были отпущены на родину, по предложенію Катона, говорившаго въ сенатѣ, что все равно римскіе, или греческіе могильщики зароютъ этихъ стариковъ въ землю. По возвращеніи ихъ, борьба партій вспыхнула съ новой силой. Одинъ изъ нихъ Діэй Мегалопольскій былъ за свою пламенную ненависть къ римлянамъ выбранъ стратегомъ ахейскаго союза. Онъ подалъ поводъ къ возобновленію старинной племенной вражды между ахейцами и лакедемонянами, предложивъ собранію ахейскаго народа отмѣнить привилегіи, данныя спартанцамъ: особожденіе ихъ отъ подвластности уголовному суду союза и право отправлять особыхъ пословъ въ Римъ. Эти права спартанцевъ были, по его мнѣнію, противны законамъ союза. Поднялся сильный раздоръ. Спартанцы и ахейскіе приверженцы римлянъ, главою которыхъ былъ Менадькидъ, человѣкъ чрезвычайно горячій, обвиняемые въ томъ, что нарушаютъ спокойствіе страны, обратились въ Римъ съ просьбой о защитѣ. Обѣ партіи жаловались другъ на друга сенату, говорили рѣчи, наполненныя самыми желчными упреками противникамъ. Сенатъ постановилъ по ихъ дѣлу двусмысленное рѣшеніе, которое и та и другая сторона толковали въ свою пользу. Въ Спартѣ одержала верхъ партія, желавшая отложиться отъ союза; ахейцы не хотѣли допустить этого; обѣ стороны стали готовиться къ войнѣ; событія, начавшіяся въ Македоніи, заставили пелопоннесцевъ на нѣсколько времени отложить свое междоусобіе. Но уже не далекъ былъ день погибели и ахейскаго союза и Спарты.

Возстаніе Лжефилиппа въ Македоніи 149

Отважный искатель приключеній, уроженецъ Адрамиттія Андрискъ поднялъ возстаніе въ Македоніи, назвавъ себя сыномъ Персея и Лаодики. Нашедши себѣ поддержку у ѳракійцевъ и набравъ наемниковъ, онъ вступилъ въ Македонію, призывая народъ низвергнуть насильственно введенное римлянами республиканское правленіе и возстановить монархію подъ властью его, потомка македонскихъ царей. Сходство съ Персеемъ доставило «лже-Филиппу» (Pseudophilippos), какъ называютъ его греческіе историки, много приверженцевъ въ народѣ, привыкшемъ къ монархическому правленію и недовольномъ своими учрежденіями. Одержавъ двѣ побѣды одну на востокѣ, другую на западѣ Стримона, онъ былъ признанъ въ Македоніи царемъ и пошелъ въ Ѳессалію, чтобы низвергнуть и тамъ владычество Рима. Случайно бывшій въ Греціи римскій посолъ Сципіонъ Назика отразилъ его при содѣйствіи ахейскихъ и пергамскихъ войскъ. Но въ Македоніи онъ одержалъ новую побѣду надъ преторомъ Маркомъ Ювенціемъ Тальною, вошедшимъ туда съ запада. Преторъ былъ убитъ, войско его отчасти истреблено, отчасти захвачено въ плѣнъ. Филиппъ, какъ называлъ себя Андрискъ, былъ теперь полнымъ владыкою Македоніи; въ царскомъ облаченіи творилъ онъ судъ; сопротивлявшихся ему каралъ. Возстанія, вспыхнувшія въ Карѳагенѣ, въ Лузитаніи, въ Малой Азіи, давали ему надежду удержаться на престолѣ. Но роль его скоро кончилась. Разбитый Квинтомъ Цециліемъ Метелломъ, онъ бѣжалъ къ ѳракійскому царю Бизесу, но былъ выданъ

Пораженіе Андриска. Македонія обращена въ римскую провинцію 148.

имъ Метеллу, который потомъ, при своемъ тріумфѣ, велъ его по улицамъ Рима. Македонія была лишена послѣднихъ остатковъ національной независимости. Обращенная Метелломъ въ римскую провинцію, родина Филиппа и Александра стала частью римскаго государства. Подъ властью римскаго правителя македоняне стали платить дань, удерживаемые въ повиновеніи римскими войсками; историческое значеніе ихъ прекратилось. Послѣдній національный порывъ подавленнаго народа былъ заглушенъ почти безъ борьбы. Два столѣтія имя македонянъ гремѣло по всему міру; теперь они стали безвѣстны. Но на римлянъ легла тяжелая задача охранять отъ варваровъ сѣверную границу новаго владѣнія, державшуюся лишь на столько, на сколько доставали римскіе мечи и копья.

Война ахейскаго союза со Спартой.

Метеллъ еще не вывелъ войска изъ Македоніи, когда въ Греціи вспыхнула война, произведенная взаимной ненавистью, которую уже давно едва сдерживали въ себѣ ахейцы и лакедемоняне. Ахейскій стратегъ Демокритъ разбилъ спартанцевъ въ сраженіи, въ которомъ 1000 ихъ воиновъ легли на мѣстѣ боя, и легко могъ бы взять саму Спарту, если бы напалъ на нее, не теряя времени. Но онъ удовольствовался мелкими набѣгами. Обвиненный за это въ измѣнѣ и осужденный заплатить 50 талантовъ штрафа, онъ бѣжалъ, и занявшій мѣсто его Діэй горячо продолжалъ войну, не слушая совѣтовъ Метелла примириться, довелъ спартанцевъ до безнадежнаго положенія, и Менадькидъ, возбудившій ихъ къ возстанію, отравился, чтобы не пережить близкаго паденія родины. Но прежде чѣмъ спартанцы были окончательно подавлены, въ Пелопоннесъ пріѣхалъ Луцій Аврелій Орестъ, холодный, гордый аристократъ, говорившій очень сдержанно, остановилъ войну и созвалъ въ Коринѳъ конгрессъ выслушать повелѣніе сената. Ахейцы, оказавшіе услуги римлянамъ въ войнѣ съ Лжефилиппомъ и ожидавшіе за то благопріятнаго для нихъ рѣшенія дѣла, изъ-за котораго они воевали со Спартой, изумились, услышавъ повелѣніе сената, разрушавшее ихъ федерацію. Имъ было прочтено, что сенатъ и народъ римскій для водворенія прочнаго спокойствія постановили, что Спарта, Коринѳъ, Орхоменъ, Аргосъ, Гераклея Этская и нѣкоторые другіе города отдѣляются отъ ахейскаго союза и должны стать независимыми государствами, каждое съ особымъ своимъ правительствомъ, потому что, какъ учитъ опытъ, государства разнаго происхожденія и разныхъ обычаевъ не могутъ быть членами одной федераціи. Страшное волненіе охватило ахейцевъ и коринѳскій народъ при провозглашеніи этого повелѣнія. Толпа бросилась на бывшихъ въ Коринѳѣ спартанцевъ, которыхъ называла виновниками всей бѣды. Каждый, имѣвшій спартанское имя, бывшій въ лаконскомъ платьѣ или въ лаконской обуви, находился въ опасности быть убитымъ. Даже въ жилищѣ римскихъ пословъ, напрасно упрашивавшихъ народъ за несчастныхъ, не было имъ убѣжища отъ преслѣдованія; сами

Коринѳскій конгрессъ.

послы подверглись насмѣшкамъ и въ давкѣ получили толчки и удары. Раздраженные такимъ оскорбленіемъ и опасаясь за свою жизнь, послы уѣхали изъ Коринѳа и описали полученныя ими обиды сенату въ самыхъ яркихъ краскахъ. Но онъ не хотѣлъ прибѣгать къ силѣ оружія, надѣясь образумить ахейцевъ. Было отправлено второе посольство, главою котораго былъ Секстъ Юлій Цезарь. На собраніи ахейскаго союза въ Эгіѣ, послы примирительнымъ тономъ увѣряли ахейцевъ въ миролюбіи сената, въ доброжелательствѣ его къ нимъ, убѣждали ихъ повиноваться его рѣшенію и въ особенности покончить свой раздоръ со Спартой мирнымъ соглашеніемъ. Но Критолай, бывшій тогда стратегомъ и страстно ненавидѣвшій римлянъ, помѣшалъ примиренію. Онъ полагалъ, что дружелюбіе римлянъ или коварство, или признакъ того, что ихъ войска въ Африкѣ и въ Испаніи терпятъ неудачи и что поэтому, если ахейскій союзъ выкажетъ твердость, то они откажутся отъ постановленія, которымъ хотѣли разрушить его.

Умѣренность Римскаго сената.

Критолай хитростью устранилъ возможность примиренія; онъ условился начать переговоры о мирѣ съ Спартою; мѣстомъ конгресса была назначена Тегея; но тайно онъ помѣшалъ отъѣзду ахейскихъ уполномоченныхъ. Римскій посолъ и македонскіе уполномоченные долго понапрасну ждали ихъ. Наконецъ пріѣхалъ Критолай и объявилъ, что рѣшеніе спора принадлежитъ не правительству, а народному собранію ахейскаго союза.

Осень 147.

Цезарь возвратился въ Римъ безъ всякаго успѣха. Критолай зимою поднялъ въ ахейскихъ городахъ агитацію въ пользу продолженія войны и успѣлъ обманчивыми свѣдѣніями довести ахейцевъ до такого самообольщенія, что на слѣдующемъ собраніи въ Коринѳѣ они рѣшили объявить войну Спартѣ, то есть, вступить въ войну съ Римомъ. Напрасно Метеллъ отклонялъ ихъ отъ этого рѣшенія; раздраженный народъ свистомъ и крикомъ прогналъ его пословъ съ трибуны и съ восторженнымъ одобреніемъ принялъ безумныя слова Критолая: «Мы хотимъ имѣть римлянъ друзьями, но не господами». Въ приманку массѣ бѣдняковъ, рѣшавшей дѣла на этомъ послѣднемъ собраніи ахейскаго народа, къ предложенію объявить войну Спартѣ было прибавлено, что на время войны пріостанавливается взысканіе долговъ. Благодарный народъ далъ за это стратегу неограниченную власть. Запуганное зажиточное меньшинство не сопротивлялось рѣшеніямъ массы.

Ахейцы объявляютъ войну Спартѣ. Весна 146.

Метеллъ желалъ поскорѣе кончить войну, чтобы не раздѣлить честь побѣды съ консуломъ слѣдующаго года. Какъ только возвратились его послы съ извѣстіемъ о рѣшеніи ахейскаго народа, онъ двинулся въ Ѳессалію. Критолай уже пришелъ съ ахейскимъ войскомъ въ Термопилы, чтобы покорить отдѣлившуюся отъ союза Гераклею и защищать цѣлость ахейской федераціи отъ римлянъ. Но

Побѣда Метелла при Скарфеѣ.

при приближеніи Метелла Критолай быстро отступилъ въ область эпикнемидскихъ локрійцевъ, и въ ней, у Скарфеи, произошла битва. Греческое войско было плохо обучено; Критолай былъ плохой полководецъ. Римское военное искусство одолѣло грековъ; многіе были убиты, остальные — захвачены въ плѣнъ, или разбѣжались. Критолай исчезъ, и осталось неизвѣстнымъ, какъ погибъ онъ. Отрядъ изъ 1000 аркадянъ, возвращавшихся на родину, былъ настигнутъ при Херонеѣ и почти весь истребленъ. Ѳивы, Халкида, вся Средняя Греція безъ сопротивленія покорились побѣдителю, медленно подходившему къ Пелопоннесу и старавшемуся кротостью склонить грековъ къ прекращенію безполезной борьбы.

Но рѣшителемъ судьбы Греціи не пришлось быть благородному Метеллу. Межъ тѣмъ какъ Діэй, послѣ погибели Критолая назначенный главнокомандующимъ съ неограниченной властью, собиралъ близъ Коринѳа послѣднихъ воиновъ ахейскаго союза, пополнялъ малочисленные ряды ихъ принятіемъ 12000 греческихъ рабовъ на службу, дѣлалъ насильственные займы, бралъ всякими притѣсненіями деньги на покрытіе военныхъ расходовъ, въ римскій станъ прибылъ съ небольшою свитою новый главнокомандующій, консулъ Луцій Муммій. Метеллъ уже дошедшій до Истма долженъ былъ передать окончаніе войны своему преемнику, человѣку грубому, необразованному, не имѣющему уваженія къ искусству и литературѣ. Заботы Метелла спасти обманутый, одураченный ахейскій народъ отъ бѣдствій борьбы, не представлявшей возможности успѣха, были напрасны: союзные правители знали, что римляне не простятъ имъ ихъ дѣлъ и чтобъ избѣжать казни противились примиренію, казнили, какъ измѣнниковъ, зажиточныхъ людей, желавшихъ его, разгорячали толпу обѣщаніемъ раздѣла имущества и уничтоженія долговъ. И Муммій, и Діэй желали рѣшительной битвы, потому дѣло кончилось скоро. Ободренный успѣшной для ахейцевъ стычкой между передовыми отрядами, Діэй повелъ свое войско на римскіе легіоны, но былъ у горнаго селенія Левкопетры («Бѣлой скалы») совершенно разбитъ непріятелемъ, далеко превосходившимъ ахейское войско числомъ, искусствомъ и дисциплиною. Діэй бѣжалъ въ свой родной городъ Мегалополь, зажегъ свой домъ, убилъ жену и принялъ ядъ, кончая безтрепетнымъ дѣломъ отважную до безразсудства жизнь. Остатки войска, которыми не кому было начальствовать, разсѣялись. Нигдѣ не было сдѣлано попытки сопротивленія; города покорились, греки не хотѣли геройски умереть за родину, какъ карѳагеняне; даже коринѳяне не думали защищать свой сильно укрѣпленный городъ. Подошедши къ его стѣнамъ и увидѣвъ ворота отворенными, Муммій полагалъ, что это военная хитрость, и два дня не шелъ въ городъ. На третій день онъ взялъ Коринѳъ, и начались неистовства. Жители въ наказаніе за оскорбленіе римскихъ пословъ были убиты, или проданы въ рабство, про-

Главнокомандующимъ становится Муммій.

Пораженіе ахейцевъ при Левкопетрѣ.

Взятіе Коринѳа.

изведенія искусствъ истреблены, проданы или увезены въ Италію, храмы и дома ограблены и разрушены: область Коринѳа была объявлена собственностью римскаго народа. Воины продавали за ничтожныя деньги, или проигрывали въ кости знаменитыя картины и статуи, наконецъ, по повелѣнію сената, разграбленный и опустѣвшій городъ былъ сожженъ; то мѣсто, на которомъ стоялъ онъ, было предано проклятію и должно было оставаться на вѣки пустымъ. Такъ погибъ городъ, остававшійся послѣднимъ украшеніемъ обѣднѣвшей Греціи. Укрѣпленія другихъ ахейскихъ городовъ были разрушены; ихъ населеніе должно было отдать римлянамъ часть своего имущества и произведеній искусствъ; многіе изъ гражданъ, сражавшихся противъ римлянъ, были казнены или уведены въ рабство.

Тѣ города Средней Греціи и сосѣднихъ островковъ, которые принимали участіе въ національномъ возстаніи, тоже подверглись тяжелымъ наказаніямъ; въ особенности сурово были наказаны Ѳивы и Халкида. Города, выказавшіе преданность римлянамъ, какъ напримѣръ Спарта и Гераклея, получили въ награду часть земель, отнятыхъ у наказанныхъ.

Греція обращена въ римскую провинцію.

Покаравъ сопротивлявшихся Риму, Муммій съ десятью присланными изъ Рима коммиссарами занялся устройствомъ дѣлъ Греціи. Римляне поступили съ ней болѣе милостиво, чѣмъ съ «варварскими» странами. Правда Пелопоннесъ и Средняя Греція фактически стали римской провинціей, были подчинены римскому правителю Македоніи, стали платить налоги въ римскую казну, быть можетъ съ того времени получили оффиціальное названіе Ахаіи, обозначавшее, что онѣ составляютъ одинъ округъ римскихъ владѣній. Но по формѣ грекамъ былъ оставленъ призракъ свободы. Прежнія греческія государства продолжали называться государствами, сохранили свои законы, могли установить новые, сохранили свои, повидимому, не зависимыя правительства, только съ тѣмъ ограниченіемъ, что демократическія учрежденія были отмѣнены, управленіе дѣлами было передано сословію зажиточныхъ гражданъ, и гражданину одного государства было запрещено имѣть, или пріобрѣтать земельную собственность въ другомъ; федераціи были уничтожены, но лишь не на долго; скоро римляне позволили возстановить ихъ.

Патріотическая дѣятельность Полибія.

Такимъ образомъ римскіе коммиссары оставляли греческимъ городамъ безвредный призракъ свободы, но разорвали послѣднія связи общей національной жизни грековъ, уничтожили возможность единодушія въ Греціи, упрочили навсегда владычество Рима надъ нею. Полибій, по просьбѣ своего друга Сципіона Эмиліана, назначенный состоять совѣтникомъ при комитетѣ десяти коммиссаровъ, посланныхъ установить новый порядокъ дѣлъ въ Греціи, имѣлъ ту отраду, что, по возможности, охранилъ отъ страданій умирающую родину, облегчилъ грекамъ переходъ подъ римское владычество, сохранилъ для нихъ слабую тѣнь свободы. По его заступничеству, ахейцамъ было дозволено удержать хотя маленькій остатокъ автономіи, были оставлены имъ статуи послѣднихъ великихъ людей Греціи, Арата и Филопемена, были смягчены нѣкоторыя суровыя мѣры относительно городовъ, или отдѣльныхъ лицъ. Когда коммиссары черезъ полгода послѣ своего пріѣзда, кончивъ дѣла, уѣхали изъ Греціи, Полибію было поручено ввести въ греческихъ городахъ новыя учрежденія, устроить судопроизводство, облегчить грекамъ замѣну прежней самостоятельности подчиненностью Риму, рѣшить споры между городами; благородный патріотъ исполнилъ свои обязанности съ такой преданностью благу родины, съ такой кротостью, такимъ безпристрастіемъ, что благодарные соотечественники поставили статуи въ честь его. Потомъ онъ занялся учеными трудами, кончилъ свою Всеобщую Исторію, свою книгу о Филопеменѣ, свою Тактику и умеръ на 82 году жизни быстрою смертью, упавъ съ лошади. Заботы его о благѣ Греціи были тѣмъ успѣшнѣе, что Муммій, исполнивъ суровыя повелѣнія сената, оказался справедливымъ, честнымъ, добродушнымъ правителемъ и хотя былъ человѣкъ очень не богатый, оставался чистъ отъ всякаго своекорыстія. Онъ умеръ въ такой бѣдности, что римское правительство нашло своей обязанностью назначить его дочерямъ приданое. Благодаря Полибію и Муммію, часть взятыхъ римлянами контрибуцій и конфискованныхъ земель была дана въ пособіе обѣднѣвшимъ городамъ и отдѣльнымъ лицамъ.

122. Муммій.

Греція послѣ своего паденія.

Римское владычество надъ измученной, астерзанной междоусобіями Греціею, гдѣ жизнь и собственность подвергались непрерывнымъ опасностямъ отъ соціальныхъ переворотовъ, должно было казаться греческому народу благотворнымъ, спасительнымъ; но Греція подъ римской властью скоро пришла въ совершенный упадокъ. Благосостояніе народа, нравственныя и умственныя силы его были такъ ослаблены нашествіями иноземцевъ и внутренними раздорами, что онъ уже не могъ оправиться. Спокойствіе, установившееся подъ владычествомъ римлянъ, было сномъ смерти, въ которомъ совершенно угасли прежняя умственная дѣятельность, любовь къ свободѣ, патріотизмъ. Спартанцы продолжали заниматься своимъ промысломъ службы по найму въ иноземныхъ войскахъ. Аѳиняне, чей городъ оставался однимъ изъ центровъ образованности, раздѣлявшимъ въ этомъ отношеніи славу Антіохіи, Александріи, другихъ новыхъ столицъ, пользовались покровительствомъ знатныхъ римлянъ, любившихъ окружать себя аѳинскими художниками, учеными, поэтами, блестящими собесѣдниками, покровительствовавшихъ аѳинскимъ актерамъ и танцовщикамъ. Эти кліэнты римскихъ вельможъ лестью и низкопоклонничествомъ пріобрѣтали отъ нихъ подарки, разныя другія милости, но не пользовались ихъ уваженіемъ. Аѳинскіе граждане, славившіеся нѣкогда храбростью, до такой степени отвыкли отъ военнаго дѣла, что черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ по взятіи Коринѳа римлянами, не могли справиться съ возмутившимися работниками серебряныхъ рудниковъ Аттики; эти мятежники, ушедши на мысъ Суній, довольно долго безнаказанно опустошали окрестности.— По установленіи римскаго владычества почти всѣ греческіе города скоро обѣднѣли и опустѣли; ихъ укрѣпленія были разрушены; лучшіе граждане ихъ были уведены въ плѣнъ, проданы въ рабство, или бѣжали; уцѣлѣвшіе упали духомъ, влачили нищенское существованіе въ полуразвалившихся домахъ, и наконецъ прекрасная Гре-

ція стала пустынею, въ которой безчисленныя развалины свидѣтельствовали, что нѣкогда тутъ жилъ дѣятельный, богатый народъ.

Страбонъ, писавшій свою „географію“ во времена Тиберія, нашелъ въ Аркадіи лишь одинъ городъ, хотя не очень большой, но и не совершенно малолюдный, Тегею; всѣ остальные аркадскіе города лежали въ развалинахъ; въ Беотіи еще держались Танагра и Өеспія; отъ Өивъ оставалась только цитадель, гдѣ жило нѣсколько семействъ. Во II вѣкѣ нашей эры на Эвбеѣ двѣ трети земли лежали невоздѣланными по недостатку рабочихъ рукъ. „Свирѣпость грубыхъ завоевателей“, говоритъ Шорнъ, „такъ разорила Грецію, что она походила на пустыню, безлюдность которой пробуждала тѣмъ болѣе грусти, что многочисленныя развалины городовъ, нѣкогда цвѣтущихъ, напоминали о блестящемъ прошломъ“. Съ погибелью независимости греки утратили бодрость, энергію духа, умственной дѣятельности. Жизнь не имѣла возвышенныхъ цѣлей, и выродившіеся люди искали себѣ отрады въ пренебреженіи къ ней, или въ разгулѣ чувственныхъ удовольствій. Упадокъ былъ результатомъ отчасти апатіи, овладѣвшей греками, отчасти свирѣпыхъ опустошеній страны иноземцами.

---

3. Погибель Карөагена и Нуманціи.

1. Третья Пуническая война.

(149—146).

Ссоры между Масиниссою и карөагенянами и римскій судъ.

Еще до разрушенія Коринөа свершилась судьба Карөагена. Обратилась въ пустыню не только прекрасная Греція, сталъ пустынею и рай, созданный финикійскимъ трудолюбіемъ въ одной изъ плодороднѣйшихъ мѣстностей земнаго шара. Стали грудами развалинъ не только греческіе города, украшенные произведеніями искуствъ, но и роскошные загородные дома карөагенскихъ негоціантовъ. Мы видѣли, что Масинисса ловко умѣлъ извлекать себѣ выгоду изъ непріязни римлянъ къ Карөагену; что, подъ предлогомъ старинныхъ правъ нумидійскихъ царей, онъ захватилъ множество городовъ и цвѣтущихъ округовъ, которые уже много вѣковъ принадлежали Карөагену; что, когда карөагеняне жаловались римлянамъ, Римъ всегда рѣшалъ дѣло въ пользу нумидійскаго царя и тѣмъ поощрялъ его къ новымъ захватамъ.

Такъ напримѣръ, едва римляне присудили, что за Масиниссою должна остаться захваченная имъ Эмпорія съ богатой своей областью на берегу Малой Сирты, и что карөагеняне за прежнее несправедливое владѣніе ею должны заплатить ему вознагражденіе въ 500 талантовъ (болѣе 700,000 рублей), онъ захватилъ городъ Туску и плодородную, густо населенную землю по рѣкѣ Баграду.

Ненависть Катона къ Карөагену.

Сенатъ оставлялъ безъ вниманія жалобы карөагенянъ; голоса Сципіона Назики и другихъ безпристрастныхъ сенаторовъ не могли сгладить впечатлѣнія, производимаго рѣчами Катона, который, оскорбившись тѣмъ, что карөагеняне отвергли его посредничество, сталъ непримиримымъ врагомъ ихъ.

Катонъ, видѣвшій, что богатство и могущество Карөагена быстро возстанавливается, неутомимо говорилъ въ сенатѣ объ опасностяхъ, угрожающихъ Риму отъ Карөагена, силы котораго крѣпнутъ; по его словамъ надобно было опасаться, что черезъ нѣсколько времени явится у воротъ Рима новый Ганнибалъ; онъ говорилъ, что богатство карөагенянъ, громадные запасы оружія въ ихъ арсеналахъ, сильный военный флотъ ихъ показываютъ, что Карөагенъ все еще сохраняетъ грозное могущество, что Римъ не будетъ безопасенъ, пока остается и замышляетъ его гибель Карөагенъ; каждую свою рѣчь Катонъ кончалъ словами: «Кромѣ того, я вотирую, что Карөагенъ долженъ быть разрушенъ».—Римскіе купцы съ завистью смотрѣвшіе на богатую карөагенскую торговлю, старались разжигать національную вражду, чтобы наслѣдовать торговлю своихъ карөагенскихъ соперниковъ.

Карөагеняне рѣшаются обороняться.

Масинисса, сохранившій, къ несчастію Карөагена, до глубокой старости свѣжесть умственныхъ и физическихъ силъ и умѣвшій пріобрѣсти подобострастіемъ благосклонность вліятельныхъ людей Рима, смѣло шелъ къ исполненію своихъ честолюбивыхъ плановъ, надѣясь на римское покровительство, и раздражалъ карөагенянъ непрерывными захватами пограничныхъ мѣстностей. Наконецъ карөагеняне, отчаявшись найдти справедливость въ Римѣ, рѣшились оружіемъ защищать свою собственность, признанную за ними по договору съ самимъ Римомъ. При содѣйствіи раздраженной массы народа патріотическая партія, вождями которой были Газдрубалъ и Карөалонъ, пріобрѣла перевѣсъ въ правительствѣ и немедленно выказала твердое намѣреніе отразить силой насильственныя дѣйствія Масиниссы. Былъ принятъ на карөагенскую службу ливійскій князь Аркобарзанъ, внукъ Сифакса; правительство сдѣлало приготовленія къ войнѣ, изгнало 40 человѣкъ, считавшихся приверженцами Масиниссы и римлянъ, и взяло съ народнаго собранія клятву никогда не дозволять имъ возвратиться; Римляне, увѣдомленные объ этомъ Гулуссой, сыномъ Масиниссы, отправили въ Карөагенъ посольство, потребовать, чтобы приготовленія къ войнѣ были прекращены, и запасы, собранные для флота, уничтожены. Правительство хотѣло покориться этимъ требованіямъ, но раздраженное народное собраніе воспротивилось тому. Римскіе послы едва были спасены отъ оскорбленій и смерти. Сыновья Масиниссы, ѣхавшіе въ Карөагенъ требовать отъ имени отца возвращенія изгнанныхъ его приверженцевъ, не были впущены въ городъ, нѣсколько человѣкъ ихъ свиты были убиты выбѣжавшими изъ воротъ на встрѣчу имъ карөагенскими воинами. Масинисса повелъ войско на Карөагенъ. Газдрубалъ пошелъ противъ

Война Масиниссы съ кареагенянами. 152. него. Два нумидійскіе князя, недовольные Масиниссой, перешли съ 6000 человѣкъ конницы изъ его стана въ кареагенскій. Ободренный этимъ Газдрубалъ предложилъ непріятелю битву; Масинисса принялъ ее. Произошелъ долгій кровопролитный бой, кончившійся побѣдою Масиниссы. На это сраженіе смотрѣлъ съ холма, «какъ Зевсъ съ Иды», по выраженію одного изъ древнихъ писателей, Сципіонъ Эмиліанъ, бывшій военнымъ трибуномъ въ испанскомъ войскѣ римлянъ и присланный оттуда консуломъ Лукулломъ взять слоновъ, обѣщанныхъ Масиниссой.— Потерпѣвъ пораженіе, кареагеняне вступили въ переговоры, соглашались отказаться отъ спорныхъ областей, уплатить Масиниссѣ большую контрибуцію; но не соглашались принять въ Кареагенъ изгнанныхъ приверженцевъ его; потому переговоры разстроились, и возобновилась война. Римляне оставляли полную волю своему кліэнту. Онъ окружилъ войско Газдрубала, тщеславнаго и бездарнаго человѣка, отрѣзалъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ; Газдрубалъ принужденъ былъ согласиться на самыя тяжелыя условія, чтобы получить свободу отступленія своему войску, изнуренному голодомъ.

Газдрубалъ обѣщалъ, что будетъ позволено изгнанникамъ возвратиться, будутъ выданы всѣ дезертиры и Кареагенъ будетъ платить 50 лѣтъ нумидійскому царю по 100 талантовъ дани. Кареагенскіе воины должны были отдать свое оружіе и полунагіе пройдти подъ ярмо. Когда они безоружные, изнуренные, упавшіе духомъ пошли въ Кареагенъ, Гулусса съ конницей погнался за ними и въ отмщеніе за обиду, полученную отъ кареагенянъ, велѣлъ убивать ихъ. Лишь немногіе успѣли добѣжать до воротъ Кареагена.

Римляне объявляютъ войну Кареагену. Въ Римѣ съ радостью приняли извѣстіе, что кареагенское войско уничтожено. Начавъ безъ дозволенія Рима войну съ Масиниссой, кареагеняне нарушили договоръ и тѣмъ дали римскому сенату желанный предлогъ объявить войну имъ. Напрасно они хотѣли отвратить отъ себя грозу, осудивъ на смерть вождей патріотической партіи Кареалона и Газдрубала, какъ виновниковъ войны, отправили въ Римъ посольство оправдывать государство, сложить войну отчасти на Масиниссу,
150. отчасти на Кареалона и Газдрубала; будь они и совершенно невинны въ нарушеніи трактата, римляне отвергли бъ ихъ оправданіе, тѣмъ болѣе, что около этого времени прислала въ Римъ уполномоченныхъ съ выраженіемъ совершенной покорности римлянамъ Утика, самый большой и сильный изъ городовъ, подвластныхъ Кареагену. Послы были отпущены съ неопредѣленнымъ отвѣтомъ, не объяснявшимъ намѣреній Рима, но дававшимъ понять, что его требованія будутъ очень суровы. Кареагеняне отправили второе посольство, состоявшее изъ 30 знатныхъ гражданъ; ему были даны неограниченныя полномочія; но прежде, чѣмъ доѣхало оно до Рима, была
149. уже объявлена война, и римскій флотъ съ 80.000 человѣкъ пѣхоты

и 4.000 конницы пошелъ въ Лилибей, чтобы плыть оттуда въ Африку; консуламъ, начальствовавшимъ этой грозной экспедиціей, было дано приказаніе не прекращать войну до разрушенія Кареагена. Посламъ, выразившимъ готовность Кареагена исполнить всѣ требованія Рима, былъ данъ отвѣтъ, что римскій сенатъ согласенъ оставить кареагенскому народу его независимость, область, имущество, если кареагеняне до истеченія 30 дневнаго срока пришлютъ 300 дѣтей знатнѣйшихъ гражданъ заложниками въ Сицилію и исполнятъ всѣ приказанія консуловъ. Въ чемъ будутъ состоять эти приказанія сенатъ умолчалъ, но проницательнымъ людямъ было понятно, чего потребуютъ консулы, потому что сенатъ говорилъ только о кареагенскомъ народѣ, не упоминая о городѣ Кареагенѣ. Эта мысль была такъ ужасна, что кареагеняне хотѣли не понимать ее. Имъ не вѣрилось, что городъ Кареагенъ обреченъ на разрушеніе. Безпрекословно послали они римлянамъ заложниковъ и не пытались противиться высадкѣ войска на африканскій берегъ. Консулы потребовали къ себѣ въ Утику кареагенскихъ уполномоченныхъ, приняли ихъ сидя, окруженные своими трибунами и легатами, передъ лицомъ всего громаднаго войска. Первымъ требованіемъ консуловъ была выдача оружія, военныхъ запасовъ и всѣхъ принадлежностей снаряженія кораблей. Послы отважились смиренно спросить, какимъ же образомъ они могутъ тогда отразить Газдрубала, который бѣжалъ отъ произнесеннаго надъ нимъ смертнаго приговора, собралъ 20.000 человѣкъ войска и угрожаетъ приступомъ Кареагену. Консулы коротко отвѣчали, что объ этомъ позаботятся римляне. Уполномоченные покорились требованію. Черезъ нѣсколько времени въ римскій станъ пришли кареагенскіе сенаторы съ длиннымъ обозомъ, на которомъ привезено было оружіе, военные запасы, машины; тутъ было полное вооруженіе для 200.000 человѣкъ. Но если кареагеняне полагали, что этой жертвой они примирили съ собою Римъ, то они были выведены изъ заблужденія. Консулъ, принявшій обозъ, похвалилъ послушность кареагенянъ и потомъ сурово произнесъ послѣдній роковой приговоръ: городъ Кареагенъ долженъ быть разрушенъ, жителямъ его разрѣшается построить себѣ новый городъ, на какомъ имъ угодно мѣстѣ, но не ближе, какъ въ 80 стадіяхъ (14 верстахъ) отъ моря. Невозможно описать впечатлѣнія, съ какимъ было принято это требованіе; плачъ, стоны прерывались воплями ярости; нѣкоторые падали, какъ мертвые; другіе неподвижно стояли, опустивъ глаза. Глава преданной римлянамъ партіи, Ганнонъ, старался мольбами смягчить жестокій приговоръ. Суровое лицо консула осталось неизмѣнно; онъ сказалъ, что такъ постановилъ сенатъ, и воля сената должна быть исполнена. Въ печальномъ молчаніи возвратились послы передать ужасную вѣсть тоскливо ожидавшему ихъ народу; многіе изъ нихъ скрылись, чтобъ избавиться отъ исполненія тяжелой обязанности. Неуклонившіеся отъ нея шли въ

Коварство римлянъ.

Выдача оружія и военныхъ машинъ.

Повелѣнія консуловъ.

Отчаяніе кареагенянъ.

кареагенскій сенатъ унылые; ихъ печальный видъ давалъ толпившемуся на улицахъ народу угадывать, что они принесли дурную вѣсть; но истина оказалась ужаснѣе самыхъ мрачныхъ предчувствій. Когда роковой приговоръ былъ переданъ сенатомъ народу, по всему городу раздались вопли смертельной печали. Скоро, однакожь, скорбь смѣнилась страшной яростью, люди бѣгали по улицамъ, какъ безумные, бросались на сановниковъ, дававшихъ совѣтъ согласиться на выдачу заложниковъ и оружія, били, убивали пословъ, возвратившихся съ роковымъ извѣстіемъ, убивали италійцевъ, бывшихъ въ городѣ. Не было и рѣчи о повиновеніи жестокому требованію. Кареагеняне лучше хотѣли умереть подъ развалинами своихъ домовъ, чѣмъ покинуть родной городъ и берегъ моря. Покорность, какую выказывали они, не спасала Кареагена, они теперь хотѣли, по крайней мѣрѣ отмстить за него и, погибая, губить враговъ. Мы уже много разъ видѣли, что финикіяне легко бросались изъ крайности въ крайность, что уныніе часто смѣнялось у нихъ отвагою; теперь эта черта національнаго характера величественно проявилась въ кареагенянахъ. Безоружные, они рѣшили обороняться. Знатные и простолюдины, мужчины и женщины были проникнуты одною мыслью о геройской борьбѣ до послѣдняго дыханія. Освободили рабовъ, чтобы пополнить ряды воиновъ; Газдрубалу, набравшему войско изъ отчаянныхъ изгнанниковъ и ливійскихъ наемниковъ и господствовавшему надъ окрестностями Кареагена, послали просьбу, чтобъ онъ забылъ вину согражданъ передъ нимъ, не отказалъ въ помощи погибающему отечеству; оборону города поручили другому Газдрубалу, сыну дочери Масиниссы. Чтобы выиграть время для приготовленій къ оборонѣ, кареагеняне попросили у консуловъ 30-дневнаго перемирія подъ предлогомъ желанія отправить новое посольство въ Римъ, и достигли, по крайней мѣрѣ, того, что консулы отложили приступъ въ надеждѣ, что раздраженіе замѣнится расcудительностью. Этой драгоцѣнной отсрочкой кареагеняне воспользовались съ неимовѣрной энергіей, для приготовленія къ отчаянной борьбѣ. Городъ походилъ на военный станъ; храмы и общественныя зданія стали мастерскими, въ которыхъ день и ночь ковались мечи и щиты, изготовлялись стрѣлы, дротики, строились машины. Кареагеняне ломали дома, чтобы достать брусья для машинъ и желѣзо.

Приготовленія къ оборонѣ.

На стѣнахъ было поставлено много катапультъ, для которыхъ были насыпаны тутъ груды камней, кучи большихъ стрѣлъ, дротиковъ. Женщины обрѣзывали себѣ волосы, чтобы свивать изъ нихъ веревки для машинъ. Все было приносимо въ жертву защиты родного города. Противъ людей, одушевленныхъ такимъ энтузіазмомъ, не могли устоять и римскіе легіоны при всемъ своемъ боевомъ искусствѣ. Когда консулы повели, наконецъ, войско на приступъ, то съ удивленіемъ увидѣли, что стѣны покрыты вооруженными гражданами и множе-

Римское войско отбито отъ города.

ствомъ военныхъ машинъ. Надежда на легкую побѣду исчезла, когда они ближе всмотрѣлись въ укрѣпленія города, почти неприступныя по своей прочности и по удобству мѣстности для обороны, и когда убѣдились, что жители готовы защищать свой городъ съ безтрепетнымъ мужествомъ.

Манилій подступилъ къ цитадели (стр. 365), а другой консулъ, Цензоринъ, сталъ съ флотомъ у Тунесскаго озера на юго-востокѣ отъ города и билъ стѣны съ берега и съ мыса таранами. Но граждане Кареагена сдѣлали ночью вылазку, разрушили часть осадныхъ укрѣпленій и, когда римляне пошли на приступъ, отбили ихъ съ большимъ урономъ. Только молодой Сципіонъ сынъ Эмилія Павла (стр. 552),' принятый усыновленіемъ въ фамилію Сципіоновъ, спасъ своимъ благоразуміемъ римлянъ отъ полнаго пораженія. Онъ былъ тогда военнымъ трибуномъ. Предвидя, что приступъ будетъ отбитъ, онъ удержалъ свои когорты въ резервѣ и прикрылъ ими бѣгство отбитыхъ отъ стѣнъ.—Въ то же время на другой сторонѣ озера Газдрубалъ и храбрый начальникъ конницы Гимильконъ Фамей нанесли большой уронъ отряду, посланному туда рубить лѣсъ.

Къ этимъ неудачамъ прибавилось другое бѣдствіе. Въ лѣтніе жары вредныя испаренія стоячей воды произвели въ римскомъ станѣ эпидемію; консулъ Цензоринъ нашелъ надобнымъ отвести войско и флотъ на морской берегъ; черезъ нѣсколько времени онъ уѣхалъ въ Римъ гдѣ ему нужно было находиться во время выборовъ. Его товарищъ былъ менѣе даровитъ, и по его отъѣздѣ дѣла пошли еще хуже прежняго. Римляне должны были получать съѣстные припасы изъ Утики и городовъ еще болѣе далекихъ: изъ Гадрумета, Лептиды и пр.; доставка была трудна, Масинисса бездѣйствовалъ и былъ недоволенъ: ему не нравилось, что римскій сенатъ хочетъ сдѣлать римскимъ владѣніемъ городъ, овладѣть которымъ издавна хотѣлось ему самому. Все это сдѣлало положеніе римлянъ такимъ труднымъ, что они отказались отъ наступательныхъ дѣйствій, принуждены были ограничиваться охраненіемъ флота отъ попытокъ кареагенянъ зажечь его и обороною стана отъ ночныхъ нападеній кареагенскихъ гражданъ. Не будь тутъ Сципіона, блистательно выказавшаго въ это время свои великіе таланты, то и флотомъ, и станомъ овладѣлъ бы, пожалуй, непріятель.

Опасное положеніе римскаго войска.

Манилій построилъ для защиты стана и флота стѣну и небольшое укрѣпленіе и посылалъ сильные отряды конвоировать транспорты съѣстныхъ припасовъ. Онъ сдѣлалъ нападеніе на Газдрубала, стоявшаго у города Нефериса; оно кончилось пораженіемъ римлянъ. По дорогѣ была рѣчка; бѣгущіе были бъ истреблены при переправѣ черезъ нее, если бъ и тутъ не спасъ войско Сципіонъ, напрасно совѣтовавшій не предпринимать этого нападенія. Онъ съ конницею стремительно напалъ на преслѣдовавшихъ пѣхоту ливійцевъ и задержалъ ихъ, пока остальное войско перешло рѣку. Его отряду было отрѣзано отступленіе, но онъ геройски вывелъ своихъ воиновъ изъ отчаяннаго положенія и счастливо привелъ

Дѣятельность Сципіона.

ихъ въ станъ. „Онъ одинъ тамъ человѣкъ, всѣ другіе—блуждающія тѣни", сказалъ Катонъ при извѣстіи объ этомъ. Вскорѣ послѣ того старый ненавистникъ Карѳагена умеръ, не дождавшись исполненія страстнаго своего желанія. И 90 лѣтній Масинисса не дожилъ до конца войны, возбужденію которой такъ усердно содѣйствовалъ и на которую потомъ сталъ смотрѣть съ досадой. Сципіонъ человѣкъ такой же любезный, какъ и храбрый воинъ, возстановилъ хорошія отношенія между римлянами и тремя сыновьями Масиниссы, устроилъ то, чтобъ они всѣ вмѣстѣ управляли отцовскимъ царствомъ, и по его убѣжденію Гулусса, наслѣдовавшій таланты отца, привелъ войско на помощь римлянамъ. Онъ успѣлъ также склонить искуснаго начальника конницы Гимилькона Фамея перейдти на сторону римлянъ. Благодаря тому, у римлянъ теперь стало много легкой конницы, недостатокъ которой очень вредилъ имъ прежде. Неудивительно, что войско стало боготворить Сципіона Эмиліана, стало находить его напоминающимъ великаго Сципіона Африканскаго своими талантами и наслѣдовавшимъ по усыновленію благосклонность боговъ къ нему и его счастье.

Смерть Катона и Масиниссы.

Неудачи римлянъ. Раздоры въ Карѳагенѣ.

Сципіонъ Эмиліанъ считался хранителемъ войска, и уваженіе къ нему еще болѣе возросло, когда по его отъѣздѣ счастье и слава стали казаться покинувшими римлянъ. Новый консулъ Луцій Кальпурній Пизонъ и начальникъ флота Луцій Гостилій Манцинъ были люди бездарные, тратили время понапрасну, сдѣлали лишь нѣсколько нападеній на прибрежные города карѳагенской области, терпѣли неудачу и въ нихъ, а нападать на Карѳагенъ не отваживались, не смѣли напасть и на войско Газдрубала. Надежды карѳагенянъ росли и въ особенности увеличились послѣ того, какъ перешелъ къ нимъ съ 800 всадниковъ изъ войска Гулуссы нумидійскій князь Битій; они стали склонять на свою сторону другихъ туземныхъ князей, вступили въ сношеніе съ Лжефилиппомъ македонскимъ (стр. 557). Но при этомъ небольшомъ проблескѣ счастья возобновились раздоры. Газдрубалъ, гордясь двумя побѣдами надъ Маниліемъ, задумывалъ захватить въ свои руки власть; онъ обвинилъ начальствовавшаго войсками въ городѣ племянника Гулуссы, называвшагося тоже Газдрубаломъ, въ измѣническихъ сношеніяхъ съ дядей и успѣлъ устроить, что этотъ Газдрубалъ былъ убитъ въ карѳагенскомъ сенатѣ.

Сципіонъ Эмиліанъ избранъ консуломъ.

Въ Римѣ стали тревожиться неудачнымъ ходомъ войны, и когда пришло время новыхъ выборовъ, рѣшили выбрать консуломъ и назначить главнокомандующимъ въ Африкѣ Сципіона Эмиліана, единственнаго человѣка, заслужившаго тамъ славу. Войско желало имѣть его своимъ начальникомъ, и самое имя его уже казалось ручательствомъ за побѣду. Ему недоставало законныхъ лѣтъ для консульства, у него были завистники, но ни что не помѣшало его выбору.

Осада Карѳагена.

Когда Сципіонъ вышелъ на берегъ въ Утикѣ, положеніе римскаго войска было дурно. Начальникъ флота Манцинъ, сдѣлавъ нападеніе на Магалію, предмѣстье Карѳагена, имѣлъ сначала удачу, но былъ напослѣдокъ отбитъ съ урономъ и едва держался противъ нападеній непріятеля. Когда вѣстникъ привезъ Сципіону донесеніе о томъ, что враги тѣснятъ матросовъ, онъ явился на помощь флоту передъ разсвѣтомъ, отразилъ непріятеля и, призвавъ къ себѣ войско Пизона, раскинулъ свой станъ подлѣ стѣнъ Карѳагена. Первою заботою его было возстановить упавшую дисциплину, обуздать господствовавшій въ войскѣ, мѣшавшій службѣ развратъ. Когда онъ успѣлъ въ этомъ, отчасти строгостью, отчасти вліяніемъ своего примѣра, онъ напалъ ночью на предмѣстье Карѳагена.

Карѳагеняне оборонялись очень упорно, но съ подвижной башни, подвезенной къ стѣнѣ, нѣсколько отважныхъ воиновъ спустились въ предмѣстье и отворили небольшую дверь въ стѣнѣ; Сципіонъ этой дверью вошелъ съ 4,000 воиновъ и овладѣлъ предмѣстьемъ. Теперь карѳагеняне сосредоточили всю свою энергію на оборонѣ собственно такъ-называемаго города и его цитадели; они призвали въ Карѳагенъ Газдрубала съ его войскомъ и сдѣлали его главнокомандующимъ. Онъ сталъ править террористически и началъ тѣмъ, что вывелъ всѣхъ римскихъ плѣнниковъ на стѣны, велѣлъ мучить ихъ и сбросить изувѣченныхъ со стѣнъ. Но Сципіонъ не уступалъ энергіей карѳагенянамъ. Онъ расположился укрѣпленнымъ станомъ отъ моря до моря, отрѣзалъ городъ отъ всѣхъ сухопутныхъ сообщеній, потомъ отнялъ у него и сообщеніе по морю, заперевъ Большую гавань каменной плотиной въ 96 футовъ шириной. Нѣсколько недѣль день и ночь шла работа надъ ней съ постоянными сраженіями противъ вылазокъ карѳагенянъ; когда плотина была кончена, Карѳагенъ, не имѣющій подвоза припасовъ ни съ суши, ни съ моря, долженъ былъ скоро пасть;—такъ думали римляне. Но съ изумленіемъ они увидѣли, что 50 карѳагенскихъ триремъ и множество мелкихъ судовъ выходятъ изъ Большой гавани въ море со стороны, противоположной прегражденному плотиной входу. Не замѣтно для римлянъ карѳагеняне вырыли каналъ, который велъ изъ гавани на востокъ, и построили корабли. Еслибъ, воспользовавшись первыми минутами смущенія римлянъ, они напали на ихъ неготовый къ бою флотъ, они могли бы уничтожить весь его. Но они проплыли въ море лишь для того, чтобъ испытать, удобенъ ли каналъ и хороши ли новые корабли; Моммсенъ думаетъ, что они хотѣли этимъ пробнымъ плаваніемъ похвалиться передъ римлянами, осмѣять ихъ. Карѳагенская эскадра вернулась въ гавань, и римляне имѣли три дня приготовиться къ морской битвѣ; но при всѣхъ своихъ усиліяхъ не могли одержать въ ней побѣду. Когда карѳагенскіе корабли возвращались послѣ долгаго нерѣшительнаго боя въ гавань, ихъ мелкія суда стѣснились при входѣ въ каналъ, и задержанныя этимъ триремы, сильно пострадали отъ тяжелыхъ римскихъ кораблей. Но новымъ каналомъ можно было пользоваться лишь пока оставалась въ рукахъ карѳагенянъ укрѣпленная насыпь Большой гавани. Римляне употребляли всѣ усилія овладѣть насыпью, карѳагеняне — удержать ее за собой. Сципіонъ уже захватилъ подступы къ ней и поставилъ свои машины, но карѳагеняне ночью прошли по мелкой водѣ, зажгли машины и прогнали римлянъ. Сципіонъ возобновилъ нападеніе и послѣ ожесточеннаго боя овладѣлъ насыпью. — Теперь Большая гавань была въ его власти, и городъ, отрѣзанный отъ сообщенія по сухому пути, былъ дѣйствительно отрѣзанъ и отъ сообщеній по морю.

Во время зимы Сципіонъ довольствовался тѣмъ, что держитъ Карѳагенъ въ блокадѣ; онъ надѣялся, что при многолюдствѣ города, 147—146

съѣстные запасы скоро будутъ израсходованы. Межъ тѣмъ онъ дѣлалъ походы противъ карѳагенскихъ войскъ, стоявшихъ въ полѣ, и теперь, послѣ того, какъ Газдрубалъ сдѣлался главнокомандующимъ въ городѣ, находившихся подъ начальствомъ Діогена. При помощи Гулуссы, Сципіонъ взялъ укрѣпленный карѳагенскій станъ у Нефериса и уничтожилъ все бывшее тамъ войско; число убитыхъ простиралось, какъ говорятъ, до 70000 человѣкъ; въ плѣнъ было взято 10000. Послѣ этого римляне могли свободно ходить по всей Ливіи. Въ Карѳагенѣ начали свирѣпствовать голодъ и повальныя болѣзни; паденіе его было близко. Когда прекратились зимнія непогоды, Сципіонъ началъ нападеніе на внутренній городъ. Изнуренные голодомъ, воины Газдрубала сопротивлялись слабо; карѳагеняне больше надѣялись на высоту и прочность своихъ стѣнъ, чѣмъ на силу оружія. Газдрубалъ зажегъ дома у Малой гавани и съ храбрѣйшими изъ гражданъ ушелъ въ цитадель. Сципіонъ скоро овладѣлъ лежавшею у гавани частью города, занялъ площадь народныхъ собраній и сталъ подвигаться по тремъ улицамъ, которыя вели съ нея къ цитадели. Ужасенъ былъ бой, какимъ римляне отнимали у карѳагенянъ эти улицы. Граждане съ мужествомъ отчаянія оборонялись въ шести этажныхъ домахъ, подобныхъ фортамъ; римляне должны были брать одно за другимъ эти крѣпкія зданія и одолѣвали ихъ защитниковъ, только дѣлая помосты съ кровли на кровлю, или съ домовъ одной стороны улицы на дома другой; взошедши по этимъ доскамъ на кровлю сосѣдняго, или противоположнаго дома, они шли внизъ, убивая въ своей ярости всѣхъ, кого находили. Нѣсколько дней длился этотъ бой. Овладѣвъ наконецъ всѣмъ городомъ до самой цитадели, Сципіонъ велѣлъ зажечь его; изъ пылающихъ обваливающихся домовъ выбѣгали, но гибли въ пламени на улицахъ тѣ, кто успѣлъ укрыться отъ меча воиновъ: старики, женщины, дѣти. Нѣкоторые, разбившіеся, полуобгорѣлые лежали еще живые, воины убивали ихъ и тащили въ сторону трупы, обвалившіеся камни, обгорѣлые брусья, разчищая мѣсто для приступа къ цитадели, окруженной тремя кольцами стѣнъ. Остатокъ населенія Карѳагена ушелъ въ нее. Но когда городъ сгорѣлъ и смерть приблизилась къ цитадели, находившіеся въ ней упали духомъ. На седьмой день послы отъ гарнизона цитадели явились къ Сципіону, прося пощады и позволенія свободно уйдти. Онъ обѣщалъ пощаду жизни. Блѣдные, исхудалые вышли изъ цитадели 30000 мужчинъ и 25000 женщинъ и пошли по пепелищу родного города туда, куда побѣдитель велѣлъ идти имъ. Тамъ стерегли ихъ римскіе воины. Но римскимъ дезертирамъ Сципіонъ отказалъ въ пощадѣ, и они остались съ Газдрубаломъ. Римскіе историки дурно говорятъ о Газдрубалѣ, послѣднемъ защитникѣ Карѳагена. По ихъ словамъ, межъ тѣмъ какъ Карѳагенъ страдалъ отъ голода, Газдрубалъ наслаждался роскошными обѣдами,

Покореніе карѳагенской области.

Сципіонъ овладѣваетъ городомъ.

Сципіонъ зажигаетъ городъ.

Гарнизонъ цитадели сдается.

Газдрубалъ.

предавался обжорству, которое всегда было самой сильной его страстью. Онъ ушелъ съ женою, дѣтьми и 900 римскихъ дезертировъ въ храмъ Эскулапа, стоявшій на вершинѣ холма, и тамъ эта горсть людей нѣсколько дней отчаянно оборонялась, пока голодъ, утомленіе боя, изнуреніе отъ ночей безъ сна отняли у нихъ силу защищаться. Когда близокъ былъ часъ погибели, Газдрубалъ постыдно покинулъ вѣрныхъ сподвижниковъ и семейство. Онъ побоялся смерти, тайно ушелъ изъ храма и упалъ на колѣна передъ побѣдителемъ, умоляя о пощадѣ; она была дана ему. Покинутые имъ воины зажгли храмъ и нашли себѣ смерть въ пламени. Когда жена Газдрубала увидала своего мужа у ногъ римлянина, сердце гордой карѳагенянки переполнилось скорбью объ этомъ поруганіи погибающаго отечества; съ горькой насмѣшкой воскликнула она мужу, чтобъ онъ заботился о сохраненіи своей драгоцѣнной жизни; она убила двухъ своихъ дѣтей и бросилась съ ними въ пламя. Теперь борьба кончилась. Въ римскомъ станѣ было ликованіе; но Сципіонъ, смотрѣвшій съ своимъ учителемъ и другомъ Полибіемъ на погибель Карѳагена, плакалъ отъ состраданія и, думая о непрочности земного могущества, онъ произнесъ слова изъ Гомера: «Придетъ день, когда погибнетъ священный Иліонъ, и Пріамъ, и народъ храбраго царя». Въ судьбѣ Карѳагена онъ видѣлъ предвѣстіе участи, какая нѣкогда постигнетъ и его родной городъ.

Жена Газдрубала.

Сципіонъ и Полибій при сожженіи Карѳагена.

Когда угасъ пожаръ, пожиравшій дома, дворцы, храмы, созданные вѣками, части города, уцѣлѣвшія отъ пламени, были отданы на разграбленіе воинамъ, но золото, серебро и священныя вещи храмовъ были отправлены въ Римъ, а драгоцѣнности и произведенія искусствъ, взятыя карѳагенянами въ Сициліи, какъ напримѣръ быкъ Фаларида, были возвращены городамъ, изъ которыхъ увезли ихъ карѳагеняне. Плѣнные были или проданы въ рабство или брошены въ темницы, гдѣ томились до конца жизни. Газдрубалъ, Битій, юноши и дѣти, посланные передъ войною въ заложники римлянамъ, были поселены по разнымъ городамъ Италіи.

Добыча и плѣнные.

Съ неописаннымъ восторгомъ получилъ Римъ извѣстіе, что Карѳагенъ взятъ. Извѣщая объ этомъ сенатъ, Сципіонъ спрашивалъ приказаній о томъ, какъ поступить съ покореннымъ государствомъ. Напрасно Назика снова говорилъ въ защиту карѳагенянъ, старался пробудить чувство состраданія и чести. Большинство сенаторовъ осталось глухимъ къ совѣтамъ гуманности. Десять сенаторовъ привезли Сципіону приказаніе сравнять съ землею Карѳагенъ и всѣ города, остававшіеся до конца вѣрными ему и распахать мѣста, на которыхъ они стояли. Это было исполнено. По старинному обычаю, Сципіонъ воззвалъ къ богамъ Карѳагена, прося ихъ покинуть побѣжденную страну и поселиться въ Римѣ; развалины Карѳагена были разрушены, и надъ мѣстомъ его, обратившимся въ пустое поле, было

Разрушеніе Карѳагена.

произнесено проклятіе, обрекавшее его на вѣки оставаться покинутымъ людьми; было запрещено селиться на немъ, или сѣять хлѣбъ. Семнадцать дней горѣли развалины, и тамъ, гдѣ въ продолженіе пяти вѣковъ стоялъ великолѣпный торговый городъ трудолюбивыхъ финикіянъ, невольники далекихъ римскихъ вельможъ стали пасти стада.

Утика и провинція Африка. Округъ, принадлежавшій собственно городу Карѳагену, былъ сдѣланъ римскою государственною землею и отдавался въ аренду. Сельскіе округи карѳагенской области и города Утика, Гадруметъ, Малая Лептида, Тапсъ и проч. образовали провинцію Африку, римскій правитель которой жилъ въ Утикѣ. Этому городу была предоставлена нѣкоторая самостоятельность и отдана часть карѳагенской области. Толпы римскихъ купцовъ устремились въ Утику принять въ наслѣдство карѳагенскую торговлю, захватить которую въ свои руки они такъ давно желали. Утика скоро сдѣлалась однимъ изъ главныхъ центровъ торговли, соперницею Родоса и Александріи. Другіе города стали платить дань Риму. — Мы увидимъ, что впослѣдствіи Карѳагенъ былъ вновь отстроенъ и подвергался новымъ катастрофамъ. Новыя постройки и новыя разрушенія загладили почти всѣ слѣды древняго Карѳагена, такъ что на мѣстѣ, гдѣ стоялъ онъ, не попадается на поверхности земли почти ни одного камня принадлежащаго ему. Только глубоко подъ грудами мусора позднѣйшихъ развалинъ еще уцѣлѣли мѣстами фундаменты колосальныхъ зданій древняго Карѳагена. Теперь тамъ, гдѣ высились храмы, колоннады, шести-этажные дома и башни стѣнъ Карѳагена, проводитъ борозды плугъ бѣднаго тунисскаго поселянина.

2. Виріатъ и Нуманція.

Рѣшительное преобладаніе римскаго государства надъ всѣми другими. Послѣ паденія Коринѳа и Карѳагена владычество Рима надъ всѣми странами тогдашняго цивилизованнаго міра стало безспорно. Разрушены были всѣ великіе города, бывшіе центрами культурной жизни запада. Уже не было отношеній равенства между государствами и народами. Союзы не были дѣломъ добровольнаго соглашенія. Было одно государство, повелѣвавшее всѣми другими; другихъ государствъ оставалось много, они сохраняли нѣкоторую независимость, но лишь, какъ даръ благосклонности Рима; ихъ существованіе вполнѣ зависѣло отъ него. Семихолмный городъ былъ владыкою круга странъ, омываемаго водами Средиземнаго моря. Только отдаленные народы, жившіе за предѣлами цивилизованнаго міра въ первобытной дикости или едва достигшіе первыхъ ступеней общественнаго порядка и культуры, еще сохраняли независимость и самобытность. Всѣ государства, сталкивавшіяся съ Римомъ, были теперь подавлены, обезсилены. Исторія слѣдующихъ столѣтій разсказываетъ только о римскихъ дѣлахъ и конвульсіяхъ, проявлявшихся въ побѣжденныхъ народахъ передъ совершеннымъ поглощеніемъ ихъ римскимъ государствомъ, объ ихъ слабыхъ попыткахъ сохранить прежніе свои обычаи, національныя учрежденія, нѣкоторую свободу дѣйствій. Исторія этихъ погло-

щаемыхъ Римомъ народовъ представляетъ картину зимняго замиранія природы; если и появлялись мѣстами зародыши новой жизни, они быстро погибали отъ непогодъ и холода. На долю римскимъ правителямъ и полководцамъ того времени выпала трагическая судьба уничтожать всѣ сѣмена жизни въ другихъ странахъ и привозить изъ нихъ своему государству только попортившіеся плоды, не имѣвшіе въ себѣ новыхъ зародышей жизни. Римское владычество лежало на народахъ желѣзнымъ ярмомъ и оставляло имъ выборъ только между безнадежной покорностью и еще болѣе безнадежнымъ сопротивленіемъ, между жизнью, лишенной свободы, національнаго развитія, своеобразности и погибелью отъ подавляющей руки сыновъ Марса. Одряхлѣвшія культурныя государства востока примирились съ неотвратимою судьбой; они и безъ свободы были богаты наслажденіями жизни: имъ открытъ былъ міръ искусства, науки, умственныхъ стремленій. Но у племенъ запада, у иберійско-кельтскаго населенія Пиренейскаго полуострова вмѣстѣ съ свободой отнята была всякая радость жизни. Старинные обычаи и элементы образованности погибли у нихъ, прежде чѣмъ успѣли укорениться римскія учрежденія, латинскій языкъ и культура. Римскіе воины стерегли ихъ страну, расширяли хитростью и силой владычество сената, обольщали женъ и дочерей туземцевъ, а новыя военныя колоніи угрожали подавленіемъ послѣднему остатку свободныхъ горцевъ; откупщики податей, сборщики налоговъ, ростовщики, купцы, масса крупныхъ и мелкихъ администраторовъ, ихъ секретарей и писцовъ, толпы притѣснителей, слѣдовавшія въ провинціи за проконсулами и пропреторами, хотѣли обогащаться въ странѣ, съ финикійскихъ временъ славившейся своими серебряными рудниками и другими богатствами своей природы, дававшей карѳагенянамъ золотыя жатвы; желая набрать денегъ и пріобрѣсти честь тріумфа безсовѣстные полководцы часто сами заводили ссоры съ туземцами, чтобы получить предлогъ для походовъ, или безъ всякаго предлога нападали на горныя кельтиберскія племена; побѣжденные часто были уводимы изъ области, гдѣ они родились и гдѣ были могилы ихъ отцовъ, ихъ поселяли въ другихъ мѣстностяхъ; плѣнныхъ волокли на невольничій рынокъ; заключая договоры, полководцы часто поступали такъ несправедливо и вѣроломно, что римское коварство въ Испаніи казалось страшнѣе меча легіоновъ, и «римская добросовѣстность» ставилась не выше вошедшей въ поговорку «пунической». Отъ коварныхъ поступковъ полководцевъ съ туземцами Пиренейскаго полуострова длились войны на немъ не меньше, чѣмъ отъ ихъ честолюбія. Племена, едва покоренныя, были готовы къ возстанію при малѣйшемъ проблескѣ надежды на успѣхъ, и пріобрѣтенное опытомъ убѣжденіе, что римляне не исполняютъ обѣщаній, не соблюдаютъ договоровъ, постоянно давало мечъ въ руки испанцевъ.

Тяготѣніе римскаго ига надъ Испаніей.

Возстанія на Пиренейскомъ полуостровѣ.

1. Лузитанцы. 153.

Уже въ 153 году вспыхнула въ Лузитаніи сильная война; преторъ Луцій Муммій сначала одержалъ побѣду, но преслѣдуя разбитыхъ враговъ потерпѣлъ полное пораженіе въ битвѣ на Тахо; 9000 воиновъ его легло на полѣ битвы, и возстаніе распространилось по сѣверной Испаніи, гдѣ консулъ Квинтъ Фульвій Нобиліоръ раздражилъ туземцевъ, запретивъ двумъ кельтиберскимъ племенамъ поселиться вмѣстѣ, въ городѣ Сегедѣ, и требуя поставокъ провіанта, которыя, правда, были по договору обязаны туземцы давать, но которыхъ уже давно не требовали римляне.

2. Ареваки. 152.

Скоро присоединились къ инсургентамъ ареваки—могущественнѣйшее изъ кельтскихъ племенъ той части Испаніи, жившее около горнаго города Нуманціи (близъ Соріи на Дуэро). Большая битва кончилась пораженіемъ консула; 6000 римскихъ гражданъ были убиты въ ней и долго въ Римѣ оставался траурнымъ днемъ праздникъ Вулкана (23 августа), годовщина этого пораженія. Но былъ убитъ и отважный вождь Каръ, котораго ареваки за три дня передъ битвой выбрали своимъ военачальникомъ. Римляне опасались, что возстаніе распространится по всему полуострову и отниметъ у нихъ все пріобрѣтенное усиліями многихъ десятковъ лѣтъ; потому на мѣсто бездарнаго Фульвія Нобиліора послали опытнаго, даровитаго полководца Марка Клавдія Марцелла, и съ нимъ сильное войско. Онъ своими побѣдами, а еще больше своею кротостью успѣлъ достичь того, что инсургенты попросили перемирія и отправили въ Римъ пословъ для заключенія мира. Но партія, желавшая завоеваній, склонила сенатъ отпустить пословъ съ неопредѣленнымъ отвѣтомъ и послать Марцеллу приказаніе, чтобъ онъ энергически продолжалъ войну. Онъ продолжалъ ее, но на личномъ свиданіи съ вождями ареваковъ, далъ имъ миръ на тѣхъ условіяхъ, что римляне оставляютъ за ними права, какія были ими получены по прежнему договору; они совершенно подчиняются Риму, заплатятъ ему контрибуцію и дадутъ заложниковъ. Преемникъ Метелла, консулъ Луцій Лукуллъ былъ недоволенъ миромъ; онъ хотѣлъ пріобрѣсти въ Испаніи богатство и право на тріумфъ, потому безъ всякаго повода началъ войну съ сосѣдями ареваковъ, ваккеями, постоянно жившими въ дружбѣ сч римлянами.

3. Ваккеи.

Напрасно хотѣли ваккеи купить у него пощаду своей землѣ большими суммами денегъ; онъ внезапно напалъ на городъ Кавку, истребилъ часть жителей, другихъ увелъ въ рабство. Это коварство и злодѣйство принесло большой вредъ римлянамъ, населеніе сосѣднихъ мѣстностей заперлось въ городахъ, или бѣжало со всѣмъ имуществомъ въ горы, и войско стало терпѣть недостатокъ въ продовольствіи; ваккеи не хотѣли вступать въ переговоры съ вѣроломнымъ римскимъ военачальникомъ. Сципіонъ Эмиліанъ, бывшій тогда военнымъ трибуномъ, далъ лично отъ себя честное слово ваккеямъ, что договоръ съ ними будетъ соблюденъ, и они согласились заключить договоръ, по которому дали римскому войску одежду и скотъ, а Лукуллъ вывелъ войско изъ ихъ края.

Вѣроломство Гальбы.

Слѣдующей весной еще постыднѣе поступилъ преторъ Сервій Сульпицій Гальба. Онъ заключилъ съ тремя лузитанскими племенами, жившими на правомъ берегу Тахо, договоръ, по которому обѣщалъ дать имъ въ другой части Испаніи землю получше; они собрались къ нему, ихъ было 7000 человѣкъ, отобравъ у нихъ оружіе, онъ, однихъ убилъ, другихъ продалъ въ рабство. И онъ, и Лукуллъ остались безнаказанными, сохранили постыдно пріобрѣтенныя богатства. Старикъ Катонъ подвергъ Гальбу обвиненію, но плачущія дѣти и награбленныя въ Испаніи деньги избавили обвиняемаго отъ наказанія: судъ народа въ комиціяхъ трибъ оправдалъ его. Вѣроломное злодѣйство Гальбы произвело общее возстаніе лузитанцевъ, «огненную войну», какъ называетъ ее Полибій.

Виріатъ 149—139.

Молодой поселянинъ Виріатъ, сталъ во главѣ инсургентовъ; скоро пріобрѣлъ храбростью и

военными талантами довѣріе ихъ, и освобожденная родина десять лѣтъ повиновалась ему, какъ царю. Хитростью и смѣлостью онъ спасъ лузитанцевъ, окруженныхъ войскомъ Ветилія, заманилъ римлянъ въ искусно подготовленную засаду и нанесъ имъ полное пораженіе; половина войска была убита, другая—съ трудомъ ушла на южный берегъ. Испанцы всегда отличались искусствомъ вести партизанскую войну въ горахъ и ущельяхъ. Но Виріатъ умѣлъ необыкновенно хорошо организовать и вести ее. Повсюду, гдѣ онъ являлся, онъ побѣждалъ. Онъ заманилъ на правый берегъ Тахо и разбилъ претора Гаія Плавція. Раздраженный этимъ посрамленіемъ чести римскаго оружія, римскій народъ подвергъ Плавція изгнанію. Но его преемники не были счастливѣе его. Римляне, разрушавшіе въ это время могущественный Карѳагенъ, со стыдомъ слышали о побѣдахъ вождя испанскихъ партизановъ.

Виріатъ—поэтическое явленіе. „Сдѣлавшись вождемъ всѣхъ лузитанцевъ, уважаемый ими какъ царь, онъ оставался въ своемъ высокомъ положеніи простымъ пастухомъ, говоритъ Моммсенъ: онъ не отличался отъ своихъ воиновъ никакими знаками военачальническаго сана; изъ-за богатаго свадебнаго обѣда у своего тестя, князя Астольты, въ покорной римлянамъ землѣ, онъ всталъ, не дотронувшись до золотой посуды и роскошнаго кушанья, посадилъ съ собою на коня жену и уѣхалъ съ нею въ свои горы. Никогда не бралъ онъ изъ добычи ничего, кромѣ такой же доли, какую давалъ каждому изъ своихъ воиновъ. Только по высокому росту, бойкимъ, остроумнымъ рѣчамъ и въ особенности потому, что онъ превосходилъ всѣхъ своихъ воиновъ воздержностью, спалъ всегда въ полномъ вооруженіи и въ битвѣ былъ впереди всѣхъ, можно было видѣть, что онъ главнокомандующій. Казалось, что въ это прозаическое время возродился одинъ изъ героевъ Гомера. По всей Испаніи гремѣло имя Виріата, и храбрые испанцы думали, что наконецъ нашли въ немъ человѣка, предназначеннаго сломать цѣпи иноземнаго владычества“.

Смерть Виріата и подавленіе возстанія.

Храбро и счастливо сражался Виріатъ съ врагами въ слѣдующіе годы; на испанскихъ горахъ были сооружены памятники побѣдъ, украшенные взятыми въ добычу оружіемъ и знаменами. Виріатъ дѣлалъ походы на югъ и на сѣверъ. Фабій Максимъ Сервиліанъ сначала успѣшно велъ войну и однажды захватилъ въ плѣнъ много инсургентовъ, отрубилъ головы, или руки пяти стамъ начальникамъ ихъ; но наконецъ Виріатъ стѣснилъ его такъ, что онъ заключилъ договоръ, по которому призналъ лузитанцевъ независимыми, а Виріата ихъ царемъ. 141. Договоръ былъ утвержденъ сенатомъ и народомъ римскимъ; но братъ Фабія Сервиліана и преемникъ его въ должности Квинтъ Сервилій Цепіонъ объявилъ, что этотъ договоръ не дѣйствителенъ и пошелъ съ новымъ войскомъ въ лузитанскую землю, и сенатъ не запретилъ ему воевать. Противъ многочисленнаго войска Цепіона, Виріатъ не могъ устоять и купилъ миръ выдачею воиновъ, пришедшихъ къ нему изъ подвластныхъ римлянамъ испанскихъ об-

ластей; въ числѣ выданныхъ находился его тесть; римляне казнили однихъ изъ выданныхъ, другимъ отрубили руки. Не довольствуясь своей неполной побѣдой, Цепіонъ потребовалъ, чтобы лузитанцы отдали ему все свое оружіе. Виріатъ помнилъ судьбу лузитанцевъ, отдавшихъ оружіе Гальбѣ, и возобновилъ войну. Но время его успѣховъ прошло. Трое изъ его приближенныхъ, подкупленные Цепіономъ,
139. предательски убили его спящаго въ шатрѣ. Лузитанцы почтили его память такимъ похороннымъ праздникомъ, какого еще не бывало: 200 паръ гладіаторовъ бились на смерть при печальномъ торжествѣ. Лузитанцы нѣсколько времени продолжали войну, но, потерпѣвъ пораженіе при нападеніи на Сагунтъ, принуждены были покориться безъ всякихъ условій. Преемникъ Цепіона Децимъ Юній Брутъ поселилъ плѣнныхъ лузитанцевъ въ новомъ городѣ Валенціи и далъ имъ латинскія городскія учрежденія. Разсѣянные воины Виріата собирались толпами и нѣсколько времени бродили по своей и по чужимъ областямъ, грабили соплеменниковъ и сосѣдовъ, но были истреблены римлянами. Еще сильнѣе было возстаніе отважнаго племени, имѣвшаго своимъ главнымъ городомъ Нуманцію, которая стояла на крутой

Возстаніе нумантійцевъ 143—142.

горѣ въ верховьѣ Дурія (Дуэро). Квинтъ Цецилій Метеллъ, покоритель Македоніи, бывшій два года правителемъ Сѣверной Испаніи, возстановилъ въ ней спокойствіе. Оставались не покорены только два города Терманція и Нуманція. Они уже вступили въ переговоры, но прервали ихъ, потому что римляне требовали, чтобъ они отдали свое оружіе. Консулъ Квинтъ Помпей подступилъ къ нимъ, но потерпѣлъ пораженіе, хотя у него было въ четыре раза больше вой-
140. ска, чѣмъ у противниковъ, и заключилъ на сносныхъ для нихъ условіяхъ договоръ, не требуя выдачи оружія. Преемникъ Помпея, Маркъ
139. Попилій Ленатъ, объявилъ этотъ договоръ не дѣйствительнымъ. Помпей, боясь отвѣтственности, сталъ дѣлать разныя оговорки и отказался отъ того, что трактатъ былъ заключенъ имъ. Обманутые нумантійцы жаловались сенату, но напрасно: онъ постановилъ продолжать войну; то есть ободрилъ вѣроломство. Раздраженные такой низостью, нумантійцы рѣшились защищаться до послѣднихъ силъ. Попилій Ленатъ велъ войну безъ всякаго успѣха, а его преемникъ Гай Гостилій Манцинъ попалъ въ отчаянное положеніе: въ римскомъ

Манцинъ. 137.

станѣ разнесся слухъ, что приближаются другіе испанцы на помощь нумантійцамъ; войско, въ которомъ уже давно не было дисциплины, заставило Манцина отступать; на отступленіи нумантійцы окружили римлянъ въ тѣснинѣ. Римлянамъ оставался одинъ выборъ, или погибнуть въ бою, или положить оружіе. При посредничествѣ квестора Тиберія Гракха, имя котораго пріобрѣтало ему расположеніе кельтиберовъ, сохранявшихъ хорошую память о его отцѣ, нумантійцы удовольствовались тѣмъ, что Манцинъ заключилъ съ ними миръ, въ соблюденіи котораго поклялись, кромѣ самого консула, всѣ второсте-

пенные начальники войска. Но римляне поступили точно такъ же, какъ ихъ предки, по заключеніи мира въ Кавдійскомъ ущельѣ (стр. 134). Народное собраніе объявило договоръ недѣйствительнымъ и всю отвѣтственность возложила на заключившихъ его. Гракхъ и второстепенные начальники войска остались не наказаны, но Манцинъ, не принадлежавшій къ высшему кругу аристократіи, долженъ былъ поплатиться за вину свою и другихъ. Лишенный знаковъ консульскаго сана, онъ былъ приведенъ безъ тоги со связанными назадъ руками, къ воротамъ Нуманціи, передъ которыми была разыграна римлянами комедія, имѣвшая своею цѣлью прикрыть нарушеніе договора и вѣроломство не одного Манцина, но и всѣхъ начальниковъ войска: римляне объявили нумантійцамъ, что выдаютъ имъ Манцина. Нумантійцы не согласились принять его, говоря, что не хотятъ снимать съ римскаго народа вину вѣроломства. Манцинъ стоялъ тутъ цѣлый день, возбуждая своимъ видомъ жалость и въ римлянахъ, и въ нумантійцахъ. Потомъ онъ возвратился въ Римъ и занялъ прежнее свое общественное положеніе.

Новыя неудачи римлянъ.

Римляне возобновили войну съ удвоеннымъ ожесточеніемъ, но имъ не удалось возстановить опозоренную честь своего оружія какими нибудь успѣхами. Преемникъ Манцина, Маркъ Эмилій Лепидъ, даже опозорилъ римское имя новымъ безчестьемъ: по примѣру Лукулла, 136.
онъ предпринялъ хищническій походъ на независимое племя ваккеевъ; но подъ Палланціей встрѣтилъ такое сильное сопротивленіе, что вернулся съ неудачей, покинувъ больныхъ и раненныхъ, и преслѣдуемый врагами, онъ потерялъ на отступленіи большую часть войска. Въ слѣдующіе два года, при новыхъ главнокомандующихъ, римляне тоже не одержали никакихъ успѣховъ; мужество нумантійцевъ возростало, а въ римскомъ войскѣ при трусливости и бездарности главнокомандующихъ дисциплина совершенно упала; воины буйствовали и думали не о войнѣ, а только о пьянствѣ и развратѣ. Такимъ образомъ Нуманція, имѣвшая 8000 вооруженныхъ гражданъ, нѣсколько лѣтъ держалась противъ многочисленныхъ римскихъ войскъ. Сенатъ рѣшился наконецъ поручить эту войну лучшему своему полководцу, Сципіону Африканскому Младшему.

Сципіонъ Эмиліанъ принимаетъ начальство надъ войскомъ. 134.

Когда покоритель Карѳагена съ друзьями и съ кліэнтами, которые добровольно поѣхали съ нимъ и изъ которыхъ онъ сформировалъ особый отрядъ для охраненія походной военачальнической квартиры («преторія»), пріѣхалъ въ станъ римлянъ передъ Нуманціей, возстановилъ дисциплину строгими мѣрами и изгналъ изъ жизни воиновъ праздность и развратъ, заставивъ ихъ заниматься военными упражненіями, копать рвы, возводить валы осадныхъ работъ, дѣла приняли иной оборотъ. Сципіонъ окружилъ городъ стѣнами съ башнями, рвами, отбилъ смѣлыя вылазки осажденныхъ искусными мѣрами или превосходствомъ числа, запугалъ сочувствовавшія нумантійцамъ пле-

мена, подвергнувъ строгому наказанію ихъ начальниковъ, отнялъ у нумантійцевъ всякую помощь сосѣдей, и послѣ осады, длившейся 15 мѣсяцевъ, овладѣлъ городомъ. Защитники Нуманціи были изнурены долгой отчаянной обороною; голодъ и повальныя болѣзни истощили ихъ силы, и они сдались на произволъ побѣдителя. Знатные граждане геройски умертвили сами себя, чтобы не сдаваться ненавистному врагу. Изъ жалкаго остатка жителей Нуманціи, Сципіонъ выбралъ 50 человѣкъ для того, чтобы вести ихъ въ своей тріумфальной процессіи; всѣ другіе были проданы въ рабство. Потомъ Сципіонъ, получившій за эту побѣду названіе «Нумантійскаго», разрушилъ опустѣвшій городъ, развалины котораго еще и теперь остаются памятниками геройской борьбы за свободу, а Нумантійскую область роздалъ сосѣднимъ городамъ.

Разрушеніе Нуманціи. 133.

Подавленіе другихъ инсургентовъ.

Взятіемъ Нуманціи была сломлена сила національности на Пиренейскомъ полуостровѣ. Ваккеи были покорены Сципіономъ еще въ первые мѣсяцы его начальствованія войскомъ. Жители города Луціи хотѣли идти на помощь нумантійцамъ. Узнавъ объ этомъ, Сципіонъ велѣлъ отрубить руки гражданамъ, возбуждавшимъ другихъ къ войнѣ, четыремъ стамъ лучшихъ молодыхъ людей города. Наконецъ и галлеки, послѣднее независимое племя въ западной Испаніи, покорились римлянамъ послѣ битвы, въ которой пали всѣ ихъ мужчины, бывшіе способными носить оружіе. Послѣ того уже не было на Пиренейскомъ полуостровѣ возстаній противъ римскаго владычества.

Испанія подъ римскимъ управленіемъ.

Теперь фаски римскихъ правителей владычествовали до Атлантическаго океана надъ всѣмъ Пиренейскимъ полуостровомъ, кромѣ сѣверной горной окраины. Черезъ 10 лѣтъ по разрушеніи Нуманціи были покорены и Балеарскіе острова, славившіеся своими пращниками. Этимъ были прекращены разбои пиратовъ, имѣвшихъ тамъ свои пристанища. Римское управленіе въ Испаніи, по усмиреніи возстаній, получило болѣе мягкій характеръ. Новыя поколѣнія испанцевъ, утратившія вмѣстѣ съ независимостью воинственность предковъ и гордость ихъ, привыкли жить подъ чужою властью и, пользуясь благами мира и законнаго порядка, платя подати въ размѣрѣ необременительномъ, скоро достигли благосостоянія. Населеніе увеличивалось, страна была богата хлѣбомъ и скотомъ, въ приморскихъ городахъ развилась торговая дѣятельность, римскія колоніи стали разсадниками образованности; римское право и латинскій языкъ распространялись изъ нихъ по всей странѣ. Кельтская національность исчезла, смѣняясь латинскою цивилизаціей.

Сципіонъ Эмиліанъ.

Разрушеніе Нуманціи было послѣднимъ военнымъ дѣломъ Сципіона. Побѣдоносному полководцу было суждено умереть не въ битвѣ отъ меча враговъ: черезъ три года по возвращеніи отъ Нуманціи кинжалъ демократа поразилъ его въ постелѣ. Въ Сципіонѣ храбрость воина соединялась съ талантами полководца, съ твердостью и строгостью римлянина старыхъ временъ. «Съ первой молодости привыкнувъ переносить всѣ труды походовъ», говоритъ Герлахъ объ этомъ великомъ человѣкѣ, «Сципіонъ охотно дѣлилъ всѣ лишенія и тягости своихъ воиновъ; изнѣженность находила въ немъ суроваго судью; съ рѣзкой насмѣшкой онъ осуждалъ избалованность аристократіи; непреклонной строгостью онъ внушалъ страхъ и любовь войску. Дисциплину онъ считалъ истинной школой мужества, и, принимая начальство надъ войскомъ, онъ начиналъ свои военныя дѣйствія тѣмъ, что возстановлялъ въ немъ старинный строгій порядокъ. Онъ удалялъ изъ стана все то, что могло разслаблять храбрость легіоновъ. Хозяйство воина онъ ограничивалъ вертеломъ, котелкомъ и чашей; экипажей, стульевъ, одѣялъ, постелей, маркитантовъ, гадальщиковъ, служителей онъ не терпѣлъ; онъ самъ спалъ на соломѣ, и ложемъ его была земля. Первая забота его была возстановить довѣріе воина къ своимъ силамъ непрерывными походами, копаніемъ рвовъ, перенесеніемъ зноя и стужи, голода и жажды. Онъ не позволялъ пѣхотному воину садиться на лошадь; кто въ походѣ удалялся отъ войска на разстояніе, на которое слышенъ звукъ трубы, того онъ наказывалъ, какъ дезертира. Потому войско подъ его начальствомъ всегда было въ совершенномъ порядкѣ; каждый былъ у своего знамени, никто не выходилъ изъ рядовъ, всѣ были каждую минуту готовы къ битвѣ. Онъ самъ слѣдилъ за всѣмъ: то былъ онъ въ авангардѣ, то въ арьегардѣ; онъ самъ обходилъ караулы; при копаніи рвовъ не оставался не замѣченъ имъ, ни лѣнивый, ни усердный. При взятіи Карѳагена приступомъ, длившимся шесть дней, онъ не уходилъ съ окоповъ, пока не упалъ въ изнуреніи. Но строгій къ трусости и ослушанію, онъ отечески заботился о войскѣ. Онъ не допускалъ того, чтобы воины его терпѣли недостатокъ въ продовольствіи; и никогда не подвергалъ ихъ напрасной опасности. Никогда онъ не нарушалъ даннаго слова, не омрачилъ свою славу ни однимъ дѣломъ жестокости».

3. Отношенія Рима къ Востоку.

Римская политика въ Азіи.

Легче Испаніи подчинился римскому владычеству Востокъ. Мы видѣли, что гнилыя восточныя государства постоянно слабѣли; дурное управленіе, войны между претендентами, деморализація отняли у нихъ наконецъ всѣ силы. Царства Селевкидовъ и Птолемеевъ клонились къ паденію, но римляне не спѣшили поставить подъ свое непосредственное управленіе эти государства, находившіяся подъ ихъ покровительствомъ. Долго они бездѣйственно смотрѣли на то, какъ распадается обширное царство Селевкидовъ, какъ нѣкоторыя изъ областей его становятся независимыми государствами и расширяютъ свои границы. Римляне даже покровительствовали основанію новыхъ царствъ, съ которыми послѣ были принуждены вести опасныя, тяжелыя войны.

Митридатъ Понтскій. 156—120.

1. Такъ напримѣръ Фарнакъ и его преемникъ Митридатъ V Эвергетъ деньгами и услугами пріобрѣли такую благосклонность нѣкоторыхъ римскихъ полководцевъ, что римляне не мѣшали имъ расширять границы своего государства; Митридатъ, по разрушеніи пергамскаго царства, получилъ отъ римлянъ Великую Фригію и подчинилъ себѣ пафлагонскихъ и галатскихъ правителей.

Пергамское царство.

2. Мы видѣли (стр. 312), что Атталъ III пергамскій, умирая, назначилъ римлянъ наслѣдниками своего царства и всего своего имущества. Это завѣщаніе надѣлало большихъ хлопотъ сенату. Въ Римѣ наслѣдство Аттала сдѣлалось причиной новыхъ споровъ между боровшимися партіями, а въ самомъ Пергамѣ подпялъ возстаніе Аристоникъ, побочный сынъ Эвмена II, нашелъ себѣ поддержку у нѣкоторыхъ государей и городовъ Малой Азіи, собралъ большое войско изъ наемниковъ и освобожденныхъ рабовъ, до-

Аристоникъ и Муціанъ. 131.

вольно долго съ успѣхомъ сражался противъ туземныхъ войскъ, покорилъ большую часть прибрежныхъ городовъ пергамскаго государства, овладѣлъ почти всѣми областями его. Консулъ и верховный первосвященникъ Публій Лициній Крассъ Муціанъ, одинъ изъ самыхъ богатыхъ и образованныхъ людей въ Римѣ, сдѣлалъ ту ошибку, что слишкомъ низко цѣнилъ силы врага, подвергся неожиданному нападенію, былъ разбитъ Аристоникомъ и взятъ въ плѣнъ его ѳракійскими наемниками; но не захотѣлъ дать Аристонику удовольствіе показывать римскаго полководца плѣнникомъ народу и преднамѣренно раздражилъ варваровъ, такъ что они убили его. Только, когда онъ былъ убитъ, было узнано, что это былъ римскій военачальникъ. Но вскорѣ Аристоникъ былъ побѣжденъ, его отвезли въ Римъ и казнили. Послѣ того пергамское царство было покорено безъ труда; восточныя области его были розданы сосѣднимъ царямъ, находившимся подъ покровительствомъ Рима, ѳракійскія владѣнія Пергама были присоединены къ Македоніи, а западная половина азіатскихъ областей и приморскіе греческіе города были обращены въ римскую провинцію, названную „Азіей“; римляне поступили съ нею милостиво, чтобы этимъ подготовить населеніе сосѣднихъ земель къ подчиненію римской власти.

Парѳяне.

3. Еще болѣе важности, чѣмъ увеличеніе понтскаго царства, имѣло то, что на востокѣ отъ Эвфрата расширялось парѳянское царство. Антіохъ Эпифанъ, тотъ царь, который религіознымъ преслѣдованіемъ возбудилъ въ Іудеѣ возстаніе маккавеевъ (стр. 320), возбудилъ къ мятежу и на востокѣ иранцевъ суровостью, съ какою вводилъ у нихъ служеніе греческимъ богамъ, оскверняль и грабилъ персидскіе храмы. Митридатъ I, принадлежавшій къ династіи Арсакидовъ (стр. 311), покорилъ на востокѣ Бактрію, а на западѣ восточныя области разрушавшагося сирійскаго царства. Онъ былъ истиннымъ основателемъ могущества парѳянъ, прочность котораго имѣла своею опорою привязанность населенія къ вѣрѣ и обычаямъ предковъ, неприязнь къ богослуженію, языку и обычаю грековъ. Возникновеніе парѳянскаго царства было первымъ проявленіемъ противодѣйствія національности и религій Востока греческому владычеству; въ этомъ царствѣ въ первый разъ со времени завоеванія Востока Александромъ повела сильную борьбу противъ греческихъ понятій и учрежденій персидская національность; оно имѣло совершенно восточный характеръ: областями его правили мѣстные цари, данники и слуги верховнаго царя; главную силу парѳянскаго войска составляла конница, вооруженная лукомъ и стрѣлами; господствующею религіею была старая персидская вѣра, господствующій языкъ былъ персидскій. Персія, Вавилонія, Мидія, были отняты у Селевкидовъ, и скоро границы парѳянскаго царства стали простираться отъ Оксуса и Гиндукуша до Тигра и сирійской пустыни. Непрерывная борьба съ туранскими ордами на сѣверѣ и культурными государствами на западѣ поддерживала воинственность парѳянъ. Элементы греческой культуры, внесенные въ иранскую страну македонскимъ завоеваніемъ, скоро были заглушены персидской національностью, и то, что было пріобрѣтено мечомъ Александра и діадоховъ, стало добычею одѣтыхъ желѣзомъ парѳянскихъ всадниковъ.

Митридатъ I, около 175 — 136.

Римское владычество на Востокѣ.

Между римскими владѣніями и сильнымъ парѳянскимъ царствомъ лежало сирійское царство селевкидовъ; терзаемое войнами между претендентами на сирійскій престолъ и мятежами оно не могло долго удержать независимое положеніе между римскимъ и парѳянскимъ государствами. При первомъ сильномъ толчкѣ оно должно было под-

пасть подъ владычество Рима. Антіохійскій царь, подобно александрійскому, былъ кліэнтомъ римлянъ. Воля сената возводила сирійскаго царя на престолъ, или низлагала его. «Цари тѣ, кого хотятъ римляне, а кого они не хотятъ, того они прогоняютъ», говорится въ первой книгѣ маккавейской. Непрерывные споры изъ-за престола и другія распри между членами династіи постоянно давали римлянамъ случаи подвергать своему рѣшенію дѣла сирійскихъ царей, точно такъ же, какъ царей египетскихъ, и держать ихъ въ постоянной зависимости угрозой отдать царство сопернику. Царь, возводимый на престолъ покровительствующею рукою римскаго правительства, имѣлъ точно также мало свободы въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ если бы содержался подъ надзоромъ въ какомъ-нибудь италійскомъ городѣ. Подарки полководцамъ и вліятельнымъ сенаторамъ были вѣрнѣйшимъ средствомъ подняться на ступени сирійскаго простола и оставаться на немъ. Таково же было положеніе и мелкихъ азіатскихъ государей, и египетскаго царя. Потому въ Римѣ развивалась продажность вліятельныхъ людей, язва, разъѣдавшая организмъ римскаго государства.—Греческій міръ на Востокѣ быстро шелъ къ неизбѣжному паденію; гдѣ, какъ напримѣръ на островѣ Критѣ, оставались маленькія самостоятельныя государства, они представляли печальное зрѣлище неспособности къ политической жизни, общественнаго распаденія, нравственной испорченности: въ нихъ свирѣпствовали междоусобія, ихъ управленіе было пародіею на демократію, они были вертепами сухопутныхъ, или морскихъ разбойниковъ. Критъ былъ въ это время пристанищемъ гнуснѣйшаго морскаго разбоя, центромъ вербовки наемниковъ и торговли рабами. Римъ, истребившій флоты Карѳагена, не могъ охранить торговлю восточныхъ греческихъ городовъ отъ хищничества пиратовъ. Съ Критомъ соперничала въ морскомъ разбоѣ Каликія. При безсиліи сирійскихъ царей, пираты, пользуясь покровительствомъ родосскихъ и делосскихъ торговцевъ, которымъ доставляли рабовъ, дѣлались все сильнѣе и сильнѣе. По прекращеніи борьбы съ карѳагенскимъ флотомъ, Римъ не хотѣлъ принимать на себя расходовъ и хлопотъ, какихъ стоило бы содержаніе многочисленныхъ эскадръ, довольствовался охраненіемъ сосѣднихъ съ Италіею морей, и предоставлялъ островамъ и приморскимъ городамъ восточной части Средиземнаго моря, силы которыхъ уничтожалъ, защищаться отъ морскихъ разбойниковъ, какъ сами знаютъ.

Послѣдніе селевкиды. Селевкъ IV 187—175.

Съ битвы при Магнезіи начинается непрерывный упадокъ сирійскаго царства, завершившійся съ небольшимъ черезъ сто лѣтъ уничтоженіемъ его. Антіохъ Великій не долго пережилъ свое пораженіе. Наслѣдовавшій ему старшій сынъ Селевкъ IV Филопаторъ былъ, послѣ двѣнадцати-лѣтняго довольно спокойнаго царствованія, убитъ однимъ изъ своихъ придворныхъ; убійца пытался овладѣть престоломъ, но Эвменъ пергамскій и его братъ Атталъ прогнали узурпатора и сдѣлали царемъ въ Сиріи Антіоха IV Эпифана, брата убитаго царя. Раньше того Антіохъ довольно долго жилъ въ Римѣ заложникомъ.

Антіохъ IV 175—164.

Мы уже говорили (стр. 320, 580), что своимъ безрасудными намѣреніемъ насильственно ввести у восточныхъ народовъ греческіе обычаи и религію, онъ возбудилъ восстаніе въ Іудеѣ и далъ пареянамъ возможность овладѣть восточными областями сирійскаго царства. Такимъ образомъ онъ оставилъ своему сыну Антіоху V, девятилѣтнему ребенку, государство, уменьшившееся въ объемѣ и волнуемое раздорами. Сынъ Селевка IV, Димитрій, посланный въ Римъ заложникомъ взамѣнъ своего дяди, просилъ сенатъ отпустить его въ Сирію, царемъ которой онъ долженъ быть, имѣя на престолъ права болѣе близкаго наслѣдства, чѣмъ новый царь. Но римляне считали болѣе выгоднымъ для себя то, чтобы царемъ былъ ребенокъ, а не человѣкъ энергическаго характера. Они задержали Димитрія въ Италіи, признали царемъ Антіоха и послали Гнеія Октавія править государствомъ отъ его имени въ интересахъ Рима. Октавій скоро былъ убитъ однимъ изъ приверженцевъ династіи; Димитрій бѣжалъ изъ Рима, отнялъ престолъ у ребенка, провозгласилъ царемъ себя; сенатъ не сталъ спорить. Димитрій правилъ государствомъ умно и твердо, но узурпаторъ Александръ, ложно выдавшій себя за селевкида, низвергъ его при помощи египетскаго царя. Вскорѣ послѣ того Димитрій умеръ; старшій сынъ его Димитрій II низвергъ Александра и началъ войну съ пареянами, надѣясь отнять у нихъ области, принадлежавшія его предкамъ, но попалъ въ плѣнъ пареянскому царю Фраату. При смятеніи, произведенномъ въ государствѣ плѣномъ царя, захватилъ власть рабъ Діодотъ и правилъ сначала отъ имени ребенка, котораго ложно выдавалъ за сына Александра I, а потомъ, убивъ этого ребенка, провозгласилъ царемъ самого себя, принявъ имя Трифона. Но народъ негодовалъ, видя царемъ этого гнуснаго человѣка, и братъ плѣннаго царя Димитрія, Антіохъ VII Сидетъ, отнялъ у него престолъ и женился на дочери египетскаго царя, Клеопатрѣ, бывшей женою его брата, Димитрія. Въ Антіохѣ выказался послѣдній остатокъ энергіи и военныхъ талантовъ первыхъ селевкидовъ. Возобновивъ войну съ пареянами, онъ велъ ее успѣшно, разбилъ ихъ въ трехъ сраженіяхъ и овладѣлъ Вавилоніею. Пареянскій царь уже хотѣлъ отпустить Димитрія изъ плѣна, но въ новой битвѣ Антіохъ потерпѣлъ пораженіе и убилъ самъ себя. Съ его смертью исчезъ въ сирійскомъ царствѣ послѣдній слѣдъ способности обороняться отъ враговъ; оно было терзаемо свирѣпымъ междоусобіемъ родственниковъ, спорившихъ изъ-за престола. Сначала борьба шла между двумя сыновьями Клеопатры: сыномъ ея отъ Димитрія II, Антіохомъ VIII Грипомъ, и сыномъ ея отъ Антіоха Сидета, Антіохомъ IX Кизикскимъ; послѣ нихъ между ихъ потомками. Одна область за другой отлагалась отъ сирійскаго царства и послѣдній потомокъ селевкидовъ, Антіохъ XIII Азіатскій, внукъ Антіоха Кизинскаго, былъ наконецъ выгнанъ царемъ армянскимъ Тиграномъ изъ маленькаго царства, какое еще оставалось отъ прежняго огромнаго. Когда Тигранъ былъ побѣжденъ римлянами, этотъ прогнанный селевкидъ надѣялся, что они возвратятъ ему престолъ, но короткое письмо Помпея положило конецъ его надеждамъ и царству селевкидовъ.

Антіохъ V 164—162. Димитрій I Сотеръ 162—150. Александръ I. 150—144. Димитрій II 144—138. 130—125. Антіохъ VII 138—129.

III. Внутреннее состояніе Рима.

1. Государственная и общественная жизнь.

Новое положеніе римлянъ.

Мы дошли до эпохи, когда Римъ сокрушилъ всѣ препятствія, стоявшія на пути его къ владычеству надъ всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, и поглотилъ древнія культурныя государства, какъ будто чувствуя, что римскій народъ исполнилъ свое призваніе владычествовать надъ другими. Покоритель Карѳагена, сдѣлавшись цензоромъ, постановилъ, что праздникъ очищенія отъ грѣховъ и примиренія съ богами, совершаемый на Марсовомъ полѣ по истеченіи каждаго люстра, долженъ быть заключаемъ не прежнею молитвою, чтобы боги увеличили государство, а новою—о томъ, чтобы они сохранили его неуменьшившимся. Но Римъ не могъ остановиться въ своемъ стремленіи къ расширенію своихъ владѣній. Прежде, чѣмъ разсказывать исторію его завоеваній, бросимъ взглядъ на ходъ его внутренняго развитія, разсмотримъ, какія перемѣны испыталъ римскій народъ, разрушивъ могущественное торговое государство, стремившееся ослабить его, сокрушить основы его политическаго существованія, и покоривъ греческій міръ въ Европѣ и въ Азіи, овладѣвъ его сокровищами, усвоивъ себѣ его культуру. Внѣшнія формы государственныхъ учрежденій, установленныя до начала борьбы съ Карѳагеномъ, остались въ своихъ главныхъ чертахъ неизмѣнными; римскіе сановники были по прежнему избираемы народомъ при участіи сената; отношенія къ италійскимъ союзникамъ и къ подданнымъ остались опредѣлены прежними договорами, нѣсколько измѣненными только по отношенію къ владѣніямъ за предѣлами Италіи; служба въ сухопутномъ войскѣ и во флотѣ происходила по прежнимъ постановленіямъ; но тѣмъ не менѣе римское государство въ то время, какъ водили въ бой легіоны и заключали трактаты Сципіонъ и Фламининъ, было уже совершенно не таково, какъ въ тѣ времена, когда Манiй Курій Дентатъ и Квинтъ Фабій Максимъ ѣли свои скромные обѣды, сидя на деревянной скамьѣ у домашняго очага. Измѣнилась жизнь всего народа, но раньше и сильнѣе чѣмъ въ другихъ сосло-

віяхъ, измѣнился образъ жизни въ томъ кругу, изъ котораго исключительно избирались полководцы и сановники.

Аристократія (сословіе нобилей).

Въ тѣ годы кипучей жизни, которые непосредственно слѣдовали за установленіемъ законовъ Лицинія, исчезли, повидимому, прежняя разница сословій и раздоръ между ними, замѣнившись общей любовью къ родинѣ: въ увлеченіи патріотическимъ энтузіазмомъ едва были замѣтны проявленія аристократической гордости; сословія соперничали между собою только въ усердіи къ благу родины; но во время пуническихъ войнъ съ прежней рѣзкостью, только въ измѣненномъ видѣ, обнаружилось прежнее распаденіе націи на сословія, разнящіяся между собою неодинаковостью происхожденія, почетности,— одно богатое, другое бѣдное. Доступъ къ политическимъ должностямъ и въ сенатъ оставался по закону открытъ всѣмъ гражданамъ, но вообще достигали этихъ почестей только люди аристократическихъ родовъ (оптиматы), соединившіеся въ одно сословіе знатныхъ (нобилей) и поддерживавшіе другъ друга въ кандидатурахъ. Эти фамиліи оптиматовъ образовали замкнутую корпорацію, въ которой каждый имѣлъ свое опредѣленное назначеніе, опредѣленную карьеру, дѣйствовалъ по опредѣленнымъ правиламъ и считалъ своей обязанностью участвовать въ государственныхъ дѣлахъ совѣтомъ и трудомъ. Римскіе нобили составляли какъ будто одно семейство, и этотъ семейный совѣтъ управлялъ государствомъ. Каждый изъ нихъ понималъ, что его интересы неразрывно связаны съ интересами его сословія, его личное положеніе обусловлено могуществомъ его сословія Политическія преданія и административныя правила передавались по наслѣдству отъ поколѣнія къ поколѣнію въ кругу нобилей и образовали запасъ государственной мудрости, хранителемъ которой былъ сенатъ, составлявшійся изъ членовъ этого сословія. Но эгоистично устраняя отъ себя всѣхъ чуждыхъ ей по происхожденію, эта замкнутая корпорація не обновлялась притокомъ свѣжихъ силъ и, по неизмѣнному закону природы, впала въ неподвижность, выродилась.

Прежнее различіе между плебеями и патриціями утратило при этомъ всякую практическую важность. Правда, по прежнему оставались привилегіею патриціевъ нѣкоторыя должности, не имѣвшія политическаго значенія, какъ, напримѣръ, санъ царя священнослуженія (rex sacrorum), санъ трехъ великихъ фламиновъ, санъ жрецовъ салійскихъ, почетная должность перваго сенатора (princeps senatus), должность временнаго правителя (interrex); но по почету и по вліянію на государственную жизнь плебейскіе роды нобилей были не менѣе важны, чѣмъ патриційскіе; и, напримѣръ, во второй половинѣ II вѣка до Р. Хр. плебейская фамилія Цециліевъ Метелловъ имѣла больше членовъ, достигавшихъ до высшихъ государственныхъ должностей, чѣмъ какая-бы то ни было патриційская.

1. Сенаторское сословіе.

Списки членовъ сената составлялись цензорами; въ нихъ вносились во первыхъ тѣ граждане, которые или сами уже занимали курульныя должности или имѣли предковъ, занимавшихъ эти должности, бывшихъ консулами, преторами или курульными эдилями. Этотъ первый классъ сенаторовъ составлялъ большинство ихъ; остальные члены сената, хотя тоже принадлежали къ знатнымъ и богатымъ фамиліямъ, не были очень многочисленны и не пользовались большимъ вліяніемъ. А цензорами могли становиться только люди, уже занимавшіе курульныя должности, потому составленіе списковъ сената цензорами было очень близко къ тому, какъ если бы сенатъ самъ избиралъ своихъ членовъ на вакантныя мѣста,—къ тому, что называется кооптаціей. „Новые люди“ достигали сенаторскаго сана лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда, по какому нибудь несчастію, ряды прежней аристократіи подвергались такому громадному урону, что въ нихъ не доставало людей для пополненія сената; такъ было, напримѣръ, послѣ пораженія при Каннахъ. Всѣ лица сенаторскихъ семействъ имѣли нѣкоторыя особыя почетныя права и знаки внѣшняго отличія и были выдѣлены надъ массой гражданъ запрещеніемъ заниматься коммерческими или промышленными дѣлами, приносящими прибыль.

Внѣшніе знаки почета.

Тѣ фамиліи, которыя имѣли между своими предками курульныхъ сановниковъ, пользовались очень почетной привилегіей имѣть изображенія этихъ предковъ; изображенія дѣлались изъ воска и прикрѣплялись къ родословной таблицѣ на стѣнѣ зала; на похоронныхъ процессіяхъ членовъ фамиліи были носимы эти изображенія, и ораторъ, говорившій надгробную рѣчь, описывалъ доблести предковъ, изображенія которыхъ были тутъ, говорилъ о почестяхъ заслуженныхъ ими, убѣждалъ слушателей соревновать имъ. Люди сенаторскаго сана носили золотыя кольца, на туникѣ имѣли широкую пурпурную оторочку (clavus), а ихъ дѣти носили на шеѣ золотые медальоны съ амулетами (bulla). На народныхъ торжествахъ и въ театрѣ сенаторы имѣли особыя мѣста.

2. Сословіе всадниковъ.

Второе сословіе составляли всадники, имѣвшіе, подобно сенаторамъ, золотое кольцо и пурпурную оторочку (но узкую). Въ списокъ всадниковъ граждане были вносимы также цензорами. Большинство всадниковъ состояло изъ людей наиболѣе богатыхъ плебейскихъ фамилій (стр. 57). Но, по вліянію аристократіи, цензоры, при составленіи списковъ всадниковъ, помѣщали въ нихъ и молодыхъ нобилей, такъ что въ центуріальныхъ комиціяхъ центуріи всадниковъ подавали голосъ за нобилей. Списки эти были составляемы каждыя пять лѣтъ; съ тѣмъ вмѣстѣ цензоры производили смотръ всадникамъ. Военная дисциплина, конечно, проиграла отъ того, что прежняя конница стала аристократическимъ сословіемъ: молодые знатные люди вообще занимались своей всаднической службой небрежно и плохо слушались начальниковъ. Но эта перемѣна въ значеніи сословія всадниковъ дала нобилямъ въ центуріальныхъ комиціяхъ рѣшительное большинство голосовъ, такъ что на выборахъ сановниковъ, сословныя и родственныя связи были гораздо важнѣе личнаго характера и заслугъ. Въ 129 году было постановлено народнымъ собраніемъ, что гражданинъ, получающій санъ сенатора, перестаетъ имѣть своего всадническаго коня, т. е. принадлежать къ сословію всадниковъ и подавать голосъ въ ихъ центуріяхъ. Но особенно важное значеніе сословіе всадниковъ получило, какъ сословіе капиталистовъ. Они, какъ мы увидимъ, соединялись въ финансовыя общества, располагавшія огромными денежными средствами, брали на откупъ государственные налоги и заключали контракты на поставки для государства.

Цензоры.

Право составлять списки сенаторовъ и всадниковъ давало сану цензо-

ровъ очень большую важность; она увеличивалась тѣмъ, что, составляя эти списки, цензоры, какъ мы видѣли (стр. 107), имѣли право выбрасывать изъ нихъ сенаторовъ и всадниковъ, сдѣлавшихся недостойными своего званія или утратившихъ надобный для принадлежности къ нему размѣръ имущества. Потому санъ цензора сталъ считаться самой высшей магистратурой, довершеніемъ политическихъ почестей, такимъ высокимъ, что гражданинъ могъ только одинъ разъ въ жизни занимать эту должность. Аристократія старалась устроивать такъ, чтобы на эту высшую степень почестей были возводимы только люди самыхъ знатныхъ фамилій, не допускать до нея „новыхъ людей". Но при всѣхъ ея предосторожностяхъ цензорами могли становиться люди, расположенные обратить огромную власть своего сана противъ нея; потому право цензоровъ, исключать сенаторовъ и всадниковъ изъ ихъ сословій, было ограничено законами или обычаями, отнимавшими у этихъ сановниковъ возможность вредить корпораціи знатныхъ фамилій.

Другіе сановники.

Итакъ сословіе нобилей было замкнутою корпораціею, которая имѣла преобладающее вліяніе на выборы и другія рѣшенія центуріальныхъ комицій, владычествовала въ сенатѣ и удерживала почти исключительно въ своемъ кругу правительственныя должности. Назначеніе нобилей въ курульные сановники стало почти необходимостью, когда Римъ покорилъ себѣ культурныя государства: для занятій правительственными дѣлами надобно было тогда знать греческій языкъ, усвоить себѣ греческую образованность, пріобрѣсти обширныя политическія и дипломатическія знанія.

При расширившемся кругѣ занятій высшихъ сановниковъ, уже нельзя было, какъ во времена Цинцинната, брать въ консулы мелкаго землевладѣльца прямо изъ-за плуга. Сановникамъ нужны были знанія, какія пріобрѣтаются только долгими годами, и только дѣти знатныхъ и богатыхъ фамилій могли посвящать себя занятіямъ, какихъ требовала эта подготовка; нужна была сановникамъ та политическая опытность, которая становится твердою, когда внушается семейными преданіями. Мы знаемъ, что сенаторы брали своихъ сыновей съ собою въ сенатъ, чтобы они тамъ, слушая рѣчи отцовъ, родныхъ, друзей, научались правиламъ политической мудрости и привыкали держать себя по примѣру людей опытныхъ въ управленіи государствомъ. При аристократическомъ устройствѣ правленія политическія знанія переходятъ по наслѣдству отъ даровитаго отца къ даровитому сыну, и фамильныя преданія развиваютъ въ человѣкѣ, пользующемся ими, политическіе таланты раньше и полнѣе, чѣмъ возможно безъ этой поддержки.

Можно считать слѣдствіемъ этой наслѣдственной мудрости и опытности то, что римляне оставляли старинное правительственное устройство неизмѣннымъ въ основныхъ чертахъ, хотя оно уже не удовлетворяло надобностямъ могущественнаго государства, и не увеличивали числа лицъ, избираемыхъ въ два высшіе сана, консульскій и цензорскій, а число преторовъ не стали увеличивать болѣе, чѣмъ до шести (стр. 442), и вмѣсто увеличенія числа избираемыхъ высшихъ сановниковъ, прибѣгли къ другому средству: стали поручать управленіе провинціями римскимъ сановникамъ по окончаніи года ихъ должности. Чтобы высшія должности доставались по возможности большему числу людей, было постановлено, что

высшій санъ пріобрѣтается лишь по занятіи низшаго что, до консульства и цензорства человѣкъ долженъ подыматься по ступенямъ другихъ магистратуръ и что быть избрану консуломъ во второй разъ можно только черезъ десять лѣтъ послѣ перваго выбора; отъ этихъ правилъ отступали только въ видѣ исключеній, по вліянію могущественныхъ фамилій или при трудныхъ обстоятельствахъ; когда государственное благо требовало продолжить власть даровитаго сановника. Относительно цензуры съ половины III вѣка до Р. Хр. было даже запрещено занимать этотъ санъ болѣе одного раза въ жизнь, а съ 151 до 81 года предъ Р. Хр. существовало такое-же правило относительно консульства. Сановникъ во время срока своей должности не могъ быть преданъ суду и смѣстить его ранѣе срока не дозволялъ законъ; потому римляне считали такія ограничительныя правила надобными для охраненія республиканскихъ учрежденій, хотя они отнимали у сановниковъ возможность творческой политической дѣятельности. Точно такъ же поступали римляне и относительно военныхъ чиновъ. Нельзя было начинать съ должности выше военнаго трибуна; болѣе высокіе посты могли получаться лишь послѣ извѣстнаго числа лѣтъ службы.

Комиціи.

Всѣ высокія правительственныя и военныя должности были замѣщаемы выборомъ народа въ комиціяхъ. Аристократія оставляла этотъ прежній порядокъ назначенія сановниковъ для того, чтобы не получила слишкомъ большого преобладанія какая нибудь одна фамилія и не подвергла опасности республиканское равенство раздачею должностей, въ особенности военныхъ, своимъ родственникамъ и приверженцамъ. При своемъ громадномъ вліяніи на выборы, аристократія не могла опасаться, что народъ будетъ часто назначать на высшія должности «новыхъ людей»; опаснѣе было бы для нея, если бы высшіе сановники назначали низшихъ, главнокомандующій назначалъ бы своихъ помощниковъ: тогда былъ бы просторъ непотизму и фамильному честолюбію. Даже назначеніе духовныхъ сановниковъ, коллегіи которыхъ прежде сами пополняли себя кооптаціею, было мало по малу передано народному собранію.

Когда отпущенники получили равныя съ свободнорожденными гражданами права въ комиціяхъ, и были уменьшены привилегіи, принадлежавшія патриціямъ по старинному (сервіевскому) порядку вотированія центуріальныхъ комицій, аристократія все таки сохранила преобладаніе на выборахъ, пріобрѣтая большинство голосовъ отпускомъ рабовъ на волю и подкупомъ (отпущенники вообще оставались людьми преданными своимъ бывшимъ господамъ). Притомъ, она всегда могла прервать непріятный для нея ходъ выборовъ (точно такъ же и ходъ совѣщаній о принятіи какого нибудь закона), объявивъ, что небесныя знаменія неблагопріятны, или что приближается гроза, блеснула молнія; были у нея и способы объявить недѣйствительнымъ непріятное для нея рѣшеніе народнаго собранія.

Но вообще, сила народнаго собранія возросла; въ особенности комиціи по трибамъ (стр. 103) рано стали выходить изъ-подъ вліянія аристократіи. Самостоятельность рѣшеній народныхъ собраній увеличилась; когда, по законамъ Габинія, Кассія и Папирія (въ 139, 137 и 131 гг.), прежняя изустная, открытая подача голосовъ была замѣнена тайною подачею ихъ посред-

ствомъ досчечекъ (баллотировки). Самостоятельность народнаго собранія имѣла нѣкоторыя опасныя стороны. Часто случалось, что народъ назначалъ главнокомандующими людей неспособныхъ; крупными примѣрами тому были во вторую пуническую войну Фламиній, Теренцій Варронъ, Минуцій. Честолюбивые, склонные къ самовластію полководцы могли просить себѣ у народнаго собранія назначенія въ главнокомандующіе наперекоръ волѣ сената и, въ случаѣ успѣха просьбы, держать себя независимо отъ сената; честолюбцы могли пріобрѣтать расположеніе народа, дѣлая, помимо воли сената, прямо народному собранію пріятныя для массы предложенія: такъ Фламиній прочелъ законъ, постановлявшій, что государственная земля въ пиценской области должна быть роздана гражданамъ, желающимъ взять изъ нея участки.

Послѣдствія.

Соединеніе аристократическихъ фамилій въ наслѣдственную корпорацію нобилей приносило римскому государству большой вредъ, хотя наслѣдственное полученіе высшихъ должностей людьми знатныхъ фамилій много содѣйствовало тому, что этотъ кружокъ вельможескихъ семействъ производилъ много великихъ полководцевъ и правителей; безспорно, что собственно этою наслѣдственностью высшихъ должностей въ корпораціи нобилей выработалась та традиціонная система политики, которая покорила Риму весь цивилизованный міръ; что лишь силою этого значенія аристократовъ въ государствѣ была порождена общая заботливость ихъ о величіи его, ихъ твердая гражданская гордость: каждый изъ нихъ сознавалъ себя принадлежащимъ къ могущественному цѣлому, носилъ въ своей груди это чувство и проявлялъ его въ своей общественной дѣятельности. Выдѣлившись изъ народа въ особую корпорацію, подобную кастѣ, и ясно стремясь освободиться отъ участія въ общественныхъ повинностяхъ и налогахъ, захватить въ свои руки всѣ почести и выгоды, нобили произвели глубокій разрывъ между правящимъ классомъ и массою народа; «оптиматы»—вельможи, и «популяры»—простолюдины, стали чужды другъ другу, и корпоративная обособленность правящаго класса развивала во всѣхъ его членахъ сословный и личный эгоизмъ, пороки и страсти. Вельможи добивались высшихъ должностей, по выраженію Катона, «такъ, какъ будто безъ ликторовъ нельзя ужъ и найдти дороги». Чтобъ увеличить наслѣдованную отъ предковъ славу побѣдами и тріумфами, сенаторскія фамиліи, которымъ почти исключительно доставались всѣ военныя должности, отъ главнокомандующаго до военнаго трибуна, постоянно искали новыхъ войнъ; а чтобы при роскошной жизни не уменьшались богатства, на которыхъ основывалось фамильное могущество, правительственные и военные сановники употребляли свою власть на пріобрѣтеніе денегъ всякими нечестными средствами: оставляли у себя военную добычу, утаивали подати съ государственной земли, другіе казенные доходы, шедшіе черезъ ихъ руки, вынуждали подарки, дѣлали всяческіе поборы въ провинціяхъ, которыми правили какъ проконсулы, пропреторы (стр. 442).

Угнетенія провинцій правителями.

Проконсулы и пропреторы, съ военною и судебною властью, правившіе провинціями при помощи множества помощниковъ, въ началѣ имѣли столько честности, что не употребляли свою власть на притѣсненіе подданныхъ государства; но соблазнъ былъ такъ великъ, что скоро почти всѣ они поддались ему и стали обогащаться взяточничествомъ и другими нечестными средствами. Покоренные римлянами города и области Сициліи и Греціи были пріучены тираннами, испанскія племена—кароагенянами, подчиняться правителямъ, давать все, что они потребуютъ, потому безпрекословно давали римскимъ правителямъ все, чего они требуютъ на свои надобности, на содержаніе своихъ помощниковъ и войска, усердно старались пріобрѣсти ихъ милость подарками; а сенатъ предоставлялъ правителямъ провинцій произволъ, почти совершенно безконтрольный; римскіе судьи смотрѣли на ихъ поборы очень снисходительно и вообще оставляли неудовлетворенными жалобы на ихъ притѣсненія. Потому правители провинцій могли безнаказанно дѣлать всяческіе поборы, и многіе изъ нихъ возвращались въ Римъ съ колосальными состояніями. Средствъ къ обогащенію было у нихъ очень много: распредѣленіе войскъ по квартирамъ, содержаніе ихъ, право получать квартиры и содержаніе отъ провинцій себѣ и своимъ помощникамъ, всей толпѣ своихъ служащихъ по письменнымъ дѣламъ, разсыльныхъ; право получать все надобное для жертвоприношеній; право требовать экипажи и лошадей для разъѣздовъ, требовать лошадей и вьючный скотъ для обозовъ съ казенными вещами; взысканіе налоговъ, реквизиціи всяческаго рода, — все это служило для правителей средствомъ брать взятки. При громадности и почти полной безконтрольности своей власти они вообще не могли устоять противъ соблазна, такъ что за ними установилась репутація притѣснителей. Съ удивленіемъ, какъ о рѣдкости, говорятъ историки о тѣхъ людяхъ, которые правили провинціями съ римскою старинною честностью и заботливостью о сбереженіи государственныхъ денегъ, какъ напримѣръ, Катонъ, Эмилій Павелъ, Марцеллъ. Историки записали, что когда Катонъ былъ правителемъ Сардиніи, онъ ходилъ по своей провинціи пѣшкомъ, въ сопровожденіи одного слуги, который несъ за нимъ плащъ и жертвенную чашу; что Эмилій Павелъ въ Испаніи, въ Македоніи съ благороднымъ безкорыстіемъ отказывался отъ подарковъ и что потому, когда онъ умеръ, послы этихъ народовъ пріѣхали въ Римъ и несли къ костру его тѣло, что это было прекраснѣйшимъ выраженіемъ скорби ихъ о его кончинѣ. Но Марцеллъ, при взятіи Сиракузъ, запятналъ свою великую славу грабежомъ и потомъ притѣснялъ сиракузанцевъ; жалоба ихъ сенату была оставлена безъ вниманія. Напрасно говорилъ Сципіонъ Эмиліанъ, какъ пересказываетъ Цицеронъ: „неприлично римскимъ гражданамъ быть и повелителями народовъ и откупщиками налоговъ съ нихъ“; алчность была сильнѣе чувства чести. Въ 149 году, по предложенію Луція Кальпурнія Пизона, былъ учрежденъ „постоянный трибуналъ“ (quaestio ordinaria) для разбора дѣлъ по жалобамъ провинцій на взятки и поборы правителей; но эти жалобы разсматривались не съ юридической, а съ административной точки зрѣнія, судьи принадлежали къ аристократіи, и общими правилами судопроизводства было очень затруднено успѣшное веденіе процессовъ противъ римскихъ гражданъ, потому виновные были обыкновенно оправдываемы или только для формы осуждаемы на уплату небольшихъ суммъ; лишь въ случаяхъ чрезвычайнаго грабежа и притѣсненія виновные осуждались на изгнаніе или сами добровольно удалялись изъ Рима,—уѣзжали на нѣкоторое время въ Баіи или Массалію, гдѣ жили въ свое удовольствіе на награбленныя деньги.

Налоги въ провинціяхъ.

Правда, правительство нерѣдко само подавало примѣръ угнетенія.

Послѣ пуническихъ и македонскихъ войнъ поземельная подать (tributum) въ Италіи была отмѣнена, а доходы съ государственной земли, таможенныя пошлины, налоги на предметы роскоши, пошлина за освобожденіе невольниковъ были недостаточны для покрытія расходовъ; потому надобно было брать деньги съ провинцій. Мы видѣли (стр. 443), что римское государство получало изъ нихъ большіе доходы: оно конфисковало земли и вообще все имущество низложенныхъ государей, общественныя земли разрушенныхъ городовъ, часть земель другихъ покоренныхъ городовъ, рудники, присвоило себѣ таможенныя пошлины; десятинная подать съ сельскихъ продуктовъ и другіе налоги въ провинціяхъ отдавались цензорами на откупъ капиталистамъ. Скоро римское правительство перешло къ установленію новыхъ налоговъ, стало брать подать и съ общественной и съ частной собственности въ провинціяхъ, основываясь на томъ, что, по праву завоеванія, вся земля принадлежитъ римскому народу, принадлежатъ ему и всѣ другіе источники доходовъ; этотъ принципъ былъ въ первый разъ примѣненъ къ той части Малой Азіи, которая была обращена въ римскую провинцію, названную „Азіей“ и былъ примѣненъ къ ней въ такомъ широкомъ размѣрѣ, что ея населеніе обѣднѣло. Многіе округи или города должны были давать десятину съ хлѣба, вина, оливковаго масла, платить подать съ пастбищъ; другіе платили вмѣсто этихъ налоговъ опредѣленную сумму подати, которую сами раскладывали на своихъ гражданъ. Кромѣ того, существовали пошлины за проѣздъ по дорогамъ, за переѣздъ по мостамъ, пошлины съ вывоза и ввоза товаровъ. Налоги и подати были постепенно повышаемы и тяжесть ихъ увеличивалась римскимъ способомъ взиманія доходовъ посредствомъ отдачи на откупъ; откупщики (publicani)— капиталисты, принадлежавшіе къ всадническому сословію—поступали, конечно, какъ алчные спекулянты. Государства, находившіяся подъ покровительствомъ Рима, какъ напримѣръ царства нумидійское, каппадокійское, республики: родосская, мессанская, массалійская, по закону, свободныя отъ дани Риму, были принуждаемы давать ему корабли, войско, а въ случаяхъ особенной надобности римляне брали съ нихъ деньги, хлѣбъ и проч. Притомъ на провинціяхъ лежали большія военныя издержки; онѣ давали квартиры и содержаніе стоявшимъ въ нихъ войскамъ, должны были дѣлать поставки провіанта для армій и эскадръ, дѣйствовавшихъ противъ непріятеля, получая за эти поставки недостаточное вознагражденіе или не получая вовсе никакого. Но вообще налоги и подати, взимаемыя съ провинцій, сами по себѣ не были тяжелы, и взиманіе ихъ оправдывалось расходами римскаго государства на администрацію провинцій и на ихъ охраненіе отъ непріятеля; обременительны были они только потому, что взимались черезъ откупъ: взятки и притѣсненія правителей и откупщиковъ, посредничество ростовщиковъ составляли причину обѣдненія провинцій. Слово „откупщикъ“ уже въ тѣ времена стало въ Азіи равнозначительно слову грабитель.

Деморализація населенія города Рима.

Обособленность правящаго класса отъ народа была не менѣе гибельна и для массы римскихъ гражданъ; она производила разстройство въ государственныхъ дѣлахъ и вела къ возникновенію необузданной демократіи, безразсудство которой впослѣдствіи погубило римскую республику. Во время пуническихъ войнъ римскіе граждане высказали качества, достойныя удивленія: они держали себя твердо въ несчастіи, не щадили жертвъ для общаго блага, съ готовностью терпѣли всяческія лишенія для обезпеченія будущности государства, высказывали преданность правительству, повиновеніе военачальникамъ;

они являлись тогда доблестными патріотами, непоколебимо вѣрящими въ торжество отечества надъ врагомъ. Но вмѣстѣ съ этими благородными качествами ужь и тогда выказывались у нихъ очень дурныя: въ государственномъ бытѣ появлялись зародыши порчи, быстро развившіеся потомъ, когда наступили времена удачъ. Масса римскихъ гражданъ жила или въ военныхъ колоніяхъ или на своихъ участкахъ, разбросанныхъ по всей средней Италіи; они рѣдко бывали въ Римѣ, голоса ихъ имѣли мало значенія въ выборахъ сановниковъ и законодательныхъ рѣшеніяхъ народнаго собранія, по малочисленности ихъ на Форумѣ. Въ Римѣ возникло многочисленное городское населеніе, не имѣвшее возвышенныхъ стремленій, жившее со дня на день; значительную часть его составляли кліэнты, иноземцы, еще недавно получившіе права римскихъ гражданъ, отпущенники, обѣднѣвшіе поселяне, ушедшіе въ городъ; оно совершенно зависѣло отъ аристократическихъ фамилій, легкомысленно поддерживало каждаго, кто умѣлъ заискивать въ немъ. Съ теченіемъ времени граждане, жившіе на отдаленныхъ участкахъ и въ колоніяхъ, все рѣже и рѣже являлись въ народное собраніе, задерживаемые или своими дѣлами или службою въ войскахъ; соразмѣрно тому возростало вліяніе легкомысленнаго городскаго населенія на выборы сановниковъ и законодательныя рѣшенія, и усиливались интриги аристократовъ для привлеченія на свою сторону этихъ городскихъ римлянъ. Такъ развилась язва римской государственной жизни, интриганство аристократовъ для пріобрѣтенія популярности, для полученія голосовъ на выборахъ, развилась демагогія безсовѣстныхъ ораторовъ. Кандидаты на правительственныя должности ходили по толпамъ простолюдиновъ, пожимая руки, любезничая, обольщая всяческими обѣщаніями (это называлось ambitus— «обходъ по столпленіямъ избирателей»). Правительственные сановники другъ передъ другомъ старались пріобрѣсти любовь жившихъ въ Римѣ гражданъ раздачею имъ хлѣба по низкой цѣнѣ или вовсе даромъ, проведеніемъ законовъ, выгодныхъ для живущихъ въ Римѣ, освобожденіемъ ихъ отъ походовъ за предѣлы Италіи, а въ особенности великолѣпіемъ общественныхъ праздниковъ и увеличеніемъ числа этихъ игръ.

Заискиваніе благосклонности народа.

Маркъ Ливій, побѣдитель Газдрубала въ битвѣ на Метаврѣ, получилъ прозваніе Салинатора («Солянаго»), за то, что, по его предложенію, былъ принятъ законъ, оставлявшій въ городѣ Римѣ казенную продажу соли по прежней цѣнѣ, но подымавшій цѣну ея въ городахъ союзниковъ и особенно въ тѣхъ, гдѣ вовсе не жило римскихъ гражданъ. Гай Фламиній—тотъ полководецъ, который проигралъ сраженіе у Тразименскаго озера—пріобрѣлъ себѣ любовь народа тѣмъ, что добился учрежденія новаго праздника; прежде въ Римѣ былъ одинъ праздникъ съ общественными играми, называвшійся «праздникомъ римскихъ игръ». По предложенію Фламинія, былъ учрежденъ праздникъ «плебейскихъ игръ». Во время второй пунической войны были учреждены третій праздникъ въ честь Аполлона и четвертый въ честь «Великой Матери» боговъ, служеніе которой было перенесено въ Римъ изъ Фригіи. Скоро прибавился пятый праздникъ

Ливій Салинаторъ.

Фламиній.

Народные праздники съ играми.

въ честь Флоры; такимъ образомъ въ мартѣ совершался великій мегалесскій праздникъ богини горы Иды, Матери боговъ, въ концѣ апрѣля праздникъ Флоры, въ іюнѣ праздникъ Аполлона, въ ноябрѣ праздникъ плебейскихъ игръ; каждый изъ нихъ длился нѣсколько дней; товарищества, подобныя клубамъ, содалитеты, какъ назывались они, роскошно пировали въ эти дни, покрывая издержки на кушанья и вино взносами своихъ членовъ. Кромѣ старинныхъ національныхъ развлеченій, состоявшихъ въ фарсахъ, разыгрываемыхъ замаскированными актерами и въ представленіяхъ фокусниковъ, народъ развлекался на этихъ праздникахъ новыми играми, гимнастическими и музыкальными состязаніями. Въ 196 году была учреждена коллегія жрецовъ, называвшихся эпулонами (распорядителями пировъ); они завѣдовали пирами на религіозныхъ праздникахъ; этой должности въ особенности добивались люди знатныхъ плебейскихъ фамилій, чтобъ имѣть возможность пріобрѣтать расположеніе народа.

Гладіаторскія игры и бой съ дикими звѣрями.

Всѣ эти праздники должны были устроивать на собственный счетъ эдили или тотъ преторъ, который назывался городскимъ. Еще дороже стоили гладіаторскія игры, заимствованныя римлянами, вѣроятно изъ Кампаніи (именно изъ Капуи) и бой съ дикими звѣрями, львами, пантерами, слонами, получаемыми изъ Африки и Азіи. Аристократы все чаще и чаще устроивали гладіаторскія игры, которыми больше всего восхищались римскіе граждане. Чѣмъ великолѣпнѣе были эти зрѣлища, даваемыя консуломъ въ амфитеатрѣ на свой счетъ, тѣмъ больше любви пріобрѣталъ онъ у народа; населеніе города Рима ужъ и тогда кричало, чтобъ ему давали „хлѣбъ и игры“. Само собою разумѣется, что часто игры устроивались консуломъ на деньги, пріобрѣтенныя грабежомъ. Различіе въ характерѣ общественныхъ игръ, соединенныхъ съ религіозными праздниками. Національныя игры грековъ развивали въ нихъ благородныя стремленія, воодушевляли ихъ на подвиги, а цѣлью римскихъ игръ было только угожденіе грубому вкусу массы, пристрастной къ зрѣлищамъ свирѣпостей, напоминавшихъ войну.

Упадокъ дисциплины.

Правительственные сановники угождали массѣ городского населенія подарками и играми, чтобы она подавала за нихъ голоса на форумѣ; съ той же цѣлью военачальники потворствовали своимъ воинамъ, которые, по окончаніи похода, тоже будутъ подавать голоса на форумѣ; средствами угожденія у военачальниковъ было то, что они дозволяли нарушеніе дисциплины, грабежъ, раздавали награды, дѣлили между воинами добычу.

Жалобы на упадокъ дисциплины постоянно увеличивались; полководцы вели войны все больше и больше по своимъ личнымъ цѣлямъ для пріобрѣтенія почестей и богатствъ: соразмѣрно тому возростала у нихъ и надобность угождать воинамъ, безнаказанно допускать всякіе безпорядки, буйства, грабежи. Военачальники думали уже не столько о возвеличеніи родины, сколько о томъ, чтобы пріобрѣсти почесть тріумфа, прозвище, заимствованное отъ имени завоеванной страны, заслужить себѣ статую, памятникъ; когда Сципіонъ, побѣдитель Ганнибала, получилъ названіе „Африканскій“, родной его братъ названіе „Азіатскій“, двоюродный братъ названіе „Испанскій“, другія фамиліи тоже не хотѣли остаться безъ титуловъ этого рода, и нерѣдко мотивомъ полководца для начатія войны было, кромѣ разсчета на добычу, желаніе получить тріумфъ, пріобрѣсти прозвища, напоминающее о сдѣланномъ имъ завоеваніи, заслужить, чтобъ въ честь его поставили статую и т. п. Случалось, что полководцы начинали войны безъ порученія отъ сената и даже не спрашивая отъ него разрѣшенія.

Увеличеніе роскоши.

Аристократы искали высшихъ должностей не по одному только тому, что онѣ приносили почетъ и славу; онѣ были золотыми рудниками, дававшими громадныя богатства. Пуническія, македонская и сирійская войны доставили Риму несмѣтныя сокровища, которыя неизбѣжно должны были произвести большую перемѣну въ обычаяхъ римлянъ. Фамиліи оптиматовъ, въ особенности тѣ, которыя пристрастились къ новой образованности съ ея изящными формами быта, жили съ царской роскошью, соперничали между собою великолѣпіемъ обстановки и расточительностью. Вмѣсто прежнихъ домовъ аристократы строили себѣ великолѣпные дворцы, окруженные садами и парками, украшенные изящной посудой и мебелью, коврами съ золотыми узорами, пурпурными покрывалами, бронзовыми сосудами художественной работы, взятыми въ добычу или купленными рѣдкостями разныхъ странъ, всяческими богатствами цивилизованной жизни; пріобрѣтали себѣ обширныя помѣстья (latifundia) съ великолѣпными сельскими домами; держали толпы всяческихъ рабовъ: — «дешевыхъ» сардинцевъ, другихъ грубыхъ, полудикихъ людей изъ нецивилизованныхъ горныхъ странъ для черной домашней службы; образованныхъ, изящныхъ грековъ и азіатцевъ, которые были у своихъ господъ секретарями, чтецами, учителями дѣтей, управляющими, лакеями, поварами, служителями за столомъ и многіе изъ которыхъ покупались за очень дорогую цѣну. Аристократы дѣлали себѣ дорогое платье, имѣли множество серебряной посуды, драгоцѣнныя ложа, наслаждались роскошными пирами, на которыхъ было множество изысканныхъ кушаній, дорогихъ винъ, привозимыхъ изъ отдаленныхъ мѣстъ, предавались всяческимъ удовольствіямъ, съ какими познакомились у побѣжденныхъ народовъ. Въ прежнія времена домохозяйка сама пекла хлѣбъ и готовила кушанья, теперь этимъ занимались по правиламъ искусства повара и хлѣбопеки; на пирахъ были «по греческому обычаю» разныя развлеченія: игра въ кости, хоры арфистокъ, пѣвцовъ и пѣвицъ, оркестры; рабы, прислуживавшіе на пирахъ, были одѣты великолѣнно. Напрасны были всѣ попытки ограничить роскошь и расточительность законами, установлявшими, что не должно быть приглашаемо болѣе опредѣленнаго числа гостей, не должно быть издерживаемо на пиръ болѣе опредѣленной суммы денегъ; духъ вѣка былъ сильнѣе всякихъ законовъ, любовь къ роскоши и наслажденію находила средства избѣгать стѣсненій.

Роскошь женщинъ.

Въ особенности женщины предавались величайшей роскоши, щеголяли въ чрезвычайно богатыхъ нарядахъ. Катонъ, бывши консуломъ, хотѣлъ обуздать расточительность введеніемъ налога на предметы роскоши; но римскія матроны подняли формальный мятежъ и заставили отмѣнить даже

и прежній законъ противъ роскоши, воспрещавшій золотые уборы, пеструю одежду, шелковыя матеріи и дорогіе экипажи. Съ торжествомъ побѣдительницъ матроны, надѣвъ уже изготовленные заранѣе наряды, явились въ нихъ на форумъ.—Съ развитіемъ роскоши рушилась прежняя строгая нравственность семейной жизни. Старинные римскіе законы о бракѣ, отдававшіе жену въ полную власть мужу и отнимавшіе у нея всякую имущественую самостоятельность, были постепенно смягчены, или прямою отмѣною, или введеніемъ новыхъ формъ брака, отнимавшихъ силу у старыхъ законовъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ ослабѣлъ прежній строгій нравственный характеръ семейной жизни, брачный союзъ утратилъ прочность, и было положено начало развившемуся впослѣдствіи владычеству женщинъ испорченной нравственности.

Капиталисты и откупщики.

Чтобы пріобрѣтать богатства, нужныя для роскошной жизни, сановникамъ надобно было отбрасывать совѣстливость въ выборѣ средствъ обогащенія; честнымъ образомъ пріобрѣтать деньги сановники не могли, потому что всѣ высокія должности въ Римѣ считались почестями и сановники не получали никакого жалованья за исполненіе своихъ обязанностей. Они держали себя такъ, что возбуждали непрерывныя жалобы покровительствомъ спекуляціямъ на хлѣбъ, ростовщикамъ, обманамъ поставщиковъ, вообще своею продажностью, притѣсненіями, поборами. Огромные подарки отъ царей и подвластныхъ Риму городовъ вліятельнымъ членамъ аристократической корпораціи считались выраженіями должнаго уваженія къ римскимъ вельможамъ. И не только тотъ кругъ, изъ котораго избирались высшіе сановники, былъ зараженъ алчностью, члены богатаго всадническаго сословія, капиталисты извлекали выгоду себѣ изъ безконтрольнаго произвола римскихъ сановниковъ: принимая на себя поставки для войскъ, капиталисты обсчитывали государство *); они брали на откупъ взиманіе податей и пошлинъ, рудники, государственныя земли и, безстыдными притѣсненіями и обманами, какіе производили черезъ своихъ агентовъ, получали колоссальныя выгоды; для того, чтобы мелкіе агенты дѣйствовали съ раболѣпнымъ усердіемъ, откупщики (publicani) вообще брали ихъ изъ рабовъ и отпущенниковъ; капиталисты соединялись въ большія торговыя общества для покупки земель въ провинціяхъ и веденія хлѣбопашества и скотоводства въ широкомъ размѣрѣ; испрашивали себѣ выгодныя монополіи, основывали вексельные банки и ссудныя кассы, получали громадныя выгоды отъ торговли рабами и отъ работъ, на которыя употребляли массы невольниковъ.

*) Въ 212 году Постумій и его сотоварищи по коммерческимъ дѣламъ, заключивъ съ правительствомъ контракты о поставкахъ для войскъ, находившихся въ Испаніи, преднамѣренно утопили нѣсколько кораблей, нагруженныхъ самыми дешевыми товарами, и, показавъ, что товары были цѣнные, получили изъ казны вознагражденіе, далеко превышавшее стоимость потопленныхъ товаровъ. Правда впрочемъ, что народные трибуны подвергли главныхъ участниковъ обмана обвиненію передъ народнымъ собраніемъ, и они принуждены были уѣхать изъ Рима.

Невольничество.

Невольничество было тоже одною изъ язвъ, разъѣдавшихъ жизнь римскаго государства. Римляне уже издревле имѣли рабовъ. Это были военноплѣнные и служили у своихъ господъ землепашцами и пастухами, отчасти вытѣсняя свободныхъ наемныхъ работниковъ. Но со времени войнъ въ Африкѣ и въ Азіи количество невольниковъ у римлянъ увеличилось до такой степени, что домашняя прислуга состояла исключительно изъ рабовъ; во всѣхъ отросляхъ промышленности и въ большихъ сельскихъ хозяйствахъ работы велись невольническимъ трудомъ, даже государственныя постройки правительство сдавало подрядчикамъ, работниками у которыхъ были не наемные свободные люди, а невольники. Число военноплѣнныхъ оказывалось недостаточнымъ для удовлетворенія надобности въ рабахъ, и дѣлались разбойническія нападенія, облавы на людей, какъ на дикихъ животныхъ, для пополненія невольническихъ рынковъ; торговля невольниками стала самымъ выгоднымъ коммерческимъ дѣломъ, самой любимой спекуляціей капиталистовъ.

Въ Италіи сельское хозяйство все еще производилось въ значительной пропорціи трудомъ свободныхъ людей; невольники были помощниками вольнонаемныхъ. Такимъ образомъ въ Италіи еще были нѣкоторыя границы употребленію невольническаго труда; невольниковъ держали на свободѣ, не въ оковахъ; иногда невольнику давали клокъ земли, на которомъ онъ самостоятельно велъ хозяйство, отдавая господину часть продуктовъ. Но въ провинціяхъ вся работа по скотоводству, по хлѣбопашеству, по воздѣлкѣ садовъ и плантацій была производима невольническимъ трудомъ, и выгодность этой системы для господъ постепенно склоняла къ ея принятію богатыхъ землевладѣльцевъ въ Италіи.

Невольничество въ Сициліи.

Особенно широкъ былъ размѣръ употребленія невольническаго труда въ Сициліи. Плодородіе почвы и близость этой провинціи къ Риму рано привлекли въ нее спекулянтовъ. Богатые капиталисты скупали, или брали въ аренду государственныя земли и значительную часть частной поземельной собственности, завели большія хозяйства, воздѣлывали нивы, насадили оливковыя плантаціи, держали большія стада; землепашцами, садовниками, пастухами у нихъ были невольники, толпы которыхъ работали подъ строгимъ наблюденіемъ свирѣпыхъ надзирателей. Сицилія стала „житницею Рима“; прибыль капиталистовъ отъ этой системы хозяйства была громадна, потому воздѣлываніе земли невольническимъ трудомъ принимало въ Сициліи все болѣе и болѣе широкій размѣръ, число рабовъ увеличивалось тамъ съ года на годъ; капиталисты покупали ихъ на другихъ рынкахъ, привозили въ Сицилію и держали въ оковахъ.

Земля, принадлежавшая городу Леонтинамъ, конфискованная и сдаваемая въ аренду цензорами, составляла болѣе 7.000 десятинъ; она была раздѣлена на 84 участка, и почти всѣ эти участки были въ арендѣ у римскихъ вельможъ.

Развитіе торговли невольниками.

Когда римляне овладѣли частью Малой Азіи, торговля невольниками получила громадный размѣръ. Критскіе и киликійскіе морскіе разбойники привозили захваченныхъ ими людей въ Делосъ и на другіе рынки и пріобрѣтали огромныя суммы, продавая ихъ итальянскимъ торговцамъ невольниками. Выгодность этого промысла для разбойниковъ подвергла страшному бѣдствію греческіе острова и прибрежья Малой Азіи: пираты охотились тамъ за людьми, какъ за животными; еще никогда не бывало такъ ужасно состояніе населенія этихъ мѣстностей. Римскіе откупщики и правители покровительствовали морскимъ разбойникамъ, дѣлившимся съ ними прибылью.

Сирійцы считались тогда, какъ теперь негры, самой выносливой расой, самой пригодной для тяжелой работы. Говорятъ, что въ Делосъ, получившій отъ римлянъ права порто-франко, было однажды привезено въ одинъ день 10,000 невольниковъ: утромъ они были сведены съ кораблей на берегъ, а ко времени солнечнаго заката были уже всѣ проданы. Виѳинскій царь однажды объявилъ, что не можетъ послать римлянамъ требуемое ими количество людей на службу, потому что всѣ мужчины способные къ работѣ уведены изъ его царства откупщиками.

Невольники были стадами продаваемы землевладѣльцамъ, въ помѣстьяхъ которыхъ вели жизнь страшно тяжелую. На нихъ клали клейма, и они съ цѣпями на ногахъ днемъ исполняли тяжелую сельскую работу подъ наблюденіемъ безжалостныхъ надзирателей, а на ночь ихъ запирали въ общія помѣщенія, подобныя темницамъ (ergastulum), крѣпкіе подвалы, часто подземные, съ маленькими окнами вверху. Овидій и Тибуллъ слыхали пѣніе этихъ несчастныхъ, сопровождавшееся звономъ ихъ цѣпей, говорили о томъ, что «страданія ихъ велики». Оковы и наложеніе клеймъ первоначально были можетъ быть только наказаніемъ за проступки, за попытки бѣжать; но скоро стало общимъ правиломъ предотвращать этими средствами побѣги невольниковъ, употребляемыхъ на полевыя работы. Наказаніемъ за побѣгъ была невольнику смерть на крестѣ. Если невольникъ убивалъ господина, то всѣ невольники этого господина были подвергаемы смерти. Чтобы получить отъ невольниковъ сознаніе въ ихъ проступкахъ или улики противъ другихъ, ихъ мучили ужаснѣйшими пытками. Не удивительно, что они платили своимъ мучителямъ смертельною ненавистью, о которой свидѣтельствуетъ римская поговорка: «сколько рабовъ, столько враговъ»; естественно было, что они иногда пытались освободиться отъ своего ужаснаго положенія, дѣлали возстанія.

Первая невольническая война въ Сициліи. 136—133. «Царь» Эвнъ.

Въ 136—133 годахъ вспыхнуло въ Сициліи страшное возстаніе; толпа сельскихъ рабовъ близъ города Энны убила своего суроваго господина, Дамофила, сбросила его жену со скалы въ пропасть, овладѣла Энною и стала призывать всѣхъ невольниковъ къ свободѣ. По всей Сициліи рабы массой возстали противъ господъ. Сиріецъ Эвнъ, считавшійся у своихъ товарищей пророкомъ и чудотворцемъ, сталъ во главѣ бунта;

отовсюда сходились подъ его знамя полудикіе пастухи горъ и бѣдняки, страдавшіе отъ алчности плантаторовъ. Невольникъ Клеонъ, уроженецъ Киликіи, бывшій на родинѣ знаменитымъ разбойникомъ, пришелъ съ своимъ отрядомъ къ Эвну въ Агригентъ; соединенными силами они разбили войско пропретора; Эвнъ принялъ титулъ царя. Скоро вся Сицилія была во власти мятежниковъ. Эвнъ, принявшій вмѣстѣ съ царскимъ титуломъ имя Антіоха, имѣлъ подъ своими знаменами 70000 вооруженныхъ людей. Два года онъ успѣшно сражался съ консулами, водившими войска на него. Съ трудомъ одолѣли римляне возстаніе; свирѣпости наказанія были ужасны. Взявъ главный оплотъ инсургентовъ, Энну, упорно оборонявшуюся и побѣжденную не столько силою оружія, сколько голодомъ, консулъ Публій Рупилій распялъ на крестѣ 20000 человѣкъ и возстановилъ спокойствіе желѣзнымъ терроризмомъ. Убыль въ числѣ рабовъ скоро была пополнена покупкою новыхъ, привозимыхъ морскими разбойниками, и раздраженные убытками господа удвоили свою жестокость. Они забирали массами въ рабы свободныхъ пастуховъ и другихъ работниковъ.

Вторая невольническая война въ Сициліи. 103—98. «Царь» Сальвій.

Но жестокость произвела черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ новый кровопролитный мятежъ. Послѣ погибели Гракховъ, землевладѣльцы, подъ покровительствомъ восторжествовавшей аристократіи, стали безчеловѣчно притѣснять бѣдняковъ и мучить невольниковъ; эксплоатировали свои огромныя помѣстья въ Сициліи безпощаднымъ образомъ; рабы снова подняли мятежъ. Главою инсургентовъ и на этотъ разъ явился сирійскій невольникъ Сальвій, принявшій титулъ царя и назвавшій себя Трифономъ, по имени одного изъ сирійскихъ царей. Инсургенты овладѣли всею мѣстностью между Энной и Леонтинами, обратили въ бѣгство составленное изъ сицилійцевъ войско римскаго правителя, взяли бы городъ Морганцію, еслибы граждане не убѣдили находившихся въ немъ рабовъ сражаться противъ возставшихъ сотоварищей по рабству, обѣщавъ за это свободу. Городскіе рабы храбро отбили приступъ инсургентовъ. Господа не исполнили обѣщаніе освободить ихъ. Черезъ нѣсколько времени царь Трифонъ пріобрѣлъ хорошаго помощника въ киликійцѣ Атеніонѣ, который, подобно Клеону, былъ въ своихъ родныхъ горахъ знаменитымъ предводителемъ разбойниковъ и считался пророкомъ и звѣздочетомъ. Онъ былъ человѣкъ храбрый, опытный воинъ; военными талантами и кротостью онъ внушалъ такое довѣріе къ себѣ, что къ нему шли массами не только невольники, но и свободные бѣдняки. Подъ начальствомъ его и Трифона инсургенты владычествовали надъ всей Сициліей, кромѣ укрѣпленныхъ городовъ, и нѣсколько лѣтъ сражались съ римскими войсками, которыя водили на нихъ одинъ за другимъ три консула. Только, когда Трифонъ умеръ и Атеніонъ былъ убитъ въ сраженіи проконсуломъ Маніемъ Аквиліемъ, римляне одолѣли остатки инсургентовъ. Послѣ отчаянной обороны, во время которой множество мятежниковъ умерло отъ голода, всѣ возставшіе невольники были истреблены, и спокойствіе возстановилось на обѣднѣвшемъ, опустошенномъ островѣ.

Атеніонъ.

98.

Распространеніе системы невольническаго труда.

Веденіе работъ невольническимъ трудомъ не ограничивалось Сициліею; по плодородію почвы этого острова и по близости его къ Риму, онъ былъ особенно привлекателенъ для капиталистовъ и тамъ раньше другихъ областей они ввели систему исполненія сельскихъ работъ толпами невольниковъ; при этомъ способѣ хозяйства они получали громадную прибыль отъ продажи хлѣба, шерсти, другихъ сельскихъ продуктовъ и, при расширеніи римскихъ владѣній, распространили ту-же самую систему на новыя провинціи. В Испаніи разработка рудниковъ и добываніе смолы производились по большей части невольническимъ трудомъ. Какъ воздѣлывали нивы и пасли стада въ Испаніи рабы римскихъ господъ, такъ и въ испанскихъ рудникахъ работали они, подъ наблюденіемъ надзирателей. Серебряные рудники Аттики и далматское прибрежье тоже стали мѣстомъ примѣненія невольническаго труда. Близость Далмаціи къ Риму дѣлала выгоднымъ предпріятіемъ употребленіе капиталовъ на веденіе хлѣбопашества и скотоводства въ широкомъ размѣрѣ; работниками были рабы, привозимые изъ

Испанія.

Далмація.

Италія. других земель. Мы увидимъ, что съ теченіемъ времени веденіе хозяйства невольническимъ трудомъ распространилось и на Италію: капиталисты обратили огромныя пространства земли въ горахъ и на равнинахъ ея въ пастбища, на которыхъ развели большія стада овецъ, козъ, рогатаго скота, табуны лошадей и муловъ; стада и табуны стерегли вооруженные рабы частью пѣшіе, частью конные; богатые землевладѣльцы постепенно ввели систему невольническаго труда и въ хлѣбопашество, винодѣліе, добываніе оливковаго масла. Невольники были большею частью привезенные въ Италію изъ другихъ земель; торговля рабами была однимъ изъ любимыхъ занятій капиталистовъ и распространилась по всему римскому государству. Цѣна невольника, покупаемаго для сельскихъ работъ, опредѣлялась его физическою силой; во всѣхъ отрасляхъ промышленности массу работниковъ составляли рабы.

Ростовщики. Судьба щедро дала Риму колоссальное могущество, несмѣтныя богатства; но Римъ походилъ на бездну, которой не могли наполнить никакія сокровища. Люди, утопавшіе въ роскоши, часто нуждались въ деньгахъ, и рядомъ съ ними жила масса бѣдняковъ; потому развилось у капиталистовъ занятіе отдачею денегъ въ займы, и ростовщики богатѣли, раззоряя другихъ людей. Никогда ихъ промыселъ не достигалъ размѣра болѣе широкаго, чѣмъ въ Римѣ. Равноправность гражданъ, подорванная возникновеніемъ особаго правительствующаго сословія, еще сильнѣе разрушалась распаденіемъ націи на сословіе людей богатыхъ, крупныхъ землевладѣльцевъ, промышленниковъ и обѣднѣвшую массу свободныхъ людей, не имѣвшихъ ни земельной собственности, ни самостоятельнаго промысла. Сила римскихъ капиталистовъ помогала оружію легіоновъ и твердой политикѣ сената покорять народы. Орудіемъ обмѣна во всѣхъ провинціяхъ была римская монета. Римскіе банкиры и коммерческія товарищества на паяхъ, владычествовали надъ всемірною торговлей и денежнымъ рынкомъ всѣхъ частей государства.

Общій выводъ. Но какъ ни велики были недостатки общественнаго устройства въ римскомъ государствѣ временъ пуническихъ и македонскихъ войнъ, римляне послѣдующихъ временъ считали этотъ періодъ золотымъ вѣкомъ римскаго государства и находили, что темныя стороны тогдашняго быта служили только къ тому, чтобы ярче обрисовывались блестящія стороны его. И дѣйствительно, въ римскомъ государствѣ было тогда много такого, что заслуживаетъ уваженія: цензоры вели общественныя сооруженія въ громадныхъ размѣрахъ; достойны удивленія большія дороги, соединявшія Римъ съ равниною По, съ Этруріею и Умбріею,—Фламиніева, Эмиліева; таково же было продолженіе Аппіевой дороги отъ Капуи до южнаго конца Италіи; таковы же были дорога по приморью Брундизія до Аквилеи и многія другія. Были построены величественныя зданія, напримѣръ: Порціева базилика на форумѣ, огромная колоннада, которую возвелъ Катонъ, когда былъ цензоромъ и часть которой занимали великолѣпные магазины, другую часть правительство оставило для общественныхъ дѣлъ; были сооружены колоссальные водопроводы, большіе каналы, насыпи для проложенія дорогъ, мосты, клоаки; громадными работами были осушаемы болота; чеканка монеты, даже мѣдной, была превосходная. Думая обо всемъ этомъ, нельзя не удивляться широкости мыслей и твердости воли римскаго народа, неутомимо заботившагося объ улучшеніи своего быта. Правда, римскія сооруженія, при всей своей колоссальности, не были такъ велики, чтобы закрыть развалины Карѳагена и Коринѳа; а спокойствіе, какое сохраняла римская государственная жизнь, удерживая старыя формы, не соотвѣтствовавшія новымъ условіямъ быта, казалось людямъ проницательнаго ума только затишьемъ передъ бурей. Распаденіе между сословіемъ нобилей и демократіей, между населеніемъ города Рима и римскими союзниками, латинами и италійцами, становилось все болѣе рѣзкимъ; дѣятельность правительства была ослабляема демагогическими интригами, вмѣшательствомъ народнаго собранія въ администрацію, и можно было видѣть, что въ этихъ элементахъ разстройства лежатъ зародыши соціальной борьбы, такой бурной и ожесточенной, что сравнительно съ нею прежняя борьба между плебеями и патриціями будетъ казаться лишь слабой, мелкой ссорой.

2. Образованность и литература.

Перенесеніе греческой культуры въ Римъ. Войны съ карѳагенянами и знакомство съ греческимъ міромъ произвели сильный переворотъ не только въ государственной жизни, общественномъ устройствѣ и правахъ римлянъ: измѣнились и понятія ихъ, получили новый характеръ ихъ религіозныя представленія, измѣнилась и развилась умственная жизнь ихъ; побѣдители взяли у побѣжденныхъ не одни только матеріальныя сокровища, заимствовали у нихъ не только удовольствія и наслажденія, изящество домашней обстановки, роскошь одежды и обѣдовъ, свѣтскую деликатность обращенія, пороки испорченной цивилизаціи; они усвоили себѣ и религіозныя понятія грековъ, ознакомились съ ихъ наукой; въ свою прежнюю италійскую религію они внесли иноземные культы и таинства, обогатили свою умственную жизнь сокровищами греческой философіи, поэзіи, искусства; заимствовали у грековъ великолѣпныя формы храмовъ и колоннадъ. Правда, греческій міръ находился тогда уже не въ прекрасномъ періодѣ процвѣтанія, развитія; его культура уже достигла періода зрѣлости, пережила его, и многіе изъ ея плодовъ изсохли или подверглись гніенію; корни ея и приносимыя ею сѣмена были заражены; но она все еще оставалась такъ богата, что изобиліе и разнообразіе продуктовъ ея импонировали народу воиновъ и земледѣльцевъ, пробудили въ немъ новыя чувства, наполнили его умъ новыми мыслями, такъ что понятія, на-

слѣдованныя отъ предковъ, были преобразованы и закрыты полученными отъ иноземцевъ. Греческая культура и религія проникали въ Римъ уже и во времена царей, но ихъ вліяніе было еще не такъ сильно, чтобъ измѣнять направленіе національнаго развитія и подавлять національную культуру. Римская государственная религія приняла въ себя много греческихъ элементовъ, но сохранила свой особенный самобытный характеръ. Не то стало послѣ покоренія Греціи: Римъ сталъ съ той поры получать характеръ государства греческой культуры. Туземный языкъ не замѣнился греческимъ, какъ было въ одряхлѣвшихъ государствахъ востока, національныя преданія не были забыты; но знаніе греческаго языка, литературы, искусства, философіи, усвоеніе греческихъ понятій стали необходимостью для образованныхъ классовъ. Покоривъ греческій міръ, завоеватели со стыдомъ увидѣли, что ихъ умственная жизнь бѣдна и суха, понятія очень узки, спѣшили пополнить свою скудость, почерпая изъ обильнаго источника греческихъ искусства и науки; и вотъ мы видимъ, что народъ, побѣжденный римлянами на поляхъ битвъ, побѣдилъ своихъ могучихъ завоевателей въ домашней и общественной жизни, въ храмѣ и театрѣ, въ литературѣ и наукахъ *). Много содѣйствовало побѣдѣ греческой культуры то самое, что Римъ сталъ владыкою громаднаго государства. Скудная деревенская образованность римской старины не давала понятій, необходимыхъ для управленія покоренными народами, для установленія порядка въ громадномъ государствѣ. Повелѣвая побѣжденными народами и царями, римляне должны были являться передъ ними, какъ люди, не менѣе образованные, чѣмъ они. Страхъ, внушенный римскимъ оружіемъ нуждался въ опорѣ, которую могло давать только уваженіе къ уму, къ образованности побѣдителей. Но не одна политическая необходимость заставила Римъ быстро усвоить себѣ греческую культуру; много содѣйствовало побѣдѣ новой образованности то, что сила умственнаго развитія грековъ внушала почтеніе военному народу, имѣвшему мало знаній; римляне были любознательны, у нихъ была способность усвоивать себѣ умственныя пріобрѣтенія другихъ народовъ, имъ понравились наслажденія умственной дѣятельности. Греко-римскій космополитизмъ скоро сталъ умственною атмосферою Лаціума и провинцій.

---

*) Горацій, Epid. II, I, 115 и слѣд.

«Побѣжденная Греція покорила побѣдителя, внося искусство въ Лаціумъ, страну поселянъ; исчезъ неуклюжій сатурнинскій стихъ, его непріятная грубость замѣнилась изяществомъ. Но долго оставались и теперь еще остаются — слѣды прежней римской необразованности; потому что лишь недавно — только по наступленіи отдыха послѣ пуническихъ войнъ — римляне обратили свой умъ на изученіе греческой литературы, стали искать прекраснаго у Ѳесписа, Эсхила и Софокла, стали пытаться, не съумѣютъ ли достойнымъ образомъ подражать имъ».

Иноземные культы.

Наиболѣе вредный характеръ имѣла та иноземная примѣсь, которая вошла въ римскую государственную религію. Въ началѣ этого тома нашей книги мы ознакомились съ постепеннымъ развитіемъ римскихъ вѣрованій и религіозныхъ обрядовъ; мы видѣли, что греческія божества и миѳы, формы богослуженія и праздники рано стали проникать въ Римъ изъ Кампаніи и южной Италіи и сливались въ римской государственной религіи съ старо-италійскими элементами. Теперь и въ слѣдующихъ періодахъ было введено въ систему римской религіи много новыхъ культовъ. Подобно тому, какъ римскіе полководцы брали изъ греческихъ храмовъ статуи для украшенія своихъ дворцовъ и виллъ, были перенесены въ Римъ и слились съ національной религіею религіозныя представленія грековъ; весь міръ божествъ Олимпа вошелъ въ римскія вѣрованія. Были переносимы въ Римъ даже азіатскіе и африканскіе культы. Онъ сдѣлался столицею міра; потому римляне полагали, что должны дать мѣсто въ немъ божествамъ всѣхъ подвластныхъ ему народовъ. Издавна былъ у нихъ обычай приглашать божества покоренныхъ народовъ поселиться въ Римѣ.

Перенесеніе культа Кибелы въ Римъ. 204.

Еще во время второй пунической войны, — передъ концемъ ея — фригійская богиня горы Иды, «мать боговъ» была принята въ число божествъ государственной религіи римскаго народа. Перевезеніе въ Римъ необдѣланнаго камня, который пессинунтскіе жрецы называли вѣрнымъ изображеніемъ матери боговъ Кибелы, и введеніе мистическаго, щумнаго, сладострастнаго культа ея, появленіе оскопленныхъ и нищенствующихъ жрецовъ, служителей этого культа, называвшихся галлами, было началомъ слиянія всяческихъ религій и богослужебныхъ обрядовъ въ Римѣ; результатомъ перенесенія всяческихъ иноземныхъ суевѣрій въ Римъ было то, что старинные культы, праздники и невинныя жертвы были вытѣснены или искажены греческими и восточными миѳами, тайноученіями, символами, прорицаніями и т. д. Великій мегалесскій праздникъ Матери боговъ, длившійся пять дней, сопровождался фантастическими процессіями и символическими обрядами дикаго экстаза, какъ мы ужь описывали (II, 370). Но сенатъ положилъ нѣкоторую границу этому сумасбродству постановленіемъ, что кастрированными жрецами Матери боговъ могутъ быть только иностранцы, а римскимъ гражданамъ воспрещается поступать въ ихъ число. Впрочемъ, впослѣдствіи, когда возникъ обычай ѣздить на поклоненіе въ Пессинунтъ и другія святыя мѣста Востока, стали принимать на себя жреческое служеніе Кибелѣ и римскіе граждане.

Культъ Бахуса. 186.

Культъ Кибелы былъ вреднымъ для римскихъ нравовъ нововведеніемъ; но еще гибельнѣе для нихъ было перенесеніе культа Бахуса (Вакха), произошедшее черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того. Заимствованное изъ деморализованныхъ греческихъ городовъ, это служеніе внесло въ Римъ мистическіе обряды сладострастнаго характера. Культъ божества, бывшаго символомъ смерти и возрожденія растительности, давно сталъ въ греческихъ городахъ, изъ которыхъ заимствовали его римляне, средствомъ предаваться тайному разврату; обряды праздниковъ Бахуса совершались по ночамъ; женщины, собиравшіяся на тайныя торжества Бахуса, доводили себя на этихъ пирахъ до страстнаго чувственнаго возбужденія и въ религіозномъ экстазѣ забывали всякій стыдъ. Правительство ужаснулось, узнавъ о развратѣ, которому предаются посвященные въ таинства служители и служительницы Бахуса; мужчины и женщины, въ томъ числѣ сыновья и дочери знатнѣйшихъ людей, въ дикомъ экстазѣ ходили ночью по берегу Тибра процессіями съ факелами, и въ ихъ фанатическомъ религіозномъ обществѣ, быстро распространившемся по всей Италіи, получали религіозное освященіе всякія гнусности и злодѣйства: подъ покровомъ таинственныхъ обрядовъ люди развратничали, поддѣлывали завѣщанія, готовили отраву для родныхъ, смерть которыхъ была имъ нужна. Въ этихъ обвиненіяхъ вѣроятно было много преувеличенія и клеветы; римляне, по своей антипатіи къ тайнымъ, ночнымъ дѣламъ, могли давать слишкомъ мрачное истолкованіе фантастичному изувѣрству бакханалій; но въ культѣ Бакха несомнѣнно были элементы религіозной

и нравственной порчи, требовавшія принятія строгихъ мѣръ. Была назначена слѣдственная коммиссія; она вела розыскъ очень сурово; люди, найденные виновными—тутъ были и мужчины, и женщины, и говорятъ, ихъ было болѣе 7.000 человѣкъ—были казнены или подвергнуты тяжелому тюремному заключенію. Правительство хотѣло искоренить бакханаліи; задача была трудная, но оно дѣйствовало строго и твердо и достигло цѣли: искоренило бакханаліи и въ Римѣ и въ другихъ городахъ Италіи.

Невѣріе.

Но римляне заимствовали у грековъ не одно только суевѣріе съ его сладострастными тайными обрядами и митическою стилистикою; переходили изъ Греціи въ Римъ и философскія ученія, отрицавшія народную религію, проникали въ Римъ сомнѣніе и атеизмъ. Мы ужь говорили, что „Священная Исторія“ Эвгемера была переведена Энніемъ на латинскій языкъ (стран. 421); раціонализмъ Эвгемера, его прозаическое истолкованіе миѳовъ и символовъ тѣмъ легче принимались римлянами за правильное разъясненіе вѣрованій, что римская государственная религія была только системою религіозной формалистики, состояла только въ исполненіи обрядовъ по предписаннымъ формамъ; правительство и духовные сановники поддерживали эти обряды по политическому разсчету, но образованные люди давно поднялись выше ихъ. Катонъ уже говорилъ, что удивляется, какъ авгуръ можетъ смотрѣть на авгура безъ смѣха. Но старинные обряды и гаданія были тѣсно связаны съ государственною жизнью, потому правительство строго соблюдало ихъ.

Мнимая книга Нумы.

Въ 181 году была сдѣлана попытка поколебать старинные богослужебные обряды аллегорическими истолкованіями въ духѣ пиѳагорейцевъ. Нѣкто Петилій сталъ показывать книги, о которыхъ говорилъ, что нашелъ ихъ въ двухъ каменныхъ гробахъ у Яникула. Онѣ были написаны отчасти по-латыни, отчасти по гречески и содержали въ себѣ философскія объясненія римской государственной религіи. Преторъ велѣлъ бросить ихъ въ огонь.

Греческая философія въ Римѣ.

Но репрессивныя мѣры не могли охранить Римъ отъ вліянія новыхъ понятій; къ римлянамъ проникла греческая философія. Представители ея поселились въ Римѣ, основали тамъ школы для преподаванія своихъ системъ. Скептическое ученіе новой Академіи, выработанныя Аркезилаемъ и Карнеадомъ ученія Зенона и Эпикура (стран. 423), нашедшія много приверженцевъ въ образованныхъ классахъ римскаго общества, всѣ одинаково признавали народную религію суевѣріемъ, замѣняли ее философскимъ умозрѣніемъ. Подъ вліяніемъ приверженцевъ старины, сенатъ выслалъ изъ Рима первыхъ философовъ и риторовъ, начавшихъ преподавать тамъ. Это осталось безполезнымъ. Любознательные молодые люди могли почерпать философскія понятія въ самой отчизнѣ ихъ, ѣздили слушать курсы философіи въ Аѳины или въ Родосъ. Сципіонъ Эмиліанъ удостоилъ своей дружбы стоика Панетія, бралъ его съ собою во всѣ поѣздки и походы; благодаря тому, стоицизмъ сдѣлался въ Римѣ какъ будто государственной философіею, и ученики Зенона старались отплатить римлянамъ за это, приспособляя свою систему къ римскимъ понятіямъ, обычаямъ и учрежденіямъ.

Греческій языкъ и поэзія въ Римѣ.

Другимъ важнымъ слѣдствіемъ сближенія римлянъ съ греческимъ міромъ было возникновеніе римской литературы, появленіе латинскихъ подражаній произведеніямъ греческой поэзіи, перенесеніе міра греческой фантазіи въ Римъ. Мы уже говорили, что дѣти знатныхъ римлянъ учились греческому языку вмѣстѣ съ своимъ роднымъ; иначе и быть не могло: всѣ учители въ Римѣ были отпущенники или рабы, привезенные изъ областей или городовъ греческой культуры. Сначала знаніе греческаго языка ограничивалось фамиліями оптиматовъ; но по мѣрѣ того какъ Римъ становился столицею цивилизованнаго міра, центромъ эллинистическо-космополитской образованности, оно распространялось между римлянами другихъ сословій. Купцу, банкиру греческій языкъ сталъ такъ же необходимъ, какъ полководцу и правителю; изучать его римлянамъ было не трудно при многочисленности греческихъ рабовъ и отпущенниковъ въ Римѣ, потому знаніе его скоро стало всеобщимъ въ образованныхъ и полуобразованныхъ классахъ. Староиталійскія формы жизни, родной языкъ не вытѣснялись греческой культурою; напротивъ, латинскій языкъ получилъ болѣе высокое развитіе, благодаря знакомству съ греческимъ; по примѣру греческой, римляне начали вырабатывать латинскую грамматику. Но римлянинъ почти не могъ пріобрѣсти почетнаго положенія въ обществѣ, не усвоивъ себѣ космополитскаго эллленизма, гуманистическаго образованія. А для этого нужно было изучать греческихъ писателей, въ особенности поэтовъ; потому знакомство съ греческой литературой было принадлежностью знакомства съ греческимъ языкомъ. Истинное искусство, истинная поэзія сильно дѣйствуютъ на

Приверженцы греческой культуры.

душу; у римлянъ явилась любовь къ нимъ, пробудилось благородное стремленіе пересадить на родную почву прекрасныя иноземныя растенія; лучшая часть общества стала находить наслажденіе въ созданіяхъ греческой литературы, возвышалась душою, изучая ихъ; молодые люди знатнаго сословія усердно слушали читаемыя греческими преподавателями лекціи о поэзіи, курсы ораторскаго искусства и философіи. Вліятельнѣйшіе государственные люди—Сципіоны, Марцеллъ, Лелій, Фламининъ, Фульвій Нобиліоръ—любили греческое искусство, греческую поэзію и философію, покровительствовали греческимъ философамъ и другимъ ученымъ, возбуждали италійцевъ, получившихъ греческое образованіе, переводить греческихъ поэтовъ, писать въ ихъ духѣ. Побѣдивъ Персея, Эмилій Павелъ взялъ себѣ изъ всей добычи только библіотеку македонскихъ царей и въ его свитѣ пріѣхали въ Римъ живописцы и скульпторы. Такимъ образомъ возникла римская литература; первыя ея произведенія были переводы и передѣлки греческихъ произведеній; попытка Невія писать драмы изъ римскаго быта, создать «римскую драму» (fabula praetexta) не имѣла успѣха въ Римѣ; не имѣли его и другія попытки основать національную поэзію, какъ напримѣръ лирическія пьесы и поэмы Эннія.

Fabula togata.

Только провинціальная публика въ латинскихъ городахъ любила «италійскую комедію», fabula togata, пьесы которой писались, правда, по образу новой аттической комедіи, основанной на интригѣ, но изображали не греческій, а италійскій бытъ, такъ что дѣйствующія лица были одѣты въ тогу. Даровитѣйшимъ изъ авторовъ этихъ націо-

нальныхъ комедій древніе называютъ Титинія, которой былъ нѣсколько старше Теренція. Его пьесы рѣзко отличались отъ комедій изъ греческаго быта, нравившихся въ Римѣ, и изображали италійскую жизнь съ оригинальною свѣжестью. Правильнѣе по языку и формѣ но лишены мѣстнаго колорита были италійскія комедіи Луція Афранія; который жилъ нѣсколько позднѣе Титинія (около 90 года). Онъ подражалъ Менандру, изображалъ семейный бытъ средняго сословія.

Лирическая поэзія.

Лирическая поэзія почти вовсе не имѣла мѣста себѣ въ первоначальной римской литературѣ, потому что у грековъ того времени лирика была, какъ мы видѣли, слаба (стран. 411), а у италійцевъ не было особенной склонности къ пѣнію, и въ государственномъ богослуженіи римлянъ главную роль играла формалистика, не было мѣста поэзіи. Религіозныя пѣсни которыя пѣлись съ музыкою и танцами на процессіяхъ праздниковъ сельскихъ божествъ и старинныя пѣсни жрецовъ салійскихъ и арвальскихъ братьевъ (стран. 30, 34) не имѣли поэтическаго достоинства и замѣчательны лишь какъ безъискусственное выраженіе народнаго веселья, доходящаго до разгульности. Были у римлянъ пѣсни и легенды о знаменитыхъ людяхъ; мы знаемъ, что онѣ пѣлись съ аккомпаниментомъ флейтъ на пирахъ; другія пѣсни, называвшіяся неніями, пѣлись на похоронахъ уважаемыхъ гражданъ, выражали печаль о ихъ смерти, прославляли ихъ дѣла; но точныхъ извѣстій объ этихъ пѣсняхъ и легендахъ мы не имѣемъ. И такъ, въ Римѣ стала господствовать греческая поэзія, греческій литературный вкусъ, какъ въ Аѳинахъ и въ Александріи. Монотонные, грубые старинные размѣры стиха были вытѣснены разнообразными, многосоставными греческими размѣрами; это было большимъ прогрессомъ: художественность ритмовъ возбуждала поэтическое настроеніе.

Драматическая поэзія.

Болѣе другихъ видовъ поэзіи развилась въ этомъ періодѣ у римлянъ драма, собственно лишь комедія. Трагедія была не въ модѣ у грековъ александрійскаго періода. Римляне подражали комедіямъ Менандра, Филемона, Дифила (II, 589). Кромѣ этого, они не безъ нѣкотораго успѣха писали эпическія поэмы, занимавшія средину между героическимъ эпосомъ и историческимъ разсказомъ. Но римскіе театры были только большіе балаганы, положеніе актеровъ и драматурговъ у римлянъ было не таково, чтобы театръ могъ получить у нихъ высокое общественное значеніе, не допускалъ этого и грубый вкусъ римской публики.

Римскій театръ.

У грековъ театры были великолѣпнѣйшими зданіями городовъ. А въ Римѣ сначала только строили на праздники сколоченныя изъ досокъ настилки на подмосткахъ; скамей для публики не было, передъ сценою дѣлали загородку; въ загородкѣ толпились, безъ всякаго разбора, мужчины, женщины, дѣти; эта публика стояла или сидѣла на землѣ, выражала свое одобреніе или неудовольствіе аплодисментами или свистомъ. Потомъ, около 187 года, были отдѣлены особыя мѣста для сенаторовъ. По разрушеніи Коринѳа былъ построенъ театръ по греческому образцу, въ сообразной съ законами акустики формѣ, съ сидѣньями для публики. Въ 67 году были отдѣлены въ немъ особыя мѣста и для всадниковъ, передъ самой сценою, гдѣ у грековъ помѣщалась орхестра, на которой пѣлъ и ритмически ходилъ хоръ. Онъ исчезъ изъ новой греческой комедіи, и у римлянъ не было его.—У грековъ первые люди въ государствѣ заботились о постановкѣ хорошихъ драмъ, не жалѣя на это ни денегъ, ни личныхъ заботъ; драматургами были граждане, состязавшіеся между собою о наградѣ за лучшее произведеніе; все общество интересовалось

тѣмъ, кому будетъ присуждена награда; судьями были люди высокаго общественнаго положенія; получить награду было великою честью; драматурги и актеры были люди уважаемые обществомъ, такъ что нерѣдко имъ поручались важныя государственныя дѣла. Въ Римѣ театромъ завѣдывалъ отпущенникъ; онъ набиралъ актеровъ большею частью изъ рабовъ, такъ что званіе актера у римлянъ было презираемою, «безчестящею» профессіей, не доставляло и порядочнаго вознагражденія; свободный римскій гражданинъ не унижался до ремесла драматурга или актера. Труппа актеровъ называлась «стадомъ» (grex); есть извѣстія, что за плохую игру или другіе театральные проступки наказывали актеровъ розгами, палками. Понятно, что при такомъ положеніи дѣла публика не держала себя прилично. Въ 167 году игра греческихъ флейтистовъ не понравилась публикѣ; завѣдующій спектаклемъ велѣлъ имъ бить другъ друга палками, и публика была въ восторгѣ отъ этого зрѣлища. Позднѣйшіе римскіе драматурги жалуются, что публика массой уходитъ изъ театра, когда гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ начинается представленіе фокусниковъ, акробатовъ, кулачныхъ бойцовъ или гладіаторскій бой. Только въ VII и VIII столѣтіяхъ отъ основанія Рима театръ у римлянъ получилъ обстановку, сообразную съ условіями спектаклей цивилизованнаго народа: хорошія декораціи, механическія приспособленія для ихъ перемѣны; улучшилась и игра актеровъ.

Недостатокъ уваженія къ поэзіи.

Массѣ римлянъ больше греческой драмы нравились старыя италійскія шутовскія пьесы, наполненныя грубыми остротами и называвшіяся ателланскими и фесценнинскими представленіями, по именамъ маленькихъ городовъ Ателлы и Фесценія, представленія фокусниковъ, бой гладіаторовъ, бой съ дикими звѣрями; греческая комедія, даже въ своей сравнительно плохой новой формѣ, была для римской публики слишкомъ изящна и высока, потому навсегда осталась экзотическимъ растеніемъ, неукоренившимся на римской почвѣ, чуждымъ народной жизни; даже римляне высшаго сословія, занятые походами, администраціею, судопроизводствомъ, мало заботившіеся о нравственномъ развитіи, не имѣли душевнаго влеченія къ идеальному міру поэзіи, цѣнили греческую литературу главнымъ образомъ какъ развлеченіе; она была у нихъ средствомъ для щегольства образованностью, а не предметомъ сердечной любви, не путемъ къ облагороженію чувства. Большая часть произведеній римской литературы того времени погибла, какъ погибли греческіе образцы ея. Но отъ римской комедіи сохранилось столько пьесъ, что по нимъ не только можно судить о ея общемъ характерѣ, но и о погибшихъ греческихъ комедіяхъ, подражаніями которымъ были римскія.

Характеръ римской комедіи.

Во второмъ томѣ нашей книги (стр. 588) мы дали характеристику новой аттической комедіи, изображавшей испортившуюся греческую жизнь того времени; мы видѣли, что въ этой комедіи не было никакихъ высокихъ мотивовъ, не было поэтическихъ идеаловъ, что она съ точностью воспроизводила тогдашнюю дѣйствительность во всей ея вялости, упадокъ семейныхъ связей въ кругу средняго сословія, мелочность его интересовъ, обыденныя его радости и огорченія, хорошія и дурныя качества дюжинныхъ людей, что содержаніе этихъ пьесъ вращалось около любовныхъ отношеній болѣе или менѣе пошлаго характера, что планъ пьесъ основанъ на замысловатости интриги. Всѣ эти черты принадлежатъ и римской комедіи; она изображаетъ тотъ же самый бытъ; она не передѣ-

лывала греческое содержаніе сообразно италійскимъ нравамъ, не приспособляла его къ италійскимъ интересамъ жизни, не переносила дѣйствіе въ Италію; нѣтъ, она переносила зрителя въ иноземную мѣстность, чаще всего въ Аѳины; дѣйствующія лица въ ней греки и гречанки, обыкновенные люди изнѣженнаго, нравственно-слабаго большого греческаго города; эти отцы и матери, сыновья и дочери любятъ наслажденія, чужды сильныхъ страстей и пороковъ, чужды и высокихъ нравственныхъ достоинствъ, идеальныхъ стремленій; въ этомъ кругу интригуютъ хитрые рабы, посвященные во всѣ тайны его, чего вовсе не допускали римскіе нравы; вертятся паразиты, которые за позволеніе пообѣдать отдаютъ себя на жертву всяческимъ насмѣшкамъ хозяевъ и гостей, алчные сводники, торговцы дѣвушками, хвастливые наемные воины, гетеры, танцовщицы, продажныя женщины всякаго рода. Актеры играли въ маскахъ; женскія роли исполнялись переодѣтыми мужчинами. Одежда дѣйствующихъ лицъ была греческая, потому и пьесы эти назывались комедіями, въ которыхъ костюмъ дѣйствующихъ лицъ—греческій (fabula palliata); даже деньги, о которыхъ много говорится въ нихъ, греческія; словомъ, все драматическое дѣйствіе движется на иноземной почвѣ, изображаетъ иноземный бытъ, иноземныхъ людей, иноземные нравы и профессіи, вообще лишено всякихъ отношеній къ римскимъ или италійскимъ обычаямъ и дѣламъ, чуждо всѣмъ италійскимъ интересамъ. Насмѣшка надъ плохимъ латинскимъ языкомъ пренестинцевъ—исключеніе; въ Cistellaria упоминается, что этрусскія дѣвушки пріобрѣтаютъ себѣ приданое, торгуя своею любовью; въ другомъ случаѣ упоминается, что по взятіи Капуи римляне переселили кампанцевъ въ такія нездоровыя мѣстности, гдѣ едва могутъ жить даже сирійскіе невольники; у Плавта изображается шумная жизнь на форумѣ *);—но все это лишь исключенія, очень рѣдкія. Вообще римская комедія совершенно безцвѣтна, и сатирическій элементъ въ ней очень слабъ. Намеки на современныя событія или пороки римскаго общества очень неопредѣленны, да и тѣхъ очень мало. Правительство вѣроятно строго наблюдало за театромъ и не церемонилось съ актерами, набиравшимися изъ рабовъ и отпущенниковъ. Эдили покупали пьесы; плата была ничтожная, но и тою дорожили драматурги, люди очень бѣдные; понятно, что эдили покупали только тѣ пьесы, какія одобряли, и что драматурги были совершенно въ ихъ рукахъ. Невій попробовалъ изобразить въ комедіи римскій бытъ и вставилъ въ нее намеки, возбуждавшіе интересъ публики; онъ поплатился за то тюрьмою, отъ которой отдѣлался лишь, загладивъ свой проступокъ двумя другими комедіями; это былъ урокъ, способный удержать отъ подражанія ему. Гораздо менѣе комедіи извѣстна намъ римская трагедія: ни одной пьесы этого рода не уцѣлѣло; отрывки, дошедшіе до насъ, такъ малочисленны и такъ незначительны по объему, что не даютъ опоры для точныхъ сужденій. Подобно тому, какъ въ комедіи римляне передѣлывали пьесы Менандра, Филемона и Дифила, въ трагедіи они подражали Эврипиду и его преемникамъ, и отчасти переводили ихъ произведенія буквально, выпуская или урѣзывая хоры. Они особенно любили брать пред-

Трагедія.

*) Только въ прологахъ, излагающихъ обстоятельства, которыя нужно знать для легкости пониманія пьесы, поэтъ иногда касается римской жизни; такъ напримѣръ, въ концѣ пролога къ пьесѣ Cistellaria онъ говоритъ:

«Преуспѣвайте и побѣждайте по прежнему вашей храбростью! Сохраняйте сподвижниковъ, увеличивайте справедливостью число вашихъ союзниковъ! Сокрушайте враговъ, накажите пунійцевъ»!

меты для трагедій изъ круга сказаній о троянской войнѣ, потому что римскій народъ твердо вѣрилъ въ свое происхожденіе отъ Энея и его спутниковъ.

Ливій Андроникъ. 272—207.

Первымъ римскимъ драматургомъ называютъ Ливія Андроника, греческаго актера, уроженца Тарента; по взятіи его родного города римлянами во вторую пуническую войну, онъ былъ приведенъ въ Римъ плѣнникомъ, рабомъ; былъ учителемъ дѣтей Ливія Салинатора; въ благодарность за хорошее преподаваніе, Ливій далъ ему свободу. Онъ писалъ и трагедіи, и комедіи.

Бывши учителемъ, Ливій Андроникъ перевелъ на латинскій языкъ Одиссею; этотъ переводъ, при всей тяжеловатости языка и неточности передачи подлинника стариннымъ италійскимъ сатурнинскимъ размѣромъ, долго служилъ учебною книгою и вообще пользовался популярностью. — Желая ввести въ римскую литературу греческую драму, Ливій Андроникъ писалъ трагедіи и комедіи; это были вольные переводы греческихъ произведеній, написанные неуклюжимъ и напыщеннымъ языкомъ. Отъ нихъ дошли до насъ лишь незначительные отрывки.

Невій между 264 и 194 годами.

Однимъ изъ многостороннѣйшихъ и знаменитыхъ поэтовъ временъ пуническихъ войнъ былъ Гней Невій, человѣкъ свободнаго сословія, родившійся, вѣроятно, въ какой нибудь изъ латинскихъ колоній Кампаніи, сражавшійся въ первую пуническую войну въ рядахъ римскаго войска, которое дѣйствовало противъ Гамилькара. До насъ не дошло ничего ни отъ его трагедій, предметы которыхъ были взяты изъ греческихъ миѳовъ, ни отъ комедій его. Но попытка создать національную драму на основѣ преданій объ италійской старинѣ служитъ блестящимъ доказательствомъ его геніальности. Онъ хотѣлъ, подобно Фриниху и Эсхилу, озарить настоящее сіяніемъ поэзіи. Человѣкъ, сражавшійся въ легіонахъ первой пунической войны, долженъ былъ имѣть впечатлѣнія, дѣлавшія его достойнымъ изображать военные подвиги римлянъ. Но онъ сильно поплатился за свою попытку писать комедіи въ духѣ Аристофана; за откровенныя порицанія дурного въ римскихъ обычаяхъ и за нападенія на могущественныхъ людей онъ подвергся гоненію, которое, повидимому, парализовало отвагу его таланта.

Отъ его національныхъ драмъ, такъ называемыхъ fabula praetexta, дошли до насъ лишь заглавія: «Воспитаніе Ромула или волкъ» и «Кластидій» (стран. 451). И отъ его хроники первой пунической войны, написанной стариннымъ италійскимъ сатурнійскимъ размѣромъ, уцѣлѣло лишь нѣсколько отрывковъ. Онъ умеръ въ Утикѣ, какъ мы знаемъ по его надгробной надписи. Быть можетъ, негодованіе на обиду, которой подвергся онъ въ Римѣ, заставило этого энергическаго и почтеннаго человѣка эмигрировать.

Энній. 239—169.

Гораздо болѣе удачи имѣлъ Энній, человѣкъ хорошаго образованія и гибкаго, вкрадчиваго характера, на-половину грекъ, на-половину римлянинъ, уроженецъ калабрійскаго города Рудій, жившій въ Римѣ сначала небогато, какъ преподаватель осксReferences, греческаго и латинскаго языковъ, потомъ успѣвшій пріобрѣсти расположеніе Сципіона, Фламинина, Фульвія Нобиліора и другихъ вельможъ, любившихъ греческую литературу, получившій право римскаго гражданства и занявшій почетное положеніе въ обществѣ, и въ признательность за покровительство Сципіона прославлявшій подвиги фамиліи Сципіоновъ.

Энній былъ поэтъ очень многосторонній, зналъ всю греческую литературу и легко

писалъ произведенія по всѣмъ отраслямъ поэзіи. Въ трагедіи онъ взялъ образцомъ себѣ Эврипида, раздѣляя его невѣріе и его любовь къ трогательнымъ сценамъ. Отъ трагедій Эннія дошло до насъ лишь нѣсколько стиховъ, по которымъ нельзя рѣшить, были ль онѣ простыми переводами пьесъ Эврипида, или подражаніями ему.—Энній писалъ и комедіи; но комическаго таланта у него, кажется, было мало. Наибольшую славу пріобрѣлъ

«Лѣтопись».

онъ, какъ эпическій поэтъ, своею «Лѣтописью» (Annales), историческою поэмою въ родѣ Хроники Невія; онъ разсказывалъ въ ней всю римскую исторію отъ пріѣзда Энея до своего времени; поэма была написана не сатурнійскимъ стихомъ, который презиралъ Энній, а греческимъ эпическимъ размѣромъ, гекзаметромъ, который, какъ говорятъ, онъ первый ввелъ въ римскую поэзію. «Лѣтопись» была подражаніемъ греческимъ поэтамъ, въ частности Гомеру и Гомеридамъ; но были въ ней и національныя черты. Неровность композиціи, слабость связи между отдѣлами разсказа, очевидное подражаніе греческимъ образцамъ, старинная грубость языка были недостатками поэмы Эннія; но вознагражденіемъ за нихъ служили энергія чувства, возвышенность мыслей, искусная версификація; эти достоинства пріобрѣли «Лѣтописи» его большую любовь современниковъ и потомковъ. Римляне высоко уважали Эннія, какъ отца римской поэзіи, творца національной эпопеи. Это чувство переходило отъ поколѣнія къ поколѣнію. «Мы», говоритъ Квинтиліанъ, «уважаемъ Эннія, какъ старую священную рощу, громадные вѣковые дубы которой болѣе достопочтенны, чѣмъ красивы».—Эпопея Эннія погибла; но сохранилось много цитатъ изъ нея, въ особенности у Цицерона; нѣкоторые изъ этихъ отрывковъ довольно велики. Очень вѣроятно, что легендарная исторія римскихъ царей, передаваемая намъ историками, заимствована ими изъ «Лѣтописи» Эннія.—Онъ писалъ и въ другихъ родахъ поэзіи. Его Saturae были вѣроятно собраніемъ пьесъ разнаго содержанія; въ томъ числѣ были пожалуй и басни и эпиграммы.—Въ религіи онъ держался новыхъ понятій, разъяснялъ миѳы и обряды просвѣщенною критикою; онъ перевелъ «Священную Исторію» Эвгемера, и, какъ говорятъ, собралъ философскіе афоризмы изъ пьесъ стариннаго сицилійскаго драматурга Эпихарма (II, 578).—Энній былъ человѣкъ свѣтлаго ума, многосторонняго образованія, почтеннаго образа мыслей; но не имѣлъ такой силы поэтическаго творчества, какъ Невій; его произведенія были замѣчательны не богатствомъ фантазіи, а формальными достоинствами.

Пакувій 220—132.
Цецилій род. около 219; умеръ 166.

Кромѣ названныхъ нами, знамениты были, какъ драматурги того періода, Пакувій, Цецилій, Акцій, и въ особенности Плавтъ и Теренцій. Маркъ Пакувій былъ сынъ сестры Эннія, уроженецъ Брундизія; римляне хвалили въ его трагедіяхъ заботливую отдѣлку формы и легкость языка. Стацій Цецилій, былъ кельтъ, инсубръ, уроженецъ миланской области, приведенный въ Римъ плѣнникомъ, бывшій тамъ сначала рабомъ, потомъ отпущенный на волю. Онъ жилъ переработкою греческихъ комедій для римской сцены. Въ его пьесахъ римляне хвалили стройность плана.—Луцій Акцій,

Акцій 170—94.

сынъ отпущенника, родомъ изъ Пизавра, жившій нѣсколькими десятилѣтіями позднѣе Цецилія, написалъ по греческимъ образцамъ много трагедій, отличавшихся правильностью формы и разнообразіемъ содержанія.

Плавтъ 254—184.

Любимѣйшимъ изъ римскихъ драматурговъ, писавшихъ комедіи, былъ Титъ Макцій Плавтъ. Извѣстія древнихъ о числѣ его пьесъ очень далеко расходятся между собою: по однимъ свидѣтельствамъ, онъ написалъ 21 комедію, по другимъ—40, по третьимъ—130. Разница объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что пьесы малоизвѣстныхъ авторовъ, ставившіяся на сцену, были приписываемы любимцу публики, имя котораго служило рекомендаціею имъ. Римская критика послѣдующихъ временъ принуждена была дѣлать догадки о томъ, какія изъ піесъ, приписанныхъ Плавту, дѣйствительно принадлежатъ ему; этотъ разборъ приводилъ къ разнымъ результатамъ. До насъ дошло 20 комедій Плавта; всѣ онѣ, дѣйствительно, принадлежатъ ему. Вѣроятно, онѣ — тѣ самыя, которыя призналъ подлинными знаменитый

римскій ученый Маркъ Теренцій Варронъ. Въ его спискѣ комедій, дѣйствительно принадлежащихъ Плавту, была 21 пьеса; и только послѣдняя изъ нихъ, Vidularia, погибла по случайной утратѣ последней части древнѣйшаго манускрипта. — О жизни Плавта мы знаемъ только то, что онъ былъ уроженецъ маленькаго умбрійскаго города Сарсины, жилъ въ Римѣ, былъ актеромъ, нажилъ своею игрой нѣкоторое состояніе, потерялъ его въ коммерческихъ предпріятіяхъ и сталъ пріобрѣтать себѣ средства къ жизни передѣлкою комедій греческихъ драматурговъ, въ особенности Филемона и Дифила. Всѣ его пьесы принадлежатъ къ fabula palliata, то есть, дѣйствующія лица въ нихъ греческія; но онъ передѣлывалъ свои греческіе образцы свободнѣе, чѣмъ другіе римскіе драматурги. Эта свобода видна ужь и по самымъ названіямъ его пьесъ: если они не собственныя имена, то они у него всегда латинскія; а у Цецилія часто, у Теренція всегда удержаны греческія слова названій. Переводя греческія пьесы, Плавтъ сильно передѣлывалъ ихъ, иногда составлялъ изъ двухъ комедій одну. Иногда онъ дѣлалъ намеки на римскій бытъ, или прямо заимствовалъ черты изъ него. Но отъ рѣзкихъ порицаній римскихъ нравовъ онъ удерживался; быть можетъ потому, что помнилъ, какъ пострадалъ за смѣлость Невій. Плавтъ былъ очень даровитый поэтъ, обладавшій труднымъ умѣньемъ писать такъ, чтобы нравиться и образованнымъ людямъ и массѣ; удерживая греческую стройность плана, сохраняя художественность формы, онъ оживлялъ пьесы простонародными, веселыми, иногда грубыми, шутками. Бойкое остроуміе, превосходный языкъ, прекрасная версификація, быстрый, непринужденный ходъ разговора, мастерская обрисовка характеровъ и положеній заставляли образованныхъ людей прощать ему грубость шутокъ, площадныя выраженія, двусмысленность, непристойность, до которыхъ онъ часто унижался въ угожденіе толпѣ. Завлекательность хода пьесы, живость разговора, разнообразіе языка, мастерская версификація сдѣлали Плавта любимцемъ римской публики; и онъ остался любимцемъ ея навсегда. Мы ужь говорили, что въ его комедіяхъ мы имѣемъ вѣрныя картины нравственной испорченности грековъ того времени, легкомысленныхъ нравовъ ихъ, мелочности ихъ интересовъ. Пьесу „Плѣнники“ Плавтъ завершаетъ эпилогомъ, въ которомъ характеризуетъ обыкновенное содержаніе греческихъ комедій и говоритъ, что эта пьеса составляетъ хорошее исключеніе изъ общаго правила *).

Плѣнники.

Содержаніе «Плѣнниковъ» состоитъ въ томъ, что отецъ, два сына котораго были въ плѣну, получаетъ радость видѣть ихъ освобожденными, а рабъ, который похитилъ и продалъ въ Элидѣ въ рабство одного изъ нихъ, подвергается заслуженному наказанію. Кромѣ этой пьесы, отличающейся благородствомъ тона и нравственною тенденціей, замѣтимъ слѣдующія: «Trinummus“, передѣлка комедіи Филемона Thesauros («сокровище») получила свое латинское названіе, означающее «Три денарія», по тому обстоятельству, что сикофантъ (плутъ) соглашается за три денарія помогать обману. Содержаніе состоитъ въ томъ, что расточительный, но въ сущности добрый юноша, избавляется отъ бѣды, благодаря вмѣшательству друга его отца. Планъ пьесы очень хорошъ, комическія сцены перемежаются въ ней съ серьезными, запутанная интрига получаетъ веселую раз-

Trinummus.

*) «Граждане, эта комедія не имѣетъ въ себѣ ничего предосудительнаго съ нравственной точки зрѣнія. Въ ней нѣтъ ни волокитства, ни подкинутаго ребенка, ни воровства, нѣтъ влюбленнаго, покупающаго свободную дѣвушку, какъ невольницу. Поэты рѣдко пишутъ пьесы, научающія хорошему, какъ эта. Вы желаете, чтобы нравственность вознаграждалась, потому выразите ваше одобреніе, апплодируйте».

вязку. Всѣми этими достоинствами отличается, и даже въ еще болѣе высокой степени,

Rudens.

«Канатъ» (Rudens), пьеса, замѣчательная яркимъ изображеніемъ моря, бушующаго у скалистаго берега и занимательностью завязки. Торговецъ дѣвушками похищаетъ двухъ киренскихъ дѣвушекъ и хочетъ увезти ихъ въ Сицилію, но онѣ спасаются отъ этой участи. Хороша, между прочимъ, сцена спора двухъ невольниковъ изъ-за найденныхъ на морскомъ берегу дорогихъ вещей.

Miles Gloriosus.

Одна изъ лучшихъ и самыхъ знаменитыхъ комедій Плавта—Miles Gloriosus («Хвастливый воинъ»). Въ этой пьесѣ мастерски изображается развратъ, буйство, разбойничество грубыхъ наемниковъ александрійскаго времени. Хвастливый вождь наемниковъ, Пиргополиникъ («Покоритель крѣпостей»), обогатившійся грабежомъ на войнѣ, окруженный льстецами, развратничаетъ; прислужники его тщеславія обманываютъ его, и дѣвушка, за которою онъ волочится, избавляется отъ него.—

Менехмы.

Менехмы или «Близнецы», тоже одна изъ лучшихъ комедій Плавта, знакомитъ насъ съ бытомъ греческихъ гетеръ. Одинъ изъ двухъ менехмовъ, близнецовъ, пользуясь своимъ сходствомъ съ другимъ, обманываетъ любовницу брата, пируетъ съ нею на ужинѣ, который заказанъ братомъ, уноситъ у нея плащъ и браслеты, которые братъ тайкомъ взялъ у своей жены и подарилъ любовницѣ.—

Бакхиды.

Въ «Бакхидахъ» содержаніе комедіи составляютъ интриги двухъ гетеръ и хитраго раба; гетеры успѣваютъ одурачить отцовъ своихъ любовниковъ.—

Asinaria.

Въ Asinaria два хитрые раба по согласію съ господиномъ воруютъ у его жены деньги, на которыя его сынъ выкупаетъ свою любовницу у содержательницы продажныхъ дѣвушекъ. Старикъ пируетъ ночью съ своимъ сыномъ; жена приходитъ въ притонъ, гдѣ идетъ это веселье, бранитъ мужа и уводитъ его.—

Casina.

Casina—комедія, наполненная непристойностями. Отецъ и сынъ волочатся за одною и тою же дѣвушкой; жена старика разстроиваетъ его волокитство. Въ прологѣ говорится, что у грековъ играли иногда на сценѣ гетеры, чтобы привлечь къ себѣ толпу поклонниковъ; но что въ Римѣ дѣлать этого нельзя. Потому та роль, которая въ греческой пьесѣ была написана для гетеръ, желающихъ произвести эффектъ своею красотою, выпущена изъ передѣлки Плавта, и сцены, въ которыхъ находится эта роль, замѣнены разсказомъ въ эпилогѣ.—

Mercator.

Таково же содержаніе «Купца» (Mercator): отецъ и сынъ тоже волочатся за одною дѣвушкою; жена принуждаетъ старика бросить волокитство.

Truculentus.

Въ Truculentus («Сердитый») главное лицо—хитрая гетера, выманивающая своими льстивыми увѣреніями подарки у трехъ любовниковъ. Одного изъ нихъ она увѣряетъ, что онъ отецъ малютки, котораго выдаетъ она за свое дитя; но обманъ раскрывается: это ребенокъ, украденный у дѣвушки, которая была любовницею обманываемаго гетерою. Узнавъ истину, онъ женится на истинной матери своего ребенка; два другіе любовника гетеры условливаются между собою имѣть ее общею своею любовницею. Гетера въ этой пьесѣ откровенно объясняетъ, по какимъ правиламъ вообще поступаютъ гетеры *).

Но не во всѣхъ пьесахъ испорченность нравовъ изображается съ цинизмомъ, доходящимъ до неприличія. Плавтъ вообще рисуетъ пошлые нравы; дѣйствующія лица у него не имѣютъ возвышенныхъ стремленій, твердыхъ нравственныхъ правилъ; но онъ не хвалитъ, не извиняетъ порока; онъ только не высказываетъ негодованія на него, довольствуется осмѣяніемъ его.

Mostellaria.

Такъ въ Mostellaria остается безнаказаннымъ хитрый рабъ, помогающій сыну уѣхавшаго господина развратничать и дѣлать долги, обманомъ задерживающій возвратившагося господина, чтобъ онъ, вошедши въ домъ, не увидѣлъ сына въ разгульной компаніи; старикъ прощаетъ проступки сына.—

Aulularia.

Въ Aulularia («шкатулка») рабъ воруетъ деньги у скряги и передаетъ ихъ любовнику его дочери; благодаря тому, что у любовника много денегъ, скряга соглашается отдать за него дочь. Мольеръ подражалъ этой комедіи Плавта въ своемъ «Скупцѣ».—

Псевдолъ.

Въ комедіи «Псевдолъ», рабъ, именемъ котораго названа пьеса, обманываетъ негодяя, торгующаго дѣвушками и доставляетъ своему господину любимую дѣвушку, а себѣ выигрышъ пари въ 20 минъ.

Персы.

Содержаніе «Персовъ» составляетъ интрига, которою два раба и паразитъ обманываютъ алчнаго торговца дѣвушками: вмѣсто гетеры онъ покупаетъ дочь паразита, переодѣтую въ персидское платье; когда же оказывается, что она гречанка, дочь свободнаго человѣка, онъ пряну жденъ отдать ее безъ выкупа. —

Cistellaria.

Въ «Ларчикѣ» (Cistellaria) жизнь гетеръ выставляется не съ той стороны, что онѣ обманщицы, а съ менѣе дурной. Гетера, пріемная дочь женщины, торгующей дѣвушками, чувствуетъ честную любовь; истинная мать ея, родившая ее до замужества и потому подкинувшая малютку, находитъ ее и, вступивъ въ бракъ съ ея отцомъ, выдаетъ ее за любимаго человѣка.—

Poenulus.

«Кароагенянинъ» (Poenulus)—пьеса, драгоцѣнная съ ученой точки зрѣнія, потому что въ ней попадаются слова на кароагенскомъ языкѣ. Содержаніе состоитъ въ томъ, что торговецъ дѣвушками имѣетъ двухъ дѣвушекъ на продажу; плѣнный соотечественникъ дѣвушекъ, при содѣйствіи хитраго раба, вынуждаетъ торговца возвратить ихъ отцу, который выдаетъ старшую изъ нихъ за любимаго человѣка.—

Amphitruo.

«Амфитріонъ» (Amphitruo)—пародія на героическія трагедіи, можетъ быть названа «трагикомедіею». Дѣло въ ней идетъ о томъ, какъ Юпитеръ обманулъ жену Амфитріона, принявъ видъ ея мужа. Пьеса замѣчательна тѣмъ, что Юпитеръ и Меркурій являются въ ней комическими лицами; правда, шутливость ея добродушна; но все таки она показываетъ, что и боги народной вѣры не были ограждены отъ насмѣшекъ комедіи. Впрочемъ, общій тонъ въ «Амфитріонѣ» менѣе неприличенъ, чѣмъ въ большей части пьесъ Плавта.—

Curculio.

Въ «Куркуліонѣ» встрѣчаемъ ту же неистощимую тэму: дѣвушка, похищенная въ младенчествѣ, продана въ рабство, воспитана для того, чтобы быть гетерою; братъ узнаетъ ее, и она становится женою любимаго человѣка. У этого брата, тщеславнаго воина, плутъ обманомъ похищаетъ довольно большую сумму денегъ.—

Epidicus.

Въ «Эпидикѣ» главное лицо—хитрый рабъ; онъ выманиваетъ у своего господина довольно большія деньги, на которыя выкупается изъ рабства дѣвушка, любимая сыномъ старика; въ награду за свои удачныя хитрости рабъ получаетъ свободу.—

Stichus.

Въ комедіи Stichus завязка немногосложна, и комедія эта похожа на повѣсть, переложенную въ рядъ разговоровъ. Содержаніе состоитъ въ томъ, что отецъ хочетъ, чтобы двѣ дочери его развелись съ мужьями; онѣ успѣваютъ отдѣлываться отъ его требованій; мужья ихъ возвращаются изъ торговой поѣздки съ большою прибылью и привозятъ въ подарокъ тестю красивую дѣвушку.

*) «Гетера должна имѣть улыбку для каждаго, каждому говорить нѣжности, каждаго ласкать и обирать всѣхъ. Она, подобно терновнику, ранитъ каждаго, до кого прикасается. Если любовникъ не принесъ подарка, она должна не слушать никакихъ его извиненій, прогонять его».

Теренцій 185—159.

Плавтъ держался народнаго тона, не пренебрегалъ грубымъ уличнымъ языкомъ. Публій Теренцій, уроженецъ финикійской Африки, бывшій въ молодости въ Римѣ рабомъ и получившій тамъ греческое образованіе, писалъ исключительно для высшаго сословія. Онъ былъ отпущенъ на волю, его таланты и образованность открыли ему доступъ во многіе знатные дома, онъ былъ хорошо принятъ въ кругу людей высокаго образованія, который группировался около Сципіона Эмиліана и главными лицами въ которомъ были Гай Лелій (бывшій консуломъ въ 140 году), Луцій Фурій Филъ (бывшій консуломъ въ 136 году) и Спурій Муммій, братъ Луція Муммія, разрушившаго Коринѳъ. Изъ пролога къ пьесѣ Adelphi нѣкоторые ученые выводили даже заключеніе, что Сципіонъ и Лелій помогали Теренцію писать комедіи. — До насъ дошло шесть пьесъ его; всѣ онѣ — очень близкія къ подлинникамъ передѣлки комедій Менандра, самаго изящнаго и скромнаго изъ драматурговъ новой комедіи. Языкъ у Теренція чистъ и правиленъ, версификація его хороша; планъ комедіи обдуманъ ловко, исполненъ прекрасно; женщины и семейный бытъ изображены безъ пошлыхъ выходокъ; форма пьесъ художественна; но характеристика лицъ блѣдна, комическій элементъ слабъ, политическаго одушевленія и сильныхъ страстей нѣтъ. Ритмическій діалогъ идетъ спокойно, въ немъ нѣтъ ни душевнаго волненія,

ни блестящаго остроумія, какъ у Плавта; нѣтъ и намековъ на италійскій бытъ, которые иногда позволялъ себѣ Плавтъ. У Теренція не было творческой фантазіи, онъ бралъ все содержаніе своихъ комедій цѣликомъ изъ Менандра; но большею частью составлялъ изъ двухъ пьесъ его одну. Теренцій не былъ любимцемъ массы публики, какъ Плавтъ; ему пришлось два раза съ горечью видѣть, что зрители уходятъ отъ его комедіи (Гекиры) смотрѣть на бой гладіаторовъ и представленія фокусниковъ; но онъ напрасно обижался этимъ: тому слѣдовало такъ быть. Онъ самъ искалъ одобренія немногихъ образованныхъ людей, для которыхъ хорошій планъ, нравственный тонъ, поучительная развязка его пьесъ были привлекательнѣе грубой натуральности и безнравственныхъ интригъ простонародныхъ комедій Плавта.

1. Андрія.

Пересмотримъ комедіи Теренція въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ, по всей вѣроятности, были поставлены на сцену. 1. «Андрія» (то есть, уроженка острова Андроса, «Андріянка») или «Найденная дочь» была дана въ 166 году на Мегалесскихъ играхъ. Аѳинянинъ Памфилъ, сынъ Симона, пріобрѣлъ такую хорошую репутацію, что Хремесъ, богатый человѣкъ, хочетъ отдать за него свою дочь, которой назначилъ большое приданое и въ рукѣ которой отказалъ молодому человѣку Харину, тоже аѳинянину. День свадьбы уже назначенъ; но Хремесъ узнаетъ, что у Памфила есть любовница, Гликерія, уроженка острова Андроса, живущая въ Аѳинахъ въ домѣ умершей гетеры, которая считалась ея сестрою. Хремесъ беретъ назадъ свое обѣщаніе, къ большой досадѣ отца Памфила; Симонъ ссорится съ сыномъ и велитъ заковать въ цѣпи своего раба Дава, который прежде пользовался довѣріемъ господина. Неожиданно пріѣзжаетъ изъ Андроса родственникъ умершей гетеры, и по разговорамъ съ нимъ оказывается, что Гликерія—дочь Хремеса, который потерпѣлъ близъ Андроса кораблекрушеніе и оставилъ малютку тамъ. Въ радости, что нашлась дочь, которую считалъ погибшей, Хремесъ соглашается отдать ее за Памфила, а другую дочь отдаетъ за Харина, который любитъ

2. Несуга.

ее.—2. «Свекровь» (Несуга). Молодой человѣкъ, Памфилъ, любитъ гетеру; но по желанію родителей, бросаетъ ее и соглашается жениться на другой дѣвушкѣ; гетера великодушно отказывается отъ всякихъ притязаній. Онъ женится, но уѣзжаетъ, не начавъ брачной жизни съ женою. Во время его поѣздки, жена родитъ ребенка; отецъ и мать Памфила радуются рожденію внука; но молодая женщина говоритъ своей матери, что негодяй, котораго она не знаетъ, изнасиловалъ ее, раньше нежели она стала невѣстою Памфила. Въ дѣло вмѣшивается гетера; благодаря ей, оказывается, что отцомъ ребенка былъ самъ Памфилъ; пьяный онъ изнасиловалъ дѣвушку, лица которой не разсмотрѣлъ. Такимъ образомъ, все кончается всеобщимъ примиреніемъ.—3. «Наказывающій

3. Heautontimorumenos.

себя» (Heautontimorumenos). Менедемъ, шестидесятилѣтній старикъ, разсердился на своего сына Клинія за его любовь къ Антифилѣ, дочери неизвѣстной коринѳянки, и осыпалъ его такими упреками, что тотъ скрылся изъ отцовскаго дома, уѣхалъ въ Азію служить наемникомъ. Старикъ горько раскаялся и рѣшился наказывать себя, за суровость къ сыну, самой тяжелой земледѣльческой работой и всяческими лишеніями. Черезъ нѣсколько времени Клиній возвращается и останавливается у сосѣда, Хремеса, сынъ котораго, Клитифонъ, другъ его. У Клитифона тоже есть любовница, жениться на которой не дозволяетъ ему отецъ. Хитрый рабъ, Сиръ, разными интригами обманываетъ стариковъ; наконецъ открывается, что Антифила—брошенная въ младенчествѣ дочь Хремеса; Менедемъ въ восторгѣ дозволяетъ сыну жениться на ней, а Клитифонъ обѣщаетъ

4. Форміонъ.

исправиться.—4. «Форміонъ»—пьеса, названная по имени хитраго паразита, который дурачитъ двухъ стариковъ и выманиваетъ у нихъ деньги, нужныя ихъ сыновьямъ для того, чтобы противъ воли отцовъ жениться на любимыхъ дѣвушкахъ. Одна изъ этихъ дѣвушекъ оказывается побочною дочерью одного изъ стариковъ, и сынъ другаго старика, влюбленный въ нее, получаетъ отъ отца позволеніе жениться на ней. Главный интересъ придаетъ этой комедіи Форміонъ, неистощимый на придумываніе хитростей,

5. Эвнухъ.

не теряющійся ни въ какомъ затрудненіи.—5. «Эвнухъ»—пьеса превосходная по стройности плана и обрисовкѣ характеровъ. Въ ней оказывается одураченнымъ хвастливый начальникъ наемниковъ; благородная, великодушная гетера, Таида, освобождаетъ изъ его рукъ купленную имъ дѣвушку и возвращаетъ ее брату; съ согласія брата, она выходитъ за Херея, который прокрался въ домъ Таиды, выдавая себя за Эвнуха. Таида становится женою своего любовника Федрія, брата Херея.—6. «Братья» (Adelphi)—

6. Братья.

лучшая изъ всѣхъ комедій Теренція; ея планъ, развитіе его, характеристика лицъ—все въ ней превосходно, ходъ сценъ производитъ эффекты неожиданностями. Микіонъ и Демей, два брата, держатъ себя относительно дѣтей очень неодинаково. Микіонъ добръ, снисходителенъ, Демей строгъ. Микіонъ живетъ въ городѣ; онъ усыновилъ Эсхина, старшаго сына Демея, который живетъ въ своемъ сельскомъ домѣ и очень сурово обращается съ младшимъ своимъ сыномъ, Ктезифонтомъ. Эсхинъ похищаетъ у торговца дѣвушками красавицу; Демей рѣзко упрекаетъ Микіона за то, что онъ допустилъ своего воспитанника до такого разврата; но оказывается, что Эсхинъ похитилъ эту дѣвушку не для себя, а для своего младшаго брата Ктезифонта. У Эсхина есть любовница, которая, узнавъ о похищеніи этой дѣвушки, думаетъ, что онъ измѣнилъ ей. Убѣдясь, что Ктезифонтъ ведетъ такую же веселую жизнь, какъ Эсхинъ, Демей видитъ напрасность своей строгости, становится очень добръ, снисходителенъ, щедръ. Пьеса кончается освобожденіемъ невольниковъ, помогавшихъ молодымъ господамъ, и тремя свадьбами: Ктезифонтъ и Эсхинъ женятся на любимыхъ дѣвушкахъ, а Микіонъ на матери невѣсты Эсхина, бѣдной, но честной женщинѣ.

Луцилій 180—103.

Къ тому кругу, который группировался около Сципіона Эмиліана, принадлежитъ и молодой поэтъ, уроженецъ латинской колоніи Суэссы, въ которой семейство его занимало по своей знатности очень почетное положеніе, Гай Луцилій, ставшій основателемъ новаго вида поэзіи, сатирическихъ посланій. Этотъ предшественникъ Горація былъ человѣкъ свѣтлаго ума, многостороннихъ знаній, проницательный наблюдатель жизни. Онъ превосходно зналъ политическое, общественное и литературное состояніе Рима, судилъ о немъ свободно, самостоятельно, изображалъ въ своихъ произведеніяхъ факты и людей очень смѣло, безпощадно порицалъ дурныя стороны тогдашняго быта, и его „сатиры“—satura, собственно „всячина“, „пьеса, наполненная разнымъ содержаніемъ“—пріобрѣли такую славу, что это слово навсегда осталось названіемъ поэтическихъ произведеній подобнаго рода.

Луцилій направляетъ свою иронію главнымъ образомъ противъ неразборчиваго подражанія всему греческому, противъ римской грекоманіи, противъ моды кстати и некстати вставлять въ латинскую рѣчь греческія слова и обороты, противъ испорченности нравовъ; въ этомъ быть можетъ отражается оскорбленное чувство человѣка, который говоритъ языкомъ, болѣе чистымъ, чѣмъ римское свѣтское общество, и ведетъ безупречную жизнь, но которому высшее сословіе надменной столицы отказываетъ въ уваженіи, какого заслуживаютъ его качества, потому что онъ не принадлежитъ къ римской аристократіи. «Литературный латинскій языкъ въ то время только еще начиналъ вырабатываться; Луцилій содѣйствовалъ этому; серьезными усиліями и насмѣшками онъ очищалъ родную рѣчь отъ неправильныхъ оборотовъ и чуждыхъ элементовъ. Усердно заботился онъ и объ очищеніи общественной и частной нравственности. По его происхожденію, политическая карьера была ему недоступна; стать откупщикомъ онъ не хотѣлъ; оставаясь безпристрастнымъ наблюдателемъ римскаго быта, онъ хорошо видѣлъ политическіе недуги государства и пороки аристократіи, въ кругу которой жилъ; пользуясь независимостью своего положенія, онъ добродушными шутками и строгими порицаніями боролся противъ порчи въ государствѣ, въ сословныхъ отношеніяхъ, въ частной жизни. Онъ сильно вооружается противъ надменности и эгоизма вельможъ, корыстолюбія богачей, интригъ честолюбцевъ, лицемѣрія жрецовъ, раболѣпства толпы. Многихъ вліятельныхъ людей онъ называлъ по именамъ. Позднѣйшіе писатели находили, что форма

его произведеній неудовлетворительна, отдѣлка ихъ слаба, стихъ небреженъ, слогъ растянутъ, что онъ слишкомъ часто повторяетъ одну и ту же мысль; но всѣ признавали въ немъ глубокое пониманіе потребностей государства, сильный умъ, остроуміе, широкость взгляда на жизнь, энергію характера, любовь къ добру, патріотизмъ; эти достоинства сдѣлали его любимцемъ римскаго народа. Онъ былъ создателемъ римской сатиры, единственнаго самобытнаго вида римской поэзіи. Его произведенія, въ которыхъ, по выраженію Горація, отразилась вся жизнь его, были очень популярны; благодаря тому, до насъ дошли довольно значительные отрывки ихъ. Его сатиры были привлекательны невозмутимою свѣтлостью духа, милымъ юморомъ, умѣвшимъ во всемъ находить матеріалъ для добродушной шутки, неистощимымъ остроуміемъ, придающимъ веселость даже и серьезности, истинно-итальянской свѣжестью, лукавымъ простодушіемъ; при всей обширности своихъ знаній, онъ, хорошо знакомый съ греческою литературой, оставался вѣренъ народному характеру; народность сообщаетъ его произведеніямъ ту внутреннюю правдивость, которой нельзя достичь безъ нея одною талантливостью. Въ его произведеніяхъ слышится отголосокъ италійской народной поэзіи, хотя онъ соблюдалъ правила греческой версификаціи, писалъ гекзаметромъ.

Исторія.

Римская поэзія была преобразована греческимъ вліяніемъ, римская прозаическая литература создана имъ; до знакомства римлянъ съ греческою образованностью, ея не существовало. Древнія народныя пѣсни, имѣли нѣкоторое поэтическое достоинство, фесценійскія, ателланскія шутовскія пьесы съ ихъ грубыми шутками были уже началомъ драматической поэзіи, облегчали переходъ къ драмѣ, составляемой по греческимъ образцамъ. Но то, что записывали римляне прозою до знакомства съ греческою литературой, было чуждо всякой литературной отдѣлки. Лѣтописи и записки, послужившія матеріаломъ для римскихъ историковъ, предназначались быть только пособіемъ памяти при изустномъ пересказываніи преданій. Онѣ были, какъ мы увидимъ, совершенно лишены литературнаго достоинства; записывались также на память судебныя рѣшенія, юридическіе обычаи; они имѣли тоже только практическое достоинство. Лишь когда римляне стали изучать греческую литературу, у нихъ явилось желаніе книжнымъ путемъ сообщить современникамъ и потомству разсказы о подвигахъ предковъ. Но у нихъ было такъ мало умѣлыхъ писать на родномъ языкѣ прозою, что первые ихъ историки писали свои книги по-гречески, какъ Квинтъ Фабій Пикторъ, Луцій Цинцій Алиментъ, Авлъ Постумій, нѣкоторые другіе; или если хотѣли писать по-латини, то слагали свои историческіе разсказы стихами, какъ Невій и Энній (нѣчто подобное этому представляютъ средневѣковыя хроники въ стихахъ). Только во второй половинѣ II вѣка до Р. Х. явились у римлянъ люди, умѣвшіе писать историческія книги на своемъ языкѣ прозою, какъ Луцій Кассій Гемина (около 146 года), Луцій Кальпурній Пизонъ (бывшій консуломъ въ 133 году), Гай Фанній (бывшій преторомъ въ 137 году). — Поэзію римляне оставляли занятіемъ людей не свободныхъ или не пользовавшихся почетомъ въ обществѣ; пренебреженіе къ поэтамъ распространялось до нѣкоторой степени и

Римская проза.

на нее саму. Но писать въ прозѣ было съ самаго начала дѣятельностью уважаемою; прозаики были большею частью люди сенаторскихъ фамилій, важные сановники. Полибій, авторъ всеобщей исторіи, жилъ въ Италіи плѣнникомъ, но былъ на родинѣ вліятельнымъ государственнымъ человѣкомъ, а въ плѣну—другомъ Сципіона Эмиліана и другихъ знатныхъ римлянъ. Прежнія лѣтописи перечисляли факты въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ, безъ всякаго вниманія къ ихъ внутренней связи. Теперь историки стали излагать событія въ прагматическомъ, связномъ разсказѣ, болѣе или менѣе искусно соединяя ихъ въ цѣлыя группы по внутреннему родству.

Преданіе о происхожденіи римлянъ отъ троянцевъ.

Можно думать, что старинная мѣстная легенда объ основаніи Рима потомкомъ латинскихъ царей Ромуломъ была около этого времени соединена съ греческимъ сказаніемъ о происхожденіи римлянъ отъ Энея и его спутниковъ, а Ромулъ былъ сдѣланъ потомкомъ троянскаго героя. Національной гордости римлянъ льстила мысль о происхожденіи отъ троянцевъ, потому легенда о немъ была очень популярна у нихъ, и ей даже было дано политическое значеніе. Порожденная и поддерживаемая уваженіемъ къ греческой образованности, она содѣйствовала сліянію италійской народности съ греческою.

Анахронизмы историческихъ легендъ.

Соединеніе разнородныхъ преданій въ первобытной исторіи Рима, особенно временъ царей, производило множество анахронизмовъ; но первые римскіе историки оставляли безъ вниманія хронологическія несообразности своихъ разсказовъ. Въ исторіи Тарквиніевъ они наивно соединяли имена, принадлежащія разнымъ эпохамъ, дѣлали Пиѳагора другомъ Нумы, который по ихъ же хронологіи жилъ болѣе чѣмъ за сто лѣтъ до Пиѳагора; говорили, что римляне въ 472 году заключили договоръ съ Діонисіемъ, правленіе котораго началось черезъ восемьдесятъ шесть лѣтъ послѣ этого года. Легенды, разсказываемыя Геродотомъ, были переносимы въ исторію Италіи; напримѣръ, разсказъ о томъ, какъ Секстъ Тарквиній овладѣлъ городомъ Габіями (стр. 50), вѣроятно составленъ по образцу разсказа о полководцѣ Дарія Зопирѣ (II, 410). Хронологія римской старины была составлена совершенно произвольно, потому что лишь со времени сожженія Рима галлами начинаются точныя данныя, списки консуловъ, тріумфовъ; всѣ прежніе документы погибли. Время, предшествовавшее этому пожару было раздѣлено на два періода; продолжительность перваго, образовавшаго времена царей, была опредѣлена въ 240 лѣтъ, а второй, обнимавшій время отъ изгнанія послѣдняго царя до сожженія Рима, былъ сдѣланъ вдвое короче, опредѣленъ цифрою 120 лѣтъ. Римляне были такъ беззаботны относительно разсчета времени, что первые солнечные часы въ Римѣ были сдѣланы (и поставлены на форумѣ) только ужь въ 263 году до Р. Х. Раздѣленіе сутокъ на часы было принято греческое. И прошло еще сто лѣтъ прежде, чѣмъ римляне озаботились установить у себя правильный календарь. — Мало заботились древнѣйшіе римскіе историки и объ исторической точности своихъ разсказовъ. По замѣткамъ, встрѣчающимся у Полибія, мы знаемъ, что они говорили о фактахъ и лицахъ очень пристрастно, придавали всему такой видъ, какой былъ выгоденъ для римскаго самолюбія, раздавали хвалы и порицанія народамъ и историческимъ дѣятелямъ, сообразно тому, друзьями или врагами римлянъ были они. Полибій старался возстановить искаженную ими истину; онъ дорожилъ историческою правдивостью, судилъ о врагахъ и друзьяхъ по одной и той же нормѣ; любовь и ненависть не

имѣли вліянія на его сужденія; народы и историческіе дѣятели являются у него въ истинномъ своемъ историческомъ значеніи.

Въ первыя пять столѣтій по основаніи Рима у римлянъ не было ни одного произведенія, связно разсказывающаго ихъ исторію. Матеріалами для позднѣйшихъ историковъ служили перечни фактовъ; это были: 1. Лѣтописи понтифексовъ (Annales Pontificum) называвшіяся также Annales Maximi, «Лѣтописями Верховнаго Первосвященника», потому что велъ эту хронику собственно онъ: каждый годъ онъ выставлялъ для всеобщаго свѣдѣнія перечень важнѣйшихъ событій года, написанный на бѣлой доскѣ. Эти годичные перечни были очень кратки и сухи, - списки фактовъ, и только; въ нихъ вносились небесныя знаменія, другія удивительныя естественныя событія, которыя считались предзнаменованіями, солнечныя и лунныя затмѣнія, повальныя болѣзни, голодъ и т. п. Эти списки сохранились, кажется, лишь со времени сожженія Рима, прежніе погибли при немъ, и тѣ части, которыя относились къ болѣе раннему времени, были составлены послѣ, по преданіямъ и соображеніямъ. Верховный первосвященникъ Публій Муцій Сцевола (бывшій консуломъ въ 133 году) закончилъ ихъ и раздѣлилъ на 80 книгъ.— 2. Хроники, лѣтописные перечни важнѣйшихъ событій, были отчасти современныя фактамъ лѣтописи, но относительно древнѣйшихъ временъ составлены были по изустному преданію. Были хроники города Рима, были фамильныя хроники, перечни семейныхъ фактовъ, присоединяемыя къ родословнымъ таблицамъ. Когда фамилія пріобрѣтала высокое значеніе въ государствѣ, ея хроника становилась обширнѣе, и у нѣкоторыхъ фамилій эти родовыя записки вѣроятно были подробны и велерѣчивы. Необходимою принадлежностью похоронъ знатнаго римлянина была похвальная рѣчь; ее произносилъ ближайшій родственникъ умершаго; она перечисляла его доблести и подвиги, полученныя имъ почести, припоминала подвиги его предковъ. Эти похвальныя рѣчи, laudationes,

3. Libri lintei.

служили важными матеріалами для историковъ.—3. Съ очень давняго времени велись у римлянъ libri lintei, «полотняныя книги», списки курульныхъ сановниковъ; они хранились въ храмѣ Юноны Монеты, богини припоминанія, стоявшемъ на Капитолійскомъ

4. Надписи, рѣшенія сената, договоры.

холмѣ.—Священные документы у самнитовъ писались тоже на полотнѣ.—4. Были у римлянъ въ старыя времена и другіе документы: надписи на приношеніяхъ въ храмы, другіе религіозные акты, рѣшенія сената, договоры; напримѣръ, актъ о построеніи храма Діаны на авентинскомъ холмѣ, торговый договоръ съ Карѳагеномъ, заключенный въ первый годъ республики, договоры съ латинами, заключенные Тарквиніемъ Гордымъ и т. д. Договоры и государственные акты обыкновенно вырѣзывались на мѣдныхъ доскахъ; впослѣдствіи времени эти доски хранились въ государственномъ архивѣ, находившемся при Капитолійскомъ храмѣ Юпитера. Въ храмѣ Санка на Квириналѣ сберегался договоръ между Римомъ и Габіями, относившійся ко временамъ царей; этотъ актъ былъ написанъ на кожѣ быка, принесеннаго въ жертву при заключеніи трактата.—5. Замѣт-

5. Замѣтки сановниковъ.

ки курульныхъ сановниковъ (Commentarii *magistratuum*) составлялись изъ документовъ, инструкцій и другихъ должностныхъ актовъ консуловъ, цензоровъ, преторовъ, другихъ сановниковъ; они хранились въ государственномъ архивѣ.—6. Подобный этому харак-

6. Замѣтки понтифексовъ.

теръ имѣли замѣтки понтифексовъ, Commentarii pontificum, сборники рѣшеній понтифексовъ по предметамъ ихъ вѣдомства, то есть, по церковному праву. Были такіе же сборники актовъ многихъ другихъ жреческихъ коллегій. Вѣроятно, этими сборниками

7. Преданіе.

пользовались, какъ источниками, позднѣйшіе лѣтописцы и историки.—Но главнымъ источникомъ разсказовъ о старинной исторіи Рима было устное преданіе, которое сберегало легенды и миѳы о лицахъ и событіяхъ, дѣйствительныхъ или баснословныхъ. Главные факты развитія римскихъ государственныхъ учрежденій и другія основныя черты исторіи сохранялись въ памяти народа; фактическіе результаты событій отчасти уцѣлѣли въ устройствѣ государства и въ обычаяхъ; эти коренные элементы составляли фактическую основу преданія, которое облекло ихъ украшеніями, созданными фантазіею. Духъ критическаго изслѣдованія былъ слабъ у римскихъ историковъ, они не заботились отдѣлять вымыслы отъ истины, потому древнѣйшая римская исторія очень сильно стра-

даетъ недостаткомъ достовѣрности. Нибуръ полагалъ, что въ древнемъ Римѣ была масса національныхъ поэтическихъ легендъ, что въ устахъ каждаго эти легенды видоизмѣнялись, что много вѣковъ римская исторія состояла только изъ нихъ, что записывать современныя событія римляне начали очень поздно. Это мнѣніе должно считать справедливымъ. Но много возраженій вызвала гипотеза Нибура, что исторія первыхъ временъ Рима—созданіе народной поэзіи, и что она передавалась въ пѣсняхъ отъ поколѣнія къ поколѣнію. Трудно думать, что въ Римѣ существовалъ народный эпосъ; тамъ вовсе не было тѣхъ элементовъ и условій, какими онъ созданъ у грековъ. Пѣсней, подобныхъ пѣснямъ Гомера, у римлянъ не могло быть. Боги у нихъ не стали живыми образами, миѳологіи почти вовсе не было; у такого народа не могла самобытно развиться эпическая поэзія.—По матеріаламъ, какіе были доставляемы этими римскими документами и

8. Лѣтописи.

другими источниками, при помощи матеріаловъ, представляемыхъ такими же сборниками документовъ сосѣднихъ латинскихъ городовъ,—Ардей, Тибура, Тускула, Тренеста и проч., возникли въ III вѣкѣ до Р. Х. историческія лѣтописи, составители которыхъ записывали въ хронологическомъ порядкѣ событія прежнихъ столѣтій и своего времени; старинныя событія передавали кратко, современныя подробнѣе; они писали на греческомъ языкѣ; вѣроятно потому, что латинская проза еще не выработалась. Между этими лѣтописцами первое мѣсто занимаетъ Фабій Пикторъ, сенаторъ, жившій во время

Фабій Текторъ. Цинцій Алиментъ.

второй пунической войны. Его лѣтопись, написанная на греческомъ (а быть можетъ также и на латинскомъ) языкѣ, пользовалась въ древности величайшимъ уваженіемъ. Онъ и его современникъ Цинцій Алиментъ начинали разсказъ съ основанія Рима и доводили его до своего времени; древнѣйшую исторію Рима они излагали кратко, недавнія событія подробнѣе. Ихъ лѣтописи не дошли до насъ; но ими пользовались Полибій и другіе историки.—Должно полагать, что большое достоинство имѣлъ основанный на

Origines Катона.

глубокихъ изслѣдованіяхъ трудъ Марка Порція Катона Origines («Исторія Рима съ древнѣйшихъ временъ»). Катонъ излагалъ исторію Рима и другихъ италійскихъ городовъ, поясняя событія этнографическими и культурными фактами; въ противоположность безсвязному набору извѣстій въ лѣтописяхъ, онъ разсказывалъ факты не годъ за годъ, а большими отдѣлами, для того, какъ самъ говорилъ, чтобъ изложеніе было связнымъ. Къ сожалѣнію, это первое ученое изслѣдованіе о римской исторіи, написанное на латинскомъ языкѣ, не дошло до насъ. Оно состояло изъ семи книгъ; въ первой излагались легенды объ основаніи Рима, о временахъ царей, объ изгнаніи Тарквиніевъ; во второй и третьей — легенды объ основаніи другихъ италійскихъ городовъ и о присоединіи ихъ къ римскому союзу; въ четвертой и пятой разсказывались войны, отъ первой пунической до войны съ Антіохомъ; въ шестой и седьмой излагались событія слѣдующихъ двадцати лѣтъ.

Полибій. 208—127.

Полибій, сынъ Ликорта, былъ однимъ изъ тысячи знатныхъ ахейцевъ, которыхъ римляне взяли въ Италію заложниками и продержали въ плѣну семнадцать лѣтъ (стр. 555); онъ употребилъ эти годы на то, чтобы собрать матеріалы для своего великаго историческаго труда. Дѣло облегчалось ему тѣмъ, что онъ пользовался дружбою Эмилія Павла и Сципіона Африканскаго младшаго и, благодаря тому, былъ хорошо принятъ въ кругу римской знати. Чтобъ узнать страны и народы по личнымъ наблюденіямъ, онъ предпринималъ обширныя путешествія: посѣтилъ Испанію, Галлію, Африку, Родосъ, Малую Азію, Египетъ, даже берега Чернаго моря. Его „Всеобщая Исторія", состоявшая изъ 40 книгъ, излагала событія отъ начала пуническихъ войнъ до разрушенія Карѳагена и Коринѳа. Первыя двѣ книги составляютъ введеніе, въ которомъ онъ кратко, но ясно разсказываетъ пуническую войну и слѣдовавшія за нею событія въ Африкѣ, Италіи, Греціи; въ книгахъ отъ 3-й до 30-й онъ излагалъ главную тэму своего труда, разсказывалъ, когда, почему и какъ одно за другимъ всѣ государства тогдашняго культурнаго міра подпали подъ владычество римлянъ. Въ послѣд-

нихъ десяти книгахъ онъ разсказывалъ военныя и политическія дѣла, участникомъ которыхъ былъ самъ, характеризовалъ римскую политику, объясняя, что Римъ достигъ всемірнаго владычества строгою методичностью своихъ дѣйствій, превосходствомъ своихъ учрежденій, твердостью въ исполненіи отчетливо обдуманныхъ плановъ, практическимъ умомъ себѣ правителей, и доказывалъ, что благо другихъ народовъ состоитъ въ подчиненіи римскому государству, прекраснѣйшему и благотворнѣйшему созданію судьбы. Полибій называетъ свою исторію прагматической, но не въ томъ смыслѣ, какой имѣетъ теперь это слово; онъ хочетъ выразить имъ, что его трудъ представляетъ запасъ уроковъ, имѣющихъ практическое примѣненіе къ политическимъ и военнымъ дѣламъ. Чтобы дать своему труду такой характеръ, историкъ долженъ, по мнѣнію Полибія, не ограничиваться перечисленіемъ фактовъ по порядку времени, какъ дѣлаютъ лѣтописцы; долженъ разъяснять причины, которыми были подготовлены и произведены событія, излагать обстоятельства, при которыхъ шли они, показывать ихъ послѣдствія, давать свое сужденіе о нихъ, представлять характеристики историческихъ дѣятелей.—Итакъ, Полибій поставилъ себѣ задачею объяснить причины и послѣдствія тѣхъ событій, которыми въ продолженіе 53 лѣтъ создалось владычество римлянъ надъ всѣми государствами Средиземнаго моря, объяснить отношенія каждаго изъ покоренныхъ государствъ къ этому центральному факту исторической жизни цивилизованнаго міра, разсказать по документамъ и другимъ достовѣрнымъ источникамъ и по своему собственному изслѣдованію тѣ событія, изъ которыхъ сложился этотъ великій фактъ, описать мѣстности событій и характеризовать главныхъ дѣятелей. Онъ превосходно выполнилъ свою задачу, благодаря проницательности своего ума, своей непоколебимой любви къ истинѣ, своему таланту критическаго изслѣдованія и желѣзному трудолюбію, съ какимъ собиралъ и приводилъ въ порядокъ матеріалы. Къ сожалѣнію. до насъ дошли вполнѣ только первыя пять книгъ этого великаго историческаго труда, послужившаго образцомъ для новой исторіографіи; отъ остальныхъ его книгъ мы имѣемъ лишь отрывки.

Главное вниманіе свое Полибій обращаетъ на военныя и политическія дѣла; но въ его разсказѣ находятъ мѣсто себѣ и другія стороны жизни народовъ: онъ излагаетъ учрежденія, обычаи, описываетъ торговлю; только жизнь сердца и религію не понимаетъ онъ, по мнѣнію новѣйшихъ историковъ, такъ глубоко, какъ они. О религіи онъ судитъ исключительно съ практической точки зрѣнія и хвалитъ римлянъ за то, что они умѣли обуздывать страсти и дурныя склонности человѣческой природы внушеніемъ страха наказаній отъ боговъ и богослужебными обрядами; надъ толпою, говоритъ онъ, разумъ безсиленъ, потому надобно владычествовать надъ нею посредствомъ чудесъ и предзнаменованій. Онъ знаетъ только одну божественную силу, Судьбу (Tyche); она правитъ ходомъ человѣческихъ дѣлъ по разумному своему предопредѣленію и правитъ имъ справедливо: послѣдствія всегда соотвѣтствуютъ причинамъ, судьба даетъ награду или наказаніе людямъ сообразно тому, хорошо или дурно употребляютъ они на дѣло свои душевныя силы. Человѣкъ практическаго ума, чуждый идеальности, онъ судитъ о событіяхъ исключительно съ точки зрѣнія опыта, измѣряетъ достоинство историческихъ дѣятелей масштабомъ успѣшности ихъ дѣлъ и величиною ихъ силъ. Главную цѣль исторіи ставитъ онъ въ томъ, чтобъ она давала правителямъ уроки и совѣты. Потому онъ часто вдается въ длинныя разсужденія о политикѣ, устройствѣ войска, государственныхъ учрежденіяхъ, общественныхъ дѣлахъ. Выше всего цѣнитъ онъ практическій умъ, обдуманное, разсудительное употребленіе силъ на достиженіе ясно опредѣленной, благоразумной цѣли. Онъ уважаетъ только разсудительность и успѣхъ; нравственное величіе характера, возвышенность стремленій не имѣютъ цѣны въ его глазахъ. Демо-

сѳенъ и Тимолеонъ были непонятны ему. Для него были ясны только крупные факты, общія черты хода событій; частности, индивидуальности исчезали для него въ токѣ великихъ явленій. Исторія показала, что въ умственномъ мірѣ сильнѣе всѣхъ народовъ греки, въ политической жизни—римляне; онъ полагалъ, что всѣ народы должны подчиняться этимъ двумъ силамъ; онъ видѣлъ, что греческая образованность и римское владычество соединяются въ государствѣ, слагавшемся въ его время путемъ великихъ войнъ. Доказать разумность, благотворность этого слiянія всѣхъ государствъ въ одно, было цѣлью его историческаго труда. При всемъ его стремленіи къ правдивости, къ безпристрастію, у него замѣтна предпочтительная любовь къ Риму, и въ частности къ фамиліи Сципіоновъ. Силѣ и разсудку принадлежитъ въ его глазахъ владычество надъ міромъ; нравственному величію онъ не придаетъ важности. Исторія для него арена дѣйствія механическихъ, а не нравственныхъ элементовъ; потому онъ не цѣнитъ нравственной свободы, не замѣчаетъ, что развитіе народовъ совершается дѣйствіемъ идеальныхъ стремленій, онъ довольствуется поверхностнымъ этнографическимъ и физическимъ объясненіемъ событій. Но все таки его исторія имѣетъ великое научное значеніе. Языкъ его не отличается аттической чистотой, въ его понятіяхъ и въ манерѣ разсказа есть элементы не греческіе. Но ясность изложенія, проницательность ума, разсудительность мнѣній, глубокое пониманіе политическихъ и военныхъ дѣлъ, правдивость, безпристрастіе дѣлаютъ его однимъ изъ важнѣйшихъ писателей древности. Подобно Ѳукидиду, онъ государственный человѣкъ, но не обладаетъ его геніальностью и живостью воображенія, а космополитская точка зрѣнія отнимаетъ у его воззрѣнія на исторію патріотическую теплоту и національный характеръ. Онъ былъ посредникомъ между римлянами и греками, смотрѣлъ съ печалью на закатъ прежняго солнца, съ благоговѣніемъ на полуденное сіяніе новаго солнца. Впрочемъ, онъ былъ несвободенъ отъ нѣкотораго недовольства людьми, потому что для римлянъ былъ чужой, а у грековъ считался отступникомъ, и его широкое пониманіе хода событій было не сочувственно современникамъ, оправдано было ужь только потомками. Ни у какого другого писателя древности, говоритъ Моммсенъ, мы не находимъ столько поучительнаго, какъ у него: «Его книги— какъ солнце, озаряютъ исторію: съ того времени, какъ начинается его разсказъ, разсѣевается туманъ, которымъ еще покрыты войны съ самнитами и съ Пирромъ; а съ концомъ его разсказа начинается новый туманъ, еще болѣе, быть можетъ, сбивчивый, чѣмъ прежній».

Практическія науки. (Юриспруденція).

Успѣшно разработывались римскими аристократами практическія науки. Впрочемъ, не всѣ. Медицина оставалась исключительно въ рукахъ грековъ; римляне знали только домашнія лѣкарства. Но истинно римскими науками были сельское хозяйство, военное искусство, юриспруденція; онѣ преподавались изустно, были излагаемы и въ ученыхъ трактатахъ. Секстъ Элій Петъ, получившій названіе catus (искусный), бывшій въ 198 году консуломъ, а черезъ четыре года послѣ того цензоромъ и считавшійся первымъ практическимъ юристомъ своего времени, написалъ трактатъ, въ которомъ объяснялъ законы Двѣнадцати Таблицъ и сообщалъ формулы жалобъ; Маркъ Брутъ (около 150 года) составилъ сборникъ юридическихъ рѣшеній. Но истиннымъ основателемъ римской юриспруденціи былъ Квинтъ Муцій Сцевола (бывшій консуломъ въ 95 и 82 годахъ). Онъ написалъ изложеніе римскихъ законовъ; это былъ обширный трактатъ (онъ состоялъ изъ 18 книгъ). Въ кругу просвѣщенныхъ государственныхъ людей, группировавшихся около Сципіоновъ, усердно занимались разработкою родного языка, археологіи, ораторскаго искусства, юриспруденціи. Политическія рѣчи Гаія Лелія и Сципіона Эмиліана были не только образцовыми по благородному патріотизму, но и по чистотѣ латинскаго языка. Молодые римляне съ того времени начали учиться ораторскому искусству по правиламъ греческаго краснорѣчія. Маркъ Порцій Катонъ очень усердно старался соз-

дать прозаическую литературу на родномъ языкѣ и написалъ для своего сына краткія руководства по всѣмъ отраслямъ практическихъ знаній, надобныхъ для дѣловаго человѣка въ политической и въ частной жизни; подробнѣе мы будемъ говорить объ этомъ на слѣдующихъ страницахъ, излагая дѣятельность партіи, защищавшей римскую старину и важнѣйшимъ своимъ представителемъ имѣвшей этого замѣчательнаго человѣка.

3. Партія приверженцевъ римской старины. Маркъ Порцій Катонъ.

Во времена пуническихъ войнъ, когда римляне ознакомились съ греческой культурою, образъ жизни, нравы, понятія ихъ измѣнились очень сильно, и можно было опасаться, что если не будетъ противопоставлено крѣпкой преграды иноземному вліянію, то старинные обычаи и учрежденія совершенно падутъ, простота, умѣренность, способность выносить лишенія, строгая нравственность исчезнутъ, замѣнившись порочными наслажденіями, привлекающими къ себѣ молодость, которая научается имъ, учась знаніямъ цивилизованныхъ, но изнѣженныхъ иноземцевъ, что Римъ, разрушитель Карѳагена, покоритель греческаго міра, изнеможетъ, подвергшись тому же разслабляющему дѣйствію наслажденій, испортившись тѣми же пороками, которыми произведенъ нравственный и политическій упадокъ грековъ. Потому было натурально, что противъ приверженцевъ греческой образованности, нововводителей, выступила партія, старавшаяся охранить старинные нравы, возвеличившіе Римъ, преградить модному образованію съ его любовью къ изяществу и наслажденію доступъ въ латинскую землю, боровшаяся за старинную національную исключительность противъ новаго космополитизма. А любовь къ греческимъ образованности, искусству, литературѣ, къ разнообразнымъ наслажденіямъ изящнаго греческаго образа жизни проявилась первоначально въ кругу высшей аристократіи; потому совершенно понятно, что борьбу противъ греческой культуры подняла демократическая партія; въ своей оппозиціи этому замкнутому кругу знатныхъ и могущественныхъ людей она стала защищать старинную римскую суровость, простоту, рѣзкую національную исключительность, стремясь устранить всякія иноземныя вліянія, и въ особенности греческія. Во главѣ аристократической партіи стояли Сципіоны и Фламинины, люди высокаго образованія, проникнутые восторженною любовью къ греческой цивилизаціи; передовымъ бойцомъ партіи простолюдиновъ былъ Маркъ Порцій Катонъ, уроженецъ Тускула, человѣкъ не знатнаго происхожденія, поднявшійся до сана консула, благодаря отчасти собственной энергіи, отчасти содѣйствію своего сосѣда по имѣнію, приверженца старины, честнаго вельможи Луція Валерія Флакка и другихъ вліятельныхъ аристократовъ. Совершивъ много славныхъ походовъ въ Африкѣ, Испаніи, Македоніи, онъ получилъ тріумфъ, и наконецъ, наперекоръ со-

Маркъ Порцій Катонъ. 234—149.

противленію оптиматовъ, этотъ «новый», незнатный человѣкъ былъ избранъ ценсоромъ. Онъ былъ чрезвычайно дѣятеленъ, имѣлъ желѣзное здоровье и всю долгую свою жизнь неутомимо боролся противъ новыхъ понятій и соединенной съ ними, какъ ему казалось, нравственной порчи; на ихъ приверженцевъ онъ нападалъ безпощадно, какъ на личныхъ своихъ враговъ; 85-ти-лѣтній старикъ, онъ еще велъ въ народномъ собраніи борьбу противъ новыхъ понятій. Онъ говорилъ бойко, остроумно; очень хорошо зналъ законы, былъ искусный вождь своей партіи въ сенатѣ, на форумѣ, въ судѣ; былъ храбрый воинъ, умѣвшій и приказывать, и повиноваться, отличавшійся во всякой войнѣ, или командуя легіонами, или сражаясь копьемъ и мечемъ въ рядахъ простыхъ воиновъ; строгій охранитель старинной римской дисциплины, неумолимый противникъ всѣхъ ослаблявшихъ ее для пріобрѣтенія любви народа и воиновъ; справедливый, дѣятельный правитель провинцій, человѣкъ простого образа жизни, онъ нападалъ на расточительность, поборы, несправедливости, эгоизмъ, алчность оптиматовъ, правившихъ провинціями, и откупщиковъ. Онъ пользовался большимъ уваженіемъ, сильнымъ вліяніемъ, благодаря въ особенности тому, что всю свою жизнь былъ образцовымъ римскимъ землевладѣльцемъ и домохозяиномъ, превосходно велъ въ своемъ имѣніи сельское хозяйство, держалъ всѣхъ домашнихъ въ строгомъ порядкѣ, дѣлалъ постройки дешево и хорошо, успѣшно занимался выгодными торговыми спекуляціями, ловко пользовался всякими случаями пріобрѣсти выгоду, жилъ скупо и скромно, любилъ по старому италійскому обычаю веселиться въ кругу своихъ кліэнтовъ, и по образу своей жизни представлялъ рѣзкій контрастъ расточительности, пышности, изяществу людей, бывшихъ предметами его нападеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ съумѣлъ пріобрѣсти такія многостороннія знанія, что написалъ превосходные трактаты о земледѣліи, на которомъ было основано величіе Рима, объ исторіи италійскихъ народовъ (origines), въ своемъ замѣчательномъ «Руководствѣ» для сына, кратко, безъ лишнихъ тонкостей, ясно и съ тѣмъ вмѣстѣ глубокомысленно изложилъ правила, которыя соблюдать долженъ «хорошій человѣкъ» (vir bonus) и нужныя «хорошему человѣку» ораторскія, медицинскія, сельскохозяйственныя, военныя, юридическія свѣдѣнія; бывши ужь старикомъ, онъ научился по-гречески, чтобъ изъ книгъ самихъ грековъ брать оружіе для борьбы противъ моднаго направленія и передать своимъ соотечественникамъ на родномъ языкѣ житейскую мудрость греческихъ мыслителей.

Всю свою энергію и нравственную строгость Катонъ вполнѣ выказалъ, бывши ценсоромъ. Онъ дѣйствовалъ противъ новаго направленія такъ сурово, что его ценсорство осталось памятнымъ навсегда, и образовалась привычка прибавлять къ его имени названіе censorius „бывшій ценсоромъ“. Его ценсорская суровость была направлена противъ приверженцевъ но-

Ценсорство Катона. 184, 183.

выхъ понятій между оптиматами, и въ особенности противъ Сципіоновъ. Онъ и послѣ продолжалъ высказывать непреклонную суровость относительно новыхъ понятій и ихъ представителей. По его требованію были высланы изъ Рима представители греческой философіи, академикъ Карнеадъ, перипатетикъ Критолай и стоикъ Діогенъ, которые были отправлены аѳинянами въ Римъ хлопотать по дѣлу о принадлежности города Оропа къ Аттикѣ и стали читать лекціи о философіи и ораторскомъ искусствѣ; были закрыты и школы ораторскаго искусства, основанныя въ Римѣ греческими преподавателями. Катонъ вооружался противъ греческой медицины и греческихъ врачей, восхвалялъ старинное лѣченіе болѣзней домашними снадобьями и симпатическими средствами, говорилъ, что онъ и его жена обязаны этой манерѣ лѣченія своимъ долговѣчіемъ и крѣпкимъ здоровьемъ. Онъ горячо требовалъ искорененія въ Италіи иноземныхъ мистическихъ культовъ съ ихъ сладострастными праздниками, вооружался противъ разврата, заносимаго въ Италію съ Востока и изъ Греціи, желалъ, чтобы прекращены были гладіаторскіе бои и бои съ звѣрями, чтобы возобновилась любовь къ стариннымъ народнымъ развлеченіямъ, деревенскимъ фарсамъ въ шутовскихъ нарядахъ и веселымъ сельскимъ плискамъ. Онъ боролся противъ возроставшей роскоши, думалъ обуздать ее налогами на предметы ея и запрещеніями и, когда былъ цензоромъ, подвергъ нѣкоторыхъ изъ важнѣйшихъ оптиматовъ наказанію за то, что они своимъ примѣромъ портятъ нравы.

Въ особенности нападалъ онъ на фамилію Сципіоновъ. Онъ былъ истиннымъ возбудителемъ обвиненія противъ Сципіона Африканскаго Старшаго и его брата Луція въ утайкѣ казенныхъ денегъ (стр. 544); бывши цензоромъ, онъ исключилъ Луція Сципіона изъ сословія всадниковъ, и вычеркнулъ изъ списка сенаторовъ Луція Квинкція Фламинина, брата освободителя Греціи, обвиняя его въ томъ, что онъ, бывши консуломъ, убилъ въ станѣ подъ Плаценціею знатнаго плѣнника, желая доставить одному товарищу своего разврата, опоздавшему видѣть гладіаторскій бой, удовольствіе посмотрѣть, какъ умираетъ человѣкъ отъ смертельной раны. Онъ исключилъ изъ числа сенаторовъ еще
192. шесть человѣкъ. Манилія, бывшаго претора, Катонъ наказалъ за то, что тотъ обнималъ жену при взрослой дочери.

Оптиматы негодовали на дерзость Катона, возстановили сословныя права лицъ, наказанныхъ имъ; сенатъ объявилъ убыточными для государства и отмѣнилъ контракты, заключенные Катономъ съ подрядчиками государственныхъ построекъ и откупщиками; по желанію оптиматовъ, трибуны обвинили его передъ народнымъ собраніемъ въ злоупотребленіи цензорской властью, и народъ наложилъ на него два таланта штрафа. Но онъ оставался грозенъ оптиматамъ: они робѣли, когда покрытый рубцами ранъ воинъ, любимецъ поселянъ, возвышалъ въ сенатѣ или на форумѣ могущественный голосъ противъ отступниковъ отъ старины, развратителей народа; простолюдинамъ нравился деревенскій тонъ его рѣчей. Онъ не былъ проницательнымъ государственнымъ человѣкомъ, и характеръ его не имѣлъ нравственной возвышенности. Онъ нападалъ на результаты фактовъ, не понимая ихъ причинъ, на мелочи, на поступки людей, лично ему ненавистныхъ, превозносилъ старину, хвалился своими заслугами, поражалъ безъ разбора все новое, не имѣлъ высокихъ нравственныхъ стремленій, не рѣдко увлекался личными мотивами вражды къ людямъ, которыхъ безпощадно преслѣдовалъ, думая лишь о томъ, чтобы какъ можно язвительнѣе оскорблять ихъ, и забывалъ тутъ всякую справедливость; единственное спасеніе государству онъ видѣлъ во всемогуществѣ сената и

строгихъ полицейскихъ мѣрахъ, безъ которыхъ, по его мнѣнію, Римъ будетъ доведенъ до погибели новыми обычаями и возростающею непочтительностью комицій къ волѣ сената. Но онъ на нѣсколько десятилѣтій задержалъ порчу общественной жизни, неутомимо нападая на увеличивавшуюся роскошь, на мотовство, поборы, пренебреженіе къ законамъ, защищая старые обычаи и законный порядокъ *). Онъ былъ бойцомъ за интересы честнаго и зажиточнаго средняго сословія противъ надменной аристократіи, всячески старался увеличить число свободныхъ земледѣльцевъ въ Италіи, хлопоталъ о раздачѣ земли поселянамъ въ опустѣвшихъ мѣстностяхъ, объ основаніи земледѣльческихъ колоній. Онъ постоянно думалъ о практической пользѣ и оказалъ своею долговременною политическою дѣятельностью большія услуги государству и обществу, такъ что римляне слѣдующихъ поколѣній видѣли въ немъ образцоваго государственнаго человѣка старыхъ временъ.

Сооруженія Катона.

Онъ умѣлъ дешево строить сооруженія, надобныя для государства, и строилъ ихъ очень хорошо. Мы уже говорили о зданіи съ колоннадою, которое построилъ онъ на форумѣ; оно стало образцомъ для многихъ другихъ такихъ зданій, называвшихся базиликами и служившихъ залами трибуналовъ; итакъ, форма базилики введена была въ римскую архитектуру Катономъ. Онъ заботился и о сооруженіи плотинъ, мостовъ, каналовъ, водопроводовъ; онъ воспретилъ вельможамъ тратить на орошеніе своихъ садовъ воду, проведенную въ Римъ для питья населенію. Онъ говорилъ: кто воруетъ у частнаго человѣка, на того надѣваютъ цѣпи, а кто воруетъ у государства, на того надѣваютъ пурпуръ.

Правила домашняго хозяйства Катона.

Но общественная и литературная дѣятельность не мѣшала Катону заботливо вести домашнее хозяйство; оно было даже главнымъ его занятіемъ. Онъ полагалъ, что быть хорошимъ домохозяиномъ дѣло болѣе важное, чѣмъ быть знаменитымъ сенаторомъ. До насъ дошелъ его трактатъ „О сельскомъ хозяйствѣ“, знакомящій насъ съ его домашнимъ бытомъ и сельскими занятіями; картина быта, представляемая этимъ трудомъ Катона, характеризуетъ собою образъ жизни всего сословія римскихъ землевладѣльцевъ стараго времени. Катонъ былъ суровый домохозяинъ, державшій жену и дѣтей въ строгомъ подчиненіи себѣ. Онъ самъ училъ сына всѣмъ нужнымъ, по его мнѣнію, знаніямъ, не желая, чтобы сынъ учился у рабовъ, отъ которыхъ могъ бы пріобрѣсти дурныя привычки. Онъ училъ сына ѣздить верхомъ, плавать, фехтовать, пріучалъ выносить зной, стужу, всяческія лишенія и труды; училъ его чтенію, знанію законовъ; онъ писалъ собственно для того, чтобы дать сыну руководства, которыя доставили бы ему возможность идти отцовскою дорогой. — О женщинахъ Катонъ говоритъ дурно; строго осуждаетъ ихъ за тщеславіе, за щегольство; онѣ для него лишь необходимое зло, надобное для того, чтобъ имѣть дѣтей. При выборѣ жены должно смотрѣть, говоритъ онъ, не столько на деньги, сколько на то, чтобъ она была изъ хорошаго семейства. За воспитаніемъ дѣтей наблюдалъ онъ строго, остерегался смущать невинность ребенка неприличіемъ въ поступкахъ или словахъ. Онъ никогда не обнималъ жену при

---

*) Безъ сомнѣнія, по его вліянію сенатъ постановилъ, что восточнымъ царямъ воспрещается пріѣздъ въ Римъ. Катонъ находилъ, что эти изнѣженные властелины и ихъ царедворцы оказываютъ своимъ развратомъ и мотовствомъ вредное вліяніе на нравы гражданъ.

дочери. Къ рабамъ своимъ онъ былъ суровъ. Они не смѣли у него уйдти изъ дома, не спросившись, говорить съ посторонними о домашнихъ дѣлахъ; за проступки онъ наказывалъ ихъ самъ плетью. Изъ его дома была изгнана всякая роскошь: не было у него ни ковровъ, ни изящной мебели, посуды; пища была простая и въ умѣренномъ количествѣ; обыкновеннымъ питьемъ была вода, въ которую иногда подбавлялся для вкуса уксусъ. Но онъ не прочь былъ угощать пріятелей сосѣдей; за этими обѣдами онъ просиживалъ долго, на нихъ было вино, былъ веселый разговоръ,—онъ любилъ тутъ шутить. Съ кліэнтами онъ держалъ себя запросто, по старинному, какъ старшій родственникъ съ младшими; любилъ чтобъ въ его сабинскомъ помѣстьѣ собирались къ нему поселяне, и развлекались играми, веселымъ разговоромъ, лѣтомъ въ холодкѣ, зимой у камина. Когда онъ женился въ пожилыхъ лѣтахъ, онъ взялъ себѣ женой дочь одного изъ своихъ кліэнтовъ. Онъ былъ заносчивъ и безпощаденъ въ сношеніяхъ съ оптиматами, презиравшими его за незнатность рода; но съ простолюдинами былъ привѣтливъ, они всегда имѣли доступъ къ нему и шли къ нему довѣрчиво. При правильномъ образѣ жизни и способности неутомимо трудиться съ утра до ночи, онъ, хотя имѣлъ много политическихъ занятій, находилъ время заботливо вести свои личныя дѣла, и у него еще оставался досугъ для пріятельскихъ бесѣдъ и литературной дѣятельности.

Сельское хозяйство и спекуляціи Катона.

Главнымъ занятіемъ Катона было сельское хозяйство, въ особенности воздѣлываніе оливковыхъ плантацій, виноградниковъ и овцеводство. Онъ при всякомъ удобномъ случаѣ доказывалъ, что сельское хозяйство—самое лучшее занятіе. Но онъ былъ человѣкъ разсчетливый, потому не упускалъ изъ рукъ и другихъ выгодныхъ дѣлъ. Онъ былъ участникомъ въ компаніяхъ капиталистовъ, которые вели морскую торговлю, брали на откупъ государственные налоги, брали подряды для войска и флота. Чтобъ уменьшить рискъ, онъ всегда былъ участникомъ нѣсколькихъ компаній, такъ что убытокъ по какому нибудь одному дѣлу былъ не тяжелъ ему, а общая прибыль отъ всѣхъ дѣлъ была громадна. Законы, воспрещавшіе сенаторамъ торговыя дѣла и участіе въ откупахъ, онъ обходилъ, подставляя вмѣсто себя въ документахъ какого нибудь латина или отпущенника. Съ особенною охотой занимался онъ торговлею невольниками. Онъ платилъ хорошую цѣну за сильныхъ невольниковъ, пригодныхъ на полевую работу, и держалъ ихъ, какъ рабочій скотъ, пока они состарятся и ослабѣютъ; тогда онъ продавалъ ихъ, чтобъ не кормить. Римляне старинныхъ обычаевъ, какъ онъ, не считали плѣнныхъ, продаваемыхъ въ рабство, своими собратами по человѣчеству, смотрѣли на нихъ, какъ на рабочій скотъ; такъ и поступали съ ними.

Чтобы невольники не могли сговориться и поднять бунтъ, Катонъ ссорилъ ихъ между собою. Онъ дрессировалъ ихъ, какъ собакъ или лошадей, и позволялъ имъ жить парами съ невольницами, находя, что это самый дешевый способъ увеличивать ихъ число. Жестокость, какую часто проявлялъ Катонъ, доказываетъ, что онъ былъ чуждъ гуманнаго образованія. Такъ напримѣръ въ Испаніи онъ хладнокровно истребилъ жителей 400 селеній; велѣлъ убить выданныхъ ему 600 дезертировъ. Невольникъ, пользовавшійся его довѣріемъ, сдѣлалъ безъ его дозволенія покупку, и когда это раскрылось, такъ ужаснулся судьбы, какой подвергнетъ его господинъ, что самъ лишилъ себя жизни.

Наружность и характеръ Катона.

Есть извѣстіе, что у Катона были зеленые (т. е. сѣрые) глаза и рыжіе волосы. Друманъ такъ описываетъ его наружность: онъ былъ не красивъ, но его видъ соотвѣтствовалъ его характеру: онъ былъ высокаго роста, крѣпкаго сложенія; по фигурѣ его было видно, что онъ много работалъ и выносилъ много лишеній; взглядъ у него былъ страшный, голосъ такой громкій, что слышался далеко даже въ шумѣ битвы. Природа дала ему желѣзное здоровье, и онъ закалилъ его работой и воздержностью. Женившись во второй разъ старикомъ, онъ подобно, Масиниссѣ, прижилъ сына. Въ борьбѣ противъ духа времени онъ нерѣдко впадалъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Онъ прогналъ ростовщиковъ изъ Сардиніи, когда былъ правителемъ этой провинціи, а самъ принималъ участіе въ выгодныхъ спекуляціяхъ ростовщиковъ. Онъ проповѣдывалъ чистоту нравовъ, а самъ имѣлъ наложницу и торговалъ дѣтьми невольниковъ, покупаемыми для грязнаго разврата. Онъ проповѣдывалъ честность, а самъ занимался безчестными спекуляціями. Потому, за нимъ остается та заслуга, что онъ указывалъ язвы общества; но онъ не исцѣлялъ ихъ; онъ былъ только факелъ, освѣщающій бездну.

РИМЪ ВЪ ПЕРІОДЪ СОЦІАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ.

I. Гракхи и аграрная борьба.

1. Соціальные недуги. Тиберій Гракхъ, его реформа и его погибель.

Страхъ и удивленіе, внушаемые Римомъ другимъ народамъ.

Когда Полибій благоговѣйно преклонился передъ величіемъ Рима и восхвалялъ въ своемъ историческомъ трудѣ учрежденія римской республики, какъ дивное созданіе политической мудрости, и когда на далекомъ востокѣ израильтянинъ съ удивленіемъ разсказывалъ о западномъ народѣ, который «покорилъ близкія и далекія царства и заставилъ ихъ служить себѣ, такъ что всѣ слышащіе о немъ боятся его; но съ друзьями и ввѣряющимися ему онъ хранитъ миръ и дружбу; таково могущество и величіе римлянъ, что они по своей волѣ назначаютъ и прогоняютъ царей; но никто изъ нихъ не надѣваетъ на себя царскій вѣнецъ и пурпуръ; совѣтъ рѣшаетъ у нихъ дѣла о благѣ народа, и назначаютъ они правителей на годичный срокъ; и кого назначатъ, того слушаются,—и нѣтъ между ними ни зависти, ни раздора»; когда вдали отъ Рима слышались такіе голоса, римская республика уже пережила лучшее время свое, и въ ней развивались бѣдственныя неустройства, подрывавшія самыя основы государства и общественнаго быта.

Бѣдственныя стороны общественнаго быта.

Мы видѣли (стр. 508), что сословіе свободныхъ поселянъ исчезало въ римскомъ государствѣ, что въ самой Италіи между богатыми землевладѣльцами и пролетаріями, не имѣющими ни клока земли, зіяла широкая бездна; не было средняго сословія, которое образовало бы связь между богачами и бѣдняками. Прежняя патриційская аристократія, при всей своей суровости, все таки имѣла нѣкоторую симпатію къ поселянину-плебею, съ которымъ она была связана привычками, одинаковымъ образомъ жизни, одинаковостью степени образованія, патріархальными отношеніями, похожими на родственныя; новая аристократія оптиматовъ была, по своему образу жизни, совершенно чужда простолюдинамъ. Существовалъ нѣкогда законъ, обязывавшій землевладѣльцевъ имѣть въ числѣ хлѣбопашцевъ и пастуховъ извѣстную пропорцію свободныхъ работниковъ, но онъ давно былъ забытъ: развитіе торговли невольниками вытѣснило

изъ сельскаго хозяйства свободныхъ работниковъ. Нобили, занятые великими интересами военныхъ дѣлъ, государственнаго и провинціальнаго управленія, заботами объ увеличеніи своего богатства, о великолѣпіи, развлекаемые всяческими удовольствіями, преданные чувственнымъ наслажденіямъ, утратили интересъ и сочувствіе къ простолюдинамъ, все болѣе и болѣе терявшимся съ ихъ горизонта. Что пользы было римскому поселянину отъ побѣды Рима надъ карѳагенянами, для достиженія которой онъ въ пуническія войны не щадилъ ни трудовъ, ни жертвъ?—Не только прежняя общественная земля оставалась исключительно въ рукахъ знатныхъ людей, но и новыя земли, пріобрѣтенныя завоеваніями, достались имъ однимъ. Что пользы было отъ побѣды Рима союзникамъ, сохранившимъ вѣрность Риму въ годы его бѣдствій? — Они оставались по прежнему лишенными политическихъ правъ; по прежнему на нихъ лежало бремя службы Риму, положеніе ихъ не облегчилось. Напрасно трудился и соблюдалъ бережливость поселянинъ; стоимость его жатвы была до такой степени понижена привозомъ хлѣба изъ другихъ земель и хлѣбомъ, производимымъ работою невольниковъ, что, при всемъ своемъ прилежаніи къ труду, онъ видѣлъ свое семейство бѣдствующимъ; вся хорошая пахатная земля перешла съ руки крупныхъ землевладѣльцевъ, которые воздѣлывали ее трудомъ военноплѣнныхъ или купленныхъ рабовъ, обратили обширныя пространства въ пастбища, другія пространства въ парки; отдавали нивы и оливковыя плантаціи въ аренду алчнымъ спекулянтамъ, у которыхъ работали толпы невольниковъ; крупные землевладѣльцы вытѣсняли мелкихъ, имѣвшихъ свои участки между ихъ имѣніями, покупали эти участки, запутывали ихъ владѣльцевъ въ неоплатные долги, давая имъ ссуды подъ огромные проценты, захватывали ихъ земли за эти долги или просто отнимали у нихъ землю коварствомъ или силою, чтобы имѣть сплошныя владѣнія, не перерѣзываемыя чужими. Мало отрады римскимъ гражданамъ было въ томъ, что ихъ называли владыками всѣхъ народовъ, что иноземцы преклонялись предъ Римомъ: эти владыки вселенной не имѣли самаго маленькаго клочка земли, который могли бы назвать своимъ, не имѣли ничего, «кромѣ свѣта и воздуха» да милостыни отъ богачей. Тѣ государственные люди, въ чьей душѣ алчность, честолюбіе и страсть къ наслажденіямъ не совершенно заглушили чувство состраданія, съ тревогою смотрѣли на глубокія язвы родины, гдѣ оставалось лишь малочисленное сословіе знатныхъ фамилій, владѣвшихъ несмѣтными богатствами, и продажная масса, съ года на годъ увеличивавшаяся приливомъ иноземцевъ и отпущенниковъ, наполнявшая и города и сельскіе округи, а сословіе свободныхъ поселянъ, на которомъ покоилась прежняя сила Рима, честность и военная доблесть его, быстро уменьшалось въ числѣ, вытѣсняемое богатыми землевладѣльцами, захватывавшими всѣ земли. Съ печалью видѣли они, что на той мѣстности, которая прежде кормила сто пятьдесятъ семействъ свободныхъ поселянъ, теперь живетъ одинъ крупный землевладѣлецъ съ пятидесятью невольниками, которые почти всѣ люди неженатые и держать которыхъ для него выгоднѣе, чѣмъ имѣть свободныхъ работниковъ уже и потому одному, что ихъ не беретъ государство на военную службу, какъ беретъ свободныхъ людей, и что онъ никогда не имѣетъ недостатка въ рабочихъ рукахъ. Опустошительныя возстанія рабовъ въ Апуліи, въ Сициліи (стр. 596 и слѣд.), многочисленныя шайки разбойниковъ, ходившія будто отряды непріятельскаго войска по горамъ Самнія и лигурійскаго приморья, показывали, что римское государство приближается къ безднѣ, въ которую низвергнется, если не будутъ своевременно приняты мѣры остановить его. По освобожденіи Италіи отъ войскъ Ганнибала, раздавались въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ея участки общественной земли бѣднымъ римскимъ гражданамъ, но размѣръ этихъ раздачъ былъ недостаточенъ, и вскорѣ онѣ прекратились; многіе изъ розданныхъ тогда участковъ уже попали въ руки спекулянтовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ. Если римскій гражданинъ имѣлъ маленькій клокъ земли и находилъ въ сосѣдствѣ работу по найму въ свободное время, это было уже завидное положеніе; масса римскихъ гражданъ совершенно не имѣла земли и жила только работой по найму.

Проекты исправленія.

Въ Италіи не оставалось независимыхъ народовъ и не было возмущеній, потому некого было побѣждать отнятіемъ земли; новой земли въ Италіи государство не могло пріобрѣсти для раздачи бѣднымъ гражданамъ, потому раздавать можно только было прежнюю общественную землю; это и предлагалось для устраненія бѣдности; другими средствами къ тому могли быть основаніе колоній въ провинціяхъ и предоставленіе союзникамъ правъ римскаго гражданства. Но всѣ эти проекты встрѣчали непреодолимыя затрудненія. О раздачѣ общественной земли аристократія не хотѣла слышать и теперь, какъ три вѣка тому назадъ; противъ основанія колоній въ провинціяхъ возставала римская гордость: гражданинъ народа, властвовавшаго надъ провинціями, не хотѣлъ терять своего участія въ рѣшеніяхъ народныхъ собраній и быть причисляемъ къ провинціаламъ, поселяясь за границами Италіи; притомъ удаленіе большого числа гражданъ въ правинціальныя колоніи слишкомъ уменьшило бы въ Италіи число гражданъ, способныхъ сражаться, и она могла бы стать добычею возмутившихся союзниковъ, рабовъ или иноземнаго врага. Римская гордость противилась и принятію латиновъ и другихъ италійцевъ въ число римскихъ гражданъ, между которыми они образовали бы среднее сословіе мелкихъ землевладѣльцевъ. Даже бѣднѣйшій пролетарій чувствовалъ себя участникомъ владычества надъ народами, подавая голосъ въ народномъ собраніи; чѣмъ бѣднѣе былъ

онъ, тѣмъ больше дорожилъ этою честью; римскіе граждане не хотѣли дѣлиться ею съ латинскими или самнитскими землепашцами. Такимъ образомъ и аристократія и простолюдины отвергали всѣ тѣ средства, которыя могли серьезно улучшить положеніе народа; аристократы по алчности, простолюдины по ложной гордости; бѣдняки лучше хотѣли голодать, чѣмъ дѣлиться съ зажиточными италійцами своимъ правомъ голоса, своимъ достоинствомъ римскаго гражданина; богатые продолжали присоединять къ своимъ громаднымъ имѣніямъ тѣ участки свободныхъ поселянъ, какіе еще оставались.

Бѣдственное положеніе римскаго народа по Саллюстію и Горацію.

Саллюстій яркими красками рѣзко и кратко изображаетъ разстроенное положеніе римскаго государства въ тѣ времена: «Когда римляне перестали бояться враговъ, удача сдѣлала ихъ надменными, и спокойствіе, котораго желали они во времена бѣдствій, сдѣлалось гибелью для нихъ: аристократы стали злоупотреблять своимъ могуществомъ, простолюдины своею свободою; нація распалась на двѣ партіи; государство, интересами котораго пренебрегали обѣ онѣ, страдало отъ ихъ вражды. Нобили были сильнѣе, потому что держались единодушно; сила простолюдиновъ была раздроблена, согласія между ними не было. И военныя и внутреннія дѣла велись по произволу небольшого круга людей, въ рукахъ которыхъ находились государственная казна, провинціи, магистратуры, почести, слава, тріумфы; простолюдины были раззорены военной службой и бѣдствовали; военную добычу брали себѣ полководцы и ихъ помощники. Отцы или дѣти бѣдныхъ поселянъ, служившихъ въ войскѣ, были прогоняемы изъ своего дома, съ наслѣдственной земли, если она лежала подлѣ огромнаго имѣнья сильнаго человѣка. Алчность могущественныхъ людей была безгранична, не уважала ничего, разрушала все, пока своей необузданностью погубила себя сама». Горацій въ своей одѣ объ алчныхъ (II, 18) говоритъ богачу:

«Ты сооружаешь громадныя зданія, раздвигаешь свое владѣніе въ море, не довольствуясь материкомъ, сдвигаешь межевые знаки, алчно захватывая куски земли бѣдныхъ сосѣдей; изгоняются они съ женами и дѣтьми изъ родныхъ участковъ».

Оппозиція аграрнымъ законамъ.

Умные и благородные люди давно видѣли, что государство страдаетъ тяжелымъ разстройствомъ, для исправленія котораго необходимы рѣшительныя мѣры. Но никто не отваживался вступить въ борьбу съ могущественной своекорыстной аристократіей. Судьба Кассія и Мелія (стран. 92, 108) была въ памяти у всѣхъ. Человѣкъ, который отважился бы возстать противъ положенія дѣлъ, длившагося цѣлыя столѣтія и, отъ давности своей получившаго характеръ законности, долженъ былъ ждать, что всѣ нобили вооружатся противъ него единодушно: при всемъ различіи интересовъ и желаній аристократическихъ фамилій, при всѣхъ раздорахъ между ними, онѣ сходились въ одномъ: въ рѣшимости сохранить то, чѣмъ завладѣли; требованіе раздѣла общественной земли грозило имъ всѣмъ одинаковой опасностью. Аграрный законъ вредилъ одинаково всѣмъ имъ. Тому дерзкому, который выступилъ бы противъ ихъ плотной фаланги съ проектомъ радикальной реформы, предстояла борьба съ ними на жизнь и смерть, и невозможно было поручиться, что бѣдствующая масса, за которую пойдетъ онъ на борьбу, поддержитъ его, останется вѣрна

ему. Масса бѣдняковъ не имѣла теперь вождей, за которыми привыкла бы слѣдовать, какъ имѣли ихъ плебеи прежнихъ временъ, не имѣла такихъ ясныхъ цѣлей, какъ они; не было у ней и той сплоченности, дисциплины, какъ у демократической партіи слѣдующихъ временъ; потому она представляла опору, очень шаткую. Многіе изъ бѣдняковъ даже не хотѣли раздачи земли, не взяли бы участковъ ея. Правда, ихъ жизнь въ Римѣ была нищенская, но они привыкли къ праздности, имѣли много удовольствій; они не захотѣли бы промѣнять свою, хотя и бѣдную, но пріятную жизнь въ Римѣ на труды и лишенія поселянина.

Сципіонъ Эмиліанъ 184—129.

Римъ имѣлъ человѣка, который могъ бы спасти отечество отъ гибели и если не совершенно отвратить, то по крайней мѣрѣ отсрочить ее умѣренными и благоразумными реформами; это былъ покоритель Карѳагена, Публій Корнелій Сципіонъ Эмиліанъ Африканскій. Намъ приходилось много говорить объ этомъ великомъ человѣкѣ, который по рожденію и усыновленію принадлежалъ къ очень могущественнымъ фамиліямъ: онъ былъ сынъ Эмилія Павла, съ которымъ былъ на войнѣ противъ Персея; семнадцатилѣтній юноша онъ выказалъ тамъ блестящую храбрость и въ награду за нее получилъ право охотиться въ царскихъ лѣсахъ Македоніи; отцу онъ былъ обязанъ тѣмъ, что получилъ греческое воспитаніе, облагородившее его душу; онъ рано полюбилъ разумныя бесѣды Полибія и Панетія. По усыновленію онъ былъ внукомъ Сципіона великаго, наслѣдовалъ славный титулъ дѣда „Африканскій“ и самъ пріобрѣлъ себѣ новое право носить это названіе. Онъ былъ человѣкъ истинно царственнаго величія. Крѣпкій тѣломъ и сильный умомъ, образованный, изящный, онъ отличался отъ обыкновенныхъ аристократовъ своимъ простымъ, умѣреннымъ образомъ жизни, своею способностью выносить всѣ труды и лишенія походовъ, возвышался надъ другими вельможами своимъ краснорѣчіемъ, имѣвшимъ чисто римскій характеръ, оживленный греческою ироніей, превосходилъ другихъ вельможъ сочетаніемъ военныхъ талантовъ и политическаго благоразумія съ честностью, чистотою нравственности; межъ тѣмъ, какъ большинство аристократовъ позорило себя алчностью, Сципіонъ Эмиліанъ отдалъ матери и роднымъ большую часть наслѣдованнаго имъ имущества; громадную сумму, которою сирійскій царь хотѣлъ пріобрѣсти милость его, онъ передъ глазами самого царя роздалъ своимъ товарищамъ по оружію. Никогда не обезчестилъ онъ себя корыстолюбіемъ; его руки, его жизнь остались чисты отъ господствовавшихъ пороковъ. У Цицерона приведены его слова, что неприлично римскому народу, повелителю народовъ, быть откупщикомъ ихъ. Когда по окончаніи третьей пунической войны, онъ, какъ посолъ сената, объѣзжалъ Азію, онъ внушалъ и царямъ и народамъ уваженіе своей образованностью и достоинствомъ, съ какимъ держалъ себя. Онъ, казалось, наслѣдовалъ отъ Сципіона старшаго и благосклонность боговъ, и любовь народа. Народъ два раза съ отступленіемъ отъ законныхъ правилъ избиралъ его консуломъ (стран. 587). Войско уважало его не только какъ побѣдоноснаго полководца, но и какъ храбраго воина; онъ убилъ въ единоборствѣ кельтскаго великана, хвастливо вызывавшаго изъ римскаго войска противника себѣ; онъ получилъ въ Испаніи вѣнокъ, даваемый въ награду первому взошедшему на стѣны непріятельскаго города; въ Африкѣ онъ получилъ вѣнокъ, даваемый за спасеніе согражданъ. Человѣкъ такихъ талантовъ и такого высокаго общественнаго положенія,

онъ казался предназначеннымъ спасти римскій народъ отъ погибели. Воспитанникъ Полибія, онъ понималъ причины государственнаго разстройства. Но превосходя другихъ вельможъ честностью и гражданскими доблестями, онъ все-таки оставался преданъ интересамъ своего сословія. Бывши консуломъ, онъ улучшилъ судопроизводство и своею поддержкою склонилъ народъ принять законъ Кассія о замѣнѣ открытой подачи голосовъ въ народномъ собраніи баллотировкою; бывши цензоромъ, онъ устранилъ много злоупотребленій и старался возстановить въ обычаяхъ гражданъ старинную честность, простоту, скромность образа жизни, какъ возстановлялъ дисциплину въ войскѣ. Но онъ не пытался исцѣлить коренныя причины болѣзни римскаго государства. Лелій, нѣсколько старшій лѣтами другъ и совѣтникъ его, бывши трибуномъ, предложилъ роздать мелкими участками гражданамъ ту общественную землю, которая была захвачена своими владѣльцами въ недавнее время; это предложеніе произвело такой взрывъ негодованія въ богатомъ сословіи, что Лелій отказался отъ своего намѣренія; за эту уступку онъ получилъ названіе „мудраго“. Въ жизни народовъ бываютъ такія времена, когда нарушенная справедливость не можетъ быть возстановлена безъ насилія и новаго нарушенія справедливости. Сципіону Эмиліану казалось, что лекарство отъ болѣзни будетъ тяжеле, вреднѣе самой болѣзни. Онъ не участвовалъ въ несправедливостяхъ другихъ вельможъ, но и не выступалъ противъ нихъ, какъ реформаторъ. Онъ предоставлялъ исцѣленіе государства богамъ. Слагая съ себя, по окончаніи срока, санъ цензора, онъ молилъ боговъ не о томъ, чтобы они увеличили могущество Рима, какъ молились прежніе цензоры, а только о томъ, чтобы они сохранили Риму его настоящее величіе. Эта формула молитвы замѣнила съ той поры прежнюю (стран. 583).

Тиберій Гракхъ.

Совершить дѣло, на которое не рѣшался Сципіонъ Эмиліанъ, человѣкъ въ то время уже не молодой, предпринялъ отважный юноша Тиберій Семпроній Гракхъ. Молодость — время отваги въ словѣ и въ дѣлѣ; молодому человѣку кажется, что легко преодолѣть препятствія, кажущіяся непреодолимыми человѣку зрѣлыхъ лѣтъ. Тиберій Гракхъ былъ одаренъ многими изъ качествъ, нужныхъ реформатору; онъ обладалъ такими талантами, что казался способнымъ идти путемъ Секстія и Лицинія, спасти отечество отъ бѣдствій, губившихъ народъ.

Его происхожденіе.

По отцу и по матери онъ принадлежалъ къ самымъ знатнымъ родамъ римской аристократіи; его отецъ, именемъ также Тиберій, оказалъ въ Испаніи своею храбростью и справедливостью великія услуги родинѣ и оставилъ по себѣ благодарныя воспоминанія въ покоренныхъ племенахъ; бывши два раза консуломъ и бывши цензоромъ, онъ пріобрѣлъ любовь народа и одобреніе аристократіи своею честностью, нравственною строгостью, вообще благородствомъ, съ какимъ держалъ себя. Первый человѣкъ въ государствѣ, Сципіонъ Африканскій старшій, отдалъ за него дочь, хотя онъ, союзникъ Катона, принадлежалъ къ числу противниковъ фамиліи Сципіоновъ.

Корнелія.

Его жена, Корнелія, была женщина благородной души; римлянки гордились ею. По смерти мужа, она посвятила всю заботливость своей любви воспитанію дѣтей; у ней было нѣсколько человѣкъ ихъ; она имѣла то горе, что нѣкоторыя изъ нихъ умерли въ дѣтствѣ; тѣмъ сильнѣе привязалась она къ тремъ, оставшимся въ живыхъ; она воспитала ихъ въ любви къ греческому просвѣщенію, которое усвоила себѣ въ отцовскомъ семействѣ и которымъ обладалъ ея покойный мужъ. Ея письма считались у римлянъ образцовыми по чистотѣ и благородству языка. Чтобы посвящать всю себя исполненію обязанностей матери, она отклонила предложеніе египетскаго царя, просившаго ея руки.

Характеръ и молодость Тиберія.

Старшій сынъ ея, юноша кроткій, простой, привѣтливый, сопровождалъ въ карѳагенскую войну Сципіона Эми-

ліана, женившагося на его сестрѣ Семпроніи, не имѣвшаго отъ нея дѣтей и не бывшаго счастливымъ въ супружествѣ съ ней. При осадѣ и взятіи Карѳагена, Тиберій показалъ себя достойнымъ сыномъ отца, храбраго воина. На этомъ походѣ въ бесѣдахъ съ Полибіемъ, Панетіемъ и другими людьми высокой образованности, окружавшими Сципіона Эмиліана и въ Римѣ, и на войнѣ, онъ проникся восторженной любовью къ возвышенной философіи, гуманности, свободѣ, демократіи, пріобрѣлъ идеальныя стремленія, ставившія его далеко выше большинства другихъ юношей аристократическаго сословія. Душа его наполнилась гуманными понятіями того времени. Въ войнѣ съ нумантійцами онъ, благодаря ихъ уваженію къ его
имени, спасъ окруженное ими войско Манцина (стр. 577), и нумантійцы поз- 137.
волили ему обратно взять, что ему угодно, изъ захваченной ими добычи. Онъ принялъ приглашеніе обѣдать съ ними, но изъ добычи взялъ только свои приходорасходныя книги. То, что сенатъ отказалъ въ утвержденіи договора, заключеннаго съ нумантійцами и рѣшилъ выдать имъ Манцина, возбудило въ прямодушномъ молодомъ человѣкѣ негодованіе на аристократію, хотя самъ онъ, по своимъ семейнымъ связямъ, былъ избавленъ отъ униженія,
которому подвергся Манцинъ. Вскорѣ послѣ того вспыхнула въ Сициліи 134.
невольническая война, вождемъ бунтовщиковъ сталъ чудотворецъ Эвнъ; мятежъ принялъ громадный размѣръ (стр. 597). Это ужасное событіе раскрыло глаза многимъ изъ римскихъ государственныхъ людей, показало, что положеніе государства очень опасно, и должно было произвести глубокое впечатлѣніе на кроткое сердце Тиберія.

Аристократы, сочувствовавшіе Тиберію.

Въ рядахъ аристократіи послышались голоса, порицавшіе ее за то, что она не допустила аграрной реформы Лелія; къ числу очень вліятельныхъ людей, начавшихъ говорить о необходимости такой реформы, принадлежалъ Аппій Клавдій, бывшій консуломъ въ 143 году и цензоромъ въ 136 году, тесть Тиберія, человѣкъ, обладавшій всею тою силою характера, которая вообще принадлежала роду Клавдіевъ. Такихъ же мыслей держались Публій Лициній Крассъ Муціанъ, верховный первосвященникъ (стр. 580), и его братъ Публій Муцій Сцевола, знаменитые юристы, замѣчательные государственные люди, очень уважаемые и аристократіею, и народомъ; Квинтъ Метеллъ, побѣдитель македонянъ (стр. 559), человѣкъ благородной души, старой римской чистой нравственности; Гай Фанній, храбрый воинъ, авторъ римской исторіи, считавшейся превосходнымъ трудомъ. Они и нѣкоторые другіе люди знатнѣйшихъ фамилій аристократіи прониклись убѣжденіемъ въ необходимости аграрныхъ реформъ. Почти всѣ они были или родственники или близкіе друзья Тиберія; его младшій братъ Гай былъ женатъ на дочери Муціана. Реформаторы надѣялись, что не откажетъ имъ въ своемъ содѣйствіи Лелій, который самъ за нѣсколько времени передъ тѣмъ предлагалъ произвести аграрную реформу. Черезъ Лелія надѣялись они пріобрѣсти поддержку Сципіона Эмиліана, котораго тогда не было въ Римѣ (онъ велъ войну съ нумантійцами). Если бъ аристократія взяла дѣло реформы въ свои руки, то могла бы произвести ее спокойнымъ, законнымъ путемъ. Должно было опасаться, что если не будетъ принято мѣръ для улучшенія народнаго быта, то въ Италіи начнутся мятежи, подобные сицилійскимъ, и судьба государства подвергнется дѣйствію силъ, которыми невозможно будетъ управлять.—Такъ казалось приверженцамъ реформы. Двигателемъ ея явился Тиберій Гракхъ, который имѣлъ дарованія, требуемыя такимъ дѣломъ: онъ былъ блестящій ораторъ, пользовался уваженіемъ всѣхъ сословій; одушевленный политическимъ идеализмомъ, напоминающимъ энтузіазмъ Клеомена спартанскаго, онъ хотѣлъ спасти родину охраненіемъ свободнаго населенія Италіи, отмѣною злоупотребленій, которыя ввела

въ государственное управленіе аристократія, и возстановленіемъ правъ массы гражданъ.

Тиберій Гракхъ избранъ трибуномъ; его проекты реформъ. 133.

Съ этими мыслями Тиберій Гракхъ выступилъ кандидатомъ на санъ народнаго трибуна. Когда довѣріе народа дало ему мѣсто въ коллегіи десяти представителей интересовъ простолюдиновъ, онъ предложилъ возобновить законы Лицинія (стр. 121) съ измѣненіями, какихъ требовали современныя обстоятельства. Его предложенія, называемыя Семпроніевыми рогаціями, состояли въ слѣдующемъ: никто не долженъ имѣть въ своемъ пользованіи болѣе 500 югеровъ общественной земли по своему личному праву и болѣе 250 дополнительныхъ югеровъ для сына, а если у него нѣсколько сыновей, то въ общей сложности онъ съ сыновьями не можетъ имѣть болѣе 1000 югеровъ; земля, остающаяся сверхъ этихъ нормъ размѣра, должна быть возвращена владѣльцами государству и роздана бѣднымъ людямъ изъ числа римскихъ гражданъ и латинскихъ союзниковъ участками по 30 югеровъ на семейство; участки эти даются имъ не въ собственность, а въ неотчуждаемое наслѣдственное пользованіе съ уплатою государству необременительной подати; надѣленіе гражданъ участками будетъ производиться комитетомъ трехъ уполномоченныхъ, которые будутъ ежегодно избираемы народомъ. Далѣе, Тиберій предлагалъ раздѣлить между получающими участки бѣдными гражданами наслѣдство, оставленное римскому народу пергамскимъ царемъ Атталомъ (стр. 312); это пособіе было нужно имъ для того, чтобъ обзавестись всѣмъ необходимымъ для хозяйства на полученныхъ участкахъ. Тиберій внесъ свои рогаціи прямо въ народное собраніе, не испрашивая предварительнаго согласія сената.

Оппозиція предложеніямъ Тиберія.

Онѣ возбудили страшное негодованіе въ оптиматахъ, главою которыхъ въ этой оппозиціи былъ Сципіонъ Назика, человѣкъ горячаго характера. Болѣе трехсотъ лѣтъ оптиматы владѣли общественною землею и привыкли считать своею собственностью захваченныя ими владѣнія, съ которыхъ они не платили ни аренды, ни поземельнаго налога. Тѣ лица, въ чьемъ владѣніи были теперь общественныя земли, пріобрѣли ихъ по наслѣдству, или покупкой, обмѣномъ, другими законными путями; при трудности, а во многихъ случаяхъ и невозможности разобрать, какія изъ частныхъ владѣній были дѣйствительно частной собственностью съ древнѣйшихъ временъ и какія должны считаться принадлежащими къ составу общественной земли (стр. 90), ропотъ крупныхъ землевладѣльцевъ на несправедливость предложеній Тиберія былъ натураленъ. Они говорили, что прикрываясь обветшавшимъ закономъ, не соотвѣтствующимъ настоящему положенію дѣлъ, Тиберій Гракхъ отнимаетъ у гражданъ наслѣдственныя или купленныя владѣнія, принуждаетъ потомковъ покинуть виноградники и оливковыя плантаціи, разведенныя ихъ предками; что граждане, которымъ будутъ розданы участки земли, или не будутъ исполнять свою обязан-

ность службы въ войскѣ, или не будутъ имѣть времени заниматься своимъ хозяйствомъ, потому или государство не будетъ имѣть надобнаго ему числа воиновъ, или нивы, которыя теперь воздѣлываются трудомъ невольниковъ и даютъ изобильныя жатвы, останутся невоздѣланными, станутъ заброшенной землей. Чтобъ остановить опасное дѣло, сенаторы и землевладѣльцы привлекли на свою сторону другого народнаго трибуна, Марка Октавія, человѣка даровитаго и вліятельнаго, который долженъ былъ лишиться части своей земли, если предложенія Тиберія будутъ приняты; онъ воспротивился его предложеніямъ. Тиберій всячески убѣждалъ Октавія, съ которымъ прежде былъ друженъ, прекратить оппозицію; это было напрасно: просьбы богатыхъ гражданъ и личная выгода были для Октавія важнѣе просьбъ Тиберія. Гракхъ остановилъ судопроизводство, принялъ другія мѣры, какія могъ принять по закону, чтобы принудить оппозицію прекратить сопротивленіе. Сенатъ, опираясь на Октавія, продолжалъ сопротивляться Гракху. Напрасно трибунъ произносилъ пламенныя рѣчи, склоняя на свою сторону гражданъ яркимъ изображеніемъ страданій бѣдняковъ. По словамъ Плутарха онъ говорилъ: «Дикія животныя имѣютъ пещеры и логовища, а у гражданъ, сражающихся за Италію, не осталось ничего, кромѣ воздуха и солнечнаго свѣта; безпріютно скитаются они съ семействами по странѣ, которую завоевали ихъ предки и защищаютъ ихъ сыновья. Полководцы произносятъ пустыя, лживыя фразы, когда предъ началомъ битвы убѣждаютъ воиновъ сражаться за могилы предковъ и домашніе жертвенники; ни у одного нѣтъ могильной насыпи, на которой бы могъ онъ совершать возліянія тѣнямъ предковъ; эти воины сражаются и умираютъ для пріобрѣтенія роскоши и богатства другимъ; ихъ называютъ владыками всего міра, а между тѣмъ нѣтъ у нихъ ни малѣйшаго клочка земли». Рѣчи Тиберія не могли измѣнить мыслей Октавія и сенаторовъ. Онъ увидѣлъ себя поставленнымъ въ необходимость или отказаться отъ реформы или устранить Октавія, который своей трибунской протестаціей останавливалъ ходъ дѣла. Онъ рѣшился на второе и сказалъ народному собранію, что трибунъ, употребляющій свою власть во вредъ народу, измѣняетъ обязанности своего сана и долженъ быть лишенъ его. Въ собраніи народа по трибамъ, на которое пришло очень много поселянъ, было принято предложеніе Гракха отнять у Октавія санъ трибуна; на мѣсто его былъ выбранъ человѣкъ, безусловно преданный Тиберію Гракху. Теперь не было никакой законной задержки вотированію предложеннаго Тиберіемъ закона; онъ былъ принятъ, и было назначено трое уполномоченныхъ (тріумвировъ) для произведенія установленной закономъ аграрной реформы. Тріумвирами были выбраны Тиберій, его младшій братъ Гай, двадцатилѣтній юноша, и его тесть Аппій Клавдій. Небывалымъ, противнымъ закону и обычаю низложеніемъ народнаго трибуна, этимъ нарушеніемъ святости и неприкосновенности трибун-

Трибунъ Маркъ Октавій переходитъ на сторону оппозиціи.

Тиберій убѣждаетъ народъ отнять у Октавія санъ трибуна.

скаго сана, Тиберій Гракхъ далъ своимъ противникамъ поводъ утверждать съ нѣкоторымъ видомъ правдоподобія, что онъ хочетъ низвергнуть законный порядокъ, стремится пріобрѣсти владычество въ государствѣ, стать царемъ. Аристократія издавна умѣла пользоваться наслѣдственной ненавистью римскаго народа къ монархической формѣ правленія, чтобы губить каждаго опаснаго ей человѣка обвиненіемъ въ намѣреніи сдѣлаться царемъ.

Тактика аристократовъ.

Въ томъ народномъ собраніи, въ которомъ должно было происходить вотированіе по вопросу о принятіи или не принятіи закона, предложеннаго Тиберіемъ, аристократы стали отдѣльной группой въ траурной одеждѣ, показывая тѣмъ, что государству угрожаетъ великое бѣдствіе. Они продолжали сопротивленіе, распускали клеветы противъ Гракха, возбуждали противъ него населеніе города. Были дѣлаемы попытки убить Тиберія, и онъ видѣлъ себя въ такой опасности, что всегда имѣлъ при себѣ кинжалъ и ходилъ на форумъ не иначе, какъ въ сопровожденіи трехъ или четырехъ тысячъ человѣкъ. Этими предосторожностями онъ увеличилъ число своихъ противниковъ. Опаснымъ для законнаго порядка примѣромъ было уже и то самое, что онъ внесъ свое предложеніе реформы прямо въ народное собраніе, помимо сената; это былъ революціонный способъ дѣйствованія. Противузаконное низложеніе трибуна должно было казаться деспотическимъ произволомъ.

Выборы трибуновъ на слѣдующій годъ.

Дѣло, начатое Тиберіемъ Гракхомъ, могло быть приведено въ исполненіе только въ томъ случаѣ, если онъ будетъ избранъ трибуномъ и на слѣдующій годъ. Чтобы обезпечить себѣ большинство голосовъ на выборахъ, онъ предложилъ новыя реформы, которыми надѣялся упрочить за собою расположеніе народа. Его желаніе быть снова избраннымъ въ народные трибуны противники называли новымъ нарушеніемъ законовъ. Они говорили, что по закону никто не можетъ занимать одну и ту же должность два года сряду. Пришло время жатвы, сбора винограда и оливокъ; эти работы отвлекли изъ Рима гражданъ-поселянъ, вѣрнѣйшихъ приверженцевъ Тиберія Гракха. Граждане, жившіе въ самомъ Римѣ, были не такъ усердно расположены къ нему, и многіе изъ нихъ поддались интригамъ его противниковъ. Таково было положеніе дѣлъ, когда насталъ день выбора трибуновъ. Онъ происходилъ подъ предсѣдательствомъ новаго консула Муція Сцеволы, человѣка справедливаго, доброжелательнаго къ народу, расположеннаго къ Тиберію Гракху. Трудная работа разбора, какія земли составляютъ частную собственность владѣющихъ ими, какія должны считаться государственными землями, только еще начиналась. Она могла быть съ успѣхомъ продолжаема лишь въ томъ случаѣ, если Тиберій Гракхъ снова будетъ выбранъ трибуномъ. Потому и друзья его и противники пришли на форумъ въ очень большомъ числѣ и готовые къ борьбѣ, какъ будто шли на битву. Когда нѣсколько трибъ подали голосъ, оптиматы протестовали противъ продолженія баллотировки, говоря, что по закону никто не можетъ быть трибуномъ два года

сряду. Ихъ оппозиція была такъ сильна, что вотированіе остановилось. Оно было отложено до слѣдующаго дня, и народъ разошелся въ сильномъ волненіи. Гракхъ употребилъ всевозможныя усилія обезпечить свое избраніе. Онъ вышелъ къ народу въ траурной одеждѣ и просилъ гражданъ не покинуть его дѣтей, если онъ погибнетъ. По согласію съ нимъ, его приверженцы послали на разсвѣтѣ надежныхъ людей занять ступени храма Юпитера и Капитолій; было условлено, что, если противники снова станутъ мѣшать вотированію, эти люди, по данному знаку прогонятъ ихъ съ форума.

Смерть Тиберія Гракха 133.

Собраніе началось при дурныхъ предзнаменованіяхъ. Когда Тиберій занялъ свое мѣсто, его приверженцы стали кругомъ, какъ стража. Какъ только началось вотированіе, аристократы, ставшіе плотными рядами на форумѣ передъ храмомъ Юпитера Капитолійскаго, подняли съ громкимъ крикомъ протестъ противъ баллотировки и двинулись на средину форума помѣшать вотированію, а другіе смущали молвою о замыслахъ Тиберія сенатъ, засѣдавшій подъ президентствомъ консула Муція Сцеволы въ храмѣ богини Вѣрности, рядомъ съ форумомъ. Они говорили, что Тиберій хочетъ отнять санъ у всѣхъ другихъ трибуновъ, быть трибуномъ одинъ, присвоить себѣ диктаторскую власть. Вбѣжалъ въ сенатъ человѣкъ съ новымъ извѣстіемъ: онъ кричалъ, что Тиберій требуетъ себѣ царской діадемы. Дѣло было такъ: Тиберій, получившій достовѣрныя свѣдѣнія, что противники готовятся сдѣлать нападеніе и убить его, хотѣлъ сообщить своимъ приверженцамъ объ угрожающей ему опасности; но на форумѣ былъ такой шумъ, что не слышно было его голоса, и онъ, чтобы показать жестомъ то, чего не могъ передать словами, коснулся головы рукою. Озлобленные аристократы придали этому движенію тотъ смыслъ, что онъ проситъ себѣ діадемы. Сципіонъ Назика, самый горячій и смѣлый изъ всѣхъ аристократовъ, обратился къ консулу съ громкимъ требованіемъ, чтобы онъ защитилъ государство, низвергъ тиранна. Сцевола спокойно отвѣчалъ, что не употребитъ насилія противъ гражданина безъ судебнаго рѣшенія, и что если Гракхъ захочетъ сдѣлать что-нибудь противозаконное, то онъ остановитъ его. Назика вскочилъ, закричалъ: «Консулъ измѣняетъ Риму; кто хочетъ охранить законы, пусть идетъ за мной!»—прикрылъ голову тогой и бросился на форумъ; за нимъ бѣжали сенаторы его партіи, обернувъ полою тоги лѣвую руку, схвативъ правой рукой валявшіеся по дорогѣ палки, ножки и обломки сломанныхъ скамей; они прорвались сквозь ряды народа, почтительно разступавшагося передъ ними; гражданъ-поселянъ въ этомъ собраніи народа было мало; городскіе простолюдины не отважились сопротивляться; такимъ образомъ оптиматы и сопровождавшіе ихъ люди свободно добѣжали до средины форума. Гракхъ, окруженный преданными ему гражданами, нѣсколько времени удерживалъ нападающихъ на него; но нѣкоторые изъ его друзей были уби-

ты палками, ожесточеннѣйшіе изъ его враговъ бросились на него; онъ побѣжалъ отъ нихъ; кто-то схватилъ его за тогу, чтобъ остановить, онъ сбросилъ тогу и побѣжалъ, но споткнулся о трупы убитыхъ; одинъ изъ трибуновъ, Сатурей, ударилъ его по головѣ ножкою скамьи; Луцій Руфъ хвалился, что нанесъ ему второй ударъ. Онъ упалъ мертвый передъ храмомъ Вѣрности у статуй римскихъ царей. Было убито 300 человѣкъ его приверженцевъ. Ихъ избитыя ударами тѣла, лежавшія въ Капитоліѣ или низвергнутыя со скалъ холма, были ночью брошены въ Тибръ. Гай Гракхъ просилъ, чтобы ему отдали тѣло брата для погребенія. Оптиматы отвергли эту просьбу; они хотѣли мстить Тиберію и по смерти его; при томъ они опасались, что, при видѣ его тѣла, народъ очнется отъ малодушнаго оцѣпенѣнія, постыдится того, что покинулъ своего великодушнаго защитника на жертву врагамъ. Такъ умеръ на тридцатомъ году жизни благородный Тиберій Гракхъ, личность трагическаго величія и трагической судьбы. Сципіонъ Эмиліанъ, мужъ его сестры, бывшій тогда подъ Нуманціею, услышавъ о его смерти, произнесъ стихъ Гомера: «Такъ пусть погибнетъ каждый, кто носитъ въ душѣ такой замыселъ», — приговоръ опрометчивый и неблагородный, котораго не забыли и не простили великому полководцу друзья Тиберія.

Торжество аристократіи.

Слова, произнесенныя Сципіономъ, были выраженіемъ мыслей всей аристократіи. Даже тѣ оптиматы, которые въ душѣ не были противниками аграрной реформы, какъ напримѣръ Лелій, Публій Сцевола, перешли послѣ событія, совершившагося у храма Вѣрности, на сторону противниковъ ея. Такимъ образомъ осталось безнаказаннымъ злодѣйство, которое при самомъ началѣ второго періода сословной борьбы, наложило на нее кровавую печать и дало ей характеръ, существенно различный отъ прежней борьбы патриціевъ съ плебеями. Вся аристократія хвалила дѣло Сципіона Назики и его сотоварищей, выставляла себя солидарной съ ними. Обязанностью чести для всякаго аристократа было утаивать имена людей, совершившихъ убійство Тиберія, скрыть ихъ отъ ненависти народа, который скоро очнулся отъ своей апатіи, понялъ, что былъ обманутъ оптиматамы, поставилъ статую въ честь своего защитника. Сципіонъ Назика былъ отправленъ съ почетнымъ порученіемъ въ провинцію Азію, чтобъ народное мщеніе не постигло его, и во время этой поѣздки былъ назначенъ верховнымъ первосвященникомъ. Публій Сцевола, пытавшійся отвратить убійство, сдѣлался потомъ защитникомъ его. Когда у Сципіона Эмиліана, который вскорѣ послѣ смерти Тиберія возвратился изъ Испаніи, публично потребовали объясненія, одобряетъ или осуждаетъ онъ убійство брата его жены, онъ отвѣчалъ, что если Тиберій Гракхъ дѣйствительно хотѣлъ сдѣлаться царемъ, то онъ находитъ его смерть справедливымъ ему наказаніемъ. Эти слова были приняты съ ропотомъ; онъ громко велѣлъ народу молчать, прибавивъ, что люди, недовольные имъ, не дѣти Италіи (это былъ намекъ на отпущенниковъ, которые обыкновенно составляли значительную часть народа, собиравшагося на форумѣ); отъ его обидныхъ словъ шумъ усилился, и онъ презрительно сказалъ: „Или вы думаете, что я боюсь тѣхъ, отпущенныхъ теперь на волю, которыхъ я прислалъ въ цѣпяхъ для продажи въ рабство?“

Заключеніе.

Чтобы дать юридическое оправданіе убійству Тиберія Гракха и его друзей, были преданы суду нѣкоторые изъ второстепенныхъ людей его партіи, какъ соучастники его преступленія, были осуждены на смерть и казнены или подвергнуты изгнанію, или приговорены къ тюремному заключенію. Побѣдители хотѣли запугать приверженцевъ аграрной реформы такъ, чтобы на форумѣ никогда не возобновлялась рѣчь о ней. Но дурныя послѣдствія для аристократіи и для всего государства принесло то, что образованные люди, аристократы прибѣгли къ беззаконному кровопролитію, что они, унизившись въ своей ярости до обычаевъ черни, перебили своихъ противниковъ палками и подали тѣмъ грубой массѣ страшный примѣръ мстительнаго самоуправства. Посѣяно было убійство, и неизбѣжно было то, что выросла кровавая жатва.

---

2. Политическая дѣятельность Гаія Гракха и смерть его.

Аграрная коммиссія.

Если землевладѣльцы надѣялись, что со смертью Тиберія Гракха исчезнетъ Семпроніевъ аграрный законъ, то они ошибались. Сенатъ, въ которомъ понемногу стали смѣлѣе говорить приверженцы реформы, нашелъ неудобнымъ остановить начатое дѣло раздачи земель бѣднымъ гражданамъ, хотя и не сочувствовалъ революціонному образу дѣйствій погибшаго реформатора. На мѣсто Тиберія былъ назначенъ членомъ аграрной коммиссіи тесть Гаія Гракха, Публій Крассъ Муціанъ; въ слѣдующемъ году онъ былъ убитъ въ Азіи (стр. 580); около того же времени умеръ Аппій Клавдій. На ихъ мѣста были назначены энергичные вожди демократической партіи, Маркъ Фульвій Флаккъ и Гай Папирій Карбонъ, люди неутомимой дѣятельности и не очень разборчивые на средства. Мы имѣемъ мало свѣдѣній о томъ, какъ вела свое трудное дѣло коммиссія, занимавшаяся раздачею государственной земли бѣднымъ гражданамъ. Кажется, что у крупныхъ землевладѣльцевъ было отобрано много государственной земли, что по всей Италіи были раздаваемы участки ея, и владѣніе ими упрочивалось постановкою межевыхъ знаковъ; такъ должно думать, потому что при слѣдующемъ цензѣ число гражданъ, внесенныхъ въ списки военной повинности, то есть владѣющихъ достаточнымъ для безбѣднаго содержанія количествомъ земли, увеличилось болѣе чѣмъ на 7,000 человѣкъ, и консулъ Публій Попиллій, завѣдывавшій веденіемъ процессовъ противъ приверженцевъ Тиберія Гракха, называетъ себя въ своей надгробной надписи «первымъ, прогнавшимъ съ общественной земли пастуховъ и раздавшимъ ее поселянамъ». Но энергическая дѣятельность демократовъ аграрной коммиссіи раздражала людей, владѣвшихъ общественною землею и терявшихъ теперь часть ея. Скоро недовольство аристократовъ стали раздѣлять римскія и латинскія сельскія общины, у которыхъ тоже были отби-

раемы неправильно захваченныя ими общественныя земли. Имущественныя дѣла таковы, что всякое правительственное вмѣшательство въ нихъ представляется владѣльцамъ нарушеніемъ права собственности.

„Отбирая у крупныхъ землевладѣльцевъ захваченную ими общественную землю и раздавая ее бѣднымъ гражданамъ", говоритъ Ничъ, „аграрная коммиссія много увеличивала наносимые этимъ убытки крупнымъ землевладѣльцамъ своею невнимательностью къ тому, какія части ихъ владѣній имѣютъ для нихъ особенную хозяйственную важность: она отбирала застроенныя мѣстности и лѣса, оставляла владѣльцу иногда только пахатную землю безъ всякихъ другихъ угодій или брала всю пахатную землю и оставляла землевладѣльцу только луга, которые сами по себѣ были хороши, но становились безполезны для него безъ пахатной земли. Занятыя частными людьми общественныя земли и земли, дѣйствительно составлявшія частную собственность, такъ перепутались въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій, срослись въ такое нераздѣльное цѣлое, что въ большей части случаевъ нельзя было разобрать этихъ разныхъ составныхъ частей владѣнія. Документовъ о покупкѣ или продажѣ по всей вѣроятности было мало. Надобно было рѣшать дѣла по стариннымъ поземельнымъ описямъ, нужно было разспрашивать стариковъ о томъ, гдѣ были межи общественныхъ земель; въ сомнительныхъ случаяхъ коммиссія требовала у владѣльцевъ свѣдѣній о томъ, какими путями поступили земли во владѣніе ихъ отцовъ. Само по себѣ дѣло аграрной коммиссіи было уже запутанное. Она еще больше запутывала его и навлекала на себя ненависть суровостью своихъ дѣйствій; она отбирала не одну только общественную землю, дѣйствительно составлявшую собственность владѣльца, если у него не было документовъ о принадлежности ея ему, но и признавала недѣйствительными всѣ тѣ покупки, въ которыхъ находила какую-нибудь неправильность. Всѣ землевладѣльцы были тревожимы и раздражаемы этими розысками; пріѣздъ тріумвировъ аграрной коммиссіи распространялъ ужасъ между зажиточными людьми и повсюду было глубокое недовольство".

По вліянію Сципіона Эмиліана, раздача земель прекращена.

Аграрная коммиссія сама производила слѣдствіе, сама постановляла приговоръ и сама немедленно приводила его въ исполненіе. Ея распоряженія нарушали множество интересовъ отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ общинъ. Естественно было, что повсюду землевладѣльцами овладѣла тревога; въ особенности волновались латинскія общины, которымъ были предоставлены земли по особеннымъ договорамъ съ Римомъ. Онѣ обратились къ Эмиліану, главѣ фамиліи Сципіоновъ, издавна бывшей къ латинамъ въ отношеніяхъ патроната къ кліэнтамъ. По вліянію Эмиліана, народное собраніе въ 129 году приняло законъ, отнимавшій у аграрной коммиссіи право постановлять приговоры и передававшій консуламъ рѣшеніе вопросовъ о томъ, какія земли должно признать общественными, какія составляющими частную собственность. Это постановленіе было въ сущности равнозначительно прекращенію дѣятельности аграрной коммиссіи.

Смерть Сципіона.

Сципіонъ раздражилъ этимъ дѣломъ партію реформы, которая и безъ того уже имѣла противъ него неудовольствіе за косвенное одоб-

реніе убійства Тиберія Гракха. Демократы стали говорить, что сенатъ хочетъ дать ему диктаторскую власть съ порученіемъ подавить агитацію. Вожди демократической партіи не хотѣли допустить диктатуры. Однажды Сципіонъ говорилъ въ сенатѣ противъ аграрныхъ перемѣнъ, защищая интересы латиновъ; на слѣдующій день онъ хотѣлъ произнести въ народномъ собраніи рѣчь въ томъ же примирительномъ смыслѣ. Латины въ знакъ признательности и уваженія проводили его процессіей изъ сената въ его домъ. Простившись съ ними, онъ рано вечеромъ ушелъ въ свою спальную заняться приготовленіемъ къ рѣчи на слѣдующій день. Поутру нашли его мертвымъ. Былъ-ли онъ убитъ или внезапно умеръ естественною смертью, осталось не разъясненнымъ. Сначала, повидимому, полагали, что смерть его была естественная; такъ должно думать потому, что или не было назначено слѣдствіе о причинѣ его смерти или слѣдствіе было прекращено. Но потомъ утвердилось мнѣніе, что этотъ великій человѣкъ умеръ отъ руки убійцы. О томъ, кого считать убійцей, были только предположенія. Многіе думали, что виновникомъ убійства былъ Папирій Карбонъ, человѣкъ горячій, нерасположенный уважать законность. Во всякомъ случаѣ, казалось вѣроятнымъ, что убійца вышелъ изъ рядовъ партіи Гракха; должно было казаться, по выраженію одного изъ новѣйшихъ историковъ, что смерть Сципіона — демократическій отвѣтъ на аристократическое убійство Тиберія Гракха. Потому надобно думать, что демократическая партія помѣшала судебному изслѣдованію дѣла, опасаясь за своихъ вождей. Аристократы не были особенно огорчены смертью Сципіона: онъ не былъ безусловнымъ приверженцемъ ихъ партіи. Въ сознаніи своихъ заслугъ передъ отечествомъ и въ патріотическомъ усердіи къ благу его, онъ отважился съ небольшой группою людей подобнаго ему умѣреннаго образа мыслей занять независимое положеніе между боровшимися партіями и лишился расположенія обѣихъ. Но тѣмъ больше сожалѣли о его смерти немногіе аристократы, раздѣлявшіе его образъ мыслей, въ особенности Метеллъ Македонскій, бывшій прежде противникомъ фамиліи Сципіоновъ. Услышавъ о смерти его, Метеллъ бросился на форумъ, восклицая: «Граждане, стѣны Рима рушились: Сципіонъ Африканскій лишенъ жизни, въ своемъ домѣ, спящій!» Онъ велѣлъ своимъ четыремъ сыновьямъ нести гробъ Сципіона къ костру, сказавъ имъ: «Вы никогда не окажете этой услуги человѣку, болѣе великому». Съ покрытой головой тѣло героя, наканунѣ бывшаго крѣпкимъ, совершенно здоровымъ, было предано сожженію. Онъ скончался 56-ти лѣтъ. Сынъ его брата, Квинтъ Максимъ, былъ распорядителемъ похороннаго обряда и произнесъ надгробную рѣчь, потому что у Сципіона не было сына и сыновнюю обязанность долженъ былъ исполнять племянникъ. Жена Сципіона, Семпронія, не любила его и не была любима имъ. Многіе даже полагали, что она

была соучастницею убійства, совершеннаго подъ покровомъ ночи, или по крайней мѣрѣ, знала о замыслѣ убійцъ.

Дѣятельность демократической партіи.

По прекращеніи дѣйствій аграрной коммиссіи и по смерти Сципіона Эмиліана нѣсколько лѣтъ прошло спокойно. Обѣ партіи пользовались этимъ временемъ, чтобъ приготовиться къ новой борьбѣ; оно было похоже на затишье передъ бурей. Партія Гракха, въ особенности Папирій Карбонъ, хорошій ораторъ, и Фульвій Флаккъ подготовляли предложеніями новыхъ законовъ почву для возобновленія аграрной реформы и старались устранить препятствія, помѣшавшія исполненію закона Тиберія Гракха.

Новые законы.

Они старались усилить демократическій элементъ въ государственномъ устройствѣ, увеличить власть народнаго собранія; съ этой цѣлью они установили, что при всѣхъ рѣшеніяхъ его подача голосовъ производится посредствомъ тайной баллотировки, что народный трибунъ можетъ быть избираемъ на второй годъ и что латинскимъ союзникамъ предоставляется право римскаго гражданства. Аристократія сильно противилась всѣмъ тремъ этимъ предложеніямъ, но два первыя изъ нихъ были приняты народомъ: законъ Папирія, установленный въ 131 году, опредѣлялъ, что, при совѣщаніяхъ народнаго собранія о законодательныхъ мѣрахъ, голоса должны быть подаваемы тайно, посредствомъ досчечекъ, какъ уже было постановлено въ 139 году закономъ Габинія относительно выборовъ и въ 137 году закономъ Кассія относительно рѣшеній народнаго суда. Выборъ въ трибуны былъ освобожденъ отъ всякихъ стѣсненій. Но тѣмъ упорнѣе противилось правительство третьему предложенію демократической партіи: дать право римскаго гражданства латинскимъ союзникамъ; оптиматы имѣли въ этомъ случаѣ на своей сторонѣ всю массу римскихъ гражданъ, жившихъ въ Римѣ и не желавшихъ, какъ мы видѣли, раздѣлять свои права съ латинами или италійцами. Демократическая партія сдѣлала это расширеніе права гражданства главнымъ предметомъ своихъ стремленій, потому что не могла одолѣть сопротивленіе латиновъ огромной реформѣ иначе, какъ предлагая за имущественныя потери, какія наносила имъ эта реформа, нѣкоторое вознагражденіе предоставленіемъ права голоса въ народномъ собраніи и возможности получать высшія правительственныя должности въ государствѣ.

Гай Гракхъ 154—121.

Особенно сильно требовалъ предоставленія правъ римскаго гражданства союзникамъ Гай Семпроній Гракхъ, человѣкъ геніальнаго ума, въ ранней юности заслужившій извѣстность храбростью въ нумантинской войнѣ, потомъ имѣвшій случай снова выказать мужество на службѣ квесторомъ въ Сардиніи. Его пламенная душа жаждала отмстить свирѣпой аристократіи за убійство любимаго брата, котораго онъ, юноша съ живой фантазіей, не разъ видѣлъ во снѣ показывающимъ ему свои раны и приглашающимъ его идти съ собой. Гай Гракхъ съ очень молодыхъ лѣтъ сдѣлался главою демократической партіи; его вліяніе усилилось въ особенности послѣ того, какъ Папирій Карбонъ перешелъ на сторону аристократіи, быть можетъ, для того чтобъ избавиться отъ опасности, въ какую ставило его подо-

зрѣніе въ убійствѣ Сципіона. Но кровавая тѣнь Сципіона преслѣдовала его и въ станѣ оптиматовъ: всѣ честные люди чуждались его, выказывали презрѣніе къ нему, и онъ кончилъ тѣмъ, что убилъ себя. Сенаторская партія ужасалась мысли о появленіи латиновъ на форумѣ, о томъ, что латины станутъ соперниками ея членовъ въ кандидатурѣ на правительственныя должности; для устраненія этой опасности были приняты самыя строгія мѣры. Всѣ латины, жившіе въ Римѣ, высланы были изъ него. Латинскій городъ Фрегеллы хотѣлъ силою пріобрѣсти право римскаго гражданства; попытка мятежа была подавлена самымъ жестокимъ образомъ.

Сопротивленіе аристократіи предоставленію права гражданства союзникамъ.

Наказаніе Фрегеллъ. 126.

Фульвій Флаккъ, бывшій консуломъ въ 126 году, предложилъ, чтобы народное собраніе предоставило право римскаго гражданства союзникамъ, желающимъ пріобрѣсти его; это предложеніе было отвергнуто. Граждане Фрегеллъ, бывшихъ тогда однимъ изъ самыхъ богатыхъ городовъ Италіи, взялись за оружіе, чтобы силою пріобрѣсти себѣ право римскаго гражданства. Противъ нихъ было послано войско. При помощи измѣнника, нашедшагося въ городѣ, онъ былъ взятъ, и преторъ Луцій Опимій, по порученію сената, свирѣпо наказалъ его жителей. Укрѣпленія Фрегеллъ были разрушены, какъ стѣны Капуи во вторую пуническую войну; земля, принадлежавшая горожанамъ, была роздана сосѣднимъ городамъ и римскимъ колонистамъ. Возстаніе Фрегеллъ было послѣ долгаго спокойствія первымъ симптомомъ того, что пробуждается въ покоренныхъ областяхъ Италіи вражда противъ Рима, первымъ порывомъ сопротивленія союзниковъ владычеству его.

Оправданіе Гаія Гракха и выборъ его въ трибуны.

Оптиматы начали процессы противъ гражданъ, подозрѣваемыхъ въ сношеніяхъ съ мятежными союзниками; цѣлью этихъ преслѣдованій было запугать вождей демократической партіи, подавить мысль о предоставленіи права гражданства союзникамъ. Въ числѣ обвиняемыхъ находился Гай Гракхъ. Владычествующая партія давно стала опасаться этого чрезвычайно даровитаго молодого человѣка и выказывала свою вражду къ нему разными мелочами. Такъ напримѣръ, когда войско, при которомъ Гай Гракхъ находился квесторомъ, было отозвано изъ Сардиніи, сенатъ велѣлъ ему оставаться тамъ, хотя годъ службы его квесторомъ уже прошелъ. Онъ воротился въ Римъ безъ разрѣшенія сената. Тогда его предали суду по обвиненію въ нарушеніи военныхъ законовъ и въ возбужденіи жителей Фрегеллъ къ мятежу. Но его превосходная рѣчь въ народномъ собраніи убѣдила народъ въ несправедливости обвиненія; народъ оправдалъ его и въ слѣдующемъ году избралъ его трибуномъ. Онъ получилъ теперь возможность мстить за брата и продолжать его реформаторскую дѣятельность. На выборахъ въ трибуны вся партія оптиматовъ единодушно вотировала противъ Гаія Гракха, но граждане, жившіе на своихъ земляхъ, массою пришли на выборы; стеченіе народа было такое, что на форумѣ не достало мѣста для всѣхъ избирателей. Голоса гражданъ-поселянъ рѣшили выборы въ пользу Гаія. Девятью годами моложе Тиберія, онъ былъ теперь въ томъ самомъ воз-

123.

Характеръ Гаія Гракха.

растѣ, въ какомъ началъ свою опасную политическую дѣятельность старшій братъ. Онъ былъ въ это время еще юноша, но уже сдѣлался человѣкомъ знаменитымъ. Онъ получилъ превосходное образованіе, былъ отваженъ, отвращался всего низкаго; былъ геніальнѣе, смѣлѣе погибшаго брата, имѣлъ характеръ болѣе рѣзкій и, сдѣлавшись трибуномъ, сталъ чрезвычайно опаснымъ врагомъ оптиматовъ, которыхъ ненавидѣлъ всѣми силами души. Девять лѣтъ онъ припужденъ былъ сдерживать свою страстную вражду къ нимъ и теперь отдался ей съ удвоенной страстностью. Она влагала ему въ уста пламенныя слова, проникавшія въ сердца слушателей и сдѣлала его величайшимъ и самымъ грознымъ для противниковъ ораторомъ римскаго форума *). Онъ горячо любилъ погибшаго брата; образъ Тиберія былъ всегда передъ его мыслями, не давалъ задремать чувству гнѣва и жаждѣ мщенія. Онъ предчувствовалъ, что ему предстоитъ одинаковая съ братниной судьба, что онъ тоже найдетъ себѣ смерть въ борьбѣ за народъ, потому онъ спѣшилъ дѣйствовать. Напрасно мать въ своихъ письмахъ удерживала его отъ опаснаго намѣренія, съ истинно-римскимъ величіемъ души говорила ему, что благо отечества выше мщенія врагамъ, хотя-бъ и справедливаго; ея совѣтъ «будь медленъ на гнѣвъ» былъ безсиленъ надъ его пламенной душою. Какъ смертельно раненный, бросающійся на врага, Гаій Гракхъ съ торопливой страстностью ринулся въ роковую схватку. Съ яснымъ пониманіемъ того, что дѣлаетъ, пошелъ онъ революціоннымъ путемъ для низверженія незаконнаго владычества ненавистной аристократіи. Его краснорѣчіе, высокіе политическіе таланты, благородство души, проникнутой отважнымъ честолюбіемъ, но чуждой своекорыстныхъ замысловъ, его любезный характеръ, его искренность пріобрѣли ему много друзей между простолюдинами; угнетенные видѣли въ немъ защитника, спасителя. Тотчасъ по вступленіи въ санъ народнаго трибуна, онъ занялся осуществленіемъ своего плана аграрной реформы.

Предложенія Гаія Гракха. 123.

Онъ внесъ въ народное собраніе рядъ предложеній, цѣлью которыхъ было привлечь на его сторону гражданъ, жившихъ въ Римѣ, и обезпечить его избраніе трибуномъ на слѣдующій годъ.

Законъ о раздачѣ хлѣба.

Одно изъ внесенныхъ Гаіемъ Гракхомъ предложеній говорило, что каждый гражданинъ, по личному заявленію, можетъ ежемѣсячно получать изъ государственныхъ складовъ опредѣленное количество хлѣба по цѣнѣ,

*) До насъ дошли лишь очень небольшіе отрывки его рѣчей, но и по нимъ видно, съ какимъ ожесточеніемъ нападалъ онъ на аристократію. Въ рѣчи, которой оправдывался онъ противъ обвиненія въ самовольномъ отъѣздѣ изъ Сардиніи, онъ, между прочимъ говорилъ, что поѣхалъ въ Сардинію съ полнымъ кошелькомъ, возвратился съ пустымъ, сохранилъ свои руки и свою жизнь чистыми, привезъ домой пустыми кубки, которые наполняютъ серебромъ другіе сановники въ провинціяхъ, поступалъ во всемъ такъ, какъ требовало благо римскаго народа.

чрезвычайно незначительной. Сенаторская партія противилась этому по-
становленію, налагавшему на казну громадный расходъ и пріучавшему
народъ къ праздности; но народное собраніе приняло предложеніе, и были
устроены по закону Семпронія государственные хлѣбные склады для
выдачи хлѣба. Раздача его почти задаромъ доставила Гаію Грякху безъ-
условную поддержку массы бѣдныхъ гражданъ, жившихъ въ Римѣ и сво-
ими голосами вообще рѣшавшихъ выборы и законодательные вопросы въ
народномъ собраніи. Множество бѣдныхъ гражданъ - поселянъ, добывав-
шихъ себѣ скудное пропитаніе тяжелой работой по найму, перешли жить
въ Римъ, гдѣ получали теперь хлѣбъ, не трудясь, и усилили своими голо-
сами демократическую партію.—По старинному порядку, установленіе ко-
тораго приписывалось Сервію, подача голосовъ въ центуріальныхъ коми-
ціяхъ начиналась съ гражданъ высшаго имущественнаго класса; принятое
ими мнѣніе оказывало вліяніе на голоса другихъ центурій. Это доставляло
большую выгоду аристократамъ, потому Гракхъ предложилъ измѣнить
порядокъ, въ какомъ центуріи подавали голоса; онъ хотѣлъ, чтобы оче-
редь вотированія центурій опредѣлялась по жребію. Эта реформа, благо-
пріятствовавшая демократической партіи, была принята, но съ ограниче-
ніями, уменьшавшими ея значеніе.

Возобновленіе предложеній объ аграрной реформѣ.

Сдѣлавъ эти подготовительные шаги, Гаій возобновилъ дѣло аграрной реформы, начатое братомъ. Принятый по предложенію Тиберія аграрный законъ не былъ отмѣненъ; потому только надобно было возобновить дѣятельность аграрной коммиссіи, продолжать начатое изслѣдованіе о томъ, какія земли должны быть признаны общественными, отобрать ихъ въ собственность государства и раздавать участками бѣднымъ гражданамъ. Мы не знаемъ въ точности, какія мѣры были приняты для этого; но, вѣроятно, дѣятельность аграрной коммиссіи была возстановлена возвращеніемъ ей судебной и исполнительной власти. Кажется впрочемъ, что продолжать это дѣло въ широкомъ размѣрѣ въ самой Италіи было нельзя, не производя тяжелаго переворота въ правахъ собственности, не прибѣгая къ произволу, который поколебалъ бы всѣ имущественныя отношенія, и что поэтому доставленіе средствъ къ жизни бѣднымъ гражданамъ обезпечивалось теперь не отнятіемъ въ Италіи земель у прежнихъ владѣльцевъ, а другими средствами. Самымъ простымъ и удобнымъ способомъ дать землю бѣднымъ гражданамъ было основаніе колоній за границами Италіи. Гаій Гракхъ обратился главнымъ образомъ къ нему. Правда, по его предложенію были основаны небольшія колоніи въ самой Италіи, была роздана бѣднымъ гражданамъ государственная земля въ капуанской и тарентской областяхъ. Правительство согласилось сооружать новыя дороги, производить другія общественныя работы для доставленія заработка бѣднымъ гражданамъ. Но все это были мѣры, не достаточно обширныя для исцѣленія зла, и нищета массы гражданъ не уменьшалась замѣтнымъ образомъ отъ этихъ палліативныхъ средствъ. Потому должно назвать дѣломъ благоразумнымъ предложеніе Гаія Гракха, чтобы земля, принадлежавшая городу

Основаніе колоній въ провинціяхъ.

Карѳагену, была раздѣлена на 6000 участковъ для раздачи колонистамъ, въ число которыхъ могутъ вступать и римляне и латины. Граждане этой новой колоніи, для которыхъ Гай хотѣлъ построить городъ Юнонію, должны были пользоваться правами римскихъ гражданъ. Нельзя было выбрать мѣстности, болѣе способной преодолѣть нерасположеніе италійцевъ къ переселенію за море. На благодатныхъ нивахъ, щедро вознаграждающихъ трудъ человѣка, римскіе и латинскіе поселяне быстро должны были достичь большого благосостоянія и примѣръ ихъ долженъ былъ возбудить въ италійцахъ охоту къ подобнымъ переселеніямъ въ другія плодородныя мѣстности провинцій. Проклятіе, лежавшее на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Карѳагенъ, можно было отмѣнить новымъ религіознымъ обрядомъ. Можно было найдти и такую форму государственнаго устройства, при которой римскіе граждане, переселяясь за море, сохраняли бъ участіе въ государственныхъ дѣлахъ и оставались бы обязаны поступать въ римскіе легіоны. Быть можетъ, соображенія объ этомъ лежали въ основаніи сдѣланнаго Гаіемъ Гракхомъ въ первый годъ его трибунства предложенія о сокращеніи срока военной службы, объ огражденіи правъ и обезпеченіи доходовъ гражданъ, находящихся въ войскѣ.

Гай Гракхъ предложилъ, чтобы воины получали даромъ отъ государства военную одежду, за которую прежде былъ дѣлаемъ вычетъ изъ ихъ жалованьи, чтобы гражданинъ, прослужившій въ войскѣ шесть походовъ, получалъ увольненіе отъ военной повинности, чтобъ эта повинность и независимо отъ числа походовъ прекращалась по достиженіи гражданиномъ опредѣленнаго возраста; онъ предложилъ также дать воинамъ право апелляціи къ народу отъ приговоровъ военнаго суда. Все это, вѣроятно, было подготовленіемъ военной реформы; вѣроятно, Гай Гракхъ хотѣлъ преобразовать военное устройство такъ, чтобы въ гражданахъ пробудилась любовь къ военной службѣ и чтобы въ распоряженіи народнаго собранія и народныхъ трибуновъ было прочно организованное войско.

Второй годъ трибунства Гаія Гракха.

Этими и другими подобными мѣрами Гай Гракхъ пріобрѣлъ сильное расположеніе народа; его предложенія были приняты комиціями, и ему былъ данъ почти безъ оппозиціи санъ трибуна на второй годъ. Никто не отваживался сопротивляться любимцу народа, постоянно окруженному толпою пролетаріевъ, вѣрною стражею, охранявшею его драгоцѣнную для народа жизнь отъ опасностей. И не одни только бѣдные граждане были на его сторонѣ, охраняли его: даровитому вождю народа удалось произвесть распаденіе въ рядахъ аристократіи; онъ съумѣлъ пріобрѣсти расположеніе всадниковъ, то есть, сословія капиталистовъ и купцовъ, лишить сенаторскую партію, родовую аристократію, поддержки денежной аристократіи; онъ сдѣлалъ это предложеніемъ законовъ о преобразованія судебнаго устройства и о финансовомъ управленіи провинціи Азіи.

Преобразованіе судоустройства.

По предложенію Гаія Гракха, народъ постановилъ, что процессы по политическимъ дѣламъ и гражданское судопроизводство переходятъ изъ завѣдыванія сенаторовъ въ завѣдываніе всадниковъ; прежде присяжными были назначаемы сенаторы, теперь будутъ назначаемы всадники. Такимъ образомъ сенаторскія фамиліи были по всѣмъ тяжбамъ подчинены суду, состоящему не изъ людей ихъ сословія, а изъ людей, которые по своему общественному положенію были ниже сенаторовъ, имѣли не тѣ сословные интересы, были даже непріязненны сенаторскому сословію; эта реформа ослабила значеніе сенаторскихъ фамилій и произвела глубокую непріязнь между родовой и денежной аристократіей. Могущественный классъ откупщиковъ, купцовъ и спекулянтовъ, помогавшій землевладѣльческой аристократіи въ борьбѣ съ Тиберіемъ Гракхомъ и много содѣйствовавшій побѣдѣ оптиматовъ, перешелъ на сторону Гаія Гракха и сталъ поддерживать его проекты реформъ. Онъ произвелъ и другія нововведенія для упроченія за собою поддержки этого многочисленнаго класса. Такъ, напримѣръ, по его предложенію была преобразована система взиманія налоговъ въ Азіи: прежде округи и города этой провинціи прямо платили каждый опредѣленную сумму въ римскую казну; теперь народное собраніе постановило замѣнить эти платежи десятинной податью, платою за право пасти скотъ на государственныхъ земляхъ, таможенными пошлинами и отдавать взиманіе этихъ налоговъ на откупъ капиталистамъ по контрактамъ, заключеннымъ въ Римѣ. Отдача налоговъ на откупъ въ самомъ Римѣ фактически устраняла провинціальныхъ капиталистовъ отъ участія въ откупахъ и предоставляла исключительно въ руки римскихъ всадниковъ, дѣлавшихся посредниками между казною и провинціею, громадныя выгоды, какія давалъ откупъ.

Преобразованіе финансоваго управленія провинціею Азіею.

Положеніе сословія всадниковъ.

Богатое и гордое сословіе всадниковъ не устояло противъ такихъ приманокъ почета и прибыли. Оно стало усердно поддерживать дѣло реформы, оказывавшееся такимъ благопріятнымъ для него: вліятельнѣйшіе люди изъ сословія всадниковъ сдѣлались присяжными и образовали финансовыя компаніи, которымъ было передано взиманіе налоговъ въ Азіи; это придало сословію всадниковъ такую важность, что оно скоро пріобрѣло силу бороться съ сенатомъ, члены котораго съ давняго времени не могли торговать, а теперь лишились правъ быть присяжными. Молодые люди сенаторскихъ фамилій причислялись обыкновенно къ сословію всадниковъ. Вѣроятно, они были исключены изъ списковъ присяжныхъ установленіемъ, что присяжными могутъ быть люди только по достиженіи опредѣленныхъ, не молодыхъ лѣтъ. Итакъ денежная аристократія заняла прочное положеніе между родовою аристократіей и массою народа. Богатые купцы, ставшіе присяжными, вѣроятно, не упускали случаевъ выказывать свою давнюю непріязнь къ знатнымъ фамиліямъ строгими приговорами по дѣламъ, въ которыхъ подсудимыми были аристократы, въ особенности по процессамъ о злоупотребленіяхъ правителей провинцій *). Уваженіе къ

---

*) Около этого времени были введены и внѣшніе знаки почетности всадническаго званія: прежде всадники имѣли желѣзныя или мѣдныя кольца, теперь получили право но-

справедливости судовъ поколебалось при переходѣ ихъ во власть всадниковъ: новые судьи оказались еще болѣе доступными подкупу и пристрастными, чѣмъ присяжные изъ членовъ сената.

Гаій Гракхъ хочетъ преобразовать государственныя учрежденія.

Удача увеличивала отвагу Гаія Гракха. Онъ теперь уже не довольствовался намѣреніемъ привести въ исполненіе аграрный законъ, дать землю бѣднымъ гражданамъ; онъ хотѣлъ преобразовать государственное устройство, отнять у сената административную власть и передать ее народному собранію. Закономъ, которымъ народное собраніе постановило, что трибуны могутъ быть избираемы въ свой санъ годъ за годъ безъ всякаго ограниченія, пролагалъ Гаію Гракху путь къ тому, чтобы безсмѣнно оставаться народнымъ трибуномъ; онъ хотѣлъ, пользуясь безсмѣнностью въ санѣ трибуна, уменьшить значеніе сената въ государствѣ, и очень можетъ быть, что результатомъ реформъ Гаія Гракха было бы такое преобладаніе его въ государствѣ, которое дѣлало бы его похожимъ на безсмѣннаго диктатора, замѣнило бы республиканское устройство чѣмъ-то подобнымъ владычеству греческихъ тиранновъ. Уже были приняты законы, передававшіе народному собранію нѣкоторыя дѣла, находившіяся прежде въ завѣдываніи сената: верховное управленіе государственными финансами, основаніе колоній, установленіе налоговъ въ провинціяхъ; теперь былъ принятъ законъ о томъ, что распредѣленіе провинцій между консулами предстоящаго года будетъ дѣлаться до консульскихъ выборовъ; это уменьшало вліяніе сената на консуловъ. Очень вѣроятно, что Гракхъ хотѣлъ сдѣлать сенаторами 300 человѣкъ изъ сословія всадниковъ, разсчитывая, что эти новые члены образуютъ въ сенатѣ партію, враждебную прежнимъ, и могущество сената будетъ подорвано раздоромъ въ немъ. Съ талантомъ создавать новые законы, съ богатствомъ мыслей

Необыкновенная дѣятельность Гаія Гракха.

соединилась въ Гракхѣ изумительная дѣятельность: онъ лично велъ дѣла по исполненію введенныхъ имъ реформъ, наблюдалъ за раздачею хлѣба народу, составлялъ списки присяжныхъ, управлялъ построеніемъ колоніи въ Африкѣ, другими общественными работами и заключалъ контракты съ подрядчиками *). Онъ выказывалъ замѣчательную многосторонность дарованій, большое умѣнье обращаться съ людьми всяческихъ характеровъ, удивительное искусство привлекать къ себѣ массу народа.

сить золотыя. Имъ были предоставлены особенныя мѣста въ театрѣ и на народныхъ праздникахъ. Это увеличило ихъ сословную гордость и усилило соперничество съ сенаторами.

*) Ему приписываютъ введеніе правила отмѣчать границы участковъ каменными межевыми знаками. Онъ заботился о томъ, чтобы дороги содержались въ исправности, чтобъ онѣ были украшаемы постройками, наблюдалъ за постановкою камней, отмѣчавшихъ мили по дорогамъ; при раздачѣ участковъ онъ возлагалъ на ихъ владѣльцевъ обязанность содержать дороги въ исправности.

Но при всѣхъ своихъ занятіяхъ законодательными и административными дѣлами, онъ не забывалъ обязанности отмстить за брата. Онъ ввелъ законъ, постановлявшій, что окончательное рѣшеніе дѣлъ о гражданскихъ правахъ и жизни римлянина исключительно принадлежитъ народному собранію; опираясь на этотъ законъ, онъ началъ процессъ противъ судей, казнившихъ римскихъ гражданъ по смерти его брата. Сципіонъ Назика въ то время уже былъ внѣ власти мстителя; онъ умеръ въ добровольномъ изгнаніи близъ Пергама. Но Публій Попиллій, главный агентъ аристократіи въ дѣлѣ преслѣдованья приверженцевъ Тиберія Гракха, былъ подвергнутъ суду и изгнанъ. Гаій хотѣлъ отмстить и Марку Октавію,—тому трибуну, который вступилъ въ борьбу съ Тиберіемъ; онъ хотѣлъ установить законъ, что сановникъ, удаленный народомъ отъ своего сана, на всю жизнь теряетъ право занимать какой бы то ни было санъ; но по просьбѣ матери, онъ отказался отъ этого намѣренія.

Гаій Гракхъ на верху могущества.

Все удавалось даровитому и отважному трибуну. Онъ поколебалъ въ самыхъ основаніяхъ прежнее государственное и судебное устройство, преобразовалъ устарѣлыя учрежденія, ослабилъ родовую аристократію; аграрными законами онъ уменьшилъ богатство и могущество знатныхъ, крупныхъ землевладѣльцевъ, закономъ о раздачѣ хлѣба привязалъ къ себѣ массу праздныхъ гражданъ, жившихъ въ Римѣ. Завѣдуя общественными сооруженіями, онъ привлекъ на свою сторону подрядчиковъ и мастеровыхъ. Всѣ эти классы гражданъ, вмѣстѣ взятые, образовали большинство въ комиціяхъ; потому Гаій упрочивалъ свое могущество, увеличивая власть народнаго собранія, передавая ему дѣла, которыми прежде завѣдывали сенатъ и сановники, давая воинамъ право апелляціи къ народу, дѣлая народное собраніе верховнымъ судилищемъ, предоставляя ему право помилованія, даже по дѣламъ о воинахъ, бывшихъ въ походѣ. Но каковъ былъ характеръ

Характеръ народнаго собранія.

народнаго собранія, власть котораго расширяли реформы произведенныя Гаіемъ Гракхомъ? Дѣла въ немъ рѣшало большинство, образуемое жившими въ Римѣ пролетаріями; каждый ловкій ораторъ, сдѣлавшись народнымъ трибуномъ, могъ самовластно править государствомъ, обѣщая этой праздной черни матеріальныя выгоды. При такомъ характерѣ народнаго собранія, ему была предоставлена верховная власть не только надъ Римомъ и италійскими союзниками, но и надъ всѣми владѣніями Рима: оно основывало колоніи въ провинціяхъ, распоряжалось финансами провинцій, отдавало въ откупъ взиманія налоговъ; за основаніе отношеній Рима къ провинціямъ было принято правило, что вся земля покоренныхъ областей составляетъ собственность римскаго государства; это отдавало населеніе провинцій со связанными руками во власть римскихъ откупщиковъ, ростовщиковъ и спекулянтовъ. Такъ люди, желающіе справедливости, часто совершаютъ несправедливыя дѣла. Въ своемъ стремленіи разрушить могущество сената и родовой аристократіи Гаій Гракхъ передалъ владычество надъ государствомъ въ руки буйной, безхарактерной толпы бѣдныхъ гражданъ, жившихъ въ Римѣ, и алчной, надменной денежной

аристократіи. Жертвой этого переворота сдѣлались народы провинцій, положеніе которыхъ ухудшилось отъ замѣны владычества знатныхъ фамилій властью римской демократіи и римскихъ капиталистовъ. Правда, передача судебной власти сословію всадниковъ нѣсколько уменьшила самовластіе правителей провинцій, обуздала алчность этихъ аристократовъ, открывъ возможность подвергать ихъ наказанію; но тѣмъ шире былъ просторъ, открытый жадности римскихъ откупщиковъ, капиталистовъ и торговцевъ въ провинціяхъ; провинціи стали бѣднѣть, ихъ населеніе упало духомъ, погрузилось въ апатію; это было яснымъ свидѣтельствомъ того, что ихъ положеніе было ухудшено реформами Гаія Гракха.

Возобновленіе дѣла о предоставленіи правъ гражданства союзникамъ.

Гракхъ былъ обязанъ своими успѣхами въ проведеніи реформъ главнымъ образомъ тому искусству, съ какимъ умѣлъ пересорить противниковъ своего брата. Предоставивъ сословію всадниковъ почетъ и денежную прибыль, онъ возбудилъ раздоръ между денежною и родовою аристократіею, бросилъ, по его выраженію, на форумъ кинжалы и мечи, которыми наносили другъ другу раны богатые классы. Его противники обратили теперь противъ него самого эту тактику. Вожди демократической партіи не могли считать надежной поддержку, какую давала имъ масса населенія города Рима. Это была легкомысленная, непостоянная толпа, избалованная праздностью и лестью. Прочную опору демократіи могли дать только союзники, если имъ будетъ предоставлено право голоса въ комиціяхъ. Гаій Гракхъ и его политическіе друзья полагали, что, если дадутъ латинамъ то, чего они напрасно добивались просьбами, угрозами, попытками возстаній, то пріобрѣтутъ ихъ признательность, будутъ пользоваться безусловнымъ содѣйствіемъ этихъ энергическихъ поселянъ, будутъ имѣть въ нихъ твердыхъ, сильныхъ защитниковъ отъ насилія враговъ. Но намѣреніе демократовъ дать право гражданства союзникамъ встрѣтило рѣшительное сопротивленіе со стороны бѣдныхъ гражданъ, такъ усердно помогавшихъ проведенію другихъ реформъ; тѣ выгоды, какими пользовались эти граждане отъ аграрной реформы и дешевой раздачи хлѣба, должны были уменьшиться при увеличеніи числа пользующихся ими. Сенаторская партія не замедлила воспользоваться несогласіемъ, возникшимъ между ея противниками. Гракхъ, уступая требованіямъ своего друга, бывшаго теперь его товарищемъ по трибунству, Фульвія Флакка (стр. 640), сдѣлалъ въ концѣ второго года своего трибунства предложеніе дать латинамъ права римскаго гражданства и увеличить права италійскихъ союзниковъ. Аристократы, опасавшіеся соперничества знатныхъ латиновъ въ кандидатурѣ на курульныя должности, сильно воспротивились этому предложенію; противились ему и бѣдные граждане, жившіе въ Римѣ, не желая дѣлиться съ латинами дешевымъ хлѣбомъ, мѣстами на играхъ, правомъ голоса въ комиціяхъ. Народный трибунъ Маркъ Ливій Друзъ, перешедшій на сторону оптиматовъ, заявилъ протестъ противъ этого предложенія, и оно было отвергнуто народнымъ собраніемъ.

Оптиматы ободряются.

Этотъ первый успѣхъ ободрилъ оптиматовъ: Ливій Друзъ принялъ на себя относительно Гаія Гракха ту роль, какую игралъ Маркъ Октавій относительно Тиберія, и Гаій не отважился предложить народу лишить Друза трибунскаго сана. Аристократія ясно видѣла, что народъ поколебался въ своей преданности Гаію Гракху, и старалась усилить неудовольствіе противъ него: сенатъ могъ надѣяться, что гроза будетъ отвращена и могущество его возстановится, если ему удастся возбудить гражданъ, живущихъ въ Римѣ, противъ Гаія Гракха и устроить такъ, чтобы при слѣдующихъ выборахъ онъ не получилъ трибунства. Денежная аристократія и масса бѣдныхъ гражданъ были соединены съ реформаторами только разсчетомъ своихъ выгодъ; личной привязанности къ нимъ эти сословія не имѣли, чужды были и благородныхъ политическихъ мыслей. Гракхъ былъ всемогущимъ руководителемъ комицій только пока доставлялъ среднему и низшему сословіямъ такія выгоды, какихъ не могли получить они отъ другихъ политическихъ людей. Привязанность къ вождямъ партіи реформъ существовала лишь у немногихъ капиталистовъ и простолюдиновъ; сенатъ полагалъ, что если онъ оставитъ неприкосновенной раздачу хлѣба по низкой цѣнѣ, оставитъ за всадниками судебную власть и выгодныя откупа въ провинціяхъ, то по всѣмъ другимъ вопросамъ народное собраніе будетъ соглашаться съ нимъ. Основываясь на этихъ вѣрныхъ соображеніяхъ, сенаторская партія рѣшила дѣйствовать противъ демагога его собственнымъ оружіемъ.

Ливій Друзъ отъ имени сената предлагаетъ мѣры, болѣе выгодныя для бѣдныхъ гражданъ, чѣмъ реформы Гракха.

Ливій Друзъ подорвалъ вліяніе Гаія Гракха на народъ, предлагая отъ имени сената больше выгодъ массѣ гражданъ, чѣмъ давалъ Гаій Гракхъ. По закону Гракха участки земли, раздаваемые гражданамъ, были объявлены не отчуждаемыми, чтобы наслѣдственность ихъ возстановила въ массѣ гражданъ привычку къ земледѣльческой жизни. Друзъ предложилъ предоставить получившимъ участки право продавать ихъ. Онъ предложилъ снять съ розданныхъ участковъ налогъ, установленный закономъ Тиберія Гракха, вмѣсто колоній за моремъ онъ предложилъ основать колоніи въ самой Италіи, оставаться въ которой гражданамъ было пріятнѣе, чѣмъ ѣхать за море. Гаій Гракхъ возбудилъ въ массѣ римлянъ неудовольствіе предложеніемъ дать право гражданства латинамъ; аристократы могли быть увѣрены въ одобреніи римлянъ, наказывая латиновъ — за ихъ притязанія на гражданство отнятіемъ у нихъ части земель въ пользу гражданъ. Друзъ предложилъ взять изъ находившейся у латиновъ государственной земли такія пространства, чтобъ изъ нихъ вышло 36000 участковъ для раздачи бѣднымъ римлянамъ; это было тяжелымъ урокомъ для латиновъ, чтобы они не смѣли требовать себѣ римскаго гражданства. Для отрѣзки земель у латиновъ и раздачи ея римскимъ гражданамъ была назначена коммиссія, и Ливій Друзъ отказался быть членомъ ея, въ противоположность Гракхамъ, принимавшимъ на себя власть по исполненію своихъ аграрныхъ законовъ. Планъ

дѣйствій сената былъ составленъ ловко; оптиматы совершенно достигли своей цѣли, благодаря легкомыслію массы гражданъ. Рѣдко не достигаютъ удачи люди, разсчитывающіе на эгоистическіе мотивы толпы. Комиціи приняли законы Ливія и, при слѣдующихъ выборахъ три-
121. буновъ, Гракхъ, находившійся тогда въ Африкѣ, гдѣ занимался основаніемъ Юнопіи, не былъ избранъ. Такимъ образомъ арена политической дѣятельности была заперта для него. Однимъ изъ консуловъ былъ избранъ Луцій Опимій, вождь строгихъ оптиматовъ. Ободренная этими успѣхами, аристократія перешла къ рѣшительному сопротивленію дѣйствіямъ Гракха. Жрецы стали находить знаменія, возвѣщающія гнѣвъ боговъ за основаніе города на мѣстности, подвергнутой проклятію; По Риму распространилась молва, что дикія животныя опрокидываютъ тамъ межевые камни, которыми были отмѣчены мѣста для проведенія улицъ и обозначены земледѣльческіе участки. Гракхъ вернулся и занялся приготовленіемъ перевозочныхъ средствъ для отъѣзда колонистовъ. Сенатъ созвалъ въ Капитолій народное собраніе для запрещенія этого Гракху. Фульвій и Гракхъ пришли туда съ толпою приверженцевъ, изъ которыхъ многіе имѣли при себѣ оружіе для обороны въ томъ случаѣ, если оптиматы употребятъ противъ нихъ силу. При открытіи совѣщаній собранія былъ убитъ ликторъ Антуллій, державшій себя относительно народа нагло; его убійство произвело страшное смятеніе въ собраніи. Гракхъ спѣшилъ сказать рѣчь въ защиту себѣ, но противники подняли такой шумъ, что не дали ему говорить. Онъ непреднамѣренно прервалъ своими словами рѣчь народнаго трибуна; это дало сенату желанный предлогъ обвинить его въ нарушеніи стариннаго закона о правахъ народныхъ трибуновъ и о свободѣ совѣщаній на комиціяхъ; собраніе разошлось въ шумномъ смятеніи. Вечеръ и ночь обѣ партіи готовились къ неотвратимому теперь вооруженному столкновенію. Консулъ Опимій занялъ стоявшій на форумѣ храмъ Кастора, собралъ туда людей сенаторской партіи, всадниковъ, принявшихъ ея сторону, наполнилъ зданіе сената критскими стрѣлками, поставилъ другой отрядъ ихъ на форумѣ. Фульвій собралъ вооруженныхъ приверженцевъ реформы на Авентинѣ, гдѣ располагались прежде плебеи для сопротивленія патриціямъ и, по словамъ Аппіана, обѣщалъ свободу рабамъ. Утромъ пришелъ на Авентинъ и Гай Гракхъ, вооруженный только кинжаломъ. Онъ видѣлъ, что на форумѣ, по призыву консула, собралось много оптиматовъ въ полномъ вооруженіи, что они привели съ собою много вооруженныхъ служителей; онъ опасался за свою жизнь. Разсвѣтъ утра нашелъ Римъ, раздѣленнымъ на два стана. Сенаторы собрались въ зданіи сената и послали Гракху и Фульвію требованіе явиться къ отвѣту по обвиненію въ нарушеніи священной неприкосновенности народнаго трибуна. Гракхъ былъ расположенъ исполнить это требованіе, но Фульвій не соглашался и послалъ съ примири-

Бурное собраніе народа въ Капитоліѣ.

Приготовленія къ вооруженной борьбѣ.

тельными предложеніями своего сына, восемнадцатилѣтняго прекраснаго юношу кроткаго характера. Сенатъ колебался. Но передъ тѣмъ онъ уже далъ консулу Опимію полномочіе, равное прежнему диктаторскому, вотировавъ формулу: «консулу поручается наблюсти, чтобы государство не пострадало» (videat consul ne quid respublica detrimenti capiat). Облеченный этой властью, Опимій потребовалъ, чтобы демократы, занявшіе храмъ Діаны и призвавшіе къ себѣ вооруженныхъ невольниковъ, сдались безъ всякихъ условій. Они отказались; онъ велѣлъ идти приступомъ на храмъ Діаны, объявилъ, что люди, которые уйдутъ изъ рядовъ мятежниковъ, получаютъ полное прощеніе, а кто принесетъ голову Гракха или голову Фульвія, тому правительство дастъ въ награду столько золота, сколько вѣситъ эта голова. Авентинскій холмъ былъ укрѣпленъ очень недостаточно и былъ взятъ безъ большого труда; всѣ, оказывавшіе вооруженное сопротивленіе, были убиты; ихъ было около 250 человѣкъ. Остальные просили пощады или бѣжали. Фульвій и старшій сынъ его спрятались въ мастерской бѣднаго ремесленника; ихъ убѣжище было выдано, они были убиты. Гракхъ, не принимавшій участія въ сопротивленіи, бѣжалъ черезъ мостъ на другой берегъ Тибра; два преданные друга оружіемъ задерживали гнавшихся за нимъ и, пожертвовавъ жизнью за его спасеніе, дали ему время перебѣжать мостъ. Но остаться въ живыхъ Гай Гракхъ не могъ и не желалъ; онъ давно предвидѣлъ, что его постигнетъ судьба брата; она только постигла его раньше, чѣмъ онъ желалъ. Въ священной рощѣ Фурины, за Тибромъ, нашли его тѣло; подлѣ лежало тѣло его раба, который, вѣроятно, вонзилъ по его просьбѣ кинжалъ въ грудь ему и потомъ убилъ себя. Одинъ изъ оптиматовъ принесъ консулу отрубленную голову Гаія Гракха и получилъ золото по вѣсу ея. Но два простолюдина, которые принесли голову Фульвія, не получили обѣщанной награды. Участь вождей раздѣлили 3000 ихъ приверженцевъ. Въ числѣ убитыхъ былъ и тотъ юноша, сынъ Фульвія, посланный отцомъ къ сенаторамъ. Вернувшись тогда къ отцу, онъ былъ посланъ имъ во второй разъ съ предложеніями мира; Опимій задержалъ его и предоставилъ ему ту милость, чтобъ онъ самъ выбралъ себѣ смерть, какую хочетъ. Тѣла убитыхъ были брошены въ рѣку. «Быть можетъ, я скоро должна буду молить боговъ рѣкъ и моря, чтобъ они указали мнѣ мѣсто, гдѣ скрывается подъ водою твое тѣло», говорила Лицинія мужу, со слезами обнимая его, когда онъ уходилъ изъ дома на Авентинъ. Прежде, чѣмъ насталъ вечеръ, ея предчувствіе сбылось. Такъ отмстила аристократія своимъ противникамъ. Она убивала ихъ, вѣшала въ темницѣ, предала тѣла ихъ поруганію и, не довольствуясь тѣмъ, провозгласила безчестными убитыхъ, подвергла наказанію ихъ семейства. Имущество вождей демократической партіи и даже приданое женъ ихъ было конфисковано;

Смерть Гракха и Фульвія 121.

Мщеніе оптиматовъ.

дома Гаія Гракха и Фульвія были разрушены; матери и женѣ Гаія Гракха было запрещено носить трауръ по немъ. Покончивъ свирѣпую расправу, оптиматы воздали честь богамъ за милостивую помощь, за дарованіе рѣшительной побѣды надъ врагами. Опимію было поручено торжественнымъ обрядомъ очистить городъ отъ оскверненія и построить новый храмъ богинѣ согласія (Конкордіи). Онъ сломалъ маленькій храмъ этой богини, сооруженный Камилломъ у подошвы Капитолія (стр. 127) и построилъ на деньги изъ конфискованнаго имущества убитыхъ новый храмъ, отъ котораго еще сохранилось семь колоннъ, свидѣтельствующихъ потомкамъ о страшныхъ дѣлахъ грознаго народа, совершавшаго подвиги геройства и ужасающія свирѣпости. Опимій дожилъ до глубокой старости; но въ югуртинскую войну онъ былъ уличенъ въ томъ, что былъ подкупленъ врагомъ, и ему пришлось прожить свои послѣдніе годы въ изгнаніи. Ненависть и презрѣніе римскаго народа не покидали его до гробницы; а память Гракховъ, хотя оптиматы и объявили ее безчестной, осталась мила и священна народу. Отрадна мысль, что никакое насиліе не можетъ надолго подавить общественное мнѣніе, что, когда затихаетъ буря страстей, историческая истина возстановляетъ искаженныя клеветою черты благородныхъ людей.

Плутархъ говоритъ, что, когда римскій народъ опомнился отъ оцѣпенѣнія, въ которое былъ повергнутъ ужасомъ, онъ выказалъ трогательную признательность Гракхамъ: поставилъ въ честь ихъ статуи, воздавалъ имъ религіозныя почести, чтилъ, какъ святыя, тѣ мѣста, на которыхъ были убиты они, и всѣ мѣста, съ которыми было соединено воспоминаніе о нихъ. Благоговѣніе къ нимъ было перенесено и на ихъ благородную мать. Корнелія удалилась изъ Рима въ свое имѣніе у Мизенскаго мыса и жила тамъ въ уединеніи; ей, печальной, было оказываемо много выраженій сочувствія и любви. Она жила только воспоминаніями о своемъ великомъ отцѣ и сыновьяхъ, не менѣе великихъ. Разсказывая посѣщавшимъ ее образованнымъ грекамъ о дѣлахъ своего отца, она съ материнской гордостью прибавляла: «Внуками его были мои сыновья; кровь ихъ была пролита въ храмахъ и священныхъ рощахъ; они пожертвовали жизнью за благо народа». Плутархъ ставитъ Гракховъ въ параллель съ Агисомъ и Клеоменомъ; эти параллельныя біографіи ихъ—разсказы о жизни людей, равныхъ которымъ по душевному величію и трагизму смерти едва ли представляетъ исторія.

II. Времена Марія и Суллы.

1. Владычество нобилей и югуртинская война.

Реакція.

«Нобили воспользовались своею побѣдою надъ Гракхами и приверженцами ихъ по своему обычаю деспотически и жестоко; многихъ противниковъ они казнили, другихъ изгнали, но, внушивъ ужасъ, не пріобрѣли прочной силы. Великія государства часто гибнутъ отъ того, что одна партія стремится всяческими средствами одолѣть другую и, восторжествовавъ, сурово мститъ побѣжденнымъ»; — этими краткими словами, дающими общій очеркъ фактовъ, Саллюстій характеризуетъ эпоху реакціоннаго терроризма, которому подвергся Римъ послѣ подавленія агитаціи Гракховъ и который породилъ событія, погубившія республику. Саллюстій не хочетъ подробно пересказывать ужасы, какими было ознаменовано безчестное и безразсудное владычество оптиматовъ. Но въ разсказѣ о Югуртинской войнѣ онъ живыми красками съ поразительной наглядностью рисуетъ картину страшной испорченности, развившейся отъ мстительной, вѣроломной и алчной реакціи. Удача дала широкое развитіе порокамъ и дурнымъ страстямъ, скрывавшимся во времена опасности, и они скоро произвели порчу всего государственнаго организма. Въ тѣ годы, когда республикѣ угрожали военныя опасности и съ сѣвера и съ юга, глубокій упадокъ нравственности высшаго сословія былъ раскрытъ процессомъ о нарушеніи обѣта цѣломудрія нѣсколькими весталками, принадлежавшими къ первымъ фамиліямъ въ государствѣ.

Безграничное могущество сената.

Нобили искусно воспользовались ужасомъ и смятеніемъ массы народа послѣ кровавой катастрофы, погубившей Гаія Гракха. Казнями, изгнаніемъ, заключеніемъ въ темницы они уничтожили остатки партіи Гракховъ, пополнили свои ряды возвращеніемъ Публія Попиллія и другихъ изгнанныхъ или бѣжавшихъ оптиматовъ; кончивъ это дѣло, они возстановили законный порядокъ съ тѣми перемѣнами въ прежнихъ учрежденіяхъ, какія были нужны по новымъ условіямъ быта. Партія оптиматовъ не удовольствовалась тѣмъ, чтобы возстановить прежній порядокъ; она хотѣла передать сенату ту силу, какую пріобрѣлъ Гай Гракхъ, опираясь на народное собраніе, и которая была такъ велика, что нѣсколько походила на монархическую. Прежнія формы были возстановлены, перемѣны, введенныя въ нихъ Гракхами, были уничтожены; но,сохраняя внѣшность ихъ, оптиматы придали государственному устройству аристократическій характеръ, ослабили, или совершенно уничтожили демократическія учрежденія. То полновластіе, которое Гай Гракхъ далъ народному собранію и руководящему собраніемъ трибунату, было возвращено сенату, который снова получилъ теперь всю правительственную власть, право утвержденія выборовъ и законодательныхъ рѣшеній народнаго собранія. Но чтобы не возстановлять противъ себя массу населенія города Рима и денежную

Оптиматы стараются пріобрѣсти расположеніе всадниковъ и массы гражданъ.

аристократію, чтобы пользоваться поддержкою ихъ, сенатъ не отмѣнилъ раздачи хлѣба жившимъ въ Римѣ гражданамъ, оставилъ всадниковъ судьями и не коснулся ихъ откупныхъ контрастатовъ. Этимъ былъ устраненъ раздоръ между правительственнымъ сословіемъ и капиталистами. Существенные интересы у нихъ были одинаковые, и если всадники выказывали непріязнь къ сенаторскому сословію за то, что оно надменно держалось отдѣльнымъ отъ нихъ кругомъ, то можно было надѣяться, что теперь они будутъ признательны сенату за его уступчивость. Тѣ права, какія Гракхъ далъ сословію капиталистовъ, пріобрѣтали больше прочности и цѣны, когда ихъ предоставлялъ ему сенатъ; а система финансоваго управленія въ провинціи Азіи была оставлена не отмѣненной, потому всадники сохраняли свои денежныя выгоды. Сенатъ и не могъ не быть уступчивымъ относительно ихъ, потому что они чувствовали себя достаточно сильными, чтобы воспротивиться сенату, если бы онъ захотѣлъ отнять у нихъ пріобрѣтенныя ими права. А при поддержкѣ всадниковъ сенатъ могъ не опасаться народнаго собранія, въ которомъ владычествовала легкомысленная и буйная городская чернь. Его легко было парализовать; аристократы съумѣли привлечь на свою сторону городскую толпу подарками, какіе могли сдѣлать безъ большого вреда себѣ. Этотъ подкупъ массы городскаго населенія колебалъ основы государственнаго порядка, но аристократія не заботилась о благѣ государства. Она хотѣла только обезпечить свои сословные интересы, наслаждаться властью, почестями, богатствомъ, которыми владѣла. Такимъ образомъ, возстановленное владычество нобилей имѣло характеръ кроткій и милостивый относительно массы населенія города Рима, довольствовавшейся полученіемъ „хлѣба и игръ“; но къ страданіямъ италійскихъ союзниковъ аристократія оставалась равнодушна, не заботилась улучшить ихъ положеніе; а провинціи были отданы беззащитными на произволъ притѣсненія правителей и войска, на волю алчности откупщиковъ.

Невнимательность въ жалобамъ союзниковъ и угнетеніе провинцій.

Вопросъ о предоставленіи имъ права римскихъ гражданъ былъ устраненъ; но за то былъ оставленъ безъ исполненія законъ Ливія Друза о раздачѣ участковъ римскимъ гражданамъ; сенатъ никогда и не имѣлъ намѣренія исполнить этотъ законъ. Обольстивъ имъ народъ, оптиматы достигли своей цѣли, и не было надобности начинать дѣло, которое вовлекло бы въ безчисленныя затрудненія. Вмѣсто правъ римскаго гражданства латинамъ дано было нѣкоторое облегченіе ихъ зависимости закономъ, постановившимъ, что ихъ воины на службѣ въ римскихъ легіонахъ не могутъ быть подвергаемы тѣлесному наказанію римскими начальниками; это право предоставляется только ихъ собственнымъ начальникамъ. Съ такою же беззаботностью олигархическое правительство устранило и жгучій вопросъ объ общественной землѣ.

Постановленія объ общественной землѣ.

Тѣ участки ея, которые уже были розданы гражданамъ аграрною коммиссіею, были оставлены за получившими ихъ, но дальнѣйшая работа коммиссіи была прекращена, и для облегченія массы гражданъ было найдено достаточнымъ установить неизмѣнную величину аренды съ владѣльцевъ государственной земли. Деньги, доставляемыя этою податью, были вѣроятно употребляемы на покупку хлѣба, раздаваемаго живущимъ въ Римѣ гражданамъ. Черезъ восемь лѣтъ владѣльцы общественныхъ земель были освобождены отъ всякаго платежа за нихъ государству: по закону Торія, принятому народнымъ собраніемъ, общественная
119 земля, находившаяся во владѣніи гражданъ, была обращена въ полную, свободную отъ всякихъ платежей собственность своихъ владѣльцевъ, и всякія права государства на нее были отмѣнены. Прежніе захваты общественной земли получили законное утвержденіе. Итакъ, по желанію предотвратить проекты новыхъ аграрныхъ законовъ, аристократія отняла у

государства право располагать принадлежавшей тогда ему общественной землей. Относительно будущаго, было постановлено, что вся земля, какую впослѣдствіи пріобрѣтетъ государство должна быть отдаваема въ аренду желающимъ, или служить пастбищемъ, на которое всѣ желающіе могутъ выгонять свой скотъ съ уплатой за это небольшихъ денегъ, — слишкомъ недостаточное средство для исцѣленія застарѣлой болѣзни, серьезное лѣченіе которой было отброшено. Участки, розданные бѣднымъ гражданамъ, скоро были поглощены крупными землевладѣльцами; веденіе сельскаго хозяйства работою невольниковъ стало развиваться съ удвоенной силой, и возстанія вскорѣ послѣ того происходившія въ Южной Италіи показали, что прежнее зло возвратилось, что примѣръ Сициліи, гдѣ свирѣпствовала теперь вторая невольническая война (стр. 597), не убѣдилъ римскихъ землевладѣльцевъ въ гибельности веденія сельскаго хозяйства работою невольниковъ, покупаемыхъ на рынкахъ. Еще легкомысленнѣе отбросила аристократія систему основанія колоній въ провинціяхъ. Начатыя на мѣстѣ Карѳагена работы для основанія колоніи были прекращены, такъ, что немногое, построенное тамъ, исчезло черезъ нѣсколько лѣтъ безъ слѣда.

Прекращеніе колонизація провинцій.

Римское правительство возвратилось къ принципу, что Италія должна остаться владычествующею страною, Римъ владычествующимъ городомъ, и что поэтому не должно быть поселеній римскихъ гражданъ въ провинціяхъ. Единственнымъ отступленіемъ отъ этого правила было основаніе колоніи Нарбона за Альпами въ Южной Галліи на землѣ, завоеванной Маркомъ Фульвіемъ Флаккомъ и его преемниками. Правительство согласилось на основаніе этой колоніи неохотно, послѣ долгихъ усилій помѣшать дѣлу.

Характеръ возстановленнаго аристократическаго правленія.

Такъ дѣйствовало олигархическое правительство, наслѣдовавшее отъ убитаго Гракха ту громадную власть, какою пользовался онъ. Полезнѣйшія изъ его предложеній народному собранію оно отбросило; по другимъ дѣламъ оно вступило въ постыдныя сдѣлки съ прежними противниками аристократіи. Оно трусливо оставило за капиталистами судебную власть и предоставило имъ продолжать грабежъ провинцій; пролетаріямъ города Рима оно продолжало даромъ выдавать хлѣбъ, поддерживало этимъ праздность массы, думавшей лишь о развлеченіяхъ; оно закрыло глаза на бѣдственное положеніе италійскихъ союзниковъ и не хотѣло слушать ихъ жалобъ, хотя они требовали себѣ правъ гражданства уже съ угрозами; въ провинціяхъ владычествующее сословіе дѣйствовало заодно съ откупщиками и ростовщиками, продолжало править произвольно и притѣснительно, такъ что въ Сициліи вспыхнуло второе возстаніе рабовъ (стр. 597). На Средиземномъ морѣ оно терпѣло разбои киликійскихъ и критскихъ пиратовъ, мѣшавшіе торговлѣ, подвергавшіе опасности жизнь и собственность прибрежнаго населенія. Вліятельнѣйшіе члены аристократическаго правительства позорили себя алчностью, беззаконіями, низкой продажностью, пренебрегали въ своей надменности чувствомъ чести и, сознавая, что дни владычества ихъ сочтены, что имъ надобно спѣшить пользоваться милостью счастія, предавались всѣмъ излишествамъ низкихъ чувственныхъ наслажденій. Дѣятельность Грак-

ховъ озарила передъ ними, какъ молнія въ темную ночь, бездну, зіяющую подъ ихъ ногами; у нихъ не было прежней увѣренности въ будущемъ; въ своей боязни скораго паденія, они спѣшили обогащаться, наслаждаться, и торопливость отнимала у нихъ благоразуміе. Олигархія сама чувствовала, что она разстроила государство; это тяжелое сознаніе лишало ее энергіи, дѣлало ее неспособной заботиться о государственномъ благѣ. Всѣ оптиматы чувствовали себя виновными, потому никто не возставалъ противъ дурныхъ дѣлъ другого. Весь владычествующій классъ сознавалъ себя солидарнымъ въ беззаконіяхъ, преступленіяхъ, позорѣ. Жреческія коллегіи тоже присоединились къ этой коалиціи оптиматовъ. Съ того времени, какъ онѣ стали пополняться не кооптаціей, а выборами народа (съ 103 года), государственная религія сдѣлалась служительницею власти. Вся аристократія быстро склонялась къ нравственному, политическому и военному упадку. Не военные подвиги, не политическія дарованія, не честность и сила характера вели къ почестямъ, а наслѣдственное право, фамильныя связи, корпоративная поддержка; потому печальный періодъ новаго владычества аристократіи не имѣлъ почти ни одного замѣчательнаго полководца, или государственнаго человѣка. Единственный хорошій полководецъ Квинтъ Метеллъ пріобрѣталъ всей своей фамиліи почести и тріумфы, дѣлился ими съ своими бездарными братьями и племянниками. Маркъ Эмилій Скавръ, человѣкъ знатнаго рода, но не имѣвшій наслѣдственнаго состоянія, энергіей, талантомъ и ловкостью, съ какой умѣлъ пользоваться обстоятельствами, поднялся очень высоко, былъ консуломъ (въ 115 году), цензоромъ (въ 106 году), много лѣтъ былъ первымъ сенаторомъ (princeps senatus), имѣлъ очень большое вліяніе и въ сенатѣ и въ народномъ собраніи, но не сдѣлалъ ничего замѣчательнаго ни на войнѣ, ни въ законодательствѣ и отличался отъ другихъ аристократовъ только тѣмъ, что хитрѣе умѣлъ утаивать свою алчность и продажность и съумѣлъ обуздать свое корыстолюбіе, когда злоупотребленія олигарховъ превзошли всякую мѣру и возбудили опасный ропотъ; потому онъ, человѣкъ очень почтенной наружности, державшій себя важно, былъ во мнѣніи народа единственнымъ чистымъ между запятнавшими свою репутацію сенаторами; но колоссальное богатство, пріобрѣтенное этимъ вельможею, родившимся въ бѣдности, достаточно доказывало, что онъ не менѣе другихъ вліятельныхъ людей того времени былъ доступенъ подкупу и наживался нечестными средствами.

Метеллъ и Эмилій Скавръ.

Нумидійское царство.

Съ особенной яркостью выказалась нравственная испорченность сословія римскихъ нобилей въ югуртинской войнѣ. Мы видѣли (стр. 568), что, по смерти Масиниссы, Сципіонъ Эмиліанъ отдалъ нумидійское царство въ общее управленіе тремъ сыновьямъ его, Миципсѣ, Гулуссѣ и Мастанабалу. Простираясь на западъ до мавританскаго тингитскаго царства (Марокко), а на востокъ до границъ Кирены, царство, наслѣдованное дѣтьми Масиниссы, обнимало, кромѣ прежнихъ земель нумидійскихъ князей, бóльшую часть карѳагенскаго государства, и между прочимъ ему принадлежали нѣкоторые значительные старинные финикійскіе города, какъ напримѣръ Гиппонъ Царскій (Hippo Regius, нынѣшняя Бона) и Малая Лептида. Оно было послѣ Египта могущественнѣйшимъ изъ государствъ, находившихся подъ покровительствомъ Рима. Миципса, человѣкъ добрый, миролюбивый, получившій греческое образованіе, пережилъ братьевъ и по вліянію фамиліи Сципіоновъ, съ которой постоянно сохранялъ дружескія отношенія, получилъ отъ сената право владѣть одинъ всѣмъ царствомъ. Въ старости онъ съ печалью видѣлъ, что его сыновья Адгербалъ и Гіэмпсалъ далеко уступаютъ и физическими достоинствами и умомъ его племяннику Югуртѣ, побочному сыну Мастанабала, который по смерти отца воспитывался у дяди, какъ царевичъ, равный его собственнымъ сыновьямъ. Народъ любилъ Югурту гораздо больше, чѣмъ дѣтей Миципсы. Онъ былъ хорошъ собой, крѣпкаго сложенія, превосходилъ своихъ сверстниковъ во всѣхъ военныхъ упражненіяхъ: былъ хорошій наѣздникъ и охотникъ, ловко бросалъ дротикъ, мастерски одолѣвалъ на охотѣ хищныхъ звѣрей пустыни; былъ уменъ, любезенъ, скроменъ, такъ что пользовался всеобщимъ расположеніемъ. Въ нумантинской войнѣ Сципіонъ Эмиліанъ попросилъ Миципсу прислать ему отрядъ войска; царь съ радостью воспользовался случаемъ удалить изъ государства и подвергнуть опасностямъ войны племянника, затмевавшаго его сыновей, и поручилъ Югуртѣ начальство надъ отрядомъ конницы, посылаемымъ къ Сципіону. Югурта постоянно отличался въ нумантинской войнѣ храбростью и благоразуміемъ, такъ что пріобрѣлъ расположеніе Сципіона и по окончаніи войны возвратился удостоенный публичной похвалы за услуги римлянамъ, съ письмомъ, въ которомъ Сципіонъ хвалилъ его Миципсѣ. Царь разсудилъ оказать большую милость Югуртѣ, надѣясь, что благодарность удержитъ его отъ желанія вредить Адгербалу и Гіэмпсалу, усыновилъ его и въ своемъ завѣщаніи постановилъ, чтобъ Югурта былъ сонаслѣдникомъ царства и правилъ вмѣстѣ съ его сыновьями. Но едва Миципса умеръ, его сыновья и племянникъ при первомъ же свиданіи перессорились, и скоро оказалось невозможнымъ для нихъ управлять государствомъ вмѣстѣ. Младшій сынъ Миципсы Гіэмпсалъ, гордый и горячій, видѣлъ въ Югуртѣ человѣка, захватившаго часть правъ, принадлежащихъ ему, и раздражилъ своего пріемнаго брата колкими словами о томъ, что отецъ страдалъ отъ старости слабоуміемъ, когда составлялъ свое завѣщаніе. Было рѣшено раздѣлить царство и сокровища; но пока тянулись споры о дѣлежѣ, люди, подосланные Югуртой, убили Гіэмпсала; Адгербалъ, опасаясь такой же судьбы, окружилъ себя войскомъ; Югурта пошелъ на него; произошло сраженіе. Адгербалъ былъ разбитъ, бѣжалъ въ римскую провинцію, оттуда поѣхалъ

Миципса.

Югурта.

Югурта въ Испаніи.

Миципса назначаетъ Югурту сонаслѣдникомъ своихъ сыновей.

Убійство Гіэмпсала; бѣгство Адгербала.

въ Римъ просить защиты сената. Югурта овладѣлъ всѣмъ царствомъ, склонилъ на свою сторону родоначальниковъ и другихъ вліятельныхъ людей. По всѣмъ его дѣйствіямъ было видно, что онъ не хочетъ разставаться съ добычей. Служа въ римскомъ войскѣ въ нумантинскую войну, онъ узналъ нравы и правила аристократіи, владычествовавшей теперь въ Римѣ; въ разговорахъ съ надменными и безсовѣстными молодыми аристократами, съ которыми подружился въ римскомъ станѣ, онъ узналъ, какими интригами ведутся дѣла въ Римѣ, какими способами пріобрѣтается согласіе сената и народнаго собранія на тѣ вещи, какія кому нужны по личнымъ разсчетамъ, узналъ, что въ Римѣ «все продажно». На этомъ онъ основывалъ надежду сохранить за собою все царство. Благоразумные совѣты Сципіона были забыты имъ, или заглушены въ немъ властолюбіемъ.

Адгербалъ въ римскомъ сенатѣ.

Адгербалъ трогательными словами изображалъ въ сенатѣ злодѣйство, совершенное Югуртой надъ его братомъ, обиды, нанесенныя ему, и униженно просилъ помощи; это осталось напрасно; золото Югурты дѣйствовало сильнѣе просьбъ изгнанника. Большинство сената, подкупленное деньгами и другими подарками, нашло справедливыми увѣренія защитниковъ Югурты, что онъ не виноватъ въ смерти Гіэмпсала, который убитъ нумидійцами за свою жестокость, Адгербалъ напрасно жалуется на Югурту, потому что началъ войну онъ, а не Югурта, онъ хотѣлъ у Югурты его долю царства, и только благодаря своей побѣдѣ, Югурта не сдѣлался жертвой его несправедливости. Нѣкоторые вліятельные сенаторы, въ томъ числѣ Эмилій Скавръ, спорили противъ этого, но большинство осталось за тѣми сенаторами, для которыхъ деньги были милѣе справедливости.

Новый раздѣлъ царства.

Сенатъ рѣшилъ послать десять уполномоченныхъ съ порученіемъ раздѣлить нумидійское царство между Югуртой и Адгербаломъ. Президентомъ этой коммиссіи былъ назначенъ Луцій Опимій. Итакъ Югурта деньгами и происками достигъ того, что убійство Гіэмпсала было оставлено безнаказаннымъ. Когда коммиссія пріѣхала въ Нумидію, онъ подкупилъ Опимія и другихъ уполномоченныхъ; они дали ему западную половину царства плодородную, густо населенную, Адгербалу—восточную часть, которая почти вся состояла изъ песчаной пустыни, и городъ Цирту (Константину). Казалось, что сенатъ далъ Опимію прибыльное порученіе въ награду за убійство Гаія Гракха и его политическихъ друзей.

Югурта начинаетъ войну съ Адгербаломъ и убиваетъ его.

Достигнувъ такого успѣха, Югурта полагалъ, что можетъ безнаказанно продолжать свое дѣло, овладѣть частью Нумидіи, данной Адгербалу. Едва уѣхали изъ Африки римскіе уполномоченные, онъ сдѣлалъ набѣгъ на владѣнія Адгербала въ разсчетѣ вызвать его этимъ на войну; но миролюбивый, робкій Адгербалъ не рѣшился воевать съ храбрымъ, хитрымъ противникомъ. Онъ ограничился жалобою на несправедливое нападеніе. Югуртѣ пришлось начать войну безъ всякаго предлога къ ней, но онъ не колебался: собралъ большое

войско, пошелъ на Адгербала и быстрымъ, неожиданнымъ нападеніемъ побѣдилъ слабаго противника. Адгербалъ съ нѣсколькими всадниками бѣжалъ въ Цирту. Югурта немедленно овладѣлъ бы ею, еслибъ воины его, гнавшіеся за Адгербаломъ, не были отражены отъ стѣнъ жившими въ Циртѣ римлянами и италійцами. Югурта осадилъ городъ; многочисленные италійцы, жившіе въ немъ, помогали оборонѣ, потому осада затянулась, и Адгербалъ имѣлъ время послать въ Римъ просьбу о защитѣ. Но сенатъ, по вліянію людей, подкупленныхъ Югуртою, ограничился отправленіемъ посольства съ порученіемъ удержать Югурта отъ продолженія военныхъ дѣйствій. Югурта не принялъ посредничества пословъ и продолжалъ осаду. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ сенаторы, тронутые новой просьбой Адгербала, рѣшили отправить въ Африку второе посольство, главою котораго былъ назначенъ вліятельнѣйшій государственный человѣкъ Рима, руководитель партіи оптиматовъ, Маркъ Эмилій Скавръ. Югурта съумѣлъ отклонить отъ себя и эту новую опасность. Послѣ долгихъ переговоровъ съ нимъ Скавръ возвратился въ Римъ. Черезъ нѣсколько времени Югурта принудилъ Цирту сдаться, предалъ несчастнаго Адгербала мучительной смерти и убилъ всѣхъ взрослыхъ мужчинъ въ городѣ, не только африканцевъ, но и италійцевъ.

Консулъ Бестія отправленъ съ войскомъ въ Африку.

Какъ ни возмутительно было это злодѣйство, но подкупленные Югуртою сенаторы спасли бы свое милаго кліэнта, отвратили бъ объяленіе войны ему, если бъ аристократія не была запугана воплемъ негодованія, поднявшимся по всей Италіи, гнѣвомъ купцовъ на убійство ихъ товарищей въ Циртѣ и особенно угрозами краснорѣчиваго и смѣлаго народнаго трибуна, Гаія Меммія. Сенатъ разсудилъ, что нельзя долѣе противиться общественному мнѣнію, въ первый разъ по смерти Гаія Гракха начавшему теперь громко высказываться. Итакъ была объявлена война Югуртѣ, и консулъ Луцій Кальпурній Бестія поплылъ съ войскомъ въ Африку. Послы Югурты, пріѣхавшіе съ новыми сокровищами для подкупа, не были впущены въ Римъ. Кальпурній Бестія, энергическій и умный человѣкъ, опытный полководецъ, но цѣнившій, подобно другимъ, оптиматамъ выше всего на свѣтѣ деньги, вышелъ на африканскій берегъ съ войскомъ, въ которомъ было много знатныхъ людей и при которомъ находился Скавръ, бывшій тогда первымъ сенаторомъ. Походъ былъ начатъ удачно, Бестія шелъ вверхъ по Баграду, не встрѣчая сопротивленія, покорилъ нѣсколько городовъ, другіе сдавались ему, не дожидаясь появленія римскаго войска; оно брало плѣнниковъ и добычу. Мавританскій царь Бокхъ предложилъ римлянамъ союзъ. Югурта упалъ духомъ. Но римскіе военачальники дѣйствовали такъ, что онъ ободрился. Попросивъ перемирія и подкрѣпивъ свою просьбу деньгами, онъ не только получилъ перемиріе, но и ясный намекъ, что если онъ дастъ больше денегъ, то съ нимъ будетъ заключенъ миръ. Со-

дѣйствіе, которое предлагалъ Бокхъ, было отвергнуто, потому что его послы пріѣхали безъ подарковъ. Югурта вступилъ въ тайныя

Миръ съ Югуртой.

сношенія съ Бестіею и Скавромъ, они нашли средство кончить дѣло къ его и своему удовольствію. Это было устроено такъ: Югурта покорился римлянамъ безусловно; побѣдители поступили съ побѣжденнымъ милостиво: возвратили ему все нумидійское царство, обязавъ его только заплатить небольшую контрибуцію, выдать римскихъ дезертировъ и дать римлянамъ 30 слоновъ. Югурта былъ радъ, что поплатился за два убійства и за самовластный захватъ царства небольшимъ денежнымъ штрафомъ; Скавръ и консулъ были тоже рады, что кончили войну такъ быстро и съ такою прибылью для себя. Они съ громадными сокровищами возвратились въ Римъ получить отъ сената утвержденіе заключенному ими договору. По ихъ отъѣздѣ, Югурта выкупилъ слоновъ и римскихъ дезертировъ у оставшихся начальниками войска помощниковъ Бестіи, слѣдовавшихъ примѣру главнокомандующаго. Справедливость разсужденій о продажности Рима, слышанныхъ Югуртой отъ молодыхъ римскихъ вельможъ подъ Нуманціей, блистательно подтвердилась.

Югурта вызванъ въ Римъ.

Извѣстіе о томъ, что Югурта остался безнаказаннымъ, произвело раздраженіе въ римскомъ народѣ. По предложенію трибуна Меммія, народное собраніе рѣшило предать суду виновныхъ въ заключеніи позорнаго мира и потребовать Югурту къ отвѣту въ Римъ. Сенатъ не отважился противиться этому рѣшенію; оптиматы, чувствуя себя заслужившими негодованіе народа, оробѣли. Луцій Кассій, человѣкъ почтеннаго характера, поѣхалъ въ Нумидію позвать Югурту въ Римъ для свидѣтельскихъ показаній по процессу о подкупѣ; ему была обѣщана безопасность и свобода возвратиться въ Нумидію. Надѣясь на это обѣщаніе и на силу своихъ денегъ, которыми отклонить отъ себя всѣ непріятности, Югурта поѣхалъ въ Римъ и явился въ народное собраніе дать объясненія, какихъ пожелаютъ отъ него.

Югурта въ народномъ собраніи.

Увидѣвъ Югурту, народъ взволновался, такъ что жизнь его была въ опасности. Меммію съ трудомъ удалось успокоить собраніе и убѣдить его, что должно соблюсти данное сенатомъ Югуртѣ обѣщаніе безопасности. Многіе говорили, что за убійство италійцевъ въ Циртѣ Югурту должно казнить. Но деньги доставили ему друга даже между народными трибунами. Когда Меммій предложилъ Югуртѣ откровенно разсказать, какимъ образомъ удалось ему заключить миръ, другой трибунъ, Гай Бебій, велѣлъ Югуртѣ молчать и остановилъ своимъ вето изслѣдованіе дѣла. Народъ разошелся съ форума въ сильномъ негодованіи.

Убійство Массивы, Югурта высланъ изъ Рима.

Сенаторы тревожились, видя раздраженіе народа. Засѣданія сената были бурны. Новый консулъ Спурій Постумій Альбинъ, желавшій войны съ Югуртой, настойчиво требовалъ, чтобы миръ былъ отвергнутъ сенатомъ и возбудилъ внука Масиниссы, Массиву, бѣжавшаго

въ Римъ послѣ истребленія жителей Цирты, заявить сенату свои права на нумидійское царство. Какъ только узналъ объ этомъ Югурта, Массива былъ убитъ подосланными имъ людьми, когда шелъ ночью по улицѣ. Одинъ изъ убійцъ былъ схваченъ на мѣстѣ преступленія и на допросѣ показалъ, что былъ подкупленъ Бомилькаромъ, однимъ изъ приближенныхъ Югурты. Бомилькаръ былъ подвергнутъ суду. Югурта, опасавшійся, что онъ будетъ не въ силахъ утаить правду, доставилъ ему возможность бѣжать. Убійство, совершенное Югуртой 110.
передъ глазами сената, дало рѣшительный оборотъ дѣлу. Миръ былъ отвергнутъ, Югурта высланъ изъ Рима, Альбинъ отправленъ главнокомандующимъ въ Африку. Выѣхавъ изъ Рима, Югурта обернулся, посмотрѣлъ на него и сказалъ: «Продажный городъ, который скоро погибнетъ, если найдетъ покупщика себѣ».

Пораженіе Римскаго войска.

Подъ начальствомъ новаго консула война въ Африкѣ пошла не лучше прежняго. Быть можетъ, нельзя было предпринимать ничего серьезнаго при разстроенномъ состояніи войска, въ которомъ совершенно упала дисциплина; или, быть можетъ, Альбинъ желалъ быть главнокомандующимъ въ Африкѣ только для того, чтобы брать деньги съ Югурты; какъ бы то ни было, но войско бездѣйствовало все время, пока наконецъ Альбинъ долженъ былъ уѣхать въ Римъ, чтобы предсѣдательствовать на выборахъ. На время своего отсутствія онъ поручилъ начальство своему брату Авлу Постумію; Авлъ пошелъ зимою на городъ Сутулъ, въ которомъ хранились сокровища Югурты. Мѣстоположеніе города было очень удобно для обороны. Попытки Авла Постумія взять Сутулъ приступомъ остались безуспѣшны, и Югурта заманилъ бездарнаго римскаго военачальника погнаться за нимъ въ пустыню. Войско было совершенно деморализовано долгимъ бездѣйствіемъ, во время котораго привыкло пренебрегать правилами дисциплины; Югурта, сдѣлавъ ночью неожиданное нападеніе, нанесъ ему полное пораженіе, такъ что римлянамъ оставалось только, или бѣжать, или сдаться. Югурта разыгралъ роль великодушнаго человѣка. Онъ говорилъ, что помнитъ непостоянство счастія и заключилъ съ Авломъ Постуміемъ договоръ, по которому римское войско должно 109.
было пройдти подъ ярмо, удалиться изъ Нумидіи въ десятидневный срокъ, и возобновлялся миръ, отвергнутый сенатомъ. Такому позору

Впечатлѣніе, произведенное въ Римѣ постыднымъ договоромъ.

давно не подвергалось римское имя. Угнетаемое римлянами населеніе Африки, многочисленныя свободныя и полусвободныя племена пустыни привѣтствовали Югурту, какъ національнаго героя, освободителя отъ владычества иноземцевъ. Римляне были въ опасности потерять всѣ свои завоеванія въ Африкѣ. Натурально было, что римскимъ народомъ овладѣло негодованіе на продажную аристократію, принесшую въ жертву своей алчности честь націи и безопасность государства.

Преданіе суду и наказаніе виновныхъ.

Торговое сословіе примкнуло въ этомъ дѣлѣ къ демократической партіи; при его поддержкѣ было рѣшено начать процессъ о подкупахъ и предательствахъ, выказавшихся въ нумидійской войнѣ. Многіе вліятельные сенаторы, въ томъ числѣ Луцій Бестія, Спурій Альбинъ, бывшій консулъ Луцій Опимій, вождь аристократовъ при подавленіи агитаціи Гаія Гракха, были найдены виновными и осуждены на изгнаніе. Но оптиматамъ удалось устроить, что однимъ изъ членовъ коммиссіи, производившей слѣдствіе по нумидійскимъ дѣламъ, былъ назначенъ Скавръ; благодаря ему, дѣло не приняло очень широкаго размѣра. Большинство виновныхъ остались неприкосновенны.

Назначеніе главнокомандующимъ Метелла.

Для успокоенія раздраженнаго народа необходимо было начать дѣйствовать противъ Югурты серьезнымъ образомъ. Миръ, заключенный Авломъ Постуміемъ, былъ отвергнутъ, потому что онъ не имѣлъ права заключать такой договоръ, и былъ отправленъ въ провинцію Африку консулъ Квинтъ Метеллъ, гордый аристократъ, но опытный полководецъ, человѣкъ безукоризненной честности. При содѣйствіи хорошихъ помощниковъ, Публія Рутилія Руфа, Гаія Марія и другихъ, дѣятельный и осторожный Метеллъ возстановилъ дисциплину въ войскѣ, которое предавалось разврату, буйству, грабило и всячески оскорбляло жителей римской провинціи, искоренилъ всѣ эти безпорядки, пріучилъ войско къ походамъ, при каждой остановкѣ велѣлъ воинамъ укрѣплять станъ рвами и окопами, строго наблюдалъ за исправностью стражи кругомъ стана; благодаря всему этому, войско стало пригодно къ войнѣ. Хитрый нумидіецъ замѣтилъ перемѣну,

Метеллъ и Югурта.

оробѣлъ и серьезно предлагалъ покориться подъ условіемъ, что ему и его приближеннымъ будетъ обѣщана пощада. Но Метеллъ считалъ низложеніе и казнь Югурты необходимыми для чести Рима, для упроченія римскаго господства въ Африкѣ, потому давалъ уклончивые отвѣты и, дѣйствуя противъ Югурты его собственнымъ оружіемъ, обѣщалъ его посламъ большія награды, если они отдадутъ его живого или мертваго въ руки римлянъ. Однако же перехитрить Югурту было не легко; онъ замѣтилъ намѣреніе Метелла, понялъ, что можетъ спастись лишь побѣдой и приготовился къ отчаянной оборонѣ. Онъ былъ даровитый военачальникъ, нумидійцы были воинственны, конница ихъ быстра и хороша; мѣстность представляла большія трудности для наступательныхъ дѣйствій римлянъ, была хорошо извѣстна Югуртѣ и мало извѣстна римлянамъ; онъ могъ надѣяться, что одержитъ успѣхи, которыми сломитъ упрямство Метелла.

Побѣда римлянъ на Мутулѣ 109.

Дѣйствительно Югурта повелъ войну, какъ искусный военачальникъ, и въ началѣ могъ надѣяться на удачу. Перешедши нагія пустынныя горы, отдѣляющія приморье отъ внутреннихъ областей Нумидіи, римское войско вошло на безлѣсную, лишенную воды равнину, имѣвшую въ ширину верстъ тридцать и больше; за этой равниной на югъ начиналось населенное пространство по рѣкѣ Мутулу. Переходъ черезъ равнину до Мутула былъ тяжелъ, римляне страдали отъ жажды; надобно было спѣшить къ рѣкѣ. Метеллъ раздѣлилъ войско на двѣ части: съ одною Руфъ пошелъ прямымъ направленіемъ къ рѣкѣ, а Метеллъ съ главными силами направился къ грядѣ холмовъ, перерѣзывавшей равнину и покрытой дикими оливковыми деревьями и миртовыми кустарниками. Но подъ прикрытіемъ этихъ холмовъ стоялъ Югурта со всѣмъ своимъ войскомъ, раздѣленнымъ тоже на два отряда и сдѣлалъ такія ловкія движенія, что римское войско увидѣло себя въ большой опасности: самъ Югурта, занявъ холмы, отбивалъ подымавшихся на нихъ римлянъ, его легкая конница дѣлала атаки на римское войско съ фланговъ и съ тыла, а Бомилькаръ между тѣмъ съ другимъ отрядомъ напалъ на Руфа, подошедшаго къ рѣкѣ; имѣя много слоновъ, онъ тѣснилъ римлянъ у рѣки такъ сильно, что Руфъ не могъ идти на помощь Метеллу. Но римское войско билось упорно; Метеллъ и Марій взошли на холмы, и рим ляне послѣ жаркаго боя одержали побѣду надъ Югуртой. Руфъ тоже обратилъ въ бѣгство отрядъ Бомилькара, чья пѣхота не могла выдержать боя съ римлянами: какъ и въ битвѣ на холмахъ, пѣхота Югурты оказалась несравненно слабѣе римской. Сраженіе съ Бомилькаромъ происходило на пересѣченной мѣстности; римляне, одержавъ побѣду, легко нагнали слоновъ и перебили или взяли ихъ. При началѣ ночи оба римскіе отряда, безпокоившіеся другъ о другѣ сошлись и каждый былъ обрадованъ, узнавъ, что и другой одержалъ побѣду; но много было и печали объ убитыхъ товарищахъ, уронъ римлянъ былъ великъ.

Осторожность Метелла.

Въ двойной битвѣ на Мутулѣ войско Югурты было разсѣяно; онъ съ конницею и нѣсколькими отрядами вооруженныхъ поселянъ и пастуховъ ушелъ въ мѣстность, дойти до которой было трудно для римлянъ, и хотѣлъ изнурить ихъ тамъ партизанскою войной. Но Метеллъ не пошелъ за нимъ, а направился въ тѣ области Нумидіи, которыя имѣли густое населеніе, сталъ опустошать нивы, раззорялъ города и селенія, велѣлъ убивать всѣхъ сопротивлявшихся. Въ покоренныхъ крѣпостяхъ онъ ставилъ гарнизоны, бралъ заложниковъ отъ туземцевъ и такимъ образомъ обезпечивалъ себѣ покорность ихъ. Онъ дѣйствовалъ очень осторожно. Одну часть войска велъ самъ онъ, другую отдалъ подъ начальство Марію, выказавшему свои таланты въ битвѣ на Мутулѣ. Оба отряда держались такъ близко, что въ случаѣ нападенія на одинъ изъ нихъ другой всегда могъ во время поспѣть на помощь. При каждой остановкѣ римляне заботливо укрѣпляли свои станы. Осторожность была необходима, потому что врагъ былъ отваженъ и хитръ. Югурта неотступно слѣдилъ за римлянами, передвигаясь по горамъ, жегъ луга, портилъ ручьи, которыхъ и безъ того было мало, дѣлалъ неожиданныя нападенія, не давалъ отдыха римлянамъ. Ободренные его близостью и поддерживаемые римскими дезертирами, жители укрѣпленнаго города Замы упорно оборонялись противъ Метелла, храбро отбили всѣ его приступы, такъ что онъ принужденъ былъ снять осаду и уйдти на зимнія стоянки въ римскую провинцію. 108—107.

Метеллъ убѣждаетъ Бомилькара передаться римлянамъ.

Но Метеллъ былъ дѣятеленъ и умѣлъ извлечь пользу изъ зимней остановки похода. Онъ зналъ непостоянство, вѣроломство нумидійцевъ и дѣйствовалъ сообразно этому. Онъ тайно пригласилъ на свиданье Бомилькара, убійцу Массивы, справедливо опасавшагося, что при заключеніи мира Югурта выдастъ его римлянамъ. Онъ былъ до-

вѣрнѣйшимъ совѣтникомъ Югурты, и Метеллъ убѣждалъ его выдать римлянамъ царя, обѣщая ему прощеніе и награды. Бомилькаръ сталъ всячески убѣждать Югурту отказаться отъ войны, побѣда въ которой невозможна, покориться римлянамъ. Югурта сначала выказывалъ готовность къ этому. По требованію Метелла и его военнаго совѣта, онъ отдалъ римлянамъ 200,000 фунтовъ серебра, всѣхъ своихъ слоновъ, огромное количество лошадей и оружія, выдалъ на вѣрную смерть всѣхъ римскихъ дезертировъ, надежнѣйшихъ своихъ воиновъ. Римляне закопали ихъ до пояса въ землю и перебили стрѣлами. По выдачѣ оружія и дезертировъ Метеллъ потребовалъ, чтобъ Югурта явился къ нему въ Тизидій выслушать дальнѣйшія приказанія. Югурта сообразилъ, что Метеллъ отдастъ его подъ стражу и рѣшился продолжать войну. Измѣнническія сношенія Бомилькара съ римлянами были вскорѣ послѣ того открыты; предатель былъ наказанъ смертью.

Расположеніе африканцевъ къ Югуртѣ. Восстаніе города Вакки.

Югурта былъ правъ, не довѣряя римлянамъ: они твердо рѣшили не оставлять его въ Африкѣ, потому что, оставляя его тамъ, не могли спокойно владѣть Нумидіею. Около этого времени произошло дѣло, показавшее, какъ велико его вліяніе на умы туземцевъ: по его убѣжденію, возсталъ противъ римлянъ городъ Вакка (Вага), жители убили весь римскій гарнизонъ, кромѣ начальника его, Тита Турпилія Силана. Когда Югурта могъ поднять противъ римлянъ городъ, которымъ овладѣли они при самомъ же началѣ войны, то понятно было, что пастухи и поселяне дальнихъ мѣстностей всегда готовы помогать ему. Послѣ двухдневной осады измѣнившій городъ былъ взятъ Метелломъ и подвергся наказанію по всей строгости военнаго права; былъ казненъ и Турпилій, навлекшій на себя подозрѣніе въ предательствѣ. Но труднѣе было покорить области пустыни, куда ушелъ Югурта съ вѣрными своими воинами, надѣясь изнурить римлянъ партизанской войной.

Походъ въ пустыню.

Послѣ измѣны Бомилькара Югурта не довѣрялъ никому и видѣлъ спасеніе себѣ только въ томъ, чтобы скрывать отъ всѣхъ свои намѣренія и дѣйствовать неожиданно. Онъ бросался на римлянъ, потомъ исчезалъ въ обширной пустынѣ. Метеллъ нанесъ ему второе пораженіе, захватилъ его знамена и обозъ, но пользы отъ побѣды было мало: черезъ нѣсколько недѣль Югурта появился съ новымъ войскомъ въ другой мѣстности далеко отъ римлянъ. Метеллъ рѣшился на отважное дѣло: пошелъ черезъ нагую безводную пустыню въ Оазисъ, на которомъ стоялъ городъ Тала, служившій убѣжищемъ Югуртѣ; но и это осталось безполезно.

Взятіе Талы.

Римляне взяли съ собою воду въ мѣхахъ и деревянной посудѣ, дошли до Талы и послѣ осады, продолжавшейся 40 дней, овладѣли ею. Но Югурта съ дѣтьми и казною, въ которой было еще много денегъ, успѣлъ уйдти. Римляне надѣялись взять большую добычу; но драгоцѣннѣйшая часть ея была уничтожена дезертирами, которые снесли въ царскій дворецъ все золото и серебро, сѣли пировать, послѣ пира зажгли дворецъ и сгорѣли въ немъ.

Война получаетъ болѣе широкій размѣръ.

Взятіемъ Талы было завершено покореніе Нумидіи; но война получила болѣе широкій размѣръ и угрожала принять болѣе опасный характеръ: хитрый Югурта съумѣлъ поднять противъ римлянъ дикія гетульскія племена, жившія на югѣ отъ Нумидіи, а на западѣ отъ нея—мавританскаго царя Бокха, дочь котораго взялъ въ число своихъ женъ. Бокхъ съ несмѣтнымъ количествомъ конницы присоединился къ зятю и вступилъ въ циртскую область, но не объявлялъ войны римлянамъ и держалъ себя нерѣшительно, оказывался ненадежнымъ защитникомъ Югурты. Сенатъ каждый годъ оставлялъ за Метелломъ начальство надъ войскомъ, и онъ надѣялся вести войну до самаго конца, но былъ удивленъ неожиданнымъ извѣстіемъ, что Марій избранъ консуломъ. Вдали отъ Рима онъ не замѣчалъ, что аристократія подорвала свое могущество тою продажностью, которая обнаружилась въ дѣлахъ съ Югуртой. Когда онъ уѣзжалъ изъ Рима, владычество оптиматовъ было такъ сильно, что они, по выраженію Саллюстія, передавали консульство изъ рукъ въ руки другъ другу и не допускали до этого сана никакого «новаго человѣка», хотя бы оказавшаго большія услуги отечеству и очень даровитаго. Когда Марій въ надеждѣ на благосклонность боговъ, въ которую онъ вѣрилъ съ дѣтства по благопріятнымъ знаменіямъ, попросилъ Метелла отпустить его въ Римъ искать консульскаго сана, это показалось надменному аристократу дерзкимъ сумасбродствомъ; онъ дружески отклонялъ Марія отъ напрасной поѣздки; но Марій продолжалъ просить отпуска, и Метеллъ насмѣшливо замѣтилъ ему, что торопиться не для чего, что онъ еще успѣетъ просить себѣ консульства вмѣстѣ съ сыномъ его, который былъ тогда еще мальчикомъ. Такое пренебреженіе чрезвычайно раздражило честолюбца, который, за исключеніемъ знатнаго происхожденія, имѣлъ всѣ качества, нужныя консулу; въ досадѣ онъ перешелъ на сторону демократовъ и скоро сталъ важнѣйшимъ изъ ихъ вождей.

Метеллъ и Марій.

Марій (род 155).

Гай Марій, сынъ небогатаго поселянина, жившаго въ Цереатахъ, селеніи близъ небольшого города Арпина, и воздѣлывавшаго собственнымъ трудомъ свой клочокъ земли, выросъ за плугомъ; юношею поступилъ въ войско и съ той поры оставался на службѣ. Мужествомъ и военными талантами онъ пріобрѣлъ довѣріе полководцевъ и воиновъ; еще въ нумантинскую войну онъ обратилъ на себя вниманіе Сципіона Эмиліана, впослѣдствіи времени былъ правителемъ Южной Испаніи и вернулся въ Римъ, заслуживъ много почестей своими успѣшными дѣйствіями. Суровый воинъ очень сильнаго честолюбія и горячаго характера, онъ хотѣлъ на перекоръ господствующему сословію достичь консульскаго сана, до котораго оптиматы не допускали „новыхъ людей“. Прямой дорогой онъ не могъ дойдти до этой цѣли, потому шелъ къ ней кривыми путями. У него не было свѣтскаго образованія, считавшагося необходимымъ для полководцевъ и государственныхъ людей; потому онъ говорилъ о немъ съ пренебреженіемъ, какъ о вздорѣ, ни для чего ненужномъ. Бывши народнымъ трибуномъ, онъ держалъ себя, какъ человѣкъ умѣренныхъ мнѣній, и даже возставалъ про-

115.

тивъ раздачи хлѣба гражданамъ по ничтожной цѣнѣ, дѣла вреднаго для государства, но такого, за которое очень сильно стояла масса гражданъ, жившихъ въ Римѣ. Онъ предложилъ передѣлать перегородки на марсовомъ полѣ, такъ, чтобы не видно было со стороны какую досчечку подаетъ гражданинъ при вотированіи; онъ хотѣлъ этимъ уменьшить вліяніе аристократіи на выборы. Теперь онъ проникся страстной ненавистью къ оптиматамъ, оскорблявшимъ его своею надменностью и сталъ приверженцемъ демократической партіи; не по желанію улучшить положеніе бѣдныхъ гражданъ, какъ желали Гракхи, а только для того, чтобы при содѣйствіи массы удовлетворить своему честолюбію.

Марій въ Римѣ.

По пріѣздѣ въ Римъ, Марій началъ свою демагогическую карьеру тѣмъ, что сталъ унижать Метелла. Онъ говорилъ, что если бы поручили веденіе войны ему, то черезъ нѣсколько дней Югурта былъ бы въ оковахъ. Что Метеллъ затягиваетъ войну, желая какъ можно дольше оставаться главнокомандующимъ. Этимъ самохвальствомъ и клеветою онъ привлекъ къ себѣ торговый классъ, чьимъ дѣламъ вредила война. Массу гражданъ, жившихъ въ Римѣ, онъ склонялъ къ сочувствію себѣ рѣзкими нападеніями на высокомѣріе и продажность аристократовъ.

Рѣчь Марія въ народномъ собраніи.

«Я не могу выставить въ рекомендацію себѣ ни изображеній предковъ, занимавшихъ курульныя должности, ни тріумфовъ ихъ», говорилъ онъ народу въ рѣчи, пересказываемой Саллюстіемъ, «но могу выставить данное мнѣ въ награду почетное оружіе, другія награды за отличія на войнѣ и рубцы ранъ на груди. Они замѣняютъ мнѣ изображенія предковъ, они—моя знатность, не доставшаяся мнѣ по наслѣдству, какъ оптиматамъ, а пріобрѣтенная мною самимъ, моими собственными силами среди безчисленныхъ опасностей. Слова мои не имѣютъ изящной отдѣлки; я мало цѣню ее. Истинное достоинство человѣка достаточно видно и безъ нея. Оптиматамъ нужно умѣнье ловко говорить, чтобы прикрывать красными словами свои постыдныя дѣла. Греческая литература тоже неизвѣстна мнѣ; у меня не было охоты изучать ее, потому что я видѣлъ, что она не можетъ дѣлать своихъ учителей доблестными людьми. Но я выучился дѣлать то, что всего полезнѣе для государства: побѣждать врага, не бояться ничего, кромѣ безславія, выносить зной и холодъ, лишенія и труды, спать на голой землѣ. Эти правила я буду внушать воинамъ; но не допущу, чтобъ они терпѣли голодъ, между тѣмъ, какъ я пирую, не буду злоупотреблять ихъ силами для своей личной славы.— Природа создаетъ людей равными, только мужество—истинная знатность. Если бы теперь спросить предковъ Альбина, или Бестіи, меня ли, или того, или другого, желали бы они имѣть своимъ потомкомъ, то какъ вы думаете, не былъ-ли бъ ихъ отвѣтъ таковъ, что они желали бы имѣть потомками хорошихъ людей. Презирая меня, оптиматы презираютъ и своихъ предковъ, чья знатность, какъ моя, тоже пріобрѣтена храбростью».

Марій избранъ консуломъ и назначенъ главнокомандующимъ въ Африкѣ.

Марій достигъ своей цѣли. Торговое сословіе и простолюдины были за него; благодаря тому, онъ былъ избранъ консуломъ и, по рѣшенію народнаго собранія, ему было передано веденіе африканской войны. Метеллъ, глубоко оскорбленный тѣмъ, что побѣда, уже бывшая въ его рукахъ, вырвана у него, не скрывалъ огорченія и злобы и уѣхалъ изъ Африки, не дожидаясь пріѣзда своего противника. Марій привезъ много воиновъ. Къ вождю демократической партіи сошлись толпы волонтеровъ изъ простонародія. Крѣпкіе силами поселяне, обѣднѣвшіе граждане, отпущенники, бездомные бродяги шли къ любимцу народа, раздѣлявшему ихъ ненависть къ надменной деморализованной аристократіи, обѣщавшему имъ славу и добычу.

Перемѣна въ составѣ войска, произведенная Маріемъ.

По прежнему военному закону, установленіе котораго преданіе приписывало Сервію, военная служба составляла почетную обязанность зажиточныхъ гражданъ; Марій устранилъ правило, дѣлавшее ее ихъ привилегіею и принималъ въ римскіе легіоны не только бѣдныхъ гражданъ и союзниковъ изъ италійскихъ племенъ, но и храбрыхъ людей изъ провинцій. Прежнее войско было ополченіемъ гражданъ и формировалось посредствомъ набора; Марій ввелъ вербовку, и стеченіе людей всяческаго рода скоро сгладило въ войскѣ прежній характеръ сборища вооруженныхъ гражданъ; образовалось особенное военное сословіе, въ которое принимались всякіе люди безъ разбора ихъ происхожденія и состоянія, и воинъ выдвигался на военныя должности только по старшинству службы и по своимъ заслугамъ. Новыхъ воиновъ обучали по системѣ, введенной Публіемъ Рутиліемъ Руфомъ и составленной по правиламъ фехтовальнаго искусства; тактическое устройство легіоновъ, распредѣленіе ихъ на болѣе мелкія единицы было улучшено. Скоро исчезли въ легіонахъ прежніе гражданскіе и аристократическіе порядки и преданія: новые римскіе воины не имѣли другого отечества, кромѣ своего стана, никакой святыни, кромѣ серебрянаго орла легіоновъ, не признавали надъ собой никакой власти, кромѣ своего полководца.

Марій, какъ полководецъ демократической партіи.

Марій превосходно умѣлъ пріобрѣтать любовь воиновъ, дѣлать пригодными къ войнѣ не подготовившихся къ ней, внушать отвагу робкимъ; онъ поддерживалъ въ войскѣ строгую дисциплину и однако же былъ любимцемъ его, потому что оставлялъ безнаказанными проступки воиновъ лишь бы они сохраняли дисциплину и бились мужественно, щедро награждалъ за храбрость. Онъ былъ примѣромъ отваги, и его карьера одушевляла воиновъ высокими надеждами: сынъ бѣднаго поселянина, онъ храбростью, твердымъ перенесеніемъ трудовъ и лишеній походной жизни, поднялся до самаго великаго положенія въ войскѣ и государствѣ; пріобрѣлъ богатство, получилъ руку Юліи, дѣвушки изъ очень знатной фамиліи. Но, сдѣлавшись консуломъ, главнокомандующимъ, остался вѣренъ привычному скромному образу жизни, удалялся пороковъ аристократіи, чуждался ея страсти къ роскоши и наслажденіямъ, какъ оставался чуждъ ея образованности. Онъ не умѣлъ давать блестящихъ пировъ и не цѣнилъ поварского искусства, но былъ справедливый судья своихъ воиновъ, человѣкъ неподкупный никакими деньгами. Между воинами его распространилось убѣжденіе, что онъ находится подъ особеннымъ покровительствомъ боговъ, что въ немъ живетъ божественная сила прозорливости, открывающая ему будущее. Это вѣрованіе привлекало къ нему воиновъ волшебной силой.

Марій беретъ Капсу и горное укрѣпленіе на Мулухѣ.

Его дѣйствія были такъ успѣшны, что онъ могъ казаться одареннымъ непобѣдимостью, хотя война кончилась не такъ быстро, какъ надѣялся онъ и обѣщалъ другимъ. Экспедиціями въ плодородныя области онъ внушилъ войску отвагу; съумѣлъ безъ труда одержать нѣсколько успѣховъ; ободривъ ими воиновъ, онъ предпринялъ походъ, который долженъ былъ затмить славу, доставленную Метеллу взятіемъ Талы: онъ повелъ войско на большой нумидійскій городъ Капсу, овладѣть которымъ было гораздо труднѣе. Капса стояла на единственномъ источникѣ среди огромной пустыни совершенно безводной, полной ядовитыхъ змѣй; стѣны города были крѣпки, жители усердно преданы Югуртѣ; Капса казалась недоступной врагу. Тѣмъ больше славы Марію принесла удача: сдѣлавъ нѣсколько трудныхъ ночныхъ переходовъ, онъ внезапнымъ нападеніемъ принудилъ Капсу сдаться, но покорность не спасла ея жителей отъ ужасной судьбы: Марій перебилъ всѣхъ взрослыхъ мужчинъ, остальное населеніе продалъ въ рабство; раздѣлилъ добычу между воинами и зажегъ городъ. Такую же удачу имѣло другое предпріятіе еще болѣе отважное. На рѣкѣ Мулухѣ (Молохатѣ), отдѣляющей Нумидію отъ Мавританіи, стояло очень сильное горное укрѣпленіе; оно занимало вершину высокаго утеса, куда подняться можно было лишь по одной узкой тропинкѣ. Оно казалось такимъ неприступнымъ, что Югурта выбралъ его мѣстомъ храненія своихъ сокровищъ. Осада шла нѣсколько времени безъ всякой надежды на успѣхъ. Защитники укрѣпленія отбивали всѣ приступы, разрушали осадныя машины. Марій уже думалъ отступить, но лигурійскій воинъ, привычный взбираться на скалы, нашелъ возможнымъ взойдти на утесъ. Марій началъ долгій непрерывный приступъ, а лигуріецъ, между тѣмъ, ловко и хитро провелъ небольшой отрядъ на утесъ съ другой стороны; эти воины бросились на укрѣпленіе съ тылу обороняющихся отъ Марія, и оно было взято. Такимъ образомъ, безразсудная отвага Марія кончилась удачей, говоритъ Саллюстій, и отвага обратилась въ славу ему.

Союзъ Югурты съ Бокхомъ.

Но слава была единственной выгодой, какую доставило Марію это смѣлое дѣло. Гораздо больше принесло оно вреда. Взятіе крѣпости на мавританской границѣ внушило опасеніе Бокху, и онъ сталъ усерднымъ союзникомъ Югурты, которому прежде помогалъ очень мало. Окружающіе Бокха были подкуплены Югуртой, возбудили въ немъ надежду на завоеванія; онъ привелъ свою конницу къ Югуртѣ, обѣщавшему отдать ему третью часть нумидійскаго царства. Присоединеніе Бокха къ Югуртѣ поставило римское войско въ большую опасность.

Сраженіе у Цирты.

Марій незадолго передъ тѣмъ получилъ подкрѣпленіе: квесторъ Луцій Корнелій Сулла пришелъ къ нему съ отрядомъ войска. Однажды вечеромъ многочисленная непріятельская конница, состоявшая изъ нумидійцевъ, мавританцевъ и гетуловъ, неожиданно напала на римлянъ, и сраженіе произошло при условіяхъ очень невыгодныхъ для нихъ. При наступленіи ночи военачальники съ трудомъ могли отвести уцѣлѣвшихъ воиновъ на два холма; непріятель окружилъ ихъ. Варвары въ восторгѣ побѣды всю ночь кричали, а римляне держались молча. Но какъ только враги, утомившись, легли спать, Марій подалъ знакъ, и римляне бросились за нимъ. Застигнутые въ расплохъ, не успѣвъ ни построиться, ни опомниться, варвары почти безъ обороны падали подъ ударами римлянъ. Тѣ, которые не были убиты, или взяты въ плѣнъ, разсѣялись. Марій пошелъ къ морю, соблюдая на отступленіи величайшую осторожность. Но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ дойдти до Цирты, гдѣ хотѣлъ расположиться на зиму, непріятель напалъ на римлянъ со всѣхъ четырехъ сторонъ. Бой былъ ожесточенный. Побѣда колебалась. Югурта бился съ изумительной отвагой. Чтобы смутить римлянъ, онъ кричалъ по-латыни, что ихъ сопротивленіе напрасно, что на его мечѣ струится кровь Марія, котораго онъ убилъ своей рукой. Но Сулла обратилъ въ бѣгство ту часть непріятеля, которая нападала на его отрядъ и внезапно бросился во флангъ на другую часть варваровъ. Это рѣшило битву въ пользу римлянъ. Послѣ того, они дошли до Цирты не тревожимые врагомъ и расположились тамъ на зиму отдохнуть для возобновленія похода весною.

Луцій Корнелій Сулла.

Теперь африканская война быстро приблизилась къ развязкѣ, но честью ея окончанія Марію пришлось подѣлиться съ своимъ квесторомъ, Луціемъ Корнеліемъ Суллою. Неудачи произвели въ Бокхѣ желаніе помириться съ римлянами. Не разрывая союза съ Югуртой, онъ вступилъ въ переговоры съ Маріемъ; нашедши въ немъ расположеніе къ миру, онъ отправилъ пословъ въ Римъ и съ тѣмъ вмѣстѣ попросилъ Марія прислать къ нему для заключенія союза Суллу, чьи любезность и великодушіе очень хвалили его послы. При двоедушіи Бокха и непостоянствѣ мыслей вообще у всѣхъ африканцевъ, поѣздка къ Бокху могла казаться опасной, но Сулла, не колеблясь, согласился ѣхать. Опасность была заманчива для него, онъ считалъ себя способнымъ преодолѣть всѣ затрудненія, перехитрить хитрецовъ. Марій, сначала смотрѣвшій съ недовѣріемъ на аристократа, который до поѣздки въ Африку проводилъ время въ обществѣ актеровъ и пѣвицъ, но скоро оцѣнившій его таланты, отпустилъ его къ Бокху съ нѣкоторой тревогой за его судьбу.

Характеристика Суллы по Саллюстію.

Сулла происходилъ отъ знатнаго рода, говоритъ Саллюстій, характеризуя его по поводу разсказа объ этомъ первомъ очень важномъ его дѣлѣ, но блескъ его фамиліи почти совершенно угасъ, потому что ближайшіе его предки провели жизнь, не занимаясь государственными дѣлами. Онъ основательно зналъ и греческую и римскую литературу. Человѣкъ сильнаго ума, преданный чувственности, но еще болѣе любившій славу, онъ въ праздное время жилъ развратно, но удовольствія никогда не отвлекали его отъ дѣлъ. Онъ былъ краснорѣчивъ, хитеръ, обязателенъ относительно друзей, щедръ на деньги до расточительности. Онъ имѣлъ необыкновенную способность скрывать свои намѣренія, и хотя счастье помогало ему во всемъ, но его энергія и храбрость были не ниже его счастія; съ воинами онъ былъ любезенъ, оказывалъ многимъ изъ нихъ благодѣянія, не требовалъ отдачи небольшихъ суммъ, какія давалъ имъ взаймы. Надменности онъ не выказывалъ, былъ готовъ и серьезно говорить и шутить съ каждымъ самымъ незначительнымъ человѣкомъ. Онъ не уклонялся отъ походныхъ трудовъ, ходилъ съ войскомъ пѣшкомъ, проводилъ ночи безъ сна, хотѣлъ превосходить всѣхъ на военномъ совѣтѣ умомъ и на дѣлѣ искусствомъ исполненія; никогда не позволялъ онъ себѣ по увлеченію тщеславіемъ говорить что-нибудь во вредъ Марію. Потому пріобрѣлъ очень большое расположеніе и консула, и воиновъ.

Поѣздка Суллы къ Бокху.

Въ сопровожденіи Волукса, сына Бокха, Сулла отправился къ мав-

ританскому царю подъ прикрытіемъ отряда конницы и легкой пѣхоты. На пятый день римляне увидѣли невдалекѣ Югурту съ войскомъ, гораздо болѣе многочисленнымъ, чѣмъ они. Натурально было предположить, что Волуксъ—предатель, что Югурта, по соглашенію съ нимъ, устроилъ засаду и хочетъ захватить Суллу и его спутниковъ въ плѣнъ, чтобъ, имѣя ихъ заложниками, получить миръ на снисходительныхъ условіяхъ. Страхъ и гнѣвъ овладѣли римлянами; одни говорили, что надобно бѣжать, другіе хотѣли убить Волукса. Сулла не допустилъ ни того, ни другого, хотя и самъ былъ не чуждъ подозрѣнія. Волуксъ увѣрялъ со слезами, что съ его стороны не было предательства и предложилъ идти прямо черезъ станъ Югурты. Сулла согласился, чтобы не увеличить опасность, выказавъ недовѣрчивость. Югурта, удивленный, не зналъ, какъ ему поступить, и римляне прошли через его станъ, не подвергнувшись нападенію. Той же отважной рѣшительностью Сулла достигъ своей цѣли въ переговорахъ съ Бокхомъ. Мавританскій царь еще самъ не зналъ, какой стороны лучше будетъ ему держаться: предлагая римлянамъ союзъ, онъ поддерживалъ связи съ Югуртой и раздумывалъ, что будетъ для него выгоднѣе: отдать Суллу Югуртѣ, или выдать Югурту римлянамъ; національное чувство влекло его къ первому рѣшенію, страхъ склонялъ ко второму. Долго онъ колебался, вѣроломно давалъ и Суллѣ и Югуртѣ одно и то же обѣщаніе; наконецъ пригласилъ ихъ съѣхаться на холмѣ для заключенія мира. Оба они пріѣхали въ назначенное мѣсто съ конвоемъ, одинаково полагая каждый, что его противникъ будетъ выданъ ему. Но страхъ уже одержалъ въ Бокхѣ верхъ надъ чувствами національности и родства. Какъ только пріѣхалъ Югурта, на него бросились изъ-засады по знаку Бокха воины, убили его конвой, схватили его и отдали Суллѣ, который повезъ его въ оковахъ въ римскій станъ. Такъ левъ пустыни, долго избѣгавшій всѣхъ погонь, попалъ наконецъ въ сѣть, поставленную ему тестемъ. Когда римляне овладѣли Югуртой, война, длившаяся семь лѣтъ, кончилась. Въ первый день своего второго консульства 1 января 104 года Марій вступилъ великолѣпной тріумфальной процессіей въ Римъ. Передъ его колесницей шелъ Югурта въ царскомъ облаченіи и въ оковахъ; подлѣ отца шли два сына. По окончаніи тріумфа злодѣй былъ полураздѣтый запертъ въ темный склепъ подъ Капитоліемъ. «Какъ холодна ваша баня!» сказалъ онъ, переступая порогъ старинной цистерны, обращенной въ темницу. Шесть дней его желѣзное здоровье выдерживало голодъ и стужу; видя, что онъ медлитъ умереть, римляне послали палача задушить его.

Бокхъ выдаетъ Югурту Суллѣ.

Смерть Югурты 104.

Бокху въ награду за его предательство была дана западная окраина Нумидіи. Остальное царство римляне отдали болѣзненному и слабоумному Гавдѣ, сыну отца Югурты, но отъ другой матери. Гетульскія племена, жившія на югъ отъ Нумидіи, вступили въ союзъ съ римлянами, оставившими имъ независимость. — Черезъ нѣсколько времени Киренское царство поступило подъ власть римлянъ по завѣщанію бездѣтнаго царя Апіона. Они предоставили греческимъ городамъ этой страны независимое управленіе своими дѣлами подъ надзоромъ римскаго правителя африканской провинціи.

Марій и Сулла.

Марій сталъ героемъ демократической партіи, но какъ ни старалась она приписывать ему всю честь побѣды, оптиматы считали истинными побѣдителями Югурты Метелла и Суллу. Метеллу былъ данъ къ сильной досадѣ Марія титулъ «Нумидійскаго», а Сулла вырѣзалъ на печати своего перстня сцену, изображавшую, какъ Бокхъ отдаетъ ему Югурту. Черезъ нѣсколько времени мавританскій царь подарилъ въ Капитолійскій храмъ золотое изображеніе той же сцены. Какъ ни сердился Марій, но Сулла своей смѣлой поѣздкой къ Бокху, присутствіемъ духа въ минуты грозной опасности, гордостью, съ какой держалъ себя при дворѣ Бокха, сильно дѣйствовалъ на фантазію и этими успѣхами затмевалъ побѣды Марія, въ которыхъ римляне видѣли не геройство полководца, а только милость боговъ къ нему и удачу. Когда Сулла верхомъ на конѣ ѣхалъ за тріумфальной колесницей консула, всѣ взгляды были обращены на него, а партія оптиматовъ втайнѣ уже надѣялась, что онъ избавитъ ее отъ нестерпимой гордости плебея, который до такой степени пренебрегалъ обычаями, что вошелъ въ сенатъ въ облаченіи тріумфатора.

---

2. Кимбры и тевтоны.

Появленіе кимбровъ и тевтоновъ.

Межъ тѣмъ какъ легіоны преслѣдовали нумидійскаго царя по пустынямъ Африки, на сѣверѣ отъ Альпъ, гдѣ шло вѣчное броженіе народовъ, громадныя полчища наносили тяжелые удары римлянамъ, считавшимъ себя владыками вселенной и хотѣли взять себѣ долю въ завоеваніяхъ. Марій еще не кончилъ африканскую войну, когда на Дунаѣ явились кимбры, угрожая границамъ римскаго государства. Это былъ народъ германскаго племени, бѣлокурые люди высокаго роста и исполинской силы, пошедшіе изъ своей земли съ женами, дѣтьми и всѣмъ имуществомъ добыть себѣ оружіемъ новую землю. Ихъ подвижными жилищами были обтянутыя кожаными навѣсами телѣги; тамъ сидѣли жены и дѣти, помѣщалось имущество. Передъ сраженіемъ они изъ этихъ телѣгъ составляли круговую ограду себѣ. Они были одѣты въ шкуры, на нихъ были желѣзныя латы, щиты ихъ были вышиною во весь ростъ, ихъ шлемы, украшенные перьями, имѣли видъ звѣриныхъ головъ съ разинутой пастью; они бились длинными мечами и тяжелыми булавами; число ихъ всадниковъ, одѣтыхъ въ латы, простиралось, говорятъ, до 15000. Полководцемъ былъ выборный, и нерѣдко предпочтеніе отдавалось тому изъ храбрыхъ,

кто громаднѣе ростомъ. Подобно кельтамъ, за которыхъ сначала принимали ихъ римляне, они любили вызывать на поединокъ. Они начинали битву оглушительнымъ крикомъ, для устрашенія враговъ. Сѣдыя старухи жрицы, облеченныя въ бѣлую льняную одежду, приносили плѣнниковъ въ жертву своимъ богамъ и гадали о будущемъ по ихъ струящейся крови. Непосредственными причинами того, что кимбры пошли странствовать, были, вѣроятно, какія нибудь мѣстныя бѣдствія: бури, при которыхъ море залило часть ихъ страны, голодъ, тѣснота; но основнымъ мотивомъ вѣроятно было врожденное германцамъ влеченіе къ переселеніямъ, къ боевой жизни, къ роскошнымъ странамъ юга. Нѣсколько десятковъ лѣтъ кимбры бродили по сѣверному краю земли тѣхъ кельтскихъ племенъ, которыя жили на Дунаѣ; наконецъ, одолѣвъ боіевъ, жившихъ въ Богеміи и Баваріи, они вторглись въ альпійскія области таврисковъ и карновъ и явились на границахъ римскаго государства.

Пораженія римлянъ. Въ Норикѣ (нынѣшней Каринтіи), странѣ богатой желѣзомъ, гдѣ стоялъ цвѣтущій городъ Норея (на сѣверъ отъ Клагенфурта), хотѣлъ остановить кимбровъ консулъ Гней Папирій Карбонъ. Онъ поставилъ свое войско въ засаду, но оно было поражено кимбрами въ крово-
113. пролитной битвѣ. Имъ была теперь открыта дорога на югъ, но, измѣнивъ направленіе своего пути, они повернули на западъ. Храбрые гельветы присоединились къ нимъ; а раньше того уже присоединились нѣкоторыя другія кельтскія племена, и всѣ вмѣстѣ они пошли черезъ Рейнъ и черезъ Юру, требуя у галловъ области для поселенія себѣ. Получивъ отказъ, они пошли по Галліи, грабили и опустошали все на пути, истребляли жителей. Они бросились на юго-восточную часть Галліи, которая, какъ мы разскажемъ послѣ, была уже обращена въ римскую провинцію. Они четыре года ходили по ней, то соединяясь всѣ вмѣстѣ, то раздѣляясь на отряды; римскія войска выступали противъ нихъ, но римскіе полководцы были алчны, ссорились между собою; младшие военачальники не слушались старшихъ; при этой неурядицѣ кимбры въ четыре года разбили на Ронѣ и на берегахъ Леманскаго озера пять консульскихъ войскъ.

Гельветы заманили въ засаду Луція Кассія Лонгина; онъ, его легатъ и большая часть войска погибли; уцѣлѣвшіе римляне купили себѣ жизнь постыднымъ согласіемъ пройдти подъ ярмо, дать заложниковъ, и пожертвованіемъ половины своего имущества. Толоза возстала противъ римлянъ; инсургенты надѣли оковы на воиновъ римскаго гарнизона; но консулъ Квинтъ Сервилій Цепіонъ, при помощи предателей, взялъ ночью городъ и отнялъ у него массу сокровищъ. Эти богатства почти всѣ исчезли, проходя черезъ руки римскихъ военачальниковъ, и въ особенности Цепіонъ запятналъ свою репутацію. Маркъ Аврелій Скавръ, бывшій за нѣсколько времени передъ тѣмъ консуломъ, былъ разбитъ на лѣвомъ берегу Роны; взятый врагами въ плѣнъ, онъ съ римской гордостью совѣтовалъ кимб-

рамъ не ходить въ Италію, потому что Римъ непреодолимъ; кельтскій царь Амбіориксъ въ ярости за это убилъ его.

Страхъ римлянъ. Ужасъ распространился по всей Италіи, припоминались прежнія нашествія кельтовъ, битва при Алліи, сожженіе Рима. Правительство призвало къ оружію всѣхъ способныхъ сражаться, запретило имъ уѣзжать изъ Италіи; совершались моленія богамъ, чтобъ они отвратили гнѣвъ свой. Кимбры разбили на Ронѣ при Аравзіонѣ (Оранжѣ) ссорившихся между собою Квинта Сервилія Цепіона и Гнеія Маллія Максима; обѣ половины римскаго войска были истреблены въ этой двойной битвѣ, уцѣлѣло лишь нѣсколько человѣкъ. Римскій станъ былъ взятъ. Если бы кимбры пошли тогда черезъ альпійскіе проходы, остававшіеся беззащитными, и ворвались въ Италію, римское государство поколебалось бы; но, къ счастію для римлянъ, они пошли въ землю арверновъ и утомленные осадой городовъ двинулись на западъ къ Пиренеямъ; какъ молнія, они явились и поразили, какъ молнія,—исчезли. Ихъ движеній нельзя было предугадать: они то быстро шли впередъ, то вдругъ останавливались, шли назадъ, или въ сторону. Римскій народъ справедливо приписывалъ пораженія своихъ войскъ деморализаціи оптиматовъ; они тяжело поплатились за нее и теперь, какъ въ югуртинскую войну.

Сервилій Цепіонъ, проконсулъ Галліи, человѣкъ очень знатной фамиліи, былъ главнымъ виновникомъ пораженія при Аравзіонѣ; кромѣ того, его винили въ расхищеніи сокровищъ, взятыхъ въ Толозѣ; рѣшеніемъ народнаго собранія онъ былъ устраненъ отъ должности; его исключили изъ числа сенаторовъ, предали суду; процессъ, тянувшійся долго, кончился его 104—103.
изгнаніемъ и конфискаціей его имущества. Его товарищъ Гней Маллій Максимъ и многіе другіе оптиматы были также преданы суду и найдены виновными въ преступленіяхъ противъ интересовъ государства.

Назначеніе Марія главнокомандующимъ 104. Народъ былъ такъ раздраженъ противъ оптиматовъ, что далъ чрезвычайныя полномочія единственному демократу, составившему себѣ репутацію хорошаго полководца. Былъ избранъ консуломъ во второй разъ Марій, хотя не являлся въ Римъ лично просить сана, какъ того требовалъ законъ; его назначили главнокомандующимъ въ войнѣ съ варварами, угрожавшими Италіи; до самаго конца войны, народъ каждый годъ избиралъ его консуломъ вновь, наперекоръ оптиматамъ и установленнымъ ими законамъ, и оставлялъ его главно-
командующимъ; такимъ образомъ, онъ пять лѣтъ къ ряду былъ кон- 105—100.
суломъ,—случай, еще не бывалый въ лѣтописяхъ римской республики. Марій оправдалъ надежды народа. Германскія и кельтскія племена, составлявшія бродившую теперь по кельтскимъ землямъ орду, перешли Пиренеи, грабили Испанію, потомъ, перешедши обратно Пиренеи, грабили галльскія племена по Сенѣ и далѣе къ сѣверу; въ сѣверной Галліи присоединились къ кимбрамъ тевтоны, тоже германское племя,

покинувшее, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, свою родину, находившуюся далеко на сѣверѣ. Марій, между тѣмъ, увеличилъ силу своего войска, набирая въ легіоны крѣпкихъ людей безъ различія ценза и происхожденія; онъ бралъ въ легіоны и римскихъ пролетаріевъ и союзниковъ. Этимъ онъ положилъ начало новой организаціи войска, при которой принципъ военной службы подавилъ прежнія понятія воиновъ, что они граждане; теперь большинство воиновъ составляли люди, не имѣвшіе гражданскихъ чувствъ; вмѣсто прежняго призыва гражданъ подъ знамена по округамъ и по очереди лѣтъ, теперь войско набиралось изъ всего состава населенія Италіи. Обязанность военной службы, лежавшая прежде только на гражданахъ, была распредѣлена на всѣхъ свободныхъ людей, способныхъ къ походамъ. Такъ были созданы тѣ легіоны, которые покорили востокъ и западъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ Марій возстановлялъ ослабѣвшую дисциплину, пріучалъ воиновъ къ перенесенію трудовъ походной жизни, заставляя ихъ дѣлать усиленные переходы, копать рвы; онъ назначилъ своими помощниками искусныхъ военачальниковъ, между которыми и теперь заслужилъ особенную славу Сулла. Марій прокопалъ изъ Роны къ морю каналъ, облегчившій доставку товаровъ въ Италію и осушившій болотистое приморье. Онъ упрочилъ за собою содѣйствіе лигурійскихъ и галльскихъ племенъ, покоривъ тѣ изъ нихъ, которыя возстали противъ Рима, внушивъ другимъ вѣру въ его могущество. Онъ устроилъ сильно укрѣпленный станъ при впаденіи Изеры въ Рону и вскорѣ послѣ того, какъ войско расположилось тамъ, непріятель, уходившій отъ римскихъ границъ на три года и въ послѣднее время сражавшійся съ храбрыми бельгами, возвратился къ Альпамъ болѣе многочисленный, чѣмъ прежде: къ кимбрамъ на ихъ походахъ присоединились тевтоны и нѣкоторыя другія племена. Эта орда раздѣлилась на два войска и пошла черезъ Альпы двумя путями *). Тевтоны и часть кимбровъ, называвшаяся амбронами, доказавшіе свою храбрость въ битвѣ при Аравзіонѣ, три дня дѣлали попытки взять римскій станъ; ихъ необузданная отвага осталась напрасной: дисциплинированное войско подъ управленіемъ талантливаго и осмотрительнаго главнокомандующаго отбило ихъ атаки. Потерпѣвъ большой уронъ, они отказались отъ нападеній на римскій станъ и пошли мимо римлянъ въ Италію. Они съ насмѣшкой спрашивали, не дадутъ ли имъ римляне порученій къ своимъ женамъ; Марій сдерживалъ раздраженіе своихъ воиновъ, держалъ ихъ шесть дней въ станѣ, пока шли мимо нихъ варвары. Онъ хотѣлъ дать имъ

Марій увеличиваетъ число войска, вводитъ новую систему набора.

---

*) Сокровища, награбленныя въ своихъ походахъ, варвары оставили въ Галліи подъ охраненіемъ 6000 человѣкъ; этотъ отрядъ послѣ разныхъ походовъ поселился на Самбрѣ, и потомки его составили племя, называвшееся адуатуками.

привыкнуть къ страшному виду высокихъ, сильныхъ враговъ съ боевыми сѣкирами въ рукахъ. Когда варвары прошли мимо, онъ двинулся за ними, соблюдая строжайшій порядокъ и величайшую осторожность. Выбравъ мѣстность, выгодную для римлянъ, онъ построилъ войско къ бою. Сирійская предсказательница въ пурпурной одеждѣ была пронесена по стану на носилкахъ; въ рукѣ у нея было знамя съ развѣвающимися лентами; разсмотрѣвъ принесенныхъ въ жертву животныхъ, она обѣщала побѣду. Марій далъ знакъ идти въ атаку. Мѣсто битвы было близъ новой военной колоніи Aquae Sextiae (нынѣшній городъ Эсъ, Aix). Полчищу тевтоновъ и амброновъ было нанесено полное пораженіе. Цѣлое утро длилась ихъ атака на римлянъ, поставленныхъ Маріемъ на холмѣ; наконецъ ихъ ряды разстроились частью отъ изнуренія непривычнымъ для нихъ зноемъ южнаго солнца, частью отъ того, что въ тылу ихъ поднялась тревога. Марій поставилъ въ закрытой отъ ихъ взглядовъ долинѣ отрядъ изъ нѣсколькихъ тысячъ всадниковъ и обозныхъ служителей, посаженныхъ на лошадей: Марцеллъ, командовавшій ими, неожиданно бросился сзади на непріятеля и произвелъ испугъ въ заднихъ рядахъ; смятеніе распространилось на переднія ряды и скоро все германское войско было опрокинуто. Не спасся никто: тѣ, которые не были убиты, или не закололись сами, были всѣ захвачены въ плѣнъ и отведены въ рабство; въ числѣ плѣнниковъ находился тевтонскій князь Тевтободъ. Въ обозѣ варваровъ, телѣги котораго были поставлены плотнымъ кругомъ, находилась масса женщинъ; эти высокія красивыя жены варваровъ убивали себя и дѣтей, чтобы не попасться въ рабство римлянамъ.—Число убитыхъ было такъ велико, что массалійцы дѣлали загороди своихъ нивъ и виноградниковъ изъ ихъ костей, и долго видны были по роскошному росту травы тѣ мѣста, на которыхъ истлѣли тѣла. Марій велѣлъ сложить костеръ изъ поломанныхъ телѣгъ и попорченнаго оружія. Когда воины, украшенные вѣнками, смотрѣли на пылающія жертвы благодаренія богамъ, гонецъ привезъ Марію извѣстіе, что онъ выбранъ консуломъ въ пятый разъ. 102.

Кимбры и гельветы, отдѣлившись отъ тевтоновъ, пошли на востокъ, прошли Тироль и по долинѣ Адидже вторглись въ Сѣверную Италію. При ихъ появленіи, стоявшіе тамъ римскіе воины были охвачены паническимъ страхомъ и толпами бѣжали въ городъ. Консулъ Квинтъ Лутацій Катулъ и одинъ изъ его помощниковъ Гнеій Петрей съ трудомъ успѣли собрать легіоны; Катулъ не могъ устоять противъ натиска враговъ, перешелъ на южный берегъ По, и вся равнина между этой рѣкой и Альпами была отдана въ добычу варварамъ. Къ счастію для римлянъ, германцы беззаботно предались новымъ для нихъ наслажденіямъ плодородной страны и богатыхъ городовъ. Они оставались тамъ до слѣдующей весны, когда Марій пришелъ съ побѣдоноснымъ войскомъ на помощь Катулу. Соединенныя силы консуловъ

Битва на Равдійскомъ полѣ. 101.

простирались до 50000 человѣкъ. Римляне перешли на сѣверный берегъ По и встрѣтили на Равдійской равнинѣ варваровъ, которые шли вверхъ по рѣкѣ, чтобы дойти до мелкаго мѣста, гдѣ можно перейдти ее въ бродъ. Гдѣ была мѣстность, называвшаяся Равдійской равниной, ученые спорятъ между собой; одни полагаютъ, что это низменность при впаденіи Сезіи въ По, другіе думаютъ, что это равнина на прибрежьи Адидже близъ Вероны. Тамъ ли, или здѣсь произошла битва, но она была упорна и кончилась полнымъ пораженіемъ варваровъ. Тысячи ихъ пали подъ ударами римскихъ копій и мечей, въ томъ числѣ храбро сражавшійся царь Бойориксъ. Множество другихъ закололись сами. Но число плѣнныхъ, отведенныхъ на невольничій рынокъ, было такъ огромно, что они продавались по очень дешевой цѣнѣ, и наполнили помѣстья итальянскихъ и сицилійскихъ господъ сильными работниками. Суровая отвага этихъ страшныхъ людей была такова, что римляне съ трепетомъ вспоминали о битвѣ, въ которой одолѣли ихъ. Немногіе, успѣвшіе бѣжать, нашли себѣ пріютъ въ венеціанскихъ Альпахъ и ретійскихъ горахъ, гдѣ до сихъ поръ, какъ полагаютъ ученые, уцѣлѣли ихъ потомки.—Итакъ отвращена была отъ Рима и эта опасность, величайшая изъ всѣхъ, какимъ подвергался онъ со дня пораженія при Каннахъ. Тѣ полчища, предъ которыми тринадцать лѣтъ дрожали народы, легли въ могилы, или работали въ невольничьихъ оковахъ. Но торжествуя побѣду, римскія партіи продолжали свой жалкій раздоръ: демократъ Марій приписывалъ побѣду себѣ, а по мнѣнію аристократовъ, эта слава принадлежала товарищу его, Катулу, и Суллѣ, бывшему однимъ изъ важныхъ второстепенныхъ начальниковъ войска въ битвѣ на Равдійскомъ полѣ. Оптиматы говорили, что побѣда была рѣшена центромъ, которымъ командовалъ Катулъ. Онъ дѣйствительно взялъ больше непріятельскихъ знаменъ, чѣмъ Марій. Но во мнѣніи римскихъ простолюдиновъ, истиннымъ побѣдителемъ былъ Марій, сынъ арпинскаго простолюдина, бывшій главнокомандующимъ. Въ немъ народъ видѣлъ спасителя Италіи и будущаго мстителя за Гракховъ. Образованность, изящество манеръ, краснорѣчіе по всѣмъ правиламъ искусства и другія блестящія качества Катула и его сотоварищей по сословію были въ этотъ желѣзный вѣкъ ничтожны, какъ думалъ народъ, сравнительно съ суровой воинственностью, простонародной энергіей, скромной жизнью и другими доблестями, которыми привлекалъ къ себѣ сердца простолюдиновъ Марій.

Споръ партій изъ-за славы побѣды.

3. Политическія и соціальныя волненія.

Шестое консульство Марія 100.

Когда Марій, послѣ многолѣтняго отсутствія, прерываемаго лишь недолгими пріѣздами, возвратился въ Римъ и, отпраздновавъ великолѣпный тріумфъ, сталъ вновь просить себѣ консульства, оптиматы

собрали всѣ свои силы помѣшать его выбору. Но это не удалось имъ. Послѣ упорной борьбы Марій, спаситель Италіи, гордость и надежда демократовъ, добился честными и нечестными средствами того, что былъ избранъ консуломъ въ шестой разъ. Торжество его на выборахъ ясно показывало, что демократическая партія стала сильнѣе оптиматовъ; потому не удивительно, что она нашла возможнымъ возобновить при содѣйствіи любимаго народомъ консула реформаторскую дѣятельность Гракховъ, стала предлагать народному собранію аграрные законы, основаніе колоній, уравненіе правъ италійскихъ союзниковъ съ римскими гражданами; этими реформами надѣялась она уничтожить аристократическіе элементы въ государственномъ устройствѣ и подорвать силу оптиматовъ. Марій уже доказалъ, что не боится нарушать законы: послѣ битвы на Равдійскомъ полѣ, онъ самовластно далъ права римскаго гражданства двумъ когортамъ италійскихъ союзниковъ въ награду за храбрость, и въ оправданіе своему поступку сказалъ, что при шумѣ оружія ему не слышны были слова закона. Товарищемъ Марія былъ избранъ человѣкъ незначительный, Луцій Валерій Флаккъ. Демократы успѣли доставить два важные сана вліятельнѣйшимъ своимъ вождямъ: Луцій Апулій Сатурнинъ, пламенный и краснорѣчивый врагъ аристократіи, былъ по убійствѣ кандидата аристократической партіи выбранъ народнымъ трибуномъ, а Гай Сервилій Главція, человѣкъ низкаго происхожденія и пошлаго характера, но одаренный грубымъ простонароднымъ бойкимъ шутливымъ и остроумнымъ краснорѣчіемъ, получилъ санъ претора. Въ союзѣ съ этими смѣлыми и безсовѣстными людьми и при поддержкѣ италійцевъ и прежнихъ своихъ воиновъ, Марій вздумалъ идти путемъ Гракховъ. Съ его одобренія Сатурнинъ предложилъ народному собранію дать въ Галліи и другихъ провинціяхъ участки земли воинамъ, заслужившимъ признательность отечества побѣдами надъ кимбрами и тевтонами; участки должны были имѣть величину болѣе значительную, чѣмъ тѣ, какіе давались бѣднымъ гражданамъ въ Италіи. Это предложеніе возобновляло прежніе планы колонизаціи въ болѣе широкомъ размѣрѣ; притомъ участки должны были получать и римляне и союзники одинаково; это было шагомъ къ полному уравненію италійскихъ союзниковъ съ римскими гражданами. Марій разсчитывалъ, что исполненіе этого дѣла неизбѣжно будетъ поручено ему, что его будутъ оставлять консуломъ съ года на годъ и такимъ образомъ онъ безсрочно будетъ фактическимъ властелиномъ Рима. Гай Гракхъ владычествовалъ надъ государствомъ силою своего трибунскаго сана; Марій надѣялся пріобрѣсти диктаторскую власть въ санѣ консула. Это было тѣмъ легче, что консулъ былъ главнокомандующимъ, а Марій могъ разсчитывать на преданность воиновъ ему.

Сатурнинъ и Главція.

Предложеніе Сатурнина, отношенія Марія къ нему.

Марій слѣдовалъ примѣру Гая Гракха и въ томъ, что старался пріоб-

Марій старается пріобрѣсти себѣ поддержку всадническаго сословія и пролетаріевъ.

рѣсти расположеніе всадниковъ и бѣдныхъ гражданъ, жившихъ въ Римѣ. По его вліянію, судебная власть сословія всадниковъ была расширена учрежденіемъ постояннаго трибунала для рѣшенія процессовъ о злоупотребленіяхъ правителей провинцій и учрежденіемъ коммиссіи для розыскания измѣнниковъ, помогавшихъ кимбрамъ. Чтобы привлечь къ себѣ бѣдныхъ гражданъ, жившихъ въ Римѣ, Марій провелъ законъ о пониженіи цѣны, по которой выдавался имъ хлѣбъ изъ государственнихъ складовъ.

Изгнаніе Метелла.

Къ предложеніямъ Сатурнина было присоединено постановленіе, что въ продолженіе пяти дней послѣ принятія ихъ комиціями сенаторы должны дать присягу соблюдать эти законы, и сенаторъ, не давшій такой присяги въ пятидневный срокъ, лишается своего сана. Аристократія всяческими законными и не законными средствами боролась противъ предложеній Сатурнина; но при содѣйствіи бывшихъ воиновъ Марія, массою сошедшихся на форумъ, законы о пониженіи цѣны хлѣба и объ основаніи колоній получили большинство голосовъ въ народномъ собраніи. Сенаторы должны были теперь дать присягу въ соблюденіи этихъ законовъ; но Марій началъ держать себя двусмысленно: онъ сталъ выказывать себя приверженцемъ сената и, продолжая вести тайныя сношенія съ вождями демократовъ, громко говорилъ, что требованіе присяги стѣсняетъ совѣсть, и что онъ не присягнетъ. Онъ говорилъ это для того, чтобы завлечь въ ошибку прямодушнаго Метелла, горячаго противника демократіи, возбудить его отказаться отъ присяги. Въ назначенный день Сатурнинъ вызвалъ сенатъ на форумъ и пригласилъ сенаторовъ дать присягу. Всѣ смотрѣли на Марія. Онъ вывернулся изъ затрудненія двусмысленной оговоркой, что дастъ присягу повиноваться новымъ законамъ, если они дѣйствительно имѣютъ законную силу. Въ этой формѣ дали присягу всѣ сенаторы, кромѣ Метелла; онъ твердо отказался поступить противъ своего убѣжденія; ни просьбы друзей, ни угрозы трибуновъ предать его суду не поколебали его рѣшимости. Онъ удалился изъ Рима въ добровольное изгнаніе и поселился въ Родосѣ, проводя досугъ въ занятіяхъ философіею. Марій и Сатурнинъ были рады что устранили отъ политической дѣятельности честнѣйшаго человѣка въ сенатѣ, лучшаго полководца оптиматовъ.

Марій присоединяется къ сенаторской партіи.

Но эта видимая побѣда демократической партіи была началомъ ея пораженія. Марій нѣсколько времени продолжалъ двоедушничать; по словамъ Плутарха, онъ однажды велъ въ одной комнатѣ своего дома тайные переговоры съ вождями оптиматовъ, а въ другой съ Сатурниномъ и его друзьями; но своей фальшивостью онъ только отнялъ у себя довѣріе обѣихъ партій. У него не было ни политической проницательности, ни нравственной силы на то, чтобы стать посредникомъ между враждующими, примирить ихъ, соединить въ стремленіи къ какой нибудь высокой патріотической цѣли; ему приходилось стать на ту, или на другую сторону: примкнуть къ сенаторской партіи, оказать ей содѣйствіе въ подавленіи демократовъ и просить у оптиматовъ, чтобъ они приняли его въ свой кругъ изъ благодарности за его усердіе къ нимъ; или идти вмѣстѣ съ прежними друзьями опаснымъ путемъ революціи, предоставить темной волѣ судьбы рѣшеніе запутанныхъ вопросовъ, улучшеніе общественнаго быта. Онъ рѣшился на то, что было менѣе опасно. Онъ не чувствовалъ въ себѣ демонической силы идти къ владычеству по грудамъ развалинъ и труповъ, поставить свою участь на рискъ, который могъ дать побѣду, но могъ и погубить. Онъ не умѣлъ править страстями людей, разгоряченныхъ борьбой, и побоялся, что въ рѣшительную минуту демократы откажутъ ему въ повиновеніи. Они держали себя такъ необузданно, что союзъ съ ними дѣйствительно былъ страшенъ; ихъ ораторы говорили и поступали чрезвычайно нагло, возбуждали простолюдиновъ буйствовать на форумѣ, терроризовали Римъ. Консулъ, первый сановникъ государства, не могъ оставаться въ союзѣ съ людьми, которые, собирая толпы бѣдныхъ отчаянныхъ гражданъ, вели открытую войну противъ государственнаго порядка, рѣшались произвести переворотъ открытымъ возстаніемъ противъ законовъ. Марій постыдился помогать имъ и сблизился съ сенаторской партіей. Капиталисты и торговцы, запуганные буйствами демократовъ, ихъ явнымъ намѣреніемъ уничтожить всѣ привилегіи, тоже отступились отъ союза съ ними. Зажиточное и образованное среднее сословіе не могло выносить безпорядковъ черни и ея безсовѣстныхъ вождей. Оно примирилось съ аристократіею, радостно принявшей его поддержку. Даже между простолюдинами, жившими въ Римѣ, распространилось недовольство наглостью демагоговъ.

Терроризмъ Сатурнина.

Вожди демократовъ были чрезвычайно раздражены измѣною Марія, хотя онъ держалъ себя относительно прежнихъ друзей очень мягко. Они высказывали свой гнѣвъ рѣзкими рѣчами противъ него и рѣшились идти къ осуществленію своихъ замысловъ безъ его помощи. Коалиція оптиматовъ и всадниковъ была такъ сильна, что они не имѣли надежды быть выбранными въ свои должности на второй годъ; имъ предстоялъ выборъ: или сложить руки, спокойно ждать наступленія болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, или захватить власть насиліемъ. Въ раздраженіи борьбы они рѣшились на второе. Сатурнинъ выступилъ кандидатомъ въ трибуны на слѣдующій годъ, выставилъ другими кандидатами своихъ помощниковъ, въ томъ числѣ отпущенника, котораго онъ выдавалъ народу за сына Гаія Гракха, и не отступалъ ни передъ какими средствами для доставленія большинства голосовъ имъ и себѣ. Онъ хотѣлъ, чтобы всѣ его товарищи по трибунству въ слѣдующемъ году были надежными помощниками ему; онъ подымалъ толпы своихъ приверженцевъ буйствовать, совершать убійства, чтобы доставить Главціи санъ консула на слѣдующій

годъ, хотя по закону преторъ не могъ быть избранъ въ консулы раньше, чѣмъ черезъ два года послѣ своей претуры. Италійцы входили на форумѣ въ трибы и подавали голосъ, не имѣя на то права. Марій велѣлъ арестовать человѣка, ложно называемаго сыномъ Гракха; Сатурнинъ взволновалъ толпу; она выломала двери темницы, освободила арестованнаго и выбрала его трибуномъ. Аристократія выставила кандидатомъ на консульство Гаія Меммія, человѣка, уважаемаго народомъ, того самаго, который за одиннадцать лѣтъ передъ тѣмъ былъ вождемъ народа, первый началъ борьбу противъ оптиматовъ; Сатурнинъ собралъ буйныхъ людей, велѣлъ имъ напасть на Меммія, и они среди улицы убили его палками. Наглость демагоговъ достигла невыносимой крайности; правительство не могло болѣе бездѣйствовать, если не хотѣло быть низвергнутымъ. Сенатъ поручилъ консулу Марію защищать свободу и законы силой оружія. Трудно было для него это дѣло: онъ былъ героемъ демократовъ, возвысился до положенія перваго человѣка въ государствѣ оппозиціею оптиматамъ и теперь долженъ былъ обратить оружіе, данное ему демократіей, противъ нея самой, идти на бой съ людьми, союзникомъ которыхъ былъ, дружбы которыхъ добивался, голосами которыхъ былъ доставленъ ему его санъ. То была скала, о которую разбилась и его честь, и его популярность. Повинуясь требованію сената, онъ сталъ во главѣ оптиматовъ, и рука его помогала имъ, между тѣмъ какъ душою онъ былъ на сторонѣ ихъ противниковъ.

Подавленіе демократической партіи.

Въ тотъ день, когда новые трибуны должны были вступить въ должность, сенаторы пошли вооруженные на форумъ; впереди шелъ первый сенаторъ Маркъ Скавръ, хилый старикъ, опираясь на копье; молодежь знатныхъ фамилій и зажиточныхъ семействъ была собрана, самъ Марій повелъ ее на демагоговъ, которые увеличили число своихъ защитниковъ вооруженными рабами, освобожденными изъ взломанныхъ темницъ преступниками и, какъ говорятъ, провозгласили Сатурнина царемъ. На улицахъ и площадяхъ началась кровопролитная битва; демократы были побѣждены; отступили въ Капитолій; ихъ отрѣзали отъ воды,—жажда принудила ихъ сдаться. Вожди ихъ надѣялись, что Марій пощадитъ своихъ прежнихъ союзниковъ; дѣйствительно онъ всячески старался спасти имъ жизнь, но онъ уже не былъ господиномъ положенія дѣлъ. Молодые аристократы, не спрашивая приказаній взлѣзли на кровлю сената, куда были отведены на первое время подъ стражу вожди демократовъ, и раскрыли кровлю; демагоги увѣряли, что внесли свои предложенія въ народное собраніе по согласію съ Маріемъ, но молодые люди, разломавшіе кровлю, не слушали ихъ и сверху убивали ихъ черепицами. Такъ умерли Сатурнинъ и Главція, два другіе сановника и многіе другіе помощники Сатурнина, между которыми были простолюдины, были и знатные люди, Смерть буйныхъ демагоговъ не была незаслужен-

10 декаб. 100 г.

ной; но они были убиты безъ суда, противузаконно; они погибли, какъ авангардъ, покинутый массой войска и принужденный тѣмъ безполезно умереть въ отчаянной борьбѣ *).

Положеніе Марія.

Погибель Сатурнина и его помощниковъ доставила полное торжество оптиматамъ. Съ тѣхъ дней, когда волны Тибра поглотили окровавленныя тѣла Гаія Гракха и его друзей, никогда аристократія не была такъ страшна и всесильна, какъ послѣ катастрофы 10 декабря. Она одолѣла демократію, перебила ея вождей; былъ нравственно уничтоженъ и человѣкъ, составлявшій главную силу демократіи, знаменитый полководецъ, обожаемый народомъ, который шесть разъ давалъ ему консульство. Демократы видѣли въ Маріѣ измѣнника, покинувшаго въ рѣшительную минуту своихъ союзниковъ, дезертира, бѣжавшаго въ непріятельскій станъ; оптиматы не простили сыну поселянина грубой брани, которою онъ осыпалъ ихъ въ годы своего блеска, не только не хотѣли имѣть его своимъ главою, не хотѣли даже и принять его въ свой кругъ, какъ равнаго. Марій скоро увидѣлъ, что его положеніе измѣнилось, что онъ утратилъ свою силу. Демократическая партія была подавлена имъ самимъ и не имѣла вождей; онъ погубилъ ихъ; всадническое сословіе было теперь въ дружбѣ съ сенаторскимъ, такъ что вся родовая и денежная аристократія образовала плотную фалангу, враждебную демократамъ и прежнему вождю ихъ. У Марія не было ни въ комъ опоры. Когда кончилось его консульство, онъ даже не отважился просить себѣ санъ цензора, чтобы не потерпѣть позора неудачи. Сенатъ возвратилъ изъ изгнанія Квинта Метелла, за котораго хлопотали его друзья и въ особенности его сынъ, получившій за то прозваніе Pius (любящій сынъ) 99.
Оптиматы готовили торжественную встрѣчу ему при въѣздѣ въ городъ, и Марій, чтобы не видѣть торжества своего смертельнаго врага, покинулъ Римъ, уѣхалъ на востокъ подъ предлогомъ исполненія даннаго богамъ обѣта. Дни его блеска миновали; домъ, построенный имъ въ одной изъ многолюднѣйшихъ мѣстностей Рима, остался пустымъ. Историческая роль его еще не кончилась; властолюбіе привело его опять на арену политической дѣятельности, но его роль на ней уже не соотвѣтствовала его надеждамъ; пасмурный вечеръ былъ рѣзкимъ контрастомъ свѣтлому утру и полуденному блеску. Счастіе покинуло Марія, удалявшагося отъ встрѣчи съ Метелломъ; но, ослѣпленный честолюбіемъ и суевѣріемъ, онъ не хотѣлъ видѣть непріят-

*) Въ 63 году Гаій Рабирій, тогда уже старикъ, былъ преданъ народнымъ трибуномъ Титомъ Аціемъ Лабіэномъ суду по обвиненію въ томъ, что онъ когда-то хвалился, что убилъ Сатурнина и въ томъ, что онъ приносилъ его голову, какъ украшеніе стола на пиры аристократовъ. Рабирій былъ апулійскій землевладѣлецъ, алчный человѣкъ, презираемый за свое распутство и мошенничество; но защищаемый Цицерономъ, онъ при содѣйствіи претора Квинта Метелла Целера, былъ оправданъ.

ной истины. Въ молодости ему было предсказано, что онъ семь разъ будетъ консуломъ; неслыханная удача, такъ быстро сдѣлавшая его первымъ человѣкомъ въ государствѣ, укрѣпила его вѣру въ то, что пророчество сбудется вполнѣ; онъ, какъ Макбетъ, не зная себѣ покоя, гнался за призракомъ и наконецъ купилъ цѣною своей чести то, о чемъ мечталъ.

Реакція. Аристократія спѣшила пользоваться своимъ торжествомъ. Какъ послѣ погибели Гракховъ наступила и теперь усиливавшаяся реакція быстро. Ненавистные законы Сатурнина были отмѣнены; установлены были правила законодательныхъ совѣщаній, затруднявшія внесеніе предложеній въ народное собраніе; оптиматы владычествовали на выборахъ интригами и страхомъ, принуждая народъ избирать въ сановники исключительно ихъ кандидатовъ; имѣя трибуналы въ своихъ рукахъ, они изгоняли, или заключали въ темницы своихъ противниковъ; подавленные демократы не могли теперь и думать объ аграрныхъ законахъ, или другихъ соціальныхъ реформахъ.

Побѣда аристократіи была теперь гораздо полнѣе, чѣмъ послѣ погибели Гракховъ, во первыхъ потому, что безсовѣстность вождей демократической партіи подорвала ея репутацію и совершенно разстроила ее, а во вторыхъ потому, что всадническое сословіе, испугавшись волненій черни, искренно примкнуло къ сенаторской партіи; а присяжными были всадники. Враги оптиматовъ подвергались безпощаднымъ приговорамъ судовъ. Правительство и трибуналы наперерывъ другъ передъ другомъ подавляли демократическую партію, преслѣдовали ея вождей. Такъ напримѣръ народные трибуны Секстъ Тицій и Гай Аппулей Деціанъ были осуждены за то, что высказывали сочувствіе Сатурнину; Гай Норбанъ, бывшій за восемь лѣтъ передъ тѣмъ главнымъ обвинителемъ Квинта Цепіона, былъ преданъ суду; процессъ длился много времени, и Норбанъ съ трудомъ спасся отъ наказанія. Масса народа облегчала оптиматамъ реакціонныя мѣры своею робостью и шаткостью своихъ мыслей. Напримѣръ, толпа едва не убила народнаго трибуна, противившагося возвращенію Метелла. Вожди демократовъ позорили себя убійствами и измѣной отечеству. Нѣкто Квинтъ Варій, уроженецъ Испаніи, быть можетъ, не имѣвшій законнаго права считаться римскимъ гражданиномъ, но сдѣлавшійся черезъ нѣсколько лѣтъ по смерти Сатурнина народнымъ трибуномъ, подвергся обвиненію въ томъ, что отравилъ Метелла. Митридатъ, готовившійся къ войнѣ съ римлянами,
98—93. имѣлъ агентовъ въ самомъ Римѣ. Послѣ пораженія кимбровъ государство не было тревожимо врагами, а консулъ Титъ Дидій одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ возставшими испанскими племенами. Аристократія приписывала себѣ ту заслугу, что государство пользуется безопасностью отъ враговъ, побѣждаетъ ихъ, стремилась къ тому, чтобы совершенно отмѣнить всѣ реформы, введенныя со времени Гракховъ и возстановить власть сената во всемъ ея прежнемъ объемѣ.

Ссора всадниковъ съ сенаторами. Но это стремленіе сенаторскаго сословія разрушило союзъ денежной аристократіи съ родовой. Пока шла борьба съ демократами и пролетаріями, оба сословія дѣйствовали единодушно. Но когда правительство вступилось за провинціи, притѣсняемыя откупщиками,

стало сильно противиться алчности капиталистовъ и купцовъ, во всадникахъ пробудилась прежняя непріязнь къ сенаторскому сословію. Суды, составленные изъ всадниковъ, оставляя безнаказанными всѣ притѣсненія откупщиковъ въ провинціяхъ, отвергая жалобы на нихъ, рѣшая въ ихъ пользу тѣ процессы, которыхъ нельзя было отклонить, глубоко раздражились, когда правители провинцій стали обуздывать этихъ притѣснителей. Они сердились, когда Квинтъ Муцій Сцевола, одинъ изъ самыхъ почтенныхъ людей въ Римѣ, и его достойный другъ, знаменитый полководецъ, историкъ и юристъ, бывшій консулъ Публій Рутилій Руфъ, будучи правителями провинціи Азіи, стали охранять справедливость противъ откупщиковъ и капиталистовъ, принуждать грабителей къ возвращенію провинціаламъ несправедливо отнятаго у нихъ и наказали смертью нѣкоторыхъ притѣснителей, совершившихъ въ своей алчности уголовныя преступленія.

Всадники были раздражены наказаніемъ своихъ товарищей по сословію тѣмъ сильнѣе, что сенатъ одобрилъ дѣйствія Сцеволы и предписалъ другимъ правителямъ провинцій поступать подобно ему. Всадники не отважились мстить Сцеволѣ, пользовавшемуся очень большимъ авторитетомъ и занимавшему санъ верховнаго первосвященника, но рѣшили наказать по крайней мѣрѣ его помощника, человѣка менѣе знатнаго и сильнаго. По безсовѣстному обвиненію, Рутилій Руфъ былъ объявленъ виновнымъ въ томъ, за что такъ строго преслѣдовалъ онъ, и безстыдный судебный приговоръ подвергъ его такому штрафу, что онъ лишился всего своего небольшого состоянія. Въ сознаніи своей невинности онъ не захотѣлъ прибѣгнуть къ обыкновенному средству смягчить приговоръ, не надѣлъ траурной одежды и не просилъ снисхожденія у недостойныхъ присяжныхъ. Онъ уѣхалъ въ Смирну, то есть въ ту провинцію, притѣснителемъ которой объявилъ его судъ; Смирна и другіе города азіатской провинціи присылали къ нему депутатовъ съ выраженіями своей признательности за его управленіе, оказывали ему высокій почетъ, и онъ провелъ въ Азіи остатокъ своей жизни, занимаясь учеными трудами.—Удача внушила всадникамъ отвагу. Суды присяжныхъ, завѣдывавшіе дѣлами о злоупотребленіяхъ правителей провинцій, радостно принимали всѣ жалобы на нихъ и постановляли приговоры противъ нихъ съ безпощаднымъ пристрастіемъ, хотя бы обвинители и доносчики были извѣстны за людей безчестныхъ и хотя бы обвиняемые были первыми людьми въ государствѣ, какъ напримѣръ 70 лѣтній старикъ, первый сенаторъ Маркъ Скавръ; и, наоборотъ, они оставляли безъ вниманія самыя постыдныя дѣла алчности, совершаемыя ихъ сотоварищами и доставлявшія имъ часть прибыли. Страшно сбывались слова Гаія Гракха, что его законъ, передавшій судебную власть всадникамъ—кинжалъ, которымъ будутъ наносить другъ другу раны родовая и денежная аристократія. Пристрастіе судовъ заглушало всякое чувство законности и ослабляло администрацію. — Судебная несправедливость сословія всадниковъ.

Республика страдала тяжкими болѣзнями. Правительство и угнетаемыя провинціи требовали справедливаго суда, охраняющаго законныя права; пролетаріатъ и раззоренные поселяне требовали облегченія своихъ бѣдствій; угнетенные союзники, то смиренными — Ливій Друзъ.

мольбами, то съ угрозами просили права гражданства, которое столько разъ было обѣщано имъ. Отъ исцѣленія этихъ недуговъ зависѣло благоустройство государства. Но нужна была чрезвычайная сила характера, чтобы броситься въ пламя разгорающагося пожара и погасить его, пока оно не охватило всего зданія. Молодой человѣкъ очень знатной фамиліи, одаренный большими талантами, очень образованный, очень богатый, отважился на опасное дѣло. То былъ Маркъ Ливій Друзъ, сынъ народнаго трибуна, такъ сильно содѣйствовавшаго побѣдѣ оптиматовъ надъ Гаіемъ Гракхомъ (стран. 651 и слѣд.) Подобно отцу, сынъ былъ аристократъ и по манерамъ и по образу мыслей; но любовь къ родинѣ преодолѣла въ немъ сословный интересъ. Онъ видѣлъ угрожающія государству бѣдствія и убѣдился въ необходимости уступокъ со стороны оптиматовъ другимъ сословіямъ. Онъ хотѣлъ, чтобы родовая аристократія отбросила своекорыстныя интриги, прониклась благородными мыслями, чтобъ она сдѣлала себя достойной занимать первое мѣсто въ государствѣ своимъ душевнымъ благородствомъ, патріотизмомъ, своей образованностью. Въ сознаніи своихъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, онъ не искалъ блеска магистратуръ и, равнодушный къ богатству, щедро помогалъ бѣднякамъ, но онъ держалъ себя гордо, потому не пріобрѣлъ ихъ довѣрія и любви. Своими мыслями и стремленіями онъ много разнился отъ Гаія Гракха, но походилъ на него силой характера и благородствомъ патріотизма. Не былъ на него похожъ и тѣмъ, что не умѣлъ пріобрѣсти привязанности народа.

Проекты реформъ Ливія Друза.

Постыдное осужденіе честнаго Рутилія Руфа опозорило честь всадниковъ, выказало ихъ недостойными судебной власти. Этимъ оправдывалась попытка отнять ее у нихъ, возвратить сенаторамъ. Ливій Друзъ, по тайному или явному согласію съ Маркомъ Скавромъ, знаменитымъ ораторомъ Луціемъ Крассомъ и другими сенаторами, внесъ въ народное собраніе рядъ предложеній, отнимавшихъ судебную власть у всадниковъ, возвращавшихъ ее сенаторскому сословію, установлявшихъ мѣры для пособія обѣднѣвшимъ простолюдинамъ и для предотвращенія угрожавшихъ государству мятежей. Друзъ предлагалъ назначить въ сенатъ 300 новыхъ членовъ изъ сословія всадниковъ, это должно было служить вознагражденіемъ всадническому сословію за потерю судебной власти. Увеличеніе числа сенаторовъ было нужно потому, что занятія, лежавшія на нихъ, увеличились при расширеніи государства. Такимъ образомъ судебная реформа Ливія

1. Законъ о назначеніи судьями сенаторовъ.

имѣла цѣлью, возстановляя правосудіе, примирить денежную аристократію съ родовою и упрочить положеніе оптиматовъ. Ливій хотѣлъ, чтобы правительственная и судебная власть принадлежала сенаторскому сословію, но чтобъ оно было увеличено принятіемъ новыхъ членовъ изъ высшаго круга денежной аристократіи. Чтобы возстановилось довѣріе къ справедливости судовъ, Ливій предлагалъ учредить особенную судебную коммиссію для разбора всѣхъ жалобъ на денежныя притѣсненія. Преобразованіемъ судопроизводства Ливій хотѣлъ упрочить и улучшить судебныя учрежденія, облегчить положеніе провинцій, дать подданнымъ римскаго народа защиту отъ поборовъ и насилій. Второй проектъ его имѣлъ цѣлью избавить отъ нищеты обѣднѣвшее сословіе поселянъ и городской проле-

2. Законы о раздѣлѣ общественныхъ земель и раздачѣ хлѣба.

таріатъ. Онъ предлагалъ раздѣлить на участки и роздать колонистамъ изъ числа римскихъ гражданъ всю общественную землю, какая еще оставалась въ Италіи и важнѣйшею частью которой были обширныя пространства, принадлежавшія государству въ плодородной кампанской равнинѣ; точно также поступить съ обширными общественными землями въ Сициліи. Пролетаріевъ, жившихъ въ Римѣ, онъ предлагалъ обезпечить отъ голода раздачею хлѣба изъ государственныхъ магазиновъ въ очень широкомъ размѣрѣ. Предложеніе о раздачѣ общественныхъ земель было разумно

Цѣль этихъ законовъ.

и благотворно, потому что только радикальной аграрной реформой можно было исцѣлить общественные недуги; но раздача хлѣба была мѣрою гибельной. Повидимому, Друзъ находилъ неизбѣжнымъ предоставить эту выгоду праздной массѣ для того, чтобы получить ея согласіе на другія реформы; быть можетъ, также онъ хотѣлъ этимъ устранить возможность оппозиціи со стороны демократовъ. Голоса праздныхъ и бѣдныхъ гражданъ, жившихъ въ Римѣ, были необходимы для проведенія законовъ: эти пролетаріи составляли большинство народнаго собранія; склонить ихъ на свою сторону можно было только предоставленіемъ матеріальныхъ выгодъ имъ. Ливій самъ говорилъ въ шутку, что не оставляетъ будущимъ демагогамъ для раздачи народу ничего, кромѣ „неба и грязи“ (coelum et coenum); это дѣйствительно было вѣрнѣйшимъ средствомъ предотвратить интриги демагоговъ и мятежи римскаго пролетаріата. Правда грустенъ былъ фактъ, что правительство должно было содержать на государственный счетъ праздную, лѣнивую, безчестную чернь города Рима. Улучшая положеніе провинцій и обѣднѣвшихъ римскихъ гражданъ, невозможно было не сдѣлать ничего для италійскихъ союзниковъ, которымъ принадлежность къ римскому государству не приносила до сихъ поръ ничего, кромѣ обремененія военной повинностью, а раздача земель грозила новыми убытками.

3. Законъ о предоставленіи правъ гражданства союзникамъ.

Невозможно было оставлять ихъ по прежнему неимѣющими политическихъ правъ; потому Друзъ обѣщалъ латинскимъ и италійскимъ союзникамъ полное право римскаго гражданства, чтобъ они легче согласились на матеріальныя пожертвованія и поддерживали его реформы.

Оппозиція предложеніямъ Ливія. 91.

Итакъ изъ рядовъ аристократіи явился вождь народа, хотѣвшій исцѣлить недуги государства тѣми же средствами, какъ Гаій Гракхъ, и чуждый честолюбиваго стремленія захватить власть въ свои руки. Избранный на 663 годъ отъ основанія Рима народнымъ трибуномъ, Ливій Друзъ внесъ въ народное собраніе проекты судебной реформы, раздачи земель и хлѣба, соединенные въ одно предложеніе. Онъ предлагалъ назначить 300 новыхъ сенаторовъ, возвратить сенаторскому сословію должность присяжныхъ, учредить судебную коммиссію для контроля надъ рѣшеніями другихъ трибуналовъ и для наказанія по всей строгости законовъ тѣхъ присяжныхъ, которые будутъ уличены во взяточничествѣ. Онъ пока не упоминалъ ни однимъ словомъ о реформѣ, которая должна была встрѣтить наибольшее сопротивленіе, о предоставленіи права римскаго гражданства италійскимъ союзникамъ; но и тѣ реформы, которыя онъ предлагалъ теперь, вызвали сильную оппозицію. Всадники противились судебной реформѣ, часть сенаторовъ раздачѣ земель, консулъ Луцій Марцій Филиппъ, горячій противникъ Друза, говорилъ, что все предложеніе противозаконно и опасно государству. Народное собраніе сильно взволновалось; консулъ

былъ по приказанію Друза отведенъ въ темницу, и предложеніе было принято, благодаря сочувствію гражданъ и вліянію италійскихъ союзниковъ; но революціонное броженіе, буйно проявившееся въ дни этихъ споровъ, запугало робкихъ людей сенаторскаго сословія и увеличило число поддерживающихъ консула, скоро освобожденнаго отъ ареста. Въ Римѣ было узнано, что трибунъ вошелъ въ тайное соглашеніе съ италійскими союзниками; гордость, съ какою держалъ онъ себя на союзномъ праздникѣ, совершавшемся на альбанской горѣ, усилила подозрѣнія римлянъ, молва обвиняла Друза въ измѣническихъ намѣреніяхъ. Друзъ самъ предостерегъ консула отъ умысла убить его на этомъ праздникѣ; умыселъ былъ составленъ, какъ говорили, Помпедіемъ Силономъ, вліятельнѣйшимъ человѣкомъ въ области марсовъ. Многіе сенаторы стали думать, что судебная власть была бы слишкомъ дорого куплена ими за согласіе на раздѣлъ земель и другія реформы, что сословіе всадниковъ будетъ стремиться къ возвращенію себѣ утраченнаго права и что это будетъ возбуждать новыя волненія. Поддержка Друзу со стороны сенаторскаго сословія ослабѣвала; оппозиція консула и всадническаго сословія усиливалась. Самый сильный и краснорѣчивый сторонникъ Друза, Луцій Крассъ, внезапно умеръ. Противникамъ его удалось добиться отмѣны принятаго, но еще не приведеннаго въ исполненіе закона. Но этого было мало раздраженному сословію всадниковъ. Оно хотѣло отомстить дерзкому реформатору. Однажды вечеромъ Друзъ, возвращавшійся домой въ сопровожденіи массы гражданъ, былъ раненъ рукой убійцы; рана была смертельна; черезъ нѣсколько часовъ онъ умеръ. Убійца успѣлъ въ темнотѣ уйти; судебнаго слѣдствія не было назначено, и потому осталось не разъяснено, кто убилъ Друза. Говорятъ, умирая онъ сказалъ: «Когда республика будетъ имѣть такого гражданина, какъ я?» Онъ хотѣлъ излѣчить раны государства, облегчить страданія угнетенныхъ, склонить высшія сословія къ пожертвованіямъ на пользу родины, избавить низшія сословія отъ нищеты. Можно сомнѣваться въ томъ, вели ли къ предположенной цѣли реформы Ливія, но нравственное величіе человѣка состоитъ въ благородствѣ его намѣреній. Ливій Друзъ былъ человѣкъ возвышенной души, покинутый робкими сотоварищами по сословію, преданный ими въ жертву мщенію своекорыстной денежной аристократіи. Но его кровь не осталась не отмщенной. Отъ пламени его костра возгорѣлась война, опустошившая прекраснѣйшія области Италіи, надолго уничтожившая ея благосостояніе.

Смерть Ливія Друза.

---

4. Союзническая война и бѣгство Марія.

Отношенія Друза къ италійскимъ союзникамъ.

Говорятъ, что Друзъ составилъ изъ вліятельнѣйшихъ людей италійскихъ союзниковъ тайное общество, члены котораго давали клятву единодушно стоять за Друза и общее дѣло, имѣть друзьями его друзей, врагами его враговъ, не щадить ни своей жизни, ни дѣтей, ни родителей за него и за товарищей по тайному союзу, а, сдѣлавшись римскими гражданами, чтить Римъ, какъ свою родину, Друза, какъ величайшаго своего благодѣтеля. Можно полагать, что эта клятва—выдумка противниковъ Друза, и что молва о тайномъ обществѣ преувеличеніе, искаженіе фактовъ для оправданія политическихъ процессовъ, которыми наказывали, или запугивали всадники друзей убитаго трибуна. Но неоспоримая истина то, что смерть этого благороднаго человѣка и погибель его плана реформъ произвела всеобщее возстаніе италійскихъ союзниковъ, самую страшную изъ всѣхъ междоусобныхъ войнъ, колебавшихъ римское государство.

Положеніе италійскихъ союзниковъ.

Италійскіе союзники, два столѣтія бывшіе вѣрными Риму въ счастіи и несчастіи, дававшіе римлянамъ войска, при помощи которыхъ были прогнаны изъ Италіи сильнѣйшіе враги Рима Пирръ и Ганнибалъ, плохо были вознаграждены за свою вѣрность. Военная повинность ложилась на нихъ все тяжелѣе, потому что размѣръ римскихъ войнъ возросталъ, и наконецъ число союзниковъ, служившихъ въ легіонахъ, стало вдое больше числа римлянъ. Молодое поколѣніе союзниковъ проливало кровь въ далекихъ провинціяхъ за чужое владычество и не пользовалось даже правомъ аппелляціи отъ военныхъ судовъ къ народному собранію; эта апелляція оставалась привилегіею римскихъ гражданъ; а семейства италійскихъ воиновъ изнывали подъ гнетомъ высокомѣрной римской аристократіи; платили подати въ римскую казну, должны были выносить обиды и насилія римскихъ правителей, вмѣшивавшихся во внутреннія дѣла ихъ общинъ, въ ихъ личныя дѣла, часто оскорблявшихъ права ихъ и личную честь.

«Италійскіе союзники», говоритъ Моммсенъ, «находились прежде въ такихъ отношеніяхъ къ римлянамъ, какъ младшіе братья, которые больше пользуются покровительствомъ старшихъ, чѣмъ подвергаются стѣсненіямъ отъ нихъ и не считаются обреченными на вѣчное несовершеннолѣтіе; или, какъ рабы, содержимые довольно хорошо и не вполнѣ лишенные надежды быть освобожденными; а теперь всѣ они видѣли себя почти въ одинаковомъ подчиненіи, въ одинаковой безнадежности подъ владычествомъ топоровъ и розогъ римскихъ сановниковъ; и пользовались развѣ лишь тою привилегіею рабовъ высшаго разряда, что, получая удары отъ своихъ господъ, могли передавать ихъ несчастнымъ провинціаламъ». Эта привилегія передачи получаемыхъ ударовъ состояла въ томъ, что италійцы участвовали въ откупахъ и другихъ денежныхъ спекуляціяхъ, угнетавшихъ провинціи, пользуясь такимъ же покровительствомъ провинціальныхъ правителей, какъ и римскіе капиталисты. «Но какъ только подымалась», говоритъ Ине, «рѣчь о томъ, чтобы римскій народъ отказался отъ владычества надъ италійскими союзниками, сдѣлалъ ихъ своими согражданами, римскій эгоизмъ пробуждался во всѣхъ классахъ гражданъ и называлъ врагами государства, измѣнниками тѣхъ государственныхъ людей, чей умъ былъ проницательнѣе узкаго своекорыстія массы и чье сердце живѣе сочувствовало общему благу государства». Союзническіе города теперь уже не были довольны тѣми отношеніями къ римлянамъ, которыя изложены нами на стр. 162 и слѣд. Люди знатныхъ союзническихъ фамилій досадовали на то, что для

нихъ закрытъ доступъ къ высшимъ должностямъ, а простолюдины завидовали личнымъ привилегіямъ и экономическимъ преимуществамъ римскихъ гражданъ.

Разрушеніе надеждъ италійцевъ.

Со временъ Гракховъ у союзниковъ часто пробуждалась надежда быть уравненными въ правахъ съ римскими гражданами; паденіе людей, возбуждавшихъ эту надежду, искаженіе или уничтоженіе ихъ законовъ каждый разъ разрушало ее, и торжествующая аристократія пользовалась своей побѣдой для увеличенія юридической разницы между гражданами и союзниками. Погибель Фрегеллъ была не единственнымъ слѣдствіемъ неудачи возстанія этого города: побѣдители или отмѣнили, или ограничили право союзниковъ селиться въ Римѣ и переселяться изъ одного союзнаго города въ другой; латинскіе и другіе союзники, съ давняго времени жившіе въ Римѣ, были изъ него высланы (стр. 644); потомъ было запрещено живущимъ въ Римѣ не-гражданамъ подавать голосъ въ народномъ собраніи; этотъ законъ отнялъ права римскаго гражданства у многихъ людей, полагавшихъ, что они уже давно пріобрѣли ихъ. Друзъ обѣщалъ союзникамъ избавить ихъ отъ униженія и обидъ. Они тѣмъ тверже вѣрили ему, что онъ былъ не демократъ, а человѣкъ сенаторской партіи. Смерть его снова разрушила ихъ надежды. Теперь имъ не отъ кого было ожидать исполненія ихъ справедливыхъ и умѣренныхъ требованій. Сенатъ утверждалъ, что онъ никогда не одобрялъ плановъ Друза. Торговое сословіе издавна ненавидѣло латиновъ и италійскихъ союзниковъ, какъ своихъ соперниковъ по прибыльнымъ откупамъ и торговымъ спекуляціямъ; судьи, принадлежавшіе къ сословію всадниковъ, наказывали приверженцевъ Друза, какъ измѣнниковъ отечеству. Непостоянные въ своихъ мысляхъ, римскіе простолюдины не хотѣли допустить латиновъ къ участію въ полученіи хлѣба по дешевой цѣнѣ и считали предоставленіе правъ имъ уменьшеніемъ своего политическаго значенія. Такимъ образомъ, обманутые италійцы должны были спокойно выносить тяжелое иго, или отважиться на борьбу, удача въ которой дастъ имъ равноправность съ римлянами. Мирнаго соглашенія нельзя было ожидать. Италійцы, взявшись за оружіе, обѣщались положить его, если имъ будетъ предоставлена равноправность съ римлянами. Римляне отвѣчали на это увеличеніемъ числа процессовъ противъ приверженцевъ Друза; италійскіе города, важнѣйшіе люди которыхъ принадлежали къ тайному обществу или были подозрѣваемы въ томъ, должны были видѣть въ наказаніяхъ римскихъ приверженцевъ Друза, ясное предвѣстіе того, какую судьбу готовитъ имъ мстительная судебная аристократія. Имъ не возможно было спокойно ждать того, что преслѣдованіе будетъ распространено и на нихъ, вліятельнѣйшіе граждане ихъ будутъ казнены, страхъ и доносы произведутъ раздоры между ними.

Было много обстоятельствъ, обѣщавшихъ удачу возстанію союзниковъ,

Общіе интересы союзниковъ.

если ихъ вожди воспользуются господствующимъ между ними раздраженіемъ. Предусмотрительные государственные люди стариннаго Рима очень искусно старались разрушать прежнія племенныя федераціи, разъединять города, ставя ихъ въ неодинаковыя отношенія къ Риму, повсюду пріобрѣтать приверженцевъ, привлекать вліятельнѣйшія фамиліи на сторону Рима передачею власти въ каждомъ городѣ богатому сословію; но старинныя воспоминанія, чувства племеннаго родства, областной патріотизмъ не были искоренены этой политикой Рима; они поддерживались племенными религіозными праздниками которыхъ не отмѣнили римляне, считая ихъ безвредными остатками старины; прежнее соперничество между племенами, ихъ сосѣднія непріязни, облегчавшія римлянамъ побѣду надъ ними, давно исчезли. У многихъ племенъ еще сохранился старинный оскскій языкъ, напоминавшій имъ общность происхожденія; одинаковость угнетенія произвела общее чувство ненависти къ римскому игу; всѣ союзники были одинаково притѣсняемы, всѣ лишились надежды на уступки со стороны римлянъ, всѣ опасались, что угнетеніе усилится. Процессы противъ приверженцевъ Друза раскрыли широкое развѣтленіе тайнаго общества по Италіи; подозрительность римлянъ пробудилась; союзники должны были ожидать, что у нихъ будетъ отнятъ послѣдній остатокъ политической самостоятельности.

Договоры и приготовленія къ войнѣ.

Общее опасеніе повело къ тому, что они стали заключать между собою договоры, тайно готовиться къ войнѣ; это дѣло велось очень энергично. По всему полуострову распространилось сильное волненіе. Опасаясь римскихъ гражданъ, жившихъ повсюду, опасаясь также своихъ правителей и аристократовъ, преданныхъ Риму, заговорщики дѣйствовали очень осторожно; потому римское правительство долго не имѣло точныхъ извѣстій о приготовленіяхъ къ войнѣ. Наконецъ подозрительные признаки обратили на себя вниманіе сената. Претору Гаію Сервилію была дана проконсульская власть; онъ съ своими легатами и небольшимъ конвоемъ отправился въ городъ Аскулъ (въ абруццскихъ горахъ), созвалъ горожанъ въ театръ и сказалъ имъ грозную рѣчь.

Возстаніе въ Аскулѣ.

Гнѣвъ и опасеніе охватили горожанъ; они убили римскихъ сановниковъ и разошлись по городу: одни запирали ворота, другіе врывались въ дома римлянъ, жившихъ въ городѣ, убивали ихъ, грабили ихъ имущество.

Союзъ италійцевъ.

Мятежъ, произошедшій въ Аскулѣ, послужилъ знакомъ ко всеобщему возстанію. Оно разливалось, какъ степной пожаръ, охватило всю Италію; вспыхнула давно накопившаяся ненависть. Это было нѣчто подобное стариннымъ отпаденіямъ, «сецессіямъ» плебеевъ, но въ гораздо большемъ размѣрѣ. Всѣ народы сабелльскаго племени, и во главѣ ихъ воинственные марсы, по имени которыхъ война стала называться марсійской, самниты, пелигны, марруцины, френтаны и пр., взялись за оружіе, отказались отъ повиновенія римлянамъ и подъ руководствомъ храбраго и благоразумнаго Квинта Помпедія Силона образовали италійскій союзъ, управленіе которымъ поручили сенату и двумъ консуламъ; столицею союза былъ назначенъ городъ Корфиній, находившійся въ области пелигновъ; италійская столица была противницею Рима, но имѣла учрежденія, составленныя по образцу римскихъ.

Корфиній былъ переименованъ въ городъ „Италія"; всѣ граждане воз-

ставшихъ племенъ имѣли право гражданства въ этой столицѣ и право голоса въ комиціяхъ, происходившихъ тамъ. Союзный сенатъ состоялъ изъ 500 членовъ; сенаторами, консулами, другими сановниками, полководцами могли быть люди всѣхъ племенъ, участвующихъ въ союзѣ. Въ народномъ собраніи, въ сенатѣ, въ администраціи можно было употреблять наравнѣ съ латинскимъ языкомъ самнитскій. Римскія учрежденія стали уже такъ привычны всѣмъ италійцамъ, что устройство италійской республики было точнымъ воспроизведеніемъ римскаго. Правители, судебные сановники (преторы), военачальники имѣли тѣ же названія и тѣ же эмблемы своего сана, какъ римскіе. Монета чеканилась по образцу римской. Всѣ формы общественной жизни были римскія. Перемѣна состояла только въ томъ, что племена, подвластныя Риму, стали независимыми отъ него и избрали себѣ другую столицу.

Распространеніе возстанія.

Примѣру воинственныхъ горныхъ племенъ, жившихъ въ той части Италіи, которая называется теперь Абруццами, быстро послѣдовали другія племена Средней и Южной Италіи до Калабріи и Апуліи; были сформированы войска; была учреждена союзная военная касса; воины были опытные, полководцы искусны; успѣхъ казался вѣроятенъ. Вѣрны Риму остались только этруски и умбры (у которыхъ владычествовали надъ общественнымъ мнѣніемъ богатые землевладѣльцы), латинскія колоніи, напримѣръ, Альба и Эзернія, греческіе города приморья и нѣкоторые города Кампаніи, напримѣръ, Нола и Нуцерія. Главную силу инсургентовъ составляли энергическіе поселяне и среднее сословіе селеній и городовъ Южной Италіи. Изъ знатныхъ людей многіе были въ душѣ на сторонѣ римлянъ.

Мѣры, принятыя римлянами.

Римляне ужаснулись, увидѣвъ, какъ широко распространилось возстаніе, и собрали всѣ свои силы на борьбу съ нимъ. Раздоръ партій прекратился; по повелѣнію сената, прекращены политическіе процессы; аристократы и демократы соединились на спасеніе отечества, соперничали между собою въ патріотизмѣ: Марій и Сулла, Катулъ и Публій Сульпицій Руфъ, бывшій приверженцемъ Друза, съ одинаковымъ усердіемъ предложили правительству свои услуги и пошли на войну; такой же патріотизмъ выказали всѣ граждане. Призываемые подъ знамена шли съ готовностью; повсюду, гдѣ Римъ сохранялъ власть, набирались войска, заготовлялось оружіе. Сенатъ призвалъ кельтскія войска изъ Сѣверной Италіи, нумидійскую конницу изъ Африки, велѣлъ принимать въ войско отпущенниковъ, приглашалъ людей, преданныхъ Риму въ охваченныхъ возстаніемъ областяхъ, помогать римскимъ войскамъ, потребовалъ кораблей отъ греческихъ и малоазійскихъ независимыхъ городовъ. Такимъ образомъ, римляне собрали до 100,000 человѣкъ войска; но до такого же числа простирались и военныя силы союзниковъ, главнокомандующими которыхъ были Квинтъ Силонъ, человѣкъ марсійскаго племени, и самнитъ Гай Папій Мутилъ, избранные консулами. Силонъ дѣйствовалъ противъ римскаго консула Публія Рутилія Лупа въ Абруццахъ и сѣверной Кампаніи, Папій Мутилъ противъ другого римскаго консула, Луція Юлія Цезаря, въ Самніѣ и сабелльской землѣ. На сторонѣ Рима была выгода центральнаго положенія и прочной организаціи; связь между инсургентами была слаба, ихъ союзныя учрежденія были шатки.

Характеръ войны.

Наши свѣдѣнія о союзнической войнѣ очень скудны, такъ что мы не можемъ съ точностью разсказать ходъ ея. По общему положенію дѣлъ и по характеру распредѣленія военныхъ силъ, должно полагать, что она состояла изъ множества мелкихъ сраженій и осадъ, что большихъ битвъ было мало, рѣшительныхъ побѣдъ и пораженій не было. Въ началѣ повсюду одерживали верхъ союзники. Гарнизоны вѣрныхъ Риму городовъ оборонялись храбро; но Цезарь былъ съ большими потерями оттѣсненъ самнитами и марсами; важный городъ Венафръ съ бывшимъ въ немъ римскимъ гарнизономъ былъ взятъ инсургентами, и многія изъ важнѣйшихъ римскихъ крѣпостей, какъ напримѣръ, Эзернія, Грументъ, Нола, были послѣ того принуждены сдаться италійцамъ. Мутилъ велѣлъ казнить начальника гарнизона Нолы, а воиновъ распредѣлилъ по своимъ войскамъ. За исключеніемъ Нуцеріи, вся Кампанія до самаго Везувія была занята инсургентами; они осадили важный городъ Ацерры. Цезарь, при всемъ своемъ искусствѣ и мужествѣ, не могъ отнять у инсургентовъ Кампанію. Вѣрность нумидійскихъ войскъ поколебалась, когда сынъ Югурты Оксинтъ, жившій въ Венузіи, явился по взятіи этого города инсургентами въ рядахъ самнитовъ, одѣтый въ пурпуръ; нумидійцевъ пришлось отослать въ Африку. Сдѣлавъ нападеніе на римскій станъ, Мутилъ былъ отраженъ съ большимъ урономъ, но и римляне потерпѣли большой уронъ при одномъ изъ переходовъ черезъ рѣки.—Не имѣлъ удачи и дѣйствовавшій въ сабелльскихъ областяхъ римскій консулъ Лупъ, помощниками котораго были Гай Перпенна и Марій. Въ упорномъ сраженіи у Толена, между Тибуромъ и Реате, Лупъ былъ разбитъ Публіемъ Скатономъ, военачальникомъ марсовъ; римскій консулъ лишился жизни, значительная часть его войска была тоже перебита, или загнана въ рѣку, гдѣ многіе утонули. Съ трудомъ Марій успѣлъ перевести остатокъ войска на другой берегъ. Въ награду за это сенатъ сдѣлалъ его главнокомандующимъ на мѣсто убитаго консула, но сословіе всадниковъ вытребовало, чтобы товарищемъ ему съ равными правами былъ назначенъ Квинтъ Цепіонъ, бывшій горячимъ противникомъ Друза. Скоро Цепіонъ попалъ въ засаду, подготовленную ему Силономъ и погибъ съ частью своего войска. Власть снова соединилась въ рукахъ Марія. Онъ разбилъ марсовъ въ двухъ сраженіяхъ, но рѣшительную побѣду надъ ними одержалъ не онъ, а Сулла, начальствовавшій частью войскъ, дѣйствовавшихъ въ Южной Италіи. Разбитые Маріемъ марсы отступали, Сулла переѣзжалъ имъ дорогу и истребилъ ихъ. Такимъ образомъ и въ этой войнѣ полководецъ демократовъ имѣлъ полководца аристократовъ соперникомъ въ правахъ на славу побѣды. — Съ перемѣннымъ счастіемъ, какъ въ сабелльскихъ земляхъ у Фуцинскаго озера, шла война и въ Пиценѣ, гдѣ римскій военачальникъ Гней Помпей Страбонъ потерпѣлъ неудачу при осадѣ Аскула. Но тѣ этрусскіе и умбрійскіе города, которые по извѣстіи о неудачахъ римлянъ присоединились къ инсургентамъ, были безъ большого труда покорены.

Неудачи Цезаря. Инсургенты занимаютъ Кампанію и Самній.

Дѣйствія Марія и Суллы въ сабелльскихъ областяхъ.

Война въ Пиценѣ.

Уныніе въ Римѣ.

Неудачный ходъ войны произвелъ уныніе въ Римѣ. Когда тѣла консула Лупа и убитыхъ вмѣстѣ съ нимъ знатныхъ римлянъ были

привезены на погребеніе въ Римъ, сановники сняли съ себя пурпуръ и эмблемы сана, граждане одѣлись въ трауръ. Римляне послали на войну всѣ свои силы, употребили на военные расходы сокровища храмовъ, продали мѣста на площадяхъ подъ постройку домовъ, прекратили для уменьшенія расходовъ раздачу хлѣба; всѣ граждане, способные къ походамъ, были въ войскахъ, а между тѣмъ удача склонялась на сторону инсургентовъ. При томъ римляне видѣли, что подготовляется нападеніе внѣшняго врага, война съ которымъ можетъ повести къ возстанію въ провинціяхъ. Очевидно было, что бѣдствія междоусобія произведены политическими ошибками, раздорами партій, враждою между сословіями, нежеланіемъ римскихъ гражданъ дѣлиться своими правами съ союзниками. Для примиренія съ внутренними врагами, для пріобрѣтенія возможности одолѣть угрожавшаго войною могущественнаго внѣшняго врага необходимо было измѣнить политическую систему, дать права гражданства италійцамъ, отнять вліяніе у людей крайнихъ партій, передать управленіе людямъ умѣреннымъ, желавшимъ примиренія, пробудить во всемъ населеніи Италіи новое патріотическое чувство.

Примиреніе партій.

И дѣйствительно были приняты, какъ послѣ пораженія при Каннахъ,
примирительныя мѣры. Право суда по политическимъ процессамъ было отня-
то у сословія всадниковъ и передано особенному трибуналу, члены кото-
раго были назначены народнымъ собраніемъ изъ гражданъ всѣхъ сословій.
Этотъ трибуналъ началъ свою дѣятельность тѣмъ, что осудилъ на изгна-
ніе Квинта Варія, горячаго демагога, на которомъ лежало подозрѣніе въ
убійствѣ Метелла и Друза, и принудилъ вождей обѣихъ партій держать
себя умѣренно.

Союзники получаютъ право римскаго гражданства. 89.

Еще важнѣе было рѣшеніе римлянъ не отказывать болѣе италійцамъ въ правѣ римскаго гражданства. По закону Юлія и дополнившему его закону Плавта и Папирія, было дано съ нѣкоторыми ограниченіями право гражданства остававшимся вѣрными Риму латинскимъ, этрускимъ и умбрійскимъ городамъ и округамъ, южнымъ италійскимъ городамъ Неаполю и Нуцеріи, было обѣщано римское гражданство всѣмъ другимъ италійцамъ, которые въ теченіе двухмѣсячнаго срока попросятъ его. Это благоразумное рѣшеніе имѣло очень важное вліяніе на ходъ войны. Оно упрочило за Римомъ преданность тѣхъ союзниковъ, которые оставались вѣрны ему, удержало колеблющихся отъ присоединенія къ возстанію и ослабило враговъ, давая надежду на римское гражданство тѣмъ изъ нихъ, которые покорятся. Инсургенты увидѣли, что римляне расположены къ примиренію, но не унизятъ честь своего имени прекращеніемъ войны съ непокорными. И дѣйствительно хоть и ясно было, что римляне вынуждены войною къ уступкѣ, въ которой отказывали, пока ихъ союзники не брались за оружіе, они все-таки придали уступкѣ видъ

добровольнаго согласія, а не выказали слабости передъ тѣми инсургентами, которые остались упорными. Но право гражданства, даваемое союзникамъ, теряло большую часть своего значенія отъ того, что предоставлялось имъ не въ полномъ размѣрѣ: было постановлено, что новые граждане распредѣляются только по восьми трибамъ, а не по всѣмъ, и были сдѣланы другія, обидныя для нихъ ограниченія.

Такимъ образомъ новые граждане получали въ комиціяхъ по трибамъ вліяніе только на восемь изъ тѣхъ единицъ, по которымъ считались голоса; было ограничено и право ихъ получать курульныя магистратуры; вообще они были поставлены въ такое же положеніе къ старымъ гражданамъ, какъ отпущенники къ людямъ родившимся свободными. Эти ограниченія послужили потомъ причиною новыхъ волненій. Нѣкоторымъ общинамъ, въ особенности греческимъ городамъ Южной Италіи (Неаполю, Регію, нѣкоторымъ другимъ), было дано право сохранить прежнее самостоятельное управленіе и по принятіи жителей ихъ въ число римскихъ гражданъ. Населенію Цизальпійской Галліи, еще сохранявшему нѣкоторыя особенности отъ италійскихъ племенъ (стр. 511), были даны права близкія къ тѣмъ, какими пользовались Муниципіи. Кельтскіе города на сѣверѣ отъ рѣки По получили право латиновъ, а сосѣднія селенія были поставлены въ подчиненіе имъ и должны были платить имъ дань.

Война получаетъ оборотъ, благопріятный для римлянъ.

Право гражданства, предоставляемое союзникамъ, было не полное и потому не совершенно удовлетворяло ихъ желаніе; но и эта, хотя не полная, уступка имъ ослабила возстаніе. Латины, этруски, умбры, жители Цизальпійской Галліи стали усердно помогать римлянамъ и, увѣренные въ ихъ преданности, римляне могли обратить всѣ свои силы противъ инсургентовъ. Но Римъ былъ уже не способенъ къ такому патріотическому одушевленію, при которомъ совершенно прекратились бы раздоры партій. Враги еще не были побѣждены, а въ Римѣ бушевали ужь страсти, продолжались интриги, политическія и соціальныя волненія. Марій, не смотря на свои побѣды, былъ отозванъ недовѣрявшимъ ему правительствомъ; на его мѣсто главнокомандующимъ дѣйствующаго противъ марсовъ войска былъ назначенъ консулъ Луцій Порцій Катонъ. Эта обида глубоко оскорбила честолюбиваго полководца и подлила новый ядъ въ его ненависть къ аристократіи. Главнокомандующимъ войска, дѣйствующаго въ Кампаніи, былъ назначенъ Сулла. Дѣйствіямъ этихъ двухъ армій энергически помогала третья, находившаяся въ Пиценѣ подъ начальствомъ консула Гнеія Помпея Страбона. При возобновленіи военныхъ дѣйствій послѣ зимы Помпей отразилъ съ большимъ урономъ отрядъ марсовъ, хотѣвшій пройдти въ Этрурію. Вскорѣ послѣ того Катонъ былъ убитъ при нападеніи на непріятельскій станъ близъ Фуцинскаго озера; Помпею было передано начальство и надъ его войскомъ. Начавъ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ блокаду Аскула — того города, который

первый возсталъ противъ римлянъ,—Помпей велъ ее сильно и положеніе Аскула стало тяжело.

Взятіе Аскула. Полководецъ инсургентовъ Юдацилій, уроженецъ Аскула, пришелъ на помощь родному городу; передъ воротами его произошла страшная битва; римляне побѣдили; разбитое войско ушло въ городъ; оно, при содѣйствіи гражданъ, обороняло стѣны съ мужествомъ отчаянія; голодъ наконецъ отнялъ у осажденныхъ силу продолжать сопротивленіе. Юдацилій предалъ мучительной смерти важнѣйшихъ изъ тѣхъ гражданъ, которые были расположены къ римлянамъ; потомъ велѣлъ зажечь костеръ, сѣлъ подлѣ него пировать съ своими друзьями, въ концѣ пира выпилъ кубокъ яда и легъ на пылающій костеръ. Овладѣвъ городомъ римляне казнили многихъ инсургентовъ, а уцѣлѣвшихъ жителей выгнали изъ города, конфисковавъ дома, земли и все имущество ихъ.

По взятіи Аскула покорились сосѣднія области; измѣна быстро уменьшала число инсургентовъ, и слабая связь италійской федераціи порвалась. Послѣ пораженія при Теате покорились марруцины; храбрый самнитскій полководецъ Эгнацій съ большею частью своего войска погибъ въ битвѣ на Авфидѣ, и римскія войска побѣдоносно прошли по Апуліи до самой Венузіи; области, лежавшія кругомъ Фуцинскаго озера, бывшія центромъ возстанія покорились римлянамъ; столица италійской федераціи Италія снова стала римскимъ провинціальнымъ городомъ Корфиніемъ; сенаторы италійскаго союза бѣжали въ Самній.

Покореніе Южной Италіи и Самнія 88. Не менѣе успѣшно дѣйствовалъ на югѣ Сулла: онъ покорилъ города въ окрестностяхъ Везувія—Геркуланъ, Помпею, Стабіи; разбилъ Луція Клуэнція; бѣжавшее войско почти все было истреблено и самъ Клуэнцій убитъ. Къ наступленію зимы были покорены вся Апулія, кромѣ Венузіи, вся Кампанія, кромѣ Нолы, куда укрылись остатки войска Клуэнція; только самниты еще продолжали держаться въ своихъ горахъ съ такимъ же упорствомъ, какъ ихъ предки; главные возбудители возстанія стояли въ трудно доступной мѣстности около Эзерніи съ большимъ войскомъ, въ которомъ находилось много освобожденныхъ невольниковъ. Сулла одержалъ двѣ побѣды, но самниты еще оставались сильны; потомъ въ страшной битвѣ былъ убитъ Помпедій Силонъ и 6,000 воиновъ его легли на полѣ сраженія; послѣ этого приблизилась къ концу война и въ самнитскихъ горахъ. Въ Апуліи Квинтъ Метеллъ Пій взялъ Венузію и захватилъ въ ней 3,000 плѣнныхъ. Римскія войска ходили побѣдоносно по луканской, по бреттійской землѣ, гоня передъ собою разбитыхъ инсургентовъ. Южная Италія была опустошена. Говорятъ, что въ этомъ ужасномъ междоусобіи погибло болѣе 100,000 римскихъ гражданъ и 300,000 италійцевъ.

Союзники остаются недовольны. Счастіе снова оказалось благосклоннымъ къ Риму, но владычествовавшая въ государствѣ аристократія не хотѣла воспользоваться горькимъ урокомъ опыта. Вмѣсто того, чтобы совершенно угасить примирительными мѣрами остатки пожара, она отказывала покореннымъ племенамъ въ правѣ гражданства, или предоставляла имъ его въ

ограниченномъ видѣ; потому недовольство укоренялось въ италійцахъ. Новые граждане негодовали на то, что не сравнены въ правахъ съ прежними, находили, что римляне мало наградили ихъ за вѣрность; а племена, покоренныя силою оружія, оставались лишены правъ. И тѣ, и другія желали улучшить свое положеніе и готовы были поддерживать каждаго демагога, обѣщавшаго измѣнить законы въ ихъ пользу.

Послѣдствія войны. 1. Упадокъ дисциплины. Но и въ другихъ отношеніяхъ союзническая война имѣла слѣдствія очень вредныя для римскаго государства. Принятіе иноплеменныхъ воиновъ, пролетаріевъ и отпущенниковъ въ ряды легіоновъ ослабило дисциплину войска, перенесло интриги партій въ станъ, возбудило духъ ослушанія и буйства, доходившаго иногда до гнусныхъ злодѣйствъ.

При осадѣ Помпеи одинъ изъ помощниковъ Суллы, бывшій консулъ Авлъ Постумій Альбинъ, подвергся у воиновъ подозрѣнію въ измѣнѣ; они убили его камнями и палками; Сулла ограничился тѣмъ, что посовѣтовалъ виновнымъ загладить воспоминаніе о преступленіи удвоенной храбростью. Консулъ Катонъ тоже едва не былъ убитъ своими воинами. А когда онъ погибъ въ сраженіи, то общественное мнѣніе предполагало, что онъ убитъ не непріятелемъ, а своими помощниками, принадлежавшими къ демократической партіи, и что однимъ изъ этихъ убійцъ былъ сынъ Марія.

2. Обѣдненіе. Не менѣе гибельно подѣйствовала война на благосостояніе римскаго народа. Расходы ея падали почти исключительно на гражданъ, разорили и ввели въ долги большинство ихъ. Какъ во времена старинной борьбы между патриціями и плебеями, граждане распались на враждебные классы кредиторовъ и должниковъ; денежная аристократія взыскивала долги безжалостно; число раззорившихся возростало; народъ громко требовалъ законовъ, облегчающихъ положеніе должниковъ; были даже голоса, говорившіе, что надобно сжечь долговыя книги, совершенно освободить должниковъ отъ всякой уплаты. Городской преторъ Публій Семпроній Азелліонъ старался смягчать строгость законовъ гуманными истолкованіями; это возбудило въ богатомъ сословіи такое ожесточеніе, что онъ былъ убитъ передъ храмомъ Согласія, во время жертвоприношенія, въ жреческомъ облаченіи, и не былъ даже начатъ процессъ противъ виновныхъ въ этомъ убійствѣ. 89.

Предложенія Сульпиція Руфа. Даже изъ сенаторскихъ фамилій многія обѣднѣли. Эти раззорившіеся сенаторы были чрезвычайно раздражены, когда народный трибунъ Публій Сульпицій Руфъ, человѣкъ знатный, богатый, очень умный, одаренный пламеннымъ краснорѣчіемъ, бывшій до сихъ поръ вѣрнымъ защитникомъ существующаго порядка, внесъ въ народное собраніе предложеніе о томъ, что сенаторъ, задолжавшій болѣе 2000 денаріевъ (около 600 рублей), лишается своего сана, и что всѣ граж-

дане, изгнанные по обвиненію въ возбужденіи марсійской (то есть союзнической) войны, получаютъ позволеніе возвратиться въ Римъ.

Сопротивленіе аристократіи

Сульпицій своими предложеніями желалъ очистить сенатъ отъ членовъ, вліяніе которыхъ на дѣла было вредно государству, и возвратить изгнанныхъ патріотовъ. Его намѣренія были одинаковы съ тенденціею Друза, котораго поддерживалъ онъ; подобно Друзу онъ первоначально былъ противникомъ всякихъ революціонныхъ нововведеній; онъ противился Гаію Юлію Цезарю, желавшему нарушить правило о томъ, что консуломъ не можетъ быть человѣкъ, не бывшій преторомъ: Цезарь, желая сдѣлаться главнокомандующимъ въ азіатской войнѣ, просилъ себя консульства, хотя еще не былъ преторомъ.—Убѣдившись въ необходимости реформъ, Сульпицій увидѣлъ, что эгоизмъ оптиматовъ враждебенъ всякому улучшенію. Могущественная фамилія Юліевъ, раздраженная его сопротивленіемъ кандидатурѣ одного изъ ея членовъ, стала во главѣ оппозиціи; вся аристократія востала противъ предложеній Сульпиція: обѣднѣвшіе сенаторы, запутывавшіеся въ долги, опасались быть лишены своего сана; богатые сенаторы, бывшіе кредиторами бѣдныхъ и державшіе ихъ въ зависимости отъ себя, не хотѣли лишиться сотоварищей, голоса которыхъ находились въ ихъ распоряженіи.

Сульпицій присоединяется къ Марію и демократамъ.

Раздраженный сопротивленіемъ аристократіи, Сульпицій пошелъ тою же дорогою, какъ Друзъ. У него явилось желаніе отмѣнить законъ, по которому для внесенія предложеній въ народное собраніе необходимо было согласіе сената. Онъ хотѣлъ сдѣлать народное собраніе независимымъ отъ сената. По совѣту Марія, онъ вступилъ въ союзъ съ демократами, чтобы провести свои предложенія въ народномъ собраніи при помощи новыхъ гражданъ и отпущенниковъ. А для того, чтобы пріобрѣсти голоса ихъ и увеличить ихъ вліяніе, онъ къ прежнимъ предложеніямъ прибавилъ новое, состоявшее въ томъ что италійцы, получившіе римское гражданство, и отпущенники, поступившіе въ легіоны во время союзнической войны и получившіе тогда обѣщаніе, что ихъ права будутъ увеличены, должны быть распредѣлены по всѣмъ прежнимъ трибамъ и вообще уравнены во всѣхъ правахъ съ прежними гражданами. Эта реформа была справедлива и нужна; но и она встрѣчена была сопротивленіемъ оптиматовъ. Консулы Сулла и Квинтъ Помпей Руфъ обнародовали распоряженіе о праздновании длиннаго ряда религіозныхъ торжествъ; во время праздниковъ не могло по закону происходить никакихъ комицій. Въ досадѣ на эту интригу оптиматовъ Сульпицій совершенно перешелъ на сторону демократовъ и сталъ дѣйствовать заодно съ Маріемъ, имя котораго все еще сохраняло вѣсъ во мнѣніи простолюдиновъ и который хотѣлъ мстить аристократіи за свои обиды. Окруженный толпою наемныхъ вооруженныхъ людей, число которыхъ простиралось, какъ говорятъ, до 3000, и шестью стами молодыхъ людей зажиточнаго сословія, которыхъ онъ называлъ своимъ сенатомъ. Сульпицій владычествовалъ на форумѣ. Созвавъ народное собраніе, онъ

предложилъ, чтобы установленные консулами праздники были отмѣнены; на форумѣ произошло вооруженное столкновеніе, въ которомъ жизнь обоихъ консуловъ подвергалась опасности и былъ убитъ Квинтъ Помпей, сынъ одного изъ нихъ (Помпея Руфа) и зять другого (Суллы); партія Сульпиція одолѣла; народное собраніе приняло его предложенія и рѣшило, что новые граждане распредѣляются по всѣмъ прежнимъ 35 трибамъ. Демократія восторжествовала надъ сенатомъ. Но Сулла, главнокомандующій войска, находившагося въ Кампаніи, могъ при его помощи помѣшать исполненію принятаго народомъ закона. Онъ отправился къ своему войску. Сульпицій полагалъ, что онъ хочетъ привести его въ Римъ отмстить демократамъ. Чтобы предотвратить эту опасность, Сульпицій принялъ мѣру, которая произвела именно то, что хотѣлъ онъ отвратить. Марій завидовалъ тому, что Сулла назначенъ главнокомандующимъ въ азіатской войнѣ, хотѣлъ отнять у своего соперника славу и богатство, какія должна была доставить эта война, и убѣдилъ Сульпиція сдѣлать народному собранію противузаконное предложеніе о томъ, чтобы начальство надъ войскомъ было отнято у консула Суллы, и чтобы главнокомандующимъ въ войнѣ съ Митридатомъ былъ назначенъ Марій. Народное собраніе, въ которомъ большинство голосовъ принадлежало новымъ гражданамъ, жившимъ въ Римѣ пролетаріямъ, отпущенникамъ, приняло это предложеніе, подвергнувшее страшному бѣдствію и демократическую партію и все государство.

Народное собраніе лишаетъ Суллу командованія войскомъ.

Сулла отказывается повиноваться.

Когда въ станъ, находившійся у Нолы, была привезена вѣсть о рѣшеніи народнаго собранія, войско взволновалось. Оно считало Суллу полководцемъ, совершенно способнымъ побѣдить Митридата. Сулла уже имѣлъ случай быть въ Азіи, умѣлъ внушить тамъ уваженіе къ римскому имени; а въ союзнической войнѣ онъ дѣйствовалъ такъ хорошо, что воины дали ему сплетенный изъ травы вѣнокъ,—чрезвычайно почетную награду которая по старинному обычаю давалась за „спасеніе гражданъ", а народъ съ одобренія сената наградилъ его выборомъ въ консулы. Сулла не хотѣлъ уступить начальство надъ преданнымъ ему войскомъ сопернику, теперь уже старику, казавшемуся одряхлѣвшимъ и мучимому болѣзненнымъ честолюбіемъ; не захотѣлъ подчиниться рѣшенію народнаго собранія, отнимавшему у него санъ главнокомандующаго; это рѣшеніе было принято помимо воли сената, потому Сулла могъ называть его незаконнымъ. Полагать, что Сулла подчинится ему, значило ожидать слишкомъ большого самоотверженія отъ этого холоднаго, разсчетливаго эгоиста. У него не было такого уваженія къ закону, такой преданности отечеству. Онъ произнесъ войску рѣчь, въ которой самыми рѣзкими словами говорилъ о несправедливости объявленнаго ему рѣшенія; воины, опасавшіеся, что въ Римѣ хотятъ послать не ихъ, а другіе легіоны на войну, въ которой можно получить очень много добычи, убили камнями людей, передавшихъ повелѣніе народа Суллѣ, и кричали ему, чтобъ онъ велъ войско на Римъ. Онъ не колебался. Ему хотѣлось подавить демократическую партію. Это было первое возстаніе полководца противъ государственной власти. Всѣ второстепенные начальники, кромѣ одного квестора, уѣхали отъ войска, не желая быть участниками мятежа. Сулла не оробѣлъ.

Походъ Суллы на Римъ 88.

Послы римскаго народа были убиты воинами Суллы, и онъ повелъ на Римъ свои шесть легіоновъ; нѣкоторые бѣжали въ Римъ отъ него; другіе, въ томъ числѣ консулъ Помпей, спѣшили изъ Рима къ нему. Марій отъ имени сената послалъ своему врагу приказаніе остановиться; его вѣстники были преданы поруганію, знаки ихъ званія были сорваны съ нихъ; они возвратились въ Римъ съ этимъ извѣстіемъ. Войско Суллы подошло къ воротамъ беззащитнаго Рима; два легіона перешли черту, за которую, по закону, не могли переступать войска въ боевомъ порядкѣ, и пошли по улицамъ. Народъ сталъ съ кровель бросать въ нихъ черепицы и камни; Сулла съ факеломъ въ рукѣ сказалъ, что зажжетъ городъ, если сопротивленіе не прекратится; эти граждане перестали сопротивляться. Марій и Сульпицій, наскоро собравъ нѣкоторое число вооруженныхъ людей, пытались отразить нападающихъ; ихъ отрядъ былъ подавленъ превосходствомъ силъ; они призывали къ оружію и гражданъ, и рабовъ; но все населеніе Рима въ ужасѣ пряталось въ дома. Вождямъ демократовъ оставалось только бѣжать въ тѣ ворота, которыя еще не заняли воины Суллы. Легіоны его пошли по улицамъ, не встрѣчая сопротивленія, расположились на форумѣ и зажгли на немъ костры, какъ въ станѣ.

Сулла отмѣняетъ законы, непріятные оптиматамъ.

Сулла сталъ владыкой Рима. Онъ воспользовался своею побѣдою безъ лишней жестокости; онъ пощадилъ массу населенія, запретилъ своимъ воинамъ грабежъ и буйство. Созванное имъ народное собраніе объявило врагами государства и осудило на смерть, какъ враговъ отечества, двѣнадцать вождей демократической партіи, въ томъ числѣ Марія, его сына и Сульпиція. Отряды вооруженныхъ убійцъ были посланы преслѣдовать ихъ. По приказанію Суллы были приняты народомъ законы, возстановлявшіе владычество оптиматовъ и предотвращавшіе, по ихъ мнѣнію, возможность демократической агитаціи. Сулла возвратилъ сенату управленіе дѣлами, пополнилъ его назначеніемъ 300 новыхъ сенаторовъ. Законы Сульпиція были отмѣнены, власть народнаго собранія и народныхъ трибуновъ была ограничена: было возстановлено правило, что предложенія народному собранію могутъ быть дѣлаемы только по предварительномъ одобреніи ихъ сенатомъ, что рѣшенія, принимаемыя народомъ въ комиціяхъ по трибамъ ли, или по центуріямъ, все равно, имѣютъ законную силу лишь въ томъ случаѣ, если сенатомъ были предварительно одобрены вотированные народомъ законы или распоряженія; законы о долгахъ были смягчены, было рѣшено основать въ провинціяхъ колоніи, гдѣ найдутъ себѣ средства къ жизни бѣдные граждане.

Извѣстія объ этихъ мѣрахъ, дошедшія до насъ, очень скудны; но мы видимъ, что Сулла понималъ причины государственнаго разстройства и желалъ устранить ихъ; видимъ также, что дѣйствуя насиліемъ подобно греческимъ тираннамъ, онъ держался узкихъ понятій, владычествовавшихъ между оптиматами. «Невозможно было», говоритъ Ине, «обновить государство возстановленіемъ учрежденій, отжившихъ свое время. Для этого было бы необходимо преобразовать ихъ соотвѣтственно новымъ потребностямъ государственнаго быта. Если возможно было спасти республиканскую форму правленія, то для этого было бы надобно сдѣлать сенатъ собраніемъ вліятельныхъ людей изъ всѣхъ областей Италіи, а народное собраніе сдѣлать состоящимъ изъ представителей всего населенія Италіи. Быть можетъ республиканскія учрежденія сохранились бы, если бы отмѣнены были несправедливыя привилегіи одного племени, называвшагося римскимъ народомъ, и римской аристократіи, устранявшей отъ политическаго вліянія аристократію другихъ племенъ; если бы въ составъ сената были приняты аристократы всѣхъ областей, если бы все населеніе Италіи было распредѣлено по римскимъ трибамъ и были установлены такія правила, по которымъ граждане, живущіе далеко отъ Рима, имѣли бы такое же вліяніе на рѣшеніе народнаго собранія, какъ тѣ, которые живутъ въ самомъ Римѣ. Но Сулла хотѣлъ только возстановить устарѣлыя учрежденія; подобно всякой другой политикѣ, ограничивающейся простою реставраціею, это оказалось дѣломъ безуспѣшнымъ».

Мягкій образъ дѣйствій Суллы.

Сулла пользовался своей неограниченной силой надъ государствомъ умѣренно и кротко, чтобы не поднимать новыхъ волненій, которыя задержали бы его въ Италіи: ему хотѣлось поскорѣе отправиться на войну съ Митридатомъ; для этого онъ даже допустилъ народъ избрать однимъ изъ консуловъ вождя демократической партіи, Луція Корнелія Цинну, человѣка отважнаго и властолюбиваго. Онъ удовольствовался тѣмъ, что другимъ консуломъ былъ выбранъ предложенный имъ кандидатъ, Гней Октавій, принадлежавшій къ партіи оптиматовъ. Сулла такъ спѣшилъ въ Азію, что оставилъ безъ наказанія злодѣйство и произволъ войска, находившагося подъ начальствомъ его товарища по консульству, Квинта Помпея Руфа: Руфъ, начальствовавшій сѣверной арміей, былъ убитъ воинами, и начальство надъ войскомъ принялъ прежній главнокомандующій Гней Страбонъ, оставившій безъ наказанія убійцъ и считавшійся возбудителемъ ихъ на исполненное ими дѣло. Но если Сулла надѣялся примирить съ собою противниковъ своей уступчивостью и предотвратить демократическій переворотъ, взятой съ Цинны клятвой не дѣлать попытокъ къ низверженію введенныхъ имъ законовъ, то онъ сильно ошибался. Когда онъ поплылъ съ своимъ войскомъ въ Грецію, Римъ уже находился въ волненіи. 87.

Судьба бѣжавшихъ демократовъ. Сульпицій

Возбужденію этого волненія много содѣйствовали извѣстія о судьбѣ осужденныхъ на смерть противниковъ Суллы. По указанію раба, убійцы нашли Сульпиція, скрывавшагося близъ Лаврента; голова его была привезена въ Римъ и, по приказанію Суллы, выставлена на ораторской трибунѣ форума, съ которой онъ еще такъ недавно произносилъ проникнутыя юношеской энергіей пламенныя рѣчи. Народъ не могъ равнодушно видѣть окровавленную голову своего защитника. Измѣнившій Сульпицію рабъ получилъ въ награду свободу, но потомъ былъ сброшенъ съ Тарпейской скалы, какъ предатель своего господина.

Марій.

Еще больше интереса въ народѣ возбуждали извѣстія о Маріѣ. Преслѣдуемый убійцами, онъ скитался по Южной Италіи, ежеминутно подвергаясь опасности быть настигнутымъ; наконецъ вмѣстѣ съ другими осужденными на смерть сѣлъ на корабль въ Остіи, чтобы плыть въ Африку. Противный вѣтеръ и недостатокъ въ пищѣ вынудили его пристать къ мысу Цирцеи и опять бро-

дить съ нѣсколькими спутниками по берегу, скрываясь отъ убійцъ. Человѣкъ, который спасъ Италію отъ тевтоновъ и кимбровъ, теперь уже старикъ, дряхлый, отяжелѣвшій отъ болѣзненной тучности, страдающій подагрою, принужденъ былъ торопливо переходить изъ убѣжища въ убѣжище, терпѣть голодъ, спать въ кустарникахъ на голой землѣ; онъ не смѣлъ выйдти на дорогу, не смѣлъ подойдти къ человѣческому жилищу, потому что вездѣ рыскали преслѣдовавшіе его убійцы. Такая бѣдственная судьба не могла не возбуждать состраданія къ нему въ массѣ. Но онъ оставался непоколебимо убѣжденъ, что сбудется пророчество, обѣщавшее ему быть консуломъ семь разъ, и ободрялъ падавшихъ духомъ спутниковъ. Подошедши къ Минтурнамъ, городу, стоявшему при устьѣ Лириса, Марій и его спутники увидѣли вдали отрядъ всадниковъ, преслѣдовавшій ихъ. Имъ удалось дойдти до моря, прежде чѣмъ успѣлъ прискакать отрядъ; они сѣли на два купеческіе корабля, стоявшіе у берега. Всадники съ угрозами уѣхали прочь. Корабельщики, побоявшись везти Марія, поплыли къ устью Лириса, по которому тянулась болотистая мѣстность, уговорили Марія выйдти на берегъ, чтобъ отдохнуть; когда онъ заснулъ на берегу, они уплыли. По глубокому болоту черезъ канавы, наполненныя иломъ и водою, старикъ пошелъ къ виднѣвшейся вдали хижинѣ; но прежде чѣмъ добрался до нея, былъ замѣченъ разыскивавшими его; думая спрятаться отъ нихъ, онъ легъ въ болото между камышемъ; они нашли его и полунагого потащили въ Минтурны, надѣвъ ему на шею веревку, привели его въ городъ и отдали мѣстному начальству. Городской совѣтъ заперъ Марія въ темницу и послалъ кимбра невольника убить его. Кимбръ испугался сверкающаго взгляда старика и грознаго восклицанія его: „Ты посмѣешь убить Гайя Марія?“ Кимбръ бросилъ мечъ и убѣжалъ. Услышавъ объ этомъ, городской совѣтъ постыдился того, что спаситель Рима возбуждаетъ больше уваженія къ себѣ въ невольникѣ, попавшемъ черезъ него въ рабство, чѣмъ въ согражданахъ, спасенныхъ имъ отъ порабощенія. Городской совѣтъ освободилъ Марія, далъ ему все необходимое для пути и отослалъ его на островъ Энарію (Искію). Тамъ соединились съ нимъ другіе изгнанники, ускользнувшіе отъ убійцъ, и всѣ вмѣстѣ поплыли въ Сицилію. Когда они вышли у Эрикса на берегъ, чтобы запастись водой, квесторъ, находившійся по сосѣдству, напалъ на нихъ; 16 человѣкъ изъ нихъ были убиты, и Марій едва не былъ захваченъ въ плѣнъ; но счастье спасло его и отъ этой опасности. Уцѣлѣвшіе изгнанники поплыли въ Африку. Марій хотѣлъ выйдти на берегъ тамъ, гдѣ нѣкогда стоялъ Карѳагенъ; римскій правитель провинціи послалъ сказать ему, что если онъ выйдетъ на берегъ, то надъ нимъ будетъ исполнено повелѣніе сената. Марій долго молчалъ, потомъ свирѣпо посмотрѣлъ на вѣстника правителя и сказалъ: „Скажи претору, что ты видѣлъ Гайя Марія изгнанникомъ, сидящимъ на развалинахъ Карѳагена“. Развалины великаго города дѣйствительно были обстановкою, соотвѣтствовавшею бѣдственному положенію знаменитаго полководца. Изгнанники поплыли въ Нумидію, надѣясь, что Гіэмпсалъ дастъ имъ убѣжище. Царь нѣсколько времени обманывалъ ихъ дружелюбными обѣщаніями, наконецъ рѣшился захватить ихъ и убить, или держать подъ стражею. Но одна изъ царскихъ наложницъ влюбилась въ Марія младшаго, очень красиваго юношу, и, благодаря ей, изгнанники успѣли спастись. Едва они сѣли на корабль, на берегу показался отрядъ всадниковъ, посланный схватить ихъ. Они уплыли на Керкину, маленькій островъ близъ тунесскаго берега, и оставались тамъ, пока въ Римѣ произошелъ переворотъ, давшій имъ возможность вернуться на родину.

Марій въ Минтурнахъ. *Изгнанники въ Сициліи.* *Марій на развалинахъ Карѳагена.* *Изгнанники въ Нумидіи и на островѣ Керкинѣ.*

---

5. Война съ Митридатомъ.

Положеніе дѣлъ на востокѣ.

Въ самнитскихъ горахъ еще продолжалась война; въ Римѣ подъ непрочнымъ примиреніемъ партій волновались страсти, давшія поводъ къ возникновенію союзнической войны, и должно было ожидать, что онѣ произведутъ новое междоусобіе; а римскому государству угрожалъ на востокѣ хитрый и смѣлый врагъ, Митридатъ (Митрадатъ), царь Понта, государства, лежавшаго по южному и восточному берегу Чернаго моря. Опытный воинъ, способный выносить всѣ трудности походовъ, знаменитый своимъ знаніемъ очень многихъ языковъ своего разноплеменнаго царства, Митридатъ, подобно Ганнибалу, ненавидѣлъ римлянъ. Когда вспыхнула союзническая война, онъ воспользовался затруднительнымъ положеніемъ Рима, сталъ склонять царей и народы востока, въ особенности греческіе города черноморскаго и западно-азіатскаго прибрежья къ союзу съ нимъ противъ римлянъ. Онъ хотѣлъ остановить возростаніе римскаго могущества въ Азіи, возобновить послѣ долгаго перерыва борьбу востока съ западомъ. Политика римлянъ въ Азіи была очень дурна. Имъ слѣдовало бы соединить всѣ греческіе города Средиземнаго и Чернаго морей на борьбу съ варварами и при ихъ содѣйствіи оттѣснять полудикія племена дальше и дальше отъ береговъ; вмѣсто того они оставляли греческіе города по южному берегу Чернаго моря и въ устьяхъ рѣкъ скиѳской земли безъ всякой поддержки; полудикія сосѣднія племена опустошали области этихъ городовъ. Но едва-ли не хуже того было положеніе римской провинціи Азіи и сосѣднихъ съ нею мелкихъ государствъ, находившихся въ полной зависимости отъ Рима: они были разоряемы алчностью римскихъ правителей, откупщиковъ, торговцевъ невольниками. Ненасытные притѣснители грабили и царскіе дворцы и хижины поселянъ; хлѣбъ на поляхъ росъ въ добычу римскимъ откупщикамъ; дѣти свободныхъ людей родились какъ будто лишь для того, чтобы римскіе торговцы невольниками уводили ихъ на продажу въ рабство. Римскій судъ не давалъ защиты угнетенному населенію, потому что судьями были люди того же сословія, къ которому принадлежали откупщики. Безжалостная систематическая эксплуатація провинціи Азіи откупщиками, ростовщиками и правителями произвела въ населеніи глубокую ненависть къ римлянамъ, мучителямъ его; горючій матеріалъ накоплялся, и нуженъ былъ лишь какой нибудь поводъ, чтобы вспыхнулъ страшный пожаръ. Митридатъ имѣлъ всю ту хитрость и свирѣпость, какая была нужна, чтобы зажечь этотъ пожаръ. По отцу онъ происходилъ отъ прежнихъ персидскихъ царей, по матери отъ Селевкидовъ. Въ этомъ отношеніи онъ дѣйствительно заслуживалъ прозвища «благородный»

(Эвпаторъ); онъ былъ представителемъ воспоминаній о могущественнѣйшихъ восточныхъ династіяхъ, и легенда прославила его своими поэтическими преувеличеніями, дала ему, человѣку дѣйствительно высокому и сильному, ростъ и силу исполина, дивную ловкость въ гимнастикѣ, фехтованіи, наѣздничествѣ, управленіи колесницей, преувеличила до сказочныхъ размѣровъ и его страсть къ женщинамъ, способность много пить, предаваться наслажденіямъ, его умѣнье говорить на многихъ языкахъ *). Онъ пріобрѣлъ расположеніе грековъ, выказывая любовь къ ихъ языку, искусству и образованности, хотя въ душѣ былъ свирѣпый и коварный варваръ. Онъ далъ своимъ каппадокійскимъ воинамъ греческое вооруженіе, обучилъ ихъ греческимъ военнымъ пріемамъ, сформировалъ изъ нихъ фалангу по македонскому образцу, принималъ участіе въ греческихъ мистическихъ обрядахъ, привлекавшихъ къ себѣ его суевѣріе, наполнилъ свой гаремъ гречанками, окружилъ себя греческими философами, историками, поэтами; на его пирахъ веселили гостей шуты, актеры и пѣвицы. Онъ былъ человѣкъ очень дѣятельный, твердый характеромъ, храбрый воинъ, искусный полководецъ, одерживавшій много побѣдъ, самый опасный изъ враговъ, какихъ имѣлъ въ тѣ времена римскій народъ. Греческія и римскія характеристики его заключаютъ въ себѣ много преувеличеній, но безспорно то, что этотъ царь, принявшій на себя роль защитника грековъ противъ римлянъ, былъ человѣкъ твердой воли и большого ума. Онъ былъ истинный азіатецъ, въ немъ есть сходство съ персидскими царями. Онъ часто выказывалъ черты благородства, имѣлъ нѣкоторые изъ талантовъ, нужныхъ правителю, но былъ истинно азіатскій деспотъ, одинаково готовый и храбро биться и коварствовать, безсовѣстно нарушавшій всякія обѣщанія, не гнушавшійся низкимъ убійствомъ. Мы увидимъ, съ какою хладнокровной жестокостью онъ убивалъ своихъ ближайшихъ родныхъ, своихъ дѣтей, женъ, казнилъ своихъ слугъ, какъ безжалостно приносилъ онъ своихъ друзей въ жертву своимъ разсчетамъ. Но въ войнѣ съ римлянами онъ выказывалъ себя героемъ, защищался отъ нихъ, какъ левъ, и когда насталъ для него часъ погибели, у него достало мужества избавить себя добровольной смертью отъ жалкой участи Югурты.

Молодость Митридата VI и первыя войны его. 130—88.

Митридатъ V Эвергетъ (благодѣтель), которому римляне за помощь противъ Аристоника (стр. 580) уступили восточную часть виѳинскаго царства, былъ предательски убитъ въ своей новой блестящей столицѣ Синопѣ. Молва винила въ убійствѣ его властолюбивую жену. Митридатъ VI былъ

*) Легенда разсказываетъ, что онъ умѣлъ говорить на языкѣ каждаго изъ 22 народовъ, жившихъ въ его царствѣ, что онъ бесѣдовалъ съ каждымъ изъ нихъ безъ помощи переводчика.

114.

при смерти отца одиннадцатилѣтнимъ ребенкомъ; мать хотѣла убить и его. Онъ нѣсколько лѣтъ скитался по степямъ и горамъ, скрывался отъ убійцъ, разыскивавшихъ его, ночевалъ каждые сутки на новомъ мѣстѣ; эта бродячая жизнь, исполненная ежеминутныхъ опасностей, развила въ немъ тѣ качества, въ которыхъ ставятъ величіе человѣка азіатцы: физическую силу и ловкость, находчивость ума, энергію характера, скрытность, жестокость, чуждую всякаго чувства жалости; занятіе охотой пріучило его къ войнѣ. Онъ успѣлъ, наконецъ, убить мать и овладѣть отцовскимъ царствомъ. Но отецъ старался упрочить свою власть союзомъ съ Римомъ, онъ же хотѣлъ быть независимымъ царемъ. Предпріимчивый и честолюбивый, онъ сталъ расширять царство, къ которому при отцѣ его уже принадлежали приморскіе греческіе города Трапезунтъ, Ампсъ, Синопъ, и области котораго были богаты плодородными нивами, лѣсами дико растущихъ фруктовыхъ деревьевъ.

Покореніе Колхиды и греческихъ городовъ по берегамъ Чернаго моря.

Митридатъ покорилъ и обложилъ данью Колхиду, страну по восточному берегу Чернаго моря, въ которой находился богатый торговый городъ Діоскурія. Въ Колхидѣ было много корабельнаго лѣса, пеньки, льну, смолы, воска; Митридатъ покорилъ воинственныя племена на сѣверѣ отъ Кавказа, продолжавшія жить на телѣгахъ, покрытыхъ кожанными навѣсами и кочевавшія по степямъ со своими стадами рогатаго скота и табунами лошадей, какъ во времена Дарія (II, 414 слѣд.). Греческіе города восточной половины Чернаго моря отъ Трапезунта до Ольбіи и въ особенности богатые торговые города Таврическаго полуострова Херсонесъ (Севастополь) и Пантикапея (Керчь) видѣли въ Митридатѣ своего спасителя: они очень много страдали отъ набѣговъ хищныхъ скиѳовъ, савроматовъ, гетовъ, бастарновъ и другихъ конныхъ варварскихъ племенъ, должны были давать дань ихъ царямъ и родоначальникамъ, откупаться подарками отъ ихъ грабежей; тѣснимые дикарями, эти города охотно пожертвовали своею вѣковою независимостью для того, чтобы сохранить благо, еще болѣе драгоцѣнное, свою греческую національность. При содѣйствіи своихъ полководцевъ, Діофанта и Неоптолема, Митридатъ нанесъ нѣсколько пораженій таврійцамъ и союзникамъ ихъ роксоланамъ, жившимъ между Дономъ и Днѣпромъ, разрушилъ ихъ укрѣпленія и основалъ Босфорское царство, обнимавшее Таврическій полуостровъ и все прибрежье на востокъ отъ него и доставлявшее ему громадные доходы, неистощимые запасы хлѣба и воиновъ. Потомъ онъ обратилъ свое оружіе на западъ.

Покореніе Малой Арменіи Пафлагоніи, Каппадокіи.

Онъ покорилъ Малую Арменію, вступилъ въ союзъ съ Тиграномъ, могущественнымъ царемъ Великой Арменіи, выдалъ за него свою дочь Клеопатру, заявилъ права наслѣдства на Пафлагонію и подъ этимъ вымышленнымъ предлогомъ овладѣлъ ею, отдалъ часть ея Никомеду II, царю виѳинскому, и купилъ тѣмъ его дружбу. Потомъ нѣкто Гордій, безъ сомнѣнія, по внушенію Митридата, убилъ его родственника царя каппадокійскаго Аріарата VI; сына убитаго царя Митридатъ пригласилъ на свиданіе и безоружнаго убилъ самъ, и назначилъ для вида каппадокійскимъ царемъ какого-то неизвѣстнаго человѣка, котораго назвалъ Аріаратомъ, потомкомъ прежней династіи, а дѣйствительнымъ правителемъ Каппадокіи сдѣлалъ своего агента Гордія, убійцу прежняго царя. Виѳинскій царь испугался такого увеличенія владѣній Митридата и отправилъ посла въ Римъ. Сенатъ, до сихъ поръ, съ непонятнымъ равнодушіемъ допускалъ Митридата дѣлать завоеванія. Посолъ виѳинскаго царя объяснилъ сенату опасности, какими угрожаетъ Риму и его азіатскимъ союзникамъ предпріимчивый Митридатъ.

Военныя силы Митридата.

Разноплеменное войско понтскаго царя имѣло теперь болѣе 80,000 человѣкъ пѣхоты, 10,000 конницы, 600 боевыхъ колесницъ; всѣ воинственныя племена отъ устья Дуная до Кавказа и до Каспійскаго моря съ радостью присылали своихъ молодыхъ воиновъ подъ его знамена; у него было 300 военныхъ кораблей; Колхида доставляла ему лѣсъ для нихъ, надъ постройкой ихъ работали у него греческіе и финикійскіе мастера; у него были греческіе, финикійскіе, египетскіе матросы. Казна его была наполнена данью подвластныхъ ему городовъ и племенъ, таможенными доходами. Все это объяснилъ сенату

виѳинскій посолъ и прибавилъ, что зять Митридата, Тигранъ, задумалъ, по его совѣту, покорить области на востокѣ и югѣ отъ Малой Азіи, завоевать сирійское царство Селевкидовъ. Скиѳскіе цари Таврическаго полуострова тоже обратились въ Римъ съ просьбою о помощи. Сенатъ рѣшился дѣйствовать. Никомеду и Митридату было послано прика-

Просьбы римлянамъ о защитѣ противъ Митридата.

заніе возвратить независимость завоеваннымъ ими въ Малой Азіи землямъ. Сенатъ объявилъ каппадокійцамъ, что имъ возвращается независимость и что Каппадокія будетъ республикою. Они отвѣчали, что республиканское устройство не сообразно съ ихъ привычками. Сенатъ позволилъ имъ выбрать царя. Ими выбранъ былъ Аріобарзанъ, сынъ убитаго Аріарата. Сулла, бывшій тогда правителемъ Киликіи, получилъ приказаніе воз-

Дѣйствія Суллы въ Малой Азіи 92.

вести его на престолъ. У Суллы было мало войска, но онъ энергически и успѣшно исполнилъ порученіе: разбилъ Гордія и пришедшее ему на помощь армянское войско, установилъ въ Каппадокіи власть Аріобарзана. Митридатъ, хотя и съ досадой, подчинился повелѣнію Рима. Сенатъ выразилъ свое удовольствіе Суллѣ, въ особенности за то, что онъ держалъ себя относительно парѳянъ такъ, какъ требовало достоинство римскаго имени: Сулла, гонясь за разбитыми противниками, доходилъ до Эвфрата, на берегу котораго въ первый разъ тогда явилось римское войско. Парѳянскій царь Арсакъ отправилъ посла привѣтствовать его на границѣ своего царства. При свиданіи съ посломъ, Сулла сѣлъ на среднее мѣсто, посадивъ Аріобарзана по правую руку отъ себя, парѳянскаго посла—по лѣвую. Царь послѣ казнилъ посла за то, что онъ подчинился такому униженію.—Но едва Сулла возвратился въ Италію, Митридатъ и Тигранъ напали на

Новыя враждебныя дѣйствія Митридата. 91—90.

сосѣднія государства. Кліэнтъ Рима Аріобарзанъ былъ прогнанъ, власть надъ Каппадокіей снова передана была на словахъ кліэнту Митридата, а на дѣлѣ захвачена имъ самимъ. Виѳинскій царь Никомедъ II умеръ около этого времени; Митридатъ хотѣлъ отнять царство у законнаго наслѣдника, Никомеда III, сдѣлать царемъ его младшаго брата, Сократа. Но Маній Аквиллій, явившійся въ Виѳинію съ небольшимъ отрядомъ,

90.

удержалъ власть за Никомедомъ III. Митридатъ побоялся раздражать римлянъ, хотя сами по себѣ военныя силы Аквиллія были незначительны и хотя союзническая война была тогда въ полномъ разгарѣ, потому обстоятельства благопріятствовали нападенію на римлянъ въ Азіи.

Никомедъ нападаетъ на Митридата.

Сенатъ удовлетворился бы этимъ успѣхомъ и желалъ бы уклониться отъ войны. Но военные расходы вовлекли Никомеда въ долги, не было у него денегъ и на уплату суммъ, обѣщанныхъ Аквиллію. Тѣснимый своими кредиторами, онъ съ тайнаго согласія Аквиллія пошелъ во владѣніе Митридата, чтобы набрать тамъ добычи на уплату долговъ. Виѳинскія войска вторглись во владѣнія Митридата, Никомедъ взялъ контрибуцію съ города Амастриды; Митридатъ жаловался римскому посольству и просилъ или удержать Никомеда отъ военныхъ дѣйствій, или дозволить ему обороняться. Ему отвѣчали, что онъ не долженъ воевать съ Никомедомъ. Это была та же самая политика, какой держались римляне, запрещая карѳагенянамъ воевать съ Масиниссою. Митридатъ понялъ коварное намѣреніе сената и рѣшился идти противъ Никомеда наперекоръ запреще-

Митридатъ рѣшается на войну съ Никомедомъ и Римомъ 89.

нію, а съ тѣмъ вмѣстѣ готовиться къ войнѣ противъ римлянъ, этого „народа волковъ, ненасытно жаждущаго крови, земель и золота". Онъ принужденъ былъ обороняться и захотѣлъ перейдти отъ обороны къ борьбѣ за владычество надъ Азіей. Онъ дѣйствовалъ осмотрительно и энергично. Онъ понималъ, что война съ Римомъ тяжела и дѣлалъ приготовленія къ

Митридатъ увеличиваетъ войско, флотъ, пріобрѣтаетъ союзниковъ.

ней въ громадномъ размѣрѣ, довелъ силу своего войска до 250,000 человѣкъ пѣхоты, 40,000 конницы, силу флота до 400 кораблей, поручилъ начальство надъ своимъ разноплеменнымъ войскомъ опытнымъ греческимъ полководцамъ: Архелаю, Таксилу, Дорилаю, Пелопиду, Неоптолему и другимъ; отправилъ пословъ къ египетскому и сирійскому царямъ, къ финикіянамъ, возбуждать ихъ на войну противъ общаго врага, доказывать имъ, что теперь

представляется послѣдній случай свергнуть иго народа, стремящагося поработить всѣ другіе народы. Въ томъ же смыслѣ дѣйствовали послы, отправленные имъ въ малоазійскіе греческіе города и въ Грецію: они выставляли Митридата защитникомъ греческой народности, говорили, что его цѣль—освобожденіе востока и Греціи отъ произвола римскихъ правителей, отъ угнетенія откупщиковъ и ростовщиковъ, разоряющихъ народы. Онъ возбуждалъ критскихъ и другихъ восточныхъ морскихъ разбойниковъ отрѣзать подвозъ хлѣба въ Италію, грабить римлянъ, уводить жителей италійскаго прибрежья въ рабство. Его агенты подымали на войну ѳракійцевъ, македонянъ, проникали даже въ Галлію; онъ сформировалъ отрядъ, вооруженный по римски и составленный большею частью изъ италійскихъ изгнанниковъ и эмигрантовъ.

Митридатъ овладѣваетъ землями римскихъ союзниковъ 88.

Весна 88.

Сдѣлавъ эти громадныя подготовленія и получивъ обѣщаніе помощи отъ своего зятя Тиграна, царя армянскаго, Митридатъ началъ войну. Враги его были побѣждены, не успѣвъ соединить свои силы: Неоптолемъ и Архелай разбили Никомеда на Амніѣ, одномъ изъ притоковъ Галиса, хотя у виѳинскаго царя было больше войска, чѣмъ у нихъ. Аквиллій былъ настигнутъ на отступленіи близъ рѣки Сангарія; римскій станъ былъ взятъ; старикъ Аквиллій и его помощники Кассій и Оппій принуждены были ограничиться обороной Пергама и другихъ крѣпостей въ ожиданіи подкрѣпленій. Не встрѣчая сопротивленія, Митридатъ покорилъ находившіяся подъ покровительствомъ Рима Пафлагонію, Каппадокію, Виѳинію, убѣдилъ греческіе города Малой Азіи, что онъ защитникъ греческой народности, раздражилъ ихъ ненависть къ Риму и склонилъ ихъ вступить въ союзъ съ нимъ; морскіе разбойники, владычествовавшіе на Критѣ и нѣкоторыхъ островахъ Эгейскаго моря, направили, по его убѣжденію, свои эскадры на грабежъ береговъ Италіи, Сициліи. Онъ овладѣлъ Фригіею и всѣмъ западомъ Малой Азіи, кромѣ немногихъ крѣпостей. Знаменитѣйшіе

Митридатъ въ западной части Малой Азіи.

полководцы римлянъ заняты были тогда междоусобіемъ, и у нихъ не было свободныхъ силъ на защиту отдаленной провинціи; ихъ военачальники въ Малой Азіи скитались съ мѣста на мѣсто, не имѣя войскъ. Мало-азійскіе города съ восторгомъ привѣтствовали Митридата, какъ освободителя, сравнивали его походъ съ побѣдоноснымъ шествіемъ Діониса, отправляли къ нему пословъ просить «бога спасителя», чтобъ онъ посѣтилъ ихъ, и когда онъ подходилъ къ городу, жители въ праздничной одеждѣ встрѣчали его за воротами, подносили подарки благодѣтелю, побѣдившему непобѣдимыхъ и выдавали ему римскихъ военачальниковъ.

Оппій и Аквиллій.

Оппій былъ выданъ Митридату гражданами Лаодикеи; Митридатъ держалъ его въ темницѣ. Маній Аквиллій, возбудившій эту войну своимъ походомъ въ Виѳинію, хотѣлъ бѣжать изъ Малой Азіи, но на Лесбосѣ занемогъ; граждане Митилены отправили его къ Митридату; по разсказу Аппіана, Митридатъ велѣлъ съ позоромъ водить его по разнымъ городамъ: иной разъ возили его связаннаго на ослѣ; наконецъ въ Пергамѣ его пре-

дали мучительной смерти: въ поруганіе надъ его алчностью, ему влили въ ротъ расплавленное золото.

Истребленіе римлянъ въ Малой Азіи по приказанію Митридата.

Не довольствуясь наказаніемъ Аквиллія, Митридатъ задумалъ страшное дѣло, которое должно было отнять у грековъ Малой Азіи всякую возможность примиренія съ римлянами. Онъ разослалъ изъ Эфеса всѣмъ своимъ областнымъ правителямъ и всѣмъ зависящимъ отъ него городамъ приказаніе убить въ назначенный день всѣхъ носящихъ тогу, которые живутъ въ той области или въ томъ городѣ, вмѣстѣ съ свободными людьми убить и несвободныхъ италійцевъ, убить и ихъ женъ и дѣтей; половину имущества ихъ оставлялъ себѣ Митридатъ, другую отдавалъ убійцамъ. По этому приказанію, было въ назначенный день хладнокровно совершено убійство 80,000 безоружныхъ людей; вмѣстѣ съ мужчинами были убиты и женщины, и дѣти.

Тутъ дѣйствовала всеобщая ненависть мало-азійцевъ къ иноземнымъ притѣснителямъ, въ особенности къ ростовщикамъ и откупщикамъ; ей помогала въ нѣкоторыхъ случаяхъ личная вражда, а вообще алчность. Бѣжавшимъ отъ убійцъ не было спасенія въ храмахъ; ихъ убивали у жертвенниковъ передъ изображеніями боговъ; тѣла ихъ бросали на съѣденіе собакамъ и птицамъ. Убійство было совершено съ обдуманною свирѣпостью. Въ награду жителямъ римской провинціи за преданность Митридатъ освободилъ ихъ отъ податей на пять лѣтъ и простилъ имъ недоимки прежнихъ лѣтъ. Онъ мечталъ тогда, что одолѣетъ римлянъ. Половина имущества убитыхъ италійцевъ поступила въ его казну, это составляло громадную сумму. Въ его власти были весь западъ Малой Азіи, кромѣ юго-западной приморской части материка, и всѣ острова, кромѣ Родоса, упорно оборонявшагося противъ его флота и войска. Своею новою столицею онъ избралъ Пергамъ, въ которомъ прежде жилъ римскій правитель Азіи. Поселившись тамъ, онъ щедро раздавалъ деньги и области своимъ любимцамъ и союзникамъ. Одного изъ своихъ сыновей онъ сдѣлалъ царемъ сѣвернаго прибрежья до Меотійской степи; присоединилъ къ этому вассальному царству и клокъ южнаго берега, гдѣ лежитъ Синопъ. Флотъ Митридата владычествовалъ на Босфорѣ и Черномъ морѣ.

Митридатъ въ Пергамѣ.

Митридатъ овладѣваетъ Греціею и сосѣдними островами.

Митридатъ отнялъ у римлянъ не только ихъ малоазійскія владѣнія: войска его высадились на Делосѣ и на Эвбеѣ, убили тысячи людей, ограбили купцовъ. Многочисленное войско Митридата прошло черезъ Ѳракію въ Македонію и Ѳессалію; агенты понтскаго царя убѣждали беотійцевъ, аѳинянъ, ахейцевъ, лакедемонянъ, другихъ грековъ вступить въ союзъ съ нимъ. У него была та же мысль, какъ у Антіоха Великаго (стр. 534); онъ хотѣлъ прогнать римлянъ изъ Греціи, отодвинуть границы ихъ государства назадъ до самой

Италіи. Но онъ лучше Антіоха заботился объ осуществленіи этого плана. Искуснѣйшій изъ его полководцевъ Архелай разбилъ одного изъ помощниковъ римскаго правителя Македоніи, храбраго Бруттія Суру, въ трехдневномъ сраженіи у Херонеи; въ Аѳинахъ захватилъ власть любимецъ Митридата Аристіонъ, сынъ аѳинскаго гражданина и невольницы египтянки, жившій давно въ этомъ городѣ, преподававшій философію и реторику, пользовавшійся тамъ уваженіемъ; зажиточные граждане были изгнаны или бѣжали сами; легкомысленные простолюдины рѣшили отложиться отъ римлянъ, вступить въ союзъ съ Митридатомъ. Аристіонъ былъ развратникъ и деспотъ, чье владычество стало для Аѳинъ тяжелымъ угнетеніемъ. — Даже въ Италіи Митридатъ имѣлъ связи; въ Галліи, Испаніи дѣйствовали его агенты. Есть италійская монета, на которой изображены два человѣка, подающіе другъ другу руки; на одномъ изъ нихъ діадема; ученые полагаютъ, что эта монета чеканена, какъ символъ дружбы италійскихъ враговъ Рима съ Митридатомъ. На Эгейскомъ морѣ не было ни одного римскаго корабля для защиты береговъ и островов отъ Митридата; въ Южной Италіи еще тлѣлись подъ пепломъ искры союзнической войны; онѣ при благопріятномъ случаѣ могли вспыхнуть новымъ пожаромъ. Римскіе купцы потерпѣли такіе убытки, что государство чувствовало большой недостатокъ къ деньгамъ; войско было ненадежно и буйно, дисциплина въ немъ упала.

Сулла покоряетъ Грецію.

Сулла избавилъ государство отъ грозившей ему опасности. Мы видѣли, что примиреніе между римскими партіями было шатко, что онѣ готовились возобновить междоусобіе, когда Сулла, поставивъ общій государственный интересъ выше выгодъ своей партіи, отплылъ изъ Италіи въ Эпиръ. Силы его были не очень велики, но онъ быстро прошелъ въ Беотію, одержалъ побѣду надъ частью войскъ Митридата, овладѣлъ почти всею Среднею Греціей, кромѣ Аѳинъ и Пирея, гдѣ сосредоточили свои силы Архелай и Аристіонъ. Сулла пошелъ на нихъ. Луцій Гортензій занялъ Ѳессалію, дѣлалъ экспедиціи въ Македонію; Мунацій съ другимъ отрядомъ сталъ противъ Халкиды для охраненія Беотіи отъ Неоптолема, находившагося съ довольно большимъ войскомъ на Эвбеѣ, а самъ Сулла съ главными силами, построивъ укрѣпленный станъ неподалеку отъ Элевзина и Мегары, осадилъ Аѳины и Пирей. Греческіе города спѣшили присылать ему деньги и отряды войска, чтобы купить себѣ усердіемъ прощеніе. Но Архелай и Аристіонъ оборонялись очень упорно и осада затянулась. Воспоминанія о подвигахъ предковъ воодушевляли аѳинянъ и при всей своей испорченности они бились храбро. Сулла окружилъ городъ и велъ осадныя работы очень энергически. Онъ не щадилъ ничего, чтобы скорѣе достичь своей цѣли: священныя для образованныхъ людей рощи Академіи и Ликея, по густымъ аллеямъ которыхъ ходили нѣкогда Платонъ и Аристотель съ своими учени-

Весна 87.

Осада Аѳинъ.

Мужество осажденныхъ.

ками, были вырублены для построенія осадныхъ машинъ. Были взяты сокровища изъ храмовъ эпидаврскаго, дельфійскаго, олимпійскаго. Но полководцы Митридата отражали всѣ нападенія, дѣлали удачныя вылазки и долго противились ужаснѣйшему изъ всѣхъ враговъ, голоду. Дромихетъ, шедшій на выручку Аѳинъ, былъ разбитъ подъ ихъ стѣнами въ кровопролитномъ сраженіи храбрымъ помощникомъ Суллы, Луціемъ Лициніемъ Муреной. Но мужество осажденныхъ осталось непоколебимо. Сдѣлавъ проломъ въ стѣнахъ Пирея, римляне ворвались въ эту крѣпость; но у осажденныхъ были возведены позади стѣны новыя укрѣпленія, и римляне были прогнаны. Положеніе Суллы становилось съ каждымъ днемъ труднѣе. Онъ послалъ Луція Лукулла въ Родосъ, въ Сирію, въ Египетъ—просить кораблей и припасовъ; просьба осталась напрасной: на Востокѣ, повидимому, думали, что могущество Рима рушится. Но пришелъ наконецъ часъ паденія

Взятіе Аѳинъ.

Аѳинъ и Пирея. Окруженныя со всѣхъ сторонъ, отрѣзанныя отъ всякихъ подвозовъ съѣстныхъ припасовъ, Аѳины страдали отъ ужаснаго голода. Жители, хотѣвшіе бѣжать изъ города, были безжалостно прогоняемы римлянами назадъ. Наконецъ въ Аѳинахъ стали ѣсть трупы. Но Аристіонъ продолжалъ обороняться. Сулла взялъ

1 марта 86 г.

приступомъ Аѳины, Аристіонъ ушелъ въ Акрополь и держался тамъ, пока недостатокъ воды принудилъ воиновъ его сдаться. Вслѣдъ за тѣмъ Архелай уплылъ изъ Пирея на соединеніе съ Таксиломъ и Дромихетомъ, вступившими въ Беотію. Сулла, освобожденный его отъѣздомъ отъ очень затруднительнаго положенія, подвергъ Аѳины за измѣну римлянамъ тяжкому наказанію. Онъ велѣлъ разрушить дивныя сооруженія пристани и громадныя стѣны Пирея, казнилъ главныхъ противниковъ Рима и отдалъ ихъ дома на разграбленіе. Аристіонъ, раздражившій Суллу, кромѣ упорнаго сопротивленія, пѣснями, въ которыхъ издѣвался надъ его женою Метеллою, былъ принужденъ выпить ядъ. Но городъ Аѳины Сулла пощадилъ, не въ награду за «аттическую вѣрность» аѳинянъ, по его выраженію, а изъ почтенія къ ихъ великимъ предкамъ и изъ уваженія къ просьбамъ ихъ вѣрныхъ Риму согражданъ, находившихся въ его станѣ. Онъ воз-

Побѣда Суллы при Херонеѣ 86.

вратилъ Аѳинамъ свободу и прежнія владѣнія. Отъ Аѳинъ онъ быстро двинулся въ Беотію противъ войска враговъ, въ которомъ считалось болѣе 100,000 человѣкъ пѣхоты, 10,000 конницы и 90 боевыхъ колесницъ и которое блистало восточнымъ великолѣпіемъ одежды и оружія; у Суллы было втрое менѣе войска, но онъ нанесъ въ до-

Конецъ марта 86 г.

линѣ Кефиса близъ Херонеи такое пораженіе врагу, что полководцы Митридата успѣли собрать въ Халкидѣ только двѣнадцатую долю своихъ воиновъ. Архелай велѣлъ запереть ворота укрѣпленнаго стана, чтобы не ворвались гнавшіеся за побѣжденными римляне; большинство варваровъ еще не успѣло вбѣжать въ станъ; и массы ихъ были истреблены, или взяты въ плѣнъ. Сулла отпраздновалъ свою побѣду

военными играми въ Ѳивахъ, поставилъ памятники на полѣ битвы и подарилъ большія пространства земли тѣмъ храмамъ, изъ которыхъ взялъ сокровища.

Трудное положеніе Суллы.

Онъ дѣйствительно долженъ былъ благодарить свое счастье и боговъ за то, что полководцы Митридата не уклонились отъ битвы и доставили ему побѣду. Еслибъ они приняли совѣтъ Архелая не вступать въ рѣшительное сраженіе и длили войну, Сулла скоро погибъ бы; полководцы Митридата вѣроятно даже могли бы увидѣть два римскія войска, сражающіяся между собою. Въ то время, какъ Сулла одержалъ блистательную побѣду при Херонеѣ, онъ былъ уже лишенъ римскимъ правительствомъ начальства надъ войскомъ и осужденъ на смерть; назначенный преемникомъ его демократическій консулъ Луцій Валерій Флаккъ уже шелъ изъ Эпира въ Ѳессалію исполнить надъ нимъ приговоръ и продолжать войну съ Митридатомъ. Неблагоразумное рѣшеніе полководцевъ Митридата спасло римскія войска отъ междоусобія и погибели. Но положеніе Суллы было такъ дурно, что онъ не могъ пріобрѣсти почти никакихъ выгодъ отъ своей побѣды; флотъ Митридата продолжалъ владычествовать на морѣ, грабилъ при содѣйствіи морскихъ разбойниковъ греческіе острова, увозилъ въ рабство непокорявшихся Митридату. Въ Римѣ уже и прежде было мало денегъ и свободныхъ войскъ для посылки подкрѣпленій Суллѣ, а когда демократы захватили власть, онъ совершенно пересталъ получать поддержку отъ правительства. Но его военные таланты и патріотизмъ преодолѣли всѣ затрудненія. Послѣ побѣды при Херонеѣ онъ оставался почти цѣлый годъ въ Греціи и большую часть этого времени прожилъ въ Аѳинахъ. Онъ не мѣшалъ новому консулу Валерію Флакку идти черезъ Македонію и Ѳракію въ Малую Азію.

Флаккъ и Фимбрія.

(Вскорѣ послѣ переправы войска въ Азію помощникъ Флакка, горячій ораторъ Гай Кабій Фимбрія, возбудилъ воиновъ къ мятежу противъ бездарнаго главнокомандующаго; бунтовщики убили Флакка въ Никомидіи и сдѣлали начальникомъ войска Фимбрію). Митридатъ послалъ въ Грецію Дорилая съ новымъ большимъ войскомъ; онъ соединился на Эвбеѣ съ Архелаемъ, собравшимъ тамъ остатки прежняго войска и весною вступилъ въ Беотію. Сулла двинулся на него

Битва при Орхоменѣ. 85.

и въ долинѣ Кефиса у Орхомена неподалеку отъ мѣста прежней битвы произошла вторая. Римскіе легіоны поколебались подъ тяжелымъ натискомъ непріятельской конницы. Сулла сошелъ съ коня, схватилъ знамя и сквозь ряды отступающихъ пошелъ на непріятеля, воскликнувъ: «Я умру со славой, а вы, когда васъ спросятъ на родинѣ, гдѣ покинули вы своего вождя, не забудьте отвѣчать: при Орхоменѣ!» Эти слова и примѣръ Суллы одушевили воиновъ, они быстро сомкнули свои ряды, опрокинули непріятельскую конницу, разбили пѣхоту, взяли станъ, куда бѣжали враги, массами падавшіе подъ ударами римлянъ; толпы убѣжавшихъ съ поля битвы тонули въ болотахъ

Копайскаго озера. Архелай на лодкѣ уплылъ въ Халкиду. Ѳивы и другіе беотійскіе города были сурово наказаны за отпаденіе отъ Рима. Многіе изъ нихъ уже никогда не оправились отъ этого удара; другіе, и въ томъ числѣ знаменитыя Ѳивы, уцѣлѣли, но стали совершенно незначительными, и скоро исторія перестала упоминать о нихъ.

Миръ. 85—84.

Побѣда при Орхоменѣ возстановила римское владычество надъ всею Греціей. Архелай заключилъ миръ съ Суллой, остававшимся всю зиму въ Ѳессаліи и поѣхалъ въ Пергамъ получить согласіе царя на заключенный имъ договоръ.

Архелай полагалъ, что Сулла вступитъ въ союзъ съ Митридатомъ, чтобы при его содѣйствіи легче одолѣть своихъ римскихъ противниковъ, и на свиданіи съ нимъ въ Авлидѣ предложилъ, чтобы Сулла отказался отъ Азіи, обѣщая ему за это помощь Митридата противъ демократовъ. Архелай ошибся: патріотизмъ Суллы былъ сильнѣе вражды къ демократамъ; онъ отвѣчалъ Архелаю предложеніемъ присоединиться къ нему, обѣщая сдѣлать его царемъ Понта. Архелай съ негодованіемъ сказалъ, что не можетъ стать измѣнникомъ. Сулла сурово сказалъ, что, не желая быть безчестнымъ самъ, Архелай не долженъ былъ оскорблять его безчестнымъ предложеніемъ, и объявилъ, что не уступитъ ни малѣйшаго клока римскихъ владѣній, дастъ Митридату миръ только на слѣдующихъ условіяхъ: возстановляются тѣ границы, какія были до войны; Митридатъ выводитъ войска изъ римской провинціи Азіи, изъ Пафлагоніи; возвращаетъ прежнимъ царямъ Виѳинію и Каппадокію; отдаетъ римлянамъ 80 кораблей въ полной готовности къ войнѣ; возвращаетъ всѣхъ плѣнныхъ, выдаетъ дезертировъ, платитъ 3000 талантовъ контрибуціи; на этихъ условіяхъ Римъ дѣлаетъ его снова своимъ другомъ и союзникомъ.

Деспотизмъ Митридата.

Обѣщавъ греческимъ городамъ Малой Азіи независимость и свободу отъ дани, Митридатъ вмѣсто того подвергъ ихъ угнетенію болѣе тяжелому, чѣмъ всѣ притѣсненія римскихъ правителей, откупщиковъ и ростовщиковъ. Они хотѣли свергнуть съ себя иго, но ихъ мятежъ только отягчилъ наложенныя на нихъ цѣпи. Митридатъ деспотически разрушилъ всѣ основы ихъ устройства, разорвалъ всѣ связи, какими были соединены части этихъ маленькихъ государствъ. Онъ далъ селеніямъ и мелкимъ городамъ независимость отъ большихъ, которымъ были они подчинены, далъ право гражданства жившимъ въ городахъ иноземцамъ, освободилъ должниковъ отъ всякой уплаты кредиторамъ, раздавалъ земли богатыхъ бѣднякамъ, освобождалъ рабовъ; до 15,000 освобожденныхъ рабовъ находилось въ войскѣ Архелая. Митридатъ нарушилъ всякія права собственности. Греки были раздражены. Тѣ города, которые были сильнѣе другихъ — Эфесъ, Смирна, Колофонъ, Траллы—хотѣли силой оружія защититься отъ терроризма, прогнали или убили правителей, назначенныхъ Митридатомъ и стали вести или замышлять войну съ нимъ; нашлись заговорщики даже между приближенными свирѣпаго тиранна. Митридатъ мстилъ казнями, совершалъ страшныя свирѣпости. Онъ велѣлъ убить всѣхъ членовъ городского совѣта въ Адрамиттіѣ; наложилъ на жителей Хіоса 2000 талантовъ контрибуціи, совершенно разорилъ ихъ взысканіемъ этой суммы, превышавшей ихъ средства, потомъ сослалъ ихъ подъ надзоромъ ихъ невольниковъ на берегъ Чернаго моря, а островъ Хіосъ отдалъ новымъ поселенцамъ. Галатскіе князья съ женами и дѣтьми были, по его приказанію, всѣ убиты въ одинъ день, какъ прежде были убиты италійцы. Эти свирѣпости сдѣлали ненавистнымъ имя царя, котораго греки прославляли, какъ своего освободителя, и Митридатъ своими злодѣйствами самъ облег-

Лукуллъ и Фимбрія.

чилъ побѣду врагу. Лукуллъ собралъ наконецъ въ сирійскихъ пристаняхъ небольшую эскадру и пришелъ съ ней къ западному берегу Малой Азіи; при его появленіи почти всѣ острова и приморскіе города грековъ передались римлянамъ. Фимбрія, отважный военачальникъ, разбилъ одного изъ сыновей Митридата на Риндакѣ при Мелитополѣ и пошелъ съ сѣверовостока на Пергамъ. Митридатъ, охваченный непріятелемъ съ двухъ сторонъ, попался бы въ плѣнъ, если бы Лукуллъ согласился дѣйствовать заодно съ Фимбріей; но онъ, аристократъ, отказалъ въ содѣйствіи своей эскадры демократу Фимбріи. Благодаря тому, Митридатъ успѣлъ уплыть въ Митилену. Фимбрія овладѣлъ римской провинціей Азіей, и его хищные воины подвергли ее новому разоренію. Они ограбили Никомидію, буйствовали и обирали богатыхъ жителей въ Кизикѣ, въ другихъ городахъ. Фимбрія разрушилъ до основанія Иліонъ за то, что жители заперли отъ него свои ворота, признали законнымъ римскимъ военачальникомъ Суллу и отправили пословъ къ этому противнику демократовъ. Положеніе дѣлъ было неслыханное: два римскіе полководца вели борьбу между собой и въ то же время оба съ одинаковой храбростью воевали противъ общаго врага.

Митридатъ принимаетъ условія Суллы.

Тѣснимый Фимбріею, Митридатъ обрадовался, когда Архелай привезъ ему договоръ, заключенный съ Суллой. Условія мира были легче, нежели могъ ожидать злодѣй, убившій всѣхъ италійцевъ, жившихъ въ Малой Азіи; и едва ли Римъ въ другія времена далъ бы ему миръ; но тѣ событія въ Италіи, о которыхъ мы разскажемъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ, принуждали Суллу спѣшить прекращеніемъ войны на Востокѣ, чтобъ отмстить демократамъ, какъ желала того аристократія. Митридатъ нѣсколько медлилъ утвердить трактатъ, потому что хорошо зналъ вражду, дѣлившую его противниковъ на два враждебные стана, и надѣялся воспользоваться войною, которая вспыхнетъ между ними; онъ надѣялся, что Сулла согласится не требовать кораблей и уступки Пафлагоніи и послалъ сказать Суллѣ, что можетъ получить отъ Фимбріи миръ на болѣе легкихъ условіяхъ. Сулла, оскорбленный тѣмъ, что Митридатъ говоритъ о Фимбріи, мятежникѣ, какъ о равномъ ему, повелъ свои войска изъ Македоніи во Ѳракію, чтобы перейдти черезъ Геллеспонтъ и воевать въ Азіи одновременно съ Фимбріею и Митридатомъ; видя эту его рѣшимость, Архелай убѣдилъ Митридата утвердить договоръ. Царь поѣхалъ на свиданіе съ Суллою въ одинъ изъ городовъ троянской области, Дарданъ, и согласился на всѣ требованія побѣдителя. Римъ получилъ всѣ свои прежнія владѣнія въ Азіи; Митридатъ отдалъ часть своего флота, заплатилъ контрибуцію, но не былъ подвергнутъ наказанію за убійство италійцевъ; Сулла не требовалъ у него даже и вознагражденія за конфискованное имущество ихъ. Митридатъ предугадалъ, которая изъ двухъ римскихъ партій одержитъ побѣду, и потому разсудилъ, что долженъ заключить миръ съ полководцемъ аристократовъ, осужденнымъ на смерть, а не съ демократами, хотя они владычествовали теперь въ Римѣ.

Архелай былъ плохо награжденъ за свои заслуги. Придворные и другіе льстецы Митридата обвинили его въ измѣнѣ, потому что Сулла оказывалъ ему уваженіе и довѣріе за его храбрость и честность; онъ для спасенія своей жизни долженъ былъ бѣжать къ римлянамъ; они приняли его съ почетомъ. Во второй войнѣ съ Митридатомъ, онъ служилъ у Лукулла.—Римскіе воины роптали на то, что варваръ, руки котораго обагрены кровью 80,000 италійцевъ, сохранилъ свое царство съ награбленною имъ добычей.

Смерть Фимбріи.

Положеніе дѣлъ въ Римѣ не допускало Суллу идти войною на берега Чернаго моря: онъ спѣшилъ наказать своихъ римскихъ противниковъ. Но онъ не могъ оставить врага въ тылу у себя, потому прежде, чѣмъ пошелъ на западъ, онъ обратилъ свое оружіе противъ демократа Фимбріи, старавшагося побѣдами надъ врагомъ государства загладить преступленіе, которымъ пріобрѣлъ себѣ начальство надъ войскомъ. Онъ храбро и успѣшно сражался съ Митридатомъ, но не пріобрѣлъ себѣ тѣмъ пощады отъ политическаго противника. Сулла былъ сильнѣе его, многіе изъ воиновъ его передавались тѣснившему ихъ противнику; населеніе Малой Азіи ненавидѣло его за жестокость; ему оставалось только бѣжать или умереть. Ему предлагали средства бѣжать, но онъ предпочелъ смерть. Онъ—по одному извѣстію, въ своемъ станѣ у Тіатиры, по другому—въ Пергамѣ, въ храмѣ Асклепія—велѣлъ своему невольнику заколоть его мечомъ. Тѣ изъ его товарищей, которые не могли ожидать, или не хотѣли просить пощады отъ Суллы, перешли на службу къ Митридату или бѣжали къ морскимъ разбойникамъ; остальное войско сдалось Суллѣ, который, сформировавъ изъ него два легіона, оставилъ ихъ въ Азіи подъ начальствомъ Луція Лицинія Мурены. Распоряженія, сдѣланныя Митридатомъ въ Азіи, были отмѣнены; города и округи, измѣнившіе Риму, были подвергнуты тяжелымъ денежнымъ наказаніямъ.

Наказаніе.

Населеніе римской провинціи Азіи осуждено было заплатить 20,000 талантовъ (около 30,000,000 рублей) контрибуціи и, кромѣ того, уплатить земельную подать за всѣ пять лѣтъ, въ которыя не платило ее Риму, уплатить и другіе налоги за тѣ годы по приблизительной оцѣнкѣ того, что могли доставить они за пять лѣтъ. Домохозяева были обязаны давать содержаніе воинамъ и начальникамъ, поставленнымъ у нихъ на квартиру; простымъ воинамъ хозяева должны были платить содержаніе въ 40 разъ больше казеннаго жалованья, центуріонамъ въ 75 разъ больше; кромѣ того, должны были давать имъ одежду, пищу и угощать ихъ гостей, которыхъ они могли приглашать, сколько хотятъ. Ограбленная столько разъ раньше того провинція Азія, была совершенно раззорена этими взысканіями, стала добычею римскихъ ростовщиковъ, дававшихъ деньги на взносъ требуемыхъ платежей; съ каждымъ годомъ росли долги и нищета населенія, потому что проценты были высокіе. Города принуждены были отдать въ залогъ ростовщикамъ свои общественныя зданія, произведенія искусствъ, все другое, что было у нихъ дорогого. Но тѣ города, которые оставались вѣрны римлянамъ, какъ напримѣръ Родосъ, Магнезія на Меандрѣ, были щедро награждены за это, а тѣ греки, которые подвергались преслѣдованію Митридата и Фимбріи, какъ напримѣръ, хіосцы и жители Иліона,

получили обратно отнятую у нихъ собственность и были вознаграждены привилегіями за свои страданія. Сулла принялъ также мѣры, чтобы цари виѳинскій и каппадокійскій могли спокойно владѣть своими государствами. Рабы, освобожденные Митридатомъ, были возвращены въ рабство. Финансовое управленіе провинціею Азіею и система налоговъ въ ней были преобразованы; былъ введенъ прочный порядокъ въ ея администрацію и судебное устройство. Черезъ нѣсколько времени возникли ссоры между Муреною и Митридатомъ; царь подчинился повелѣніямъ Суллы, который въ это время былъ диктаторомъ.—Оставленныя Суллою на востокѣ Европы войска покорили послѣ упорной борьбы хищныя племена ѳракійцевъ и дардановъ; они были присоединены къ римской провинціи Македоніи. Съ ихъ покореніемъ стали подвластны Риму греческіе города на сѣверо-западномъ берегу Чернаго моря: Истрополь, Томы, Каллатисъ, Одессъ и другіе.

---

6. Первая междоусобная война и реформы Суллы.

Изгнаніе Цинны и его политическихъ друзей 87.

Римъ въ это время былъ театромъ ужасныхъ смутъ и междоусобій. Едва проконсулъ Сулла поплылъ изъ Италіи съ войскомъ на востокъ, демократическій консулъ Цинна, подкупленный новыми гражданами и партизанами Марія, нарушивъ свою клятву, сдѣлалъ попытку низвергнуть новые законы, возвратить гражданскія права изгнанникамъ, распредѣлить новыхъ гражданъ и отпущенниковъ по всѣмъ прежнимъ трибамъ; но въ тотъ день, когда народное собраніе должно было вотировать эти предложенія, произошла въ Римѣ кровопролитная битва; говорятъ, что число павшихъ на форумѣ и по улицамъ простиралось до 10,000 человѣкъ; оптиматы побѣдили, сенатъ лишилъ консульскаго сана Цинну; онъ, храбрый и благородный вождь демократовъ Квинтъ Серторій, краснорѣчивый трибунъ Гней Папирій Карбонъ и многіе другіе демократы бѣжали и были объявлены осужденными на смерть. Пылая мщеніемъ, Цинна собралъ многочисленное войско изъ новыхъ гражданъ, союзниковъ, изъ рабовъ, которымъ обѣщалъ свободу, деньгами и рѣчами склонилъ на свою сторону легіоны, стоявшіе подъ Нолой, вызвалъ изъ Африки своего друга Марія и его сотоварищей. Они прибыли въ Италію, Цинна послалъ осужденному оптиматами на смерть знаменитому полководцу знаки проконсульскаго сана, но Марій отказался принять ихъ. Онъ, теперь семидесятилѣтній старикъ, шелъ съ своимъ отрядомъ пѣшкомъ, сохраняя видъ изгнанника, не надѣвая хорошей одежды, съ длинными волосами, которыхъ не стригъ во время своего изгнанія. Онъ держалъ себя, какъ человѣкъ, проникнутый сознаніемъ своихъ великихъ заслугъ и гнѣвомъ за оскорбленія, какимъ подвергся; выраженіе лица его было ужасно. Когда онъ вышелъ на берегъ Этруріи, онъ имѣлъ при себѣ только 500 вооруженныхъ людей, большею частью невольниковъ и нумидій-

Марій возвращается въ Италію.

скихъ всадниковъ; но его имя дѣйствовало на народъ такъ сильно, что, услышавъ его призывъ, пошли къ нему люди изъ всѣхъ сосѣднихъ мѣстъ; онъ вооружилъ невольниковъ, бѣжавшихъ изъ подобныхъ тюрьмамъ подваловъ, въ которыхъ держали ихъ господа; и вскорѣ у него было 6,000 воиновъ. Изгнанники, отпущенники, союзники, не получившіе полныхъ правъ гражданства, обѣднѣвшіе поселяне, разорившіеся должники шли къ нему. Онъ поплылъ на 40 корабляхъ къ берегу Лаціума, взялъ, содѣйствіемъ предателей или силой, Остію, Анцій, Ланувій, Арицію, другіе сосѣдніе города; отдалъ ихъ на разграбленіе и убійство своему буйному войску, отрѣзалъ Римъ отъ подвоза съѣстныхъ припасовъ съ моря и изъ областей западной части средней Италіи; Цинна, Карбонъ и Серторій блокировали Римъ съ юга, востока и сѣвера; въ городѣ начались голодъ и болѣзни. Правительство и граждане упали духомъ: въ густо населенномъ Римѣ повальныя болѣзни свирѣпствовали такъ, что каждый день умирали тысячи людей. Число гражданъ, способныхъ обороняться, быстро уменьшалось. Проконсулъ Гней Помпей Страбонъ (стр. 702) возбуждалъ недовѣріе вялостью и двусмысленностью своихъ дѣйствій; если онъ не вступилъ въ сношенія съ демократами, то хотѣлъ, пользуясь труднымъ положеніемъ оптиматовъ, вынудить у нихъ согласіе на то, чтобы ему сдѣлаться консуломъ; озлобленіе противъ него дошло до того, что, когда онъ былъ найденъ мертвымъ въ своемъ шатрѣ, убитый, какъ говорили, молніей, то народъ съ поруганіемъ потащилъ его тѣло по улицамъ. Самниты заявляли такія высокія требованія, что сенатъ отвергъ ихъ, и ряды инсургентовъ усилились отрядами храбрыхъ воиновъ этого раздраженнаго отказомъ народа. Сенатъ объявилъ, что италійскимъ союзникамъ, которые пришлютъ войска на помощь ему, будутъ даны права; но они не вѣрили обѣщанію: аристократы столько разъ по минованіи опасности брали назадъ свои слова, что союзники не могли не опасаться новаго обмана. Они хотѣли ждать, чѣмъ кончится борьба. Съ каждымъ днемъ положеніе города становилось тяжеле, каждый день толпы вооруженныхъ людей уходили изъ Рима въ станъ враговъ. Изнуренный голодомъ, ослабленный болѣзнями и раздорами, Римъ принужденъ былъ безъ всякихъ условій сдаться Циннѣ и его мрачному товарищу, замышлявшему ужасающее мщеніе. Послы сената просили Цинну не дѣлать въ городѣ кровопролитія; онъ обѣщалъ, но если и не хотѣлъ обмануть, то у него не было ни твердости характера, ни силы вытребовать у Марія подчиненія обѣщанію, которое далъ онъ. Ворота города раскрылись буйному войску и ужаснымъ вождямъ его. Марій сказалъ, что не имѣетъ права войдти въ городъ, пока не отмѣненъ приговоръ, осудившій его на смерть. Трепещущіе сенаторы и граждане торопливо собрались на форумъ, народное собраніе отмѣнило приговоръ. Начались свирѣпости, ка-

Цинна и Марій подступаютъ къ Риму.

Страбонъ.

Самниты.

Римъ сдается.

Терроръ.

кихъ до той поры еще не видывалъ Римъ. Толпы буйныхъ воиновъ, людей самыхъ грубыхъ и жестокихъ привычекъ пошли по улицамъ, грабили и рѣзали. Вожди аристократической партіи, люди знатнѣйшихъ фамилій, сенаторы, бывшіе консулы, знаменитые заслугами родинѣ, были убиваемы; грабители бросали ихъ тѣла на съѣденіе собакамъ и хищнымъ птицамъ; опустошали, разрушали ихъ дома; вожди убійцъ конфисковали ихъ имущества. Пять дней длились въ Римѣ всѣ тѣ ужасы, какимъ подвергается городъ, взятый приступомъ. Консулъ Гней Октавій, человѣкъ строгой честности, вѣрный хранитель закона, но рѣшительный приверженецъ оптиматовъ, былъ убитъ на Яникулѣ въ консульскомъ облаченіи; друзья доставляли ему возможность бѣжать, но онъ не хотѣлъ. Ораторъ Маркъ Антоній, тронувшій даже сердца убійцъ силою и благородствомъ своихъ словъ, былъ убитъ въ домѣ кліэнта, у котораго искалъ убѣжища. Квинтъ Лутацій Катулъ, бывшій товарищемъ Марія въ войнѣ съ кимбрами и соучастникомъ его тріумфа, и Луцій Корнелій Мерула, бывшій преемникомъ Цинны въ санѣ консула, были преданы суду народнаго собранія, какъ измѣнники отечеству, но предупредили приговоръ, лишивъ себя жизни. Мерула снявъ съ себя, какъ требовалъ обычай, знаки священнаго сана, умеръ передъ статуей Юпитера, жрецомъ котораго былъ; онъ перерѣзалъ себѣ артеріи. Родственники Катула просили пощады ему у его бывшаго сотоварища побѣды, но услышали только отвѣтъ: «онъ долженъ умереть». Онъ задушилъ себя чадомъ углей въ сырой комнатѣ. Гай Цезарь, полководецъ, отличавшійся храбростью въ союзнической войнѣ и братъ его, Луцій, хорошій ораторъ и поэтъ, бѣжали, были настигнуты и убиты; бѣжали и были настигнуты Публій Крассъ и его сынъ; отецъ успѣлъ убить себя самъ, сына убили преслѣдовавшіе ихъ. Квинтъ Анхарій, сенаторъ и бывшій преторъ, былъ убитъ въ Капитолійскомъ святилищѣ. Почти всѣ убійства были совершены, какъ говорятъ, по приказанію Марія, чье суровое сердце стало совершенно безжалостнымъ въ старости и было ожесточено гоненіями, какимъ подвергся онъ самъ. Цинна уже давно былъ расположенъ прекратить убійства, говоритъ Плутархъ, но Марій искалъ все новыхъ жертвъ для своей мстительности, ненасытность которой вновь пробуждалась каждое утро. Когда ему донесли, гдѣ скрывается Маркъ Антоній, онъ радостно вскочилъ изъ-за обѣда спѣшить туда, чтобы своей рукой убить найденнаго врага; но убійца уже несъ ему голову Антонія и онъ обнялъ человѣка, явившагося съ такимъ подаркомъ. Онъ былъ постоянно окруженъ отрядомъ рабовъ, бѣжавшихъ отъ господъ; эта стража его была ужасомъ всѣхъ въ Римѣ. Тѣлохранители пріучались такъ хорошо понимать желанія своего повелителя, что онъ не имѣлъ нужды и говорить: довольно было знака, довольно было того, что онъ не отвѣчалъ на привѣтствія встрѣчавшагося съ нимъ,—они

Свирѣпость Марія.

бросались и убивали. Они въ особенности свирѣпствовали и предавались своему звѣрскому сладострастію въ домахъ своихъ прежнихъ господъ. Не довольствуясь тѣмъ, что убивалъ противниковъ, Марій мстилъ имъ и по смерти: ихъ тѣла подвергались поруганію, ихъ головы выставлялись у ораторской трибуны.

Смерть Марія. Утоливъ наконецъ жажду мщенія кровью своихъ противниковъ, Марій велѣлъ народу выбрать его и Цинну консулами на слѣдующій годъ. Этимъ седьмымъ консульствомъ исполнилось пророчество, данное ему въ молодости, достигнута была цѣль, къ которой онъ суевѣрно стремился. «Боги», говоритъ Моммсенъ, «дали ему то, чего онъ желалъ; но, какъ въ старинныхъ легендахъ, они исполнили желаніе человѣка для того, чтобы погубить его. Въ первыя консульства онъ былъ гордостью, въ шестое посмѣшищемъ своихъ согражданъ, а въ седьмое подвергся проклятію всѣхъ партій, ненависти всего народа; человѣкъ отъ природы честный, онъ былъ теперь заклейменъ позоромъ, какъ безумный начальникъ шайки разбойниковъ». Довольство и спокойствіе было чуждо его душѣ въ тѣ дни, когда получилъ онъ то, къ чему стремилось его сердце. Разсказъ Плутарха о концѣ его жизни похожъ на развязку трагедіи. Страшное волненіе, произведенное въ семидесятилѣтнемъ старикѣ кровожадностью, завистью къ успѣхамъ Суллы, боязнью мщенія, какому подвергнетъ его противникъ, мучили его, прогоняли сонъ отъ его глазъ; не находя себѣ отдыха, онъ старался заглушать въ себѣ мысли виномъ, и наконецъ лихорадка сложила его въ постель; онъ бредилъ тяжелыми грезами, ему мечтались битвы и побѣды, которыя надѣялся одержать онъ надъ Митридатомъ и которыя одерживалъ его смертельный врагъ. Семь дней длилась его агонія, и смерть дала ему
13 января 86. наконецъ покой. Извѣстіе о ней было радостно для римлянъ, оживило ихъ сердца новой надеждою. Правда, терроръ пережилъ его, разбойники его продолжали убійства по распоряженіямъ его сына и

Владычество демократовъ 86—84. отчаяннаго злодѣя Фимбріи. Но наконецъ, Серторій собралъ эту шайку негодяевъ подъ предлогомъ выдачи жалованья, окружилъ ее кельтскими войсками и велѣлъ имъ истребить всю ее. Послѣ того, демократы стали править менѣе свирѣпо, и владычество ихъ еще болѣе смягчилось по отъѣздѣ Фимбріи въ Азію (стр. 712). Новые граждане получили совершенную равноправность съ прежними, по участію въ комиціяхъ, и были распредѣлены по всѣмъ 35 трибамъ; раздача хлѣба по ничтожной цѣнѣ была возстановлена, должники были освобождены отъ нѣкоторой части уплаты. Но законы и распоряженія демократовъ не внушали довѣрія народу: никто не считалъ возможнымъ, чтобъ этотъ порядокъ вещей продлился, да и у самихъ вождей господствующей партіи не было ни ясныхъ плановъ, ни вѣры въ будущность. Они произнесли смертный приговоръ надъ Суллою и сенаторами, бѣжавшими къ нему въ Македонію, но трепетали при

мысли о его возвращеніи съ побѣдоносными легіонами. Опасность возростала: война съ Митридатомъ приближалась къ концу. Цинна, остававшійся консуломъ безъ новаго выбора по окончаніи законнаго годичнаго срока и самовластно назначившій товарищей себѣ, готовился плыть съ войскомъ на борьбу въ Греціи или въ Малой Азіи противъ грознаго вождя оптиматовъ, но въ станѣ у Анкона былъ убитъ возмутившимися воинами; демократическая партія лишилась въ немъ вліятельнѣйшаго и дѣятельнѣйшаго изъ своихъ вождей, а Сулла, кончивъ побѣдоносную войну, уже готовился плыть въ Италію. Смерть Цинны. 84.

Сулла патріотически отвергалъ всѣ требованія бѣжавшихъ къ нему аристократовъ спѣшить мщеніемъ противникамъ: онъ хотѣлъ прежде побѣдить врага націи, возстановить границы государства. Забота о государственномъ благѣ была въ немъ сильнѣе личнаго чувства. Но побѣдивъ Митридата, онъ хотѣлъ вести теперь преданное ему побѣдоносное войско на борьбу съ владычествующими въ Римѣ демократами. Въ благодарность за спасеніе республики отъ страшнѣйшаго врага римскаго народа—писалъ онъ римскому сенату—произнесли надъ нимъ смертный приговоръ, разрушили его дома, убили его друзей, повергли въ бѣдствіе его жену и дѣтей; теперь онъ придетъ въ Римъ и накажетъ виновниковъ этихъ злодѣйствъ, но пощадитъ другихъ гражданъ и оставитъ права гражданства за союзниками, получившими ихъ. Онъ обѣщалъ безнаказанность всѣмъ сенаторамъ, которые откажутся отъ содѣйствія его врагамъ. Эта умѣренность принесла ему большую пользу. Многіе италійскіе города начали колебаться въ вѣрности демократамъ, такъ что Карбонъ, бывшій тогда консуломъ, хотѣлъ взять у нихъ заложниковъ; но сенатъ не допустилъ этого. Повсюду проявлялся раздоръ между демократами и ослаблялъ силы ихъ сопротивленія. Сулла готовится къ возвращенію въ Италію.

Въ 83 году, консулами котораго были Луцій Сципіонъ и Гаій Норбанъ, Сулла весною пошелъ изъ Аѳинъ черезъ Ѳессалію и Македонію въ Диррахій. Войско его простиралось, вѣроятно до 40000 человѣкъ, въ томъ числѣ 6000 человѣкъ конницы; тутъ были македонскіе и греческіе вспомогательные отряды; но главную силу войска составляли пять италійскихъ легіоновъ, съ которыми Сулла побѣдилъ Митридата; семилѣтняя война крѣпко привязала ихъ къ вождю. Они доказали ему свою преданность, отдавъ на военные расходы всѣ свои деньги. Онъ взялъ съ нихъ клятву дружно держаться до конца и щадить Италію. На 1200 корабляхъ и мелкихъ судахъ онъ поплылъ изъ Диррахія въ Брундизій и овладѣлъ этой пристанью безъ сопротивленія. Большинство въ городѣ составляли новые граждане. Онъ утвердилъ за ними ихъ права и наградилъ городъ за довѣріе къ нему освобожденіемъ отъ податей. Такая мягкость склонила на его сторону сосѣднія области; Апулія и Мессапія покорились ему. Строгая дисциплина, какую соблюдали воины его, вѣрные своей клятвѣ, разсѣяла всѣ опасенія, съ какими его ожидали. Онъ могъ считать области восточнаго берега не представляю- Сулла выходитъ на берегъ въ Брундизіи. 83.

щими для него опасностей, повсюду тамъ стали собираться и сходиться къ нему его приверженцы.

Метеллъ, Помпей и другіе вліятельные люди присоединяются къ Суллѣ.

Къ Суллѣ пришли съ отрядами войска Квинтъ и Метеллъ Пій, ускользнувшій отъ Марія, и Маркъ Крассъ; но всѣхъ другихъ затмилъ двадцатитрехлѣтній юноша, которому предстояла великая будущность, Гней Помпей, сынъ консула Помпея Страбона (стр. 717). При извѣстіи о томъ, что Сулла вышелъ на берегъ Италіи, онъ призвалъ къ оружію на борьбу за оптиматовъ и Суллу населеніе пиценской области, гдѣ имѣлъ большія помѣстья и сильное наслѣдственное вліяніе; воины, служившіе его отцу, собрались къ нему, собралось много волонтеровъ, и онъ привелъ къ Суллѣ три легіона. Радостно принявъ молодого воина, который собралъ для него такъ много войска и водворилъ его власть въ пиценской области, Сулла далъ Помпею титулъ императора. Демократы, въ рядахъ которыхъ прежде сражался Помпей, перенесли на него свою ненависть къ его отцу. Судебными приговорами у него была отнята часть имущества, его жизнь подвергалась опасности, и онъ перешелъ на сторону аристократовъ, но никогда не былъ горячимъ другомъ ихъ. Черезъ нѣсколько времени присоединились къ Суллѣ Публій Цетегъ, Маркъ Лукуллъ, Гней Долабелла, другіе вліятельные люди. Имя его сильно дѣйствовало на воиновъ, жаждавшихъ добычи. Полководцы демократической партіи не имѣли ни довѣрія къ своимъ силамъ, ни единодушія, дѣйствовали нерѣшительно, а у Суллы воины видѣли твердое соединеніе всей военной и политической власти въ одной крѣпкой рукѣ, которая притомъ щедро раздавала деньги, другіе подарки, почести. Неудивительно, что войско Суллы увеличивалось съ каждымъ днемъ; воины противниковъ переходили къ нему цѣлыми отрядами. Не всѣ вооруженные люди руководились тогда политическими идеями; непрерывныя войны воспитали особое военное сословіе, для котораго честь оружія, побѣды, добыча были важнѣе, чѣмъ симпатія къ олигархіи или демократіи.

Самниты.

Съ войскомъ, сильно умножившимся въ числѣ, Сулла пошелъ изъ Апуліи черезъ землю самнитовъ, въ которой еще длилось возстаніе. Онъ направлялся черезъ Самній въ Кампанію, гдѣ стоялъ у Капуи одинъ изъ консуловъ, ожидая другого. Самниты, чрезмѣрныя требованія которыхъ были отвергнуты даже демократическимъ правительствомъ, надѣялись, что при междоусобіи римлянъ, они принудятъ республику дать имъ все, чего они желаютъ. Они мечтали, что низвергнутъ владычество Рима и станутъ главнымъ народомъ Италіи; они разсчитали, что должны продлить междоусобіе римлянъ, присоединившись къ демократамъ, что борьба, ослабляющая Римъ, проложитъ имъ путь къ свободѣ, къ владычеству. То было послѣднее сильное возстаніе мужественныхъ горцевъ въ защиту своего политическаго существованія. Они разорвали всѣ договоры съ римлянами и не побоялись отдать свою судьбу на волю счастья. Между Самніемъ и Римомъ стало невозможно примиреніе, потому Сулла рѣшилъ въ своихъ мысляхъ, что когда восторжествуетъ, то истребитъ самнитское племя. До начала военныхъ дѣйствій противъ консульскихъ

войскъ, далеко превосходившихъ числомъ его войска, но не имѣвшихъ довѣрія къ своимъ силамъ и къ своимъ начальникамъ, Сулла послалъ Норбану примирительныя предложенія; его послы подверглись оскорбленіямъ, потому что непріятельскіе военачальники считали ихъ пріѣхавшими съ цѣлью возмутить воиновъ. Сулла сошелъ съ горы Тифаты въ равнину и нанесъ Норбану сильное пораженіе. Консулъ отвелъ свои разбитыя войска въ Капую и Неаполь. Сулла оставилъ отрядъ блокировать эти города, а самъ съ главными силами пошелъ противъ другого консула, Сципіона, стоявшаго на Аппіевой дорогѣ у Теана Сидицинскаго. Не слушая предостереженій Серторія, Сципіонъ вступилъ въ переговоры съ Суллою; во время этого перемирія воины обоихъ войскъ разговаривали между собою, и агенты Суллы склонили непріятельскихъ воиновъ передаться ему; они всею массою пошли въ его станъ. Сципіонъ съ сыномъ и своими помощниками, возвратился въ Римъ безъ войска; Сулла не мѣшалъ ему ѣхать. Вмѣстѣ съ Метелломъ онъ остался зимовать въ Кампаніи и продолжалъ склонять италійскихъ союзниковъ къ отпаденію отъ демократическаго правительства, возобновляя увѣренія, что оставитъ за ними данныя имъ права гражданства.

Сулла овладѣваетъ Кампаніею. Войско Сципіона передается ему.

Успѣхи Суллы испугали демократическую партію. Съ энергіей отчаянія она употребляла всѣ усилія собрать многочисленныя войска къ походу слѣдующаго года. Консулами были избраны самые рѣшительные изъ всѣхъ вождей демократовъ. Гней Папирій Карбонъ и Марій Младшій, пріемный сынъ знаменитаго полководца, очень молодой человѣкъ (ему было тогда съ небольшимъ 20 лѣтъ). Сулла, Метеллъ и всѣ сенаторы, находившіеся въ станѣ Суллы, были объявлены осужденными на смерть. Чтобъ имѣть деньги на военные расходы, правительство перечеканило въ монету серебряную и золотую утварь римскихъ храмовъ. Изъ Этруріи и сѣверной Италіи пришли въ Римъ большіе отряды новыхъ гражданъ и ветерановъ Марія, привлеченные именами консуловъ, пользовавшихся довѣріемъ между демократами. Въ Самніѣ всѣ, способные къ войнѣ, взялись за оружіе на послѣднюю попытку освободиться отъ римскаго владычества. Такимъ образомъ въ началѣ года было видно, что предстоитъ ожесточенная борьба; и дѣйствительно въ римскихъ лѣтописяхъ еще не было года, въ который совершились бы такіе ужасы, какъ въ этотъ. 82.
Сгорѣлъ храмъ Юпитера Капитолійскаго, построенный царями и освященный въ первые годы республики; его погибель казалась предвѣстіемъ, что старыя учрежденія рушатся, начинается новый періодъ. Но на развалинахъ не разцвѣла новая жизнь.

Демократы собираютъ многочисленныя войска. 82.

Карбонъ пошелъ на сѣверъ противъ Метелла, Марій съ войскомъ, состоявшимъ изъ ветерановъ его отца, самнитовъ и новыхъ гражданъ, двинулся противъ Суллы, шедшаго по латинской дорогѣ на горную крѣпость Пренестъ, которую демократы выбрали главнымъ

Побѣда Суллы при Сакрипортѣ.

Убійство оптиматовъ въ Римѣ.

складочнымъ мѣстомъ своихъ военныхъ запасовъ. Марій, походившій свирѣпымъ мужествомъ на своего пріемнаго отца, далъ Суллѣ битву у Сакрипорта, близъ города Сигніи, и потерпѣлъ пораженіе. Сулла превосходилъ его военнымъ талантомъ и притомъ часть войска его передалось во время самаго сраженія непріятелю. Пораженіе было ужасно. Большинство воиновъ Марія легло на полѣ битвы или разсѣялось по Лаціуму; съ 25,000 человѣкъ онъ ушелъ въ Пренестъ, подъ стѣнами котораго опять было убито или взято въ плѣнъ много воиновъ его, потому что ворота были закрыты слишкомъ рано. Всѣхъ плѣнниковъ, принадлежавшихъ къ самнитскому племени, Сулла безпощадно убилъ. Марій не уступалъ своему противнику свирѣпостью. Видя, что демократы не могутъ отразить Суллу отъ Рима; онъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ отмстить оптиматамъ прежде, чѣмъ городъ будетъ взятъ. По его приказанію, преторъ Луцій Юній Дамазиппъ созвалъ сенатъ и велѣлъ убить тѣхъ сенаторовъ, имена которыхъ находились въ спискѣ, присланномъ ему отъ Марія; нѣкоторые успѣли бѣжать изъ собранія сената; ихъ догоняли на улицахъ и убивали; тѣла убитыхъ Дамазиппъ велѣлъ тащить по улицамъ въ рѣку. Жертвами этого подлаго злодѣйства умерли многіе знаменитые люди, уцѣлѣвшіе отъ прежнихъ убійствъ; такъ напримѣръ бывшій Эдиль Публій Антистій, тесть Помпея, Папирій Карбонъ, братъ консула, бывшій консулъ Луцій Домицій и человѣкъ благородной души, Квинтъ Муцій Сцевола, верховный первосвященникъ, убитый передъ статуею Весты. Распорядители и исполнители кроваваго дѣла бѣжали въ Пренестъ, гдѣ заперся Марій съ военною казной и остаткомъ своего войска. Оставивъ своего храбраго помощника, Квинта Лукреція Офеллу, осаждать эту сильную горную крѣпость, Сулла пошелъ въ трепещущій Римъ. Войско его стало станомъ на Марсовомъ полѣ. Онъ сказалъ народу успокоительную рѣчь. Онъ еще не могъ дѣйствовать, какъ полновластный повелитель, потому что и на югѣ и на сѣверѣ оставались сильныя демократическія войска. Давъ своимъ воинамъ нѣсколько отдохнуть, онъ пошелъ въ Этрурію на соединеніе съ Квинтомъ Метелломъ; демократическій консулъ Карбонъ стоялъ съ большимъ войскомъ у Аримина. Къ нему присоединились остатки демократическаго войска, разбитаго Помпеемъ и Крассомъ у Сполеція и онъ двинулся противъ Суллы. При Крузіи произошла битва, ожесточенно длившаяся съ утра до вечера и оставшаяся нерѣшительной. Противники разошлись по разнымъ направленіямъ. Карбонъ остался въ Этруріи, Сулла возвратился въ Лаціумъ поддержать своего помощника Офеллу, осаждавшаго Пренестъ. На окопы осаждающихъ шло съ юга сильное демократическое войско подъ начальствомъ отважнаго самнійскаго полководца Понція Телезина и опытнаго луканскаго полководца, Марка Лампонія. Демократы и самниты, силы которыхъ простирались, какъ говорятъ, до 70,000 человѣкъ, храбро

Война въ Этруріи; осада Пренеста.

и упорно нападали на укрѣпленія, которыми осаждающіе окружили Пренестъ, хотѣли прорвать это кольцо и освободить крѣпость. Но Сулла былъ искуснѣе ихъ полководцевъ, и нападенія были отбиты. — Въ Этруріи оптиматы одержали побѣду, въ сѣверной Италіи тоже.

Въ Этруріи Метеллъ у Фавенціи, на мѣстности, покрытой виноградниками, нанесъ полное пораженіе бывшему консулу Гаію Норбану, все войско котораго было тутъ уничтожено: тѣ воины его, которые уцѣлѣли, разбѣжались; самъ онъ бѣжалъ въ Родосъ, его хотѣли выдать Суллѣ, и онъ убилъ себя. — Въ сѣверной Италіи Лукуллъ разбилъ демократовъ у Фиденціи, между Плаценціей и Пармой. Послѣ этого пораженія начальникъ луканскаго легіона, находившагося въ составѣ разбитаго войска, Публій Альбинованъ, желая заслужить милость Суллы, убилъ другихъ военачальниковъ на пирѣ, и войско передалось побѣдителямъ.

Бѣгство Карбона въ Африку.

Теперь вся страна между Альпами и Апеннинами была во власти Суллы; сдался и Ариминъ со всѣми запасами и военною казной демократовъ. Отъ этихъ неудачъ Карбонъ совершенно упалъ духомъ и тайно уѣхалъ въ Африку. Покинутое имъ войско было разбито Помпеемъ у Клузія; часть его разбѣжалась, другая присоединилась къ демократамъ и самнитамъ, стоявшимъ противъ Суллы у Пренеста. Оттуда главныя силы Суллы и демократовъ перешли къ Риму, чтобы вступить тамъ въ рѣшительный бой. Понцій, чье имя напоминало римлянамъ пораженіе въ кавдійскомъ ущельѣ, узналъ, что всѣ войска Суллы собираются къ Пренесту, и двинулся съ своими самнитами на Римъ, остававшійся беззащитнымъ; онъ хотѣлъ отмстить поработителямъ сабелльскихъ племенъ, разрушить ненавистный городъ, уничтожить этотъ «волчій лѣсъ». Къ нему присоединился Лампоній съ луканцами, пошли съ нимъ всѣ тѣ демократы, которые не могли надѣяться на пощаду отъ Суллы, новые граждане, непримиримо ненавидѣвшіе жестокую аристократію; Дамазиппъ и другіе начальники отрядовъ, злодѣйствовавшихъ на службѣ Марія, тоже присоединились съ своими толпами убійцъ къ самнитамъ, если не въ надеждѣ побѣдить, то хоть изъ желанія мстить врагамъ. Со дня пораженія при Алліи Римъ не былъ въ такой опасности, какъ въ концѣ октября 672 года отъ своего основанія, когда эти кровожадныя полчища двинулись на него съ альбанской горы. Небольшой гарнизонъ, храбрѣйшую часть котораго составляла знатная молодежь, сдѣлалъ, подъ начальствомъ Аппія, вылазку; почти всѣ эти отважные люди погибли; но ихъ аттака замедлила приступъ къ городу и дала Суллѣ время придти на спасеніе его отъ погибели.

Битва у Рима октябрь 82.

Битва у Коллинскихъ воротъ 1 ноября 82.

Не давая, какъ совѣтовали второстепенные начальники, отдыха войску, изнуренному быстрымъ походомъ, Сулла немедленно повелъ его въ битву; она была ужасна. Лѣвое крыло, которымъ начальствовалъ самъ Сулла, не устояло противъ натиска италійцевъ; напрасно Сулла ободрялъ воиновъ своимъ примѣромъ, упреками, напоминаніями о прежнихъ подвигахъ, его

легіоны были опрокинуты; онъ самъ едва не погибъ; въ станъ Офеллы бѣглецы принесли извѣстіе, что онъ убитъ и сраженіе проиграно. Но при наступленіи ночи была получена вѣсть, что на правомъ крылѣ Крассъ побѣдилъ, что непріятель тамъ бѣжитъ. Сулла быстро остановилъ своихъ воиновъ, ободренный этимъ извѣстіемъ, и снова повелъ ихъ въ бой. Побѣда колебалась; но 3000 человѣкъ изъ числа ветерановъ Марія передались Суллѣ и обратили свое оружіе на прежнихъ друзей. Эта измѣна рѣшила побѣду. Битва длилась до глубокой ночи. Къ утру войско инсургентовъ было уничтожено. Уцѣлѣвшіе отъ меча побѣдителей или отъ плѣна разсѣялись, убѣжали въ самнитскія горы.

Терроризмъ Суллы.

Побѣда Суллы у Коллинскихъ воротъ спасла Римъ отъ погибели, нанесла смертельный ударъ демократамъ и инсургентамъ. Нѣсколько тысячъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ раненый Понцій и злодѣй Дамазиппъ, были черезъ нѣсколько дней послѣ того убиты въ циркѣ, между тѣмъ какъ сенатъ, созванный Суллою, засѣдалъ въ храмѣ Беллоны, стоявшемъ подлѣ. Вопли убиваемыхъ проникали до сенаторовъ. Они прислушивались, дрожали и покорялись повелѣніямъ владыки.

Смерть Марія. Судьба Пренеста.

Въ Пренестѣ, главномъ оплотѣ инсургентовъ, узнали о развязкѣ битвы по брошеннымъ черезъ стѣны головамъ убитыхъ военачальниковъ пошедшаго на Римъ войска. Это было предвѣстіе судьбы всѣхъ остальныхъ. Марій и сынъ Понція, отчаявшись въ возможности обороны, хотѣли бѣжать черезъ подземный ходъ; это не удалось; они бросились на свои мечи. Офелла, бывшій сподвижникъ демократовъ, передавшійся Суллѣ и начальствовавшій теперь войскомъ, осаждающимъ Пренестъ, послалъ въ Римъ голову Марія. Она была выставлена на ораторской трибунѣ форума. Почти всѣ пренестинскіе граждане, почти всѣ бывшіе въ крѣпости сенаторы и всѣ самниты были убиты безъ всякихъ судебныхъ формальностей; дома гражданъ отданы на разграбленіе; принадлежавшая имъ земля конфискована. Судьба несчастнаго города показала другимъ городамъ Лаціума и Кампаніи, присоединившимся къ возстанію, что имъ не будетъ пощады; они отчаянно оборонялись, но одинъ за другимъ были взяты. Когда латинскій городъ Норба былъ сданъ измѣною и вошелъ въ него Маркъ Эмилій Лепидъ, граждане зажгли свои дома, убили женъ, дѣтей и себя, предпочитая эту смерть погибели отъ руки враговъ и лишая ихъ ожидаемой добычи. Колонія Капуя была уничтожена, земля ея конфискована; у Неаполя былъ отнятъ островъ Энарія (Искія). Сулла обрекъ на смерть самнитскій народъ, находя, что Римъ не будетъ спокоенъ, пока это геройское, свободолюбивое племя будетъ существовать. Войска пошли, опустошая самнитскія горы, и вся прекрасная страна была обращена въ пустыню; самнитское имя исчезло съ лица земли. Еще и во времена Страбона всѣ города Самнія или оставались совершенно опустѣвшими развалинами, или на ихъ мѣстѣ стояли развѣ лишь немногія бѣдныя хижины. Послѣдній

Казни. 82—79.

знаменитый военачальникъ сабелловъ, Гаій Папій Мутилъ, отвергнутый женою при возвращеніи въ родной городъ Теанъ, закололся передъ своимъ домомъ. Дольше всѣхъ другихъ крѣпостей оборонялся этрусскій городъ Волатерры, куда бѣжали остатки разбитыхъ войскъ инсургентовъ; ихъ собралось тамъ много, и они два года отражали всѣ приступы. Наконецъ они сдали крѣпость подъ условіемъ, что имъ будетъ данъ свободный пропускъ; когда они уходили, свирѣпые воины Суллы погнались за ними и истребили почти всѣхъ ихъ. Всѣ города Лаціума и Этруріи, бывшіе на сторонѣ противниковъ Суллы, были лишены самоуправленія и принадлежавшихъ имъ земель. Сицилія, гдѣ еще оставалось нѣсколько отрядовъ инсургентовъ подъ начальствомъ бывшаго консула Карбона, была усмирена Помпеемъ. Молодой побѣдитель, не стѣсняясь прежними дружескими отношеніями, казнилъ Карбона, бѣжавшаго на маленькій островъ Косиру и захваченнаго тамъ; голову его онъ послалъ Суллѣ; она была выставлена на римскомъ форумѣ. Въ слѣдующемъ году Помпей истребилъ инсургентовъ и въ Африкѣ, казнилъ многихъ изъ ихъ предводителей, возстановилъ прежній порядокъ дѣлъ въ Нумидіи. Радуясь побѣдамъ молодого полководца, за котораго выдалъ свою пріемную дочь Эмилію, Сулла наградилъ его тріумфомъ, хотя онъ еще не былъ даже и сенаторомъ.

Избраніе Суллы диктаторомъ 82.

Никогда никакой деспотъ не дѣйствовалъ болѣе свирѣпо, чѣмъ Сулла. Онъ хотѣлъ наказать враговъ, наградить друзей, искоренить демократію, дать аристократіи безграничное владычество надъ государствомъ. Для этого ему нужно было имѣть полномочіе, не связанное никакой подчиненностью законамъ, занять такое положеніе, чтобы въ рукахъ его сосредоточивалась вся власть, какъ прежде въ рукахъ царей или децемвировъ, ему нужно было формальное право передѣлать по произволу все государственное устройство. Фактически онъ былъ полнымъ владыкою государства; никто не отважился бы противорѣчить ему, еслибъ онъ захотѣлъ объявить себя царемъ. Но его честолюбіе не шло такъ далеко. Безграничная власть нужна ему была только для того, чтобы преобразовать государственное устройство, дать Риму безопасность отъ демократическихъ волненій, колебавшихъ государство въ самыхъ основаніяхъ. Для этого Суллѣ было достаточно взять себѣ санъ диктатора, который уже болѣе ста лѣтъ не былъ даваемъ никому, и придать диктатурѣ продолжительность болѣе прежней; форма назначенія его диктаторомъ должна была тоже быть не прежняя, а новая, предоставляющая ему полномочіе, болѣе обширное. Передъ своимъ вступленіемъ въ Римъ, онъ послалъ сенату требованіе, чтобы въ его руки была на неопредѣленный срокъ передана верховная власть; сопротивляться было невозможно. Первый сенаторъ, Луцій Валерій Флаккъ, имѣвшій въ это время санъ временнаго правителя (регента, interrex, стр. 65), предложилъ народному собранію

назначить проконсула Суллу диктаторомъ «для составленія законовъ, возстановленія и упроченія государственнаго порядка», передать ему управленіе государствомъ, законодательную и судебную власть, неограниченное право надъ жизнью и имуществомъ гражданъ и предоставить ему сохранять это полномочіе столько времени, сколько найдетъ онъ надобнымъ; съ тѣмъ вмѣстѣ утвердить всѣ тѣ распоряженія, какія сдѣлалъ онъ, бывши консуломъ и потомъ бывши проконсуломъ. Этимъ предложеніемъ отмѣнялись, между прочимъ, два основные закона государства: апелляція къ народу и интерцессія народныхъ трибуновъ. Народное собраніе довольно было уже и тѣмъ, что по формѣ рѣшеніе дѣла было предоставлено ему, сохранялся призракъ его верховной власти, и безъ противорѣчія приняло повелѣніе Суллы, назначило его правителемъ, законодателемъ и верховнымъ судьею съ неограниченнымъ полномочіемъ. Такимъ образомъ, подъ стариннымъ названіемъ диктатора скрывалась власть, совершенно новая, неограниченная власть военнаго побѣдителя, греческаго тиранна. Прежде, когда назначался диктаторъ, оставались всѣ прежніе сановники и, по окончаніи недолгаго срока диктатуры, возобновляли свою правительственную дѣятельность. Теперь всѣ правители государства были только агенты Суллы, вполнѣ подвластные ему: отъ него зависѣло предоставить или не предоставить тому или другому изъ нихъ завѣдываніе тѣмъ или другимъ дѣломъ, расширить или уменьшить кругъ дѣйствій его. По своемъ назначеніи диктаторомъ, Сулла вошелъ съ войскомъ въ Римъ; свой тріумфъ за побѣду надъ Митридатомъ онъ отложилъ до болѣе свободнаго времени. Въ воротахъ Рима трепещущій народъ поднесъ ему сѣкиру и золотой вѣнецъ, эмблемы начинающагося террора и неограниченной власти.

Терроръ.

При вступленіи въ городъ, Сулла объявилъ, что онъ накажетъ своихъ враговъ, не дастъ пощады вѣроломнымъ, которые не положили оружія послѣ договора, заключеннаго имъ съ консуломъ Сципіономъ (стр. 723). Это объявленіе было уполномоченіемъ для его воиновъ и приверженцевъ убивать, грабить, совершать всяческія беззаконія и злодѣйства. Сулла издалъ распоряженіе, провозглашавшее, что лишаются покровительства законовъ, обрекаются на смерть всѣ,

Проскрипція.

сражавшіеся въ рядахъ инсургентовъ или помогавшіе имъ. Они сплошь предавались кинжаламъ и мечамъ всѣхъ желающихъ убить ихъ; эта прокламація, называвшаяся проскрипціей, замѣняла всѣ юридическія формы произволомъ личныхъ враговъ и алчностью убійцъ. Каждый, не только свободный человѣкъ, но и рабъ, имѣлъ право безнаказанно убить каждаго, внесеннаго въ списокъ проскрипціи; имущество обреченныхъ на смерть конфисковалось, дѣти ихъ были лишены права занимать государственныя должности; потомство ихъ должно было исчезнуть въ массѣ пролетаріевъ. Конфискованныя имущества раздавались диктаторомъ его друзьямъ и агентамъ или

продавались за безцѣнокъ. Проскрипція, объявленная Суллой, разорвала всѣ узы родства, дружбы, знакомства, всѣхъ добрыхъ чувствъ. Сыновья призывались ею убивать отцовъ, рабы — господъ; были случаи, что братъ убивалъ брата. Убившій обреченнаго на смерть или донесшій о томъ, гдѣ скрывается онъ, получалъ награду; давшій ему пріютъ подвергался тому же наказанію, какъ и онъ. Подлость была объявлена заслугой, честность—преступленіемъ. Не было учреждено, хотя бы для формы ничего подобнаго какому нибудь суду, для приданія хотя бы призрачной правильности кровопролитію. Самъ Сулла подавалъ примѣръ ненасытной мстительности, не щадившей даже умершихъ. Онъ велѣлъ взломать гробницу Марія и бросить въ Аніэнъ пепелъ его. Трофеи побѣдъ Марія были разрушены. Его пріемный племянникъ Маркъ Марій Гратидіанъ, заслужившій любовь народа въ санѣ претора, былъ разысканъ въ убѣжищѣ, куда скрылся, былъ приведенъ къ гробницѣ Катула, подвергнутъ истязаніямъ, изувѣченъ и убитъ. Тысячи людей уже пали жертвами мщенія, когда Квинтъ Метеллъ Пій въ засѣданіи сената обратился къ диктатору съ словами, чтобы онъ назвалъ по именамъ людей, обреченныхъ на смерть и тѣмъ успокоилъ другихъ. Сулла велѣлъ выставить на форумѣ доску со спискомъ людей, обреченныхъ на смерть. Но это не успокоило никого. Въ спискѣ являлись каждый день новыя имена, потому тревога всей массы гражданъ продолжалась. Часто имя было

Списки проскрипціи.

вносимо въ списокъ только потому, что человѣкъ уже былъ убитъ, иногда и безъ вѣдома Суллы; часто кинжалъ убійцы поражалъ обреченнаго на смерть въ то время, какъ онъ читалъ списокъ, чтобъ узнать, внесенъ ли онъ въ него. Не было мѣстности, не было дома, не было храма и жертвенника, гдѣ обреченный на смерть нашелъ бы убѣжище отъ убійцъ. Опасно было и плакать объ убитыхъ, выказывать хотя малѣйшее сожалѣніе о нихъ. Изъ Рима преслѣдованіе распространилось по всей Италіи; отъ убійства вліятельныхъ противниковъ и богатыхъ людей, перешли къ убійству людей не важныхъ, совершенно ничтожныхъ, отъ убійства противниковъ къ убійству людей, державшихся въ сторонѣ отъ борьбы, даже къ убійству приверженцевъ Суллы. «Безнаказанность, награда за убійства», говоритъ Друманъ, «завладѣніе имуществомъ убитаго, уничтоженіе долговъ вмѣстѣ съ кредиторомъ, пріятность мщенія, пріобрѣтеніе милости Суллы влекли людей къ убійствамъ. Суллѣ приносили головы убитыхъ въ домъ его или на форумъ; головы были выставляемы на форумѣ у ораторской трибуны; тутъ не достало мѣста, начали выставлять ихъ у Сервиліева фонтана». Было убито болѣе 100 сенаторовъ, въ томъ числѣ многіе, бывшіе консулами, и болѣе 2,000 всадниковъ, не считая простолюдиновъ. Однихъ только тѣхъ, чьи имена попали въ списокъ проскрипціи, было, какъ гово-

рятъ, 4,700 человѣкъ. Страсти свирѣпствовали необузданно по всей Италіи нѣсколько мѣсяцевъ.

Убійство всадниковъ.

Въ особенности много пострадало отъ проскрипціи сословіе всадниковъ, т. е. капиталистовъ и купцовъ. Во время убійствъ и конфискацій, произведенныхъ Маріемъ, они обогатились покупкою помѣстій убитыхъ сенаторовъ; теперь пришелъ ихъ чередъ бѣдствія. Вождь аристократовъ Сулла ненавидѣлъ сословіе всадниковъ, отваживавшееся соперничать съ родовою аристократіею, получившее политическую важность революціоннымъ путемъ. Онъ считалъ это сословіе оплотомъ демократическихъ учрежденій, находилъ надобнымъ подавить его для подавленія демократіи; а богатства всадниковъ были заманчивы для злодѣевъ, служившихъ Суллѣ. Креатуры его, воины и отпущенники, всяческіе люди низкой души обогащались имѣньями и деньгами всадниковъ. Въ эти времена необузданнаго беззаконія Маркъ Крассъ, покупая дома и помѣстья убитыхъ, пріобрѣлъ себѣ такое громадное богатство, какого не сосредоточивалось въ однѣхъ рукахъ со временъ Креза. Его состояніе, вошедшее въ поговорку своей громадностью, цѣнилось въ 170 милліоновъ сестерціевъ (болѣе 11 милліоновъ рублей). Плутархъ говоритъ, что многія части Рима были его собственностью.

Крассъ.

Законы Корнелія.

Когда кончились или, по крайней мѣрѣ, стали уменьшаться убійства и преслѣдованія обреченныхъ на смерть, Сулла занялся преобразованіемъ государственныхъ учрежденій. Мы не знаемъ съ точностью, въ какомъ порядкѣ онъ дѣлалъ постановленія, называемыя по его фамиліи законами Корнелія; но всѣ они имѣли одну и ту же цѣль— искоренить демократическіе элементы, предотвратить народныя волненія, потрясавшія со времени Гракховъ основы государственнаго устройства, увеличить и упрочить могущество аристократіи, передать ей правительственную и судебную власть. Сулла хотѣлъ отнять политическое значеніе у богатаго торговаго сословія, при помощи котораго демагоги проводили свои революціонныя мѣры, подорвать его общественное значеніе, уменьшивъ его денежныя средства. Свой холодно расчитанный переворотъ, дѣлавшій оптиматовъ полными господами въ государствѣ, подавлявшій массу народа такъ, чтобъ она слѣпо повиновалась аристократіи, Сулла производилъ съ безчеловѣчной жестокостью; ему казались нужны мѣры трехъ разрядовъ, и онъ совершалъ ихъ безпощадно: онъ хотѣлъ измѣнить юридическія и имущественныя отношенія между римлянами и италійскими племенами, ослабить всадническое сословіе, увеличить власть сенаторскаго сословія.

Переворотъ юридическихъ и имущественныхъ отношеній въ государствѣ.

1. Населеніе Италіи уже пятьдесятъ лѣтъ было волнуемо междоусобіями. Оно сильно страдало отъ нихъ; прежнія прочныя связи между племенами и сословіями порвались. На такой, покрытой развалинами, почвѣ нельзя было построить прочнаго аристократическаго государства; потому Сулла рѣшилъ дать новое населеніе городамъ и областямъ, бывшимъ на сторонѣ его противниковъ, передать ихъ въ

собственность новымъ владѣльцамъ и, сдѣлавъ это, отмѣнить всѣ прежнія разницы между старыми полноправными гражданами, новыми неполноправными и колонистами, между римлянами и союзниками. Всѣ свободные люди въ Италіи должны были стать римлянами, римскій языкъ и римское право должны были получить владычество во всей Италіи.

1. Военныя колоніи Суллы, его аграрный законъ о правѣ гражданства.

По праву побѣдителя, Сулла военнымъ порядкомъ отнялъ у множества отдѣльныхъ лицъ и у цѣлыхъ городовъ въ Этруріи, Лаціумѣ, Кампаніи, другихъ областяхъ гражданскія права, земли, дома; въ этихъ домахъ и городахъ, на этихъ земляхъ и на другихъ земляхъ, поступившихъ при междоусобной войнѣ въ собственность государства, и на тѣхъ прежнихъ государственныхъ земляхъ, какія еще не были розданы, Сулла поселилъ своихъ воиновъ, другихъ людей, помогавшихъ ему или чѣмъ нибудь заслужившихъ его милость. Такъ напримѣръ были поселены новые владѣльцы домовъ и земель въ этрусскихъ городахъ, о которыхъ мы упоминали, въ латинскихъ городахъ Пренестѣ, Сполеціѣ, Норбѣ, въ кампанскомъ городѣ Капуѣ; прежнее населеніе ихъ было истреблено или выгнано, такъ что они по составу населенія сдѣлались совершенно новыми городами; въ другіе города, гдѣ лишились жизни или имущества лишь отдѣльные люди, были поселены новые граждане, соотвѣтственно числу погибшихъ, и составъ населенія измѣнился лишь отчасти. Въ тѣхъ городахъ, гдѣ все прежнее населеніе было истреблено или выгнано, Сулла поселилъ свои легіоны, исполняя данное воинамъ обѣщаніе. Въ тѣхъ городахъ, гдѣ уцѣлѣло большинство прежнихъ жителей, онъ поселилъ самыхъ отборныхъ, надежныхъ своихъ воиновъ и сторонниковъ, чтобы они образовали какъ будто гарнизоны среди враждебнаго большинства горожанъ и держали его въ повиновеніи. Въ нѣкоторыхъ городахъ, напримѣръ въ Помпеѣ, прежніе граждане и новые поселенцы жили, какъ два разныя городскія общества, охваченныя одной стѣной. Этимъ военнымъ колоніямъ, составленнымъ изъ воинственныхъ людей, готовыхъ служить каждому полководцу, и людей продажныхъ, готовыхъ на все изъ-за прибыли, Сулла далъ полное право римскаго гражданства; предоставилъ его и тѣмъ италійскимъ племенамъ, которыя получили его въ союзническую войну, либо заслужили такую награду, помогая Суллѣ или, по крайней мѣрѣ, не присоединяясь къ его противникамъ. Но у отпущенниковъ онъ отнялъ право голоса въ комиціяхъ. Говорятъ, что число участковъ, розданныхъ Суллою воинамъ и вообще сторонникамъ его, простиралось до 120000 тыс. Количество конфискованной земли было такъ велико, что много ея осталось не розданной и получило другое назначеніе. Этими аграрными мѣрами Сулла отнялъ силы у своихъ противниковъ, увеличилъ число мелкихъ землевладѣльцевъ (крупныя помѣстья были раздроблены на участки), далъ своимъ воинамъ осѣдлость, заинтересовалъ ихъ въ охраненіи своихъ законовъ, на которыхъ было основано ихъ право владѣть ихъ домами и участками. Новые колонисты образовали войско сената, постоянно готовое защищать владычество оптиматовъ; колоніи Суллы были отрядами этого войска, разбросанными по всей Италіи. Въ самомъ Римѣ эту роль постояннаго войска оптиматовъ исполняли молодые, сильные рабы казненныхъ, получившіе отъ Суллы свободу и, какъ его отпущенники, принявшіе его фамилію; изъ этихъ, такъ называемыхъ Корнеліевъ, онъ составилъ нѣчто подобное войску тѣлохранителей; ихъ было 10000 человѣкъ; большая часть ихъ были галлы. Эти Корнеліи, крѣпкіе люди отчаяннаго характера,

составляли грозную военную силу. Они были распредѣлены по трибамъ, чтобъ ихъ голоса владычествовали на форумѣ. Вождемъ ихъ былъ Луцій Сервій Катилина, убійца своего брата и мужа своей сестры.

Гай Гракхъ ослабилъ родовую сенаторскую аристократію, возстановивъ противъ нея классъ капиталистовъ и купцовъ, составлявшихъ всадническое сословіе; пробудивъ политическое честолюбіе всадниковъ, давъ имъ права, отнятыя у сената, онъ перессорилъ эти два высшія сословія. Онъ расширилъ права народныхъ трибуновъ и сдѣлалъ ихъ распорядителями интересовъ массы бѣдняковъ, установивъ раздачу хлѣба бѣднымъ гражданамъ по очень дешевой цѣнѣ. Трибуны изъ охранителей правъ массы гражданъ стали господами ея; они уже не защищали народъ отъ сената и сановниковъ, а сами нападали на правительство, захватывали власть его въ свои руки. Сулла стѣснилъ эти нововведенія, пересоздавшія государственный бытъ.

2. Уменьшеніе правъ всадническаго сословія и народныхъ трибуновъ.

Онъ отмѣнилъ постоянную раздачу хлѣба бѣднымъ гражданамъ, жившимъ въ Римѣ, и до такой степени ограничилъ права трибуновъ, что они стали только тѣнью того, чѣмъ были въ послѣднее время. Трибунъ не могъ вносить предложеній въ народное собраніе, не могъ произносить въ немъ рѣчей иначе, какъ съ дозволенія сената; такимъ образомъ трибуны не могли ни предавать сановниковъ суду народнаго собранія, ни дѣлать имъ выговоровъ за дурное исполненіе обязанностей. Человѣкъ, бывшій трибуномъ, не могъ быть послѣ того кандидатомъ на высокія магистратуры; этотъ законъ имѣлъ цѣлью отклонить отъ занятія трибунскаго сана честолюбивыхъ людей, по своему происхожденію, богатству или таланту надѣявшихся получить со временемъ высшія магистратуры. Санъ трибуна сталъ считаться не заслуживающимъ того, чтобы вліятельные люди искали его. Даже право интерцессіи противъ судебныхъ приговоровъ и правительственныхъ распоряженій было очень стѣснено установленіемъ тяжелыхъ денежныхъ штрафовъ за злоупотребленіе имъ. У капиталистовъ Сулла отнялъ большіе доходы, отмѣнивъ отдачу налоговъ въ провинціи Азіи на откупъ; онъ замѣнилъ взиманіе налоговъ посредствомъ откупа установленіемъ, чтобы каждая община прямо платила Риму извѣстную сумму; отнялъ онъ и политическую силу у всадниковъ, передавъ обязанность присяжныхъ сенаторскому сословію. Онъ уменьшилъ и внѣшнюю почетность всадническаго сословія, отнявъ у всадниковъ отдѣльныя мѣста на народныхъ праздникахъ и въ театрѣ, такъ что они смѣшались тамъ съ плебеями. Но, чтобы всадническое сословіе сохранило связи съ сенаторскимъ, онъ ввелъ въ сенатъ большое число всадниковъ: междоусобныя войны и проскрипціи значительно уменьшили число сенаторовъ, и Сулла назначилъ 300 новыхъ, которыхъ онъ выбралъ почти всѣхъ изъ числа всадниковъ, предложенныхъ ему комиціями трибъ.

3. Увеличеніе числа сенаторовъ; расширеніе власти сената; преобразованіе судоустройства.

3. Сулла хотѣлъ, чтобы вся правительственная власть принадлежала сенату, и чтобы всѣ сановники были избираемы изъ сенаторскихъ фамилій. Съ тою цѣлью, чтобы сенаторское сословіе имѣло достаточно людей для исполненія этихъ обязанностей и чтобы высшія должности оставались исключительно въ немъ, Сулла увеличилъ число сенаторовъ, ввелъ точныя правила того, въ какомъ порядкѣ должны быть получаемы курульныя магистратуры одна послѣ другой. Число членовъ сената онъ увеличилъ до пяти или шести сотъ человѣкъ назначеніемъ новыхъ сенаторовъ, большинство которыхъ было, какъ мы говорили, взято изъ сословія всадниковъ; своихъ помощниковъ и любимцевъ Сулла тоже сдѣлалъ сенаторами, не разбирая того, достойны-ли они этого сана по своимъ дарованіямъ, честности и образованности. Онъ измѣнилъ порядокъ составленія списковъ сенаторовъ и оградилъ ихъ отъ произвола цензоровъ.

Списки сенаторовъ.

Прежде право быть сенаторомъ пріобрѣталось занятіемъ курульныхъ магистратуръ: консулы, преторы, курульные эдилы, по окончаніи года своей службы, становились сенаторами; кромѣ того, сенаторами дѣлались тѣ, кого вносили въ списки членовъ сената цензоры. Сулла постановилъ, что сенаторами становятся и квесторы, число которыхъ онъ увеличилъ до 20. Подобно курульнымъ сановникамъ, квесторы избирались народомъ; такимъ образомъ огромное большинство сенаторовъ были послѣ того обязаны своимъ саномъ выбору народа, и авторитетъ сената получилъ болѣе прочное основаніе. Сенатъ сталъ какъ будто правительственнымъ комитетомъ, состоящимъ изъ представителей народа, и въ немъ сосредоточилась вся правительственная власть.

Ослабленіе власти цензоровъ.

Прежде каждый разъ, когда были назначаемы новые цензоры, то есть каждыя 5 лѣтъ, они составляли новый списокъ сенаторовъ, помѣщая въ него новыхъ членовъ по своему выбору и вычеркивая прежнихъ по своему усмотрѣнію; Сулла отнялъ у цензоровъ это право, нарушавшее несмѣняемость и пожизненность сенаторскаго сана. Санъ цензоровъ не былъ формально отмѣненъ; но Сулла хотѣлъ фактически уничтожить его. Ни при жизни самого Суллы, ни въ слѣдующіе годы, пока держались установленные имъ законы, не были избираемы цензоры.

Уменьшеніе власти комицій.

Сулла уменьшилъ и власть комицій, передавъ часть ея сенату и правительственнымъ сановникамъ. Въ комиціи можно было вносить только тѣ законодательныя предложенія, которыя были одобрены сенатомъ; это относилось и къ комиціямъ трибъ и къ комиціямъ центурій; такимъ образомъ ихъ законодательная дѣятельность стала пустою формальностью. Права комицій по выборамъ сановниковъ были тоже ограничены: нѣкоторые выборы были совершенно отняты у народнаго собранія; такъ, напримѣръ, жреческимъ коллегіямъ было возвращено право пополнять свой составъ по собственному выбору (право кооптаціи).—Число правительственныхъ сановниковъ было увеличено: Сулла постановилъ избирать восемь преторовъ (прежде ихъ было шесть), двадцать квесторовъ; коллегіи авгуровъ, понтифексовъ и хранителей сивиллинскихъ книгъ были увеличены каждая до пятнадцати членовъ.

Правила объ іерархіи курульныхъ сановниковъ.

Относительно каждой правительственной магистратуры былъ опредѣленъ возрастъ, раньше котораго нельзя было получить ее; было постановлено, что, по занятіи одной магистратуры, нельзя получить другую до истеченія извѣстнаго числа лѣтъ; получить вновь ту же самую магистратуру, какую уже занималъ человѣкъ, нельзя ему было раньше десяти лѣтъ (это относилось и къ консульству; прежнее правило, воспрещавшее быть консуломъ во второй разъ, оказалось непрактичнымъ и было отмѣнено; стр. 587). Было опредѣлено, что искать консульства можетъ только тотъ, кто уже былъ преторомъ, искать претуры только тотъ, кто уже былъ квесторомъ (степень куруль-

наго эдильства могла быть пропускаема). Офелла, начальствовавшій войскомъ, которое осаждало Пренестъ, выступилъ кандидатомъ въ консулы раньше срока, не послушавшись запрещенія Суллы; онъ расчитывалъ на то, что диктаторъ уступитъ ему по признательности за его заслуги. Сулла велѣлъ убить его на форумѣ, въ собраніи народа.—Итакъ свобода народнаго собранія въ выборѣ сановниковъ была ограничена правилами о лѣтахъ кандидатовъ, о томъ, что кандидатами на высшій санъ могли быть только люди, уже занимавшіе низшій санъ, и о срокахъ между полученіемъ новой магистратуры послѣ прежней; власть высшихъ сановниковъ, избираемыхъ народомъ, консуловъ и преторовъ, была сильно ограничена: Сулла постановилъ, что они должны заниматься только дѣлами гражданской администраціи, а начальство надъ войсками должно быть поручаемо проконсуламъ и пропреторамъ; проконсуловъ и пропреторовъ назначалъ сенатъ, потому вся военная власть была фактически передана Суллою ему.

Цизальпійская Галлія обращена въ провинцію. Число провинцій.

Границею Италіи въ точномъ смыслѣ слова была около того времени рѣка Рубиконъ. Въ этой части полуострова вообще не должно было находиться войскъ и не было особенныхъ, постоянныхъ военачальниковъ. Сѣверная часть Италіи, отъ Рубикона до Альпъ, населенная кельтами, была сдѣлана особенною провинціею, подъ названіемъ Цизальпійской Галліи; она получила такую же организацію, какъ другія провинціи. Такимъ образомъ, число провинцій было 10; это были: Сицилія, Сардинія, Испанія на сѣверъ отъ Эбро, Испанія на югъ отъ Эбро, Македонія, Азія, Африка, Галлія Нарбонская, Киликія, Цизальпійская Галлія.

Десять высшихъ сановниковъ, избираемыхъ народомъ—два консула и восемь преторовъ, завѣдывали въ годъ своей службы дѣлами Рима и собственно такъ называемой Италіи, консулы—административными, преторы—судебными; по окончаніи года, они посылались сенатомъ управлять провинціями, въ санѣ проконсуловъ и пропреторовъ; они имѣли въ провинціяхъ и административную, и судебную, и военную власть; эта должность продолжалась также годъ, по окончаніи котораго они замѣщались своими преемниками въ магистратурахъ; сдавъ должность, проконсулъ или пропреторъ обязанъ былъ уѣхать изъ провинціи въ продолженіе тридцатидневнаго срока. Въ трибунство Сатурнина былъ установленъ законъ „объ оскорбленіи величества"; (то есть, величества римскаго народа, верховной власти его); онъ назначалъ тяжелое наказаніе тѣмъ правителямъ провинцій, которые нарушатъ верховную власть римскаго народа какимъ нибудь ослушаніемъ. Сулла возобновилъ этотъ законъ, желая предотвратить повтореніе того, что сдѣлалъ самъ; конечно это не помѣшало другимъ военачальникамъ дѣлать то же самое.—Сулла пересмотрѣлъ и улучшилъ законы, имѣвшіе цѣлью охранить населеніе провинцій отъ притѣсненій правителей. Онъ улучшилъ и судоустройство, какъ преобразовалъ административныя учрежденія. Его судебныя реформы были сдѣланы въ гуманномъ духѣ и давали судопроизводству организацію, болѣе правильную, чѣмъ прежняя.

Судебныя реформы.

Онъ постановилъ, что присяжные назначаются изъ сенаторовъ, число которыхъ онъ увеличилъ наилучшими людьми изъ сословія всадниковъ; онъ подчинилъ суды присяжныхъ руководству преторовъ, увеличилъ число этихъ судовъ учрежденіемъ особыхъ трибуналовъ для рѣшенія процессовъ по разнымъ видамъ преступленій и предоставилъ правительству власть учреждать по разнымъ разрядамъ преступленій новыя судебныя коммиссіи, опредѣляя кругъ ихъ вѣдомства и формы процесса. Онъ отдѣлилъ гражданское судопроизводство отъ уго-

ловнаго. Процессы по политическимъ преступленіямъ онъ отнялъ у народнаго собранія, передавъ ихъ особенному трибуналу; этимъ онъ фактически отмѣнилъ смертную казнь за политическія преступленія, потому что право осуждать на смерть по политическимъ дѣламъ принадлежало только народному собранію, и трибуналъ, учрежденный Суллою, не могъ произносить смертныхъ приговоровъ. Сулла стремился улучшить уголовное судопроизводство, обезпечить новыми законами жизнь и собственность, обуздать строгими полицейскими постановленіями пороки, роскошь пировъ и похоронныхъ церемоній, другіе виды роскоши, замѣнить въ этомъ отношеніи прежній произволъ цензоровъ постоянными правилами. Но о великолѣпіи народныхъ праздниковъ Сулла очень заботился, желая, чтобы римляне забывали въ этихъ развлеченіяхъ о политическихъ дѣлахъ.

Муниципальное устройство.

Однимъ изъ важныхъ результатовъ законодательной дѣятельности Суллы было развитіе римскихъ муниципальныхъ учрежденій; установленіе органической связи между общиннымъ самоуправленіемъ и государственнымъ управленіемъ. Тѣ многочисленные города, разсѣянные по всей Италіи, жители которыхъ имѣли права римскихъ гражданъ, получили организацію, подобную городскому управленію самого Рима. Въ каждомъ такомъ городѣ собраніе его гражданъ избирало городскихъ правителей и судей и, при содѣйствіи городского совѣта, состоявшаго изъ 100 членовъ, установляло законы для своего города; религіозными дѣлами города завѣдывали мѣстныя коллегіи авгуровъ и понтифексовъ. По нѣкоторымъ дѣламъ, перечисленнымъ въ законѣ, эти города были подчинены правительству римскаго государства, и, вѣроятно, всѣ уголовныя дѣла и важнѣйшія гражданскія рѣшались въ Римѣ по римскимъ законамъ трибуналами присяжныхъ подъ руководствомъ преторовъ.

Распространеніе римскихъ языка, обычаевъ, и законовъ.

—Во всѣхъ областяхъ Италіи стали теперь быстро исчезать племенныя различія, старые мѣстные юридическіе обычаи, мѣстныя нарѣчія. Римско-греческая культура укоренялась и заглушала старинныя мѣстныя особенности. Отъ Альпъ до Мессинскаго пролива стали господствовать римскій языкъ, римское право, римская монета, служеніе римскимъ богамъ по римскимъ обрядамъ, съ римскими праздниками; примѣръ столицы сдѣлался закономъ умственной, нравственной, общественной жизни. И за предѣлами Италіи, римская національность быстро пріобрѣтала владычество.

Италійцы въ провинціяхъ.

Мы имѣли случаи видѣть, что въ торговыхъ городахъ Испаніи, Греціи, Африки, Азіи жило множество „людей, носящихъ тогу": администраторовъ, откупщиковъ, банкировъ, купцовъ, между прочимъ, торговцевъ невольниками, спекулянтовъ, служителей при администраторахъ, всякихъ проходимцевъ; массы этихъ людей селились повсюду, стараясь извлечь себѣ всяческія выгоды изъ римскаго владычества надъ провинціалами, раззоряя подданныхъ Рима. Они составляли плотныя группы, многіе изъ нихъ образовали формальныя дѣловыя общества; ихъ положеніе было привилегированное; они находились подъ охраною римскихъ законовъ, войскъ и страха, внушаемаго именемъ римскаго гражданина; всѣ они были соединены общностью интересовъ; эти могущественныя корпораціи все больше и больше налагали на провинціальные города характеръ римскаго быта; туземцы привыкали къ римскимъ законамъ, къ римскимъ деньгамъ, пріучались говорить римскимъ языкомъ.

Смѣшеніе національностей и космополитизмъ.

Такимъ образомъ, во всѣхъ значительныхъ городахъ образовалось смѣшанное населеніе, все больше и больше становившееся римскимъ по образу жизни и по понятіямъ. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ владычествовала греческая культура, это превращеніе совершалось тѣмъ легче, что римская культура, усвоивъ себѣ элементы греческой образованности, давно утратила узкую національность, пріобрѣла космополитскій харак-

теръ. Римлянинъ съ дѣтства свыкался съ греческими языкомъ, культурою, религіозными представленіями, нравами; потому повсюду въ странахъ греческой цивилизаціи онъ находилъ знакомыя ему формы быта, родственныя ему понятія, и населеніе легко примыкало къ римлянамъ, жившимъ въ его области. Въ Италіи, особенно въ Римѣ, также было множество иноземцевъ, рабовъ и свободныхъ, ученыхъ, поэтовъ, искателей счастья; такимъ образомъ и въ провинціяхъ, и въ Италіи быстро развивалась греко-римская культура, совершалось въ громадномъ размѣрѣ сліяніе народовъ, облегчавшее римлянамъ пріобрѣтеніе и упроченіе владычества надъ всемъ древнимъ цивилизованнымъ міромъ.

Сулла слагаетъ съ себя диктатуру 79.

Болѣе двухъ лѣтъ Сулла съ неограниченною властью правилъ римскимъ государствомъ и преобразовывалъ всѣ его учрежденія по своему произволу. Онъ безпощадно истребилъ враговъ, усмирилъ суровыми мѣрами гордость военачальниковъ, не подчинявшихся новому порядку, передѣлалъ все въ государствѣ по своему соображенію, сосредоточилъ въ рукахъ сенаторской аристократіи всю государственную власть, создалъ на охрану аристократическаго правительства нѣчто, подобное тѣлохранителямъ въ толпѣ освобожденныхъ имъ невольниковъ (Корнеліевъ), аристократическому правительству надежное войско въ своихъ воинахъ, получившихъ дома и участки земли, преобразовалъ судопроизводство, пересоздалъ экономическій бытъ въ Италіи, въ провинціяхъ установилъ одинаковыя подати со всѣхъ подвластныхъ Риму городовъ, преобразовалъ сенатъ и магистратуру, уменьшилъ власть народнаго собранія, отнялъ у трибуновъ почти всякое вліяніе на дѣла, истребилъ проскрипціями демократію, пріучилъ народъ къ покорности олигархическому устройству; никто не отваживался сказать слово противъ его повелѣній. Когда онъ былъ въ Азіи, онъ чеканилъ монету, надписью на которой было его имя съ эпитетами Imperator, Felix (военачальникъ, счастливый); эти монеты уже показывали, что онъ глава государства. Народъ привыкалъ къ монархическому устройству. Правда, диктаторъ обыкновенно издавалъ свои повелѣнія лишь по принятіи ихъ народнымъ собраніемъ, давая имъ форму законовъ, установленныхъ народомъ; правда, онъ оставлялъ выборы консуловъ, угождая старинной привычкѣ; но онъ владычествовалъ, какъ самодержавный царь. Римъ изумился, когда въ 79 году онъ, явившись утромъ на форумѣ, повѣстилъ, что слагаетъ съ себя свое полномочіе и становится теперь частнымъ человѣкомъ, отослалъ своихъ 24 ликторовъ и съ трибуны пригласилъ собраніе требовать у него отчета въ управленіи дѣлами, говоря, что готовъ дать всякія объясненія каждому желающему. Все молчало. Онъ сошелъ съ трибуны и пошелъ сквозь толпу домой въ сопровожденіи небольшой свиты. Какой-то молодой человѣкъ шелъ за нимъ до самыхъ дверей дома, осыпая его ругательствами. Дошедши до дверей, Сулла спокойно сказалъ

ему: «Ты сдѣлаешь то, что будущій диктаторъ не сложитъ съ себя сана». Онъ устроилъ правительственный механизмъ и предоставилъ другимъ дѣйствовать этою машиной. Черезъ нѣсколько дней онъ уѣхалъ въ свое прекрасное имѣнье близъ Кумъ и прожилъ тамъ еще съ годъ, занимаясь не столько общественными дѣлами, сколько наслажденіями, отдыхомъ, бесѣдами въ дружескомъ кругу; онъ и теперь владычествовалъ надъ государствомъ силою своего имени, преданностью массы приверженцевъ, ужасомъ, какой внушалъ противникамъ; но онъ думалъ теперь не о политикѣ, онъ предавался влеченіямъ своихъ страстей, пировалъ и развратничалъ. Благосклонность счастья, которой приписывалъ онъ всѣ свои успѣхи, не измѣняла ему, пока наконецъ, совершенно разстроивъ свой организмъ чувственными излишествами всяческаго рода, онъ занемогъ и черезъ нѣсколько времени внезапно умеръ отъ кровоистеченія. Ему было тогда 60 лѣтъ. За 10 дней передъ смертью онъ еще далъ путеоланцамъ законы городскаго ихъ управленія и до самой смерти занимался продолженіемъ своихъ мемуаровъ, которые писалъ на латинскомъ языкѣ. Они не дошли до насъ, но, судя по извѣстіямъ о нихъ, должно думать, что они были достойнымъ памятникомъ его эгоизма, властолюбія, надменности, ненависти. Римляне говорили, что для полноты его счастія не доставало лишь одного: онъ не дожилъ до освященія Капитолійскаго храма, который тогда сооружался. Тѣло его было перенесено въ Римъ при безчисленномъ стеченіи народа; передъ гробомъ шли со связками прутьевъ и сѣкирами 24 ликтора. Въ Римѣ встрѣтили процессію консулы и другіе сановники, жрецы, сенаторы въ облаченіи своего сана, всадники, военачальники. Тѣло было предано сожженію на Марсовомъ полѣ; обрядъ былъ великолѣпенъ; тутъ было 2,000 золотыхъ вѣнковъ, присланныхъ легіонами, городами, принесенныхъ многочисленными приверженцами. Прахъ былъ погребенъ рядомъ съ гробницами царей: такъ повелѣлъ сенатъ; онъ почелъ нужнымъ сдѣлать въ этомъ случаѣ отступленіе отъ обычая фамиліи Корнеліевъ, чтобы кости Суллы при какомъ-нибудь политическомъ переворотѣ не подверглись той-же участи, какой онъ подвергъ тѣло Марія. Римскія матроны годъ носили трауръ по великомъ, ужасномъ человѣкѣ, надпись на гробѣ котораго говорила, что никогда никто другой не сдѣлалъ столько добра своимъ друзьямъ и столько зла своимъ врагамъ *).

Смерть и погребеніе Суллы. 78.

Характеръ Суллы.

Мы приводили характеристику Суллы изъ Саллюстія. Достаточно будетъ прибавить къ ней нѣсколько словъ, чтобы вмѣстѣ съ впе-

---

*) Сулла могъ сказать о себѣ, какъ Медея у Эврипида (стихъ 808): «Никто не скажетъ, что у меня мягкое сердце; я ужасаю враговъ и помогаю друзьямъ; таковы люди, слава которыхъ наполняетъ вселенную».

чатлѣніями разсказанныхъ нами событій, они вполнѣ обрисовали черты этого необыкновеннаго человѣка, очень во многомъ не похожаго на римскій типъ. Онъ и по наружности рѣзко отличался отъ большинства римлянъ: у него были голубые глаза, русые волосы, лицо у него было блѣдное, въ пожилые годы обезображенное болѣзненными наростами. Во взглядѣ и въ манерахъ его обыкновенно выражалось презрѣніе къ людямъ и сладострастіе; но когда въ гнѣвѣ— лицо его краснѣло и глаза сверкали, никто не могъ выносить безъ трепета его взглядъ. Въ молодости, пока порокъ не наложилъ на него свою печать, онъ былъ хорошъ собой и женщины влюблялись въ него. Съ молодости до конца жизни онъ былъ развратникомъ, и благосклонность Афродиты цѣнилъ выше милостей всѣхъ другихъ божествъ. Въ своихъ греческихъ письмахъ онъ называлъ себя «Эпафродитомъ» (любимцемъ Афродиты).—Долго казалось, что Сулла всю свою жизнь останется такимъ-же ничтожнымъ человѣкомъ, какими были его предки: онъ проводилъ все время въ развлеченіяхъ, пьянствѣ и развратѣ. Мы видѣли, что Марій въ Югуртинскую войну сначала смотрѣлъ съ пренебреженіемъ на пріѣхавшаго къ нему изнѣженнаго аристократа; но онъ доказалъ, что храбростью и физической силой не уступаетъ никому изъ товарищей по оружію, а умомъ и образованностью превосходитъ всѣхъ ихъ. Дипломатическое мастерство, съ какимъ онъ покончилъ Африканскую войну и привелъ къ Марію Югурту, осталось на всю жизнь гордостью его. На его перстнѣ была изображена сцена выдачи ему Югурты, и, любуясь на этотъ перстень, онъ наслаждался выказанными тогда отвагой и хитростью. Съ той поры жизнь его шла бурно, въ походахъ; судьба постоянно приводила его въ столкновеніе съ Маріемъ; разница въ характерѣ партій, вождями которыхъ были они, очень вѣрно выражалась разницею между ними: Марій былъ истинный представитель страстной, грубой демократической энергіи; Сулла былъ образецъ аристократическаго изящества и разврата. Ихъ личная борьба слилась съ борьбою политическихъ партій. Жестокостью они были равны; но Марій совершалъ свои злодѣйства по личной ненависти, по раздраженію оскорбленнаго властолюбія, въ припадкахъ ярости; Сулла убивалъ людей съ обдуманной мстительностью, хладнокровной систематичностью; онъ былъ убійцей по правиламъ искусства, онъ былъ богатъ изобрѣтательностью на мученія, умѣлъ разнообразить и длить страданія убиваемыхъ. Онъ выбиралъ свои жертвы по спискамъ гражданъ и отдавалъ ихъ на произволъ злодѣевъ; онъ ставилъ головы убитыхъ въ своемъ домѣ, по улицамъ, на форумѣ и наслаждался видомъ ихъ. Незадолго передъ смертью онъ въ своей комнатѣ убилъ одного изъ путеольскихъ сановниковъ, который утаилъ деньги, назначенныя на построеніе Капитолійскаго храма; этотъ поступокъ напомнилъ, что Сулла, хоть и сложилъ съ себя санъ диктатора, но

остается владыкою государства. Его побѣды, его законодательная дѣятельность не могутъ перевѣсить его злодѣйствъ: проскрипціи наложили черное пятно на имя Суллы, опозорили его память, и о его безчеловѣчіи лучше всего свидѣтельствуетъ то, что, окруженный трупами убитыхъ имъ, онъ могъ называть себя «счастливымъ».

Сулла съ аристократической надменностью пренебрегалъ обычаями, ставилъ себя выше всѣхъ человѣческихъ чувствъ, выше общественнаго мнѣнія; онъ такъ презиралъ людей, что не могъ дорожить ихъ сужденіями, ихъ уваженіемъ или любовью. Въ греческихъ городахъ онъ, къ ужасу своей свиты, надѣвалъ греческое платье. Онъ грабилъ храмы съ веселыми насмѣшками; велѣвъ передъ всѣмъ народомъ на форумѣ убить своего помощника Офеллу за ослушаніе, онъ разсказывалъ стоявшимъ подлѣ него басню о поселянинѣ и вшахъ; въ часы досуга и на роскошныхъ пирахъ любимымъ его обществомъ были мимы, шуты, развратницы, называвшіяся музыкантшами, и всякія продажныя женщины; онъ блисталъ остроуміемъ въ разговорахъ съ ними; развратничать въ большихъ городахъ было для него пріятнѣе военныхъ и политическихъ побѣдъ. Въ немъ были соединены качества, повидимому, несовмѣстимыя: отъ необузданнаго изнѣженнаго разврата онъ переходилъ къ развлеченіямъ, требовавшимъ силы и труда, къ охотѣ, къ рыбной ловлѣ, или шелъ въ битву и бросался въ самыя опасныя мѣста боя. Тѣло его было крѣпко, говоритъ Друманъ, но еще крѣпче была его душа: ему не нужно было учиться, привыкать къ дѣлу, чтобы явиться самымъ искуснымъ дипломатомъ и полководцемъ; онъ, шутя, овладѣвалъ опытностью и знаніями, какія пріобрѣтаются другими лишь посредствомъ упорнаго труда; онъ вѣрилъ въ свой умъ и дѣйствовалъ, какъ будто инстинктивно. Онъ не изучалъ ничего серьезнымъ образомъ и читалъ книги лишь для развлеченія, а между тѣмъ былъ хорошо знакомъ съ греческой литературой и доказалъ, что умѣетъ цѣнить серьезныя произведенія, взявъ изъ аѳинской добычи произведенія Аристотеля и Ѳеофраста, остававшіяся спрятанными, привезъ ихъ въ Римъ, позаботился о томъ, чтобъ они были переписаны во множествѣ экземпляровъ. Никто не былъ счастливѣе Суллы, какъ полководецъ. Въ своихъ мемуарахъ онъ называлъ особеннымъ счастьемъ своимъ то, что одерживалъ побѣды, теряя очень мало воиновъ; въ его словахъ объ этомъ, конечно, было преувеличеніе; но безспорно то, что во всю свою продолжительную военную и политическую дѣятельность онъ не проигралъ ни одного сраженія, никогда не имѣлъ надобности дѣлать ни шагу назадъ; постоянно одолѣвая враговъ, не слушаясь совѣтовъ друзей, онъ неуклонно велъ задуманное дѣло къ предназначенной цѣли. Онъ былъ правъ, думая, что находится подъ особеннымъ покровительствомъ боговъ и поступаетъ по ихъ внушенію. Его божества не были божествами нравственными; это были божества

удачи. Вѣря въ свое счастье и силу своего ума, онъ видѣлъ въ дѣлахъ жизни только произволъ случая и, точнымъ исполненіемъ суевѣрныхъ обрядовъ, жертвоприношеніями, подарками въ храмы, заглушалъ голосъ своей совѣсти, стараясь разгадывать будущее по сновидѣніямъ и знаменіямъ.

III. Римская республика въ переходѣ къ монархіи.

1. Гней Помпей Великій и его время.

1. Серторій.

Противники законовъ Корнелія (Суллы).

Законы Суллы, безпощадно приносившіе въ жертву интересамъ оптиматовъ всѣ человѣческія и гражданскія права, уничтожавшіе однимъ ударомъ все пріобрѣтенное народу тяжелой борьбой во времена Гракховъ, отдѣлявшіе рѣкою крови прошедшее отъ настоящаго, имѣли много противниковъ. Люди, привыкшіе уважать законный порядокъ, юристы и адвокаты, возмущались произвольнымъ низверженіемъ прежнихъ учрежденій, деспотическими убійствами и конфискаціями; сенаторы умѣренной партіи справедливо опасались, что свирѣпая олигархическая реакція возбудитъ новыя междоусобія и охотно купили бы спокойствіе уступками демократамъ; населеніе области между По и Альпами не было удовлетворено тѣмъ, что ему предоставлено только право латиновъ, а не римскихъ гражданъ; города, у жителей которыхъ была отнята значительная часть ихъ земельной собственности, смертельно ненавидѣли поселенныхъ въ нихъ воиновъ Суллы, неохотно мѣнявшихъ буйную и праздную походную жизнь на мирный трудовой бытъ; отпущенники и новые граждане негодовали на то, что уменьшены ихъ права, и хотѣли возвратить себѣ отнятую у нихъ произволомъ Суллы равноправность съ прежними гражданами. Бѣжавшіе отъ проскрипціи, другіе изгнанники, скитавшіеся въ нищетѣ по полямъ и лѣсамъ, выпрашивавшіе себѣ кусокъ хлѣба, какъ нищіе, или добывавшіе пропитаніе себѣ разбоемъ, увеличивали волненія; ихъ дѣти и жены, деспотизмомъ диктатора лишенныя имущества и всѣхъ почетныхъ правъ, подобно имъ, видѣли спасеніе себѣ только въ революціи; желала пе-

реворота и масса раззорившихся, запутавшихся въ долги гражданъ, отвыкшихъ отъ работы, не способныхъ кормиться честнымъ трудомъ. Пока диктаторъ былъ живъ, недовольные не смѣли громко заявлять своихъ требованій. Но едва догорѣло пламя костра, пожравшее остатки деспота, сложилась изъ разнородныхъ элементовъ сильная оппозиція и скоро поднялись новыя волненія. Сенатъ, которому Сулла отдалъ всю власть въ государствѣ, увидѣлъ себя въ трудномъ положеніи; противники учрежденій Суллы возвысили голосъ; правители провинцій и полководцы самовольствовали;—населеніе Рима было ненадежно, начинало волноваться; сенатъ походилъ на крѣпость, открытую со всѣхъ сторонъ приступамъ враговъ; они были тѣмъ опаснѣе, что оптиматы не имѣли вождя, способнаго занять мѣсто Суллы, одареннаго хотя бы нѣкоторою долею той энергіи, какая была необходима для защиты новыхъ учрежденій. Помпей, считавшій себя преемникомъ Суллы, воображавшій себя подобнымъ Александру и получившій отъ своихъ льстецовъ названіе великаго, былъ храбрый воинъ, но довольно плохой ораторъ и государственный человѣкъ. Еще меньше было политическихъ талантовъ у Марка Красса, которому доставляло вліяніе только его громадное богатство, нажитое честными и нечестными средствами: онъ давалъ деньги безъ процентовъ въ займы своимъ друзьямъ; это держало въ зависимости отъ него многихъ вліятельныхъ сенаторовъ; у него было правиломъ обращаться со всѣми любезно, оказывать услуги людямъ, которые могли пригодиться ему; благодаря этому, онъ пользовался большою силою, такъ что его сравнивали съ быкомъ, раздражать котораго опасно. Неспособные замѣнить Суллу, Помпей и Крассъ не были притомъ и безусловными приверженцами его учрежденій; напротивъ, они, хотя и были по происхожденію оптиматы, занимали среднее положеніе между сенаторскою партіею и противниками ея. Помпей даже поддерживалъ кандидатуру Марка Эмилія Лепида, человѣка двусмысленной репутаціи, обогатившагося во время проскрипціи покупкой конфискованныхъ имуществъ, потомъ грабившаго Сицилію, правителемъ которой былъ, и покинувшаго партію Суллы, перешедшаго на сторону оппозиціи въ надеждѣ избавиться тѣмъ отъ обвиненія, грозившаго ему. Онъ теперь просилъ себѣ консульства, и Помпей помогъ ему получить его. Сдѣлавшись консуломъ, онъ предложилъ возстановить права трибуновъ во всемъ прежнемъ размѣрѣ, возвратить гражданскія права и собственность гражданамъ, бѣжавшимъ отъ преслѣдованія Суллы, и городамъ союзниковъ, которые были наказаны Суллою. Не успѣвъ добиться принятія этихъ и нѣкоторыхъ другихъ предложеній такого же характера, Лепидъ собралъ въ Этруріи большой отрядъ людей, готовыхъ поддерживать проектъ реформъ вооруженною рукой, такъ что въ Римѣ произошла тревога: опасались возобновленія свирѣпостей, какимъ подверглись противники демокра-

Главные люди аристократической партіи.

Консулъ Лепидъ предлагаетъ отмѣнить нѣкоторыя учрежденія Суллы. 78.

Пораженіе и смерть Лепида.

товъ при Маріѣ. Но сенатъ склонилъ населеніе Рима на свою сторону, возобновивъ, хотя и въ уменьшенномъ размѣрѣ, раздачу хлѣба бѣднымъ гражданамъ, далъ неограниченное полномочіе проконсулу Квинту Катулу, назначенному главнокомандующимъ противъ Лепида; Катулъ разбилъ его въ двухъ сраженіяхъ, одно изъ которыхъ происходило подъ стѣнами Рима; Лепидъ съ остаткомъ своего войска уплылъ въ Сардинію, думая дѣйствовать на морѣ, отрѣзать подвозъ хлѣба въ Римъ и вступить въ союзъ съ демократами, продолжавшими сопротивляться правительству въ Испаніи. Но вскорѣ по пріѣздѣ въ Сардинію онъ умеръ; часть войска его разсѣялась, другую помощникъ его, Маркъ Перперна, перевезъ въ Испанію къ Серторію.

Политическія общества.

Такимъ образомъ сенату удалось подавить первую попытку возстанія противъ учрежденій Суллы. Но готовились новыя волненія, на борьбу съ которыми аристократы должны были соединить всѣ силы своей партіи. Для этого они организовали политическія общества (Sodalitia), дѣятельность которыхъ уже оказывалась могущественнымъ средствомъ борьбы во время прежнихъ волненій. Эти общества развѣтвлялись по всему государству; руководители ихъ пріобрѣли сильное вліяніе на государственныя дѣла, пользовались ими для своихъ личныхъ выгодъ политическихъ и денежныхъ. Эти клубы подкупали гражданъ въ пользу своихъ кандидатовъ, пріобрѣли преобладающее вліяніе на выборы сановниковъ и стали управлять ходомъ государственныхъ дѣлъ, какъ гетеріи прежде владычествовали въ Греціи. Пренебрегая благомъ государства, они стремились къ достиженію своихъ цѣлей и не стѣснялись ни чѣмъ въ выборѣ средствъ. Выгода партіи и личный интересъ были для ихъ руководителей важнѣе всякихъ другихъ соображеній и подавляли въ нихъ всѣ благородныя чувства. Кто хотѣлъ сохранить независимость отъ нихъ, полагаясь на свои таланты и заслуги, оставался одинокимъ, безуспѣшно истощалъ свои силы въ борьбѣ съ плотной организаціей партій.

Квинтъ Серторій

Аристократія легко побѣдила Эмилія Лепида, но трудно было ей одолѣть Квинта Серторія, даровитѣйшаго и честнѣйшаго изъ полководцевъ демократической партіи. Уроженецъ сабинскаго мѣстечка Нурсіи, человѣкъ незнатнаго рода, онъ при всей своей храбрости, выказанной на службѣ республики въ Галліи, въ Испаніи, при всѣхъ заслугахъ, какими отличался во время союзнической войны, не былъ принятъ въ кругъ оптиматовъ. А между тѣмъ онъ заслужилъ славу не только военными подвигами, но и рѣчами въ народномъ собраніи: онъ былъ ораторъ замѣчательный по богатству мыслей и легкости изложенія ихъ; въ частной жизни онъ пріобрѣлъ себѣ уваженіе чистотою нравственности, умѣренностью, безкорыстіемъ; но онъ не имѣлъ знатныхъ предковъ, потому не могъ получить важныхъ должностей. Естественно было, что при междоусобной войнѣ онъ сталъ въ ряды демократовъ; онъ былъ единственный человѣкъ своей партіи, выказывавшій во время ея владычества государственные и военные таланты. Послѣ битвы у Коллинскихъ воротъ онъ успѣлъ спас-

тись отъ убійцъ, преслѣдовавшихъ его: осужденный на смерть
диктаторомъ, онъ, собравъ отважныхъ товарищей, велъ партизан-
скую войну на морѣ и на сѣверномъ берегу Африки, слава его
отважныхъ подвиговъ разнеслась далеко, и лузитанцы выбрали его
своимъ вождемъ, чтобъ онъ, какъ Виріатъ (стр. 575), освободилъ
ихъ отъ римскаго ига, или по крайней мѣрѣ облегчилъ его. Станъ
его сдѣлался убѣжищемъ преслѣдуемыхъ демократовъ; они собира-
лись къ нему отовсюду.

Лузитанцы и испанцы выбираютъ Серторія своимъ вождемъ.

Скоро обратили на него свои надежды и испанцы: его отважные
подвиги одушевляли ихъ надеждами, любезность и кротость его прі-
обрѣтали ему любовь. Онъ организовалъ партизанскую войну, издав-
на привычную испанцамъ. Съ небольшимъ войскомъ, состоявшимъ
изъ римскихъ демократовъ и туземныхъ волонтеровъ, «новый Ганни-
балъ», какъ называли воины его, тоже утратившаго на войнѣ одинъ
глазъ, онъ ходилъ по испанскимъ горамъ до Эбро, разбилъ нѣсколь-
кихъ полководцевъ, надѣявшихся быстро одолѣть «бѣглеца, который
одинъ уцѣлѣлъ изъ товарищей Карбона»; нѣкоторые были побѣжде-
ны имъ въ правильныхъ сраженіяхъ, другихъ онъ заманилъ въ за-
сады. Безуспѣшно дѣйствовалъ противъ него даже Квинтъ Метеллъ
Пій, искусный, хотя чрезмѣрно осторожный полководецъ. Онъ укло-
нялся отъ рѣшительнаго сраженія, но неотступно слѣдовалъ за Ме-
телломъ, перехватывалъ шедшіе къ нему обозы продовольствія и по-
ставилъ его въ затруднительное положеніе. Тысячи знатныхъ испан-
цевъ поклялись быть до самой смерти вѣрными отважному и при-
вѣтливому вождю; чтобы польстить ихъ тщеславію, онъ далъ имъ
блестящій военный нарядъ, красивые шлемы и щиты. Онъ умѣлъ
пользоваться и суевѣріемъ людей: между испанцами ходила молва.
что бѣлая лань, которую держитъ онъ при себѣ, открываетъ ему
волю Діаны. Казалось, что Римъ утратитъ Испанію: Серторій гото-
вился дать ей устройство самостоятельнаго государства.

Правительственныя учрежденія Серторія и союзники его.

Серторій составилъ изъ 300 важнѣйшихъ римскихъ изгнанниковъ се-
натъ, который правилъ Испаніею по образцу римскаго сената и назна-
чалъ гражданскихъ и военныхъ сановниковъ. Серторій далъ морскимъ
разбойникамъ убѣжище на юго-восточномъ берегу Испаніи и черезъ нихъ
сносился съ Италіею и Малой Азіею. Митридатъ заключилъ съ нимъ со-
юзъ, далъ ему корабли и денегъ; за это Серторій послалъ Митридату ис-
кусныхъ военачальниковъ и обѣщалъ уступить ему азіатскія государства,
зависѣвшія отъ Рима, оставляя подъ римскимъ владычествомъ только
провинцію Азію. Въ Оскѣ (нынѣшнемъ аррагонскомъ городѣ Гуэскѣ) Сер-
торій основалъ школу, въ которой сыновья знатныхъ испанцевъ, одѣтые
по римски, изучали римскую и греческую литературу, готовясь къ занятію
правительственныхъ должностей, а съ тѣмъ вмѣстѣ служили римскому
полководцу заложниками вѣрности своихъ отцовъ. Серторій воевалъ про-
тивъ римской олигархіи, но хотѣлъ распространить въ Испаніи римско-
греческую образованность.

Сильный своимъ умомъ и привязанностью испанцевъ, которыхъ
онъ освободилъ отъ обязанности давать квартиры войску, построивъ
деревянные дома для него, Серторій много лѣтъ удачно отражалъ
нападенія враговъ, и самъ Метеллъ не могъ ни побѣдить его, ни
избавиться отъ него подкупомъ его сподвижниковъ на то, чтобъ
они убили его. Когда, по смерти Лепида, Перперна привелъ къ нему
остатки римскихъ инсургентовъ, онъ сталъ овладѣвать всею Испаніей.
Но съ увеличеніемъ числа римскихъ воиновъ его возникли между
ними интриги. Перперна, бывшій преторъ, имѣлъ претензію занять
при Серторіѣ положеніе товарища, а не подчиненнаго; но воины
принудили его подчиниться полководцу, болѣе даровитому и болѣе
любимому, чѣмъ онъ. Перперна обидѣлся, завидовалъ Серторію, заду-
малъ низвергнуть его, успѣлъ погубить его и погибъ самъ.

Перперна присоединяется къ Серторію 77.

Успѣхи Серторія встревожили сенатъ и всю аристократію. Ея
положеніе было тѣмъ затруднительнѣе, что въ ея рядахъ не было
полководца, способнаго одолѣть храбраго и опытнаго вождя демокра-
товъ въ Испаніи. Она принуждена была сдѣлать выборъ очень не-
непріятный, назначить главнокомандующимъ въ Испаніи Помпея, то
есть нарушить установленный порядокъ порученіемъ важнѣйшей воен-
ной должности человѣку, который еще не былъ курульнымъ санов-
никомъ. Новый главнокомандующій отправился въ Испанію черезъ
Галлію, распорядился проложеніемъ дороги черезъ Монъ-Женевръ
усмирилъ мятежныя племена юговосточной Галліи и вступилъ въ
Испанію. Она почти вся была во власти Серторія и его помощниковъ
Перперны и Гиртулея, но съ появленіемъ Помпея дѣла быстро при-
няли другой оборотъ. Онъ перешелъ Эбро, одолѣвъ сопротивленіе
врага, принудилъ городъ Валенцію сдаться. Серторій близъ рѣки Су-
крона (Хукара) далъ ему удачное сраженіе; самъ Помпей былъ ра-
ненъ тутъ; Серторій переселилъ въ Португалію жителей сдавшагося
Помпею города Лаврона. Но Гиртулій былъ разбитъ Метелломъ и
лишился жизни въ сраженіи, римскія войска соединились въ долинѣ
рѣки Туріи (Гвадалавіара) близъ Сагунта, Серторій при всемъ ис-
кусствѣ своихъ распоряженій былъ разбитъ; войско его утратило на-
дежду одолѣть враговъ; римскіе изгнанники и туземцы одинаково
стали думать, что надобно примириться съ Римомъ, пока еще есть
возможность вытребовать себѣ пощаду. Но Серторій не терялъ му-
жества. Въ горахъ средней части сѣверной Испаніи подъ защитою
скалъ и нѣсколькихъ крѣпостей по верховьямъ Эбро онъ упорно и
удачно продолжалъ партизанскую войну, не рѣдко одерживая побѣды
надъ врагомъ, далеко превосходившимъ его силами. Онъ привыкъ,
говоритъ Плутархъ, выносить всѣ труды и лишенія далекихъ пере-
ходовъ, проводить ночи безъ сна, довольствоваться плохой и скуд-
ною пищей; при томъ въ партизанскихъ набѣгахъ и охотѣ онъ хо-
рошо ознакомился съ мѣстностью. Римское войско утомлялось; Пи-

Война съ Серторіемъ поручена Помпею 76.

Ходъ испанской войны въ 75—72 годахъ.

ренейскій полуостровъ былъ раззоренъ продолжительной войной; римскіе легіоны не находили въ немъ продовольствія и должны были уходить на зимнюю стоянку въ Галлію; это истощало и ее; римскому правительству съ года на годъ труднѣе становилось содержать и пополнять войско въ Испаніи. Въ Римѣ уже начинали опасаться, что «новый Ганнибалъ» можетъ, какъ прежній, войдти въ Италію и при поддержкѣ Митридата одолѣть олигархію. Но рука измѣнника избавила Римъ отъ этой боязни.

Смерть Серторія 72.

Помпей обѣщалъ большую награду за убійство Серторія; но людей, желавшихъ получить награду не находилось. Успѣшнѣе были обольщенія завистливаго Перперны: онъ поколебалъ вѣрность нѣкоторыхъ сотоварищей. Серторій былъ отъ природы человѣкъ добрый, сострадательный; онъ нѣжно любилъ свою мать и, при извѣстіи о ея смерти, былъ такъ пораженъ горемъ, что семь дней не выходилъ изъ шатра. Но возроставшіе признаки предательства вынудили его быть строгимъ. Суровость увеличила число недовольныхъ между его приближенными; они распространяли въ войскѣ мнѣніе, что успѣхъ невозможенъ. Туземцы, утомленные продолжительной войной, уходили. Серторій охотно заключилъ бы миръ съ Римомъ, если бъ ему дозволили возвратиться на родину. Но аристократы полагали, что онъ въ Римѣ станетъ опасенъ для нихъ, находили, что имъ нужна его погибель. Заговоръ, устроенный Перперною, покончилъ дѣло. Серторію было привезено подложное письмо, извѣщавшее о побѣдѣ одного изъ его легатовъ. Перперна задалъ въ Оскѣ пиръ по случаю побѣды. Серторій не могъ не быть на этомъ праздникѣ. Наперекоръ правиламъ порядка, соблюденіе которыхъ всегда считалъ надобнымъ Серторій, пирующіе шумѣли, буйствовали; они преднамѣренно раздражали пошлостями Серторія, ненавидѣвшаго грубыя неприличія; они искали повода поднять ссору съ нимъ. Онъ съ неудовольствіемъ отодвинулся отъ нихъ подальше. Перперна уронилъ наполненную виномъ серебряную чашу, толкнувъ ее такъ сильно, что она зазвенѣла. Это былъ условный знакъ. Въ тотъ же мигъ Маркъ Антоній, бывшій за столомъ подлѣ Серторія, ударилъ его кинжаломъ. Онъ хотѣлъ вскочить; другой заговорщикъ бросился на него, охватилъ его руки и держалъ ихъ; остальные заговорщики наносили ему удары, пока онъ умеръ. Такъ погибъ одинъ изъ величайшихъ и благороднѣйшихъ людей Рима. Онъ безоружный палъ подъ ударами злодѣевъ, которыхъ привела судьба въ его станъ. Тѣ немногіе вѣрные сподвижники его, которые находились на пирѣ, погибли вмѣстѣ съ нимъ. Перперна провозгласилъ себя главнокомандующимъ; но онъ не пользовался довѣріемъ воиновъ, испанцы и римскіе эмигранты уходили отъ него; войско его такъ ослабѣло, что при первой встрѣчѣ съ Помпеемъ и Метелломъ было разбито. Изъ заговорщиковъ успѣлъ бѣжать только одинъ, всѣ остальные попались въ плѣнъ

Пораженіе и погибель заговорщиковъ.

и были казнены. Возстаніе было быстро подавлено. Не сдавались нѣсколько крѣпостей; Помпей взялъ ихъ одну за другою.

Метеллъ.

Помпей явился въ глазахъ народа истиннымъ усмирителемъ испанскаго возстанія. Гораздо больше, нежели онъ, сдѣлалъ для подавленія возстанія Метеллъ, но уронилъ свою славу мелочнымъ самолюбіемъ. По разсказу Плутарха, онъ однажды пришелъ на пиръ въ одеждѣ тріумфатора; фигуры Викторій (побѣдъ) спускались съ потолка, возлагая на него вѣнки, хоры мальчиковъ и дѣвушекъ пѣли гимны въ честь его. Плутархъ говоритъ, что и въ Испаніи онъ раздавалъ награды поэтамъ, чтобъ они писали стихи въ похвалу ему.

Характеръ Помпея.

Помпей казался человѣкомъ способнымъ успокоить взволнованную Испанію, возстановить къ ней расположеніе къ римскому владычеству. Характеръ его былъ мягкій, любезный, онъ умѣлъ держать себя просто. Репутація его была безукоризненна; по самому выраженію его лица было видно, что онъ человѣкъ честный; все это дѣлало его хорошимъ примирителемъ. На половину дѣйствительно герой, на половину только человѣкъ, казавшійся героемъ, этотъ уроженецъ сабинской земли, наслѣдникъ счастія Суллы, искусный наѣздникъ, мастеръ фехтовать, высокій, красивый, внушавшій уваженіе къ себѣ благородствомъ своихъ манеръ, очаровывалъ воображеніе народа, умѣлъ возбуждать отвагу воиновъ. Гнуснаго Перперну онъ отдалъ въ руки палача, а переписку Серторія, которая могла компрометировать множество римлянъ и выдачею которой злодѣй надѣялся купить себѣ прощеніе, Помпей, не читая, бросилъ въ огонь. Нѣкоторые изъ римлянъ, служившихъ Серторію, были поселены въ Галліи въ колоніи, получившей названіе «Лугдуна колонистовъ изъ разныхъ мѣстъ» (Lugdunum Convenarum, нынѣшній Бертранъ). Другимъ было позволено возвратиться на родину. Остальные продолжали бродячую жизнь. На высотахъ Пиренеевъ были поставлены Помпеемъ памятники побѣдъ съ пышными надписями, возвѣщавшими его подвиги. Въ концѣ года онъ воротился въ Римъ и вмѣстѣ съ 71.
Метелломъ удостоился чести тріумфа. Тріумфальная процессія была великолѣпна. Помпей сталъ съ той поры любимцемъ римскаго народа, считавшаго необходимымъ обращаться къ его помощи во всякомъ трудномъ дѣлѣ; а самъ онъ съ восхищеніемъ думалъ о себѣ, что онъ повелитель государства.

---

3. Невольническая война и новыя отношенія между партіями.

Бѣдственное положеніе рабовъ.

Помпея прославляли не только за побѣду надъ Серторіемъ: когда онъ возвращался по усмиреніи испанскаго возстанія, счастье дало ему новые лавры, доставило ему во второй разъ честь явиться въ глазахъ народа прекратителемъ войны, всѣ трудности которой преодолѣлъ другой полководецъ, воспользоваться плодами побѣдъ, которыя съ большими усиліями были выиграны другими.—Мы видѣли, что число рабовъ въ послѣднее время чрезвычайно увеличилось: всѣ занятія въ домѣ, начиная съ привратника, прикованнаго, какъ собака, къ порогу, до секретаря и домашняго учителя были исполняемы взятыми на войнѣ или купленными рабами; землепашцами, пастухами были тоже рабы; плотники, каменьщики, ремесленники были рабы же. Театръ и всѣ общественныя развлеченія находились тоже въ рукахъ рабовъ; когда населеніе города Рима полюбило гладіаторскій бой и сраженія съ дикими звѣрями, полководцы и сановники, желавшіе угодить народу этими зрѣлищами, выбирали изъ плѣнниковъ самыхъ сильныхъ и храбрыхъ людей и отдавали ихъ въ особенныя фехтовальныя школы, чтобъ они выучивались искусно убивать и умирать съ приличіемъ. Мы уже говорили о томъ, какъ ужасно было положеніе невольниковъ, какъ изнурительны были ихъ работы и лишенія днемъ, какъ страшны были темницы, въ которыя запирали ихъ на ночь, какъ безчеловѣчны были наказанія ихъ за проступки. У алчныхъ господъ положеніе рабовъ было такъ невыносимо, что отчаяніе часто доводило ихъ до возстаній. Не только въ Сициліи (стр. 597), но и въ Италіи рабы, служившіе земледѣльцами и пастухами, не разъ брались за оружіе, чтобы избавиться отъ своего нестерпимаго положенія или смертью, или пріобрѣтеніемъ свободы. Эти мятежи были свирѣпо подавляемы; жестокость обращенія съ рабами увеличивалась и производила въ нихъ ту ненависть, которую римская поговорка характеризовала словами «сколько рабовъ, столько враговъ».

Возстаніе рабовъ-гладіаторовъ въ Капуѣ 72.

Въ томъ году, когда Серторій былъ убитъ въ Оскѣ гнусными измѣнниками, въ Капуѣ, родинѣ гладіаторскихъ игръ, семьдесятъ рабовъ гладіаторовъ ушли отъ своего безчеловѣчнаго содержателя добыть себѣ оружіемъ свободу. Вождемъ ихъ былъ ѳракіецъ Спартакъ, отважный и даровитый человѣкъ, служившій въ римскомъ войскѣ, бѣжавшій въ горы своей отчизны, взятый тамъ въ плѣнъ, проданный въ рабство и доставшійся въ руки содержателю гладіаторовъ. Послѣ него наибольшимъ вліяніемъ пользовались галлы Эномай и Криксъ. Эти ушедшіе изъ Капуи гладіаторы дѣлали набѣги на

Кампанскую равнину, вызывая другихъ невольниковъ присоединиться къ нимъ, и съ каждымъ днемъ подходили къ нимъ новые товарищи. Мѣстное кампанское ополченіе пошло на нихъ, но было разбито, и они овладѣли его оружіемъ. Кампанцы обратились въ Римъ съ просьбой о помощи, и небольшой отрядъ войска былъ посланъ занять дороги къ Везувію, на которомъ укрѣпились возставшіе рабы. Отрѣзавъ у нихъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ, римляне надѣялись голодомъ принудить ихъ сдаться, но они нашли себѣ спасеніе. Сдѣлавъ лѣстницы изъ лозъ дикаго винограда, они спустились по утесамъ, неожиданно напали на римское войско, блокировавшее ихъ; оно въ испугѣ бѣжало, бросивъ станъ и оружіе въ добычу имъ. Ободренный этимъ успѣхомъ, Спартакъ пошелъ на югъ, въ Луканію, страну пастуховъ, всегда готовыхъ быть разбойниками, ломалъ темницы, въ которыхъ содержались рабы, призывалъ ихъ къ свободѣ. Скоро у него набралось 50,000 воиновъ. Преторъ Мариній пошелъ съ двумя легіонами на мятежниковъ, но близъ рѣки Силура потерпѣлъ пораженіе; Спартакъ взялъ его коня и знаки его сана; невольники овладѣли римскимъ станомъ со всѣмъ, что находилось въ немъ. Пастухи и землепашцы толпами шли къ Спартаку, освобождавшему ихъ отъ рабства. Они вели съ собой и лошадей, такъ что онъ сформировалъ конницу. Кромѣ укрѣпленныхъ городовъ, вся Кампанія, вся Луканія и Апулія были во власти возставшихъ невольниковъ, которые грабили, рѣзали, опустошали все на своемъ пути. Скоро овладѣли они даже нѣсколькими городами: Нуцеріею, Туріями, Метапонтомъ, Консенціею. Спартакъ, который былъ такой же кроткій, справедливый, благородный, какъ и храбрый человѣкъ, всѣми силами старался удерживать своихъ воиновъ отъ жестокостей; но ненависть и мщеніе были сильнѣе его приказаній. При вооруженной борьбѣ между рабами и господами не бываетъ пощады. Сами римляне давали оправданіе жестокости невольниковъ, распиная на крестѣ всѣхъ, попадавшихся въ руки имъ. Страданія, испытанныя невольниками, были такъ ужасны, что теперь, когда настали дни возмездія невозможно было, чтобъ они не поступали свирѣпо. Римляне рѣшили послать противъ нихъ обоихъ консуловъ съ большими войсками. Одинъ изъ консуловъ успѣлъ напасть врасплохъ на кельтовъ, отдѣлившихся подъ начальствомъ Крикса отъ Спартака. Онъ окружилъ и истребилъ ихъ. Но Спартакъ, шедшій съ главною массою инсургентовъ на сѣверъ и, вѣроятно, хотѣвшій отвести ихъ за Альпы въ родныя мѣста, одержалъ въ Апеннинахъ и при Мутинѣ блестящія побѣды надъ римскими войсками, пытавшимися остановить его. Эти успѣхи вѣроятно внушили ему надежду, что онъ можетъ одолѣть римское государство, отмстить поработителямъ народовъ; онъ сдѣлалъ торжественные похороны убитому Криксу и заставилъ у костра его 300 римскихъ плѣнныхъ биться между собою, какъ римляне

Развитіе возстанія.

Свирѣпый характеръ войны.

Побѣды Спартака.

заставляли биться гладіаторовъ; тѣ римскіе плѣнники, которые въ этомъ бою убили своихъ противниковъ, были казнены.

Въ Римѣ одно за другимъ получались ужасающія извѣстія о побѣдахъ невольниковъ надъ легіонами, о томъ, что варвары свирѣпо грабятъ, жгутъ, рѣжутъ, переходя изъ области въ область. Испугъ, подобный тому, какой былъ во времена Ганнибала, охватилъ римскихъ гражданъ, когда они услышали, что Спартакъ ведетъ опять на югъ свои полчища, незахотѣвшія покинуть богатую Италію. Лучшіе полководцы и отборныя войска были далеко: Помпей и Метеллъ въ Испаніи, Лукуллъ въ Азіи; военачальники, дѣйствовавшіе до сихъ поръ противъ невольниковъ, оказывались неискусными; у воиновъ ихъ не было ни храбрости, ни дисциплины. Но счастье Рима одолѣло и эту опасность. Войско невольниковъ, при недостаткѣ дисциплины и согласія, раздѣлилось на разные отряды по различію національностей; эти отряды разбрелись по разнымъ направленіямъ, тратили свои силы въ набѣгахъ, предпринимаемыхъ безъ опредѣленнаго плана; притомъ, хотя они захватили послѣ своихъ побѣдъ много оружія, но количество его всетаки было недостаточно, и многіе изъ нихъ были вооружены очень плохо. А римляне между тѣмъ собрали всѣ войска, какія можно было найдти въ Италіи, сформировали шесть новыхъ легіоновъ и вмѣстѣ съ двумя прежними отдали ихъ подъ начальство претора Марка Лицинія Красса, бывшаго однимъ изъ помощниковъ Суллы и сражавшагося тогда хорошо; во всякомъ случаѣ онъ былъ, если не особенно искусный, то и не бездарный полководецъ. Когда отрядъ, находившійся подъ начальствомъ легата Муммія, бѣжалъ отъ непріятеля, бросая оружіе, какъ это дѣлалось въ прежнихъ сраженіяхъ, Крассъ велѣлъ казнить десятаго человѣка изъ бѣжавшихъ и строгостью возстановилъ въ легіонахъ дисциплину. Спартакъ скоро почувствовалъ перемѣну въ римскомъ войскѣ. Въ слѣдующемъ сраженіи онъ былъ побѣжденъ и ушелъ въ южный уголъ Италіи, думая переправиться въ Сицилію и поднять тамъ третье невольническое возстаніе. Пришедши въ Регій, онъ заключилъ договоръ съ киликійскими морскими разбойниками, господствовавшими тогда на всемъ Средиземномъ морѣ. Они обязались перевезти войско его въ Сицилію, но обманули: взявъ большую сумму въ задатокъ, они уплыли. Быть можетъ, они боялись пристать къ берегу въ Сициліи, потому что Верресъ, правившій тогда этимъ островомъ, разставилъ по приморью стражу. Пользуясь бездѣйствіемъ Спартака, приготовлявшагося къ отплытію, Крассъ отрѣзалъ бруттійскій полуостровъ отъ остальной Италіи валомъ со рвомъ и укрѣпленіями; этотъ окопъ, шедшій поперекъ всего полуострова, имѣлъ въ длину 300 стадій (около 50 верстъ). Запертое имъ въ тѣсномъ углу войско инсургентовъ скоро стало страдать отъ голода; Спартакъ рѣшился прорваться чрезъ окопъ; въ бурную ночь онъ завалилъ на нѣкоторое разстоя-

Главнокомандующимъ назначенъ Крассъ. 72.

ніе ровъ и пробился. Римляне снова были охвачены ужасомъ. Но Крассъ отвергъ съ негодованіемъ предложеніе Спартака уйдти изъ Италіи мирно, лишь бы не мѣшали ему. Несогласія между инсургентами, неслушавшимися Спартака, помогли римлянамъ. Галлы и германцы снова отдѣлились отъ остальныхъ инсургентовъ, выбрали себѣ особыхъ начальниковъ и стали опустошать Луканію. Крассъ погнался за ними, разбилъ ихъ у луканскаго озера; но Спартакъ, успѣвшій подойдти, спасъ бѣгущихъ, принявъ ихъ въ свой станъ. Они снова отдѣлились отъ него и расположились станомъ у горнаго лѣса, называвшагося Силою; Крассъ хитростью выманилъ ихъ на равнину, пославъ конницу задержать Спартака, находившагося невдалекѣ, и нанесъ имъ полное пораженіе. Болѣе 12,000 храбрыхъ рабовъ легло съ своими начальниками на полѣ битвы, всѣ съ ранами на груди. Римляне взяли орлы, знамена и фаски, отнятые у нихъ прежде. Послѣ этого пораженія, Спартакъ вернулся въ Бруттій и занялъ городъ Петелію близъ Кротона. Крассъ пошелъ за нимъ. Атака римскаго авангарда была отбита Спартакомъ; римляне потерпѣли большой уронъ. И, возгордившись этимъ успѣхомъ, инсургенты принудили Спартака напасть на врага: они воображали, что побѣдятъ Красса, и хотѣли, разбивъ его, идти черезъ Луканію и Апулію на Римъ. Крассъ тоже хотѣлъ поскорѣе дать рѣшительную битву, чтобы не отнялъ у него славу побѣды Помпей, возвратившійся изъ Испаніи. Римляне копали ровъ около своего стана, когда подошло къ нимъ войско невольниковъ. Битва была ужасна. Спартакъ убилъ своего коня и пѣшій пошелъ въ бой; онъ искалъ самого Красса. Съ отрядомъ преданнѣйшихъ воиновъ, онъ пролагалъ себѣ мечомъ путь сквозь густые ряды римлянъ. Два центуріона упали подъ его ударами. Но какъ ни храбро сражался онъ, враги начинали одолѣвать. Невольники отступали. Множество дротиковъ полетѣло на Спартака, который былъ замѣтенъ римлянамъ по своему мужеству. Раненный онъ опустился на одно колѣно и, какъ левъ, оборонялся отъ толпы наступающихъ враговъ, пока упалъ мертвый. Подобно ему, храбрѣйшіе изъ его сподвижниковъ умерли въ славномъ бою свободными людьми. Тѣло его не было найдено и осталось непоруганнымъ. Взятые въ плѣнъ были преданы мучительной смерти; ихъ израненныя, изрубленныя тѣла были оставлены безъ погребенія. Успѣвшія бѣжать толпы инсургентовъ хотѣли уйдти за Альпы, но были встрѣчены и истреблены возвращавшимся Помпеемъ. Римскіе отряды разыскивали скрывавшихся и убивали всѣхъ. Помпей гордо донесъ сенату, что Крассъ разбилъ врага въ сраженіи, а онъ истребилъ съ корнемъ войну. По дорогѣ отъ Капуи къ Риму стояли шесть тысячъ крестовъ съ распятыми мятежниками. Таково было ужасное мщеніе, которымъ римскіе рабовладѣльцы снова упрочили свое законное право имѣть людей невольниками.

Пораженіе части инсургентовъ.

Пораженіе Спартака и смерть его

Консульство Помпея и Красса 70.

Помпей и Крассъ остановили свои войска у воротъ Рима до полученія награды за свои побѣды. Они отложили соперничество, поддерживали другъ друга и выставляли себя демократами. Подъ давленіемъ, производимымъ ихъ войсками, они безъ труда получили санъ консуловъ на слѣдующій годъ. Помпею былъ данъ тріумфъ за побѣды въ Испаніи; воинамъ его было опредѣлено дать участки земли; Крассу за подавленіе возстанія невольниковъ была дана овація. Оба они отдѣлились отъ олигархіи, перешли на сторону демократовъ, отъ которыхъ ожидали твердой поддержки своимъ честолюбивымъ замысламъ. Они роздали очень много хлѣба народу, дали блестящія игры, и консульство ихъ было ознаменовано реформами въ демократическомъ духѣ. Права трибуновъ, издавна считавшіяся священнымъ оплотомъ свободы гражданъ, были возстановлены во всемъ своемъ прежнемъ объемѣ. Это было тяжелымъ ударомъ олигархическому устройству, введенному Суллою. Кромѣ того, былъ возстановленъ санъ цензоровъ, обязанности присяжныхъ были раздѣлены между сенаторами и всадниками. Итакъ трибуны не нуждались теперь въ согласіи сената на то, чтобы вносить проекты законовъ въ народное собраніе, и олигархія снова стала встрѣчать сопротивленіе со стороны трибуновъ, Произволъ областныхъ правителей, всѣ ужасы котораго были раскрыты въ этомъ году процессомъ противъ Верреса, мучителя Сициліи, нашелъ себѣ сильное обузданіе со стороны трибуналовъ при новомъ составѣ ихъ, соединявшемъ сенаторовъ и всадниковъ въ числѣ присяжныхъ. На форумѣ снова возвысила голосъ демократія. Но эта демократія не была свободная, независимая, какъ прежняя. Ей необходимо было покровительство военачальниковъ, возстановившихъ ее. Она должна была служить и стала лишь орудіемъ честолюбивыхъ полководцевъ, стремившихся получить отъ нея владычество надъ государствомъ. Но еще не пришло время замѣнить республику монархіей; притомъ Помпей, который одинъ могъ бы думать о захватѣ неограниченной власти, не имѣлъ отваги произвести насильственный переворотъ. Потому онъ и Крассъ, достигнувъ исполненія своихъ желаній, распустили легіоны. Это значило, что начинается владычество закона. Но Помпей, вѣроятно, надѣялся, что счастье, до сихъ поръ благопріятствовавшее ему, проведетъ его путемъ новыхъ блестящихъ побѣдъ къ цѣли его честолюбія.

Отмѣна нѣкоторыхъ законовъ Суллы.

Новое положеніе партій и новые законы.

Помпей, еще не занимавшій низшихъ курульныхъ магистратуръ, даже еще не бывшій и сенаторомъ, былъ избранъ консуломъ и получилъ тріумфъ; это показывало, что аристократія уже отказалась отъ надежды вполнѣ поддержать устройство, данное государству Суллой, что могущество ея подорвано. Правда, враги существующаго порядка были подавлены и въ Испаніи, и въ Италіи; но они были побѣждены не энергіею правительства, а раздорами и измѣнами въ ихъ собственныхъ рядахъ и военною удачей полководцевъ, неуважавшихъ закона и служившихъ сенату, лишь пока онъ

исполняетъ ихъ желанія. Надъ государствомъ уже и теперь фактически владычествовали войска и полководцы; кромѣ этой силы, вліяніе на государственныя дѣла имѣла лишь масса гражданъ, жившихъ въ Римѣ и господствовавшихъ въ народномъ собраніи. Подобно полководцамъ, олигархія принуждена была заискивать расположеніе этой толпы. Очевиднымъ образомъ, законы Суллы оказывались не соотвѣтствующими положенію дѣлъ, необходимы были реформы, которыя возстановили бы равновѣсіе между сенатомъ и вождями демократовъ. Сенаторская партія сначала пыталась склонить на свою сторону народъ отмѣною непріятныхъ ему постановленій, предотвратить интриги честолюбивыхъ демагоговъ и полководцевъ своевременными уступками ему: правительство наполнило государственные магазины сицилійскимъ хлѣбомъ, возстановило раздачу хлѣба бѣднымъ гражданамъ; отмѣнило исполненіе законовъ, слишкомъ стѣснявшихъ свободу населенія. Но аристократія упорно защищала тѣ законы, которыми была ограничена власть трибуновъ и не хотѣла отказаться отъ того, чтобы всѣ присяжные были назначаемы изъ числа сенаторовъ, а между тѣмъ эти два установленія Суллы были самыми тяжелыми изъ всѣхъ ранъ, какія нанесъ онъ прежнему государственному устройству. Права трибуновъ срослись съ государственною жизнью Рима такъ неразрывно, что свобода, величіе, благосостояніе народа казались обусловлены священными правами народныхъ трибуновъ, и уменьшеніе этихъ правъ казалось нарушеніемъ священныхъ правъ народа, посягательствомъ на самое существованіе республиканскихъ учрежденій. Потому со смерти Суллы не проходило почти ни одного года безъ вноса въ народное собраніе предложеній о возстановленіи правъ народныхъ трибуновъ. Можно было достовѣрно предвидѣть, что тотъ, кто, одолѣвъ единодушное сопротивленіе аристократіи, возвратитъ народу охраняющую его власть трибуновъ, сдѣлается любимцемъ его. Какъ демократы требовали возстановленія прежнихъ правъ трибуновъ, такъ сословіе всадниковъ, то есть капиталистовъ, хотѣло, чтобъ ему была возвращена судебная власть. Когда присяжными стали исключительно люди сенаторскаго сословія, возникло много жалобъ на пристрастіе судовъ. Прежніе присяжные, назначаемые изъ сословія всадниковъ, нерѣдко нарушали правосудіе въ пользу своихъ товарищей по сословію, несправедливо охраняли откупщиковъ отъ наказанія по жалобамъ провинціаловъ, наказывали провинціальныхъ правителей за сопротивленіе ихъ притѣсненіямъ; теперь сенаторское сословіе, къ которому принадлежали правители провинцій, мстило своимъ прежнимъ противникамъ. Законность страдала по прежнему. Угнетеніе провинцій продолжалось, даже увеличилось; но теперь угнетателями были не откупщики, а корыстолюбивые правители и ихъ помощники. Жалобы на притѣсненія и беззаконія увеличивались, но оставлялись безъ вниманія, потому что интересы судей были тожественны съ интересами обвиняемыхъ: вся аристократія была плотно соединена между собою родственными связями, и самые знатные оптиматы не стыдились брать взятки. Многіе сенаторы были формально уличены во взяточничествѣ, на другихъ указывали пальцами, какъ на виновныхъ въ немъ. Даже римскіе граждане въ провинціяхъ подвергались насиліямъ правителей. Лишь очень рѣдко удавалось подвергнуть наказанію этихъ деспотовъ. Для того надобно было, чтобы правитель провинціи превзошелъ всякую мѣру въ своей алчности, въ своихъ беззаконіяхъ, какъ напримѣръ Гай Верресъ, одинъ изъ самыхъ раболѣпныхъ и безсовѣстныхъ прислужниковъ Суллы; сдѣлавшись правителемъ Сициліи, онъ попиралъ законъ и нравственность, гнуснѣйшими средствами отнималъ у сицилійцевъ деньги, произведенія искусствъ, захватывалъ въ свою власть красивыхъ

Политика олигарховъ.

Народные трибуны.

Судоустройство

Пристрастіе судилищъ.

Угнетеніе провинцій.

Верресъ.

женщинъ и дѣвушекъ. Благодаря тому, что защиту сицилійцевъ принялъ на себя Цицеронъ, хорошій юристъ и вліятельный ораторъ, злодѣй принужденъ былъ удалиться въ изгнаніе и возвратить ограбленнымъ отнятое у нихъ. Но когда притѣснителя осуждали вознаградить ограбленныхъ, судъ обыкновенно назначалъ вознагражденіе имъ въ такомъ незначительномъ размѣрѣ, что осужденный оставался богатымъ человѣкомъ и проводилъ время своего изгнанія въ Баіяхъ, или Массиліи, утопая въ роскоши.

Положеніе Помпея.

Ссора владычествовавшихъ въ государствѣ оптиматовъ съ народнымъ собраніемъ и всадниками достигла уже значительнаго ожесточенія, когда Помпей подвелъ къ воротамъ города свои побѣдоносные легіоны. Аристократія и народное собраніе наперерывъ старались привлечь его на свою сторону. Ему былъ данъ тріумфъ за побѣду надъ испанцами. Воинамъ его были назначены участки земли, въ исполненіе обѣщанія, которое онъ самовластно далъ имъ. Его вмѣстѣ съ Крассомъ назначили консуломъ. Побѣда той, или другой партіи зависѣла отъ того, на которую сторону станетъ онъ; должна была перевѣсить та чашка вѣсовъ, на которую онъ положитъ свой мечъ. По своимъ прежнимъ связямъ онъ принадлежалъ къ партіи оптиматовъ; но союзъ съ демократами обѣщалъ ему больше выгодъ. Въ рядахъ аристократіи онъ оставался бы лишь ея орудіемъ; она ласкала бы его лишь пока онъ ей нуженъ и при первомъ удобномъ случаѣ оттолкнула бы его въ ничтожество. Присоединившись къ демократамъ, онъ становился владыкою народнаго собранія, могъ получить отъ него всѣ почести, какихъ желалъ. Онъ не колебался въ выборѣ. Онъ хотѣлъ, опираясь на демократовъ, стать первымъ человѣкомъ въ государствѣ; быть однимъ изъ нѣсколькихъ вліятельныхъ людей между оптиматами казалось ему мало. Побѣдитель послѣдняго демократическаго войска въ Испаніи вступилъ въ союзъ съ римскими демократами, и благодарность ихъ сдѣлала его почти неограниченнымъ властелиномъ государства. Назначенный консуломъ, онъ былъ бы совершенно полновластнымъ распорядителемъ всего, еслибъ товарищемъ его не былъ сдѣланъ Крассъ. Этотъ соперникъ его тоже примкнулъ къ демократамъ, тоже имѣлъ славу недавнихъ побѣдъ; и если военные подвиги Помпея были блистательнѣе, то Крассъ былъ вліятеленъ, благодаря своему богатству и обширнымъ связямъ.

Крассъ.

Преобразованіе учрежденій въ консульство Помпея и Красса.

По вступленіи Помпея и Красса въ санъ консуловъ важнѣйшіе изъ законовъ Суллы были отмѣнены, и преобладаніе оптиматовъ было уничтожено этою реформой. Помпей самъ предложилъ народному собранію, чтобы трибунамъ были возвращены всѣ прежнія права. Относительно судоустройства было сдѣлано преобразованіе, примирявшее притязанія сенаторовъ и всадниковъ; предполагалось, что эта реформа прекратитъ продажность присяжныхъ, возстановитъ правосудіе и не возбудитъ новой неприязни между сенаторами и всадниками. По предложенію претора Луція Аврелія Котты, народное собраніе постановило, что третья доля присяжныхъ должна быть назначаема изъ числа сенаторовъ, двѣ другія трети изъ всадниковъ и тѣхъ гражданъ, которые прежде занимали должность такъ называемыхъ трибуновъ-казначеевъ (tribuni aerarii). Эти казначеи избирались въ комиціяхъ трибъ и потому законъ Аврелія, предоставлявшій имъ участіе въ судебной власти дѣлалъ новую уступку народному собранію. Была возвращена прежняя власть цензорамъ. Реакція противъ аристократіи была такъ велика, что люди, бывшіе консулами за два года передъ тѣмъ и лишенные сенатомъ начальства надъ войсками за неудачныя дѣйствія въ невольнической войнѣ, были избраны цензорами; они дѣйствовали противъ сенаторовъ сурово, лишили 64 человѣкъ сенаторскаго сана. Соразмѣрно тому, какъ падала сила оптиматовъ, усиливалось вліяніе денежной аристократіи. Въ 67 году всадники снова получили въ театрѣ особенныя мѣста.

---

3. Война съ морскими разбойниками.

(67).

Пріюты морскихъ разбойниковъ и обширность разбоевъ.

Въ тѣ годы, когда владычествовала аристократія, государство волновалось мятежами и на востокѣ, какъ въ Италіи и въ Испаніи. На морѣ возникли сильные враги римской республики и всякой законности. Морскіе разбои увеличились до такой степени, что сенатъ увидѣлъ наконецъ необходимость принять противъ нихъ энергическія мѣры. Особенно свирѣпствовали они въ юго-восточной части Средиземнаго моря, гдѣ острова, заливы и устья рѣкъ представляли множество удобныхъ мѣстъ для ихъ стоянокъ; лѣса киликійскихъ и исаврійскихъ горъ доставляли матеріалъ для постройки ихъ кораблей, а въ ущельяхъ скалъ этихъ горъ они находили безопасные себѣ пріюты.

Приморскія земли юга Малой Азіи—Киликія, Исаврія, Памфилія и Ликія, имѣвшія мало плодородныхъ нивъ, издавна были мѣстностями, откуда выходили морскіе разбойники. Союзниками ихъ были критяне, тоже издавна занимавшіеся пиратствомъ; находили они себѣ друзей и на Кипрѣ, и на другихъ островахъ. Когда упало могущество египетскаго и сирійскаго царствъ, они получили просторъ разъѣзжать по Средиземному морю на своихъ небольшихъ, быстрыхъ корабляхъ; прятались въ дружескихъ пристаняхъ, подстерегали купеческія суда, дѣлали неожиданныя высадки на острова и берега, грабили населеніе, похищали людей, сильно вредили торговлѣ. Дерзкій авантюристъ Трифонъ, успѣвшій на нѣсколько времени стать царемъ сирійскимъ (стр. 324), соединилъ ихъ въ одну федерацію. Помогая Митридату, они, какъ будто получили право считаться воинами, имѣющими законныя права, и образовали разбойническое государство съ опредѣленными законами. Междоусобія римлянъ и волненія, начавшіяся по смерти Суллы, очень благопріятствовали развитію пиратства. Еще больше помогало ему то, что сенатъ мало занимался морскими дѣлами, и римскій флотъ былъ слабъ; у пиратовъ было до 1000 кораблей; большею частью это были маленькія суда, но имѣли они много и большихъ кораблей, даже триремъ. Они разъѣзжали по всей восточной части Средиземнаго моря дѣлали высадки, грабили

богатые храмы *), грабили города или брали съ нихъ контрибуцію, похищали людей и продавали ихъ торговцамъ невольниками. Изъ многихъ цвѣтущихъ многолюдныхъ городовъ приморья и островов ушло все населеніе, чтобы не быть увезеннымъ разбойниками въ Делосъ или Фаселиду, главные невольничьи рынки, куда съѣзжались римскіе торговцы и землевладѣльцы покупать ихъ. Поселяне не смѣли пахать земли близь моря. Римскіе оптиматы, покупавшие невольниковъ, находили морскихъ разбойниковъ выгодными для себя поставщиками ихъ и владычествуя въ государствѣ, не мѣшали развитію пиратства. Верресъ, когда былъ правителемъ Сициліи, покровительствовалъ морскимъ разбойникамъ, получая долю изъ ихъ прибыли; конечно, онъ былъ не одинъ такой правитель; повсюду находили они людей, помогавшихъ имъ, дававшихъ имъ пріютъ. Греческіе торговые города, или по боязни, или по алчности, дозволяли имъ входить въ свои пристани, продавать на своихъ рынкахъ награбленную добычу и похищенныхъ людей, чинить корабли на своихъ верфяхъ, зимовать у себя, готовиться къ возобновленію разъѣздовъ весной. Свирѣпости Суллы доставили пиратамъ много новыхъ товарищей. Осужденные на смерть демократы, другіе изгнанники, поселяне, у которыхъ Сулла отнялъ землю, чтобъ отдать ее своимъ воинамъ, скитались толпами повсюду; нѣкоторые изъ нихъ шли къ морскимъ разбойникамъ. Пираты были вѣрны другъ другу, не выдавали своихъ въ опасности; у нихъ была строгая дисциплина, безграничное послушаніе начальникамъ, которыхъ избирали они себѣ сами; потому они составляли прочно организованное сильное государство, съ которымъ находились въ сношеніяхъ азіатскіе цари и римскіе демократы, оборонявшіеся противъ войскъ аристократіи въ Испаніи. Они были отверженники общества, злодѣи, которымъ въ случаѣ плѣна неизбѣжно предстояла мучительная смерть на крестѣ, потому они держались дружно, находясь всѣ въ одинаковой опасности; единственнымъ спасеніемъ для нихъ была храбрость и удача. Истиннымъ отечествомъ ихъ было море;—все море отъ Геркулесовыхъ столбовъ до Финикійскаго берега, отъ Геллеспонта до Малейскаго мыса. Своихъ женъ и дѣтей, свои сокровища прятали они въ укрѣпленіяхъ въ киликійскихъ, ликійскихъ, исаврійскихъ скалахъ; тамъ находили убѣжище и себѣ въ случаѣ опасности.

Римскіе правители провинціи Азіи послѣ Суллы не имѣли ни силы, ни охоты подавить морской разбой. Луцій Лициній Мурена, самовольно на-

---

*) По словамъ Аппіана, они взяли въ Самоѳракійскомъ храмѣ такую массу сокровищъ, что цѣнность похищеннаго ими составляла до 1000 талантовъ (около 1,500000 рублей). Они ограбили храмъ Асклепія въ Эпидаврѣ, храмы Посейдона на мысѣ Тенарѣ и въ Калавріи, аргосскій храмъ Геры, храмъ Аполлона на мысѣ Актіѣ.

Неудачныя экспедиціи римскихъ правителей противъ морскихъ разбойниковъ. 79—76.

чавшій войну съ Митридатомъ, въ надеждѣ обогатиться добычей и пріобрѣсти тріумфъ, не дѣлалъ ничего противъ пиратовъ, хотя Милетъ и другіе приморскіе города дали ему корабли. Больше рѣшимости дѣйствовать противъ пиратовъ оказалъ Публій Сервилій Ваціа. Онъ три года велъ войну съ ними, захватывалъ или разгонялъ ихъ корабли, дѣлалъ трудные походы на ихъ укрѣпленія въ горахъ; взялъ и сжегъ въ Ликіи горную крѣпость Олимпъ, царь которой вмѣстѣ съ семействомъ бросился въ пламя, чтобы не сдаваться въ плѣнъ; взялъ разбойничій городъ Фаселиду, повелъ войско черезъ крутой хребетъ Тавра и принудилъ сдаться крѣпость Исавру; ея взятіе было блестящимъ подвигомъ, доставившимъ отважному полководцу названіе Исаврійскаго; онъ покорилъ Киликію, сдѣлалъ ее римской провинціей. Но морскіе разбои продолжались; пираты потерпѣли большой уронъ, а подавлены не были. Не уменьшились морскіе разбои даже и послѣ того, какъ Луцій Цецилій Метеллъ покорилъ Критъ и за это завоеваніе получилъ названіе Критскаго. Дерзость пиратовъ даже возростала. Она дошла до того, что однажды, овладѣвъ нѣсколькими римскими военными кораблями, они повѣсили римскихъ плѣнныхъ на мачтахъ этихъ кораблей на цѣпяхъ, которыя были заготовлены римлянами для нихъ. Они стали нападать даже на Италію. Сдѣлавъ высадку, они ходили довольно далеко въ глубину страны, грабили богатыя виллы, уводили знатныхъ римлянъ, чтобы взять богатый выкупъ, увозили добычу. Латинскій поселянинъ, проѣзжіе на Аппіевой дорогѣ, аристократъ, веселившійся въ роскошныхъ Баіяхъ, должны были трепетать за свою жизнь. Морская торговля остановилась, подвозъ хлѣба въ Римъ прекратился; въ Римѣ, по всей Италіи былъ недостатокъ продовольствія. „Владыки вселенной были не безопасны въ самой Италіи“, говоритъ Друманъ: „вѣстники, которые везли повелѣнія Рима въ провинціи, должны были пробираться украдкою, или платить выкупъ; даже легіоны дожидались зимняго времени, чтобы пускаться въ море; римскіе флоты были прогоняемы пиратами; провинціалы и союзники теряли уваженіе къ Риму, который ставилъ славу свою въ томъ, чтобъ охранять народы, наказывать нарушителей мира, а теперь похожъ былъ на осажденный городъ. Казалось, что возвращаются тѣ старинныя времена, когда Римъ съ трудомъ отбивался отъ враговъ на Тибрѣ и на Аніэнѣ и граждане его пахали землю близъ своей столицы вооруженные“.

Дерзость пиратовъ возростаетъ.

По предложенію Габинія, Помпею поручена война съ пиратами.

Такое положеніе дѣлъ было нестерпимо. Натуральна была мысль, что освобожденіе государства отъ морскихъ разбойниковъ должно поручить Помпею, котораго уже давно называли Великимъ. Сдѣлавъ демократическія реформы въ годъ своего консульства, онъ пріобрѣлъ такую любовь простолюдиновъ и такое множество приверженцевъ во всѣхъ другихъ сословіяхъ, что партія оптиматовъ не могла выставить никого кандидатомъ противъ него. Онъ самъ желалъ, чтобъ ему было дано порученіе, которое доставитъ ему случай вновь заслужить признательность отечества и вплести въ свой вѣнокъ тѣ лавры, какіе хотѣли получить Метеллъ покореніемъ Крита и Лукуллъ войною съ Митридатомъ. Но онъ желалъ себѣ такого широкаго полномочія, которое дѣлало бы его независимымъ отъ сената. Оптиматы ненавидѣли его, какъ ренегата; оставайся онъ подчиненъ имъ, они старались бы мѣшать ему, и онъ не могъ бы поручиться за

успѣхъ. Самъ онъ не высказывалъ своихъ требованій; онъ поручилъ другимъ дѣйствовать за него. Онъ вообще держался правила, какъ можно рѣже являться на форумъ, а когда, по его разсчету, надобно было прійдти въ народное собраніе, то являться туда съ многочисленной блестящей свитой въ такомъ величіи, которое импонировало бы толпѣ. Народный трибунъ Авлъ Габиній, отважный человѣкъ, нуждавшійся въ деньгахъ, предложилъ народу: «назначить одного изъ
67. людей, бывшихъ консулами, главнокомандующимъ на всемъ Средиземномъ морѣ отъ восточныхъ береговъ до Геркулесовыхъ столбовъ, и по всѣмъ берегамъ на разстояніе 400 стадій (около 70 верстъ) отъ моря, предоставить ему на три года неограниченную проконсульскую власть на всемъ этомъ пространствѣ, дать ему изъ числа сенаторовъ пятнадцать легатовъ съ пропреторской властью, 200 кораблей, столько воиновъ для этого флота, сколько найдетъ онъ надобнымъ, и 6000 аттическихъ талантовъ». Для всѣхъ было ясно, кто этотъ бывшій консулъ, которому Габиній предлагаетъ дать такое полномочіе. Оптиматы, вождемъ которыхъ былъ теперь по праву своего сана консулъ Гай Кальпурній Пизонъ, всячески боролись противъ предложенія, противорѣчившаго всему обычному порядку дѣлъ и отнимавшаго у сената управленіе ими: ясно было, что сенатъ и всѣ сановники теряютъ всякую силу, если Габиній убѣдитъ народное собраніе предоставить въ полное распоряженіе почти все войско, весь флотъ и всю государственную казну въ полное распоряженіе главнокомандующему, который не консулъ и не преторъ. «Помпей хочетъ быть Ромуломъ; если такъ, то онъ и кончитъ, какъ Ромулъ» воскликнулъ въ негодованіи Пизонъ. Были угрозы убить Габинія; думая, что жизнь его въ опасности, народъ окружилъ сенатъ и хотѣлъ ворваться въ залъ засѣданій. Только заступничество противника спасло жизнь консула. Въ тотъ день, когда было назначено вотированіе о предложеніи Габинія, форумъ былъ весь наполненъ народомъ; даже выходившіе на него дома были полны людей. Оптиматы склонили товарищей Габинія остановить совѣщаніе своимъ вето, но когда трибунъ Луцій Требеллій сказалъ, что онъ запрещаетъ продолжать совѣщаніе, Габиній поступилъ съ нимъ, какъ Тиберій Гракхъ съ Октавіемъ (стр. 637). Онъ предложилъ народу лишить Требеллія трибунскаго сана; трибуны начали вотировать; семнадцать трибъ одна за другой вотировали низложеніе Требеллія; онъ отказался отъ сопротивленія. Другой трибунъ Отонъ хотѣлъ возобновить протестъ; народъ поднялъ крикъ, заставившій его замолчать. Началось вотированіе о предложеніи Габинія. Народъ принялъ его съ одушевленіемъ и даже увеличилъ число войска и кораблей, даваемыхъ Помпею. Вожди демократіи, къ числу которыхъ принадлежалъ тогда Гай Юлій Цезарь, уже бывшій раньше того квесторомъ, поддерживали предложеніе, чтобы Помпей не разсердился на нихъ и не перешелъ опять

на сторону олигарховъ. Такимъ образомъ, наперекоръ оппозиціи сенаторовъ, Помпею была дана по закону Габинія проконсульская власть на морѣ и на прибрежьяхъ, и онъ занялъ положеніе, независимое отъ сената, подобное царскому. Ему было предоставлено собрать подъ своимъ начальствомъ 500 кораблей, надобное для нихъ число гребцовъ и матросовъ, а для дѣйствія на сухомъ пути 12.000 человѣкъ пѣхоты и 4.000 конницы; всѣ средства, какими Римъ располагалъ въ провинціяхъ и подвластныхъ государствахъ, были отданы въ полное распоряженіе новому главнокомандующему. И въ тотъ же самый день, какъ былъ принятъ этотъ законъ, цѣна хлѣба, бывшая чрезвычайно высокой, упала, говоритъ Плутархъ, до такой дешевизны, какая бывала развѣ въ мирное время послѣ чрезвычайнаго урожая: такова была надежда, внушаемая именемъ Помпея.

Покореніе морскихъ разбойниковъ. 67.

Помпей оправдалъ ожиданіе народа. Въ продолженіе зимы онъ заготовилъ корабли, матросовъ, сухопутное войско, запасся деньгами и, съ наступленіемъ весны, началъ военныя дѣйствія по плану, превосходно составленному: онъ съ главными силами двигался на западъ, гоня передъ собою пиратовъ, а его легаты, дѣйствуя каждый въ особомъ округѣ—(море было раздѣлено на 13 округовъ), не давали прогоняемымъ пиратамъ нигдѣ отдохнуть, собраться, запастись продовольствіемъ. Этимъ способомъ Помпей въ три мѣсяца очистилъ все Средиземное море отъ разбойниковъ: онъ выгонялъ ихъ изъ всѣхъ убѣжищъ, гналъ ихъ, какъ будто охвативъ сѣтью, разбилъ ихъ въ рѣшительномъ сраженіи, въ которомъ какъ говорятъ, было уничтожено 1300 большихъ и мелкихъ разбойничьихъ судовъ и погибло 10000 разбойниковъ, а 400 судовъ и 20,000 разбойниковъ были взяты побѣдителемъ. Потомъ Помпей разрушилъ укрѣпленія пиратовъ на южномъ берегу Малой Азіи и въ горахъ его, предотвратилъ возможность возобновленія пиратскихъ поселеній тамъ, возстановивъ опустѣвшіе города Киликійскаго прибрежья: Маллъ, Адану, Эпифанію и Солы; онъ поселилъ въ этихъ городахъ новыхъ жителей, а ненадежную часть Киликійскаго населенія перевелъ въ Грецію. Городъ Солы, въ особенности много обязанный Помпею, былъ названъ по его имени Помпейополемъ. Быстротою успѣха Помпей былъ отчасти обязанъ своей благоразумной кротости: молва о ней отворяла ему ворота горныхъ укрѣпленій, подступъ къ которымъ былъ труденъ. Увѣренные въ томъ, что получатъ пощаду, пираты массами сдавались ему. Другой причиной быстрой удачи его было то, что пираты не имѣли ничего подобнаго чувству національности. Ихъ соединили только голодъ и алчность, а не патріотизмъ; у нихъ не было никакихъ нравственныхъ чувствъ, которыя могли бы внушать имъ упорное сопротивленіе; какъ только исчезла надежда обогащаться грабежемъ, всѣ связи между ними порвались: прежде

они держались заодно лишь потому, что этого требовала личная выгода каждаго.

Ссора съ Метелломъ за право власти на Критѣ.

Пощада, оказанная Помпеемъ покорившимся городамъ и плѣннымъ пиратамъ, внушила тѣмъ критскимъ общинамъ, которыя еще не были покорены Метелломъ, мысль покориться Помпею. Онъ принялъ ихъ предложеніе, но Метеллъ, горячій приверженецъ партіи оптиматовъ, отвергъ вмѣшательство Помпея. Въ предыдущемъ году онъ разбилъ критянъ, взялъ города Кидонію и Кноссъ, покорилъ большую часть острова, этого послѣдняго уголка, въ которомъ еще оставались независимые греки; теперь онъ не хотѣлъ признать, что полномочіе главнокомандующаго, назначеннаго демократами, простирается на Критъ, и продолжалъ войну съ прежнею суровостью. Помпей послалъ своего легата Луція Октавія принять подъ покровительство тѣ города, которые отдались ему. Метеллъ не слушался распоряженій, переданныхъ Октавіемъ, покорилъ остальную часть острова и пріобрѣлъ тѣмъ себѣ тріумфъ и титулъ Критскаго. Помпей сначала сердился на его ослушаніе; но, получивъ по закону Манилія болѣе важное порученіе, бросилъ это дѣло и предоставилъ полководцу аристократовъ блескъ тріумфа, очень блѣдный сравнительно съ тѣмъ, какой готовилъ себѣ онъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ обстоятельства такъ измѣнились, что Метеллъ и Помпей стали дѣйствовать заодно.—Критъ былъ сдѣланъ римской провинціей.

---

4. Вторая война съ Митридатомъ

1. Походы Лукулла (75—67).

Митридатъ и Тигранъ дѣлаютъ завоеванія.

Едва Помпей возстановилъ честь Рима и владычество республики на морѣ подавленіемъ пиратовъ, какъ римскій народъ уже поручилъ своему любимцу войну, которая должна была дать ему гораздо болѣе славы.—Сулла не имѣлъ времени прочно устроить азіатскія дѣла, удовольствовался миромъ очень шаткимъ, не рѣшавшимъ ничего и даже не засвидѣтельствованнымъ документами; онъ спѣшилъ на борьбу съ политическими противниками въ Италіи. Римъ дорого поплатился за его торопливость. Во время волненій, ослаблявшихъ Римъ, Митридатъ возобновилъ свои завоеванія при содѣйствіи могущественнаго союзника, Тиграна, царя армянскаго, за котораго отдалъ дочь. Въ тѣ годы, когда Сулла истреблялъ демократовъ и самнитовъ, а потомъ Метеллъ и Помпей подавляли послѣдніе остатки инсургентовъ въ Испаніи, Тигранъ расширялъ свои владѣнія на востокъ и югъ; онъ

а) Тигранъ.

отнялъ Атропатену и другія области у парѳянъ, ослабленныхъ междоусобіемъ, отдалъ земли по Эвфрату и Месопотаміи царямъ, обѣщавшимся повиноваться ему, поселилъ въ Эдессѣ кочевыхъ арабовъ и проложилъ этимъ дорогу себѣ на востокъ; овладѣлъ Каппадокіею, доходилъ до Оронта, сдѣлалъ одною изъ своихъ столицъ Антіохію, ходилъ по сирійскому прибрежью до Птолемаиды. Многочисленностью войскъ, великолѣпіемъ и безпощаднымъ произволомъ онъ напоминалъ Салманассара и Небукаднезара, Дарія и Ксеркса. Онъ увелъ изъ культурныхъ странъ огромныя массы людей и поселилъ ихъ въ своей новой колосальной столицѣ, Тигранокертѣ («городѣ Тиграна»); этотъ городъ, основанный имъ въ верхней части бассейна Тигра, былъ подражаніемъ Нineвіи и Вавилону, имѣлъ высокія стѣны, великолѣпные дворцы, огромные сады. Онъ поселилъ плѣнныхъ грековъ въ городахъ, которые основалъ въ Месопотаміи, въ другихъ областяхъ. Плутархъ говоритъ, что при немъ постоянно находились четыре царя, прислуживавшіе ему, какъ другимъ господамъ прислуживаютъ рабы; когда онъ ѣхалъ, они шли подлѣ него пѣшкомъ; когда онъ сидѣлъ на престолѣ и принималъ пословъ, они стояли подлѣ него, сложивъ руки на груди.

б) Митридатъ.

Въ союзѣ съ Тиграномъ и Митридатъ пользовался этими удобными годами и расширялъ свои владѣнія. Онъ набралъ себѣ большое войско изъ воинственныхъ азіатскихъ и европейскихъ племенъ, упрочилъ свое владычество на берегахъ Чернаго моря, сдѣлалъ новыя завоеванія, увеличилъ флотъ, улучшилъ войско, принявъ на службу римскихъ эмигрантовъ, вступилъ въ сношенія съ Серторіемъ, который прислалъ ему военачальниковъ, обучившихъ войска его римскимъ военнымъ пріемамъ. Ему наконецъ показалось, что онъ достаточно подготовился къ новой войнѣ съ Римомъ и будетъ въ силахъ овладѣть всей Малой Азіей. Удобный случай къ войнѣ, представился ему, когда умеръ виѳинскій царь Никомедъ III, не имѣвшій дѣтей и назначившій въ своемъ завѣщаніи наслѣдникомъ своего царства римскій народъ. Митридатъ взялся за оружіе, чтобъ овладѣть виѳинскимъ царствомъ прежде, чѣмъ успѣютъ римляне занять его войсками. Имѣя своими союзниками пиратовъ, получая поддержку отъ Серторія, онъ разсчитывалъ и на то, что жители азіатскихъ владѣній Рима, угнетаемые откупщиками и ростовщиками, будутъ помогать ему. И дѣйствительно они тайно, отчасти даже явно выказывали ему сочувствіе. Онъ вступилъ въ Виѳинію съ войскомъ, въ которомъ считалось 100,000 человѣкъ пѣхоты, 16,000 конницы и 100 боевыхъ колесницъ. А флотъ его, состоявшій изъ 400 кораблей, блокировалъ города по южному берегу Чернаго моря; его отряды подъ начальствомъ римскихъ эмигрантовъ пошли во Фригію и въ провинцію Азію, призывая народъ къ возстанію. Флотъ его одержалъ близъ Халкедона побѣду надъ флотомъ

Митридатъ начинаетъ войну 74.

консула Марка Аврелія Котты; 70 римскихъ кораблей были сожжены тутъ. Ободренный этой побѣдой, Митридатъ вошелъ въ римскую провинцію, раздвинулъ свои войска по берегу Пропонтиды, овладѣлъ Лампсакомъ, осадилъ съ моря и суши городъ Кизикъ, отдѣленный узкимъ проливомъ отъ материка. Греческіе мастера построили ему огромныя осадныя машины между прочимъ гелеполь, по образцу тѣхъ, какія строилъ Димитрій Поліоркетъ (стр. 287); машины, поставленныя на этой подвижной башнѣ, бросали въ городъ камни и горящія стрѣлы. Но осажденные греки храбро оборонялись, отбивали всѣ приступы, дѣлали вылазки и разрушали осадныя машины; когда Митридатъ успѣлъ сдѣлать проломъ въ стѣнѣ, позади этой части ея была уже построена новая; осада затянулась, и консулъ Луцій Лициній Лукуллъ имѣлъ время прійдти на помощь городу. Митридатъ подвелъ къ стѣнамъ взятыхъ въ плѣнъ гражданъ Кизика и грозилъ перебить ихъ, если городъ не сдастся; но осажденные остались непоколебимы. Лукуллу давали совѣтъ идти не на освобожденіе Кизика, а въ понтское царство, остававшееся безъ войскъ; онъ отвѣчалъ, что ищетъ звѣря, а не пустую берлогу и занялъ выгодную позицію въ тылу врага. Войско Митридата терпѣло недостатокъ въ продовольствіи, между прочимъ потому, что зимою подвозъ провіанта былъ труденъ; оно стало страдать отъ голода, отъ болѣзней; многіе уходили; силы Митридата очень уменьшились; положеніе его сдѣлалось опаснымъ, и однажды онъ самъ едва не попался въ плѣнъ; зимнія бури разрушили часть его осадныхъ укрѣпленій. Тѣснимый Лукулломъ и вылазками осажденныхъ, онъ увидѣлъ себя въ необходимости рѣшиться на отступленіе. Онъ отослалъ часть войска съ лошадьми и вьючнымъ скотомъ, которыхъ нечѣмъ было кормить. Этотъ отрядъ былъ настигнутъ на Риндакѣ римлянами; они взяли тутъ 15,000 человѣкъ и 6000 лошадей. Съ остальнымъ войскомъ, все еще многочисленнымъ, Митридатъ держался подъ Кизикомъ до весны. Съ наступленіемъ ея онъ велѣлъ двумъ своимъ полководцамъ идти съ главной массой войска на западъ къ Лампсаку, а самъ съ нѣкоторою частью воиновъ сѣлъ ночью на корабли. Станъ со всѣмъ обозомъ,

73. съ раненными и больными былъ взятъ осажденными; въ своемъ озлобленіи они убили всѣхъ, покинутыхъ тамъ Митридатомъ. Войско, преслѣдуемое Лукулломъ, потерпѣло тяжелыя пораженія при переправахъ черезъ разлившіяся рѣки Эсепъ и Граникъ; лишь небольшіе остатки его въ самомъ жалкомъ видѣ дошли до Лампсака. Корабли Митридата взяли ихъ тамъ и вмѣстѣ съ богатѣйшими изъ лампсакскихъ гражданъ увезли на востокъ. Если бы на Геллеспонтѣ или на Пропонтидѣ былъ римскій флотъ, несмѣтное войско Митридата было бы уничтожено все, хотя большихъ сраженій не происходило. А между тѣмъ у Лукулла было не больше 30,000 человѣкъ, и часть войска его составляли буйные легіоны Фимбріи, бродив-

Погибель войска Митридата подъ Кизикомъ.

шіе по Азіи девять лѣтъ, отвыкшіе отъ дисциплины, но честно отвергавшіе всѣ обольщенія Митридата. Понтскій флотъ владычествовалъ на морѣ; 50 кораблей подъ начальствомъ римскихъ эмигрантовъ плавали даже по Эгейскому морю и брали контрибуцію съ римскихъ союзниковъ. Лукуллъ наконецъ успѣлъ собрать разрозненныя римскія эскадры, пошелъ противъ этой части непріятельскаго флота, взялъ въ сраженіи у берега Троады нѣсколько кораблей, напалъ на другіе у маленькаго необитаемаго острова близъ Лемноса и послѣ упорной битвы овладѣлъ ими. Большинство римскихъ изгнанниковъ погибло тутъ: одни пали въ сраженіи, другіе сами убили себя; взятые въ плѣнъ были казнены. Та часть понтскаго флота, на которой Митридатъ ушелъ въ Никомидію почти вся погибла отъ бурь, такъ что онъ почти одинъ доплылъ до Синопа и оттуда вернулся въ Понтъ. Такимъ образомъ осада Кизика была поворотной эпохой войны: подъ стѣнами этого города была освобождена Малая Азія, и Митридату послѣ того пришлось уже только обороняться; онъ отступалъ шагъ за шагомъ, какъ левъ, но уже безъ надежды на побѣду.

Ободренный блестящими успѣхами, Лукуллъ собралъ свои отряды, преслѣдовавшіе отступающихъ и пошелъ въ царство Митридата. Тылъ его былъ прикрытъ царемъ галатскимъ Дейотаромъ, вѣрнымъ союзникомъ римлянъ; море было теперь во власти Лукулла, чей флотъ прогналъ непріятельскіе корабли. Побѣдоносный римскій полководецъ перешелъ Галисъ, блокировалъ богатые города Амизъ, Ѳемискиру, стоявшую на Ѳермодонтѣ, гдѣ, по преданію, нѣкогда жили амазонки, Эвпаторію, великолѣпный городъ, основанный Митридатомъ. Дѣятельный противникъ Лукулла собралъ въ своихъ понтскихъ и скиѳскихъ областяхъ новыя массы пѣхоты и конницы. Но при Кабирѣ на рѣкѣ Ликѣ потерпѣлъ такое пораженіе, что лишь съ немногими спутниками успѣлъ бѣжать черезъ Комана въ Арменію къ своему зятю Тиграну. Полчища его разсѣялись; онъ попался бы въ плѣнъ римлянамъ, если бъ жадные воины Лукулла не потеряли много времени въ грабежѣ и разыскиваніи покинутыхъ бѣжавшимъ царемъ сокровищъ. Митридатъ успѣлъ, благодаря этой задержкѣ преслѣдованія, уйдти въ Арменію съ 2000 всадниковъ. Онъ просилъ помощи зятя, но Тигранъ сначала выказывалъ холодность къ нему. Болѣе года Митридатъ прожилъ изгнанникомъ въ одной изъ горныхъ крѣпостей Арменіи. Римляне между тѣмъ овладѣли его сокровищами и всѣмъ понтскимъ царствомъ. Жены и наложницы Митридата, остававшіяся въ Фарнакіи, были, по его приказанію, отравлены эвнухомъ Бакхидомъ, чтобы не взяли ихъ въ плѣнъ римляне. Красавицѣ Монимѣ, гречанкѣ родомъ изъ Милета, Митридатъ предоставилъ самой выбрать родъ смерти. Она повѣсилась было на діадемѣ, но діадема оборвалась, и эвнухъ убилъ царицу мечомъ. Туземцы покорялись рим-

Лукуллъ вступаетъ въ Понтъ; бѣгство Митридата 72—70.

72.

Весна 70.

лянамъ почти безъ сопротивленія; но греческіе города приморья отчаянно оборонялись.

Судьба греческихъ городовъ Понта.

Значительная часть Амиза сгорѣла, когда вошелъ въ него Лукуллъ; городъ былъ ограбленъ, но потомъ Лукуллъ объявилъ его свободнымъ и сдѣлалъ складочнымъ мѣстомъ своихъ военныхъ запасовъ. Синопомъ правили эвнухи Клеохаръ и Бакхидъ при содѣйствіи начальника морскихъ разбойниковъ, Селевка. Они безпощадно принуждали жителей помогать оборонѣ и выдержали долгую осаду. Синопъ, бывшій цвѣтущимъ торговымъ городомъ, достался въ руки римлянъ обѣднѣвшимъ, безлюднымъ; эвнухи и помощники ихъ уплыли съ сокровищами и произведеніями искусствъ, взявъ съ собою важнѣйшихъ гражданъ. Гераклея Понтская два года оборонялась противъ отряда, осаждавшаго ее съ суши, и флота Котты; голодъ, болѣзни, измѣна отдали ее наконецъ римлянамъ; озлобленные сопротивленіемъ, буйные воины и алчные начальники ихъ грабили, жгли, рѣзали. Котта нагрузилъ свои корабли добычей; но многіе изъ нихъ на пути въ Италію потонули.

Когда были взяты приморскія крѣпости, могущество Митридата было совершенно сокрушено. Его помощники, римскіе эмигранты были истреблены и въ Испаніи, и на Эгейскомъ морѣ, и въ его войскѣ. Его сынъ Махаръ отложился отъ него, желая стать царемъ Тавриды и покорился римлянамъ.

Лукуллъ защищаетъ населеніе римской провинціи Азіи отъ притѣсненія ростовщиковъ.

Располагая очень небольшими средствами, Лукуллъ достигъ великаго результата и съ тѣмъ вмѣстѣ пріобрѣлъ себѣ славу справедливаго и добраго человѣка. Онъ возвратилъ свободу и землю покореннымъ городамъ, старался исцѣлить раны, нанесенныя имъ непріятельскими гарнизонами и его алчными помощниками. Онъ освободилъ изъ ужасныхъ темницъ множество людей, брошенныхъ туда подозрительнымъ и свирѣпымъ Митридатомъ и страдавшихъ тамъ много лѣтъ. Онъ охотно принялъ въ легіоны тѣхъ римскихъ эмигрантовъ, которые пожелали примириться съ отечествомъ. Онъ защитилъ населеніе провинціи Азіи отъ безчеловѣчнаго притѣсненія откупщиковъ и ростовщиковъ, которымъ оно задолжало при уплатѣ контрибуціи, наложенной Суллою; эта контрибуція первоначально составляла 20,000 талантовъ; сумма долговъ съ процентами возросла до 120,000 талантовъ, и кредиторы взыскивали долги, безжалостно раззоряя несчастныхъ. «На уплату долговъ, говоритъ Друманъ, города принуждены были продавать утварь храмовъ, изображенія боговъ, частные люди продавать сыновей и дѣтей; когда у нихъ было отнято все, ихъ заковывали въ цѣпи, подвергали пыткамъ, держали подъ солнечнымъ зноемъ, или ставили босыми ногами на ледъ». Лукуллъ прекратилъ эти ужасы, установивъ новыя правила разсчета процентовъ и уплаты долговъ. Онъ навлекъ на себя этимъ непримиримую ненависть всадниковъ и откупщиковъ, но населеніе азіатской провинціи чтило его, какъ благодѣтеля, учредило праздники благодарности въ честь ему.

Лукуллъ идетъ въ Арменію.

Устроивъ новую администрацію и правильное судопроизводство въ Понтѣ и провинціи Азіи, Лукуллъ рѣшился перенести войну въ Арменію. Римляне уже давно съ опасеніемъ смотрѣли на завоеванія Тиграна, называвшаго себя царемъ царей. Сенатъ съ сочувствіемъ выслушивалъ жалобы на него сирійскихъ государей, но медлилъ объявленіемъ войны ему и даже не посылалъ подкрѣпленій Лукуллу. Побѣдитель Митридата считалъ необходимостью войну съ Тиграномъ. Пока Митридатъ жилъ въ Арменіи, война съ нимъ не могла считаться конченной; Лукуллъ требовалъ у Тиграна его выдачи, но римскій посолъ получилъ рѣзкій отказъ. Надменный армянскій царь даже не назвалъ въ своемъ отвѣтѣ римскаго полководца почетнымъ титуломъ императора. Лукуллъ видѣлъ, что раньше или позже война съ Тиграномъ станетъ неизбѣжна, и нашелъ, что удобнѣе всего будетъ начать ее немедленно, воспользоваться впечатлѣніями побѣдъ надъ Митридатомъ, внушавшими азіатцамъ ужасъ передъ римскимъ войскомъ; потому онъ собственною властью началъ войну съ Тиграномъ, не дожидаясь согласія сената на этотъ походъ. Со времени Александра Великаго еще ни одинъ полководецъ не предпринималъ войны съ огромнымъ государствомъ, имѣя такъ мало войска. Оставивъ гарнизоны въ Понтѣ для поддержанія римской власти, Лукуллъ имѣлъ для похода въ Арменію только 15,000 человѣкъ. Съ ними онъ двинулся въ неизвѣстную страну, имѣвшую много быстрыхъ рѣкъ, крутыхъ горъ, покрытыхъ снѣгомъ, непроходимыхъ ущелій, защищаемую могущественнымъ царемъ, которому помогали своими совѣтами предпріимчивый Митридатъ и опытнѣйшій изъ полководцевъ Митридата, Таксилъ. Лукуллъ повелъ свое смѣлое предпріятіе очень успѣшно.

Битва при Тигранокертѣ. 69.

Митридата онъ одолѣлъ, дѣйствуя медленно, осторожно; Тиграна онъ хотѣлъ побѣдить быстрымъ нападеніемъ. Переправившись черезъ Эвфратъ, онъ безъ всякихъ остановокъ пошелъ на столицу врага Тигранокерту. Гарнизонъ ея защищался храбро, осыпалъ римлянъ непрерывнымъ дождемъ стрѣлъ, жегъ ихъ осадныя машины, бросая зажженные дротики и нефть. Тигранъ стоялъ въ южной части царства у сирійской границы, думая вторгнуться въ Малую Азію; льстецы говорили, что при видѣ войска его непріятели побѣгутъ и остановятся для сопротивленія развѣ у Эфеса; онъ и не воображалъ, что Лукуллъ самъ вторгнется въ Арменію; первыхъ людей, которые привезли извѣстіе объ этомъ, онъ велѣлъ повѣсить, какъ распространителей ложныхъ слуховъ. Наконецъ стало невозможно сомнѣваться въ истинѣ; онъ пошелъ съ сирійскаго приморья на помощь осажденной столицѣ. Войско его было въ двадцать разъ многочисленнѣе римскаго; изъ всѣхъ областей обширнаго царства были собраны у него способные къ войнѣ люди; однихъ всадниковъ, одѣтыхъ въ латы, вооруженныхъ копьями, было у него больше, чѣмъ всѣхъ воиновъ у Лукулла. Когда горы кругомъ Тигранокерты покры-

лись несмѣтными полчищами врага, Лукуллъ снялъ осаду и повелъ свои легіоны черезъ рѣку Никефорій въ атаку. Тигранъ, увидѣвъ приближающихся римлянъ, сказалъ, что если это идутъ послы, то ихъ слишкомъ много, а если воины, то ихъ слишкомъ мало; онъ не вѣрилъ, что они въ самомъ дѣлѣ хотятъ сдѣлать нападеніе и не скоро убѣдился, что надобно ставить войско въ боевой порядокъ. Битва была 6 октября, въ годовщину пораженія римлянъ кимврами при Аравзіонѣ (стр. 677); этотъ день съ той поры считался у римлянъ несчастнымъ; но прежде, чѣмъ онъ сталъ склоняться къ вечеру безчисленныя полчища Тиграна были истреблены или разогнаны. Лукуллъ передъ битвою послалъ отрядъ ракійцевъ и галатовъ занять оставленный Тиграномъ безъ вниманія холмъ въ тылу тяжелой армянской конницы. Когда онъ началъ атаку съ фронта, этотъ отрядъ съ звономъ оружія и съ крикомъ бросился на армянскую конницу сзади и напугалъ ее такъ, что она въ безпорядкѣ бросилась на свою пѣхоту еще не вполнѣ разставленную въ боевой строй. Черезъ нѣсколько минутъ вся масса армянскаго войска сбилась въ безпорядочную толпу; воины давили другъ друга, тѣснота была такая, что они не могли дѣйствовать оружіемъ и беззащитно падали подъ ударами римлянъ. Тигранъ бѣжалъ съ нѣсколькими всадниками, сбросивъ съ себя тіару и діадему, чтобы не быть узнаннымъ врагами; онѣ были подняты римлянами и потомъ украсили собою тріумфъ Лукулла. Въ донесеніи сенату онъ говорилъ, что въ этомъ сраженіи было убито 100,000 армянъ и пять римлянъ. Битва при Тигранокертѣ была одною изъ самыхъ блестящихъ въ исторіи Рима, богатой славными побѣдами. Первымъ результатомъ ея было то, что жители Тигранокерты, поселенные тамъ противъ воли, отворили ворота римлянамъ. Воины Лукулла обогатились, разграбивъ царскія сокровища; жители, насильно переведенные Тиграномъ въ новую столицу, вернулись на родину, и великолѣпный городъ сталъ малолюднымъ, ничтожнымъ селеніемъ.

Послѣдствія битвы.

Лукуллъ взялъ въ Тигранокертѣ столько денегъ и всяческихъ запасовъ, что имѣлъ средства продолжать войну на свой счетъ безъ всякаго пособія изъ Рима, и за всѣми расходами у него остались огромныя суммы на раздачу воинамъ и на его собственную долю. Армянское царство было потрясено до основанія. Покоренные народы отложились отъ Тиграна и передались римлянамъ. Особенно усердно искали покровительства Лукулла греческіе города и государи; ему нравилось быть защитникомъ греческой національности. Сѣверную окраину Сиріи, Коммагену, столицу которой Самосату римляне взяли приступомъ, онъ далъ потомку Селевкидовъ.

Походъ на Артаксату 68.

Не довольствуясь пріобрѣтенными успѣхами, Лукуллъ хотѣлъ покорить всю Арменію, пройти далеко на востокъ. Онъ считалъ побѣду неполной, пока остается на свободѣ Митридатъ. Начавъ войну съ римлянами, Тигранъ призвалъ тестя къ себѣ, сталъ оказывать почетъ

ему, и у Митридата вокродилась надежда воротить себѣ утраченное царство. Ему было теперь за 60 лѣтъ, но онъ оставался еще крѣпкимъ воиномъ, не уступающимъ никому силой и отвагой, а опытностью и умомъ онъ превосходилъ Тиграна и всѣхъ его помощниковъ; потому натурально было, что его вліяніе на безхарактернаго Тиграна возростало съ каждымъ днемъ. Лѣтомъ 686 года отъ основанія Рима. 68.
Лукуллъ пошелъ мимо озера Вана въ суровую горную Арменію, гдѣ стоялъ Тигранъ, собравшій войско у своей прежней столицы Артаксаты, на Араксѣ, на сѣверо-востокѣ отъ Гордіэны. Лукуллъ встрѣтилъ тутъ болѣе упорное сопротивленіе, чѣмъ прежде, и дѣйствія непріятеля были искуснѣе. Горные проходы были заняты врагомъ, и римляне должны были пробиваться черезъ нихъ съ тяжелыми усиліями. Лукуллъ искалъ рѣшительной битвы, но Тигранъ и Митридатъ уклонялись отъ нея, не подвергали войско пораженію; Тигранъ былъ наученъ урокомъ, полученнымъ при Тигранокертѣ. Тяжелая армянская конница дѣлала много вреда римлянамъ неожиданными мелкими нападеніями; еще больше страдали воины Лукулла отъ холода и недостатка продовольствія въ суровой горной странѣ, гдѣ не было ни хлѣба римлянамъ, ни пастбищъ для лошадей, гдѣ дороги съ ранней осени покрываются снѣгомъ и льдомъ, и войску послѣ тяжелаго дневнаго перехода надобно было ночевать въ стужѣ и сырости. Населеніе становилось все враждебнѣе римлянамъ, чѣмъ дальше впередъ шли они. Митридатъ распустилъ молву, что они идутъ на Коману, хотятъ ограбить находящійся тамъ богатый храмъ Анаитиды, пользовавшійся большимъ уваженіемъ на всемъ востокѣ; это возбудило фанатизмъ, война стала принимать характеръ народной борьбы востока противъ запада. Лукуллъ думалъ склонить къ союзу съ собой пареянскаго царя Фраата, у котораго Тигранъ отнялъ лучшія области, но Фраатъ предпочелъ не принимать участія въ войнѣ, ждать, пока обѣ стороны будутъ изнурены и тогда расширять свое царство на западъ, пользуясь слабостью всѣхъ противниковъ. Затрудненія Лукулла были велики, но онъ дѣйствовалъ умно и успѣшно, разбилъ непріятеля на рѣкѣ Арсаніи, подошелъ уже близко къ Артаксатѣ. Но взять ее было не суждено ему.

Мятежъ войска Лукулла.

Воины уже давно были не довольны тяжелымъ походомъ, конца которому нельзя было видѣть. Они говорили, что срокъ ихъ службы прошелъ, а Лукуллъ подвергаетъ ихъ все новымъ лишеніямъ и опасностямъ; что онъ длитъ войну для своей выгоды, хочетъ увеличить свои сокровища, а имъ не даетъ свободы насладиться плодами ихъ усилій, что когда онъ завоюетъ Арменію, то пойдетъ въ Пареію. Особенно громко роптали тѣ легіоны, которыми прежде начальствовалъ Фимбрія. Они были составлены изъ гражданъ демократической партіи; уже по одной разницѣ политическихъ мнѣній питали они непріязнь къ Лукуллу, человѣку аристократической партіи, бывшему

помощникомъ Суллы. Сердились они на него и за то, что онъ требуетъ строгаго соблюденія дисциплины и, подвергая воиновъ обременительному походу, не дозволяетъ имъ грабить, какъ слѣдовало бы для вознагражденія за ихъ усилія. Лукуллъ не умѣлъ пріобрѣсти любовь войска. Онъ держалъ себя гордо, не допускалъ воиновъ до пріятельскихъ отношеній къ нему; онъ не цѣнилъ той выгоды, какую доставляетъ полководцу личная привязанность воиновъ. «Лукуллъ являлся передъ воинами только для того, чтобы отдавать приказанія», говоритъ Друманъ, «онъ не хвалилъ, не благодарилъ ихъ, не сближался съ ними, не выказывалъ участія къ нимъ; отдавъ приказанія, онъ удалялся; у него не было того, чтобы оставаться при ихъ развлеченіяхъ, шутить съ ними по-товарищески». Неудовольствіе росло по мѣрѣ того, какъ увеличивались трудности похода въ далекомъ безвѣстномъ краѣ; воиновъ возбуждалъ противъ Лукулла даже близкій родственникъ его, Публій Клодій, обманувшійся въ надеждѣ получить отъ него большія почести. Онъ говорилъ желчнымъ тономъ, утѣшалъ воиновъ, предсказывая, что скоро Лукуллъ будетъ замѣщенъ Помпеемъ; раздражали войско противъ Лукулла и откупщики, алчность которыхъ онъ обуздывалъ. Напрасно онъ старался ободрить воиновъ, говоря, что послѣдняя цѣль похода—Артаксата, что взятіемъ ея война будетъ кончена. Они находили, что до Артаксаты еще далеко, путь къ ней тяжелъ и наконецъ объявили, что не хотятъ повиноваться приказанію продолжать походъ. Лукуллъ принужденъ былъ начать отступленіе. Онъ совершилъ его съ обыкновеннымъ своимъ мастерствомъ. Переправившись черезъ Тигръ, онъ въ темную бурную ночь овладѣлъ крѣпостью Нисибидою. Но даже и несмѣтная добыча, которая досталась воинамъ въ этомъ богатомъ городѣ, не успокоила ихъ ропотъ.

Митридатъ въ Понтѣ. 67.

Отступленіе Лукулла дозволило Митридату возвратиться въ Понтъ; онъ дѣятельно сталъ набирать тамъ новыя войска и готовиться къ войнѣ. Туземцы радостно встрѣтили своего наслѣдственнаго царя. Онъ одержалъ двѣ побѣды надъ римскими отрядами и выгналъ бы ихъ изъ Понта, или истребилъ, если бы не получилъ въ жаркомъ бою двѣ раны, принудившія его къ бездѣйствію. Онъ провелъ зиму
67. въ Команѣ; весною пошелъ на Гаія Валерія Тріарія, искуснѣйшаго изъ второстепенныхъ римскихъ военачальниковъ, стоявшаго въ укрѣпленномъ станѣ на рѣкѣ Иридѣ. Буйные воины принудили Тріарія вступить въ сраженіе, и онъ былъ разбитъ при Зелѣ; на полѣ битвы легло 7000 римлянъ, въ томъ числѣ 24 военныхъ трибуна и 150 центуріоновъ; не уцѣлѣлъ бы ни одинъ римлянинъ, если бы храбрый Тріарій не бросился самъ на Митридата, пренебрегая страшной опасностью; Тріарій успѣлъ нанести ему тяжелую рану; этимъ было остановлено преслѣдованіе. Римскій станъ былъ взятъ; тѣла убитыхъ остались безъ погребенія. Митридатъ овладѣлъ всѣмъ своимъ цар-

ствомъ, свирѣпо наказалъ измѣнявшихъ ему, и конница его стала дѣлать набѣги черезъ Каппадокію въ Виѳинію.

Лукуллъ возвращается въ Римъ.

Искуснымъ отступленіемъ отъ Нисибиды за Эвфратъ Лукуллъ снова доказалъ свой стратегическій геній; онъ хотѣлъ идти въ Понтъ прогнать Митридата, но воины Фимбріи отказались продолжать войну. Въ Римѣ у Лукулла было много враговъ; въ особенности было раздражено противъ него сословіе всадниковъ, успѣвшее снова пріобрѣсти прежнее политическое значеніе. Противники Лукулла достигли того, что главнокомандующимъ въ Азіи былъ назначенъ Глабріонъ, а ветеранамъ Лукулла была дана отставка. Понятно, что воины, не любившіе своего полководца, перестали слушаться его, узнавъ, что онъ уже замѣщенъ другимъ. Онъ хотѣлъ склонить ихъ къ походу любезностью, подавалъ имъ руку, но они отвергли его просьбы, бросали къ ногамъ его свои пустые кошельки и отказались выступить изъ стана. Онъ сложилъ съ себя начальство надъ непокорнымъ войскомъ и возвратился въ Римъ. Онъ отказался отъ политической дѣятельности, сталъ жить въ свое удовольствіе, занимаясь своими садами, парками, наслаждаясь пирами и забывая клеветы завистниковъ. «Если обращать вниманіе лишь на военныя дѣйствія Лукулла, то должно сказать», говоритъ Моммсенъ, «что едва-ли кто другой изъ римскихъ полководцевъ сдѣлалъ съ такими небольшими силами такъ много; ученикъ Суллы Лукуллъ, какъ будто наслѣдовалъ его талантъ и счастіе». Но блистательный походъ Лукулла остался почти безъ всякихъ результатовъ; мятежъ войска уничтожилъ всѣ успѣхи, пріобрѣтенные восьмилѣтнею войною. Покореніе Понта надобно было возобновлять. Счастье измѣнило Лукуллу. Онъ, водившій римскія войска такъ далеко на востокъ, какъ еще никто изъ римлянъ до него, принужденъ былъ почти три года ждать, чтобъ ему былъ данъ тріумфъ. О заслугахъ его молчали, громко говорили о его неудачахъ и ошибкахъ. Плоды его подвиговъ достались его преемнику, которому любовь народа и счастье передали всю славу, всѣ почести побѣдъ, одержанныхъ другими.

Тріумфъ Лукулла. Его богатство, его характеръ.

На тріумфѣ, данномъ Лукуллу въ 63 году, народъ видѣлъ громадныя массы сокровищъ, но смотрѣлъ на нихъ безъ признательности къ нему; малочисленное войско, сопровождавшее тріумфатора, шло по улицамъ города безъ веселыхъ пѣсенъ, которыми на другихъ тріумфахъ выражали воины свое прикрытое шутками расположеніе къ тріумфаторамъ. Онъ имѣлъ до войны значительное богатство, а на войнѣ очень много увеличилъ его: ему принадлежали великолѣпныя виллы съ роскошными садами, въ которые онъ перенесъ изъ Керасунта вишневое дерево, бывшее до той поры неизвѣстнымъ въ Европѣ; тамъ онъ прожилъ свою старость въ спокойной роскоши, устранившись отъ заботъ и огорченій политической и военной дѣятельности, думая только о наслажденіяхъ. Даже въ расточительномъ Римѣ дивились великолѣпію его загородныхъ домовъ, построенныхъ имъ большею частью изъ чернаго египетскаго мрамора, красотѣ и обширности

его парковъ, его прудамъ для откармливанія рыбы, его запасамъ превосходныхъ винъ, его столовымъ, украшеннымъ картинами, статуями, пурпурными пологами, множеству его золотой посуды. Въ устройствѣ своихъ домовъ и парковъ онъ выказывалъ изящный вкусъ. Онъ былъ человѣкъ высокаго образованія, прекрасно писалъ и по латыни, и по гречески; любилъ читать ученыя книги; жилъ, окруженный поэтами и философами. Онъ былъ человѣкъ честнаго характера, добрый, чуждый мстительности, прощавшій обиды. Только въ станѣ онъ былъ строгъ и непривѣтливъ; правда и то, что ему пришлось начальствовать буйными воинами, съ которыми необходима была строгость.

2. Помпей на востокѣ (67—62).

По закону Манилія, Помпей назначенъ главнокомандующимъ въ войнѣ съ Митридатомъ и Тиграномъ 67.

Въ то время, когда, по закону Габинія, Помпею было дано неограниченное полномочіе для дѣйствій на морѣ и на прибрежьяхъ противъ пиратовъ, у Лукулла было отнято начальство надъ войсками въ Азіи; правителемъ Виѳиніи былъ назначенъ Ацилій Глабріонъ. Прежде чѣмъ новый главнокомандующій успѣлъ собрать разбросанные римскіе отряды и возобновить военныя дѣйствія противъ Митридата и Тиграна, Помпей уже кончилъ войну съ пиратами и желалъ стать главнокомандующимъ въ Азіи: послѣ побѣдъ, одержанныхъ Лукулломъ, довести войну до конца было уже легко. Приверженцы Помпея позаботились исполнить его желаніе. Трибунъ Гаій Манилій внесъ въ народное собраніе предложеніе назначить Помпея правителемъ Виѳиніи и Киликіи, сохраняя за нимъ прежнее полномочіе и предоставить ему веденіе войны противъ Митридата и Тиграна съ такимъ же неограниченнымъ полномочіемъ. Дѣла римской республики получили уже такое монархическое направленіе, что почти безъ оппозиціи было принято и это расширеніе власти Помпея; рѣчью въ поддержку предложенія Манилія началъ свою карьеру политическаго оратора Маркъ Туллій Цицеронъ. Напрасно порицали это предложеніе оптиматы, вождемъ которыхъ, въ сопротивленіи закону Манилія, былъ Катулъ, человѣкъ очень уважаемый, справедливо находившій опаснымъ неслыханное сосредоточеніе власти въ рукахъ одного человѣка. Манилій не испрашивалъ согласія сената на внесеніе своего закона въ народное собраніе, и его принятіе народомъ было новымъ пораженіемъ сената. Выступая защитникомъ этого предложенія, Цицеронъ становился на сторону демократовъ; онъ надѣялся при ихъ помощи получить высшія курульныя магистратуры, отъ которыхъ оптиматы хотѣли устранить его, человѣка незнатнаго. Законы Габинія и Манилія сдѣлали Помпея повелителемъ римскаго государства.

Могущество Помпея.

Въ его распоряженіе были отданы почти всѣ войска, весь флотъ, вся казна республики, и лишь немногія области оставались внѣ круга его власти. Давая ему такое полномочіе на неопредѣленное время, народъ отдавалъ на его произволъ судьбу государства. Названіе

«царь царей», которое дали ему греки Малой Азіи, было не пустой лестью. Партіи, ожесточенно боровшіяся между собой со временъ Гракховъ, обѣ такъ ослабили себя междоусобіями, что честолюбивый полководецъ сталъ теперь полнымъ властелиномъ республики, и отъ его воли зависѣло воспользоваться, какъ ему угодно, неслыханнымъ полномочіемъ, предоставленнымъ ему. Всѣ патріоты смотрѣли съ тревогой на императора; разбитая, безсильная аристократическая партія видѣла, что можетъ спастись только тѣснѣйшимъ союзомъ съ нимъ, потому всячески старалась привлечь его на свою сторону. Тѣмъ меньше могли оскорблять его выказываніемъ недовѣрія демократы, считавшіе его своимъ союзникомъ. У нихъ были опасенія, что онъ измѣнитъ имъ, но они принуждены были скрывать эти свои мысли, чтобъ онъ не обидѣлся и не присоединился къ ихъ противникамъ.

Курульное эдильство Цезаря.

Только одинъ изъ оптиматовъ смотрѣлъ тогда съ увѣренностью на загадочное для другихъ будущее и твердо держался демократической партіи, съ которой былъ соединенъ фамильными преданіями и родствомъ — Гаій Юлій Цезарь (родившійся 12 іюля 100 года). Въ томъ году, когда Помпей поѣхалъ на войну съ Митридатомъ и Тиграномъ, онъ занималъ санъ курульнаго эдиля и увеличилъ свою популярность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и массу своихъ долговъ, блестящими играми, которыми восхитилъ жаждавшую зрѣлищъ толпу. На этихъ играхъ бились 320 паръ гладіаторовъ въ серебряныхъ латахъ,—сцена очаровательная для праздныхъ граждaнъ, составлявшихъ населеніе Рима. Цезарь чувствовалъ въ себѣ силу подняться очень высоко при содѣйствіи ли Помпея, котораго онъ до сихъ поръ поддерживалъ, наперекоръ ли этому могущественному человѣку.

Положеніе дѣлъ.

Получивъ извѣстіе о томъ, что народное собраніе назначило его главнокомандующимъ въ войнѣ съ Митридатомъ и Тиграномъ, Помпей бросилъ ссору съ Метелломъ изъ-за Крита и ринулся, какъ хищная птица на животное, убитое не ею. Въ Азіи теперь было много войскъ, и силы ихъ съ каждымъ днемъ увеличивались пріѣздомъ новыхъ волонтеровъ; притомъ въ распоряженіи Помпея былъ огромный флотъ, крейсировавшій у береговъ Азіи. Онъ имѣлъ средства вести войну такими силами, сравнительно съ которыми ничтожно было войско Лукулла, и выказалъ очень мало деликатности относительно своего предмѣстника: по произволу отмѣнялъ распоряженія Лукулла и на личномъ свиданіи съ нимъ въ Галатіи держалъ себя высокомѣрно. Говорятъ, будто онъ сказалъ, что звѣрь еще не убитъ, что Лукуллъ сражался только съ безразсуднымъ тщеславіемъ Митридата и Тиграна, а ему придется сражаться съ коренною народною силою ихъ, что эта борьба гораздо тяжелѣе. Передъ началомъ похода онъ отправилъ къ Митридату пословъ съ предложеніемъ мира, не потому, что въ самомъ дѣлѣ думалъ о мирѣ, а собственно для того, чтобы развѣдать о положеніи дѣлъ въ Понтѣ. Условія, которыя предлагалъ онъ,

были таковы, что Митридатъ, владѣвшій теперь снова всѣмъ своимъ царствомъ, не могъ принять ихъ: Помпей требовалъ, чтобъ онъ выдалъ всѣхъ дезертировъ, то есть людей азіатской провинціи, поступившихъ въ его войско, и самъ отдался римлянамъ.—По отступленіи Лукулла дѣла въ Арменіи получили оборотъ, неблагопріятный понтскому и армянскому царямъ. Сынъ Тиграна, называвшійся тоже Тиграномъ, возмутился противъ отца и, будучи разбитъ, бѣжалъ къ парѳянскому царю. Онъ всячески удерживалъ Фраата отъ согласія на союзъ противъ римлянъ, о которомъ хлопоталъ армянскій царь. Такимъ образомъ бѣжавшій царевичъ дѣйствовалъ въ пользу Помпея. Фраатъ даже согласился вступить въ союзъ съ римлянами, предоставлявшими ему овладѣть восточными областями армянскаго царства. Ему была незнакома политика римлянъ, состоявшая въ томъ, чтобы ссорить сосѣдей, ослаблять ихъ возбужденіемъ войнъ между ними и этимъ путемъ подчинять ихъ себѣ. Фраатъ не понималъ, что разрушеніе армянскаго царства лишитъ его оплота, которымъ онъ былъ отдѣленъ отъ грознаго римскаго государства. Мятежъ сына противъ армянскаго царя былъ полезенъ для римлянъ и тѣмъ, что отецъ мятежника проникся недовѣріемъ къ Митридату, дочь котораго была матерью бунтовщика.

Пораженіе Митридата на Эвфратъ (при Никополѣ). 66.

Помпей повелъ войско сначала противъ Митридата. Понтскій царь отступалъ, стараясь утомить противника переходами по разнымъ направленіямъ. Наконецъ они сошлись на верховьѣ Эвфрата. Митридатъ занялъ неприступную позицію, опустошивъ далеко кругомъ всю ту мѣстность, и думалъ ослабить римлянъ голодомъ. Они должны были изнемочь тѣмъ скорѣе, что по сосѣдству не было воды. Но Помпей, увеличившій свои силы призывомъ войскъ изъ Киликіи, расположилъ свои отряды по окраинамъ опустошенной мѣстности, средину которой занималъ непріятель и подвергъ Митридата тому бѣдствію, въ какое думалъ онъ завлечь римлянъ. Сорокъ пять дней Митридатъ держался въ своей позиціи, наконецъ не чѣмъ стало питаться его воинамъ; весь вьючный скотъ былъ съѣденъ. Митридатъ велѣлъ зажечь по всему стану костры, убилъ всѣхъ своихъ больныхъ и слабыхъ воиновъ и ночью ушелъ незамѣченный римлянами. Они скоро настигли его, но онъ, зная мѣстность лучше иноземцевъ, переводилъ ночами свое войско изъ одной крѣпкой позиціи въ другую и дѣлалъ на каждой стоянкѣ окопы. Наконецъ римляне отрѣзали ему отступленіе, занявъ ущелье на его пути; онъ былъ принужденъ дать битву въ горахъ неподалеку отъ верховья Эвфрата. (На мѣстѣ этой битвы былъ послѣ того основанъ Никополь, «городъ побѣды»). Римляне, стоявшіе на высотахъ, поражали войско Митридата стрѣлами и дротиками; ночью оно было совершенно стѣснено непріятелемъ, въ немъ началась ужасная давка; въ смятеніи воины ранили другъ друга, сбивали съ ногъ, топтали. Было совершенно

темно. Наконецъ показалась луна и освѣтила ужасы давки, но не уменьшила ихъ. Отъ римлянъ ложились впередъ длинныя тѣни и обманывали воиновъ Митридата: они истощали послѣднія силы, бросая дротики въ пустое пространство, на которомъ по этимъ длиннымъ тѣнямъ воображались имъ римляне. Митридатъ ускакалъ при самомъ началѣ бѣды. Кто не послѣдовалъ тогда его примѣру, тѣ всѣ погибли, или попались въ плѣнъ. Войско его было уничтожено. Половина лежала на мѣстѣ битвы, пронзенная оружіемъ враговъ, растоптанная лошадьми, раздавленная колесами; другая была взята въ плѣнъ и уведена на продажу въ рабство.

Бѣгство Митридата.

Въ сопровожденіи одной изъ своихъ женъ, Гипсикратеи, ѣхавшей съ нимъ въ одеждѣ персидскаго всадника, ухаживавшей за нимъ, ободрявшей его, Митридатъ съ двумя конными воинами, на быстрыхъ лошадяхъ, успѣлъ уѣхать въ горную крѣпость Синорію, гдѣ находилась его казна. Черезъ нѣсколько времени собрались тамъ уцѣлѣвшіе воины; онъ далъ имъ жалованье за годъ впередъ, наградилъ ихъ дорогой одеждой и поѣхалъ къ Тиграну, надѣясь что 6000 талантовъ (около 9,000,000 рублей), которые онъ захватилъ съ собою, доставятъ ему хорошій пріемъ. Но онъ ошибся. Тигранъ, отразившій нападенія парѳянъ и своего сына и возстановившій на востокѣ прежнія границы своего царства, желалъ мира съ римлянами, опасался, что присутствіе Митридата затруднитъ примиреніе съ ними и ободритъ мятежнаго сына и удалившихся къ парѳянамъ приверженцевъ его, такъ что они возобновятъ свои нападенія. Потому онъ велѣлъ заковать въ цѣпи пословъ Митридата и назначилъ 100 талантовъ въ награду тому, кто принесетъ его голову. Видя погибель себѣ въ Арменіи, Митридатъ перешелъ сѣверные истоки Эвфрата и съ небольшимъ отрядомъ своихъ спутниковъ ушелъ черезъ Апсаръ и Фазисъ въ Колхиду и остановился зимовать въ Діоскуріи.

Тигранъ покоряется Помпею.

Помпей преслѣдовалъ Митридита до Фазиса, оттуда повернулъ на юговостокъ разсчитаться съ Тиграномъ. Сынъ Тиграна пріѣхалъ къ нему, въ надеждѣ получить отъ римлянъ отцовское царство. Не встрѣчая сопротивленія, Помпей дошелъ почти до Аракса и сталъ близъ Артаксаты. Тигранъ оробѣлъ, онъ боялся, что парѳяне снова войдутъ въ Арменію, соединятся съ римлянами, что Помпей отдастъ царство его сыну. Онъ трусилъ съ каждымъ днемъ больше, совершенно упалъ духомъ и наконецъ въ отчаяніи обратился къ Помпею съ униженной просьбой о пощадѣ. Отдавъ побѣдителю находившихся подъ стражею пословъ Митридата, онъ самъ съ родными и придворными поѣхалъ въ римскій станъ, снявъ съ себя порфиру, оставивъ только царскую діадему и тіару на головѣ. У воротъ стана онъ сошелъ съ лошади, отдалъ лошадь и саблю ликтору и подошедши къ сидящему на высокомъ судейскомъ креслѣ Помпею упалъ на колѣна и положилъ къ ногамъ его въ знакъ безусловной покорности діадему и тіару. Помпей, очень обрадованный такой легкой побѣдой, возвратилъ смирившемуся царю знаки его сана и далъ ему миръ на слѣдующихъ

условіяхъ: онъ уступаетъ римлянамъ свои завоеванія на западѣ (Сирію, Финикію, часть Киликіи, Галатію, Каппадокію), платитъ 6000 талантовъ контрибуціи и даетъ своему сыну области Софену и Гордіэну.

Тигранъ былъ въ восторгѣ, что хоть и утратилъ завоеванія, но остался царемъ Арменіи; въ своемъ восхищеніи онъ далъ большіе подарки римскому войску: каждый воинъ получилъ половину мины, каждый центуріонъ десять минъ, каждый военный трибунъ талантъ. — Помпей оставилъ независимость армянскому царству для того, чтобъ оно отдѣляло римскія владѣнія отъ парѳянъ и воевало съ ними. Для римлянъ оно не было опасно. —Мятежный сынъ армянскаго царя, недовольный тѣмъ, что царство не отдано ему, хотѣлъ бѣжать. Помпей велѣлъ надѣть на него цѣпи и держалъ подъ стражею, чтобъ украсить имъ свой тріумфъ. — Бывшій „царь царей“ сталъ теперь вассаломъ римскаго государства.

Помпей на Кавказѣ 66 — 65.

Усмиривъ Тиграна, Помпей съ главными силами пошелъ на сѣверъ преслѣдовать Митридата въ его убѣжищѣ. Труднымъ путемъ, непрерывно отражая нападенія воинственныхъ горныхъ племенъ, Помпей перешелъ долину рѣки Кира (Кура), вошелъ въ кавказскія горы, покорилъ иберовъ, храбрый земледѣльческій народъ, любившій свободу, жившій въ благоустроенномъ порядкѣ подъ управленіемъ родоначальниковъ и сохранившій у себя общинное владѣніе землею безъ дѣлежа ея въ наслѣдственную собственность. Помпей покорилъ и альбановъ (алановъ), конныхъ пастуховъ, дѣлившихся на множество родовъ и жившихъ въ первобытной простотѣ, не знавшихъ употребленія денегъ, мало привычныхъ употреблять вѣсы и мѣры, плохо умѣвшихъ и считать. Помпей покорилъ Риму даже народы на сѣверъ отъ Кавказа между Каспійскимъ и Чернымъ морями, куда не проникали ни Киръ, ни Александръ.

Албаны сразились съ римлянами въ открытомъ полѣ; потерпѣвъ пораженіе, они бѣжали въ лѣса и пускали стрѣлы въ римлянъ съ деревьевъ, такъ что приходилось рубить или поджигать деревья. Иберы и они храбро защищали свою свободу, которой еще никогда не отнималъ у нихъ никакой завоеватель; но ихъ вооруженіе было плохо, хорошаго тактическаго устройства у нихъ не было, потому они, конечно, не могли устоять противъ одѣтыхъ въ желѣзо римскихъ легіоновъ. Помпей прогналъ албанскаго царя за рѣку Пелоръ, переходилъ ее самъ, преслѣдуя его, овладѣлъ горными крѣпостями иберовъ, Гармозикою и Севсаморою. Иберы и албаны заключили съ нимъ миръ и дали ему заложниковъ покорности.

Походъ на Фазисъ.

Покоривъ альбановъ, Помпей возобновилъ войну противъ Митридата. Перешедши изъ бассейна Кура на знаменитый въ миѳологіи Фазисъ, онъ пошелъ по этой рѣкѣ къ Черному морю, гдѣ ждалъ его Сервилій съ флотомъ, тутъ Помпей получилъ пріятное извѣстіе, что одна изъ женъ Митридата, Стратоника, дочь бѣднаго музыканта,

обратившая на себя вниманіе царя своимъ прекраснымъ пѣніемъ, хочетъ сдать римлянамъ построенную на неприступной скалѣ крѣпость Симфорій, въ которой находились казна и переписка Митридата. Стратоника думала, что царь разлюбилъ ее и что онъ погибнетъ въ этой войнѣ; она хотѣла обезпечить свою судьбу покорностью римлянамъ. Помпей выбралъ замѣчательнѣйшія изъ находившихся въ Симфоріѣ дорогихъ вещей для украшенія своего тріумфа; всѣ другія сокровища онъ оставилъ царицѣ. Измѣна матери стоила жизни ея сыну, сопровождавшему отца. Пришедши къ устью Фазиса, Помпей нѣсколько времени колебался, продолжать ли ему преслѣдованіе Митридата, бѣжавшаго въ послѣднее свое владѣніе на Босфорѣ Киммерійскомъ, или оставить стараго деспота на произволъ судьбы, на жертву злоумышленій его женъ, дочерей и придворныхъ. Были совѣтники, завлекавшіе его въ опасное предпріятіе; но онъ былъ такъ разсудителенъ, что не пошелъ за Митридатомъ въ Тавриду: путь по восточному берегу Чернаго моря шелъ опасными мѣстами у подошвы скалъ; Помпей не захотѣлъ подвергать войско тяжелому походу, а флотъ бурямъ неизвѣстнаго моря, подавилъ въ себѣ желанія видѣть скалу, къ которой былъ прикованъ Прометей, и рѣшилъ идти въ обратный путь; мятежъ альбановъ послужилъ предлогомъ къ тому. Онъ привелъ войско чрезвычайно трудными дорогами на альбанскую равнину, подавилъ возстаніе и принудилъ всѣ горныя племена южныхъ склоновъ Кавказа признать надъ собою римскую власть. Такимъ образомъ, Кавказскій хребетъ сталъ границею римскаго владычества. Конныя пастушескія племена на сѣверѣ отъ Кавказа остались не подвластны Риму, хотя въ число покоренныхъ Помпеемъ народовъ были помѣщены племена, жившія между Фазисомъ и Меотидою: колхи, геніохи, зигіи, ахеи, даже бастарны.

Новые замыслы Митридата 64.

Покоривъ и разрушивъ послѣднія сопротивлявшіяся горныя укрѣпленія, Помпей пошелъ съ сѣвера завоевать болѣе богатыя страны, совершить подвиги, за которыя славили бы его наравнѣ съ Александромъ. Онъ прошелъ горами черезъ Зелу, похоронилъ лежавшія тамъ непогребенныя кости римлянъ, достигъ берега Средиземнаго моря, прошелъ дальше на югъ по ливанскому прибрежью, водворяя порядокъ и установляя римскую власть въ царствѣ Селевкидовъ, волнуемомъ смутами. Митридатъ между тѣмъ составлялъ новые обширные замыслы. Въ свою долгую жизнь онъ много разъ испыталъ, что судьба Востока подвергается быстрымъ изумительнымъ перемѣнамъ, и надѣялся, что счастье можетъ вновь перейдти на его сторону. Онъ просилъ Помпея возвратить ему наслѣдственное царство, обѣщаясь платить дань римлянамъ, но Помпей требовалъ, чтобъ онъ отдался въ его руки безъ всякихъ условій. На это Митридатъ не могъ согласиться. Его упорство не было еще сломлено. Когда Помпей пошелъ на сѣверъ, онъ бѣжалъ изъ Діоскуріи на мысъ, образующій

восточный берегъ Босфора Киммерійскаго, въ укрѣпленный городъ Фанагорію. Его сынъ Махаръ хотѣлъ, при содѣйствіи римлянъ, стать независимымъ отъ него царемъ Херсонеса Таврійскаго (Крыма), но онъ изъ Фанагоріи переправился черезъ проливъ, одолѣлъ мятежника; Махаръ въ отчаяніи лишилъ себя жизни. У Митридата еще оставалось много сокровищъ: онъ сталъ набирать наемниковъ изъ горныхъ и степныхъ племенъ, принималъ на службу бѣглыхъ рабовъ, и скоро у него составилось разноплеменное войско, въ которомъ считалось до 36,000 человѣкъ. Говорятъ, что онъ хотѣлъ вторгнуться во Ѳракію и Македонію, поднять тамъ возстаніе противъ римлянъ и, усиливъ свое войско инсургентами, идти по Дунаю, призывая къ оружію всѣ племена на своемъ пути, ворваться съ этими полчищами въ Италію, чтобы подобно Ганнибалу испытать, не удастся ли ему сокрушить владычество римлянъ въ ихъ собственной землѣ, но смерть постигла старика, прежде чѣмъ началъ онъ исполненіе своего плана. Суровость, съ какой онъ и его помощники вели приготовленія къ войнѣ, произвела мятежъ въ Босфорскомъ населеніи, не желавшемъ жертвовать жизнью для попытки побѣжденнаго деспота возобновить борьбу. Митридатъ жилъ въ Пантикапеѣ, страдая нарывомъ на лицѣ, и допускалъ къ себѣ лишь врача и нѣсколькихъ эвнуховъ; фанагорійцы взялись за оружіе; во главѣ мятежа сталъ начальникъ города, Касторъ: инсургенты овладѣли цитаделью и отдали римлянамъ бывшихъ тамъ дѣтей Митридата. Примѣру Фанагоріи послѣдовали города Крымскаго полуострова Ѳеодосія (Кафа) Нимфей, Херсонесъ (Севастополь); Митридатъ былъ окруженъ возставшимъ населеніемъ. Его подозрительность и жестокость страшно возросли: каждый, кто могъ сдѣлать вредъ ему, былъ для него подозрителенъ, и всѣхъ подозрительныхъ онъ убивалъ. Даже довѣреннѣйшіе приближенные его были распинаемы на крестѣ по доносамъ коварныхъ эвнуховъ. Въ особенности подозрѣвалъ онъ дѣтей, жившихъ при немъ. Трое сыновей и три дочери были уже убиты по приказанію отца; четвертый сынъ, Фарнакъ, бывшій любимцемъ его и назначенный быть его преемникомъ, сталъ опасаться за свою жизнь и разсудилъ поднять для своего спасенія мятежъ. Онъ склонилъ на свою сторону служившихъ въ отцовскомъ войскѣ римскихъ изгнанниковъ и дезертировъ, давая имъ большія обѣщанія, говоря о трудностяхъ и опасностяхъ, какимъ подвергнетъ ихъ продолженіе войны. Войска, посланныя Митридатомъ, присоединились къ нимъ; съ крикомъ подошли они къ воротамъ Пантикапеи; граждане отворили имъ ворота, они осадили укрѣпленный дворецъ Митридата. Старикъ, взошедши на стѣны этой цитадели, умолялъ сына пощадить его жизнь, позволить ему удалиться. Но его свирѣпость ожесточила противъ него и сына, и всѣхъ. Его просьба была напрасна. Видя, что ему нѣтъ спасенія, онъ рѣшился лишить себя жизни, чтобы смерть избавила его отъ

Смерть Митридата 63.

стыда быть выдану римлянамъ, быть ведену по улицамъ Рима въ тріумфальной процессіи Помпея, онъ обратился къ помощи яда, которымъ отравилъ множество людей; велѣлъ пить его своимъ женамъ и дочерямъ: онъ не хотѣлъ, чтобъ онѣ попали въ руки римлянъ. Всѣ онѣ принуждены были повиноваться; въ числѣ отравленнымъ имъ теперь дочерей были невѣста царя египетскаго и невѣста царя кипрскаго. Когда онѣ умерли, выпилъ ядъ и самъ онъ. Но онъ пріучилъ свой желудокъ къ ядамъ и та отрава, которую выпилъ онъ, была слишкомъ слаба для него, потому онъ вонзилъ себѣ въ грудь мечъ; рана, нанесенная ослабѣвшей рукой, была недостаточно глубока, и начальникъ его галльскихъ тѣлохранителей Битоитъ долженъ былъ оказать ему помощь, довершить его самоубійство.

Такъ безпощадный деспотъ, бывшій царемъ 57 лѣтъ, умеръ на 68 году жизни; онъ былъ еще такъ крѣпокъ, что принималъ участіе въ военныхъ упражненіяхъ, могъ въ полномъ вооруженіи вскакивать на коня и, перемѣняя лошадей, проскакать верхомъ въ одинъ день, не утомившись, тысячу стадій (болѣе 170 верстъ). Со временъ Ганнибала Римъ не имѣлъ такого предпріимчиваго, энергическаго врага, какъ онъ; потому смерть его обрадовала римлянъ, какъ побѣда: съ лавровыми вѣнками на головахъ прискакали гонцы въ станъ Помпея у Іерихона извѣстить полководца о погибели главнаго его врага; войско отпраздновало радостную вѣсть благодарственными жертвоприношеніями и пирами. Тѣло Митридата, присланное Фарнакомъ, Помпей велѣлъ похоронить въ царской гробницѣ въ Синопѣ; а мятежному сыну онъ оставилъ, какъ даннику Рима, царство Босфора Киммерійскаго.

Вернувшись изъ кавказскихъ земель, Помпей занялся установленіемъ порядка въ Сиріи, гдѣ при безсильномъ правленіи Селевкидовъ развилась анархія, разрушившая всякое благоустройство. Селевкиды вели между собой войны изъ-за престола; Тигранъ грабилъ Сирію, шайки кочевыхъ арабовъ и мятежные военачальники, захватившіе власть въ разныхъ округахъ страны, брали контрибуціи съ торговыхъ городовъ, опустошали нивы, захватывали караваны. Помпей нашелъ надобнымъ взять угнетенное населеніе подъ покровительство Рима. Помощники его покорили Карры, Дамаскъ, Антіохію, другія месопотамскія и сирійскія крѣпости; Селевкиды, воевавшіе между собою изъ-за престола, наперерывъ выказывали преданность ему, чтобы получить отъ него утвержденіе въ царскомъ санѣ, но онъ отказалъ имъ въ ихъ династическихъ притязаніяхъ и уничтожилъ сирійское царство (стран. 583). Онъ казнилъ нѣсколькихъ тирановъ и пошелъ въ Іудею, гдѣ его присутствіе было необходимо, потому что асмонеи ссорились между собою, фарисеи и саддукеи волновали народъ своею враждою, набатеи синайскаго полуострова грабили страну. Мы уже говорили (стран. 329) о томъ, въ какомъ положеніи нашелъ Помпей дѣла. Первосвященникъ-царь Аристобулъ, держав-

Помпей въ Сиріи и Палестинѣ 64—63.

шій себя двусмысленно, былъ арестованъ Помпеемъ, когда пріѣхалъ въ станъ къ нему оправдываться. При извѣстіи объ этомъ, національная партія заняла укрѣпленную гору храма и, возбуждаемая священниками, оборонялась съ мужествомъ отчаянія и фанатизма. Помпей принужденъ былъ вести правильную осаду, поставилъ кругомъ горы башни и осадныя машины; но только на третій мѣсяцъ овладѣлъ горою храма, сдѣлавъ приступъ всѣми своими силами въ день субботы. Фавстъ Корнелій Сулла, сынъ диктатора, первый взошелъ на стѣну. Римляне безпощадно убивали іудеевъ, такъ долго противившихся имъ. Священники, даже въ этотъ страшный часъ совершавшіе богослуженіе, какъ будто во время невозмутимой тишины, были перебиты у жертвенниковъ; успѣвавшіе ускользнуть отъ меча враговъ сами лишали себя жизни: одни бросались со стѣны, другіе сжигали себя въ своихъ домахъ и хижинахъ. Говорятъ, убито было 12,000 человѣкъ. Казнивъ захваченныхъ въ плѣнъ зачинщиковъ возстанія, Помпей назначилъ первосвященникомъ Гиркана, но не далъ ему царскаго титула, а назвалъ его этнархомъ и обязалъ платить дань. Аристобула съ сыновьями и дочерьми онъ удержалъ въ плѣну, чтобы вести ихъ по Риму въ своемъ тріумфѣ. Онъ велѣлъ разрушить стѣны Іерусалима и царскія крѣпости, чтобы предотвратить возможность новыхъ мятежей. Гирканъ былъ правителемъ только по названію; на самомъ дѣлѣ вся власть была отдана Помпеемъ усердному слугѣ римлянъ, хитрому идумеянину Антипатру, отцу Ирода (стран. 330). Усмиривъ Іудею, Помпей вернулся въ Понтъ, чтобы привести въ порядокъ дѣла завоеванныхъ земель, а своего легата, Эмилія Скавра, оставилъ въ Іудеѣ, поручивъ ему усмирить набатейскаго царя Арета.

Договоръ съ набатейскимъ царемъ Аретомъ.

Послѣ нѣсколькихъ мелкихъ сраженій Скавръ, при посредничествѣ Антипатра, заключилъ съ Арестомъ договоръ, по которому взялъ съ него контрибуцію, оставилъ ему города и выгодную власть надъ торговыми путями къ Эвфрату и Средиземному морю. Римскою гордостью и Аретъ былъ причисленъ къ побѣжденнымъ царямъ: есть монета, на которой онъ изображенъ стоящимъ на колѣнахъ, держащимъ одною рукою поводъ верблюда, а другой рукой подающимъ оливковую вѣтвь въ знакъ примиренія и покорности. Но онъ остался владѣтелемъ городовъ Дамаска и Петры, которая, какъ и Дамаскъ, была блестящимъ городомъ: о великолѣпіи этой столицы его свидѣтельствуютъ развалины дворцовъ и гробницъ.

Покровительство Помпея городамъ.

Помпей основалъ въ Сиріи нѣсколько городовъ, многіе другіе возстановилъ, или увеличилъ, далъ имъ землю и самостоятельное управленіе; онъ хотѣлъ, чтобы городское населеніе усилилось и могло отражать хищныхъ номадовъ; притомъ города служили разсадниками греко-римской культуры. Считая себя подобнымъ Александру, Помпей въ этомъ отношеніи былъ хорошимъ подражателемъ ему и очень усердно заботился о томъ, чтобы развитіемъ городовъ преобразовать жизнь восточныхъ народовъ.

Изъ городовъ, основанныхъ Помпеемъ, назовемъ два Помпейополя, одинъ въ Киликіи, другой въ Пафлагоніи; Никополь („городъ побѣды") въ Арменіи, главную часть населенія котораго составили ветераны Помпея; Мегалополь (впослѣдствіи называвшійся Себастеею) въ Каппадокіи; Неаполь близъ Галиса. Многіе опустѣвшіе города Помпей возстановилъ, увеличилъ новыми поселенцами и далъ имъ самостоятельное управленіе. Таковы были: Кабира (Діосполь, Неокесарія), Эвпаторія (Магнополь) при сліяніи Ириды съ Ликомъ, Гадара въ Сиріи, Мазака (Кесарія) въ Каппадокіи. Нѣкоторымъ другимъ городамъ онъ далъ новыя права и подарилъ землю. Въ Киликіи и на сѣверной окраинѣ Сиріи считалось двадцать городовъ, основанныхъ Помпеемъ; по этимъ двумъ областямъ можно судить, какъ много городовъ основалъ, или возстановилъ онъ.

Организація завоеванныхъ областей. 1. Римскія провинціи.

Помпей исполнилъ свои великія и трудныя порученія: освободилъ море отъ разбойниковъ, побѣдилъ Митридата и Тиграна, прекратилъ анархію въ Сиріи, расширилъ владычество римлянъ до Эвфрата. Теперь надобно было устроить порядокъ въ покоренныхъ областяхъ, городахъ, маленькихъ царствахъ, принадлежавшихъ храмамъ, исцѣлить раны долгой опустошительной войны установленіемъ справедливыхъ законовъ. Онъ далъ городамъ и областямъ Азіи миръ, безопасность имущества и жизни, защиту отъ деспотизма. Прежде у римлянъ въ Малой Азіи были двѣ провинціи, одна называлась Азіею, другая была Киликія. Помпей составилъ изъ виѳинскаго царства и западной части понтскаго царства провинцію Виѳинію, восточная граница которой шла дальше Галиса; сдѣлалъ римскою провинціею Сирію; частями этой провинціи были Финикія и Палестина; провинцію Киликію онъ расширилъ, присоединивъ къ ней Памфилію и Исаврію. Такимъ образомъ, у римлянъ въ Азіи было теперь четыре провинціи; къ азіатскимъ владѣніямъ Рима причислялся и островъ Критъ, составлявшій особую провинцію.

2. Государства, находящіяся подъ покровительствомъ Рима.

Остальныя области понтскаго царства и земли, отнятыя у Тиграна, были предоставлены управленію царей, платившихъ Риму дань и находившихся въ полной зависимости отъ распоряженій римскаго сената и народа.

Фарнакъ, сынъ Митридата, былъ оставленъ владѣтелемъ босфорскаго царства за исключеніемъ города Фанагоріи, которая получила независимость въ награду за то, что первая подала примѣръ возстанія противъ Митридата; начальствовавшій тогда войсками въ этомъ городѣ Касторъ получилъ титулъ друга римскаго народа. Галатскій царь Дейотаръ, усердно помогавшій Лукуллу и Помпею, былъ награжденъ присоединеніемъ къ его царству Трапезунта, Фарнакіи, нѣкоторыхъ другихъ городовъ и округовъ; Атталъ былъ царемъ Пафлагоніи, а князь галатскаго племени трокмовъ получилъ Митридатій; Аріобарзанъ, царь каппадокійскій, получилъ области Софену и Гордіэну, которыя Помпей прежде хотѣлъ дать сыну Тиграна, и землю, лежащую въ верховьѣ Эвфрата. Коммагена, маленькое царство съ городами Самосатой и Селевкіей, осталось во владѣніи династіи, которая была, кажется, въ какомъ-то родствѣ съ Селевкидами, и цари которой назывались одни Антіохами, другіе Митридатами.

Отношенія Рима къ парѳянамъ.

Черезъ эти подвластныя государства римляне всегда имѣли свободныя переправы за Эвфратъ, на берегахъ котораго, кромѣ того, они поселили арабскія племена, находившіяся подъ управленіемъ родоначальниковъ, признавшихъ надъ собою власть Рима. Однимъ изъ такихъ князей былъ Абгаръ, владѣтель Осроэны. Эти маленькія арабскія государства были римскими аванпостами противъ парѳянъ. Надобно было предвидѣть, что дружеское согласіе между Римомъ и парѳянами окажется непрочнымъ. Пока не одолѣли Митридата и Тиграна, Лукуллъ и Помпей усердно искали дружбы парѳянскаго царя; но, покончивъ съ этими противниками, Помпей пересталъ церемониться съ нимъ. Напрасно Фраатъ вступался за Тиграна младшаго, женою котораго была его дочь, Помпей взялъ и Тиграна, и его жену съ дѣтьми въ Римъ. Прежде было условлено, что границею парѳянскаго царства будетъ Эвфратъ; теперь это было нарушено: римскія войска ходили по Месопотаміи, подвластные Риму арабскіе князья расширяли свои владѣнія далеко за Эвфратъ. Помпей вступилъ въ прямыя сношенія съ правителемъ Мидіи, области парѳянскаго царства. При спорахъ между парѳянскимъ и армянскимъ царями онъ всегда принималъ сторону Тиграна, бывшаго теперь въ полной зависимости отъ римлянъ. Въ перепискѣ съ Фраатомъ, Помпей пересталъ давать ему титулъ царя царей, который признавалъ за нимъ прежде и вообще обращался съ нимъ, какъ съ государемъ, не болѣе важнымъ, чѣмъ подвластный римлянамъ Тигранъ. Фраатъ не посмѣлъ взяться за оружіе въ защиту своихъ правъ; онъ ослабилъ себя своею близорукою политикой и принужденъ былъ терпѣть униженіе.

3. Области храмовъ и города.

Подъ властью римлянъ на далекомъ востокѣ были, кромѣ царей, жрецы, правившіе, подобно царямъ, областями, принадлежавшими храмамъ, и города, имѣвшіе болѣе или менѣе независимое управленіе своими дѣлами; Римъ охранялъ власть этихъ жрецовъ и свободу городовъ, получая съ нихъ дань. Римляне считали города тѣхъ странъ разсадниками греческой культуры, потому заботливо покровительствовали имъ, давали имъ большія права, увеличивали ихъ владѣнія, приглашали грековъ съ запада переселиться туда. Лукуллъ и Помпей дѣйствовали въ этомъ отношеніи одинаково. Налогъ съ имуществъ и другія подати, получаемыя римлянами съ новопріобрѣтенныхъ въ Азіи областей были такъ велики, что доходы римскаго государства увеличились болѣе, чѣмъ на половину.

Команы.

Въ Малой Азіи были два знаменитые храмы богини Ма (II, 367); города, возникшіе при этихъ храмахъ, оба назывались одинаково: Комана; одинъ находился въ Каппадокіи, другой въ Понтѣ. Верховный жрецъ каждаго изъ этихъ храмовъ владѣлъ довольно большимъ округомъ. Верховнымъ жрецомъ понтской Команы Помпей назначилъ Архелая, сына того Архелая, который былъ полководцемъ Митридата, и увеличилъ область, принадлежавшую этому храму.—Такими же государствами владѣлъ пессинунтскій храмъ Великой матери (II, 370), храмъ Зевса, основанный въ Киликіи сыномъ Аякса Тевкромъ, потомки котораго были жрецами-государями этого храма; первосвященникъ іерусалимскаго храма тоже былъ государемъ. Подобныхъ храмовъ было еще нѣсколько.—Между государствами республиканскаго устройства первое мѣсто занимала ликійская федерація, состоявшая изъ 23 городовъ. Помпей далъ свободу и муниципальныя права Кизику, Гераклеѣ, Синопу, Амизу, вознаградилъ ихъ за матеріальныя потери увеличеніемъ ихъ округовъ; они потеряли много жителей, онъ перевелъ въ нихъ новыхъ поселенцевъ, желая, чтобъ они снова стали многолюдными. Мы уже говорили, что онъ основывалъ новые города и помогалъ развитію прежнихъ въ областяхъ, изъ которыхъ прогналъ пиратовъ; то же дѣлалъ онъ въ Понтѣ, Арменіи. Многіе изъ городовъ, которые основалъ, или возстановилъ онъ, получили отъ него права самостоятельнаго управленія, другія важныя привилегіи, сдѣлались многолюдны, богаты, какъ напримѣръ Антіохія на Оронтѣ, сосѣдній съ нею городъ Селевкія, Газа, Фанагорія, Митилена. „Устройство римскихъ владѣній въ Азіи“, говоритъ Моммсенъ, „напоминаетъ средневѣковую нѣмецкую Имперію: тамъ тоже были цари-вассалы, духовные сановники, владѣвшіе государствами, города, пользовавшіеся большею или меньшею независимостью“, но они были подвластны не монарху, какъ въ Германіи: римское государство оставалось еще республикой, и республика эта волновалась тогда ожесточенными раздорами партій.

Пессинунтъ.

Ликійская федерація.

Антіохія.

Возвращеніе и тріумфъ Помпея 62—61.

Присоединивъ къ римскому государству обширныя области и устроивъ ихъ дѣла, Помпей возвратился въ Римъ явиться народу въ блескѣ тріумфа и наслаждаться лестью искреннихъ и не искреннихъ приверженцевъ, называвшихъ его Геркулесомъ и вторымъ Александромъ. Онъ восхищался своимъ величіемъ. Въ греческихъ городахъ онъ щедро награждалъ поэтовъ, ораторовъ и философовъ, толпившихся кругомъ него и прославлявшихъ его имя. Передъ тѣмъ, какъ отплыть въ Италію, онъ сложилъ съ себя полномочіе главнокомандующаго и распустилъ большую часть своихъ войскъ, выразивъ имъ свою благодарность и обѣщавъ награды. Его отказ отъ власти обрадовалъ и удивилъ римлянъ, но онъ скоро получилъ причины жалѣть, что слишкомъ поспѣшилъ сложить съ себя власть. Онъ не примирилъ этимъ съ собою оптиматовъ, а только далъ имъ смѣлость дѣйствовать противъ него.

Помпей торжествовалъ свой тріумфъ 28 и 29 сентября 61 года до Р. Х. (693 года отъ основанія Рима) въ самомъ началѣ 46 года своей жизни. Эта процессія была такъ блистательна, что Римъ еще никогда не видѣлъ подобной. Тутъ были несены огромныя доски, на которыхъ было написано, что онъ покорилъ 1000 крѣпостей, около 900 городовъ, взялъ 800 кораблей, основалъ 39 городовъ, болѣе чѣмъ наполовину увеличилъ доходы государства, внесъ въ государственную казну 20,000 талантовъ и, кромѣ того, роздалъ въ Эфесѣ воинамъ 16000 талантовъ, что онъ покорилъ Азію отъ Каспійскаго моря и Меотиды до Чермнаго моря, до Месопотаміи и до Египта. Эти доски были несены по улицамъ до начала тріумфальной процессіи. Въ первый день ея тянулся безконечный рядъ повозокъ, нагру-

женныхъ взятымъ у враговъ оружіемъ, колесницъ, на которыхъ стояли взятыя въ добычу произведенія искусствъ, другія рѣдкія дорогія вещи, золотые сосуды и вѣнки, украшенные жемчугомъ и драгоцѣнными камнями; толпа съ изумленіемъ смотрѣла на эти громадныя богатства, направлявшіяся по дорогѣ къ Капитолію; несмѣтное количество ихъ показывало, какъ жестоки были грабительства восточныхъ деспотовъ, потому что столько сокровищъ можно было добыть не иначе, какъ изъ слезъ и крови народовъ, и дворцы, наполненные этими горами золота, имѣли кругомъ себя запустѣніе смерти; но перенесеніе этихъ массъ богатства въ Римъ показывали и то, какъ безжалостны были грабежи римскихъ полководцевъ и воиновъ въ странѣ сокровищъ и безсилія. Такіе факты, какъ тріумфъ Помпея, объясняютъ возроставшее обѣдненіе восточныхъ городовъ и областей; причины его становятся еще очевиднѣе при соображеніи о томъ, какое разореніе должны были произвести долгіе годы опустошительныхъ войнъ, какія суммы податей шли теперь каждый годъ съ востока въ Римъ и уже не возвращались на востокъ. На второй день тріумфа, въ день своего рожденія, который такимъ образомъ сталъ національнымъ праздникомъ, ѣхалъ по улицамъ столицы міра самъ Помпей на тріумфальной колесницѣ, украшенной драгоцѣнными камнями; передъ нимъ шли въ своихъ національныхъ костюмахъ живые памятники его побѣдъ, плѣнники и плѣнницы, заложники и заложницы, цари и царицы, военачальники; ихъ было 324; въ числѣ ихъ находились сынъ армянскаго царя Тигранъ, его жена, дочь пареянскаго царя, ихъ дочери; пять сыновей и двѣ дочери Митридата; Аристобулъ, бывшій царь Іудеи, его сынъ и двѣ дочери; множество военачальниковъ разныхъ народовъ. Судьба ихъ не была бѣдственна; Помпей былъ милостивый побѣдитель: почти всѣ они послѣ тріумфа были съ подарками отпущены на родину. Помпей восхищался, слыша крики народа, привѣтствовавшіе его названіемъ „великаго", „и побѣдителя 22 царей", „покорителя третьей части вселенной". Ему были оказаны такія почести, какъ будто онъ уже царь; въ честь его были выбиты монеты, на которыхъ былъ изображенъ земной шаръ среди трехъ вѣтвей лавра, означавшихъ его побѣды въ Африкѣ, Испаніи, Азіи, а надъ земнымъ шаромъ былъ золотой вѣнокъ, данный ему римскимъ народомъ. Льстецы говорили, что побѣды его неизмѣримо выше всякихъ другихъ, потому нельзя дать ему титула по имени какой-нибудь одной страны: такая награда поставила бы его рядомъ съ какимъ нибудь Метелломъ. На эти чрезмѣрныя похвалы противники Помпея возражали, что онъ только свилъ себѣ вѣнокъ изъ лавровъ, сорванныхъ Лукулломъ; говорили, что обстоятельства облегчили ему побѣду, что въ семействахъ царей, съ которыми сражался онъ, были междоусобія, что народы были изнурены прежними годами войны, деморализованы раздорами въ царскихъ семействахъ; народное остроуміе отвѣчало на восхваленія Помпея той насмѣшкой, что давало ему прозвища по именамъ мелкихъ мѣстностей, взятыхъ изъ списка его завоеваній и до той поры неслыханныхъ никѣмъ въ Римѣ. Но ни возраженія, ни насмѣшки не уменьшали славу и заслуги Помпея.

---

5. Борьба партій въ Римѣ и заговоръ Катилины.

Испорченность нравовъ въ Римѣ.

Въ то время, какъ Помпей побѣждалъ государей и завоевывалъ царства на далекомъ Востокѣ, въ Римѣ и въ Италіи происходили буйные раздоры и страшныя злодѣйства. Междоусобія и революціи, терзавшія республику уже болѣе половины столѣтія, ослабили обѣ враждующія партіи; оптиматы и демократія стали одинаково безсильны, судьба государства подпала подъ произволъ честолюбивыхъ полководцевъ; общественный порядокъ былъ потрясенъ до самыхъ основаній своихъ; алчность и злоба волновали людей; нравственность, гражданскія доблести, патріотизмъ были подорваны. Яркая характеристика положенія Рима въ то время, даваемая Саллюстіемъ, показываетъ, что государство находилось на краю погибели. Ужасна была испорченность высшихъ сословій, которымъ самыя громадныя состоянія были недостаточны на удовлетвореніе безграничнаго мотовства и необузданной страсти къ наслажденіямъ; оптиматы старались превзойдти другъ друга блескомъ обстановки, роскошными пирами, великолѣпными праздниками въ дворцахъ, сіяющихъ золотомъ; знатнѣйшіе и могущественнѣйшіе сенаторы не знали себѣ покоя отъ мыслей о долгахъ, въ которые запутались; знатныя образованныя женщины попирали ногами стыдъ и приличіе, пировали съ любовниками на гнусныхъ оргіяхъ до совершеннаго истощенія своихъ денежныхъ средствъ, а потомъ мѣсто любовниковъ занимали кредиторы; молодые аристократы губили здоровье, честь и состояніе въ роскошномъ разслабляющемъ сладострастіи, проводили ночи въ кругу развратныхъ женщинъ и такихъ же пріятелей; любимыми занятіями ихъ были игра, пьянство, обжорство; цѣль жизни они видѣли въ удовлетвореніи чувственнымъ страстямъ и достиженіи почестей; у людей этой великосвѣтской столичной жизни давно исчезли всякія понятія о чести, обязанности, нравственности; они присоединялись къ той партіи, къ тому вождю, отъ которыхъ ждали широкой возможности насыщать свои попплыя желанія, руководились въ выборѣ не убѣжденіемъ, а расчетами своекорыстія. Времена Марія и Суллы съ ихъ проскрипціями и конфискаціями казались этимъ промотавшимся развратникамъ очень привлекательны: они видѣли живущими въ богатствѣ и блескѣ людей, умѣвшихъ ловко воспользоваться тѣми днями беззаконій; закваска броженія, оставляемая по себѣ всякой революціей, продолжала тайно волновать страсти по прекращеніи внѣшнихъ безпорядковъ; знатные люди, боровшіеся съ нищетой и отчаяніемъ, видѣли себѣ надежду на спасеніе въ возобновленіи ужасовъ тѣхъ временъ злодѣйства.

Катилина.

Изъ всѣхъ знатныхъ развратниковъ, губившихъ свои умственныя и физическія силы порочной жизнью и промотавшихъ свое богатство, первымъ по отчаянному мужеству, по готовности на всякія преступленія былъ Луцій Сергій Катилина, человѣкъ патриційской фамиліи. Предокъ его Маркъ Сергій Силъ былъ храбрый патріотъ, получившій во вторую пуническую войну 23 раны, потерявшій правую руку, дважды бѣжавшій изъ плѣна; Катилина былъ не похожъ на него, думалъ только объ удовлетвореніи своего необузданнаго честолюбія, своихъ злыхъ страстей. Во время террора при Суллѣ онъ былъ начальникомъ той ужасной шайки убійцъ, которая была сформирована изъ галловъ, рабовъ, отпущенныхъ на волю диктаторомъ и получившихъ по его фамиліи имя Корнеліевъ. Онъ убилъ своего брата, мужа сестры, многихъ всадниковъ; имъ былъ замученъ и Марій Гратидіанъ, родственникъ Марія и Цицерона. Добыча, которую пріобрѣлъ онъ захватомъ имущества убитыхъ была громадна, но онъ промоталъ все въ буйномъ развратѣ, въ которомъ искалъ забвенія упрековъ своей совѣсти. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ былъ уже бѣденъ и обремененъ долгами. Онъ былъ очень счастливъ въ своихъ волокитствахъ; говорятъ, что онъ имѣлъ одною изъ своихъ любовницъ весталку знатной фамиліи: обольстить весталку, вѣроятно, было особенно заманчиво для такого развратника. Потомъ онъ награбилъ себѣ много денегъ, бывши пропреторомъ въ Африкѣ, но промотавъ и это бо-
66. гатство, онъ въ 66 году уже составилъ заговоръ убить консуловъ и важнѣйшихъ сенаторовъ; главными его соумышленниками были Гней Кальпурній Пизонъ, отчаянный человѣкъ, раззорившійся вельможа, и Публій Автроній, который, бывши вмѣстѣ съ ПубліемъСуллой, племянникомъ диктатора, выбранъ консуломъ на слѣдующій 65 годъ, былъ найденъ виновнымъ въ подкупѣ и лишенъ консульскаго сана. Исполненіе умысла приходилось нѣсколько разъ отлагать; и наконецъ онъ раз-
65. строился, потому что Катилина подалъ условный знакъ слишкомъ рано. Уже тогда говорили, что Крассъ и Цезарь знали о замыслѣ Катилины, благопріятствовали ему, надѣясь, что въ этой смутѣ будетъ произведенъ переворотъ, который отниметъ у Помпея преобладаніе въ государствѣ. Молва разнесла свѣдѣнія о намѣреніи заговорщиковъ, но робкая аристократія не рѣшилась назначить судебнаго слѣдствія. Это дало Катилинѣ отвагу возобновить заговоръ. Силой своего ума, любезностью, умѣньемъ поддѣлываться подъ характеры, онъ увеличивалъ число своихъ сообщниковъ. Блѣдность лица, блуждающій взглядъ, неровная походка, то быстрая, то медленная, показывали, что душа у него неспокойна. Но онъ пріобрѣталъ непреодолимое вліяніе на всѣхъ сближавшихся съ нимъ; «приближенные Катилины были люди безсовѣстные, обольстители чужихъ женъ, сластолюбцы, растратившіе свое состояніе на игру, пьянство и развратъ», — такъ характеризуетъ Саллюстій соумышленниковъ Катилины; — «люди, желавшіе избавиться отъ послѣдствій своихъ пороковъ и преступленій, обремененные долгами; всѣ убійцы, похитители сокровищъ изъ храма, всѣ осужденные или опасавшіеся быть осужденными за свои злодѣйства; всѣ тѣ люди, которые жили клятвопреступленіями и убійствами, всѣ мучимые позоромъ, бѣдностью, или совѣстью, были его друзья. И даже тѣ, которые, начиная знакомство съ нимъ, не имѣли за собою преступленій, скоро становились отъ разговоровъ съ нимъ, отъ его обольщеній подобными другимъ». И у Цицерона Катилина является чудовищемъ, близъ котораго умираетъ честность, какъ растеніе подъ ядовитымъ деревомъ. Въ числѣ заговорщиковъ были люди всѣхъ сословій, были сенаторы и всадники знатнѣйшихъ фамилій; вступали въ сношенія съ заговорщиками даже женщины, какъ напримѣръ блестящая развратница Семпронія, жена Децима Брута. Окруженный сообщниками, не отступавшими ни передъ какимъ злодѣйствомъ, Катилина черезъ два года послѣ неудачи перваго умысла составилъ второй. Онъ организовалъ обширный заговоръ, имѣвшій цѣлью насильствен-
ное низверженіе существующаго порядка: онъ хотѣлъ, поднявъ вол- 64.
неніе въ Римѣ, захватить власть при содѣйствіи массы простолюди- Заговоръ Катилины.
новъ, жившихъ въ столицѣ, при помощи бродягъ, скитавшихся толпами повсюду, и тѣхъ воиновъ, которые, получивъ участки земли, не хотѣли заниматься тяжелымъ земледѣльческимъ трудомъ, или продали свои участки и желали переворота; онъ хотѣлъ сдѣлаться военнымъ властителемъ государства, какими были Цинна и Марій, вожди демократовъ, Сулла — вождь оптиматовъ. Очень вѣроятно, что Крассъ и Цезарь знали о заговорѣ. Они съ тревогою смотрѣли на неслыханное полновластіе, съ какимъ Помпей распоряжался въ Азіи царями и царствами, будто неограниченный монархъ; они должны были думать, что если онъ съ этимъ полномочіемъ возвратится въ Италію, сопровождаемый своими легіонами, то судьба государства будетъ зависѣть отъ его воли и участь ихъ самихъ отъ его произвола. Имъ было выгодно, чтобы удался заговоръ, который замѣнилъ бы власть аристократическаго сената демократической военной диктатурой, уничтожилъ бы могущество Помпея, пока онъ еще остается въ Азіи; потому ихъ подозрѣвали въ содѣйствіи Катилинѣ, или по крайней мѣрѣ въ знаніи о его преступномъ умыслѣ.

До насъ не дошло точныхъ извѣстій о томъ, дѣйствительно-ль были Цезарь и Крассъ посвящены въ умыслы заговорщиковъ и если были, то насколько; но впослѣдствіи, когда сенатъ совѣщался о томъ, какъ поступить съ заговорщиками, Цезарь вступился за нихъ; это утвердило многихъ въ мысли, что онъ имѣлъ связи съ ними. Притомъ, по образу жизни, Цезарь былъ одинаковъ съ пошлыми развратниками своего времени. Онъ тоже предавался чувственнымъ наслажденіямъ до грязныхъ излишествъ и своимъ мотовствомъ запутался въ долги; онъ тоже былъ въ необходимости рисковать всѣмъ, чтобы спастись отъ погибели. Нравственная испорчен- Отношенія Цезаря къ заговору

ность того времени ярко характеризуется фактами жизни Цезаря: родственникъ Марія, приверженецъ демократовъ, онъ за годъ передъ тѣмъ поставилъ на прежнее мѣсто въ Капитоліѣ выброшенные оттуда трофеи побѣдъ Марія; а теперь онъ подавалъ руку на союзъ самому дѣятельному изъ агентовъ терроризма Суллы. Въ Римѣ исчезли принципы и преданія, дававшія нравственную основу, достойный уваженія характеръ прежней борьбѣ партій; привычныя имена партій удерживались только затѣмъ, чтобы прикрывать замыслы личнаго властолюбія вождей, привлекать приверженцевъ подъ ихъ знамена. Борьба за принципы превратилась въ борьбу изъ-за личныхъ выгодъ, изъ-за эгоистическихъ замысловъ.

Подготовленія къ произведенію переворота.

Когда заговоръ былъ организованъ, Катилина собралъ ночью своихъ соумышленниковъ на совѣщаніе въ свой домъ. Онъ описалъ имъ счастіе оптиматовъ, наслаждающихся властью, почестями, богатствомъ, между тѣмъ какъ они живутъ въ презрѣніи, въ нищетѣ, въ постоянной опасности подвергнуться суду. Онъ говорилъ: «Долго ли вы, люди мужественные, будете выносить это? Лучше умереть съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ вести жалкую жизнь въ презрѣніи отъ этихъ надменныхъ людей. Но если вы будете отважны, побѣда наша; ваши долговыя обязательства будутъ уничтожены, вы будете занимать курульныя магистратуры, занятыя теперь вашими врагами, будете жить въ великолѣпныхъ дворцахъ, на которые теперь смотрите съ завистью. Будьте отважны и пріобрѣтите свободу, богатство, славу, почести». Онъ открылъ слушавшимъ его, что въ Испаніи Пизонъ, въ Мавританіи Публій Ситтій готовы помогать ихъ дѣлу своими войсками. Его рѣчь воодушевила слушателей. Всѣ они обязались клятвою дѣйствовать единодушно, помогать всѣми силами общему дѣлу. Говорятъ, что, давая клятву, они въ свидѣтельство твердости ея пили вино, смѣшанное съ человѣческою кровью. Катилина собиралъ вооруженныхъ людей. Онъ отправилъ въ Фезулы Гаія Манлія, храбраго воина изъ временъ войны съ кимбрами, давно заглушавшаго въ себѣ голосъ совѣсти, и поручилъ ему тайно набирать въ Этруріи отрядъ волонтеровъ, раздавать имъ оружіе и деньги, которыя скоро будутъ присланы изъ Рима. Онъ отправилъ въ Пиценъ, въ Апулію, въ другія мѣстности другихъ агентовъ съ такими же порученіями.

Катилина проситъ себѣ консульства.

Въ Римѣ скоро понадобилось заговорщикамъ начать дѣятельныя хлопоты: Катилина выступилъ кандидатомъ на санъ консула; другимъ кандидатомъ былъ Гаій Антоній, человѣкъ ничтожный по уму и характеру, обремененный долгами. Имѣя товарищемъ человѣка не самостоятельнаго, Катилина надѣялся руководить имъ; и дѣйствительно, еслибъ ему удалось сдѣлаться консуломъ, онъ захватилъ бы всю консульскую власть въ свои руки одинъ, и ему было бы легко произвести задуманный преступный переворотъ. Потому онъ и его соумышленники употребляли всяческія средства пріобрѣсти ему большинство голосовъ: убѣждали гражданъ, подкупали ихъ. Цезарь и

Крассъ поддерживали кандитуру Катилины своимъ вліяніемъ и деньгами, Крассъ, конечно, своими собственными, Цезарь занимаемыми въ долгъ. Для того, чтобы пріобрѣсти расположеніе массы бѣдняковъ, былъ составленъ проектъ аграрнаго закона, предлагавшій, чтобы государство покупало земли въ Италіи для основанія колоній римскихъ гражданъ; деньги на это предполагалось пріобрѣсти продажею государственныхъ имуществъ, находившихся въ провинціяхъ и установленіемъ новыхъ налоговъ въ азіатскихъ владѣніяхъ государства. Для завѣдыванія этимъ дѣломъ предполагалось назначить коммиссію изъ десяти человѣкъ, дать ей право собственной властью рѣшать процессы, возникающіе изъ ея занятій и назначить своими второстепенными агентами 200 человѣкъ изъ всадническаго сословія; эта коммиссія была бы сильнымъ демократическимъ учрежденіемъ, которое могло бы уменьшить могущество Помпея. Для того, чтобы Помпей не могъ быть избранъ въ члены коммиссіи, была сдѣлана оговорка, постановлявшая, что члены коммиссіи избираются лишь по личному заявленію своей кандидатуры въ народномъ собраніи.

Неудача Катилины.

Планъ заговорщиковъ былъ составленъ искусно, и они съумѣли держать его въ секретѣ; однакожъ онъ не удался. Аграрный законъ, предложенный народнымъ трибуномъ Публіемъ Сервиліемъ Рулломъ, былъ отвергнутъ народнымъ собраніемъ; бѣдняки, жившіе въ Римѣ, не желали основанія колоній: они находили болѣе удобнымъ для себя получать даровой хлѣбъ въ Римѣ изъ государственныхъ магазиновъ, чѣмъ добывать его себѣ тяжелымъ земледѣльческимъ трудомъ; а многочисленные друзья Помпея противились проекту, передававшему аграрной коммиссіи часть полномочія, которымъ пользовался онъ въ Азіи. Противники Катилины успѣли прибавить новыя болѣе строгія постановленія къ закону Кальпурнія, воспрещавшему подкупъ избирателей. Когда пришло время консульскихъ выборовъ, сенаторы и всадники, испуганные проявленіями заговора, угрожавшаго всѣмъ зажиточнымъ людямъ, соединились на поддержку кандидатуры искуснаго юриста и оратора Марка Туллія Цицерона, который очень сильно боролся противъ аграрнаго закона Рулла. Аристократія до сихъ поръ смотрѣла свысока на этого юриста, происходившаго изъ незнатной фамиліи, уроженца маленькаго города Арпина, и еще недавно говорила, что никогда не допуститъ «новаго человѣка» сдѣлаться консуломъ; но теперь въ испугѣ она примкнула вся къ дѣятельному и зоркому оратору, который, какъ надѣялась она, спасетъ ее отъ угрожающей катастрофы, отъ владычества шайки убійцъ. Цицеронъ и Антоній были избраны въ консулы громаднымъ большинствомъ голосовъ.

Новые замыслы Катилины 63.

Врагъ былъ таковъ, что дѣйствительно нужна была величайшая осторожность и энергія. Катилина не упалъ духомъ отъ неудачи своей кандидатуры. Онъ зашелъ уже такъ далеко, что ему было

нельзя отступиться отъ начатаго дѣла. Потому онъ составилъ съ своими товарищами новый отчаянный планъ. Гай Манлій началъ въ Фезулахъ открытое возстаніе, призывалъ подъ свое знамя разбойниковъ, изгнанниковъ, воиновъ Суллы, промотавшихъ данную имъ землю, всяческихъ бродягъ и разорившихся людей, множество которыхъ, какъ говоритъ Саллюстій, скиталось въ этрусскихъ горахъ обѣщалъ имъ освобожденіе отъ долговъ, благосостояніе, почетное положеніе въ обществѣ; а Катилина объявилъ своимъ приближеннымъ, что снова выступитъ кандидатомъ при выборахъ консуловъ на слѣдующій (66-й) годъ и что въ день выборовъ надобно будетъ убить консула Цицерона, зажечь городъ; произойдетъ смятеніе, Римъ будетъ не въ состояніи обороняться, Манлій вступитъ въ городъ; тогда и сенатъ, и народъ будутъ принуждены назначить диктатора, который будетъ владычествовать, подобно Суллѣ, но въ духѣ демократической партіи. Агенты заговорщиковъ стали возбуждать къ мятежамъ невольниковъ и особенно гладіаторовъ въ разныхъ мѣстностяхъ Италіи, думая этими затрудненіями и опасностями парализовать правительство.

План Катилины раскрыт и разрушен Цицероном.

Замыслы Катилины были составлены умно и разсчетливо, но люди, на которыхъ опирался онъ, были вялы, бездарны, трусливы, а нѣкоторые изъ нихъ были предатели, подкупленные Цицерономъ. Отъ этихъ измѣнниковъ, главнымъ образомъ отъ Квинта Курія, обремененнаго долгами развратника, и отъ его любовницы, знатной дамы Фульвіи, Цицеронъ узнавалъ все, о чемъ условливались заговорщики въ своихъ тайныхъ собраніяхъ, и своевременно принималъ мѣры противъ ихъ замысловъ. Луцій Варгунтій, сенаторъ, человѣкъ отчаянной смѣлости, которому было поручено убить Цицерона, пришелъ съ нѣсколькими помощниками, утромъ 7 ноября, къ дверямъ его дома и сказалъ, что хочетъ засвидѣтельствовать свое уваженіе консулу; но кругомъ дома стояли вооруженные люди, и Варгунтій не былъ впущенъ. Послѣ того Цицеронъ въ засѣданіи сената, въ которомъ находился и самъ Катилина, произнесъ рѣчь, раскрывавшую преступные замыслы его; Саллюстій называетъ эту рѣчь превосходной, оказавшей большую пользу государству; испуганные ею сенаторы дали консуламъ диктаторскую власть; принятіемъ знаменитой формулы: «консуламъ поручается наблюсти, чтобы государство не пострадало»; сенатъ впередъ утвердилъ всѣ распоряженія, какія будутъ сдѣланы консулами. Катилина оправдывался, старался сгладить впечатлѣніе, произведенное рѣчью Цицерона; его слушали, не скрывая негодованія; въ ярости онъ бросился изъ зала, грозно восклицая: «Вижу, что окруженъ врагами, желающими низвергнуть меня въ погибель, но я погашу охватывающее меня пламя, обративъ все въ развалины». Цицеронъ принялъ всѣ мѣры, необходимыя для охраненія государства отъ опасности. Въ день выборовъ слѣдовало ожидать схватки; Ци-

28 октября 63 г.

церонъ пришелъ на форумъ съ вооруженнымъ отрядомъ преданныхъ правительству молодыхъ людей всадническаго сословія. Заговорщики думали напасть на противниковъ и силой принудить народъ выбрать Катилину. Но появленіе вооруженнаго отряда заставило ихъ отказаться отъ этой мысли, и Катилинѣ не удалось провести свою кандидатуру. Консулами на слѣдующій годъ были выбраны Децимъ Юній Силанъ и Луцій Лициній Мурена. Въ Этрурію и другія волновавшіяся мѣстности были посланы войска подъ начальствомъ надежныхъ людей. Предосторожности были тѣмъ нужнѣе, что никто не зналъ, какъ далеко идутъ развѣтвленія заговора; самого консула Антонія подозрѣвали въ соучастничествѣ. Малѣйшій успѣхъ доставилъ бы инсургентамъ многихъ товарищей, которые теперь робко держались въ сторонѣ, но при первой надеждѣ на удачу явились бы участвовать въ дѣлежѣ добычи. Потому надъ Римомъ лежало тяжелое опасеніе: всѣ боялись, что можетъ вспыхнуть междоусобная война на жизнь и смерть. Правительство вызывало на доносы о заговорѣ, обѣщая за нихъ большія награды и свободнымъ людямъ, и рабамъ.

Заговор выдан. Зима 63—62.

Катилина нашелъ неудобнымъ оставаться въ Римѣ, уѣхалъ къ Манлію, собственною властью провозгласилъ себя консуломъ и принялъ начальство надъ инсургентами. При извѣстіи объ этомъ сенатъ объявилъ его и Манлія врагами отечества, повелѣлъ ихъ приверженцамъ положить до истеченія назначеннаго срока оружіе, угрожая смертной казнью ослушникамъ; послалъ Антонія съ войскомъ въ Этрурію противъ инсургентовъ, а Цицерону поручилъ охраненіе спокойствія въ Римѣ. Нѣсколько недѣль прошло въ тревожномъ ожиданіи. Слухи о мятежахъ въ Цизальпійской Галліи, въ Апуліи, въ Пиценѣ увеличивали безпокойство массы жителей Рима, ободряли оставшихся въ Римѣ заговорщиковъ; они сходились на тайныя совѣщанія, запаслись оружіемъ, готовились къ рѣшительному дѣйствію. Лентулъ, Цетегъ, Габиній, Статилій и другіе руководители заговора, всѣ принадлежавшіе къ знатнымъ фамиліямъ, назначили ночь, въ которую должно будетъ зажечь Римъ въ двѣнадцати мѣстахъ; въ смятеніи пожара они хотѣли убить Цицерона,—разсчитывали, что въ эту ночь подойдетъ Катилина съ своимъ отрядомъ, они захватятъ власть и успѣютъ до возвращенія Помпея исполнить все задуманное. Чтобы увеличить шансы успѣха, они вошли въ сношенія съ находившимися въ Римѣ послами аллоброговъ, давали имъ блестящія обѣщанія, склоняя ихъ поднять возстаніе на родинѣ. Но послы не вѣрили въ успѣхъ отчаяннаго замысла, ожидали для своего обѣднѣвшаго и угнетеннаго народа больше выгоды отъ благодарности правительства, выдали тайну Цицерону; онъ велѣлъ имъ продолжать сношенія съ заговорщиками и добыть письменныя улики злоумышленія. Заговорщики попались въ эту ловушку, дали посламъ аллоброговъ письма и другіе документы, одни для передачи вождямъ инсургентовъ при про-

ѣздѣ пословъ на обратномъ пути черезъ Фезулы, другіе для сообщенія старшинамъ аллоброгскаго народа. Послы выѣхали ночью изъ Рима и, по условію съ Цицерономъ, были задержаны отрядомъ вооруженныхъ людей на Мильвіевомъ мосту; письма и документы, данные заговорщиками, были отобраны у нихъ. Имѣя теперь въ рукахъ письменныя улики, Цицеронъ немедленно распорядился арестовать виновныхъ, созвалъ сенатъ, прочелъ документы и предложилъ на рѣшеніе вопросъ, о томъ, какъ поступить съ арестованными. Молва о замыслѣ заговорщиковъ уже разнеслась по городу и произвела страшное волненіе. Молодые люди всадническаго сословія, раздраженные намѣреніемъ заговорщиковъ поджечь Римъ, взялись за оружіе, окружили зданіе сената, прославляли патріотическій поступокъ Цицерона, угрожали смертью всѣмъ, подозрѣваемымъ въ сочувствіи къ обвиненнымъ, или въ знаніи о ихъ замыслѣ. Но не бездѣйствовали и приверженцы арестованныхъ, рабы, отпущенники, пролетаріи, всякіе отчаянные люди; они готовились силою освободить арестованныхъ, отданныхъ подъ стражу надежнымъ сенаторамъ. Волновался и сенатъ; его засѣданіе въ особенности стало бурно, когда былъ приведенъ нѣкто Луцій Тарквиній, ѣхавшій къ Катилинѣ, арестованный и привезенный въ Римъ: этотъ заговорщикъ назвалъ Красса соучастникомъ заговора; нѣкоторые изъ враговъ Цезаря называли соучастникомъ и его. Въ сенатѣ было столько людей, находившихся въ денежной зависимости отъ богача Красса, что когда Тарквиній сталъ говорить о немъ, то поднялся всеобщій шумъ; было велѣно заковать Тарквинія въ цѣпи за ложный доносъ и держать его въ цѣпяхъ, пока онъ скажетъ, кто внушилъ ему это лживое показаніе. Цезарь произнесъ рѣчь, передаваемую намъ Саллюстіемъ. Онъ убѣждалъ сенатъ не произносить смертнаго приговора надъ гражданами въ увлеченіи порывомъ страсти. Законъ воспрещаетъ казнить римскихъ гражданъ безъ предоставленія имъ права апеллировать отъ приговора къ народному собранію,—говорилъ онъ: притомъ законъ опредѣляетъ за политическія преступленія не смерть, а только изгнаніе. Цезарь предлагалъ развезти виновныхъ по разнымъ городамъ Италіи, держать ихъ тамъ подъ строгой стражей и конфисковать ихъ имущества. Онъ дѣлалъ намеки на то, что смерть ихъ подвергнетъ оптиматовъ неизбѣжному мщенію демократіи. Его рѣчь произвела сильное впечатлѣніе, и большинство сенаторовъ, вѣроятно, подало бы голосъ за его предложеніе, если бы Катонъ не произвелъ своею рѣчью перемѣну въ мысляхъ робѣвшаго большинства. «Катилина открыто идетъ на насъ войною», говорилъ онъ, «мы имѣемъ другихъ враговъ въ самыхъ стѣнахъ Рима; арестованные уличены въ замыслѣ на убійство, поджогъ, другія злодѣянія противъ согражданъ и отечества; и вы еще хотите выказывать состраданіе, снисхожденіе, когда государство можетъ быть спасено только немедленнымъ строжайшимъ наказаніемъ преступниковъ. Если они останутся въ живыхъ, то приверженцамъ ихъ будетъ легко освободить ихъ. Если Цезарь при всеобщей тревогѣ одинъ не боится ничего, то тѣмъ больше боюсь я за себя и за васъ».

Волненіе въ городѣ и сенатѣ 5 декабря.

Мнѣнія, поданныя Цезаремъ и Катономъ.

Казнь заговорщиковъ.

Мнѣніе Катона, поддерживаемое Цицерономъ, восторжествовало. Сенатъ рѣшилъ казнить арестованныхъ. Приближалась ночь, потому надобно было спѣшить. Разставивъ стражу, Цицеронъ самъ въ сопровожденіи многихъ сенаторовъ пошелъ въ тотъ домъ, гдѣ находился подъ стражею Лентулъ и повелъ его по Священной улицѣ и черезъ форумъ въ темницу; другіе арестованные—Цетегъ, Статилій, Габиній и Цепарій были приведены подъ надзоромъ преторовъ. Подъ Капитоліемъ былъ старинный подвалъ, служившій прежде цистерной и называвшійся Tullianum. Это была большая искуственно вырытая яма глубиною въ 12 футовъ, обведенная крѣпкими стѣнами и покрытая каменнымъ сводомъ, мрачная темница, пропитанная запахомъ плѣсени. Осужденные были спущены туда и удавлены палачами при свѣтѣ факеловъ. Была уже ночь, когда Цицеронъ въ сопровожденіи знатнѣйшихъ гражданъ республики явился на форумъ и своимъ хорошо знакомымъ народу голосомъ громко объявилъ стоявшей на площади густой толпѣ: «они умерли!» Онъ пошелъ по ярко освѣщеннымъ улицамъ, народъ шелъ за нимъ съ радостными криками, называлъ его спасителемъ, вторымъ основателемъ Рима. Сенатъ постановилъ сдѣлать торжество благодаренія богамъ съ раздачею хлѣба бѣднымъ гражданамъ, и знатнѣйшіе оптиматы привѣтствовали Цицерона названіемъ «отца отечества». — «Въ исторической трагедіи обыкновенно бываютъ юмористическія черты», говоритъ Моммсенъ, «такъ было и здѣсь: дѣло грубѣйшей тиранніи было совершено безхарактернѣйшимъ и трусливѣйшимъ изъ всѣхъ римскихъ государственныхъ людей, и первый консулъ изъ простолюдиновъ уничтожилъ палладіумъ свободы римскихъ простолюдиновъ, право апелляціи къ народному собранію». Слагая съ себя власть, Цицеронъ не могъ произнести установленной клятвы, что онъ не нарушилъ законовъ республики; онъ вмѣсто этого сказалъ: «клянусь, что я спасъ республику».

Смерть Катилины мартъ 62.

Межъ тѣмъ, какъ въ Римѣ происходило это, Катилина, нашедшій въ отрядѣ Фульвія до 2,000 человѣкъ, набралъ такъ много волонтеровъ, что сформировалъ два легіона; но лишь четвертая часть воиновъ его имѣла полное вооруженіе, у остальныхъ были только дротики и тому подобное легкое оружіе, у нѣкоторыхъ—одни заостренные колья. При извѣстіи о приближеніи Антонія и о погибели товарищей въ Римѣ, Катилина отступилъ въ горы съ своимъ войскомъ, число котораго каждый день убывало отъ побѣговъ. Онъ хотѣлъ горными тропинками пробраться въ Галлію. Но въ долинѣ между скалъ близъ Пистоpіи Метеллъ Целеръ остановилъ его спереди, а консульское войско настигало его сзади. Окруженный со всѣхъ сторонъ, лишенный возможности добывать провіантъ, Кати-

лина рѣшился побѣдить, или умереть въ отчаянномъ боѣ. Воодушевивъ своихъ воиновъ энергической рѣчью, онъ очень искусно построилъ ихъ на сраженіе. Знаменемъ его былъ орелъ, который, какъ говорили, служилъ знаменемъ Марія въ войнѣ съ кимбрами. Консульскимъ войскомъ командовалъ не самъ Антоній; вѣроятно, ему было стыдно сражаться противъ человѣка, соумышленникомъ котораго онъ былъ; онъ сказалъ, что страдаетъ ногами и передалъ начальство своему помощнику Марку Петрейю, опытному воину. Оба войска сражались очень храбро, и побѣда долго колебалась. Катилина выказывалъ необыкновенную отвагу. Онъ убилъ многихъ непріятелей своей рукой; исполняя обязанность мужественнаго воина, онъ съ тѣмъ вмѣстѣ показалъ себя хорошимъ полководцемъ. Наконецъ Петрей съ отборными воинами, составлявшими свиту главнокомандующаго, прорвалъ непріятельскій центръ; потерявшія связь между собою крылья были охвачены каждое съ обоихъ фланговъ; консульское войско побѣдило. Видя, что битва проиграна, Катилина бросился въ густые ряды враговъ и нашелъ въ бою смерть, которой искалъ. Онъ умеръ достойно своей славы храбраго воина.

Конецъ битвы при Писторіи по Саллюстію.

По окончаніи битвы можно было видѣть, какой отважный духъ владычествовалъ въ войскѣ Катилины, говоритъ Саллюстій въ концѣ своего разсказа о возстаніи Катилины; почти каждый инсургентъ лежалъ мертвый на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ бился живой. Лишь немногіе, оттѣсненные отборнымъ отрядомъ Петрейя, лежали нѣсколько въ сторонѣ; но всѣ съ ранами на груди. Самъ Катилина былъ найденъ далеко впереди своихъ между тѣлами непріятелей; онъ еще дышалъ, и на лицѣ его оставалось выраженіе неукротимой отваги, которую онъ выказывалъ всю жизнь. Вообще изъ всѣхъ его воиновъ не былъ взятъ въ плѣнъ ни одинъ свободный гражданинъ ни въ самомъ сраженіи, ни въ бѣгствѣ. Они не щадили и своей жизни, какъ жизни враговъ. Войско правительства очень дорого купило побѣду: всѣ храбрѣйшіе воины были убиты или тяжело ранены. Многіе пришедшіе изъ стана посмотрѣть на поле битвы, или ограбить убитыхъ враговъ, находили друга, или родственника, переворачивая лежавшій лицомъ къ землѣ трупъ непріятеля. А нѣкоторые находили убитыми своихъ личныхъ враговъ. Такимъ образомъ, побѣдители волновались одни радостью, другіе печалью.

Разстройство обѣихъ боровшихся партій.

Исполненіемъ смертнаго приговора въ подземномъ склепѣ Капитолія и побѣдой при Писторіи, заговоръ былъ подавленъ. Вожди демократической партіи, опасаясь Помпея, облеченнаго громадной властью, вступили въ союзъ съ отчаянными злодѣями; думая при ихъ содѣйствіи устранить грозившую государству неограниченную власть полководца, который долженъ былъ скоро воротиться съ Востока. Они хотѣли возобновить терроризмъ Марія и Цинны; но, соединившись съ разбойниками, они погубили себя. Процессы, начатые въ Римѣ и въ Этруріи противъ виновныхъ и подозрительныхъ людей, обнаружили, что заговоръ имѣлъ обширныя развѣтвленія; шайки разбойниковъ, бродившія по горамъ, и мятежи невольниковъ въ южной Италіи показывали, какимъ бѣдствіямъ подверглась бы вся Италія въ случаѣ побѣды

Катилины; народомъ и особенно зажиточными сословіями овладѣло ожесточеніе противъ всѣхъ, имѣвшихъ сношенія съ заговорщиками. Предполагалось, что въ заговорѣ участвовали люди болѣе важные, нежели Катилина и Лентулъ, что въ частности знали о заговорѣ Крассъ и Цезарь, что они хотѣли воспользоваться катастрофой для осуществленія своихъ честолюбивыхъ желаній; но Крассъ былъ такъ силенъ, что никто не осмѣлился нападать на него, а геніальный Цезарь умѣлъ выпутаться изъ опасности. Сначала ожесточеніе противъ этого вліятельнаго вельможи, незадолго передъ тѣмъ избраннаго народомъ въ санъ верховнаго первосвященника, было очень сильно, особенно во всадническомъ сословіи. Когда онъ выходилъ изъ сената, сверкали мечи, угрожавшіе ему, и онъ едва не былъ убитъ. Нѣсколько времени онъ не являлся въ сенатъ. Но скоро онъ умѣлъ возвратить себѣ вліятельное положеніе. Правда, неудача заговора Катилины оставила его человѣкомъ второстепеннымъ сравнительно съ Помпеемъ; но она принесла ему и выгоду: всѣ политическія партіи были теперь въ разстройствѣ, и ему при его отвагѣ открывалось широкое поле дѣйствія. Масса римскаго населенія, которой былъ розданъ сенатомъ къ предложенію Катона хлѣбъ, была очень раздражена противъ вождей демократической партіи, вступившихъ въ союзъ съ убійцами и поджигателями, и держала себя относительно аристократіи дружелюбно, но аристократія чувствовала себя такой слабой, что не рѣшилась воспользоваться пораженіемъ противника для упроченія своей власти. И скоро мысли народа о заговорѣ Катилины измѣнились, какъ предсказывалъ Цезарь. Самъ Цицеронъ смутился, услышавъ, что однажды утромъ увидѣли гробницу Катилины, покрытой цвѣтами. Разрушались всѣ основы, на которыхъ держались республиканскія учрежденія; въ массѣ населенія исчезали прочныя политическія связи, она въ своей безпомощности становилась послушнымъ орудіемъ въ дѣлѣ замѣны республиканской формы правленія владычествомъ одного человѣка.

---

2. Времена Юлія Цезаря.

1. Тріумвиратъ.

Помпей въ Римѣ.

Еще никогда судьба не представляла побѣдоносному полководцу такого удобства возложить на себя діадему, какое давала она для этого Помпею при его возвращеніи съ покореннаго Востока. Аристократія не имѣла ни единодушія, ни сильнаго руководителя: Маркъ Порцій Катонъ при всей своей честности былъ не больше какъ человѣкъ, систематически державшійся старины, чуждый практической жизни, смотрѣвшій на дѣла съ точки зрѣнія стоической философіи; богатый

торговый классъ думавшій только о денежныхъ выгодахъ, желалъ установленія твердаго правительства, которое охраняло бы собственность, и былъ готовъ ввѣрить власть тому, кто выкажетъ себя достаточно сильнымъ для устраненія соціальнаго переворота, укрѣпитъ почву общественнаго зданія; демократы своимъ союзомъ съ сообщниками Катилины лишили себя уваженія у честныхъ людей, и кромѣ того, робѣли при мысль, что раздражили и Помпея участіемъ въ интригахъ противъ него, своего союзника. Уронивъ себя въ общественномъ мнѣніи, они желали поправить свою репутацію, загладить свои ошибки искренней преданностью Помпею; масса народа по прежнему была расположена къ своему любимцу, впередъ восхищалась подарками и праздниками, какія дастъ онъ ей при своемъ возращеніи. Мы видимъ, что положеніе дѣлъ въ Римѣ было теперь совершенно не таково какъ въ тѣ бурныя времена, когда вернулся съ Востока Сулла; обстоятельства вызывали Помпея взять въ свои руки неограниченную власть надъ государствомъ, упрочить за собою на всю жизнь то могущество, какое уже нѣсколько лѣтъ принадлежало ему по рѣшенію народа, ставшему закономъ и для сената. Надобно было только выказать рѣшимость, и Помпей остался бы владыкою государства; но у него не достало отваги. Какъ за девять лѣтъ передъ тѣмъ онъ, подавивъ возстаніе въ Испаніи и подошедши къ воротамъ Рима съ побѣдоноснымъ, преданнымъ ему войскомъ, добровольно сложилъ съ себя власть, такъ и теперь онъ не рѣшился взять даръ власти, предлагаемый ему богинею удачи и побѣды. Онъ желалъ получить владычество надъ Римомъ, говоритъ Веллей, но хотѣлъ, чтобъ оно безъ его содѣйствія досталось ему въ награду за его подвиги. Правда, захватить власть онъ могъ не иначе какъ посредствомъ междоусобной войны; римскій народъ весь до низшихъ сословій имѣлъ привязанность къ республиканской формѣ правленія, освященной преданіемъ; но при распаденіи партій, при разстройствѣ всѣхъ учрежденій государства едвали могъ быть побѣжденъ въ междоусобной войнѣ полководецъ, за которымъ еще оставалось полномочіе, предоставленное ему законами Манилія и Габинія.

Аристократія ободряется.

Противники Помпея были обрадованы извѣстіемъ, что онъ, вышедши на италійскій берегъ въ Брундизіи, распустилъ большую часть своихъ войскъ, идетъ въ Римъ праздновать свой тріумфъ съ небольшимъ числомъ воиновъ. Аристократы ободрились и стали готовиться къ борьбѣ противъ него: мелочными нападеніями, уловками систематической оппозиціи они теперь надѣялись уничтожить преобладающее вліяніе Помпея на мысли толпы. Сложивъ съ себя полномочіе, онъ становился въ ряды гражданъ, и они надѣялись уже не дать ему вырваться изъ этихъ рядовъ, разсчитывали внушить народу, что онъ не имѣетъ за собою никакихъ необыкновенныхъ заслугъ, никакихъ особенныхъ правъ на власть. Обремененный лаврами, Помпей ожи-

далъ, что будутъ безпредѣльно удивляться ему, добровольно предоставятъ ему безграничное могущество изъ признательности за его заслуги; онъ увидѣлъ, что сенатъ всячески старается подорвать его вліяніе на государственныя дѣла. Вождями противниковъ Помпея были Лукуллъ, несправедливо обиженный имъ и еще не простившій ему оскорбленія, Метеллъ Критскій и Метеллъ Целеръ, тоже лично оскорбленные имъ, и въ особенности Маркъ Порцій Катонъ, правнукъ Катона цензора, человѣкъ, о политической дѣятельности котораго могутъ быть неодинаковыя мнѣнія, но человѣкъ несомнѣнно честный, твердый, одаренный всѣми республиканскими доблестями.

Маркъ Порцій Катонъ (родился 95).

Подобно Катону цензору, и правнукъ его твердо, систематически боролся противъ господствующаго направленія времени. Но прадѣдъ въ союзѣ съ нѣсколькими другими приверженцами старины желалъ поддержать прежніе обычаи, только еще начинавшіе колебаться, боролся противъ греческихъ нравовъ, когда они едва начинали проникать въ Римъ. Правнукъ жилъ въ такое время, когда римляне уже были неспособны поддержать прежнія учрежденія, когда нравственная энергія народа исчезла; онъ хотѣлъ исправить испорченное поколѣніе, внушивъ ему старинныя чувства, понятія, политическія правила, которыя самъ проповѣдникъ ихъ, подобно всѣмъ своимъ современникамъ, зналъ уже только изъ книгъ; онъ убѣждалъ возвратиться къ этой старинѣ и старался держать себя сообразно тому, что внушалъ другимъ. «Съ законами въ рукѣ», говоритъ Друманъ, «онъ хотѣлъ принудить римлянъ быть хорошими гражданами, жить, какъ будто въ платоновскомъ государствѣ, получать магистратуры лишь законнымъ путемъ, исполнять обязанности сенаторовъ и курульныхъ сановниковъ съ заботой исключительно о благѣ отечества, не требовать себѣ ни награды, ни даже благодарности, жертвовать всѣми личными своими выгодами для государственной пользы». Подобно своему прадѣду, онъ соблюдалъ величайшую простоту въ одеждѣ и во всей обстановкѣ своего быта; среди всеобщей безграничной расточительности онъ жилъ умѣренно, воздержно; онъ пріучилъ себя выносить труды и лишенія; путешествовалъ обыкновенно пѣшкомъ, ходилъ съ открытой головой и въ холодъ, и въ зной, пренебрегалъ ароматическими маслами, составлявшими тогда необходимую принадлежность туалета мужчинъ, чуждался всякой модной роскоши. Онъ доходилъ въ этомъ до крайностей, подававшихъ поводъ къ насмѣшкамъ надъ чудакомъ, который, будучи преторомъ, ходитъ по городу безъ обуви и туники, потому, что статуи такъ изображаютъ Ромула и Камилла. Подобно прадѣду, онъ былъ строгій приверженецъ сената и аристократическихъ учрежденій, возставалъ противъ всякихъ нововведеній, противъ личнаго самовластія. Но онъ руководился въ своей политической дѣятельности принципами, а не личными мотивами, какъ его прадѣдъ. Сходство съ прадѣдомъ было въ томъ, что для осуществленія своихъ плановъ онъ не стѣснялся отступать отъ существующихъ законовъ. При борьбѣ противъ Катилины онъ требовалъ смерти арестованныхъ заговорщиковъ, нарушая право апелляціи къ народу, принадлежавшее каждому римскому гражданину, освященное давностью; въ слѣдующемъ году, будучи трибуномъ, онъ нарушилъ не менѣе священное право трибунскаго сана, потребовавъ, чтобъ былъ низложенъ одинъ изъ его товарищей, Метеллъ Непотъ, который хотѣлъ предложить народу призвать Помпея съ войсками въ Италію для возстановленія порядка; бывши трибуномъ, Катонъ склонялъ на свою сторону народъ раздачею хлѣба изъ государственныхъ магазиновъ. При столкновеніи разныхъ обязанностей онъ ставилъ выше всего сохраненіе республики, повиновеніе закону стояло только уже на второмъ мѣстѣ, а уваженіе къ справедливости на третьемъ. Онъ считалъ дозволительнымъ все, что необходимо для поддержанія существующихъ учрежденій. Подобно прадѣду, онъ пріобрѣлъ ученое образованіе и употреблялъ свой досугъ на литературную дѣятельность. Но прадѣдъ былъ человѣкъ практической жизни и писалъ для практической пользы со-

гражданъ, а правнукъ былъ человѣкъ доктрины, книжной учености, школы. Больше всего любилъ онъ проводить время въ библіотекѣ. Даже въ сенатъ онъ ходилъ съ книгою и, до начала совѣщаній, читалъ ее, прикрывъ тогой. Въ своихъ путешествіяхъ, въ своихъ прогулкахъ онъ былъ всегда окруженъ философами и писателями. Онъ дорожилъ, какъ побѣдою, тѣмъ, что уговорилъ старика философа Аѳенодора ѣхать съ нимъ въ Македонію. По ученію стоической философіи, которой былъ преданъ всей душой съ молодости и по другимъ философскимъ системамъ, которыя чрезвычайно усердно изучалъ всю жизнь, онъ составилъ себѣ нравственный идеалъ, которымъ руководился во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. И чѣмъ рѣзче былъ контрастъ этого идеала съ господствующей испорченностью нравовъ, тѣмъ тверже Катонъ держался его, тѣмъ упорнѣе боролся противъ современнаго направленія, тѣмъ непоколебимѣе защищалъ старыя учрежденія противъ геніальныхъ честолюбцевъ, хотѣвшихъ основать свою власть на развалинахъ существующаго государственнаго устройства. Онъ говоритъ такъ, какъ будто живетъ въ республикѣ Платона, а не между выродившимися потомками Ромула, — писалъ о немъ Цицеронъ. Онъ самъ чувствовалъ, что его понятія о государственной жизни и частномъ бытѣ, его привязанность къ республиканской старинѣ, къ обычаямъ предковъ, совершенно противорѣчатъ мыслямъ и правиламъ его современниковъ; это чувство придавало его отъ природы серьезному характеру оттѣнокъ суровости, желчности, его рѣчамъ—проповѣдническій тонъ, за который современники осуждали его, а потомки прославляли, находя въ его порицаніяхъ порывы строгой добродѣтели. Кругъ понятій его былъ узокъ, политической проницательности у него было мало, умъ его былъ медленный, тяжелый на соображенія, и онъ недовѣрчиво смотрѣлъ на все, противорѣчившее его убѣжденіямъ, систематически боролся, какъ съ врагами, со всѣми тѣми людьми, которые отступали отъ обычнаго порядка. Эти качества дѣлали Катона младшаго похожимъ на философа чудака и, подобно прадѣду, онъ считался человѣкомъ слишкомъ любящимъ осуждать другихъ, дѣлать выговоры; но по своей общепризнанной честности, любви къ семейству и роднымъ, безпощадной враждѣ къ всему порочному, по своему несомнѣнному патріотизму, своей добросовѣстности въ исполненіи всѣхъ правительственныхъ, судебныхъ и военныхъ обязанностей, онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Государственные интересы онъ охранялъ съ величайшей заботливостью. Когда онъ былъ судьей, онъ не зналъ лицепріятія; онъ всегда говорилъ по искреннему убѣжденію; никто не отваживался и подумать подкупить его. Нравственными достоинствами онъ былъ на столько же выше своего прадѣда, на сколько уступалъ ему способностью дѣйствовать практично. Онъ былъ республиканецъ, оставшійся до своей трагической кончины вѣренъ правиламъ, которыя составилъ себѣ чрезъ чтеніе философскихъ книгъ и размышленіе. Характеризуя разницу между нимъ и Цезаремъ, Саллюстій кончаетъ словами: «Онъ хотѣлъ, чтобы граждане были скромны и честны чтобы нравы ихъ были чисты, и самъ былъ таковъ. Онъ не хотѣлъ равняться съ богатыми богатствомъ, съ честолюбцами числомъ приверженцевъ; онъ старался не уступить доблестнымъ гражданамъ доблестью, скромнымъ скромностью, честнымъ воздержностью отъ своекорыстія. Онъ хотѣлъ быть хорошимъ человѣкомъ, а не только казаться такимъ и, не заботясь о пріобрѣтеніи славы, пріобрѣлъ ее». Плутархъ говоритъ о немъ: «Слава Катона была больше его вліянія на дѣла, онъ имѣлъ больше людей, дивившихся ему, чѣмъ приверженцевъ».

Помпей и оппозиція аристократіи.

Вскорѣ по возвращеніи Помпей имѣлъ случаи убѣдиться въ нерасположеніи аристократіи къ нему. По его желанію, народный трибунъ Метеллъ Непотъ предложилъ народному собранію назначить его консуломъ на слѣдующій годъ, утвердить распоряженія, сдѣланныя имъ на Востокѣ, и надѣлить воиновъ его землею въ исполненіе даннаго имъ обѣщанія. Эти предложенія были или отвергнуты, или приняты не-

вполнѣ. Противъ выбора его въ консулы сенатъ возразилъ, что это противорѣчитъ закону Суллы, по которому нельзя избирать консуломъ вновь никого раньше десяти лѣтъ послѣ того, какъ это лицо было консуломъ. Сенатъ отказался утвердить общимъ рѣшеніемъ все, сдѣланное Помпеемъ въ Азіи, то есть не захотѣлъ признать, что полномочіе, данное Помпею народнымъ собраніемъ, было равнозначительно власти самого сената; по предложенію Лукулла, было рѣшено, что сенатъ будетъ разсматривать одно за другимъ распоряженія Помпея и дѣлать постановленіе о каждомъ изъ нихъ отдѣльно; это должно было чрезвычайно затянуть разборъ дѣла о распоряженіяхъ Помпея. Ни сенатъ, ни народное собраніе не согласились на аграрный законъ, предложенный трибуномъ Луціемъ Флавіемъ. Флавій предлагалъ: выкупить ту землю, которая до Тиберія Гракха принадлежала государству, а послѣ того была продана; эту землю и тѣ земли въ Этруріи, которыя были конфискованы Суллой и еще оставались нерозданными, роздать бѣднымъ гражданамъ и по преимуществу ветеранамъ, служившимъ въ Азіи; на выкупъ проданной земли употребить доходы, какіе будутъ получаемы въ слѣдующія пять лѣтъ съ азіатскихъ вновь пріобрѣтенныхъ провинцій. Оптиматамъ былъ смертельно ненавистенъ всякій аграрный законъ, потому что онъ мѣшалъ расширенію ихъ имѣній. Помпей надѣялся, что при содѣйствіи Цицерона будетъ принято предложеніе Флавія, хотя въ уменьшенномъ размѣрѣ; съ этой цѣлью онъ озаботился пріобрѣсти себѣ дружбу и помощь Цицерона; но вліяніе этого безхарактернаго государственнаго человѣка уже ослабѣло, и поддержка его оказалась безполезна. Помпею пришлось удовольствоваться тѣмъ, что народное собраніе дало ему знаки внѣшняго почета: оно предоставило ему право являться на общественныя игры въ одеждѣ тріумфатора, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ.

Тріумвиратъ Помпея, Цезаря и Красса 61.

Изъ этого обиднаго положенія вывелъ Помпея Цезарь. По окончаніи года своей претуры, получивъ отъ Красса въ заемъ сумму, нужную для уплаты другимъ кредиторамъ, Цезарь поѣхалъ правителемъ въ Пиренейскій полуостровъ, на западѣ и сѣверѣ котораго горныя племена еще мало подчинялись власти римлянъ. Онъ пріобрѣлъ тамъ славу удачными походами на лузитанцевъ (жившихъ въ Португаліи) и на галлековъ (жившихъ въ Галисіи), заслужилъ любовь испанцевъ справедливымъ распредѣленіемъ налоговъ, хорошей администраціей, безпристрастіемъ въ судѣ и, получивъ богатые подарки отъ признательнаго къ нему населенія, возвратился въ Римъ искать себѣ консульства. Отъ просьбы дать ему тріумфъ онъ отказался, потому что это дѣло надолго задержало бы его пріѣздъ въ городъ Римъ. Всѣ оптиматы единодушно противились желаніямъ Цезаря, вождя демократовъ, честолюбивые планы котораго были давно замѣчены ими; потому онъ едва-ли получилъ бы большинство голосовъ на выборахъ,

еслибы не вступили въ союзъ съ нимъ Помпей, раздраженный непріязнью аристократовъ, и Крассъ. Оптиматы нанесли глубокія раны самолюбію Помпея; Цезарь обѣщался исцѣлить ихъ, но говорилъ, что для этого необходимо содѣйствіе Красса, имѣвшаго очень большое вліяніе на торговое сословіе; Крассъ охотно согласился помогать Помпею и Цезарю, зная по опыту, что его корабль, хотя и нагруженный золотомъ, можетъ подвигаться впередъ лишь на буксирѣ. Такъ
60. составился тріумвиратъ, «союзъ трехъ». Цезарь, Помпей и Крассъ обязались помогать другъ другу, и первымъ результатомъ ихъ взаимной поддержки было то, что Цезарю было обезпечено большинство
59. голосовъ на выборахъ консуловъ слѣдующаго года. Аристократія не жалѣла денегъ, чтобы помѣшать его избранію, но достигла лишь того, что товарищемъ его былъ избранъ Маркъ Кальпурній Бибулъ, единственнымъ достоинствомъ котораго была строгая вѣрность интересамъ аристократіи. На Цицерона тріумвиры дѣйствовали любезностью. Онъ не сталъ противиться имъ и занялъ положеніе, наиболѣе соотвѣтствовавшее его характеру: убѣждалъ ссорящіяся партіи дѣлать взаимныя уступки и примириться.

Консульство Цезаря. Законы Юлія 59.

Вскорѣ по вступленіи въ санъ консула, Цезарь предложилъ сенату проектъ аграрнаго закона, состоявшій въ слѣдующемъ: кампанская равнина, ставшая со времени Суллы государственной землею (стр. 731), раздается бѣднымъ гражданамъ, имѣющимъ трехъ дѣтей, или больше; на деньги, привезенныя Помпеемъ съ Востока, и на остатки другихъ государственныхъ доходовъ покупаются земли для такого же назначенія; но въ особенности для раздачи воинамъ, служившимъ у Помпея, потому что люди, кровью которыхъ пріобрѣтены побѣды государству, должны пользоваться частью доставленныхъ побѣдами выгодъ. Цѣлью раздачи земли воинамъ Помпея было упрочить преданность ихъ ему. Вмѣстѣ съ этимъ проектомъ, Цезарь внесъ предложеніе, утвердить однимъ общимъ рѣшеніемъ всѣ распоряженія, сдѣланныя въ Азіи Помпеемъ, и уменьшить на одну треть тѣ суммы, которыя должны внести откупщики по условіямъ контрактовъ. Цезарь велъ дѣло съ соблюденіемъ законныхъ формъ и очень мягко. Но аристократическая партія сенаторовъ упорно противилась его предложеніямъ; и Катонъ помѣшалъ вотированію, начавъ говорить и продолжая рѣчь безъ конца до того часа, которымъ прекращалось засѣданіе сената. Тогда Цезарь внесъ свои предложенія въ народное собраніе; Помпей обѣщалъ поддержать ихъ военной силой. Оптиматы подъ предводительствомъ Катона и Бибула всячески старались помѣшать принятію предложеній; но тріумвиры одержали верхъ: на форумѣ произошла драка, противники предложеній были прогнаны, и предложенія были приняты народомъ; сообразно римскому обычаю, эти законы называются, по фамиліи предложившаго ихъ, законами Юлія. Коммиссія, состоявшая изъ двадцати человѣкъ, въ числѣ которыхъ

находились Помпей и Крассъ, раздѣлила Кампанскую равнину на 20,000 участковъ, большая часть которыхъ была роздана ветеранамъ Помпея. Въ безсильной досадѣ, аристократы устранились отъ участія въ дѣлахъ, и тѣмъ легче было для Цезаря вносить всѣ важныя предложенія прямо въ народное собраніе, помимо сената. Распоряженія, сдѣланныя Помпеемъ въ Азіи, были утверждены народомъ. Откупщики, чьи доходы много уменьшились войною съ Митридатомъ, были благодарны тріумвирамъ за облегченіе уплатъ казнѣ и поддерживали ихъ противъ сенаторской аристократіи, не соглашавшейся на облегченіе слишкомъ тяжелыхъ условій откупныхъ контрактовъ; все сословіе всадниковъ было солидарно съ откупщиками. Такимъ образомъ, сенаторская партія не имѣла поддержки ни въ комъ. «Мы покинуты всѣми», писалъ одинъ изъ членовъ этой партіи: «страхъ смерти или изгнанія заставилъ насъ отказаться отъ свободы. Сожалѣютъ объ этомъ всѣ, но говорить не смѣетъ никто». Тріумвиры имѣли на своей сторонѣ народъ, среднее сословіе и войско; сопротивленіе имъ было невозможно.

Цезарь получаетъ провинцію Галлію.

При избраніи Цезаря и Бибула въ консулы, сенатъ постановилъ, что по окончаніи своего консульства они получатъ вмѣсто провинцій завѣдываніе лѣсами и пастбищами; этимъ онъ хотѣлъ отнять у честолюбиваго Цезаря возможность прославиться военными дѣлами. По вліянію тріумвировъ, народное собраніе отмѣнило постановленіе сената и приняло предложеніе трибуна Ватинія—отдать въ управленіе Цезарю на пять лѣтъ Цизальпійскую Галлію съ неограниченнымъ правомъ располагать дѣйствіями стоявшихъ тамъ трехъ легіоновъ. Цезарь отблагодарилъ за это народъ играми и безденежною раздачею хлѣба. Свой союзъ съ Помпеемъ, поддержавшимъ его въ дѣлѣ о полученіи провинціи, Цезарь упрочилъ тѣмъ, что выдалъ за него свою дочь, красавицу Юлію. Въ угожденіе Помпею, Цезарь убѣдилъ народъ признать египетскимъ царемъ того изъ претендентовъ, которому покровительствовалъ Помпей, Птолемея Авлета («флейтиста»). Сенатъ былъ такъ запуганъ, что не только не спорилъ противъ назначенія Цезаря правителемъ Цизальпійской Галліи, но далъ ему и Трансальпійскую Галлію (Нарбонскую провинцію) и еще одинъ легіонъ. Такимъ образомъ, Цезарь сдѣлался на пять лѣтъ правителемъ юговосточной части Галліи между Альпами и Пиренеями и Сѣверной Италіи отъ Альпъ до Арна (Арно) и Рубикона, имѣя въ своемъ распоряженіи, кромѣ четырехъ легіоновъ, воинственное населеніе Сѣверной Италіи, желавшее получить право римскаго гражданства, потому преданное демократической партіи. Онъ могъ теперь надѣяться, что поровняется военными подвигами съ покорителемъ Азіи. Онъ создалъ свое будущее величіе поддержкою прошлаго величія Помпея. Консулами на слѣдующій годъ были избраны люди, преданные тріумвирамъ: Авлъ Габиній, усердный приверженецъ Помпея, и Луцій

Пизонъ, родственникъ Цезаря. Имъ была поручена забота держать Римъ въ послушаніи тріумвирамъ.

Избраніе Клодія въ народные трибуны 58.

Но при раздраженіи аристократіи противъ новыхъ владыкъ Рима и ихъ законовъ должно было ожидать, что она, по удаленіи Цезаря изъ столицы, возобновитъ свою оппозицію. Потому тріумвиры озаботились до отъѣзда Цезаря устранить, или запугать вліятельнѣйшихъ вождей сенаторской партіи. Лукуллу стали грозить судебнымъ обвиненіемъ за его распоряженія въ Азіи; онъ такъ оробѣлъ, что упалъ въ ноги Цезарю и обѣщалъ держать себя смирно. Съ Цицерономъ поступили иначе. Публій Клодій, человѣкъ изъ знатнаго патрицийскаго рода Клавдіевъ, смѣлый, даровитый и безстыдный, былъ однажды по распоряженію сената преданъ суду за нарушеніе правилъ, воспрещавшихъ мужчинамъ находиться при таинственныхъ обрядахъ женскаго праздника «Благой богини»; Цицеронъ былъ тогда его обвинителемъ; по разнымъ другимъ случаямъ Цицеронъ раздражалъ его язвительными насмѣшками. Теперь онъ нашелъ плебея, который усыновилъ его, и онъ пріобрѣлъ этимъ право явиться кандидатомъ на санъ трибуна. По вліянію тріумвировъ, онъ получилъ этотъ санъ и тотчасъ же убѣдилъ народъ принять законъ, что совѣщанія комицій не могутъ быть прерываемы консулами подъ предлогомъ неблагопріятныхъ ауспицій, какъ это дѣлалось не рѣдко; совершенно подорвавъ этимъ закономъ вліяніе курульныхъ сановниковъ на народное собраніе, Клодій предложилъ народу постановить такой законъ: «Кто убилъ римскаго гражданина безъ правильнаго судебнаго приговора, наказывается изгнаніемъ». Ни о комъ въ частности не говорило это предложеніе, но всѣмъ было ясно, что оно направлено противъ Цицерона, который предалъ смерти въ темницѣ подъ Капитоліемъ сообщниковъ Катилины, не дозволивъ имъ апеллировать къ народному собранію и нарушивъ тѣмъ одинъ изъ основныхъ государственныхъ законовъ. Соучастники Цицерона въ этомъ нарушеніи законовъ и въ особенности самъ онъ всячески убѣждали народъ отвергнуть предложеніе; онъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ всадниковъ ходилъ на форумъ и по улицамъ въ траурной одеждѣ, стараясь разжалобить народъ; бросился къ ногамъ своего прежняго покровителя Помпея, умоляя о защитѣ. Все осталось напрасно. Предложеніе Клодія было принято народомъ, и Цицеронъ, виновный въ противозаконной казни соумышленниковъ Катилины, принужденъ былъ уѣхать въ изгнаніе; онъ, по римской формулѣ изгнанія, былъ подвергнутъ «запрещенію огня и воды». Онъ держалъ себя такъ униженно, выказывалъ такое отчаяніе, что употребленіе воды и огня было запрещено ему только въ окружности на 400 миль отъ Рима; то-есть ему дозволено было жить гдѣ-нибудь въ греческихъ областяхъ, не очень отдаленныхъ отъ Италіи. По его увѣренію, 20,000 римскихъ гражданъ надѣли трауръ въ знакъ сожалѣнія о его несчастіи.

Изгнаніе Цицерона.

Катонъ отправленъ съ порученіемъ въ Кипръ.

Катонъ, пользовавшійся уваженіемъ за свою честность, былъ удаленъ изъ Рима болѣе почетнымъ способомъ. Царь кипрскій Птолемей, личный врагъ Клодія, поскупился пріобрѣсти благосклонность тріумвировъ деньгами, какъ пріобрѣлъ ее братъ его, египетскій царь Птолемей Авлетъ; за это онъ былъ лишенъ царства подъ предлогомъ того, что пираты находятъ пріютъ себѣ на Кипрѣ. Катону было поручено взять во владѣніе римлянъ Кипръ и царскія сокровища; съ иронической любезностью было прибавлено, что для такого щекотливаго дѣла нуженъ честный человѣкъ. Кромѣ того, Катону было поручено разобрать ссоры между гражданами Византіи. Онъ отправился на Кипръ безъ войска; но Птолемей не дождался и пріѣзда его: совершенно отчаявшись въ спасеніи, царь принялъ ядъ. Катонъ конфисковалъ движимое и недвижимое имущество богатаго скряги и добросовѣстно передалъ въ римскую казну всѣ его сокровища. Прекрасный и плодородный Кипръ, бывшій въ глубокой древности однимъ изъ центровъ слиянія финикійской культуры съ греческой, былъ присоединенъ къ провинціи Киликіи.

Египетъ и Кипръ.

Послѣ Птолемея V Эпифана (стр. 305) потомки его, постоянно ссорясь изъ-за правъ на престолъ, развратничая и совершая убійства, сто лѣтъ царствовали въ Египтѣ, въ Киренѣ, отдѣлившейся отъ Египта вскорѣ по смерти Птолемея Эпифана, и на островѣ Кипрѣ, который тоже скоро сталъ отдѣльнымъ государствомъ; по формѣ они были независимы, на самомъ же дѣлѣ подвластны римскому сенату и римскимъ правителямъ Азіи. Въ 81 году Сулла возвелъ на египетскій престолъ Александра II Птолемея. Онъ скоро былъ убитъ во время народнаго мятежа; послѣ него осталось завѣщаніе, по которому онъ назначилъ наслѣдникомъ своего царства и своихъ сокровищъ римскій народъ, какъ прежде было сдѣлано царями пергамскимъ, виѳинскимъ и киренскимъ. Сокровища его римляне взяли себѣ, но взять царство не захотѣли и допустили двухъ побочныхъ сыновей прежняго царя Птолемея Латира (116—81) сдѣлаться царями въ Египтѣ и на Кипрѣ; однимъ изъ поводовъ къ этому дозволенію было сомнѣніе въ подлинности завѣщанія, заявленное претендентами, другою болѣе важною причиною то, что они большими подарками склонили въ свою пользу вліятельнѣйшихъ людей римской аристократіи. Птолемей Авлетъ сталъ царствовать въ Египтѣ; Птолемей Кипрскій—на Кипрѣ. Сенатъ не давалъ своего утвержденія этому, но и не мѣшалъ имъ оставаться царями; аристократія, быть можетъ, отчасти и опасалась обратить Египетъ въ римскую провинцію: правителю этой области было бы легко сдѣлать попытку неповиновенія волѣ сената. Такимъ образомъ, Птолемей Авлетъ и его братъ царствовали болѣе 20 лѣтъ, продолжая удерживаться на своихъ мѣстахъ тѣмъ же вѣрнымъ способомъ, какимъ пріобрѣли ихъ, — подкупомъ вліятельныхъ людей. Но теперь въ Римѣ разсудили, что пора прогнать этихъ безсильныхъ царей и присоединить ихъ владѣнія къ римскому государству. Жители Кипра были обвинены въ томъ, что, подобно критянамъ и киликійцамъ, занимаются морскимъ разбоемъ, или даютъ убѣжище разбойникамъ. Катону было поручено покорить Кипръ; при извѣстіи о томъ, что онъ ѣдетъ, царь, какъ мы говорили, отравился, и онъ безъ всякаго труда подчинилъ островъ римскому управленію. Такая же судьба, какъ брату, предстояла и Птолемею Авлету. Недовольные имъ жители Алексан- 58.

дріи прогнали его и передали власть мужу его старшей дочери Береники, Архелаю, жрецу-государю Команы. Но Авлетъ раньше того купилъ себѣ за 6,000 талантовъ покровительство Помпея и другихъ сильныхъ людей Рима. Потому тріумвиры устроили, что рѣшеніемъ народнаго собранія за нимъ было утверждено право царствовать въ Египтѣ. Но ему пришлось три года жить въ изгнаніи, потому что вліятельные люди въ Римѣ спорили между собою изъ-за выгоднаго порученія отправиться въ Египетъ и возвести его на престолъ. Только послѣ того, какъ тріумвиры возобновили свой союзъ въ Лукѣ и Птолемей купилъ ихъ милость, прислалъ имъ 10,000 талантовъ (около 15.000,000 рублей), было поручено правителю Сиріи Габинію возстановить власть Авлета надъ Египтомъ. Римское войско, въ которомъ особенно отличился тутъ храбростью и военными талантами начальникъ конницы Маркъ Антоній, пошло черезъ приморскую пустыню изъ Газы къ Пелузію; эта пограничная крѣпость была сдана римлянамъ измѣною іудейскаго гарнизона; римляне пошли дальше; Архелай былъ убитъ въ кровопролитномъ сраженіи на Нилѣ, и власть кліэнта тріумвировъ была возстановлена. Онъ казнилъ свою дочь Беренику, казнилъ множество другихъ виновныхъ въ измѣнѣ ему, конфисковалъ ихъ имущества и подъ защитою оставшагося въ Александріи римскаго отряда сталъ спокойно царствовать, угнетая народъ. Габиній подвергся въ Римѣ обвиненію во взяточничествѣ и, хотя Цицеронъ защищалъ его, былъ осужденъ на изгнаніе.

---

2. Покореніе Галліи.

Литературныя пособія. Кромѣ «Комментаріевъ» Цезаря и книгъ, перечисленныхъ нами на стран. 2 и 429-ой этого тома, мы здѣсь пользовались въ особенности слѣдующими трудами: Amé d. Thierry, Histoire des Gaulois, 4-ое изд., 2 тома, Paris, 1857; A. v. Göler, Cäsar's gallischer Krieg von 58—53 v. Chr., Stuttg. 1858; 2-е изд., 2 части, Heidelberg, 1880; Napoléon, Histoire de Jules César. Paris, 1865 и слѣд., 2 тома.

1. Степень образованности и бытъ кельтовъ.

Кельтская страна.

Судьба предназначила Цезаря распространить владычество римскаго закона въ странѣ, куда до сихъ поръ проникали только скудныя извѣстія о могущественномъ римскомъ народѣ, положить основаніе культурѣ и государственной организаціи, оказывавшимъ много вѣковъ глубокое, могущественное вліяніе на историческую жизнь европейскаго человѣчества. Намъ уже много разъ приходилось говорить о великомъ кельтскомъ племени, которое такъ часто вторгалось грозными нашествіями въ греко-римскій міръ; мы видѣли, что нѣкоторыя отрасли этого племени поселились на берегахъ По и нѣсколько разъ проникали съ оружіемъ въ рукахъ въ Среднюю Италію, однажды даже на римскій форумъ (стр. 4 слѣд. 112 слѣд. 449 слѣд.); видѣли, что другія полчища кельтовъ вторгались съ береговъ Дуная въ Македонію и Грецію, опустошая ихъ, и что остатки этихъ полчищъ нашли себѣ прочную осѣдлость въ Азіи, далеко отъ родины, среди чуждыхъ народовъ (стр. 299 сл.), что орда, состоявшая изъ кельтовъ и германцевъ, ужаснула Римъ, что десять лѣтъ эти полчища, которыя у римлянъ называются кимбрами и тевтонами, ходили по юго-западной Европѣ, приводя въ трепетъ народы, и наконецъ были истреблены желѣзной рукой Марія. Но обширная страна между Альпами и Атлантическимъ океаномъ, въ которой издавна жилъ могущественный кельтскій народъ и которая была его священной отчизной, центромъ его общественнаго и культурнаго развитія, оставалась до сихъ поръ недоступна римлянамъ за исключеніемъ небольшаго юго-восточнаго угла своего. Уже давно народы бассейна По и альпійскихъ долинъ повиновались Риму; уже давно римскіе купцы считали лигурійское приморье до устья Родана (Роны) дружеской землей, хорошимъ рынкомъ своей торговли; уже давно римскіе сановники правили кельтами Пиренейскаго полуострова, уже 60 лѣтъ повиновались повелѣніямъ римскихъ проконсуловъ аллоброги и мелкія кельтскія племена между Альпами и Роной до верховья Гаронны; но обширныя области за Севеннскими горами, племена, жившія по Луарѣ, Сенѣ, Сонѣ, Рейну и на островѣ Британіи, еще были незнакомы съ римскими фасками, еще не видѣли одѣтыхъ въ желѣзо легіоновъ, которые скоро должны были отнять у нихъ славу непобѣдимости и самодовольное убѣжденіе, что они самый храбрый изъ всѣхъ народовъ. Правда впрочемъ они могли бы угадывать свое будущее по судьбѣ Нарбонской Галліи, гдѣ старинные обычаи и учрежденія быстро были вытѣснены греко-римской культурой, благоустроеннымъ порядкомъ, дѣятельной торговлей, развитіемъ городовъ. Сила цивилизаціи неудержимо подчиняетъ себѣ необразованныхъ сосѣдей: это законъ природы; но историческія истины становятся понятны людямъ не по чужому, а лишь по собственному ихъ опыту.

1. Римская Галлія.

Когда Цезарь пошелъ покорять римскому государству кельтскія племена за Альпами, юго-восточный край Цизальпійской Галліи по берегамъ Роны до верховья Гаронны уже былъ, какъ мы говорили, римской провинціей; эта область до сихъ поръ сохраняетъ имя, полученное ею тогда (Провансъ, т. е. провинція) и до сихъ поръ называется именемъ этой прекрасной теплой области; важнѣйшій продуктъ ея оливковое масло, даваемое деревьями, которыя перевезли туда массилійцы изъ родной своей Іоніи. Племена, между которыми основали свой богатый городъ образованные греки, принадлежали къ той отрасли кельтовъ, которая распространилась по сѣверному прибрежью Пиренейскаго полуострова и вели тамъ бурную жизнь; часть кельтовъ, переселившихся за Пиренеи, сохранила чистоту своего племени; другая слилась съ туземцами, иберами, въ смѣшанный народъ кельтиберовъ. Лигуры, жившіе по склонамъ приморскихъ Альпъ и въ сѣверной части Апеннинъ, были, кажется, племенемъ не кельтскаго

происхожденія. Отъ прибрежья Средиземнаго моря до залива, который еще и теперь сохраняетъ имя Аквитанскаго, жили въ долинахъ Альпъ, у подошвы Севеннскихъ и Пиренейскихъ горъ племена, которыя имѣли много разныхъ названій, но по образу жизни, гражданскому устройству, языку и религіи всѣ были части одного народа. Могущественнѣйшимъ изъ этихъ племенъ были съ глубокой древности битуриги, область которыхъ простиралась отъ низовья Гаронны, гдѣ центромъ ихъ былъ городъ Бурдигала (Бордо), до средняго теченія Луары, гдѣ разстилаются плодородныя беррійскія и туренскія поля; столицею битуриговъ былъ Аварикъ (Буржъ). Но еще до основанія римской провинціи въ Галліи прежнее преобладаніе битуриговъ надъ сосѣдями ослабѣло, стало лишь первенствомъ по почету, а фактическое преобладаніе перешло къ ихъ восточнымъ сосѣдямъ, арвернамъ. Южные кельты считались людьми храбрыми, предпріимчивыми, хитрыми. Ихъ воинственная молодежь собиралась къ тѣмъ родоначальникамъ, которые были знамениты своими подвигами. Эти волонтеры становились вѣрными сподвижниками своихъ вождей въ счастіи и несчастіи, не покидали ихъ ни въ какой опасности. Племена западнаго приморья вели довольно большую морскую торговлю; они имѣли корабли съ парусами, между тѣмъ какъ племена Средиземнаго приморья вообще плавали на большихъ лодкахъ съ веслами. Лигуры были въ древности знамениты своими грабежами, считались людьми коварными; но ихъ охотно брали на службу въ войска наемниками, потому что они были храбры; они были усердными работниками на нивахъ массилійцевъ, въ ихъ мастерскихъ и пристаняхъ, и славились, какъ неутомимые охотники, умѣющіе ловко взбираться на горы. Женщины у лигуровъ занимали положеніе болѣе почетное, чѣмъ у кельтовъ, и были вѣрными помощницами мужьямъ въ ихъ опасностяхъ и трудахъ.

Возникновеніе римской провинціи въ Трансальпійской Галліи. 125—124. 123—122.

Кельты Средиземнаго прибрежья съ давняго времени были въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Массиліею и ея колоніями (II, 217), ознакомились съ греческой культурой, нѣсколько усвоили себѣ ее. Когда Цезарь сталъ правителемъ ихъ области, они уже 50 лѣтъ принадлежали къ римскому государству. Маркъ Фульвій Флаккъ — тотъ, который былъ убитъ вмѣстѣ съ Гаіемъ Гракхомъ (стр. 655), покорилъ кельтскія племена между Альпами и Роною: саллувіевъ, жившихъ на Дюрансѣ, и сѣверныхъ ихъ сосѣдей — воконтійцевъ. Его преемники Гай Секстій Кальвинъ и Гней Домицій Агенобарбъ обратили свое оружіе противъ аллоброговъ, жившихъ въ богатой долинѣ Изеры; тѣснимые ими аллоброги попросили помощи у арверновъ, могущественнѣйшаго народа Галліи, державшаго сосѣдей въ зависимости отъ себя; война получила національный характеръ и широкій размѣръ. Но арверны не въ силахъ были избавить аллоброговъ отъ покоренія римлянами, и консулъ Квинтъ Фабій Максимъ получилъ названіе Аллоброгскаго: арверны были разбиты въ кровопролитномъ сраженіи; вскорѣ послѣ того ихъ царь Битуитъ былъ отданъ измѣнниками въ руки Домиція, который послалъ его и его сына въ Римъ. Сенатъ выразилъ Домицію порицаніе за вѣроломство, но удержалъ въ плѣну арвернскаго царя и его сына.

Арверны были разбиты во второмъ сраженіи, принуждены были купить себѣ миръ уступкою округовъ на югѣ отъ Севеннскихъ горъ римлянамъ. Послѣ того, римляне обложили данью мелкія племена между Альпами и Роной, а область между Севеннскими горами и Средиземнымъ моремъ, верховья Гаронны сдѣлали римской провинціей, провели черезъ нее большую дорогу (Домиціеву), соединившую Италію съ Испаніей и обезпечили себѣ покорность туземцевъ построеніемъ крѣпостей и укрѣпленныхъ становъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ Гай Секстій разбилъ кельтовъ, былъ основанъ городъ, названный Aquae Sextiae (Секстіевы минеральныя воды; нынѣшній Эсъ, Aix); мѣстность была плодородна и красива, и римляне любили купаться въ минеральныхъ водахъ, а тамъ были теплые источники. Въ старинномъ, многолюдномъ, торговомъ кельтскомъ городѣ Нарбонѣ были поселены римскіе колонисты, и онъ сталъ называться Марціевымъ Нарбономъ. Римская аристократія, правившая государствомъ послѣ погибели Гракховъ, была очень нерасположена основывать колоніи за границами Италіи. Но климатъ галльскаго прибрежья Средиземнаго моря былъ превосходный, почва этой области плодородна; оттуда издавна пролегали пути торговыхъ сношеній далеко на сѣверъ до самой Британіи; все это дѣлало Нарбонскую Галлію областью очень важной для Италіи; потому римская культура быстро развилась въ ней. Массилійцы давно основали на томъ приморьи множество торговыхъ поселеній, научили туземцевъ воздѣлыванію винограда и оливковаго дерева, научили ихъ читать и писать, чеканить монету; словомъ ознакомили всю эту область съ греческой культурой; потому она представляла готовую почву для римской колонизаціи, въ ней было легко ввести римскіе законы. Римскіе сельскіе хозяева стали селиться въ этой плодородной странѣ, заниматься хлѣбопашествомъ, винодѣліемъ, скотоводствомъ въ обширномъ размѣрѣ; стали селиться тамъ и римскіе купцы; эти переселенцы ввели италійскую роскошь, изящныя формы городской жизни на берегахъ Роны и Гаронны. Вся эта область была наполнена римскими гражданами: всѣ торговыя и вообще денежныя дѣла въ ней вели римскіе купцы и капиталисты; аллоброги и другіе туземцы, подчиненные землевладѣльцамъ, и рабы воздѣлывали поля, виноградники, оливковыя плантаціи римскихъ собственниковъ. Такимъ образомъ Трансальпійская Галлія скоро получила римскій характеръ. Распространеніе римской культуры въ этой части Галліи подготовило покореніе всей остальной страны. Римская аристократія считала образцовымъ государствомъ богатый и торговый городъ Массилію, имѣвшій аристократическое и тимократическое правленіе. Законодательная и правительственная власть принадлежала въ Массиліи совѣту 600 отцовъ семействъ, называвшихся тимухами. Подъ завѣдываніемъ этого совѣта административныя дѣла велъ другой совѣтъ, состоявшій изъ пятнадцати членовъ и имѣвшій своими предсѣдателями трехъ высшихъ сановниковъ города. Это устройство нравилось римскимъ оптиматамъ, они покровительствовали Массиліи, увеличивали владѣнія города, уважали его независимость, помогали расширенію его торговли. Но Нарбонъ, сдѣлавшись главнымъ городомъ римской провинціи, скоро сталъ многолюднѣе Массиліи.

2. Независимая Галлія.

Римляне до сихъ поръ не ходили дальше Севеннскихъ горъ. Страна, лежавшая на сѣверъ отъ этого покрытаго лѣсами хребта, еще сохраняла полную независимость. На обширномъ пространствѣ бассейновъ Соны, Луары и Сены жили многочисленныя племена собственно такъ называемыхъ галловъ. Могущественнѣйшимъ изъ нихъ

Арверны.

было племя арверновъ, имѣвшихъ своею столицею Герговію. Область арверновъ до сихъ поръ сохраняющая названіе Оверни, произведенное отъ ихъ имени, была плодородна; они были храбры, хорошо знали военное дѣло, жили въ благоустроенномъ порядкѣ. Когда римскія войска стали ходить за Севенны, они господствовали надъ сосѣдними племенами. Послѣ нихъ самыми сильными народами той страны были эдуи, жившіе на сѣверо-востокъ отъ арверновъ между Лигеромъ (Луарою) и Араромъ (Соной), и секваны, жившіе между Юрой и Соной. Столицею эдуевъ былъ городъ Бибрактъ (Монъ-Бёврè, Mont Beuvray), а впослѣдствіи Августодунъ (Отёнъ). Эдуи и секваны вели между собою кровавыя войны за владѣніе Соной, бывшей границею между ихъ областями и представлявшей ту важность, что по ней шла выгодная торговля съ римской провинціей. Эти войны погубили независимость всей Галліи.

Богатство арверновъ.

Горы арверновъ были богаты металлами, и они добывали изъ нихъ такія богатства, что у нихъ были золотые и серебряные наряды и посуда; „галльское богатство“ вошло въ поговорку у грековъ и римлянъ. Греки, ѣздившіе въ Галлію, разсказывали чудеса о сокровищахъ, спрятанныхъ подъ водой священныхъ озеръ арвернскихъ, о роскоши и богатствѣ арвернскаго царя Луэрія и его сына Битуита. Посидоній, ученый грекъ, уроженецъ острова Родоса, много лѣтъ прожившій въ Галліи и въ Испаніи не задолго до Цезаря и написавшій книги, отрывки изъ которыхъ сохранились у Страбона и другихъ писателей, говоритъ о Луэріѣ, что онъ со свитою охотниковъ и странствующихъ пѣвцовъ ѣздилъ по городамъ своего государства на колесницѣ, обитой серебряными листами, бросая народу горстями золото и серебро, и въ особенности щедръ былъ къ пѣвцамъ; что онъ угощалъ всѣхъ желающихъ въ назначенномъ для того огороженномъ пространствѣ, имѣвшемъ по двѣнадцати стадій (по двѣ версты) въ длину и ширину; что тамъ были вырыты бассейны, наполненные виномъ и пивомъ, и что всѣ, шедшіе, или ѣхавшіе тою дорогою, были приглашаемы обѣдать тамъ.

Свессіоны.

Такое же преобладаніе, какъ арверны въ Центральной Галліи, имѣли въ Сѣверной свессіоны, жившіе по Марнѣ и Уазѣ около мѣстности, гдѣ нынѣ стоитъ городъ Суассонъ. Своею храбростью они достигли такого могущества, что нѣкоторое время находилась въ подчиненіи имъ обширная федерація племенъ, общее имя которыхъ было бельги и которые жили отъ Арденнскаго лѣса до устій Мааса и Рейна. Во времена Цезаря бельги считались храбрѣйшими изъ всѣхъ галловъ. Менѣе образованные, чѣмъ племена, жившія къ югу отъ нихъ, они проводили жизнь въ занятіи войною, охотою и скотоводствомъ. Богатство ихъ составляли большія стада свиней, бродившія по густымъ дубовымъ лѣсамъ, которые тянулись до самаго Рейна. Эти свиньи были такія огромныя и дикія, что были, какъ волки, опасны неосторожному путнику. Воинственнѣйшими изъ бельговъ были треверы, жившіе на Мозелѣ, и эбуроны, жившіе на Маасѣ.

Бельги.

Треверы. Эбуроны.

Нервійцы. Морины.

Эбуроны и сѣверные сосѣди ихъ, нервійцы и морины, никогда не снимали оружія, не пускали въ свою землю купцовъ и жили въ селеніяхъ между лѣсовъ и болотъ. Чтобы затруднять непріятелямъ доступъ къ себѣ, они дѣлали кругомъ своихъ селеній непроницаемыя, подобныя стѣнамъ ограды, сплетая вѣтвями молодыя деревья и колючіе кустарники и укрѣпляя этотъ плетень кольями. Цезарь говоритъ, что бельги были германскаго происхожденія; въ его время они, безъ сомнѣнія, давно уже говорили кельтскимъ языкомъ (бельгійскія имена мѣстностей и лицъ у него неоспоримо кельтскія); но образъ жизни ихъ во многомъ отличался отъ кельтскаго, и они считали себя народомъ различнымъ отъ галловъ; это можно объяснять тѣмъ, что въ нихъ дѣйствительно была сильная примѣсь германскихъ элементовъ. По западному приморью отъ устья Гаронны до устья Сены и на Аремориксomъ полуостровѣ (въ Бретани) жили кельтскія племена, очень искусныя въ мореплаваніи. Сантоны, пиктоны и венеты имѣли во времена Цезаря большія, построенныя изъ толстыхъ дубовыхъ брусьевъ—морскія суда съ кожаными парусами и съ якорями на желѣзныхъ цѣпяхъ; они плавали въ Британнію, были искусными смѣлыми моряками и на войнѣ.

Сантоны. Пиктоны. Венеты.

Характеръ, нравы, образъ жизни галловъ.

Галльскія племена имѣли неодинаковые нравы, вели неодинаковый образъ жизни; но очевидна была общность ихъ происхожденія, проявлявшаяся въ сходствѣ склонностей и языка. Описаніе ихъ, составленное Тьерри по отрывочнымъ извѣстіямъ древнихъ писателей, показываетъ, что всѣ ихъ племена имѣли довольно многія общія черты характера, обычаевъ, образа жизни. Они отличались отъ всѣхъ другихъ народовъ высокимъ ростомъ, тѣмъ, что не стригли волосъ, красили ихъ, тѣмъ, что знатные люди у нихъ брили бороду, оставляя только усы, а простолюдины не брили бороду, тѣмъ, что они носили узкое нижнее платье и шерстяныя куртки, любили наряжаться, имѣли золотыя цѣпи на шеѣ, золотыя серьги и браслеты; по характеру они тоже составляли одинъ народъ, отличающійся отъ всѣхъ другихъ особыми обычаями и склонностями, дурными и хорошими. Всѣ кельты страстно любили войну и гордились всего больше своими военными подвигами. Часто у нихъ формировались отряды волонтеровъ и шли воевать подъ начальствомъ выборныхъ начальниковъ. Когда войну вело племя, то въ походъ шли всѣ способные сражаться мужчины, отъ юношей до сѣдыхъ стариковъ; умереть въ бою считалось у нихъ завидной судьбою. Но при всей личной храбрости они вели войну плохо, потому что военное устройство у нихъ было очень дурно. Главную силу войска составляла у нихъ конница; ее образовали благородные люди, съ своими конными слугами. У сѣверныхъ племенъ были боевыя колесницы. Отряды пѣхоты формировались каждый изъ жителей особаго округа, и связь между ними была очень слаба. Войско вело при себѣ большихъ собакъ, пріученныхъ драться съ людьми. Дѣлать укрѣпленные станы научились они только отъ римлянъ; сами они вмѣсто укрѣпленій ставили кругомъ стана телѣги. Ужасенъ былъ первый натискъ ихъ; располагать войско въ нѣсколько линій они не умѣли, не умѣли и отступать въ порядкѣ; ихъ битвы кончались или быстрой побѣдой, или полнымъ пораженіемъ, при которомъ все войско ихъ погибало. Но они ловко вели партизанскую

Воинственность кельтовъ и характеръ войны у нихъ.

войну, устроивали засады, нападали на пути сообщенія непріятеля, перехватывали подвозъ провіанта къ нему, окружали издалека позиціи непріятеля, утомляли его мелкими нападеніями; это было тѣмъ удобнѣе для нихъ, что они имѣли многочисленную конницу. Каждый кельтъ любилъ отличаться передъ другими храбростью и силой въ битвѣ и на поединкахъ. Не было народа, который такъ любилъ бы щеголять отвагой и ловкостью въ бою, какъ кельты. Мы видѣли, что у нихъ были въ очень большомъ обыкновеніи поединки. Тщеславіе было общимъ качествомъ кельтовъ. Когда Цезарь уже покорилъ всю Галлію, въ одной изъ священныхъ рощъ арвернской земли все еще хранился мечъ, о которомъ говорили, что онъ отнятъ у Цезаря. Увидѣвъ его, Цезарь съ улыбкой посовѣтовалъ арвернамъ заботливо беречь такую драгоцѣнность. По тщеславію галлы сначала пренебрегали оборонительнымъ оружіемъ, ходили въ бой безъ латъ и безъ шлема; но въ войнахъ съ массилійцами и римлянами они поняли наконецъ, что воины, хорошо закрытые отъ ударовъ оборонительнымъ оружіемъ, сражаются лучше неимѣющихъ его и что хорошо вооруженный воинъ имѣетъ видъ красивый, нарядный; тогда они стали носить шлемы и латы, но, дѣлая ихъ, заботились не столько о томъ, чтобъ они были пригодны къ своему боевому назначенію, сколько о томъ, чтобъ они были красивы, блестящи, эффектны. Ихъ шлемы, щиты, перевязи мечей были украшены золотомъ, серебромъ, кораллами.

Мастерская выдѣлка металлическихъ вещей у галловъ.

Пристрастіе къ золотымъ и серебрянымъ уборамъ было причиною того, что галлы научились горному дѣлу, добыванію металловъ изъ рудъ. Прежде они покупали металлическіе уборы у финикіянъ и грековъ, но скоро превзошли своихъ учителей въ искусствѣ обрабатывать мѣдь и серебро, золотить и серебрить мѣдныя издѣлія, дѣлать хорошіе сплавы мѣди съ оловомъ и другими металлами. Желѣзные рудники битуриговъ, серебряные и золотые рудники эдуевъ и арверновъ доставляли имъ большія богатства; а мѣдная и другая металлическая посуда галловъ охотно покупалась другими народами.

Сельское хозяйство.

Заниматься хлѣбопашествомъ галлы не любили. Аллоброговъ римляне насильно принуждали пахать землю. На прекрасныхъ и плодородныхъ поляхъ нынѣшней Фландріи, нынѣшней Лотарингіи, въ Бургони, чрезвычайно удобной для винодѣлія, кельтскіе пастухи стерегли по непроходимымъ дубовымъ лѣсамъ свои стада полудикихъ свиней. Только подъ владычествомъ римлянъ галлы пріучились воздѣлывать свою хлѣбородную землю плугомъ и заступомъ, держать овецъ. Подъ римскимъ вліяніемъ сельское хозяйство въ Галліи быстро развилось и, кромѣ солонины, стали выгодными предметами вывоза сыръ, шерсть, шерстяныя ткани.

Торговля.

Къ торговлѣ кельты вообще имѣли склонность и способность. Съ давняго времени жители Атлантическаго берега вывозили на своихъ крѣпкихъ судахъ изъ родственной имъ Британіи олово, другіе продукты, везли ихъ по рѣкамъ и по сухопутнымъ дорогамъ въ торговые города юга; сѣть рѣкъ въ Галліи, говоритъ Страбонъ, расположена такъ удобно, что товары тамъ легко перевозить отъ одного моря къ другому; везти ихъ сухимъ путемъ изъ одной рѣки въ другую приходится лишь на небольшія разстоянія. Кельтская торговля сильно развилась, когда юговосточный край Галліи сталъ римской провинціей; черезъ него Галлія была охвачена торговымъ движеніемъ римскаго государства. Ввозъ продуктовъ южныхъ культурныхъ земель въ Галлію скоро сталъ превышать вывозъ ея продуктовъ на югъ. Въ особенности любили кельты сладкое вино, котораго очень много производили холмы Прованса, согрѣваемые солнцемъ яснаго неба; на сѣверѣ отъ Севеннскихъ горъ галлы еще не умѣли добывать вино. Въ прежнія времена кельты пили напитокъ, дѣлаемый изъ ячменя, иногда приправляя

Любовь къ вину.

его сотовымъ медомъ и другими примѣсями. Но скоро вино вытѣснило этотъ старый національный напитокъ пиво (cervisia). Воздержные жители юга съ удивленіемъ и омерзѣніемъ смотрѣли на пьянство кельтовъ, которые непрерывно пили неразведенное водою вино до совершеннаго опьяненія; но массилійскіе и итальянскіе купцы умѣли извлекать себѣ выгоду изъ этой склонности кельтовъ. За вино кельтъ отдавалъ свои металлы, кожи, мясо, своихъ рабовъ. Діодоръ говоритъ, что часто купцы вымѣнивали за кружку вина молодого невольника.

Многочисленность населенія

Галлія была населена довольно густо, какъ видимъ по многочисленности галльскихъ войскъ, по множеству селеній и городовъ. Свессіоны могли вывести въ поле 300,000 человѣкъ; вѣроятно, еще многочисленнѣе были арверны и другія южныя племена. Страна была усѣяна селеніями и укрѣпленными городами; стѣны городовъ были толстыя, искусно сложенныя изъ бревенъ, большихъ камней и глины; Цезарь хвалитъ прочность ихъ постройки. На сѣверѣ и на западѣ, гдѣ густые лѣса и болотистыя низменности затрудняли нападенія непріятелей, не было укрѣпленныхъ городовъ; для защиты тѣхъ мѣстностей, доступъ въ которыя не былъ самъ по себѣ труденъ, достаточны были плотныя засѣки и тынъ. Кромѣ домовъ въ городахъ, знатные галлы имѣли укрѣпленные сельскіе дома, построенные на рѣкахъ или въ лѣсахъ и служившіе прохладными жилищами въ жаркіе лѣтніе дни.

Города и селенія.

Общественное устройство. Племенной бытъ.

Въ политическомъ развитіи галловъ тоже замѣтны общія національныя черты, хотя при разрозненности племенъ и при неодинаковой степени образованности не могло быть полнаго сходства въ ихъ учрежденіяхъ. У всѣхъ кельтовъ было племенное устройство, имѣвшее соотвѣтственно воинственнымъ склонностямъ ихъ военный характеръ. Главою племени былъ наслѣдственный князь или царь, правившій при содѣйствіи родоначальниковъ и подчиненный волѣ собранія всѣхъ мужчинъ, способныхъ носить оружіе. Кажется, жители городовъ и поселяне имѣли одинаковое право голоса въ собраніи племени. Князь былъ военачальникомъ и судьею. Но незадолго до временъ Цезаря у большей части племенъ произошла перемѣна въ аристократическомъ духѣ: власть племенныхъ князей была отмѣнена, и управленіе перешло къ сословію знати. Соединенные между собою общностью интересовъ, родствомъ, иногда и договорами, знатные роды образовали замкнутое сословіе: владѣя большими помѣстьями, имѣя большіе доходы, они захватили въ свои руки всю власть. Народное собраніе осталось; но свобода совѣщаній въ немъ была невозможна; между прочимъ и потому, что каждый военачальникъ былъ окруженъ вооруженной свитой, состоявшей изъ волонтеровъ, или слугъ (амбактовъ): у галловъ былъ обычай поступать на службу къ знатнымъ людямъ; свита неизмѣнно помогала во всемъ своему вождю; это дѣлало совѣщанія народа пустою формальностью. Простолюдины вполнѣ зависѣли отъ произвола знатныхъ людей, и единственнымъ средствомъ пріобрѣсти безопасность было для нихъ отдаться подъ покровительство котораго нибудь изъ могущественныхъ аристократовъ, отказаться отъ самостоятельности. Такимъ образомъ, всѣ свободные поселяне стали подданными вельможъ. „Простолюдины", говоритъ Цезарь, „считаются у галловъ рабами; они не могутъ дѣлать ничего по своей волѣ и не созываются на совѣщаніе. Почти всѣ они, обремененные долгами, чрезмѣрными повинностями и притѣсняемые сильными людьми, поступаютъ въ подчиненіе вельможамъ, которые имѣютъ надъ ними такія же права, какъ господинъ надъ невольникомъ. Чѣмъ знатнѣе и сильнѣе человѣкъ, тѣмъ больше у него слугъ и подданныхъ. Это единственная существующая у нихъ форма власти". Такимъ образомъ племенной бытъ и народное собраніе замѣнились въ сельскомъ населеніи

Аристократія.

Подданные.

владычествомъ наслѣдственной аристократіи, уничтожившей племенныхъ князей. Въ городахъ тоже произошла перемѣна, подобная этой. По уничтоженіи власти князей въ городахъ захватило власть привилегированное сословіе; остальное городское населеніе было въ подданствѣ у него. Разница состояла въ томъ, что сельская аристократія была наслѣдственная, а въ городахъ власть пріобрѣтали люди, заслужившіе довѣріе массы жителей своими личными качествами. Такимъ образомъ города имѣли форму правленія менѣе деспотическую, чѣмъ сельское населеніе и были на пути къ установленію демократическаго правленія. Главнымъ правителемъ города былъ сановникъ, избираемый на годъ изъ знатныхъ людей и называвшійся вергобретомъ. Онъ, подобно прежнему князю, завѣдывалъ управленіемъ и судопроизводствомъ при содѣйствіи знатныхъ людей и жрецовъ.

Городское устройство.

Незадолго до Цезаря одинъ изъ арвернскихъ вельможъ былъ осужденъ на смерть и сожженъ за попытку присвоить себѣ царскую власть. Судя по этому, должно думать, что простолюдины были недовольны владычествомъ аристократіи, что они готовы были сдѣлать царемъ вельможу, который освободилъ бы ихъ отъ тяжелаго владычества своихъ сотоварищей по сословію. Такъ было нѣкогда въ Греціи и въ Римѣ.

Подчиненіе слабыхъ племенъ сильными.

Какъ въ сельскихъ мѣстностяхъ и городахъ сильные были господами слабыхъ, такъ сильныя племена были окружены слабыми, добровольно подчинившимися имъ, или покоренными; подвластныя племена должны были посылать свои отряды на службу господствующему племени, платили ему опредѣленную дань и за это пользовались его покровительствомъ. То, что рѣшало господствующее племя, было закономъ для подвластныхъ племенъ. Часто бывало также, что два племени, или даже нѣсколько племенъ заключали между собою союзъ для взаимной защиты. Такія федераціи подерживали національное чувство. Военная аристократія своимъ произволомъ подавляла массу населенія, раздробляла ее на мелкія владѣнія; сельскіе вельможи старались мѣшать развитію ненавистной имъ свободы горожанъ; союзы племенъ, напротивъ того, укрѣпляли въ кельтахъ сознаніе общей національной связи. Федераціи племенъ имѣли сеймы; депутаты отъ сельскихъ аристократовъ и отъ городовъ съѣзжались на совѣщанія и рѣшали общія дѣла. При особенно важныхъ случаяхъ собирались иногда сеймы всѣхъ племенъ. Могущественные сосѣди угрожали съ востока и съ юга галламъ; проницательные патріоты должны были прійдти къ убѣжденію, что кельтскій народъ можетъ избавиться отъ порабощенія иноземцами только въ томъ случаѣ, если всѣ племена его будутъ дѣйствовать единодушно. Германцы нападали на кельтовъ съ востока; нѣкоторыя германскія племена—узипеты, тенктеры, сигамбры — уже поселились на прекрасныхъ берегахъ Рейна, оттѣсняли сосѣднихъ кельтовъ дальше и дальше на западъ, требовали отъ нихъ дани, брали заложниковъ. Между кельтами еще во времена странствованій кимбровъ поселился германскій отрядъ; сдѣлавшись осѣдлыми, эти германцы образовали племя адуатуковъ (стр. 678); на Маасѣ поселились тунгры и другіе германцы. Въ сѣверной Галліи германское происхожденіе было уже похвальбой, и нервійцы, эбуроны, треверы хвалились, что они германцы, а не кельты. Вождь германскихъ волонтеровъ, Аріовистъ, призванный секванами на помощь противъ ихъ сосѣдей эдуевъ, поселился съ своими воинами на лѣвомъ берегу Рейна, требуя одинаковой покорности отъ друзей и противниковъ.— Но еще страшнѣе была опасность, угрожавшая кельтамъ съ юга, откуда приближались къ нимъ римляне. Германцы дѣйствовали только грубой физической силой, а римляне, кромѣ военной силы, превосходили кельтовъ

Союзы.

Опасность, грозившая кельтамъ отъ германцевъ и римлянъ.

образованностью, распространяли свое владычество посредствомъ торговли, земледѣлія, мирныхъ договоровъ. Торговцы, привозившіе кельтамъ вино и другія произведенія южныхъ культурныхъ земель, подчиняли Галлію римскому владычеству не меньше, чѣмъ легіоны. Помѣстья, пріобрѣтенныя римскими всадниками въ землѣ аллоброговъ, были такими уже прочными пріобрѣтеніями, какъ завоеванія мечомъ. Эдуи уже получили отъ сената названіе „братьевъ римскаго народа“ и желали себѣ поддержки отъ римской республики, они полагали, что только она можетъ спасти ихъ отъ порабощенія врагами.

При такомъ положеніи дѣлъ свободнымъ кельтскимъ племенамъ необходимо было сблизиться между собою, замѣнить прежнюю разрозненность крѣпкой федераціей; но у нихъ не доставало охоты подчиняться общимъ рѣшеніямъ и не было людей способныхъ соединить ихъ въ одинъ союзъ. У нихъ было нѣсколько федерацій; каждый изъ этихъ частныхъ союзовъ сохранялъ полную независимость отъ другихъ. Таковы были: федерація бельговъ на сѣверѣ, союзъ племенъ Атлантическаго прибрежья; федерація племенъ Центральной Галліи, находившаяся прежде подъ владычествомъ арверновъ, а послѣ пораженія ихъ римлянами—подъ преобладаніемъ секвановъ. Элементы, изъ которыхъ могла бы сложиться общая національная федерація съ союзнымъ правительствомъ, не развились.

Федераціи кельтскихъ племенъ.

Но у кельтовъ была крѣпкая связь національнаго единства; ее образовали религія и духовенство. Цезарь говоритъ, что друиды были у галловъ первымъ сословіемъ по почету. Они были не только учители вѣры, приносители жертвъ за свое племя и за отдѣльныхъ лицъ, совершители богослужебныхъ обрядовъ, угодныя богамъ формы которыхъ знали они одни; они были также юристами, судьями, врачами и вообще представителями всей умственной жизни народа. Они одни умѣли узнавать волю боговъ по знаменіямъ; одни знали религіозные и гражданскіе законы, цѣлебныя силы травъ; они установляли счетъ времени, приводили лунный годъ въ согласіе съ солнечнымъ, опредѣляли времена праздниковъ по луннымъ мѣсяцамъ. Значеніе слова друидъ ученые объясняютъ не одинаково: по мнѣнію однихъ, оно значитъ „мудрецы“, другіе полагаютъ, что оно имѣетъ смыслъ: „люди дубовъ“ и происходитъ отъ того, что дубъ игралъ важную роль въ религіи друидовъ. Какъ бы то ни было, но они составляли замкнутое сословіе, имѣвшее особую одежду и іерархическое устройство; верховный правитель его былъ избираемъ всѣми жрецами. У друидовъ были тайныя ученія, передававшіяся изустно; имъ научали въ особенныхъ школахъ. Друиды не участвуютъ въ войнѣ, говоритъ Цезарь, не платятъ никакихъ податей, освобождены отъ всѣхъ повинностей. Привлекаемые этими выгодами многіе юноши, особенно изъ высшихъ классовъ, добровольно поступаютъ въ духовное сословіе, другихъ отдаютъ въ него родители и родные. Приготовляющіеся быть друидами должны выучивать наизустъ очень много стиховъ, потому нѣкоторые остаются въ школѣ по двадцати лѣтъ. Друиды не позволяютъ записывать свои ученія, чтобы народъ не узналъ ихъ; притомъ, будь они записаны, то ученики не такъ усердно заботились бы укрѣпить ихъ въ своей памяти. Верховный жрецъ пользуется очень большимъ уваженіемъ. Когда онъ умираетъ, санъ его наслѣдуетъ жрецъ, пользовавшійся наибольшимъ послѣ него почетомъ; а если нѣсколько жрецовъ пользуются равнымъ уваженіемъ, то друиды выбираютъ кому изъ нихъ быть верховнымъ жрецомъ; иногда дѣло рѣшается силой оружія.

Друиды.

Друиды дѣлились на нѣсколько классовъ. Священники въ собственномъ смыслѣ слова были тѣ друиды, которые занимались храненіемъ и разработкою священныхъ знаній,

Разряды жрецовъ.

1. Священники.

учили юношей, посвящавшихъ себя духовному званію; они обыкновенно жили въ тихихъ отдаленныхъ мѣстностяхъ,—на островахъ, въ горахъ, лѣсахъ; тамъ были и училища ихъ.

2. Прорицатели

Жрецы и прорицатели (vates) жили въ городахъ и селеніяхъ, совершали богослужебные обряды, приносили жертвы, разгадывали волю боговъ, предсказывали будущее по явленіямъ природы, полету птицъ, другимъ признакамъ.

3. Барды.

Барды. священные пѣвцы, хранили и сами слагали духовныя и свѣтскія пѣсни и легенды. Прежде они пользовались очень большимъ уваженіемъ: пѣли собравшемуся народу о подвигахъ предковъ, пѣли родоначальникамъ о славѣ ихъ рода, сопровождали войско на войну, возбуждали его биться храбро, послѣ битвы хвалили достойныхъ, порицали робкихъ, не боясь никого, огражденные отъ обидъ святостью своего званія. Ихъ пѣсни и рѣчи имѣли очень сильное вліяніе на умы; нерѣдко они, говоритъ Діодоръ, шли при междоусобіи на мѣсто битвы, разводили сражающихся въ разныя стороны, прекращали кровопролитіе; при звукахъ лиры ихъ умолкали страсти. Но во время Цезаря они были уже только бродягами, искавшими подаяній; толпами лѣзли во дворцы вельможъ и богачей и за подарки усердно восхваляли ихъ, «золото ростетъ подъ колесами твоей колесницы, и гдѣ проѣзжаешь ты, осчастливливаешь людей»,—воскликнулъ одинъ изъ такихъ пѣвцовъ, шедшій за арвернскимъ царемъ Луэріемъ, когда онъ бросилъ ему нѣсколько золотыхъ монетъ.

Религія друидовъ.

Важнѣйшей обязанностью друидовъ было богослуженіе, облеченное таинственностью символическихъ обрядовъ. Вѣроученіе оставалось тайной, сообщаемой лишь ученикамъ друидскихъ школъ. Народъ только видѣлъ священные обряды, мрачныя жертвы, зналъ только молитвы, заговоры, другія суевѣрія. Религія друидовъ была служеніе природѣ; предметами поклоненія были явленія видимаго міра; мало по малу божества стали олицетвореніями силъ природы, производителями явленій ея.

Боги.

Тараннъ, богъ неба, владыка вселенной, громовержецъ, былъ верховнымъ судьей; Беленъ, благотворный богъ солнца, давалъ жизнь растеніямъ и цѣлительную силу травамъ; Гезусъ, Геусъ или Гу, божественный основатель религіи друидовъ, богъ войны, завоеваній, научившій людей земледѣлію, пользовался большимъ уваженіемъ у всѣхъ кельтскихъ племенъ; Тевтатъ былъ покровителемъ промышленности, ремеслъ, путей сообщенія, потому римляне отожествляли его съ Меркуріемъ; близокъ къ нему по значенію былъ Огмій, богъ краснорѣчія, искусствъ и наукъ.

Феи.

Особенностью кельтской религіи было вѣрованіе въ богинь, прядущихъ нить жизни и судьбы людей; эти богини, дѣвственныя матери, назывались феями; онѣ были покровительницами областей, городовъ, отдѣльныхъ людей, и фантазія народа надѣлила ихъ всѣми физическими и нравственными совершенствами.

Религіозное ученіе духовныхъ школъ. Безсмертіе души.

Ученіе о божествахъ, объ ихъ могуществѣ, ихъ качествахъ, составляло важнѣйшую часть преподаванія въ священническихъ школахъ. Кромѣ того, говоритъ Цезарь, учили въ нихъ юношей знанію небесныхъ свѣтилъ, ихъ движенію, объясняли имъ величину вселенной, сущность вещей и въ особенности загробную жизнь. Друиды учили, что душа безсмертна, что, когда тѣло умираетъ, она переходитъ въ другое тѣло, а потомъ ведетъ блаженную жизнь въ лучшемъ мірѣ, который подобенъ земному въ дни хорошей погоды на землѣ; тамъ душа занимается такими же дѣлами, какъ на землѣ, имѣетъ такія же наслажденія и радости; живущіе тамъ блаженные остаются въ сношеніяхъ съ родными своими на землѣ; Діодоръ говоритъ, что, сожигая умершихъ, галлы часто бросали въ пламя костра письма къ роднымъ, умершимъ прежде, чтобъ эти родные прочли ихъ. Вѣра въ будущую жизнь внушала галламъ презрѣніе къ смерти, сильно возбуждала ихъ мужество. Но она была соединена съ жестокими суевѣ-

ріями. Въ прежнія времена, при смерти вельможи, нерѣдко сами бросались въ пламя его костра люди, служившіе ему; этотъ обычай получилъ страшное видоизмѣненіе. Когда умиралъ родоначальникъ, родные убивали тѣхъ изъ его рабовъ, или служителей, которыхъ онъ особенно любилъ, и сожигали, или хоронили вмѣстѣ съ нимъ. Точно также хоронили съ умершимъ его боеваго коня, его оружіе и наряды, чтобы онъ въ загробной жизни имѣлъ все, чѣмъ дорожилъ на землѣ.

Жертвы.

Важнѣйшую часть кельтскаго богослуженія составляли жертвоприношенія, имѣвшія ужасающій характеръ: человѣческая кровь была самымъ надежнымъ средствомъ примиренія съ богами. „Галлы чрезвычайно суевѣрны“, говоритъ Цезарь: „страждущіе тяжелою болѣзнью, находящіеся на войнѣ, или подвергающіеся другой опасности приносятъ или обѣщаютъ принести въ жертву не животныхъ, а людей; совершителями этихъ жертвоприношеній служатъ у нихъ друиды. Они думаютъ, что въ искупленіе за жизнь человѣка должна быть дана богамъ жизнь другого человѣка, инымъ способомъ нельзя смягчить боговъ. Приносятъ людей въ жертву и цѣлое племя. У нѣкоторыхъ племенъ есть обычай дѣлать огромныя фигуры боговъ, сплетенныя изъ вѣтвей; эти фигуры наполняютъ они живыми людьми, зажигаютъ ихъ и такимъ образомъ предаютъ несчастныхъ огню. Они думаютъ, что въ особенности пріятно богамъ принесеніе въ жертву такихъ людей, которые виновны въ воровствѣ, разбоѣ, или другихъ преступленіяхъ; но при недостаткѣ преступниковъ приносятъ они въ жертву и невинныхъ людей“. Долго у кельтовъ владычествовалъ свирѣпый обычай приносить въ жертву богамъ всѣхъ плѣнныхъ; это совершалось съ громкимъ пѣніемъ и шумной музыкой; по струящейся крови и по трепетанію тѣлъ они разгадывали будущее.

Друиданки.

Кромѣ священно-служителей, были у галловъ и священно-служительницы, но онѣ не пользовались такимъ высокимъ почетомъ; онѣ предсказывали будущее, приносили нѣкоторыя жертвы, считались волшебницами. Страбонъ говоритъ о корпораціи жрицъ, жившихъ на маленькомъ островѣ передъ устьемъ Лигера (Луары); жилища этихъ жрицъ были священны, и мужчины не могли вступать въ нихъ. Когда жрицы хотѣли прожить нѣсколько времени съ мужьями, онѣ приплывали на материкъ, потомъ возвращались на свой островъ. Каждый годъ онѣ должны были снимать кровлю съ своего храма и сдѣлать новую до заката солнца. Эту работу онѣ производили съ вѣнками изъ плюща и другихъ вѣтвей на головахъ. Если которая нибудь изъ нихъ роняла матеріалъ кровли, который держала въ рукахъ, то другія съ неистовымъ крикомъ разрывали ее на куски. На другихъ островахъ и скалахъ западнаго берега тоже жили священныя женщины; мореплаватели со страхомъ избѣгали тѣхъ мѣстъ, приписывая этимъ женщинамъ волшебную силу подымать и утишать бури.

Судъ друидовъ.

Въ рукахъ друидовъ были также судопроизводство и врачебное искусство. Только они знали законы, юридическія преданія, цѣлебныя силы растеній; они передавали свои таинственныя знанія ученикамъ въ своихъ школахъ. „Въ землѣ карнутовъ (около Шартра), считающейся центромъ кельтской страны“, говоритъ Цезарь, „каждый годъ въ опредѣленное время собираются на священномъ мѣстѣ друиды. Кто имѣетъ тяжбу, приходитъ туда и проситъ ихъ рѣшенія. Они судятъ всѣ государственные и частные процессы, назначаютъ наказаніе за убійство и другія преступленія, рѣшаютъ споры о наслѣдствѣ и о границахъ владѣній. Если частный человѣкъ, или начальникъ откажется повиноваться ихъ рѣшенію, то устраняется отъ присутствія при богослуженіи; это слыветъ у нихъ чрезвычайно тяжкимъ наказаніемъ; на такого человѣка смотрятъ, какъ на

безбожника и преступника, всѣ уклоняются отъ встрѣчъ съ нимъ на пути, не разговариваютъ съ нимъ, чтобы не оскверниться; всякія жалобы его оставляются безъ вниманія, онъ устраняется отъ всякихъ почетныхъ должностей“.

Врачеваніе.

Врачеваніе друидовъ основывалось главнымъ образомъ на знаніи волшебныхъ средствъ. Правда, они лѣчили и травами, но придавали важность не самимъ травамъ, а таинственнымъ обрядамъ при ихъ собираніи и употребленіи; лекарства, по мнѣнію друидовъ, дѣйствовали не своими естественными силами, а волшебными качествами, какія влагаются въ нихъ обрядами. Самымъ цѣлебнымъ лѣкарствомъ считалась омела, вѣчно-зеленое чужеядное растеніе, и собственно та омела, которая ростетъ на дубѣ; ее срѣзывали въ темномъ лѣсу зимою въ священный день золотымъ серпомъ; она называлась „всеисцѣляющей“. Были также талисманы разнаго рода, освященные друидами и получаемые отъ нихъ народомъ, очень уважавшимъ волшебную силу этихъ вещей. Чрезвычайно важнымъ талисманомъ было змѣиное яйцо, предметъ созданный народнымъ суевѣріемъ. По мнѣнію галловъ оно было слѣпляемо изъ слюны множества змѣй; его надобно было взять при лунномъ свѣтѣ; его носили на груди, и оно было могущественной охраной человѣку. Оно занимало первое мѣсто между эмблемами жреческаго сана.

Омела.

Змѣиное яйцо

Общій выводъ.

Таковъ былъ народъ, съ которымъ римляне уже имѣли много непріязненныхъ столкновеній и съ которымъ они теперь начали послѣднюю войну, кончившуюся тѣмъ, что онъ навсегда былъ поглощенъ ихъ расширявшимся государствомъ. Обозрѣвая состояніе образованности, какого достигла кельтская нація во времена Цезаря, мы видимъ быть, болѣе похожій на феодальныя государства среднихъ вѣковъ, чѣмъ на политическое и общественное устройство цивилизованныхъ государствъ древняго міра; это былъ тотъ бытъ, который сохранился до XVI вѣка нашей эры въ кельтскихъ странахъ, не подвергавшихся римскому завоеванію, въ Шотландіи и въ Ирландіи. Патріархальная царская власть или отмѣнена аристократами, или царскій родъ едва держится между множествомъ непокорныхъ старшинъ, заявляющихъ претензіи на равенство съ нимъ. Аристократы, окруженные отрядами служителей и волонтеровъ, заключаютъ между собою военные союзы, разрушаютъ всякій порядокъ въ обществѣ, попираютъ законы; въ вышитой золотомъ одеждѣ, браслетахъ, съ золотыми ожерельями, разъѣзжаютъ они на коняхъ, приведенныхъ изъ Италіи, ставятъ свободу въ безграничномъ самоуправствѣ вооруженною рукой; укрѣпленные города, не имѣющіе свободнаго общиннаго устройства, не знающіе равноправности гражданъ, разъединенные между собою сельскими вельможами, лишены условій благоустройства и развитія; многочисленное и могущественное духовенство, организованное іерархически, владѣющее обширными землями, огражденное привилегіями, хочетъ держать народъ въ невѣжествѣ, оставляя всѣ свѣдѣнія исключительно своею собственностью. Порабощенный народъ видитъ спасеніе себѣ только въ томъ, чтобы служить вельможамъ,

ищетъ ихъ покровительства и не знаетъ другого суда, кромѣ судебныхъ собраній друидовъ. Само собою ясно, что при такомъ положеніи дѣлъ не могла развиться у кельтовъ образованность. И дѣйствительно, мы видимъ, что нравы кельтовъ, ихъ семейный бытъ и общественныя отношенія были грубы. Пѣвцы и поэты, пользовавшіеся прежде почетомъ, стали нищими, скитающимися въ поискахъ подаянія. Промышленность находится еще на первой ступени развитія; только выдѣлка металлическихъ вещей хороша. Чеканка монеты и другія отрасли техническихъ искусствъ остаются еще въ грубомъ состояніи. Семейная жизнь лишена нѣжныхъ чувствъ. «Мужья имѣютъ право жизни и смерти надъ женами и дѣтьми», говоритъ Цезарь: «когда умираетъ знатный человѣкъ, и смерть его возбуждаетъ подозрѣнія, то женъ его подвергаютъ пыткамъ, какъ рабынь; та, которая будетъ найдена виновной, наказывается послѣ жестокихъ мученій сожженіемъ». Изъ этого мы видимъ, что у знатныхъ людей было многоженство, что довѣрія и привязанности между женами и мужьями не существовало. Въ другомъ мѣстѣ Цезарь говоритъ, что галлы начинали разговаривать съ своими сыновьями при постороннихъ лишь когда сыновья достигали военнаго совершеннолѣтія, а раньше того держали ихъ въ пренебреженіи. У Діодора и другихъ писателей находимъ извѣстіе, что на общественныхъ пирахъ самый жирный кусокъ мяса подавался человѣку, считавшемуся самымъ храбрымъ, и что каждый думавшій о себѣ, что онъ имѣетъ не меньшее право на этотъ почетъ, могъ вызвать получившаго кусокъ на поединокъ. Быть можетъ, этотъ обычай уже вышелъ изъ употребленія во времена Цезаря. Но и Цезарь говоритъ, что галлы на своихъ пирахъ подъ открытымъ небомъ пьянствовали до неприличія; и еще во времена Страбона сохранялось у нихъ обыкновеніе привязывать головы убитыхъ непріятелей къ гривамъ лошадей и потомъ заботливо беречь въ своихъ домахъ. Варварскій обычай сжигать вмѣстѣ съ умершимъ родоначальникомъ любимыхъ его сподвижниковъ, вѣроятно, уже рѣдко примѣнялся къ дѣлу; быть можетъ, уменьшилось число человѣческихъ жертвоприношеній; но всетаки въ священныхъ дубовыхъ рощахъ фанатики-друиды приносили въ жертву много несчастныхъ. У кельтовъ было мало такихъ качествъ, которыми хотя нѣсколько вознаграждались бы эти свирѣпости. Они были еще варвары, мало усвоившіе себѣ элементы образованности; потому покореніе ихъ римлянами, замѣна ихъ особенностей греко-римской культурой составляетъ большой шагъ въ ходѣ развитія человѣчества. Можно сожалѣть о томъ, что погибла поэзія, составляющая принадлежность буйной воинственности и не имѣвшая мѣста себѣ въ строгомъ порядкѣ римскаго общественнаго быта; можно жалѣть о томъ, что исчезла первобытная наивность свѣтлыхъ сторонъ кельтскаго характера, проявлявшаяся, напримѣръ, въ шуточномъ обычаѣ, о которомъ

разсказываетъ Страбонъ: у человѣка, который своею безтолковою говорливостью мѣшалъ совѣщаніямъ народнаго собранія, они отрѣзывали кусокъ одежды; выражалась наивность ихъ и въ любопытствѣ, съ какимъ слушали они всякія новости, въ легкомысліи, съ какимъ принимали по пустой молвѣ самыя важныя рѣшенія; ихъ легковѣріе такъ вредило дѣламъ, что во многихъ мѣстностяхъ былъ законъ, повелѣвавшій сообщать всѣ новости прежде всего начальству и разсказывать ихъ потомъ народу только съ его разрѣшенія; ихъ ребяческое тщеславіе, щегольство, хвастовство—тоже черты наивности. Можно жалѣть, что простодушіе, соединенное съ нею, исчезло у нихъ подъ римскимъ владычествомъ. Но, благодаря римскому вліянію, у кельтовъ развилась образованность, возникла благоустроенная жизнь; этотъ выигрышъ былъ гораздо важнѣе всего утраченнаго ими. Кельты оказались неспособны создать національную культуру собственными силами; но они были переимчивы, даровиты, быстро усвоили себѣ иноземную образованность и оживили ее своими свѣжими силами; она еще держалась крѣпкой и свѣжею въ Галліи, когда уже зачахла, умерла на своей родинѣ, въ Италіи.

---

2. Война Цезаря съ галлами.

а) Походъ противъ гельветовъ.

Завоеванія германцевъ въ Галліи.

Уже съ довольно давняго времени германскія племена восточнаго берега Рейна сильно подвигались на западъ; нѣкоторыя, какъ мы говорили, уже перешли Рейнъ и поселились на кельтской землѣ, пріобрѣтенной мечомъ; другія—шли за ними, подвигали ихъ или подвигались сами дальше на западъ. Германскій военачальникъ, или князь Аріовистъ, призванный секванами на помощь противъ эдуевъ, разбилъ ихъ при Адмагетобріи, наложилъ на нихъ дань, взялъ у нихъ заложниковъ, заставилъ ихъ дать ему клятву, что они не будутъ просить помощи у римлянъ; покончивъ дѣло съ противниками, онъ наложилъ такое же тяжелое иго и на своихъ друзей секвановъ: онъ съ своими закаленными въ бояхъ сподвижниками поселился въ ихъ области, взялъ у нихъ третью долю плодородной земли. Къ нему постоянно шли изъ-за Рейна новые воины. Римскій сенатъ былъ такъ мало озабоченъ дѣлами той дальней страны, что объявилъ Аріовиста другомъ римскаго народа, далъ ему титулъ царя, послалъ подарки, хотя эдуйскій князь Дивиціакъ, глава приверженцевъ Рима между своими соплеменниками, жилъ тогда изгнанникомъ въ Римѣ и лично просилъ помощи у сената.

Гельветы рѣшаютъ переселиться на западъ.

Движеніе германскихъ племенъ на западъ и югъ встревожило гельветовъ, кельтское племя, жившее между Рейномъ и Юрой; они опасались, что отрѣзанные отъ своихъ соплеменниковъ не выдержатъ натиска враговъ; притомъ ихъ земля, окруженная горами, стала тѣсна для нихъ, и горы мѣшали имъ выказывать свою храбрость набѣгами; потому они рѣшили покинуть родину, поселиться у Атлантическаго океана въ плодородной землѣ сантоновъ (въ нынѣшнемъ Сантонжѣ на Шарантѣ). Это намѣреніе внушилъ имъ могущественный и богатый вельможа Оргеториксъ; онъ говорилъ, что при своей храбрости и многочисленности они легко могутъ пріобрѣсти владычество надъ всею кельтскою страною. Оргеториксъ скоро погибъ; говорятъ, что онъ навлекъ на себя подозрѣніе въ желаніи стать царемъ, что гельветы потребовали его къ суду, и что онъ, испугавшись, самъ лишилъ себя жизни. Но отъ его плана гельветы не отступились. Собравшись въ походъ, они сожгли свои города, которыхъ было у нихъ двѣнадцать, сожгли всѣ свои 400 селеній, всѣ отдѣльные сельскіе дома, сожгли и лишній хлѣбъ, чтобы ничего не досталось въ чужія руки; и съ телѣгами, на которыхъ везли женъ, дѣтей, имущество, пошли къ Леманскому озеру, думая переправиться черезъ Рону у Геневы (Женевы), идти далѣе на западъ черезъ землю аллоброговъ и тамъ снова переправиться черезъ Рону. Была другая дорога къ сѣверу отъ этой, черезъ Юру и землю секвановъ и эдуевъ; но она черезъ Юру шла между высокихъ скалъ и была такъ узка, что по ней не могли ѣхать двѣ телѣги рядомъ; при такой тѣснотѣ противники даже въ небольшомъ числѣ могли бы остановить ихъ; потому они предпочли идти черезъ Геневу.

Цезарь не соглашается пропустить ихъ черезъ Женеву 58.

Въ мартѣ 58 года всѣ гельветы собрались на условленномъ мѣстѣ по сосѣдству Женевы. Но этотъ городъ и страна аллоброговъ принадлежали къ римской провинціи, потому гельветы отправили депутатовъ къ проконсулу Цезарю, поспѣшившему при извѣстіи объ ихъ движеніи пріѣхать изъ Рима къ Женевскому озеру; они просили позволенія пройдти черезъ римскія владѣнія, обѣщаясь, что не будутъ на пути дѣлать никакихъ обидъ жителямъ. Цезарь находилъ невозможнымъ согласиться на ихъ просьбу: онъ полагалъ, что такое громадное число людей не пройдетъ по землѣ аллоброговъ, безъ вреда для нихъ; кромѣ того, онъ не хотѣлъ допустить, чтобы воинственное многолюдное племя поселилось у западной границы римской провинціи. Римляне находились теперь въ такихъ близкихъ отношеніяхъ къ странамъ кельтовъ и германцевъ, что для собственной безопасности должны были прекратить странствованія племенъ по нимъ. Но за Альпами находился только одинъ легіонъ, именно Десятый, которымъ начальствовалъ легатъ Титъ Лабіэнъ; три другіе легіона Цезаря стояли въ Цизальпійской Галліи; потому, желая выиграть время, онъ сказалъ гельветскимъ посламъ, что дастъ имъ отвѣтъ 1 апрѣля; до этого чи-

сла оставалось недѣли двѣ; онъ собралъ аллоброгское ополченіе на поддержку своего легіона, провелъ ровъ по лѣвому берегу Роны отъ Женевы до мѣстности, которая нынѣ называется Fort de Cluse, укрѣпилъ его валомъ и тыномъ, а мостъ черезъ Рону у Женевы сломалъ. Въ назначенный срокъ онъ отвѣчалъ гельветамъ, что у римскаго народа не въ обычаѣ пропускать чрезъ свои владѣнія вооруженныхъ людей.

Гельветы проходятъ черезъ Юру въ Галлію.

Гельветы пытались въ разныхъ мѣстахъ переправляться черезъ рѣку бродами и на плотахъ и прорваться черезъ окопы; но укрѣпленія были сильны; римляне и аллоброги храбро обороняли ихъ; гельветы были отражаемы съ урономъ, отказались отъ мысли перейдти Рону, рѣшили направиться сѣвернымъ путемъ. Князь эдуевъ Думнориксъ, зять Оргеторикса, находился въ дружбѣ съ ними: онъ былъ главою національной партіи у эдуевъ, какъ братъ его Дивиціакъ былъ главою приверженцевъ союза съ римлянами; человѣкъ честолюбивый, онъ хотѣлъ составить обширную федерацію галльскихъ племенъ и, при его посредничествѣ, секваны согласились пропустить гельветовъ черезъ свою землю. Услышавъ объ этомъ, Цезарь поѣхалъ въ Цизальпійскую Галлію, собралъ стоявшіе тамъ на зимнихъ квартирахъ три легіона (7, 8 и 9), распорядился сдѣлать наскоро наборъ, сформировалъ изъ новыхъ воиновъ еще два легіона (11 и 12) и привелъ это войско черезъ Коттійскіе Альпы на Рону. Взявъ стоявшее тамъ въ окопахъ войско, онъ пошелъ въ землю эдуевъ и расположился укрѣпленнымъ станомъ нѣсколько выше Лугдуна (Ліона) между Роною и Соною (Араромъ). При его появленіи тѣ эдуи, которые были друзьями Рима, взяли верхъ надъ своими противниками; благодаря тому, войско Цезаря получало продовольствіе въ достаточномъ количествѣ; но гельветы, перешедшіе Юру и землю секвановъ и переправлявшіеся теперь черезъ Сону, разсердились на эдуевъ, стали грабить и опустошать ихъ область. Надобно было какъ можно скорѣе прекратить эти обиды. Гельветы употребили 20 дней на то, чтобы переправить черезъ Сону на плотахъ и лодкахъ три четверти общаго числа своего народа (ихъ было 368,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 92,000 воиновъ); четвертая доля народа оставалась еще на восточномъ берегу Соны, готовясь къ переправѣ. Цезарь неожиданно напалъ на этихъ еще не переправившихся гельветовъ и нанесъ имъ полное пораженіе въ той мѣстности, гдѣ нынѣ стоитъ городъ Треву. Большая часть ихъ легли въ битвѣ, лишь немногіе успѣли бѣжать въ лѣса и горы. Это было тигуринское племя, которое за 50 лѣтъ передъ тѣмъ убило консула Кассія и принудило его войско пройдти подъ ярмо; теперь оно тяжело поплатилось за свою прежнюю побѣду. Цезарь по мосту, наведенному на лодкахъ, перешелъ Сону; гельветы удивились, услышавъ, что непріятель въ одни сутки, успѣлъ перейдти рѣку, черезъ которую они переправлялись цѣлые 20 дней. Они рѣ-

Цезарь наноситъ пораженіе тигуринцамъ.

шили перемѣнить направленіе своего пути и пошли на сѣверозападъ. Цезарь неотступно шелъ за ними на разстояніи одной мили, выжидая удобнаго времени для нападенія. Но гельветы узнавали все черезъ лазутчиковъ и постоянно были готовы къ бою. Пятнадцать дней длился этотъ походъ; положеніе римлянъ начало становиться затруднительнымъ: они терпѣли недостатокъ въ провіантѣ; эдуи, обѣщавшіе подвозить его, отлагали доставку со дня на день подъ разными предлогами. Римская конница, большую часть которой составляли благородные эдуи и другіе галлы, однажды была обращена въ бѣгство гораздо менѣе многочисленнымъ отрядомъ гельветской конницы; причиною было, какъ послѣ узналъ Цезарь то, что Думнориксъ и его приверженцы ускакали прочь при самомъ началѣ схватки. Когда Цезарь пришелъ въ землю эдуевъ, приверженцы римскаго союза захватили въ свои руки управленіе дѣлами, но Думнориксъ сохранилъ свое вліяніе, и народъ втайнѣ повиновался ему.

Походъ по берегу Соны.

Битва при Бибрактѣ.

Римлянъ избавила отъ затрудненій битва, происшедшая при Бибрактѣ, главномъ городѣ эдуевъ. Цезарь хотѣлъ овладѣть этимъ городомъ, стоявшимъ на сѣверо-западъ отъ Отёна на той горѣ, которая теперь называется Бёврè. Для этого онъ повернулъ на юго-востокъ. Гельветы, полагая, что римляне бѣгутъ, пошли за ними. Цезарь построилъ войска въ боевой порядокъ, ветерановъ онъ поставилъ у подошвы горы, а легіоны, состоявшіе изъ новыхъ воиновъ на горѣ.

Гельветы напали стремительно, но были отражены ветеранами; они сдѣлали второе нападеніе вмѣстѣ съ тулингами и боіями, которые сначала были оставлены въ резервѣ, а теперь атаковали римлянъ съ фланга; сраженіе было упорно и кровопролитно; наконецъ, гельветы были разбиты: первыя двѣ линіи римлянъ отражали нападеніе ихъ главныхъ силъ, а третья линія бросилась на ихъ резервъ и прогнала его за телѣги, образовавшія укрѣпленіе ихъ стана. Нѣкоторые изъ второстепенныхъ начальниковъ казались Цезарю робѣвшими врага; чтобы отнять у нихъ возможность бѣгства и съ тѣмъ вмѣстѣ, чтобы внушить болѣе довѣрія воинамъ, Цезарь передъ битвой велѣлъ начальникамъ сойдти съ коней и биться пѣшими; сошелъ съ коня и самъ.

Гельветы покоряются и идутъ назадъ.

Сраженіе при Бибрактѣ рѣшило войну. Остатки разбитаго войска и масса женщинъ и стариковъ бѣжали ночью на сѣверо-востокъ въ землю лингоновъ. Цезарь не преслѣдовалъ ихъ, оставался три дня въ окрестностяхъ Бибракта, похоронилъ убитыхъ, заботился о раненыхъ. Но онъ послалъ сказать лингонамъ, чтобъ они не давали продовольствія и не оказывали никакого пособія гельветамъ, иначе онъ поступитъ съ ними, какъ съ врагами; такое же извѣщеніе послалъ онъ и другимъ галльскимъ племенамъ, въ земли которыхъ могли идти гельветы. Бѣжавшіе стали терпѣть голодъ, потому что у нихъ былъ отнятъ обозъ; они увидѣли себя въ такой бѣдѣ, что рѣшились по-

кориться побѣдителю. На четвертый день послѣ битвы, когда Цезарь пошелъ нагнать ихъ, къ нему явились ихъ послы и, упавъ къ его ногамъ, просили мира. Цезарь велѣлъ, чтобъ они дали ему заложниковъ и выдали оружіе. Они повиновались. Большинство ихъ, 110,000 человѣкъ, онъ послалъ назадъ въ ихъ родную землю, велѣлъ имъ вновь построить свои сожженные города и селенія и охранять Рейнъ отъ германцевъ. Боіямъ эдуи, по его желанію, дали округъ въ своей землѣ; они стали приверженцами римлянъ. Сѣверное прибрежье Леманскаго озера Цезарь присоединилъ къ римской провинціи; черезъ нѣсколько времени тамъ была основана колонія Новіодунъ (нынѣшній Ніонъ).

в. Походъ противъ Аріовиста.

Цезарь и Аріовистъ.

Аріовистъ былъ начальникъ большого войска, составившагося изъ волонтеровъ свевскаго племени (римляне называли свевами всѣхъ германцевъ, жившихъ на восточномъ берегу Рейна, покрытомъ лѣсами). Вмѣстѣ съ нимъ и послѣ перешли на прекрасный западный берегъ Рейна уже 12000 вооруженныхъ германцевъ; онъ хотѣлъ призвать къ себѣ еще 24000 человѣкъ изъ племени гарудовъ. Но извѣстіе о побѣдѣ Цезаря надъ гельветами дало эдуямъ и секванамъ надежду избавиться при помощи римлянъ отъ тягостнаго ига германцевъ, сравнительно съ которымъ легко будетъ для нихъ римское владычество. Ихъ послы явились къ Цезарю въ Бибрактъ поздравить его съ побѣдою и просить его помощи противъ Аріовиста. Онъ принялъ эту просьбу благосклонно, потому что интересы римлянъ требовали не допускать, чтобы воинственные германцы селились въ кельтской землѣ, и отправилъ къ Аріовисту своихъ пословъ пригласить его на свиданіе. Аріовистъ съ нѣмецкой грубостью отвѣчалъ, что если римскій военачальникъ имѣетъ надобность въ немъ, то пусть придетъ къ нему самъ. Цезарь отправилъ второе посольство съ требованіемъ, чтобъ Аріовистъ отпустилъ заложниковъ, взятыхъ у эдуевъ, обѣщалъ не переводить новые германскіе отряды черезъ Рейнъ и жить съ галлами въ мирѣ. Аріовистъ гордо отвѣчалъ, что онъ поступаетъ съ побѣжденными сообразно своей волѣ, какъ и римляне поступаютъ съ побѣжденными народами, что по военному праву эдуи стали данниками его, и онъ не освободитъ ихъ отъ дани, не возвратитъ имъ заложниковъ, и что если Цезарь хочетъ употребить противъ него оружіе, то узнаетъ храбрость германцевъ, которые уже четырнадцать лѣтъ не ночевали подъ кровлей. Вмѣстѣ съ этимъ отвѣтомъ пришло къ Цезарю извѣстіе, что гаруды опустошаютъ земли эдуевъ и тревировъ и что молодые воины изъ «Ста округовъ» свевскаго народа идутъ къ Рейну. Цезарь увидѣлъ, что нельзя долѣе медлить.

Цезарь въ Безонціонѣ.

Усиленными переходами онъ пошелъ къ Везонціону (Безансону) главному городу секвановъ, стоявшему на Дубѣ (Dubis, Doubs) и занялъ эту крѣпость, въ которой были большіе запасы провіанта. Разсказы галловъ о громадномъ ростѣ и храбрости германцевъ напугали римское войско, не только простыхъ воиновъ, но и начальниковъ; въ станѣ начали говорить, что не послушаются, если Цезарь захочетъ идти на Аріовиста. Но твердость и разсудительность Цезаря возстановили мужество въ его воинахъ, и онъ пошелъ на Аріовиста, медленно подвигавшагося отъ Рейна на встрѣчу ему. Цезарь шелъ на него не прямымъ путемъ, а черезъ землю лингоновъ.

Безуспѣшность переговоровъ.

Аріовистъ теперь самъ пригласилъ его на свиданіе и въ разговорѣ выказалъ, что знаетъ положеніе дѣлъ въ Римѣ, далъ понять Цезарю, что если убьетъ его, то заслужитъ благодарность сената и вліятельнѣйшихъ людей Рима. Но эта косвенная угроза не поколебала Цезаря; онъ повторилъ прежнія требованія. Аріовистъ говорилъ, что если Цезарь оставитъ его спокойно владѣть покоренною имъ частью Галліи, то онъ, не требуя отъ него никакого пособія, будетъ, по его желанію, вести войну съ кѣмъ угодно и побѣдитъ его враговъ безъ всякихъ хлопотъ съ его стороны. Но Цезарь не хотѣлъ и слушать о томъ, чтобы владычество надъ Галліей было раздѣлено между римлянами и германцами. Свиданіе было прервано извѣстіемъ, что германская конница напала на римскую. Аріовистъ поставилъ условіемъ свиданія то, чтобъ и Цезарь, подобно ему, привелъ съ собой на условленное мѣсто только конницу. Въ войскѣ Цезаря почти вся конница состояла изъ галловъ; Аріовистъ полагалъ, что легко разобьетъ ее, или склонитъ передаться ему. Но Цезарь предугадывалъ эту хитрость и на галльскихъ лошадяхъ были посажены у него воины храбраго Десятаго легіона; они отразили нападеніе.

Положеніе и бѣгство Аріовиста 58.

Это коварство варваровъ и высокомѣріе ихъ вождя раздражили римлянъ. Они теперь желали битвы; Цезарь предложилъ ее Аріовисту; но онъ, прошедши мимо римскаго стана, занялъ такую позицію, что отрѣзалъ римлянъ отъ подвоза провіанта изъ областей эдуевъ и секвановъ и не вступалъ въ битву, ограничиваясь мелкими схватками конницы. Онъ надѣялся, что голодъ принудитъ римлянъ отступать и что тогда онъ найдетъ удобный случай напасть на нихъ. Притомъ предвѣщательницы предсказали ему по волненію рѣкъ, что боги не дадутъ ему побѣды, если онъ вступитъ въ сраженіе раньше новолунія. Цезарь раздѣлилъ войско на отряды, распредѣлилъ ихъ такъ что возстановилъ безопасность подвоза провіанта и наконецъ заставилъ Аріовиста принять битву. Она была дана, по мнѣнію Наполеона I, близъ Бельфора, а по новымъ изслѣдованіямъ ближе къ Рейну между Зеннгеймомъ и Мюльгаузеномъ, въ той мѣстности, часть которой покрыта теперь Нонненбрухскимъ лѣсомъ. Римское войско стояло лицомъ къ востоку. Благодаря осмотрительнымъ распоря-

женіямъ Цезаря римляне побѣдили. Аріовистъ съ нѣсколькими спутниками бросился въ лодку и уплылъ за Рейнъ; кажется, онъ скоро умеръ отъ ранъ. Большая часть воиновъ его были убиты въ сраженіи, или въ бѣгствѣ. Были убиты двѣ жены его и дочь; другая дочь была взята въ плѣнъ.

Цезарь самъ повелъ свое правое крыло на лѣвое крыло германцевъ, которые, сформировавшись въ боевой порядокъ по племенамъ, образовали сплошную стѣну, плотно закрытую ихъ большими щитами: воины передняго ряда сидѣли, держа щиты нѣсколько наклонно; воины дальнихъ рядовъ держали щиты горизонтально надъ собой и передними рядами; сзади войска стояли телѣги съ женами и дѣтьми. Римляне сдѣлали атаку такъ стремительно, что не употребили въ дѣло дротиковъ; бились мечами, будто на поединкахъ. Лѣвое крыло германцевъ скоро обратилось въ бѣгство; но правое, на помощь которому Аріовистъ привелъ подкрѣпленіе, тѣснило римлянъ такъ сильно, что они были бы опрокинуты, если бы начальникъ конницы Публій Крассъ не прислалъ во время на помощь имъ отрядъ, находившійся въ резервѣ. Атака этого отряда рѣшила битву. Германцы всѣ обратились въ бѣгство; они, по своему обыкновенію, ввели въ бой всѣ свои силы, не оставивъ резервовъ въ запасѣ, потому римляне преслѣдовали бѣгущихъ, не давая имъ остановиться; они бѣжали къ Рейну, находившемуся болѣе, чѣмъ въ двухъ часахъ пути отъ мѣста битвы; на берегу рѣки почти всѣ они были истреблены побѣдителями.

Положеніе Цезаря.

Римскіе орлы въ первый разъ явились тогда на берегу Рейна; судьба этой прекрасной рѣки была рѣшена. Шедшіе къ Рейну свевы, при извѣстіи о побѣдѣ римлянъ, вернулись на востокъ въ родныя мѣста. Германскія племена, поселенныя Аріовистомъ на лѣвомъ берегу Рейна—трибоки около Страсбурга, неметы около Шпейера, вангіоны около Вормса—получили отъ Цезаря позволеніе остаться тутъ; онъ велѣлъ имъ охранять Рейнъ отъ другихъ германцевъ и наблюдать за кельтами, которымъ онъ меньше вѣрилъ нежели имъ.—Такимъ образомъ, онъ въ нѣсколько мѣсяцевъ кончилъ двѣ войны, избавилъ римское государство отъ грозившихъ ему опасностей, подчинилъ ему часть Галліи, остававшейся до той поры независимой. Естественно было, что, когда онъ въ началѣ зимы пріѣхалъ въ Римъ, взгляды толпы обратились къ восходящему солнцу. Искатели денегъ и почестей стали ѣздить къ Цезарю въ Галлію и возвращались оттуда съ записками, по которымъ получали деньги отъ римскихъ капиталистовъ, и съ рекомендаціями къ вліятельнымъ людямъ.

c. Походъ на бельговъ и на приморскія племена.

Бельги готовятся идти на римлянъ 57.

Уѣзжая въ Римъ, Цезарь передалъ начальство Лабіэну и черезъ нѣсколько времени получилъ отъ него изъ зимняго стана близъ Безансона извѣстіе, что бельгійскія племена задумываютъ идти на римлянъ. Дѣйствительно, племена, принадлежавшія къ бельгійской федераціи, гордыя своею храбростью, и тою славой, что они одни изъ всѣхъ галловъ отразили отъ своихъ границъ кимбровъ и тевтоновъ, условились соединить свои силы на борьбу противъ угрожавшаго имъ могущества римлянъ; они не хотѣли, подобно племенамъ средней Галліи, подчиниться римской власти. У Цезаря въ Цизальпійской Галліи были сформированы два новые легіона; онъ поспѣшно перешелъ съ ними Альпы и весною повелъ все свое войско на бельговъ, которые уже собрали 300,000 воиновъ и подъ начальствомъ Гальбы, царя свессіоновъ, выступили въ походъ, чтобы встрѣтить римлянъ на южной границѣ своей страны. Войска сошлись въ землѣ ремовъ (около Реймса), которые одни не присоединились къ союзу своихъ соплеменниковъ и, подобно эдуямъ, своей преданностью Цезарю много содѣйствовали установленію иноземнаго владычества надъ Галліей. Бельги пришли наказать ихъ за измѣну общему дѣлу, римляне—защитить новыхъ союзниковъ. У Цезаря было въ шесть разъ меньше войска, чѣмъ у непріятеля, и онъ не могъ вступить съ нимъ въ битву: потому онъ перешелъ черезъ Аксону (Эну, Aisne) и расположился станомъ на холмѣ праваго берега (у нынѣшняго селенія Burry au Bac близъ Борьё, Beaurieux, на дорогѣ изъ Реймса въ Ланъ). Его позиція была прикрыта съ тыла рѣкой, а съ другихъ сторонъ валомъ, рвомъ и болотами, такъ что отразить нападеніе было легко. Ремы снабжали его продовольствіемъ, и онъ нѣсколько времени простоялъ тутъ, полагая, что союзъ множества племенъ не долго продержится, что непріятели перессорятся между собой и разойдутся, или будутъ голодомъ принуждены къ отступленію. Разсчетъ его оказался вѣренъ. Белловаки получили извѣстіе, что Дивиціакъ, посланный съ отрядомъ эдуевъ Цезаремъ въ ихъ землю, опустошаетъ ее; они уже и безъ того не охотно оставались въ союзномъ войскѣ, потому что считали унизительнымъ для себя повиноваться свессіонскому царю; теперь они объявили, что должны уйдти на защиту своей земли. Скоро послѣдовали ихъ примѣру другія племена, потерявъ надежду на побѣду. Дѣйствительно, союзники уже испытали много неудачъ: напрасно осаждали они городъ ремовъ Бибраксъ (или Борьё, или вѣроятнѣе Старый Ланъ, Vieux Laon); ихъ нападеніе на станъ Цезаря было отбито съ большимъ урономъ для нихъ; они терпѣли недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ; они стали думать, что не одолѣютъ Цезаря. На военномъ совѣтѣ ихъ было рѣшено, что всѣ племена разойдутся по своимъ областямъ и что, если римляне нападутъ на которое нибудь, то всѣ придутъ на защиту его. Они разошлись торопливо, въ безпорядкѣ, такъ что это похоже было на бѣгство. Римлянамъ ясно было, что единодушіе у нихъ исчезло. Отряды пѣхоты и конницы, посланные Цезаремъ, нападали на тѣхъ, которые шли позади другихъ, и тысячами убивали ихъ; тѣ, которые шли впереди, не оказывали имъ

Цезарь въ землѣ ремовъ.

Отступленіе бельговъ и покореніе ихъ.

помощи и, думая лишь о собственной безопасности, спѣшили домой. Цезарь видя, что союзъ распался, пошелъ впередъ со всѣмъ своимъ войскомъ, и бельги покорялись, одно племя за другимъ, почти безъ всякаго сопротивленія.

Цезарь началъ осаду главнаго города свессіоновъ, Новіодуна (Суассона); осадныя машины и башни такъ испугали свессіоновъ, что они отдали оружіе и дали заложниковъ, прося пощады. На тѣхъ же условіяхъ покорились и белловаки, раньше, чѣмъ Цезарь дошелъ до главнаго ихъ города Братуспанція (Мондидье, близъ Бретёля); на такихъ же условіяхъ покорились амбіаны (жившіе около Амьена).

Битва на Самбрѣ съ нервійцами.

Иначе держали себя храбрые, свободолюбивые нервійцы, жившіе въ нынѣшней области Эно, Hainaut (или Геннегау). Когда Цезарь шелъ изъ Камарака (Камбрѐ) къ рѣкѣ Сабѣ (Самбрѣ), онъ услышалъ, что на правомъ берегу ея заняли крѣпкую позицію нервійцы и союзники ихъ атребаты и виромандуи, что адуатуки отвезли своихъ женъ и дѣтей за болота и идутъ на соединеніе съ ними. Цезарь сталъ подвигаться впередъ осторожно, но все таки римляне подверглись очень большой опасности въ сраженіи на Самбрѣ. Кельты, передававшіеся нервійцамъ и ихъ союзникамъ, извѣщали ихъ о всѣхъ движеніяхъ римскаго войска; они заняли на правомъ берегу рѣки прикрытую изгородями и деревьями позицію на холмѣ; римлянамъ было не видно ихъ; была видна только немногочисленная конница, ставшая у самаго берега; Цезарь послалъ на нее свою конницу и легкую пѣхоту черезъ рѣку, которая была не глубже трехъ футовъ, а легіоны начали дѣлать окопы для стана на высокомъ лѣвомъ берегу. Враги внезапно бросились изъ своей засады, опрокинули римскую конницу въ рѣку, перешли ее съ изумительной быстротой и уже подступили къ начатымъ, но еще не доконченнымъ окопамъ стана, прежде чѣмъ римскіе воины успѣли, бросивъ рабочіе инструменты, надѣть шлемы и взять оружіе; римское войско казалось погибшимъ,— оно уцѣлѣло, только благодаря хладнокровному мужеству Цезаря и тому, что воины были очень опытны: они быстро построились въ боевой порядокъ сами, не дожидаясь команды, не теряя времени на то, чтобы разыскивать знамена своихъ легіоновъ и когортъ.

На лѣвомъ крылѣ Лабіэнъ отразилъ атребатовъ, прогналъ ихъ за рѣку, самъ перешелъ ее, преслѣдуя ихъ; въ центрѣ виромандуи тоже были прогнаны съ холма; но два легіона, составлявшіе правое крыло были, опрокинуты нервійцами; разорванныя части ихъ были окружены, стѣснены, такъ что воины едва могли обороняться противъ непріятелей, наступавшихъ на каждый отрядъ со всѣхъ сторонъ; а другая часть непріятеля овладѣла станомъ и прогнала прислугу, оставленную тамъ охранять вещи. Галльскіе всадники римскаго войска уже поскакали сообщать своимъ соплеменникамъ о пораженіи римлянъ, бо̀льшая часть начальниковъ уже

была убита, или ранена; Цезарь взялъ у одного изъ воиновъ щитъ, сталъ въ переднемъ ряду, ободряя колеблющіеся ряды словами и примѣромъ; воины стали твердо, раздвинули свои ряды, образовали изъ безпорядочныхъ группъ правильный боевой порядокъ. Но все-таки они были бы подавлены превосходствомъ числа враговъ, если бы не успѣли прійти къ нимъ два легіона, охранявшіе обозъ и если бы Лабіэнъ, увидѣвшій черезъ рѣку тяжелое положеніе праваго крыла, не поспѣшилъ на помощь ему.—Мѣстность этой битвы была въ окрестностяхъ Омона (Haumont) и Нёфъ Мениля.

Когда пришли легіоны отъ обоза и Лабіэнъ, битва быстро была рѣшена: всѣ бросились на врага, храбро атаковала его и конница, желавшая загладить стыдъ своего бѣгства, и даже прислуга обоза, не имѣвшая своего оружія. Но нервійцы бились геройски. Первые ряды ихъ пали, на тѣла убитыхъ становились слѣдующіе ряды; изъ труповъ росли цѣлыя груды: все выше подымались кровавые валы, съ которыхъ обороняющіеся бросали обратно въ римлянъ подымаемые дротики ихъ. Они бились до послѣдняго дыханія. Послѣ ихъ соплеменники говорили, что изъ 600 членовъ ихъ Правительственнаго совѣта остались въ живыхъ только трое; изъ 60,000 воиновъ только 500. Племя нервійцевъ почти все исчезло послѣ этого пораженія. Старики, женщины и дѣти, отвезенные за болото, прислали просить пощады у римлянъ. Цезарь принялъ ихъ подъ свое покровительство и приказалъ сосѣдямъ не дѣлать имъ никакихъ обидъ.

Судьба адуатуковъ.

При извѣстіи о пораженіи нервійцевъ, виромандцевъ и атребатовъ, адуатуки, шедшіе на соединеніе съ ними, вернулись, перевезли свое имущество въ крѣпость, занимавшую почти неприступное мѣстоположеніе на берегу Мааса на горѣ, которая теперь называется Фализою (Phalhize) противъ нынѣшняго города Гюи (Huy), и сами заперлись тамъ. Когда римляне начали осаду, адуатуки смѣялись надъ тѣмъ, что такіе маленькіе люди хотятъ подвезти къ ихъ стѣнамъ такую большую подвижную башню. Но, къ своему изумленію, увидѣли, что башня приближается. Они упали духомъ и обѣщали покориться, просили только, чтобы Цезарь не бралъ у нихъ оружіе, потому что оно необходимо имъ для обороны отъ враждебныхъ сосѣдей. Но онъ не отказался отъ требованія, чтобъ оружіе было выдано, обѣщаясь принять на себя заботу объ ихъ безопасности. Они бросили со стѣнъ очень много оружія и отворили ворота. Но около третьей части оружія они утаили и въ полночь напали на римскіе окопы, думая найдти ихъ неохраняемыми. Они были отражены; 4,000 ихъ легло на мѣстѣ; все остальное населеніе, 53,000 человѣкъ, было на слѣдующій день забрано въ плѣнъ и продано въ рабство. Такъ теперь послѣдніе остатки кимбровъ подверглись той же судьбѣ, какъ за 44 года передъ тѣмъ ихъ соплеменники на Равдійскомъ полѣ. Но кажется, что Цезарь, говоря объ уничтоженіи нервійцевъ и адуатуковъ, употребляетъ преувеличенныя выраженія, потому что дальше въ его запискахъ о

гальской войнѣ оба эти народа являются имѣющими довольно большія войска. Къ началу осени были уже покорены всѣ сѣверныя племена кельтовъ до отдаленныхъ мѣстностей приморья нынѣшнихъ областей Фландріи и Брабанта. Ремы заняли въ сѣверной Галліи такое же положеніе относительно римлянъ, какъ эдуи въ средней полосѣ.

Война на западѣ. 56.

Около того же времени Цезарь былъ обрадованъ извѣстіемъ, что племена западнаго берега покорились его легату Публію Крассу, посланному съ однимъ легіономъ на низовье Луары, и дали заложниковъ вѣрности. Но когда онъ уѣхалъ на зиму въ Римъ, приморскія племена отъ устья Гаронны до устья Рейна заключили между собою союзъ для обороны отъ иноземнаго владычества. Во главѣ союза стояли венеты и ихъ сосѣди, храбрые воины, искусные моряки, жившіе въ Ареморикѣ (въ Бретани и въ Нормандіи). Чтобы заставить римлянъ возвратить имъ заложниковъ, они взяли подъ стражу военныхъ трибуновъ, посланныхъ Крассомъ собирать отъ нихъ провіантъ. Это было сигналомъ къ войнѣ. Всѣ приморскія племена взялись за оружіе. Патріоты изъ другихъ галльскихъ областей сходились подъ знамена новой федераціи, которая надѣялась хорошо обороняться отъ римлянъ, благодаря трудности движеній для легіоновъ по тѣмъ мѣстностямъ и множеству большихъ парусныхъ кораблей. Дѣйствительно, опасность для римскаго владычества была теперь больше, чѣмъ въ предыдущіе годы. Дороги были перерѣзаны болотами и мелководными озерами; города, стоявшіе большею частью на мысахъ, были ограждены отъ нападенія смѣной прилива и отлива, сильнымъ прибоемъ моря и мелями, и подвозъ провіанта къ нимъ съ моря былъ свободенъ, потому что римляне не имѣли кораблей. Но изобрѣтательный и энергическій геній Цезаря преодолѣлъ всѣ затрудненія. Возвратившись изъ Рима къ войску, онъ немедленно послалъ Лабіэна съ конницей въ землю тревировъ на Рейнъ не допускать германцевъ до вторженія въ Галлію; Крассу онъ поручилъ наблюдать за аквитанцами, Квинту Титурію Сабину—за племенами сѣвернаго прибрежья, чтобъ они не присоединились къ венетамъ, а самъ съ главными силами пошелъ на венетовъ, которые были сильнѣе всѣхъ галловъ на морѣ, такъ что брали дань съ торговыхъ кораблей, плававшихъ у сосѣднихъ береговъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ велѣлъ какъ можно скорѣе строить на Луарѣ корабли и посадить на нихъ хорошихъ моряковъ изъ римской провинціи.

Война на морѣ.

Движенія по сухому пути были затруднительны, такъ что римляне имѣли мало успѣховъ; сначала казалась безнадежной война и на морѣ: противъ римской эскадры, бывшей подъ начальствомъ Децима Брута, непріятель выставилъ 220 кораблей, борты которыхъ были такъ высоки, а стѣны такъ крѣпки, что римляне не могли ни перебрасывать на нихъ абордажные мосты, ни вредить ихъ экипажамъ дротиками, ни пробивать толстые дубовые бока носами своихъ ко-

раблей. Но какъ въ старину они съумѣли побѣдить сильный карѳагенскій флотъ, такъ и теперь одержали побѣду въ первой битвѣ на Атлантическомъ океанѣ, о которой упоминается въ исторіи.

Прикрѣпленными на длинныхъ жердяхъ серпами римляне перерѣзывали веревки, на которыхъ держались паруса. Лишивъ непріятельскій корабль парусовъ, римскіе корабли нападали на него по нѣскольку вмѣстѣ и одолѣвали его экипажъ. И какъ будто сами боги помогали римлянамъ, вѣтеръ прекратился, такъ что тѣ галльскіе корабли, у которыхъ оставались паруса, всетаки не могли уплыть въ открытое море отъ враговъ.

Покореніе и наказаніе венетовъ.

Такимъ образомъ римляне побѣдили. Въ одинъ день была навсегда уничтожена морская сила венетовъ и независимость ихъ. Прекрасный флотъ ихъ былъ истребленъ, лучшіе воины были убиты или взяты въ плѣнъ; имъ оставалось только покориться. Они были тяжело наказаны за возстаніе. Члены ихъ правительственнаго совѣта были казнены; весь остальной народъ былъ проданъ въ рабство, чтобы варвары научились уважать неприкосновенность римскихъ пословъ.

Покореніе сѣвернаго приморья и Аквитаніи.

Около этого времени были покорены и сѣверныя племена, убившія своихъ правителей за нежеланіе начать войну съ римлянами. Титурій Сабинъ одолѣлъ ихъ, отчасти хитростью, отчасти военнымъ искусствомъ. Они вызывали его на битву, онъ долго уклонялся отъ нея, наконецъ, его агенты сообщили имъ ложныя извѣстія, возбудившія ихъ сдѣлать ночное нападеніе на римскій станъ. Они были отбиты съ такимъ урономъ, что онъ послѣ этого принудилъ ихъ покориться. Публій Крассъ покорилъ иберійскія племена отъ Гаронны до Пиреней. Нелегко было побѣдить этихъ воинственныхъ аквитанцевъ, соединившихся на войну противъ римлянъ; они имѣли 50,000 человѣкъ войска, обученнаго служившими у Серторія испанцами сражаться и укрѣплять станъ по-римски; но Крассъ былъ искусный полководецъ и принудилъ ихъ положить оружіе и дать заложниковъ.

Съ покореніемъ Аквитаніи можно было считать завоеваніе Галліи законченнымъ, хотя въ пиренейскихъ горахъ еще оставались непокорныя племена, защищавшія свою свободу, а на берегу Британскаго пролива успѣшно оборонялись защищенные лѣсами и болотами морины и менапійцы; Цезарь пытался проложить себѣ дорогу къ нимъ: войско рубило лѣсъ и клало срубленныя деревья, какъ валы по обѣ стороны дороги; но работа была такъ тяжела, что Цезарь бросилъ ее, отложивъ покореніе этихъ племенъ до болѣе удобнаго времени.

д) Экспедиціи Цезаря въ Германію и въ Британію.

Походъ на узипетовъ и на тенктеровъ. 55.

Вскорѣ послѣ того менапійцамъ сталъ угрожать другой врагъ: узипеты и тенктеры, германскія племена, прогнанныя свевами изъ сво-

ихъ земель, пришли на низовье Рейна; ихъ было, какъ говорятъ, 430.000 человѣкъ; хитростью захватили они менапійскія лодки, переправились на нихъ у Ксантена и Клеве черезъ Рейнъ и поселились на лѣвомъ берегу его. Кельты отправили къ нимъ пословъ, и они выказали охоту помогать возстанію противъ римлянъ, желая воспользоваться войною, чтобы проникнуть далеко въ Галлію и набрать добычи. Узнавъ объ этомъ, Цезарь поспѣшно пошелъ къ низовью Рейна. Германцы объявили, что охотно станутъ друзьями римлянъ, подчинятся ихъ покровительству, если онъ оставитъ имъ землю, которую они заняли, или дастъ имъ другую мѣстность въ Галліи. Цезарь отвѣчалъ, что въ Галліи нѣтъ мѣста для нихъ, но что онъ убѣдитъ убіевъ принять ихъ въ свою область и что, соединившись съ убіями, они будутъ въ силахъ обороняться отъ общихъ враговъ, свевовъ. Узипеты и тенктеры не отвергли этого предложенія прямо, а только попросили, чтобы Цезарь позволилъ имъ самимъ условиться съ убіями. Переговоры длились нѣсколько дней, и Цезарь замѣтилъ, что германцы хотятъ неожиданно напасть на римлянъ, тянутъ переговоры только для того, чтобы успѣли соединиться всѣ ихъ отряды. Подозрѣніе Цезаря подтвердилось тѣмъ, что конница ихъ внезапно напала на его конницу; его конница была гораздо многочисленнѣе, но состояла почти исключительно изъ галловъ и была застигнута въ расплохъ; потому германцы обратили ее въ бѣгство. Цезарь рѣшилъ, что надобно предупредить коварный замыселъ, который, по его мнѣнію, имѣли германцы. Когда на слѣдующее утро ихъ князья и старшины явились въ римскій станъ извиниться въ нападеніи своей конницы на римскую, онъ велѣлъ взять ихъ подъ стражу. Въ оправданіе этому постыдному нарушенію народнаго права онъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что они хотѣли продолжать обманывать его. Задержавъ ихъ, онъ со всевозможной быстротой повелъ свои легіоны на германское войско, еще не знавшее о судьбѣ своихъ начальниковъ. Оно стояло въ безпорядкѣ, было застигнуто въ расплохъ и пришло въ совершенное разстройство; тѣ, которые успѣли схватить оружіе, защищались между рядомъ телѣгъ, находившихся при нихъ, и обозомъ; но вопль женъ и дѣтей показалъ имъ, что римская конница напала на обозъ; они обратились въ бѣгство, направляясь къ Рейну. Множество ихъ было убито, всѣ остальные утонули въ рѣкѣ. Только тѣ отряды конницы, которые находились тогда далеко отъ главнаго войска въ набѣгахъ, успѣли уйдти къ сигамбрамъ; они и начальники, взятые Цезаремъ подъ стражу и отпущенные теперь имъ на свободу, были единственными уцѣлѣвшими изъ всѣхъ узипетовъ и тенктеровъ. У римлянъ не было ни одного убитаго. Но въ сенатѣ были произнесены рѣчи, сильно порицавшія эту побѣду Цезаря; Катонъ даже предлагалъ выдать его гер-

манцамъ, чтобы отвратить отъ войска и государства гнѣвъ боговъ за такое беззаконіе.

Цезарь переходитъ за Рейнъ.

Но хотя побѣда и была постыдна для Цезаря, она много содѣйствовала упроченію римскаго владычества надъ Галліею. Пока на галльскомъ берегу Рейна были воинственныя германскія племена, ожидавшія только случая напасть на римлянъ, кельты сохраняли надежду свергнуть съ себя, при ихъ помощи, римское иго; съ пораженіемъ узипетовъ и тенктеровъ эта надежда рушилась. Но Цезарь нашелъ полезнымъ перенести римское оружіе и на другой берегъ Рейна. Предлогомъ для похода послужили ему отказъ сигамбровъ, жившихъ между рѣками Сигомъ и Липпе, выдать бѣжавшихъ къ нимъ узипетскихъ и тенктерскихъ всадниковъ и просьба убіевъ, жившихъ южнѣе, чтобъ онъ защитилъ ихъ противъ свевовъ. Построивъ черезъ Рейнъ неподалеку отъ Бонна, мостъ на сваяхъ, онъ перевелъ свои легіоны на германскій берегъ. Онъ не хотѣлъ дѣлать завоеваній въ странѣ суроваго климата, покрытой дубовыми и еловыми лѣсами, хотя при разрозненности германскихъ племенъ и при содѣйствіи убіевъ было бы легко покорить правый берегъ Рейна; онъ только хотѣлъ внушить германцамъ страхъ, который удерживалъ бы ихъ отъ нападеній на Галлію, и доставить новую славу себѣ и своимъ легіонамъ въ Римѣ и у кельтовъ. Всѣ сосѣди трепетали свевовъ, которыхъ, по словамъ узипетовъ и тенктеровъ, «не могли бы побѣдить сами боги»; имя свевовъ было окружено таинственностью, увеличивавшей страхъ сосѣдей. Побѣда надъ этимъ народомъ должна была чрезвычайно возвысить Цезаря во мнѣніи кельтовъ и другихъ германскихъ племенъ. Варвары съ изумленіемъ смотрѣли на полководца, который въ 10 дней построилъ мостъ черезъ широкую рѣку, а простолюдины въ Римѣ, любившіе Цезаря, съ восторгомъ говорили о его побѣдахъ и восхищались тѣмъ, что въ честь ихъ совершаются праздники. Но онъ оставался на правомъ берегу Рейна только 18 дней и не имѣлъ случая совершить тамъ блестящихъ подвиговъ. Сигамбры съ тенктерскими и узипетскими всадниками и всѣмъ своимъ имуществомъ ушли въ лѣса, оставивъ на опустошеніе римлянамъ свои жилища и поля. Цезарь услышалъ, что свевы увезли женщинъ и дѣтей изъ округовъ, сосѣднихъ съ убійскою землею, и что всѣ люди ихъ народа, способные къ войнѣ, собираются для общей обороны противъ него; онъ разсудилъ не оставаться дольше на томъ берегу рѣки, перевелъ войско опять на галльскій берегъ и сломалъ мостъ.

Экспедиція Цезаря въ Британію. Конецъ августа 55 г.

Экспедиція Цезаря въ Британію имѣла такую же цѣль, какъ его походъ въ Германію. Британцы до сихъ поръ не вмѣшивались прямо въ борьбу галловъ съ римлянами, но Цезарь узналъ, что они поддерживаютъ своихъ соплеменниковъ, что венеты находились въ сношеніяхъ съ ними, что бѣжавшіе въ Британію галльскіе воины на-

ходятъ тамъ почетный пріемъ и безопасный пріютъ; потому онъ, не смотря на то, что была близка осень, нашелъ надобнымъ сдѣлать высадку на берегу Британіи, чтобы показать племенамъ ея, что рука Рима можетъ налечь и на ихъ землю. Но счастье не было на этотъ разъ благопріятно Цезарю.

Римскій флотъ пошелъ изъ гавани, находившейся въ землѣ мориновъ,— той, у которой стоитъ теперь Булонь. Приблизившись къ британскому берегу, римляне увидѣли, что скалы его покрыты врагами; они поплыли искать менѣе крутого берега; британская конница и военныя колесницы, а за ними и пѣхота британцевъ шли по берегу параллельно съ флотомъ, чтобы сопротивляться высадкѣ. Наконецъ римляне увидѣли удобное мѣсто и пошли къ берегу; но ихъ корабли были велики, а у скалистаго берега было мелководье, и они не могли приблизиться къ землѣ. Воины въ полномъ вооруженіи спрыгнули въ воду и пошли къ берегу подъ градомъ стрѣлъ. Британская конница поскакала по водѣ на нихъ и, пользуясь мелями хорошо знакомой мѣстности, окружила ихъ, подвигающихся безпорядочными группами. Она дѣлала имъ много вреда, но они дошли наконецъ до берега, быстро сомкнули свои ряды и прогнали непріятеля. Сосѣднія селенія покорились и дали заложниковъ; обѣщали дать заложниковъ и племена, жившія вдали; но, оправившись отъ перваго испуга, разсмотрѣли, что число римлянъ не велико и рѣшили продолжать сопротивленіе. Вмѣсто того, чтобы дать заложниковъ, они собрали всѣ свои военныя силы и стали неподалеку отъ нивы, на которой одной еще не былъ сжатъ хлѣбъ. Съ Цезаремъ было въ Британіи всего два легіона; когда одинъ изъ нихъ сталъ собирать хлѣбъ, туземная конница и боевыя колесницы внезапно бросились на этихъ воиновъ и истребили бы ихъ, если бы Цезарь не привелъ на помощь имъ другой легіонъ. Британцы были гораздо многочисленнѣе римлянъ и умѣли хорошо дѣйствовать въ бою своими колесницами; но, благодаря своему военному искусству, римляне отразили ихъ. Пользы отъ побѣды не было никакой: британцы не присылали заявленій покорности; буря попортила нѣкоторые корабли; Цезарь увидѣлъ необходимость плыть назадъ. Онъ удовольствовался обѣщаніемъ британцевъ прислать ему въ Галлію заложниковъ и, починивъ попорченные корабли, вернулся въ Галлію. Онъ отплылъ отъ британскаго берега въ полночь; это было похоже на бѣгство.

Вторая экспедиція въ Британію. 54.

Нельзя было оставить британцевъ подъ такими впечатлѣніями. Потому Цезарь зимою построилъ множество судовъ, сидящихъ въ водѣ менѣе глубоко, чѣмъ прежніе, и весною предпринялъ вторую экспедицію въ Британію. У Цезаря было 800 кораблей; онъ посадилъ на нихъ пять легіоновъ и 2000 человѣкъ конницы. Увидѣвъ огромный флотъ, британцы отступили далеко отъ берега и ожидали врага въ крѣпкой позиціи. Римляне прогнали ихъ, но не могли гнаться за ними: прежде надобно было вытащить на берегъ корабли, снова сильно пострадавшіе отъ бури, защитить окопами и починить ихъ. Британцы воспользовались этой отсрочкой преслѣдованія. Управленіе войною получилъ Кассивеллавнъ, храбрый и благоразумный царь племени, жившаго на Темзѣ, грозный воинъ, бывшій до той

поры ужасомъ сосѣдей. Онъ скоро понялъ, что римляне всегда разобьютъ его въ правильной битвѣ и принялъ другую систему войны: распустилъ всѣ войска, кромѣ боевыхъ колесницъ съ 4000 воиновъ, которые бились съ колесницъ, а когда было выгодно, то сходили съ нихъ и сражались какъ пѣхота; это были отважные воины, умѣвшіе хорошо править колесницами; они скакали на римлянъ съ такою быстротою, что разрывали ряды и вообще дѣлали много вреда имъ. Съ этимъ отрядомъ Кассивеллавнъ неотступно слѣдовалъ за римскимъ войскомъ, отсылая людей и отгоняя скотъ изъ тѣхъ мѣстностей, куда направлялось оно и при удобныхъ случаяхъ нападалъ на отдѣлявшіеся отъ главныхъ силъ римскіе отряды. Но Цезарь съумѣлъ воспользоваться ненавистью нѣкоторыхъ британскихъ племенъ къ Кассивеллавну, обижавшему ихъ прежде, заключалъ съ ними договоры и такимъ образомъ пріобрѣталъ союзниковъ себѣ противъ него. Цезарь взялъ главное укрѣпленіе Кассивеллавна (стоявшее, быть можетъ, на мѣстѣ нынѣшняго города Сентъ-Альбанса) и захватилъ тамъ много скота; Кассивеллавнъ заключилъ миръ, по которому за римлянами оставалась, если не побѣда, то хотя репутація побѣды: онъ далъ заложниковъ и обѣщалъ платить дань. Приближалось бурное время года; Цезарю тѣмъ болѣе надобно было спѣшить отъѣздомъ, что онъ опасался за цѣлость своихъ кораблей даже и въ окопахъ на берегу: британцы уже дѣлали нападеніе на эти окопы, но, къ счастію, были отражены. Съ плѣнными и заложниками Цезарь возвратился въ Галлію. Платежа обѣщанной дани онъ, вѣроятно, никогда и не требовалъ; его ходатайство за тринобантовъ, бывшихъ его союзниками, едва ли защитило ихъ отъ мщенія Кассивеллавна.

е) Первое возстаніе галловъ.

Настроеніе умовъ въ Галліи.

Неудачный ходъ экспедицій въ Британію произвелъ сильное впечатлѣніе на мысли галловъ. Цезарь говоритъ, что характеръ кельтовъ легкомысленный, непостоянный, что они толпятся около купцовъ и другихъ пріѣзжихъ, жадно слушая разсказы о томъ, что дѣлается въ дальнихъ мѣстахъ и часто по пустымъ слухамъ рѣшаютъ начинать важныя предпріятія. При такой живости характера ихъ надобно было ожидать, что они попытаются свергнуть съ себя иноземное иго, пока оно еще не окрѣпло. Успѣхъ сопротивленія Кассивеллавна, геройская битва нервійцевъ на Самбрѣ, храбрая оборона племенъ сѣвернаго берега показывали, что если кельты будутъ дѣйствовать единодушно, то смогутъ одолѣть врага. Они стали стыдиться того, что ихъ многочисленный, воинственный народъ далъ покорить себя войску, въ которомъ было ни какъ не больше 50,000 человѣкъ; они стали обдумывать, нельзя ли поправить дѣло. Соперничество ихъ

племенъ изъ за преобладанія, очень много облегчившее Цезарю побѣду, потеряло всякій смыслъ съ той поры, какъ римляне покорили всю Галлію, и власть римскаго правителя стала одинаково тяготѣть и надъ самыми сильными племенами, какъ надъ слабыми; раздоры партій, драки между вельможескими родами, тоже содѣйствовавшія покоренію страны иноземцами, должны были прекратиться, когда Римъ началъ вводить въ Галліи свои законы. Трехлѣтняя неудачная война не совершенно сокрушила отвагу галловъ, не совершенно подавила въ нихъ мысли о свободѣ и національности. Между князьями и вельможами оставались люди, готовые рисковать жизнью за независимость родины, за сохраненіе или возстановленіе правъ, безъ которыхъ жизнь не имѣетъ ни чести, ни цѣны. Надобно было только согласиться между собою и дѣйствовать общими силами. Даже германцы, бывшіе прежде страшными врагами, сблизились съ галлами послѣ пораженія узипетовъ и тенктеровъ: общій интересъ соединялъ ихъ противъ общаго врага.

Думнориксъ и Индуціомаръ.

Человѣкъ необыкновенно проницательнаго ума, Цезарь не могъ не замѣтить этой перемѣны настроенія галловъ. Еще передъ его экспедиціей въ Британію князь эдуевъ Думнориксъ убѣждалъ галльскую конницу отказаться отъ участія въ предпріятіи, въ которомъ ждетъ ихъ вѣрная смерть; когда войска стали садиться на корабли, онъ бѣжалъ съ своими конными воинами. Настигнутый всадниками Цезаря, онъ сталъ обороняться и былъ убитъ въ этой схваткѣ. Индуціомаръ, князь тревировъ, ускакавшій отъ битвы съ нервійцами на Самбрѣ и послѣ того вступившій въ подозрительныя сношенія съ германцами, хотѣлъ послѣдовать примѣру Думнорикса, но Цезарь предупредилъ это и заставилъ его сѣсть на корабль. Эти факты показались Цезарю такими опасными симптомами, что онъ оставилъ для наблюденія за галлами лучшаго изъ своихъ легатовъ, Лабіэна, съ большимъ количествомъ войска.

Пораженія римлянъ у эбуроновъ. Зима 54—53.

Когда римскіе легіоны возвратились съ очень сомнительными лаврами изъ Британніи, въ Галліи уже накопилось много горючаго матеріала. Трудность продовольствовать большія массы войска въ одной мѣстности заставила Цезаря распредѣлить свои отряды на зимнія квартиры довольно далеко одинъ отъ другого. Отрядъ подъ начальствомъ Квинта Титурія Сабина и Луція Аврункулея Котты, имѣвшій въ своемъ составѣ легіонъ молодыхъ, неопытныхъ воиновъ, расположился на южной границѣ области эбуроновъ между Маасомъ и Рейномъ, близъ города Адуатуки (быть можетъ, нынѣшняго Тонгра); князьями тамъ были Амбіориксъ и старикъ Катуволькъ, друзья тревирскаго князя Индуціомара, сообщившаго имъ свой планъ поднять всѣхъ галловъ противъ римлянъ. Быть можетъ, они думали, что возстаніе въ другихъ мѣстностяхъ уже началось, или, быть можетъ, они хотѣли пріобрѣсти своему племени славу, что оно первое взялось за дѣло освобожденія,—словомъ, какъ бы то ни было, эбуроны напали на римскій станъ. Но римляне отразили ихъ. Они прибѣгли къ хитрости. Амбіориксъ, выпросивъ себѣ свиданіе съ легатами, сказалъ имъ, что его народъ былъ принужденъ къ мятежу, потому что произошло общее возстаніе, галлы напали на всѣ римскіе отряды, приближаются германскіе наемники, но что онъ чувствуетъ обязанность быть благодарнымъ Цезарю за избавленіе его отъ дани адуатукамъ, и хочетъ доказать свою признательность: онъ совѣтуетъ легатамъ отступить и ручается за безопасность отступленія. Котта не довѣрялъ словамъ Амбіорикса, но Сабинъ настоялъ на томъ, чтобы послѣдовать его совѣту. На слѣдующее утро войска со всѣмъ обозомъ выступили изъ стана, чтобъ идти на соединеніе съ ближайшимъ легіономъ, которымъ начальствовалъ Квинтъ Цицеронъ, братъ оратора. Въ половинѣ мили отъ ихъ стана была тѣснина; когда они вошли въ нее, они увидѣли, что со всѣхъ сторонъ окружены врагами. Они хотѣли проложить себѣ путь оружіемъ; но мѣстность была такова, что давала непреодолимую силу непріятелю; его дротики и стрѣлы поражали римлянъ. Котта былъ раненъ; Сабинъ обратился съ просьбою о пощадѣ къ Амбіориксу, въ которомъ все еще не хотѣлъ видѣть предателя. Амбіориксъ пригласилъ его на свиданіе и велѣлъ убить его со всею свитой. Враги съ дикимъ крикомъ бросились на римлянъ; они оборонялись съ обыкновенной храбростью до послѣднихъ силъ; Котта былъ убитъ; былъ истребленъ и весь отрядъ, кромѣ небольшого числа воиновъ, пробившихся до прежняго своего стана; видя, что будутъ не въ силахъ защитить его окопы, они всѣ убили себя сами. Лишь нѣсколько бѣглецовъ успѣли пробраться разными тропинками къ Лабіэну.

Галлы осаждаютъ станъ Квинта Цицерона.

Амбіориксъ сдѣлалъ очень энергическія распоряженія, чтобы напасть и на остальные отряды, прежде чѣмъ узнаютъ они объ этомъ дѣлѣ и соединятся для общей обороны. По его призыву возстали и пришли къ эбуронамъ адуатуки, менапійцы, нервійцы, и скоро 60,000 галловъ окружили станъ Квинта Цицерона, находившійся въ области нервійцевъ (близъ Шарльруа). Квинтъ Цицеронъ былъ человѣкъ разсудительный, имъ не удалось выманить его въ полѣ на битву; они обвели станъ валомъ и рвомъ, начали подвигать къ нему башни и большіе навѣсы съ таранами,—какъ выучились у римлянъ, пускали въ стѣны стрѣлы съ огнемъ и раскаленные глиняные шары, отъ которыхъ загорались соломенные шалаши римлянъ. Опасность была велика. Римляне оборонялись съ изумительной храбростью; но должно было думать, что и этотъ легіонъ погибнетъ, потому что всѣ вѣстники, посланные къ Цезарю, были перехвачены врагами и убиты передъ глазами римскихъ воиновъ. Наконецъ одинъ кельтскій всадникъ, успѣвъ ускользнуть отъ дозора своихъ соплеменниковъ, привезъ извѣстіе о бѣдственномъ положеніи легіона Цезарю, находившемуся въ станѣ близъ Амьена. Не прошло часа, какъ Цезарь уже повелъ свой

Цезарь поспѣшно идетъ на помощь.

отрядъ на спасеніе сподвижникамъ. Онъ имѣлъ при себѣ только два легіона и 400 человѣкъ конницы, когда подошелъ къ стану Цицерона; но онъ одинъ стоилъ многочисленнаго войска. Враги, пошедшіе на встрѣчу ему, были обмануты военной хитростью и отражены; онъ соединился съ войсками Цицерона. Этого было достаточно, чтобъ отнять у сѣверныхъ галловъ охоту къ продолженію борьбы: они разошлись по своимъ областямъ, и дѣло римлянъ было выиграно. Возстаніе, охватывавшее всю страну, было теперь если еще не вполнѣ подавлено, то парализовано. Мщеніе эбуронамъ Цезарь отложилъ до весны. Онъ хотѣлъ прежде всего узнать размѣръ заговора и подкрѣпить свое ослабленное войско новымъ наборомъ.

Объемъ возстанія.

Скоро обнаружилось, что заговоръ имѣлъ очень обширные размѣры; венеты уже пошли-было на соединеніе съ нервійцами; но теперь поспѣшно вернулись домой. У карнутовъ и сеноновъ (около Санса, Sens) былъ убитъ назначенный Цезаремъ князь; Тревиры волновались; вожди патріотической партіи собирались по ночамъ на совѣщаніе. За исключеніемъ эдуевъ и ремовъ, которые видѣли себѣ спасеніе отъ ненависти сосѣдей только въ покровительствѣ римлянъ, всѣ кельтскія племена были готовы къ возстанію. Когда Цезарь въ концѣ зимы созвалъ, по своему обыкновенію, съѣздъ депутатовъ, многія племена не прислали ихъ.

Возстаніе подавлено повсюду 53.

Непривычка кельтовъ дѣйствовать единодушно, и быстрота, рѣшительность дѣйствій Цезаря затрудняла возникновеніе общаго возстанія. Тревиры, которые во всемъ слушались теперь Индуціомара, бывшаго истиннымъ виновникомъ всего возстанія, напали на станъ Лабіэна, находившійся въ области ремовъ, но были отражены, и самъ Индуціомаръ былъ убитъ во время бѣгства. Возстаніе лишилось своего центра и своего руководителя. Цезарь между тѣмъ, при помощи Помпея, увеличилъ свои военныя силы до десяти легіоновъ и сталъ покорять одно за другимъ возставшія племена. Онъ напалъ на нервійцевъ, отдалъ захваченныя стада и плѣнныхъ воиновъ на продажу, опустошилъ всю область. Онъ принудилъ покориться римлянамъ менапійцевъ, единственное племя въ Галліи, сохранявшее свою независимость; покорилъ карнутовъ и сеноновъ. Лабіэнъ нанесъ второе пораженіе тревирамъ, загналъ ихъ въ лѣса, и прогналъ за Рейнъ германцевъ, пришедшихъ на помощь инсургентамъ. Вслѣдъ за тѣмъ пришелъ въ землю тревировъ самъ Цезарь, назначилъ княземъ ихъ и главою римской партіи Цингеторикса, зятя Индуціомара, перешелъ

Второй переходъ Цезаря за Рейнъ.

во второй разъ за Рейнъ, чтобы запугать германцевъ. Союзники тревировъ скрылись; Цезарь узналъ отъ убіевъ, что они хотятъ обороняться въ глубинѣ своей страны въ Баценскомъ лѣсу (въ Тюрингервальдѣ); онъ не захотѣлъ идти такъ далеко и вернулся въ Галлію. Для чести римскаго имени онъ сдѣлалъ достаточно: его панегиристы въ Римѣ могли говорить, что германцы бѣжали отъ него

въ лѣса. Потомство обязано второму походу Цезаря описаніемъ и сравненіемъ германцевъ и галловъ въ его запискахъ о галльской войнѣ. Мостъ черезъ Рейнъ онъ сломалъ только до половины, и на лѣвомъ берегу осталась у моста четырехъ-этажная башня: германцы могли видѣть, что римляне готовы возобновить походъ, если они навлекутъ на себя гнѣвъ вторженіемъ въ Галлію.

Походъ на эбуроновъ.

Запугавъ германцевъ, Цезарь пошелъ наконецъ наказать эбуроновъ. При извѣстіи объ измѣнѣ Амбіорикса, онъ поклялся не снимать съ себя траурной одежды, пока не отмстить за смерть своихъ воиновъ. Теперь пришелъ часъ мщенія. Когда сталъ созрѣвать хлѣбъ на поляхъ, Цезарь пошелъ черезъ лѣса Арденнскихъ горъ на эбуроновъ. Впереди шелъ Минуцій Базилъ съ конницей. Амбіориксъ не зналъ о приближеніи врага, былъ застигнутъ въ своемъ домѣ, находившемся среди лѣса, и едва успѣлъ ускакать на быстромъ конѣ въ чащу, пока воины его задерживали римлянъ. Войско пошло по области эбуроновъ тремя отрядами, опустошая все, убивая людей: Цезарь хотѣлъ истребить эбуроновъ, чтобы ужасный примѣръ навсегда удержалъ галловъ отъ измѣны; онъ пригласилъ всѣхъ сосѣдей истреблять эбуроновъ, чтобы не спасся ни одинъ изъ нихъ. Сосѣди были тоже бельги, какъ эбуроны, но ни чувство одноплеменности, ни состраданіе, ни мысль, что сами могутъ подвергнуться тому же, не обуздали ихъ алчности: они пошли убивать своихъ братьевъ. Услышавъ, что въ Галліи можно грабить, 2000 конныхъ сигамбровъ переправились черезъ Рейнъ, но вздумали прежде всего ограбить римскій станъ, въ которомъ Квинтъ Цицеронъ съ нѣсколькими когортами охранялъ больныхъ и обозъ. Когда они напали, часть отряда Цицерона была на фуражировкѣ. Нападеніе длилось до тѣхъ поръ, пока сигамбры не увидѣли знаменъ воиновъ, возвращавшихся въ станъ: они подумали что это идетъ большое войско, смутились, и римляне прогнали ихъ. При содѣйствіи галловъ, Цезарь истребилъ все племя эбуроновъ и превратилъ область ихъ въ пустыню.

Эбуронскій князь, старикъ Катуволькъ, самъ лишилъ себя жизни. Римляне и сосѣди эбуроновъ убивали всѣхъ, кого находили, жгли селенія, взяли съ собою всѣ цѣнныя вещи, увезли зрѣлый хлѣбъ, истоптали лошадьми несозрѣвшія нивы. Лишь очень немногіе эбуроны успѣли бѣжать; въ числѣ ихъ былъ Амбіориксъ, главный виновникъ всего бѣдствія. Онъ съ четырьмя всадниками ушелъ за Рейнъ. Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна.

Отмстивъ эбуронамъ, Цезарь пошелъ въ столицу ремовъ, Дурокорторъ (Реймсъ), наказать карнутовъ и сеноновъ. Акконъ, вождь карнутскихъ патріотовъ, былъ казненъ сѣкирою по старинному римскому обычаю; бѣжавшіе вельможи и всадники были объявлены осужденными на смерть, и въ области карнутовъ были поставлены рим-

53—52. скіе отряды. Мятежъ былъ совершенно подавленъ, и Цезарь могъ провести зиму опять въ Римѣ.

f. Послѣдняя національная война. Верцингеториксъ.

Всеобщее броженіе умовъ.

Но спокойствіе было только кажущееся; огонь тлѣлъ подъ пепломъ. Казнь Аккона внушила опасенія всѣмъ патріотамъ: каждый кельтскій вельможа видѣлъ, что его головѣ угрожаетъ сѣкира, подъ которою пала голова карнутскаго князя, потому что всѣ они чувствовали за собою ту же вину передъ римлянами. Масса народа испытывала тяжесть порабощенія: она была обременена налогами, должна была содержать римскія войска въ ихъ зимнихъ квартирахъ; многія области были опустошены; вся нація жалѣла о потерѣ свободы, объ утратѣ военной славы. Броженіе умовъ болѣе широкое и глубокое, чѣмъ всѣ прежнія, овладѣло галлами. Цезарь былъ въ Римѣ; до галловъ достигали слухи, что тамъ идутъ раздоры, которые задержатъ его въ Италіи; во всякомъ случаѣ позднее время года, испортившее дороги, затрудняло его пріѣздъ въ Галлію; галльскіе патріоты знали, что всѣ племена теперь ненавидятъ обременительное римское владычество; потому казалось, что новое возстаніе можетъ быть успѣшнымъ. Князья и вельможи совѣщались въ лѣсахъ. Они искали вождя, который могъ бы вести оборону страны такъ же искусно, какъ оборонялъ Кассивеллавнъ Британію. Они были готовы признать освободителя царемъ. Такой человѣкъ нашелся, это былъ арвернскій князь Верцингеториксъ. Вождя великому народному возстанію дало племя, которое раньше всѣхъ подпало подъ римское иго, которое римляне считали самымъ вѣрнымъ ихъ власти, которое тѣснѣе всѣхъ другихъ было соединено съ римскою провинціей родствомъ, одинаковостью привычекъ, торговлей. И арверны не забыли своего стариннаго могущества; въ народѣ еще жили воспоминанія о блестящихъ временахъ, когда арверны были соединены подъ властью царя и владычествовали надъ сосѣдями, когда поэты воспѣвали славу и богатство ихъ царей. Свободное сословіе въ городахъ находило, правда, что жить подъ римской властью для него лучше, чѣмъ было прежде во времена царей и дракъ съ сельскими вельможами. При помощи римлянъ города свергли съ себя иго прежнихъ господъ, ввели у себя корпоративное управленіе; права массы гражданъ возростали, она могла надѣяться, что мало по малу пріобрѣтетъ демократическія учрежденія. Но сельское населеніе чувствовало отъ римской власти больше вреда, чѣмъ пользы; отъ нея одинаково страдали вельможи и простолюдины сельскихъ округовъ. Когда Верцингеториксъ пригласилъ своихъ соплеменниковъ послѣдовать примѣру карнутовъ, которые первые подняли возстаніе и убили всѣхъ римскихъ купцовъ

Верцингеториксъ провозглашенъ царемъ арверновъ и признанъ общимъ вождемъ возстанія.

и ростовщиковъ въ своемъ городѣ Ценабѣ (Орлеанѣ), городской совѣтъ, въ которомъ находились его родственники, выгналъ его изъ города. Онъ обратился къ поселянамъ и сельскимъ вельможамъ, при ихъ помощи побѣдилъ городскую аристократію и былъ провозглашенъ царемъ арверновъ. Народъ съ восторгомъ призналъ власть этого храбраго человѣка, и скоро всѣ другія племена Западной Галліи, помня свой прежній союзъ съ арвернами, подчинились распоряженіямъ Верцингеторикса. Даже битуриги (жившіе въ Берри) присоединились послѣ нѣкотораго колебанія къ арвернамъ. Верцингеториксъ былъ самымъ блестящимъ героемъ временъ паденія кельтскаго народа; отважный, твердый, строгій до жестокости, онъ умѣлъ и поддерживать свою власть страхомъ и возбуждать энтузіазмъ.

Цезарь собираетъ свои легіоны въ Агединкѣ.

Еслибы Верцингеториксу удалось вовлечь въ возстаніе племена Центральной Галліи и Нарбонскую Галлію, то римлянамъ было-бы очень трудно выдержать борьбу съ инсургентами. Легіоны, стоявшіе на зимнихъ квартирахъ на сѣверъ отъ Лигера, были бы отрѣзаны отъ сообщеній съ Цезаремъ и, вѣроятно, были бъ истреблены. Верцингеториксъ послалъ храбраго кадуркскаго вельможу Луктерія склонять къ возстанію южныя племена, а самъ старался поднять возстаніе у эдуевъ; но онъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе, хотя патріотическая партія у эдуевъ была многочисленна и сильна, они медлили присоединиться къ возстанію, отчасти боясь мщенія римлянъ, отчасти поддаваясь внушеніямъ своей старинной вражды къ арвернамъ; благодаря тому, Цезарь нашелъ эдуевъ еше не примкнувшими къ инсургентамъ, когда, вызванный извѣстіями легатовъ, привелъ въ Галлію новыя войска. Поставивъ войска по границамъ области эдуевъ, онъ съ отрядомъ конницы перешелъ покрытыя снѣгомъ Севеннскія горы и пошелъ черезъ землю эдуевъ къ легіонамъ, собравшимся по его распоряженію у Агединка (Санса, Sens). Онъ взялъ и сжегъ Ценабъ, все имущество жителей роздалъ воинамъ; это показывало инсургентамъ, какая участь ожидаетъ ихъ. Но страхъ безпощаднаго наказанія отъ Цезаря содѣйствовалъ успѣху усилій Верцингеторикса расширить размѣръ возстанія. Навлекшимъ на себя подозрѣніе кельтскимъ племенамъ не оставалось никакой надежды на спасеніе, кромѣ помощи Верцингеторикса, и войско его росло въ числѣ.

Система войны, принятая Верцингеториксомъ.

Верцингеториксъ понималъ, что вступая въ рѣшительныя битвы, кельты будутъ, какъ прежде, подвергать себя пораженіямъ: въ правильныхъ битвахъ плохо вооруженныя, непривычныя къ дисциплинѣ войска ихъ не могли устоять противъ легіоновъ. Верцингеториксъ рѣшился вести военныя дѣйствія главнымъ образомъ посредствомъ партизанскихъ отрядовъ, избѣгая большихъ сраженій. Народъ былъ поднятъ на войну сельскими аристократами; они были самыми усердными воинами Верцингеторикса; они и ихъ служители составляли конницу; римская конница состояла большею частью изъ галловъ; они

присоединились къ возстанію, и у Цезаря осталось очень мало конницы. Верцингеториксъ хотѣлъ изнурять римлянъ непрерывными неожиданными нападеніями своей многочисленной конницы и легкой пѣхоты. Искусно пользуясь всѣми удобными случаями для этихъ быстрыхъ нападеній, онъ могъ наносить римлянамъ очень много вреда. Римляне были бы лишены подвоза съѣстныхъ припасовъ, не имѣли бъ отдыха, страдали бъ отъ стужи, и кончилось бы тѣмъ, что они или ушли бы, или погибли. По этимъ соображеніямъ, было рѣшено оставить только большіе города, укрѣпленные стѣнами, а селенія и не укрѣпленные города сжечь, чтобы римляне не находили себѣ пріюта, и опустошать всѣ тѣ мѣстности, куда будутъ направляться римскія войска. Верцингеториксъ выказывалъ изумительную энергію; за трусость онъ наказывалъ съ неумолимый строгостью; измѣнниковъ и враговъ онъ предавалъ мучительной казни; колеблющихся и робѣвшихъ онъ умѣлъ ободрять; своей блестящей храбростью онъ очаровывалъ народъ. Казалось, что онъ вѣритъ въ возможность побѣды, и его вѣра въ нее внушала одушевленіе войску; онъ съумѣлъ воспламенить патріотизмъ массы; этотъ энтузіазмъ былъ свѣтлою зарей угасающаго дня.

Битвы у Аварика. Весна 52 г.

Первый опытъ примѣненія новой системы войны былъ сдѣланъ Верцингеториксомъ въ землѣ битуриговъ, на лѣвомъ берегу Луары, гдѣ сошлись римляне и галлы. Верцингеториксъ велѣлъ сжечь 20 городовъ и большихъ селеній битуриговъ; были сожжены города и въ сосѣднихъ округахъ другихъ племенъ. Верцингеториксъ предложилъ военному совѣту сжечь и Аварикъ (Буржъ), столицу битуриговъ, многолюдный, прекрасный городъ. Но большинство военачальниковъ сжалилось надъ жителями его, умолявшими о пощадѣ. Предложеніе Верцингеторикса было отвергнуто. Было рѣшено сдѣлать Аварикъ центромъ военныхъ дѣйствій и защищать его всѣми силами. Верцингеториксъ предчувствовалъ, что это будетъ имѣть дурныя послѣдствія, но принужденъ былъ покориться общей волѣ. Онъ занялъ такую выгодную позицію, что отрѣзалъ у римлянъ подвозъ провіанта, былъ защищенъ болотами отъ ихъ нападеній и съ тѣмъ вмѣстѣ могъ мѣшать осадѣ города. Цезарь увидѣлъ себя въ трудномъ положеніи. Онъ не могъ ни принудить непріятеля къ битвѣ, ни напасть на его станъ, ни окружить войсками городъ, осаду котораго онъ началъ, ни взять его приступомъ безъ подготовительныхъ осадныхъ работъ. Провіантъ, который римляне привезли съ собой, подходилъ къ концу, окружающая мѣстность была опустошена, обозы съ хлѣбомъ отъ эдуевъ не могли дойдти до римлянъ. Тѣмъ болѣе надобно было спѣшить веденіемъ осадныхъ работъ и соблюдать всевозможныя предосторожности отъ нападеній враговъ. Римляне зорко слѣдили за Верцингеториксомъ и за дѣйствіями осажденныхъ. Благодаря тому, они отбивали всѣ вылазки изъ города; гарнизонъ Аварика при всѣхъ

своихъ усиліяхъ не могъ сжечь ихъ осадныя машины, разрушить ихъ подкопы; ихъ осадныя работы подвигались къ стѣнамъ. Два легіона постоянно находились въ готовности къ бою; другіе поочередно работали, не имѣя достаточно пищи, оставаясь подъ дождемъ и холодомъ въ самое суровое время года.

Трудно было вести осадныя работы по размягченной дождями почвѣ, но наконецъ осада подвинулась настолько, что городъ уже нельзя было защитить. Верцингеториксъ велѣлъ вооруженнымъ гражданамъ перейдти ночью въ станъ, который раскинулъ онъ на югѣ отъ города въ мѣстности, прикрытой лѣсомъ и болотомъ. Онъ хотѣлъ сохранить защитниковъ для родины. Но когда мужчины уходили, жены съ такимъ плачемъ умоляли ихъ не покидать свои семейства на погибель, что они остались. На другой день римляне подъ проливнымъ дождемъ грозы взошли на стѣны. Жители въ ужасѣ бросились бѣжать изъ города, но въ воротахъ такъ столпились, что римляне настигли ихъ; успѣвшіе выбѣжать изъ воротъ были встрѣчаемы поставленной съ той стороны римской конницей; пощады не было ни старикамъ, ни женщинамъ, ни дѣтямъ; изъ 40,000 жителей города едва 800 успѣли добѣжать до галльскаго стана.

Битвы у Герговіи.

При непостоянствѣ характера кельтовъ, этотъ исходъ первой борьбы оказалъ большое вліяніе на войну; при другихъ обстоятельствахъ дѣло было бы рѣшено ужь одной этой побѣдой, но личное вліяніе Верцингеторикса было такъ сильно, что галлы оправились отъ впечатлѣнія, произведеннаго взятіемъ Аварика; число воиновъ Верцингенторикса даже увеличивалось: онъ дѣлалъ новые наборы; изъ Аквитаніи, изъ другихъ частей Галліи князья и вельможи вели къ нему подкрѣпленія; одниъ онъ привлекалъ къ себѣ подарками и обѣщаніями; другіе шли по сочувствію къ дѣлу освобожденія. Присмотрѣвшись къ тому, какъ укрѣпляютъ свой станъ римляне, онъ выучился дѣлать такіе же окопы, такъ что могъ располагаться станомъ въ открытомъ полѣ. Цезарь не отважился напасть на его сильно укрѣпленную позицію; римляне нашли въ Аварикѣ большіе запасы провіанта, и когда они оправились отъ изнуренія, онъ отступилъ за Луару подъ предлогомъ того, что долженъ рѣшить споръ, который шелъ у эдуевъ изъ-за выбора вергобрета. Онъ надѣялся, что своимъ личнымъ вліяніемъ поддержитъ колеблющуюся вѣрность эдуевъ, и что безопасный съ ихъ стороны онъ въ хорошее время года успѣетъ подавить возстаніе повсюду. Онъ раздѣлилъ свое войско. Лабіэнъ съ четырьмя легіонами и частью конницы пошелъ на сѣверъ въ области сеноновъ и паризійцевъ, овладѣлъ столицею паризійцевъ Лутеціею, построенною на островѣ Сены, и сталъ нападать на вождя инсургентовъ Камулогена, расположившагося за непроходимыми почти болотами; а самъ Цезарь съ остальными шестью легіонами пошелъ по рѣкѣ Элаверу (Аллье) въ землю арверновъ, бывшую центромъ возстанія.

Узнавъ объ этомъ, Верцингеториксъ занялъ Герговію (близъ Клермона), сильную крѣпость, стоявшую на горѣ, поставилъ въ ней большой гарнизонъ, собралъ тамъ огромные запасы провіанта, а съ главными своими силами расположился въ укрѣпленномъ станѣ у этого города. Пришедши къ Герговіи, Цезарь увидѣлъ, что не можетъ ни блокировать городъ, ни взять его приступомъ; потому сталъ станомъ на мѣстности неподалеку отъ стана Верцингеторикса, нѣсколько ниже его, выбравъ такую позицію, чтобъ отрѣзать его отъ подвоза провіанта. Находясь ниже галльскаго стана, позиція Цезаря была опасна ужъ и по одному этому; еще хуже стало его положеніе, когда оказалось, что эдуи готовятся измѣнить. Онъ велѣлъ имъ прислать войско на помощь ему; часть этого войска передалась врагу; а жившіе въ области эдуевъ римляне опасались быть убиты. Онъ съ четырьмя легіонами неожиданно явился въ землѣ эдуевъ; этимъ онъ удержалъ ихъ отъ явнаго возстанія; но на ихъ вѣрность онъ уже не могъ разсчитывать; а пока онъ дѣлалъ этотъ походъ, едва не погибли два легіона, оставленные имъ подъ Герговіею: Верцингеториксъ напалъ на ихъ станъ, и они были спасены только тѣмъ, что Цезарь быстро вернулся. Онъ сдѣлалъ внезапный приступъ къ Герговіи, разсчитывая или овладѣть этой крѣпостью, или нанести такой уронъ ея гарнизону, что и при неудачѣ приступа галлы будутъ сильно запуганы. Приступъ начался удачно, но легіоны, увлекшись энтузіазмомъ, продвинулись слишкомъ далеко впередъ и были отражены съ большими потерями. Было убито 46 центуріоновъ и 700 воиновъ. Это было единственное пораженіе, испытанное Цезаремъ въ продолженіи восьмилѣтней войны съ галлами. Эдуи перешли теперь на сторону инсургентовъ, захватили римскія кассы, запасы провіанта и освободили заложниковъ, находившихся подъ стражею въ Новіодунѣ (Неверѣ). Они надѣялись получить первенство между всѣми возставшими племенами, думали, что управленіе войною будетъ поручено имъ. Но они ошиблись: на общемъ съѣздѣ инсургентовъ въ Бибрактѣ главнокомандующимъ снова былъ избранъ царь арверновъ Верцингеториксъ. Цезарь не могъ болѣе держаться подъ Герговіей; ему оставался одинъ выборъ: или идти на югъ, чтобы защитить отъ вторженія Верцингеторикса Нарбонскую Галлію, покинувъ безъ поддержки легіоны Лабіэна, или идти на сѣверъ къ этимъ легіонамъ, положеніе которыхъ было опасно, оставивъ римскую провинцію на произволъ судьбы. Многіе изъ его помощниковъ совѣтовали идти на югъ, но онъ предпочелъ рѣшеніе болѣе отважное и пошелъ на сѣверъ. Большихъ трудовъ стоило ему соединиться съ Лабіэномъ. Камулогенъ сталъ на пути Лабіэна, но былъ разбитъ имъ въ кровопролитномъ сраженіи при Агединкѣ (Сансѣ) и самъ лишился жизни въ этой битвѣ. По соединеніи съ Лабіэномъ, Цезарь пошелъ противъ Верцингеторикса и встрѣтился съ нимъ въ южной части области линговъ. Кельтская конница поклялась не возвращаться къ роднымъ, не входить подъ кровлю, пока не переѣдетъ два раза черезъ непріятельскіе окопы. Верцингеториксъ уклонялся отъ битвы съ римскою пѣхотою, но хотѣлъ задавить своей конницей римскую, которая сравнительно была малочисленна, хотя Цезарь увеличилъ ее германскими наемниками, посадивъ ихъ на галльскихъ лошадей. Противъ ожиданія Верцингеторикса его конница была обращена римскою въ бѣгство, и онъ отказался отъ надежды побѣдить римлянъ правильной битвой.

Война подъ Алезіей.

Галльскій главнокомандующій возвратился къ своему первоначальному плану вытѣснить римлянъ изъ Галліи голодомъ. Онъ выбралъ опорнымъ пунктомъ своихъ дѣйствій крѣпость Алезію (Alise Sainte Reine въ нынѣшней Бургони); ему казалось, что она будетъ такимъ же твердымъ центромъ обороны восточной Галліи, какими были Аварикъ на западѣ, Герговія въ землѣ арверновъ. Городъ стоялъ на окруженной холмами горѣ между двухъ рѣкъ, и въ немъ было собрано большое количество провіанта. Верцингеториксъ привелъ туда свое войско, состоявшее изъ 80,000 человѣкъ пѣхоты и 15,000 конницы; онъ размѣстилъ его отчасти въ городѣ, отчасти въ хижинахъ, построенныхъ за рвами и окопами кругомъ города. Но положеніе дѣлъ было теперь не то, какъ прежде. Оба войска были многочисленнѣе, чѣмъ въ битвахъ при Герговіи, это составляло не выгоду для галловъ, а выгоду для Цезаря. Войско Верцингеторикса скоро съѣло заготовленное продовольствіе, а Цезарь имѣлъ достаточно силъ, чтобъ обвести городъ и непріятельскій станъ окопами и отрѣзать осажденныхъ отъ всякихъ сообщеній. Верцингеториксъ увидѣлъ, что все его войско скоро погибнетъ, если Цезарь не будетъ принужденъ раздѣлить свои силы; а для этого было необходимо, чтобы возстала вся Галлія и въ особенности римская провинція. Когда кругъ окоповъ, возводимыхъ Цезаремъ, былъ еще не оконченъ, онъ послалъ большую часть своей конницы организовать повсюду возстаніе, призывать къ оружію всѣхъ взрослыхъ мужчинъ. Призывъ не остался напрасенъ. Всѣмъ галламъ было ясно, что теперь рѣшается вопросъ, отстоитъ ли свою независимость ихъ страна, или будетъ поглощена римскимъ государствомъ. Національное чувство еще сохраняло такую силу, что вся Галлія поднялась. Ни одно племя не осталось глухо къ просьбѣ осажденнаго войска и его патріотическаго главнокомандующаго: отъ Британскаго пролива до Севеннскихъ горъ, отъ Атлантическаго океана до Юры галлы взялись за оружіе; не отказался защищать отечество даже атребатскій князь Коммій, которому Цезарь оказывалъ очень большой почетъ. Скоро въ землѣ эдуевъ собралось 240,000 тысячъ пѣшихъ и 8,000 конныхъ воиновъ. Главнокомандующимъ былъ выбранъ Коммій. Онъ повелъ это громадное войско къ Алезіи. Но Цезарь приготовился къ встрѣчѣ; онъ далъ своимъ осаднымъ линіямъ такую прочность, что онѣ могли выдержать всѣ нападенія: углубилъ рвы,

построилъ каменныя плотины, башни съ брустверами, укрѣпилъ рвы кольями, заостренными деревьями. У осажденныхъ оставалось ужь очень мало продовольствія. Чтобы продлить сопротивленіе на нѣсколько дней, Верцингеториксъ выслалъ изъ города женщинъ, дѣтей, стариковъ; они, протягивая руки, умоляли римлянъ взять ихъ въ рабство; но имъ было отказано въ этой просьбѣ; въ городъ не впускали ихъ; и они умерли съ голода въ полосѣ между укрѣпленіями Верцингеторикса и Цезаря. У осажденныхъ возродилась надежда, когда они увидѣли, что ихъ соплеменники идутъ съ сосѣднихъ холмовъ на непріятельскіе окопы; они собрали послѣднія силы, чтобы поддержать своею вылазкой нападеніе пришедшихъ на помощь имъ. И галлы и римляне бились очень храбро, съ мужествомъ отчаянія: тѣ и другіе понимали, что въ этотъ день рѣшается судьба Галліи. Для галловъ вопросъ шелъ о рабствѣ или свободѣ; для римлянъ о владычествѣ греко-римской культуры въ Южной Европѣ; рѣшался тутъ вопросъ и о томъ, будетъ ли Цезарь владыкою римскаго государства.

Нѣсколько времени казалось, что независимость Галліи будетъ возстановлена: на одной изъ высокихъ мѣстностей римляне были оттѣснены нападавшими снаружи на ихъ окопы; галлы ворвались въ средину римскихъ укрѣпленій: но Цезарь самъ поспѣшилъ туда, сталъ ободрять воиновъ; благодаря его присутствію, непоколебимому мужеству его легата Лабіэна и нападенію германской конницы, вышедшей другими воротами и бросившейся на галловъ съ тыла, ворвавшійся непріятель былъ прогнанъ изъ окоповъ, поврежденная часть укрѣпленій была поправлена и къ ногамъ Цезаря было положено 37 непріятельскихъ знаменъ.

Взятіе Алезіи; смерть Верцингеторикса.

Это пораженіе нанесло смертельный ударъ свободѣ Галліи. Ополченіе, пришедшее на помощь Верцингеториксу, было разсѣяно, и онъ принужденъ былъ возвратиться въ городъ. Собравъ военный совѣтъ, онъ, по словамъ древнихъ писателей, сказалъ, что взялся за оружіе не для собственной пользы, а для освобожденія Галліи; что теперь судьба рѣшила дѣло противъ него; что осажденные могутъ смягчить гнѣвъ побѣдителя, выдавъ, или убивъ его, что онъ готовъ и на то и на другое. Осажденные послали Цезарю сказать, что городъ и войско сдаются. Онъ велѣлъ выдать оружіе и привести къ нему Верцингеторикса и другихъ военачальниковъ. Верцингеториксъ поѣхалъ въ римскій станъ на конѣ; онъ былъ красивый мужчина высокаго роста и надѣлъ на себя блестящее вооруженіе. Онъ объѣхалъ кругомъ Цезаря, сидѣвшаго на креслѣ, сошелъ съ коня, положилъ свой мечъ къ ногамъ Цезаря и молча опустился на землю у ступеней эстрады, на которой стояло кресло Цезаря. Римскій военачальникъ не выказалъ сочуствія къ благородному патріотизму кельтскаго главнокомандующаго, велѣлъ наложить на него оковы и держалъ его подъ

Конецъ галльской войны.

стражею пять лѣтъ въ ожиданіи своего тріумфа. Верцингеториксъ былъ проведенъ при этомъ торжествѣ по улицамъ Рима, и голова его упала подъ сѣкирою палача, между тѣмъ какъ побѣдитель въ тріумфальной одеждѣ приносилъ благодарность богамъ въ Капитоліѣ; какъ въ концѣ пасмурнаго дня бываетъ иногда проблескъ заходящаго солнца, такъ судьба даетъ иногда погибающимъ народамъ послѣдняго великаго человѣка. Верцингеториксъ былъ душею національнаго возстанія; утративъ его, національная партія лишилась общаго руководителя, и возстаніе быстро было усмирено. Не имѣя общаго плана, галльскія племена не помогали другъ другу и одно за другимъ были покоряемы Цезаремъ. Къ счастью, онъ желалъ скорѣе кончить войну, охотно давалъ прощеніе смирявшимся передъ нимъ, выказывалъ себя очень милостивымъ. Изъ тѣхъ плѣнныхъ, которыхъ онъ взялъ въ Алезіи, онъ тотчасъ же отпустилъ эдуевъ и арверновъ; другихъ онъ отдалъ въ добычу своимъ воинамъ, число освобожденныхъ простиралось до 20000 человѣкъ. При ихъ возвращеніи, сторонники Рима между эдуями и арвернами воспользовались хорошимъ впечатлѣніемъ, какое произвела на ихъ соплеменниковъ эта милость и пробудили прежнюю симпатію ихъ къ римлянамъ. Когда Цезарь приблизился къ ихъ областямъ, они отправили къ нему пословъ съ просьбой о мирѣ; онъ простилъ имъ мимолетное увлеченіе и возстановилъ прежній союзъ съ ними. Пославъ свои легіоны на зимнія квартиры въ разныя мѣстности, онъ съ небольшимъ отрядомъ пошелъ на битуриговъ; при его неожиданномъ появленіи, они покорились; оттуда онъ прошелъ въ землю карнутовъ, въ главномъ городѣ которыхъ, Ценабѣ (Орлеанѣ) были уже построены на мѣстѣ сожженныхъ домовъ хижины, давшія пріютъ отъ холода его воинамъ; часть карнутовъ покорилась; часть ихъ онъ прогналъ изъ ихъ земли. Упорнѣе сопротивлялись ему белловаки (жившіе около Бовѐ). Подъ начальствомъ своего даровитаго полководца Коррея, они во время возстанія напали на ремовъ, союзниковъ Цезаря, которые одни изъ всѣхъ галловъ оставались непоколебимо вѣрны римлянамъ и тѣмъ навлекли на себя смертельную ненависть всѣхъ сосѣдей. Въ союзѣ съ белловаками находились многія другія бельгійскія племена. Атребатскій князь Коммій, раненный въ предыдущемъ году, едва успѣвшій уйдти отъ гнавшагося за нимъ Лабіэна и знавшій, что не можетъ ожидать пощады отъ римлянъ, привелъ къ белловакамъ 500 германскихъ всадниковъ. Легіоны очень нуждались въ отдыхѣ, но Цезарь пошелъ среди зимы на белловаковъ. Они приняли ту систему войны, какой хотѣлъ держаться Верцингеториксъ и заняли неприступную позицію за лѣсами и болотами. Цезарь хотѣлъ выманить ихъ оттуда, вызвать на битву, или принудить къ какому нибудь передвиженію; но всѣ его усилія остались напрасны, и конница ихъ наносила ему много вреда. Но ихъ военачальникъ Коррей былъ убитъ;

Зима 52—51.

у нихъ вышли всѣ съѣстные припасы, они вынуждены были просить пощады Цезаря и дали ему заложниковъ своей покорности. Ихъ примѣру послѣдовали другія бельгійскія племена. Только Коммій съ отрядомъ храбрыхъ всадниковъ продолжалъ борьбу; Лабіэнъ поручилъ Гаію Волузену Квадрату убить его, но онъ спасся отъ смерти, ранивъ Волузена и своими нападеніями мѣшалъ Цезарю сосредоточить всѣ римскія силы на Луарѣ, гдѣ собрались патріоты, бѣжавшіе изъ другихъ частей Галліи. Соединившись тамъ съ войсками приморскихъ племенъ, эти упорные противники надѣялись отразить римлянъ. Они были многочисленны, но римское военное искусство восторжествовало и надъ ними; въ низовьѣ Луары они были разбиты, и тогда всѣ галльскія племена покорились Цезарю. Лишь нѣсколько мелкихъ отрядовъ продолжали войну, опасаясь мщенія Цезаря, который въ это время казнилъ одного изъ карнутскихъ вождей. Но дѣйствія этихъ отрядовъ были послѣдними судорогами умирающей жертвы. Луктерій, храбрый сподвижникъ Верцингеторикса и сенонскій вельможа Драппесъ ушли съ послѣдними отрядами конницы въ неприступный горный городъ Укселлодунъ (Люзешъ въ нынѣшней Гіэннѣ, близъ Кагора). Эта крѣпость, стоявшая на скалѣ надъ рѣкою Ло (Lot), была снабжена большимъ запасомъ провіанта, и они долго защищались въ ней. Наконецъ самъ Цезарь сталъ руководить осадными работами, отвелъ въ сторону ручей, изъ котораго осажденные брали воду, и послѣ геройской обороны они отворили ворота римлянамъ. Чтобы внушить страхъ галламъ, Цезарь велѣлъ отрубить руки этимъ храбрымъ людямъ,—жестокость, представляющая рѣзкій контрастъ его постоянной системѣ милосердія. Онъ хотѣлъ ужасомъ заглушить въ галлахъ любовь къ родинѣ, потому что ему необходимо было усмирить Галлію для возможности идти войною противъ своей родины. Драппесъ передъ концомъ сопротивленія уморилъ себя голодомъ; Луктерій успѣлъ бѣжать, но былъ схваченъ въ землѣ арверновъ однимъ изъ приверженцевъ римлянъ и выданъ Цезарю. По взятіи Укселлодуна, Коммій увидѣлъ, что продолжать войну безполезно. Онъ послалъ сказать Цезарю, что готовъ положить оружіе, если ему будетъ позволено спокойно дожить свою старость гдѣ-нибудь въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы онъ только не видѣлъ римлянъ. Цезарь согласился дать ему это разрѣшеніе. Тѣмъ кончилась галльская война. Храбрые вожди патріотовъ были убиты, или взяты въ плѣнъ, или принуждены уйдти изъ отечества; послѣдніе бойцы за свободу были побѣждены. Тѣ племена, которыя еще оставались не покорены, спѣшили покориться. Благоразуміе Цезаря облегчило имъ этотъ шагъ. Онъ былъ строгъ относительно сопротивлявшихся ему, но съ побѣжденными поступалъ снисходительно, кротко. Онъ не оскорблялъ кельтовъ никакими стѣсненіями ихъ обычаевъ, оставлялъ неприкосновенными ихъ религіозныя и политическія учрежденія, не

Политика Цезаря относительно побѣжденныхъ.

хотѣлъ никакими насильственными нововведеніями напоминать побѣжденнымъ, что они находятся въ рабствѣ у иноземцевъ. Онъ удовольствовался тѣмъ, что присоединилъ завоеванную имъ Галлію къ римскому государству, раздѣливъ ее на двѣ провинціи, собственно галльскую и бельгійскую, отдалъ управленіе городами и племенами въ руки преданной римлянамъ партіи, награждалъ за усердіе къ римлянамъ почестями и привилегіями, примирялъ вельможъ съ римской властью дружелюбнымъ, любезнымъ обращеніемъ съ ними. Во время войны онъ не церемонился брать сокровища изъ галльскихъ храмовъ на удовлетвореніе алчности своихъ агентовъ въ Римѣ, но, покоривъ Галлію, онъ установилъ въ ней налоги не обременительнаго размѣра. Кельтскіе вельможи получили право римскаго гражданства, въ Галліи селились ветераны Цезаря, развивалась торговля съ Италіей; благодаря всему этому, римское владычество въ ней упрочилось. Римская золотая и серебряная монета быстро вытѣснила изъ обращенія галльскую; галльское обычное право скоро забылось, замѣнившись римскими законами, болѣе точными и полными; они пролагали путь и распространенію римскаго языка. Всѣ эти сѣмена культуры были посѣяны въ Галліи Цезаремъ. Они еще не принесли плодовъ, когда онъ лишился жизни, но начатое имъ дѣло развивалось. Галлія больше всѣхъ другихъ провинцій усвоила себѣ римскую образованность. Но вполнѣ романизировалась она только тогда, когда пало могущество друидовъ, хранителей религіозной и умственной національной жизни. Они, владычествуя надъ мыслями народа силою суевѣрія и мрачныхъ тайноученій, поддерживали въ галлахъ гордость національными особенностями, возбуждали въ нихъ ненависть и презрѣніе къ иноземной культурѣ и ея представителямъ. Только когда религія друидовъ съ ея человѣческими жертвоприношеніями замѣнилась грекоримскими вѣрованіями и обрядами, расчистилась почва для развитія болѣе высокой образованности. Когда Цезарь былъ правителемъ Испаніи, онъ запретилъ человѣческія жертвоприношенія, введенныя тамъ карѳагенянами. Въ томъ же духѣ римляне дѣйствовали и въ Галліи. Религія друидовъ скоро исчезла; главной причиной тому было вліяніе болѣе высокой италійской культуры; но, быть можетъ, римляне и запрещали друидическіе обряды, подвергали друидовъ преслѣдованію.

Римская Галлія

«Завоеваніе Галліи Цезаремъ, говоритъ Ранке, надолго избавило отъ всякой опасности съ сѣвера Испанію, Италію и сосѣдніе съ ними острова, оградило отъ вторженій народовъ изъ глубины Европы эти страны, въ которыхъ развилась греческая и римская образованность; при томъ оно открыло для культуры новую страну, ввело въ кругъ цивилизаціи племена, одаренныя неистощимымъ запасомъ жизненныхъ силъ, храбрыя, даровитыя. Лишь послѣ того, какъ Галлія была покорена римлянами, во всѣхъ областяхъ ея распространилось земледѣліе, и галлы стали мирно пользоваться плодородіемъ своей почвы, выгодами своего климата и географическаго положенія. Римляне наполнили Галлію великими сооруженіями; повсюду тамъ свидѣтельствуютъ о нихъ амфи-

театры, термы, водопроводы, шоссейныя дороги. Значеніе этихъ дорогъ, перерѣзывавшихъ страну по разнымъ направленіямъ, было чрезвычайно велико: онѣ соединяли всѣ мѣстности съ центрами римской цивилизаціи въ Галліи; Лугдунъ (Ліонъ) былъ галльскимъ Римомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что туземцы охотно, радостно старались слиться съ римскими переселенцами. Изъ смѣшенія племенъ, издавна жившихъ въ странѣ, съ римскими колонистами образовался новый народъ, единая великая романская нація. Во II вѣкѣ нашей Эры Галлія была самой многолюдной римской провинціей, а въ IV вѣкѣ, хотя въ глухихъ мѣстностяхъ и оставались прежнія національныя особенности, она была уже одной изъ самыхъ образованныхъ частей римскаго государства. Врожденные таланты туземнаго населенія, соединяясь съ латинской образованностью повсюду быстро получали замѣчательно высокое развитіе. Было время, когда гальскія школы не уступали никакимъ другимъ многочисленностью учащихся; природные римляне учились латинскому краснорѣчію на Гароннѣ».

---

3. Римская республика во время тріумвирата. Погибель Красса.

1. Возобновленіе тріумвирата; могущество Помпея.

Возростаніе безпорядковъ въ Римѣ.

Межь тѣмъ какъ на западѣ совершались событія всемірно-исторической важности и римское военное искуство проявлялось во всемъ своемъ блескѣ, самъ Римъ представлялъ жалкую картину политическихъ смутъ общественнаго разстройства, находился въ состояніи анархіи. Непріятно переходить отъ величественной борьбы, распространявшей владычество Рима до Рейна и океана, къ печальному зрѣлищу разлагающагося общества, падающей республики, учрежденія которой разрушались постепеннымъ превращеніемъ ея въ монархію.

Законы Клодія 58.

Мы уже говорили, что Клодій, человѣкъ даровитый, но безсовѣстный, получилъ при содѣйствіи тріумвировъ съ нарушеніемъ закона и обычая санъ народнаго трибуна, пріобрѣлъ себѣ расположеніе народа рядомъ предложеній, пріятныхъ массѣ, и сталъ стараться о томъ, чтобы былъ изгнанъ смертельно ненавистный ему Цицеронъ. Такъ напримѣръ, по его предложенію, былъ принятъ законъ, постановлявшій, что хлѣбъ, выдававшійся прежде изъ государственныхъ магазиновъ за дешевую цѣну, долженъ быть ежемѣсячно выдаваемъ бѣднымъ гражданамъ совершенно безплатно. По другому предложенію Клодія, было запрещено цензорамъ вычеркивать гражданина изъ списка его сословія, или подвергать его публичному порицанію, если на него не было принесено имъ ни какой жалобы, и было постановлено, что въ случаѣ жалобы рѣшеніе противъ обвиняемаго имѣетъ силу лишь при согласіи обоихъ цензоровъ, что одинъ изъ нихъ безъ другого не можетъ налагать ни какого цензорскаго наказанія; этотъ законъ освобождалъ всѣхъ оптиматовъ порочной или преступной жизни отъ опасенія быть при слѣдующемъ цензѣ вычеркнутыми изъ списка сенаторовъ, быть лишенными гражданской чести; успокоены были этимъ и промотавшіеся вельможи, опасавшіеся подвергнуться цензорскому наказанію за неоплатные долги; мы уже говорили о законѣ, установлявшемъ, что совѣщанія и рѣшенія народнаго собранія не могутъ быть отмѣняемы подъ

предлогомъ неблагопріятныхъ предзнаменованій; наконецъ закономъ о товариществахъ (Collegia compitalicia) были вновь разрѣшены народныя общества, воспрещенныя за десять лѣтъ передъ тѣмъ; явной цѣлью ихъ были пиры и развлеченія, но они сдѣлались орудіемъ агитаторовъ; это и было причиною ихъ запрещенія. Теперь агитаторы получили возможность организовать корпораціи простолюдиновъ по ихъ занятіямъ, или по мѣсту ихъ жительства, формировать изъ этихъ ремесленниковъ, отпущенниковъ, иноземцевъ и рабовъ вооруженные отряды сильныхъ и буйныхъ людей, готовыхъ на все за деньги, или въ надеждѣ получить деньги. Клодій составилъ себѣ изъ такихъ отрядовъ цѣлое войско правильно организованное, всегда готовое къ бою, и силою этого войска владычествовалъ на улицахъ и на форумѣ нѣсколько лѣтъ. Кто противился ему, находился въ опасности быть убитъ. Убійства, поджоги совершались каждый день; осада домовъ шайкою Клодія была дѣломъ обыкновеннымъ. Отряды буйныхъ людей дрались на улицахъ камнями и оружіемъ, ругали и били противниковъ Клодія, противниковъ всякаго, кто былъ въ дружбѣ съ Клодіемъ. Когда Цицеронъ уѣхалъ изъ Рима, его домъ на Палатинскомъ холмѣ былъ разграбленъ: статуи, картины, мраморныя колонны, двери и панели изящной работы были увезены, и послѣ того домъ былъ сожженъ. Шайки Клодія пошли и за городъ, ограбили двѣ виллы Цицерона и зажгли ихъ. Часть того мѣста, на которомъ стоялъ городской домъ Цицерона, Клодій взялъ себѣ, присоединилъ его къ сосѣднему мѣсту, которое пріобрѣлъ обманомъ и преступленіемъ и, построивъ себѣ тамъ домъ, соорудилъ въ насмѣшку надъ Цицерономъ маленькій храмъ свободы.

Клодій формируетъ вооруженные отряды и держитъ ими своихъ противниковъ въ страхѣ.

Клодій и Помпей.

Клодію никто не мѣшалъ буйствовать: тріумвиры считали его своимъ слугою, ловкимъ исполнителемъ ихъ плановъ; консулы бездѣйствовали, получая отъ него подарки и услуги; партія оптиматовъ была безсильна, и многіе изъ нихъ находились въ связяхъ съ Клодіемъ. Онъ сталъ бы полнымъ господиномъ народнаго собранія, если бъ было принято его предложеніе дать отпущенникамъ всѣ права свободнорожденныхъ людей и такія же права дать тѣмъ рабамъ, которые фактически пользуются свободой, тогда за него было бы неизмѣнное большинство голосовъ въ народномъ собраніи. Но уже и теперь онъ былъ очень силенъ, оскорблялъ всѣхъ своихъ противниковъ, попиралъ законы. Въ награду своимъ союзникамъ и для полученія денегъ на содержаніе своей вооруженной шайки онъ раздавалъ должности, дарилъ или продавалъ права, угрожалъ царямъ и свободнымъ городамъ, или принималъ ихъ подъ свое покровительство. Сенатъ не имѣлъ силы остановить дерзкаго демагога; на протесты другихъ народныхъ трибуновъ онъ не обращалъ вниманія. Только тріумвиры могли подавить анархію и возстановить владычество закона; и въ особенности долженъ былъ бы сдѣлать это Помпей, потому что онъ находился въ Римѣ и считался могущественнѣйшимъ изъ тріумвировъ. Но и товарищи его и онъ предоставляли Клодію полную свободу, пока демагогъ, дерзость котораго все росла, не вообразилъ себѣ, что можетъ обойдтись безъ ихъ покровительства и не отважился вступить въ борьбу съ Помпеемъ.

Клодій помогъ бѣжать Тиграну, младшему сыну армянскаго царя, приведенному Помпеемъ въ Римъ и оставленному тамъ; какъ заложникъ мира, онъ находился теперь подъ надзоромъ претора Флавія. Когда онъ скрылся, Флавій, нашедши его, хотѣлъ вести его обратно подъ стражу; преторъ дѣйствовалъ по порученію самого Помпея. Клодій съ отрядомъ вооруженныхъ людей бросился на него, произошла схватка, въ которой были убиты нѣкоторые изъ сопровождавшихъ Флавія; въ томъ числѣ римскій всадникъ Маркъ Папирій, другъ Помпея. Тигранъ успѣлъ бѣжать.

Помощь бѣгству Тиграна была началомъ ряда униженій, которымъ подвергался Помпей отъ Клодія. Авторитетъ Помпея падалъ; вѣрный приверженецъ его, Габиній, консулъ того года, былъ побѣжденъ въ уличной схваткѣ Клодіемъ, фаски его ликторовъ были изломаны, самъ онъ былъ раненъ. Послѣ этого вліяніе Помпея совершенно поколебалось; Клодій сталъ дѣйствовать противъ него нагло; буйныя толпы, находившіяся на содержаніи Клодія, осаждали Помпея въ его домѣ и садахъ; нѣсколько времени онъ не ходилъ ни на форумъ, ни въ сенатъ, опасаясь подстерегавшихъ его убійцъ. Въ уличныхъ дракахъ предводитель шайки разбойниковъ былъ сильнѣе полководца.

Милонъ предлагаетъ возвратить Цицерона, Клодій противится этому. 67.

Когда Помпей, считавшійся покровителемъ демократовъ, сталъ подвергаться обидамъ отъ главнаго изъ демагоговъ, Клодія, сенатъ пріобрѣлъ нѣкоторое значеніе, благодаря тому, что и Клодій и Помпей, по взаимной ненависти, стали искать его содѣйствія. Помпей, въ угожденіе сенату, высказалъ согласіе на то, чтобы Цицерону дозволено было возвратиться; Клодій, въ угожденіе оптиматамъ, сталъ нападать на законы, принятые въ консульство Цезаря (Юліевы законы). — Цицеронъ жилъ сначала въ Ѳессалоникѣ, потомъ въ Диррахіѣ; въ своихъ письмахъ онъ то оплакивалъ свою судьбу, то бранилъ враговъ, то порицалъ „благонамѣренныхъ" людей за то, что они покинули его безъ помощи. Дѣло о его возвращеніи длилось довольно много времени. Пока Клодій оставался народнымъ трибуномъ трудно было и начинать попытки. Но при выборѣ новыхъ трибуновъ 10 декабря, онъ не былъ выбранъ вновь. Тогда и въ сенатѣ и въ комиціяхъ начали говорить о возвращеніи Цицерона. Но Клодій буйствовалъ и успѣвалъ мѣшать этому дѣлу. Когда одинъ изъ народныхъ трибуновъ внесъ въ народное собраніе предложеніе возвратить Цицерона, Клодій съ гладіаторами и отпущенниками бросился на форумъ и разогналъ собраніе камнями и мечами. Цѣлые мѣсяцы повелѣнія Клодія были законами, его вооруженные наемники исполнителями ихъ. Каждый, поддерживавшій мысль о возвращеніи Цицерона, подвергался опасности быть убитымъ. Но Клодій поссорился съ двумя народными трибунами—Публіемъ Сестіемъ и Титомъ Анніемъ Милономъ, людьми не меньше его самого опытными въ буйствахъ, тоже имѣвшими шайки вооруженныхъ тунеядцевъ; они повели борьбу съ нимъ по его собственной методѣ. Драки на улицахъ приняли широкій размѣръ; и Клодій и его противники постоянно увеличивали свои шайки; ежедневно происходили на улицахъ Рима схватки; жизнь и собственность гражданъ находилась въ постоянной опасности. Говорить о возвращеніи Цицерона значило дѣлать величайшую досаду Клодію; потому Милонъ возобновилъ предложеніе народу возвратить Ци-
4 авг. 57 г. церона. Онъ сдѣлалъ это только въ досаду Клодію, хотя Цицеронъ и приписываетъ ему возвышенные мотивы: „Милонъ сталъ защитникомъ Цицерона, и въ лицѣ Цицерона, онъ защищалъ республику; онъ купилъ гладіа-

торовъ и другихъ рабовъ, вооружилъ ихъ. Онъ первый научилъ гражданъ не словами, а дѣломъ, исполнять обязанности честныхъ людей относительно отечества, онъ освободилъ благонамѣренныхъ людей отъ страха, сенатъ отъ опасеній, государство отъ рабства, и обуздалъ нарушителей закона".

Возвращеніе Цицерона въ Римъ.

Подъ охраной своихъ вооруженныхъ отрядовъ и при помощи массы гражданъ, желавшихъ возстановленія порядка, Милонъ провелъ въ народномъ собраніи законъ, возвращавшій Цицерона изъ его изгнанія. Тріумвиры допустили это, удостовѣрившись въ томъ, что Цицеронъ не будетъ противиться ихъ желаніямъ. Сенатъ, которому возвращена была власть хозяиномъ отряда гладіаторовъ, радовался рѣшенію народа, какъ собственному торжеству, и приготовилъ Цицерону такую встрѣчу, какую только могъ желать тщеславный, самодовольный ораторъ. Цицеронъ говорилъ, что вся Италія несла его на плечахъ въ Римъ. Во всѣхъ городахъ по его пути туда граждане выказывали ему радость, что онъ возвращается, что справедливость восторжествовала; и когда онъ послѣ изгнанія, длившагося 16 мѣсяцевъ, въѣзжалъ въ Римъ черезъ Капенскія ворота, то, по его словамъ, 4 сент. 57 г.
«народъ толпился на ступеняхъ храмовъ, наполнялъ форумъ, съ рукоплесканіями и криками радости провожалъ его въ Капитолій, гдѣ онъ принесъ богамъ благодарность за возрожденіе республики. Стѣны города, дома, храмы, казалось, радовались вмѣстѣ съ нимъ».

Сила Цезаря возростаетъ.

Цицеронъ скоро получилъ случай отблагодарить Помпея за согласіе на его возвратъ и вновь пріобрѣсти себѣ расположеніе своего бывшаго покровителя. Въ Римѣ былъ тогда недостатокъ хлѣба. Одни винили въ этомъ Помпея и Цицерона, другіе Клодія. Естественная ли, или искусственная была эта дороговизна, но Помпей хотѣлъ, пользуясь ею, получить вновь то полномочіе, какое было дано ему законами Габинія и Манилія по поводу голода во время крайняго развитія морскихъ разбоевъ. Онъ съ тревогой и завистью замѣтилъ, что пока онъ отдыхаетъ на лаврахъ, наслаждаясь величіемъ и роскошью, Цезарь пріобрѣтаетъ военную славу и очень сильное вліяніе на народъ; что межъ тѣмъ, какъ онъ унижалъ себя ссорою съ ничтожнымъ Клодіемъ, его соперникъ одерживалъ побѣды и обращалъ на себя общее вниманіе. Прежде главою тріумвирата былъ онъ, могучій полководецъ, передъ чьей тріумфальной колесницей шли плѣнные цари и который былъ властелиномъ Рима; но въ послѣдніе два года положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось. Цезарь водилъ римскія войска на Рейнъ, плавалъ съ ними въ Британію; его походы были такъ блистательны, что затмевали славу Помпея; оптиматы вынуждены были прославлять его, сенатъ постановилъ благодарить боговъ за его побѣды. Человѣкъ, надъ которымъ прежде смѣялись за его изнѣженность, былъ теперь боготворимъ своими воинами; онъ былъ увѣнчанъ свѣжими лаврами, а лавры Помпея увяли. Мы уже говорили, что многіе вельможи,

запутавшись въ долги, стали приверженцами Цезаря, который щедро платилъ за услуги ему, что люди, искавшіе курульныхъ магистратуръ, тоже обращались къ нему съ просьбой о поддержкѣ. Груды золота и серебра, находившіяся въ храмахъ и подъ водою священныхъ озеръ Галліи, всѣ сокровища этой богатой страны переходили въ Римъ въ протянутыя для полученія руки алчныхъ демагоговъ или знатныхъ сенаторовъ и матронъ, оказывавшихъ услуги Цезарю и получавшихъ за то возможность блистать роскошной обстановкой. Цезарь превосходно зналъ нравы знатнаго общества, въ которомъ было такъ много людей порочныхъ или тщеславныхъ, онъ умѣлъ ловить ихъ золотыми сѣтями; онъ пріѣзжалъ на зимніе мѣсяцы или въ Римъ, или въ Луку и пользовался каждымъ пріѣздомъ, чтобъ увеличивать свои прежнія политическія связи, заводить новыя. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ возводилъ въ Римѣ громадныя постройки, дававшія работу множеству людей, заставлявшія ихъ считать его интересы своими собственными. Такимъ образомъ, увеличивая число своего войска, привязывая къ себѣ воиновъ, онъ успѣлъ увеличивать и число своихъ приверженцевъ во всѣхъ классахъ населенія столицы. Оружіемъ Рима онъ покорялъ Галлію, золотомъ Галліи покорялъ Римъ. Онъ понималъ, что въ своемъ стремленіи стать владыкою Рима онъ встрѣтитъ противниковъ себѣ только въ родовой аристократіи и въ нѣкоторыхъ кругахъ средняго сословія: тамъ еще оставались люди, твердо преданные республиканской формѣ правленія, готовые жертвовать жизнью на защиту республики. Честные люди средняго сословія въ Римѣ и по всей Италіи поддерживали Катона и Цицерона, вождей республиканской партіи; они съ горячей радостью видѣли возвращеніе Цицерона, устроивали по пути его отъ Брундизія до Рима такія торжества, какъ будто праздновали побѣду; имъ ненавистны были буйства демагоговъ, которые, какими бы убѣжденіями ни хвалились, вели государство путемъ анархіи подъ владычество военнаго деспота.

Помпей получаетъ проконсульскую власть для снабженія Рима хлѣбомъ.

Чтобы не утратить свой авторитетъ, чтобы не дать Цезарю совершенно затмить его своими побѣдами, Помпей нуждался въ новомъ полномочіи, подобномъ тому, какое прежде имѣлъ по законамъ Габинія и Манилія, и, получивъ это полномочіе, долженъ былъ пріобрѣсти новую признательность народа какою-нибудь важною услугою. Итакъ онъ хотѣлъ теперь, чтобы сенатъ и народъ снова поставили его въ то положеніе, какое занималъ онъ за пять лѣтъ передъ тѣмъ и которое не захотѣлъ тогда удержать за собою насильственными средствами. Дороговизна хлѣба давала ему случай получить желаемое полномочіе; потому многіе вѣрили словамъ его враговъ, что онъ самъ произвелъ эту дороговизну, закупивъ огромное количество хлѣба и не пуская его въ продажу. Его друзья внесли въ сенатъ предложеніе поручить ему на пять лѣтъ съ саномъ проконсула завѣдываніе

подвозомъ хлѣба въ Римъ, всѣми гаванями, рынками и хлѣбными запасами во всемъ римскомъ государствѣ и предоставить ему право выбрать себѣ пятнадцать легатовъ (помощниковъ) по собственному усмотрѣнію. При поддержкѣ Цицерона это предложеніе было принято. Помпей назначилъ Цицерона за его содѣйствіе первымъ своимъ легатомъ.

Недостаточность полученнаго Помпеемъ полномочія.

Но этимъ рѣшеніемъ сената желаніе Помпея было удовлетворено только на половину; онъ надѣялся получить вмѣстѣ съ гражданскою властью и военную. Одинъ изъ его приверженцевъ предложилъ, чтобы рѣшеніе сената и народное собраніе было пополнено прибавкою, что войско, флотъ и государственная казна отдаются въ распоряженіе Помпея и что всѣ правители провинцій подчиняются ему. Но оптиматы воспротивились этому, а расположеніе народа къ Помпею было не такъ горячо, чтобы законъ могъ быть проведенъ прямо черезъ комиціи безъ содѣйствія сената. Помпею пришлось удовольствоваться тѣмъ, что можно было получить. Но скоро оказалось, что безъ начальства надъ войскомъ и флотомъ санъ проконсула—пустой титулъ. Чтобы получить въ свое распоряженіе военныя силы и освѣжить новыми побѣдами свою увядшую славу, Помпей вздумалъ взять на себя порученіе возвратить престолъ прогнанному изъ Египта Птолемею Авлету. Одинъ изъ его приверженцевъ внесъ это предложеніе въ народное собраніе; Помпей надѣялся, что народъ, благодарный ему за обильный подвозъ и дешевизну хлѣба, охотно поручитъ своему благодѣтелю безопасное и выгодное дѣло. Но и это ожиданіе рушилось. Сенатъ отложилъ вопросъ о возвращеніи престола Авлету, а потомъ оно было поручено, какъ мы знаемъ, правителю Сиріи, Габинію (стр. 798). Любовь народа все сильнѣе сосредоточивалась на Цезарѣ.

Значеніе сената увеличивается.

Республиканская партія, имѣвшая главной опорой своей родовую аристократію и въ частности сенатъ, постепенно ободрилась, заняла довольно сильное положеніе между тріумвиратомъ и демократической партіей, разстроенной буйствомъ Клодія. Сенатъ рѣшилъ возстановить на государственный счетъ домъ и виллы Цицерона. Это было приведено въ исполненіе, хотя Клодій съ своими гладіаторами пытался разогнать рабочихъ и разрушить начатую постройку. Кандидатомъ на санъ консула слѣдующаго года выступилъ одинъ изъ могущественнѣйшихъ сенаторовъ, Луцій Домицій Агенобарбъ, имѣвшій, благодаря своему богатству, очень большое вліяніе на народъ; онъ былъ горячимъ защитникомъ власти сената, твердымъ приверженцемъ аристократическихъ принциповъ, впередъ объявлялъ, что будетъ всѣми силами стараться объ отмѣнѣ Юліевыхъ законовъ, и открыто высказалъ намѣреніе не соглашаться на то, чтобы былъ продленъ подходившій къ концу срокъ проконсульства Цезаря. Былъ назначенъ день для совѣщаній о томъ, должна ли быть роздана гражданамъ государственная земля въ Кампаніи; это было началомъ борьбы противъ Юліевыхъ законовъ. Очевидно было, что оптиматы хотятъ низвергнуть тріумвировъ и возстановить на новыхъ прочныхъ основаніяхъ

аристократическое правленіе. Униженія, какимъ подвергался Помпей въ сенатѣ, въ народномъ собраніи, на улицахъ, и которыя онъ робко терпѣлъ, внушали оптиматамъ увѣренность въ своихъ силахъ и надежду на побѣду.

Возобновленіе тріумвирата.

Замыслы аристократовъ одинаково угрожали всѣмъ тремъ членамъ тріумвирата. Однимъ изъ Юліевыхъ законовъ были утверждены распоряженія, сдѣланныя Помпеемъ въ Азіи; если бы эти законы были отмѣнены, возобновлялся бы вопросъ о его азіатскихъ распоряженіяхъ. А Крассъ держался въ своемъ могущественномъ положеніи только союзомъ съ Цезаремъ и Помпеемъ. Цезарь жилъ тогда въ Равеннѣ и постоянно получалъ отъ своихъ агентовъ точныя свѣдѣнія обо всемъ, что дѣлалось въ Римѣ. Онъ не хотѣлъ сложить съ себя управленіе Галліей до совершеннаго упроченія римской власти надъ ней, считалъ важнѣйшей задачей своей жизни присоединить эту страну къ римскому государству и внести въ нее римскую культуру. Быть можетъ, онъ и тогда былъ уже настолько силенъ, чтобы стать владыкою государства. Быть можетъ, тогда при упадкѣ авторитета Помпея одолѣть республиканцевъ было бы даже легче ему, чѣмъ черезъ семь лѣтъ послѣ того. Но въ то время Галлія еще не была покорена. При томъ онъ не былъ увѣренъ, что легіоны его пойдутъ на Римъ такъ же послушно, какъ на Рейнъ. Потому онъ предпочелъ возобновить союзъ съ Крассомъ и Помпеемъ и вывесть своей сильной рукой мужа своей дочери изъ недостойнаго положенія, до какого былъ доведенъ Помпей своею несообразительностью и наглостью Клодія.

Свиданіе въ Лукѣ 56.

Въ апрѣлѣ 698 года отъ основанія Рима, Цезарь устроилъ въ Лукѣ свиданіе съ Помпеемъ и Крассомъ. Въ этомъ свиданіи, имѣвшемъ очень сильное вліяніе на судьбу Рима, онъ держалъ себя такъ, что было ясно: онъ чувствуетъ себя владыкой, отъ воли котораго зависитъ и положеніе его союзниковъ и само государство. Крассъ пріѣхалъ къ нему въ Равенну; Помпей поѣхалъ, по его приглашенію, въ Луку, сказавъ въ Римѣ, что отправляется по дѣламъ о доставкѣ хлѣба изъ Сардиніи и Африки. Къ Цезарю пріѣхали многіе курульные сановники того года и сановники, управлявшіе провинціями, въ томъ числѣ Аппій Клавдій, пропреторъ Сардиніи, Квинтъ Метеллъ Непотъ, проконсулъ сѣверной Испаніи, многіе другіе вельможи; одни просили поддержки Цезаря для своихъ кандидатуръ или для полученія провинцій, другіе—денегъ на подкупъ народа при выборахъ, или на уплату долговъ; говорятъ, что въ Лукѣ собралось болѣе 200 сенаторовъ, и число сановниковъ было такъ велико, что насчитывалось 120 ликторовъ; пріѣхали въ Луку даже женщины. Казалось, что Римъ явился на поклонъ къ своему будущему повелителю. Однимъ изъ пріѣзжихъ былъ Клодій, незадолго передъ тѣмъ получившій при помощи насилія санъ курульнаго эдиля. Рѣшителемъ всѣхъ дѣлъ тутъ былъ Цезарь. Онъ примирилъ Помпея съ Крассомъ и Клодіемъ, велѣлъ Клодію держать себя смирно и въ частности сохранять почтеніе къ Помпею. Условія договора между тріумвирами были слѣдующія: Помпей и Крассъ будутъ консулами въ слѣдующемъ году (699 отъ основанія Рима; 55 до Р. Х.); по окончаніи своего консульства, они получаютъ въ управленіе важнѣйшія провинціи: Помпей обѣ испанскія, сѣверную и южную, Крассъ богатую Сирію; Цезарь получаетъ управленіе Цизальпійской и Трансальпійской Галліями еще на пять лѣтъ по истеченіи прежняго пятилѣтія; ему разрѣшается увеличить число своихъ войскъ до десяти легіоновъ; жалованье тѣмъ войскамъ, которыя набралъ онъ безъ разрѣшенія правительства, будетъ выдаваться изъ казны; по окончаніи второго пятилѣтія своего проконсульства, онъ получаетъ во второй разъ консульство. (По закону, раньше десяти лѣтъ послѣ перваго консульства нельзя было явиться кандидатомъ на второе консульство; Цезарь озаботился показать видъ, что уважаетъ этотъ законъ; онъ отдѣлялъ свое второе консульство отъ перваго десятью годами).

Послѣдствія.

Такимъ образомъ Помпей, пріѣхавшій въ Луку, какъ проситель, съ увядшими лаврами, получилъ отъ милости своего тестя право набирать войска въ Италіи, котораго не давалъ ему сенатъ. Но великодушіе Цезаря къ нему было только видимое. Цезарь еще находилъ преждевременнымъ желать сосредоточенія всей власти въ своихъ рукахъ, а значеніе права, предоставляемаго Помпею, уменьшалось тѣмъ, что и Крассъ получалъ право набирать войска въ Италіи. Цезарь обѣщалъ доставить своимъ товарищамъ консульство, рекомендовавъ своимъ приверженцамъ поддерживать ихъ кандидатуры и пославъ своихъ воиновъ на выборы въ Римъ для подачи голосовъ за нихъ. Результатъ показалъ, что большинство голосовъ на выборахъ зависѣло отъ него. Крассъ и въ особенности Помпей унизили себя своею кандидатурою: они устраняли кандидатовъ, которыхъ поддерживалъ сенатъ, и навлекали этимъ на себя новое неудовольствіе оптиматовъ. При робости и безхарактерности большинства сенаторовъ, при угрожающемъ положеніи, занятомъ новыми кандидатами и агентами ихъ, выборъ ихъ въ консулы прошелъ легче, нежели они думали. Консулы того года не хотѣли допустить ихъ кандидатуръ, потому что они заявили ихъ уже по истеченіи законнаго срока для подобныхъ заявленій; выборы были отложены до конца года, срокъ должности консуловъ кончился; выборы были произведены подъ завѣдываніемъ временнаго правителя (interrex); собраніе народа было бурное, и при помощи насилія Крассъ и Помпей были выбраны. Когда пришелъ срокъ, назначенный для рѣшенія вопроса о Юліевыхъ законахъ, Цицеронъ испугался того, что Цезарь и Помпей сердятся на него за поддерживаніе имъ противниковъ этихъ законовъ; горько раскаяваясь въ своей дерзости, онъ уѣхалъ изъ Рима, и всякая оппозиція исчезла. Все, чего желалъ Цезарь, было дано ему безъ всякаго сопротивленія; большинство сената, подобно Цицерону, испугалось своей прежней смѣлости и покорилось рѣшеніямъ тріумвировъ; воля ихъ стала закономъ для Рима; посредствомъ насилія и подкупа они замѣстили большую часть курульныхъ магистратуръ своими приверженцами и распоряжались всѣмъ, не обращая никакого вниманія на недовольное меньшинство сенаторовъ, остававшагося въ оппозиціи имъ. У нихъ

были средства превратить большинство своихъ прежнихъ противниковъ въ союзниковъ и панегиристовъ.

Отношенія Цицерона къ тріумвирамъ.

Замѣчательнѣйшимъ примѣромъ этого превращенія была перемѣна въ томъ, какъ держалъ себя Цицеронъ. Незадолго передъ тѣмъ въ рѣчахъ за Сестія и противъ Ватинія онъ выступалъ бойцомъ за законный порядокъ; теперь онъ сталъ безусловнымъ сторонникомъ тріумвировъ. Онъ по секрету писалъ рѣчь въ похвалу Цезарю; ему было нѣсколько совѣстно, когда Аттикъ спросилъ его объ этомъ, но онъ отвѣчалъ своему другу: „Тѣ, которые безсильны, не любятъ меня; потому я хочу пріобрѣсти любовь тѣхъ, которые всесильны. Давно бы слѣдовало пріобрѣсти ее, скажешь ты; я знаю, ты желалъ этого, и вижу, что я былъ истинный оселъ (me asinum germanum fuisse)". Правда, у Цицерона было много причинъ угождать тріумвирамъ. Онъ былъ благодаренъ Помпею за содѣйствіе его возвращенію изъ изгнанія и за назначеніе легатомъ по завѣдыванію доставкой хлѣба въ Римъ. Были у него связи и съ Цезаремъ: его братъ Квинтъ Цицеронъ былъ легатомъ Цезаря въ Галліи, служилъ и заступникомъ за него и вмѣстѣ заложникомъ; агенты Цезаря давали деньги въ безпроцентный заемъ Цицерону, который часто бывалъ въ денежныхъ затрудненіяхъ и былъ вовлеченъ въ очень большіе расходы постройками; если бъ онъ сталъ сердить Цезаря, эти агенты могли бы потребовать у него уплаты долговъ, когда у него не было денегъ. Потому онъ покорился необходимости; поддерживалъ желанія тріумвировъ и въ сенатѣ и на форумѣ. Онъ былъ похожъ на воина, который покинулъ свое знамя и находитъ у непріятеля любезный пріемъ, но не находитъ довѣрія къ себѣ, и сознавая самъ, что поступилъ нечестно, теряетъ спокойствіе совѣсти и энергію. Въ угожденіе Помпею и Цезарю, онъ защищалъ теперь своихъ прежнихъ враговъ Ватинія и Габинія, подавлялъ свою ненависть къ Клодію, помирился съ прежнимъ своимъ противникомъ Крассомъ. Въ его душѣ оставалась вражда противъ тріумвирата, который называлъ онъ „трехголовымъ чудовищемъ", но онъ глубоко скрывалъ это чувство и съ улыбкой цѣловалъ свои цѣпи. Примѣръ Цицерона оказалъ рѣшительное вліяніе на большинство сената. Робость, личные разсчеты, подкупъ или милости тріумвировъ уничтожили всякое серьезное сопротивленіе, сдѣлали оптиматовъ послушными. Оппозиція со стороны республиканцевъ возобновилась только по возвращеніи Катона съ Востока, они собрались около него, онъ ободрилъ ихъ.

Возвращеніе Катона. Конецъ 56 г.

Владычество тріумвировъ 55.

Всѣ желанія тріумвировъ были исполнены. По предложенію одного изъ ихъ агентовъ, народнаго трибуна Требонія, народное собраніе, помимо сената, дало консуламъ на пять лѣтъ тѣ провинціи, какія были назначены имъ по договору съ Цезаремъ; имъ было дано право, по ихъ собственному усмотрѣнію, начинать войну и заключать миръ, набирать войска изъ гражданъ и союзниковъ; Цезарю было продлено на пять лѣтъ управленіе Цизальпійской и Транзальпійской Галліями. Катонъ и нѣкоторые оптиматы противились этому, но ихъ оппозиція подавлена была силою и, послѣ вооруженной схватки, народное собраніе приняло предложеніе Требонія. Получивъ право набирать войска въ Италіи, Помпей сформировалъ сильные отряды въ самомъ Римѣ и фактически сталъ повелителемъ и Рима и всей Италіи. Цезарь увеличилъ свое войско до десяти легіоновъ и получилъ изъ государственной казны деньги на жалованье имъ. Крассъ еще до окончанія своего консульства уѣхалъ въ Азію, чтобы пріобрѣсти славу и набрать денегъ войною съ пароянами. Но Помпей не поѣхалъ въ Испанію. Онъ поручилъ управленіе данными ему провинціями и стоявшими въ нихъ войсками своимъ легатамъ, а самъ остался въ Римѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что на немъ лежитъ обязанность заботиться о снабженіи Рима хлѣбомъ. При освященіи великолѣпнаго театра, построеннаго имъ на Марсовомъ полѣ, онъ далъ народу невиданно блестящія игры, битвы съ дикими звѣрями, другія развлеченія, длившіяся пять дней. Набравъ войско и поставивъ его по сосѣдству съ Римомъ, онъ сталъ безусловнымъ владыкой надъ столицею государства. Цезарь дѣлалъ все, что хотѣлъ, въ своихъ провинціяхъ: распоряжался завоеванными областями Галліи по своему усмотрѣнію, основывалъ, гдѣ хотѣлъ, колоніи въ Цизальпійской и Транзальпійской Галліяхъ (основалъ между прочимъ Novum Comum), раздавалъ право римскаго гражданства, не спрашивая позволенія на то въ Римѣ. Габиній, по порученію тріумвировъ, возстановилъ въ Египтѣ власть Птолемея Авлета. Изъ всѣхъ дѣйствій тріумвировъ было ясно, что они хотятъ совершенно отнять у сената власть надъ войскомъ и завѣдываніе военными дѣлами, оставить ему только гражданскую администрацію. Помпей безъ церемоніи отдалъ Цезарю одинъ изъ италійскихъ легіоновъ.

Борьба партій въ Римѣ. 55—54.

Но чѣмъ яснѣе становилось, что тріумвиры низвергаютъ власть сената и республиканское правленіе, тѣмъ сильнѣе старались оптиматы помѣшать ихъ намѣреніямъ. Составились политическія общества для борьбы на выборахъ противъ кандидатовъ, выставляемыхъ тріумвирами. Въ народномъ собраніи голоса подавались баллотировкой; потому въ комиціяхъ могли тайно дѣйствовать противъ тріумвировъ и тѣ оптиматы, которые не отваживались сопротивляться имъ въ сенатѣ. Такимъ образомъ дѣятельность сената замѣнилась дѣятельностью клубовъ, которые, не ограничиваясь законною борьбой на совѣщаніяхъ народнаго собранія, дѣйствовали другъ противъ друга камнями, палками, оружіемъ, такъ что на выборахъ часто происходили битвы; по улицамъ безпрестанно были драки. Тріумвиры и оптиматы вели подкупъ съ неслыханнымъ безстыдствомъ. Нравы уже были такъ испорчены, что эту анархію не могли обуздать постановляемые противъ нея законы; какъ напримѣръ принятый, по предложенію Красса, законъ о политическихъ обществахъ (de sodaliciis).

54.

Благодаря усиліямъ республиканской партіи, консулами на 700 годъ отъ основанія Рима были избраны люди консервативной партіи—Луцій Домицій Агенобарбъ, мужъ Порціи, сестры Катона, и Аппій Клавдій Пульхеръ, а самъ Катонъ былъ избранъ преторомъ (онъ просилъ себѣ претуры въ предыдущемъ году, но тогда былъ выбранъ его противникъ, бывшій прежде народнымъ трибуномъ Публій Ватиній, кліэнтъ Цезаря). На слѣдующій

годъ и тріумвиры, и оптиматы вели подкупъ въ громадномъ размѣрѣ, чтобы провести своихъ кандидатовъ; обѣ партіи на перерывъ занимали деньги у ростовщиковъ на покупку голосовъ для доставленія консульства своимъ кандидатамъ. Помпей съ радостію смотрѣлъ на буйство партій, надѣясь, что оно заставитъ гражданъ дать ему диктаторскую власть для возстановленія порядка; онъ преднамѣренно поддерживалъ анархію, и она дошла до такой степени, что цѣлые шесть мѣсяцевъ не могъ быть произведенъ выборъ консуловъ. Но Катонъ успѣлъ разстроить планъ Помпея, убѣдивъ народъ отвергнуть предложеніе его агентовъ, чтобъ ему была дана диктатура. Помпей нашелъ преждевременнымъ лично требовать себѣ диктаторской власти и чтобы скрыть свой замыселъ, помогъ возстановленію порядка, согласился не мѣшать кандидатамъ оптиматовъ, и на остальные мѣсяцы года были выбраны консулами они. Потерпѣлъ онъ пораженіе и по одному изъ судебныхъ дѣлъ. Въ его консульство былъ принятъ законъ, постановлявшій, что въ списки присяжныхъ вносятся только люди сенаторскаго и всадническаго сословій; но хотя этимъ и были устранены изъ присяжныхъ люди менѣе высокаго ценза, чѣмъ всаднический, большинство присяжныхъ всетаки составляли обыкновенно люди республиканской партіи; благодаря тому, республиканцамъ удалось осудить на изгнаніе Авла Габинія, самаго отважнаго и преданнаго изъ агентовъ Помпея; этотъ человѣкъ, ненавистный и оптиматамъ и капиталистамъ, былъ осужденъ за незаконные поборы въ провинціи, правителемъ которой былъ; хлопоты Помпея и рѣчь Цицерона, бывшаго его защитникомъ на судѣ, остались напрасны.

Усиленіе безпорядковъ въ Римѣ. 53.

Но скоро настали такія обстоятельства, что сенатъ и масса гражданъ увидѣли себя въ необходимости обратиться къ военному покровительству Помпея, и ему была дана диктаторская власть. Кандидатами тріумвировъ при выборахъ въ консулы на 702 годъ (52 до Р. Х.) были Метеллъ Сципіонъ и Публій Плавцій Гипсей; но кромѣ нихъ выступилъ кандидатомъ Титъ Анній Милонъ, предводитель вооруженныхъ отрядовъ, приверженецъ республиканской партіи, человѣкъ очень смѣлый, умѣвшій подкупать и вести интриги, державшій при себѣ шайку рабовъ-гладіаторовъ, готовыхъ по его приказанію на все. Катонъ и оптиматы поддерживали его кандидатуру; потому выборъ его былъ бы пораженіемъ Помпея. Чтобъ устранить эту опасность, Помпей сталъ покровительствовать буйствамъ Клодія, который издавна ненавидѣлъ Милона, какъ своего соперника. Клодій со времени совѣщаній въ Лукѣ былъ усерднымъ приверженцемъ тріумвировъ. Теперь онъ выступилъ кандидатомъ въ преторы. Подъ защитой Помпея онъ сталъ безбоязненно буйствовать, и анархія достигла высшей степени. Нѣкоторые изъ народныхъ трибуновъ тоже сформировали отрядъ вооруженныхъ людей, такъ что на форумѣ обыкновенно являлись три маленькія войска. Не проходило почти ни одного дня безъ кровопролитной схватки на улицахъ и на форумѣ. Иногда отряды дрались между собою, иногда который-нибудь изъ нихъ нападалъ на домъ политическаго противника своего вождя. Буйства помѣшали своевременно произвести консульскіе выборы; временные правители были безсильны; жизнь и собственность находились въ опасности; всѣ дѣла остановились. Помпей съ удовольствіемъ смотрѣлъ на уличныя буйства. Только онъ съ своими легіонами могъ возстановить порядокъ; но онъ спокойно ждалъ, пока его попросятъ объ этомъ. Его друзья уже давно требовали, чтобъ ему было поручено завѣдываніе комиціями для выбора консуловъ. Катонъ противился этому и говорилъ: «Не Помпей долженъ охранять законы, законы должны охранять Помпея». Предложеніе было отвергнуто. Но наконецъ, произошелъ случай, принудившій и самыхъ твердыхъ республиканцевъ обратиться съ просьбой о помощи къ единственному человѣку, который могъ избавить государство отъ анархіи.

Убійство Клодія Милономъ. 52.

Милонъ съ женой поѣхалъ 20 января подъ конвоемъ многочисленнаго отряда вооруженныхъ рабовъ въ свой родной городъ Ланувій присутствовать на религіозномъ торжествѣ. На Аппіевой дорогѣ, близъ Бовиллъ, онъ встрѣтился съ Клодіемъ, возвращавшимся въ Римъ изъ своего имѣнія; при Клодіѣ тоже былъ вооруженный отрядъ. Сами они проѣхали другъ мимо друга мирно; Клодій потому, что былъ слабѣе; Милонъ потому, что не хотѣлъ новымъ буйствомъ вредить своей кандидатурѣ на санъ консула. Но два наглые гладіатора, ѣхавшіе сзади всѣхъ въ отрядѣ Милона, начали драку съ людьми его противника. Клодій повернулъ къ дравшимся и былъ раненъ въ плечо. Его унесли окровавленнаго въ сосѣднюю гостинницу. Вражда къ нему одолѣла въ душѣ Милона боязнь повредить себѣ убійствомъ. Онъ велѣлъ своимъ людямъ ворваться въ гостинницу вытащить спрятавшагося врага на дорогу и убить его. Клодію было нанесено много ударовъ. Онъ умеръ. Милонъ поѣхалъ въ Ланувій, а конвой Клодія понесъ его тѣло въ Римъ и положилъ на ораторской трибунѣ форума. Толпа, раздраженная смертью вождя демократовъ и разгоряченная рѣчами народныхъ трибуновъ и родственниковъ Клодія, перенесла тѣло въ курію сената, ненавистное ей мѣсто совѣщаній аристократіи, сложила костеръ изъ скамей, столовъ и папирусовъ и сожгла на этомъ кострѣ тѣло; пламя охватило курію, сгорѣли и сосѣднія зданія. Драки на улицахъ стали сильнѣе прежняго; въ особенности послѣ того, какъ Милонъ возвратился въ Римъ, увеличивъ свой отрядъ новыми рабами и уроженцами Ланувія. Приверженцы Клодія пять дней осаждали его домъ. Но онъ не оставилъ своей кандидатуры. Онъ рисковалъ, какъ отчаянный игрокъ, который ставитъ все на карту: онъ долженъ былъ стать жертвой кредиторовъ и своихъ враговъ, если не будетъ избранъ въ консулы. Онъ занималъ деньги, подкупалъ народъ и, надѣясь на подкупъ, явился съ своимъ отрядомъ на форумъ въ народное собраніе, созванное для суда надъ нимъ; онъ надѣялся быть оправданъ; народный трибунъ Маркъ Целій взялся предложить народу оправдать его. Но едва началъ говорить Целій, другіе трибуны съ вооруженными отрядами бросились на него и ра-

зогнали собраніе. Милонъ и Целій успѣли убѣжать, надѣвъ одежду невольниковъ, но многіе изъ ихъ сторонниковъ были убиты; противники ихъ ходили по городу, разыскивая бѣжавшихъ, врывались въ дома; нѣсколько дней въ Римѣ шли схватки вооруженныхъ людей; много домовъ было сожжено.

Помпей назначается консуломъ одинъ безъ товарища. 52.

Теперь пришла пора Помпею получить то, чего онъ желалъ. Сенатъ, убѣдившись, что законныя средства недостаточны для возстановленія порядка, пригласилъ Помпея ввести въ городъ его легіоны, усиленные новыми наборами, и, по предложенію Бибула и Катона, назначилъ его консуломъ безъ товарища. Эта форма врученія ему диктаторской власти была избрана для того, чтобы не употребить названіе диктаторъ, ставшее ненавистнымъ народу послѣ Суллы. Помпей былъ доволенъ предоставленіемъ ему неслыханной до того времени магистратуры. Почетность полномочія, ввѣряемаго ему, возвышалась тѣмъ, что ему предоставлялось право назначить себѣ товарищемъ кого захочетъ, но не раньше какъ черезъ два мѣсяца. Не прибѣгая къ насильственнымъ мѣрамъ, онъ сталъ владыкою государства; неограниченное полномочіе было дано ему законнымъ правительствомъ; аристократія смиренно преклонилась предъ бывшимъ покровителемъ демократовъ, умоляя его о спасеніи отъ анархіи. Помпей выказалъ себя признательнымъ къ ней за такое довѣріе, его гордость была удовлетворена блистательной почестью; онъ протянулъ сенаторамъ руку для примиренія; вступилъ въ дружескія отношенія даже съ Катономъ. Онъ добросовѣстно озаботился оправдать оказанное ему довѣріе возстановленіемъ порядка. Чтобы предотвратить возобновленіе анархіи, онъ предложилъ народному собранію законы противъ насилій, противъ подкуповъ, противъ разныхъ злоупотребленій, вкравшихся въ судопроизводство; эти законы были, разумѣется, приняты. Подъ защитою войскъ Помпея былъ произведенъ судъ надъ Милономъ и другими нарушителями общественнаго спокойствія; они были осуждены.

Законы Помпея. 1. Противъ подкупа. 2. Противъ буйства. Осужденіе Милона.

Законъ противъ подкупа и другихъ интригъ при выборахъ получилъ даже обратную силу. Помпей ввелъ эту оговорку для того, чтобы можно было ему примѣнить законъ къ Цезарю, могущество котораго уже возбуждало въ немъ зависть и опасеніе. Законъ противъ буйствъ былъ направленъ непосредственно противъ Милона, какъ убійцы Клодія. Сенатусконсультомъ 7 февраля было объявлено, что государство подвергнуто опасности убійствомъ Клодія, сожженіемъ куріи и нападеніями на дома. Былъ учрежденъ особый трибуналъ, составленный изъ уважаемыхъ людей: ему было поручено подъ покровительствомъ, или вѣрнѣе подъ давленіемъ войскъ, поставленныхъ подлѣ него Помпеемъ, судить дѣла по нарушеніямъ общественнаго спокойствія, происшедшимъ въ послѣднее время. Этотъ трибуналъ объявилъ Милона виновнымъ въ убійствѣ Клодія; обвиненнаго не защитили ни хлопоты аристократовъ, ни рѣчь Цицерона; онъ удалился въ изгнаніе въ Массилію. (До насъ дошла рѣчь, написанная Цицерономъ въ защиту Милона; это одна изъ превосходнѣйшихъ его рѣчей; но мы имѣемъ ее въ формѣ, которую далъ ей Цицеронъ позднѣйшей переработкою, а не въ той, въ какой

она была произнесена передъ судомъ). Были осуждены и многіе люди противной партіи; въ числѣ ихъ даже человѣкъ, пользовавшійся покровительствомъ Помпея, Плавцій Гипсей; Помпею хотѣлось выказать себя безпристрастнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ держать себя любезно относительно оптиматовъ; потому онъ не помѣшалъ трибуналу осудить Гипсея.—По предложенію Помпея, было преобразовано судопроизводство. Ходъ процесса былъ сдѣланъ менѣе медленнымъ и свобода рѣчи въ судѣ была ограничена; было постановлено, что обвинитель, и обвиняемый не могутъ говорить долѣе двухъ, или трехъ часовъ; число защитниковъ было уменьшено; право отвода присяжныхъ (recusatio) было тоже ограничено; было запрещено произносить похвальныя рѣчи въ пользу обвиняемыхъ.—Наконецъ, четвертый законъ отнималъ у консуловъ и преторовъ самое важное изъ правъ, какія были даваемы этими магистратурами: было постановлено, что консулы и преторы получаютъ провинціи не прямо по окончаніи года своей магистратуры, а черезъ пять лѣтъ; это давало на слѣдующія пять лѣтъ сенату полную свободу выбора правителей провинцій. Помпей хотѣлъ возвратить цензорамъ прежнюю власть; но оптиматы не допустили того.

3. Судебная реформа.

4. Законъ о провинціяхъ.

Всемогущество Помпея въ Римѣ. 51—50.

Благодаря этимъ законамъ, а еще болѣе благодаря тому, что имѣлъ въ своемъ распоряженіи легіоны, набранные въ Италіи съ позволенія сената, Помпей возстановилъ въ Римѣ порядокъ. Предводители буйствовавшихъ вооруженныхъ отрядовъ были убиты или подвергнуты наказанію; трибуны и комиціи стали совѣщаться и рѣшать дѣла, не подвергаясь нападеніямъ; жизнь и собственность стали снова пользоваться безопасностью; Помпей выказывалъ себя человѣкомъ умѣреннымъ, не желающимъ деспотической власти; 1-го августа онъ назначилъ на остатокъ года своимъ товарищемъ по консульству своего приверженца, Квинта Цецилія Метелла Пія Сципіона, на дочери котораго, Корнеліи, онъ женился (Юлія за нѣсколько времени передъ тѣмъ умерла); выборы въ консулы на слѣдующій (51-й) годъ были произведены законнымъ порядкомъ; Помпей не стѣснялъ свободу ихъ и не выказалъ досады на то, что были избраны люди сенаторской партіи, одинъ изъ которыхъ, Маркъ Клавдій Марцеллъ, былъ твердый, энергическій защитникъ правъ сената, другъ Катона. Сенатъ и народъ вздохнули свободно и прославляли великаго Помпея, который пользовался своимъ полномочіемъ такъ умѣренно, такъ мудро. Въ своей радости римляне не хотѣли замѣчать того, что Помпей, чувствуя себя владыкой государства, не стѣсняется нарушать свои собственные законы. Такъ напримѣръ онъ, запретивъ «похвальныя рѣчи» передъ судомъ, самъ явился въ судѣ «хвалителемъ» (laudator) своего приверженца Тита Планка; запретивъ полученіе провинцій раньше пяти лѣтъ послѣ магистратуры, онъ просилъ, чтобъ управленіе испанскими провинціями было оставлено за нимъ еще на пять лѣтъ, и чтобы ему было выдаваемо изъ государственной казны 1,000 талантовъ въ годъ на содержаніе его войскъ; конечно, его желаніе было исполнено. Римъ радовался возстановленію спокойствія и не замѣчалъ, что въ управленіи государствомъ уже вѣетъ монархическій духъ, что Помпей держитъ себя совершенно, какъ царь. Когда онъ

въ 50 году, подвергшись тяжкой болѣзни, выздоровѣлъ, во всѣхъ городахъ отъ Неаполя до Рима праздновали это счастливое событіе благодарственными жертвами богамъ, пирами, факельными процессіями и подносили Помпею вѣнки.

2. Походъ Красса на парѳянъ.

Положеніе и планы Красса.

Но тишина была только удушливымъ затишьемъ передъ бурей. Одинъ изъ тріумвировъ владычествовалъ надъ Италіей; другой готовилъ на сѣверѣ могучіе легіоны для завоеванія владычества себѣ; третій уже погибъ въ это время на далекомъ Востокѣ. Смерть Красса ускорила развязку соперничества между его товарищами и рѣшеніе судьбы республики. Этотъ богачъ, не получившій отъ природы великихъ дарованій, подымавшійся лишь на чужихъ крыльяхъ, не имѣлъ самъ по себѣ такой силы, какъ Помпей или Цезарь; но, будучи ихъ товарищемъ, онъ поддерживалъ нѣкоторое равновѣсіе между ними: при его жизни ни тотъ ни другой не могъ подавить своего соперника. Особенно въ то время, когда дѣятельность Цезаря была совершенно поглощена войною въ Галліи, присутствіе Красса въ Римѣ мѣшало Помпею безусловно владычествовать надъ государствомъ; будучи товарищемъ Помпея въ санѣ консула, Крассъ былъ до нѣкоторой степени соучастникомъ его владычества. Но онъ былъ гордъ и не хотѣлъ довольствоваться своею второстепенною ролью въ тріумвиратѣ, быть только поддержкой равновѣсія между товарищами болѣе сильными, чѣмъ онъ. Самъ замѣчая, что они далеко превосходятъ его вліяніемъ на дѣла, пользуются болѣе значительнымъ, чѣмъ онъ, уваженіемъ у народа, Крассъ находилъ причиной своей слабости сравнительно съ ними то, что уже давно не велъ войны. Когда онъ сталъ консуломъ, онъ уже не начальствовалъ войсками цѣлыя шестнадцать лѣтъ. Чтобъ не утратить всякаго вліянія на дѣла, онъ считалъ надобнымъ пріобрѣсти новую военную славу, и терять времени ему было нельзя, потому что ему было уже болѣе 60 лѣтъ. Благодаря счастливому совпаденію обстоятельствъ и покровительству Цезаря, онъ получилъ возможность удовлетворить обѣимъ господствующимъ страстямъ своимъ—честолюбію и алчности: ему было дано управленіе Сиріей, оно должно было доставить ему и громадныя сокровища и лавры. Онъ хотѣлъ покорить римскому владычеству всю ту часть восточнаго греческаго міра, которая еще оставалась независимой отъ римлянъ; но этимъ не ограничивались его замыслы: онъ хотѣлъ, чтобы побѣды Помпея стали только прелюдіею къ его подвигамъ; хотѣлъ покорить Парѳію, идти дальше на Индъ, на Гангъ, дойдти до восточнаго океана. Онъ опасался только одного: восточные народы такъ оробѣютъ, что не доставятъ ему случая для блестящей побѣды и тріумфа.

Дѣла на Востокѣ передъ пріѣздомъ Красса въ Сирію.

Когда Крассъ пріѣхалъ въ Сирію, война съ Парѳіей уже началась. Фраатъ молча выносилъ захваты его владѣній на Эвфратѣ, сдѣланныя Помпеемъ. Но его сыновья Митридатъ и Ородъ (Арсакъ), убійцы и преемники отца, напали на Арменію, находившуюся подъ покровительствомъ римлянъ. Сенатъ былъ принужденъ вступиться за Артавазда: Габиній, бывшій тогда правителемъ Сиріи, получилъ приказаніе идти на парѳянъ. Онъ перешелъ Эвфратъ; Митридатъ, у котораго Ородъ, при содѣйствіи нѣкоторыхъ вельможъ, отнялъ царскую власть, присоединился къ нему, и онъ началъ военныя дѣйствія; но они были остановлены тѣмъ, что тріумвиры послали его въ Египетъ возстановить власть изгнаннаго Птолемея Авлета. Онъ, какъ мы говорили, пошелъ въ Египетъ; Митридатъ продолжалъ войну съ братомъ; Габиній обѣщалъ скоро прислать ему подкрѣпленіе и возвратиться самъ. Митридатъ овладѣлъ Вавилономъ, но войска у него было мало; онъ не могъ выдержать осаду, когда подступилъ къ Вавилону храбрый, опытный парѳянскій полководецъ Сурена; Митридатъ сдался Ороду, братъ тотчасъ же велѣлъ отрубить ему голову. Габиній между тѣмъ исполнилъ свое порученіе и хотѣлъ снова идти на парѳянъ, но въ это время Крассъ пріѣхалъ въ Сирію. Когда старикъ собирался ѣхать изъ Рима, одинъ изъ народныхъ трибуновъ обрекъ ужаснѣйшими проклятіями на погибель и его самого и войска за то, что онъ предпринимаетъ несправедливую войну; ни эти проклятія, ни дурныя предзнаменованія, ни предостереженія галатскаго царя Дейотара не отклонили Красса отъ войны. Габиній, послѣ нѣкотораго спора, передалъ начальство надъ войсками человѣку, болѣе могущественному, чѣмъ онъ, и возвратился въ Римъ, но тамъ, вмѣсто ожидаемаго тріумфа, подвергся обвиненію и былъ осужденъ на изгнаніе.

Крассъ на Эвфратѣ.

Крассъ, какъ слѣпой, шелъ на погибель; онъ считалъ парѳянъ трусами, съ которыми не нужно соблюдать правила военной осторожности. Льстецы и предатели укрѣпляли его въ самообольщеніи; алчность неудержимо влекла его впередъ. Забравъ сокровища изъ храмовъ и деньги изъ городовъ Сиріи, заставивъ ея жителей откупаться огромными суммами отъ поставки провіанта и войскъ, онъ перешелъ Эвфратъ съ семью легіонами, 4000 конницы и 4000 легкой пѣхоты. Его храбрый сынъ Публій, заслужившій себѣ славу въ Галліи, былъ присланъ Цезаремъ къ нему съ 1000 кельтскихъ всадниковъ и участвовалъ въ этомъ походѣ. Перешедши Эвфратъ, военачальники совѣтовались, идти ли по рѣкѣ на юго-востокъ къ Селевкіи и оттуда на парѳянскую столицу Ктезифонъ, стоявшій на Тигрѣ, или идти къ Тигру прямымъ путемъ черезъ Месопотамскую пустыню; многіе опытные военачальники говорили, что слѣдуетъ предпочесть путь по Эвфрату, потому что онъ идетъ черезъ города и многолюдныя мѣстности, жители которыхъ, большею частью греки и другіе иноземные колонисты, ненавидятъ парѳянское иго и пріймутъ римлянъ съ радостью, какъ освободителей. Но арабскій князь Абгаръ, владѣвшій областями Эдессы и Карръ и явившійся къ римлянамъ какъ другъ, отъ котораго они могутъ получать свѣдѣнія о непріятелѣ, сказалъ, что парѳяне съ семействами и сокровищами уходятъ на востокъ; что усиленными переходами прямо черезъ пустыню мож-

но нагнать ихъ, что побѣда будетъ легка, а добыча несмѣтна. Онъ хорошо зналъ, чѣмъ можно подѣйствовать на Красса; его предложеніе было принято Крассомъ. Армянскій царь обѣщалъ присоединиться къ римлянамъ съ 10.000 всадниковъ, если они пойдутъ черезъ его царство. Крассъ оставилъ его предложеніе безъ вниманія.

Битва при Каррахъ. Іюнь 53.

Такимъ образомъ, войско пошло къ Тигру черезъ месопотамскую пустыню; проводникомъ былъ Абгаръ. Нѣсколько дней войско шло по необозримой равнинѣ, не видя ни куста, ни воды. Когда оно подошло къ Билехѣ, притоку Эвфрата, Абгаръ удалился подъ предлогомъ нападенія на непріятеля. Скоро римляне увидѣли его подлѣ парѳянскаго полководца Сурены, поставившаго у Билехи свое конное войско. (Парѳянскій царь съ пѣхотой пошелъ въ Арменію и своимъ нападеніемъ помѣшалъ Артавазду вести конницу на помощь римлянамъ). Тяжелая парѳянская конница въ желѣзныхъ латахъ, вооруженная длинными копьями, стояла впереди, закрывая собой густые ряды конныхъ стрѣлковъ и другой легкой конницы, вооруженной дротиками. Римлянамъ была видна только тяжелая конница, потому они думали, что непріятельское войско не многочисленно; и тѣмъ менѣе колебался Крассъ напасть на него. Не давъ отдохнуть своимъ утомленнымъ воинамъ, онъ построилъ ихъ четырехугольникомъ, имѣвшимъ на каждой сторонѣ по двѣнадцати когортъ, и повелъ ихъ въ бой. Самъ онъ командовалъ центромъ, его сынъ Публій—однимъ крыломъ, другимъ легатъ Гаій Кассій, который сильнѣе всѣхъ говорилъ противъ похода черезъ пустыню. Такъ произошла въ полуденный часъ знойнаго іюньскаго дня въ месопотамской пустынѣ битва при Каррахъ, или Ихнахъ.

Ходъ битвы.

Плотными рядами медленно подвигалось римское войско; вдругъ загремѣли съ оглушительнымъ грохотомъ парѳянскія литавры, развернулись вышитыя золотомъ шелковыя знамена и блестящія латы засверкали: тяжелая парѳянская конница понеслась на римлянъ опрокинуть своими копьями ихъ четырехугольникъ; но напрасно хотѣла она ворваться въ него; отбитая она поскакала прочь, будто совершенно разстроившись. Римская легкая пѣхота погналась за нею; бѣгущіе вдругъ обернулись и осыпали своихъ преслѣдователей градомъ стрѣлъ, такъ что они въ ужасѣ побѣжали къ своимъ легіонамъ. Парѳянскіе стрѣлки напали на легіоны; римлянъ падало много; на широкой нагой песчаной равнинѣ вся выгода боя была на сторонѣ конныхъ стрѣлковъ; каждая стрѣла ихъ наносила ударъ, потому что ряды римлянъ стояли плотно; эти стрѣлы поражали воиновъ даже сквозь ихъ щиты; оружіе легіоновъ, предназначенное исключительно для боя на самомъ близкомъ разстояніи, было безполезно противъ стрѣлковъ, скакавшихъ поодаль отъ римскихъ рядовъ; сформированные въ плотный четырехугольникъ, римляне не могли подвигаться быстро; парѳяне, подъѣзжая къ ихъ рядамъ и черезъ мигъ отдаляясь, ускользали отъ ихъ мечей, поражая ихъ стрѣлами. Крассъ надѣялся, что запасъ стрѣлъ у парѳянъ скоро истощится; надежда была обманчива: римляне увидѣли стада верблюдовъ, подходящія съ вьюками новыхъ стрѣлъ. Скоро парѳяне охватили

римлянъ съ обоихъ фланговъ. Чтобъ они не окружили римское войско, храбрый сынъ Красса, взявъ 1,300 человѣкъ конницы, 500 стрѣлковъ и восемь когортъ тяжелой пѣхоты, пошелъ въ атаку; парѳяне отступали; онъ съ юношеской горячностью преслѣдовалъ ихъ. Когда они заманили его далеко, они повернули и окружили его отрядъ со всѣхъ сторонъ; между ними былъ и Абгаръ съ своими бедуинами. Галльская конница Публія Красса билась геройски; галлы хватали руками копья парѳянъ и срывали всадниковъ съ коней; но перевѣсъ численности враговъ былъ слишкомъ великъ; стрѣлы и дротики ихъ наносили глубокія раны кельтамъ и римлянамъ, латы которыхъ были легкія; а тяжелыя желѣзныя латы парѳянъ выдерживали удары ихъ мечей и копій; и парѳяне, наконецъ, одолѣли. Съ небольшимъ числомъ уцѣлѣвшихъ Публій Крассъ пробился на песчаный холмъ и надѣялся, что отецъ пришлетъ ему помощь; но парѳяне перехватывали, убивали его вѣстниковъ и окружали его отрядъ все тѣснѣй и тѣснѣй. Ему предлагали бѣжать въ Ихны, онъ мужественно отвергъ эту мысль. Онъ былъ раненъ въ правую руку. Онъ видѣлъ, что нѣтъ спасенія, и его щитоносецъ, по его приказанію, закололъ его. Воины его или сами лишили себя жизни, или были убиты парѳянскими копьями. Изъ 6,000 человѣкъ, которые пошли съ нимъ, только 500 были взяты въ плѣнъ; уйдти не удалось никому.—Между тѣмъ нападенія парѳянъ на главное войско были слабѣе прежняго и Крассъ надѣялся, что это произведено успѣшнымъ боемъ его сына, ослабившимъ враговъ; но скоро онъ былъ выведенъ изъ своего заблужденія. Съ криками радости и оглушительнымъ трескомъ литавръ парѳяне вернулись; на копьѣ всадника, ѣхавшаго впереди другихъ, была воткнута голова Публія Красса. Возобновился прежній безнадежный для римлянъ бой; они падали почти беззащитные подъ ударами стрѣлъ; нѣкоторые бросались на ряды тяжелой парѳянской конницы, чтобы скорѣе найти смерть отъ ея ударовъ копьями. При наступленіи ночи парѳяне ушли, опасаясь, что въ темнотѣ, когда безполезны будутъ для нихъ стрѣлы, римляне въ отчаяніи нападутъ на нихъ. Уѣзжая, они насмѣшливо кричали Крассу, что даютъ ему ночь оплакать его сына. Этимъ прекращеніемъ боя на ночь до утра воспользовались мужественные легаты Красса, Кассій и Октавій: съ тѣми воинами, которые еще могли идти, они пошли въ Карры, гдѣ стоялъ римскій гарнизонъ; Крассъ, упавшій духомъ, совершенно разстроенный мыслями, присоединился къ нимъ; но покинутые уходящими тяжело раненые подняли вопль, умоляя взять ихъ; нѣкоторые съ напряженіемъ послѣднихъ силъ старались идти. Въ полночь Эгнацій съ 300 всадниковъ подскакалъ къ стѣнамъ Карръ, торопливо прокричалъ начальнику гарнизона, что произошла большая битва между Крассомъ и парѳянами, и, не останавливаясь, поскакалъ дальше по дорогѣ въ Зевгму. Начальникъ гарнизона, догадываясь, что битва была несчастна для римлянъ, тотчасъ же пошелъ изъ города, встрѣтилъ Красса и уцѣлѣвшихъ воиновъ и привелъ ихъ въ Карры. Раненые, отставшіе, или бѣжавшіе по другимъ направленіямъ были утромъ убиты или взяты въ плѣнъ парѳянами; ихъ было до 4,000 человѣкъ. — Но этимъ не кончились бѣдствія. Римляне считали себя не безопасными въ Каррахъ и рѣшили идти въ Арменію, пока парѳяне не окружили городъ. Быть проводникомъ взялся одинъ изъ мѣстныхъ жителей Андромахъ. Они ввѣрились ему, онъ извѣстилъ объ ихъ намѣреніи Сурену и велъ ихъ ночью по болотамъ и черезъ канавы, такъ что они мало ушли впередъ. Октавій и Кассій поняли, что Андромахъ предатель и пошли другими дорогами, Кассій вернулся въ Карры и оттуда съ 500 всадниковъ ушелъ ночными переходами въ Сирію. Октавій дошелъ до Синнакскихъ горъ; но на разсвѣтѣ онъ увидѣлъ, что Крассъ, продолжавшій вѣрить Андромаху, находится въ очень опасномъ положеніи,

Погибель Публія Красса и его отряда.

Пораженіе главнаго войска

Отступленіе въ Карры.

Коварство парѳянъ; смерть Красса.

пошелъ за нимъ, взялъ его съ его спутниками. До крѣпости Синнаки оставался только одинъ переходъ; тамъ войско было бы въ безопасности. Но парѳяне не хотѣли выпустить его изъ своихъ рукъ. Къ римскому стану подъѣхалъ Сурена и сказалъ, что желаетъ говорить съ Крассомъ, увѣрялъ, что парѳянскій царь великодушно дозволитъ римлянамъ спокойно отступать и заключитъ миръ съ ними, если они откажутся отъ округовъ на востокѣ отъ Эвфрата, которыми завладѣли несправедливо. Крассъ не вѣрилъ, но изнуренные воины, желавшіе, чтобы скорѣе кончились ихъ бѣды, принуждали его идти къ Суренѣ; онъ вышелъ изъ стана въ сопровожденіи Октавія, Петронія, нѣсколькихъ другихъ товарищей, и пришелъ на мѣсто, назначенное для свиданія; Сурена встрѣтилъ его съ притворнымъ дружелюбіемъ, сказалъ, что проектъ мирнаго договора у него уже написанъ, что на берегу Эвфрата надобно будетъ подписать этотъ документъ (обѣщанія, данныя парѳянамъ Помпеемъ на словахъ, не были исполнены); Крассъ пришелъ пѣшкомъ, Сурена предложилъ ему лошадь въ великолѣпной сбруѣ; но какъ только сѣлъ Крассъ на эту лошадь, парѳяне погнали ее бичами въ свою сторону; Октавій и Петроній схватили ее за повода, Октавій выхватилъ мечъ у одного изъ парѳянъ и закололъ конюха; парѳяне бросились на римлянъ, убили Красса и всѣхъ бывшихъ тутъ. Войско, остававшееся въ станѣ, пошло ночью дальше, но, не имѣя проводниковъ, оно большею частью погибло или отъ непріятельскаго оружія, или отъ голода и изнуренія.

Торжество у парѳянскаго царя.

Таковъ былъ конецъ многочисленнаго войска, съ которымъ Крассъ пошелъ изъ Сиріи на востокъ. Онъ перевелъ черезъ Эвфратъ 40,000 человѣкъ; 20,000 изъ нихъ погибли; 10,000 были взяты въ плѣнъ, Ородъ поселилъ ихъ въ скиѳскихъ степяхъ; они работали тамъ на парѳянъ и должны были служить въ ихъ войскѣ; остальные успѣли вернуться на родину. Сурена отрубилъ голову и правую руку Крассу и послалъ къ парѳянскому царю въ Арменію. Ородъ уже помирился съ Артаваздомъ и въ это время праздновалъ женидьбу своего сына Пакора на его сестрѣ; труппа греческихъ актеровъ играла передъ царями и придворными трагедію Эврипида «Бакханки» (II, 575), когда гонецъ Сурены принесъ Ороду голову Красса. Актеръ, игравшій роль Агавы, взялъ голову и продекламировалъ съ бакхическимъ экстазомъ стихи:

«Мы приносимъ съ горы изъ лѣса новоотрубленную курчавую голову, драгоцѣнную добычу» (стихи 1170 и слѣд.).

Зрители выразили свое одобреніе громкимъ радостнымъ крикомъ; царь далъ въ награду актеру талантъ серебра, а гонца посадилъ между своими гостями. Есть разсказъ, что парѳяне влили въ ротъ отрубленной головы ненасытнаго Красса расплавленное золото.

Смерть Сурены и Орода.

Плутархъ поучительнымъ тономъ говоритъ, что и вѣроломнаго Сурену и жестокаго Орода скоро постигло божественное правосудіе. Ородъ уже раньше того возложилъ на голову своего полководца діадему, а теперь, поразивъ могущественнаго врага, онъ возгордился больше прежняго. «Свиту его составляли 1000 тяжело вооруженныхъ всадниковъ и множество легковооруженныхъ воиновъ; кромѣ того, у него было еще 10,000 воиновъ изъ людей ему подвластныхъ. Вещами, которыя онъ бралъ съ собою въ походъ, были навьючены 1,000 верблюдовъ, и на то, чтобы возить его женъ, нужно было 200 телѣгъ. Противъ обычая парѳянъ, которые оставляютъ свои длинные волоса не расчесанными, онъ заботливо причесывалъ свои волоса и лицо румянилъ». Ородъ сталъ завидовать ему и убилъ его; а черезъ нѣсколько времени самъ былъ отравленъ своимъ сыномъ, Фраатомъ.

Послѣдствія пораженія при Каррахъ.

Вѣроятно, этими смутами въ парѳянскомъ царствѣ должно объяснять то, что пораженіе при Каррахъ не имѣло такихъ тяжелыхъ для римлянъ послѣдствій, какія легко могли бы произойдти при тогдашнемъ разстройствѣ дѣлъ въ Римѣ. Правда, армянскій царь отложился отъ римлянъ и заключилъ союзъ съ парѳянами, а жителей Карръ Ородъ наказалъ за помощь разбитому римскому войску, отдавъ ихъ подъ власть предателю Андромаху. Но парѳяне не производили вторженій въ Сирію, гдѣ іудеи и другіе народы встрѣтили бы ихъ съ радостью, какъ освободителей отъ римлянъ, ограбившихъ храмы. Вторженіе было бы тѣмъ легче, что въ слѣдующіе годы римляне не посылали новыхъ легіоновъ, и защита Сиріи лежала исключительно на храбромъ Гаѣ Кассіѣ и находившихся подъ его начальствомъ малочисленныхъ остаткахъ погибшаго войска. Черезъ два года послѣ пораженія при Каррахъ сынъ Орода Пакоръ и его совѣтникъ Осакъ повели наконецъ войско черезъ Эвфратъ, думая покорить Сирію и Малую Азію; но осторожный и мужественный Кассій такъ удачно защищался въ Антіохіи, что парѳяне принуждены были отступить отъ этой крѣпости. Онъ пошелъ за ними; въ сраженіи конницы на Оронтѣ парѳяне были разбиты, и самъ Осакъ былъ убитъ. Такимъ образомъ парѳянамъ не удалось сдѣлать завоеваній, римляне сохранили всѣ свои владѣнія до самаго Эвфрата; но пораженіе Красса оставалось не отмщеннымъ.

---

4. Междоусобная война; торжество Цезаря и смерть его.

1. Война съ Помпеемъ.

а) Положеніе партій; начало войны.

Помпей соединяется съ партіей сената.

Помпей началъ свою военную карьеру подъ знаменами Суллы и въ первые годы своей политической жизни принадлежалъ къ аристократической партіи; потомъ обстоятельства и разсчетъ привели его въ ряды демократовъ; онъ примкнулъ къ нимъ потому, что народное собраніе было сильнѣе сената; но по характеру, фамильному преданію и привычкамъ онъ чувствовалъ влеченіе къ оптиматамъ. Онъ

выказывалъ себя приверженцемъ демократіи лишь для того, чтобы народъ удовлетворялъ его тщеславію. Когда сенатъ призвалъ его въ Римъ для спасенія республики отъ демагогической анархіи, возвращеніе его къ оптиматамъ, ввѣрившимся ему, было возвратомъ къ истиннымъ его принципамъ; онъ вступилъ въ союзъ съ аристократіею и съ вождемъ республиканскихъ идеалистовъ, Катономъ, сталъ главою сенаторской партіи. Этотъ союзъ былъ скрѣпленъ преданіемъ суду и наказаніемъ приверженцевъ Клодія и другихъ демагоговъ.

Цѣль союза.

Помпею очень пріятно было его новое положеніе, во первыхъ потому, что онъ теперь снова былъ окруженъ людьми родственными ему по убѣжденіямъ, во вторыхъ, и еще больше, потому, что теперь онъ могъ стать въ такія отношенія къ Цезарю, какихъ желалъ: онъ хотѣлъ разорвать связи съ этимъ человѣкомъ, который и по своему родству съ Маріемъ и по всей своей прошлой дѣятельности принадлежалъ къ демократической партіи. Такимъ образомъ враждебныя стороны, готовившіяся къ междоусобной войнѣ, имѣли названія прежнихъ партій, и римскій народъ шелъ подъ знамена, подъ которыми раздавались прежніе боевые лозунги Марія или Суллы; но это былъ лишь обманъ, которымъ вожди обольщали народъ. Вопросъ былъ теперь ужь не о томъ, удержится ли республика, или установится монархія, а только о томъ, который изъ двухъ соперниковъ будетъ римскимъ государемъ. Политическая и соціальная борьба, волновавшая римское государство со времени Гракховъ, утратила въ послѣднее десятилѣтіе свой смыслъ: она превратилась въ полное буйство; и аристократы, и демократы ослабѣли до такой степени, что ни тѣ ни другіе не могли править государствомъ; но имена и воспоминанія оставались и еще сохраняли силу воспламенить внуковъ прежнихъ бойцовъ энтузіазмомъ, самоотверженностью; этотъ энтузіазмъ усиливался по мѣрѣ того, какъ во время борьбы обнаруживалось, что дѣло идетъ не о демократическомъ, или аристократическомъ устройствѣ республики, а о томъ, будетъ ли существовать она, и на одной сторонѣ стали всѣ тѣ, которые желали, чтобы Римъ оставался республикою, а вождь другой стороны занялъ между своими приверженцами положеніе государя.

Ссора Помпея съ Цезаремъ.

Союзъ тріумвировъ возникъ изъ своекорыстныхъ мотивовъ, они соединились между собою затѣмъ, чтобъ общими силами захватить владычество, котораго ни одинъ изъ нихъ не могъ пріобрѣсти исключительно своими силами. Союзъ держался только ихъ властолюбіемъ, потому могъ существовать лишь пока у союзниковъ были одинаковые интересы, пока они имѣли общими врагами сенатъ и аристократію, пока ихъ стремленія не сталкивались. Итакъ основаніемъ тріумвирата былъ эгоизмъ, но между Цезаремъ и Помпеемъ была родственная связь, прикрывавшая и смягчавшая этотъ мотивъ: дочь Цезаря, красавица Юлія, женщина благороднаго характера, была женою

Помпея; ея примиряющему посредничеству мужъ, вѣроятно, всего болѣе обязанъ возобновленіемъ тріумвирата въ Лукѣ; но осенью 54 года эта связь любви была разорвана смертью Юліи и единственнаго ея дитяти, умершаго вскорѣ послѣ матери. Цезарь, чья дѣятельность еще на долгое время имѣла для себя занятіе въ завоеваніи Галліи, желалъ бы отдать за Помпея какую нибудь свою родственницу, чтобъ отсрочить ссору до осуществленія своихъ плановъ относительно Галліи; но Помпей, завидуя возростающей славѣ своего союзника, отказался отъ предложеній Цезаря, женился на дочери Метелла Сципіона (стр. 856) и все дальше сторонился отъ соперника. Смерть Красса и диктаторское полномочіе, данное Помпею, увеличили взаимныя непріятности. Личное вліяніе Красса, бывшаго сторонникомъ Цезаря, мѣшало Помпею захватить въ свои руки владычество надъ Италіей; погибель его въ Месопотаміи возвысила значеніе Помпея, которому сенатъ черезъ нѣсколько времени вручилъ власть надъ государствомъ.

Враждебный Цезарю характеръ нѣкоторыхъ законовъ Помпея.

Нѣкоторые изъ законовъ, принятыхъ по предложенію Помпея, были враждебны Цезарю. Такъ напримѣръ законъ о выборахъ возстановлялъ въ болѣе строгой формѣ прежнее правило, что ищущій курульной магистратуры обязанъ просить ея у народа лично, и отсутствующіе не могутъ быть кандидатами. Относительно Цезаря прежде было постановлено народомъ, что онъ можетъ просить консульства, не являясь въ Римъ лично. Новый законъ казался отнимающимъ у Цезаря возможность стать консуломъ въ 48 году, какъ это было условлено въ Лукѣ; по его жалобѣ на то Помпей прибавилъ къ новому закону оговорку, что онъ не касается Цезаря; но эта оговорка не была предложена на утвержденіе народу. Законъ объ управленіи провинціями давалъ сенату возможность отнять у Цезаря раньше, чѣмъ вступитъ онъ въ санъ консула, управленіе Галліею, срокъ котораго кончался въ 705 году отъ основанія Рима; этими нѣсколькими мѣсяцами между концомъ проконсульства и началомъ консульства Цезаря Катонъ и другіе республиканцы могли бы воспользоваться для преданія Цезаря суду, и въ случаѣ осужденія онъ былъ бы навсегда устраненъ отъ правительственныхъ должностей. По законамъ Помпея о подкупѣ легко было осудить Цезаря.

Отношенія Помпея къ партіи сената.

Сторонники Цезаря говорили, что, предлагая народному собранію свои законы, Помпей имѣлъ въ виду повредить Цезарю; при сдержанности и молчаливости Помпея мудрено было рѣшить такъ ли это, но когда онъ вступилъ въ союзъ съ партіею Катона, то уже не зависѣло отъ его воли примѣнить, или не примѣнить законы къ Цезарю, дать имъ суровое истолкованіе, по которому Цезарь подходилъ бы подъ нихъ, или сказать, что они не касаются его: теперь Помпей былъ уже не господиномъ надъ своими рѣшеніями, а полководцемъ оптиматовъ. Чтобы пріобрѣсти поддержку Катона и другихъ республиканцевъ, онъ подчинился оптиматамъ. Рѣшеніе дѣла теперь принадлежало сенату. Когда Цезарь подавилъ послѣднее возстаніе

галловъ и ожидалъ, что ему въ награду за побѣды дадутъ въ законный срокъ консульство, а до консульства оставятъ его правителемъ Галліи, Помпей уже сталъ орудіемъ сената и въ частности партіи Катона, которая хотѣла сенатскимъ рѣшеніемъ отнять у Цезаря управленіе Галліею и сдѣлать Помпея исполнителемъ этого рѣшенія. Еслибы война съ Цезаремъ кончилась побѣдою, Помпей могъ бы снова стать повелителемъ сената, сдѣлаться владыкою государства, какъ сдѣлался послѣ своей побѣды Цезарь. Но при началѣ войны Помпей былъ только полководцемъ, которому сенатъ поручилъ начальство надъ войскомъ; онъ отдавалъ на службу республиканцамъ свой военный талантъ, свое знаменитоѣ имя, они за это давали ему законное право вести войну и доставляли ему поддержку людей, желавшихъ защищать законный порядокъ. Но союзъ былъ не искренній, потому не увеличивалъ силу союзниковъ, не дѣлалъ ихъ единодушными. Аристократія парализовала руку полководца, которую хотѣла сдѣлать исполнительницею своихъ постановленій, а Помпей слабостью, нерѣшительностью своихъ дѣйствій выказывалъ, что не имѣетъ довѣрія къ защищаемому дѣлу. Когда въ сенатѣ назначались совѣщанія о галльскихъ провинціяхъ, или о другихъ вопросахъ, близко касающихся Цезаря, Помпей каждый разъ уѣзжалъ изъ Рима подъ какимъ-нибудь предлогомъ, то въ Тарентъ, то въ Кампанію; а безъ его согласія нельзя было въ то критическое время принять никакого важнаго рѣшенія, потому масса сенаторовъ не являлась въ засѣданіе; совѣщаній нельзя было вести по недостаточности числа присутствующихъ членовъ, и рѣшеніе отлагалось дальше и дальше; такимъ образомъ, въ Римѣ болѣе года владычествовало тревожное тяжелое настроеніе, въ какое повергаетъ людей неизвѣстность—къ войнѣ или къ миру идутъ дѣла.

Вражда сената къ Цезарю. а) Колонія Комъ. 51.

Уже въ 703 (51) году оптиматы оскорбительнымъ образомъ выказали свою вражду къ Цезарю. Онъ поселилъ 5,000 новыхъ колонистовъ въ городѣ Транспаданской Галліи Комѣ, пользовавшемся правами латинской колоніи и далъ всѣмъ его жителямъ право римскаго гражданства. По предложенію консула Марка Клавдія Марцелла, твердаго сторонника оптиматовъ, сенатъ отнялъ это право у нихъ, и Марцеллъ, желая выказать Цезарю пренебреженіе, велѣлъ наказать розгами одного изъ гражданъ города Кома; этому наказанію можно было подвергать только латиновъ и тѣхъ союзниковъ которые назывались италійцами,—римскихъ гражданъ подвергать ему было нельзя. Марцеллъ съ насмѣшкою сказалъ высѣченному, чтобъ онъ показалъ своему покровителю рубцы на спинѣ. — Когда въ Римъ пришло извѣстіе, что Пакоръ и Осакъ вторглись въ Сирію, сенатъ постановилъ, что Цезарь и Помпей должны дать, каждый, по легіону для отправленія на помощь войску, находящемуся въ Сиріи. Помпей назначилъ къ отправленію тотъ свой легіонъ, который былъ отданъ имъ Цезарю для войны въ Галліи. Съ формальной стороны Помпей имѣлъ право на то. Цезарь отправилъ этотъ легіонъ и одинъ изъ своихъ собственныхъ легіоновъ, такъ что его войско уменьшилось на два легіона. Эти два ле-

в) Отправленіе двухъ легіоновъ въ Сирію.

гіона не были отправлены въ Сирію, а были отправлены въ Капую подъ начальствомъ Помпея; разумѣется это было принято Цезаремъ за новую обиду. Отпуская легіоны, онъ сдѣлалъ воинамъ щедрые подарки; при этомъ уже была у него мысль сохранить щедростью преданность ихъ ему, такъ чтобы при междоусобной войнѣ они измѣнили Помпею, или по крайней мѣрѣ были подозрѣваемы въ измѣнѣ. Но они остались вѣрны Помпею и храбро сражались противъ своего прежняго полководца. Еще рѣшительнѣе высказалась вражда сената и консуловъ къ Цезарю въ слѣдующемъ году. Помпей долго держалъ себя очень скрытно, но выступилъ наконецъ противникомъ Цезаря, сталъ говорить, что Цезарь не можетъ просить консульства, оставаясь правителемъ галльскихъ провинцій, что это противорѣчило бы закону, что Цезарь долженъ повиноваться закону. Партія оптиматовъ рѣшилась теперь исполнить свое намѣреніе. Кромѣ того, что ободрилъ ее Помпей, она имѣла въ этомъ году усердными своими приверженцами обоихъ консуловъ (Луція Эмилія Павла и Гаія Клавдія Марцелла) и большинство народныхъ трибуновъ, въ томъ числѣ краснорѣчиваго, очень даровитаго человѣка Гаія Скрибонія Куріона. Нѣсколько разъ дѣлались неудачныя попытки рѣшить вопросъ о консульскихъ провинціяхъ: сенатъ отлагалъ совѣщанія объ этомъ; наконецъ онъ назначилъ, что 1-го марта займется совѣщаніями объ этомъ роковомъ вопросѣ.

Попытки отнять у Цезаря начальство надъ его легіонами 50.

Цезарь получалъ точныя свѣдѣнія о намѣреніяхъ своихъ враговъ. Онъ зналъ, что они хотятъ отнять у него начальство надъ войскомъ и тогда сурово дѣйствовать противъ него, беззащитнаго. Катонъ клялся, что предастъ его суду за нарушеніе законовъ. Трибуналъ можно было окружить войсками Помпея, какъ было сдѣлано во время процесса Милона, и покоритель Галліи подвергся бы той же судьбѣ, какъ содержатель шайки уличныхъ буяновъ. Цезарь твердо рѣшился не выпускать войско изъ рукъ, но старался какъ можно дольше избѣгать противозаконныхъ дѣйствій. Онъ дѣлалъ новые наборы, чтобы имѣть десять легіоновъ въ полномъ составѣ; онъ давалъ изъ собственныхъ денегъ прибавку жалованья воинамъ; но этого нельзя было поставить въ преступленіе ему, потому что нужно было сильное войско для предотвращенія мятежей въ Галліи; всѣмъ было извѣстно, что галльское золото рѣками течетъ въ Римъ на пріобрѣтеніе приверженцевъ Цезарю; но уличить его въ подкупѣ было трудно, притомъ оптиматы и сами дѣйствовали подкупомъ.

Мѣры противодѣйствія со стороны Цезаря.

Цезарь подкупилъ одного изъ консуловъ, Эмилія Павла, давъ ему 1,500 талантовъ; еще огромнѣе была сумма, употребленная на то, чтобы подкупить народнаго трибуна Куріона, человѣка талантливаго, вкрадчиваго, краснорѣчиваго, но безсовѣстнаго въ политической и частной жизни, развратника и мота, обремененнаго долгами, котораго Веллей Патеркулъ называетъ умнѣйшимъ негодяемъ. Куріонъ былъ однимъ изъ энергичнѣйшихъ дѣятелей партіи Помпея. Тѣмъ лучше могъ онъ теперь разстроивать ея планы; онъ дѣйствовалъ въ интересахъ Цезаря, очень ловко придавая себѣ видъ горячаго патріота, твердаго республиканца.

Онъ подкупаетъ Куріона.

Итакъ Цезарь подкупомъ, любезностями, обѣщаніями пріобрѣлъ

Предложеніе отнять у Цезаря управленіе галльскими провинціями. 50.

себѣ въ Римѣ и повсюду въ государствѣ многочисленныхъ сильныхъ приверженцевъ, когда Помпей и партія Катона рѣшились низвергнуть его сенатскими рѣшеніями. Въ назначенный для совѣщаній день консулъ Гай Клавдій Марцеллъ предложилъ Цезарю сложить съ себя управленіе Галліею въ ноябрѣ того года и распустить легіоны. Куріонъ выразилъ полное согласіе съ этимъ предложеніемъ, но прибавилъ, что и Помпей долженъ отказаться отъ своихъ провинцій и сложить съ себя начальство надъ войсками, потому что законный порядокъ можетъ возстановиться только тогда, если оба они сложатъ съ себя власть, а если дозволить одному изъ нихъ сохранить начальство надъ войскомъ, отнявъ войско у другого, то положеніе государства станетъ еще опаснѣе; принять такое рѣшеніе значило бы дать себѣ повелителя. Предложеніе Куріона было безпристрастное и понравилось многимъ въ сенатѣ и въ обществѣ; оно казалось добросовѣстнымъ, потому что Куріонъ считался приверженцемъ законнаго порядка; то, что онъ продался Цезарю, оставалось еще неизвѣстнымъ. Помпей и его друзья были смущены этимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла. Прежде самъ Помпей выражалъ готовность отказаться отъ начальства надъ войсками, увѣренный, что на это не согласятся, потому что онъ человѣкъ необходимый. И вотъ оказалось, что его приглашаютъ исполнить обѣщаніе; онъ увидѣлъ себя попавшимся въ ловушку, которую самъ поставилъ. Вѣроятно, онъ очень жалѣлъ о томъ, что возвратилъ народнымъ трибунамъ отнятыя у нихъ Суллой права.

Тактика Цезаря; неловкость Помпея.

Цезарь объявилъ себя готовымъ повиноваться, если дѣло рѣшено будетъ такъ, какъ предлагаетъ Куріонъ; Помпей колебался согласиться съ этимъ предложеніемъ. Куріонъ горячей рѣчью убѣждалъ его принести свои личные интересы въ жертву отечеству; онъ отвѣчалъ лишь неопредѣленнымъ обѣщаніемъ, что если Цезарь распуститъ свое войско, то распуститъ и онъ. Это значило, что онъ уклоняется отъ отвѣта, согласенъ ли онъ распустить войско одновременно съ Цезаремъ. Дѣло тянулось въ этомъ видѣ до конца года; Цезарь между тѣмъ собралъ свои легіоны въ землѣ тревировъ и сдѣлалъ общій смотръ имъ; онъ хотѣлъ снова показать галламъ и германцамъ могущество Рима, внушить имъ страхъ; но у него была другая цѣль: оживить въ своихъ легіонахъ воспоминанія объ ихъ общихъ походахъ, опасностяхъ и побѣдахъ, укрѣпить въ нихъ чувство взаимной связи. Съ этого смотра войскъ онъ отправился въ Транспаданскую Галлію и встрѣтилъ тамъ восторженный пріемъ; его путь по городамъ, устроивавшимъ праздники въ честь его, походилъ на тріумфальную процессію. Помпей не оцѣнилъ важности этихъ манифестацій. Проникнутый чувствомъ собственнаго величія, отуманенный ѳиміамомъ, который воскуряли передъ нимъ льстецы, онъ беззаботно шелъ къ погибели.

Рѣшеніе сената.

Незадолго передъ концомъ года сенатъ возобновилъ совѣщанія о тяжеломъ вопросѣ. Консулъ Гай Клавдій Марцеллъ былъ рѣшительнымъ приверженцемъ Катона и партіи законнаго порядка, подобно своему двоюродному брату Марку, бывшему консуломъ въ предыдущемъ году, и брату Марка, Гаію Марцеллу, избранному консуломъ на слѣдующій годъ. Онъ желалъ пріобрѣсти славу, что, благодаря ему, покончено дѣло, лежавшее на душѣ у всѣхъ, но такое трудное, что всѣ боязливо уклонялись отъ его рѣшенія,—дѣло, отъ развязки котораго зависѣла судьба государства. Марцеллъ хитро раздѣлилъ вопросъ на двѣ половины и предложилъ сначала рѣшить назначить-ли преемника Цезарю, а потомъ снять-ли съ Помпея начальство надъ его войскомъ. Рѣшеніе получилось такое, какого онъ желалъ. Сенатъ постановилъ назначить преемника Цезарю, а противъ Помпея было подано очень мало голосовъ. Но Куріонъ былъ не такой человѣкъ, котораго можно было бы одолѣть подобной уловкой. Онъ предложилъ сенату рѣшить вопросъ, должны ли сложить съ себя власть и Помпей и Цезарь оба вмѣстѣ, и одержалъ побѣду: 370 голосовъ отвѣчали утвердительно, только 22 отрицательно. Когда Куріонъ сообщилъ это рѣшеніе сената ожидавшему на форумѣ народу, его привѣтствовали, какъ бойца за честь и безопасность республики; его осыпали цвѣтами, надѣвали на него вѣнки, проводили его домой, какъ побѣдителя. Марцеллъ сердился на робость и вялость большинства сенаторовъ и закрылъ засѣданіе гнѣвными словами: «что-жъ, пусть Цезарь будетъ вашимъ господиномъ!»

Рѣшительный шагъ Марцелла.

Эта развязка дѣла сильно смутила республиканцевъ; они надѣялись своею рѣшительностью увлечь за собою сенатъ и увидѣли теперь себя связанными его неожиданнымъ рѣшеніемъ. Но они не отказались отъ своего намѣренія довести дѣло до разрыва съ Цезаремъ. Имъ удалось помѣшать вотированію, которымъ принятое рѣшеніе было бы превращено въ формальный сенатусконсультъ; они стали распускать слухи, что Цезарь уже ведетъ свои легіоны черезъ Альпы, хотѣли, пользуясь возбужденной этимъ тревогой, склонить сенатъ къ объявленію войны ему. Но и эта уловка была разстроена протестомъ Куріона и его объявленіемъ, что по сю сторону Альпъ стоитъ только одинъ легіонъ Цезаря. Вожди республиканской партіи рѣшились покончить дѣло сами, помимо сената. Консулъ Марцеллъ и лица, назначенныя консулами на слѣдующій 705 (49) годъ, Луцій Лентулъ и Гай Марцеллъ младшій, съ нѣкоторыми другими оптиматами отправились къ Помпею, жившему въ одномъ изъ предмѣстій Рима, и безъ всякаго разрѣшенія сената сами отъ себя уполномочили его защищать родину, идти на Цезаря съ двумя легіонами, стоящими въ Капуѣ, всѣми другими войсками, находящимися въ Италіи, увеличить свои силы наборомъ такого числа воиновъ, какое найдетъ онъ необходимымъ. Куріонъ въ народномъ собраніи протестовалъ противъ этого само-

властнаго поступка, объявилъ, что Помпей не имѣетъ права дѣлать наборъ; но партія Помпея оставила безъ вниманія протестъ народнаго трибуна, какъ обошлась безъ согласія сената. Годъ трибунства Куріона кончился 10 декабря, и онъ отправился въ Равенну къ Цезарю. Но преемникомъ его сталъ одинъ изъ новыхъ трибуновъ, Маркъ Антоній, человѣкъ безусловно преданный Цезарю, бывшій начальникомъ конницы у него, даровитый и краснорѣчивый.

Цезарь предлагаетъ въ послѣдній разъ миръ.

Итакъ война была объявлена Цезарю, но не сенатомъ, а горячими людьми республиканской партіи. Благодаря ловкости Куріона и опрометчивости противниковъ, дѣло Цезаря представлялось въ очень благовидной формѣ. Обиженнымъ былъ онъ; противники отнимали у него законныя права. Они объявляли его нарушителемъ законовъ, врагомъ отечества, а онъ держался на законной почвѣ, не нарушалъ законовъ ни чѣмъ. Партія Катона и Помпея дѣйствовала такъ, что онъ даже оказался защитникомъ законовъ: она пренебрегла властью сената и протестомъ народнаго трибуна. Прежде чѣмъ взяться за оружіе, онъ сдѣлалъ еще одну попытку покончить дѣло миролюбиво. Онъ послалъ Куріона въ Римъ съ письменнымъ заявленіемъ сенату и консуламъ, что онъ согласенъ отказаться отъ Транзальпійской Галліи и распустить восемь легіоновъ, удовольствуется тѣмъ, чтобъ ему до вступленія въ консульскій санъ были оставлены Цизальпійская Галлія и Иллирикъ съ двумя легіонами; согласенъ удовольствоваться даже только Иллирикомъ и однимъ легіономъ. Слѣпая ненависть противниковъ отвергла это предложеніе, потому мы не знаемъ было ли оно совершенно искреннее, или онъ только хотѣлъ длить переговоры, чтобы замедлить приготовленія противниковъ къ войнѣ и наборъ войска для обороны отъ него.

Рѣшеніе 1 января 49.

Куріонъ поспѣшно ѣхалъ съ этимъ письмомъ въ Римъ и вручилъ его новымъ консуламъ 1-го января 49 года въ день перваго засѣданія сената подъ ихъ предсѣдательствомъ. Они не хотѣли прочесть это письмо сенату, но народные трибуны Маркъ Антоній и Квинтъ Кассій, бывшіе теперь агентами Цезаря и дѣйствовавшіе такъ же ловко и удачно, какъ прежде Куріонъ, принудили ихъ прочесть письмо сенату. Миролюбивый тонъ, ясное изложеніе фактовъ, умѣренность требованій Цезаря произвели глубокое впечатлѣніе на сенатъ. Мысль объ опасностяхъ, какимъ подвергнется отечество, если предложеніе Цезаря будетъ отвергнуто, внушала большинству сенаторовъ желаніе кончить дѣло миролюбиво. Но вожди противниковъ Цезаря не хотѣли дать этому настроенію высказаться и устранили вотированіе вопроса о томъ, принять ли условія, изложенныя въ письмѣ Цезаря. Лентулъ требовалъ, чтобы сенатъ принялъ мужественное рѣшеніе; онъ говорилъ, что если сенатъ будетъ медлить, то онъ и его друзья будутъ дѣйствовать и безъ согласія сената. Квинтъ Метеллъ объявилъ, что Помпей готовъ защищать республику отъ грозящихъ ей опасностей,

если сенатъ обратится къ нему съ призывомъ и будетъ твердо поддерживать его. Всѣмъ было извѣстно, что Метеллъ говоритъ это по желанію самого Помпея. Напрасно хотѣлъ предотвратить опрометчивое рѣшеніе Маркъ Марцеллъ, одинъ изъ самыхъ твердыхъ противниковъ Цезаря; напрасно онъ говорилъ, что надобно, по крайней мѣрѣ, подождать до той поры, когда будутъ кончены приготовленія къ войнѣ; партія войны отвергала всѣ совѣты и предостереженія, запугала сенатъ своей рѣзкостью, и онъ подъ ея давленіемъ постановилъ, что Цезарь къ опредѣленному сроку долженъ распустить свое войско и передать управленіе Транзальпійской Галліей Луцію Домицію Агенобарбу, Цизальпійской Галліей—Марку Консидію Ноніану, и если не исполнитъ этого, то долженъ быть считаемъ врагомъ отечества. Трибуны Антоній и Кассій протестовали, ихъ протестъ былъ оставленъ безъ вниманія; на слѣдующіе дни, въ которые сенатъ засѣдалъ непрерывно, они повторяли протестъ; имъ было запрещено протестовать (у нихъ было отнято право «интерцессіи»); и когда они наперекоръ тому возобновили протестъ, воины Помпея пригрозили убить ихъ; они, опасаясь за свою жизнь, бѣжали ночью вмѣстѣ съ Куріономъ въ одеждѣ невольниковъ въ Равенну къ Цезарю, торжественно провозгласивъ проклятіе нарушителямъ священныхъ правъ народа въ лицѣ его трибуновъ. Сенатъ, находившійся теперь подъ игомъ партіи войны, надѣлъ трауръ въ знакъ того, что государство находится въ опасности, повелѣлъ консуламъ «наблюдать, чтобы государство не пострадало» и назначилъ Помпея главнокомандующимъ всѣхъ сухопутныхъ и морскихъ военныхъ силъ съ неограниченной властью, съ правомъ производить наборъ по всей Италіи, брать надобныя ему суммы изъ государственной казны и требовать отъ муниципій всего, въ чемъ будетъ имѣть надобность для войны.

Бѣгство трибуновъ 6 января 49.

Для быстрѣйшаго веденія приготовленій къ войнѣ Италія была раздѣлена на округи, былъ назначенъ для каждаго округа распорядитель. Это повело къ очень большимъ притѣсненіямъ.

Жребій брошенъ.

Аристократія нарушила священныя права народныхъ трибуновъ; терроризировала сенатъ, дѣйствовала безъ согласія народнаго собранія; попрала законы, дала неограниченное полномочіе Помпею, праздно жившему въ Римѣ; отняла, до истеченія законнаго срока, войско и провинціи у Цезаря, который съ опасностью жизни расширилъ границы государства до океана и до Рейна, отнимала у него и увѣренность въ полученіи обѣщаннаго ему консульства; взяла у него подъ обманчивымъ предлогомъ два легіона и отдала ихъ Помпею;— всѣ эти несправедливости аристократіи Цезарь перечислилъ въ пламенной рѣчи воинамъ Тринадцатаго легіона, собраннымъ въ Равеннѣ. Но и безъ этой рѣчи были бы готовы идти за него на войну съ его

личными врагами воины, девять лѣтъ выигрывавшіе побѣды подъ его знаменемъ, получившіе отъ его щедрой руки много богатыхъ подарковъ и прибавку къ жалованью, обогатившіеся добычей, ожидавшіе отъ него по окончаніи службы въ награду за свои труды почетнаго и обезпеченнаго положенія въ обществѣ. Обожаемый полководецъ вручалъ имъ свою судьбу и свою честь, разсказалъ имъ о неблагодарности трусливой и своекорыстной знати къ покорителю Галліи, объяснилъ, что она грубо нарушила созданные предками основные законы, которые они сами защищали, не щадя своей крови;— военачальники и воины восторженно отвѣчали, что дѣло ихъ полководца—ихъ собственное дѣло. Цезарь немедленно двинулся съ ними изъ Равенны; на берегу Рубикона, маленькой рѣчки, отдѣлявшей Цизальпійскую Галлію отъ Италіи, онъ, быть можетъ еще разъ взвѣсилъ въ мысляхъ всѣ послѣдствія дѣлаемаго имъ роковаго шага; онъ воскликнулъ: «жребій брошенъ!» и этими словами предалъ себя на волю судьбы, пошелъ основать свое владычество по волѣ таинственныхъ силъ революціи путемъ междоусобія. Наполеонъ говоритъ объ этомъ: истинный виновникъ войны, по словамъ Монтескьё, не тотъ, кто объявляетъ ее, а тотъ, кто дѣлаетъ ее необходимой.

б) Война въ Испаніи; взятіе Массиліи.

Сословный духъ войска.

Аристократы надѣялись, что легіоны Цезаря не пойдутъ за нимъ на войну противъ Рима, и Помпей уже передавалъ своимъ приверженцамъ это предположеніе, какъ извѣстіе о фактѣ. Но оно оказалось пустымъ самообольщеніемъ. Галльскіе легіоны, вскорѣ присоединившіеся къ Тринадцатому были проникнуты тѣмъ же духомъ преданности своему вождю и горѣли желаніемъ обратить свое оружіе на эгоистичную аристократію, попиравшую права народа, отказывавшую въ правѣ римскаго гражданства населенію Цизальпійской Галліи, къ которому принадлежало большинство воиновъ Цезаря и которому онъ далъ или обѣщалъ эту награду. Военачальники и простые воины, италійцы, составлявшіе пѣхоту легіоновъ, и кельтскіе, германскіе всадники съ одинаковымъ энтузіазмомъ были преданы великому полководцу, удивительно хорошо умѣвшему пробуждать въ воинахъ корпоративный духъ, чувство связи, охватывающей все войско, сознаніе одинаковости интересовъ каждаго съ интересами всѣхъ его товарищей, воспламенять въ каждомъ воинѣ твердую вѣру, что дѣйствіями войска правитъ надежная рука. Ни одинъ воинъ легіоновъ Цезаря не покинулъ его знамени. Когда Титъ Лабіэнъ, храбрый легатъ его въ галльской войнѣ, покинулъ главнокомандующаго, постоянно оказывавшаго ему большой почетъ, и перешелъ въ станъ Помпея, за нимъ послѣдовалъ только отрядъ кельтской конницы. Всѣ воины легіоновъ

считали начинающуюся войну личнымъ своимъ дѣломъ, такъ что, по общему согласію, оставили до окончанія похода въ рукахъ Цезаря жалованье, которое онъ обѣщалъ удвоить, и условились между собою помогать общими своими средствами тѣмъ изъ товарищей, у которыхъ нѣтъ денегъ въ запасѣ. Воинственная молодежь Цизальпійской Галліи толпами добровольно шла служить подъ побѣдоносными знаменами Цезаря.

Положеніе дѣлъ и настроеніе умовъ въ Италіи.

Но хотя Цезарь могъ вполнѣ полагаться на свое войско и на симпатію населенія Цизальпійской Галліи, его положеніе было трудно, начатое имъ дѣло опасно; правда, ему удалось искусными интригами дать этому дѣлу такой видъ, какъ будто онъ лишь вынужденъ обороняться отъ враговъ и виноваты въ войнѣ исключительно они; но его истинное намѣреніе, его стремленіе стать владыкою государства не было тайной ни для кого. Всѣ его поступки со времени его консульства ясно показывали, что онъ поставилъ себѣ цѣлью основать царскій престолъ на развалинахъ республики. Онъ усердно распространялъ мысль, что онъ невиненъ, что его противники несправедливы; но этому вѣрили только воины и приверженцы его; если повторялъ тоже кто нибудь кромѣ нихъ, то самъ зналъ, что говоритъ ложь; но эта ложь нравилась людямъ робкимъ или думавшимъ только о наслажденіяхъ, тѣмъ богачамъ, которые желали спокойно предаваться удовольствіямъ роскоши въ своихъ виллахъ: она служила для нихъ предлогомъ оставаться нейтральными въ великой междоусобной войнѣ. Остальные жители Италіи и почти всѣхъ провинцій видѣли въ Помпеѣ и въ республиканцахъ защитниковъ законнаго порядка и свободы, въ Цезарѣ вождя демократовъ, который подобно Марію и Циннѣ будетъ убивать благонамѣренныхъ людей, соумышленника Катилины, который хочетъ идти къ военному деспотизму или къ царскому полновластію по грудамъ труповъ и пожарищамъ городовъ. «Онъ войдетъ въ Римъ съ шайками галловъ», писалъ Цицеронъ одному изъ друзей, «онъ будетъ жечь города, злодѣйствовать какъ Цинна, грабить и убивать людей какъ Сулла»; и дѣйствительно, должны были аристократы имѣть такія опасенія, видя радость демократовъ, волненіе изгнанниковъ, раззорившихся людей, тунеядцевъ, бродягъ, видя, что ожили надежды угнетенныхъ, не имѣющихъ гражданскаго полноправія, что и въ Римѣ и по всей Италіи эти массы людей ожидаютъ отъ Цезаря избавленія себѣ. Если онъ побѣдитъ, писалъ Цицеронъ, «то будетъ убивать, будетъ грабить богатыхъ, возвратитъ изгнанниковъ, уничтожитъ долговыя обязательства, будетъ покровительствовать негодяямъ, установитъ такой деспотизмъ, какого не захотѣли бы терпѣть даже персы».

Положеніе Помпея.

Естественно было, что при такомъ настроеніи мыслей въ началѣ войны весь многочисленный и могущественный классъ зажиточныхъ людей сталъ на сторонѣ сената и республиканцевъ, вождемъ которыхъ

былъ Помпей; особенно усердно поддерживало республиканцевъ сословіе всадниковъ, опасавшееся утратить судебную власть, доходныя административныя должности въ провинціяхъ и выгоды, доставляемыя откупами. Сочувствіе богатаго класса служило могущественной поддержкой республиканцамъ, пока побѣда не была рѣшена, и можно было ожидать, что она останется вѣрна знамени великаго полководца Помпея. Но эта опора была не прочна, и съ нею были соединены большія неудобства. Приверженцы сената соединились, повидимому, на защиту общаго дѣла, но ихъ интересы и цѣли были очень не одинаковы, и большинство ихъ дѣйствовало по эгоистическимъ мотивамъ, по честолюбію, по желанію обогатиться или избавиться отъ долговъ; надобно было ожидать, что эти люди перейдутъ на сторону противника, если счастье будетъ благопріятствовать ему. Другою слабою стороною дѣла было то, что вельможи, окружавшіе Помпея, очень стѣсняли его въ управленіи военными дѣйствіями. Онъ находился въ положеніи совершенно не такомъ, какъ его противникъ. Окруженный усердными помощниками, Цезарь былъ неограниченнымъ распорядителемъ дѣйствій своихъ войскъ; начальники ихъ признавали превосходство военнаго генія его, съ точностью исполняли его приказанія; воины, привыкшіе побѣждать подъ его знаменемъ, были одушевлены восторженной преданностью ему. А гордая сенаторская аристократія считала Помпея своимъ агентомъ, который обязанъ слушаться ея инструкцій или по крайней мѣрѣ сообразоваться съ ея совѣтами; его легаты, многіе изъ военныхъ трибуновъ были вельможи, воображавшіе, что понимаютъ военное дѣло не хуже его самого, исполнявшіе его приказанія лишь тогда, когда были согласны съ ними. При томъ италійскіе легіоны стояли разбросанно по всему полуострову, и воины ихъ были теперь не подъ знаменами, а въ отпускѣ по домамъ; запасъ оружія былъ недостаточный; на то чтобы созвать и вооружить воиновъ нужно было нѣсколько недѣль; снабженіе войска оружіемъ и другими военными принадлежностями шло тѣмъ медленнѣе, что наличныхъ денегъ въ государственной казнѣ было очень мало; приходилось требовать ускореннаго взноса налоговъ, даже брать золотыя и серебряныя вещи изъ храмовъ муниципальныхъ городовъ. Но все таки можно было въ довольно скоромъ времени преодолѣть всѣ эти затрудненія, а за исключеніемъ ихъ, положеніе дѣлъ было гораздо благопріятнѣй на сторонѣ республиканцевъ и Помпея. Въ Испаніи находилось многочисленное войско подъ начальствомъ легатовъ Помпея, непоколебимо преданныхъ ему; правители всѣхъ провинцій, кромѣ Галліи, были вѣрны сенату. Подвластные Риму азіатскіе цари видѣли въ Помпеѣ своего покровителя и были готовы отблагодарить его военной помощью за тѣ выгоды, какія онъ далъ имъ распредѣленіемъ значительной части своихъ завоеваній между ними (страница 778). Юба, царь нумидійскій, которому сенатъ далъ титулъ друга и союз-

ника римскаго народа, былъ усерднымъ сторонникомъ оптиматовъ. Всѣ эти цари справедливо полагали, что если Римъ станетъ монархическимъ государствомъ, то въ немъ не будетъ для нихъ мѣста, и ихъ царства будутъ конфискованы. Такимъ образомъ, становясь подъ знамя республиканцевъ, они шли на войну за свое собственное существованіе. Даже граждане Массиліи были душою на сторонѣ оптиматовъ, которые всегда покровительствовали ихъ аристократическому государству. Всѣ гавани и эскадры находились въ рукахъ сторонниковъ Помпея. И не пустымъ хвастовствомъ было, когда онъ сказалъ своимъ тревожившимся друзьямъ, что ему стóитъ только топнуть ногой—и выйдутъ изъ подъ земли легіоны. Онъ забывалъ только одинъ шансъ, что противникъ можетъ напасть на него внезапно, не давъ ему времени собрать свои легіоны, и что при такихъ войнахъ, какъ начинавшаяся теперь, ходъ всего дѣла рѣшается первыми успѣхами.

Цезарь вступаетъ въ Италію, бѣгство сенаторовъ изъ Рима 49.

Рискованнымъ предпріятіемъ было то, что Цезарь въ первый мѣсяцъ римскаго года двинулся изъ Равены съ 5000 человѣкъ пѣхоты и 300 конницы низвергнуть римское правительство; но онъ зналъ, что побѣда дается быстротой. Когда достигло до Рима извѣстіе, что Цезарь овладѣлъ Ариминомъ, идетъ черезъ Умбрію на Анкону, сенатъ и вся аристократія оцѣпенѣли отъ испуга. Оптиматы, которымъ былъ порученъ сборъ войска, вели дѣло такъ небрежно и вяло, что военныя приготовленія были далеко не кончены, и къ выступленію въ походъ были готовы только два легіона, стоявшіе въ Апуліи у Луцеріи. При такомъ положеніи обстоятельствъ республиканскому правительству было опасно оставаться въ Римѣ: Цезарь легко могъ овладѣть беззащитной столицей, захватить въ плѣнъ консуловъ и сенатъ, испугъ былъ увеличенъ ложнымъ извѣстіемъ, что конница врага показалась у воротъ Рима. Было рѣшено, что резиденція правительства переносится въ Капую, что сановники и сенаторы, которые остаются въ Римѣ, объявляются врагами отечества. Почти всѣ оптиматы толпами бросились изъ Рима, и впереди всѣхъ сенаторы и сановники; они бѣжали такъ торопливо, что не успѣли взять въ собой государственную казну. Правительство хотѣло вступить въ переговоры въ Цезаремъ, думая выиграть время для военныхъ приготовленій; эта надежда оказалась напрасна: Цезарь былъ не такой человѣкъ, чтобъ упустить свою выгоду. Онъ уже шелъ изъ Анконы въ пиценскую область; небольшого отряда было достаточно, чтобы разбить послѣ не долгой схватки многочисленный отрядъ вновь сформированнаго войска, собранный у Авксима и принудить этотъ городъ сдаться; также быстро были покорены Цезаремъ Камеринъ и Аскулъ.

Корфиній и другіе города покоряются Цезарю.

Въ Корфиніи были собраны новые воины, взятые на службу изъ храбрыхъ сабелльскихъ племенъ, жившихъ около Фуцинскаго озера; они должны были составить самую надежную часть вновь набирае-

мыхъ италійскихъ легіоновъ, ихъ было до 15,000 человѣкъ, ими начальствовалъ Луцій Домицій Агенобарбъ. Помпей велѣлъ ему идти въ станъ близъ Луцеріи; но онъ промедлилъ въ Корфиніи столько времени, что Цезарь засталъ его тамъ. Къ легіону, съ которымъ выступилъ Цезарь изъ Равенны, присоединились еще два пришедшіе изъ Галліи; кромѣ того онъ набиралъ воиновъ въ занимаемыхъ имъ

14 февраля. областяхъ Итали и привелъ къ Корфинію около 40,000 человѣкъ. Домицій надѣялся, что придетъ къ нему на выручку Помпей; но Помпей не рѣшился идти съ своими плохими войсками противъ Цезаря. Получивъ отъ Помпея письмо, что не можетъ ожидать помощи, Домицій постыдно задумалъ бѣжать ночью съ своими помощниками, со всадниками и сенаторами, но убѣждалъ воиновъ держаться твердо противъ Цезаря, лживо обѣщался имъ, что скоро придетъ Помпей. По робкому виду Домиція и по замѣченнымъ ими тайнымъ сходкамъ сенаторовъ и начальниковъ у него, воины догадались о его предательскомъ намѣреніи, арестовали его, оптиматовъ и своихъ началь-

20 февраля. никовъ, выдали ихъ Цезарю, сдались сами и сдали городъ. Любезность и кротость, какія выказалъ Цезарь къ плѣнникамъ, разсѣяли прежній страхъ аристократовъ и отворили ему ворота италійскихъ городовъ. Пиценскій городъ Альба, пелигнійскій городъ Сульмонъ, въ которыхъ тоже были войска, сдались ему на условіяхъ, легкихъ для непріятельскихъ воиновъ. Оптиматы вздохнули свободно: они увидѣли, что нѣтъ проскрипцій, которыхъ они опасались, и многіе тогда же возвратились изъ своихъ виллъ въ Римъ.

Помпей плыветъ въ Диррахій. При быстрыхъ успѣхахъ врага, Помпей считалъ себя не безопаснымъ въ Луцеріи; онъ повелъ въ Брундизій два легіона, находившіеся при немъ, велѣлъ идти туда войскамъ, набраннымъ въ Кампаніи и въ Апуліи; онъ рѣшился плыть въ Диррахій, надѣясь, что обстоятельства тамъ будутъ благопріятнѣе для веденія войны и что тамъ онъ увеличитъ число своихъ войскъ. Кораблей, находившихся въ гавани, было недостаточно для того, чтобы могли сѣсть на нихъ

4 марта. всѣ войска и множество сенаторовъ и другихъ оптиматовъ пріѣхавшихъ съ своими семействами въ Брундизій. Помпей посадилъ на корабли большую часть войскъ и велѣлъ флоту, высадивъ ихъ въ

9 марта. Диррахіи, воротиться въ Брундизій за нимъ и другими оставшимися тамъ. Цезарь пришелъ къ Брундизію съ войскомъ, болѣе многочисленнымъ, чѣмъ какое оставалось при Помпеѣ, и тотчасъ же началъ работы. Чтобы запереть его тамъ: сталъ дѣлать поперекъ гавани насыпь, строить крѣпкіе плоты, усыпанные для защиты отъ огня землей, чтобы отрѣзать ими гавань отъ моря. Но Помпей дѣлалъ каждый день нападенія на эти работы, успѣвалъ портить ихъ и удержалъ сообщеніе гавани съ моремъ, пока вернулся флотъ изъ Диррахія. Онъ принялъ очень искусныя мѣры для того, чтобы воины могли перейдти на корабли, не пострадавъ отъ врага, и, благодаря его

прекраснымъ распоряженіямъ, всѣ они счастливо сѣли на корабли.

17 марта. Бывшіе съ нимъ сенаторы и сановники поплыли въ Диррахій, объявляя, что резиденція правительства переносится туда и что будутъ подвергнуты строгому наказанію всѣ тѣ, кто перейдетъ на сторону врага отечества.

Раздраженіе и свирѣпость аристократіи. Эмигрирующіе вельможи поплыли изъ Италіи, пылая злобой и задумывая безпощадно отомстить противникамъ при своемъ побѣдоносномъ возвращеніи въ Римъ. Они хотѣли дѣйствовать тогда, какъ поступилъ Сулла, думали о проскрипціяхъ; и по жестокости къ плѣннымъ, какую выказывали Бибулъ, Лабіэнъ, Оталицій Крассъ и другіе военачальники ихъ, можно было видѣть, чего слѣдуетъ ожидать въ случаѣ ихъ побѣды. Они убивали многихъ даже изъ тѣхъ плѣнныхъ, которые сдавались, только получивъ обѣщаніе пощады. Цицеронъ ужасался, думая объ ихъ побѣдѣ. Рѣзкую противоположность угрозамъ оптиматовъ представлялъ образъ дѣйствій

Кротость Цезаря. Цезаря, котораго они называли чудовищемъ. Говорили, что разбойники, которыхъ ведетъ Цезарь, будутъ грабить и убивать всѣхъ зажиточныхъ людей; что долги, которыми обремены и самъ онъ, и его помощники Куріонъ, Антоній, Кассій и другіе, принудятъ ихъ сложить съ себя это подавляющее бремя уничтоженіемъ всѣхъ долговыхъ обязательствъ; что они привлекаютъ къ себѣ приверженцевъ надеждой на грабежъ, конфискаціи, просторъ всѣмъ порокамъ, безнаказанность преступленіямъ. Цезарь своими поступками опровергъ эту молву. Онъ охранялъ покоренные города отъ всякихъ обидъ, строго запретилъ своимъ воинамъ всякій грабежъ, всякое буйство, оптиматамъ, попадавшимся въ его руки, онъ предоставлялъ свободу жить въ Италіи или ѣхать въ Помпею. Если они уѣзжали въ республиканскій станъ, то случалось, что онъ посылалъ къ нимъ ихъ вещи и деньги.

Покореніе Италіи. Кротостью Цезаря и дисциплиною, въ которой держалъ онъ свое войско, были разсѣяны опасенія. Италійскіе города покорялись ему, всѣ въ Италіи отказывались отъ борьбы; она побѣжденная лежала у ногъ повелителя. Два мѣсяца зимняго похода сдѣлали его владыкою полуострова. Оптиматы въ своихъ виллахъ ободрились; купцы и капиталисты вынули свои спрятанныя коммерческія книги и возобновили свои дѣла; средніе классы примирялись съ новымъ положеніемъ дѣлъ. Такимъ образомъ Цезарь могъ вступить въ Римъ, не встрѣчая сопротивленія. Но скоро онъ увидѣлъ, что мысли населенія столицы о значеніи войны остались прежнія, что не измѣнились ея понятія о томъ, кто правъ, кто не правъ. Не всѣ покорившіеся обстоятельствамъ, отказавшіеся отъ сопротивленія побѣдителю, стали его приверженцами: большинство ихъ, по прежнему, осуждало его, желало побѣды его противникамъ.

Цезарь въ Римѣ. Начало апрѣля 49. Находившіеся при войскѣ Цезаря народные трибуны Антоній и Кассій созвали оставшихся въ Римѣ сенаторовъ на засѣданіе за стѣнами города; довольно многіе собрались по ихъ призыву, но Цезарь не могъ склонить это собраніе ни на какія рѣшенія, которыми выражалось бы, что они одобряютъ его дѣло. Сенаторы отвергли его предложеніе объявить, что

они считаютъ станъ Помпея не резиденціей правительства, а сборищемъ мятежниковъ и что Цезарь защищаетъ законный порядокъ. Онъ говорилъ, что если они не захотятъ раздѣлять съ нимъ заботъ о государственныхъ дѣлахъ, то онъ долженъ будетъ править одинъ; но и этой угрозой онъ не одолѣлъ ихъ пассивнаго сопротивленія. Онъ сказалъ, что желаетъ примиренія и предложилъ отправить посольство въ станъ Помпея. Они одобрили это, но принять на себя обязанность посла не захотѣлъ ни кто изъ нихъ. Важнѣйшіе изъ находившихся въ Италіи сенаторовъ не явились въ это засѣданіе; такъ, напримѣръ, не захотѣли быть въ немъ Цицеронъ и даже тесть Цезаря, Луцій Пизонъ. Они опасались подвергнуться мщенію сенаторовъ, уѣхавшихъ съ Помпеемъ. И народъ не былъ успокоенъ ни кроткими рѣчами Цезаря, ни его обѣщаніями раздавать хлѣбъ: населеніе Рима боялось войска, занявшаго городъ, и страхъ былъ усиленъ тѣмъ, что самъ Цезарь сдѣлалъ противузаконное распоряженіе. Онъ потребовалъ отъ сената полномочія взять государственную казну, находившуюся въ храмѣ Сатурна. Народный трибунъ Луцій Метеллъ протестовалъ противъ этого; Цезарь оставилъ его протестъ безъ вниманія и послалъ воиновъ взять казну. Метеллъ сталъ передъ дверьми казначейства и воспретилъ входъ; агенты Цезаря не отступили передъ священнымъ правомъ трибунской неприкосновенности и силой отвели Метелла въ сторону; выломали двери и взяли хранившіяся въ казначействѣ деньги; эта сумма по наименьшей оцѣнкѣ составляла болѣе 20,000,000 рублей. И такъ, Цезарь пошедшій на войну въ качествѣ мстителя за нарушеніе правъ народныхъ трибуновъ, не поцеремонился сдѣлать то, въ чемъ винилъ своихъ противниковъ. Овладѣвъ государственною казною, онъ получилъ средства идти въ походъ противъ легіоновъ Помпея въ Испанію.

Положеніе дѣлъ на западѣ.

Цезарь не поплылъ за Помпеемъ на востокъ; у него было мало кораблей; но главная задержка состояла въ томъ, что онъ не могъ оставить въ тылу у себя находившееся въ Испаніи войско Помпея. Въ войну съ Серторіемъ Помпей пріобрѣлъ расположеніе испанцевъ; они оставались преданны ему. На Эбро стояли его легаты Маркъ Петрейй и Луцій Афраній съ пятью легіонами, привычными къ горной войнѣ и съ многочисленными конными и пѣшими вспомогательными отрядами туземцевъ; ихъ войска охраняли проходы черезъ Пиренеи. Третій легатъ Помпея, Маркъ Теренцій Варронъ (знаменитый ученый), стоялъ съ двумя легіонами въ Южной Испаніи. Эти семь легіоновъ составляли главную опору республиканской партіи. Помпей при началѣ войны хотѣлъ отправиться къ нимъ; быстрота движеній Цезаря помѣшала тогда, тому. Но теперь Помпей имѣлъ возможность исполнить свое намѣреніе. Еслибы это храброе испанское войско перешло черезъ Пиренеи и соединилось въ Галліи съ враждебными Цезарю элементами, то война приняла бы очень тяжелый для Цезаря размѣръ, и побѣда его стала бы сомнительной. Оптиматы имѣли много приверженцевъ въ Нарбонской провинціи. Въ Массиліи находился Домицій Агенобарбъ, выданный Цезарю войсками, стоявшими въ Корфиніѣ, и отпущенный изъ плѣна побѣдителемъ. Онъ дѣйствовалъ въ пользу Помпея. Оптиматы постоянно покровительствовали Массиліи. Правительство этого города не дозволи-

ло войскамъ Цезаря идти черезъ принадлежавшую городу область. Въ Галліи, на сѣверъ отъ Севеннскихъ горъ, племена, еще такъ недавно покоренныя, легко могли быть возбуждены къ новому возстанію. Всѣ эти соображенія заставили Цезаря обратить свое оружіе прежде всего на западъ, и онъ исполнилъ это съ такой рѣшительностью и быстротой, съ какими за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ перешелъ Рубиконъ. Только быстрыми наступательными дѣйствіями онъ могъ одолѣвать противниковъ; дай онъ имъ время оправиться отъ разстроившей ихъ неожиданности, они стали бы сильнѣе его; потому онъ спѣшилъ идти въ Испанію. Наскоро принялъ онъ мѣры, необходимыя для поддержанія спокойствія въ Римѣ, поручилъ Марку Эмилію Лепиду управленіе столицею, назначилъ Марка Антонія начальникомъ войскъ, оставляемыхъ въ Италіи, послалъ Куріона и Азинія Полліона въ Сицилію противъ Катона, поручилъ Гортензію и Долабеллѣ строить два флота и пошелъ съ девятью легіонами къ низовью Роны, гдѣ уже ожидали его 6,000 кельтскихъ и германскихъ всадниковъ и многочисленные отряды лигурійскихъ и иберскихъ стрѣлковъ. Онъ оставилъ Децима Брута и Гаія Требонія съ тремя легіонами вести осаду Массиліи; безъ того приверженцы Помпея сдѣлали бъ этотъ городъ, важный по своему выгодному стратегическому положенію, складочнымъ мѣстомъ своихъ военныхъ запасовъ и сборнымъ пунктомъ своихъ силъ. Съ остальными шестью легіонами и съ конницей онъ пошелъ къ Пиренеямъ, овладѣлъ проходами этого хребта и пришелъ къ Илердѣ (Леридѣ), близъ которой на правомъ берегу Сикора (Сегре), одного изъ притоковъ Эбро, расположились укрѣпленнымъ станомъ Петрейй и Афраній. Ихъ позиція, находившаяся на грядѣ холмовъ, нѣсколько выше города по рѣкѣ, была сильна, и они имѣли большой запасъ провіанта. Войска Цезаря перешли по двумъ непрочнымъ деревяннымъ мостамъ Сикоръ, заняли низменный полуостровъ образуемый сліяніемъ этой горной рѣчки съ другою рѣчкою Цингою, и уже имѣли нѣсколько стычекъ съ противниками, когда пришелъ туда самъ Цезарь. Онъ тотчасъ же сдѣлалъ попытку овладѣть холмомъ, находившимся между Илердою и непріятельскимъ станомъ, чтобъ отрѣзать непріятеля отъ города и отъ подвоза провіанта, который шелъ черезъ каменный мостъ, находившійся на Сикорѣ у города. Но приступъ былъ отбитъ, и Цезарь принужденъ былъ отступить въ прежнюю позицію между двумя рѣчками. Таяніе снѣговъ въ горахъ подняло очень высоко воду этихъ рѣчекъ; стремительнымъ теченіемъ ихъ были сорваны деревянные мосты и отрѣзаны всѣ сообщенія Цезаря и съ Испаніей и съ Галліей. Войско его, запертое на очень небольшомъ пространствѣ, скоро стало страдать отъ недостатка провіанта, появились болѣзни; воинами овладѣло уныніе; передъ ихъ глазами Афраній разбилъ и загналъ въ горы шедшій къ нимъ изъ Галліи отрядъ съ обозомъ провіанта, простиравшійся вмѣстѣ съ дру-

Цезарь идетъ черезъ Галлію въ Испанію 49. Половина апрѣля.

Цезарь подъ Илердой іюнь 49.

гими присоединившимися къ нему отрядами до 6000 человѣкъ.—Въ Римѣ надежды оптиматовъ ожили. Всѣ сношенія Цезаря съ Италіей были прерваны. Но Афраній не отважился воспользоваться труднымъ положеніемъ непріятеля; онъ, по словамъ Діона, лучше умѣлъ танцовать, чѣмъ командовать войсками. Онъ держалъ себя вяло, надѣясь на то, что запертое между разлившимися рѣчками войско Цезаря погибнетъ отъ голода и болѣзней. Но Цезарь нашелъ средство выйдти изъ отчаяннаго положенія. Онъ велѣлъ дѣлать деревянныя рамы лодокъ, оплетать ихъ прутьями и обтягивать воловьими шкурами, какъ дѣлали свои лодки британцы. Положивъ эти лодки на телѣги, онъ привезъ ихъ ночью къ Сикору; часть войска переправилась на нихъ черезъ рѣку; воины Цезаря начали строить мостъ съ обѣихъ береговъ, и въ два дня мостъ былъ построенъ, сообщеніе войска съ Галліею возстановилось; посланные оттуда большіе обозы съ провіантомъ пришли въ станъ, голодъ прекратился. Цезарь тотчасъ же воспользовался своимъ улучшеннымъ положеніемъ, удачными дѣйствіями изгладилъ впечатлѣнія, произведенныя прежними извѣстіями, ободрявшими его враговъ. Бѣжавшіе въ горы отъ Афранія пришли въ его станъ; его конница была сильнѣе непріятельской; онъ посылалъ ее въ разъѣзды по лѣвому берегу Сикора, она перехватывала обозы, шедшіе къ непріятелю. Города, находившіеся между Эбро и Пиренеями—Оска, Тарраконъ, Дертоза, и другіе—заключили договоры съ Цезаремъ, стали присылать ему войска и продовольствіе. Скоро примѣру ихъ послѣдовали и нѣкоторые города болѣе отдаленныхъ мѣстностей. Легіоны Помпея получали мало подвоза продовольствія; надобно было опасаться, что онъ совершенно прекратится. Афраній и Петрей рѣшили покинуть опасную позицію, велѣли наскоро построить лодочный мостъ черезъ Иберъ (Эбро) у Октогезы; они хотѣли перейдти на южный берегъ Ибера, соединиться съ Варрономъ; имѣя тамъ изобильное продовольствіе и защищенные Иберомъ отъ неожиданныхъ нападеній, они надѣялись легко удержаться до зимы и полагали, что войско Цезаря, оставаясь на сѣверѣ отъ Ибера въ горной мѣстности, раззоренной войною, скоро начнетъ страдать отъ голода.

Отступленіе непріятельскаго войска.

Дѣйствія на Эбро.

Легіоны Помпея вышли изъ своего стана въ полночь, перешли по мосту у Илерды на лѣвый берегъ Сикора и уже приближались къ горамъ сѣвернаго берега Эбро; за ними гналась только конница Цезаря; остановить ихъ она не могла; дошедши до горъ, они продолжали бы путь къ Эбро совершенно спокойно, и переходъ черезъ рѣку оставался свободенъ. Но они были утомлены ночнымъ походомъ и непрерывными нападеніями непріятельской конницы; потому рѣшили дать себѣ отдыхъ на равнинѣ, а небольшое разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ горъ, гдѣ найдутъ они безопасность, перейдти слѣдующимъ утромъ. Пѣхота Цезаря увидѣвъ, что непріятель отступилъ, потребовала, чтобъ онъ велъ ее черезъ рѣку, хотя вода была по плечо человѣку. Такимъ образомъ, когда войско Помпея остановилось на отдыхъ, за нимъ уже гналась пѣхота Цезаря; въ концѣ вечера и ночью она настигла его и стала станомъ противъ его стана. Продолжать отступленіе безъ битвы, было не возможно. Слѣдующій день войска простояли, наблюдая другъ за другомъ. Ночью войско Помпея хотѣло уйдти тайкомъ, но Цезарь внимательно слѣдилъ за нимъ, и это не удалось. На третій день Цезарь, нашедши проводника, хорошо знавшаго мѣстность, отважнымъ движеніемъ по горамъ занялъ высоты, владычествовавшія надъ путемъ къ Эбро и отрѣзалъ непріятеля отъ этой рѣки. Воины его шумно требовали битвы и при выгодности его положенія она безъ сомнѣнія была бы рѣшена въ его пользу; но онъ воспротивился ихъ желанію: по человѣколюбію, онъ не хотѣлъ проливать кровь гражданъ безъ неизбѣжной необходимости. Чтобы не быть отрѣзаннымъ отъ воды и подвоза провіанта, помпеянцы защитили окопами дорогу къ нимъ изъ Илерды. Между воинами обоихъ становъ начались дружескія сношенія, знакомые и друзья здоровались. Вскорѣ сблизились центуріоны, военные трибуны; стали разговаривать о примиреніи; помпеянцы ставили условіемъ его пощаду своимъ начальникамъ. Цезарь охотно обѣщалъ ее и остался твердъ въ своемъ миролюбіи даже тогда, когда Петрей съ испанцами и рабами напалъ на цезаріанцевъ, которые вели переговоры и велѣлъ убить тѣхъ изъ нихъ, кого захватилъ въ плѣнъ. Помпеянцы стали терпѣть голодъ; Петрей и Афраній рѣшили возвратиться въ Илерду, гдѣ еще находилось много провіанта; аррьергардъ составляла легкая, а иногда и тяжелая пѣхота, конница же совершенно упала духомъ отъ постоянныхъ пораженій, такъ что пришлось поставить ее въ срединѣ войска. Отступленіе было очень тяжело, потому что цезаріанцы производили непрерывныя нападенія; по недостатку пищи надобно было рѣзать обозный скотъ; Цезарь очень дѣятельно велъ окопы, и скоро помпеянцы увидѣли себя въ опасности быть совершенно запертыми; они пытались тайно уйдти черезъ Сикоръ, но зоркость Цезаря разстроила эту попытку.

Переговоры.

Капитуляція 2 августа.

Помпеянцы принуждены были сдаться на капитуляцію; это рѣшеніе было облегчено имъ кротостью и великодушіемъ Цезаря. Онъ обѣщалъ свободу всѣмъ, не только простымъ воинамъ, но и начальникамъ, оставилъ имъ все имущество, даже возвратилъ то, что было захвачено въ добычу его воинами, которымъ далъ вознагражденіе за возвращаемыя вещи; онъ не принуждалъ никого изъ ветерановъ поступать на службу къ нему; испанцевъ онъ распустилъ тотчасъ же, послѣ того, какъ войско положило оружіе, а италійцевъ отпустилъ въ Нарбонскую Галлію. Они возвратились на родину съ разсказами о его побѣдахъ и его великодушіи. Афраній, Петрей и свита ихъ уѣхала къ Помпею.—Капитуляціею сѣвернаго войска была рѣшена и судьба южной Испаніи. Варронъ съ своими двумя легіонами хотѣлъ идти въ Гадесъ, гдѣ были собраны у него корабли, провіантъ, награбленныя деньги и другія сокровища. Но одинъ городъ за другимъ покорялся Цезарю; одинъ изъ легіоновъ Варрона, на глазахъ у него самого, ушелъ въ покорившійся Цезарю городъ Гиспалисъ (Севилью), Италика заперла передъ нимъ ворота; наконецъ, даже Гадесъ выгналъ стоявшій въ немъ гарнизонъ; Варронъ принужденъ былъ заключить миръ съ побѣдителемъ. Цезарь назначилъ правите-

Покореніе южной Испаніей.

лемъ Южной Испаніи Квинта Кассія Лонгина и черезъ Гадесъ и Нарбонъ поѣхалъ къ войску, осаждавшему Массилію.

Осада Массиліи. Когда еще стоялъ подъ Илердою, Цезарь былъ обрадованъ извѣстіемъ, что Децимъ Брутъ, осадивши Массилію съ суши, одержалъ побѣду на морѣ; у него было только двѣнадцать кораблей, построенныхъ изъ сырого лѣса, тяжелыхъ на ходу; экипажъ на нихъ были неопытные гребцы и воины легіоновъ; флотъ массилійцевъ былъ гораздо сильнѣе числомъ и качествомъ кораблей, искусствомъ моряковъ; но большая часть его кораблей была потоплена или взята Децимомъ Брутомъ, который этой побѣдою возобновилъ славу, пріобрѣтенную на войнѣ съ венетами (стр. 826). Потомъ онъ одержалъ у мыса Тавроэнта вторую побѣду надъ соединенными эскадрами кораблей Помпея и массилійцевъ и блокировалъ городъ съ моря. Экипажи массилійской эскадры, лучшую часть которыхъ составляли отважные горцы, альбики, сражались очень храбро, но эскадра Помпея, начальникомъ которой былъ Назидій, покинула ихъ, когда побѣда еще не была рѣшена; массилійцы были тѣснимы и съ суши, хотя и тутъ альбики бились чрезвычайно храбро, бросая на машины Требонія зажженныя стрѣлы.

Вылазка осажденныхъ. Осаждающіе построили каменную башню, громадные навѣсы надъ осадными машинами и разрушили таранами одну изъ городскихъ башенъ. Осажденные просили перемирія, говорили, что вступятъ въ переговоры о капитуляціи съ Цезаремъ, который, какъ предполагалось, скоро пріѣдетъ самъ. Требоній, имѣвшій отъ Цезаря приказаніе по возможности щадить городъ, согласился на ихъ просьбу, къ большой досадѣ своихъ воиновъ. Когда массилійцы увидѣли, что осаждающіе перестали остерегаться, то вѣроломно сдѣлали, при сильномъ вѣтрѣ, вылазку и зажгли машины, а также другія деревянныя части осадныхъ сооруженій; всѣ осадныя работы, стоившія осаждающимъ долгихъ трудовъ, были разрушены пожаромъ. Но торжество массилійцевъ было не продолжительно. Досада на ихъ вѣроломство удвоила силы римлянъ; въ нѣсколько дней все было поправлено, и осада возобновилась съ величайшей энергіей.

Пріѣздъ Цезаря. Городъ уже былъ близокъ къ паденію, граждане его и воины, изнуренные голодомъ и болѣзнями, со страхомъ ждали наказанія за свое вѣроломство, когда Цезарь пріѣхалъ изъ Испаніи. Они предложили сдаться, умоляя о пощадѣ. Только Домицій не хотѣлъ подвергать вторичному испытанію великодушіе противника. Въ бурную погоду онъ сѣлъ на корабль, прокрался черезъ непріятельскій флотъ и счастливо уплылъ къ Помпею въ Грецію. Цезарь не отступилъ и относительно массилійцевъ отъ правилъ кротости, которыхъ держался. Онъ успокоилъ гнѣвъ своихъ воиновъ, поклявшихся истребить вѣроломныхъ грековъ и жаждавшихъ разграбить богатый городъ. Онъ сохранилъ для потомства этотъ давній центръ греческой образованности и торговли.

Капитуляція. Онъ не оставилъ безнаказаннымъ вѣроломство массилійцевъ: они должны были выдать ему оружіе, корабли, деньги, бывшія въ городской казнѣ, уступить бо́льшую половину своей области, и онъ поставилъ у нихъ два легіона; но онъ пощадилъ ихъ жизнь и свободу. Массилія осталась центромъ римско-греческой культуры на западѣ. Но вскорѣ сильнымъ соперникомъ ея въ торговлѣ сталъ Немавзъ (Нимъ); это было массилійское селеніе; римляне дали ему права латинскаго города, большой округъ земли, разныя привилегіи, и городъ сталъ многолюднымъ.

Куріонъ въ Сициліи и въ Африкѣ. Между тѣмъ помощники Цезаря овладѣли Сардиніей и Сициліей, разрушили этимъ планъ помпеянцевъ остановить подвозъ хлѣба въ Италію и произвести въ ней голодъ. Катонъ, глубоко скорбѣвшій о судьбѣ отечества, принялъ на себя управленіе Сициліею, и многіе полагали, что этотъ островъ сдѣлается сборнымъ мѣстомъ республиканцевъ. Но Куріонъ съ войскомъ, сформированнымъ въ Италіи, пришелъ въ Сицилію, и Катонъ принужденъ былъ покинуть ее. Онъ далъ сиракузанцамъ добросовѣстный совѣтъ: не раздражать врага напраснымъ сопротивленіемъ, и уплылъ къ Помпею. Куріонъ пустился изъ Сициліи въ Африку отнять ее у помпеянцевъ и ихъ союзника, нумидійскаго царя Юбы. Краснорѣчивый ораторъ Куріонъ былъ отважный воинъ; съ начала онъ дѣйствовалъ въ Африкѣ очень успѣшно. Своими военными талантами, храбростью, снисходительностью и любезностью онъ пріобрѣлъ довѣріе и преданность воиновъ. Большинство ихъ состояло изъ тѣхъ новобранцевъ, которые были взяты на службу Помпеемъ, сдались въ Корфиніѣ Цезарю и были приняты имъ на службу къ нему. И однакожь они устояли противъ всѣхъ убѣжденій Вара, правителя Африки, возвратиться подъ знамена Помпея, и разбили непріятеля въ кровопролитномъ сраженіи подъ Утикой. Но вскорѣ послѣ того Куріонъ, горячій молодой человѣкъ, увлекся своей отвагой, непріятель заманилъ его въ сраженіе на невыгодной для него позиціи у рѣки Баграда; окруженный ливійской конницей Юбы, онъ послѣ геройской обороны погибъ со всѣмъ своимъ войскомъ. Гней Домицій Кальвинъ, находившійся при войскѣ Юбы, доставлялъ ему возможность бѣжать, но онъ искалъ смерти, потому что стыдился явиться къ Цезарю побѣжденнымъ; своей геройской погибелью онъ искупилъ легкомысленную растрату своихъ силъ въ безпорядочной жизни. По смерти Куріона сдался отрядъ, оставленный имъ подъ Утикой, сдались и воины его эскадры. Въ сопровожденіи сенаторовъ Юба вступилъ въ главный городъ африканской провинціи; онъ считалъ себя уже владыкой всего африканскаго берега и поступалъ съ римлянами, какъ съ своими кліентами. (Августъ или сентябрь 49.)

Неудачи цезаріанцевъ въ Илліріи. Около того же времени войска Цезаря потерпѣли пораженіе на другомъ театрѣ войны. Онъ послалъ Гаія Антонія съ двумя легіонами въ Иллирію, а Публія Долабеллу съ небольшимъ флотомъ въ Адріатическое море охранять иллирскій берегъ отъ непріятельскихъ эскадръ. Но флотъ Долабеллы былъ уничтоженъ флотомъ Помпея, гораздо болѣе много-

численнымъ, и легіоны Антонія были заперты на островѣ Куриктѣ (Вельѣ, въ Кварнерскомъ заливѣ). Голодъ и измѣна принудили ихъ сдаться Октавію, начальнику флота Помпея. Нѣкоторые транспаданцы лишили сами себя жизни; нѣкоторые другіе воины успѣли уплыть на плотахъ къ берегу; остальное войско, составлявшее пятнадцать когортъ, было отправлено въ Македонію и включено въ составъ арміи Помпея. Партія, имѣвшая его своимъ полководцемъ, овладѣла всею Илліріею, кромѣ города Салоны. Но сравнительно съ побѣдами Цезаря эти успѣхи были незначительны.

c) Битвы при Диррахіѣ. Битва при Фарсалѣ.

Станъ Помпея.

Между тѣмъ не бездѣйствовали и противники Цезаря. Помпей, снова выказывавшій теперь таланты великаго полководца, имѣлъ большое вліяніе на царей и народы Востока: тамъ еще помнили могущество «царя царей», который побѣдилъ Митридата и Тиграна; по его призыву шли оттуда къ нему войска. У него собралось девять легіоновъ; его тесть Метеллъ Сципіонъ, всяческими насиліями собиравшій деньги въ Сиріи, велъ ему еще два легіона. Ему были присланы вспомогательныя войска изъ Каппадокіи, Ѳракіи, Сиріи, съ Крита; галатскій царь, старикъ Дейотаръ, пришелъ съ своимъ войскомъ самъ. Такимъ образомъ къ осени Помпей имѣлъ одиннадцать легіоновъ и 7000 человѣкъ конницы. Въ его флотѣ было 500 кораблей. Республиканцы вступили въ переговоры съ парѳянами, забывая месть за Красса; но Помпей не рѣшился отдать парѳянамъ Сирію, завоеваніемъ которой гордился, и переговоры разстроились. Главною квартирою своею Помпей выбралъ приморскій городъ Диррахій; тамъ было заготовлено огромное количество провіанта. Денегъ у республиканцевъ было тоже очень много: въ ихъ кассу поступали платежи откупщиковъ, дань подвластныхъ Риму царствъ и городовъ, вообще всѣ доходы съ восточной части государства; кромѣ того, богатые сенаторы дѣлали добровольныя пожертвованія. Но при всей обширности средствъ, находившихся въ распоряженіи Помпея, положеніе его было затруднительно. Войско его состояло изъ разноплеменныхъ отрядовъ; различіе языка, обычаевъ, степени образованности мѣшало ихъ единодушію. Еще больше вредило распоряженіямъ главнокомандующаго то, что въ войскѣ было множество гордыхъ своею знатностью военныхъ трибуновъ и центуріоновъ, дѣйствовавшихъ самовластно, неповиновавшихся приказаніямъ своего полководца. Очень вредно было и то, что при войскѣ находилось много вельможъ, которые мѣшались во все, хотя не занимали ни какихъ должностей. Они перенесли въ станъ ссоры, интриги столицы и, выказывая ожесточенную ненависть къ противникамъ, отталкивали отъ себя людей нерѣшительныхъ, которымъ не нравилась ихъ непримиримая жестокость; перенесли они въ станъ и роскошь своего столичнаго образа жизни.

Характеръ партіи Помпея. a) роскошный образъ жизни въ станѣ.

Воины Цезаря, изъ которыхъ многіе больше десяти лѣтъ не ночевали подъ кровлей, дивились тому, что слышали о станѣ Помпея. Они привыкли выносить въ своей походной жизни голодъ и жажду, зной и стужу, всяческія лишенія; имъ были странны роскошные шатры республиканцевъ, похожіе на прекрасныя бесѣдки, полъ которыхъ былъ выложенъ свѣжимъ дерномъ, стѣны были убраны лавровыми вѣтвями, плющемъ, миртами; тамъ были дорогіе ковры, мягкіе матрасы и подушки, на красивыхъ столахъ стояла дорогая посуда; знатные гости проводили на пирахъ вечера, ночи, часто и половину дня. Помпей досадовалъ на такой образъ жизни, вредный въ станѣ, ронявшій дисциплину; но аристократы, окружавшіе его, не обращали вниманія на его жалобы и выговоры. Много досады доставляли ему и тѣ безразсудства, какими вредили дѣлу аристократы, не участвовавшіе въ походной жизни. Главнымъ сборнымъ мѣстомъ этихъ вельможъ была Ѳессалоника; туда съѣхалось столько сенаторовъ и всадниковъ, что казалось будто этотъ городъ сдѣлался столицею римскаго государства; тамъ было болѣе 200 сенаторовъ, въ томъ числѣ много людей, бывшихъ консулами; эти вельможи старинныхъ фамилій очень вредили своею гордостью и мстительностью дѣлу республики, которому хотѣли служить. Можно было считать невиннымъ тщеславіемъ то, что они воображали себя составляющими законное правительство государства, хотѣли соблюдать обычныя формы администраціи, самоувѣренно толковали о скоромъ побѣдоносномъ возвращеніи въ Италію, думая импонировать своей самоувѣренностью; собирались на засѣданія, какъ будто они образуютъ сенатъ, принимали рѣшенія, которыми объявляли, что оставляютъ прежнихъ консуловъ и преторовъ въ ихъ должностяхъ на слѣдующій годъ, потому что народъ не можетъ свободно избирать на римскомъ форумѣ новыхъ сановниковъ. Впрочемъ, они называли свое собраніе только совѣтомъ трехъ сотъ, а не сенатомъ, изъ уваженія къ Риму, единственному законному мѣсту совѣщаній сената. Эта забава сенаторовъ, собравшихся въ Ѳессалоникѣ, была игрой, не имѣвшей особенно вреднаго вліянія. Но гораздо хуже были послѣдствія безумной мстительности горячихъ оптиматовъ, поступавшихъ такъ, что Цицеронъ ужасался за судьбу государства въ случаѣ ихъ побѣды. По мнѣнію этихъ людей, ослѣпленныхъ политической ненавистью, слѣдовало казнить не только Цезаря и всѣхъ его приверженцевъ, но всѣхъ тѣхъ, кто не выказывалъ себя горячимъ оптиматомъ. Домицій, бѣжавшій изъ Корфинія, бѣжавшій изъ Массиліи, предлагалъ, чтобы сенаторы, уѣхавшіе къ войскамъ Помпея, предали суду и приговорили къ смертной казни всѣхъ тѣхъ сенаторовъ, которые остались въ Италіи, даже вообще всѣхъ тѣхъ, которые не пріѣхали къ войскамъ, защищающимъ законный порядокъ. Другіе представители этого политическаго фанатизма, какъ, напримѣръ, Маркъ Бибулъ, начальствовавшій флотомъ республиканцевъ, и бывшій легатъ Цезаря Лабіэнъ, опозорили себя безчеловѣчной свирѣпостью. Между тѣмъ какъ Цезарь отпускалъ на свободу противниковъ, которыхъ бралъ въ плѣнъ, они и подобные имъ фанатики казнили всѣхъ попадавшихся имъ въ руки цезаріанцевъ, знатныхъ и не знатныхъ безъ разбора. Помпей, Катонъ, Марцеллъ, другіе умѣренные люди напрасно старались остановить это безуміе, напрасно требовали гуманности относительно противниковъ, доказывая, что жестокости увеличиваютъ гибельность междоусобія, отнимаютъ у государства возможность успокоиться; фанатики называли ихъ глупцами и продолжали свои свирѣпости.

b) Высокомѣріе аристократовъ, собравшихся въ Ѳессалоникѣ; ихъ сенатъ.

c) Мстительность и жестокость оптиматовъ.

Покоривъ Испанію и взявъ Массилію, Цезарь съ своимъ войскомъ

Цезарь переправляется через Іонійское море. Осень. 49.

возвратился черезъ Сѣверную Италію въ Римъ. Въ Плаценціи одинъ изъ его легіоновъ поднялъ мятежъ по досадѣ на то, что не получилъ ожидаемой добычи, и по утомленію изнурительной войной; но Цезарь своей твердостью и тактомъ быстро усмирилъ мятежниковъ. По предложенію претора Лепида, народное собраніе уже дало Цезарю санъ диктатора; возвратившись въ Римъ, онъ пожелалъ, чтобы народъ избралъ его на слѣдующій (48) годъ консуломъ, и, разумѣется, былъ избранъ. Онъ желалъ принятіемъ консульскаго сана показать, что Римъ остается республикой. Онъ далъ право римскаго гражданства населенію сѣверной половины Цизальпійской Галліи,—той части ея, которая находилась между рѣкою По и Альпами; это была награда за преданность той области ему лично. Онъ сдѣлалъ облегченіе въ правилахъ, по которымъ разсчитывались проценты и взыскивались долги; дозволилъ изгнанникамъ возвратиться, велѣлъ раздавать хлѣбъ бѣднымъ гражданамъ, жившимъ въ Римѣ; этими мѣрами онъ желалъ пріобрѣсти расположеніе массы римскаго населенія. Устроивъ дѣла въ Римѣ, онъ собралъ въ Брундизіѣ двѣнадцать военныхъ кораблей и довольно большое число транспортныхъ судовъ, посадилъ на нихъ 15,000 человѣкъ пѣхоты и 600 человѣкъ конницы и поплылъ черезъ Іонійское море къ Диррахію, бывшему главнымъ сборнымъ мѣстомъ войскъ Помпея. Республиканскій флотъ, имѣвшій болѣе ста кораблей, стоялъ у Коркиры, но не успѣлъ помѣшать переправѣ, потому что начальники его считали невозможнымъ, чтобы Цезарь предпринялъ такое опасное дѣло. Не тревожимый непріятельскими кораблями, онъ присталъ къ Акрокеравнскому мысу; войско его, не встрѣчая сопротивленія, вышло на берегъ, онъ быстро двинулся впередъ и занялъ прибрежные города Орикъ, Авлонъ, Аполлонію. Ни мѣстныя эпирскія войска, ни отряды войскъ Помпея, стоявшіе по сосѣдству, не успѣли остановить его. Начало было счастливо, но потомъ дѣла приняли опасный для Цезаря оборотъ. Начальникъ республиканскаго флота Бибулъ старался по возможности поправить дѣло, испорченное его оплошностью. Онъ захватилъ тридцать кораблей Цезаря, возвращавшихся въ Брундизій за остальными войсками и за обозомъ, и безпощадно сжегъ ихъ со всѣми воинами и гребцами бывшими на нихъ. Потомъ онъ занялся охраненіемъ эпирскаго и иллирскаго прибрежья; онъ вскорѣ умеръ, но распоряженія начатыя имъ, продолжалъ его преемникъ Скрибоній Либонъ. По всему прибрежью отъ Диррахія до Солоны были поставлены военные корабли съ отрядами войскъ. Такимъ образомъ, помощники Цезаря не могли привезти къ нему остававшіяся въ Брундизіѣ войска. Онъ хотѣлъ овладѣть Диррахіемъ; но Помпей очень быстро повелъ туда войско изъ Ѳессалоники; шелъ ночью при свѣтѣ факеловъ и успѣлъ войдти въ Диррахій раньше Цезаря. Это сдѣлало положеніе Цезаря очень опаснымъ. Онъ расположился укрѣпленнымъ станомъ между Аполлоніею и Диррахіемъ, на лѣвомъ берегу рѣки

Удачныя дѣйствія республиканцевъ. Зима, 49—48.

Апса, ожидая своихъ войскъ изъ Италіи. На правомъ берегу сталъ непріятель. Оба войска очень долго оставались въ этихъ позиціяхъ. Республиканцы, владѣя моремъ, имѣя изобильный подвозъ провіанта, могли спокойно дожидаться хорошей поры года. Они надѣялись, что малочисленное войско Цезаря, не получая подкрѣпленій, будетъ въ продолженіе зимы такъ ослаблено голодомъ, стужею, и болѣзнями, что Помпей, получивъ къ тому времени подкрѣпленія съ востока и обучивъ своихъ молодыхъ воиновъ, легко подавитъ противника численнымъ превосходствомъ. Потому они отвергали всѣ предложенія о мирѣ. Оптиматы были увѣрены, что Цезарь погибнетъ и готовились, побѣдивъ его, возстановить порядокъ дѣлъ, введенный Суллою. Дѣйствительно, положеніе Цезаря, не получавшаго подкрѣпленій, было такъ тяжело, что онъ рѣшился плыть сквозь непріятельскій флотъ въ Италію за своими стоявшими въ Брундизіѣ войсками. Въ бурную ночь онъ, переодѣтый, сѣлъ на большую лодку; кормчій боялся плыть въ бурю; Цезарь сказалъ въ ободреніе ему: «Не бойся, ты везешь Цезаря и его счастье!». Но при устьѣ рѣки Аоя волненіе было такъ сильно, что Цезарь принужденъ былъ вернуться. Вскорѣ послѣ того отважный и усердный легатъ Цезаря, Маркъ Антоній, рѣшился плыть къ нему съ тремя легіонами ветерановъ и 800 всадниковъ. За нимъ погнался непріятельскій флотъ; онъ успѣлъ пристать къ Лиссу (на сѣверѣ отъ Диррахія), но спасся отъ погибели только благодаря тому, что южный вѣтеръ внезапно перешелъ въ западный и погналъ корабли республиканцевъ на скалы. Въ обоихъ войскахъ стоявшихъ на Апсѣ, замѣтили эскадру Антонія. Помпей послалъ часть своего войска истребить отрядъ Антонія, вышедшій на берегъ, Цезарь послалъ подкрѣпленія своему легату. Счастье и тутъ помогло отвагѣ: Антоній удачно обошелъ Диррахій и соединился съ Цезаремъ. Но Гней Помпей, младшій сынъ полководца, горячій и смѣлый воинъ, приплывшій съ эскадрой изъ Египта, настигъ корабли Цезаря у Орика и Лисса, нѣкоторые изъ нихъ потопилъ, другіе взялъ въ плѣнъ, такъ-что Цезарь былъ теперь совершенно отрѣзанъ отъ сообщеній съ Италіею моремъ. Благодаря тому, республиканцы получили перевѣсъ и въ войнѣ на сухомъ пути.

Положеніе Цезаря.

Искуснымъ движеніемъ Цезарь занялъ гору между Диррахіемъ и Апсомъ и такимъ образомъ отрѣзалъ Помпея отъ сообщеній съ Диррахіемъ по сухому пути. Но Помпей перешелъ на приморскую долину при устьѣ рѣки Генуса; въ этой позиціи онъ имѣлъ свободныя сообщенія и съ моремъ и съ Диррахіемъ. Цезарь получалъ очень мало подвоза провіанта и предлагалъ непріятелю битву; но Помпей хорошо понималъ выгоды своего положенія и не принялъ ея. Цезарь овладѣлъ холмами, опоясывающими приморскую равнину, на которой стоялъ Помпей, и началъ обводить его станъ двумя линіями окоповъ, чтобы принудить его или уплыть или принять битву. Возведеніе окоповъ было колоссальной работой, но Цезарь довелъ ее до конца. Помпей посылалъ отряды разрушать окопы, но это не

Военныя дѣйствія у Диррахія.

удалось, и онъ защитилъ себя отъ нападеній Цезаря такою же линіею укрѣпленій. Скоро войско Цезаря стало терпѣть недостатокъ въ провіантѣ, между тѣмъ какъ Помпей свободно получалъ провіантъ моремъ изъ Диррахія. Пшеницы у Цезаря уже не было, воины его должны были печь хлѣбъ изъ ячменя, а потомъ принуждены были питаться древесной корою. Но у республиканцевъ не было корма для лошадей и вьючнаго скота; еще тяжеле былъ недостатокъ хорошей воды: Цезарь завалилъ или отвелъ въ сторону ручьи; отъ дурной воды начались въ станѣ Помпея болѣзни, отъ которыхъ умирало много воиновъ. Помпей дѣлалъ нападенія на окопы Цезаря; гарнизонъ Диррахія тоже дѣлалъ вылазки; эти схватки были кровопролитны, но ветераны Цезаря отбивали всѣ нападенія. Помпей думалъ уже посадить свое войско на корабли и уплыть; но двое изъ начальниковъ аллоброгской конницы, дозволившіе себѣ такіе поступки, за которые опасались наказанія, ушли отъ Цезаря къ Помпею и показали ему слабое мѣсто въ окопахъ Цезаря. Онъ съ большими силами сдѣлалъ нападеніе на это мѣсто съ трехъ сторонъ одновременно, прогналъ стоявшій тутъ отрядъ, отогналъ отряды, пришедшіе на помощь тѣснимому, и проложилъ себѣ свободный путь въ окрестности, гдѣ были вода и луга. Одинъ изъ его легіоновъ, стоявшій отдѣльно отъ другихъ, подвергся въ это время нападенію Цезаря; Помпей вернулся на помощь ему; ряды Цезаря разстроились при движеніяхъ по перерѣзанной рвами мѣстности; Помпей нанесъ имъ большой уронъ и обратилъ ихъ въ бѣгство. Войско Цезаря спаслось отъ полнаго пораженія только благодаря тому, что Помпей дѣйствовалъ очень осторожно, и воинамъ его было трудно преслѣдовать бѣгущихъ по пересѣченной мѣстности. Но линіи окоповъ, возведенныхъ четырехмѣсячной работой, были прорваны; 1000 воиновъ Цезаря была убита, непріятель захватилъ 32 значка когортъ. Взятыхъ въ плѣнъ ветерановъ съ насмѣшкой велѣлъ убить ихъ прежній военачальникъ Лабіэнъ.

Цезарь уходитъ въ Θессалію.

Оптиматы торжествовали; мысленно они уже дѣлили имущество противниковъ. Но радость была преждевременна: на отступленіи въ Аполлонію Цезарь уже показалъ, что пораженіе при Диррахіи, произведенное не столько превосходствомъ силъ врага, сколько измѣной и случайностью, не отняло у него бодрости; не упали духомъ и воины его. Онъ отступалъ въ такомъ порядкѣ, что Помпей на четвертый день нашелъ безполезнымъ преслѣдованіе. Размѣстивъ раненныхъ и больныхъ въ Аполлоніи, Цезарь пошелъ черезъ суровыя Эпирскія горы въ Θессалію; тамъ у истоковъ Пенея присоединились къ нему два легіона, съ которыми онъ посылалъ Домиція Кальвина задержать шедшаго изъ Азіи къ Помпею Метелла Сципіона; онъ взялъ и отдалъ на разграбленіе войску городъ Гомфы, куда не хотѣли впустить его граждане; этимъ онъ такъ запугалъ θессалійцевъ, что всѣ другіе города покорялись ему. Онъ нашелъ въ нихъ много провіанта, и воины его могли вознаградить себя за страданія голода. Но Помпей не далъ имъ отдыхать долго. На военномъ совѣтѣ въ Диррахіи былъ поднятъ вопросъ, не слѣдуетъ ли теперь перенести войну въ Италію; но Помпей сказалъ, что нельзя оставлять на погибель легіоны Метелла Сципіона, не должно отдавать на произволъ мщенія Цезаря народы и царей Востока и сенаторовъ, находившихся въ Θессалоникѣ. Это мнѣніе одержало верхъ; было рѣшено, что надобно прежде всего уничтожить побѣжденное войско Цезаря, а потомъ вернуться въ Италію. Побѣда внушила Помпею отвагу; а фанатики, окружавшіе его, требовали, чтобы онъ спѣшилъ истребить разбитаго врага; онъ отбросилъ прежнюю осторожность, рѣшился дѣйствовать быстро, и безразсудство оптиматовъ, желавшихъ какъ можно скорѣе кончить войну, вовлекло его въ преждевременную рѣшительную битву. Оставивъ Катона съ отрядомъ войска въ Диррахіи охранять прибрежье, онъ перешелъ Пиндъ, соединился у Лариссы съ легіонами своего тестя Метелла Сципіона и лѣтомъ пришелъ къ Киноскефаламъ, гдѣ слишкомъ за сто лѣтъ передъ тѣмъ была рѣшена судьба Македоніи (стр. 527 и слѣд). Между этою грядою холмовъ и отрисскимъ хребтомъ лежитъ равнина, перерѣзываемая рѣчкою, которая называлась тогда Энипеемъ; по сосѣдству стоялъ городъ Фарсалъ. Войска сошлись на этой равнинѣ, расположились станомъ одно на одномъ, другое на другомъ берегу мелководной рѣчки, и простояли такъ нѣсколько дней. Позиція Помпея была выгодна: онъ стоялъ на высокой мѣстности и получалъ изобильный подвозъ провіанта; онъ отлагалъ битву, справедливо разсчитывая, что непріятель, не имѣющій подвоза хлѣба, скоро увидитъ себя въ такомъ же трудномъ положеніи, какъ при Диррахіи. Но вельможи, находившіеся въ станѣ, нетерпѣливо желали раздѣлить между собою имущество враговъ и снова стать правителями государства; они упрекали Помпея въ томъ, что онъ медлитъ дать рѣшительную битву лишь по желанію дольше играть роль Агамемнона, повелѣвать знатнѣйшими людьми государства. Это произвело битву при Фарсалѣ. Цезарь уже думалъ объ отступленіи, когда передовая стража донесла ему, что приближается непріятель; онъ воскликнулъ: «Прекрасно, наше желаніе исполняется, пришелъ день, когда мы будемъ бороться не съ голодомъ, а съ людьми». Всѣ выгоды битвы были на сторонѣ Помпея; у него было 45,000 человѣкъ пѣхоты, у Цезаря вдвое меньше, у перваго было 5000 человѣкъ конницы, у Цезаря въ шесть разъ меньше. И однако же Цезарь одержалъ блистательную побѣду, благодаря храбрости своихъ ветерановъ и своему генію. Вельможи, начальствовавшіе войсками Помпея, гордо говорили, что одной конницы будетъ достаточно для того, чтобы обратить въ бѣгство изнуренныхъ противниковъ, и на обоихъ флангахъ повели конницу въ аттаку. Но Цезарь, хорошо зная, что его кельтская и германская конница не выдержитъ натиска враговъ, поставилъ на поддержку ей нѣсколько поодаль въ засадѣ 2000 человѣкъ самыхъ храбрыхъ пѣхотныхъ воиновъ. Конница Помпея, опрокинувъ непріятельскую и погнавшись за нею, вдругъ увидѣла передъ собою копья тяжело вооруженной пѣхоты; копья эти по инструкціи Цезаря были приподняты такъ, что направлялись прямо въ лицо молодыхъ щеголей, какъ называлъ Цезарь богатую молодежь

Помпей идетъ за Цезаремъ.

Битва при Фарсалѣ. 9 августа 706 отъ основанія Рима (6 іюня 48).

изъ которой состояла конница Помпея; эти изящные всадники смутились, повернули лошадей и поскакали прочь; ихъ бѣгство открыло лѣвый флангъ ихъ пѣхоты; отборные воины Цезаря аттаковали его; въ то же время центръ пѣхоты Цезаря стремительно аттаковалъ пѣхоту Помпея съ фронта. Бѣгство конницы смутило ее и самого Помпея, потому что онъ надѣялся всего больше именно на свою конницу. Битва еще шла упорно, когда онъ, совершенно разстроенный мыслями, повернулъ коня и поѣхалъ въ станъ, оставивъ свое войско на произволъ судьбы. Послѣ ожесточеннаго боя, оно было прогнано за рѣку въ полномъ безпорядкѣ. Положеніе дѣлъ на сторонѣ Помпея было теперь такое же, въ какомъ былъ Цезарь послѣ пораженія при Диррахіи; если бы Помпей сохранилъ бодрость, можно было бы поправить результаты неудачной битвы; но онъ, пользовавшійся всю свою жизнь благосклонностью счастья, упалъ духомъ, когда оно измѣнило ему, не нашелъ въ себѣ той твердости, которая одолѣваетъ неудачи. Когда отступающія толпы приблизились къ стану, Помпей снялъ съ себя эмблемы сана главнокомандующаго и поскакалъ ближайшей дорогой черезъ Лариссу къ морю. Главнокомандующимъ остался его тесть, Метеллъ Сципіонъ, котораго онъ, по желанію вельможъ, назначилъ передъ битвой своимъ помощникомъ. Метеллъ не могъ привести въ порядокъ разстроенное войско; вытѣсненное непріятелемъ изъ окоповъ стана, оно ушло разрозненными отрядами въ горы окрестностей Скотуссы и Краннона; эти отряды хотѣли пройдти горами въ Лариссу къ Помпею; но Цезарь, сдѣлавъ усиленный переходъ по равнинѣ, зашелъ впередъ имъ, отрѣзалъ ихъ отъ Лариссы, а позднимъ вечеромъ успѣлъ сдѣлать окопы, которыми отрѣзалъ ихъ и отъ рѣки Энипея; жажда принудила ихъ на слѣдующее утро положить оружіе. Передъ началомъ битвы Цезарь велѣлъ своимъ воинамъ щадить римскихъ гражданъ, потому побѣжденные не колебались отдаться въ плѣнъ.

Бѣгство Помпея и пораженіе его войска.

Такъ кончилась битва при Фарсалѣ; поле сраженія покрывали 15,000 непріятельскихъ тѣлъ, а Цезарь потерялъ, какъ онъ говоритъ, только 200 воиновъ и 30 центуріоновъ. Число сдавшихся въ плѣнъ было больше 34,000. Побѣдители взяли 9 орловъ и 180 мелкихъ знаменъ. — Лишь нѣсколько небольшихъ отрядовъ успѣли уйдти горами; съ ними ушли отъ плѣна многіе изъ вельможъ, начальствовавшихъ разбитымъ войскомъ. Въ числѣ убитыхъ находился Луцій Домицій. — Цезарь и теперь остался вѣренъ своей системѣ кротости, не захотѣлъ подражать свирѣпостямъ Бибула и Лабіэна. Правда, онъ казнилъ нѣсколькихъ сенаторовъ и всадниковъ, выказавшихъ себя особенно упорными врагами его или попадавшихся ему въ плѣнъ прежде, освобожденныхъ имъ, возвратившихся къ Помпею и взятыхъ теперь въ плѣнъ во второй разъ. Правда, онъ объявилъ имущества этихъ казненныхъ конфискованными; но онъ пощадилъ царей, пришедшихъ на помощь Помпею, своему прежнему покровителю, а изъ римскихъ вельможъ онъ пощадилъ всѣхъ положившихъ оружіе и давшихъ

Число убитыхъ, участь плѣнныхъ.

обѣщаніе повиноваться ему. Воиновъ и второстепенныхъ начальниковъ онъ не подвергъ ни какому наказанію и принялъ всѣхъ ихъ въ ряды своего войска. Бумаги Помпея, попавшія въ его руки, онъ уничтожилъ, не читая.

Битва при Фарсалѣ нанесла смертельную рану республиканской партіи, развязка ея была переходомъ отъ республиканской формы правленія къ монархической. Правда, главные вожди республиканцевъ еще оставались живы; республиканскій флотъ, эскадры котораго стояли въ гаваняхъ Диррахія, Коркиры, Брундизія, Мессаны, владычествовалъ на морѣ; въ большей части римскихъ провинцій еще оставались войска, вѣрныя Помпею; но республиканцамъ не доставало единства управленія, согласія въ дѣйствіяхъ; у большинства изъ нихъ не было надежды на побѣду, вѣры въ то, что республиканская форма правленія уцѣлѣетъ.—Помпей съ немногими спутниками спѣшилъ, по равнинѣ Пенея, черезъ лавровыя рощи темпейской долины, къ морю, сѣлъ на одинокій корабль и поплылъ по Эгейскому морю на далекій востокъ, искать себѣ спасенія въ странахъ, гдѣ прославился побѣдами. Помощники его, Метеллъ Сципіонъ, Афраній, Лабіэнъ, съ остатками разбитаго войска, македонскими и иллирскими, шли горами и ущельями къ Эпирскому берегу, а другіе отряды бѣжали въ Пелопоннесъ. Когда въ Диррахіи было получено извѣстіе о Фарсальской битвѣ, войска флота и гарнизона совершенно оробѣли; Катонъ, начальствующій ими, увидѣлъ, что необходимо покинуть берегъ материка, и велѣлъ плыть въ Коркиру; воины такъ спѣшили уплыть, что сожгли нѣсколько кораблей съ хлѣбомъ, замедлявшихъ бѣгство.

Республиканцы собираются на Коркирѣ.

Въ Коркиру приплыли также Гней Помпей съ небольшой эскадрой изъ Орика. Гай Кассій изъ Сициліи, нѣкоторые другіе военачальники. Катонъ созвалъ военный совѣтъ. Но мнѣнія были такъ разногласны, что не было принято никакого общаго рѣшенія. Катонъ, не имѣвшій военной опытности, не способный повелѣвать какъ полководецъ, хотѣлъ по своему уваженію къ обычаямъ законнаго порядка передать власть главнокомандующаго Цицерону, который былъ консуломъ раньше нежели онъ, потому занималъ въ сенатѣ мѣсто выше его. За два года передъ тѣмъ Цицеронъ былъ проконсуломъ въ Киликіи, сдѣлалъ удачный походъ противъ хищныхъ горцевъ Аманскаго хребта, за побѣды надъ ними былъ названъ императоромъ и просилъ себѣ тріумфа. Но начальствовать войсками въ войнѣ въ Цезаремъ онъ не хотѣлъ. Онъ съ испугомъ отвергъ предложеніе Катона и объявилъ, что думаетъ возвратиться въ Италію. Этимъ онъ подалъ лозунгъ перехода со стороны республиканцевъ къ покорности Цезарю. Его робость такъ раздражила Гнея Помпея, что этотъ горячій человѣкъ схватился за мечъ и убилъ бы Цицерона, если бы не остановилъ его Катонъ. Многіе изъ оптиматовъ уже рѣшились покориться Цезарю; другіе, какъ напримѣръ Марцеллъ, удалиться въ добровольное изгнаніе.

Катонъ, оставшись начальникомъ флота, поплылъ изъ Коркиры въ Коринѳскій заливъ, чтобы принять на свои корабли республиканцевъ,

Республиканцы плывут изъ Корвиры въ Африку. Тревога въ провинціяхъ.

бѣжавшихъ въ Патры и другіе сосѣдніе города. Получивъ извѣстіе что приближается легатъ Цезаря Квинтъ Фуфій Каленъ, онъ поплылъ въ африканскую провинцію. Онъ уже понималъ тогда, что республиканская форма правленія погибаетъ, и предоставилъ каждому дѣйствовать сообразно собственнымъ мыслямъ, онъ не хотѣлъ въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ принуждать людей поступать по его, а не по собственнымъ убѣжденіямъ. Но самъ онъ имѣлъ твердую рѣшимость оставаться до конца вѣрнымъ погибающему дѣлу республики. Нумидійскій царь Юба, убившій Куріона, боялся мщенія Цезаря, потому держался стороны оптиматовъ, а въ Азіи, Греціи, на островахъ всѣ прежніе союзники республиканцевъ при извѣстіи о Фарсальской битвѣ покинули проигранное дѣло, отослали свои войска и эскадры. Потому сборнымъ мѣстомъ, послѣднимъ убѣжищемъ республиканцевъ и сторонниковъ Помпея была избрана африканская провинція.

Подвластные Риму азіатскіе цари, помогавшіе Помпею, ушли въ свои владѣнія; Кирена не впустила въ свои ворота Лабіэна. Фарнакъ, сынъ Митридата, покорилъ Колхидскіе округи, которымъ Помпей далъ независимость, покорилъ и городъ Фанагорію, отнялъ у Дейотара Малую Арменію, у Аріобарзана Каппадокію, полученныя этими царями отъ Помпея.

Республиканцы надѣялись, что Помпей очнется отъ своего унынія, соберетъ многочисленные отряды бѣжавшаго войска и возобновитъ борьбу. Энергическое сопротивленіе маленькаго города Мегары Калену, броженіе въ Испаніи, гдѣ притѣсненія пропретора Гаія Кассія оживили симпатію къ Помпею, неудовольствіе, проявлявшееся въ Италіи, многіе другіе факты показывали, что если Помпей будетъ дѣйствовать мужественно, то найдетъ себѣ сильную поддержку. Море было еще во власти республиканцевъ; имѣя множество кораблей, Помпей могъ перевозить свои войска куда угодно. Кажется, что и самъ онъ думалъ возобновить войну. Но счастіе покинуло его. Въ то время, какъ Катонъ, одолѣвая чрезвычайныя трудности, велъ свое войско черезъ наполненную ядовитыми змѣями пустыню изъ Кирены въ провинцію Африку на соединеніе съ Метелломъ Сципіономъ, правителемъ Африки Варомъ и Юбою, великій полководецъ уже погибъ трагической смертью.

Смерть Помпея.

Изъ Ѳессаліи Помпей поплылъ въ Лесбосъ, взялъ тамъ на свой корабль свою жену Корнелію и своего младшаго сына Секста и вдоль береговъ Малой Азіи поплылъ въ Кипръ. На этомъ островѣ онъ получилъ отъ римскихъ откупщиковъ и торговцевъ довольно много денегъ и собралъ на нихъ 2000 человѣкъ войска, большую часть котораго составляли купленные имъ рабы. Онъ думалъ или плыть къ своимъ друзьямъ въ Африку, или переправиться въ Азію и заключить союзъ съ пареянами; планъ войны въ союзѣ съ пареянами былъ разстроенъ тѣмъ, что Антіохія приняла

сторону Цезаря; плыть въ Африку Помпею было непріятно потому, что тамъ онъ былъ бы снова окруженъ надменными оптиматами. Онъ получилъ извѣстіе изъ Египта, возбудившее въ немъ новыя надежды. Съ того времени, какъ римляне возвели на египетскій престолъ Птолемея Авлета (стр. 799), въ Александріи оставался римскій гарнизонъ; численность его увеличилась принятіемъ на службу римскихъ изгнанниковъ и азіатскихъ наемниковъ; но воины были деморализованы, подобно двору и народу. Многіе изъ нихъ прежде служили подъ начальствомъ Помпея. Онъ надѣялся, что они присоединятся къ нему и образуютъ основу новаго войска, которое наберетъ онъ. Обстоятельства казались благопріятными. По смерти Птолемея Авлета власть наслѣдовали его дѣти—Птолемей Діонисъ, которому было тогда тринадцать лѣтъ, и Клопатра, которой было семнадцать. Діонисъ былъ названъ мужемъ Клеопатры и было объявлено, что они будутъ вмѣстѣ править государствомъ; но по совѣту эвнуха Потина, человѣка честолюбиваго и алчнаго, Діонисъ отнялъ у Клеопатры участіе въ правленіи. Она бѣжала въ Сирію и набрала войско, чтобы силою возстановить свое право. Царь и его совѣтникъ стали съ войскомъ у Пелузія, готовясь отразить ея нападенія. Помпей посадилъ на корабли свое войско, состоявшее изъ 2000 человѣкъ, поплылъ въ Египетъ, сталъ у Касійскаго мыса и отправилъ въ станъ царя пословъ съ просьбою о дозволеніи придти въ станъ. Царь и его руководители, уже знавшіе о Фарсальской битвѣ, стали совѣщаться, какъ поступить. Софистъ Ѳеодотъ, любимецъ Потина, сказалъ: допустить Помпея, значитъ, поставить надъ собой господина и прогнѣвить Цезаря; отказать ему въ пріемѣ значитъ подвергнуться его мщенію, не пріобрѣтая признательности его противника; потому остается одно: убить его; мертвые не кусаются. Это мнѣніе было принято. Послы Помпея были отпущены съ любезнымъ приглашеніемъ. Войско Діониса стало на берегу; Ахиллъ, египетскій военачальникъ, съ двумя центуріонами, служившими прежде у Помпея, и нѣсколькими воинами сѣлъ на большую лодку и поплылъ къ Касійскому мысу перевезти Помпея на берегъ. Предлогомъ приглашенія пересѣсть на лодку было выставлено то, что море у царскаго стана мелко и большой корабль не можетъ подойдти къ берегу. Помпей былъ обиженъ тѣмъ, что приглашеніе передается ему не такимъ почетнымъ образомъ, какъ слѣдовало бы, и, переходя на лодку Ахилла, произнесъ слова Софокла: „Приходящій къ тиранну становится рабомъ“. Переѣздъ былъ не далекій; когда Помпей ступилъ на берегъ, военный трибунъ Луцій Септимій нанесъ ему сзади глубокую рану; падающему нанесли новыя раны Ахиллъ и центуріонъ Сальвій; закрывая голову тогой, онъ упалъ на землю и умеръ. Съ воплемъ ужаса смотрѣли на измѣнническое убійство жена и сынъ Помпея съ своего военнаго корабля, стоявшаго неподалеку отъ того мѣста берега. Кормчій повернулъ руль, чтобы спастись отъ погибели и корабль быстро уплылъ.

28 сентября 706 отъ основанія Рима (24 іюля 48).

Цезарь и тѣло Помпея.

Помпей умеръ отъ руки своего прежняго воина на песчаномъ берегу Египта 29-го сентября, наканунѣ дня своего рожденія и годовщины своего блестящаго тріумфа. Черезъ нѣсколько дней приплылъ въ александрійскую гавань Цезарь. Онъ гнался за Помпеемъ, справедливо разсчитывая, что взять въ плѣнъ полководца противниковъ будетъ дѣломъ, довершающимъ ихъ пораженіе. Ѳеодотъ привезъ ему на корабль голову Помпея и перстень убитаго, Цезарь залился слезами и въ ужасѣ отвернулся. У него не было ненависти къ Помпею,

не было желанія мстить; Помпей былъ побѣжденъ, и слезы побѣдителя о его погибели были искренни. Цезарь велѣлъ предать голову Помпея сожженію въ огнѣ драгоцѣнныхъ куреній и съ почестями похоронить прахъ ея. Тѣло Помпея было брошено убійцами на пескѣ пустыннаго берега въ добычу звѣрямъ; но два прежніе воина Помпея сложили костеръ изъ обломковъ рыбацкой лодки, сожгли покинутое тѣло и похоронили пепелъ.

Характеръ Помпея.

Такова была кончина Помпея, которому дано было названіе «Великій» и который много лѣтъ владычествовалъ надъ Римомъ съ царскимъ могуществомъ. Онъ умеръ неподалеку отъ города, гдѣ въ великолѣпномъ мавзолеѣ покоился прахъ Александра, бывшаго идеаломъ для него. Очень не многимъ изъ людей счастье такъ благопріятствовало, какъ Помпею. Оно наградило его крѣпкимъ здоровьемъ, богатствомъ; онъ наслѣдовалъ отъ отца обширныя имѣнія и вѣрныхъ кліэнтовъ въ своей родной области Пиценѣ, сады и дома въ Римѣ и окрестностяхъ столицы; онъ имѣлъ средства царской щедростью пріобрѣтать себѣ много приверженцевъ, дѣйствовавшихъ въ его пользу, постоянно напоминавшихъ народу о немъ, между тѣмъ, какъ онъ, не одаренный краснорѣчіемъ, держалъ себя далеко отъ народа въ торжественномъ величіи. Храбрый воинъ, превосходно умѣвшій скакать на конѣ, бросать дротикъ, мастеръ во всѣхъ гимнастическихъ и военныхъ упражненіяхъ, онъ рано получилъ возможность пріобрѣсти военную славу, и народъ, не всегда умѣющій различать случайныя удачи отъ талантовъ, приписывалъ его уму, его стратегическому генію всѣ тѣ успѣхи, которые щедро давало ему счастье. Мы видѣли, какъ часто пожиналъ онъ посѣянное другими, сплеталъ свой вѣнокъ изъ лавровъ, сорванныхъ руками другихъ. Но римскій народъ, любимцемъ котораго былъ онъ много лѣтъ, съ восторгомъ видѣлъ въ его побѣдахъ результаты удивительныхъ дарованій этого человѣка, который своей благородной осанкой, живостью взгляда, серьезнымъ, доброжелательнымъ, полнымъ достоинства выраженіемъ лица внушалъ толпѣ довѣріе и почтеніе, сохранялъ среди всеобщаго разврата вельможъ семейныя добродѣтели, велъ жизнь умѣренную, скромную, чистую, не обогащался на счетъ государства, не принималъ участія въ сладострастной роскоши, бывшей почти всеобщимъ порокомъ оптиматовъ. Любовь народа и удача дали Помпею призрачное величіе. Восхищеніе толпы, раболѣпство льстецовъ наполнило его тщеславіемъ. Его такъ долго называли «Великимъ», что онъ самъ сталъ считать себя великимъ человѣкомъ, дары счастія —плодами своей геніальности. Такимъ образомъ, онъ игралъ печальную роль воображаемаго геніальнаго полководца. «Судьба вела его въ бездну по цвѣтамъ», говоритъ Друманъ: «силы его не подвергались испытаніямъ и не окрѣпли: когда гладкій путь, которымъ шелъ онъ къ торжествамъ, смѣнился путемъ неровнымъ, онъ не съумѣлъ идти по немъ».

Луканъ, черезъ 120 лѣтъ по его смерти написавшій поэму о междоусобной войнѣ, въ которой погибъ онъ, сравниваетъ разбитаго при Фарсалѣ полководца съ украшеннымъ богатыми священными приношеніями старымъ дубомъ, низвергаемымъ упавшею на него всесокрушающею молніей.

2. Александрійская война. Африканская война.

Цезарь въ Александріи.

Убійцы Помпея ждали благодарности отъ Цезаря, но первымъ дѣломъ его было наказать ихъ. Онъ вышелъ на берегъ Александріи съ двумя легіонами, въ которыхъ оставалось только 3,200 человѣкъ, и съ 800 кельтскихъ и германскихъ всадниковъ. Онъ приплылъ въ Египетъ получить уплату давняго долга, потому что нуждался въ деньгахъ, и рѣшить вопросъ о наслѣдствѣ престола. Онъ занялъ дворецъ, въ которомъ жилъ царь, и потребовалъ туда Клеопатру. Она явилась, распустивъ войско въ доказательство своего миролюбія, своей покорности. Больше чѣмъ на войско она надѣялась на свою привлекательность и на состраданіе мужчины къ бѣдствіямъ очаровательной дѣвушки. Она не ошиблась; пожертвовавъ честью, она пріобрѣла благосклонность Цезаря. Но, сдѣлавъ ее своей любовницею, Цезарь не утратилъ разсудительность. Онъ рѣшилъ, что братъ будетъ, какъ завѣщано отцомъ, раздѣлять царскую власть съ сестрою. Свое денежное требованіе онъ уменьшилъ до суммы въ десять милліоновъ денаріевъ (около 2.500,000 руб.). Но впечатлительное, буйное населеніе столицы Египта волновалось: его раздражали видъ ликторовъ и чужеземныхъ воиновъ въ городѣ, то, что иноземный полководецъ живетъ въ царскомъ дворцѣ, держитъ себя какъ владыка царства, взялъ на себя право судьи по дѣлу о наслѣдствѣ престола, рѣшилъ этотъ споръ по своему произволу на перекоръ обычаямъ. Александрійцы любили династію Птолемеевъ; греки—за то, что она греческая, туземцы—за то, что она правитъ въ духѣ фараоновъ. Потинъ и его помощники, которымъ возстановленіе власти Клеопатры приносило неизбѣжную смерть, распространяли чрезъ своихъ агентовъ молву, что о правахъ царя говорится только для формы, а на самомъ дѣлѣ египетскій престолъ отдается исключительно Клеопатрѣ, за то что она стала наложницей Цезаря. Раздраженіе народа было увеличено тѣмъ, что для уплаты долга Цезарю правительство перечеканивало въ монету золотую и серебряную посуду дворца, сокровища храмовъ; ихъ возили на монетный дворъ передъ глазами народа. Волненіе скоро перешло въ мятежъ. Египетское войско, находившееся подъ начальствомъ Ахилла, перешло на сторону народа; оно состояло изъ 2,000 человѣкъ конницы и 20,000 пѣхоты; это были большею частью воины римскаго гарнизона, поступившіе на египетскую службу

послѣ многихъ лѣтъ жизни въ Египтѣ; кромѣ того тутъ были наемники, опытные воины; и тѣ и другіе сжились съ египтянами, породнились съ ними женитьбою на ихъ дочеряхъ; были въ числѣ воиновъ и бѣглые рабы, которымъ въ случаѣ пораженія предстояла смерть на крестѣ. Воины Цезаря раздражали народъ своимъ высокомѣріемъ. Нѣкоторые изъ нихъ, ходившіе по городу одиноко или маленькими группами, были убиты; это было началомъ такъ называемой Александрійской войны, которая удерживала Цезаря въ столицѣ Египта девять мѣсяцевъ, подвергала величайшей опасности его самого и его маленькое войско и дала побѣжденнымъ противникамъ время собраться, оправиться, возобновить борьбу. Межъ тѣмъ какъ Римъ готовился встрѣтить побѣдителя, онъ принужденъ былъ вести войну на улицахъ Александріи; Римъ полагалъ, что онъ послѣ побѣды при Фарсалѣ сталъ владыкою государства, а онъ съ трудомъ защищалъ свою жизнь. Онъ видѣлъ всю опасность своего положенія, но выказывалъ непоколебимую увѣренность въ торжествѣ, чтобы внушить своимъ примѣромъ бодрость воинамъ и своею самоувѣренностью обмануть враговъ. При томъ ему пріятно было проявлять передъ Клеопатрой весь блескъ своихъ военныхъ талантовъ и твердость повелителя, которому должно покоряться все.

Александрійская война. Октябрь 48.—Іюль—47.

Цезарь послалъ въ Сирію и Малую Азію требованія, чтобы римскіе правители и подвластные Риму государи какъ можно скорѣе прислали войска на помощь ему, отправилъ въ Родосъ, Критъ и приморскіе города требованія о присылкѣ кораблей, войскъ и хлѣба. Въ ожиданіи помощи онъ съ небольшимъ, но храбрымъ своимъ войскомъ оборонялся противъ громадной массы Александрійскаго населенія и египетскихъ войскъ. Онъ занималъ дворецъ, въ которомъ держалъ подъ стражею царя, съ изумительнымъ искусствомъ, съ неутомимой энергіей отбивалъ нападенія на самый дворецъ, на сосѣднія съ нимъ зданія, въ особенности на театръ. Онъ успѣлъ удержать подъ своею властью и островъ Фаросъ, соединенный съ городомъ насыпью; такимъ образомъ, часть берега гавани оставалась за нимъ. Онъ былъ такимъ же геніальнымъ военнымъ инженеромъ, какъ и полководцемъ; онъ обратилъ въ цитадель каждый домъ дворцовой части города, называвшейся Брухіемъ. Но и египтяне напрягали всѣ свои силы, чтобы сохранить независимость своего государства. Господа сражались рядомъ съ рабами, давали имъ содержаніе и жалованье, работали съ ними въ мастерскихъ, ковали оружіе, дѣлали военныя машины, работали надъ возведеніемъ окоповъ и укрѣпленій, перерѣзывавшихъ римлянамъ пути по улицамъ. Египтяне не догадались вывесть въ море корабли, находившіеся въ гавани и верфяхъ; Цезарь успѣлъ сжечь ихъ. Этимъ онъ облегчилъ доступъ въ гавань тѣмъ кораблямъ, которые пришли потомъ на помощь ему.—Пламя пожара верфей охватило сосѣдніе дома Брухія и обратило въ пепелъ Александрійскую библіотеку.—Возстаніемъ управляли Арсиноя, младшая сестра царя, и ея совѣтникъ, эвнухъ Ганимедъ, человѣкъ смѣлый и дѣятельный.

Война въ дворцовой части города.

Ахиллъ и Потинъ скоро поплатились за свое вѣроломство жизнью; Θеодотъ бѣжалъ въ Сирію и жилъ тамъ въ нищетѣ и презрѣніи. По смерти Цезаря, Брутъ и Кассій отомстили ему за убійство Помпея, предавъ его мучительной казни.

Положеніе Цезаря стало чрезвычайно тяжело, когда инсургенты завалили каналы, по которымъ проведена была вода во дворецъ, сдѣлали воду въ цистернахъ не пригодной для питья, пропустивъ туда воду изъ моря, овладѣли островомъ Фаросомъ и насыпью. Но умъ Цезаря одолѣлъ эти бѣды. Цезарь велѣлъ копать колодези и, такимъ образомъ, была получена вода для питья. Черезъ нѣсколько времени храбрый родосскій морякъ Эвфраноръ, прорвался съ четырьмя кораблями въ гавань; египетская эскадра, собранная неутомимой дѣятельностью Ганимеда, была разбита. Послѣ этой побѣды Цезарь снова овладѣлъ Фаросомъ и частью насыпи. Римскіе воины и моряки хотѣли отдѣлить эту часть отъ той, на которой держались египтяне; этимъ они отняли бы доступъ изъ города къ Фаросу. Но Александрійцы неожиданно напали на нихъ съ тыла, однихъ убили, другихъ оттѣснили въ море, и многіе, бросаясь на лодки, утонули. До 400 воиновъ тяжелой пѣхоты Цезаря погибло тутъ; еще больше было число погибшихъ гребцовъ и воиновъ флота. Самъ Цезарь находился въ величайшей опасности. Большая лодка, на которой стоялъ онъ, такъ переполнилась людьми, что начала тонуть. Онъ бросился въ море и доплылъ до другой лодки; ему пришлось проплыть 200 шаговъ (около 100 саженъ).—Уронъ, понесенный его войскомъ, былъ тяжелъ; но вознаграждался тѣмъ, что они успѣли овладѣть Фаросомъ и частью насыпи.—Чтобъ уменьшить раздраженіе инсургентовъ или перессорить ихъ, Цезарь отпустилъ царя изъ-подъ стражи; царь, отправляясь къ египетскому войску, обѣщалъ склонить его положить оружіе, но вмѣсто того сталъ на сторонѣ инсургентовъ.—Въ новомъ морскомъ сраженіи Эвфраноръ былъ убитъ. Это была большая потеря для Цезаря. Но въ то время ужъ приближалась помощь ему. Митридатъ Пергамскій, считавшійся побочнымъ сыномъ знаменитаго Митридата, царя понтскаго, подступилъ къ Пелузію съ войскомъ, которое сформировалъ изъ отрядовъ разныхъ азіатскихъ племенъ и къ которому присоединились отряды идумеянина Антипатра (стр. 330) и князей ливанскихъ и арабскихъ племенъ.

Цезарь снова овладѣваетъ Фаросомъ. Сраженіе на плотинѣ.

Прибытіе помощи.

Неожиданнымъ нападеніемъ Митридатъ взялъ Пелузій и оттуда пошелъ на Мемфисъ; іудеи, жившіе въ Мемфисѣ, могли оказать ему сильную поддержку, и притомъ переправиться черезъ Нилъ было тамъ легче, чѣмъ переходить чрезъ многочисленные рукава его близъ моря; да и, кромѣ множества переправъ, приморская дорога была затруднительна: она вела по пескамъ и болотамъ. Узнавъ, что Митридатъ приближается къ Александріи, Цезарь очень искуснымъ движеніемъ обошелъ озеро Марею, лежавшее на югъ отъ Александріи; египтяне, пошедшіе подъ предводительствомъ царя противъ Митридата, не успѣли помѣшать Цезарю соединиться съ нимъ. Послѣ того Цезарь сталъ дѣлать нападенія на египетскій станъ, расположенный на холмахъ между болотами и Ниломъ въ такой позиціи, которая казалась неприступной. Долго всѣ его усилія оставались напрасны; наконецъ, одинъ изъ римскихъ отрядовъ успѣлъ овладѣть холмомъ, находившимся позади стана. Теперь побѣда быстро была рѣшена. Римляне напали на станъ

Митридатъ Пергамскій соединяется съ Цезаремъ.

Битва у Нила. Смерть Птолемея 47.

съ фронта и съ тыла, взяли его, и египтяне массами падали подъ ихъ ударами. Чтобы спастись отъ смерти, часть египетскаго войска бросилась въ лодки, думая плыть къ своему флоту, стоявшему на Нилѣ. Въ числѣ сѣвшихъ на лодки былъ и царь; но переполненныя людьми лодки тонули; египтяне, успѣвшие спастись отъ меча враговъ, погибали въ волнахъ рѣки. Утонулъ и царь. Его тѣло послѣ долгихъ поисковъ было найдено лежащимъ въ илѣ рѣки и узнано по золотому панцырю. Цезарь пошелъ съ конницею прямымъ путемъ въ Александрію; при его приближеніи александрійцы упали духомъ, отказались отъ всякой мысли о сопротивленіи, ушли съ окоповъ, побросавъ оружіе. Въ траурной одеждѣ, неся въ рукахъ изображенія своихъ боговъ, населеніе Александріи вышло на встрѣчу побѣдителю, умоляя о пощадѣ; онъ успокоилъ его дружелюбной рѣчью и черезъ отворенныя ворота окоповъ прошелъ къ оставшемуся въ Брухіѣ отряду войска и былъ встрѣченъ имъ съ восторгомъ.

Александрія покоряется.

Цезарь рѣшаетъ дѣло о наслѣдствѣ престола.

Когда покорилась Александрія, покорился и весь Египетъ. Цезарь могъ, не встрѣчая сопротивленія, обратить его въ римскую провинцію. Но онъ предпочелъ установить владычество Рима надъ Египтомъ подъ формою, менѣе оскорбительной для населенія страны. Онъ поручилъ правленіе Клеопатрѣ и младшему брату ея, Птолемею, ребенку, который былъ объявленъ ея мужемъ. Для охраненія царицы и римскаго владычества, онъ оставилъ въ Александріи сильный гарнизонъ подъ начальствомъ храбраго Руфіона, человѣка преданнаго ему: это былъ сынъ одного изъ его отпущенниковъ. Младшую сестру Клеопатры—Арсиною онъ отправилъ въ Римъ, чтобы она не возбудила въ Александріи новыхъ смутъ. Іудеямъ, жившимъ особо отъ остальнаго населенія въ одной изъ частей Александріи, онъ за ихъ заслуги передъ нимъ далъ всѣ тѣ права, какими пользовались греческіе граждане, и обезпечилъ имъ свободу богослуженія.

Война съ Фарнакомъ.

Возстановивъ спокойствіе въ Египтѣ, онъ съ Клеопатрой поплылъ на великолѣпномъ кораблѣ вверхъ по Нилу, осмотрѣть чудеса Египта, потомъ отправился въ новый походъ. Прежде чѣмъ возобновить борьбу съ республиканцами, онъ долженъ былъ побѣдить враговъ Малой Азіи, босфорскаго царя Фарнака, наслѣдовавшаго отъ своего отца честолюбіе, жестокость и коварство, но не наслѣдовавшаго энергію Митридата. Домицій Кальвинъ, правитель Малой Азіи, долженъ былъ по приказанію Цезаря отнять у Фарнака Малую Арменію и другія области, самовольно занятыя имъ. Наскоро собравъ отрядъ римскихъ воиновъ и получивъ отъ Дейотара отрядъ галатскаго войска, онъ пошелъ на Фарнака, но у Никополя былъ разбитъ имъ и отступилъ. Фарнакъ, гордый этою побѣдою, овладѣлъ Колхидой и другими областями по Черному морю, взялъ городъ Амизъ, велѣлъ убить всѣхъ мужчинъ въ немъ и надѣялся покорить всѣ земли, принадлежавшія къ царству отца. Но онъ оробѣлъ, услышавъ о приближеніи Цезаря, который черезъ Іерусалимъ, Антіохію, киликійскій

городъ Тарсъ прошелъ въ Малую Азію, повсюду встрѣчаемый съ царскими почестями. Фарнакъ сталъ просить мира, надѣясь, что Цезарь, изъ желанія скорѣе вернуться въ Италію, удовольствуется наружной покорностью и пустыми обѣщаніями. Но Цезарь потребовалъ, чтобы онъ отказался отъ своихъ завоеваній и далъ вознагражденіе римлянамъ и ихъ союзникамъ за нанесенный имъ вредъ. Фарнакъ не согласился и сталъ на томъ холмѣ у Зелы, гдѣ отецъ его разбилъ Тріарія (стр. 768). Но Цезарю было достаточно пяти дней на то, чтобы разсѣять его войско, принудить его бѣжать въ горы и степи Босфорскаго царства. Такимъ образомъ былъ заглаженъ позоръ пораженія, которое потерпѣли римляне у Зелы въ войну съ Митридатомъ. Цезарь радостно сообщилъ о счастливомъ концѣ похода одному изъ своихъ друзей въ Римѣ знаменитыми словами: «я пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ».

2—7 августа.

Фарнакъ потерялъ всѣ свои завоеванія и вскорѣ послѣ того былъ убитъ на войнѣ съ Асандромъ, босфорскимъ намѣстникомъ, возставшимъ противъ него. Побочный сынъ его отца, Митридатъ Пергамскій, получилъ отъ Цезаря босфорское царство въ награду за услуги, оказанныя въ Египтѣ. Дейотаръ явился въ траурной одеждѣ просить пощады у Цезаря и былъ оставленъ владѣтелемъ своего наслѣдственнаго галатскаго царства, но былъ наказанъ за помощь Помпею тѣмъ, что у него были отняты всѣ другія владѣнія: Малую Арменію получилъ Каппадокійскій царь Аріобарзанъ; область трокмовъ была присоединена къ царству Митридата. Городъ Амизъ получилъ независимость. Санъ царя-жреца понтской Команы получилъ потомокъ виѳинскихъ царей.

Побѣда Ватинія у иллирскаго берега. Весна 47.

Около этого времени Публій Ватиній, котораго Цезарь оставилъ начальникомъ войска въ Брундизіи, одержалъ блистательную побѣду на морѣ. Онъ собралъ нѣсколько маленькихъ судовъ, придѣлалъ къ нимъ острые мѣдные носы, какими бились военные корабли, посадилъ на нихъ ветерановъ, отпущенныхъ изъ службы, поплылъ къ иллирскому берегу и разбилъ эскадру Марка Октавія. Этимъ подвигомъ онъ отмстилъ за пораженіе, нанесенное Авлу Габинію республиканцами и соединившимися съ ними иллирійцами и далматами. Результатомъ побѣды было то, что противники вынуждены были снять осаду городовъ Салоны и Эпидавра (Рагузы).— Габиній былъ вызванъ Цезаремъ изъ изгнанія (стр. 802). Вскорѣ послѣ своего пораженія онъ умеръ въ Салонѣ.—Октавій съ остаткомъ флота уплылъ въ Африку, куда собирались всѣ приверженцы Помпея и республиканцы.

Цезарь въ Римѣ.

Цезарю принесло много вреда то, что онъ долго былъ задержанъ въ Египтѣ. Противники его получили, благодаря этому, время собрать въ Африкѣ свои разсѣянныя войска и подготовиться къ новой войнѣ. Въ Италіи и въ Испаніи дѣла тоже приняли невыгодный для Цезаря оборотъ. При извѣстіи о Фарсальской битвѣ народное собраніе спѣшило дать побѣдителю всевозможныя почести назначило его диктаторомъ на весь слѣдующій годъ, консуломъ на пять слѣдующихъ лѣтъ, дало ему на всю жизнь право трибунской неприкосновенности. Но когда его возвращеніе замедлилось, населеніемъ Рима овладѣла

тревога. Зажиточныхъ людей пугали слухи о предполагаемыхъ имъ проскрипціяхъ, уничтоженіи долговъ, аграрныхъ законахъ, политическихъ переворотахъ; Римъ успокоился лишь когда Цезарь по окончаніи Александрійской войны и похода противъ Фарнака пріѣхалъ туда и разсѣялъ опасенія своими примирительными и благоразумными дѣйствіями. Но онъ не наказалъ ни кого изъ людей, смущавшихъ спокойствіе Рима; остался безназаннымъ демагогъ Долабелла, патрицій, подобно Клодію, перешедшій посредствомъ усыновленія въ плебейское сословіе, сдѣлавшійся народнымъ трибуномъ и возбудившій тревогу предложеніями освободить должниковъ отъ уплаты кредиторамъ и нанимателей квартиръ отъ уплаты домохозяевамъ. Но остался безнаказаннымъ и Маркъ Антоній, принявшій противузаконныя мѣры при подавленіи агитаціи Долабеллы. Противники были еще такъ сильны, что Цезарь не могъ наказывать своихъ приверженцевъ. До насъ дошла политическая статья, написанная въ духѣ Цезаря и принадлежащая, вѣроятно, Саллюстію; авторъ предостерегаетъ отъ безпорядковъ на форумѣ, говоритъ, что каждый долженъ жить только тѣмъ, что принадлежитъ ему по закону. Цезарь уничтожилъ или подчинилъ строгому надзору основанныя Клодіемъ «товарищества» (Collegia), бывшія отчасти ремесленными корпораціями, отчасти политическими клубами. Съ такимъ же тактомъ и успѣхомъ онъ возвратилъ къ повиновенію свои старые легіоны, которые послѣ Фарсальской битвы вели въ Италіи праздную жизнь и отвыкли отъ соблюденія дисциплины.

Цезарь и мятежные легіоны

Легіоны не имѣли охоты мѣнять спокойную, праздную жизнь на новый опасный походъ. Воины думали о томъ, что очень многіе изъ ихъ товарищей погибли въ прежнихъ битвахъ; полученіе обѣщанныхъ наградъ снова отсрочивалось; оказывались ошибочными надежды на спокойную старость послѣ трудовъ и лишеній, перенесенныхъ въ Галліи, Британіи, Испаніи, Ѳессаліи; все это возбуждало въ старыхъ воинахъ Цезаря досаду на полководца, который, казалось имъ, смотритъ на нихъ лишь какъ на орудія своего честолюбія. Онъ одинъ имѣлъ силу управлять этими суровыми людьми, и чѣмъ больше длилось его отсутствіе, тѣмъ сильнѣе росло ихъ неудовольствіе и буйство. Военные трибуны и центуріоны чувствовали себя не въ состояніи обуздать ихъ, терпѣли всѣ ихъ безпорядки, оставляли безнаказанными даже проступки противъ дисциплины; эта слабость ободряла ослушниковъ. Они стояли въ Кампаніи. Теперь они получили приказаніе идти въ Сицилію для того, чтобы плыть оттуда въ Африку. Они сказали, что не пойдутъ изъ Италіи, пока имъ не будутъ даны обѣщанныя деньги и земли. Вовлекся въ это непослушаніе даже Десятый легіонъ, которому Цезарь оказывалъ особенный почетъ за его храбрость и вѣрность. Военачальники, хотѣвшіе по приказанію Цезаря вести воиновъ изъ стана, были встрѣчены камнями. Цезарь прислалъ къ воинамъ уполномоченнаго съ обѣщаніемъ, что по окончаніи войны щедро наградитъ ихъ, но они отвѣчали, что имъ нужны деньги, а не слова. Чтобы дать больше силы своимъ требованіямъ, они пошли на Римъ. Правила военнаго порядка были уже въ такомъ пренебреженіи у нихъ, что они грабили на пути туда и убили двухъ сенаторовъ. Буйно вступили они въ Римъ и расположились станомъ на Марсовомъ полѣ. Военачальникамъ, которые отъ имени Цезаря спрашивали у нихъ, чего именно они хотятъ, они велѣли идти прочь, потому что они станутъ говорить только съ самимъ Цезаремъ. Онъ пришелъ къ нимъ, какъ повелитель, который требуетъ повиновенія, можетъ, по своей волѣ, принять или отвергнуть просьбу. На вопросъ его, чего они хотятъ, они дерзко отвѣчали, что хотятъ отставки. Они полагали, что необходимы ему, и думали, что этой угрозой принудятъ его согласиться на всѣ ихъ требованія. Но онъ, какъ Александръ въ Опидѣ (стр. 228), усмирилъ ихъ буйство неожиданнымъ согласіемъ на ихъ угрозу; онъ коротко отвѣчалъ: „даю вамъ отставку, квириты“. Они въ изумленіи молчали; онъ черезъ минуту сказалъ, что когда онъ отпразднуетъ съ другими войсками свой тріумфъ, они получатъ въ полномъ размѣрѣ обѣщанную имъ денежную награду; по окончаніи войны будутъ даны имъ и обѣщанныя земли; но въ его тріумфѣ они не будутъ участвовать. Онъ умѣлъ говорить съ грубыми, но честолюбивыми своими воинами; его слова усмирили ихъ. Они были поражены уже тѣмъ, что онъ назвалъ ихъ „квиритами“, то-есть, гражданами, а не „сотоварищами“, commilitones, какъ обыкновенно называли полководцы своихъ воиновъ; ихъ военная гордость была окончательно смущена мыслью, что они будутъ, какъ посторонніе люди, смотрѣть на другіе легіоны, которые пойдутъ по Риму въ тріумфальной процессіи Цезаря; имъ было горько думать, что слава и добыча африканскаго похода достанется другимъ; они были подавлены великодушіемъ Цезаря, который не только не уменьшалъ за ихъ ослушаніе обѣщанную имъ награду, но даже сказалъ, что дастъ имъ больше обѣщаннаго. Эти впечатлѣнія смирили ихъ; могущественно дѣйствовала на нихъ и личность Цезаря, котораго видѣли они теперь въ первый разъ послѣ фарсальской битвы. Ихъ настроеніе совершенно измѣнилось, они не могли допустить, чтобы погибла вся честь, пріобрѣтенная ими; ихъ дерзость смѣнилась раскаяніемъ, они стали просить, чтобы онъ не отвергалъ ихъ, дозволилъ имъ оставаться воинами его. Онъ долго слушалъ ихъ просьбы, не давая имъ прощенія. Центуріонъ, знаменитый своею храбростью, сталъ упрашивать его простить воиновъ. Воины Десятаго легіона, въ стыдѣ за свою неблагодарность, въ печали объ утратѣ любви Цезаря, закричали, что считаютъ себя достойными строгаго наказанія, сами предлагаютъ Цезарю казнить по жребію десятаго изъ нихъ. Цезарь увидѣлъ, что пришло время простить умоляющихъ о прощеніи. Но зачинщиковъ мятежа онъ наказалъ: нѣкоторые изъ нихъ получили отставку во время африканскаго похода, другихъ ставилъ онъ на самыя опасныя мѣста въ сраженіяхъ; нѣкоторые другіе были лишены участія въ добычѣ и награды землею.—Такимъ образомъ, благодаря могущественному вліянію своей личности и своему знанію человѣческаго сердца, Цезарь вышелъ съ торжествомъ изъ труднаго положенія, въ которомъ дѣйствовать силой было нельзя, а сдѣлать уступку было опасно.

Помпеянцы въ Африкѣ.

Теперь Цезарь могъ не отлагать дольше походъ въ Африку. Послѣ Фарсальской битвы Африка стала сборнымъ мѣстомъ республиканскихъ войскъ, и тамъ собралось ихъ столько, что война, казавшаяся конченной, должна была начаться вновь. По соединеніи остатковъ войска, разбитаго при Фарсалѣ съ войскомъ правителя Африки Вара, республиканцы имѣли теперь тамъ четырнадцать легіоновъ; часть ихъ составляли старые воины, часть—воины, набранные вновь; царь Юба

соединился съ ними; и у нихъ была нумидійская и ливійская конница, вооруженная по римски; кромѣ того, они имѣли 1,600 кельтскихъ и германскихъ всадниковъ Лабіэна, 120 слоновъ, большое количество легкой пѣхоты; флотъ, находившійся подъ начальствомъ Вара и Октавія, состоялъ изъ 55 кораблей. Въ Утикѣ и въ другихъ крѣпостяхъ были собраны большіе запасы хлѣба и аммуниціи. Деньги на расходы войны были доставлены добровольными взносами оптиматовъ, которые въ Африкѣ, какъ прежде въ Ѳессалоникѣ, образовали правительственный совѣтъ; они приняли въ его составъ богатыхъ всадниковъ, жившихъ въ Африкѣ.—Имѣя огромное количество войска, республиканцы легко могли бы отразить Цезаря, приплывшаго къ Африканскому берегу съ передовымъ отрядомъ, въ которомъ находилось только 3000 человѣкъ пѣхоты и 150 всадниковъ. Но по небрежности они допустили его съ этимъ маленькимъ отрядомъ выйдти на берегъ у Гадрумета. Потомъ приплыли къ нему одинъ за другимъ другіе отряды, отправлявшіеся изъ Италіи по мѣрѣ того, какъ кончилось ихъ снаряженіе къ походу.

Цезарь выходитъ на африканскій берегъ. Октябрь 47.

Юба и римскіе военачальники.

Рѣшеніе помпеянцевъ и республиканцевъ продолжать войну послѣ Фарсальской битвы было дѣломъ отчаянія и непримиримой ненависти. Они до такой степени забывали требованія чести римскаго имени, что хотѣли заключить союзъ съ парѳянами и дѣлали чрезмѣрныя уступки надменности нумидійскаго царя Юбы: они дозволили ему занять положеніе, равное римскимъ полководцамъ, и даже выказывать претензіи на первенство между ними: онъ говорилъ, что ему одному должно быть предоставлено право носить пурпурную мантію, а римскіе военачальники должны довольствоваться бѣлой. Соперничество между ними помогало успѣху его высокомѣрныхъ притязаній. Варъ и Сципіонъ спорили между собою изъ-за того, кому быть главнокомандующимъ и оба заискивали поддержки Юбы, который думалъ самъ добиваться власти главнокомандующаго, а во всякомъ случаѣ соглашался помогать римлянамъ только подъ условіемъ, что ему будутъ даны большія выгоды и часть римскихъ владѣній въ Африкѣ будетъ уступлена ему. Войско, не имѣвшее довѣрія ни къ Вару, ни къ Сципіону, требовало, чтобы власть главнокомандующаго принялъ на себя Катонъ; предпочтеніе войска къ нему было справедливо, но онъ объявилъ, что, по закону, главнокомандующимъ долженъ быть старшій изъ людей, занимавшихъ санъ консула, и сказалъ, что главнокомандующимъ долженъ быть Сципіонъ (зять Помпея), хотя былъ личнымъ врагомъ его. Сципіонъ въ Ѳессаліи выказалъ себя человѣкомъ бездарнымъ, но войско подчинилось мнѣнію Катона и утѣшало себя тѣмъ, что имя Сципіона служитъ предзнаменованіемъ побѣды.

Назначеніе Сципіона главнокомандующимъ.

Мстительность помпеянцевъ.

Но согласіе между оптиматами не было возстановлено выборомъ главнокомандующаго. Какъ прежде Помпей, такъ теперь Сципіонъ былъ принужденъ поступать жестоко и опрометчиво, повинуясь мстительности и эгоизму оптиматовъ; долженъ былъ дѣлать уступки и честолюбію Юбы. Несчастія не смягчили, а только увеличили ожесточеніе помпеянцевъ. Оптиматы продолжали дѣйствовать жестоко: они убивали вѣстниковъ, привозившихъ имъ письма Цезаря, убивали непріятельскихъ воиновъ, попадавшихся въ плѣнъ имъ. Вообще военной системою ихъ была жестокость: они грабили, опустошали, рѣзали; мстительность ихъ росла вмѣстѣ съ надеждой на побѣду; образцомъ для нихъ былъ Гней Помпей, старшій сынъ погибшаго полководца, считавшій свирѣпость мужествомъ. Ихъ чувства раздѣлялъ Юба, въ которомъ политическое ожесточеніе соединялось съ кровожадностью полудикаго африканца. Онъ предлагалъ сжечь всѣ города, выказывающіе сочувствіе Цезарю, и убивать всѣхъ мужчинъ въ нихъ; онъ совѣтовалъ Сципіону начать съ Утики, которая приняла сторону Куріона и ждетъ лишь случая, чтобы сдаться Цезарю. Сципіонъ, уже обѣщавшій давать изъ римской казны жалованье войску Юбы и уступить ему провинцію Африку, находился въ такомъ ослѣпленіи, былъ такъ слабъ характеромъ, что готовъ былъ пожертвовать мстительности нумидійскаго царя первымъ торговымъ городомъ римскихъ владѣній въ Африкѣ; но Катонъ отвратилъ этотъ позоръ отъ римскаго имени и спасъ Утику отъ свирѣпости Юбы, ненавидѣвшаго этотъ городъ, который славился своимъ богатствомъ. Едва ли Катонъ предчувствовалъ тогда, что умретъ въ городѣ имъ спасенномъ. Утика была отдана подъ его управленіе; онъ сдѣлалъ ее главнымъ складочнымъ мѣстомъ военныхъ запасовъ, поправилъ ея укрѣпленія, заботился о томъ, чтобы собрать въ этой крѣпости какъ можно больше хлѣба и всего надобнаго для войны, принялъ мѣры предосторожности противъ измѣны гражданъ.—По распоряженію Сципіона, неукрѣпленные города были разрушаемы, нивы были истреблены, хлѣбъ былъ свезенъ въ крѣпости, мужчины, способные носить оружіе, были забираемы въ легіоны. Онъ хотѣлъ, чтобы Цезарь нашелъ передъ собою пустыню. Но эта суровость чрезвычайно раздражила населеніе; оно полагало, что дѣло республиканцевъ проиграно, негодовало на то, что они подвергаютъ страну напраснымъ страданіямъ, и готово было всячески помогать Цезарю. Всѣ города при первой возможности принимали сторону диктатора

Дѣятельность Катона въ Утикѣ.

Цезарь въ Руспинѣ.

Но положеніе Цезаря было чрезвычайно тяжелое. Онъ хотѣлъ двинуться въ глубину страны, чтобы найдти продовольствіе войску, но близъ приморскаго города Руспины на него напалъ Лабіэнъ, который, имѣя очень много конницы и легкой пѣхоты, хотѣлъ держать Цезаря на узкой полосѣ приморья; войско Цезаря было еще малочисленно, и большая часть воиновъ его были взяты на службу недавно, не имѣли опытности; притомъ, мѣстность была выгодна для дѣйствій конницы и легкой пѣхоты Лабіэна; только благодаря стратегическому генію Цезаря, отрядъ его не былъ совершенно подавленъ численнымъ превосходствомъ непріятеля и могъ послѣ упорнаго боя отступить въ стройномъ порядкѣ къ Руспинѣ. Тамъ Цезарь, отбиваясь отъ непрерывныхъ нападеній Лабіэна, устроилъ укрѣпленный станъ и сталъ

ждать прибытія остальныхъ своихъ войскъ. Онъ сформировалъ изъ гребцовъ отряды легкой пѣхоты; устроилъ мастерскія, заготовлялъ оружіе и военныя машины; провіанта было мало, и подвозъ его былъ очень скуденъ; но благоразумной бережливостью Цезарь успѣлъ избавить свое войско отъ голода. Корма для лошадей не было на маленькомъ клочкѣ берега, дальше котораго нельзя было водить ихъ; ихъ кормили морской травой, вымачивая ее въ прѣсной водѣ.

Юба и Ситтій.

Узнавъ, что положеніе Цезаря дурно, пришелъ Юба съ многочисленнымъ войскомъ; онъ хотѣлъ участвовать въ побѣдѣ, чтобъ имѣть право требовать награды. Искатель приключеній, самъ по себѣ ничтожный, оказалъ въ это время сильное вліяніе на ходъ великихъ событій. Уроженецъ кампанскаго города Нуцеріи, Публій Ситтій, соучастникъ заговора Катилины, бѣжалъ послѣ неудачи его въ Мавританію, набралъ тамъ отрядъ наемниковъ, дѣлалъ набѣги, поступалъ временами на службу къ тому или другому изъ воевавшихъ между собою африканскихъ царьковъ; у него даже было нѣсколько кораблей. Теперь онъ объявилъ себя приверженцемъ Цезаря; вмѣстѣ съ однимъ изъ мавританскихъ царьковъ и съ гетулами, кочевыми племенами атласскихъ горъ, сталъ грабить юго-западную часть области царства Юбы и тѣмъ принудилъ его уйдти съ большею частью войска на защиту своей земли. Это спасло Цезаря отъ погибели, но положеніе его все-таки осталось очень опаснымъ.

Битва при Тапсѣ 6 апрѣля 46.

Катонъ совѣтовалъ уклоняться отъ битвы, изнурять войско Цезаря голодомъ, возбудить восстаніе въ Италіи, чтобы онъ былъ принужденъ раздѣлить свои силы на два театра войны. Но Сципіонъ, бездарный и высокомѣрный, отвѣчалъ Катону, чтобы онъ, самъ спрятавшись въ Утикѣ, не удерживалъ по крайней мѣрѣ другихъ отъ мужественныхъ дѣйствій. Желая быть мужественнымъ, Сципіонъ расположился станомъ неподалеку отъ непріятеля. Цезарь держался въ своихъ окопахъ, пока собрались къ нему всѣ легіоны. Тогда онъ разорвалъ блокаду, овладѣлъ холмами, тянувшимися вдоль берега, обвелъ эту позицію окопами, линія которыхъ имѣла своими опорными пунктами старыя сторожевыя башни; оградивъ такимъ образомъ свой операціонный базисъ отъ нападеній непріятеля, стоявшаго на равнинѣ, онъ пошелъ на приморскую крѣпость Тапсъ, въ которой республиканцами были собраны огромные запасы провіанта. Сципіонъ, склонившій большими обѣщаніями Юбу снова присоединиться къ нему, не хотѣлъ допустить Цезаря овладѣть Тапсомъ и рѣшился дать битву. Республиканцы и нумидійцы пошли за Цезаремъ и дѣлали окопы своего новаго стана, когда отважный Десятый легіонъ, которому наскучило вести утомительную оборонительную войну, работать надъ укрѣпленіями, терпѣть голодъ, аттаковалъ непріятеля, не дожидаясь сигнала къ битвѣ. Цезарь, увидѣвъ это, не остановилъ его, а сталъ впереди самъ и повелъ въ битву своихъ воиновъ, нетерпѣливо желавшихъ кончить войну однимъ ударомъ. Слоны, стоявшіе

на правомъ крылѣ непріятеля, были осыпаны стрѣлами и камнями, побѣжали къ стану, еще не вполнѣ укрѣпленному; войско, прикрывавшее ихъ, тоже бѣжало въ станъ; скоро были опрокинуты ожесточенною аттакой и лѣвое крыло и центръ; Сципіонъ и Юба бѣжали первые. Разбитое войско безпорядочными толпами спѣшило укрыться за окопами; одни бѣжали въ новый станъ; но онъ былъ укрѣпленъ еще очень недостаточно; другіе въ прежній станъ, но онъ былъ далеко, и побѣдители вошли въ него вмѣстѣ съ бѣгущими. Потому пораженіе республиканцевъ было таково, что почти всѣ они погибли. Воины Цезаря, раздраженные продолжительностью войны, не слушали никакихъ просьбъ о пощадѣ: они находили, что прежняя кротость Цезаря къ врагамъ только длила войну. Какъ они пошли въ бой безъ его приказанія, такъ теперь наперекоръ его приказанію убивали бѣгущихъ. Толпы побѣжденныхъ, ушедшія на горы, положили оружіе и протягивали руки умоляя о пощадѣ; воины Цезаря безжалостно перебили всѣхъ ихъ. На полѣ битвы и въ окрестностяхъ Тапса лежало 50,000 убитыхъ враговъ; у побѣдителей было убито только 50 человѣкъ.

Положеніе дѣлъ въ Утикѣ.

Гонецъ привезъ въ Утику извѣстіе о пораженіи войска при Тапсѣ. Катонъ созвалъ совѣтъ сенаторовъ и своею твердостью одушевилъ ихъ; они рѣшили продолжать борьбу, вооружить рабовъ, собрать въ Утикѣ остатки разбитаго войска, оборонять крѣпость. Но это одушевленіе было мимолетной вспышкой. Освобожденіе невольниковъ принесло бы большой убытокъ торговцамъ и землевладѣльцамъ; граждане Утики уже и прежде были нерасположены къ республиканцамъ; защищать городъ значило подвергать себя погибели: на побѣду нельзя было разсчитывать. Потому въ Утикѣ все громче и громче стали говорить, что надобно покориться Цезарю. Когда Фавстъ Сулла, сынъ диктатора, и Луцій Афраній пришли къ городу съ отрядами буйной конницы, опустошавшими окрестности, жители Утики рѣшительно потребовали примиренія съ Цезаремъ, стали грозить, что арестуютъ и выдадутъ ему сенаторовъ и другихъ знатныхъ республиканцевъ. Видя такое положеніе дѣлъ, Катонъ думалъ уже только о томъ, чтобы по возможности уменьшить позоръ и бѣдствія республиканцевъ и горожанъ. Оптиматы хотѣли отдать городъ на разграбленіе воинамъ; Катонъ спасъ горожанъ отъ ихъ мщенія и съ тѣмъ вмѣстѣ озаботился доставить средства спасенія республиканцамъ: снарядилъ къ отплытію корабли, стоявшіе въ гавани, торопилъ своихъ товарищей садиться на нихъ; раздавалъ деньги воинамъ, чтобъ удержать ихъ отъ грабежа; убѣждалъ жителей Утики отложить всѣ раздоры, не обижать тѣхъ согражданъ, которые были на сторонѣ республиканцевъ. Когда республиканцы отплыли изъ гавани, Катонъ, считая свои обязанности исполненными и не находя возможности быть полезнымъ для погибавшей республики, ушелъ въ свою комнату, взялъ разговоръ Пла-

Смерть Катона.

тона «Федонъ», прочелъ его и спокойно, твердо, какъ учила стоическая философія, вонзилъ въ грудь себѣ мечъ. Онъ умеръ вѣрный убѣжденіямъ, которыя честно и мужественно защищалъ. Граждане Утики вызывались просить у Цезаря пощады ему; онъ отвѣчалъ, что пощады проситъ только побѣжденный или преступникъ; преступникъ — это Цезарь, а онъ не побѣжденный. Какъ свѣтъ факела, угасая, вспыхиваетъ чище и выше въ послѣдній мигъ, говоритъ Друманъ, такъ въ послѣдніе часы жизни Катона по уничтоженіи идола, которому служилъ онъ не всегда возвышеннымъ образомъ, проявились въ чистомъ, блистательномъ сіяніи благородныя, великія качества души его; онъ не хотѣлъ пережить свободы, но не порицалъ людей, не хотѣвшихъ умереть вмѣстѣ съ нею, самъ позаботился о ихъ спасеніи, потомъ погрузился въ мысли о будущей жизни и умеръ. Республика, представлявшаяся ему идеаломъ въ сіяніи славнаго прошедшаго, была сокровищемъ, охрану котораго поставилъ онъ задачею своей жизни; по утратѣ его онъ не имѣлъ интереса жить. Съ непоколебимою вѣрностью онъ защищалъ справедливое, какъ онъ думалъ, дѣло, не измѣняя ему и тогда, когда боги отвратились отъ него. Вскорѣ послѣ того, какъ былъ погребенъ на берегу моря Катонъ, Цезарь явился передъ воротами Утики. Они были безъ сопротивленія отворены ему, и онъ вошелъ въ нихъ милостивымъ побѣдителемъ. Въ городѣ оставались нѣкоторые изъ всадниковъ, бывшихъ членами республиканскаго сената. Онъ наказалъ ихъ только денежнымъ штрафомъ. Младшій сынъ Катона, стоявшій подлѣ отца въ часъ его смерти, былъ отпущенъ Цезаремъ свободно ѣхать, куда хочетъ, и Цезарь оставилъ ему имущество отца.

Цезарь въ Утикѣ.

Цезарь и Катонъ.

Имя Катона стало предметомъ высокаго уваженія для современниковъ и потомковъ, выраженіемъ понятія о твердомъ, доблестномъ республиканцѣ. Его статуя, изображавшая его съ мечомъ въ рукѣ, была поставлена поклонниками защитника республики на его могилѣ. Она была нѣмымъ протестомъ противъ монархическаго правленія, которому подчинилъ Цезарь по его смерти римское государство. Цезарь вообще былъ добръ, чуждъ мстительности, но онъ съ непримиримой ненавистью преслѣдовалъ тѣнь Катона: на похвалы Цицерона Катону онъ отвѣчалъ желчнымъ памфлетомъ «Анти-Катонъ»; эта ненависть была выраженіемъ противуположности чувствъ между послѣднимъ республиканцемъ и первымъ государемъ Рима; практическіе государственные люди обыкновенно имѣютъ антипатію къ идеалистамъ, которые, дѣйствительно, опасны для нихъ и ведутъ противъ нихъ борьбу въ области понятій, надъ которой они безсильны. Защитникъ закона и республики былъ и по смерти сильнымъ противникомъ основателю деспотическаго правленія въ Римѣ.

Судьба другихъ противниковъ Цезаря.

Катонъ возбуждаетъ сочувствіе къ себѣ; другіе противники Цезаря въ Африкѣ держали себя такъ, что внушаютъ намъ отвращеніе. Юба

еще при началѣ войны построилъ въ Замѣ костеръ: онъ хотѣлъ въ случаѣ пораженія сжечь на немъ себя съ своими женами, дѣтьми и сокровищами; отъ пламени костра долженъ былъ сгорѣть и городъ. Но когда теперь Юба явился у воротъ Замы, онъ нашелъ ихъ запертыми и ни просьбами, ни угрозами не добился того, чтобы ихъ отворили. Съ нимъ былъ Петрей, побѣдитель Катилины. Они поѣхали въ домъ, одиноко стоявшій далеко отъ города. Юба всю жизнь провелъ въ буйномъ разгулѣ; онъ хотѣлъ и умереть съ буйнымъ наслажденіемъ; сдѣлалъ роскошный пиръ и, напировавшись, предложилъ Петрейю биться мечами, чтобы убить другъ друга. Твердой рукой онъ убилъ своего противника, и одинъ изъ его невольниковъ, по его приказанію, вонзилъ мечъ въ его грудь. Афраній и Фавстъ Сулла пошли съ своей конницей отъ Утики на западъ. Ситтій ночью окружилъ ихъ, взялъ въ плѣнъ и послалъ къ Цезарю. Диктаторъ медлилъ приказаніемъ убить ихъ; озлобленные воины шумно собрались и умертвили ихъ, не дожидаясь приказанія. Маленькая эскадра Метелла Сципіона тоже была захвачена въ плѣнъ Ситтіемъ. Чтобы не быть выданнымъ Цезарю, Метеллъ, послѣдній «Императоръ» въ прежнемъ республискомъ смыслѣ слова, вонзилъ себѣ въ грудь мечъ и бросился въ море.

Въ награду за эти заслуги Цезарь подарилъ Ситтію городъ Цирту; онъ поселилъ тамъ своихъ воиновъ.—Часть царства Юбы была присоединена къ римскимъ владѣніямъ въ Африкѣ, другая половина отдана мавританскому царю. Въ той части, которая была сдѣлана римскимъ владѣніемъ, стали селиться италійскіе колонисты, и эта плодородная область скоро сдѣлалась цвѣтущею. Цезарь назначилъ проконсуломъ африканской провинціи Саллюстія, знаменитаго историка.

3. ПЕРЕХОДЪ КЪ МОНАРХІИ. СМЕРТЬ ЦЕЗАРЯ.

а) Реформы Цезаря.

Возвращеніе и тріумфъ Цезаря. Августъ 46.

Когда Цезарь по бурному морю приплылъ въ Италію, онъ нашелъ тамъ покорный народъ, усердно выказывавшій ему свою преданность. Римляне воздавали ему всяческія почести, предоставляли ему всяческіе правительственные титулы. При извѣстіи о его побѣдѣ надъ Юбой, было назначено сорокадневное торжество благодаренія богамъ. Теперь было рѣшено, что его тріумфальную колесницу будутъ везти бѣлые кони, какъ нѣкогда было на тріумфѣ Камилла, — спасителя Италіи; но этихъ лошадей было дано ему шесть; сопровождать его должны были 72 ликтора; колесница должна была быть оставлена въ Капитоліи. Было рѣшено поставить ему мѣдную статую; она изображала его стоящимъ на земномъ шарѣ; надпись на статуѣ называла его «полубогомъ»; ему дали санъ диктатора на десять лѣтъ.

Назначили его «блюстителемъ нравовъ», то есть предоставили ему одному всю власть, какую прежде имѣли одни цензора; это значило, что ему дается право передѣлать по произволу списки сенаторовъ и всадниковъ, исключить изъ нихъ кого хочетъ, сдѣлать сенаторами и всадниками кого хочетъ, наградить своихъ приверженцевъ, наказать противниковъ. Ему предоставили право сидѣть въ сенатѣ на курульномъ креслѣ подлѣ консуловъ, при вотированіи подавать голосъ первому; а въ циркѣ давать знакъ для начатія игръ. Итакъ ему не доставало только царскаго титула, а царская власть была фактически дана ему. Онъ не могъ сохранять гнѣва противъ людей, такъ усердно угождавшихъ ему, и по пріѣздѣ въ Римъ говорилъ въ духѣ примиренія и кротости. Лишь немногимъ изъ бѣжавшихъ онъ отказалъ въ позволеніи возвратиться. Онъ озаботился, чтобы его тріумфъ могъ совершиться, не возбуждая горькихъ чувствъ, болѣзненныхъ воспоминаній. Тріумфъ длился четыре дня и былъ такъ великолѣпенъ, что затмилъ своимъ блескомъ даже тріумфъ Помпея. Онъ торжествовалъ побѣды надъ варварами: галлами, египтянами, Фарнакомъ и Юбой. Но слезы, которыя текли изъ многихъ глазъ при видѣ идущей Арсинои, говоритъ Діонъ Кассій, текли не въ самомъ дѣлѣ о египетской царевнѣ, жалость о ней была лишь прикрытіемъ скорби объ умирающей республикѣ и погибшихъ друзьяхъ. Цезарь старался изгладить грустныя чувства великолѣпной щедростью. Онъ угостилъ весь Римъ на 22,000 столахъ роскошными кушаньями, дорогими винами; за пиромъ слѣдовали богатые подарки. Простолюдины получили большія выдачи хлѣба, оливковаго масла и деньги на уплату за квартиры на цѣлый годъ. Въ войскѣ каждый простой воинъ получилъ 5,000 денаріевъ (около 1,200 р.); младшіе начальники вдвое, старшіе вчетверо больше. Ветеранамъ были даны большіе участки земли въ разныхъ областяхъ Италіи. На тріумфальномъ шествіи воины пѣли шутливыя пѣсни, въ которыхъ припоминали, какимъ развратникомъ Цезарь былъ въ молодости; онъ слушалъ, не оскорбляясь.

Цезарь зналъ, что римскій народъ легче всего утѣшится въ потерѣ свободы праздниками и удовольствіями; потому въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ (сентябрѣ) онъ устроилъ новые праздники по поводу того, что были освящены форумъ, названный его именемъ (Forum Julii), и храмъ Венеры Родительницы (Venus Genetrix), отъ которой производилъ себя родъ Юліевъ; эти праздники должны были закрыть собою кровавыя воспоминанія о погибшихъ гражданахъ. Народъ, сошедшійся со всей Италіи, восхищался громадными размѣрами боевъ съ звѣрями, гладіаторскихъ боевъ, представленіями сухопутныхъ и морскихъ сраженій, охотами на львовъ, всякими другими зрѣлищами. Толпа ликовала; граждане, подобные Цицерону, съ печалью думали о томъ, какъ весело для народа его рабство.

Война съ Испаніей 46—45.

Но республика еще не умерла, междоусобная война еще не кончилась. Цезарь долженъ былъ прервать свою законодательную дѣя-

тельность, подготовлявшую учрежденіе монархіи: надобно было побѣдить враговъ въ послѣднемъ ихъ убѣжищѣ. Гней Помпей, старшій сынъ великаго полководца, приплылъ изъ Африки съ довольно большимъ войскомъ въ Южную Испанію, гдѣ ненависть, возбужденная въ туземцахъ алчностью назначенныхъ Цезаремъ правителей, Квинта Кассія и Гаія Требонія, расположила населеніе къ возстанію противъ побѣдителя. Гней Помпей и его младшій братъ Секстъ были хорошо приняты туземцами; преданность памяти ихъ отца привела къ нимъ много храбрыхъ воиновъ. Черезъ нѣсколько времени приплыли къ нимъ изъ Африки Лабіэнъ, Варъ, другіе военачальники съ отрядами побѣжденныхъ войскъ; большая часть находившихся въ Испаніи воиновъ Цезаря передалась имъ. Скоро у Гнея Помпея сформировалось войско, состоявшее изъ тринадцати легіоновъ. Тутъ было много римскихъ изгнанниковъ, дезертировъ, колонистовъ; но большинство воиновъ составляли испанцы, бѣглые рабы, разбойники, безпріютные люди разнаго рода. Гней Помпей былъ человѣкъ отважный; горячность его характера простиралась до неукротимой страстности; серьезность отца перешла у него въ суровость, хладнокровіе отца въ жестокость; озлобленный тяжелыми ударами судьбы, онъ жаждалъ мщенія; убивать людей стало потребностью его. Онъ выбралъ своимъ девизомъ Pietas («сыновній долгъ»); этимъ онъ выражалъ, что всѣхъ, измѣнившихъ его отцу, всѣхъ приверженцевъ Юлія Цезаря онъ обрекаетъ на смерть. Легіоны Цезаря, думавшіе отдохнуть въ Италіи отъ своихъ трудовъ, должны были снова идти на врага, у котораго, какъ у лернейской гидры, выростали вмѣсто отрубленныхъ головъ новыя; надобно было раздавить противниковъ въ ихъ послѣднемъ убѣжищѣ. Ужь и въ африканской войнѣ воины Цезаря, раздраженные безконечными походами, мстили врагамъ за свое утомленіе свирѣпыми убійствами побѣжденныхъ; въ новый неожиданный походъ они отправились проникнутые озлобленіемъ; въ Испаніи, гдѣ уже пролилось столько римской крови, она должна была теперь политься рѣками. Оба войска вступали въ борьбу, пылая непримиримой злобою; казалось, что ужасы междоусобія только начинаются; противники не просили и не давали пощады.

Зима уже приближалась, когда Цезарь пришелъ на Бетисъ (Гвадальквивиръ); потому до слѣдующей весны военныя дѣйствія ограничивались осадами и мелкими сраженіями. Плѣнные и подозрѣваемые въ измѣнѣ были убиваемы. Въ мартѣ диктаторъ пошелъ къ Мундѣ, горной крѣпости близъ южнаго берега, гдѣ стояло непріятельское войско, и построилъ свои войска въ боевой порядокъ на небольшой равнинѣ, разстилавшейся передъ городомъ. Варъ и Лабіэнъ убѣдили Гнея Помпея принять предлагаемую битву. Она была самой ужасной изъ всѣхъ, происходившихъ во время этого междоусобія. Въ тотъ день въ Римѣ совершался радостный праздникъ либералій. Весеннее

Битва при Мундѣ. Мартъ 45 г.

солнце утра кротко смотрѣло съ яснаго неба на пробуждавшуюся природу, и прелесть этого утра была рѣзкимъ контрастомъ свирѣпому кровопролитію на равнинѣ Мунды, гдѣ вечерніе лучи солнца озаряли поле, залитое кровью, заваленное грудами тѣлъ. Весь день длился чрезвычайно упорный ожесточенный бой. Воины сражались каждый самъ за себя: они хотѣли не только побѣдить, хотѣли убивать; имъ было пріятно видѣть истекающихъ кровью, умирающихъ враговъ. Ряды ветерановъ Цезаря начинали колебаться; снявъ шлемъ, онъ сталъ впереди ихъ, восклицая: «неужели выдадите вы меня мальчикамъ»?—Онъ бился впереди всѣхъ; въ его щитъ попало болѣе ста дротиковъ и стрѣлъ; никогда не былъ онъ въ такой опасности, какъ тутъ. Онъ самъ говорилъ потомъ, что часто сражался за побѣду, но при Мундѣ сражался за жизнь. День уже склонялся къ вечеру, бой все еще оставался не рѣшеннымъ; Богудъ, мавританецъ, безъ приказанія Цезаря, поскакалъ съ своимъ отрядомъ кругомъ праваго непріятельскаго фланга и бросился съ тылу на правое крыло враговъ. Нѣкоторые ряды ихъ повернулись фронтомъ назадъ, чтобъ отразить аттаку; воины Цезаря приняли это движеніе за бѣгство, двинулись впередъ съ удвоенной отвагой и сломили непріятеля. Страшно истребляли побѣдители бѣгущихъ враговъ.

Послѣдствія битвы; судьба побѣжденныхъ военачальниковъ.

На полѣ битвы и по путямъ бѣгства лежало 33,000 приверженцевъ Помпея и республиканцевъ. Было захвачено тринадцать знаменъ; семнадцать изъ числа главныхъ начальниковъ были взяты въ плѣнъ. Лабіэнъ и Варъ были убиты. Гней Помпей успѣлъ добраться до моря, но онъ былъ раненъ такъ тяжело, что не могъ продолжать бѣгство и спрятался въ пещерѣ дремучаго лѣса; тайна его убѣжища была выдана предательствомъ; онъ и его товарищи были убиты. Его голова была выставлена въ Гиспалисѣ (Севильѣ) на зрѣлище народу. Братъ его Секстъ бѣжалъ съ отрядомъ войска въ Кордубу и послѣ того велъ корсарскую войну на морѣ. Квинкцій Скапула, склонившій легіоны Требонія къ измѣнѣ Цезарю, легъ въ Кордубѣ на костеръ, велѣлъ убить себя и зажечь костеръ, чтобы врагъ не предалъ поруганію его тѣло. Болѣе 20,000 освобожденныхъ и принятыхъ въ войско Помпея невольниковъ собрались въ Кордубѣ и обороняли городъ; ворвавшись въ него воины Цезаря истребили ихъ и успѣли спасти подожженный ими городъ. Упорнѣе всего сопротивлялись тѣ воины Помпея, которые успѣли уйти въ Мунду. Легатъ Цезаря Квинтъ Фабій Максимъ сложилъ осадные валы кругомъ крѣпости изъ тѣлъ убитыхъ въ сраженіи на равнинѣ подъ ней. Осажденные пытались пробиться, но были отражены и пали съ оружіемъ въ рукахъ; ихъ было 14,000 человѣкъ. Этимъ была покончена Испанская война. Возставшіе противъ Цезаря города покорились и безропотно уплатили контрибуціи, наложенныя на нихъ побѣдителемъ.

Цезарь и римскій сенатъ. 45.

Въ концѣ лѣта 709 года отъ основанія Рима Цезарь возвратился въ столицу римскаго государства, какъ повелитель его, побѣдившій всѣхъ своихъ враговъ. Онъ совершилъ свой пятый великолѣпный тріумфъ, наградилъ за выраженія преданности населеніе Рима блестящими праздниками и роскошнымъ обѣдомъ. Не довольствуясь славой собственнаго тріумфа, онъ далъ тріумфъ за побѣды въ Испаніи двумъ своимъ легатамъ. Сенатъ и народъ соперничали между собою въ льстивомъ угожденіи владыкѣ. Казалось, что Римъ съ нетерпѣніемъ спѣшитъ положить къ ногамъ новаго монарха послѣдній остатокъ свободы. Цезарь хотѣлъ, чтобы римляне перестали быть республиканцами; быть рабами пожелали сами они; онъ хотѣлъ править ими, они наложили на себя цѣпи; рабство казалось имъ такимъ счастьемъ, что они повергались передъ Цезаремъ въ прахъ и возводили его въ божескій санъ, когда еще не замолкъ шумъ войны въ Испаніи. Сенатъ, въ которомъ было множество членовъ, назначенныхъ диктаторомъ, далъ убійцѣ республики такія почести, какія оказывались прежде только восточными народами ихъ царямъ, вознесъ его выше всѣхъ предѣловъ человѣческаго величія, отдалъ всю государственную власть въ его руки.

Полномочія и почести, данныя Цезарю. Диктаторъ. Praefectus morum. Императоръ.

Раболѣпный Сенатъ привѣтствовалъ возвратившагося побѣдителя званіями „освободителя“ и „отца отечества“, назначилъ его на всю жизнь диктаторомъ и на десять лѣтъ консуломъ, вручилъ ему на всю жизнь власть, принадлежавшую цензорамъ, давъ ему новоустановленный санъ „блюстителя нравовъ“ (Praefectus morum), далъ ему на всю жизнь почетный титулъ „императора“, который прежде войско давало полководцу послѣ побѣды, сенатъ утверждалъ за получившимъ и который слагалъ онъ съ себя послѣ тріумфа. Теперь этотъ титулъ, бывшій прежде лишь временной почестью, получилъ иное значеніе и сталъ обозначать соединеніе всей правительственной и военной власти (imperium) въ рукахъ правителя, независимаго отъ сената, такъ что съ саномъ императора теперь соединено было верховное управленіе внутренними дѣлами государства, въ томъ числѣ распоряженіе государственною казною и начальство надъ всѣми военными силами государства. Всѣ курульные сановники сдѣлались теперь только помощниками императора, вполнѣ зависящими отъ него, хотя для вида еще были оставлены выборы ихъ комиціями. Сенатъ уничтожилъ послѣднюю тѣнь свободы постановленіемъ, что всѣ распоряженія, какія будетъ дѣлать Цезарь, будутъ имѣть законную силу, и что всѣ курульные сановники при вступленіи въ свой санъ, должны давать присягу исполнять его приказанія. Сосредоточеніе всей полноты власти въ рукахъ Цезаря было довершено тѣмъ, что народное собраніе дало ему святость и неприкосновенность, принадлежавшія трибунскому сану и право чеканить монету съ его изображеніемъ. Послѣ Испанской войны стали чеканить золотую и серебряную монету, на лицевой сторонѣ которой изображена голова Цезаря въ лавровомъ вѣнкѣ и сдѣлана надпись „Цезарь императоръ“, а на оборотной сторонѣ изображена Венера Побѣдительница (Venus Victrix) съ копьемъ въ одной рукѣ и маленькою статуею богини побѣды (Викторіи) въ другой. По своему сану верховнаго первосвященника Цезарь завѣдывалъ богослужебными дѣлами; жрецы и государственныя ауспиціи находились подъ его управленіемъ. Передавая Цезарю всю власть въ государствѣ, сенатъ и народъ съ тѣмъ вмѣстѣ предоставили ему внѣшніе знаки гражданскаго и военнаго почета, показывавшіе, что онъ занимаетъ въ государствѣ положеніе, подобное царскому. Ему было дозволено всегда носить пурпурную мантію и лавровый вѣнокъ на головѣ; это были

Цезарю дается трибунская неприкосновенность.

Верховный первосвященникъ.

Монархическія почести.

знаки отличія, которые прежде имѣлъ только тріумфаторъ во время своей тріумфальной процессіи; было рѣшено поставить его статуи во всѣхъ храмахъ подлѣ статуй боговъ и, при процессіи праздника римскихъ игръ, возить его статую на великолѣпной колесницѣ; была поставлена статуя его съ дубовымъ вѣнкомъ на головѣ, другая—съ вѣнкомъ свитымъ изъ простой травы; эти вѣнки означали, что онъ спаситель города Рима и спаситель своихъ согражданъ. День его рожденія былъ сдѣланъ государственнымъ праздникомъ, и мѣсяцу, въ который приходился этотъ день, дано было его имя (іюль, julius, то есть Юлій); ему дано было право въ сенатѣ, въ трибуналахъ, на играхъ сидѣть въ царской тогѣ на позолоченныхъ креслахъ; было постановлено воздавать ему божескія почести и въ присягахъ призывать его духа покровителя („генія“) въ свидѣтели клятвы.

«Грустенъ», говоритъ Друманъ, «тотъ выводъ изъ исторіи, что человѣкъ хочетъ владычествовать надъ человѣкомъ или раболѣпно служить человѣку, что люди въ ослѣпленіи своемъ забываютъ благородство общей человѣческой природы, когда божество даетъ одному изъ нихъ необыкновенную силу духа».

Организація монархическаго правленія государствомъ.

Рѣшеніями сената и народнаго собранія были предоставлены Цезарю права и почести царя;—для полученія ихъ ему не понадобилось отмѣнять республиканскія формы государственнаго устройства и республиканскія курульныя должности. Онъ безъ вреда для своей власти оставилъ существовать народное собраніе; оно давало его распоряженіямъ форму законовъ, установленныхъ народомъ; онъ могъ дѣйствовать тѣмъ свободнѣе, что по старинному государственному праву распоряженія высшихъ сановниковъ имѣли силу законовъ на время срока ихъ службы (стр. 77). Власть Юлія Цезаря не была нисколько стѣсняема тѣмъ, что по прежнему избирались каждый годъ два консула; народъ избиралъ тѣхъ людей, которыхъ предлагалъ онъ, и консульство было теперь саномъ, лишеннымъ всякой самостоятельности; это формально обозначалось тѣмъ, что Цезарь въ сенатѣ сидѣлъ по срединѣ между консулами. Онъ могъ спокойно оставить существованіе и сенату, потому что, по власти блюстителя нравовъ, онъ наполнилъ сенатъ своими приверженцами, какъ наполнилъ ими и сословіе всадниковъ. Онъ увеличилъ число сенаторовъ до 900 человѣкъ; онъ давалъ сенаторскій санъ всѣмъ, кому хотѣлъ. людямъ низкаго происхожденія, грубымъ воинамъ, сыновьямъ отпущенниковъ, даже иностранцамъ, уроженцамъ провинцій *). Такимъ образомъ, сенатъ сдѣлался совѣщательнымъ учрежденіемъ, помогавшимъ императору составлять законы, и подчиненнымъ ему административнымъ комитетомъ, которому онъ поручилъ исполнять распоряженія, какія дѣлалъ. Не было ему надобности отмѣнять и санъ народныхъ трибуновъ, потому что они были совершенно безсильны мѣшать ему: онъ самъ имѣлъ святость и неприкосновенность трибунскаго сана. Съ титуломъ императора, который сталъ со времени Цезаря высшимъ титуломъ властителей Рима и получилъ наслѣдственный характеръ, было соединено начальство надъ всѣми военными силами государства, право распоряженія государственной казной, право объявлять войну и заключать миръ, назначать правителей провинцій, руководить выборами и всѣми совѣщаніями народнаго собранія, чеканить монету; такимъ образомъ, соединяя въ своихъ рукахъ всю государственную власть, императоръ могъ безъ вреда себѣ оставить существованіе всѣмъ прежнимъ республиканскимъ сановникамъ, которые были теперь только органами императора, помощниками, намѣстниками его, исполняли свои должности лишь по его уполномоченію. Безъ вреда себѣ могъ оставить Цезарь и прежнее устройство богослужебной администраціи: по своему сану верховнаго первосвященника, онъ былъ начальникомъ ея, а по свой трибунской власти могъ отмѣнять всякія непріятныя ему рѣшенія не только богослужебныхъ коллегій, но всѣхъ вообще сановниковъ и трибуналовъ. Право апелляціи къ народному собранію превратилось въ право императора быть верховнымъ рѣшителемъ всѣхъ судебныхъ дѣлъ по апелляціи къ его трибунской власти. Итакъ, по правамъ, соединеннымъ съ его титуломъ императора, Цезарь имѣлъ всю власть неограниченнаго царя. Щадя народныя антипатіи, старинныя предубѣжденія, онъ не принялъ титулъ царя, на который было съ древнихъ временъ наложено проклятіе; но онъ поступалъ совершенно какъ царь, и статуя его, поставленная подлѣ изображеній семи царей, владычествовавшихъ по старинному преданію надъ Римомъ, ясно показывала, какую власть онъ имѣетъ и какой титулъ хочетъ получить.

Наслѣдственный санъ императора.

Ему было предоставлено право передать санъ императора и всѣ священныя права этого сана своему потомству или, въ случаѣ недостатка потомства, тому, кого усыновитъ онъ; такимъ образомъ, власть императора была поставлена выше власти прежнихъ римскихъ царей, которые не передавали свой санъ по наслѣдству, а становились царями только по выбору народа.

Правленіе Цезаря.

Занявъ положеніе владыки государства, соединивъ въ своихъ рукахъ всю власть, Цезарь пользовался ею такъ хорошо, что надобно признать: онъ старался превратить республику въ монархію самымъ мягкимъ образомъ и во всѣхъ своихъ законахъ и учрежденіяхъ высказывалъ умъ великаго государственнаго человѣка. Во время ужасовъ кроваваго междоусобія, онъ держалъ себя снисходительно, милостиво, примирительно; въ этомъ отношеніи онъ не измѣнился и послѣ окончательнаго своего торжества надъ врагами, будучи неограниченнымъ

*) Онъ удвоилъ число преторовъ и квесторовъ: прежде было 8 преторовъ и 20 квесторовъ; онъ опредѣлилъ назначать 16 преторовъ и 40 квесторовъ; половину ихъ избиралъ народъ, а половину прямо назначалъ самъ онъ; такимъ образомъ, ежегодно поступали въ сенатъ новые члены, назначенные Цезаремъ (преторы и квесторы по окончаніи года своей магистратуры становились, какъ мы знаемъ, сенаторами).

повелителемъ государства. Даже противники его засвидѣтельствовали, что чѣмъ выше становилось его могущество, тѣмъ сильнѣе проявлялась его кротость. Быть можетъ, онъ выказывалъ чуждыя римскимъ междоусобіямъ чувства пощады и гуманности, главнымъ образомъ по политическому разсчету; быть можетъ, онъ былъ милостивъ собственно по желанію прекратить раздоры, примирить партіи, создать почву, на которой могли бы сойдтись между собою аристократы и демократы, отбросивъ прежнюю взаимную вражду; но, безъ сомнѣнія, имѣлъ нѣкоторое участіе въ этомъ и его личный характеръ, расположенный къ добрымъ, благороднымъ чувствамъ. Ненависть и мстительность были чужды его душѣ. Побѣды его не были ознаменованы проскрипціями и конфискаціями, которыхъ желали очень многіе и опасалась масса народа. Онъ не хотѣлъ подражать Суллѣ. Онъ обнародовалъ повелѣніе, что люди, служившіе въ войскахъ его враговъ послѣ битвъ при Илердѣ и Фарсалѣ и засѣдавшіе въ ихъ сенатѣ, остаются изгнанными изъ Италіи, лишаются своего имущества и политическихъ правъ; но это распоряженіе онъ примѣнялъ только къ тѣмъ, которые непреклонно оставались враждебны ему; просившіе помилованія получали прощеніе. Это великодушіе распространялъ Цезарь и на многихъ изъ тѣхъ упорныхъ враговъ, которые, будучи взяты въ плѣнъ и получивъ помилованіе, снова вступили въ ряды войскъ, сражавшихся противъ него и должны были по общему военному праву быть казнены. Вдовамъ своихъ убитыхъ въ сраженіяхъ или подвергшихся изгнанію противниковъ онъ оставлялъ принадлежавшее лично имъ имущество, дѣтямъ ихъ возвращалъ часть конфискованнаго имущества отцовъ. А когда съ битвой при Мундѣ миновали опасности междоусобія, Цезарь обнародовалъ широкую амнистію, избавлявшую его бывшихъ противниковъ отъ всякихъ дальнѣйшихъ наказаній. Онъ выказывалъ глубокое уваженіе къ памяти Помпея; велѣлъ возстановить статую его у ораторской трибуны, опрокинутую буйною толпой. Велѣлъ возстановить и статую Суллы. Онъ хотѣлъ показать Риму, что помнитъ только услуги, оказанныя государству этими полководцами.

Демократическія волненія

Кротость Цезаря не нравилась демократамъ, которые ожидали, что онъ будетъ править совершенно въ духѣ ихъ партіи, подавитъ ихъ противниковъ, возобновитъ свирѣпости Марія и Цинны. Въ первые годы войны, когда диктаторъ сражался съ врагами, были дѣлаемы въ Римѣ и въ другихъ городахъ Италіи попытки раздѣла имуществъ. Преторъ Маркъ Целій Руфъ, образованный и краснорѣчивый, но обремененный долгами сенаторъ, предлагалъ или уничтожить долги, или отсрочить уплату ихъ на шесть лѣтъ безъ процентовъ и освободить нанимателей квартиръ отъ уплаты не отданныхъ ими домохозяевамъ денегъ за квартиры. Законнымъ путемъ онъ не могъ провести своихъ предложеній и хотѣлъ принудить силой народъ и сенатъ принять ихъ. Для этого онъ вступилъ въ союзъ съ Титомъ Анніемъ и Милономъ, возвратившимся изъ изгнанія. Они набрали толпы невольниковъ, бродягъ и другихъ отчаянныхъ людей и начали дѣйствовать революціоннымъ путемъ, но оба были убиты въ Кампаніи. Черезъ нѣсколько времени поднялъ смуты въ Римѣ, какъ мы уже говорили, другой приверженецъ Юлія Цезаря, народный трибунъ Публій Долабелла; замыселъ его былъ тотъ же самый. Но Цезарь строго остановилъ эти и другія покушенія нарушить право собственности и тѣмъ успокоилъ зажиточныхъ людей, увеличилъ число своихъ приверженцевъ. По окончаніи войны онъ еще рѣшительнѣе показалъ своимъ прежнимъ приверженцамъ, что диктаторъ нисколько не похожъ на демократа, что буйные раздоры партій и соціальные перевороты не будутъ допущены имъ, что, установляя новый порядокъ дѣлъ, онъ будетъ охранять жизнь гражданъ и законныя права собственности. Онъ дозволилъ воротиться всѣмъ осужденнымъ на изгнаніе по прежнимъ судебнымъ приговорамъ, возстановилъ ихъ политическія права, отдалъ имъ конфискованныя имущества. Онъ понималъ, что источникъ государственныхъ недуговъ и междоусобныхъ войнъ — слишкомъ большое неравенство имуществъ; онъ хотѣлъ по мѣрѣ возможности исцѣлить это общественное бѣдствіе, но исцѣлить посредствомъ правильныхъ законныхъ реформъ.

Реформы Цезаря

Мы видѣли, въ чемъ состояли недуги, которыми страдало римское государство; городъ Римъ былъ наполненъ буйной чернью, пролетаріями, не имѣвшими никакихъ занятій, отпущенниками, иноземцами, громаднымъ множествомъ рабовъ; капиталисты, ростовщики, которымъ люди знатнѣйшихъ фамилій были должны колосальныя суммы, владычествовали надъ общественными дѣлами; земельная собственность сосредоточилась въ рукахъ не многихъ очень крупныхъ земледѣльцевъ, и они вели хозяйство работой не людей свободныхъ, а невольниковъ; провинціи были угнетены; въ самой Италіи находились города и округи, не имѣвшіе правъ римскаго гражданства и тоже угнетаемые. Цезарь хотѣлъ исцѣлить эти бѣдствія государства разсудительными практическими мѣрами; онъ не успѣлъ сдѣлать этого вполнѣ, потому что война оставила ему слишкомъ мало времени, а болѣзнь была застарѣлая, упорная; но онъ шелъ вѣрнымъ путемъ и показалъ въ чемъ должны состоять мѣры, которыми можно излѣчить страданія государства. Одинъ изъ важныхъ памятниковъ его многообъемлющихъ заботъ объ устраненіи общественнаго разстройства—муниципальный законъ Юлія (Lex Julia municipalis), обнародованный имъ въ 45 году.

1. Забота о городѣ Римѣ.

Число людей въ городѣ Римѣ, не имѣвшихъ никакого занятія и получавшихъ продовольствіе изъ государственныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, дошло до 320,000; изъ всей Италіи, даже изъ провинцій, сходились въ богатую столицу бѣдняки не хотѣвшіе работать; щедрость демагоговъ и другихъ политическихъ дѣятелей снабжала ихъ хлѣбомъ, такъ что они могли жить, не трудясь. Цезарь велѣлъ разслѣдовать, кто изъ людей, получающихъ государственный хлѣбъ, дѣйствительно не имѣетъ средствъ обойдтись безъ этого пособія, и уменьшилъ болѣе чѣмъ на половину число пользующихся имъ; въ спискахъ людей, получающихъ хлѣбъ отъ государства, осталось 150,000 человѣкъ; изъ остальныхъ были отобраны 80,000 человѣкъ и переселены въ колоніи за границами Италіи. Съ тѣмъ вмѣстѣ Це-

зарь дѣлалъ огромныя сооруженія, доставлявшія всѣмъ бѣднымъ людямъ возможность заработывать себѣ пропитаніе. Такъ напримѣръ, на Марсовомъ полѣ онъ построилъ ограду кругомъ мѣста для народнаго собранія Saepta Iulia, а между Капитоліемъ и Палатиномъ форумъ Юлія (Forum Iulium), предназначенный для трибуналовъ. Многія начатыя имъ другія громадныя сооруженія были достроены уже по его смерти, нѣкоторые другіе его планы сооруженій остались неисполненными. Имѣя заработокъ отъ этихъ построекъ, бѣдняки, жившіе въ Римѣ и не получавшіе хлѣба отъ государства, не терпѣли нужды или по крайней мѣрѣ уменьшилось число нуждающихся; этимъ были прекращены и безпорядки вредившіе безопасности имущества и жизни въ столицѣ: прежде въ Римѣ была масса воровъ и грабителей; теперь ихъ стало гораздо меньше. Строгій полицейскій надзоръ освобождалъ Римъ отъ безпріютныхъ отчаянныхъ людей, готовыхъ на всякія преступленія и продававшихъ себя на службу всякому желающему агитатору. Много содѣйствовало установленію законнаго порядка и общественнаго спокойствія то, что Цезарь или распустилъ или подчинилъ надзору политическія общества, организованныя демагогами и служившія имъ орудіями для возбужденія смутъ (стр. 847, 895). Римское государство получало монархическій характеръ, народное собраніе утратило вліяніе на дѣла; потому столичная чернь потеряла свою прежнюю политическую важность. Но Цезарь хотѣлъ обращаться съ населеніемъ Рима любезно; потому велѣлъ привозить въ Римъ изъ Африки и Сардиніи большое количество оливковаго масла, которое замѣняло у римлянъ мыло; это масло давалось даромъ въ общественныхъ баняхъ Рима.

2. Законы о долгахъ и процентахъ.

Въ разсказѣ объ исторіи Рима отъ временъ Югуртинской войны до смутъ, происходившихъ въ Римѣ въ годы покоренія Галліи Цезаремъ, мы видѣли, какъ безвыходно запутана была въ неоплатные долги римская аристократія, какую важную роль играли взятки и подкупы въ общественной жизни римскаго государства; видѣли, что продажность распространилась по всѣмъ сословіямъ, отъ высшаго до низшаго. Чрезмѣрные расходы на роскошные пиры, на всяческія удовольствія и пороки пышной, изнѣженной, развратной жизни великолѣпной столицы. Покупка голосовъ на выборахъ, другія политическія козни, постройка и отдѣлка роскошныхъ домовъ, великолѣпіемъ которыхъ вельможи старались превзойдти другъ друга, содержаніе безчисленной прислуги, всяческіе другіе виды мотовства поглощали даже и колосальныя состоянія. Ростовщики выводили расточителей изъ затрудненій, но давали деньги лишь за громадные проценты, потому что уплата была не вѣрна и вообще приходилось долго ждать ея. Такимъ образомъ вліятельнѣйшіе и знатнѣйшіе люди были обременены огромными долгами, и многіе изъ нихъ желали политическихъ и и общественныхъ катастрофъ для уничтоженія своихъ долговыхъ обязательствъ. Въ особенности много было промотавшихся, обремененныхъ долгами людей между приверженцами Цезаря; они надѣялись, что онъ уничтожитъ ихъ долговыя обязательства. Онъ, какъ мы видѣли, подавилъ ихъ попытки произвести отмѣну долговъ насильственнымъ путемъ; но не могъ не оказать имъ поддержки, потому что иначе они остались бы нищими. Онъ давалъ имъ богатые подарки; средства на то доставили ему контрибуціи съ побѣжденныхъ, конфискаціи имущества главныхъ противниковъ. Кромѣ того онъ облегчилъ положеніе должниковъ законодательными мѣрами. Онъ возстановилъ прежній законъ, по которому неуплаченные проценты выбрасывались изъ разсчета, а уплаченные были зачисляемы въ уплату самаго капитала ссуды. Онъ обязалъ кредиторовъ принимать въ уплату долга движимое и недвижимое имущество должниковъ по той цѣнѣ, какую имѣло оно до междоусобія, уменьшившаго

его стоимость. Онъ установилъ высшую норму процентовъ, сверхъ которой нельзя было требовать кредитору. Онъ смягчилъ прежніе законы о взысканіи долговъ, постановивъ, что должникъ не можетъ быть отдаваемъ въ работу кредитору или подвергаться заключенію въ тюрьму, что кредиторъ долженъ довольствоваться имуществомъ должника, хотя бъ оно и не покрывало собой сумму долга, а личная свобода должника остается неприкосновенной. Чтобъ искоренить главную причину разворенія, Цезарь хотѣлъ законами противъ роскоши уменьшить мотовство, вводившее людей въ долги. По праву „блюстителя нравовъ“ онъ опредѣлилъ наивысшія дозволительныя цифры расходовъ на пиры, запретилъ слишкомъ дорогіе наряды, постройку чрезмѣрно громадныхъ и великолѣпныхъ дворцовъ, гробницъ и т. д. Разумѣется, никакими законами нельзя было ввести въ испорченное римское общество любовь къ умѣренности и простотѣ, но уменьшился по крайней мѣрѣ явный скандалъ мотовства.

Законы противъ роскоши.

3. Аграрныя реформы и основаніе колоній.

3. Кореннымъ недугомъ римскаго государства было то, что упалъ классъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ, воздѣлывавшихъ свою землю собственнымъ трудомъ, и уменьшилось число свободнаго сельскаго населенія. Причины этого печальнаго явленія ясны по ходу исторіи римскаго государства: въ городскомъ и въ сельскомъ населеніи увеличивалась масса невольниковъ; крупные землевладѣльцы, по алчности и по тщеславію, расширяли свои имѣнья, захватывали участки свободныхъ хлѣбопашцевъ-собственниковъ, разводили на ихъ мѣстѣ сады, парки для прогулокъ, парки для охоты, рощи для птицъ, рыли пруды для рыбы, рыли озера для украшенія парковъ; междоусобія въ Италіи опустошали страну, разворяли поселянъ. Свободное среднее сословіе почти совершенно исчезло. Населеніе Рима и другихъ большихъ городовъ дѣлилось на два класса: одинъ образовали аристократы, крупные землевладѣльцы, оптовые торговцы, ростовщики; другой составляла масса бѣдняковъ, обнищавшихъ римскихъ гражданъ, другихъ италійцевъ, отпущенниковъ, безпріютныхъ иноземцевъ. Въ южныхъ и восточныхъ областяхъ Италіи веденіе сельскаго хозяйства невольническимъ трудомъ давно вытѣснило свободныхъ землепашцевъ, уничтожило классъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ; въ Самніѣ и въ другихъ горныхъ областяхъ Средней Италіи обнищаніе сельскаго населенія постоянно росло со времени союзнической войны; эти мѣстности превращались въ пустыни; въ Лаціумѣ и въ Этруріи прежніе цвѣтущіе города становились полуразвалившимися селеніями, прежнія многолюдныя селенія почти вовсе опустѣли. Въ Кампаніи, въ нѣкоторыхъ другихъ, чрезвычайно плодородныхъ мѣстностяхъ сельское хозяйство могло еще казаться цвѣтущимъ, поля, воздѣлываемыя крѣпкими невольниками. еще давали хорошій урожай, и поэты, уроженцы такихъ мѣстностей, могли съ удовольствіемъ смотрѣть на прекрасно орошенные луга, роскошныя нивы, на холмы, покрытые виноградниками и отѣненные оливковыми рощами, на сады фруктовыхъ деревьевъ; но вся остальная Италія представляла грустную картину разрушеннаго благосостоянія, погибшаго счастія: мелкія хозяйства поселянъ-собственниковъ исчезли; лишенная всякой собственности, масса была отдѣлена глубокою пропастью отъ малочисленнаго класса крупныхъ землевладѣльцевъ. Между обѣднѣвшими италійцами разлилось пришлое иноземное населеніе рабовъ, отпущенниковъ, иностранныхъ ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ; а значительная часть уроженцевъ Италіи шла далеко отъ родины служить въ провинціяхъ воинами, матросами на флотѣ; по всѣмъ провинціямъ жили италійскіе крупные торговцы, откупщики, ростовщики, всяческіе спекулянты, администраторы съ толпами помощниковъ, писцовъ и служителей; италійскіе богачи разъѣзжали, для своего развлеченія, по провинціямъ, надолго покидая родину. Цезарь старался

улучшить положеніе Италіи благоразумными реформами. Важнымъ шагомъ къ устраненію бѣдствій было то, что онъ ввелъ полицейскій надзоръ, уничтожившій разбойничьи шайки, оградилъ безопасность собственности и жизни, пролагалъ дороги, осушалъ болота. Онъ старался умножить число свободнаго сельскаго населенія, переселялъ разорившихся гражданъ въ колоніи, за границами Италіи. Мы видѣли, что онъ обѣщалъ своимъ старымъ воинамъ землю, въ награду за ихъ службу,—одолѣвъ противниковъ, онъ исполнилъ свое обѣщаніе. Конфискованныя имѣнія политическихъ противниковъ, земли нѣкоторыхъ жреческихъ корпорацій, поступавшія въ собственность государства, остатки прежней государственной земли образовали основную массу участковъ, которые раздавалъ онъ своимъ воинамъ; при томъ онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи государственную казну и могъ покупать земли для раздачи поселенцамъ. Такимъ образомъ, онъ надѣлилъ своихъ ветерановъ участками земли, не отнимая собственности у прежнихъ владѣльцевъ. Опустѣвшія селенія и города получили много новыхъ жителей, и вѣроятно были между этими колонистами такіе, которые стали дѣйствовать плугомъ и заступомъ такъ же искусно, какъ орудовали прежде мечомъ и копьемъ. Цезарь не повторилъ ошибку Суллы, который поселилъ своихъ воиновъ особыми военными колоніями и черезъ это далъ имъ удобство сохранять прежнія привычки праздной, буйной жизни. Цезарь водворялъ ветерановъ маленькими группами среди прежнихъ жителей, такъ что они были разрознены, перемѣшались съ людьми трудящимися; кромѣ того, онъ запретилъ имъ продавать свои участки раньше двадцати лѣтъ. Онъ надѣялся такимъ образомъ доставить уменьшившемуся населенію городовъ новыя рабочія силы; а праздный и голодный излишекъ населенія Рима и другихъ многолюдныхъ городовъ онъ отправлялъ въ провинціи, гдѣ было открыто для этихъ бѣдняковъ широкое поле дѣятельности, на которомъ они могли пріобрѣтать благосостояніе; такимъ образомъ въ Галліи были основаны колоніи римскихъ гражданъ; города Бетерры (Безье), Арелатъ (Арль), Аравсіонъ (Оранжъ), Forum Julii (Фрежюсъ) и Немавсъ (Нимъ) были расширены населеніемъ новыхъ жителей въ нихъ и получили права самоуправленія; были поселены итальянскіе колонисты въ старинныхъ разрушенныхъ городахъ Карѳагенѣ и Коринѳѣ и въ сирійскомъ портовомъ городѣ Беритѣ; этимъ Цезарь хотѣлъ загладить память о великихъ преступленіяхъ противъ культуры, совершенныхъ Римомъ. Онъ запретилъ римскимъ гражданамъ, имѣющимъ отъ 20 до 40 лѣтъ, проводить внѣ Италіи болѣе трехъ лѣтъ сряду, кромѣ того случая, когда они служатъ воинами въ походахъ. Сыновьямъ сенаторовъ было дозволено уѣзжать изъ Италіи только въ качествѣ служащихъ при правителяхъ или военачальникахъ. Цезарь хотѣлъ уменьшить преобладаніе невольническаго труда въ сельскомъ хозяйствѣ и возстановилъ старинный законъ, повелѣвавшій, чтобы у землевладѣльцевъ не менѣе какъ третья часть пастуховъ и землепашцевъ состояла изъ наемныхъ свободныхъ работниковъ. У римскихъ гражданъ распространялось обыкновеніе предпочитать холостую жизнь женитьбѣ; чтобы возстановить склонность къ правильной семейной жизни, Цезарь далъ привилегіи отцамъ многочисленныхъ дѣтей.

4. Увеличеніе правъ италійцевъ и провинціаловъ.

4. Италійцы вынудили силой оружія римскую аристократію дать имъ право римскаго гражданства, въ которомъ она упорно отказывала имъ; но когда они пріобрѣли его, ихъ области были опустошены войной; потомъ новыя опустошительныя междоусобія, болѣе половины столѣтія свирѣпствовавшія въ Италіи, довершали ея разореніе, губили всякую законность, портили нравы. Цезарь хотѣлъ исцѣлить и эти раны. Онъ старался оживить италійскіе города, увеличить ихъ населенія; онъ далъ общинамъ

Италіи и Цизальпійской Галліи широкія права самоуправленія, открывавшія просторъ дѣятельности благородныхъ людей на общую пользу. Онъ заботился о томъ, чтобы совѣты декуріоновъ, управлявшіе городами, и должности сановниковъ, завѣдывавшихъ администраціею подъ надзоромъ этихъ совѣтовъ, были очищены отъ недостойныхъ людей; смотрѣлъ за тѣмъ, чтобы свобода выборовъ въ городскія должности не была стѣсняема ни кѣмъ; далъ городамъ право самостоятельнаго суда по римскимъ законамъ, оставивъ на рѣшеніе римскихъ трибуналовъ только важнѣйшія уголовныя дѣла. Такія же права онъ далъ колоніямъ и муниципіямъ римскихъ гражданъ въ Трансальпійской Галліи и въ другихъ провинціяхъ. Онъ надѣялся возбудить этимъ бодрость духа въ городскомъ населеніи, доведенномъ междоусобіями до апатіи, возстановить жизнь въ опустѣвшихъ и обѣднѣвшихъ мелкихъ городахъ. Онъ заботился и о томъ, чтобъ облегчить положеніе туземнаго населенія провинцій. Мы много разъ имѣли случаи видѣть, что оно подвергалось страшному угнетенію; видѣли алчность правителей провинцій и помощниковъ ихъ, кровопійство откупщиковъ, ростовщиковъ, римскихъ торговцевъ, свирѣпости полководцевъ и воиновъ, громадность расходовъ, какихъ требовало отъ провинціаловъ содержаніе войскъ, изнуреніе, въ какое приводили ихъ наборы людей на службу въ войскѣ и флотѣ; невыносимую обременительность налоговъ и натуральныхъ повинностей, безчеловѣчную жестокость торговцевъ невольниками, грабежи морскихъ и сухопутныхъ разбойниковъ, опустошенія, производимыя нашествіями враговъ. Эти бѣдствія разорили провинціи; на нихъ, какъ и на Италіи, лежала холодная рука смерти; ихъ богатые торговые города обѣднѣли и опустѣли. Цезарь старался обуздать и эти притѣсненія, спасти то, что еще сохраняло въ себѣ силу ожить: онъ старался назначать правителями провинцій людей справедливыхъ, честныхъ, уменьшить злоупотребленія проконсуловъ и пропреторовъ, ограничить ихъ произволъ увеличеніемъ правъ подданныхъ. Взиманіе податей онъ поручилъ своимъ отпущенникамъ и другимъ лично преданнымъ ему слугамъ. Онъ, съ неумолимой строгостью, наблюдалъ за точнымъ исполненіемъ закона, каравшаго правителей, притѣсняющихъ провинціи. Прежніе суды, завѣдывавшіе дѣлами по обвиненіямъ противъ нихъ, состоявшіе изъ сенаторовъ и всадниковъ, дѣйствовали очень слабо: судьи расположены были извинять всяческія преступленія своимъ товарищамъ по сословію; теперь обвиняемыхъ судилъ не этотъ слишкомъ снисходительный трибуналъ, а строгій новый, находившійся подъ личнымъ завѣдываніемъ императора. Цезарь уменьшилъ подати и натуральныя повинности, ввелъ точный порядокъ въ ихъ взиманіе, далъ многимъ городамъ и округамъ разныя льготы, обуздывалъ алчность ростовщиковъ, защищалъ должниковъ отъ жестокости кредиторовъ. Прежнія раны еще мучили государство, но угнетенное населеніе видѣло разсвѣтъ начинающагося болѣе сноснаго времени; въ первый разъ съ очень давнихъ годовъ подданные имѣли теперь разумное, гуманное правительство, желавшее спокойствія, порядка, мира. Жители Цизальпійской Галліи, вѣрные приверженцы Цезаря, получили право римскаго гражданства, были уравнены въ политическомъ отношеніи съ населеніемъ Средней и Южной Италіи, сдѣлались и юридически италійцами, которыми уже давно стали по языку и образованію. Испанскому торговому городу Гадесу и старинному африканскому городу Утикѣ тоже было дано право римскаго гражданства.

Покровительство греко-римской культурѣ.

Цезарь покровительствовалъ развитію греко римской культуры, элементы которой были распространены по всѣмъ римскимъ провинціямъ, имѣвшимъ варварское населеніе; онъ хотѣлъ, чтобъ эта культура, получивъ повсюду преобладаніе, объединила всѣ части государства, чтобы всѣ онѣ имѣли одинаковые законы, одну цивилизацію, чтобы всѣ подданные Рима усво-

пли себѣ греческій или латинскій языкъ; чтобъ Италія, владычица покоренныхъ племенъ, перестала быть чуждою имъ повелительницею, сдѣлалась матерью возрожденныхъ народовъ греко-римскаго міра. Желая развитія образованности, Цезарь далъ право римскаго гражданства преподавателямъ наукъ и всѣмъ врачамъ въ Римѣ, поручилъ знаменитому ученому, Марку Теренцію Варрону, основать въ Римѣ публичную библіотеку и предоставилъ ему обширныя средства на покупку произведеній римскихъ и греческихъ писателей для этой библіотеки. Онъ хотѣлъ, чтобы въ объединенномъ государствѣ развилась объединенная, всемірная литература.

Другія реформы и планы реформъ.

Эти реформы, исполненныя въ пять лѣтъ, большая часть которыхъ была занята долгими, тяжелыми войнами, ужь достаточно показываютъ творческое могущество геніальнаго ума, съ исполинскою силою охватывавшаго все прекрасное и полезное, великое и малое, глубоко понимавшаго и интересы умственной жизни и потребности государства; Цезарь выказалъ себя великимъ правителемъ, который устроивалъ судьбу человѣчества, заботясь обо всемъ, отъ огражденія цивилизованнаго міра крѣпкими границами противъ варваровъ до уничтоженія дождевыхъ лужъ на улицахъ Рима, и при всѣхъ этихъ правительственныхъ трудахъ умѣлъ найдти досугъ и сохранить свѣжесть мыслей, чтобы внимательно слушать даваемыя въ театрѣ новыя драмы и, награждая вѣнкомъ поэта, одержавшаго побѣду надъ соискателями награды, произносить похвалу ему импровизированными стихами. Но организаторская дѣятельность ума Цезаря не была исчерпана тѣми реформами, которыя успѣлъ онъ осуществить; у него было много другихъ плановъ, исполнять которые онъ только начиналъ, и такихъ, осуществленіе которыхъ еще не было и начато имъ, осталось дѣломъ будущаго. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что онъ началъ подготовлять постройку великолѣпнаго храма Марса на западномъ берегу Тибра и большого театра у подошвы Тарпейской скалы, хотѣлъ осушить помптинскія болота, чтобы превратить ихъ въ плодородную землю и очистить воздухъ сосѣднихъ мѣстностей, хотѣлъ расширить и углубить устье Тибра, устроить въ Остіи глубокую и обширную гавань съ хорошимъ рейдомъ, провести черезъ Апеннины дорогу для соединенія Тибра съ Адріатическимъ моремъ. Говорятъ, онъ назначилъ коммиссію для составленія свода законовъ общихъ всему государству; основаніемъ этого сборника должны были служить законы города Рима и безчисленныя прибавленія къ нимъ; надобно было присовокупить къ этому законы, выработавшіеся при сношеніяхъ между римлянами и иноземцами и составившіе громадную массу правилъ; итакъ Цезарь хотѣлъ создать уложеніе, которое имѣло бы силу закона по всему государству, замѣняло бы собою мѣстные законы или служило бы руководствомъ для разрѣшенія юридическихъ вопросовъ, неразрѣшаемыхъ мѣстными законами. Онъ установилъ общую для всего государства систему мѣръ, вѣсовъ и монеты; римская золотая и серебряная монета была сдѣлана общею государственною во всѣхъ провинціяхъ; но за нѣкоторыми городами было сохранено право чеканить мелкую размѣнную монету. Цезарь постановилъ, чтобы въ Римѣ и во всей Италіи производима была по извѣстнымъ срокамъ перепись населенія и оцѣнка имуществъ; будучи распространена и на провинціи, эта перепись могла послужить основаніемъ для всеобщей государственной статистики.

Улучшеніе календаря.

Цезарь улучшилъ государственный календарь. Установленіемъ календаря и опредѣленіемъ времени праздниковъ до сихъ поръ завѣдывала коллегія понтифексовъ; по ихъ невѣжеству календарь былъ доведенъ до чрезвычайной неправильности. Цезарь, обладая хорошими астрономическими свѣдѣніями и по своему сану верховнаго первосвященника имѣя право установлять календарь, поручилъ греческому ученому, Созигену, исправить его; прежній римскій

лунный годъ, имѣвшій 355 дней и приводимый вставкою дополнительнаго мѣсяца въ согласіе съ солнечнымъ по правиламъ, установленіе которыхъ преданіе приписывало Нумѣ, былъ замѣненъ солнечнымъ. Въ основаніе новаго календаря былъ положенъ календарь Эвдокса, который былъ уже принятъ всѣми сельскими хозяевами для разсчета времени земледѣльческихъ работъ. Въ новомъ календарѣ, который получилъ названіе Юліева (Юліанскаго), было принято считать три года по 365 дней, а четвертый высокосный годъ считать въ 366 дней. Счетъ по новому календарю начался съ 45 года до Р. Х.; къ предыдущему году было прибавлено 80 дней потому, что прежній счетъ времени былъ ошибоченъ на эту цифру.

Походъ на пареянъ. Организація войска.

Заботливо занимаясь преобразованіемъ государства Цезарь, не забывалъ обязанности полководца. Онѣ требовали, чтобы онъ отмстилъ за кровь своего друга Красса и его храбрыхъ сподвижниковъ, погибшихъ на равнинѣ Месопотаміи, возстановилъ честь римскаго оружія. Но онъ думалъ не о томъ только, что слава римскаго имени требуетъ похода на далекій востокъ; ему заманчива была мысль совершить подвиги, которыми поровнялся бы онъ съ Александромъ. Притомъ восточная граница римскихъ владѣній была въ постоянной опасности отъ пареянъ: Сирія была открыта ихъ набѣгамъ, они держали себя дерзко, гордясь своею побѣдою надъ римлянами. Былъ у Цезаря и другой мотивъ: полководецъ, покорившій себѣ мечомъ свое отечество, не могъ давать дремоты своимъ воинамъ. Римское войско нуждалось въ преобразованіи. По старинному порядку всѣ должности военачальниковъ принадлежали людямъ знатныхъ фамилій какъ собственность, ряды войска были наполнены сбродомъ всякихъ людей изъ простонародья всѣхъ областей. И воины, и начальники ихъ буйствовали, грабили. При упадкѣ дисциплины войско иногда пугалось, робѣло. Даже въ станѣ Цезаря воинами овладѣлъ такой страхъ при походѣ на Аріовиста, что они упали духомъ, плакали. Потому необходимо было возстановить въ войскѣ дисциплину и мужество. Цезарь не могъ сформировать свои легіоны изъ людей зажиточныхъ, гордящихся своими гражданскими правами, какъ это было въ старинныхъ римскихъ войскахъ; римскіе граждане утратили мужество, изнѣжились; онъ не могъ оживить въ нихъ духъ старины. Но онъ сдѣлалъ, что было возможно. Онъ удержалъ прежнее устройство легіоновъ. Постоянныя войска должны были стоять на границахъ государства и охранять ихъ. Въ самой Италіи не должно было находиться постоянныхъ войскъ; на защиту ея въ случаяхъ надобности должны были формироваться отряды ополченія; точно тоже постановилъ Цезарь и относительно провинцій. Онъ не хотѣлъ владычествовать надъ государствомъ исключительно военной силой, какъ это было впослѣдствіи. Онъ считалъ достаточнымъ то, чтобы всѣ военныя силы государства находились подъ его властью, чтобы правители провинцій и начальники отрядовъ получали приказанія не отъ сената, какъ было прежде, а исключительно отъ него. Но онъ не хотѣлъ, чтобы воины стали совершенно особеннымъ сословіемъ, чуждымъ обществу; онъ желалъ, чтобы военная служба оставалась обязанностью гражданъ; потому онъ сократилъ срокъ ея, установилъ правила о награжденіи ветерановъ участками земли, увеличилъ жалованье воинамъ, имѣя на то средства въ громадныхъ суммахъ, доставленныхъ ему конфискаціями и контрибуціями; онъ постановилъ, что занимать общественныя должности могутъ только люди, прослужившіе опредѣленный срокъ воинами. Онъ не захотѣлъ имѣть тѣлохранителей; сенаторы и всадники вызывались исполнять при немъ эту службу; онъ отклонилъ ихъ предложенія. Но въ конницѣ у него были отряды галльскихъ и германскихъ наемниковъ.

Походъ на пареянъ былъ любимою мыслью Цезаря; онъ нѣсколько лѣтъ

обдумывалъ его, и, наконецъ, все было готово. Непосредственною цѣлью похода дѣйствительно было желаніе отмстить парѳянамъ за пораженіе Красса и обезпечить отъ ихъ нападеній восточную границу государства; но втайнѣ были у Цезаря и другіе планы, исполненіемъ которыхъ онъ желалъ возвысить свою славу. Онъ хотѣлъ покорить эдаковъ и гетовъ, жившихъ на Дунаѣ, и часто дѣлавшихъ набѣги на Македонію и Ѳракію; побѣдивъ парѳянъ, онъ хотѣлъ возвратиться въ Римъ далекимъ обходомъ по сѣверу и западу: идти странами по сѣвернымъ берегамъ Каспійскаго и Чернаго морей черезъ Германію, черезъ Галлію. Но прежде, чѣмъ отправился онъ въ походъ на парѳянъ, онъ лишился жизни; и приготовленія къ парѳянскому походу были даже одною изъ причинъ той судьбы, какой подвергся онъ.

b) Смерть Цезаря. Характеръ его.

Отношенія Цезаря къ сенату и народу.

Если бы Цезарь, возвратившійся въ Римъ послѣ побѣды при Мундѣ, возложилъ на себя діадему, то сенатъ и народъ преклонили бы колѣна передъ царемъ Юліемъ Цезаремъ, потомкомъ Венеры. Онъ не отважился самъ взять себѣ желанный санъ царя, но хотѣлъ получить его отъ народа. Сенатъ истощилъ всю свою фантазію на придумываніе почестей для него, и потокъ льстивыхъ выраженій преданности уже ослабѣвалъ, а онъ все еще продолжалъ мечтать, что ему будетъ поднесена діадема. Римляне спокойно смотрѣли на то, что императоръ сосредоточилъ всю государственную власть въ своихъ рукахъ, что онъ наполнилъ сенатъ своими креатурами, обратилъ его въ орудіе для исполненія своихъ приказаній; что онъ унижаетъ аристократію, дѣлая людей низкаго происхожденія курульными сановниками, товарищами вельможъ; что онъ даетъ санъ патриціевъ новымъ фамиліямъ и этими пожалованіями превращаетъ родовую аристократію, созданную имъ, въ сословіе придворныхъ царя; равнодушно смотрѣли на то, что онъ фактически отнялъ у народнаго собранія право выбора курульныхъ сановниковъ, назначая часть ихъ непосредственно самъ, предлагая своихъ кандидатовъ на остальныя должности и требуя, чтобы народное собраніе неуклонно повиновалось его рекомендаціямъ; спокойно смотрѣли на то, что онъ поручилъ своимъ отпущенникамъ и другимъ личнымъ своимъ агентамъ взиманіе налоговъ въ провинціяхъ, управленіе государственными финансами, завѣдываніе чеканкой монеты, отмѣнилъ коренные судебные законы, уничтоживъ право апелляціи (провокаціи) къ народному собранію по политическимъ дѣламъ, а на мѣсто ея ввелъ апелляцію къ императору; что онъ велѣлъ составлять списки присяжныхъ только изъ простолюдиновъ, имѣвшихъ право на это по прежнему порядку; вообще онъ поставилъ свою власть выше судебной, предоставивъ лично себѣ окончательное рѣшеніе по всякимъ важнымъ процессамъ. Онъ былъ всемогущимъ въ государствѣ; но все еще оставалась хотя призрачная форма республиканскаго правленія;

монархическая власть дѣйствовала посредствомъ прежнихъ республиканскихъ правительственныхъ органовъ; римскій народъ все еще могъ обольщать себя мыслью, что учрежденія, созданныя предками, эти привычныя ему учрежденія, съ которыми соединялись всѣ воспоминанія славной исторіи Рима, остаются неприкосновенными; но это самообольщеніе римлянъ мало по малу исчезло: Цезарь придавалъ все болѣе и болѣе монархическій характеръ своему положенію, а его приближенные раболѣпными угожденіями раскрывали тайныя желанія своего повелителя. Онъ обращался съ сенатомъ гордо; хотя сенатъ имѣлъ теперь такой составъ, что и не заслуживалъ уваженія, но презрѣніе Цезаря къ нему всетаки оскорбляло римлянъ. Когда сенаторы пришли къ нему торжественной процессіей въ залъ новаго храма Венеры сообщить рѣшенія, дававшія ему новыя почести, и сказать, что эти рѣшенія будутъ вырѣзаны на серебряныхъ доскахъ золотыми буквами и поставлены въ Капитоліи, онъ принялъ сенатъ, сидя въ пурпурной мантіи тріумфатора и даже не привсталъ для отвѣта на поздравленіе. Аристократія оскорблялась надменностью Цезаря, окружавшаго себя исключительно людьми не знатными, такими, которые безусловно подчинялись его желаніямъ и оказывали ему раболѣпныя почести. Обстановка Цезаря дѣлалась все болѣе церемоніальной, начинала походить на этикетъ царскихъ дворцовъ; начиналъ формироваться царскій придворный штатъ; приближенные Цезаря, люди поднятые изъ ничтожества его благосклонностью, держали себя высокомѣрно, обращались съ республиканцами, какъ съ побѣжденными, какъ съ помилованными преступниками. Потрясающія катастрофы повергли римлянъ въ оцѣпененіе; но мало по малу они опомнились отъ него; они сравнивали настоящее съ прошедшимъ, думали о томъ, неужели не осталось послѣ Катона ни одного твердаго приверженца законнаго порядка. Въ образованномъ сословіи сохранялась сильная любовь къ республиканскому правленію; она начинала ободряться. Цезарь и его креатуры раздражали республиканцевъ, все яснѣе и яснѣе выказывая свое стремленіе завершить передѣлку государства въ монархическомъ духѣ введеніемъ царскаго сана, дать полновластію императора внѣшнія формы, соотвѣтствующія сущности дѣла, характеризовать власть повелителя царскимъ титуломъ.

Признаки намѣренія стать царемъ.

Попытки склонить народъ, дать Цезарю титулъ царя.

Дать Цезарю титулъ царя могло только народное собраніе; но прямо предложить народу, чтобы онъ возвелъ Цезаря въ царскій санъ, было опасно, потому что, еслибъ народъ отвергъ это предложеніе, дѣло было бы надолго испорчено. Потому надобно было сначала разузнать настроеніе народа. Однажды римляне увидѣли, что статуя Цезаря, стоявшая на ораторской трибунѣ форума, украшена лавровымъ вѣнкомъ, перевитымъ бѣлой лентой, такъ что это выходило похоже на діадему. Народъ изумился и вознегодовалъ. Два народные трибуна велѣли снять эту бѣлую

ленту и арестовали повязавшихъ ее на вѣнокъ, объявивъ, что диктаторъ не желаетъ такого нарушенія законовъ. Въ концѣ января происходилъ старинный праздникъ латинскаго союза на Альбанской горѣ. Возвращаясь съ этого праздника, Цезарь 26 января въѣхалъ въ Римъ процессіею, походившею на тріумфальную; народъ привѣтствовалъ его при въѣздѣ; нѣсколько голосовъ прибавили къ привѣтствію слово царь; въ народѣ поднялся глухой ропотъ; диктаторъ громко сказалъ, что его имя Цезарь, а не царь. Но въ интимномъ кругу его не теряли смѣлости. Если бы Цезарь поступилъ рѣшительно, то надобно думать, что дѣло удалось бы: увидѣвъ его въ діадемѣ, возложенной имъ на себя собственною властью, народъ, вѣроятно, былъ бы пораженъ изумленіемъ, растерялся бы, и перемѣна установилась бы, не встрѣтивъ сопротивленія. Но Цезарь хотѣлъ, чтобы діадема была поднесена ему народомъ. Въ праздникъ Луперкалій, 15 февраля, Цезарь въ тріумфальномъ облаченіи сидѣлъ на золотомъ креслѣ, поставленномъ на ораторской трибунѣ форума; праздничная процессія шла мимо нея. Вдругъ подошелъ къ Цезарю одинъ изъ интимнѣйшихъ его друзей, Маркъ Антоній, бывшій въ этомъ году товарищемъ Цезаря въ консульскомъ санѣ; въ рукахъ у Антонія была діадема. Со словами: „Римскій народъ черезъ меня даетъ тебѣ это", Антоній поднялъ руки возложить діадему на голову Цезаря; въ народѣ поднялся шумный ропотъ; одобрительные крики друзей и подкупленныхъ крикуновъ были слишкомъ слабы сравнительно съ этимъ шумомъ негодованія; Цезарь понялъ, что попытка не удалась, и съ притворнымъ гнѣвомъ отстранилъ отъ себя діадему; народъ одобрилъ это движеніе громкимъ крикомъ. Антоній упалъ передъ диктаторомъ на колѣна, умоляя его принять діадему; Цезарь сказалъ, что одинъ Юпитеръ царь римлянъ, и велѣлъ отнести діадему въ Капитолій. Но въ фастахъ (въ календарѣ) была сдѣлана, по приказанію Цезаря, отмѣтка при днѣ праздника Луперкалій, что въ этотъ день былъ предложенъ императору римскимъ народомъ черезъ консула царскій санъ, но былъ отвергнутъ имъ. „Мысль была не тверда, дѣйствія не рѣшительны", говоритъ Друманъ: „робость руки показывала, что желаніе преступно, попытки получить согласіе народа признавали за народомъ право отказать". Римляне поняли теперь положеніе дѣлъ. На открытую борьбу не было силы у республиканцевъ, но на заговоръ и убійство достало у нихъ силы.

Цезарь пытается получить санъ царя отъ сената.

Общественное мнѣніе ясно высказалось противъ введенія монархической формы правленія; но Цезарь нашелъ возможность достичь желанной цѣли косвеннымъ путемъ. Приближалось время начать походъ противъ парѳянъ. Цезарь разсчитывалъ, что эта война займетъ три года; чтобы не разстроился въ это время порядокъ внутренняго управленія, онъ потребовалъ себѣ полномочія назначить правительственныхъ сановниковъ на нѣсколько лѣтъ впередъ, оно было дано ему. Онъ назначилъ сановниковъ, которые будутъ править въ его отсутствіе; важнѣйшіе изъ нихъ были Антоній, Лепидъ и Долабелла. Онъ хотѣлъ явиться на востокѣ въ такомъ же величіи, какъ Александръ Македонскій, хотѣлъ, чтобы его называли тамъ царемъ царей. Народное собраніе не захотѣло поднести Цезарю діадему, и пришлось удовольствоваться полученіемъ ея отъ сената. Хранителямъ сивиллинскихъ книгъ, сгорѣвшихъ во время Суллы и потомъ возстановленныхъ (разумѣется, съ передѣлками и прибавками), было велѣно Це-

заремъ справиться о томъ, что предсказано въ нихъ относительно парѳянскаго похода. Оказалось, что по сивиллинскимъ книгамъ римляне могутъ побѣдить парѳянъ только въ томъ случаѣ, если ихъ войскомъ будетъ начальствовать царь. Ссылаясь на это пророчество, приверженцы Цезаря потребовали, чтобъ ему было дано право повсюду за предѣлами Италіи называться царемъ. Это было придумано ловко. Можно было разсчитывать, что когда войско и провинціи привыкнутъ видѣть императора въ діадемѣ, то и Римъ молча увидитъ его въ ней при возвращеніи его съ побѣдой надъ невѣдомыми до той поры народами далекихъ земель. Но противники его распространяли молву, что онъ хочетъ сдѣлать своею столицею Иліонъ или Александрію, а управленіе Римомъ поручитъ намѣстникамъ.

Заговорщики.

Когда Цезарь и его приверженцы занимались осуществленіемъ его замысловъ, онъ стоялъ уже на вулканѣ, готовомъ къ взрыву. Съ негодованіемъ и стыдомъ римляне видѣли, что сенатъ и магистратуры унижены, осквернены, сословіе патриціевъ опозорено недостойными людьми, получившими эти почетныя мѣста отъ Цезаря. Плутархъ справедливо говоритъ, что положеніе государства требовало монархической власти, что боги дали Риму въ Цезарѣ врача, употреблявшаго самыя кроткія мѣры излѣченія; но привычныя убѣжденія, религіозныя или политическія, не могутъ быть погребаемы безъ того, чтобъ вѣрные приверженцы ихъ не сдѣлали попытки насильственно продлить ихъ существованіе, оживить ихъ своею самоотверженною любовью. Когда у людей отнимается какое нибудь идеальное благо, плачутъ и умираютъ мученики за него. Людей, которые попытались тогда остановить вращеніе колеса судьбы, одни называютъ убійцами тиранна, освободителями, другіе—преступниками, злодѣями. Всѣмъ имъ справедливо дѣлаютъ одинъ упрекъ: они были обязаны благодарностью Цезарю за полученныя отъ него милости, за кротость его къ нимъ, за прощеніе имъ; но не справедливо было бы произносить одинаковое сужденіе о нихъ всѣхъ, считать побужденія ихъ всѣхъ одинаково чистыми или одинаково неблагородными. «Свобода и республика» былъ общій лозунгъ ихъ, волшебной силой котораго они думали возбудить энтузіазмъ въ народѣ; и несправедливо было бы совершенно отрицать ихъ искренность, видѣть въ этомъ лозунгѣ только притворство, обманъ. Но подъ прекраснымъ покровомъ таилось много дурныхъ страстей. Въ груди многихъ заговорщиковъ голосъ эгоизма, честолюбія, мщенія говорилъ слышнѣе, нежели любовь къ свободѣ и патріотизмъ. Чище, нежели во всѣхъ другихъ горѣлъ огонь республиканской свободы и доблести въ Маркѣ Брутѣ, зятѣ Катона, походившемъ на него честностью и душевной твердостью, походившемъ и фантастической преданностью идеальному прошлому. Легендарный основатель римской риспублики считался предкомъ его; это славное происхожденіе возлагало на него, какъ онъ думалъ, личную обязан-

Маркъ Брутъ.

ность охранить отъ оскверненія тиранніей созданіе его предка; а окровавленная тѣнь Катона призывала его къ тому, думалъ онъ. Эта обязанность была тяжела для его нѣжнаго любящаго сердца, потому что Цезарь, простивъ его, сражавшагося въ войскѣ Помпея, осыпалъ милостями. Онъ былъ въ томъ году городскимъ преторомъ и по окончаніи года претуры долженъ былъ получить въ свое управленіе Македонію. Но душою заговора былъ не Брутъ, а мужъ его сестры, Гаій Кассій Лонгинъ, тотъ храбрый начальникъ конницы, который послѣ пораженія Красса при Каррахъ спасъ остатокъ войска (стр. 862). Онъ тоже сражался противъ Цезаря, получилъ его прощеніе, принялъ изъ рукъ его санъ претора на тотъ годъ и по окончаніи года долженъ былъ получить управленіе Сиріею. Но его гордая, пылкая душа не знала примиренія. Онъ обижался тѣмъ, что Цезарь даетъ болѣе высокія почести людямъ моложе его и не имѣющимъ такихъ заслугъ и талантовъ, какъ его. Его угрюмое блѣдное лицо, его сухощавая фигура показывали, что пламя гнѣва пожираетъ его; и гнѣвъ вложилъ кинжалъ въ его руку. Онъ ненавидѣлъ Цезаря и по своей горячей преданности республикѣ, и по оскорбленному своему честолюбію. Собственно Кассій пробудилъ въ Брутѣ убѣжденіе, что онъ по своей фамильной обязанности долженъ быть освободителемъ отечества; по внушенію Кассія, были написаны на статуѣ Брута, основателя республики, служившія упрекомъ его потомку слова: «О, если бъ ты жилъ теперь!» и была брошена на судейское кресло городского претора записка: «Брутъ, или ты спишь?» Человѣкъ съ пылкой фантазіей, создававшей передъ его глазами видѣнія, Брутъ подчинился умственному превосходству и твердой волѣ Кассія, не устоялъ противъ его завлекательнаго призыва; они заключили между собой союзъ на убійство того, кто хотѣлъ быть владыкою Рима.

Гаій Кассій Лонгинъ.

Другіе участники заговора.

Съ этого начался заговоръ, въ которомъ приняли участіе около шестидесяти человѣкъ, большею частью сенаторовъ, одни изъ нихъ были люди, сражавшіеся за Помпея, напримѣръ Квинтъ Лигарій, участвовавшій въ сраженіи при Тапсѣ; изгнанный за это Цезаремъ, но потомъ получившій прощеніе благодаря его милосердію и краснорѣчію Цицерона; Понцій Аквила, выказавшій твердость своихъ республиканскихъ убѣжденій при тріумфѣ Цезаря въ 45 году, будучи тогда народнымъ трибуномъ. Другіе были до сихъ поръ приверженцами Цезаря, участвовали въ его сраженіяхъ и побѣдахъ, напримѣръ Децимъ Брутъ, выказавшій большую храбрость при осадѣ Массиліи (стр. 884), сдѣланный за это правителемъ Цизальпійской Галліи и назначенный быть консуломъ въ 42 году; Сервилій Каска и его братъ Луцій Тиллій Цимбръ, человѣкъ, любившій пировать и веселиться, назначенный быть правителемъ Виѳиніи въ 43 году; Гаій Требоній, бывшій нѣсколько раньше того пропреторомъ въ Испаніи; Минуцій Базилъ и Сульпицій Гальба, бывшіе легатами Цезаря въ Галльской войнѣ, У большей части изъ нихъ любовь къ свободѣ и республиканскому правленію, вѣроятно, были сильнымъ побужденіемъ къ принятію участья въ заговорѣ, но сильны были и личные мотивы, главнымъ образомъ досада на то, что

Цезарь не оказываетъ имъ почета или мало вознаграждаетъ ихъ прежнія заслуги.

Заговорщики рѣшаютъ убить Цезаря.

Заговоръ былъ уже составленъ, были уже отточены кинжалы на убійство Цезаря, когда его приближенные хлопотали о томъ, чтобы возложить на него діадему. Этими хлопотами они помогали врагамъ его. Интриги, которыми старались они достичь цѣли, раздражали народъ, и заговорщики увеличивали волненіе въ Римѣ, распространяя тревожные слухи. При многочисленности участниковъ заговора, опасно было медлить исполненіемъ замысла: онъ легко могъ обнаружиться, и дѣло разстроилось бы. Заговорщики стали совѣщаться о томъ, гдѣ и какъ удобнѣе будетъ убить Цезаря: на комиціяхъ, передъ глазами народа, или около его дома, на Священной улицѣ, или при входѣ въ театръ. Они услышали, что 15 марта будетъ происходить засѣданіе сената въ театрѣ Помпея; молва говорила, что въ этомъ засѣданіи будетъ сдѣлано предложеніе дать царскій титулъ Цезарю, уже готовившемуся отправиться въ Парѳянскій походъ. Заговорщики рѣшились воспользоваться этимъ случаемъ: большинство изъ нихъ были сенаторы, такъ что могли сойдтись тутъ, не возбуждая подозрѣнія; притомъ было можно выставить убійство Цезаря результатомъ совѣщанія сената.

Мартовскіе иды 44 года.

Люди склонны къ вѣрованію, что великимъ событіямъ предшествуютъ возвѣщающія ихъ необыкновенныя явленія. Разсказываютъ, что Кальпурнія, жена Цезаря, женщина разсудительнаго, спокойнаго характера, испуганная дурными снами, со слезами упрашивала мужа не являться въ засѣданіе сената, назначенное 15 марта; что Гаруспексъ Спуринна предостерегалъ его отъ мартовскихъ идъ (т. е. 15 числа марта); что на самомъ пути въ сенатъ философъ Артемидоръ, старикъ, другъ Цезаря, подалъ ему записку, въ которой сообщалъ о существованіи заговора, но что Цезарь оставилъ эту записку не прочтенной; онъ уже раньше получалъ много предостереженій и, взявъ записку Артемидора, спокойно продолжалъ идти, сказавъ: «лучше умереть, чѣмъ постоянно бояться»; онъ и теперь, какъ всегда, ввѣрялся своей судьбѣ. Онъ пришелъ въ сенатъ позднѣе, чѣмъ ожидали: просьбы Кальпурніи поколебали его; при томъ онъ чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ; онъ хотѣлъ послать въ сенатъ увѣдомленіе, что засѣданіе отлагается; но Децимъ Брутъ, присланный заговорщиками, встревожившимися тѣмъ, что онъ долго не идетъ въ сенатъ, сталъ смѣяться надъ его мыслью отложить засѣданіе и насмѣшками отклонилъ его отъ этого намѣренія. —При входѣ въ залъ засѣданія сенаторы почтительно привѣтствовали его. Требоній завелъ разговоръ съ Маркомъ Антоніемъ, физическая сила котораго была опасна, и задержалъ его этимъ поодаль отъ Цезаря. Когда Цезарь сѣлъ на свое золотое кресло, заговорщики подошли къ нему. Тиллій

Убійство въ Куріи Помпея.

Цимбръ сталъ просить его о прощеніи брата, находившагося въ изгнаніи. Другіе поддерживали просьбу, хватали Цезаря за руки и съ тѣмъ вмѣстѣ ощупывали, нѣтъ ли на немъ панцыря или спрятаннаго подъ тогой оружія; чтобы избавиться отъ слишкомъ настойчивыхъ упрашиваній, Цезарь хотѣлъ встать; Цимбръ сорвалъ съ него тогу; это былъ условный знакъ, и Каска сзади ударилъ его кинжаломъ въ шею; но рука была дрожащая и рана была легка; «негодяй, что ты дѣлаешь?»—вскрикнулъ Цезарь, крѣпко схватывая руку убійцы, но увидалъ, что, всѣ толпившіеся кругомъ него, выхватываютъ кинжалы. Каждый изъ заговорщиковъ далъ клятву обагрить свой кинжалъ его кровью. Въ торопливости, съ какою наносили они удары, они нанесли нѣсколько ранъ и другъ другу. Пронзенный двадцатью тремя ударами, Цезарь упалъ у статуи Помпея, закрывъ голову и всего себя тогою, чтобы въ паденіи сохранить достоинство и спокойствіе. Говорятъ, что, увидѣвъ между убійцами Марка Брута, котораго очень любилъ и съ которымъ наканунѣ вечеромъ обѣдалъ у Лепида, онъ очень опечалился, воскликнулъ: «И ты, мой сынъ!» и подставилъ грудь. Такъ умеръ первый императоръ на 56 году жизни подъ кинжалами людей, изъ которыхъ многіе были его сподвижниками на войнѣ и которые всѣ получили милости отъ него,—умеръ, какъ жертва у алтаря, среди собранія, большинство членовъ котораго было обязано ему своимъ саномъ и которое дало ему всевозможныя почести. Республиканская идея, коренившаяся въ прошедшемъ, возстала, говоритъ Ранке, противъ возникавшей монархической, соотвѣтствовавшей потребностямъ настоящаго.

Характеръ Цезаря.

Чтобы составить себѣ понятіе о характерѣ великаго человѣка, имя котораго до сихъ поръ остается однимъ изъ самыхъ блестящихъ въ исторіи человѣчества, надобно припомнить факты его обильной событіями жизни: его поступки всегда были выраженіемъ мысли и воли его, результатомъ размышленія и разсчета, такъ что политическая жизнь его служитъ вѣрнымъ зеркаломъ его личности. Онъ родился въ 100 году, въ шестое консульство Марія, женою котораго была сестра его отца. Онъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ жилъ среди политической борьбы, бывшей поучительною школою жизни, укрѣплявшей силу мысли и воли, развивавшей твердыя убѣжденія. По своему происхожденію, онъ былъ патрицій; и онъ получилъ вельможское воспитаніе, но сталъ въ ряды демократіи, оставался вѣренъ ей въ дни гоненій и гибели. Родство съ Маріемъ, дядею, и Цинной, на дочери котораго, Корнеліи, онъ былъ женатъ, подвергло его большой опасности во время проскрипцій Суллы, котораго онъ прогнѣвилъ въ особенности тѣмъ, что твердо отказался развестись съ Корнеліею; онъ былъ лишенъ сана жреца Юпитера и внесенъ въ списокъ осужденныхъ на смерть. Съ величайшимъ трудомъ онъ укрывался отъ кинжаловъ убійцъ, каждый день, каждую ночь переходя изъ убѣжи-

Его отношенія къ демократической партіи.

ща въ убѣжище. Наконецъ, просьбы людей, уважаемыхъ Суллой, доставили ему помилованіе; говорятъ, что, соглашаясь дать ему пощаду, Сулла сказалъ просившимъ за него: «Этотъ юноша-щеголь опаснѣе Марія». Твердость, выказанная Цезаремъ въ тяжелое для демократіи время, сдѣлала его любимцемъ демократовъ: они видѣли въ немъ наслѣдника Марія и Цинны. Цезарь дорожилъ ихъ симпатіею и умѣлъ сохранить ее въ годы владычества аристократіи. При смерти своей тетки Юліи и своей жены Корнеліи, онъ сдѣлалъ имъ торжественныя похороны и произнесъ надгробныя рѣчи, въ которыхъ выказывалъ себя защитникомъ демократіи, являлся вождемъ ея. Чтобы приготовить себя къ той дѣятельности, которая предназначена была ему и рожденіемъ, и собственнымъ выборомъ, онъ еще при жизни Суллы поступилъ въ войско, подавлявшее въ Азіи послѣднихъ приверженцевъ Митридата, выказалъ при осадѣ Митилены кротость и блестящую храбрость. Его корабль попался во власть морскихъ разбойниковъ и при этомъ случаѣ проявилось, какъ умѣетъ онъ покорять себѣ мысли людей и какой увѣренностью въ себѣ одушевленъ. Онъ сказалъ разбойникамъ, что дастъ имъ за себя выкупъ вдвое больше того, какого они требуютъ, но распнетъ ихъ на крестѣ, и обращался съ ними такъ, какъ будто онъ не плѣнникъ, а повелитель ихъ. И онъ исполнилъ свою угрозу. Была молва, что, когда онъ жилъ въ гостяхъ у виѳинскаго царя Никомеда, то принималъ участіе въ его грязномъ развратѣ; насколько справедлива она, мудрено сказать: его противники упорно повторяли ее, онъ всегда говорилъ, что она лжива; при его тріумфѣ воины упоминали о ней въ своихъ шутливыхъ пѣсняхъ. Получивъ извѣстіе, что избранъ понтифексомъ, онъ возвратился въ Римъ и скоро сталъ вождемъ демократической партіи. Онъ мало смущался тѣмъ, что его наслѣдственное богатство и богатство, взятое за женой, погибло во время проскрипцій Суллы; онъ обременилъ себя громадными долгами: убѣжденіе, что онъ станетъ могущественнымъ человѣкомъ, дѣлало его беззаботнымъ относительно долговъ, внушало довѣріе и кредиторамъ; вмѣстѣ съ долгами росло и его политическое значеніе. Мы говорили, что бывши эдилемъ, онъ далъ народу великолѣпнѣйшія игры съ гладіаторскимъ боемъ въ такомъ размѣрѣ, что подобнаго праздника еще не видывалъ Римъ; говорили, что онъ употреблялъ громадныя суммы на пріобрѣтеніе себѣ приверженцевъ, на покупку голосовъ при выборахъ, на покупку усердія даровитыхъ продажныхъ людей. Щедрыми подарками, огромными постройками, великолѣпными играми онъ ослѣплялъ толпу, поддерживалъ ея расположеніе къ себѣ; а сдѣлавшись военачальникомъ, онъ пріобрѣлъ своею щедростью усердную преданность войска. Огромныя суммы поглощала его роскошная жизнь: онъ давалъ пиры; онъ волочился за знатными дамами, обольщалъ ихъ подарками, не жалѣлъ денегъ для красивыхъ женщинъ, торговавшихъ собой. Мы

Походы въ Азіи.

Избраніе его въ санъ понтифекса 74.

Расточительность и долги Цезаря.

Роскошь его.

знаемъ развратную жизнь великосвѣтскихъ людей, въ кругу которыхъ составился заговоръ Катилины; такую жизнь велъ и Цезарь. Когда онъ уже былъ могущественнымъ политическимъ дѣятелемъ, его противники все еще находили въ его щегольствѣ изобильные матеріалы для насмѣшекъ, осмѣивали длинныя, обшитыя бахрамой рукава его рубашекъ, изысканную небрежность, съ какою онъ подпоясывалъ тунику и драпировался тогой, заботливость его о томъ, чтобы всегда быть выбритымъ очень гладко, имѣть франтовскую прическу волосъ. Его преждевременная старость, сухощавость его въ пожилые года, блѣдный цвѣтъ лица, лысина, которую онъ заботливо прикрывалъ лавровымъ вѣнкомъ,—все это было послѣдствіемъ не тѣхъ лишеній и трудовъ, какимъ подвергался онъ въ походахъ, а растраты силъ въ молодости. Любовь женщинъ онъ цѣнилъ выше всего. Богиня Венера, по народному преданію и по словамъ льстецовъ, бывшая прародительницею фамиліи Юліевъ, была для него верховнѣйшимъ изъ всѣхъ божествъ; на печати его перстня было ея изображеніе, онъ сдѣлалъ ея имя боевымъ кликомъ своихъ легіоновъ, приносилъ ей щедрыя жертвы. Молва насчитывала между знатными дамами многихъ бывшихъ любовницами Цезаря; такъ говорили въ Римѣ о сестрѣ Катона, матери Марка Брута, о Лолліи, бывшей потомъ женою Габинія, о Тертулліи, женѣ тріумвира Красса. Въ то время, какъ онъ былъ убитъ, Клеопатра жила въ его домѣ за Тибромъ. Отцомъ сына, родившагося у ней по отъѣздѣ Цезаря изъ Александріи, былъ, по ея словамъ, онъ; съ его согласія она назвала этого ребенка Цезаріономъ. Во время африканской войны онъ жилъ въ Эвноею, сестрою мавританскаго царька Богуда. Въ одной изъ піэсъ Либерія были шутливыя слова, что Цезарь хочетъ ввести многоженство.

Ловкость въ гимнастическихъ и военныхъ упражненіяхъ.

Любовь Цезаря къ чувственнымъ наслажденіямъ, чашу которыхъ онъ пилъ до подонковъ, его щегольство и роскошь не вредили ему во мнѣніи народа, потому что въ Римѣ тогда уже только шутили надъ пороками, а не порицали ихъ, и умѣли прикрывать ихъ благовидными именами; не мѣшали пороки и его дѣловой энергіи. Природа дала ему организмъ, способный выносить и чувственныя излишества, и лишенія: онъ былъ человѣкъ высокаго роста, стройный, фигура его была исполнена достоинства, онъ былъ хорошъ собой, у него былъ орлиный носъ, въ его черныхъ глазахъ была и энергія и веселость, выраженіе лица его было доброе; вообще наружность у него была такая, что внушала любовь и довѣріе къ нему въ обществѣ; онъ озаботился сдѣлать себя способнымъ къ походной жизни: онъ выучился хорошо ѣздить верхомъ, фехтовать, плавать, могъ выносить стужу и зной, ночи безъ сна, голодъ и жажду, дѣлить всѣ труды и лишенія воиновъ.

Обаятельность его личности.

Еще меньше, чѣмъ физическія силы, пострадали отъ излишествъ молодости его умственныя и психическія качества; напротивъ того, бурная жизнь въ вихрѣ наслажденій дала ему

такое знаніе общества и человѣческаго сердца, что онъ имѣлъ непреодолимую власть надъ всѣми сближавшимися съ нимъ: онъ очаровывалъ людей, покоряя ихъ себѣ силой ума и характера. У него былъ необыкновенный талантъ извлекать пользу изъ каждаго человѣка, ставить каждаго на то мѣсто, для котораго онъ годился, соединять людей на службу его широкимъ планамъ, оставляя имъ мысль, что они дѣйствуютъ свободно, самостоятельно. Онъ держалъ всѣ нити дѣлъ въ своей могучей рукѣ и направлялъ все къ ясно сознанной имъ цѣли. Его полководцы были великими стратегами, пока дѣйствовали по его приказаніямъ, пока его умъ руководилъ ими, его примѣръ одушевлялъ ихъ. Покинувъ его, они не знали какъ имъ дѣйствовать и оказывались людьми незначительными. Лабіэнъ въ Галльской войнѣ былъ искуснымъ военачальникомъ; въ Ѳессаліи, въ Африкѣ онъ отличался только горячностью и жестокостью; потому что не было руки, которая прежде управляла его дѣйствіями.

Величіе ума и характера Цезаря.

Въ исторіи послѣднихъ десяти лѣтъ жизни Цезаря, мы имѣли много случаевъ видѣть, какъ разсудительно и твердо держалъ онъ себя въ самыхъ трудныхъ положеніяхъ: опасности и бѣдствія только давали возможность еще яснѣе проявляться великимъ его качествамъ, находчивости ума, твердости воли, энергіи характера. Однимъ пораженіемъ при Фарсалѣ было убито все славное прошлое Помпея; а Цезарь послѣ пораженій при Герговіи и Диррахіѣ былъ черезъ нѣсколько дней снова готовъ къ битвѣ, съ надеждой на побѣду. И трудно сказать, чему надобно болѣе дивиться въ немъ: талантамъ полководца или государственнаго человѣка, писателя или оратора; онъ былъ замѣчательный знатокъ искусства и остроумный, милый собесѣдникъ за роскошнымъ пиромъ въ дружескомъ кругу. «Знаменитые люди говоритъ, Друманъ, обыкновенно обязаны своей славой только одному какому нибудь великому качеству; Цезарю природа дала способности быть великимъ во всѣхъ видахъ дѣятельности; отъ его воли зависѣлъ выборъ, будетъ ли онъ великимъ полководцемъ или великимъ государственнымъ человѣкомъ, законодателемъ или великимъ юристомъ, ораторомъ, поэтомъ, историкомъ, филологомъ, математикомъ, архитекторомъ. У него на все была сила, и доставало время на все, потому что онъ въ минуту усвоивалъ себѣ знанія, которыя другими пріобрѣтаются посредствомъ долгаго труда; запутанные вопросы быстро разъяснялись передъ его орлинымъ взглядомъ; онъ могъ въ одно и то же время обдумывать разныя дѣла. Его талантамъ соотвѣтствовала его любознательность: онъ интересовался всѣмъ достойнымъ вниманія по всѣмъ отраслямъ умственной и нравственной жизни».

Комментаріи и рѣчи Цезаря.

Его „Комментаріи“ (записки, мемуары) о Галльской и о междоусобной войнахъ носятъ на себѣ печать ума и харектера. Въ нихъ дышетъ та же сила яснаго ума, простой разсудительности, вѣрнаго пониманія вещей, ко-

торыя характеризуютъ его жизнь; какъ писатель, онъ тоже человѣкъ, умѣющій все привести въ порядокъ, и свои періоды онъ строилъ такъ же легко и хорошо, какъ свои планы походовъ. Разсказъ его живъ и ясенъ, спокоенъ, простъ, изященъ; соединеніе всѣхъ этихъ качествъ дѣлаетъ Цезаря писателемъ, какого другого нѣтъ въ литературѣ. Древніе хвалятъ чистоту латинскаго языка въ его рѣчахъ; онъ избѣгалъ необыкновенныхъ, устарѣлыхъ, изысканныхъ выраженій, говорятъ они; хвалятъ они изящество вкуса, ясность и живость его рѣчей, силу и остроуміе ихъ; говорятъ, что впечатлѣніе, производимое внутренними достоинствами ихъ, усиливалось благозвучіемъ его звонкаго голоса, благородствомъ его жестикуляціи, стройностью и красотою его.

Самостоятельность его ума и свобода отъ предразсудковъ.

Обдумывая свои рѣшенія, Цезарь полагался исключительно на свои умственныя силы, на свою проницательность, свое умѣнье разсчитывать всѣ вѣроятности, полагался и на счастіе, которое древняя поговорка называетъ союзникомъ храбрыхъ. Онъ былъ человѣкъ вполнѣ самостоятельный, не спрашивалъ ни чьихъ совѣтовъ и не боялся гнѣва боговъ. Народная вѣра не имѣла никакой силы надъ его могучимъ высоко-образованнымъ умомъ; онъ не придавалъ никакого значенія пророчествамъ, знаменіямъ, гаданіямъ по жертвамъ. Религія была для него только средствомъ дѣйствовать на войско. Надъ своими воинами онъ имѣлъ неодолимую силу. Онъ былъ храбрѣйшимъ человѣкомъ во всемъ войскѣ; въ критическія минуты онъ не щадилъ своей жизни; когда ряды его воиновъ колебались, онъ возстановлялъ мужество ихъ своею непоколебимою храбростью; при Мундѣ, онъ бился безъ шлема въ переднемъ ряду, въ Александріи спасся вплавь. Онъ былъ въ битвахъ живымъ идеаломъ храбрости; ясностью его ума, быстротой взгляда, умѣньемъ вѣрно разсчитывать всѣ обстоятельства, всѣ шансы, онъ внушалъ войску увѣренность въ побѣдѣ. При наступательныхъ дѣйствіяхъ, онъ изумлялъ быстротою; онъ говорилъ: предупредить врага однимъ днемъ—дѣло болѣе важное, чѣмъ имѣть лишній легіонъ; онъ смущалъ, разстраивалъ противниковъ, являясь передъ ними, когда они еще не ждали его. А когда было надобно обороняться, онъ умѣлъ выбирать крѣпкія позиціи; станъ его былъ всегда укрѣпленъ превосходно, былъ огражденъ какъ будто волшебнымъ кругомъ неодолимости. Воины его были пріучены выносить всяческія лишенія и трудности походовъ, зной и стужу, голодъ и жажду; это были люди закаленнаго здоровья, исполненные вѣры въ своего вождя и свои силы.

Его военные таланты.

Дисциплина въ его войскѣ.

Онъ умѣлъ поддерживать дисциплину соединеніемъ строгости съ разсудительной снисходительностью. «Воины его», говоритъ Друманъ, «должны были быть всегда готовы къ выступленію въ походъ и къ сраженію; чтобъ испытывать ихъ въ этомъ, онъ часто давалъ сигналы къ битвѣ во время праздниковъ или при проливномъ дождѣ. Они были пріучены дѣлать, не утомляясь, быстрые, продолжительные переходы съ тяжелой ношей аммуниціи на плечахъ; въ сраженіи обезчестить себя робостью было для нихъ страшнѣе смерти. Мятежникамъ, ослушникамъ не было у него пощады. Но онъ наказывалъ не за всякіе проступки; когда было нужно или когда проступокъ былъ не важенъ, онъ умѣлъ не замѣчать его, и когда было можно, онъ дозволялъ воинамъ свободу, и они очень цѣнили это. Послѣ побѣды и вообще, когда было удобно и безопасно, онъ дозволялъ имъ пиры и другія удовольствія; воины его и при нарядности были храбры; онъ дозволялъ имъ украшать оружіе золотомъ и серебромъ. Онъ не сердился на то, что они съ простонародной грубостью шутили надъ нимъ при тріумфальной процессіи; это не мѣшало ихъ упаженію къ нему; они удивлялись ему, гордились его славой потому, что раздѣляли ее. Сильный корпоративный духъ дѣлалъ каждаго изъ нихъ стражемъ чести войска, дѣлалъ пораженіе личнымъ огорченіемъ каждому, и все войско считало стыдомъ для себя, если какой нибудь отрядъ его обращали въ бѣгство.

Добрыя и нѣжныя стороны въ характерѣ Цезаря.

Умъ и политическая разсчетливость были преобладающими качествами Цезаря; но сердце у него не было черствое, честолюбіе и сладострастіе не заглушили въ немъ врожденнаго благородства души. Мы видѣли, какъ милостивъ къ побѣжденнымъ противникамъ былъ онъ; ихъ жестокости не оказывали вліянія на него. Если онъ въ Галліи и на Рейнѣ поступалъ иногда крайне сурово, причиною тому была политическая необходимость, а не личная безжалостность. Своихъ приверженцевъ, друзей, родныхъ онъ любилъ съ преданностью, доходившей до готовности на всякія личныя пожертвованія. Онъ всегда былъ чрезвычайно почтителенъ къ своей матери, Авреліи, женщинѣ, дѣйствительно достойной уваженія. Къ своимъ женамъ и въ особенности къ своей дочери, Юліи, имѣлъ искреннюю привязанность; онъ былъ въ дружбѣ съ нѣкоторыми изъ самыхъ лучшихъ людей своего времени; для него было потребностью любить и быть любимымъ; одною изъ главныхъ причинъ его смерти была его кротость.

Императоръ Цезарь.

Таковъ былъ великій человѣкъ, погибшій среди полнаго развитія своей дѣятельности подъ кинжалами заговорщиковъ въ мартовскія иды въ куріи Помпея. „По личнымъ качествамъ исторической дѣятельности, онъ является человѣкомъ, въ которомъ уравновѣшены великія противоположныя силы человѣческой жизни“, говоритъ Моммсенъ, „онъ былъ одаренъ великимъ талантомъ творчества и чрезвычайно проницательнымъ умомъ; когда онъ умеръ, онъ былъ уже не молодой человѣкъ, но еще не старикъ; воля его была очень энергична, и онъ удивительно хорошо умѣлъ осуществлять свои намѣренія; онъ былъ исполненъ республиканскихъ идеаловъ и рожденъ быть царемъ; истинный римлянинъ по своей природѣ, онъ былъ призванъ соединить въ самомъ себѣ римскую и греческую образованность, произвести ихъ сліяніе и въ государствѣ. Цезарь былъ человѣкъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Его дѣятельность не была поэтическимъ стремленіемъ въ безграничную даль, какъ юношеская дѣятельность Александра; онъ созидалъ на развалинахъ и долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, чтобъ устроить по возможности сносный и по возможности прочный порядокъ дѣлъ на пространствѣ, правда, широкомъ, но все таки ограниченномъ. Потому поэзія народовъ съ вѣрнымъ тактомъ оставила безъ вниманія этого прозаическаго римлянина и облекла радужнымъ сліяніемъ фантастическихъ легендъ только Александра. Но государственная жизнь націй идетъ со времени Цезаря тѣмъ путемъ, по которому направилъ ее

онъ, и глубокій смыслъ лежитъ въ томъ, что народы, которымъ принадлежатъ первыя мѣста въ человѣчествѣ, до сихъ поръ называютъ по его имени Цезарями, по его титулу императорами своихъ государей. Ни до него, ни послѣ него не было человѣка, равнаго ему величіемъ историческаго творчества, и какъ устроитель государственной жизни до сихъ поръ живетъ въ памяти націй первый, и неимѣющій подобныхъ себѣ, императоръ Цезарь".

---

5. Послѣднія времена республики.

1. МУТИНСКАЯ ВОЙНА И ВТОРОЙ ТРІУМВИРАТЪ.

Освободители и сенатъ.

«Дѣло было исполнено съ мужествомъ взрослыхъ людей, но планъ былъ составленъ маленькими дѣтьми»,—такъ въ откровенномъ письмѣ къ Аттику говоритъ Цицеронъ о заговорщикахъ, совершенно смутившихся, не знавшихъ, что дѣлать, какъ онъ ясно видѣлъ; а видѣть онъ могъ хорошо, потому что примкнулъ къ нимъ на другой же день. Они поклялись бросить тѣло тиранна въ Тибръ, конфисковать его имущество, отмѣнить его законы и распоряженія; вмѣсто того, они растерялись, обманувшись въ своемъ предположеніи, что сенаторы и народъ присоединятся къ нимъ: сенаторы въ изумленіи, въ ужасѣ бросились изъ зала засѣданій; они съ кинжалами, обагренными кровью, пошли на форумъ, призывая народъ къ свободѣ; народъ слушалъ ихъ безучастно. Они упали духомъ и ушли въ капитолійскій храмъ, будто ищущіе убѣжища. Оказалось, что мысль о республикѣ осталась только въ головахъ нѣсколькихъ образованныхъ людей, живущихъ въ книжномъ мірѣ, а не въ дѣйствительномъ, въ прошломъ, а не въ настоящемъ, что въ сердцѣ народа уже умерла она. Они воображали, что будутъ господами положенія дѣлъ, а вмѣсто того они нашли—и не дальше, какъ черезъ два дня—что должны вступить въ переговоры съ Антоніемъ и Лепидомъ: Антоній, консулъ, взялъ бумаги и личную кассу Цезаря у пораженной страхомъ Кальпурніи, взялъ государственную кассу изъ храма Опы, и перевезъ все въ свой домъ; а Лепидъ, magister equitum («начальникъ конницы», то есть помощникъ диктатора), занялъ войсками форумъ и весь городъ; правда, Долабелла, принявъ на себя санъ консула, который былъ назначенъ ему Цезаремъ, но до котораго не хотѣлъ допустить его Антоній, присоединился къ заговорщикамъ; перешелъ на сторону республиканцевъ и преторъ Корнелій Сулла, хотя былъ родственникъ Цезаря; но казной и войскомъ распоряжались Антоній и Лепидъ; заговорщики увидѣли себя не освободителями, а безпомощными обвиняемыми людьми, послали своихъ друзей къ сенаторамъ, просить милостиваго рѣшенія. Антоній съ каждымъ часомъ крѣпче захватывалъ въ свои руки владычество: его поддерживали ветераны Цезаря, опасавшіеся за данныя имъ земли, иностранцы и отпущенники, боявшіеся потерять полученное ими право гражданства, масса тунеядцевъ, привлеченныхъ въ Римъ даровою раздачею хлѣба; Антоній уже высказывалъ притязаніе занять мѣсто Цезаря. Самъ сенатъ, бывшій средоточіемъ приверженцевъ республики, не рѣшился объявить правленіе Цезаря незаконнымъ, потому что большинство сенаторовъ получили свой санъ отъ Цезаря и должны были бы, по хитрому и справедливому замѣчанію Антонія, утратить его и всѣ другія должности и почести, полученныя отъ Цезаря, еслибы его правленіе было объявлено захватомъ. Принявъ это въ расчетъ, сенатъ постановилъ, что въ интересахъ общаго блага и единодушія всѣ распоряженія Цезаря признаются законными, но процесса о его убійствѣ начато не будетъ.

Итакъ, освободители были поставлены въ положеніе прощенныхъ убійцъ. Они ждали всеобщаго одобренія себѣ, а принуждены были искать убѣжища въ храмѣ и радоваться, что получили помилованіе. Только на третій день послѣ идъ они отважились показаться на форумѣ и на улицахъ.

Похороны Цезаря.

Эти результаты не соотвѣтствовали ожиданіямъ республиканцевъ; но они все таки смотрѣли на будущее съ надеждой. Тираннія была низвергнута, прежній порядокъ былъ возстановленъ, миръ остался не нарушеннымъ, рѣшеніе, постановленное сенатомъ, успокоивало всѣхъ; казалось, что желанія всѣхъ удовлетворены. Положеніе заговорщиковъ улучшалось; въ частныхъ разговорахъ прославляли ихъ, какъ спасителей, героевъ; толпа начинала, съ голоса образованныхъ людей, хвалить Брута и Кассія. Но Антоній желалъ не того, и скоро нашелъ случай перемѣнить ея мысли. Были устроены торжественныя похороны Цезаря; обрядъ происходилъ на форумѣ. Антоній сказалъ искусную рѣчь: прославлялъ подвиги и заслуги убитаго; со слезами, съ рыданіемъ, показалъ народу окровавленную, изрѣзанную кинжалами, одежду его и прочелъ изъ хранившагося у старшей весталки завѣщанія Цезаря то, что могло возбудить признательность народа; толпа услышала, что Цезарь завѣщалъ народу свои сады за Тибромъ, назначилъ выдать въ подарокъ каждому римскому гражданину по триста сестерціевъ;—толпа страшно взволновалась. Увидѣвъ израненное тѣло Цезаря, она пришла въ совершенную ярость. Убійцы были бы разорваны въ куски, если бъ не успѣли убѣжать. Вопль безчисленнаго народа, и въ особенности ветерановъ, шумѣлъ, какъ буря; и, когда былъ зажженъ похоронный костеръ, весь народъ охватило неистовство: ломали столы, скамьи, прилавки трибуналовъ и магазиновъ, выходившихъ на форумъ, сложили изъ нихъ громадный костеръ; онъ запылалъ такъ, что загорѣлся ближайшій домъ; мимы и

музыканты бросали въ пламя свои костюмы, ветераны — оружіе и полученные на войнѣ знаки отличій, женщины и дѣти—свои наряды. Народъ хотѣлъ сжечь дома заговорщиковъ; трибунъ Гельвій Цинна былъ растерзанъ толпой, принявшей его за претора Цинну, перешедшаго на сторону ихъ. Когда отпущенники Цезаря уже погребли пепелъ его на Марсовомъ полѣ, народъ все еще собирался кругомъ мѣста, гдѣ былъ костеръ, и по цѣлымъ ночамъ стоялъ тутъ, печально разговаривая о погибшемъ диктаторѣ. Цицеронъ и многіе другіе республиканцы испугались оборота, какой принимаютъ дѣла, уѣхали въ свои виллы и разсуждали тамъ о грозящихъ опасностяхъ, не дѣлая ничего, чтобы предотвратить ихъ.

Антоній сближается съ сенатомъ.

Антоній на первое время удовольствовался тѣмъ, что заговорщики скрылись, сталъ сдерживать ярость народа и сблизился съ сенатомъ, содѣйствіе котораго было необходимо ему. Онъ не возражалъ противъ того, что Кассій и Брутъ, которые, по своему сану преторовъ, не могли отлучаться изъ Рима долѣе, чѣмъ на десять дней, остались, съ разрѣшенія сената, до сентября въ Лаціумѣ, подъ предлогомъ заботы о привозѣ хлѣба въ Римъ. Они все еще надѣялись, что опасность скоро минуетъ, что народъ будетъ съ почетомъ встрѣчать ихъ на форумѣ.—По предложенію самого Антонія, было объявлено, что диктатура отмѣняется навсегда, что принявшій на себя диктатуру подвергается смертной казни, подвергается казни даже тотъ, кто предложитъ возстановить ее. Содержатель шайки вооруженныхъ людей Амацій, уроженецъ одного изъ греческихъ городовъ Южной Италіи, выдававшій себя за внука Марія и бывшій прежде ветеринарнымъ врачомъ, поставилъ на форумѣ жертвенникъ „божественному Цезарю" *) и грозилъ отмстить за своего родственника (Цезарь былъ родственникъ Марія) убійцамъ его. Антоній велѣлъ безъ всякаго суда убить Амація. Это могло подвергнуть Антонія опасности мщенія со стороны многочисленныхъ приверженцевъ убитаго, потому сенатъ дозволилъ ему сформировать отрядъ тѣлохранителей изъ ветерановъ Цезаря. Антоній воспользовался этимъ дозволеніемъ въ чрезвычайно обширномъ размѣрѣ: онъ собралъ 6,000 человѣкъ; въ числѣ ихъ было множество центуріоновъ, опытныхъ, искусныхъ; онъ обратилъ свой домъ въ крѣпость; это былъ ея гарнизонъ, безусловно преданный ему.

Владычество Антонія.

Антоній былъ теперь почти полновластнымъ господиномъ Рима и съумѣлъ воспользоваться своимъ могуществомъ. Постановленіе сената признало имѣющими законную силу не только всѣ распоряженія, уже обнародованныя Цезаремъ, но и тѣ, какія были у него приготовлены къ обнародованію. Антоній сталъ десятками заявлять, какъ найденныя въ бумагахъ Цезаря, распоряженія, дѣйствительно ли находившіяся въ бумагахъ Цезаря, или составленныя имъ самимъ; разумѣется, что всѣ эти распоряженія были такія, что служили въ пользу предъявлявшему ихъ и его приверженцамъ. Всякій лоскутокъ, на которомъ Цезарь сдѣлалъ какую-нибудь замѣтку для памяти или набросалъ какое-нибудь мимолетное предположеніе, шелъ въ дѣло, если годился Антонію. А во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нужно были написать то, чего не было въ бумагахъ Цезаря, писалъ все, надобное Антонію, поступившій на его службу, секретарь Цезаря Фаберій. И стали являться отъ имени Цезаря законы, награды, всякія другія распоряженія, или поддѣльныя, или, если подлинныя, то передѣланныя выпусками и вставками. Ихъ вырѣзывали на мѣдныхъ доскахъ, ставили эти доски въ Капитоліѣ, и никто не смѣлъ сказать слова противъ нихъ, потому что они были предъявляемы отъ имени Цезаря. Съ неслыханною наглостью Антоній раздавалъ этимъ способомъ должности, почести, денежныя награды, произвольно распоряжался и казною и всякими имуществами государства. Чтобъ уплатить свои громадные долги, добыть деньги на свои пиры и на расходы любовницъ, онъ торговалъ привилегіями, магистратурами, провинціями: все шло въ торгъ, говоритъ Веллейй, все римское государство поступило въ продажу; домъ Антонія походилъ на рынокъ; онъ и его развратная, злобная жена Фульвія, вдова Клодія, наперерывъ собирали деньги, и такъ какъ принимать деньги по счету было некогда, ихъ принимали по вѣсу. Цицеронъ и другіе, въ интимныхъ письмамъ, въ частныхъ разговорахъ, негодовали на новаго тиранна; по сопротивленія не встрѣчалъ Антоній ни отъ кого. Сенаторы были запуганы или сами участвовали въ его дѣлахъ; воиновъ онъ держалъ на жалованьѣ у себя или привязалъ къ себѣ обѣщаніями земли и другихъ наградъ; народу онъ польстилъ возстановленіемъ права провокаціи (апелляціи къ народному собранію) по дѣламъ о политическихъ преступленіяхъ и тѣмъ, что ввелъ третій разрядъ присяжныхъ, въ который люди назначались безъ всякаго ценза. Тираннъ былъ убитъ, а тираннія осталась жива.

Юлій Цезарь Октавіанъ.

Но явился могущественный соперникъ Антонію, — Гаій Октавій, внукъ младшей изъ сестеръ диктатора. Цезарь, не имѣвшій сыновей, выказывалъ ему большое расположеніе, усыновилъ его въ своемъ завѣщаніи, назначилъ наслѣдникомъ трехъ четвертыхъ частей своего имущества. Во время смерти Цезаря онъ жилъ въ Апполоніи, гдѣ учился военному дѣлу при находившемся тамъ отрядѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ слушалъ лекціи преподавателей. Онъ съ часу на часъ ожидалъ извѣстія о томъ, чтобъ ѣхать къ Цезарю, который хотѣлъ взять его въ пареянскій походъ. Узнавъ, что Цезарь въ своемъ завѣщаніи усыновилъ его и назначилъ своимъ наслѣдникомъ, девятнадцатилѣтній юноша поѣхалъ въ Италію предъявлять свои права. Войска, стоявшія въ Брундизіи, встрѣтили его съ восторгомъ. Обод-

*) У этого жертвенника долго собирались праздношатающіеся, называвшіе себя демократами; собирались также іудеи, которымъ постоянно покровительствовалъ Цезарь. Консулъ Долабелла велѣлъ сломать жертвенникъ, объявивъ, что не дозволительно приносить жертвы «новому Богу». Впослѣдствіи Октавіанъ построилъ на мѣстѣ, гдѣ былъ костеръ Цезаря, небольшой храмъ, которому далъ право служить азилемъ.

ренный этимъ, онъ принялъ имя Гаія Юлія Цезаря Октавіана, и тѣмъ самымъ уже заявилъ, что считаетъ себя преемникомъ убитаго императора. Въ имени «Юлій Цезарь» было обаяніе, привлекавшее къ юношѣ войско и массу народа, повергавшее въ робость противниковъ притязаній преемника диктатора, заставлявшее забывать, что этотъ претендентъ еще юноша, дѣлавшее его во мнѣніи толпы зрѣлымъ человѣкомъ. Въ сопровожденіи приверженцевъ, отпущенниковъ, рабовъ убитаго диктатора, сходившихся отовсюда къ его преемнику, Октавіанъ въ концѣ апрѣля пріѣхалъ въ Римъ вступить во владѣніе наслѣдствомъ. При его въѣздѣ въ городъ, внезапно явилась на ясномъ небѣ радуга; масса увидѣла въ этомъ предвѣстіе его будущаго блеска и счастія.

Его отношенія къ Антонію.

Когда Октавіанъ пріѣхалъ въ Римъ, Антоній, бывшій однимъ изъ семи лицъ, завѣдывавшихъ исполненіемъ аграрнаго закона, находился въ поѣздкѣ для раздачи земель;—въ той поѣздкѣ, которую такъ живо описываетъ Цицеронъ во второй филиппикѣ. Благодаря его отсутствію, Октавіанъ имѣлъ время хорошо разузнать положеніе дѣлъ; съ первыхъ же своихъ шаговъ юноша выказалъ ту разсудительность, ту ловкую сдержанность, которая потомъ всю жизнь предохраняла его отъ опрометчивыхъ поступковъ. Возвратившись, Антоній выказалъ досаду на пріѣздъ соперника; не захотѣлъ, какъ былъ обязанъ, отдать ему отчетъ объ исполненіи распоряженій, находившихся въ завѣщаніи Цезаря; не отдалъ ему денегъ, или хотя бы части денегъ, которыя должны были оставаться въ наличности; этихъ денегъ уже и не было у Антонія, онъ израсходовалъ ихъ на свои надобности. Мало того, онъ обращался съ Октавіаномъ презрительно и посовѣтовалъ ему твердо помнить справедливую мысль, которую, вѣроятно, узналъ онъ въ школѣ: народъ непостояненъ въ привязанностяхъ. Чтобы пріобрѣсти деньги для выдачи завѣщанныхъ Цезаремъ подарковъ римскимъ гражданамъ, Октавіанъ продалъ помѣстья Цезаря, употребилъ свое состояніе и состояніе своихъ родныхъ на эту выдачу; Антоній всячески старался мѣшать ему въ этихъ продажахъ и займахъ, старался запутывать его въ процессы. Но молодой политическій дѣятель не падалъ духомъ. Онъ понималъ, что чѣмъ больше непріятностей испытаетъ онъ для исполненія обѣщаній Цезаря народу, тѣмъ больше привязанности будетъ имѣть къ нему народъ. Скоро отношенія между Антоніемъ и Октавіаномъ сдѣлались такъ дурны, что стало надобно ожидать войны между ними. Но Антоній увидѣлъ, что большинство легіоновъ Цезаря приняло сторону Октавіана, потому не захотѣлъ подражать Помпею, вести войну противъ новаго Цезаря сенатусконсультами и ненадежными войсками. Соперники даже примирились, когда Антоній сталъ добиваться, чтобъ ему по окончаніи года была дана въ управленіе, какъ проконсулу, Цизальпійская провинція. Разумѣется, примирились они очень не на долго.

Май.

Антоній получаетъ Цизальпійскую Галлію.

Убійцы Юлія Цезаря не нашли противозаконнымъ дѣломъ вступить въ управленіе провинціями, которыя онъ назначилъ имъ. Требоній отправился въ провинцію Азію, Тиллій Цимбръ въ Виѳинію, Децимъ Брутъ въ Цизальпійскую Галлію. Кассію была назначена Цезаремъ Сирія, Бруту—Македонія; но они еще оставались въ Италіи. Македо-

нія уже была, по желанію Антонія, передана ему народнымъ собраніемъ. Но теперь онъ разсудилъ, что лучше будетъ обмѣнять ее на провинцію, непосредственно примыкающую къ Италіи, Цизальпійскую Галлію, чтобъ имѣть войско по сосѣдству съ Римомъ, какъ было у Цезаря; это было удобно для того, чтобы держать Римъ въ зависимости. Онъ попросилъ народное собраніе дать ему вмѣсто Македоніи Цизальпійскую Галлію; Октавіанъ поддержалъ его просьбу, не желая, чтобъ эта важная провинція оставалась въ рукахъ человѣка, враждебнаго фамиліи Цезаря. Народное собраніе не могло не исполнить просьбу двухъ такихъ сильныхъ людей и отдало Цизальпійскую Галлію въ управленіе Антонію на шесть лѣтъ, дозволило ему перевести туда войско, бывшее въ Македоніи. Но дружба Антонія съ Октавіаномъ длилась лишь пока ихъ интересы сходились. Децимъ Брутъ отказался повиноваться рѣшенію народнаго собранія, несогласному съ прежнимъ постановленіемъ сената. Антоній сталъ готовиться прогнать его силою. Октавіанъ разсудилъ, что онъ вѣрнѣе достигнетъ своей цѣли, принявъ сторону сената, дѣйствіями котораго руководилъ тогда Цицеронъ. Вѣроятно, ему было непріятно стать союзникомъ убійцъ Юлія Цезаря, которымъ благопріятствовалъ тогда, по вліянію Цицерона, сенатъ; но пріобрѣсти прочную поддержку Антонія Октавіанъ могъ только, принудивъ его къ тому страхомъ, сдѣлавшись сильнѣе его. Потому Октавіанъ не противился выбору Каски, одного изъ убійцъ Юлія Цезаря, въ санъ народнаго трибуна и сталъ искать покровительства Цицерона, выказывая притворное уваженіе къ нему.

Положеніе Цицерона. Филиппики.

Съ той поры, какъ Цицеронъ торжествовалъ побѣду надъ Катилиною, еще не было времени, когда онъ пользовался бы такимъ вліяніемъ, какое получилъ, возвратившись въ Римъ 31 августа 44 года и возвысивъ въ сенатѣ свой краснорѣчивый голосъ на защиту республиканской свободы. Всѣ свои силы онъ обратилъ на борьбу противъ Антонія; у него не было для борьбы никакихъ средствъ, кромѣ рѣчей; но его рѣчи были острымъ оружіемъ. Онъ произнесъ противъ Антонія четырнадцать рѣчей, которыя получили названіе „филиппикъ“, потому что ихъ сравнивали съ рѣчами Демосѳена противъ Филиппа. Въ нихъ онъ излилъ все негодованіе, какое долгіе мѣсяцы накоплялось въ его груди. До сихъ поръ онъ молча смотрѣлъ на беззаконный произволъ Антонія, держался въ сторонѣ, нерѣшительно, робко; тѣмъ энергичнѣе сталъ онъ дѣйствовать, когда обстоятельства и ненависть къ смертельному врагу привели его къ рѣшимости прекратить свое молчаніе и въ союзѣ съ убійцами Цезаря соединить всѣ силы республики противъ враговъ законнаго порядка. Онъ дѣйствуетъ теперь, какъ руководитель сената; вступаетъ въ прямыя сношенія съ правителями провинцій, собственною властью даетъ имъ приказанія, совѣты, выговоры; получаетъ ихъ донесенія, возбуждаетъ бодрость въ нерѣшительныхъ сенаторахъ и сановникахъ, рѣзко порицаетъ робкихъ, внушаетъ сенату энергическія распоряженія, не отступая и передъ революціонными мѣрами. Осторожный сенатъ колебался объявить Антонія врагомъ государства; Цицеронъ провозглашаетъ передъ народнымъ собраніемъ, что онъ врагъ

государства, горько жалуется народу и войску на сенатъ и сановниковъ. Еще никогда никто не былъ покрытъ такимъ позоромъ, какимъ покрываетъ Цицеронъ Антонія въ своихъ филиппикахъ. Когда Антоній пошелъ съ войскомъ овладѣть Цизальпійской Галліей, Цицеронъ называетъ войско его шайкой разбойниковъ, приверженцевъ его негодяями, „не-римлянами", товарищами его пьянства и игры въ кости, людьми, „которыхъ привела къ нему привычка жить безстыдно, долги, преступленія, въ томъ числѣ даже братоубійство, привлекла надежда избавиться отъ наказанія, возвыситься и обогатиться на счетъ согражданъ".

Мутинская война. 44—43.

Но осыпаемые порицаніями Антоній и войско его были такъ сильны, что быстро овладѣли всею Цизальпійскою Галліею. Оборонялась только Мутина, въ крѣпкихъ стѣнахъ которой заперся Децимъ Брутъ съ отрядомъ войска и своими гладіаторами. Зимою война сосредоточилась подъ этою сильною крѣпостью (потому и получила названіе мутинской). Октавіанъ увидѣлъ, что пришло ему время дѣйствовать. Онъ собственною властью собралъ въ Этруріи войско изъ ветерановъ Цезаря, которыхъ привлекали подъ знакомыя знамена имя, щедрые подарки и еще болѣе щедрыя обѣщанія молодого Цезаря. Цицеронъ, благосклонность котораго Октавіанъ пріобрѣлъ внимательностью, почтительностью, убѣдилъ сенатъ дать ему санъ пропретора и послать его на помощь консуламъ 43 года, Авлу Гирцію и Гаію Пансѣ, которые шли къ Мутинѣ уничтожить осаждавшаго ее Антонія. Сенатъ одобрилъ всѣ самовольныя дѣйствія Октавіана, далъ ему санъ, какой консулы получали по окончаніи года своей магистратуры; съ этимъ саномъ было соединено званіе сенатора. Кромѣ всего этого, сенатъ далъ ему право просить консульства десятью годами раньше достиженія требуемаго закономъ возраста и принялъ на счетъ государственной казны выдачу тѣхъ наградъ, какія обѣщалъ онъ своимъ воинамъ.

Военныя дѣйствія подъ Мутиной. Апрѣль 43.

Сенатъ сдѣлалъ послѣднюю попытку склонить Антонія къ прекращенію военныхъ дѣйствій; но требованія его были слишкомъ велики; когда посольство сената, отправившееся къ нему, вернулось безъ успѣха, Гирцій и Октавіанъ пошли на врага сената; скоро присоединился къ нимъ Панса. Первое сраженіе подъ Мутиною выигралъ Антоній, искусный полководецъ. Онъ встрѣтилъ войско Пансы на болотистой равнинѣ, поросшей тростникомъ; на обѣихъ сторонахъ были воины Цезаря. Молча сошлись они; не нужно было никакого командованія; они знали, какъ биться. Они сражались рукопашнымъ боемъ, воинъ противъ воина; въ ихъ ударахъ не было промаховъ; какъ падалъ воинъ, рядъ снова смыкался. Лишь на минуту расходились бьющіеся, будто по уговору, дать утомленной рукѣ отдыхъ для крѣпкаго возобновленія кровавой работы. Панса принужденъ былъ отступить и былъ унесенъ съ поля сраженія тяжело раненый. Извѣстіе объ этомъ произвело въ Римѣ ужасъ. Но къ вечеру дѣло получило другой оборотъ. Услышавъ о битвѣ, Гирцій поспѣшилъ на помощь товарищу и повелъ свѣжіе легіоны на утомленные легіоны врага. Воины Антонія были не въ силахъ выдержать новый бой, были опрокинуты, разсѣяны. У нихъ

были отняты два орла и 60 мелкихъ знаменъ. Множество ихъ изнуренныхъ, раненыхъ, бродили по болотамъ. Посланная Антоніемъ конница наконецъ собрала ихъ. Побѣдившія войска привѣтствовали почетнымъ титуломъ императоровъ своихъ консуловъ и Октавіана, защищавшаго во время сраженій станъ, на который нападалъ братъ Антонія. При полученіи въ Римѣ извѣстія о побѣдѣ, Цицеронъ предложилъ совершить торжество благодаренія богамъ и объявить Антонія врагомъ государства. Его предложеніе было принято. Это была послѣдняя его филиппика.

Битва при Мутинѣ и ея послѣдствія 27 апрѣля.

Черезъ нѣсколько дней возобновилась битва подъ стѣнами Мутины, сильно тѣснимой Антоніемъ. Онъ былъ снова побѣжденъ; войско его обратилось въ бѣгство, Гирцій былъ убитъ, и прежде, чѣмъ довезено было извѣстіе о его смерти до Бононіи, гдѣ лежалъ раненый Панса, умеръ и Панса. Счастье Цезаря казалось перешедшимъ по наслѣдству къ его пріемному сыну. По смерти обоихъ консуловъ, онъ сталъ главнокомандующимъ всего побѣдоноснаго войска, которое чтило въ немъ наслѣдника имени и славы Цезаря. Въ Римѣ считали войну конченною и сняли съ себя военное платье. Аристократія радостно вѣрила, что управленіе государствомъ возвращается въ ея руки; юноша Октавіанъ не казался опасенъ. Сенатъ получилъ теперь возможность открыто заявить свою вражду противъ приверженцевъ убитаго диктатора и свою благодарность его убійцамъ.

Сенатъ принимаетъ сторону убійцъ Цезаря.

Децимъ Брутъ, не принимавшій участія въ битвахъ подъ Мутиной, былъ прославляемъ, какъ истинный побѣдитель, и назначенъ главнокомандующимъ обоихъ консульскихъ войскъ, съ порученіемъ энергически продолжать войну противъ Антонія, врага отечества. Антоній съ остатками своей конницы ушелъ за Альпы, при тайномъ содѣйствіи правителя трансальпійской южной Галліи, ловко умѣвшаго оставаться нейтральнымъ во время войны. — Маркъ Брутъ былъ назначенъ правителемъ Македоніи, Греціи, Иллиріи; Кассію, признанному правителемъ Сиріи, было поручено идти войною на бывшаго консула Долабеллу, который по смерти Требонія, убитаго въ Смирнѣ, овладѣлъ провинціею Азіею и грабилъ ея населеніе. Секстъ Помпей былъ принятъ на службу государству и признанъ главнокомандующимъ флота, который собралъ подъ своимъ начальствомъ.—Аристократы начали говорить, что должно отмѣнить законы и распоряженія Цезаря. По всему было видно, что сенатъ хочетъ устранить Октавіана отъ вліянія на дѣла. Сенатъ не благодарилъ его за побѣду, не упоминалъ о немъ; когда онъ потребовалъ тріумфа, ему было отказано въ этой почести; къ войскамъ его были посланы агенты, возмущавшіе воиновъ противъ него. Побѣда Кассія надъ Долабеллою— другомъ Антонія, хотѣвшимъ во время войны съ Помпеемъ отмѣнить долги, — еще болѣе ободрила республиканцевъ. Разбитый у Лаодикеи, онъ попросилъ одного изъ своихъ воиновъ вонзить мечъ въ грудь ему.

Октавіанъ избранъ консуломъ.

Но скоро сенатъ увидѣлъ, что слишкомъ поторопился торжествовать и что надобно примириться съ Октавіаномъ. Антоній 2 мая соединился съ Лепидомъ. Когда въ Римъ пришло извѣстіе объ этомъ, сенатъ объявилъ Лепида и его помощниковъ врагами отечества и

поручилъ Октавіану вмѣстѣ съ Децимомъ Брутомъ вести войну противъ него и Антонія; такимъ образомъ, Октавіану были возвращены права военачальника. Но мириться съ нимъ было поздно. Онъ уже вошелъ въ тайныя сношенія съ Антоніемъ. Чтобы получить отъ Антонія выгодныя условія союза, онъ хотѣлъ стать консуломъ. Войско, преданное ему, послало въ Римъ 400 центуріоновъ, требовать для него консульства. Они получили рѣзкій отказъ. Войско потребовало, чтобъ Октавіанъ велъ его на Римъ. Онъ охотно согласился. Когда онъ съ восемью легіонами пошелъ на Римъ, сенатъ испугался. Нѣкоторые совѣтовали мужественно обороняться, другіе говорили, что необходимо покориться. Попытки подкупить воиновъ и второстепенныхъ военачальниковъ оказались напрасны. Сенатъ былъ въ смятеніи, съ часа на часъ мѣнялись извѣстія о ходѣ дѣлъ, возбуждая то ужасъ, то надежду, и сообразно имъ мѣнялись намѣренія сената: то дѣлалъ онъ уступки, смирялся передъ Октавіаномъ, то бралъ уступки назадъ, говорилъ гордо. Цицеронъ, который воображалъ себя спасителемъ отечества, мечталъ править государствомъ, руководя дѣйствіями сената, владычествовать надъ партіями, возстановить республиканскую свободу, которую восхвалялъ краснорѣчивыми тирадами, теперь то исчезалъ, то опять являлся, смотря по тому, опасно или безопасно казалось ему идти въ сенатъ. Съ трепетомъ ждали въ Римѣ, что будетъ, когда вступятъ въ городъ легіоны. Они мирно стали на Марсовомъ полѣ, и городъ ободрился. Октавіанъ наслѣдовалъ отъ Цезаря склонность давать врагамъ пощаду. Онъ овладѣлъ государственнымъ казначействомъ, выдалъ воинамъ награды, которыя обѣщалъ и которыя были подтверждены самимъ сенатомъ, и отступилъ изъ города, чтобы предоставить выбору народа призракъ свободы. Войско и народъ были убѣждены, что надобно выбрать его консуломъ. И юноша, еще не имѣвшій двадцати лѣтъ, получилъ санъ консула. Товарищемъ ему, по его указанію, былъ выбранъ его родственникъ, Луцій Педій; этотъ другой консулъ былъ просто уполномоченнымъ его и остался въ городѣ, между тѣмъ какъ онъ отправился въ походъ.

19 августа 43.

Начало мщенія за Цезаря.

По принесеніи обычной жертвы богамъ въ Капитоліѣ, новый консулъ созвалъ куріи, чтобъ онѣ утвердили его усыновленіе Цезаремъ; это была лишь формальность; но въ данномъ случаѣ она имѣла большую важность: Октавіанъ показывалъ ею народу, что отрекается отъ сношеній съ убійцами Цезаря и защитниками ихъ, считаетъ высшею своею обязанностью мстить за убійство нареченнаго отца. Послѣ того было отмѣнено постановленіе, объявлявшее Долабеллу врагомъ отечества; онъ тогда уже погибъ, разбитый Кассіемъ; но отмѣна рѣшенія имѣла цѣлью объявить войну его противъ Кассія дѣломъ законнымъ. Начатъ былъ процессъ противъ убійцъ Юлія Цезаря; этимъ была если не по формѣ, то на дѣлѣ отмѣнена амнистія, объявленная сенатомъ; государство начало мщеніе за смерть Цезаря. Но главные руководители убійцъ, Гай Кассій и Маркъ Брутъ, были люди

храбрые; правители Македоніи и Сиріи, они располагали всѣми силами Востока, и Кассій былъ самый искусный изъ полководцевъ того времени. Борьба съ ними была дѣломъ тяжелымъ; для нея была необходима Октавіану помощь Антонія и Лепида. Итакъ, учредивъ особый трибуналъ для веденія процесса противъ обвиняемыхъ въ убійствѣ Цезаря, поручивъ своему товарищу по консульству управленіе этимъ трибуналомъ и заботу о томъ, чтобы сенатъ отмѣнилъ свое постановленіе, объявлявшее Антонія и Лепида врагами отечества, Октавіанъ съ своими легіонами пошелъ берегомъ Адріатическаго моря на сѣверъ; близъ Бононіи (Болоньи) онъ сошелся съ своимъ бывшимъ противникомъ, Антоніемъ.

Антоній склоняетъ на свою сторону правителей Галліи и Испаніи. Смерть Децима Брута.

Антоній послѣ пораженія при Мутинѣ ушелъ съ остатками своего войска на сѣверный край Италіи. Децимъ Брутъ шелъ за нимъ медленно, преслѣдовалъ его вяло. Воины Антонія глубоко сожалѣли о своемъ полководцѣ: онъ не брилъ бороду, пилъ воду изъ лужъ, питался корнями травъ, древесной корою; воины его сострадали такому бѣдствію человѣка, любившаго щегольство и пиры. На лигурійскомъ берегу онъ призвалъ къ себѣ своего приверженца Публія Вентидія, у котораго было три легіона; навербовалъ себѣ новыхъ воиновъ и пошелъ черезъ Альпы: онъ разсчитывалъ, что его прежній сподвижникъ въ службѣ Цезаря, Лепидъ, правитель Нарбонской Галліи и Сѣверной Италіи, пріиметъ его сторону. Лепидъ держалъ себя такъ, что на это было можно разсчитывать: онъ называлъ себя вѣрнымъ сенату, врагомъ Антонія, а между тѣмъ имѣлъ тайныя сношенія съ нимъ. Надежда Антонія оправдалась: Лепидъ устроилъ дѣло такъ, что воины выразили желаніе единства съ войскомъ Антонія; онъ сдѣлалъ видъ, что уступаетъ принужденію. Вскорѣ присоединились къ Антонію и Лепиду Гай Азиній Полліонъ, правитель южной Испаніи, и Луцій Мунацій Планкъ, правитель сѣверной Галліи. Децимъ Брутъ, пошедшій тоже за Альпы и думавшій соединиться съ Планкомъ, былъ принужденъ бѣжать. Воины массами уходили отъ него. Съ отрядомъ конницы, который остался вѣренъ ему, онъ искалъ убѣжища въ горахъ. Но варваръ, бывшій въ дружбѣ съ нимъ, измѣнилъ ему; онъ былъ убитъ на пути въ Аквилею, и голова его была послана Антонію. Власть сената была низвергнута на западѣ; вѣрные приверженцы его убили сами себя, чтобы не попасть въ руки враговъ.

Второй тріумвиратъ. Октябрь 43.

Громадная масса войска подошла въ концѣ октября къ Бононіи. Рѣшающій голосъ въ кругу военачальниковъ принадлежалъ Антонію, старшему и опытнѣйшему изъ нихъ. Но самъ Антоній находился въ зависимости отъ воиновъ, воля которыхъ вообще правила всѣми этими событіями; они требовали, чтобы всѣ бывшіе приверженцы Цезаря примирились и дѣйствовали единодушно для отмщенія за его смерть. При посредничествѣ Лепида, слабаго, ничтожнаго человѣка, который могъ имѣть лишь мимолетную важность въ роли примирителя, Антоній и Октавіанъ съѣхались на маленькомъ островѣ рѣки По, неподалеку отъ Бононіи. На одномъ берегу было поставлено пять легіоновъ Антонія, на другомъ пять легіоновъ Октавіана. Въ виду ихъ, съѣхавшіеся на островѣ военачальники заключили убившій римскую республику страшный союзъ, называющійся «вторымъ тріумвиратомъ». Послѣ двухдневнаго совѣщанія, они согласились въ слѣдующемъ: Октавіанъ уступаетъ на остатокъ года консульство Вентидію; онъ,

Антоній и Лепидъ образуютъ высшій правительственный комитетъ
для возстановленія спокойствія въ государствѣ; эта верховная маги-
стратура учреждается на пять лѣтъ, членамъ верховнаго комитета при-
надлежитъ власть дѣлать распоряженія, которыя будутъ имѣть закон-
ную силу безъ утвержденія сенатомъ и народнымъ собраніемъ; они
назначаютъ сановниковъ на всѣ правительственныя должности.

Итакъ, два властелина оставили на пять лѣтъ существованіе призраку республики;
властелина было только два: Лепидъ съ самаго же начала занялъ второстепенное
положеніе. Октавіанъ и Антоній не дали ему участія въ военной славѣ, которою хотѣли
украсить себя. Они взяли на себя борьбу съ Маркомъ Брутомъ и Кассіемъ, подъ на-
чальствомъ которыхъ собрались всѣ военныя силы республиканской партіи, а Лепиду
поручили быть на слѣдующій годъ консуломъ и держать въ покорности Римъ. Относи-
тельно провинцій тріумвиры условились распредѣлить ихъ между собою такъ: Антоній
взялъ себѣ Трансальпійскую и Цизальпійскую Галліи, Октавіанъ Африку, Сицилію и
Сардинію; подъ властью Лепида остались области на югѣ и на сѣверѣ Пиренеевъ, съ
правомъ управлять ими черезъ легатовъ. Въ награду войскамъ было рѣшено дать по
окончаніи войны восемнадцать прекраснѣйшихъ и богатѣйшихъ городовъ Италіи, въ томъ
числѣ Капую, Регій, Венузію, Беневентъ, Ариминъ.

Проскрипція.

Эти условія своего договора тріумвиры сообщили легіонамъ, кото-
рые съ особеннымъ одобреніемъ приняли обѣщаніе отдать богатые
города въ награду имъ, и потребовали, чтобы для упроченія согласія
Октавіанъ женился на Клодіи, пріемной дочери Антонія. Но было
заключено между тріумвирами условіе, котораго они не сообщали ле-
гіонамъ. Оно было кровавое. Имъ были нужны деньги для войны съ
Брутомъ и Кассіемъ, и они хотѣли удовлетворить своему мщенію,
избавиться отъ главнѣйшихъ своихъ враговъ; для этого они рѣшили
составить по примѣру Суллы списки сенаторовъ и всадниковъ, обре-
каемыхъ на смерть; они условились отдать на убійство тѣхъ, кого
внесутъ въ эти списки, а имущества убиваемыхъ конфисковать. По-
добно греческимъ тираннамъ, тріумвиры были въ необходимости уби-
вать, чтобы грабить, и въ необходимости грабить, чтобы поддержать
свое владычество. Главнымъ мотивомъ этихъ убійствъ они выста-
вили обязанность отмстить за Цезаря убійцамъ его и защитникамъ
его убійцъ; его смерть, говорили они, доказала, что злоба враговъ
не можетъ быть смягчена никакою кротостью. Но гораздо важнѣе
этого предлога было опасеніе, что если не истребить республикан-
цевъ въ Италіи, то когда Антоній и Октавіанъ отправятся съ войска-
ми на войну противъ Брута и Кассія, они, при помощи Секста Пом-
пея, владѣвшаго гаванями Сициліи, поднимутъ въ Италіи возстаніе,
которое парализуетъ силу тріумвировъ. Антоній и Октавіанъ хотѣли
обезпечить себя противъ непріязни сената въ случаѣ неудачъ на вой-
нѣ, устранить опасность, что сенатъ снова объявитъ ихъ врагами
отечества. Вмѣстѣ съ тѣмъ они хотѣли упрочить свой союзъ общимъ
злодѣйствомъ, которое неразрывно соединитъ ихъ; каждый изъ трехъ

союзниковъ обрекъ своихъ враговъ на погибель и потребовалъ отъ
обоихъ товарищей согласія на ихъ смерть. Они полагали, что ко-
гда каждый изъ нихъ выдастъ своихъ друзей своимъ товарищамъ
и станетъ одинаковымъ съ обоими другими злодѣемъ, то ужь ни одинъ
не будетъ имѣть возможности отступить отъ союза, принять на себя
роль защитника согражданъ, охранителя свободы. Не угрожай имъ
опасность и не будь у нихъ взаимнаго недовѣрія, они были бы ме-
нѣе безчеловѣчны.

Терроръ въ Римѣ.

Написавъ актъ своего договора и поклявшись соблюдать его условія,
тріумвиры повели войска на Римъ. Они послали консулу Педію приказаніе
убить до прибытія ихъ семнадцать человѣкъ изъ вліятельнѣйшихъ сенато-
ровъ, въ томъ числѣ Цицерона. Убійцы пошли по домамъ лишать жизни
обреченныхъ на смерть. Никто не зналъ, сколько людей обречено на смерть;
потому Римъ представлялъ видъ города, взятаго приступомъ. Повсюду
стоялъ стонъ, всѣ бѣжали; слышались пустыя угрозы, взрывы отчаянія;
отважнаго рѣшенія не принялъ никто. Ночью нѣкоторые изъ осужденныхъ
быть убитыми успѣли скрыться; успѣлъ бѣжать и Цицеронъ. Когда утромъ
тріумвиры ввели въ городъ свои войска, консулъ Педій былъ уже мертвъ.
Душевное потрясеніе, испытанное имъ, было такъ сильно, что онъ вне-
запно умеръ. Тріумвиры созвали народное собраніе; велѣли ему утвердить
ихъ въ принятомъ ими на себя верховномъ правительственномъ санѣ; итакъ,
формальнымъ образомъ была отдана въ ихъ руки судьба республики, пре-
доставлены на ихъ произволъ война и миръ, жизнь и смерть. Послѣ это-
го, они занялись исполненіемъ своего кроваваго договора. У всѣхъ воротъ
города была поставлена стража; отнявъ возможность бѣжать изъ Рима,
они выставили въ нѣсколькихъ мѣстахъ списки эдикта о проскрипціи;
онъ перечислялъ имена обреченныхъ на смерть, угрожалъ смертью каждому,
кто скроетъ ихъ или поможетъ имъ бѣжать, обѣщалъ за голову каждаго
изъ нихъ награду: свободному человѣку 25,000 денаріевъ (около 5000 руб-
лей), рабу 10,000 денаріевъ (около 2000 р.), свободу и право гражданства.
За первымъ спискомъ, заключавшимъ въ себѣ имена 130 сенаторовъ,
скоро былъ обнародованъ второй, заключавшій въ себѣ 150 именъ; на
слѣдующіе дни списки пополнялись новыми именами. Въ числѣ обреченныхъ
на смерть были братъ Лепида и дядя Антонія. Число убитыхъ оказалось
у разныхъ писателей не одинаково; цифры доходятъ до 300 сенаторовъ и
2000 всадниковъ. Какъ во время свирѣпостей Суллы, была дана воля
всѣмъ злымъ страстямъ, были разорваны всѣ узы дружбы и родства. Го-
родъ былъ наполненъ тѣлами убитыхъ, говоритъ Кассій Діонъ: многіе
были убиты въ своихъ домахъ, многіе на улицахъ, площадяхъ, въ хра-
махъ. Головы ихъ, какъ во времена Суллы, выставлялись на ора-
торской трибунѣ форума, тѣла ихъ бросали въ Тибръ или остав-
ляли на пожираніе собакамъ и птицамъ. Надѣвали на мальчиковъ тогу,
чтобы внести ихъ, какъ совершеннолѣтнихъ людей, въ списки проскрип-
ціи; а убивали ихъ для того, чтобы взять ихъ имущество. — Времена та-
кихъ ужасовъ выказываютъ, говоритъ Друманъ, людей съ самой гнусной
и съ самой благородной стороны, даютъ проявленіе и наихудшей и наи-
лучшей крайности; мудрено судить по нимъ о характерѣ народа или
эпохи. Мы находимъ у Аппіана и другихъ древнихъ писателей факты,
показывающіе отвратительнѣйшую злобу и порочность, — мы читаемъ,
что невѣрныя жены выдавали убійцамъ мужей, сыновья, жаждавшіе
получить наслѣдство, выдавали отцовъ, рабы и отпущенники—господъ,

должники—кредиторовъ; но мы находимъ и примѣры высокаго мужества, благородства, самопожертвованія. Многіе были спасены любовью, вѣрностью, состраданіемъ, и спасавшіе часто подвергали себя величайшей опасности. Обреченные на смерть бѣжали въ Сицилію, въ Македонію; правда, большая часть успѣвшихъ бѣжать туда, скоро погибла.—Ужаснѣе всего въ эти дни террора было не то, что много людей было убито, а то, что ихъ убивали по плану, хладнокровно обдуманному будто коммерческое дѣло; каждый тріумвиръ покупалъ у другихъ согласіе на убійство своихъ враговъ, соглашаясь на убійство своихъ друзей; Антоній соглашался шутя, Фульвія требовала убійствъ безстыдно; всему римскому народу было поручено убивать согражданъ: весь онъ мучился страхомъ смерти, и весь былъ приглашаемъ совершать убійства.

Смерть Цицерона 7 дек. 43.

Въ эти дни ужаса постигла смерть Цицерона, въ концѣ 64-го года его жизни. Его несли на крытыхъ носилкахъ изъ Формій, гдѣ онъ скрывался въ своемъ имѣньѣ, къ берегу моря; онъ хотѣлъ бѣжать къ Бруту, въ чьемъ войскѣ былъ его сынъ. Его несли черезъ кустарники; тутъ начали его убійцы. Онъ смотрѣлъ на нихъ неподвижнымъ взглядомъ, положивъ голову на лѣвую руку. Въ этой позѣ они и убили его. Антоній былъ на форумѣ въ народномъ собраніи, когда принесли ему голову и руку Цицерона. Онъ велѣлъ выставить ихъ на ораторской трибунѣ. Прежде того, онѣ были принесены въ его домъ; тамъ Фульвія надругалась надъ лицомъ отрубленной головы. Антоній далъ убійцамъ, центуріону Геренію и военному трибуну Попилію Ленату, награду въ десять разъ больше назначенной. Въ ораторахъ теперь уже и не было надобности: владычество должно было исключительно принадлежать силѣ злодѣйства.

Лицемѣріе тріумвировъ.

Когда покончены были убійства, начались насильственные поборы денегъ и установлены были налоги въ неслыханномъ размѣрѣ. На веденіе войны было мало денегъ, доставленныхъ конфискаціями. Потому тріумвиры для наполненія своей казны начали систематическій грабежъ подъ всяческими формами и предлогами. Они обложили высокой податью всѣхъ жителей Италіи, гражданъ и чужеземцевъ, свободнорожденныхъ людей и отпущенниковъ. У богатыхъ женщинъ брали насильственные займы. Взяли съ домохозяевъ и съ землевладѣльцевъ часть дохода ихъ имуществъ. Тріумвиры и по ихъ приказанію всѣ граждане дали 1 января клятву соблюдать законы «божественнаго» Юлія Цезаря и охранять его учрежденія; былъ обнародованъ эдиктъ, постановлявшій, что мужчины и женщины должны праздновать день новаго года жертвоприношеніями и пирами въ память о благодѣяніи, какое оказали государству тріумвиры, возстановивъ въ этотъ день законный порядокъ.

2. БИТВЫ ПРИ ФИЛИППАХЪ.

Республиканцы и цезаріанцы.

Упрочивъ свое владычество въ Италіи, Антоній и Октавіанъ отправились съ многочисленнымъ войскомъ на рѣшительную борьбу противъ республиканцевъ, собравшихся подъ начальствомъ Кассія и Брута. Эти полководцы формировали свои легіоны въ Азіи; собравъ

большое войско и много денегъ, они соединились въ Сардахъ, переправились черезъ Геллеспонтъ и по Ѳракійскому берегу, тѣмъ путемъ, которымъ шелъ Ксерксъ, прошли въ Македонію. Секстъ Помпей, владѣя сицилійскими гаванями, захватывалъ между тѣмъ корабли, которые везли хлѣбъ въ Италію, и тамъ начался голодъ. Сильный республиканскій флотъ, находившійся подъ начальствомъ Стація Мурка и Домиція Агенобарба, владычествовалъ на Іонійскомъ морѣ; въ Брундизіи держались республиканцы. Вообще, вся восточная половина государства была подъ ихъ властью, какъ западная подъ властью тріумвировъ. Обѣ стороны были равны между собою по числу войскъ и трудно было предугадать, за которой изъ нихъ останется побѣда. Брутъ и, въ особенности, Кассій дѣйствовали на востокѣ сурово: брали тяжелыя контрибуціи съ городовъ, сокровища изъ храмовъ; не щадили и частной собственности, когда требовала необходимость добыть деньги на войну.

Кассій отнялъ у родосцевъ ихъ корабли и товары, пощадилъ только жизнь ихъ, или, какъ самъ выразился съ насмѣшкою, „оставилъ имъ только солнечный свѣтъ"; а стоикъ Брутъ подвергъ такимъ притѣсненіямъ ликійскіе города Патару и Ксанѳъ, что Патара, бывшая богатымъ торговымъ городомъ, совершенно обнищала, а граждане Ксанѳа въ отчаяніи зажгли свой городъ, убили свои семейства и себя. — Оба войска имѣли храбрыхъ, опытныхъ полководцевъ; въ одномъ, такимъ былъ Антоній, въ другомъ—Кассій; разница состояла въ томъ, что у тріумвировъ была увѣренность въ побѣдѣ, а республиканцы были исполнены мрачныхъ предчувствій: кровавая тѣнь Цезаря какъ будто преслѣдовала ихъ. Есть преданіе, что Брутъ, человѣкъ экзальтированнаго, мечтательнаго характера, имѣлъ на Геллеспонтѣ ночное видѣніе: ему явился какой-то фантомъ, сказавшій ему: „мы снова увидимся при Филиппахъ". Есть другое преданіе, что Кассій по своемъ пораженіи увидѣлъ Цезаря въ фигурѣ всадника, скакавшаго къ нему на конѣ съ опущенными поводами и грозно смотрѣвшаго на него. Было также преданіе, что Кассій и Брутъ убили себя тѣмъ самымъ оружіемъ, которымъ нанесли удары Цезарю въ куріи Помпея; это значило, что они закололи себя въ искупленіе убійства Цезаря.

Первая битва при Филиппахъ. Смерть Кассія. Осень 42.

И въ томъ и въ другомъ войскѣ было около 100.000 человѣкъ; они сошлись въ окрестностяхъ города Филиппъ; городъ стоялъ на холмѣ, отдѣленномъ отъ моря болотистою низменностью; гряда высотъ, идущая отъ этого холма, примыкаетъ на сѣверѣ и на востокѣ къ Пангейскому хребту, изрытому старыми золотыми рудниками; на западѣ разстилается плодородная равнина. Позиція республиканцевъ была выгодна: они стояли на грядѣ высотъ, имѣли изобильный подвозъ провіанта съ востока и съ моря; а цезаріанцы получали провіантъ съ большимъ трудомъ и должны были черпать воду изъ колодезей; потому Кассій не принималъ битвы, которую нѣсколько разъ предлагали ему противники; онъ разсчитывалъ, что погубитъ ихъ, затягивая дѣло. Но Антоній, который одинъ распоряжался въ своемъ

войскѣ, потому что Октавіанъ былъ боленъ, блистательно выказалъ свои военные таланты: онъ тайкомъ проложилъ черезъ болото насыпь, закрытую отъ непріятеля тростникомъ и кустарникомъ, ночью перешелъ по ней, занялъ холмы и окопался на нихъ. Кассій, опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ сообщеній съ юга и съ тыла, принялъ битву. Съ обѣихъ сторонъ сражались одинаково храбро, и результатъ былъ для обѣихъ сторонъ одинаковый. Антоній смѣлымъ нападеніемъ оттѣснилъ войско Кассія съ холма и взялъ непріятельскій станъ; Брутъ тоже оттѣснилъ войско больного Октавіана и взялъ непріятельскій станъ. Но Кассій, обманутый ложнымъ извѣстіемъ, что разбитъ и Брутъ, подумалъ, что дѣло ихъ погибло и велѣлъ отпущеннику, чтобъ онъ пронзилъ его мечемъ. Это сдѣлало битву равнозначительной пораженію республиканцевъ: съ Кассіемъ, «послѣднимъ римляниномъ», пала самая твердая опора погибающей республики.

Вторая битва. Погибель Брута и дѣла республики.

Двадцать дней войска стояли другъ противъ друга. Воины, начавшіе тяготиться недостаткомъ продовольствія и наступившимъ холодомъ, заставили возобновить битву. Побѣда, долго колебавшаяся, была отвагою и искусствомъ Антонія рѣшена въ пользу тріумвировъ. Республиканскіе легіоны объявили, что не хотятъ продолжать войну. Брутъ далъ свой мечъ одному изъ своихъ приближенныхъ, Стратону, велѣвъ держать его обнаженный и, какъ истинный стоикъ, бросился на него самъ. Многіе изъ республиканцевъ послѣдовали примѣру Брута, не желая пережить погибель республики и предпочитая добровольную смерть бѣгству отъ преслѣдованій. Такъ поступили съ собою Квинтъ Антистій Лабеонъ, одинъ изъ убійцъ Юлія Цезаря, Ливій Друзъ, Секстъ Квинктилій Варъ и другіе. Жена Брута, твердая душою Порція, дочь Катона, узнавъ объ исходѣ битвы, удушила себя чадомъ зажженныхъ углей. Въ числѣ плѣнныхъ, убитыхъ по приказанію побѣдителей, находились Квинтъ Гортензій, сынъ знаменитаго оратора, Маркъ Лукуллъ и Маркъ Фавоній, постоянно сопровождавшій Катона и во всемъ подражавшій ему.—Итакъ, поле битвъ при Филиппахъ стало могилою римской республики. Черезъ нѣсколько времени, Виргилій написалъ:

«Прійдетъ время, когда земледѣлецъ, распахивая это поле, будетъ раскрывать бороздами своего плуга римскія копья, изъѣденные ржавчиной, или, разбивая землю мотыкой, будетъ выбрасывать звенящіе шлемы и съ удивленіемъ смотрѣть на огромныя кости въ пробитыхъ могилахъ».

Борьба отцовъ за свободу, за убѣжденія казалась дѣтямъ борьбою исполиновъ.

3. Жизнь Антонія въ Александріи. Перузійская война.

Октавіанъ и Антоній.

По смерти «послѣднихъ римлянъ», какъ названы были Кассій и Брутъ, вопросъ шелъ уже не о томъ, республикой или монархіей будетъ римское государство, а лишь о томъ, Октавіанъ или Антоній будетъ государемъ его. Октавіану давало силу родство съ Юліемъ Цезаремъ, Антонію давала ее слава побѣды при Филиппахъ, выигранной исключительно имъ. Но обстоятельства заставляли отложить соперничество. Надобно было наказать враговъ, исполнить обѣщанія, привести въ порядокъ разстроенное государство; въ этихъ трудныхъ дѣлахъ расчетливый Октавіанъ выказалъ больше осмотрительности и ловкости, чѣмъ легкомысленный Антоній, любитель пировъ, растратившій по-пусту время въ упоеніи раболѣпною лестью грековъ и азіатскою сладострастною роскошью. Подѣливъ между собою провинціи, онъ и Октавіанъ направились съ поля битвы при Филиппахъ одинъ въ Азію, другой на западъ; главнымъ дѣломъ обоихъ на первое время была забота объ исполненіи обѣщаній, данныхъ воинамъ. Антоній съ шестью легіонами пошелъ черезъ Грецію на востокъ судить и наказывать враговъ, чтобы набирать деньги на раздачу обѣщанныхъ наградъ; Октавіанъ съ пятью легіонами возвратился въ Италію отдать отпускаемымъ въ отставку ветеранамъ назначенные имъ города и обѣщанныя земли.

Антоній на Востокѣ.

Антоній вышелъ на берегъ въ Эфесѣ. Онъ пришелъ наказать царей и города Востока за то, что они помогали республиканцамъ. Они старались смягчить его гнѣвъ, отвратить отъ себя погибель лестью, угожденіемъ его страсти пировать и развратничать: встрѣчали его торжественными процессіями, называли его богомъ Діонисомъ, угощали всевозможными удовольствіями его и сопровождавшую его толпу музыкантовъ, танцоровъ, мимовъ, шутовъ, другихъ угодниковъ его разврата, гетеръ. Онъ пьянствовалъ и веселился; но не забывалъ цѣли своего пріѣзда, набиралъ громадныя суммы: бралъ сокровища храмовъ, бралъ все, что находилъ въ казначействахъ, облагалъ тяжелыми контрибуціями царей и независимые города, продавалъ права, привилегіи,—области, продавалъ все, требовалъ податей. Онъ объявилъ, что налоги за слѣдующія девять лѣтъ должны быть взнесены въ два года. Но тѣмъ городамъ, которые пострадали отъ Брута и Кассія,—напримѣръ, Родосу, Ксанѳу, Тарсу—онъ оказалъ милости. Колоссальны были суммы, собранныя имъ; но онѣ были поглощены пирами и мотовствомъ окружавшей его толпы; только она воспользовалась награбленными сокровищами; до ветерановъ въ Италіи они не доходили.

Клеопатра.

Въ числѣ вызываемыхъ къ отчету находилась и Клеопатра, царица египетская. Она приплыла на великолѣпномъ кораблѣ въ Тарсъ, гдѣ изрекалъ приговоры виновнымъ Антоній. Она явилась къ нему въ миѳологической процессіи, въ которой играла роль Афродиты

Анадіомены. Ея прелести были оправданіемъ ей. Антоній сталъ ея рабомъ, передалъ, какъ только могъ скорѣе, завѣдываніе Малой Азіею и Сиріею своимъ помощникамъ и отвелъ легіоны на зимнія квартиры, спѣша въ Александрію—наслаждаться. Первымъ доказательствомъ любви, какого потребовала царица отъ своего поклонника, было убійство ея сестры Арсинои (стран. 892). Несчастная бѣжала въ милетскій храмъ Діаны и была убита тамъ. Теперь въ Александріи стало дѣлаться то, что разсказывалъ миѳъ о Гераклѣ и Омфалѣ. Римскій полководецъ снялъ тогу и эмблемы военнаго сана, надѣлъ греческую одежду и бѣлыя аттическія сандаліи, сталъ посѣщать храмы, гимназіи Александріи, публичныя лекціи философовъ. Клеопатра находила надобнымъ не давать ему опомниться: они пировали, охотились, ловили рыбу, играли въ кости, она читала ему выговоры, какъ школьнику, когда онъ, пьяный, пускался въ грубыя лагерныя шутки, и потомъ опять преклонялась передъ его величіемъ, Такъ прожилъ онъ зиму 41-го и 40 годовъ.

«Клеопатра не была красавица, какъ видно и по ея изображенію на монетахъ», говоритъ Друманъ: «но она имѣла обольстительность гетеры; ея сладострастный взглядъ, нѣжная, завлекательная игра выраженія на лицѣ, заманчивый, мелодичный голосъ, очаровательная граціозность движеній разжигали страстное влеченіе къ ней; она умѣла усиливать опьяняющее волненіе крови въ мужчинѣ изяществомъ и соблазнительностью своихъ нарядовъ, сладострастіемъ обстановки, умѣла и предотвращать пресыщеніе разнообразіемъ наслажденій, удерживать отъ пренебреженія къ ней своею царскою гордостью, умомъ и образованностью. Но она не забывала, что для друзей Антонія главное достоинство царицы—богатство; чтобъ имѣть ихъ своими друзьями, она удовлетворяла ихъ алчности».

Антоній и Фульвія.

Рѣзкій контрастъ веселостямъ въ Александріи представляли факты, происходившіе въ это время въ Италіи. Казалось, будто исторія наглядно представляетъ неестественность положенія дѣлъ въ римскомъ государствѣ, бле тящею картиною въ одной части его, мрачною въ другой. Побѣдоносный полководецъ, въ изящномъ нарядѣ, въ бѣлыхъ сандаліяхъ, сдѣлался жильцомъ женскаго отдѣленія Александрійскаго дворца; въ Италіи, отважная женщина взяла оружіе, покинутое ея мужемъ, и повела легіоны на междоусобную войну; въ Александріи былъ шумъ роскошныхъ пировъ и сладострастныхъ праздниковъ; въ Италіи были бѣдствія, воспоминаніе о которыхъ долго передавалось отъ поколѣнія поколѣнію выраженіемъ «перузійскій голодъ». Антоній и Фульвія — ужасающіе типы испорченности нравовъ погибающей республики.

Фульвія.

Октавіанъ былъ задержанъ болѣзнью на пути изъ Македоніи въ Италію. Когда онъ возвратился въ Римъ, власть фактически принадлежала тамъ Фульвіи, женѣ Антонія, женщинѣ жестокой и властолюбивой. Братъ ея мужа, Луцій Антоній, бывшій консуломъ въ томъ (41-мъ) году, рабски подчинялся ея сильной волѣ, и черезъ него она повелѣвала сенатомъ и народомъ. Воины чтили въ ней жену полководца, одержавшаго побѣду при Филиппахъ; его повѣренный, Маній, человѣкъ хитрый, помогалъ ей своими совѣтами, такъ что она считалась исполнительницею инструкцій мужа. Честолюбивая и алчная, она видѣла въ Октавіанѣ соперника и старалась всячески мѣшать ему. Бракъ, въ который, по разсчету надобности, вступилъ Октавіанъ съ дочерью Фульвіи, былъ слабою связью между ними, да и та связь скоро была разорвана Октавіаномъ: онъ отослалъ жену въ домъ ея матери и увѣрялъ, что никогда не жилъ съ нею, какъ съ женою.

Фульвія и братъ Антонія мѣшаютъ раздачѣ земли воинамъ.

По условію, заключенному съ Антоніемъ послѣ битвы при Филиппахъ, Октавіанъ долженъ былъ отъ имени ихъ обоихъ раздать ветеранамъ обѣщанные города и земли. Фульвія опасалась, что онъ пріобрѣтетъ этимъ дѣломъ слишкомъ усердную любовь воиновъ и, опираясь на ихъ предпочтеніе къ нему, возьметъ верхъ надъ Антоніемъ. Потому она своими интригами затрудняла дѣло, очень затруднительное и безъ того. Октавіанъ встрѣчалъ на каждомъ шагу такія непріятности, что пришлось рѣшать ссору оружіемъ. Фульвія, раздражая его, имѣла между прочимъ и тотъ тайный разсчетъ, что ссора съ Октавіаномъ принудитъ ея мужа возвратиться въ Италію: его связь съ Клеопатрой возбудила въ ней ревность. Она начала интриги тѣмъ, что потребовала себѣ участія въ завѣдываніи раздачею земли; Октавіанъ хотѣлъ отдать лучшія мѣстности своимъ воинамъ; она говорила, что ей должна быть поручена забота о надѣленіи землею воиновъ ея мужа. Но, увидѣвъ, какія неудобства представляетъ дѣло, она перемѣнила тактику: жители городовъ, отдаваемыхъ воинамъ, изгоняемые изъ своихъ домовъ, массами шли съ женами и дѣтьми въ Римъ, со стонами умоляли смягчить ихъ бѣдственную участь. Фульвія приняла сторону этихъ несчастныхъ. Она велѣла консулу, брату ея мужа, объявить, что раздавать землю воинамъ нѣтъ надобности; отъ конфискацій получены суммы, достаточныя на то, чтобы выдать имъ наличными деньгами всю стоимость назначаемыхъ имъ участковъ. Сановникъ республиканской магистратуры выступалъ противъ военнаго деспотизма.

Мысли войска и могущество его.

Итакъ, дѣло колонизаціи было остановлено. Но денежныхъ выдачъ вмѣсто земли не послѣдовало. Воины вознегодовали. Они прекрасно понимали, что владычество надъ государствомъ принадлежитъ имъ, что всякое выраженное ими желаніе сильнѣе закона; они привыкли повелѣвать, и дисциплину соблюдали они лишь настолько, насколько сами находили надобнымъ. Притомъ, они еще были необходимы правительству: эскадры Помпея, Стація Мурка и Домиція Агенобарба держали Италію въ блокадѣ, не пропускали въ нее хлѣбъ, въ немъ былъ по всей Италіи недостатокъ; при такихъ обстоятельствахъ, воля воиновъ рѣшала судьбу государства.

Совѣщаніе депутатовъ войска въ Габіяхъ.

И казалось, что ветераны хотятъ взять на себя ея рѣшеніе, постановить, кому и какъ управлять Римомъ. Они выбрали депутатовъ; эти уполномоченные собрались въ Габіяхъ и отправили къ вождямъ боровшихся партій приглашеніе передать свои притязанія на ихъ судъ. Октавіанъ повиновался: интриги противниковъ отняли у него привязанность войска и народа, онъ видѣлъ необходимость притвориться покорнымъ войску. Но Фульвія и консулъ Луцій Антоній заперлись въ Пренестѣ, сильной крѣпости, и отказались повиноваться требованію „военнаго сената“, какъ называли они собраніе уполномоченныхъ войска. Ветеранамъ понравилось послушаніе Октавіана, они объявили, что онъ правъ. Но Луцій Антоній и Фульвія на-

Интриги и приготовленія къ войнѣ.

шли средство поколебать могущество Октавіана: они пошли въ Римъ, захватили власть надъ нимъ, прогнали Лепида и объявили отъ имени Марка Антонія, что тріумвиратъ отмѣняется, возстановляется законный порядокъ. Это было придумано ловко и произвело эффектъ. Сенатъ и народъ радостно приняли мнимое извѣщеніе Марка Антонія, Луцій Антоній сталъ разыгрывать роль бойца за свободу. Наборъ, объявленный имъ, пошелъ превосходно; всѣ, кому угрожала потерею имущества раздача земли ветеранамъ, спѣшили подъ знамена консула. Скоро у него сформировалось семнадцать легіоновъ. Но тѣмъ крѣпче сплотились воины Цезаря около Октавіана: ихъ судьба зависѣла отъ того, сохранится ли система правленія, введенная тріумвиратомъ.—Итакъ, воины обоихъ войскъ вступали въ борьбу между собою не только за интересы своихъ вождей, но и за свои личные; новая междоусобная война съ самаго начала приняла ожесточенный, безпощадный характеръ.

Перузійская война 41—40.

Войско Луція Антонія было многочисленнѣе; однакожъ онъ не долго могъ продержаться въ Римѣ: опытные воины Октавіана скоро стѣснили его такъ, что онъ принужденъ былъ уйдти въ Перузію, большую и сильную горную крѣпость; онъ твердо рѣшился обороняться до послѣдней возможности. Кромѣ тѣхъ воиновъ, съ которыми онъ ушелъ туда, оборонѣ помогали перузійскіе рабы, призванные имъ къ оружію. Октавіанъ блокировалъ крѣпость, обвелъ ее огромными осадными окопами. Осада эта была важнѣйшею частью войны, которая потому и получила названіе перузійской. Много тутъ было кровопролитія и много страданій. Осада длилась съ осени почти до конца зимы. Луцій Антоній надѣялся, что Фульвія приведетъ войско на освобожденіе его. Но легаты Марка Антонія не имѣли охоты принимать участіе въ войнѣ, угадывая, что она ведется безъ его согласія. Они бездѣйствовали, ожидая приказаній изъ Александріи. Войско его брата, окруженное врагомъ въ многолюдномъ городѣ, имѣвшемъ мало запасовъ провіанта, скоро стало терпѣть ужаснѣйшій голодъ; оно имѣло лишь одинъ выборъ: сдаться или умереть. И воины, и жители питались подъ конецъ только листьями деревьевъ и травою. Тѣла умершихъ были бросаемы въ могильныя ямы грудами. Въ отчаяніи воины требовали, чтобъ ихъ вели на окопы врага; они находили, что лучше умереть отъ непріятельскаго меча, нежели отъ голода. Ихъ требованіе было исполнено. Они геройски рвались на окопы подъ градомъ стрѣлъ и дротиковъ; особенно безстрашно бились гладіаторы; но врагъ былъ гораздо многочисленнѣе ихъ, окопы были крѣпки; напрасно они бросались черезъ рвы и тынъ, они были отбиты и наконецъ принуждены сдать крѣпость. Октавіанъ принялъ ихъ покорность милостиво. Онъ удовольствовался тѣмъ, что консулъ съ двумя ликторами пришелъ въ его станъ и призналъ его главнокомандующимъ, что гарнизонъ положилъ оружіе передъ нимъ, сидящимъ съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ, и обѣщался не сражаться противъ него. Онъ взялъ покорившихся воиновъ на свою службу, но велѣлъ

имъ расположиться особымъ станомъ. Триста человѣкъ сенаторовъ и всадниковъ, попавшихъ во власть побѣдителя при взятіи Перузіи, онъ велѣлъ убить при жертвенникѣ «божественнаго Юлія», въ искупительную жертву за его смерть, а городъ отдалъ на разграбленіе воинамъ. Жители зажгли свои дома, чтобъ ихъ имущество не досталось въ руки врагамъ, и Перузія сгорѣла вся; отъ стариннаго этрусскаго города уцѣлѣлъ только храмъ Вулкана. Фульвія съ семействомъ и нѣсколькими вѣрными друзьями уплыла въ Аѳины; сторонники ея уѣхали къ Помпею въ Сицилію. Кромѣ нѣсколькихъ приморскихъ городовъ, вся Италія признала власть Октавіана; Испанія и Галлія тоже повиновались ему. Онъ въѣхалъ въ Римъ въ одеждѣ тріумфатора и съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ; тамъ устроили праздники въ честь его и постановили, что каждый разъ, когда будетъ данъ тріумфъ кому нибудь, онъ, какъ главный начальникъ войска, будетъ имѣть право надѣвать на себя лавровый вѣнокъ.

Смерть Фульвіи. Брундизійскій договоръ 40.

Но при всѣхъ почестяхъ, положеніе Октавіана было не безопасно. Помпей и Агенобарбъ господствовали на морѣ, блокировали Италію; не получая подвоза хлѣба, она страдала отъ голода. Весною Антоній пріѣхалъ въ Грецію. Фульвія убѣждала его воевать. Еслибъ онъ послушался ея и вступилъ въ союзъ съ Помпеемъ и Агенобарбомъ, Октавіану трудно было бы выдержать борьбу. Но Антоній не желалъ ея. Онъ догадался, что Фульвія сама устроила ее, чтобъ отвлечь его отъ Клеопатры; при свиданіи его съ женою въ Аѳинахъ произошли такія бурныя сцены, что Фульвія занемогла и вскорѣ послѣ того умерла (въ Сикіонѣ). Антоній поплылъ къ Брундизію, осадою котораго должно было начаться новое междоусобіе. Но ветераны рѣшительно объявили, что не хотятъ возобновленія войны, и заставили Антонія и Октавіана примириться. При посредничествѣ Мецената, Азинія Полліона и Кокцея Нервы былъ заключенъ въ Брундизіѣ договоръ, по которому всѣ земли на востокъ отъ иллирійскаго города Скодры предоставлены были въ управленіе Антонію, а всѣ земли на западъ Октавіану; Лепидъ получилъ обѣ африканскія провинціи; Италія предоставлялась въ общее управленіе Лепиду и Октавіану. Чтобъ упрочить союзъ, Антоній и Октавіанъ условились, что Октавія, сестра Октавіана, оставшаяся вдовою по смерти Марцелла, красавица и добрая женщина, выходитъ за Антонія. Оба они вмѣстѣ въѣхали въ Римъ въ одеждѣ тріумфаторовъ.

Миръ съ Секстомъ Помпеемъ 39.

Но крики радости, съ какими встрѣчены были они, скоро смѣнились ропотомъ и рѣзкими порицаніями, потому что голодъ продолжался: Октавіанъ и Антоній не хотѣли мириться съ Помпеемъ, вражда съ которымъ была причиною голода; напротивъ, они готовились воевать съ нимъ, установили подать съ рабовъ и налогъ съ наслѣдствъ, чтобы собрать деньги на эту войну, стали дѣлать наборъ новыхъ воиновъ. Секстъ Помпей, проникнутый страстнымъ желаніемъ мстить за отца, не щадилъ Италіи. Недовольство Антоніемъ и Октавіаномъ дошло въ Римѣ до того, что народъ опрокинулъ ихъ статуи, бросалъ камнями въ нихъ самихъ. Войска разогнали безоружную толпу; много простолюдиновъ было убито; тишина возстановилась; но, чтобы предотвратить возобновленіе мятежа, Октавіанъ и Антоній рѣшились удовлетворить или обмануть народъ примиреніемъ съ Помпеемъ. При посредничествѣ его тестя, Луція Либона, на сестрѣ кото-

раго, Скрибоніи, былъ женатъ Октавіанъ, они условились съѣхаться съ нимъ на старой, окруженной моремъ насыпи у Мизена; при этомъ свиданіи, передъ глазами войскъ Антонія и Октавіана и матросовъ эскадры Помпея, они заключили договоръ, на слѣдующихъ условіяхъ:

Военныя дѣйствія прекращаются; Помпей не будетъ мѣшать морской торговлѣ, не будетъ принимать дезертировъ и бѣглыхъ рабовъ; за это ему предоставляются Сицилія, Сардинія и Корсика, но подъ условіемъ, чтобъ онъ ежегодно присылалъ въ Италію опредѣленное количество хлѣба; предоставляется ему и Ахаія; изгнанники, кромѣ убійцъ Юлія Цезаря, могутъ возвратиться и получаютъ свои конфискованныя имущества; рабы, принятые на службу Помпеемъ, сохраняютъ свободу; воины его получаютъ всѣ права, какія имѣютъ воины тріумвировъ.

Войска тріумвировъ, матросы Помпея, безчисленное множество народа, сошедшагося на мизенскій берегъ по желанію увидѣться съ родными, служившими у Помпея, или просто по любопытству, съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣли на разговаривающихъ между собою военачальниковъ; когда они пожали другъ другу руки и обнялись, поднялся крикъ радости. Народъ видѣлъ, что война кончена, ждалъ, что прекратится голодъ. Только люди, владѣвшіе конфискованными имуществами изгнанниковъ, получившихъ теперь обратно свою собственность, не дѣлили восторга, съ какимъ повсюду встрѣчали Октавіана и Антонія на ихъ пути въ Римъ послѣ пировъ, которыми они и Помпей отпраздновали свое примиреніе. Народъ приносилъ жертвы благодарности въ честь ихъ, какъ боговъ спасителей. Они принимали признательность народа, какъ должную дань, и крѣпче прежняго налагали на него иго деспотизма, какъ самъ онъ напрашивался на это своимъ раболѣпствомъ. Они все больше унижали сенатъ, назначая членами его грубыхъ воиновъ, отпущенниковъ, иноземцевъ, даже рабовъ; и сенаторы соперничали другъ передъ другомъ въ пошломъ угодничествѣ. Между ними были такіе низкіе люди, что въ 38 году Октавіану понадобилось издать особое постановленіе, запрещавшее сенаторамъ выходить на арену цирка гладіаторами. Правительственныя должности раздавались безъ всякаго соблюденія правилъ о порядкѣ ихъ полученія, о лѣтахъ и другихъ условіяхъ, нужныхъ по закону для ихъ занятія. Были назначаемы квесторами и даже преторами рабы. Консулы назначались на нѣсколько лѣтъ впередъ. Народу не оставалось никакихъ правъ, кромѣ права выказывать свою преданность властелинамъ принятіемъ предложеній о воздаваніи имъ новыхъ почестей.

Раболѣпство и деморализація.

4. Сицилійская война и пареянскій походъ.

Новыя ссоры съ Помпеемъ. 39, 38.

Но римское государство не могло принадлежать четыремъ—или, если не считать правившаго Африкою ничтожнаго Лепида,—тремъ владыкамъ; договоры между ними были только перемиріями для подготовленій къ новымъ войнамъ. Въ особенности договоръ съ Помпеемъ былъ для тріумвировъ только дѣломъ временной необходимости, они только хотѣли обмануть народъ. Онъ и не былъ исполняемъ добросовѣстно. Первый нарушилъ его Антоній, снова снявшій военачальническое, надѣвшій греческое платье и прожившій зиму 39—38

годовъ въ Аѳинахъ, наряжавшійся тамъ Діонисомъ, пировавшій, игравшій въ кости, развратничавшій и теперь, какъ за два года передъ тѣмъ въ Александріи, хотя Клеопатры тутъ не было; вмѣсто нея, была подлѣ него Октавія, женщина благородная; но онъ не стѣснялся.—По брундизійскому договору съ Октавіаномъ, Ахаія принадлежала ему; по мизенскому, онъ долженъ былъ уступить ее Помпею; онъ не отдавалъ ему ея, и въ досаду ему обременялъ ее тяжелыми расходами на содержаніе своего двора. Въ отмщеніе, Помпей занялъ нѣкоторые изъ приморскихъ городовъ Италіи, возобновилъ свое пиратство, снова сталъ принимать на свои корабли дезертировъ. Вражда усилилась, когда помощникъ Помпея Менодоръ (Менасъ) передался съ своею эскадрою Октавіану и отдалъ ему Корсику и Сардинію. Помпей требовалъ выдачи измѣнника, Октавіанъ отказалъ въ этомъ; Помпей снова сталъ не пропускать въ Италію кораблей съ хлѣбомъ, дѣлать высадки на ея берега, опустошать ихъ; въ Римѣ опять начался голодъ. Октавіанъ рѣшился собрать флотъ, чтобы вести съ Помпеемъ войну на морѣ.

Война съ Помпеемъ. 38, 37.

При помощи своего даровитаго помощника, бывшаго другомъ его съ первой молодости, учившагося вмѣстѣ съ нимъ въ Аполлоніи, выказавшаго свои таланты въ перузійской войнѣ, Марка Випсанія Агриппы, Октавіанъ скоро сформировалъ себѣ сильный флотъ. Но Антоній и Лепидъ не прислали ему кораблей, когда онъ поплылъ отнять у Помпея Сицилію, и онъ потерпѣлъ неудачу. Матросы Помпея, издавна привычные къ морской службѣ, были несравненно лучше его матросовъ. Его флотъ пострадалъ отъ бури и былъ побѣжденъ въ сраженіи близъ Кумъ, потомъ въ сицилійскомъ проливѣ. Возгордившись удачей, Помпей, человѣкъ не очень даровитый, грубый и мало образованный, велѣлъ чтобъ ему воздавали почести, какъ сыну Нептуна, сталъ носить одежду зеленаго, морскаго цвѣта, приносилъ въ жертву своему отцу коней и даже людей. Но онъ не умѣлъ пользоваться благопріятными обстоятельствами, принять такія мѣры, чтобы война получила широкій размѣръ. Октавіанъ не потерялъ бодрости. Народъ такъ громко винилъ его за голодъ въ Римѣ, что онъ не отважился ѣхать туда на зиму, провелъ ее въ Кампаніи. Но оптиматы наперерывъ другъ передъ другомъ выказывали ему свое усердіе; сенаторы, всадники, другіе богатые граждане давали ему деньги на постройку новыхъ кораблей, давали рабовъ въ гребцы. Подъ управленіемъ Агриппы былъ съ величайшей энергіею снаряженъ въ 717 году отъ основанія Рима новый флотъ. Октавія примирила мужа съ братомъ, они съѣхались въ Тарентѣ, условились продолжать свой договоръ о тріумвиратѣ еще на пять лѣтъ, и Антоній собиравшійся въ походъ на пареянъ, далъ Октавіану 120 кораблей, получивъ отъ него за это 26,000 человѣкъ тяжело вооруженной пѣхоты. Лепидъ не посмѣлъ теперь отказать въ своемъ содѣйствіи Октавіану, хотя былъ очень недоволенъ тѣмъ, что Антоній и онъ распоряжаются государственными дѣлами не спрашивая его согласія.

37.

Свиданіе въ Тарентѣ. 37.

Неудачи. 36.

Флотъ собрали въ новой гавани, которую Агриппа, воспользовавшись Авернскимъ и Лукринскимъ озерами, устроилъ между Путеолами и Мизеномъ и назвалъ въ честь Октавіана Юліевой; 1 іюля флотъ вышелъ изъ этой гавани въ море. Но счастье и на этотъ разъ было неблагопріятно

Октавіану. На третій день поднялась сильная буря и сдѣлалала много вреда его флоту. Помпей снова могъ въ одеждѣ морскаго цвѣта принести жертву благодарности своему отцу Посейдону за могучую помощь. Но Октавіанъ не упалъ духомъ. Усиливавшійся въ Италіи голодъ принуждалъ его не щадить усилій. Черезъ нѣсколько недѣль поврежденія были исправлены, и флотъ снова пошелъ въ море. Агриппа крейсировалъ у Липарскихъ острововъ, угрожая сѣверному берегу Сициліи, Октавіанъ съ легіонами поплылъ къ Тавроменію, чтобы выйдти тамъ на берегъ. Легкіе корабли Помпея, при всемъ искусствѣ гребцовъ, не могли удержаться противъ огромныхъ кораблей Агриппы, которые своими мѣдными носами пробивали ихъ, если они не успѣвали уйдти. Между Милами и Тиндаридою флотъ Помпея потерпѣлъ большой уронъ, искалъ спасенія себѣ между прибрежныхъ отмелей и ночью ушелъ черезъ проливъ. Плывя вдоль восточнаго берега, онъ у Тавроменія нашелъ Октавіана, занятаго высадкою войскъ и устройствомъ стана. Сраженіе его съ эскадрою Октавіана кончилось ея пораженіемъ. Самъ Октавіанъ успѣлъ уйдти съ нѣсколькими кораблями къ берегамъ Южной Италіи, всѣ остальные были взяты, потоплены или сожжены непріятелемъ. Легіоны, вышедшіе на берегъ, остались подъ начальствомъ Корнифиція. Послѣ погибели эскадры, на которой приплыли они увидѣли себя въ очень дурномъ положеніи. Непріятель не пропускалъ продовольствія къ нимъ и тѣснилъ ихъ; имъ было одно спасеніе—пройдти на сѣверный берегъ, занятый Агриппой. Отчаяніе дало Корнифицію и его воинамъ отвагу. Помѣстивъ обозъ съ ранеными и больными въ средину своихъ колоннъ, Корнифицій пошелъ изъ Тавроменія къ сѣверному берегу. Мучимое голодомъ, жаждой, зноемъ войско шло чрезвычайно труднымъ путемъ по горамъ, окруженное врагомъ, принужденное непрерывно отбиваться отъ него. На четвертый день, когда оно билось съ непріятелемъ, чтобъ овладѣть ручьемъ, оно увидѣло новое приближающееся войско. Это былъ Лароній, посланный съ тремя легіонами Агриппою на встрѣчу ему. Войско Помпея поспѣшно отступило. Воины Корнифиція, измученные жаждою, бросились къ ручью, какъ безумные, и многіе умерли, напившись воды черезъ мѣру. Отдохнувъ, войско Корнифиція пошло вмѣстѣ съ легіонами Ларонія въ Милы къ Агриппѣ. Скоро приплылъ туда и Октавіанъ съ новымъ войскомъ. Черезъ нѣсколько времени къ нему присоединился Лепидъ. Такимъ образомъ, въ станѣ близъ Мессаны собрались громадныя силы: тутъ были 21 легіонъ, 20,000 человѣкъ конницы, 5,000 человѣкъ легкой пѣхоты. Неподалеку стоялъ съ своимъ войскомъ Секстъ Помпей, а у берега къ востоку отъ Мильскаго мыса стояли оба флота; въ каждомъ изъ нихъ было около 300 кораблей. Близъ Навлоха 3 сентября флоты вступили въ битву, въ виду обоихъ войскъ. Этой битвой было рѣшено, что Италія и весь западъ римскаго государства остается подъ владычествомъ Октавіана. Агриппа придѣлалъ къ своимъ громаднымъ кораблямъ абордажные мостки, какъ показалъ примѣръ тому Дуилій въ первую Пуническую войну (стран. 433). Массивностью своихъ кораблей и этимъ абордажнымъ приспособленіемъ онъ одолѣлъ непріятеля: корабли Помпея, удерживаемые крюками мостковъ, не могли маневрировать, сраженіе походило на сухопутную битву, соединяя въ себѣ ужасы морской и сухопутной войны. Секстъ Помпей съ семнадцатью кораблями ускользнулъ въ проливъ; остальные были потоплены, раздроблены въ куски или загнаны къ берегу, окружены и взяты Агриппой. Пораженіемъ флота была рѣшена судьба войска Помпея. Покинутое имъ, оно положило оружіе. Сынъ Посейдона снялъ съ себя одежду военачальника, снялъ свой перстень съ печатью, и на корабляхъ, оставшихся у него, уплылъ съ дочерью и сокровищами на востокъ, надѣясь найдти защиту себѣ у Антонія. Онъ сталъ вести партизанскую войну. На морѣ и на сушѣ, скитаясь какъ нѣкогда Дмитрій Поліоркетъ, навлекъ на себя подозрѣніе, что хочетъ помогать пареянамъ и былъ убитъ въ Милетѣ однимъ изъ легатовъ Антонія, вѣроятно по его приказанію.

Битва при Навлохѣ (или Милахъ) 3 сент. 36.

Смерть Секста Помпея 35.

Октавіанъ отнимаетъ у Лепида его области.

Битва при Милахъ, избавившая Октавіана отъ Секста Помпея, отняла и у Лепида послѣдній остатокъ власти. Этотъ безхарактерный человѣкъ имѣлъ тайныя сношенія съ Антоніемъ и, давъ на разграбленіе своимъ легіонамъ богатый торговый городъ Мессану, надѣялся, что они усердно расположены къ нему и что онъ, опираясь на нихъ, можетъ принудить Октавіана отдать ему Сицилію. Войска его и Октавіана стояли одно противъ другого; должно было ожидать войны, но Октавіанъ смѣлымъ поступкомъ отвратилъ ее: онъ пріѣхалъ въ станъ Лепида; легіоны, уважавшіе въ немъ наслѣдника Цезаря, привѣтствовали его названіемъ императора, то есть признали его своимъ военачальникомъ. Лепидъ упалъ къ его ногамъ, умоляя о пощадѣ. Октавіанъ, отнявъ у него санъ тріумвира, послалъ его въ Римъ, исполнять обязанности принадлежавшаго ему сана верховнаго первосвященника. Отъ всякаго участія въ политическихъ дѣлахъ Октавіанъ устранилъ его; африканскія провинціи, которыми управлялъ онъ, покорились безъ всякаго сопротивленія Октавіану.

Торжественная встрѣча Октавіана въ Римѣ. Политика его.

По славномъ окончаніи своей четвертой войны, Октавіанъ, распустивъ часть воиновъ съ наградами и обѣщаніями по домамъ, возвратился въ благодарный ему Римъ. Онъ могъ быть доволенъ: все удавалось ему; и въ рѣчи, которую сказалъ онъ сенату и народу, въ праздничной одеждѣ встрѣтившему его у воротъ Рима, онъ выставилъ въ блистательномъ свѣтѣ свои подвиги, свое управленіе дѣлами, оправдалъ свою побѣдоносную войну неизбѣжною необходимостью. Онъ въѣхалъ на конѣ въ столицу 13 ноября; городъ былъ украшенъ; 36.
сенатъ и народъ наперерывъ другъ передъ другомъ выказывали ему знаки преданности. Всѣ почести, какія только могли придумать льстецы, были воздаваемы избавителю Италіи отъ голода, обѣщавшему возстановить благоденствіе, возсозидавшему на новомъ основаніи государственный порядокъ, разрушенный междоусобіями. Онъ принималъ энергическія мѣры, чтобъ оградить безопасность жизни и собственности въ Римѣ, который сталъ вертепомъ разбойниковъ; онъ учредилъ ночную стражу, чтобы граждане могли спать спокойно; возвратилъ бѣглыхъ невольниковъ господамъ; разогналъ шайки разбойниковъ; строго наказывая преступниковъ, успокоилъ опасавшихся подвергнуться преслѣдованію за политическія убѣжденія, сжегъ, не читая, попавшія въ его руки письма и документы изъ временъ междоусобія; назначалъ на курульныя магистратуры людей достойныхъ, возвратилъ этимъ республиканскимъ должностямъ часть ихъ прежняго значенія, говорилъ о своемъ намѣреніи возстановить республиканское правленіе, подавалъ надежды на то, что онъ и Антоній скоро сложатъ съ себя власть. Эти обѣщанія были началомъ лицемѣрной комедіи, которую съ той поры до конца жизни разыгрывалъ онъ, обольщая римскій народъ. Его кротость такъ восхищала римлянъ,

что во многихъ мѣстахъ было поставлено между статуями боговъ-покровителей изображеніе его.

Антоній. Антоній не мѣшалъ Октавіану пріобрѣтать расположеніе римскаго народа заботами о хорошемъ управленіи, потому что не обращалъ вниманія на ходъ дѣлъ въ Италіи. Часть времени онъ провелъ на войнѣ съ пароянами, которымъ хотѣлъ отмстить за пораженіе Красса (стр. 862), остальное время веселился съ Клеопатрою, бросивъ безъ вниманія въ Италіи свою жену, благородную Октавію.

Война съ пароянами. 1. Побѣды Вентидія 38. Четыре года пароянe дѣлали вторженія въ азіатскія владѣнія Рима и грабили ихъ. Сынъ римскаго полководца, Тита Лабіэна, убитаго при Мундѣ, тоже Титъ, бѣжалъ къ пароянскому царю Ороду и управлялъ дѣйствіями его войскъ. Сынъ царя, Пакоръ, имѣя совѣтникомъ при себѣ Лабіэна, перешелъ Эвфратъ; быстрое конное войско его, раздѣлившись на два отряда, брало города Малой Азіи и Сиріи, грабило все, уводило людей въ плѣнъ. Наконецъ легатъ Антонія, Публій Вентидій, прекратилъ это опустошеніе. Онъ былъ уроженецъ Пицена; во время союзнической войны, онъ былъ еще ребенкомъ, попался въ плѣнъ римлянамъ при взятіи Аскула (стран. 697), былъ въ числѣ пиценскихъ плѣнниковъ, веденныхъ по Риму въ тріумфѣ побѣдителя, потомъ служилъ въ войскѣ Цезаря, сталъ хорошимъ полководцемъ. Теперь онъ разбилъ пароянъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, освободилъ отъ нихъ Сирію и Малую Азію, возстановилъ восточную границу государства. Пакоръ былъ убитъ въ одномъ изъ сраженій;Ородъ былъ такъ огорченъ смертью любимаго сына, что печаль совершенно разстроила его. Чувствуя приближеніе смерти, онъ выбралъ изъ своихъ тридцати сыновей преемникомъ себѣ Фраата; назначенный наслѣдникъ обезпечилъ себѣ полученіе наслѣдства тѣмъ, что перебилъ своихъ братьевъ; отецъ вознегодовалъ, онъ убилъ и отца.—Бѣжавшій Лабіэнъ былъ убитъ въ Киликіи однимъ изъ отпущенниковъ Цезаря.—Побѣды Вентидія были послѣ долгаго промежутка лѣтъ первыми побѣдами римлянъ надъ иноземнымъ врагомъ. Сенатъ назначилъ праздникъ благодарности богамъ за нихъ и тріумфъ возвратившемуся съ войны Вентидію. Антоній завидовалъ славѣ своего легата, но не рѣшился возражать противъ этой почести ему. Вентидій тріумфовалъ 27 ноября 38 года. Антоній вздумалъ вести войну съ пароянами самъ. Онъ не могъ начать ее въ слѣдующемъ (37 году), потому что жена задержала его при себѣ въ Аѳинахъ.

2. Походъ Антонія въ Мидію. Но около того времени, какъ Октавіанъ поплылъ съ новымъ флотомъ противъ Секста Помпея, онъ повелъ къ Эвфрату войско, въ которомъ было 100,000 человѣкъ; армянскій царь Артаваздъ присоединился къ нему съ 6000 человѣкъ конницы и 7000 пѣхоты. Клеопатра провожала его до Эвфрата. Антонію хотѣлось подольше веселиться съ нею, и онъ все отлагалъ походъ за Эвфратъ, такъ что благопріятное для военныхъ дѣйствій время года было уже пропущено, когда войско вошло въ Анропатенское царство, союзное съ пароянами, и осадило столицу его, Фраату (или Фраасиу) снабженную большимъ запасомъ продовольствія. — Клеопатра возвратилась въ Египетъ, получивъ отъ Антонія въ подарокъ Финикію, часть Іудеи, Кипръ.—Если Антоній полагалъ, что быстро пожнетъ лавры, чтобы положить ихъ къ ногамъ египетской царицы, то скоро увидѣлъ, что ошибался. Между тѣмъ какъ онъ съ главнымъ войскомъ осаждалъ антропатенскаго царя въ его столицѣ, пароянe напали въ-расплохъ на его легата, Оппія Статилія, который шелъ къ нему съ осадными машинами,

уничтожили этотъ отрядъ и машины, а Артаваздъ, измѣнивъ римлянамъ, ушелъ въ Арменію. Приближалась зима; римское войско уже тяжко страдало отъ недостатка продовольствія, отъ вылазокъ изъ осажденнаго города, отъ непрерывныхъ мелкихъ нападеній пароянъ, пришедшихъ на помощь осажденнымъ; теперь ему угрожали и страданія отъ холода. Напрасно Антоній предлагалъ пароянамъ битву; они хорошо понимали выгоды своего положенія и не хотѣли покупать кровью того, что безъ потери для нихъ доставитъ имъ голодъ римскаго войска. Силы Антонія съ каждымъ днемъ уменьшались, пароянскіе всадники все тѣснѣе окружали его, скакали передъ римлянами, осыпая ихъ стрѣлами; онъ увидѣлъ, что не возьметъ города, не принудитъ пароянъ къ битвѣ, и рѣшился отступить. (Отступленіе. Зима 36.) Фраатъ обѣщалъ не нападать на римлянъ при отступленіи; они повѣрили, бросили осадныя машины и пошли на сѣверозападъ, къ горамъ. На третій день показались пароянe, и шли подлѣ римлянъ, непрерывно нападая на нихъ то съ тыла, то съ фланговъ, такъ что они принуждены были идти постоянно въ боевомъ порядкѣ по пути, покрытому льдомъ и снѣгомъ. Пароянe запирали ущелья засѣками, перерѣзывали дорогу рвами; заваливали ручьи, уничтожали жилища и съѣстные припасы на пути. Воины спасались отъ ихъ стрѣлъ только тѣмъ, что шли плотно и держали щитъ къ щиту сплошь: кто отдалялся отъ другихъ, того они убивали. Антоній, въ этомъ бѣдственномъ положеніи снова выказавшій себя мужественнымъ искуснымъ вождемъ, завидовалъ Ксенофонту, который велъ только десять тысячъ воиновъ (II, 813 слѣд.), между тѣмъ какъ изъ его храбрыхъ воиновъ двадцать тысячъ погибло отъ стрѣлъ пароянскихъ всадниковъ отъ голода, отъ изнуренія. Послѣ ужаснаго похода, длившагося 27 дней, римское войско дошло до Аракса и вступило въ Арменію; на Араксѣ преслѣдованіе прекратилось; въ богатой Арменіи войско перестало мучиться голодомъ и жаждой. Но не могло спокойно отдохнуть въ странѣ, царь которой былъ, очевидно, измѣнникомъ. Антоній однако же скрылъ свой гнѣвъ противъ него, увѣрялъ его въ своей дружбѣ и получилъ отъ него деньги и съѣстные припасы, отложивъ мщеніе до другого времени. Когда воины оправились отъ изнуренія, Антоній пошелъ черезъ покрытыя снѣгомъ горы Арменіи и Малой Азіи въ Сирію. На этомъ пути погибло отъ холода и изнуренія еще 8000 воиновъ.

5. Послѣдняя междоусобная война. Смерть Антонія и Клеопатры.

Разрывъ Антонія съ Октавіею. 35. Антонія винили въ томъ, что онъ пошелъ въ Сирію только потому, что хотѣлъ поскорѣе начать снова веселиться съ Клеопатрой. Когда войско пришло въ Сирію, она приплыла въ одну изъ гаваней между Сидономъ и Беритомъ, привезла денегъ и одежду для воиновъ. Антоній, раздавая имъ привезенное ею, говорилъ, что это ея подарки войску. Онъ съ нею перестал горевать о бѣдствіяхъ похода, вознаграждалъ себя роскошными пирами за голодъ въ Атропатенѣ. Но тамъ легла въ пескахъ или въ снѣгахъ и на льду третья часть храбраго войска, преданнаго своему вождю. И главною причиною этого бѣдствія была страсть развратника къ Клеопатрѣ. Слѣдующую зиму веселился онъ съ нею въ Александріи; но среди пировъ не забы-

валъ, что долженъ отмстить за измѣну Артавазду. Подъ предлогомъ новаго похода на парѳянъ онъ сдѣлалъ приготовленія къ войнѣ съ армянскимъ царемъ. Отъѣздъ его былъ задержанъ извѣстіемъ, что его жена ѣдетъ къ нему, что она уже въ Аѳинахъ, что она ведетъ ему для предположеннаго имъ похода отрядъ войска, 2,000 отборныхъ людей, превосходно вооруженныхъ, везетъ одежду его воинамъ, подарки друзьямъ. Она хотѣла вырвать мужа изъ-подъ владычества Клеопатры. Царица понимала, что свиданіе съ Октавіею повредитъ ей, употребила всяческія средства разврата и притворства, чтобы не выпустить Антонія изъ своихъ рукъ, и успѣла въ этомъ: онъ послалъ женѣ приказаніе остаться въ Аѳинахъ. Октавія почла недостойнымъ себя продолжать соперничество съ развратницею, отправила къ мужу подарки, которые везла, и вернулась въ Римъ, глубоко оскорбленная незаслуженной обидой. Отношенія между Октавіаномъ и Антоніемъ стали такъ враждебны, что надобно было ожидать войны.

Тріумфальный въѣздъ Антонія въ Александрію 34.

Весною 34 года Антоній пошелъ въ Арменію отмстить измѣнившему союзнику и приготовить для александрійцевъ зрѣлище тріумфальной процессіи, пощеголять передъ Клеопатрою въ качествѣ героя. Артаваздъ не былъ обманутъ его увѣреніями въ дружбѣ, уклонялся отъ его приглашеній повидаться съ нимъ. Но когда римское войско вступило усиленными переходами въ Арменію и раскинуло станъ передъ столицею ея, Артаксатою, Артавазду, оставленному безъ помощи Фраатомъ, съ которымъ поссорился онъ изъ-за дѣлежа добычи, пришлось покориться. Онъ отправился въ римскій станъ и былъ арестованъ. Антоній вернулся въ Египетъ и вошелъ въ Александрію тріумфальною процессіею; это великолѣпное зрѣлище, никогда еще не виданное александрійцами, восхитило ихъ. Въ числѣ плѣнныхъ шли скованные серебряными цѣпями армянскій царь, его жена и дѣти. По окончаніи процессіи Антоній угостилъ все населеніе города роскошнымъ обѣдомъ и всяческими играми. Клеопатра сидѣла рядомъ съ Антоніемъ на высокомъ престолѣ, какъ хозяйка праздника. Онъ далъ ей титулъ царицы царей, роздалъ царства прижитымъ съ нею дѣтямъ, сидѣвшимъ подлѣ отца и матери тоже на престолахъ, но менѣе высокихъ, и одѣтымъ въ греко-восточное царское облаченіе: онъ далъ имъ римскія области—Сирію, Финикію, Киликію, Кирену, новое свое завоеваніе, Арменію, и обѣщалъ отдать Мидію и Парѳію, которыя завоюетъ онъ; а Цезаріона, сына Клеопатры отъ Цезаря, онъ, по уваженію къ памяти Цезаря, какъ это было сказано имъ, объявилъ помощникомъ матери въ управленіи Египтомъ, Африкою, Кипромъ и Келесиріею. Въ память о своемъ тріумфѣ онъ велѣлъ выбить монету, на которой была сдѣлана надпись «побѣжденная Арменія», и подлѣ его бюста была изображена тіара армянскаго царя. Все это были тяжкія обиды національному чувству римскаго народа. Антоній отнялъ у боговъ Капитолія ихъ исключительное право

на тріумфальную жертву, отнималъ у Рима право считаться столицею государства, у римлянъ—право называться владыками народовъ. Онъ призналъ Цезаріона законнымъ сыномъ Юлія Цезаря; когда такъ, то ясно было, что родной сынъ имѣетъ болѣе права на наслѣдство Юлія Цезаря, чѣмъ пріемный сынъ, Октавіанъ. Женщина, уважаемая всѣми честными людьми, Октавія, была отвергнута мужемъ, а иноземка, наложница Антонія, захватившая власть въ Египтѣ злодѣйствами и удержавшаяся на престолѣ только милостью римлянъ, пользовалась правами законной жены. Антоній подвергалъ тяжелому испытанію терпѣніе римскаго сената и народа и обожаемаго ими повелителя ихъ.

Кассій Діонъ говоритъ, что Антоній велѣлъ воздавать поклоненіе Клеопатрѣ какъ Изидѣ, ему самому какъ Озирису или Діонису, дѣтямъ своимъ и Клеопатры какъ Геліосу и Селенѣ; онъ устроивалъ въ честь Клеопатры праздники, на которыхъ являлся въ облаченіи восточнаго царя или жреца, принуждалъ римскихъ сенаторовъ и всадниковъ снимать тогу, разъигрывать роли мимовъ или эвнуховъ въ свитѣ новыхъ божествъ; римскіе воины служили тѣлохранителями иноземной царицѣ. Вся жизнь Антонія съ Клеопатрою была непрерывнымъ весельемъ, и все, что могло понравиться царицѣ или увеличить очаровательность оргій, выписывалось изъ Азіи, изъ Греціи въ Александрію: пергамская библіотека, статуи, картины, утварь храмовъ, дорогія вина, продукты, изъ которыхъ готовились изысканныя кушанья.

Дѣятельность Октавіана и Агриппы 36—33.

Совершенно иначе держалъ себя пріемный сынъ Цезаря. Межъ тѣмъ какъ Антоній позорилъ римское имя, онъ трудился на благо и славу вѣчнаго Рима; межъ тѣмъ какъ Антоній постыдно отступалъ, преслѣдуемый парѳянами, и губилъ своихъ воиновъ, Октавіанъ пріобрѣлъ новые лавры войною съ храбрыми горцами на востокѣ и на сѣверѣ Италіи, украсилъ Римъ новыми трофеями; межъ тѣмъ какъ Антоній заботился только объ увеличеніи блеска Александріи статуями, картинами, всякими драгоцѣнностями Востока, Агриппа, полководецъ Октавіана, принявъ санъ эдиля, ознаменовалъ свою дѣятельность въ этой должности громадными сооруженіями для пользы города или удовольствія его жителей. 33.

Кассій Діонъ говоритъ, что Агриппа на свой счетъ—или, вѣрнѣе, на счетъ Октавіана—сооружалъ громадныя зданія, пролагалъ дороги, очистилъ клоаки, такъ что было можно проплыть по нимъ въ лодкѣ до Тибра; устроилъ фонтаны, украсилъ циркъ статуями; далъ гражданамъ право даромъ пользоваться банями, раздавалъ имъ даромъ оливковое масло и соль; дѣлалъ для удовольствія народа великолѣпныя игры, бросалъ въ театрѣ народу билеты, по которымъ выдавались деньги, одежда, другіе подарки.—Въ Римѣ не нашли позоръ парѳянскаго похода заглаженнымъ, узнавъ, что Антоній взялъ въ плѣнъ и провелъ въ тріумфѣ по Александріи Артавазда, обманулъ мидійскаго царя обѣщаніемъ помощи противъ парѳянъ и заключилъ съ нимъ союзъ, по которому получилъ

отъ него отрядъ мидійской конницы, обѣщалъ женить своего сына отъ Клеопатры, Александра, на его дочери Іотапѣ и привезъ ее въ Александрію или заложницею или невѣстою Александра.

Усиленіе неприязни между Октавіаномъ и Антоніемъ 33—32.

Антоній помирился съ мидійскимъ царемъ главнымъ образомъ потому, что долженъ былъ готовиться къ войнѣ съ Октавіаномъ. Неприязнь между ними росла съ той поры, какъ Антоній грубо запретилъ Октавіи ѣхать къ нему Онъ жаловался на то, что Октавіанъ, низложивъ Лепида, взялъ одинъ и области и войско низложеннаго тріумвира, не подѣлился съ нимъ; жаловался на то, что Октавіанъ не далъ земель его ветеранамъ и распоряжается въ Римѣ, въ Италіи, какъ единственный повелитель. Октавіанъ упрекалъ его въ томъ, что онъ обезчестилъ римское имя убійствомъ Секста Помпея и коварнымъ захватомъ армянскаго царя въ плѣнъ; что онъ представилъ римскому сенату свой постыдный походъ на пароянъ какъ побѣду римскаго оружія; что онъ подарилъ римскіе провинціи Клеопатрѣ и ея дѣтямъ. Съ послѣднимъ числомъ декабря 33 года кончился второй пятилѣтній срокъ тріумвирата, и 1 января 32 года вступили въ санъ новые консулы Гней Домицій Агенобарбъ и Гаій Созій, приверженцы Антонія. Они и другіе его сторонники защищали въ сенатѣ его дѣйствія. Онъ и Клеопатра пріѣхали въ Эфесъ, сборный пунктъ войска и флота, и веселились тамъ, потомъ на Самосѣ, роскошничая съ азіатскою пышностью. Консулы пытались оправдывать все это. Но увидѣвъ, что слова Октавіана производятъ болѣе сильное впечатлѣніе и убѣдившись, что большинство сенаторовъ предано ему, они бѣжали къ Антонію и объяснили ему, что его противникъ безусловно владычествуетъ въ сенатѣ и будетъ воевать съ нимъ, опираясь на рѣшенія сената. Антоній составилъ изъ бѣжавшихъ къ нему приверженцевъ собраніе, которое назвалъ сенатомъ, и уничтожилъ для себя всякую возможность примиренія съ Октавіаномъ, пославъ Октавіи извѣщеніе, что разводится съ нею. Она печально покинула его домъ, но сохранила не только къ своимъ дѣтямъ отъ него, но и къ дѣтямъ его отъ Фульвіи, которыхъ тоже взяла съ собою, нѣжную любовь, неизмѣнную до конца жизни.

Антоній и Клеопатра въ Аѳинахъ.

Изъ Самоса Антоній и Клеопатра переѣхали съ своимъ дворомъ въ Аѳины и продолжали тамъ оргіи. Пиры и забавы шли непрерывнымъ разнообразнымъ рядомъ; мимы, фокусники, танцовщицы были осыпаемы подарками за удовольствіе, какое доставляли Антонію и Клеопатрѣ своими представленіями. Повелительницею была Клеопатра; Антоній былъ лишь ея полководецъ. Когда ее несли на великолѣпныхъ носилкахъ по городу, онъ шелъ за нею пѣшкомъ, вмѣстѣ съ ея эвнухами. Онъ горѣлъ желаніемъ сдѣлать ее царицею римскаго государства. Напрасно друзья предостерегали его, упрашивали его удалить ее; просьбы Клеопатры были сильнѣе. Она снарядила много кораблей, давала много денегъ и провіанта; эти пособія служили Антонію предлогомъ оставлять ее при войскѣ. Многіе вліятельные люди, возмущенные униженіемъ римскаго имени, покидали Антонія, переходили на сторону его противника. Въ числѣ ихъ были Тицій и Планкъ, прежніе интимные совѣтники его, знавшіе всѣ его планы. Они

Обнародованіе завѣщанія Антонія.

открыли своему новому господину ту тайну, что Антоній отдалъ свое завѣщаніе на сохраненіе весталкамъ. Святость храма не удержала Октавіана: онъ взялъ завѣщаніе, сообщилъ его сенату и обнародовалъ; сенатъ и народъ узнали, что Антоній не только назначилъ въ наслѣдство иноземной царицѣ и своимъ дѣтямъ отъ нея римскія провинціи, но и то, что онъ, недостойный сынъ Рима, отрекшійся отъ любви къ родному городу, хочетъ быть погребенъ въ Александріи, въ одной гробницѣ съ Клеопатрой. Раздраженіе было увеличено молвою, что послѣ побѣды онъ хочетъ подарить городъ Римъ Клеопатрѣ и сдѣлать столицею государства Александрію. Сенатъ и народъ объявили войну Клеопатрѣ, объявили Антонія лишеннымъ права занимать санъ консула или какой бы то ни было правительственный санъ. Должно полагать, что его умъ помраченъ любовными эликсирами, говорили въ Римѣ.

Положеніе Октавіана и Антонія.

Такимъ образомъ, началась послѣдняя война римской республики, борьба изъ-за вопроса о томъ, Октавіаномъ или Антоніемъ будетъ называться государь Рима; этимъ долженъ былъ рѣшиться и вопросъ, какая культура получитъ преобладающее вліяніе на ходъ развитія человѣчества, римско-италійская или восточно-греческая.—Войскомъ и деньгами Антоній былъ гораздо сильнѣе Октавіана; въ его распоряженіи были силы востока: флотъ, имѣвшій, по словамъ нѣкоторыхъ древнихъ историковъ, до 500 кораблей, многіе изъ которыхъ были громадной величины и неодолимо-крѣпкой постройки; сокровища и хлѣбные запасы Египта, войска всѣхъ царствъ и городовъ отъ Иллиріи до Эвфрата, отъ Арменіи до Кирены; искусные моряки Греціи. Военныя силы Октавіана были далеко не такъ велики. Его флотъ имѣлъ не больше 250 кораблей; только быстрота хода ихъ подъ парусами и опытность матросовъ могли уравновѣшивать борьбу съ болѣе многочисленными кораблями Антонія, превосходившими ихъ и величиною. Деньги на войну Октавіанъ долженъ былъ собирать въ обѣднѣвшей Италіи тяжелыми налогами на свободнорожденныхъ гражданъ и отпущенниковъ. Но онъ опирался на нравственныя силы, которыхъ совершенно лишенъ былъ его противникъ. Онъ былъ консуломъ того года, то-есть, законнымъ правителемъ государства; онъ отправился на войну въ сопровожденіи наиболѣе уважаемыхъ сенаторовъ и всадниковъ; онъ предпринялъ войну на защиту Рима отъ нападеній враждебной царицы и недостойнаго гражданина, ставшаго къ униженію римскаго имени полководцемъ ея; итакъ, онъ являлся законнымъ вождемъ войскъ республики, охранителемъ Италіи отъ нападенія враговъ, защитникомъ Запада отъ нашествія народовъ Востока. Помощниками Октавіана были опытные, вѣрные полководцы; онъ поручилъ начальство надъ флотомъ искуснѣйшему изъ нихъ, Марку Агриппѣ. Антоній былъ окруженъ помощниками, готовыми из-

мѣнить, подчиняясь вліянію людей, которые ужь думали о томъ, какъ заслужить, въ случаѣ его неудачи, милость побѣдителя; думала объ этомъ и сама Клеопатра. Союзники Антонія были не надежны, друзья его не вѣрны; азіатскіе и ѳракійскіе цари и князья присоединились къ нему только по необходимости; иначе, они подверглись бы погибели; они желали одного: вредить Риму. Домицій Агенобарбъ и многіе другіе военачальники Антонія ждали только перваго удобнаго случая передаться врагу, своевременною измѣною купить милость Октавіана, обѣщавшаго при самомъ началѣ военныхъ дѣйствій прощеніе всѣмъ, кто покинетъ Антонія. Но всего больше повредилъ себѣ самъ Антоній тѣмъ, что терялъ время въ бездѣйствіи. Флотъ его былъ вполнѣ готовъ къ войнѣ, войско его было храбро; ему слѣдовало немедленно плыть въ Италію, быстрымъ нападеніемъ рѣшить дѣло, пока его противникъ еще не кончилъ своихъ приготовленій; недовольство, господствовавшее въ Италіи, помогло бы его успѣху.

32—31

Вмѣсто того онъ съ прежнимъ своимъ легкомысліемъ пропировалъ зиму 722—723 годовъ въ Патрахъ; не позаботился даже набрать столько гребцовъ, сколько было нужно для его флота, такъ что весною, когда начались военныя дѣйствія у Эпирскаго берега и у Коркиры, нѣкоторые его корабли не имѣли экипажа, и онъ сжегъ ихъ.— На сѣверѣ отъ острова Левкады узкій входъ ведетъ въ обширный

Битва при Актіѣ (Акціумѣ) 2 сент. 31.

заливъ, называвшійся тогда, по имени стоявшаго на немъ города, амбракійскимъ. Входъ образуютъ два мыса, одинъ съ юга, другой съ сѣвера; южный назывался Актійскимъ (Актіемъ, Акціумомъ), по имени находившагося на немъ храма Аполлона Актійскаго; тутъ, на равнинѣ приморья, стояло войско Антонія, а легіоны Октавіана стояли на сѣверномъ мысѣ, гдѣ потомъ построенъ былъ Никополь («городъ побѣды»), населенный переведенными туда жителями окрестностей. Передъ входомъ въ заливъ стоялъ плотнымъ полукругомъ флотъ Антонія, будто сплошная стѣна крѣпости, построенной на морѣ; огромные корабли были обращены носами противъ непріятельскаго флота, ставшаго въ восьми стадіяхъ оттуда, на открытомъ морѣ; корабли Октавіана, менѣе огромные, расположились тоже полукругомъ. За полукругомъ большихъ кораблей Антоній поставилъ 60 кораблей египетской эскадры; онъ хотѣлъ, чтобъ Клеопатра, находившаяся на одномъ изъ своихъ кораблей, не подвергалась никакой опасности. Началась морская битва въ виду обоихъ войскъ: они стояли на берегахъ и должны были бездѣйственно смотрѣть на ужасное зрѣлище. По имени мыса, у котораго происходила, она называется битвою при Акціумѣ.

Агриппа не могъ надѣяться на успѣхъ отъ нападенія своихъ легкихъ кораблей на плотную массу огромныхъ кораблей Антонія; ему надобно было достичь того, чтобъ эта масса раздѣлилась. Искусными манёврами

онъ вызвалъ на это флотъ Антонія: оба крыла подались впередъ и одно изъ нихъ отдѣлилось отъ центра, линія разорвалась; Агриппа двинулся въ этотъ интервалъ; его корабли шли быстро; по его инструкціямъ, нѣсколько кораблей разомъ напали на одинъ непріятельскій, лавируя такъ, чтобъ уклоняться отъ абордажа.

Битва длилась; побѣда колебалась; но внезапно корабли Клеопатры пустились на всѣхъ парусахъ черезъ линію боя въ открытое море; Клеопатра покидала мѣсто битвы; по пурнурному парусу было можно отличить ея корабль. Какъ увидѣлъ Антоній, что она удаляется, онъ поспѣшилъ за нею, покинувъ и флотъ свой, и войско. Когда онъ подплылъ, она приняла его на свой корабль, хотя ей было очень досадно, что онъ опять соединяетъ ея судьбу съ своею. Она отправилась съ нимъ въ Египетъ.

Этимъ была рѣшена побѣда. Флотъ Антонія продолжалъ биться; моряки его не хотѣли опозорить себя. Но Агриппа успѣлъ зажечь нѣкоторые изъ ихъ кораблей; тогда сопротивленіе прекратилось. Агриппа велѣлъ своему флоту гасить пожаръ. Тѣ корабли побѣжденнаго флота, которые еще можно было спасти, были спасены. Но около десяти тысячъ храбрыхъ людей погибло въ этой битвѣ, возвратившей по покрытому мертвыми тѣлами морю корабль римскаго государства въ гавань единодержавія, который не покинулъ бы онъ безъ гибельнаго самообольщенія Брутта и Кассія.

Войско Антонія сдается.

Войско, оставленное Антоніемъ безъ инструкцій, семь дней непоколебимо ждало его возвращенія. Но онъ не появлялся. Легатъ Канудій скрылся изъ стана. Наконецъ воины положили оружіе. Они были бы достойны имѣть лучшаго полководца. Октавіанъ присоединилъ эти храбрые легіоны къ своимъ. Изъ взятыхъ въ плѣнъ сенаторовъ и всадниковъ нѣкоторые были казнены, имущества ихъ были конфискованы; другихъ Октавіанъ помиловалъ. Изъ тѣхъ царей Малой Азіи, которые запоздали отказаться отъ содѣйствія Антонію, большинство было лишено своихъ владѣній.

Бѣгство Антонія. Характер его.

Между тѣмъ египетскіе корабли шли мимо Пелопоннеса въ Александрію. Говорятъ, что Антоній три дня сидѣлъ на палубѣ корабля Клеопатры, полный стыда и печали, погруженный въ глубокое раздумье, не хотѣлъ говорить съ предательницею, любовь къ которой погубила его, не хотѣлъ взглянуть на нее. Наконецъ онъ уступилъ своему влеченію къ ней, просьбамъ ея придворныхъ дамъ и служанокъ и примирился съ нею. Вѣроятно, многое передумалось ему въ эти три дня.

За 25 лѣтъ передъ этимъ годомъ, 28-лѣтній мужчина, красивый, сильный, одаренный веселымъ, привлекательнымъ характеромъ, бойкимъ умомъ, краснорѣчивый, Антоній находился начальникомъ конницы въ отрядѣ Габинія, шедшаго возвратить египетскій престолъ Птелемею Авлету (стр. 802); теперь онъ плылъ въ Египетъ съ дочерью Авлета добровольнымъ, но

послушнымъ рабомъ ея, отдавшись на произволъ невѣдомой судьбы. Много событій произошло въ его жизни въ эти годы. Сынъ небогатаго человѣка, не получившій хорошаго образованія, онъ поднялся своими талантами, свѣтлымъ умомъ, мужествомъ, рѣшительностью на великую высоту. Подобно Куріону, товарищу и другу его молодости, сынъ котораго, вѣрнѣйшій его приверженецъ, былъ казненъ Октавіаномъ послѣ битвы при Акціумѣ, онъ одерживалъ побѣды мечомъ на поляхъ битвъ, въ сенатѣ, на форумѣ—могуществомъ рѣчи, не отличавшейся строгостью логическаго порядка, но блиставшей силой ума и фантазіи; и тоже, подобно Куріону, онъ увлеченъ былъ чувственными страстями и роскошью на дурной путь; подобно Куріону, онъ былъ горячимъ, вѣрнымъ приверженцемъ Цезаря, который привлекалъ его къ себѣ силою своей геніальности. Новый Алкивіадъ, онъ былъ далеко не пошлый человѣкъ, хотя благородныя черты его натуры часто закрывались, искажались легкомысліемъ, сладострастіемъ, порывами страстей. Подобно Цезарю, Антоній имѣлъ громадную силу надъ умами воиновъ; онъ удивлялъ ихъ своею храбростью, физическою силою и ловкостью, способностью выносить голодъ, жажду, стужу, всяческія лишенія; его щедрость, веселость, добродушное, ловкое обращеніе пріобрѣтали ему ихъ любовь. Онъ самъ принималъ участіе въ ихъ военныхъ упражненіяхъ, шутилъ и пировалъ съ ними, утѣшалъ больныхъ, ухаживалъ за ранеными; онъ раздавалъ деньги, не требуя благодарности, а изъ его пировъ доставалось многое на долю простымъ воинамъ. Разбитые парѳянами, они, въ стыдѣ, сами требовали наказанія себѣ. Послѣ битвы при Акціумѣ, они съ негодованіемъ отвергали предложенія Октавіана пока оставалась у нихъ хотя малѣйшая надежда на возвращеніе любимаго полководца. Въ Антоніѣ не было ни жестокости, ни мстительности. Во время проскрипцій и междоусобій онъ совершилъ много кровавыхъ дѣлъ, но вообще выказывалъ великодушіе и кротость. Человѣкъ прямодушный, онъ открыто предавался своимъ увлеченіямъ и подалъ много поводовъ къ порицаніямъ. Онъ не умѣлъ владычествовать надъ своими страстями, сдерживать свои порывы. Онъ губилъ себя своею чрезмѣрною склонностью къ чувственнымъ наслажденіямъ; онъ тратилъ колоссальныя суммы на пиры, на роскошь, на женщинъ; это мотовство вовлекало его въ громадные долги, принуждало его грабительствовать. Съ той поры, какъ сталъ любовникомъ жены Клодія, Фульвіи, на которой потомъ женился, онъ сдѣлался рабомъ развратныхъ женщинъ, послѣдней изъ которыхъ была Клеопатра; всѣ эти долгіе годы онъ прожилъ въ пошлой обстановкѣ, заглушавшей хорошія его качества. Октавія, благородная женщина, не могла удержать его при себѣ. Быть можетъ, въ описаніяхъ его разврата, которыя даетъ Цицеронъ, есть преувеличенія, внушенныя враждою. Но люди, которыми онъ былъ окруженъ, когда жилъ въ Азіи, въ Греціи, эти участники его пировъ, участницы его разврата, принадлежали къ тѣмъ классамъ свѣтскаго общества, въ которыхъ исчезли стыдъ и чувство чести, забыты были совѣсть и пристойность, владычествовалъ порокъ во всѣхъ видахъ.

Клеопатра и Антоній въ Александріи.

Въ печальные дни послѣ бѣгства изъ битвы, вѣроятно, мучили Антонія мысли о погибели его надеждъ, о растратѣ силъ; вѣроятно, онъ живо чувствовалъ тогда ничтожность земныхъ благъ. По пріѣздѣ въ Александрію, онъ построилъ себѣ домъ на одной изъ плотинъ гавани и жилъ тамъ, чуждаясь людей. Клеопатра убила богатѣйшихъ гражданъ Александріи, чтобы конфисковать ихъ имѣнья и пріобрѣсти средства для развлеченія Антонія новыми веселостями. Она принимала мѣры противъ мятежа, который могъ быть вызванъ извѣстіемъ о пораженіи при Акціумѣ. Она казнила плѣннаго армянскаго царя Артавазда, надѣясь заслужить этимъ благодарность мидійскаго царя и обезпечить себѣ пріютъ на случай надобности. Дни раскаянія и мизантропіи Антонія скоро прошли; Клеопатра умѣла снова привлечь его къ себѣ, очаровать его веселостями, и жизнь его пошла по прежнему, въ чаду наслажденій. Дѣлались однакожь и приготовленія къ оборонѣ Египта. Ропотъ ветерановъ, оставившихся въ Италіи, вынудилъ Октавіана поѣхать лично въ Брундизій; это дѣло отняло у него не очень много времени; успокоивъ ветерановъ, онъ отправился въ Грецію готовиться къ нападенію на Египетъ. Узнавъ объ этомъ, Клеопатра тайно вступила въ переговоры съ нимъ; онъ подалъ ей надежду, что оставитъ ее царицею Египта, если она убьетъ Антонія или прогонитъ его. Новые послы ея не могли получить отъ него болѣе точныхъ обѣщаній. Она догадалась, что онъ хочетъ только опутать ее обманчивыми увѣреніями, чтобы захватить ее въ свои руки и украсить ею свой тріумфъ. Такому униженію она не хотѣла подвергаться. Она рѣшила подождать, не удастся ль ей, пожертвовавъ Антоніемъ, завлечь Октавіана въ любовную связь, но приняла предосторожности, чтобъ онъ не могъ насильно увезти ее въ Римъ. Она построила большую, крѣпкую гробницу, заперлась въ ней съ своими сокровищами. Антоній, отправился защищать Египетъ отъ нападенія Октавіана; но онъ былъ окруженъ предателями. Пелузій, ключъ къ Египту, былъ, послѣ непродолжительнаго сопротивленія, сданъ непріятелю измѣнниками, дѣйствовавшими по тайному приказанію Клеопатры. Чтобъ отклонить отъ себя подозрѣніе, она отдала на казнь Антонію начальника этой крѣпости и его семейство. Успокоенный Антоній съ новой бодростью воротился къ войску и, неожиданной атакою конницы, отразилъ непріятеля отъ канопскихъ воротъ. На слѣдующее утро онъ сдѣлалъ съ моря и съ суши нападеніе на непріятеля; конница и флотъ передались врагу; пѣхота послѣ непродолжительнаго боя была оттѣснена непріятелемъ. Антоній въ отчаяніи вернулся въ городъ и былъ встрѣченъ извѣстіемъ, что Клеопатра лишила себя жизни. Онъ повѣрилъ и вонзилъ мечъ въ грудь себѣ. Онъ еще дышалъ, когда вошелъ секретарь Клеопатры, посланный ею взглянуть, умеръ ли онъ. Секретарь сказалъ ему, что она жива. Онъ попросилъ, чтобъ она дала ему еще разъ взглянуть на нее. Его понесли въ гробницу къ ней. Она была въ верхнемъ этажѣ гробницы; ея служанки стали подымать его на веревкахъ, и подымали медленно, чтобъ онъ истекъ кровью. Она, при видѣ его, притворилась опечаленною и упала подлѣ его ложа, будто въ отчаяніи. Онъ, умирая, протянулъ руки обнять ее, и че-

Смерть Антонія.

резъ нѣсколько мгновеній умеръ, быть можетъ, съ вѣрою въ ея любовь.

Смерть Клеопатры.

Услышавъ отъ служителей Клеопатры о смерти Антонія, Октавіанъ заплакалъ, какъ Цезарь о Помпеѣ, но слезами менѣе искренними. Онъ велѣлъ осмотрѣть гробницу, въ которой заперлась Клеопатра. Тамъ было заготовлено много горючаго матеріала; Клеопатра хотѣла сжечь себя и свои сокровища, когда исчезнетъ всякая надежда. Но прежде, чѣмъ она исполнила это намѣреніе, агенты Октавіана посредствомъ обмана овладѣли зданіемъ. Клеопатра возвратилась во дворецъ. Войска Октавіана заняли городъ. У Клеопатры еще оставалась надежда: она думала, что, быть можетъ, ей удастся очаровать и третьяго побѣдителя, какъ Цезаря и Антонія. Она попросила Октавіана увидѣться съ нею. Онъ согласился. Она мастерски сыграла свою роль. Она приняла молодого побѣдителя въ великолѣпной комнатѣ, украшенной бюстами и статуями Цезаря. Она была въ траурномъ платьѣ, выраженіе лица ея было печально. На колѣняхъ у нея лежали письма Цезаря къ ней; она нѣжнымъ и грустнымъ голосомъ читала ихъ Октавіану, по поводу ихъ вела разговоры, разсчитанные на то, чтобы возбудить любовь или состраданіе. Но Октавіанъ остался холоденъ. Онъ простился съ нею лаконическими словами: «будь спокойна, царица!» Она убѣдилась, что онъ хочетъ увезти ее въ Римъ, показать ее плѣнницею на своемъ тріумфѣ. Тайнымъ путемъ она узнала, что черезъ три дня возьмутъ ее съ дѣтьми и повезутъ въ Римъ. Она выпросила себѣ дозволеніе принести жертву на гробѣ Антонія и воспользовалась этимъ временемъ, чтобъ отравиться; съ нею вмѣстѣ отравились любимыя служанки ея. Посланные Октавіаномъ къ ней люди нашли ее мертвою на ея ложѣ; она была въ царской одеждѣ. У ногъ ея лежали служанки.

Какимъ способомъ она лишила себя жизни, неизвѣстно. Была молва, что она дала укусить себя аспиду, ядовитой змѣѣ, о которой полагали, что ея укушеніе производитъ безболѣзненную смерть. На тріумфѣ Октавіана было несено ея изображеніе съ змѣею у руки. Это подкрѣпило молву. Она умерла на 40-мъ году жизни, на 22-мъ году царствованія. Исполняя просьбу ея, Октавіанъ велѣлъ похоронить ее съ царскими почестями подлѣ Антонія. Сынъ ея Цезаріонъ, находившійся въ Эѳіопіи, былъ коварно вызванъ въ Александрію и казненъ вмѣстѣ съ Антилломъ, сыномъ Антонія и Фульвіи. Казнены были также: Канидій, легатъ Антонія, Кассій Пармскій, послѣдній изъ убійцъ Юлія Цезаря, и Квинтъ Овиній, римскій сенаторъ, управлявшій женскою половиною александрійскаго дворца.

Начало имперіи.

Клеопатра встрѣтила Октавіана словами: «Привѣтствую тебя, повелитель, потому что царская власть перешла отъ меня къ тебѣ». Дѣйствительно, было такъ. Антоній всегда обращался съ Клеопатрой, какъ съ царицей. Теперь пала послѣдняя династія странъ, завоеванныхъ Александромъ, и мѣсто ея занялъ внукъ сестры Цезаря. Египетъ былъ сдѣланъ римскою провинціею. Управленіе ею было поручено намѣстнику императора, независимому отъ сената. Изъ Египта Октавіанъ поѣхалъ въ Азію. Возвратившись въ Римъ, онъ отпраздновалъ тріумфъ въ 29 году, въ мѣсяцѣ секстилѣ, который съ того времени сталъ называться въ честь его августомъ, по титулу «Августъ», полученному имъ отъ сената. Тріумфъ длился три дня. Особенное вниманіе толпы обращали на себя сокровища и произведенія искусствъ, взятыя въ Египтѣ. Передъ колесницею Октавіана шли дѣти Клеопатры. Добыча, пріобрѣтенная въ Египтѣ, доставила тріумфатору средства дать воинамъ и народу щедрые подарки и устроить великолѣпныя игры. Онъ старался своею щедростью расположить народъ въ пользу новой имперіи, которая должна была дать государству мирное время, какъ предвѣщалось это тѣмъ, что затворены были двери храма Януса.

29.

Заключение

Итакъ мы дошли до эпохи, съ которой начинается для римскаго государства сравнительно спокойное время монархическаго правленія императоровъ. Какъ путникъ, совершившій трудное, исполненное событій путешествіе, останавливается и пересматриваетъ въ мысляхъ общія черты пережитыхъ имъ великихъ впечатлѣній, отдыхая передъ продолженіемъ пути, такъ и мы бросимъ взглядъ на исторію римской республики, покидаемую нами. У римлянъ, какъ и у греческаго народа, можно различать три періода исторической дѣятельности и государственнаго развитія: въ первомъ періодѣ люди были гражданами маленькой общины; во второмъ гражданами великаго національнаго государства, имѣвшаго естественныя или по крайней мѣрѣ опредѣленныя границы; въ третьемъ это государство, имѣвшее республиканскую, или монархическую форму, стало всемірнымъ. Итакъ мы и въ исторіи римлянъ видимъ постепенное расширеніе владычества, но не умственнаго, какъ у грековъ, а матеріальнаго и практическаго; римляне разрушали не преграды духовной жизни народовъ, а границы, дѣлившія государство отъ государства, ихъ исторія была развитіемъ не собственной свободы ихъ, а владычества надъ другими. Въ сословной борьбѣ временъ царей и патриціевъ развились основныя качества римскаго характера «мужество» (virtus) и «благоразуміе (prudentia); на «мужествѣ» основывались ихъ военная храбрость и гордое сознаніе своихъ силъ; на «благоразуміи» точная разработка понятій о государствѣ, личности, имуществѣ. Развитіе и примѣненіе этихъ качествъ составляетъ главное содержаніе внутренней и внѣшней исторіи Рима до тѣхъ временъ, когда они омрачились и испортились властолюбіемъ, ожесточеніемъ партій и произволомъ. Муже-

ство и благоразуміе научило гражданъ древняго Рима защищать свое государство отъ внѣшнихъ враговъ и расширять его, дать его внутреннему быту законность и благоустроенность. Истинную задачу римскаго гражданина видѣли они не въ упорномъ сохраненіи старины и не въ произвольныхъ нововведеніяхъ, а въ живомъ развитіи и расширеніи завѣщаннаго преданіемъ и существующаго; высшей цѣлью дѣятельности они считали благоденствіе и величіе отечества, къ которому гражданинъ долженъ имѣть сыновнее чувство (pietas). Важнѣйшею формою жизни для римскаго гражданина было владычество точнаго закона надъ всѣми; потому плебеи, не щадя никакихъ усилій въ борьбѣ съ патриціями за равноправность, строго сохраняли старинныя правила о подчиненіи сына и жены господству домохозяина, не разрушали, не ослабляли древнихъ родовыхъ союзовъ и семейной организаціи. А когда наконецъ пріобрѣли они равноправность, и соединившись съ патриціями въ одну общину, крѣпкую владычествомъ закона въ ней, покорили сосѣдніе народы силою своего военнаго искусства, то они оказали уваженіе гражданскимъ и человѣческимъ правамъ побѣжденныхъ, поставили родственныхъ имъ латиновъ и другіе италійскіе народы въ юридическія отношенія къ побѣдившему государству заключеніемъ съ ними союзовъ на точныхъ и сносныхъ условіяхъ. Величіе отечества было общею цѣлью всѣхъ гражданъ; потому положеніе союзниковъ и подданныхъ было установлено на основахъ справедливости. Римляне не грабили, не угнетали ихъ, были далеки отъ алчности. Только измѣнниковъ постигало тяжелое наказаніе. Въ устройствѣ собственныхъ общественныхъ дѣлъ римляне выказывали умѣренность и самообладаніе, бывшія основными чертами народнаго характера ихъ; довольствуясь равноправностью всѣхъ гражданъ передъ закономъ, они довѣрчиво предоставляли управленіе государственными дѣлами сенату, а защиту своихъ правъ народнымъ трибунамъ; неодолимые въ битвахъ, они были дома у себя послушными сыновьями, покорными начальству подданными, всегда готовыми, молча, самоотверженно и смѣло идти на смерть за отечество.

Эти черты оставались у римлянъ и во второмъ періодѣ, обнимающемъ времена завоеванія карѳагенскихъ владѣній и восточно-греческаго міра; но они уже были затемнены высокомѣріемъ и властолюбіемъ, искажались и борьбою противъ измѣнявшихъ союзниковъ. Вначалѣ высшею цѣлью желаній римскаго сената было, вѣроятно, владычество надъ Италіею въ естественныхъ ея границахъ; эта цѣль была достигнута первой пунической войной, подчинившей Риму сосѣдніе съ Италіей острова, и покореніемъ галловъ бассейна По, раздвинувшимъ границы римскаго государства до Альпъ. Вторая пуническая война и соединенная съ нею борьба противъ македонско-греческаго міра, расширившая римское государство за естественныя его

границы, была сначала только оборонительной войной; но успѣхи римскаго оружія возбудили страсть къ завоеваніямъ, и когда большія государства—сирійское, македонское и карѳагенское были побѣждены, то слабость мелкихъ государствъ, раздѣленныхъ между собою завистью, постоянно ссорившихся, вызывала римлянъ на грабежъ и на безполезное расширеніе владычества. Охвативъ чуждыя Италіи страны и народы, римское государство потеряло внутреннюю прочность и утратило свой справедливый внутренній порядокъ; эти народы не были поставлены въ справедливыя юридическія отношенія къ Риму, какъ италійскія племена; римляне не выказали относительно ихъ снисходительности; республиканское устройство, пригодное лишь для небольшого государства съ простыми формами быта, оказалось недостаточнымъ, стѣснительнымъ для многосложнаго организма огромной державы; потому центуріальныя комиціи мало по малу стали только собраніями, назначающими сановниковъ, и утратили свое вліяніе на государственныя дѣла; правительственная власть фактически сосредоточилась въ кругу знатныхъ фамилій сенаторскаго сословія; эти фамиліи дружески сначала дѣлили между собою курульныя магистратуры, правительственныя и почетныя должности; но потомъ даровитые честолюбцы, ободряемые разслабленіемъ связей въ обществѣ, разрозненностью интересовъ гражданъ, стали стремиться къ диктаторскому всемогуществу, которое должно было превратиться въ монархическую власть; нѣкоторые изъ нихъ выступали, какъ вожди демократической партіи, давали преобладаніе въ государствѣ народному собранію и трибунамъ, другіе доставляли перевѣсъ оптиматамъ, возвращали сенату и аристократіи владычество въ государствѣ. Первыми представителями этихъ противоположныхъ властолюбивыхъ стремленій были Марій и Сулла, послѣднія десятилѣтія республики были волнуемы борьбою подражателей Марія и Суллы; въ Помпеѣ и Цезарѣ противоположность стремленій, имѣвшихъ одну и ту же цѣль, дошла до крайняго развитія. У римлянъ былъ въ это время одинъ опасный врагъ, Митридатъ понтскій, составившій обширную коалицію съ цѣлью удержать римское государство отъ дальнѣйшихъ завоеваній; но и борьба съ нимъ не примирила между собою враждующія партіи, какъ примирялись онѣ для борьбы съ Ганнибаломъ. Военное могущество храбраго римскаго народа было такъ сильно, что онъ и во время ожесточеннаго междоусобія побѣдилъ самаго смѣлаго и страшнаго изъ противниковъ своихъ, храбраго, опытнаго и хитраго царя воинственныхъ племенъ. Не внѣшними врагами, а разстройствомъ внутренняго быта Римъ былъ низвергнутъ въ рабство. Распаденіе общественныхъ связей и постепенное изнеможеніе нравственныхъ силъ римскаго народа имѣло естественнымъ послѣдствіемъ возникновеніе имперіи; Римъ 300 лѣтъ влачилъ постыдное существованіе въ порабощеніи преторіанцами, въ убійственномъ сладострастіи деспо-

тизма своихъ императоровъ. Это постепенное расслабленіе римскаго государства образуетъ содержаніе третьяго періода его исторіи. Когда любовь къ родинѣ, объединявшая гражданъ, замѣнилась сословными интересами и духомъ партій, то исчезла высшая нравственная связь, благодаря которой единодушно дѣйствовали разнородные элементы государства. Римскіе союзники становились все болѣе чужды римскимъ гражданамъ; римское правительство стѣсняло права латиновъ, италійцевъ, военныхъ колоній, другихъ подданныхъ Рима; выгоды, которыя они получали отъ союза съ Римомъ, уменьшались, а военная повинность и налоги, которые несли они, становились все обременительнѣе. Населеніе провинцій было притѣсняемо римскими правителями, угнетаемо римскими откупщиками, ростовщиками, купцами, воинами, полководцами; принадлежность къ римскому государству приносила ему только одинъ вредъ. Иноземная культура, которую вводили въ него поработители, была сначала слишкомъ недостаточнымъ вознагражденіемъ за утрату свободы, національности, привычнаго быта; римляне налагали на провинціаловъ свои законы; но только въ дѣлахъ между римскими гражданами судъ былъ безпристрастенъ; въ тяжбахъ римскихъ гражданъ съ туземцами, дѣла рѣшались произвольно въ пользу гражданъ. Демагоги и другіе честолюбцы пользовались этими неудовольствіями массы населенія, подымали волненія, и несправедливость римлянъ относительно ихъ подданныхъ повела къ соціальнымъ потрясеніямъ, постепенно усиливавшимся, перешедшимъ наконецъ въ ожесточенныя междоусобія; свирѣпыя междоусобныя войны разрушили основы республиканскаго устройства, истощили физическія и нравственныя силы народа, такъ что возникновеніе монархическаго правленія было естественнымъ слѣдствіемъ всеобщаго изнуренія, и надобно даже сказать, что оно было необходимо для сохраненія цѣлости государства, что только власть императоровъ спасла государство отъ совершеннаго распаденія. Унизительно для свободныхъ людей было порабощеніе, которому подвергла ихъ имперія, постыдна деморализація, въ какой принуждены они были жить; но должно сказать, что судьба подвластнаго римскимъ гражданамъ населенія и въ Италіи, и въ провинціяхъ стала при имперіи сноснѣе. Императорскій Римъ, какъ понималъ его уже Цезарь своимъ великимъ умомъ, получилъ космополитскій, гуманистическій характеръ; всѣ національности, всѣ формы культуры были въ немъ равноправны, и, только благодаря своему высокому развитію, имѣла между ними первенство италійско-греческая культура, вмѣстѣ съ которой распространялись по одной половинѣ государства латинскій языкъ, по другой—греческій. Италійскіе союзники получили съ теченіемъ времени полное право римскаго гражданства, такъ что оно изъ привилегіи одной городской общины сдѣлалось достояніемъ всѣхъ свободныхъ

людей цѣлой страны; относительно провинцій римское государство сдѣлалось болѣе справедливымъ; прежде принадлежность къ нему только налагала на нихъ тяжелыя обязанности, теперь онѣ стали пользоваться выгодами и правами подданныхъ римской державы.

Паралелльно съ этимъ внѣшнимъ преобразованіемъ шло внутреннее. Старинныя италійскія божества, бывшія олицетвореніями житейскихъ занятій, земледѣлія, войны, дома, семейнаго быта, временъ года, продуктовъ растительности, постепенно вытѣснялись божествами греческой миѳологіи и поэзіи, или видоизмѣнялись такъ, что принимали черты греческихъ божествъ. Старинное простое богослуженіе съ его невинными жертвоприношеніями и веселыми сельскими праздниками тоже подверглось совершенному преобразованію: въ него были внесены фантастическіе обряды восточнаго мистицизма, тайноученія, сладострастные культы; старинныя ауспиціи и авгуріи сохранялись, какъ принадлежность правительственной политики; но проникли въ общественную жизнь также иноземныя гаданія съ волшебными обрядами, заклинаніями духовъ, посвященіями въ таинственныя сношенія съ богами, такъ что наконецъ римская религія сдѣлалась безпорядочною смѣсью разныхъ вѣрованій, суевѣрій, таинственныхъ обрядовъ и ученій; это смѣшеніе всяческихъ культовъ въ Римѣ точно также требовало объединенія, какъ требовало его и политическое распаденіе.—Искусство и литература тоже нашли себѣ доступъ въ Римъ; ихъ вліяніе должно считать главной причиной перемѣны въ нравахъ, понятіяхъ, склонностяхъ, формахъ быта римлянъ. Но практическій характеръ этого народа, занятаго реальной жизнью, былъ мало расположенъ къ умственной и политической дѣятельности. Греція осталась источникомъ, изъ котораго римляне почерпали философію и поэзію, а произведенія пластическаго искусства, которыхъ еще и теперь много остается въ Римѣ, были созданы греческими художниками. Умственная жизнь римлянъ самостоятельно проявилась только въ тѣхъ отрасляхъ литературной дѣятельности, которыя имѣютъ предметомъ своимъ государственную и общественную жизнь, въ исторіи, ораторскомъ искусствѣ, юриспруденціи. Не было народа, который съ такимъ вѣрнымъ тактомъ, съ такой силой здраваго смысла, какъ римляне, установлялъ бы понятія политической и юридической жизни; въ поэзіи, философіи первенство принадлежитъ грекамъ; въ построеніи громадныхъ сооруженій, многіе народы востока не уступали римлянамъ; въ торговлѣ и мореплаваніи проявили удивительное искусство финикіяне и карѳагеняне; но римляне не имѣютъ соперниковъ въ выработкѣ величественныхъ формъ государственнаго устройства, законовъ, юридическихъ учрежденій, не имѣютъ соперниковъ и въ военномъ искусствѣ; эти двѣ сферы дѣятельности соотвѣтствовали основнымъ качествамъ характера ихъ. Римляне съ такою разсудительностью и проницательностью установили юридическія от-

ношенія государственной, общинной и частной жизни, что до сихъ поръ въ законахъ всѣхъ культурныхъ государствъ замѣтно преобладающее вліяніе римскаго законодательства и римской юриспруденціи.— Теперь нашею задачею будетъ, изслѣдовать и изложить новыя формы жизни, возникшія изъ сочетанія трехъ главныхъ факторовъ древней культуры въ одно великое цѣлое и разсказать ходъ событій, которыми совершилось сліяніе этихъ факторовъ: религіозныхъ понятій и формъ богослуженія, родившихся на востокѣ; искусства, литературы и философіи, для которыхъ Греція выработала вѣчные законы и формы, создала вѣчные образцы, и созданныхъ сильными мужами Рима юридическихъ и государственныхъ учрежденій. Эти три могущественнѣйшіе фактора человѣческой культуры образуютъ широкое основаніе зданія римской имперіи, въ которой неразрывно слились всѣ результаты культурной жизни древняго міра и образовали своимъ сочетаніемъ космополитскую цивилизацію. Но всѣ эти элементы древней культуры уже пережили тогда время своего наивысшаго развитія, выказали всѣ свои силы; формы, созданныя ими, уже отжили, не удовлетворивъ человѣческаго сердца; и человѣчество нуждалось въ новомъ сосудѣ, созданномъ изъ болѣе драгоцѣннаго и прочнаго матеріала, чтобы въ этотъ сосудъ влились всѣ прежнія блага, пріобрѣтая отъ него новую цѣну; оно нуждалось въ религіи, которая дала бы истинное направленіе дѣламъ человѣческимъ, очистила и облагородила бы мысли и жизнь человѣчества.

ВАЖНѢЙШІЕ НЕДОСМОТРЫ.

Стран.	Напечатано:	Должно читать:
284	флейтиска	флейтистка.
294	Ланоссой	Ланассой.
341	керинейскаго	киренейскаго.
433 и въ нѣсколькихъ другихъ мѣстахъ.	Гнеій	Гней.
864	женидьбу	женитьбу.

Куглера. Руководство къ исторіи искусства. Перев. *Е. Корша.* 2 ч. М. 1870 г. Цѣна 10 р.

— Руководство къ исторіи живописи. Пер. *И. Васильева.* М. 1870 г. Цѣна 7 р.

Куно-Фишеръ. Лессингъ, какъ преобразователь нѣмецкой литературы. Пер. *И. П. Рассадина.* М. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к.

Курціусъ. Исторія Греціи, 3 части. Пер. *А. Веселовскаго* и *М. Корсакъ.* М. 1880 г. Цѣна 12 р.

Левитовъ. Собраніе сочиненій. Съ портретомъ автора, гравированнымъ въ Лейпцигѣ и статьею о жизни его. *Ф. Д. Нефедова.* 2 тома. М. 1884 г. Ц. 5 р.

Лессингъ, Г. Э. Гамбургская драматургія. Перев. *И. П. Рассадина.* М. 1883 г. Ц. 3 р.

Лотце. Микрокозмъ. 3 части. Пер. *Е. Корша.* М. 1870 г. Ц. 6 р. 50 к.

Любке. Исторія пластики (съ 231-мъ рисунк. въ текстѣ). Пер. *В. Чаева.* М. 1873 г. Цѣна 6 руб.

Магаффи. Исторія классич. періода Греческой литературы. 2 тома. Перев. *А. Веселовской.* М. 1883 г. Ц. 6 р.

Марта. Философы и поэты-моралисты во времена Римской Имперіи. Пер. *М. Корсакъ.* М. 1879 г. Ц. 2 р.

Моммсена. Римская исторія. Т. V. Перев. *В. Невѣдомскаго.* М. 1885 г. Ц. 3 р. 50 к.

Морлея, Дж. Руссо. Пер. съ англійскаго *В. Н. Невѣдомскаго.* М. 1882 г. Цѣна 2 р. 50 к.

— Дидро и Энциклопедисты. Перев. *В. Н. Невѣдомскаго.* М. 1882 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Маурера. Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городскаго устройства и общественной власти. Пер. *В. Корша.* М. 1880 г. Цѣна 2 руб. 75 к.

Ольденбергъ, Г. Будда, его жизнь, ученіе и община. Перев. съ нѣмецкаго. М. 1884 г. Ц. 2 р.

Пешель, Оск. Исторія эпохи открытій. Пер. *Э. Циммермана.* М. 1885 г. Ц. 3 р.

Полонскаго, Я. П. На закатѣ. Стихотворенія. М. 1881 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Рибо. Современная Англійская психологія. Перев. *П. Д. Боборыкина.* М. 1882 г. Цѣна 2 р.

Рѣшетникова. Сочиненія, 2 части. М. 1874 г. Цѣна 5 р. 50 к.

Саади-Ширази. Гюлистанъ. Съ персидскаго подлинника пер. *И. Холмогоровъ.* М. 1882 г. Ц. 1 р.

Страбона. Географія (въ 17 книгахъ, 1 т.). Пер. съ греческаго *Ѳ. Г. Мищенка.* М. 1879 г. Цѣна 10 р.

Сурикова. Стихотворенія. Полное собраніе съ портретомъ автора, факсимиле и біографіей. Изд. 4-е (посмертное). М. 1884 г. Цѣна 3 р.

— Стихотв., изданіе 3-е, полное, М. 1877 г. Ц. 1 р.

Тикноръ. Исторія испанской литературы. Т. I. Пер. *Н. И. Стороженко.* М. 1883 г. Ц. 3 р.

Тренделенбурга. Логическія изслѣдованія. 2 части. М. 1868 г. Ц. 4 р.

Тэна. Чтенія объ искусствѣ. М. 1874 г. Цѣна 2 р.

— Титъ Ливій. Критическ. изслѣдованіе. М. 1885 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Финлей. Греція подъ римскимъ владычествомъ. Пер. *С. Никитенко.* Москва. 1876 г. Цѣна 4 р.

Фойгтъ, Г. Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма. Пер. *И. П. Рассадина.* М. 1884 г. Т. I и II. Цѣна 6 р. 50 к.

Фрикена. Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства (съ рисунками). Части I, II, III и IV. М. 1885 г. Ц. 6 р. 50 к.

Чичерина. Исторія политическихъ ученій. Части I, II, III и IV. М. 1876 г. Ц. за каждую 3 р.

— Нѣсколько современныхъ вопросовъ. М. 1876 г. Цѣна 1 р.

— Областныя учрежденія. М. 1876 г. Цѣна 3 р.

— Опыты по исторіи русскаго права. М. 1876 г. Ц. 1 р.

— Очерки Англіи и Франціи. М. 1876 г. Цѣна 1 р.

Шекспира. Полное собраніе драматическихъ сочиненій. Перев. *Н. Кетчера.* 9 частей. Ц. 10 р.

Шмидта, Карла. Исторія педагогики, изложенная во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Съ третьяго изданія, дополненнаго и исправленнаго *В. Ланге,* пер. *Э. Циммермана.* Томъ II, III и IV (IV-й томъ въ 2-хъ частяхъ). М. 1880 г. Цѣна за всѣ томы 16 р.